

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ СІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СІ

1905

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1905

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.
ЮЛЬ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1905 г.

	СТРАН.
I. Смертный грѣхъ. Повѣсть. XLVI—LI. (Окончаніе). Графа Е. А. Саласа	5
II. Оригинальный народникъ. Разсказъ. Д. М. Березкина.	24
III. «Цари» Псковской губерніи. А. Фаресова.	38
IV. Изъ воспоминаній сельскаго дѣятеля. (Посвящается Ѳедору Ѳедоровичу Славинскому). I—IV. Л. Н. Савлука	43
V. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. XII. (Продолженіе). Н. И. Фалѣева	61
VI. Изъ лицейской старины. I. К. Я. Грота	79
VII. На забытой рѣкѣ. (Изъ экскурсій въ окрестностяхъ Новгорода). А. Г. Слезкинскаго	94
VIII. Листки изъ Кавказскаго дневника. С. У—ца	110
IX. По поводу воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ. Н. Ѳ. Скорикова	125
иллюстрація: Факсимиле одного изъ писемъ Н. Г. Чернышевскаго къ Н. Ф. Скорикову.	
X. Къ біографіи Антонія, архіепископа казанскаго и свѣяжскаго. А. А. Зеленецкаго	133
XI. Столѣтняя артистка. (Вмѣсто некролога). Н. Беккаревича	141
XII. Воспоминанія прусскаго министра Верди-дю-Вернуа о пребываніи въ Россіи въ 1863—1865 годахъ. II. (Окончаніе). В. Ш.	149
XIII. Иностранные врачи въ Московскомъ государствѣ. М. Ю. Лактина	166
XIV. Только русинъ. (Очеркъ изъ русско-американскаго житья-бытья). Е. Н. Матросова	176
XV. «Муравьи». (Изъ экскурсій въ окрестностяхъ г. Новгорода). А. Г. Слезкинскаго	197
иллюстраціи: 1) Военный плацъ.—2) Стрѣльцовая башня.—3) Путевой дворъ.	
XVI. Даніилъ Лукничъ Мордовцевъ. (Некрологъ)	210
XVII. Иностранцы о Россіи. Вл. И. Штейна	215
XVIII. Критика и бібліографія	230

1) Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Ф. Мартенса. Томъ XIV. Трактаты съ Франціей 1807—1820 г. Спб. 1905. в. т. — 2) Г. З. Кунцевичъ. Исторія о Бизанскомъ царствѣ, или Казанскій хѣтонисецъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Спб. 1905. А. И. Яцимирскаго. — 3) Я. Кузнецовъ. Становые управители Ярославской провинціи. Изданіе Владимірской ученой архивной комиссіи. Владиміръ на Клязьмѣ. 1904. м. и. — 4) Извозъ, Иванъ Накитичъ, генералъ отъ инфантеріи, главный попечитель и предсѣдатель попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи. Біографическій очеркъ. Съ двумя портретами. Составилъ Степанъ Потоцкій. Венеры. 1904. А. И. Яцимирскаго. — 5) Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ. 1904. м. и. — 6) Труды Пермской губернской ученой архивной комиссіи. Вып. IX. Пермь. 1905. в. Рудакова. — 7) Труды Вятской губернской ученой архивной комиссіи 1905 г. Выпускъ I. Вятка. 1905. в. Рудакова. — 8) Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея. Годъ II, выпускъ XIV. Тобольскъ. 1905. А. Я. — 9) Труды Вятской губернской ученой архивной комиссіи. Выпускъ II.

(См. слѣд. стран.).

Вятка. 1905. В. Руданова.—10) Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Вурнашева, собралъ и издалъ С. Н. Вурнашевъ, подъ ред. проф. Пагарели. Спб. 1905. А. х—ва.—11) Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго Казанскаго университета (1804—1904), въ 2 частяхъ. Подъ редакціей заслуженнаго профессора Н. П. Загосяина. Казань. 1904. А. Б.—12) Ф. С. Красильниковъ. Кавказъ и его обитатели. Выпускъ первый. Осетины. М. 1905. А. хак—ова.—13) Материалы археологич. Кавказа. Выпускъ X. Поездка въ Пшавію, Хавсуретію и Сванетію графини Уваровой. М. 1905. А. Хаханова.—14) Табурно. Правда о войнѣ. Спб. 1905. Б. Глинскаго.—15) Л. А. Чарская. Евонія Старницкая. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1905. А. Фаресова.—16) Лѣтописи русско-японской войны. Спб. 1905. Б.—17) Профессоръ Р. Вишперъ. Лекціи по исторіи Греціи. Часть I. М. 1905. М. М.—18) Профессоръ Александръ Евгеньевичъ Назимовъ. Біографія и воспоминанія, подъ редакціей И. А. Линниченка. Одесса. 1905. Б. Г.—19) Словенскіе поэты. Издана подъ редакціей Н. Новича. Спб. 1904. Андрей Сиротинина.—20) С. О. Арнольди. Цивилизація и дикая племена. Спб. 1904.—Его же. Современныя ученія о нравственности и ея исторія. Спб. 1904. М. н.—21) X. А. Вермишевъ. Материалы для исторіи грузино-армянскихъ отношеній. Спб. 1904. Бега.—22) Я. Кузнецовъ. Изъ перенески помѣщика съ крестьянами (XVIII в.). Изданіе Владимірской ученой архивной комиссіи. Владимір. 1904. М. н.—23) Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Павленкова. Князь Меттернихъ, его жизнь и политическая деятельность. Біографическій очеркъ X. Г. Инсарова. Спб. 1905. W.—24) Сочиненія Чокана Чингисовича Валиханова. Изданы подъ редакцію Н. И. Веселовскаго. Спб. 1904. М. Александрова.—25) Паревичъ Вахушти. Географія Грузіи. Переводъ, введеніе и примѣчанія М. Г. Джанавили. Записки Кавказскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества, книга XXIV, выпускъ V. Тифлисъ. 1904. А. хак—ова.—26) Великіе художники. Ихъ жизнь—ихъ произведенія. Альбрехтъ Дюреръ. Критическая біографія. О. Маргилера. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905. А. И. Яцимирскаго.—27) А. Сальниковъ. Современныя русскія поэтессы въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1905. п. д.—28) Введеніе въ педагогику. Исторія педагогическихъ теорій. Общая педагогика (педагогическая психологія). Доктора Юліуса Бауманна, профессора философіи въ Геттингенскомъ университетѣ. Со второго нѣмецкаго изданія перевелъ Г. Зоргенфрей, преподаватель императорскаго историко-филологическаго института. Спб. 1905. А. М—на.

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи 269

1) Новое изслѣдованіе о заговорѣ Катлинны.—2) Историческая судебная загадка.—3) Вліяніе Гёте и Байрона на современныхъ имъ пѣвцевъ.—4) Волонтеры во время французской революціи.—5) Погоня Бетховена за любовью.—6) Смерть барона Альфонса Ротшильда, донна Франциско Сильвелы, Теодора Деланиса, герцога Одиффрэ-Паскье, принца Леопольда Гогенцоллерна и австрійскаго эрцъ-герцога Юсифа.

XX. Смѣсь 262

1) Диспутъ П. Г. Васенка.—2) Диспутъ А. Г. Маленна.—3) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.—4) Общество любителей древней письменности.—5) С.-Петербургскій археологическій институтъ.—6) С.-Петербургское археологическое общество.—7) Московское археологическое общество.—8) Комиссія по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины Москвы и Московской епархіи.—9) Географическое общество.

XXI. Некрологи 309

1) Вертенсонъ, Б. А.—2) Виссаріонъ, преосвященный.—3) Гриневскій, А. К.—4) Мирновъ, П. Г.—5) Рубавина, Л. Т.—6) Случевскій, К. К.—7) Субботинъ, Н. И.—8) Фортунатовъ, А. М.—9) Пулукидзе, А. Г.—10) Эзовъ, Г. А.

XXI¹. Замѣтки и поправки 317

1) По поводу рецензій на «Описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и повѣстныхъ изданій». И. Безгина.—2) Пензданныя строки Пушкина и хронологія «Каменнаго гостя». Н. Лернера.

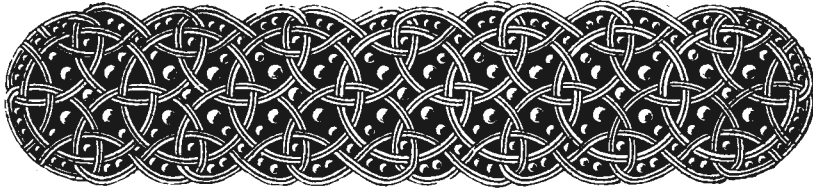
XXIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ Егора Антоновича Энгельгардта.—2) Историческіе искатели приключеній. (La grande aventure). Страсбургская эпопея. Жюль Лабрюйера. I—IV.

ЕГОРЪ АНТОНОВИЧЪ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

дозв. ценз. 24 июня 1905 г. спб.

СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ ¹⁾.

Повѣсть.

XLVI.

СМЕРТЬ старика, да еще вдобавокъ насильственная, страшно подѣйствовала на всѣхъ обитателей Ларинскаго, не только на господъ и дворню, но даже и на село, гдѣ всѣ относились къ Зиновею Зиновеичу съ извѣстнымъ почтеніемъ. Всѣ были поражены.

Когда старика отпѣвали въ сельскомъ храмѣ, то въ усадьбѣ и на селѣ остались только дѣти, а старики и молодежь всѣ присутствовали на похоронахъ.

Несмотря на клятву троицъ никому ничего не говорить и на выраженное Ларинымъ желаніе тоже сохранить все въ тайнѣ, тѣмъ не менѣе всякій изъ нихъ повѣдалъ кому нибудь о самоубійствѣ съ просьбой сохранить про себя и не разглашать.

Послѣдствіемъ было то, что къ вечеру того дня, когда опустили въ могилу самоубійцу, отецъ Елисей пришелъ къ барину, прося защиты. На вопросъ Ларина: «въ чемъ?» священникъ отвѣчалъ, что всѣмъ теперь извѣстно о томъ обстоятельствѣ, какъ скончался Зиновей, а потому онъ, отецъ Елисей, не имѣлъ права его хоронить по христіанскому обряду. Если дѣло дойдетъ до его духовнаго начальства, то онъ проситъ барина его защитить, такъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 729.

какъ онъ ничего не зналъ, а иначе бы, конечно, хоронить не сталъ.

Дѣйствительно, ввечеру всему Ларинскому было извѣстно все и даже отчасти въ подробностяхъ. Бабы на селѣ знали, что былъ красный платокъ на деревѣ за тѣмъ, чтобы не искали по лѣсу, а прямо на тѣло набрели. Впечатлѣніе отъ смерти старика было таково, что даже черезъ недѣлю послѣ этого никто еще не могъ вполне оправиться. Ларинъ былъ задумчивѣе и угрюмѣе, чѣмъ когда либо. Маряша не разъ поплакала, жалѣя старика, собой пожертвовавшего, и хотя при жизни его мало обращала на него вниманія и, собственно говоря, не могла любить, она теперь будто оцѣнила его и жалѣла болѣе, чѣмъ могла предполагать. Павла Тимоеевна была потрясена, упрекала себя и другихъ въ томъ, что старика заставили повѣситься, благодаря тѣмъ требованіямъ, которыя къ нему предъявляли. И монахиня утромъ и вечеромъ подолгу молилась о душѣ самоубійцы, прося Бога простить ему, а наказать, больше всѣхъ другихъ ее. Она въ качествѣ инокини должна была, по ея мнѣнію, въ-время отнестись къ дѣлу разумнѣе. Софья Алексѣевна была раздражена, сердита на Ларина, отчасти и на Мордвина, упрекала ихъ и говорила, что они зря погубили человѣка. По ея мнѣнію, и безъ требуемаго ими признанія и объясненія дѣло могло наладиться.

Но всего болѣе подѣйствовало происшествіе на Волкова, и подѣйствовало такъ удивительно, что никто этого объяснить себѣ не могъ. Всѣ знали, что особой дружбы между стариками не было. Когда-то даже была почти ожесточенная вражда. А между тѣмъ Кронидъ Захарычъ былъ темнѣе ночи, будто родного брата или ближайшаго друга потерялъ. За нѣсколько дней онъ измѣнился въ лицѣ и казался больнымъ, потому что почти не ѣлъ и не спалъ. При этомъ онъ, какъ убитый, молчалъ отъ зари до зари, отвѣчалъ односложно на вопросы господъ, а съ дворовыми и вовсе не говорилъ ни слова. Онъ бродилъ и сидѣлъ подолгу въ саду, и, не спросивъ даже разрѣшенія у барина, не являлся служить къ столу и ничего вообще не дѣлалъ по дому. Ларинъ, конечно, замѣтилъ это, но молчалъ. Онъ только удивлялся и спрашивалъ себя такъ же, какъ и Маряша, какъ равно и Мордвинъ, почему, собственно, такъ глубоко и сильно подѣйствовала на Волкова смерть Зиновья. Впрочемъ, какъ господа, такъ и дворовые задавались тѣмъ же вопросомъ.

— Вѣдь никогда между ними дружества не было, — толковала дворня. — Сказываютъ старики, что лѣтъ двадцать назадъ они прямо на ножахъ были, завидовали другъ дружкѣ. Его-то, Крониду Захарыча, баринъ ласкалъ и всячески ему мирволилъ, а его-то, покойника, особенно жаловала барыня покойница. И жили-были въ усадьбѣ, какъ двѣ стѣнки, что шли всякій-то день другъ на

дружку съ кулаками, одни за Кронида Захарыча, а другіе за Зиновея Зиновеича. А теперь вотъ ходитъ Кронидъ Захарычъ темнѣе ночи, будто совѣмъ родного потерялъ. Совѣмъ чудесно.

Но и господа и дворянъ равно глубоко ошибались. Волковъ не грустилъ по старикѣ Зиновеѣ. Онъ жалѣлъ его, какъ всякій другой посторонній человѣкъ жалѣетъ самоубійцу, взявшаго тяжкій грѣхъ на душу. Но и только. Онъ не могъ равно обвинять себя въ томъ, что вызвалъ это самоубійство, такъ какъ это было дѣломъ барина и генерала.

Волковъ былъ сумраченъ, даже болѣе, былъ придавленъ нравственно другимъ обстоятельствомъ. На него, какъ будто навалился огромный камень, изъ-подъ котораго онъ всячески старался высвободиться. А силъ не хватало. Если есть выраженіе: «умъ за разумъ зашелъ», то у Волкова въ головѣ дѣйствительно творилось что-то такое, при чемъ онъ мгновеніями чувствовалъ себя, какъ помѣшанный. Всякое, совѣмъ безумное такъ ясно представляется, что становится страшно. И то, что думается насильно, противъ воли, да бушуетъ въ головѣ и на душѣ, одолѣть нельзя.

— Лѣзетъ вотъ само, и не отгонишь, — говорилъ себѣ Волковъ. — Ничего не подѣлаешь. Толкаетъ тебя! Врагъ человѣческій что ли науськиваетъ. Спаси, Господи! Отвязаться, отдѣлаться, успокоиться нельзя и нельзя. Хоть самъ вѣшайся послѣ Зиновея!

А то обстоятельство или тѣ мысли, которыя задавили нравственно старика-дворянина, явились еще задолго до происшествія. Сначала при однихъ подозрѣніяхъ онъ смутился, послѣ объясненій самого барина крикомъ, угрозой, что онъ сынъ садовника Зиновея, Волковъ уже былъ потрясенъ. Самоубійство старика лишь прибавило смуту ему въ душу.

— Онъ-то покончилъ съ собой, — размышлялъ Волковъ, — потому, что не хотѣлъ позорить память Екатерины Семеновны, да тоже и насмѣяться надъ покойникомъ Андреемъ Петровичемъ. Это одно дѣло. А мое другое дѣло. Мое-то тяжелѣе. Что же и мнѣ стало повѣситься? Толку отъ того не будетъ. Мнѣ надо дѣйствовать и такъ, какъ Богу будетъ угодно. Правдивое или грѣховное будетъ это мое дѣйствованіе, я знать не могу. Будетъ такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Какъ все наладится, такъ пускай все и выходитъ. Я сказываю себѣ по совѣсти, что я тутъ не при чемъ. Я только чувствую, что все такъ оставаться не можетъ.

И Волковъ, бродя по лѣсу, или сидя по цѣлымъ часамъ около пруда, или лежа въ постели и не имѣя возможности заснуть, повторялъ безконечно десятки и сотни разъ:

— Такъ нельзя. Нѣтъ такъ нельзя. Нельзя такъ...

А «нельзя» въ его умозаключеніи значило, что нельзя мужику по происхожденію быть баринкомъ, владѣть холопами да еще чужими.

— Нельзя Алексѣю Андреевичу, который по естеству не баринъ, владѣть родовой вотчиной дворянъ Лариныхъ. Если же по закону людскому онъ правъ, то передъ Богомъ и по естеству не правъ. Наоборотъ, Андрей Андреевичъ и Маремьяна Андреевна по закону чужіе, по тому закону, который люди придумали. Это не Божій законъ, а людской. А по закону Божию и по естеству они-то прямые наслѣдники и есть. И первое изъ этого проистекаетъ то, что онъ, Кронидъ Волковъ, крѣпостной ларинскій человѣкъ, не долженъ повиноваться барину, который не баринъ. А ужъ прямо-то разсудить—не Ларинъ, а Чуркинъ. А что дѣлать, куда надумать нельзя. Что нибудь со временемъ положить Господь на душу. Вотъ тогда увидимъ.

XLVII.

Прошло недѣли двѣ уже послѣ случая въ Ларинскомъ, ставшаго цѣлымъ событіемъ, а въ домѣ было все еще особое затишье. Мать Маріанна уже собиралась уѣхать на время въ монастырь и вернуться опять, когда будетъ нужна, но ее всячески удерживали.

Софья Андреевна съ мужемъ тоже собиралась отлучиться, поѣхать въ Москву. Имъ обоимъ, мужу и женѣ, новобрачнымъ, было особенно тяжело теперь въ Ларинскомъ. Обстановка угнетала ихъ.

— Намъ бы теперь съ тобой благодушествовать да прыгать,—говорила она мужу,—такъ полагается, у насъ теперь, какъ прозываютъ, «медовый мѣсяцъ», а мы напротивъ, какъ въ угарной комнатѣ, сидимъ. Тутъ теперь прямо угаръ и тоска безумная. Провѣдемся немножко до Москвы, а тамъ вернемся, когда здѣсь начнутъ всякія глупости производить. И прежде-то не слѣдовало всякое такое дѣлать, а теперь, когда главный свидѣтель покончилъ съ собой, то и совсѣмъ оно не подходящее. Просто бы обвѣнчались безъ шума—и конецъ. А тамъ, если зачнется чтò отъ властей, то и доказывай, что надо. А заранѣе все это пояснять глупо, да и не нужно, когда изъ-за смерти Зиновея всѣмъ и такъ стало все извѣстно. Онъ, бѣдный, не хотѣлъ совнаться и все разсказать, а своей смертью всѣмъ какъ бы то же самое пояснилъ.

Когда Софья Алексѣевна объявила, что желала бы на время поѣхать въ Москву, конечно, Ларинъ сталъ упрасивать ее оставаться, общая, что онъ оттягивать не станетъ и, не нынѣ, завтра вмѣстѣ съ генераломъ объявивъ все крѣпостнымъ, будетъ вѣнчаться. Ларинъ повѣдалъ, что такъ какъ отецъ Елисиѣи окончательно наотрѣзъ отказался его вѣнчать, то онъ уже досталъ священника, который скоро пріѣдетъ въ Ларинское.

Когда, спустя нѣсколько дней, мать Маріанна со своей стороны, а Пашины со своей, снова заговорили о временной отлучкѣ изъ Ларинскаго, Алексѣй Андреевичъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ужъ обождите. Завтра же мы съ Яковомъ Антоновичемъ сдѣлаемъ, что нужно.

На другой же день Ларинъ дѣйствительно распорядился. Онъ вызвалъ къ себѣ Волкова, какъ самаго стараго и почтеннаго слугу, и приказалъ ему объявить всѣмъ дворовымъ и троицъ старикамъ на селѣ, наиболѣе умнымъ и уважаемымъ, собраться во дворѣ ради важнаго дѣла.

— Генералъ и я,—сказалъ Ларинъ,—оповѣстимъ всѣхъ о моемъ вѣнчаніи съ Маремьяной Андреевной и пояснимъ, почему это бракосочетаніе возможно, не противозаконно. А почему, ты вѣдь самъ уже знаешь.

Волковъ, стоявшій и слушавшій угрюмо и молча Алексѣя Андреевича, отозвался тихо.

— Нѣтъ, ужъ меня увольте. Прикажите сами оное другому. А меня увольте.

— Что ты съ ума сошелъ!—удивился Ларинъ.

— Я, Алексѣй Андреевичъ, не могу. И вашего приказанія исполнять не буду.

— Да ты взбѣсился, что ли?—уже вспыхнулъ Ларинъ.

Волковъ молчалъ, опустивъ голову, тяжело дышалъ отъ волненія и стоялъ, какъ истуканъ.

— Я тебѣ приказываю. Слышишь?

— Увольте. Не могу!

— Такъ ты не хочешь меня слушаться?

— Не могу.

— И не исполнишь моего приказанія?

— Ни за что въ свѣтѣ, Алексѣй Андреевичъ.

— Да вѣдь я тебя!..—вскрикнулъ гнѣвно Ларинъ.—Я тебя...

— Что угодно... Прикажите заporоть на смерть. Въ солдаты за старостью сдать меня нельзя, такъ въ Сибирь сошлите на поселеніе, хоть въ каторгу. Что пожелаете, то и дѣлайте, а исполнять вашихъ приказаній я не могу.

— Почему?

— И сказать этого тоже не могу. Слушаться не стану. А почему, хоть засѣките, не поясню.

Ларинъ былъ настолько изумленъ и ошеломленъ и видомъ и твердымъ голосомъ Волкова, за которыми, очевидно, скрывалась какая-то будто загадка, что отчасти самъ смутился передъ своимъ крѣпостнымъ и растерялся, не зная, что дѣлать. Онъ немало раскаивался послѣ недавняго наказанія этого лакея, срамнаго и незаслуженнаго, а теперь приходилось снова и сугубо наказывать этого же человѣка, къ тому же безъ всякой пользы. По звуку

голоса Волкова было ясно, что дѣйствительно его можно запороть до смерти, можно сослать и въ Сибирь, но что никакое наказаніе не заставитъ его перемѣнить свое рѣшеніе. А вдобавокъ чудится въ его упорствѣ какаѣ-то загадка, или, вѣрнѣе, тайна, которая, будто привидѣніе, стоитъ за его спиной, за его словами, за его страннымъ голосомъ.

XLVIII.

На другой день, по личному приказанію Ларина, вся дворня со всей усадьбы собралась въ передней, на подъѣздѣ и вокругъ него. Яковъ Антоновичъ вышелъ къ нимъ и объявилъ, что долженъ всѣмъ пояснить одно важное обстоятельство. Замѣтивъ, что оставшіеся во дворѣ лѣзутъ въ дверь подъѣзда, и происходитъ толкотня и давка, Мордвинъ приказалъ всѣмъ выйти во дворъ. И тутъ, стоя на подъѣздѣ, онъ началъ говорить. Суть сказаннаго была слѣдующая.

Баринъ Алексѣй Андреевичъ желаетъ жениться на Маремьянѣ Андреевнѣ, какъ уже давно всѣмъ извѣстно, и имѣетъ на то полное право и по закону и по естеству, такъ какъ никакого родства между ними нѣтъ. Алексѣй Андреевичъ не сынъ покойнаго барина, а сынъ барыни Екатерины Семеновны и бывшаго садовника Зиновея. Самъ онъ, генералъ Мордвинъ, знаетъ это, какъ и всегда зналъ съ самаго рожденія Алексѣя Андреевича. Кромѣ того, у него имѣется письмо отъ Андрея Петровича, которое подтверждаетъ все, и которое онъ готовъ желающимъ прочесть. При этомъ онъ можетъ дать свое честное, дворянское и генеральское слово, что все это суцая правда. Кромѣ того, и мать Маріанна, всѣмъ хорошо извѣстная, какъ женщина, можно сказать, святая, можетъ подтвердить то же самое.

Мордвинъ кончилъ словами:

— Стало быть, всѣмъ вамъ не надо смущаться. Ходили промежъ васъ слухи, да и теперь ходятъ, что бракосочетаніе вашего барина съ Маремьяной Андреевной есть якобы смертный грѣхъ. Вотъ вы теперь извѣщены и знаете, что никакого грѣха тутъ нѣтъ. Покойные Андрей Петровичъ и Екатерина Семеновна, живши вмѣстѣ, никогда мужемъ и женою не были, и вѣнчался-то онъ съ тѣмъ условіемъ, что нынѣшняя мать Маріанна, то-есть Павла Тимоѣевна, всегда останется въ усадьбѣ, какъ бы его женою. А затѣмъ, что касается до покойной Екатерины Семеновны и до Зиновея, и какъ что приключилось,—это ужъ не наше дѣло обсуждать. Богъ имъ прости нынѣ покойнымъ. Мы только должны знать, что между Алексѣемъ Андреевичемъ и дочерью Андрея Петровича никакого родства нѣтъ. Совсѣмъ они между собой чужіе. Поняли?—выговорилъ Мордвинъ громко, почти крикнувъ.

Въ отвѣтъ раздалось только два-три голоса.

— Такъ точно-съ. Поняли.

— Ну, вотъ и расскажите про все это и поясните, кто кому хочетъ, главнѣйше на селѣ. А на свадьбѣ своего барина вы поселитесь и всѣ отъ стариковъ до малыхъ ребятъ одарены будете.

Дворовые разошлись всякій къ себѣ такъ же мирно и тихо, какъ сошлись. Поясненіе генерала было имъ теперь не новостью. За послѣднее время уже всѣ толковали о томъ же самомъ, уже не въ силу подспудныхъ слуховъ, а со словъ Крониды Захарыча.

Между тѣмъ, покуда генераль держалъ рѣчь ларинской дворнѣ, Волковъ сидѣлъ у отца Елисѣя въ его домикѣ близъ церкви. При его появленіи священникъ удивился:

— Что это ты, Кронидъ Захарычъ, хворашь что ли?

Таковъ былъ изнуренный видъ Волкова.

— Пожалуй, отецъ Елисѣй, и правда твоя,—отвѣтилъ онъ:— хвораю, только не тѣломъ, а душою. Сбился я спанталыку, умъ за разумъ заходить. И вотъ пришелъ къ тебѣ. Будь милостивъ, соберись ты со всѣми своими мыслями и отвѣчай мнѣ по совѣсти, не криви душой, да и не сказывай ничего на вѣтеръ, а скажи по совѣсти да и по разуму, не вводи меня во искушеніе, какъ сказывается въ молитвѣ. Не тебѣ, священнослужителю, да человѣка какого на нехорошее, злое, преступное толкать, а скорѣе воздержать.

— Что могу,—отъ всей души, Кронидъ Захарычъ. Присядь и говори толкомъ.

Они сѣли, и Волковъ, помолчавъ нѣсколько мгновеній, спросилъ:

— Все, что ты знаешь, какъ священникъ, отецъ Елисѣй, знаешь ли вѣрно? Священное писаніе, какъ то полагается духовному лицу, доподлинно ли разумѣешь, или не знаешь, а такъ колобродишь? Теперь это обстоятельство мнѣ стало важнымъ. Твердъ ли ты въ писаніи?

Отецъ Елисѣй слегка двинулъ плечами и произнесъ нерѣшительно:

— Поколику разума хватаетъ, усердствую, стараюсь понять всякое такое божеское и священное. Ну, а въ этомъ дѣлѣ, Кронидъ Захарычъ, человѣку не дано доподлинно понимать. Сказано «вѣруй», а понимать не долженъ, потому что понять и нельзя. Во всемъ должна быть вѣра, разумомъ ничего постичь нельзя, а вѣровать слѣдуетъ во все, что указано. Оно вѣдь и по начальству такъ бываетъ. Выходить приказъ, дѣлай то-то, а вѣдь не сказываетъ начальство, зачѣмъ дѣлать. Не твое это дѣло. Ты дѣлай, а не спрашивай; почтѣ.

Послѣднія слова какъ бы удивили Волкова, онъ хотѣлъ что-то переспросить, но махнулъ рукой и прибавилъ:

— Дѣло не въ этомъ. Начальство тѣ же люди, что и мы. А ты вотъ что скажи. Толковали мы съ тобой не такъ давно насчетъ того, что собственно есть смертный грѣхъ, или семь смертныхъ грѣховъ. И вотъ ты мнѣ пояснилъ. Только меня сомнѣніе взяло, потому что ты говорилъ про семь смертныхъ грѣховъ, а начелъ чуть не дюжины двѣ, и сказываешь, что семь смертныхъ грѣховъ не значить, что ихъ семь, а такъ только сказывается. Вотъ это, я полагаю, ты не вѣрно поясняешь. Коли семь, такъ семь, а не восемь и не десять. А какіе семь, я не знаю, да и ты, отецъ Елисей, кажись, не знаешь. Ну, вотъ какъ же такъ?

Отецъ Елисей вздохнулъ и развелъ руками.

— Такъ я, Кронидъ Захарычъ, говорилъ по моему разумѣнію. Коли считать семь, такъ больно мало выходитъ. Коли всѣ ихъ счесть, то ихъ много больше? А что такъ сказывается семь, такъ мало ли что сказывается. А ты понимай такъ, какъ понимаешь.

— Да ты мнѣ скажи, какіе семь.

— Можно назвать и семь, Кронидъ Захарычъ, а коли начать считать, такъ много будетъ. Вѣдь тотъ разъ мы бесѣдовали насчетъ...

— Ну, ладно, будь по-твоему,—перебилъ Волковъ,—ты вотъ что мнѣ скажи. Самое главное, и соберись съ мыслями, наобумъ не скажывай. А то прямо говорю: грѣхъ возьмешь на душу. Слушай-ка! Вѣдомо тебѣ, что теперъ поясняетъ всѣмъ дворовымъ генералъ Яковъ Антоновичъ. Ну, вотъ и скажи мнѣ по совѣсти. Вѣришь ли ты, что Алексѣй Андреевичъ и впрямь сынъ Зиновея Чуркина?

— Вѣрю, Кронидъ Захарычъ, и такъ тебѣ сказать—убѣдительнонѣйше: не потому я вѣру даю, что господа сказываютъ, а потому, какъ я помню, что въ Ларинскомъ бывало, какіе слухи ходили, и какъ Зиновея Зиновеичъ неотлучно пребывалъ при барынѣ Екатеринѣ Семеновнѣ. И въ тѣ времена все сомнительно было, только, понятно, никто не смѣлъ говорить о томъ, что ему на умъ приходило. Всякій то думалъ, что онъ одинъ думаетъ, а другимъ-то не видно. Всѣ видѣли, да всѣ молчали. Поди, и ты тоже.

— Правда твоя, отецъ Елисей. Я, можно сказать, прежде всѣхъ въ сомнѣніе пришелъ, и изъ-за этого враждовалъ съ покойникомъ. Такъ вотъ, стало быть, вѣрно это. По закону онъ, Алексѣй Андреевичъ Ларинъ, нашъ помѣщикъ, баринъ, а по естеству—кто онъ такой? Онъ—Алексѣй Зиновеичъ Чуркинъ. А что важнѣе: законъ людской или естество, кое идетъ отъ Бога?

— Вѣстимо, естество важнѣе,—отвѣтилъ священникъ.

— Вотъ,—продолжалъ Волковъ,—у насъ есть дворовый, крѣпостной парень, Кирилла. По закону онъ холопъ, а по естеству кто онъ такой? Знаешь ли ты?

— Знаю, Кронидъ Захарычъ.

— Князь, вѣдь онъ.

— Вѣстимо, князь.

— Ну, вотъ. Стало, отецъ Елисей, если Кирюшу отецъ бросилъ, а затѣмъ никогда не видалъ и допустилъ, чтобы онъ сталъ крѣпостнымъ холопомъ въ Ларинской вотчинѣ, то оно ничего не значить. На мой разумъ, что Андрей Андреевичъ или Маремьяна Андреевна для покойнаго барина Андрея Петровича, то же самое и Кириллъ для этого князя, и то же самое Алексѣй Андреевичъ, или, воистину именуя, Зиновеичъ, для садовника Чуркина. Такъ это, или нѣтъ, отецъ Елисей?

— Вѣстимо, такъ. Родной сынъ. И словъ нѣту противъ сего.

— Ну, такъ вотъ теперъ ты, какъ священнослужитель и въ писаніи хотя и не шибко, а все-таки кое-что разумѣющій,—ты мнѣ и скажи. И скажи ты по совѣсти своей и по разуму своему: можетъ ли сынъ крѣпостнаго человѣка, садовника, который есть по естеству Алексѣй Зиновеичъ Чуркинъ, можетъ ли прозываться Алексѣемъ Андреевичемъ Ларинымъ?

— По совѣсти не долженъ бы, хотя оно прописано въ метрикѣ.

— А можетъ ли онъ, отецъ Елисей, нами владѣть, какъ холопами, будучи самъ холопъ?

Отецъ Елисей выпрямился и широко раскрылъ глаза.

— Что? Удивился?

— Да, Кронидъ Захарычъ, удивился! На умъ не приходило. Вѣдь ты это правду сказываешь.

— Истинную?

— Истинную, Кронидъ Захарычъ. Какъ ни верти, такъ выходитъ. По крещенію-то онъ, Ларинъ, стало и по закону...

— Людскому, отецъ Елисей?

— Да.

— А передъ Богомъ-то чей онъ сынъ? Чуркинъ сынъ! Такъ вотъ можетъ ли онъ нами владѣть и вотчиной Ларинской тоже владѣть? А истинныя дѣти покойнаго барина Андрея Петровича его же, названца, еще и крѣпостными состоятъ. Положимъ, что одинъ теперъ вольный, отпускной и женатъ и, сказываютъ, будто въ люди выйдетъ, чуть самъ въ дворяне не попадетъ, а другая будетъ женою нашего подложнаго барина и нашей барыней. Только она-то будетъ истинной барыней, по мужу, по браку съ человѣкомъ, кой есть самозванный. Былъ, есть и останется...

— Такъ, такъ. Чудеса въ рѣшетѣ, а правда сушая. Удивительно!—отозвался священникъ.

— Вотъ ты все-таки не отвѣчаешь, можетъ ли Алексѣй Зиновеичъ Чуркинъ нами владѣть и дѣлать, что хочетъ, и держать за собою какъ бы уворованную у законныхъ наслѣдниковъ вотчину.

— Не слѣдовало бы, Кронидъ Захарычъ.

— И ты тоже сказываешь? По совѣсти?

— Какъ вотъ передъ Богомъ.

— Ну, а какъ намъ быть, холопамъ? Такъ на это и глядѣть? Или въ память Андрея Петровича что либо предпринять?

— Да что предпринять-то?—безпомощно вымолвилъ священникъ.

— Это другое дѣло,—уже сурово отозвался Волковъ.—А ты отвѣтствуй на вопросъ. Оставить намъ все это такъ, все это беззаконіе, или что надумать, чтобы ни людей, ни Господа Бога не обманывать и обману не потакать? Вотъ они, генералъ и баринъ подложный, вывели все на чистоту, сами объявили. Ну, вотъ мы и должны, холопы ненастоящіе, вывести его на чистую воду...

— Да какъ же?

— А вотъ такъ. Ты, молъ, сказываешь: я не баринъ, а сынъ крѣпостного человѣка. Вѣрно, молъ. Мы тебѣ вѣримъ. А коли оное такъ, и мы тебѣ вѣримъ, такъ чего же ты тутъ торчишь? Коли такъ, то ты и уходи. Ступай съ Богомъ на всѣ четыре стороны.

Отецъ Елисей разоулъ ротъ и ахнулъ.

— Чего ты?—спросилъ Волковъ.—Нешто не правда? По-моему такъ полагается. А по-твоему нѣтъ?

— Выходить, Кронидъ Захарычъ, что какъ бы ты ни сказалъ, все выходитъ у тебя истинная правда, но только ужъ очень все удивительно.

— А все же правда?

— Правда.

— Ну, такъ вотъ, отецъ Елисей, ты теперь мнѣ разрѣши послѣднія узы. Вотъ какъ бываетъ на исповѣди, ты отъ грѣховъ отпускаешь какого исповѣдника, такъ вотъ и теперь скажи мнѣ, подobaетъ ли кому изъ насъ, крѣпостныхъ, дѣло это упростить или распутать, чтобы Чуркинъ не былъ бариномъ и владѣльцемъ Ларинской вотчины.

— Да какъ же это сдѣлать, Кронидъ Захарычъ? Господь съ тобой! Какъ это сдѣлать?

— Какъ сдѣлать? Этого я у тебя не спрашиваю, это мое дѣло, а ты только скажи, праведно ли будетъ, коли кто изъ нашихъ все это дѣло порѣшить по правдѣ, и этотъ Чуркинъ перестанетъ быть бариномъ въ Ларинскомъ. Будетъ ли это хорошо или дурно, будетъ ли грѣхомъ передъ Богомъ или не будетъ?

— Грѣха я тутъ, Кронидъ Захарычъ, не вижу,—вдохнулъ священникъ—Только все же... оно все очень мудрено.

— Ну, а если крѣпостной холопъ по своему родителю-холопу прозываетъ себя бариномъ и дворяниномъ и владѣетъ чужимъ добромъ, обманывая и людей и Господа Бога, нешто это, отецъ Елисей, не смертный грѣхъ?

— Еще бы! Вотъ ужъ именно самый-то прямо истинный смертный грѣхъ!—воскликнулъ отецъ Елисей.

— Самый истинный... смертный...—проговорилъ Волковъ, отягивая и отчеканивая каждое слово.

— Самый, самый истинный и самый смертный,—также твердо отозвался священникъ.

И сразу наступило молчаніе, послѣ котораго Волковъ выговорилъ:

— Ну, слава Богу, разрѣшилъ ты, отецъ Елисей.

XLIX.

Прошло дня три.

Несмотря на строгое приказаніе барина сидѣть у себя въ комнатѣ, какъ бы въ заключеніи, Волковъ все-таки выходилъ, бродилъ по саду или отправлялся въ гости къ кому нибудь изъ дворовыхъ для бесѣды и все объ одномъ и томъ же.

— Если Алексѣй Андреевичъ не сынъ Андрея Петровича, а сынъ крѣпостного Зиновья Чуркина, то можетъ ли онъ прозываться Ларинымъ, Андреевичемъ, и быть владѣльцемъ вотчины и приписныхъ къ ней душъ?

Въ этихъ бесѣдахъ, конечно, говорилъ больше самъ Волковъ, чѣмъ его собесѣдники, но по его уходѣ всѣ равно оставались при полномъ убѣжденіи, что ихъ баринъ воистину не баринъ.

— И ужъ если надо кому по справедливости владѣть Ларинскимъ, то, конечно, хотъ и побочному, но истинному сыну Андрея Петровича, Андрею Андреевичу, а, по закону людскому, ближайшей родственницѣ, племянницѣ покойнаго Андрея Петровича, то есть Софьѣ Алексѣевнѣ. А такъ какъ Софья Алексѣевна теперь замужемъ за Андреемъ Андреевичемъ, то вѣдь имъ двоимъ и слѣдъ бы владѣть—одной по закону, а другому по естеству.

Однажды, когда Волковъ собрался пойти побесѣдовать съ умной старухой Макарушкиной, онъ нашель ее въ слезахъ. Онъ видѣлъ ее наканунѣ и теперь удивился переменѣ, происшедшей въ старухѣ. Она осунулась и постарѣла, какъ если бы годъ прошелъ, а не сутки.

— Что такое, что приключилось?—спросилъ онъ Ѳеклу.

Ѳекла Ивановна еще пуще залилась слезами, замахала руками и не сразу собралась съ силами, чтобы заговорить. Наконецъ, она произнесла:

— Не могу, расшибло меня совсѣмъ, и языкъ не двигается. Пуцай самъ тебѣ скажетъ, онъ сейчасъ придетъ.

— Кто?

— Да мой Ванька.

— Да въ чемъ дѣло-то?

— Не могу, Кронидъ Захарычъ, страшно говорить, пуцай Ванька самъ тебѣ все скажетъ. Помоги ради Христа! Коли ты не поможешь, то конецъ всѣмъ намъ... конецъ!.. И мнѣ конецъ...

И старуха принялась горько плакать и причитать.

— Да гдѣ онъ, Ванька? Я его разыщу, пойду,—сказалъ Волковъ.

— Должно быть, за садомъ въ оврагѣ.

— Что ты, какой оврагъ? Зачѣмъ въ оврагѣ?

— Да тамъ и день и ночь.

— Зачѣмъ?

— Да Фимка же тамъ.

— Въ оврагѣ?

— Ну, да. Вѣдь она прибѣгла изъ монастыря, у кого-то приютилась на краю села, и вотъ они въ оврагѣ и выдаются. Вотъ тамъ и надумали ужаси всякія. Оба вѣдь, Кронидъ Захарычъ, оба.

— Что оба?

— Не скажу, языкъ не слушается. На тебя одна надежда, если не ты, конецъ намъ. Тогда и я тоже....

Старуха не успѣла договорить, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги, и въ дверяхъ появился Ванька Безухій.

— Ну, вотъ!—вскрикнула Макарушкина, снова плача.—Говори, рассказывай Крониду Захарычу, все рассказывай, а я уйду. Слушать не могу. Уморилъ ты меня одними этими словами.

Поднявшись съ мѣста, Макарушкина почти съ трудомъ зашпала и вышла изъ комнаты.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Волковъ.

— А вамъ, Кронидъ Захарычъ, бабушка не все рассказала?

— Ничего не рассказала, только заливалась горючими слезами да говорила, что ты что-то затѣваешь.

— Вѣрно, Кронидъ Захарычъ, ничего иного не остается. Вотъ Зиновей Зиновейчъ бился, бился и порѣшилъ съ собой. Меня это, какъ обухомъ по лбу вдарило, видно, такъ ужъ надо.

— Что такое? Что ты брешешь?

— Да порѣшить съ собой.

— Что?! Очумѣлъ что ли?

— Никакъ нѣтъ. Мы съ Фимой порѣшили. Ничего больше не остается. Вѣдь Фима тоже здѣсь.

— Знаю, что здѣсь. Что же вы порѣшили?

— Да вотъ. Утопиться намъ съ ней полагается...

— Что вы? Белены объѣлисы! шалые чертенята!..

Ванька вздохнулъ, сѣлъ противъ Волкова, безпомощно опустилъ голову и заговорилъ тихо и грустно:

— вмѣстѣ въ прудъ бултыхнуться рѣшили. Ничего больше нѣтъ. Вѣдь баринъ прямо сказалъ: никогда тому не бывать. Слышно теперь такъ, что Фиму возьмутъ въ домъ на жительство, и она и служить-то не будетъ, а будетъ жить, якобы какая барышня. Ничего и понять-то нельзя. А меня отсюда спровадятъ, какъ можно подалеже. Ну, вотъ мы и рѣшили.

— Топиться?

— Такъ точно, Кронидъ Захарычъ, болѣе ничего не придумали. Вѣдь вотъ и Зиновей Зиновейчъ, небось много думаль да передумываль, а ничего не выдумаль и повѣсился. Я сывначала не соглашался на утопление. Я говорилъ Фимѣ: давай, молъ, повѣсимся здѣсь, въ саду, подъ окошками барину на смѣхъ, а она, говоритъ, боится, говоритъ, страшно очень.

— Какъ страшно? Ты сейчасъ говорилъ, что она согласна топиться?

— Топиться-то согласна, а висѣть на деревѣ не согласна. Говоритъ, что очень страшно будетъ, какъ повиснемъ.

Послѣ небольшого молчанія Волковъ спросилъ:

— Такъ-таки вы совсѣмъ порѣшили?

— Совсѣмъ, Кронидъ Захарычъ.

— А когда хотѣли-то?

— Да Фима говоритъ: нельзя, надо выстирать прежде, что на насъ надѣто, чтобы почище быть. А то, говоритъ, какъ же такъ, на тотъ свѣтъ итти, да въ грязномъ бѣльѣ и въ грязномъ платьѣ. Вотъ, когда все будетъ готово, и потопимся.

— Ахъ, болваны, болваны!—воскликнулъ Волковъ.

— Какъ болваны, Кронидъ Захарычъ? Это ужъ дѣло извѣстное. Богатые люди завсегда имѣютъ все новенькое, въ чемъ въ гробъ-то класть. Ну, а мы, конечно, этого не можемъ, у насъ только и есть, что на тѣлѣ. А вотъ она свое все перестираетъ, а затѣмъ мое выстираетъ.

— Да, коли утопитесь, дураки, такъ само все въ водѣ-то вымоется,—грустно улыбнулся Волковъ.

— Гдѣ же вымыться? Вѣдь мыть-то надо съ мыломъ.

— Ну, слушай ты, чурбанъ. Обѣщай ты мнѣ ничего такого не дѣлать. Потерпите, можетъ, все ваше дѣло и устроится. Наложить на себя руки—недолго, всегда успѣется. Зиновей старъ былъ, а въ твои-то годы помереть глупо, вся жисть впереди. А тащить за собой бѣдную дѣвченку, коей, поди, шестнадцать лѣтъ нѣтъ, грѣхъ большой. Обѣщай мнѣ обождать и безъ моего разрѣшенія не топиться. Говору, можетъ, все уладится.

— Извольте,—нерѣшительно проговорилъ Ванька,—только вѣдь это зря тянуть, Кронидъ Захарычъ, ничего не уладится.

— А я тебѣ говорю, всему пережѣна будетъ. Обѣщайся моего разрѣшенія ждать.

— Извольте.

— Побожись.

— Вотъ, какъ передъ Господомъ Богомъ. Когда соберемъ со всѣмъ, я приду вамъ доложить.

— Ну, ладно. Только слушай, приходи ко мнѣ сегодня ввечеру, ко мнѣ въ комнату и попозже. Надо намъ потолковать о важномъ дѣлѣ.

— Слушаю-съ,—отозвался Ванька и немножко приободрился.

Вечеру Волковъ окончательно убѣдилъ молодого малаго, что надо ждать и ничего худого не затѣвать.

Онъ повѣдалъ Ванькѣ, что знаетъ навѣрное и отъ вѣрнаго человѣка, что баринъ послѣ своего бракосочетанія не останется жить здѣсь въ усадьбѣ, а продастъ Ларинское. Стало быть, и Ванька будетъ принадлежать другому помѣщику. А насчетъ Фимки будетъ виднѣе тогда. У Софьи Алексѣевны насчетъ дѣвченки свои мысли есть...

— А если не такъ все уладится,—кончилъ Волковъ,—то на другой какой ладъ, но потруднѣе. Тогда тебѣ придется о себѣ похлопотать самому и отвоевать свое счастье. А какъ — я тебѣ укажу въ свое время.

L.

Между тѣмъ было еще нѣчто, что стало страшно озабочивать Волкова за послѣднее время: не только грустный, а совершенно угнетенный видъ Маряши. Она ходила, какъ убитая.

И Волковъ рѣшилъ поговорить съ барышней по душѣ и выпытать во что бы то ни стало, что съ ней приключается.

Однажды около полудня, узнавъ, что Маряша одна у себя, Волковъ постучался къ ней въ дверь.

Дѣвушка сидѣла у окна, опустивъ руки на колѣни, безъ всякаго дѣла, глубоко задумавшаяся, и очевидно бессознательно смотрѣла въ окно, совершенно поглощенная своими мыслями. Волковъ остановился у порога и сталъ смотрѣть на нее, чтобы провѣритъ свое впечатлѣніе, свое мнѣніе, убѣдиться, правъ ли онъ.

Дѣйствительно, Маряша страшно измѣнилась за послѣднее время, а въ эту минуту болѣе, чѣмъ когда либо, отъ нея вѣяло глубокой грустью и беспомощностью.

— Маремьяна Андреевна!—произнесъ Волковъ.

Она не слыхала и продолжала неподвижно сидѣть.

— Маремьяна Андреевна!—громче выговорилъ Волковъ.

Маряша вздрогнула и обернулась.

— Что?—отчасти пугливо произнесла она, будто не узнавая Волкова. Но тотчасъ вполнѣ, придя въ себя, она произнесла тихо:

— Кронидъ Захарычъ. Иди, идите. Вотъ сюда. Присядь.

— Зачѣмъ? Я и постою.

— Присядь, Кронидъ Захарычъ, вѣдь не впервой, не люблю я, когда вы стоите. Старый человѣкъ, самый тутъ старый и почтенный, да и я васъ люблю, холопомъ не почитаю. Присядь-ка. Хорошо, что пришелъ, больно ужъ тяжело мнѣ и не съ кѣмъ душу отвести.

Волковъ сѣлъ на стулъ близъ окна, пристально присматриваясь къ дѣвушкѣ.

— Перемѣнились вы сильно за малое время, Маремьяна Андреевна,— печально заговорилъ онъ.— Давно хочу спросить, скажите-съ мнѣ. Въ чемъ же дѣло-то? Вѣдь вамъ бы быть веселой и радостной, вѣдь теперь совсѣмъ ваше дѣло идетъ къ бракосочетанію. А вы темнѣе ночи, будто болѣете, да и похудѣли. Вотъ и скажите, что же это за чудеса такія.

— Никому я про это не говорила,— тоже печально отозвалась Маряша,— и говорить не буду, Кронидъ Захарычъ. А вотъ вамъ скажу. Ужъ очень тяжело. А коли вотъ скажешь, то будто чувствуется, что легче будетъ.

— Вѣстимо, только и можно душу облегчить, что поговоривши съ человѣкомъ, который къ вамъ расположенъ. А вы знаете, Маремьяна Андреевна, что во всей усадьбѣ никого у меня нѣту ни родныхъ, ни близкихъ, и есть только одинъ человѣкъ, котораго я давно люблю, васъ именно. Такъ вотъ вы мнѣ все и скажите. Скажите-съ безъ утайки.

— Да сказывать-то немного, Кронидъ Захарычъ. Только одно: вотъ скоро свадьба, а мнѣ страшно.

— Чего собственно? Того, что она якобы противъ закона людскаго, а вѣдь такъ-то грѣха нѣту. Знаете теперь.

— Знаю, Кронидъ Захарычъ. Мнѣ страшно не потому. Я вамъ скажу, и вы мнѣ разсудите, какъ по-вашему. Только пускай такъ и останется промежъ насъ. Я ни матушкѣ ничего не говорила, ни брату, не хотѣла смущать и пугать ихъ.

— Что же такое?

— А то, что мнѣ страшно. Конецъ моей жизни будто приходитъ теперь.

— Какъ такъ?— воскликнулъ Волковъ.

— Да такъ. Не буду счастлива! Претить мнѣ мое бракосочетаніе!

— Что вы?— ахнулъ Волковъ и всплеснулъ руками.

— Да. Я все это въ себѣ таила. Или сама будто этого не знала,— тихо съ глубокой грустью заговорила дѣвушка.— Я люблю Алексѣя Андреевича съ самаго перваго дѣтства. Сами знаете, онъ мнѣ почти то же, что Андриша. Да вотъ видишь ли? Много я раздумывала, и по-моему выходитъ такъ, что брата любятъ на одинъ ладъ, а супруга на другой ладъ надо любить. А для меня и Алеша и Андриша— все одно. Это, можетъ, все глупости дѣвичьи, да такъ мнѣ сдается на сердцѣ. Глупо оно, Кронидъ Захарычъ, а только мнѣ такъ сдается. Мнѣ вотъ кажется, что любишь ты отца на одинъ ладъ, брата на другой, дѣтей что ли своихъ опять на иной ладъ, жениха или супруга опять на иной ладъ. По-людски это, можетъ, и глупости, а мнѣ вотъ, Кронидъ Захарычъ, кажется, что я вѣрно сужу.

— Да,— потянулъ Волковъ,— пожалуй, что это и правда. Да вѣдь такъ по-вашему и люди сказываютъ.

— Сказываютъ ли? Точно ли такъ же люди судятъ?

— Точно такъ же, Маремьяна Андреевна. Это не вы выдумали, а это ужъ такъ завелось на свѣтѣ. Вѣдь вотъ можно человѣка какого очень любить, а посватайся онъ, дѣвица за него ни за что не пойдетъ. Видали вы это? Это и у насъ въ Ларинскомъ бывало.

— Точно, точно! Стало, я правду говорю.

— Конечно, такъ. И вся ваша тоска изъ-за одного этого, что вамъ не хотѣлось бы выходить за Алексѣя Андреевича? Все въ этомъ только?

— Да, Кронидъ Захарычъ, все въ этомъ. И чѣмъ ближе бракосочетаніе, тѣмъ мнѣ страшнѣй. Просто хотъ вотъ поди да и утопись.

— Здравствуйте! И вы тоже топиться? Что же мы всѣ здѣсь, стало, перетопимся!— воскликнулъ Волковъ.

— Какъ всѣ, что такое? Не пойму.

— Нѣтъ, это я такъ. Сбреднулось. А вотъ вы мнѣ скажите по совѣсти, какъ передъ Богомъ: кабы кто помѣшалъ вамъ теперъ выходить замужъ за барина, были бы рады вы?

— Охъ, да!

— Счастливы были бы совѣмъ?

— Да, Кронидъ Захарычъ, ужъ очень я много объ этомъ обо всемъ размышляла и теперъ вотъ съ недѣлю прямо вотъ ясненько вижу, что если бы Алексѣй Андреевичъ на комъ другомъ женился, съ меня какъ гора свалилась бы. Я его много люблю, много, крѣпко и съ самаго рожденія своего, можно сказать, а замужъ за него...

Маряша запнулась и воскликнула:

— Охъ! не надо бы, не надо бы этого!

И черезъ мгновеніе она прибавила:

— Думается мнѣ такъ, за кого ни на есть, только бы не за него.

Волковъ пристально, упорно приглядѣлся къ ея лицу и выговорилъ вдругъ умышленно твердо и не вопросомъ:

— А вотъ за Кирилла пошли бы сейчасъ!

Маряша вспыхнула, лицо ея ярко зарумянилось, она медленно повернулась къ окну, и слезы показались на ея глазахъ.

— Знаю я это,— почти шопотомъ проговорилъ Волковъ.— Знаю давно и, вѣрнѣе, больше, чѣмъ самъ Кириллъ. Такъ скажите прямо и Алексѣю Андреевичу, и Павлѣ Тимоѣевнѣ, и братцу, и Софьѣ Алексѣевнѣ. Прямо и скажите. Зачѣмъ вамъ жертвовать собой?

— Охъ, нѣтъ! Что вы! Какъ можно? Что вы, Кронидъ Захарычъ! Да развѣ это дѣло возможное? Я лучше не знаю, на что пойду, руки на себя наложу, а никогда этого не вымолвлю.

— Почему, дорогая моя барышня?

— И сама не знаю, совсѣмъ не знаю. Но только знаю, что пускай меня невѣсть чѣмъ стращаютъ, чтобы я заговорила, и никогда такого слова я не скажу. Давно это дѣло рѣшенное. Сначала я легко согласилась и по неразумію своему долго соглашалась. Потомъ стала раздумывать и чують, что это дѣло не подходящее. А теперь и подавно вижу, что это—моя погибель.

Маряша замолкла, Волковъ сурово задумался и тоже молчалъ.

Прошло очень много времени, и наконецъ раздалися шаги въ сосѣдней комнатѣ. Волковъ, придя въ себя, быстро всталъ, не желая, чтобы его застали сидящимъ предъ барышней. Однако никто не вошелъ.

Ничего не сказавъ Маряшѣ новаго или особаго, Волковъ вышелъ изъ ея комнаты совершенно преобразеннымъ. Угрюмость его сразу исчезла. Онъ бодро шелъ къ себѣ, какъ если бы чувствовалъ, что важное дѣло, которое давно, гнетомъ навалилось на него, терзало и мучило его, теперь сразу исчезло. Онъ даже чувствовалъ, что будто помолодѣлъ на десять лѣтъ.

Признаніе Маряши, его любимой барышни, было для него и лучемъ свѣта и ударомъ грома. Тьма кромѣшная, нависшая надъ нимъ за послѣднее время, разсѣялась, все просвѣтлѣло, все было ясно. Онъ зналъ, какъ долженъ теперь разрѣшиться ужасный и жгучій вопросъ.

Уже сидя у себя въ комнатѣ, онъ изумлялся лишь одному, своему собственному спокойствію, той тишинѣ, которая наступила въ немъ самомъ. Онъ не только чувствовалъ себя довольнымъ, а даже радостнымъ. Вѣдь всѣ скажутъ ему спасибо. Всѣ стануть счастливы и довольны, такъ какъ онъ все порѣшитъ. Не только живымъ, но и мертвымъ послужить. И на томъ свѣтѣ найдется, кто скажетъ ему спасибо.

По временамъ онъ проводилъ рукой по головѣ и лицу и шепталъ:

— Путается, совсѣмъ путается.

Но черезъ мгновеніе онъ говорилъ громче:

— Нѣтъ, ничего не путается, совсѣмъ все просто. Человѣчья немочь, ну, и страхъ. А дѣло простое. И Богъ простить.

Наконецъ Волковъ окончательно себя убѣдилъ: «Какъ ни верти, а все одна человѣчья немочь, но это пройдетъ. А оно совсѣмъ просто, совсѣмъ, какъ на ладони, видно и понятно. И мало, что Господь Богъ простить. Нѣтъ! Господь Богъ велить! Да, велить! Чудно оно, а истинно такъ»...

Ll.

Наконецъ былъ назначенъ день бракосочетанія. Священникъ, выписанный откуда-то, кто говоритъ — изъ Москвы, а кто увѣряетъ, что это—разстрига изъ-подъ Тулы, уже появился въ Ларинскомъ.

Говору въ усадьбѣ и на селѣ о свадьбѣ было немало. Давно всѣ ждали событія, а все-таки дивились и ахали.

Дня за два до вѣнчанія всѣ заговорили и дивились другому обстоятельству. Въ Ларинскомъ появился уже давно исчезнувшій молодой красавецъ Кирилль. Когда-то объ этомъ исчезновеніи говорили много, но скоро бросили и забыли и думать. Бѣгуны изъ вотчины было не диковиной. Ихъ звали вмѣсто «вольнотпускнуой» другимъ словомъ — «отбоарившійся».

Все Ларинское знало давно и хорошо, что Кирилль—холопъ, да не настоящій, такъ какъ сынъ заѣзжаго въ гости къ покойному барину именитаго князя. Равно всѣ знали, что Кирилль еще юношей обожалъ барышню Маремьяну и былъ собственно ничѣмъ не ниже ея. У обоихъ отцы дворяне, но матери крѣпостныя дѣвушки, холопки.

Появленіе Кирилла предъ самой свадьбой всѣхъ изумило. Всѣ гадали.

— Зачѣмъ оно ему понадобилось? Глядѣть на свадьбу—только себя терзать понапрасну.

Вдобавокъ дворовые смущались тѣмъ обстоятельствомъ, что Кирилль явился не въ усадьбу, а на село, и очевидно скрывается отъ Алексѣя Андреевича. Впрочемъ онъ просилъ нѣкоторыхъ ничего не докладывать барину, покуда онъ самъ не явится въ домъ, чтобы броситься ему въ ноги и просить прощенія за самовольное бѣгство.

— А пришелъ я нынѣ потому, что прослышалъ про свадьбу,—объяснялъ онъ.—Въ такіе дни баринъ долженъ быть мягкосердѣе и легче простить всякое.

Однако, скрываясь на селѣ, Кирилль въ темную ночь появился и въ усадьбѣ. Его видѣли и узнали дворовые и видѣли, что онъ прошелъ къ Крониду Захарычу и пробылъ въ бесѣдѣ съ нимъ очень долго, чуть не до пѣтуховъ.

«Должно, рѣшилъ просить тоже заступиться Крониду Захарыча предъ баринѣмъ», — думали видѣвшіе Кирилла.

Однако Волковъ наутро отперся отъ ночного посѣтителя и говорилъ, что все это дуракамъ зря пригрѣзилось, а что онъ самъ о пребываніи бѣгуна Кирилла въ Ларинскомъ даже и не слышалъ.

На другой день рано утромъ молодой дворовый явился въ садъ, но скрывался въ кустахъ и поглядывалъ на окна барскаго дома.

За часъ до полудня Алексѣй Андреевичъ вышелъ на свою обычную прогулку и спустился съ балкона на дорожку.

Черезъ нѣсколько мгновений баринъ и бѣгунъ встрѣтились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома.

Ларинъ, завидя Кирилла, ахнулъ отъ удивленія и сталъ. Кириллъ тихо приблизился.

— Съ повинной, негодный! — вскрикнулъ Ларинъ. — Бѣгалъ, обнищалъ, впроголодь наплатался, а теперь прощенья просить!..

Кириллъ подвинулся вплотную, блѣдный, тяжело переводящій духъ, и вдругъ взмахнулъ рукой, которую держалъ за спиной. Взмахнулъ разъ, и два, и три...

Что-то просверкало въ лучахъ полдневнаго солнца, хлынула ручьями кровь и забрызгала его.

Алексѣй Андреевичъ страшно вскрикнулъ на весь садъ, на всю усадьбу и повалился на землю снопомъ, медленно и почти безшумно.

Маряша, видѣвшая изъ окна, какъ вышелъ Ларинъ, узнала въ дикомъ отчаянномъ крикѣ его голосъ, затѣмъ услышала страшные стоны и стрѣлой бросилась въ садъ.

Ларинъ лежалъ въ потокѣ крови съ разсѣченной шеей надъ плечемъ, съ изуродованнымъ лицомъ и только хрипѣлъ. Кириллъ стоялъ надъ нимъ истуканомъ съ большимъ топоромъ въ рукѣ. Увидя прибѣжавшую Маряшу, онъ будто пришелъ въ себя, вырвалъ топоръ, бросился ей въ ноги, ничкомъ и рыдая закричалъ:

— Маремьяна Андреевна, родимая! За васъ, за тебя, Маряша! Я все зналъ, что тутъ дѣялось. Не люби ты меня, не погубишь бы я его. А ужъ тутъ заодно. За тебя и за всѣхъ погибаю. Избавилъ отъ Чуркина. Обѣщай только, не забывай меня, когда уйду въ каторгу. Только поминай въ молитвѣ. Больше ничего не прошу.

И послѣ нѣсколькихъ мгновений молчанія застывшая отъ ужаса дѣвушка, стоявшая закрывъ лицо руками, чтобы ничего не видѣть, тихо и жалобно простонала:

— Кирюша, Кирюша...

Графъ Е. А. Салиасъ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ НАРОДНИКЪ.

Разсказъ.

ВЛАГОУХАННАЯ июньская ночь. Она набросила на землю свое таинственное, полное причудливыхъ тѣней, покрывало и дышитъ сладкой истомой и ароматомъ... И подъ ея дыханьемъ, словно очарованные, заснули и озеро, и лѣсъ, что сплошной разнолистой стѣной придвинулся къ самому озерному плёсу...

Такъ тихо, что малѣйшій шорохъ, малѣйшее сонное лепетанье обвѣянныхъ ночными грезами столѣтнихъ сѣдостволыхъ великановъ принимаетъ преувеличенные, далеко не соответствующіе дѣйствительной его силѣ размѣры...

Въ убогой пустынькѣ, что чисто по-русски, безъ всякаго ладу и складу, раскинулась по ребру крутобокой пріозерной горки, тоже ни звука. И туда благоуханная июньская ночь принесла съ собой миръ и покой. Угомонился старый ворчунъ игумень. Забылась сномъ праведнымъ изморившаяся за день на тяжелыхъ полевыхъ работахъ братія. Даже семидесятилѣтній о. Пимень, безсмѣнно вотъ уже двадцать лѣтъ отбывавшій «по послуху» должность ночного пустынскаго сторожа, — и тотъ не устоялъ предъ убаюкивающей лаской чаровницы-ночи: отзвонилъ «первое», отзвонилъ «второе», совѣмъ было собрался, благословясь, отзвонить и «третье», да вдругъ какъ-то нечаянно присѣлъ на ступеньку церковной паперти, зѣвнулъ во всю ширь своего беззубаго рта, почесался малость, досталъ изъ пазухи и немилосердно казнилъ лютаго пустынскаго ворога, клопакровопивца, а потомъ, для порядку, охнулъ раза съ два о грѣ-

хахъ человѣческихъ и... задремалъ. Такъ съ веревкой отъ сторожевого колокола въ рукахъ и задремалъ...

Тишь... Безмятежно застывшая въ сладкой истомѣ тишь...

И вдругъ среди этой тиши, среди этого благодатно разлитого вокругъ мира и покоя, звуки пѣсни.

«Тихо ночь надъ землей
Распустила свой покровъ»,—

пѣлъ гдѣ-то тутъ, на берегу озера, охваченный какимъ-то экстазомъ молодой, сильный, бархатный баритонъ.

«Все, что страдаетъ, ночь успокой!
Что увидаетъ,—влагой напой!»...

Дивная пѣсня. И не столько пѣсня, сколько пѣвецъ, сумѣвшій вложить въ пѣсню такъ много огня, такъ много своеобразнаго, невольно очаровывающаго своей непосредственной искренностью чувства.

Но кто же онъ? кто этотъ дивный полуночный Орфей, такъ неожиданно заставившій всколыхнуться все кругомъ?

Въ высокой степени заинтересованный, я осторожно, крадучись, спустился съ пустынской горки и едва завернулъ за острый, вдавшійся въ озеро, выступъ ея, какъ увидѣлъ въ челнокѣ, у обительской пристани, статную фигуру игуменскаго секретаря. Еще утромъ, тотчасъ же послѣ пріѣзда, я встрѣтилъ его въ игуменскихъ хоромахъ и получилъ такую характеристику: «Иванъ Петровичъ. Исключенный «за многоуміе» изъ шестого класса семинаріи. Отличный человѣкъ. Но... беспокойный, упрямый, строптивый... Слегка какъ будто бы «тово»... Одно слово: бѣсъ въ немъ сидитъ и точитъ, точитъ»...

— Т.-е., позвольте, какъ же это бѣсъ въ немъ сидитъ и точитъ, точитъ?—удивленно переспросилъ я.

— А такъ и сидитъ! А такъ и точитъ!—развелъ руками о. игуменъ.—Бѣсъ киченья и непокорливости, бѣсъ празднолобія и шатанія, гордости и суемудрія...

— Не понимаю.

— Не понимаете? А между тѣмъ, вельми просто и всеконечно такъ. Бродяга онъ, непосѣда, перекаати-поле послушникъ и филозофъ,—вотъ и все тутъ. Нигдѣ ужиться не можетъ: посидитъ недѣлю-другую,—и маршъ! отъ обители до обители... У меня вотъ который ужъ разъ привитаеть. Придетъ блѣдный, всклоченный, оборванный, заморенный, но всенепремѣнно съ цѣлымъ коробомъ книжекъ разныхъ... И не подумайте, что книжки какія нибудь душеполезныя и наставительныя: ну, житія тамъ что ли, евангеліе, путешествія ко святымъ мѣстамъ... какое! Такъ шушера разная, дребедень, болтовня мірская, иноку непотребная... Вотъ хоть бы те-

перъ. Сочиненія какого-то тамъ господина Чехова принесъ, потомъ еще какого-то Горькаго, Андреева... Вотъ тоже—«Бродячую Русь»... про разныхъ тамъ каликъ да скрытниковъ и другихъ шатуновъ... Известно: бродягѣ про бродячее и нравится... Пробовалъ я его не разъ вразумлять,—такъ куда тебѣ! Остервится,—и пойдетъ, и пойдетъ! И такую вѣдь, прости, Господи, философію разведетъ, что просто—на, поди! Весь спокой душевный кверху дномъ такъ и перевернетъ. Самъ же я въ концѣ концовъ и виноватъ оказываюсь: и невѣжда, и пустосвятъ, будто ужъ и родину не люблю, и другое тамъ прочее, совсѣмъ даже и неприличное... Ну, такъ и бросилъ, потому, сами изволите знать, пустынька наша бѣдная, захудалая, съ воды на квасъ перебываемся, и заниматься намъ такими словопреніями несуразными некогда: отправишь поскорѣе «еже указася»,—и маршъ на работу! Объ одномъ лишь теперь прошу, чтобы онъ среди братіи этихъ пустыхъ книжонкъ читать не изволилъ, а читалъ бы самъ про себя да уходилъ бы съ ними подальше куда нибудь—въ лѣсъ или тамъ въ поле... Ну, и уходитъ: отработаетъ у меня въ канцеляріи, книжку подъ мышку—и былъ таковъ! Гдѣ нибудь, подъ сосной или во ржи, сядетъ—и читаетъ, и читаетъ... И что вѣдь удивленія достойно: при всемъ такомъ своемъ бѣсовскомъ суемудріи къ богослуженію вельми рачителенъ, уставщикъ и канонархъ такой, что я, не повѣрите, во всю жизнь свою такого и не слыхивалъ и не видывалъ: запоетъ—и самъ плачетъ, и у другихъ слезы умиленія источаетъ. Хорошо поетъ—и вразумительно, и усладительно. Очень хорошо поетъ... А ужъ про письмоводство я и не говорю: въ двѣ-три недѣли всю мою махинацію такъ подведетъ, что комаръ носу не подточить. И отчетъ, и прошеніе какое, и судебную отвѣдь—разъ, два, и готово. И всегда правильно, чокъ въ чокъ... И если бы не философія его,—цѣны человѣку не было бы. Ну, а такъ... пропацій, совсѣмъ, какъ есть пропацій... Сосетъ его бѣсъ-то, тянетъ, въ пучину прелестей мірскихъ толкаетъ. А онъ не понимаетъ. Известно: умъ за разумъ зашелъ... Чѣмъ бы вотъ съ бѣсомъ-то, какъ святые отцы указали, въ борьбу вступить, въ постѣ да въ молитвѣ успокоенія искать,—онъ ярится, мятется... Поди, опять ужъ лыжи навастриваетъ. Онъ всегда такъ: отдышитесь, оправится—и поминай, какъ звали! прямо къ бѣсу на рога... Вотъ и теперь жду: скоро, должно, тронется, потому уединяться сталъ, задумываться, отъ ѣды отбился, ночей не спитъ. А это ужъ примѣты вѣрныя: не разъ подмѣчалъ...

Я заинтересовался и тогда же далъ себѣ слово непременно познакомиться съ этимъ исключеннымъ «за многоуміе» изъ шестого класса семинаріи «филосѳомъ».

И вотъ теперь онъ предо мной. Стоитъ въ челнокѣ во весь свой гигантскій ростъ, голова запрокинута, глаза немигаючи

установлены въ небо, правая рука со скуфейкой застыла въ воздухѣ. И мнѣ показалось, что онъ плачетъ. Тихо, восторженно, не замѣчая своихъ слезъ, плачетъ. вмѣстѣ съ послѣдними, замиравшими гдѣ-то высоко-высоко, звуками пѣсни плачетъ...

Я кашлянулъ.

Иванъ Петровичъ вздрогнулъ, обернулся и, увидѣвъ меня, торопливо набросилъ скуфейку на голову, соскользнулъ съ челнока и со словомъ «простите!» хотѣлъ было пройти мимо.

— Я вамъ, кажется, помѣшалъ?—остановилъ я его.

— Ахъ, нѣтъ... что вы! — сконфуженно пробормоталъ онъ въ отвѣтъ.

— Это вы сейчасъ пѣли?

— Да, я.

— Хорошо вы поете.

— А ужъ не обезсудьте,—какъ умъю...

Наступило неловкое молчаніе.

Иванъ Петровичъ, видимо, стѣснялся и подѣ тѣмъ или инымъ предлогомъ собирался удрать отъ меня.

Изъ-за пазухи полукафтаныя я замѣтилъ выглядывавшій уголокъ какой-то книги. Рѣроятно, одна изъ «иноку непотребныхъ»,—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Скажите, вы спѣшите куда нибудь?

— Да... нѣтъ...—замаялся было Иванъ Петровичъ, но потомъ, глянувъ на меня, чему-то улынулся и уже спокойно и увѣренно, совершенно другимъ тономъ проговорилъ:

— Т.-е., видите ли, мнѣ, говоря откровенно, вполне безразлично. Спать все равно я не могу.

— Вотъ и отлично. Я тоже спать не могу. Такъ сядемте да поговоримте!..

Сѣли. Я на кормѣ челнока, а онъ на средней лавочкѣ-перекладникѣ.

— Скажите, вы давно въ обители?

— Я? Нѣтъ. Всего двѣ недѣли. Я, знаете, временно здѣсь.

— Т.-е. какъ это «временно»?

— А такъ и временно. Да вамъ игуменъ, поди, ужъ достаточно расписалъ меня! Ну, такъ вотъ: «бродяга я, непосѣда и филозѳъ»—потому и временно.

Признаться, такое прямое заявленіе моего собесѣдника о своей собственной персонѣ поставило меня нѣсколько втупикъ. Я раздумывалъ: «Что это — рисовка? Или же сей мужъ киринейскій и въ самомъ дѣлѣ — человѣкъ прямой и эquivoками говорить и не любить и не умѣеть?» Во всякомъ случаѣ, благодаря этому заявленію, задача моя значительно упростилась, и я рѣшилъ широко воспользоваться благопріятнымъ моментомъ.

— Положимъ, игумень кое-что, дѣйствительно, говорилъ мнѣ. Такъ вѣдь мало ли что онъ говоритъ?

— Ну, нѣтъ-съ! На этотъ разъ будьте спокойны: все, рѣшительно все, до «бѣса суемудрія» (о которомъ вамъ о. игумень тоже, вѣроятно, говорилъ) включительно,—все въ нѣкоторомъ родѣ правда.

— Какъ?! Вы хотите, чтобы я цѣликомъ принялъ за истину эту глупую басню о вашемъ близкомъ знакомствѣ съ различнаго рода бѣсами?!...

— Совсѣмъ не то. Я хочу только сказать, что о. игумень съ своей точки зрѣнія въ нѣкоторомъ родѣ правъ. Вы не забывайте, что вѣдь здѣсь монастырь, и что кругъ воззрѣній монастырскихъ на нѣкоторыя вещи нѣсколько отличается отъ такового же мірскаго. Вѣдь по-вашему, по-мірскому, что такое, положимъ, любостяжаніе? Любостяжаніе есть то-то и то-то. Порокъ такой-то и такой-то, и происходитъ онъ отъ того-то и отъ того-то. Все ясно и опредѣленно, и никакой тутъ чертовщинѣ мѣста нѣтъ. Ну, а по-монастырскому это нѣсколько иначе. Любостяжаніе, положимъ, трактуется такъ же, но виновникомъ его почитается бѣсъ: это онъ овладѣваетъ людскою душою, это онъ толкаетъ ее на этотъ скверный путь, искушаетъ, прельщаетъ. Такъ и со всякой другой страстью. Все это дѣло бѣсовъ разнаго ранга и положенія. И не подумайте, что бѣсъ здѣсь не болѣе, какъ метафора. Нѣтъ-съ, нисколько. Здѣсь разумѣется настоящій, доподлинный бѣсъ, который только и дѣлаетъ, что ходитъ кругомъ людей и на каждомъ шагу старается подставить имъ ножку. Вѣдь этихъ бѣсовъ легионы. Вѣдь ими кишмя кишитъ и воздухъ, и озеро, и лѣсъ. Есть бѣсъ «глубинный». Есть бѣсъ «полуденный», «сотрясаяя», «змѣевидный», «звѣроличный», «яко пара», «нощеглагольникъ», «отъ езера», «отъ трости», «при двупутіихъ», «при трепутіихъ», «аще по случаю срѣтился еси» и проч. и проч. И знаете что? Ничего въ этомъ такого, чему нельзя было бы повѣрить, нѣтъ, ибо бѣсъ-то вѣдь все-таки существуетъ, и онъ вредить можетъ людямъ на разныхъ мѣстахъ, въ разное время и принимая самыя разнообразныя формы, о чемъ ясно и опредѣленно говорятъ намъ и Слово Божіе, и наши богослужебныя книги. И я это признаю точно такъ же, какъ признаетъ это и о. игумень. И вотъ съ этой-то, особой, монастырской точки зрѣнія я, послушникъ, живущій въ монастырѣ, носящій монашескую одежду, обязанный неукоснительно исполнять весь распорядокъ монастырскаго «житія» и безъ возраженій, со смиреніемъ, раздѣлять весь кругъ монастырскихъ воззрѣній на міръ и «яже въ мірѣ», но не только не исполняющій и не раздѣляющій всего этого, а еще одержимый страстью шатанія, критическаго отношенія къ старшимъ и жгучаго любопытства къ событіямъ и интересамъ внѣмонастырской мірской жизни, несомнѣнно

одержимъ бѣсомъ. И даже не однимъ бѣсомъ, а цѣлой серіей бѣсовъ, изъ коихъ одинъ другого мерзопакостнѣе. И это худо. Это — проклятіе всей моей жизни, источникъ всѣхъ моихъ горестей и невзгодъ. Но не могу я, не могу!.. Слабъ... силы нѣтъ порвать со всѣмъ тѣмъ, что кругомъ меня и во мнѣ самомъ кишитъ и бурлитъ, точно море какое... Помните... какъ это?

«Кто такъ устроилъ, что страсти могучи?»

«Кто такъ устроилъ, что воля слаба?»...

— О-го-го! Да вы, батенька вы мой, не только пѣвецъ-поэтъ, но и мистикъ-богословъ?

— Да я богословъ и есть. Развѣ вамъ о игуменѣ не говорилъ, что я изъ шестого класса семинаріи «за многоуміе» исключенъ былъ?

— Какъ же, говорилъ. Но только скажите, пожалуйста, неужели это правда: «за многоуміе»?

— Разумѣется, правда.

— Но... какъ же это? Вѣдь это... нелѣпость какая-то! Вѣдь это... хм...

— А очень просто. Я уже вамъ сказалъ, что я одержимъ бѣсомъ жгучаго любопытства, или, какъ вы тамъ называете, «любопытности», что ли. Ну, такъ нужно вамъ знать еще, что пагубная страсть сія проявилась во мнѣ очень рано и проявилась, при томъ, для питомца богословскаго «вертограда» въ очень некрасивой и предосудительной формѣ: въ неудержимомъ стремленіи доставать всяческими путями и тайкомъ, по ночамъ, поглощать разныя и вовсе не богословскія книжонки. А это уже продерзость и вообще, а для семинара прямо-таки «мечъ погубительный и жупель геенскій». И въ этомъ-то вся и заковыка... Былъ у насъ, видите ли, одинъ помощникъ инспектора. Юркій такой и не въ мѣру зудливый. За многократное и неудачное сватовство мы его звали «марьяжъ при пиковомъ интересѣ»... Такъ вотъ сей зудливый «марьяжъ» и накрылъ меня однажды за чтеніемъ «Подлиповцевъ». Разумѣется, — гвалтъ. Чернокнижіе и основъ потрясеніе, и развратъ, душевредный и грѣхопадению подобный развратъ...

Пустились въ обыскъ и—о ужасъ!—въ дополненіе къ «Подлипцамъ» нашли въ сундучишкѣ моемъ и Добролюбова, и Писарева, и Щедрина, и еще кое-что, егоже касатися намъ зѣло возбранно было... Ну, и... выгнали... съ тройкой по поведенію выгнали... Да, еще на всю жизнь ярлыкъ прилѣпили «за многоуміе». Точно Каиново клеймо какое, грозное, страшное и... обидное.

Иванъ Петровичъ понурился и замолкъ. Рѣзкая складка легла между бровями, а на открытое и выразительное лицо его, точно тѣнь какая набѣжала и скользить по нему судорожная, мучи-

тельная. Очевидно, Ивану Петровичу было очень больно вспоминать все только что рассказанное.

Помолчали.

— Ну, и что же потомъ?—не утерпѣлъ и спросилъ я.

— Что потомъ?—очнулся мой собесѣдникъ.—А потомъ и пошло, и поѣхало! Все ниже и ниже, все хуже и гаже... А, впрочемъ, почему знать? Можетъ быть, все это и къ лучшему? Можетъ быть, теперешнее мое положеніе несравненно лучше многихъ? Можетъ быть, мнѣ даже... завидуютъ? а? Развѣ не можетъ этого быть? а?.. Свободенъ, какъ вѣтеръ, ничѣмъ не обремененъ, пѣвецъ, «философъ»... чего же еще больше? Какой другой формулярный списокъ сравняться можетъ? Ха-ха-ха-ха-ха!..

Разсмѣялся Иванъ Петровичъ, но смѣхъ вышелъ какой-то нехорошій, надтреснутый. Смѣется, а у самого слезы на глазахъ, горемъ и обидой вымученныя слезы...

Опять помолчали.

— Потомъ, — немного погодя и потряхнувъ головою, словно отгоняя невеселыя думы, началъ онъ вновь и уже съ прежней улыбкой, — началась опера подъ заглавіемъ «Странствія Владычня». Сначала, сгоряча принялся было за книги: рѣшилъ поступить въ университетъ, но скоро уразумѣлъ, что въ сей лучезарный храмъ науки такихъ оборотовъ, какъ я, съ тройкой по поведенію и съ Каиновымъ клеймомъ на челѣ не пускаютъ, а потому бросилъ. Въмѣсто университета поступилъ писцомъ въ казенную палату. Съ черна на бѣло переписывать сталъ. И цѣлыхъ два года такъ переписывалъ. Успѣховъ въ каллиграфіи достигъ изумительныхъ. Мнѣ даже повышеніе за это сулили: съ 15 рублей въ мѣсяцъ хотѣли на 20 перевести, но я самъ великодушно уклонился отъ такой высокой чести, ибо дальше переписывать «согласно такого-то отношенія за такимъ-то номеромъ отъ такого-то числа такого-то мѣсяца и года честь имѣемъ увѣдомить о томъ-то и о томъ-то» стало неумоготу. Опротивѣло. Да и тупѣть, чувствую, сталъ... Перешелъ въ казначейство. Тамъ еще хуже. Цифры, цифры и цифры. И маленькія и большія, и красными чернилами и черными, и вдоль по книгѣ ползутъ и поперекъ... Просто ужасъ! Башка кругомъ пошла... Сбѣжалъ было въ полицію, но устранился и со страху качнулъ на почту. Здѣсь квитанціи писалъ и штемпеля на письма клалъ. Дѣло немудреное, мозговъ не сушитъ, но... Господь съ нимъ!.. Бросился въ статистики. Тутъ мнѣ понравилось, и тутъ я, знаете, первую склонность къ бродяжеству получилъ. Хорошее дѣло: ходить изъ деревни въ деревню, отъ двора ко двору, отъ Ивана къ Петру, отъ Мавры къ Василисѣ. Справишь поскорѣе казенное дѣло—и маршъ въ разговоры съ нашимъ русскимъ мужичкомъ! И чего-чего только я не наслушался! Чего-чего не наглядѣлся! Поучительная, знаете, картина и въ общемъ—

очень-очень невеселая... Представьте: тьма, густая, непробудная и страшная тьма. И въ этой тьмѣ копошатся какія-то инфузоріи, и Богомъ и людьми забытыя. Ихъ не видно, а только слышно, какъ онѣ гудятъ. Безтолково, нелѣпо гудятъ, точно шмели передъ дождемъ. Изъ общаго нестройнаго хора порой стонъ выдѣлится, ноющая, сосущая пѣсня прокатится, какъ будто намекъ на что-то умное раздастся... Раздастся — и оборвется пьянымъ разгульнымъ гикомъ и завываньемъ. И все это во тьмѣ. И нѣтъ силъ выбиться изъ нея... Бррр... Нехорошо. Такъ плохо, что съ души тянется... Уйти бы! Далеко, далеко уйти бы! Такъ вѣдь куда уйдешь? Некуда... Да и при томъ то разсудить: зачѣмъ уходить? Хорошо ли уходить? честно ли? Вѣдь эти инфузоріи-то — наши кровные братья, наши русскіе мужички-сѣрячки. И не уходить отъ нихъ нужно, а напротивъ — итти къ нимъ. Всѣмъ итти, кто знаетъ что нибудь, можетъ научить чему нибудь, можетъ хотя сколько нибудь всколыхнуть и прогнать эту тьму, эту ужасную, непроглядную тьму. Я такъ вотъ и разсудилъ: несмотря на позывъ уйти, не ушелъ, а остался... И съ тѣхъ поръ вотъ все и хожу, и брожу... Тамъ, во тьмѣ, отъ инфузоріи къ инфузоріи брожу...

— И давно вы такъ бродите?

— Да ужъ порядочно: годковъ съ десятокъ будетъ.

— И все отъ обители до обители?

— Ну, нѣтъ. Отъ обители до обители я недавно сталъ бродить: годовъ съ пять не болѣе. Раньше же въ мірскомъ обликѣ былъ: въ поддевкѣ и косовороткѣ. На манеръ, значить, того, какъ теперь Максимъ Горькій съ своими подмаксимовиками для чего-то щеголяетъ...

— Что же васъ заставило перемѣнить свой обликъ?

— А такъ, знаете, полоса тутъ у меня такая вышла. Постыдная, позорная полоса... Случилось мнѣ быть въ одномъ захолустномъ расейскомъ городишкѣ. Одновременно же со мной тамъ лицевѣйствовала одна бродячая труппа актерская. И вотъ однажды, въ такую же вотъ теплую и ароматную ночь, эта труппа кутила за городомъ, на берегу рѣки. Тутъ, неподалеку, и я былъ: рыбу удилъ съ однимъ дьяконовскимъ сыномъ. Вотъ сидимъ мы и слушаемъ, какъ подвыпившіе актеры бурлятъ. Несуразно такъ, безтолково. Пискъ бабій раздается... Ну, и все бы ничего, если бы не пѣсня. Вздумали они, видите ли, пѣсни попѣть. Тутъ ужъ я и не выдержалъ: переждалъ, пока ихъ нескладная пѣсня не замолкла, да и гаркнулъ свою, большую, мужицкую, тоской да слезами перебитую... Гляжу — нѣ: летятъ ко мнѣ... окружили... руки жмутъ... цѣловаться лѣзутъ... Перетащили къ себѣ. Просятъ еще что нибудь спѣть. И я имъ пѣлъ, много пѣлъ... Въ результатѣ — самъ въ труппѣ очутился, въ пыли и грязи захватанныхъ кулисъ, среди мишуры и пьянаго, развратнаго прозябанья. Противно было, а

вотъ не ушелъ таки: цѣлыхъ два года лавры по захолюстямъ пожиналъ. И не потому, что лавры эти мнѣ нравились, что я повѣрилъ вдругъ въ свое призваніе служить святому искусству и изъ-за этого искусства примирался со всею низостью и подлостью обстановки,—совсѣмъ нѣтъ. Гораздо проще и куда дешевле... Была, видите ли, въ труппѣ одна бабенка такая. И вотъ эта бабенка околдовала меня и потянула за собой: куда она—туда и я. Точно ракъ съ клешней. Извѣстно: молодъ былъ. Повѣрилъ я. Да и не испорченъ еще былъ. Привязался, всей душой привязался. А тутъ кровь заговорила, во вкусъ бабьей ласки вошелъ... Ну, и путался... А такъ какъ путаться среди грязи да копотѣ трезвому невозможно, то я пить научился. Сначала немного, а потомъ все больше и больше. Въ результатѣ—въ больницѣ очутился, потому до горячки допился, до чертиковъ, или, какъ тамъ у насъ въ труппѣ говорили, «до умертвія Иродова»... На этомъ и кончилась моя артистическая карьера. Одумался я въ больницѣ-то, очнулся. Глянулъ на себя—и ахнулъ: до какого безобразія дошелъ. Ну, и бросилъ: и лавры бросилъ, и водку съ табакомъ бросилъ, и кралю бросилъ.

— Съ этихъ поръ и пошли по обителямъ?

— Да, съ этихъ поръ и пошелъ... Въ больницѣ познакомился я, видите ли, съ однимъ старичкомъ. Хорошій былъ старичекъ, царство ему небесное! Душевный такой... Те да се—разговорились. Я ему свою судьбину поразказалъ, а онъ—свою. Тоже изъ духовныхъ оказался. И такой же горемыка, непосѣда и «филозофъ», какъ и я. Разница только въ томъ, что я изъ шестого класса полетѣлъ, а онъ изъ второго, я въ университетъ готовился сдуру, а онъ—нѣтъ, я въ актеряхъ подвизался, а онъ—тоже нѣтъ: въ другомъ, знаете, свое житіе изживалъ. Да еще та была отличка: старше былъ, опытнѣе. Что я тогда переживалъ, онъ ужъ давнымъ давно пережилъ. И кралю тоже пережилъ: и у него была... Оказалось, такимъ образомъ, полнѣйшее совпаденіе и въ характерахъ, и въ главнѣйшихъ жизненныхъ буряхъ, разразившихся надъ нашими одинаково бездомовными головами... Подружились. А подружившись да починившись, вмѣстѣ и отправились: онъ въ Кіевъ на богомолье, и я съ нимъ, онъ въ Москву—и я туда же. По примѣру его и въ полукафтаны одѣлся. Хорошо въ немъ, въ полукафтаны-то, знаете! Народъ больше довѣрія имѣетъ. Да и вольготнѣе: расходовать меньше. А эта статья въ моемъ положеніи тоже не послѣдняя: нужно и на чай, и на сахаръ, и на книжки... Безъ книжекъ-то вѣдь тоже не обойдешься. Вѣдь смерть безъ книжекъ-то. Не могу я безъ книжекъ-то...

— А гдѣ же вы на нихъ капиталы достаете?

— Гдѣ капиталы достаю? А работаю. Я вѣдь въ монастыри-то только на отдыхъ хожу, а самъ все больше по деревнямъ, по му-

жичкамъ да мастеровымъ разнымъ околачиваюсь. Въ тѣмъ и сѣни смертѣй... Ну, случается, и у священника сельскаго поживешь. У дьякона, псаломщика... Придешь въ деревню-то, а тамъ работы-то сколько вѣдь хочешь. Только работай. Тамъ дровецъ наколешь, тамъ сѣно скопнать пособишь, съ ребятами поняньчишься, требу со священникомъ, вмѣсто дьячка, отправишь. А зимой ребятъ учишь. Наберется другой разъ человѣкъ съ десять, съ пятнадцать. Вотъ и сидишь съ ними гдѣнибудь чуть ли не на краю свѣта, въ какойнибудь Обдираловкѣ, и вливаешь въ ребячьи головы эликсиръ просвѣщенія. Вѣдь школѣ-то у насъ, особливо по окраинамъ, по медвѣжатникамъ да по темнымъ мѣстамъ, разъ-два, да и обчелся. Вотъ и помогаешь, и стучишь въ тѣмъ-то кромѣшной. Анъ на душѣ-то и хорошо... И люблю я это, люблю. Особливо вечера зимніе. Заберешься въ какуюнибудь хату, раскроешь книжку да и читаешь, и читаешь. Кругомъ мерзко, вонько. Тулупомъ, рѣдкой да позе-момъ припахиваетъ. Керосинка-коптилка мигаетъ. Но ничего этого не замѣчаешь. Однѣ головы видишь. И старья и молодья, и лысыя, и съ копной нечесаныхъ волосъ, они обступили кругомъ, слушаютъ... напряженно слушаютъ, силясь понять что-то, усвоить... Воодушевишься,—объяснять пустишься: тьма-то, глядишь, и колыхнется. Лучъ солнышка въ ней блеснетъ и заиграетъ дѣтской наивной улыбкой на замореныхъ, землистыхъ лицахъ. А ужъ коли разъ онъ блеснулъ, то и въ другой заглянетъ: это вѣрнѣе вѣрнаго. Приглядѣлся я къ этому и знаю. Ну, конечно, и благодарятъ. Хорошо, душевно благодарятъ крестьяне-то. А я все приберегаю. Каждую копейку крестьянскую, хребтомъ да горбомъ добытую, откладываю. А потомъ, накопишь сколько нужно, — и маршъ въ городъ за товаромъ, за новой пищей для деревни...

— Какія же вы книжки для деревни покупаете?

— Вопросъ, знаете, мудреный и больной, потому нѣтъ еще у насъ книжекъ для народа хорошихъ. Ну, да ничего: выбирать приходится, копать... Облазаешь всѣ книжные магазины, перероешь, такъ кое-что и наберешь. Тамъ частичку религиозно-нравственныхъ выудишь, здѣсь по географіи, по естественной исторіи, по ремесла разнымъ...

— Ну, а Максима-то Горькаго, а Андреева-то... «Бродячую Русь»-то Максимова вы тоже читаете народу?

— А ужъ вамъ и про это сошпіонилъ о. игуменъ?

— Признаюсь, сошпіонилъ.

— Максима Горькаго цѣликомъ, конечно, не читаю, а выборки тоже дѣлаю. У него вѣдь есть чудныя и глубокопоучительныя вещи, и правдивыя, народныя. Это я по своему бродяжескому опыту знаю: не разъ приходилось встрѣчать на жизненномъ пути и Костылевыхъ разныхъ, и Васекъ Красныхъ, и Обѣдковъ, и Полтора-Тарасовъ... Да и самъ-то вѣдь я въ нѣкоторомъ родѣ тоже

одинъ изъ «бывшихъ людей», хотя нѣсколько и на другомъ маслѣ. Одно слово—«философъ»... Что же касается «Бродячей Руси» Максимова, то эта книжка, признаться, всегда со мной, и вліяніе ея на народъ преогромное. Вотъ тоже «Сибирь и каторга», рассказы Чеховскіе...

— А скажите, пожалуйста, вамъ съ типами «Бродячей Руси» Максимова тоже, конечно, приходилось сталкиваться? Вотъ со «странниками», напримѣръ, или съ другими какими «людьми Божиими»?

— А то какъ же! Развѣ ихъ мало по нашимъ деревнямъ? Сколько угодно... И странники, и хлысты, и поморцы, и штунда... Я даже въ Закавказьѣ у духоборовъ былъ. У молоканъ, у скопцовъ... И знаете, что? Все это тотъ же самый русскій мужичекъ-сѣрячекъ. И тьма та же, и убожество то же. И ничего-то въ нихъ нѣтъ ни страшнаго, ни ужаснаго. Люди—какъ люди. Такіе же Мироны, такіе же Павлы, Акулины, Митродоры...

— Ну, однако, вѣдь среди ихъ изувѣры же есть?

— Есть. Я про это и не спору. Но вѣдь это, во-первыхъ, въ большинствѣ случаевъ—единицы, и общая масса тутъ ни при чемъ, а, во-вторыхъ, проявленіе все той же самой общерассейской народной тьмы, которая въ расколѣ-то еще гуще, еще непрогляднѣе, чѣмъ гдѣ либо. А кого же въ отдѣльности и какъ же казнить за эту тьму? Да и казнью развѣ поможешь? Нисколько. Люди только еще глубже уйдутъ въ свою темную, полную безобразныхъ фантомовъ ячейку. Уйдутъ озлобленные, обиженные, отверженные, съ разбитой вѣрой въ людскую правду и сердечную ласку. И тогда ужъ ихъ еще труднѣе будетъ выволить изъ ихъ навозной гущи. Нѣтъ, тутъ не казнь нужна, не гоненье, а ласка и братская готовность прийти на помощь къ этимъ заблудившимся и затерявшимся во мракѣ ночи людямъ. Нужно не страшиться ихъ, не отвергиваться отъ нихъ, не насмѣхаться надъ ними, а итти къ нимъ, итти смѣло, открыто, не съ камнемъ, а съ любовью и съ всепобѣждающимъ словомъ просвѣщенія. И будьте увѣрены, что ваши труды не пропадутъ даромъ: они растопятъ холодную, вѣками накопившуюся отчужденность, разобьютъ грубую и мерзкую кору невѣжества. Вѣдь подъ этой корой-то, подъ этимъ ядовитымъ налетомъ-то, тамъ, на днѣ, въ намозоленныхъ сектантскихъ грудахъ, бьется такое же въ существѣ дѣла, какъ и у насъ съ вами, человеческое сердце,—доброе, отзывчивое, жаждущее и свѣта и тепла. Вѣдь прислушайтесь къ нимъ, къ этимъ по-вашему «изувѣрамъ», когда они поютъ, положимъ, свои ниспадшіе съ неба роспѣвцы. Боже мой, да развѣ могутъ такъ пѣть совсѣмъ, въ конецъ испорченные люди! Вѣдь тутъ, что ни слово, что ни вздохъ, то—порывъ, страстный, щемящій душу порывъ къ добру и вѣковѣчной истинѣ. Помню, сидѣлъ я однажды, съ однимъ

странникомъ изъ хлыстовъ на берегу одной рѣчки, недалеко отъ его пустыньки. Кругомъ лѣсъ на многіе десятки верстъ, угрюмый, таежный, полный таинственныхъ призраковъ лѣсъ. Разговоръ какъ-то не клеился: перекинемся словцомъ, другимъ—и стопъ, молчаніе. Опять словцомъ, другимъ—и опять молчаніе. Не подумайте, однако, что какое-то неловкое молчаніе,—натянутое, сторожкое, кисло-выжидательное. Нѣтъ, просто такъ молчаніе, да и все тутъ. Мысли роились, образы рѣяли... дѣла давно минувшихъ дней вспоминались... Хорошее молчаніе... И вотъ въ одно изъ такихъ молчаній мой собесѣдникъ сначала тихо, какъ будто про себя, а потомъ, все громче и громче, постепенно увлекаясь и воодушевляясь, запѣлъ:

«О любовь, любовь,
Ты сладчайшая,
Твоя силушка величайшая!
Ты—виновница
Всѣхъ спасаемыхъ...
О любовь, любовь,
Любовь чистая,
Умножаешься,
Разливаешься,
Чтобъ всѣхъ плѣнить,
Въ себѣ помѣстить!...
Ты течешь, любовь,
Въ сердце Божіе,
Вопіешь, любовь:
Я одна чиста,
Дочь небесная;
Красотой моею
Полны небеса;
Всѣ мною живутъ,
Всѣ міры міровъ...
Разливаюсь я,
Вода Божія,
Напою я
Души праведныхъ»...

Такъ вѣдь это что было? Вѣдь этого словами не передашь! Молитва какая-то, чудная, проникновенная, словно пламя, но не палящее, а лишь согрѣвающее. И ширь-то, ширь-то какая, образы-то какіе! Взмахъ-то, полетъ-то какой!..

— Да, хорошо. И вы много знаете такихъ распѣвцевъ?

— Много. У меня ими цѣлыя тетрадки исписаны. Я вѣдь въ своемъ родѣ тоже собиратель: понравится гдѣ что, — я сейчасъ и запишу...

— Отчего же вы своихъ наблюденій не обработаете да не издадите?

— А страшно, знаете, какъ-то, боязно. Вѣдь «писатель» — вѣдь это святое слово. Вѣдь звать нужно, будить, къ свѣту вести... А гдѣ же мнѣ съ суконнымъ-то рыломъ?

— Напрасно, и даже очень напрасно. Съ ворохомъ вашихъ наблюденій вы, несомнѣнно, громадную бы пользу могли принести, ну, вотъ хотя бы этимъ же самымъ «странникамъ». А быть духовенства? А ваши бесѣды съ мужичками? А встрѣчи съ такими же вотъ горемыками, какъ вы? Да вѣдь это, батенька вы мой, цѣлая поэма, своеобразная, колоритная и, я думаю, глубоко поучительная...

— Не знаю. Не пробоваль...

— А вы попробуйте. Худа не будетъ.

Иванъ Петровичъ задумался. По его нервному, выразительному лицу, озаренному уже багрянцемъ утренней зорьки, скользили какія-то свѣтлыя тѣни. Онъ то расширялъ глаза, то суживалъ, но ничего, видимо, ими не видѣлъ, ушедши весь внутрь, въ какіе-то сокровенные тайники своего незауряднаго существа.

Глядя на него, задумался и я. Задумался надъ тѣмъ, что вотъ вѣдь предо мной несомнѣнно цѣльная и глубоко честная натура, талантъ. И этотъ талантъ пропадаетъ. И сколько такихъ талантовъ безслѣдно и безвозвратно пропадаетъ по всему необъятному лицу земли Русской! Горько и обидно. Тѣмъ болѣе обидно, что вмѣсто подобныхъ талантовъ, вмѣсто этихъ истинныхъ «званныхъ» изъ всѣхъ щелей такъ и ползутъ на свѣтъ Божій, нахально, съ циничной развязностью ползутъ какія-то каракатицы, какіе-то уроды, выродки духовные...

Тѣмъ временемъ выглянуло солнышко. Цѣлый снопъ игривыхъ лучей, сверкнувъ по озерной глади, ударилъ въ лицо задумавшагося Ивана Петровича и разбудилъ его. Онъ вздрогнулъ, поднялъ голову, вскочилъ на ноги и весь точно преобразился: радостный и самъ весь сверкающій стоялъ онъ предо мной съ снятой скуфейкой въ рукѣ.

— Боже мой, Боже мой, посмотрите кругомъ-то, какъ хорошо!— заговорилъ онъ восторженно.—Вѣдь это что? Вѣдь это—алтарь Божій. Вѣдь тутъ, вотъ здѣсь, кругомъ, и на озерѣ, и въ лѣсу, и въ воздухѣ, каждая былинка, каждая песчинка курится ароматомъ, молясь по-своему своему Богу и Творцу... А солнце-то, солнце-то! Точно чаша золотая, полная животворныхъ Тайнъ Христовыхъ!.. А птички-то, птички-то!.. Господи!..

Въ это время гулко пронесся въ воздухѣ ударъ монастырскаго колокола: зазвонили къ утренѣ...

Иванъ Петровичъ торопливо сорвался съ мѣста и зачистилъ:

— Ахъ, Ты, Господи, вѣдь ужъ и ночь прошла... Какъ скоро... Простите, просите! Нужно спѣшить: умыться, оправиться, а потомъ къ о. игумену и къ утренѣ... Простите!..

И въ слѣдующій моментъ его высокая статная фигура уже скрылась за острымъ выступомъ приозерной горки...

Почти слѣдомъ за нимъ отправился и я, но не въ церковь, а спать. Проснулся я поздно, часовъ въ двѣнадцать. Оказалось, что

о. игумень уже разъ присылалъ за мной, но тревожить не велѣлъ. Я поспѣшилъ...

— А вы знаете что?—встрѣтилъ меня почтенный старецъ, усаживаясь рядомъ со мной за чайный столъ.

— Что?

— Вѣдь «филозѳъ»-то скрылся!

— Иванъ Петровичъ?!—изумленно переспросилъ я.

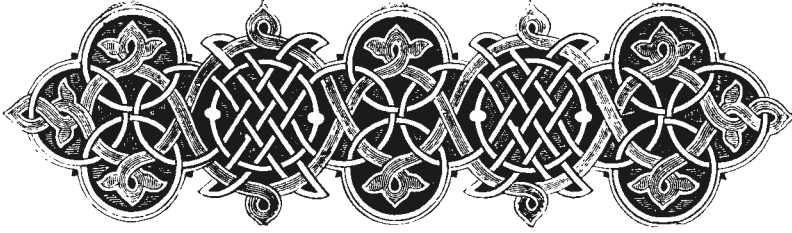
— Да-да-да, онъ самый... Послѣ утрени бацъ ко мнѣ! Стоить блѣдный, трясется весь... «Что,—спрашиваю,—тебѣ?» — «Благословите, говорить, о. игумень, въ путь-во дороженьку». — «Куда такое собрался?»—«А на Соловки, говорить, пойду. Пора мнѣ пришла. Не могу я больше. Пора»... Я такъ и сѣлъ. «Да подожди, говорю, немного! Вѣдь у меня о. благочинный скоро будетъ. Вѣдомости нужно писать». — «Какъ хотите, говорить, не могу, не могу и не могу!»... Такъ вѣдь и ушелъ. Забралъ свои книжонки и ушелъ... Ну, не сумасшедшій ли, не «филозѳъ» ли, скажите на милость?..

О. игумень даже сплюнулъ отъ негодованія и потомъ, немного погодя, принимаясь за остывшій стаканъ чая, убѣжденно проговорилъ:

— «Филозѳъ». Всеконечно и всенепремѣннѣйше «филозѳъ»...

Д. М. Березкинъ.

«ЦАРИ» ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

В ОДНОМЪ изъ уѣздовъ Псковской губернии расположено нѣкогда барское и благоустроенное имѣнiе, нынѣ переходящее изъ однѣхъ владѣльческихъ рукъ въ другія въ цѣляхъ чисто спекулятивныхъ. Одни владѣльцы выручали затраченныя при покупкѣ имѣнiя деньги на лѣсъ, оставляя за собой землю даромъ; другіе выручали тѣ же деньги на продажѣ отдѣльныхъ участковъ, оставляя въ свою пользу прочіе участки съ усадьбой, и т. д.

Многочисленныя и весьма доходныя статьи въ имѣнiи объясняются тѣмъ, что оно долгое время не выходило изъ рукъ богатой фамиліи, исчезнувшей въ этомъ краѣ вскорѣ послѣ освобожденiя крестьянъ отъ власти помѣщиковъ. Въ настоящее время не только купцы и евреи, но и простой мужикъ покупаетъ землю и лѣсъ отдѣльными участками изъ барской усадьбы.

А было время, когда мужики и помыслить не смѣли о покупкахъ барской земли и съ трепетомъ обходили усадьбу, пугая дѣтей именемъ господъ.

Множество рассказовъ, не безъ прикрасъ и вымысловъ, сохранилось до сихъ поръ въ народѣ объ исторіи оскуднѣнiя барской латифундiи въ связи съ возникновенiемъ своеобразныхъ «царей» среди крестьянъ Псковской губернии.

— Нельзя было и не бояться стараго барина, — говорятъ крестьяне. — Дѣды сказывали, что громаднѣйшаго роста и силы онъ былъ. Собирались и убивать его, да гдѣ же? Нашелся смѣлый

одинъ, а увидѣлъ его и не съ мѣста... А баринъ какъ гайнетъ на него: «Мерзавецъ, запорю!», такъ у малаго и топоръ вывалился изъ рукъ... Любилъ онъ розгами наказывать виноватыхъ. Барщина заканчивалась обыкновенно розгами... Виновные каждую субботу ложились на землю вокругъ пруда передъ окнами конторы и ждали выхода господина. Съ его появленіемъ начиналась лупцовка крестьянъ и продолжалась до тѣхъ поръ, пока барину хотѣлось. А послѣ розогъ онъ приказывалъ позвать старовѣровъ и начиналъ бесѣду съ ними о вѣрѣ.

— Былъ въ церкви?— спрашиваетъ.

— Никакъ нѣтъ... Въ молитвенные дома собираемся.

— Становому запечатать велю! — кричить... А приобщаться станете?

— Мы приобщаемся чистыми слезами... помолясь, заплакавши.

— Позвать священника! Пусть усовѣщиваетъ,— кричитъ тотъ.— А плѣшь зачѣмъ выстригаете на головѣ? Какой такой вѣнокъ Христовъ посрединѣ головы? Почему «рабскими» зоветесь? Зачѣмъ нигдѣ не бываете? Рѣдко говорите съ мірскими людьми и ведете жизнь особо?

Стоять, опустивъ голову, старовѣры, но розогъ они не боятся. Баринъ не трогалъ ихъ розгой.

— По старикамъ идемъ, — отвѣтствуютъ. — Не сами мы, а по родителямъ.

Ему нравятся ихъ отвѣты, и онъ хочетъ заставить ихъ ходить въ церковь. Но они повторяютъ ему одно и то же снова:

— Мы вѣримъ такъ, какъ наши старики вѣрили...

— Канавы копать заставляю! — оретъ. — Опять рыть канавы! Зачѣмъ двухъ женъ держите?

— У насъ жена работница... Чѣмъ больше женъ, тѣмъ работницъ больше. Не къ разврату это...

— А религія?

— Религія ни при чемъ въ хозяйствѣ...

— Тѣло тѣшите?

— И тѣло не грѣхъ тѣшить, а душу надо оберегать, — отвѣчали ему старики.

— Опять копать канавы, а въ субботу вновь приходите ко мнѣ,— рѣшаетъ онъ въ большомъ гнѣвѣ на нихъ.

Такъ ихъ и прозвали «субботниками». Каждую субботу ктонибудь изъ нихъ долженъ былъ уступить барину въ чемъ либо изъ своихъ взглядовъ и сходить въ церковь въ Городовикъ, или вновь итти канавы рыть на слѣдующей недѣлѣ. Всѣ канавы между деревней Какорино и приселкомъ Селище, не менѣе пятнадцати верстъ, прорыты «субботниками».

Въ концѣ каждой недѣли на дворѣ усадьбы толпились «субботники» изъ «рабскихъ» и драные крестьяне изъ «мірянъ». Помѣщикъ

тѣшилъ себя и тѣми, и другими... Никто ему не мѣшалъ, и никого онъ не боялся. Но вдругъ и надъ нимъ стряслась бѣда. Въ разгарѣ одного жестокаго сѣченья мужиковъ, на дворъ неожиданно пришелъ мужикъ Ефимъ изъ деревни Находкино Городовицкой волости, и, не снимая шапки передъ бариномъ, сталъ кричать:

— Сѣки меня, сколько хочешь! Я царь и тебя не боюсь...

— Ты опять? — не своимъ голосомъ воскликнулъ тотъ.—Опять?

Онъ медленно подвигался къ мужику, съ трудомъ переводя дыханіе, но мужикъ еще болѣе дерзко отвѣтилъ:

— А что ты мнѣ сдѣлаешь? Не во правъ тебѣ, что я называю себя царемъ? Да, засѣки ты меня до смерти, а я твой царь... И самъ Господь за меня! Ишь, какъ Божье обличіе-то на тебѣ корѣжить, и голосъ свистуномъ лѣзетъ изъ горла.

— Ефимка!

— Ефимка и есть, а все же царь и не боюсь тебя. Богъ отступится отъ тебя! Только тронь...

— Пошелъ вонъ, мерзавецъ...

Но «мерзавецъ» оставался на мѣстѣ невозмутимымъ.

Первое время, когда онъ объявился «царемъ», баринъ хотѣлъ засѣчь его на смерть или сослать на поселеніе, но истязаніе надъ царемъ кончилось тѣмъ, что съ владѣльцемъ въ первый разъ въ жизни сдѣлался отъ злобы жестокой припадокъ грудной жабы. Онъ былъ поднятъ съ земли и унесенъ къ себѣ въ дѣмъ, сопровождаемый криками мужика:

— Богъ за меня! Богъ... Только тронь—грымъ объ землю! Не устоять тебѣ на своихъ ногахъ!

Этотъ случай чрезвычайно повліялъ на суевѣрнаго барина. При одномъ воспоминаніи объ Ефимѣ изъ д. Находкино, грудь его начинало сжимать, какъ бы желѣзными клещами, грызло удушье, и онъ ложился въ постель въ полуобморочномъ состояніи.

Приходя въ себя, онъ восклицалъ:

— При моихъ связяхъ и власти мнѣ ничего не стоитъ отдѣлаться отъ юродствующаго бунтовщика! Запороть его или сослать къ чорту на кулички... Но если Богъ за него?! Вотъ опять холодѣютъ руки и ноги... Прикажу ему прекратить его выходки и оскорбленія при народѣ. Не трону его лучше... по-доброму!

Онъ въ отчаяніи кусалъ зубами подушку и приказывалъ просить «царя» и оказывать ему разныя льготы съ условіемъ, чтобъ тотъ не показывался въ усадьбѣ, когда наказываютъ мужиковъ, и не доводилъ бы барина до припадковъ грудной жабы.

«Царь» не шелъ ни на какія сдѣлки и продолжалъ кричать:

— Я «царь»! Сѣки меня... Я тебя не боюсь... Богъ за меня!...

Дворовые люди сбѣгались при этихъ столкновеніяхъ, и «царь», обращаясь къ нимъ, насмѣшливо заявлялъ:

— Говорю ему, сѣки, а вотъ не смѣетъ... Бога боится!

Домашняя челядь, однако, тотчасъ же со страхомъ разбѣгалась по конюшнямъ и людскимъ, когда баринъ оглядывалъ ихъ злыми глазами, если только отъ гнѣва онъ не сваливался тутъ же на землю.

Такъ и установились эти странныя отношенія между усадьбой и деревней.

Сѣчетъ бывало баринъ своихъ крѣпостныхъ у себя на дворѣ, а самъ посматриваетъ, не идетъ ли изъ деревни къ нему «царь»... Замѣтивъ послѣдняго, онъ тотчасъ прекращалъ сѣченіе и скрывался въ домъ... На слѣдующую субботу повторялась та же исторія, а потомъ уже каждую субботу «царь» мѣшалъ барину пороть своихъ крестьянъ.

Прощтрафится иной мужикъ передъ барининомъ и бѣжить къ Ефиму...

— Царь! Уважь... Ослобони... Не дай умереть въ субботу! — кланяется виноватый.

— Ладно, приду, — отвѣчалъ «царь»... А какъ и при мнѣ станеть сѣчь? — спросить онъ иной разъ.

— Приди, милостивецъ, приди, родименькій... Всякій разъ кончаетъ наказывать, какъ покажешься ты во дворѣ.

Такъ съ тѣхъ поръ мѣстные крестьяне и привыкли величать Ефима «царемъ», сохранивъ это прозвище даже и послѣ освобожденія крестьянъ. Перешли его потомки изъ Порховскаго уѣзда въ Новоржевскій, и въ мѣстныхъ деревняхъ Баслаки, Дубровы, въ д. Овиницахъ, д. Палкино, — Заханской волости, въ д. Рудницѣ, — Туровской волости, а также въ Жарахъ, — Ручьевской волости, Холмскаго уѣзда и т. д. они зовутся «царями». Однако жизнь ничѣмъ уже не подтверждаетъ за ними ихъ славнаго происхожденія, и народъ иногда критически величаетъ ихъ «царенятами», при чемъ въ это званіе посвящаются и новыя лица. Но позднѣйшее посвященіе новыхъ лицъ въ «цари» уже происходитъ на деревенскихъ игрищахъ и имѣетъ шуточное значеніе. А старый бояринъ такъ и не догадывался о томъ, что онъ былъ родоначальникомъ столь любопытнаго прозванія среди мужиковъ, которыхъ къ тому же, еще при его жизни, дѣйствительный царь вывелъ изъ крѣпостной зависимости, уничтоживъ на барскомъ дворѣ и употребленіе розогъ.

Баринъ долго не вѣрилъ совершившемуся факту и мирился съ нимъ весьма своеобразно...

Если въ его обширныхъ владѣніяхъ мужики были уличены въ неисправности платежей за разныя аренды, въ самовластной порубкѣ лѣса, въ погровахъ, въ небрежности работы, выражавшейся неоднократно въ томъ, что наемные работники гноили сѣно, сложивъ его сырымъ, или портили инвентарь и т. д., то баринъ считалъ для себя унизительнымъ судиться съ виноватыми лицами у мировыхъ посредниковъ и т. д.

— Позвать старосту, — съ напускнымъ хладнокровіемъ приказывалъ онъ, ожидая слугу со спискомъ лицъ, имѣющихъ въ его усадьбѣ какое либо дѣло. — Какъ имя виноватаго? — спрашивалъ онъ и, найдя въ списокѣ таковое имя, ставилъ надъ нимъ крестъ. — Новый покойникъ! — провозглашала онъ и приказывала старостѣ, чтобы это имя не воспоминалось болѣе въ усадьбѣ.

— Ни на работу его, ни покосовъ ему. Онъ умеръ для меня... Покойникъ! — уже не сдерживая своего гнѣва, кричалъ баринъ. — Всѣхъ похороню! Всѣмъ кресты поставлю!

Это повторялось всякій разъ, когда онъ чувствовалъ, что прежде онъ заперолъ бы виноватаго мужика розгами, а теперь принужденъ ограничиться крестикомъ надъ нимъ.

— Да, никакъ и ты сдѣланъ покойникомъ? — смѣялись мужики надъ каждымъ вновь прогнаннымъ изъ усадьбы батракомъ. — О-го, который же это будетъ за эту недѣлю? Такъ баринъ всѣхъ насъ переведетъ въ разрядъ мертвецовъ.

Вскорѣ дѣйствительно барину некого стало «крестить».

— Всѣ «покойники», — думалъ онъ про своихъ мужиковъ, съ грустью осматривая пустую усадьбу безъ рабочихъ рукъ. — Прежде «цари», а теперь «покойники»! — восклицалъ онъ и ждалъ покупателя, которому бы можно было продать усадьбу съ многочисленными угодьями, хотя бы за безцѣнокъ.

А «цари» и «покойники» оставались на своихъ мѣстахъ и до сихъ поръ вспоминаютъ своего именитаго родоначальника въ многочисленныхъ бесѣдахъ о старинѣ.

А. Фаресовъ.

ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ СЕЛЬСКАГО ДѢЯТЕЛЯ.

(Посвящается Ѳедору Ѳедоровичу Славинскому).

ТЕЦЬ мой, Никифоръ Савлукъ, происходилъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Волынской губерніи и прослужилъ непрерывно 40 лѣтъ—съ 1858 по 1898 г.—въ общественныхъ сельскихъ должностяхъ. До 1867 года онъ состоялъ въ нѣсколькихъ волостяхъ Ковельскаго уѣзда Волынской губерніи въ должностяхъ сельскаго, а затѣмъ волостного писаря, а въ 1867 г. перешелъ въ Привислинскій край, въ сосѣдній Холмскій уѣздъ Люблинской губерніи, въ которомъ и прослужилъ вплоть до 1898 г. въ нѣсколькихъ гминахъ гминнымъ писаремъ, а потомъ войтомъ ¹⁾. Столь продолжительная и непрерывная служба въ подобнаго рода должностяхъ представляетъ явленіе рѣдкое, даже, можно сказать, исключительное, такъ какъ лица, занимающія такія должности, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, часто не соотвѣтствуютъ своему назначенію и потому постоянно смѣняются другими, обыкновенно оказывающимися тоже не лучше своихъ предшественниковъ. Тѣ же изъ нихъ, которые по своему уму, характеру и развитію стоятъ выше другихъ, стараются выйти изъ своей среды, попасть въ чиновники и вообще найти для себя болѣе широкое и почетное поле дѣятельности. Отецъ мой не раздѣлялъ этого стремленія.

¹⁾ Въ Привислинскомъ краѣ «гмина» то же, что въ Россіи волость. «Гминный войтъ» соотвѣтствуетъ волостному старшинѣ.

Самъ родившись въ крайне бѣдной крестьянской семьѣ и получивъ, благодаря обстоятельствамъ, нѣкоторое образованіе, онъ считалъ себя нравственно обязаннымъ посвятить всю жизнь свою крестьянской общественной службѣ, дабы приносить посильную пользу своимъ собратьямъ. Что служба его была добросовѣстна, можно заключить уже потому, что на ней онъ не нажилъ состоянія ¹⁾, и что за весь долготѣннй періодъ его дѣятельности противъ него не возникало даже подозрѣнія въ какихъ либо неблаговидныхъ дѣйствіяхъ. Впрочемъ о положительныхъ результатахъ его дѣятельности я не считаю себя въ правѣ распространяться, такъ какъ могу быть заподозрѣнъ въ пристрастіи, да это и не составляетъ задачи моего настоящаго труда.

За все долгое время своей службы отецъ мой много пережилъ и переиспыталъ; видѣлъ и хорошіе дни, но еще болѣе перенесъ невзгодъ; встрѣчался съ начальниками и другими людьми всевозможныхъ характеровъ и направленій; видѣлъ и на себѣ испыталъ порядки, предшествовавшіе эпохѣ эмансипаціи и въ то время отживавшіе свой вѣкъ. Обо всемъ этомъ, а также о своемъ дѣтствѣ и воспитаніи, онъ рассказывалъ мнѣ немало интереснаго. Воспитаніе онъ получилъ въ николаевское время въ писарской школѣ, устроенной, повидимому, по образцу военно-кантонистскихъ школъ. Службу свою онъ началъ уже въ царствованіе императора Александра II, но еще въ дореформенную эпоху, сохранившую характеръ предыдущаго царствованія. Естественно, что рассказы его о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи и службѣ своей крестьянскому обществу въ ту эпоху и въ началѣ слѣдующей не лишены историческаго интереса. При томъ же о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ, объ ихъ бытѣ и системѣ управленія, какъ кажется, въ нашей и исторической, и беллетристической литературѣ писалось очень мало. Поэтому я и полагаю, что воспоминанія моего отца, переданныя мною ниже съ его словъ, представляютъ извѣстный интересъ для характеристики данной среды въ данное время. Я буду говорить въ первомъ лицѣ отъ его имени, не мудрствуя лукаво и придерживаясь его безыскусственнаго рассказа.

Левъ С—къ.

¹⁾ Ему удалось только приобрести отъ казны почти безъ денегъ, на крайне льготныхъ условіяхъ, небольшой участокъ земли, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

I.

Мое дѣтство и жизнь въ родной семьѣ.—Смерть матери.—Мое обученіе грамотѣ у священника и въ приходскихъ училищахъ.

Родился я въ 1836 году въ селѣ Велимче Ковельскаго уѣзда, Волынской губерніи. Село это расположено на берегу рѣки Туріи и имѣетъ церковь и приходское училище, открытое въ 1865 г. Родился я въ бѣдной семьѣ,—земля была плохая, черезполосная, хозяйство вообще незавидное. Весной, по причинѣ недорода, приходилось часто голодать и ѣсть вареную лебеду безъ хлѣба, соли и крупъ. Хлѣбъ всегда пекли съ одною четвертою частью мякины гречневой, ржаной и даже овсяной. Жили мы, т.-е. дѣдушка съ бабушкой, отецъ съ матерью и я съ двумя братьями, въ домѣ дѣдушки, который любилъ и баловалъ меня. У него была также пасѣка, и онъ нерѣдко потчевалъ меня мѣдомъ потихоньку, чтобы не возбуждать зависти братьевъ. Бабушка тоже любила меня и часто, сидя у печки, рассказывала мнѣ сказки. Пасѣка дѣдушки находилась верстахъ въ двухъ отъ села, и тамъ я съ дѣдушкой проводилъ почти каждое лѣто, ѣлъ свѣжій мѣдъ въ сотахъ, ловилъ рыбу, варилъ «кулишъ», уху, кашу и т. п., спалъ тамъ же на сѣновалѣ. Всѣ ульи съ пчелами поставлены были высоко на дубахъ для предохраненія ихъ отъ лакомства медвѣдей, водившихся въ сосѣднихъ лѣсахъ. Лѣтъ въ пять меня заставили пасти овецъ, а потомъ скотъ. Тутъ пошла жизнь тяжелая. Каждое утро нужно было вставать до восхода солнца и гнать скотъ «на пашу», а къ обѣду пригонять обратно, послѣ же обѣда снова гнать на пастбище до вечера. Страшно уставши за весь день отъ бѣготни, очень трудно было съ зарей снова подыматься отъ сна. Мать, очень меня любившая, скрѣпя сердце, будила меня, приговаривая: «встань, встань, сынку, гони скотъ на пашу, я тебѣ за то дамъ на великдень (т.-е. на пасху) тонку льняну сорочку, сдѣлаю червоный (красный) поясъ, червону застязку». Услышавъ такія заманчивыя обѣщанія, я, хотя и неохотно, поднимался и принимался за свой обычный трудъ.

На пастбищѣ обыкновенно нѣсколько пастуховъ соединялись и пасли скотъ вмѣстѣ. Когда бывало пригрѣетъ утреннее солнышко, то невыспавшихся пастуховъ страшно клонить ко сну. Иной и засыпалъ, а въ это время скотъ травилъ посѣвы. Если хозяинъ замѣчалъ это, то оплошавшему сильно доставалось. Поэтому пастухи изъ болѣе зажиточныхъ семей обыкновенно уговаривали бѣднѣйшихъ отгонять ихъ скотъ отъ посѣвовъ, давая имъ за это кусочекъ хлѣба.

Каждый праздникъ я охотно ходилъ въ церковь. Недалеко отъ церкви стояла корчма, гдѣ по праздникамъ послѣ обѣда молодые парни съ дѣвками устраивали музыку и танцы. Впрочемъ пьянства и соблазнительнаго поведенія не замѣчалось; послѣднее особенно строго преслѣдовалось. Впослѣдствіи я слыхалъ отъ старожиловъ, какъ преданіе, что когда-то одна дѣвушка была соблазнена солдатомъ какой-то военной части, останавливавшейя въ селѣ. За это крестьяне били ее публично веревками отъ церковныхъ колоколовъ, водили по селу и въ каждой улицѣ сѣкли. Корчму посѣщали только взрослые мужчины, женщины же и дѣти туда не допускались. Отецъ мой тоже иногда посѣщалъ корчму и хотя вообще не пилъ сильно, но иногда выпивалъ и не въ мѣру. Одинъ такой случай я никогда не забуду. Пришелъ онъ съ какой-то свадьбы пьяный и сталъ,—не знаю, за что,—бить мою мать. Она спряталась подъ лавку и плакала, а отецъ ругался и толкалъ ее ногами. Я горько плакалъ, кричалъ и просилъ его не бить маму. Тогда онъ оставилъ мать и хотѣлъ приняться за меня, но я убѣждалъ. За мною бѣжалъ отъ отца мой двоюродный братъ. Въ сѣняхъ я, отворяя дверь, рванулъ ее, она сорвалась съ петель и упала брату на грудь. Онъ долго послѣ этого страдалъ грудью. Этотъ случай страшно поразилъ меня. Съ того времени я охладѣлъ къ отцу и почувствовалъ глубокое отвращеніе къ пьянству и пьянымъ людямъ. И во всю свою жизнь я не пробовалъ водки.

Теперь расскажу, какъ я захотѣлъ быть грамотнымъ и какъ выучился грамотѣ. Недалеко отъ нашего дома находился домъ сельскаго управленія. Какъ-то разъ я случайно туда попалъ съ матерью и увидѣлъ тамъ писаря, писавшаго гусинымъ перомъ. Я крайне заинтересовался, какимъ это образомъ онъ выводитъ на бумагѣ черныя линіи, и захотѣлъ сильно самъ добиться этого. Я нашелъ гусиное перо, омочилъ его въ деготь и старался писать имъ по березовой корѣ, но, конечно, ничего не выходило. Случайно нашелъ я кусокъ бумажки, но и на ней ничего не могъ вывести. Одинъ разъ я увидѣлъ, какъ проѣзжіи еврей писалъ что-то въ своей книжкѣ какой-то палочкой. Мнѣ сказали, что эта палочка называется «олувокъ» (по-малорусски такъ называется карандашъ), но что писать имъ могутъ только грамотные. Съ тѣхъ поръ мысль выучиться грамотѣ не покидала меня. Между тѣмъ семью нашу постигло горе. Въ 1845 г. умерла моя бабушка, а въ слѣдующемъ году мать, которую я особенно горячо любилъ. На кладбищѣ, когда ее хоронили, мною овладѣло такое горе и отчаяніе, что я бросился за нею въ яму и упалъ на гробъ, не позволяя засыпать его землею. Священникъ о. Василій Михалевицъ схватилъ меня за руку, вытащилъ изъ ямы и сталъ утѣшать. Съ тѣхъ поръ онъ принялъ во мнѣ участіе, чему содѣйствовалъ мой дѣдушка. Послѣдній видѣлъ, что положеніе всей семьи послѣ смерти обѣихъ

женщинъ было бѣдственное. Въ домѣ безъ нихъ начались безпорядки, голодъ и холодъ, я же, по своему малолѣтству и слабосилію, не могъ быть помощникомъ въ хозяйствѣ. Дѣдушка былъ церковнымъ «братчикомъ», прислуживалъ священнику при богослуженіи, ставилъ свѣчи передъ иконами, жертвовалъ въ церковь воскъ изъ своей пасѣки. Эго сближало его со священникомъ, съ которымъ онъ бесѣдовалъ запросто. Зная это, я убѣдилъ дѣдушку попросить священника выучить меня грамотѣ. Священникъ согласился, и вотъ однажды дѣдушка нарядилъ меня въ поношенный «сукманъ» и старые сапоги моего старшаго брата и привелъ въ домъ къ священнику. Священникъ поговорилъ со мной и, убѣдившись въ моемъ желаніи учиться, посадилъ меня за славянскій букварь съ красными заглавными буквами, которыя особенно меня восхищали. Буквы онъ называлъ по тогдашней методѣ: азъ, буки, вѣди и т. д. Заучивъ нѣсколько первыхъ буквъ, я съ удивленіемъ разсматривалъ чистую горницу священника и ея убранство. Послѣ нашей курной хаты я находилъ эту обстановку необыкновенною. Спустя немного, священникъ спросилъ заданныя буквы по порядку и въ разбивку, убѣдился, что я затвердилъ ихъ, и похвалилъ меня. Это привело меня въ восторгъ. На слѣдующій урокъ онъ показалъ мнѣ нѣсколько слѣдующихъ буквъ, и я опять выучилъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Черезъ двѣ недѣли я уже читалъ по складамъ, а на слѣдующій годъ въ Свѣтлый праздникъ читалъ въ церкви апостола. Односельчане удивлялись, а всѣ родные радовались и гордились мною.

Такой успѣхъ подаль священнику мысль устроить училище для обученія дѣтей. Онъ предложилъ крестьянамъ назначить для обученія еще нѣсколько мальчиковъ и нанять домъ для училища. Его послушали, помѣщеніе было нанято, и дьячекъ изъ крестьянъ сталъ обучать насъ. Обучалъ онъ недурно и успѣшно примѣнялъ такой пріемъ. Выучившихъ въ классѣ заданный урокъ онъ немедленно отпускалъ домой, и потому каждый старался одолѣть свой урокъ поскорѣе. Но вскорѣ почему-то былъ назначенъ другой дьячекъ изъ духовнаго званія, по фамиліи Мусіевичъ. Въ первый разъ я встрѣтилъ этого дьячка идущимъ по тропинкѣ въ огородъ и такъ былъ испуганъ его страшнымъ видомъ, что заболѣлъ горячкою. И дѣйствительно онъ болѣе походилъ на огородное пугало, чѣмъ на человѣка. Онъ былъ въ длинномъ сѣромъ плащѣ съ пелериной изъ грубаго крестьянскаго сукна и въ мѣховой шапкѣ; глаза огромные, бѣлесоватые, на выкатѣ; носъ толстый, широкій и тупой, подъ носомъ какая-то желтизна, вѣроятно, отъ табаку; на подбородкѣ—нѣсколько растрепанныхъ волосковъ; брюки на выпускъ изъ такого же сукна, какъ и плащъ; одна нога въ въ грязномъ сапогѣ, другая въ лаптѣ; пальцы на рукахъ безъ ногтей, какъ будто съ отрѣзанными первыми суставами. Я такъ

испугался, что цѣлый мѣсяць пролежалъ въ горячкѣ. Интересно, какъ меня лѣчили. Отецъ мой пошелъ къ тому же напугавшему меня дьячку, остригъ у него нѣсколько волосъ съ головы и бороды и, зажегши ихъ, окуривалъ меня. Кромѣ того, на грудь мнѣ ставили чашку съ холодной водой, въ которую вливали растопленный воскъ, а потомъ увѣряли, что изъ воска образовалось изображеніе того же дьячка. Выздоровѣвъ, я продолжалъ свое ученіе у этого дьячка, которой при ближайшемъ знакомствѣ оказался далеко не такимъ страшнымъ.

Вскорѣ мнѣ пришлось перейти въ другое училище, уже официально учрежденное въ мѣстечкѣ Ратнѣ для распространенія грамотности и для подготовки способнѣйшихъ мальчиковъ въ сельскіе писаря. Въ это училище изъ сосѣднихъ деревень выслано было 15 учениковъ, которые и содержались на общественный счетъ въ особомъ помѣщеніи. Тутъ я пробылъ три года (съ 1849 по 1852 г.). Училищемъ завѣдывалъ сначала мѣстный священникъ и благочинный, отецъ Левъ Страшневичъ, а съ 1851 года, когда отецъ Левъ перешелъ на службу въ царство Польское,—священникъ отецъ Виталій Львовичъ. Учителемъ былъ все время мѣщанинъ м. Ратна, Кириллъ Чилькевичъ, который часто за неуспѣшность сѣкъ учениковъ розгами. Отца Льва я очень любилъ, и онъ, повидимому, отличалъ меня, замѣтивъ мою склонность и способности къ церковному пѣнію. Идя мимо училища въ церковь, онъ бралъ меня съ собой въ качествѣ пѣвчаго. На лѣтнее время насъ распускали, и я уѣзжалъ къ роднымъ. Тогда я старался, какъ могъ, помогать имъ въ хозяйственныхъ работахъ, а иногда занимался въ мѣстномъ сельскомъ управленіи, гдѣ меня за это кормили. Дома же готовить пищу было некому, и ѣли что попало, иногда и совсѣмъ голодали.

II.

Поступленіе въ Межирицкую писарскую школу.— Возникновеніе этой школы, ея учебный персоналъ, внутренніе порядки и учебные предметы.— Инспекторъ Афондикъ и его вліяніе на учениковъ.— Окончаніе мною школы и полученіе аттестата.

Въ 1852 года, по повелѣнію императора Николая I, для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ и ихъ ближайшаго управленія были открыты на счетъ казны писарскія школы съ цѣлью подготовки въ нихъ ближайшихъ и дѣятельнѣйшихъ органовъ крестьянскаго управленія—сельскихъ писарей. Въ Волынской губерніи такая школа была учреждена въ мѣстечкѣ Межиричи Ровенскаго уѣзда, въ имѣніи помѣщика Стецкаго, конфискованномъ правительствомъ за участіе его въ возстаніи 1830 года. Подъ училище былъ отведенъ трехэтажный каменный замокъ съ флиге-

лями. Курсъ въ школѣ установленъ былъ трехгодичный, и соотвѣтственно этому въ школѣ было три класса. Приказано было набрать туда учениковъ, окончившихъ приходскія училища, преимущественно изъ сиротъ. Я тогда только что окончилъ Ратненское приходское училище и потому попалъ въ число учениковъ новой школы. Всѣхъ воспитанниковъ набрано было 75 изъ уроженцевъ губерній: Волынской, Кіевской, Каменецъ-Подольской и Могилевской, а также изъ Императорскаго Московскаго воспитательнаго дома. Я съ нѣкоторыми другими воспитанниками прибылъ въ школу въ октябрѣ 1852 года, но въ это время помѣщеніе для школы еще не было приготовлено, и потому прибывшихъ учениковъ размѣстили по квартирамъ мѣстныхъ мѣщанъ, которымъ уплачивалось за каждаго ученика по 7¹/₂ коп. въ сутки за квартиру и продовольствіе. Такое квартированіе продлилось нѣсколько мѣсяцевъ. За это время болѣе взрослые воспитанники сильно распустились и оказывали дурное вліяніе и на другихъ своихъ товарищей. Къ 1853 году училище было готово, и тогда же прибылъ и весь штатъ училищнаго начальства и учителей. Штатъ этотъ составляли слѣдующія лица: начальникъ школы, военный полковникъ Вейтбрехтъ, инспекторъ К. И. Афендикъ; преподаватели: русскаго языка И. И. Рышковскій (изъ бывшаго Кременецкаго лицея), ариѳметики—Нагловскій; чистописанія, черченія и практической съемки—З. А. Даненковичъ (изъ Харьковскаго университета), законоучитель, священникъ мѣстнаго прихода, отецъ Іаковъ Радновскій; комиссаръ—экономъ Яновскій и два надзирателя: коллежскій регистраторъ Ильѣшевичъ и кандидатъ на классную военную должность Власюкъ. Замокъ, отведенный и приспособленный для училища, находился въ верстѣ отъ мѣстечка Межиричи. Училище было совершенно закрытымъ заведеніемъ и поставлено вообще на военную ногу. Воспитанники размѣщались въ дортуарахъ, гдѣ у каждаго была желѣзная кровать съ прикрѣпленною въ изголовьѣ зеленою палкой, на которой вверху была прибита выпуклая жестянка съ обозначеніемъ № ученика по списку, имени и фамилии его, а также губерніи, которой онъ былъ уроженцемъ. На кровати находилась постель, состоявшая изъ шерстяного тюфяка, простыни, одѣяла и подушки, туго набитой простой соломой. Возлѣ кровати стоялъ табуретъ, на которомъ ночью должно было лежать платье воспитанника въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Часы вставанія отъ сна, молитвы, завтрака, обѣда, ужина и отхода ко сну были строго разъ навсегда установлены. Въ видахъ поощренія одинъ изъ старшихъ и лучшихъ воспитанниковъ назначался старшимъ по школѣ, а другой — его помощникомъ. Старшему воспитаннику и его помощнику была присвоена особая форма съ галунами. Старшій носилъ галуны на воротникѣ мундира въ два ряда и по борту до конца полы въ одинъ рядъ, помощнику его полагались галуны

только на воротникѣ и въ одинъ рядъ. Старшій воспитанникъ и его помощникъ являлись какъ бы помощниками надзирателей по наблюденію за порядкомъ въ классахъ и помѣщеніяхъ. Каждое утро дежурный надзиратель или старшій по школѣ воспитанникъ лично докладывалъ инспектору о состояніи училища и подавалъ ему особый рапортъ, въ коемъ обозначалось число всѣхъ учениковъ, число больныхъ и замѣченные безпорядки, въ особенности замѣченные наканунѣ при ночномъ обходѣ. Въ 8 ч. утра производилась повѣрка, а затѣмъ, стоя на колѣняхъ предъ иконою, очередной воспитанникъ громко читалъ утреннія молитвы, послѣ которыхъ расходились. По данному звонку всѣ собирались въ одну залу, строились въ два ряда, и дежурный надзиратель велъ всѣхъ въ столовую на завтракъ. Въ столовой пѣли молитву и садились за столъ противъ блюда, которыхъ было по одному на каждыя четыре человекъ. При столѣ не допускалось никакого разговора, и соблюдалась полнѣйшая тишина. Если нужно было добавить какого нибудь блюда, хлѣба или квасу, то давался знакъ служителю, и онъ безмолвно приносилъ требуемое. Послѣ принятія пищи — снова молитва, а затѣмъ выходили изъ столовой съ соблюденіемъ такого же порядка. То же соблюдалось при обѣдѣ и ужинѣ. Изъ столовой расходились по помѣщеніямъ, оттуда по звонку собирались въ классы, а послѣ ужина — въ дортуары. На ночь всѣ двери запирались на ключъ. Во всѣхъ комнатахъ передъ иконами теплились неугасаемыя лампадки, а въ каждой спальной комнатѣ сверхъ того горѣли ночники, а въ коридорахъ — фонари. Каждую ночь всѣ спальни долженъ былъ обойти дежурный надзиратель и старшій воспитанникъ, а иногда обходилъ и инспекторъ. При обходахъ строго наблюдалось, чтобы каждый лежалъ на своей кровати и притомъ въ одномъ положеніи: на правомъ боку, правая ладонь подъ головою, а лѣвая на лѣвомъ бедрѣ. Поднимались отъ сна въ 7 час. утра, вставали, умывались и одѣвались, послѣ чего надзиратель осматривалъ исправность и чистоту одежды и обуви.

Въ воскресные и праздничные дни шли въ церковь попарно въ ногу при дежурномъ надзирателѣ или инспекторѣ, меньшіе ростомъ впереди. Пѣвчіе становились впереди всѣхъ. Хоръ пѣвчихъ состоялъ изъ 24 человекъ, управлялъ имъ одинъ изъ учителей и управлялъ прекрасно. Любители пѣнія изъ окрестностей нерѣдко нарочно пріѣзжали послушать стройное пѣніе воспитанниковъ. За порядкомъ въ церкви слѣдили строго. Всѣ воспитанники должны были внимательно слушать богослуженіе, креститься и становиться на колѣни всѣ разомъ въ одно и то же время. Съ зѣвакъ строго взыскивалось за невниманіе.

Суббота была страшнымъ днемъ для воспитанниковъ — днемъ покаянія и наказанія за грѣхи, содѣянные въ теченіе недѣли. Къ 12 час. дня въ особой залѣ четыре служителя приготавливали ска-

мейки и розги для сѣченія провинившихся. Экзекуція производилась передъ обѣдомъ послѣ того, какъ воспитанники были построены къ обѣду и сосчитаны надзирателемъ. Инспекторъ вызывалъ назначенныхъ къ наказанію и отправлялъ ихъ въ извѣстную имъ залу для экзекуціи. При послѣдней присутствовалъ онъ самъ, а также и тѣ воспитанники, особо имъ вызванные, которые провинились меньше. Послѣдніе находились тутъ для назиданія и устрашенія ихъ видомъ наказанія, чинившагося надъ ихъ сильно провинившимися товарищами. По окончаніи экзекуціи, инспекторъ предупреждалъ присутствовавшихъ при ней воспитанниковъ, что и ихъ постигнетъ въ слѣдующій разъ такое же наказаніе, если они не исправятся. Послѣ того и наказанные, и предупрежденные становились въ общій строй, и всѣ шли къ обѣду.

Воспитанниковъ обучали и военному строю: маршировкѣ, оборотамъ и полуоборотамъ. Маршировка была трехъ родовъ: въ три приѣма (учебный шагъ), тихимъ шагомъ и скорымъ шагомъ. Въ видѣ поощренія часто слышалось начальническое: «хорошо, ребята», на что мы дружно отвѣчали, маршируя: «рады стараться, ваше высокоблагородіе».

Учебныхъ книгъ въ школѣ было мало, почему воспитанники списывали съ нихъ въ тетради и учились по послѣднимъ. Каждому воспитаннику выдавалось для тетради четыре листа, которые онъ долженъ былъ заполнить списаннымъ изъ книги. Когда тетрадь заполнялась, инспекторъ просматривалъ ее, и если находилъ ее записанною чисто и безъ ошибокъ, то хвалилъ ученика, дѣлалъ соответственную отмѣтку и снова давалъ четыре листа для дальнѣйшей переписки; въ противномъ случаѣ подвергалъ ученика наказанію.

На лѣтнее каникулярное время и на праздники учениковъ къ роднымъ не отпускали. Послѣдніе могли видѣться съ воспитанниками только въ школѣ въ опредѣленные часы и подъ наблюденіемъ инспектора. Письма, получаемыя воспитанниками и отправляемыя ими, тоже должны были проходить черезъ строгую цензуру инспектора. Зато, если инспекторъ замѣчалъ, что воспитанникъ рѣдко пишетъ родителямъ и роднымъ, то всегда освѣдомлялся у него о причинѣ этого, и если оказывалось, что у воспитанника нѣтъ денегъ, то онъ отправлялъ его письма на свой счетъ.

Вообще нашъ инспекторъ, Корнилій Ивановичъ Афендикъ, несмотря на видимую строгость, отличался добротой и справедливостью. Онъ очень заботился о всѣхъ нуждахъ воспитанниковъ и былъ для нихъ отцомъ въ полномъ смыслѣ слова. Лжецовъ, ябедниковъ и клеветниковъ онъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ и всегда убѣждалъ насъ быть честными и правдивыми. Какъ онъ умѣлъ преслѣдовать доносчиковъ, показываетъ слѣдующій фактъ. Одинъ ученикъ, К—чь, лучшій по успѣхамъ въ классѣ, нарисовалъ до-

вольно удачную карикатуру на учителя русскаго языка, и когда тотъ, ходя по классу, оборачивался къ классу спиной, показывалъ ее ученикамъ, чѣмъ, конечно, вызывалъ ихъ смѣхъ. Другой ученикъ, К—къ, желая отличиться и самому стать первымъ, донесъ объ этомъ инспектору. Послѣдній нашелъ этотъ рисунокъ въ скамейкѣ у К—ча и сдѣлалъ ему должное внушеніе, а К—ка за доносъ наказалъ такъ. Онъ повѣсилъ ему на грудь деревянную доску съ надписью на ней большими буквами: «ябедникъ». Доску эту К—къ долженъ былъ носить на себѣ, нигдѣ не снимая, цѣлый мѣсяцъ, въ церкви же на богослуженіи онъ долженъ былъ съ этою доскою стоять на колѣняхъ передъ иконостасомъ. Онъ едва могъ выдержать этотъ позоръ. Въ общей залѣ инспекторъ повѣсилъ на видномъ мѣстѣ двѣ доски—красную и черную. На первой записывались имъ самые лучшіе воспитанники по нравственнымъ качествамъ и успѣхамъ, на второй—самые худшіе. Этимъ онъ возбуждалъ между воспитанниками не зависть, а соревнованіе, и каждый изъ всѣхъ силъ старался попасть на красную доску, черной же боялся, какъ огня. Я навсегда сохранилъ о К. И. Афендикѣ самое лучшее воспоминаніе, и мнѣ кажется даже, что за всю свою долгую жизнь я не встрѣчалъ болѣе свѣтлой личности¹⁾.

Въ школѣ я пробылъ съ 1852 по 1857 годъ. Почти все это время съ небольшими сравнительно промежутками я проболѣлъ лихорадкою: вѣроятно, каменное зданіе школы было сырое. Поэтому въ старшемъ классѣ я оставался на повторительный курсъ. Тѣмъ не менѣе на старшемъ курсѣ я за успѣхи и хорошее поведеніе былъ назначенъ старшимъ по школѣ воспитанникомъ и окончилъ такую съ наградой, въ чемъ и выданъ былъ мнѣ аттестатъ, который давалъ мнѣ право на занятіе должности сельскаго писаря.

III.

Командированіе меня для практики въ Волынскую палату государственныхъ имуществъ.—Назначеніе сельскимъ писаремъ.—Организація управленія государственнымъ имуществомъ и казенными крестьянами въ Волынской губерніи.—Оклады жалованья сельскихъ писарей.—Сдача ими годовой отчетности.—Взыскательность и несправедливость начальствующихъ лицъ.—Упраздненіе Межиричской школы и причины этого.

По окончаніи курса въ писарской школѣ, меня отправили вмѣстѣ съ другими товарищами одного выпуска на практику въ Волынскую палату государственныхъ имуществъ въ городѣ Житомирѣ. Управляющимъ палатою былъ въ то время дѣйствительный

¹⁾ К. И. Афендикъ потомъ служилъ въ должности стряпчаго и въ другихъ должностяхъ, но чиновники старались отовсюду вытѣснять его за строгость и непоколебимую честность.

статскій совѣтникъ Бѣленицынъ, совѣтниками отдѣленій: хозяйственнаго—Долгердъ и контрольнаго—Лютовскій. Я былъ назначенъ сначала въ хозяйственное, а затѣмъ въ контрольное отдѣленіе, гдѣ мнѣ было поручено составленіе журналовъ о ревизіи денежныхъ книгъ казенныхъ сельскихъ и окружныхъ управленій. Работа моя была признана вполне удовлетворительною, почему управляющій палатою назначилъ меня 2-го октября 1858 года на первую открывшуюся въ губерніи вакансію сельскаго писаря, именно въ мѣстечко Корытницу Владимиръ-Волинскаго уѣзда. Съ этого времени и началась моя дѣйствительная служба въ сельскихъ общественныхъ должностяхъ, продолжавшаяся непрерывно сорокъ лѣтъ. Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о порядкѣ мѣстнаго управленія государственными крестьянами.

Вышимъ мѣстнымъ учрежденіемъ по управленію государственными имуществами (а въ томъ числѣ и государственными крестьянами) была Волинская палата государственныхъ имуществъ. Она завѣдывала нѣсколькими округами, которые раздѣлялись на уѣзды, послѣднимъ же подчинялись сельскія управленія. Окружное управленіе состояло изъ начальника округа, его помощниковъ и секретаря, которому давалось въ помощь нѣсколько писцовъ, завѣдывавшихъ разными частями писмоводства. Сельскія управленія состояли изъ слѣдующихъ лицъ, выбравшихся обществомъ крестьянъ на три года: сельскаго старшины, сборщика податей, смотрителя запаснаго сельскаго магазина и сельскихъ старостъ. Все писмоводство велъ сельскій писарь, назначаемый палатою. Старшина каждые три года получалъ казенный черный кафтанъ съ золотымъ галуномъ на воротникѣ и по борту до конца полы, а прослужившему три трехлѣтія старшинѣ жаловался особый почетный кафтанъ съ соответственными украшеніями. Сельскимъ писарямъ тоже была присвоена особая форма: сѣрая шинель съ зелеными петлицами, однобортный сюртукъ съ стоячимъ зеленымъ воротникомъ и съ 9 металлическими пуговицами, на которыхъ изображенъ былъ гербъ губерніи, на рукавахъ зеленыя выпушки и брюки съ зеленымъ кантомъ. Въ присутственной комнатѣ сельскаго управленія стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и на немъ всегда должна была находиться особая книга, припечатанная печатью палаты государственныхъ имуществъ, въ которую ревизующіе чиновники записывали свои замѣчанія. Кромѣ того, въ домѣ сельскаго управленія имѣлась гостинная для проѣзжающихъ чиновниковъ и комната для писаря. Ревизіи производились довольно часто окружнымъ начальникомъ, его помощниками и секретаремъ, а иногда и управляющимъ палатою. Сельскія управленія дѣлились по числу народонаселенія на три разряда, при чемъ жалованье писарямъ, соотвѣтственно этимъ разрядамъ, полагалось слѣдующее: въ I разрядѣ 90 рублей, во II—70 и въ III—50 рублей въ годъ.

Въ управленіяхъ I и II разряда полагалось еще по одному помощнику писаря, получавшему 18 рублей въ годъ. Жить на такія средства, конечно, было трудно, хотя въ то время жизнь была дешева. Однако съ грѣхомъ пополамъ человѣку одинокому еще можно было бы жить, если бы не вымогали денегъ чиновники. Особенно трудно приходилось въ концѣ года, когда писаря должны были, забравъ съ собой всѣ бумаги и документы, ѣхать въ окружное управленіе для сдачи годового отчета. Это время было самымъ хлѣбнымъ для окружныхъ чиновниковъ, которые придирались ко всему, и сдать благополучно отчетность безъ надлежащаго приложения было не возможно, иначе о несговорчивомъ писарѣ дѣлался неблагоприятный докладъ окружному начальнику, и писарю приходилось плохо. Сдача отчетности продолжалась не менѣе мѣсяца, и поэтому можно судить, сколько требовалось усилій и подношеній, чтобы раздѣлаться съ отчетомъ. Нужно притомъ сказать, что до 1860 года управляющій палатою, начальникъ округа и его помощники довольно часто наказывали розгами должностныхъ лицъ сельскаго управленія, въ томъ числѣ и писарей. Имѣли ли они такое право, я сомнѣваюсь, но въ то тяжелое время всякій власть имущій дѣлалъ, что хотѣлъ, съ меньшей братіей. И вотъ, чтобы избѣгнуть экзекуціи или увольненія отъ службы, писарямъ, при сдачѣ отчета и другихъ подобныхъ случаяхъ, приходилось задабривать чиновниковъ всячески. Если у писаря не было денегъ, то онъ долженъ былъ привезти нѣсколько мѣшковъ зерна, а откуда онъ могъ его взять? Нужно было въ свою очередь накладывать контрибуцію на крестьянъ или же заимствовать изъ запаснаго сельскаго магазина. И дѣйствительно, чтобы угодить чиновникамъ писаря часто разоряли магазины.

Вообще въ то время чиновники и начальники, въ особенности ближайшіе, за немногими исключеніями, не отличались честностью и справедливостью. Въ Ковельскомъ округѣ окружнымъ начальникомъ былъ подполковникъ Ш., человѣкъ жестокій и далеко не всегда справедливый. Время тогда вообще было жестокое, но Ш. своими подвигами выдѣлялся среди другихъ. Когда онъ появлялся въ селѣ или вызывалъ къ себѣ въ управленіе писаря, то послѣдній зналъ, что ему не сдобровать, такъ какъ Ш., повидимому, находилъ особенное удовольствіе въ истязаніи людей. Найдя какуюнибудь неправильность дѣйствительную или мнимую, онъ моментально приходилъ въ бѣшенство, схватывалъ свою жертву обѣими руками и билъ головой объ стѣну, когда же несчастный падалъ, то билъ и топталъ его ногами до тѣхъ поръ, пока не уставалъ. Затѣмъ онъ приказывалъ его сѣчь, и сѣченіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока наказываемый не терялъ сознанія и не переставалъ кричать. Послѣ такой экзекуціи многіе заболѣвали, а кто былъ послабѣе, то и умирали. Одинъ писарь, по фамиліи Шпакъ, зная,

что къ нему ѣдетъ Ш., и что ему не избѣжать жестокой порки, чтобы избѣжать истязанія, рѣшился на отчаянный поступокъ. Въ тотъ день, когда долженъ былъ пріѣхать Ш., онъ удалилъ изъ канцеляріи всѣхъ, а самъ расположился тамъ по-домашнему—въ халатѣ и съ трубкой въ зубахъ. Является Ш., входитъ въ канцелярію и отъ удивленія останавливается у дверей, а Шпакъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сидитъ и покуриваетъ трубку. Вабъшенный Ш. кричитъ: «Это что за птица?»—«Шпакъ»,—отвѣчаетъ тотъ невозмутимо.—«Что за лицо?»—продолжаетъ кричать Ш.—«Основа-тое»,—отвѣчаетъ Шпакъ (лицо у него были въ оспинахъ). Ш. бросается съ руганью на Шпака, но послѣдній хватаетъ его самъ и начинаетъ колотить. Поколотивши Ш., какъ слѣдуетъ, Шпакъ выскакиваетъ изъ канцеляріи черезъ окно съ крикомъ, что начальникъ его бьетъ. Избитый Ш. поднимается съ полу, выходитъ изъ канцеляріи и немедленно уѣзжаетъ. Посовѣтовавшись съ своимъ помощникомъ, онъ рѣшилъ не возбуждать этого дѣла официально, но устроилъ такъ, что Шпакъ былъ сданъ въ солдаты и поступилъ въ гвардію. Оттуда онъ писалъ Ш. письма съ просьбой прислать денегъ, и Ш. исполнялъ его просьбы, посылая ему по 25 рублей каждый разъ.

Какъ трудно было угодить тогда начальству, можно судить, на примѣръ, по слѣдующему случаю. Окружный начальникъ (тотъ же Ш.) требовалъ отъ писарей являться къ нему одѣтыми безукоризненно чисто и строго по формѣ; наоборотъ, помощникъ его, полякъ К., увидѣвъ писаря чисто одѣтымъ, кричалъ на него: «а ты что за паничъ такой!» и прибавлялъ еще какое нибудь ругательство. Къ нему нужно было являться въ засаленномъ мундирѣ, на коемъ недостаетъ нѣсколькихъ пуговицъ, въ грязныхъ и рваныхъ сапогахъ.

Придираясь къ писарю и за дѣло и безъ дѣла, тогдашніе начальники сами въ то же время далеко не были образцами честности и обходились съ казеннымъ имуществомъ, какъ со своимъ собственнымъ. Приведу одинъ примѣръ изъ многихъ такихъ же. Въ бытность корытницкимъ сельскимъ писаремъ, я узналъ, что 50 штукъ деревьевъ изъ казеннаго строевого лѣса безъ клейма кѣмъ-то вырублено и вывезено къ рѣкѣ Бугу для переправы въ Дубенку. Я тотчасъ же распорядился арестовать это дерево. На другое утро пріѣхалъ ко мнѣ еврей, купецъ изъ города Дубенки, и просилъ освободить дерево отъ ареста, предлагая за это взятку. Я, конечно, отказался, говоря, что долженъ донести объ этомъ палатѣ государственныхъ имуществъ, и если послѣдняя разрѣшитъ выдать ему дерево, то я исполню это безпрекословно. Тогда еврей пригрозилъ мнѣ неудовольствіемъ со стороны начальства и уѣхалъ. На другой день я получилъ приказаніе явиться въ окружное управленіе въ Ковель за 60 верстъ, а старосту выслать въ другую сто-

рону за взысканіемъ недоимки. Я уѣхалъ въ Ковель, и тамъ окружной начальникъ продержалъ меня подъ разными предлогами цѣлая сутки. Возвратившись назадъ, я узналъ, что дерево уже взято евреемъ, который, какъ оказалось, ѣздилъ къ лѣсническому казенныхъ лѣсовъ, а послѣдній просилъ Ш. освободить дерево отъ ареста. Официально ко мнѣ за это трудно было придратъся, но такая неговорчивость ставилась мнѣ на счетъ, и затѣмъ при каждомъ случаѣ выражалось неудовольствіе ко мнѣ начальства. Впрочемъ наказанія розгами мнѣ какъ-то удалось избѣгнуть, но къ какимъ ухищреніямъ надо было для этого прибѣгать! Какъ воспитанникъ Межиричской школы, я былъ освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія, но это ничего не значило, такъ какъ права людей маленькихъ ставились тогда ни во что.

Однакоже между тогдашними администраторами попадались и справедливые начальники, въ особенности изъ высшихъ чиновниковъ чисто русскаго происхожденія. Приведу такой примѣръ. Въ 1860 году окружныя управленія были устранены, а для ревизіи сельскихъ управленій командировались чиновники особыхъ порученій Волынской палаты государственныхъ имуществъ. Одинъ изъ такихъ чиновниковъ, полякъ Бычковскій, производя ревизію въ селѣ, гдѣ я былъ писаремъ, не помню, по какому поводу придрался ко мнѣ, отнесся крайне пристрастно, искавилъ факты и представилъ къ увольненію. Но управляющій палатою Бѣленицынъ, который уже нѣсколько зналъ меня, посмотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ самъ провѣрилъ факты на мѣстѣ, увидѣлъ, что они искажены Бычковскимъ, и въ результатѣ не только меня не уволилъ, а даже объявилъ благодарность за усердную службу. Мало того, онъ представилъ Бычкова къ увольненію, и послѣдній только по стараніямъ своихъ защитниковъ былъ переведенъ въ Олонецкую губернію.

Другой такой чиновникъ особыхъ порученій, нѣкто Скларовъ-Скларенко, только что окончившій университетъ, пріѣхавъ въ первый разъ на ревизію, насмѣшилъ все село полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго понятія объ условіяхъ деревенской жизни. Въѣхавъ въ село, онъ встрѣтилъ на улицѣ стадо скота, идущее съ пастбища. Это показалось ему страшнымъ безпорядкомъ, и онъ сталъ распекалъ старшину за то, что онъ позволяетъ гнать скотъ по главной проѣздной улицѣ и загрязнять ее, тогда какъ скотъ долженъ проходить задними дворами. Старшина съ большимъ трудомъ могъ убѣдить его, что на заднихъ дворахъ находятся крестьянскіе огороды, и допускать туда скота нельзя... Но и этотъ строгій блюститель деревенской чистоты, только что оставившій университетскую аудиторію, оказался потомъ далеко нечистымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Да и какъ же иначе могъ бы онъ ужиться въ тогдашней чиновнической средѣ?

Что касается писарей, вышедшихъ изъ межиричской писарской школы и воспитанныхъ такими преданными своему долгу людьми, какъ начальникъ этой школы Вейтбрехтъ, а потомъ Ковалевъ, и инспекторъ Афендикъ, а потомъ Самоцвѣтъ и Синельниковъ, то они, вообще говоря, старались на дѣлѣ слѣдовать завѣтамъ своихъ воспитателей и блюсти интересы казны и крестьянъ. Это не правиломъ многимъ чиновникамъ (въ числѣ которыхъ было немало и поляковъ, потомъ даже участвовавшихъ въ возстаніи), и потому писаря эти подвергались преслѣдованіямъ, переводились съ мѣста на мѣсто или же совсѣмъ увольнялись за какую либо фиктивную вину, а на ихъ мѣсто назначались люди болѣе покладистые. Конечно, эти чиновники очень косо смотрѣли и на межиричскую школу, выпускавшую знающихъ и истинно русскихъ работниковъ сельскаго управленія. И вотъ, когда управляющимъ Волынской палатою государственныхъ имуществъ послѣ Бѣленицына былъ назначенъ полякъ Хондзынскій, то онъ сталъ дѣлать представленія о несоотвѣтствіи этой школы своему назначенію и добился того, что школа была закрыта въ 1862 году.

IV.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. — Преобразованія въ управленіи казенными крестьянами. — Мировые посредники изъ поляковъ и ихъ недобросовѣстное отношеніе къ крестьянамъ. — Возстаніе 1863 года и мѣры правительства въ средѣ крестьянъ. — Участіе въ возстаніи нѣкоторыхъ чиновниковъ изъ поляковъ.

Въ 1861 году состоялся великій актъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Государственные крестьяне находились въ особомъ положеніи, не испытывали крѣпостного гнета, и потому для нихъ эта реформа не имѣла такой громадной важности, какъ для крѣпостныхъ; но все же и ихъ положеніе значительно измѣнилось. Казенныя сельскія управленія были на общемъ основаніи переименованы въ волостныя и перешли въ вѣдѣніе мировыхъ посредниковъ, а чиновники палаты государственныхъ имуществъ упразднены. Мировые посредники назначались сначала изъ мѣстныхъ помѣщиковъ-поляковъ. Понятно, что они исполняли свое дѣло не совсѣмъ добросовѣстно, соблюдая только интересы своихъ братьевъ-помѣщиковъ въ ущербъ крестьянъ. Приведу одинъ примѣръ такой ихъ дѣятельности.

Въ Ковельскомъ уѣздѣ мировымъ посредникомъ былъ назначенъ помѣщикъ имѣнія «Буцынь», Пржесмыцкій. Это имѣніе находилось по сосѣдству съ другимъ имѣніемъ «Хоромцы», принадлежавшимъ помѣщику Шиманскому и граничившимъ съ землями государственныхъ крестьянъ села Мизова. Эти крестьяне не имѣли своего лѣса и пользовались таковымъ у помѣщика Шиманскаго за производи-

мыя у него хозяйственныя работы. Шиманскій платилъ имъ за эти работы дровами изъ лѣса, выдавая имъ расписки по роду работы на известное число фуръ дровъ. До высочайшаго указа 19 февраля 1861 года по распискамъ этимъ дрова выдавались крестьянамъ исправно; послѣ же указа и назначенія мировымъ посредникомъ его сосѣда, Пржесмыцкаго, Шиманскій пересталъ выдавать дрова по распискамъ. Крестьяне нѣсколько разъ заявляли объ этомъ мировому посреднику Пржесмыцкому, но послѣдній ихъ просьбы оставлялъ безъ послѣдствій. Нѣсколько крестьянъ, съ дозволенія сына Шиманскаго, нарубили себѣ въ лѣсу его нѣсколько фуръ ольховыхъ дровъ. Шиманскій, узнавъ объ этомъ, немедленно заявилъ мировому посреднику Пржесмыцкому о самовольной порубкѣ дровъ двадцатью крестьянами въ его лѣсу. Мировой посредникъ постановилъ оштрафовать 20 крестьянъ по 2 рубля и взыскать съ нихъ же въ пользу помѣщика за убытки по 1 рублю 20 коп. за каждую фуру дровъ. Постановление это вошло въ законную силу, такъ какъ крестьяне пропустили срокъ и не обжаловали его. Въ то время я былъ писаремъ мизовскаго сельскаго управления и рѣшился отстаивать интересы крестьянъ. Съ этой цѣлью я написалъ Шиманскому официальную бумагу съ просьбой сообщить, во сколько онъ цѣнитъ каждую фуру дровъ, заработанную у него крестьянами по имѣющимся у нихъ его распискамъ за прежнее время. Шиманскій отвѣтилъ, что онъ цѣнитъ фуру дровъ ольховыхъ 7½ коп., березовыхъ 10 коп. и дубовыхъ 12 копеекъ. Затѣмъ я собралъ у крестьянъ свѣдѣнія, сколько у нихъ числилось фуръ дровъ и какихъ именно дровъ по распискамъ помѣщика, — оказалось 560 фуръ на 122 рубля. Въ то же время мировой посредникъ прислалъ бумагу съ требованіемъ поспѣшить взысканіемъ съ вышеупомянутыхъ виновныхъ въ порубкѣ лѣса крестьянъ 40 рублей штрафа и 24 рублей въ возмѣщеніе убытковъ помѣщику, а всего 64 рублей. Тогда я составилъ именной списокъ крестьянъ, которымъ слѣдовало получить дрова изъ лѣса помѣщика по распискамъ, съ расчетомъ стоимости этихъ дровъ по оцѣнкѣ мирового посредника, примененной имъ къ крестьянамъ за вырубленный лѣсъ (т.-е. по 1 рублю 20 коп. за фуру). По такой оцѣнкѣ за 560 фуръ крестьянамъ причиталось съ помѣщика Шиманскаго 672 рубля. Списокъ этотъ и расчетъ я отослалъ мировому посреднику съ объясненіемъ, что крестьяне согласны на его постановленіе, но по несостоятельности не могутъ уплатить требуемыхъ съ нихъ 64 рублей, почему и просятъ его сдѣлать распоряженіе о взысканіи съ помѣщика Шиманскаго слѣдуемыхъ въ ихъ пользу по его распискамъ за 560 фуръ 672 рублей (согласно оцѣнкѣ мирового посредника), изъ каковыхъ денегъ удержать 64 рубля штрафа и въ пользу помѣщика, а остальные деньги 608 рублей прислать въ сельское управленіе для раздачи крестьянамъ по принадлежности,

послѣ чего подлинныя расписки Шиманскаго будутъ ему возвращены. Тогда дѣло сразу приняло другой оборотъ. Вскорѣ пріѣхалъ къ крестьянамъ самъ Шиманскій и просилъ не требовать съ него взысканія посредствомъ мирового посредника 672 рублей за слѣдующія имъ дрова, обязываясь всѣ дрова по распискамъ выдать крестьянамъ сполна и простить имъ 64 рубля штрафа за убытки. Обѣщаніе свое онъ исполнилъ, и тѣмъ дѣло и окончилось.

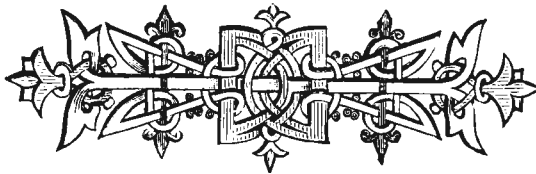
Подобнаго рода фактовъ пристрастнаго отношенія мировыхъ посредниковъ изъ помѣщиковъ къ крестьянамъ случалось въ то время немало. Къ счастью, такое положеніе дѣла продолжалось недолго—до востанія 1863 года, въ которомъ приняли участіе нѣкоторые изъ тѣхъ же посредниковъ. Съ того времени посредниками назначались чисто русскіе люди, большею частью, офицеры, которые исполняли свои обязанности честно и безпристрастно.

Когда вспыхнуло возстаніе, правительство роздало становымъ приставамъ и волостнымъ управленіямъ старыя солдатскія ружья со штыками для раздачи крестьянамъ, изъ которыхъ многіе вооружились сами пиками собственной работы. Въ каждой деревнѣ была учреждена изъ крестьянъ охранныя и подвижная стража подъ начальствомъ сотскихъ и десятскихъ. Охранныя стража обязана была охранять свою деревню отъ повстанскихъ шайкъ, а подвижная—дѣйствовать внѣ деревни, въ сосѣднихъ лѣсахъ, производя въ нихъ обыски и выслѣживая тѣ же шайки. При имѣніяхъ и фольваркахъ помѣщиковъ были поставлены особые караулы изъ крестьянъ. Каждый карауль снабжался особой книжкой, въ которую, въ случаѣ выѣзда помѣщика, долженъ былъ записывать, куда, зачѣмъ и надолго ли онъ выѣзжаетъ, а въ случаѣ пріѣзда какого либо помѣщика въ гости, — отмѣчать въ книжкѣ, кто онъ, откуда, зачѣмъ и надолго ли пріѣхалъ. Эту книжку карауль долженъ былъ каждый день представлять въ волостное управленіе, гдѣ снималась съ отмѣтокъ копія и представлялась уѣздному исправнику. Повстанцы часто нападали на волостныя управленія, разбивали кассовыя сундуки и забирали деньги, а должностныхъ лицъ волостного управленія иногда и вѣшали. Одинъ разъ караульный извѣстилъ меня, что къ сосѣднему помѣщику пришли съ оружіемъ повстанцы и требуютъ денегъ. Посмотрѣвъ въ караульную книжку, я увидѣлъ, что тамъ записаны прибывшими къ помѣщику писецъ Ковельскаго окружнаго управленія Пруневичъ и сынъ помощника станового пристава въ Маціовѣ Суликовскій (оба поляки). Я послалъ копію караульной записи ковельскому исправнику, казенныя деньги распорядился спрятать въ зернѣ запаснаго магазина, а самъ съ охранный и подвижной стражей отправился къ помѣщику. Но повстанцы, между которыми находились Пруневичъ и Суликовскій, вѣроятно, услышали движеніе стражи и скрылись. Потомъ я узналъ, что Пруневичъ въ одной

стычкѣ даже ранилъ старшину. Вообще въ то время немало было личностей, считавшихся вполнѣ благонамѣренными, но втайнѣ преданныхъ возстанію. Такъ, на примѣръ, въ бытность мою писаремъ Хотешовской волости, волостнымъ старшиной былъ нѣкто Грондовскій, бывшій католикъ, принявшій православіе. Онъ умѣлъ всячески угождать начальству, доставлялъ чиновникамъ обильныя приношенія и пользовался ихъ поддержкой; зато съ крестьянъ выжималъ въ свою пользу всѣ соки и обходился съ ними, какъ съ своими крѣпостными. Онъ страшно развратничалъ и творилъ всевозможныя безобразія, которымъ я, большею частью, воспрепятствовать не могъ, такъ какъ онъ пользовался поддержкой свыше и даже получалъ медали за какія-то, конечно, мнимыя отличія. Между тѣмъ, потомъ оказалось, что во время возстанія Грондовскій содержалъ на свой счетъ шайку повстанцевъ, которую наконецъ изловили казаки. Тогда раскрылись и дѣйствія Грондовскаго, и, конечно, его постигла бы печальная участь, если бы онъ въ это время не умеръ. Но и послѣ подавленія возстанія долгое время страсти не угмонивались. Много еще оставалось личностей, подобныхъ П., С. и Г., которые, соединившись съ помѣщиками и нѣкоторыми чиновниками, всячески притѣсняли крестьянъ и тѣхъ, кто отстаивалъ русское дѣло въ краѣ.

Л. Н. Савлукъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I) ¹⁾.

ХІІ.

Товарищеская услуга.

І.

ВЪ ЛЮДСКОЙ было душно и темно. Огней не зажигали, потому что было еще рано, и вечерній сумракъ ложился темными пятнами въ углахъ комнаты.

— Теперь жисть пойдетъ другая,—говорилъ Софронъ, сидя около раскрытаго окна и присматриваясь вдаль, гдѣ усадьба еле виднѣлась причудливымъ силуэтомъ.— Другая, говорю, жисть, потому какъ барыня не одна, а съ мужемъ, и потому какъ у нея теперь сердце на двѣ части разрывается...

— Небось, не разорвется!—отозвалась отъ печки старая баба, которая числилась когда-то судомойкой, а теперь не занимала никакой должности и жила въ усадьбѣ, какъ бы на пенсіи.— Не разорвется! Ишь тоже. Помню ее, дѣвкой была, замужъ выходила. А теперь на-поди. Двухъ лѣтъ отъ мужниной смерти не прошло, а тутъ на-поди... опять замужъ. Бабѣ, гляди, сорокъ съ хвостикомъ, а она тоже замужъ. На-поди...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 933.

— Да, что ты свое заладила? На-поди, да на-поди, словно у тебя другихъ словъ нѣтъ,—проворчалъ недовольно Софронъ.— Отъ тебя что ли она отняла? Какая ея такая жисть была, чтобы, значить, опять замужъ не выходить? Молодая барыня, красивая... Да и другой мужъ-то мужчина видный. Э-эхъ, ты... баба!

— Молилась бы лучше, чѣмъ замужъ-то выходить! Вѣдь у нея, какъ никакъ, сынъ, тоже жениться пора, въ офицеры выпелъ. Все это ему тоже требуется...

— Да что требуется-то, старая? Чего ты заладила-то свое? а? Онъ самъ, а она...

— Ладно! знаю я ихъ, бабъ-то! Всѣ онѣ на одинъ ладъ, что бѣдная, что богатая, имъ все одно требуется. Не одобряю я этого самага!

— Такъ тебя и спрашиваютъ. Очень кому нужно твое одобрение! Баба ты, и больше никакихъ, и разговаривать съ тобой мнѣ не слѣдъ, потому какъ ты—дура!

Софронъ сплюнулъ, поднялся съ мѣста и выпелъ на воздухъ. Присутствіе судомойки раздражало его. Онъ такъ любилъ барыню, что всѣ ея поступки казались ему необыкновенно добрыми и умными, и онъ не терпѣлъ критики.

Онъ сѣлъ на завалинку и сталъ думать. Думалъ Софронъ о прошломъ, о томъ прошломъ, которое для стариковъ представляется въ такомъ освѣщеніи, ради котораго можно игнорировать все настоящее.

Въ прошломъ Софрона не было ничего, кромѣ барской плети, тираніи, чистаго крѣпостничества со всѣми его явленіями самодурства и издѣвательства, но Софронъ любилъ это прошлое. Изъ-за ужасовъ рабства смотрѣли на него дни молодости, дни невозвратимаго счастья. Софронъ въ своемъ прошломъ любилъ свою прошлую молодость и больше ничего.

Барыня, о которой онъ только-что разговаривалъ съ судомойкой, всегда представлялась Софрону чѣмъ-то необыкновеннымъ, нѣжнымъ, неземнымъ, сверхчеловѣческимъ. Онъ зналъ ее дѣвочкой, тоненькой, бѣлокурой дѣвочкой въ свѣтлыхъ платьяхъ съ длинными прядями свѣтлыхъ же волосъ.

Софронъ помнилъ, какъ эта дѣвочка отправлялась со своей теткой въ столицу учиться. Тогда былъ такой дождливый день, и маленькую дѣвочку онъ самъ несъ на рукахъ черезъ дворъ и усаживалъ въ карету.

Этого дождливаго дня Софронъ никогда не забудетъ. Потомъ о дѣвочкѣ долго не было ни слуху, ни духу. А тамъ прошли года, и въ одинъ день неожиданно въ усадьбу пріѣхала барыня. Софронъ не узналъ въ ней той дѣвочки, которую онъ носилъ по двору. Передъ нимъ стояла красивая женщина и смотрѣла на него равнодушными глазами. Рядомъ съ ней стоялъ офицеръ и позѣвывалъ, оглядывая мѣстность.

Этотъ офицеръ былъ ея мужъ. Софронъ благоговѣнно стоялъ передъ барыней и ждалъ приказаній. Но приказаній ему не дали. Барыня осмотрѣла мужиковъ и бабъ, представила имъ своего мужа и скрылась въ усадьбѣ.

Софронъ просился у управляющаго на должность садовника. Но управляющій не желалъ производить Софрона на эту должность. И Софронъ довольствовался только тѣмъ, что изрѣдка приходилъ въ усадьбу и подметалъ дворъ.

Съ барыней онъ встрѣчался рѣдко, а когда встрѣчался, то она его не замѣчала.

Зато съ бариномъ у него было нѣсколько встрѣчъ. И баринъ замѣчалъ Софрона, и каждая встрѣча Софрона съ бариномъ влекла для перваго нѣсколько ударовъ безцѣльныхъ, глупыхъ, такихъ ударовъ, которые поражаютъ своею бессмысленностью и западаютъ въ душу.

Но Софронъ не сердился. Онъ зналъ, что это—воля барина, и что волѣ барина надо повиноваться молчаливо и рабски, чтобы не было еще хуже.

Господа прожили нѣсколько мѣсяцевъ и уѣхали въ столицу. И все пошло по-старому. Софронъ продолжалъ питать къ барынѣ благоговѣнное чувство. И когда до него дошла вѣсть о томъ, что баринъ умеръ, и барыня осталась вдовой, Софрону стало необыкновенно весело.

А тамъ, спустя нѣкоторое время, въ деревнѣ стали говорить, что барыня снова вышла замужъ, несмотря даже на то, что у нея отъ перваго брака оставался сынъ, который, сказывали, тоже уже былъ офицеромъ.

— Время-то, время-то идетъ!—бормоталъ Софронъ и благоговѣнно поглядывалъ на темнѣющую усадьбу.

Нѣсколько дней тому назадъ барыня со своимъ молодымъ мужемъ пріѣхала въ усадьбу и долго никому не показывалась. И сегодня въ первый разъ Софронъ увидалъ барыню. Она постарѣла, но все еще была красива и статна. Софронъ ей низко поклонился, но барыня его не замѣтила, какъ и въ старыя времена.

Уже совсѣмъ стемнѣло, и на деревнѣ все затихло, а Софронъ продолжалъ сидѣть на завалинкѣ и думать. Теперь онъ уже былъ совсѣмъ старикъ. Жениться ему не удалось. Онъ былъ бобылемъ, къ землѣ его не тянуло. Ему хотѣлось, чтобы господа жили въ деревнѣ, чтобы они взяли его къ себѣ въ домъ. Онъ могъ быть отличнымъ лакеемъ. Но такъ не было, и Софронъ жилъ бобылемъ въ одной избѣ съ бывшей судомойкой.

Софронъ поднялся съ мѣста и хотѣлъ было итти уже въ избу, но замѣтилъ впереди какую-то тѣнь и остановился. Тѣнь приближалась и росла. Несмотря на свои подслѣповатые глаза, Софронъ

разглядѣлъ Ваську, молодого парня, помощника и приближеннаго управляющаго.

Парень быстро бѣжалъ по направленію къ избѣ. Софронъ почувствовалъ, что у него помутилось въ глазахъ, и сердце сильно заколотилось.

— Ты это, Софронъ?—спросилъ Васька, подбѣгая къ избѣ и останавливаясь.

— Онъ самый!—отвѣтилъ Софронъ.—А что бѣжалъ? чего надо тутъ?

— Въ усадьбу пойдѣмъ. Да поскорѣйча!

— Въ усадьбу? А чего же тамъ дѣлать-то?

У Софрона подкосились ноги, и онъ ждалъ отвѣта отъ Васьки, ждалъ нетерпѣливо.

— Управляющій зоветъ. Тамъ надо дорожки дѣлать. Заросли всѣ. Ругается...

— Сейчасъ! Подожди малость. Я только заберу кое-что! Погоди, другъ. Сейчасъ я!

Бѣгомъ сбѣгалъ Софронъ въ избу, окинулъ презрительнымъ взглядомъ судомойку, которая уже спала крѣпкимъ сномъ, взялъ какую-то сумку и выбѣжалъ къ Васькѣ.

— Готовъ я!—сказалъ Софронъ.—Пойдемъ что ли. Завтра съ утра и начнемъ...

— Ступай одинъ, а мнѣ еще въ деревню сбѣгать надо. По дѣлу одному надо!

— Къ Каткѣ что ли? Такъ ея тамъ нѣтъ. Она со вчерашняго дня пьянствуетъ гдѣ-то...

— Какое Катка!—отмахнулся Васька.—Еще нѣсколько чело-вѣкъ надо... Ты ступай, а я за другими побѣгу. Матвѣй Филип-пычъ дожидаетъ тамъ. Иди одинъ.

Софронъ пошелъ къ усадьбѣ. Ему было неприятно, что вмѣстѣ съ нимъ будутъ работать въ усадьбѣ и другіе мужики. Онъ понималъ, что, работая одинъ, онъ не такъ скоро окончилъ бы работу, и его непременно замѣтили бы, а кто знаетъ?—потомъ онъ могъ вовсе остаться при усадьбѣ, хотя бы въ качествѣ домашняго мужика.

Софронъ шелъ. И по мѣрѣ приближенія къ усадьбѣ у него на душѣ становилось свѣтлѣе.

II.

Рано утромъ на слѣдующій день Софронъ вмѣстѣ съ другими мужиками принялись за садъ. Они приводили въ порядокъ дорожки, вырывали траву, усыпали пескомъ.

Софронъ ворчалъ на работниковъ, находилъ, что они вовсе не умѣютъ обращаться съ садомъ, и когда пришелъ управляющій,

то Софронъ не удержался, чтобы не пожаловаться на нихъ. Но управляющій не обратилъ на Софрона вниманія, а мужики къ его ворчанью отнеслись болѣе, чѣмъ равнодушно.

Около полудня Софронъ случайно поднялъ глаза и замеръ отъ неожиданности.

Издали прямо по направленію къ нимъ двѣгались барыня и баринъ. Софронъ только теперь при утреннемъ солнцѣ замѣтилъ, что барыня сильно измѣнилась, что въ ней замѣчается что-то новое для Софрона, она пополнѣла и постарѣла.

Ея мужъ, красивый высокій господинъ, равнодушно шелъ, поглядывая по сторонамъ. Онъ былъ значительно моложе барыни. И барыня нѣжно поглядывала на мужа и крѣпко держалась за его руку.

Она кивнула на поклонъ мужиковъ и остановилась.

— Нравится тебѣ? Не правда ли, здѣсь будетъ мило?—спросила она, обращаясь къ мужу и засматривая ему въ глаза.—Тебѣ нравится? да?

— Здѣсь, вѣроятно, страшно скучно!—отвѣтилъ баринъ.—И жарко ужасно!

Они повернулись и пошли обратно. А Софронъ провожалъ ихъ глазами и молчалъ.

День прошелъ въ работѣ. Софронъ усталъ, но уходитъ домой, въ избу, къ старой стряпухѣ, ему не хотѣлось. А уходитъ надо было. Работа была кончена..

Софронъ забралъ свою сумку и пошелъ къ деревнѣ.

Теперь онъ понималъ, что барская усадьба для него нѣчто несбыточное и безнадежное. Онъ пришелъ къ судомойкѣ въ избу, изругалъ ее безъ всякой причины и завалился спать.

И когда онъ лежалъ на скамейкѣ, не закрывая глазъ, онъ чувствовалъ, что у него противъ барина поднимается какая-то странная злоба. Онъ понималъ, что между барыней и новымъ баринномъ разница въ лѣтахъ, разница большая, что барынѣ барина не удержать подлѣ себя.

А когда Софронъ заснулъ, то во снѣ онъ видѣлъ судомойку, которая ругалась и засматривала ему, Софрону, въ глаза, какъ барыня барину. И Софрону это было непріятно.

III.

Прошло около мѣсяца послѣ пріѣзда барыни. Господа никуда не выѣзжали и къ себѣ никого не принимали. На деревнѣ болтали, что барыня боится за мужа, что она его ревнуетъ, а потому и не показываетъ людямъ. Говорили также, что баринъ себѣ на умѣ и умѣетъ обдѣлывать свои дѣла безъ барыни, что онъ часто ѣздитъ одинъ и бываетъ на деревнѣ.

Софронъ не вѣрилъ этому, не вѣрилъ и тому, что баринъ бѣгаетъ отъ барыни.

Онъ не допускалъ мысли, что можно обманывать барыню.

Онъ такъ и не повѣрилъ бы, если бы однажды вечеромъ не пришелъ къ нему Васька. Увидавъ его, Софронъ думалъ, что надо опять идти въ барскую усадьбу, но оказалось, что у него были на этотъ разъ совсѣмъ другія дѣла.

— Вишь, что, Софронъ! — началъ Васька. — Дѣло-то у меня такое... молчать надо...

— Молчать? Это почему же молчать? Убилъ ты что ли кого? — неприязненно отозвался Софронъ. — Говори про свою тайну...

— Дѣло, братецъ ты мой, барское, а потому намъ до этого и никакого дѣла нѣтъ!

— Барское дѣло? — удивился Софронъ. — Ну, ну, сказывай, куда гнешь это ты?

— А вотъ что, — отвѣтилъ Васька и сѣлъ на завалинку. — Дѣло барское и молодое. А какъ должны мы господъ слушаться, такъ вотъ, стало быть, и слушай!

Софронъ ничего не понималъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Ваську. Васька былъ пьяница, мотъ, бабникъ, такой же точно, какъ и самъ управляющій. А у Софрона душа была нѣжная и чувствительная, и женскій вопросъ онъ рѣшалъ своеобразно: бабы были для него не люди, а женщины изъ свѣта — нѣчто необыкновенное; поэтому онъ никогда не пользовался успѣхомъ ни у бабъ, ни у женщинъ, и всю свою жизнь провелъ съ бывшей судомойкой.

— Къ чему ты это все гнешь-то, никакъ не пойму! — сказалъ Софронъ.

— А къ тому... слушай! У тебя есть пріятель, этотъ чортъ, старый Вакуловъ...

— Ну, есть! — согласился Софронъ. — И тебѣ приглянулась его дочь? Такъ что ли?

— Не такъ! — отмахнулся Васька. — Не мнѣ. Дѣло, говорю, барское, и по барскому разсужденію Вакулова дочь какъ разъ барину по сердцу...

— Что-о?! — воскликнулъ Софронъ и приподнялся съ мѣста. — Повтори-ка еще разъ!

— Чего тамъ повторять! Извѣстно, барская воля и ихнее желанье, противъ него не пойдешь. Такъ вотъ слушай же!

— Пошелъ прочь, шематонъ! — крикнулъ Софронъ и самъ не узналъ своего голоса.

— Что ты, дядя! Чего орать-то? Я къ тебѣ не по своей волѣ. Приказали, ну, и пришелъ. Приказали, чтобы ты, стало быть, Вакулову сказалъ и дочь евонную привелъ къ управляющему на фатеру. Вакуловъ тебя послушаетъ, а не то въ солдаты, сказывали, пошлютъ. Такъ вотъ, дядя...

Софронъ ничего не могъ отвѣтить. Для него все сказанное представлялось чѣмъ-то такимъ нелѣпымъ и невозможнымъ, что онъ не могъ придавать этому никакого значенія и вѣрить. Онъ думалъ, что здѣсь просто какая нибудь гадкая выходка самого Васьки и больше никого.

— Вонъ, говорю, пошелъ! — повторилъ Софронъ. — Ахъ, ты, гадина! Я для тебя буду своего друга-пріятеля уговаривать?.. Ахъ, ты, мразь!...

— Да не для меня, чудакъ человѣкъ. Я тутъ ни при чемъ. А баринъ повстрѣчалъ, стало быть, Вакулову дочь въ лѣсу что ли, аль гдѣ. Ну, и понравилась она ему. Онъ и сказалъ управляющему, чтобы безпремѣнно завтра къ вечеру Вакулова дочь была. Больше никакихъ. Управляющій понимаетъ, что барыня этого не должна знать. Вотъ и приказалъ мнѣ это дѣло обдѣлать. А я къ тебѣ и пришелъ. Ты съ нимъ пріятель, чего тамъ. Ему не все ли равно? Денегъ дадутъ, небось...

— Пшелъ! — крикнулъ Софронъ и замахнулся на Ваську. И если бы Васька не отскочилъ, то ударъ пришелся бы ему какъ разъ по головѣ.

— Дуракъ ты! — проговорилъ Васька. — Старъ, а глупъ! Эхъ, ты, ду-у-ра!

Васька свистнулъ и побѣжалъ къ деревнѣ. Софронъ остался неподвижнымъ на мѣстѣ и грозно сжималъ брови, и что-то бормоталъ про себя.

IV.

Всю ночь и все утро слѣдующаго дня Софронъ посвятилъ выслѣживанію Васьки.

Онъ бродилъ по деревнѣ, ходилъ по опушкѣ лѣса, прятался, побывалъ у Вакулова, но его не было въ избѣ, а его глухая жена не могла дать Софрону никакого матеріала. Дочери Вакулова не было дома: была пора сѣнокоса, и всѣ дѣвки были въ полѣ. Итти въ усадьбу Софронъ не рѣшался, такъ какъ могъ налетѣть на управляющаго, и порка тогда была бы неизбѣжна.

Къ вечеру Софронъ пошелъ было домой, но потомъ раздумалъ и повернулъ назадъ къ деревнѣ. Какое-то намѣреніе созрѣло у Софрона. Это было видно по его задумчивому, сосредоточенному взгляду, по безпрестанному бормотанью.

Софронъ прошелъ въ поле, обогнулъ его дальними межами и очутился у забора барской усадьбы, уже погружающейся въ темные лучи закатныхъ отблесковъ.

Съ крихтѣньемъ, съ огромнымъ трудомъ перелѣзъ Софронъ черезъ заборъ и, какъ камень, упалъ на траву сада. И когда онъ лежалъ на травѣ, чувствуя боль въ боку, ему казалось, что его

замѣтили изъ усадьбы, что сейчасъ его заберутъ, примутъ за вора или чтонибудь хуже придумаютъ и обвинять.

Однако, онъ лежалъ, а никто не приходилъ его брать. И Софронъ лежалъ, выжидая наступленія полной темноты.

А когда огромный тѣнистый садъ усадьбы окутался тишиною и сумракомъ, въ которомъ становилось жутко, Софронъ поднялся на ноги и пошелъ, прячась за деревья, къ отдаленной избѣ управляющаго. Изба эта заключала въ себѣ нѣсколько комнатъ. Тамъ жилъ самъ управляющій, Васька и ихъ кухарка. У управляющаго въ комнатѣ было темно. Кто-то ходилъ около дома...

Софронъ не зналъ, что надо дѣлать. Надо было принимать мѣры и какъ можно скорѣе. Онъ теперь отлично понималъ, что Васька не вралъ, что баринъ дѣйствительно похожъ на «шематона», что онъ обманываетъ барыню.

И Софрону стало больно, такъ больно, что хотѣлось кричать отъ негодованія и обиды, отъ досады за нарушеніе самыхъ нѣжныхъ обязанностей человѣка.

У управляющаго все было попрежнему. Сумракъ сгущался, и деревья начинали свой вечерній тихій шопотъ.

Сказать барынѣ? Что сказать и какъ увидать ее? Развѣ она приметъ къ себѣ какого-то мужика, грязнаго, стараго мужика? Кто доложить о немъ?

Софронъ въ отчаяніи ломалъ руки. Ему не было страшно, что за его доносъ онъ можетъ поплатиться. И ему все грезился дождливый день и дѣвочка на его рукахъ.

Софронъ тряхнулъ головою, перекрестился и быстро пошелъ къ барскому дому.

— Все равно, все равно! — бормоталъ онъ. — Не допущу до того! Нельзя допустить!

И онъ шелъ увѣренно, смѣло, съ сознаниемъ важности своей задачи. Онъ былъ готовъ на все, что ни понадобилось бы.

И вдругъ, совершенно неожиданно для себя, онъ увидалъ свѣтъ. Отворенное окно въ барскомъ домѣ свѣтилось, и издали видна была въ немъ чья-то склоненная голова, знакомая голова.

— Матушка, барыня! — прошепталъ Софронъ, и ему опять вспомнилась бѣлокурая дѣвочка въ свѣтломъ платьицѣ.

Онъ прибавилъ шагу. Для него было важно одно: сказать барынѣ... скорѣе...

Вотъ Софронъ уже около окна. Онъ ясно видитъ барыню. Она сидитъ и читаетъ. Въ комнатѣ никого, кромѣ нея.

И тихо въ воздухѣ. Только деревья ведутъ свой мистическій шопотъ.

— Барыня, матушка моя! — прошепталъ Софронъ, останавливаясь около окна.

Барыня быстро поднялась и откинулась назадъ, видимо испуганная.

— Я это! Софронъ вашъ! Мужикъ вашъ! Барыня, не бойтесь, матушка! Я не ворогъ. По нуждѣ пришелъ... барыня!..

Софронъ видѣлъ, какъ поблѣднѣла барыня, какъ она вздохнула потомъ и хлопнула въ ладоши.

— Не надо, матушка! Не надо хлопать! Не зови! Я уйду, только слово скажу!

И прерывающимся голосомъ, путаясь и едва выговаривая звуки, Софронъ разсказалъ барынѣ все, что зналъ. И чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ темнѣе становилось лицо барыни, тѣмъ сумрачнѣе нависали ея брови надъ глазами, заволокнувшимися пеленою.

— Подожди! — сказала она. — Не уходи отсюда!

Свѣтъ въ комнатѣ погасъ. Софронъ дрожалъ въ лихорадкѣ и ждалъ. Онъ не зналъ, чего онъ ждалъ, но что-то должно было совершиться сейчасъ.

И это совершилось. Онъ чуть не вскрикнулъ, когда увидалъ рядомъ съ собой барыню, блѣдную и взволнованную.

— Гдѣ онъ? Веди меня къ управляющему! — говорила она, задыхаясь отъ душившаго ее волненія, и тащила Софрона за рубаху.

И когда они шли къ дому управляющаго, его бѣдная барыня шептала, какъ безумная, и дрожала:

— Сказался больнымъ. Спать ушелъ. Рано ушелъ. Его нѣтъ. Я была въ комнатѣ его. Его нѣтъ. Неужели нѣтъ?

Она остановилась и схватила Софрона за руку. И Софронъ почувствовалъ, какъ острые ногти впились въ его старческую кожу.

— Слушай, старикъ! Если ты солгалъ... одно слово солгалъ... я тебя... на конюшнѣ пороть... долго пороть... Издохнешь ты у меня. Слышишь, старикъ?

Неслышно подошли они къ дому управляющаго. И, словно кошка, мимо проскользнулъ Васька. Софронъ узналъ его по кошачьимъ движеніямъ.

— Слѣдить, сторожить. Не устерегъ! — подумалъ Софронъ.

И это «не устерегъ» отозвалось въ сердцѣ Софрона удовлетвореніемъ.

— Отворите! — крикнула барыня, застучавъ въ дверь. — Отворите сейчасъ же! Двери!..

Ей никто не отворялъ. А она стояла и кричала. И Софрону становилось страшно отъ ея крика.

— Матушка, барыня! Гляньте! — крикнулъ въ свою очередь Софронъ, указывая на бѣгущаго человѣка.

Но его кто-то сбилъ съ ногъ и больно ударилъ по виску. Софронъ потерялъ сознание.

V.

Пришелъ онъ въ себя въ освѣщенной комнатѣ. Ему дали пить. Онъ открылъ глаза.

Только тогда для него стало яснымъ, что онъ лежитъ на кухнѣ, а около него стоитъ челядь и смотритъ на него.

— Очухался? — спросилъ его поваръ. — Встать можешь, что ли?

Софронъ приподнялся на локтѣ и отрицательно покачалъ головой. Что-то липкое было на подушкѣ, липкое и теплое.

— Сходи за барыней. Приказала!

Но Софронъ опять впалъ въ безпамятство. Пошли за барыней. Но барыня не приходила, а въ комнатѣ барина раздавались торопливые нервныя шаги.

Кто-то поѣхалъ въ городъ, повезъ какое-то кому-то письмо. Приходилъ лѣкарь, давалъ Софрону капли и приводилъ его въ чувство.

Софронъ продолжалъ лежать въ барскомъ домѣ. Ему перевязывали на вискѣ рану, говорили ему, что Ваську отдали въ арестантскія роты, что назначенъ новый управляющій, что баринъ никуда не выходитъ, и что Софрону теперь не сдобровать.

Софронъ только улыбался: онъ сдѣлалъ свое дѣло, былъ удовлетворенъ, а до остального ему не было никакого дѣла.

— А кто это меня тогда саданулъ? — спрашивалъ Софронъ окружающихъ.

Но тѣ не отвѣчали и отходили отъ него, торопясь заняться своими дѣлами. Софронъ понялъ, что въ домѣ не говорятъ о происшедшемъ, и это было для него страннымъ до необычайности.

Такъ провалялся Софронъ въ постели около двухъ недѣль. Барыня заходила въ кухню раза три и спрашивала Софрона о здоровьѣ. Но въ глазахъ барыни Софронъ не видѣлъ настоящаго участія, и ему даже казалось, что барыня ненавидитъ его, Софрона, который въ сущности открылъ ей глаза.

Все-таки Софронъ былъ счастливъ. А когда въ послѣдній разъ барыня стояла въ кухнѣ, то Софронъ увидалъ, какъ барыня измѣнилась въ лицѣ и крикнула:

— Борисъ! Боря! Наконецъ-то!

И выбѣжала изъ кухни къ подъѣзду. Прислуга сбилась у окна въ тѣсную кучу.

Подошелъ и Софронъ. И всѣ увидѣли молодого, почти безусаго офицера.

— Сынъ! Сынъ барынинъ пріѣхалъ! Это отъ перваго мужа! Сынъ, Борисъ! Гусаръ онъ!

Софронъ усмѣхнулся. Онъ сознавалъ, что еще не все кончилось, что пріѣздъ молодого барина знаменуетъ собою начало но-

ваго, неожиданнаго явленія. Онъ отошелъ отъ окна и легъ на старое мѣсто.

Отъ прислуги, приходившей въ кухню, Софронъ узнавалъ, что молодому барину приготовили помѣщеніе рядомъ съ барыней, что старшій баринъ не показывается изъ своей комнаты, что барыня не желаетъ его видѣть. Горничная говорила, что онъ даже приходилъ ночью къ барынѣ и плакалъ, какъ ребенокъ, а барыня выгнала его и назвала негодеемъ, и сказала, что онъ опозорилъ и ее, и всю фамилію Скирскихъ, и ея молодого сына, Скирскаго. И барыня его прогнала.

Приѣхалъ молодой Скирскій, но въ домѣ по внѣшности все шло по-старому.

Подходила уже осень, деревья теряли листву, въ воздухѣ пахло осенней свѣжестью, солнце заходило не въ обычномъ мѣстѣ, и мухи бродили, какъ сонныя.

Однажды ночью, когда уже всѣ спали, и только Софронъ страдалъ старческой бессонницей, въ кухню вбѣжала горничная, схватила воду и убѣжала въ комнаты.

И чудилось Софрону, что кто-то плачетъ за стѣнами, кто-то ходитъ и громко говоритъ. А когда разсвѣло, и горничная вернулась въ кухню, то Софронъ спросилъ:

— Чего тамъ? Случилось что?

Горничная не прочь была поговорить. Она сказала, что молодой баринъ ругался съ бариномъ «старшимъ».

— Я, говоритъ, Скирскій, а ты, говоритъ, какой-то Карсановъ. И ты оскорбилъ весь нашъ родъ и всю нашу семью. Ты, говоритъ, негодяй и все такое. А барыня плачетъ и гонитъ барина Карсанова вонъ изъ дома. А тому совѣстно...

Софронъ молчалъ и улыбался: приѣздъ молодого Скирскаго, по мнѣнію Софрона, долженъ былъ быть послѣднимъ пораженіемъ Карсанова.

И съ восходомъ солнца Софронъ заснулъ.

VI.

Когда плачетъ вѣтеръ и безжалостно гнетъ безлиственные сучья, когда собачій лай взвинчиваетъ нервы, когда хлопаютъ ставни оконъ, словно крышки гробовъ, и кто-то стонетъ рядомъ, вблизи, чья-то душа томится, и хохочетъ, и ждетъ спокойствія и не находитъ, тогда страшно бываетъ въ черной темнотѣ ночи.

И дождь за окномъ сливается съ мракомъ, и все обволакивается безысходною тоскою и ужасомъ.

Въ одну изъ такихъ ночей молодой Скирскій вошелъ въ комнату Карсанова, и былъ онъ блѣденъ, и руки его дрожали.

Они говорили долго, до послѣднихъ пѣтуховъ.

Никто не слыжалъ ихъ разговора. Только какіе-то неясные шорохи бродили по большимъ барскимъ комнатамъ.

И эти шорохи доходили до Софрона. И онъ чутко прислушивался къ нимъ.

А дождь лилъ, и вѣтеръ стоналъ, и ставни безпрестанно хлопали.

Стало разсвѣтать, и съ разсвѣтомъ опять слипались глаза Софрона, и сонъ приходилъ къ нему.

Потомъ Скирскій и Карсановъ разошлись. Скирскій прямо изъ комнаты своего вотчима вошелъ въ кухню, гдѣ лежалъ Софронъ, и разбудилъ задремавшего старика.

— Вставай, и пойдёмъ!—приказалъ молодой баринъ.—Живѣе...

Софронъ торопливо поднялся, накинулъ на себя зипунъ и двинулся за молодымъ бариномъ. Софронъ никогда не бывалъ въ комнатахъ, и его занимало его положеніе.

— Расскажи, какъ все произошло!—приказалъ Скирскій, сядя на диванъ въ своей комнатѣ.—Мнѣ это надо знать...

Софронъ спокойно и толково передалъ все, что зналъ. А когда кончилъ, то замѣтилъ, что губы у барчука трясутся, и глаза налились кровью.

— Дуракъ ты, старый дуракъ!—проговорилъ барчукъ.—Не понимаешь ты, что ты сдѣлалъ своимъ доносомъ! Вѣдь ты три жизни загубилъ! Не могъ промолчать!

Софронъ ошалѣлъ: въ первый разъ ему приходится получать такой отзывъ. А онъ такъ вѣровалъ въ необходимость своего дѣла, въ его почти святость.

-- Пойдемъ дальше. Ты все повторить при немъ!

И Софронъ медленно поплелся за барчукомъ въ комнату Карсанова.

Дверь была заперта.

— Отворите!—сказалъ барчукъ.—Я привелъ его. Онъ передастъ все, какъ происходило. Отоприте же!

Барчукъ говорилъ такъ, чтобы никто въ домѣ не слыжалъ его голоса.

А изъ-за двери баринъ Карсановъ спокойно отвѣчалъ:

— Съ хамомъ на очную ставку? Вы — слишкомъ наивны, мой другъ! Это—сущій вздоръ...

— Отворите же! Вы не смѣете отказываться. Слышите ли?

— Повторяю: между мною и хамомъ не можетъ быть очной ставки!

— Такъ вы... ты... Хамъ ты! хамъ, хамъ!...

И барчукъ изо всей силы ударилъ кулакомъ въ дверь. Софронъ вздрогнулъ и нагнулъ виновато голову.

— Мальчишка и щенокъ! Котенокъ безусый! — отвѣтили изъ комнаты.

Софронъ поглядѣлъ на барчука: тотъ закусилъ губу, и капелька крови повисла на ней, готовая скатиться на подбородокъ.

— Завтра! завтра посмотримъ!

Барчукъ прошелъ въ свою комнату. Софронъ вышелъ на воздухъ. Дождь шелъ попрежнему.

VII.

Черезъ два дня въ усадьбѣ три деревенскихъ бабы тщательно мыли полъ въ комнатѣ барина Карсанова. Баринъ уѣхалъ. Уѣхалъ онъ неожиданно для всѣхъ — уѣхалъ, какъ говорили, не проотившись съ барыней.

А когда полъ былъ вымытъ, то барыня вошла въ комнату и залилась слезами.

— О чемъ ты, мама, плачешь? Неужели его отъѣздъ?..—спрашивалъ Скирскій.

— Ты ничего въ этомъ не понимаешь, мой мальчикъ! Ничего не понимаешь!

Сынъ вздернулъ плечами и направился въ свою комнату. Тамъ онъ сѣлъ за столъ и сталъ писать. Писалъ онъ долго, писалъ, часто поднимаясь съ мѣста и прохаживаясь по комнатѣ, что-то шепталъ и размахивалъ руками.

Когда письмо было написано, онъ съ удовольствіемъ прочелъ его.

Письмо было къ Карсанову. Подлинника его не сохранилось, и передать точно его содержаніе нельзя. Но извѣстно, что въ этомъ письмѣ молодой Скирскій называлъ своего вотчима негодяемъ, утверждалъ, что онъ — самый безчестный человѣкъ, что такихъ господъ бьютъ по лицу и непременно при большой компаніи, что онъ требуетъ удовлетворенія отъ вотчима, грозя въ противномъ случаѣ пріѣхать въ Петербургъ и ударить его въ обществѣ.

Долго ждалъ Скирскій отвѣта на свое письмо. А когда получилъ его, то возмущенію его не было предѣловъ.

Драться съ «безусымъ котенкомъ» Карсановъ не желалъ и считалъ нелѣпнымъ, чтобы вотчимъ выходилъ на поединокъ съ пасынкомъ; что же касается угрозы Скирскаго ударить въ обществѣ, то Карсановъ напоминалъ объ отвѣтственности по закону за такое дѣяніе и, кромѣ того, добавлялъ, что нахожденіе Скирскаго на государственной службѣ нисколько не мѣшаетъ запретать его въ тюрьму или въ домъ умалишенныхъ.

Скирскій послалъ къ вотчиму новое письмо, болѣе грозное. Но и на этотъ разъ отвѣтъ его былъ тотъ же, при чемъ вотчимъ не преминулъ замѣтить, что его отецъ и первый мужъ его матери былъ гораздо хуже его, Карсанова, такъ что молодой Скирскій

могъ бы найти у себя въ деревнѣ многихъ и многихъ своихъ братьевъ.

Скирскій возмутился и показалъ матери письма.

— Ты съ ума сошелъ, Борисъ!—прошептала въ ужасъ мать.— Ты вызываешь на дуэль своего отца...

— Онъ мой отецъ? Онъ, оскорбитель моей матери? Онъ, оскорбитель памяти моего отца? Мама, опомнись, что ты говоришь!

— Ты ничего не понимаешь, Борисъ! Ты не знаешь, какъ оскорблялъ меня твой отецъ, сколько онъ причинилъ мнѣ огорченій! А онъ... онъ позволилъ себѣ только... Да, наконецъ, можетъ быть, ничего этого не было?...

— Мама, мама, неужели ты до этого дошла?

— Не говори глупостей! Ты еще слишкомъ глупъ. Жалю, что тогда въ горячности вызвала тебя. Ужасно глупо сдѣлала...

— Я твердо рѣшилъ, мама! И если ты мнѣ препятствуешь въ этомъ, то дѣлаешь для меня страшныя мученья. Если онъ откажется еще разъ, то я убью его!

— Борисъ! милый Борисъ! ты ничего не понимаешь!

Скирскій разсерженный ушелъ отъ матери, а тамъ собрался и уѣхалъ. Слѣдомъ за нимъ выѣхала изъ деревни и его мать...

VIII.

Софронъ не узналъ конца всей исторіи: она кончилась въ столицѣ.

Скирскій пріѣхалъ въ Петербургъ и послалъ своему вотчиму новое письмо съ вызовомъ. Тотъ отвѣтилъ молчаніемъ.

Тогда Скирскій послалъ уже секундантовъ. Но и тѣ не были приняты. Скирскій не зналъ, что дѣлать. А время шло, надо было возвращаться къ полку.

Уже поздною осенью Скирскій рѣшилъ привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Онъ взялъ пистолетъ, зарядилъ его и отправился на квартиру къ Карсанову. Его не оказалось дома, а лакей сообщилъ, что баринъ вернется къ 6 часамъ вечера.

Скирскій промучился цѣлый день и ровно въ 6 часовъ звонился у подъѣзда.

Ему отворилъ дверь тотъ же самый лакей и провелъ его въ гостиную.

Скирскій обдумалъ все. Онъ рѣшилъ выждать выхода Карсанова, пустить ему подлеца, оскорбить его еще какъ нибудь и потомъ...

Дверь отворилась... И на порогѣ появился офицеръ. Скирскій въ изумленіи отступилъ назадъ.

— Вы—Скирскій? По приказанію коменданта арестовываю васъ за непристойные поступки. Позвольте ваше оружіе!

Скирскій отъ изумленія не могъ говорить. Онъ безпрекословно отдалъ свою шпагу, а пистолеть сжалъ крѣпко въ карманѣ.

— А пистолетика у васъ съ собою не имѣется? — спросилъ адъютантъ.

Скирскій растерялся, вынулъ пистолеть и подалъ его адъютанту.

— Мы его разрядимъ, разрядимъ! — съ какою-то насмѣшкою проговорилъ офицеръ, разрядилъ пистолеть и подалъ его Скирскому. — Сейчасъ мы отправимся!

Опять отворилась дверь. И на порогѣ Скирскій увидалъ... свою мать. Она протягивала сыну руки и говорила, опуская глаза:

— Вотъ какъ все хорошо кончилось! Ты многого не понимаешь еще, мой мальчикъ!

— Мама! Ты здѣсь? У него? Опять? Неужели?

— Ты многого не понимаешь еще!

Скирскій выбѣжалъ изъ комнаты, и въ тотъ же вечеръ отбылъ изъ Петербурга въ мѣсто служенія. Впослѣдствіи съ матерью онъ встрѣчался, и ему почему-то всегда становилось неловко въ ея присутствіи. Вотчима онъ больше не видалъ.

IX.

Молодой Скирскій пріѣхалъ въ полкъ съ значительнымъ опозданіемъ противъ срока. Въ тѣ времена за такіе проступки наказывали легкимъ выговоромъ, но къ Скирскому почему-то была примѣнена болѣе строгая мѣра, и его посадили подъ арестъ на двѣ недѣли.

Онъ отнесся къ этому очень равнодушно и сѣлъ на гауптвахту.

Съ караульными офицерами онъ старался не разговаривать. На душѣ у него было непріятно, смутно. И часто передъ нимъ вставалъ образъ его матери.

Мать для Скирскаго всегда рисовалась въ необыкновенныхъ тонахъ. Онъ не зналъ ея съ дѣтства. И когда въ корпусѣ онъ вспоминалъ мать, ему становилось тепло и радостно. Мать была чѣмъ-то необычайнымъ, чуть ли не святымъ.

Потомъ онъ узналъ о смерти отца и не почувствовалъ къ нему ни малѣйшаго сожалѣнія, какъ къ человѣку, для него совершенно постороннему. Онъ плохо зналъ отца, звалъ по тѣмъ рѣдкимъ пріѣздамъ въ столицу, которые иногда совершалъ его отецъ по своимъ дѣламъ. Къ сыну въ корпусъ онъ заѣзжалъ на нѣсколько минутъ и всегда очень торопился уѣхать и былъ озабоченъ.

Скирскій съ любопытствомъ разглядывалъ отца, замѣчалъ, какъ онъ старѣеть, но никогда съ отцомъ по душѣ не говорилъ. Отецъ былъ ему чуждъ.

Но мать... Онъ боготворилъ мать, эту незнакомую почти для него женщину. И когда она навѣщала его въ корпусѣ, онъ съ затаеннымъ дыханіемъ смирно сидѣлъ и чувствовалъ прикосновеніе руки матери къ его волосамъ и благоговѣлъ.

Потомъ онъ выросъ. Отецъ умеръ. Мать вышла замужъ за другого.

Къ этому послѣднему факту Скирскаго отнесся безразлично, но обожаніе къ матери у него не прошло. И когда онъ получилъ отъ матери письмо, въ которомъ она обращалась къ нему, какъ къ защитнику, въ которомъ она въ краткихъ словахъ передавала сыну, что она оскорблена ея мужемъ, постороннимъ для Скирскаго человѣкомъ, ему стало больно...

Но то, что произошло, а особенно возвращеніе матери къ человѣку, оскорбившему ее, возмутило Скирскаго. Онъ не зналъ, какъ надо отнестись къ факту, что предпринять. Хроническое уклоненіе Карсанова отъ дуэли показало Скирскому, что самъ онъ предпринять ничего рѣшительнаго не можетъ.

Къ тому же старое боготвореніе смѣнилось новымъ чувствомъ, чувствомъ стыда за мать, за ея поступки. Она становилась въ его глазахъ самой обыкновенной женщиной, со всѣми недостатками, среди которыхъ онъ не видалъ ни одного достоинства. И ему страшно было сознать это.

Но мужъ матери, этотъ противный человѣкъ, женившійся на матери, вѣроятно, съ матеріальными цѣлями, еще оскорбилъ его, оскорбилъ самымъ возмутительнымъ образомъ и уклоняется отъ дуэли съ сознаніемъ своей правоты.

Этого такъ оставить было нельзя. И Скирскаго придумывалъ выходъ.

Въ одну изъ смѣнъ на гауптвахту пришелъ товарищъ Скирскаго, поручикъ Обносковъ, съ которымъ Скирскаго со времени пріѣзда не говорилъ еще.

И здѣсь, когда караулъ заснулъ, Скирскаго рассказалъ Обноскову всю исторію съ вотчимомъ, съ матерью, съ высылкой изъ Петербурга.

Обносковъ задумался надъ словами Скирскаго, но ничего ему не сказалъ.

На другой день, когда Обносковъ смѣнялся, онъ подошелъ къ Скирскому и сказалъ ему:

— Все обойдется! Ничего не значить... Не тоскуй!

X.

Скирскаго вышелъ изъ гауптвахты надломленный, усталый, съ синими кругами подъ глазами, блѣдный. Онъ отправился на квартиру Обноскова, но она была заперта.

Скирскаго явился къ командиру полка, заявилъ, что онъ боленъ, и его положили въ госпиталь на поправку.

Нервная болѣзнь отозвалась на организмѣ Скирскаго очень сильно. У него обнаружилось угнетенное настроеніе, подавленность, часто болѣла голова, дрожали руки; онъ часто плакалъ.

Докторъ стыдилъ его, прописывалъ какіе-то порошки и какъ-то разъ на визитаціи замѣтилъ:

— Ну, молодежь! На что вы всѣ похожи? Бабы вы и больше ничего. Мудрятъ, фантазируютъ, нервничаютъ. Слыхали про Обноскова-то?

— Что Обносковъ? Что случилось?

— Не слыхали, значить! Да что: уѣхалъ въ Петербургъ, а тамъ и набѣдокурилъ...

— Въ Петербургъ? Набѣдокурилъ? Что же? что?—у Скирскаго помутилось въ глазахъ.

— Ничего особеннаго. Поѣхалъ въ отпускъ, а тамъ привязался въ клубъ къ какому-то штатскому, обругалъ его и вызвалъ на дуэль. Дуэль состоялась...

— Съ кѣмъ дуэль?

— Не запомнилъ... Говорили, только я не запомнилъ. Ну-съ, вызвалъ, зато ему и попало здорово.

— Говорите же скорѣе!

— Въ руку его ранили. Теперь въ лазаретѣ въ Петербургѣ лежить...

— Съ кѣмъ онъ дрался? Не съ Карсановымъ?

— Вотъ, вотъ, именно Карсановъ. Миѣ помнится, такъ говорили. Карсановъ!

Скирскій улыбнулся и приподнялся на кровати.

— А теперь что съ нимъ будетъ?

— Подъ судомъ состоятъ! Ужъ его упекутъ. Непремѣнно упекутъ за это самое!

Докторъ отошелъ. А черезъ день Скирскій зналъ, что Обносковъ дрался съ его отцомъ и былъ раненъ въ руку и въ плечо.

.

Черезъ два мѣсяца Обносковъ вернулся въ полкъ.

И теперь Скирскій и Обносковъ помѣнялись ролями: Скирскій караулилъ своего товарища, котораго за производство поединка посадили на мѣсяцъ.

— Я рѣшилъ поѣхать и сдѣлать за тебя!—говорилъ Обносковъ.—Я зналъ, что для тебя не остается никакого выхода...

— Ну, а что же онъ? вотчимъ?

— Онъ, конечно, понялъ причину, которая заставила меня вызвать и привязаться къ нему въ клубѣ. Но отказаться отъ дуэли онъ уже не могъ.

— А онъ не раненъ? ничего?

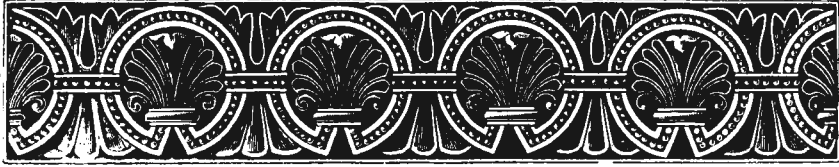
— Онъ счастливый чортъ! — замѣтилъ Обносковъ. — Хоть бы задѣла пуля...

- А моя мать? Что она?
— Извини, братъ. Не познакомился съ нею...
— Да и не стоять...—выговорилъ Свирскій и бросился на шею къ Обноскову.
— Ну, ну... что ты... Я всегда готовъ... если что надо!
И караульный крѣпко обнималъ арестованнаго и тщетно скрывалъ слезы, которыя бѣжали по щекамъ «безусаго котенка».

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЛИЦЕЙСКОЙ СТАРИНЫ.

I.

Е. А. Энгельгардтъ и питомцы Царскосельскаго лицея.

ВЪЯТЕЛЬНОСТЬ и значеніе Е. А. Энгельгардта, какъ выдающагося педагога, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можно сказать, друга и ангела-хранителя многихъ замѣчательныхъ русскихъ людей-питомцевъ стараго лицея (какъ и Педагогическаго института), оцѣнена уже не только его современниками, но и исторіей. По мѣрѣ раскрытія новыхъ данныхъ и свидѣтельствъ о жизни и дѣятельности людей, къ нему близкихъ и находившихся съ нимъ въ сношеніяхъ, заслуги его будутъ еще болѣе выясняться и выдвигаться.

Энгельгардтъ былъ директоромъ лицея съ 1816 по 1823 годъ. При немъ было только 3 выпуска лицействъ, и къ этимъ воспитанникамъ своимъ онъ относился съ особою трогательною отеческою нѣжностью и любовью. Но подобныя же чисто родственныя и искренно-дружескія чувства онъ питалъ и къ лицейцамъ послѣдующихъ выпусковъ, вообще ко всѣмъ бывшимъ питомцамъ Царскосельскаго лицея.

Это мы знаемъ, какъ изъ обнародованныхъ уже біографическихъ данныхъ о самомъ Е. А. ¹⁾, такъ и изъ многочисленныхъ совре-

¹⁾ «Воспоминанія о директорѣ Царскосельскаго лицея Егорѣ Антоновичѣ Энгельгардтѣ (1775 — 1762 гг.)» Влад. Энгельгардта, «Русскій Архивъ», 1872 г., ст. 1462—1491 (тамъ же его «Педагогическія замѣтки», ст. 1595—1600). — См. еще: Д. О. Кобеко—«Директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы», «Вѣстникъ Всемирной Исторіи», 1899 г., № 1, стр. 90—104.

менныхъ свидѣтельствъ въ трудахъ и очеркахъ, посвященныхъ лицу и его славнымъ первенцамъ.

Нѣсколько любопытныхъ автографовъ Е. А. и его друзей въ бумагахъ моего покойнаго отца, Я. К. Грота, даютъ мнѣ поводъ, публикуя ихъ, вспомнить лишній разъ объ этомъ почтеннѣйшемъ дѣятелѣ и чловѣкѣ и прибавить нѣсколько новыхъ чертъ и данныхъ къ уже извѣстнымъ фактамъ, какъ изъ жизни Энгельгардта, такъ и его друзей, питомцевъ стараго лицея.

Извѣстно, что Е. А. состоялъ въ постоянной дружеской перепискѣ со многими изъ своихъ воспитанниковъ, особенно 1-го выпуска.

Д. Ѳ. Кобеко въ своей рѣчи на торжественномъ актѣ въ лицѣ въ память Пушкина (въ 1899)¹⁾, воспользовавшись собраніемъ бумагъ Егора Антоновича, познакомилъ насъ съ перепиской его съ извѣстнымъ товарищемъ Пушкина, Ѳ. Ѳ. Матюшкинымъ, съ которымъ бывший директоръ лицея былъ особенно близокъ и переписывался съ самаго выпуска изъ лицея, съ 1817 года, до переѣзда адмирала Матюшкина въ Петербургъ. Послѣднія письма къ нему Е. А. относятся къ 1845 году. Д. Ѳ. Кобеко почерпнулъ изъ этой переписки множество интересныхъ свѣдѣній «не только о служебной дѣятельности лицействова I курса, но и о семейной ихъ жизни и объ отношеніяхъ другъ къ другу».

Оставивъ директорство въ 1823 году, «Энгельгардтъ,—говоритъ Кобеко,—по его же выраженію, отставной шульмейстеръ, отдался всецѣло литературнымъ занятіямъ, не покидая заботъ о своихъ бывшихъ питомцахъ, за которыми постоянно слѣдилъ и которыхъ любилъ видѣть у себя, и всегда интересуясь судьбою любезнаго ему лицея. Когда двое изъ бывшихъ воспитанниковъ I курса оказались прикосновенными къ дѣлу 14-го декабря 1825 года, что навлекло новыя на лицей нареканія, проникшія даже въ печать, Энгельгардтъ смѣло выступилъ въ его защиту и не покинулъ своихъ питомцевъ и въ ссылкѣ, продолжая свою съ ними переписку».

Этими воспитанниками, декабристами, были Кисхельбекеръ и Пущинъ. Съ послѣднимъ Энгельгардтъ, звавшій его фамильярно, по старой лицейской привычкѣ, Jeannot, былъ особенно близокъ и переписывался въ теченіе всего времени его пребыванія въ Сибири, изъ которой тотъ вернулся лишь въ 1856 году, за три года до своей смерти (3-го апрѣля 1859 года).

И. И. Пущинъ, одинъ изъ ближайшихъ школьныхъ товарищей и преданнѣйшихъ друзей Пушкина, хорошо извѣстный и въ литературѣ главнымъ образомъ своими интереснѣйшими «Записками» о своихъ дружескихъ связяхъ съ поэтомъ, былъ чловѣкомъ высокихъ нравственныхъ достоинствъ, благороднѣйшаго и идеальнѣй-

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

шаго образа мыслей. Несчастная причастность его къ дѣлу декабристовъ, загубившая его молодость и всю жизнь его, конечно, не отвратила отъ него его друзей. Это несчастье, если это только возможно было, еще болѣе привязало къ нему его стараго наставника, такого прекраснаго и добрѣйшаго человѣка, какимъ былъ Егоръ Антоновичъ. Съ самаго водворенія Пущина въ Сибири они переписывались почти непрерывно, насколько это было осуществимо въ тяжкихъ условіяхъ каторги и ссылки, хотя, разумѣется, въ этихъ письмахъ, проходившихъ обыкновенно черезъ строгую начальственную цензуру, было болѣе изліяній сердечныхъ, воспоминаній и отголосковъ лицейской старины, чѣмъ откровеннаго обмѣна мыслей и переживаемыхъ впечатлѣній (особенно со стороны Пущина).

Нѣкоторыя сохранившіяся письма Пущина, какъ къ Энгельгардту, такъ и къ лицейскимъ товарищамъ, вѣроятно, со временемъ будутъ обнаружены. Одно такое письмо (или, вѣрнѣе, рядъ писемъ весны и лѣта 1845 года, соединенныхъ въ одно, для посылки вмѣстѣ, съ оказіей, какъ это было въ обычаѣ у ссылныхъ) изъ Ялutorовска, очень любопытное и замѣчательное, было сообщено моему покойному отцу однимъ первокурсникомъ, С. Д. Комовскимъ, и напечатано имъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 года¹⁾. Этимъ письмамъ изъ Ялutorовска предшествовали письма изъ Туринска и съ каторги, изъ Читы и Петровскаго завода. Эти послѣднія писались, конечно, не собственноручно (что не разрѣшалось), а подобно письмамъ другихъ заключенныхъ—самоотверженными женами декабристовъ, раздѣлившими горькую участь мужей, напримѣръ, Е. П. Нарышкиной, М. Юшневской, особенно княгиней Е. И. Трубецкой и княгиней М. Н. Волконской, какъ о томъ между прочимъ рассказываетъ послѣдняя въ своихъ недавно напечатанныхъ замѣчательныхъ запискахъ²⁾.

Сохранились ли письма Е. А. Энгельгардта къ Пущину, намъ неизвѣстно. Помимо непосредственныхъ сношеній, родственники Ивана Ивановича, знавшіе о нѣжной привязанности къ нему его стараго директора, слѣдили всегда дѣлиться съ нимъ получаемыми извѣстіями. Сохранилась любопытная, сдѣланная рукою Е. А. выписка изъ перваго письма Пущина къ его сестрамъ (1827), которую мы приведемъ ниже, когда еще вернемся къ Пущину.

Теперь займемся еще кое-какими матеріалами и извѣстіями о его любимомъ наставникѣ.

Отецъ мой, Я. К. Гротъ, самъ лицеистъ 6-го выпуска (1832 г.), выросшій въ поэтической лицейской атмосферѣ пушкинскихъ пре-

¹⁾ № 3, ст. 469: «Декабристы въ Сибири». Оно перепечатано нами въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», 2-е изд., 1899, стр. 176 (изъ III т. «Трудовъ» Я. К. Г.).

²⁾ Записки Маріи Николаевны Волконской. Спб. 1904., стр. 50, 60, 92, 154. etc. «истор. вѣстн.», июль, 1905 г., т. 61.

даній и живыхъ воспоминаній о первенцахъ лица и немало впоследствии потрудившійся для ихъ историческаго закрѣпленія и увѣковѣченія, зналъ лично Е. А. Энгельгардта съ самаго дѣтства своего и сохранилъ къ нему на всю жизнь самыя теплыя чувства и самое свѣтлое о немъ воспоминаніе.

Я. К. Гротъ поступилъ въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ въ началѣ 1823 года, т.-е. того самаго года, въ которомъ Егоръ Антоновичъ принужденъ былъ покинуть лицей, и притомъ это произошло не безъ содѣйствія добраго директора.

Мать Я. К., надѣясь пристроить двухъ сыновей своихъ въ Царскосельскій лицей, основывалась на томъ, что покойный мужъ ея былъ лично извѣстенъ въ дѣтствѣ императору Александру Павловичу, когда былъ призываемъ въ годы его ученія ко двору для упражненія великихъ князей въ иностранныхъ языкахъ ¹⁾. И надежда эта оправдалась.

«Прошеніе на имя государя,—разсказываетъ Я. К. въ своихъ автобиографическихъ замѣткахъ,—очень искусно написанное на французскомъ языкѣ служившимъ въ иностранной коллегіи барономъ Остенъ-Сакеномъ (Ал. Оед.), зятемъ директора Е. А. Энгельгардта, было милостиво принято государемъ, и 16-го января 1823 года я поступилъ въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ. Мать сама отвезла меня туда. Мнѣ только что минуло 10 лѣтъ»...

Описывая въ другомъ мѣстѣ ²⁾ свои первыя впечатлѣнія въ Царскомъ Селѣ, Я. К. пишетъ: «Мы прежде всего посѣтили Е. А. Энгельгардта, который жилъ въ директорскомъ домѣ противъ зданія лица: онъ помогъ матери моей помѣстить меня въ пансіонъ на казенный счетъ, и это послужило поводомъ къ нашему посѣщенію. Энгельгардтъ обласкалъ и ободрилъ меня, насколько можно было ободрить мальчика, который въ первый разъ покидалъ родительскій домъ и вдругъ долженъ былъ очутиться посреди совершенно чуждыхъ ему людей».

Къ сожалѣнію, отцу моему не суждено было застать въ лицей, куда онъ перешелъ черезъ 3 года, своего просвѣщеннаго покровителя. Измѣнившіяся обстоятельства времени и настроеніе самого государя не замедлили отразиться на положеніи лица. Гуманный, нестѣснительный режимъ, какого держался Энгельгардтъ, и сравнительная свобода, которою при немъ пользовались воспитанники, послужили главной причиной его увольненія.

Впоследствии мой отецъ, уже какъ бытописатель лица, такими словами характеризуетъ управленіе Энгельгардта: «При разстрой-

¹⁾ См. упоминаніе объ этомъ самой императрицы Екатерины II въ письмѣ къ Гримму. Сборн. Истор. Общ., т. XXIII, стр. 297, 298.

²⁾ Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899. 2-е изданіе, стр. 273—274.

ствѣ, до котораго дошли дѣла въ періодъ междуцарствія (послѣ смерти въ 1814 году перваго директора В. Θ. Малиновскаго), при совершенномъ упадкѣ дисциплины нужно было необыкновенное умѣніе, чтобы возстановить правильный ходъ жизни и порядокъ во всѣхъ ея отправленияхъ. Будучи лично извѣстенъ государю и пользуясь его довѣріемъ, бывшій директоръ Педагогическаго института находился, конечно, въ особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ для выполненія трудной задачи; къ тому присоединились и рѣдкія способности его къ административному и педагогическому дѣлу. Напечатанная въ «Русскомъ Архивѣ» (1872 г.) записка его объ обязанностяхъ воспитателя показываетъ, какъ разумно онъ смотрѣлъ на предстоявшій ему трудъ въ послѣднемъ отношеніи. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, Энгельгардтъ успѣлъ вскорѣ снискать въ такой степени любовь и уваженіе воспитанниковъ, что имя его сдѣлалось навсегда дорогою лицеею, и вокругъ этого имени впослѣдствіи сгруппировались всѣ самыя свѣтлыя воспоминанія лицействова. Хотя бы въ дѣйствіяхъ Энгельгардта и было нѣкоторое суетное стремленіе къ эффекту, хотя бы въ нихъ и можно было указать на кое-какіе промахи и увлеченія, иногда и ошибки въ частныхъ отношеніяхъ къ тому или другому воспитаннику (напримѣръ, къ Пушкину, котораго онъ не понималъ, и который ему не сочувствовалъ), все-же нельзя отказать Егору Антоновичу въ вѣрномъ пониманіи молодежи и средствъ вести ее. Одинъ годъ управленія его при первомъ курсѣ заслонилъ собою прежнія замѣшательства, и для послѣдующихъ поколѣній лицействова имя его знаменательно слилось со всею первою эпохою существованія лицея»¹⁾.

Егоръ Антоновичъ былъ уволенъ отъ должности директора (да вмѣстѣ и отъ службы) 23-го октября 1823 года, а за 2 мѣсяца передъ тѣмъ, 25-го августа, при выпускѣ 3-го курса лицея (къ которому принадлежалъ между другими извѣстными именами будущій незабвенный министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ²⁾), онъ въ своей рѣчи говорилъ выпускнымъ воспитанникамъ между прочимъ слѣдующее: «Вы удостоились счастья поступить въ лицей, гдѣ получили образованіе свое, гдѣ познали цѣну добродѣтели, гдѣ научились любить ее и ненавидѣть порокъ,—но если старанія наставниковъ вашихъ о томъ имѣли успѣхъ, если въ жизни вашей будете вы добродѣтельны, честны и полезны, и слѣдовательно счастливы, то это—слѣдствіе благословенія свыше, ибо безъ онаго все наше стараніе было бы тщетно. Ужасное происшествіе³⁾ разрушило

¹⁾ «Пушкинъ» etc., тамъ же, стр. 39—40.

²⁾ Столѣтняя годовщина его рожденія 31-го января была недавно отмѣчена въ нашей печати.

³⁾ Пожаръ, происшедшій 12-го мая 1820 года въ главномъ дворцѣ, охватилъ весь главный корпусъ лицея, который и выгорѣлъ совершенно... «Библіотека и кабинеты снесены благополучно въ эрмитажъ, спасена и большая часть вещей и утвари». И. Селезневъ, Историческій очеркъ лицея (Спб., 1861 г.), стр. 174. К. Г.

зданіе нашего лица; надъ главами нашими свирѣпствовало всепожирающее пламя, но въ самыя минуты опасности невидимая десница охраняла насъ; мы спасены, и вскорѣ, благостію государя нашего, лицей возсталъ изъ пепла своего, возсталъ въ лучшемъ устройствѣ, въ большей красотѣ, и мы провели еще годъ въ любезномъ намъ святилищѣ наукъ и дружбы, окруженные тѣми же учебными пособиями, которыя прежде насъ окружали и которыя вмѣстѣ съ нами промысломъ Всевышняго такъ дивно спасены. Первое неизмѣнное въ сердцахъ нашихъ чувство да будетъ благодарность Богу. Его же промыселъ удалялъ отъ насъ болѣзни въ теченіе зимы, когда по всѣмъ расчетамъ человѣческимъ должны были мы предвидѣть оныя при тѣснотѣ и прочихъ неудобствахъ временнаго нашего жилища. Мы остались здоровы, и самое жилище сіе и общее несчастіе, постигшее насъ, послужили намъ по многимъ отношеніямъ въ пользу. Благодареніе Всевышнему Богу!

«За симъ воздадимъ благодарность тому, отъ кого по Богѣ получили мы всѣ благодѣянія въ теченіе нашей лицейской жизни,—нашему покровителю, нашему отцу, нашему государю. Но по его сердцу, по нашимъ чувствамъ не слѣдуетъ благодарить его словами. Признательность, благодарность наша за отеческое его о насъ попеченіе, за всѣ милости, щедрою рукою на насъ изліяныя, и—почему не произнести здѣсь слово сердца?—за его къ намъ любовь, да будетъ вѣчно жива въ сердцахъ нашихъ, да ознаменуется она между нами чистѣйшею къ нему, отцу нашему, любовью, честностью, вѣрностью и точностью въ исполненіи нашихъ обязанностей, словомъ, искреннимъ и неусыпнымъ стараніемъ выполнить благія его намѣренія, соответствовать справедливымъ его ожиданіямъ и показать себя достойными названія его лицейскихъ воспитанниковъ.

«И насталъ день, который ознаменуетъ важную эпоху въ вашей жизни: день разлученія съ лицеемъ, день поступленія въ общество вашихъ согражданъ на службу государя и отечества. Получая права гражданъ, вы вмѣстѣ принимаете священныя обязанности подданныхъ, коихъ неизмѣнное исполненіе есть залогъ общественнаго блаженства.

«Я считаю излишнимъ повторять здѣсь то, что было всегдашнимъ предметомъ нашихъ бесѣдъ,—я питаю твердую надежду, что вы будете добрые граждане, вѣрные подданные, полезные слуги государя и отечества, подобно предшествовавшимъ вамъ товарищамъ, оказавшимъ уже себя таковыми на службѣ государственной. Умножьте число ихъ, да распространится добрая слава лица добрыми дѣлами воспитанниковъ его.

«Идите, друзья, на новое поприще ваше, чтите Бога и святой законъ Его, любите царя, благодѣтеля вашего и отечество, стойте за правду, жертвуйте всѣмъ за нее. Не смерть страшна, а страшно

безчестіе, не чины, не наружныя знаки отличія, не богатство составляютъ счастье человѣка, а доброе имя и чистая совѣсть. Храните ее, и да будетъ миръ и счастье ваше въ васъ самихъ. Идите, друзья, поминайте лицей, который васъ образовалъ къ добродѣтели, поминайте сей день, поминайте насъ, друзей вашихъ, идите, надѣйтесь на Бога, и Богъ благословитъ васъ»¹⁾).

Послѣ событій 1825 года, Энгельгардтъ, какъ извѣстно, принялъ чрезвычайно живо къ сердцу тѣ нареканія, которымъ подвергся лицей по поводу прикосновенности къ дѣлу декабристовъ двухъ воспитанниковъ лицея, и которыя нашли себѣ отголосокъ и въ заграничной печати. Онъ энергически возвысилъ свой негодующій голосъ и написалъ рядъ возраженій и убѣдительныхъ протестовъ противъ злостной клеветы на лицей, какъ въ иностранныя газеты, такъ и къ тогдашнему шефу жандармовъ, графу А. Х. Бенкендорфу.

Разумѣется, что это заступничество стараго директора горячо привѣтствовалось въ стѣнахъ лицея, и, вѣроятно, списки этихъ писемъ Энгельгардта ходили по рукамъ среди лицейстовъ. По крайней мѣрѣ, въ лицейскихъ бумагахъ моего отца, перешедшаго въ лицей именно въ томъ самомъ 1826 году, имѣется собственноручная его копія одной изъ статей-возраженій Е. А., очевидно современная ея составленію, именно той, которая была послана въ нѣкоторыя иностранныя газеты (на французскомъ языкѣ) и по-нѣмецки была напечатана въ остзейскихъ²⁾).

Горячій блюститель лицейскихъ преданій, дружбы и товарищескихъ связей, Егоръ Антоновичъ, являясь самъ своею личностью крѣпкимъ звеномъ въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ старыхъ лицейстовъ, заботился постоянно о ихъ укрѣпленіи возможно частымъ общеніемъ и товарищескими собраніями. Конечно, съ особеннымъ благоговѣніемъ онъ относился къ празднованію «лицейскихъ годовщинъ», т.-е. дня 19-го октября, и съ 40-хъ годовъ сталъ ихъ главнымъ устройтелемъ. На этой почвѣ у него была даже маленькая размолвка съ нѣкоторыми первокурсниками. Въ 1836 году (въ 25-ю годовщину основанія лицея) старый директоръ, желая придать болѣе торжественности обычному празднику, настойчиво предлагалъ собраться на обѣдъ 19-го октября вмѣстѣ всѣмъ тремъ первымъ курсамъ (которые, такъ сказать, объединялись его директорствомъ). Но большинство питомцевъ 1-го курса, и въ томъ числѣ Пушкинъ, рѣшительно воспротивились этому, не желая нарушать установившагося обычая, и рѣшили собраться особо. Это огорчило

¹⁾ Рѣчь эта, сохранившаяся въ рукописи (и въ копіи съ нея) въ бумагахъ моего отца, была сообщена, какъ значитса на ней, лиценстомъ V вып. фанъ-дери-Ховеномъ.

²⁾ См. Селезневъ. Историч. очеркъ лицея, прилож. VII, стр. 12—13.

и обидѣло Егора Антоновича, и онъ, оставшись въ полномъ одиночествѣ въ этотъ знаменательный лицейскій день (никто изъ его юныхъ друзей по причинѣ непогоды и высокой воды въ тотъ день не попалъ къ нему на Васильевскій островъ), погрузился, написалъ длинное письмо къ Jeannot (т.-е. И. И. Пущину), а позже излилъ свою грусть и нѣкоторое разочарованіе въ меланхолическомъ письмѣ къ Матюшкину ¹⁾.

Но идею свою—собираться въ день 19-го октября всѣмъ первымъ выпускамъ сообщая, Энгельгардтъ не оставилъ и послѣ этого неудачнаго опыта, и его настойчивость увѣнчалась наконецъ успѣхомъ. Уже въ 1837 году, въ роковой годъ смерти Пушкина, устроился, повидимому, такой сборный обѣдъ, а въ послѣдующіе годы такой обычай установился уже прочно. Позже самъ Егоръ Антоновичъ взялъ на себя устройство этихъ обѣдовъ «въ особомъ помѣщеніи на Васильевскомъ островѣ, недалеко отъ квартиры, которую онъ занималъ много лѣтъ» ²⁾, и такъ продолжалось до его смерти (1862 г.).

Въ бумагахъ отца моего сохранилось нѣсколько записочекъ Е. А. по поводу лицейскихъ годовщинъ.

Кромѣ уже напечатанныхъ въ книгѣ моего отца (отъ 1836 и 1838 гг.), мы приведемъ здѣсь еще двѣ. Одна изъ нихъ относится къ 1837 году и писана къ М. Л. Яковлеву:

«У с.-петербургскаго вицегубернатора ³⁾ завтра, сирѣчь 19-го октября, положено собраться на общую обѣденную трапезу—старинѣ лицейской. Онъ поручилъ мнѣ пригласить тебя, любезный Яковлевъ; явиться къ нему на Владимирской, противъ церкви, въ домѣ Фитонова, къ 4-мъ часамъ. Надѣюсь, что ты не откажешь украсить нашу дружескую бесѣду своимъ присутствіемъ.

«Весь твой

«Егоръ Энгельгардтъ».

«18-го октября 1837 г.».

Другая записочка, полуфранцузская, относится уже къ 1848 году и написана къ барону А. К. Искулю, воспитаннику IV выпуска.

«Notre jour de reminiscence lycéenne et la réunion des прежніе лицейскіе aura lieu mardi prochain 19 octobre, comme toujours à 4 heures dans le modeste local de ma «Земледѣльческая Газета» ⁴⁾, въ 9-й линіи, близъ Невы, въ домѣ Маркова. J'aime à

¹⁾ См. Д. О. Кобеко, въ названной статьѣ, ст. 102—104, а также Я. К. Гротъ: «Пушкинъ» etc., Лицейскія годовщины, стр. 83—84.

²⁾ Тамъ же, стр. 86.

³⁾ А. Е. Жадовскій. Онъ собиралъ у себя лицейство нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, но позже, по многимъ причинамъ, они предпочли собираться на нейтральной почвѣ.
К. Г.

⁴⁾ Которой Е. А. былъ редакторомъ (или «директоромъ») съ 1834 г.—въ теченіе 19-ти лѣтъ.
К. Г.

croire, mon bon ami, que vous n'y manquerez pas; трянемъ старинной лицейской, погрѣемъ воспоминаніями дружбы и прошлаго счастливаго времени сердца, остывающія легко въ свѣтскомъ быту. Venez, mon ami, n'y manquez pas. Vous ferez grand plaisir au

Vieux другъ-директоръ

Егоръ Антоновичъ».

«15 octobre 1848».

Мы не знаемъ, когда именно Энгельгардтъ взялъ на себя всецѣло распорядительство лицейскими обѣдами, но это было, вѣроятно, уже по отказѣ отъ этого М. Л. Яковлева, который не только въ пушкинское время, но и позже считался «лицейскимъ старостой», и съ нимъ сносился всегда первымъ дѣломъ и Егоръ Антоновичъ, когда бралъ на себя инициативу въ организаціи лицейскихъ сборищъ.

Отъ 1844 года (съ помѣтой 15-го октября, воскресенье) сохранилась такая записочка, удостоверяющая эту неизмѣнную роль Яковлева:

«Корниловъ, Стевенъ и Масловъ»—это все лицеисты I-го выпуска—«являлись къ его превосходительству г-ну лицейскому старостѣ для принятія приказа на счетъ 19-го октября. Всѣ они будутъ ожидать этого приказа лично отъ Михаила Лукьяновича завтра въ понедѣльникъ у Маслова за преферансомъ».

Впрочемъ, очень возможно, что уже въ концѣ 40-хъ годовъ Яковлевъ предоставилъ главную устроительную роль Энгельгардту. Такъ можно судить по приведенной запискѣ послѣдняго отъ 1848 года. Намъ неизвѣстенъ годъ смерти М. Л. Яковлева, но къ началу 1848 года относится упоминаніе о немъ въ перепискѣ моего отца съ П. А. Плетневымъ¹⁾, слѣдовательно, весьма вѣроятно его присутствіе на лицейской годовщинѣ этого года.

Сохранилась еще записка Энгельгардта къ названному выше барону Иксулю по поводу какой-то книги, которую послѣдній одолжалъ Е. А. Ради заключающейся здѣсь общей характеристики авторовъ-французовъ приводимъ нѣсколько строкъ изъ этого письма:

«Voici le livre que vous m'avez prêté, mon cher Uxkull; il contient une infinité de faits et de détails très curieux et pour la plupart assez justes. Il s'y trouve même des avis et conseils très utiles à employer en pratique en les adaptant aux circonstances; mais l'auteur en français du XIX siècle—comme tous ses confrères, ne manque pas de fonder sur ces données des déductions, des raisonnements qui ne sont rien moins que justes, mais dont il se sert

¹⁾ Переписка, т. III, стр. 171, въ письмѣ Плетнева отъ 10-го января 1848 г., гдѣ онъ сообщаетъ о посѣщеніи его «середы» М. Л. Яковлевымъ.

pour baser et consolider son soi-disant système de principes, qui, dépouillé des belles phrases sonnantes, n'est que très partial et faux. Avec tout cela c'est une lecture intéressante et dont je vous suis bien reconnaissant».

Отецъ мой, оставившій Петербургъ въ 1840 году, продолжалъ и изъ Гельсингфорса, гдѣ занялъ кафедру въ университетѣ, поддерживать связи съ лицейскими друзьями, а между прочимъ и съ старымъ директоромъ лицея, о которомъ часто имѣлъ извѣстія отъ П. А. Плетнева, такъ какъ Е. А. былъ постояннымъ гостемъ на «середахъ» петербургскаго ректора. Въ извѣстной «Перепискѣ» друзей имя Е. А. Энгельгардта въ теченіе 40-хъ годовъ встрѣчается не рѣдко. Памятниками сношеній Я. К. Грота за это время съ Егоромъ Антоновичемъ, возобновившихся, какъ увидимъ, по случайному обстоятельству въ 1842 году, являются два любопытныя письма послѣдняго и двѣ рѣдкія брошюры изъ архива лицейскихъ первенцовъ, подаренныя имъ будущему историку стараго лицея и положившія вмѣстѣ съ кое-чѣмъ собраннымъ раньше начало той драгоценной коллекціи лицейскихъ бумагъ, которая постепенно составила у отца моего и послужила матеріаломъ для его статей о лицейской старинѣ.

25-го апрѣля 1842 года П. А. Плетневъ писалъ Я. К. Гроту: «Въ прошедшую среду (т.-е. 22-го апрѣля), только что я отправилъ къ тебѣ письмо, какъ подали мнѣ приглашеніе на похороны нашего бѣднаго Алеши Реймерса. Только годъ онъ промаялся съ тѣхъ поръ, какъ собрался съѣздить къ вамъ въ Гельсингфорсъ. Е. А. Энгельгардтъ собирается о чемъ-то писать къ тебѣ...». А. А. Реймерсъ былъ товарищемъ моего отца по лицу: послѣ продолжительной болѣзни (какъ кажется, грудной), о которой идетъ рѣчь въ перепискѣ съ Плетневымъ съ самаго начала того года, и отъ которой пробовалъ лѣчить больного («сибирскими травами») и самъ Энгельгардтъ ¹⁾, онъ скончался въ Петербургѣ, на пасхѣ, и смерть его въ цвѣтѣ лѣтъ произвела сильное впечатлѣніе на друзей его.

Быть можетъ, эта смерть близкаго лица навѣяла грустныя мысли и на Егора Антоновича, приближавшагося тогда къ седьмому десятку (род. 1725 г.)... По крайней мѣрѣ, въ тотъ самый день, когда получено было извѣщеніе о смерти и похоронахъ Реймерса, т.-е. 22-го апрѣля, Энгельгардтъ послалъ моему отцу въ Гельсингфорсъ нижеслѣдующее письмо (о которомъ и упоминаетъ П. А. въ вышеприведенной цитатѣ).

Нельзя не упомянуть еще о внѣшности писемъ Энгельгардта. Это письмо, какъ и слѣдующее, написано на почтовой бумагѣ in 4° съ интересной живописной колорированной виньеткой (съ зо-

¹⁾ «Переписка», т. I, стр. 500. Не были ли эти средства присланы Е. А. другомъ-декабристомъ?

лотымъ орнаментомъ), изображающею зданіе дворца съ церковью и аркой и соединеннаго съ нимъ лица съ сосѣдней постройкой— со стороны большой Садовой улицы. Виньетка исполнена очень тонко и изящно.

Сверху письма, возлѣ виньетки надписано: «Шесть лѣтъ промчались, какъ мечтанье». Вотъ что писалъ Е. А.:

«Промотавшись волею и неволею около 70 лѣтъ по разнымъ бивакамъ земнымъ, пора подумать о послѣднемъ здѣшнемъ ночлегѣ. Долго я высматривалъ себѣ мѣстечко смиренное, куда бы прилечь на отдыхъ. Наконецъ, при одной изъ обыкновенныхъ моихъ прогулокъ на Смоленскомъ кладбищѣ, набрелъ я нечаянно на уединенный бугорокъ, въ сторонѣ, травка муравая, три деревца тѣнистыхъ — ну, прелесть! Дай, приготовлю себѣ тутъ скромный пріютъ, куда бы могъ зайти иногда кто изъ прежнихъ друзей, поминающихъ о бываломъ, и, присѣвъ на мою скамью, подъ тѣнь деревъ, побесѣдовать мысленно съ старымъ другомъ.

«Мѣста на кладбищѣ продаются, — я тотчасъ отправился къ старшинамъ и объявилъ свое желаніе сдѣлаться тамъ помѣщикомъ. Они не прочь; дѣло казалось въ шляпѣ, — такъ нѣтъ! На мою бѣду по справкамъ въ старыхъ какихъ-то спискахъ оказалось, что въ 1795 году какой-то маркизъ Траверсе, откупивъ это мѣсто (3 квадратн. сажени), схоронилъ тамъ новорожденнаго младенца подъ маленькой плитой, съ надписью: *Ci git la petite Louise*. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 47 лѣтъ, никогда никто не навѣдывался, не заботился ни объ этомъ мѣстѣ, ни о могилѣ; камень развалился и обросъ крапивою. Несмотря, однако, на $4\frac{1}{2}$ слишкомъ давности, старшины, какъ добросовѣстные аккуратные нѣмцы, никакъ не рѣшались ввести меня во владѣніе безъ согласія наслѣдниковъ умершаго перваго собственника и объявили мнѣ: *Wenn nur irgend jemand von der Familie Traverssé uns durch ein Paar Zeilen dazuberechtigt, so können Sie das Plätzchen gerne haben*». — Досадно; нечего говорить, нѣмцы правы, а мнѣ все-таки хочется занять это мѣстечко!

«Въ Гельсингфорсѣ, говорятъ, живетъ флота капитанъ Траверсе, безъ сомнѣнія, родня, вѣроятно, и наслѣдникъ моего умершаго противника. Если бъ онъ только согласился подписать приложенное объявленіе, то церковный совѣтъ отводитъ мнѣ мой бугорокъ, и я бы могъ устроить заблаговременно свою почивальню. Кажется бы, опять дѣло не затруднительное; однако неловко обратиться къ незнакомому человѣку съ моимъ могильнымъ домогательствомъ, — да благо есть въ Гельсингфорсѣ добрый Гротъ лицейскій, который, взглянувъ на заглавную виньетку сего листка, конечно, по лицейскому родству не откажется сослужить старому другу директору службу, склонивъ маркиза Траверсе на уступленіе мнѣ мѣстечка, для меня драгоцѣннаго, а для него, кажется, не могущаго имѣть

никакой цѣнности. Само собой разумѣется, что я обязываюсь осторожно тутъ же переставить развалившуюся маленькую надгробную плиту и схоронить подъ ней все, что еще найдется остатковъ de la petite Louise; также возвратить заплаченныя въ 1795 году первымъ приобретателемъ за мѣсто деньги, кажется, рублей 30 или 40.

«Вотъ все мое дѣло. Нужно ли къ этому прибавить просьбы, убѣжденія и пр., пр.? Нѣтъ, и безъ нихъ нашъ посредникъ между Финляндомъ и Русью, добрый Гротъ, поминая лицейскую старину, охотно возьмется похлоптать о послѣдней конуркѣ стараго директора. Удастся ли или нѣтъ, а я все буду ему очень благодаренъ, не только нынче, пока въ наличности, но и послѣ, когда, можетъ быть, случится ему когда нибудь прійти посидѣть на скамейкѣ стараго, безсрочно уволеннаго друга

Егора Антоныча».

«С.-Петербургъ,
апрѣля 22-го
1842 г.»

Порученіе Энгельгардта, какъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма, было исполнено моимъ отцомъ вполне удачно. Согласіе на уступку мѣста Е. А. было дано маркизомъ А. И. Траверсе, оказавшимся очевидно близкимъ родственникомъ (не братомъ ли?) похороненнаго младенца, и старикъ былъ въ большомъ удовольствіи.

Вотъ что онъ писалъ Я. К. Гроту 5-го іюня того же года:

«Какъ же благодарить тебя, мой добрый, добрѣйшій Гротъ, за твою великую мнѣ услугу? Право, не знаю. Къ немалому числу моихъ недостатковъ принадлежитъ и то, что я никакъ не умѣю выражать красивыми словами своихъ чувствъ, а на письмѣ и того еще менѣе. Бѣдныя теплыя чувства сердца должны перенестись въ голову и, принарядившись тамъ въ риторическія и грамматическія формы, добираться до грамотныхъ пальцевъ и черезъ посредство гусинаго пера и черной литературной влаги являться на холодной бумагѣ. Какъ тутъ не остынуть? И выйдутъ фразы, уже тысячу и тысячу разъ говоренныя, а мнѣ это не по-сердцу, досадно.

«Прими же, другъ мой, не многословное, а простое сердечное лицейское спасибо! Авось Богъ велитъ еще намъ съ тобой свидѣться, — тогда, рука въ руку, повторю тебѣ его на словахъ, если же не сойдемся, то найди когда нибудь въ уютное мое помѣстье, присядь подъ тѣнью деревъ моихъ и возьми себѣ тамъ свое заслуженное спасибо.

«Само собой разумѣется, что останки маленькой моей предмѣстницы, la petite Louise, будутъ прилично пережѣчены, огорожены и прочее, такъ что маркизь Траверсе при посѣщеніи увидитъ и камень и надпись, коихъ теперъ нѣтъ почти возможности отыскать между крапивой и лопушникомъ. Скажи и ему большое и пребольшое мое спасибо.

«Не знаю, есть ли въ твоёмъ лицейскомъ архивѣ наша прощальная пѣснь съ музыкой; на всякій случай посылаю тебѣ ее. Хоть и некому будетъ тамъ у васъ ее слѣть, однако она и зала шестилѣтняя напомнятъ тебѣ о томъ времени, когда тамъ эту пѣснь пѣли, понимали, чувствовали. Я никакъ не рѣшился дозволить какому нибудь бездушному кантонисту-литографу накалграфировать этотъ символъ нашей лицейской вѣры, и потому самъ своеручно написалъ, какъ умѣлъ, на камнѣ и отпечаталъ. Положи въ архивъ.

«Видно, такъ уже положено имѣть тебѣ добавокъ архивный: пока думалъ я и придумывалъ, какъ бы его вѣрнѣе къ тебѣ доставить, является прекрасный случай на то. Одна пріятельница жены моей, madame Groen, съ хорошенькой своей дочкой ѣдетъ завтра въ Гельсингфорсъ и охотно беретъ доставить тебѣ мою посылку. Я ее увѣрялъ, что Грота въ Гельсингфорсѣ всѣ знаютъ, и что слѣдовательно не будетъ затрудненія тебя отыскать. Можетъ быть, ты съ нею познакомишься; она и дочь ея стоять того по сердцу, по уму и по образованности. Если можешь оказать имъ тамъ на чужбинѣ услугу добрымъ совѣтомъ, то сдѣлаешь доброе дѣло.

«Потолковалъ бы еще съ тобой, да онѣ торопятъ, чтобы уложить мою посылку между бѣльемъ; надо кончить. Прощай, мой добрый Гротъ. Наслаждайся мыслью, что ты утѣшилъ, успокоилъ на вечерѣ жизни стараго

«друга-директора

«Егоръ Антоныча.

«А Реймерсъ нашъ — и его не стало у меня. Жаль! человекъ былъ необыкновенный и сердцемъ и головой. А сколько пережившихъ его, которые... да Богъ съ ними; видно, такъ надобно, чтобъ было. Гамлетъ говорить: eat your pudding slave and be quiet—ѣшь пирогъ съ грибами и держи языкъ за зубами.—А все-таки Реймерса жаль; не для него—ему тамъ вѣрно лучше, а для остающихся, для бѣдной матери слѣпой, — она на его похоронахъ мнѣ сказала: nicht einmal seinen Sarg soll ich sehen».

Дружеское письмо это, а особенно подарокъ лицейской реликвиі не могли не доставить большого удовольствія моему отцу. Въ письмѣ его къ Плетневу отъ 11 іюня читаемъ: «Вчера я получилъ посылку отъ Егора Антоновича. Прислалъ мнѣ «Шесть лѣтъ» съ нотами при письмѣ самомъ дружескомъ, гдѣ онъ называетъ меня вездѣ другомъ и говоритъ мнѣ ты». — «Энгельгардтъ мастеръ писать амикальнныя письма», замѣтилъ на это Плетневъ въ отвѣтномъ письмѣ.

Брошюра въ большую 4°, подъ заглавіемъ: «Шесть лѣтъ. Прощальная пѣснь воспитанниковъ Императорскаго лиція въ Царскомъ Селѣ. 1817 г. Слова воспитанника барона Дельвига. Музыка

В. Теннера. Спб. 1835 г., литографія Ф. Давиніона, у Казанскаго моста, № 15», съ довольно большой литографированной виньеткой на заглавномъ листѣ, изображающей лицейскій залъ съ нѣсколькими фигурами лицейстовъ, между которыми думаютъ видѣть Пушкина и Е. А. Энгельгардта, — бережно хранилась съ тѣхъ поръ въ архивѣ отца. Она заключаетъ въ себѣ на 17 страницахъ ноты пѣсни «Шесть лѣтъ», а на 18-ой литографированный автографъ Энгельгардта — самый текстъ «Прощальнсі пѣсни», написанный его круглымъ и четкимъ, но некрасивымъ почеркомъ, съ своеобразной ореографіей ¹⁾). Брошюра эта составляетъ нынѣ большую рѣдкость.

Энгельгардтъ не забывалъ и послѣ того ученаго собирателя лицейской старины. Въ концѣ 1844 г. онъ послалъ Я. К. Гроту недавно передъ тѣмъ вышедшую брошюру о лицействѣ 1-го выпуска, одномъ изъ близкихъ и любимыхъ товарищей Пушкина В. Д. Вальховскомъ († 1841 г.). 18 ноября 1844 г. Плетневъ сообщаетъ своему другу: «Энгельгардтъ подарилъ мнѣ и тебѣ по экземпляру біографіи Вальховскаго, писанной Малиновскимъ (сегодня къ тебѣ отправлена)», 22 ноября послѣдовалъ на это и отзывъ моего отца: «Благодари отъ меня Е. А. Энгельгардта за «Жизнь Вальховскаго». Мнѣ было очень пріятно читать ее. Онъ былъ знаменитъ при мнѣ уже въ лицей; мы всегда говорили о немъ съ особеннымъ уваженіемъ, и анекдоты про него переходили изъ рода въ родъ».

Эта брошюра: «О жизни генераль-майора Вальховскаго, Харьковъ, 1844 г.», съ виньеткой, изображающей могилу его (23 стр., in-8°, извлечена изъ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»), также сохранилась и имѣетъ автографическую надпись: «Лицейскому Гроту, для его лицейскаго архива отъ Егора Антоныча». Въ бумагахъ отца находится еще экземпляръ этой брошюры, полученный имъ отъ сына автора, А. И. Малиновскаго — съ вычеркнутой надписью (Н. И. Ознобишину отъ однополчанина-издателя И. Малиновскаго) и съ отмѣткой отца подъ заглавіемъ: «Составилъ товарищъ его по лицею и зять Ив. Вас. Малиновскій». Кромѣ того, имѣется еще рукописный экземпляръ этой біографіи, съ маленькими отличіями, подписанный «Х—ъ» — рукой лицейста V выпуска фонъ-деръ-Ховена, очевидно собиравшаго лицейскія воспоминанія и впоследствии передававшего кое-что изъ нихъ Я. К. Гроту.

Вальховскому, «одному изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ въ лѣтописяхъ лицея», отецъ мой посвятилъ особый маленькій очеркъ въ своей извѣстной книгѣ о Пушкинѣ въ лицей ²⁾ на осно-

¹⁾ Какъ видно изъ рукописной цензурской помѣтки на этомъ экземплярѣ (отъ 9 окт. 1856 г. цензора В. Бекетова), брошюра эта была разрѣшена къ перепечаткѣ въ этомъ году.

²⁾ 2 изд., стр. 71—73.

ваніи своихъ воспоминаній, рассказовъ товарищей и названной только-что брошюры.

Мы видѣли, какъ уже въ 1842 г. Энгельгардтъ готовилъ себѣ мѣсто послѣдняго успокоенія. Но старику суждено было прожить послѣ того еще 20 лѣтъ! Онъ не воображалъ тогда, что «уютное свое помѣстье» на Смоленскомъ кладбищѣ онъ приготовилъ пока не для себя, а прежде всего для нѣсколькихъ членовъ семьи своей, безвременно похищенныхъ смертью. 1844—1845 годъ оказался невѣроятно тяжелымъ для него: Плетневъ 10 марта писалъ въ Гельсингфорсъ: «Вообрази, какое несчастье постигло Е. А. Энгельгардта: его дочь Natalie, что за Сакеномъ, служившимъ въ лицей, отъ родовъ умерла. Вотъ старикъ въ одинъ годъ похоронилъ старшаго сына, воспитанницу (а въ существѣ тоже дочь)¹⁾ и эту третью». Старшій и любимый сынъ Егора Антоновича, Александръ, скончался 22 декабря 1844 г., а черезъ 2¹/₂ мѣсяца, 8 марта, умерла его дочь Наталья, бывшая замужемъ за барономъ А. Ф. Остенъ-Сакеномъ (бывшимъ наставникомъ въ лицей), оставивъ пятерыхъ дѣтей. Черезъ 14 лѣтъ тамъ же похороненъ имъ другой сынъ Максимилианъ († 21 марта 1858 г.).

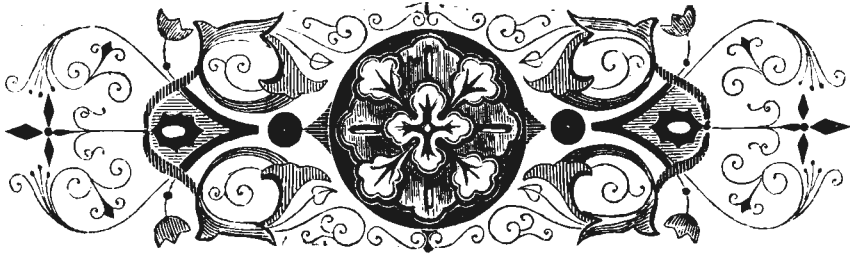
Возлѣ дѣтей въ ту же могилу привелось старику-директору опустить въ томъ же 1858 г. и нѣжно любимую жену свою Марью Яковлевну (рожденную Whitaker), умершую на 71 году, которую онъ пережилъ на 4 года († 15 января 1862 г.).

Я посѣтилъ недавно на лютеранскомъ Смоленскомъ кладбищѣ могилу семьи Энгельгардта. Разузнать, мѣсто это нельзя бы узнать по описанію Егора Антоновича: объ уединенномъ бугоркѣ, 3-хъ деревцахъ и проч. не можетъ быть и помину. Расположенное влѣво отъ главныхъ воротъ почти въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ, оно очутилось въ самомъ населенномъ районѣ кладбища и окружено густой толпой надгробныхъ плитъ, крестовъ и памятниковъ. Послѣдняя опочивальня Энгельгардтовъ не имѣетъ ни особаго памятника, ни вообще чего либо виднаго и изящнаго во внѣшности. Прислоненная съ одной стороны къ чьему-то неуклюжему ящикообразному мавзолею, она представляетъ довольно большую четверугольную площадку надъ склепомъ, окаймленную съ трехъ сторонъ массивной каменной оградой, въ которую вставлены плиты съ надписями о погребенныхъ здѣсь членахъ семейства Энгельгардта, а съ четвертой—желѣзной рѣшеткой. Прямо передъ входомъ находятся плиты съ именами самого Егора Антоновича и его жены, по бокамъ—ихъ сыновей, а затѣмъ ихъ дочери, зятя и проч.

К. Я. Гротъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ А. Ленцъ.

НА ЗАБЫТОЙ РѢКѢ.

(Изъ экскурсій въ окрестностяхъ Новгорода).

ДНАЖДЫ я спросилъ въ Новгородѣ представителя городскаго самоуправления, почтеннаго, благообразнаго старичка:

— А что, Иванъ Яковлевичъ, вы вѣдь, кажется, изъ боровичскихъ уроженцевъ?

— Въ самыхъ Боровичахъ родился; молодые годы тамъ провелъ.

— Значить, хорошо помните тогдашнее судоходство по Мстѣ?

— Еще бы,—горделиво отозвался самоуправитель.

— Такое было, какъ нынѣ?

Иванъ Яковлевичъ вздохнулъ, безнадежно махнулъ рукою; потомъ отмѣрилъ большимъ пальцемъ на указательномъ маленькій кончикъ и сказалъ:

— Настолько не осталось.

— Неужели?

— На старости лгать не буду.

— Нѣтъ, я удивляюсь упадку.

— Прежде, дорогой мой,—самодовольно продолжалъ Иванъ Яковлевичъ, вызванный на любимыя воспоминанія,—въ наше доброе время на Мстѣ происходили большія дѣла.

— Это въ какихъ годахъ?

— А вотъ, когда не было Николаевской дороги. Хлѣбные караваны ходили. По веснѣ-то пробѣжить тысячь пять барочекъ. И

пороги не страшили, а около Боровичей они злые. Помню, настелятъ тесу по нимъ, такъ судно-то, словно по льду, ползеть.

— Конечно, не обходилось безъ крушеній.

— Всего бывало. Ежели резобьетъ,—все пропало, и за баркой не гонятся. Когда же проломъ, сейчасъ ее подтянуть къ берегу, а тамъ ужъ ждуть бабъ съ шайками. Такое, видите ли, было положеніе: хозяина не спрашивали, о платѣ не сговаривались, а по окончаніи работы получали расчетъ.

— Прокатиться бы по Мстѣ.

— Теперь ничего на ней нѣтъ интереснаго. Вверху построились гончарные заводы; издѣлія на нихъ дешевыя, немудрыя, сбытомъ нельзя похвастаться. Вообще заводы ведутъ не широкія дѣла. Пониже, извольте ли видѣть, глину копаютъ, грузятъ на барки и въ Питеръ сплавляютъ. Эта работа просто отъ нужды—грязная, тяжелая, малоприбыльная. Потомъ гонка лѣсу производится. Мужички покупаютъ его въ казнѣ крохотными участками, сами обдѣлываютъ и гонятъ. Понятно, какой это ужъ лѣсъ—тонкій, мелкій, 25—50 р. сотня бревенъ. У кого нѣтъ деньжонокъ на оборотъ, тотъ кое-какъ оборудуетъ старую лодку и другимъ путемъ добываетъ копейку—возитъ песокъ, камень. Несомнѣнно, по всей рѣкѣ деревни рыбешкой промышляютъ. Скучно, худо на Мстѣ стало, все пропало, заснуло непробуднымъ сномъ.

— А не мѣшало было проѣхать.

— Вы все о своемъ. Да какъ проѣдете? На гонкахъ съ бурлаками или на гончаркѣ съ горшками? Такъ, по-моему, не способно. А вотъ я вамъ дамъ совѣтъ самый подходящій.

— Какой же?

— Изъ Новгорода два раза поднимается по Мстѣ пароходъ, останавливается въ каждомъ селеніи и даже гдѣ пожелають пассажиры. Не захотѣли ѣхать дальше, скажите капитану, онъ ткнетъ пароходъ въ берегъ, и пожалуйте.

Я улыбнулся.

— Непремѣнно воспользуюсь вашимъ совѣтомъ.

Мста, протекая около 400 верстъ, какъ и Волховъ, соединяетъ два озера — Мстино съ Ильменемъ. Еще въ старину, когда Новгородъ торговалъ съ Поволжьемъ, Мста играла немаловажную роль въ отношеніи судоходства. Волжскіе грузы поднимались до верховьевъ Тверцы и переправлялись волокомъ, т.е. гужевымъ способомъ на берега Мсты. Наоборотъ, грузъ изъ Новгорода плылъ до деревни Держковой, затѣмъ сухимъ путемъ обходилъ пороги и достигалъ Березовскаго или Опеченскаго Рядка, расположенныхъ на Мстѣ. Отсюда уже зимою тянулся на Тверцу и ожидалъ въ амбарахъ весенняго разлива. Ни волжскіе, ни новгородскіе купцы не проявляли заботъ по усовершенствованію этого пути, да, кажется, и надобности никому не

представлялось. Другое было дѣло, когда возникла сѣверная столица. Быстро возрастающее населеніе новаго города могло быть продовольствуемо низовыми хлѣбородными губерніями, поэтому сразу явилась крайняя необходимость соединить Неву съ волжской системой. Первый это понялъ преобразователь Россіи. Ислѣдованія волоковаго пространства дали благопріятные результаты: въ озеро Мстино впадаетъ рѣка Цна, которая течетъ всего на 120 сажень отъ Тверцы. Слѣдовательно, будущій каналъ между этими рѣками рѣшалъ весь вопросъ. Самъ монархъ обозрѣвалъ гѣшкомъ берега Цны и ту часть, по которой долженъ былъ протянуться каналъ. Къ сооруженію послѣдняго было приступлено въ 1704 году. Предполагалось вынуть земли 1.375 кубич. сажень. Земляными работами занималось 6.000 человекъ. Черезъ четыре года воды этихъ рѣкъ слились посредствомъ канала, но болѣе важныя тогда заботы по государству отвлекли Петра I отъ гидротехнической части канала, тѣмъ не менѣе сообщеніе уже существовало, и петербуржецъ ежегодно видѣлъ на Невѣ низовыя суда, приплывшія прямо съ Волги. Конечно, это можно было наблюдать въ раннюю весну или дождливое лѣто.

Какъ ни странно, но продолжателемъ Петра явился мельникъ Михаилъ Сердюковъ. Прежде все было очень просто и доступно. Онъ подалъ государю просьбу о дозволеніи ему производить работы дальше на собственный счетъ и условливался, чтобы по всей системѣ, отъ Тверцы до Волхова, ему разрѣшили строить мельницы и рубить по берегамъ лѣса на 30 сажень вглубь; по судоходству же просилъ права взимать плату: съ большой лодки 5 коп., съ малой 3 коп., съ барки тоже 5 коп., съ лѣсного плота 16 коп.

Сердюковъ въ три года окончилъ работы. Небезынтересны первыя гидравлическія сооруженія на этомъ бассейнѣ, называемомъ Вышневолоцкой системой. Простой строитель, чтобы постоянно питать водою Цну, сдѣлалъ три переката: рѣку Шлину соединилъ съ озеромъ Ключинскимъ, изъ него прорылъ каналъ въ озеро Городолюбское, а послѣднее сообщилъ съ Цной. Крѣмъ того, поставилъ шлюзъ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ былъ устроены цнинскій бейшлотъ.

Впослѣдствіи возникало много сообщеній съ новыми водохранилищами, дѣлались новые шлюзы, разныя запруды, плотины.

Почти весь XVIII вѣкъ Вышневолоцкая система совершенствовалась въ такомъ направленіи, только въ концѣ было обращено серьезное вниманіе на смягченіе зла, причиняемаго судоходству порогами.

Екатерина II лично интересовалась боровичскими порогами и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ предпринимала «водную коммуникацію» въ Боровичи для обозрѣнія каменныхъ преградъ. Государыня и наслѣдникъ всю Мсту проѣзжали на боль-

шой роскошной галерѣ. Въ крупныхъ, торговыхъ селеніяхъ августѣйшіе путешественники останавливались, слушали пѣсни, любовались хороводами и пляскою, даже въ одномъ имѣніи дѣлали «раستاхъ» и завтракали у помѣщика. Приплывъ въ Новгородъ, государыня подарила галеру новгородскому дворянству, которое и до сихъ дней сохраняетъ ее, какъ реликвію, въ каменной галереѣ, на пригоркѣ, оставшемся послѣ разрушеннаго кремлевскаго вала. Жаль только, что галера, будучи лѣтъ пятьдесятъ безъ надзора, обращена была въ мѣсто невѣжества, безобразія и притонъ разныхъ мазуриковъ. Нынѣ, кромѣ корпуса, въ ней почти ничего не осталось: пропалъ штофъ со стѣнъ каютъ, исчезъ сафьянъ на палубѣ, нѣтъ дверныхъ филенокъ, цвѣтныхъ стеколъ въ оконныхъ заставахъ. Изъ обстановки ни единого предмета въ полномъ смыслѣ слова: кресла государыни и наслѣдника хранятся въ мѣстномъ музее, тамъ же одно зеркало въ золоченой рамѣ съ мраморнымъ подзеркальникомъ, а другое — неизвѣстно гдѣ. Конечно, не однѣ эти вещи были въ царскомъ путешествіи, а гдѣ прочія, — никто не знаетъ. Стѣны каютъ, какъ сказано, голыя, покрыты облупившейся краской; окна забраны досками, полъ грубый, тесовый, носъ безъ палубы. Просто не вѣрится, когда горбатая сторожиха начнетъ вамъ показывать и объяснять: здѣсь опочивала царица, это спальня наслѣдника, вотъ тутъ была столовая для высочайшихъ особъ, рядомъ общій залъ, куда выходила государыня, наслѣдникъ и свита. А между тѣмъ громадная деревянная доска, сдѣланная тогдашнимъ дворянствомъ, ясно гласитъ, что на этой галерѣ великая Екатерина совершала путь въ пороги и пропутешествовала не одну недѣлю.

Высочайшій осмотръ повлекъ мѣры къ улучшенію судоходства въ порогахъ. Занялись разбивкою и вытаскиваніемъ камней, долбили каменные глыбы, прокладывали искусственный фарватеръ.

Въ моемъ архивѣ есть дѣло о производствѣ этихъ работъ. Оно переполнено цѣнами на рабочія руки, разными смѣтами, вычислениями. Несомнѣнно, такой матеріалъ сухой и скучный, но, тѣмъ не менѣе, онъ даетъ небезынтересный выводъ, что облегченный проходъ въ порогахъ обошелся тогдашней казнѣ въ нѣсколько миліоновъ.

Съ тѣхъ поръ едва ли такъ усердно заботились о судьбѣ судовъ въ боровичскихъ порогахъ, тѣмъ болѣе, полвѣка спустя, судоходство здѣсь стало хронически слабѣть и съ каждымъ годомъ сокращалось на десятки и сотни барокъ. Теперь установленъ единственный способъ свободнаго прохода въ порогахъ — это шлюзы, поднимающіе воду два раза въ годъ.

Нынѣ всѣ эти Потериблицы, Манкошевы, Березовые и Опеченскіе Рядки, когда-то процвѣтавшіе оживленіемъ и торговлей, печально влачатъ жалкое существованіе. Сама Мста заглохла, одичала, обросла кустарникомъ, затянулась иломъ, пескомъ. Да и ни-

чего нѣтъ удивительнаго, если по официальнымъ свѣдѣніямъ ежегодно сплавляется жалкое количество судовъ и плотовъ. Въ прошлую навигацію по Мстѣ прослѣдовало до 200 судовъ, на сумму около 800 тысячъ рублей. Грузъ состоялъ изъ овса, льна, пакли и льняного сѣмени. По всей рѣкѣ грузилось слишкомъ 260 судовъ глиной, известью, сѣномъ, гончарными издѣліями. Плотовъ съ дровами и бревнами было заготовлено до 1.500. Мѣстный грузъ оценывался въ 175 тысячъ рублей.

Изъ Новгорода меня везъ «Американецъ», принадлежащій обществу пароходчиковъ-монополистовъ Забѣлиныхъ. Кажется, названіе парохода должно бы было оправдывать все то, съ чѣмъ соприкасается пассажиръ, но не тутъ-то было. Американскаго на пароходѣ развѣ только то, что котель у него въ самомъ носу, а два колеса въ кормѣ. Все же остальное русское: грязь, тѣснота, духота, невозможныя цѣны буфета и проѣзда, безпечная, фамиллярная прислуга, ежеминутные одурающіе свистки, отъ которыхъ едва не дохнетъ барабанная перепонка, и пр.

«Американецъ» не ходитъ Ильменемъ, хотя до Мсты ѣхать по немъ всего четыре версты, а поворачиваетъ съ Волхова въ Сиверсовъ каналъ. Здѣсь пароходъ, какъ и вездѣ, идетъ полнымъ ходомъ, развивая сильное волненіе и таща за собою береговые взводни. Навѣрняка такой ходъ незаконный. По крайней мѣрѣ, на приладожскихъ каналахъ пароходы ходятъ тихо, 7 верстѣ въ часъ. И это вполнѣ разумно съ точки зрѣнія технической, но на Сиверсовомъ каналѣ очевидно царятъ свобода и патріархальный порядокъ.

Я спросилъ по этому поводу капитана, который вмѣсто отвѣта широко открылъ на меня глаза и не понялъ вопроса.

— Пожалуйте, — сказалъ онъ, когда пароходъ почти уткнулся въ берегъ.

— Вы, капитанъ, не поняли меня, — продолжалъ я извинительнымъ тономъ. — Мнѣ не надо сходить на берегъ. Я хочу сказать о законѣ. Пароходы должны ходить по каналамъ тихо, чтобы не размывать береговъ. Вамъ это правило не извѣстно?

— А почему по такому мы знаемъ? — нахмурился онъ и далъ сигналъ о заднемъ ходѣ.

— Впрочемъ, вѣдь безъ правила ясно, что быстрота въ каналѣ вредна, порождаетъ излишніе расходы, излишніе труды путейскихъ чиновъ.

— А нешто имъ худо?

— Да, думаю.

— Эхъ, господинъ... — многозначительно вздохнулъ капитанъ.

— Смотрите, это что? — указалъ я ему на берегъ, гдѣ мостили булыжникомъ уклонъ.

— Извѣстно — камень. Потому и мостятъ, что отъ пароходовъ берега обсыпаются. Давно они тутъ возятся. Дѣло хлѣбное.

— Нѣтъ, вы потише.

— Полный ходъ! — сказалъ въ рупоръ капитанъ.

Солнце палило изрядно. Въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія. Среди узкихъ береговъ дышалось тяжело. Иногда шумъ волны вспугнетъ кулика, который, пискливо крича, полетитъ впередъ или шарахнется въ сторону куда нибудь на болото. Каналь тянется 8¹/₂ верстъ прямо, точно по линейкѣ. Берега оголены, однообразны и наводятъ одну тоску.

Но вотъ повернули въ Мсту, и сразу повѣяло прохладой. Откуда-то взялся вѣтерокъ и зарябилъ поверхность; пассажиры свободнѣе вздохнули. Въ луговыхъ берегахъ рѣка выглядѣла полной, глубокой, но дальше, какъ оказалось, лежали отмели и настолько серьезные, что инья прямо-таки высывались изъ воды. Вдругъ пароходъ круто направился къ берегу.

— Эхъ, намъ и вѣхи не надо, — замѣтилъ сидящій со мной становой приставъ, мужчина среднихъ лѣтъ, краснощекій, съ длинными хохлацкими усами, въ фуражкѣ, сдвинутой назадъ.

— А что такое? — спросилъ я, озираясь кругомъ.

— Смотрите, на мели мужики завязли.

Мы поравнялись уже съ лѣснымъ плотомъ, который не трогался съ мѣста. Вокругъ него, по колѣна въ водѣ, ходили рабочіе и кольями пытались спихнуть плотъ.

— Ну, положеніе, хуже императора корейскаго, — сострилъ становой и самъ засмѣялся. — Шибко врѣзался, засосало.

— Да, бѣда сердечнымъ.

— Вы бы, ребята, пообѣдали, а потомъ на «уру»! — крикнулъ онъ мужикамъ.

— Съ вашимъ благородіемъ, пожалуй, полегчало бы лучше обѣда, — отвѣтилъ кто-то изъ нихъ.

Становой сконфузился и пренебрежительно повернулся спиной къ рабочимъ.

— По бревнышку слѣдуетъ разобрать, — вмѣшался и я съ совѣтомъ.

— Не стоитъ обращать вниманія, — отнесся ко мнѣ становой. — Народъ грубый, дикій, изъ лѣсу плывутъ.

— Скажите, развѣ здѣсь знаковъ не ставятъ на отмеляхъ?

— Такимъ олухамъ и знаки нипочемъ: лѣзутъ на рогатину.

— Я думаю, все-таки будутъ осмотрительнѣе.

— Ничуть, — категорично отрѣзалъ становой и вытащилъ изъ синихъ рейтузъ серебряный портсигаръ съ зажигательнымъ шнуромъ, затѣмъ досталъ желтую папиросу и постучалъ ею о металлъ. — Я, — продолжалъ онъ убѣдительнымъ тономъ, — десять лѣтъ съ этимъ народомъ канителюсь, знаю его, какъ пять своихъ пальцевъ. Утонулъ, погрязъ въ невѣжествѣ, и никакъ его не вытащить изъ

тины. Смѣшно, четверо возятся около такого плота, который и парходомъ не сдвинуть. Смекалки ни на грошъ.

— Стараются поднять уровень развитія, но медленно что-то подвигается.

— Очень медленно, очень медленно, — вдумчиво соглашался становой. — Одно слово, еле-еле, черепашьимъ шагомъ.

По вѣтру, понесло только что скошеннымъ сѣномъ.

— Какой чудный запахъ! — замѣтилъ я.

— Въ это время тутъ всегда пахнетъ свѣжимъ сѣномъ. Покосы громадныя по берегамъ Мсты, и сѣно славится качествомъ. Вотъ опять... скажу... Какой людъ преобладаетъ на покосахъ? Самый отчаянный, подонки общества.

— Почему же?

— А, видите ли, здѣшній край наводняется административно-ссылными. Зимой они, какъ волки, рыскаютъ по деревнямъ насчетъ попрошайничества, а лѣтомъ работаютъ на покосахъ, заработки, конечно, пропиваютъ, а отсюда — скандалы, драки, безобразіе, преступленія. Не угодно ли возиться съ ними вашему покорнѣйшему слугѣ? — собесѣдникъ поклонился и щелкнулъ каблуками.

— Ихъ бы не брали на покосы.

— Нельзя. Рабочихъ рукъ надо много. Поневолѣ и за нихъ берутся.

— Учредили бы наблюденіе, надзоръ, чтобы не пропивали.

— Тутъ одинъ совѣтникъ правленія разрабатывалъ этотъ вопросъ.

— Какимъ же образомъ?

— Собиралъ бытовыя свѣдѣнія, лично ихъ опрашивалъ, накопились вороха матеріаловъ.

— И что же онъ выжалъ изъ этого вороха?

— Самый плачевный экстрактъ, — становой засмѣялся.

— Очень жаль.

— Не жалѣйте, пожалуйста, не жалѣйте. Онъ предлагалъ дать имъ землю, скотъ, субсидію, хотѣлъ дать осѣдлую жизнь.

— Понимаю, колоніи.

— Да, трудовыя колоніи для людей, потерявшихъ всякую способность къ труду.

— А какъ же на покосахъ?..

— Такъ это отъ горя. Народъ лѣнивый, разбитый, худосочный — развѣ онъ можетъ быть земледѣльцемъ?

— Значитъ, проектъ провалился?

— Нѣтъ, не провалился, — насмѣшливо возразилъ становой.

— Ну, такъ прошелъ?

— Да, прошелъ въ какомъ-то «Земскомъ Вѣстникѣ» по три копейки за строчку.

— Можетъ быть, широко намѣчалъ задачи?

— Да не то: для нихъ, по-моему, ничего не придумать. Ужъ если голь никуда негодящая, такъ голью и въ землю пойдетъ,— сказавъ эти слова твердо, рѣшительно, становой ловко подбросилъ вверхъ окурокъ, который долго описывалъ пируэты и упалъ въ воду за пароходомъ.

Очевидно, эта голь достаточно насолила моему собесѣднику. Помолчавъ онъ снова взялся за нее.

— Ихъ золоторотцами у насъ называютъ. Между ними есть юристы, чиновники, офицеры, учителя, дворяне, иные говорятъ по-нѣмецки, по-французски. Они, такъ сказать, умерли гражданской смертью, потому что почти каждый лишенъ или личныхъ, или по состоянію присвоенныхъ правъ. Первобытность у нихъ осталась только въ воспоминаніяхъ.

— Неужели во весь годъ нельзя занять ихъ работами, хотя бы на подобіе покосовъ?

— Вы опять за мертворожденный проектъ, — улынулся становой. — Вотъ мы съ вами — люди здоровые, крѣпкіе, а заставьте насъ гряды копать, капусту садить, покажется трудно, горбъ заболитъ, въ дугу согнетъ. А если за плугомъ ходить, сѣно косить, такъ надо еще поучиться.

— Ну, что нибудь попроще, полегче.

— Эхъ, вы какой! — раздражительно воскликнулъ ненавистникъ «голи». — Наконецъ, на покосы золоторотецъ идетъ по собственной волѣ, живетъ свободно, деньги пропиваетъ, а вы вѣдь хотите взять его подъ опеку. Такого бѣшеннаго коня никакія удила не удержатъ.

— Неужели человѣкъ дошелъ до того?

— Только образъ человѣческой остался, а во всемъ прочемъ сидитъ разбойникъ, душегубъ... Да, что тутъ говорить?..

Я замѣтилъ, какъ глаза его загорѣлись злобой, усы ходили, губы дрожали.

Стали попадаться покосные станы. Мое вниманіе перешло на нихъ.

Что представляетъ собою станъ? На берегу жилище, покрытое травой и вѣтвями кустарника. Оно точъ въ точъ напоминаетъ, если бы мы сняли съ избы крышу и поставили ее на землю. Эта будка, должно быть, служить самымъ удобнымъ мѣстомъ для кося, потому что онѣ положительно уснащаютъ ее, лежа вверхъ лезвіями.

Напротивъ, вбиты два кола, высотой въ полуростъ человѣка. Наверху колья соединяются третьимъ, и получаютъ два прямыхъ угла. Здѣсь подвѣшиваются котлы для щей, каши и кипятка. Для обѣденныхъ столовъ также вбиваются колья и стелются доски.

Народъ уже собрался въ стану и, въ ожиданіи обѣда, раздѣлился группами около жилища и кухни. Мужчины и женщины, большею частью, держатся отдѣльно. Рабочихъ добрая сотня, надо ихъ накормить. На всѣхъ хватитъ, если посмотрѣть на котлы, которые будутъ въ два-три объвата.

У слѣдующаго стана другая картина. Грузятъ барку. Не мѣшаетъ познакомиться хотя съ общимъ видомъ ея. Барка — это продолговатая коробка; на ней, пропорціонально площади, возвышается до 3-хъ саженъ безусловно птичья клѣтка, покрытая соломой. Въ эту гигантскую темницу набивается около 12 тысячъ пудовъ сѣна. Она безъ веселья, парусовъ, двигается теченіемъ. Для нагрузки сѣно доставляется съ луговъ возами, а въ барку носится охапками на спинѣ. Его уминаютъ, какъ бы прессуютъ, и притомъ оригинальнымъ способомъ. Наложатъ рядъ охапокъ и мнутъ. На этотъ родъ труда существуютъ даже особые уминальщики, получающіе въ день 55 коп., дороже кощовъ (50 к.). Выбираются охотно дѣтины по вѣсу и силѣ. Вотъ человѣкъ до ста стоятъ на сѣнѣ въ шахматномъ порядкѣ и, взявшись за плечи, присѣдаютъ. Въ общемъ кажется, что люди прыгаютъ, какъ на пружинахъ; многіе отъ зыбкости падаютъ, смѣются, ругаются. Каждый прыжокъ приправляется крикомъ, да еще какимъ: какъ грянетъ артель «гопъ!», такъ звуки раскатятся по дугамъ, понесутся по рѣкѣ и замрутъ гдѣ-то въ безконечномъ пространствѣ. Работаютъ на вольномъ, здоровомъ воздухѣ, весело, шумно, но, тѣмъ не менѣе, работа дружная, мощная, какую любитъ русскій человѣкъ.

Къ нѣкоторымъ станамъ мы приставали. Иванъ Яковлевичъ говорилъ правду: пароходъ станеть поперекъ рѣки и съ ходу ткнется въ берегъ. Здѣсь люди сходятъ съ парохода съ булками, ситнымъ, баранками и водкой. Пароходъ сталь. На носу появился не то хозяинъ покосовъ, не то приказчикъ; руки его отягощались ситнымъ и вязками баранокъ. Сзади нетерпѣливо переминались два мужика, обнявшись съ бутылками водки. Первый прямо скакнулъ на землю, а мужики, изъ предосторожности, сначала сѣли на край парохода, потомъ растопырили ноги и медленно сползли.

Когда мы отвалили, я спросилъ насчетъ лакомыхъ припасовъ у одного пассажира, повидимому, тоже изъ сѣнниковъ.

— Это угощеніемъ прозывается, — пояснялъ онъ. — Недѣля закончилась, ну, надо народъ стаканчикомъ побаловать.

— Чтобы прилежнѣе работали?

— Оно какъ сказать... пассажиръ приподнялъ брови и соображалъ, — прилежности этимъ не купишь, а такой порядокъ завведенъ.

— Поэтому вездѣ хозяева угощаютъ?

— Вездѣ, да разное: одинъ на артель ставитъ четвертуху, другой на ту же артель — ведро, третій — два.

— Смотри по добротѣ сердца.

Сѣнникъ вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Для славы, вино хорошую славу даетъ. Скажемъ, нынче я угостилъ досыта, на другое лѣто народъ лѣзетъ ко мнѣ, отбою нѣтъ: мы, говорятъ, къ тебѣ со всякимъ удовольствіемъ, Иванъ Кузьмичъ, потому ты бережешь насъ. А кто ставитъ мало, у того торгуются, въ цѣнѣ ломаются.

— Конечно, на покосахъ въ рабочихъ вся важность.

— Помилуйте, каждымъ днемъ дорожить надо. Я соберу молодцовъ да молодухъ сотни полторы, въ недѣлю мнѣ обладять, а у скупого хозяина народу немного, въ двѣ недѣли не справить.

— Это такъ.

— Всякое дѣло со смѣткой въ сосѣдствѣ живетъ, — заключилъ пассажиръ.

Пароходъ продолжалъ лавировать около мелей, то удаляясь со середины рѣки, то возвращаясь обратно. Мелькалъ кустарникъ по берегамъ густою и рѣдкою порослью.

Въ чаще возился кречетъ и преслѣдовалъ невинную пташку, хлопая крыльями по вѣтвямъ. Тянулись скошенные луга со своею щетиною. Кое-гдѣ участки запоздали уборкой; трава была высокая, густая; она созрѣла и жирными стеблями клонилась къ землѣ, просясь подъ острыя косы.

Кромѣ сѣнныхъ барокъ, никакихъ судовъ мнѣ не встрѣчалось.

Съ грустью смотрѣлъ я на пустынные, но красивыя, широкія воды Мсты.

Мнѣ представлялось, по воспоминаніямъ Ивана Яковлевича, прежнее судоходство. Вереницы судовъ плывутъ, стоятъ на якоряхъ, прижимаются къ берегамъ. Развѣваются разноцвѣтные флаги, натягиваются ванты, надуваются паруса; звучатъ мѣрные удары потесей; кругомъ все движется, живетъ, хлопочетъ.

Я вздохнулъ и замѣтилъ, какъ на горизонтѣ обрисовывалась гора; на ней, словно шпиль, виднѣлся храмъ, рѣзко выдѣляясь на синеватомъ фонѣ бѣлыми стѣнами.

На пароходѣ говорили, что этой горой обозначается село Бронница, которое начинается отъ ея подошвы и сползаетъ къ рѣкѣ.

Извилины Мсты мѣняютъ въ глазахъ пассажира мѣсто горы: то она кажется справа, то переходитъ налево.

Оборудованной пристани у села тоже нѣтъ. Мы подѣхали къ плотнику, отъ котораго никакихъ дорогъ не проложено, а надо подниматься по уступамъ высокаго глинистаго берега.

Издали Бронница удивила меня своими домами. Хотя и село, а сплошь торчали штукатуренныя, кирпичныя стѣны, покрытыя желѣзными крышами.

Я направился къ горѣ и прошелъ все село. Къ сожалѣнiю, всѣ строенiя обветшали, заустѣли, рушились; у однихъ окна заколочены, у другихъ вмѣсто оконъ зiяли дыры. Большею частью жилье удержалось въ нижнихъ этажахъ.

Очевидно, село когда-то богатѣло, но теперь опустилось до нищенскаго состоянiя.

Бронница стcитъ на шоссеиномъ трактѣ, соединяющемъ обѣ столицы. Около него суда находили пристань. Постоялый дворъ содержался въ каждомъ домѣ. Широко торговали овсомъ, сѣномъ, сѣстными припасами. Здѣсь останавливались нерѣдко высочайшiя особы, въ селѣ жили казенные ямщики, поэтому село именовалось Ямъ-Бронница. Прошла Николаевская чугушка, трактъ опустѣлъ, судоходство падало, совершалось быстрое и острое пониженiе экономическаго уровня.

Съ горы открывается чудный, далекий видъ. Среди зеленаго покрова змѣйкой лежитъ Мста, стелется озеро Ильмень со всѣми его очертанiями, синева лѣсовъ, точно выпуклой опушкой, обрамляетъ всю эту необозримую равнину. Ближе, по уклону, лѣнятся и кажутся точно падающими бронницкiе дома и сельскiй храмъ, а у самаго подножiя раскинулись хлѣбныя поля.

По словамъ проводника, церковь, сравнительно съ новгородскими древними церквами, оказалась новою; она сооружена Екатериной II, во имя Введенiя во храмъ Богоматери, съ придѣломъ великомученицы Екатерины. Съ вѣшней стороны украшается восемью колоннами. Внутри стѣны безъ росписи, на образахъ нѣтъ ни серебряныхъ ризъ, ни золотыхъ вѣнчиковъ. Въ общемъ церковь бѣдная, но содержится чисто и опрятно.

— Какъ эта гора называется?—спустившись внизъ, спросилъ я попавшагося мнѣ мужичка.

— Городкомъ называютъ.

— Высокая?

— Да считаютъ отсюда сажень 50, а ежели отъ рѣки взять, и всѣ 100 будетъ. Старики говаривали, въ ту пору она еще выше была.

— Почему?

— Лѣсъ дремучiй на ней росъ, а по низу изобки стояли.

— Куда же все исчезло?

— А видите ли, милый человекъ, какъ начали строить храмъ, все вырубили, мужиковъ переправили въ Естьяны, вонъ въ ту деревню.

Онъ показалъ на селенiе, стоявшее рядомъ съ Бронницей.

— Эти поля крестьянскiя?

— Кругомъ Городка все бронницкихъ мужиковъ, дальше покосы ихъ. Есть болотныя мѣста; ну, тѣ отдають господамъ подъ охоту.

— Ты, должно быть, здѣшній?
 — Какъ же, родина моя; отецъ, дѣдъ живали тутъ.
 — Богатая была Бронница?
 — Эхъ, любезный человѣкъ, чего было тутъ, вспомнить безъ слезинки не можно. Жизнь шла привольная. Вѣдь ямщики жили. А это народъ былъ богатый, царскихъ особъ возили, даромъ земель пользовались, подарки получали. Мой дѣдъ состоялъ въ ямщикахъ. Дѣдъ-то былъ зажиточный, да отецъ все прожилъ, а мнѣ, горемычному, ничего не осталось, — мужичекъ вздохнулъ и утеръ рукавомъ влажные глаза. — Теперича вотъ караульнымъ у мужиковъ; смотрю, чтобъ скотина въ поля не забралась. Кабы зналъ покойный дѣдушка, при какихъ я обстоятельствахъ нахожусь! — новый вздохъ, и мужичекъ снялъ пальцами съ рѣсницъ росинки.

— Куда тебѣ по твоимъ старымъ годамъ? Ты лучше скажи... какъ тебя...

— Каллистратычъ, — живо подхватилъ мужичекъ.

— Скажи, Каллистратычъ, какіе подарки твой дѣдъ получалъ.

— Этого не знаю, милый человѣкъ. Чего не знаю — не солгу. А рассказывалъ онъ, какъ одна ямщица, Катерина Носкова, нацудила съ государемъ Николаемъ Павловичемъ.

— Интересно, скажи, пожалуйста.

— Царь ѣхалъ въ Москву. Переѣзжалъ онъ Мсту на поромѣ. Ямщикъ повезъ его въ гору, и, какъ на грѣхъ, сломалась у экипажа ось. Государь взялъ да и пошелъ пѣшкомъ по селу, а тутъ припустилъ дождь, что изъ ведра. Выбѣжала Катерина къ царю, бухъ ему въ ноги и запричитала: батюшка, отецъ нашъ милостивецъ, красное солнышко, укройте у насъ въ горенкѣ. Государь согласился. Смекалистая баба сейчасъ ему яичницу на свѣжемъ маслѣ. Понравилось Николаю Павловичу кушанье, благодарилъ хозяйку и обѣщалъ вознаградить.

— Конечно, подарокъ прислалъ?

— Именно, отмѣнный подарокъ: жемчужный кокошникъ, атласный шугай и штофный сарафанъ.

— А еще у когонибудь есть подарки?

— Спросите такихъ Роговыхъ; у нихъ есть.

Каллистратычъ получилъ отъ меня монету.

— Благодарю... напрасно; зачѣмъ же? — умилился онъ отъ подачки. — А я хотѣлъ васъ чайкомъ угостить, въ садикѣ, подъ липками.

— Спасибо, не надо, — отвѣтилъ я на ходу.

Я справлялся въ Бронницѣ, и оказалось, что фамиліи Роговыхъ нынѣ не существуетъ, а есть поколѣніе — Поликарпова, торгующая желѣзнымъ товаромъ. Она передавала, что былъ ямщикъ, старикъ Роговъ, съ женой Аксиньей. Дочь ихъ Авдотья вышла замужъ за Поликарпова, а сынъ ихъ былъ женатъ на рассказчицѣ. Стари-

ковъ Роговыхъ любили августѣйшія особы и даже у нихъ оставались. Сохранилось два подарка отъ великой княгини Елены Павловны: серебряный бокалъ — самому Рогову и кокошникъ — его женѣ. Бокалъ массивный, въ формѣ чайнаго стакана. Наверху надпись: «жалованное ея императорскаго высочества Елены Павловны ямщику Аванасію Рогову. 1826 года». Кокошникъ обтянутъ фіолетовымъ бархатомъ, по которому вышиты серебромъ дубовые листья, между тѣмъ подкладка простая, ситцевая. Авдотью Рогову ошастливилъ своимъ кумовствомъ наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, когда проѣзжалъ на коронацію Николая I. На этотъ счетъ Поликарпова показывала мнѣ документъ такого содержанія: «Его императорское высочество наслѣдникъ и великій князь, по прибытіи въ Бронницу, въ знакъ благоволенія, приказать соизволилъ на свое имя принять воспріемство крещенія новорожденнаго у бронницкаго ямщика Якова Герасимова, сына Василя, съ воспріемницей, съ дочерью, дѣвицею Авдотьею Роговой. Бронница, 12 іюля 1826 года». Документъ подписанъ: «Генералъ-адъютантъ и кавалеръ Ушаковъ».

Въ Бронницѣ я переночевалъ и утромъ, въ воскресенье, отправился на пароходъ. День удался теплый, ясный. На улицѣ толпился народъ, разодѣтый въ праздничные и цвѣтные костюмы городского покроя. Но среди нарядныхъ отдѣльными группами были и тѣ, которыхъ общество называетъ «золоторотцами», а становой — просто «голью».

— Послушайте, — спросилъ я лавочника въ мучнистомъ пальто, бѣломъ передникѣ, подъ которымъ прятались его руки, — у васъ, я слышалъ, много этихъ бездомниковъ.

— Золоторотцевъ-то? — поправилъ онъ меня.

— Ну, или золоторотцевъ.

— Сколько душѣ угодно. Съ того времени, какъ стали пересылать ихъ, въ нашей Бронницѣ они не переводятся.

— И много считаете ихъ?

— Да, считали тутъ. Въ эти годы поменьше, а то до пяти тысячъ набралось.

«Гнѣздо изрядное», — подумалъ я и сказала:

— Что-жъ, торговлю поддерживаютъ.

— Какая отъ нихъ прибыль! Покупаютъ только вино, хлѣбъ, селедку, ну, изъ одежки порты, рубаху. А безпокоится съ ними, господинъ, такъ не дай Богъ сколько, — лавочникъ покачалъ головою и прибавилъ: — истинное мученье.

— А чѣмъ же они безпокоятъ?

— Просто отчаянный народъ.

— Ну?

— Одно слово: отпѣтый. Ограбить кого, ножомъ ударить — этому народу ничего не значить. Тутъ все-таки еще сельская полиція, а на покосахъ такъ прямо смертоубійство чинять.

- И между собою?
- Никого не разбираютъ; за вино убьютъ, во Мсту спустятъ.
- Правда?
- Какъ честный человѣкъ... Не разъ утопленниковъ ловили; въ кустахъ, подъ стогами мертвыя тѣла находили. А вы когда изволите ѣхать? — вдругъ повернулъ онъ.
- Сейчасъ вотъ иду на пароходъ. А что?
- Ступайте скорѣе. Вчера былъ расчетъ за недѣлю, а сегодня будетъ разливанное море вина; только ждутъ, когда винную лавку откроютъ.
- Что же со мной они могутъ сдѣлать?
- Всяко бываетъ, — пожалъ плечами лавочникъ и участливо добавилъ: — народъ нахальный, пристанутъ, привяжутся, долго ли до бѣды. Да они и теперь васъ не пропустятъ.
- Неужели?
- Вѣрно слово. Эта публика падка до новыхъ личностей.
- Спасибо за предупрежденіе, — поблагодарилъ я и пошелъ.
- Какъ клопы, нападутъ на свѣжаго человѣка, — сказалъ мнѣ вслѣдъ лавочникъ.

Дѣйствительно, не успѣлъ я отойти, какъ замѣтилъ, что люди изъ разряда «голи» переходили на мою сторону, очевидно готовляясь къ встрѣчѣ. Подпустивъ шаговъ на десять, толпа раздвоилась. Въ общемъ она имѣла ужасный видъ: рваная, грязная, босая, съ загорѣлыми, облупившимися отъ солнцепека лицами, наглая во взглядахъ, вольная въ жестахъ.

— На покосы нанимаете? Вамъ косить или грабить? — забрасывала толпа вопросами.

Я махалъ руками и твердилъ:

— Нѣтъ, не надо, не нанимаю.

Наконецъ мнѣ преградили путь, и я очутился въ кольцѣ.

— Олухи, дорогу мнѣ!

Съ этими словами, расталкивая кулаками собратьевъ, выступилъ впередъ ухарскій золоторотецъ, на видъ лѣтъ 30, со всклооченными волосами, сильно помятымъ, испитымъ лицомъ, но все еще выражающимъ въ нѣкоторыхъ чертахъ воспитанную мягкость и врожденное благородство. Онъ былъ безъ шапки, въ старой рубахѣ, въ опоркахъ на босую ногу.

— Развѣ не видите? — обращался онъ къ толпѣ: — это не его степенство, не всесильный міроѣдъ.

— Значитъ, баринъ, господинъ, — раздавались голоса.

— Это туристъ, ребята. Путешествуетъ по замѣчательнымъ мѣстамъ и переводитъ все видѣнное и слышанное перомъ или фотографіей на бумагу. Видите у него съ боку аппаратъ, а въ карманѣ карандашъ найдется несомнѣнно.

Я стоялъ, точно ожидавшій судебного приговора.

— Нашъ Алексисъ ученый, онъ мастеръ по наукѣ,—голосила толпа.

— Вамъ что же отъ меня угодно?—твердо спросилъ я.

— Ничего, мусье,—отвѣчалъ Алексисъ.—Только позвольте откомендоваться.

— Но зачѣмъ?

— А давно не считался съ этикетами. Ужъ не позабылъ ли?

— Желаете, такъ рекомендуйтесь.

— Алексѣй Пареевичъ Строгановъ,—отчетливо произнесъ золоторотецъ, слегка склонивъ голову и приложивъ правую руку къ сердцу.—Хотя не графскаго рода, но и не изъ русскихъ бурбоновъ.

— Вы очевидно получили образованіе?

— Да, къ несчастью, въ alma mater.

— Почему же къ несчастью?

— Корпорацію свою отдаю на посрамленіе.

— Вотъ сознаете, а дѣлаете.

— Не могу, силы воли нѣтъ,—золоторотецъ немного призадумался.—Душа требуетъ, превосмогаетъ разумъ.

— Надо бороться.

— Говорю — энергія изсякла.

— Что толкнуло васъ въ этотъ омутъ?

— Вы думаете: подзовемъ-ка его да разспросимъ, какъ дошелъ онъ до жизни такой?

— Некрасова передѣлываете?

— Есть и собственныя приемы. Не угодно ли? Онъ началъ съ декламаціей.

«Порокомъ гибельнымъ израненъ...
Недугъ опасный въ жизни сей.
Я — петербургскій горожанинъ,
Мнѣ далъ попь имя Алексѣй,
Не чуждъ природы я законовъ,
Все чту съ благоговѣньемъ я,
По отчеству зовусь Пареевнъ,
А Строгановъ — фамилія моя».

Я горько улыбался.

— Что же съ вами будетъ дальше?

— Вы спрашиваете вѣрно, — вѣжливо заговорилъ декламаторъ.— Начало вамъ отчасти извѣстно, середина налицо, а вотъ конца, правда, не знаете. Извольте, удовлетворю ваше любопытство. Жизнь кончу либо у добраго поселянина въ избѣ, либо въ уютной гостиницѣ одного изъ многочисленныхъ монастырей на святой Руси, либо въ канавѣ по вѣдомству путей сообщенія, либо у Бога на полянѣ среди душистыхъ травъ и ароматныхъ цвѣтовъ.

— Жалко, жалко, — качалъ я головою.

Вдругъ золоторотецъ закричалъ краснѣя, глаза его налились кровью.

— Идіоты, отступитесь! Не заражайте атмосферу вокругъ него. За мной, соратники, въ монополію!

Онъ поднялъ руку и пошелъ маршированнымъ шагомъ; за нимъ ринулась вся толпа.

«Да! — размышлялъ я, идя на пароходъ, — становой и лавочникъ вполне были правы».

Выше, въ трехъ верстахъ отъ Бронницы мнѣ указали на село Бѣлое, расположенное на берегу рѣки и утопавшее въ зелени деревьевъ. Въ центрѣ села виднѣлась, точно шампиньонъ въ кустахъ, бѣленькая церковь. Это — тотъ самый уголокъ, гдѣ нашли для себя убѣжище шведы, послѣ разбитія ихъ русскими въ началѣ XVII вѣка. Изъ рукописи, писанной въ 1658 при жизни боярина князя Прозоровскаго, усматривается, что 16-го іюля 1611 года шведскій полководецъ Делагарди покорилъ Новгородъ и взялъ его подъ свою охрану. Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ, принявъ русскій престолъ, первымъ дѣломъ позаботился освободить Россію отъ враговъ и послалъ изъ Москвы два отряда: первый въ Новгородъ подъ командой князя Трубецкаго, а второй во Псковъ подъ начальствомъ князя Прозоровскаго. Новгородскій отрядъ шведы встрѣтили при устьѣ Мсты и дали сраженіе, но не удачное для себя. Много шведовъ пало, полководецъ ихъ Франфукъ былъ убитъ; плѣнныхъ отправили въ Москву, а уцѣлѣвшіе отступили къ селу Бѣлому. Отсюда шведы пошли на помощь своему войску, которое тогда осаждало Тихвинскій монастырь.

Пароходъ остановился въ Новоселицахъ. Здѣсь въ аракчеевскихъ зданіяхъ квартируетъ Нейшлотскій полкъ, но теперь онъ ушелъ на Дальній Востокъ и породилъ въ поселкѣ абсолютную пустоту. Пройдетъ солдатикъ изъ оставшейся команды, изрѣдка прогуляются двѣ-три семьи офицеровъ, ушедшихъ на войну, и рано наступаетъ невозмутимое молчаніе, гробовая тишина.

Потомъ, чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ больше я замѣчалъ пустынность рѣки; только чаще попадались нырки да грокеля, единственно любящіе безлюдность и дикость.

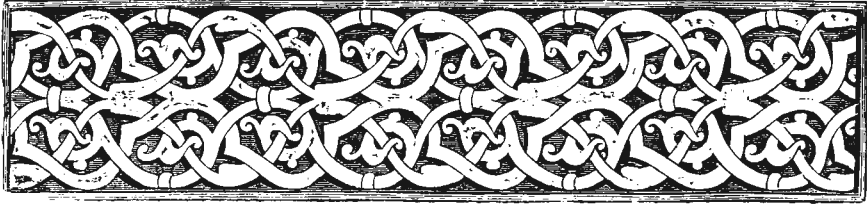
Есть пріятность наблюдать однообразную, невеселую картину.

Спустя дня два, я встрѣтилъ въ Новгородѣ бронницкаго старшину и спросилъ его:

— Ну, что, благополучно прошло у васъ воскресенье?

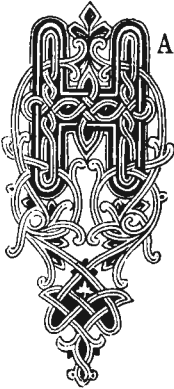
— Да, тридцать шесть человѣкъ сидѣло въ арестантской.

А. Г. Слезкинскій.

ЛИСТКИ ИЗЪ КАВКАЗСКАГО ДНЕВНИКА.

Рабочее движеніе на Кавказѣ.—Политическое броженіе и его коноводы.—Кавказская печать.—Армине и Кавказѣ.—Грузинское оскудѣніе.—Русскій режимъ и туземцы.—Обрусеніе грузинской церкви.— Великій князь Михаилъ Николаевичъ; свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

А КАВКАЗЪ теперь обращено вниманіе и общества, и печати, и правительства. Возвращеніе къ намѣстничеству, торжественная встрѣча въ Тифлисѣ графа И. И. Воронцова-Дашкова, рѣчи, къ нему обращенныя, его отвѣтныя слова—все это усугубляетъ интересъ къ кавказской окраинѣ, которая заставила заговорить о себѣ Россію и подумать о своей судьбѣ. А судьба Кавказа, дѣйствительно, плачевная. Мы опять пришли къ тому, съ чего начали—приходится усмирять почти отложившійся край, который мы съ такимъ трудомъ замиряли въ эпоху князя А. И. Барятинскаго и Шамиля.

Почему это произошло? Гдѣ корень зла? Что изъ прежняго режима нужно оставить новой власти на Кавказѣ, и что требуется создать совсѣмъ новое, прежде не бывшее?

Эти вопросы неволью приходится въ голову и интересны сами по себѣ, какъ живые, насущные вопросы нашей злополучной дѣйствительности, нашей отсталой и до тины застоявшейся «общественной» жизни.

Рѣшать эти вопросы вдали отъ Кавказа прямо невозможно. Отвлеченныя разсужденія бюрократическаго пошиба здѣсь не нужны и неумѣстны. Кто не знаетъ лично Кавказа, тотъ не рѣшитъ недоразумѣній. Въ обширныхъ, холодныхъ и чинныхъ залахъ петербургскихъ департаментовъ всѣ неровности и злоключенія внутренней, провинціальной жизни Россіи кажутся въ иномъ освѣщеніи,

чѣмъ людямъ, стоявшимъ къ этимъ невзгодамъ лицомъ къ лицу. Министерскій уголъ зрѣнія имѣетъ свои особые законы, и сквозь призму официальныхъ донесеній и отношеній трудно доискаться до самой настоящей сути дѣла...

Когда я пріѣхалъ на Кавказъ въ 1900 году, жизнь тамъ съ виду текла благополучно, но подъ наружнымъ спокойствіемъ чувствовалось уже и тогда приближеніе грозы. Ея симптомы давали себя замѣчать довольно ощутительно.

Прежде всего бросались въ глаза непрекращавшіяся броженія среди мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, періодически принимавшія очень острый характеръ и свидѣтельствовавшія о крайне возбужденномъ настроеніи въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Чѣмъ собственно были раздражены служащіе на желѣзной дорогѣ, и противъ кого было направлено это раздраженіе? Изъ моихъ разспросовъ и справокъ по этому поводу я вынесъ впечатлѣніе, что виной этого вѣчнаго неудовольствія среди рабочаго персонала на Закавказской желѣзной дорогѣ былъ бывший начальникъ дороги— инженеръ Е. Веденѣвъ. Помимо лично ему свойственныхъ, не внушавшихъ симпатіи, чертъ характера, его образъ дѣйствій и отношеній къ рабочему туземному люду ввѣренной ему дороги всецѣло основывались на томъ общемъ принципѣ, который еще такъ недавно служилъ краеугольнымъ камнемъ нашей внутренней политики на Кавказѣ. Этотъ пагубный принципъ былъ презрѣніе къ туземному элементу и недоувѣріе къ нему. Понятно, что при такомъ отношеніи начальника къ подчиненнымъ какіе могутъ быть иные результаты, кромѣ ненависти послѣднихъ къ первому? Это постоянное пренебреженіе русскаго чиновника къ туземцу, находящемуся отъ этого чиновника въ неразрывной и постоянной зависимости, сдѣлало свое дѣло. Ненависть накопилась прямо пропорціонально всяческому придиранью, подчеркнутому предпочтенію русскихъ рабочихъ предъ туземными, холодному во всемъ формализму и безсердечію къ судьбѣ тружениковъ и разрѣшилась кровавымъ финаломъ: Е. Веденѣвъ былъ убитъ мѣткою пулей неизвѣстнаго, доселѣ необнаруженнаго врага и, мучительно страдая, умеръ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ катастрофы.

Когда г. Веденѣвъ лежалъ въ предсмертной агоніи, я, при встрѣчѣ съ однимъ моимъ знакомымъ изъ персонала служащихъ на Закавказской желѣзной дорогѣ, спросилъ о состояніи больного.

— Пуля сильно задѣла легкое, и очень серьезно,—отвѣтилъ спрашиваемый:—нѣтъ рѣшительно никакой, даже слабой надежды на выздоровленіе!—и я явственно почувствовалъ неволью прозвучавшую нотку радости въ этомъ бюллетенѣ: до такой степени не любили Е. Веденѣва его подчиненные, даже русскіе (мой собесѣдникъ былъ чисто русскій человѣкъ), и какъ боялись, чтобы

судьба снова не навязала имъ нелюбимаго начальника, если бы онъ поправился.

Фактъ самаго убійства былъ совершенъ, если можно такъ выразиться, изумительно мастерски, какъ приводится, кстати сказать, въ исполненіе большинство покушеній на Кавказѣ.

Получая постоянно угрожающія анонимныя письма, Е. Веденѣвъ не придавалъ имъ серьезнаго значенія. Въ мастерскихъ и вообще въ управленіи дороги на него никакихъ покушеній не дѣлалось, и онъ предполагалъ, что эти письма—вздорная угроза. Однако, онъ очень ошибался. Угроза кавказца все равно, что фактъ, который рано или поздно осуществится. Такъ и случилось.

Разъ вечеромъ (дѣло было въ исходѣ зимы 1902 года) г. Веденѣвъ, прогуливаясь по своей гостиной, остановился на минуту предъ окномъ. Этого было достаточно. Съ противоположной стороны улицы, съ лѣсовъ строившагося дома, гдѣ, по всей вѣроятности, ловко притаился убійца, вдругъ раздался мѣткій выстрѣлъ.

Е. Веденѣвъ зашатался и упалъ на коверъ, зова домашнихъ на помощь. Когда семья раненаго, которая была въ роковой вечеръ въ отсутствіи, была вызвана домой, было уже все кончено. Доктора объявили свой безнадежный приговоръ, и на слѣдующій день г. Веденѣвъ скончался.

Каковы должны быть вѣрность глаза, твердость руки и мѣткость прицѣла, чтобы на смерть ранить человѣка на извѣстномъ разстояніи, съ лѣсовъ дома, черезъ стекло завѣшеннаго драпировкой окна, въ то самое мимолетное мгновеніе, когда жертва приблизилась къ окошку!

Убійца, какъ сказано, не попался въ руки правосудія. Всѣ поиски оказались тщетными, а разспросы не привели ни къ чему: всѣ на желѣзной дорогѣ, какъ одинъ человѣкъ, упорно и упрямо молчали и отговорились полнымъ незнаніемъ убійцы, котораго не хотѣли выдать и не выдали... Вѣроятно, это былъ кто либо изъ несправедливо разчитанныхъ г. Веденѣвымъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Такихъ было тогда множество.

Вспышка чисто политическаго характера, происходившая въ Тифлисѣ 23-го апрѣля 1901 года, была обязана главнымъ образомъ мѣстнымъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ, такъ какъ они, въ сущности, были коноводами уличной демонстраціи. Политическая пропаганда, конечно, шла не отъ нихъ всецѣло, но они-то сами были прекраснымъ горючимъ матеріаломъ, какъ обиженные и глубоко недовольные, въ рукахъ многочисленныхъ въ то время (теперь ихъ еще больше) смутьяновъ-соціалистовъ, изъ туземцевъ, начитавшихся демократическихъ книжекъ и наслушавшихся побывавшихъ на Западѣ земляковъ.

По Головинскому проспекту (главной улицѣ Тифлиса) разношерстная толпа прошла съ краснымъ знаменемъ, на которомъ были укрѣплены литографированные портреты Карла Маркса, Бе-

бея и Энгельса, а на «Солдатскомъ базарѣ» (въ отличіе отъ базара въ восточной части города — «Майдана») былъ произведенъ частичный разгромъ лавокъ, который, впрочемъ, скоро былъ прекращенъ полицейскими мѣрами. Весь инцидентъ случился рано утромъ; къ часу пополудни все уже было спокойно: буяновъ-громилъ и демонстрантовъ разогнали, а зачинщиковъ задержали. Потому эти демонстраціи стали зауряднымъ явленіемъ.

Политическое броженіе на Кавказѣ началось уже давно — съ половины восьмидесятыхъ годовъ, и шло все crescendo, благодаря очень благопріятнымъ для себя условіямъ, т.-е. режиму, систематически раздражавшему туземные элементы и дѣлавшему изъ нихъ себѣ враговъ.

Съ 1897 года, съ появленія во главѣ управленія краемъ князя Г. С. Голицына, этотъ режимъ достигъ своего апогея, а потому и социалистическое броженіе на Кавказѣ замѣтно усилилось, свивъ себѣ теплое гнѣздо въ грузинской газетѣ «Квали».

Въ этой газетѣ работали въ 1901—1902 годахъ юные грузинскіе марксисты и народники, ставшіе тамъ постепенно полновластными хозяевами, такъ какъ фактическая издательница этой газеты, Анастасія Церетели, слабохарактерная и нервная вдова, совѣмъ не вмѣшивалась въ направленіе своего органа, да и не могла бы этого дѣлать, благодаря своему полному безличію.

Цензурный комитетъ, уже начавшій принимать мѣры противъ нежелательныхъ вѣяній «Квали», старался всячески воздѣйствовать на это изданіе, и вотъ тутъ-то и происходили своего рода курьезы.

Въ комитетъ обыкновенно вызывалась «для объясненій» издательница А. М. Церетели, которая и являлась туда рано утромъ, съ испуганнымъ лицомъ и недоумѣвающимъ взоромъ.

— Я получила приглашеніе...—бормотала нервная вдова, растерянно переводя глаза съ предсѣдателя на цензоровъ и обратнѣ.

— Г-жа Церетели, — наставительно обращался къ ней предсѣдатель комитета, — вы продолжаете вести свое изданіе по тому пути, который можетъ привести его къ неблагополучному концу. Уже не разъ обращалъ комитетъ ваше вниманіе на задержанныя цензоромъ статьи и замѣтки нецензурнаго содержанія, но вы, не смотря на это, упорствуете въ принятомъ вами направленіи...

— Въ какомъ же направленіи?—перебивала вдова, какъ будто вовсе не понимая словъ предсѣдателя.

— А вотъ въ какомъ, — и тутъ предсѣдатель терпѣливо и подробно объяснялъ ей, почему задержано изъ «Квали» то-то и то-то, и совѣтовалъ перемѣнить составъ редакціи, такъ какъ теперешніе сотрудники не приведутъ ее къ добру.

Вдова окончательно терялась, плакала, клялась Богомъ, что совершенно «не понимаетъ», за что ее «преслѣдуютъ», дѣлала видъ, что она «жертва» комитета, и трагически уходила съ заплакан-

ными глазами, какъ будто все, что сейчасъ говорилось, не про нее писано.

Главный «гвоздь» редакціи былъ нѣкто Ной Джорданія, молодой красивый гуріецъ, побывавшій во Франціи и воспринявшій социалистическія идеи Запада.

Мѣстная жандармерія установила за нимъ бдительный надзоръ, и вотъ въ одинъ прекрасный лѣтній день 1902 года по Тифлису пронеслась вѣсть:

— Джорданія арестованъ!

Грузинскаго социалиста, дѣйствительно, арестовали, отобрали отъ него его книги и посадили въ Метехскій замокъ (тюрьму, передѣланную изъ бывшаго нѣкогда дворца грузинскихъ царей). Книги внимательно разсматривали и сдѣлали имъ подробную опись. Онѣ все оказались по исторіи, социологіи и марксизму и ничего революціоннаго въ себѣ не заключали. Арестованный велъ себя въ тюремномъ замкѣ безукоризненно и отрицалъ активное участіе въ политическомъ броженіи въ краѣ, заявляя, что онъ изучалъ за границей социальныя науки, интересуется ими, и только.

Въ неволѣ Джорданія просидѣлъ довольно долго, если не ошибаюсь — около полугода. Въмѣстѣ съ нимъ въ «политическихъ камерахъ» было еще нѣсколько человекъ, которыхъ заподозрѣли въ тайныхъ переговорахъ съ Джорданія (и между собою) черезъ окна смежныхъ другъ съ другомъ, рядомъ расположенныхъ камеръ. Не долго думая, по распоряженію жандармеріи, къ окнамъ тюремныхъ помѣщеній политическихъ арестантовъ Метеха были придѣланы особые, нарочно для этого придуманные, ящики, прикрывавшіе нижнюю часть окна и дававшіе впускъ воздуха лишь сверху, совершенно при этомъ загораживая отъ глазъ заключенныхъ красивый видъ противоположнаго замку горнаго берега Куры—единственное развлеченіе для взоровъ содержавшихся въ одиночномъ заключеніи. Можно себѣ представить, какое негодованіе возбудили въ тюрьмѣ эти пресловутые ящики! Лѣтомъ, при кавказской тропической жарѣ, въ узенькихъ и низенькихъ камерахъ замка съ трудомъ и безъ того можно было дышать, а съ закрывающими почти вплотную рѣшетчатыя окна ящиками становилось ужъ совсемъ невыносимо... Арестанты энергично жаловались прокурорскому надзору, принявшему эту жалобу къ сердцу. Изъ-за этихъ «ящичковъ», совершенно безцѣльно прибавлявшихъ арестантамъ еще одно новое мученіе, возникла официальная переписка, и, кажется, эта жандармская изобрѣтательность послужила главнѣйшей причиной послѣдовавшей скорѣйшемъ перемѣнѣ въ личномъ составѣ жандармскаго управленія въ Тифлисѣ.

Одинъ Джорданія не выражалъ неудовольствія отъ этого новаго стѣсненія, не жаловался и всецѣло подчинился своей участи.

Какая выдержка и осторожность!

Наконецъ, Джорданія былъ выпущенъ изъ замка и высланъ въ Гурію, гдѣ за нимъ продолжали наблюдать и затѣмъ вторично арестовали, но вскорѣ выпустили на свободу по распоряженію департамента полиціи.

Очевидно, никакихъ серьезныхъ уликъ противъ марксиста не обнаружилось. Да и напрасно было бы ихъ искать въ одномъ человѣкѣ, когда социалистическое движеніе охватило всю западную Грузію и питалось тамъ пропагандой извнѣ, на почвѣ недовольства русскимъ режимомъ, глубокомысленно изобрѣтавшимъ предохранительные «ящички» и грозно стрѣлявшимъ изъ пушекъ по... воробьямъ.

Особенно тяжело было въ послѣднее время положеніе кавказской печати.

Цензурный комитетъ, подчиняясь поневолѣ, общему камертону, громогласно звучащему изъ дворца главноначальствующаго, относился къ каждой статьѣ, маломальски идейной и оригинальной, съ затаеннымъ недовѣріемъ и подозрительностью. Ни самостоятельности, ни личной инициативы цензура на Кавказѣ не могла проявить при прежнихъ порядкахъ: она была по закону вполнѣ подчинена начальнику края, а этотъ послѣдній видѣлъ въ каждомъ печатномъ словѣ мѣстной прессы протестъ противъ своей тягостной для всѣхъ автономіи. Цензурный комитетъ не имѣлъ возможности спорить съ этимъ своеобразнымъ взглядомъ и долженъ быть «исполнять волю начальства».

Рельефнѣе всего это проявилось въ 1897—1899 годахъ, когда редактировавшій официальную газету «Кавказъ» покойный В. Л. Величко открылъ на страницахъ названнаго изданія цѣлую кампанію противъ мѣстныхъ армянъ, ежедневно обвиняя ихъ во всевозможныхъ злодѣяніяхъ и пагубныхъ для Россіи замыслахъ.

Мы воздержимся отъ оцѣнки этой кампаніи по существу и не будемъ входить здѣсь въ соображенія, насколько покойный публицистъ былъ правъ и гдѣ ошибался. Это — другой вопросъ. Самое характерное въ данномъ случаѣ то, что цензура не находила для себя возможнымъ противиться вышеуказанному направленію «Кавказа», хотя и имѣла въ самомъ же цензурномъ уставѣ прямое указаніе не допускать въ печать статей, раздражавшихъ одну національность противъ другой. Комитетъ не могъ противодействовать режиму: высшей власти въ краѣ было угодно одобрять В. Величко, и цензура покорно молчала, и, конечно, продолжала бы молчать до безконечности. Внезапная смѣна редактора «Кавказа», послѣдовавшая въ декабрѣ 1899 г., была, конечно, не результатомъ слабыхъ попытокъ цензурнаго комитета положить конецъ газетной травлѣ въ официальномъ органѣ, а неожиданной перемѣны во вкусахъ начальника края.

Исторія съ «Новымъ Обзорѣніемъ» показываетъ еще разъ ту полную беспощадность и безсиліе цензуры на Кавказѣ, какаѣ царила тамъ еще такъ недавно.

Въ одномъ изъ осеннихъ номеровъ тифлисской ежедневной газеты «Новое Обзорѣніе» за 1899 г. былъ напечатанъ фельетонъ умершаго нынѣ писателя-беллетриста И. И. Свѣденцова, въ которомъ въ шутовомъ тонѣ и совершенно безобидно для кого бы то ни было рассказывается, какъ лѣниво собираются чиновники на службу послѣ лѣтнихъ отпусковъ и пріятныхъ командировокъ, съ хорошими «прогонными», и какъ они ждутъ блаженнаго для чиновничьей души «двадцатаго числа». Эта невинная тема всегда давала обильную жатву для юмористики въ столичной печати, и румяный «столоначальникъ Купидоновъ» съ своими вождельніями и радужными надеждами на «двадцатое» не разъ вызывалъ взрывы хохота у непредубѣжденныхъ читателей большихъ безцензурныхъ газетъ. Въ Тифлисѣ, однако, на дѣло посмотрѣли совершенно иначе: въ «людяхъ двадцатаго числа» усмотрѣли злостный намекъ на русскихъ чиновниковъ на Кавказѣ, безупречный ореолъ которыхъ покушался подорвать г. Свѣденцовъ, извѣстный къ тому же либераль—«шестидесятникъ».

Невинный фельетонъ поднялъ бурю въ стаканѣ воды! Канцелярія управленія краемъ начала спасать отечество! Собрался совѣтъ, которому было доложено «о вредномъ направленіи газеты», которое въ глазахъ кавказскихъ бюрократовъ заключалось въ томъ, что «Новое Обзорѣніе» силилось поднимать общечеловѣческіе вопросы и требовало культурнаго отношенія власти къ народностямъ края. Предварительнаго мнѣнія цензуры о газетѣ даже и не спрашивали. Предсѣдатель комитета, правда, былъ приглашенъ въ засѣданіе совѣта, но съ его взглядами не считались, и рѣшено было приостановить газету на семь мѣсяцевъ. Изъ-за фельетона, вопли цензурнаго и лишь не повраившагося Олимпу Головинскаго проспекта, съ легкимъ сердцемъ приостановили на продолжительное время серьезную и ровно ничѣмъ дѣйствительно вреднымъ не зарекомендовавшую себя газету! И это въ XX вѣкѣ, и притомъ въ Европѣ, а не въ Азіи!

Редакторъ-издатель (князь Г. М. Тумановъ) хлопоталъ, насколько могъ, о сокращеніи срока кары, но, конечно, ничего не могъ сдѣлать.

Этимъ, однако, злключенія изданія не кончились. Въ 1903 году оно было вновь приостановлено за то, что по недосмотру напечатало судебный отчетъ по дѣлу, слушавшемуся при закрытыхъ дверяхъ, когда въ газетахъ печатаются лишь одни приговоры или рѣшенія суда. Конечно, это была одна придирка. Газету видимо продолжали считать попрежнему «вредной» и рѣшили погубить, что и

привели благополучно въ исполненіе. Кажется, верхомъ вредности органа было то, что послѣ покушенія на жизнь князя Голицына, въ Тифлисѣ, въ «Новомъ Обзорѣніи» было помѣщено объ этомъ инцидентѣ лишь одно сообщеніе, а не передовая статья съ выраженіями соболѣзнованія и комплиментами по адресу пострадавшаго. Задержка изданія совпала какъ разъ со временемъ годовой подписки, осенью,—и вотъ пришлось отказаться отъ изданія серьезной и идейной газеты на Кавказѣ. Теперь «Новое Обзорѣніе» перешло въ другія руки и продано съ убыткомъ для собственниковъ изданія.

Вышеупомянутая грузинская газета «Квали» была прекращена въ 1903 году. Конечно, это изданіе излишне увлекалось марксизмомъ и социальными теоріями, но никакая опасность отъ этого никому не угрожала, и то, что печаталось въ «Квали», можно свободно встрѣтить теперь на столбцахъ любой русской газеты. Неужели отвлеченный, сухой марксизмъ, трактующій о капиталѣ, какъ о чисто философской величинѣ, и совершенно не приложимый къ нашей русской фабричной капитализаціи, можетъ «колебать основы» и серьезно представляться опаснымъ? Какого же русскаго рабочаго можетъ смутить марксизмъ? Для этого онъ долженъ сперва дорости до своего западнаго собрата, а это еще такъ, къ сожалѣнію, далеко!

Клерикальная армянская газета «Норъ Даръ» также должна была прекратить свое существованіе (въ 1904 году).

Грузины на Кавказѣ громко жалуются на «эксплоатацію» армянъ. Но кто не хочетъ быть жертвой эксплоатаціи, тотъ долженъ бороться съ ней всѣми зависящими способами. Однако, грузины уступили добровольно поле битвы и ограничиваются платоническими жалобами.

Гдѣ причина этого явленія? Не есть ли это уже признаки вырожденія нѣкогда славнаго и храбраго грузинскаго народа? Не результатъ ли это національной безопасности и лѣни?

Вопросъ довольно сложный. Конечно, въ грузинахъ замѣчаются симптомы дегенераціи. Иверія отжила на исторической сценѣ свой нѣкогда блестящій вѣкъ Давида-Возобновителя, царицы Тамары (своего рода Екатерины II Грузин), Теймураза, Ираклія II и, съ потерей самостоятельности въ политическомъ отношеніи (которую и не могла уже долѣе сохранять), вступила въ періодъ своего отживанія. Несомнѣнно, однако же, и то, что по характеру, полному рыцарскихъ качествъ, но лишенному практическихъ элементовъ, грузины не умѣли, не умѣютъ и ужъ, разумѣется, и не будутъ никогда умѣть вести экономическую борьбу на реальной почвѣ съ армянами, представляющими собой совершенно противоположный историческій типъ.

Извѣстныя поэтическія строки Пушкина, вложенныя въ уста Галуба:

Поди ты прочь, ты мнѣ не сынъ,
Ты не чеченецъ, ты старуха,
Ты трусь, ты рабъ, ты армянинъ!..

совсѣмъ не изображаютъ сущности армянскаго характера въ строгой и безпристрастной дѣйствительности.

Армяне вовсе не трусы, и въ нихъ нѣтъ тѣхъ рабскихъ чертъ, которыя вызывали бы презрѣніе и гадливость. Прежде всего это народъ, много и долго страдавшій въ своей жизни и разившій поэтому осторожность и терпѣніе, которыми совсѣмъ не отличаются грузины. Борясь съ судьбой (вспомните только, что терпятъ армяне въ Турціи), армяне выработали въ себѣ похвальную черту характера — стойкость и упорство въ достиженіи цѣли. Въ то время, когда сентиментально приподнятые и способные на всевозможные «подвиги» рыцари-грузины, отдавшись во власть Россіи и, дожидаясь всѣхъ благъ только изъ чужихъ рукъ, впадали постепенно въ оскудѣніе, практики-армяне, оставшись хозяевами положенія, воспользовались моментомъ и стали во главѣ торговли и промышленной жизни края. Грузины сидятъ въ разоренныхъ деревняхъ и вспоминаютъ прежнее, дѣйствительно, славное прошлое Грузіи, а трудолюбивые, выносливые, смѣшленные и болѣе образованные, чѣмъ грузины, армяне бойко торгуютъ, разрабатываютъ нефтяныя земли, открываютъ банки, становятся во главѣ промышленныхъ товариществъ и торговыхъ предпріятій. «Отъ армянъ нѣтъ житья!» — кричатъ слабовольные, довѣрчивые и непрактичные грузины-аристократы. Кто, однако, виноватъ въ этомъ? Неужели демократы-армяне должны были работать на потомковъ грузинскихъ царей, а не на себя лично, не на свой народъ? Сомнѣваюсь.

Вотъ вся сущность «армянскаго вопроса». Что касается упомянутаго грузинскаго оскудѣнія среди мѣстныхъ землевладѣльцевъ, о которомъ я уже подробно говорилъ въ своемъ мѣстѣ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» ¹⁾, то нельзя, конечно, придавать сколько нибудь серьезнаго значенія тому объясненію причинъ его, какое можно услышать изъ устъ самихъ грузинъ, особенно стариковъ.

— Это вы, русскіе, насъ разорили! — говорилъ мнѣ одинъ старый кахетинецъ, родовитый князь, челоуѣкъ не глупый и не безъ образованія.

— Помилуйте, что вы?! — возразилъ я, пораженный, какъ громомъ, этимъ оригинальнымъ открытіемъ.

— Конечно! При князѣ Воронцовѣ изъ Петербурга было предписано принимать всѣ мѣры, чтобы обезсилить Грузію, разорить

¹⁾ «Въ Кахетинѣ», «Историческій Вѣстникъ», 1904, № 7.

ея дворянство, чтобы легче было справиться съ воинственнымъ краемъ. Воронцову отпустили денегъ—и вотъ начались въ его дворцѣ балы за балами, праздники за праздниками, на которые приглашалась вся грузинская знать. Вотъ куда и пошли наши денежки! Всѣ другъ друга перещеголять хотѣли въ роскоши и разныхъ модныхъ затѣяхъ. Эта жизнь стоила страшныхъ денегъ; у кого онѣ были—быстро прошли между рукъ, а у кого не было—заложили земли подъ жидовскіе проценты. Вотъ оно гдѣ начало нашего разоренія!—грустно закончилъ старецъ тономъ полного убѣжденія.

Мнѣ оставалось только улыбнуться...

Съ самыхъ первыхъ дней моего пребыванія на Кавказѣ меня уже стало поражать отношеніе русской власти къ туземцамъ. Туземцы и администрація составляли какъ бы два враждебныхъ лагеря, изъ которыхъ каждый старался сдѣлать одинъ другому какъ можно больше непріятностей.

Это направленіе воинствующаго натиска на мѣстные элементы Кавказа, на которые смотрѣли, какъ на враговъ, началось издавна—еще съ восьмидесятыхъ годовъ, при князѣ А. М. Дондуковѣ-Корсаковѣ, продолжалось при слабомъ и больномъ С. А. Шереметевѣ, но усилилось въ послѣдніе годы до невѣроятной степени. Все, что происходитъ теперь ужаснаго на злополучномъ Кавказѣ, есть прямой результатъ, логическій и неизбежный выводъ изъ той политики недоброжелательности и недовѣрія къ краю, которая злобно царила на Кавказѣ съ 1897 по 1904 годы и такъ ярко выражалась на страницахъ мѣстнаго officialнаго органа, т.-е. газеты «Кавказъ» до удаленія В. Величко.

Покойный А. А. Иоаннисиани издавалъ газету на армянскомъ языкѣ подъ названіемъ «Арзаганкъ». Газета не была пріятна начальству Кавказа. Она не скрывала полного равнодушія къ русской жизни и всецѣло слѣдила за жизнью кипучаго и культурнаго Запада, посвящая себя исключительно армянскимъ интересамъ. Газету приостановили, но, когда окончился срокъ кары,—совсѣмъ прекратили, между тѣмъ какъ издатель, надѣясь на возможность опять вести дѣло, продолжалъ платить постояннымъ сотрудникамъ и членамъ редакціи, оставался въ обязательныхъ отношеніяхъ съ типографіей, несъ прочіе расходы и считалъ себя еще обязаннымъ относительно удовлетворенія подписчиковъ за временную приостановку органа. Всѣ эти денежные комбинаціи, съ окончательнымъ прекращеніемъ «Арзаганка», легли тажкимъ бременемъ на А. А. Иоаннисиани и подорвали его матеріальное благосостояніе.

Правительственная власть, несомнѣнно, должна искоренять зло печатнаго слова, прекращая то или другое изданіе, но въ правѣ

ли она разорять человѣка, строившаго на изданіи органа свои денежные расчеты?

Въ началѣ 1900 года въ Турецкой Арменіи былъ страшный голодъ. Одушевленные чувствомъ вполне естественнаго братскаго состраданія, и туземные и русскіе органы печати хотѣли открыть у себя подписку въ пользу пострадавшихъ. Подписка была строжайше запрещена высшей въ краѣ властью, усмотрѣвшей въ этомъ нѣчто политическое. Что политическаго и опаснаго для края въ христіанской помощи голоднымъ людямъ? Врядъ ли кто найдетъ на это отвѣтъ: про то знаетъ лишь канцелярія начальника края.

По распоряженію высшаго кавказскаго начальства, тифлисское городское самоуправленіе подверглось тщательной ревизіи, произведенной подъ руководствомъ одного изъ лицъ администраціи. Докапывались чего-то ужаснаго и потрясающаго — произвола, хищеній, незаконій и т. д. Официальный органъ края «Кавказъ» заранѣе уже торжествовалъ. Прокурорскому надзору былъ переданъ объемистый томъ матеріаловъ ревизіи дѣятельности тифлисской думы, и весь составъ ея былъ отданъ подъ судъ по требованію обвинителя, которымъ явилось кавказское начальство.

Ревизія насчитала тысячи упущеній и прочихъ грѣховъ бѣдной городской управы. Всякая клякса въ журналѣ засѣданій или невинная писарская подчистка въ отчетности — все было поставлено въ вину и въ укоръ.

Дѣло разсматривалось въ тифлисской судебной палатѣ въ исходѣ 1901 года, и весь составъ тифлисской городской управы былъ признанъ невиновнымъ и по суду оправданнымъ, ко всеобщему удовольствію и торжеству тифлисцевъ и смущенію обвинителей и ревизоровъ.

Неужели эти и подобные имъ эпизоды (которыхъ я могъ бы привести еще множество) могли не вызвать затаеннаго негодованія въ душѣ туземцевъ, не внушить имъ ненависти и раздраженія къ русскому режиму, исполненному затаеннаго недоброжелательства, недовѣрія, подозрѣнія?

Недовѣріе и подозрительность были, какъ сказано, главными лозунгами управленія краемъ, какъ будто возможно основывать гдѣ либо свой авторитетъ на этихъ отрицательныхъ принципахъ. Грузины, армяне, мусульмане — всѣ были «подъ подозрѣніемъ», а поэтому держались въ краѣ на заднемъ планѣ и въ тѣни. Этотъ пессимизмъ въ отношеніи туземцевъ до такой степени овладѣлъ, при князѣ Голицынѣ, управленіемъ края, что даже одинъ сѣдовластный чиновникъ особыхъ порученій при главноначальствующемъ, который былъ женатъ на армянкѣ, такъ вдругъ проникся «истинно-русскимъ» духомъ, что о всѣхъ мѣстныхъ «мѣропріятіяхъ» сталъ говорить въ присутствіи жены-армянки шопотомъ, чтобъ она не слышала...

Жандармерія, въ свою очередь, не отставала и чуть не ждала армянской революціи.

Говоря по правдѣ, все это были напрасные страхи. Благоразумная часть армянскаго общества на Кавказѣ, конечно, не думала о «великой Арменіи», о которой могла мечтать лишь очень зеленая молодежь. Грузины были и есть вполне преданный Россіи народъ и о царствѣ Иверскомъ думаютъ, какъ о далекомъ историческомъ прошломъ. Въ мысляхъ нашихъ мусульманъ нѣтъ и слѣда навязываемыхъ имъ поползновеній «отложиться».

Конечно, ни одна народность, жившая нѣкогда самостоятельной политической жизнью, не можетъ забыть своего историческаго прошлаго. Естественно, что и армяне и грузины твердо помнятъ о своихъ царствахъ, какъ и поляки о своихъ короляхъ и Рѣчи Посполитой, но отъ всѣхъ этихъ національныхъ реликвій до возстаній, бунтовъ или заговоровъ очень далеко.

Грузинъ въ высшей степени раздражаетъ также отношеніе кавказскаго духовнаго начальства къ ихъ церкви, раздѣляемое и свѣтской властью.

Дѣло въ томъ, что православные грузины, будучи вполне нашими единовѣрцами, плохо понимаютъ славянскій языкъ православнаго богослуженія и, естественно, хотятъ слышать въ своихъ храмахъ родной грузинскій языкъ. Между тѣмъ синодальное вѣдомство упорно силится ввести въ грузинское богослуженіе на Кавказѣ славянскій церковный языкъ. Мало того: наше духовное вѣдомство задалось мыслью передѣлать грузинскую церковь въ чисто русскую, и вотъ на этой-то именно почвѣ между грузинами и начальствомъ края длится многолѣтняя распря, очень мѣшающая искреннему сближенію грузинъ съ русскими.

Передѣлываніе грузинской церкви въ русскую началось издавна. Сначала были упразднены грузинскіе католикосы; затѣмъ, съ 1817 г., въ экзархи Грузіи умышленно не назначаются грузины. Затѣмъ рѣшено было не опредѣлять грузинъ и на должности ректоровъ духовныхъ семинарій въ Тифлисѣ и Кутаисѣ, а за послѣднія 50 лѣтъ и инспекторскія мѣста въ нихъ предоставляются исключительно русскимъ. Этого мало: въ послѣднее время учителями и воспитателями въ духовныя семинаріи на Кавказѣ также стали назначаться только одни русскіе. Та же участь постигла и всѣ вообще духовныя училища края, откуда стали постепенно удалять, подъ разными благовидными предлогами, смотрителей и учителей изъ грузинъ и замѣнять ихъ русскими или лицами другого происхожденія, не знающими ни одного слова по-грузински. Этотъ своеобразный режимъ вызвалъ серьезные безпорядки, въ 1904 году, въ Кутаисской духовной семинаріи на почвѣ расовыхъ недора-

зумѣній. По заявленію воспитанниковъ грузинъ, ихъ русскіе педагоги постоянно и упорно раздражали ихъ высокоумѣрнымъ отношеніемъ къ ихъ національному чувству... Воспитанники перестали посѣщать классы и высказали своимъ наставникамъ горькую правду въ глаза. Семинарію послѣ этого совсѣмъ закрыли.

Эту мѣру нельзя не признать въ высшей степени странной и несправедливой. Въмѣсто того, чтобы путемъ строгаго и безпристрастнаго разслѣдованія точно опредѣлить всѣ причины семинарскихъ безпорядковъ и удалить зло въ лицѣ излишне усердствовавшихъ грузинофобовъ, — вдругъ закрыли самое училище и тѣмъ лишили возможности грузинскую молодежь, готовившуюся къ духовной карьерѣ, спокойно продолжать свое образованіе.

Изъ-за этого именно «обрусенія» грузинской церковной жизни у епископа гурійско-мингрельскаго Димитрія (князь Абашидзе) возникъ очень острый конфликтъ съ паствою. Подчиняясь указаніямъ экзарха, епископъ, по всей вѣроятности, слишкомъ прямолинейно проводилъ въ жизнь принципы синодальнаго вѣдомства и тѣмъ навлекъ неудовольствіе епархіи. Взаимныя недоразумѣнія дошли до того, что епископъ Димитрій принужденъ былъ покинуть Кавказъ.

Насколько въ настоящее время всѣ и все на Кавказѣ вооружены противъ насажденнаго тамъ и окрѣпшаго въ послѣднее десятилѣтіе непопулярнаго русскаго режима, настолько дороги въ памяти кавказцевъ прежнія времена и прежніе намѣстники.

Въ болѣе близкое къ намъ время особой любовью пользовался на Кавказѣ августѣйшій намѣстникъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, умѣвшій привязать къ себѣ населеніе края сердечностью, простотой и доброжелательствомъ.

Эта искренняя пріязнь и уваженіе всего Кавказа къ великому князю Михаилу Николаевичу съ особенной яркостью сказались въ приемѣ, оказанномъ его императорскому высочеству въ 1901 году въ г. Тифлисѣ, когда великій князь присутствовалъ, по порученію государя императора, на торжествахъ по случаю празднованія столѣтняго юбилея присоединенія Грузіи къ Россіи.

Нужно было видѣть всеобщій энтузіазмъ населенія и подъемъ его восторговъ (искреннихъ, а не придуманныхъ полицейскими мѣрами), когда радостная и до экзальтаціи возбужденная многотысячная толпа со слезами умиленія встрѣчала на Головинскомъ проспектѣ въѣзжавшаго въ Тифлисъ изъ Боржома своего бывшаго престарѣлаго намѣстника, такъ популярнаго и такъ всѣми любимаго въ Кавказскомъ краѣ.

Въ теченіе юбилейныхъ дней великій князь Михаилъ Николаевичъ былъ всюду предметомъ самыхъ горячихъ, самыхъ задуманныхъ овацій. Во время его выѣздовъ его постоянно окружала

многочисленная почетная свита изъ представителей первыхъ родовъ Грузіи, въ роскошныхъ національныхъ костюмахъ, пестрящихъ дорогими тканями, расшитыхъ золотомъ и украшенныхъ драгоценнымъ оружіемъ. Во время этихъ красивыхъ кортежей, сопровождавшихся несчетными ораціями народа по адресу августѣйшаго гостя, карета съ главноначальствующимъ ѣхала обыкновенно сзади съ опущенными шторами.

Послѣднее посѣщеніе великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ Кавказа вообщю показало, какое громадное обаяніе можетъ приобрести въ народной массѣ намѣстникъ края, который не окружаетъ себя отъ населенія китайской стѣною, но живетъ съ нимъ въ нравственномъ единеніи, полномъ доброжелательности и довѣрія.

Отдаляясь мысленно въ глубь старины, мы встрѣчаемъ маститую фигуру другого намѣстника Кавказа, память о которомъ жива въ краѣ и понынѣ. Я говорю о свѣтлѣйшемъ князѣ М. С. Воронцовѣ.

Престижъ этого послѣдняго въ краѣ былъ необычайный, и личность князя была окружена массой легендъ. Про него и по сей часъ вы можете услышать всевозможные рассказы въ отдаленнѣйшихъ углахъ Кавказа. Князь Воронцовъ былъ крупной фигурой, какъ выдающійся государственный человѣкъ и замѣчательный администраторъ, и, какъ въ такихъ случаяхъ всегда бываетъ, въ его уста нерѣдко вкладывали потомъ многое, чего онъ вовсе не говорилъ, желая тѣмъ самымъ придать болѣе авторитета словамъ.

Изъ всего того, что я слышалъ про князя М. С. Воронцова отъ моего покойнаго отца, долгое время служившаго при князѣ чиновникомъ особыхъ порученій, въ моей памяти вѣзались наиболѣе рассказы его о томъ, какъ намѣстникъ Кавказа оберегалъ мѣстныхъ армянъ отъ вмѣшательства въ ихъ церковныя дѣла неумимаго вѣдомства синода, желавшаго превращенія армяно-григоріанской церкви въ православную.

Князь всеподданнѣйше докладывалъ о неудобствахъ для успешнаго управленія краемъ этого вмѣшательства, раздражавшаго армянъ и производившаго своей настойчивостью и крайне *безтактностью* одинъ лишь вредъ. Намѣстникъ просилъ оставить армянамъ свободу собственной инициативы въ дѣлѣ религіозной совѣсти и оградить ихъ отъ синодальныхъ поподзновеній.

Его докладъ имѣлъ полный успѣхъ, и ему разрѣшено было имѣть право игнорировать миссіонерскія претензіи экзарха Грузіи.

Все это дѣло велось, конечно, въ строгомъ секретѣ, будучи предметомъ конфиденціальной переписки намѣстника.

Однако, тогдашній армянскій патріархъ-католикосъ Нерсесъ V (проводившій большую часть времени въ Тифлисѣ, а не въ Эчмиадзинѣ) зналъ, въ общихъ чертахъ, о перепискѣ князя по армян-

скимъ церковнымъ дѣламъ и, конечно, очень желалъ услышать о ней что либо изъ устъ самаго намѣстника, но князь упорно молчалъ.

Будучи съ намѣстникомъ въ очень добрыхъ отношеніяхъ, патріархъ Нерсесъ V (одинъ изъ выдающихся католиковъ по уму, учености и энергіи, пользовавшійся исключительнымъ вниманіемъ и уваженіемъ императора Николая) часто видался съ княземъ Воронцовымъ и былъ во дворцѣ желаннымъ гостемъ.

Въ одно изъ свиданій католикосъ не безъ умысла вдругъ задалъ князю такой вопросъ:

— Не поражаетъ ли васъ, князь,—сказалъ онъ,—слѣдующая странность: митрополиты, экзархи носятъ брильянты на головѣ, а Спаситель носилъ терніи; они думаютъ частенько о мірскомъ и вмѣшиваются не въ свои дѣла, а Христосъ училъ насъ думать только о небесномъ?..

Воронцовъ понялъ, конечно, отдаленный намекъ, но, избѣгая скользкой темы, постѣшилъ перевести разговоръ на шутку.

— А вотъ вы, владыка,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь,—объясните, зачѣмъ это ваше духовенство носитъ остроконечные клобуки, а наше плоскіе?

Нерсесъ V сейчасъ же нашелся и, не задумываясь, отвѣтилъ, все продолжая прежній намекъ.

— А это, ваша свѣтлость, потому, что сатана, врагъ человѣчскій, любитъ смущать духовныхъ, напѣтывая имъ въ уши разное неподобающее. Такъ вотъ наши черноризцы и носятъ острые искони клобуки, чтобъ сатанѣ не повадно было взбираться къ нимъ на голову, а ваши его къ себѣ допускаютъ и нарочно сдѣлали для этого клобуки поудобнѣе...

Память князя М. С. Воронцова на Кавказѣ просто обожаютъ. Въ устахъ народовъ Кавказскаго края къ общерусской поговоркѣ: «до Бога—высоко, до царя—далеко», сдѣлана еще такая характерная и высоко знаменательная прибавка: проходя мимо чугуннаго памятника знаменитому кавказскому намѣстнику, величественно возвышающагося на лѣвомъ, низкомъ, берегу Куры, въ Тифлисѣ, простолоудинъ-туземець говоритъ, грустно вздыхая и задумчиво поглядывая на статную фигуру фельдмаршала:

— До Бога, охъ, какъ высоко, до царя—куда какъ далеко, Воронцовъ стоитъ... ничего не говорить!..

С. У—цъ.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМЪ.

О ВРЕМЕНИ появления въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» моихъ воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ въ столичной прессѣ началась полемика по поводу нѣкоторыхъ взглядовъ Н. Г. въ области «политики», которые мною были опубликованы. Въ то время, какъ одинъ изъ газетъ отнеслись съ полнымъ довѣріемъ къ моимъ воспоминаніямъ («Новое Время»), другія («Наша Жизнь» и «Биржевыя Вѣдомости»), видя противорѣчіе въ этихъ взглядахъ съ прежнимъ Чернышевскимъ, высказали сомнѣніе и даже полное недовѣріе къ автору воспоминаній, считая ихъ — одинъ («Бирж. Вѣд.») результатомъ недоразумѣнія, другія («Наша Жизнь») — прямо-таки плодомъ фантазіи автора.

Сознавая вполне, что эти взгляды должны были явиться для многихъ полной неожиданностью, что они далеко не соотвѣтствуютъ сложившемуся у всѣхъ общему представленію о Чернышевскомъ на основаніи прежней его публицистической дѣятельности, — я ожидалъ выраженія въ печати недоумѣнія и даже разнаго рода сомнѣній въ правдивости автора воспоминаній. Но пока эти сомнѣнія витали въ области предположеній и умозаключеній разныхъ г.г. «Читателей» (Маленькій фельетонъ «Нашей Жизни») и Измайловыхъ («Бирж. Вѣд.») — личностей, совершенно не извѣстныхъ ни мнѣ, ни семьѣ покойнаго Н. Г. Чернышевскаго, я совершенно спокойно относился къ этимъ заявленіямъ, такъ какъ чувствую подъ собою прочную почву человѣка, ни единымъ словомъ не погрѣшившаго противъ истины и личности знамени-

таго публициста, какимъ я его зналъ, и съ полной искренностью и откровенностью поддѣливающимся своими ссѣднїями о немъ съ другими.

Когда же въ № 101 «Нашей Жизни» 25 мая появилась статья подѣ заголовкомъ «Клевета на Чернышевскаго», гдѣ приводится письмо д-ра Шепетовскаго, безцеремонно бросившаго мнѣ рѣзкій вызовъ, обвиняя меня въ сплошномъ измышленїи и вдобавокъ подтверждая свои выводы ссылками на полученное имъ якобы письмо Ольги Сократовны, вдовы покойнаго Чернышевскаго,— я не въ силахъ болѣе равнодушно относиться къ этой двойной клеветѣ на меня. Г. Шепетовскїй, котораго я дѣйствительно знаю по его характерной врачебной дѣятельности въ Астрахани, принимаетъ на себя слишкомъ тяжелую нравственную отвѣтственность, обвиняя меня въ литературной клеветѣ и привлекая къ участию въ своемъ походѣ противъ меня вдову Чернышевскаго, главную свидѣтельницу и посредницу моего знакомства съ Николаемъ Гавриловичемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло случиться, что Ольга Сократовна, теперь уже, вѣроятно, 70-лѣтняя старушка, устѣ которой не должна коснуться ложъ уже изъ одного уваженїя къ памяти ея великаго супруга, котораго собственно и касается дѣло, — могла написать г. Шепетовскому въ отвѣтъ на какїе-то «ребромъ поставленные имъ вопросы» (если только ей не измѣняетъ ея старческая память), будто «разъ, только одинъ разъ былъ у насъ въ домѣ молодой учитель Николай Оомичъ, котораго я поила чаемъ. Больше онъ въ нашемъ домѣ не бывалъ».

Для меня лично дѣло это представляется яснымъ. Будучи нѣсколько знакомъ съ оригинальнымъ нравственнымъ обликомъ г. Шепетовскаго, отчасти по собственнымъ наблюденїямъ, отчасти же по отзывамъ о немъ астраханцевъ и особенно красноярцевъ ¹⁾, я полагаю, что Казимиръ Осиповичъ (Шепетовскїй), прочтя, какъ видно изъ его письма, «Маленькїй фельетонъ» (изъ «Нашей Жизни»), а не мои воспоминанїя о Чернышевскимъ, и встрѣтившись въ Липецкѣ съ Ольгою Сократовной, больной 70-лѣтней старушкой, мистифицировалъ ее, можетъ быть, даже напугалъ, повѣдавъ ей о той «ужасной клеветѣ» на ея великаго мужа, о которой повѣствуется въ «Маленькомъ фельетонѣ», а значить и въ моихъ воспоминанїяхъ. Допускаю, что рѣзкая, щепетильная по отношенїю ко всякой попыткѣ, задѣвающей ея фамильное самолюбїе, Ольга Сократовна разразилась упреками по отношенїю къ виновнику этой «клеветы» и на «ребромъ поставленные ей вопросы» г. Шепетовскаго могла дать письменный отвѣтъ въ вышеприве-

¹⁾ До Астрахани г. Шепетовскїй жилъ въ Красномъ Яру (уѣздн. городъ Астраханской губ.).

денной формѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ это видно изъ письма г. Шепетовскаго, и она не читала моихъ воспоминаній, и слѣдовательно не могла припомнить всѣхъ обстоятельствъ нашего знакомства. Спѣшу оговориться, что я вполне довѣряю искренности Ольги Сократовны, что она помнитъ только, какъ однажды «поила меня чаемъ», и хорошо еще, что это помнитъ, ибо имя такимъ людямъ, какъ я,—легіонъ; но если бы она имѣла возможность прочесть мои воспоминанія, въ которыхъ подробно описаны обстоятельства нашего знакомства, то вполне увѣренъ, что взяла бы слова свои назадъ и тѣмъ избавила бы меня отъ обвиненія въ клеветѣ, обвиненія, тѣмъ болѣе тяжелаго для меня, что его приписываютъ по отношенію къ человѣку, имѣвшему столь громадное вліяніе на всю мою духовную жизнь, имя котораго я буду произносить съ благоговѣніемъ до конца моихъ дней. Не зная адреса Ольги Сократовны, я позволяю себѣ обратиться къ ней съ письмомъ путемъ печати.

«Ольга Сократовна! Возьмите на себя трудъ прочесть мои воспоминанія и скажите мнѣ: развѣ вы не помните того робкаго молодого человѣка, учителя Саши Иванова (сына вашей кухарки), который, добившись отъ васъ аудіенціи, познакомился въ первый разъ съ вами и Н. Г. при той обстановкѣ, которая описана въ моихъ воспоминаніяхъ? Развѣ вы не помните затѣмъ, какъ этотъ молодой человѣкъ съ вашего разрѣшенія пришелъ къ вамъ во второй разъ въ субботу, и какъ вы, бросивши игру въ карты съ Н. Г., отослали насъ двоихъ въ кабинетъ Н. Г.-ча, гдѣ я просидѣлъ съ нимъ наединѣ до 11 час. ночи? Помню даже, что я засталъ вмѣстѣ съ вами въ пріемной комнатѣ и одного изъ писцовъ Н. Г., кажется, г. Краснова, съ которымъ, судя по его словамъ, незадолго до моего прихода игралъ въ шахматы. Этотъ вечеръ во всѣхъ своихъ деталяхъ навсегда останется въ моей памяти, потому что въ это время я впервые получилъ доступъ къ Н. Г. и могъ получить отвѣты на занимавшіе меня жизненные вопросы. Судя по моимъ записямъ, куда я на другой день занесъ все слышанное мною отъ Н. Г.-ча, это было 13 декабря 1887 г., либо 13 февраля 1888 г. (на пожелтѣвшемъ отъ времени манускриптѣ, который при семъ прилагаю, года не обозначено, а стоитъ лишь число 14 и рядомъ буква д. или ф.—не разберу)¹⁾. Развѣ вы не помните далѣе, что въ слѣдующее затѣмъ мое посѣщеніе вы пожертвовали черезъ меня нѣсколько книгъ въ организовавшуюся нами, педагогами, въ Астрахани бесплатную народную бібліотеку; въ числѣ этихъ книгъ было, между прочимъ, 12 книжекъ «Вѣстника Европы» (за цѣлый годъ). На мою просьбу

¹⁾ Спѣшу здѣсь кстати оговориться: въ воспоминаніяхъ моихъ напечатано, что я назначенъ учителемъ въ Астрахань осенью 1889 г. Это опечатка или моя ошибка: слѣдуетъ читать—1887 г.

о томъ, какъ напечатать объ этомъ пожертвованіи, вы просили меня не печатать вашей фамилии, а написать просто: отъ О. С. Ч. (вы нѣсколько разъ это повторили). Такъ и было на другой день напечатано въ астраханскихъ газетахъ, и, кажется, помѣчено еще, что пожертвованіе поступило черезъ г. Скорикова. Если вамъ угодно, я и объ этомъ могу сдѣлать справки въ мѣстныхъ редакціяхъ? Развѣ вы не помните затѣмъ, какъ я, заручившись вашимъ согласіемъ, привелъ однажды къ вамъ моего молодого пріятеля, тоже учителя, Аркадія Яковлевича Назарова ¹⁾, который, удивившись моему отзыву о взглядахъ Н. Г-ча на нелегальный образъ дѣйствій, выразилъ настойчивое желаніе лично поговорить съ Н. Г.? Развѣ вы забыли, какъ затѣмъ отъ васъ я получилъ порядочную головомойку за то, что мой пріятель заставилъ волноваться Н. Г-ча? Аркадій Яковлевичъ живъ, и можетъ подтвердить, что онъ былъ у васъ вмѣстѣ со мной, и что это былъ не единственный случай моего посѣщенія вашего дома, и даже, можетъ быть, опубликуетъ и свой разговоръ съ Н. Г-чемъ. Развѣ вы не помните потомъ, какъ я былъ у васъ однажды подъ Новымъ годъ и опять сидѣлъ вдвоемъ съ Н. Г. въ его кабинетѣ въ то время, когда вы мирно хлопотали по хозяйству и, какъ и всегда, угощали насъ затѣмъ чаемъ? Я не говорю о тѣхъ своихъ посѣщеніяхъ, когда мнѣ приходилось присутствовать у васъ вмѣстѣ съ другими вашими знакомыми по Астрахани, въ числѣ которыхъ я могу указать, напримѣръ, на г. Воздвиженскаго, на Ларина (у котораго была аптека въ Красномъ Яру), на П. М. Никольскаго. Другихъ не помню, потому что я интересовался не посѣтителями, а Н. Г-чемъ. Къ сожалѣнію, г. Никольскій давно умеръ, но г. г. Воздвиженскій и Ларинъ живы, и могутъ подтвердить, если помнятъ, конечно, что видѣли меня у васъ, и каждый въ разное время.

«Встрѣчался я у васъ и съ актрисой Брянской и съ артистомъ (кажется) Ковровымъ; но Брянская меня, конечно, едва ли помнить, такъ какъ съ нею я нигдѣ болѣе не встрѣчался, и мы другъ другомъ совершенно не интересовались. Развѣ вы не помните, наконецъ, какъ вы, незадолго до вашего отъѣзда изъ Астрахани (который случился, вѣроятно, во время каникулъ, такъ какъ я не былъ на проводахъ), по моей просьбѣ снабдили меня автографомъ Н. Г-ча, который онъ написалъ для меня по вашему настоянію, и въ которомъ, какъ я это понялъ тогда, выразилъ въ общихъ чертахъ обязанности интеллигенціи по отношенію къ народу, о чемъ иногда намъ приходилось говорить съ нимъ. Этотъ автографъ сохранился у меня, и я его прилагаю при семъ письмѣ.

«А напечатанное въ моихъ воспоминаніяхъ письмо Н. Г. отъ 19 января 1889 г., въ концѣ котораго онъ приглашаетъ меня

¹⁾ Въ моихъ воспоминаніяхъ онъ обозначенъ буквой Н.

притти къ нему въ субботу,—тоже, значитъ, вымыслено мною. А вѣдь оно кое о чемъ свидѣтельствуешь. Въ немъ есть слова: «Прошу васъ, добрый Н. О. Жму вашу руку. Жду васъ въ субботу»¹⁾, — слова, которыя даже самаго закоренѣлаго скептика должны убѣдить въ томъ, что такъ нельзя писать человѣку, который ни разу не былъ у васъ въ домѣ. При томъ это не приглашеніе «на чай» отъ супруговъ Ч-скихъ: тогда сказано было бы «ждемъ»,—нѣтъ, это приглашеніе лично отъ одного только Н. Г. на частную бесѣду, такъ какъ (я уже писалъ объ этомъ) по субботамъ онъ отдыхалъ отъ работы и посвящалъ это время для своихъ знакомыхъ. И я не могъ не воспользоваться приглашеніемъ Н. Г., приглашеніемъ, столь лестнымъ для меня, такъ какъ въ то время всѣ интересы моей духовной жизни заключались только въ этихъ субботахъ».

Указывая здѣсь на свои посѣщенія дома Чернышевскихъ, я вовсе не намѣренъ тѣмъ отмѣтить какую-то особую близость мою къ Н. Г.-чу, въ чемъ заподозрѣлъ меня г. Измайловъ («Бирж. Вѣд.»). Избави меня Богъ! Развѣ я смѣлъ когда нибудь мечтать о томъ, что душа Н. Г.-ча отверста для меня! Напрасно гг. критики, въ томъ числѣ и г. Буренинъ («Новое Время»), видятъ въ словахъ Н. Г.-ча выраженіе его политическихъ взглядовъ, такъ сказать, резюме его міровоззрѣнія за послѣдніе годы его жизни. Высказывая свои взгляды, онъ только отвѣчалъ на мои вопросы, которые я, по условіямъ своей духовной жизни того времени, не могъ не задать ему, какъ человѣку, за котораго я ухватился въ то время, какъ за якорь спасенія. У меня были особыя психологическія причины вызвать его на этотъ разговоръ, и не моя вина, если то, что отвѣтилъ мнѣ Н. Г., такъ противорѣчитъ общему представленію о немъ. Нечего удивляться тому, что у Н. Г. послѣ 20-ти-лѣтней страдальческой жизни въ Сибири могло выработаться особое скептическое отношеніе ко многимъ явленіямъ въ жизни, которыя для насъ, обыкновенныхъ людей, кажутся иными. Скептицизмъ—явленіе, свойственное многимъ великимъ умамъ. Достаточно вспомнить Л. Н. Толстого. Высказывая свои взгляды, Чернышевскій показалъ мнѣ только одинъ уголъ зданія, громадныя размѣры котораго были скрыты отъ моего взора. Но онъ тѣмъ самымъ спасъ меня отъ дальнѣйшихъ увлеченій, сразу подмѣтивъ во мнѣ своимъ опытнымъ взглядомъ пылкую увлекающуюся натуру, едва ли способную къ непрерывной упорной борьбѣ.

Въ письмѣ г. Шепетовскаго есть одно драгоцѣнное мѣсто, безъ сомнѣнія, написанное имъ со словъ Ольги Сократовны. Это то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что на молодежь, являющуюся къ Чернышевскому, онъ смотрѣлъ, какъ на людей, которымъ радъ былъ всей душой помогать и словомъ, и дѣломъ. Вотъ въ числѣ та-

¹⁾ Письмо это и другое, напечатанное въ воспоминаніяхъ, въ подлинникахъ при семъ прилагаю.

кихъ-то молодыхъ людей и былъ я, искавшій у него отвѣта на мучившій меня вопросъ жизни. Я уже отмѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какое гнетущее чувство вызвали во мнѣ слова Н. Г. А теперь я приведу здѣсь выдержку изъ своего манускрипта, написанную на другой день послѣ моего длиннаго разговора съ нимъ 13-го числа. (Манускриптъ при семъ прилагается). «Послѣ вчерашняго вечера въ какомъ-то туманѣ. Принимался было за книги, но не могъ не только что нибудь понять изъ читаемаго, а даже и усидѣть одинъ въ отвратительныхъ стѣнахъ своей одинокой комнаты. Я не обѣдалъ ни дома, ни у учениковъ, у которыхъ провелъ почти весь день. Эти роковыя слова, что «что тайно, то или пошло, или пусто», что, «вредя правительству, мы вредимъ и государству», что толпа, взятая во всей своей массовой численности, не въ состояніи бороться съ горстью регулярно-вооруженной арміи, что бесполезно, маниловски утопично желать того, что мы желаемъ для счастья міра, такъ какъ этотъ самый міръ не хочетъ ни понять, ни слушать насъ»,—приводятъ меня почти до отчаянія».

Дальше идетъ краткое изложеніе того, что въ болѣе обработанномъ видѣ изложено въ воспоминаніяхъ.

Читатель можетъ судить, до измышленій ли мнѣ было, когда меня, какъ желѣзный тяжелый молотъ, ударили эти слова въ самую голову! Они вначалѣ окончательнo обезкуражили меня и лишили покоя. О томъ, какой душевный разладъ начался во мнѣ, я не писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, стараясь быть, по возможности, объективнымъ и не желая занимать вниманіе читателя своей особой. Но теперь мнѣ волей-неволей приходится заниматься этимъ неприятнымъ дѣломъ. Чувство протеста взглядамъ Н. Г-ча доходило у меня до того, что я сталъ даже подозрѣвать великаго публициста въ отсталости отъ вѣка. Любопытствующій можетъ усмотрѣть это въ концѣ послѣдней страницы моего манускрипта, немного выше отзыва о народникахъ. Вотъ что я писалъ:

Касаясь будущаго «идеальнаго» строя, г. Чернышевскій говоритъ: «А если бы тайныя общества, положимъ, и достигли своихъ цѣлей—подняли бы всеобщее возстаніе, тогда сталъ бы, положимъ, народъ выбирать для себя своихъ начальниковъ,—но что будетъ? Кого онъ можетъ выбрать, этотъ народъ? Примѣры на глазахъ: возьмите нашу думу, сельскую общину»... Затѣмъ далѣе: «при всеобщемъ равенствѣ архангельцы бы вдругъ пожелали поселиться въ Орловской губерніи! Да развѣ орловцы ихъ пустятъ?!» Далѣе стоитъ уже мое замѣчаніе: «Онъ (т.-е. Чернышевскій) видимо темновато представляетъ цѣли и стремленія современнаго социализма и будущій строй, или не подумалъ, или не хотѣлъ сказать»...

Читатель можетъ видѣть отсюда, что я даже не все помѣстилъ въ своихъ воспоминаніяхъ изъ того, что слышалъ отъ Н. Г., такъ какъ не все мнѣ казалось яснымъ, можетъ быть, потому, что Н. Г. говорилъ вообще очень быстро и настолько ново для меня, что я

не успѣвалъ сосредоточиться на одной мысли, какъ онъ уже переходилъ къ другой.

Со временемъ, однако, внутренняя борьба во мнѣ улеглась, а обаяніе личности Чернышевскаго становилось все сильнѣе и сильнѣе. Среди моихъ близкихъ знакомыхъ создавалась даже легенда о томъ, что Н. Г. взялся перевоспитать одного молодого человѣка. Молодой человѣкъ этотъ — я. Создавшій легенду — П. М. Никольскій (умершій); передалъ мнѣ эту легенду — А. В. Сергѣевъ, большой мой пріятель въ то время, человѣкъ развитой, нынѣ состоящій на службѣ въ Рыбномъ правленіи, въ Астрахани, могущій тоже подтвердить мое знакомство съ Чернышевскимъ.

Разумѣется, все это привело меня къ разрыву съ моими товарищами, живущими въ разныхъ городахъ, съ которыми я былъ

Турчанъ Валъ, добрый Николай
Я мнѣ, узнавши о томъ мнѣ
Тамъ пріятель Александра Иванъ
Вотъ, мнѣ пріятель Иванъ урочка въ
и мнѣ; въ этомъ выговори мнѣ, что
и мнѣ; о мнѣ у мнѣ мнѣ мнѣ
Вотъ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
Теперь, мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
19 1889 г. мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ

Факсимиле одного изъ писемъ Н. Г. Чернышевскаго къ Н. О. Скорикову.

связанъ клятвенными обѣщаніями въ единомыслии. Для доказательства прилагаю при семъ одно изъ сохранившихся у меня товарищескихъ писемъ — письмо В. И. Ч—ва (который, если пожелаетъ, можетъ открыть свою фамилію и тоже подтвердить мое знакомство съ Н. Г.). Вотъ что онъ между прочимъ писалъ мнѣ (въ 1889 г.): «ты отрекся отъ всего, что было для тебя дорого, свято и мило года два назадъ, и отрекся не потому, что нашелъ свои убѣжденія практически неприменимыми (къ жизни), а просто повѣривъ на слово не практику, а теоретика. Взгляни въ сочиненія этого теоретика, и онъ тамъ явится передъ тобой ярымъ защитникомъ того, что онъ отрицаетъ (теперь)». Рѣчь идетъ о Н. Г. Чернышевскомъ.

А вотъ выписка изъ другого письма (1890 г.) — Я. П. С—ва, бывшаго учителя, который, кажется, тоже живъ. Дѣло касается легенды «о зайчихѣ и львицѣ», которая приведена мною въ воспо-

минаніяхъ. «Я тебя понимаю, но не могу согласиться въ частностяхъ. Насчетъ, напримѣръ, зайчихи и львицы можно много спорить. Конечно, не всѣ люди—великіе люди. Развѣ непременно надо быть великимъ, чтобы участвовать въ великомъ дѣлѣ? Когда великіе могутъ имѣть успѣхъ? Не тогда ли, когда маленькіе не только сочувствуютъ, но и помогаютъ?» (Письмо прилагаю при семь).

Изъ этихъ цитатъ видно, что между нами, т.-е. между мною и моими друзьями, давно, еще лѣтъ 15 тому назадъ, велась уже полемика изъ-за взглядовъ Н. Г. Чернышевскаго, который, какъ теперь помню отлично, при каждой новой фразѣ о тайныхъ обществахъ и ихъ задачахъ говорилъ мнѣ: «Передайте вашимъ друзьямъ»... «Передайте вашимъ друзьямъ»... Что имъ руководило?.. Искреннее ли убѣжденіе, намѣреніе ли испытать силу и степень искренности собесѣдника (какъ предполагаетъ г. Измайловъ), или же простое желаніе отвлечь насъ отъ излишнихъ увлеченій,—не беру съ судить. Предоставляю вопросъ этотъ на разрѣшеніе г. г. «Читателей», Измайловыхъ и Шепетовскихъ. Я только чистосердечно, безъ всякихъ прикрасъ и безъ всякой задней мысли, повѣдалъ все то, что зналъ объ этой выдающейся личности.

Напрасно г. «Читатель» (Мал. фельетонъ въ «Нашей Жизни») старается убѣдить публику, что мои воспоминанія есть полемическій выпадъ (какъ онъ выражается) по отношенію къ современнымъ событіямъ. Воспоминанія эти были готовы къ печати еще въ 1895 г., во времена, далеко не похожія на настоящія. Доказательствомъ можетъ служить прилагаемое при семь письмо В. Гольцева (отъ 5-го октября 1895 года), котораго я спрашивалъ о томъ, позволятъ ли цензурныя условія помѣстить мои воспоминанія на страницахъ «Русской Мысли». Къ сожалѣнію, я затерялъ другое письмо отъ С. Н. Шубинскаго изъ редакціи «Историческаго Вѣстника», которое получилъ одновременно съ письмомъ Гольцева, и въ которомъ г. Шубинскій писалъ мнѣ, что «при современномъ положеніи печати никакіе очерки, воспоминанія и т. п. о личности Чернышевскаго не могутъ быть печатаемы». У меня до сего времени сохранилась первоначальная редакція этихъ воспоминаній, и въ нихъ дословно записанъ разговоръ съ Н. Г. въ томъ же видѣ, какъ напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Я слишкомъ далеко стою отъ «современной политики», чтобы принимать въ ней активное участіе, да еще въ формѣ такихъ «полемическихъ выпадовъ», недобросовѣстно тревожа прахъ почившаго страдальца.

Вотъ все, что я могу сказать въ свою защиту по поводу возводимыхъ на меня въ печати обвиненій. Никакими другими средствами, доказывающими мою искренность, я не располагаю. А затѣмъ предоставляю г. г. критикамъ судить о моихъ воспоминаніяхъ, какъ имъ угодно.

Н. О. Скориковъ.

КЪ БІОГРАФІИ АНТОНІЯ, АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО И СВІЯЖСКАГО.

ВЪ 1877 ГОДУ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, скончался архіепископъ казанскій и свѣяжскій Антоній. Онъ былъ выдающимся ученымъ, докторомъ богословія, прославился составленіемъ знаменитаго «Догматическаго богословія», книги, служившей руководствомъ къ изученію истинъ христіанской православной вѣры цѣлому ряду молодыхъ поколѣній въ теченіе не одного десятка лѣтъ. До учебника митрополита Макарія, вышеназванное руководство было учебникомъ въ духовныхъ семинаріяхъ и служило неоспоримымъ авторитетомъ, какъ полный сводъ истинъ вѣроученія православной церкви. У него есть много и другихъ трудовъ. Кромѣ того, онъ былъ аскетомъ, постникомъ и молитвенникомъ и за свою примѣрную истинно-монашескую жизнь считался жителями города Казани за святого.

Недавно познакомился я съ отцомъ Ювеналіемъ, іеромонахомъ казанской архіерейско-викаріатской Покровской церкви. Оказался онъ человѣкомъ интереснымъ, такъ какъ 20 лѣтъ былъ келейникомъ при архіепископахъ казанскихъ; зналъ Антонія, Павла и Палладія и многое могъ разсказать изъ ихъ жизни.

Палладій взялъ его съ собою въ Петербургъ... О немъ отецъ Ювеналій отзывался такъ: «доброй души былъ человѣкъ, но со странностями».

— А что, напримѣръ?—спрашиваю я.

— Да вотъ были мы съ нимъ уже въ Петербургѣ, и захворалъ онъ лихорадкой. А у него, знаете, свой докторъ есть—сыночекъ его, Раевъ фамилія...

— Знаю, знаю.

— Ну, вотъ, и пропиши онъ ему, Палладію-то, хинина... только въ пилюляхъ, въ облаткахъ. Прихожу я къ нему вечеромъ въ покои, чай несу, а онъ жуется что-то и такія-то гримасы строитъ, что увы! Я спрашиваю: «что съ вами, ваше высокопреосвященство?» Онъ прожевалъ то, что ѣлъ, и говоритъ:

— Да вотъ хинку съѣлъ.

— Да зачѣмъ это вы, ваше преосвященство, раскусили? Вѣдь это облатки—нарочно сдѣлано такъ, чтобы горечи не чувствовать.

— Я уже пробовалъ глотать, не раскусывая, — не дѣйствуетъ. А вотъ раскусилъ—ощутилъ горечь, теперь, надѣюсь, хорошо по-дѣйствуетъ.

Этотъ отецъ Ювеналій однажды заикнулся мнѣ о какомъ-то «Дневникѣ», относящемся къ жизни Антонія, архіепископа канскаго.

Я попросилъ его позволить мнѣ его прочитать.

— Хоть совѣмъ возьмите. Онъ мнѣ ни къ чему.

Рукопись, переданная мнѣ отцомъ Ювеналіемъ, показалась мнѣ настолько интересной, что я рѣшилъ предложить ее вниманію читателей «Историческаго Вѣстника».

А. Зеленецкій.

По поступленіи моемъ къ владыкѣ Антонію, именно съ 15-го сентября 1877 года, онъ видимо сталъ ослабѣвать силами, но все еще продолжалъ служеніе неупустительно. 30-го сентября, въ воскресенье, владыка служилъ литургію въ крестовой церкви, послѣ чего чувствовалъ сильную усталость. Призвалъ меня и началъ жаловаться на свои ноги, говоря: «кажется, ноги мои скоро откажутся служить мнѣ! Напой ихъ чѣмънибудь!» (Это выраженіе онъ всегда употреблялъ, когда нужно было втираніе ногъ). Я взялъ тутъ же спиртъ и натеръ ему ноги. На 1-е октября владыка собирался тоже служить, но уже съ большимъ сомнѣніемъ. «Въ состояніи ли я буду служить,—говорилъ онъ,—литургію?! Ноги мои что-то ненадежны!»

Передъ началомъ литургіи за владыкою пришли два иподіакона; дорогою владыка, чувствуя сильную слабость и не надѣясь на свои силы, говорилъ имъ: «Вы поддерживайте меня покрѣпче!» Въ началѣ литургіи всѣ смотрѣли на него съ большимъ опасеніемъ, не надѣясь, чтобы онъ всю благополучно окончилъ литургію. Но Господь помогъ ему благополучно окончить послѣднее свое служеніе. По окончаніи литургіи владыка возвратился въ свои покои и съ сослужащими пилъ чай; потомъ опять позвалъ меня и опять сильно жаловался на свои ноги. «Едва-едва устоялъ во время литургіи!» Я сказалъ ему, что и мы весьма опасались за него. «А что, развѣ сильно было замѣтно, что я слабъ?»—спросилъ владыка. Я отвѣтилъ, что весьма была замѣтна его слабость, и что всѣ почти

теряли надежду въ томъ, что онъ благополучно окончитъ литургію. «Нѣтъ, теперь я не въ состояніи буду служить литургію и въ день святителя Гурія развѣ только выйду на молебень!» И дѣйствительно, въ день святителя Гурія владыка уже не служилъ литургіи, а только приобщился божественныхъ тайнъ въ крестовой церкви. Въ началѣ благовѣста къ поздней обѣднѣ владыка сильно скорбѣлъ о томъ, что не могъ служить.

— Вѣрно святитель Гурій прогнѣвался на меня, и ради моихъ грѣховъ не удостоилъ меня прослужить литургію!—говорилъ онъ, при чемъ сильно вздыхалъ.

При этомъ я сказалъ ему:

— Владыко, вѣдь вамъ вредно вздыхать съ такимъ напряженіемъ.

На что онъ возразилъ мнѣ такъ:

— Поди и спроси пророка Давида, зачѣмъ онъ вздыхалъ? Горе мнѣ, что не вздыхаю и не плачу такъ, какъ онъ вздыхалъ и плакалъ!

По окончаніи молебна святителю Гурію, владыка принималъ участниковъ въ братствѣ святителя Гурія, при чемъ хотя и весьма былъ физически слабъ, но духомъ былъ довольно бодръ. Послѣ праздника святого Гурія владыка болѣе и болѣе сталъ ослабѣвать силами, и тщательно началъ приготовляться къ смерти. 12-го октября ему сдѣлалось очень плохо, и онъ въ полномъ присутствіи духа потребовалъ воды и, намочивъ полотенце, обтеръ все свое тѣло, а потомъ помазался елеемъ, надѣлъ на себя власяницу и, взявъ крестъ въ руки, возлегъ на одрѣ и ожидалъ смертнаго часа. Изумиться нужно такому благодушію! Онъ, какъ апостоль Павелъ, желалъ скорѣе разрѣшиться отъ тѣла и со Христомъ быть. Но къ вечеру владыкѣ нѣсколько стало лучше, и онъ, скидывая съ себя власяницу, со скорбію говорилъ:

— Вотъ нужно раздѣваться, а я совсѣмъ было собрался! Лучше бы уйти въ вѣчность!

13-го октября владыка чувствовалъ тоже себя очень болѣзненно, почему послѣ обѣдни приобщился святыхъ тайнъ и приказалъ всѣхъ, желающихъ принять благословеніе, впускать, при чемъ говорилъ приходящимъ: «Ну, простите меня, едва ли я переживу нынѣшній день!» При этомъ всѣмъ вручалъ по экземпляру и по два разныхъ брошюръ. Посѣтители, не желая скоро уходить, но желая побольше посмотреть на отходящаго въ вѣчность уважаемаго архипастыря, оставались еще на нѣсколько времени въ его спальнѣ. Владыка, не терпя спертата воздуха, просилъ посѣтителей уходить. «Уходите, пожалуйста, вѣдь чужимъ воздухомъ я не могу питаться!» Посѣтители удалялись со скорбію, а многіе со слезами на глазахъ. Къ вечеру владыкѣ стало нѣсколько лучше, но слабость была чрезвычайная, въ каковомъ положеніи проведено имъ и 14-е число.

15-го октября былъ день рожденія владыки, послѣ обѣдни отслуженъ былъ молебень въ крестовой церкви и провозглашено многолѣтіе. «Ахъ, зачѣмъ они поютъ многолѣтіе! Пусть бы пропѣли вѣчную память! Право, такъ бы и ушелъ отсюда!» Послѣ поздней литургіи собралось очень много духовенства и свѣтскихъ поздравить владыку съ днемъ его рожденія, коихъ онъ принималъ, лежа въ постели. Между тѣмъ пришелъ и регентъ съ пѣвчими, и начали пѣть концертъ въ гостиной, но до владыки едва доносился звукъ, поэтому онъ приказалъ подойти поближе и пропѣть чтонибудь умильное. Пѣвчіе подошли ближе къ спальнѣ, пропѣли «Достойно есть»—кіевскую, чѣмъ владыка чрезвычайно утѣшился, и приказалъ эконому дать большимъ пѣвчимъ 10 рублей, а малыхъ самъ одѣлялъ по 10 и 15 копеекъ.

Остальные дни до 22-го владыкою проведены съ не столь сильными припадками, но съ величайшею слабостью, такъ что оказывалась нужда переносить его изъ комнаты въ комнату, для перемѣны воздуха. 22-го былъ праздникъ Казанской Божіей Матери, но владыка не могъ служить въ Казанскомъ монастырѣ, а посему всю всенощную скорбѣлъ и въ скорби своей часто повторялъ: «Вѣрно, Матерь Божія прогнѣвалась на меня, и не благоволила, чтобы я прослужилъ литургію въ день Ея праздника!»

Послѣ литургіи и отдыха прибылъ преосвященный Павелъ посѣтить владыку, коему онъ съ перваго же раза объяснилъ скорбь свою: «Скорблю, что я не могъ участвовать съ вами въ торжествѣ! Завидую вамъ, что вы торжествовали, а я нѣтъ». 23-го владыка пожелалъ поклониться чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери, а посему икона была принесена въ началѣ литургіи въ крестовую церковь, а по окончаніи оной принесли къ владыкѣ въ комнаты. Владыка собралъ свои послѣднія силы и поклонился до земли, съ великимъ смиреніемъ и живою вѣрою, взывалъ, какъ бы Самой Матери Божіей: «Ахъ, Владычице моя Богородице, помилуй мя!» и многое прочее молитвенное. Вслѣдствіе такого напряженія, владыка чрезвычайно опять ослабѣлъ, и когда унесли икону, легъ на постель и приказалъ пѣвчимъ пропѣть: «Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко...», и когда пропѣли это, онъ, весьма обрадовавшись душою, просилъ еще сказать: «Во блаженномъ успеніи!» Я сказалъ ему: «Владыко! когда нужно будетъ, скажутъ и во блаженномъ успеніи».—«Нѣтъ, пусть бы пропѣли, я, право, умираю!» Въ это время прибылъ докторъ, и, освидѣтельствовавъ владыку, назначилъ лѣкарство, которое онъ принималъ всегда съ оговоркою.—«Зачѣмъ принимать лѣкарство, развѣ оно избавитъ отъ смерти? Развѣ оживетъ плоть сія?» (указывая при этомъ на свои ноги). Къ вечеру владыкѣ нѣсколько стало лучше, и ему опять пришлось вторично скидывать власяницу, надѣтую имъ на случай смерти (дабы по смерти его не переодѣвали), и онъ опять сѣто-

валь о томъ, что было приготовился совсѣмъ къ переходу въ вѣчность. «Вотъ опять нужно раздѣваться! Я совсѣмъ было собрался!» Но тяжкая болѣзнь превозмогла, и терпѣніе его видимо истощилось на нѣкоторыя минуты.—«Ни одинъ изъ святителей,—говорилъ онъ,—такъ не страдалъ, какъ я, грѣшный!» На это я сказалъ: «Владыко, какъ вы говорите, что ни одинъ изъ святителей такъ не страдалъ, какъ вы? а вотъ св. Іоаннъ Златоустъ постоянно былъ боленъ».—«Да, вѣдь онъ даже и ванны принималъ, и правда, даже постоянно лѣчился»,—замѣтилъ владыка.

Остальное время до 30-го октября проведено владыкою съ сильною слабостью и съ постоянною дремотою. Смыкалъ глаза на нѣсколько минутъ и потомъ опять открывалъ, говоря со скорбію на такую дремоту: «Ахъ, Боже мой! что это за сонъ? Это предвѣстникъ непробуднаго сна!» При непрестанной слабости, владыку всего болѣе изнуряла болѣзнь въ ногахъ. Почти постоянно то зябли, то открывался какой-то непомѣрный жаръ внутри ихъ, который намъ даже и при осязаніи почти былъ замѣтенъ. Поэтому онъ болѣе всего жалѣлъ свои ноги, говоря: «И за что это Господь наказываетъ ноги мои? кажется, ноги отъ юности въ пути беззаконія не ходили, но все, хотя и съ лѣнностью, а спѣшили въ церковь». 30-го октября владыка сильно ослабѣлъ, и, не надѣясь остаться въ живыхъ, опять началъ убирать себя на смертный одръ, дабы по смерти его не переодѣвали. Взялъ полотенце и намочивъ его водою, обтеръ себѣ все тѣло, помазался елеемъ, надѣлъ власяницу, взялъ крестъ въ руки и приказалъ перенести себя въ кабинетъ. «Какъ умру, то здѣсь тѣсно будетъ убирать, а тамъ попросторнѣе!».

Въ это время пришелъ протодіаконъ, на коего владыка обратилъ свой пронизательный взглядъ и произнесъ ласковое и прощальное слово: «Кажется, больше я съ тобою не буду служить?! Когда помру, то возьми себѣ на память икону св. Митрофана и Тихона!» Къ вечеру владыкѣ стало нѣсколько лучше, и онъ приказалъ опять нести себя въ спальню и опять произносилъ прежнюю жалобу, что не пришлось ему помереть.

31-го октября предъ началомъ литургіи подзываетъ меня и говоритъ: «Что мнѣ дѣлать, вотъ я не могу сидя слушать литургіи? И когда принесутъ святыя дары, то я не въ состояніи буду стоя причаститься!» Я говорю: «Слушайте лежа, а когда придетъ время причащенія, тогда мы приподнимемъ васъ, возложимъ на васъ епитрахиль и полуомофоръ, и будемъ поддерживать, пока вы приобщитесь святыхъ таинъ».—«Ну, хорошо!»—сказалъ владыка. Литургія началась, и онъ дѣйствительно сначала лежа слушалъ, а я стоялъ въ моленной. При началѣ Херувимской мнѣ послышался шорохъ въ спальней его комнатѣ, я взглянулъ туда и чрезвычайно удивился. Владыка безъ всякой помощи всталъ съ кровати, сѣлъ въ

кресло и сидѣлъ веселъ и съ свѣтлою улыбкою. Подозвавъ меня, говоритъ: «Я хочу произвести тебя во іеромонаха. Ты будешь ли согласенъ? сказать ли теперь преосвященному викарію, или дождешься, пока я выздоровѣю!». Я сказалъ ему на сіе такъ: «Владыко, теперь не время производства въ іеромонахи, потому вы еще нездоровы, и нужны вамъ мои услуги, по рукоположеніи мнѣ нужно будетъ непремѣнно служить, поэтому будетъ выходить неудобство и затрудненіе. Но когда вы выздоровѣете, тогда сами рукоположите».—«Ну хорошо!»¹⁾. 1-е и 2-е ноября проведены были, хотя и съ большою слабостью, но не въ столь тревожномъ состояніи. 3-го ноября послѣ литургіи владыка причастился святыхъ тайнъ (ибо онъ во время своей болѣзни причащался каждый почти день) и вскорѣ почувствовалъ сильную слабость (вслѣдствіе того, что онъ понудилъ себя сидя прослушать литургію), велѣлъ позвать ключаря и иподіакона, ключарю дѣлалъ завѣщаніе, гдѣ и какъ его похоронить, а иподіакону приказалъ набрать къ смерти облаченіе. «Въ какомъ мнѣ облаченіи лечь въ гробъ?» Всѣ отвѣтили, что въ какомъ угодно будетъ ему, въ томъ и положить. «Вотъ въ этомъ положите,—сказалъ онъ, указывая на облаченіе, привезенное имъ изъ Смоленска:—оно справлено отъ великаго усердія, марочито заказывали на фабрикѣ». Потомъ, когда уже было кончено дѣло съ облаченіемъ, владыка заставилъ меня читать каноны. «Читайте каноны! не пройдетъ ли этотъ безвременный сонъ?» И когда началось чтеніе каноновъ, то ему весьма показалось приятнымъ.—«Ахъ, какъ хорошо!—сказалъ владыка,—хоть чтеніемъ-то можно возбудить душу къ дѣятельности, а то просто забвеніе одолѣло!». Чтеніе продолжалось потомъ почти до послѣдней минуты его жизни, развѣ на самое малое время прерывалось. Но и при чтеніи все-таки владыку пересиливалъ такъ называемый имъ «несносный сонъ». Когда было замѣчаемо, что онъ заснулъ, тогда и чтеніе было приостанавливаемо, но онъ мгновенно открывалъ глаза и опять заставлялъ продолжать чтеніе.—«Что жъ, читай, я не сплю!» 4-е ноября проведено было имъ въ сильно слабомъ положеніи, но такъ уже не собирался умирать, какъ прежде. 5-го ноября приѣхалъ ректоръ академіи съ бумагами, для утвержденія кого-то въ степени магистра, на которыхъ владыка лежа написалъ резолюцію, при чемъ говорилъ: «Э! рука-то отказывается писать!» Послѣ ректора приѣхалъ докторъ, совсѣмъ уже собравшійся на актъ въ университетъ, съ коимъ владыка разговаривалъ довольно твердо; но вскорѣ по отъѣздѣ доктора ему сдѣлалось весьма плохо. «Скажи братіи (говоритъ мнѣ владыка), чтобы не отлучались изъ дома, я помираю!» Извѣстили и губернатора о томъ, что владыка

¹⁾ Удивительно то, что владыка не забылъ своего обѣщанія: когда-то успѣлъ сдѣлать завѣщаніе преосвященному Павлу, дабы по смерти его рукоположить меня въ іеромонаха, что и было исполнено.

чрезвычайно сдѣлался слабъ. Губернаторъ сейчасъ же прибылъ навѣститъ владыку ¹⁾, прибыли и другія почетныя лица изъ университета, съ акта, куда мгновенно донесся слухъ, что любимый архипастырь близокъ къ смерти.

Но владыка часа черезъ два пришелъ въ лучшее состояніе.

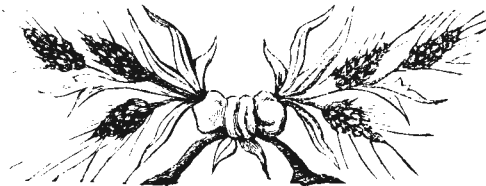
На 6-е число ночь провелъ онъ весьма спокойно и спалъ очень хорошо (вслѣдствіе принятаго имъ порошка), 6-го послѣ литургіи пріобщился онъ святыхъ тайнъ, и весь этотъ день прошелъ спокойно, хотя и съ великою слабостью. На 7-е ночь проведена была съ большимъ безпокойствомъ. Еще съ вечера, предчувствуя свое страданіе, говорилъ: «Берегите меня ночью, право, берегите! я, кажется, умру ночью». Ночью постоянно просыпаясь все твердилъ: «Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща» ²⁾. 7-го послѣ литургіи онъ пріобщился опять святыхъ тайнъ, сидя на кровати, и по причащеніи крѣпко прижалъ потиръ къ устамъ, произнося слова: «Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже! Ахъ, создателю мой!» и многое прочее молитвенное. Съ 10-ти часовъ того же дня у владыки поднялась сильная икота, которая оставила его только часа за три до кончины. Съ 2-хъ часовъ владыкѣ стало труднѣе: жаръ началъ сильно усиливаться, и онъ больше сталъ забываться. Въ такомъ забытѣ засталъ его докторъ. Владыка открылъ глаза и, взглянувъ на него, сказалъ: «А, здравствуйте!» и потомъ опять забылся. Докторъ спросилъ: что у васъ болитъ? «Ничего»,—отвѣтилъ владыка, потомъ докторъ спрашивалъ еще кое-что, на что онъ отвѣчалъ: «а! да! нѣтъ, ничего не болитъ». Докторъ посидѣлъ нѣсколько минутъ и ушелъ, ничего не сказавъ. Владыка взглянулъ на меня и спросилъ: «А гдѣ же докторъ?» я отвѣтилъ, что въ другой комнатѣ пишетъ рецептъ, и послѣ сего онъ уже не спрашивалъ о докторѣ. Въ 5 часовъ начато было всенощное, но владыкѣ становилось все труднѣе и труднѣе, жаръ былъ страшный, и онъ постоянно понемногу пилъ изъ сифона содовую воду. Говорилъ весьма мало и непрозрачно. Только одно и было слышно: «сифонъ и сифонъ». Когда кончили всенощное, то владыка спрашиваетъ меня: «Что же кончили всенощное?» я сказалъ, что кончили. «А тропарь Архангеламъ пропѣли?» я сказалъ, что пропѣли. «Ну, хорошо!» Послѣ всенощной много пришло народу принять отъ владыки послѣднее благословеніе. Владыка вѣхъ почти благословлялъ и многихъ даже узнавалъ. Говорилъ весьма неясно. Въ это время пришелъ и протодіаконъ, владыка взглянулъ на него и началъ требовать ту икону, о которой онъ говорилъ ему прежде, св. Митрофана и св. Тихона, кою

¹⁾ Г. губернаторъ Скарятинъ въ послѣдніе дни постоянно посѣщалъ страдающаго архипастыря иногда и по два раза въ день.

²⁾ «Се женихъ» онъ читалъ каждую ночь при всякомъ пробужденіи.

онъ и благословилъ протодіакона. Часовъ въ 10 разошлись посѣтители, а въ 11-мъ и свои всѣ легли отдыхать; остался я одинъ со страждущимъ владыкою. Но вскорѣ прекратились и его страданія. Жаръ уменьшился, и онъ лежалъ спокойнѣе, одно только все еще повторялъ, хотя уже и очень неясно: «сифонъ!» Часу въ 12-мъ разговоръ уже прекратился совершенно, но память не оставляла его до послѣднихъ минутъ, и въ такомъ страданіи видно было, что молитва не выходила у него изъ памяти, и онъ постоянно поднималъ руку для крестнаго знаменія, которая въ безсиліи своемъ скоро опускалась на грудь. За полчаса до смерти владыка началъ обращать взоръ свой то въ правую, то въ лѣвую сторону. Въ правую сторону онъ дѣлалъ взоръ спокойный, но въ лѣвую какой-то пронизательный и строгій, потомъ бросалъ взоръ свой на меня, сидѣвшаго у ногъ его, но уже ласковый и умиленный. При этомъ я спрашивалъ его: «Владыко! можетъ, чего вамъ нужно?» но отвѣта не получалъ. Въмѣсто отвѣта онъ смежалъ глаза. Потомъ чрезъ нѣсколько секундъ опять и опять также обращалъ свои взгляды то въ ту, то въ другую сторону, и весьма спокойно. Наконецъ настала минута, давно ожидаемая святителемъ и всѣмъ намъ неминуемая. Въ сіи минуты онъ тихо и спокойно переводилъ свои послѣдніе вздохи, которые ознаменовались въ знакъ вѣчной его радости дважды, и самые послѣдніе вздохи, веселою улыбкою, что и даетъ намъ несомнѣнную надежду въ томъ, что нашъ незабвенный архипастырь предвкусилъ уготованную ему вѣчную радость за свои неутомимые подвиги и ревность о славѣ Божіей, за которую онъ страдалъ и трудился всю свою жизнь. Такъ почилъ (благодареніе Господу, при моихъ глазахъ) глубокопочитаемый своею паствою архипастырь Антоній.

А. А. Зеленецкій.

СТОЛѢТНЯЯ АРТИСТКА.

(Вмѣсто некролога).

ВЪ МИНУВШЕМЪ 1904 году, декабря 27-го, въ г. Екатеринбургѣ отъ старости скончалась артистка Евдокія Алексѣевна Иванова. Покойная заслуживаетъ вниманія общества, и какъ выдающаяся въ свое время драматическая артистка, и какъ піонерка театральнаго дѣла на Уралѣ, и, наконецъ, какъ рѣдкій примѣръ въ наше время долголѣтія, почему мы и считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ этой интересной личностью, тѣмъ болѣе, что о ней имѣется въ театральнотой литературѣ очень немного свѣдѣній: замѣтка В. Н. Мамина-Сибиряка, некрологъ въ мѣстной газетѣ и небольшая статейка въ «Дневникѣ Петербургскаго Театрала», принадлежація пишущему и эти строки. Между тѣмъ, Е. А. Иванова въ будущей исторіи русскаго театра, безъ сомнѣнія, должна занять не послѣднее мѣсто, и потому всякія свѣдѣнія о ней могутъ принести пользу будущему историку театра.

Евдокія Алексѣевна Иванова была крѣпостной матери нашего знаменитаго писателя Ив. Серг. Тургенева, котораго она хорошо помнила еще мальчикомъ, но, понятно, какъ крѣпостной, ея воспоминанія о писателѣ ограничиваются только описаніемъ его внѣшности. Иванова росла хорошенькой дѣвочкой, и вскорѣ ее замѣтила мать И. Тургенева и взяла къ себѣ въ домъ, гдѣ и помѣстила въ дѣвичью, обучая грамотѣ и рукодѣлю. О самой матери писателя покойная Е. А. всегда отзывалась, какъ о женщинѣ очень стро-

гой, серьезной, но справедливой, но ей недолго пришлось пробыть въ помѣщичьемъ домѣ. Однажды къ нимъ въ усадьбу пріѣхалъ также извѣстный въ свое время антрепренеръ Н. А. Соколовъ, который вербовалъ тогда свою труппу изъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ. Какъ извѣстно, очень многіе «баре» держали у себя своихъ актеровъ, музыкантовъ, имѣли свои театры, гдѣ и устраивались для своей забавы и для забавы своихъ знакомыхъ спектакли. На этихъ спектакляхъ нерѣдко давались даже цѣлыя оперы, и немало знаменитыхъ артистовъ русской сцены вышли отсюда именно изъ-подъ крѣпостной плети помѣщиковъ.

Н. А. Соколовъ посѣщалъ такихъ помѣщиковъ, присутствовалъ на представленіяхъ и потомъ понравившихся ему рабовъ-артистовъ бралъ къ себѣ или за плату, т.-е. совсѣмъ покупалъ, или (очень молодыхъ) бралъ на оброкъ съ тѣмъ, чтобы выучить ихъ «комедійному дѣйствию».

Юная, хорошенькая Е. А. Иванова видимо сразу понравилась Н. А. Соколову, и онъ взялъ ее у В. Тургеневой вмѣстѣ съ другими ея подругами на оброкъ. Ивановой въ то время было не болѣе 14—15 лѣтъ. Въ помѣстьѣ Тургеневой у нея оставались еще сестра¹⁾, братъ, мать и отецъ.

Судьба Ивановой была рѣшена въ одинъ день, и послѣ этого начались ея артистическія мытарства по городамъ и всякимъ ма-тушки Россіи. Н. А. Соколовъ живо подмѣтилъ природныя способности своей юной артистки, обладаніе хорошимъ голосомъ и всему этому далъ ходъ, усердно занявшись обработкой сырого матеріала. Сама покойная Иванова, вспоминая это время ученія, глубоко вздыхала: видимо, Соколовъ муштровалъ ее, какъ слѣдуетъ, но зато его уроки не прошли даромъ. Иванова изъ статистокъ, танцорокъ и хористокъ живо заняла мѣсто ingénue въ труппѣ Соколова.

Замѣтимъ, что тогда не было строгаго разграниченія амшлуа, и съ премьерами не церемонились. Играя сегодня первую роль, на другой день та же премьерша въ какомъ-нибудь балетѣ просто летала по сценѣ въ видѣ бабочки, подвѣшенная къ колоснякамъ на проволокѣ. Съ ними, какъ съ крѣпостными, не церемонились, хотя впрочемъ, по словамъ Е. А. Ивановой и ея сестры, Н. А. Соколовъ обращался со своими крѣпостными хорошо, да это видно и изъ того, напримѣръ, что онъ, взявши ихъ на оброкъ, обязанъ былъ только ихъ поить, кормить и одѣвать, но Соколовъ многимъ назначалъ еще сверхъ того жалованье, и къ чести его надо сказать еще, что всѣхъ своихъ учениковъ и ученицъ онъ задолго до воли выкупилъ изъ крѣпостной зависимости, о чемъ подробнѣе мы скажемъ ниже.

¹⁾ Сестра ея, Варвара Алексѣевна, по мужу Невзорова, и сейчасъ еще прожива-етъ въ г. Екатеринбургѣ и очень еще бодрая старушка, лѣтъ около 90. Съ ея словъ мы пишемъ этотъ некрологъ, пополняя то, чего не успѣла досказать сама покойная, Е. А. Иванова.

Такъ какъ Е. А. Иванова имѣла красивый голосъ и довольно сильный, то первоначально она выступила въ оперѣ тогдашняго Орелини. Всѣ старыя оперы она переиграла въ свое время и знала ихъ до старости наизусть; нерѣдко, уже незадолго до смерти, лежа въ постели, она начинала пѣть старческимъ голосомъ аріи изъ оперъ Аблесимова, Верстовскаго и другихъ авторовъ, которыхъ теперь, вѣроятно, никто и не знаетъ. Тогдашнія оперы были инныя, чѣмъ нынѣ, т.-е. въ нихъ было много прозы. Выпущенная въ первый разъ въ отвѣтственной роли, въ оперѣ Аблесимова «Мельникъ», Е. А. Иванова сразу имѣла шумный успѣхъ и съ тѣхъ поръ заняла въ труппѣ Н. А. Соколова мѣсто премьерши. Въ то время ей было всего 16 лѣтъ, и она еще была крѣпостной.

Труппа Соколова, какъ и всѣ вольныя труппы того времени, по долгу не засиживалась на одномъ мѣстѣ. Это были «перелетныя птицы», и потому неудивительно, что уже въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ своей артистической жизни Иванова объѣхала всѣ волжскіе города и часть юга Россіи. Уже къ восемнадцатому году про нее заговорила публика, она стала извѣстностью, и потому Соколовъ въ то время положилъ ей рѣдкое по тогдашнему времени жалованье—двадцать пять рублей на ассигнаціи.

Къ тому же времени, т.-е. когда Ивановой минуло 18 лѣтъ, относится крупное событіе ея жизни—она вмѣстѣ со своими подругами (ихъ всѣхъ было шесть), взятыми на оброкъ у В. Тургеневой, получила вольную.

Объ этомъ событіи Е. А. Иванова любила особенно вспоминать и всегда со слезами на глазахъ. Вотъ какъ произошло это чрезвычайное событіе.

Обыкновенно труппа Соколова великій постъ отдыхала. Въ это время антрепренеръ Н. А. Соколовъ ѣздилъ, снималъ города для своихъ представленій на лѣто и между прочимъ посѣщалъ имѣніе Тургеневыхъ, отвозя оброкъ за своихъ артистокъ. Такъ было и на этотъ разъ. Въ какомъ именно это было году,—сказать трудно, потому что Е. А. Иванова не помнила годовъ, не помнила даже и года своего рожденія, но можно предполагать, что она стала вольной въ срединѣ сороковыхъ годовъ, потому что, когда вышла уже воля, она была совершенно зрѣлая артистка, даже оставила оперу и легкій жанръ и перешла въ серьезную драму. Наступилъ великій постъ. Труппа оставалась въ г. Казани, намѣреваясь съ открытіемъ навигаціи предпринять путешествіе по Камѣ. Соколовъ уѣхалъ въ Тургеневку отвезти оброкъ и общалъ всѣмъ привезти къ пасхѣ по красному яйчку.

Вотъ какъ сама Е. А. Иванова говорила объ этомъ «красномъ яйчкѣ».

— «Мы еще были совсѣмъ дѣти, и насъ страшно занимало, что за подарки привезетъ намъ Н. А. Соколовъ. Дорога изъ Казани

до Тургеневки по-тогдашнему была не близкая. Соколовъ уѣхалъ туда на первой недѣлѣ поста и вернулся оттуда какъ разъ въ страстную субботу. Весна была ранняя, Волга вскрылась, и, переправляясь въ Казань на лодкѣ, Соколовъ едва не утонулъ. Мы уже не ждали его. Помню, было уже поздно. Всѣ мы собирались къ заутренѣ и приготовили себѣ костюмы. Вдругъ вбѣжала наша придворная горничная, тоже крѣпостная, Дашутка, и заорала: «баринъ пріѣхалъ!» Мы, конечно, всѣ высыпали къ нему навстрѣчу. Соколовъ перецѣловалъ насъ всѣхъ и ушелъ въ свою комнату переодеваться съ дороги, онъ былъ весь мокрый. А мы сгорали отъ нетерпѣнія скорѣе узнать, кому и какое красное яичко привезъ онъ. Наконецъ Николай Алексѣевичъ вышелъ къ намъ, еще разъ поздоровался со всѣми и, подавъ намъ бумажку, сказалъ: «Вотъ вамъ всѣмъ красное яичко къ пасхѣ — это отъ меня». Эта бумажка, помню, синяя, шершавая была наша вольная».

Е. А. Иванова плакала. Дальше она, всхлипывая, прибавляла: «Мы пошли къ заутренѣ, и никогда никто такъ горячо и искренно не молился и не чувствовалъ, что Христосъ воскресъ, какъ мы»... Она крестилась, а слезы градомъ текли по ея морщинистымъ щекамъ. Но семья ея еще долго оставалась крѣпостной.

Дѣйствительно, это былъ дорогой и цѣнный подарокъ, и онъ одинъ ярко обрисовываетъ личность антрепренера Соколова. И сейчасъ немного найдется такихъ, которые были бы щедры на такіе подарки.

Послѣ полученія вольной, труппа Соколова двинулась по Камѣ, посѣтила Пермь, близлежащіе заводы и, наконецъ, добралась до г. Екатеринбургa.

Въ Екатеринбургѣ въ то время жилъ Глинка, извѣстный на Уралѣ вельможа, человекъ суровый, но видимо дѣльный. Театра въ городѣ не было и въ поминѣ, и коренные его жигели до сего времени не имѣли никакого представленія о театрѣ. Соколовъ явился прежде всего къ Глинкѣ за совѣтомъ, гдѣ имъ устроить свои спектакли. Глинка указалъ ему на домъ какого-то мѣстнаго купца на Главномъ проспектѣ¹⁾.

Этотъ домъ Соколовъ и приспособилъ подъ театръ. Самъ Екатеринбургъ, по свидѣтельству Ивановой, въ то время представлялъ собою скорѣе деревню. Тамъ, гдѣ помѣщался ихъ театръ, уже былъ почти и конецъ города, тогда какъ теперь это центръ города. На Главномъ проспектѣ были только мелочныя лавочки и, между прочимъ, имѣлся единственный галантерейный магазинъ какой-то француженки, гдѣ только и можно было получить перчатки, столь необходимыя для артистки.

¹⁾ По разсказу Е. А. Ивановой можно предположить, что это было помѣщеніе, гдѣ нынѣ находится домъ Скваронской, на углу Главнаго проспекта и Вознесенскаго.

Театръ Соколова живо былъ готовъ, оркестръ у него также былъ свой, какъ и артисты, и вскорѣ начались представленія.

Само собою разумѣется, спектакли посѣщались главнымъ образомъ мѣстной заводской интеллигенціей, которая тогда вся состояла изъ лицъ военнаго сословія. Видимое дѣло, спектакли понравились, главнымъ образомъ, Глинкѣ, и ему же особенно понравилась молодая, красивая, съ хорошимъ голосомъ примадонна, Е. А. Иванова. Просуществовавъ лѣто и зиму въ неудобномъ помѣщеніи, но сдѣлавъ хорошее дѣло, Соколовъ думалъ двинуться дальше, но Глинка не пустилъ его и Иванову, заявивъ имъ, что онъ для нихъ нашелъ новое, удобное, хорошее помѣщеніе, каковое и намѣренъ оборудовать спеціально подъ городской театръ.

Такимъ помѣщеніемъ оказался манежъ, который и былъ приспособленъ подъ театръ, при чемъ устроены были въ немъ ложи и галерея. Этотъ театръ-манежъ существуетъ и понынѣ почти въ томъ же видѣ.

Первая артистка, которая заговорила и запѣла на подмосткахъ этого театра, была Е. А. Иванова. Съ тѣхъ поръ, съ короткими только промежутками, Е. А. безсмѣнно появлялась на подмосткахъ этого театра болѣе тридцати лѣтъ, по ея же словамъ. Такимъ образомъ екатеринбургскій театръ, созданный для нея, видѣлъ ее почти еще юной, видѣлъ ее же во всей силѣ развернушагося таланта и видѣлъ ее уже въ роляхъ комическихъ старухъ. Здѣсь же она появилась и въ послѣдній разъ въ своей жизни, въ 1900 году, справляя свой пятидесятипятилѣтній юбилей служенія екатеринбургской сценѣ.

Антрепренеръ Соколовъ держалъ самъ екатеринбургскій театръ почти до самой своей смерти, что-то болѣе 20-ти лѣтъ. Иногда они на годъ покидали Екатеринбургъ, но не болѣе. Лѣто обыкновенно путешествовали по Сибири.

Въ этихъ путешествіяхъ Е. А. имѣла счастье играть въ присутствіи въ Бозѣ почившаго императора Александра II, когда онъ еще былъ наслѣдникомъ, и имѣла отъ него подарокъ. Играла она и въ присутствіи другихъ высочайшихъ особъ, также имѣя отъ нихъ подарки.

Жилось ей видимо хорошо, дѣла шли прекрасно, она сошлась съ антрепренеромъ Н. Соколовымъ и, такимъ образомъ, сама являлась хозяйкой всего дѣла. Путешествія ея по Сибири носили торжественный характеръ и сопровождались всегда рядомъ овацій.

Но... *tempora mutantur!*

Артисты былого времени были какіе-то беззребеники, они не знали цѣну деньгамъ и, по словамъ Геннадія Несчастливцева, когда у нихъ бывали деньги, — кормили на свой счетъ «двухъ-трехъ такихъ мерзавцевъ, какъ Аркашка».

Такой же артисткой была и Е. А. Иванова.

Когда умеръ Соколовъ, а умеръ онъ, уже оставленный Ивановой, гдѣ-то въ Тюмени, почти въ нищетѣ, — Е. А. стала сама держать театръ и развозила по Сибири свою труппу, не соображаясь съ дѣлами и ресурсами. Кончилось это тѣмъ, что вскорѣ же и самой Ивановой пришлось итти служить къ чужимъ антрепренерамъ на жалованье и служить уже въ то время, когда премьерство по старости надо было уступить другимъ, а самой занять амплуа *grande-dame* и драматическихъ старухъ. Но и здѣсь, по словамъ видѣвшихъ ее, она являлась поистинѣ художницей. Рассказываютъ, что она положительно была неподражасма въ «Парижскихъ нищихъ» (старинной мелодрамѣ) въ роли злой, пьяной и развратной «тетки Фрошоръ», въ то время, когда эта роль была совершенная противоположность ея характеру. По природѣ она была безконечно добрая, любящая, сердечная старушка.

Въ это время ея лучшими ролями были, помимо только что упомянутой тетки Фрошоръ, еще роли матери Маріи въ мелодрамѣ «Материнское благословеніе», злой старухи въ «Двухъ сироткахъ», «Бѣдовой бабушки» въ водевилѣ того же названія, и въ этихъ роляхъ она не имѣла себѣ соперницъ въ провинціи, а, по рассказамъ очевидцевъ, и посейчасъ нѣтъ такихъ исполнительницъ на эти роли.

Сама покойница Е. А. рассказывала случай, бывший съ ней въ г. Ирбита, во время ярмарки. Она также играла «тетку Фрошоръ» и настолько хорошо, что ея не вызывали. Одинъ пьяный купецъ на весь театръ обругалъ ее прямо непотребными словами, а послѣ спектакля часть публики до того возбуждена была игрой, что, забывъ все, едва не побила Е. А. за всѣ ея пакости на сценѣ, такъ что ей пришлось уѣхать изъ театра подъ охраной полиціи.

Пишущему эти строки пришлось видѣть Е. А. въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка», который она играла въ 1900 году въ свой юбилей. Ей тогда уже было сто лѣтъ, если допустить, по словамъ ея родныхъ, что она умерла въ 1904 г. на сто пятомъ году своей жизни. Но и въ этомъ возрастѣ въ Е. А. Ивановой, уже отвыкнувшей отъ сцены, сразу видна была недюжинная артистка.

Репертуаръ артистки настолько обширенъ, что перечислять его нѣтъ возможности, да и не имѣетъ смысла. Въ нѣкоторыхъ старинныхъ пьесахъ она послѣдовательно переиграла почти всѣ женскія роли. Такъ, напримѣръ, въ извѣстной оперѣ Крестовскаго «Аскольдова могила» она, выступивъ въ роли Надежды, закончила ролью няни. Всѣ оперы, которыя теперь сданы въ архивъ, она переиграла и помнила почти наизусть до конца жизни; замѣтимъ при этомъ, что она осталась малограмотной. Изъ старыхъ оперъ крупный успѣхъ она имѣла въ «Вадимѣ», «Аскольдовой могилѣ», «Волшебномъ стрѣлкѣ», «Зломъ гениѣ», «Мельникѣ» и проч. Въ драмѣ она болѣе всего переиграла ролей въ переводныхъ пьесахъ, которыми запол-

нена была наша сцена въ свое время, и здѣсь она была необыкновенно хороша. Пьесы Островскаго ей уже оказались не по плечу, и въ нихъ она чувствовала себя стѣсненной.

Не получила Иванова громкой извѣстности только по своей скромности, по своей постоянной неувѣренности въ своихъ силахъ и потому, главнымъ образомъ, что вся ея дѣятельность протекла въ Сибири и больше всего въ Пермской губерніи, т.-е. вдали отъ центра.

Доживала свой вѣкъ Е. А. въ г. Екатеринбургѣ, почти вѣчно нуждаясь въ кускѣ хлѣба и живя на помощь мѣстныхъ благотворителей да пособіе въ размѣрѣ 10 рублей, ежемѣсячно выдаваемое Русскимъ театральнымъ обществомъ. Предлагали ей мѣсто въ богатѣльнѣ для престарѣлыхъ артистовъ въ С.-Петербургѣ, но она ушла изъ него, думая умереть непременно въ Екатеринбургѣ, гдѣ схоронены ея дѣти и внуки.

Только за годъ до смерти Е. А. совершенно свалилась, хотя все-таки еще иногда вставала и ходила съ палкой. Память ей иногда измѣняла, но въ общемъ она до конца жизни все хорошо помнила, позабывъ только годы и часто забывая знакомыя ей лица, особенно если она ихъ не видала долго. Лежа въ постели, она часто вдругъ начинала пѣть какія-то аріи и плакала, видимо вспоминая свое давнишнее славное прошлое. Пишущему эти воспоминанія о ней пришлось прожить съ ней подъ одной кровлей болѣе года и часто бесѣдовать съ ней, но добиться отъ нея связнаго и послѣдовательнаго разсказа уже было нельзя. Что ей было болѣе ста лѣтъ, я заключаю изъ ея словъ и разсказовъ о 12-мъ годѣ и нашествіи французовъ. Этотъ годъ она хорошо помнила и говорила сама, что въ ту пору ей было лѣтъ 12, потому что она уже давно жила при помѣщичьемъ домѣ, а, прибѣгая въ свою избу, помогала матери по хозяйству и няньчилась со своей сестрой.

Впрочемъ всѣ ея разсказы о внѣшнихъ событіяхъ очень поверхностны, они видимо не производили на нее глубокаго впечатлѣнія. На своей родинѣ, въ имѣніи Тургеневыхъ, Е. А. была накануне свободы, выкупая изъ крѣпостной зависимости всю свою семью. Въ это же время она видѣла, но только мелькомъ И. С. Тургенева, который подарилъ ей на память свой портретъ съ надписью.

Умерла Е. А. Иванова, по обыкновенію, въ нищетѣ, и хоронить ее пришлось на средства тѣхъ же благотворителей и отчасти Русскаго театральнаго общества, при чемъ агентъ этого общества въ г. Екатеринбургѣ совершенно было не хотѣлъ принимать никакого участія въ ея похоронахъ, ссылаясь на то, что Е. А. не состояла членомъ ихъ общества. Что-то странное! Какъ могла состоять она членомъ того общества, котораго, когда она была артисткой, еще не существовало, и что за смыслъ платить было ей пятирублевый

ежегодный взносъ, не принадлежа уже de facto къ театру? Наконецъ, и откуда было взять ей эти пять рублей, когда она вѣчно нуждалась въ кускѣ хлѣба?

Но все-таки ее похоронили. На похоронахъ не было никакихъ представителей отъ города, да и народу почти не было. Провожала ее только извѣстная золотопромышленница Л. И. Подвинцева, ея бывшая хорошая знакомая, да редакторъ «Уральской Жизни» П. И. Пѣвинъ, который даже заплатилъ и могильщикамъ, ибо за могилку нечѣмъ было платить. Уже когда гробъ опускали въ землю, отъ мѣстной труппы М. Строева пріѣхалъ артистъ, привезшій красивый и большой вѣнокъ съ лентами. Это былъ единственный вѣнокъ заслуженной артисткѣ, пионеркѣ театрального дѣла на Уралѣ.

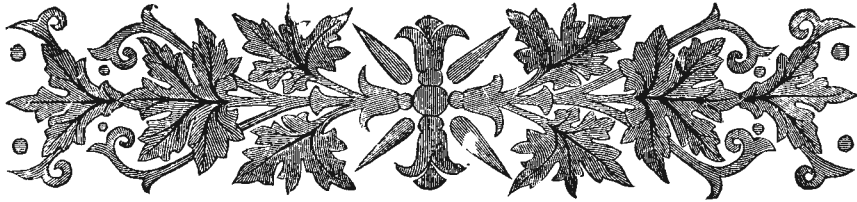
Въ газетахъ и журналахъ смерть ея прошла незамѣченной. Въ настоящее время ограда на купленномъ ею самой мѣстѣ вѣчнаго упокоенія пришла въ совершенную ветхость, крестъ покосился, надписи нѣтъ никакой.

Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и отъ этой могилки ничего не останется.

Это, впрочемъ, обычно. Послѣ артистовъ ничего не остается, и они безслѣдно исчезаютъ въ памяти общества, а ихъ могилы теряются, какъ и могилы обыкновенныхъ смертныхъ.

Н. Беккаревичъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРУССКАГО МИНИСТРА ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА О
ПРЕБЫВАНІИ ВЪ РОССІИ ВЪ 1863—1865 ГОДАХЪ ¹⁾.

II.

ВЪ ОТЪЪЗДОМЪ изъ Варшавы великаго князя Константина Николаевича открылся новый періодъ въ дальнѣйшей эволюціи польскаго мятежа.

Но и послѣ того, какъ графъ Бергъ взялъ въ свои руки управленіе Польшею, дѣятельность тайныхъ обществъ и политическія убійства, конечно, сразу прекратиться не могли. Уже 17-го сентября 1862 года на намѣстника было произведено покушеніе, тщательно подготовленное.

По этому поводу Верди рассказываетъ: «Выйдя изъ офицерскаго собранія, находившагося на Краковскомъ предмѣстьѣ, я подивился малолюдству на улицѣ—ну, значить, опять произойдетъ что нибудь необычайное. Не разъ уже въ ожиданіи намѣченнаго насилія комитетъ заблаговременно оповѣщалъ жителей въ опредѣленное время избѣгать извѣстныхъ мѣстностей. Не успѣлъ я осмотрѣться, какъ слѣва на недалекомъ разстояніи раздалось словно нѣсколько выстрѣловъ. Обернувшись, я увидѣлъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Краковское предмѣстье суживается выступающимъ впередъ домомъ, среди облака пороховога дима неясныя очертанія вставшихъ на дыбы лошадей. Значить, опять покушеніе? На кого же?—была первая мысль, которая мнѣ пришла.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 871.

«Въ это мгновеніе завѣса дыма разорвалась, и мимо меня пронеслась окруженная кубанскими казаками коляска, при чемъ кучеръ съ трудомъ сдерживалъ испуганныхъ лошадей.

«Въ коляскѣ сидѣлъ графъ фонъ-Бергъ, рядомъ съ дежурнымъ адъютантомъ, штабсъ-ротмистромъ фонъ-Валемъ. Взглядъ, кинутый на мѣсто покушенія, показалъ мнѣ, что нѣсколько казаковъ держали за поводья цѣлую кучу коней, очевидно, остальные казаки, составлявшіе конвой намѣстника, съ быстротою молніи уже проникли въ домъ, массивъ котораго выступалъ на улицу. Казакамъ, впрочемъ, захватить преступника не удалось, такъ какъ покушеніе было произведено изъ верхняго этажа дома, а онъ на задахъ тѣсно смыкался съ прилежащими постройками; кромѣ того, и самое внутреннее расположеніе дома, населеннаго свыше, чѣмъ 1.000 жильцовъ, затрудняло преслѣдованіе.

«Я тотчасъ же поспѣшилъ въ замокъ, чтобы удостовѣриться, не раненъ ли намѣстникъ, и столкнулся съ штабсъ-ротмистромъ фонъ-Валемъ; тотъ и рассказалъ мнѣ подробности покушенія. Оказалось, что стрѣляли не только изъ верхняго этажа дома Замоискаго, но и въ коляску были брошены двѣ орсиньевскія бомбы. Къ счастью, намѣстникъ отъ взрыва ихъ не пострадалъ, а Валя слегка поцарапали нѣсколько мелкихъ осколковъ. Со словъ Валя я скажу, что графъ Бергъ къ этому происшествію отнесся, словно оно его вовсе не касалось. Въ этомъ, впрочемъ, я и самъ могъ убѣдиться, когда приносилъ графу поздравленія по поводу счастливо избѣгнутой имъ опасности. Графъ меня принялъ немедля и въ разговорѣ только вскользь коснулся происшедшаго, съ умишкою замѣтивъ: «Бомба лопнула позади моей спины. Пришлось это какъ разъ ко времени. Домъ Замоискаго помѣстителенъ, а мы стѣснены квартирами. Такимъ образомъ, конфискація дома окажется для насъ очень кстати».

«Домъ Замоискаго, по приказанію властей, въ тотъ же вечеръ подвергся разгрому.

«Въ то время, какъ я раскланивался съ Александромъ Оффенбергомъ, шедшимъ съ гвардейскими уланами для опѣпленія дома, изъ верхняго этажа на улицу полетѣлъ роиль. Воистину, я не варваръ. Но когда я стоялъ рядомъ съ заарестованными жильцами дома Замоискаго, горевавшими о пожарѣ, и прислушивался къ ихъ жалобамъ о постигшихъ ихъ потеряхъ, я испытывалъ, тѣмъ не менѣе, чувство удовлетворенія по поводу приведенія въ исполненіе каръ, которыми давно угрожало правительство. Съ терроромъ можно бороться только чрезъ примѣненіе дѣйствительно внушительныхъ наказаній. Тѣмъ же, кто сдѣлался соучастникомъ возмутительныхъ преступленій, по справедливости, только и остается сказать: «Вы сами накликали судьбу, васъ постигшую!» Подобныя мѣры строгости были въ ту пору совершенно неизбѣжны и, несомнѣнно, принесли большую пользу».

За покушеніемъ противъ намѣстника послѣдовалъ рядъ политическихъ убійствъ.

«Третьяго дня,—отмѣчаетъ Верди подъ 8-мъ октября 1863 года,— послѣ 14-ти-дневнаго перерыва вновь совершилось политическое убійство въ «Европейской» гостиницѣ. Умерщвленъ прибывшій надняхъ путешественникъ (докторъ Германнъ), въ которомъ поляки заподозрѣли русскаго шпіона. Такъ какъ, по распоряженію графа Берга, въ случаѣ неотысканія преступника, отвѣтственность возлагается на домохозяина, гдѣ совершилось убійство, то «Европейская» гостиница подверглась конфискаціи и передана въ распоряженіе военнаго начальства».

Въ ноябрѣ 1863 года убійства еще болѣе участились, послѣднее же покушеніе, направленное противъ майора фонъ-Роткирха, совершилось 4-го января 1864 года.

Особенною дерзостью ознаменовалось покушеніе противъ варшавскаго оберъ-полицеймейстера Трепова. Назначенный на эту должность графомъ Бергомъ, Треповъ оказался на высотѣ положенія. Обладая яснымъ разумѣніемъ истиннаго положенія вещей, большимъ починомъ и неутомимою энергіею, Треповъ съ этими качествами соединялъ полнѣйшее презрѣніе къ опасности; онъ почти постоянно расхаживалъ и разѣзжалъ по городу безъ охраны, хотя тайный комитетъ неоднократно предувѣдомлялъ его о приговорѣ его къ смерти, а за такими memento и впрямь обыкновенно слѣдовали кровавыя расправы. 2-го ноября Треповъ въ сопровожденіи дочери возвращался домой въ замокъ съ утренней прогулки, и вотъ тутъ-то на него неожиданно сзади напали три жандарма-вѣшателя. Получивъ ударъ молотомъ по головѣ и рану кинжаломъ, Треповъ настолько сохранилъ присутствіе духа, что схватилъ за шиворотъ одного изъ нападавшихъ, задержалъ его, остальные пытались бѣжать, но тоже были схвачены. Подстрекателемъ на покушеніе оказался ксендзъ, а сигналъ къ нападенію подавалъ назначенный ржондомъ городской голова, караулившій Трепова изъ окна сосѣдняго общественнаго зданія. Двое изъ убійцъ были повѣшены на мѣстѣ покушенія, а третій самъ лишилъ себя жизни. Одновременно съ возобновленіемъ покушеній тайное правительство дѣлало усиленныя попытки оживить въ средѣ столичнаго населенія инсurreкціонное движеніе. Агитація террористовъ сдѣлалась особенно ощутительною послѣ того, какъ въ сентябрѣ 1863 года представитель крайней лѣвой фракціи, Игнатій Хмелинскій, свергъ прежнее народное правительство и составилъ новое.

Несмотря, однако же, на безчеловѣчныя распоряжки, новое правительство не могло добиться того, чтобы вооруженное соучастіе народа влило новыя силы въ мятежъ, хотя населеніе настолько еще было терроризировано, что остальнымъ велѣніямъ ржонда повиновалось, хотя и не охотно. Верди впрочемъ утверждаетъ, что и

въ теченіе всего мятежа масса населенія никогда не проявляла особенной готовности слѣдовать за вожаками движенія и только постепенно подчинялась давленію, оставаясь равнодушною и не убѣжденною; безцѣльныя приносившіяся населеніемъ жертвы, не окупаясь вовсе успѣхами, какіе ему сулили зачинщики, заставили наконецъ благоразумные элементы польскаго общества окончательно извѣрнуться въ дѣлѣ инсurreкціи, поэтому-то личныхъ участниковъ для дальнѣйшей борьбы съ русскимъ правительствомъ ржондъ съ каждымъ днемъ находилъ все меньше. По этой же причинѣ и столкновения мятежныхъ бандъ съ русскими войсками становились все рѣже, а, благодаря предусмотрительности и непреклонности мѣропріятій новаго намѣстника, открытый вооруженный мятежъ сталъ замѣтно стихать; дальнѣйшее инсurreкціонное движеніе свелось лишь къ стараніямъ ржонда обезсилить и разстроить русскую правительственную машину и поколебать общественный строй: съ этою цѣлью въ Варшавѣ было сожжено зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ со всѣми его архивами, и дѣлались приготовленія отпечатать и выпустить въ обращеніе массу поддѣльныхъ ассигнацій, чтобы подорвать кредитъ Россіи.

Вѣдствія и отвратительные ужасы, щедро расточаемые шайкою террористовъ, не замедлили вызвать въ польскомъ обществѣ реакцію, результатомъ которой явилось паденіе правительства Хмелинскаго.

Вліятельными членами дворянской партіи выдвинуть былъ теперь въ Краковѣ нѣкій Трауготтъ, которому поручалось создать новое, болѣе умѣренное національное правительство. Уроженецъ Литвы, бывший инженеръ, полковникъ русской службы, Трауготтъ, поразгонявъ террористовъ ржонда и сосредоточивъ въ своихъ рукахъ руководство мятежомъ, выступилъ 1-го января 1864 года съ «объявленіемъ народнаго правительства къ польскому народу». Необычайно многорѣчивое, съ напыщенными отступленіями на филантропическія и политическія темы и изложенное въ выраженіяхъ, не вразумительныхъ для народа, объявленіе это вполне обрисовало новаго диктатора.

Призывая «болѣе здоровыхъ и сильныхъ» въ лагери для кроваваго спора и внушая «болѣе слабымъ и старымъ» позаботиться о снабженіи всѣмъ нужнымъ, Трауготтъ внушалъ патріотамъ всемѣрно и повсюду уничтожать русскихъ.

Но для поддержанія инсurreкціи не было ни денегъ, ни оружія, и коноводы движенія могли только утѣшаться мечтаніями, что имѣющія образоваться банды въ состояніи окажутся обезоружить русскую армію и такимъ образомъ получать до 200.000 ружей съ соотвѣствующимъ количествомъ боевыхъ припасовъ. Въ концѣ марта 1864 года Трауготтъ былъ уже захваченъ русскими, а замѣстившій его студентъ Нацковскій, благодаря энергичнымъ

воздѣйствіямъ Берга, столь же быстро былъ сдѣланъ безвреднымъ, и такимъ образомъ свершилось подавленіе послѣднихъ судорожныхъ потугъ инсуррекции.

Успѣшность подавленія мятежа Верди всецѣло приписываетъ желѣзной энергіи графа Берга. Снисходительная мягкость, которая до нѣкоторой степени являлась обязательной для великаго князя Константина Николаевича, какъ брата государя, была бы неумѣстна въ рукахъ военачальника, призваннаго во что бы то ни стало умиротворить разбушевавшіяся антигосударственныя страсти.

Для достиженія этой цѣли намѣстникъ прежде всего призналъ необходимымъ увеличить составъ арміи и полиціи.

По настояніямъ графа Берга въ Польшу были двинуты изъ Россіи отдѣльныя воинскія части, и общій составъ войскъ, расквартированныхъ въ Польшѣ, былъ доведенъ до 180.000 человѣкъ. Такія военныя силы были бы вполне достаточны для подавленія дальнѣйшаго развитія мятежа въ томъ даже случаѣ, если бы его руководителямъ удалось привлечь къ движенію и мѣстное населеніе. «Опытъ, вынесенный изъ тогдашнихъ обстоятельствъ, вселилъ въ меня убѣжденіе,—говоритъ Верди,—что тамъ, гдѣ приходится считаться съ подавленіемъ возмущенія, необходимо съ самаго же начала противопоставлять мятежу возможно значительныя боевыя силы».

Очищеніе полиціи отъ находившихся въ ея составѣ ненадежныхъ элементовъ и надлежащее усиленіе ея оказывалось дѣломъ не меньшей неотложности. Пополненъ былъ составъ полиціи весьма тщательно чинами арміи, а распорядительность ихъ и болѣе дѣйствительная охрана общественности не преминули парализовать мятежъ.

Независимо отъ чисто полицейскихъ мѣропріятій, подавленіе дальнѣйшихъ демагогическихъ происковъ требовало со стороны законнаго правительства болѣе энергичныхъ административныхъ и законодательныхъ воздѣйствій. Тамъ, гдѣ преступная агитація силится ловкими приѣмами подкопаться подъ государственныя установленія, правовое государство можетъ быть приведено въ полное разстройство, если правительство вздумаетъ придерживаться ложной политики, предупредительной уступчивости въ чаяніи того, что аномальное броженіе массъ уляжется само собою.

Русское правительство въ эпоху намѣстничества великаго князя въ достаточной мѣрѣ использовало этотъ путь, и опытъ допущенныхъ промаховъ властно требовалъ обращенія, хотя и къ драконовскимъ, но совершенно неизбѣжнымъ строгостямъ, примѣненіе которыхъ въ Варшавѣ графомъ Бергомъ, а въ Вильнѣ графомъ Муравьевымъ обезпечило успѣхъ русскому дѣлу на замутившейся окраинѣ.

Среди административныхъ мѣропріятій, предпринятыхъ графомъ Бергомъ, рѣшающее значеніе возымѣло подчиненіе мѣстныхъ властей начальникамъ отдѣльныхъ губерній, входившихъ въ составъ Польскаго королевства. Начальники губерній получили полномочія генераль-губернаторской власти, что дало имъ право почти неограниченнаго вмѣшательства въ дѣла всѣхъ отраслей государственнаго управленія.

Въ интересахъ обузданія клерикальныхъ интригъ, проявившихся въ томъ, что монастыри служили мятежникамъ складами оружія и военныхъ припасовъ, потайными типографіями для печатанія прокламацій и убѣжищами для инсургентовъ, переодѣвавшихся монахами, независимо отъ общей контрибуціи, объявленной въ декабрѣ 1863 года, высшее католическое духовенство было обложено единовременнымъ сборомъ въ размѣрѣ 18⁰/о съ ихъ доходовъ, а каноники капитуловъ—6⁰/о; мотивомъ для контрибуціи выставленъ былъ неоспоримый фактъ, что «подходящія средства для возстановленія порядка требуютъ чрезвычайныхъ расходовъ, а жители правительству для достиженія этой цѣли никакого содѣйствія не оказываютъ».

Въ свою очередь, владѣльцы домовъ и недвижимостей въ Варшавѣ были обложены 8⁰/о сборомъ съ получаемыхъ доходовъ «въ виду того, что столичный этотъ городъ уже болѣе двухъ лѣтъ служить очагомъ всевозможныхъ преступленій и изливаетъ на весь край всѣ постигающія его бѣдствія».

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о такъ называемомъ «секвестраціонномъ законѣ» отъ 5-го января 1864 года, который независимо отъ личной отвѣтственности установилъ отвѣтственность всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ достояніемъ для каждаго, кто изобличался въ прикосновенности къ организаціи мятежа или въ участіи въ военной дѣятельности бандъ.

Въ частности для Варшавы были установлены 22-го сентября 1863 года особенно крутыя мѣры съ цѣлью прекращенія уличныхъ убійствъ.

При каждомъ уличномъ покушеніи, если не удавалось захватить злоумышленника, свидѣтели происшествія, не принимавшіе участія въ поимкѣ преступника, рассматривались за его сообщниковъ и подвергались наказанію по законамъ военнаго времени. Если преступникъ искалъ спасенія въ сосѣднемъ домѣ и не задерживался тамъ жильцами, домъ этотъ немедленно очищался отъ жильцовъ и обращался подъ военный постой. Если покушеніе предпринималось изъ дома или въ самомъ домѣ, отвѣтственность за это возлагалась на домовладѣльца и жильцовъ, а самый домъ со всѣмъ въ немъ находившимся поступалъ въ распоряженіе военныхъ властей.

Согласно распоряженію, состоявшемуся почти одновременно съ предшествовавшимъ (отъ 10-го сентября 1863 года), совершители

политическихъ убійствъ подвергались повѣшенію на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ учиняли покушеніе, а дома, непосредственно служившіе цѣлямъ мятежа, подвергались конфискаціи или разрушенію.

Взаимодѣйствіе и настойчивое проведеніе упомянутыхъ мѣръ строгости и имъ подобныхъ уже въ концѣ 1863 года возымѣло своимъ послѣдствіемъ то, что общественныя отношенія въ Варшавѣ начали упорядочиваться, и органы русскаго правительства постепенно все больше начали властвовать надъ положеніемъ. Это уже въ полной мѣрѣ было достигнуто въ первое полугодіе 1864 года, и хотя въ іюлѣ тайное польское національное правительство сдѣлало послѣднюю попытку замутичь населеніе новыми прокламаціями, масса населенія слишкомъ жаждала покоя, чтобы откликнуться на призывъ къ новымъ вспышкамъ, да и русскія власти теперь оказывались достаточно сильными, чтобы обезпечить населенію дѣйствительную охрану отъ какихъ либо насилій со стороны тайныхъ комитетовъ.

На ряду съ этими чрезвычайными мѣрами русское правительство было озабочено введеніемъ органическихъ реформъ по управленію краемъ на основаніи опыта, сказавшагося въ разныхъ вѣдомствахъ. Для этого потребовался многочисленный штатъ гражданскихъ чиновниковъ, поставленныхъ подъ начальство тайнаго совѣтника Милютина въ качествѣ начальника гражданского управленія. Незнакомые съ мѣстными обстоятельствами, а порою и неопытные, прибывшіе въ Польшу русскіе чиновники, быть можетъ, первое время и впадали въ промахи, равнымъ образомъ происходили подчасъ между отдѣльными вѣдомствами и тренія, но въ концѣ концовъ тактъ и ловкость, проявленные намѣстникомъ, обезпечили полный успѣхъ русскому дѣлу и сдѣлали графа Берга безспорнымъ хозяиномъ положенія.

Умиротвореніе Русской Польши совпадало съ интересами и Пруссіи, такъ какъ устраняло возможность развитія антипрусскихъ происковъ въ польскихъ провинціяхъ королевства.

Въ сознаніи этого прусскій король относился къ благотворной дѣятельности графа Берга съ большимъ вниманіемъ.

Въ признательность къ государственнымъ заслугамъ графа Берга прусскій король поручилъ Верди преподнести графу сначала орденъ «Pour le mérite» съ цифрою L, окруженной дубовымъ вѣнкомъ въ память истекшаго пятидесятилѣтія со времени пожалованія Бергу этого ордена за участіе въ битвѣ при Лейпцигѣ, а въ 1864 году и орденъ Чернаго Орла, осыпанный брилліантами.

По поводу пожалованія графу Бергу ордена «Pour le mérite» въ 1863 г. Верди сообщаетъ забавный курьезъ. Врученіе ордена Верди совмѣстно съ барономъ Рехенбергомъ обставили торжественностью, консулъ произнесъ приличное случаю привѣтствіе намѣстнику, который былъ окруженъ своимъ штабомъ. Графъ Бергъ

выслушалъ все лестное, что говорилось о его доблести, проявленной подъ Лейпцигомъ и нашедшей признаніе въ пожалованіи ему тогда же особенно почетнаго прусскаго ордена «Pour le mérite». Когда консулъ окончилъ свою предіку, а Верди вручилъ графу крестъ, намѣстникъ выразилъ признательность прусскому королю за полученный знакъ вниманія и прибавилъ: «къ сожалѣнію, я всѣ эти пятьдесятъ лѣтъ ордена «Pour le mérite» никогда на себя не надѣвалъ по той простой причинѣ, что никогда его не получалъ». Это заявленіе въ значительной степени испортило торжественность минуты, а по позднѣйшимъ справкамъ дѣйствительно оказалось, что хотя графу «Pour le mérite» былъ пожалованъ еще въ 1813 году, но, по недоразумѣнію, награда досталась однофамильцу гр. Берга, тоже штабъ-офицеру русской службы.

Отъ характеристики общаго положенія Польши въ эпоху намѣстничества графа Берга Верди переходитъ къ личной своей обстановкѣ и общественнымъ своимъ отношеніямъ.

Верди передаетъ не лишеныя интереса подробности о своей службѣ.

«Между прочимъ, по порученію графа, я въ теченіе двухъ недѣль, съ обоюднаго согласія гр. Берга и Пердера объѣхалъ пограничный кордонъ отъ Торна вплоть до галиційской границы, съ цѣлью выясненія, насколько цѣлесообразно поддерживается между отдѣльными отрядами русскихъ и прусскихъ войскъ связь, и достаточно ли вообще охранена граница отъ вторженія инсurreкціонныхъ бандъ и отъ водворенія оружія и военныхъ припасовъ».

Независимо отъ сообщенія прусскому правительству донесеній по польскимъ дѣламъ, которое съ отчисленіемъ фл.-ад. фонъ-Трескау всецѣло легло на Верди, онъ по временамъ получалъ и отъ своего правительства особыя порученія.

«Въ 1864 и 1865 гг. на меня неоднократно возлагались обязанности генеральнаго консула во время отлучекъ барона Рехенберга. Главнымъ образомъ моя дѣятельность въ этихъ случаяхъ сосредоточивалась на оказаніи содѣйствія моимъ соотечественникамъ, заподозрѣннымъ въ соучастіи въ мятежѣ и за это заарестованнымъ, а равно въ поддержаніи ходатайствъ объ освобожденіи отъ наложенныхъ на нѣмцевъ денежныхъ штрафовъ и конфискацій. Мое близкое знакомство съ властью имѣющимъ начальствомъ облегчало мнѣ въ значительной степени выполненіе этой задачи, и болѣею частью всѣ такія дѣла удавалось разрѣшать путемъ личныхъ устныхъ сношеній».

«Я не могу, однако, же сказать, — прибавляетъ Верди, — чтобы занятіе это доставляло удовольствіе, такъ какъ для меня самого нерѣдко оставалось сомнительнымъ, не заслуживаетъ ли иной изъ моихъ соотечественниковъ скорѣе всего другого, чѣмъ особыхъ за него предстательствъ».

Вскорѣ послѣ отъѣзда великаго князя Верди пишетъ: «Большую часть времени я теперь провожу въ дипломатической канцеляріи, начальствованіе надъ которою, за отъѣздомъ Тенгоборскаго, принялъ графъ Остенъ-Сакенъ. Онъ, Шлѣцеръ, Андрей Будбергъ, да и всѣ остальные чиновники канцеляріи — прелестнѣйшіе люди. Особенно я близокъ къ Остенъ-Сакену, который нѣкогда вмѣстѣ со своимъ отцомъ, защитникомъ Севастополя, провелъ десять мѣсяцевъ въ этомъ осажденномъ городѣ, а впоследствии на дипломатическомъ поприщѣ заручился богатымъ опытомъ. Я никого до сихъ поръ не встрѣчалъ, съ кѣмъ бы меня такъ роднили взгляды по важнѣйшимъ вопросамъ. Порою я прямо удивляюсь, выслушивая изъ устъ Остенъ-Сакена тѣ самыя положенія, какія по данному предмету складывались въ моей головѣ. Онъ, несомнѣнно, дипломатъ ловкій, чрезвычайно остроуменъ и обладаетъ золотымъ сердцемъ, но для большинства оцѣнка его дарованій по достоинству не доступна, такъ какъ онъ постоянно паясничаетъ, дразнить и перемѣшиваетъ важное съ шутками. Остенъ-Сакенъ высказываетъ надежду, что со временемъ я буду назначенъ въ Петербургъ военнымъ уполномоченнымъ и обѣщаетъ похлопотать, чтобы въ столичномъ обществѣ меня приняли съ разверстыми объятіями. Но, конечно, самая мысль попасть въ военные уполномоченные для меня неосуществима».

«Анненковъ давалъ вчера обѣдъ, — отмѣчаетъ Верди 16 сентября, — и къ общему удовольствію я выступилъ съ тостомъ на русскомъ языкѣ. Анненковъ, молодой, чрезвычайно талантливый и шустрый офицеръ, котораго сюда привезъ Бергъ. Предпримчивый и честолюбивый, предупредительный и ничѣмъ не стѣсняющійся Анненковъ неоднократно участвовалъ въ экспедиціяхъ и настолько отличился, что, пріѣхавъ сюда поручикомъ, въ короткое время дослужился до чина полковника и званія флигель-адъютанта (26 лѣтъ отъ роду). Правда, отецъ его занималъ должность генералъ-губернатора Юго-Западнаго края. Въ 1870 г., — прибавляетъ Верди, — я съ Анненковымъ опять свидѣлся уже въ Версалѣ — онъ при нашей арміи оставался до конца войны. Позднѣе онъ совершилъ нѣчто изъ ряда выходящее, строя, по порученію правительства, желѣзныя дороги въ Средней Азіи, и создалъ себѣ выдающуюся репутацію».

Давнишнее желаніе Верди переселить къ себѣ въ Варшаву жену осуществилось въ концѣ октября 1863 года. «Мы воображали, что наше пребываніе здѣсь продолжится какихъ нибудь 6—8 недѣль, и, конечно, не воображали вовсе, что пройдетъ еще почти два года, прежде чѣмъ мы вернемся на родину.

«На слѣдующее утро по пріѣздѣ г-жи Верди, какъ только мы встали, глухой рокотъ барабановъ, раздававшійся на улицѣ, заставилъ насъ подойти къ окну. Мы увидѣли взводъ пѣхоты, пред-

шествуемый жандармами, а за ними слѣдовало нѣчто въ родѣ колесницы, на которой сидѣлъ ксендзъ, дѣятельно что-то внушавшій склонившейся къ нему личности, одѣтой въ сѣрый халатъ, а позади высилась мрачная фигура съ черною цилиндрическою шляпою на головѣ и въ кроваво-красномъ плащѣ; процессія заключалась кавалерійскимъ отрядомъ.

«На вопросъ жены, что означаетъ это шествіе, пришлось признаться, что, вѣроятно, это осужденный польскій жандармъ-вѣшатель, который слѣдуетъ къ мѣсту совершенія имъ покушенія, гдѣ его и постигнетъ заслуженная кара. Вскорѣ мы вышли изъ дома и, проходя чрезъ сосѣднюю площадь, увидѣли на высокой висѣлицѣ трупъ преступника.

«Подобныя впечатлѣнія составляли характерную будничную особенность тогдашней варшавской жизни. Отъ времени до времени выплывали картины, которыя властно напоминали о томъ, что мы стоимъ на почвѣ, подъ которую подведены мятелемъ мины. Такъ чрезъ нѣсколько дней совершилось убійство Германна, а позднѣе покушеніе на генерала Трепова. Не разъ приходилось намъ наталкиваться на висѣльниковъ. Однажды, на примѣръ, когда мы ѣхали на вечеръ къ Карцевымъ, на большой площади предъ цитаделью, гдѣ жили Карцевы, оказалось цѣлыхъ три висѣлицы съ повѣшенными; за ужиномъ наши мѣста пришлись какъ разъ противъ окна, и все угощеніе для насъ пропало, благодаря зрѣлищу трехъ фигуръ, одѣтыхъ въ бѣлые саваны и качаемыхъ взадъ и впередъ сильнымъ вѣтромъ.

«Намѣстникъ въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ и моей женѣ при всякомъ удобномъ случаѣ проявлялъ любезную предупредительность, часто приглашалъ насъ на интимные обѣды, на которыхъ за отсутствіемъ его жены и дочери никто изъ дамъ, кромѣ генеральши фонъ-Минквицъ, не бывалъ; намъ любезно была предоставлена одна изъ боковыхъ литерныхъ ложъ въ театрѣ, а когда графъ прихворнулъ и временно пересталъ выѣзжать изъ замка, намъ было передано нарочитое приглашеніе больного ежедневно его навѣщать хотя бы на часокъ».

Переходя къ домашнему своему обиходу, Верди говоритъ: «Перемѣнивъ за два года пять квартиръ, мы вели нѣсколько цыганскій образъ жизни, такъ какъ продолжительное пребываніе въ гостиницѣ оказалось намъ не по карману. Вначалѣ мы нашли очень удобную, изящно обставленную, холостую квартирку по сосѣдству съ Саксонскимъ садомъ, но хозяинъ нашъ, жившій въ Парижѣ, умеръ, и его наслѣдники захотѣли распорядиться квартирою иначе. Потомъ мы поселились на квартирѣ, устроенной на французскій ладъ, хозяйева ея въ началѣ мятежа выселились за границу, но, когда Варшава начала успокаиваться, они вернулись назадъ, и мы опять очутились на улицѣ.

«Тогда правительство предложило надѣ даровое помѣщеніе въ «Европейской» гостиницѣ, и здѣсь мы осѣли на сравнительно продолжительное время. Гостиница вслѣдствіе убійства Германна, о которомъ я упоминалъ, была конфискована, но позднѣе была опять обращена къ первоначальному назначенію и подверглась полному ремонту; тутъ намъ опять пришлось переселяться, и мы окончательно устроились на частной квартирѣ около самаго вокзала.

«Домашнюю обстановку мы, большею частью, находили на наемныхъ квартирахъ. Что касается стола, то если мы не были званы куда нибудь въ гости (а случалось это постоянно), то посылали за кушаньемъ въ ближайшій ресторанъ. Нерѣдко насъ предостерегали: «братъ ѣду изъ ресторана, а тайный комитетъ, а вдругъ отравятъ?» И дѣйствительно въ одинъ прекрасный день слуга вернулся изъ ресторана съ пустыми судками и объявилъ: «сегодня обѣда не будетъ». Какъ оказалось, ресторанъ въ предшествующую ночь былъ оцѣпленъ полиціею и закрытъ, такъ какъ служилъ мѣстомъ сборища тайному комитету, а иные изъ членовъ его тамъ же и столовались; такимъ образомъ для комитета и для насъ готовилось одно кушанье, и насъ потомъ друзья дразнили, что мы раздѣляли съ революціоннымъ комитетомъ хлѣбъ-соль».

Какъ на походную ногу импровизировалась домашняя обстановка, такъ же точно импровизировались и вечеринки. «Бывало, спросишь жену: а не позвать ли намъ сегодня гостей?—и на утвердительный отвѣтъ пройдешь въ театрѣ изъ своей ложи съ сосѣдною и шепнешь знакомымъ: «сегодня вечеромъ мы дома», а знакомые, въ свою очередь, оповѣстятъ объ этомъ дальнѣйшія ложи, — смотришь, по окончаніи спектакля и соберется къ намъ человекъ 20, 30».

Приготовленія къ вечеринкѣ были не притязательны. «Большею частью, тутъ же въ театрѣ случался кто нибудь изъ молодежи, кому можно было поручить ближайшія хлопоты. Обыкновенно эти обязанности для насъ исправлялъ поручикъ Волинскаго полка, баронъ Иксуль, очень симпатичный и вѣрный въ дружбѣ малый. Приготовленія обыкновенно сводились къ тому, чтобы поставить самоваръ, собрать по нумерамъ разрозненные стаканы, чашки и тарелки, прикупить сахару, печенья, апельсиновъ и лимоновъ да запастись пощедрѣе освѣщеніемъ. По пріѣздѣ изъ театра все уже оказывалось въ готовности, и хозяйкѣ оставалось только наливать чай. Какъ теперь слышу я извиненія жены: «любезный генераль, повремените немножко; пока всѣ стаканы еще заняты». Любезный генераль изъявлялъ готовность повременить, а пока закуривалъ папиросу. Никто и не думалъ формализироваться недочетами угощенія, всѣ мы болѣе или менѣе жили на походную ногу, и наши русскіе товарищи показывали, насколько безропотно можно примѣняться къ обстоятельствамъ. Что тѣ же русскіе были тароваты на гостепримство и на очень широкую ногу, то показывали приемы

въ немногочисленныхъ семьяхъ, главы которыхъ по официальному своему положенію прочно осѣдали въ Варшавѣ. Въ большинствѣ же русскихъ офицерскихъ и чиновныхъ семей хозяйство велось на такой же упрощенный ладъ, какъ у насъ въ конфискованной гостиницѣ. Большая часть офицерскихъ семей, съ которыми мы водили знакомство, находились на бивуачномъ положеніи, не зная, какъ долго ихъ полкъ останется въ Варшавѣ. Если случалось попадать въ такую семью, когда та собиралась завтракать или обѣдать, тотчасъ же тебя звали раздѣлить трапезу, и сколько разъ бывало заживались мы за столомъ, гдѣ на спиртовой лампочкѣ готовился лишній кусокъ мяса для случайнаго гостя, и какъ все это привѣтливо предлагалось и какъ любовно принималось! Особенно часто пользовались мы гостепріимствомъ въ прусскомъ полку, гдѣ генералъ Карцевъ радушнѣйшимъ образомъ открывалъ для всякаго свой домъ. Здѣсь всего было волю, но роскошь и тутъ была изгнана. Гораздо проще, но такъ же сердечно принималъ насъ одинъ изъ батальонныхъ командировъ прусскаго полка, подполковникъ Владимиръ Васильевичъ Крыловъ, женатый на фонъ-Тизенгаузенъ. Эта семья принадлежала къ ближайшимъ нашимъ друзьямъ, и дѣйствительно мужъ и жена были прелестнѣйшіе люди. Благороднѣйшихъ убѣжденій, высоко образованные, обходительные, они отдавались друзьямъ просто, безо всякой рисовки. А какіе пріятные часы проводили мы въ безпритязательномъ общеніи съ Крыловыми! Крыловъ, тяжело раненый подъ Севастополемъ, далеко не оправился въ здоровѣ, но славился желѣзнымъ самообладаніемъ, съ которымъ превозмогалъ физическіе недуги, всегда ревнуя къ службѣ и сердечно относясь къ людямъ. И уже, конечно, въ ту пору ни я, ни Крыловъ и въ помышленіяхъ не имѣли, что оба мы дослужимся до ранга военнаго министра: я—въ Пруссіи, а онъ—въ Болгаріи.

«Когда революціонное движеніе начало замирать, къ частнымъ собраніямъ присоединялись и балы у намѣстника, въ офицерскихъ собраніяхъ и т. д. Особенный интересъ представлялъ первый балъ, данный президентомъ г. Варшавы.

«Графъ Бергъ настаивалъ на томъ, чтобы балъ состоялся поскорѣе, дабы въявь доказать міру полное умиротвореніе Варшавы, хотя въ ту пору возбужденное воображеніе еще считалось съ возможностью инсуррекціонныхъ вспышекъ; иные по поводу предстоящаго бала утверждали, будто подъ дворецъ на Краковскомъ предмѣстьѣ, гдѣ готовился балъ, подведены мины; другіе завѣдомо знали, что ужинъ будетъ отравленъ, словомъ, вѣстовщики сулили цѣлый рядъ неожиданностей на балу, который чрезъ это особенной заманчивости не приобрѣталъ.

«Когда я спросилъ жену, поѣдетъ ли она на балъ, она отвѣчала: «ну, конечно, если ты туда отправляешься, и мнѣ тамъ быть должно».

«Уже при вступленіи въ сѣни пріемъ оказался далеко не обычный. Голубоватое облако дыма укутывало все, на боченкахъ утверждены были сходни, у лѣстницы дѣятельно работали саперы, развѣшивая ковры, а по сильно пострадавшимъ ступенямъ съ нѣкоторою опаскою поднимались гости, направляясь въ пріемные покои. Что же случилось? За часъ предъ началомъ бала изъ бокового переулка на лѣстницу были брошены взрывчатыя вещества, вызвавшія пожаръ, и теперь саперы старались по возможности исправить поврежденія. Въ гардеробной встрѣчавшіеся знакомые офицеры съ недоумѣніемъ обращались къ женѣ: «Боже мой, Елизавета Карловна! Да какъ вы рѣшились пріѣхать? Мы вмѣсто женъ привезли вотъ что»,—показывали они на револьверы.

«Разумѣется, такія предостереженія могли только сильнѣе напругать ожиданіе непріятныхъ случайностей, но на этомъ всѣ злоключенія и окончились. Общество собралось многочисленное, но дамъ было мало, а потому танцы шли особенно оживленно. Иные по временамъ опасливо поглядывали на многочисленныя двери, откуда можно было ожидать вторженія инсургентовъ. Впрочемъ боязливость нѣсколько поулеглась, когда выяснилось, что многочисленная прислуга, вездѣ разставленная, состояла сплошь изъ переодѣтыхъ полицейскихъ. Къ открытымъ буфетамъ, однако же, отваживались подступаться лишь смѣльчаки.

«Жена у меня спросила: а ты собираешься чтонибудь перекусить? На мой утвердительный отвѣтъ она храбро подошла къ буфету и принялась спокойно ѣсть, не обращая вниманія на опасливыя покачиванія головъ присутствовавшихъ. Мы пренебрегли всякими розсказнями объ отравленіи и фантастическомъ внезапномъ нападеніи со стороны инсургентовъ, и нашъ примѣръ не замедлилъ найти подражателей. Въ общемъ это поджиданіе роковыхъ событій придало балу особенный интересъ».

Веселились, впрочемъ, не въ одной только Варшавѣ. На Троицынъ день 1864 г. Верди съ женою ѣздилъ погостить въ Торнѣ къ своему тестю и на возвратномъ пути завернулъ къ князю Эмилю Витгенштейну въ Влоцлавскъ. Князь жилъ на открытую ногу, и послѣ обѣда къ нему собралось многолюдное общество, а въ томъ числѣ и молодыя веселыя барыньки. Послѣднія узнали, что въ мѣстной тюрьмѣ содержится необычайный красавецъ, графъ X (фамилію его я запаматовалъ), начальникъ инсургентской банды, котораго ожидаетъ смерть по полученіи конфирмаціи приговора. Такъ какъ барыньки дознались, что графъ нѣсколько уже разъ бывалъ у князя Витгенштейна, который изъ сожалѣнія къ судьбѣ, ожидавшей красавца, хотѣлъ скрасить ему послѣдніе дни, то онѣ и теперь пристали къ хозяину, чтобы онъ пригласилъ графа на вечеръ; Витгенштейнъ на это наконецъ и согласился.

«Несомнѣннымъ мотивомъ, руководившимъ тутъ барынями, было праздное любопытство взглянуть на инсургента, да вдобавокъ еще на графа и красавца, обреченнаго на смерть. Это, впрочемъ, было тѣмъ понятнѣе, что стоустная молва разгласила, будто этотъ молодойчикъ совершилъ нивѣсть какіе подвиги и никогда ни въ чемъ не проявлялъ и не допускалъ жестокости.

«Вскорѣ появился и графъ, прекрасно сложенный мужчина съ удивительно красивымъ лицомъ и несомнѣнно аристократическими повадками. Сначала онъ стѣснялся, но подѣ конецъ, окруженный общимъ вниманіемъ и засыпаемый вопросами, разошелся и за ужиномъ совсѣмъ оживился особенно послѣ нѣсколькихъ стакановъ шампанскаго. Черезъ нѣсколько часовъ графъ удалился опять въ свою уединенную темницу, а безжалостная судьба, ожидавшая несчастнаго красавца, такъ растрогала барынь, что онѣ обратились съ мольбой къ Витгенштейну, нельзя ли облегчить участь графа. Но что могъ сдѣлать князь? Неотвратимо по полученіи приговора въ 24-хъ-часовой срокъ графъ подлежалъ разстрѣлянью!»

Подѣ этимъ впечатлѣніемъ, довольно неприятнымъ, Верди уѣхали въ Варшаву. Черезъ 14 дней туда пріѣхалъ и Витгенштейнъ. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ Верди при встрѣчѣ съ княземъ было спросить о судьбѣ, постигшей красавца-инсургента. Поглаживая себя по лысинѣ, Витгенштейнъ лукаво усмѣхнулся и неожиданно выпалилъ: «Нѣтъ! вы себѣ только представьте! Этотъ негодяй вѣдь никогда графомъ не былъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ вашего отъѣзда выяснилось, что всѣ документы его поддѣльные. Никогда онъ ни бандою не командовалъ, ни даже мятежникомъ не былъ, но изъ-за бахвальства и желанія разыграть видную роль только взвелъ на себя небывлицы. А когда дѣло дошло до разстрѣліянія, онъ и покаялся во всемъ». — «Да кто же онъ такой?» — «Кто такой?— парикмахерскій подмастерье изъ Познани, прожившій нѣкоторое время въ Парижѣ». — «Что же, приглашали вы его опять къ себѣ ужинать?» — «Нѣ-ѣтъ! Я распорядился его вздуть хорошенько и выслать обратно за границу»...

Среди прочихъ развлеченій Верди останавливается на офицерскихъ полковыхъ праздникахъ и отмѣчаетъ, что тутъ его выносливость не разъ подвергалась тяжелымъ испытаніямъ— «выпить хотя бы и по бокалу шампанскаго, чокаясь съ каждымъ изъ 60 офицеровъ въ полку, было не шуткою»; особеннымъ оживленіемъ и обильными возліаніями Бахусу ознаменовывались полковые праздники, съ которыхъ порою почетные гости, начиная съ Верди и кончая комендантомъ княземъ Бебутовымъ и командующимъ войсками, генералъ-адъютантомъ, барономъ Корфомъ, уносились домой въ горизонтальномъ положеніи.

Воспоминанія о полковомъ праздникѣ Гродненскихъ гусаръ приводятъ Верди къ любопытному разсказу о его отношеніяхъ къ М. Д. Скобелеву, который мы передадимъ болѣе подробно.

«По окончаніи обѣда, за которымъ было изрядно выпито, офицерство затѣяло сняться группою съ графомъ Бергомъ и генералами Корфомъ, Минквицомъ, Бебутовымъ и Краснолуцкимъ во главѣ. Командиръ уланъ ея величества, графъ Крейцъ, предъ m-те Верди фотографію этой многочисленной группы страшно расхваливалъ за ея сходство, но m-те Верди на это насмѣшливо отвѣчала: «Да, по группѣ видно, что всѣ вы порядкомъ напраздновались, начиная съ самого намѣстника». И при этомъ кинула на меня укоризненный взглядъ.

«Упомянулъ я объ этой фотографической группѣ потому только, что съ нею у меня связывается иное, болѣе позднее воспоминаніе»,— продолжаетъ Верди.

«18 лѣтъ спустя, я командовалъ уже бригадой въ Страсбургѣ. За это время свершилось такъ много великаго и необычнаго, что многія подробности о личныхъ встрѣчахъ и событіяхъ минувшаго потускнѣли, а иныя и совсѣмъ испарились изъ памяти. Въ 1881 г. у насъ происходили маневры въ присутствіи императора, которые должны были завершиться подъ стѣнами Страсбурга. Когда я вернулся домой съ маневровъ, однимъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ женѣ было ее спросить: «Скажи, пожалуйста, можешь ли ты по варшавскому нашему пребыванію припомнить среди офицеровъ Гродненскаго полка нѣкоего Скобелева?»—«Ну, конечно, скромникъ Скобелевъ съ водянистыми голубыми глазами. Да вотъ онъ!» И жена показала пальцемъ въ злосчастной фотографической группѣ, о которой я уже упоминалъ, и висѣвшей надъ нами во второмъ ряду, въ дальнемъ краѣ фотографіи высокаго бѣлокурого офицера съ добродушнымъ, нѣсколько простоватымъ выраженіемъ лица. Тутъ я рассказалъ женѣ, что я со Скобелевымъ сегодня случайно повстрѣчался, и что онъ собирается заѣхать къ ней возобновить знакомство. Встрѣча же наша произошла такъ. По заданію маневровъ я противъ маркированнаго непріятели велъ авангардъ въ составѣ армейскаго корпуса. Тотчасъ же по выступленіи ко мнѣ подскочилъ русскій генералъ, разукрашенный многочисленными орденами, въ сопровожденіи обширной свиты, назвался и попросилъ позволенія слѣдовать при мнѣ.

«Я пробормоталъ, что мнѣ это лестно, но заниматься дальше генераломъ не могъ, такъ какъ маневры требовали напряженія вниманія. Мнѣ предстояло переправиться чрезъ глубокія водомоины, чрезъ которыя піонеры уже нѣсколько дней назадъ навели мосты, но, когда мы подошли ближе, оказалось, что, благодаря дождямъ, обильно передъ тѣмъ выпавшимъ, вся рѣчная долина была затоплена, и до мостовъ пришлось добираться вплавь. Когда маневры закончились, русскій генералъ близко ко мнѣ подѣхалъ и кинулъ мнѣ съ укоризною: «Вотъ ужъ никакъ не думалъ, чтобы старый пріятель, съ которымъ не одна ночь была проведена за выпивкою, могъ отнестись ко мнѣ такъ формально!» Удивленный я попросилъ

генерала назвать фамилію вновь, такъ какъ прежде я не разслыпалъ ея. «Вспомните гродненцевъ! можетъ, вспомните и поручика Скобелева!» Тутъ у меня смутно промелькнуло что-то знакомое, но узнать въ генералѣ прежняго поручика было не легко. Изъ сухопараго юнца, державшагося всегда понуро, выработался бра- вый, широкоплечій изящный молодець, а прежнее ничего не вы- ражавшее лицо съ расплывчатымъ взглядомъ теперь живнера- достно освѣщалось чудными по своей ясности и предприимчивыми глазами.

«Только въ это мгновеніе я вспомнилъ, что въ сообщеніи, роздан- номъ намъ о присутствованіи на маневрахъ чужестранныхъ офи- церовъ, значился и генералъ Скобелевъ, пріобрѣтшій уже тогда широкую извѣстность своими военными подвигами. Но никогда бы мнѣ въ голову не пришло объединить личность прославленнаго на весь міръ героя съ гродненскимъ поручикомъ—тотъ могъ ко- мандовать взводомъ, могъ, пожалуй, лихо пойти въ атаку, но ни- какихъ особенныхъ талантовъ не обнаруживалъ. «Скобелевъ, да не брежу ли я? Неужели вы-то и есть знаменитость?» — воскликнулъ я. Посмѣиваясь онъ отвѣчалъ: «Ну, вотъ, пойдите же! Во что-только не можетъ обратиться человѣкъ? Ну, да, я та самая *soi-disant* знаменитость и есть!» И мы, къ большому недоумѣнію окружаю- щихъ, а тѣмъ паче нашихъ коней, тутъ же обнялись».

Въ такое же изумленіе повергло превращеніе Скобелева и м-ше Верди, когда онъ къ ней пріѣхалъ съ визитомъ.

Эта встрѣча старыхъ знакомыхъ была непродолжительна, такъ какъ Скобелевъ торопился уѣхать въ Парижъ, «чтобы встряхнуться», по его выраженію, но на обратномъ пути онъ обѣщалъ Верди остановиться въ Страсбургѣ и провести съ нимъ пару дней.

«10 или 14 дней спустя,—продолжаетъ Верди,—я долженъ былъ съѣздить въ Метцъ, чтобы руководить крѣпостными занятіями войскъ. Уже и дрожки были поданы къ подъѣзду, какъ вдругъ неожиданно является другъ Скобелевъ. Я пожалѣлъ, что не могу провести съ нимъ время, но предложилъ ему, не пріѣдетъ ли онъ въ Метцъ: на слѣдующій день, въ воскресенье, я могъ бы освободиться отъ дѣлъ и свозилъ бы Скобелева осмотрѣть мѣсто сраже- нія при Гравелотѣ. Эта мысль настолько понравилась Скобелеву, что онъ, какъ стоялъ, прыгнулъ въ дрожки и, не заѣзжая къ себѣ въ гостиницу, укатилъ со мною въ Метцъ. Только ужъ изъ Га- генау послана была телеграмма къ камердинеру Скобелева о томъ, чтобы пріѣхать съ необходимыми дорожными вещами въ Метцъ; я уже, съ своей стороны, телеграфировалъ подполковнику генераль- наго штаба Цинглеру въ Метцъ распорядиться насчетъ ужина и пригласить къ нему отъ моего имени двухъ офицеровъ, которыхъ, какъ мнѣ было извѣстно, Скобелевъ знавалъ раньше—полковника фонъ-Шерффа и полковника Бартенверффера.

«Моя затѣя удалась. Мы провели чрезвычайно интересные часы среди разсказовъ Скобелева о его военныхъ походахъ. Такъ проболтали мы всю ночь вплоть до утра, когда поданы были экипажи, въ которыхъ мы собирались объѣхать мѣсто сраженія.

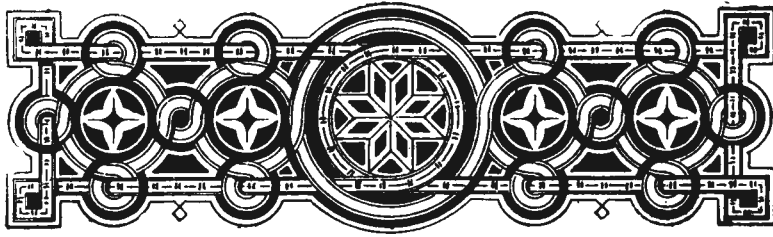
«Во время ночной бесѣды и поѣздки въ Гравелотъ я испыталъ большое изумленіе: изъ прежнихъ военныхъ подвиговъ Скобелева, которые я имѣлъ случай изучить по книгамъ, я вообразилъ себѣ, что Скобелевъ — выдающійся лихой вояка, но скорѣе надлежитъ отнести его къ категоріи Блюхеровъ, чѣмъ Гнейзенау. Изъ первыхъ же объясненій Скобелева выяснилось, что значительная доля военной его дѣльности обуславливается не только личною беззаветною храбростію, но всеобъемлющимъ изученіемъ военного дѣла и глубокими самостоятельными размышленіями по этой части. Такъ и теперь, когда мы остановились на высотахъ св. Губерта, оказалось, что относительно подробностей сраженія при Гравелотѣ Скобелевъ, пожалуй, былъ точнѣе освѣдомленъ, чѣмъ даже я, самолично участвовавшій въ боѣ и считавшій себя знатокомъ этого именно дѣла. Такими замѣчаніями, какъ, напримѣръ: «вѣроятно, до этого только мѣста добиралась батарея», или «теперь, ознакомившись съ мѣстностью, я понимаю, почему наступленіе такого-то полка и не могло быть успѣшнымъ», и т. п., Скобелевъ насъ положительно сразилъ.

«Когда наконецъ мы около Сенъ-Прива окинули взглядомъ все поле нападенія, съ котораго ударила на непріятеля гвардія и саксонцы, Скобелевъ замолкъ и нахмурился; отодвинувшись отъ насъ въ сторону, онъ погрузился въ глубокія думы. Подойдя къ нему, я увидѣлъ, что у него по щекамъ катятся слезы, и онъ промолвилъ: «вотъ, видите ли, передъ Плевной на Зеленыхъ горахъ условія мѣстности были приблизительно такія же, какъ здѣсь, но чего я не смогъ выполнить тамъ, вы довели до конца здѣсь. А, вспоминая о прошломъ, я готовъ ревѣть, какъ корова».

На слѣдующій день Скобелевъ вернулся въ Страсбургъ. Судя по разсказамъ директора «Hôtel de Paris», Скобелевъ находился въ большомъ возбужденіи, его — полуфранцуза — зазвалъ къ себѣ въ номеръ, подробно спрашивалъ, знаетъ ли онъ Метцъ, понимаетъ ли онъ, насколько неприступна эта крѣпость, и, шагая по комнатѣ, все восклицалъ: «*Quel malheur! Quel malheur!*» Отсюда Верди дѣлаетъ выводъ, что впечатлительный Скобелевъ тутъ мысленно учитывалъ шансы войны между Германіею и Франціею при участіи Россіи, о которой мечталъ. «Впрочемъ, — прибавляетъ Верди, — я позднѣе неоднократно переписывался со Скобелевымъ по разнымъ военнымъ вопросамъ, но никогда въ его письмахъ ни малѣйшихъ намековъ на подобную войну не замѣчалъ».

Этимъ болѣе или менѣе исчерпываются наиболѣе любопытныя политическія и бытовыя явленія, затрогиваемыя въ воспоминаніяхъ генерала фонъ-Верди-дю-Вернуа.

В. Ш.

ИНОСТРАННЫЕ ВРАЧИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

О XVII ВѢКА Россія, не связанная съ западно-европейскими государствами традиціями античнаго міра, стояла совершенно особнякомъ, всѣ сношенія съ Западомъ носили случайный характеръ, они сводились къ обмѣну чрезвычайными посольствами, къ нѣсколькимъ бракамъ русскихъ княженъ съ иностранными государями, къ торговымъ договорамъ. Только по прекращеніи смутнаго времени, съ воцареніемъ дома Романовыхъ, между Россіей и западными государствами стали устанавливаться болѣе правильныя сношенія. Это былъ подготовительный періодъ къ великимъ реформамъ, проведеннымъ въ русскую жизнь Петромъ I. Монашескіе идеалы, завѣщанные Византіей, стали терять свою исключительную силу надъ умами, явилась потребность въ болѣе свободномъ развитіи, началась борьба двухъ враждебныхъ направленій, борьба между защитниками русской старины и сторонниками западнаго просвѣщенія. Раздвоеніе постепенно охватило всѣ стороны жизни. Весь укладъ старой Москвы рѣзко мѣнялся, старинныя русскія традиціи стали утрачивать свое былое обаяніе въ глазахъ передовыхъ людей того времени. Иноземное вліяніе властно и неудержимо овладѣвало умами. Алексѣй Михайловичъ былъ вовлеченъ въ общій потокъ. Онъ первый изъ московскихъ царей надѣлъ нѣмецкое платье; внутри дворца при немъ появились обои и мебель на нѣмецкій и польскій образецъ, рѣзьба по поверхности дерева была замѣнена фигурной во вкусъ рококо. Стѣны боярскихъ палатъ стали украшаться картинами «перспективнаго письма». По инициа-

тивѣ и при содѣйствіи боярина Артамона Матвѣева, любимца Алексѣя Михайловича и горячаго поклонника западно-европейскихъ обычаевъ, въ Москвѣ устраиваются театральныя представленія. Но что особенно знаменательно—царица и царевны покидаютъ свой теремъ, чтобы присутствовать на этихъ представленіяхъ. Царевна Софья, ученица извѣстнаго своею ученостію монаха Симеона Полоцкаго, уже сама отдавала свой досугъ литературной дѣятельности; между прочимъ она перевела Мольеровскаго «*Médecin malgré lui*», который и разыгрывался въ ея внутреннихъ покояхъ.

Оближеніе съ Западомъ имѣло своимъ послѣдствиемъ пріѣздъ въ Россію иностранныхъ техниковъ, купцовъ, ремесленниковъ. Не осталось оно безъ вліянія и на развитіе медицины. «Слыша о неизреченной царской милости къ иноземцамъ» ¹⁾, въ Россію стало пріѣзжать много иностранныхъ врачей.

Уже въ царствованіе Михаила Феодоровича ихъ было такъ много въ Москвѣ, что русское правительство принимало новыхъ врачей съ большимъ выборомъ. Въ одной царской грамотѣ отъ 1640 года прямо говорится, «что у государя дохтуровъ и аптекарей и лекарей много» ²⁾.

Непрямая указанія того же рода встрѣчаются и въ другихъ архивныхъ актахъ. Такъ въ челобитной, поданной царю Алексѣю Михайловичу въ 1653 году, Діонисій, архимандритъ Московскаго Иверскаго монастыря, пишетъ: «Скорблю, государь, нынѣ больше году, и многіе лекари отъ всѣхъ языкъ, которые живутъ на Москвѣ, приходили къ мнѣ и пользы мнѣ не учинили никакой отъ болѣзни, и какая болѣзнь, во мнѣ есть, и они никто не могли разумѣть, только, государь, единъ Андрей, дохтуръ нѣмчинъ, онъ ко мнѣ не бывалъ и меня не видалъ, милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, помилуй меня, богомольца своего, ради своего царскаго многолѣтняго здоровья, вели, государь, тому дохтуру Андрею нѣмчинъ, чтобы у меня побывалъ дважды или трижды и болѣзни моея досмотрѣлъ, и будетъ онъ болѣзнь мою познаеть, и онъ бы сказалъ, чѣмъ мнѣ лечиться, чтобы мнѣ отъ напрасныя скорби и невѣдомыя болѣзни напрасною смертію не умереть» ³⁾.

Изъ приведенной выдержки явствуетъ, что въ первой половинѣ XVII вѣка представители московскаго правительства могли дѣлать выборъ между врачами, обращаясь къ тому изъ нихъ, къ кому они питали больше довѣрія.

При приглашеніи на русскую службу иноземныхъ докторовъ русское правительство обращалось обыкновенно къ посредничеству

¹⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. пр., № 165.

²⁾ Моск. арх. мин. юст. Столб. 60. Влад. ст., л. л. 101—109.

³⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. пр., № 9.

проживавшихъ въ Россіи иностранцевъ или находившихся за границею русскихъ. Окулистъ Иванъ Молгарнъ въ 1656 году былъ приглашенъ на русскую службу черезъ «торговаго человѣка» Петра Микляева ¹⁾. Въ томъ же году иностранному торговцу Ивану Гебдану было поручено пригласить въ Англіи «дохтура доброво и навичнаго», «до прежнего аптекаря Романа Тиу» ²⁾. Самуилъ Коллинсъ былъ приглашенъ русскимъ посланникомъ при англійскомъ дворѣ и вмѣстѣ съ нимъ приѣхалъ въ Москву въ 1663 году. Лѣкаря Себастьянъ Реслеръ, Рудольфъ Оттерсонъ, Отто Еймерсъ, Іоахимъ Егендорфъ и Іоганнъ-Фридрихъ Лагусъ были приглашены на службу въ Москву уроженцемъ города Гамбурга, Вильгельмомъ Гордсеномъ ³⁾, специально командированнымъ съ этой цѣлью за границу въ 1678 году. «Призвать дохтура Іогана Кастеріуса изъ Цесарской земли» въ 1667 году было поручено ⁴⁾ «города Любека жителю гостю Ягану Өангорну», при этомъ ему было вмѣнено въ обязанность «про дохтура Ягана Кустеря провѣдать подлинно, прямо ли онъ дохтуръ і дохтурскому дѣлу научили і гдѣ дохтурскому дѣлу учился і в академіи онъ былъ ли, і свидѣлственныя грамоты у него есть ли, і будетъ ему Ягану про тово дохтура подлинно вѣдомо, что онъ прямой дохтуръ і свидѣлствованной і в академіи былъ і свидѣлствованныя грамоты у него есть, і тово бы дохтура служить к великому государю он Яганъ призывалъ і великого государя опасную грамоту он Яганъ ему дохтуру далъ і с тою опасною грамотою ево дохтура прислалъ, а будетъ ему Ягану Өангорну про тово дохтура подлинно не вѣдомо, что онъ не прямой дохтуръ і в академіи не былъ і свидѣлствованныхъ грамотъ у него нѣтъ, і он бы Яганъ того дохтура не призывалъ і опасныя грамоты ему не давалъ, а призывалъ бы іново дохтура доброво, ученново і навичново, а ково іменем он Яганъ призоветъ и на которые города из нѣмецкой земли к Москве отпустить, и о томъ бы онъ Яганъ отписалъ к великому государю».

Вообще приглашенный врачъ долженъ былъ быть «съ добрымъ разумомъ и добрымъ смысломъ», «умнымъ, добрымъ и ученымъ человѣкомъ».

Не мало было въ Россіи врачей и вообще лицъ медицинскаго званія изъ военноплѣнныхъ; служебное положеніе ихъ ничѣмъ не отличалось отъ вольнонаемныхъ врачей. Нѣкоторые изъ нихъ в послѣдствіи были самыми вліятельными лицами при дворѣ ⁵⁾.

Врачи, принимавшіе предложеніе русскаго правительства, ѣхали въ Россію обыкновенно со всею семьею, а иногда брали съ собою

¹⁾ Тамъ же, №№ 144, 145.

²⁾ Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1883 г. № 795.

³⁾ В. Рихтеръ. Исторія медицины, II, 299, Матеріалы, № 1456.

⁴⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. прик., № 122.

⁵⁾ Матеріалы, № 844.

еще и цѣлый штатъ служащихъ. «Амбурченинъ» (уроженецъ гор. Гамбурга) лѣкаръ Яганъ Маркусъ пріѣхалъ въ Россію въ 1667 году «з женою и з детьми» ¹⁾. Яганъ Кустеріусъ (въ 1662 г.) привезъ съ собою, кромѣ своей семьи, состоявшей изъ жены и пяти человѣкъ дѣтей, еще «граматнаго учителя», «трехъ дѣвокъ челядницъ», «двухъ челядниковъ» и «ларечника», на рукахъ у котораго находились привезенныя изъ-за границы лѣкарства ²⁾.

Каждому принявшему приглашеніе русскаго правительства медицинскому чину вручалась «опасная грамота», которая служила гарантіей на свободный проѣздъ до Москвы и, въ случаѣ желанія, на безпрепятственное возвращеніе на родину.

На проѣздъ отъ границы до Москвы отпускались путевыя деньги и бесплатныя подводы «противъ полковниковъ», то-есть по тому же расчету, какъ это дѣлалось по отношенію къ полковникамъ ³⁾. Въ общемъ «подъ лекарства, подъ книги и подъ рухлядь» давалось по 8—20 подводъ человѣку ⁴⁾. Коллинсу, напримѣръ, на проѣздъ отъ Новгорода до Москвы было дано 20 ямскихъ подводъ, 15 «подводъ телѣжныхъ» и пять верховыхъ, а на прокормъ съ семьєю и всюю челядью было назначено по 20 алтынъ на день, кромѣ того, ему было отпущено въ дорогу 2 кружки вина, 2 ведра пива и ведро меда ⁵⁾. Отпущенныхъ подводъ Коллинсу оказалось мало, и потому онъ нанялъ нѣсколько подводъ «собою», а по возвращеніи въ Москву просилъ вернуть ему израсходованныя на этотъ предметъ деньги ⁶⁾.

Въ Москвѣ иноземный врачъ являлся сначала въ Посольскій приказъ, вѣдавшій всѣхъ иностранцевъ, а затѣмъ въ Аптекарскій приказъ, мѣсто будущей службы. Здѣсь онъ предъявлялъ свой университетскій дипломъ и рекомендательныя письма отъ городовъ, коллегій врачей и даже коронованныхъ особъ.

Московское правительство также надѣляло похвальными аттестатами иноземныхъ врачей при возвращеніи ихъ къ себѣ на родину. Этими аттестатами удостовѣрялась безпорочная и усердная служба тѣхъ лицъ, кому они выдавались. Иноземные врачи очень дорожили отзывами московскаго правительства, и отказъ въ выдачѣ аттестата являлся для нихъ большою карою.

Если у пріѣхавшаго въ Россію иностраннаго врача имѣлись какіе либо печатные труды, онъ представлялъ и ихъ также въ Аптекарскій приказъ.

Кромѣ всего этого, медики-иностранцы должны были еще сообщить Аптекарскому приказу подробныя свѣдѣнія о всей своей

¹⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. прик., д. № 141.

²⁾ Тамъ же, № 172.

³⁾ Тамъ же, №№ 143, 147.

⁴⁾ Тамъ же, №№ 39, 114, 152.

⁵⁾ Тамъ же, № 172.

⁶⁾ Тамъ же, № 172. См. также: Рихтеръ, II, прилож., стр. 125 и слѣд.

прошлой жизни и дѣятельности. Сохранившіяся этого рода біографическія свѣдѣнія свидѣтельствуютъ, что многіе изъ пріѣзжавшихъ въ Россію врачей были ученѣйшими людьми своего времени. Такъ докторъ Іоаннъ Белау (переименованный русскими въ Бѣлова) былъ профессоромъ Дерптскаго университета. Іоаннъ Розенбургъ былъ авторомъ нѣсколькихъ медицинскихъ трудовъ, доставившихъ ему почетную извѣстность на Западѣ. Небезызвѣстностью у себя на родинѣ пользовались также Яганъ Фангорнъ, Артемій Дій, Артамонъ Грамонъ, Андрей Энгельгардтъ, Лаврентій Блюментростъ и др. Всѣ они имѣли дипломы лучшихъ университетовъ того времени.

Среди иноземныхъ врачей было много такихъ, которые всю свою жизнь перекочевывали отъ одного двора къ другому, гонимые желаніемъ «при короляхъ и курфюрстахъ счастья искать».

Если иноземцы были «люди невѣдомые», «свидѣтельствованныхъ грамотъ» при себѣ не имѣли, и «объ нихъ ниотколѣ царскому величеству никакого письма не было», то Аптекарскій приказъ обыкновенно подвергалъ ихъ экзамену. Въ роли экзаминаторовъ выступалъ кто либо изъ ранѣ принятыхъ на русскую службу докторовъ, иногда экзаминаторовъ было двое и больше. Сохранились свѣдѣнія объ экзаменахъ французскаго аптекаря Филиппа Бриота на степень лѣкаря и аптекаря, шотландскаго врача Іоанна Бока, аптекаря Георга Госсеніуса¹⁾ и др. Экзамень Бока представляетъ большой интересъ. Такъ какъ Бокъ не зналъ ни нѣмецкаго, ни латинскаго языка, то экзамень происходилъ черезъ переводчика. Отвѣты аспиранта не удовлетворили экзаминатора, и потому постановлено было допустить его лишь къ пробной практикѣ надъ бѣдными.

Степень доктора медицины перѣдко давалась царскимъ указомъ, какъ особая милость за успѣшное лѣченіе. Въ 1667 году государь пожаловалъ лѣкаря Данилу Фунгадона велѣлъ ему быть «за многіе ево службы і лекарствы» «въ чину не по свидѣтельству докторовскому», а «подохтурами»²⁾, то-есть былъ произведенъ въ «поддоктора». Польскій еврей Гаденъ, принятый на русскую службу цырюльникомъ (въ 1659 году), былъ также произведенъ этимъ способомъ сначала въ «поддоктора», а затѣмъ въ доктора медицины. Такимъ же образомъ былъ награжденъ степенью доктора медицины и нѣмецкій врачъ Сигизмундъ Зоммеръ³⁾ (1694 г.).

Врачъ, принятый на русскую службу, «приводится къ вѣрѣ»⁴⁾, при чемъ, кромѣ общей присяги, отъ него требовали еще клятву въ томъ, что онъ «государя своего ничѣмъ въ ѣствѣ и въ питѣѣ

¹⁾ Акты историческіе, III, № 303. Рихтеръ, II, 313, 314 и др.

²⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. прик., № 130.

³⁾ Рихтеръ, II, 262, 297.

⁴⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. прик., д.д. №№ 102, 104.

не искоренити и зелья и кореня лихова ни въ чемъ не давати и никому дати не велети»¹⁾).

Послѣ присяги нѣкоторые врачи удостоивались царской аудіенціи. Такъ относительно Михаила Грамона, пріѣхавшаго въ Россію въ 1667 году, мы читаемъ въ источникахъ, что «великій государь царь і великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, ево дохтура пожаловалъ на пріѣзде свои великаго государя пресвѣтлые очи видети ему велѣлъ»²⁾).

Приглашались иностранные доктора почти исключительно для лѣченія лицъ царской фамиліи. Если же никто изъ членовъ царской семьи не былъ боленъ, они вели обыкновенно совершенно праздный образъ жизни. Если же кто либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ правящему классу, спрашивалъ ихъ, чѣмъ они заняты, то всегда получалъ одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: «изучаемъ книги, чтобы охранять здоровье его царскаго величества». Только позднѣе въ кругъ дѣятельности иноземныхъ врачей стало входить лѣченіе приближенныхъ ко двору боярѣ. При существовавшей въ то время простотѣ отношеній и вслѣдствіе исключительной близости докторовъ къ царской семьѣ, каждый бояринъ въ случаѣ болѣзни обращался съ челобитной къ самому царю, прося «пожаловать его, прислать къ нему мастера», то-есть врача, и «снадобья изъ Аптекарскаго приказа»³⁾).

Но извѣстны и такіе случаи, когда царь посылалъ къ заболѣвшему боярину доктора, а больной билъ челомъ, прося «пожаловать его не велѣтъ лечиться ему у заморскаго доктора», а прислать ему «практикованнаго знатца», то-есть знахаря.

Для лѣченія боярѣ врачи нерѣдко посылались также изъ Москвы въ окрестные города. Такъ «указалъ великій государь послать на Рязань для леченія боярина князя Григорія Григорьевича Ромадановскаго доктора Лаврентья Блюментроста да лекаря Осипа Островскаго съ лекарствы, а для той посылки указалъ великій государь дать тому дохтуру и лекарю да толмачу подводы съ заводными съ санми и съ проводники».

Иноземные врачи жили богато и пользовались большимъ почетомъ. Получаемые ими денежные оклады были очень высоки, опредѣлялись они обыкновенно свободнымъ соглашеніемъ⁴⁾. Іоаннъ Белау получалъ (въ 1657 г.) жалованья 250 рублей и столовыхъ по 72 рублей въ мѣсяцъ, что составляетъ въ годъ 1114 рублей. Иванъ Грамонъ получалъ жалованья 220 рублей и «мѣсячнаго корму» по 60 рублей, т.-е. 940 рублей въ годъ, Андрей Энгельгардтъ получалъ

¹⁾ В. Рихтеръ, II, 278.

²⁾ Арх. Оуж. пал., Апт. прик. д. № 162.

³⁾ Арх. Оуж. пал., Апт. прик., д. № 32.

⁴⁾ Котошихинъ. О Россіи и проч. 90. Чтенія въ Моск. общ. истор. и древн. 1880. III.

(въ 1655 г.) также 940 рублей въ годъ¹⁾ и т. д. Оклады врачей были значительно выше окладовъ всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ того времени. Такъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій получалъ наивысшій окладъ и всего только 850 рублей въ годъ²⁾. Къ концу XVII вѣка оклады врачей подъ вліяніемъ увеличившихся предложеній нѣсколько понизились. Въ это время были уже доктора, получавшіе немного болѣе 100 рублей въ годъ. Такъ, въ 1667 г. Иванъ Грамонъ получалъ всего 105 рублей въ годъ: 45 рублей жалованья и по 5 рублей въ мѣсяцъ столовыхъ. Жалованье лѣкарей было гораздо ниже. Юрій Ягановъ, напримѣръ, получалъ 90 рублей въ годъ, Флоръ Дьяклеръ 80 рублей, Василий Улеръ 100 рублей и т. д.³⁾. По своему уровню знаній большинство иностранныхъ лѣкарей стояло не выше русскихъ. Медицину они изучали, какъ ремесло, только практически, никакими общими теоретическими знаніями они не обладали, а нѣкоторые между ними были даже безграмотны⁴⁾.

Помимо денежнаго жалованья врачи получали еще натурою: дровами, сѣномъ и т. под. При Алексѣѣ Михайловичѣ, напримѣръ, давалось доктору 50 возовъ дровъ и 12 возовъ сѣна, лѣкарю 20 возовъ дровъ и около 2-хъ возовъ сѣна⁵⁾. Нерѣдко врачи еще щедро награждались подарками: деньгами, вещами, съѣстными припасами и проч. Одаривались врачи «на проѣздъ», «на выѣздъ», «на ангела государини царицы», къ большимъ праздникамъ, въ случаѣ успѣшнаго лѣченія и проч. Артемію Дію, при возвращеніи его въ 1635 году къ себѣ на родину, было дано соболей на 300 рублей, Вильделинусу Сибелисту при отъѣздѣ «за море» въ 1642 г. было пожаловано соболей на 350 рублей, Іоанну Белау было дано въ 1652 году соболей также на 350 рублей⁶⁾. Самуилу Коллинсу въ 1662 году при отъѣздѣ было пожаловано изъ Сибирскаго приказа «сорокъ соболей по сто рублей», «два сорока соболей по 80 рублей» и сорокъ соболей по сорока рублей⁷⁾.

Нѣкоторые врачи надѣлялись даже недвижимою собственностью. Такъ, врачу при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Артемію Дію, были пожалованы подмосковное помѣстье и домъ въ Москвѣ близъ Ильинскихъ воротъ⁸⁾. Самуилу Коллинсу былъ данъ во временное пользование «до тѣхъ мѣствъ, какъ поѣдетъ за море», домъ у Яузскихъ воротъ, купленный «у торговаго иноземца» Артемія Артемьева; за

¹⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. прик., д. № 2.

²⁾ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. VI, ст. 280.

³⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. прик., д. № 165.

⁴⁾ Матеріалы, №№ 825, 844, 1469 и др.

⁵⁾ Тамъ же, № 319.

⁶⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. прик., №№ 146, 149, 150, 151, 152. См. также: В. Рихтеръ, II, прил., 25, 25. Матеріалы, 938, 996, 997 и др.

⁷⁾ Ахр. Оруж. пал., Апт. прик., д. № 25.

⁸⁾ Акты историческіе, III, № 285.

домъ этотъ было заплачено «соболями на 2.800 рублей». На ремонтъ дома С. Коллинсъ истратилъ 205 рублей, 17 алтынъ, 4 деньги, которыя ему были возвращены при его отъѣздѣ на родину. Симону Зоммеру былъ данъ «дворъ» между Тверскою и Дмитровскою улицами, оцѣненный на серебряныя деньги въ 550 рублей¹⁾; кромѣ того, ему была отпущена очень значительная сумма денегъ для постройки «каменной палаты». Иногда домъ отдавался врачу въ полную собственность. Такъ Андрей Энгельгардтъ пожалованный ему домъ на Тверской улицѣ, «какъ съ Москвы поѣхалъ... продалъ и деньги съ собою взялъ»²⁾. Докторъ Яганъ Розенбургъ также продалъ свой домъ у Яузскихъ воротъ за 1.900 рублей.

Для личныхъ услугъ иноземнымъ врачамъ назначались, болшею частію, взятые въ плѣнъ иностранцы. Такъ, «въ послуженіе» Самуилу Коллинсу были даны: плѣнный иноземецъ Томаско Брунсъ, произведенный позднѣе въ поручики, и «польской полоненикъ, аглинской земли нѣмчинъ, Вилимка Персъ»³⁾. Доктору Андрею Энгельгардту въ качествѣ прислуги были даны «изъ разбойничьяго приказа колодники Петрушка Лещинскій да Мартинко Токарской». Первый изъ нихъ былъ полякъ, второй «прусской земли нѣмчинъ»; оба были взяты въ плѣнъ подъ Черниговомъ⁴⁾.

Если врачъ ѣхалъ въ Россію за свой страхъ и рискъ, то его ожидалъ здѣсь далеко не всегда радушный приѣмъ. Въ 1640 году приѣхалъ въ Путивль «Шпанской земли родимецъ, Антоній Андрикошь дохтуръ», и просилъ принять его на русскую службу. Очевидно, въ наказѣ путивльскому воеводѣ такой случай не былъ предусмотрѣнъ, и потому онъ написалъ въ Москву, прося распоряженій. Отвѣтъ, полученный изъ Москвы, былъ таковъ: «ѣхалъ бы онъ въ Литовскую сторону совѣмъ, съ чѣмъ приѣхалъ»⁵⁾. Далѣе въ томъ же указѣ предписывалось путивльскому воеводѣ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы «нѣмчинъ» доѣхалъ до рубежа «вдѣлѣ и безчестья и грабежу и иного никакого дурна» ему причинено не было. Такая же судьба постигла въ 1624 году голландскаго врача Даміуса, приѣхавшаго въ Архангельскъ также за свой страхъ. Онъ былъ возвращенъ обратно на родину, несмотря на то, что за него просилъ у Михаила Ѳеодоровича принцъ Оранскій. Въ 1627 году не были приняты на русскую службу голландскій врачъ Андрей Кауфманъ и аптекарь Георгъ Кривей⁶⁾. Русское правительство не стѣснялось также и увольненіемъ уже принятыхъ на русскую службу врачей. Можно было бы привести

¹⁾ Матеріалы, № 344.

²⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. прик., д. № 157.

³⁾ Тамъ же, № 161.

⁴⁾ Тамъ же, № 57 (отъ 4 октября 1771 г.).

⁵⁾ Моск. арх. мин. юст. Влад. ст. Столб. 60., л. л. 107—109.

⁶⁾ Рихтеръ, II, 95, 96 и др.

цѣлый рядъ врачей, уволенныхъ отъ службы, по различнымъ, большею частью, незначительнымъ поводамъ.

Вслѣдствіе крайняго недовѣрія къ обществу русское правительство стремилось оградить свою безопасность цѣлою системою шпионства. Не только къ прїѣзжавшимъ въ Россію иностранцамъ, но и ко всѣмъ русскимъ должностнымъ людямъ, командировались изъ приказа Тайныхъ дѣлъ подьячіе, которые должны были постоянно находиться при нихъ и доносить обо всемъ, что говорилось ими и дѣлалось. Иностранные врачи вслѣдствіе своей исключительной близости къ членамъ царской семьи находились подъ особымъ усиленнымъ надзоромъ. Въ какихъ условіяхъ протекала дѣятельность врачей, показываетъ слѣдующій, очень характерный случай, рассказанный австрійскимъ посломъ Мейербергомъ. Однажды заболѣлъ сопровождавшій его итальянецъ Кальвуччи и пожелалъ обратиться за медицинскою помощью къ своему соотечественнику, итальянскому врачу. Но добиться этого ему никакъ не удавалось, къ нему постоянно присылался докторъ англичанинъ. Впослѣдствіи Мейербергъ узналъ о причинѣ, почему къ нему не могъ быть присланъ итальянскій врачъ. Послѣдній лѣчилъ одного польскаго магната и посовѣтовалъ ему принимать кремортартаръ. Присутствовавшій при этомъ разговорѣ приставъ не замедлилъ донести въ приказъ Тайныхъ дѣлъ, что ввѣренный его надзору врачъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ полякомъ о крымскихъ татарахъ. Несчастный итальянецъ былъ немедленно арестованъ и заключенъ въ тюрьму, изъ которой онъ не былъ освобожденъ даже тогда, когда разъяснилось недоразумѣніе (В. Рихтеръ).

Во время отпуска иностранные врачи жалованья не получали, и утвержденіе Н. Новомбергскаго ¹⁾, «что медики изъ иностранцевъ получали жалованье даже во время отпуска», должно быть признано не соответствующимъ новѣйшимъ документальнымъ розысканіямъ. Такъ, Иванъ Молгарнъ, отправляясь во временный отпускъ за границу, просилъ сохранить за нимъ жалованье и содержаніе, но ему было отказано на томъ основаніи, что «которые дохтуры і аптекари і лекари напередъ сего отпускиваны изъ аптекарскаго приказу по ихъ челобитью въ свои земли на время і имъ государева годового жалованья і мѣсячнаго корму не давано, потому что они ѣздили своею волею» ²⁾. Но если на врача, отправляющагося къ себѣ на родину, возлагались какія либо порученія, если, напримѣръ, онъ сопровождалъ русскаго посланника въ качествѣ переводчика, то его семьѣ, оставшейся въ Россіи, выплачивались «деньги на кормъ» ³⁾.

¹⁾ Н. Новомбергскій. Нѣкоторые спорные вопросы по исторіи врачебнаго дѣла въ допетровской Руси. Спб. 1903, стр. 144.

²⁾ Арх. Оруж. пал., Апт. прик., № 144.

³⁾ Тамъ же, № 169.

Очень многіе иноземные врачи по возвращеніи къ себѣ на родину продолжали поддерживать сношенія съ русскимъ правительствомъ, выполняя его порученія по покупкѣ лѣкарствъ, приглашенію иностранцевъ и проч. Иванъ Молгарнъ, уѣзжая изъ Россіи, предлагалъ русскому правительству свои услуги по приглашенію разнаго рода ремесленниковъ: «будетъ тебѣ, великому государю, люди надобны, которые дѣлаютъ серебряную и золотую руду, и я съ отцомъ своимъ такихъ людей на твою государеву пресвѣтлую милость къ Москвѣ призову»¹⁾. Предлагалъ свои услуги русскому правительству при выѣздѣ изъ Россіи также и Самуилъ Коллинсъ: «будетъ тебѣ, великому государю, угодно въ Аглинской землѣ купить аптекарскихъ товаровъ или инова какова твоего великого государя дѣла, и я «холопъ твой» за твою царскую премногую милость въ Аглинской землѣ во всемъ радъ тебѣ служить и работать»²⁾. На нѣкоторыхъ врачей возлагались дипломатическія порученія.

Такимъ образомъ, иностранные врачи были не только первыми представителями рациональной медицины въ Россіи, но и вообще содѣйствовали сближенію Россіи съ Западомъ.

М. Ю. Лахтинъ.

¹⁾ Тамъ же, № 145.

²⁾ Тамъ же, № 146.

ТОЛЬКО РУСИНЪ.

(Очеркъ изъ русско-американскаго житья-бытья).

ТОРОПЫЙ есть наибольшій изъ семи смертныхъ грѣховъ, Петрò?

— Всѣ семь смертныхъ грѣховъ одинаково велики,—послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ.

Вопрошавшій представлялъ собой мужчину выше средняго роста и колоссальнаго объема. Хотя его тучное, упитанное лицо вполнѣ гармонировало съ его массивной фигурой и его увѣсистыми кулаками, тѣмъ не менѣе, однако оно отличалось осмысленнымъ, весьма привлекательнымъ выраженіемъ. Густые, черные, щетинообразные, коротко остриженные волосы отгнѣняли высокій лобъ, а необычайно широкія и густыя брови обрамляли большіе каріе глаза, отличавшіеся тѣмъ плутоватымъ, слегка ехиднымъ, юмористическимъ выраженіемъ, какое составляетъ столь характерную принадлежность чисто малорусскаго типа. Галицкіе «русинъ», составлявшіе ядро шенектодійской русской колоніи, вообще сохранили эту характерную особенность малорусскаго типа отнюдь не менѣе, если даже не болѣе малоруссовъ коренной Малой Руси. Столь же густые, столь же черные, менѣе щетинообразные длинные усы спускались значительно ниже короткаго выразительнаго подбородка. Обладатель ихъ Павлò Талпашъ былъ не кто иной, какъ шенектодійскій русскій «салониста», обладатель единственнаго въ городѣ Шенектоди русскаго «салона», т.-е. питейнаго дома чисто американскаго типа. Салонъ его занималъ собой весь почти первый этажъ собственнаго его дома, до-

вально опрятнаго деревяннаго двухэтажнаго зданія, сколоченнаго на скорую руку и расположеннаго въ русскомъ концѣ города.

Собесѣдникъ его, Петро Ткачъ, представлялъ собой совершенную противоположность собственнику и владѣльцу единственнаго въ городѣ русскаго салона. Необычайно высокій, совершенно худощавый, съ небольшими свѣтло-карими глазами, отличавшимися нѣсколько грустнымъ выраженіемъ, съ предлинными темнорусыми усами, онъ напоминалъ собой многоизвѣстную фигуру гоголевскаго философа Хомы Брута, какъ таковая воспроизведена на картинахъ извѣстнаго русскаго художника. По профессіи содержатель сапожной мастерской въ томъ видѣ, въ какомъ подобная мастерская можетъ существовать въ величайшей странѣ машиннаго производства, да при томъ еще въ маленькомъ городѣ, онъ точно также владѣлъ собственнымъ домомъ. Первый, каменный полуэтажъ, снабженный входомъ съ боку, представлялъ собой сапожную мастерскую, между тѣмъ какъ верхній деревянный этажъ служилъ жильемъ помѣщеніемъ для семьи владѣльца. Огромное деревянное крыльцо, окрашенное въ свѣтло коричневую краску и снабженное высокой лѣстницей, придавало всему зданію болѣе уютный и болѣе привлекательный видъ, нежели тотъ, какимъ отличались многіе иные дома въ Шенектоди, или вовсе не обладавшіе крыльцомъ или имѣвшіе лишь заднее крыльцо. На одномъ изъ крылечныхъ столбовъ виднѣлась небольшая голубая вывѣска, на которой крупными вызолоченными буквами было прописано по-англійски: «Peter Tcatch. Shoemaker», т.-е. «Петръ Ткачъ. Сапожникъ». Павло Талпашъ и Петро Ткачъ стояли у входа въ салонъ. День склонялся къ вечеру, и послѣдніе косые лучи заходящаго солнца играли въ чистенькихъ его окнахъ и на лицахъ неизмѣнныхъ его завсегдатаевъ, толпившихся у обѣихъ его выходныхъ дверей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ осеннихъ дней, какими одна лишь осень въ состояніи дарить обывателей «страны свободы», гдѣ лѣто обыкновенно такъ знойно, зима такъ холодна и весна такъ неопредѣленна. Большіе каріе глаза Павла отличались особымъ оживленіемъ, отражая въ себѣ необычайно игривое настроеніе, между тѣмъ какъ продолговатое, слегка блѣдное лицо Петра было, какъ и всегда во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, серьезно и сосредоточенно.

— Нѣтъ, ты, братъ, не вилай,—весело воскликнулъ Талпашъ, дружески трепля Ткача по плечу своей увѣсистой рукой:—вѣдь ты знаешь, какой изъ семи смертныхъ грѣховъ самый великій!

— И куда ему знать: онъ вѣдь совсѣмъ безгрѣшенъ,—своимъ пронзительнымъ теноркомъ вставилъ Гаврило Терешко, одинъ изъ самыхъ работающихъ и зажиточныхъ угледомовъ городка Шенектоди, неизмѣнно являвшійся въ русскій салонъ каждый вечеръ, дабы «промочить глотку» послѣ добраго ужина.

— Нынче не водится на свѣтѣ безгрѣшныхъ людей, — вполнѣ серьезно возразилъ Ткачъ, — въ особенности въ этой Америкѣ, а только я дѣйствительно думаю, что всѣ семь смертныхъ грѣховъ одинаково велики.

— Ну, такъ я ужъ скажу тебѣ: гордость! — загоготалъ Талпашъ, колыхаясь всей своей массивной фигурой и многозначительно поднявъ свой огромный указательный перстъ кверху во всю длину своей увѣсистой руки.

— Хотя я и не заявляю себя безгрѣшнымъ, — отвѣчалъ Ткачъ серьезно и медлительно, какъ бы перебирая въ своей памяти, — однако такого грѣха я, по правдѣ, за собой не знаю.

— Какъ не знаешь, какъ не знаешь! Только и есть что одинъ русскій салонъ у насъ въ Шенектоди. Развѣ когда нибудь ты зайдешь пропустить стаканъ-другой пива и покалякать среди своихъ людей? Вѣдь ты, я знаю, не принадлежишь къ обществу полнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Вѣдь ты, я знаю, усердно читаешь нашу русскую газету «Свобода», а тамъ на видномъ мѣстѣ стоитъ объявленіе о моемъ салонѣ. Тамъ ты читаешь: «не минай, не минай!» А ты никогда и не заглянешь.

— Не моя въ томъ вина.

— Такъ чья же? Ужъ и не моя, конечно.

— Конечно, и не твоя.

— Такъ чья же, чья же?

Кружокъ завсегдатаевъ русскаго салона города Шенектоди, привлеченный этимъ своего рода диспутомъ между двумя изъ наиболѣе именитыхъ членовъ мѣстной русской колоніи, сталъ покидать излюбленные мѣста у стойки и у обѣихъ входныхъ дверей, тѣмъ болѣе, что уже надвигались сумерки, въ салонѣ становилось уже темно, а его большія висячія лампы не были еще зажжены. Вокругъ Талпаша и Ткача образовалась небольшая толпа.

— Чья вина? — переспросилъ Ткачъ: — не твоя и не моя, а всѣхъ нашихъ людей вообще.

— А что они такое тебѣ дѣлаютъ? — загудѣла новообразовавшаяся толпа.

— А вотъ что. Какъ соберутся наши люди въ нашемъ русскомъ салонѣ, то сейчасъ же затѣваютъ неразумные и безцѣльные споры. И, кажется, всѣ свои люди, всѣ одной русской крови, всѣ одного русскаго народа: кто изъ Галичины, кто изъ Угорцины, кто изъ Буковины, иной попадетя и изъ коренной нашей Руси, съ Украйны, а все же всѣ русины, всѣ братья, всѣ сыны одной матери-Руси. Чтобы, кажется, по-братски другъ съ другомъ обходиться, вести мирную и разумную бесѣду о важныхъ и назидательныхъ предметахъ? Такъ нѣтъ же! На тебѣ! Сейчасъ же о вѣраxъ начинаютъ спорить. Чья, молъ, вѣра лучше: православная или греко-католическая? Православный свою хвалить, уніатъ своей ве-

личается. Спорять, спорять, глотки наддирають, перепьются, подерутся, морды одинъ другому поразбивають; въ концѣ концовъ всѣ разомъ попадаютъ въ лякопъ ¹⁾, а на другое утро къ сквайру ²⁾. Потомъ свои трудовыя деньги тратятъ на лоэровъ ³⁾ и фойны ⁴⁾, а не то идутъ въ джэль ⁵⁾ отсиживать на цѣлые мѣсяцы. И дурни, пожалуй, воображаютъ, что творять все это за правду, во славу Божию!

Какое-то неопредѣленное мычаніе, явственно смѣшанное съ веселымъ, искреннимъ смѣхомъ, было отвѣтомъ на эту маленькую обвинительную рѣчь Ткача.

— Такъ вотъ что тебѣ у насъ не нравится,—серьезно произнесъ Талпашъ, въ какомъ-то недоумѣніи разводи своими огромными руками.

— Спрашивается, кому это нравится! Тебѣ самому, Павло, развѣ все это нравится?—также спокойно, съ едва замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ возразилъ Ткачъ.

— Не скажу, Петро, а что же мнѣ дѣлать? Вѣдь ты самъ знаешь, этой бѣдѣ нельзя помочь!

— Какъ нельзя, почему нельзя? И такой здоровенный мужчина, какъ ты, спрашиваешь, что тебѣ дѣлать? Какъ только кто, въ особенности подвыпивши, начнетъ о вѣраxъ рѣчь заводить, ты его сейчасъ же честью и выпроводи за двери, а коли самъ своей волей не пойдетъ, такъ ты его за шиворотъ и вонъ!

— Что ты, что ты, Петро! Вѣдь ты самъ понимаешь—это бизнесъ ⁶⁾. Коли я такъ начну съ людьми обходиться, то они всѣ меня покинутъ, и мнѣ придется свой салонъ закрыть.

— Совсѣмъ нѣтъ, сильно, братъ, ошибаешься. Оно и можетъ стать, что одинъ, другой, третій и перестанутъ къ тебѣ ходить на недѣлку, другую, на мѣсяцъ наконецъ, да зато всѣ прочіе твои завсегдатаи и случайные посѣтители себѣ въ толкъ возьмутъ, что въ русскомъ салонѣ о вѣраxъ споры заводить не дозволяется. Меньше дракъ будетъ, меньше скандаловъ. Русская честь и русское имя не будутъ трепаться по сквайрамъ ⁷⁾ да кортамъ ⁸⁾. Наши люди перестанутъ свои трудовыя деньги тратить на чортъ знаетъ что. И повѣрь мнѣ, даже и тѣ двое-трое, что перестали къ тебѣ учащать изъ-за того, что ты ихъ выгналъ за заведеніе споровъ о вѣраxъ, вскорѣ къ тебѣ вернутся. Нашъ русинь, хоть и пойдетъ въ

¹⁾ Въ кутузку.

²⁾ Къ мировому судѣ.

³⁾ Адвокатовъ.

⁴⁾ Пени.

⁵⁾ Тюрьму.

⁶⁾ Торговля.

⁷⁾ Мировымъ судьямъ.

⁸⁾ Судамъ.

американскій салонъ или польскій, да не надолго. Его все же будетъ тянуть въ свой, русскій салонъ, пока онъ не выдержитъ, да къ тебѣ и вернется. А перестанутъ наши люди по судамъ тягаться, для всѣхъ насъ лучше будетъ.

— Оно какъ будто бы и такъ, Петръ,—какъ-то нехотя возразилъ единственный русскій салонистъ городка Шенектоди среди общаго молчанія,— а только ты на насъ черезчуръ нападаешь. Развѣ въ американскихъ салонахъ дракъ не бываетъ? Пожалуй, еще чаще, чѣмъ въ нашемъ, да еще какія!

— Конечно, бываютъ. Въ какомъ же салонѣ дракъ не бываетъ! Однако же у нихъ драки совсѣмъ иного сорта. Случаются онѣ, когда они, американцы, въ особенности ирландскаго происхожденія, ужъ черезчуръ напьются, и, конечно, изъ-за сущихъ пустяковъ. Когда дѣло о подобной дракѣ дойдетъ до сквайра ¹⁾ или же попадетъ въ кортъ ²⁾, всякій понимаетъ отлично, что люди совсѣмъ потеряли разумъ, что все это горѣлка надѣлала. Наши же русскіе люди починаютъ о вѣрахъ спорить еще трезвыми, а какъ выпьютъ по стакану—другому, сейчасъ же и потасовка изъ-за православія да уніи. Какой, спрашиваю я, толкъ во всемъ этомъ? Вѣдь это вольный край. Хочешь быть греко-католикомъ, какъ у насъ, въ Галичинѣ или на Угорщинѣ, будь себѣ греко-католикомъ; хочешь быть православнымъ, какъ на Буковинѣ или на Украинѣ, можешь себѣ быть православнымъ; хочешь покинуть унію и перейти, какъ говорятъ наши старики, въ прадѣдовскую вѣру—православную, въ томъ тебѣ никто не препятствуетъ: ни австріяцкихъ жандармовъ ни російскихъ полицеевъ, что надъ душой стоятъ да за вѣрой присматриваютъ, тутъ, въ этомъ вольномъ краѣ, не полагается; въ концѣ концовъ взбрѣдетъ тебѣ въ голову перейти въ баптисты или пресвитеріанцы или методисты, и это тебѣ вольно. Къ чему же тутъ спорить? Нѣтъ цѣли спорить, нѣтъ ни горсточки здраваго смысла препираться. А между тѣмъ эти драки да потасовки позорятъ русское имя въ этомъ нашемъ новомъ краѣ, выставляютъ насъ, русиновъ, на посмѣшище цѣлому свѣту. Каждый изъ насъ долженъ прежде всего на носу себѣ зарубить и дѣтей нашихъ сызмала научить, что прежде всего и надо всѣмъ ты—русинъ, а потомъ уже греко-католикъ или православный. А какъ начнетъ этакій русскій дурень о вѣрахъ споръ заводить въ своей русской компаніи, въ особенности въ нашемъ русскомъ салонѣ, такъ его сейчасъ же безъ большихъ церемоній за шиворотъ и изъ компаніи вонъ, коли честью выпроводить не дается. Для всѣхъ насъ это лучше будетъ, много лучше, а въ особенности для дѣтей и внуковъ нашихъ.

¹⁾ Мирowego судьи.

²⁾ Судъ.

Никто изъ маленькой толпы, ставшей видимо серьезной, не нашелся ничего возразить. Становилось уже совершенно темно. Мягкій южный вѣтеръ, вздымая и гоня огромныя кучи пожелтѣвшей октябрьской листвы, съ какимъ-то таинственнымъ шуршаніемъ бросался подъ ноги собравшихся. Въ салонѣ стали показываться огни. Петръ Ткачъ, русскій сапожный мастеръ и русскій философъ городка Шенектоди, слегка кивнувъ головой, увѣнчанной большой мягкой черной шляпой и чуть слышно произнеся: «ну, до свиданія, мнѣ ужъ домой пора!» — своими обычными огромными мѣрными шагами зашагалъ по направленію къ русской церкви, вблизи которой расположенъ его домъ.

— А ты, братъ, когда нибудь все-таки да и зайди! — крикнулъ ему въ догонку Павло Талпашъ.

— Выпьемъ во славу и на счетъ нашего оратора! — рявкнулъ Дмитро Грачъ, съ изумительной настоятельностью державшійся установившагося во вѣсѣхъ американскихъ салонахъ обычая по очереди угощать всю собравшуюся компанію, при чемъ онъ съ не менѣе изумительной ловкостью умудрялся безслѣдно исчезать, когда очередь доходила до него.

Со стороны «оратора» не послѣдовало никакого отвѣта.

II.

Хотя городъ Шенектоди, русская колонія котораго завоевала себѣ особо видное и вліятельное положеніе среди вѣсѣхъ прочихъ колоній заокеанской Руси, и представляетъ собой болѣе или менѣе значительное городское поселеніе знаменитаго каменноугольнаго района штата Пенсильванія, тѣмъ не менѣе, однако онъ является вообще городкомъ спокойнымъ и непритязательнымъ. Стремительный прогрессъ «страны свободы» еще не вполне объялъ его. Поэтому незначѣмъ было бы удивляться тому, что электрическіе фонари имѣются въ немъ лишь на главныхъ углахъ нѣсколькихъ наиглавнѣйшихъ улицъ, прочія же части города должны довольствоваться лишь газовыми фонарями, расположенными на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Такимъ образомъ городокъ Шенектоди, въ особенности боковыя его улицы и разныя переулки обыкновенно погружены въ относительный полумракъ. Уголь Главной и Шенектодійской улицъ, образуемый огромнымъ двухъэтажнымъ домомъ краснаго кирпича, принадлежащимъ «Русской торговой компаніи», не составляетъ никакого исключенія въ этомъ отношеніи.

Однако въ одну темную, звѣздную, донельзя холодную ночь въ срединѣ января 190* года весь верхній этажъ этого дома, представляющій собой одинъ огромный залъ, былъ буквально залитъ огнями. Черезъ большія чисто вымытыя окна, которыя никто не

призналъ нужнымъ задернуть виднѣвшимися вверху ихъ рамъ занавѣсками, ослѣпительный свѣтъ этотъ, исходившій изъ множества газовыхъ рожковъ и нѣсколькихъ электрическихъ лампъ, вырвался наружу, заливая огромную черную вывѣску съ надписью «Русская торговая компанія», тротуаръ, телеграфные столбы и часть сѣрой булыжной мостовой. Вдоль всей задней стѣны зала шли массивные и высокіе деревянные подмостки, сплошь покрытые синимъ каленкоромъ. Всѣ три стѣны надъ подмостками были задрапированы тремя колоссальными флагами Соединенныхъ Штатовъ. Среди платформы на небольшомъ кругломъ столикѣ, столикъ искусно задрапированномъ бѣлымъ каленкоромъ, что его издали невозможно было принять за что либо иное, какъ пьедесталь изъ бѣлаго камня, возвышалось воспроизведенное изъ бѣлаго каррарскаго мрамора поясное изваяніе малорусскаго поэта Тараса Шевченка, увѣнчанное свѣжимъ лавровымъ вѣнкомъ. Позади бюста возсѣдалъ оркестръ изъ духовыхъ и струнныхъ инструментовъ, всего около сорока человѣкъ, а впереди увѣнчаннаго поэта на четырнадцать креслахъ засѣдали наиболѣе знаменитые члены «Русскаго народнаго союза». Годовое общее собраніе «союза», длившееся два дня, закончилось лишь нѣсколько часовъ тому назадъ, а теперь вечеромъ шель обычный годовой балъ въ пользу единственной русской національной (а не вѣроисповѣдной) организаци въ Соединенныхъ Штатахъ. Подобные балы въ «странѣ свободы» неизмѣнно состоятъ изъ рѣчей, музыкальныхъ нумеровъ и танцевъ, при чемъ въ особо благопріятныхъ случаяхъ къ этимъ тремъ составнымъ ихъ элементамъ присоединяются и нумера вокальные. Годовые балы «Русскаго народнаго союза» весьма знамениты своими вокальными нумерами, въ особенности своимъ хоровымъ исполненіемъ, достигающимъ истинной виртуозности. Если за русской національностью, включая въ это понятіе и русскихъ евреевъ, въ значительной степени утвердился уже въ Соединенныхъ Штатахъ репутація самой музыкальной и пѣвучей національности въ странѣ, то сольное и хоровое пѣніе малорусскихъ колоній восточной Пенсильваніи, въ особенности хоровые нумера на собраніяхъ и развлеченіяхъ «Русскаго народнаго союза» служатъ несомнѣнно главнѣйшимъ основаніемъ для утвержденія подобной репутаціи. Позади увѣнчаннаго бюста поэта, между этими четырнадцатью избранными ораторами наиглавнѣйшей вѣтви заокеанской Руси и оркестромъ, настолько, однако, въ сторону отъ этого послѣдняго, поближе къ правой стѣнѣ зала, чтобы не закрывать его отъ глазъ публики, выстроился соединенный хоръ шенектодійской, шенандойской, вилькесбарской, нантикской и моунткармельской русскихъ колоній, состоявшій человѣкъ изъ 70, въ томъ числѣ нѣсколькихъ женщинъ.

«Честное собрание,— поднялся одинъ изъ четырнадцати избранныхъ ораторовъ, плотный, выше средняго роста мужчина, лѣтъ за сорокъ, съ плутоватыми сѣрыми глазами, пухлыми розовыми щеками,— вы достаточно уже слышали о задачахъ нашего «союза», о той вспомогательной и просвѣтительной работѣ, какую не первый уже годъ ведетъ онъ между американскими русинами безъ различія вѣроисповѣданій; вамъ представлены были цифры, показывающія наглядно, какъ начался нашъ «союзъ», какъ онъ разросся, сколько именно вспомоществованій, кому именно и въ какомъ размѣрѣ имъ выдано. Такимъ образомъ вы знаете и видите, какъ росла, развивалась и крѣпла американская Русь, крѣпла матеріально, морально и интеллектуально. Вы этимъ утѣшаетесь, гордитесь. Вспомнили ли вы, однако, хоть на минуту братьевъ нашихъ въ старомъ краѣ? Въ нашей Галичинѣ всего лишь мѣсяць тому назадъ убито 17 нашихъ русскихъ хлоповъ австріяцкими жандармами за то, что отстаивали свои конституціонныя права на краевыхъ выборахъ. А на Украинѣ родной языкъ нашъ, тотъ самый языкъ, который всѣми всосанъ съ молокомъ матери, языкъ той пѣсни,

Що маты спивала,
Якъ малого забавляла,
Зъ малымъ розмовляла,

изгнанъ не только изъ университетовъ и гимназій, но даже и изъ народныхъ школъ. Не забывайте же про старый край нашъ, про нашихъ далекихъ братьевъ. Помните, что не только о себѣ должны мы думать, не только объ американской Руси заботиться, но также помогать и братьямъ нашимъ въ Галичинѣ и на Украинѣ въ ихъ усиліяхъ къ матеріальному и соціальному развитію!»

Эта короткая рѣчь священника Николая Стефановича, который, какъ и всѣ галицко-русскіе священники въ Америкѣ вообще, по платью ровно ничѣмъ не отличался отъ прочихъ участниковъ годового общаго собранія «союза», была покрыта громомъ рукоплесканій. О. Стефановичу пришлось около трехъ минутъ непрерывно кланяться направо и налево, при чемъ въ его плутоватыхъ сѣрыхъ глазахъ горѣлъ какой-то странный огонь.

Рече та стогне Днипръ широкий,
Сердитый витерь завыва...

началъ громадный для этого зала хоръ, между тѣмъ какъ въ отдѣльныхъ концахъ его все еще слышались единичныя рукоплесканія, вызванныя рѣчью о. Стефановича. Когда, однако, первая строфа этой величавой поэмы подходила къ концу, въ залѣ водворилось такое безмолвіе, что въ моментъ короткой паузы между первой и второй строфами въ немъ повсюду отчетливо слышанъ былъ мѣрный и монотонный стукъ большого мѣднаго маятника.

стѣнныхъ часовъ. На множествѣ лицъ среди этой многочисленной публики написано было явное желаніе подтягивать хоръ, сдерживаемое, однако, опасеніемъ повредить общему эффекту.

Рѣчь шла за рѣчью, музыкальный номеръ за музыкальнымъ номеромъ, хоровое исполненіе за хоровымъ исполненіемъ. Оркестръ дружно вторилъ хоръ, и эта подавляющая масса звуковъ и созвучій, казалось, пригвоздила къ этимъ простымъ деревяннымъ стульямъ все это многочисленное собраніе. Поэтическая музыкальная и пѣвучая натура малоросса въ особенности сказывается и проявляется съ необычайной силой на всѣхъ подобныхъ публичныхъ собраніяхъ національнаго характера въ «странѣ свободы», гдѣ свободныя проявленія какъ индивидуальной, такъ и коллективной національной личности не встрѣчаютъ положительно никакихъ препятствій.

«Въ заключеніе программы настоящаго вечера, прежде чѣмъ начнутся танцы,—громкимъ, отчетливымъ теноромъ обратился къ собравшейся публикѣ Иванъ Кошко, молодой русскій врачъ, прибывшій въ Новый Свѣтъ съ аттестатомъ самборской гимназій въ Галичинѣ и получившій медицинское образованіе въ Филадельфіи,—да будетъ позволено мнѣ сказать нѣсколько словъ честному собранію. Эмиграція наша изъ Галичины и изъ Угорщины изъ года въ годъ увеличивается. Русскія колоніи въ этомъ вольномъ краѣ увеличиваются числомъ и разрастаются. Какое же, спрашивается, употребленіе дѣлаютъ наши новопривышіе въ этотъ новый край русины и наши новоосновывающіяся русскія колоніи изъ тѣхъ свободныхъ условій, какія предоставляютъ имъ законы и порядки этого вольнаго края? Стараются ли они, какъ оно слѣдовало бы, прежде всего научиться по мѣрѣ возможности языку этого новаго края и ознакомиться съ его законами, порядками, нравами и обычаями? Отнюдь не бывало. Конечно, всякій русинъ, какъ только прибудетъ онъ сюда изъ стараго края, умудряется скоро подхватить и усвоить себѣ два-три десятка англійскихъ фразъ, совершенно необходимыхъ, чтобы купить на базарѣ кусокъ мяса или хлѣба, получить въ салонѣ кружку пива, разыскать желѣзнодорожную станцію въ любомъ городѣ, попросить бѣса о работѣ и тому подобное. Однако на томъ дѣло и стало. Научиться сносно и толково говорить на языкѣ этого нашего новаго края никто почти изъ насъ не старается. А о томъ, чтобы ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ его законами, порядками, нравами и обычаями, о томъ нѣтъ и помину. Конечно, я понимаю, нашъ русинъ, какъ всякій эмигрантъ, долженъ тяжело работать здѣсь, чтобы заработать на кусокъ хлѣба. Однако же у него остается много свободнаго времени, которое онъ тратитъ попусту на праздную болтовню въ салонахъ и на улицахъ. Если бы хоть часть этого времени тратилъ онъ на изученіе языка и законовъ этого новаго нашего края, наша аме-

риканская Русь нынѣ была бы много дальше впереди, нежели она находится въ настоящее время. При всемъ томъ это еще не вся бѣда, даже не полъ-бѣды, а лишь маленькая ея частичка. Большая часть бѣды заключается въ страсти нашихъ людей строить церкви. Едва наберется въ томъ или иномъ городѣ или городкѣ или деревнѣ маленькая горсточка нашихъ русскихъ людей, сейчасъ же затѣваютъ и начинаютъ они строить новую русскую церковь, не задавая себѣ труда подумать, нужна ли непременно эта новая церковь, обладаютъ ли они достаточными средствами на ея построение и содержаніе, не лучше ли было бы присоединиться къ ближайшему старому русскому приходу. Поэтому сплошь и рядомъ, едва лишь эта новая русская церковь откроется и освятится, едва лишь обзаведется она добрымъ иконостасомъ и ризами, едва лишь въ новоотстроенномъ приходскомъ домѣ появится приличная мебель, едва лишь новоприбывшіе священникъ и дякъ успѣютъ ознакомиться со своими прихожанами, какъ новоиспеченный приходъ уже запутывается въ долгахъ и влачить жалкое существованіе, пока равьше или позже новопостроенная церковь съ землей и всѣми принадлежностями не продается съ публичнаго торговаго. Всякій понимаетъ, что подобныя продажи причиняютъ всей американской Руси страшный скандалъ и роняютъ честь русскаго имени въ Америкѣ. Другая большая бѣда съ нашими русинами въ этомъ вольномъ краѣ—это страсть тягаться по судамъ. Американскіе суды не для бѣдныхъ людей: всякій процессъ стоитъ чортовски дорого, какъ для обидчика, такъ равно и для обиженнаго. Обиженный, если онъ бѣдный человѣкъ, несетъ страшныя потери, хотя бы даже онъ въ концѣ концовъ выигралъ дѣло. Поэтому, какъ вы всѣ легко можете видѣть, сами прирожденные американцы старательно избѣгаютъ своихъ судовъ и прибѣгаютъ къ нимъ лишь въ дѣлахъ исключительной важности. Нашъ же русинъ бѣжитъ къ сквайру¹⁾ изъ-за сущихъ пустяковъ и лѣзетъ въ кортъ²⁾ съ такими обидами, которыя яйца выдѣннаго не стоятъ. Вонъ недавно двѣ нашихъ русскихъ семьи безъ малаго годъ тягались по филадельфійскимъ судамъ изъ-за того лишь, что одинъ мальчикъ ударилъ другого палкой. Подрались дѣти, поссорились матери, разругались и чуть не поразбивали одинъ другому головы отцы, и пошло, и пошло. Въ концѣ концовъ семья, затѣявшая дѣло, потеряла всѣ свои сбереженія, скопленныя тяжелымъ трудомъ многихъ лѣтъ, что-то около 800 долларовъ, а другая семья, мальчикъ которой ударилъ своего сверстника, побѣдише первой, истратила на защиту до 400 долларовъ, войдя для этого въ страшныя долги. Ну, спрашиваю я васъ, развѣ это не срамъ, развѣ это

¹⁾ Мировому судѣ.

²⁾ Судъ.

не скандалъ, развѣ это не поворъ для всѣхъ насъ, русиновъ? Пока наши люди не оставятъ этой неразумной страсти строить церкви и тягаться по судамъ изъ-за сущихъ пустяковъ, до тѣхъ поръ наша американская Русь не станетъ твердо на ноги въ этомъ нашемъ новомъ краѣ, не будетъ въ состояніи крѣпнуть и развиваться надлежащимъ образомъ».

Громкія и оглушительныя рукоплесканія, вызванныя этой рѣчью молодого врача Копко, еще не успѣли вполнѣ смолкнуть, и оркестръ, по знаку распорядителя, собирался уже грянуть обычный маршъ, знаменовавшій собой открытіе танцевъ, какъ изъ переднихъ рядовъ поднялся маленькій человѣчекъ и, неистово размахивая руками, пронзительнымъ теноркомъ требовалъ у предсѣдателя собранія, возсѣдавшаго въ центрѣ четырнадцати избранныхъ ораторовъ на платформѣ, дабы тотъ дозволилъ ему сказать оттуда нѣсколько словъ собравшейся публикѣ. Предсѣдатель, коренастый брюнетъ средняго роста, лѣтъ около пятидесяти, украшенный длинными сивыми, поистинѣ запорожскими усами, спускавшимися вдоль пухлаго, гладко выбритаго подбородка, переглянулся съ возсѣдавшими ѵ бокъ его избранными и, встрѣчая въ ихъ лицахъ безмолвно утвердительное выраженіе, съ еле уловимой снисходительной улыбкой произнесъ: «ну, хорошо, идите сюда!». Маленькій человѣчекъ суетливо пробрался между безчисленными стульями и, какъ бы нырнувъ въ боковую дверь, вскорѣ показался на платформѣ. Это былъ брюнетъ болѣе или менѣе микроскопическихъ размѣровъ, пропорціонально сложенный, обладавшій бѣлымъ цвѣтомъ лица, маленькой рукой и ногой, короткими усами цвѣта вороньяго крыла, изысканно выбритый. Его можно было бы назвать красивымъ, если бы его нѣсколько выпучившіеся черные глаза не отличались выраженіемъ задорной, вызывающей, воинствующей глупости, глупости того именно сорта, который находитъ въ «странѣ свободы» особо благопріятныя условія для своего существованія и даже процвѣтанія.

«Хочу оповѣдать вамъ, добрые люди, — началъ онъ, вертясь, какъ юла, и неистово размахивая руками, — что я видѣлъ въ Бриджпортѣ этой зимой. Какъ вы знаете, какъ только работа въ нашихъ сторонахъ прошлымъ лѣтомъ приупала, и почти что всѣ майны¹⁾ позакрывались до новаго года, много нашихъ людей отправилось отсюда въ Бриджпортъ на работы на бумажныхъ фабрикахъ. Нашей греко-католической русской церкви въ Бриджпортѣ нѣтъ, а имѣется русская православная. Слышно было между нашихъ людей, что многіе изъ насъ ходили въ православную церковь къ богослуженію, однако я самъ не видѣлъ. Всѣ же таки какъ-то въ воскресенье утромъ случился тамъ пожаръ поблизости съ

¹⁾ Каменноугольныя коши.

русской церковью, какъ разъ въ то время, какъ богослуженіе уже окончилось, и люди выходили изъ церкви. Пробѣгая мимо вмѣстѣ съ большой толпой на пожаръ, я самъ своими собственными глазами видѣлъ, какъ одинъ изъ нашихъ самыхъ именитыхъ шенектодійскихъ русиновъ выходилъ изъ той русской православной церкви. Такъ какъ я никогда еще не видѣлъ такого дива, чтобы русскій уніатъ ходилъ къ богослуженію въ русскую православную церковь, то я и рѣшилъ оповѣдать объ этомъ публично на ближайшемъ годовомъ собраніи нашего «Русскаго народнаго союза». Хотя человекъ этотъ и находится здѣсь среди насъ, я не назову его по имени, такъ какъ не хочу его конфузить предо всѣмъ собраніемъ».

— Ну, такъ я самъ назову!—среди всеобщаго безмолвія грянулъ вдругъ густой теноръ, переходившій въ баритонъ, въ самомъ концѣ зала. Изъ заднихъ рядовъ поднялся во всю свою необычайную длину Петръ Ткачъ и, своими огромными шагами подвигаясь вдоль прохода между рядами стульевъ, требовательнымъ, почти повелительнымъ тономъ произнесъ:—Предсѣдатель, прошу слова.

— Пожалуйте, пожалуйста!—отозвалось сразу нѣсколько голосовъ съ платформы, между тѣмъ какъ на многихъ лицахъ, какъ на платформѣ, такъ и среди публики появилось выраженіе нѣкоего недоумѣнія.

Не обходя кругомъ, Ткачъ однимъ огромнымъ прыжкомъ взобрался на подмости между двумя лампами и, ставъ у самаго края платформы, далеко впереди предсѣдателя, ораторовъ, хора и оркестра, выпрямился во весь свой необычайный ростъ. Его художавое, выразительное, матовоблѣдное лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, а его небольшіе свѣтлокаріе глаза, обыкновенно отличавшіеся грустнымъ выраженіемъ, были на этотъ разъ совершенно неузнаваемы: они какъ бы пытались вырваться изъ своихъ орбитъ; они сверкали яркимъ, переливающимся огнемъ; они отражали въ себѣ безпредѣльное бѣшенство.

«Честное собраніе,—заговорилъ онъ своимъ низкимъ теноромъ, или, скорѣе, высокимъ баритономъ,—я работалъ въ Бриджпортѣ прошлой осенью и этой зимой до самаго Рождества, такъ какъ много нашихъ людей туда пошло, и мое сапожное мастерство здѣсь совершенно приупало. Ну, пошелъ и я на работу на бумажной фабрикѣ. Въ первое же воскресенье захотѣлось мнѣ пойти къ богослуженію. Греко-католической русской церкви тамъ нѣтъ, и я сталъ ходить въ русскую православную. Многіе изъ нашихъ людей ходили въ православную церковь все время, пока тамъ работали. Однако мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла, и о нихъ я говорить не стану, а только о себѣ. Хотя я и уніатъ, хоть я и родился въ греко-католической церкви, все же для меня между рус-

ской греко-католической и русской православной церковью никакой разницы нѣтъ. Я не знаю ни униатской церкви, ни православной церкви: я знаю только русскую церковь. Гдѣ только слышу я ту самую славянскую службу, къ которой привыкъ съ малыхъ лѣтъ, гдѣ только слышу я нашу русскую проповѣдь, туда и иду, не спрашивая вовсе, какая это, молъ, церковь: православная или униатская. Въ бриджпортской русской церкви священникъ родомъ съ Украины и чудесныя говоритъ проповѣди на нашемъ русскомъ языкѣ, а самая служба точно такая же, какъ и тутъ, въ нашей шенектодѣйской церкви или всякой иной русской церкви въ Галичинѣ ли, въ Россіи или же тутъ, въ Америкѣ. Снова повторяю: я не знаю ни униатской церкви, ни православной церкви, я знаю только лишь русскую церковь. Я — не униатъ и не православный; я одно лишь только знаю, что я — русинъ; я — только русинъ! И всѣмъ намъ надлежитъ сознавать себя только русинами, быть только русинами: ни больше, ни меньше — только русинами. Будьте же всѣ отнынѣ только русинами, помните, что всѣ мы — одной русской крови, что всѣ мы — сыны одной великой матери Руси! Разъ всѣ мы всегда будемъ это помнить, то всякіе споры и раздоры изъ-за вѣры между нами навсегда прекратятся. Будьте же ни униатами, ни православными, ни перевертнями на иные вѣры, а только русинами, только русинами! Развѣ я всѣхъ васъ разумнѣе, разумнѣе цѣлой американской Руси? А я — только русинъ, только русинъ!»

И, однимъ гигантскимъ прыжкомъ соскочивъ съ платформы, Петръ Ткачъ почти выбѣжалъ изъ зала, прежде чѣмъ опѣившее собраніе успѣло прійти въ себя. Онъ минулъ уже лавку «Русской торговой компаніи», прошелъ чрезъ весь сосѣдній кварталъ и находился уже у зданія мѣстной почтовой конторы, когда изъ зала надъ этой лавкой стали доноситься звуки марша, знаменовавшаго собой открытіе танцевъ. Распорядители этого годового увеселенія «Русскаго народнаго союза» были чрезвычайно довольны, что своимъ быстрымъ и совершенно внезапнымъ удаленіемъ изъ зала Ткачъ предупредилъ и пресѣкъ всякіе дебаты по этому столь сложному предмету, которые несомнѣнно затянули бы балъ до самаго утра.

Цѣлую недѣлю потомъ во всѣхъ русскихъ колоніяхъ штата Пенсильваніи, въ особенности тѣхъ, которыя изобилуютъ членами «Русскаго народнаго союза», только и было разговору, что объ изумительной рѣчи Петра Ткача на годовомъ увеселеніи. Многіе его порицали и осуждали, объявляя, что у него, очевидно, нѣтъ вовсе никакой вѣры, но зато, съ другой стороны, многіе его защищали и поддерживали самымъ ревностнымъ образомъ, заявляя, что онъ есть настоящій и отважный русинъ. Было замѣтно вообще, что старшее русское поколѣніе, состоящее изъ лицъ лѣтъ за сорокъ

и болѣе, его въ значительной своей части осуждало, между тѣмъ какъ молодое русское поколѣніе, состоящее изъ лицъ лѣтъ до тридцати и за тридцать до сорока, его поголовно защищало и превозносило до небесъ. Самъ онъ цѣлую недѣлю не выходилъ изъ дома, совершенно углубившись въ свою работу. «Американскій Русскій Вѣстникъ», еженедѣльный органъ главной вѣроисповѣдной русской организаціи въ Америкѣ, извѣстной подъ именемъ «Греко-католическаго соединенія», редактируемый свѣтскимъ лицомъ угрорусскаго исхода, отозвался о томъ, что онъ называлъ «выходкой пана Ткача», въ самыхъ ѣдкихъ и саркастическихъ выраженіяхъ, между тѣмъ какъ «Свобода», еженедѣльный органъ «Русскаго народнаго союза», редактируемый галицко-русскими священниками, отозвался о его рѣчи вполне одобрительнымъ образомъ, давая понять, что вполне раздѣляетъ высказанные въ ней принципы.

III.

Констэбль представляетъ собой въ городахъ, городкахъ и посадахъ «страны свободы» должностное лицо самаго страннаго свойства. Обязанностью констэбля является охраненіе мира и спокойствія, и съ этой цѣлью онъ имѣетъ право производить аресты, заключать подъ стражу и вламываться въ дома. Будучи снабженъ такимъ образомъ обвинительной властью въ весьма широкой степени, онъ является въ то же время не чѣмъ инымъ, какъ своего рода придаткомъ къ камерѣ участковаго мирового судьи, отъ котораго находится въ извѣстной зависимости и получаетъ порученія по части доставленія по принадлежности повѣстокъ, заочныхъ рѣшеній и разныхъ иныхъ документовъ, исходящихъ изъ камеры за подписью судьи, какъ по процессамъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ. Такимъ образомъ американскій констэбль соединяетъ въ своей особѣ функціи полицейскаго надзирателя и судебного пристава по русской терминологіи, будучи въ то же время независимъ отъ регулярнаго полицейскаго начальства и обладая мироохранительно-обвинительной властью въ широкой степени. Постъ констэбля представляется выборнымъ въ узкомъ, участковомъ смыслѣ слова, и ему обыкновенно не присвоено никакого содержанія. Вознагражденіе за службу свою американскій констэбль получаетъ въ видѣ платы за врученіе повѣстокъ, исполненіе судебныхъ рѣшеній, производство арестовъ и т. п. по таксѣ, установленной закономъ. При подобномъ положеніи этой должности по части полученія содержанія ни одинъ сколько нибудь порядочный американецъ ни за какія блага въ мірѣ не станетъ баллотироваться въ таковую, и ищутъ ея лишь лица, совершенно потерянные, по преимуществу отъявленные негодяи. Такъ какъ создать какъ можно болѣе всяческихъ дѣлъ, въ осо-

бенности уголовныхъ, въ предѣлахъ своего городка или посада (крупные американскіе города отличаются инымъ устройствомъ) въ прямыхъ интересахъ констэбля, то отсюда въ связи со всѣми прочими условіями полученія и прохожденія этой должности является нижеслѣдующая поистинѣ поразительная аномалія. Въ то время какъ по закону основной обязанностью констэбля представляется охраненіе мира, и спокойствія и поддержаніе порядка, въ дѣйствительности въ повседневной жизни американскихъ городковъ и посадовъ онъ оказывается обыкновенно самымъ дерзкимъ нарушителемъ мира, самымъ наглымъ похителемъ общественнаго спокойствія, самымъ опаснымъ врагомъ, безпричинно и внезапно вторгающимся и даже вламывающимся въ частныя жилища подъ самыми фантастическими предлогами.

Альбертъ Добертъ, одинъ изъ двухъ констэблей города Шенектоди, пользовался громкой, хотя и незавидной славой по всей восточной Пенсильваніи. Онъ производилъ аресты направо и налѣво безъ всякой причины, по измышленнымъ поводамъ и безъ всякаго, вопреки закону, судебного постановленія; онъ беззаконно и безконтрольно сажалъ своихъ согражданъ въ кутузку и держалъ ихъ въ этомъ мрачномъ и грязномъ мѣстѣ заключенія по нѣсколькимъ днямъ; онъ вторгался и вламывался въ дома шенектодійскихъ гражданъ обыкновенно въ отсутствіе мужей, отцевъ и братьевъ подъ предлогомъ взысканія квартиронаемной платы, на которое будто бы былъ словесно уполномоченъ владѣльцемъ дома, если только не находилъ къ тому никакого иного предлога, и если среди находившихся въ домѣ не оказывалось достаточно смѣтливаго существа, которое догадывалось сразу угостить его бутылкой пива или дать ему мелкую взятку «на выпивку», то терроризовалъ всѣхъ ихъ по цѣлымъ часамъ. Такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ для возбужденія судебного преслѣдованія противъ должностнаго лица за преступленіе или проступокъ по должности вовсе не требуется согласія его начальства, и подобное преслѣдованіе возбуждается въ общемъ порядкѣ по частной жалобѣ, или, точнѣе говоря, самимъ обиженнымъ лицомъ, то противъ констэбля Альберта Доберта возбуждалось шенектодійскими гражданами безчисленное множество судебныхъ преслѣдованій за всѣ его насилія, незаконные аресты и дерзкія вымогательства. Однако, благодаря покровительству со стороны судьи округа и особенностямъ американскаго правосудія, совершенно непостижимымъ для русскаго читателя, всѣ эти преслѣдованія или заканчивались примиреніемъ сторонъ предъ мировымъ судьей или присужденіемъ Альберта Доберта въ окружномъ судѣ къ ничтожному штрафу, который онъ на слѣдующій же день сторицей покрывалъ новыми вымогательствами. Подобное положеніе дѣлъ тянулось въ Шенектоди изъ года въ годъ, и къ нему граждане этого значительнаго городка каменноугольнаго района успѣли

уже попривыкнуть. Терпѣніе и тупое безразличіе американцевъ во многихъ областяхъ повседневной жизни представляются поистинѣ изумительными. Такъ какъ никто иной никогда не желалъ баллотироваться на должность констэбля второго отдѣла города, и Альбертъ Добертъ являлся всегда единственнымъ на такую кандидатуру, то онъ съ безчестіемъ, если можно такъ выразиться, занималъ этотъ постъ цѣлыхъ десять лѣтъ. Наиболѣе достопримѣчательныя изъ его дѣяній являются предметомъ мѣстныхъ преданій.

Такъ, однажды, лѣтнимъ вечеромъ, идя по улицѣ, знаменитый шенектодійскій констэбль запримѣтилъ старика лѣтъ за шестьдесятъ, съ необыкновенно серьезнымъ и солиднымъ выраженіемъ лица, проходившаго по той же улицѣ съ саквояжемъ въ рукахъ. Будучи навеселѣ, Альбертъ Добертъ былъ нѣсколько задѣтъ столь серьезнымъ выраженіемъ лица проходившаго старика и, вспомнивъ, что въ тотъ же день пополудни получена имъ отъ полиціи сосѣдняго городка Шенандоа телеграмма, извѣщавшая его о вѣроятномъ прибытіи въ Шенектоди знаменитаго конокрада, человѣка уже не первой молодости, порѣшилъ, что ему представляется весьма удобный случай расчитаться со старикомъ за его чрезмѣрную и излишнюю серьезность. Поэтому, недолго думая, онъ бросился на неизвѣстнаго преклонныхъ лѣтъ и, схвативъ его за шиворотъ, потащилъ изумленнаго, потрясеннаго и совершенно опѣшившаго старца въ кутузку. По дорогѣ старикъ, однако, нѣсколько пришелъ въ себя и, вынувъ изъ саквояжа офиціальныя документы, предъявилъ его бѣснующемуся блюстителю порядка и спокойствія. Это было офиціальное свидѣтельство пенсіоннаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ въ Вашингтонѣ, гласившее, что предъявитель онаго, Карлъ Юнгъ, есть федеральный пенсіонный агентъ отдѣла по восточному округу штата Пенсильванія. Несмотря, однако, на предъявленіе означеннаго свидѣтельства, пенсіонный агентъ Карлъ Юнгъ цѣлыхъ три дня просидѣлъ въ грязной, мрачной и сырой кутузкѣ городка Шенектоди, пока, благодаря содѣйствію мѣстныхъ газетныхъ репортеровъ и нѣсколькимъ телеграммамъ, ими посланнымъ въ Вашингтонъ, не былъ наконецъ освобожденъ. За подобное умышленно безпричинное арестованіе должностнаго лица федеральнаго управленія и продержаніе онаго въ мѣстѣ заключенія цѣлыхъ три дня безъ всякаго судебного постановленія констэбль Альбертъ Добертъ былъ присужденъ въ окружномъ судѣ къ уплатѣ штрафа въ 10 долларовъ и, выйдя изъ зданія суда, тутъ же сталъ издѣваться надъ своимъ обвинителемъ, пенсіоннымъ агентомъ Юнгомъ, не перестававшимъ жаловаться, что продержаніе его въ теченіе трехъ дней въ сыромъ арестномъ помѣщеніи города Шенектоди на три года подвинуло усиленіе его ревматизма, какимъ онъ издавна страдалъ.

Главными излюбленными жертвами сего знаменитаго констэбля каменноугольнаго района штата Пенсильваніи были, однако, всевозможные иммигранты, каждый годъ наводняющіе этотъ районъ.

Незнакомый съ законами, правами, обычаями и языкомъ страны, уstraшенный повелительнымъ тономъ, свирѣпымъ видомъ, звѣрскими пріемами и дикимъ ревомъ констэбля, свѣжій и въ особенности новоприбывшій иммигрантъ готовъ былъ отдать все, даже послѣднюю рубаху, лишь бы только вырваться живымъ изъ его рукъ.

Въ книгѣ судебъ отъ начала вѣковъ написано было, что нѣкій русинъ, Дмитро Верзило имя ему, долженъ въ сей юдоли земной попасться въ лапы шенектодійскаго констэбля Альберта Доберта. Дмитро Верзило прибылъ изъ Галичины въ Нью-Йоркъ ¹⁾ ранней весной и съ желѣзнодорожнымъ билетомъ, всунутымъ ему въ руки однимъ изъ безчисленныхъ агентовъ по продажѣ пароходныхъ и желѣзнодорожныхъ билетовъ, былъ допущенъ въ желѣзнодорожный поѣздъ, который доставилъ его въ г. Шенандоа. Здѣсь пришлось ему узнать, однако, что родственники его, выписавшіе его изъ Стараго Свѣта въ Новый Свѣтъ, недавно переѣхали на жительство не то въ Моунтъ-Кармель, не то въ Шенектоди. Не имѣя ни иныхъ родныхъ, ни знакомыхъ въ Шенандоа, онъ лишь съ нѣсколькими американскими серебряными монетами въ карманѣ отправился пѣшкомъ разыскивать своихъ родственниковъ. Вечеромъ слѣдующаго дня, измученный и полуголодный, приплелся онъ въ Шенектоди. Ярко освѣщенныя окна лавокъ и магазиновъ такъ и манили его къ себѣ, но въ особенности привлекали его окна салоновъ, въ которыхъ бутылки всевозможныхъ водокъ и винъ, сгруппированныя въ квадраты, пирамиды и иныя геометрическія фигуры и освѣщенныя яркимъ, сконцентрированнымъ электрическимъ свѣтомъ, искрились, блистали и переливались тысячами разноцвѣтныхъ и фантастическихъ огней. Одинъ огромный салонъ, выходявшій въ совершенно темную боковую улицу, привлекъ особое его вниманіе. Коллосальная фляга, этакъ ведеръ въ десять, какой онъ никогда еще не видѣлъ въ своей жизни, наполненная какой-то темно-красной жидкостью, которая казалась ему превосходнѣйшей старо-краевой вишневкой, загромаждала собой все окно. Внизу ея, точно карлики предъ великаномъ, выстроились обыкновенныя винныя и водочныя бутылки разныхъ цвѣтовъ. Когда сей изнуренный и полуголодный русинъ, пѣшкомъ приплетшійся въ г. Шенектоди въ поискахъ за своими родственниками, совершенно погрузился въ созерцаніе сего дивнаго зрѣлища, изъ дверей салона вышелъ мужчина небольшого роста, въ обыкновенномъ платьѣ, съ бѣгающими сѣрыми глазами и пухлыми

¹⁾ На огромномъ океанскомъ пароходѣ «Кампанія».

щеками, рдѣвшими отъ значительнаго возліянія, которому онъ только что подвергнулся. Опытный глазъ шенектодійскаго констэбля сейчасъ же распозналъ въ особѣ глазбьющаго Верзила только что прибывшаго въ Америку иммигранта. Онъ стремительно ринулся къ погруженному въ созерцаніе колоссальной фляги и окружающихъ ее бутылокъ и заревѣлъ по-англійски: «а что ты здѣсь, шельма, дѣлаешь?!».

Ошеломленный неожиданностью нападенія, пораженный незнакомой ему рѣчью, устрешенный яростнымъ видомъ блюстителя порядка, Дмитро Верзило отшатнулся назадъ съ такой силой, что едва устоялъ на ногахъ. Однако въ ту же минуту, собравшись съ духомъ, онъ опрометью бросился за уголь и пустился безъ оглядки бѣжать вдоль широкой и ярко освѣщенной улицы. «Стой, стой, мерзавецъ!» ревелъ Альбертъ Добертъ, пустившійся за нимъ въ догонку. Природная прыткость, неописуемый ужасъ и пустой желудокъ были на сторонѣ злополучнаго иммигранта; природная грузность, тяжело набитый желудокъ и состояніе значительнаго опьяненія были противъ бѣсноватаго констэбля. Поэтому разстояніе между этими двумя разновидностями рода человѣческаго постепенно увеличивалось, а вмѣстѣ съ нимъ увеличивалось и бѣшенство блюстителя порядка и спокойствія въ городѣ Шенектоди. Мгновенно нѣсколько прохожихъ и куча празднопатающихся мальчишекъ бросились въ догонку за убѣгавшимъ, а къ нимъ на каждомъ шагу и каждомъ перекресткѣ присоединялись новые прохожіе и новыя кучи мальчишекъ, такъ что чрезъ нѣсколько минутъ огромная толпа гналась за только-что прибывшимъ въ Новый Свѣтъ русскимъ иммигрантомъ. Кто никогда не видалъ собственными глазами американской толпы, тотъ положительно не въ состояніи себѣ представить, со сколь неимоверной, если можно такъ выразиться, электрической быстротой она сбѣгается и возрастаетъ, какая бездна самаго необузданнаго любопытства въ ней таится, вырываясь наружу по самому ничтожному поводу и изъ-за самаго незначительнаго событія, любопытства, внезапно переходящаго въ припадокъ неописуемаго звѣрства, если сумятица окажется вызванной какимъ либо болѣе или менѣе серьезнымъ преступленіемъ. Эта типичная американская толпа, о какой злополучный Дмитро Верзило никогда въ своей жизни не слышалъ, нынѣ гналась за нимъ по большой, широкой, ярко освѣщенной улицѣ, сопровождая эту своеобразную охоту на человѣка крикомъ, ревомъ, гикомъ и пронзительнымъ свистомъ, смѣшивавшимся съ лаемъ дюжины дворовыхъ собакъ, вообще составляющихъ болѣе или менѣе необходимую принадлежность американской толпы во всѣхъ подобныхъ оказіяхъ. Несчастному казалось, что за нимъ гонится стая демоновъ, и онъ удваивалъ свои усилія улепетнуть отъ своихъ ужасныхъ преслѣдователей. «Остановись, а не то я стану въ тебя стрѣлять!»

ревѣль констэблѣ, изъ котораго столь продолжительная и усиленная погоня стала уже вышибать водочные и винные пары. Новый приливъ силъ и энергіи въ убѣгавшемъ былъ отвѣтомъ на эту угрозу, хотя онъ и не понималъ ея смысла и значенія. Раздался оглушительный выстрѣлъ изъ револьвера, пуля просвистѣла высоко надъ головой бѣглеца, и, объятый ужасомъ, выбившись изъ силъ, онъ повалился на землю...

Прежде чѣмъ Дмитро Верзило успѣлъ прійти въ себя, онъ, окруженный кучкой полисменовъ въ своей обычной темно-голубой формѣ и густой толпой народа, крѣпко стиснутый за шиворотъ грубой рукой констэбла, слегка дрожавшей отъ безрерывнаго пльнства, въ легкихъ стальныхъ кандалахъ, еле замѣтной цѣпью связывавшихъ его руки, стоялъ предъ мировымъ судьей. То обстоятельство, что мировые судьи менѣе значительныхъ городовъ штата Пенсильваніи держатъ засѣданія въ своихъ камерахъ не только въ теченіе почти цѣлаго дня, но точно также и по вечерамъ, а равно и во всякое время по особымъ поводамъ, спасло схваченнаго отъ немедленнаго, безъ заслушанія дѣла, вверженія въ мѣсто заключенія. Во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи онъ оказался счастливѣе многихъ иныхъ иммигрантовъ и даже прирожденныхъ американскихъ гражданъ, которыхъ та же грубая и всегда трясущаяся рука констэбла безъ всякихъ разговоровъ и объясненій ввергала въ грязное и сырое арестное помѣщеніе города Шенектоди.

— Какъ ваше имя?—спросилъ мировой судья, слегка окинувъ его своимъ спокойнымъ, серьезнымъ взглядомъ.

Въ отвѣтъ Дмитро Верзило отрицательно замоталъ головой и безнадежно развелъ руками, на которыхъ въ этотъ моментъ зазвенѣли стальные поручни.

— Онъ не понимаетъ ни слова по-англійски! — сразу раздалось съ дюжину голосовъ.

— Ну, такъ пробуйте спрашивать его на разныхъ языкахъ, — также спокойно отозвался мировой судья, совершенно привыкшій уже имѣть дѣло съ разношерстнымъ и многоязычнымъ народонаселеніемъ каменноугольнаго района.

— Какъ твое имя? — спросилъ кто-то изъ толпы по-итальянски.

Дмитро снова отрицательно замоталъ головой, воздерживаясь отъ жестикюляціи руками, такъ какъ столь необычайный для его уха звонъ ручныхъ кандаловъ, съ которымъ связывалось въ его еще европейскомъ умѣ представленіе о тяжкомъ преступникѣ, повергалъ измученный духъ его въ глубокое уныніе.

— Какъ твое имя?— послѣдовалъ снова вопросъ, на этотъ разъ по-нѣмецки.

Дмитро снова отрицательно замоталъ головой.

— Какъ тебя звать? — спросилъ кто-то изъ толпы по-малорусски.

— Дмитро Верзило! — радостно прокричалъ узникъ, внезапно бросаясь къ заговорившему порусски и будучи при всеобщемъ хохотѣ удержанъ твердой, хотя и трясущейся, рукой констэбля.

— Идите сюда и задавайте ему вопросы, — предложилъ судья неизвѣстному русину все тѣмъ же своимъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ.

Новообъявившійся переводчикъ, плотный коренастый мужчина лѣтъ за тридцать, выступилъ впередъ и сталъ переводить вопросы мирового судьи предстоявшему предъ нимъ узнику, а отвѣты этого послѣдняго мировому судьѣ.

— Гдѣ проживаешь?

— Пока еще нигдѣ не проживаю, потому что я только что пріѣхалъ изъ Галичины въ Шенондоа къ зятю моему Андрею Шпаку, а такъ какъ онъ недавно оттуда выѣхалъ не то въ Мунтъ-Кармель, не то сюда въ Шенектоди, то я, не имѣя денегъ на проѣздъ, отправился пѣшкомъ его разыскивать.

— Вотъ видите, конечно, бродяга и опасная личность, — всталъ констэбль многозначительно торжествующимъ тономъ.

— Есть ли въ нашемъ городѣ подобная личность, русинъ Андрей Шпакъ? — обратился судья къ кучкѣ полисменовъ.

— Нѣтъ, въ нашемъ городѣ такого человѣка не имѣется, — отвѣтило нѣсколько изъ нихъ разомъ.

— Я очень сожалѣю, но я долженъ задержать васъ въ мѣстномъ арестномъ помѣщеніи до разслѣдованія дѣла, — все тѣмъ же спокойнымъ и серьезнымъ, чисто американскимъ дѣловымъ тономъ объявилъ судья арестованному.

— Въ арестное помѣщеніе! — воскликнулъ Дмитро, всплеснувъ руками, при чемъ на нихъ снова зазвенѣли поручни, и на черныхъ, испуганно бѣгающихъ глазахъ его показались слезы.

— Конечно! куда же больше? — торжествующе отозвался констэбль.

— Можетъ быть, его ктонибудь взялъ бы на поруки! — отозвалось съ полдюжины сочувственныхъ голосовъ изъ толпы, съ каждой минутой все болѣе и болѣе увеличивавшейся, такъ что вся камера вплоть до самой двери была биткомъ набита народомъ.

— Кто же захочетъ взять на поруки никому неизвѣстнаго бродягу, который навѣрное учинилъ гдѣ либо разбой или грабежъ! — внушительно вызывающимъ тономъ заявилъ констэбль, между тѣмъ какъ мировой судья писалъ постановленіе о задержаніи подозрѣваемого въ бродяжествѣ.

— Я беру его на поруки! — раздался вдругъ звучный, отчетливый возгласъ изъ самыхъ заднихъ рядовъ, и высокая, тонкая фи-

гура, подымавшаяся надъ всей толпой, стала пробираться къ столу судьи.

— Очень радъ, очень радъ, господинъ Ткачъ, — все также серьезно произнесъ судья, — очень можетъ быть, что онъ совершенно невинный и безобидный человѣкъ. Зная лично васъ и цѣнность вашей недвижимой собственности въ нашемъ городѣ, я отдаю вамъ его на поручительство въ 300 долларовъ.

И, изорвавъ начатое было постановленіе о заключеніи названнаго Димитріемъ Верзиломъ подъ стражу по подозрѣнію въ бродяжествѣ, судья написалъ новое постановленіе — объ отдачѣ подозрѣваемаго на поручительство американскому гражданину Петру Ткачу, обладающему недвижимой собственностью цѣнностью не мѣнѣе 300 долларовъ.

Когда поручитель Ткачъ подошелъ къ столу судьи для подписанія этого постановленія, констэбль Альбертъ Добертъ внезапно исчезъ. Полисмэны сняли съ арестованнаго поручни, и импровизированный переводчикъ объяснилъ ему, что вотъ этотъ человѣкъ, по имени Петро Ткачъ, одинъ изъ нашихъ самыхъ именитыхъ русиновъ въ городѣ, взялъ его на поручительство въ 300 долларовъ до окончанія дѣла, и что ему слѣдуетъ нынѣ итти со своимъ великодушнымъ поручителемъ въ домъ этого послѣдняго. Собравшаяся толпа стала выражать Ткачу единодушное одобреніе. Самъ обвиняемый первоначально совершенно растерялся вслѣдствіе внезапной новизны своего положенія и какъ-то совершенно остолбенѣлъ, а потомъ вдругъ по внезапному внутреннему побужденію повалился Ткачу въ ноги. Тотъ поспѣшно поднялъ его, шепча ему на ухо: «не дѣлай этого, ибо тутъ люди станутъ смѣяться надъ нашими старокраевыми обычаями!» и также поспѣшно увелъ его изъ камеры.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней только и разговору было въ Шенектоди, что о необычайномъ задержаніи Верзила и взятіи его на поручительство Ткачемъ. Вся мѣстная русская колонія, не исключая и русскаго священника, перебивала въ его домѣ. Всѣ расхваливали его до небесъ, называя его совершенно особеннымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ человѣкомъ. «Не то, не то, — неизмѣнно отвѣчалъ онъ со своей обычной серьезностью, — совсѣмъ не особенный: я — просто русинъ, только русинъ».

Е. Н. Матросовъ.

„МУРАВЬИ“.

(Изъ экскурсій въ окрестности г. Новгорода).

ВЪХАЛЪ по берегу Волхова. Дорога тянулась ломанной линіей, то врѣзываясь въ холмы, пригорки, то перебрасываясь чрезъ овраги, ручейки. Дорога хорошая, но скучная и однообразная съ ея обсаженными по мѣркѣ деревьями, мелькающими въ глазахъ до утомительности. При ея посредствѣ сообщались три штаба бывшихъ поселенныхъ войскъ, надъ созданиемъ которыхъ такъ трудился графъ Аракчеевъ, предрекая имъ свѣтлую будущность.

Строили ее поселяне, а хозяиномъ былъ самъ графъ. Если Аракчеевъ наблюдалъ за дорогой, какъ за своимъ окомъ, собственноручно подвязывалъ березки, не давалъ упасть соломинкѣ, то станетъ понятно, насколько фундаментально она сооружалась. Рукъ человѣческихъ не жалѣли, да и было ихъ немало: каждый штабъ съ ротами населяло до восьми тысячъ душъ. Сильно потрудились надъ нею поселяне, много поту пролито на эту широкую, гладкую колею съ березками.

А содержаніе дороги у такого педантичнаго, чрезмѣрно строгаго хозяина, какъ графъ, было не легче, чѣмъ ея постройка. Всякій отскочившій камешекъ, всякая сдвинутая съ мѣста вѣтромъ горсть песку больно отзывалась на спинахъ поселянъ. Для кого же понадобились такіе образцовые пути? Для передвиженія войскъ? Нѣтъ. По нимъ скакалъ съ инспекторскими цѣлями Аракчеевъ и ѣздило въ Новгородъ штабное начальство. Быть можетъ, создавая

военныя поселенія, графъ хотѣлъ оживить пустынный Волховъ и дороги сдѣлать къ услугамъ новыхъ насельниковъ. Однако не прошло и пятнадцати лѣтъ, какъ холерный бунтъ краснорѣчиво показалъ, что поселенная система не только бесполезна, но даже губительна въ нашемъ крестьянскомъ быту.

Развѣ можетъ нашъ крестьянинъ жить на нѣмецкій или голландскій ладъ, а такая именно жизнь ему навязывалась: учиться маршировкѣ, ружейнымъ приемамъ, сѣно косить, хлѣбъ убирать, печь топить, избу подметать, форточку отворять—на все былъ извѣстный часъ, на все существовала инструкція, которую графъ въ строевомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ ежедневно исправлялъ и дополнялъ.

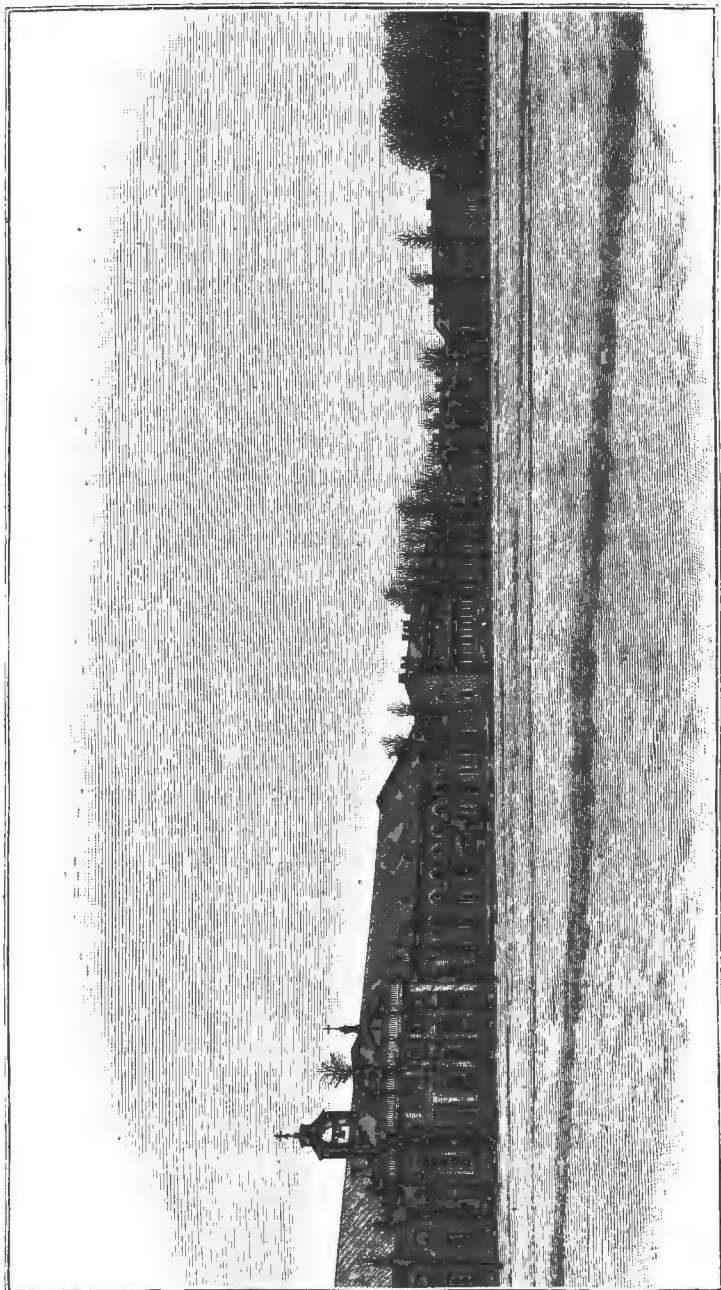
Показались крыши каменныхъ зданій. Это—Муравьевскія казармы, построенныя графомъ въ 1824 году. Первымъ квартирантомъ ихъ былъ прусскій полкъ. Собственно говоря, квартировали здѣсь дѣйствующіе баталіоны, штабъ, комитетъ и прочее управление. Селенія же, окружающія казармы, семь лѣтъ назадъ были преобразованы въ военныя поселенія, гдѣ каждому семейству давались отъ казны связь (шаблонная изба), земельный участокъ, мертвый и живой инвентарь, обмундированіе. Прежнія селенія отдѣльно превратились въ роты, а вмѣстѣ составили округъ полка. Семейства выдѣляли рекрутъ и ставили въ батальоны.

Въѣзжая въ казармы, я едва окинулъ глазомъ обширную площадь — плацъ для военныхъ упражненій, обсаженный деревьями, за которыми лежала широкая дорога. На плацъ, съ интервалами между собою, угрюмо смотрѣли казенныя зданія. Интересно, что зданія эти сохранили ту же кроваво-красную окраску, какую имѣли во времена Аракчеева.

Вотъ они, знаменитые «Муравьи», со своимъ ужаснымъ прошлымъ,—подумалъ я. Эти съ виду прочныя, архитектурныя, богатые дома когда-то заключали въ себѣ казематы для людей, изнемогавшихъ подъ работою отъ зари до зари и жившихъ, какъ указывало имъ начальство; путевой дворецъ, откуда наблюдали начальники за трудными эволюціями, въ которыхъ изнурялся солдатъ и обезсиленный падалъ на землю; пространный плацъ, гдѣ проливалась кровь поселенина за проступки, здѣсь во время бунта валялись изуродованныя тѣла офицеровъ, а послѣ прогнаныя сквозъ строй партіи мятежниковъ.

Я остановился въ дворцовомъ домѣ, гдѣ, какъ прежде, такъ и теперь останавливаются разныя военныя власти.

Историческій домъ съ какой-то оригинальной по фасаду лѣстницей; верхняя площадка ея составляла дно громаднхъ размѣровъ фонаря. Дверь отворилъ не менѣе историческій привратникъ, древній, но проворный старичекъ, жившій здѣсь, какъ оказалось, на правахъ смотрителя съ самаго дѣтства.

Восный плацъ.

Обширная передняя напомнила мнѣ прежнее ея значеніе. Она служила пріемной, гдѣ млѣли и тяжело вздыхали полковые начальники, содрогаясь при всякомъ скрипѣ боковыхъ дверей, откуда вылетала графская гроза.

Я сказалъ свою рекомендацію, и юркій смотритель завертѣлся:

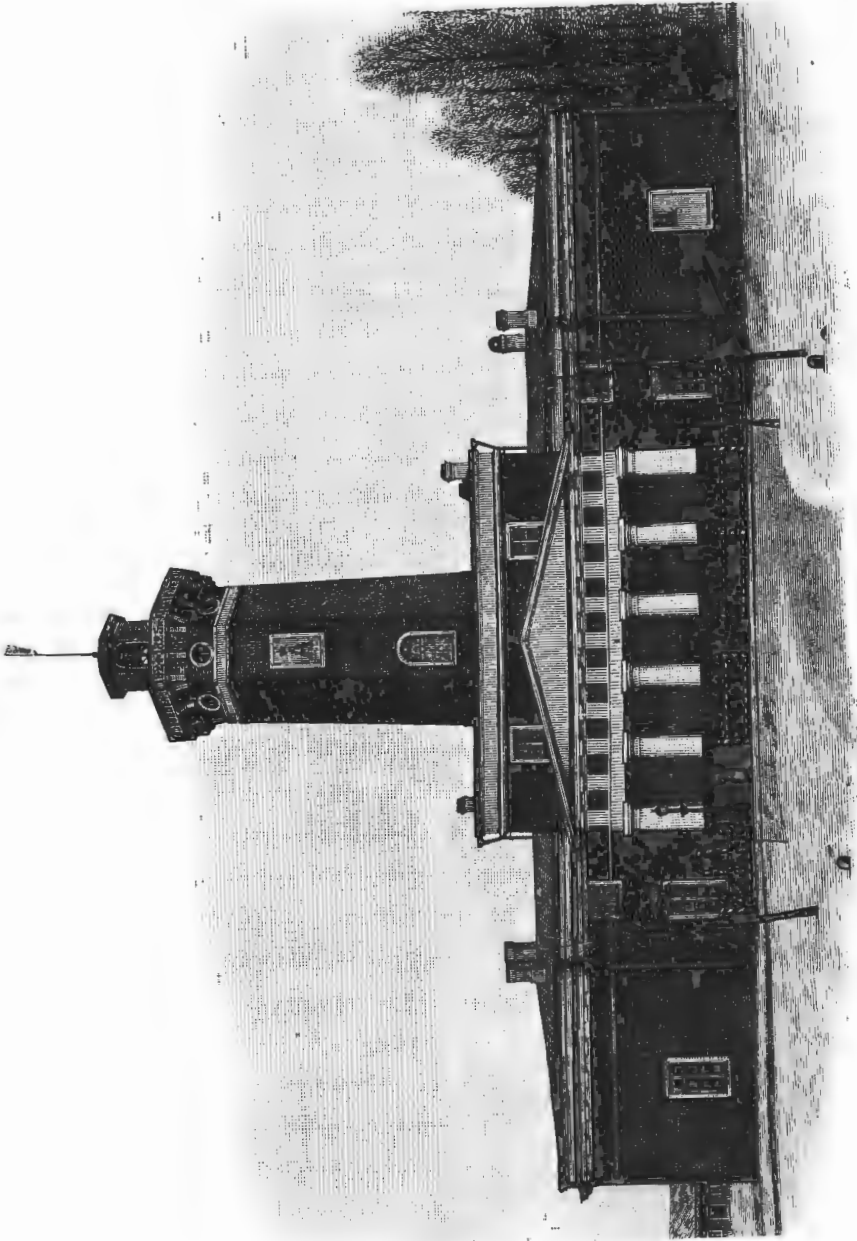
— Пожалуйте въ любую комнату,—предлагалъ онъ, раскланиваясь и указывая сразу обѣими руками на боковыя двери.—И тутъ хорошо, и тамъ не худо. Комнатъ у насъ хоть отбавляй.

Любопытство подстрекнуло меня обойти всѣ комнаты. Дѣйствительно, ихъ было много. Сколько воздуха, свѣта! Потолки, обои, печи, каминны на современный ладъ, зато обстановка сохранилась отъ временъ Аракчеева. Ясневые столы, стулья, шкафы; интересныя ширмы, длинныя этажерки, маленькіе столы со шкафиками; въ одной комнатѣ чикали старинныя часы. Отъ прежней роскоши всюду уцѣлѣли паркетныя полы. Въ общемъ окружающее живо переносило въ прошлое, когда бывали здѣсь цари, великіе князья, графъ Аракчеевъ, генералы Набоковъ, фонтъ-Фрикенъ. Если бы порыться въ полковомъ архивѣ, то несомнѣнно можно было бы узнать и о времени пребыванія этихъ лицъ. Ясно представляешь себѣ, какъ на этихъ стульяхъ, за этими столами когда-то сиживали историческіе люди. Мнѣ даже показывали особый стулъ, на которомъ сидѣлъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій, посѣтившій «Муравьи» въ бытность свою инспекторомъ кавалеріи. Княжескій стулъ больше другихъ, отличается высокой спинкой и катался на колесикахъ, но послѣднія, по «распоряженію начальства», дабы уравнять высоту его съ прочими, недавно отрѣзаны. Видѣлъ бѣлое шелковое одѣяло, мелкой ручной работы; имъ одѣвался императоръ Александръ Николаевичъ, когда пріѣзжалъ на праздникъ уланскаго полка. Говорили, что оно иногда появляется на кроватяхъ проѣзжающихъ. Слѣдовало бы поберечь его, какъ едва ли не единственную въ «Муравьяхъ» вещевую память о государѣ.

На другой день мнѣ пришлось повстрѣчаться съ офицеромъ мѣстнаго полка Л. Ф. Шкадышекъ, который вообще занимается исторіей военныхъ поселеній, а въ особенности энергически дѣлаетъ развѣдки о могилахъ несчастныхъ, павшихъ жертвами мятежа. По осмотру «Муравьевъ» я много обязанъ его любезности.

Съ внѣшней стороны онъ прежде всего обратилъ мое вниманіе на массивныя чугунныя рѣшетки, окружающія плацъ и отдѣляющія каменные флигеля. Верхнія украшенія у нихъ совершенно отсутствуютъ, а иныя мѣста въ самой рѣшеткѣ, чтобы не портить благообразнаго вида, дополнены деревянными спицами.

Почему такое разрушеніе? Я узналъ, что послѣ упраздненія военныхъ поселеній, до 1862 г. въ «Муравьяхъ» квартировалъ уланскій полкъ, затѣмъ шестнадцать лѣтъ казармы пустовали, пока не пришла резервная бригада, которая, пробывъ здѣсь двѣнадцать

Сторожевая башня.

лѣтъ, уступила мѣсто нынѣшнему мортирному полку, еще молодому по своему бытію, сформированному какъ бы для пробы по одному въ каждомъ военномъ округѣ. Въ періодъ опустѣнія, несомнѣнно, былъ надзоръ за цѣлостью имущества, но, вѣроятно, настолько слабый и мало бдительный, что въ «Муравьяхъ» свободно разгуливали люди, готовые ради грошевой наживы уничтожить все цѣнное по стоимости и историческимъ традиціямъ.

Не говоря уже о надзорѣ, даже администрація бригады плохо оберегала знаки прежнихъ мудрыхъ твореній и вообще небезупречно вела хозяйство въ аракчеевскихъ твердыняхъ, такъ что на долю мортирнаго полка пришлось большія заботы по восстановленію разбитаго, разрушеннаго и по очисткѣ всякой грязи и сорности.

По внѣшности въ «Муравьяхъ» бросается въ глаза каланча, возвышающаяся надъ зданіемъ. На верхушкѣ ея выступъ, обнесенный рѣшеткой. Не подлежитъ сомнѣнію, что это были приспособленія для наблюдательнаго поста, но кто и за чѣмъ тамъ наблюдалъ,—неопровержимыхъ данныхъ нѣтъ. Г. Шкадышекъ говорилъ, что онъ хотѣлъ добиться точнаго значенія каланчи путемъ документовъ, но нашелъ лишь отрывочныя доказательства, по которымъ, однако, больше склоненъ предполагать, что эта каланча, какъ и теперешнія городскія каланчи, обслуживала наблюденіе за пожарами въ округѣ и была главною, такъ какъ каждая поселенная рота имѣла свою каланчу, деревянную и меньшихъ размѣровъ. Въ зданіи подъ главной каланчей должны были храниться и пожарные инструменты. Замѣтивъ отсюда пожарный знакъ на какой нибудь ротной каланчѣ (вышкѣ), часовой немедленно посылалъ въ ту роту инструменты.

По разсказамъ же старыхъ поселянъ, каланчи воздвигнуты были съ фискальными цѣлями, будто бы съ нихъ зорко слѣдили, какъ работаютъ и ведутъ себя поселяне. Относительно же пожарнаго обоза существовало втайнѣ мнѣніе, что онъ стоитъ тамъ для отвода глазъ. Такая ложная версія безспорно вытекала изъ строгаго режима надъ поселянами; ихъ заставляли работать безъ отдыха; поэтому и казалось, что за ними всюду надзираютъ, даже изобрѣтаютъ особыя вышки.

Рядомъ съ дворцовымъ домомъ стоитъ другой, едва ли не больше. Ихъ раздѣляютъ громадныя вѣтвистыя липы. Въ этомъ домѣ квартируетъ полковой командиръ, который любезно разрѣшилъ мнѣ осмотрѣть занимаемое имъ помѣщеніе, сохранившее прежнее расположение комнатъ. Квартира представляетъ собою цѣлую анфіладу комнатъ. Кое-гдѣ въ углахъ уцѣлѣли старыя печи, широкія, низенькія; тогдашніе искусные карнизы, массивныя окна. Главнымъ образомъ заслуживаютъ интереса двери, оставшіяся, къ сожалѣ-

нію, только въ нѣкоторыхъ комнатахъ. Всѣ онѣ изъ краснаго дерева, обложены красивой рѣзбой, съ мѣдными пеглями.

Въ общемъ командиръ обратилъ мое вниманіе на особенность квартиры: она всѣми окнами выходитъ на дворъ. Я попробовалъ объяснить это тѣмъ, что, быть можетъ, этажъ раздѣленъ на нѣсколько квартиръ, и настоящая пришлась сзади.

— Нѣтъ, тутъ непростая случайность, — возразилъ полковникъ. — Такъ дѣлалось умышленно. Въ этомъ этажѣ одна моя квартира въ четырнадцать комнатъ. Изъ нихъ всѣ парадныя на заднемъ планѣ, тогда какъ переднія и людскія обращены на фасадъ.

— Правда?

— Увѣряю васъ. Посмотрите въ офицерскихъ флигеляхъ, тамъ то же самое.

— Что бы это значило? — любопытствовалъ я.

— Графъ Аракчеевъ скрывалъ отъ офицерскихъ семей кровавыя зрѣлища.

— Это какъ же?

— Поселянъ на плацу хлестали шпицъ-рутенами, такъ заднія комнаты скрывали людскія страданія.

Я почувствовалъ, какъ нервная дрожь пробѣжала по всему тѣлу, не хотѣлось вѣрить въ подобныя воспоминанія, но во времена аракчеевскія это было правдоподобно.

Озираясь, я подумалъ, какъ все здѣсь устроено прочно, красиво, просторно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ нравственной точки зрѣнія гнусно.

Лучше бы, кажется, переустроить, поступиться исторической неприкосновенностью, лишь бы забыть гадкія цѣли такого расположенія. Невольно пробуждалось отвращеніе и являлось желаніе, какъ бы поскорѣе уйти изъ этой злосчастной анфилады.

— Не сомнѣваюсь, вы, полковникъ, позволите мнѣ посмотреть ваши казармы, — сказалъ я, раскланиваясь.

— Отчего же? Вотъ капитанъ васъ проводитъ и все расскажетъ, — указалъ онъ на г. Шкадышекъ.

— Это потому, что желательно помѣстить «Муравьи» гдѣнибудь въ историческомъ изданіи.

— Очень пріятно, для литературы, науки я всей душой готовъ. Отъ командира мы пошли въ манежъ.

Громадная продолговатая площадь, обнесенная каменными стѣнами и покрытая желѣзной крышей. Вмѣсто пола, — влажная земля, разрыхленная копытами.

Воздухъ былъ теплый, насыщенный конскимъ потомъ. Въ обѣихъ концахъ глядѣли короткія пушки-мортиры, вдоль стѣнъ на порядочныхъ интервалахъ стояли желѣзныя печи — и больше ничего. Ставъ среди манежа, я представлялъ себѣ, что попалъ какъ

будто въ какой-то гигантскій подземный коридоръ, который освѣщался откуда-то притокомъ дневного свѣта.

— Какъ вамъ нравится это зданіе?—спросилъ меня мой руководитель.

— Интересное,—только могъ я отвѣтить, не умѣя цѣнить подобныхъ сооружений.

— Нашъ манежъ,—продолжалъ онъ,—по величинѣ и освѣщенію одинъ изъ первыхъ въ Россіи. Смотрите, какая громада, даль; пушки на томъ концѣ кажутся игрушечными. А какъ свѣтло! Въ два ряда окна—это рѣдкость въ нашихъ манежахъ.

— Теперь не угодно ли пройти въ казармы?—предложилъ мнѣ офицеръ.—Можно, не выходя изъ манежа: тутъ есть внутренній выходъ.

Мы проходили между пушекъ, покрытыхъ чехлами.

Въ солдатскомъ «дортуарѣ» было людно.

Старшій скомандовалъ «смирно», но г. Шкадышекъ махнулъ рукой, давая этимъ разрѣшеніе держаться вольно.

Въ два ряда плотно стояли койки. Надъ изголовьями возвышались рамы, на которыхъ висѣло оружіе, аммуниція и немудрый обиходъ солдата. Вѣшалки у стѣнъ облѣплялись шинелями. Черезъ пять-шесть коекъ оставлялся узкій проходъ.

— Это, такъ сказать, преобразование послѣдняго времени,—пояснилъ офицеръ.—При Аракчеевѣ употреблялись нары, гдѣ люди приходили въ соприкосновеніе ночью, и не всякому пріятно имѣть сосѣда, спавшаго спокойно. Какъ вы думаете?

— Совершенно вѣрно,—согласился я и спросилъ: — нары гдѣ нибудь сохранились?

— Есть. Въ слѣдующей батарее вы ихъ увидите.

Дѣйствительно, тамъ вмѣсто коекъ на аршинъ высоты отъ пола тянулся досчаной настилъ, длиною немного больше человѣческаго роста. Къ ногамъ настилъ имѣетъ уклонъ.

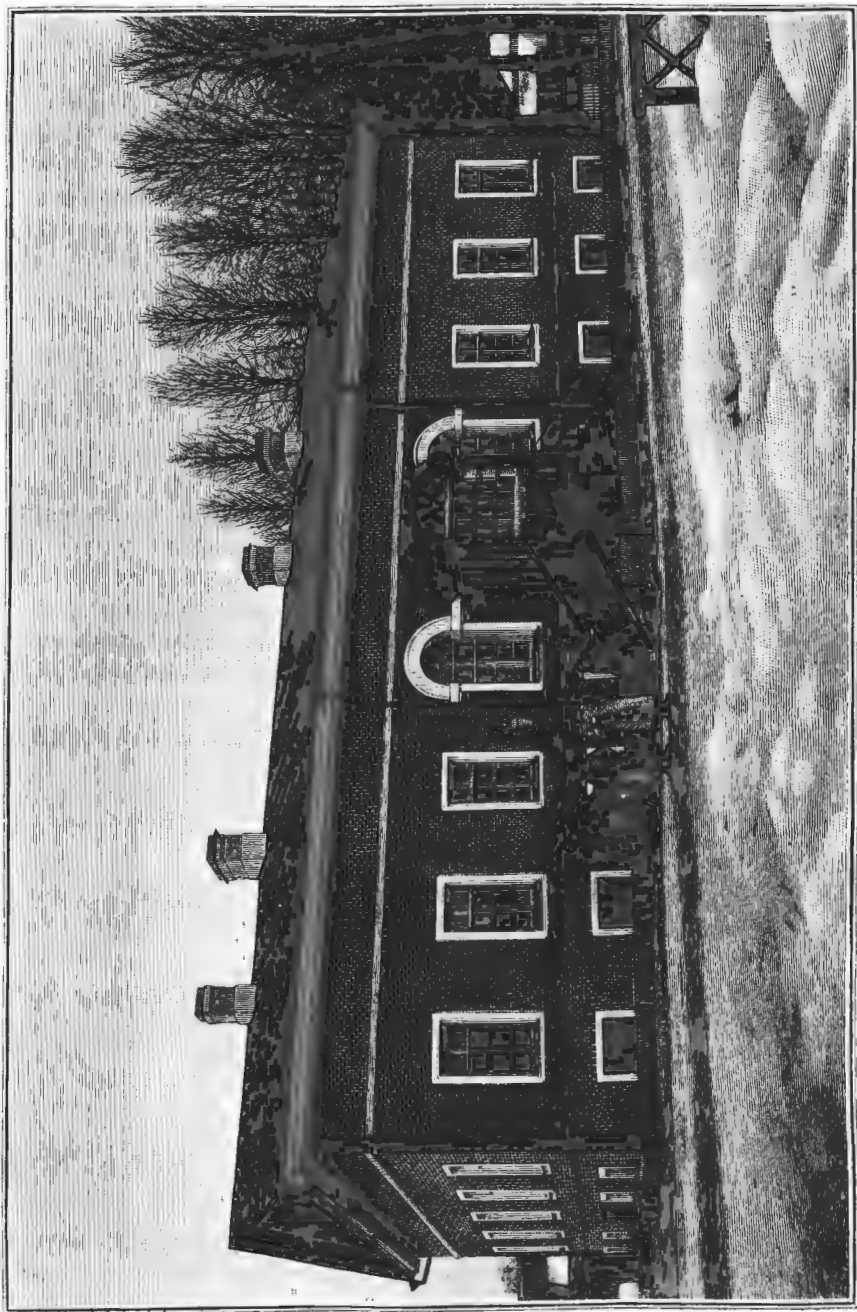
— Кромѣ того, спать на нарахъ вредно,—продолжалъ офицеръ.—Спящій лежитъ въ наклонномъ положеніи, отъ этого у него неправильное кровообращеніе.

— Почему бы не уничтожить и здѣсь? Добро не Богъ вѣсть какое.

— Пока стоятъ крѣпко. Да, сломаемъ живо, скоро придутъ новыя койки.

— Удивительно, какъ былъ графъ увѣренъ въ долговѣчности своихъ твореній, — резюмировалъ я, пристально осматривая настилъ.—Восемьдесятъ лѣтъ прошло, а нарамъ ничего не сдѣлалось, только немного постерлись да почернѣли.

— Въ «Муравьяхъ» все построено фундаментально,—подтвердилъ офицеръ и предложилъ:—не угодно ли заглянуть, гдѣ довольствуются люди? У каждой батареи своя столовая.

Путевой дворъ.

Мы спустились по темной чугунной лѣстницѣ въ подвальный этажъ. Просто какія-то катакомбы. Низкіе потолки, своды, арки, кирпичный полъ. Квадратныя окна выходили на свѣтъ Божій вровень съ тротуаромъ. Здѣсь все осталось до нашихъ дней такъ, какъ было прежде. Длинные черныя столы, кругомъ скамейки — вотъ и вся незатѣйливая обстановка столовой. Въ углу кухня. Собственно говоря, какая кухня — сложенная изъ кирпича плита, на подобіе старинной лежанки; края для прочности обрамлены желѣзомъ, верхъ устланъ чугунной плитой, сквозь которую широкими жерлами смотрятъ въ потолокъ три котла; подъ каждымъ своя топка. Рядомъ вмазанъ мѣдный кубъ для чая. Въ одномъ котлѣ готовится варено, въ другомъ — каша, третій, такъ называемый запасный, съ кипяткомъ. Пища вынимается металлическими ковшами, насаженными на длинныя палки. Тутъ же виситъ разграфленная доска, на которой, за подписью дежурнаго офицера, ежедневно помѣчается порціонное довольствіе. Прежде всего ставится день и число нижнихъ чиновъ, состоящихъ къ этому дню налицо въ батареѣ; затѣмъ въ клѣткахъ пудовъ и фунтовъ включаются только цифры противъ написанныхъ уже названій провизіи: мяса, капусты, крупы, соли, лука, картофеля и др. Впрочемъ есть и золотниковыя клѣтки для перца и лавроваго листа. Кромѣ плиты, куба и доски, больше никакихъ нѣтъ принадлежностей. Чины приходятъ съ казенными мѣдными чашками, берутъ пищу, ѣдятъ въ столовой или уносятъ съ собой.

Изъ кухни отправились въ кладовыя, куда надо было проникать черезъ какіе-то сырые подвальные коридоры.

— Съ кладовыми мы помучились изрядно, — замѣтилъ г. Шкадышекъ.

— А что?

— Водой заливало. Наконецъ отыскали подъ зданіемъ трубы, исправили, и теперь сухо. Оказывается, что эти коридоры устроены съ цѣлью вынимать и ремонтировать трубы.

— Умно предусмотрѣно.

— Да, въ этомъ честь Аракчееву, — сдѣлалъ особенное удареніе мой спутникъ, какъ бы отгѣняя отъ чего-то другого, гдѣ честь отсутствуетъ.

— Значитъ, графская хвала еще въ землѣ зарыта, — улыбнулся я и выразилъ нетерпѣніе выбраться изъ подземелья на чистый воздухъ.

Перешли въ сосѣднее зданіе, которое стоитъ на берегу и своей красивой архитектурой несомнѣнно привлекаетъ взоръ путника по Волхову.

— Всѣ думаютъ, — говорилъ г. Шкадышекъ, — что это какойнибудь дворецъ, а здѣсь бани.

Мы вошли въ машинное отдѣленіе.

— Посмотрите, воду накачиваетъ старинная машина, осталась отъ военныхъ поселеній. Дѣйствуетъ паромъ.

Правда, механизмъ былъ первобытный, съ грубой, аляповатой отдѣлкой частей. Вертѣлось маховое колесо, высовывались рычаги и куда-то исчезали подъ поломъ. Машина обрѣталась въ исправности и полной наблюдаемости, но почему-то стучала, шумѣла — такое ужъ ея устройство, должно быть. Котельная часть также примитивна, вдѣлана въ кирпичную печь, изъ которой торчатъ краны, водомѣры, градусники.

Тутъ же были двѣ пожарныя машины; обращая на нихъ мое вниманіе, г. Шкадышекъ замѣтилъ:

— Это тоже аракчеевскія. Прежде онѣ стояли подъ каланчей. Представьте, для двухъ машинъ, которыя занимаютъ квадратную сажень, цѣлое пожарное депо. Конечно, помѣщеніе постарались использовать: тамъ сдѣлали гауптвахту, телеграфную станцію, а машины перенесли сюда.

Выходя изъ отдѣленія, я снова любовался зданіемъ и думалъ, что жизнь поселеннаго штаба была гдѣ-то внутри, вдали, а на берегъ выходили зданія въ родѣ бань; между тѣмъ береговая сторона—мѣсто видное съ рѣки, привлекаетъ глазъ проѣзжающаго, поэтому явилась необходимость такъ или иначе маскировать второстепенныя помѣщенія красивой внѣшностью.

Послѣ бань мы очутились на задворкахъ, за офицерскими флигелями, у могилъ начальниковъ, погибшихъ въ холерный бунтъ. Подъ сѣнью дерева глубоко вросли въ землю камни, на которыхъ высѣчены имена жертвъ: Яцковскаго, Дасаева и Денисова. Несчастные были выброшены на мѣста пренебрежительныя и зарыты безъ гробовъ. Теперь могилы ихъ оказались на пашнѣ, среди навозныхъ кучъ, въ полномъ заустѣннн и невѣдѣннн. Г. Шкадышекъ хлопоталъ о перенесеннн праховъ на общее кладбище, недавно отведенное для погребеннн военныхъ, проектировалъ кости положить въ гроба, похоронить достойнымъ образомъ и увѣнчать могилы приличнымъ памятникомъ, по полку ¹⁾ собрали уже деньги на это доброе дѣло... но послѣдовалъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что не по правиламъ религнн вскрывать вѣчное упокоеннн безъ особо важныхъ причинъ.

— Какъ вы думаете,—спросилъ меня офицеръ:—основательно мнѣ отказали?

— По моему мнѣннн, нѣтъ. Не въ духѣ христіанскихъ канонввъ вскрывать могилы тѣхъ, кто скончался естественной смертью, погребенъ по всѣмъ обрядностямъ и на обычномъ кладбищѣ. Но здѣсь какъ разъ противное. Натяжка, опротестовать слѣдуетъ, если у васъ не изсякла энергнн.

¹⁾ Лейбъ-гварднн Петербургскнн полкъ, квартирующнн нынѣ въ Варшавѣ.

— Я не оставлю, пойду выше.

Смотря на моего спутника и переводя взоръ на могильные камни, едва видные и подернутые зеленымъ мхомъ, я душевно поскорбѣлъ: «кануло въ Лету съ той кровавой поры слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, одному Богу извѣстно, есть ли теперь потомство этихъ жертвъ, и знаетъ ли оно объ уцѣлѣвшихъ камняхъ, подъ которыми погребены предки, столь трагически погибшіе. Должно быть, нѣтъ, потому что само Провидѣніе посылаетъ чужого человека, чтобы оказать должную память мученикамъ».

— Невеселая картина,— сказалъ я, перекрестясь, и добавилъ:— еще печальнѣе то, что одно слово, отрицательное слово, можетъ тормозить благородныя желанія, цѣлое симпатичное дѣло.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ покинулъ я брошенные на произволъ судьбы могилы, да и было отъ чего сокрушаться, когда сейчасъ же представилась рѣзкая противоположность. Невдалекѣ, ближе къ дорогѣ, на холмѣ, стоялъ памятникъ. Положимъ, онъ уединялся, выглядѣлъ сиротливо, но представлялъ собою довольно приличную колонку, поставленную на высокомъ фундаментѣ.

На мой вопросъ объ этомъ памятникѣ я получилъ интересное объясненіе. Подъ сей колонкой похороненъ уланскій офицеръ, изъ татаръ, по фамилии Уланъ. Онъ скончался въ то время, когда въ «Муравьяхъ» квартировалъ уланскій полкъ. Какъ мусульманина, его не могли положить на общемъ кладбищѣ, а иновѣрческаго не было; поэтому Улана погребли отдѣльно, выбравъ для могилы красивое мѣстечко и поставивъ подобающій памятникъ.

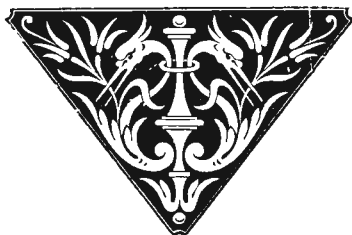
Надъ однимъ изъ зданій въ «Муравьяхъ» возвышается крестъ, обозначающій полковую церковь. Объ этой церкви можно сказать только то, что во время квартированія мортирнаго полка она значительно улучшилась съ вѣшной и внутренней стороны. Въ ней, кажется, нѣтъ такихъ иконъ, которыя придавали бы интересъ храму. Я разумѣю походныя иконы, бывшія въ бояхъ съ непріятелемъ. Въ «Муравьяхъ» какъ-то приходилось стоять воинскимъ частямъ, не ходившимъ на войну, за исключеніемъ уланскаго полка, усмирявшаго польскій мятежъ.

Послѣднимъ обзорѣніемъ было помѣщеніе, гдѣ миниатюрный муравьевскій мірокъ разнообразить свою скучную, апатичную жизнь — это «офицерское собраніе», носившее при графѣ Аракчеевѣ названіе «рестораци». Въ «собраніи» — биллиардная, столовая, залъ, недурно обставленная гостиная. Вскюду, конечно, видна прочность, долговѣчность, но слишкомъ мало свѣта и воздуха. Особенно этими недостатками отличается залъ; потолокъ въ немъ очень низкій, окна только съ одной стороны, да и то, какъ въ главной комнатѣ, выходятъ куда-то на деревянные сараи. Изъ вещей отъ «рестораци» ничего не сохранилось. Я полагалъ, что уцѣлѣлъ хотя металлическій бюстъ Александра I, стоящій въ залѣ,

но оказалось, что онъ приобрѣтенъ недавно на средства мортирнаго полка.

Въ собраніи бывають вечера и любительскіе спектакли. Собирается офицерское общество и веселится. Но случается это не часто, ибо вечера надоѣдаютъ своею односторонностью, а съ театрами немало хлопотъ и возни. Едва ли не лучшимъ развлеченіемъ служатъ поѣздки въ Новгородъ, какъ по удобству пути, такъ и по его краткости: зимою шесть верстъ до Подберезья, первой станціи отъ Новгорода, а лѣтомъ прямо на пароходъ. Вообще же въ свободные дни офицерство предается скукѣ. Къ сожалѣнію, въ «Муравьяхъ» остались лишь жалкіе памятники александровской эпохи, все какъ-то невѣжественно стерто, поругано. Только теперь, благодаря любви къ военной исторіи, г. Шкадышекъ кое-какъ реставрируетъ попорченное и кое-гдѣ отканываетъ вещицы, достойныя украшенія «Муравьевъ».

А. Г. Слезкинскій.

ДАНИИЛЬ ЛУКИЧЪ МОРДОВЦЕВЪ.

(Некрологъ).

Въ июньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатано подробное описаніе чествованія Даниіла Лукича Мордовцева по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его учено-литературной дѣятельности. Чествованіе происходило 22-го апрѣля, а 10-го іюня онъ скончался въ Кисловодскѣ. Въ рѣчахъ, сказанныхъ на юбилей, и въ статьѣ Б. Б. Глинскаго «Литературная дѣятельность Д. Л. Мордовцева», помѣщенной въ февральской книжкѣ нашего журнала текущаго же года, сдѣлана всесторонняя оцѣнка какъ замѣчательной личности, такъ и многочисленныхъ трудовъ покойнаго писателя. Поэтому мы ограничиваемся здѣсь лишь повтореніемъ фактическихъ данныхъ его біографіи, заимствуя ихъ изъ некролога, напечатаннаго извѣстнымъ бібліографомъ П. В. Быковымъ въ № 177 газеты «Слово».

Предки Д. Л. Мордовцева происходили изъ украинскаго казачества, носили двойную фамилію «Слѣпченко-Мордовцевыхъ» и осѣлись въ области Войска Донскаго по рѣкѣ Медвѣдицѣ, въ эпоху смутъ послѣ Мазепы и движенія малороссійскихъ казаковъ на востокъ вообще и «на слободы», въ Слободскую Украину, въ частности. Здѣсь, въ казачьей слободѣ Даниловкѣ 7-го декабря 1830 года и появился на свѣтъ нашъ популярный писатель. Его отецъ былъ управляющимъ этой слободы и довѣреннымъ лицомъ ея владѣльцевъ, помѣщиковъ Ефремовыхъ. Мать происходила изъ духовнаго званія и была

дочерью священника той же Даниловки — Діонисіева. Она осталась вдовою, когда сыну ея не было еще и года, и особенно любила и баловала сироту, самаго младшаго въ семьѣ. Довольно долгое время онъ росъ дикаремъ, на свободѣ, въ степномъ привольѣ своего родного уголка и могъ примѣнить къ себѣ слова поэта:

Я росъ, какъ многіе, въ глуши,
У береговъ большой рѣки,
Гдѣ лишь кричали кулики,
Шумѣли глухо камыши...

Среди дивной природы и очень живописной мѣстности, гдѣ густой лѣсъ и безбрежныя поля, пожалуй, были его первыми воспитателями. Эта обстановка навсегда наложила на Мордовцева свой неизгладимый отпечатокъ и рано заронила въ его душу зерно любви къ свободѣ и родному казачеству. Пяти лѣтъ онъ началъ учиться грамотѣ по-славянски у дьячка Федора Листова, родного племянника его матери. Онъ обнаружилъ большія способности и удивительную память и пристрастился къ чтенію, которое очень рано повліяло на стремленіе юнаго Мордовцева къ творчеству. На десятомъ году, вмѣстѣ съ двумя своими братьями, былъ онъ отвезенъ въ Усть-Медвѣдицкую станицу на Дону и помѣщенъ въ мѣстное уѣздное — по-тогдашнему окружное — училище. Въ училищѣ онъ сперва тосковалъ, преслѣдуемый товарищами, дѣтьми донскихъ помѣщиковъ, за его неумѣнье объясняться по-русски и за «мужичество»; его иначе и не называли, какъ «хохоль-мужланъ». Но, еще съ дѣтства гордый и упрямый, онъ въ какой нибудь мѣсяцъ опередилъ «панычей», попалъ на «красную доску» и превосходно окончилъ курсъ училища. Въ августѣ 1844 года старшій братъ отвезъ его въ Саратовъ и помѣстилъ въ гимназію. Здѣсь онъ также въ первый же мѣсяцъ попалъ на «золотую доску», рядомъ съ А. Н. Пыпинымъ и Г. А. Захарьинимъ, впоследствии знаменитымъ врачомъ. Дружбѣ съ Пыпинымъ, росшимъ съ нимъ въ одной семьѣ, а также и съ П. А. Ровинскимъ, потомъ извѣстнымъ писателемъ-славистомъ, Д. Л. былъ обязанъ очень многимъ, въ особенности работой надъ своимъ образованіемъ. Въ старшихъ классахъ онъ уже писалъ стихи и рассказы и дѣятельно участвовалъ въ рукописномъ журналѣ тѣснаго товарищескаго кружка. Къ окончанію курса молодой Мордовцевъ, между прочимъ, зналъ отлично древніе языки, сочинялъ латинскіе гекзаметры и à livre ouvert переводилъ по-гречески,

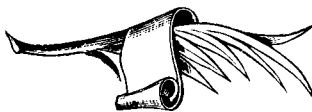
а также обладалъ солидными познаніями изъ исторіи и словесности.

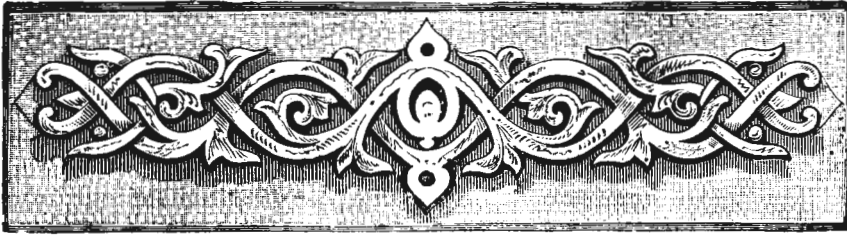
Въ августѣ 1850 г. онъ держалъ экзаменъ въ Казанскій университетъ, желая поступить на физико-математическій факультетъ, но его блестящіе, изумлявшіе профессоровъ, отвѣты по словесности и исторіи измѣнили намѣреніе юноши, и онъ перешелъ на факультетъ филологическій. Студентомъ онъ перевелъ стихами «Краледворскую рукопись» на малороссійское нарѣчіе и былъ любимымъ ученикомъ Изм. Ив. Срезневскаго, съ рвеніемъ изучая языковѣдѣніе и славянскія нарѣчія подъ вліяніемъ проф. В. И. Григоровича. Въ 1851 г. Д. Л. перебрался въ С.-Петербургскій университетъ—на словесной отдѣленіе историко-филологическаго факультета, и очутился снова въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, который составляли Пыпинъ, Вл. Ламанскій, Орестъ Миллеръ, Николай Трушковскій, племянникъ Гоголя, В. В. Бауэръ (впослѣдствіи историкъ) и друг. Въ это время уже набѣгала волна шестидесятыхъ годовъ. Мордовцевъ имѣлъ уже нѣкоторыя литературныя знакомства, и его міросозерцаніе сложилось окончательно подъ вліяніемъ освободительныхъ идей и ненависти къ гнету и насилію лучшихъ людей русскихъ. Двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду онъ блестяще окончилъ курсъ со степенью кандидата и съ золотой медалью за диссертацию: «О языкѣ Русской Правды», написанную имъ еще на третьемъ курсѣ. Осенью 1854 г. онъ уѣхалъ въ Саратовъ, женился на мѣстной уроженкѣ Аннѣ Никаноровнѣ Пасхаловой (урожденной Залетаевой, умершей въ 1885 г. и писавшей подъ псевдонимомъ А. Б—цъ) и сталъ готовиться къ карьерѣ ученаго. Но Н. И. Костомаровъ, быстро сдружившійся съ нимъ, уговорилъ его поступить на службу—редакторомъ неофициальной части «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Съ этого момента для Мордовцева началась та дѣятельность, которая, развиваясь годъ отъ году, сравнительно довольно быстро создала ему имя и почетное положеніе въ литературѣ. Онъ совершалъ поѣздки по губерніямъ, рылся въ архивахъ, занимался статистикой, археологіей, этнографіей и помѣстилъ длинный рядъ статей въ «Вѣдомостяхъ» по этимъ предметамъ, съ 1856 по 1863 годъ. Съ 1859 г. начинается его дѣятельное сотрудничество въ столичныхъ изданіяхъ—въ «Парусѣ» И. С. Аксакова, «Русскомъ Дневникѣ» Мельникова-Печерскаго, «Архивѣ» Калачова, «Русской Газетѣ», «Русскомъ Словѣ» и проч. Очеркъ его «Медвѣдицкій Бурлакъ» обратилъ на себя всеобщее вниманіе и вошелъ затѣмъ во мно-

гія хрестоматіи. Тогда же изданъ имъ въ Саратовѣ «Малороссійскій литературный сборникъ». Въ томъ же 1859 году Д. Л. былъ арестованъ за обличеніе въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» безобразій въ одномъ полку и за проницательное отношеніе къ «крымскимъ героямъ». Его ждало сидѣніе въ крѣпости, но, по совѣту губернатора Игнатъева, Мордовцевъ отправился въ Петербургъ, и ему удалось получить прощеніе. Въ эту поѣздку онъ много работалъ въ Публичной библиотекѣ и напечаталъ: «Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности (1769—1775)», монографіи: «Понизовая вольница», «Паденіе Польши», «Самозванецъ Ханинъ», «Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ», «Самозванецъ Степанъ Малый», «Новыя данныя о лже-Петрѣ III», «О русскихъ школьныхъ книгахъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка» и друг. Съ началомъ изданія малорусскаго журнала «Основа», Д. Л. сдѣлался его дѣятельнымъ сотрудникомъ и напечаталъ въ немъ повѣсти «Дзвонарь» и «Солдатка», которыя очень высоко ставятся малороссійскими критиками. Во вторую свою поѣздку въ Петербургъ онъ сотрудничалъ въ «Голосѣ», гдѣ яростно полемизировалъ съ «Московскими Вѣдомостями» и «Днемъ» по вопросу о русинахъ, за чтѣ «знаменитый» вѣшатель Муравьевъ грозилъ посадить его въ крѣпость. Уѣхавъ въ Саратовъ, гдѣ онъ занималъ мѣсто правителя канцеляріи губернатора, Д. Л. началъ еще усиленнѣе работать въ литературѣ, помѣщая статьи о самозванцахъ, «Гайдамачинѣ» и написавъ два очень сенсаціонные романа: «Новые русскіе люди» и «Знаменіе времени», которые были потомъ запрещены, а третій — «Современные изгой», и совсѣмъ не вышелъ въ свѣтъ по цензурнымъ условіямъ, очень тяжкимъ. Д. Л. работалъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Дѣлѣ», гдѣ помѣстилъ множество публицистическихъ и другихъ статей и, между прочимъ, «Десятилѣтіе русскаго земства» (вышло и отдѣльно), надѣлавшее шуму. Поселившись съ семидесятихъ годовъ въ Петербургѣ, Д. Л. сталъ сотрудничать и въ журналахъ, и въ газетахъ и тогда же началъ серію своихъ многочисленныхъ историческихъ романовъ, выдерживавшихъ по нѣскольку изданій. Человѣкъ любознательный, Мордовцевъ совершилъ рядъ путешествій по Европѣ, Азіи и Африкѣ, которыя дали ему богатый матеріалъ для его путевыхъ очерковъ. Одно время за его труды по исторіи ему намѣревались дать каѣдру въ С.-Петербургскомъ университетѣ, но не состоялось это, кажется, потому, что онъ былъ «вольнодумецъ» и,

какъ думали, мечталъ о возстановленіи Малороссіи. Трудно сдѣлать даже бѣглое перечисленіе всего написаннаго Мордовцевымъ, настолько былъ плодovitъ этотъ почтенный писатель, ярый поборникъ и проповѣдникъ правды и самой широкой свободы.

14-го іюня гробъ съ останками Данила Лукича былъ доставленъ изъ Кисловодска въ родной ему Ростовъ. Какъ сообщаетъ «Новое Время» (№ 10518), встрѣча была скромная. Сопровождаемый небольшой горстью публики траурный corteжъ двинулся центральной улицей къ городскому кладбищу. Впереди несли городское знамя. Противъ зданія «Приазовскаго Края» была остановка. Отъ редакціи возложенъ вѣнокъ. Въ 12 часовъ процессія прибыла на кладбище. Послѣ отпѣванія въ кладбищенской церкви тѣло предано землѣ въ фамильномъ склепѣ, близъ главнаго входа въ храмъ. Рѣчей не было. Краткое прощальное слово сказалъ адвокатъ Волкенштейнъ. Изъ публики послышался возгласъ: «вѣчная память отъ рабочихъ». На гробъ возложено 15 вѣнковъ, въ томъ числѣ отъ ростовскаго городского управленія, литературнаго фонда, евреевъ Пятигорска, Ростова и Нахичевани, студентовъ, ростовскаго коммерческаго клуба, пятигорскихъ газетъ, друзей и близкихъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Графъ и графиня Сѣверные въ Версалѣ (въ 1783 г.).

ЕМУАРЫ XVIII вѣка, особенно Башомона и графини Оберкирхъ, заключаютъ немало подробностей о пребываніи при дворѣ Людовика XVI цесаревича Павла Петровича и его супруги Маріи Теодоровны, урожденной принцессы Вюртембергской.

Недавно во французской печати появился рядъ статей, посвященныхъ пребыванію въ Парижѣ графа Сѣвернаго. Такъ, между прочимъ, перепечатана помѣщенная въ «Revue des études historiques» за 1818 г. (№ 4) статья J. Bellanger: «Un Czarewicz à Paris»; въ «Revue Bleue» отъ 3 октября 1896 г. помѣщена статья Ch. Larivière'a, а въ «Echo de Versailles» отъ 22 октября 1896 г. статья P. de Nolhac'a. Если присоединить къ этому брошюру кавалера du Condray: «Le comte et la comtesse du Nord, anecdote russe, mise au jour», напечатанную въ 1782 г. въ Парижѣ, то этимъ болѣе или менѣе и исчерпывается литература предмета. Наиболѣе существенное и цѣнное, относящееся до пребыванія въ Парижѣ графа Сѣвернаго, рассказано въ извѣстномъ изслѣдованіи Д. Ф. Кобеко: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», но въ настоящее время графъ Флѣри въ «Fantomes et silhouettes» сообщил данныя о пребываніи Павла Петровича въ Версали на основаніи официального «Журнала о томъ, что происходило въ Версалѣ съ момента прибытія графа и гра-

фини Сѣверныхъ до момента ихъ отъѣзда». Документъ этотъ разысканъ въ Парижскомъ національномъ архивѣ виконтомъ де-Груши и сообщенъ графу Флѣри.

Причина, приведшая во Францію великаго князя съ супругою, повидимому, не имѣла ничего общаго съ политикою.

При послѣдовательномъ посѣщеніи важнѣйшихъ европейскихъ странъ и дворовъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ, достигшій 28-лѣтняго возраста, преслѣдовалъ цѣли любознательности и завершенія образованія. Скрываясь вмѣстѣ съ супругою за полуинкогнито, цесаревичъ избралъ прозрачный псевдонимъ, который никого, впрочемъ, не вводилъ въ заблужденіе, такъ какъ графъ Сѣверный, при посѣщеніи дворовъ Германіи, Италіи и Франціи, со стороны европейскихъ государей былъ встрѣчаемъ со всѣмъ почетомъ, присвоеннымъ высокому его сану, и пребываніе его при европейскихъ дворахъ давало поводъ къ ряду официальныхъ празднествъ.

Изъ Царскаго Села графъ Сѣверный съ супругою отбылъ 19 сентября 1781 г. и, посѣтивъ по дорогѣ Псковъ, Полоцкъ, Могилевъ, Черниговъ, Кіевъ и Васильковъ, въѣхалъ въ предѣлы Польши; въ Вишневецѣ, имѣннн гр. Мнишекъ, онъ провелъ нѣсколько дней съ королемъ Станиславомъ-Августомъ, а затѣмъ чрезъ Величку и Троппау направился въ Вѣну, оттуда въ Италію, гдѣ посѣтилъ Венецію, Римъ, Неаполь, Флоренцію, Парму, Миланъ и Туринъ. Весною 1782 г. высокіе путешественники быстро пересѣкли Швейцарію и чрезъ Женеву и Шамбери 26-го апрѣля добрались до Ліона.

На слѣдующій день по приѣздѣ въ Ліонъ великій князь въ сопровожденіи одного адъютанта осматривалъ городъ и, памятуя, что находится въ промышленномъ центрѣ, удостоилъ, въ числѣ первыхъ, своимъ посѣщеніемъ главу мѣстнаго купечества (*prévôt des marchands*). Въ обществѣ послѣдняго великій князь осматривалъ ткацкія фабрики, складъ оружейнаго завода *Saint Etienne* и госпиталя и въ знакъ признательности удостоилъ прево подаркомъ въ видѣ золотой табакерки, осыпанной брилліантами. По вычисленіямъ мѣстнаго купечества, за десятидневное пребываніе въ Ліонѣ высокіе путешественники истратили на подарки, пожертвованія и покупки до милліона франковъ¹⁾.

Въ Парижѣ графъ Сѣверный прибылъ 7—18 мая и остановился въ помѣщеніи русскаго посольства, на углу улицы Грамона и Бульвара. Какъ только разнесся слухъ о прибытіи наслѣдника русскаго престола, толпа зѣвакъ окружила отель и при выѣздахъ высокіхъ путешественниковъ сопровождала ихъ восторженными кликами. Парижане, вообще легко увлекающіеся, тѣмъ восторжен-

¹⁾ Du Condray. Le comte et la comtesse du Nord, p. 66.

нѣе привѣтствовали своихъ высокихъ гостей, что ихъ національному самолюбію льстило это посѣщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ высокіе гости за короткое время пребыванія во французской столицѣ на однѣ покупки тамъ истратили до 3-хъ милліоновъ франковъ ¹⁾). Столичная торговля, и тогда уже не брезговавшая рекламою, воспользовалась прїѣздомъ Павла Петровича для болѣе или менѣе показныхъ выставокъ, вывѣшиванія флаговъ съ русскимъ государственнымъ гербомъ, а на иныхъ магазинахъ даже появились вывѣски «A l'impératrice de Russie». Современники увѣряютъ, будто въ эту пору какой-то портной въ нѣсколько недѣль составилъ себѣ крупное состояніе, продавая дѣтское платьице, вошедшее въ моду потому только, что оно сдѣлано было по собственноручному рисунку Екатерины, набросанному въ одномъ изъ ея писемъ къ Гримму, и сопровождавшему его описанію этого костюма, придуманнаго царственною бабкою для нѣжно любимаго внука Александра.

Это увлеченіе парижанъ отмѣчено и въ перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ, которому императрица, съ свойственною ей насмѣшливостью, писала: «французы мной теперь увлекаются, словно какимъ нибудь перомъ, украшающимъ ихъ шляпы, но терпѣніе! Продлится это столь же долго, какъ любая мода», а впослѣдствіи неоднократно спрашивала своего неутомимаго корреспондента, прошло ли у парижанъ ихъ «vertigo».

20-го мая состоялось представленіе графа Сѣвернаго королю Людовику XVI. Павла Петровича, сопровождаемаго русскимъ посланникомъ княземъ Барятинскимъ, представлялъ королю г. де-ля-Ривъ, въ качествѣ «introduceur des ambassadeurs».

Первое свиданіе прошло сравнительно холодно, благодаря своейственной королю застѣнчивости.

Въ то время, какъ графа Сѣвернаго принималъ король, графиня де-Вержень представляла великую княгиню Марію Феодоровну королевѣ. Вначалѣ графиня Сѣверная, державшая себя нѣсколько натянутою и сумѣвшая проявить въ разговорѣ незаурядныя свои знанія, хотя и не понравилась Маріи-Антуанеттѣ, но произвела настолько внушительное впечатлѣніе на королеву, что та на нѣсколько мгновеній покинула свою высокую гостью и, удалившись во внутренніе апартаменты, потребовала стаканъ воды, при чемъ призналась г-жѣ Кампанъ, что «играть роль королевѣ въ присутствіи державныхъ особъ, призванныхъ занять престолъ, гораздо труднѣе, чѣмъ имѣть дѣло съ царедворцами».

Впрочемъ, застѣнчивость короля и робость, обуявшая королеву, вскорѣ уступили мѣсто обычной ихъ привѣтливости и свободѣ обращенія; на послѣдовавшемъ въ тотъ же день обѣдѣ и вечерѣ

¹⁾ Du Condray, op. cit., стр. 127.

«королева, красивая, словно яркій день, все воодушевляла своимъ присутствіемъ», какъ отмѣчаетъ по поводу этого праздника баронесса Оберкирхъ, сопровождавшая Марію Теодоровну при ея путешествіи во Францію.

«Журналь», напечатанный графомъ Флѣри, подробно описываетъ пребываніе въ Версалѣ великокняжеской четы, и такъ какъ этотъ документъ ранѣе не былъ напечатанъ, то помѣщается нами дальше въ переводѣ цѣликомъ.

«Г. графъ и г-жа графиня Сѣверные прибыли въ Версаль 20-го мая 1782 г., въ 12^{1/2} часовъ пополудни, въ сопровожденіи князя Барятинскаго, полномочнаго министра Россіи при французскомъ дворѣ, и графини фонъ-Бенкендорфъ, статсъ-дамы при графинѣ Сѣверной.

«Князь де-Пуа, губернаторъ Версаля, встрѣтилъ путешественниковъ при выходѣ изъ экипажа, остановившагося подъ сводомъ дворцовой капеллы, и проводилъ ихъ въ отведенные имъ апартаменты принца Кондэ ¹⁾.

«Великій князь и княгиня въ своихъ апартаментахъ застали графа Верженя, министра и государственнаго секретаря, вѣдающаго департаментомъ иностранныхъ дѣлъ, который имъ и былъ представленъ княземъ Барятинскимъ. Въ то же время Верженемъ былъ представленъ князь де-Пуа, въ качествѣ губернатора Версаля, и маршалъ де-Муши ²⁾.

«Герцогъ Вилькье, дежурный при особѣ короля оберъ-камергеръ (*premier gentilhomme de la chambre du roi*), которому было должно о пріѣздѣ графа Сѣвернаго, не замедлил явиться къ нему съ привѣтствіями отъ имени короля. Представлялъ его графу и графинѣ Сѣвернымъ князь Барятинскій. Равнымъ образомъ отъ имени королевы привѣтствовала путешественниковъ княгиня де-Шиме, статсъ-дама королевы.

«Тотчасъ же послѣ того, какъ герцогъ Вилькье поднялся къ королю, отправился туда и графъ Сѣверный ³⁾, въ сопровожденіи графа Верженя, де-ля-Ривъ де-ла-Бришъ, вводителя пословъ, и де-Секвиля, королевскаго секретаря по приему посольствъ ⁴⁾.

¹⁾ Во время пребыванія графа Сѣвернаго въ Версалѣ принцъ Кондэ временно переселился въ помѣщеніе Мартеля Дюраса, оберъ-камергера короля (*premier gentilhomme de la chambre du roi*). (Примѣчаніе «Журнала»).

²⁾ Представленія происходили въ салонѣ графини Сѣверной. (Примѣчаніе «Журнала»).

³⁾ Графъ Сѣверный въ своей передней нашелъ 4 камердинеровъ (*valets de pieds de petite écurie*), которые неизмѣнно ему предшествовали, и 2 королевскихъ носилконосцевъ (*porteurs de chaise du roi*), которые за нимъ слѣдовали, хотя за все пребываніе въ Версалѣ великій князь ни разу не захотѣлъ воспользоваться портшевомъ. (Примѣчаніе «Журнала»).

⁴⁾ При этихъ визитахъ графу Сѣверному путь указывалъ г. Лежандръ, королевскій камердинеръ, котораго для сего назначилъ герцогъ Вилькье, а представилъ графу и графинѣ Сѣвернымъ князь Барятинскій. (Примѣчаніе «Журнала»).

«Г. графъ Сѣверный имѣлъ у короля аудіенцію въ большомъ кабинетѣ его величества, у входа и стоя. Во время аудіенціи присутствовали лишь сановники, министры и высшіе чины двора.

«Послѣ аудіенціи графъ Сѣверный представилъ королю одного изъ своихъ камергеровъ, князя Куракина, и генералъ-лейтенанта службы ея величества императрицы Россійской, графа Салтыкова.

«Выйдя отъ короля, графъ Сѣверный отправился къ королевѣ, которой былъ представленъ тѣмъ же порядкомъ въ опочивальнѣ. Во время этой аудіенціи и королевѣ были представлены князь Куракинъ и графъ Салтыковъ.

«Послѣ аудіенціи у королевы графъ Сѣверный отправился дѣлать визиты дофину и madame, дочери короля, а равно monsieur (старшему брату короля, будущему Людовику XVIII), графинѣ Аргуа, madame Elisabeth (сестра короля), madame Adélaïde и madame Victoire (теткамъ короля), которымъ были представлены и названные выше два приближенныхъ великаго князя¹⁾.

«Графиня Сѣверная отправилась къ королевѣ въ сопровожденіи графини Вержень. Ея величество, въ апартаменты которой перешелъ и король, принимала графиню Сѣверную во внутреннихъ покояхъ²⁾.

«Выйдя отъ королевы, графиня сдѣлала визиты тѣмъ же особамъ, что и графъ, а затѣмъ они вдвоемъ вернулись къ королевѣ, гдѣ имѣли обѣденный семейный столъ со всѣмъ королевскимъ семействомъ въ залѣ, предшествующей опочивальнѣ³⁾.

«Послѣ обѣда, около 5 часовъ пополудни, графъ и графиня Сѣверные вернулись въ свои апартаменты и застали придворныхъ кавалеровъ и министровъ, явившихся привѣтствовать высокыхъ путешественниковъ. Каждый изъ нихъ назывался по фамиліи и представлялся княземъ Барятинскимъ графу и графинѣ Сѣвернымъ, а самый приѣмъ представлявшихся происходилъ въ апартаментахъ графини.

«По окончаніи приѣма, около 6 ч. вечера, графъ и графиня вернулись опять къ королевѣ, и графиня представила ей дамъ своей свиты, сопровождавшихъ ее въ путешествіи⁴⁾.

¹⁾ Герцогъ Вильгельмъ особымъ письмомъ увѣдомилъ князя Барятинскаго, что королевскій камердинеръ Лежандръ имъ назначенъ всюду сопровождать графа и графиню Сѣверныхъ.

²⁾ Для услугъ графинѣ Сѣверной были также назначены 4 камердинера королевы, 2 носильщика и портшезъ. (Примѣчаніе «Журнала»).

³⁾ Всѣмъ лицамъ, назначеннымъ для услугъ при особахъ графа и графини Сѣверныхъ, приказанія отдавались кн. Барятинскимъ чрезъ королевскаго камердинера Лежандра. (Примѣчаніе гр. Флѣри).

⁴⁾ По указанію Д. О. Кобеко, то были супруги Н. И. Салтыкова и Ж. И. Бенкендорфа, фрейлины великой княгини Н. С. Борцова и Е. И. Нелидова и подруга дѣтства Маріи Теодоровны, баронесса Оберкирхъ, пріѣхавшая къ ней въ Парижъ.

«Затѣмъ высочайшія особы вмѣстѣ съ дворомъ и свитою въ карточной комнатѣ королевы слушали превосходный концертъ, причемъ музыканты помѣщались въ галлерей у дверей въ салонъ ¹⁾).

«Послѣ концерта графъ и графиня Сѣверные простились съ ихъ величествами и высочайшими особами, чтобы возвратиться въ Парижъ.

«Выйдя отъ королевы, великокняжеская чета направилась въ свои апартаменты чрезъ галлерей и парадные покои, блестяще освѣщенные и переполненные придворными.

«Графъ и графиня отбыли въ Парижъ въ тотъ же вечеръ въ 9 часовъ ²⁾).

«22-го мая графъ и графиня Сѣверные опять вернулись въ Версаль и, прибывъ въ 8^{1/4} ч. вечера, отправились въ свои апартаменты.

«Тотчасъ же по прибытіи графини Сѣверной, къ ней отправились monsieur (графъ Прованскій) и графъ Артуа.

«Узнавъ о посѣщеніи принцевъ, графъ Сѣверный, находившійся въ своихъ покояхъ, не замедлил прійти въ салонъ своей супруги.

«Послѣ этого визита, продолжавшагося значительно долѣе четверти часа, графъ Сѣверный поднялся вмѣстѣ съ monsieur (графомъ Прованскимъ) и графомъ Артуа къ королю ³⁾, гдѣ ужиналъ во внутреннихъ апартаментахъ.

¹⁾ Придворное собраніе въ этотъ вечеръ было особенно многочисленно. Герцогъ Вильгельмъ, который послѣ предварительныхъ репетицій удостовѣрился, что музыка, помѣщенная въ галлерей, произведетъ надлежащее впечатлѣніе, распорядился устроить передъ дверями въ салонъ королевы помостъ, что позволяло съ большимъ удобствомъ слѣдить за исполнителями концерта; пѣвцы и пѣвицы, исполняя свои партіи, выступали впередъ оркестра.

Дворъ помѣщался у входа въ салонъ. Позади оркестра, въ качествѣ зрителей (vaueurs), размѣстились придворные кавалеры и дамы, не приглашенные въ салонъ королевы. Въ королевскій же салонъ приглашены дежурные придворные чины и супруги высшихъ сановниковъ. Этотъ избранный кругъ располагался отъ дверей карточного салона до дверей въ залу «Oeil de boeuf» на скамьяхъ, разставленныхъ по обѣ стороны салона съ широкимъ проходомъ по срединѣ.

Билеты на посѣщеніе концерта не раздавались.

У дверей салона посѣтителей принимали королевскіе пристава (huissiers), а мѣста указывались королевскими камердинерами. (Примѣчаніе «Журнала»).

²⁾ 21-го мая великокняжеская чета употребила на обзорніе примѣчательнѣйшихъ столичныхъ памятниковъ, отеля де-ла-Рейньеръ (богача-мецената, откупщика), военной школы и французской академіи. Чрезвычайное засѣданіе этого учено-литературнаго собранія высокимъ путешественникамъ особеннаго наслажденія не доставило: Лагарпъ прочелъ сочиненное на этотъ случай стихотвореніе, гдѣ довольно некстати сравнивалъ великаго князя съ Петромъ III, а аббатъ Арно прочелъ характеристику Юлія Цезаря, параллель между которымъ и высочайшимъ посѣтителемъ провелъ далеко не удачно. (Примѣчаніе графа Флѣри).

³⁾ Король словеснаго приглашенія на ужинъ графу Сѣверному не давалъ, но, отправляясь во внутренніе апартаменты, пригласилъ его жестомъ и поклономъ, послѣ чего monsieur и графъ Артуа провели гостя въ столовую. (Примѣчаніе «Журнала»).

«Къ ужину былъ приглашенъ и князь Куракинъ, котораго король приказалъ герцогу Вилькье проводить во внутренніе апартаменты, позвавъ его изъ комнаты Людовика XIV, гдѣ тотъ дожидался графа Сѣвернаго.

«Статсъ-дама королевы, княгиня Шиме, въ 8^{3/4} часа вечера спустилась въ апартаментъ графини Сѣверной, которую и проводила во внутренніе королевскіе апартаменты, гдѣ собраны королева и принцессы.

«Немедленно, вслѣдъ за появленіемъ графини Сѣверной, королева послала сообщить графинѣ фонъ-Бенкендорфъ, Борщовой и Нелидовой, что просить ихъ во внутренніе апартаменты, гдѣ состоялся ужинъ.

«Изъ внутреннихъ апартаментовъ придворные вышли только въ 12^{1/2} ч. ночи, и перешли, по обыкновенію, въ парадные королевскіе апартаменты. Оттуда графиня Сѣверная изволила въ свои апартаменты вернуться въ портшезѣ, а великій князь прошелъ къ себѣ чрезъ галерею и парадные апартаменты.

«Ночь съ 22 на 23 мая графъ и графиня Сѣверные провели въ Версалѣ.

«Утромъ 23-го мая графъ Сѣверный единственно въ сопровожденіи назначеннаго для сопровожденія его кавалера отправился въ 10^{1/2} ч. утра съ визитомъ къ monsieur (графу Прованскому), котораго впрочемъ не засталъ, и къ графу Артуа, который оказался дома. Затѣмъ графъ Сѣверный прошелъ къ королю, чтобы привѣтствовать его въ то время, пока его высочество одѣвался¹⁾. Потомъ графъ отправился къ королевѣ, которую увидѣлъ въ 12^{1/2} ч. пополудни.

«Въ этотъ же день между 12^{1/2} и 1 ч. пополудни madame (жена Людовика XVIII), графиня Артуа, madame Elisabeth (сестра короля) и mesdames Adélaïde и Victoire (тетки короля) сдѣлали визитъ графинѣ Сѣверной. Въ апартаментъ графини не замедлилъ прийти и графъ Сѣверный; послѣ этого визита, продолжавшагося четверть часа, великій князь проводилъ тетокъ короля («mesdames tantes») до апартамента принцессы Аделаиды. Принцессы же настояли на томъ, чтобы графиня Сѣверная дальше дверей своего салона ихъ не провожала²⁾).

¹⁾ Герцогъ Вилькье, предупрежденный камердинеромъ Лежандромъ, что графъ Сѣверный ожидаетъ выхода короля въ комнатѣ Людовика XIV, пригласилъ его присутствовать при туалетѣ короля. Великій князь имѣлъ право входить къ королю наравнѣ съ принцами крови, т.-е. раньше, чѣмъ допускались въ королевскую опочивальню первые чины двора, но каждый разъ о семъ предупреждался герцогомъ Вилькье, который и приглашалъ великаго князя войти къ королю. (Примѣчаніе «Журнала».)

²⁾ Madame, графиня Артуа и madame Elisabeth отбыли къ себѣ въ портшезахъ. (Примѣчаніе «Журнала».)

«Затѣмъ графъ и графиня Сѣверные отправились къ королевѣ, гдѣ имѣли семейный обѣденный столъ, вмѣстѣ съ ихъ величествами и прочими особами королевскаго семейства, совершенно такъ же, какъ въ первый день пріѣзда.

«Въ свои апартаменты великокняжеская чета вернулась въ 4^{1/4} часа пополудни, а въ 5 часовъ принимала въ салонѣ графини Сѣверной пріѣтствія отъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ и особъ дипломатическаго корпуса, которые порознь назывались по фамиліи и представлялись княземъ Бяратинскимъ.

«За пять минутъ до начала спектакля королева самолично посѣтила графиню Сѣверную, чтобы вмѣстѣ отправиться въ оперу¹⁾.

«Графъ и графиня Сѣверные вмѣстѣ съ королевою направились въ театральныи залъ и слушали оперу, сидя въ одной ложѣ съ королемъ и королевою.

«Послѣ спектакля²⁾ ихъ величества вернулись къ себѣ. Немедленно послѣ того, какъ ихъ величества вышли изъ ложи, ее покинули графъ и графиня Сѣверные, которые зашли на короткое время въ свои апартаменты и въ тотъ же вечеръ отбыли въ Парижъ.

«28-го мая графъ и графиня Сѣверные опять вернулись въ Версаль, въ 2 часа пополудни, и, не заходя въ свои апартаменты, отправились во дворецъ королевы, гдѣ съ нею одною и обѣдали.

«Вернулись они изъ Трианона вмѣстѣ съ королевою въ 6 часовъ вечера и, пробывъ съ четверть часа у дофина, вернулись въ свои апартаменты.

«Въ этотъ вечеръ великокняжеская чета семейно ужинала съ королевой и особами королевскаго семейства, за исключеніемъ короля и monsieur, уѣхавшихъ въ Saint Hubert.

«Ночь съ 28-го на 29-е мая графъ и графиня Сѣверные провели въ Версалѣ.

«На слѣдующій день, 29 мая, monsieur безъ свиты прибылъ въ 11 часовъ утра повидаться съ графомъ Сѣвернымъ. Посѣщеніе его, продолжавшееся около получаса, происходило съ глазу на глазъ, въ кабинетѣ графа.

¹⁾ Король прибылъ туда раньше.

При посѣщеніи графини Сѣверной королева пожелала оказать гостьѣ особенный знакъ вниманія и поднесла ей роскошный вѣеръ, осыпанный брилліантами и скрывавшій внутри лорнетъ. «Я узнала, — пріѣтливо замѣтила Марія-Антуанетта, — что вы близоруки; надѣюсь, вы сохраните эту бездѣлушку на память обо мнѣ». Марія Теодоровна на это съ находчивостью отвѣчала: «Я буду хранить этотъ вѣеръ съ лорнетомъ всю жизнь, такъ какъ ему я буду обязана возможностью явственно видѣть черты лица вашего величества». (Залиски графини Оберкирхъ).

²⁾ По свидѣтельству Д. Э. Кобеко, на этотъ разъ дана была большая опера: «Алина, или царяда Голкондская», сюжетъ которой заимствованъ изъ повѣсти кавалера де-Буфлеръ.

«Около этого же времени королева безъ свиты и въ простомъ костюмѣ посѣтила графиню Сѣверную и принималась ею въ маленькомъ кабинетѣ. Посѣщеніе королевы было приблизительно столь же продолжительно, какъ и визитъ *monsieur*.

«Какъ только *monsieur* вышелъ отъ графа Сѣвернаго, послѣдній отправился на королевскій выходъ и чрезъ стеклянную дверь прошелъ въ королевскій кабинетъ.

«Герцогъ Вилькье, предваренный о прибытіи графа Сѣвернаго, пригласилъ его отъ имени короля пожаловать въ комнату Людовика XIV, гдѣ одѣвался король. Въ то время, какъ королю убирали голову, графъ Сѣверный занималъ его разговоромъ.

«Когда же король отправился къ обѣднѣ, графъ Сѣверный пошелъ къ королевѣ, но ея уже не засталъ въ ея апартаментахъ.

«Вернувшись къ себѣ, графъ Сѣверный почти тотчасъ же вышелъ въ сопровожденіи князя Барятинскаго и графовъ Салтыкова и Брюса и отправился съ визитами сначала къ принцу Кондэ и княгинѣ де-Ламбаль, которыхъ не засталъ дома. Далѣе, онъ посѣтилъ княгинь Гемени, Бово и Шиме, графиню Оссюнь и всѣхъ свитскихъ дамъ и фрейлинъ королевскихъ принцессъ. Онъ заходилъ и къ тѣмъ изъ дамъ, которыя не оказались дома, чтобы записать о своемъ посѣщеніи.

«Послѣ этихъ визитовъ графъ Сѣверный отправился къ графу Артуа, у котораго онъ и графиня Сѣверные обѣдали вмѣстѣ съ ихъ величествами и особами королевскаго семейства во внутреннихъ апартаментахъ.

«Послѣ обѣда, около 4-хъ часовъ пополудни, графъ Сѣверный съ супругою вернулись въ свои апартаменты, а въ 5 часовъ принимали придворныхъ. Въ это же время графиню посѣтила герцогиня Бурбонская, а графу представлялись офицеры королевской лейбъ-гвардіи (*gardes du corps*), имѣя во главѣ своихъ капитановъ, и отрядъ корпуса *Cent Suisses*.

«Графъ и графиня Сѣверные, предупрежденные, что дворъ собирается въ театральнй залъ, вышли изъ своихъ апартаментовъ и, встрѣтившись съ ихъ величествами, прослѣдовали въ оперу, которую слушали тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ первый разъ.

«Послѣ спектакля ихъ величества разстались съ великокняжескою четою, какъ и послѣ перваго спектакля.

«По возвращеніи въ свои апартаменты, графъ и графиня Сѣверные принимали запросто въ опочивальнѣ графини принца Кондэ.

«Вечеромъ великокняжеская чета послѣ ужина, къ которому были приглашены графиня Бенкендорфъ и князь Барятинскій, отбыло въ 11 часовъ въ Парижъ.

«5-го іюня графъ и графиня Сѣверные опять пріѣзжали въ Версаль. Прибывъ въ 8¹/₄ часовъ вечеромъ, они нѣкоторое время пробыли въ своихъ апартаментахъ, а затѣмъ вмѣстѣ отправились

съ визитомъ къ княгинѣ Ламбаль, которой не застали дома. Потомъ они посѣтили княгиню Гемени и вмѣстѣ съ нею прошли къ дофину. Тутъ графъ Сѣверный, разставшись съ супругою, побывалъ у графа Артуа, котораго не засталъ, и у *monsieur*, съ которымъ и поднялся къ королю, гдѣ графъ и графиня Сѣверные ужинали съ королевскимъ семействомъ, кромѣ *mesdames tantes* (тетокъ короля).

«Пять придворныхъ дамъ и кавалеровъ, сопровождавшихъ въ этотъ день графа и графиню Сѣверныхъ, были приглашены къ королевскому столу. Званы они были отъ имени короля и королевы, и ея величество послала за ними въ апартаменты графини Сѣверной, такъ какъ, выйдя отъ дофина, графиня прямо прошла къ королевѣ, а потомъ съ нею вмѣстѣ во внутренніе королевскіе апартаменты.

«Послѣ ужина графъ Сѣверный направился въ свои апартаменты чрезъ парадныя пріемныя, какъ и въ первые разы. Эту ночь великокняжеская чета провела въ Версалѣ.

«Утро слѣдующаго дня (6 іюня) графъ и графиня Сѣверные употребили на прогулку по Версальскому парку. Обозрѣвъ часть боскетовъ, они отправились въ Трианонскій дворецъ—графиня на гондолѣ, а графъ пѣшкомъ. Осмотрѣвъ дворецъ и сады при немъ, они вернулись въ Версаль въ той же гондолѣ, вмѣстѣ съ сопровождавшими имъ на прогулкѣ графинею Бенкендорфъ, княземъ Барятинскимъ и графомъ Анжевиллеромъ.

«На обратномъ пути они осматривали остальную часть парка и оранжерею.

«По возвращеніи домой, перемѣнивъ туалетъ, великокняжеская семья поднялась въ королевскіе апартаменты и смотрѣла оттуда на возвращеніе двора съ духовной церемоніи въ честь Божіей Матери.

«Королева находилась тоже въ королевскихъ апартаментахъ.

«Затѣмъ графъ и графиня Сѣверные вмѣстѣ съ ихъ величествами отправились къ графу Артуа и тамъ обѣдали съ королевскимъ семействомъ во внутреннихъ апартаментахъ, а домой вернулись около четырехъ часовъ пополудни.

«Послѣ обѣда графъ Сѣверный, сдѣлавъ визиты теткамъ короля, посѣтилъ министровъ. Въ послѣобѣденную же пору графиня Сѣверная дѣлала визиты княгинѣ Гемени, герцогинѣ Вилькье, княгинѣ Бово и всѣмъ свитскимъ дамамъ и фрейлинамъ королевы и королевскихъ принцессъ.

«Затѣмъ графъ и графиня уже вмѣстѣ посѣтили княгиню Ламбаль, которую застали дома, а оттуда отправились во дворецъ королевы, гдѣ присутствовали на спектаклѣ ¹⁾, и потомъ ужинали.

¹⁾ Спектакль состоялъ изъ «Zémir et Azor» Гретри и балета Гарде «Jean Fagasse au Sérail». Танцы были очень оживленны, а костюмы великолѣпны. Садъ при иллюминаціи составлялъ волшебное зрѣлище, а королева въ своемъ люби-

Послѣ ужина великокняжеская чета любовалась на иллюминацію садовъ и, вернувшись въ Версаль, тамъ же ночевала.

«На слѣдующій день, 7-го іюня, графъ Сѣверный осматривалъ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а потомъ поднялся въ помѣщеніе военнаго министерства ¹⁾).

«Графиня, покинувъ свои апартаменты одновременно съ супругомъ, осматривала въ сопровожденіи графа Анживиллера картины въ королевскихъ апартаментахъ и кабинетѣ. Послѣ этого графиня посѣтила архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и часть помѣщенія военнаго и морского министерствъ ²⁾).

«Осмотрѣвъ министерства, графъ и графиня Сѣверные повидались съ королевою и отбыли въ Парижъ въ 11^{1/2} часовъ утра.

«8-го іюня, графъ и графиня Сѣверные, прибывъ въ Версаль въ 4 часа пополудни, зашли въ свои апартаменты и перемѣнили костюмъ. Передъ началомъ бала явился герцогъ Вилькье для сопровожденія ихъ въ театральнй залъ, откуда они вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ любовались на балъ ³⁾).

«Въ этотъ же вечеръ, въ 9^{1/2} часовъ, графъ и графиня Сѣверные были въ гостяхъ у княгини Ламбаль, гдѣ и ужинали. Графъ Сѣверный удалился къ себѣ въ 12^{1/2} часовъ пополудни, когда у княгини начался интимный танцевальный вечеръ, а графиня покинула его, спустя часть.

«Королева, *monsieur* съ супругою, графъ Артуа и *madame Elisabeth* (сестра короля) прибыли къ княгинѣ Ламбаль въ полночь.

момъ дворцѣ ослѣпляла красотою. «Съ какимъ бы удовольствіемъ я осталась жить съ нею вмѣстѣ,—признавалась графиня Сѣверная баронессѣ Оберкирхъ.—Какъ бы я была счастлива, если бы графъ Сѣверный былъ дофиномъ Франціи». Въ письмахъ къ императрицѣ, однако же, отзывы Маріи Теодоровны о Версальскомъ дворѣ много рода: дофина великая княгиня называетъ «несноснымъ увальнемъ», а королеву «суетною кокеткою». Эти отзывы вполне совпадали со взглядами Екатерины, далеко не сочувственными французскому королю и его супругѣ. Эта же неблагоприятная оцѣнка сказала въ томъ равнодушій, съ которымъ Екатерина отнеслась къ Версальскому двору въ годину постигшихъ его бѣдствій: въ Людовикъ XVI Екатерина видѣла безхарактерную и поверхностную личность, а Марія-Антуанетта ей всегда была антипатична.

¹⁾ Военный министр, маркизъ Сегюръ, одинъ сопровождалъ графа и графиню Сѣверныхъ при осмотрѣ министерствъ, такъ какъ графъ Верженъ и маркизъ Кастри, не оповѣщенные о высокомъ посѣщеніи, находились въ отсутствіи. (Примѣчаніе «Журнала»).

²⁾ Отдыхала великокняжеская чета у графа Вержена, который находился въ отсутствіи. (Примѣчаніе «Журнала»).

³⁾ По невообразимой оплошности официальная газета «*Mercure*» отъ этого же 8-го іюня помѣстила на своихъ столбцахъ извлеченія изъ только-что вышедшей «*Histoire de Russie*» Levesque'a, гдѣ Екатерина II и Павелъ Петровичъ трактуются далеко не сочувственно. Эта оплошность надѣлала много шума, цензору де-Санси была вѣнена въ вину его недоглядка, и хранитель печати лишилъ его права цензурировать «*Mercure*» и «*Journal de Paris*».

«Переночевавъ съ 8-го на 9-е іюня въ Версалѣ, графъ и графиня Сѣверные 9-го іюня въ 11^{1/4} часовъ утра вернулись въ Парижъ.

«14-го іюня, графъ и графиня Сѣверные пріѣхали вмѣстѣ съ королевою изъ Парижа послѣ опернаго спектакля. Выйдя изъ экипажа, они прошли къ королевѣ и ужинали съ нею въ аппаратахъ ея величества, послѣ чего удалились на покой.

«На слѣдующій день, т.-е. 15-го іюня, около 10-ти часовъ утра, къ графу Сѣверному собрались графъ Вержень, маркизъ Сегюръ и маркизъ Кастри; къ 10^{1/2} часамъ туда же прибыли король и королева, въ сопровожденіи князя Пуа, очереднаго капитана корпуса лейбъ-гвардіи, и герцога Вилькье, королевскаго перваго оберъ-камергера ¹⁾.

«Графъ и графиня Сѣверные вышли въ столовую навстрѣчу ихъ величествамъ; поговоривъ нѣсколько минутъ, ихъ величества въ одномъ экипажѣ съ великокняжескою четой отправились въ Марли ²⁾.

«По возвращеніи изъ Марли, около перваго часу пополудни графъ и графиня Сѣверные вышли отъ королевы, чтобы распоститься съ королевскимъ семействомъ ³⁾.

«Прежде всего они посѣтили его высочество дофина и madame—супругу графа Прованскаго, но поспѣшили вернуться домой, чтобы принять monsieur, madame, графиню Артуа и madame Elisabeth, которые при прощаніи провожали до выходныхъ дверей изъ своихъ апартаментовъ.

«Равнымъ образомъ съ визитомъ къ графу и графинѣ Сѣвернымъ пріѣзжали и тетки короля, madame Adélaïde и madame Victoire.

«Принявъ эти визиты, графъ и графиня Сѣверные отправились прощаться съ monsieur, madame, графомъ Артуа, графинею Артуа, madame Elisabeth и тетками короля; посѣтили они также mademoiselle и герцога Беррійскаго. Къ герцогу Ангулемскому они не заходили, такъ какъ онъ находился въ Борегарѣ, имѣніи своего гувернера, но герцогъ нарочно вернулся вечеромъ въ Версаль,

¹⁾ Экипажи короля окружали только тѣлохранители; войска ихъ не сопровождали, такъ какъ король сдѣлалъ выходъ вмѣсто 11^{1/2} часовъ, какъ было назначено, въ 10^{1/2} часовъ, такъ какъ его величество, освѣдомившись, что графъ и графиня назначили этотъ часъ для выѣзда въ Марли, пожелалъ вмѣстѣ съ королевою сопровождать ихъ. (Примѣчаніе «Журнала»).

²⁾ Королевскій экипажъ, въ коемъ имѣли вѣхать ихъ величества, графъ и графиня Сѣверные, былъ поданъ къ капеллѣ внутри парка. (Примѣчаніе «Журнала»).

³⁾ Выйдя отъ его высочества дофина, графъ и графиня Сѣверные были предупреждены, что monsieur и принцессы находятся у нихъ, что и заставило ихъ приостановить дальнѣйшіе прощальные визиты. (Примѣчаніе «Журнала»).

чтобы откланяться графу и графинѣ Сѣвернымъ, и былъ ими принятъ въ покояхъ графини.

«Распростившись съ королевскимъ семействомъ и вернувшись домой, графъ и графиня Сѣверные принимали въ кабинетѣ графа его высочество графа Артуа, а затѣмъ прошли къ королевѣ, гдѣ ужинали съ королевскимъ семействомъ.

«Послѣ ужина графъ и графиня Сѣверные вмѣстѣ съ королевою, принцами и принцессами отправились къ княгинѣ Ламбаль, гдѣ имѣлъ состояться балъ Съ бала графъ вернулся въ 12^{1/2} часамъ пополудни, а графиня въ два часа ночи, и послѣдній разъ заночевали въ Версалѣ.

«На слѣдующій день, 16 іюня, назначенный для отъѣзда графа и графини Сѣверныхъ, утромъ mademoiselle явилась отдать визитъ графинѣ.

«Затѣмъ графъ съ графинею отправились прощаться съ королевою и были приняты въ опочивальнѣ, такъ какъ она еще не встала съ постели.

«Оттуда графъ вернулся къ себѣ, а графиня отправилась прощаться къ madame, графинѣ Артуа, madame Elisabeth и къ теткамъ короля.

«Графъ тѣмъ временемъ поднялся къ королю, чтобы съ нимъ распроститься, но пришелъ за четверть часа раньше времени, назначеннаго для королевскаго выхода, и поджидалъ короля въ кабинетѣ, предъ тѣмъ какъ король долженъ былъ перейти одѣваться въ комнату Людовика XIV ¹⁾.

«Выйдя отъ короля, графъ Сѣверный спустился въ свои апартаменты и приблизительно въ 11^{3/4} часовъ утра вмѣстѣ съ супругою отбылъ изъ Версали ²⁾.

«29-го іюня, графъ и графиня Сѣверные выѣхали изъ Парижа для дальнѣйшаго путешествія и проѣздомъ остановились въ Шуази, куда наканунѣ съѣхался дворъ. Великокняжеская чета прибыла въ Шуази въ 11^{1/4} ч. утра, въ сопровожденіи графини Салтыковой, князя Куракина и князя Барятинскаго.

¹⁾ Герцогъ Вилькье, увѣдомленный о томъ, что графъ дожидается въ королевскомъ кабинетѣ, доложилъ о томъ королю, который вышелъ въ кабинетъ принять прощальныя привѣтствія отъ графа. (Примѣчаніе «Журнала».)

²⁾ Въ минуту отъѣзда изъ Версали 16-го іюня 1782 года кавалеръ дю-Кудре обратился къ великокняжеской четѣ съ нижеслѣдующимъ стихотвореніемъ.

«Par votre agréable présence
 «Vous avez comblé nos souhaits.
 «Par votre départ, votre absence,
 «Princes, vous excitez nos sensibles regrets.
 «Tels sont en ce moment les adieux de la France.
 «Il fallait y rester, ou n'y venir jamais».

«Вскорѣ послѣ прибытія имъ въ королевской столовой былъ поданъ обѣдъ. Ихъ величества и все королевское семейство присутствовали при обѣдѣ, который продолжался около полчаса.

«Затѣмъ графъ и графиня Сѣверные распрощались съ французскимъ дворомъ и выѣхали изъ Шуази въ полдень, чтобы заночевать въ этотъ же вечеръ въ Орлеанѣ»...

Этимъ исчерпывается содержаніе сухого документа, опубликованнаго графомъ Флѣри, но за всѣмъ тѣмъ онъ представляетъ фактическій, протокольный интересъ и знакомить съ чопорнымъ этикетомъ придворной французской жизни стараго режима.

Что касается анекдотическихъ подробностей путешествія цесаревича Павла Петровича за границу, то ими изобилуютъ мемуары баронессы Оберкирхъ, а для характеристики пребыванія великокняжеской четы во Франціи особенный интересъ представляютъ X — XVII главы I-го тома.

Не вдаваясь въ подробности, извѣстныя любителямъ отечественной старины по русскому переводу записокъ пріятельницы дѣтства Маріи Ѳеодоровны, нельзя не замѣтить, что прощальные стихи, обращенные къ графу Сѣверному кавалеромъ дю-Кудрѣ, несмотря на всю ихъ льстивость, довольно вѣрно отразили тѣ симпатіи, которыя великій князь сумѣлъ снискать въ обществѣ за мѣсячное пребываніе во французской столицѣ.

Павелъ Петровичъ, какъ о томъ единогласно свидѣлствуютъ его біографы, основываясь на многочисленныхъ показаніяхъ современниковъ, во Франціи имѣлъ большой успѣхъ. Говоря о великомъ князѣ, баронъ Гриммъ замѣчаетъ: «въ Версалѣ онъ держался такъ, словно ему Версальскій дворъ знакомъ, какъ свой собственный. Въ мастерскихъ художниковъ Греза и Гудона онъ обнаружилъ такія свѣдѣнія въ области искусства, которыя могли дѣлать его одобренія для нихъ болѣе цѣнными. Наконецъ въ лицахъ и академіяхъ цесаревичъ своими похвалами и разспросами доказалъ, что не было такого таланта и рода работъ, которые бы его не интересовали. Самая его бесѣда и изреченія, сохранившіяся на памяти, обнаруживали не только тонкій и образованный умъ, но и изящное пониманіе тонкостей французскаго языка».

Описанія пребыванія великокняжеской четы во Франціи единодушно восхваляютъ ея познанія, находчивость и умѣніе держать себя соотвѣтственно лицамъ и обстоятельствамъ.

Если, по отзыву Маріи-Антуанетты, Марія Ѳеодоровна съ трудомъ отрѣшалась отъ холодной сдержанности и любила при всякомъ случаѣ выказывать свои познанія, то Павелъ Петровичъ производилъ впечатлѣніе челоуѣка пылкаго и стремительнаго, который умѣлъ сдерживаться и только неварокомъ высказывался съ полной откровенностью.

Во время заграничнаго путешествія великій князь держался съ неизмѣннымъ тактомъ и достоинствомъ, тогда какъ наши знатные соотечественники, разъѣзжавшіе въ ту пору по Европѣ, своимъ поведеніемъ и замашками порождали въ иностранцахъ далеко не высокое и сочувственное мнѣніе о Россіи и ея сынахъ.

Наконецъ, что касается истинной цѣли путешествія цесаревича, по отзыву Гарриса, внушенной Екатеринѣ Іосифомъ II, то она, по свидѣтельству Іосифа, была вполне достигнута. «Путешествіе, которое совершили ихъ высочества, — писалъ Іосифъ II Екатеринѣ II, — принесло имъ, какъ мнѣ кажется, существенную пользу. Я думаю, не ошибусь, если осмѣлюсь удостовѣрить ваше императорское величество, что они возвратятся съ обращеніемъ гораздо болѣе пріятнымъ, и что недоувѣріе, подозрительность и мелочный образъ дѣйствій будутъ ими изгнаны, насколько то позволяютъ привычки и лица, которыя ихъ будутъ окружать, и которыя одни только и породили ихъ» ¹⁾.

Этотъ отзывъ императора Іосифа II получаетъ надлежащее освѣщеніе въ сопоставленіи съ любопытными фактами, приводимыми Д. О. Кобеко. На вопросъ, обращенный къ великому князю въ интимной бесѣдѣ королемъ Людовикомъ XVI, «дѣйствительно ли правда, что въ сопровождающей его свитѣ нѣтъ никого, на кого бы онъ могъ положиться», — у Павла Петровича прорвалось характерное признаніе: «Ah, bien! Je serais bien fâché, qu'il y eût auprès de moi le moindre caniche, fidèle à ma personne dans ma suite; ma mère l'aurait fait jeter à l'eau avant que nous ayons quitté Paris» ²⁾.

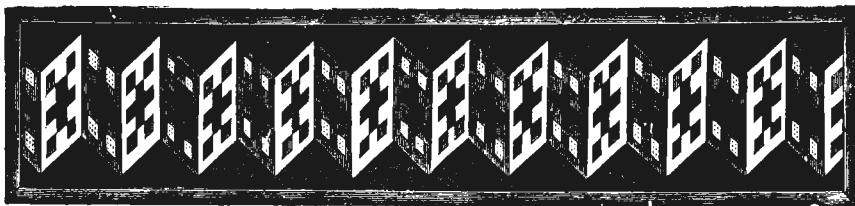
Если при такихъ условіяхъ поѣздка за границу и могла благотворно повліять на умственное развитіе наслѣдника русскаго престола и отшлифовать его въ отношеніи свѣтской благовоспитанности, то все же отношенія между царственною родительницею и ея наслѣдникомъ были слишкомъ напряжены, а отчужденіе между ними залегало слишкомъ глубоко, чтобы такія внѣшнія событія, какъ заграничное путешествіе, могли измѣнить ихъ къ лучшему.

Вл. И. Штейнъ.

¹⁾ Arneht. Joseph und Catharina von Russland. Wien. 1869, стр. 162.

²⁾ Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Спб. 1882, стр. 223.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Ф. Мартенса. Томъ XIV. Трактаты съ Франціей 1807—1820 г.г. Спб. 1905.

ОГДА три года тому назадъ вышелъ XIII томъ «Собранія трактатовъ и конвенцій», въ которомъ заключалось начало исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей до 1807 г., то г. Мартенсъ намѣревался окончить изданіе всѣхъ франко-русскихъ актовъ до настоящаго времени въ слѣдующемъ томѣ. Но богатство матеріаловъ заставило его въ настоящемъ XIV томѣ ограничиться помѣщеніемъ лишь исторіи дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей съ Тильзитскаго мира до 1820 года и посвятить еще одинъ томъ—пятнадцатый—дипломатическимъ актамъ, доходящимъ до настоящаго времени. Попрежнему самое замѣчательное въ этомъ томѣ составляютъ историческіе очерки, помѣщенные между дипломатическими актами, и главный ихъ интересъ заключается въ томъ часто новомъ свѣтѣ, которымъ г. Мартенсъ освѣщаетъ эпизоды Наполеоновской эпохи и перваго времени реставраціи во Франціи. Несмотря на то, что въ послѣднее время вышло нѣсколько другихъ изданій о той же исторической эпохѣ, наиримѣръ, Половцова и графа Нессельроде, XIV томъ «Собранія трактатовъ» тѣмъ болѣе представляетъ интересъ, что въ немъ исторія доведена нѣсколько далѣе, чѣмъ послѣднія части остальныхъ сборниковъ историческихъ матеріаловъ, и оканчивается 1820 г., тогда какъ второй томъ Половцова—1818-мъ, а третій томъ графа Нессельроде—1811 годомъ. То же можно сказать о только что вышедшемъ заключительномъ томѣ сочиненія Сореля: «L'Europe et la Revolution française», монументальнаго труда, какъ его называетъ г. Мартенсъ.

Настоящая часть замѣчательнаго историческаго труда г. Мартенса дѣлится на два отдѣла: въ первомъ онъ рассказываетъ событія Наполеоновской эпохи, а во второмъ— первые годы реставраціи Бурбоновъ. Какъ только былъ заключенъ Тильзитскій миръ, такъ оба союзника убѣдились, что ихъ союзъ непроченъ, и всѣ архивные документы вполне убѣждаютъ, что разрывъ между ними былъ роковой необходимостью. Конечно, съ внѣшней стороны новые союзники поддерживали самыя любезныя другъ съ другомъ отношенія. Наполеонъ приказывалъ своему первому представителю въ Петербургѣ, Савари, угождать своему новому другу, Александръ же прямо говорилъ Савари о Наполеонѣ: «Этотъ человѣкъ изумительный, и пужно признаться, что, хотя мы имѣемъ кое-какія права на ваше уваженіе, но за вами должно признать положительное превосходство, и надо быть слабоумнымъ, чтобъ это оспаривать». Въ первый же день во время обѣда во дворцѣ русскій императоръ спросилъ Савари, какъ ему понравился Петербургъ. «Ваше величество, — отвѣчалъ онъ:— Петербургъ изумителенъ, и въ Италіи не увидѣтъ ничего подобнаго».— «Не забудьте, — подхватилъ немедленно государь:— сказать императору о томъ, какъ вы находите нашъ климатъ. Я знаю, что императоръ боится холода, но, несмотря на то, я разсчитываю, что онъ меня навѣститъ. У него будетъ помѣщеніе, которое я прикажу натопить до египетской температуры, но сперва я самъ его навѣщу и поговорю еще съ нимъ». Отъ любезностей Александръ перешелъ къ занимавшему его вопросу, именно восточному: о раздѣленіи Турціи. Онъ уже много говорилъ объ этомъ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, и Наполеонъ ему обѣщалъ, что Россія получитъ большую часть Константинопольскаго наслѣдства. Однако Савари было поручено очень умѣренно отзываться объ этомъ вопросѣ, и на всѣ разговоры Александра о Турціи онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ полномочія своего государя. Такимъ образомъ, съ самаго начала со стороны Наполеона относительно Турціи, а потомъ и со стороны Александра относительно Англіи стало замѣтно, что союзники медлятъ исполненіемъ своихъ обязательствъ. Это не мѣшало, однако, Александру находиться въ самыхъ дружескихъ и откровенныхъ отношеніяхъ съ представителемъ Франціи. «Я желалъ бы, — говорилъ онъ, — вывести мой народъ изъ того состоянія варварства, въ которомъ его держитъ производящаяся у насъ торговля людьми. Я даже скажу больше. Если бы его цивилизація была достаточно развита, я отмѣнилъ бы рабство, хотя бы это мнѣ стоило жизни. Но мы немножко азіаты». Далѣе государь увѣрялъ Савари, что нечего беспокоиться о недовольствѣ русскаго общества союзомъ Франціи, потому что «въ Россіи очень много болтаютъ, но ничего не предпринимаютъ». Наполеону, по его словамъ, стоило только обезпечить Россіи какое нибудь приобрѣтеніе насчетъ Турціи, и всѣ стануть восхищаться этимъ союзомъ.

Недолго оставался Савари въ Петербургѣ, и на его мѣсто былъ назначенъ французскимъ посломъ Коленкуръ, а въ Парижъ отправился графъ Толстой. Кромѣ этихъ двухъ представителей союзныхъ державъ, были еще до 1812 г. послами графъ Лористонъ и князь Куракинъ. Всѣ они не представляли серьезныхъ, значительныхъ личностей и не сумѣли поддержать францужско-русскаго союза, а напротивъ привели его мало-по-малу къ окончательному раз-

рыву. Особенно Толстой и Куракинъ дѣйствовали враждебно Франціи. Напротивъ, Коленкуръ велъ самый измѣническій образъ дѣйствій относительно Франціи и всячески старался содѣйствовать Россіи. Это обстоятельство только въ послѣднее время выяснилось совершенно опредѣленно, и Мартенсъ говоритъ: «Измѣна Коленкура не всѣмъ была вполнѣ извѣстна, хотя она вполнѣ стоитъ на высотѣ измѣны Бернадота, Талейрана и многихъ другихъ». Сначала Коленкуръ старался всѣми средствами поддержать намѣренія Александра и его министра Румянцова подѣлать Турцію и присоединить къ Россіи Константинополь, а когда этотъ планъ окончательно не удался на Эрфуртскомъ свиданіи, то возникъ новый проектъ относительно Польши. Коленкуръ до такой степени стоялъ въ этомъ отношеніи за русскіе интересы, что заключилъ особую конвенцію насчетъ польскихъ дѣлъ, безъ согласія Наполеона. Наполеонъ былъ сильно раздосадованъ подобнымъ поступкомъ своего посла и не ратификовалъ конвенціи, на основаніи которой Франція отказывалась отъ восстановления Польши и соглашалась не только на раздѣлъ Польши, но и на то, чтобы слова Польша и поляки были вычеркнуты изъ всѣхъ государственныхъ и дипломатическихъ актовъ. Это обстоятельство послужило причиной сначала удаленія изъ Петербурга Коленкура, а потомъ, въ концѣ концовъ, разрыва между Россіей и Франціей.

«Съ начала 1811 года,—говоритъ Мартенсъ,—разрывъ Россіи съ Франціей приближался исполненіемъ шагами. Одно событіе слѣдуетъ за другимъ и подтверждаетъ неизбежность войны между обѣими союзными державами. Безпристрастный судъ исторіи еще не рѣшилъ безапелляціонно вопроса: кто болѣе виноватъ въ войнѣ 1812 года? Намъ кажется, что виноваты обѣ стороны, но не въ одинаковой степени. Нѣтъ сомнѣнія, что ненасытное властолюбіе Наполеона послужило главнымъ и непосредственнымъ рычагомъ для измѣненія созданнаго въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ политическаго положенія Европы... Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ все болѣе и болѣе поддавался господствующему при его дворѣ антифранцузскому вліянію, центромъ котораго была обожаемая августѣйшая императрица — мать. Она задѣла его самолюбіе въ своемъ мало извѣстномъ письмѣ передъ отъѣздомъ въ Эрфуртъ и заставила его быть чрезвычайно сдержаннымъ на этомъ свиданіи. Отказъ выдать за Наполеона русскую великую княжну переполнилъ чашу, ибо явился кровной обидой для властителя надъ всѣми западно-европейскими народами. Но если бы императоръ Александръ не продолжалъ настаивать на подписаніи Наполеономъ именно его редакціи первой статьи конвенціи о Польшѣ, и если бы онъ изъ-за интересовъ Ольденбургскаго герцогства не пожертвовалъ пользой великой Россійской имперіи, война 1812 года во всякомъ случаѣ была бы отсрочена на неопредѣленное время. Въ продолженіе этого времени Россія могла бы привести въ исполненіе Эрфуртскій трактатъ и присоединеніемъ Дунайскихъ княжествъ стать твердой ногой на Дунаѣ. Война 1812 года навсегда удалила исполненіе этого великаго плана, осуществленіе котораго совершенно измѣнило бы политическую будущность русскаго народа». Изложивъ такимъ образомъ главныя причины отечественной войны, ученый авторъ только въ нѣсколькихъ словахъ упоминаетъ о событіяхъ 1812—1815

годовъ, такъ какъ они подробно изложены въ предыдущихъ томахъ его «Собранія трактатовъ», касающихся до дипломатическихъ отношеній Россіи съ Австріей, Германіей и Англійей. Онъ только останавливается подробно на эпизодахъ, специально относящихся до Россіи и Франціи, въ виду того, что они освѣщены новыми архивными матеріалами. Прежде всего онъ рассказываетъ о переговорахъ 1813 года между русскимъ генераломъ, графомъ Шуваловымъ, и Коленкуромъ въ Геберсдорфѣ, Плесвитцѣ и Неймарктѣ, гдѣ заключены были перемирія между сражавшимися войсками. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ прежде, Коленкуръ выказалъ свои измѣнническія откровенности относительно Франціи и сочувствіе къ Россіи, которыя, какъ нельзя болѣе, изумили Шувалова. Хотя объимъ договаривающимся сторонамъ и было разрѣшено говорить только о военныхъ дѣлахъ, но Коленкуръ по секрету всячески старался вовлечь Россію въ дипломатическіе переговоры. «Измѣнническія рѣчи Коленкура, — замѣчаетъ г. Мартенсъ,— послужили императору Александру драгоцѣнными доказательствами того неоспоримаго факта, что онъ и союзники могли разсчитывать на измѣну въ самомъ лагерѣ Наполеона. Для исторіи же не подлежитъ сомнѣнію, что не великій геній союзныхъ военачальниковъ и не великій политическій умъ союзныхъ монарховъ побѣдили Наполеона: онъ самъ былъ причиной своего паденія, ибо слѣпо вѣрилъ въ собственный геній и наивно полагался на благодарность людей. Его худшіе враги находились въ его собственномъ лагерѣ». Еще яснѣе выказалось это обстоятельство на Шатильонскомъ конгрессѣ въ 1814 году, когда дѣйствовалъ главнымъ образомъ тотъ же измѣнникъ Коленкуръ, а со стороны Россіи былъ уполномоченнымъ графъ Разумовскій. Французскій представитель, во что бы то ни стало, стремился заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ, лишь бы онъ былъ заключенъ съ Наполеономъ, такъ какъ между союзниками уже возбуждался вопросъ о возможности его низложенія. Однако они въ послѣдній разъ соглашались въ Шатильонѣ сохранить за Наполеономъ французскій престолъ, на томъ основаніи, чтобы онъ отказался отъ всѣхъ пріобрѣтеній Франціи съ 1792 года. Коленкуръ на все соглашался и прямо тянулъ въ пользу союзниковъ, хотя до сихъ поръ большинство историковъ, и въ томъ числѣ Сорель, увѣряютъ, что онъ это дѣлалъ изъ патріотизма и любви къ своей странѣ и Наполеону. Напротивъ, Мартенсъ доказываетъ фактически и документально, что имъ руководили личныя эгоистическія цѣли. Во всякомъ случаѣ Шатильонскіе переговоры ни къ чему не повели: Наполеонъ отказался отъ предложеннаго союзниками трактата, не соглашаясь на уступку Бельгіи и особенно Антверпена. Конгрессъ былъ прерванъ, и Коленкуру объявили отъ имени союзниковъ, что они больше не будутъ имѣть сношеній съ Наполеономъ, котораго считаютъ единственнымъ препятствіемъ для мира.

Послѣ вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, низверженія Наполеона и возстановленія Бурбоновъ, недавній императоръ былъ сосланъ на островъ Эльбу при самой унизительной обстановкѣ, что, по замѣчанію г. Мартенса, «должно возбуждать въ каждомъ чувства негодованія и недоумѣнія». По словамъ же русскаго комиссара, сопровождавшаго Наполеона, онъ главнымъ образомъ ненавидѣлъ въ это время Александра и русскіихъ, но въ послѣдній день стран-

ствій сухопутьемъ онъ неожиданно сдѣлался милостивъ къ Шувалову и подробно объяснилъ ему, что не могъ согласиться на уступку Антверпена, какъ военнаго порта, необходимаго ему для дѣйствій противъ Англии. Въ концѣ разговора онъ нагнулся къ графу Шувалову и шепнулъ ему на ухо: «Я не могъ уступить Антверпена, и вотъ изъ-за Антверпена я потерялъ корону». Еще болѣе возстаетъ Мартенсъ противъ поведенія союзниковъ относительно Наполеона послѣ его возвращенія съ острова Эльбы, когда вся Франція торжественно снова признала его своимъ императоромъ. Александръ I и остальные союзники были такъ взбѣшены этимъ событіемъ, что объявили «великаго законодателя современной Франціи и величайшаго военнаго генія всѣхъ временъ внѣ покровительства человѣческихъ и божескихъ законовъ». «Прокламація отъ 1-го марта 1815 года,—говоритъ Мартенсъ,— является совершенно исключительнымъ и небывалымъ актомъ въ исторіи международныхъ отношеній. Другого подобнаго акта никогда не было, и никогда онъ, надо надѣяться, не повторится, по той простой причинѣ, что никогда правители и монархи однихъ государствъ не имѣютъ ни малѣйшаго права объявлять другого монарха, ихъ политическаго врага, внѣ покровительства божескихъ и человѣческихъ законовъ. Такого права ни божество, ни люди имъ не дали и дать не могли. Союзные государи на Вѣнскомъ конгрессѣ не имѣли ни малѣйшаго права отъ имени всего міра объявить Наполеона врагомъ всего міра. Если они присвоили себѣ такое право, то совершили актъ самоуправства и насилія, который не имѣлъ подъ собою ни правовой, ни нравственной почвы. Въ виду нарушенія правительствомъ Людовика XVIII всѣхъ обязательствъ, принятыхъ имъ въ отношеніи Наполеона, послѣдній имѣлъ юридическое основаніе возвратиться съ острова Эльбы. Въ виду неуваженія Бурбонами законнѣйшихъ желаній и правъ французскаго народа, Наполеонъ имѣлъ нравственное оправданіе своей попытки возстановить свою императорскую власть на развалинахъ правительственнаго порядка, павшаго отъ собственнаго безсилія и заслужившаго почти всеобщее презрѣніе. Но этотъ актъ былъ обнародованъ во всѣхъ странахъ Европы, и многіе историки считаютъ его актомъ великой государственной мудрости союзныхъ государствъ и доказательствомъ солидарности интересовъ европейскіхъ народовъ. Намъ кажется, что трудно найти въ этомъ международномъ актѣ, основанномъ на явномъ самозванствѣ, какую либо государственную мудрость. Едва ли актъ, продиктованный волею восьми европейскіхъ монарховъ и вызванный ихъ собственными исключительными интересами и взглядами, можетъ быть признанъ выраженіемъ солидарности интересовъ всѣхъ европейскіхъ монарховъ и народовъ». Вслѣдъ за этимъ диковинымъ актомъ послѣдовалъ еще болѣе постыдный поступокъ, пассивный со стороны союзниковъ и активный со стороны Англии, — тюремное заключеніе на островѣ св. Елены добровольно отдавшагося въ руки своихъ враговъ колосса XIX вѣка.

Вторая половина XIV тома почтеннаго труда г. Мартенса заключается въ исторіи отношеній императора Александра, его тогдашняго министра, графа Нессельроде, и посланника въ Парижѣ, Поццо-ди-Борго, къ французскому правительству реставраціи, выражавшемуся въ лицахъ перваго министра, герцога

Ришелье, и посланника въ Петербургѣ, герцога Ноайля. Такъ какъ эти отношенія уже подробно изъяснены ранѣе напечатанными историческими матеріалами, то Мартенсъ останавливается лишь на тѣхъ фактахъ, которые онъ можетъ освѣтить новыми документами. Въ сущности, ихъ немного, и всего интереснѣе то, что онъ говоритъ о разнovidной личности императора Александра, глубоко убѣжденнаго въ то время, что Божій промыселъ избралъ его для облагодѣтельствованія всего міра. При этомъ замѣчательно, что, составляя центръ всего міра и вмѣшиваясь во всѣ европейскія политическія дѣла, онъ руководился въ отношеніи къ нимъ самыми разнообразными началами. «Въ Россіи,—говоритъ г. Мартенсъ,—царь былъ убѣжденнымъ самодержцемъ; въ Польшѣ — защитникомъ конституціоннаго образа правленія; въ Германіи, Австріи, Италіи и Испаніи онъ энергически поддерживалъ принципы неограниченной монархической власти и абсолютизма, наконецъ, во Франціи онъ явился крѣпкимъ оплотомъ конституціи и врагомъ королевскаго абсолютизма. Въ виду такого разнообразія политическихъ видовъ и настроеній русскаго императора современники отказывались понять, какихъ собственно онъ придерживался началъ. Г-жа Сталь, напримѣръ, полагала, что царь — призванный защитникъ вѣротерпимости и конституціонализма. Факты доказывали, что его вѣротерпимость не мѣшала ему сдѣлаться покорнымъ орудіемъ религіознаго фанатизма архимандрита Фотія (по ошибкѣ названнаго г. Мартенсомъ митрополитомъ). Что же касается его любви къ конституціонному порядку правленія, то въ этомъ отношеніи печальный конецъ его царствованія не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія».

На послѣднихъ страницахъ «Собранія трактатовъ и конвенцій» г. Мартенсъ описываетъ паденіе перваго министерства Ришелье, назначеніе въ Петербургъ на мѣсто посредственнаго и неталантливаго графа Ноайля замѣчательнаго и быстро составившаго себѣ популяриетъ въ Россіи графа Лаферона, наконецъ — образованіе втораго министерства Ришелье въ 1820 году. Этимъ событіемъ, которое было вызвано убійствомъ герцога Беррійскаго, оканчивается предпослѣдній томъ исторіи трактатовъ съ Франціей г. Мартенса.

В. Т.

Г. З. Кунцевичъ. Исторія о Казанскомъ царствѣ, или Казанскій лѣтописецъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Спб. 1905.

Въ числѣ диссертацийъ послѣдняго времени, изслѣдованіе Г. Кунцевича занимаетъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ по своей обстоятельности, тщательности самой работы, правдоподобности выводовъ. Несмотря на сравнительную узость вопроса и замѣтную осторожность автора, книга даетъ много новаго и въ фактическомъ, и методологическомъ отношеніяхъ. Литература о «Казанскомъ лѣтописцѣ» настолько бѣдна, что авторъ пользуется ею только для полноты своего изслѣдованія. Остальная работа продѣлана имъ самостоятельно. Г. Кунцевичъ изучилъ болѣе ста списковъ разныхъ рукописныхъ собраній, разбивъ ихъ на 9 редакцій, затѣмъ далъ подробный обзоръ содержанія

«Исторіи», говоря о каждой главѣ отдѣльно, опредѣляя предполагаемые или несомнѣнные источники — русскіе устные и письменные и татарскіе, провѣря историческія извѣстія свѣдѣніями изъ другихъ историческихъ источниковъ и выдѣляя изъ «Исторіи» все то, что можно принимать за свидѣтельство очевидца или современника, а также то, что явилось результатомъ творчества самого автора; наконецъ, онъ переходитъ къ позднѣйшимъ редакціямъ «Исторіи».

Появленіе «Исторіи» въ 1564—1566 годахъ авторъ связываетъ съ общимъ настроеніемъ официальной московской книжности. «Въ началѣ XVI вѣка ясно было выражено то религиозное и національное міросозерцаніе, которое сложилось подъ влияніемъ многихъ обстоятельствъ политической и религиозной жизни русскаго народа. Москва—третій Римъ, и четвертому не бывать. Русскій народъ—единственный во всемъ мірѣ истинно-православный народъ, хранитель и охранитель православія до конца міра. Усиленіе московскаго княжества, канонизація русскихъ святыхъ, принятіе царскаго титула укрѣпляли указанное міросозерцаніе. Но особенную силу оно должно было получить, когда было завоевано Казанское царство. Нѣкогда властители Руси были теперь во власти русскихъ. Роли перемѣнились. «Одираху до послѣднія наготы татаръ,—съ воодушевленіемъ пишетъ очевидецъ русскій.—Начинало исполняться пророчество, что «русскій родъ всего Измаила побѣдитъ». Цѣлое царство измаилитянъ покорено... Не будетъ болѣе набѣговъ лукавыхъ поганыхъ, отъ которыхъ залустьло до полцарства Русскаго. Русскіе могутъ теперь безпрепятственно двинуться въ богатія поволжскія мѣста, на широкое раздолье. Событіе вызвало необычайный подъемъ духа. Восторгъ лѣтописцевъ, заключенный въ условныя книжныя формы, лишь до вѣкоторой степени указываетъ на силу испытаннаго чувства. Такое событіе могло возбудить народное творчество, вызвать усиленную дѣятельность книжниковъ. Это были пѣсни, сказанія, лѣтописцы». Поздѣе, въ 1564—1566-хъ годахъ, явилась и литературная работа—Казанская Исторія. Она воспроизводила блестящее прошлое и являлась какъ бы утѣшеніемъ послѣ бунтовъ въ Казани, казней въ Москвѣ, бѣгства Курбскаго и т. д.

Авторомъ «Исторіи» до послѣдняго времени считали попа Іоанна Глазатаго. Г. Кунцевичъ не принимаетъ этого мнѣнія. Изъ анализа «Исторіи» видно, что авторъ ея былъ родомъ изъ сѣверныхъ областей, 20 лѣтъ находился въ плѣну у татаръ, принявъ мусульманство, затѣмъ освобожденъ при взятіи Казани и крещенъ царемъ, который далъ ему «мало земли удѣломъ». Какъ знающій татарскій языкъ, ихъ нравы и обычаи, онъ съ радостью былъ принятъ на службу Московскаго государства.

Интересна также дальнѣйшая судьба «Исторіи». Ее включили въ хронографъ такъ называемой третьей редакціи; ею пользовались составители популярныхъ космографій; изъ нея заимствовались свѣдѣнія, внесенныя въ позднія степенныя книги и «Новый лѣтописецъ»; она была однимъ изъ главныхъ источниковъ «Россіады» Хераскова; наконецъ, ее знали и довѣряли ей Татищевъ, Щербатовъ, Карамзинъ и другіе историки, кромѣ Соловьева, который назвалъ ее «источникомъ очеңь мутнымъ».

За приложеніями и указателями слѣдуетъ десять сравнительныхъ таблицъ на листахъ большихъ размѣровъ, наглядно показывающихъ распределеніе историческаго матеріала въ разныхъ спискахъ «Исторій».

А. И. Яцимирскій.

Я. Кузнецовъ. Становые управители Ярославской провинціи. Изданіе Владимирской ученой архивной комиссіи. Владимиръ на Клязьмѣ. 1904.

Работа г. Кузнецова основана преимущественно на архивномъ матеріалѣ, хранящемся при Ярославской архивной комиссіи; посвящена она вопросу о станомомъ управленіи Ярославской провинціи.

Оказывается, до 1711 г. въ Ярославской провинціи, какъ то видно изъ документовъ, для завѣдыванія дѣлами управленія былъ поставленъ изъ дворянъ цѣлый рядъ лицъ: одни были призваны слѣдить за драгунскими лошадьми, другіе были назначены въ окладчики на мѣсто выборныхъ окладчиковъ изъ крестьянъ и городскихъ людей, третьи сидѣли на почтовыхъ станахъ, четвертые находились у высылки плотниковъ и т. д., словомъ для каждаго вновь возникающаго дѣла посылались въ станы и волости дворяне. Но усилившіяся насущныя нужды государства требовали, чтобы въ стану былъ одинъ начальникъ, который завѣдывалъ бы всѣми дѣлами. Для удовлетворенія выяснившейся потребности въ 1711 г., по указу петербургскаго губернатора князя Меншикова, былъ учрежденъ новый институтъ: «становые управители». Въ Ярославскій уѣздъ становыхъ управителей было назначено 19 человекъ, въ каждый станъ и волость по одному. По цѣли эта должность, какъ замѣчаетъ авторъ, совпадала съ должностью нынѣшнихъ земскихъ начальниковъ. Обязанности ихъ были очень широки: становые управители должны были собирать съ населенія разные сборы, высылать рекрутъ, дворянъ, недорослей и лошадей, набирать плотниковъ и работниковъ, слѣдить за содержаніемъ драгунскихъ людей. Въ ихъ распоряженіе были даны подьячіе для писмоводства и по три шибая (солдата) на каждаго для посылокъ. Кромѣ перечисленныхъ регулярныхъ дѣлъ, становымъ управителямъ давались и другія порученія, благодаря чему они, задавленные срочными работами, не успѣвали выполнять отовсюду сыпавшихся приказаній. Институтъ управителей просуществовалъ недолго: съ учрежденіемъ комиссаровъ и ландратовъ становые управители превращаются въ простыхъ сборщиковъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, но потомъ вскорѣ же (въ 1719 г.) и совсѣмъ исчезаютъ, не успѣвъ пустить глубокихъ корней въ областное управленіе.

Вотъ вкратцѣ содержаніе брошюры г. Кузнецова. Работа автора представляется довольно отрывочною: къ сожалѣнію, въ ней не дано надлежащаго фона, на которомъ учрежденіе становыхъ управителей занимало бы свое мѣсто; авторъ не показалъ связи этого института съ общей попыткой правительства создать и упорядочить мѣстное губернское управленіе на мѣсто рухнувшаго приказнаго строя, что вызывалось военными нуждами и состояніемъ тогдашняго государственнаго хозяйства. Эта смѣна одного строя другимъ пре-

красно выяснена въ книгѣ Милюкова: «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтіи и реформа Петра Великаго», которою авторъ почему-то не воспользовался. Нѣкоторыя мѣста работы г. Кузнецова вызываютъ недоумѣніе: напримѣръ, онъ думаетъ, что должность надзирателей (за казенными лошадьми) «была и выборная и по назначенію» (стр. 7). Ужъ что нибудь одно: или выборная, или по назначенію, такъ какъ одно другое исключаетъ.

Какъ на достоинство работы, слѣдуетъ указать на то, что авторомъ привлеченъ къ изученію новый архивный матеріалъ и дана умѣлая и довольно обстоятельная, насколько то можно сдѣлать по сохранившимся даннымъ, реконструкція института, слишкомъ мало изученнаго въ нашей литературѣ.

М. Б.

Инзовъ, Иванъ Никитичъ, генералъ отъ инфантеріи, главный попечитель и предсѣдатель попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи. Біографическій очеркъ. Съ двумя портретами. Составилъ Степанъ Потоцкій. Бендеры. 1904.

Съ именемъ Инзова неразрывно соединяется представленіе о двухлѣтней жизни Пушкина въ «проклятомъ городѣ», и хорошія отношенія намѣстника къ опальному поэту придаютъ симпатичный отпечатокъ личности самого Инзова, разумнаго администратора, генерала-мистика и гуманнаго человѣка. Съ Бессарабіей же Инзова связываютъ первые шаги его на военной службѣ — битвы на берегахъ Сольчи, Измаилъ, Бендеры, — работы въ комитетѣ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи (съ 1818 г.), а затѣмъ — въ должности намѣстника Бессарабской области съ оставленіемъ и прежнихъ обязанностей (съ 1820 г.). Изъ мѣропріятій его для мѣстнаго населенія, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ особаго вниманія заботы о преподаваніи румынскаго языка въ Кишиневской духовной семинаріи (1823 г.); теперь румынскій языкъ преслѣдуется, и начинанія Инзова забыты.

Небольшая книжка С. Потоцкаго написана интересно, но въ стилѣ агіографическихъ упражненій монаховъ стараго времени, а потому не удовлетворяетъ болѣе или менѣе серьезнымъ требованіямъ. Напримѣръ, авторъ слишкомъ мало и поверхностно говоритъ о мистическихъ взглядахъ Инзова, о его близости къ Трубецкимъ (стр. 6), Реннину, Елагинымъ, Новикову, Радищеву (стр. 8), А. Стурзѣ (11, 30, 37, 64), и смѣшиваетъ съ этимъ религіознымъ движеніемъ мартинизмъ; въ то же время это было бы интересно и важно для біографовъ Пушкина. Въмѣсто этого онъ болѣе подробно останавливается на воинскихъ подвигахъ Инзова, иногда съ замѣчаніями общаго характера въ родѣ того, что «трусости въ виду непріятели онъ не обнаруживалъ, но всегда отличался храбростью и самому себѣ обязанъ былъ дальнѣйшими успѣхами по службѣ» (7). Благодаря способности автора умиляться предъ всѣми рѣшительно поступками Инзова, образъ генерала отъ инфантеріи получился не живой, а какой-то иконописный: авторъ хвалитъ Инзова за то, что онъ «къ женщинамъ никогда не прибли-

жался (?), сохранивъ свое дѣломудріе до конца своей жизни» (43); за то, что онъ «несравненно болѣе интересовался явленіями изъ міра букашекъ, жуковъ и мотыльковъ, нежели треволненіями человѣчества» (53), и т. д.; вообще въ книгѣ г. Потоцкаго больше благочестія и назидательности, чѣмъ фактическаго матеріала. Очень трогательно и не безъ умиленія онъ говоритъ о церковныхъ службахъ, сценахъ разставанія, прибавкахъ жалованья, «брашнѣ и маннѣ сокровенной», о «первыхъ признакахъ медленнаго разрушенія земной хранины» Инзова, по поводу скромности Инзова припоминаетъ изреченіе Соломона (75) и т. д. О нѣмецкихъ сектантахъ-шіетистахъ авторъ плохого мнѣнія за то, что «въ порывѣ необдуманной ревности и добродушнаго фанатизма они мечтали о какомъ-то новомъ христіанскомъ общежитіи» (19). Пушкина онъ называетъ «баловнемъ собственнаго (?) таланта и гениемъ, вольнодумцемъ, сосланнымъ на югъ Россіи за свои шалости на покаяніе». По мѣрѣ приближенія къ концу біографіи тонъ разсказа становится похожимъ на надгробное поученіе: «Посѣтилъ Господь раба своего Инзова въ преддверіи вѣчности тяжкою и мучительною болѣзью» (66), и «исцѣлѣтъ всѣмъ существомъ своимъ ему суждено было за гробомъ, въ обителяхъ, уготованныхъ всѣмъ боголюбивымъ» (68); а разсказъ о перенесеніи праха «усопшаго генерала» изъ Одессы въ Бѣлградъ вышелъ такимъ трогательнымъ, что не уступитъ любому «Слову» на перенесеніе мощей какого нибудь святого (68—72); въ концѣ концовъ авторъ совершенно умиляется, и это «одесское торжество» считаетъ достойнымъ занести «не только въ лѣтопись Одессы, но и всего южнаго края Россіи». Все это портитъ общее впечатлѣніе отъ книжки. Архивными данными авторъ не пользуется, а надпись на могильной плитѣ Инзова напечатана съ ошибками, и рожденіе отнесено къ 1868 году вмѣсто 1768 года (стр. 73).

А. И. Ядмирскій.

**Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому.
Кіевъ. 1904.**

Съ названіемъ «Кіевскихъ Изборниковъ» въ русской письменности соединено представленіе о двухъ необыкновенно цѣнныхъ рукописяхъ XI вѣка, цѣнныхъ и по ихъ древности, и по содержанію. Теперь явился третій «Изборникъ», конечно, ничего общаго не имѣющій съ первыми двумя. Составленъ онъ изъ случайныхъ статей неодинаковаго достоинства, изданъ хорошо, стоитъ недорого. Поэтому можно говорить объ отдѣльныхъ статьяхъ, а не о всемъ сборникѣ. На первомъ мѣстѣ находимъ работу А. Соболевскаго: «Римскій Патерикъ въ древнемъ церковно-славянскомъ переводѣ»: выводъ автора сводится къ тому, что Патерикъ переведенъ съ греческаго и по техникѣ связанъ съ древнѣйшими переводами книгъ, приписываемыми Меѳодію, что видно изъ небольшого словаря. «Этюды по богомольству» К. Радченка не представляютъ научной цѣнности и написаны очень поверхностно. М. Сперанскій издалъ два текста — «Слово объ Іосифѣ Благобразномъ» и гадательныя приписки къ Псалтири. В. Перетцу принадлежитъ замѣтка: «Нѣсколько данныхъ къ объясненію сказаній о провалившихся городахъ»; авторъ думаетъ,

что въ основѣ многихъ сказаній лежатъ факты, получившіе въ литературной обработкѣ видъ легендъ назидательнаго характера. Статья В. Петра: «Объ этимологическомъ значеніи слова «Стрибогъ» въ связи съ индійскимъ Сарамеемъ и греческимъ Гермесомъ», очень мало разъясняетъ и безъ того затемненное разными фантастическими теоріями происхожденіе этого названія древне-русскаго бога. И. Шаравольскій посвятилъ болѣе интересное по заглавію, чѣмъ по исполненію, изслѣдованіе: «О славянскихъ заимствованіяхъ въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ», и нѣкоторымъ оправданіемъ для автора можетъ служить только трудность и сложность вопроса. Живо написана статья Н. Бокадорова: «Легенда о хожденіи Богородицы по мукамъ», съ интересными замѣчаніями о тѣхъ же сюжетахъ у русскихъ писателей, особенно у Достоевскаго. Содержательная работа Ю. Кулаковскаго: «Къ вопросу о емамахъ Византійской имперіи», выясняетъ связь между византійскимъ и римскимъ военнымъ строемъ. Не исключительно специальное значеніе имѣетъ статья Н. Дашкевича: «Нѣсколько слѣдовъ общенія южной Руси съ юго-славянами(?) въ литовско-польскій періодъ ея исторіи, между прочимъ, въ думахъ», хотя матеріала можно было бы собрать гораздо больше и привлечь юго-славянскія данныя. «Польско-русскія параллели» А. Лободы касаются польскихъ народныхъ сказаній о невѣрной женѣ и соблазнительѣ и даютъ нѣсколько дополненій къ прежней работѣ того же автора: «Русскія былины о сватовствѣ». Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на другихъ статьяхъ, напримѣръ, Ю. Яворскаго: «Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ и легенда о нерожденныхъ дѣтяхъ»; она написана толково, на основаніи богатаго матеріала и нисколько не грѣшитъ съ точки зрѣнія сравнительнаго метода. Изъ остальныхъ статей отмѣтимъ слѣдующія: «Письмо черногорскаго владыки Василя Петровича 1757 года» — И. Каманина, «Южно-русская школьная драма о св. Екатеринѣ» — В. Розова, «Казимиръ Бродзинскій и чехи» — В. Францева, «Нѣсколько замѣчаній о матеріалахъ по исторіи Ливоніи, содержащихся въ метрикѣ литовской Московскаго архива министерства юстиціи» — М. Довнаръ-Запольскаго, «О деревянныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ путтовъ (малютокъ-ангеловъ) въ южно-русскихъ церквахъ XVII и XVIII вѣковъ» — Г. Павлуцкаго (со снимками), «Объяснительные параграфы къ исторіи западно-русской церкви» — С. Голубева, «Изъ стихотвореній Ярослава Верхлицкаго» — А. Степовича, наконецъ, статьи по языку Е. Карскаго, Г. Ильинскаго, Н. Глокке, И. Кожина, А. Лукьяненка.

Къ сборнику приложенъ портретъ юбиляра.

М. Ник—скій.

Труды Пермской губернской ученой архивной комиссіи. Вып. IX. Пермь, 1905.

Девятый выпускъ «Трудовъ» Пермской архивной комиссіи заключаетъ во второмъ своемъ отдѣлѣ — «научномъ», до 16 разныхъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ. Изъ нихъ наибольшее вниманіе обращаютъ слѣдующія. Во-первыхъ, составленная по архивнымъ даннымъ статья г. Трапезникова — «Пермскій ку-

пецъ Адрианъ Павловичъ Пушкинъ». Происходя изъ крѣпостныхъ крестьянъ графа Строганова, бывшій повѣренный по дѣламъ графини Строгановой въ течение 19 лѣтъ, Пушкинъ обладалъ большою начитанностью и много лѣтъ ратовалъ за освобожденіе крестьянъ и улучшеніе быта и состоянія ихъ послѣ освобожденія. Его больше всего мучилъ вопросъ: «народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?» Получая изъ практической жизни на него отрицательный отвѣтъ, онъ пытался составлять цѣлый рядъ проектовъ по улучшенію быта крестьянъ и представлялъ ихъ, по большей части, въ Петербургъ въ видѣ всеподданнѣйшихъ прошеній. Но послѣднія, конечно, не достигали цѣли и въ виду того, что въ послѣднее время стали переполняться мистическими разсужденіями, навлекли на автора заключеніе въ больницу для изслѣдованія нормальности его психическаго состоянія, откуда онъ, хотя и былъ признанъ нормальнымъ, но, тѣмъ не менѣе, высланъ въ Соловецкій монастырь. Освобожденный лишь въ 1881 г. Пушкинъ на слѣдующій годъ умеръ въ Архангельскѣ. Въ Перми и другихъ мѣстахъ Пермской губерніи онъ имѣлъ нѣсколькихъ сторонниковъ своихъ воззрѣній и не только среди простыхъ горожанъ, но и среди такъ называемой интеллигенціи. Однимъ изъ видныхъ его послѣдователей былъ городской врачъ А. М. Коробовъ.

Далѣе, весьма небезынтересно печатаемое В. Я. Струминскимъ «Житіе и жительство и отчасти чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Трифона, просіявшаго въ постныхъ подвижѣхъ во странахъ Вятскихъ», по вновь открытому списку въ библиотекѣ о. Задорина. Въ обширномъ предисловіи г. Струминскій дѣлаетъ сравненіе его съ списками, находившимися въ распоряженіи перваго издателя «житія» св. Трифона, г. Шестакова (1868 г.), и приходитъ къ заключенію, что печатаемый имъ списокъ составленъ на основаніи болѣе древней недошедшей до насъ редакціи «житія», нежели «Шестаковскіе списки».

Наконецъ, можно указать еще на статью А. И. Слупскаго—«Къ вопросу о московскомъ и новгородскомъ вліяніи въ архитектурныхъ памятникахъ Соликамска и Чердыни». Въ ней авторъ справедливо отвергаетъ выводъ, сдѣланный проф. С. Ѳ. Платоновымъ на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ по поводу его же реферата: «Архитектурные памятники Соликамска». «Такимъ образомъ,—заключаетъ свои замѣчанія г. Слупскій,—и Чердынь и Соликамскъ одинаково восприняли на своей зарѣ новгородскую культуру, сохранившуюся въ Соликамскѣ въ болѣе чистомъ видѣ даже нѣсколько долѣе, чѣмъ въ Чердыни, одинаково подпали московскому вліянію, оставившему свои яркіе слѣды въ архитектурѣ соликамскихъ церквей, чрезъ которые, однако, пробиваются и новгородскіе пережитки, а поэтому никоимъ образомъ нельзя согласиться, чтобы новгородское вліяніе отразилось на Чердыни, а московское на Соликамскѣ», какъ то высказалъ проф. С. Ѳ. Платоновъ.

Въ числѣ матеріаловъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія сообщенія: подъ № 4072 «Историческаго архива» Пермской комиссіи помѣщены два дѣла Пермской казенной палаты по просьбамъ канцелярскаго служителя 3-го разряда (извѣстнаго писателя) Ѳедора Михайловича Рѣшетникова: 1) о переименованіи его на службу изъ Екатеринбургскаго уѣзднаго суда въ штатъ Пермской

казенной палаты (1861 г.) и 2) о перемѣщеніи его же въ число канцелярскихъ служителей департамента вѣшной торговли (1863 г.). Среди разныхъ бумагъ здѣсь имѣются—прошенія Рѣшетникова, писанныя его рукой, формулярный списокъ о службѣ его въ Екатеринбургскомъ уѣздномъ судѣ и паспортъ, выданный ему для слѣдованія въ Петербургъ. Изъ этихъ бумагъ видно, что Ѳ. М. Рѣшетниковъ происходилъ изъ «почталіонскихъ дѣтей»; по окончаніи полного курса наукъ въ Пермскомъ уѣздномъ училищѣ, въ 1859 г. поступилъ на службу въ Екатеринбургскій уѣздный судъ, оттуда перешелъ въ Пермскую казенную палату и наконецъ въ 1863 г. въ Петербургъ, въ департаментъ вѣшной торговли.

В. Рудаковъ.

Труды Вятской губернской ученой архивной комиссіи 1905 г. Выпускъ I. Вятка. 1905.

28 ноября 1904 г., трудами мѣстныхъ археографовъ и историковъ: А. С. Верещагина, Н. А. Спасскаго, протоіерея І. М. Осокина и др., открыла свои дѣйствія новая губернская архивная комиссія въ г. Вяткѣ и къ 1 марта 1905 г. издала первый выпускъ своихъ «Трудовъ». Содержаніе этого выпуска распадается на три «отдѣла»: въ первый вошли свѣдѣнія объ устройствѣ и открытіи комиссіи, вмѣстѣ съ общимъ положеніемъ объ архивныхъ комиссіяхъ 1884 г., журналы засѣданій и постановленія, выработанныя по архивному дѣлу другими архивными комиссіями. Во второмъ отдѣлѣ, гдѣ, по принятой программѣ, должны помѣщаться «разные акты, добытые въ архивахъ, съ нужными къ нимъ указателями, и послѣдованія по сырымъ матеріаламъ членовъ комиссіи», находимъ «Сказанія русскихъ лѣтописцевъ о Вяткѣ». Собиратель ихъ А. С. Верещагинъ даетъ здѣсь по возможности всѣ извлеченія изъ русскихъ лѣтописей, относящіяся къ исторіи Вятскаго края, вплоть до конца XVII вѣка, и сопровождаетъ ихъ своими подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ нерѣдко приводятся и разночтенія изъ лѣтописныхъ списковъ. Въ 1880 г. тѣмъ же г. Верещагинымъ были изданы «Сказанія лѣтописныя о Вятскомъ краѣ», но они были доведены лишь до 1489 г., года покоренія Вятки Москвою.

Наконецъ, въ третій отдѣлъ, куда предположено помѣщать «вообще свѣдѣнія по археологій и исторіи, помѣщаемыя въ историческихъ изданіяхъ и журналахъ, брошюрахъ и газетахъ, а также мѣстные мемуары, воспоминанія, письма мѣстныхъ дѣятелей и тому подобныя свѣдѣнія о прошлой жизни и бытѣ Вятскаго края»,—вошли сообщенія о новооткрытой Ермолинской лѣтописи; царская грамота воеводѣ Дорошенку (извѣстному Петру Дорофеевичу Дорошенку, бывшему въ 1682 г. воеводой на Вяткѣ) «о неопредѣленіи подьячихъ безъ мірскихъ выборовъ» (1682 г.); царская грамота тому же воеводѣ и отъ того же года «о выборѣ городничихъ самимъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ»; челобитная царю Алексѣю Михайловичу воеводы Волкова, отъ 1673 г., по поводу бунта въ Кайгородкѣ; объ иконѣ св. мученика Христофора, изображаемаго съ конскою или собачьей головою; біографическія данныя объ игуменѣ Іовѣ Тукмачевѣ и М. Е. Финицкомъ, просвѣтителяхъ чердынскихъ вогуличей;

воспоминанія г-жи Л. Спасской о пребываніи Натальи Николаевны Ланской, по первому браку Пушкиной (супруги поэта А. С. Пушкина), въ Вяткѣ въ 1855 г. и вѣк. др. Въ своихъ воспоминаніяхъ г-жа Л. Спасская говоритъ, между прочимъ, о томъ, что М. Е. Салтыковъ обязанъ своимъ возвращеніемъ изъ Вятки въ Петербургъ исключительно Натальѣ Николаевнѣ, а не «легендарному» «новому вятскому губернатору Ланскому», о которомъ говорятъ г. Кранихфельдъ въ «Мірѣ Божіемъ» (1904 г.) и г. К. К. Арсеньевъ въ біографіи, приложенной къ сочиненіямъ Салтыкова, издаваемымъ въ текущемъ году «Нивой».

В. Рудаковъ.

**Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея. Годъ II.
Выпускъ XIV. Тобольскъ. 1905.**

Чтобы составить представленіе о размѣрахъ и характерѣ дѣятельности одного изъ выдающихся провинціальныхъ ученыхъ учреждений, достаточно познакомиться съ отчетами хотя бы одного изъ нихъ—Тобольскаго губернскаго музея. Они занимаютъ первую часть послѣдняго выпуска «Ежегодника», состоятъ изъ 14 отдѣловъ и еще разъ прекрасно доказываютъ мысль, что въ провинціи умѣютъ работать, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ провинціальные ученые любители, пожалуй, нисколько не уступаютъ столичнымъ и т. д. Поэтому официальная часть органа Тобольскаго музея по своему интересу стоитъ на ряду со статьями второй части. Изъ нихъ отмѣтимъ: «Судьбу волостныхъ владѣній Тобольской губерніи» А. Ушакова, статью, написанную на основаніи официальныхъ матеріаловъ и дающую много новаго для освѣщенія аграрныхъ и юридическихъ вопросовъ нашей деревни; между прочимъ, авторъ находитъ своевременнымъ и цѣлесообразнымъ раздѣлъ волостныхъ владѣній. Далѣе слѣдуютъ: «Матеріалы къ вопросу о народной медицинѣ» Н. Скалозубова—въ видѣ отвѣтовъ разныхъ корреспондентовъ на программу, разосланную музеемъ,—«Мѣстныя названія птицъ Тюкалинскаго и Ишимскаго уѣздовъ Тобольской губерніи» Л. Воскресенскаго, «Извѣстія Лоренца о Сибири и сибирскихъ инородцахъ» Н. Катанова (съ видомъ Тобольска—снимкомъ съ голландской гравюры 1710 г.); «О религіозныхъ войнахъ учениковъ шейха Багауддина противъ инородцевъ Западной Сибири» (по двумъ татарскимъ рукописямъ Тобольскаго музея; къ текстамъ приложенъ русскій переводъ Н. Катанова), «По поводу статьи—Проектъ казенной эксплуатаціи Оби» А. Дунина-Горковича, «По поводу статьи—Комиссія о рыбопромышленныхъ работахъ Обскаго района» его же и «Замѣтки покойнаго адмирала С. О. Макарова о постройкѣ ледокола Ермакъ» (по автографу Тобольскаго музея), съ предисловіемъ В. Ивановскаго.

При музеѣ продаются прежнія его изданія, въ числѣ ихъ—нѣкоторые оттиски изъ «Ежегодниковъ» за прошлые годы. Жаль, что редакціонный комитетъ не пускаетъ въ продажу всѣхъ оттисковъ изъ органа музея. Во многихъ отношеніяхъ это было бы полезнымъ и интереснымъ.

А. Я.

Труды Вятской губернской ученой архивной комисси. Выпускъ II. Вятка. 1905.

Главное содержаніе второго выпуска «Трудовъ» Вятской архивной комисси составляетъ «Временникъ еже нарицается Лѣтописецъ Россійскихъ князей, како начася въ Россійской земли княженіе и грады утвердишася», напечатанный подъ редакціей, съ примѣчаніями и послѣсловіемъ А. С. Верещагина.

Хотя, говорить редакторъ, этотъ вятскій «Временникъ» и былъ уже давно безызвѣстенъ изслѣдователямъ вятской старины, но пользоваться имъ получили возможность только съ 1876 года, когда онъ сдѣлался достояніемъ вятской епархіальной библіотеки. Рукопись «Временника», ранѣе приписываемаго владѣльцу ея, протоіерею Лукѣ Юферову, кончается съ 112 листа и заключаетъ въ себѣ четыре «статьи»: 1) «О римскихъ царствахъ»; 2) «Временникъ, еже нарицается Лѣтописецъ Россійскихъ князей» (211—351 листы); 3) «Жизни преосвященныхъ архіереевъ вятскихъ» и 4) «Житіе преподобнаго Трифона, вятскаго чудотворца» (273—305 лл.). Наболѣе древняя изъ нихъ вторая статья, или «Временникъ», писанный почеркомъ XVII и начала XVIII вѣковъ и принадлежащій, по мнѣнію А. С. Верещагина, перу хлыновца Семена Ѳедорова Попова. Послѣдній не былъ простымъ переписчикомъ, а, напротивъ, «составлялъ» «Временникъ», пользуясь однимъ изъ хронографовъ третьей редакціи (послѣ 1620 г.), изъ котораго извлекалъ болѣе ему желательныя свѣдѣнія, дополняя ихъ изъ другихъ источниковъ. Къ извѣстіямъ этого «Временника» необходимо, по словамъ редактора, относиться критически, такъ какъ въ нихъ немало ошибокъ, въ особенности хронологическихъ.

Перу того же Семена Ѳедорова Попова принадлежитъ и печатаемое въ третьемъ отдѣлѣ «Трудовъ» «сказаніе о Царевоконстантиновской церкви» въ Вольсковѣ». Въ дополненіе къ нему помѣщены редакторомъ «Старинные акты Царевоконстантиновской (знаменской) церкви» — «Поступное письмо» (1865 г.) Огородниковой, «Купчая на подворное мѣсто» (1688 г.) Якова Лихачева и «Договорное письмо» (1690 г.) Михеева. Вслѣдъ за этимъ въ томъ же третьемъ отдѣлѣ находимъ перепечатанныя изъ «Странника»: 1) семь писемъ преосвященнаго Алексія Титова, архіерея вятскаго и великопермскаго (1719—1733), къ Петру I, Екатеринѣ I и секретарю Петра I А. В. Макарову; 2) указъ воеводы Чаадаева въ духовный приказъ о цыфирныхъ школахъ 1721 г. (которыхъ преосвященный Алексій Титовъ не хотѣлъ «заводить»); 3) «проморію о воеводѣ Чаадаевѣ, 1724 г.—учинить розыскъ о взяткахъ и обидяхъ и разореніяхъ», чинимыхъ послѣднимъ; 4) «указъ военной коллегіи о штрафѣ за промедленіе въ отысканіи великановъ», 1722 г.; 5) «письмо Акинѳіи Демидова къ преосвященному Веніамину Сахновскому 1740 г.»; 6) письмо княгини Дашковой къ преосвященному Лаврентію Барановичу, 1787 г., о дозволеніи поступить въ Московскій университетъ семинаристу Никифору Евтропьевичу Черепанову, по предположенію редактора, въ Московскій университетъ, въ которомъ онъ и былъ впослѣдствіи профессоромъ; 7) отзывъ современнаго Кострову журналиста (Гуманскаго) о переводѣ Костровымъ (землякомъ вятчанъ

Черепановыхъ) Оссіана и 8) письма архимандрита Никодима Казанцева къ протоіерею А. Т. Шиллегодскому, которыя небезынтересно было бы сравнить съ его же «Записками» («Чтенія Московскаго общества исторіи и древностей», 1877 г., т. II).
В. Рудаковъ.

Новые матеріалы для жизнеописанія и дѣятельности С. Д. Бурнашева, собралъ и издалъ С. Н. Бурнашевъ, подъ ред. проф. Цагарели. Спб. 1905.

С. Д. Бурнашевъ былъ представителемъ русскаго правительства при дворѣ грузинскаго царя Ираклія II въ теченіе четырехъ лѣтъ (1783 — 1787). У правнука его остались историко-географическіе матеріалы о Грузіи, составленные его прадѣдомъ и нынѣ изданные подъ редакціей проф. А. А. Цагарели. Еще до подписанія русско-грузинскаго договора 1783 г., въ силу коего (артикуль 5) императрица Екатерина II и царь Ираклій II обязывались содержать своего представителя съ званіемъ министра или резидента при договаривающемся дворѣ, полковникъ Бурнашевъ былъ назначенъ «комиссіонеромъ» кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго при царяхъ Иракліи и Соломонѣ, при чемъ ему было вмѣнено въ обязанность, сверхъ военно-дипломатическихъ занятій, составить точное историко-географическое описаніе съ картами Грузіи и Имеретіи и окружающихъ ихъ странъ и народовъ. Порученіе это С. Д. Бурнашевъ исполнилъ съ большимъ усердіемъ, оставаясь въ Грузіи до 1787 г., когда онъ наканунѣ второй русско-турецкой войны неожиданно былъ отозванъ съ командуемыми имъ двумя батальонами русскаго вспомогательнаго войска, бывшаго въ Грузіи на основаніи 2-го сепаратнаго артикула русско-грузинскаго договора 1783 года. Военно-дипломатическая дѣятельность характеризуетъ его, какъ человѣка корректнаго, дояльнаго и дружески расположеннаго къ царю Ираклію. Историко-этнографическіе очерки, изданные имъ впослѣдствіи въ Курскѣ въ бытность свою правителемъ Курскаго намѣстничества, и въ особенности картографическіе его труды о Кавказѣ извѣстны мало даже среди спеціалистовъ. Картографія Кавказа за XVIII вѣкъ весьма небогата. Извѣстны карты царевича Вахушти, ген. Сухотина, составившаго въ 1771 г. карту военныхъ дѣйствій въ Грузіи. Палласъ и Шредеръ (1796 — 1797 гг.) составили карты по наброскамъ и описаніямъ путешествовавшаго въ 1770 г. акад. Гильденштедта и бывшаго въ Грузіи въ 1779 — 1782 гг. доктора Рейнгесса. Такимъ образомъ, карты и маршруты полковника Бурнашева являются единственными по подробности и тщательности исполненія на мѣстѣ, составленными компетентнымъ лицомъ. Въ приложеніи къ напечатаннымъ матеріаламъ въ уменьшенномъ видѣ помѣщены двѣ копіи изъ имѣющихся налицо въ собраніи Бурнашева картъ и маршрутовъ Грузіи и вообще Кавказа.
А. X—въ.

Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго Казанскаго университета (1804—1904), въ 2 частяхъ. Подъ редакціей заслуженнаго профессора Н. П. Загоскина. Казань. 1904.

Биографическій словарь преподавателей любого высшаго учебнаго заведенія можетъ имѣть двоякое значеніе: или на него можно смотрѣть, какъ на сборникъ матеріаловъ, имѣющихъ значеніе лишь для исторіи этого отдѣльнаго учебнаго заведенія, и въ такомъ случаѣ въ него войдутъ данныя, такъ сказать, мѣстнаго характера, или же подобный словарь можетъ служить однимъ изъ важныхъ пособій для исторіи русской науки вообще. При такой точкѣ зрѣнія первымъ требованіемъ къ такому рода изданію будетъ требованіе возможной полноты фактическаго матеріала.

При бѣдности нашей литературы хорошимъ пособіями по исторіи нашего просвѣщенія, второй взглядъ на смыслъ такихъ справочныхъ изданій, какъ биографическіе словари, намъ представляется болѣе правильнымъ. Составители казанскаго словаря взглянули, къ сожалѣнію, на дѣло иначе и, не заботясь вовсе о полнотѣ фактическихъ данныхъ, ввели въ него лишь тѣ свѣдѣнія, которыя относятся ко времени пребыванія того или другого профессора лишь въ Казани. Между тѣмъ Казанскій университетъ, какъ провинціальныи, для многихъ служилъ только недолго временнымъ этапомъ въ ихъ научной дѣятельности, которая затѣмъ продолжалась, а иногда расцвѣтала въ другихъ университетскихъ городахъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы извѣстнаго слависта Бодуэнъ-де-Куртенэ. Списокъ его трудовъ въ Казанскомъ словарѣ обрывается на томъ, что онъ успѣлъ напечатать въ бытность свою въ Казани, да и то составители словаря оговариваются, что въ списокъ этотъ не вошли нѣкоторыя его статьи не чисто научнаго характера. Хорошо, что Бодуэнъ-де-Куртенэ побывалъ потомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, который самъ издалъ словарь своихъ профессоровъ. Есть такимъ образомъ возможность пополнить усѣченныя въ Казанскомъ словарѣ свѣдѣнія, но какъ быть, напримѣръ, съ Н. П. Лихачевымъ, который послѣ весьма кратковременной Казанской профессуры покинулъ кафедру и нынѣ состоитъ вице-директоромъ Императорской Публичной бібліотеки, продолжая дѣятельно работать на поприщѣ русской исторіи? Откуда почерпать полныя свѣдѣнія о его научной дѣятельности? Составители Казанскаго словаря рекомендуютъ за полнымъ перечнемъ его трудовъ обратиться къ журналу «Антикваръ». Тогда къ чему же годенъ специальный словарь, если приходится дополнять его свѣдѣніями изъ старыхъ и мало доступныхъ журналовъ?

Полный библиографическій аппаратъ составителямъ Казанскаго словаря дать иногда было тѣмъ легче, что немало вошедшихъ въ него біографій написаны самими бывшими и настоящими преподавателями Казанскаго университета, а что можно не ограничивать дѣятельность профессора въ томъ или другомъ университетѣ, въ этомъ можно убѣдиться хотя бы изъ словаря профессоровъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ находимъ перечисленіе всѣхъ трудовъ нашихъ ученыхъ, напечатанныхъ ими не только за время пребыванія ихъ въ С.-Петербургѣ, но и въ провинціальныхъ университетахъ. А. В.

Ө. С. Красильниковъ. Кавказъ и его обитатели. Выпускъ первый. Осетины. М. 1905.

Авторъ вышеназванной книжки задался цѣлью въ бѣглыхъ географическо-этнографическихъ очеркахъ дать описаніе древнихъ обитателей Кавказскаго края: осетинъ, черкесовъ, кабардинцевъ, абхазцевъ, чеченцевъ, лезгинъ, грузинъ, армянъ и нѣкоторыхъ другихъ. Чтобы не повторяться объ однихъ и тѣхъ же сторонахъ быта у разныхъ горцевъ, онъ для описанія Сѣвернаго Кавказа останавливается на осетинахъ, дополняя свѣдѣнія о нихъ данными о другихъ народностяхъ, коими послѣднія отличаются отъ сосѣдей. Что касается географическаго описанія, то авторъ даетъ только общій очеркъ поверхности края, а затѣмъ слѣдуетъ описаніе страны обозрѣваемой народности. Содержаніе книжки, помимо географическаго эскиза, сосредоточено на этнографической сторонѣ. Авторъ знакомитъ съ народами, занимающими сѣверную равнину, каковы: русскіе, калмыки, ногайцы, туркмены, киргизы. Затѣмъ обращается къ Осетин, сообщаетъ свѣдѣнія о ея положеніи, климатѣ, характерѣ мѣстности. Коснувшись исторіи осетинъ, онъ переходитъ къ ихъ быту (одежда, пища), нравамъ, обычаямъ, вѣрованіямъ. Обряды осетинъ при похоронахъ, свадьбахъ и народныхъ сказанія также приведены авторомъ для ознакомленія съ различными пережваніями названной народности. Изложеніе иллюстрируется двумя картинами и 27 рисунками, тщательно исполненными. Книжка представляетъ публичную лекцію автора, читанную въ Москвѣ. Особенности лекціоннаго изложенія сохранены въ печати: художественный стиль, простота и ясность въ связи съ общедоступностью и популярностью сообщаютъ книжкѣ широкій интересъ и открываютъ ей доступъ въ народныя читальни. При этомъ авторъ не грѣшитъ противъ научныхъ пріобрѣтеній въ области кавказовѣдѣнія, и эта черта побуждаетъ насъ рекомендовать книжку для перваго ознакомленія съ осетинами.

А. Хах—овъ.

Матеріалы для археологіи Кавказа. Выпускъ X. Поѣздка въ Пшавію, Хевсуретію и Сванетію графини Уваровой. М. 1905.

Этотъ огромный томъ in folio заключаетъ въ себѣ путешествіе графини П. С. Уваровой по Душетскому уѣзду Тифлисской губерніи, Пшавіи, Хевсуретин и Сванетин. Авторъ нѣсколько измѣняетъ планъ первыхъ археологическихъ трудовъ своихъ по Кавказу. Въ послѣднемъ томѣ графиня сочла возможнымъ къ таблицамъ памятниковъ древности прибавить изображенія величественныхъ ледниковъ, ущелій, обрывовъ, которыми такъ щедро наградила Создатель «дивный, къ сожалѣнію, малоислѣдованный Кавказъ». Дѣйствительно, читатель приходитъ въ восторгъ отъ прекрасно исполненныхъ 48 таблицъ и 95 цинкографій, которыми иллюстрируется трудъ графини Уваровой. Особенно цѣнны фототипія видовъ и типовъ Хевсуретин и Сванетин, при чемъ «Кавказскій хребетъ съ Лашпарскаго перевала» удался настолько, что видѣвшіе эту грандіозную панораму живо воспроизведутъ ее въ своемъ воспомнаніи. Что касается до содержанія изслѣдованія графини, то оно отличается той тща-

тельностью, какая уже нами была отмѣчена въ предыдущихъ ея работахъ. Особенную цѣнность придаетъ работамъ графини сравнительный методъ, который выясняетъ значеніе памятниковъ Кавказа съ аналогичными историческими памятниками другихъ странъ. Въ настоящемъ томѣ, напримѣръ, всестороннему историко-сравнительному изученію графиня подвергаетъ ларецъ въ храмѣ Квирика и Ивлиты въ Сванетіи. Ларецъ этотъ (или ковчежецъ) византійскаго происхожденія и можетъ быть по сравненію съ предметами одинаковаго назначенія и достоинства причисленъ ко времени отъ IX до XI ст. Интересны соображенія графини относительно серебрянаго ларца, хранящагося у князя Татархана Дадешкеліани. Этотъ ларецъ насъ мысленно переноситъ къ ларцамъ Рихарда Корнуальскаго, сохраняемымъ въ соборной ризницѣ въ Аахенѣ и св. Людовика въ Луврскомъ музеѣ. А. Хахановъ.

Табурно. Правда о войнѣ. Спб. 1905.

Книга г. Табурно не велика по своему объему, но полна содержательности и отмѣчена интересомъ первостепеннаго значенія. Пробывъ всего нѣсколько мѣсяцевъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, онъ хорошо ориентировался въ происходящихъ тамъ событіяхъ, изучилъ постановку нашего военнаго строя, понялъ характеръ главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ, а потому сумѣлъ представить въ своихъ очеркахъ сжатую драматическую картину всего происходящаго на Дальнемъ Востоцѣ, столь густо заволоченнаго заревомъ кроваваго пожара. Главное его повѣствованіе приурочено собственно къ мукденскимъ событіямъ и нашему позорному отступленію со всей анархіей и хаосомъ этого отступленія; отсюда уже имъ дѣлаются мѣткіе выводы, что именно послужило главною причиною и самаго отступленія и сопровождавшаго его хаоса. Авторъ, человекъ не военный, гораздо лучше многихъ специальныхъ военныхъ корреспондентовъ, при помощи наглядно набросанныхъ маленькихъ картъ, обрисовалъ послѣдовательно всѣ наши диспозиціи, путаницу въ этихъ диспозиціяхъ, нарушение ихъ и печальныя послѣдствія приснопамятныхъ февральскихъ дней. Передавать послѣдовательно содержаніе всей книги г. Табурно не представляется возможнымъ — пришлось бы ее всю пересказать отъ начала до конца и еще разъ въ печати бросить негодующее слово по адресу виновниковъ позора Россіи, — виновниковъ, какъ активныхъ, на авансценѣ стоящихъ, такъ и тѣхъ, что скрыты въ тѣни, и имена коихъ современемъ негодующе назоветъ судъ исторіи. «Правда о войнѣ» есть собственно правда о современной бюрократической Россіи, которая привела главнымъ образомъ своей недобросовѣстностью страну къ ужасному состоянію, выходъ изъ котораго страшно труденъ. Когда то мы съ пренебреженіемъ и хулою говорили о дореформенномъ строѣ, противопоставляя его періоду пореформенному, проводя въ данномъ случаѣ рубежную линію въ лицѣ севастопольскихъ дней. Нынѣ оказывается, мы недалеко отошли отъ тѣхъ историческихъ дней, и Николаевская Россія продолжаетъ царить во всей своей мнимой силѣ и мощи: дней Александровыхъ начала вѣтъ и слѣда... Все на бумагѣ, и ничего на дѣлѣ, та же канцелярія, та же та-

бель о рангахъ, та же внутренняя неурядица, въ которой гибнуть лучшія силы страны, гибнуть безропотно и безвинно, не во славу правды, силы и добра, а ради грѣховъ тѣхъ, мѣсто которымъ уже отведено на позорныхъ страницахъ исторіи. Не стоитъ много распространяться: пусть читатели лучше сами пріобрѣтутъ прекрасную и патріотическую книгу г. Табурно, продумають и вмѣстѣ съ рецензентомъ скажутъ автору горячее спасибо и за правдивое слово объ этой ужасной войнѣ и за тѣ мысли, которыя это слово невольно вызываетъ.

В. Глинскій.

Л. А. Чарская. Евѳимія Старицкая. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1905.

Молодая писательница и вмѣстѣ артистка Л. А. Чарская извѣстна въ литературѣ не только своими прочувствованными стихами, но и серьезными беллетристическими работами. Среди нихъ слѣдуетъ отмѣтить историческій романъ «Евѳимія Старицкая», сюжетъ котораго взятъ изъ эпохи царствованія Іоанна Грознаго, съ того самаго момента, когда царь вполнѣ освободился отъ благотворнаго вліянія Сильвестра и Адашева и окружилъ себя новоиспеченными боярами, дававшими присягу ничего не зная, «опричь» царя...

Отъ этихъ опричниковъ «плакала Русь кровавыми слезами», по словамъ лѣтописца. «Забравши въ свои руки власть,—говоритъ Л. А. Чарская, — они не упускали случая обогащаться на счетъ родовитыхъ бояръ земскихъ. Зная немилостивое отношеніе Івана къ послѣднимъ, они обличали несчастныхъ, подводили ихъ подъ топоръ и висѣлицу, а имѣнья ихъ разоряли, забирая все цѣнное въ свои руки. Гибли и правые и виновные — отцы, мужья и братья, а жены, дочери и сестры казенныхъ отдавались царемъ на потѣху кромѣшниковъ. Слишкомъ ужъ много горя принесли ему бояре-кромольники въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, въ самомъ юномъ отрочествѣ и младости, чтобы могъ преклониться къ ихъ плачу милостивымъ ухомъ Іванъ. Только когда слишкомъ громко и страшенъ былъ этотъ плачь, слишкомъ явственно долетали до царя скрежетъ зубовъ и стоны страдальцевъ, бросался царь въ безумныя оргіи, тѣшился дикими забавами и разнузданнымъ развратомъ, часто заканчивающимся новыми потоками крови человѣческой. Хотѣлъ виномъ и сладострастнымъ разгуломъ утѣшить царь голосъ совѣсти, поднимавшійся со дна его души въ защиту невинно-убіенныхъ».

Романъ г-жи Чарской представляетъ собою скорѣе внутреннюю жизнь «опричники» во главѣ съ царемъ, а все прочее: и «Евѳимія Старицкая», и влюбленный въ нее сынъ Малюты Скуратова, и казенный ея отецъ, двоюродный братъ царя, Владимиръ Андреевичъ, удѣльный князь Старицкій, митрополитъ Филиппъ, обвиняемый въ колдованіи противъ царя, и т. д. — иллюстрируютъ новый режимъ, который Іоаннъ Грозный создалъ противъ стародружиннаго, старобоярскаго, тоже исполненнаго немалыхъ недостатковъ, земскаго строя...

Г-жа Чарская не дѣлаетъ никакихъ обобщеній и выводовъ по этому вопросу, но даетъ исключительно бытовую и историческую картину второй половины царствованія Іоанна Грознаго и его опричины.

Это въ особенности теперь умѣстно, когда почти одновременно издано А. Девриеномъ произведеніе Л. Жданова объ Іоаннѣ Грозномъ, передѣланное авторомъ для юношества и остановленное какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кончаются «свѣтлые дни» царя, и начинается господство опричнины. Въ этой передѣлкѣ для юношества Іоаннъ Грозный является въ одностороннемъ освѣщеніи, какъ несчастная и обижонная жертва при дворѣ. Но романъ г-жи Чарской дооплаиваетъ фигуру царя изображеніемъ послѣдующей его жизни, когда онъ забытъ, но выраженію историка С. М. Соловьева, «нравственныя и духовныя средства для установленія правды и порядка» («Исторія Россіи», т. VI, стр. 334, второе изданіе).

Написавъ романъ не только съ знаніемъ эпохи, но и всѣ его персонажи выведены тепло и талантливо. Въмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣчая грубое и жестокое время, писательница находитъ, однако, множество благородно настроенныхъ староземскихъ бояръ и непорочныхъ женщинъ, какова «Евѳимія Старицкая», не способныхъ примириться съ тѣмъ, что дѣлалось вокругъ нихъ, и героически умиравшихъ за свои убѣжденія и возмущенную совѣсть. А. Фаресовъ.

Лѣтописи русско-японской войны. Спб. 1905.

Неожиданно вспыхнувшая и неожиданно затянувшаяся русско-японская война вызвала появленіе нѣсколькихъ изданій, специально посвященныхъ обзорѣню совершающихся на Дальнемъ Востокѣ кровавыхъ событій, не говоря уже о томъ, что теперь каждая газета даетъ ежедневное иллюстрированное приложеніе. Изъ этихъ газетныхъ приложеній можно было бы съ теченіемъ времени составить цѣлую любознѣтнѣйшую библіотеку, но бѣда въ томъ, что собраніе такихъ приложеній подъ силу лишь какому нибудь записному и аккуратнѣйшему библіологу-любителю. Для обыкновеннаго читателя, охваченнаго сутолокою повседневной жизни, особенно въ наше горячее время, газетное приложеніе раздѣляетъ участь эфемернаго существованія самого газетнаго листа и черезъ, день два исчезаетъ безслѣдно вмѣстѣ со своимъ номеромъ. Прощель уже годъ войны, а у многихъ ли сохранился полный комплектъ такихъ приложеній? А между тѣмъ такіе обзоры имѣютъ для будущаго огромную историческую важность. Пройдутъ года, десятилѣтія, теперешнія событія потеряютъ свою остроту, будутъ заслонены другими, и въ памяти грядущихъ поколѣній останутся лишь крупнѣйшія изъ событій.

Во времена Севастополя не было такихъ обзоровъ, и много ли подробностей о знаменитой оборонѣ знаетъ наше поколѣніе?

Чтобы закрѣпить въ памяти потомства, по возможности, даже мелкіе эпизоды кровавой борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ держать современнаго читателя au courantъ всего, что такъ сильно и больно волнуетъ наше общество, создались особые періодическія изданія, правильно именующія себя «Лѣтописями войны».

Въ Петербургѣ, куда стекаются всѣ свѣдѣнія, такихъ лѣтописей издается, насколько намъ извѣстно, двѣ: полковникомъ Дубенскимъ и редакціей «Новаго журнала литературы, науки и искусства». Оба эти изданія, несмотря на общность

содержанія и цѣли, совершенно различны между собою по типу. «Лѣтопись войны съ Японіей», издаваемая полковникомъ Дубенскимъ, выходитъ разъ въ недѣлю, въ форматѣ большого иллюстрированнаго журнала. Достоинство этого изданія — въ прекрасно исполненныхъ рисункахъ; громадный недостатокъ — въ скудости текста. Въместо того, чтобы печатать фактической матеріаль, наконившейся за недѣлю, и представить читателю самому дѣлать изъ него выводы, «Лѣтопись войны съ Японіей» предпочитаетъ давать лишь обзоръ событій въ изложеніи специальныхъ сотрудниковъ. Это — крупная, по нашему мнѣнію, ошибка.

«Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны», печатающаяся въ видѣ ежемѣсячнаго приложенія къ «Новому журналу литературы» и одновременно издаваемая отдельными выпусками и для читателей, не состоящихъ подписчиками журнала, выходитъ разъ въ мѣсяцъ въ размѣрѣ объемистой книжки. По обилію рисунковъ и богатству фактическаго матеріала, тщательно собираемаго изъ газетъ, русскихъ и иностранныхъ, и официальныхъ актовъ, это изданіе навболѣе оправдываетъ названіе лѣтописи. Тутъ находимъ не только телеграммы, донесенія, корреспонденціи, но и приказы, циркуляры военнаго и морскаго вѣдомствъ, подробные списки убитыхъ, раненыхъ и попавшихъ въ плѣнъ, награжденія, переводы — словомъ все, что имѣетъ то или другое отношеніе къ войнѣ. Текстъ иллюстрируется множествомъ портретовъ участниковъ войны, снимками съ мѣстностей и эпизодовъ походно-боевой жизни и, наконецъ, чертежами, планами и картами.

Для будущаго историка русско-японской войны эта «лѣтопись» окажется незамѣнимымъ подспорьемъ, избавивъ его отъ необходимости рыться и разыскивать нужныя свѣдѣнія въ періодическихъ изданіяхъ. В.

**Профессоръ Р. Випперъ. Лекціи по исторіи Греціи. Часть I.
М. 1905.**

Новая книга профессора Московскаго университета Р. Ю. Виппера представляетъ собою выдающееся явленіе въ нашей исторической литературѣ. Обычныя особенности пера почтеннаго профессора — сжатость, рельефность, оригинальность, тонкое умѣнье найти въ томъ или иномъ явленіи новыя стороны, цѣльность и опредѣленность общаго фона, замѣчательно искусное распредѣленіе отдельныхъ штриховъ, деталей, особенностей и противоположностей, отсутствіе всякой схематичности, такъ сказать, жизненность — все это съ полною силою отразилось въ «Лекціяхъ по исторіи Греціи».

Авторъ все время оперируетъ надъ матеріаломъ, добытымъ изъ первоисточниковъ, постоянно дѣлаетъ ссылки на нихъ, и это, конечно, одна изъ наиболѣе важныхъ сторонъ его новаго превосходнаго труда. Въ данномъ случаѣ авторъ ставитъ себѣ цѣлью — «указать важнѣйшія мѣста въ источникахъ, на основаніи которыхъ можно выяснитъ существенныя черты этого развитія». Но, и помимо этой цѣли, пользованіе непосредственно источниками было для него необходимо, очевидно, и для того, чтобы вполне самостоятельно нарисовать социальное и политическое развитіе древней Греціи, и въ этомъ послѣд-

немъ смыслѣ профессоръ Випперъ оказался на высотѣ не только своего таланта, но и современной исторической науки, въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ которой онъ работаетъ съ такимъ выдающимся успѣхомъ. Этимъ, конечно, мы не хотимъ сказать, что профессоръ Випперъ не зависѣлъ до нѣкоторой степени отъ такихъ замѣчательныхъ трудовъ, какъ двухтомная работа Р. Пельмана и его отдѣльныя статьи по соответствующимъ вопросамъ, какъ капитальная исторія древняго міра Эд. Мейера, какъ книга Франкотта и др. Наоборотъ, несомнѣнно, что основныя линіи и отдѣльныя стороны въ развитіи соціальныхъ отношеній классическаго міра подмѣчены профессоромъ Випперомъ подъ руководствомъ этихъ изслѣдователей и др., и особенно Пельмана. Но и при всемъ этомъ его новая книга представляетъ очень много оригинальнаго и интереснаго. Обратимъ вниманіе хотя бы на дѣльный рядъ указаній на этнологическій матеріалъ, на это чрезвычайное тонкое и умѣлое изученіе даннаго какого либо явленія, неяснаго въ своемъ происхожденіи и неопредѣленнаго въ своей роли, по аналогіи съ данными первобытныхъ отношеній. Всеобщіе историки обыкновенно игнорируютъ этнологическія данныя или обнаруживаютъ весьма малое знакомство съ этнологіей. А если и обращаются къ этнологіи (какъ, напримѣръ, тотъ же Пельманъ, Брейзигъ и др.), то обнаруживаютъ обыкновенно чрезвычайно поверхностное знакомство съ ней или ограничиваются вѣшними аналогіями, не умѣя уловить того, что можно было бы назвать сущью во взаимныхъ отношеніяхъ между двумя такими дисциплинами, какъ исторія и этнологія¹⁾). Про профессора же Виппера сказать это невозможно. Главы II—III его книги показываютъ, что онъ весьма серьезный знатокъ этнологіи, что, если онъ пользуется, какъ это несомнѣнно, замѣчательной книгой извѣстнаго этнолога Щурда (*Altersklassen und Männerbünde*. Berlin. 1902), то не для простой лишь ссылки или чисто вѣшнихъ аналогій, но и для того, чтобы вскрыть тѣ темныя или неясныя стороны въ данномъ явленіи въ области соціальныхъ отношеній древней Греціи, которыя какъ разъ на почвѣ первобытной культуры находятъ себѣ вполне реальное соціологическое объясненіе. А дѣлаетъ это профессоръ Випперъ удивительно тонко, прямо-таки изящно, безъ всякой натяжки, просто и естественно, что и возможно лишь при глубокомъ проникновеніи и въ этнологическій и историческій матеріалъ. Укажемъ для примѣра на отдѣлъ «остатки стариннаго общественнаго дома по Гомеру» (стр. 46—49), гдѣ рѣчь идетъ о такъ называемомъ въ этнологіи мужскомъ клубѣ. Посмотрите, какъ едва-едва намѣченное у Гомера явленіе, совершенно, повидимому, неясное и совершенно, казалось бы, непонятное въ смыслѣ кажущейся невозможности опредѣлить его соціологическое значеніе, при свѣтѣ этнологическихъ данныхъ получаетъ и воплнѣ опредѣленное объясненіе и вдвигается въ воплнѣ понятный контекстъ живыхъ и естественныхъ отношеній, характеризующихъ извѣстную стадію культурнаго развитія того или иного человѣческаго общества. Подъ перомъ профессора Виппера сопоста-

¹⁾ Объ этомъ спеціальная статья Н. Дубровскаго подъ заглавіемъ «Исторія и этнологія» въ «Вѣстникѣ и Библиотекѣ Самообразования» за 1903 г. нѣ №№ 8—9.

вление данныхъ историческихъ съ этнологическими въ этомъ случаѣ, напримеръ, получаетъ характеръ именно такой, какой мы констатировали во всей методѣ и системѣ его работы. Два-три слова, два-три штриха, и передъ вами ярко, конкретно вскрывается цѣлое явление, весь процессъ развитія и все социологическое значеніе его. Такъ, напримеръ, на стр. 48-й читаемъ: «Любопытно даже видѣнное сходство греческихъ публичныхъ сооруженийъ съ мужскими домами современныхъ полинезийцевъ и негровъ; большой греческій портикъ—такое же открытое на всѣ стороны помѣщеніе, зданіе безъ стѣнъ, въ которомъ крыша поддерживается рядомъ столбовъ». Но какой смыслъ имѣетъ это сходство? что оно говоритъ нашему сознанию? въ чемъ его социологическое значеніе? Все это—вопросы, которые совершенно просто разрѣшаются однимъ краткимъ и выразительнымъ замѣчаніемъ, которое профессоръ Вишперъ дѣлаетъ сейчасъ же послѣ выписанныхъ нами словъ, именно: «широко распространенная форма общественнаго быта вылилась въ опредѣленный видѣнный архитектурный видъ». Можно съ увѣренностью сказать, что во всякаго рода «греческихъ древностяхъ», авторы которыхъ обыкновенно обнаруживаютъ полную невинность во всякаго рода «соціологіяхъ», ничего подобнаго мы бы не нашли. Весьма возможно что кѣмъ нибудь изъ составителей этихъ «древностей» аналогія и можетъ быть сдѣлана, но аналогія такъ и осталась бы аналогіей, ничего не говорящей уму и даже не отвѣчающей на вопросъ: «для чего она нужна была?» Въ томъ и состоитъ основная черта всѣхъ почти работъ профессора Вишпера, что онъ ничего не дѣлаетъ изъ-за одного лишь любопытства, ради эрудиціи и тому подобныхъ ученыхъ пустяковъ, а все въ виду опредѣленной социологической цѣли, стало быть, въ виду требованій широкой научности, того, что составляетъ смыслъ, суть всякаго познанія.

Первая глава разбираемой книги посвящена «географическому очерку древней Греціи» (стр. 1—15). Очеркъ сдѣланъ чрезвычайно хорошо. Въ подобнаго рода вещахъ обыкновенно всегда ожидаешь встрѣтить что нибудь шаблонное. Но профессоръ Вишперъ простотою изложенія, а, главное, полнымъ игнорированіемъ всякаго рода натяжекъ сумѣлъ избѣжать шаблона и внести въ свой очеркъ столько жизни и правды, что онъ прочитывается съ величайшимъ удовольствіемъ. Въ этомъ смыслѣ данный очеркъ уступаетъ въ нашей литературѣ развѣ только соответствующимъ страницамъ въ «Курсѣ русской исторіи» профессора Ключевского (стр. 63—79). Какъ на недостатокъ этого очерка, можно указать лишь на то, что при выясненіи понятія о географическихъ условіяхъ профессоръ Вишперъ не принялъ во вниманіе положеній современной антропогеографіи, собственно основнаго труда ея лучшаго представителя, недавно умершаго Ф. Ратцеля.

За очеркомъ географическихъ условій въ древней Греціи слѣдуютъ главы: «Гомеровскій вѣкъ» и «Общественный и политическій строй гомеровскаго вѣка». Это—едва ли не лучшая часть въ книгѣ. Прежде всего авторъ далъ весьма простой, сжатый и вполне конкретный отвѣтъ на очень сложный и запутанный вопросъ объ общемъ характерѣ гомеровскаго вѣка, какъ извѣстной стадіи въ историческомъ развитіи древней Греціи, и о гомеровскихъ поэмахъ, какъ историческомъ источникѣ и какъ о продуктѣ извѣстной социальной среды.

Само собою разумѣется, что богатый материал для этого профессор Випперъ нашелъ въ превосходныхъ работахъ Пельмана, Дрерупа, Гауера, Эд. Мейера и др.¹⁾, но достоинство соответствующихъ страницъ его книги состоятъ не въ новизнѣ (хотя на русскомъ языкѣ это «послѣднее слово» науки говорится впервые), а въ замѣчательно искусной популяризаціи взглядовъ, установившихся въ послѣднее время въ литературѣ по исторіи классическихъ народовъ, въ удивительно ясной постановкѣ вопроса, въ умѣннн подчеркнуть въ немъ наиболѣе существенную для социологическаго пониманія сторону и въ то же время въ осторожности, заставляющей почтеннаго историка избѣгать всякихъ рѣзко очерченныхъ схемъ и линій, всякихъ рѣшительныхъ и прямолинейныхъ утверждений тамъ, гдѣ нѣтъ для этого ни материала, ни необходимости, вытекающей изъ даннаго историческаго контекста. Загляните хотя бы въ книгу Брейзига «Kulturgeschichte der Neuzeit» (II Band. Berlin. 1901, стр. 27 и дал.), ставящаго себя тѣ же самыя цѣли, что и профессоръ Випперъ, и рѣшающаго однѣ и тѣ же задачи, что въ книгѣ, разбираемой нами, — и вы оцѣните вполне, въ чемъ именно заключается необыкновенно привлекательная сторона таланта Р. Ю. Виппера, двухъ-трехъ страницъ сумѣвшаго сдѣлать ярче и проще то, что Брейзигу не удалось сдѣлать на протяжении нѣсколькихъ десятковъ страницъ. Послѣ отгѣченныхъ только что общихъ замѣчаній профессоръ Випперъ даетъ намъ картину социальнo-политическаго строя древней Греціи исключительно по Гомеру. Опять-таки никакихъ «открытій» мы тутъ не найдемъ. Все, что говорится тутъ о группировкѣ общества, власти и т. д., все это можно найти въ названныхъ уже трудахъ. Но дѣло не въ «открытіяхъ», а въ оригинальномъ распредѣленіи материала, въ подчеркиваніяхъ, въ искусномъ освѣщеніи, въ чрезвычайно удачной популяризаціи, въ той живой связи, какая устанавливается между различными сторонами процесса развитія гомеровскаго общества, наконецъ, въ искусномъ пользованіи поэмами Гомера, въ этомъ тонкомъ изображеніи названнаго процесса и социальныхъ отношеній исключительно путемъ интерпретаціи отдѣльных мѣстъ въ поэмахъ, что для педагогическихъ цѣлей должно имѣть громадное значеніе. Не будемъ въ подробностяхъ разяснять далѣе, въ чемъ именно проявляется все это: всякій, прочитавъ книгу, самъ оцѣнитъ и пойметъ всѣ достоинства и особенности этой главы въ книгѣ. Слѣдующая 4-я глава носитъ заглавіе: «Греческая колонизація въ Средиземномъ морѣ. Перевороты въ общинахъ Греціи». Тутъ наиболѣе интересными являются страницы, посвященныя социальнo-экономическимъ отношеніямъ. Русскій читатель, не имѣющій возможности черпать изъ иностранной литературы запасъ новыхъ свѣдѣній, тутъ впервые найдетъ то, что представляетъ собою суть этихъ отношеній, а также то, что можно бы было назвать исторической истиной. Въ этомъ отношеніи для русскаго читателя особенно интересными должны быть отдѣлы: «развитіе индустріи», «соціальныя измѣненія въ торгово-индустриальныхъ общинахъ», «крестьяне въ социальномъ движеніи VII—VI вѣковъ», «по-

¹⁾ См. также Louis Bréhier. La Royauté homérique et les origines de l'état en Grèce. Revue historique. 1904 года, январь—февраль и далѣе.

ложеііе крестьянъ въ Атикѣ въ VI вѣкѣ», «крестьянская реформа Солона» и «переходъ къ денежному хозяйству и положеніе крестьянъ». Мы лично съ нѣкоторыми чертами въ общей картинѣ социальна-экономическихъ отношеній, нарисованной въ данной главѣ, не согласны и думаемъ, что матеріалъ, существующій на этотъ счетъ, можетъ подлежать нѣсколько иной интерпретаціи, чѣмъ это дѣлаютъ Пѣльманъ, Франкоттъ, Эд. Мейеръ и др., а вмѣстѣ съ ними профессоръ Винперъ, но мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не признать, что все-таки то, что намъ далъ по указанному вопросу нашъ историкъ, превосходно во многихъ отношеніяхъ. Далеко не такъ хороши отдѣлы, посвященные въ той же главѣ исторіи права. Главный недостатокъ — нѣкоторая схематичность и какъ бы оторванность отъ контекста: не видно тѣхъ нитей, которыя устанавливаютъ связь между правомъ и другими сторонами, того взаимоотношенія, которое существуетъ между ними. Нельзя не замѣтить, что, къ сожалѣнію, тутъ именно почти не использованъ этнологическій матеріалъ, который несомнѣнно даетъ очень много для болѣе рельефнаго изображенія эволюціи греческаго права въ первичной стадіи его развитія. Еще болѣе слабы отдѣлы, посвященные тираніи. Но зато слѣдующія затѣмъ главы не оставляютъ желать ничего лучшаго. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста мы не можемъ поговорить подробно о каждой въ отдѣльности, выяснить, въ чемъ именно достоинство каждой изъ нихъ, и что бы, по нашему мнѣнію, требовало нѣсколько иной связи и иной постановки вопроса. Говоря въ общемъ и цѣломъ, необходимо прежде всего замѣтить, что на русскомъ языкѣ эти главы представляютъ единственную «исторію» древней Греціи за соотвѣтствующее время, исторію въ истинномъ смыслѣ этого слова. Затѣмъ надо сказать, что тутъ воистиннѣ получило воплощеніе современное намъ пониманіе историческаго процесса, и рѣшительно, радикально порывается всякая связь съ теоріями о героическомъ въ исторіи, о «событіяхъ» и т. п. Передъ глазами читателя проходитъ рядъ движущихся картинъ въ процессѣ эволюціоннаго движенія общества, и онъ не только реально возсоздаетъ древнегреческую жизнь, но и до нѣкоторой степени схему развитія всякаго человѣческаго общества, поскольку тутъ можетъ быть рѣчь о схемѣ. Правда, данныя главы не отличаются тою, такъ сказать, непосредственною близостью къ первоисточникамъ, какъ II и III. Въ этомъ отношеніи онѣ гораздо ниже послѣднихъ, но зато въ нихъ больше конкретности, движенія, больше полноты въ изображеніи процесса развитія. Но и тѣ и другія главы, вмѣстѣ взятая, — вся книга представляетъ собою замѣчательную популяризацию современной науки не только въ ея итогахъ по обследованію древнегреческаго міра, но и въ ея общихъ теоретическихъ предпосылкахъ и заключеніяхъ. Въ этомъ отношеніи она — превосходное пособіе для самообразования, и мы горячо рекомендуемъ ее нашей молодежи, нашимъ преподавателямъ исторіи и вообще любителямъ серьезнаго, дѣльнаго и разумнаго чтенія.

Н. Н.

Профессоръ Александръ Евгеньевичъ Назимовъ. Біографія и воспоминанія, подъ редакціей И. А. Линниченка. Одесса. 1905.

Небольшая брошюра, посвященная жизни и воспоминаніямъ о безвременно скончавшемся профессорѣ Новороссійскаго университета, А. Е. Назимовѣ, рисуетъ передъ читателями мало кому вѣдомый дотолѣ образъ оригинальнаго русскаго ученаго, богато одареннаго природою и оставившаго, однако, по себѣ относительно небольшой слѣдъ въ наукѣ и литературѣ. Назимовъ, какъ его обрисовываютъ его сотоварищи по жизненному пути, былъ личностью, выдающеюся и по своимъ природнымъ дарованіямъ и по личному характеру. Это была натура сложная и интересная, могшая безспорно дать богатый матеріалъ для психологической разработки нашимъ беллетристамъ, столь слабо почерпающимъ изъ окружающей ихъ жизни оригинальные и новые типы. Въ немъ соединились въ своеобразномъ сочетаніи черты стараго русскаго барства на подкладкѣ сибаритства съ чертами истаго европейца, ставящаго превыше всего плоды западной культуры и умѣющаго цѣнить настоящею цѣною эти плоды. Его личнымъ достояніемъ были, по словамъ его біографа, его разностороннія, блестящія способности, его тонкій и изящный умъ, чуткій литературный и художественный вкусъ, блестящій ораторскій талантъ, неподражаемый юморъ, умѣнье подмѣчать и артистически передавать комическія противорѣчія окружающихъ. Однако, благодаря частью своему сибаритству, частью своему все усиливающемуся съ годами стремленію къ замкнутости, недостатку экспансивности, онъ далъ гораздо меньше, чѣмъ могъ бы дать. Талантливый писатель и ученый, онъ оставилъ всего нѣсколько, хотя и высоко даровитыхъ страницъ, превосходный лекторъ и ораторъ, онъ очень неохотно рѣшался выступать съ публичнымъ словомъ, прекрасный профессоръ, онъ имѣлъ мало настоящихъ учениковъ. Въ своей недолгой жизни онъ промелькнулъ, какъ метеоръ, какъ прекрасный артистъ, «не записанный въ кинематографъ».

Ученое и литературное наслѣдіе покойнаго одесскаго профессора не велико: небольшая диссертація *pro venia legendi* о Гнействѣ, магистерская диссертація — «Реакція въ Пруссіи», двѣ рѣчи о Пушкинѣ и Гейне, нѣсколько сжатыхъ рецензій и «Обзоръ законодательства о фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ». Врядъ ли будущимъ ученымъ придется часто справляться съ трудами покойнаго А. Е. Назимова: съ этой стороны онъ, вѣроятно, скоро будетъ забытъ, память о немъ останется живою лишь среди близко знавшихъ этого аристократа мысли и чувства, да, быть можетъ, будущій бытописатель русскаго общества восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ отмѣтитъ на своемъ полотнѣ оригинальный образъ одессита, въ которомъ такъ художественно переплелись черты обломовщины и пушкинскаго Овѣгина.

В. Г.

Словинскіе поэты. Изданы подъ редакціей Н. Новича. Спб. 1904.

Едва ли многіе изъ нашего образованнаго общества легко отвѣтятъ на вопросъ, кто такіе словинцы, и гдѣ они живутъ. Выдвинутые на самый далекій западъ, они составляютъ на югѣ у Адриатическаго приморья такую же чере-

довую стражу славянства, какъ чехи на сѣверѣ. Словинцевъ насчитывается до полутора милліона. Это въ полномъ смыслѣ слова маленькій народъ, и тѣмъ не менѣе даже эти полтора милліона не образуютъ одинаго политическаго цѣлага. Они распределены между Италіей, Венгріей и Австріей, гдѣ живутъ въ южной Штирии, Хорутаніи и Крайнѣ. Такая политическая раздробленность въ значительной мѣрѣ парализуетъ народныя силы, раздрааемыя еще, кромѣ того, совершенно безплодной и губительной внутренней распрей между партіями католической, клерикальной, и вольномыслящей, либеральной. До какой ожесточенности доходитъ эта борьба, можно видѣть изъ словъ одного изъ вождей словинскихъ клерикаловъ: «мы, католики, скорѣе пойдемъ рука объ руку съ дьяволомъ, чѣмъ съ либералами». Этимъ послѣднимъ въ свою очередь стоитъ увидѣть въ какомъ нибудь стихотвореніи слово «вѣра», чтобы бросить его, какъ совершенно негодное. Единственно, что соединяетъ обѣ враждующія стороны—это народность, и въ защитѣ ея всѣ словинцы составляютъ одно цѣлое. Только этимъ можно объяснить, что, несмотря на самыя невозможныя условія жизни, они не только успѣваютъ отразить отъ себя тройной натискъ — мадьяръ съ востока, итальянцевъ съ юга и нѣмцевъ съ сѣвера, но и даютъ еще такихъ замѣчательныхъ поэтовъ, какъ Преширнъ или Ашкерцъ, которыми могла бы гордиться любая европейская литература.

Начало словинской литературы относится ко времени реформаціи, когда словинскій Лютеръ, Приможъ Трубаръ, перевелъ на народный языкъ священное писаніе и такимъ образомъ первый пустилъ въ народъ словинскую книгу. Реформаціонное движеніе было скорѣе задавлено католическо-іезуитскою реакціей. Но притоптанные и примятые сверху ростки народной жизни сохранились въ глубинѣ, и при первыхъ болѣе теплыхъ лучахъ солнца, когда Наполеонъ призвалъ къ жизни такъ называемыя Иллирійскія провинціи, показались быстро новые всходы. «Я слышу воззванье: «Иллирія, встань!» Меня поднимаетъ могучая длань, и я пробуждаюсь отъ долгаго сна»,—такъ начинается знаменитое стихотвореніе католическаго священника, Валентина Водника: «Пробужденная Иллирія», отъ котораго идетъ вся новѣйшая словинская поэзія и литература. На первыхъ порахъ эта поэзія сосредоточилась почти всецѣло въ средѣ католическаго духовенства. Ярникъ, Кастелецъ, Поточнякъ—вотъ представители этого періода, попавшіе въ сборникъ Н. Новича. Всѣ ихъ произведенія отмѣчены наивною и простодушною религіозностью, рядомъ съ которой слышится нота горячей любви къ народу. Но для всѣхъ этихъ писателей поэзія была скорѣе диллетантствомъ, чѣмъ дѣломъ жизни, и въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка была минута, когда былъ даже поставленъ вновь вопросъ о существованіи словинской литературы, какъ отдѣльнаго цѣлага. Гай въ Загребѣ, отказавшись самъ отъ родной кайкавщины въ пользу штокавскаго нарѣчія сербо-хорватскаго языка, къ такой же жертвѣ призывалъ и словинцевъ, мечтая объединить всѣхъ югославянъ въ единой великой Иллирії. И нашлись среди словинцевъ люди, которые откликнулись на этотъ призывъ. Такъ, Вразъ прожѣвлялъ свою родную Люблянѣ на хорватскій Загребъ. Тогда-то иронически писалъ его другъ, Преширнъ: «Чехъ, полякъ, иллиріецъ и русскій—вотъ эти народы, свой обработавъ языкъ, смѣютъ на немъ и писать; бѣднѣй

хорватъ и словинець, руснякъ и словакъ и другіе — псы межъ славянъ: ихъ удѣль лаять и лапы лизать». Поэтическое дарованіе Преширна, пѣвца по призванію, истиннаго, вдохновеннаго поэта, рѣшило судьбу поэзіи. Было бы жаль, если бы языкъ, на которомъ выражали свои мысли поэты такой мѣры, какъ Преширнъ или Ашкерць, смолкъ, потерявшись въ другомъ, хотя и близкомъ языкѣ. Да едва ли это и нужно: словинцы и сербохорваты безъ ученія понимаютъ другъ друга, такъ же, какъ мы понимаемъ малороссовъ. При жизни Преширна не особенно цѣнили. За вольномысліе стихи его были даже сожжены не въ мѣру усерднымъ духовенствомъ, но теперь ему ставятъ памятникъ въ Люблянѣ, какъ создателю словинскаго поэтического языка. Служа своему народу, онъ въ своей «Здравицѣ» сумѣлъ возвыситься до высокихъ всечеловѣческихъ идеаловъ, указавъ путь позднѣйшимъ писателямъ, по которому они и пошли.

И теперь словинскую поэзію характеризуютъ, съ одной стороны, народныя стремленія, съ другой, разработка высшихъ задачъ жизни. Попржнему звучитъ всюду въ Словинской землѣ призывъ къ борьбѣ за народность въ пѣснѣ Енко: «Впередъ! Мы дружно на враговъ»... У Ашкерца любовь къ своей народности ведетъ поэта въ область племенныхъ, всеславянскихъ сочувствій, и, можетъ быть, во всемъ современномъ славянствѣ нѣтъ поэта, у котораго бы эта нота звучала такъ красиво и увѣренно. вмѣстѣ съ этимъ онъ же глубоко затрогиваетъ общіе вопросы. Прежняя религіозная поэзія значительно ослабѣла, смѣнившись у многихъ словинскихъ поэтовъ отрицаніемъ богооткровенной религіи, но свои новыя идеи о свободѣ и братствѣ людей, идеи, въ сущности вытекающія изъ стараго міросозерцанія, словинцы проводятъ съ прежнимъ религіознымъ воодушевленіемъ. Въ прекрасномъ стихотвореніи «Первая мученица», хорошо переведенномъ Н. Новичемъ, Ашкерць поетъ гимнъ свободной мысли. Ее заключаютъ въ цѣпи, ее сожигаютъ на кострѣ, но, какъ чудесный фениксъ, она возрождается вновь для борьбы съ предрассудками и встаетъ еще болѣе окрѣпшей, съ поднятой гордо главою провозглашая: «Свободная мысль — мое имя, весь міръ покорю я себѣ!» Безстрашная смѣлость мысли идетъ въ руку съ глубиной самоотверженнаго чувства. Такъ какъ истинное человѣческое братство не мыслимо безъ религіознаго корня, то мы увѣрены, что словинская поэзія находится теперь наканунѣ новой религіозной эволюціи. Благородство и смѣлость словинскаго народнаго духа при послѣдовательности мысли неизбѣжно приведутъ словинцевъ отъ религіознаго пессимизма новѣйшихъ поэтовъ къ новому, болѣе полному выраженію старыхъ христіанскихъ идеаловъ.

Со словинской поэзіей познакомилъ русское общество впервые Н. В. Гербель въ своей книгѣ «Поэзія славянъ». Съ тѣхъ поръ прошло около 30 лѣтъ. Книга Гербеля давно распродана, да она теперь уже и недостаточна: за послѣднее время явились у словинцевъ новые замѣчательные поэты. Въ виду этого появленіе сборника г. Новича очень умѣстно, и его можно только приветствовать. Особенно удачно представлена въ немъ поэзія первыхъ временъ возрожденія. Слабо охарактеризованъ Преширнъ, и это тѣмъ болѣе странно, что года три тому назадъ вышло въ Москвѣ полное собраніе стихотвореній

Преширна въ переводѣ Ѳ. Корша, и слѣдовательно составитель сборника ничѣмъ не былъ стѣсненъ въ выборѣ стихотвореній. Между тѣмъ въ сборникъ не вошла даже «Здравица», въ которой такъ хорошо вылился свободолюбивый и благородный духъ Преширна. Гораздо труднѣе при рѣдкости у насъ переводовъ со словинскаго была задача г. Новича въ дѣлѣ характеристики новѣйшей словинской поэзіи. Лучше другихъ представленъ Ашкерць, но и здѣсь пропущенъ гимнъ его въ честь русскаго языка, имѣющійся у насъ въ переводѣ Д. Вергуна. Изъ эпическихъ славянскихъ стихотвореній его имѣется въ русскомъ переводѣ только одинъ отрывокъ изъ «Раисодій болгарскаго гусляра». Онъ и помѣщенъ въ сборникѣ г. Новича: красота рисунка въ подлинникѣ такъ велика, что она видна, даже несмотря на очень большіе недостатки перевода. Было бы желательно, чтобы какой-нибудь изъ нашихъ поэтовъ, не убоившись словинскаго языка—ему можно выучиться въ три дня—выписалъ себѣ изъ Любляны отъ Швентнера 4-й сборникъ стихотвореній Ашкерца и перевелъ бы намъ цѣликомъ эту великолѣпную эпопею, исполненную необыкновенной энергіи чувства и картинъ, поистинѣ разительныхъ. Лучшіе переводы въ сборникѣ принадлежатъ самому составителю, г. Новичу. Затѣмъ въ сборникѣ помѣщены переводы М. Петровскаго, Н. Берга, Ѳ. Корша, В. Уманова-Каплуновскаго, С. Штейна и др. Изъ стараго гербелевскаго сборника перепечатано всего только 5 стихотвореній. Къ книжкѣ приложены краткія біографическія свѣдѣнія о словинскихъ поэтахъ. Жаль, что не дана при этомъ хотя бы краткая характеристика словинской поэзіи вообще въ связи съ исторіей словинцевъ: трудно на пространствѣ ста страничекъ дать полное понятіе о каждомъ изъ входящихъ въ сборникъ двадцати поэтовъ, но всегда можно обрисовать главныя литературныя теченія вообще. Это и должно быть задачею всѣхъ подобныхъ сборниковъ стиховъ. Раньше уже г. Новичъ издалъ книжку стихотвореній словацкихъ поэтовъ. Такимъ образомъ «Словинскіе поэты»—не первый изъ его трудовъ, посвященныхъ поэзіи славянскихъ народовъ. Будемъ надѣяться, что и не послѣдній.

Андрей Сиротининъ.

С. С. Арнольди. Цивилизація и дикія племена. Спб. 1904.—Его же. Современныя ученія о нравственности и ея исторія. Спб. 1904.

Обѣ вышеприведенныя книги принадлежатъ перу извѣстнаго социолога-публициста и русскаго эмигранта Петра Лавровича Лаврова (Миртова, род. 1823, ум. 1900 г., см. о немъ некрологъ П. Н. Милюкова въ «Мірѣ Бож.», 1900, № 3, На родинѣ), въ трудахъ котораго (перечень ихъ у Н. И. Карѣва, Введение въ изученіе социологін, Спб., 1897, стр. 414; у г. Колубовскаго въ статьѣ Матеріалы для теоріи философіи въ Россіи—«Вопр. Психол. и Филос.», 1890 г., и въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза) впервые проводилась точка зрѣнія «субъективнаго метода въ социологін», которая нашла свое дальнѣйшее развитіе у Н. К. Михайловскаго и Н. И. Карѣва.

Чтобы яснѣе представить себѣ содержаніе вышеуказанныхъ книгъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ основу своего научнаго міросозерцанія Лавровъ ставилъ

цѣльную человѣческую личность съ прирожденнымъ стремленіемъ къ развитію и наслажденію, но личность не изолированную, а соціальную. Его задачей было построить эволюцію человѣчества на внутренней эволюціи индивидуальной человѣческой психики. Этой задачи онъ не разрѣшилъ, какъ не разрѣшили ея и современные ученые, но важна была постановка вопроса въ такой ясной опредѣленной формѣ; въ этомъ заслуга нашего соціолога — несомнѣнна.

Книга «Цивилизація и дикія племена» составлена изъ ряда статей, печатавшихся въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1869 годъ. Въ началѣ ея авторъ разбираетъ смыслъ и значеніе слова «цивилизация», какъ то представляется по указаніямъ европейской литературы. «Изъ различныхъ точекъ зрѣнія, — говоритъ онъ, — очевидно, что вопросъ о человѣческой культурѣ или человѣческой цивилизаціи имѣетъ весьма различныя стороны, что для ея полной оцѣнки надо имѣть въ виду и нравы общественныхъ животныхъ и различныя ступени человѣческихъ обществъ... что понятіе о цивилизаціи нераздѣльно съ идеей прогресса» (стр. 34). Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ старается подмѣтить элементарныя зачатки цивилизаціи у животныхъ, рисуетъ «культуру дикихъ племенъ», останавливается на вопросѣ, можно ли цивилизовать дикихъ, попутно отмѣчая частыя неудачныя попытки привить дикимъ европейскую культуру; затѣмъ, изобразивъ кратко эволюцію человѣчества по извѣстнымъ ступенямъ развитія (дикость, варварство, цивилизація), авторъ приходитъ къ выводу, что въ настоящее время застой и переходъ въ зоологическое состояніе для человѣчества — невозможенъ. Въ заключеніе высказывается пожеланіе, чтобы у насъ было побольше людей мысли, которые бы прямо и смѣло смотрѣли на существующія преграды, путаницы, на остатки старой и старѣющей культуры и посвящали свою жизнь и свою мысль на критику настоящаго, на борьбу со всѣмъ омертвѣлымъ.

Вторая книга: «Современныя ученія о нравственности и ея исторія», составлена изъ очерковъ, печатавшихся въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1870 годъ. Эти очерки во многомъ были основаны на только что вышедшей тогда книгѣ Lekky: «History of European morals from Augustus to Charlemagne» (1869). Авторъ беретъ отдѣльныя положенія и факты изъ книги Лекки и даетъ имъ болѣе широкое освѣщеніе, при чемъ иногда онъ пытался приурочить сказанное къ жизни русскаго общества и къ русской наукѣ. Книга состоитъ изъ шести главъ: I) новая книга Лекки (3—62), II) утилитаризмъ (23—44), III) нравственность (44—83), IV) историческіе нравственные типы (83—112), V) нравственность Рима и Греціи (112—169), VI) дѣйствія греческой мысли на Римъ (169—216). Нравственности Лавровъ придаетъ громадное значеніе, такъ какъ, по его словамъ, «соціологи настоящаго времени хотя и опираются на необходимые законы экономическихъ явленій, на культурную среду обычнаго права и установившагося кодекса, но они сознаютъ, что общественная связь есть связь преимущественно нравственная, что лишь нравственныя задачи даютъ санкцію экономическимъ отношеніямъ, что лишь нравственный смыслъ придаетъ жизнь мертвой буквѣ обычая и закона, что лишь нравственная сила связываетъ общество въ цѣльный организмъ» (22). Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ указываетъ, что нравственности готовою и абсолютною въ смыслѣ

категорических императивовъ нѣтъ, что нравственность вырабатывается вмѣстѣ съ ростомъ личнаго сознанія. Движущей причиною въ дѣятельности человѣка является его эгоизмъ, стремленіе къ наслажденію и пользѣ. Наряду съ этимъ для каждой личности выдвигается внутренняя элементарная обязанность—обязанность развиваться (курсивъ), совершенствоваться (47), благодаря чему образуются стремленія высшія и низшія, т.-е. нравственныя и безнравственныя. Высшее развитіе личности достигается лишь въ томъ случаѣ, когда между личнымъ благомъ и благомъ общимъ существуетъ полная гармонія. А потому нравственнымъ идеаломъ является общественная связь, всеобщая кооперація, опирающаяся на справедливость, для всеобщаго всесторонняго развитія (79). Потомъ авторъ исторически слѣдитъ за эволюціей ученія о нравственности.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книгъ г. Арнольди. Несомнѣнно, что многое изъ того, что писано 35 лѣтъ тому назадъ, устарѣло, иное же настолько вошло въ нашъ умственный обиходъ, что кажется теперь элементарнымъ, все же статьи автора далеко еще не потеряли своего отчасти научнаго, но главнымъ образомъ воспитательнаго значенія. Читатель найдетъ здѣсь много такого, что остановитъ его вниманіе и дастъ матеріалъ для размышленія, такъ какъ даже и въ популярномъ изложеніи при чтеніи постоянно чувствуется философскій складъ мысли автора. Очень жаль только, что книги изданы нѣсколько небрежно, безъ всякаго предисловія и даже безъ оглавленія.

М. К.

Х. А. Вермишевъ. Матеріалы для исторіи грузино-армянскихъ отношеній. Спб. 1904.

Еще многіе, вѣроятно, помнятъ тотъ шумъ, который былъ не такъ давно надѣланъ въ армянской печати фельетонами небезызвѣстнаго грузинскаго публициста, князя П. Г. Чавчавадзе, печатавшимися въ газетѣ «Иверія» и изданными затѣмъ отдѣльно въ русскомъ переводѣ подъ общимъ заглавіемъ «Армянскіе ученые и воиющіе камни». Лежащая передъ нами книга г. Вермишева есть отповѣдь на писанія князя Чавчавадзе, — отповѣдь, выдержанная и безусловно очень убѣдительная.

Какъ извѣстно, князь Чавчавадзе вылилъ цѣлый потокъ грязи на армянъ; вся его книга проникнута ядовитою національною травлею; въ ней собрано, какъ говоритъ г. Вермишевъ, все то, что можетъ служить доказательствомъ преслѣдованія армянскими учеными одной разъ навсегда определенной цѣли — унижить грузинъ и ихъ исторію въ глазахъ всего цивилизованнаго міра и за счетъ этого униженія возвысить армянъ и армянскую исторію. Для достиженія этой цѣли «армянскіе ученые», по свидѣтельству князя Чавчавадзе, не брезгали никакими средствами, прибѣгали даже къ завѣдомой лжи, надувательству, фальсификаціи, поддѣлкѣ, воровству и присваиванію чужого (т.-е. грузинскаго), введенію и другихъ неармянскихъ писателей въ обманъ и заблужденіе.

Однимъ словомъ, грузинскій публицистъ приходитъ къ заключенію, что въ продолженіе 60-лѣтняго періода «армянскіе книжники» добивались систематически одной цѣли—показать всему свѣту, что лучше, устойчивѣе, способнѣе армянь никого нѣтъ въ Малой Азіи, въ особенности въ Закавказьѣ; что для такой цѣли тѣ же армянскіе книжники рѣшились «скрутить» грузинъ, оскандалить ихъ имя, чтобы отъ нихъ и слѣда не осталось, опорочить ихъ исторію, присвоить ее себѣ, лишить ихъ территории и увѣрить свѣтъ, что грузины на пути къ вырожденію, и что не сегодня-завтра они поголовно вымрутъ и «обармянятся».

Вотъ какія обвиненія взвелъ князь Чавчавадзе на армянскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей. Что же отвѣчаетъ ему г. Вермишевъ? Какой даетъ отпоръ? Съ чего его начинается?

Начинаетъ онъ съ вѣрнаго хода. Для того, чтобы выяснитъ, насколько основательны обвиненія, взводимыя на армянскихъ публицистовъ, г. Вермишевъ сличаетъ тексты ихъ сочиненій съ тѣмъ, что князь Чавчавадзе имъ приписываетъ.

«Армянскими» учеными и ихъ клеветами, «сдирающими шкуру съ грузинъ», князь Чавчавадзе считаетъ: О. И. Сеньковскаго (армянинъ ?!), проф. Эмина, А. Д. Эрицева, А. Худабашева, архимандрита Месропа Сумбатянца, проф. К. П. Патканова, Г. А. Эзова, С. I. Кишмишева, проф. Н. Я. Марра, В. Гольмстрема и корреспондента «Тепрс»'а Кутули (послѣднія три лица тоже армяне ?!). И ихъ-то, главнымъ образомъ, и обвиняетъ въ грубомъ оскорбленіи грузинской націи, слишкомъ злобно и ядовито толкуя ихъ сочиненія.

Г. Вермишевъ на 223 страницахъ достаточно убористой печати дѣлаетъ сличеніе произведеній этихъ писателей съ навязываемыми имъ княземъ Чавчавадзе обвиненіями. Такое сличеніе даетъ очень положительныя результаты. Оказывается, что ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ авторовъ не можетъ быть признанъ причастнымъ къ тому грандіозному разрушительному дѣлу, въ которомъ грузинскій писатель обвиняетъ всю армянскую интеллигенцію.

Нельзя не отмѣтить, что такой способъ отвѣта на задорную книжку очень практиченъ и убѣдителенъ, и тѣмъ болѣе, что авторъ отвѣта обладаетъ гладкимъ, красивымъ языкомъ. Несмотря на узоръ и специальность вопроса, «Матеріалы» читаются очень легко.

Вере.

Я. Кузнецовъ. Изъ переписки помѣщика съ крестьянами (XVIII в.). Изданіе Владимирской ученой архивной комиссіи. Владимиръ. 1904.

Въ книгѣ г. Кузнецова изданы письма, повелѣнія, приказы Василя Ивановича Суворова (отца нашего знаменитаго фельдмаршала), его супруги и отписки крестьянъ своему помѣщику, хранящіеся въ настоящее время въ Костромской архивной комиссіи. Переписка эта касается не только хозяйственныхъ отношеній помѣщика и его крѣпостныхъ, какъ, на примѣръ, сбора оброка, присылки денегъ, хлѣба, дичи, сукна, холста, но также и многихъ другихъ сторонъ жизни; такъ, въ ней говорится объ управленіи вотчиной, о случаяхъ

наказанія крестьянъ за разныя провинности, о бѣдствіяхъ во время неурожая, приводятся наставленія помѣщика крестьянамъ жить въ согласіи и миролюбіи съ ихъ женами и т. п. Всего помѣщено 70 номеровъ и два коротенькихъ приложенія: Вѣдомость о сборѣ провизіи помѣщику Суворову въ 1783 году и Реестръ, что у кого взято малины и полотень и сколько и съ кого возьмется.

Издатель переписки замѣчаетъ, что она является лучшей и вѣрной характеристикой для оцѣнки В. И. Суворова, какъ помѣщика; безъ этой же оцѣнки личность его была бы извѣстна только со стороны его служебной дѣятельности; кромѣ того, переписка, вводя въ кругъ нешикрашенныхъ, а настоящихъ отношеній помѣщика съ крестьянами, выясняетъ массу (?) неизвѣстныхъ доселѣ бытовыхъ сторонъ крестьянской жизни въ ту эпоху, отъ которыхъ подчасъ сжимается прямо сердце: такъ нѣкоторыя изъ нихъ уродливы и непривлекательны.

За изданіе матеріала, освѣщающаго прошлое съ новой любопытной стороны, конечно, нужно быть только благодарнымъ г. Кузнецову. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что само изданіе выполнено далеко не образцово. Прежде всего изъ неопредѣленнаго заглавія совсѣмъ не видно, что въ матеріалахъ рѣчь идетъ о В. И. Суворовѣ, благодаря чему для біографіи его эта переписка можетъ пройти совершенно не замѣченной. Затѣмъ г. Кузнецовымъ дано такое бѣглое предисловіе (около страницы), что трудно оріентироваться въ изданной перепискѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, не говоря уже о какомъ бы то ни было указателѣ, издателемъ даже не приложено къ матеріаламъ обыкновеннаго оглавленія, вслѣдствіе чего для простого ознакомленія съ перепиской приходится перелистывать всю книгу.

М. К.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Павленкова. Князь Меттернихъ, его жизнь и политическая дѣятельность. Біографическій очеркъ Х. Г. Инсарова. Спб. 1905.

Имя Меттерниха, впервые занесенное въ исторію въ 1797 году, постепенно начинаетъ играть въ жизни Европы руководящую роль и наконецъ въ такъ называемой «системѣ Меттерниха» достигаетъ апогея своей славы и могущества.

Какъ историкъ, такъ и психологъ съ большимъ вниманіемъ должны остановиться на фигурѣ всемогущаго австрійскаго консула. Весь свой умъ, всю свою энергію Меттернихъ расходовалъ на сведеніе всего разнообразія и всей красоты жизни къ абсолютному покою. На каждый новый запросъ жизни суровый канцлеръ отвѣчалъ неизмѣнно категорически—нѣтъ. Цѣлому ряду крупнѣйшихъ общественныхъ движеній, многимъ героямъ исторіи—Александръ I, Наполеонъ—и, наконецъ, проснувшемуся національному самосознанію цѣлыхъ государствъ—Италія, Греція—приходилось считаться и вступать въ болѣе и менѣе острые конфликты съ Меттернихомъ и его политическимъ средо: спокойствіе, тишина и порядокъ. Эти принципы въ качествѣ одного изъ условій нормальнаго общественнаго развитія лежатъ въ основѣ каждаго общества, но при господствѣ «системы Меттерниха» они, принявъ уродливыя и противостественныя формы, стали цѣлью, для достиженія которой всѣ средства счи-

тались хорошими. Только исключительными историческими условиями можно объяснить успешное проведение въ жизнь и продолжительное господство этой «системы». Бурная исторія Европы конца XVIII и начала XIX вѣковъ съ французской революціей и наполеоновской эпопеей создала многочисленную общественную группу, напуганную бурями и уставшую отъ множества новыхъ впечатлѣній. На нее опирался и ея шефомъ сталъ Меттернихъ. Какъ ни шатка каждая фантазія на историческую тему, но про Меттерниха можно почти безошибочно сказать, что безъ моральной поддержки встревоженнаго общества его «система» и самъ онъ, ея творецъ, не врѣзались бы острымъ клиномъ въ исторію Европы. Поставимъ мысленно лѣнливую, холодную, не чуждую мелкихъ страстишекъ натуру Меттерниха въ атмосферу мирнаго конституціоннаго развитія Англии. Тутъ нѣтъ никакой реальной почвы, чтобы стать апостоломъ тюремной тишины, мертвеннаго спокойствія и карикатурнаго порядка, въ Англии жизнь Меттерниха протекла бы безъ вліянія, безъ блеска и закончилась бы незамѣтной дѣятельностью члена палаты лордовъ. На жизни Меттерниха нельзя не остановиться еще, какъ на эффектной иллюстраціи одного изъ интереснѣйшихъ вопросовъ философіи исторіи: такъ называемомъ законѣ «гетерогоніи цѣлей». Сущность его въ томъ, что послѣдствія человѣческихъ дѣйствій всегда болѣе или менѣе широко выходятъ за предѣлы первоначальныхъ мотивовъ воли. Многие являются неожиданнымъ и непредвидѣннымъ для дѣятелей, участвующихъ въ историческомъ процессѣ.

Такимъ неожиданнымъ и непредвидѣннымъ обстоятельствомъ былъ для Меттерниха «безумный» 1848 годъ. Сознательно работая во имя спокойствія, тишины и порядка, онъ бессознательно создавалъ благоприятную почву для революціонной вспышки 1848 года. Въ борьбѣ съ его пресловутой системой, грубо оскорблявшей самыя элементарныя человѣческія права, закалялись и вырабатывались будущіе дѣятели революціоннаго года, и переходили въ оппозицію умѣренные элементы общества.

Духовный обликъ Меттерниха и его роль въ исторической жизни Европы удачно обрисованы г. Инсаровымъ. Въ біографической бібліотекѣ Павленкова есть біографіи историческихъ дѣятелей, прямо ошеломляющія своимъ содержаніемъ. Вспоминаю біографію Кромвеля, въ которой подъ самымъ отвратительнымъ пустословіемъ, долженствующимъ скрывать историческое невѣжество автора, совершенно исчезла фигура великаго протектора. Къ счастью, съ біографіей Меттерниха дѣло обстоитъ иначе, и книжка о немъ г. Инсарова — замѣтный вкладъ въ нашу популярно-историческую литературу. W.

Сочиненія Чокана Чингисовича Валиханова. Изданы подъ редакцію Н. И. Веселовскаго. Спб. 1904.

Въ лицѣ Валиханова русская наука востоковѣдѣнія лишилась крупной силы. Внуку послѣдняго хана Средней Киргизской орды, Муххамедъ-Ханафія (мусульманское имя Валиханова) родился около 1837 года въ Акмолинской области, учился въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ въ Омскѣ и вскорѣ обра-

тилѣ на себя вниманіе преподавателей своими способностями: въ немѣ видѣли будущаго изслѣдователя Средней Азіи, а нѣкоторые предсказывали ему карьеру извѣстнаго ориенталиста. По окончаніи корпуса Валихановъ поступаетъ въ русскую армію, случайно знакомится къ проѣзжавшимъ чрезъ Омскъ П. П. Семеновымъ, и съ этого времени его занятія дѣлаются вполне серьезными. Онъ совершилъ поѣздку въ Кашгаръ, изученіе и описаніе котораго сразу же поставило имя молодого офицера въ ряды лучшихъ изслѣдователей востока. Ранняя смерть Валиханова отъ чахотки въ 1865 году унесла у семи русскихъ ориенталистовъ «блеснувшій на время метеоръ». Тѣмъ не менѣе, все написанное имъ дало большой томъ, около 500 страницъ, составившій одинъ изъ послѣднихъ выпусковъ «Записокъ императорскаго Русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи».

Въ видѣ предисловія помѣщены воспоминанія о Валихановѣ, принадлежащія его товарищамъ: Г. Н. Потанину, Н. М. Ядринцеву и И. И. Ибрагимову, и рисующія покойнаго изслѣдователя необыкновенно симпатичными чертами—натурой демонической, настойчивой, человѣкомъ мудрымъ и интереснымъ, неустаннымъ работникомъ, прекраснымъ товарищемъ. Кромѣ большого описанія путешествія въ Кашгаръ, предпринятаго по порученію генераль-губернатора Западной Сибири Гасфорда въ 50-хъ годахъ, въ собраніи сочиненій помѣщено нѣсколько мелкихъ статей и отрывки изъ черновыхъ рукописей, имѣющихъ научную цѣнность. Изъ нихъ назовемъ интересные очерки: «Слѣды шаманства у киргизовъ», «Вооруженіе киргизъ въ древнія времена и ихъ военные доспѣхи», «Очерки Джунгаріи», «Преданія и легенды Большой Киргизъ-Кайсацкой орды» и другіе. Въ концѣ книги приложено нѣсколько писемъ Валиханова и указатели; въ началѣ—портретъ его и предисловіе редактора, передающее всю исторію появленія въ печати цѣнныхъ трудовъ покойнаго ученаго.

И. Александровъ.

Царевичъ Вахушти. Географія Грузіи. Переводъ, введеніе и примѣчанія М. Г. Джанашвили. Записки Кавказскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества, книга XXIV, выпускъ V. Тифлисъ. 1904.

Кавказскій отдѣлъ императорскаго Русскаго географическаго общества издалъ русскій переводъ знаменитой «Географіи Грузіи», написанной грузинскимъ царевичемъ Вахушти болѣе полутора столѣтій назадъ, а именно въ 1745 году.

«Географія» царевича Вахушти, по мнѣнію Броссе, имѣетъ такое же значеніе для Грузіи, какъ топографическія замѣтки Гомера для Греціи; естественно поэтому, что этотъ тщательный сводъ данныхъ о Грузіи, а также до нѣкоторой степени и объ историческомъ прошломъ ея населенія всегда пользовался заслуженнымъ вниманіемъ ученыхъ. До сихъ поръ желающіе познакомиться съ «Географіей» Вахушти могли пользоваться ею въ грузинскихъ изданіяхъ Д. Бакрадзе (первая часть) и профессора Д. Чубинова (вторая часть), также во французскомъ переводѣ М. Броссе въ его «Description géographique de la Géorgie».

Однако, эти издания, исполненные по разнороднымъ спискамъ «Географіи Грузіи», при сравненіи ихъ съ подлинною рукописью Вахушти, хранящеюся въ настоящее время въ императорской академіи наукъ, оказываются несвободными отъ погрѣшностей, иногда довольно существенныхъ. Изданный въ настоящее время русскій переводъ «Географіи Грузіи», сдѣланный М. Г. Джанашивили, свѣренъ съ подлинною рукописью Вахушти, которая для этой цѣли была въ 1902 году академіей наукъ прислана на время Кавказскому отдѣлу императорскаго Русскаго географическаго общества. Этимъ устранена возможность отступленій отъ подлинника, почти неизбѣжныхъ при печатаніи по спискамъ переписчиковъ. Географія Вахушти состоитъ изъ слѣдующихъ главнѣйшихъ частей: 1) нравы и обычаи грузинъ, 2) описаніе Картвельскаго царства, 3) описаніе нынѣшней Картліи, 4) описаніе Геретіи, Кахетіи, Кунетіи, еще Тушетіи и Дидоетіи, 5) описаніе современной Осетіи или внутренняго Кавказа, 6) описаніе выдающихся мѣстъ Самцхе, Саата Баго и 7) описаніе Эгриси или Абхазетіи или Имеретіи.

Переводчикъ г. Джанашивили снабдилъ изданіе обстоятельнымъ введеніемъ, въ которомъ сообщаются необходимыя свѣдѣнія о Вахушти и его трудѣ, затѣмъ приводится списокъ царей по хронологіи Вахушти, имѣющій цѣлью облегчить пользованіе «Географіей», по которой Вахушти нерѣдко называетъ царей не по имени, а по занимаемому ими мѣсту въ хронологіи; наконецъ, въ видѣ приложенія къ этнографическому отдѣлу географіи Вахушти даются замѣчанія относительно выступленія картвельскаго племени на географическую сцену, а также о древнѣйшихъ народныхъ вѣрованіяхъ. Много цѣнныхъ указаній можетъ найти читатель также въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ, которыми г. Джанашивили обильно снабдилъ свой переводъ. А. Хах—овъ.

Великіе художники. Ихъ жизнь—ихъ произведенія. Альбрехтъ Дюреръ. Критическая біографія О. Маргильера. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905.

Толково составленной біографіи знаменитаго нюрнбергскаго живописца, гравера, иллюстратора и художника-теоретика авторъ предпосылаетъ небольшое введеніе, гдѣ читатель найдетъ общую характеристику Дюрера. И прежніе біографы Дюрера, а также авторы болѣе авторитетныхъ «Исторій искусства», считали его совершеннѣйшимъ воплощеніемъ нѣмецкаго генія; всѣ его разнообразныя и многочисленныя произведенія запечатлѣны яркимъ отраженіемъ души, эпохи и національности, и при всемъ томъ индивидуальность талантливаго мастера сказывается въ каждой подробности. Къ этимъ хорошо извѣстнымъ особенностямъ Дюрера новый критикъ прибавляетъ кое-что новое. О. Маргильеръ обращаетъ вниманіе на другую особенность нѣмецкаго артиста. «Онъ не только одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и богато одаренныхъ художниковъ, но въ то же время и одинъ изъ самыхъ могучихъ и благородныхъ умовъ, когда либо существовавшихъ. Его личность, такъ сказать, концентрируетъ въ себѣ всю его національность и всю современную ему эпоху... Изучая

произведенія Дюрера, нельзя не восторгаться изумительнымъ сочетаніемъ неистощимаго воображенія и точности формы. Въ этихъ произведеніяхъ фантазія самымъ реальнымъ образомъ соприкасается съ дѣйствительностью. Поэтъ и философъ въ своихъ возвышенныхъ образахъ, то фантастичныхъ, то реальныхъ,—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ строгій наблюдатель и аналитикъ. Въ немъ наиболѣе совершенно воплотилась, въ моментъ расцвѣта его творческой дѣятельности, вдумчивая и серьезная душа Сѣвера, религиозно-аскетическая и въ то же время жизнерадостная, которая то паритъ въ мечтахъ, то углубляется въ вопросы самой точной науки и стремится одновременно и къ идеалу, и къ истинѣ». Если мы познакоимся болѣе подробно съ жизнью и произведеніями Дюрера по критической біографіи Маргилера, то убѣдимся въ правдивости этой характеристики.

Не меньшей извѣстностью, чѣмъ картины, пользуются и гравюры Дюрера. Уже одна изъ первыхъ его работъ, ксилографія къ «Апокалипсису» (1498), заставила обратить на себя вниманіе знатоковъ искусства. Цѣльность мистическаго настроенія умѣло сочеталась здѣсь съ реалистической наблюдательностью художника, драматизмъ композицій и отдѣльныхъ фигуръ—съ яркой фантазіей ихъ автора. И мы не должны удивляться, что Эразмъ отдаетъ предпочтеніе нюрнбергскому мастеру предъ традиціоннымъ идеаломъ всѣхъ художниковъ—предъ «самимъ» Апеллесомъ, потому, что первый «умѣлъ изображать все однимъ цвѣтомъ—простыми черными линиями: тѣни и блескъ свѣта, возвышенности и глубины, всю природу, человѣческія чувства и страсти, почти даже языкъ. И все это нарисовано съ такой точностью и вѣрностью, что, если бы кто нибудь захотѣлъ прибавить цвѣтъ къ этимъ линиямъ, начерченнымъ съ совершенствомъ,—тотъ могъ бы только испортить произведеніе художника».

Появившіяся въ слѣдующіе годы гравюры Дюрера еще болѣе укрѣпили мысль, что авторъ ихъ въ совершенствѣ постигъ технику ксилографіи и не зналъ соперниковъ въ теченіе всей своей жизни. Приложенные къ біографіи снимки съ гравюръ, картинъ и набросковъ служатъ прекрасной иллюстраціей всего, о чемъ говорится въ текстѣ.

Книга написана на основаніи богатаго фактическаго матеріала, красивымъ языкомъ, мѣстами съ воодушевленіемъ. Описанія художественныхъ произведеній и выдержки изъ теоретическихъ сочиненій Дюрера даются попутно, въ соответствующихъ мѣстахъ біографіи. Всѣхъ иллюстрацій—24; исполнены онѣ великолепно,—жаль, что на мѣловой бумагѣ, а воспроизведенные на желтоватомъ фонѣ снимки съ гравюръ приближаются къ вѣчатлѣнію подлинниковъ.

А. И. Яцимирскій.

А. Сальниковъ. Современныя русскія поэтессы въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1905.

Въ названной книжкѣ помѣщены портреты (очень недурной работы), краткія біографіи и лучшія стихотворенія нашихъ современныхъ поэтессъ. По счету А. Сальникова у насъ теперь 11 поэтессъ: Allegro (П. С. Соловьева), З. Д. Бухарева, Г. А. Галина, З. Н. Гиппіусъ-Мережковская, И. А. Гриневская,

М. А. Лохвицкая, В. Н. Рудичъ, Н. А. Тэффи (по мужу Бучинская), Е. А. Чебышева-Дмитріева, О. Н. Чюмина и Т. А. Щепкина-Куперникъ.

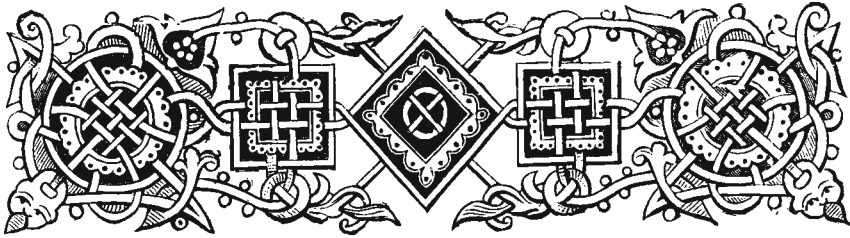
Авторомъ почему-то пропущены: М. В. Ватсонъ, Е. А. Варженевская, графиня Капнистъ, А. Чарская и нѣкоторыя другія.

Съ выборомъ г. Сальникова нѣкоторыхъ стихотвореній, конечно, можно не соглашаться, но въ общемъ книжка довольно достаточно знакомить читателя съ трудами каждой поэтессы. П. Д.

Введеніе въ педагогику. Исторія педагогическихъ теорій. Общая педагогика (педагогическая психологія). Доктора Юліуса Бауманна, профессора философіи въ Геттингенскомъ университетѣ. Со второго нѣмецкаго изданія перевелъ Г. Зоргенфрей, преподаватель императорскаго историко-филологическаго института. Спб. 1905.

Однимъ изъ насущныхъ и наболѣвшихъ у насъ вопросовъ, съ которымъ приходится сталкиваться почти всякому, является безспорно вопросъ воспитанія и обученія. Поэтому нельзя не признать счастливою мысль г. Зоргенфрея дать русской публикѣ переводъ краткаго, но вполне научнаго изложенія исторіи и теоріи педагогики доктора Юліуса Бауманна. Авторъ назначаетъ свою книгу, главнымъ образомъ, для начинающихъ преподавателей, и, задаваясь вопросомъ, что долженъ знать учитель при первыхъ шагахъ своей дѣятельности, отвѣчаетъ на него такъ. Во-первыхъ, преподаватель долженъ понимать глубокія историческія основы школьнаго дѣла, а это требуетъ знанія тѣхъ главныхъ педагогическихъ теорій, которыя пустили прочныя корни въ школь и имѣютъ тамъ преобладающее и рѣшительное значеніе. Во-вторыхъ, молодому преподавателю необходимо усвоить тѣ теоріи изъ педагогической психологіи, которыя являются общепризнанными въ наукѣ, и изъ которыхъ могутъ быть введены практически осуществимыя данныя. Сообразно такому распредѣленію матеріала книга распадается на двѣ части: краткій очеркъ исторіи педагогики (85 стр.) и сводъ элементарныхъ свѣдѣній изъ педагогической психологіи (70 стр.). По всей видимости, руководство проф. Бауманна достигаетъ намѣченныхъ авторомъ цѣлей, а имя г. Зоргенфрея, читающаго лекціи по педагогикѣ въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, должно служить ручательствомъ тщательности переводной работы. По каждому изъ затронутыхъ вопросовъ проф. Бауманнъ сдѣлалъ важнѣйшія библиографическія указанія; переводчикъ дополнилъ ихъ, можетъ быть, нѣсколько скупо и объективно ссылками на отечественную литературу. Остается выразить искреннее пожеланіе, чтобы къ послѣдующимъ изданіямъ полезной книги г. Зоргенфрей приложилъ также и краткій очеркъ судебъ русской педагогики.

А. М.—нъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОВОЕ изслѣдованіе о заговорѣ Катилины. Заговоръ Катилины, борьба противъ него Цицерона и конечная его гибель составляютъ одну изъ опошлѣвшихся, избитыхъ классическихъ темъ древне-римской исторіи. Но новѣйшіе и даже современные историки постоянно находятъ въ этомъ эпизодѣ предметъ новыхъ изслѣдованій, бросающихъ на него новый, все еще неокончательный свѣтъ. Въ настоящее время его изученіемъ занялся знатокъ классической римской старины и членъ французской академіи, Гастонъ Буассье, посвятивъ ему четыре мастерскія и обстоятельныя статьи въ «*Revue des deux mondes*»¹⁾. Несмотря на обиліе матеріаловъ п изслѣдованій, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, заговоръ Катилины остается окруженнымъ значительнымъ мракомъ, и, по мнѣнію Буассье, во многихъ отношеніяхъ его разъясняютъ новѣйшія революціонныя событія: не даромъ Робеспьера многие называли «современнымъ Катилиной». Для подкрѣпленія этой точки зрѣнія Буассье говоритъ: «Часто мы обращаемся къ сомнительнымъ документамъ и далекимъ объясненіямъ древнихъ вопросовъ, когда слѣдовало бы искать поясненіе старины въ новыхъ историческихъ явленіяхъ; особенно намъ могъ бы служить помощью для окончательнаго раскрытія правды относительно древнихъ революцій опытъ прошедшаго столѣтія насчетъ народныхъ возстаній, государственныхъ заговоровъ п общественныхъ переворотовъ». Оставляя въ сторонѣ многочисленныхъ новыхъ историковъ заговора Катилины, между прочимъ Моммзена, Буассье черпаетъ матеріалы для

¹⁾ La Conjuraton de Catilina, par Gaston Boissier. «*Revue des deux mondes*», 15 Mars, 1 Avril, 1 Mai, 15 Mai, 1905.

ислѣдованія изъ первыхъ историковъ: Цицерона и Саллюстія. Первый игралъ во всей этой исторіи вторую роль послѣ Катилины и, придерживаясь того правила, что «все, производящее шумъ, поддерживаетъ вниманіе», просилъ многихъ писателей составить исторію его консульства, но такъ какъ ихъ произведенія не удовлетворяли его самолюбія, то онъ самъ написалъ эту исторію въ стихахъ и прозѣ, на латинскомъ и греческомъ языкахъ. По несчастью, эти сочиненія потеряны; впрочемъ, сохранившіеся небольшіе отрывки изъ нихъ доказываютъ, что это обстоятельство не заслуживаетъ большого сожалѣнія. Изъ его писемъ также не сохранилось ни слова о времени его консульства, но по счастью уцѣлѣло большинство его консульскихъ рѣчей и особенно четыре, такъ называемыя «Катилинарія». Такимъ образомъ имѣется самый драгоцѣнный матеріалъ для исторіи заговора Катилины. Небольшое сочиненіе Саллюстія, подъ названіемъ «Катилина», составляетъ первый по времени великій трудъ римскихъ историковъ. Но до сихъ поръ ученые спорятъ о причинѣ, побудившей его написать эту исторію. Одни полагаютъ, что онъ руководился желаніемъ прославить народную партію, но это, очевидно, не справедливо, ибо онъ прославляетъ не народъ, а сенатъ и Цицерона. Другіе, и въ томъ числѣ Моммзенъ, считаютъ, что главной цѣлью Саллюстія было доказать, что Цезарь не участвовалъ въ заговорѣ Катилины; но и это не вѣроятно, такъ какъ въ подобномъ случаѣ онъ взялъ бы совершенно другой тонъ и нападалъ бы на Цицерона, а не восхвалялъ бы его. По мнѣнію Буассье, гораздо проще и основательнѣе предположить, что Саллюстій, бывший современникомъ описываемаго имъ событія, выбралъ его, какъ матеріалъ, удобный съ литературной точки зрѣнія, зная, что это событіе будетъ интересовать читателя. Покончивъ съ своими источниками, Буассье приступаетъ къ характеристикѣ героев своего изслѣдованія. Конечно, необходимо въ двухъ словахъ упомянуть о томъ положеніи, въ какомъ находился въ эту эпоху Римъ. Въ немъ миновалъ золотой вѣкъ и наступилъ—железный. Республика, бывшая первою въ свѣтѣ, стала несчастной и развращенной. По словамъ Саллюстія, вся римская развращенность резюмировалась въ двухъ словахъ—любовь къ власти и страсть къ деньгамъ, отчего и происходило все зло. Нѣкогда великая римская аристократія пала ниже, чѣмъ какая либо, и весь знаменитый Римъ сталъ, какъ выражался Югурта, «продажнымъ городомъ, гдѣ все продавалось, и гдѣ все покупалось». Впервые Цицеронъ упоминаетъ о Катилинѣ за нѣсколько времени до выборовъ въ консулы, на которыхъ они оба выступили кандидатами. Великій ораторъ взялся тогда защищать Катилину, обвиняемаго въ лихоимствѣ, и былъ не прочь сдѣлаться консуломъ вмѣстѣ съ нимъ. Катилина былъ благороднаго происхожденія и принадлежалъ къ gens Sergia, обнищавшей отрасли аристократическаго рода. Несмотря на это, онъ не потерялъ своего высокаго положенія и сохранилъ связи съ самыми знатными вельможами. Въ то время, когда дѣла его находились въ самомъ затруднительномъ положеніи, онъ имѣлъ домъ на Палатинѣ, въ кварталѣ богачей и аристократовъ, а потому Катилина постоянно составлялъ чрезмѣрные, невѣроятные и чудовищные планы, которые часто приводили его на скамью подсудимыхъ. Его обвиняли во многихъ преступленіяхъ, преимущественно въ хищеніи и даже въ убійствѣ зятя, жены и сына, но все

это не вполне доказано. Двадцати пяти лѣтъ онъ присоединился къ Суллѣ въ его борьбѣ съ Маріемъ. Къ этому его побуждала общность аристократическихъ интересовъ и желаніе воспользоваться щедростью Суллы, безмѣрно вознаграждавшаго своихъ сторонниковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Сулла отличался жестокостью и сдѣлалъ Катилину однимъ изъ своихъ палачей, который вполне исполнилъ свою обязанность. Конечно, онъ получилъ за это щедрое вознагражденіе, но получаемое имъ золото быстро проходило у него сквозь пальцы. Поэтому онъ получалъ за свою службу только высокія мѣста, какъ, напримеръ, сенаторское, и судебную защиту, ибо его всегда оправдывали во всѣхъ процессахъ, возбуждавшихся противъ него. Такъ, онъ вышелъ оправданнымъ изъ дѣла по обвиненію въ политическихъ убійствахъ, а также ничѣмъ не окончилось его обвиненіе въ безнравственной связи съ сестрой жены Цицерона. Последнее обстоятельство увеличило его популярность среди уважавшей его молодежи за то, что онъ былъ всегда во главѣ ихъ порочныхъ удовольствій. Послѣ смерти Суллы Катилина пришелъ къ убѣжденію, что онъ можетъ наследовать его истинно-царскую власть. Для этой цѣли необходимо было возвыситься по гражданственной лѣстницѣ, и Катилина добылъ себѣ сначала званіе претора, а потомъ пропретора въ Африкѣ. Последнее званіе дало ему возможность, управляя этой богатой провинціей, нажить громадное состояніе путемъ всякаго рода хищеній. Возвратившись въ Римъ въ 688-мъ году отъ его основанія, нагруженный богатой добычей, онъ хотѣлъ предъявить свою кандидатуру въ консулы, но въ это время изъ Африки явились его враги съ жалобой на него. Несмотря на всѣ принятыя имъ мѣры, процессъ о хищеніи былъ возбужденъ, и очевидно его кандидатура отложена. Цицеронъ отказался отъ защиты Катилины, и его замѣнилъ великій ораторъ аристократовъ—Гортензій. Вообще, чтобы его оправдать, аристократы явились въ большинствѣ, и въ числѣ ихъ былъ Торкватъ, котораго онъ дважды старался умертвить. Дорого стоилъ Катилинѣ этотъ процессъ: онъ подкупилъ за очень большую цѣну судей, и въ Римѣ говорили: «Сегодня онъ бѣднякъ, ставъ такъ же бѣденъ, какъ вчера были его судьи». Все же цѣль Катилины была достигнута: его оправдали, и въ 690 году онъ выступилъ кандидатомъ на выборахъ въ консулы вмѣстѣ съ Цицерономъ, такъ какъ въ Римѣ всегда были разомъ два консула. Что касается Цицерона, то Буассье говоритъ о немъ очень мало, не приводя его характеристики, вѣроятно, потому, что уже написалъ о великомъ ораторѣ цѣлую книгу: «Цицеронъ и его друзья». Во всякомъ случаѣ всѣмъ извѣстно, что Цицеронъ, знаменитый ораторъ, писатель и государственный чело-вѣкъ, былъ темнаго происхожденія изъ семьи «всадниковъ», но, благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ, знаніямъ и блестящему краснорѣчію, онъ скоро достигъ высокаго положенія въ республикѣ. Постепенно онъ сдѣлался квесторомъ, эдиломъ и преторомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣлъ широкую народную популярность, что не мѣшало ему быть другомъ сильныхъ міра сего, въ томъ числѣ Помпея. Консуломъ онъ уже разъ выбирался, и хотя потерпѣлъ неудачу, но въ его пользу было подаво много голосовъ. На этотъ разъ, повидимому, за него были всѣ голоса, хотя онъ и заслуживалъ прозвище «новаго чело-вѣка». Партія аристократовъ сначала была противъ него, глав-

ное потому, что, защищая всяких клиентов, онъ естественно имѣлъ поддержку во всѣхъ классахъ, столько же въ провинціяхъ, какъ и въ Римѣ. Соперниками Цицерона на выборахъ были, главнымъ образомъ, Катилина и Антоній. Послѣдній одинаково выбирался осгальными двумя въ товарищи и имѣлъ, только благодаря имъ, какое нибудь значеніе. Говорятъ, что Катилина уже тогда сообщалъ своимъ сторонникамъ о желаніи составить заговоръ противъ республики, и это извѣстіе, распространившись между аристократами, богатыми людьми и землевладѣльцами, побудило ихъ сосредоточить свои голоса на Цицеронѣ, какъ необходимомъ избранникѣ всѣхъ сторонниковъ порядка и безопасности. Такимъ образомъ Цицеронъ былъ выбранъ громаднымъ большинствомъ голосовъ въ первые консулы, а Антоній—во вторые. Торжество Цицерона было большое, и съ общаго одобренія онъ получилъ званіе перваго сановника республики. Съ самаго начала онъ рѣшился обойти Антонія и обратить его въ безмолваго товарища. Это ему удалось, главнымъ образомъ благодаря обѣщанію, что, когда окончится ихъ обоюдное консульство, то Антоній получитъ лучшую изъ провинцій, раздаваемыхъ въ Римѣ выходящимъ консуламъ. Въ то время самой выгодной провинціей считалась Македонія, и Цицеронъ заранѣе отказался отъ нея въ пользу своего товарища. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращался съ нимъ самымъ любезнымъ образомъ и окружалъ его предупредительностью. Такимъ образомъ Цицеронъ добился того, что въ теченіе его консульскаго года, въ сущности, былъ только одинъ консулъ. Однако, несмотря на это, время его управленія республикой было самое тревожное. Благодаря обстоятельствамъ, онъ продолжалъ придерживаться Помпея и перешелъ на сторону аристократіи, такъ что изъ народнаго оратора онъ превратился въ защитника сената. Естественно его врагомъ сдѣлался могущественный Цезарь, и болѣе половины консульства Цицерона прошло въ борьбѣ съ сторонниками Цезаря, а въ концѣ произошелъ знаменитый заговоръ Катилины. Хотя положительно неизвѣстно, когда у пресловутаго заговорщика противъ республики возникла мысль объ этомъ, но, по всей вѣроятности, она уже давно носилась въ его головѣ, хотя до середины консульства Цицерона никто открыто не подозрѣвалъ заговора. Лишь смутные слухи объ опасности, грозившей республикѣ, существовали въ Римѣ и были одной изъ главныхъ причинъ выбора въ консулы Цицерона. Во время перваго полугодія власти Цицерона Катилина постепенно готовила возстаніе противъ республики, какъ въ Римѣ, такъ и въ итальянскихъ провинціяхъ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на армію, которая въ послѣднее время начала участвовать въ гражданскихъ междоусобіяхъ. Повсюду въ итальянскихъ провинціяхъ, а преимущественно въ Этруріи, находились старые воины Суллы, которымъ диктаторъ щедро раздавалъ участки земли, но они не сдѣлались честными земледѣльцами, а сожалѣли о своемъ прежнемъ ремеслѣ—грабежѣ, тѣмъ болѣе, что они уже запутались въ долгахъ. Они составили вмѣстѣ съ пастухами Апенниновъ главный элементъ маленькой арміи Катилины, имѣвшей средоточіе въ Фазулѣ (теперешняя Фьезолэ), въ Этруріи. Противоположностью этой основѣ заговора были римскіе ея сторонники, преимущественно знатныя лица. Еще до своего процесса Катилина составилъ нѣчто въ родѣ заговора

для содѣйствія его планамъ, но эта мѣра не удалась въ виду малочи ленности его соучастниковъ, но его сторонники тогда узнали въ немъ ловкаго и способнаго предводителя шайки. Всѣ искатели приключеній съ тѣхъ поръ окружали его тѣснымъ кружкомъ. По словамъ Саллюстія, въ іюнь 690 года Катилина открылъ друзьямъ свой планъ; при этомъ Саллюстія не называетъ всѣхъ ихъ по именамъ, а говоритъ только, что тутъ были два бывшіе консула, прежніе преторы и квесторы, а также знатные аристократы. Подобныхъ людей необычно было видѣть въ средѣ революціонныхъ заговорщиковъ, а потому одинъ современный поэтъ называлъ заговоръ Катилины «заговоромъ патриціевъ». Катилина присоединилъ къ своей партіи также нѣсколькихъ великосвѣтскихъ женщинъ. Среди послѣднихъ всѣхъ замѣчательнѣе была Семпронія, изъ семейства Граховъ, мать Брута, убійцы Цезаря. Она была смѣлая женщина, красавица и вполне счастливая жена и мать семейства, изучившая, кромѣ латинскаго, и греческій языкъ, музыку и танцы, но, по замѣчанію Саллюстія, вмѣстѣ съ многими ея достоинствами она отличалась и немалыми пороками, заставлявшими ее нарушать добродѣтель и честь. Какъ Семпронія, такъ и всѣ женщины и мужчины въ лагерѣ Катилины руководствовались болѣе личными финансовыми цѣлями, чѣмъ политическими. Всѣ они были по горло въ долгахъ и рассчитывали на заговоръ, какъ на средство отъ нихъ освободиться. Относительно количества сторонниковъ Катилины собственно въ Римѣ не было положительныхъ свѣдѣній, а его армія въ Фезулѣ простиралась отъ 10 до 12 тысячъ. Продолжая устраивать свой заговоръ, Катилина не оставилъ своего намѣренія попасть въ консулы и энергично велъ агитацію на слѣдующихъ выборахъ. Но опять ему не повезло, и онъ былъ вторично забаллотированъ. Теперь ему оставалось лишь довести до конца свой заговоръ. Онъ собралъ своихъ сторонниковъ и объяснилъ имъ свои тайныя намѣренія, не имѣвшія ничего общаго съ политикой. Въ программѣ Катилины не было никакого намека на аграрные законы, на власть трибуны, на привилегіи классовъ или на реформу конституціи; она также не ставилась подъ покровительство того или другого популярнаго имени. Катилина главнымъ образомъ упрекала республиканское правительство въ томъ, что его члены захватывали себѣ всѣ государственные доходы, а не дѣлились съ народомъ. «Какъ можно терпѣть,—говорилъ онъ,—чтобы государственные правители изобиловали богатствомъ и покрывали моря своими судами и землю, а равно горы — своими роскошными постройками, тогда какъ мы нуждаемся въ первыхъ потребностяхъ жизни. У нихъ великолѣпные дворцы, а у насъ самый плохой семейный очагъ. Они совершаютъ всякаго рода безумія: покупаютъ картины, статуи и вазы, разрушаютъ только что выстроенныя дома, чтобы создать новыя, еще болѣе роскошныя постройки. А какова напa судьба? Нищета, долги, мрачное настоящее и еще болѣе грустное будущее: мы едва дышимъ, едва живемъ». Катилина, по словамъ Саллюстія, общался своимъ сторонникамъ и всему народу: «уменьшеніе или совершенное уничтоженіе долговъ, исчезновеніе богатыхъ, духовныхъ лицъ и судей, общій грабежъ, все, что только можетъ обѣщать капризъ избѣдителя». Для большей ясности Катилина рисовалъ картины счастливыхъ временъ Суллы, который грабилъ всѣхъ на пользу своихъ сторонниковъ, и глава заговора обѣ-

щаль вновь то же самое. Въ самую минуту, когда должно было вспыхнуть возстаніе, Катилина писалъ одному изъ своихъ сообщниковъ: «Отвергнутый несправедливостію и оскорбленіями, лишенный всѣхъ плодовъ своихъ трудовъ, я, по своему обыкновенію, открыто сдѣлался защитникомъ несчастныхъ. Несчастныхъ можетъ защищать только такой же несчастный, какъ они. Обѣщанія богачей и сильныхъ міра сего не могутъ вселять къ себѣ довѣрія гражданъ, бѣдныхъ и разоренныхъ. Тѣ, которые хотятъ пополнить свои потери, могутъ рассчитывать на того, кто самъ все потерялъ и способенъ рѣшиться на все. Несчастнымъ необходимъ смѣлый и также несчастный предводитель». Изъ всего сказаннаго ясно, что это народное движеніе было впервые социальное. Подъ названіемъ несчастныхъ Катилина разумѣлъ не рабочихъ, не пролетаріевъ, не всѣхъ тѣхъ, которые теперь заслуживаютъ этого прозвища, а разорившихся, безъ средствъ, обремененныхъ долгами людей всѣхъ классовъ общества, отъ высшихъ до низшихъ. Но какъ намѣревался Катилина привести въ исполненіе свой планъ освобожденія несчастныхъ?.. Онъ объявилъ своимъ сторонникамъ, что приведетъ изъ Фезулы армію въ Римъ, который его сообщники подожгутъ со всѣхъ сторонъ. Пользуясь общимъ смятеніемъ, они умертвятъ всѣхъ, отъ которыхъ Катилина хотѣлъ избавиться, и прежде всего — Цицерона. Затѣмъ уже начнется всеобщій грабежъ и расхищеніе Рима. Многіе писатели, и въ томъ числѣ Наполеонъ III въ своей «Исторіи Юлія Цезаря», не вѣрили, чтобы Катилина могъ имѣть такіе безумные планы и желалъ бы «царить надъ развалинами и могилами». Но теперь анархисты и террористы руководствуются той же программой, какъ Катилина, и доказываютъ, что современныя событія часто объясняютъ факты прошедшаго. Роковая минута исполненія заговора быстро приближалась, и Катилина увеличивалъ число тайныхъ собраній, на которыхъ онъ всячески возбуждалъ своихъ сторонниковъ къ возстанію. Онъ доходилъ до такой дерзости, что не только подстрекалъ своихъ сообщниковъ, но даже прямо говорилъ въ сенатѣ: «Римскій народъ составляетъ могучее туловище, но у него нѣтъ головы,—и я буду его головой». Понимая, что Цицеронъ—главное препятствіе его планамъ, онъ безъ зазрѣнія совѣсти подбилъ къ его убійству двухъ заговорщиковъ, которые съ этой цѣлью отправились въ его жилище; но Цицеронъ, предупрежденный шпіонами, приказалъ ихъ не пускать. Съ своей стороны, и Цицеронъ не дремалъ: онъ принималъ всевозможныя мѣры защиты, докладывалъ сенату обо всѣхъ планахъ Катилины и, пользуясь объявленнымъ сенаторовъ страхомъ, добился отъ нихъ знаменитой резолюціи, обязывавшей консуловъ охранять безопасность республики и для этого дававшей имъ необходимую власть. Когда же заговорщики зашли такъ далеко, что покусились на его жизнь, онъ созвалъ чрезвычайное засѣданіе сената и на немъ произнесъ свою первую изъ четырехъ знаменитыхъ рѣчей противъ Катилины, извѣстныхъ подъ названіемъ «Катилинарій». Эта рѣчь начиналась словами: «Доколѣ ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ!» и считается самымъ славнымъ произведеніемъ великаго оратора. Главной его цѣлью было поразить Катилину грозными аргументами, уличающими его въ желаніи погубить Римъ и убѣждающими его добровольно удалиться изъ города, не дожидаясь постановленія объ изгнаніи. Придерживаясь своей

обычной умѣренности, онъ старался доказать, что даже въ его интересахъ отправиться въ Фѣзулу и присоединиться къ своей арміи. Въ сущности, и самъ Катилина этого желалъ, опасаясь невѣрности своихъ римскихъ заговорщиковъ, но, по его убѣжденію, было необходимо, чтобы сенатъ постановилъ резолюцію объ его удаленіи. Цицеронъ же зналъ нерѣшительность сената и избѣгалъ прямого предложенія объ изгнаніи. Съ необыкновенной ловкостью и смѣлостью онъ ловилъ на словахъ своего врага: «Катилина! — восклицалъ онъ, — удались изъ Рима, освободи республику отъ ужаса, внушаемаго тобою. Если ты ждешь рокового слова, то вотъ оно: удались въ изгнаніе! Ты видишь, весь сенатъ молчитъ и не возражаетъ мнѣ: ты ждешь, чтобы онъ произнесъ приговоръ о твоёмъ удаленіи, но его безмолвіе есть тотъ же приговоръ!» Катилина отвѣчалъ на эту рѣчь съ необычнымъ для него смущеніемъ. Онъ понижалъ голосъ и говорилъ жалобно, но по обыкновенію его слова дышали дерзостью. Онъ нахально спрашивалъ, возможно ли, чтобы патрицій, подобный ему, могъ погубить республику, а ея новый гражданинъ, почти чужестранецъ, сиасть бы ее. Но сенатъ не дозволилъ ему продолжать въ томъ же тонѣ, и заговорщикъ внѣ себя отъ злобы выбѣжалъ изъ засѣданія и немедленно отправился въ Фѣзулу. Такимъ образомъ онъ снималъ съ себя маску, и Цицеронъ торжествовалъ. Онъ тотчасъ поспѣшилъ къ народу, въ Форумъ, взошелъ на трибуну и произнесъ еще болѣе краснорѣчивую и пламенную рѣчь. Это была вторая «Катилинарія», объяснявшая существованіе заговора и обѣщавшая предотвратить собиравшуюся грозу. «Наконецъ, — произнесъ онъ въ концѣ этой рѣчи: — мы будемъ бороться въ открытую. Онъ долженъ признаться въ своемъ ремеслѣ разбойника. Цѣль, къ которой я стремился, достигнута; теперь нѣтъ ни одного человѣка, который не долженъ бы признать, что заговоръ существуетъ». Слова и дѣйствія Цицерона произвели такое впечатлѣніе на весь Римъ, что одинъ сенаторъ, узнавъ о принадлежности своего сына къ заговору, схватилъ его, приговорилъ къ смерти и велѣлъ казнить. Послѣ удаленія Катилины во главѣ заговорщиковъ остался Корнелій Лентулъ, принадлежавшій къ одному изъ первыхъ римскихъ семействъ, но отличавшійся медленностью и нерѣшительностью, такъ что Цицеронъ называлъ его «со-ней». Ожидая дня, назначеннаго для возстанія, онъ наполнялъ ряды заговорщиковъ новобранцами, въ томъ числѣ представителями галльскаго племени аллобруговъ, которые явились въ Римъ съ жалобами на мѣстныхъ начальниковъ, но они были люди осторожные и, прежде чѣмъ окончательно вступить въ заговоръ, навели справки, подавалъ ли онъ надежду на успѣхъ, и, убѣдившись въ противномъ, согласились на подкупъ Цицерона. Поэтому, когда наступилъ назначенный день, они пошли съ заговорщиками по Фламинской дорогѣ, но у Мильвійскаго моста встрѣтили римскія войска и перешли на ихъ сторону. Заговорщики обратились въ бѣгство, но пятеро изъ нихъ были захвачены. Представленные въ сенатъ, они открыли всю истину и рассказали подробно о заговорѣ. Цицеронъ приказалъ ихъ арестовать и вечеромъ произнесъ на Форумѣ третью «Катилинарію», которую онъ окончилъ краснорѣчивыми словами: «Ночь наступаетъ, граждане, обратитесь съ мольбою къ Юпитеру, хранителю вашему и вашего города, затѣмъ вернитесь въ свои жилища и, хотя опасность

прошла, но все же оберегайте общую безопасность. Что же касается до меня, то я буду заботиться о надежномъ мирѣ. Надѣйтесь на меня, римляне». Черезъ день, 5-го декабря, былъ судъ надъ заговорщиками. Этотъ день, по словамъ Цицерона, «навсегда останется запечатлѣнъ въ человеческой памяти». Открывъ засѣданіе сената, онъ далъ слово Дециму Силану, избранному въ консулы на слѣдующій годъ, который призналъ заговорщиковъ виновными и достойными смертной казни, хотя и не произнесъ этого рокового слова. Говорившіе послѣ него сенаторы были того же мнѣнія, но Цезарь, произнесшій великолѣпную рѣчь, заявилъ, что, конечно, заговорщики были крупные преступники, но ихъ слѣдовало наказать не смертной казнью, которая часто служитъ освобожденіемъ отъ страданій, а пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ, считавшимся въ Римѣ, по его увѣренію, болѣе жестокимъ, чѣмъ смертная казнь. Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, было громадное, и даже многіе изъ сенаторовъ плакали. Тогда Цицеронъ произнесъ четвертую и послѣднюю «Катиллярию», которая была такъ же великолѣпна, какъ прежнія, но отличалась нерѣшительностью. Онъ открыто не совѣтовалъ ни того, ни другого наказанія, но говорилъ только, что кара должна быть пропорціональна громадности преступленія. Онъ даже прибѣгнулъ къ двоедушному восклицанію: «Если вы присудите ихъ къ тюрьмѣ, то нечего бояться народа, ибо это мнѣніе Цезаря, а если вы присудите ихъ къ смерти, то вы должны вспомнить, что Цезарь считалъ тюрьму болѣе жестокимъ наказаніемъ, чѣмъ смерть». Въ результатѣ нерѣшительной рѣчи Цицерона было то, что остальные сенаторы стали подавать голоса въ пользу тюрьмы, но тутъ не выдержалъ Катонъ и, вскочивъ, громогласнымъ голосомъ произнесъ такую рѣчь, которая была антитезой того, что говорилъ Цезарь. Онъ рѣшительно, грозно требовалъ смертной казни заговорщикамъ, стремившимся къ грабежу и убійствамъ. Когда онъ замолчалъ, то дѣло уже было выиграно, и пять заговорщиковъ приговорены къ смертной казни. Цицеронъ въ сущности былъ очень доволенъ, и, самъ лично предводительствуя большимъ отрядомъ войска, взялъ Лентула и отвелъ его въ Тульскую подземную тюрьму, гдѣ онъ былъ задушенъ. Той же участи подверглись остальные заговорщики. На возвратномъ пути Цицерона встрѣтили толпы народа, и онъ не рѣшился объявить имъ, что заговорщики казнены, а сказалъ только: «они жили». Его восторженно привѣтствовали во всемъ городѣ, называя спасителемъ народа и отцемъ отечества. Заговоръ былъ оконченъ. Что же касается до Катиллы, то онъ погибъ во главѣ своей арміи, которую на голову разбили римскія войска. Цицеронъ торжествовалъ и, выходя изъ консуловъ, подъ присягой заявилъ, что онъ спасъ республику. Народъ заглушилъ его слова громовыми рукоплесканіями, но среди его враговъ появились люди, которые омрачили лавры, вѣнчавшіе его чело. Трибунъ Клавдій провель законъ противъ тѣхъ, которые казнили смертной казнью гражданъ безъ согласія народа. Дѣйствительно, по римскимъ законамъ судить лицъ, наказуемыхъ смертной казнью, могъ только народъ, а не сенатъ. Но въ этомъ случаѣ виноватъ былъ не Цицеронъ, а весь сенатъ, который далъ ему безконтрольное право дѣйствовать, какъ онъ хотѣлъ, только бы была спасена республика. Но, какъ обыкновенно, сенатъ и народъ свалили всю вину на Цицерона, и онъ

такъ испугался преданія суду, что добровольно удалился въ Грецію. Однако, чрезъ десять мѣсяцевъ сенатъ его возвратилъ въ Римъ и устроилъ ему триумфъ. Если разобрать это дѣло въ принципъ, то, дѣйствительно, Цицеронъ и сенатъ были неправы, но они были увлечены общимъ смятеніемъ, въ доказательство чего можно сослаться на непонятный фактъ, что всѣ, даже Цезарь, забыли о неподсудности сенату заговорщиковъ. Такимъ образомъ подтвердился не разъ повторявшійся въ современной исторіи фактъ, что спасители отечества не обращаютъ вниманія на законность своихъ дѣйствій.

— Историческая судебная загадка. Въ концѣ XVIII вѣка въ Шотландіи возникъ громкій и запутанный судебный процессъ, возбудившій всеобщее вниманіе не только въ Англіи и Шотландіи, но даже въ Европѣ, и взбудоражившій членовъ исторически-знаменитой аристократической семьи въ Шотландіи—Дугласъ, относившихъ возникновеніе своего рода къ VIII вѣку и распространившихся по Европѣ, благодаря брачнымъ связямъ съ членами высшей аристократіи Англіи, Франціи и Швеціи. Нѣкогда члены этого стариннаго рода господствовали въ Англіи и Шотландіи, или были женаты на королевскихъ дочеряхъ, какъ, напримѣръ, сынъ перваго графа Дугласа, Георгъ Дугласъ—на дочери Роберта III и одинъ изъ графовъ Арчибальдъ Дугласъ—на Маргаритѣ Тюдоръ, вдовѣ шотландскаго короля, Іакова III. Одинъ изъ членовъ этой семьи по боковой линіи былъ извѣстенъ и у насъ, въ Россіи: находясь на шведской военной службѣ, онъ попалъ къ намъ въ плѣнъ во время битвы подъ Полтавою и такъ понравился Петру I, что тотъ сдѣлалъ его начальникомъ завоеванной части Финляндіи. Но ему не сразу повезло въ Россіи, и онъ былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію за убійство русскаго капитана. Однако Петръ такъ къ нему былъ расположенъ, что замѣнилъ эту кару трехнедѣльной работой въ Лѣтнемъ саду. Потомъ, какъ извѣстно, онъ былъ губернаторомъ Ревеля. Въ царствованіе Анны Іоанновны онъ опять попалъ подъ судъ, на этотъ разъ за сношенія со Швеціей, но его снова оправдали. Всѣ члены этого стариннаго рода отличались странностями, но едва ли не самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ герцогъ Арчибальдъ Дугласъ, красивый, но умственно не развитый, тщеславный, фантастичный, раздражительный и страстный человекъ, отчасти виновникъ возникшаго судебного процесса, о которомъ напомнила недавно появившаяся въ Лондонѣ книга ¹⁾ Фицджеральда. У Арчибальда Дугласа была красавица сестра, лэди Джэвъ, изъ-за которой герцогъ вызвалъ на дуэль нѣкоего полковника Далькейта, а, нѣсколько лѣтъ спустя, закололъ кинжаломъ капитана Кэра, съ которымъ лэди Джэвъ будто бы начала флиртовать. Его любовь къ ней была настолько странная, что граничила со страстью, и нѣкоторые авторы увѣряли, что между ними существовала далеко не родственная связь. Но лэди Джэвъ была, по словамъ Фицджеральда, «нѣжная, добродѣтельная, богобоязненная и милосердная женщина, и никто не могъ избѣжать обаятельнаго впечатлѣнія, производимаго ею на всѣхъ знавшихъ ее». По странной случайности она до 48 лѣтъ

¹⁾ Lady Jean, a story of the Douglas cause. By Percy Fitzgerald. London. 1906.

не вышла замужъ, несмотря на многія предложенія со стороны членовъ знатныхъ аристократовъ, какъ герцога Гамильтона, Буклю и Атоля, графовъ Эбердинъ, Гоугауна и проч. Послѣ убійства Кэра, совершеннаго братомъ, она жила одна, бѣдно, въ маленькомъ домикѣ въ окрестностяхъ Эдинбурга. Хотя она примирилась съ братомъ послѣ этого убійства, но вскорѣ опять поссорилась. Герцогъ Дугласъ, будучи совершенно противоположнаго характера, чѣмъ сестра, отличался преданностью Ганноверскому дому, тогда какъ лэди Джэнъ была ярая якобитка и противница сгрого-холоднаго шотландскаго культа. Герцогъ былъ холостой и жилъ тоже одиноко въ своемъ замкѣ, становясь все подозрительнѣе и недовѣрчивѣе. Онъ никого не принималъ и окружилъ себя только слугами, а потому вскорѣ подпалъ подъ вліяніе одного изъ нихъ, по имени Стокбриджа, возстановлявшаго его противъ сестры. Хотя герцогъ продолжалъ считать ее самой добродѣтельной женщиной, но все-таки съ этого времени лишилъ ее формально наслѣдства и не хотѣлъ о ней слышать. Такъ прошло двадцать лѣтъ, которыя, по словамъ современниковъ, скользнули по лэди Джэнъ, не прикоснувшись къ ея прелестямъ. Ей было уже около пятидесяти лѣтъ, но чудеснымъ образомъ ея красота и нѣжность не измѣнились, и ей нельзя было дать болѣе тридцати лѣтъ. Въ концѣ 1746 года герцогъ Дугласъ узналъ поразительную новость о тайно совершившемся бракѣ лэди Джэнъ съ полковникомъ Джономъ Стюартомъ Грандтулли, прежнимъ якобитскимъ офицеромъ, только что возвратившимся въ Шотландію послѣ двадцатилѣтняго изгнанія. Онъ зналъ лэди Джэнъ съ дѣтства и всегда ее обожалъ, но, происходя изъ старинной аристократической семьи, онъ былъ бѣденъ, какъ и она; кромѣ того, во время изгнанія онъ приобрѣлъ дурную славу игрока и попрошайки, а потому послѣ свадьбы она долго не рѣшалась признавать его открыто за мужа. Впрочемъ, вскорѣ послѣ свадьбы она уѣхала съ нимъ сначала въ Голландію, въ Гаагу, гдѣ у нея явилось много влюбленныхъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ, а потомъ въ Утрехтъ и въ Аахенъ. Красавица шотландка, повидимому, принимала ихъ ухаживанія, отплачивая за все лишь любезными словами, но, тѣмъ не менѣе, не упускала случая занять у нихъ деньги, необходимыя для поддержанія блестящаго образа жизни. Въ Аахенѣ они оставались около года, и здѣсь лэди Джэнъ пришлось признать полковника Стюарта за своего мужа, тогда какъ ранѣе она выдавала его за своего «дворецкаго». Это обстоятельство было вызвано ея беременностью, которую она тщетно старалась скрыть, то кутаясь въ плащъ, то надѣвая свободныя платья. Но всѣ уловки были тщетны, и наступила минута, когда истины нельзя было болѣе скрывать. Предстоящія затраты заставили лэди Джэнъ обратиться къ брату со смиренной просьбой о помощи. Герцогъ, все еще находясь подъ властью своего лакея, отвѣтилъ ей, что его сестра, сдѣлавъ подобный бракъ, стоитъ не выше, чѣмъ послѣдняя изъ публичныхъ женщинъ, и, что ея беременность — простая комедія. Тогда Стюарты, очутившись безъ средствъ и по горло въ долгахъ, должны были уѣхать изъ Аахена въ какой-нибудь малевкій городъ, гдѣ могли вести болѣе скромное существованіе. По совѣту одной знакомой они отправились въ Реймсъ, гдѣ поселились у г-жи Аврїе. Цѣлый мѣсяць они прожили спокойно и остались бы тамъ дольше, если бы ихъ хозяйка не сказала имъ, что мѣст-

ные врачи такіе невѣжды, что, благодаря имъ, она лишилась здоровья. Тогда они отправились въ Парижъ, оставивъ въ Реймсѣ, исключая горничной, всѣхъ своихъ слугъ и большую часть своихъ вещей. Въ Парижѣ они поселились у какой-то Лебрень, вѣроятно, акушерки, и здѣсь лэди Джэнъ родила близнецовъ, двухъ мальчиковъ. Горничная писала оставшимся въ Реймсѣ слугамъ, что оба ребенка были настоящими купидонами, но младшій изъ нихъ былъ такъ слабъ, что врачъ приказалъ имъ немедленно его отправить въ деревню, къ кормилицѣ. Мѣсяць спустя, Стюарты возвратились въ Реймсѣ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ и торжественно окрестили его въ церкви св. Якова. Крестнымъ и крестной были записаны заглазно шотландскіе аристократы: лордъ Кравфордъ и лэди Лотіанъ, виолнѣ преданные лэди Джэнъ. Лордъ Кравфордъ взялся увѣдомить герцога Дугласа о рожденіи двоихъ племянниковъ, но въ отвѣтъ услышалъ недовѣрчивыя подозрѣнія и угрозу, что если лэди Джэнъ еще къ нему обратится, то онъ отниметъ отъ нея и тѣ нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ, которые она до тѣхъ поръ получала отъ него. Стюартамъ положительно нечѣмъ было жить, и, взявъ какъ можно скорѣе ребенка отъ кормилицы, они возвратились въ Англію, гдѣ друзья обѣщали заняться ихъ судьбой. Дѣйствительно, въ 1750 году имъ удалось добиться отъ правительства маленькой пенсіи въ триста фунтовъ стерлинговъ. Не было ни одного лица, котораго не взволновала бы глубокая бѣдность, которую переносила съ такою кротостью и бодростью лэди Джэнъ, потомокъ королей. Она безропотно служила сама своей семьѣ, съ безконечной нѣжностью и терпѣніемъ учила сыновей и отказывала себѣ во всемъ, даже необходимомъ, лишь бы купить имъ игрушки или сласти. Въ то же время она ухаживала за полковникомъ, какъ за третьимъ ребенкомъ, ободряя его и поддерживая въ немъ надежду на лучшее будущее. Въ эти три года своего пребыванія въ Лондонѣ единственною ея мыслию было обезпечить будущее своихъ дѣтей, но всѣ ея письма къ брату перехватывались его лакеемъ, а на ходатайства друзей герцогъ неизмѣнно отвѣчалъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Въ началѣ 1753 года она отважилась суровою зимою отправиться въ Шотландію сама и явиться къ брату съ дѣтьми. Въ замокъ она не рѣшилась войти прямо и, увидѣвъ черезъ рѣшетку одного стараго слугу, знавашаго ее съ дѣтства, подозвала его и объяснила, что пришла съ дѣтьми къ герцогу, но не войдетъ, пока братъ не будетъ извѣщенъ объ ея присутствіи. Услышавъ извѣстіе, герцогъ былъ удивленъ, но не выразилъ неприязни, а заявилъ слугѣ, что не знаетъ, куда ее помѣстить. На это слуга отвѣтилъ, что мѣсто найдется, но герцогъ распорядился прежде потребовать къ себѣ для переговоровъ фаворита-лакея. Когда тотъ явился, то герцогъ пожелалъ остаться съ нимъ наединѣ. Спустя нѣкоторое время, Стокбриджъ приказалъ старому слугѣ отвѣтить лэди Джэнъ, что ей запрещено входить въ замокъ. Когда она ушла, то герцогъ спросилъ слугу, видѣлъ ли онъ дѣтей, и узналъ отъ него, что старшій мальчикъ былъ черноволосый, а младшій—бѣлокурый и замѣчательно похожъ на мать. Лэди Джэнъ написала брату длинное письмо изъ сосѣдней гостиницы, гдѣ она остановилась, но не получила отвѣта. Она удалилась въ отчаяніи въ Эдинбургъ, гдѣ чрезъ нѣсколько недѣль у нея случилось новое горе—умеръ младшій сынъ. Ея горе было такъ искренно глу-

боко, что самые злѣйшіе враги не могли бы отрицать глубины ея любви къ сыну; она не перевесла горя и 22-го ноября 1753 года умерла. Она такъ же терпѣливо и спокойно переносила физическія страданія, какъ и нравственныя; зная, что ей предстоитъ скоро умереть, она думала только объ умершемъ сынѣ и о живомъ. Но этимъ не оканчивается исторія, а начинается самый интересный эпизодъ въ процессѣ. У лэди Дженъ была двоюродная сестра, старая дѣвица, лэди Дугласъ, питавшая глубокую ненависть къ своей родственницѣ, лэди Гампльтонъ, рассчитывавшей получить титулъ и состояніе герцога Дугласа. Задумавъ уничтожить своего врага, она рѣшилась въ 1785 г. уговорить Дугласа признать сына лэди Дженъ, но предварительно выйдя замужъ за стараго герцога. Эта цѣль заставила ее также прибѣгнуть къ хитрости: она, какъ и лэди Дженъ, остановилась въ гостиницѣ вблизи замка герцога, подъ предлогомъ попросить у него совѣта относительно одного процесса. Начавшіяся такимъ образомъ свиданія продолжались правильно до тѣхъ поръ, когда старшій герцогъ прислалъ ей въ подарокъ прекрасную серебряную вещь, какъ залогъ любви. Съ этой минуты бракъ былъ рѣшенъ, къ великому изумленію всей Шотландіи. Послѣ свадьбы новая герцогиня принялась уговаривать мужа признать сына лэди Дженъ, но встрѣтила болѣе сильное упорство, чѣмъ думала. Не имѣя возможности избѣжать ея настойчивыхъ просьбъ иначе, какъ разойдясь съ нею, герцогъ, несмотря на свою привязанность къ ней, рѣшился на это. Когда же они примирились, то Дугласъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, заключеннымъ у нотариуса, что герцогиня никогда не упоминаетъ о сынѣ лэди Дженъ. Какъ удалось лэди Дженъ сдержать свое обѣщаніе, — неизвѣстно. Дугласъ отказался видѣть своего племянника, хотя все болѣе и болѣе выражалъ угрызенія совѣсти относительно своего обращенія съ сестрой, но когда въ 1761 году онъ чувствовалъ, что умираетъ, то уничтожилъ всѣ завѣщанія, признавъ единственнымъ наслѣдникомъ своего состоянія и титула «Арчибалда Дугласа, alias Стюарта, младшаго сына покойной лэди Дженъ Дугласъ», заявивъ при этомъ, что признаетъ его, какъ наслѣдника по крови своего отца, маркиза Дугласа. Съ этого момента начинается громкій процессъ, прозванный англичанами «the great cause», который въ теченіе десяти лѣтъ волновалъ Англію, Шотландію и даже всю Европу, разсоривъ навсегда самыя дружныя семьи. Лэди Дженъ до послѣдней минуты клялась, что это были ея собственныя дѣти, но когда у нея требовали доказательства, то она энергично отказывалась представить ихъ, повторяя, что пусть ея враги докажутъ свою клевету. Разказы же о ея родахъ, какъ мужа, такъ и преданной горничной были противорѣчивы. Полковникъ не только не могъ указать имени и адреса акушерки, но даже измѣнялъ свои разказы. Онъ называлъ по имени только доктора Пьера Деламара, присутствовавшаго при родахъ, но не зналъ, гдѣ онъ живетъ, ссылаясь, что встрѣтилъ его въ Тюильри. Все это казалось очень подозрительнымъ. Лэди Гампльтонъ, возбудившая дѣло, послала во Францію ловкаго адвоката, Андрю Стюарта, отличавшагося полицейскими талантами, для собранія всѣхъ свѣдѣній относительно родовъ лэди Дженъ. Ни кормилицы, ни акушерки онъ не отыскалъ, но узналъ, что въ ту эпоху, т. е. въ 1749 году, въ Парижѣ дѣйствительно существовалъ докторъ

Деламарь. Онъ утверждалъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ встрѣтилъ множество лицъ, знавшихъ лэди Дженъ, которые готовы подтвердить, что она устроила комедію. Онъ предлагалъ представить такихъ людей, которые ѣздили съ нею въ одномъ дилижансѣ и увѣряли, что она была совершенно здорова за нѣсколько дней до обозначеннаго срока родовъ. Мало того, онъ будто бы нашелъ двѣ семьи французскихъ ремесленниковъ, рассказавшихъ ему съ мельчайшими подробностями, какъ они продали ей своихъ дѣтей—одинъ въ ноябрѣ, другой—въ іюль, и что лэди Дженъ даже не потрудилась подобрать дѣтей, одинаковыхъ по времени ихъ рожденія. Однако ея защитникъ такъ краснорѣчиво защищалъ интересы покойной, что дѣло было выиграно, и Арчибальдъ Стюартъ былъ призванъ законнымъ наслѣдникомъ герцога Дугласа по крови. Адвокатъ молодого Стюарта даже не отвергалъ представленныхъ противникомъ аргументовъ, а только указывалъ, какая прекрасная женщина была лэди Дженъ. Когда же впечатлѣніе отъ его краснорѣчивой рѣчи улеглось, то общество стало говорить, что она сыграла комедію для овладѣнія состояніемъ брата и выдала за законныхъ сыновей двоихъ чужихъ дѣтей, купленныхъ на мостовой Парижа. То же говорятъ и англійскіе историки, рассказывая «great cause». Авторъ новой книги, собравъ всѣ извѣстные и не напечатанные документы, дѣлаетъ заключеніе, что лэди Дженъ играла комедію, хотя онъ признаетъ ея необыкновенную искреннюю любовь къ дѣтямъ, настолько сильную, что она не пережила смерти одного изъ нихъ и клялась на смертномъ одрѣ, что эти дѣти—ея собственные. Но авторъ не хочетъ принять въ расчетъ, что лэди Гамильтонъ располагала крупными суммами, которыя могли помочь ея адвокату получить въ Парижѣ какихъ угодно свидѣтелей, и что палата лордовъ, рѣшившая дѣло въ пользу молодого Арчибальда Стюарта, должна была руководствоваться вѣскими доводами, кромѣ уваженія и сочувствія къ благородной, нравственной и симпатичной лэди Дженъ.

— Вліяніе Гёте и Байрона на современныхъ имъ нѣмцевъ. Надняхъ въ Веймарѣ вышли интересныя воспоминанія Бернгарда Абекена, подъ названіемъ: «Гёте въ моей жизни» ¹⁾. Хотя авторъ умеръ въ 1866 г., но только теперь впервые появляется его попытка опредѣлить, какъ дѣйствовалъ Гёте на его жизнь съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Нельзя особенно сожалѣть, что его автобіографія ограничена только вліяніемъ на него Гёте, потому что жизнь Абекена не была ничѣмъ замѣчательна. Онъ былъ студентомъ Іенскаго университета съ 1799 до 1802 г. и впослѣдствіи прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Веймарѣ, часто видался съ великимъ поэтомъ, но не былъ очень друженъ съ нимъ, хотя все-таки настолько восторгался сочиненіями Гёте, что, по его словамъ, они вліяли на всю его жизнь. Интересъ этой маленькой книжки заключается именно въ томъ, что умная, артистическая и чистосердечная натура Абекена въ теченіе долгой жизни находила въ Гёте поддержку для своего умственнаго развитія. Въ молодые годы онъ былъ учителемъ дѣтей Шиллера, а затѣмъ директоромъ коллегіи своего роднаго города Оснабрюка (въ Ганно-

¹⁾ Goethe in meinem Leben. Erinnerungen von Bernhard Rudolf Abeken. Weimar. 1905.

веръ). Изъ его сочиненій извѣстны изслѣдованія о Данте, Цицеронѣ и Гёте, о которомъ онъ издалъ двѣ книги. Относительно его воспоминаній можно только сказать, что они дѣлаютъ честь «первому мудрецу Европы», и критическіе отзывы Абекена о Гёте заслуживаютъ полнаго вниманія. Кромѣ разсказовъ и замѣчаній о Гёте, въ книгѣ Абекена находятся любопытныя воспоминанія также о Шиллерѣ, Виландѣ и другихъ знаменитыхъ писателяхъ того же времени.

Еще любопытнѣе сочиненіе ¹⁾ швейцарскаго профессора Вильгельма Оксенбейна о тождественномъ предметѣ, именно о вліяніи Байрона на современныхъ ему нѣмцевъ и преимущественно на Гейне. Въ тѣ года, когда появлялись безсмертныя творенія Байрона, вся молодая Германія была отъ нихъ въ восторгѣ. Особенно этотъ восторгъ доходилъ до блага каленія отъ 1817 г. до 1835 года. Хотя потомъ многіе нѣмецкіе критики стали находить въ своемъ прежнемъ кумирѣ недостатки, но все же до сихъ поръ нѣмцы не отказались отъ своего культа къ автору «Чайльда-Гарольда» и «Донъ-Жуана». Еще недавно въ одномъ модномъ нѣмецкомъ романѣ описывается, какъ героиня влюбилась въ портретъ Байрона и увѣряла своихъ пріятелей, что она была бы ему болѣе вѣрной подругой, чѣмъ всѣ, кого онъ любилъ. Въ 1817 г. Гёте писалъ: «Чѣмъ болѣе выясняется оригинальность сочиненій Байрона, тѣмъ сильнѣе растетъ сочувствіе всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, забывающихъ свою національность». Какъ поэта, Гейне считалъ Байрона выше Шекспира и знаменитыхъ классиковъ, а его недостатки, какъ человѣка, забывалъ въ эстетическомъ ореолѣ его поэзіи. Нѣмецкая молодежь смотрѣла на Байрона, какъ на образецъ благороднаго, мыслящаго человѣка, который презиралъ всѣхъ филистеровъ. По выраженію Бёрне: «не возможно не смѣяться, когда люди сожальютъ Байрона за его меланхолію. Въдъ меланхолія есть божья радость. Можетъ ли человѣкъ любить и быть всегда веселымъ? Байронъ ненавидѣлъ людей, потому что онъ любилъ человѣчество, жизнь, вѣчность. Я отдалъ бы всѣ радости моей жизни за одинъ годъ страданій Байрона». Нѣмецкихъ переводовъ сочиненій Байрона было безконечное множество. Что касается до вліянія его на Гейне, то первая книга поэтическихъ произведеній этого писателя вышла въ то время, когда имя Байрона было у всѣхъ на устахъ въ Германіи, и въ этомъ томѣ заключался переводъ нѣсколькихъ произведеній Байрона. Профессоръ Оксенбейнъ собралъ всѣ критическіе отзывы о вліяніи Байрона на Гейне. По мнѣнію однихъ, сходство двухъ поэтовъ основано на подражаніи, а, по мнѣнію другихъ, одинаковость поэтическихъ талантовъ въ обихъ происходила отъ тождества ихъ музъ. Во всякомъ случаѣ, критики расходятся во взглядахъ на величину долга Гейне Байрону, но всѣ они согласны между собою, что оба они были субъективные поэты, предавались пессимизму и стремились къ политической свободѣ. Въ своей юности Гейне былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ самыми горячими поклонниками Байрона въ Германіи. Часто въ своихъ письмахъ онъ упоминаетъ о Байронѣ и въ классиче-

¹⁾ Die Aufnahme Lord Byrons in Deutschland und sein Einfluss auf den jungen Heine. Von Dr. W. Ochsenbein. Bern. 1905.

скомъ мѣстѣ своего «Hagzeise», гдѣ Гейне описываетъ восхождение на Броккенъ съ двумя дамами и разговоръ съ ними объ ангорскихъ кошкахъ, этрусскихъ вазахъ, турецкихъ шальяхъ и макаронахъ, онъ упоминаетъ между прочимъ о лордѣ Байронѣ; это доказываетъ, что великій англійскій поэтъ всегда находился у него въ мысляхъ. Когда Байронъ умеръ, то Гейне назвалъ его «родственной ему душой» и прибавилъ: «это былъ единственный человѣкъ, съ которымъ я чувствовалъ духовное сродство; я всегда сознавалъ въ немъ вполне сочувственнаго мнѣ товарища». Однако вліяніе Байрона на Гейне преимущественно замѣчалось въ 1820—1822 годахъ. Виѣстѣ съ тѣмъ оно всего болѣе отражалось на его двухъ трагедіяхъ: «Альманзоръ» и «Ратклифъ», которыя мало читаются, но являются одними изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Гейне. Съ тѣхъ поръ, по его собственному сознанию, онъ мало читалъ Байрона, и его небольшая поэма «Чайльдъ-Гарольдъ», напечатанная въ 1844 году, и въ которой онъ описываетъ перенесеніе тѣла покойнаго поэта изъ Греціи, оказывается скорѣе прекрасной, фантастической картинкой, чѣмъ страстнымъ воплемъ сожалѣнія. Хотя между обоими поэтами было большое сходство, но Байронъ отличался болѣе страстной и пламенной натурой, и, несмотря на свой эгоизмъ, онъ умеръ, сражаясь за свободу угнетеннаго народа; Гейне же, хотя и отличался цинизмомъ, часто пѣлъ мелодичнѣе всѣхъ поэтовъ на свѣтѣ. При этомъ муза Гейне была болѣе узкая, чѣмъ муза Байрона, и его жизненный кругозоръ не такъ широкъ. Что же касается до прекрасно изслѣдованнаго профессоромъ Оксенбейномъ вліянія Байрона на Гейне, то оно не подлежитъ никакому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ, во время юности нѣмецкаго поэта, если не во всю его жизнь.

— Волонтеры во время французской революціи. Богатая работами по эпохѣ революціи французская литература, однако, не изобилуетъ документами, касающимися волонтеровъ революціонной арміи. Хотя «Дневникъ сержанта Фрикаса», «Воспоминанія сержанта Бургоня» и «Дневникъ волонтера 1792 года» не лишены интереса и оригинальности, все же появившіяся письма бывшаго волонтера, Этьена Жоликлера, съ предисловіемъ извѣстнаго историка Функъ-Брентано представляютъ вкладъ, интересный съ психологической точки зрѣнія и выясняющій душевное настроеніе французскаго добровольца въ минуту грозной опасности. Въ концѣ 1790 года внутреннее положеніе Франціи становилось угрожающимъ, и 28-го января 1791 года Александръ Ламетъ отъ имени военнаго и дипломатическаго комитетовъ предложилъ національному собранію создать вспомогательную армію въ сто тысячъ человѣкъ. До тѣхъ поръ существовавшая система набора милиціи, — сначала по указанію согражданъ, а потомъ по жребію, — была очень неудовлетворительной и непріятной народу. Большинство новобранцевъ, собранныхъ этими способами, не хотѣли служить, становились сгруппы и спасались бѣгствомъ въ лѣса. Ополченцы, которымъ удавалось задержать подобнаго бѣглеца, вознаграждались освобожденіемъ отъ службы, и эта система вызывала схватки и побойща. По-

¹⁾ Lettres de Joliclere volontair aux armées de la Révolution; avec une introduction et des notes, par F. Funck-Brentano. Paris. 1905.

этому были изданы декреты отъ 8-го и 18-го февраля, а также 7-го и 19-го марта 1791 года, которыми предписывалось набирать волонтеровъ, какъ это производилось при старомъ правительствѣ для регулярныхъ войскъ, но съ тою разницею, что теперь заключался контрактъ, утверждаемый муниципалитетомъ. Составленіе батальоновъ изъ національныхъ волонтеровъ имѣетъ свое начало въ декретахъ 11-го и 13-го іюня 1791 года, обнародованныхъ 15-го числа того же мѣсяца. Было рѣшено, что всѣ войска, предназначенныя для прикрытія границъ, немедленно должны находиться на военномъ положеніи, и государство взяло на себя уплату жалованья волонтерамъ. 21-го іюня 1791 года національное собраніе объявило начало дѣятельности національной гвардіи и усиленную охрану сѣверныхъ границъ. Всѣ граждане, способные носить оружіе, приглашались немедленно записываться въ своею округѣ. Эта національная гвардія добровольцевъ раздѣлялась на батальоны, по десяти ротъ въ каждомъ и по пятьдесятъ человекъ въ ротѣ. Много поднималось споровъ относительно качества добровольцевъ революціонной арміи. Противники революціи стояли противъ нихъ, сторонники — за нихъ, но всѣ эти мнѣнія были пристрастны. Появившіяся искреннія письма Жюликлэра къ матери обнаруживаютъ достоинства и недостатки добровольцевъ того времени и личное ихъ настроеніе. Напримѣръ, когда мать говорила ему о добровольцахъ ихъ деревни, Миньовильяръ, близъ Фруадфонтена, то онъ приходилъ въ негодованіе и писалъ: «Спрошу я васъ, кто изъ гражданъ Фруадфонтена осмѣлится присвоить себѣ званіе добровольца? Не контингентъ ли августа мѣсяца 1792 года, получавшій четыреста или пятьсотъ ливровъ? Или мартовскій 1793 года, получавшій отъ шестисотъ до семисотъ? Не первому ли набору вы даете названіе добровольцевъ? Нѣтъ, нѣтъ, они совсѣмъ не добровольцы. Одни были проданы, какъ продаютъ свиней въ Салэнѣ, а другихъ принудили отправиться въ силу указа конвента. Итакъ, они совсѣмъ не добровольцы, и я единственный въ ротѣ, кому принадлежитъ это прекрасное имя. Я этимъ горжусь и поддерживаю его съ опасностью для моей жизни». Дѣйствительно добровольцы 1791 года были во всѣхъ отношеніяхъ выше своихъ товарищей послѣдующихъ годовъ. При первомъ призывѣ противъ иностранцевъ раздался со всѣхъ концовъ Франціи единодушный взрывъ энтузіазма. Записались добровольцами люди всѣхъ классовъ общества: мѣщане, рабочіе, дворяне и множество прежнихъ военныхъ. Рабочіе просили у хозяевъ отпуска, чтобы имѣть свободу поступить на военную службу; отцы приходили записывать своихъ сыновей, желая этимъ доказать, что они счастливы, отдавая ихъ родинѣ. Женатые оставляли женъ и дѣтей и спѣшили къ границамъ. Листы покрывались записями пожертвованій въ пользу тѣхъ добровольцевъ, которые не могли на свой счетъ сдѣлать экипировку. Департаментъ Юры, откуда былъ Жюликлэръ, всѣхъ быстрѣе и основательнѣе собралъ свой контингентъ. Но «однимъ росчеркомъ пера нельзя создать хорошаго солдата», и, несмотря на весь пылъ, нравственныя качества, энтузіазмъ и энергію добровольцевъ 1791 года, они начали съ полныхъ неудачъ и 28-го апрѣля 1792 года въ Турнѣ по Лильской дорогѣ пустились всячь, при видѣ австрійскихъ гусаръ. Кавалерія увлекла за собою пѣхоту, и только раздавались крики: «спасайся, кто можетъ!».

Теобаль-Диллонъ попробоваль остановить бѣгство своей колонны, но его собственные солдаты стрѣляли въ него изъ пистолетовъ, и, овладѣвъ имъ, они привели его въ Лилль, гдѣ перерѣзали ему горло. На слѣдующій день, 29-го апрѣля, повторилась та же самая сумятица при видѣ горсти уланъ. Флѣри и Биронъ дѣлали всевозможныя усилія для сохраненія своей позиціи. Но все было тщетно. Австрійцы даже придумали для своего противника девизъ: «побѣдить или бѣжать». Нѣмецкій поэтъ Бюргеръ восклицалъ: «Позоръ вамъ, французы, скрывающимъ свою подлость подъ дѣйствіями тигровъ, вамъ, умертвившимъ нашего генерала и плѣнныхъ». По словамъ Артюра Шюкэ, Франція была спасена, лишь благодаря обычнымъ запаздываніямъ вѣнскаго двора. «Съ 3.000 человекъ,—говорилъ австрійскій генераль Болъе,—я могу защищать только границу. Я приучаю французовъ къ огню, я ихъ образую для войны и научу ихъ побѣждать насъ. Австрія, всегда медленно двигающаяся, дала революціи четыре мѣсяца отсрочки». Всѣ генералы жаловались на солдатъ и ихъ непослушаніе. Однако, сами по себѣ они были не дурные люди, и свыклись съ войной. Начальники были великолѣпны, сгруппированные подъ энергичной рукой генерала Дюмурье, который, видя, какими онъ располагаетъ солдатами, остерегался отваживаться на большія сраженія, и знаменитая битва при Вальми была лишь передовой стычкой, простой канонадой. Дюмурье приходилось поддерживать свою тактику противъ всѣхъ. Онъ не волновался, читая журнальныя статьи, порицающія его и указывающія, что французы созданы для наступательныхъ дѣйствій. Въ одномъ батальонѣ добровольцевъ, пустившемся въ бѣгство, оставивъ позади себя пушки и побросавъ ружья, Дюмурье велѣлъ схватить и связать по рукамъ и ногамъ солдатъ, выказавшихъ наибольшую трусливость; онъ приказалъ снять съ нихъ мундиры и выгнать изъ лагеря среди раздававшегося гиканья. Дюмурье составилъ отряды фланкеровъ изъ 400—500 человекъ, которыхъ ежедневно водилъ въ огонь и подновлялъ ихъ по частямъ, беря солдатъ изъ другихъ батальоновъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала эти войска представляли что-го въ родѣ смѣси изъ добровольцевъ и старыхъ солдатъ. Отъ монархіи молодая революціонная армія унаслѣдовала главнымъ образомъ артиллерию. Въ послѣдніе годы прежняго правительства мало-помалу сформировалась цѣлая плеяда молодыхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, самолюбивыхъ и честолюбивыхъ, какъ, напримѣръ, Гошъ, Марсо, Шампіонне, Бонъ, Журданъ, Аксо, Удино, Лекурбъ. Артиллерійскій и инженерный корпусъ, организованные двумя великими людьми: Грибовалемъ и Гиберомъ, сдѣлались бесспорно первыми въ Европѣ. Французская артиллерія—произведеніе Грибовалей—въ 1789 году имѣла подавляющее превосходство надъ иностранными; она создала побѣду при Вальми, и, по словамъ Шюкэ, преданно сохранила свою дисциплину и военный духъ. «Превосходство артиллеріи имѣло на армію вліяніе большее, чѣмъ это обыкновенно думали. Солдаты полагались на эту могущественную защиту артиллеріи, зная, что батареи всегда будутъ ловко расположены и въ совершенствѣ служить, — говорилъ Дюмурье,—отъ успѣха этого оружія зависитъ довѣріе войскъ». Многіе офицеры, хотя оставались роялистами, находились на службѣ, но крайней мѣрѣ, въ началѣ революціи, по случаю опасности, угрожавшей отечеству. Солдаты прилагали всѣ человѣче-

скія усилія, и волонтеры 1791 года были истинными героями. Не таковы были ихъ преемники послѣ провозглашенія воззванія Оберомъ Баѣ 12-го іюля 1792 года: «Граждане, отечество въ опасности!» На этотъ разъ не было того порядка, спокойствія и методичности въ наборѣ добровольцевъ, а царили безпорядокъ и хаосъ. Законъ 22-го іюля 1792 года предписывалъ немедленную отсылку на войну ротъ, едва сформированныхъ, безъ предварительной подготовки, и онъ былъ главный виновникъ всѣхъ безпорядковъ. Множество солдатъ, кромѣ того, было физически неудовлетворительными: недостаточнаго роста и слишкомъ молодые, почти дѣти, ибо для приѣма 18-тилѣтній возрастъ былъ замѣненъ 16-тилѣтнимъ, а 12 й Саонскій корпусъ, набранный 15-го августа 1792 года, состоялъ на треть изъ тринадцати и четырнадцатилѣтнихъ мальчиковъ. Многіе изъ нихъ шли изъ-за жалованья, и, по словамъ генерала Бирона, они были куплены общинами, и шли безсознательно. У нихъ были своеобразныя понятія о своемъ долгѣ. Такъ, одинъ парижскій доброволецъ, сдѣлавшійся генераломъ Тибо, писалъ о нихъ: «Служба въ батальонѣ ничего не имѣетъ обязательнаго; двѣсти молодыхъ людей покинули батальонъ, прежде чѣмъ онъ вступилъ въ Бельгію». Не было ни одного генерала, ни одного представителя народа, который въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ не жаловался бы на контингентъ 1792 года. Знаменитый мозельскій легіонъ состоялъ скорѣе изъ воровъ, чѣмъ изъ солдатъ. Когда армія была въ движеніи, то половина солдатъ шла, а половина таскалась по кабачкамъ. Дневные приказы не читались солдатамъ, и когда офицеръ наказывалъ или давалъ выговоръ солдату, то его тотчасъ же называли аристократомъ и угрожали доносомъ якобинцамъ. «Обѣ арміи — мозельская и рейнская, — говоритъ Шюкэ, — храбрыя, пылкія, экзальтированныя, но не дисциплинированныя, были предназначены къ пораженію, если бы не разногласіе союзниковъ». То же писалъ генераль Кюстинъ военному министру Пашу 7-го февраля 1793 года: «Если вы, гражданинъ-министръ, не примете безъ колебаній и тотчасъ же участія, чтобы конвентъ высказалъ свое мнѣніе о національной арміи, то республиканская армія скоро будетъ походить по своему составу на турецкую». 18-го декабря 1792 года Берновилль, главнокомандующій мозельской арміей, писалъ министру, что его армія уменьшилась на треть, благодаря бѣгству добровольцевъ, и напоминалъ о жалобахъ Кюстина и Дюмурье, прибавляя, что никто изъ этихъ генераловъ не жалуется на старыхъ солдатъ. Какъ извѣстно, волонтеры сами назначали офицеровъ, и по этому поводу министръ иностранныхъ дѣлъ Лебренъ передалъ военному министру письмо изъ Дюнкирхена 29-го апрѣля 1793 года: «Духъ арміи превосходный, — передавалъ онъ въ немъ, — но обращеніе добровольцевъ возмутительно; какъ создатели своихъ начальниковъ, они не обращаютъ вниманія на свои обязанности. Не достаточно быть патриотомъ, надо умѣло защищать свою родину. Здѣсь я замѣчаю, что батальоны добровольцевъ во время движенія сопровождаютъ двадцатью или двадцатью двумя повозками, переполненными женщинами, колыбелями и дѣтьми, такъ что не остается мѣста для больныхъ или для солдатскихъ обозовъ». Делегатъ Карно докладывалъ конвенту 29-го апрѣля 1793 г., что «добровольцы не хотятъ подчиняться никакой дисциплинѣ; они — бичъ ихъ квартирныхъ хозяевъ и приводятъ въ от-

чаяніе деревни. Разбѣянные по квартирамъ, гдѣ они только пьянствуютъ и кутятъ, волонтеры подвергаются опасности быть уничтоженными, изрубленными на куски при небольшой предпримчивости врага; по счастью, мы суровы относительно запрета сношеній, иначе непріятель уже давно могъ напасть врасплохъ на наши передовые посты». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предупредилъ конвентъ, что солдаты продаютъ не только свой хлѣбъ, но и дрова, свои куртки. Армія была наводнена ворами и бродягами. То же повторяли и представители конвента Мерлэнъ, Дуэ, Госсенъ, Камю и Тейларъ, упоминая о дезертирствѣ волонтеровъ: «Лавры, — восклицали они, — не созданы для этихъ презрѣнныхъ созданій, которыхъ пугаетъ шумъ многочисленной артиллеріи или видъ нѣсколькихъ улановъ». Въ рапортѣ о взятіи Фюрна Карно доносить: «Солдаты были всѣ болѣе или менѣе пьяны. Они падали на каждомъ шагѣ. Ихъ сумки были такъ переполнены ворованными вещами, что они не могли ихъ болѣе нести». Французы избѣжали пораженія, благодаря старымъ солдатамъ, которые были прекрасны, особенно артиллеристы, а затѣмъ благодаря слабости и неладамъ союзниковъ. Австрійцы были вялы и прибывали поздно. У пруссаковъ было два главнокомандующихъ — принцъ Брауншвейгскій и Фридрихъ-Вильгельмъ, которые не только не были между собою согласны, но отличались противоположными военными принципами. Въ походъ тронулись осенью, на авось, ничего не предусмотрѣвъ и не подготовивъ, рассчитывая на Провидѣніе. Въ прусской арміи была полная дезорганизация, и это спасло Францію. Все это видѣлъ Жюликлеръ, и въ письмахъ къ матери, безыскусственныхъ, веселыхъ и искреннихъ, онъ высказываетъ свои впечатлѣнія. Проведя на службѣ пять лѣтъ послѣдовательно въ рейнской, сѣверной и западной арміяхъ, онъ перенесъ много невзгодъ и не поднялся выше званія капрала. Затѣмъ, серьезно раненый и болѣе не способный къ службѣ, онъ возвратился къ себѣ на родину, гдѣ и умеръ въ 1832 году.

— Погоня Бетховена за любовью. Подъ этимъ названіемъ напечатана въ іюньскомъ номерѣ «Good Words» любопытная и даже патетическая статья ¹⁾ миссъ Витингъ, которая представляетъ исторію постоянныхъ и неудачныхъ поисковъ любви великаго музыканта, продолжавшихся всю его жизнь. О немъ скорѣе, чѣмъ о поэтахъ, можно сказать, что онъ научился въ страданіяхъ тому, чему онъ училъ другихъ въ музыкѣ. Семейная жизнь Бетховена, — говоритъ миссъ Витингъ, — была самая несчастная. Его отецъ, горькій пьяница, увлекъ свою семью въ самую глубину нищеты, и молодость великаго музыканта протекла въ успокоеніи вѣчно плакавшей отъ горя матери, въ заботахъ о маленькихъ братьяхъ и въ спасеніи родительскихъ вещей отъ закладчика. Изъ такого бѣдственнаго положенія вывелъ его графъ Вальдштейнъ и доставилъ ему мѣсто органиста при курфюретскомъ дворѣ, а потомъ отправилъ его въ Вѣну учиться музыкѣ. По его возвращеніи въ Бонъ, курфюреть заказалъ ему написать первую кантату, исполненіе которой имѣло большой успѣхъ. Курфюреть былъ въ такомъ восторгѣ, что, обращаясь къ присутствующимъ

¹⁾ The love quest of Beethoven. By Mary Bradford Whiting. «Good Words», June 1905.

дамамъ, спросилъ, нѣтъ ли у кого цвѣтовъ, чтобы увѣнчать композитора. Въ отвѣтъ на это встала прелестная молодая дѣвушка, и, вынувъ цвѣты изъ своихъ волосъ, подала ихъ, краснѣя, Бетховену. Очаровательная красота этой молодой дѣвушки произвела на юнаго музыканта такое впечатлѣніе, что ея тѣнь преслѣдовала его повсюду. Однажды австрійскій посланникъ пригласилъ Бетховена давать уроки своей родственницѣ, и юноша съ восторгомъ узналъ въ ней предметъ своей безнадежной любви. Она принадлежала къ одному изъ самыхъ старинныхъ и гордыхъ австрійскихъ родовъ, поэтому первая любовь Бетховена была несчастна. Придя какъ-то на урокъ, онъ не засталъ въ комнатѣ своей ученицы и, сѣвъ за фортепіано, импровизировалъ чудную, грустную мелодію, извѣстную подъ названіемъ: «Аделаида». Когда онъ кончилъ, за нимъ раздалось восклицаніе: «О, какъ прекрасно!» Онъ обернулся и, увидавъ молодую дѣвушку, бросился предъ ней на колѣни, схватилъ ея руки и, покрывая ихъ безумными поцѣлуями, произнесъ: «Я васъ люблю! я васъ люблю!» Она приняла его за сумасшедшаго и стала звать на помощь. Ея дядя и тетка прибѣжали на ея крики и выгнали Бетховена, который удалился, не произнеся ни слова въ свое оправданіе. Двадцати пяти лѣтъ онъ встрѣтилъ Джульету Гвичіарди и весело писалъ о результатѣ этой встрѣчи: «Эта прелестная, очаровательная дѣвушка любитъ меня такъ же, какъ я люблю ее; въ теченіе двухъ лѣтъ я снова узналъ, что такое блаженство, и впервые почувствовалъ, что бракъ можетъ сдѣлать меня счастливымъ». Но чрезъ годъ графиня вышла замужъ за богатаго и знатнаго человѣка. Единственными слѣдами новой любви Бетховена были таинственныя письма, найденныя послѣ его смерти въ письменномъ столѣ композитора. Эти страстные признанія въ любви, насколько извѣстно, служили ему вдохновеніемъ для четвертой симфоніи. Хотя эта страсть была обоюдная, но она, какъ остальные, не увѣнчалась долговременнымъ блаженствомъ. «Выйти замужъ за такого эксцентричнаго человѣка, — говоритъ миссъ Витингъ, — требовало много храбрости; небрежный относительно одежды и своей вѣнчности, онъ не обращалъ никакого вниманія на впечатлѣніе, какое производилъ на другихъ. Его привычка топтать, стонать и кричать во время композиціи своихъ произведеній, а также поливать себѣ голову водой до такой степени, что на полу образовывалось цѣлое озеро, — представляла большое неудобство для квартирантовъ того дома, гдѣ онъ жилъ, поэтому ему пришлось купить свой домъ». Но несчастію, Бетховенъ останавливалъ свой выборъ въ дѣлахъ любви на женщинахъ, гораздо выше его по положенію. Пока онъ стремился къ достиженію невозможной для него любви, у него была подъ руками скромная, но истинно его любившая женщина — дочь учителя его племянника, Фанни дель Рио, красивая испанка, обожавшая великаго музыканта. Быть можетъ, отъ его неудачныхъ поисковъ любви происходилъ въ значительной степени идеальныи культъ его къ музыкѣ.

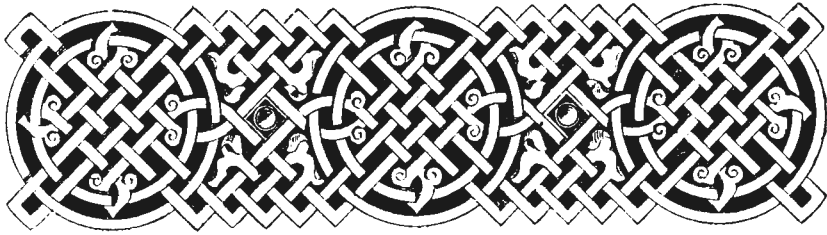
— Смерть барона Альфонса Ротшильда, дона Франциско Сильвелы, Теодора Деліаниса, герцога Одифрѣ-Паскье, принца Леопольда Гогенцоллерна и австрійскаго эрцъ-герцога Іосифа. Въ концѣ мая умерли знаменитый богачъ, парижскій Ротшильдъ, и испанскій государственный человѣкъ Сильвела. Какъ извѣстно, покойный баронъ Альфонсъ Рот-

шильдъ не былъ главою великой финансовой фирмы, а ея номинально состоитъ лондонскій Ротшильдъ, лордъ Навааналь, фактически же—глава вѣнскаго дома баронъ Альбертъ-Соломонъ, который считается самымъ умнымъ финансовымъ гениемъ и руководитъ общей дѣятельностью фирмы. Оба послѣдніе Ротшильда—двоюродные братья барона Альфонса, который нѣсколько ступеваль свое финансовое значеніе, благодаря свѣтскимъ, художественнымъ и общественнымъ сношеніямъ. Кромѣ того, существуютъ еще Ротшильды—франкфуртскій, неаполитанскій и болѣе десятка другихъ, изъ которыхъ въ послѣднее время многіе отступили отъ принципа, завѣщаннаго всему роду ихъ главою: вести дѣло заодно, не разъединяться и заключать браки только между собою. Эготъ глава рода Ротшильдовъ былъ дѣдъ барона Альфонса—Мейеръ Амшель, по прозвищу Ротшильдъ (красный щить), оттого что у его отца была въ Франкфуртѣ лавка рѣдкостей подъ вывѣскою «Красный Щить». Онъ жилъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія; открывъ въ Франкфуртѣ банкирскую контору, онъ быстро разбогатѣлъ, благодаря Наполеоновскимъ войнамъ и особенно битвѣ подъ Ватерлоо. Его сынъ, баронъ Яковъ, былъ основателемъ парижскаго дома Ротшильдовъ и отецъ только что умершаго богача. Баронъ Альфонсъ Ротшильдъ родился въ Парижѣ въ 1827 г. Съ молодыхъ лѣтъ онъ изучалъ финансовое дѣло и былъ секретаремъ совѣта администраціи сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ во Франціи. Съ 1854 г. онъ сдѣлался однимъ изъ директоровъ французскаго банка, а съ 1868 г., по смерти отца, сталъ руководителемъ банкирскаго дома въ улицѣ Лафитъ. Въ продолженіе своей долгой жизни онъ значительно развилъ финансовыя операціи фирмы, участвовалъ въ главнѣйшихъ финансовыхъ сдѣлкахъ на европейскихъ рынкахъ и только въ послѣдніе годы уменьшилъ свои дѣла, не желая подвергаться контролю французскаго правительства. Онъ былъ не только однимъ изъ первыхъ на свѣтѣ финансистовъ и экономистовъ, но занимался въ качествѣ члена института изящными искусствами, поощрялъ художниковъ и обогащалъ музеи сотнями рѣдкихъ произведеній. Его благотворительность была обширна и распространялась по всему свѣту, хотя преимущественно сосредоточивалась въ Парижѣ. Онъ жилъ широко, держалъ замѣчательныя скаковыя конюшни и пользовался репутаціей блестящаго свѣтскаго человѣка. Относительно его благодѣній существуетъ безконечное количество анекдотовъ, и почти всякому нищему, просившему у него милостыни, онъ тайно совалъ золотой. Когда же бѣднякъ, догоняя его, говорилъ: «вы ошиблись, сударь», то онъ не только оставлялъ ему золотой, но прибавлялъ еще другой. Семейную жизнь онъ велъ безупречную; женатъ былъ на своей родственницѣ и имѣлъ одного сына и двухъ дочерей. До послѣднихъ лѣтъ Ротшильды, и особенно баронъ Альфонсъ, считались самыми крупными богачами въ свѣтѣ, но теперь ихъ заткнули за поясъ американскіе миллиардчики. Несмотря на это, Ротшильды не оставляли своей старинной, осторожной финансовой политики и лишь въ нынѣшнемъ году послали двухъ молодыхъ представителей вѣнской фирмы изучить, какъ наживаются миллиарды ихъ американскіе товарищи. Никто не знаетъ, до какой цифры доходило богатство Альфонса Ротшильда, и только приблизительно извѣстно, что три главы рода Ротшильдовъ,—парижскій, лондонскій и

вѣнскій, — имѣютъ сообщать до 5 миллиардовъ фрянковъ. — Донъ Франциско Сильвела, скончавшійся отъ продолжительной болѣзни печени, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей современной Испаніи. Онъ родился въ 1843 году, прошелъ курсъ юридическихъ наукъ въ университетѣ и съ молодости прославился дѣловымъ краснорѣчіемъ, но, по его собственнымъ словамъ, онъ любилъ болѣе писать, чѣмъ говорить, и сотрудничалъ въ газетахъ «Ероса» и «L'Impracial», а также въ главнѣйшихъ испанскихъ журналахъ. Въ политическомъ отношеніи онъ былъ помощникомъ Кановаса дель Кастилло и наслѣдовалъ ему въ руководствѣ консервативной партіи. Онъ вступилъ на политическую арену съ Кановасомъ и нѣсколько разъ былъ въ его кабинетахъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, сдѣлавшись главой консервативной партіи послѣ смерти Кановаса въ 1897 году, Сильвела удостоенъ былъ званія перваго министра, по случаю паденія либеральнаго кабинета Сагасты. На этомъ постѣ онъ выказалъ рѣдкія финансовыя способности, въ тяжелое время послѣ испано-американской войны. Но онъ недолго оставался у власти, такъ какъ ему мѣшали интриги различныхъ представителей его собственной консервативной партіи, и потому былъ принужденъ выйти въ отставку въ 1903 году. Съ этихъ поръ онъ удалился отъ политическихъ дѣлъ и жилъ въ уединеніи. Черезъ двѣ недѣли послѣ тяжелой потери, понесенной испанскими консерваторами, пришлось оплакивать греческимъ консерваторамъ не только смерть, но и убійство ихъ маститаго главы — Деліаниса. Эгого замѣчательный государственный чело- вѣкъ Греціи, несмотря на то, что ему было 84 года, еще находился у власти и былъ первымъ министромъ въ ту минуту, какъ рука убійцы лишила его жизни. Въ молодости онъ изучалъ право и потомъ находился въ дружбѣ съ королемъ Оттономъ, но послѣ отреченія короля не занимать видной политичес- кой роли до 1867 года, когда во время критскаго возстанія онъ былъ посломъ въ Парижѣ. Затѣмъ онъ присутствовалъ на Берлинскомъ конгрессѣ и сталъ чередоваться съ либераломъ Трикуписомъ въ руководствѣ министерствами. Мы уже сказали, что онъ былъ консерваторомъ, но должны упомянуть, что онъ всегда состоялъ главою панэллинистовъ, и всѣ греки его уважали за пламенный па- триотизмъ. Онъ былъ убитъ неизвѣстнымъ чело- вѣкомъ, по имени Гэракари, по ремеслу игрокомъ, и въ этомъ убійствѣ, по всей вѣроятности, не было никакого политическаго преступленія. Напротивъ, всѣ полагаютъ, что это была частная месть жителей Корфу, которые хотѣли учредить у себя игорный домъ, но этому воспротивился покойный первый министр. Почти одинаковыхъ лѣтъ съ Деліанисомъ былъ герцогъ Одиффрэ-Паскье, умершій въ Парижѣ 4-го июня, на 82 году отъ рожденія. Его отецъ, графъ Флоримондъ Одиффрэ, былъ женатъ на племян- ницѣ извѣстнаго канцлера Паскье, который усыновилъ его сына и передалъ ему свое историческое имя. Паденіе іюльскаго правительства нарушило блестяще начатую административную и политическую карьеру молодого Гастона, и въ продолженіе второй имперіи онъ отличался враждебными къ ней отноше- ніями. Въ 1871 году онъ былъ избранъ въ національное собраніе и присоеди- нился къ партіи праваго центра. Предсѣдательствуя въ комиссіи подря- довъ, онъ произнесъ знаменитую рѣчь противъ второй имперіи и въ 1875 году удостоился званія вице-предсѣдателя, а потомъ и предсѣдателя со-

бранія. Сдавъ свой постъ, онъ сдѣлался членомъ сената, которымъ и оставался до своей смерти. Выѣстъ съ тѣмъ, благодаря помощи такъ называемой герцогской партіи во французской академіи, онъ попалъ въ безсмертные, хотя не прославился никакими сочиненіями, кромѣ своихъ политическихъ рѣчей. Въ іюнѣ мѣсяцѣ европейскій некрологъ обогатился двумя именами принцевъ царствующихъ домовъ — Габсбургскаго и Гогенцоллернскаго. Сначала умеръ въ Фіумѣ (въ Венгріи) австрійскій эрцъ-герцогъ Іосифъ, двоюродный братъ императора Франца-Іосифа, почетный докторъ философіи, членъ венгерской академіи, австрійскій генераль отъ кавалеріи и начальникъ венгерскаго ополченія. Онъ отличался громаднымъ состояніемъ и умѣло управлялъ своими многочисленными помѣстьями, но еще болѣе прославился своей популярностью въ Венгріи, что очень странно, такъ какъ вообще венгерцы ненавидятъ Габсбурговъ. Эго расположеніе венгерскаго народа объясняется тѣмъ, что самъ эрцъ-герцогъ питалъ пламенную любовь къ нему и нѣкогда былъ горячимъ сторонникомъ Дэака. Не лишнее прибавить, что покойный эрцъ-герцогъ, умершій на 72-мъ году, былъ двѣсти двадцать первымъ родственникомъ, котораго пережилъ маститый императоръ. Потомъ Гогенцоллернскій домъ понесъ потерю въ лицѣ принца Леопольда, извѣстнаго тѣмъ, что онъ былъ невольной причиной франко-прусской войны. Онъ родился 22-го сентября 1835 года, въ Траухенвиссѣ, и его родителями были принцъ Карлъ-Антонъ Гогенцоллернскій и принцесса Жозефина Баденская, дочь Стефаніи Богарнэ. Его братъ Карлъ-Фридрихъ сдѣлался королемъ румынскимъ, и, по его слѣдамъ, Леопольдъ хотѣлъ попасть въ испанскіе королі. Всею этою интригой руководилъ, какъ извѣстно, Бисмаркъ, и въ результатѣ Гогенцоллерны получили не новое королевство, которое имъ улыбнулось, а могущественную имперію. Что же касается до самого Леопольда, то онъ игралъ очень скромную роль въ войнѣ 1870 года и умеръ прусскимъ генераль-полковникомъ и кавалеромъ Чернаго Ора.

С М Ъ С Ъ.

ДИСПУТЬ П. Г. Васенка: 3-го апрѣля въ одномъ изъ залъ С.-Петербургскаго университета состоялась защита диссертациі на степень магистра русской исторіи магистрантомъ П. Г. Васенкомъ. Диссертациія озаглавлена: «Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности». П. Г. Васенко родился въ 1874 г., кончилъ курсъ и оставленъ при С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1897 г. Его перу принадлежитъ много научныхъ трудовъ по русской исторіографіи. Объектъ изслѣдованія настоящей диссертациі, т.-е. Степенная книга, очень важный вопросъ для русской исторіографіи. Несмотря на то, что книга эта явленіе весьма значительное въ области русской письменности, она очень мало выяснена, и изслѣдованіе ея является однимъ изъ очередныхъ вопросовъ русской исторической науки. Диссертантъ разрѣшаетъ въ своемъ трудѣ, кто былъ составителемъ Степенной книги, когда и для какой цѣли она составлена. По заключенію автора, Степенная книга можетъ быть признана историческимъ сборникомъ и наводитъ на мысль о попыткѣ составленія систематической русской исторіи (въ XVI в.). Официальными оппонентами диссертанта выступили профессора: С. Ѳ. Платоновъ и И. Л. Шляпкинь. Сдѣлавъ нѣкоторыя замѣчанія общаго и частнаго характера, они признали за представленнымъ трудомъ большія научныя достоинства. По защитѣ своихъ положеній П. Г. Васенко былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

ДИСПУТЬ А. І. Малемпа. 11-го мая, въ Московскомъ университетѣ защиталъ диссертацию на степень доктора римской словесности преподаватель импе-

раторскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, А. І. Малеинъ. Тема диссертациі—рукописное преданіе загадокъ Альдгельма. Въ краткой вступительной рѣчи докторантъ охарактеризовалъ личность избранныя имъ автора и выяснилъ значеніе изученнаго имъ памятника. Св. епископъ Альдгельмъ былъ первымъ британскимъ поэтомъ, слагавшимъ стихи на латинскомъ языкѣ. Загадки Альдгельма, типическій образчикъ міросозерцанія ранняго средневѣковья, пользовались огромной извѣстностью, такъ какъ ни одна нація запада не находила столько удовольствія въ занятіяхъ загадками, какъ англо-саксы VIII и IX вв. Загадки служили у нихъ предметомъ не только общественной забавы, но и школьнаго обученія. Ближайшей цѣлью, которую поставилъ себѣ диспутантъ, было изученіе тѣхъ основъ, на которыхъ долженъ быть построенъ текстъ загадокъ, находящійся доселѣ въ хаотическомъ состояніи. Съ этой цѣлью г. Малеинъ изучилъ 18 рукописей загадокъ, хранящихся въ разныхъ европейскихъ библіотекахъ (Императорской Публичной, Парижской Національной, Брюссельской, Ватиканской, Эйзиделлинской, Сангалленской и др.). Официальными оппонентами выступили проф. М. М. Покровский и прив.-доц. А. А. Грушка, неофициальнымъ—акад. Ѳ. Е. Коршъ. Велѣдствіе оживленнаго снора г. Малеина съ г. Грушкой по многимъ частнымъ вопросамъ, диспутъ, начавшійся въ часть дня, затянулся до четверти седьмого. Въ результатѣ диспутантъ былъ единогласно удостоенъ искомой степени при дружныхъ рукоплесканіяхъ собравшейся публики, правда, весьма немногочисленной. (Ср. «Русск. Вѣд.», 12 мая 1905 г.).

Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. 26-го февраля въ домѣ графа С. Д. Шереметева происходило торжественное собраніе общества. Большой залъ былъ наполненъ весь членами общества и многочисленными гостями, много было и дамъ. За столомъ засѣданія помѣстились члены совѣта и предсѣдатель, графъ С. Д. Шереметевъ. Собраніе почтили присутствіемъ высокопреосвященные митрополиты московскій Владимиръ и кіевскій Флавіанъ, преосвященные епископъ волынскій Антоній и новыи московскій викарій, епископъ Евдокимъ. Среди многихъ выдающихся по положенію лицъ находились члены государственнаго совѣта д. т. с. Галкинъ-Врасской, ген.-ад. гр. А. П. Игнатьевъ, т. с. Стишинскій, товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода сенаторъ Саблеръ, т. с. Звъревъ и друг. Въ началѣ была отслужена панихида по императору Александрѣ III, затѣмъ хоръ императорской русской оперы подъ управленіемъ Казаченка превосходно исполнилъ шесть пьесъ: хоръ каликъ переходящихъ изъ оп. «Юристъ Годуновъ» Мусоргскаго, «Легенду» Чайковскаго, «Ахъ, ты, душечка» Глинки, «Тишина» Казаченка, «Повѣяло черемухой» Черепнина и «Слава на небѣ», переложеніе Казаченка. С. С. Татищевъ прочиталъ пятую главу своей исторіи императора Александра III: «Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ восточную войну 1877—1878 годовъ». Въ этой главѣ рядомъ писемъ самого цесаревича и другихъ лицъ обрисованъ свѣтлый образъ Александра III, его скромность, искренность его души, простота обращенія, глубина религіознаго чувства и всегдашняя забота о долгѣ, о дисциплинѣ. Цесаревичъ очень обрадовался, что, получивъ назначеніе въ дѣйствующую армию, могъ не на сло-

вахъ только, а на дѣлѣ доказать свою готовность послужить царю и родинѣ, какъ онъ писалъ своей августѣйшей супругѣ. Убѣжденный, что во всемъ, что дѣлается, — «видна воля Божія» (какъ выражено имъ въ одномъ письмѣ), цесаревичъ, помолясь, принялъ новое назначеніе командовать рущукскимъ отрядомъ (до этого цесаревичъ былъ командиромъ гвардейскаго корпуса). Въ отрядъ его вошли 12 и 13 армейскіе корпуса, всего 48 бат., 24 эскад., 12 сотенъ при 216 орудіяхъ. Серьезная задача возлагалась на отрядъ — служить заслонамъ при нашихъ операціяхъ съ главными турецкими силами. Пришлось отряду выдержать и рядъ бѣшеныхъ атакъ арміи Сулеймана-паша, особенно когда турки, послѣ паденія Плевны, думали именно сокрушить рущукскій отрядъ и тѣмъ парализовать плевненское дѣло. Какъ полководецъ, говорилъ въ заключеніи своемъ лекторъ, «цесаревичъ ярко проявилъ съ дѣтства зародившіяся въ немъ духовныя свойства»: крайнюю добросовѣстность, хладнокровіе, самообладаніе, мужество, стойкость, чуждый всякихъ увлеченій, ясный и трезвый взглядъ на вещи, твердую и непреклонную волю, направленную къ достиженію намѣченной цѣли. Наслѣднику престола совершенно было чуждо стремленіе выдвинуться, отличиться, блеснуть. Онъ служилъ съ самоотверженіемъ, не увлекался успѣхомъ, не смущался отъ неудачи; самолюбіе полагалъ не въ томъ, чтобы никогда не ошибиться, а въ правдивости и долгѣ; онъ откровенно сознавался въ ошибкахъ и сѣмилъ ее исправить. Самъ соблюдая порядокъ и законы военной дисциплины, онъ требовалъ этого и отъ другихъ, но вмѣстѣ умѣлъ и вызвать воодушевленіе, безъ котораго бесплодно всякое усиліе. Убѣжденный носитель народныхъ идеаловъ, человѣкъ съ глубокимъ національнымъ чувствомъ, цесаревичъ, безъ красныхъ словъ, однимъ своимъ взглядомъ сообщалъ своимъ войскамъ, идущимъ въ бой, тотъ священный пламень, съ которымъ русская рать была неопобѣдима и творила чудеса. Можно сказать, что цесаревичъ тутъ являлся народнымъ вождемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Величавая простота осанки, безыскусственная, но выразительная рѣчь, даже окладистая борода, которую онъ первый изъ членовъ царствующаго дома отпустилъ послѣ разрѣшенія, придавали ему видъ русскаго богатыря; такимъ признали его вся Россія и весь міръ. Собраніе закончилось исполненіемъ гимна «Боже, царя храни».

Общество любителей древней письменности. I. 4-го марта состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Передъ засѣданіемъ предсѣдатель сообщилъ о пожертвованіи свѣтлѣйшею княгиней В. А. Волковской 5.000 рублей въ неприкосновенный капиталъ общества имени свѣтлѣйшаго князя П. Гр. Волконскаго и предложилъ избрать княгиню Волконскую въ дѣйствительные члены общества. Затѣмъ собраніе почтительно вставаніемъ память недавно скончавшагося члена-корреспондента общества П. Н. Тихонова, характеристику научной дѣятельности котораго сдѣлалъ Хр. М. Лопаревъ. Первое сообщеніе «Слово Іоанна Златоустаго въ Паисіевомъ сборникѣ XIV вѣка и его источники» было сдѣлано В. М. Цзергинымъ. Слово это, принадлежащее къ числу многихъ поученій о пьянствѣ, составлено въ главной части изъ слова Іоанна Златоустаго о яденіи и пьянствѣ, затѣмъ изъ слова того же Іоанна Златоустаго о богатыхъ и немилостивыхъ, а заключеніе взято изъ

«Предловія къ покаянію». Изъ сличенія двухъ существующихъ редакцій «Предловія» видно, что писецъ Павлиева сборника пользовался не древнѣйшею редакціей, а второй переработанной, хотя и съ сокращеніями. Другое сообщеніе «О спискахъ и редакціяхъ поученія арх. Луки къ братіи» было прочитано Н. К. Никольскимъ. Референтъ далъ перечень рукописныхъ текстовъ поученія, вновь найденныхъ и дающихъ нѣсколько новыхъ вариантовъ къ прежнимъ изданіямъ; Н. К. Никольскій предположилъ, что первоисточникомъ «Поученія» должно служить какое либо переводное сочиненіе, и сопоставилъ «Поученіе» съ памятниками покаянной дисциплины. Въ томъ же заведеніи былъ избранъ въ почетные члены министръ народнаго просвѣщенія В. Г. Глазовъ и въ члены-корреспонденты Н. А. Агаповъ. II. 1-го апрѣля состоялось подъ предѣдательствомъ Н. П. Кондакова общее собраніе. Въ этомъ собраніи Г. А. Ильинскій сообщилъ о текстѣ апокрифа «Acta Pilati», находящемся въ Орбельской Тріоди и оставшемся неизвѣстнымъ П. В. Ягичу, хотя этотъ текстъ важенъ для исторіи апокрифа; сличеніе его съ среднеболгарскимъ текстомъ въ Златоустѣ XIII вѣкѣ указываетъ на самостоятельную его редакцію. Затѣмъ А. И. Яцимирскій ознакомилъ собраніе съ результатами своихъ наблюденій надъ надписями славянскими, имъ изученными, списанными и частью изданными при описаніи рукописей румынскихъ библиотекъ. Наиболѣе древняя надпись относится къ половинѣ XIV вѣка, а наиболѣе поздняя — къ XVIII вѣку. Раздѣляются онѣ на 5 группъ (на памятникахъ архитектурныхъ, надгробныхъ, вещевыхъ, фресковыхъ и на иконахъ); въ каждой группѣ можно подмѣтить типичную формулу, отъ которой потомъ являются нѣкоторыя отклоненія. Эти надписи сообщаютъ много фактовъ біографическихъ и историческихъ, которые иногда являются единственными свидѣтельствами. Терминологія ихъ представляетъ тоже большой интересъ, такъ какъ даются техничeskія названія построекъ и вещей (греческаго, сербскаго и болгарскаго происхожденія), сообщаются имена мастеровъ, стоимость вещи и т. д. Въ заключеніе А. И. Яцимирскій сдѣлалъ замѣчанія о языкѣ надписей и обратилъ вниманіе на то, что счетъ лѣтъ ведется отъ Рождества Христова и отъ 1-го января. III. 22-го апрѣля состоялось годовое собраніе подъ предѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, сообщившаго при открытіи засѣданія о выходѣ въ свѣтъ I тома «Лицевого иконописнаго подлинника», изданнаго высочайше учрежденнымъ комитетомъ попечительства о русской иконописи и поступившаго въ бібліотеку общества. По прочтеніи секретаремъ отчетовъ годового, денежнаго, бюджета на будущій годъ, С. В. Смоленскимъ было сдѣлано сообщеніе «О русской хоровой церковно-пѣвческой литературѣ съ половины XVI вѣка до начала вліянія пріѣзжихъ итальянцевъ». Эта литература представляетъ три типа: первая литература контрапунктическая, заключающаяся въ казанскомъ знамени и въ слѣдовавшихъ за нимъ крюковыхъ партитурахъ XVI и XVII вѣковъ съ произведеніями на 2, 3 и 4 голоса; вторая литература — переложенія гармоническія, преимущественно на 4 голоса, но въ ней, кромѣ того, имѣются гармонизованные распѣвы (сполна и на разное число голосовъ до 12): кievскій, греческій и отчасти болгарскій; третья литература представляетъ свободныя композиціи, вышедшія изъ школы Н. П. Дилецкаго; въ ней

развились такъ называемыя «Службы Божіи», т.-е. обѣдни или всенощныя, и еще болѣе концерты. Къ этимъ литературамъ примыкаютъ 1) стихи покаяны и бесѣды XVI—XVII вѣковъ, 2) однополосные стихи, духовные, канты, псалмы и множество юго-западныхъ богослужебныхъ напѣвовъ и 3) стихи духовные 3-голосные, канты и псалмы (напримѣръ, музыка В. Титова къ стихотворной псалтири Семеона Полоцкаго и др.). Первая литература обращаетъ на себя вниманіе несомнѣннымъ присутствіемъ контрапунктическихъ построений, найденныхъ С. В. Смоленскимъ въ книгѣ «Кокизы, сирѣчь ключъ Казанскому знамени» и въ трехголосныхъ партитурахъ «Праздниковъ». Хоровыя переложенія древнихъ распѣвовъ представляютъ массу сдѣланныхъ нашими предками гармонизацій; тематическій указатель всѣхъ редакцій даетъ для Октоиха 17, а для «Праздниковъ»—21. При обзорѣ партесныхъ богослужебныхъ сочиненій и концертовъ референтъ указалъ на двойное значеніе слова «концертъ»—какъ пѣніе соло и какъ форма хорового сочиненія, и обратилъ вниманіе на самую крупную по числу форму 12-голосныхъ концертовъ, которыхъ найдено около 550; эта цифра и достоинство композиціи свидѣтельствуютъ о процвѣтаніи у насъ хорового искусства въ концѣ XVII вѣка и въ XVIII вѣкѣ. Сообщеніе С. В. Смоленскаго сопровождалось исполненіемъ хоромъ пѣвцовъ-любителей нѣкоторыхъ музыкальныхъ сочиненій, какъ, напримѣръ, отрывковъ псалма «На рѣцѣ Вавилонстѣй ту сѣдохомъ...», стиховъ и стихотворнаго календаря и стихотворной псалтири Семеона Полоцкаго; многолѣтія, сочиненія Василя Титова, и др. Кромѣ того, въ томъ же засѣданіи секретарь доложилъ о состоявшемся 21-го апрѣля совѣщаніи II отдѣла общества, посвященномъ вопросамъ о задачахъ древне-пѣвческаго искусства. По выслушаніи рѣчи предсѣдателя и доклада С. С. Волковой, совѣщаніе признало между прочимъ желательнымъ составленіе хрестоматіи образцовъ пѣвческаго искусства до XIV вѣка включительно и изданіе Миней Общей, приписываемой Ал. Мезенцу, и чтеніе курса по исторіи русскаго церковнаго пѣнія.

С.-Петербургскій археологическій институтъ: 1. 6-го марта, подъ предсѣдательствомъ директора института, профессора Н. В. Покровскаго, состоялось первое общее собраніе членовъ и слушателей института. Почтена была вставаніемъ память скончавшагося одного изъ старѣйшихъ питомцевъ института А. В. Половцова. А. Ф. Селивановъ и С. А. Розановъ произнесли рѣчи, посвященные памяти покойнаго. Затѣмъ Д. В. Шемякинъ прочелъ рефератъ «О Велебицкой церкви». Затерявшаяся въ одномъ изъ глухихъ уголковъ Новгородской губерніи (въ Новгородскомъ уѣздѣ, Шелонской волости, въ 15 верстахъ отъ озера Ильменя) Велебицкая церковь представляетъ собою весьма интересный памятникъ древне-русскаго зодчества. Близко ознакомившись съ архитектурой храма, съ матеріаломъ, изъ котораго выстроена древнѣйшая его часть, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что храмъ этотъ построенъ въ эпоху расцвѣта новгородскаго искусства конца XIII или начала XIV столѣтія. Это подтверждаетъ удивительная легкость и правильность взаимоотношенія частей зданія и архитектурнаго стиля, указывающаго на высокій художественный вкусъ ея строителя. Профессоръ Н. В. Покровский отмѣтилъ также художественное значеніе памятника, признавъ, однако, что для точнаго опредѣленія

времени его постройки необходимо еще было бы изслѣдовать болѣе тщательно матеріалъ кладки. П. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ прочиталъ 10-го апрѣля докладъ о Борисѣ Годуновѣ, 13-го апрѣля 1905 года исполнилось 300 лѣтъ со дня кончины царя Бориса. XVII вѣкъ въ наслѣдіе XVIII-му оставилъ историкамъ весьма разрозненные свѣдѣнія о Борисѣ, главнымъ образомъ «житійныя сказанія» о Димитріи, въ которыхъ Борису приписывается несомнѣнное участіе въ смерти царственнаго младенца. Находясь подъ вліяніемъ этой официальной традиціи, писатели XVIII и начала XIX столѣтія безусловно вѣрили въ виновность Бориса. Первая робкая попытка реабилитаціи его памяти высказана была Карамзинымъ: «а что если подозрѣніе это несправедливо?» лирически восклицаетъ тотъ во время посѣщенія Углича; при изложеніи же историческихъ событій онъ остается еще вѣренъ установившейся традиціи. Но брешь была пробита, авторитетъ «житія» подорванъ. Послѣдующіе историки начинаютъ уже смѣло и открыто, несмотря на цензурныя стѣсненія, высказывать мысль о невинности Бориса. Вновь изданные въ послѣднее время письменные памятники XVII столѣтія еще болѣе утверждаютъ историковъ въ этой мысли. На основаніи тщательнаго и критическаго анализа всѣхъ относящихся къ вопросу матеріаловъ С. Ѳ. Платоновъ высказалъ въ своемъ докладѣ независимо отъ традиціонныхъ воззрѣній совершенно новый взглядъ на Бориса Годунова. Участіе Годунова въ убійствѣ Димитрія онъ считаетъ недоказаннымъ. Борисъ, по его мнѣнію, былъ выдающимся человекомъ своего времени, обладалъ крупнымъ политическимъ умомъ, былъ защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ. Отвергнувъ опору, на которую опирались московскіе правители до XVI столѣтія, въ лицѣ бояръ, Борисъ рѣшился опереться на средній и низшіе классы населенія. Но, неорганизованные и разрозненные, они не могли бороться съ сильнымъ еще въ то время боярствомъ, и Борисъ погибъ, не успѣвъ осуществить намѣченной имъ задачи. Но усилія его не пропали даромъ: послѣдующіе русскіе государи пошли по его слѣдамъ, и династія Романовыхъ уже могла спокойно опереться на средніе и низшіе классы. Получивъ въ свое управленіе Россію во время тяжкаго экономическаго кризиса, Борисъ въ значительной степени подыалъ благосостояніе ея населенія. Вторымъ докладчикомъ выступилъ Г. В. Тихомировъ, сообщившій объ отношеніи къ памяти царя Бориса русскихъ людей за протекшія 300 лѣтъ. Недоказанное обвиненіе, тяготѣвшее надъ Борисомъ, отражалось и въ народной литературѣ. Народная молва приписала ему, кромѣ того, дѣлый рядъ преступленій. Но прошли три вѣка—и туманъ, которымъ окутана была личность Годунова, начинается разсѣиваться; рисуется новый типъ, типъ царя, любившаго свой народъ, защитника угнетенныхъ и слабыхъ, «свѣтлаго царя».

С-Петербургское археологическое общество.—I. 24-го февраля, подъ предсѣдательствомъ профессора барона В. Р. Розена, состоялось засѣданіе членовъ отдѣленія восточной археологіи. Прочитанъ былъ извѣстнымъ востоковѣдомъ В. В. Бартольдомъ докладъ: «О народномъ движеніи въ Самаркандѣ въ 1365 году». По мнѣнію референта, въ жизни мусульманскаго востока общественныхъ движеній было немало; гораздо больше, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Аревою движенія служили, главнымъ образомъ, крупные городскіе

центры: Самаркандъ и Бухара. Развитие общественнаго самосознанія и здѣсь, какъ и въ Западной Европѣ, росло параллельно съ развитіемъ торговли, промышленности и городской жизни. Въ XII вѣкѣ въ Бухарѣ, свергнувъ хана, земельная аристократія захватила власть въ свои руки. Однако владычество ея продолжалось недолго. Въ XIII вѣкѣ возникаетъ новое уже демократическое движеніе, въ результатѣ котораго аристократія терпитъ поражение. Новое мощное демократическое движеніе, возникшее въ началѣ XIV вѣка въ Персіи и сопропорождавшееся полнымъ успѣхомъ, вызвало, въ свою очередь, народное движеніе въ Самаркандѣ въ 1365 году. Причины этого движенія были чисто внѣшнія. Наступали монголы, угрожая и Самарканду. Эмиры съ войсками отступили за Аму-Дарью, оставивъ совершенно беззащитнымъ населеніе городовъ. Самаркандъ, однако, рѣшилъ оказать сопротивленіе. Молодой человекъ, студентъ медресе, явившись въ мечеть, произнесъ горячую рѣчь къ народу, убѣждая его бороться. Обратившись къ представителямъ знати, онъ предлагалъ имъ взять на себя защиту города, но, когда они отказались, онъ рѣшилъ самъ выступить вождемъ народа; народъ принесъ ему здѣсь же присягу въ полномъ повиновеніи. Три дня и три ночи, какъ говорятъ документы, не спалъ юный герой, обдумывая способы защиты города. Несмотря на отсутствіе стѣнъ и цитадели, всѣ приступы монголовъ на Самаркандъ были мужественно отбиты, и непріятель отступилъ. Освободивъ родной городъ, герой (имя его неизвѣстно, по прозвищу Моуляна-Задѣ), поддерживаемый двумя товарищами, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ къ интеллигенціи, а другой къ рабочему классу, оставилъ и далѣе власть въ своихъ рукахъ. Народъ призналъ ихъ владычество. Эмиры Гуссейнъ и Тимуръ, возвратившіеся послѣ отступленія монголовъ, узнавъ о возникшемъ движеніи, подступили къ Самарканду, сдѣлавъ видъ, что желаютъ вступить въ соглашеніе съ новыми правителями, и клятвенно обѣщая имъ милость. Усыпивъ такимъ образомъ ихъ бдительность, они пригласили ихъ для переговоровъ въ свой лагерь и здѣсь весною 1366 г. предательски умертвили ихъ. Такъ закончилось это народное движеніе, продолжавшееся около года. Интересныя данныя о немъ собраны референтомъ изъ многихъ сохранившихся документовъ начала XV столѣтія. Второй докладъ прочитанъ былъ профессоромъ Н. И. Веселовскимъ, сообщившимъ любопытныя свѣдѣнія о восточномъ обычаѣ, наблюдавшемся однимъ изъ нашихъ купцовъ въ 1842 году въ Хивѣ. Проѣзжая мимо киргизскаго кладбища, онъ былъ свидѣтелемъ такой странной сцены: два киргиза разрывали могилу и, вынувъ оттуда трущъ, соскабливали съ костей его мясо. По объясненіямъ ихъ, дѣлалось это съ цѣлью перевезти кости покойника на его родину и дать этимъ возможность родителямъ его совершить надъ нимъ обрядъ оплакиванія и похоронить кости близъ родного аула. Докладъ возбудилъ оживленныя пренія. 4-го марта князь П. А. Путятинъ сдѣлалъ докладъ о вновь произведенныхъ имъ въ минувшемъ году раскопкахъ близъ станціи Вологое въ имѣніи Высокое. Раскопки вмѣстѣ съ каменными орудіями дали князю единственный пока извѣстный въ цѣломъ видѣ экземпляръ костяка современной палеолитическому человекъ собаки, рисунокъ на кости, изображающій сайгу (родъ антилопы), и хорошо сохранившійся человѣчскій черепъ. Членъ императорской археологической комиссіи

А. А. Спицынъ указалъ на важное археологическое значеніе находокъ. Н. М. Пенчкинъ сообщилъ о произведенныхъ имъ раскопкахъ погребальныхъ кургановъ близъ древняго Херсонеса (недалеко отъ Севастополя). Въ теченіе 1903—1904 г. г. докладчикомъ изслѣдовано было нѣсколько десятковъ кургановъ и собрана значительная коллекція глиняной посуды, украшеній, бусъ, пряслицъ, зеркалецъ, серегъ, курильницъ и т. п.; кромѣ того, найдены двѣ римскія монеты императоровъ Гордіана и Деція Трояна (III вѣкъ по Р. Х.). По мнѣнію А. А. Спицына, изслѣдованные курганы относятся къ IV—V вѣкамъ по Р. Х. Третьимъ референтомъ выступилъ Н. И. Рѣпниковъ, сдѣлавъ докладъ о крымскихъ долменахъ. Долмены—это грандіозныя каменныя погребальныя сооруженія. Возникновеніе ихъ мѣстными жителями приписывается нѣкогда обитавшимъ здѣсь великанамъ. Другая версія считаетъ ихъ за жилище вѣдьмъ. Главная масса долменовъ находится въ районѣ Вайдарской долины, но много ихъ разсыпано и въ различныхъ пунктахъ южнаго берега.

Московское археологическое общество. I. 15-го марта, въ 40-й день памяти великаго князя Сергія Александровича, общество собралось на годовичное засѣданіе, которое было открыто слѣдующими словами предсѣдателя, графини Уваровой: «Я сердечно сожалью, что нездоровье заставило меня оттянуть почти на мѣсяцъ наше годовичное засѣданіе; сожалью тѣмъ болѣе, что засѣданіе это приходится открывать при особо тяжелыхъ и грустныхъ обстоятельствахъ: сорокъ дней тому назадъ, 4-го февраля, въ стѣнахъ Кремля, въ виду всѣхъ святынь Москвы и Россіи, отъ руки гнуснаго убійцы погибъ великій князь Сергій Александровичъ. Опозорена Москва, оскверненъ нашъ Кремль, да и на насъ всѣхъ тяжелымъ, темнымъ пятномъ ложится кончина августѣйшаго страдальца. Погибъ онъ отъ руки убійцы, облекшагося въ одежду простаго народа, но несомнѣнно, что не народъ руководилъ его рукой и указывалъ ему жертву; я крѣпко вѣрю, что убійца не кто иной, какъ исчадіе той вакханалии чувствъ и представленій, которыми отличается переживаемое нами время; я убѣждена, что кровь безвременно погибшаго страдальца—не на народѣ, а на насъ всѣхъ, и въ особенности на той якобы интеллигенціи, которая мнитъ спасти отечество, забывъ преданія старины, все то, что дорого и свято истинно-русскому человѣку. И вся эта мерзость, и вся эта смута, и вся эта кровь—во имя свободы и просвѣщенія, подъ личиною любви, человѣчности и правды! А пока просвѣщеніе глохнетъ: каѳедры во многихъ университетахъ не заняты, профессора въ университетахъ не читаютъ, молодежь, вмѣсто занятій, безчинствуетъ въ аудиторіяхъ и на улицахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ средѣ ученыхъ обществъ чувствуется отсутствіе притока новыхъ ученыхъ силъ, а на открывающіяся вакансіи въ музеяхъ некого приглашать. Рука злодѣя въ лицѣ великаго князя вырвала изъ среды нашей человѣка истинно-русскаго, всѣмъ сердцемъ преданнаго Россіи, престолу, православію, русской святынь, русскимъ древностямъ. Искренняя вѣра и преданность ей внушили его высочеству мысль основанія Палестинскаго общества, призваннаго не только помогать паломникамъ въ посѣщеніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель, но и съ цѣлью возбудить интересъ къ изученію Востока, на что личною великій князь потратилъ немало средствъ, дарованныхъ на раскопки

въ Палестинѣ, на ученые экспедиціи въ Сирію и Аѳонъ, равно какъ и на изданія этихъ трудовъ. Страстный любитель и цѣнитель русскихъ древностей, великій князь былъ связанъ тѣсными узами дружбы съ основателемъ нашего археологическаго общества, гр. А. С. Уваровымъ, предпринималъ съ нимъ поѣздки и раскопки по Россіи, слушалъ курсъ отечественной археологій и, послѣ кончины графа, внимательно относясь къ занятіямъ и нуждамъ его ученаго наслѣдія, сталъ во главѣ основаннаго графомъ Историческаго музея и самымъ усерднымъ покровителемъ Московскаго археологическаго общества, которому излишне напоминать, мнѣ думается, о всемъ томъ, чѣмъ оно обязано своему дорогому почетному члену. Доброе расположеніе это его высочество распространилъ и на археологическіе съѣзды, и еще при жизни графа, въ 1882 г., своими личными средствами далъ возможность осуществить экспедицію, задуманную Одесскимъ предварительнымъ комитетомъ, въ Константинополь для изученія памятниковъ византійскаго зодчества и изданіе собраннаго матеріала. Въ 1890 г., во время VIII археологическаго съѣзда, приуроченнаго ко времени празднованія Московскимъ археологическимъ обществомъ перваго своего 25-лѣтняго юбилея, его высочество прибылъ въ Москву съ великою княгиней и принялъ самое теплое участіе въ чествованіи общества и въ засѣданіяхъ съѣзда, и съ этого съѣзда его высочество становится несмѣннымъ почетнымъ предсѣдателемъ и настоящимъ покровителемъ археологическихъ съѣздовъ и ихъ предварительныхъ комитетовъ, защищая ихъ интересы, покровительствуя ихъ изслѣдованіямъ, поддерживая ходатайства о средствахъ и разрѣшая вопросы о мѣстѣ ихъ созыва. Какъ истинный русскій, великій князь всѣми своими чувствами, всѣмъ сердцемъ тяготѣлъ къ Москвѣ и радовался, что покойный государь призвалъ его на служеніе Москвѣ. «Но Москва стала уже не та, что прежде», — говорилъ мнѣ съ грустью за послѣднее время его высочество. Да, не та!.. Позорно въ этомъ сознаться, а сознаться долженъ каждый, въ которомъ сохранился хоть проблескъ чести и человѣческаго достоинства. Съ глубокимъ чувствомъ отвращенія и скорби къ поразившему насъ несчастію прошу общество еще разъ почтить память августѣйшаго почившаго вставаніемъ». На останки августѣйшаго страдальца отъ общества возложенъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Въ 9-й день въ домѣ общества отслужена панихида, послѣ которой состоялось засѣданіе членовъ, которые единогласно постановили: повергнуть къ стопамъ его императорскаго величества государя императора и вдовствующей великой княгини Елисаветы Теодоровны чувства глубокаго сожалѣнія о безвременной кончинѣ великаго князя, украсить залу общества портретомъ его высочества и немедленно приступить къ изысканію средствъ на изданіе древностей Москвы, которое посвятить памяти августѣйшаго почившаго. II. Въ засѣданіи 29-го марта извѣстный знатокъ вавилонской письменности, М. В. Никольскій, сдѣлалъ интересное сообщеніе о вновь найденныхъ памятникахъ халдейской клинописи изъ собранія Н. П. Лихачева. Еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія французскій ученый (и консулъ) де-Сарзекъ (de Sarzek) началъ производить раскопки въ области древней Месопотаміи, недалеко отъ Тигра, въ мѣстности Телло, гдѣ въ древности былъ городъ Ширпурла, и нашелъ здѣсь остатки

древнѣйшей культуры, предшествовавшей позднѣйшей вавилонской, такъ называемой сумерійской. Раскопки эти продолжались имъ съ перерывами въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ 1893—1894 годахъ онъ вскрылъ одинъ холмъ, подъ которымъ оказалось зданіе продолговато четырехугольной формы, размѣрами 7×5 сажень, безъ оконъ и дверей, служившее, очевидно, складомъ, такъ какъ въ немъ найдены были остатки зерна, а также разные бытовые предметы, въ томъ числѣ оружіе (фрагменты бронзовыхъ кинжаловъ и прочее). Неподдалеку отъ этого зданія была открыта дѣльная галлерей, съ полками по обѣимъ сторонамъ, и на этихъ полкахъ, въ пять—шесть рядовъ, лежали глиняныя таблечки съ клинообразными на нихъ надписями. Всего здѣсь было до 30.000 таблечекъ, но большинство ихъ оказалось разломанными и только около 4.000 въ достаточной сохранности. Большая часть ихъ поступила въ Луврскій музей въ Парижѣ, но часть попала и въ другіе музеи Европы и Америки, а равно и въ частныя руки; между прочимъ, болѣе 300 таблечекъ было приобретено Н. П. Лихачевымъ въ Петербургѣ. Таблечки эти относятся къ эпохѣ примѣрно за 2800 лѣтъ до Рождества Христова. Послѣ того де-Сарзекъ продолжилъ свои раскопки въ 1898 году и въ 1900—1901 годахъ, и въ этотъ послѣдній разъ нашелъ таблечки, относящіяся къ гораздо болѣе древней эпохѣ, примѣрно за 3.800—4.000 лѣтъ до нашей эры; таблечки эти были отправлены имъ въ Луврскій музей. На возвратномъ пути во Францію де-Сарзекъ умеръ, но послѣ его смерти появились на рынкѣ въ Парижѣ новыя собранія таблечекъ. Оказалось, что арабы, производившіе раскопки, скрыли отъ де-Сарзека одну открытую ими галлерей, а послѣ его смерти выбрали находившіяся тамъ таблечки и отправили для продажи въ двухъ ящикахъ къ Персидскому заливу и въ Европу. Турецкія власти, узнавъ объ этомъ, погнались было за хищниками, но арабы, потопивъ одинъ ящикъ въ Тигрѣ, успѣли все-таки сбыть другой, и онъ попалъ въ Парижъ, гдѣ содержаніе его и было распродано. Часть таблечекъ попала въ Луврскій музей, часть въ Лондонъ, Берлинъ и такъ далѣе, а часть была также приобретена Н. П. Лихачевымъ, въ количествѣ 288-ми штукъ. Н. П. Лихачевъ, извѣстный своими работами по русской исторіи и древностямъ и состоящій помощникомъ директора Императорской Публичной бібліотеки, занимается нынѣ дипломатикой, сфрагистикой и исторіей письменности и собираетъ цѣныя коллекціи, относящіяся до этихъ областей знанія. У него имѣются и замѣчательныя вавилонскія древности, цилиндры, конусы, висячія печати (буллы) съ надписями и изображеніями, въ томъ числѣ шесть печатей съ древнѣйшимъ архаическимъ линейнымъ письмомъ, а также богатое собраніе таблечекъ съ клинообразными надписями. Что касается печатей и прочаго, то Н. П. самъ занимается ихъ изученіемъ, но изслѣдованіе таблечекъ съ клинообразными надписями предоставилъ М. В. Никольскому, который и предложилъ Московскому археологическому обществу присутствовать къ работѣ и изданію этихъ цѣнныхъ остатковъ далекаго прошлаго. Общество съ благодарностью приняло предложеніе и ассигновало 2.000 рублей на изготвленіе рисунковъ съ таблечекъ и на изданіе труда г. Никольскаго. Вниманіе привлекли къ себѣ особенно древнѣйшія таблечки. Таблечки эти сдѣланы изъ хорошей желтой глины (иногда потемнѣвшей снаружи) и имѣютъ округленно

четырёхугольную форму. Отъ времени большинство таблетокъ покрыто гипсовыми кристаллами, которые приходится удалять химическими манипуляціями. Письмена начертаны обыкновенно на обѣихъ сторонахъ таблетокъ; начинаются они на лицевой сторонѣ съ лѣвой стороны и идутъ вертикальными рядами (въ числѣ, примѣрно, 11-ти), при чемъ каждый рядъ отдѣленъ чертами и подраздѣленъ еще поперечными чертами на клѣтки; въ каждой клѣткѣ одно, а иногда нѣсколько словъ. Когда надпись доходить до праваго нижняго угла лицевой стороны, она продолжается на обратной сторонѣ, но уже съ праваго верхняго угла этой стороны внизъ и затѣмъ вертикальные ряды идутъ справа влѣво. Итоги, заключенія, подписи отдѣляются отъ остального текста промежуткомъ, т. е. начертывались уже вдоль лѣваго края обратной стороны таблетки. М. В. имѣлъ въ своемъ распоряженіи 288 этихъ древнѣйшихъ таблетокъ, изъ коихъ изучилъ 203 и снялъ копии съ 34-хъ. Снятіе точныхъ копій потребовало массу времени (около года) и вызвало наконецъ переутомленіе, такъ что пришлось оставить дальнѣйшее копированіе, а пока М. В. рѣшилъ заняться сравнительнымъ изученіемъ разобраннаго. Изученіе показало, что эта серія таблетокъ заключаетъ въ себѣ хозяйственные документы древнѣйшихъ царей. Открытые въ Телло памятники принадлежать царямъ, *patesi*, храмамъ и частнымъ лицамъ города Ширпурлы. Что же касается царей Ура такъ называемой второй династіи, то они фигурируютъ здѣсь потому, что годами ихъ царствованія датированы таблетки, найденныя де-Сарзекомъ (въ количествѣ 30.000), но самыя таблетки принадлежали къ архиву или храмовъ, или, быть можетъ, властителей Ширпурлы того времени (около 2800 лѣтъ до Рождества Христова), которые назывались исключительно *patesi*, не царями (*lugal*). Самое имя *patesi* (вице-царь, намѣстникъ) свидѣтельствуетъ о какомъ-то подчиненномъ отношеніи носителей этого титула; всего вѣроятнѣе, они были въ вассальныхъ отношеніяхъ къ современнымъ имъ царямъ (*lugal*) Ура, по имени которыхъ и датировались таблетки. Этою серіей памятниковъ (которыхъ у г. Лихачева болѣе 300) докладчикъ еще не началъ заниматься специально; за изслѣдованіе и изданіе ихъ онъ примется лишь тогда, когда кончитъ свой трудъ, посвященный архиву болѣе древнему (за 4000 лѣтъ до Рождества Христова). Послѣдній архивъ принадлежитъ древнѣйшимъ *patesi* того же города и одному царю Ширпурлы; въ нихъ нѣтъ формальныхъ датировокъ, а прямо приведены имена *patesi*, одного царя, ихъ женъ и управляющихъ. Докладчикъ даже думаетъ, что въ эту архаическую эпоху самаго города Ура или совѣмъ не было, или онъ имѣлъ ничтожное политическое значеніе. Городъ Ширпурла по временамъ былъ совѣмъ независимымъ (о чемъ свидѣтельствуетъ титулъ *lugal* нѣсколькихъ его властителей, въ томъ числѣ Uru-Kagina), а если по временамъ его властители были въ вассальныхъ отношеніяхъ, то опять не по отношенію къ царямъ Ура, а по отношенію къ какимъ либо другимъ ближайшимъ по мѣстности сюзеренамъ. Этотъ вопросъ еще пока не выясненъ наукой; нѣкоторые даже думаютъ (*Hilprecht*), что титулъ *patesi* означалъ зависимость не политическую, а религиозную, при чемъ цари являлись какъ бы намѣстниками (*patesi*) Бога на землѣ. Но докладчикъ все-таки держится мнѣнія, что чередованіе титуловъ *patesi* и *lugal* у членовъ древнѣйшей династіи Ширпурлы

имѣть чисто политическое значеніе: такъ, Uru-Kagina сначала былъ *patesi*, а потомъ сдѣлался *lugal*. Это значитъ, что онъ сначала былъ вассаломъ, а потомъ сталъ независимымъ. Ширпурла въ разсматриваемую эпоху (за 4000 лѣтъ до Рождества Христова) былъ главнѣйшимъ центромъ культуры. Замѣчательно то, что одна изъ частей Ширпурлы называется *Gir-su* (главное же божество Ширпурлы называется *Nin-gir-su*, т. е. госпожа города Гирсу). Слово *Gir-su* позволяетъ чтеніе съ перестановкой знаковъ, т. е. *Su-gir*, что было бы тождественно съ *Su-mir*, такъ какъ въ сумерійскомъ языкѣ установленъ переходъ древнѣйшаго *g* въ позднѣйшее *m*. Отсюда весьма вѣроятно предположеніе американскаго ученаго Radau, автора исторіи Вавилоніи древнѣйшаго періода, что терминъ Сумирь, Сумеръ заимствованъ отъ топографіи города Ширпурлы и свидѣтельствуетъ о всемірно-историческомъ значеніи этого города въ древнѣйшую эпоху. Всѣхъ цинкографій у г. Никольскаго изготовлено 68 (34 таблетки съ recto и verso), но издать онъ предполагаетъ не менѣе 300. Первый опытъ копировки былъ труденъ, а теперь дѣло пойдетъ скорѣе и легче, но придется раздѣлить томъ на нѣсколько выпусковъ. Послѣднія раскопки де-Сарзека были въ 1880 году. Умеръ онъ 31-го мая 1901 года. Въ 1903 году французское правительство возобновило раскопки въ Телло, поручивъ это дѣло капитану Gaston Cros; раскопки онъ началъ съ 4-го января 1903 года и именно въ томъ *maison de fruits* и въ *tell de tablettes*, гдѣ были найдены галереи съ таблечками де-Сарзекомъ. Отчетъ о его раскопкахъ уже напечатанъ въ послѣдней книжкѣ «*Revue d'Assyriologie*». Новыхъ таблечекъ не найдено, но найдены нѣкоторыя интересныя произведенія искусства, наиримѣръ, прекрасная статуя съ головкой въ родѣ той, которая (т. е. головка) найдена де-Сарзекомъ въ отбитомъ видѣ (безъ туловища) и была имъ своевременно описана и воспроизведена въ фототипіи. Трудъ М. В. Никольскаго представляетъ важность потому, что — это первая попытка разобраться обстоятельно въ этихъ древнѣйшихъ клинообразныхъ надписяхъ. До сихъ поръ ихъ только издавали (т. е. публиковали снимки съ нихъ), а именно — съ таблечекъ Лувра — Thurcau-Dangin, съ таблечекъ Берлинскаго музея — Reissner, затѣмъ имѣются также публикаціи Британскаго музея и американскихъ. Но г. Никольскій выступаетъ съ попыткою истолкованія этихъ документовъ. Трудъ его имѣетъ составить большой томъ съ восемью фототипическими таблицами и 68-ю цинкографическими изображеніями. Нельзя не высказать признательности Н. П. Лихачеву за его неутомимое собраніе для Россіи этихъ древнѣйшихъ памятниковъ письменности. За границей для добыванія и ихъ организуются дорогія экспедиціи, и всѣ большіе музеи наперерывъ стараются объ ихъ приобрѣтеніи; у насъ же даже Императорскій Эрмитажъ не особенно ихъ цѣнитъ, не говоря уже о другихъ музеяхъ. Въ особенности же слѣдуетъ отмѣтить дѣятельность по изученію этихъ памятниковъ М. В. Никольскаго, который по своему знанію еврейскаго языка и ассирійско-вавилонской клинописи является у насъ почти единственнымъ ученымъ, способнымъ взяться за истолкованіе этихъ древнѣйшихъ письменныхъ документовъ, требующихъ для своего изученія также много терпѣнія, сообразительности и горячей любви къ предмету. III. Въ апрѣльскомъ засѣданіи В. А. Городцевъ прочелъ докладъ о

мечахъ, представляющихъ боевое оружіе. Форма металлическихъ мечей предрѣшена и разработана въ деревянныхъ образцахъ гораздо ранѣе появленія металла. Камень, такъ долго царившій въ первобытныхъ культурахъ всего человѣчества, оказался неспособнымъ къ воплощенію формы круинныхъ боевыхъ орудій. Каменные мечи совсѣмъ неизвѣстны; очевидно, что въ продолженіе всего каменнаго періода они вырабатывались только изъ дерева. Однако, среди древнихъ остатковъ Стараго Свѣта и въ особенности Европы, на мѣстахъ исконнаго обитанія наиболѣе энергичныхъ и способныхъ народовъ, случалось изрѣдка находить такъ называемые «кремневые кинжалы» изъ самыхъ твердыхъ кристаллическихъ породъ. Въ Россіи найдены всѣ три формы кремневыхъ кинжаловъ: первыя двѣ (листовидной формы безъ стержня и со стержнемъ для насады на рукоятку)—въ Привислинскомъ краѣ и въ губерніяхъ: Волынской, Подольской, Херсонской, Кіевской, Тульской и Архангельской; а третья форма (клинки, выработанные съ рукояткой изъ одного куска камня) — въ Остзейскомъ краѣ и Финляндіи. Всѣ они носятъ характерныя черты принадлежности или конца каменнаго или начала металлическаго періода. Первымъ металломъ, годнымъ для выдѣлки оружія, по господствующему научному мнѣнію, была чистая мѣдь, затѣмъ—бронза и только значительно позже—жельзо. Въ XIX вѣкѣ употребленіе мечей въ Европѣ совсѣмъ прекращается. Въмѣсто ихъ повсюду вводится сабля и ея разновидности, заимствованныя у восточныхъ народовъ, а также вырождающаяся форма меча въ видѣ рапиры и шпаги.

Комиссія по осмотру и изученію намятниковъ церковной старины Москвы и Московской епархіи. 27 апрѣля состоялось торжественное засѣданіе комиссіи, посвященное тремъ главнымъ видамъ церковнаго искусства: пѣнію, архитектурѣ и иконописанію. Передъ началомъ засѣданія синодальнымъ хоромъ была исполнена стихира 6-го гласа «Днесъ благодать Святаго Духа нась собра» большимъ знаменнымъ распѣвомъ. Предсѣдатель отдѣла А. И. Успенскій открылъ засѣданіе чтеніемъ реферата «Викторъ Михайловичъ Васнецовъ». Если до Петра Великаго, говорилъ референтъ, русская живопись носила характеръ преимущественно византійскій, то съ его времени преобладаетъ вліяніе западное. Произведенія русскихъ художниковъ въ значительной степени могутъ быть названы космополитическими, такъ какъ по сюжетамъ и ихъ разработкѣ не отражали собою народной національной жизни. Васнецовъ въ живописи является однимъ изъ первыхъ выразителей національнаго направленія. Всѣ художественныя критики сходятся въ признаніи выдающейся талантливости и несомнѣнной оригинальности этого художника. Выяснивъ, на основаніи біографическихъ данныхъ о Васнецовѣ, первичныя причины образованія типичности склада его міровоззрѣнія и роста его творческихъ идей, референтъ перешелъ къ частичному разбору всѣхъ произведеній знаменитаго художника. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ остановился на выясненіи характерныхъ особенностей росписи Кіевского Владимірскаго собора и картины «Страшный Судъ», бывшей на выставкѣ въ Историческомъ музеѣ. Во Владимірскомъ соборѣ совокупность всѣхъ произведеній Васнецова представляетъ чудную величественную историческую поэму, проникнутую національнымъ духомъ и глубоко-религіознымъ настроеніемъ, и гдѣ грандіозности замысла, продуманности

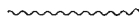
во всѣхъ частяхъ соответствуетъ совершенство и законченность формы съ филигранною отдѣлкой деталей. Изъ критическаго разбора произведений В. М. Васнецова лекторъ приходитъ въ выводъ, что какъ содержаніе, такъ и формы художникъ черпаетъ преимущественно изъ народной жизни и мировоззрѣнія. Это направленіе бесспорно благотворно. Можно надѣяться, что по этому пути русское искусство можетъ развиваться безконечно, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока работаетъ народная мысль и существуетъ русскій народъ. По окончаніи реферата синодальный хоръ пропѣлъ «Слава на небѣ высокому» въ переложеніи А. Д. Кастальскаго и подъ его управленіемъ. Слѣдующіе затѣмъ рефераты архитектора В. П. Десятова — «Колокольня церкви свв. Флора и Лавра» (въ Москвѣ, на Мясницкой улицѣ) и инженера Я. А. Полякова — «Церковь села Знаменскаго-Губайлова» имѣли спеціальныи интересъ. Д. И. Успенскій въ своемъ сообщеніи выяснилъ степень и формы отраженія въ русской иконографіи народныхъ вѣрованій. Послѣднимъ былъ прочитанъ рефератъ извѣстнаго знатока знаменной семіографіи и автора ученыхъ трудовъ въ области древне-русскаго церковнаго пѣнія, священника В. М. Металлова: «Изъ исторіи русскаго церковнаго пѣнія XV—XVII вѣковъ». Отецъ Металловъ раздѣляетъ исторію русскаго церковнаго пѣнія на четыре періода: домонгольскій, московскій митрополитій (XIV—XV вѣковъ), московскій патриаршій (XV—XVII вв.) и синодальный. Послѣдній періодъ не подлежитъ учету вслѣдствіе полноты, обширности и крайняго разнообразія матеріала, а первый вслѣдствіе скудости о немъ свѣдѣній. Референтъ доказываетъ самобытность и народность церковной музыки московскаго періода XV—XVII вв. Уже въ пѣснопѣніи XV в. «Архангельскій гласъ» видны яркія черты русской самобытности, остатки греческаго вліянія въ немъ чисто внѣшніе и выражены въ прибавленіи къ тексту пѣснопѣнія греческихъ непереводаемыхъ слоговъ, въ такъ называемыхъ «аненайкахъ» (а-ли-та-п-нан-не-на-ни). Отецъ Металловъ высказываетъ мысль, что научная разработка мелодическаго хороваго пѣнія должна дать весьма важныя не только теоретическіе, но и практическіе результаты. Засѣданіе закончилось пѣніемъ синодальнаго хора.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи 18-го марта былъ доложенъ отчетъ Н. Е. Овчукова о его командировкѣ въ Поморье и Олонецкую губернію въ видѣ обработанной статьи «Старина и старообрядцы». Лѣтомъ 1903 года Н. Е. Овчуковъ былъ въ Поморье, на Терскомъ и Мурманскомъ берегу, а лѣтомъ 1904 года въ Олонецкой губерніи. Вездѣ въ этихъ мѣстахъ докладчикъ записывалъ сказки, рассказы изъ мѣстной старины, легенды и пѣсни, а также отыскивалъ и покупалъ рукописи (для академіи наукъ), костюмы и предметы обихода (для музея Александра III). Записи сказокъ, которыми г. Овчуковъ занимался въ Поморье и Олонецкой губерніи, были не такъ успѣшны, какъ въ его же поѣздкѣ на Печору; причина — большая культурность Поморья и расколъ. Старообрядцы въ Поморье особенно были гонимы, вслѣдствіе близости этихъ мѣстъ къ административнымъ центрамъ, откуда исходилъ гоненія; а это сказалось на характерѣ поморовъ — замкнутымъ и недовѣрчивомъ. Докладчикъ уже не первый разъ имѣлъ дѣло со старообрядцами — онъ сумѣлъ побороть предубѣжденіе противъ него, какъ «никоніанца», и побывалъ

даже въ скитахъ—въ Пертозерѣ и Лахтѣ, въ послѣднемъ онъ былъ подѣ Петровъ день и слушалъ всенощную, которая дѣйствительно продолжается всю ночь. Былъ также г. Ончуковъ и въ разоренномъ 50 лѣтъ назадъ Выгорѣцкомъ Даниловскомъ монастырѣ и вывезъ оттуда немало рукописей, портретовъ, печатей и прочее. Въ деревнѣ Корельскій Островъ Н. Е. Ончуковъ нашелъ дневникъ, большей частью въ стихахъ, веденный одной старообрѣжкой, умершей 3 года назадъ въ глубокой старости. Это была замѣчательная женщина; съ ней переписывались многія лица изъ разныхъ мѣстъ, между прочимъ, одинъ извѣстный архіерей. Любопытны наблюденія г. Ончукова надъ отношеніемъ нынче лѣтомъ крестьянъ Повѣнецкаго уѣзда къ былинамъ и сказкамъ. Ни тѣмъ ни другимъ крестьяне почти не интересуются—безраздѣльно всѣхъ захватила война и увлекла; и крестьяне читаютъ газеты, неграмотные съ жадностью слушаютъ чтеніе грамотныхъ: каждый № любой газеты кажется интереснѣе, чѣмъ любая интересная былина или сказка. Подробно распространяется докладчикъ о старинѣ сѣвера вообще и объ отношеніи къ ней съ одной стороны старообрядцевъ, съ другой православнаго духовенства. Отношенія эти далеко не одинаковы: насколько старообрядцы стариной интересуются, старину цѣнятъ и любятъ даже до обожанія, настолько же православное духовенство къ старинѣ совершенно равнодушно, потому что старины совершенно не понимаютъ. А такъ какъ церкви на сѣверѣ, являющіяся главнымъ образомъ хранительницами старины въ видѣ иконъ, книгъ, рукописей, одежды, утвари и архитектуры, фактически находятся въ вѣдѣніи и власти духовенства, то старина на сѣверѣ и гибнетъ безопадно, въ лучшемъ случаѣ старина расхищается и продается; въ лучшемъ случаѣ потому, что такимъ образомъ она все-таки не пропадетъ, а идетъ въ умственные центры, гдѣ попадетъ въ руки цѣнителей, любителей. Но различное отношеніе къ старинѣ старообрядцевъ и православнаго духовенства гибельно отражается на ихъ взаимоотношеніяхъ, служитъ лишней причиной для разъединенія этихъ двухъ враждующихъ сторонъ, примириться которымъ была бы обоюдная польза. Кончая свой докладъ, Н. Е. Ончуковъ выражаетъ радость по поводу грядущей отмѣны стѣсненій и правовыхъ ограниченій старообрядцевъ. Теперь, нужно думать, старообрядцы вздохнутъ свободно и будутъ обладать хотя тѣмъ немногимъ, что есть у всѣхъ русскихъ православныхъ. Радость, правда, не большая, но если вспомнить, что вчера еще, можно сказать, старообрядцы не смѣли мечтать и объ этомъ немногомъ, то и это уже шагъ впередъ, ставящій старообрядцевъ въ ряды всѣхъ русскихъ гражданъ, такъ горячо желающихъ полного обновленія нашей родины. II. 29-го марта въ засѣданіи отдѣленія статистики географическаго общества А. А. Кауфманъ сдѣлалъ интересный и обширный докладъ: «Государственный земельный фондъ и возможное развитіе переселеній». Отношеніе къ переселенческому вопросу въ настоящее время крайне разнообразно, но доминирующимъ является отношеніе сочувствующее. Покойный Плеве держался взгляда необходимости широкаго переселенія и этотъ свой взглядъ провелъ въ новомъ переселенческомъ законѣ 1904 года. Переселенческій вопросъ въ настоящее время ставится въ числѣ основныхъ вопросовъ аграрной программы. Вопросъ этотъ крайне сложный. Самой существенной

стороной его является сторона количественная. Чтобы переселеніе имѣло какое либо вліяніе на народное хозяйство, оно должно быть весьма широкимъ. Между тѣмъ до сихъ поръ у насъ оно не превышало 200 тысячъ человѣкъ, стало быть (при приростѣ въ 50 губерніяхъ 2 миллионѣвъ человѣкъ), не составляло болѣе одной десятой части годовой прибыли населенія. А между тѣмъ наши экономисты-статистики подсчитываютъ, что изъ 70 миллионѣвъ населенія, по крайней мѣрѣ, 20 миллионѣвъ должно быть переселено. Вопросъ о возможности такого миллионнаго переселенія у насъ съ точки зрѣнія земельныхъ запасовъ старается разрѣшить докладчикъ. Онъ разбираетъ со стороны количественной и качественной земли Киргизскаго края, Сибири, Приамурья, Туркестана, Закавказья и казенныхъ земель Европейской Россіи. Въ киргизскихъ степяхъ въ Тургайской области выдѣлено за 11 лѣтъ 3 миллиона десятинъ для переселеній; въ будущемъ такого количества уже не найдется, такъ какъ надо принимать въ расчетъ интересы киргизскаго населенія, являющагося племенемъ осѣдающимъ, которому нельзя преграждать пути къ удобному устройству его хозяйствъ. Кромѣ того, земли Киргизскаго края очень разнообразны по качеству, и изъ нихъ очень много неудобныхъ по климатическимъ условіямъ и по водоснабженію. Эти неблагоприятныя условія увеличиваются съ приближеніемъ на югъ, и южная полоса степи вообще едва ли можетъ дать что нибудь надежное для переселенія. Такимъ образомъ колонизація киргизскихъ земель подошла къ стѣнѣ. Въ коренной Сибири земель для переселенія по количеству десятинъ еще очень много. Сначала предполагалось, что тайгу можно заселить только одиночными пионерами. На этомъ основаніи и былъ изданъ законъ 1896 г. о свободномъ заселеніи тайги. На практикѣ изъ этого закона ничего не вышло, но онъ имѣлъ огромное значеніе въ качествѣ изслѣдованія, такъ какъ выяснилось, что всѣ страхи передъ тайгой были несомнѣтельны. Обнаружились пространства, измѣнившія свой характеръ подъ вліяніемъ огня и оказавшіяся годными для земледѣлія. Такимъ образомъ, выяснилось, что границы культурной полосы Сибири могутъ быть раздвинуты широко. Милліоны десятинъ готовы и могутъ быть черезъ годъ—два розданы переселенцамъ. А между тѣмъ работы по отводу земель прекратились подъ вліяніемъ новыхъ фактовъ, выяснившихъ, что годность земель для переселенія связана тѣсно съ составомъ самихъ переселенцевъ. Рядовой переселенецъ, оказывается, ищетъ только степей. Въ лѣса идутъ переселенцы только изъ лѣсовъ. Главный же элементъ нашихъ переселенцевъ состоитъ изъ жителей черноземной полосы, къ свойствамъ которыхъ не подходятъ лѣсные пространства. Это доказывается и данными по ходочеству. Число ходочевъ, не нашедшихъ земель, за послѣднее время поднимается, и съ пустыми руками возвращаются отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ ходочевъ. Цифры возвращающихся переселенцевъ прямо ужасны по своимъ размѣрамъ: въ 1892 г. процентъ возвращающихся былъ $3\frac{1}{2}$; въ 1900, 1901, 1902 гг. онъ достигаетъ до 30, 36, 42. За шесть лѣтъ возвратилось до 150 тысячъ переселенцевъ, т.-е. почти до $\frac{1}{4}$. Само переселеніе сокращается. Пригоднымъ для переселенія и привлекательнымъ для переселенцевъ является Туркестанскій край. Но здѣсь встрѣчаются препятствія юридическаго характера. Надежды можно возлагать на земли,

слабо использованныя кочевниками. Излишекъ земель до сихъ поръ не выясненъ, и земли отдаются подъ колонизацію подъ «такъ называемымъ» соглашеніемъ съ туземцами. Въ Приамурскомъ краѣ земель немало, но всѣ свободныя земли представляютъ не то, что нужно для переселенія. Съ Закавказьемъ дѣло обстоитъ еще хуже. Казенныхъ земель Европейской Россіи (оброчныхъ статей) можно насчитывать въ Самарской, Оренбургской губ. и друг. до 400 милл. десятинъ. Онѣ годны для переселенцевъ черноземной полосы, но пользованіе ими затруднено недостатками водоснабженія и интересами мѣстнаго населенія, для котораго онѣ являются аренднымъ фондомъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію докладчика, можно съ увѣренностью сказать, что о переселеніи, которое было бы необходимо, не можетъ быть и рѣчи: оно не можетъ унести избытка нашего населенія. О широкомъ развитіи переселенческаго вопроса нечего и мечтать, и мечты эти надо стараться искоренить изъ народныхъ массъ. Всѣ выводы докладчика основаны на статистическихъ данныхъ. III. Въ отдѣленіи этнографіи 8 апрѣля А. А. Кауфманъ сдѣлалъ докладъ: «Къ вопросу о культурно-хозяйственныхъ основахъ русской колонизаціи». Выводы докладчика о результатѣ переселенія и хозяйственномъ положеніи нашихъ переселенцевъ довольно грустные. За послѣднее время переселеніе сопровождается постоянными перекочевками, обратными возвращеніями и голодовками, несмотря на ссуды и трудовую помощь, оказываемыя переселенцамъ. Зависитъ это главнымъ образомъ отъ неумѣнья ихъ приспособиться къ мѣстнымъ земельнымъ и природнымъ условіямъ, ни приспособить природу къ своему хозяйственному складу. Въ Сибирь, наиримѣръ, переселенцы принесли съ собою и культивировали промыслы, ремесла, кустарныя производства. Сельское же хозяйство и полеводство они не только не подняли, но, принимая сибирскіе порядки и не имѣя при этомъ знанія мѣстныхъ условій и опыта, поставили его въ болѣе низкое состояніе, чѣмъ у мѣстныхъ жителей. вмѣстѣ съ этимъ за послѣднее время сильно понизился уровень матеріальныхъ и нравственныхъ силъ переселяющихся, такъ какъ, благодаря облегченности переселенія, заботамъ комитета о будущихъ переселенцахъ, безконечнымъ ссудамъ и вспоможеніямъ, въ хвостѣ настоящихъ сильныхъ переселенцевъ потянулся болѣе слабый и невѣжественный людъ, который тяготится, какъ, наиримѣръ, въ Степномъ краѣ, затрачивать на обработку земли хотя небольшой трудъ и выискиваетъ только цѣлины. Результатомъ этого получается—массовое бродяжничество, паденіе арендныхъ цѣнъ, развитіе спекулятивнаго хозяйства и полная деморализація. Не лучше дѣло стоитъ и въ Туркестанскомъ краѣ. Въ Уссурійскомъ краѣ новоселы не могутъ конкурировать съ трудолюбивыми китайцами, крайне низко цѣнящими свой трудъ. Китайская культура къ нашему переселенцу не прививается, выработка своего хозяйства, технически годнаго и экономически возможнаго, ему не подъ силу. Такимъ образомъ вездѣ мы видимъ одно и то же, это — культурное безсиліе переселенца. Колонизація можетъ упрочиться только на почвѣ улучшенія культуры. Огромнымъ пробѣломъ является отсутствіе какой либо агрономической помощи.

НЕКРОЛОГИ.

БЕРТЕНСОНЪ, Б. А. На броненосцѣ «Александръ III» въ Цусимскомъ бою въ числѣ лицъ врачебнаго персонала погибъ младшій врачъ гвардейскаго экипажа, докторъ медицины Борисъ Львовичъ Бертенсонъ. Покойный, сынъ лейбъ-медика Льва Бернардовича Бертенсона, родился въ 1878 году. Среднее образование онъ получилъ въ с.-петербургской 3-ей гимназіи. Въ 1896 году поступилъ въ императорскую военно-медицинскую академію, которую и окончилъ въ ноябрѣ 1901 года со степенью лѣкаря съ отличіемъ (cum eximia laude). Еще студентомъ Б. Л. подавалъ блестящія надежды. Студентомъ V курса онъ былъ удостоенъ конференціей академіи преміей имени д. ст. сов. Пллинскаго за сочиненіе подъ заглавіемъ: «Къ патологической анатоміи экспериментальнаго гидронефроза». Высочайшимъ приказомъ въ 1901 году Б. Л. былъ назначенъ младшимъ врачомъ 18-го флотскаго экипажа и командированъ къ с.-петербургскому морскому госпиталю. Въ февралѣ 1902 года Б. Л. былъ зачисленъ въ практиканты отдѣла общей патологіи императорскаго института экспериментальной медицины, а въ февралѣ 1904 года назначенъ младшимъ врачомъ гвардейскаго экипажа. Перу покойнаго принадлежитъ также научное изслѣдованіе: «Къ ученію о такъ называемыхъ антивеществахъ». Б. Л. былъ искреннимъ, честнымъ, хорошимъ человекомъ. Какъ студентомъ среди товарищей, такъ и врачомъ среди сослуживцевъ и всѣхъ, знавшихъ его, онъ пользовался общей любовью и уваженіемъ за свои прекрасныя душевныя качества. Всегда корректный, пріятельный, Б. Л. очаровывалъ всѣхъ, кому приходилось сталкиваться съ нимъ. Наука потеряла въ немъ молодого, но опыт-

наго изслѣдователя, съ выработавшейся уже техникой экспериментальныхъ изслѣдованій въ той области, которая всегда особенно интересовала и привлекала пытливыи умъ Б. Л.—въ области патологій. Трагическая смерть Б. Л.—большая потеря для близкихъ ему лицъ, для общества и для науки, которую онъ такъ любилъ и которой отдавалъ такъ много силъ. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1905 г., № 135).

† **Виссаріонъ, преосвященный.** 30-го мая скончался одинъ изъ выдающихся представителей русской церковной іерархіи, епископъ костромской и галицкій Виссаріонъ. Почившій преосвященный, въ мѣрѣ Василій Петровичъ Нечаевъ, сынъ діакона Тульской епархіи, родился 15-го марта 1823 года и высшее образованіе получилъ въ Московской духовной академіи, курсъ которой окончилъ въ 1848 году. Первые годы самостоятельной жизни почившій посвятилъ педагогической дѣятельности въ тульской, вѣанской и московской духовныхъ семинаріяхъ. Въ это же время онъ получилъ степень магистра богословія за напечатанную имъ диссертацию о святителѣ Димитріи Ростовскомъ. Въ 1853 году, по рукоположеніи во священника, онъ получилъ назначеніе въ приходъ Николаевской церкви въ Толмачахъ въ Москвѣ. Здѣсь, съ 1860 года, онъ вмѣстѣ съ московскими священниками Ключаревымъ и Лебедевымъ началъ издавать духовно-назидательный журналъ «Душеполезное Чтеніе», который съ 1866 года велъ единолично. Въ 1874 году онъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея, а въ 1889 году, черезъ полтора года послѣ смерти жены, принялъ монашество съ именемъ Виссаріона и былъ хиротонисанъ во епископа дмитровскаго, викарія московской митрополіи, а въ 1891 году назначенъ епископомъ въ городъ Кострому. Время редакторства «Душеполезнаго Чтенія» было періодомъ расцвѣта учено-литературной богословской дѣятельности покойнаго, оцѣненной еще въ 1882 г., когда, по случаю юбилея журнала, московская духовная академія и московское общество любителей духовнаго просвѣщенія избрали его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1894 году московская духовная академія присудила преосвященному Виссаріону степень доктора богословія. Многочисленные сочиненія и статьи покойнаго преосвященнаго раздѣляются на четыре разряда: 1) истолкованіе священнаго писанія, 2) раскрытіе истинъ православнаго вѣроученія и правоученія, 3) изъясненіе богослуженія и общепотребительныхъ молитвъ и 4) сочиненія полемическія, направленные къ раскрытію заблужденій въ вѣроученіи нашихъ старообрядцевъ. Помѣщенные въ разное время въ журналъ «Душеполезное Чтеніе» эти труды покойнаго преосвященнаго вышущены отдѣльными изданіями и, отличаясь при своихъ высокихъ внутреннихъ достоинствахъ общедоступностью, пользуются широкимъ распространеніемъ среди духовенства и любителей религіозно-назидательнаго чтенія. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 148, и «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 118).

† **Гриневскій, А. К.** 7-го іюня скончался отъ болѣзни сердца на 72 году жизни писатель Александръ Казтановичъ Гриневскій. Покойный происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ. Образованіе А. К. получилъ въ институтѣ путей сообщенія и въ земледѣльческомъ институтѣ и завершилъ его въ медицинской

академіи. Шестидесятникъ въ лучшемъ значеніи слова, вѣрный благороднымъ литературнымъ завѣтамъ, «не блестя, не шумя», онъ проработалъ въ литературѣ немного меньше полвѣка и отличался большой оригинальностью взглядовъ. Онъ терѣть не могъ шаблоновъ ни въ направленіи, ни въ приемахъ и критически относился ко всему шаблонному, къ ходячимъ мнѣніямъ, къ готовымъ приговорамъ такъ же, какъ и къ разнымъ общественнымъ предразсудкамъ. На все, что онъ ни писалъ, лежала печать даровитости и своеобразности; въ работахъ его, даже слѣпныхъ, написанныхъ на срокъ, чувствовалась большая начитанность, энциклопедичность знаній, всестороннее знакомство съ тѣмъ предметомъ, котораго онъ касался. Онъ умѣлъ подойти къ вопросу просто и сразу схватить его сущность, или затронуть неожиданно ту сторону его, которая ускользала отъ большинства. Писалъ онъ во всѣхъ видахъ, прекрасно владѣлъ стихомъ; его юмористическія пьесы были веселы, остроумны, мѣтки; былъ интереснымъ фельетонистомъ, умѣвшимъ овладѣть вниманіемъ читателя. Какъ публицистъ, А. К. работалъ еще въ «Современномъ Словѣ» Н. Г. Писаревского и «Русскомъ Мирѣ» А. С. Героглифова, и его многія статьи, большей частью, не подписанныя, возбуждали толки и часто очень не нравились цензурѣ... Едва ли не первый онъ подробно написалъ (въ «Русской Жизни») о расхищеніи бакинскихъ земель. Его политико-экономическія, торгово-промышленныя, финансовыя статьи и сельско-хозяйственные обзоры печатались въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ», «Странѣ» (Л. А. Полонскаго), «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ», «Наблюдателѣ», «Новостяхъ» (разныхъ лѣтъ), «Экономическихъ Запискахъ», «Трудахъ Вольнаго экономического общества», «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» и другихъ изданійхъ. Много занимался онъ компиляціями и переводами съ польскаго, итальянскаго и французскаго. А. К. издавалъ «Сельско-хозяйственную бібліотеку», а также издалъ первый частный календарь, редактировалъ нѣкоторыя изданія и первый познакомилъ русскую публику съ Шопенгауэромъ. Въ послѣднее время А. К. занятъ былъ большимъ трудомъ—приведеніемъ въ порядокъ собиравшихся имъ матеріаловъ для исторіи русской печати. Одно время онъ служилъ коммерческимъ агентомъ курско-харьковской желѣзной дороги. А. К. былъ добрейшимъ, сердечнымъ человѣкомъ и, переиспытавъ много въ жизни, умеръ отъ болѣзни сердца. Почти одиноко проводилъ онъ послѣдніе годы, но послѣдніе мѣсяцы его грустной жизни были скрашены живымъ, близкимъ участіемъ редактора-издателя «Сѣвера», Н. Ѳ. Мертца, который былъ и собесѣдникомъ, а нерѣдко и сестрой милосердія покойнаго А. К. Гриневского. (Некрологи его: «Новости», 1905 г., № 143; «Слово», 1905 г., № 171, и «Новое Время», 1905 г., № 10511).

† **Мионовъ, П. Г.** 7-го іюня, утромъ, скончался въ С.-Петербургѣ при-
саянный повѣренный округа с.-петербургской судебной палаты, Петръ Гаври-
ловичъ Мионовъ. Онъ родился въ 1853 году въ Тверской губерніи; воспитывался въ 5-й с.-петербургской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Въ 1875 году П. Г. окончилъ курсъ въ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Въ

томъ же году П. Г. былъ опредѣленъ на службу по главному военно-судному управленію для приготовления въ аудиторы. Однако, уже въ слѣдующемъ году П. Г. покидаетъ свою службу и зачисляется помощникомъ къ присяжному повѣренному А. Я. Пассоверу. По истеченіи установленнаго стажа, П. Г. въ 1881 году, 4-го декабря, получаетъ званіе присяжнаго повѣреннаго, а черезъ пять лѣтъ, въ 1886 году, избирается членомъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной палаты. Въ этой почетной должности П. Г. состоялъ вплоть до своей смерти. На первыхъ же порахъ своей адвокатской дѣятельности покойный проявилъ блестящій ораторскій талантъ. Во всѣхъ крупныхъ уголовныхъ процессахъ онъ стоитъ на ряду съ первыми корифеями адвокатуры. Множество дѣлъ, въ которыхъ онъ выступалъ защитникомъ, были большого общественнаго значенія. Такъ, знаменитое дѣло тарусскихъ раскольниковъ, которое онъ довелъ до севата, признавшаго не только неправильность приговора (многие изъ обвиняемыхъ были сосланы въ Сибирь), но даже самаго преданія суду. Вообще въ его практикѣ было немало процессовъ по дѣламъ вѣры, и онъ всегда доводилъ ихъ до благополучнаго исхода. Такого же крупнаго общественнаго значенія были его рѣчи въ процессахъ объ аграрныхъ и рабочихъ беспорядкахъ. Особенно живое участіе онъ принималъ въ защитѣ крестьянъ, обвинявшихся въ аграрномъ движеніи 1901 года въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Среди товарищей покойный П. Г. пользовался большимъ авторитетомъ. Ему въ равной степени вѣрили представители всѣхъ партій и не только вѣрили, но крѣпко прислушивались къ его мнѣнію. Его рефераты въ юридическомъ обществѣ («О правахъ защиты», «О судѣ присяжныхъ») считались образцовыми не только въ юридическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Последняя его рѣчь о сорокалѣтніи судебныхъ уставовъ дышала грустью. Въ яркихъ краскахъ онъ представилъ картину разрушенія гуманнаго суда императора Александра II и торжество чиновничьяго начала. Последнія событія—война и смуты—страшно захватили его. Глубоко русскій человекъ, онъ болѣлъ душою, волновался, но вѣрилъ въ побѣду и въ обновленіе. Покойный П. Г. вмѣстѣ съ покойнымъ братомъ своимъ А. Г. Мироновымъ былъ однимъ изъ основателей музыкальнаго драматическаго кружка. Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка въ кружкѣ этомъ были впервые поставлены «Евгеній Онѣгинъ» Чайковскаго, «Хованщина» Мусоргскаго и много драматическихъ новинокъ. (Некрологи: «Слово», 1905 г., № 171; «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8863, и «Новое Время», 1905 г., № 10512).

† Рубакина, Л. Т. 5-го іюня, въ Ораніенбаумѣ скончалась послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни Л. Т. Рубакина, основательница большой научной бібліотеки, хорошо извѣстной не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи. Л. Т. Рубакина родилась въ Петербургѣ въ старообрядческой, или, точнѣе говоря, въ единовѣрческой купеческой семьѣ. На 17-мъ году отъ рожденія отецъ просваталъ Л. Т. по старинному обычаю, не спрашивая согласія на это у нея самой, за ораніенбаумскаго купца А. І. Рубакина, человека очень добраго и неглупаго. Благодаря такимъ качествамъ А. І., бракъ оказался счастливымъ. Совершенно случайно Л. Т. удалось войти въ одинъ изъ

кружковъ начала 60-хъ годовъ, который п сдѣлалъ ее «шестидесятницей» на всю жизнь. За первые годы своего замужества Л. Т. успѣла перечитать много хорошихъ научныхъ книгъ, изучить французскій языкъ и даже перевела съ французскаго *La force et la matièrе* Бюхнера и нѣсколько другихъ книгъ. Въ то время экономическія условія семьи были очень тяжелыя; для добыванія средствъ Л. Т. приходилось бѣгать по урокамъ, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Л. Т. искала себѣ какого нибудь самостоятельнаго дѣла, которое дало бы ей нравственное удовлетвореніе. Такимъ дѣломъ и явилась библіотека, основанная въ 1875 году. Ея зародышемъ послужили книги, собранныя съ огромными трудами съ начала 60-хъ годовъ. Такъ была учреждена библіотека, насчитывающая въ настоящее время около 82.000 томовъ. При ея возникновеніи она состояла всего лишь изъ 600 книгъ. Нетрудно себѣ представить, сколько силъ и энергіи потребовало созданіе библіотеки при такихъ условіяхъ. И все-таки это было сдѣлано. Библіотека встала на ноги и въ 1892 году уже насчитывала 15.000 томовъ. Съ 1892 года Л. Т. по нездоровью уже не могла принимать непосредственнаго участія въ библіотечномъ дѣлѣ, но всю свою жизнь она вела его самостоятельно и даже принципиально отказывалась отъ всякой поддержки со стороны сочувствовавшего ей мужа. До послѣднихъ дней, уже будучи безнадежно больной, Л. Т. не переставала горячо интересоваться русской общественной жизнью и не переставала вѣрить въ близкую побѣду освободительнаго движенія. Имя Л. Т. Рубакиной должно быть помянуто добрымъ словомъ и занять свое мѣсто среди именъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя идейно выступили на борьбу за свою экономическую и общественную самостоятельность, не отдѣляя этой послѣдней отъ общаго освободительнаго движенія. (Некрологъ ея: «Русское Слово», 1905 г., № 158).

† Случевскій, К. К. Въ морскомъ бою съ японской эскадрой въ Корейскомъ проливѣ, на броненосцѣ «Императоръ Александръ III», затонувшемъ со всѣмъ своимъ экипажемъ, погибъ сотрудникъ «Новаго Времени», лейтенантъ гвардейскаго экипажа, Константинъ Константиновичъ Случевскій. Покойный унаслѣдовалъ отъ отца поэтическій даръ и мягкую, отзывчивую душу. Это былъ человѣкъ чрезвычайной скромности; уже нѣсколько лѣтъ стихи за подписью лейтенанта С. и рассказы его охотно помѣщались, какъ въ «Новомъ Времени», такъ и въ другихъ изданіяхъ, собирався онъ напечатать ихъ отдѣльной книжкой, но изъ неувѣренности къ себѣ каждый разъ откладывалъ. Въ бой К. К. вѣхалъ полный надеждъ, бодрый, почти счастливый. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, но онъ былъ убѣжденъ, что русскій флотъ сумѣетъ нанести большія потери для японцевъ, и что, во всякомъ случаѣ, если русскому флоту и суждено будетъ погибнуть, то погибнетъ онъ съ честью. Письма К. К. съ пути всѣ были проникнуты именно этими надеждами, въ нихъ не было и тѣни унынія или отчаянія, какъ не было этого и въ присланныхъ съ пути граціозныхъ, полныхъ чувства стихахъ «Съ моря», напечатанныхъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ приложенийъ «Новаго Времени». Покойному всего 33 года; воспитывался онъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ офицеры былъ произведенъ въ 1892 году. Въ слѣдующемъ году К. К. совершалъ за-

граничне плаваніе на крейсерѣ «Наѣздникъ» и затѣмъ съ 1895 по 1898 г. на крейсерѣ «Рюрикъ». Въ 1900 году и слѣдующихъ годахъ К. К. служилъ на яхтѣ «Полярная Звѣзда». Незадолго передъ отъѣздомъ съ эскадрой К. К. женился. Со смертю К. К. погибъ не только преданный своему дѣлу, глубоко честный и симпатичный человекъ, но, быть можетъ, и недожизненный поэтъ, такъ какъ талантъ покойнаго находился еще въ первомъ періодѣ развитія. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 120, и «Новое Время», 1905 г., № 10506).

† **Субботинъ, Н. И.** 30-го мая, скончался въ Москвѣ заслуженный профессоръ Московской духовной академіи, извѣстный расколовѣдъ, Николай Ивановичъ Субботинъ, авторъ цѣлаго ряда трудовъ по исторіи раскола въ Россіи. Сынъ священника, онъ родился 13-го ноября 1827 года въ городѣ Шуѣ Владимирской губ. и высшее образованіе получилъ въ Московской духовной академіи. По окончаніи въ ней курса, онъ былъ опредѣленъ въ 1852 году преподавателемъ церковной исторіи и каноническаго права въ Виоанскую духовную семинарію, а, спустя три года, получилъ кафедру исторіи и обличенія русскаго раскола въ воспитавшей его академіи, гдѣ онъ прослужилъ полвѣка и гдѣ, еще будучи студентомъ, усердно занимался исторіей церкви. Статьями по этому предмету онъ и выступилъ въ литературѣ, напечатавъ, безъ подписи имени, въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ»: «Объ отношеніяхъ духовенства русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV вѣка» (его магистерская диссертация), «Свѣдѣнія о новомъ сочиненіи», «Отвѣтъ мірянина на книгу: Станетъ ли Россія католической», «Свѣдѣнія о филологѣ черноризцѣ, проповѣдникѣ XVI вѣка», «Опроверженіе раскольниковыхъ клеветъ на патріарха Никона», «Янъ Вѣлободскій и Павелъ Негребецкій. Эпизодъ изъ исторіи религиозныхъ споровъ въ Россіи въ концѣ XVII вѣка» и др. Съ начала 1860-хъ годовъ профессоръ Субботинъ дѣлается постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника», гдѣ помѣстилъ длинный рядъ статей: «Современныя движенія въ русскомъ расколѣ», «Какъ издаются у насъ книжки о расколѣ», «Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій», «Русская старообрядческая литература за границей», «Бѣлая Криница до пріѣзда Амвросія», «Бѣлая Криница при Амвросіи», «По поводу записки Надеждина о Венедиктѣ Кралевичѣ» и др. Онъ сотрудничалъ также въ «Душеполезномъ Читеніи», «Странникѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Библіотекѣ для Читенія», «Братскомъ Словѣ» и другихъ изданіяхъ. Въ «Братскомъ Словѣ», журналѣ, посвященномъ расколу и издававшемся совѣтомъ братства св. Петра митрополита въ Москвѣ, Н. И. Субботинъ, секретарь этого братства, былъ редакторомъ съ самаго основанія журнала, въ теченіе 1875—1876 годовъ, и по возобновленіи его, съ 1883 года по 1899 годъ. Въ 1862 году вышло сочиненіе Н. И. «Дѣло патріарха Никона. Историческое изслѣдованіе по поводу XI тома «Исторіи Россіи» профессора Соловьева», съ приложеніемъ многихъ цѣнныхъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу. Оно обратило на себя вниманіе Филарета, архіепископа черниговскаго, извѣстнаго богослова и историка церкви, который и далъ лестный отзывъ объ этомъ трудѣ. Докторская диссертация Н. И.: «Происхожденіе нынѣ

существующей у старообрядцев так называемой австрийской или бѣлокриницкой іерархіи», — появилась въ печати въ 1874 году и представляет собою капитальное историческое изслѣдованіе, которое было бы еще цѣннѣе, если бы не страдало консервативными тенденціями. Эти тенденціи особенно ярко выступаютъ въ его очеркѣ: «Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій», и болѣе или менѣе сказываются во всѣхъ трудахъ Субботина, отъ которыхъ вѣетъ духомъ нетерпимости, религіозной и политической, и охранительнымъ направленіемъ, свойственнымъ тѣмъ органамъ, въ которыхъ работалъ профессоръ Субботинъ. Отдѣльно изданы слѣдующія его сочиненія: «Архимандритъ Теофанъ», «О православной греческой церкви», «Дѣянія московскаго собора 1654 года», «О причинахъ и послѣдствіяхъ первоначальнаго отдѣленія старообрядцевъ отъ православной церкви», «Сказаніе о московскомъ поповщинскомъ соборѣ 1779—1780 годовъ», «О сущности и значеніи раскола», «Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія», «Переписка раскольничьихъ дѣателей», «Царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чпнахъ (Стоглавъ)», «О перстосложеніи для крестнаго знаменія», «25-лѣтіе присоединенія къ церкви раскольничьихъ епископовъ и другихъ членовъ бѣлокриницкой іерархіи», «Исторія бѣлокриницкой іерархіи» — одно изъ самыхъ выдающихся его сочиненій, «Аркадій, архієпископъ, и его сочиненія противъ раскола» и друг. Ему же принадлежитъ книга для дѣтей: «Разказы о древнихъ русскихъ полемникахъ», изданіе московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ, членомъ котораго онъ состоялъ въ 60-хъ годахъ. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8855; «Слово», 1905 г., № 166, и «Русскія Вѣдомости», 1905 г., № 148).

† **Фортуатовъ, А. М.** Скончавшійся 22-го мая въ Казани ординарный профессоръ университета, Алексѣй Михайловичъ Фортуатовъ, родился въ 1850 году и происходилъ изъ духовнаго сословія. Въ 1876 году окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по естественному разряду физико-математическаго факультета. Въ 1884 году удостоенъ степени доктора медицины военно-медицинской академіи. Съ 1876 по 1891 годъ А. М. послѣдовательно исполнялъ обязанности консерватора, лаборанта и прозектора при кафедрахъ анатоміи, гистологіи и физиологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Съ 1885 по 1891 годъ состоялъ тамъ же приватъ-доцентомъ по кафедрѣ анатоміи челоуѣка и читалъ также общій курсъ гистологіи. Въ 1891 году назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ нормальной анатоміи на медицинскій факультетъ Казанскаго университета. А. М. Фортуатовъ напечаталъ цѣлый рядъ научныхъ работъ: «О гистологическомъ строеніи ворсинокъ тонкихъ кишекъ», «Къ аномаліямъ перваго шейнаго позвонка челоуѣка», «Матеріалы къ вопросу о послѣдовательности и порядкѣ закрытія черепныхъ швовъ у инородцевъ Россіи», «Къ вопросу о дѣйстви горькихъ средствъ. Вліяніе цетрарина на отдѣленіе слюны, желудочнаго сока, желчи и сока поджелудочной слюны». За эту послѣднюю работу А. М. Фортуатовъ былъ удостоенъ степени доктора. Какъ перечисленные, такъ и многія другія работы А. М. помѣщены въ «Запискахъ академіи наукъ», въ «Протоколахъ русскаго

антропологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ» и въ «Протоколахъ общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ». (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10497, и «Слово», 1905 г., № 158).

† Цулукидзе, А. Г. 9-го іюня, въ Кутаисѣ скончался послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни молодой грузинскій публицистъ Александръ Григорьевичъ Цулукидзе. Покойный родился въ 1876 году и первоначальное образованіе получилъ въ Кутаиской прогимназіи, по окончаніи которой перешелъ въ кутаисскую же классическую гимназію. Пробудившаяся обширная жажда знанія и невыносимый для его натуры школьный режимъ заставили покойнаго бросить гимназію и заняться самообразованіемъ. Пробуждающаяся на Кавказѣ жизнь увлекла талантливаго молодого человѣка, и онъ вскорѣ занялся публицистикой. Сперва покойный работалъ въ грузинской газетѣ «Иверія», но вскорѣ бросилъ эту редакцію и перешелъ въ еженедѣльную газету «Квали», которою въ это время руководилъ Н. Джорданія. Съ этихъ поръ Ал. Гр. Цулукидзе занялъ выдаюе мѣсто среди грузинскихъ марксистовъ, оставаясь до конца своей жизни ортодоксомъ чистѣйшей воды. По прекращеніи газеты «Квали», покойный, за неимѣніемъ соответствующихъ его взглядамъ грузинскихъ періодическихъ изданій, сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ состоя ихъ кавказскихъ корреспондентомъ а также время отъ времени помѣщая въ нихъ статьи по разнымъ вопросамъ. Съ появленіемъ же на свѣтъ газеты «Могзаури» покойный принялъ въ ней самое дѣятельное участіе. Тяжелый недугъ—туберкулезъ легкихъ—съ каждымъ днемъ подтачивалъ и безъ того уже ослабшій его организмъ. Однако, покойный не переставалъ работать: всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появились на грузинскомъ языкѣ его «Отрывки изъ политической экономіи», пользующіея среди грузинской молодежи большимъ успѣхомъ. Кромѣ того, почти въ каждомъ номерѣ «Могзаури» появлялись его статьи по разнымъ вопросамъ текущей жизни. Но силы покойнаго не выдержали: непрестанная умственная работа и переутомленіе способствовали развитію на почвѣ туберкулеза воспаленія мозговыхъ оболочекъ и безвременно унесли въ могилу молодую талантливую жизнь (Некрологъ его: «Черноморскій Вѣстникъ», 1905 г., № 74).

† Эзовъ, Г. А. 31-го мая, скончался въ Петербургѣ членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, знатокъ армянской исторіи, писатель, тайный совѣтникъ, Герасимъ Артемьевичъ Эзовъ. Армянинъ по происхожденію, онъ родился въ 1835 году и высшее образованіе получилъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, гдѣ курсъ окончилъ однимъ изъ первыхъ въ 1853 году. Въ 1854 году онъ выдержалъ при С.-Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на степень кандидата филологическихъ наукъ, а въ 1859 году за представленную въ тотъ же университетъ диссертацию: «Внутренній бытъ древней Арменіи», получилъ степень магистра армяно-персидской словесности. За годъ передъ тѣмъ онъ поступилъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ и пробылъ здѣсь болѣе двадцати лѣтъ, послѣ чего перешелъ на службу, въ 1881 году, въ департа-

ментъ народнаго просвѣщенія, занявъ мѣсто вице-директора. Кромѣ того, нѣсколько лѣтъ онъ состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, а также участвовалъ въ Обществѣ любителей древней письменности. Г. А. Эзовъ сотрудничалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», «Современникѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Отечественныхъ Запискахъ» и другихъ изданіяхъ. Здѣсь онъ помѣстилъ «Обозрѣніе армянской періодической литературы», «О научномъ отношеніи Европы къ Азіи, объ изученіи армянскаго языка, литературы и исторіи въ Европѣ», «Объ ученіи персидскихъ маговъ Езинка, армянскаго писателя V вѣка», «Петербургскій Дюма и астраханскіе армяне» и прочее. Особеннаго научнаго значенія труды Эзова не имѣютъ. Его историческое изслѣдованіе «Внутренній бытъ древней Арменіи» есть не болѣе, какъ простая компиляція изъ труда Луки Инджиджьяна «Antiquités ou archéologie de l'Arménie» съ прибавленіемъ кое-какихъ свѣдѣній изъ сочиненій Делатра, Эмина, Назарьянца, Ланглюа и Броссе, а самые источники, на которые ссылается компиляторъ, извѣстны ему не изъ первыхъ рукъ, а черезъ посредство названныхъ авторовъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10505; «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 118; «Слово», 1905 г., № 165; «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 152, и «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1905 г., № 133).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу рецензіи на «Описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій».

Рецензія эта, появившаяся въ 6-й книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1905 г., заканчивается такими словами: «Считая трудъ И. Г. Безгина началомъ цѣннаго и капитальнаго библиографическаго изданія, смѣю рекомендовать его любителямъ книгъ и выразить пожеланіе скорѣйшаго выхода слѣдующихъ выпусковъ». При такомъ доброжелательномъ отношеніи къ изданію, почтенный авторъ рецензіи, касаясь избранной системы описанія книгъ, высказываетъ замѣчанія, которыя, будучи приняты къ руководству, затормозили бы надолго осуществленіе всей работы. Замѣчанія эти сводятся къ тому, чтобы для удобства нахожденія литературы по интересующему кого либо вопросу, одновременно вносить въ «Описаніе книгъ» не только описаніе изданія по первому слову заглавія, но также и предметный указатель содержанія по фамиліямъ и предметамъ.

Для примѣра указывается на сочиненіе Н. П. Карелкина объ ученой и литературной дѣятельности А. Х. Востокова. По мнѣнію г. рецензента, слѣдуетъ составить описаніе книги по первому слову ея заглавія, и, кромѣ того, особо ввести слово «Востоковъ» въ отдѣлъ на букву В и подъ этимъ словомъ включить краткія ссылки на всѣ книги, журналы и газеты, въ которыхъ будетъ упомянута фамилія Востокова, съ отмѣткою соотвѣтствующихъ номеровъ отдѣла и выпусковъ «Описанія книгъ». Но принятіе подобаго предложенія до завершения и отпечатанія всего изданія фактически невысмыслимо и не выполнимо. Это все равно, какъ если бы читатели потребовали помѣщенія въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» предметнаго или именного указателя къ невышедшей еще декабрьской книжкѣ за тотъ же годъ.

Чтобы облегчить нахожденіе литературы предмета до окончанія всего изданія, предпринято мною параллельно и одновременно съ «Описаніемъ книгъ» также и печатаніе предметнаго указателя изданій, но не по системѣ, предлагаемой г. рецензентомъ, а въ видѣ отдѣльнаго самостоятельнаго труда. О подготовкѣ къ печатанію этого указателя упоминалось въ предисловіяхъ ко всѣмъ вышедшимъ выпускамъ «Описанія книгъ», но авторъ рецензій, вѣроятно, упустилъ это обстоятельство изъ вида. Въ настоящее же время этого указателя отпечатано уже нѣсколько выпусковъ, озаглавленныхъ «Предметнымъ указателемъ содержанія русскихъ книгъ и повременныхъ изданій». Указатель выходитъ въ томъ же форматѣ, какъ и «Описаніе книгъ». Термины съ указаніемъ литературы предмета размѣщаются здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ. Библиографическія указанія вносятся въ выпуски по мѣрѣ накопленія и подготовки матеріала. Конечно, въ такомъ видѣ указатель еще не дастъ полной литературы по каждому предмету. Но впоследствии, при дальнѣйшемъ пополненіи количества какъ терминовъ, такъ и соотвѣтствующихъ имъ библиографическихъ указаній, получится въ совокупности, при сведеніи въ одно цѣлое всѣхъ выпусковъ предметнаго указателя, матеріалъ, вполне достаточный для составленія полнаго русскаго «Библиографическаго словаря», при помощи котораго всякій желающій будетъ имѣть возможность, безъ продолжительныхъ розысковъ, быстро находить литературу по интересующему его предмету.

И. Бевгизъ.

II.

Неизданныя строки Пушкина и хронологія «Каменнаго гостя».

У живущаго въ Парижѣ сына Адама Мицкевича, Владислава Мицкевича, писателя и директора отдѣленія польской бібліотеки, хранится великолѣпный старый альбомъ. Онъ принадлежалъ тещѣ Мицкевича, Маріи Шимановской, рожденной Воловской, извѣстной пианисткѣ, концертировавшей въ 1820-хъ годахъ въ Россіи и Западной Европѣ. Съ 1827 г., окончивъ четырехлѣтнее ар-

тистическое турнэ по Европѣ, М. Шимановская поселилась въ Петербургѣ, гдѣ и умерла 12 іюля 1831 года¹⁾. Альбомъ ея извѣстенъ въ русской литературѣ; въ 1827 г. князь П. А. Вяземскій помѣстилъ статью о немъ въ «Московскомъ Телеграфѣ». 13-го декабря 1822 г. князь П. А. Вяземскій писалъ изъ Остафьева А. И. Тургеневу: «У меня альбомъ Шимановской для братіи—русскихъ поэтовъ» («Остафьевскій архивъ», II); 3-го іюня 1823 г. онъ прислалъ его Тургеневу. 26-го сентября 1823 г. Тургеневъ писалъ Вяземскому изъ Петербурга, что «Гвѣдичъ, Воейковъ, Глинка, Жуковскій вписали стихи свои» въ альбомъ Шимановской. Шимановская очень заботилась о своемъ прекрасномъ альбомѣ, бережно хранила его, усердно собирала автографы нашихъ знаменитостей; уѣхавъ за границу, она писала о немъ Вяземскому, такъ что тотъ даже жаловался на нее Тургеневу: «она преслѣдуетъ меня изъ всѣхъ городовъ Европы» (7-го октября 1823 г.).

Изъ всѣхъ сохранныхъ альбомомъ Шимановской автографовъ самая дорогая для насъ реликвія—собственноручная записка Пушкина. Пушкинъ бывалъ у Шимановской, встрѣчался тамъ съ Мицкевичемъ и, конечно, не могъ отказать знаменитой артисткѣ въ нѣсколькихъ строкахъ. Вотъ его записка²⁾:

Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ,
Но и любовь мелодія...

А. л. Пушкинъ.

С.-Петербургъ. 1-го марта 1828 г.

Слова эти извѣстны. Ихъ произносить «Первый гость» въ домѣ Лауры (в II сценѣ «Каменнаго гостя»). Новостью является только записка въ альбомъ Шимановской.

Эта записка колеблетъ общепринятое мнѣніе, относящее «Каменнаго гостя» къ 1830 году. Приходится предположить одно изъ двухъ. Либо Пушкинъ вложилъ въ уста одного изъ героевъ своей драмы слова, сложившіяся раньше въ его головѣ, либо драма уже создавалась въ 1828 году. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ то обстоятельство, что въ черновыхъ бумагахъ Пушкина (Румянцевск. муз.) мы находимъ отрывокъ изъ «Каменнаго гостя» въ одной тетради (№ 2377, л. 23) съ черныкомъ изъ «Полтавы» (л. 21), написанной, какъ достоѣрно извѣстно, въ 1828 г. и изданной въ 1829 году. Окончена же драма 4-го ноября 1830 г. въ Болдинѣ, какъ подписалъ самъ авторъ подъ послѣдней сценой (Румянцевск. муз., № 2376, В, л. 54). Нужно замѣтить, что не всегда дата, помѣщенная подъ пьесой, означаетъ день, въ который пьеса была написана или окончена, и трудно поручиться, что дата не имѣетъ другого значенія (напримѣръ, просто записанъ день для памяти, какой нибудь

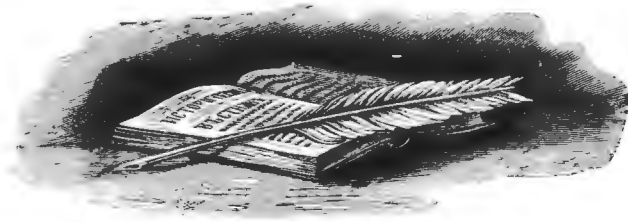
¹⁾ Подробно о М. Шимановской см. въ «Остафьевскомъ архивѣ князей Вяземскихъ», II, 536—537, прим. В. И. Саитова.

²⁾ Сообщена мнѣ А. О. Онѣгинимъ, которому выражаю глубокую благодарность.

срокъ, время отправки или полученія письма и т. п.). Въ данномъ случаѣ можно, однако, съ увѣренностью сказать, что помѣта «4-го ноября 1830 года, Болдино» означаетъ время и мѣсто окончанія драмы, такъ какъ 9 декабря Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу, что привезъ изъ Болдина двѣ послѣднія главы «Овѣгина», «Домикъ въ Коломнѣ», «Моцарта и Сальери», «Скупого рыцаря», около тридцати мелкихъ стихотвореній, «Пиръ во время чумы» и «Донъ-Жуана», т. е. «Каменнаго гостя».

Такія яркія, достовѣрныя показанія попадаются не часто, и рѣшать подобныя вопросы съ должной тщательностью можно будетъ только тогда, когда явится фототипическое воспроизведеніе всѣхъ уцѣлѣвшихъ рукописей Пушкина, будетъ изучена бумага ихъ и изслѣдованы цвѣта чернилъ.

Н. Лернеръ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ
ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНІЙ

(LA GRANDE AVENTURE)

СТРАСБУРГСКАЯ ЭПОПЕЯ

ЖОРЖА ЛАВРЮЙЕРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Приложеніе къ журналу „Историческій Вѣстникъ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Зртелевъ пер., 13

1905

I.

Со дня постройки баденскаго дома «Дома бесѣдъ» въ началѣ 1824 г. въ памяти игроковъ не было столь необычайнаго изъ ряда выходящаго событія, какъ вечеръ 17-го августа 1836 года.

Немного ранѣе десяти часовъ, когда появились объявленія, что будетъ пѣть Элеонора Гордонъ, всѣ партіи за игорными столами внезапно прекратились, и обоего пола игроки бросились въ залу Цвѣтовъ, виѣ себя толкаясь.

Озадаченные банкометы перестали выкрикивать свои машинальныя, какъ бы обрядныя формулы.

Другія комнаты обширнаго казино быстро опустѣли, какъ бы по знаку повелительнаго управляющаго, а люстры и жирандоли освѣщали лишь навощенный, какъ зеркало, паркетъ и бросающіяся въ глаза фрески Сисери. Коринтскіе портики архитектора Вейбреннера опустѣли; эти пропиленіи изъ искусственнаго мрамора, ублюдки Акрополя, укрывали лишь уединеніе и безмолвіе. Сами сады,—сладоострастные, роскошныя боскеты,—въ которыхъ сходили на нѣтъ благоухающіе склоны Фризенберга, видѣли, какъ исчезли гости, привычныя проводить здѣсь ночи, полныя страсти.

Сѣни въ видѣ ротонды, предшествующія концертной залѣ, служили убѣжищемъ запоздавшимъ посѣтителямъ.

Другая комната, отдѣленная вмѣсто перегородки большимъ занавѣсомъ съ подхватами, составляла какъ бы продолженіе атриума. Это было нѣчто въ родѣ черезчуръ переполненнаго украшеніями ротрадонъ, слившагося походить на стиль будуара съ другаго берега Рейна и производившаго впечатлѣніе тяжелой мишуры.

Тамъ уединитось нѣсколько лицъ, не желавшихъ попасть въ толкотню или не столь чувствительныхъ къ соблазну происходившаго по сосѣдству празденства.

Здѣсь находился, во-первыхъ, молодой человекъ, довольно маленькаго роста, очень тонокій, очень бѣлокурый и очень затянутый въ свой зеленый фракъ съ металлическими пуговицами; его во-

*

лосы были собраны въ густой пучекъ съ одной стороны головы, какъ того требовала современная мода. Онъ стоялъ предъ зеркаломъ, поправляя съ мелочной заботливостью и совершеннымъ искусствомъ складки своего высокаго галстука.

Затѣмъ, тутъ былъ старый господинъ съ сѣдымъ вихромъ, въ золотыхъ очкахъ и въ галстукѣ изъ тарлатана, десять разъ обмотаннаго вокругъ шеи. Погрузившись въ кресло, онъ сидѣлъ, углубленный, вѣрнѣе, стараясь казаться, что углубленъ, въ чтеніе спеціального нумера «*Mercure de Bade*», въ которомъ находилась программа праздника, даннаго съ благотворительной цѣлью на возобновленіе сосѣдней деревушки, сгорѣвшей за нѣсколько дней предъ тѣмъ. Когда старый господинъ чувствовалъ, что за нимъ не смотрятъ, то подымалъ глаза и проникательнымъ взглядомъ поверхъ очковъ слѣдилъ за лицами и тѣлодвиженіями своихъ сосѣдей или напрягалъ свой опытный слухъ и прислушивался къ ихъ разговорамъ.

Наконецъ, совсѣмъ близко къ стекляннѣй двери, раскрытой для теплаго благоухающаго вечерняго воздуха, находилось маленькое общество изъ трехъ женщинъ и двухъ мужчинъ; ихъ болговня и смѣхъ иногда доходили до столь высокаго діапазана, что вызывали вѣжливое шиканье лицъ, старавшихся улавливать отрывки доносившейся до нихъ гармоніи звуковъ.

Хорошенькая цвѣточница, несмотря на свой нѣсколько напыщенный нарядъ осгаускихъ крестьянъ, переходила отъ одного къ другому, предлагая цвѣты съ совершенно парижской ловкостью.

На стѣнахъ развѣвались объявленія, на которыхъ виднѣлось написанное крупными буквами имя: «Элеонора Гордонъ». Сквозь вторыя двери, охраняемая полузаснувшимъ придверникомъ, было видно одинокое сукно *trente et quarante*, освѣщенное низкой люстрой.

Задремавшій придверникъ сдѣлался на минуту жертвой двухъ молодыхъ женщинъ съ нѣсколько бросающимися въ глаза лицами и въ очень вырѣзанныхъ лифахъ, — тѣхъ женщинъ, что называли въ то время лоретками; онѣ старались съ помощью рѣзкихъ движеній добиться входа въ игорный залъ. Но на всѣ ихъ требованія придверникъ ничего не могъ противопоставить, кромѣ типичной фразы, какъ бы отпечатанной на его языкѣ, которую онъ старался передать почтительно:

— Имѣю честь повторить дамамъ, что партіи отложены...

— Такъ въ Баденѣ больше нельзя играть!

Эготъ негодующій возгласъ произнесъ хорошенькій ротникъ болѣе высокой изъ двухъ лоретокъ, къ которой подходило таинственное имя Селины, вошедшее въ моду, благодаря роману Дюкрэ-Дюминьяля.

За этимъ послѣдовало, какъ созвучіе, дружное восклицаніе, вырвавшееся у ея молодой спутницы Адель, протянувшей презрительно-мстительный кулакъ къ афишѣ.

— И все это изъ-за не ной женщины, Элеоноры Гордонъ! — воскликнула она.

Придверникъ оиать заявилъ свое:

— Имѣю честь повторить дамамъ...

Обѣ разгнѣванныя женщины уже отступили. Онѣ замѣтили молодого человѣка, наконецъ добившагося на своемъ галстукѣ желаемой складки, которую онъ укрѣплялъ булавкой съ жемчужной головкой.

Онѣ быстро подошли къ нему.

— Повѣришь ли, Грикуръ, совсѣмъ проигрались? И нѣтъ возможности отыгратъся, — сказала Селина.

Грикуръ, не оборачиваясь, отвѣтилъ:

— У меня нѣтъ денегъ.

— Да кто же у тебя ихъ проситъ? Я только просто хотѣла знать, скоро ли окончатся этотъ безконечный концертъ.

Грикуръ тихо воскликнулъ, продолжая смотрѣть въ зеркало.

— И ты обращаешься ко мнѣ, — ко мнѣ, прѣхавшему изъ Парижа, едва имѣвшему время одѣться и не знающему ничего о Баденѣ въ продолженіе двухъ недѣль, какъ я его покинулъ... Освѣдомись въ программѣ.

Въ это время поднялся съ мѣста старый господинъ и поспѣшилъ любезно сказать съ слегка нѣмецкимъ произношеніемъ:

— Не трудитесь, сударыни, я знаю на память программу... Еице два нумера: неизвѣстнаго віолончелиста и знаменитаго Виллибальда Ила, который сыграетъ соло на охотничьемъ рогѣ...

— Это, должно быть, весело! — замѣтила Селина.

— Наконецъ для заключенія будетъ нѣтъ обожаемая, блестящая Элеонора.

— О, ужъ эта!.. — сказала Адель, скрежеща зубами.

И Селина съ запальчивостью однимъ духомъ произнесла слѣдующую тираду:

— Г-жа Гордонъ! Г-жа Гордонъ! У всѣхъ на языкѣ только это имя въ продолженіе трехъ дней... Г-жа Гордомъ, урожденная Элеонора Брольи!.. Что въ ней, вашей Элеонорѣ, такого необычайнаго, чтобы всѣ здѣсь взбудоражились изъ-за нея?.. Входитъ ли она въ игорный залъ — всѣ поднимаются, толкаются, встаютъ на ципочки, чтобы увидѣть ее... партіи пріостанавливаются, и банкеты, пользуясь этимъ, затаиваютъ жетоны... Входите ли вы въ ресторанъ и, ахъ, счастье, видите у окна свободный столъ: здѣсь хорошо будетъ пообѣдать въ прохладѣ! — но къ вамъ бросается слуга со словами: «этотъ столъ удержанъ для г-жи Гордонъ!» Покидаете ли вы на мгновеніе игру и отыскиваете уголокъ, гдѣ можно уединиться или поболтать въ залѣ... но какъ бы не такъ! Занавѣсъ спущенъ, и придверникъ вамъ заявляетъ: «входить нельзя; г-жа Гордонъ отдыхаетъ!..» Вчера самъ герцогъ Баденскій приказывалъ

солдатамъ отдавать честь при ея проходѣ. А ея рыцарь, ся чичисбей, ея провожатый, — продолжала Селина, — этотъ виконтъ съ волчьими глазами и съ пречерными волосами, набрасывающійся на банкъ, будто онъ останавливаетъ дилижансъ, — Персиньи! Скажи-ка, Грикуръ, знаешь ты этого Персиньи, виконта Персиньи?

Въ это время Грикуръ убѣдился, что его галстукъ завязанъ некрасиво, и, вынимая булавку, онъ разсѣянно бросилъ въ отвѣтъ:

— Да... нѣтъ... можетъ быть... не все ли мнѣ равно!

Молоденькая Адель, рѣшивъ, что это подходящий моментъ для выраженія своего мнѣнія, произнесла:

— И люди же, неизвѣстно, откуда они происходятъ!..

-- Вотъ ужъ о тебѣ нельзя этого сказать! — процѣдилъ Грикуръ сквозь свои бѣлокурые и длинные усы.

Адель замახнула своимъ вѣромъ на дерзкаго, отбивавшагося отъ нея со смѣхомъ.

Во время этой короткой борьбы старый господинъ шепнулъ Селинѣ на ухо:

— Вы хорошо знакомы съ г. Грикуромъ?

— Да, а что?

— Это очаровательный молодой человѣкъ... а это его друзья...

И онъ указалъ глазами на двухъ мужчинъ, разговаривавшихъ въ группѣ, находившейся у оконнаго пролета.

— Г. Беркъ? Г. Керель? — спросила Селина.

— Да, да, именно: г. Беркъ и г. Керель... У меня такая плохая память... Что же подѣлываютъ здѣсь эти господа?

— Что дѣлаютъ всѣ въ Баденѣ, — веселятся.

Старый господинъ еще болѣе понизилъ голосъ:

— Это французскіе офицеры, не правда ли?

— Да, но къ чему всѣ эти вопросы? Вы не изъ полицейскихъ ли?

— О! я камергеръ саксонскаго короля... баронъ Грюсбергъ, — добавилъ старый господинъ, съ достоинствомъ кланяясь.

Пока они обмѣнивались этими словами, въ сосѣдней группѣ языки тоже не бездѣйствовали. Одна изъ двухъ дамъ, генеральша Рэнго, осматривая въ лорнетъ цвѣточницу, замѣтила:

— Этотъ шварцвальденскій нарядъ красивъ.

На это красивый поручикъ, г. Керель, сохранившій подъ бальной одеждой военную осанку, прибавилъ:

— Красивый, но фантастическій: носящая его изъ Монмартра.

А Беркъ, сорисолѣтіе котораго серебрилось на его вискахъ, пояснилъ:

— Это Флорина, цвѣточница клуба. За отсутствіемъ побѣдителей въ Жокей-клубѣ въ настоящее время года, она перевела сюда свою маленькую торговлю.

Баронесса Бенуа поступила, какъ и ея подруга генеральша: она стала также разсматривать въ лорнетъ торговку, произнося сквозь зубы:

— Не дурно...

— Какъ, сударыня, -- произнесъ Беркъ: — вы не знаете Флорины?!

— Не въ Кольмарѣ же знать, гдѣ мой мужъ собираетъ государственные доходы...— сказала баронесса.

— И не въ Страсбургѣ, гдѣ мой мужъ командуетъ артиллерійской бригадой...—прибавила генеральша.

— Флорина пользуется успѣхомъ, — добавилъ Беркъ. — Такъ знайте же, сударыни, что въ двухъ шагахъ отъ васъ парижская знаменитость: нѣтъ ни одной петлицы на Гентскомъ бульварѣ, которой она не украсила бы цвѣтами; политики, денежные тузы, литераторы—все ея данники; королевскіе сыновья, крупные банкиры, молодые цѣры Франціи и старые депутаты,—ея обычные покупатели.

— А гдѣ же она держитъ свою лавку?

— Въ сѣняхъ клуба. Отъ четырехъ часовъ до шести она припиливаетъ свои цвѣты къ отворотамъ одеждъ самыхъ извѣстныхъ лицъ. Это имѣетъ громадное значеніе. Хотя не принадлежишь къ Жокей-клубу, но съ виду какъ будто и принадлежишь, когда все видятъ васъ выходящимъ оттуда... и это стоитъ всего одинъ золотой...

Онъ сдѣлалъ знакъ, и Флорина поспѣшила подойти къ нему.

— Графъ?

Беркъ указалъ на дамъ. Своими проворными пальцами цвѣточница собрала въ тонкіе снопики цвѣты изъ своей плетенки, смѣшивая съ тонкимъ искусствомъ цвѣта и запахи.

— Вы, кажется, парижанка?... Скажите намъ, правда ли, что каждый изъ вашихъ кліентовъ имѣетъ свой любимыи цвѣтокъ?—спросила генеральша.

— Да, сударыня.

И цвѣточница принялась перечислять:

— Герцогъ Орлеанскій на своемъ фракѣ цвѣта растертаго гороха носитъ розу Франціи на длинномъ стеблѣ; герцогъ Немурскій на фракѣ цвѣта испанскаго табака — вѣтку сирени; баронъ Джемеъ — большой пучекъ пунавки; Викторъ Гюго — лилію; Александръ Дюма — совершенно распустившуюся красную гвоздику; Альфредъ Мюссэ—камелью; Бальзакъ...

Раздалось настойчивое шиканье.

Перечисленіе продолжалось уже тихимъ голосомъ. Между тѣмъ въ группѣ, собравшейся вокругъ Грикура, совершилось соглашеніе, повидимому, утѣшившее обѣихъ лоретокъ въ невозможности контрировать.

— Старикъ приглашаетъ насъ ужинать,—шепнула Адель товаркѣ.

— Принимай приглашеніе; намъ необходима поддержка,—согласилась Селина и, обратившись къ дипломату, прибавила:

— Тысячу благодарностей, сударь, за вашу добрую мысль; но не думаете ли вы, что предусмотрительнѣе удержать за собою столъ? Сейчасъ ресторанъ будетъ наводнень.

— Поспѣшу...—отвѣчилъ старикъ.

— Иди съ нимъ,—шепнула Селина подругѣ:—я къ вамъ присоединюсь чрезъ минуту.

Баронъ и Адель удалились. Селина приблизилась къ Грикуру и шепнула ему на ухо:

— Я не знаю, что ты здѣсь стряпаешь, но если это политика, то остерегайся этого старика!

— Саксонца?—спросилъ Грикуръ, не оборачиваясь.

— Да.

И, сказавъ это, Селина въ свою очередь удалилась.

Генеральша Рэнго и баронесса Бенуа украсили свои лифы кроваваго цвѣта гвоздиками.

— Этого достаточно, сударыня,—благодаримъ васъ.

Когда цвѣточница отошла отъ нихъ на шагъ, то баронесса увидала въ ея плетенкѣ пучекъ великолѣпныхъ фіалокъ.

— Безъ сомнѣнія, это для принца Луи?—спросила баронесса.

— Нѣтъ, сударыня, — отвѣтила Флорина:— вотъ его цвѣтокъ; онъ совсѣмъ готовъ къ пришиванью, какъ только принцъ появится.

И она показала великолѣпную гортенсію, стебель которой былъ обернутъ серебряной бумагой.

— Семейный цвѣтокъ,—сказала баронесса, надувъ губы:—гортенсія—Гортензія.

Цвѣточница удалилась.

Въ это время Грикуръ, наконецъ удовлетворенный складками своего галстука, подошелъ къ маленькому обществу.

— А! вотъ и Грикуръ съ вновь повязаннымъ галстукомъ и наконецъ свободный,—сказала баронесса съ отгѣнкомъ насмѣшки.

— Свободный! Развѣ я былъ узникомъ?—спросилъ Грикуръ, раскланиваясь.

— Дамы утверждали, что эти дѣвицы забрали тебя въ руки,—сказалъ со смѣхомъ Керелль.

Грикуръ считалъ нехстати оправдываться. Онъ спросилъ:

— Отчего вы не на концертѣ г-жи Гордонъ?

— Нѣтъ свободныхъ мѣстъ, кромѣ оставленныхъ для принца,—отвѣтилъ Беркъ.

— Кстати о принцѣ; вотъ уже три дня, какъ не видно вашего принца, г. Грикуръ,—освѣдомилась генеральша.

— Принца Луи?

— Ахъ! о какомъ же другомъ принцѣ хотите вы, чтобы шелъ вопросъ здѣсь, если не о любимцѣ Бадена, сынѣ королевы Гортензіи?... Увидимъ ли мы его сегодня?

— Принцъ обѣдаетъ у своей двоюродной сестры, великой княгини баденской, — вмѣшался Керелль: — но онъ улизнетъ отсюда, чтобы послушать г-жу Гордонъ.

Баронесса прибавила съ едва замѣтной насмѣшкой:

— Къ тому же не надо ли ему узнать отъ г. Грикура послѣдствія порученій, исполненныхъ г. Грикуромъ въ Парижѣ?

— Увы, сударыня, — сказалъ Грикуръ, — его высочество предпочитаетъ бы исполнять лично свои порученія; это служило бы доказательствомъ, что ему болѣе не запрещено вступать на французскую землю.

— Его порученія?.. пустяки, драгоценныя бездѣлушки для этихъ дамъ...

— Галстуки для него. О, принцъ всегда чудесно завязываетъ свой галстукъ, — засвидѣтельствовала баронесса.

— Онъ такъ хочетъ нравиться!

— Онъ влюбленъ во всѣхъ женщинъ.

Молодой двадцатитрехлѣтній Грикуръ, которому казалось едва двадцать лѣтъ, придавъ себѣ выраженіе важности, сказалъ:

— Мои порученія ограничиваются врученіемъ въ собственныя руки дюжинѣ лицъ отъ имени принца по экземпляру его послѣдняго сочиненія.

Обѣ женщины воскликнули:

— Какъ принцъ — авторъ?

— Меня это не удивляетъ, онъ съ виду такъ поэтиченъ и мечтателенъ!

— Онъ пишетъ романы, какъ Евгеній Сю?

— Нѣтъ, дорогая, стихи, какъ графъ Альфредъ де Виньи!

— Его послѣдній томъ—самое интересное произведеніе, полное огня, можетъ быть, нѣсколько грубоватое, но есть личности, которымъ это нравится,—сказалъ Грикуръ съ еще большей важностью.

— О, скажите намъ его названіе!

Грикуръ замедлилъ, затѣмъ, скрывъ улыбку подъ своими усами, сказалъ:

— «Руководство по артиллеріи»...

Раздалось разочарованное «о!»

Грикуръ невозмутимо излагалъ:

— Принца Луи-Наполеона Бонапарте, капитана на службѣ швейцарской федераціи...

Въ этотъ моментъ вниманіе группы было отвлечено маленькимъ приключеніемъ. Изъ концертнаго зала вышелъ высокаго роста мужчина, отирая лобъ, и, казалось, осматривалъ сѣни. Онъ былъ лѣтъ около пятидесяти, сильный, одинъ изъ тѣхъ людей, которые привыкли жить на чистомъ воздухѣ. Съ густыми волосами, большими густыми, еще черными усами, но уже съ сѣдѣющими висками, онъ олицетворялъ классическій типъ наполеоновскаго солдата.

Онъ былъ въ длинномъ застегнутомъ до ворота синемъ сюртукѣ, на которомъ выдѣлялась, какъ кровавое пятно, широкая красная ленточка Почетнаго Легіона, покоившаяся на отворотѣ. Но его тонкое бѣлье, блестящія лакированные сапоги, бѣлыя перчатки, которыя онъ держалъ въ рукахъ, и тщательно подстриженные волосы—все показывало въ немъ человѣка, который не отказался нравиться.

Тихо спросивъ придверника, указавшаго ему на Флорину, находившуюся на другомъ концѣ сѣней, онъ направился къ цвѣточницѣ, и между ними вполголоса завязался разговоръ.

— О! красивый луарскій разбойникъ... — сказала удивленная баронесса.

Генеральша, посмотрѣвъ на него въ лорнетъ, сообщила:

— Это полковникъ Водрэй, командующій 4-й артиллерійской бригадой въ Страсбургѣ,—ватерлооское привидѣніе.

Трое мужчинъ однимъ движеніемъ устремили глаза на офицера.

Заинтересованный Грикуръ спросилъ:

— Что онъ здѣсь дѣлаетъ? Играетъ?

— Нѣтъ, онъ влюбленъ.

Въ это мгновеніе полковникъ Водрэй приблизился къ столу, гдѣ находились чернила и перо. Онъ вынулъ изъ кармана карточку и начертилъ нѣсколько словъ, которыя самъ себѣ диктовалъ тихимъ голосомъ, однако настолько внятно, что группа услышала: «На память о страсбургскомъ вечерѣ 8-го августа».

Онъ возвратился къ Флоринѣ, вручилъ ей карточку, отдалъ распоряженіе и, замѣтивъ генеральшу, низко поклонился ей, а затѣмъ снова занялъ свое мѣсто въ концертномъ залѣ.

— Онъ обобралъ всю цвѣточницу,—сказала генеральша, когда Водрэй исчезъ:—все это для г-жи Гордонъ.

— Онъ ее знаетъ?

— Нѣсколько дней тому назадъ она пѣла въ Страсбургѣ у генерала Вуароля, онъ увидѣлъ ее тамъ и полюбилъ... Съ тѣхъ поръ онъ ходитъ по ея слѣдамъ, какъ добрая собака...

— Которую ласкаютъ,—спросилъ Грикуръ.

— Нѣтъ, которую грубо отталкиваютъ. Сердце дамы занято... И какъ разъ...

Баронесса оборвала рѣчь, увидя молодого человѣка очень изящнаго, высокаго, статнаго, на лицѣ котораго свѣтился умъ и рѣшимость. Новопришедшій направился прямо къ придвернику и спросилъ его отрывисто:

— Приѣхалъ ли принцъ?

— Нѣтъ, виконтъ, — отвѣтилъ придверникъ, почтительно кланяясь.

Тотъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и заглянулъ въ концертный залъ; затѣмъ онъ принялся шагать по сѣнямъ, отдавшійся своимъ думамъ и не заботясь объ окружающихъ.

— Это онъ, — сказала тихимъ голосомъ генеральша.

— Другъ пѣвицы? — спросилъ Беркъ съ отбѣнкомъ пренебреженія.

— О! да я его знаю, — сказалъ Грикуръ:—я видѣлъ эту личность въ редакціяхъ.

— Вы посѣщаете журналистовъ? — спросила баронесса.

— Не всегда можно быть разборчивому въ своихъ сношеніяхъ, — отвѣтилъ Грикуръ съ насмѣшливо язвительнымъ отбѣнкомъ въ голосѣ.

— Но это Фіаленъ,—замѣтилъ Беркъ.

— Нѣтъ, виконтъ Персини,—поправила его генеральша.

— Да, точно такъ,—подтвердилъ Грикуръ,—это фамилія и титулъ, оставленные его семьей, а онъ занимается ихъ возстановленіемъ.

— На водахъ...—сказала баронесса попрежнему добродушно.

Упорство, съ которымъ его разсматривали, а, можегъ быть, и отрывки разговора, достигнувшіе его ушей, привлекли вниманіе Персини. Онъ приблизился къ группѣ и сталъ прислушиваться.

— Но эта дама, Гордонъ, — искательница приключеній?—спросила генеральша.

— Нѣтъ, отважная женщина,—отвѣтилъ Грикуръ.

— Героиня романа!

— Діана Вернонъ или Маріонъ Делормъ?

Внезапно все смолкло: передъ группой появился Персини.

— Извините, сударыни, — сказалъ онъ съ церемонной учтивостью,—я могу прекратить ваше сомнѣніе.

Затѣмъ онъ повернулся къ Грикуру, Берку и Кереллю, бросивъ на нихъ холодный, какъ сталь, взглядъ, и сказалъ хлесткимъ тономъ.

— Ваше тоже, господа.

— Судары!..—сказали они высококомѣрно.

Тутъ вмѣшалась баронесса, сказавъ:

— Оставьте, оставьте, никто лучше этого господина не можетъ дать намъ свѣдѣній.

Персини еще болѣе усилилъ учтивость своего обращенія и нѣсколько шипящимъ голосомъ, которымъ потомъ овладѣлъ по своему желанію, залпомъ произнесъ:

— Это правда, ибо я имѣю честь быть очень преданнымъ другомъ г-жи Гордонъ... Дѣйствительно она—героиня, и по меньшей мѣрѣ романическая... Ея голосъ и талантъ вамъ извѣстны... Это лучшая ученица Россини. Ея жизнь — цѣлый рядъ благородныхъ и великодушныхъ поступковъ. Вся плебейская кровь ея отца, стараго солдата Наполеона, течетъ въ ея венахъ; ея душа—воинственная и причудливая. Воспитываясь въ женскомъ монастырѣ, она пятнадцати лѣтъ исчезла оттуда, намѣреваясь освободить одну изъ своихъ подругъ, зарпятанную въ какой-то испанскій монастырь; эта

исторія огласилась и вскружила головы и сердца. Всѣ привѣтствовали Элеонору, и цѣлый сезонъ она была львицей Мадрида. Всѣ просили ея руки. Изъ двадцати человѣкъ, домогавшихся ея руки, она выбрала сэра Гордона Арчера, военнаго комиссара ея величества англійской королевы, увезшаго ее въ Индію, гдѣ она охотилась на тигровъ и стрѣляла въ мятежныхъ сипасовъ. Умираетъ ея мужъ, и вотъ она, двадцатилѣтняя вдова, въ Парижѣ, почти безъ средствъ. Россини даетъ ей уроки. Она дебютируетъ въ миланскомъ «La Scala» — полная побѣда; у «итальянцевъ» и въ Парижѣ — восторженное изступленіе. Газеты печатають, что у Малибранъ явилась соперница, Россини никого другого не желаетъ для воплощенія своей Дездемоны, кромѣ нея. Но слишкомъ фантастичная и независимая, чтобы устроиться на одномъ мѣстѣ, она отказывается отъ всѣхъ приглашеній и объѣзжаетъ Европу: Лондонъ, Вѣну, Флоренцію, наживая груды золота, разбѣиваемаго по ея фантазіи или милосердію. Ея брильянты чаще бывають заложены, чѣмъ на ея плечахъ. Да вотъ сегодня она постъ въ пользу бѣдныхъ. Сборъ громадный, но, можетъ быть, ей останется изъ него двѣсти франковъ!.. Случится ли благородное дѣло, требующее защиты, большое несчастье, требующее облегченія, — г-жа Гордонъ тамъ, готовая итти всей своей страстной душою на какое угодно приключеніе!.. Ахъ, я забылъ: она ѣздитъ верхомъ, какъ Франкони, и фехтуетъ, какъ кавалеръ Д'Еонъ... Вогъ и все...

Послѣдовало молчаніе. Затѣмъ Персиньи, прекрасно владея собою, снова раскланялся двумъ болтуньямъ, сказавъ:

— Миѣ остается, сударыни, извиниться за мое непрошенное вмѣшательство.

Онъ выпрямился и, дерзко взглянувъ на тронхъ мужчинъ, сказалъ:

— Если этимъ господамъ не правилось, я...

Но голосъ, раздавшійся изъ сада, заставилъ расцѣпиться ихъ взгляды, уже сдѣлавшіеся грозными. Это былъ нѣжный, юношескій голосъ, нѣсколько растянутый, съ едва уловимымъ нѣмецкимъ произношеніемъ:

— Поспѣшимъ, г-нъ Паркэнъ, я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы пропустить выхода г-жи Гордонъ! — говорилъ онъ, приближаясь.

— Принцъ! — произнесли разомъ Грикуръ, Беркъ и Керелль.

Персиньи неподвижно стоялъ, съ жаднымъ любопытствомъ устремивъ глаза на входную дверь.

II.

Вошелъ принцъ и тотчасъ же снялъ шляпу. Ему въ это время исполнилось двадцать восемь лѣтъ. Онъ былъ почти маленькаго роста, съ длинною таліей и короткими ногами. Волосы онъ зачесывалъ слегка на виски; его блѣдно голубые глаза глубоко сидѣли

въ орбитахъ; носъ былъ толстый; густые свѣтло каштановыя усы прекращались на спайкахъ губъ; голова нѣсколько вдавалась въ плечи, — съ виду онъ былъ добръ, нѣсколько скучный и застѣнчивый.

На секунду принцъ остановился въ пролетѣ стеклянной двери, обѣгая взглядомъ присутствующихъ.

Мужчины почтительно склонились. Женщины отдали придворный поклонъ, принужденный, какъ по обряду.

Луи-Наполеонъ подошелъ къ нимъ и кивнулъ каждому головой.

— Добрый вечеръ, сударыни, добрый вечеръ, господа!.. А! Грикуръ! вотъ и вы; хорошо вы путешествовали?

Онъ улыбнулся съ нѣжной радостью и съ расположеніемъ пожалъ руку молодого человѣка, склонившагося къ его уху и шептавшаго:

— Ваше высочество, генераль Монтолонъ...

Но принцъ перебилъ его съ живостью:

— Нѣтъ, нѣтъ, Грикуръ, не сейчасъ, я не хочу пропустить выхода г-жи Гордонъ.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ концертной залѣ, но Флорина преградила ему путь, предлагая гортенсію.

— Вашъ цвѣтокъ, ваше высочество...

— Прикрѣпите его скорѣе, мое дитя.

И въ то время, какъ цвѣточница прикалывала цвѣтокъ къ отвороту его фрака, онъ вопросительно сказалъ:

— Кажется, это—дочь капитана императорской гвардіи?

Майоръ Паркэнъ, настоящій исполинъ съ добрымъ выраженіемъ, какъ у вѣрнаго и угрюмаго ньюфаундленда, мужъ г-жи Кошлэ, чтицы матери принца, возвратился къ нему, поговоривъ съ придверникомъ.

— Г-жа Гордонъ? да... Я зналъ ея отца,—отвѣтилъ онъ принцу,—мы вмѣстѣ воевали въ Ватерлоо: онъ остался въ Огенскомъ оврагѣ... Не торопитесь, ваше высочество: Элеонора будетъ пѣть не ранѣе, какъ чрезъ нѣсколько минутъ, и для васъ удержаны мѣста.

— Увѣрены ли вы?... Опять этотъ человѣкъ.

И онъ указалъ Паркэну на только что вошедшую странную личность.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ лицомъ скромнаго мелкаго служащаго, испуганнаго мишурнымъ блескомъ обстановки, безвкусно одѣтаго въ сюртукъ стариннаго провинціального покроя. Онъ проскользнулъ по направленію къ сѣнямъ, подъ усиленнымъ огнемъ взглядовъ Паркэна.

Пальцы взволнованной Флорины, менѣе проворныя, чѣмъ обыкновенно, замѣшались, и принцъ изъ учтивости спросилъ:

— Какъ это вы не на концертѣ, сударыни? Вѣдь появится великая артистка.

И прежде чѣмъ генеральша и баронесса отвѣтили, онъ прибавилъ немного разгорячившимся голосомъ, что съ нимъ рѣдко случалось:

— А я спѣшу ее увидѣть и послушать!.. Что она будетъ пѣть?

— Романсъ «Ива» изъ «Отелло» Россини,—отвѣтила баронесса.

Генеральша наклонилась къ уху Берка и прошептала:

— Вотъ этотъ такъ останется холоденъ къ политикѣ. Нечего опасаться, что онъ вступитъ въ заговоръ.

Баронесса, обернувшись, подтвердила:

— Это претендентъ на полный покой.

— Готово, ваше высочество,—сказала Флорина, присѣдая предъ принцемъ.

Принцъ вынулъ монету и искалъ руки цвѣточницы.

Но послѣдняя сдѣлала движеніе, выражавшее отказъ, и вполголоса сказала:

— Нѣтъ, поберегите, ваше высочество: вы мнѣ заплатите все вмѣстѣ, когда будете французскимъ императоромъ.

Принцъ улыбнулся и сказалъ тономъ спокойнаго убѣжденія:

— Конечно, я буду имъ, Флорина, но когда? Все-таки возьмите, въ ожиданіи.

Онъ поклонился и хотѣлъ итти... Персиньи, неподвижно поживавшія принца глазами съ момента его входа, приблизился къ нему:

— Извините, ваше высочество...

— Сударь...

Персиньи подаль ему распечатанное письмо, говоря:

— Не удостоитъ ли ваше высочество бросить взглядъ на это?..

Вы меня простите.

Принцъ взялъ бумагу и удивленно сказалъ:

— Мое писаніе!

— Я не хотѣлъ предоставить никому другому, кромѣ васъ, ваше высочество, заботу представить меня вашему высочеству,—сказалъ Персиньи съ глубокимъ поклономъ.

Прочитавъ нѣсколько строчекъ, Луи-Наполеонъ сказалъ:

— Вы, г. де-Персиньи!.. Я очень счастливъ наконецъ познакомиться съ вами!.. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ мы ведемъ переписку...

Онъ понизилъ голосъ и прибавилъ еще тише:

— Вы въ-время пріѣхали; моментъ близокъ. Сейчасъ же послѣ концерта мы встрѣтимся здѣсь.

Онъ сдѣлалъ дружескій знакъ и удалился. Когда онъ вошелъ въ залъ, оттуда вышелъ Водрэй съ озабоченнымъ лицомъ.

— О! Паркэнъ... посмотрите!.. это настоящій Раффэ!..—сказалъ принцъ своему товарищу.—Вы знаете его?

Паркэнъ сдѣлалъ отрицательный знакъ.

— Надо узнать, кто это.

Луи-Наполеонъ почтительно привѣтствовалъ стараго офицера, затѣмъ исчезъ въ залѣ Цвѣтовъ вмѣстѣ съ Паркэномъ.

Удивленный Водрэй отвѣчалъ на поклонъ, стараясь припомнить имя этой неизвѣстной ему личности. Но, занятый другимъ, онъ не останавливался долго на этихъ поискахъ и, замѣтивъ Флорину, направился къ ней.

— Мои цвѣты?—спросилъ онъ съ какой-то тоскою въ голосѣ.

— Вручены,—отвѣтила цвѣточница.

— Что сказала г-жа Гордонъ?

— Васъ это огорчить.

— Говорите, я хочу знать.

— Она долго вдыхала ихъ благоуханіе, затѣмъ, прочитавъ карточку, засмѣялась, сказавъ: «Бѣдный полковникъ!»

— А!

Водрэй совсѣмъ поблѣднѣлъ. На мгновеніе онъ сдѣлался неподвиженъ. Вдругъ веселый голосъ привелъ его въ себя:

— Полковникъ!.. Наконецъ-то я вижу хорошее французское лицо!.. Мнѣ было не по себѣ среди этихъ космополитовъ, накрашенныхъ женщинъ и игроковъ...

— Но,—сказалъ Водрэй, стараясь отдѣлаться отъ него.

Другой—молодой человѣкъ двадцати пяти лѣтъ, средняго роста, широкоплечій, одѣтый съ строгой простотою офицера, существующаго лишь на жалованье, безъ всякаго поползновенія на изящество,—продолжалъ съ такимъ тембромъ въ голосѣ, какой принадлежитъ исключительно открытымъ, честнымъ, нѣсколько грубоватымъ натурамъ.

— Воздухъ нашихъ конюшенъ полезнѣе для моихъ легкихъ, чѣмъ духи этихъ женщинъ, и я предпочитаю самыхъ скромныхъ изъ моихъ солдатъ всѣмъ этимъ щеголямъ.

Внезапно замѣтивъ замѣшательство на лицѣ Водрэя, онъ спросилъ его:

— Что съ вами, полковникъ?.. Не стѣсняю ли я васъ ненарокомъ?

Онъ добродушно, дружески засмѣялся и хотѣлъ удалиться.

Водрэй остановилъ его, стараясь улыбнуться.

— Стѣсняете меня? вы, мой любезный товарищъ? Но не остаемся здѣсь. Пойдемте, у меня есть для васъ мѣсто. Вы сейчасъ услышите самую дивную, самую...

Онъ взялъ подъ руку молодого человѣка и увелъ его съ собою въ концертный залъ, гдѣ его голосъ затерялся.

Генеральша Рэнго и баронесса Бенуа послѣ исчезновенія принца вновь принялись за болтовню съ Грикуромъ, Беркомъ и Кереллемъ.

Замѣтивъ собесѣдника полковника Водрэя, генеральша воскликнула:

— Какъ? и онъ также въ Баденѣ, добродѣтельный изъ добродѣтельныхъ!

— Кто это?—спросила баронесса, продолжая быть насторожѣ, тогда какъ ихъ кавалеры прикидывались равнодушными.

— Поручикъ Лэти изъ понтонеровъ Вуароля.

— Значить, здѣсь весь Страсбургскій гарнизонъ!

— Это такъ близко. Сюда прїѣзжаютъ верхомъ безъ разрѣшенія. Генераль Вуароль и мой мужъ смотрятъ на это сквозь пальцы. Что подѣлаешь? Наша старая крѣпость такая мрачная...

У баронессы появилась та тупая улыбка, которая служила признакомъ ея доброй души. Она сказала:

— Всѣ эти офицеры вокругъ сына Гортензіи... На мѣстѣ короля Людовика-Филиппа я опасалась бы, ибо для чего же, наконецъ, они являются сюда—веселиться или составлять заговоръ?..

— О! моя дорогая,—возразила генеральша, — неужели вы это думаете? Составлять заговоръ!. Въ пользу кого? въ пользу этого скучнаго молодого человѣка съ нѣмецкимъ произношеніемъ? Это было бы смѣшно...

Баронесса посмотрѣла на стоящихъ предъ нею и улыбающихся трехъ мужчинъ и сказала:

— Но я думаю, что и вы сами, не покидающіе принца ни днемъ, ни ночью...

Беркъ быстро заявилъ:

— О, мы, мы—сторонники легитимистовъ.

— Мы—приверженцы Генриха V,—прибавилъ Керель.

— Крайніе защитники бѣлаго знамени!—заклучилъ Грикуръ своимъ тономъ насмѣшливой важности, который его никогда не покидалъ.

Генеральша прибавила:

— Что касается Лэти, то онъ—республиканецъ, несправимый и жестокий якобинецъ:—это Робеспьеръ въ военномъ мундирѣ.

Баронесса хотѣла возразить, но ей помѣшала вдругъ поднявшаяся сумятица въ концертномъ залѣ. Крики восторга и неистовыя рукоплесканія порывами доносились чрезъ дверь, теперь широко раскрытую, чтобы всѣ могли входить.

Придверникъ громко объявилъ:

— Господа, будетъ пѣть г-жа Гордонъ!..

Со всѣхъ сторонъ публика бросилась въ залъ.

Мало-по-малу восклицанія смолкли, и только слышались звуки настраиваемой арфы.

Появились обѣ лоретки. Онѣ казались очень веселыми.

— Онъ очарователенъ,—сказала Селина.

— Почему онъ насъ покинулъ?—спросила молоденькая Адель.

— Для переговоровъ съ префектомъ Нижняго Рейна. Безъ сомнѣнія, какія нибудь дипломатическія дѣла. Тише! вотъ они.

— Потпше, сударыни, — просилъ придверникъ: — будетъ пѣть г-жа Гордонъ.

Селина топнула ногою.

— Опять она! Ахъ, нѣтъ, пойдѣмъ, Адель. Я предпочитаю удалиться.

И она увлекла свою товарку, въ то время какъ появились Шоппэнъ д'Арнувилль, страсбургскій префектъ, и камергеръ саксонскаго короля, оканчивая разговоръ.

— Г. префектъ, — шепталъ послѣдній, — я заставилъ разговариваться этихъ двухъ молодыхъ гетеръ; такъ мы дѣйствовали подъ начальствомъ герцога Огрантскаго. Ну, ничего... наши молодые люди ни о чемъ не думаютъ, какъ только о веселіи.

— Это, безусловно, мое мнѣніе, — отвѣтилъ префектъ, — и я себя спрашиваю, для чего министръ принудилъ меня на это перемѣщеніе. Тѣмъ болѣе, что я уже... Какъ разъ, вотъ мой Корнильонъ, — прибавилъ онъ сквозь зубы.

При входѣ сановниковъ, странная личность, которая, казалось, слѣдовала по пятамъ принца Луи, выпрямилась, какъ солдатъ.

— Ну, сударь, — сурово спросилъ Шоппэнъ д'Арнувилль, направляясь къ нему: — что новаго?

— Г. префектъ, у меня въ рукахъ всѣ нити, — сказалъ бѣдняга таинственнымъ голосомъ.

Въ то время, какъ Корнильонъ сидѣлъ посвятивъ начальника въ свои открытія, старый саксонскій дипломатъ бормоталъ съ безпокойствомъ:

— Чортъ возьми! Не Габріэль ли Делессеръ далъ мнѣ коллегу? Онъ принялся разсматривать новичка.

— Фи! — сказалъ онъ пренебрежительно, — молодой полицейскій... Дворцовый полицейскій, можетъ быть?... Нѣтъ, провинціальный полицейскій...

И, успокоенный, онъ пожалъ плечами.

Тѣмъ временемъ префектъ старался отдѣлаться отъ Корнильона, дѣлая различныя движенія, выражающія огричаніе, и пожимая плечами. Онъ покинулъ его со словами:

— Оставьте меня въ покоѣ, вы дуракъ!

— Тише же! молчите! — ворчали всѣ при входѣ въ концертный залъ.

Тогда водворилось глубокое молчаніе, и подъ нѣжныя звуки арфы раздался могущественный, глубокій голосъ, чистаго тембра, драматическій до содроганія души, нѣвшій:

Assisa al pie' d'un salice,
Immersa nel dolore,
Gemea trafitta Isaura
Dal più crudele amore;
L'altra tra i rami flebile
Ne ripete va il suon.

Вся скорбь влюбленной жалобы обнаружилась до конца съ такимъ выраженіемъ страданія, съ такимъ жалобнымъ стономъ, что всѣ слушатели были потрясены. Когда затихло послѣднее колебаніе звука этого трагическаго голоса, никто даже не думалъ рукоплескать. Молчаніе парило надъ всей этой равнодушной, пресыщенной толпой, пораженной своимъ собственнымъ волненіемъ. Многіе изъ мужчинъ и женщинъ, явившихся изъ четырехъ угловъ Европы съ зачерствѣлою отъ азартныхъ игръ душою, плакали, почти счастливые отъ вызванныхъ слезъ и вновь проявившейся въ нихъ чувствительности.

Затѣмъ раздались «hoch», «hurra», «eïjen», «bravos», «vivats» — то пѣвучіе, то гортанные крики торжества и благоговѣнія,—этого неистоваго Вавилона, привѣтствовавшего пѣвицу въ то время, какъ цвѣточный дождь покрывалъ эстраду.

Но надо было покинуть залъ. Тогда вся публика столпилась въ сѣняхъ, подстерегая выхода своего кумира.

Наконецъ онъ появился.

Это была женщина лѣтъ двадцати восьми, во всемъ сіяніи, какое геній придаетъ красотѣ. Ея лицо было, какъ у античной мраморной статуи: маленькая голова, прямой носъ, классическія, но трепещущія губы, темные глаза, въ которыхъ проглядывалъ огонекъ, черные волосы, просто раздѣленные проборомъ на два правильные bandeau, какъ крылья, наполовину прикрывающія лобъ. Ея гибкій, волнистый станъ былъ задрапированъ по античному въ нѣчто, похожее на туннику изъ черной мягкой шелковой матеріи. Ея плечи и руки были обнажены, поэтому на нее накинута выѣздной плащъ, который волочился за нею, какъ придворная мантия.

Она приближалась; къ ея ногамъ женщины бросали свои букеты. Ея красныя губы улыбались, а глаза благодарили и выражали радость торжествующаго сердца, но не за личную славу, а за доброе дѣло, которое она можетъ сдѣлать.

Ей предшествовалъ Беназз, игорный откупщикъ и полный властелинъ мѣстности, старавшійся освободить для нея путь до кресла, поставленнаго предъ однимъ столомъ, на которомъ лакеи только что помѣстили цѣлыя охапки цвѣтовъ.

Она сѣла очень взволнованная и могла лишь неясно преборотать слова благодарности. Затѣмъ, взявъ горсть розъ, она погрузила въ нихъ лицо, какъ бы освѣжаясь.

Стоящій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея Водрэй окидывалъ ее преданными взглядами, бормоча:

— Это—мои цвѣты!

Вокругъ актрисы слышались возгласы. Всѣ обмѣнивались впечатлѣніями:

— Чудно!

— Какой проникающій тембръ!

— Какая метода! Какая душа!
 — Это первая современная лирико-трагическая актриса!
 — Bravo, Гордонъ!
 — Малибранъ и Дорваль въ одной и той же личности!—говорили другіе.

— И какая красавица!
 — Со времени г-жи Грассини, которую первый консуль почтилъ своимъ расположеніемъ, я никогда не видѣлъ и не слышалъ ничего подобнаго, — повѣдалъ префекту Нижняго Рейна камергеръ короля саксонскаго.

Бенаэ молилъ окружающихъ:
 — Господа, умоляю, посторонитесь... Смотрите, г-жа Гордонъ задыхается.

Всѣ немного раздвинулись.
 Тогда Элеонора нѣсколько мальчишескимъ и свободнымъ тономъ, противорѣчащимъ ея трагической красотѣ и сразу обнаруживающимъ ея рѣшительную натуру, полную противорѣчій, заявила:

— Да, мнѣ немного жарко.. но я очень рада!
 — Вамъ надо освѣжиться, сударыня. Неудобно ли вамъ бокаль шампанскаго?—предложилъ Бенаэ.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю!.. Выручка? выручка? Я хочу ее видѣть; прошу васъ, сосчитаемъ ее сейчасъ, сударь!.. Ахъ, мои бѣдныяки, будутъ ли они счастливы?

Директоръ подалъ знакъ, и лакей постѣпно ушелъ.
 Внезапно лобъ г-жи Гордонъ избороздился складкой безпокойства.

— Сколько по опредѣленію бургомистра надо на постройку этой деревушки?

— Около пятнадцати тысячъ франковъ.
 — А вдругъ у насъ ихъ неостанетъ?.. Однако, залъ былъ полный.

На ея подвижномъ лицѣ тотчасъ же выразилась большая тревога.
 Появился лакей, неся корзину, которую онъ поставилъ на столъ. Она была переполнена золотыми и бумажными деньгами.

— Ахъ, скорѣе, скорѣе!—сказала Элеонора, вставая.
 И, опустивъ руку въ корзину, она захватила горсти золота, разсыпавъ его водопадомъ.

— О мои бѣдныя погорѣльцы!.. Благодарю, благодарю, еще разъ благодарю за нихъ!.. Посчитаемъ!

Она снова сѣла, наполовину высыпала этотъ маленькій Пактоль на свое платье и принялась считать съ помощью игорнаго откупщика и лакеевъ, приготавливавшихъ ей золото низкими стопами и раскладывавшихъ ихъ на столѣ.

— Какъ прекрасно и сладко прикасаться къ деньгамъ, нажитымъ для несчастныхъ!—сказала она, сопровождая свои слова со-

отвѣтствующими этой рѣчи движеніями рукъ. — Дорогія деньги!.. Дорогая публика!..

И своей маленькой горстью, полной золота, она послала любовавшейся ею публикѣ поцѣлуй.

Затѣмъ, придавъ себѣ серьезный видъ кассира, сидящаго за своей рѣшеткой, она продолжала:

— Десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять, тридцать... Здѣсь есть все: лудоры, гинеи, рубли, банковые билеты, дукаты, жетоны... пятьсотъ франковъ... Счастливыи игроки!.. Ахъ, если бы я тебя знала!..

И она послала поцѣлуй.

— Ливры, флорины, испанскіе дублоны..

Она надула губы, но затѣмъ, быстро измѣнивъ настроеніе, сказала, обращаясь къ большой серебряной монетѣ:

— Это ничего. Ба! на этотъ разъ я люблю ваше величество!.. А это что?

И она прочитала по складамъ на ободкѣ золотой монеты:

— Гуль... гульд... гульденъ... Пфъ! монета Меттерниха.

Затѣмъ дѣтски радостнымъ голосомъ она воскликнула:

— Наполеондоръ!.. Да здравствуетъ императоръ!

Она остановилась, взволнованная, и сказала смѣясь:

— Я велю себя задержать!

Затѣмъ она сдѣлалась серьезной и продолжала считать.

Во время этой сцены принцъ и Персини, которые сошлись при выходѣ изъ концерта и могли на мгновеніе уединиться отъ суеты, возвращались, сопровождаемые майоромъ Паркэномъ.

Они остановились немного въ сторонѣ и продолжали начатый разговоръ.

Грикуръ, Беркъ и Керелль, не покидавшіе генеральши Рэнго и баронессы Бенуа, воспользовались тѣсною и подошли къ принцу, не привлекая на себя вниманія.

Они съ удивленіемъ увидѣли его разговаривающимъ по-пріятельски съ Персини. Подходя, они услышали ихъ слова.

— Мы основали клубъ «Кожаныхъ Штановъ». Монтолонъ, Воданкуръ, Вуазенъ и Лабордъ участвуютъ въ немъ... Ихъ мнѣніе...

— Кстати, господа,—перебилъ его принцъ,—представляю вамъ г. Персини... Онъ изъ нашихъ; онъ привезъ мнѣ полный планъ.

Послѣдовало минутное колебаніе. Недавно вспыхнувшая ссора была еще свѣжа; но это скоро прошло, и руки самопроизвольно протянулись къ Персини.

Грикуръ даже прибавилъ:

— Сказать, что мы сейчасъ едва не... Мы принесемъ къ ногамъ г-жи Гордонъ все наше уваженіе.

Персини откровенно, безъ принужденной поспѣшности, но также безъ затрудненія пожалъ протянутыя ему руки, и разговоръ продолжался.

Поручикъ Лэти, не покидавшій Водрэя, замѣтилъ Луи-Наполеона. Онъ хотѣлъ оторвать своего начальника отъ лицеизрѣнія Элеоноры.

— Ахъ, принцъ!.. Пойдемте, полковникъ, я васъ представлю. Но старый воинъ сталъ сопротивляться.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лэти, это можетъ быть дурно истолковано. А за тѣмъ, вы знаете, я боюсь политики!..—и онъ нѣсколько злорадно прибавилъ:—я считалъ васъ республиканцемъ?

— Конечно,—отвѣтилъ Лэти,—но развѣ Бонапарты не принадлежали?..

И онъ увлекъ его въ толпу.

Между тѣмъ, счетъ выручки былъ оконченъ. Беназэ съ карандашемъ въ рукѣ оканчивалъ подсчетъ.

— Сколько?—спросила съ тревогой г-жа Гордонъ.

— Двѣнадцать тысячъ семьсотъ восемьдесятъ франковъ.

Элеонора была опечалена.

— Не хватаетъ болѣе двухъ тысячъ франковъ!.. Дѣйствительно ли бургомистръ сказалъ пятнадцать тысячъ?.. Вы увѣрены въ этомъ?—спросила она.

— Безусловно вѣрно.

Великодушная артистка тотчасъ же приняла рѣшеніе:

— Ахъ, милостивые государи и милостивыя государыни,—обратилась она къ еще многочисленнымъ присутствующимъ, собравшимся вокругъ нея,—вы не оставите меня въ горѣ. Мои бѣдняки! Подумайте! Они безъ крова, безъ хлѣба!.. Не хватаетъ ста десяти лудировъ! Ради Бога!.. Я еще завтра спою даромъ, но не откажите мнѣ сегодня. Смотрите, я буду просить милостыню.

Она собрала въ видѣ корзины подолъ своего платья и стала обходить кругомъ, когда позади нея раздался нѣжный, нѣсколько колеблющійся, но вскорѣ окрѣпнувшій, голосъ:

— Безполезно, сударыня; я пополнию сумму.

Она быстро обернулась и оказалась въ присутствіи незнакомой ей личности. Удивленная и восхищенная, она могла лишь пробормотать:

— О, сударь, какъ вы добры!

Голосъ продолжалъ:

— Г. Паркэнъ, вручите сто двадцать наполеондоровъ.

— Наполеондоровъ!

Затѣмъ, доставъ свою памятную книжку и маленькій золотой карандашъ, она спросила:

— На чье имя я должна записать?..

Послѣдовало краткое колебаніе со стороны дарителя.

— На имя изгнанной артистки.

— Артистки?—спросила Элеонора, поднявъ глаза, — но ищутъ только ..

Принцъ улыбнулся и сказалъ:

— Да, королевъ.

Элеонора съ нѣскольکو испуганнымъ любопытствомъ пристально посмотрѣла на него. Потомъ вдругъ орометчиво, не будучи еще увѣрена, сказала:

— Ваша ма...

Она остановилась, прикрывъ ротъ рукою.

Но принцъ серьезно поклонился, произнося:

— Моя мать?

— Вы принцъ Луи-Наполеонъ?

Ее охватило сильное волненіе. Она попробовала сдѣлать придворный поклонъ, но ей пришлось опереться рукою на кресло.

Принцъ поспѣшилъ поддержать ее. Она взяла его руку и необдуманнѣмъ движеніемъ энтузіазма поцѣловала ее.

— О, сударыня, что вы дѣлаете? Это было бы...

— Вы не можете понять, вы не можете знать.

— Нѣтъ, я знаю.

Предупредительно, но сдержанно, онъ провелъ ее къ растворенной въ садъ, стеклянной двери, затѣмъ возвратился къ своимъ друзьямъ.

Беназъ все еще умолялъ публику разойтись.

— Прошу васъ, милостивые государи и милостивыя государыни, ради Бога...

Видя, какъ медленно оставляютъ въ покоѣ г-жу Гордонъ, онъ подалъ знакъ придвернику игорнаго зала. Тогда послѣдній громко объявилъ:

— Господа, игра возобновлена!

Всѣ бросились къ игорному залу.

Префектъ Нижняго Рейна, приблизившись къ Корнильону, сказалъ:

— Я уѣзжаю въ Страсбургъ, вотъ мои распоряженія...

И онъ увлекъ его за собою.

Въ комнатѣ оставались только принцъ, окруженный Персиньи, Лэти, Грикуромъ, Беркомъ и Кереллемъ, Водрэй, не сводившій глазъ съ пѣвицы, генеральша Рэнго и баронесса Бенуа, наблюдавшія всѣхъ съ злораднымъ смѣхомъ.

Элеонора, облокотившись на наличникъ двери, долго вдыхала вечерній воздухъ. Все ея существо, напряженное отъ нервнаго усилія этого вечера, мало-по-малу успокоилось отъ теплаго дуновенія вѣтерка, ласкавшаго ея кожу. Она не замѣтила, какъ двѣ слезы скатились по ея щекамъ и разсѣялись на мраморной груди. Изъ ея встревоженной души вырвался легкій стонъ. Она всматривалась въ великолѣпное небо, думая прочесть въ немъ какое нибудь предначертаніе своей судьбы...

Къ ней приблизился Водрэй.

— Вамъ дурно?

— Нѣтъ,—сказала она сухо.

— Можетъ быть, прогулка на чистомъ воздухѣ...—прибавилъ онъ застѣнчиво.

— Не съ вами ли?

— Но...

— Наединѣ, прижавшись другъ къ другу, при сладкихъ изліяніяхъ, при лунѣ... Ахъ, нѣтъ, благодарю.

Она нервно засмѣялась.

— Вы жестоки, сударыня!

Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, но она, видя, что его обидѣла, стала удерживать:

— Такъ вы не хотите быть моимъ другомъ? Такъ хорошо быть товарищами... Вы знаете, что я не могу васъ любить, — сказала она, протягивая руку.

Въ теченіе нѣкотораго времени принцъ и окружающіе его оживленно разговаривали, не трудно было замѣтить, что Водрэй служилъ предметомъ ихъ любопытства и бесѣды.

Лѣти, отдѣлившись отъ нихъ, подошелъ къ нему и сказалъ:

— На этотъ разъ вы не можете вернуться... Принцъ желаетъ съ вами познакомиться, полковникъ.

— Нѣтъ.

— Вы не можете отказать, не сдѣлавъ невѣжливости. Впрочемъ, это васъ ни къ чему не обязываетъ.

Водрэй, уязвленный обращеніемъ г-жи Гордонъ и мало заботясь о томъ, что отъ него требовали, хотѣлъ ускользнуть, но принцъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ него съ протянутой рукой.

— Полковникъ, не откажите мнѣ въ радости пожать руку одному изъ самыхъ достойныхъ товарищей императора.

— Ваше высочество!

Луи-Наполеонъ продолжалъ:

— Вы командуете 4-й артиллеріей; это полкъ въ Валянсѣ, гдѣ началъ свою службу простымъ поручикомъ мой дядя, и гдѣ мой отецъ, котораго взялъ къ себѣ дядя, получилъ свое первое обученіе... Это почти семейная связь.

— Принцъ...

— Помните, по бѣдности у нихъ была лишь одна постель, и старшій между двумя уроками математики самъ дѣлалъ кадетскій супъ... Всѣ офицеры 4-й артиллеріи обожали маленькаго Луи-Бунапарта... Я—его сынъ.

— Я...

— Полно! Пожмите безъ всякихъ сомнѣній руку друга, который никогда не потребуетъ отъ васъ ничего, противнаго вашей чести.

Старый воинъ не могъ болѣе выдержать. Онъ съ волненіемъ взялъ протянутую принцемъ руку, но послѣдній раскрылъ ему объятія и облобызалъ его. Затѣмъ онъ воскликнулъ:

— Вотъ самый счастливый моментъ, какой только я знаю!.. Господа, полковникъ Водрэй дѣлаетъ намъ честь своимъ присутствіемъ.

И, обернувшись къ Элеонорѣ, онъ сказалъ:

— Г-жа Гордонъ будетъ благодарна, что мы оставимъ ее отдохнуть... Поидемте, господа, курить... Полковникъ расскажетъ намъ о прекрасныхъ прежнихъ подвигахъ и странствованіяхъ великой арміи...

Они вышли, и голосъ принца смолкъ.

Персинья пошелъ послѣдній вслѣдъ за принцемъ, но г-жа Гордонъ окликнула его.

— Жильберъ!

— Дорогая Элеонора, я долженъ... — сказалъ молодой человекъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

Г-жа Гордонъ сдѣлала повелительный знакъ и сказала:

— Оставайтесь!

III.

Послѣ ухода принца Беназэ подаль знакъ, и большіе тяжелые занавѣсы, отдѣлившіе этотъ залъ отъ сѣней, опустились, поэтому Персинья съ Элеонорой остались одни.

Она полулежала въ большомъ креслѣ; онъ стоялъ, устремивъ глаза на дверь, готовый продолжать свой путь.

— Я не могу оставить такъ принца... — сказалъ онъ.

— Такъ вы съ нимъ знакомы?—перебила она нѣсколько насмѣшливо.

— Въ продолженіе часа, но уже три мѣсяца, какъ мы переписываемся.

— Рег вассо! какъ сказалъ бы мой знаменитый учитель, Россини: вы быстро двигаетесь впередъ относительно связей!

Персинья приблизился къ ней:

— Вы это лучше знаете, чѣмъ ктонибудь другой!

— Это правда: вы мною овладѣли погусарски!.. И это мнѣ не очень не нравилось, — прибавила она, слегка ударяя по складкамъ платья, — вотъ уже годъ, какъ это длится.

— Годъ, -- подтвердилъ Персинья.

Элеонора подняла глаза.

— Вы это говорите, будто находите время слишкомъ длиннымъ.

— Ты знаешь, что нѣтъ.

— О! безъ пошлости!... Откуда у васъ явился этотъ скоротечный бонапартизмъ?

— Отъ васъ.

— Отъ меня?

— Слушая, какъ вы рассказываете преданія объ императорѣ.

Элеонора выпрямилась, облокотясь локтемъ на колѣно и подперевъ рукою подбородокъ, съ мечтою о прошедшемъ во взорѣ.

— Да, это были рассказы, охъ, какіе прекрасные рассказы! Они убаюкивали мое дѣтство. Они были переданы мнѣ ворчунями моего отца, когда, совсѣмъ еще маленькой, я, сидя верхомъ на ихъ колѣняхъ въ штиблетахъ, царапала ихъ бѣлую буйволовою кожи амуницію своими пальцами или запускала ихъ въ тоістую шерсть ихъ медвѣжьихъ шапокъ.

— Вы были для меня, — продолжалъ Персиньи мечтательнымъ тономъ, — раскрытымъ томомъ «Побѣдъ и завоеваній».

— И вы перелистывали меня?

— Я васъ любилъ и собиралъ эти преданія съ вашихъ губъ.

— Такъ что вы, унтеръ-офицеръ, изгнанный изъ арміи за республиканскій заговоръ, вдругъ очутились на буксирѣ у наследника имперіи, — продолжала Элеонора съ насмѣшливымъ выраженіемъ рта.

Персиньи упорно не замѣчалъ задорнаго тона своей подруги и продолжалъ.

— Я понималъ силу этого народнаго воображенія, и что съ нею можно поднять страну, возратить ей жажду жизни.

Послѣдовала пауза.

Эти два красивыя, изворотливыя и способныя существа, въ которыхъ жила одна мысль, какой хитростью поразить противника, подобно двумъ дуэлистамъ, смотрѣли другъ на друга, скрестивъ на мгновеніе взгляды, будто раиры.

Ихъ глаза скоро измѣнили направленіе. У Элеоноры вырвался одинъ изъ тѣхъ вздоховъ, наполовину насмѣшливыхъ, наполовину искреннихъ.

— Ахъ, Персиньи, вы заставляете меня сожалѣть, — сказала она.

Но онъ былъ сильнѣе въ этой игрѣ и сказалъ, прикинувшись удивленнымъ:

— Сожалѣть?! О чемъ же, Боже мой?

Пѣвица продолжала:

— Вспомните, о чемъ мы говорили въ тотъ день, когда мы любили другъ друга.

— Обо многомъ.

— Не перебивайте меня!.. «Какъ только по той или другой причинѣ скука, несходство характеровъ, новая любовь»...

— Новая любовь?

Тонъ, которымъ онъ произнесъ эти слова, былъ такъ учтиво дерзокъ, что Персиньи получилъ ударъ вѣромъ по рукамъ.

— Не раздражайте меня, видите, у меня больные нервы!.. «Тотъ или другой захочетъ порвать свою цѣпь изъ розъ, довольно сказать два слова: забудемъ прошлое. Этимъ все сказано». Помните?..

— Я, помню — сказалъ Персиньи съ меланхоличной серіозностью, — я такъ хорошо это помню, что сейчасъ тамъ (онъ показалъ на мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ нѣсколько минутъ ранѣе съ Луи-Наполеономъ), когда между мною и принцемъ завязывалось дѣло, которое должно возвести его на престолъ, а меня... въ его приближенные, я думалъ, насколько виновенъ тотъ, кто въ моментъ, когда бросается въ опасное приключеніе, былъ безуменъ, увлекаая за собою любимую женщину...

Онъ на минуту остановился, улыбаясь, затѣмъ заключилъ:

— Но мнѣ вспомнилось наше обоюдное обѣщаніе... и я успокоился.

Элеонора смотрѣла на него съ изумленіемъ, какъ будто онъ сказалъ баснословную безсмыслицу; затѣмъ рѣзко прибавила:

— Какъ!.. Но, позвольте, позвольте, это я расторгаю нашу связь.

— Въ стратегіи вы стоите за наступательное движеніе, — сказалъ молодой политикъ со смѣхомъ.

— Я придерживаюсь правосудія, — сказала очень искренно пѣвица: — мужчина не имѣетъ права расторгать первый.

— Однако, контрактъ былъ обоюдный.

— Теперь ты не скажешь мнѣ подобныхъ словъ! — сказала со смѣхомъ Элеонора.

Послѣдовало молчаніе, затѣмъ Персиньи, приблизясь къ ней, спросилъ:

— Такъ... другая любовь?

— Другая... ну, ужъ вѣтъ, — сказала она съ испугомъ.

Съ минуту она казалась взволнованной и, внезапно переидя къ другому порядку мыслей, сказала:

— Скажи мнѣ, принцъ...

Она остановилась.

— Ну, что же принцъ?.. Доканчивай.

— О! онъ очарователенъ! Но есть ли у него способности? Онъ застѣнчивъ, нѣсколько холоденъ...

— Его отецъ былъ голландскимъ королемъ.

— Дурачина... Надо его разгорячить... О! называться Наполеономъ и оставаться бездѣятельнымъ? Жить по-мѣщански въ сытомъ изгнаніи, когда наслѣдникъ цезаря?..

— Не довѣрай наружности; я узналъ его душу изъ писемъ.

— Такъ ты надѣнешся? — сказала она, заинтересованная.

— Онъ упоренъ и фанатиченъ; его безопасность только поверхностная; быть апатичнымъ это значитъ быть непроницаемымъ. Онъ вѣрить въ свою миссію, онъ исполнить ее. Онъ считаетъ, что жизнь имѣетъ для него какую нибудь цѣну только лишь, если онъ сдѣлается императоромъ французовъ. Онъ сложитъ свою голову за свою корону.

— Съ виду онъ нѣжный, немного печальный... Въ его блѣдныхъ глазахъ видна мечта, — сказала Элеонора.

— Мечта объ имперіи... Онъ изъ молчаливыхъ, а молчаливые иногда страшны. Такими были заговорщики флорентійской республики... Онъ изъ ихъ семьи.

Замечтавшаяся Элеонора спросила голосомъ балованнаго ребенка:

— Хочешь, чтобы я участвовала?

— Въ чемъ?

— Въ этомъ рискованномъ предпріятіи.

— Это не женское дѣло.

— Однако... Иоанна д'Аркъ?

— О! Иоанна д'Аркъ! — сказалъ со смѣхомъ Персинья.

— Да, я знаю... Во всякомъ случаѣ не тебѣ меня упрекать.

Она перемѣнила тонъ и стала нервной.

— И затѣмъ, я думаю, что ты давно пересталъ смотрѣть на меня, какъ на мѣщаночку!..—сказала она.—Какъ! ты меня не узналъ въ теченіе года! Но развѣ ты не видишь, что это существованіе меня раздражаетъ, что съ меня довольно цвѣтовъ, а рукоплесканія выводятъ меня изъ себя!... Да вотъ я получила письмо отъ Россини, — неподобное приглашеніе въ итальянскую оперу. Ты увидишь, какъ я отвѣтила *illustrissimo*. Буду я пѣть, буду я играть комедію, когда могу участвовать въ настоящей живой драмѣ!.. Вѣрь! Не вѣрь нуженъ въ эту руку, а хлысть...

Она сломала вѣеръ и, бросивъ обломки на коверъ, упала на кресло съ нервными слезами на глазахъ.

— Будь немного спокойнѣе, — нѣжно проговорилъ Персинья: — если бы кто нибудь пришелъ...

— Ты меня считаешь неспособной служить вамъ? Во-первыхъ, я ѣзжу верхомъ лучше тебя...

Персинья раздражился:

— Э! да дѣло идетъ не о верховой ѣздѣ.

Но она разошлась, она залпомъ сказала:

— Сейчасъ, пока вы разговаривали съ принцемъ, я вдыхала добрый запахъ заговора, — знакомый мнѣ и вновь найденный А! ты считаешь меня за новичка? Слушай! Послѣ отреченія императора и до возвращенія мы были, — отецъ и я, — очень, очень несчастливы, въ маленькой квартиркѣ, въ Монружѣ; никого, кромѣ насъ двоихъ; мама умерла, а я была совсѣмъ маленькой. Мы были очень бѣдны. Иногда папа выходилъ поздно вечеромъ, и, чтобы не оставлять меня дома одну, онъ часто уводилъ меня съ собою далеко, чрезъ деревню... Мы шли въ одиночествѣ. Нужно было проходить чрезъ множество маленькихъ садиковъ, огородиковъ, полныхъ капусты... Наконецъ мы достигали цѣли: то это была калитка заброшеннаго, необитаемаго участка земли, то отверстіе каменоломни

предъ которой возвышалось большое колесо, черное, какъ потухшій фейерверкъ. Внезапно появлялся человекъ, похожій на моего отца, и спрашивалъ: «Кто идетъ?» Мой отецъ отвѣчалъ, называя какую нибудь изъ побѣдъ: Аустерлицъ, Йена, Фридландъ, ну, не знаю какую, понимаешь—лозунгъ. Это были карбонаріи. Меня укладывали спать въ уголь на кучу плащей, а потомъ мой отецъ несъ меня на рукахъ обратно въ Парижъ, когда начинало свѣтать. Впослѣдствіи, послѣ смерти отца я опять видѣла его товарищей. Когда надо было скрыть какія нибудь бумаги, исполнить порученіе, передать что нибудь важное незнакомцу у церковной двери взами́тъ поданной святой воды или незамѣтно вручить что нибудь въ милостынѣ нищему,—они всегда вспоминали о сиротѣ... Ты видишь, я не новичекъ.

Персинья слушалъ ее съ восторженнымъ удивленіемъ.

— Такъ ты хочешь снова начать?—спросилъ онъ со смѣхомъ.

— О! да, болѣе, чѣмъ когда!

И тотчасъ же, вышучивая себя, она добавила:

— Я чувствую въ себѣ душу адъютанта!

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Ты не замѣтила одного?

— Чего?

— Что мы никогда такъ часто не говорили другъ другу «ты» со времени нашего разрыва.

Она сдѣлалась ласковой и сказала:

— Только въ любви есть нѣжность.

Затѣмъ, вернувшись къ своей мысли, она добавила:

— Такъ рѣшено?

— Что?

— Ты меня вербуешь?

— Нѣтъ!.. Тише! Идутъ!..

Это былъ Беназэ, который осторожно, сначала на половину приподнявъ занавѣсъ, приближался съ лакеемъ, несшимъ корзину цвѣтовъ:

— Отъ его высочества, великаго герцога Баденскаго.

— Благодарю великаго герцога, — отвѣтила Элеонора тономъ королевы.

Беназэ протянулъ футляръ и письмо, произнося:

— Отъ вдовствующей великой герцогини Баденской.

Элеонора открыла футляръ.

— Кольцо... О! посмотрите, Жильберъ!... Оно старинное... какое восхитительное!

Затѣмъ, распечатавъ конвертъ, она вполголоса прочитала:

«Сударыня!

«Мое положеніе помѣшало мнѣ присутствовать на вашемъ прекрасномъ концертѣ, но я не хочу допустить окончиться этому вечеру, не выразивъ вамъ всей моей благодарности за вашу великодушный поступокъ относительно нашихъ бѣдныхъ погорѣльцевъ. Присоединяю къ моей лептѣ для нихъ скромный подарокъ для васъ. У него нѣтъ другой цѣнности, какъ его происхожденіе. Это кольцо было дано мнѣ моей теткой, императрицей Жозефиной, когда я была школьницей въ пансіонѣ г-жи Кампанъ. Я думаю, что этотъ подарокъ на память былъ созданъ, чтобы обрадовать сердце дочери прежняго офицера императора.

«Стефанія Богарнэ».

У Элеоноры вырвался крикъ дѣтской радости.

— А! благородная женщина!

И она поцѣловала кольцо.

Беназэ снова приблизился и передалъ второе письмо.

— Отъ принца Луи?

— Отъ принца...

При распечатываніи письма у нея дрожали пальцы, и она обмѣнялась съ Персиньи взглядомъ. Затѣмъ она прочтала:

«Для празднованія появленія среди насъ г. Персиньи мы на-мѣреваемся,—я и мои друзья,—соединиться съ нимъ сейчасъ на братской вечерѣ. Не окажете ли намъ, оударыня, милости председательствовать на этомъ ужинѣ, всю прелесть котораго составитъ ваша красота и умъ?»

«Л. Н.»

Жильберъ спросилъ:

— Вы принимаете?

Она, совсѣмъ смущенная, отвѣтила:

— Безъ сомнѣнія... Но я такъ растрепана... Ва!.. Гдѣ ужинаютъ, г. Беназэ? Въ ресторанѣ?

— Принцъ отдалъ приказъ поставить столъ здѣсь же, на террасѣ.

— О! прекрасная мысль! — сказала Элеонора, хлопая въ ладоши. — Ночь теплая, благоухающая гвоздикой и фіалками... Мои цвѣты будутъ служить скатертью и приборами.

И она побѣжала къ террасѣ, гдѣ лакеи уже накрывали столъ, освѣщенный цвѣтными свѣчами въ серебряныхъ канделябрахъ.

Персиньи, идя къ пролету двери, быстро обернулся и сказалъ:

— Вотъ и принцъ.

Появился Луи-Наполеонъ подъ руку съ Водрэмъ и сопровождаемый своимъ обычнымъ конвоемъ.

— Вы видѣли всю драму,—говорилъ онъ, продолжая начатый разговоръ.

— Я могу сказать, что въ Ватерлоо я далъ послѣдній пушечный выстрѣлъ,—отвѣтилъ Водрэй.

Тогда Луи просящимъ тономъ продолжалъ:

— Вы не откажетесь поужинать съ нами, полковникъ?

— Но, принцъ...—пролепеталъ влюбленный въ г-жу Гордонъ.

— Ахъ, ваше высочество,—сказала приближаясь пѣвица, беря пригоршнями цвѣтовъ,—вы увидите сейчасъ красивый при-
боръ.

И, обратясь къ Водрэю съ дружеской безцеремонностью, сказала:

— Помогите-ка мнѣ вмѣсто того, чтобы торчать тамъ съ вашимъ печальнымъ лицомъ.

И смѣясь она вложила ему въ руки оханку розъ и увлекла его къ террасѣ.

Тогда принцъ подалъ знакъ, по которому всѣ его друзья собрались вокругъ него, и торопливо сказалъ тихимъ голосомъ:

— Господа, послѣднимъ, пока залъ почти пустъ. Вотъ въ какомъ положеніи дѣло. Генералы,—вы знаете, какіе,—намъ отказываютъ. Грикуръ потерялъ неудачу въ своихъ попыткахъ. Моя книга вездѣ была принята снисходительно, но вездѣ послѣдовалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «скажите принцу, чтобы онъ держался спокойно; его не знаютъ, у него нѣтъ сторонниковъ, къ тому же мы обязались». О! эти люди, которыхъ мой отецъ осыпалъ богатствомъ!.. Намъ остается Страсбургъ... г. Лэти?

Лэти сдѣлалъ шагъ и, отчеканивая слова, сказалъ:

— Я отвѣчаю почти за всѣхъ офицеровъ, но намъ надо одного изъ начальниковъ гарнизона. Смотрите, вотъ этого (онъ указалъ на Водрэя чрезъ дверь террасы); въ его рукахъ артиллерійская бригада; гражданское населеніе его обожаетъ за его поведение въ іюльскіе дни... Тише... кто-то идетъ.

Онъ замѣтилъ камергера саксонскаго короля, проходившаго чрезъ залъ.

Старый дипломатъ, дойдя до пролета двери, остановился и казался на минуту въ замѣшательствѣ; затѣмъ подошелъ къ маленькому обществу и высокомѣрно-церемонно поклонился.

Онъ заговорилъ на этотъ разъ безъ всякаго иностраннаго произношенія почтительнымъ тономъ прежнихъ царедворцевъ.

— Извините, господа. Меня зовутъ Патерне, я принадлежу къ администраціи Габріэля Делессера и нахожусь здѣсь, чтобы за вами слѣдить. Но я служилъ при императорѣ съ VIII года и презираю теперешнее правленіе. Если бы не моя отставка!.. Коротко сказать, остерегайтесь, вы здѣсь не въ безопасности. Префектъ Нижняго Рейна спустилъ на васъ наглеца изъ адъш-

няго отдѣленія. О! не очень страшнаго любителя, но все-таки берегитесь. Не отвѣчайте мнѣ, это бесполезно. Я хорошо понимаю, что между вами и мною не можетъ быть... Ваше высочество, приношу мое смиренное почтеніе къ ногамъ вашего высочества... Господа...

И старый полицейскій вышелъ, пятясь, съ достоинствомъ и самоудовлетвореніемъ.

Всѣ оставались съ минуту неподвижны, какъ бы застывъ отъ удивленія.

Луи-Наполеонъ прервалъ молчаніе:

— Откуда бы онъ ни исходилъ, но совѣтъ—добрый. Господа, остановимся на этомъ. Черезъ недѣлю, въ Арненбергѣ, у моей матери мы возобновимъ разговоръ.

Появились Элеонора и Водрэй.

— Сударыня, — сказалъ принцъ, — моя мать не простила бы мнѣ, если бы я допустилъ подобную вамъ артистку проѣхать такъ близко отъ нея, не представивъ ей. Не окажете ли вы милость пріѣхать къ намъ вмѣстѣ съ этими господами?

— Ваше высочество... пролепетала взволнованная и восхищенная г-жа Гордонъ.

— А вы, полковникъ?—спросилъ Луи-Наполеонъ.

— О! принцъ, невозможно! — отвѣтилъ Водрэй твердымъ тономъ.

— Однако, необходимо, чтобы онъ пріѣхалъ! — прошепталъ на ухо пѣвицѣ Персиньи.

— Онъ пріѣдетъ!—отвѣтила она съ красивымъ рукодвиженіемъ, выражающимъ пренебрежительно презрительную увѣренность.

И она прибавила на ухо молодому человѣку:

— Ты хорошо видишь, что я могу пригодиться на что нибудь.

Въ то время, какъ они обмѣнялись этими послѣдними словами, большой занавѣсъ поднялся, и залъ былъ открытъ для публики.

— Кушать подано, ваше высочество, — сказала Элеонора съ глубокимъ поклономъ.

Принцъ предложилъ ей руку, и они отправились на террасу, сопровождаемые друзьями.

IV.

Въ эпоху, когда бывшая голландская королева, Гортензія, и послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ ея трехъ сыновей, Шарль-Луи-Наполеонъ, жили въ Арненбергскомъ замкѣ, онъ ничѣмъ не напоминалъ княжескаго жилища.

Это была большая вила, окруженная прекраснымъ паркомъ, но выстроенная на открытомъ мѣстѣ самаго высокаго плоскогорія Тюрингскихъ горъ.

Съ башни, возвышавшейся на красной крышѣ, видно было Констанцское озеро, а горизонтомъ служили синеватыя вершины Шварцвальдена.

Тамъ-то послѣ столькихъ тревоженій, пережитыхъ на другой день Ватерлоо, послѣдовательныхъ изгнаній изъ расчеловѣченнаго Союза, бывшая королева кончила тѣмъ, что раскинула свою палатку, утѣшаясь своими художественными вкусами, рисуя, сочиняя романсы и очень серьезно занимаясь воспитаніемъ сыновей, тоскуя объ ихъ судьбѣ и мечтая объ отплатѣ и побѣдахъ, которыя осуществились для одного изъ нихъ, но безъ ея присутствія.

Если правда, что съ этого момента честолюбивая душа этой очаровательной матери составила подобные планы, то мѣстность была столь хорошо выбрана, что графъ Огюстъ Талебранъ, представитель Людовика XVIII въ Швейцаріи, писалъ министру полиціи 24-го февраля 1817 года:

«Вѣрно, что замокъ Арненбергъ, будучи на горѣ въ уединенномъ положеніи, близъ Констанцскаго озера, очень удобенъ для подозрительныхъ сообщеній, а слѣдовательно за нимъ трудно присматривать, въ виду того, что всѣ, желающіе этимъ заняться, не имѣя никакой причины находиться въ этой странѣ, считались бы за лазутчиковъ».

Однако, королева Гортензія, сдѣлавшаяся по волѣ Бурбоновъ простой герцогиней Сенъ-Лё, жила тамъ многіе годы спокойно, безъ политическихъ интригъ. Она раздѣляла свою жизнь между этимъ дачнымъ мѣстомъ и Аугсбургомъ, гдѣ жилъ ея братъ, принцъ Евгений, также лишенный своего вице-королевства въ Италіи, и Римомъ, гдѣ жила Летиція, родоначальница орловъ, мать всѣхъ Бонапартовъ.

Тѣмъ временемъ Шарль-Луи-Наполеонъ проходилъ свое ученіе сначала въ Аугсбургской коллегіи, находясь подъ руководствомъ Филиппа Ле-Ба, сына члена конвента, и Вильяра, отставнаго военнаго, душою республиканца; впослѣдствіи онъ перешелъ въ артиллерійское и инженерное училище въ Тюнъ, подъ начальство знаменитаго полковника Дюфура.

Это были спокойные годы, и, казалось, правительство совершенно забыло о существованіи дочери Жозефины. Но наступилъ 1830 годъ, снова появилось трехцѣтное знамя, національный вопросъ взволновалъ всю Европу, и никогда имя Наполеона не сіяло столь ослѣпительнымъ обаяніемъ, какъ въ то время.

Итальянская революція стоила жизни старшему сыну Гортензіи; герцогъ Рейхштадтскій умеръ; Шарль-Луи-Наполеонъ могъ считаться случайно наслѣдникомъ имперіи. Слишкомъ продолжительное и противозаконное пребываніе Гортензіи въ Парижѣ, когда она привезла своего послѣдняго сына изъ Италіи, снова привлекло вниманіе правительства. И съ тѣхъ поръ еще не окрѣпнувшее іюльское правительство, окруженное кознями и угрозами,

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ІЮНЪ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

I. Богословіе.

Анвилонъ, Е., прот. О физико-телеологическомъ доказательствѣ бытія Бога. Спб. 1905. Ц. 3 р.

— Церковь Христова въ дѣлѣ нашего спасенія. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб. 1905. Ц. 50 к.

— Христіанство и современныя событія 1905. Ц. 40 к.

Иконографія Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа. Ляцовой иконописный подлинникъ. Томъ I. Спб. 1905. Ц. 25 р.

II. Философія, психологія, логика.

Марксъ, Карлъ. Нищета философіи. Отвѣтъ на „Философію нищеты“ г. Прудона. Съ предисл. и примѣч. Фр. Энгельса. Перев. съ франц. Одесса. 1905. Ц. 65 к.

Минскій, М. Н. Религія будущаго. (Философскіе разговоры). Спб. 1905. Ц. 2 р.

Энгельсъ, Ф. Отъ утопіи въ научной теоріи. Пер. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 10 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія, геологія, физика, химія.

Браунсъ, Р., д-ръ. Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ мѣсто-рожденія и значеніе ихъ для промышленности. Вып. 6-й. Спб. 1905. Ц. 2 р. 75 к.

Бутневичъ, В. С. Регрессивный метамор-

фозъ бѣлковыхъ веществъ въ высшихъ растеніяхъ и участіе въ немъ прогеолитическаго фермента. Экспериментальное и критическое изслѣдованіе. М. 1904. Ц. 1 р.

Голлеманъ, А. Ф., проф. Учебникъ неорга-

нической химии. Перев. съ англ. Спб. 1905. Ц. 3 р. 60 к.

Мокрежничъ, С. Внутренняя терапия и внѣ-корневое питание растений. Вредныя насекомыя. Консультативная дѣятельность. Симферополь. 1905. Ц. 15 к.

Мушкетовъ, И. В., проф. Физическая геология. Томъ II. Денудационные процессы, вып. II (геологическая дѣятельность проточ-

ной воды, озеро, моря и льда). Изд. 2-е, передѣл. и доп. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

Погодинъ, А. Л. (проф). Почему не говорить животныя? Къ вопросу о происхожденіи языка. Варшава. 1905. Ц. 60 к.

Ростовцевъ, С. Опредѣлитель растений для школь и самообразования. Часть II, вып. 1-й. М. 1905. Ц. 60 к.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

Гауссъ, д-ръ. Таблицы для вычисленія прямоугольныхъ координатъ. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. въ пер. 2. р. 25 к.

— Четырехзначныя таблицы логарифмовъ. М. 1905. Ц. 85 к.

V. Словесность.

Амфитеатровъ, А. Легенды публициста. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Андреевъ, Александръ. Двѣ встрѣчи и другіе рассказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Сборникъ статей литературныхъ, экономическихъ и философско-историческихъ. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Бобровъ, Е. А. А. С. Пушкинъ въ Казани. Спб. 1906. Ц. 30 к.

— Матеріалы для біографіи М. Ѳ. Поселъта. (На основаніи архивныхъ данныхъ). Варшава. 1905. Ц. 20 к.

— Къ столѣтію годовщины рожденія поэта А. И. Полежаева. (1805 — 1905). Варшава. 1905. Ц. 45 к.

Борнъ, Георгъ. Анна Австрійская. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Вернъ, Жюль. Вторая родина. Романъ. Съ рис. Жоржа Ру. М. 1905. Ц. 1 р.

Викторъ, Іером. Недовольные люди. Три лекціи по поводу героя Максима Горькаго. Спб. 1905. Ц. 40 к.

— Забѣтка о человѣкѣ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Вольный, Вл. „Дорогой цѣной“, драма въ 4 дѣйств. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Гонечная, М. П. Очерки изъ жизни. М. 1905. Ц. 75 к.

Горлеимо, В. Отблески. Забѣтки по словесности и искусству. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Гюго, Викторъ. Клодъ Ге. Перев. съ франц. П. В. Одесса. 1905. Ц. 3 к.

Дорошевичъ, В. М. Собраніе сочиненій. Томъ II. Безвременье. М. 1905. Ц. 1 р.

Зѣлинскій, Ѳ. Изъ жизни идей. Томъ II. Древній мѣръ и жм. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. М. 1905. Ц. 2 р.

Искененко-Емельяновъ, И. Я. Двѣ книги: книга любви и книга поэта. Стихотворенія. Кутаисъ. 1905. Ц. 1 р.

Конавъ-Дойль, А. Подвиги морского разбойника. М. 1905. Ц. 50 к.

Корольковъ, А. Повѣсти лѣтъ древнихъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Костромской, П. Концертъ съ благотворительною цѣлью. Этюдъ изъ современной жизни. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портретомъ и біограф. очеркомъ, написаннымъ Н. Денисюкомъ. Вып. II (1864 — 1875 гг.). М. 1905. Ц. 1 р.

Лентовскій, М. В. Передъ закатомъ... М. 1905. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Сибирскіе рассказы. Томы II, III и IV. М. 1905. Ц. каждого тома 1 р.

Метерлинкъ, Морисъ. Двѣнадцать пѣсенъ въ переводѣ Георгія Чулкова. Съ рис. Шарля Дудля. М. 1905. Ц. 3 р.

Миличъ, Е. На досугѣ. Очерки и рассказы. Mainz. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Островскій, А. Н. Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ. Спб. 1905. Ц. 16 р.

Пантовскій, Ѳ. Е. Русскіе на войнѣ по произведеніямъ Вс. М. Гаршина и Л. Н. Толстого. Моршанскъ. 1905. Ц. 20 к.

Пѣсни свободы. Сборникъ стихотвореній разн. авторовъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Предсказанія важнѣйшихъ событій XX вѣка и русско-японской войны. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Роландъ-Гольстъ, Генріэта. I. Мистицизмъ въ современной литературѣ. П. Метерлинкъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Ростанъ, Э. Романтики. (Les romansques). Комедія въ 3 дѣйств. Перев. съ франц. въ стихахъ Т. Щепкиной-Куперникъ. М. 1905. Ц. 60 к.

Сборникъ молодыхъ писателей: Л. Ануфриевъ, Леонидъ Виллинскій, М. Алексѣева, К. Гуро, Воротынскій, Г. Михайловскій, А. Аксаковъ, С. Тѣневъ, Н. Германъ, Н. Федотовъ, Нэлди. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Софокль. Антигона. Трагедія. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Изд. 2-е, испр. и доп. (Дешевая Библ. Суворина, № 193). Спб. 1905. Ц. 12 к.

— Эдипъ-царь. Трагедія. Перев. съ греч. В. Алексѣевъ. Изд. II, испр. и доп. (Деш. Библ. Суворина, № 187). Спб. 1905. Ц. 15 к.

Уваровъ, П. С. Аввакумъ-кровопийца. Романъ изъ жизни Сахалина и Дальняго Востока. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Шебуевъ, И. Везъ предварительной цензуры. 35 юмористическихъ рассказовъ. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

* Шенспиръ, В. Король Лиръ. Трагедія въ 5 дѣйств. Переводъ. А. В. Дружинина. (Дешевая библ. Суворина, № 44). Спб. 1905. Ц. 25 к.

— * Маббетъ. Трагедія въ 5 д. Переводъ А. И. Кронеберга. (Дешевая Библиотека Суворина, № 53) Спб. 1905. Ц. 25 к.

VI. Исторія.

Болсуновскій, К. В. Автономныя монеты Галицкой Руси XIV и XV стол. Киевъ. 1905. Ц. 75 к.

Гиппиусъ, А. И. О причинахъ нашей войны съ Японіей. Съ приложениями (документы). Спб. 1905. Ц. 3 р.

Дорошевичъ, В. Востокъ и война. Съ рисунками въ текстъ. М. 1905. Ц. 1 р.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Томъ IX, вып. 3. Софія. 1904. Ц. за 3 вып. 4 р.

Нанъ, Рэтиналь. Изъ вражескаго стана. Изъ „Дневника военнаго корреспондента“ при японской арміи. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Каръевъ, И. Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ (1881—1905). Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Николаевъ, А. А. Очерки по исторіи японскаго народа. Т. I. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Новикъ, И. Д. Московскіе земскіе соборы. М. 1905. Ц. 15 к.

Попова, О. Н. Севастополь и его оборона.

Съ 5 рис. и 2 картами. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Рожиновъ, Н. Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія. Ч. I. Киевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 1 р.

Табурно, I. Правда о войнѣ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Татлиновъ, В. В. Правительство императрицы Анны Іоанновны въ его отношеніяхъ къ дѣламъ православной церкви. Исследование. Вильна. 1905. Ц. 8 р.

* Флетчеръ. О государствѣ русскомъ или образъ правленія русскаго царя (обыкновенно называемаго царемъ московскимъ), съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Шахматовъ, А. А. Сказаніе о призваніи вараговъ. Спб. 1904. Ц. 60 к.

* Щеголевъ, П. Е. А. С. Грибоѣдовъ и декабристы (по архивнымъ матеріаламъ). Съ приложеніемъ факсимиле дѣла о Грибоѣдовѣ, хранящагося въ государственномъ архивѣ. Спб. 1905. Ц. 10 р.

VII. Географія.

Головачевъ, П. Сибирь. Природа, люди, жизнь. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Греновъ, М. И. Въ Маньчжурскихъ степяхъ. Изъ воспоминаній о Донѣ. 1878—1879 гг. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Дунинъ-Горковичъ, А. А. Справочная книжка Тобольской губерніи. Приложение къ картѣ Тобольской губерніи. Карта и книжка составлены по послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ до января 1904 года. Тобольскъ. 1904. Ц. карты и книжки 2 р.

Липскій, В. И. Горная Вухара. Результаты трехлѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію въ 1896, 1897 и 1899 гг. Часть III. Хребтъ Гиссарскій и Восточная Вухара: хребтъ Дарвазскій, Мазарскій и Петра Велыкаго. 1899. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Мечъ, Сергій. Англія. Съ 30 рис. въ текстъ. М. 1905. Ц. 50 к.

Пантелъевъ, С. В. Нидерланды и Бельгія. Очерки стараго и новаго. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскаго народа. Подъ ред. В. П. Семенова. Томъ IX. Верхнее Поднятіе и Вѣлороссія. Спб. 1905. Ц. 3 р. 75 к., въ пер. 4 р. 25 к.

Саломинковъ, В. В. Очерки Семирѣчья. I. Джунгарскія степи. Балхашъ. Иссыкъ-Куль. Центральный Тянь-Шань. Томскъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Содовскій, Густавъ. Съ южнаго побережья Крыма. Описаніе путешествія доктора. Спб. 1904. Ц. 50 к.

VIII. Сельское хозяйство.

* Афанасовичъ, В. К. Плодовый садъ и огородъ любителя въ сѣверной полосѣ Россіи. Изд. 3-е, испр. и доп. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Базаряниновъ, А. Волнистыя попугаи или неразлучки. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Барановъ, А. Наблюденіе надъ погодой при помощи упрощенныхъ метеорологическихъ приборовъ. Практическое руководство для земледѣльцевъ, сельскихъ хозяевъ, помѣщиковъ и т. п. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Гампель, Н. „125 небольшихъ садовъ“. Планы разбивки садовъ, описаніе устройства ихъ и посадки. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Гроссъ, П. И. Канарейка, породы ея, разведеніе, уходъ и лѣченіе болѣзней. Съ 18 рис. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Нарышевъ, Н. Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ. М. 1905. Ц. 1 р.

Носоротовъ, Ф. И. Какъ и чѣмъ улучшить лѣсные покосы. (Для хозяевъ-практиковъ). Спб. 1905. Ц. 8 к.

Мазовъ, А. М. Практическое руководство о канарейкахъ и соловьяхъ. М. 1905. Ц. 1 р. Ходоровскій, I. Другъ садоводства. Общедоступное руководство садоводству. Харьковъ. 1905. Ц. 60 к.

IX. Технологія.

Бѣлелюбскій, А. Справочная книга для дорожныхъ мастеровъ, старшихъ рабочихъ, смотрителей зданій и десятниковъ. Съ приложеніемъ 37 отдѣльныхъ таблицъ чертежей и рисунковъ, сигналовъ въ текстѣ. Изд. 4 е, испр. и дополн. Кіевъ. 1905. Ц. 2 р.

Бунге, Н. А. Курсъ химической технологіи. Вода, топливо и отопленіе. Освѣщеніе. Изд. 2 е, испр. и дополн. Съ 175 политипажами. Кіевъ. 1905. Ц. 3 р.

вольфрумъ, А. Методика промышленной работы, какъ особый отдѣлъ промышленныхъ знаній, въ связи съ технической химіей. Подъ ред. М. М. Настюкова. М. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Городскія электрическія желѣзныя дороги. Краткое описаніе устройства различныхъ системъ городскихъ электрическихъ жел. дорогъ. Съ 11 рис. Перев. съ нѣм. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Гринъ. Растворимые ферменты и броженіе. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 2 р. 25 к.

Гроссъ, П. И. Производство непрожаренныхъ тканей и способы предохраненія тканей отъ плѣсени и сгорания. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Гулишамбаровъ, Ст. І. Благородные металлы и камни въ мировой промышленности. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Исследование каменныхъ матеріаловъ, употребляемыхъ для ремонта щебеночной одежды шоссе и мостовыхъ въ Варшавскомъ округѣ путей сообщенія. Варшава. 1905. Ц. въ папкѣ 2 р.

Критскій, М. Телеграфно-телефонное дѣло. I ч. Руководство для военно-телеграфныхъ школъ. II ч. Приложение. Пособіе для телеграфныхъ частей. Изд. 3-е, перераб. и доп. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

Мейснеръ, Г., инж. Передача силы на дальнія разстоянія и устройство передаточныхъ механизмовъ и регуляторовъ. Практическое руководство для конструкторовъ, механиковъ, фабрикантовъ и заводчиковъ. Томъ II. Спб. 1905. Ц. 7 р.

Польгаузенъ, А., проф. Паровые котлы, ихъ дѣйствіе, расчетъ, конструкція, сборка и установка. Вып. I. Перев. съ нѣм. Ц. по подл. на 15 вып. 7 р., кажд. вып. 50 к.

Фрейтагъ, Фр., проф. Детали машинъ. VII. Цилиндры, трубы, вентили, клапаны. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 40 к.

X. Правовѣдѣніе.

Аваловъ, З. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Спб. 1905. 2 р. 50 к.

Анвилоновъ, Е. (протоіерей). О сіонизмѣ. Отвѣтъ на «Открытое письмо» д-ра Гордона къ проф. И. Г. Троицкому. Спб. 1905. Ц. 20 к.

— **Тяжъ ли мы виноваты?** (По поводу одного фельетона г. М. О. Меньшикова). Спб. 1905. Ц. 20 к.

Будилевичъ, А. С. Наука и политика. Три статьи по злободневнымъ вопросамъ. Motto: Litteris et patriae. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Вальянь, Эдуардъ. Кризисъ и безработица. Пер. съ франц. Спб. 1904. Ц. 7 к.

Вергучъ, Д. Нѣмецкій Drang nach Osten въ цифрахъ и фактахъ. Съ картою нѣмецкихъ захватовъ на славянской землѣ. Вѣна. 1905. Ц. 1 р.

Гагенъ, В. А. Земство и общественныя работы. Спб. 1905. Ц. 25 к.

***Герцбергъ, Н.** Рабочій вопросъ и социализмъ. Перев. съ шведскаго. Подъ ред. гр. Л. Л. Толстого. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Гольденъ, Д. М. Законы и распоряженія военнаго времени. Правила военнаго положенія. Права комендантовъ вѣрностей. Преступленія и проступки въ вѣрностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Должности, освобождающія отъ призыва въ армію. Охраненіе наследствія послѣ умершихъ воинскихъ чиновъ. Нейтральная торговля, Военная контр-абанда. Призрѣніе ра-

неныхъ и увѣчныхъ, а также семействъ нижнихъ чиновъ, выступившихъ въ походѣ. Пособія и пенсіи въ военное время. Положеніе о военнопленныхъ. Почтовая корреспонденція. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Даровскій, В. И. Сборникъ свѣдѣній о стипендіяхъ, учрежденныхъ въ кадетскихъ корпусахъ по 1 января 1905 года. Съ подробнымъ указаніемъ всѣхъ правилъ и порядка замѣщенія этихъ стипендій. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Демченко, В. По поводу нашей смуты и высочайшихъ указовъ 12 декабря 1904 г. и 18 февраля 1905 г. Изд. 2-е. Кіевъ. 1906. Ц. 70 к.

Златогоровъ, С. И., д-ръ мед. «Объ азиатской холерѣ». Причины болѣзни и дѣры борьбы съ нею. Научно-популярное изложеніе. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Избирательное право (по Георгу Майеру, Дж. С. Миллю, Эсмену, Еллинеку, Коркунову и др.). І. Я. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Именной высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 г., высочайше утвержденныя положенія комитета министровъ и извѣщенія изъ особыхъ журналовъ комитета министровъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Науфманъ, А. А. Переселеніе и колонизація. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Нечедни-Шопаловъ, М. В. Къ свободѣ... Этюды по женскому вопросу. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Конституционное государство. Сборникъ статей Авалова, Водозова, Горейберга, Живелегова, проф. Карѣва, Н. Е. Кудри-

на, Лазаревского, Покровского и Рейслера. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Коркунрвъ, Н. М. Лекціи по общей теоріи права. Изд. 6-е (безъ перем.). Спб. 1904. Ц. 2 р.

Краснонень, М., проф. Къ вопросу о освободѣ совѣсти и о вѣротерпимости. Юрьевъ. 1905. Ц. 25 в.

Кузановъ, Г. П. Ограничительные акты и обязательность ихъ для третьихъ лицъ. Одесса. 1905. Ц. 40 к.

Лабулэ, Эдуардъ. Политическія идеи Бенжамена Констана. М. 1905. Ц. 40 к.

Лохтинъ, Петръ. Безземельный пролетаріатъ въ Россіи. Опытъ опредѣленія количества безземельнаго пролетаріата, созданнаго существующими способами крестьянскаго земледѣлія. М. 1905. Ц. 3 р.

Листъ (фонъ), Франц., проф. Учебникъ уголовного права. Особенная часть. М. 1905. Ц. 3 р.

Луначарскій, А. Этюды критическіе и полемическіе. М. 1905. Ц. 1 р. 80 к.

Манусъ, И. Политическіе, экономическіе и финансовыя вопросы послѣдняго времени. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Новый законъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости. Съ разъясненіями. Спб. 1905. Ц. 25 в.

Новыя правила объ исполненіи высочайшихъ наградъ съ дополнительными къ этимъ правиламъ узаконеніями. Изд. 3-е. 1905. Ц. 40 к.

Норовъ, В. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Часть II. Финансовыя результаты винной монополіи. Организациія виннаго хозяйства. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Олстонъ, Л. Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Введеніе въ изученіе политической науки. Переводъ съ англ. К. Тимирязева. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 30 к.

Политикъ-ветеранъ. Популярный курсъ практической политики. Общепонятное изложеніе умственныхъ, нравственныхъ и бытовыхъ основъ, руководящихъ дѣятельностью государей, законодателей, правителей и гражданъ во благо народное. Спб. 1905. Ц. 10 в.

Прусская конституція съ объясненіями, извлеченными преимущественно изъ комментарія д-ра Арндта. Перев. бар. А. Мейендорфъ. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Рабочій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Очерки по Каутскому и другимъ экономистамъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Ревуцкій, Н. Передъ приходомъ антихриста (вѣтерокъ съ Тихаго океана). Спб. 1905. Ц. 20 в.

Резонъ, фонъ, А. Кассационная практика по дѣламъ объ акцизныхъ нарушеніяхъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Рундштейнъ, Е. Синдикатное право. Ученіе о картеляхъ. Перев. съ нѣмецк. Н. Н. Клименко. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Сазоновъ, Г. Народное представительство безъ народа. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Современное положеніе русскаго дѣла на Финляндской окраинѣ. Изданіе Русскаго Собранія. Спб. 1905. Ц. 25 в.

Тюрго (1727—1781). Размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ, Цѣнности и деньги. Перев. и дополненія проф. А. Н. Миклашевскаго. Юрьевъ. 1904. Ц. 75 к.

Указатель дѣйствующихъ въ имперіи акціонерныхъ предприятий и торговыхъ домовъ. 2 тома. Спб. 1905. Ц. 15 р.

Цвидинекъ-Энденгорстъ (фонъ), О. Теорія и политика заработной платы, въ особенности изслѣдованіе вопроса объ установленіи minimum'a заработной платы. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 2 р.

Цертелевъ, Д. И., ин. Печать и общественное мнѣніе. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Цетнина, Млара. Женщина и ея экономическое положеніе. Перев. съ нѣмецк. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 7 в.

Чагинъ, С. Правила объ устройствѣ судебной части, о производствѣ судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и временныя правила о волостномъ судѣ. Изд. 5-е. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Что такое земскій соборъ? Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 10 в.

XI. Медицина.

Блуменбергъ, Т. А., д-ръ. Что такое холера и какъ бороться съ нею. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Бургеръ, А. Вредное вліяніе женской и дѣтской модной обуви. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

*Верещагинъ, Н. Какъ дѣлать холеру. Спб. 1905. Ц. 1 в.

Высоновичъ, В. (проф.). Въ ожиданіи холеры. (Въ общедоступномъ изложеніи). Кіевъ. 1905. Ц. 10 к.

Гамалей, Н. Ф. Холера и борьба съ нею. Второе исправл. и дополненное изданіе, съ приложеніемъ карты, изображающей распространеніе холерныхъ эпидемій. Одесса. 1905. Ц. 60 в.

Григорьевъ, А. х. Противомоскитная жидкость д-ра мед. В. И. Маливина, какъ сред-

ство борьбы съ маляріей. Тифлисъ. 1905. Ц. 75 к.

Дворецкій, А. И., д-ръ. О противохолерныхъ прививкахъ. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Дембо, Г. И. Холера, ея причины, теченіе, мѣры предохраненія и дѣленія въ популярномъ изложеніи. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Жуль, В. Что такое холера и какъ отъ нея уберечься. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Луницъ, В. Л. Какъ поступать при холерѣ? Спб. 1905. Ц. 20 к.

Реклю, Элизе. О вегетарианствѣ. Пер. съ англ. М. Языковой, подъ редакціей А. Н. Ковшина. М. 1905. Ц. 10 в.

Rumpf, Th., prof. Холера. Съ 3 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 40 к.

— О дѣченіи азиатской холеры и cholera

posttras. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1905. Ц. 35 к.

* Солонцевъ, К. М. Общедоступное изложене свѣдѣній о холерѣ, о предохранительныхъ мѣрахъ отъ нея и лѣченіи. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Судзиловскій, Е. И. Что такое холера и

какъ уберечься отъ нея. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Шнярлевскій, А. О лѣченіи земляники. Кіевъ. 1904. Ц. 30 к.

Шлезингеръ, О. А. Что такое холерная зараза, какъ отъ нея уберечься и какъ лѣчить холернаго больного. Спб. 1905. Ц. 15 к.

ХII. Искусство.

Адриановъ, Н. Самоучитель и справочная книжка фотографа. Руководство современной фотографіи. Изд. 3-е, перераб. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Валлонъ, Е. Рѣшенія задачъ, встрѣчающихся при занятіяхъ фотографіей. Переводъ съ франц. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Гроссъ, П. И. Цвѣтная фотографія. Описание какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ усовершенствованій въ области цвѣтной фотографіи. Съ 2 рис. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Ермиловъ, Н. Какъ фотографировать облака, воду, волны, бурю, молнію, противъ солнца, лунные виды. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Нанъ самому построить фотографическій аппаратъ. Практ. руководство къ постройкѣ фотографической камеры. Съ 16 рис. Перев. съ нѣм. Спб. 1906. Ц. 20 к.

* Картины Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ, съ объяснительнымъ текстомъ А. И. Сомова, старшаго хранителя Эрмитажа. Вып. V. Ц. за 10 вып. 75 рублей. Допускается разсрочка.

Картины современныхъ художниковъ въ краскахъ. Тезкъ Игоря Грабаря. Вып. 9-й. Ц. каждаго выпуска 1 р.

Московская Городская Художественная Галлерей П. и С. Третьяковыхъ. Вып. 27. М. 1905. Ц. по подл. на 12 вып. 24 р.

Московская Румянцевская Галлерей. Вып. II. М. 1905. Ц. по подл. на 18 вып. 36 р.

Портреты русскихъ писателей въ геліографияхъ по оригиналамъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Вып. 8. М. 1905. Ц. по подл. за кажд. вып. 2 р.

Русскій музей Императора Александра III. Вып. II. Ц. по подл. за каждый вып. 2 р.

ХIII. Военное и морское дѣло.

Гейсманъ, П. Записки военной администраціи для интендантскаго курса. Историческій отдѣлъ. Вып. II. Спб. 1905. Ц. 1 р.

— Генеральный штабъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Филипповъ, Ю. Д. Торговое мореплаваніе. Вып. I. Спб. 1905. Ц. 2 р.

XIV. Коммерческія науки.

Евлинъ, З. Коммерческія вычисленія. Руководство къ теоретическому и практиче-

скому изученію коммерческой ариметики. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

XV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги. Народныя книги.

Бѣлозерскій, Н. А. П. Шаповъ, какъ педагогъ. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Гатцунъ, В. А. Кавказскія сказки. Вып. II. М. 1905. Ц. 25 к.

Гославскій, Е. Среди полей. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Съ рис. М. 1905. Ц. въ пап. 50 к.

— Въ деревнѣ. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. М. 1905. Ц. въ пап. 60 к.

Засодимскій, П. Изъ дневника Андрея Муратова. М. 1905. Ц. 20 к.

— Лютикъ. Рассказъ. М. 1905 г. Ц. 15 к.
Ильминскій, Г. А. Сложныя мѣстоименія и окончанія родительнаго пад. ед. ч., м. и ср. р. величійхъ мѣстоименій въ славян-

скихъ языкахъ. Этимологическое изслѣдованіе. Изд. 2-е, изм. и доп. М. 1905. Ц. 2 р.

Кругловъ, А. В. Крылатые ворюшки и ихъ друзья. Повѣсть для дѣтей школьнаго возраста. М. 1905. Ц. 25 к.

Лунашевичъ, Н. Сказки родной Украины для дѣтей. М. 1905. Ц. въ пер. 75 к.

— Медаль. М. 1905. Ц. 10 к.

— Нанька-Ванька. М. 1905. Ц. 10 к.

Позняковъ, Н. И. Отъ сердца къ сердцу. Рассказы и сказки. М. 1905. Ц. въ пап. 75 к.

Смоленскій, Ст. В. Въ защиту просвѣщенія восточно-русскихъ инородцевъ по системѣ Ник. Ив. Ильминскаго. Спб. 1905. Ц. 40 к.

XVI. Справочный отдѣлъ.

Абраменко, Ф. Словарикъ, заключающій около 7.000 словъ, затруднительныхъ для правописанія. Изд. 2-е, дополненное. Кіевъ. 1905. Ц. 10 к.

Гусевъ, П. Новый путеводитель по живописнымъ мѣстностямъ Юго-Восточной Финляндіи. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Наге. Свѣдѣнія для женщинъ, получившихъ среднее образование, о высшихъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ и курсахъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

* Лѣтнее расписание прямыхъ поѣздовъ 1905 г. 1) С.-Петербургъ—Севастополь и обратно. 2) С.-Петербургъ—Кисловодскъ и обратно. Спб. 1905. Ц. кажд. 5 к.

Маврицій, В. Сборникъ правилъ и подробныхъ программъ для поступления во всѣ учебныя заведенія мужскихъ и женскихъ на

1905—1906 г. Изд. 19-е. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Мосевичъ, Григорій. Иллюстрированный практическій путеводитель по Варшавѣ и ея окрестностямъ. Одесса. 1905. Ц. въ пер. 1 р.

— Иллюстрированный практ. путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностямъ. Изд. 2-е. Одесса. 1905. Ц. въ пер. 1 р.

— Иллюстрированный практ. путеводитель по Кавказу. Изд. 10-е. Одесса. 1905. Ц. въ пер. 1 р. 50 коп.

Рамзевичъ, Н. К. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. Спб. 1905. Ц. 2 р.

* Изданія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

СОЧИНЕНІЕ

А. С. ПУШКИНА

Изданіе А. С. СУВОРИНА

Редакція П. А. ЕФРЕМОВА

ВЪ ВОСЬМИ ТОМАХЪ.

Цѣна за всѣ 8 томовъ, заключающихъ свыше 300 листовъ, съ двумя гравированными портретами и двумя снимками съ рукописей поэта—15 рублей (за пересылку— по разстоянію). Въ переплетѣ 21 р. и 23 р.

Кромѣ обыкновенныхъ экземпляровъ, въ продажу поступили въ ограниченномъ количествѣ экземпляры, напечатанные: 1) на ватманской бумагѣ, ц. за 8 томовъ 100 р. (распроданы), 2) на голландской—75 р. (значительная часть тоже распродана), 3) на слоновой—60 р. и 4) на тряпичной—20 рублей (распроданы).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе **100 печатныхъ листовъ**, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять **рублей**. Въ переплетѣ **30 рублей**. Пересылка по разстоянію.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляет собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за **четыре большихъ тома** съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами **30 рублей**. Въ переплетѣ **36 руб.** Пересылка по разстоянію.

Доволено цензурою 25-го іюня 1905 г. С.-Петербургъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.
АВГУСТЪ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1905 г.

	СТРАН.
I. Печальная повѣсть поручика Кайтуки. (Быль). В. Кузминскаго .	321
II. Воспоминанія А. А. Ауэрбаха. I—III.	347
III. Анюткина коса. (Изъ записокъ неизвѣстнаго). А. П. Лемана. . .	375
IV. Изъ воспоминаній Н. А. Раевскаго (1815 — 1830 гг.).	391
V. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. XIII. (Продолженіе). Н. И. Фалѣева	410
VI. Изъ лицейской старины. II (Окончаніе). Б. Я. Грота	423
VII. Изъ воспоминаній сельскаго дѣятеля. (Посвящается Федору Федоровичу Славинскому). V—XI. (Окончаніе). Л. Н. Савлука	444
VIII. Личность императрицы Екатерины II въ исторической литературѣ. Ф. В. Благовидова.	461
IX. Бытовые очерки прошлаго. И. С. Вѣляева	485
X. Отлученіе бригадира Ивана Швыйковскаго отъ церкви. Д. Вишневецкаго	500
XI. Вяжицскій монастырь. (Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода). А. Г. Слезкинскаго	514
Иллюстраціи: 1) Вяжицскій монастырь.—2) Николаевскій соборъ въ Вяжицкомъ монастырѣ.—3) Николаевскій соборъ въ Вяжицкомъ монастырѣ.	
XII. Дворъ и царствованіе императора Павла по «Запискамъ» графа Федора Головкина. Е. С. Шумигорскаго	528
XIII. Иностранцы о Россіи. В. Т.	536
XIV. Церковь и государство въ Соединенныхъ Штатахъ. (Соціологическій очеркъ). Е. Н. Матросова	556
XV. Критика и библиографія	571

1) Проф. П. Е. Казанскій. Мнѣніе о диссертациі А. Г. Тимофеева «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ». Одесса, 1905.—Проф. А. Я. Шпаковъ. Отзывъ о диссертациі приватъ-доцента А. Г. Тимофеева «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ». Одесса, 1905. проф. в. Латина. 2) Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго при участіи ихъ учениковъ, по случаю 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Спб. 1905. М. Ник.—снго.—3) И. Ф. Масановъ. Библиографія Владимирской губерніи. Томъ I. Изданіе Владимирской ученой архивной комиссіи, подъ редакціей А. В. Смирнова. Владимиръ, 1905. п. д.—4) Проф. М. И. Петровъ. Лекціи по всемірной исторіи. Т. III—IV. 2-е изданіе въ обработкѣ и съ дополненіями проф. В. П. Вузецкула. М. Н.—5) Ю. А. Яворскій. Очерки по исторіи русской народной «словесности. I. Легенда о панциряхъ. Львовъ, 1901.—II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ. Кіевъ, 1905. Я. Ав.—ва.—6) Д. Зеленинъ. Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губерніи (этнографическій и историко-литературный очеркъ). Вятка, 1904. п. д.—7) Е. В. Вѣляевскій. Педагогическія воспоминанія. 1861—1902. Изданіе редакціи журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Москва, 1905. п. д.—8) В. Азовъ. Корея. Спб. 1905. А. Фаресова.—9) Прусская конституція съ объясненіями, извлеченными преимущественно изъ комментарія д-ра Арндта. Перев. бар. А. Мейендорфа. Спб. 1905. М. Н.—10) Ж.Т.

(См. слѣд. стран.)

Łubomirski. Adam Kisteł, wojewoda kijowski. Warszawa. 1905. (Я. Т. Любомирскій. Адамъ Кисель, воевода кievскій). Г. А. Воробьева.—11) Георгъ Шустеръ. Тайныя общества, союзы и ордена. Томъ I. Переводъ съ вѣмецкаго О. А. Волькенштейнъ подъ редакціей проф. А. Л. Погодина. Спб. 1905. V.—12) М. М. Абрашкевичъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, товарищъ прокурора Одесскаго окружнаго суда. Предлѣжаніе съ точки зрѣнія уголовного права. Историко-догматическое изслѣдованіе. Одесса. 1905. Проф. М. Красношона.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи	590
1) Критическій взглядъ на жизнь Колумба до его открытій.—2) Любовь Лукреціи Борджіа и Пьетро Бембо.—3) Столѣтній юбилей Мадзини.—4) Скромное чествованіе народнаго поэта июльской революціи.—5) Донъ Хозе Эчегарей.—6) Смерть Томэка, Гемеца, Типпу-Тиба, Джона Гея, Виллаверде и Элизе Реклю.	
XVII Смѣсь	610
1) Археологическій институтъ.—2) Московское археологическое общество.—3) Географическое общество въ Москвѣ.	
XVIII Некрологи	613
1) Алексѣевъ-Куингурцевъ, Н. Н.—2) Веніаминъ, епископъ.—3) Востриковъ, Н. Г.—4) Жулева, Е. Н.—5) Козловъ, Н. И.—6) Некрасовъ, А. А.—7) Немоловскій, М. И.—8) Рождественскій, А. В.—9) Секоловъ, С. И.—10) Сырку, П. А.	
XIX. Замѣтки и поправки	620
1) Пушкинъ и Лелевель, Николая Лериера.—2) Поправка къ изданіямъ Пушкина, к Я. Грота.—3) Къ біографіи архіепископа Антонія А. Титова.	

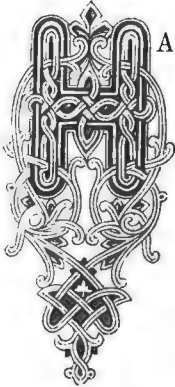
ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ Ивана Ивановича Пущина.—2) Историческіе искатели приключеній. (La grande aventure). Страсбургская эпопея. Романъ Жоржа Лабрюйера. Переводъ съ французскаго. V—XI.

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВѢСТЬ ПОРУЧИКА КАЙТУКИ.

(Быль).

АИБЪ — въ Турціи намѣстникъ султана, а на Кавказѣ, во время Шамяля и затѣмъ еще долго послѣ покоренія края, наибъ былъ нѣчто въ родѣ исправника или становаго; теперь же уже давно наибскія должности упразднены, и всѣ наобы переименованы въ приставовъ. У Шамяля наибъ былъ облеченъ большою властью — это былъ надъ нѣсколькими десятками ауловъ (деревень) маленькій царекъ и творилъ у себя все, что ему было угодно. Послѣ взятія Шамяля и покоренія Дагестана наобы тоже были оставлены, но только имъ были даны права, конечно, несравненно меньшія. А такъ какъ самое слово «наибъ» осталось безъ измѣненія, то и страхъ населенія къ своимъ правителямъ остался почти тотъ же, что былъ при Шамялѣ.

Словомъ, наибъ поистинѣ большой былъ человекъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ и я, будучи еще молодымъ офицеромъ, получилъ наибское назначеніе.

Многіе изъ товарищей мнѣ тогда завидовали. Я же, къ общему удивленію, ровно черезъ 8-мь мѣсяцевъ, постигнувъ всѣ прелести и тайны «особенныхъ» наибскихъ обязанностей, уже писалъ рапортъ: «желая продолжать службу его императорскаго величества въ строю, испрашиваю ходатайства вашего сіятельства (тогда въ Дагестанѣ все начальство были князья) о переводѣ меня обратно въ строй, въ одинъ изъ полковъ 00-й дивизіи», и... мѣсяца черезъ два-три, послѣ самыхъ подробныхъ допросовъ начальства о

причинахъ, побуждающихъ меня мѣнять прекрасную службу военнаго управления на строевую, я былъ переведенъ въ полкъ; но это послѣдовало, какъ я уже оговорился, въ сложности только мѣсяцевъ черезъ 10-ть, 11-ть послѣ моего вступленія въ исполненіе должности; въ данное же время, къ которому относится мой нижеслѣдующій рассказъ, былъ именно разгаръ моей, если такъ можно выразиться, «ханской» дѣятельности: я изображалъ собою председателя того суда, который, по указаніямъ еще намѣстника Ермолова, рѣшалъ дѣла по обычаямъ и религіознымъ предписаніямъ, извлеченнымъ изъ корана.

Словомъ я судилъ, я рядилъ, я и миловалъ...

Въ очень просторной передней большого дома—человѣкъ 8-мь вооруженныхъ нукеровъ (всадниковъ-тѣлохранителей)... На дворѣ масса просителей-горцевъ...

Я возсѣдаю въ большой свѣтлой комнатѣ за столомъ.

Въ одномъ углу, за маленькимъ столикомъ—письмоводитель, ведущій всю переписку на арабскомъ языкѣ, онъ же и кадій (мулла, священникъ) съ кораномъ передъ собою.

У дверей дежурный нукеръ, и, наконецъ, передъ моимъ столомъ, въ самой почтительнѣйшей позѣ—переводчикъ-горець. Всѣ въ полномъ вооруженіи.

Диванъ (судъ) въ дѣйствиіи: просители, жалобщики одинъ за другимъ впускаются и выходятъ.

Я, какъ еще не такъ опытный и не наторѣлый въ своей роли человѣкъ, рѣшаю дѣла съ полною осторожностью и должными справками; но все-таки довольно скоро, такъ какъ всѣ они, т.-е. дѣла, по большей части, на одинъ покрой—совершенно однообразны: Магома въ ссорѣ убилъ Омара, а сынъ Омара по долгу чести зарубилъ голову Магомъ; Лабазанъ оскорбилъ дочь Юсуфа-Патимать, а братъ послѣдней распоролъ животъ Лабазану и т. д... всѣ на эту тему, но мошенничества, воровства почти нѣтъ...

Вбѣгаетъ со двора нукеръ, и, перекинувшись съ переводчикомъ нѣсколькими словами, оба исчезаютъ... еще одна минута, переводчикъ возвращается съ докладомъ: «князь К—въ и подпоручикъ Кайтука по дѣлу желаютъ васъ видѣть».

— Приси,—отвѣтилъ я.

Съ шумомъ растворилась дверь изъ коридора. Осторожно, самыми неслышными шагами переступилъ порогъ громаднаго роста, еще молодой и красивый мужчина. На немъ была сѣралъ, безъ всякихъ украшеній, черкеска: газыри изъ чернаго рога, кинжалъ съ роговою же ручкою безъ оправы, лишь только съ двумя крупными золотыми пуговицами на рукояткѣ и такую же золотую гайкою на ножнахъ. Поясъ изъ темно-синяго отличнаго ремня, съ массивною золотую пряжкою.

При входѣ въ комнату господинъ снялъ палаху (вообще горцы въ комнатахъ не снимаютъ папахъ) и медленною поступью, нѣсколько прихрамывая, подойдя ко мнѣ и протягивая руку, тихо произнесъ: «князь Абд — ль Мед — дъ».

Вслѣдъ за княземъ, въ совершенную ему противоположность, съ шумомъ и трескомъ не вошелъ, а скорѣе ворвался, какъ вихрь, въ комнату небольшого роста, довольно плотный, съ большою бѣлою, какъ снѣгъ, бородою, совершенно лысый старикъ лѣтъ 65-ти, но въ высшей степени живой, поворотливый, энергичный въ движеніяхъ и краснощекій. Онъ также, но безъ всякой церемоніи, какъ будто уже давно былъ знакомъ со мною, протянулъ свою руку и, дружески пожавъ мою, скорѣе прокричалъ, чѣмъ проговорилъ, смѣясь самою широкою улыбкою: «подпоручикъ Кайтука, по прозвищу Бѣшеный».

Кайтука, опять таки въ противоположность князю, одѣтъ былъ въ самую поношенную дешеваго азіатскаго сукна черкеску съ офицерскими контръ-погончиками. Подпоясанъ простымъ ремнемъ, на которомъ висѣлъ большой, но безъ всякой оправы кинжалъ. Если бы на груди этого старика не красовался, хотя и на очень несвѣжей ленточкѣ, но георгіевскій офицерскій крестъ, старикъ не могъ бы, по крайней мѣрѣ, съ перваго раза обратить на себя хоть чье либо вниманіе. Этотъ же маленькій, бѣлый, какъ снѣгъ, орденъ дѣлалъ собою все: всякій, а особенно военный, при видѣ этого, хотя еще бодрого и здороваго, но уже стараго человѣка съ Георгіемъ на груди и всего только въ чинѣ подпоручика, невольно становился втупикъ.

Неминуемо сами собою являлись для cadaго вопросы: «гдѣ жъ этотъ гусь былъ, за какое такое отличіе удостоился получить высшую военную награду и за какіе затѣмъ подвиги былъ изгнанъ со службы?» Словомъ, съ перваго же момента Кайтука являлъ собою цѣлый рядъ загадокъ...

— Прошу покорно присѣсть, господа, — сказалъ я, придвигая къ столу стулья. — Князь, поручикъ, пожалуйста!

Князь поклонился, а Кайтука моментально сѣлъ и, доставая изъ кармана кисеть съ табакомъ и трубку, обратился ко мнѣ:

— Вы не старовѣръ, разрѣшите покурить?

Это было сказано такимъ чистымъ русскимъ языкомъ, безъ всякаго акцента, что я удивился.

— Пожалуйста — отвѣтилъ я.

— Мы, г. нанбъ, къ вамъ съ большою просьбою, — началъ князь.

— Ради Бога, готовъ служить. Въ чемъ же дѣло?

— Прежде всего, — отозвался Кайтука, взглядывая поочередно то на переводчика, то на письмоводителя, — будьте такъ добры, не откажите исполнить нашу просьбу: прикажите этимъ господамъ исчезнуть отсюда. То, что мы вамъ будемъ докладывать, ихъ очень

интересуетъ; а хотя они у васъ, убѣжденъ, и на счету—одинъ неподкупнаго и преданнаго (переводчикъ), а другой по-русски не понимающаго человѣка, но осмѣлюсь доложить вамъ, что какъ одно, такъ и другое подлежитъ великому сомнѣнью, чтобы не сказать большаго...

— Султанъ-Али, Имамъ-Мирза, кадій, пожалуйста, выйдите. Можете итти домой, занятій сегодня больше не будетъ. Объявите просителямъ: пусть приходятъ завтра.

Султанъ-Али, Имамъ-Мирза и всѣ другіе беззвучно, съ поклонами удалились...

— Намъ советѣмъ обижаютъ, г. наибъ, ради Бога помогите, — заявилъ совершенно спокойно князь Абд—ль Мед—дъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ я: — но въ чемъ же дѣло?

— Устье рѣки Сулака, — началъ князь, — и версть 25 — 30 выше составляетъ собою, какъ вамъ извѣстно, владѣніе шамхала Тарковскаго, а затѣмъ дальше, почти до урочища Чирь-Юрта, Сулакъ служитъ границею Терской и Дагестанской областей и, главнымъ образомъ, за весьма малымъ исключеніемъ, принадлежитъ мнѣ и моимъ родственникамъ, князьямъ Тсмировымъ. По Сулаку у насъ поставлены ватаги (промысла) для лова красной рыбы и сома. Это дѣло и составляетъ наше богатство — цѣнность нашихъ имѣній. Въ настоящее время арендовалъ шамхальскія воды саратовскій купецъ М—въ. Вотъ онъ, чтобы задержать въ своемъ участкѣ всю рыбу, идущую съ моря въ Сулакъ, устроилъ различныя приспособленія, при помощи которыхъ съ началомъ весны, т. е. во время хода красной рыбы съ моря въ рѣку и осенью, когда ложится въ ямы сомъ, перегораживаетъ весь Сулакъ сѣтями, и такимъ образомъ вся рыба, входящая съ моря въ рѣку, остается въ 30-ти-верстномъ участкѣ шамхальскихъ водъ. Этимъ М—въ сдѣлалъ то, что мы, ловившіе прежде каждую весну и осень рыбы на десятки тысячъ рублей, въ этомъ году поймали только на нѣсколько сотъ. Все, что я вамъ заявляю, подтвердятъ, во-первыхъ, всѣ арендаторы нашихъ рыболовныхъ участковъ, въ числѣ коихъ состоитъ и подпоручикъ Кайтука, а затѣмъ вы можете запросить по этому поводу еще владѣльца участка на Сулакѣ, артиллеріи поручика Нев—каго, который, впрочемъ, и самъ имѣлъ быть у васъ. Ради Бога оградите насъ отъ такого произвола М—ва, тѣмъ болѣе, что перегораживаніе всей рѣки сѣтью строжайше карается закономъ.

— Повѣрьте, князь, — заявилъ я, — что безотлагательно, сегодня же, я выѣду на мѣсто этихъ прегражденій, и тамъ же составимъ протоколъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ М—ва, котораго и привлечемъ къ суду. Васъ, господа, — обратился я къ князю и подпоручику Кайтуку, — я тоже попрошу къ завтрашнему утру обязательно быть на мѣстѣ осмотра. Я полагаю, мнѣ удастся произвести этотъ

осмотрѣ совершенно врасплохъ и тѣмъ въ будущемъ оградить васъ господа, отъ произвола этого нахала.

Я былъ увѣренъ, что предложенный мною проектъ совершененъ, а потому самодовольно обратился къ Кайтуку:

— Какъ вы думаете, поручикъ?

— Я думаю, что, если поступить такъ, какъ предлагаете вы, мой хорошій, но крайне неопытный наибъ, то изъ этого, простите за выраженіе, ни чорта не выйдетъ, и мы все обязательно останемся въ дуракахъ! М — въ птица старая и хитрая, — добавилъ онъ, — и его такъ просто не поймашь!

— Вотъ-те и разъ! Благодарю покорно, что же намъ дѣлать? — обратился я, совершенно ошеломленный, уже къ князю.

— Я теперь рѣшительно не располагаю свободнымъ временемъ, г. наибъ, — произнесъ Абд — ль Мед — дъ, приподымаясь, — а вотъ, если разрѣшите, то г. Кайтука, какъ тоже заинтересованный въ этомъ дѣлѣ человѣкъ, вамъ подробно доложить, какъ бы, по нашему мнѣнію, должно бы быть обставлено это дѣло.

И князь простился съ нами.

Остатся наединѣ съ Кайтукой я былъ очень радъ, такъ какъ этотъ человѣкъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе заинтересовывалъ меня.

Отпустивъ отъ себя князя, я сталъ выслушивать проекты Кайтуки, и, наконецъ, мы сообща выработали одинъ планъ, при помощи котораго рѣшено было поймать М — ва на мѣстѣ преступленія и предать его въ руки правосудія.

Было уже около 3-хъ часовъ дня, когда Кайтука сталъ собираться уходить отъ меня.

— Оставайтесь обѣдать, кунакъ, — сказала я Кайтуку, съ которымъ уже совершенно освоился.

— Спасибо, — отвѣтилъ онъ безъ всякихъ церемоній, — а у васъ найдется ли свободная тахточка (кушетка), чтобы прикурнуть послѣ принятія пищи? Это ужъ мой адать (обычай) — послѣ обѣда отдохнуть немножко.

— Пожалуйста, сколько угодно!

Кайтука остался.

За обѣдомъ шла у насъ вообще очень оживленная бесѣда.

— А вы, поручикъ, гдѣ раньше служили? — спросилъ, между прочимъ, меня Кайтука.

— Въ С — комъ полку, — отвѣтилъ я, — тамъ раньше и отецъ мой былъ офицеромъ, туда и я опредѣлился.

— Въ С — комъ полку?! — встрепенулся подпоручикъ, — а не знали ли вы тамъ Тер — цкаго?

— Тер — цкаго я едва только помню, это сослуживецъ моего отца. Тер — цкій ужъ былъ старымъ капитаномъ, когда я дома бѣгалъ еще ребенкомъ. А вы откуда же знаете Тер — цкаго? — спросилъ я

— Мудрено бы было мнѣ его не знать, когда мы съ нимъ одного корпуса, товарищи и одного выпуска; только онъ вышелъ въ пѣхоту, въ вашъ полкъ, а я былъ выпущенъ въ кавалерію — въ гусары.

— Ради Аллаха расскажите вы мнѣ свою исторію, Кайтука, ей-Богу, вы меня въ конецъ заинтересовали собою, — присталъ я.

— Нѣтъ, не въ силахъ я сейчасъ, дорогой мой, такую тяжкую вещь воспроизвести. Моя исторія, т.е. вся жизнь моя, это что-то ужасное, страшное! — тихо, какъ бы задумчиво, произнесъ Кайтука и какъ бы погрузился въ какія-то грустныя думы... Помолчавъ нѣсколько, онъ сказалъ: — Я васъ заинтересовалъ собою, а вы; поручикъ, своею неспорченностью совсѣмъ обворожили меня, и я охотно готовъ открыть вамъ всю свою душу. Вы не можете себя представить, какъ мнѣ хочется давно подѣлиться съ кѣмъ нибудь своимъ тяжкимъ горемъ, своею неизгладимою печалью! Но нѣтъ людей, желающихъ серьезно выслушать меня, нѣтъ людей, готовыхъ сердечно, съ душою отнестись ко мнѣ, — нѣтъ такихъ людей! Всѣ только ради шутки, ради балагана слушаютъ мою исторію, смѣются надъ нею, и я съ ними смѣюсь, но этотъ смѣхъ, вѣрьте мнѣ, тяжелѣе мнѣ всякихъ слезъ! Мнѣ нужны именно люди съ душою и сердцемъ!

Кайтука отвернулся въ сторону, какъ будто скрывая слезу.

Мнѣ стало страшно жаль старика, хотя я еще и не былъ посвященъ въ его тайны, и я чувствовалъ себя крайне неловко.

— Моя убогая сакля, — продолжалъ Кайтука, — на берегу Сулака; кругомъ меня привольныя мѣста фазаньи, — птицы этой масса. Вы, наибъ, какъ говорите, страстный охотникъ. Вотъ пріѣзжайте ко мнѣ на денекъ, на два, поохотитесь, какъ говорится, въ сласть; а къ вечеру, за стаканомъ вина, въ дружеской бесѣдѣ я и открою вамъ всю свою душу — расскажу вамъ отъ начала до конца свою грустную, печальную, тяжелую, но, если хотите, можетъ быть, и интересную исторію.

Затѣмъ Кайтука, казалось, какъ будто даже нѣсколько сконфузился, что разнервничался. Онъ старался быть опять такъ же веселымъ, какъ въ началѣ обѣда, но этого уже у него не выходило...

— Но, — спустя нѣкоторое время, беря папаху, сказалъ онъ, — итакъ, мой поручикъ, счастливо оставаться! Спасибо за сердечный пріемъ и угощеніе, ужъ нѣтъ времени отдыхать, пора и по домамъ. Я сейчасъ же на коня и въ ночь дома. Смотрите же, кунакъ, я васъ жду! Не откладывайте въ долгій ящикъ. Когда пріѣдете?

— Спасибо вамъ за вашу доброту, — протягивая руку Кайтукѣ, сказалъ я. — Если васъ дѣйствительно я не стѣсню, то буду на дняхъ.

— Я—прямой человекъ, и разъ прошу васъ, то, значить, вы мнѣ пріятны. Ну, итакъ, до скорого свиданія!

— Буду на-дняхъ,—повторилъ я.

Мы простились, и Кайтука исчезъ, а я сію же минуту сталъ составлять планъ своей поѣздки.

Черезъ два дня, часовъ въ пять послѣ обѣда я, въ сопровожденіи только двухъ своихъ любимыхъ нукеровъ-всадниковъ, съ полными переметными сумами всякаго добра, верхомъ выѣзжалъ изъ своего стана на охоту, а, главное, въ гости къ Кайтуку.

Выѣхали мы къ вечеру потому, что дорога, верстъ 25—30-ть, предстояла по гладкой, безводной степи, а затѣмъ уже, подѣзжая къ Сулаку, верстъ 10-ть приблизительно, она шла густыми камышами, залитыми, казалось, сплошь водою, но на самомъ дѣлѣ между лиманами пролегали узенькіе гребешки, густо поросшіе саксаульникомъ ¹⁾. Вотъ по этимъ-то именно мѣстамъ и шла наша еле примѣтная дорожка, скорѣе тропинка, къ аулу Кайтуки. На дворѣ стоялъ сентябрь въ началѣ, а въ это время года на крайнемъ югѣ ѣхать въ степи днемъ при солнцѣ совсѣмъ невыносимо — вотъ почему, повторяю, мы и пустились въ путь только часовъ въ пять послѣ обѣда. Проводники у меня были отмѣнившіе, и къ тому же стояли свѣтлыя лунныя ночи.

Съ утра еще былъ посланъ всадникъ впередъ къ ногайскому старшинѣ съ приказомъ выслать проводника на хуторъ «Озень», откуда уже онъ и долженъ былъ вывести насъ на берегъ Сулака къ порому, отъ котораго до аула Кайтуки было совсѣмъ близко.

Дѣйствительно на хуторѣ Озень, куда мы пріѣхали уже совсѣмъ ночью, насъ ожидалъ самъ ногайскій старшина съ проводникомъ. Давъ передохнуть немного лошадямъ, мы тронулись дальше. Хотя была свѣтлая лунная ночь, а все же нужно было удивляться, какъ можно было не сбиться съ пути, ѣхавъ по этимъ трущобамъ. Иными мѣстами мы ѣхали въ бродъ по колѣни лошади, а въ иныхъ полянами по густой осоцѣ, затѣмъ опять попадали на тропу и потомъ вновь бросали ее, скрываясь въ высокому камышѣ. Кому приходилось странствовать ночью по заливамъ, поросшимъ камышами, тотъ знаетъ, какія причудливыя, фантастическія картины представляются путнику; а если къ этому еще прибавить какой-то таинственный шелестъ, шопотъ камыша, отдаленный шумъ и плескъ воды и подчасъ трескъ, производимый въ этихъ трущобахъ испуганнымъ звѣремъ,—то дѣйствительно получается что-то безотчетно-страшное, сильно дѣйствующее на нервы...

Къ полуночи мы прибыли къ порому, гдѣ нашли и самого Кайтуку съ нашимъ нукеромъ, посланнымъ впередъ; а еще не

¹⁾ Это не высокій, но страшно густой кустарникъ, растущій только въ жаркомъ климатѣ.

больше, какъ черезъ полчаса, мы уже, выпивъ наскоро по стакану чая, укладывались въ саклѣ на приготовленные заранѣе для насъ мягкія постели.

Съ зарею я вышелъ въ заросли и взялъ богатую фазанью охоту; а раннимъ вечеромъ мы съ Кайтукой уже кейфовали, занимаясь чаепитіемъ на балконѣ; затѣмъ перешли въ саклю, гдѣ ждали насъ ужинъ и вино, а, еще немного спустя, я уже былъ обращенъ весь въ слухъ: Кайтука, сдержавъ свое слово и открывая мнѣ, если можно такъ сказать, именно всю свою душу, рассказывалъ свою исторію.

— Въ концѣ 30-хъ годовъ,—такъ началъ свой рассказъ Кайтука,—я былъ въ числѣ прочихъ дѣтей вліятельныхъ горцевъ взятъ аманатомъ (заложникомъ) и отправленъ съ родного Кавказа въ Россію, гдѣ немедленно и опредѣленъ былъ въ кадетскій корпусъ, а черезъ 7—8 лѣтъ, вотъ именно съ Тер—цкимъ, о которомъ я васъ спрашивалъ,—выпущенъ корнетомъ въ кавалерійскій полкъ, который квартировалъ тогда въ Польшѣ. Счастью моему въ тѣ поры не было конца: эполеты, мундиръ и лошадь составляли для меня все. Я никогда не былъ фанатикомъ, а въ то время въ особенности всѣ мечты о родинѣ—Кавказѣ, какъ будто отлетѣли въ вѣчность. Меня занимала полковая жизнь, я былъ счастливъ, состоя членомъ полковой офицерской семьи, словомъ, мнѣ ничего не нужно было, кромѣ своего родного полка. Эскадронъ нашъ былъ отправленъ въ отдѣлъ на квартиры, но я не тяготился этимъ; товарищи имѣли знакомыхъ среди помѣщиковъ, а я, уже старый корнетъ, былъ бобылемъ и никого не зналъ. Но когда суждено быть бѣдѣ, то и не знаешь самъ, какъ она подкрадется къ тебѣ.

При самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ, если хотите, даже очень комичныхъ, я, совершенно случайно, познакомился съ барышнею, дочерью одного польскаго помѣщика, и ея семьею, и вотъ съ этого-то самаго момента начинается мое несчастье.

Надъ этой моею исторіею товарищи вначалѣ ужасно смѣялись, и даже школяры ее изобразили въ стихахъ, которые, помню, начинались такъ:

Вблизи какого-то имѣнья
 Корнетъ съ гусарами стоялъ
 И, не любивши развлечения,
 Вокругъ помѣщиковъ не зналъ.
 Однажды, лѣтнею порою,
 Томимый страшною жарою,
 Побрелъ онъ къ рѣчкѣ искупаться
 И сталъ ужъ было раздѣваться,
 Какъ видитъ вдругъ: другой полянкой,
 Совсѣмъ вблизи, певдалекѣ,
 Спускалась барышня съ служанкой
 Купаться къ этой же рѣчкѣ...
 И т. д.

Да, дѣйствительно побрелъ я купаться, а въ это время на берегу далѣе купалась дочь одного помѣщика... вдругъ слышу отчаянный крикъ горничной и вижу воочию: барышня тонетъ!

Описывать намъ всю картину въ деталяхъ нахожу лишнимъ, а скажу лишь, что я спасаю барышню, и все это влечетъ за собою то, что въ домѣ этого помѣщика я становлюсь своимъ человекомъ; затѣмъ у насъ съ барышней дружба, а еще затѣмъ, какъ и должно быть,—страстная любовь... И полюбили мы другъ друга такъ, какъ больше я въ жизни своей никого ужъ никогда не любилъ, не люблю и, конечно, до гроба не буду любить... Кайтука замолкъ. И какъ будто рыданія душили его. Мнѣ до глубины души было жаль старика—я и самъ готовъ былъ разревѣться.

— Да,—продолжалъ Кайтука,—мы дѣйствительно были созданы другъ для друга, но на все есть воля Господа! Я былъ магометанинъ, а она полька-католичка; а потому мы ломали головы, искали способовъ, какъ узаконить нашу любовь. Вѣроятно, и даже несомиѣнно, кончилось бы все это для меня переходомъ въ католицизмъ, и мы бы навѣки были связаны другъ съ другомъ, но судьба распорядилась иначе.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ я былъ счастливъ: я былъ влюбленъ. Мечтамъ нашимъ не было конца. Гдѣ бывала моя нареченная, туда обязательно приглашался и я. И вотъ былъ званый вечеръ въ домѣ одного польскаго магната. Съѣхалась масса всякаго народа, была и наша семья. Веселье было полное—море разливанное. За ужномъ кто-то изъ старшихъ поднялъ первый бокалъ, конечно, за царя. Съ истиннымъ восторгомъ я крикнулъ своему обожаемому монарху «ура» и мигомъ выпилъ бокалъ до дна. Пошли ужъ давно самые обыденные тосты; уже выпили здоровье хозяевъ и многихъ гостей, когда нелегкая дернула меня подняться съ рѣчью.

— Господа,—сказалъ я, держа въ рукѣ полный бокалъ,—горжусь, что я русскій офицеръ, всѣмъ сердцемъ обожающій своего монарха, но въ одно и то же время, господа, простите, я тоже человекъ... человекъ юга, человекъ пылкій—я горецъ! Не мечтаю я о родинѣ, но въ данный моментъ непреодолимо желаю выпить этотъ бокалъ за здоровье Шамя... ура!..—Нѣсколько голосовъ подхватили было, но сейчасъ же затихли. Воцарилось гробовое молчаніе... Еще мнута... хозяева поднялись изъ-за стола, и всѣ за ними. Я въ первую минуту не сообразилъ, что произошло. Будь я трезвъ, я какъ бы нибудь поправилъ дѣло, но я былъ пьянъ. Постоявъ нѣсколько минутъ, я вдругъ, какъ бы очнувшись, громко закричалъ: «такъ вы отказались выпить здоровье моего Шамя?—такъ вотъ же вамъ!»... И съ этими словами я изо всей силы ударилъ объ полъ бокалъ, такъ что брызги засверкали. Скандалъ грандіозный!..

Меня, конечно, убрали, а на утро въ полной парадной формѣ я уже ѣздилъ по помѣщикамъ съ извиненіемъ. Дѣло замаялось потому, что будущій мой тесть среди польскихъ помѣщиковъ былъ очень вліятельный и всѣми уважаемый человѣкъ...

Исторія эта давно забыта... Наступила зима, а съ нею вмѣстѣ еще съ большею энергіею начались балы и вечера. Я, совершенно счастливый, опять съ своею невѣстою на званомъ вечерѣ у другого польскаго магната. Тутъ же много и нашего и другихъ полковъ офицеровъ, но, разумѣется, всѣ до одинаго поляки—русскихъ нѣтъ. Я одинъ татаринъ, но въ совершенствѣ владѣющій польскимъ языкомъ. Балъ въ полномъ разгарѣ; я счастливъ до безконечности.

Не знаетъ никто близости своего несчастія. Такъ было и со мною въ этотъ разъ. Среди кадрили подходитъ ко мнѣ лакей и на ухо докладываетъ: «какой-то господинъ желаетъ васъ видѣть и немедленно проситъ въ пріемную на одну секунду». Не помню уже, что я въ этотъ моментъ подумалъ, но не далъ особаго значенія этому докладу и сказалъ: «сейчасъ выйду». Выбѣжавъ въ переднюю, я передъ собою увидѣлъ господина въ офицерской формѣ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я.

— Вы ли корнетъ Кайтука?

— Да,—отвѣтилъ я уже нѣсколько смущенно.

— Именемъ закона предлагаю вамъ слѣдовать за мною.

— Но позвольте,—запротестовалъ я,—вѣдь мнѣ же надлежитъ доложить объ всемъ своему начальству.

— Предлагаю слѣдовать за мною,—холодно возразилъ офицеръ:—мои требованія основаны на высочайшей волѣ, и всякое сопротивленіе ваше поведетъ лишь къ худшему для васъ.

Я молча надѣлъ на себя николаевскую шинель и чуть ли не чужую фуражку и безсознательно, ошеломленный, направился за выходящимъ изъ передней жандармскимъ офицеромъ. Что я чувствовалъ въ это время, о чемъ думалъ,—я положительно ни тогда, ни потомъ не могъ дать себѣ отчета: я былъ, какъ въ чадѣ или во снѣ, и никакъ не могъ сообразить, что со мною происходитъ.

Ужъ много тяжелыхъ дней и особенно ужасныхъ ночей мы безмолвно провели въ слѣдованіи «куда-то»... въ темномъ закрытомъ экипажѣ, временами лишь останавливаясь на самое короткое время на почтовыхъ станціяхъ, въ совершенно изолированныхъ комнатахъ. Спутникъ мой былъ холоденъ и мраченъ; бесѣды у насъ никакой не было. Вначалѣ я было умоляюще обратился къ нему съ нѣкоторыми вопросами, но, получивъ ледяной отпоръ, я уже больше не пытался вступить въ разговоры. Вся эта таинственность, вся эта неожиданность страшила меня; сердце мое предсказывало что-то ужасное, что-то недоброе.

Да, убійственно тянулись мрачные зимніе дни и страшныя, длинныя, какъ вѣчность, ночи, и не было конца этому путешествію, не было нравственнаго покоя... Куда и зачѣмъ мы ѣхали, я не могъ приложить ума и молилъ лишь Бога объ одномъ, чтобы эта пытка скорѣе окончилась, и дѣло бы выяснилось...

Въ одну изъ томительныхъ ночей я проснулся въ экипажѣ и, судя по странному, непрерывному шуму безпрестанно обгоняющихъ и навстрѣчу намъ ѣдущихъ саней и экипажей и по мелькающимъ въ окошкѣ нашего тарантаса освѣщеннымъ магазинамъ и грандіознымъ зданіямъ, несомнѣнно было видно, что мы ѣхали по улицамъ какого-то изъ ряда выдающагося большого города. Но, увы, удовлетворить свое любопытство вопросомъ у моего спутника я не смѣлъ. А, между прочимъ, мы дѣйствительно мчались по улицамъ столицы—мы пріѣхали въ Петербургъ. Еще нѣсколько минутъ, и мнѣ все стало понятно. И радовался я въ душѣ наступленію, такъ сказать, начала конца; и въ одно и то же время сердце сильно, до жгучей боли, какъ-то сжималось въ груди, и какой-то безотчетный страхъ овладѣвалъ мною. Въ головѣ рождались вопросы за вопросами: куда жъ меня везутъ? за что будутъ казнить? кого я буду зрѣть? воскресну или навѣки пропалъ? и т. д., и т. д...

А экипажъ все мчалъ и мчалъ насъ неустанно по мостовымъ столицы... Наконецъ и остановка... темные коридоры... полная тишина кругомъ... и... я въ отдѣльномъ, сводчатомъ мрачномъ помѣщеніи... Словомъ, я въ Петропавловкѣ... въ одиночномъ заключеніи. Но за что жъ?! Что я сдѣлалъ такого ужаснаго?—вотъ вопросы, которые терзали меня неотступно.

Какъ я сидѣлъ въ заточеніи, что я показывалъ на слѣдствіи,—это мы оставимъ въ сторонѣ, а дѣло только въ томъ, что послѣ шестимѣсячнаго заключенія я наконецъ сумѣлъ доказать свою невинность и былъ выпущенъ на волю. Боже мой, какое счастье я тогда испытывалъ! Вы, родной, понять не можете: именно сначала нужно быть лишеннымъ свободы, чтобы сердцемъ постичь это. Вы, конечно, уже изъ моего разсказа и сами давно догадались, что сидѣлъ я въ заключеніи и страдалъ тамъ полгода за проклятый тостъ во здравіе Шамиля. На меня былъ сдѣланъ гнусный доносъ, все извращено, слѣдствіемъ чего и явились мои мученія. Но теперь я оправдался, я счастливъ! Мнѣ выдано предписаніе немедленно отправиться въ свою часть; я снабженъ дорожнымъ бланкомъ, прогонными и суточными, я мечтаю только о скоромъ счастьѣ свиданія со своей милой. Я уже рыскаю на «ваньгѣ» по городу, покупая на излишки прогонныхъ денегъ различные подарки той же своей зазнобѣ и предвкушая скорое счастье обнять ее... Дѣйствительно я никого и ничего вокругъ не вижу, всѣ мысли: летѣть, летѣть и летѣть скорѣе, безъ оглядки...

На Невскомъ вдругъ слышу страшный крикъ—стой! стой!.. Извозчикъ осаживаетъ сразу лошадь, поднимается на козлахъ и быстро снимаетъ шапку—я ничего ровно не понимаю! Предо мною на такомъ же извозчикѣ, какъ и я, въ такой же, но только старѣе намного, николаевской шинели, какъ моя, сидитъ мужчина съ русыми, съ рыжеватымъ отгѣнкомъ бакенбардами...

— Ты кто такой и почему чести не отдалъ? — обращается ко мнѣ повышеннымъ голосомъ незнакомый военный.

Тутъ я сообразилъ все и сразу отчнулся: я былъ передъ великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ...

— Виновать, ваше императорское высочество, простите милостиво: не замѣтилъ!—умоляюще произнесъ я.

— Садись,—отрывисто произнесъ великій князь, указывая мнѣ на свой экипажъ.

Я повиновался.

— Ты кто и откуда?

Я назвалъ свой полкъ.

— Зачѣмъ здѣсь, когда пріѣхалъ?

Я чувствовалъ, что именно въ этотъ моментъ рѣшается моя участь, но вратъ не было духа.

— Съ зими въ Петербургѣ, ваше императорское высочество,—доложилъ я, уже совсѣмъ теряя рассудокъ.

— Гдѣ жъ ты былъ, что меня не знаешь? — спросилъ великій князь, повернувъ голову въ мою сторону.

— Сидѣлъ въ Петропавловкѣ, ваше императорское высочество,—какъ-то сконфуженно проговорилъ я.

Тутъ произошло что-то поразительное: великаго князя какъ будто передернуло, и онъ брезгливо отодвинулся отъ меня и громкимъ голосомъ крикнулъ извозчику:

— Не на главную, а въ Петропавловку.

Трудно передать, что я въ этотъ моментъ почувствовалъ,—я думалъ, что рехнулся окончательно, но... все свершилось.

Часъ спустя, я былъ водворенъ опять въ Петропавловкѣ на прежнемъ же мѣстѣ. И потянулось мое безконечное, одиночное арестантское заключеніе. Меня не допрашивали, меня не обвиняли, но и не выпускали.

Надежда когда либо быть освобожденнымъ уже окончательно меня покинула; я не мечталъ о волѣ, о своемъ счастьи — любимомъ человѣкѣ, нѣтъ, я сталъ уже ко всему относиться совершенно равнодушно: впереди просвѣта не было, я какъ-то оступѣлъ. Злобы ни къ кому никакой не чувствовалъ. Все я объяснялъ, что «вѣрно мнѣ ужъ такъ было на роду написано»...

Кайтука замолкъ; воспоминанія эти крайне его разстраивали и волновали, но, спустя минутъ пять, онъ снова началъ:

— Вы не испытали заточенія, милый мой наибъ, вы, стало быть, не видали горя, вы счастливый человѣкъ! Потеря свободы, всѣмъ извѣстно,—пытка; но въ связи съ потерей любимаго человѣка, слѣдовательно, всего дорогаго на свѣтѣ,—это что-то невыразимое!

Итакъ, я вновь сталъ обитателемъ Петропавловской крѣпости. Мѣсяцевъ нѣсколько спустя, мнѣ сдѣлали допросъ, но совершенно по какому-то незнакомому дѣлу, и... опять оставили меня въ полномъ покоѣ; судя же по тому, что перевели въ болѣе свѣтлое, лучшее помѣщеніе, я уже и самъ сообразилъ, что изъять былъ изъ числа важныхъ преступниковъ.

Прошло, вѣроятно, опять мѣсяцевъ 8—9-ть моего заточенія, какъ мнѣ объявило безъ всякихъ объясненій начальство: «завтрашняго числа вы отправляетесь этапнымъ порядкомъ, подъ конвоемъ, въ монастырь, на Соловецкіе острова»...

Если бы мнѣ заявили, что наутро ждетъ меня казнь, я бы, кажется, не былъ такъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ ссылкой въ Соловецкій монастырь. Опять волненія, опять страданія!

Цѣлую ночь провелъ я безъ сна, а въ 9-ть часовъ утра, какъ сказано, былъ сданъ конвойнымъ нижнимъ чинамъ, и къ вечеру этого же дня я уже въ числѣ другихъ мнѣ незнакомыхъ преступниковъ плелся по дорогѣ на крайній сѣверъ. Я былъ не закованъ, но мнѣ было сдѣлано предупрежденіе, что при первой попыткѣ къ побѣгу или ослушаніи конвою мнѣ будутъ немедленно надѣты кандалы.

Не стану таить—первое время я было задумалъ бѣжать, а потомъ махнулъ на все рукою и сталъ покорнымъ судьбѣ своей.

Не могу точно сказать, сколько времени и слѣдовалъ отъ Петропавловки до Вѣлаго моря, но могу только одно утверждать, что очень и очень долго. Шелъ я подъ конвоемъ солдатъ до тѣхъ лишь поръ, пока въ партіи нашей были закованные арестанты, а затѣмъ, когда они разбросались по дорогѣ по пунктамъ, тутъ же невдалекѣ отъ Питера, то я былъ переданъ гражданскимъ властямъ и препровождался уже отъ пункта къ пункту только при случаѣ, хотя всегда подъ особымъ надзоромъ.

Вотъ наконецъ достигъ я и крайняго сѣвера, а черезъ нѣсколько дней былъ препровожденъ на Соловецкіе острова въ обитель.

Удивительнѣе всего, что за время своего путешествія я не только не измучился, а, напротивъ, поздоровѣлъ, окрѣпъ и опять началъ помышлять найти правду, доказать свою невинность и выбиться на свободу.

Представъ передъ намѣстникомъ обители, я не подвергался никакимъ вопросамъ со стороны его, напротивъ, онъ только успокоилъ меня обѣщаніемъ поговорить со мною потомъ и вмѣстѣ съ

тѣмъ сдѣлать для меня все, что только можно будетъ. Тутъ же приказано было отвести мнѣ отдѣльную келью, гдѣ я и водворился.

Хотя доброе обращеніе со мною монастырскаго начальства и успокоило меня вначалѣ настолько, что я своимъ «особымъ положеніемъ» самъ сталъ сильно тяготиться и началъ уже подыскивать для себя работу, дѣло и вообще занятія, но, во всякомъ случаѣ, съ каждымъ днемъ и часомъ я все болѣе убѣждался, что не только изъ меня не выйдетъ монаха хорошаго, но что даже не въ далекомъ будущемъ я буду способенъ сдѣлать преступленіе, чтобы или покончить съ собою навѣки, или выйти изъ стѣнъ монастырскихъ.

Вѣроятно, прошло уже недѣли три-четыре со времени моего водворенія въ монастырѣ, какъ вдругъ вечеромъ кто-то постучалъ ко мнѣ въ келью. Оказалось, это былъ самъ настоятель.

О многомъ осторожно и исподволь спрашивалъ меня старшій, опытный монахъ, но и самъ я безъ всякихъ намековъ охотно рассказывалъ ему свою ужасную исторію. Рассказывалъ я ему ее совершенно искренно, не утаивая нисколько даже тѣхъ вещей, которыя ему и въ голову не приходили; словомъ, своею откровенностью я вполнѣ расположилъ къ себѣ настоятеля и возбудилъ къ себѣ его полное сочувствіе.

Нѣсколько часовъ безѣдовалъ со мною отецъ, немало времени потратилъ онъ на увѣщеваніе меня покориться судьбѣ и волѣ Божіей, перемѣнить религію, т.-е. принять православіе, сдѣлаться монахомъ Соловецкаго монастыря и посвятить себя на служеніе Богу. Хорошо и, видимо, искренно онъ все это излагалъ мнѣ, но все было напрасно. Я категорически заявилъ ему, что хотя я не истый магометанинъ, а человѣкъ, находящій и магометанскую и христіанскую религіи совершенно единими, но разъ заставляють меня перемѣнить вѣру не исключительно по личному моему желанію и убѣжденію, а въ силу только обстоятельствъ, то этому никогда не быть, хотя бы мнѣ пришлось покончить съ собою.

Послѣ всего сказаннаго мною настоятель далъ мнѣ слово не только больше не возбуждать этого разговора, но даже немедля написать прямо высшему начальству докладъ съ ходатайствомъ убрать меня изъ монастыря, такъ какъ на принятіе православія и переходъ мой въ монахи надежды рѣшительно никакой нѣтъ.

Пошло донесеніе, и опять я началъ томительно «чего-го» ждать, а чего—самъ не могъ себѣ представить. Затѣмъ стало одолѣвать какое-то отчаяніе, обуялъ безотчетный страхъ. Вновь пошли безсонныя ночи, а за ними неотвязчивое съ каждымъ днемъ усиливающееся желаніе покончить съ собою совсѣмъ, чтобы положить всему конецъ. Открылся я въ этомъ тому же настоятелю монастыря, доброму, душевному человѣку, отцу архимандриту Але-

ксандру, и съ этого времени надо мною учрежденъ былъ негласный, но строжайшій надзоръ: меня помѣстили въ келью съ другимъ монахомъ, который не упускалъ меня изъ виду. Архимандритъ сталъ ежедневно самъ вести со мною бесѣды различныя и, какъ умный человѣкъ, сумѣлъ дѣйствительно развлечь меня: вселить какую-то надежду на «что-то», и все убѣждалъ не падать духомъ до полученія отвѣта изъ Питера. Дѣйствительно, единственно благодаря только ему, я остался въ живыхъ.

Не сумѣю уже и сказать, сколько времени я ожидалъ «чего-то», но много, много утекло времени, пока наконецъ получился опять для меня и страшный и неожиданный отвѣтъ — отдать меня въ солдаты.

При монастырѣ, на Соловецкомъ островѣ, находилась въ тѣ поры подъ начальствомъ тоже добраго, душевнаго человѣка, прапорщика Никоновича, мѣстная инвалидная команда. Это были солдаты, дорогой мой наибъ, которыхъ, головою ручаюсь, вы никогда въ жизни своей не видывали. Да, это были дѣйствительно люди вполне, всею душою царскіе: каждый изъ нихъ, самый молодой даже, не менѣе четверти вѣка отбылъ службы Николаевской; а вѣдь вы, хоть по-наслышкѣ, но знаете разницу по тяготѣ службы прежней и настоящей. Я же, какъ слуга прежнихъ временъ, поклянусь вамъ, что годъ службы Николаевской, нисколько не преувеличивая, стоилъ пяти лѣтъ настоящей. Такъ вотъ, повторяю, хотя инвалиды были и отмѣнные слуги государевы, но это были всѣ безъ исключенія уже старика преклонные.

Вотъ въ эту-то команду инвалидную и пришелъ указъ опредѣлить меня «монаха непотребнаго». Предсталъ я предъ начальствомъ своимъ — прапорщикомъ Никоновичемъ, въ его слободку, и началъ опять службу военную. А слободка эта была дѣйствительно отдѣльное государство, у насъ былъ и свой священникъ даже, тоже столѣтній человѣкъ съ такою же матушкою. Сбросилъ я подрясникъ послушника и затянулся въ шинель сѣрую, солдатскую. Разказалъ я и тутъ своему начальнику всю свою жизнь горемычную отъ начала до конца по душѣ, безъ утайки всякой.

Какъ узналъ мой прапорщикъ, что я не простымъ гарнизоннымъ офицеромъ былъ, а служилъ въ арміи, да еще въ кавалеріи, и при этомъ выпущенъ былъ офицеромъ прямо изъ корпуса, — возрадовался мой начальникъ до безумія; съ перваго же раза вступилъ прямо въ товарищество и утѣшилъ меня приказаніемъ: по моимъ всѣмъ знаніямъ, какъ человѣку образованному, — быть команднымъ писаремъ и «сочинять разныя письменныя пакости и, по надобности, ото всѣхъ злыхъ навѣтовъ и наклеповъ какостныхъ по законамъ, елико возможно, отписываться».

И вотъ, любезнѣйшій мой кунакъ, я сталъ наконецъ воротилою.

Въ прежнія времена вездѣ и всюду писарь былъ великій человекъ, а въ такомъ мѣстечкѣ, на девятомъ царствѣ, какъ Соловецкій монастырь,—вы сами себѣ можете представить. И монахи и солдаты всѣ предо мною преклонялись: солдата на рыбную ловлю въ отъѣздъ отпустишь, а монаха, иной разъ пойманнаго не въ «божественной исторіи», тоже высвободишь, припрчешь, прикроешь, и дѣло заглохнетъ, затихнетъ, пропадетъ. Начальство отъ меня въ восторгѣ окончательно: какъ я хочу, такъ и быть по сему. Сначала жена нашего отца-командира и матушка слободскаго іеря, отца Теофилакта, на меня искоса посматривали и называли «нехристомъ, азіатомъ поганымъ», а затѣмъ, какъ увидѣли, что я и свинину ѣмъ, и водку пью, и никакихъ своихъ азіатскихъ законовъ не соблюдаю, и онѣ начали меня считать за порядочнаго, а особенно «письменнаго» господина.

Не скажу, чтобы я себя считалъ уже счастливымъ человекомъ,—нѣтъ! Я не переставалъ думать о моей бывшей невѣстѣ, но какъ-то теперь я уже боялся что либо замышлять новое, да при томъ уже прошло нѣсколько лѣтъ со дня нашей разлуки и... нѣтъ, нѣтъ, мнѣ стало представляться, что моя завноба теперь, не имѣя никакихъ вѣстей обо мнѣ, уже разлюбила меня, горемычнаго, и отдала сердце другому; а главное давило меня то, что теперь изъ любви моей уже рѣшительно ничего и выйти не могло: я солдатъ, и Богъ вѣсть, когда кончу службу царскую, а если даже мнѣ вернуть свободу, то послѣ всего со мною случившагося, послѣ моихъ скитаній и прочаго развѣ какіе либо родные рискнутъ отдать за меня свою дочь, хотя бы она и обожала меня?

Всѣ эти вопросы, всѣ эти думы вначалѣ ужасно мучили и волновали меня, а затѣмъ, день ото дня, я всё старался смотрѣть на это дѣло, какъ на несбыточное, и, въ концѣ концовъ, рѣшилъ оставить всѣ помышленія о своей любви. Легко, однако, сказать было это, но сдѣлать—рѣшительно невозможно. Я сталъ жить, уже не помышляя о томъ, что когда нибудь судьба мнѣ дастъ возможность хоть взглянуть еще разъ на любимаго человека,—нѣтъ, напротивъ, я рѣшилъ больше никогда даже не обнаружить своего существованія; но любить её... я не въ силахъ былъ перестать, я оставался влюбленнымъ въ свою первую любовь тогда, я остался влюбленнымъ и поднесъ!

Я уже никого больше въ жизни не любилъ, какъ любилъ въ первый разъ.

Я имѣю семью, я имѣю дѣтей, но, да проститъ мнѣ Господь мой великій грѣхъ, я не люблю ихъ такъ, какъ любилъ и люблю ту... н... мевя, я знаю, никто такъ въ жизни не любилъ, какъ когда-то обожала она.

Кайтука временами впадалъ въ какой-то экстазъ и, воодушевляясь, рассказывалъ свою исторію такъ, какъ будто бы она не происходила 30—40 лѣтъ тому назадъ, а только всего вчера.

— Не утомились ли слушать мою болтовню?— обратился ко мнѣ Кайтука послѣ довольно большой паузы. — Если уже устали, то ради Аллаха скажите. Исторія моихъ походовъ очень велика, и кого она не интересуетъ, то выслушивать её— скука смертная. Прошу васъ, не стѣсняйтесь: можетъ быть, въ другой разъ окончимъ? а?

Видимо Кайтука и очень желалъ продолжать рассказывать мнѣ свои походы, но въ одно и то же время опасался быть навязчивымъ, а, можетъ быть, только хотѣлъ узнать, занимаетъ ли меня его рассказъ, или нѣтъ. Я же съ полнѣйшимъ и живѣйшимъ интересомъ слушалъ повѣствованіе моего новаго кунака, а потому обратился къ нему съ просьбою продолжать далѣе и при этомъ заявилъ ему, что не лягу въ постель и не буду въ состояніи заснуть, прежде чѣмъ не услышу конца всѣхъ его приключеній.

Кайтука, видимо польщенный моею просьбою, совершенно довольный, успокоился и сталъ продолжать свой рассказъ далѣе.

— Итакъ, — началъ онъ, — я уже нѣсколько лѣтъ писаремъ. Извѣстенъ всѣмъ и каждому, какъ главное лицо въ командѣ. Начальнику дѣйствительно служу вѣрою и правдою, но зато и отъ него имѣю полное уваженіе, довѣріе во всемъ. Вездѣ и всюду принять наравнѣ съ начальникомъ, а у этого послѣдняго не только правая рука, но всё! Не читаетъ мой прапорщикъ бумагъ вовсе, а только знаетъ подписывать, и дѣло идетъ, какъ по маслу: ни единого замѣчанія отъ высшаго начальства, а, напротивъ, только благодарности получаемъ.

— Неужели же мнѣ за всю службу мою и не будетъ милости государевой, не простятъ мнѣ всѣ проступки и штрафы мои?: такъ мнѣ думалось иной разъ въ одиночествѣ. Но, вслѣдъ за симъ, сейчасъ же приходило на умъ: а кто же замолвитъ словечко обо мнѣ, грѣшномъ? Начальникъ ни за что этого не сдѣлаетъ, такъ какъ можетъ потерять во мнѣ всё: и «писателя», и работника, и совѣтника; а остальнымъ прочимъ высшимъ моимъ начальникамъ и при желаніи ничего сдѣлать для меня нельзя, потому что они и забыли даже, что «гдѣ-то» въ Соловкахъ сосланный, разжалованный «за что-то», вѣроятно, ужасное, какой-то корнетъ прозябаетъ, о которомъ давно уже ни слуха, ни духа нѣтъ ни отъ кого положительно.

И укоренилось во мнѣ, съ теченіемъ времени, глубокое убѣжденіе, что Соловецкіе острова—это могила моя. Уже опять невыносимо тяжело становилось на душѣ и сердцѣ у меня; снова, нѣтъ-нѣтъ, и стали западать въ голову черныя мысли: умереть или доказать свою невинность, какъ вдругъ наступило начало тяжелаго періода времени для Россіи, насталъ 1854-й годъ.

Не сумѣю вамъ сказать, какъ и изъ какихъ источниковъ, но, какъ всегда бываетъ, далеко до наступленія какого либо событія

уже есть о томъ запахъ въ воздухѣ, такъ и тутъ: еще ранней весною 1854 года стали ходить какіе-то неопредѣленные слухи, что въ случаѣ войны Англія и Бѣлаго моря не оставитъ въ покоѣ, а, слѣдовательно, и намъ надлежитъ держать ухо остро-и готовиться. Слухи эти, хотя и ни на чемъ положительномъ не были основаны, однако на меня имѣли благотворное вліяніе: стали отлетать отъ меня временами разныя думы мрачныя, и сталъ я, какъ еще не старый и въ душѣ истый военный человѣкъ, размышлять о могущихъ быть военныхъ дѣйствіяхъ.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Приблизительно въ половинѣ, этакъ, мая получается отъ нашего начальства бумага форменная, предупреждающая насъ о возможности появленія на Бѣломъ морѣ судовъ непріятельскихъ, а поэтому намъ предлагается быть бдительными и «теперь же ко встрѣчѣ подобающе изготавиться»...

И пошла у насъ горячка страшная: стали мы собирать своихъ стариковъ-инвалидовъ и изготавляться къ встрѣчѣ непріятеля. Стали мы ружья свои смазывать, пушкари орудія налаживать, а пушекъ-то у насъ было на стѣнахъ монастырскихъ вначалѣ своихъ только двѣ, да и тѣ не важнецкія; но, когда явилось опасеніе за нападеніе на обитель, то изъ Архангельска прислали къ намъ, кажется, штукъ 8-мь исправныхъ орудій и пушкарей, сколько полагается. Вотъ стали наконецъ приходить къ намъ и слухи положительные, что флотъ непріятельскій дѣйствительно на Бѣломъ морѣ безобразничаетъ: захватываетъ, безъ всякаго сопротивленія, конечно, разныя мелкія суденышки и, ограбивъ ихъ окончательно, выпускаетъ опять на волю въ море. Уже нѣсколько такихъ судовъ пристали къ островамъ нашимъ, и отъ нихъ-то и стали извѣстны всѣмъ эти безобразія. Несомнѣннымъ стало и намъ, что скоро, скоро гости и сюда пожалуютъ.

— Вы себѣ не можете представить, дорогой кунакъ, — воодушевялся Кайтука, — что за чудное время я переживалъ тогда! Я мечталъ о какихъ-то удивительныхъ отличіяхъ и подвигахъ: я уже будто бы видѣлъ тонуцій, вслѣдствіе пробоины, корабль вражескій и полное пораженіе флотиліи англійской, или во главѣ своей команды геройски разилъ у стѣнъ монастырскихъ непріятеля многочисленнаго, сдѣлавшаго десантъ изъ судовъ своихъ, словомъ, картины фантастическія попеременно смѣнялись одна другою; затѣмъ шли мои личные военные подвиги и отличія и, наконецъ, милость царская... награды... и въ концѣмъ всего — возвращеніе чина офицерскаго и мое освобожденіе!...

Между тѣмъ на островѣ Соловецкомъ шла какая-то суета лихорадочная. Ворота чинились, исправлялись; запоры заново передѣлывались; пушки къ амбразурамъ подкатывались, и пушкари, осмотрѣвъ ихъ тшательно, все примѣрно на море нацѣливались

а наши старики-инвалиды совѣтъ стали неузнаваемы: и шустрость и бравость какая-то появилась — всѣ до единого съ ружьями, патронташами и тесаками отточенными. Маловато было по населенію обители у насъ оружія огнестрѣльнаго, но зато тесаковъ мы изъ склада своего достали многое множество и роздали ихъ всѣмъ желающимъ защищать обитель свою отъ противниковъ.

Почти ежедневно собирался у насъ военный совѣтъ; предсѣдательствовалъ архимандритъ Александръ, а членами были: мой начальникъ, прапорщикъ Никоновичъ, три архимандрита монастырскіе и я, рабъ грѣшный. Я же собою изображалъ начальника штаба: и писалъ, и чертилъ, и совѣтъ по оборонѣ подавалъ, какъ свѣжій человекъ, военному дѣлу учившійся. По моему же настоянію мы уже нѣсколько разъ объѣзжали весь островъ и осматривали всѣ подступы къ нему, гдѣ можетъ непріятель высадиться.

Уже больше недѣли прошло, какъ мы изготовились къ встрѣчѣ врага, а его нѣтъ да нѣтъ...

Наконецъ, наступило 6-е іюля. Никогда не забуду этого дня. Съ разсвѣтомъ въ обители поднялась тревога страшная. Всѣ высыпали на стѣны монастырскія: въ дали на синевѣ моря рѣзко выдѣлялись, какъ бѣлыя башни какія, подъ всѣми парусами въ нѣсколько ярусовъ два грандіозныхъ военныхъ корабля. Ясно было видно, что курсъ держали эти чудовища прямо на насъ. И страшна и красива была эта картина. Съ замираніемъ сердце всѣ мы ожидали, что будетъ дальше.

Корабли все больше росли предъ нами, и вотъ, приблизившись, казалось намъ, на довольно близкое разстояніе къ острову, съ шумомъ, долетѣвшимъ до насъ, спустили паруса, бросили якоря и остались совершенно безмолвными: казалось, ни одной души не было на нихъ. Еще и страшнѣе и томительнѣе стало ожиданіе... вотъ ужъ прошло часовъ 6—7 времени, солнце давно зашло за полдень, а корабли какъ встали, такъ и замерли. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, опять собрался нашъ военный совѣтъ, и я, какъ болѣе молодой и горячій изъ всѣхъ членовъ его, настаивалъ немедля открыть по врагу со стѣнъ монастырскихъ огонь артиллерійскій и, тѣмъ самымъ показавъ свое пренебреженіе, бросить вызовъ ему на состязаніе. Долго не соглашались со мною люди благоразумные, особенно протестовалъ архимандритъ Александръ, урезонивая не затѣвать боя первымъ; но мало-помалу повѣрили мнѣ, какъ человеку военному, да еще и «азіату», и согласились угостить недруга. Часа въ 3 или 4 послѣ обѣда засуетились наши сѣдые пушкаріи, завертѣлись банники въ воздухъ, зарядили пушки. Фитили давно дымятся, только опять всѣ въ нерѣшительности, пустить ли гостинецъ недругамъ, или повременить еще... Поддался таки мой добрый прапорщикъ моему нашептыванію и гаркнулъ по направленію къ пушкарямъ: «шаркни!» Блеснулъ огонекъ, по-

казался дымокъ у затравки, и грянулъ по непріятельскимъ судамъ первый выстрѣлъ изъ нашего орудія. Какъ электричество какое пробѣжало по насъ, всѣ до одного сняли шапки, перекрестились и безмолвно, пристально вперили взоры въ даль, жадно всматриваясь, какое ужасное смятеніе произойдетъ на корабляхъ противника. Но... о ужасъ! видимъ мы, что нашъ снарядъ и половины разстоянія не пролетѣлъ до цѣли, какъ шлепнулся въ волны, поднявъ цѣлый водяной столбъ.

Камнемъ легъ на наши сердца этотъ первый неудачный выстрѣлъ; ужасно и жутко стало послѣ него; а на корабляхъ между тѣмъ зашевелились: стали поднимать паруса. Въ первый моментъ мы даже подумали, что врагъ утрашился насъ и желаетъ исчезнуть, а затѣмъ увидѣли, что, напротивъ, одно изъ чудовищъ взяло курсъ прямо на насъ. Словомъ, происходило что-то непонятное... Корабль подходилъ уже къ тому мѣсту, гдѣ упалъ въ море нашъ первый злосчастный снарядъ; вотъ даже это мѣсто. Мы съ полнѣйшимъ успѣхомъ теперь могли бы открыть канонаду артиллерійскую и, можетъ быть, потопить нахальнаго противника; но почему-то мы глухи и нѣмы, ждемъ чего-то, мы въ какой-то непозволительной нерѣшительности: когда именно нужно было моментомъ пользоваться, мы бездѣйствовали...

Вотъ корабль пріостановилъ свой ходъ, полуспустивъ паруса, и сталъ какъ-то бортомъ поворачиваться къ стѣнамъ обители... Мы всѣ уже ждемъ спуска шлюпки подъ флагомъ парламентарскимъ и держимъ въ мысляхъ совѣтъ, какимъ отвѣтомъ откурить заносчиваго злодѣя, какъ вдругъ, неожиданно съ борта корабля раздается оглушительный залпъ орудій... Все стало яснымъ... мы всѣ инстинктивно бросились по мѣстамъ своимъ. Нѣсколько бомбъ съ зловѣщимъ шипѣньемъ пронеслись надъ головами нашими, а нѣсколько съ какимъ-то глухимъ трескомъ врѣзались въ крѣпостную стѣну. Корабль весь положительно окутанъ цѣлымъ облакомъ густого дыма и, видимо, производитъ какое-то движеніе; еще нѣсколько минутъ—чудовище уже оборотилось къ намъ другимъ бортомъ, и опять залпъ изъ другихъ орудій, опять страшный полетъ бомбъ... Но все хорошо въ мѣру! Очнулись и мы: каждый, забывъ опасность и страхъ, прилицъ къ своему дѣлу. Никакой суеты уже не видно, напротивъ, глубокочтимый архимандритъ Александръ со всѣмъ духовенствомъ, съ чудотворными иконами и хоругвями, ничуть не смущаясь обстановкою, торжественно совершаетъ крестный ходъ вокругъ стѣнъ обители. Мой прапорщикъ Никоновичъ такъ же совершенно спокойно даетъ приказанія подчиненнымъ, шуточками подбодряя и успокаивая гарнизонъ свой, а сѣдые старики-артиллеристы не остаются въ долгу у господъ англичанъ и съ своей стороны ужъ нѣсколько разъ осыпали врага бомбами.

Свечерѣло... Продолжать стрѣльбу было бесполезно. На кораблѣ зажглись огни, и онъ тихо направился къ своему товарищу, безмолвно стоявшему вдаль отъ острова и не принимавшему въ бомбардировкѣ никакого участія. Сильнѣе забились и забаррикадировались всѣ ворота монастырскія. Наступила ночь, но вокругъ на стѣнахъ полное бодрствованіе. Архимандритъ Александръ еще вечеромъ именемъ Господа и царя обратился къ чинамъ всего гарнизона, призывая ихъ стоять твердо за вѣру и св. обитель, и теперь видна во всѣхъ полная рѣшимость умереть, но не сдаться. Вотъ и ночь къ концу, заря занимается, и всѣ въ ожиданіи чего-то страшнаго, ужаснаго! Стало разсвѣтать, и восходящее солнце, какъ огнемъ какимъ, обдало корабли; а еще такъ черезъ $\frac{1}{2}$ часа мы уже ясно видѣли, что непріателемъ было спущено маленькое гребное суденышко, и человекъ 15—20, усѣвшись въ него, подъ бѣлымъ флагомъ направились къ нашему берегу. Не было никакого сомнѣнія, что это шли къ намъ парламентары съ предложеніями. Но каковы условія непріателя и въ чемъ они состоятъ могутъ, — вотъ что ужасно интересовало насъ всѣхъ. Долго пришлось намъ ожидать гостей, но вотъ дѣло къ концу: судно пристало къ берегу, пассажиры вышли на сушу и, высоко держа флагъ бѣлый, направились въ числѣ человекъ 7—8 къ обители; не дойдя до стѣнъ, остановились и знаками начали вызывать парламентаровъ съ нашей стороны. Тогда я съ 10 человекъ вышелъ, какъ уполномоченный отъ обители на переговоры. Какъ только мы приблизились, то одинъ изъ англичанъ обратился ко мнѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ и передалъ пакетъ. Раскрывъ конвертъ, я прочиталъ предписаніе нашему всему гарнизону со всѣмъ вооруженіемъ немедленно сдаться, съ предупрежденіемъ, что въ противномъ случаѣ послѣдуетъ бомбардированіе обители. Я былъ убѣжденъ, конечно, что на это наглое требованіе послѣдуетъ неминуче отказъ, но, въ какой формѣ его нужно было сдѣлать, я не могъ сообразить, а потому, оставивъ всѣхъ своихъ товарищей на мѣстѣ, я съ пакетомъ въ рукахъ отправился въ монастырь и черезъ $\frac{1}{2}$ часа уже принесъ удивленнымъ англичанамъ полнѣйшій отказъ на ихъ предложеніе съ подписью подъ этимъ отказомъ: «Соловецкій монастырь». Англичане съ нескрываемою злобою направились къ своему судну, а мы вошли въ крѣпость. Не больше, какъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ подошло суденышко къ кораблямъ, эти послѣдніе подняли паруса и плавно направились къ намъ.

Все было кончено. Была совершенно ясна неизбежность серьезнаго дѣла, а потому, какъ только непріатель подошелъ на дѣйствительный выстрѣлъ, мы изъ всѣхъ орудій открыли по немъ артиллерійскій огонь... Полетѣли немедленно и въ насъ вражескія бомбы, и болѣе 7—8 часовъ подъ рядъ длилась съ обѣихъ сторонъ

неумолкаемая канонада. Архимандритъ Александръ вновь по стѣнамъ совершилъ крестный ходъ съ иконами и удалился въ церкви монастырскія, гдѣ непрерывно совершалась служба. Мы же, грѣшныя, всё дѣйствовали на стѣнахъ. Ждали мы десанта со стороны противника, но этого онъ сдѣлать не посмѣлъ, а ограничился только бомбардировкою съ моря. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были пробиты ядрами стѣны церковей нашихъ монастырскихъ, но чудомъ какимъ-то людскихъ жертвъ ни единой не было. Еще задолго до вечера одинъ изъ кораблей вражескихъ затихъ окончательно и, поднявъ паруса, отошелъ дальше въ море отъ обители.

Нужно полагать, что судно это было повреждено снарядами нашими; а, спустя еще нѣсколько часовъ, затихла совсѣмъ стрѣльба съ обѣихъ сторонъ. Второй непріятельскій корабль тоже отодвинулся въ море. Утихло все; настала ночь, но въ крѣпости всё были на-чеку. У всѣхъ явилась полная увѣренность, что съ восходомъ солнца опять возобновится бомбардированіе, да, кромѣ того, можетъ быть произведенъ и десантъ, вслѣдъ за которымъ, конечно, послѣдуетъ и штурмъ обители. А тутъ еще среди ночи пришло со стѣнъ тревожное донесеніе, что далеко на морѣ стали замѣтны огни еще какихъ-то большихъ судовъ: ясно было, что на помощь противнику являются еще корабли.

Итакъ, видимо, наступалъ роковой день для Соловецкаго монастыря, но защитники его единогласно рѣшились: «умереть, а не сдаться!»

Уже зажглась на востокѣ утренняя зарница; сильнѣе стали биться сердца наши, полныя ожиданіемъ чего-то ужаснаго; но духъ гарнизона попрежнему былъ высокъ: вездѣ и всюду только и слышно было: «умремъ, но не сдадимся!»

Наконецъ, забрезжилъ разсвѣтъ, и показался первый лучъ восходящаго солнца... Всѣ со стѣнъ крѣпости впились въ глубокую даль моря и... глазамъ своимъ не вѣрять: синева необъятная... море совершенно спокойно, только легкая, тихая зыбь, а вокругъ острова, насколько хватаетъ зрѣніе человѣка,—ни единого судна вражескаго. Огни, видѣнные ночью на морѣ, были огни уходящихъ непріятельскихъ кораблей. Еще минута, и дружное, громкое «ура» огласило крѣпостную стѣну и всю обитель Соловецкую. Врагъ отбить, исчезъ!

Въ церквахъ загремѣлъ благовѣстъ; началась служба благодарственная. Нѣсколько дней мы еще находились въ какомъ-то недоуверіи и томились ожиданіемъ новаго появленія противника, а затѣмъ каждый по своему начальству сталъ доносить подробно о всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ. Отправили мы свои рапорты, и потекла жизнь наша монастырская опять попрежнему, тихо, однообразно. Явились своей чередой безконечно длинныя ночи осеннія и малые, мрачныя дни туманные; уныло какъ-то становилось на душѣ у каждаго, а у меня въ особенности.

Не видно было просвѣта даже въ далекомъ будущемъ, а настоящее вновь не въ моготу становилось.

Наступила и сѣверная зима лютая, намела страшные сугробы свѣжныя, и замерли мы закупоренные. Вдругъ уже совершенно для насъ нежданно, негаданно приходитъ приказъ по начальству нашему о царскихъ милостяхъ: награждались за отраженіе непріятели отъ монастыря Соловецкаго архимандритъ Александръ и нѣсколько человѣкъ старыхъ монаховъ крестами наперсными, прапорщикъ Ниноновичъ чиномъ или орденомъ, ужъ не помню хорошенько; но, главное, и я произвожусь въ прапорщики гарнизона и съ оставленіемъ уже въ составѣ соловецкой мѣстной инвалидной команды.

Тутъ же Никоновичъ подарилъ мнѣ старый свой мундиръ офицерскій, каковой я, до заказа и полученія изъ Архангельска новаго, сейчасъ же перестроилъ и напялил на себя. Первое время дѣйствительно отъ радости я подъ собою земли не чувствовалъ; но все это было кратковременно: восторгъ мой скоро окончился, я сообразилъ, что чинъ офицерскій для меня только золотой мостикъ къ могилѣ: навѣки застряну я въ командѣ инвалидной и умру на Соловкахъ тѣмъ же прапорщикомъ.

Теперь я былъ уже офицеромъ, могъ располагать собою и рѣшилъ безповоротно бросить все и уйти изъ этихъ мѣстъ, напоминающихъ мнѣ много грустнаго и тяжкаго, куданибудь дальше, дальше!

Но что для этого нужно было сдѣлать? — вотъ вопросъ.

Россія войну ведетъ, а, слѣдовательно, въ отставку не пустятъ, говорить нечего, да и о переводѣ думать тоже нельзя. Рѣшилъ я ждать мира, а затѣмъ просить отставки и плестись обратно на свою дальнюю родину, на крайній югъ, непокорный Кавказъ, въ нагорный Дагестанъ. Клиномъ засѣла въ головѣ моей эта мысль неотвязная и стала съ каждымъ днемъ и даже часомъ все крѣпнуть и крѣпнуть сильнѣе и сильнѣе...

Вотъ ужъ къ концу шелъ и 1855-й годъ, а война все продолжается, о мирѣ и помина нѣтъ. Я положительно томлюсь и болѣю тоскою по родинѣ, всѣ мечты мои, всѣ помышленія витаютъ на дальнемъ Кавказѣ, но нѣтъ никакой возможности, нѣтъ никакихъ способовъ привести въ исполненіе мною задуманное.

Пришла весна и 1856 года, а я все томлюсь въ Соловкахъ. Стали стекаться богомольцы въ обитель на поклоненіе св. мощамъ; стало люднѣе въ монастырѣ, оживилось все, одинъ лишь я, по-прежнему убитый горемъ, хожу, какъ въ воду опущенный. Однажды, гуляя по берегу, вижу: по обыкновенію пристааетъ лодка съ богомольцами, и... о ужасъ! на лодкѣ между пассажирами выдѣляется преклонныхъ лѣтъ старецъ, съ бѣлою, какъ снѣгъ, бородою, на головѣ черкесскаго покроя папахъ (шапка барашковая), самъ одѣтъ въ бешметъ тоже черкесскаго покроя и даже подпоясанъ ремнемъ

азиатскимъ. Черезъ плечо перекинута съ разными пожитками небольшая сумы переметная, тоже кавказской работы. Увидѣвъ все это, я положительно остолбенѣлъ и рѣшительно глазамъ своимъ не вѣрилъ; я не могъ себѣ дать сознательнаго отчета, происходитъ ли это все въ дѣйствительности, или это сонъ, галлюцинація! Въ первый моментъ, очнувшись, я было кинулся къ этому старику, хотѣлъ его обнять и расцѣловать; но затѣмъ, опомнившись, я подошелъ, поздоровался съ нимъ и спросилъ:

— Изъ какихъ мѣстъ, старина?

— О, изъ далекихъ, ваше благородіе; коли сказать, такъ все равно не узнаете, — отвѣтилъ онъ улыбувшись.

— А все-таки, — настаивалъ я.

— Да, изъ Терской области, станицы казачьей, Грозною прозываемой.

— На Сунжѣ, кажется, — добавилъ я въ лихорадочномъ волненіи.

— Батюшки, да ужъ не изъ нашихъ ли ты мѣстъ? — опустилъ руки, проговорилъ старикъ и снялъ папаху.

Тутъ только мы крѣпко обнялись, расцѣловались и оба, Господь его знаетъ почему, разрыдались.

Старикъ этотъ, старый боевой терскій казакъ, по обѣту, чуть ли не за десятокъ тысячъ верстъ приплелся поклониться мощамъ Зосимы преподобнаго.

Съ появленіемъ этого старика, котораго я поселилъ съ собою въ одной комнатѣ, я положительно ожилъ. Цѣлыя ночи иногда проходили у насъ въ бесѣдахъ о краяхъ родныхъ; но вотъ стало подходить и время отхода старика-казака. Я становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Казакъ замѣтилъ это. Въ одной изъ вечернихъ бесѣдъ нашихъ, видя мою грусть и печаль по родинѣ, мой старецъ, душа и сердце котораго съ колыбели сроднились съ полною волею и свободою, входя въ мое тяжелое положеніе, спокойно заявилъ мнѣ:

— Ты государю отслужилъ службу вѣрою и правдою; но теперь, если дальше здѣсь останешься, то загрустишь и пропадешь совсѣмъ, тутъ будетъ твой и конецъ. Помолись ты Богу своему; ты человѣкъ еще совсѣмъ молодой, дай клятву послужить своему царю вѣрою и правдою въ будущемъ и тѣмъ вымолить у него прощеніе за свои дѣянія, а теперь соберись и бѣги изъ этой крѣпости въ свои родные края на Кавказъ, а тамъ идетъ время военное, и ты можешь нести службу государеву.

Какъ громомъ, сразилъ меня старикъ сонѣтомъ своимъ: ни единого раза въ жизни не приходила мнѣ въ голову эта мысль ужасная, которую теперь такъ просто, безъ волненія, предлагалъ мнѣ выполнить этотъ сѣдой старикъ-казакъ. Голова положительно пошла кругомъ отъ этого плана. Дня три я ходилъ, какъ помѣшанный, даже посторонніе эту перемѣну замѣтили, а на 4-й день страст-

ное желаніе летѣть на родину затмило собою все: и стыдъ и срамъ, и я... страшно даже и теперь вспомнить... я рѣшилъ, въ сопровожденіи дѣда-казака, бѣжать въ Дагестанъ...

Да, легко теперь говорить объ этихъ ужасныхъ дѣлахъ, казавшихъ въ вѣчность, а что приходилось тогда переживать, — одному Творцу извѣстно. Я, какъ Каинъ какой, не находилъ себѣ покоя и сколько разъ съ дороги хотѣлъ вернуться обратно; но уже поздно было это дѣлать — тяжелое преступленіе было совершено.

Уже нѣсколько дней тому назадъ мы ночью постыдно бѣжали изъ монастыря и теперь пробирались на югъ, а что ожидало насъ впереди... вѣдалъ Господь!..

Денегъ было очень мало, а потому больше приходилось слѣдовать пѣшкомъ, и только кое-когда представлялся случай за нѣсколько копеекъ проѣхать на какой нибудь подводѣ. Томительно шли дни для меня: со страхомъ подходилъ я къ жилью, со страхомъ просился на ночлегъ; а, спустя очень долгое время, не доходя до Ростова, приходилось выпрашивать хлѣба, такъ какъ денегъ уже не было. Вотъ когда я молился Богу, вотъ когда я страдалъ!..

И не могу даже сказать теперь, черезъ сколько именно времени, знаю только, что эта дорога показалась мнѣ вѣчностью, мы наконецъ достигли родины, я явился къ своимъ. Первый моментъ — радости не было конца; а затѣмъ опять страхъ быть открытымъ начальствомъ, съ перспективою новаго суда, новой ссылки и новаго срама. Опять я задумался, опять тоска стала давить сердце.

Нѣтъ, подумалъ я, нужно положить конецъ всему: признаюсь во всѣхъ своихъ преступленіяхъ начальству, и будь, что будетъ! Но повинюсь не предъ мелкимъ начальствомъ, а предъ главою Кавказа: пойду въ Тифлисъ, явлюсь намѣстнику, князю Бяратинскому. Повинюсь ему во всемъ, и пусть будетъ онъ судьей моимъ. Если мои поступки дѣйствительно грязны, безчестны и не свойственны званію офицера, пусть только скажетъ мнѣ это, и я найду еще въ себѣ мужества разъ навсегда свести расчеты съ собою... А если еще есть какіе либо пути выйти изъ моего положенія не опозореннымъ, то пусть хотя намекомъ укажутъ мнѣ ихъ, и я съ восторгомъ выполню все.

Вотъ съ такими думами я предсталъ предъ ликъ князя Бяратинскаго. Я положительно не въ силахъ рассказывать всѣ подробности, что я пережилъ, перечувствовалъ, прежде чѣмъ рассказалъ всю исторію главѣ Кавказа.

Послѣ нѣкотораго молчанія намѣстникъ сказалъ:

— Я вѣрю тебѣ и надѣюсь, что ты службою своею загладишь все. Помни, ты теперь не прапорщикъ гарнизона, а всадникъ милиціи: или отличишься, или умри!

Я поклялся не опозорить себя...

Не знаю, сумѣлъ ли я это сдѣлать, или нѣтъ, — не мнѣ судить, но въ самое короткое время я вернулъ свои офицерскіе погоны, и тотъ же князь Барятинскій собственноручно приколотъ мнѣ къ груди этотъ составляющій для меня все георгіевскій офицерскій крестъ.

Послалъ Господь мнѣ способъ възстановить свою честь; но рядомъ съ этимъ, ужъ, вѣроятно, такая доля моя, не далъ мнѣ Богъ счастья: добывая крестъ, я получилъ рану въ голову и грудь, и принужденъ былъ въ скорости оставить службу царскую, числясь георгіевскимъ кавалеромъ, раненымъ I класса и... всего поручикомъ!..

Кайтука замолкъ, а затѣмъ добавилъ:

— Можетъ быть, кунакъ, вы думаете, несчастіе мое въ томъ, что не пришлось дослужить до высшихъ чиновъ? Нѣтъ, дорогой, я не изъ честолюбивыхъ! А вся грусть моя — не далъ мнѣ Создатель товарища жизни, любимаго человѣка, а черезъ это нѣтъ у меня семьи, но есть жена и дѣти, меня, какъ гяура¹⁾, глубоко презирающія.

Вотъ все, что я припомнилъ изъ разсказа Кайтуки. Въ 1901 году, будучи уже далеко, далеко отъ Кавказа, я задумалъ написать выше приведенный разсказъ, но, такъ какъ всѣхъ мельчайшихъ подробностей, за давностью лѣтъ, я не могъ упомянуть, а записанъ былъ мною этотъ разсказъ еще въ молодости, но не подробно, то я и рѣшилъ написать въ Дагестанъ своему пріятелю А—ру Беку и просилъ его сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности о Кайтукѣ, но получилъ отвѣтъ, что Кайтука давно уже умеръ, и ничего о немъ, мною просимаго, онъ, А—ръ Бекъ, сообщить не можетъ.

Я считаю нужнымъ сдѣлать эту оговорку потому, что въ моемъ разсказѣ многія интересныя подробности могутъ быть упущены, или же можетъ встрѣтиться какая либо неточность, но я полагаю, что тутъ детали не важны; вся же исторія, въ общемъ, и главные факты мною изложены именно такъ, какъ мнѣ ихъ передавалъ въ 1880-хъ годахъ самъ поручикъ Кайтука.

В. Кузьминскій.

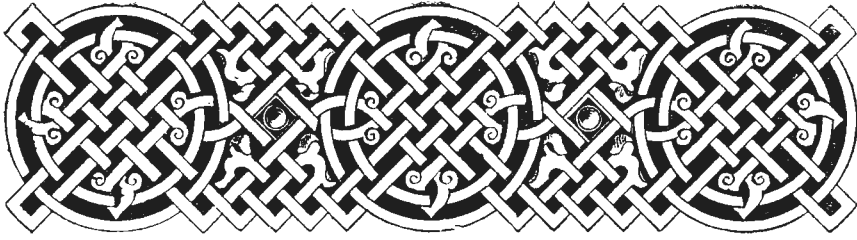

¹⁾ Невѣрнаго.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ПУЦИНЪ.

доз. ценз. 25 июля 1905 г. спб.

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. АУЭРБАХА.

РОДИЛСЯ и выросъ при крѣпостномъ еще правѣ; получилъ образованіе сначала дома въ деревнѣ, потомъ въ московской 3-й гимназій и Московскомъ университетѣ; пережилъ уже взрослымъ человѣкомъ 19-е февраля 1861 года; находился въ самый разгаръ польскаго мятежа 1863 года въ Вильнѣ, во время намѣстничества тамъ В. И. Назимова, графа М. Н. Муравьева и К. Т. Кауфмана; присутствовалъ въ Румыніи и Болгаріи въ качествѣ частнаго человѣка во время послѣдней войны съ Турціей въ 1877—1878 годахъ, входилъ тамъ въ сношенія съ главнокомандующимъ тыломъ дѣйствующей арміи А. Р. Дрентельномъ и съ командовавшимъ временно рущукскимъ отрядомъ П. С. Ванновскимъ (потомъ военнымъ министромъ); мнѣ пришлось быть очевидцемъ многого и пережить многое, что можетъ представить интересъ не только для моего сына, которому посвящаю мои воспоминанія, но и вообще для всѣхъ интересующихся событіями, происходившими въ Россіи во второй половинѣ XIX столѣтія. Вотъ мотивы, по которымъ я рѣшился писать мои воспоминанія, хотя они, быть можетъ, и не будутъ обладать особыми литературными достоинствами.

I.

Мои родители.—3-я московская гимназія въ пятидесятыхъ годахъ.—Директоры гимназіи: П. В. Зиновьевъ, князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ и В. П. Гривцовъ; старшій надзиратель А. И. Вердавъ; учителя.—Попечитель В. И. Назимовъ.—Военныя упражненія.—Кончина императора Николая I и восшествіе на престолъ Александра II.

Родился я 20-го января 1839 года въ городѣ Кашинѣ (Тверской губерніи), гдѣ отецъ мой, Андрей Андреевичъ Ауэрбахъ, служилъ городскимъ и уѣзднымъ докторомъ. Женатъ онъ былъ на дочери богатаго саратовскаго помѣщика, Ѳедора Петровича фонъ-Бергхольцъ, Анастасіи Ѳедоровнѣ.

Въ 1845 году, послѣ кончины дѣда моего, Андрея Яковлевича Ауэрбаха, родители мои переѣхали изъ Кашина въ доставшееся имъ отъ дѣда имѣніе — сельцо Кузнецово (Корчевскаго уѣзда той же Тверской губерніи), гдѣ была извѣстная Ауэрбаховская фаянсовая фабрика.

Къ характеристикѣ того времени долженъ сказать, что дѣдъ былъ человекъ добрый, не деспотъ и не завзятый крѣпостникъ; тѣмъ не менѣе у него были нѣкоторыя странности времени крѣпостничества, изъ которыхъ одна весьма оригинальная, почему и упомяну о ней. Онъ былъ какъ будто помѣшанъ на подборѣ производителей, какъ въ домашнихъ животныхъ, такъ и въ своихъ крѣпостныхъ людяхъ; пожелаетъ, на примѣръ, какойнибудь Ванюха, лѣтъ 18-ти, жениться на какойнибудь Катюшѣ, — они оба должны явиться къ дѣду и лично просить разрѣшенія на вступленіе въ бракъ. Осмотритъ ихъ дѣдъ со всѣхъ сторонъ, и если только они, по его понятіямъ, подходятъ другъ къ другу по физическому ихъ строенію, то свадьба разрѣшается немедленно, и онъ протезируетъ такой парочкѣ, помогая ей и приданнымъ, и скотомъ, и хлѣбомъ; если почему либо ему, бывало, покажется, что Ванюха чересчуръ малъ ростомъ для Катюши, или Катюша мало утробиста, — тогда онъ свадьбы ни за что не разрѣшалъ, и никакія мольбы и упрашиванія на него не дѣйствовали. Въ этомъ онъ былъ непреклоненъ.

Мать, воспитывая насъ, дѣтей, обращала особенное вниманіе на наше физическое развитіе, на основательное изученіе нами иностранныхъ языковъ и на занятія музыкой. Въ маѣ 1851 года, отецъ повезъ меня въ Москву, гдѣ я, несмотря на мои двѣнадцать только лѣтъ, легко выдержалъ экзаменъ прямо въ 4-й классъ московской 3-й гимназіи, благодаря основательной и хорошей подготовкѣ дома. Мы ѣздили тогда въ Москву по только что открытому между Тверью и Москвой участку Николаевской желѣзной дороги, представлявшей тогда диковинную новинку.

Лѣто 1851 года пролетѣло для меня очень быстро, и не успѣлъ я оглянуться, какъ въ началѣ августа отецъ опять повезъ меня въ Москву, гдѣ устроилъ на жительство въ славившемся тогда пансіонѣ француза Адольфа Стори, въ которомъ было два отдѣленія. Въ одномъ были ученики, обучавшіеся въ заведеніи всѣмъ предметамъ у лучшихъ учителей; въ другомъ помѣщали къ нему на хлѣба, съ обязательной практикой на иностранныхъ языкахъ, учениковъ гимназій и другихъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ и я.

Поступилъ я въ 3-ю гимназію при директорѣ П. В. Зиновьевѣ; это былъ человѣкъ, съ виду свѣтски воспитанный, всегда корректно одѣтый, съ тихой, сдержанной рѣчью, но буквально неистовый, когда разгорячится. Къ нему, какъ нельзя болѣе, подходила поговорка: «мягко стелеть, да жестко спать». Онъ былъ до того строгъ, требователенъ и взыскателенъ въ мелочахъ, что ученики и большинство преподавателей ненавидѣли его. Не знаю, долго ли онъ вообще былъ директоромъ 3-й гимназіи, но при мнѣ онъ былъ очень недолго. Ему пришлось выйти, и его перевели куда-то въ провинцію, когда съ нимъ приключилась непріятная исторія: разъ какъ-то онъ приходитъ въ четвертый классъ во время урока нѣмецкаго языка и замѣчаетъ на одной изъ партъ гимназиста Линцера въ разстегнутомъ скюртукѣ; директоръ подзываетъ его къ себѣ, дѣлаетъ выговоръ и приказываетъ ему стать на колѣни; Линцеръ не становится; тогда директоръ хватаетъ его за волосы и силой хочетъ поставить на колѣни; но Линцеръ ловко вырывается, оставивъ клокъ волосъ въ рукахъ директора, и со всего размаха даетъ директору пощечину. Сопровождавшіе всегда директора по классамъ надзиратели Верданъ и Пушкинъ схватываютъ несчастнаго Линцера и волокутъ его, по приказанію директора, въ карцеръ. Произошло это на второмъ урокѣ, а во время большой рекреаціи, въ двѣнадцатомъ часу, всѣ гимназисты были собраны въ актовъ залъ, гдѣ, въ присутствіи ихъ и наличныхъ преподавателей, Линцеръ, мальчикъ 15-ти уже лѣтъ, былъ высѣченъ, и публично было объявлено объ исключеніи его изъ гимназіи. Однако истязаніе ученика и полученная пощечина даже въ тѣ суровыя времена не прошли директору даромъ, и его куда-то убрали. Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ опять сумѣлъ заслужить расположеніе высшаго начальства и, сколько мнѣ помнится, чуть ли не былъ впоследствии попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа...

Послѣ П. В. Зиновьева директоромъ къ намъ былъ назначенъ А. П. Ширинскій-Шихматовъ (впослѣдствіи товарищъ министра народнаго просвѣщенія). Какъ теперь, вижу передъ собой этого добродушнаго, полнолицаго, всегда краснощекаго, не особенно умнаго, но милаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, который въ самое короткое время снискалъ всеобщую любовь и самое искрен-

нее, сердечное расположеніе къ себѣ. Князь любилъ музыку и литературу и, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ мѣсяцъ устраивалъ у себя нѣчто въ родѣ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, на которые приглашались всегда гимназисты, преимущественно изъ учившихся музыкѣ, хорошо владѣвшихъ французскимъ языкомъ и особенно отличавшихся хорошимъ чтеніемъ по-русски. Мой товарищъ, князь Юрій Трубецкой, и я бывали почти всегда приглашаемы на эти вечера и пользовались особеннымъ расположеніемъ директора.

Кончилъ я курсъ гимназіи уже при директорѣ В. П. Гривцовѣ, не задолго передъ этимъ только назначенномъ на мѣсто князя Ширинскаго, получившаго совершенно неожиданно высшее назначеніе. В. П. Гривцовъ пользовался тоже любовью и уваженіемъ, какъ человѣкъ справедливый, хотя и требовательный.

Во время моего пребыванія въ гимназіи попечителемъ Московскаго учебнаго округа былъ В. И. Назимовъ, потомъ виленскій генераль-губернаторъ и намѣстникъ Сѣверо-Западнаго края, при которомъ началось знаменитое польское возстаніе 1863 года. Николаевскій генераль, безъ особо блестящаго и основательнаго образованія, не любившій ученость и ученыхъ, Владимиръ Ивановичъ представлялъ собою довольно курьезнаго попечителя учебнаго округа. Не удивительно, что про него ходила масса самыхъ невѣроятныхъ анекдотовъ, въ родѣ, на примѣръ, слѣдующаго: пріѣзжаетъ будто бы Назимовъ въ университетскій ботаническій садъ; тамъ ему не понравилось въ оранжереѣ, что растенія стоятъ не по росту, и, получивъ на предложенный имъ вопросъ: «почему это?»—отвѣтъ ботаника-профессора Фишера-фонъ-Вальдгейма, что растенія поставлены по системѣ Линнея, онъ будто бы закричалъ: «какія тамъ линейки! глупости! поставитъ по ранжиру!»...

Во время севастопольской войны, по распоряженію В. И. Назимова, въ университетѣ и въ старшихъ классахъ гимназій, начиная съ пятаго, начали обучать маршировкѣ, ружейнымъ приемамъ и тактикѣ. Для этого были приглашены инструкторы-офицеры, съ унтеръ-офицеромъ и барабанщикомъ при каждомъ, которые обучали насъ этимъ военнымъ наукамъ. По окончаніи классныхъ занятій, ежедневно, несмотря ни на какую погоду, насъ, старшихъ, выгоняли на дворъ гимназіи и, по крайней мѣрѣ, часъ, а то и болѣе, муштровали по-военному тихимъ шагомъ въ три приема и т. д.

Я, вообще способный ко всему, въ особенности zu allen brodtosen Künsten, очень скоро изъ рядовыхъ попалъ въ ротные командиры и даже былъ произведенъ въ баталіоннаго. Такъ какъ насъ было немного, то роты и баталіоны изображались длинными шестами, которые по концамъ держались только фланговыми; по-

этому не удивительно, что всѣ эволюціи и построенія производились нами довольно стройно и отчетливо.

Я имѣлъ несчастную привычку носить длинные волосы à l'artiste, на что директоръ, добрыйшій князь Ширинскій-Шихматовъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, а попечитель В. И. Назимовъ этого терпѣть не могъ. Живо помню я и сейчасъ трагикомическое происшествіе со мной, когда В. И. Назимовъ, увѣдомленный, что нашъ баталіонъ 3-й гимназіи уже порядочно подученъ въ военной выправкѣ и наукѣ, производилъ намъ смотръ и ученіе. По окончаніи классовъ, только что баталіонъ былъ выстроенъ на дворѣ, какъ въѣхала коляска попечителя, и онъ, еще не вылѣзая изъ коляски, довольный фронтомъ, поздоровался съ нами. Мы дружно прокричали ему: «здравія желаемъ, ваше превосходительство!»... Но, какъ только Владимиръ Ивановичъ вышелъ изъ коляски, его лицо начало хмуриться, и онъ прямо направился ко мнѣ, одиноко стоявшему впереди своего баталіона съ лѣваго фланга.

Подойдя вплотную и рукой трепля мои длинные волосы, онъ прокричалъ:

— Это что?

— Волосы, ваше превосходительство,—не задумываясь отвѣчалъ я.

— Знаю, что волосы, болванъ! Остричь его сейчасъ на барабанъ!

Подлетѣли унтеръ-офицеръ и барабанщикъ, откуда-то и ножницы вдругъ взялись, посадили меня, раба Божія, на барабанъ и въ моментъ обдѣлали подъ гребенку.

Злость меня взяла. Самолюбіе мое было жестоко уязвлено публичной стрижкой передъ подчиненными мнѣ ротами съ шестами, я былъ глубоко оскорбленъ посягательствомъ на мою внѣшнюю артистическую красоту. Остриженный я всталъ передъ своимъ баталіономъ ужъ самъ не свой.

Началось ученіе. Все шло, повидимому, прекрасно. Горячка Назимова прошла, и мы даже нѣсколько разъ удостоивались похвалы его превосходительства, на что каждый разъ во всю глотку орали: «рады стараться, ваше превосходительство!»—какъ вдругъ все опять полетѣло прахомъ. По командѣ Назимова итти сомкнутыми колоннами въ атаку, я долженъ былъ передать эту команду своимъ ротамъ; тутъ я что-то напуталъ, скомандовалъ не такъ, и вмѣсто атаки сомкнутой колонной у меня получилось что-то невообразимое,—половина моихъ ротъ пошла впередъ, какъ и слѣдовало, а другая пошла почему-то назадъ.

В. И. Назимовъ моментально вспыхнулъ, прокричалъ: «посадить этого остриженного олуха въ карцеръ до завтрашняго утра!»—сѣлъ въ коляску и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не попрощавшись.

Для характеристики московской 3-й гимназіи въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ долженъ еще сказать о старшемъ надзирателѣ, Альбертѣ Ивановичѣ Верданѣ, и о нѣкоторыхъ весьма типичныхъ и оригинальныхъ учителяхъ нашихъ.

Судя по имени и фамилии, А. И. Верданъ былъ родомъ французъ, но порядочно обрусѣвшій. Онъ всегда умѣлъ ладить съ начальствомъ, почему служилъ въ гимназіи безчисленное множество лѣтъ, и никто не зналъ и не могъ опредѣленно сказать, когда онъ поступилъ на службу. Я кончилъ курсъ въ маѣ 1856 года, а въ концѣ семидесятихъ годовъ, слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, онъ состоялъ все тѣмъ же старшимъ надзирателемъ, и я навѣщалъ его все въ той же казенной квартирѣ. На немъ оправдывалась тоже русская поговорка: «каковъ попъ, таковъ и приходъ»; при директорѣ П. В. Зиновьевѣ онъ былъ тоже звѣремъ, и всѣ его терпѣть не могли; при князѣ Ширинскомъ-Шахматовѣ онъ былъ добрѣйшей души человѣкъ, и его всѣ любили. Онъ сильно хромалъ на одну ногу, которая была много короче другой, и на которой онъ носилъ сапогъ съ подошвою чуть ли не въ $\frac{1}{4}$ аршина толщиной, но никогда никто изъ гимназистовъ не высмѣивалъ его за это, тогда какъ не имѣвшему кисти правой руки учителю нѣмецкаго языка младшихъ классовъ, В. И. Манке, гимназисты проходу не давали, и ему часто приходилось буквально отбиваться своей костяшкой отъ глупыхъ и злыхъ шалуновъ.

Преподаватели у насъ тогда рѣзко раздѣлялись на двѣ категории—въ первыхъ трехъ классахъ былъ одинъ персоналъ учителей, а, начиная съ четвертаго, во всѣхъ старшихъ классахъ составъ учителей былъ совсѣмъ другой, при чемъ этотъ послѣдній былъ гораздо лучше перваго, за самыми малыми исключеніями. Такъ, въ младшихъ классахъ былъ прекрасный учитель французскаго языка Емельяновъ, прозывавшійся *monsieur Emeloen*, нашъ же французъ, *monsieur Gait*, не выдерживалъ никакой критики. Этотъ самый Гэ, французъ, оставшійся въ Москвѣ послѣ 1812 года, за сорокъ лѣтъ пребыванія въ Россіи все-таки не выучился говорить по-русски, ругалъ все русское, кромѣ водки, которой отдавалъ предпочтеніе передъ французскими винами, и поэтому всегда почти являлся въ классъ пьяный, въ грязномъ, всегда засыпанномъ нюхательнымъ табакомъ, платѣ и бѣлѣ. По приходѣ въ классъ онъ немедленно доставалъ изъ задняго кармана своего форменнаго фрака отвратительный, грязный носовой платокъ, которымъ имѣлъ обыкновение помахивать въ теченіе всего класса, не выпуская его изъ руки, а въ другой держалъ большую табакерку, изъ которой и набивалъ свой красносизый носъ табакомъ каждыя 5—10 минутъ.

Тремъ свободно говорившимъ по-французски ученикамъ—Козлову, Трубецкому и мнѣ, онъ обыкновенно поручалъ наблюденіе за остальными.

— Prince Troubetzkoi, faites le moniteur!

Обязанность moniteur'a состояла въ томъ, чтобы поправлять ошибки во время устныхъ переводовъ съ французскаго на русскій языкъ и наоборотъ, въ чемъ только и заключалась вся система преподаванія г. Гэ. Ясно, что рѣшительно никто, за исключеніемъ насъ троихъ, изучившихъ французскій языкъ дома, ровно ничего не зналъ.

Весьма часто происходили въ классѣ невозможные курьезы. Вызываетъ, напримѣръ, Гэ ученика Морозова; я какъ разъ въ этотъ день назначенъ былъ состоять moniteur'омъ. Гэ показываетъ пальцемъ на какую-то строчку въ хрестоматіи:

— Monsieur Morosoff, traduisez.

Морозовъ ровно ничего не знаетъ, даже прочесть можетъ съ трудомъ и всегда, вмѣсто «Antoine célébra la gloire d'Achil», у него выходило: «Антонъ серебро на бульварѣ тащилъ», или вмѣсто «Je n'irai jamais contre vous»—«жретъ панъ рѣпу, конь траву».

Въ этотъ разъ первая же фраза начиналась такъ: «Il était gai, comme» и т. д. Морозовъ разобралъ это gai и безъ запинки, какъ будто переводить, громко говоритъ и водить при этомъ пальцемъ по строчкѣ: «это Гэ, онъ свинья, Гэ пьяница, Гэ болванъ»...

— Monsieur Auerbak, qu'est ce qu'il a toujours un g? Est ce juste?

— Oui, monsieur, c'est juste,—отвѣчаю я.

— Mais ce g me choque un peu. Enfin! Mettez lui un 4.

Я подхожу къ журналу и ставлю Морозову четверку.

И это было въ шестомъ классѣ.

Такъ-то шло у насъ преподаваніе французскаго языка; впрочемъ въ этомъ и сейчасъ среднеучебныя заведенія недалеко ушли впередъ.

У насъ былъ очень хорошій и дѣльный учитель русской словесности, Иванъ Ермолаевичъ Сосницкій, котораго мы всѣ очень любили, и старались никогда не пропускать его уроковъ. Онъ былъ добродушнѣйшій человекъ неимоверной толщины, вѣсившій по меньшей мѣрѣ десять пудовъ, любившій свой предметъ, любившій учениковъ и умѣвшій всегда заинтересовать ихъ. Его уроки были преимущественно бесѣдами съ нами о прочитанномъ, о достоинствахъ и недостаткахъ такого-то сочиненія; замѣчанія его были всегда мѣтки, занимательны и остроумны. Благодаря его добродушію, мы позволяли себѣ иногда, даже и непристойно, школьничать съ нимъ, но онъ никогда не сердился, никогда не жаловался на насъ начальству, а расправлялся съ нами самъ, по-своему, всегда оригинально. Разъ какъ-то Юша Трубецкой изъ-подъ парты началъ стрѣлять въ него горохомъ изъ деревянной пушки съ пружиной и залѣпилъ ему цѣлый зарядъ гороху прямо въ его толстое брюхо.

— Князь Юрій, поди-ка сюда, — засмѣялся Иванъ Ермолаевичъ. — Покажи-ка игрушечку-то.

Трубецкой подходитъ къ каюдрѣ и подаетъ ему совсѣмъ новенькую пушку.

— Ладно, а заряды гдѣ же?

Трубецкой идетъ къ партѣ, достаетъ изъ нея и подаетъ бумажный мѣшокъ съ отличнымъ, крупнымъ горохомъ.

— Вотъ и прекрасно, — говоритъ Сосницкій. — Изъ этого гороху у меня дома сдѣлаютъ отличную похлебку, да еще съ ветчиной, — отъ Бѣлова велю взять, а игрушечка занятная, хорошенькая, какъ разъ пригодится моему Колькѣ на именины. Такъ и скажу ему: «получай, Колька, эту пушку присылаетъ тебѣ въ подарокъ самъ князь Юрій Трубецкой», — и пушка исчезаетъ въ глубокомъ боковомъ карманѣ Ивана Ермолаевича, а свертокъ съ горохомъ въ заднемъ карманѣ фрака.

Послѣ этого, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ бесѣдовать о Пушкинѣ, Лермонтовѣ или Гоголѣ..

Вообще надо отмѣтить, что между учителями и учениками того времени было гораздо больше единенія, между большинствомъ существовали симпатичныя патріархальныя отношенія, отчего, мнѣ кажется, элементарное образованіе среднеучебныхъ заведеній шло тогда много успѣшнѣе настоящаго времени.

18-го февраля 1854 года, въ самый разгаръ севастопольской войны, совершенно неожиданно почилъ императоръ Николай Павловичъ, и 19-го февраля вступилъ на престолъ государь Александръ II, который уже наслѣдникомъ былъ извѣстенъ за самаго добраго и гуманнаго человѣка.

Въ этотъ день насъ водили къ присягѣ въ маленькую церковь «Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы», что противъ 3-й гимназіи на углу Лубянки и Кузнецкаго моста. Мнѣ никогда потомъ не доводилось даже слышать, чтобы гимназистовъ приводили къ присягѣ — только мы въ тѣ времена были удостоены этой чести.

Въ августѣ 1856 года я, уже студентомъ университета, имѣлъ счастье присутствовать въ Москвѣ на торжественномъ въѣздѣ государя императора Александра Николаевича въ первопрестольную столицу и на нѣкоторыхъ коронаціонныхъ празднествахъ, о которыхъ рассказывать не стану, такъ какъ они уже описывались такъ много разъ и такъ подробно, что врядъ ли мнѣ удалось бы сообщить что нибудь новое.

II.

Инспекторы студентов Шпейеръ, Ильинскій, Живаго. — Студенческая исторія съ полиціей въ 1857 году. — Семейство лейбъ-медика А. Е. Берса. — Знакомство съ графомъ Л. Н. Толстымъ.

Инспекторъ студентовъ Шпейеръ былъ очень популяренъ между студентами, потому что онъ дѣйствительно любилъ студентовъ и всегда старался отстаивать ихъ интересы; одного только онъ положительно не выносилъ и никогда не прощалъ — это пьянства. Пьяный студентъ, попавшійся ему на глаза или взятый въ такомъ видѣ въ публичномъ мѣстѣ, всегда выслушивалъ отъ него массу брани и ругани, которую онъ выкрикивалъ какимъ-то особенно тоненькимъ голоскомъ, не принимая во вниманіе и даже не выслушивая никакихъ оправданій, и непременно засаживалъ провинившагося въ карцеръ.

Благодаря подобному праву и привычкѣ Шпейера, съ нимъ приключилась слѣдующая забавная исторія. Студентъ Извъковъ, порядочно выпивши, сидѣлъ въ Маломъ театрѣ, въ первомъ ряду креселъ, рядомъ съ мѣстомъ оберъ-полицеймейстера, и неистово вызывалъ обожаемую студентами артистку А. И. Колосову. Оберъ-полицеймейстеру надоѣло безобразное кричаніе студента, и онъ приказалъ вывести его изъ театра.

Въ тѣ времена общая полиція не имѣла права забирать студентовъ, а должна была со всякимъ подобнымъ требованіемъ въ случаѣ нарушенія студентомъ общественной тишины и спокойствія или при учиненіи имъ вообще безпорядковъ въ публичномъ мѣстѣ обращаться къ содѣйствию университетской полиціи, т.-е. къ дежурному субъинспектору, которому полагалось также именное кресло въ партерѣ; да и вообще въ публичныхъ мѣстахъ долженъ былъ находиться дежурный субъинспекторъ. Когда же случалось, что дежурный субъинспекторъ почему либо отсутствовалъ, то полиція имѣла только право вывести дебошира-студента и представить его въ университетъ.

Такъ случилось и въ этотъ разъ: дежурнаго субъинспектора въ театрѣ не оказалось, и частный приставъ, подойдя къ Извъкову, вѣжливо заявилъ ему объ этомъ и попросилъ его выйти изъ театра, согласно приказанію оберъ-полицеймейстера. Дѣлать нечего, пришлось повиноваться, и Извъковъ, слегка пошатываясь, сталъ выходить вслѣдъ за частнымъ приставомъ, который, предполагая его очень пьянымъ, передалъ у подъѣзда квартальному и приказалъ отвезти Извъкова на извозчикѣ въ университетъ.

Дѣло было около 9-ти часовъ вечера. Видитъ Извъковъ, дѣло его плохо — не миновать ему карцера на всю ночь и здоровой распечки инспектора утромъ.

Бдутъ. Проѣзжая охотнымъ рядомъ, при пересѣченіи Тверской улицы, гдѣ на углу была недорогая въ то время, огромная гостиница «Парижъ» (и нынѣ существующая), въ которой, благодаря дешевизнѣ и близости къ университету, всегда жило много студентовъ, у Извѣкова моментально родилась мысль, какъ бы отдѣлаться отъ неизбежнаго карцера; онъ и говоритъ квартальному:

— Позвольте мнѣ зайти въ «Парижъ» къ товарищамъ попросить ихъ сообщить матери и сестрѣ, чтобы меня сегодня домой не ждали, такъ какъ мнѣ придется засѣсть въ карцеръ, когда вы доставите меня въ университетъ.

Квартальный, заподозрѣвъ его въ желаніи скрыться, но не желая все-таки отказать ему въ столь основательной просьбѣ, говоритъ:

— Я ничего противъ этого не имѣю, только я буду ужъ сопровождать васъ въ номеръ товарищей вашихъ, а то вѣдь мнѣ придется отвѣчать передъ моимъ начальствомъ, если я упущу васъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—соглашается Извѣковъ.

Приказали извозчику остановиться у подъѣзда гостиницы. Входятъ. На счастье Извѣкова въ первомъ же номерѣ, занятомъ студентами, застали компанію изъ пяти человекъ, играющихъ въ карты, къ которымъ Извѣковъ и обратился:

— Господа, дайте знать матери и сестрѣ, что меня вотъ г. квартальный, по приказанію оберъ-полицеймейстера, везетъ изъ театра въ университетъ, гдѣ, конечно, мнѣ придется просидѣть въ карцерѣ до утра.

Затѣмъ Извѣковъ обратился къ остановившемуся въ дверяхъ квартальному:

— Надѣюсь, вы также позволите мнѣ закусить здѣсь немного? А то вѣдь въ карцерѣ мнѣ ничего не дадутъ, а вамъ рѣшительно все равно—привезти меня въ университетъ получасомъ раньше или позже.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчалъ квартальный.—Только я уже подожду васъ здѣсь, не уходя изъ комнаты.

Распорядились поскорѣе подать водки и закусокъ, а въ головѣ у Извѣкова все работаетъ мысль: «какъ бы ему отдѣлаться отъ квартальнаго и карцера?»

— Вы исполняете приказаніе вашего начальства, — говоритъ квартальному Извѣковъ, — поэтому я на васъ нисколько не въ претензіи, такъ и вы докажете, что вы въ принципѣ не врагъ мнѣ, и пожалуйста къ столу поужинать вмѣстѣ съ нами.

— Съ удовольствіемъ,—не могъ устоять квартальный вкусно поѣсть и выпить за чужой счетъ.

Студенты и давай угощать его самымъ радушнымъ образомъ.

Въ результатъ—совсѣмъ отрезвившійся Извѣковъ и до положенія ризъ напившійся квартальный.

Во время попойки, находя, что въ комнатѣ очень жарко, всѣ студенты сняли сюртуки; предложили то же сдѣлать и квартальному. Въ концѣ концовъ напялили на квартального студенческой сюртукъ, нахлобучили ему на голову студенческую же фуражку, Извъковъ надѣлъ мундиръ квартального, пришедшійся ему какъ разъ впору, и, помѣнявшись ролями, они вышли на подъѣздъ, усѣлись обнявшись на гитарѣ (тогдашнія извозчичьи дрожки) и поѣхали на Моховую, гдѣ Извъковъ приказалъ извозчику въѣхать во дворъ Старого университета и остановиться у круглой арки, ведущей въ карцеръ и въ квартиры сторожей. Разыгрывая роль квартального, Извъковъ вызываетъ сторожа, спихиваетъ своего спутника съ гитары и, передавъ его сторожу со словами: «пьяный студентъ», уѣзжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а сторожъ, взявъ подъ руку пьянаго квартального и принявъ его за студента, поволокъ его въ карцеръ, гдѣ, по обыкновенію, и заперъ до утра.

Утромъ, проснувшись съ головной болью, квартальный никакъ не могъ сообразить, гдѣ онъ. Не могъ вспомнить, что съ нимъ приключилось. Онъ сознавалъ только, что вчера гдѣ-то съ кѣмъ-то мертвецки напился.

Въ девять часовъ утра щелкнулъ замокъ, вошелъ сторожъ и объявилъ:

— Пожалуйте къ инспектору.

— Къ какому инспектору?—недоумѣваетъ квартальный.

— Ну, притворяйся! — фамиллярно говоритъ ему сторожъ. — Иди, иди скорѣй, авось помилуетъ.

Тутъ только, наконецъ, квартальный замѣтилъ, что на немъ студенческой сюртукъ. Онъ сталъ смутно припоминать происшедшее съ нимъ наканунѣ и сообразилъ, что его ведутъ къ инспектору студентовъ, которому онъ сейчасъ чистосердечно признается во всемъ, но сдѣлать это оказалось не такъ-то легко, ибо и тогда уже въ Московскомъ университетѣ было болѣе трехъ тысячъ студентовъ, которыхъ инспекторъ, конечно, не могъ знать всѣхъ лично.

Приводятъ квартального въ кабинетъ къ Шпейеру, который встрѣчаетъ его сразу крикомъ на высокихъ нотахъ:

— А! опять нарѣзался! опять пьяный наскандалил! гдѣ? кайся!

— Да я, ваше превосходительство, совсѣмъ не студентъ...

— Что! Не проспался еще?! Тащи его опять въ карцеръ!—продолжалъ кричать Шпейеръ, отдавая приказаніе сторожу.

Такимъ образомъ, все больше и больше возвышая крикливый голосъ, ругательски ругая бѣднаго пьяницу, Шпейеръ такъ и не далъ квартальному сказать ни единого слова и несчастнаго, ошеломленнаго, отвели опять въ карцеръ, гдѣ и заперли на сутки.

Буквально то же самое повторилось и на слѣдующее утро. Какъ только квартальный заикнулся, что онъ вовсе не студентъ, Шпейеръ началъ опять неистово кричать на него, что онъ все еще не проспался, и велѣлъ запереть его въ карцеръ еще на сутки.

На третій день утромъ, довольно рано, Шпейеръ во время кофе просматривалъ, по своему обыкновению, дневникъ приключеній въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» и прочелъ, что такого-то числа ночью, неизвѣстно куда, исчезъ такой-то квартальный надзиратель, а потому... и т. д.

«Ужъ не онъ ли это сидитъ у меня въ карцерѣ? Все твердитъ, что онъ не студентъ?» — сообразилъ Шпейеръ и приказалъ немедленно же привести къ себѣ того студента, что уже третьи сутки сидитъ въ карцерѣ.

Когда привели квартальнаго, и Шпейеръ уже спокойно выслушалъ его, онъ только улыбнулся и сказалъ:

— Сами виноваты. Ступайте теперь съ Богомъ, исполняйте ваши обязанности исправнѣе. Выпутывайтесь у вашего начальства, какъ знаете; только ни меня, ни моихъ молодцовъ не припутывайте, потому что впередъ говорю вамъ, что и допытываться не буду, кто изъ студентовъ удралъ съ вами такую ловкую штуку.

Тѣмъ эта исторія и кончилась.

Послѣ Шпейера инспекторомъ студентовъ былъ отставной морякъ Ильинскій, который, если и не былъ строгъ, то все-таки не пользовался особенной популярностью между студентами, благодаря вообще своей недалекости и весьма частой безтактности. А послѣ исторія съ полиціей, бывшей въ сентябрѣ 1857 года, онъ положительно уронилъ себя во мнѣніи всѣхъ, вскорѣ былъ переимѣненъ на другую какую-то должность и скрылся съ университетскаго горизонта.

Студенческая исторія съ полиціей въ 1857 году была настолько своеобразна и изъ ряда выходящая, что расскажу ее подробно.

Дѣло было такъ.

Студенты, человекъ двѣнадцать, собрались 11-го сентября у студента-медика Ганусевича, праздновавшаго день своего рожденія или именинъ. Поболтали, поиграли въ карты, попѣли и, конечно, прилично подвыпили. Послѣ ужина хотѣли сварить жженку, но у Ганусевича не оказалось всѣхъ нужныхъ для сего припасовъ и снадобій, а былъ уже второй часъ ночи. Тогда студентъ Михайловскій вызвался сходить въ знакомый ему погребокъ на Трубѣ, гдѣ онъ общался и ночью раздобыть нужные ромъ и шампанское. Ганусевичъ жилъ въ Маломъ Сергіевскомъ переулкѣ, очень близко отъ Трубы и этого погребка. Всѣ возликовали. Вотъ

Михайловскій, накинувъ плащъ, отправился. Ночь была темная, моросилъ мелкій осенній дождь, и было холодно. Михайловскій благополучно добрался до погребка, проникъ въ него съ задняго хода и, получивъ отъ знакомаго ему хозяина желаемое, съ кулькомъ подъ мышкой пошелъ обратно. Взбираясь на крутую гору Мало-Сергіевского переулка очень быстрой походкой, онъ повстрѣчался съ полицейскимъ надзирателемъ, но не замѣтилъ, что этотъ послѣдній повернулъ и сталъ слѣдить за нимъ. Помогъ оказалось, что этотъ квартальный подкарауливалъ какого-то жулика и принялъ Михайловскаго съ кулькомъ за него съ краденными вещами, за темнотой ночи и непогодой не разглядѣвъ въ немъ студента, какъ онъ объяснялъ потомъ начальству.

Едва успѣлъ Михайловскій войти въ квартиру Ганусевича, сбросить съ себя мокрый плащъ, какъ онъ былъ окруженъ ликующими товарищами; на столѣ уже красовалась кастрюля, и на ней, на уложенныхъ крестъ на крестъ шпагахъ, большой кусокъ сахара, но тутъ раздался стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?—спросилъ Ганусевичъ.

— Отоприте,—отвѣчалъ голосъ за дверью.—Полиція разыскиваетъ жулика, который вотъ сейчасъ скрылся за этой дверью.

— Да вы съ ума сошли! — прокричалъ Ганусевичъ. — Здѣсь живу я, студентъ Ганусевичъ, и никакихъ жуликовъ укрывать не могу. Да вы-то кто же будете?

— Квартальный надзиратель Морозовъ; я только что самъ лично выслѣдилъ жулика и видѣлъ, что онъ скрылся у васъ.

— Что, братъ, Михайловскій, въ жулики попалъ?!—засмѣялись студенты хоромъ, а Ганусевичъ продолжалъ переговоры черезъ запертую дверь.

— Ко мнѣ сейчасъ пришелъ не жуликъ, а мой товарищъ студентъ, который принесъ намъ вина. Да наконецъ вы не имѣете никакого права требовать впуска вашего въ студенческую квартиру безъ представителя отъ университета, приведите съ собой дежурнаго субъинспектора, тогда я вамъ дверь отворю, а иначе ни за что на свѣтѣ.

Такъ какъ квартальный былъ одинъ, то, конечно, было бы лучше впустить его и дать ему тотчасъ же убѣдиться въ своей ошибкѣ, но такъ какъ студенты уже немного подгуляли и притомъ вообще полицію не долюбивали, то они всѣ стали поддерживать хозяина и рѣшили полицію безъ субъинспектора ни въ какомъ случаѣ не впускать, видя въ этомъ нарушеніе своихъ студенческихъ правъ.

Квартальный ушелъ, а студенты принялись варить жженку.

Когда она почти вся была уже выпита, когда нѣсколько разъ уже были пропѣты и «Gaudeamus igitur» и модная тогда студенческая пѣсня «Наша жизнь коротка», раздался опять стукъ въ дверь и требованіе именемъ закона открыть ее.

Это было уже около 4-хъ часовъ ночи.

Студенты, убѣдившись, что опять явилась полиція безъ субъинспектора, конечно, двери не открыли. Тогда полиція учинила цѣлый приступъ на квартиру Ганусевича: къ двумъ окнамъ съ улицы были подставлены лѣстницы, и въ окнахъ показались головы пожарныхъ и городскихъ, а двери начали выламывать. Студенты вооружились пустыми шампанками и ловко отбивали нападеніе чрезъ окна: какъ только покажется въ окнѣ голова, по ней сейчасъ же слѣдоваль ударъ шампанкой, и голова летѣла внизъ; появлялась другая—съ ней то же самое. Убѣдившись въ невозможности проникнуть въ квартиру чрезъ окна, все стараніе полиціи было приложено къ выламыванію двери, что ей, конечно, и удалось наконецъ. Какъ только дверь слетѣла съ петель, студенты моментально потушили свѣчи и стали отбиваться бутылками; полиція же имѣла неосторожность обнажить тесаки, а квартальный Морозовъ даже и свою шпаженку, которой впотьмахъ кололъ направо и налево. Однимъ словомъ полиція произвела форменное вооруженное нападеніе на студентовъ.

Потомъ по слѣдствію оказалось, что квартальный Морозовъ, не впущенный студентами въ первый разъ, полетѣлъ на извозчикѣ въ свою Срѣтенскую часть, гдѣ и доложилъ только что вернувшемуся изъ гостей частному приставу, толстяку Цвеленеву, что онъ выслѣдилъ жулика, который скрылся въ извѣстномъ ему домѣ, но онъ въ квартиру не былъ впущенъ, такъ какъ жильцы называли себя студентами, и просилъ указаній приставъ, какъ ему поступить.

Цвеленевъ, возвратившійся домой съ частнаго музыкальнаго вечера (онъ игралъ на віолончели), порядочно выпивши, не нашелъ ничего лучшаго, какъ сказать Морозову:

— Бей ихъ!— и тутъ же повалился на диванъ въ своемъ кабинетѣ и захрапѣлъ богатырскимъ сномъ.

Квартальный Морозовъ, воображая, что его обманули, и что въ этой квартирѣ живутъ вовсе не студенты, принялся буквально исполнять приказаніе частнаго: взялъ съ собой человѣкъ двадцать городскихъ и пожарныхъ и учинилъ съ ними форменное сраженіе, въ которомъ, благодаря во время потушеннымъ свѣчамъ, пользуясь темнотою, большинству студентовъ удалось пробиться, но самъ Ганусевичъ и двое товарищей, жившіе вмѣстѣ и не желавшіе бросить на произволь свою квартиру, были сильно избиты и порублены тесаками, захвачены полиціей и унесены въ Срѣтенскую часть.

12-го сентября, въ 7 часовъ утра, когда у насъ, математиковъ и медиковъ перваго и втораго курсовъ, начинались общія лекціи по сравнительной анатоміи, Михайловскій уже дожидался въ анатомическомъ театрѣ Стараго университета; когда мы узнали обо

всемъ этомъ происшествіи и о томъ, что Ганусевичъ съ товарищами находятся въ полиціи, такъ сказать, въ плѣну, мы, нѣсколько сотъ человѣкъ, направились сейчасъ же въ часть, чтобы выручить товарищей. Всѣ встрѣчавшіеся по пути студенты, шедшіе въ университетъ, присоединялись къ намъ. И вотъ въ количествѣ до тысячи человѣкъ мы подошли къ Срѣтенской части, буквально разнесли тамъ всѣхъ и все, выручили трехъ избитыхъ, израненныхъ товарищей изъ каталажки и торжественно унесли ихъ на рукахъ въ клинику, которая тогда помѣщалась на Рождественкѣ.

Благодаря отсутствію тогда телефоновъ и городскихъ телеграфовъ, по которымъ теперь моментально были бы вызваны войска, мы успѣли все совершить безпрепятственно.

Въ университетѣ, конечно, лекцій никакихъ; одна сходка за другой; профессора приняли нашу сторону и воодушевляли насъ.

Въ клиникѣ профессорами былъ составленъ протоколъ о томъ, что трое студентовъ (всѣ поименованы) доставлены въ десятомъ часу утра изъ Срѣтенской части, сильно избиты и поражены холоднымъ оружіемъ—тесаками, и одинъ изъ нихъ, Ганусевичъ, даже очень опасно. По первому дознанію, произведенному самой полиціей, констатированъ фактъ обнаженія и употребленія въ дѣло холоднаго оружія.

При такомъ положеніи московскій оберъ-полицеймейстеръ Тимашевъ-Берингъ, видя, что дѣло не ладно, поѣхалъ къ инспектору студентовъ Ильинскому и упрашивалъ его замаять это дѣло какъ нибудь, не раздувать его и даже предложилъ готовность уплатить пострадавшимъ студентамъ, особенно Ганусевичу, приличное вознагражденіе.

Инспекторъ Ильинскій сдѣлалъ тутъ первую безтактность: онъ умылъ руки и направилъ Тимашева-Беринга для переговоровъ по этому поводу къ субинспектору Соханскому, который, увя, согласился поѣхать къ Ганусевичу и предложить ему 3.000 рублей, а двумъ другимъ, менѣе пострадавшимъ, по 1.000 рублей каждому, рассчитывая, что они, какъ люди очень небогатые, съ удовольствіемъ согласятся на подобную мировую сдѣлку.

На слѣдующій день Соханскій отправился въ клинику къ студентамъ для переговоровъ. Онъ, казалось, очень ловко и хитро велъ переговоры съ Ганусевичемъ, который только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пришелъ въ себя, какъ слѣдуетъ. Ганусевичъ внимательно выслушалъ его, полѣзъ рукой подъ подушку, досталъ оттуда послѣдніе 5 рублей, имѣвшіеся еще у него, и, подавая эти 5 рублей Соханскому, далъ ему пощечину и сказалъ:

— Вотъ все, что я могу заплатить вамъ за данную пощечину. Повѣрьте, это гораздо больше тѣхъ трехъ тысячъ рублей, которыя вы осмѣлились предложить мнѣ отъ имени полиціи за нанесенное не только мнѣ, но и всему студенчеству, оскорбленіе... и тутъ же впалъ опять въ обморокъ.

Моментально объ этомъ стало извѣстно въ университетѣ, гдѣ тотчасъ же собралась сходка въ большой физической аудиторіи въ зданіи Новаго университета. Это было около 10 часовъ утра.

Рѣшили потребовать на сходку инспектора и заставить его немедленно уволить со службы Соханскаго. Инспекторъ Ильинскій не замедлилъ явиться, но имѣлъ неосторожность войти въ аудиторію въ сопровожденіи субъинспектора Соханскаго, бывшаго въ этотъ день дежурнымъ.

— Вонъ! вонъ!—раздались угрожающіе крики тысячи голосовъ... и Ильинскій позорно бѣжалъ изъ аудиторіи вмѣстѣ съ Соханскимъ, которому, однако, нѣсколько смѣльчаковъ успѣли дать нѣсколько разъ по шеѣ.

Когда они удалились, студенты стали кричать:

— Ректора! ректора! ректора!...

Дѣлать нечего, послали за ректоромъ, престарѣлымъ, дряхлымъ уже Альфонскимъ, который появился въ аудиторіи въ двѣнадцатомъ часу; собравъ всѣ свои силы, онъ рискнулъ закричать тоненькимъ старческимъ голоскомъ:

— Вы что это? буянить вздумали?! Да я васъ упеку...

— Вонъ! вонъ! вонъ!—заревѣли студенты, не давъ ему докончить своихъ угрозъ.

— Попечителя! попечителя!—еще неистовѣ кричали студенты, и сконфуженный ректоръ Альфонскій заковылялъ изъ аудиторіи, пославъ, однако, тотчасъ же за попечителемъ, котораго посланный встрѣтилъ дорогой, такъ какъ, предувѣдомленный уже инспекторомъ, онъ ѣхалъ въ университетъ.

По удаленіи Альфонскаго, взшелъ на кафедру студентъ-юристъ 3-го курса, Рыбниковъ. Наступило молчаніе, и Рыбниковъ обратился къ товарищамъ со слѣдующей рѣчью: «Господа! мы такъ ничего не добьемся. Ковалевскій (попечитель) человекъ умный, справедливый и добрый. Я убѣжденъ, что онъ готовъ будетъ выслушать насъ и заступиться за насъ. Только надо, чтобы онъ дѣйствительно понялъ насъ и имѣлъ возможность выслушать насъ и узнать правду, а при такомъ общемъ нашемъ галдѣніи понять, конечно, ничего нельзя, и мы только раздражимъ его. Поэтому предлагаю сейчасъ же выбрать двоихъ изъ насъ, которымъ и поручить вести разговоръ съ попечителемъ»...

Дружные аплодисменты всей аудиторіи покрыли эту краткую вразумительную рѣчь Рыбникова, котораго сейчасъ же выбрали для переговоровъ съ Ковалевскимъ, а также математика Михайловскаго, бывшаго однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ погромѣ съ полиціей у Ганусевича.

Едва успѣли мы покончить съ этимъ выборомъ, какъ въ аудиторіи появился попечитель Ковалевскій. Онъ имѣлъ неосторожность тоже начать съ угрозы:

— Вы, господа, начинаете буянить! А не хотите ли десятаго въ солдаты?!..

— Вонъ! вонъ! — не стерпѣли нѣкоторыя возбужденныя головы, забывъ только что условленное.

Но, къ счастью, Ковалевскій сейчасъ же спохватился и сказалъ очень громко, чтобы покрыть начавшійся шумъ:

— Я васъ слушаю, господа. Что вамъ угодно?

— Такъ-то лучше, — раздалось изъ толпы, а студенты Рыбниковъ и Михайловскій выступили впередъ къ попечителю.

— Мы желали бы, ваше превосходительство, познакомиться васъ подробно со всѣмъ настоящимъ дѣломъ, волнующимъ теперь не только студентовъ, но и всю Москву, — началъ Рыбниковъ. — Мы желаемъ, чтобы вы узнали истину и тогда уже дѣйствовали, какъ укажутъ вамъ ваше сердце и разумъ. Въ вашу же справедливость и доброту мы всѣ искренно вѣримъ.

— Хорошо, господа, я готовъ выслушать васъ. Говорите! — отвѣчалъ уже совершенно мягко Ковалевскій.

— Михайловскій, — обратился Рыбниковъ къ товарищу, — ты былъ у Ганусевича въ ночь съ 11-го на 12-е сентября, изъ-за тебя весь сыръ-боръ загорѣлся, такъ рассказывай безъ утайки все, какъ было, въ чемъ ты былъ дѣйствующимъ лицомъ и свидѣтелемъ.

Михайловскій рассказалъ все самымъ подробнымъ образомъ, начиная съ того момента, какъ онъ ходилъ въ погребокъ за виномъ, какъ разыгралась формальная баталія, и какъ онъ первый сообщилъ объ этомъ въ 7 часовъ утра на математическій и медицинскій факультеты; потомъ — о разгромѣ нами Срѣтенской части для выручки изъ каталажки израненнаго Ганусевича съ двумя товарищами, фамилій коихъ не припомню сейчасъ.

Ковалевскій все время стоялъ и слушалъ очень внимательно.

Потомъ уже Рыбниковъ съ большимъ волненіемъ передалъ, какъ сегодня утромъ субъинспекторъ Соханскій оскорбилъ Ганусевича предложеніемъ отъ имени полиціи денегъ въ вознагражденіе за оскорбленіе, нанесенное полиціей не только ему, но и всѣмъ студентамъ; какъ Ганусевичъ далъ за это Соханскому пощечину, бросивъ ему за нее послѣдніе 5 рублей; какъ мы собрались здѣсь, въ этой аудиторіи, на сходку съ цѣлю потребовать отъ инспектора немедленнаго удаленія со службы Соханскаго; какъ этотъ послѣдній имѣлъ нахальство прийти вмѣстѣ съ инспекторомъ на сходку, что, конечно, всѣхъ страшно возмутило, почему ихъ съ позоромъ изгнали со сходки, — не утаилъ Рыбниковъ даже и того, что Соханскому при этомъ случаѣ наклали въ шею; какъ ректоръ Альфонскій, ничего не желая выслушивать, началъ только грозиться, и т. д. все до малѣйшихъ подробностей.

— Теперь, ваше превосходительство, вы знаете правду, и мы общаемъ вамъ безропотно и безъ всякаго скандала подчиниться вашему справедливому приговору.

— Bravo! bravo! — раздалось со всѣхъ скамей.

— Господа! — обратился Ковалевскій къ студентамъ. — Мнѣ обо всемъ доложили не совсѣмъ такъ, не говоря уже про то, что генераль-губернаторъ Закревскій и оберъ-полицеймейстеръ Тимашевъ-Берингъ, конечно, говорятъ обо всемъ этомъ, стараясь выгородить и оправдать дѣйствія полиціи. Но я теперь, увѣренный, что отъ васъ узналъ сущую правду, понялъ все, даю вамъ слово стоять за васъ горой и, если борьба съ генераль-губернаторомъ окажется мнѣ не подъ силу, и мнѣ не удастся совершенно отстоять васъ, то я самъ подамъ въ отставку...

Послѣ такихъ словъ попечителя произошло нѣчто поразительное: раздались неистовые аплодисменты, крики «браво» и «ура!»; всѣ бросились къ Ковалевскому и начали качать его; потомъ понесли его на рукахъ по большой лѣстницѣ на подъѣздъ, выпрягли изъ кареты его лошадей и на себѣ повезли его домой. Вотъ какъ легко въ сущности дѣйствовать благотворно на толпу молодежи, которая такъ легко увлекается и при справедливости, малѣйшей ласкѣ и хорошемъ съ собой обращеніи приходитъ въ восторгъ...

Между тѣмъ въ тотъ же вечеръ студенты узнали, что генераль-губернаторъ Закревскій старался совсѣмъ иначе объяснить демонстрацію студентовъ Ковалевскому и вообще волненіе студентовъ, что онъ подалъ государю, который тогда былъ въ Варшавѣ, телеграмму, которой сообщалъ, что студенты бунтуютъ и поддерживаются къ бунту всѣми профессорами и даже самимъ попечителемъ.

Негодование противъ администраціи было вызвано этимъ всеобщее. Вся Москва тогда сочувствовала студентамъ, которые въ дѣйствительности совершенно основательно вступились только за попоранную полиціей честь своей корпораціи, ни малѣйше и ничѣмъ не придавая всей исторіи политической окраски, чѣмъ въ сущности были такъ много грѣшны студенческія волненія и безпорядки послѣднихъ временъ, въ особенности 1899 года, объявшія почти всѣ высшія учебныя заведенія.

Дня два съ огромнымъ нетерпѣніемъ ожидали узнать: «что-то отвѣтитъ государь на телеграмму Закревскаго?!»... Наконецъ по всей Москвѣ только и рѣчи было, что про отвѣтъ государя: «Не вѣрю, самъ буду». Всѣ объяснили отвѣтъ государя въ пользу студентовъ; всѣ говорили, что иначе и быть не можетъ, такъ какъ Александръ II, бывши наслѣдникомъ, слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, который уже по этому ему дорогъ, и которому онъ всегда проявлялъ свое особенное расположеніе.

Прошло еще дней пять. Наконецъ узнали: государь пріѣхалъ и остановился въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ. За все это время лекціи въ университетѣ прекратились какъ-то сами собой; всѣ профессора и студенты каждый день, однако, приходили въ университетъ; ежедневно собирались огромныя сходки — въ хорошую по-

году въ садикѣ Старого университета, въ дурную въ большой физической аудиторіи Новаго университета; на сходкѣ говорились рѣчи, какъ студентами, такъ и нѣкоторыми профессорами, и во рѣчахъ обсуждался только одинъ вопросъ: «Какъ лучше и практичнѣе отстоять честь студентовъ, такъ нагло и безправно поправленную полиціей?»

Порядокъ былъ всюду образцовый; даже и раздраженная полиція ни разу не могла придратъся къ студентамъ—ни на улицахъ, ни въ садахъ, ни въ театрахъ.

Со страхомъ узнали мы на другой день пріѣзда государя въ Москву, что онъ не принялъ попечителя Ковалевскаго въ отдѣльной аудіенціи.

— Ну,—думали мы,—дѣло наше плохо!

Къ нѣкоторому утѣшенію нашему распространились слухи, что государь и генераль-губернатору Закревскому тоже не далъ отдѣльной аудіенціи; разнеслась молва, что государь послѣ длинной, быстрой скачки на лошадахъ отъ Варшавы до Москвы (тогда еще не было желѣзной дороги) чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо и потому никого не принимаетъ.

Еще два дня самаго томительнаго ожиданія... наконецъ на третій день во всѣхъ коридорахъ Старого и Новаго университетовъ появились развѣшанныя объявленія отъ ректора: «всѣмъ профессорамъ и студентамъ собраться назавтра къ 10-ти часамъ утра въ актовомъ залѣ».

Что-то будетъ? Никто не имѣлъ никакихъ свѣдѣній.

Собрались. Давка была порядочная, и очень многіе студенты не попали въ залъ. Ровно въ 10-ть часовъ пріѣхалъ попечитель.

По всей его фигурѣ, по походкѣ и особенно по сіявшему лицу всѣ сразу поняли, что онъ привезъ хорошія вѣсти. Когда онъ прошелъ прямо на кафедру, воцарилась полнѣйшая тишина, и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, что-то онъ скажетъ.

— Господа!—началъ говорить попечитель,—считаю себя счастливымъ, имѣя возможность объявить всѣмъ вамъ совершенное распоряженіе и благоволеніе къ вамъ нашего обожаемаго монарха. Мнѣ только грустно, что я лично не могъ содѣйствовать этому такъ, какъ я этого желалъ. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что государь въ отдѣльности не принялъ по пріѣздѣ ни генераль-губернатора, ни меня; отъ кого и какимъ образомъ государь узналъ правду, я еще не знаю, но фактъ тотъ, что онъ ее узналъ, и вчера я былъ потребованъ къ его императорскому величеству. Государь принялъ меня милостиво и сказалъ: «очень радъ, что случайно, помимо заинтересованныхъ сторонъ, т.-е. тебя и Закревскаго, я узналъ правду. Я уже приказалъ разжаловать въ солдаты безъ выслуги лѣтъ частнаго пристава Цвеленева и квартальнаго надзирателя Морозова и сдѣлать выговоръ оберъ-полицеймейстеру Берингу.

Твои же студенты вели себя молодцами, и тебѣ поручаю теперь передать имъ мое спасибо, также и профессорамъ, поддержавшимъ молодежь въ трудную минуту».

Слова попечителя были покрыты громомъ рукоплесканій и восторженнымъ, долго не смолкавшимъ «ура».

Надо еще добавить и отдать справедливость тогдашнему студенчеству, что, когда узнали о бѣдственномъ положеніи многочисленной семьи разжалованнаго квартальнаго Морозова, они открыли между собой подписку въ пользу этой бѣдной, ни въ чемъ не повинной семьи. Подписка эта достигла довольно крупной суммы, которая и была вручена женѣ Морозова. Характерно также и хорошо обрисовываетъ тогдашній товарищескій духъ студентовъ, что въ этой подпискѣ принялъ участіе и сынъ частнаго пристава Цвеленева, студентъ университета.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда государя изъ Москвы въ Петербургъ, мы узнали наконецъ, отъ кого и какъ онъ узналъ правду про всю нашу исторію съ полиціей. Государь, дѣйствительно чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ послѣ утомительнаго путешествія на почтовыхъ лошадяхъ, послалъ за московскимъ лейбъ-медикомъ А. Е. Берсомъ. Преподавъ государю медицинскій совѣтъ, Берсъ уже выходилъ изъ кабинета, когда государь воротилъ его.

— Знаешь ли ты что нибудь про разыгравшуюся здѣсь исторію между полиціей и студентами?—спросилъ государь.

— Знаю всю сущую правду, ваше императорское величество,—отвѣтилъ Берсъ.

— Такъ садись и рассказывай, какъ было дѣло.

И вотъ отъ милѣйшаго и добрѣйшаго Андрея Евстаѣевича государь узналъ истину, со всеми мельчайшими подробностями.

Субинспекторъ Соханскій былъ, конечно, удаленъ изъ университета, да скоро куда-то убрали и инспектора Ильинскаго, котораго замѣнилъ отставной морякъ Живаго. Какъ человѣкъ очень недалекій, крутого нрава, а главное несправедливый, онъ не пользовался любовью студентовъ; рассказывали даже, что за какое-то глупѣйшее и въ высшей степени несправедливое распоряженіе человѣкъ пятнадцать студентовъ въ маскахъ подкараулили его какъ-то ночью въ Петровскомъ паркѣ, куда онъ ѣздилъ къ своей любовницѣ почти каждый день, остановили лошадей, вытащили изъ экипажа и будто бы попросту высѣкли... Насколько это было такъ, навѣрное не знаю, но что въ университетскихъ коридорахъ студентами были развѣшаны объявленія, гласившія, что если инспекторъ Живаго позволитъ себѣ опять подобныя дѣйствія, то съ нимъ каждый разъ будетъ поступлено такъ же, какъ такого-то числа мая,—это фактъ. Конечно, эти объявленія были сорваны въ тотъ же день по приказанію начальства, которое, однако, никакихъ дознаній и разыскиванія виновныхъ не производило.

Въ домѣ превосходнаго человѣка, лейбъ-медика А. Е. Берса, я бывалъ часто и былъ принятъ въ его семействѣ, какъ свой человѣкъ. Андрей Евстаѣевичъ былъ одного выпуска съ моимъ отцомъ, былъ страстный охотникъ съ лягавой собакой и прѣзжалъ иногда къ намъ въ Тверскую губернію на охоту, которая у насъ ему бывала особенно пріятна и по дружбѣ съ отцомъ, и потому еще, что мы съ отцомъ всегда берегли для него ближайшіе къ дому выводки тетеревей и куропатокъ.

Семья А. Е. Берса состояла тогда изъ его жены, милой и любезной дамы, дочерей, уже взрослыхъ барышень—Елизаветы Андреевны и Софьи Андреевны, подростка Татьяны Андреевны, да сына Александра.

Вторая дочь А. Е. Берса, Софья Андреевна, увлеклась восходящей тогда звѣздой и севастопольскимъ героемъ, графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, бывшимъ по окончаніи курса въ университетѣ въ дѣйствующей арміи и только что возвратившимся изъ Севастополя и вышедшимъ въ отставку. За графа Л. Н. Толстого и вышла потомъ замужъ Софья Андреевна.

Некрасивый собой, отличавшійся и тогда уже своимъ необыкновеннымъ умомъ, удивительно пріятными глазами всегда съ добрымъ ласковымъ выраженіемъ и ласкающимъ взглядомъ, графъ Левъ Николаевичъ былъ всегда крайне интереснымъ собесѣдникомъ. Я до сихъ поръ съ восторгомъ воспоминаю тогдашнее мое первое знакомство съ извѣстнымъ и знаменитымъ теперь на весь міръ нашимъ гениальнымъ, несравненнымъ романистомъ-беллетристомъ.

Ш.

Мое знакомство съ артистами Малаго театра.—Поѣздка съ отцомъ въ Кіевъ на Межигорскую фаянсовую фабрику.—По пути Шостенскій казенный пороховой заводъ.—Мой выходъ изъ университета.—Стремленіе ѣхать въ Лейпцигскую консерваторію.—Пребываніе мое въ Тульской губерніи у тетки Юліи Федоровны Ауэрбахъ (А. Д. З.).

Огромное большинство студентовъ, въ томъ числѣ и я, увлекалось тогда Московскимъ Малымъ театромъ, бывшимъ дѣйствительно образцовымъ, въ которомъ подвизались въ полномъ расцвѣтѣ своихъ талантовъ такіе столпы нашего родного искусства, какъ М. С. Щепкинъ, И. В. Самаринъ, П. М. Садовскій, С. В. Шумскій, супруги С. В. и К. Н. Васильевы, Н. М. Медвѣдова, А. И. Колосова, С. П. Акимова и многіе другіе. Даже у малоталантливаго К. П. Колосова (мужа Александры Ивановны) встрѣчались роли, въ которыхъ онъ бывалъ неподражаемъ и незамѣнимъ, напримѣръ, Молчалина въ «Горѣ отъ ума».

Я, какъ человѣкъ, крайне увлекающійся вообще, а искусствами въ особенности, не преминулъ перезнакомиться чуть ли со всѣми премьерами Малаго театра и довольно часто посѣщалъ ихъ журъ-фиксы.

Какъ интересны и какъ совершенно разны бывали, напримѣръ, субботники у М. С. Щепкина и у Пр. М. Садовскаго... У перваго собирались обыкновенно литераторы, поэты, лучшіе артисты свои и пріѣзжіе и московская интеллигенція изъ дворянства; у втораго— типы, которые онъ изучалъ и потомъ воспроизводилъ на сценѣ (у него я встрѣчалъ и Русакова изъ комедіи «Не въ свои сани не садись», и Любима Творцова изъ комедіи «Бѣдность не порокъ», и героя «Снявши голову, по волосамъ не плачуть» и т. д.), да свои товарищи, артисты попроче, какъ В. И. Живокини, К. П. Коло-совъ, С. и В. Васильевы, Д. Т. Ленскій и другіе.

Садовскій имѣлъ страсть, какъ только подвыпьетъ днемъ, не-премѣнно отправляться въ Кремль, въ которомъ историческіе памятники вдохновляли его къ сочиненію нѣкоторыхъ народныхъ рассказовъ; такъ, глядя на французскія пушки вокругъ арсенала, онъ сочинилъ презабавный рассказъ о нашествіи «Наполеондры» на Москву въ 1812 году.

Я очень обязанъ своимъ незабвеннымъ родителямъ за то, что они создали и воспитали меня здоровымъ человѣкомъ, что они дали мнѣ музыкальное образованіе и основательное знаніе иностранныхъ языковъ, которые мнѣ такъ пригодились въ жизни, но мнѣ все-таки кажется, что они сдѣлали ошибку, не пустивъ меня изъ гимназіи прямо въ одну изъ заграничныхъ консерваторій (тогда русскихъ консерваторій еще не было), чѣмъ лишили меня возможности итти столь желаемой мною, специальной музыкально-артистической дорогой; также не слѣдовало бы давать сразу полную свободу при переходѣ изъ гимназіи въ университетъ.

До самаго окончанія курса въ гимназіи я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о практической жизни: все у меня всегда было готово— квартира, столъ, бѣлье, одежда, прислуга, даже удовольствія и развлечения въ изобиліи; ни о чемъ не приходилось думать и заботиться.

Когда я поступилъ въ университетъ, меня экипировали съ головы до ногъ, и отецъ сказалъ мнѣ: «ты теперь большой человѣкъ, поэтому живи, т.-е. нанимай квартиру, прислугу, одѣвайся, ѣшь, пей и т. д. ужъ самъ, какъ знаешь; на это я буду давать тебѣ по сту рублей въ мѣсяцъ; кромѣ того, мы будемъ платить въ университетъ и снабжать тебя бѣльемъ— больше мы съ матерью давать тебѣ не можемъ». Ну, не дико ли въ самомъ дѣлѣ? Покуда жилъ дома и потомъ носилъ красный (гимназическій) воротникъ,—я все былъ мальчикомъ только; вдругъ, въ одинъ день, какъ только надѣлъ синій (студенческій) воротникъ, я сразу сталъ взрослымъ человѣкомъ?!..

При отъѣздѣ моемъ въ августѣ въ университетъ отецъ вручилъ мнѣ авансомъ за два мѣсяца двѣсти рублей и, кромѣ того, пятьдесятъ рублей для взноса за слушаніе лекцій.

Въ тѣ времена это были большія деньги, и весьма немногіе студенты получали отъ родителей столько денегъ на свое содержаніе. Да и жизнь тогда въ Москвѣ была куда дешевле теперешней, и я, конечно, могъ считаться весьма богатымъ студентомъ.

При всей моей непрактичности и при полномъ неумѣніи распоряжаться деньгами, мнѣ все-таки удалось найти себѣ квартиру изъ двухъ комнатъ въ меблированныхъ комнатахъ г-жи Крихендеръ съ обѣдомъ, ужиномъ, съ двумя самоварами ежедневно и съ прислугой всего за сорокъ рублей въ мѣсяцъ; да еще гдѣ?—въ Газетномъ переулкѣ, близехонько отъ университета.

На чай, сахаръ, табакъ и мои прихоти у меня оставалось еще шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Но, увы, по моей широкой натурѣ и непрактичности этого оказалось мало, и къ концу сентября, когда отецъ по дѣламъ пріѣхалъ въ Москву, я долженъ былъ покаяться ему, что мнѣ 1-го октября уже нечѣмъ платить хозяйкѣ за квартиру и столъ.

Отецъ пожурилъ меня слегка, подтвердилъ, что онъ болѣе назначеннаго мнѣ выдавать не можетъ, но тутъ же вручилъ мнѣ опять авансомъ двѣсти рублей, вмѣсто того, чтобы сразу сказать: «выкручивайся, какъ знаешь».

Приученный еще дома, потомъ въ гимназіи хорошо заниматься, обладая отличными способностями къ ученію, я и въ университетѣ началъ заниматься, какъ слѣдуетъ, особенно тѣми науками, которыя меня больше интересовали. Лекціи химіи у профессора Ляковского, зоологіи у Рулье, сравнительной анатоміи у Варнека, физики у Спасскаго и механики у Ершова я посѣщалъ очень аккуратно и вообще былъ у нихъ на хорошемъ счету; что же касается лекцій по высшей математикѣ у Зернова, астрономіи у Бредихина и ботаникѣ у Фишера-фонъ-Вальдгейма, то къ нимъ на лекціи я ходилъ довольно рѣдко и, только благодаря своимъ исключительнымъ способностямъ да особенному счастью, получилъ и у нихъ кандидатскіе баллы при переходѣ съ перваго курса на второй. Такъ, напримѣръ, къ Бредихину, на экзаменъ по астрономіи я пошелъ, приготовивъ хорошо только три билета изъ шестидесяти и взялъ одинъ изъ этихъ трехъ билетовъ; у Фишера-фонъ-Вальдгейма я счастливо отдѣлался знаніемъ нѣмецкаго языка (онъ питалъ слабость ко всѣмъ нѣмцамъ), наобумъ весьма удачно переведя на нѣмецкій языкъ доставшіяся мнѣ билеты о крестоцвѣтныхъ растеніяхъ. Какъ только я ему сказалъ:

— Ich habe über Kreuzartigen zu antworten,—онъ тотчасъ же поставилъ мнѣ пятерку, проговоривъ:

«истор. вѣстн.», августъ, 1905 г., т. сл.

— O! wenn Sie schon den Namen auf deutsch zu nennen wissen, folglich müssen Sie die Antwort ausgezeichnet kennen!

А вотъ у Зернова я взялъ не только счастиемъ, но и храбростию, доходившей до нахальства. Онъ имѣлъ обыкновеніе въ теченіе года дѣлать двѣ, три репетиціи (какъ онъ ихъ называлъ) и терпѣть не могъ студентовъ, не посѣщавшихъ этихъ репетицій. Я ни на одной изъ нихъ не былъ, и вотъ на экзаменѣ онъ меня не вызываетъ. На мой вопросъ: «почему это?» — онъ отвѣтилъ:

— Ты вѣдь ничего не знаешь. На репетиціяхъ у меня не былъ. Вотъ я тебѣ и безъ экзамена уже поставилъ единицу.

— Это невозможно, Николай Ефимовичъ, — загорячился я. — Вы мнѣ портите кандидатство. На репетиціяхъ у васъ я не былъ по болѣзни, а математику люблю и серьезно занимаюсь ею. Потрудитесь экзаменовать меня.

— Ну, ладно. Все равно получишь единицу. Бери билетъ изъ аналитики на плоскости.

Онъ всегда заставлялъ болѣе слабыхъ, по его убѣжденію, брать билетъ изъ аналитики на плоскости, болѣе легкой, чѣмъ аналитика въ пространствѣ.

Самолюбія у меня было много, и вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ какую-то глупую увѣренность въ своемъ счастьѣ; поэтому я храбро взялъ билетъ изъ аналитики въ пространствѣ. Счастіе дѣйствительно выручило — взялъ билетъ, хорошо мнѣ знакомый, хотя и трудный.

Зерновъ нахмурился.

Ни въ отвѣтѣ, ни въ писаніи формулы я не сдѣлалъ ни единой ошибки. Покачалъ Зерновъ головой, удивился и передѣлываетъ поставленную мнѣ впередъ единицу на тройку. Я начинаю съ нимъ спорить и доказывать его несправедливость; ничего не помогаетъ — Зерновъ не умолимъ. Тогда я закипаю гнѣвомъ и бѣгу жаловаться М. Ѳ. Спасскому, декану нашего физико-математическаго факультета, и прошу его зайти къ Зернову на экзаменъ и заставить его поставить мнѣ пять.

Михаилъ Ѳедоровичъ, по добротѣ своей, пошелъ со мной къ Зернову и говоритъ ему о моей жалобѣ. Долго они препирались между собой, и, какъ Зерновъ ни отказывался, Спасскій все-таки настоялъ, чтобы онъ проэкзаменовалъ меня еще разъ при немъ.

Подхожу. Беру билетъ. О счастье! опять отлично знакомый. Отвѣчаю, конечно, великолѣпно. Зерновъ только руками развелъ.

— А возьми-ка еще билетикъ, — говоритъ онъ сурово.

Дѣлать нечего, беру билетъ, и опять такой, что знаю хорошо.

Пришлось таки Зернову по настоянію декана, поставить мнѣ пять.

Это ли не доказательство, насколько экзамены по билетамъ чистая лотерея!? Счастіе тутъ играетъ огромную роль.

Благодаря такъ счастливо слагавшимся обстоятельствамъ, я отлично перешелъ на второй курсъ, на которомъ въ теченіе всего года почти ничего не дѣлалъ. Визиты, балы, игра на билліардѣ, даже въ карты занимали у меня все время, а въ университетѣ я ходилъ на лекціи два, самое большое три раза въ недѣлю. Тѣмъ не менѣе, благодаря опять таки какому-то необычайному счастью и своимъ отличнымъ способностямъ, я и со второго на третій курсъ перешелъ хорошо.

Когда я былъ на второмъ курсѣ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ интереснаго эпизода, породившаго, или, вѣрнѣе сказать, создавшаго во мнѣ убѣжденіе, что человѣкъ никогда не можетъ говорить съ увѣренностью: «Я при такихъ-то обстоятельствахъ поступилъ бы или поступлю непременно такъ-то».

На Кисловкѣ, въ домѣ студента Дриневица, у насъ было нѣчто въ родѣ негласнаго клуба. Собирались студенты, бывали по приглашенію студентовъ и постороннія лица — читали, бесѣдовали, спорили, играли на билліардѣ и въ карты. Разъ какъ-то вечеромъ собралось насъ тамъ человѣкъ до двадцати; между гостями были два молоденькихъ гвардейскихъ офицера и художникъ-живописецъ, красавецъ Л. Рѣчь зашла о дуэляхъ, бывшихъ тогда въ модѣ и между студентами; одна часть присутствующихъ ратовала за дуэли, другая говорила противъ. Къ защитникамъ идеи необходимости дуэли принадлежали гвардейскіе офицеры, а къ противникамъ художникъ Л. Никто, конечно, никого убѣдить не могъ, и всякій оставался при своемъ мнѣніи. Наконецъ, одинъ изъ офицеровъ, подойдя къ Л., говоритъ ему:

— Помилуйте! что же вамъ остается дѣлать, если ктонибудь публично дастъ вамъ пощечину?

— Никакой дуэли въ такомъ случаѣ быть не можетъ,—хладнокровно возражалъ Л. — Я такого господина убилъ бы на мѣстѣ чѣмъ ни попало, а вовсе не сталъ бы ему подставлять еще свой лобъ.

При этихъ словахъ встаетъ съ дивана студентъ Т., рослый, хорошо сложенный и умный, отличавшійся всегда тѣмъ, что почти никогда не принималъ участія въ спорахъ, но имѣлъ обыкновение, когда ктонибудь ужъ очень заврется, или дергать товарища за фалду, или подходить къ нему и невозмутимо хладнокровно говорить: «перестань, заврался!».

Такъ и теперь Т., вставъ съ дивана, не спѣша подошелъ къ Л. и, не слова не говоря, бацъ его въ ухо, потомъ сложилъ руки на груди, постоялъ передъ Л. нѣсколько секундъ, какъ бы выжидая, чтобъ онъ убилъ его, но не дождавшись этого и проговоривъ: «совралъ, не убилъ», такъ же хладнокровно и не спѣша возвратился на свое мѣсто, на диванъ.

Всеобщее оцѣпенѣніе, внезапно разстроенный пріятный вечеръ, озадаченный и сконфуженный Л., все это длилось лишь нѣсколько

минуть. Когда Л. сейчасъ же уѣхалъ, почти всѣ напали на Т. за его дикую выходку и старались доказать ему, что онъ не правъ. Только я, совершенно ошеломленный, не сомнѣваясь въ искренности Л., довольно долго не могъ уяснить себѣ происшедшаго. Т. же доказывалъ, что Л. просто фатъ, котораго слѣдовало проучить.

— Вотъ увидите, что завтра же онъ пришлетъ мнѣ вызовъ,— все такъ же невозмутимо говорилъ Т.

Такъ и вышло: на завтра къ Т. пріѣхали секунданты отъ Л. съ вызовомъ на дуэль; но Т., отлично стрѣлявшій изъ пистолета, превосходно дравшійся на шпагахъ и нѣсколько разъ уже бывавшій на дуэляхъ, не принялъ вызова, сказавъ секундантамъ:

— Оставьте, господа! Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, оставить свидѣтелей этой сцены въ убѣжденіи, что господинъ Л. спорилъ и говорилъ искренно. Если же онъ будетъ теперь драться со мной на дуэли, то онъ этимъ докажетъ только, что онъ спорилъ не по убѣжденію, а лишь фатиль.

Такъ и пришлось Л. уѣхать изъ Москвы на нѣкоторое время за границу, чтобы немного забылась эта неприятная для него исторія.

Въ августѣ 1858 года, отецъ предложилъ мнѣ проѣхать съ нимъ въ Кіевъ для осмотра кабинетской Межигорской фаянсовой фабрики, которую ему предлагали отъ кабинета его величества взять въ долгосрочную аренду, такъ какъ при кабинетскомъ управленіи она доходовъ не давала, а наша тверская фабрика считалась тогда лучшей въ Россіи.

Я съ удовольствіемъ согласился, и мы съ отцомъ покатали туда на почтовыхъ черезъ Тулу, Орелъ, Нѣжинъ и т. д.

Въ Глуховѣ мы останавливались, чтобы войти въ личныя соглашенія съ владѣльцемъ по поставкѣ на нашу фабрику бѣлой глины, считавшейся лучшей въ Европѣ для фаянсоваго и фарфороваго производства. Недалеко отъ Глухова находился также казенный Шостенскій пороховой заводъ, которымъ управлялъ артиллерійскій генералъ Изидоръ Францовичъ Штейнъ, старый другъ и пріятель отца (еще по Кашину), къ которому мы заѣзжали погостить дня на два.

Во время нашего тамъ пребыванія случилась гроза; молнія ударила въ пороховой складъ, въ которомъ, къ счастью, было тогда всего только около семисотъ пудовъ пороху. Тѣмъ не менѣе взрывъ былъ такъ силенъ, что не только въ поселеніи завода, но даже за десять верстъ въ монастырѣ, полопались почти всѣ стекла въ окнахъ. Странно, что часовой, стоявшій на часахъ около самаго зданія, остался невредимъ, и когда мы съ генераломъ подѣхали къ мѣсту катастрофы, онъ съ ружьемъ невозмутимо стоялъ на своемъ посту и отдалъ генералу установленную честь. Это ли не идеальная дисциплина русскаго солдата!?

Подробно осмотрѣвъ Межигорскую фабрику, расположенную въ очень красивой мѣстности на правомъ берегу Днѣпра, въ 18 верстахъ отъ Кіева, отецъ пришелъ къ заключенію не брать ее въ аренду, хотя видимо дѣло это представляло много выгодъ. Мнѣ кажется, отецъ просто боялся спутываться съ казной, и ему, кромѣ того, было жаль лишать мѣсть тѣхъ многочисленныхъ отдѣльныхъ управляющихъ отдѣлами и служащихъ, которые тамъ прижились, но которыхъ онъ никакъ не могъ оставить на службѣ у себя, такъ какъ они видимо дѣло вести не умѣли и мало имъ интересовались, обеспеченные получаемыми казенными жалованьями, содержаніями, квартирами, да еще и побочными доходами.

Въ концѣ августа мы вернулись въ наше милое Кузнецово, а 1-го сентября я былъ опять въ Москвѣ.

Несмотря на то, что я получалъ отъ отца гораздо болѣе, чѣмъ достаточно на свое студенческое содержаніе, я съ перваго же года моего поступленія въ университетъ проживалъ много больше. Мнѣ все не хватало денегъ, и я постепенно впутывался въ долги, хотя даже квартиру со столомъ я имѣлъ бесплатно въ домѣ чайнаго коммерсанта С. В. Перлова, тремъ сыновьямъ котораго я давалъ уроки по всеѣмъ предметамъ, и, кромѣ стола и квартиры, получалъ за это еще весьма приличное вознагражденіе.

Какъ сынъ извѣстнаго въ Москвѣ фабриканта, я, конечно, имѣлъ кредитъ и былъ настолько легкомысленъ, что пользовался имъ самымъ безразсуднымъ образомъ. Осенью 1858 года, несмотря и на то, что отецъ уже нѣсколько разъ въ предыдущіе годы тайкомъ отъ матери уплачивалъ мои долги, я все-таки такъ запутался въ нихъ, что долженъ былъ въ ноябрѣ поѣхать въ Кузнецово и покаяться во всемъ родителямъ. Мать страшно огорчилась, даже разсердилась и довольно долго не пускала меня къ себѣ на глаза, тѣмъ болѣе, что я опять сталъ упрашивать отпустить меня, хоть на два года, въ лейпцигскую консерваторію. Мать и слышать этого не хотѣла, увѣренная, что артистическая карьера окончательно погубитъ меня, и настаивала предъ отцомъ, чтобы меня отправить въ Дерптскій университетъ на теологическій факультетъ, воображая, что занятія божественными предметами заставятъ меня образумиться.

Бѣдная, милая, дорогая, умная мать! какъ жестоко она ошибалась, намѣреваясь, при ея почти фанатической вѣрѣ и религіозности, сдѣлать изъ меня лютеранскаго пастора!..

Если отецъ мой былъ далеко не такъ уменъ, какъ мать, то сердцемъ онъ чувствовалъ вѣрнѣе, и я до сихъ поръ не знаю, какъ признателенъ и благодаренъ ему за то, что онъ рѣшительно воспротивился планамъ матери. Кажется, это былъ единственный случай, когда отецъ не исполнилъ желанія матери...

Въ этомъ случаѣ ему помогла неожиданно прѣхавшая къ намъ тетка моя, Юлія Федоровна, родная сестра матери и жена брата отца, дяди Германа Андреевича. Тетя Юля была красивая, умная, отлично образованная женщина, увлекавшаяся музыкой и литературой. Ея рассказы подъ псевдонимомъ А. Д. З., печатавшіеся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», составили ей литературное имя. Жила она тогда съ мужемъ въ Тульской губерніи, недалеко отъ Тулы, въ имѣніи Горячкино, гдѣ у дяди былъ свеклосахарный заводъ. Она тоже воспротивилась планамъ матери сдѣлать изъ меня пастора и предложила моимъ родителямъ отпустить меня къ ней, обѣщая заниматься со мной литературой и поощрять меня въ занятіяхъ музыкой, къ которой она признавала во мнѣ талантъ, доказывая, что зарывать его не слѣдуетъ.

Родители мои согласились. Я вышелъ изъ университета и поѣхалъ съ теткой въ Тульскую губернію, гдѣ и прожилъ до мая.

А. А. Ауэрбахъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

АНЮТКИНА КОСА.

Изъ записокъ неизвѣстнаго.

ОЛЬ-ВѢКА назадъ, третья часть, если не больше, Калужской губерніи состояла изъ родовыхъ имѣній, деревень, хуторовъ, урочищъ, принадлежавшихъ моимъ роднымъ. Начинались эти имѣнія отъ Калуги верстъ за сорокъ. Ни Ряжско-Вяземской, ни Курской желѣзныхъ дорогъ тогда не было, ѣздили на лошадяхъ на Москву и на Калугу. Шоссе у насъ тоже не было, приходилось ѣхать по большимъ дорогамъ, которыя не отличались исправностью, а чаще всего приходилось пробираться по проселкамъ, шедшимъ черезъ густые лѣса или пески. Много лѣсовъ было въ то время отъ Медыни до Шанскаго завода, близъ котораго находилась резиденція моего дѣдушки, Воротищева. На пространствѣ 30 верстъ шелъ вѣковой боръ, уходя вправо и влево отъ большака верстъ на 15 и болѣе.

Въ этихъ лѣсахъ, по берегу красивой, полноводной тогда рѣки Шани были раскиданы усадьбы: Грудининыхъ, Пустовыхъ, Мезенцевыхъ, Козодавлевыхъ. Всѣхъ ихъ связывали старинныя и прочныя узы родства. Всѣ они приходились другъ другу тетюшками, дядюшками, двоюродными братцами, сестрицами, племянниками, внуками и внучками. Тутъ было два міра: одинъ міръ состоялъ изъ перечисленныхъ помѣщиковъ, связанныхъ между собою общностью интересовъ, привычекъ и средствъ, — и міръ крестьянскій, который коснѣлъ во тьмѣ невѣжества, въ узахъ крѣпостнаго права.

Современному, свѣжему человѣку трудно представить себѣ тѣ условія, въ которыхъ находились помѣщичьи усадьбы и мужицкія села при нихъ.

Сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ было крайне затруднительно. До почты было 40—50 верстъ. Появленіе письма считалось событіемъ, на пространствѣ трехъ-четырехъ недѣль. Газеты, за исключеніемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Сына Отечества» и «Правительственнаго Вѣстника», почти никогда не попадали сюда. Да и эти газеты заключали въ себѣ только перечень сухихъ официальныхъ свѣдѣній и отнюдь не представляли пищи для размышленія и разговора. Иллюстрированныхъ изданій не было, а дорогой и мало извѣстный художественный листокъ Тимма только разъ случайно попался мнѣ въ библіотекѣ князя Вяземскаго въ Ливинскомъ уѣздѣ. Это все относится до помѣщичьей усадьбы.

Что же касается до крестьянскаго села, то свѣдѣнія его о внѣшнемъ мірѣ были еще того меньше, сбивчивѣе и неопредѣленнѣе. Тутъ немного знали о Калугѣ, гдѣ бывали мужики постарше, еще менѣе знали о Москвѣ, а Петербургъ, казалось, былъ ужъ въ другомъ царствѣ. Всѣ интересы жизни сводились лишь къ тому, чѣмъ бы прокормиться, во что одѣться, какъ уплатить оброки, кого выдать замужъ, кого повѣнчать, выпросить у барина или у барыни лѣсу на постройку новой избы или корову.

Съ одной стороны, въ этой косности, въ вѣчномъ застоѣ мысли будто бы было нѣчто положительное, чего никакъ нельзя было бы отрицать, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ. Здѣсь люди сидѣли на землѣ и занимались своимъ дѣломъ, работали, накопили богатства, размножались и такъ или иначе служили отечеству. Но это именно будто бы. Хозяйство здѣсь шло такъ, что достаточно было легкаго толчка, чтобы произвести полную экономическую неурядицу въ краѣ. Лѣса стояли, потому что помѣщики хотѣли въ нихъ охотиться. Рѣки не высохли, потому что не были еще вырублены лѣса. Земля не была истощена, потому что запашка была не велика, а цѣлина огромной массой лежала нетронутой. Накопляли деньги и вообще увеличивали, повидимому, матеріальное благосостояніе, только благодаря тому, что вели первобытный образъ жизни, имѣли ничтожныя потребности, не предъявляли никакихъ запросовъ къ цивилизаціи и не пользовались ея благами.

Однако, и въ этой средѣ были своеобразные, иногда даже весьма крупныя дѣятели. Таковымъ, по праву, надо было считать Павла Петровича Воротищева, бывшаго главою богатаго и многочисленнаго рода этого же имени и пользовавшагося большимъ уваженіемъ и вниманіемъ со стороны всѣхъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ.

Его огромный домъ-дворецъ стоялъ въ сельцѣ Никулинѣ, около Шанскаго завода, надъ левадой (такъ назывались у насъ затопленные мѣста). Около барскаго дома стоялъ каменный двухъэтажный флигель для гостей, людскія избы, сараи, конюшни и всѣ прочія постройки богатой, обширной усадьбы.

Верстахъ въ десяти отсюда жилъ племянникъ Воротищева, Михаилъ Васильевичъ Козодавлевъ, въ селѣ Козицкомъ. Тутъ протекала та же рѣка Шань, что и въ Никулинѣ, оба берега которой были покрыты густымъ безконечнымъ лѣсомъ. Тутъ тоже находился барскій домъ деревянный, помѣстительный, но вся усадьба была меньше и не такъ богата, какъ въ Никулинѣ.

Михаилъ Васильевичъ былъ женатъ, и супруга его, Пелагея Филипповна, была далеко извѣстна въ окрестностяхъ, благодаря своему рѣзкому, суровому, строгому и непокладистому характеру. Насколько Михаилъ Васильевичъ былъ мягокъ и «жалостливъ», какъ говорили мужики, настолько Пелагея Филипповна была выскательна и неумолима во всемъ, что касалось ея требованій. А требованія эти были велики и распространялись рѣшительно на всѣхъ въ Козицкомъ.

Утромъ, бывало, Михаилъ Васильевичъ встанетъ, надѣнетъ свой бухарскій халатъ съ длинными кистями, всунетъ ноги въ шлепанцы, а зимой, когда дуетъ въ полъ, надѣнетъ бархатные сапоги, спроситъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, которую поспѣшитъ подать ему Гришка или Степка, сядетъ съ этой трубкой у окна и глядитъ на рѣку, за которой глубоко внизу стоялъ щетинистый боръ. Надъ верхушками этого бора плавали и рѣяли огромные ястреба, которыхъ немало перестрѣлялъ Михаилъ Васильевичъ на своемъ вѣку, и которые, тѣмъ не менѣе, никогда не переводились въ окрестностяхъ.

Въ домѣ все тихо, только гудятъ и трещатъ безчисленныя печки, въ которыя не жалѣя подбрасываютъ еловыхъ и сосновыхъ дровъ; легкій, смолистый запахъ несетъ по комнатамъ. Въ кухнѣ что-то рубятъ, что-то толкутъ, но это доносится глухо и смутно, и то лишь тогда, когда Гришка, пройдя по длинному коридору, устланному вытканной дѣвками пестрой дорожкой, отворитъ туда дверь.

Мысли у Михаила Васильевича вяло и лѣниво ворочаются въ головѣ. Онъ думаетъ о томъ, какой сегодня подадутъ завтракъ, или что заказано съ вечера повару Никитѣ на обѣдъ. Размышляетъ о томъ, прѣйдутъ ли Пустовы или Грудинины. Мелькомъ у него является желаніе самому отправиться къ нимъ, но это желаніе такъ же легко тухнетъ, какъ и загорается. Типина въ домѣ стоитъ не долго, только въ то время, пока Пелагея Филипповна молится, а молится она часъ или полтора. Затѣмъ слышится хлопанье двери, ведущей въ образную, и затѣмъ раздаются мелкіе,

но тяжелые шаги хозяйки дома, идущей къ Михаилу Васильевичу. Она небольшого роста, очень тучна, щеки ея висятъ брыжжами внизъ, маленькіе черные глаза сверкаютъ злымъ блескомъ, носъ ея какъ бы ущемленъ двумя щеками. Волосы у нея зачесаны и собраны въ косицу, покрытую чернымъ чепчикомъ. Целагея Филипповна носить платья исключительно темныхъ цвѣтовъ. Ходитъ она въ козловыхъ башмакахъ безъ каблуконъ и дѣятельно преслѣдуетъ все, что кажется ей посползновеніемъ на щегольство или роскошь.

Михаилъ Васильевичъ, напротивъ того, любитъ хорошо одѣться, повязать себѣ шею дорогимъ голубымъ или розовымъ фуляромъ, любитъ бархатные жилеты съ вышитыми на нихъ цвѣтами, куртки изъ тонкаго сукна, а не сѣраго, грубаго домашняго, изъ котораго шьютъ платье на дворню своей портной. Но всѣ попытки Михаила Васильевича заняться своею наружностью и пофрантить тотчасъ разбиваются о непреклонную волю Целагеи Филипповны, не допускающей ничего подобнаго. Михаилъ Васильевичъ не прочь выпить лишнюю рюмку хорошаго вина, выписаннаго изъ Москвы отъ Леве или отъ Арабажи, не прочь поѣсть деликатесовъ, не прочь съѣздить въ Калугу, въ привѣтливую гостиницу Кулона, гдѣ останавливались всѣ помѣщики съ окрестныхъ деревень, не прочь пообѣдать и покутить въ «Общественномъ трактирѣ», сорвать банчишко или спустить въ него тѣ немногія ассигнаціи, которыми скупо одѣляла его Целагея Филипповна. Но всѣ такія фривольныя желанія, большею частью, не выходили изъ области мечтаній, потому что Целагея Филипповна весьма рѣдко отпускала своего супруга отъ себя, и то лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ: на выборы, представляться губернатору или для свиданія съ какимъ нибудь знатнымъ родственникомъ. Но если бы кто сказалъ, что Михаилъ Васильевичъ совершенная тряпка, или что онъ подъ башмакомъ у жены, то онъ глубоко ошибся бы. Михаилъ Васильевичъ уступалъ ей во всемъ, но уступалъ до поры до времени. Бывали вещи, въ которыхъ онъ съ такой рѣшительностью защищалъ свои права, что сама Целагея Филипповна принуждена была уступать ему. Но это бывало рѣдко и въ исключительныхъ случаяхъ.

Целагея Филипповна, помолившись, начинала обзоръ своего дома. Когда она достигала дѣвичьей, гдѣ сидѣло постоянно шесть или восемь дѣвушекъ за домашнимъ рукодѣльемъ, голосъ ея начиналъ раздаваться по всѣмъ комнатамъ; иногда здѣсь слышались звукъ пощечины и громкій плачь наказываемой дѣвушки.

У Ководавлевыхъ было дѣтей только двое: мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ восьми и десяти. Съ ними занималась гувернантка, привезенная изъ Москвы и нанятая за 600 рублей въ годъ ассигнаціями. Гувернантка была въ лѣтахъ, невзрачная, тихая и особа,

въ домѣ совсѣмъ незамѣтная. Но зато было другое лицо въ домѣ, которое, по мѣрѣ того какъ шло время, все болѣе и болѣе привлекало общее вниманіе. Это была хорошенькая, стройная дѣвочка, съ синими глазами, съ огромной, толстой, тяжелой золотой косой. Звали ее Анюткой.

Прежде чѣмъ продолжать нашъ разсказъ, надо о ней сказать нѣсколько словъ.

II.

Однажды, въ зимнее морозное утро, Михаилъ Васильевичъ, въ своемъ неизмѣнномъ халатѣ, съ черешневой трубкой въ рукахъ, сидѣлъ по своей привычкѣ у окна, не предаваясь никакимъ размышленіямъ. Но вотъ раздался звонкій топотъ копытъ, и по накатанной возами, плотно убитой дорогѣ подскакалъ къ крыльцу всадникъ съ бапшыкомъ на головѣ, въ короткой курткѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ длиннымъ кинжаломъ за поясомъ. Это былъ одинъ изъ псарей Воротищева, отъ котораго онъ привезъ коротенькую записку, написанную безграмотно, рыжеватыми чернилами на сѣро-голубой крѣпкой бумагѣ.

«Бдемъ сейчасъ на волковъ. Приѣзжай, дружище, къ Горѣлому Пню. Оттуда бросимъ гончихъ».

Михаилъ Васильевичъ приказалъ сказать псарю, что онъ приѣдетъ, и сталъ собираться на охоту. Онъ надѣлъ коричневый суконный казакинъ, заправилъ въ сапоги брюки, надѣлъ сверху романовскій черный полушубокъ, опоясался кавказскимъ съ серебрянымъ наборомъ и чернью ремнемъ, закинулъ дорогую пистонную двустволку за спину и вышелъ на крыльцо, куда подвели ему его караковаго «Небывалаго».

Два псаря держали на сворахъ красноватыхъ и бѣлогрѣгихъ гончихъ, грудастыхъ, съ широкими носами, съ умными глазами и съ большими покатыми лбами, съ которыхъ спускались длинные, тонкія мохнатыя уши. Собаки лаяли, махали хвостами; псари останавливали ихъ криками. Солнце свѣтило. Встревоженныя галки носились надъ крышами. Михаилъ Васильевичъ почувствовалъ, что онъ полонъ силъ, бодръ, и ему казалось хорошо жить на свѣтѣ. Сказавъ женѣ, что онъ вернется къ обѣду, онъ сѣлъ на «Небывалаго» и поѣхалъ къ условленному мѣсту. Псари верхомъ, съ собаками слѣдовали за нимъ.

Горѣлымъ Пнемъ называлось урочище верстахъ въ трехъ отсюда, за Шанью. Приближаясь туда, Михаилъ Васильевичъ ужъ издали услышалъ шумъ голосовъ, лай собакъ и ржаніе лошадей. Но сборище было не велико. Собрались охотиться самъ Павелъ Петровичъ Воротищевъ, двое изъ Пустовыхъ и одинъ изъ Грудивинныхъ; собакъ было съ полсотни да человекъ двѣнадцать псарей.

Доѣзжачій, съ огромнымъ мѣднымъ рогомъ за плечами, съ длиннымъ арапникомъ, раздавалъ приказанія. Звали его Кирейчъ, и онъ пользовался особымъ расположеніемъ Павла Петровича.

Кирейчъ былъ красивый, плечистый, цыганскаго типа парень, лѣтъ двадцати пяти, плотный, съ небольшой круглой бородкой, румяный и съ цѣлой шапкой кудрявыхъ, черныхъ волосъ, на которыхъ онъ красиво заламывалъ свою охотничью мѣховую шапку, съ краснымъ верхомъ.

На саняхъ привезли провизію: водки, вина и закуски для господъ, потому что бывали случаи, что во время охоты далеко отбѣжжали отъ дома.

Павель Петровичъ, въ собольей шапкѣ, въ черномъ полушубкѣ, опоясанномъ ремнемъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ сѣдьющей бородой, прямымъ носомъ и строгими продолговатыми, восточными глазами, говорилъ тихимъ неторопливымъ голосомъ.

Охотничій совѣтъ былъ не дологъ и прошелъ безъ всякихъ споровъ, потому что противоположныхъ мнѣній не было, а люди все собрались знающіе и толковые, и каждый только своимъ мнѣніемъ усиливалъ мнѣніе другого. Было рѣшено пустить гончихъ въ лѣсъ, представлявшій въ этомъ мѣстѣ рядъ острововъ въ версту, въ двѣ версты въ діаметрѣ, кругомъ которыхъ шелъ боръ и проселочныя дороги. По этимъ дорогамъ можно было ѣхать верхомъ; кое-гдѣ можно было проѣхать и по насту, но въ лѣсу лошадь завязла бы по брюхо. Не вездѣ настъ выдерживалъ даже собаку.

Кирейчъ заявилъ, что онъ съ вечера тутъ подывалъ волковъ, и они ему откликнулись. Онъ насчиталъ семь молодыхъ и двухъ матерыхъ.

— Ну, начинай! — отрывисто сказалъ Павель Петровичъ.

Тотчасъ смычки были разомкнуты, и освободившіяся собаки съ радостнымъ визгомъ бросились впередъ, уткнувъ носъ въ снѣгъ.

— Сюда, сюда! — кричалъ Кирейчъ, поскакавъ по тропинкѣ, уходившей въ глубь лѣса острова, и собаки, чернѣя на бѣлой не тронутой цѣлинѣ снѣга, бросились въ чащу. Въ одну минуту онѣ скрылись, и все смолкло.

Морозный дивный день былъ полонъ какого-то очарованія. Блѣдно-голубое небо, точно поблѣвшее отъ холода, было прозрачно и глубоко. Солнечные лучи падали розовыми пятнами на снѣгъ, и если попадались нѣжные снѣжные холмы, то за ними лежали лиловыя и голубыя тѣни, изумлявшія взоръ чистотою и красотою цвѣта. Дорога желтой полосой тянулась мимо лѣса. Полная, глубокая тишина стояла вокругъ, не было слышно ни чириканья птицъ, ни царапанья бѣлки, карабкавшейся по верху, ни хруста хвороста подъ ногами звѣря. Надъ далекой деревней, засыпанной снѣгомъ, поднимались прямыми плотными столбами клубы

дыма, какъ причудливыя сѣрья колонны. Съ одной стороны освѣщенные солнцемъ, онѣ казались красноватыми, съ другой — темными. Эти колонны точно соединяли землю съ небомъ. Такъ странно и необычаенъ былъ ихъ видъ.

Михаилъ Васильевичъ, снявъ съ плеча двустволку, ѣхалъ вдоль опушки, направляясь къ назначенному ему мѣсту. Остальные охотники тоже разсѣялись вокругъ острова. Ожиданіе гона увеличивало чувство покоя и тишины, и это возбуждало въ душѣ сладкое, жуткое и тревожное чувство.

Вотъ тявкнула одна собака, за ней другая, третья, и затѣмъ все стихло.

Гулко затрубилъ въ рогъ Кирейчъ, сзывая къ себѣ собакъ, потомъ послышались отдѣльные голоса псарей:

— Сюда, сюда! — и опять все смолкло.

Но вдругъ, разомъ, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, изъ лѣсу послышался лай и визгъ множества собачьихъ голосовъ. Тутъ ужъ не было робкаго потягиванья по холодному слѣду, нѣтъ, вся стая сразу, съ мѣста, взяла по зрячему и жарила во всю. Густые, хриплые, отрывистые голоса старыхъ псовъ, вожаковъ стай, сливались съ звонкими и залихватными голосами молодыхъ сукъ и заносистыхъ, споратыхъ, породистыхъ щенковъ. Голоса были подобраны умѣло и со вкусомъ. И эта псовая музыка стояла иного оркестра.

Михаилъ Васильевичъ, весь воспламененный, преображенный этими звуками, стиснулъ въ стременахъ лошадь и впился взоромъ въ чашу.

Вотъ на опушкѣ мелькнуло что-то, вотъ захрустѣли вѣтви, и узкая, тонкая морда съ широкимъ лбомъ и сторожко наставленными ушами показалась среди опушенныхъ снѣгомъ кустовъ. Это былъ молодой волкъ, съ желтовато-бѣлыми боками и темной спиной. Онъ нехотя выскочилъ изъ чащи и остановился, уставившись на Михаила Васильевича.

До волка было шаговъ сто, и стрѣлять было нельзя.

Михаилъ Васильевичъ повернулъ своего иноходца, который съ двухъ, трехъ скачковъ завязъ по брюхо. Волкъ махнулъ хвостомъ и скрылся въ чашу. Михаилъ Васильевичъ съ чувствомъ обиднаго разочарованія выбрался на дорогу.

— Надо проѣхать дальше, — подумалъ онъ: — тамъ дорога ближе подходитъ къ лѣсу, а тутъ мнѣ не придется даже ни разу стрѣлять.

Охотничья смѣтливость и опытность подсказали ему, что онъ сдѣлалъ ошибку, остановившись на этомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, въ сажняхъ тридцати дорога приближалась къ лѣсу шаговъ на двадцать, и можно было обстрѣливать островъ по двумъ направленіямъ, не трогаясь съ мѣста.

Лай собакъ смолкъ, и вновь воцарилась прежняя тишина. Затѣмъ гдѣ-то далеко, далеко въ глубинѣ острова послышался глухой лай, къ которому долго не присоединялась стая, несмотря на усердное гоготанье Кирейча. Вдругъ изъ лѣсу вылетѣлъ заяцъ и, узко сложивъ переднія лапки и широко разставивъ заднія, стрѣлой пустился прямо на Михаила Васильевича. Тотъ въ первое мгновеніе невольно вскинулъ было ружье къ плечу, но тотчасъ же опустилъ его: по зайцу не стоило тратить заряда, когда гонь предполагался по красному звѣрю. За зайцемъ высунулись было изъ острова двѣ собаки, но одинъ изъ псарей арапникомъ вернулъ ихъ назадъ.

Между тѣмъ гонь усиливался. Гончія переходили съ мѣста на мѣсто, но никакъ не могли выгнать звѣря къ охотникамъ, хотя много разъ слышно было, какъ волкъ шелъ по опушкѣ. Наконецъ, мало-по-малу собаки выбились изъ силъ, и лай прекратился. Михаилу Васильевичу надоѣло стоять на одномъ мѣстѣ, и онъ поѣхалъ къ Воротищеву.

— Съѣзди-ка за Кирейчемъ. Что это у него тамъ не ладится?— сказалъ онъ одному изъ охотниковъ.

Кирѣичъ, красный, съ мокрымъ лбомъ, со слившимися на лбу волосами, по-прежнему проваливаясь по брюхо въ снѣгъ, поѣхалъ къ господамъ.

— Просто ничего не подѣлаешь,—сказалъ онъ, снимая шапку:— снѣгу намело страсть, собаки изъ силъ выбились, инья просто въ растяжку легли. Ничего тутъ безъ народу не сдѣлать. Вотъ, если угодно, соберемъ облаву, ну, тогда дѣло другое. Настъ очень слабъ. Если бы покрѣпче, то собакъ бы держалъ, живо бы мы волковъ вытурили. А теперь никакъ ихъ не взять.

— А ты зачѣмъ мнѣ говорилъ дома, что въ лѣсу снѣгу немного?—сказалъ Воротищевъ.—Я и самъ знаю, что по сугробамъ съ собаками ничего не подѣлаешь.

— Да вѣдь вы, сударь, тоже сказали мнѣ, что собаки засидѣлись, надо бы ихъ промять.

— Съ собаками могъ бы проѣхаться ты и одинъ безъ меня. Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать, господа? — продолжалъ Воротищевъ, обращаясь къ помѣщикамъ. — Давайте, сдѣлаемъ передышку, а тамъ посмотримъ, что будетъ дальше. Гдѣ бы намъ расположиться?

— А вотъ пожалуйста сюда,—предложилъ Кирейчъ.— Въ лѣсу тутъ неподалеку есть очень удобное мѣстечко.

И онъ поѣхалъ по утоптанной тропинкѣ, по которой всѣ охотники благополучно прослѣдовали въ лѣсъ. Тамъ, подъ вѣтвями огромныхъ раскидистыхъ елей, разложили ковры, достали закуски, раскупорили бутылки. На свѣжемъ воздухѣ у всѣхъ проснулся хорошій аппетитъ, и недовольное расположеніе духа отъ неудачной

охоты скоро исчезло, уступивъ мѣсто смѣху и веселымъ шуткамъ, сопровождавшимся мѣткими охотничьими замѣчаніями.

Въ это время къ Воротищеву подошелъ съ значительнымъ видомъ на лицѣ одинъ изъ псарей и доложилъ, что онъ наткнулся на медвѣжьё берлогу.

— Что же, господа,—сказалъ Воротищевъ,—давайте, поднимемъ Мишку. Это будетъ куда лучше, чѣмъ стрѣлять по сѣрому.

При такомъ важномъ извѣстіи тотчасъ вино и закуски были оставлены, и охотники стали собираться итти на Мишку. Многимъ пришлось перерядить ружья, заряженные картечью или даже крупной дробью. Псарь тѣмъ временемъ рассказывалъ, какъ онъ наткнулся на берлогу. Это произошло совершенно случайно. Двѣ собаки отбились изъ острова и углубились въ дремучій боръ. Идя за ними и отзывая ихъ, охотникъ запнулся за пенекъ и упалъ на кучу хвороста. Когда онъ разгребъ его руками, то увидалъ, что тутъ находится входъ въ берлогу. Охотникъ говорилъ, что онъ даже слышалъ храпъ залегшаго медвѣдя.

Всѣ были возбуждены и одушевлены желаніемъ помѣряться съ опаснымъ противникомъ.

Псарь пустился впередъ, указывая дорогу. За нимъ двинулись остальные. Всѣ шли пѣшкомъ, оставивъ лошадей и сани съ провизіей на мѣстѣ привала. Высокіе сапоги и короткіе полушубки сослужили тутъ свою службу, потому что приходилось проваливаться въ снѣгъ до пояса. Но помѣщики были люди привычные и скоро добрались до берлоги.

Кирейчъ первый сунулся въ нее и объявилъ, что медвѣдь дѣйствительно находится тамъ.

Стали кричать и бросать въ берлогу палками, но поднять тяжелаго неповоротливаго звѣря не удавалось. Наконецъ, выстрѣлили въ воздухъ, но медвѣдь попрежнему не вылѣзалъ. Тогда Воротищевъ разсердился и приказалъ выстрѣлить дробью наугадъ въ берлогу.

Кирейчъ взялъ ружье у одного изъ псарей, влѣзъ подъ вѣтви и поползъ впередъ. Затѣмъ вдругъ раздался его крикъ и негромкій выстрѣлъ. На мгновеніе всѣ оторопѣли. Въ берлогѣ шла какая-то тяжелая возня. Огромный медвѣдь, опрокинувъ Кирейча и помявъ его, вылѣзъ наружу. Маленькіе коричневыя глаза его яростно сверкали, по мордѣ струилась кровь. Это былъ огромный, чернубурый звѣрь. Когда онъ поднялся на заднія лапы и раскрылъ переднія, то былъ на голову выше любого охотника. Со страшнымъ рычаніемъ бросился онъ на Воротищева, стоявшаго къ нему ближе всѣхъ, но тутъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и звѣрь, прострѣленный въ нѣсколькихъ мѣстахъ, упалъ навзничь, хватая снѣгъ зубами и сгребая его судорожно барахтавшимися лапами. Его тотчасъ прикололи кинжаломъ.

Появленіе медвѣдя и короткая расправа съ нимъ произошли такъ быстро, что въ первую минуту всѣ забыли про Кирейча. Но, когда медвѣдь былъ убитъ, псаріи залѣзли въ берлогу, и первое, что имъ представилось, былъ Кирейчъ, лежавшій неподвижно съ закрытыми глазами. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно. У него лапой было разорвано горло, и изъ огромной раны ручьемъ лила кровь. Доѣзжачій былъ безъ чувствъ. Тотчасъ стали останавливать бѣгущую кровь, но напрасно, прикладывали снѣгъ, перетягивали платками горло, кровь не унималась, и охотникъ холодѣлъ все болѣе и болѣе. Зубы его судорожно стиснулись, глаза раскрылись и сомкнулись навсегда.

Такой неожиданный исходъ заманчиваго охотничьяго приключенія произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Кирейча положили на сани, покрыли рогожей и повезли въ усадьбу Воротищева. Михаилъ Васильевичъ вмѣстѣ съ остальными охотниками тоже отправился туда.

Теперь никого не радовала богатая добыча, завидный трофей, въ видѣ прекрасной медвѣжьей шкуры. Всѣ жалѣли Кирейча, который былъ не только отличнымъ охотникомъ, но и человѣкомъ, котораго всѣ любили. Онъ былъ вдовецъ. Его жена, бѣлокурая красавица Арина, умерла отъ первыхъ же родовъ, оставивъ дѣвочку Аюту, уродившуюся всю въ мать. Ребенку было теперь пять лѣтъ. Михаилъ Васильевичъ, который любилъ дѣтей, сказалъ тогда же Воротищеву:

— Отдай-ка, братъ, мнѣ сиротку, пусть она у меня живетъ. Домъ у меня большой, и мѣста и дѣла ей найдется. Что ей: все равно ее кому нибудь надо отдать, потому что она круглая сирота.

— Что же, возьми,—сказалъ Воротищевъ, и въ тотъ же день Аютка была отправлена къ Козодавлеву.

III.

Сверхъ всякаго ожиданія, она смягчила своимъ невиннымъ и почтительнымъ видомъ суровое сердце Пелагеи Филипповны, и та разрѣшила ей жить въ комнатахъ. Аютка оказалась очень бойкой и смышленной дѣвочкой. Она очень скоро выучилась прибирать комнаты, справляться съ легкой, но разнообразной домашней работой, которую возлагали на нее. А когда она подросла, ее усадили за рукодѣлье. Въ пятнадцать лѣтъ она распустилась въ настоящую красавицу. Лицо у нея было бѣлое, нѣжное, съ большими синими глазами, подъ дугообразными, слегка надломленными, золотистыми бровями. Эти глаза всегда смотрѣли ласково, привѣтливо и такъ вдумчиво, что невольно останавливали вниманіе. Во

всей фигурѣ Анютки выразалось стремленіе сейчасъ же исполнить то, что ей прикажутъ, готовность повиноваться безъ всякой мысли о себѣ. Лучшимъ украшеніемъ Анютки была огромная, толстая коса, спускавшаяся ниже пояса. Эту кссу она холила и расчесывала съ большой заботливостью. Ни у кого въ селѣ не было такой косы. Эту косу далеко знали вокругъ и, когда хотѣли похвалить косу какой нибудь дѣвушки, то говорили, что она такъ же толста, какъ у Анютки.

Пелагея Филипповна, зная легкомысленный нравъ своего супруга, всегда зорко слѣдила за Анюткой. Ему воспрещалось требовать къ себѣ для уборки женскую прислугу, ему воспрещалось и многое другое въ этомъ же родѣ. По слабости характера Михаилъ Васильевичъ покорялся такому деспотизму, хотя протестовалъ, но, конечно, втихомолку и лишь въ такую минуту, когда вино побуждаетъ къ излишней откровенности. Онъ скоро отмѣтилъ выдающуюся красоту Анютки и сталъ украдкой подолгу заглядываться на нее. Ему нравились ея нѣжныя руки съ длинными пальцами, округлость ея шейки, наклонъ ея головы легкой, стройной, всегда нѣсколько наклоненной впередъ. Ему нравилась ея быстрая, легкая походка, которую онъ различалъ ужъ издали. Когда онъ взглядывалъ на нее, она потупляла глаза, и нѣжный румянецъ заливалъ ея лицо. Онъ не могъ не замѣчать этого, и это было ему пріятно. Когда за столомъ Анютка подавала ему блюдо, ея руки немножко дрожали, прикасаясь къ его рукамъ.

Однажды, проходя по коридору, онъ встрѣтился съ ней лицомъ къ лицу. Онъ ее взялъ за плечо и сказалъ:

— Анюта...

Къ удивленію своему, онъ почувствовалъ, что дальше слова не идутъ у него съ языка. Въ груди у него точно сперлось дыханіе, а сердце заколотилось шибко, шибко... Анютка оторопѣла и не отвѣчала ни слова. Она глядѣла на него съ недоумѣніемъ и вопросительно. Онъ безотчетно, торопливо вынулъ изъ большого замшеваго кошелька, съ мѣдной оправой, два екатерининскихъ серебряныхъ рубля, подаль ихъ Анюткѣ и проговорилъ шепотомъ:

— На, купи себѣ лентъ.

Анютка машинально взяла деньги и прошла мимо него, а онъ продолжалъ еще стоять на мѣстѣ.

Въ это время отворилась дверь изъ образницы, и оттуда вышла Пелагея Филипповна. Сумрачнымъ, недобрымъ, кристальнымъ взоромъ она окинула коридоръ, замѣтила удаляющуюся Анютку и стоявшаго неподвижно Михаила Васильевича.

— Ты что дѣлаешь тутъ?—спросила она тихимъ враждебнымъ голосомъ.

— Ничего,—развязно отвѣтилъ ей Михаилъ Васильевичъ, повернулся и пошелъ въ свой кабинетъ.

Тамъ онъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, и мысли его вращались около Анютки. Онъ невольно сравнивалъ ее съ Пелагеей Филипповной, и, конечно, это сравненіе было не въ пользу его супруги. Онъ вспоминалъ всѣ непріятности, обиды и притѣсненія, которыя постоянно испытывалъ отъ нея, и въ его душѣ поднимался протестъ, закипало чувство сопротивленія, жажда отпора, жажда мести.

Къ столу вышелъ онъ съ нахмуреннымъ лицомъ и не говорилъ съ домашними ни слова.

На другой день было воскресенье. Пелагея Филипповна всегда ѣздила съ дѣтьми къ обѣднѣ. Она требовала, чтобы и Михаилъ Васильевичъ постоянно сопровождалъ ее въ церковь. На этотъ разъ Михаилъ Васильевичъ отказался, сославшись на головную боль. Пелагея Филипповна уѣхала одна.

Когда ея возокъ, запряженный тройкой гуськомъ, выѣхалъ за ворота, Михаилъ Васильевичъ приказалъ позвать къ себѣ Анютку. Онъ сидѣлъ за столомъ у себя въ кабинетѣ. Она вошла и остановилась на порогѣ, опустивъ руки, потупивъ глаза, не глядя на него. Не говоря ни слова, онъ подошелъ къ ней, обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ въ губы. Анютка не отстранялась, не сопротивлялась, она только тихо вздохнула и покраснѣла еще больше. Михаилъ Васильевичъ тоже вздохнулъ, отошелъ къ окну. Такъ прошло нѣсколько времени. Затѣмъ онъ сказалъ, дѣлая надъ собой усиліе:

— Анюта, хочу я увезти тебя въ Калугу. Поѣдешь?

— Какъ будетъ на то ваша воля.

Михаилъ Васильевичъ продолжалъ:

— Когда придетъ время, я тебѣ скажу, какъ ты туда отправишься и куда приѣдешь. А теперь не безпокойся, здѣсь тебя никто не обидитъ, а меньше всѣхъ я. Полюбила ты мнѣ Анютка. Какая ты хорошенькая и славная! Я тебя такъ не оставляю, не хочу, чтобы ты весь вѣкъ мыкалась въ крѣпостныхъ дѣвкахъ.

Анютка попрежнему не отвѣчала. Онъ подошелъ къ ней и опять поцѣловалъ ее. На этотъ разъ и она поцѣловала его.

Около буфета перебирала посуду рябая, некрасивая дѣвушка Палашка, пользовавшаяся особымъ довѣріемъ Пелагеи Филипповны, узнававшей черезъ нее все, что дѣлалось въ домѣ. Палашка съ кривой усмѣшкой злобно посмотрѣла на Анютку, которую недолюбливала. По этому взгляду Михаилъ Васильевичъ понялъ, что Палашка видѣла все, и что она наговоритъ Пелагеей Филипповнѣ. Онъ сдѣлалъ ей знакъ приблизиться, и когда она вошла, онъ затворилъ за ней дверь. Вдругъ съ неожиданнымъ приливомъ злобой, животной ярости онъ ударилъ ее кулакомъ и закричалъ:

— Если ты хоть слово скажешь про меня и про нее барынѣ, то живьемъ отъ меня не вырвешься!

Испуганная Палашка громко заплакала. Анютка убождала.

— Молчи!—кричалъ, возвышая все болѣе и болѣе голосъ, Михаилъ Васильевичъ.—Молчи, негодяйка, я давно до тебя добирался!—и, схвативъ со стѣны нагайку съ серебряной ручкой, онъ принялся безжалостно колотить Палашку, которая огласила домъ своими воплями и криками.

Избитая, въ синякахъ и въ багровыхъ полосахъ, выскочила она изъ кабинета Михаила Васильевича, который зашвырнулъ нагайку и, стыдясь своей запальчивости и жестокости, ушелъ изъ дома въ поле. Когда кровь въ немъ остыла, онъ съ тяжелымъ чувствомъ въ душѣ вернулся домой. Онъ досадовалъ на себя, недоумѣвалъ, откуда у него явилось столько ярости къ ни въ чемъ неповинной, повидимому, дѣвушкѣ. Онъ не любилъ кулачной расправы, тѣлесныхъ наказаній и всегда останавливалъ Пелагею Филипповну, привыкшую щедро раздавать пощечины.

IV.

Пелагея Филипповна ужъ вернулась изъ церкви. По одному взгляду на нее онъ понялъ, что ей уже все извѣстно. Она сидѣла мрачная, неподвижная, какъ туча передъ бурей. Но Михаилъ Васильевичъ чувствовалъ въ себѣ такой приливъ силъ, что не страшился ея гнѣва и зналъ, что онъ не уступитъ ей теперь ни въ чемъ.

Когда онъ сѣлъ за столъ, за которымъ, кромѣ нихъ, никого не было, такъ какъ дѣтямъ подавали кушанья въ ихъ дѣтской, Пелагея Филипповна торжественно и злобѣще, какъ погребальный колоколъ, произнесла:

— Такъ вотъ какъ! Ты связался съ этой негодницей. Больше этого не будетъ. Я—первая въ домѣ!—и тутъ она сильно стукнула кулакомъ по столу, такъ что стаканы, бутылки, тарелки задрожали.—Я здѣсь хозяйка, а не ты!

— Нѣтъ, я, — сказалъ Михаилъ Васильевичъ.—Я не потерплю, чтобы ты распоряжалась, какъ хотѣла! Я не буду у тебя подъ башмакомъ!

— Называй, какъ угодно!—еще болѣе возвысивъ голосъ, сказала Пелагея Филипповна.—Я здѣсь первая! Ты будешь меня слушаться! А этой негодницѣ я приказала обрѣзать косу, и въ скотницы ее на Ивановскій хуторъ.

— Какъ ты смѣла, какъ ты смѣла!—завопилъ, не помня себя, Михаилъ Васильевичъ и, схвативъ стаканъ съ краснымъ виномъ, съ озлобленіемъ выплеснулъ въ лицо ненавистой жены.

Пелагея Филипповна, изумленная и потрясенная столь неожиданнымъ ей отпоромъ, вскочила, всплеснула руками и опустилась на стулъ съ крикомъ и рыданіемъ.

Михаилъ Васильевичъ ушелъ къ себѣ, но подѣ влияніемъ мелькнувшей у него мысли спросилъ перваго попавшагося казачка:

— Гдѣ Анюта?

— Повели въ людскую, косу сейчасъ стричь будутъ.

Лишеніе косы считалось величайшимъ наказаніемъ для дѣвушки въ нашей мѣстности. Дѣвушка считалась опозоренной и не могла никуда показаться безъ того, чтобы на нее не показывали пальцами и злобно издѣвались надъ ней. Людское жестокосердіе не имѣетъ предѣла, и достаточно дать ему малѣйшую пищу, чтобы оно уцѣпилось за нее. Стриженой не давали прохода мальчишки. Стриженная не рѣшалась показаться въ переднихъ рядахъ въ церкви. Она не имѣла права носить повойникъ, какъ замужняя женщина, она должна была носить косу, и отсутствіе косы рѣзко и замѣтно бросалось въ глаза. Коса растетъ съ дѣтства, за косой ходятъ 10—15 лѣтъ, другой косы скоро не вырасташь. Поэтому наказаніе было тяжкимъ и жестокимъ.

Михаилъ Васильевичъ это отлично зналъ. Большими, рѣшительными шагами онъ отправился въ людскую и пришелъ въ нее въ тотъ самый моментъ, когда конюхъ Ерошей, взявъ у скотницы ножницы, которыми выстригали овецъ, приготовился отрѣзать Анюткѣ косу. Та бѣлая, какъ полотно, стояла, опершись руками на кухонной столъ, склонивъ голову, а конюхъ, держа въ лѣвой рукѣ косу, поднялъ ее кверху и съ торжествомъ оглядывался вокругъ, какъ бы желая предвкусить наслажденіе отъ того дѣла, которое онъ сейчасъ совершитъ. Обширная закоптѣлая людская была наполнена дворовыми. Дѣвушки плакали и взвизгивали, лица старухъ выражали злорадство и нескрываемое удовольствие, но мужчины были серьезны и угрюмо молчали.

При видѣ представившагося ему зрѣлица Михаилъ Васильевичъ обомлѣлъ. Вдругъ, не помня себя, онъ схватилъ тяжелую кочергу и закричалъ: стой! такимъ дикимъ и оторопѣлымъ голосомъ, что всѣ оцѣпенѣли. Анютка продолжала стоять неподвижно, конюхъ держалъ попрежнему въ лѣвой рукѣ золотистую косу, а въ правой ножницы. Михаилъ Васильевичъ такъ сильно ударилъ его кочергой по рукѣ, что тотъ вскрикнулъ, а ножницы съ лязгомъ упали на полъ. Испуганный конюхъ, весь дрожа, протягивалъ безпомощно руки. Кисть правой руки съ перебитой костью висѣла и держалась только на одной кожицѣ. Это зрѣлице было такъ ужасно, что кругомъ раздался нейстовый крикъ и вой.

Михаилъ Васильевичъ взялъ за руку Анютку и сказалъ:

— Иди за мной!

Онъ провелъ ее въ свой кабинетъ и приказалъ заложить возокъ. Пока возокъ не былъ поданъ къ крыльцу, онъ не выпускалъ ея изъ кабинета. Затѣмъ онъ приказалъ позвать къ себѣ преданныхъ ему псарей и велѣлъ отвезти Анютку къ Воротищеву,

строго наказавъ никого не подпускать къ возку. Онъ зналъ неукротимый, мстительный, жестокий и непреклонный нравъ своей супруги и зналъ, что самъ долго не способенъ оказывать такое отчаянное сопротивленіе, какъ теперь. Поэтому онъ заранѣе искалъ помощи и покровительства у своего могущественнаго и сильнаго дяди.

Анютка уѣхала и благополучно водворилась у Воротищева. А часомъ позже прибылъ туда и Михаилъ Васильевичъ. Когда онъ разсказалъ Воротищеву о томъ, что случилось, тотъ проговорилъ:

— Знаешь что, конечно, это очень хорошо, что ты заступился за нашу воспитанницу, но что же будетъ дальше? Ты вѣдь, конечно, заступился не спроста: знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

Напрасно Михаилъ Васильевичъ увѣрялъ его въ совершенной чистотѣ своихъ отношеній къ Анюткѣ. Воротищевъ, хорошо знавшій нравы своихъ друзей и родни, отвѣтилъ ему:

— Это до меня не касается, но, я думаю, тебѣ придется помириться съ Пелагеей Филипповной, потому что она все-таки урожденная Пустова и свое приданое хорошее имѣетъ, и изъ-за крѣпостной дѣвчонки тебѣ ссориться съ ней не слѣдуетъ. Что же касается Анютки, я о ней позабочусь, и повѣрь, дружище, ты будешь доволенъ. Даю тебѣ въ томъ мое дворянское слово.

Они пожали другъ другу руки, и Михаилъ Васильевичъ успокоенный и съ надеждой на лучшее будущее вернулся домой.

На другой день верховой привезъ отъ Воротищева письмо Пелагеѣ Филипповнѣ. Выражая ей свое уваженіе, Павелъ Петровичъ спрашивалъ ее о здоровьѣ и о всѣхъ подобныхъ вещахъ, которыя пишутся и занимаютъ въ письмахъ болѣе мѣста, чѣмъ слѣдуетъ. Воротищевъ далѣе сообщалъ ей слѣдующее:

«Что же касается до крѣпостной дѣвки моей, Анны Киреевой, временно находившейся у васъ, то, принося вамъ благодарность за попеченіе о ней, нахожу нужнымъ сообщить, что она потребовалась мнѣ для собственныхъ надобностей и отправлена въ дальнюю вотчину мою, въ Ливинскій уѣздъ, въ село Полотняный заводъ, о чемъ я имѣю честь извѣстить васъ. Тѣ же расходы, которые на нее были сдѣланы, я, разумѣется, приму на себя. А посему, полагаю, не можетъ быть между нами никакихъ дальнѣйшихъ изъ-за нея недоразумѣній.

«Искренно преданный вамъ Павелъ Воротищевъ».

На это письмо Пелагея Филипповна не удостоила дать никакого отвѣта. Но въ немъ и не было особенной надобности.

Когда черезъ нѣсколько дней Михаилъ Васильевичъ пріѣхалъ къ Воротищеву, тотъ сказалъ, обнимая его:

— Дружище, мое время прошло, и я старъ для вашихъ забавъ, а вотъ у меня сидитъ Володя Пустовъ. Поѣзжай-ка ты съ нимъ на Шанскій заводъ, Никитка васъ сvezетъ. Онъ знаетъ, куда ѣхать.

И Воротищевъ хитро улыбнулся.

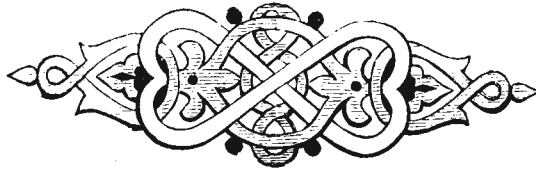
Спустя нѣсколько минутъ, Пустовъ и Козодавлевъ, сидя въ маленькихъ бѣговыхъ санкахъ, запряженныхъ бѣлымъ съ косматой и длинной гривой жеребцомъ, лихо мчались къ Шанскому заводу.

Никитка, разбитной, ловкій кучеръ, миновалъ село и направился къ хутору Воротищева, лежавшему верстахъ въ двухъ за селомъ.

Они въѣхали въ небольшой дворъ, окруженный высокимъ частоколомъ, и остановились у новаго деревяннаго домика съ весело блестящими стеклами и узорчатымъ крыльцомъ, украшеннымъ коньками и пѣтухами, затѣйливо вышленными изъ дерева. Съ морозу въ теплыхъ сѣняхъ ихъ обдало жаромъ горячо нагретыхъ печей. Въ хорошо убранной комнатѣ стояла Анютка въ цвѣтномъ сарафанѣ, съ бусами на шеѣ, съ длинной голубой лентой, заплетенной въ золотую косу. Она подняла свои тихіе, ласковые, серьезные глаза на Михаила Васильевича и заплакала. Пустовъ былъ свой человекъ, и его стѣсняться было нечего. Онъ скромно пошелъ въ другую комнату, а Михаилъ Васильевичъ сталъ утѣшать Анютку, что ему и удалось вполнѣ.

Съ той поры часто видѣли его саночки, стрѣлой пролетающія къ Воротищевскому хутору, и онъ оттуда часто возвращался за полночь. А Пелагея Филипповна? Она долго помнила Анюткину косу, дѣлала сцены своему супругу, но въ концѣ концовъ должна была покориться.

Анатолій Леманъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И. А. РАЕВСКАГО.

[1815—1830 г.г.]

I.

Дѣдъ. — Бабушка. — Мои дяди. — Отецъ. — Гувернеры. — Жизнь въ Любижѣ.

ДѢДА моего, Ивана Ивановича Раевского, я не помню, такъ какъ онъ скончался, оставивъ малолѣтними дѣтьми моего отца, его двухъ братьевъ, Михаила и Ивана, и дочь Варвару.

Дѣдъ былъ женатъ на Прасковѣ Михайловнѣ Кропотовой. Будучи очень небогатымъ человѣкомъ, дѣдъ, однако, имѣлъ непреодолимую страсть строить и между прочимъ поставилъ домъ въ Москвѣ на Воздвиженкѣ и церковь въ селѣ Любижѣ.

Бабушка страшно боялась своего мужа; онъ былъ нрава крутого и, какъ говорили, нерѣдко ее бивалъ.

Послѣ кончины мужа бабушка Прасковья Михайловна посвятила себя, какъ умѣла, воспитанію дѣтей и устройству запутанныхъ дѣлъ. Очень кстати явилось наслѣдство, полученное отъ Кропотовыхъ, но особенно пригодилося ей умѣніе устраивать дѣла и крайняя бережливость. Она дешево скупала хорошія, но не заселенныя земли и населяла ихъ крестьянами съ своихъ плохихъ земель, такъ что часто, послѣ продажи лѣса, цѣлое имѣніе ей оставалось даромъ.

Лѣто бабушка всегда проводила въ деревнѣ, а зиму въ Москвѣ въ своемъ домѣ и на свою жизнь тратила вообще очень мало. Однимъ словомъ приобрѣла огромное состояніе въ очень короткое время. Впослѣдствіи она раздѣлила все поровну между своими дѣтьми, при чемъ дочери дала часть, равную съ братьями.

Говорили, что она дѣтей своихъ любила неодинаково: такъ, моего отца уважала, какъ заслуженнаго человѣка (онъ былъ впоследствии генераломъ), дядю Михайла Ивановича менѣе другихъ любила за вольнодумство, Ивана Ивановича обожала, какъ младшаго въ семьѣ, а еще болѣе обожала единственную дочь. О вольдумствѣ дяди Михайла Ивановича можно судить по слѣдующимъ фактамъ.

Такъ, онъ ни за что не хотѣлъ служить въ гвардіи и вопреки желанію матери предпочелъ боевую службу. За взятіе Измаила онъ получилъ Георгіевскій крестъ четвертой степени, а рескриптъ на орденъ за подписью императрицы Екатерины II разорвалъ, говоря, что императрицу обманули, доложивъ ей, что онъ первый вскочилъ на валъ крѣпости, тогда какъ «до 300 рядовыхъ, убитыхъ и раненыхъ, валялись уже за валомъ крѣпости, когда секундъ-ротмистръ Михайлъ Раевскій вскочилъ на валъ». Слова эти я слышалъ отъ него самого, видѣлъ рескриптъ, разорванный пополамъ, и слово первый передъ словомъ «вскочилъ» тщательно было вымарано имъ чернилами.

Позднѣе я болѣе не видалъ этого любопытнаго документа, равно какъ и бывшаго у него портрета конфедерата Костюшки съ слѣдующей надписью, не умѣю сказать, чьей рукой сдѣланной:

«Наплевать богачу,
«Коль свой снопъ молочу».

Однажды, проѣздомъ черезъ Казань, Михайлъ Ивановичъ, не знаю по какому случаю, въ порывѣ вспыльчивости ударилъ какого-то чиновника въ офицерскомъ чинѣ по лицу. Чиновникъ завелъ процессъ, и дядю приговорили къ уплатѣ 2.500 р. асс. Онъ спокойно выслушалъ приговоръ и, занявъ гдѣ-то 5.000 р., за безчестіе вручилъ ихъ обезчещенному чиновнику, прибавивъ еще одну оплеуху; а надо сказать, что дядюшка былъ хотя и не большого роста, но крѣпкаго сложенія, и, говорятъ, отъ его удара не всякій могъ устоять на ногахъ.

Сельскаго хозяйства Михайлъ Ивановичъ не любилъ, вѣроятно, по ненависти къ крѣпостному праву. Людей своихъ, даже стариковъ, одѣвалъ казачками и при мнѣ звалъ ихъ «мальчикъ». Его считали полоумнымъ въ семействѣ, тогда какъ онъ былъ только несчастный человѣкъ, благодаря своему странному характеру. Увидѣвъ моего старшаго брата, дядюшка поразился его сходствомъ съ отцомъ и тотчасъ заплатилъ за него пятнадцать тысячъ долгу.

который братъ былъ принужденъ сдѣлать для покупки въ полкъ 36 ремонтныхъ лошадей (лейбъ-гвардіи Конный полкъ).

Женщинъ Михаилъ Ивановичъ не любилъ и не довѣрялъ имъ, что, вѣроятно, и было причиной того, что онъ умеръ холостымъ. Друзей, вѣроятно, имѣлъ много, но я ихъ не зналъ. Подъ старость дядюшка впалъ въ набожность, сталъ строить храмъ въ Бѣлопесоцкомъ монастырѣ, самъ своими руками носилъ бутъ подъ фундаментъ и, заболѣвъ, скончался тамъ. Его похоронили въ этомъ имъ построенномъ храмѣ. Имѣніе свое дядюшка продалъ, еще при жизни, своей племянницѣ, дочери сестры. Самъ онъ всю жизнь прожилъ скромно, не зная роскоши и не любя ея.

Другого рода былъ дядюшка Иванъ Ивановичъ: робкій, хитрый, онъ любилъ почести и старался казаться богатымъ человѣкомъ, но, не будучи имъ, казался скупымъ. Веселый, остроумный собесѣдникъ, онъ былъ любимъ всѣми знакомыми въ Петербургѣ, гдѣ провелъ юность и откуда былъ высланъ: причиной высылки явился туръ вальса съ Е. И. Нелидовой ¹⁾.

Поселясь въ деревнѣ, онъ принялся строить церкви и разводитъ породистыхъ лошадей, которыя, однако, погибали отъ голода у него на конюшнѣ. Онъ такъ же, какъ и братъ Михаилъ, умеръ холостымъ.

Отца моего я помню смутно и уже больнымъ когда онъ ради прогулки ѣздилъ верхомъ по двору передъ домомъ, или сидѣлъ на диванѣ въ саду, любуясь своими чудными англійскими коровами и телками, при чемъ пилъ изъ фарфоровой кружки молоко отъ козы Машки. Помню отлично и эту козу и любимыхъ лошадей отца: огромнаго гнѣдого бѣлоногого упряжнаго жеребца и рыжую верховую.

Любимымъ мѣстомъ жительства моего отца было имѣніе Каширскаго уѣзда, Любижъ; съ нимъ были связаны всѣ его семейныя воспоминанія. До сихъ поръ близъ храма растетъ липа, посаженная моимъ дѣдомъ, англійскій паркъ посаженъ руками моего отца и матери, домъ также построенъ отцомъ моимъ. Впоследствии домъ этотъ былъ передѣланъ и изуродованъ управляющимъ моего старшаго брата, послѣ кончины котораго имѣніе перешло ко мнѣ. При отцѣ, который страстно любилъ сельское хозяйство, въ Любижѣ были роскошные фруктовые сады, великолѣпныя англійскія коровы и даже немного испанскихъ овецъ.

Разсказывали мнѣ старухи-сосѣдки, что батюшка изъ Петербурга первый привезъ бѣлыхъ индѣекъ, и что дворовые крали яйца и продавали ихъ по 5 р. за штуку; рѣдко кто изъ сосѣдей не имѣлъ чего либо изъ Любига—хорошую телку, лошадь или

¹⁾ См. записки Е. И. Раевской, «Дядюшка Иванъ Ивановичъ», «Историческій Вѣстникъ», 1898 г.

бълаго индюка. Матушка любила цвѣты и имѣла ихъ множество, выписывая и доставая самые новые сорта; такъ, годовой жасминъ (Seringa) былъ, какъ рѣдкость, привезенъ отцомъ изъ Петербурга и купленъ былъ по десяти рублей за корень.

Мои раннія дѣтскія воспоминанія связаны съ этимъ имѣніемъ, которое мы всѣ обожали. Дѣтьми мы цѣлыми днями бѣгали и возились съ крестьянскими мальчиками. Разъ я чуть не утонулъ, упавъ въ жбанъ съ квасомъ, откуда меня вытащили молоденькія горничныя. Очевидно, что надзора за нами совершенно не было, хотя всегда были гувернеры, но они нами не занимались совершенно.

Помню, что я разъ спросилъ одного изъ нихъ, что такое трутъ, и что такое ртуть, на это онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Это не ваше дѣло.

И я очень долго не зналъ различія между этими двумя предметами.

Другой разъ я спросилъ, почему бумагу (coton) называютъ «хлопчатой бумагой», мнѣ отвѣтили, что это потому, что она «хлопаетъ»; желая испытать на дѣлѣ, какъ она хлопаетъ, я производилъ разныя пробы и чуть не сжегъ дивана, на которомъ зажегъ куски ваты.

Одинъ гувернеръ, Майеръ, швейцарецъ, никогда съ нами не бывалъ, но спалъ невѣроятно много. Другой, тоже швейцарецъ, былъ удивительный силачъ. Уважая его силу, мы не замѣчали, что онъ и дуракъ и безнравственный человѣкъ. Его смѣнилъ аббатъ Бержэ, человѣкъ честный, нравственный и любившій насъ. Имѣя нѣкоторыя свѣдѣнія въ наукахъ, онъ первый далъ мнѣ понятіе о геометріи. Прежде меня и грамматикъ, и ариметикъ, и Закону Божию учили въ родѣ того, что бумага хлопчатая «хлопаетъ». Матушка, женщина далеко не глупая, не представляла себѣ возможности научиться чему либо иначе, какъ сидя на мѣстѣ съ книгой въ рукахъ, и говаривала, когда мы бывало расшались:

— Si vous preniez du moins un livre en main. (Если бы вы, по крайней мѣрѣ, взяли книгу въ руки).

Сейчасъ и сажаютъ за Buffon'a, гдѣ, напримѣръ, вмѣсто описанія лошади и ея пользы находилась громкая фраза: La plus belle conquête que l'homme ait jamais fait, est sans contredit celle de ce noble et fier animal, qui l'accompagne dans ses travaux et dans les hazards de la guerre и т. д. (самая прекрасная побѣда, которую когда либо одержалъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, подъ этимъ благороднымъ и гордымъ животнымъ, сопровождающимъ его въ работахъ и случайностяхъ войны). Чтобы дать понятіе болѣе наглядное объ этомъ благородномъ животномъ, приложена картинка, изображающая кривоногую лошадь, которую голый арабъ держитъ двумя пальцами за узду.

Если бы мнѣ въ то время поручили разсказать о лошади, я бы это сдѣлалъ и лучше и понятнѣе, такъ какъ всегда любилъ лошадей, ѣздилъ верхомъ съ шести лѣтъ и отлично зналъ, что хотя лошадь не всегда красива, но можно не такъ громко и звучно, зато гораздо привлекательнѣе о ней разсказать.

Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ у меня была своя лошадка, перешедшая ко мнѣ отъ старшаго брата. Насъ всѣхъ было трое братьевъ, я былъ младшій и послѣдній, которому досталась эта лошадка, когда старшіе братья стали ѣздить на болѣе бойкихъ. Эта же была славная маленькая гнѣдая финка, я на ней скакалъ безъ ума, безъ памяти и восьми лѣтъ, будучи легче вѣсомъ, обскакивалъ старшихъ, которые ѣхали на болѣе молодыхъ и лучшихъ лошадяхъ, и какъ я тогда гордился своимъ «Васькой»!

Разъ, помню, мнѣ Ваську привели осѣдланнаго въ Любижскій садъ для прогулки верхомъ; я поднялъ чапракъ и, увидя, что Васька очень худъ, спросилъ у кучера, почему это. Онъ отвѣтилъ, что мало овса даютъ.

— Да ты бы травой покормилъ!

— Нельзя, баринъ, лошадь не молодая, съ травы еще пуще похудѣетъ.

— Такъ попроси овса.

— Не приказано больше брать.

Я заплакалъ горькими слезами, но требовать овса не смѣлъ.

Вообще матушка была очень строга съ нами, и поэтому, когда она уѣзжала по дѣламъ хозяйства въ другія имѣнія, которыхъ у насъ было нѣсколько въ разныхъ губерніяхъ, для насъ начиналась полная свобода. Гувернеръ тоже немало радовался такому празднику.

Прислуга и дворня насъ любили, отказу намъ ни въ чемъ не было, и мы широко пользовались рѣдкой свободой. Какъ я говорилъ уже, надзора за нами вообще не было, но были замѣчанія матушки, наказанія и иногда розги. Въ отсутствіи же ея мы совершенно свободно могли опаздывать къ обѣду и предаваться всевозможнымъ забавамъ, и никогда не было случая, чтобы мы какъ либо ушибались или вообще повредили что либо, будучи охраняемы вниманіемъ людей, любящихъ насъ, вѣроятно, еще болѣе по тому, что они наравнѣ съ нами терпѣли отъ матушкиной строгости.

Помню, какъ, приказавъ иногда старостѣ выдать старухѣ Сидоровнѣ нѣсколько фунтовъ гречневой муки, мы втроемъ отправлялись къ ней ѣсть блины. Къ блинамъ нерѣдко прибавлялся отъ ея щедротъ жареный пѣтухъ или курица, и все это мы, не смотря на раннюю пору дня, поѣдали съ удовольствіемъ.

Осенью мы хаживали съ гувернеромъ стрѣлять дроздовъ въ саду на рябинѣ и березахъ или же перетаскивали весь листъ изъ старой липовой аллеи въ поле своими руками, такъ какъ лошади

намъ не давалось. Зимой зато бывало запрягали трое или четверо саней по одиночкѣ и ѣздили кататься; помню, разъ старшій братъ Михаилъ не замѣтилъ, какъ вышибъ матушку изъ саней на ухабѣ и только потомъ хватился, вернулся и нашелъ её невредимой. Долго потомъ смѣялись, когда испугъ прошелъ. Другой разъ я съ французомъ-гувернеромъ сбился съ дороги, и вернулись цѣлы, только благодаря силѣ и энергіи лошади. Иногда мы уже съ помощью дворовыхъ людей строили дома изъ снѣга, которые тщательнo замораживали, поливая водой.

Въ зимніе вечера мы собирались у камина въ большой залѣ варить сбитень, который мы, дѣти, очень любили. Обыкновенно одинъ изъ насъ долженъ былъ говорить наизусть французскіе или русскіе стихи.

Сосѣдей въ деревнѣ къ намъ ѣзжало мало, пріемовъ не было. Сосѣди эти были все люди небогатые и еще менѣе чиновные. Вѣроятно, ихъ стѣсняли чины и богатство моего отца, поэтому продолжительныхъ посѣщеній не бывало. Гости насъ ласкали и баловали, но особенной радости я при ихъ посѣщеніяхъ не ощущалъ.

Уѣзжали мы изъ деревни очень поздно, иногда только въ декабрѣ.

II.

Московская родня. — Петербургъ. — Наводненіе. — Похороны императора Александра I. — Уроки.

Отъѣздъ въ Петербургъ считался истиннымъ несчастіемъ и всегда сопровождался отчаяніемъ и горькими слезами. Въ Москвѣ, гдѣ мы останавливались проѣздомъ, насъ немного утѣшалъ большой дворъ нашего дома на Воздвиженкѣ и горячіе колачи, которые мы очень любили. Но что составляло истинное мученіе, это визиты къ старымъ родственникамъ, къ которымъ насъ возили на показъ ради какихъ-то неизвѣстныхъ замысловъ. У этихъ дорогихъ родственникововъ всегда были грязныя руки и изъ носу текъ табакъ. Матушка считала своимъ долгомъ насъ, дѣтей, имъ представлять. Тутъ мы должны были цѣловать неопрятныя руки, покрытыя дорогими перстнями, или щеку, пропитанную запахомъ нюхательнаго табака. Послѣ этого привѣтствія мы могли уйти, въ сопровожденіи какойнибудь приживалки, въ другія комнаты, при чемъ слышали сказанныя намъ вслѣдъ слова:

— Comme Woldemar ressemble à Артемію Ивановичъ et Michel et Jeanot (это я) à vous, chère Маргарита Васильевна.

Боясь проронить лишнее слово, чтобы не заслужить матушкина гнѣва и упрека за неприличное поведеніе въ гостяхъ, мы бывало чинно сидимъ и выслушиваемъ безконечные рассказы скучной приживалки. Наконецъ наставалъ радостный часъ разлуки съ ней, и матушкинъ голосъ провозглашалъ:

— Дѣти, пора ѣхать!

Мы съ шумомъ вскакивали съ мѣста и опрометью бросались въ переднюю, но спохватившись опять чинно возвращались цѣловать грязныя руки и табачные носы. Только послѣ этого мы могли бѣжать въ переднюю, гдѣ ливрейные лакеи надѣвали на насъ шубы, и мы отправлялись домой.

Такихъ пытокъ дѣти теперь, слава Богу, не знаютъ, такого притворства имъ не внушаютъ и не показываютъ.

Петербургъ былъ намъ гораздо болѣе сроденъ, хотя и его мы не любили. Но все же тамъ было менѣе скучныхъ визитовъ, и почти не было старыхъ родственниковъ, зато были веселыя прогулки на бѣлыхъ яликахъ по каналамъ и Невѣ, а также прогулки на Биржу, гдѣ мы смотрѣли на привозимыхъ изъ-за границы попугаевъ, канареекъ и обезьянъ, и гдѣ мы лакомились заморскими апельсинами, пряниками и пили инбирный квасъ.

Ходили мы также въ Лѣтніе сады, Большой и Малый (нынче садъ дворца Елены Павловны), гдѣ мы съ неимовѣрной ловкостью скользили между гуляющими по аллеямъ, гоняя свои легкіе обручи, и всегда намъ приходилось выслушивать похвалы нашей дѣтской красотѣ, но это насъ трогало гораздо менѣе, чѣмъ похвалы, расточаемыя нашимъ гнѣдымъ и сѣрымъ лошадямъ завода моего отца.

Мы были въ деревнѣ, когда пришла къ намъ вѣсть о наводненіи въ Петербургѣ въ 1824 году. Извѣстіе пришло поздно, и, конечно, искаженное: рассказывали, что потонуло нѣсколько гальотовъ съ сахаромъ. Когда же мы пріѣхали въ Петербургъ и увидѣли на домахъ красныя мѣтки, показывающія вышину воды, увидѣли еще сырыя людскія комнаты нашего дома на Большой Морской, мы чрезвычайно удивились и съ жадностью слушали рассказы жившей у насъ въ домѣ полковницы, Елены Ивановны Старовой, о томъ, какъ барка съ дровами неслась по улицѣ, и какъ изъ мелочной лавочки плыла разная провизія.

Какого труда мнѣ стоило представить себѣ, что причина всему этому былъ дувшій нѣсколько часовъ сряду западный вѣтеръ!

Помнится мнѣ ясно, какъ мы изъ оконъ Публичной библіотеки смотрѣли на похороны императора Александра Павловича, и какъ при возвращеніи домой наши лошади испугались залпа орудій и понесли.

Церемонія похоронъ продолжалась очень долго, при чемъ меня болѣе всего занималъ рыцарь, значеніе котораго я никакъ не могъ понять.

Часто встрѣчая государя во время его прогулокъ на Англійской набережной, мы прекрасно знали его въ лицо, и теперь, слушая

разказы о его добротѣ, разсматривая современную гравюру, изображающую его въ дрожкахъ, запряженныхъ парой съ пристяжкой, и какъ онъ, выльзая изъ нихъ, держитъ за руку больного мужика; глядя на кольцо съ надписью изъ письма его супруги: «Notre ange est aux siéux!» — мы глубоко сожалѣли о кончинѣ государя, который ввелъ въ Парижъ русскую побѣдоносную армію.

Вообще же надо сказать, что мы не только о русской исторіи, но и о русскомъ языкѣ имѣли довольно смутное понятіе. Хотя русскіе учителя ходили по часамъ и отличались большой аккуратностью, но эти занятія не были плодотворны. Законоучитель, священникъ отецъ Петръ, обучалъ насъ катихизису и литургіи по вопросамъ и отвѣтамъ. Русскій учитель заставлялъ насъ учить наизусть своего сочиненія грамматику, которой мы не понимали, и, конечно, не могли и двухъ словъ написать правильно. Учитель исторіи, Роговъ, только и могъ объяснить, что венгры азіатскаго происхожденія. Другой учитель, Бругъ, всегда начиналъ рѣчь словами: «Благонамѣренное правительство»...

Въ головахъ у насъ оставались только обрывки фразъ безъ всякой связи и смысла.

Французскій языкъ и исторія были намъ гораздо болѣе знакомы и близки, благодаря вліянію гувернеровъ-французовъ, особенно одного изъ нихъ, Ricard'a. Онъ былъ человѣкъ женатый и имѣлъ двухъ дѣтей. Ювелиръ по ремеслу, онъ, однако, недурно игралъ на скрипкѣ, чѣмъ и кормился во Франціи, играя въ оркестрѣ маленькаго театра. Въ Петербургѣ онъ счелъ болѣе выгоднымъ сдѣлаться гувернеромъ. Его жена и дочери также жили въ Петербургѣ, кормясь его трудами и работой m-me Ricard. Это была маленькая, толстенная блондинка съ вѣчной иглой въ рукахъ. Ricard былъ роялистъ и съ жаромъ рассказывалъ объ ужасахъ революціи. Эти разказы сильно дѣйствовали на мое воображеніе.

Съ такими-то неровными свѣдѣніями, отсталый въ предметахъ важныхъ, черезчуръ далеко ушедшій для своихъ лѣтъ въ другихъ, съ обрывками знаній, полученныхъ безъ системы, я былъ отданъ одиннадцати лѣтъ въ пансіонъ Курнана, въ Петербургѣ, на Литейной, въ домѣ сенатора Рязанова.

III.

Пансіонъ.—Надзиратели.—Учителя.—Картечь 14 декабря 1825 года.

Въ пансіонъ поступили мы, всѣ три брата: двое старшихъ во второй классъ, а я въ третій, при чемъ надо замѣтить, что дѣтей распредѣляли по классамъ не по знаніямъ, а по росту. Всѣхъ учениковъ набиралось иногда до семидесяти человѣкъ.

Трудно намъ было привыкать къ пансіонской жизни и особенно къ плохой пицѣ. Дома насъ кормили отлично, хотя не роскошными

обѣдами, но сытными и здоровыми, а здѣсь и мало, и плохо, даже хлѣбъ черный былъ съ пескомъ, а квасъ кисель, какъ укусъ.

Цѣны были разныя: такъ за «demi-pension», т.-е. ночевать дома и не ужинать—1.500 р. асс. въ годъ, а полный «pension» 2.000 р. асс. Но, кромѣ этого, среди учениковъ были такіе, которые платили меньше, иные даже ничего, и надо отдать справедливость Курнаниу — мы не знали, кто изъ насъ платилъ больше, кто меньше или даже ничего, хотя надо сказать, что въ то же время этотъ Antoine de Cournaud, какъ себя называлъ содержатель пансіона, былъ неучъ и шарлатанъ первой руки. Онъ съ неимовѣрной ловкостью надувалъ родныхъ своихъ учениковъ, внушая имъ довѣріе къ своему пансіону и качеству преподаванія. Его братъ, Joseph, былъ честный и дѣльный французъ. Онъ обучалъ «мертвымъ языкамъ».

Впослѣдствіи пріѣхалъ третій братъ, Timoleon, могшій только обучать рисованію, и то плохо, пустой и глупый человѣкъ, надъ которымъ мы всѣ издѣвались. Однажды онъ приказалъ человѣку принести себѣ завтракъ и, кстати, принести клею, чтобы приклеить къ доскѣ большой листъ Ватманской бумаги, для изображенія головы какого-то Леонида или Антиноя. Человѣкъ принесъ ему тарелку клейстера (во Франціи клеять вишневымъ клеємъ), онъ вообразилъ, что это завтракъ, съѣлъ весь клейстеръ и потомъ горючилъ:

— Je n'ai jamais mangé une horreur pareille à ce petit plat russe. (Я никогда не ѣлъ мерзости, подобной этому русскому блюду).

Географія, исторія и многіе другіе предметы проходились по-французски, а русскіе учителя набирались, какъ говоритъ Грибоѣдовъ, «числомъ поболѣе, цѣною подешевле». Кромѣ учителей, были еще такъ называемые надзиратели, ихъ бывало заравъ до четырехъ. Они были въ свою очередь люди особаго рода. Содержаніе они получали отъ Курнаниа небольшое, утромъ вмѣсто нашего чая кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ, а къ обѣду по полубутылкѣ вина. Обѣдали они съ нами, сидя на концахъ двухъ длинныхъ столовъ, за которыми обѣдали и ужинали по два класса за каждымъ. Они имѣли по комнатѣ въ домѣ, гдѣ помѣщался пансіонъ, и должны были наблюдать за нами и дома, и на прогулкахъ, когда насъ парами водили по улицамъ. Кромѣ надзора за учениками, надзиратели обучали кое-чему въ низшихъ классахъ: кто чистописанію, кто рисованію или начальнымъ правиламъ французскаго и русскаго языка. Русскихъ надзирателей не было, и разговоры по-русски не то, чтобы запрещались, но, какъ непонятные для большинства начальства, считались насмѣшкой на ихъ счетъ и безнравственными разговорами, съ намѣреніемъ скрыть то, что говорилось, отъ пансіонской цензуры. Такъ какъ непониманіе, о чемъ идетъ рѣчь, всегда и вездѣ порождаетъ въ начальствѣ недовѣріе, а это

въ свою очередь готовить подчиненныхъ къ тому, что и довѣрять имъ нельзя, то понятно, что насмѣшкамъ и шуткамъ всякаго рода со стороны учениковъ на бывало конца. Каждый изъ надзирателей имѣлъ свое прозвище: иного звали «торгашъ», потому что узнали стороной, что онъ нѣкогда былъ комми въ магазинѣ; другого звали «пьяницей», подмѣтивъ, съ какой жадностью онъ за обѣдомъ выпивалъ свою полубутылку вина, и т. п. Одинъ изъ надзирателей, нѣкто Буржуа, былъ страшный неучъ и строгъ до безумія; во время его дежурства почти не было не наказаннаго ни одного ученика въ классѣ. Наказанія записывались въ памятную книжку, которую онъ, однако, тщательно скрывалъ, такъ какъ самыя простыя слова по-французски писалъ съ грубѣйшими ошибками. У этого Буржуа была страсть рассказывать, какъ онъ, живя еще во Франціи, управлялъ будто бы бумагопрядильной фабрикой. Поэтому, когда желательно было его смягчить, избавиться отъ наказанія или приобрѣсти его милость, то стоило только заговорить о какомъ нибудь номерѣ пряжи; сію минуту онъ смягчался и прощалъ не только самого искуснаго ходатая, но и тѣхъ, за кого онъ попросить, приговаривая:

— *On peut vous pardonner, car vous vous interessez à tout, surtout aux fabriques françaises, quant à vos camarades ce sont des gens qui ne veulent rien savoir que leur russe, je vous avoue que je ne comprend pas ceci.* (Вамъ можно простить, потому что вы всѣмъ интересуетесь, особенно французскими фабриками; что же касается вашихъ товарищей, то это люди, которые не хотятъ ничего знать, кромѣ своего русскаго; я этого не понимаю).

Конечно, ходатай-дипломатъ не брался объяснять и растолковывать, что для русскихъ все русское такъ же интересно, какъ для него французское; если бы онъ это сдѣлалъ, гнѣву не было бы конца, и цѣль не была бы достигнута.

Въ томъ же родѣ мы дѣйствовали и по отношенію къ остальнымъ надзирателямъ, лстя ихъ слабостямъ, чтобы избѣгнуть наказаній и въ концѣ недѣли получить хорошія отмѣтки за поведеніе. Мало-по-малу, я сталъ привыкать къ пансіонской жизни, втянулся въ нее, узналъ много того, чего при порядочномъ домашнемъ воспитаніи никогда бы не зналъ: выучился хитрить, выгодно лицемѣрить, лгать, и такимъ образомъ, несмотря на мои проказы, я почти всегда получалъ отмѣтки «*conduite très bonne*», чему дома даже перестали вѣрить, зная, какъ мало я способенъ былъ заслужить эти похвалы.

Нѣкоторые изъ нашихъ надзирателей занимались мелкой торговлей, и имѣвшіе возможность у нихъ кое-что купить тоже получали хорошія отмѣтки, ласки и вниманіе, взамѣнъ барыша, получаемаго отъ продажи колечекъ, крестиковъ съ гранатами и бирюзой и т. п. мелочи. Все это было такъ ясно, что ученики, разумѣется, не уважали такихъ надзирателей, да и уважать было не за что.

Принести жалобу самому Курнану, какъ бы справедлива она ни была, было бесполезно; какъ разъ прослылъ бы за бунтовщика, лгуна и проч., домой бы не отпустили и тамъ бы еще наказали вдвое.

Когда меня въ пансіонѣ въ первый разъ поставили, въ видѣ наказанія, на колѣни, я ужасно оскорбился. Дѣло въ томъ, что у насъ была мода собирать картечь, подобранную на улицахъ послѣ 14 декабря 1825 года; всѣ товарищи покупали еѣ нарасхватъ у уличныхъ мальчишекъ. Была такая картечь и у меня. Какъ разъ во время латинскаго урока я игралъ ею, пересыпая изъ одной руки въ другую, когда раздался выстрѣлъ изъ пушки, возвѣщавшій о коронаціи Николая I. Я зналъ, что за нами пріѣхали, и, не ожидая позволенія, вскочилъ, и... вся картечь съ грохотомъ разлетѣлась по всему классу. Дома насъ часто наказывали даже розгами, но подобнаго позора, какъ стояніе на колѣняхъ, никогда еще не бывало. На гулянье меня, однако, отпустили, и я немало восхищался чуднымъ зрѣлищемъ, освѣщенными шкаликами зданіями Биржи, Казанскаго собора и Лютеранской церкви.

IV.

Курнанъ.—Экзамены.—Княгиня Щербатова.—Латинскій экзаменъ.—Награды.

Какъ я уже говорилъ, Антонъ Курнанъ былъ шарлатанъ. Онъ безбожно надувалъ родственниковъ своихъ воспитанниковъ, пуская имъ пыль въ глаза, и дѣлалъ это ловко и умно. Особенно замѣтны были его ухищренія во время экзаменовъ, которые производились въ теченіе цѣлой недѣли въ огромной залѣ великолѣпнаго дома графа Апраксина. Устраивались подмостки: одни для двухъ первыхъ классовъ, а другіе для 3-го и 4-го. Въ срединѣ была эстрада, все это покрыто зеленымъ сукномъ. Брали кавалергардскую музыку, которая располагалась въ сосѣдней комнатѣ, приглашались родственники учениковъ и наиболѣе извѣстные ученые того времени, какъ-то: Дестромъ, Чижовъ, Клаперонъ, Бонтанъ Ламмэ и многіе другіе. Программа была самая обширная, экзамены распределялись по днямъ, одинъ или два предмета въ день. Тутъ уже шарлатанству мѣры не было, обманъ нагло выказывался для насъ, знавшихъ, въ чемъ дѣло.

Такъ, напримѣръ, вызывали учениковъ на эстраду по вопросамъ, какъ будто предложеннымъ на удачу, и выходило все прекрасно, такъ какъ спрашивали именно тѣхъ, кто это зналъ, и чаще всего это были тѣ, которые покрасивѣе собой или лучше одѣты. Особенно были въ ходу громкія фамиліи, какъ-то: князья Куракины, Щербатовы, Кочубей, Голицыны и т. д., все это дѣлалось натурально и шло гладко.

Послѣдній день посвящался декламации и раздачѣ наградъ: «Diction de vers russes, français, allemands, latins et grecs. Distribution de prix». (Чтеніе стиховъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ. Раздача наградъ).

Тутъ уже былъ апоѳеозъ, и театральность доходила донельзя. Расскажу про себя.

Мнѣ пришлось декламировать французскіе стихи, а именно начало «Генрияды», и я, стоя на эстрадѣ, противъ княгини Щербатовой, принявъ соотвѣтствующую позу и интонацію, началъ:

«Je chante le héros qui reigna sur la France
Et par droit de conquête et par droit de naissance.
Qui par de longs malheurs apprit à gouverner,
Calma les actions, sut vaincre et pardonner.
Confondit et Mayenne et la Ligue et l'Iber
Et fut de ses sujets le vainqueur et le père.
Descends du haut des cieux auguste vérité,
Repends sur mes écrits ta force et ta clarté;
Que l'oreil des rois s'accoutume à t'entendre,
C'est à toi d'annoncer ce qu'ils doivent entendre,
C'est à toi de montrer aux yeux des nations
Les coupables effets de leur divisions.
Dis comment la discorde a troublé nos provinces,
Dis le malheur des peuples et les fautes des princes». . .
. и т. д.

Дѣло казалось въ шляпѣ, родители утопали въ блаженствѣ, Курнанъ сіялъ, но тутъ умная и ученая княгиня Щербатова, знавшая даже латинскій языкъ, остановила меня и, сказавъ Курнану:

— Pardon, si j'interromps votre élève (извините, что прерву вашего ученика), — обратилась ко мнѣ:

— Вы прекрасно говорите по-французски, память у васъ отличная, но не можете ли вы мнѣ объяснить эти стихи Вольтера?

— Могу, — отвѣтилъ я и посмотрѣлъ на Курнана, который поблѣднѣлъ.

— О какомъ героѣ, королѣ французскомъ, говоритъ Вольтеръ? — продолжала княгиня.

— О Генрихѣ IV, — смѣло отвѣтилъ я.

Курнанъ успокоился и кивнулъ мнѣ головой.

— Переведите русскими словами то, что вы говорили, — сказала княгиня.

— «Пою героя, царствовавшего во Франціи по праву завоеванія и по праву рожденія, долгими несчастіями научившагося править, успокоившаго смуты и умѣвшаго побѣждать и прощать врагамъ, изумившаго и Майенну и Лигу и Испанію и бывшего побѣдителемъ и отцемъ своего народа и подданныхъ. Сойди съ небесъ, свя-

тая истина, пролей на мои письма твою силу и свѣтъ. Пусть слухъ королей привыкаетъ къ тебѣ, ты должна возглашать то, чему слѣдуетъ ему учиться. Ты должна показывать глазамъ народа преступныя послѣдствія ихъ раздоровъ. Скажи имъ, какъ несогласія смутили наши провинціи. Повѣдай несчастія народовъ и ошибки князей»...

— Хорошо,—сказала княгиня,—но слово «princes» я бы перевела здѣсь «правители». Чѣмъ же Генрихъ IVъ заслужилъ названіе отца народа?

— Тѣмъ,—отвѣчалъ я, конечно, по-французски,— что любилъ его и, зная его нужды, говорилъ: «Je voudrais que le pauvre puisse mettre une poule au pot chaque dimanche». (Я хотѣлъ бы, чтобы каждый бѣднякъ могъ каждое воскресенье сварить курицу).

— Прекрасно. Кто изъ его приближенныхъ ему въ этомъ содѣйствовалъ?

— Сюлли, который, не щадя себя, часто укорялъ Генриха въ безпечности, онъ занимался не только улучшеніемъ путей сообщенія, но и покровительствовалъ разведенію на югѣ шелковичныхъ червей и устройству полезныхъ фабрикъ, чѣмъ на долгое время упрочилъ богатство и силу народа. Эти мирные труды, однако, не мѣшали ему быть храбрымъ на войнѣ и сопровождать короля въ опасности битвы.

Княгиня одобрительно кивнула головой.

Познанія мои во французской исторіи я почерпалъ изъ той же «Генриады» и изъ рассказовъ гувернеровъ, а спроси меня княгиня что либо о родномъ русскомъ, чего она, вѣроятно, и сама не знала, то увидѣла бы, насколько я невѣжда. Но ей это не пришло въ голову, и она съ улыбкой обратилась къ сіяющему и взволнованному Курнану:

— Voila, monsieur, ce que j'aurais désiré voir en beaucoup de jeunes gens, cela vous fait honneur, ce n'est pas seulement à bien parler qu'on apprend chez vous, mais à bien penser. (Вотъ это, сударь, я желала бы видѣть у большинства молодыхъ людей. Это дѣлаетъ вамъ честь; у васъ учатъ не только хорошо говорить, но и хорошо думать).

Курнанъ проглотилъ комплиментъ, пожалъ мнѣ руку и, обратясь къ княгинѣ, сказалъ:

— Il promet beaucoup, mais c'est une tête chaude. (Онъ обѣщаетъ много, но у него горячая голова).

— Pour vu qu'elle soit bien dirigée, elle sera bonne à quelque chose. (Если она будетъ хорошо направлена, то пригодится на чтонибудь),—сказала княгиня и улыбнулась мнѣ.

Я съ гордостью отправился на свое мѣсто. Экзаменъ продолжался.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго эпизода я получилъ отъ Курнана приглашеніе къ обѣду. У него нашель я нѣсколько французовъ, болтали съ ними, потѣшая разными шутками и каламбурами, за что получилъ лестное для меня названіе «parisien».

Другой разъ не такъ удачно дался мнѣ экзамень. Надо сказать, что книги у насъ были устроены такъ, что открывались на знакомыхъ намъ мѣстахъ; которыя мы легко переводили. Таковъ былъ и у меня Квинтъ Курцій.

Та же княгиня Щербатова, взявъ у меня книгу, невольно открыла её на знакомомъ мнѣ мѣстѣ,—я перевелъ бойко и выразился хорошимъ французскимъ языкомъ; пришло же ей въ голову перевернуть нѣсколько страницъ. Тутъ я сталъ втупикъ, стою и молчу...

Курнанъ меня моментально выручилъ, объяснивъ:

— Il est fatigué, princesse,—и обратился къ другому ученику:—Fleury, traduisez ce-ci, votre camarade n'en peut plus. (Онъ усталъ, княгиня. Флери, переведите это, вашъ товарищъ болѣе не можетъ).

Конечно, Флери зналъ это мѣсто и отлично перевелъ.

Такимъ образомъ, доходило мало-по-малу до раздачи наградъ, которыя были слѣдующія: первая и вторая награды — книги съ надписью, третья — листъ, по которому ученику впоследствии прощалось десять проступковъ, при чемъ послѣ каждаго прощенія на листѣ дѣлалась прорѣха. Такихъ листовъ было по два за каждый предметъ.

При раздачѣ читалось, хотя бы, напримѣръ: Premier prix de langue russe accordé à Jean Raevsky, né à St. Pétersbourg le 16 Mai 1815. Музыка играла тушь, глубокой поклонъ публикѣ, поцѣлуй Курнану.... и слѣдующій ученикъ.

Иногда Курнанъ говорилъ нѣсколько назидательныхъ словъ.

Такъ дѣло шло къ благому концу; эффекту много, толку мало; хорошо еще, если тѣмъ, кто не былъ отъ души преданъ обману, все это казалось гадко, но смѣло можно сказать, что такая подготовка приносила мало пользы для будущаго. И этотъ пансіонъ въ то время былъ лучшимъ въ городѣ!

V.

Уроки пѣнія.—Кончина государыни Маріи Оеодоровны.—Настроеніе общества.—Зрѣлища.—Театры.

Въ то время мы съ братомъ Михаиломъ начали брать уроки пѣнія у итальянца Juliani. Пѣвали преимущественно по-итальянски: Sul margine d'un rio; Benedetta siu la madre. Очень въ модѣ были французскіе романсы: «Je t'aime tant, je t'aime tant», «А

reine sorti de l'enfance», и арии изъ оперы «Joseph». Пѣвали мы также всевозможные дуэты. Голоса у насъ были чистые, слухъ хороший, особенно у брата были огромныя способности къ музыкѣ и прекрасный высокій теноръ. Итальянецъ охотно съ нами занимался (за большія деньги, впрочемъ), аккомпанировалъ самъ нашему пѣнію на гитарѣ или на клавикордахъ, но больше всего любилъ рассказывать всевозможныя небылицы, героиней въ которыхъ чаще всего являлась императрица Марія Ѳеодоровна, которая за уроки, даваемые имъ въ Смольномъ монастырѣ, пожаловала ему дачу въ Павловскѣ.

Иногда онъ рассказывалъ и эпизоды въ родѣ того, что во дворъ этой его дачи разъ забрался воръ, но цѣпная собака его загрызла и съѣла, такъ что утромъ нашли одинъ скелеть.

Покойную императрицу, мать Александра и Николая Павловичей, помню и я. Она всегда ѣзжала по Петербургу въ золоченой каретѣ, четырехмѣстной и запряженной цугомъ въ шорахъ. На запяткахъ кареты стояли два гусара, позади ѣхали за ней два камерпажа верхомъ. Обыкновенно государыня выѣзжала такимъ образомъ для осмотра женскихъ учебныхъ заведеній, которыми она очень любила заниматься. Всячески стараясь улучшить ихъ, она сама наблюдала за уроками, за чистотой, знала дѣвочекъ по имени, разговаривала съ ними и ласкала ихъ. Намъ часто случилось встрѣчать ее во время этихъ поѣздокъ.

Въ одну изъ средъ нѣмецкій учитель Шпикернагенъ пришелъ въ классъ на урокъ и объявилъ, что императрица скончалась. Это было во время турецкой войны 1828—1829 годовъ, нѣсколько дней спустя по полученіи извѣстія о взятіи турецкой крѣпости Варны.

Во время отсутствія государя, который въ то время находился при арміи, императрица ѣздила въ Казанскій соборъ служить благодарственный молебень о побѣдѣ и, проѣзжая черезъ толпу собравшагося на площади народа, спустила окно кареты и съ радостью говорила: «Варна взята».

Холодный воздухъ охватилъ ее, она простудилась и умерла черезъ нѣсколько дней.

Но надо сказать, что въ то время насъ болѣе всего занималъ вопросъ, распустятъ ли насъ по домамъ, чтó и было сдѣлано сейчасъ же.

Опять мнѣ пришлось присутствовать зрителемъ на царскихъ похоронахъ. Но послѣ пышныхъ похоронъ государя Александра I и Елисаветы Алексѣевны эти похороны меня уже не поразили своимъ великолѣпіемъ.

Дома только и было рѣчи, что о турецкой войнѣ, осадѣ Шумлы переходѣ черезъ Балканы и взятіи Константинополя, если, въ

чемъ очень сомнѣвались, до этого допустятъ Англія и Франція, зорко слѣдившія за успѣхами русскаго оружія.

Въ то время я самъ видѣлъ женъ уѣхавшихъ военныхъ, плачущихъ и убивающихся о своихъ мужьяхъ. Но въ мирное время ни одна изъ нихъ не согласилась бы, чтобы мужъ ея оставилъ службу. Очень ужъ всѣмъ хотѣлось бывать во дворцѣ на выходахъ и гордиться чинами и званіемъ своихъ супруговъ, не расставаясь съ ними, въ тишинѣ и спокойствіи.

Не таково было, по словамъ моей матери, настроеніе общества въ 1812 году: тогда встрѣчали возвращавшихся раненыхъ съ торжествомъ и восторгомъ. Объ арміи говорили съ уваженіемъ, почти каждое достаточное семейство считало за счастье прирѣтъ у себя раненаго офицера.

То была война отечественная въ полномъ смыслѣ этого слова. Теперь было не того, не было того увлеченія патриотизмомъ, если не считать таковымъ того, что толпа народа валила въ балаганъ, устроенный въ саду Кусовникова, у Поцѣлуева моста, въ которомъ какой-то итальянецъ показывалъ картонныя стѣны турецкихъ крѣпостей, защищаемыя тремя-четырьмя мужиками, вымазанными сажей, съ чалмами на головахъ и съ жестяными кривыми саблями. Ихъ атаковало пять-шесть русскихъ солдатъ, при чемъ не жалѣли ни пороха, ни криковъ «ура». Ежеминутно вспыхивали бенгальскіе огни, что должно было изображать несчастный для русскихъ взрывъ вала Браилова.

Въ томъ же саду надъ прудомъ по протянутому канату ходилъ паяцъ съ огромнымъ шестомъ и въ войлочной шляпѣ, вѣроятно, чтобы показать, что отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Фальшивый органъ замѣнялъ оркестръ; плоски, обмазанныя скипидаромъ, соперничали со свѣтомъ петербургской бѣлой ночи. И нетребовательная публика была совершенно довольна.

Этой зимой насъ часто возили во французскій театръ. Мы съ братомъ Михаиломъ легко запоминали куплеты водевилей и т. п., всего почти Скриба знали наизусть и напѣвали кстати и некстати.

Въ балетѣ помню особенно хорошо Истомину, но вообще балетовъ мы не любили; ихъ тогда ставили не съ такой роскошью, какъ теперь. Декораціи были плохи и часто даже дырявыя. Такъ, въ пьесѣ «Therèse ou l'orpheline de Genève», которая заключалась въ томъ, что злодѣй (актеръ Durand) рѣжетъ благодѣтельницу Терезы, которую потомъ обвиняютъ въ этомъ преступленіи и казнятъ. Этотъ самый Durand въ то время, какъ за сценой раздавались крики его жертвы, преспокойно мѣнялъ парикъ и даже костюмъ, что зрителямъ было ясно видно черезъ дырявыя кулисы.

Директоромъ театровъ тогда былъ Тюфякинъ.

Оперы въ то время давались почти исключительно Россини.

VI.

Смерть брата.—Второй бракъ матушки.—Игроки тридцатыхъ годовъ.—Закрытіе пансіона.

Слѣдующее лѣто мы не ѣздили въ деревню, а проводили на дачѣ Гюнтена по Парголовской дорогѣ. Тамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ скончался братъ мой Михаилъ, утонувъ въ Парголовскомъ озерѣ. Онъ не умѣлъ плавать, а на дырявой лодкѣ поѣхалъ по озеру; лодка наполнилась водой, онъ оробѣлъ и бросился въ воду, утопая на нашихъ глазахъ: мы стояли на берегу. Я невольно кинулся къ нему съ берега и утонулъ бы непременно самъ, если бы мастеровые, купавшіеся въ это время, не остановили меня. Помню, что одного изъ нихъ я ударилъ рукой по лицу, но онъ меня удержалъ и вытащилъ на берегъ. Тѣла не могли найти, оно всплыло только на девятый день и схоронено близъ Парголовской церкви.

Матушка, страстно любившая сына, и мы съ братомъ Владиміромъ были въ отчаяніи. Всѣ мы обожали старшаго брата, да и было за что: уже не говоря о томъ, что онъ былъ уменъ, красивъ и талантливъ, онъ былъ глубоко привязанъ къ намъ. До сихъ поръ у меня хранится его колечко съ бирюзой и надписью внутри: «souvenir d'une mѣre». При похоронахъ присутствовали ученики изъ пансіонскихъ товарищей брата и неизбѣжный Курнанъ, который и тутъ не обошелся безъ фразъ, сказавъ надгробную рѣчь; онъ не могъ не поболтать, хотя и безъ него горя было достаточно.

Мы съ братомъ Владиміромъ долго не рѣшались даже говорить о своемъ несчастіи, но не могли предвидѣть, какой огромный вредъ потеря брата принесетъ нашему семейству.

Матушка, лишившись старшаго и любимаго сына, имѣя на рукахъ заботы и хлопоты по управленію нѣсколькихъ имѣній и пышнаго дома въ Петербургѣ, невольно стала задумываться о второмъ бракѣ.

Не стану говорить о моемъ вотчимѣ, но не могу удержаться, чтобы не сказать, что замужество матушки принесло намъ много горя. Бракъ, неравный по годамъ, такъ какъ матушка была старше своего мужа, оказался неравнымъ и по рожденію и по воспитанію; разумѣется, онъ не могъ не имѣть самыхъ пагубныхъ послѣдствій для семейнаго быта. Каково было намъ, шестнадцати и двѣнадцатилѣтнимъ мальчикамъ, видѣть въ своемъ домѣ хозяина, чужого, враждебнаго человѣка, видѣть, какъ рушатся старыя традиціи, и т. д.

Впервые появился у насъ въ домѣ крэпсъ, т. - е. игра въ косточки съ номерами, явились карты, и хотя матушка и прежде

игрывала въ вистъ, но теперь у насъ въ домѣ начались азартныя игры. Среди карточныхъ игроковъ считались замѣчательными въ своемъ родѣ нѣкто Никитинъ, Смирновъ и нѣсколько человекъ, фамилій которыхъ я не помню. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ даже носились слухи, что они не весьма похвальными средствами нажили себѣ состояніе. Игра у насъ, вѣроятно, шла очень крупная, такъ какъ при мнѣ разъ князь Долгорукій выигралъ разомъ 36.000 р. асс. у Никитина и хотѣлъ поставить еще 72.000 р., но тотъ отказался. Подобное зрѣлище повторялось по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, но не возбуждало во мнѣ никакой охоты къ игрѣ; меня только занимали грустныя лица проигравшихъ, веселье и довольство счастливыхъ, а, главное, хладнокровіе Никитина, который ничего не говорилъ, кромѣ:

— Извольте, пожалуйста, что изволите ставить?

А потомъ послѣ окончанія игры методично складывалъ измятыя бумажки по достоинству пачками и опускалъ въ карманъ.

Послѣ игры подавался ужинъ, къ которому, однако, многіе, особенно изъ проигравшихся, не притрогивались, они только лихорадочно глотали холодную воду и спѣшили уѣхать проводить бессонную ночь безъ гроша въ карманѣ.

Матушка не любила такихъ вечеровъ, была всегда не въ духѣ, и какъ мужъ ни увѣрялъ ее, что вездѣ стали играть, и что это теперь въ свѣтѣ особенно принято, она все же твердила, что не желала бы дѣлать изъ своего дома «un tripot».

— Вистъ,—говаривала она,—бостонъ, мушка, это другое, а это кабацкая игра, тутъ другъ друга рѣжутъ, а не проводятъ время, какъ порядочные люди. Посмотри на эти красныя рожи, вѣдь они въ состояніи задушить другъ друга!

Намъ съ братомъ эти вечера тоже не улыбались, и мы старались отъ нихъ удрать. Такъ, я однажды, получивъ 25 коп. на извозчика въ пансіонъ, ушелъ очень рано изъ дома, побывалъ въ райкѣ театра на «Горе отъ ума», гдѣ въ роляхъ Молчалина и Репетилова неподражаемы были Сосницкій и Дюръ. Потомъ поѣлъ въ харчевнѣ говядины, выпилъ бутылку квасу и пѣшкомъ пошелъ въ пансіонъ. Если бы матушка узнала, что я ужиналъ въ харчевнѣ и въ театрѣ сидѣлъ съ полковыми писарями и ихъ женами (которые были со мной очень вѣжливы и любезны), она пришла бы въ ужасъ, не сознавая, насколько это общество менѣе вредно, чѣмъ то, что я покинулъ дома, и даже общества гувернеровъ, которымъ платили по три тысячи въ годъ.

Въ то время, какъ у насъ дома дѣлались эти крупныя перевороты, пансіонъ также совершенно измѣнился: Антонъ Курнанъ, найдя, что нажилъ довольно крупное состояніе, забралъ свои капиталы и уѣхалъ въ Парижъ, передавъ пансіонъ брату Joseph'у, котораго при семъ не преминулъ вадуть. Поселясь въ Парижѣ,

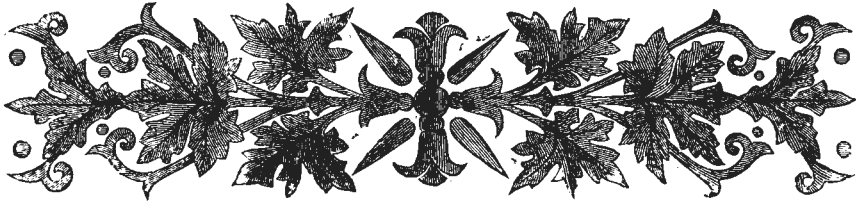
онъ сталъ что-то врать про Россію, Петербургъ и т. д. Однимъ словомъ, русское правительство, извѣщенное о его болтовнѣ, закрыло наконецъ пансіонъ бѣднаго Joseph'a, такъ что, придя въ одинъ прекрасный день, мы нашли Joseph'a въ слезахъ. Онъ объявилъ намъ, что министръ народнаго просвѣщенія призывалъ его и объявилъ повелѣніе государя закрыть учебное заведеніе.

Впослѣдствіи Joseph Courpand получилъ лестное приглашеніе обучать французскому языку наслѣдника цесаревича Александра II и еще нѣсколько уроковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Несмотря на то, что по милости своего брата былъ на дурномъ счету, онъ потомъ получалъ и ордена и чины. Но все это гораздо позднѣе, а тогда весь въ слезахъ несчастный Joseph былъ очень жалокъ. Я и жалѣлъ бѣднягу, но въ глубинѣ души былъ радъ оставить пансіонъ.

Этимъ закончилось мое научное образованіе на пятнадцатомъ году жизни.

И. А. Раевскій.

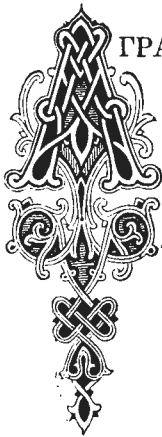
ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I) ¹⁾.

ХІІІ.

П р і я т е л и.

І.

ГРАЕВЪ былъ богатъ и славился въ обѣихъ столицахъ. Жилъ онъ въ Москвѣ на Арбатѣ, гдѣ у него былъ отличный домъ. Аграевъ не любилъ своего дома. Онъ чувствовалъ въ немъ себя совершенно одинокимъ, старымъ, никому не нужнымъ человѣкомъ.

Къ нему изрѣдка наѣзжали его старые пріатели и товарищи по полку, съ которыми онъ любилъ вспомнить старину. Но обыкновенно Аграевъ былъ всегда одинокъ. И ему бывало жутко, особенно по ночамъ. Въ огромныхъ комнатахъ было холодно и неуютно. Со стѣнъ смотрѣли равнодушные портреты предковъ, бѣлыя колонны окутывались мракомъ.

Аграевъ не любилъ своего дома. И часто онъ искренно скучалъ, вспоминая о своихъ дѣтяхъ. У него былъ сынъ Модестъ и двѣ дочери.

Модестъ былъ баловень, пьяница и мотъ. Но все это нравилось отцу. Дочери были уже замужемъ, и между ними и отцомъ никогда не было болѣе или менѣе крѣпкихъ связей.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІ, стр. 61.

Модестъ Аграевъ служилъ юнкеромъ въ одномъ изъ уланскихъ полковъ. До отпа изрѣдка доходили слухи о чудачествахъ сына. Иногда старику Аграеву приходилось ѣздить хлопотать за сына и заминать случавшіяся съ нимъ исторіи. При этомъ старикъ не лишалъ себя удовольствія сдѣлать сыну болѣе или менѣе крупную нотацію на письмѣ.

Но все-таки онъ души не чаялъ въ сынѣ. За послѣднее время, придя къ убѣжденію, что чудачествамъ Модеста нѣтъ границъ, онъ рѣшилъ взять его изъ военной службы, женить и отправить въ деревню.

Его огромныя имѣнія въ центральной части Россіи находились въ управленіи князя В., мужа его дочери. Старикъ Аграевъ былъ недоволенъ своимъ управляющимъ и часто въ письмахъ къ сыну писалъ:

«Марьянъ мужъ вмѣсто того, чтобы слѣдить за имѣніемъ, занимается развѣздами по ярмаркамъ и псовой охотою. Живетъ въ свое удовольствіе. Пора же положить этому предѣлъ. Пріѣзжай, Мотя, бросай службу и отправляйся въ деревню. Жду тебя съ нетерпѣніемъ».

И въ одно утро, когда старикъ еще валялся въ постели, къ нему совершенно неожиданно вошелъ лакей и доложилъ о пріѣздѣ молодого барина.

Старикъ еле могъ говорить отъ волненія. Онъ не видалъ сына уже нѣсколько лѣтъ, онъ уже сталъ забывать его лицо. И вдругъ теперь передъ нимъ стоитъ мужчина съ безшабашной удалю въ глазахъ, румяный, веселый.

Старикъ прослезился и тотчасъ же, не одѣваясь, сталъ рассказывать сыну о своемъ зятѣ-управляющемъ, о томъ, что Модесту надо жениться, что для него настала самая настоящая пора, что у него есть на виду хорошая невѣста, и т. д.

Модестъ выслушалъ спокойно, улыбнулся отцу и проговорилъ

— А я все еще юнкеръ!

— Вижу, вижу, безсовѣстный ты юноша! — отвѣтилъ отецъ. — Я хоть до чина штабсъ-ротмистра дослужился, а ты и до этого дойти не можешь...

— Ну, тогда и времена другія были. Тогда служить легче было, — невозмутимо отвѣтилъ сынъ. — У насъ служба тяжелая. Я сколько разъ подъ арестомъ ужъ сидѣлъ!

— Слыхали, слыхали! Ну, теперь довольно! Поживи у меня, а потомъ поѣдешь къ мужу твоей сестры и потребуешь отъ него отчета. Онъ меня знать совсѣмъ не хочетъ. Я тебя вмѣсто него пошлю. Вѣдь, ты—богачей: у тебя полторы тысячи душъ!

— Недурно... Я поѣду... ей-Богу, поѣду. Довольно служить. Надоѣла мнѣ эта служба: тянуться надо, а тутъ самъ себѣ господинъ... Ладно, отецъ!

Потомъ Модестъ отправился дѣлать по городу визиты. Вѣроятно, визитовъ такъ было много, что къ вечеру онъ не успѣлъ ихъ всѣ окончить, а потому остался гдѣ-то внѣ дома. Также точно было и на второй и на третій день.

— Ну, и пусть его разговѣтся!—говорилъ отецъ своему лакею.— Чай, тамъ, на границѣ-то, удовольствій мало имѣлъ... Пусть...

Къ вечеру четвертаго дня Модеста Аграева привезли домой почти безъ чувствъ. Позвали доктора, который съ перваго же взгляда понялъ, что Модестъ разговѣлся по-настоящему, и для выздоровленія ему потребуется не менѣе двухъ-трехъ дней.

Предсказанія врача сбылись, и черезъ три дня Модестъ Аграевъ былъ снова готовъ на какія угодно удовольствія.

Старикъ пожурилъ сына, но сдѣлалъ это полупутиа, въ душѣ думая, что на мѣстѣ сына онъ поступилъ бы точно такимъ же образомъ.

Модестъ отвѣтилъ отцу улыбкою и пообщался вести себя приличнѣе, тѣмъ болѣе, что онъ уже узналъ столицу надлежащимъ образомъ.

И, тѣмъ не менѣе, въ тотъ же вечеръ Модестъ опять пропалъ и на этотъ разъ уже на недѣлю. Старикъ посылалъ отыскивать сына, но всѣ посланные вернулись ни съ чѣмъ.

— Вотъ не ожидалъ отъ Модеста,—говорилъ старикъ,—я думалъ, что онъ только сначала такъ, а оказывается, что у него это довольно продолжительно.

Въ концѣ недѣли Аграеву сообщили, что его сына видѣли въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ вмѣстѣ съ офицерами. Отецъ успокоился.

II.

Но это спокойствіе не было долгимъ. Дни шли, а сына все еще не было дома. Что онъ чувствуетъ себя здоровымъ, и что съ нимъ не произошло ничего ужаснаго, можно было видѣть изъ донесеній дворовыхъ людей, которые съ ловкостью и умѣньемъ шпионовъ слѣдили за молодымъ Аграевымъ.

И все-таки старикъ Аграевъ безпокоился.

Однажды утромъ онъ рѣшилъ самъ отправиться за сыномъ и во что бы то ни стало разыскать его.

Старикъ уже одѣлся, какъ вдругъ ему доложили о пріѣздѣ его дочери, княгини В.

Старикъ вышелъ къ ней. Княгиня была разстроена, глаза ея были заплаканы. Она не раздѣваясь стала рассказывать отцу.

— Ты себѣ не можешь представить, что надѣлалъ Модестъ!— сказала она.

— Что случилось? Говори, ради Бога! Онъ — здоровъ, живъ? да? Говори же!

— Совершенно здоровъ и живъ. Дѣло не въ томъ. Ему грозитъ ужасная вещь!

— Что такое? Ты меня пугаешь...

— Ну, слушай! Возвращаюсь я сегодня съ прогулки, подъѣзжаю къ дому. Вижу: на парѣ лошадей мчится какой-то юнкеръ. Я не знала, что Модестъ пріѣхалъ къ тебѣ, а потому и не обратила на него никакого вниманія...

— Ну, ну, скорѣе говори, въ чемъ же дѣло-то?

— Нѣтъ, ты выслушай! Юнкеръ этотъ, который оказался Модестомъ, самъ находится на запяткахъ, пьяный, въ одномъ мундирѣ... Я проѣхала мимо дома, такъ какъ я вспомнила, что мнѣ надо сдѣлать одинъ визитъ...

— Хорошо, хорошо! про визиты ты мнѣ расскажешь потомъ...

— Когда я снова подъѣзжала къ дому, то застаю такую картину: Модестъ стоитъ на крыльцѣ и кричитъ что-то. Увидалъ меня и говоритъ, что мой мужъ и негодяй, и подлець, что онъ обобралъ совершенно тебя и лишаетъ Модеста куска хлѣба. Разумѣется, Модестъ пьянъ... Я, ничего не говоря, иду домой. Онъ за мной. Въ передней меня встрѣчаетъ мужъ...

— Модестъ очень пьянъ?

— Совершенно! Мой мужъ говоритъ ему: «Я тебѣ приказалъ убираться отсюда! Застегнись и уходи!» Модестъ набрасывается на него съ криками, ругательствами. Мужъ зоветъ людей и приказываетъ связать его и убраться...

— Какъ глупо! Вязать Модеста! Его, конечно, не связали...

— Модестъ бросается къ двери, схватываетъ тамъ чубукъ, замахивается на мужа, мужъ уходитъ въ комнаты, люди ловятъ Модеста, а онъ гоняется за ними съ чубукомъ и хочетъ драться...

— Ну, дальше, дальше...

— И теперь тамъ происходятъ ужасныя сцены. Модестъ, какъ безумный...

Старикъ Аграевъ покраснѣлъ.

— Это все твой мужъ виноватъ. Почему онъ не даетъ мнѣ отчета въ правленіи имѣньемъ? Модестъ понимаетъ, что твой мужъ обворовываетъ насъ...

— Папа, что ты говоришь? Ради Бога, пошли сейчасъ за Модестомъ, иначе мой мужъ подастъ рапортъ, что онъ оскорбленъ Модестомъ. Не надо забывать все-таки, что Модестъ — юнкеръ, а мой мужъ — офицеръ. Ему строгое наказаніе грозитъ. Пошли за Модестомъ. Напиши ему записку. Онъ кричитъ, что онъ не уйдетъ изъ дома, пока не получитъ отъ моего мужа отчета. Но развѣ это возможно сдѣлать тотчасъ же?

— Я такъ и зналъ, такъ и зналъ. А все твой мужъ...

Старикъ долго еще кричалъ на дочь и наконецъ пошелъ въ кабинетъ и тамъ написалъ записку:

«Модестъ, видя недобросовѣстность нашего управляющаго, я долженъ буду произвести взысканіе съ него формальнымъ порядкомъ, почему и приказываю тебѣ возвратиться ко мнѣ».

Старикъ позвалъ человѣка, отдалъ ему записку и приказалъ непременно привезти Модеста домой. Потомъ онъ обратился къ дочери:

— Скажи своему мужу, что такъ, какъ поступаетъ онъ, не поступаютъ ни порядочные люди, ни офицеры. Такъ и передай!

— Папа, что онъ тебѣ сдѣлалъ? За что ты его такъ бранишь?

— За то, что онъ ничего не сдѣлалъ. Бѣдный Модестъ! Вы съ мужемъ кого угодно до безумія доведете. Сдѣлай милость, не прѣзжай ко мнѣ. Я ни тебя, ни твоего мужа видѣть не хочу!

Старикъ сердито повернулся и ушелъ въ комнаты.

Его дочь уѣхала, и когда она подѣзжала къ дому, изъ воротъ выѣзжалъ экипажъ съ Модестомъ, который потрясалъ кулаками и кричалъ:

— Воры! Вы меня ограбили!.. Мы вамъ покажемъ!.. Погдите еще!..

III.

Князь В., возмущенный поведеніемъ Модеста, тѣмъ болѣе, что между ними существовали дисциплинарныя отношенія, какъ между офицеромъ и нижнимъ чиномъ, рѣшилъ подать по начальству рапортъ. Скандаль былъ слишкомъ громокъ, чтобы его можно было загасить или замолчать.

И сколько ни просила княгиня за брата, ея мужъ былъ непреклоненъ.

Рапортъ возымѣлъ силу, и черезъ двѣ недѣли Модестъ былъ арестованъ.

Тогда возмущился старикъ Аграевъ. Сначала онъ хотѣлъ было ѣхать къ начальству, но затѣмъ отправился къ зятю. Князь В. не принявъ старика и съ «прискорбіемъ» замѣтилъ, что воинскія отношенія выше всякихъ родственныхъ или свойственныхъ. Обо всемъ этомъ передано было Аграеву старымъ камердинеромъ князя. Старикъ уѣхалъ съ твердымъ рѣшеніемъ возбудить противъ князя процессъ за недобросовѣстное управление имѣніемъ.

III.

Модеста посадили подъ арестъ. Совѣсть заговорила въ князѣ, и онъ послѣ отъѣзда тестя отправился къ своему начальству просить о прекращеніи дѣла. Однако, было поздно. Случай надѣлалъ много шума. Въ городѣ говорили о происшествіи, а военное начальство, подведя итогъ грѣхамъ Модеста, рѣшило поступить съ нимъ для примѣра другимъ необычайно строго.

Тогда князь В. лично обратился къ командиру корпуса, барону Нейдгарту. Но баронъ оказался также чрезвычайно строгимъ.

— Ваше превосходительство, какъ бы тамъ ни было, но Аграевъ мой свойственникъ. Преслѣдованіе его обостряетъ мои отношенія съ родственниками моей жены. Я долженъ буду прекратить съ ними всякія сношенія. Этого мнѣ никогда не простятъ...

— Пусть такъ, молодой человѣкъ! — отвѣчалъ Нейдгартъ. — Но все это меня еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости самыхъ строгихъ и примѣрныхъ мѣръ. Скажу болѣе: я употреблю все свое стараніе, чтобы Модестъ Аграевъ пошелъ подъ судъ. Нельзя поощрять насилія надъ офицерами...

Князь уѣхалъ ни съ чѣмъ, а дѣло объ оскорбленіи юнкеромъ офицера началось и не обѣщало ничего хорошаго для Аграева.

Старикъ возмущался искренно. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принималъ всякія мѣры, чтобы наказать князя имущественно, а также заявлялъ въ судѣ, что князь дѣйствовалъ недобросовѣстно и причинилъ ему вредъ изъ-за корыстныхъ побужденій.

Дѣло затягивалось. Слѣдственная власть не спѣшила по обыкновенію, а Модестъ продолжалъ состоять подъ арестомъ.

Въ эпоху Николая I арестъ для офицеровъ не представлялъ собою чего либо страшнаго. Все тамъ было необыкновенно просто и удобно.

Караульными начальниками обыкновенно назначались наиболѣе молодые офицеры, едва вступившіе на военную службу и ничѣмъ не отличавшіеся въ большинствѣ случаевъ отъ Модеста Аграева.

Наоборотъ, какъ это ни странно, но случай съ Аграевымъ окружилъ его ореоломъ молодечества. Къ тому же Модестъ былъ хорошій «товарищъ», любилъ и умѣлъ выпить и пить до безпредѣльности, до самозабвенія, что въ тѣ времена въ офицерѣ считалось немаловажною заслугою.

Караульные начальники смотрѣли на караулъ, какъ на мѣсто для веселаго препровожденія времени. Всегда въ караулахъ царили попойки, карты, ссоры и драки. Иногда сами караульные офицеры съ арестованными отправлялись въ поиски развлеченій, исчезали изъ караула и просыпались у себя на квартирахъ. И начальство сравнительно легко смотрѣло на подобное поведеніе арестованныхъ и караульныхъ.

Нечего говорить о томъ, что богатый, веселый Модестъ Аграевъ былъ въ караульномъ помѣщеніи прекраснымъ компаньономъ для скучающаго офицерства, что вмѣстѣ съ нимъ въ караулѣ не могло быть скучно, что въ распоряженіи Аграева всегда были свободныя и очень большія деньги.

Случалось, что офицеры просились сами быть назначенными въ караулъ, чтобы повеселиться въ обществѣ Модеста. Случалось, что

къ Модесту на свиданіе приходили посторонніе офицеры, и здѣсь, въ караульномъ помѣщеніи, устраивались великолѣпныя попойки, карточныя игры и прочія удовольствія, свойственныя офицерству того времени.

Особенно сдружился съ Модестомъ нѣкій корнетъ Бутлеровъ.

Это былъ веселый малый, который завидовалъ Модесту и уважалъ его за «свободу денегъ».

— Ужъ такъ хорошо,—говаривалъ онъ иногда,—быть богатымъ, что, кажется, я убить тебя готовъ за это... Модестъ, Модестъ, давай пить, пить и пить... Я тебѣ завидую, а когда я напиваюсь, то я тебя начинаю любить...

Модестъ не отказывалъ никогда, и черезъ нѣсколько минутъ въ караулѣ начиналась самая безшабашная попойка съ женщинами...

Такъ прошло два мѣсяца.

Иногда къ Модесту заѣзжалъ его отецъ. И для него нисколько не было страннымъ, что сынъ предается пьянству и нисколько не заботится о своей будущности.

Старикъ считалъ вполне справедливымъ, чтобы Модестъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, такъ какъ онъ страдаетъ, страдаетъ понапрасну, изъ-за князя, изъ-за его недобросовѣстности; старикъ всегда привозилъ сыну деньги и не стѣснялъ его въ нихъ.

— Все равно это тебѣ принадлежитъ. Ты—одна моя опора...

Такое мнѣніе старикъ высказывалъ въ каждый свой пріѣздъ и тѣмъ самымъ поощрялъ Модеста на будущіе подвиги.

IV.

Былъ апрѣль. Модесту уже надоѣло сидѣть, и его пріятель Бутлеровъ пересталъ его уже удовлетворять.

Зато Бутлеровъ съ каждымъ днемъ становился все нѣжнѣе и нѣжнѣе къ Модесту. Онъ нарочно искалъ случая быть назначеннымъ въ караулъ. И пріятели пили и пили.

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда Бутлеровъ караулилъ Модеста, пріятели выпили больше обыкновеннаго, такъ что пришлось Модеста уложить спать при помощи часовыхъ и караульныхъ нижнихъ чиновъ. Надо было уложить Модеста еще и потому, что за карауломъ наблюдалъ въ этотъ день штабсъ-ротмистръ Мамаевъ, извѣстный въ Петербургѣ своею придирчивостью и строгостью. Мамаевъ непременно долженъ былъ обходить караулы, а пьяный Модестъ могъ дать поводъ Мамаеву доложить начальству «о развратномъ» поведеніи караульнаго и арестованнаго.

Модестъ Аграевъ легъ спать съ большимъ трудомъ со стороны всѣхъ чиновъ караула.

Бутлеровъ, считая себя достаточно трезвымъ, вдругъ ни съ того ни съ сего счелъ нужнымъ подтянуть караулъ, и въ два часа ночи вызвалъ его на платформу и тамъ сталъ производить ему настоящее ученье.

При этомъ, конечно, не обошлось безъ эксцессовъ: Бутлеровъ колотилъ солдатъ какъ и чѣмъ попало, кричалъ, командовалъ и бранился. Солдаты смотрѣли на него зло, съ едва скрытымъ чувствомъ негодованія.

Бутлеровъ ничего этого не замѣчалъ и продолжалъ кричать.

Дежурный унтеръ-офицеръ замѣтилъ состояніе Бутлерова. И когда Бутлеровъ позволилъ солдатамъ «оправиться», то караульный подозвалъ къ себѣ одного изъ рядовыхъ и шепнулъ ему что-то.

Черезъ нѣсколько минутъ въ караулъ вошелъ начальникъ карауловъ, штабсъ-ротмистръ Мамаевъ.

Бутлеровъ, еле держась на ногахъ, отрапортовалъ ему о состояніи караула и предложилъ выпить остатки шампанскаго.

Мамаевъ отказался и спросилъ, почему Бутлеровъ производитъ ученье и за что бьетъ солдатъ.

— Негодяи они!—отвѣчалъ Бутлеровъ.—Цѣлый день спать и ночь тоже хотятъ спать. Я имъ покажу. Въ ружье!

Караулъ молчаливо взялъ ружья и построился.

Мамаевъ ушелъ, а Бутлеровъ еще долго изводилъ солдатъ, не давая имъ ни минуты покоя.

Наконецъ, снова въ караулъ появился Мамаевъ въ сопровожденіи заспаннаго поручика Кошелева.

Бутлеровъ обрадовался пришедшимъ и потащилъ ихъ къ себѣ допивать шампанское.

— Вотъ я привелъ Кошелева, чтобы васъ смѣнить! — сказалъ Мамаевъ.—Мнѣ кажется, что вы немножко себя плохо чувствуете?

— Вотъ вздоръ!—возразилъ Бутлеровъ.— Это все оттого, что Модестка не все еще выпилъ... Вотъ пойдѣте, допьѣте, и тогда я буду человѣкомъ...

Послѣ долгихъ споровъ и пререканій, наконецъ, Бутлеровъ былъ смѣненъ.

— Да поймите вы,—убѣждалъ его Мамаевъ,— что у насъ сегодня въ собраніи балъ! Неужели вы забыли? Тамъ идетъ такая попойка...

— Неужели балъ? Такъ давайте, разбудимъ Модестку и потащимъ его туда. Онъ отлично танцуетъ. А ужъ какъ мы выпьемъ!

— Хорошо, хорошо! Только раньше мы сходимъ съ вами вмѣстѣ. Посмотримъ, кто тамъ есть изъ нашихъ...

— Что жъ? Пойдѣте! Кошелевъ, а ты пока Модестку побуди! Слышишь, чортъ?

Мамаевъ увелъ Бутлерова на квартиру и уложилъ спать, а самъ отправился съ докладомъ къ командиру полка.

«истор. вѣстн.», августъ, 1906 г., т. сг.

Командиръ оказался въ большомъ затрудненіи, такъ какъ сажать Бутлерова подъ арестъ значило сводить Аграева и Бутлерова вмѣстѣ, а принимать какія либо другія мѣры, хотя бы то же назначеніе не въ очередь въ караулъ, было также нецѣлесообразнымъ. Пока рѣшено было позволить Бутлерову проспать.

Между тѣмъ Кошелевъ, такъ неожиданно попавшій въ караулъ и не успѣвшій еще закончить своего сна, завалился спать и благополучно проспалъ до утра. И пока онъ спалъ, въ караулѣ произошло слѣдующее.

Къ часовому подошла какая-то фигура въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Вглядѣвшись въ фигуру, часовой призналъ въ ней Бутлерова.

— Модестка проснулся?—спрашивалъ Бутлеровъ.

— Не могу знать!—отвѣчалъ часовой, дѣлая честь Бутлерову.

Бутлеровъ выругался и направился къ Кошелеву. Войдя въ комнату, Бутлеровъ сѣлъ на диванъ, гдѣ спалъ Кошелевъ, и неожиданно для себя тоже заснулъ.

Потомъ проснулся Кошелевъ и съ ужасомъ увидалъ Бутлерова.

— Я пришелъ за Модесткой!—сказалъ Бутлеровъ.—И не уйду отсюда, пока Модестка не будетъ со мной. Отпусти его ко мнѣ. Намъ надо еще допить...

Пришлось опять прибѣгать къ помощи нижнихъ чиновъ. Бутлерова вывели, накинули на него шинель и отвели домой.

Кошелевъ успокоился и снова легъ и заснулъ.

Однако, Бутлеровъ не успокоился. Когда солдатъ ушелъ отъ него, онъ одѣлся, взялъ пистолетъ и пошелъ опять въ караульное помѣщеніе.

Часовой не замѣтилъ, какъ онъ вошелъ и прямо направился въ комнату Модеста Аграева.

V.

— Модестка! а Модестка! Чортъ, проснись!

Послышалось какое-то бессмысленное мычанье, которое не удовлетворило Бутлерова, и онъ продолжалъ трясти Аграева за руку и плечо.

— Вставай, братъ! Противъ насъ вооружились, и мы должны за себя постоять!

Модестъ открылъ глаза, но ничего пока не понималъ.

— Вставай и пойдѣмъ... У меня здѣсь по-близости есть одна... Красавица!

Модестъ поднялся, узналъ Бутлерова и тихо произнесъ односложное:

— Пить!

— И я про то же самое говорю!—согласился Бутлеровъ.—Пойдемъ. Противъ насъ вооружились. Бутылки всѣ арестованы, меня смѣнили. А все это Мамай проклятый надѣлалъ. Взялъ и смѣнилъ. Пойдемъ ко мнѣ. Кошелевъ тебя не пускаетъ. А какое онъ на это право имѣеть? Никакого! А потому вставай, и пойдемъ потихоньку...

Аграевъ ничего не отвѣтилъ и оперся на руку Бутлерова. Они пошли къ выходу. На дорогѣ имъ не встрѣтился ни унтеръ-офицеръ, ни Кошелевъ, и пріятели безпрепятственно достигли платформы.

Часовой отдалъ имъ честь и сдѣлалъ очень удивленное лицо.

Бутлеровъ и Аграевъ сошли съ платформы и двинулись по улицѣ, скоро смѣшавшись съ толпой, двигавшейся по улицѣ взадъ и впередъ.

Часовой крикнулъ. Его не слышали. Онъ крикнулъ еще разъ. Вышелъ подчасокъ, позвали унтеръ-офицера, объяснили ему, въ чемъ дѣло.

Унтеръ-офицеръ поколотилъ часового и послалъ троихъ нижнихъ чиновъ отыскивать Бутлерова и Аграева, пока не проснулся Кошелевъ.

И сколько ни бились, часовой не могъ сказать, куда отправились пріятели.

VI.

Свободно пріятели добрались до квартиры Бутлерова.

Ихъ встрѣтилъ лакей Бутлерова, мальчишка лѣтъ 16-ти.

— Маршъ за шампанскимъ!—скомандовалъ Аграевъ, швыряя въ лицо мальчишкѣ пачку ассигнацій.—Черезъ двѣ секунды принеси...

Мальчишка исчезъ, а Аграевъ сѣлъ на полъ и ни за что не хотѣлъ вставать.

— Нѣтъ, ты, Модестка, ничего не понимаешь въ этомъ,—говорилъ Бутлеровъ, усаживаясь на полъ рядомъ съ Аграевымъ.— Ты не не понимаешь, а я тебя учу, потому что ты солдатъ, а я офицеръ...

Бутлеровъ только и могъ повторять долго и однообразно:

— Ну, и ступай къ чорту. А я хочу пить... Шампанское гдѣ? А? гдѣ оно?

— Это ты погоди! Я тебя освободилъ, а потому ты долженъ ко мнѣ уваженіе имѣть. Я тебѣ завидую, Модестка, что ты такъ свободно деньгами распоряжаешься. Да будь у меня твои деньги, я не сталъ бы разговаривать, вышелъ бы въ отставку, поселился бы въ деревнѣ, нагналъ бы къ себѣ дѣвокъ, и жилъ бы, поживалъ, на всѣхъ плевать бы хотѣлъ... А ты глупъ...

Потомъ мальчишка принесъ вина, и началось то, что было вчера, третьяго дня и ежедневно.

Черезъ часъ пріятели уже съ трудомъ узнавали другъ друга.

Бутлеровъ требовалъ, чтобы Аграевъ выпилъ цѣлую бутылку залпомъ, грозя въ противномъ случаѣ застрѣлить Модеста, и при этомъ вытаскивалъ изъ кармана пистолеть и водилъ его передъ носомъ Аграева.

Модестъ, вѣроятно, не понималъ всей опасности и продолжалъ пить.

Лакей Бутлерова видѣлъ все происходившее у господъ, но войти къ нимъ въ комнату не рѣшался, такъ какъ зналъ, что пистолеть въ рукахъ Бутлерова заряженъ, да, кромѣ того, на стѣнѣ виситъ еще другой пистолеть, тоже заряженный.

Потомъ Бутлеровъ положилъ пистолеть на полъ и приказалъ подавать себѣ одѣваться.

Лакей вошелъ и боязливо спряталъ пистолеть на столѣ за какую-то коробкою.

Въ то же самое время Аграевъ сумрачно пошелъ безъ всякой, повидимому, нужды къ двери.

— Стой!—крикнулъ ему Бутлеровъ.—Я еще не одѣлся. Подожди немного!

Но Аграевъ, не слушая Бутлерова, продолжалъ итти. Тогда Бутлеровъ, пошатываясь, подбѣжалъ къ Аграеву и схватилъ его за рукавъ.

Что-то треснуло. Бутлеровъ улыбнулся, а Модестъ изо всей силы развернулся и ударилъ Бутлерова по лицу.

— Что?—закричалъ Бутлеровъ.—Ты меня ударилъ? Ты смѣлъ коснуться моего лица? Ты замаралъ мою честь? Подлецъ ты, а не Модестъ!

И съ этими словами Бутлеровъ схватилъ опять Аграева за рукавъ и замахнулся на него.

Лакей выбѣжалъ вонъ изъ комнаты съ крикомъ.

— Нѣтъ, не уйдешь! Стой!—кричалъ Бутлеровъ, удерживая Аграева.—Ты долженъ дать мнѣ удовлетвореніе... сию же минуту! Бери пистолеть!

Аграевъ послушно подошелъ къ стѣнѣ, снялъ пистолеть, осмотрѣлъ его.

Бутлеровъ подошелъ къ столу и случайно увидалъ рукоятку другого пистолета.

— Васька!—закричалъ онъ.—Иди сюда! Ты будешь нашимъ свидѣтелемъ.

Изъ двери высунулось испуганное и блѣдное лицо Василя. И въ то же время Аграевъ всталъ противъ Бутлерова и навелъ на него пистолеть.

— Коли удовлетворенія желаешь, получай! Я тебя ужъ угощу...—проговорилъ Аграевъ.—Ну, считай ты, а я стрѣлять буду...

— Посмотримъ! — отвѣтилъ Бутлеровъ. — Начинай безъ счета. Ну, разъ...

И вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ.

Бутлеровъ пошатнулся, взмахнулъ обѣими руками и упалъ навзничь.

На серединѣ лба, надъ бровью, зачернѣло что-то новое и страшное.

Аграевъ пришелъ въ себя, подбѣжалъ къ тѣлу Бутлерова и, швырнувъ пистолетъ, въ ужасѣ выбѣжалъ вонъ изъ комнаты.

VII.

При выходѣ изъ квартиры Бутлерова, Аграева встрѣтилъ посланный за нимъ конвой и привелъ его въ караульное помѣщеніе.

Аграевъ разсказалъ все происшедшее и потребовалъ вина. Ему не дали...

Началось новое слѣдствіе.

Аграевъ долго потомъ лежалъ въ госпиталѣ. Бутлерова похоронили.

Черезъ два года состоялся судъ. На судѣ Аграевъ отрицалъ свою вину и говорилъ, насколько онъ помнитъ, что Бутлеровъ застрѣлилъ себя самъ по неосторожности. Но показанія лакея Василя не оставляли сомнѣнія, что Бутлеровъ и Аграевъ въ пьяномъ видѣ устроили дуэль.

Судъ, разумѣется, приговорилъ Аграева къ смертной казни.

На конфирмаціи начальства было высказано нѣсколько довольно интересныхъ мнѣній.

Такъ, командиръ корпуса Нейдгартъ объявилъ выговоръ командиру полка, въ которомъ служилъ Бутлеровъ, бригадному командиру объявилъ замѣчаніе за беспорядки при отправленіи караульной службы «подъ его глазами», бывшего караульнаго начальника Кошелева посадили на три мѣсяца подъ арестъ. Что касается Модеста Аграева, то Нейдгартъ полагалъ разжаловать его изъ юнкеровъ въ рядовые и выдержать въ крѣпости въ казематѣ одинъ годъ, а потомъ отправить на службу въ отдѣльный сибирскій корпусъ, гдѣ «для вящаго восчувствованія сдѣланнаго имъ убійства, какъ одного изъ важнѣйшихъ преступленій, не представлять его ни къ производству, ни къ переводу въ другое мѣсто шесть лѣтъ, и штрафъ сей записать въ формулярный о немъ списокъ; въ отношеніи же умышеннаго убійства оставить его въ сильномъ подозрѣніи и для очищенія совѣсти предать церковному покаянію по назначенію духовнаго начальства».

Генераль-аудиторіатъ взглянулъ на дѣло нѣсколько съ другой точки зрѣнія. Онъ считалъ, что выстрѣлъ Аграевымъ былъ сдѣ-

ланъ не случайно, а съ «намѣреніемъ во время ссоры его съ Бутлеровымъ или по поводу вызова другъ друга на дуэль, что все равно передъ лицомъ закона».

Точно также наказаніе коснулось и Мамаева, которому было поставлено въ вину «неарестованіе Бутлерова».

Въ мартѣ 1837 года приговоръ съ мнѣніями начальства былъ представленъ на конфирмацію Николая I, который и согласился съ мнѣніемъ Нейдгарта.

Очевидно, что вліяніе старика Аграева сказалося и въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, надо сказать нѣсколько словъ и о князѣ В., зятѣ Аграева.

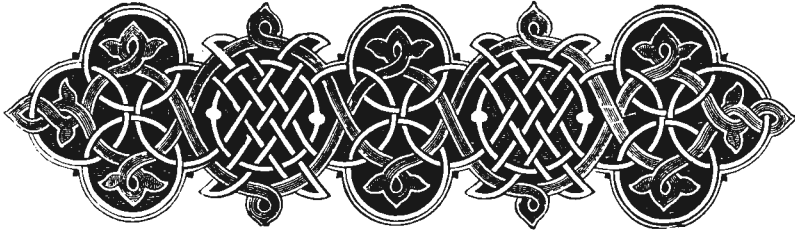
Жалоба старика на «недобросовѣстное управленіе» возымѣла свое дѣйствіе: князю было предложено уйти со службы, такъ какъ такое поведеніе считалось несоотвѣтствующимъ офицерскому званію, и въ 1836 году онъ былъ уволенъ отъ службы.

Впослѣдствіи молодому Аграеву были возвращены званіе и право на полученіе чиновъ, что и случилось гораздо раньше, нежели черезъ шесть лѣтъ.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЛИЦЕЙСКОЙ СТАРИНЫ¹⁾.

II.

И. И. Пущинъ.

Ы ВЫШЕ отмѣтили близкія отношенія къ Е. А. Энгельгардту извѣстнаго декабриста, лицеиста 1-го выпуска и друга Пушкина, И. И. Пущина. Это даетъ намъ поводъ посвятить еще нѣсколько страницъ этой симпатичной личности и подѣлиться съ читателями нѣкоторыми еще неизданными чрезвычайно интересными отрывками изъ его писемъ и замѣтокъ, а также изъ писемъ его близкихъ.

Прекрасную характеристику Пущина, его вліянія на нашего гениальнаго поэта и его замѣчательныхъ «Записокъ о Пушкинѣ» далъ Л. Н. Майковъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ въ книгѣ, посвященной Пушкину и вызванной юбилеемъ его²⁾.

Говоря о нѣжномъ сердцѣ и привязчивости Пущина, сказавшихся въ его отношеніяхъ къ старому директору лицея, Майковъ замѣчаетъ: «Такъ и съ Пушкинымъ: привязавшись къ нему при первой встрѣчѣ, Пущинъ уже никогда не измѣнялъ своему чувству; въ молодости, въ періодъ близкаго общенія, онъ оказывалъ вліяніе на Пушкина твердостью своего характера, благородствомъ и

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІ, стр. 79.

²⁾ Пушкинъ. Біограф. матеріалы. Историко-литературные очерки. Спб. 1899
Стр. 41—91.

независимостью своихъ убѣжденій, удерживалъ отъ увлеченій и предостерегалъ отъ соблазновъ самолюбія и тщеславія, а послѣ смерти поэта, подѣ конецъ собственной жизни, почтилъ его память подробнымъ описаніемъ своихъ дружескихъ сношеній съ нимъ, и его простой, исполненный задушевности рассказъ представляется источникомъ первостепенной важности для біографіи его гениальнаго друга».

Къ этому разсказу я еще вернусь ниже, а теперь сгруппирую имѣющійся у меня матеріалъ объ И. И. Пущинѣ, сообщенный моему отцу, по поводу занятій лицейской стариной, его племянникомъ А. И. Малиновскимъ¹⁾, — матеріалъ, которымъ онъ самъ не успѣлъ еще въ свое время воспользоваться, получивъ его уже послѣ изданія своей извѣстной книжки о Пушкинѣ и лицѣѣ. Рядъ выписокъ изъ писемъ и замѣтокъ какъ самого Пущина, такъ и близкихъ ему, связанныхъ мною лишь необходимыми поясненіями и ссылками, сдѣлаетъ мое сообщеніе вполне документальнымъ и всего лучше дастъ возможность возстановить еще въ большей полнотѣ, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ, свѣтлый, благородный и глубоко симпатичный образъ «перваго», «безцѣннаго» друга Пушкина, по собственному опредѣленію поэта.

У И. И. Пущина былъ, какъ извѣстно, братъ Михаилъ, замѣшанный также въ дѣло декабристовъ и пострадавшій, хотя и не какъ участникъ заговора, которому онъ не сочувствовалъ, а какъ знавшій о немъ и не донесшій. Онъ, бывъ тогда капитаномъ въ лейбъ-гвардіи Конно-піонерномъ эскадронѣ, былъ присужденъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ написанію въ солдаты до выслуги (по X разряду). Отправленный въ Сибирь, въ Красноярскій гарнизонный баталіонъ, онъ затѣмъ по случаю коронаціи, 22-го августа 1826 г., былъ переведенъ на Кавказъ, куда попалъ, впрочемъ, только въ концѣ года. Здѣсь онъ участвовалъ и выказалъ свои способности и храбрость въ войнахъ Персидской и Турецкой. Другой декабристъ, бывшій также послѣ ссылки на Кавказѣ, бар. А. Е. Розенъ, знавшій М. Пущина еще на учебныхъ скамьяхъ, свидѣтельствуетъ о немъ: «Онъ былъ нрава тихаго, спокойнаго, былъ исправнымъ офицеромъ, примѣрнымъ братомъ для сестеръ и братьевъ своихъ. Самоотверженіе и мужество его искали только случаевъ выказаться; такихъ случаевъ было очень много въ продолженіе турецкой войны 1828—1829 годовъ, когда подвиги его были истинно геройскіе»²⁾.

По выходѣ въ отставку М. И. Пущинъ съ успѣхомъ и пользою трудился и въ гражданской службѣ, а подѣ конецъ его жизни

¹⁾ А. И. Малиновскій, членъ Московской судебной палаты, человекъ высокихъ достоинствъ и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, скончался 6 апр. 1904 г. (род. въ 1838 г.), см. «Русскій Архивъ», 1904 г., № 5, стр. 168.

²⁾ «Русск. Старина», 1884 г., февраль, стр. 305—306.

императоръ Александръ II, узнавъ о его геройскихъ заслугахъ на Кавказѣ, отличилъ его орденомъ (Георгіемъ) и чинами и, произведя въ генералы, назначилъ комендантомъ крѣпости въ Бобруйскѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1869 г. М. И. былъ женатъ въ первомъ бракѣ (съ 1831—1834 г.) на С. П. Пальчиковой (сестрѣ лицеиста II выпуска), а въ второмъ—на Марьѣ Яковлевнѣ Подкозьвиной (съ 1838 г.).

Мы остановились на этомъ лицѣ потому, что оно оставило интересныя записки, до сихъ поръ еще цѣликомъ не обнародованныя. Упомянутымъ барономъ А. Е. Розеномъ была напечатана (въ «Русской Старинѣ» 1884 г.) лишь та часть «записокъ», которая описываетъ его службу на Кавказѣ.

Но особенный интересъ должна представлять та часть, которая повѣствуетъ о времени до перевода его на Кавказъ и о событіяхъ 14 декабря 1825 года. Объ этомъ мы можемъ судить по тѣмъ немногимъ выпискамъ, относящимся главнымъ образомъ къ И. И. Пущину, которыя сдѣлалъ для Я. К. Грота племянникъ автора А. И. Малиновскій, сопроводивъ ихъ своими поясненіями.

Эти свидѣтельства рисуютъ намъ между прочимъ семью и домашнюю обстановку Пущиныхъ, т.-е. тѣ вліянія, подъ которыми прошло дѣтство Ивана Ивановича.

«Изъ воспоминаній дѣтства болѣе всего вѣзались въ мою память,—говоритъ его братъ,—серіозность отца, помѣшательство матери, начальство старшихъ сестеръ, отсутствіе всякаго присмотра со стороны гувернеровъ, баловство старой любимой нами няни и при ней дружба съ горничными. Несмотря, однако же, на такую обстановку, научное наше воспитаніе шло довольно успѣшно»...

Итакъ дѣти Пущина росли безъ заботливаго попеченія матери ¹⁾, которая прожила въ помѣшателствѣ около 30 лѣтъ и только передъ самой кончиной своей, въ 1841 году, пришла въ сознаніе.

Отецъ ихъ, сенаторъ Иванъ Петровичъ Пущинъ (сынъ извѣстнаго екатерининскаго адмирала), былъ, повидимому, очень своеобразною и достойною личностью. Для характеристики его можетъ служить рассказъ его сына Михаила о поступленіи своемъ въ корпусъ, событіи, ему особенно памятномъ тѣмъ, что въ первый разъ ему случилось ѣхать одному съ отцомъ въ каретѣ и слышать его наставленія.

«Наставленія эти,—пишетъ онъ,—принесли мнѣ большую пользу и состояли въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: уважай и слушай начальниковъ и старшихъ, не входи ни въ какіе споры и драки съ товарищами, не передавай начальству на товарищѣй, старайся выучить твердо заданные тебѣ уроки и будь со всѣми привѣтливъ и внимателенъ, тогда тебя будутъ любить, и тебѣ будетъ легко жить

¹⁾ Александра Андреевна, урожд. Рябинина.

«Не разъ вспоминалъ я первые совѣты отцовскіе, совѣты, которыми старался слѣдовать, и не могъ этого не сдѣлать по впечатлѣнію, которое они на меня произвели»... потому именно, что это были первыя слова отца, адресованныя ко мнѣ, не какъ къ ребенку, а какъ къ отроку, начинающему самостоятельную жизнь.

Безъ сомнѣнія, благотворную силу этого отцовскаго вліянія испыталъ на себѣ и Иванъ Ивановичъ, въ 1811 году поступившій въ лицей и не замедлившій выказать уже тамъ свои симпатичныя черты, твердыя правила и благородный образъ мыслей.

Извѣстно, что И. И., поступивъ сперва въ военную службу, въ гвардію, вскорѣ бросилъ ее и промѣнялъ на гражданскую службу въ судебной должности, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ (надворнаго судьи). Извѣстны и побужденія его: онъ желалъ, по словамъ бар. М. А. Корфа, «облагородить и возвысить этотъ родъ службы, гдѣ съ благами намѣреніями можно дѣлать столько частнаго и общественнаго добра». «Объ этой службѣ дяди Ивана Ивановича,—сообщаетъ его племянникъ Малиновскій,—я живо помню рассказъ моего отца. Въ одинъ изъ проѣздовъ черезъ Москву отецъ мой видѣлъ своего друга и товарища по лицу разбирающимъ у Иверскихъ воротъ (вѣроятно, въ зданіи присутственныхъ губернскихъ мѣстъ) какой-то споръ торговкоу о моткѣ нитокъ и дивился терпѣнію, съ какимъ Иванъ Ивановичъ выслушивалъ ихъ словесное состязаніе».

«Полагаю, что этотъ рассказъ относится къ началу 1825 года, ибо тогда отецъ мой ¹⁾, получивъ отставку изъ Финляндскаго полка, по семейнымъ дѣламъ отправился въ с. Стратилатовку, Каменку тожъ, Изюмскаго уѣзда, куда прибылъ и началъ свою дѣятельность 10 мая 1825 года, а затѣмъ въ слѣдующій разъ проѣзжалъ Москву лишь послѣ полученія въ Каменкѣ извѣстія о заарестованіи зятя его, офицера того же Финляндскаго полка, барона А. Е. Розена» ²⁾.

Ко времени, непосредственно предшествовавшему заговору и событіямъ 14 декабря, и къ поѣздкѣ И. И. Пуцина въ Петербургъ относится нѣсколько отрывковъ изъ писемъ его къ брату и изъ записокъ послѣдняго.

Въ маѣ (30-го) 1825 г. И. И. послалъ брату Михаилу письмо съ ѣхавшимъ въ Петербургъ (съ Кавказа) извѣстнымъ Ал. Якубовичемъ (будущимъ декабристомъ), гдѣ писалъ: «Вотъ Якубовичъ, любезнѣйшій Михайло! прошу тебя съ нимъ познакомиться или узнать его короче, если съ нимъ прежде былъ знакомъ. Ты не узнаешь въ немъ прежняго шалуна—все это прошло. Грузинскій

¹⁾ То-есть товарищъ Пушкина и Пуцина, женатый съ 1834 года на сестрѣ послѣдняго, И. В. Малиновскій. Я. Г.

²⁾ Розенъ въ апрѣлѣ 1825 года женился на сестрѣ Малиновскаго, Аннѣ Васильевнѣ. К. Г.

воздухъ изгнать дурь изъ головы: онъ тамъ наблюдалъ, думалъ и учился. Впрочемъ опять не надобно искать въ немъ совершенства, какъ нѣкоторые полагаютъ въ Москвѣ. Я всегда съ удовольствіемъ съ нимъ видался; рассказы его были для меня занимательны, хотя я любилъ бы (sic), чтобы онъ не дѣлалъ столько восхищеній и не употреблялъ бы высокопарныхъ словъ, которыя напоминаютъ мнѣ Бѣлоусовича...

«Якубовича ты долженъ познакомить съ твоими товарищами, особенно съ Назимовымъ¹⁾ свести его. Лѣтомъ, признаюсь, неосно дѣйствовать въ Судѣ, гдѣ, впрочемъ, дѣла идутъ порядочно... Въ другомъ письмѣ отъ 26 іюля Иванъ Ивановичъ сообщалъ брату: «Я располагаю нынѣшній годъ мѣсяца на два поѣхать въ Петербургъ—кажется, можно сдѣлать эту дебошу послѣ безпрестанныхъ занятій цѣлый годъ. Теперь у меня чрезвычайно трудное дѣло на рукахъ. Вяземскій²⁾ знаетъ его—дѣло о смерти Времева³⁾. Тяжело и мудро судить, всячески стараюсь какъ можно скорѣе и умнѣе кончить, тогда буду спокойнѣе»...

Письмо заключается просьбой: «Пиши ко мнѣ: твои извѣстія гораздо интереснѣе моихъ—у меня иногда отъ дѣла голова такъ кружится, что я не знаю, чѣмъ начать и чѣмъ кончить!»...

Предположенная И. И. поѣздка въ Петербургъ не состоялась до декабря мѣсяца: это видно изъ того, что еще 9 ноября онъ писалъ брату по поводу намѣренія послѣдняго оставить службу въ Петербургѣ⁴⁾: «Въ началѣ декабря непремѣнно буду—въ письмѣ невозможно всего сказать: откровенно признаюсь тебѣ, что твое удаленіе изъ Петербурга для меня больше, чѣмъ когда нибудь, горестно». Прося его увѣдомить о подробностяхъ, онъ прибавляетъ: «Я долженъ буду соображаться съ твоими дѣйствіями и увидѣть, что необходимость заставитьъ предпринять».

Но судьба ускорила свиданіе братьевъ. Неожиданная кончина императора Александра 19-го ноября и наступившее междуцарствіе побудили Ивана Ивановича поспѣшить въ Петербургъ.

«Во время междуцарствія,—пишетъ Михаилъ Ивановичъ въ своихъ запискахъ,—неожиданно⁵⁾ пріѣхалъ изъ Москвы братъ Иванъ Ивановичъ. Еще прежде его пріѣзда сестра Анна Ива-

¹⁾ Сослуживецъ М. И. Пуцина по лейбъ-гвардіи Конно-пионерному эскадрону (декабристъ, осужденный по 8-му разряду). К. Г.

²⁾ То-есть кн. П. А. Вяземскій. К. Г.

³⁾ По предположенію Малиновскаго, дѣло касалось, вѣроятно, присужденія наследникамъ капитала лица, умершаго безъ завѣщанія и распоряженія. К. Г.

⁴⁾ М. И. Пуцинъ усиленно просился о переводѣ въ одинъ изъ старыхъ кавалерійскихъ полковъ, расположенныхъ на югѣ Россіи, ради поправленія здоровья, и великій князь Николай Павловичъ предложилъ ему переводъ въ Свверскій конно-егерскій полкъ, котораго былъ шефомъ, и написалъ о томъ командиру его Лепарскому.

⁵⁾ Его, какъ мы видѣли, ждали только въ декабрѣ.

К. Г.

новна ¹⁾, не получавшая долго отъ него писемъ, сказала мнѣ однажды: можетъ быть, тебѣ придется съѣздить въ Москву, если скоро не получимъ письма отъ Ивана; я за него очень боюсь: чтобъ онъ не замѣшался въ какую нибудь политическую исторію. Сейчасъ по пріѣздѣ братъ сталъ говорить, что если назначена будетъ новая присяга ²⁾, то присягать не слѣдуетъ, что нельзя позволять такъ легко обращаться съ чужою совѣстью, особенно необразованнаго народа. Однажды онъ мнѣ сказалъ: побывай у Рылѣва: тебѣ будетъ яснѣе нынѣшнее наше положеніе»... Мы увидимъ ниже, что И. И. послѣ того, узнавъ объ истинномъ положеніи дѣла заговора и о малыхъ «шансахъ» успѣха, пережѣнилъ образъ дѣйствія относительно брата и всячески старался его отстранить.

М. И., однако, послѣдовалъ первому совѣту. Вотъ что онъ рассказываетъ объ этомъ: «Изъ любопытства на другой день утромъ я пошелъ къ Рылѣву, который мнѣ тогда сказалъ, что многие рѣшились не принимать новой присяги, что большая часть войска готова взяться за оружіе и защищать народную совѣсть, что Корниловичъ съ юга, а Якубовичъ съ Кавказа привезли извѣстіе о самомъ лучшемъ настроеніи войскъ,—тогда нѣсколько прояснился для меня намекъ сестры, слова брата стали понятнѣе, и я уже не сомнѣвался въ существованіи заговора, который еще составлялся, и въ который набираются соучастники»...

Когда 13-го декабря М. И. Пущинъ узналъ о предстоящемъ на слѣдующій день восшествіи на престолъ великаго князя Николая Павловича и принесеніи присяги, онъ убѣдился въ вѣрности ходившихъ слуховъ объ отреченіи Константина и, «вспомнивъ слова брата, Рылѣва и другихъ... пошелъ отыскивать брата къ Рылѣву»... «Навѣрно думалъ я,—говоритъ онъ,—застать у него брата и посоветовать ему принять новую присягу и отстать отъ намѣренія сопротивляться власти... Но брата тамъ не было»... Подробностей объ этомъ посѣщеніи вечеромъ 13-го декабря Рылѣва мы не знаемъ, но, по словамъ сообщившаго эти выписки А. И. Малиновскаго, «все время, проведенное здѣсь М. И., было употреблено на то, чтобы отговорить, за отсутствіемъ Ивана Ивановича, другихъ, главныхъ участниковъ заговора, и М. И. вышелъ отъ Рылѣва въ томъ предположеніи, что ему удалось, по крайней мѣрѣ, посѣять нерѣшительность въ диктаторѣ К. Трубецкомъ, которая произведетъ свое хорошее дѣйствіе, и что возстаніе будетъ по меньшей мѣрѣ отложено на неопредѣленное время»... Этотъ образъ дѣйствія М. И. вполне согласуется съ убѣжденіями его и полнымъ несочувствіемъ заговору, а потому страннымъ является упрекъ, который ему будто бы послѣ дѣлалъ Рылѣвъ...

¹⁾ Одна изъ старшихъ сестеръ, не бывшая замужемъ († 1867 г.).

²⁾ То-есть Николаю Павловичу.

Вся эта исторія и боязнь за брата такъ повліяли на М. И., что онъ заболѣлъ¹⁾ и слегъ въ постель и со страхомъ ждалъ извѣстій съ мѣста дѣйствія. Онъ жилъ тогда въ казармахъ у Измайловскаго моста, въ такъ называемомъ Гарновскомъ домѣ, гдѣ помѣщалась и командуемая имъ часть. Иванъ Ивановичъ жилъ не у него, очевидно, а, вѣроятно, въ домѣ отца, на Большой Конюшенной.

«Первое извѣстіе,—продолжаетъ свой рассказъ М. И.,—было отъ солдатъ, которые привезли убитаго любимаго мною унтеръ-офицера и солдата, который смотрѣлъ за моими лошадьми; второе—самъ Рылѣвъ, который пріѣхалъ мнѣ объявить, что все потеряно оттого, что я и многіе не исполнили принятыхъ на себя обязательствъ; братъ Иванъ Ивановичъ также пріѣзжалъ ко мнѣ и выговаривалъ мнѣ, зачѣмъ я былъ у Рылѣва, что онъ съ умысломъ все отъ меня скрывалъ и не завербовалъ меня въ общество, чтобы я оставался для родныхъ, когда онъ самъ погибнетъ; онъ зналъ навѣрно, что пропадетъ, потому что никакой вѣры не имѣлъ въ организацію общества, но отъ товарищей отстать не хотѣлъ. Показалъ мнѣ картечныя дыры въ своей шубѣ и сказалъ, что, когда всѣ начальствующіе въ каррѣ разошлись, ему пришлось принять начальство и распорядиться; послѣднее распоряженіе было: *save qui peut*. Но онъ все-таки надѣялся, что меня не возьмутъ къ отвѣту, а если и возьмутъ, то, вѣроятно, отпустятъ, потому что не будетъ, въ чемъ меня обвинить».

Пока Ив. Ив. не былъ еще взятъ, братъ его, на случай допроса, рѣшилъ было молчать, ибо безъ упоминанія брата исповѣдь его не имѣла бы смысла. Но затѣмъ, когда онъ былъ привлеченъ, ему пришлось измѣнить рѣшеніе. «Адлербергъ предложилъ мнѣ вопросы, на которые я отвѣчалъ съ полной откровенностью, потому что, когда еще сидѣлъ на гауптвахтѣ, видѣлъ, какъ привезли моего брата Ивана со связанными руками въ сопровожденіи фельдъегеря и двухъ жандармовъ верхомъ съ обнаженными саблями».

Послѣ суда и объявленія приговора, которымъ Иванъ Ивановичъ былъ присужденъ по I разряду—къ каторгѣ на 20 лѣтъ и пожизненной ссылкѣ въ Сибири, а Михаилъ Ивановичъ—по X разряду къ лишенію чиновъ и дворянства и разжалованію въ солдаты до выслуги, братья еще видѣлись раза два.

«Въ ночь по объявленіи приговора, послѣ 12 часовъ, насъ всѣхъ,—рассказываетъ М. И.,—собрали на крѣпостномъ дворѣ, противъ собора Петропавловскаго: тутъ мы первый разъ другъ друга увидѣли; тогда отъ брата узналъ я, что онъ сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, и что теперь его противъ меня посадили на Кронверкскую куртину; чья это была любезность?»... «Исполненіе

¹⁾ М. И. «страдалъ сильнѣйшими геморроидальными припадками, которые едва не доводили его до меланхоліи».

приговора состоялось 13 июля 1826 года». «На нашемъ сборищѣ, — продолжаетъ М. И., — недоставало пятерыхъ, и мы поняли, что ихъ участь будетъ не та, что наша».

«Можно себѣ представить, какъ радостно было наше общее свиданіе; всѣ въ этотъ часъ какъ бы забыли свое неотрадное положеніе и наслаждались встрѣчею съ друзьями. Насъ окружалъ конвой Павловскаго гвардейскаго полка. Часа два или болѣе продолжались наши свободные разговоры. Бенкендорфъ слѣдилъ за нами, но предоставилъ намъ полную свободу на крѣпостномъ дворѣ; изъ выраженія его лица видно было его къ намъ состраданіе. Начинало разсвѣтать, было около 3-хъ часовъ утра, насъ попросили собраться по гвардейскимъ дивизіямъ, а разпочинцамъ и армейскимъ вмѣстѣ; въ этомъ порядкѣ повели насъ на Кронверкскій гласисъ, гдѣ нынѣ устроенъ Александровскій паркъ. Тамъ были выстроены войска... Остановили насъ противъ своихъ дивизій; я вмѣстѣ съ служившими въ 1-й гвардейской дивизіи остановленъ былъ противъ этой дивизіи, гдѣ начальствовалъ генералъ Головинъ; онъ же былъ исполнителемъ экзекуціи; подлѣ него стояли два фурлейта, и въ кучкѣ лежали какія-то шпаги, вѣроятно, театральныя. Головинъ велѣлъ намъ повернуться и указалъ на пять приговоренныхъ висѣлицъ»... Тутъ слѣдовали подробности исполненія приговора, при чемъ Иванъ Ивановичъ, какъ разночинецъ, очевидно стоялъ далеко отъ брата... Михаилъ Ивановичъ былъ увезенъ вскорѣ послѣ того (24-го июля)... «Въ ночь пришли за мной, чтобъ отправляться съ фельдъегеремъ въ дальній, мнѣ неизвѣстный путь; проходя мимо каземата брата Ивана, по вниманію къ намъ сторожа, я могъ въ отворенной двери его каземата съ нимъ проститься»...

М. И., какъ мы уже видѣли, былъ отправленъ въ Красноярскъ, откуда въ концѣ 1826 года переведенъ на Кавказъ.

И. И. послѣ приговора сидѣлъ еще довольно долго въ Шлиссельбургской крѣпости и лишь въ 1827 году отправленъ въ Сибирь и прибылъ въ Читу 5-го января 1828 года, гдѣ и соединился съ прибывшими ранѣе его товарищами. Такимъ образомъ съ братомъ въ Сибири онъ не могъ встрѣтиться.

Можно представить себѣ, какъ участь И. И. Пуцина поразила и опечалила всѣхъ его близкихъ и друзей (не говоря уже о родныхъ). Онъ вездѣ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ, умѣлъ внушить къ себѣ и любовь и уваженіе. Любопытно, что нѣсколько лѣтъ послѣ того, когда М. И. былъ проѣздомъ въ Москвѣ, видѣться съ нимъ выразилъ желаніе московскій военный генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ. «Шульгинъ (Д. И., московскій оберъ-полицеймейстеръ), — рассказываетъ М. И., — заѣхалъ за мной и повезъ меня къ Голицыну, который принялъ дружески, зная хорошо брата Ив. Ив., упрекалъ себя за то, что по слабости своей отпустилъ

его передъ 14-мъ декабря въ Петербургъ; ему очень не хотѣлось этого дѣлать, но настояніе брата было такъ сильно, что онъ уступилъ, а между тѣмъ, если бъ онъ его не отпустилъ, то братъ не былъ бы въ Сибири. Я успокаивалъ князя тѣмъ, что братъ не спасся бы, оставаясь въ Москвѣ, что многіе товарищи его, не бывшіе въ Петербургѣ, понесли одинаковую съ нимъ участь, что онъ съ твердостью переноситъ свою судьбу и, кажется, не хотѣлъ бы менѣе своихъ товарищей нести наказаніе».

И. И. Пущинъ пробылъ въ каторжныхъ работахъ въ Читѣ и на Петровскомъ заводѣ около 12 лѣтъ, до 1839 года, когда былъ водворенъ на поселеніе сперва въ Туринскѣ, а въ 1843 году былъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ мѣстныхъ климатическихъ условій, по собственному ходатайству, переведенъ въ Ялуторовскъ, гдѣ и пробылъ до возвращенія въ Россію въ 1856 году послѣ безъ малаго 30-лѣтняго пребыванія въ Сибири.

За весь этотъ долгій періодъ заточенія, тяжелыхъ душевныхъ страданій и всяческихъ лишеній—единственной отрадой И. И., какъ и всѣхъ декабристовъ, кромѣ общенія съ товарищами, раздѣлявшими горькую долю, была переписка съ близкими и друзьями, которая при всѣхъ строгихъ своихъ условіяхъ все же не давала порваться спасительнымъ для духа связямъ съ роднымъ кровомъ, родиной, обществомъ и счастливымъ прошлымъ, и такимъ образомъ поддерживала въ осужденныхъ бодрость духа, привязанности и надежду на счастливую перемѣну въ судьбѣ.

Обрывки этой переписки И. И. Пущина, до насъ дошедшіе, рядомъ съ немногими скудными сообщеніями о немъ, какъ въ официальныхъ источникахъ, такъ и въ запискахъ и письмахъ его товарищей-декабристовъ¹⁾, являются и единственными свидѣтельствами о жизни Пущина въ каторгѣ и на поселеніи, которыми когда нибудь воспользуется его біографъ. Наша задача къ уже извѣстному прибавить нѣсколько новыхъ матеріаловъ.

Донинѣ напечатано, сколько намъ извѣстно, лишь нѣсколько писемъ Пущина къ Энгельгардту—изъ Ялуторовска, послѣдняго этапа его ссыльной жизни, отъ 1845 года²⁾. Писемъ его изъ прошлыхъ лѣтъ, съ каторги и изъ Туринска, кажется, еще не по-

¹⁾ См. сводъ официальныхъ извѣстій въ соч. А. И. Дмитриева-Мамонова: «Декабристы въ Западной Сибири», въ «Чтеніяхъ въ Импер. обществѣ ист. и древн. росс.», 1896 г., кн. IV (175), М., стр. 168—170. Упомянутія объ И. И. Пущинѣ встрѣчаются въ запискахъ декабриста барона А. Е. Розена, въ запискахъ В. И. Штейнгеля («Истор. Вѣстн.», 1900 г., июнь), въ письмахъ И. Н. Горбачевского (декабриста и автора записокъ) кн. Е. П. Оболенскому («Русск. Старина», 1903 г., сент., стр. 710 и др., окт., стр. 221), въ «Запискахъ кн. М. Н. Волконской», Спб., 1904, стр. 74 etc., въ запискахъ декабриста Н. А. Бесугужева, «Ист. Вѣстн.», авг., 1904 г. и проч.

²⁾ Они напечатаны моимъ отцомъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г. и перепечатаны въ 2-мъ изд. его книжки о Пушкинѣ: Спб., 1899, стр. 177 и сл.

являлось. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ, относящихся къ разному времени.

Всего любопытнѣе и характернѣе уже выше упомянутый отрывокъ изъ письма И. И. къ сестрамъ своимъ еще съ дороги, въ декабрѣ 1827 года, изъ Иркутска, сохранившійся въ копіи руки Е. А. Энгельгардта.

«13-го декабря (1827 года). Пишу роковое число и, невольно забывая все окружающее меня, переносусь къ вамъ, милымъ сердцу моему. Много успѣлъ со времени разлуки нашей передумать объ этихъ дняхъ, вижу безпристрастно все прошедшее, чувствую въ глубинѣ сердца многое дурное, худое, которое не могу себѣ простить, но какая-то необыкновенная сила покорила, увлекла меня и заглушала обыкновенную мою разсудительность, такъ что едва ли какое нибудь сомнѣніе—весьма естественно—приходило на мысль и отклоняло отъ участія въ дѣйствіи, которое даже я не взялъ на себя труда совершенно узнать, не только по важности его обдумать. Ни себя оправдывать этимъ, ни другихъ обвинять я не намѣренъ, но хочу замѣтить, что о пагубномъ 14-мъ декабря не должно рѣшительно судить по тому, что напечатано было для публики. Будетъ время когда нибудь, что нѣсколько прояснится это дѣло для многихъ, которые его видятъ теперь, можетъ быть, съ другой точки. Я скажу вамъ только, что, вникая въ глубину души и сердца, я прошу Бога просвѣтить меня и указать мнѣ истину. Егоръ Антоновичъ¹⁾ принимаетъ только: хорошо и худо; поэтому я обвиняю себя безусловно; то, что мы сдѣлали, предъ закономъ—худо, мы—преступники, и постигшая насъ гибель справедлива. Но, признавая пагубныя послѣдствія нашихъ необдуманныхъ начинаній, я не могу не надѣяться на того Судію, который судить не потому, что дѣлаютъ слабые, слѣпые смертные, а по тому, что хотятъ они дѣлать. Онъ намъ Судія! Онъ, поддержавшій меня понинѣ, дастъ мнѣ силу перенести участь, которая въ отдаленности кажется ужаснѣе, нежели вблизи и на самомъ дѣлѣ. Меня здѣсь мучить только ваше обо мнѣ горе—меня мучитъ слеза въ глазахъ моего ангела-хранителя²⁾, который въ ужаснѣйшую минуту моей жизни, забывая о себѣ, думалъ еще спасти меня. Простите, Егоръ Антоновичъ! Простите, родные, всѣ, то горькое горе, которое я навлекъ на васъ. Не осудите только прежде свиданія со мною, не здѣсь, такъ тамъ. Да, я буду съ вами тамъ, я буду съ вами, родные, безвинные на семъ мірѣ; я буду съ вами, Егоръ Антоновичъ, и вы меня примите опять, нѣтъ, не опять,—вы меня никогда изъ сердецъ вашихъ не отдалили; я въ нихъ: нашу связь, нашу любовь, нашу дружбу—ни приговоры свѣтскихъ

¹⁾ Т.-е. Энгельгардтъ, котораго такъ уважалъ Пущинъ. К. Г.

²⁾ Т.-е. все того же Е. А. Энгельгардта.

судилищъ, ни 7.000 верстъ, ничто не расторгнетъ; эта связь простирается и за нынѣшнюю мою могилу въ Читѣ и за послѣднюю могилу, которая меня отсюда освободитъ. Прощайте, родные, прощайте, Егоръ Антоновичъ. Простите, простите!»...

На другой день по написаніи этихъ строкъ Иванъ Ивановичъ обратился къ самому Е. А. съ слѣдующимъ письмомъ:

«Вотъ два года, любезнѣйшій и почтенный другъ Егоръ Антоновичъ, что я въ послѣдній разъ видѣлъ васъ, и, увы! можетъ быть, въ послѣдній разъ имѣю случай сказать вамъ нѣсколько строкъ (sic) изъ здѣшняго тюремнаго замка, гдѣ мы уже болѣе двадцати дней существуемъ. Трудно и почти невозможно (по крайней мѣрѣ, я не берусь) дать вамъ отчетъ на семь листкѣ во всемъ томъ, что произошло со мной со времени нашей разлуки,— о 14-мъ числѣ надобно бы много говорить, но теперь ни мѣсто, ни время, и потому я хочу только, чтобъ дошелъ до васъ листокъ, который вѣрно вы увидите съ удовольствіемъ; онъ скажетъ вамъ, какъ я признателенъ вамъ за участіе, которое вы оказывали бѣднымъ сестрамъ моимъ послѣ моего несчастія,—всякая вѣсть о посѣщеніяхъ вашихъ къ намъ была мнѣ въ заключеніи истиннымъ утѣшеніемъ и новымъ доказательствомъ дружбы вашей, въ которой я впрочемъ столько же увѣренъ, сколько въ собственной нескончаемой привязанности моей къ вамъ»... Выказавъ убѣжденіе въ неразрушимости этой связи ии временемъ, ни разстояніемъ, признательность за утѣшительныя строки и сожалѣніе, что не удалось обнять другъ друга послѣ приговора, И. И. продолжаетъ: «Я часто вспоминаю слова ваши, что не трудно жить, когда хорошо, а надобно быть довольнымъ, когда плохо. Благодаря Бога, я во всѣхъ положеніяхъ довольно спокоенъ и очень здоровъ,—что Богъ дастъ впередъ при новомъ нашемъ образѣ жизни въ Читинской, что до сихъ поръ отъ насъ подъ большимъ секретомъ, и потому я заключаю, что должно быть одно изъ двухъ: или очень хорошо или очень дурно.

«Тяжело мнѣ быть безъ извѣстій о семьѣ и о васъ всѣхъ—одно сердце можетъ понять, чего ему это стоитъ; тамъ я найду людей, съ которыми я также душою связанъ,—буду искать разсѣянія въ физическихъ занятіяхъ, если въ нихъ будетъ какая нибудь цѣль; кромѣ этого, буду читать сколько возможно въ комнатѣ, гдѣ живутъ, какъ говорятъ, тридцать человѣкъ... Если эти строки дойдутъ до васъ, то я надѣюсь, что вы, если только возможно, напишете мнѣ нѣсколько словъ. Если родные имѣютъ право писать къ намъ, то и вамъ правительство не откажетъ въ прибавкѣ нѣсколькихъ словъ: для меня это будетъ благодѣяніе. Гдѣ и что съ нашими добрыми товарищами? Я слышалъ только о Суворочкѣ¹⁾,

¹⁾ Это было прозвище лиценста I-го курса, всѣми любимаго товарища, В. Д. Вальховскаго. К. Г.

что онъ воюеть съ персіанами; не знаю, правда ли это,—да сохранить его Богъ и васъ; доброй моей Марьѣ Яковлевнѣ¹⁾ цѣлую ручку. Отъ души васъ обнимаю и желаю всевозможнаго счастья всему вашему семейству и добрымъ товарищамъ. Авось когданибудь узнаю чтонибудь о дорогихъ мнѣ.

«Вашъ вѣрный J. P.».

Черезъ 2 года слишкомъ Пуцинъ писалъ изъ Читы 14-го марта 1830 года тому же Энгельгардту:

«На-дняхъ получилъ доброе письмо ваше отъ 8-го генваря, почтенный, дорогой мой другъ Егоръ Антоновичъ. Оно истинно меня утѣшило и какъ будто перенесло къ вамъ, гдѣ я бывалъ такъ счастливъ... О себѣ я ничего особеннаго не имѣю вамъ сказать, могу только смѣло васъ увѣрить, что каково бы ни было мое положеніе, я буду умѣть его твердо переносить и всегда найду въ себѣ такія утѣшенія, которыхъ никакая человѣческая сила не въ состояніи меня лишитъ. Я много уже перенесъ, и еще больше предстоитъ въ будущемъ, если Богу угодно будетъ продлить надрѣзанную мою жизнь; но все это я ожидаю, какъ должно человѣку, понимающему причину вещей и непремѣнную ихъ связь съ тѣмъ, что рано или поздно должно восторжествовать, несмотря на усилія людей глухихъ къ наставленіямъ вѣка. Желалъ бы только, чтобъ всѣ принимающіе въ судьбѣ моей участіе не слишкомъ горевали обо мнѣ: ихъ спокойствіе меня бы еще болѣе подкрѣпило.

«Не откажите мнѣ, почтенный другъ, въ возможности чѣмънибудь отсюда вамъ быть полезнымъ въ разстроенныхъ вашихъ обстоятельствахъ. Зная ваши правила, я понимаю, какъ вамъ тягостно не предвидѣть близкаго окончанія вашихъ дѣлъ. Пришлите мнѣ какоенибудь сочиненіе на французскомъ языкѣ, съ котораго переводъ могъ бы быть напечатанъ на русскомъ и съ выгодою проданъ, — я найду средства скоро и по возможности хорошо его перевести и способъ его къ вамъ доставить. Вы этимъ мнѣ доставите величайшее утѣшеніе. У насъ здѣсь много книгъ прекрасныхъ, но я не знаю, что можетъ лучше разойтись. *Vous êtes sur les lieux, vous devez le savoir bien mieux que moi.* Можетъ быть, это мечта, но мечта для меня утѣшительная, сладостная. Объясненій между нами не нужно. Я пойму, если вы пришлете мнѣ какуюнибудь книгу и скажете въ письмѣ, что она вамъ нравится, — тогда я прямо за перо съ нѣкоторыми добрыми друзьями, и спечемъ, какъ пирогъ. Но, увы! когда еще этотъ листокъ до васъ долетитъ, и когда получу отвѣтъ! Милліонъ верстъ! Человѣкъ—странное существо: мнѣ бы хотѣлось еще отъ васъ получить, или, лучше ска-

¹⁾ Жена Е. А. Энгельгардта.

зять, получать письма,—это первое совершенно меня опять взволновало. Скажите что нѣбудь о нашихъ чугуникахъ ¹⁾,—объ иныхъ я кое-что знаю изъ газетъ и по письмамъ сестеръ, но этого мало какъ-то. Вообразите, что отъ Мясоедова ²⁾ получилъ годъ тому назадъ письмо—признаюсь, никогда не ожидалъ, но, тѣмъ не менѣе, былъ очень радъ.

«Шепните мой дружескій поклонъ тѣмъ, кто не боится услышать голоса знакомаго изъ-за Байкала. Надѣюсь, что есть еще близкія сердца. Но Бога ради, чтобъ никто не зналъ изъ неосторожныхъ, что я кой-какъ къ вамъ постучался въ дверь и на минуту перенесся въ кругъ доброй семьи, которую вѣчно буду любить. Маленькой Annette ³⁾ миллионъ поцѣлуевъ отъ дяди Шу... Еще послѣдняя просьба: не откажите мнѣ—помогать совѣтами добрымъ моимъ сестрамъ, если онѣ будутъ имѣть въ нихъ нужду при могущей скоро случиться переменѣ въ ихъ семейныхъ дѣлахъ. Хотя при жизни отца они и не въ большомъ порядкѣ, но я съ ужасомъ думаю, что будетъ, если онъ скончается. Богъ всемъ поможетъ. Прощайте. Будьте счастливы, сколько вамъ желаетъ искренній другъ вашъ».

Въ томъ же 1830-мъ году, когда было писано это письмо, И. И. Пущинъ вмѣстѣ съ другими былъ переведенъ въ Петровскій заводъ. Объ этомъ заводѣ и помѣщеніи въ немъ декабристовъ и въ частности И. И. имѣется интересное сообщеніе въ письмѣ къ роднымъ жены декабриста барона Розена, Анны Васильевны, рожденной Малиновской, будущей (съ 1834 г.) belle-soeur И. И. Пущина, на сестрѣ котораго Марья Ивановна женился ея братъ и товарищъ И-на И-вича, Иванъ Васильевичъ Малиновскій ⁴⁾.

Давая описаніе Петровской тюрьмы Аннѣ Ивановнѣ Пущиной, по порученію ея брата, г-жа Розенъ сообщаетъ между прочимъ: «Тотъ домъ, гдѣ братецъ вашъ и мы живемъ, особенно тѣменъ, потому что солнечный лучъ никогда къ намъ не доходитъ, и слѣдовательно окна въ коридоръ очень сильно замерзаютъ при большихъ морозахъ. Иванъ Ивановичъ занимаетъ въ третьемъ отдѣленіи 14-й номеръ, а мы во второмъ — 11-й. Иванъ Ивановичъ

¹⁾ Такъ звали другъ друга воспитанники 1-го выпуска лицей, которымъ Е. А. Энгельгардтъ роздалъ чугуныя кольца въ знакъ прочности лицейскаго союза. К. Г.

²⁾ П. Н. Мясоедовъ, лицеистъ 1-го выпуска, извѣстный особенно изъ сатирическихъ статей и иллюстрацій въ лицейскихъ журналахъ. К. Г.

³⁾ Ленцъ, приемышъ и воспитанница Е. А. К. Г.

⁴⁾ Баронъ А. Е. Розенъ женился на Малиновской, сестрѣ своего полкового товарища, въ началѣ 1826 года. Жена Розена догнала своего мужа въ Сибири уже по пути его въ Петровскій заводъ (см. объ этомъ записки бар. Розена, а также кн. М. Н. Волковской). 23-го февраля 1834 года, въ одинъ день съ И. В. Малиновскимъ, женившимся на М. И. Пущиной,—женился на другой сестрѣ Малиновскаго, Марья Васильевнѣ, лицейскій товарищъ Пущина, В. Д. Вальховскій.

очень спокойно и удобно убралъ свою комнату. Въ ней играетъ свою роль коверъ, который наконецъ прибылъ сюда нѣсколько дней тому назадъ съ многими вещами. Столъ, на которомъ онъ занимается, украшенъ рукодѣльемъ добрыхъ его сестрицъ. Тутъ особенно отличается, добрая, несравненная Annette, чудесная ваша габачница, шитая бисеромъ. Иванъ Ивановичъ въ восхищеніи отъ нея и не наглядится... Затѣмъ идутъ свѣдѣнія о пріятелѣ барона Розена и Пуцина, князь Евг. Оболенскомъ, и о Елизаветѣ Петровнѣ Нарышкиной (рожденной графинѣ Коновницыной, женѣ декабриста М. М. Нарышкина): «сама она вамъ не пишетъ потому что теперь вы получаете черезъ меня извѣстія о братѣ, и сверхъ того она думаетъ, что вы не совѣмъ были довольны ею, когда она исполняла должность секретаря при Иванѣ Ивановичѣ. Впрочемъ придетъ время, когда она опять будетъ писать—черезъ годъ и восемь съ половиною мѣсяцевъ мы поѣдемъ на поселеніе... Иванъ Ивановичъ здоровъ, бодръ и веселъ. Васъ всѣхъ братски обнимаетъ, у батюшки и матушки цѣлуетъ руки. Радъ отъ васъ слышать, что братъ Михаилъ Ивановичъ умѣлъ сохранить твердость духа послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ бѣдствій. Всѣмъ помнящимъ его посылаетъ дружескій поклонъ, особенно единственному челювѣку—Суворочкѣ».

Кромѣ Нарышкиной и баронессы Розенъ, секретарями Пуцина изъ Петровской тюрьмы были и другія жены декабристовъ, на примѣръ, М. Юшневская, княгиня Е. И. Трубецкая и княгиня М. Н. Волконская. Когда въ 1834 году И. В. Малиновскій женился на сестрѣ Пуцина, то естественно переписка между послѣднимъ и его товарищемъ юности оживилась. И. И. писалъ довольно часто и сестрѣ и зятю, но не забывалъ и другихъ старыхъ друзей, особенно Е. А. Энгельгардта.

Въ письмахъ къ нему и къ Малиновскому лицейскія воспоминанія должны были занимать видное мѣсто. Вотъ, на примѣръ, что писалъ И. И. своему зятю (рукою Юшневской) 20-го іюня 1838 года: «Въ день воспоминаній лицейскихъ я получилъ письмо твое отъ 8-го апрѣля, любезный другъ Малиновскій. Ты вѣрно не забылъ 9-е іюня и, глядя на чугунное кольцо, которому минуло 21 годъ, мысленно соединился со всѣми товарищами, друзьями нашей юности. Теперь мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ повторить слова Дельвига ¹⁾, который тогда намъ провѣщалъ: «Судьба на вѣчную разлуку, быть можетъ, породнила насъ». Увѣренность въ дружбѣ неизмѣнной смягчаетъ горечь непреложнаго исполненія этого пророчества. Мы разны и между тѣмъ вмѣстѣ; взаимность чувствъ не знаетъ разлуки. Побесѣдовалъ я мысленно съ прежними однокашниками, почтилъ благодарностью тѣхъ, которые

¹⁾ Изъ пѣсни «Шесть лѣтъ», о которой выше,

К. Г.

попеченіями услаждали первые годы нашей жизни, и въ душѣ по желалъ вамъ и имъ всѣхъ радостныхъ ощущеній. Съ грустью посѣтилъ, гдѣ покоится прахъ людей, намъ близкихъ и невозвратимыхъ. Ты меня извинишь, любезный другъ, что я, можетъ быть, невольнымъ образомъ передаю тебѣ мрачность моихъ мыслей. Самыя пріятныя впечатлѣнія въ воспоминаніи имѣютъ этотъ отпечатокъ. И кто жъ меня пойметъ, если не ты, добрый Иванъ? Прошу тебя на досугѣ поговорить мнѣ побольше и поподробнѣе о нашихъ чугуникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ для меня совершенно исчезли, а все хочется знать. Года два тому назадъ почтенный Егоръ Антоновичъ писалъ мнѣ обо всѣхъ по алфавитному списку, съ тѣхъ поръ уже много перемѣнъ. Изрѣдка утѣшаетъ меня старый нашъ директоръ необыкновенно милыми письмами. Отъ искренняго сердца ему спасибо. Хлопоты домашнія и занятія не мѣшаютъ ему радовать меня; надобно быть здѣсь, чтобы вполне оцѣнить дружеское вниманіе, за которое истинно не умѣю быть довольно благодарнымъ»...

Въ письмѣ Пущина къ тому же лицу отъ 2-го марта 1839 года, писанномъ рукою той же М. Юшневской еще изъ Петровскаго завода, мы находимъ строки на ту же тему: «Спасибо тебѣ, другъ Иванъ, за отчетъ обо всѣхъ, съ кѣмъ ты дорѣдой повидался, и за сердечный отзывъ о всей нашей семьѣ. Во всемъ узнаю тебя и радуюсь, что мы послѣ столькихъ лѣтъ разлуки другъ друга понимаемъ, какъ будто не разставались. Это меня утѣшаетъ за насъ обоихъ. Въ одномъ только я не совсѣмъ доволенъ тобою—ты не сказалъ мнѣ подробно обо всѣхъ нашихъ лицейскихъ, или мнѣ это такъ кажется, потому что хотѣлось бы узнать многое, все. Ошибку эту ты можешь поправить, если ее признаешь. На досугѣ возьми за твое орлиное перо, вспоминай и пиши свои іероглифы, которыхъ я не оставлю, пока не разберу со всѣми ихъ тайнами. Объясни мнѣ женитьбу Яковлева и жите Фрица ¹⁾, вообще не полѣнись сказать больше, чтобы избѣгнуть вопросовъ, на которые между нами долго ждать отвѣтовъ. Вѣрно ты познакомился у Егора Антоновича съ новыми родными сына его Владимира» ²⁾...

Въ письмѣ отъ 19-го мая того же года Пущинъ радуется извѣстію объ отставкѣ и поселеніи въ деревнѣ съ «намѣреніями хозяйственными» В. Д. Вальховскаго и о разрѣшеніи барону Розену жить близъ Ревеля. Розенъ съ женой, отбывъ свою ссылку въ Сибири и на Кавказѣ, уже возвращались въ Россію и собирались навѣстить Малиновскихъ. Между тѣмъ приближались конечный срокъ каторги и переѣздъ самого И. И. Пущина изъ Петропавловской тюрьмы на

¹⁾ А. И. Малиновскій, сообщившій эту выдержку, замѣчаетъ: «кто это можетъ быть изъ лицейскихъ товарищей,—мнѣ неизвѣстно: не Стевенъ ли Фёдоръ Христіановичъ?»...

К. Г.

²⁾ Женатаго на С. В. Новосильцевой.

К. Г.

поселеніе, совершившійся осенью 1839 года. Съ радостнымъ чувствомъ облегченія ожидалъ онъ этого момента. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ роднымъ онъ писалъ: «черезъ два мѣсяца буду самъ передавать вамъ мои мысли... Это первая пріятная минута новаго ожидающаго меня положенія. Будьте снисходительны ко всему вздору, который я вамъ буду говорить послѣ принужденнаго 3-хъ (13?)-лѣтняго молчанія».

Какъ извѣстно, Пущинъ поселился въ Туринскѣ. О своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ тамъ онъ писалъ Малиновскому (27-го октября 1839 г.): «Сюда я пріѣхалъ десять дней тому назадъ; все это время прошло въ скучныхъ заботахъ о квартирѣ и т. д. Отъ хлопотъ этихъ отдыхаю въ кругу здѣшнихъ моихъ товарищей: ихъ трое—Ивашевъ, Анненковъ и Басаргинъ; двое первыхъ давно женаты, а третій незадолго до моего пріѣзда здѣсь женился. Я очень радъ, что, разставшись недавно съ большой моей сибирской семьей, нашелъ въ уединеніи своемъ кого нибудь изъ нашихъ. Въ нихъ для меня заключается все общество: можно размѣняться мыслию и чувствомъ. Вѣрите ли, что разставанія съ друзьями, болѣе или менѣе близкими, до сихъ поръ наполняютъ мое сердце и какъ-то дѣлаютъ неспособнымъ настоящимъ образомъ заняться. Новый городокъ мой не представляетъ ничего особенно занимательнаго: я думалъ найти болѣе удобствъ жизни, нежели на самомъ дѣлѣ оказалось. До сихъ поръ еще не основался на зиму — хожу, смотрю, и вездѣ не то, чего бы хотѣлось безъ большихъ прихотей; отъ нихъ я давно отвыкъ, и вѣрно не теперь начинать къ нимъ привыкать. Природа здѣсь чрезвычайно однообразна, все плоскія мѣста, которыя наводятъ тоску послѣ разнообразныхъ картинъ Восточной Сибири, гдѣ рѣки и горы величественны въ полномъ смыслѣ слова. Эта разница поражаетъ, когда постепенно отъ востока къ западу приближаешься. ...Ты воображаешь меня хозяиномъ напрасно. На это нѣтъ призванія, развѣ со временемъ разовьется способность; и къ этому нужны способы, которыхъ не предвидится. Какъ бы только прожить съ маленькимъ огородомъ, а о пашнѣ нечего и думать. Главное не надобно утрачивать поэзію жизни—она меня до сихъ поръ поддерживала,—горе тому изъ насъ, который лишится этого утѣшенія, въ исключительномъ нашемъ положеніи». Въ концѣ опять упоминаніе о товарищахъ: «Вѣдный Суворочка — онъ меня огорчилъ своимъ горемъ¹⁾. Спасибо, другъ, что приписалъ доброе, сердечное слово... Забылъ тебѣ сказать, Вальховскій, что въ Омскѣ проѣздомъ видѣлъ Говена²⁾ и познакомился съ женой его. Они вамъ кланяются, а я имъ надоѣлъ вопросами о васъ, и все было мало»...

¹⁾ Смерть одного изъ дѣтей въ с. Каменкѣ.

К. Г.

²⁾ Вѣроятно, какъ думаетъ Малиновскій, Христофоръ Христофоровичъ, впоследствии воронежскій губернаторъ, а затѣмъ сенаторъ въ Москвѣ. К. Г.

Переписка И. И. Пущина съ Е. А. Энгельгардтомъ продолжалась теперь непрерывно, и, конечно, свободнѣе, чѣмъ прежде, какъ изъ Туринска, такъ затѣмъ и изъ Ялуторовска. Рассказывая о своемъ житьѣ-бытьѣ, о своемъ маленькомъ хозяйствѣ и своихъ занятіяхъ огородомъ и садомъ (цвѣтами), бесѣдуя о семейныхъ и близкихъ, И. И. попрежнему возвращается постоянно къ любимой темѣ — о лицейской старинѣ и своихъ товарищахъ. Въ письмѣ 6 іюля 1841 г. онъ, оплакивая кончину своего дорогого товарища и родственника В. Д. Вальховскаго («Суворочки»), не пропускаетъ случая вспомнить старину:

«... На-дняхъ минетъ нашему кольцу 24 года. Оно на томъ же пальцѣ, на который вы его надѣли,—давно рука эта не могла пожать вамъ руку; но это не мѣшаетъ мнѣ участвовать во всемъ, что дѣлается въ нашемъ лицейскомъ кругу. Недавно въ газетахъ встрѣтилъ нѣкоторыя имена—очень радъ, что Масловъ въ числѣ другихъ звѣздноносцевъ: онъ человѣкъ способный и теперь на своемъ мѣстѣ. Привѣтствуйте всѣхъ однокашниковъ за меня. Можетъ быть, 9-е число соединитъ наличныхъ представителей 1817 года. Тутъ вы вспомните и отсутствующихъ; между ними не всѣ ходятъ съ звѣздами, но подъ тѣми же звѣздами, которыя свѣтили намъ на порогѣ жизни. Соединеніе—тамъ, гдѣ каждый явится съ окончательнымъ своимъ итогомъ»...

Въ Туринскѣ Пущинъ жилъ до лѣта 1843 г., когда переведенъ былъ, какъ мы видѣли, въ Ялуторовскъ. О его житѣ и пребываніи здѣсь даютъ достаточное понятіе уже обнародованныя извѣстныя письма его къ старому директору.

Цѣлыхъ 13 лѣтъ прожилъ Пущинъ въ Ялуторовскѣ, и лишь въ 1856 г., 26-го августа, получилъ, наконецъ всемиловѣйшее прощеніе и могъ вернуться на родину; но вернулся онъ, увы, ужъ инвалидомъ, съ разстроеннымъ здоровьемъ (отекомъ нижней половины тѣла), плохо владѣвшимъ ногами, и по возвращеніи въ Россію прожилъ всего 3 года... Тѣмъ болѣе неожиданнымъ представляется событіе, которымъ ознаменовался конецъ его жизни: никогда не рѣшавшійся жениться, несмотря на представлявшіеся случаи, Иванъ Ивановичъ рѣшился на этотъ важный шагъ теперь, полубольной, на склонѣ жизни (58 лѣтъ). Онъ женился весной 1857 г. (въ имѣніи лицеиста, князя Эристова, около Бологова) на Наталіи Дмитріевнѣ Фонвизиной, рожденной Апухтиной, вдовѣ извѣстнаго декабриста, отставнаго генераль-майора М. А. Фонвизина (которой было тогда 52 г.). Къ этому его побудили главнымъ образомъ семейныя обстоятельства, а также, безъ сомнѣнія, и чувство симпатіи къ той, которую онъ давно зналъ еще въ ссылкѣ¹⁾,

¹⁾ О ней см. А. Дмитріевъ-Мамоновъ: «Декабристы въ Западн. Сибири», стр. 194—197, «Чтенія въ Импер. Обществѣ ист. и древност. росс.», 1895, к. IV; также въ запискахъ бар. А. Е. Розена, княгини М. Н. Волконской (стр. 73—74).

и которая пожелала теперь, въ его трудномъ и безпомощномъ положеніи, стать для него опорой во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ вѣнчанья Пущины поѣхали черезъ Москву въ имѣнье Натальи Дмитриевны, сельцо Марьино, Бронницкаго уѣзда, гдѣ И. И. прожилъ, кажется, безвыѣздно до самой кончины своей, послѣдовавшей тамъ же 3-го апрѣля 1859 года.

Незадолго до своей кончины И. И. Пущинъ успѣлъ выполнить очень важное дѣло, которое сдружило его имя, и безъ того популярное, какъ товарища и друга Пушкина, еще тѣснѣе съ нашей литературой: онъ написалъ, по вызову одного молодого друга, свои интереснѣйшія воспоминанія о гениальномъ русскомъ поэтѣ въ эпоху лицейской жизни и о своихъ къ нему отношеніяхъ,— прекрасную и искреннюю повѣсть, ставшую лучшимъ источникомъ для біографіи Пушкина въ юные годы.

Эти записки И. И. Пущина, обнародованныя послѣ его смерти, явились сперва (въ журналѣ «Атеней» 1859 г., № 8) съ значительными пропусками, и текстъ ихъ позже дополнялся новыми отрывками, пока къ столѣтней годовщинѣ рожденія великаго поэта въ 1899 г. не былъ изданъ покойнымъ Л. Н. Майковымъ, по его словамъ, «полный текстъ записокъ по подлинной рукописи» (принадлежащей В. Е. Якушкину). Оказывается, однако же, что и Майковымъ напечатаны записки не во всемъ ихъ объемѣ. Мы не знаемъ, осталось ли что нибудь не напечатаннымъ изъ рукописи г. Якушкина, бывшей въ рукахъ Майкова; но въ имѣющейся у насъ копіи записокъ, полученной моимъ отцомъ¹⁾ отъ А. И. Малиновскаго, есть еще заключительная часть, до сихъ поръ не изданная и чрезвычайно интересная.

Она заключаетъ въ себѣ рассказъ о томъ, какъ до И. И. Пущина дошла вѣсть о трагической кончинѣ поэта, и его размышленія подъ впечатлѣніемъ этого великаго русскаго горя.

Приводимъ здѣсь полностью и дословно эти заключительныя страницы записокъ.

«Проходили годы, ничѣмъ отраднымъ не навѣвало въ нашу даль—тамъ, на нашемъ западѣ, все шло тѣмъ же тяжелымъ ходомъ. Мы, грѣшныя люди, стояли, какъ поверстныя столбы на большой дорогѣ: иные путники, можетъ быть, иногда и взглядывали, но продолжали итти тѣмъ же шагомъ и въ прежнемъ направленіи... Между тѣмъ, у насъ, съ теченіемъ времени, силою самыхъ обстоятельствъ, устроились болѣе смѣлыя контрабандныя сношенія съ Европейской Россіей—кое-когда доходили до насъ не

¹⁾ Въмѣстѣ съ приведенными выше выписками изъ переписки, какъ матеріалъ для опубликованія въ его работахъ.

одни газетныя извѣстія. Такимъ образомъ въ февралѣ 1837 г., возвратившійся изъ отпуска нашъ плацъ-адъютантъ Розенбергъ зашелъ въ мой 14 номеръ. Я искренно обрадовался и забросалъ его вопросами о родныхъ и близкихъ, которыхъ ему случилось видѣть въ Петербургѣ.

«Отдавъ мнѣ отчетъ на всѣ мои вопросы, онъ съ какою-то нерѣшительностью упомянулъ о Пушкинѣ. Я тотчасъ ухватился за это дорогое мнѣ имя: гдѣ онъ съ нимъ встрѣтился? какъ онъ поживаетъ? и прочее. Розенбергъ выслушалъ меня въ раздумьѣ, наконецъ сказалъ: «Нечего отъ васъ скрывать. Друга нашего нѣтъ, онъ раненъ на дуэли Дантесомъ и черезъ двое сутокъ умеръ. Я былъ при отпѣваніи его тѣла въ Конюшенной церкви, наканунѣ моего выѣзда изъ Петербурга».

«Слушая этотъ горькій разсказъ, я сначала рѣшительно какъ будто не понималъ словъ разсказчика, такъ далеко была отъ меня мысль, что Пушкинъ долженъ умереть во цвѣтѣ лѣтъ, среди живыхъ на него возложенныхъ надеждъ. Это было для меня громовой ударъ изъ безоблачнаго неба: ошеломило меня, а вся скорбь не вдругъ сказалась на-сердцѣ. Вѣсть эта электрической искрой сообщилась въ тюрьмѣ—во всѣхъ кружкахъ только и рѣчи было, что о смерти Пушкина, объ общей нашей потерѣ; но въ итогѣ выходило одно, что его не стало, и что не воротить его. Провидѣніе такъ рѣшило; намъ остается смиренно благоговѣть предъ Его опредѣленіемъ. Не стану бесѣдовать съ вами объ этомъ народномъ горѣ, тогда несказанно меня поразившемъ: оно слишкомъ тѣсно связано съ жгучими оскорбленіями, которыя невыразимо должны были отвращать послѣдніе мѣсяцы жизни Пушкина. Другимъ лучше меня—далекаго—извѣстны гнусныя обстоятельства, породившія дуэль; съ своей стороны скажу только, что я не могъ безъ особеннаго отвращенія о нихъ слышать,—меня возмущали лица, дѣйствовавшія и подозрѣваемые въ участіи по этому дѣлу, поддѣлкшему существованіе величайшему изъ поэтовъ.

«Размышляя тогда и теперь очень часто о ранней смерти друга, не разъ я задавалъ себѣ вопросъ: что было бы съ Пушкинымъ, если бы я привлекъ его въ нашъ союзъ, и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную отъ той, которая пала на его долю?

«Вопросъ дерзкій, но мнѣ, можетъ быть, простительный! Вы видѣли внутреннюю мою борьбу всякій разъ, когда, сознавая его податливую готовность, приходила мнѣ мысль принять его въ члены нашего тайнаго общества, видѣли, что почти уже на волоскѣ висѣла его участь въ то время, когда я случайно встрѣтился съ его отцомъ: эта пустая и совершенно ничего не значащая встрѣча, между тѣмъ, высказалась во мнѣ какимъ-то знаменательнымъ указаніемъ.....

«Только послѣ смерти всѣ эти, повидимому, ничтожныя обстоятельства приняли въ глазахъ моихъ видъ явнаго дѣйствія Промысла, который, спасая его отъ нашей судьбы, сохранилъ поэта для славы Россіи. Положительно, сибирская жизнь, та, на которую впоследствии мы были обречены въ теченіе тридцати лѣтъ, если бы и не вовсе изсушила его могучій талантъ, то не дала бы ему возможности достигъ того развитія, которое, къ несчастію, и въ другой сферѣ жизни несвоевременно было прервано.

«Характеристическая черта генія Пушкина—разнообразіе. Не было почти явленія въ природѣ, событія въ обыденной и общественной жизни, которое бы прошло мимо его, не вызвавъ дивныхъ и неподражаемыхъ звуковъ его лиры; поэтому просторъ и свобода, для всякаго человѣка безцѣнные, для него были, сверхъ того, могущественнѣйшими вдохновителями. Въ нашемъ же тѣсномъ и душномъ заточеніи природу можно было видѣть только черезъ желѣзныя рѣшетки, а о живыхъ людяхъ развѣ только слышать. Пушкинъ, при всей своей восприимчивости, никакъ не нашелъ бы тѣхъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался на поприщѣ общественной жизни. Можетъ быть, и самый рѣзкій переломъ въ существованіи, котораго далеко не всѣ могутъ выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразномъ, чтобы не сказать—капризномъ существѣ.

«Однимъ словомъ, въ грустныя минуты я утѣшалъ себя тѣмъ, что поэтъ не умираетъ, и что Пушкинъ мой всегда живъ для тѣхъ, кто, какъ я, его любилъ, и для всѣхъ, умѣющихъ отыскать его—живого въ безсмертныхъ его твореніяхъ...

«Еще пара словъ.

«Манифестомъ 26-го августа 1856 года я возвращенъ изъ Сибири.

Въ Нижнемъ Новгородѣ я посѣтилъ Даля (онъ провелъ съ Пушкинымъ послѣднюю ночь). У него я видѣлъ Пушкина прострѣленный скрутокъ. Даль хочетъ принести его въ даръ Академіи или Публичной бібліотекѣ.

«Въ Петербургѣ навѣщалъ меня, больного, Константинъ Данзасъ. Много говорилъ я о Пушкинѣ съ его секундантомъ. Онъ, между прочимъ, рассказавъ мнѣ, что разъ какъ-то, во время послѣдней его болѣзни, пріѣхала Э. К. Глинка, сестра Кюхельбекера, но тогда ставили ему пиявки. Пушкинъ, прося поблагодарить ее за участіе, извинялся, что не можетъ принять. Вскорѣ потомъ, со вздохомъ, проговорилъ: «Какъ жаль, что нѣтъ теперь здѣсь ни Пуцина ни Малиновскаго!» Вотъ послѣдній вздохъ Пушкина обо мнѣ: этотъ предсмертный голосъ друга дошелъ до меня слишкомъ черезъ 20 лѣтъ! Имъ кончаю и рассказъ мой.

«И. П.»

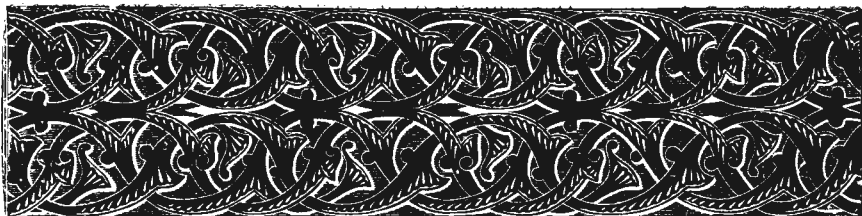
«С. Марьино. Августъ 1858.»

Комментировать этотъ простой, задушевный рассказъ нѣтъ надобности. Онъ говоритъ самъ за себя и рисуетъ въ яркомъ свѣтѣ то глубокое чувство дружбы и восторженнаго почитанія, которое питалъ Пущинъ къ гениальному поэту, и тотъ вѣрный инстинктъ, который въ свое время подсказалъ ему рѣшеніе не вовлекать своего друга въ тайное общество и тѣмъ сохранить его для родины.

Насколько дѣйствительно преждевременная смерть Пушкина болѣзненно поразила душу его несчастнаго друга-узника и вызвала въ немъ порывъ истиннаго негодованія и обиды, можно заключить изъ того, что Пущину видимо долго не давала покоя мысль о роковой катастрофѣ, и, даже спустя три года, онъ въ письмахъ возвращался къ этой темѣ и въ одномъ письмѣ къ роднымъ 1840 г. (14-го іюня), по свидѣтельству А. И. Малиновскаго, писалъ: «Послѣдняя могила Пушкина! Кажется, если бъ при мнѣ должна была случиться несчастная его исторія, и если бъ я былъ на мѣстѣ К. Данзаса, то роковая пуля встрѣтила бы мою грудь: я бы нашелъ средство сохранить поэта-товарища, достояніе Россіи»...

К. Я. Гротъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СЕЛЬСКАГО ДѢЯТЕЛЯ¹⁾.

(Посвящается Ѳедору Ѳедоровичу Славинскому).

V.

Евреи, ихъ роль въ деревнѣ и вліяніе на администрацію уѣздную и окружную. — Ихъ продѣлки и содѣйствіе чиновниковъ. — Сельское духовенство и его отношеніе къ прихожанамъ. — Его взглядъ на народное образованіе.

ОДНО съ корыстолюбивыми чиновниками дѣйствовали и евреи, которые играли немаловажную роль въ разныхъ незаконныхъ продѣлкахъ (какъ видно и изъ рассказанной мною исторіи порубки казеннаго лѣса). Евреямъ вообще воспрещалось проживать въ деревняхъ и заниматься торговлею, такъ какъ они безсовѣстно эксплуатировали крестьянъ. Имъ воспрещалась также торговля питьями и арендное содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей. Но евреи, какъ извѣстно, — большіе мастера обходить законъ, и потому всѣ корчмы и оброчныя статьи были въ ихъ рукахъ. Они ихъ брали на имя подставныхъ лицъ — несостоятельныхъ христіанъ, разумѣется, не безъ вѣдома чиновниковъ, оказывавшихъ евреямъ содѣйствіе, конечно, не безкорыстное. Евреи держали себя съ чиновниками уѣздными и окружными свободно и даже фамиллярно: пили съ ними чай, публично ходили съ ними подъ руки. Уѣздная администрація до того была дружна съ евреями, что они фактически почти управляли уѣздомъ. Приведу одинъ фактъ, показы-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІ, стр. 43.

вающій, какъ трудно было бороться съ ними и при этомъ легко было попасть въ бѣду. Въ 1859 году ковельскій окружный начальникъ предписалъ корытницкому сельскому управленію повѣрять въ корчмахъ и шинкахъ мѣры питей и оказавшіяся помятыми и невылуженными арестовать. При повѣркѣ этихъ мѣръ всѣ онѣ оказались негодными и потѣму были мною при членахъ сельскаго управленія арестованы. Евреи, во избѣжаніе отвѣтственности, подали на меня прошеніе окружному начальнику, обвиняя меня въ пьянствѣ и буйствѣ. Начальникъ вызвалъ меня въ Ковель и хотѣлъ высѣчь, повѣривъ (или сдѣлавъ видъ, что повѣрилъ) жидовскимъ клеветамъ. Явившись къ нему, я заявилъ, что отъ роду не пробовалъ спиртныхъ напитковъ. Не знаю, помогло ли бы это увѣреніе, если бы не заступился за меня помощникъ окружного начальника, который сказалъ ему, что знаетъ меня за человѣка, совершенно не пьющаго, и въ этомъ отношеніи вполнѣ за меня ручается. Тогда окружной начальникъ призналъ дѣйствія мои правильными.

Какъ ни трудно было бороться съ евреями, мнѣ все же удавалось нѣсколько разъ воспрепятствовать ихъ гешефтамъ, хотя и навлекая на себя тѣмъ неудовольствіе чиновниковъ, благопріятствовавшихъ евреямъ. Приведу нѣсколько такихъ случаевъ.

Однажды, въ мартѣ 1866 года, въ бытность мою писаремъ Смидинской волости, является ко мнѣ изъ Ковеля еврей, подосланный упомянутымъ выше чиновникомъ палаты государственныхъ имуществъ С.-С. (ревнителемъ чистоты деревенскихъ улицъ) съ предложеніемъ составить, яко бы отъ имени сельскаго схода, приговоръ о желаніи отдать этому еврею до 2.000 четвертей ржи изъ запаснаго магазина съ тѣмъ, чтобы еврей къ осени возвратилъ въ магазинъ такое же количество свѣжаго зерна. На это я сказалъ, что соберу сходъ и заявлю ему предложеніе еврея, но въ душѣ рѣшилъ воспрепятствовать его проекту. А проектъ этотъ сулилъ ему огромный барышъ. Дѣло въ томъ, что въ это время сами крестьяне нуждались въ зернѣ для продовольствія и посѣва; они покупали четверть зерна по 6 рублей, а продавали его осенью по 3 рубля. Такимъ образомъ, еврей, забравши зерно изъ магазина, могъ заработать на немъ до 6.000 рублей, а крестьяне столько же теряли. Собравъ сходъ, я разъяснилъ все это крестьянамъ и посоветовалъ имъ самимъ разобрать зерно весной, а осенью возвратитъ свѣжее. Крестьяне, конечно, согласились, составленъ былъ приговоръ и посланъ на утвержденіе тому же чиновнику С.-С. Послѣдній, конечно, остался крайне недоволенъ, угрожалъ (какъ передавалъ мнѣ тотъ же еврей) уволить меня отъ должности, но не имѣлъ основаній не утвердить вполнѣ правильнаго приговора схода.

Въ 1865 году въ селѣ Нуйнѣ Хотешовскаго сельскаго управленія было двѣ казенныхъ водяныхъ мельницы на рѣкѣ Туріи.

Мельницы эти арендовалъ еврей и вносилъ доходъ въ казну. Вдругъ, по чьему-то приказанію, снимаютъ въ мельницахъ камни, вынимаютъ веретена и доносятъ палатѣ государственныхъ имуществъ, что мельницы не могутъ дѣйствовать и приносить доходъ казнѣ. Приѣхалъ на слѣдствіе чиновникъ палаты, осмотрѣлъ мельницы и донесъ, что онѣ дѣйствительно не могутъ дѣйствовать. Но лишь только уѣхалъ чиновникъ, какъ еврей вставилъ веретена, наложилъ камни, и мельницы стали попрежнему дѣйствовать и приносить доходъ, только уже не казнѣ. Узнавъ объ этомъ, я донесъ палатѣ отъ имени сельскаго управления, и доходъ сталъ снова поступать въ казну. Окружной начальникъ Ш., очевидно, заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, страшно разсердился на меня за донесеніе палатѣ государственныхъ имуществъ помимо его, но все же не имѣлъ достаточной причины наказать меня.

До 1866 года общество крестьянъ села Хотешова отдавало ежегодно еврею, по приговору, право продажи питей на ихъ земляхъ, за что еврей ставилъ крестьянамъ два ведра водки. Кромѣ того, за утвержденіе приговора онъ давалъ чиновнику палаты Л. 200 рублей. Въ 1866 году крестьяне хотѣли предоставить то же право еврею Киршу также за два ведра водки. Зная, что еврею придется плагить Л. 200 рублей, я задумалъ обратить эти деньги въ пользу общества. Я указалъ крестьянамъ на то, что въ селѣ имѣется училище безъ всякой мебели и книгъ, да и учитель почти ничего не получаетъ, а потому слѣдуетъ потребовать съ еврея 200 рублей въ пользу училища за право продажи питей на ихъ земляхъ, а иначе не давать ему приговора. Еврей согласился дать на училище 200 рублей, приговоръ былъ составленъ и посланъ на утвержденіе тому же чиновнику Л., который, не получивъ ожидаемой взятки, постарался перевести меня въ смидинское сельское управленіе, а на мое мѣсто посадилъ писаремъ челоуѣка болѣе податливаго.

Какъ я сказалъ выше, своимъ первоначальнымъ обученіемъ грамотѣ я обязанъ былъ священникамъ: отцамъ Василию Михайловичу и Льву Страшкевичу. Поэтому я сохранилъ къ нимъ въ сердцѣ своемъ горячую благодарность и ко всѣмъ вообще священникамъ относился съ крайнимъ почтеніемъ, почти что съ благоговѣніемъ. Къ сожалѣнію, выйдя на самостоятельное поприще жизни, я убѣдился, что такихъ личностей, какъ отцы Василій и Левъ, въ средѣ мѣстнаго духовенства встрѣчается весьма мало, и что вообще сельскіе духовные отцы относятся къ своимъ чадамъ далеко не по-пастырски и не по-христіански. Сначала это меня крайне поражало и удивляло, но потомъ я успѣлъ присмотрѣться ко многому и увидѣлъ, что наша практическая жизнь очень далека отъ того, чему насъ поучаютъ въ школахъ. Конечно, приходскіе сельскіе священники получали отъ казны жалованье небольшое (не

превышавшее 300 рублей въ годъ), но въ то время жизнь была очень дешева, да и вымогательства ихъ за требы превосходили всякую мѣру. Если бы я сталъ приводить всѣ видѣнные мною примѣры ихъ корыстолюбія и безсердечія, то не знаю, когда бы кончилъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ числились приходскія школы, но священники въ нихъ почти не занимались, хотя и представляли блестящіе отчеты объ обученіи въ нихъ дѣтей. Одинъ разъ я засталъ священника села «Старая Высва», отца Николая Л., за составленіемъ такого отчета, въ которомъ было указано, что такой-то ученикъ читаетъ псалтирь, другой—дѣянія свв. апостоловъ, третій—учить катихизисъ, четвертый переходитъ отъ азбуки къ чтенію и т. д. Я заинтересовался этимъ отчетомъ и захотѣлъ его провѣрить. Къ удивленію моему, оказалось, что училище вовсе не существуетъ въ селѣ фактически, а указанные въ вѣдомости ученики не только не читали, но и не видѣли псалтири и тому подобныхъ книгъ; они даже не подозрѣвали, что считаются учениками приходскаго училища. Я не вытерпѣлъ и при случаѣ выразилъ по этому поводу свое удивленіе отцу Николаю. Тогда послѣдній откровенно высказалъ мнѣ свой взглядъ на это дѣло. По его мнѣнію, для «мужицкихъ» дѣтей грамота—дѣло совершенно лишнее, а, пожалуй, и вредное, потому что мужикъ, выучившійся грамотѣ и познакомившійся съ своими правами, станетъ умничать и жаловаться на дѣйствія священниковъ, даже перестанетъ платить за требы. Послѣ такого откровеннаго признанія я уже пересталъ удивляться странному отношенію пастырей къ пасомымъ, но зато и мое прежнее глубокое почтеніе къ духовнымъ отцамъ замѣнилось совершенно другимъ чувствомъ. Но не стану больше распространяться объ этомъ предметѣ, глубоко прискорбномъ сердцу всякаго истинно русскаго и набожнаго человѣка. При томъ же это дѣло прошлое, и надѣюсь, что въ настоящее время положеніе дѣла измѣнилось къ лучшему.

VI.

Переводъ мой на службу въ царство Польское. — Холмскій уѣздъ Люблинской губерніи. — Составъ населенія «гмины», соответствующей волости. — Трудность дѣлопроизводства гминныхъ управленій. — Предубѣжденіе ко мнѣ крестьянъ изъ поляковъ, вскорѣ смѣнявшееся расположеніемъ. — Враждебное отношеніе ко мнѣ помѣщиковъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ чиновниковъ.

Всѣ изложенные случаи привели къ тому, что чиновники стали сильно меня недолюбливать и всячески ко мнѣ придирались. Будучи холостымъ, я на эти придирки не обращалъ особеннаго вниманія, но въ 1861 году я женился, у меня пошли дѣти, и я сталъ призадумываться надъ непрочностью своего служебнаго положенія. Приходилось подумать и о средствахъ дать образованіе подростя-

цимъ дѣтямъ. Поэтому я сталъ хлопотать о переводѣ на службу въ Привислинскій край, въ сосѣдній съ Ковельскимъ уѣздомъ Холмскій уѣздъ Люблинской губерніи, зная, что въ городѣ Холмѣ много учебныхъ заведеній. Старанія мои наконецъ увѣнчались успѣхомъ, и въ 1867 году я перешелъ въ Холмскій уѣздъ на должность гминнаго писаря въ гмину Сѣдлище. Въ Холмскомъ уѣздѣ я прослужилъ съ тѣхъ поръ болѣе 30 лѣтъ въ гминныхъ должностяхъ (сначала писаря, а потомъ—войта) вплоть до 1898 г., когда, утомленный трудной службой, оставилъ ее, пріискавъ себѣ болѣе покойную должность по казенной винной монополіи въ томъ же Холмскомъ уѣздѣ.

Въ Привислинскомъ краѣ (или въ царствѣ Польскомъ) условія сельской службы нѣсколько другія, чѣмъ въ имперіи. Въ волостяхъ составъ населенія однородный, такъ какъ въ нихъ числятся только крестьяне; гмина же (соотвѣтствующая волости) представляетъ единицу всесословную: въ ней числятся, кромѣ крестьянъ, и мѣстные помѣщики-дворяне, и мѣщане, и евреи. Соотвѣтственно этому и обязанности должностныхъ лицъ гминнаго управленія, т.-е. войтовъ (соотвѣтствующихъ старшинамъ въ Россіи), писарей и солтысовъ, или сотскихъ, значительно труднѣе и сложнѣе, чѣмъ въ волостяхъ. Но самый тяжелый трудъ выпадаетъ, конечно, на долю гминнаго писаря, обремененнаго обширнымъ дѣлопроизводствомъ. Во всѣхъ вообще гминахъ имѣется одинъ помощникъ писаря съ жалованьемъ до 120 рублей, но нѣкоторыя гмины такъ велики, что писаря должны держать двухъ и даже болѣе помощниковъ.

Мое же новое положеніе усложнялось и затруднялось еще и тѣмъ, что я попалъ въ совершенно новую среду, чуждую мнѣ по вѣроисповѣданію и враждебную по національности. Населеніе состояло преимущественно изъ поляковъ-католиковъ; затѣмъ—(въ меньшей части) изъ малороссовъ греко-уніатскаго вѣроисповѣданія и изъ евреевъ, населявшихъ преимущественно болѣе людныя села и мѣстечки. Въ то время въ Холмскомъ уѣздѣ не было еще ни одного православнаго гминнаго писаря, и потому все польское населеніе, въ особенности помѣщики, относилось ко мнѣ на первыхъ порахъ очень враждебно, тѣмъ болѣе, что послѣ недавняго возстанія разгорѣвшіяся страсти еще не улеглись, и племенная вражда проявлялась очень сильно. Католическая пропаганда дѣйствовала успѣшно и достигла того, что греко-уніатскіе священники и ихъ богослуженіе по внѣшнему виду почти не отличались отъ католическихъ. При такихъ условіяхъ я на первыхъ порахъ чувствовалъ себя очень скверно. Однако же съ теченіемъ времени мнѣ удалось побѣдить составившееся въ народѣ противъ меня предубѣжденіе и даже пріобрѣсти его расположеніе. Это объясняется тѣмъ, что писаря изъ поляковъ были большею частью изъ шлях-

тичей и потому смотрѣли на простыхъ людей свысока, относились къ нимъ высокомерно, но при случаѣ все же драли съ нихъ шкуру изрядно; я же, какъ на Волыни, такъ и здѣсь, въ царствѣ Польскомъ, всегда держалъ себя съ крестьянами запросто, часто вступалъ съ ними въ разговоры, спрашивалъ объ ихъ бытѣ, условіяхъ жизни, о религіи, давалъ при случаѣ и совершенно безкорыстно полезныя совѣты. Поэтому крестьяне, сначала относившіеся ко мнѣ непріязненно и подозрительно, видя доброе и искреннее мое къ нимъ отношеніе, наконецъ оцѣнили его, какъ слѣдуетъ, почувствовали ко мнѣ довѣріе и сами искали случая поговорить со мной и посовѣтоваться по разнымъ дѣламъ не только служебнымъ, но и семейнымъ и даже религіознымъ. Расположеніе ко мнѣ крестьянъ сильно сказалось хотя бы въ томъ, что въ 1868 году (т.-е. менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ моего назначенія) крестьяне сосѣдней гмины «Цыцовъ» уже просили начальника уѣзда дать имъ такого же «ржондоваго» (т.-е. отъ правительства) и вполнѣ русскаго писаря, какъ и въ Сѣдлицѣ. Воспользовавшись такимъ довѣріемъ ко мнѣ крестьянъ, особенно изъ малороссовъ, я нерѣдко вдавался съ ними и въ религіозныя бесѣды и достигъ того, что въ гминѣ Сѣдлицѣ до 60 католиковъ (которыхъ предки были греко-уніатами) обратились къ греко-уніатскому обряду, а въ 1872 году, когда я перешелъ въ гмину «Кривички» (поближе къ Холму), гминный сходъ составилъ приговоръ о желаніи греко-уніатовъ возсоединиться съ православіемъ, но уѣздная власть не дала хода этому приговору, находя его преждевременнымъ ¹⁾.

Такимъ образомъ мои отношенія къ населенію постепенно вполнѣ хорошо наладились, если не считать помѣщиковъ и поляковъ, считавшихъ себя выше остальнаго населенія, разныхъ мелкихъ шляхтичей, которые всячески агитировали противъ меня, называя «москалемъ» и «казакомъ». Послѣдніе встрѣчали въ этомъ содѣйствіи со стороны уѣздныхъ чиновниковъ (тоже поляковъ). Впрочемъ, нужно сказать, что и многіе русскіе чиновники уѣздной администраціи, окруженные чиновниками изъ поляковъ и пользуясь всевозможными услугами отъ помѣщиковъ, старались жить съ ними въ ладу и поддерживать ихъ при каждомъ случаѣ. Начальникъ уѣзда, подполковникъ Емцовъ ²⁾, человекъ чисто русскаго происхожденія, держалъ себя, тѣмъ не менѣе, какъ-то двусмысленно, служилъ, что называется, и нашимъ и вашимъ и подъ покровомъ «политики примиренія» старался жить со всѣми въ ладу, заботясь только о собственномъ покоѣ и благополучіи, чего и достигъ вполнѣ. Ко мнѣ онъ относился, повидимому, хорошо, но особенной

¹⁾ Какъ извѣстно, черезъ 3 года—въ 1875 году, состоялось общее возсоединеніе греко-уніатовъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній съ православіемъ.

²⁾ Онъ прослужилъ начальникомъ Холмскаго уѣзда болѣе 25 лѣтъ и умеръ въ отставку въ 1902 году.

поддержки въ моей борьбѣ съ враждебными всему русскому элементамъ не оказывалъ и только увѣщевалъ меня всегда быть по-тише и помирнѣе. Зато нѣкоторые его помощники¹⁾, жившіе въ дружбѣ съ помѣщиками, относились ко мнѣ прямо враждебно и старались выжить меня. Въ особенности, сильно меня преслѣдовалъ начальникъ земской стражи, штабсъ-капитанъ С. Это былъ полный сангвиникъ, любившій пожуировать, а въ особенности неравнодушный къ женскому полу. Онъ ухаживалъ за женами и родственницами писарей поляковъ и со многими изъ нихъ былъ въ связи, а при случаѣ не брезгалъ и крестьянками, которыхъ и приводили къ нему въ гминное управленіе, гдѣ онъ ночевалъ при служебныхъ объѣздахъ. Вообще писаря дѣлали ему множество всякихъ услугъ по клубничной и другимъ частямъ, зато и онъ мирволилъ имъ и скрывалъ всѣ ихъ неблаговидныя продѣлки. Съ помѣщиками онъ тоже жилъ хорошо и старался въ воздаяніе разныхъ ихъ услугъ избавлять ихъ отъ взысканія нѣкоторыхъ податей. Приѣхавъ въ Сѣдлицкое гминное управленіе послѣ назначенія меня писаремъ этого управленія, онъ, конечно, ожидалъ и отъ меня такихъ же услугъ и раболѣпства, но ошибся. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на полную и красивую кормилицу моей маленькой дочери и прямо высказалъ мнѣ свои виды на эту кормилицу, ожидая въ этомъ случаѣ, вѣроятно, моего содѣйствія, но встрѣтилъ категорическій отказъ, что его крайне раздосадовало. Въ другой разъ онъ потребовалъ у меня вычеркнуть изъ раскладки числившуюся за помѣщикомъ довольно крупную недоимку и разложить ее на крестьянъ. Конечно, и въ этомъ я ему отказалъ. Тогда начался съ его стороны рядъ придирокъ и гоненій при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Въ сущности С., какъ начальникъ земской стражи, не былъ моимъ прямымъ начальникомъ, но начальникъ уѣзда, ограничиваясь самъ канцелярской работой, поручалъ ему ревизію дѣлъ въ гминныхъ управленіяхъ. Пользуясь этимъ, С. и старался устраивать мнѣ разныя «каверзы», но повредить мнѣ серьезно не могъ, во-первыхъ, потому, что денежная отчетность, всѣ суммы и дѣла всегда были у меня въ порядкѣ, а, во-вторыхъ, потому, что меня сильно поддерживали комиссары по крестьянскимъ дѣламъ (о чемъ будетъ рѣчь ниже). Наконецъ, его перевели въ другой уѣздъ, и вскорѣ онъ умеръ отъ неумѣренныхъ возліаній. Къ прискорбію, это былъ не единственный русскій чиновникъ (и при томъ носившій офицерскій чинъ), отъ котораго я вынесъ систематическое преслѣдованіе. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу объ упорномъ гоненіи на меня другого началь-

¹⁾ Въ Привислинскомъ краѣ начальники уѣздовъ имѣютъ каждый двухъ помощниковъ: одного—по административной, а другого—по полицейской части. Последний долженъ имѣть офицерскій чинъ и называется начальникомъ земской стражи.

ника земской стражи, назначеннаго подъ конецъ начальникомъ Холмскаго уѣзда и въ этой должности имѣвшаго возможность еще болѣе вредить мнѣ по тѣмъ же причинамъ, что и С. Грустно русскому человѣку вспоминать и рассказывать о такихъ исторiяхъ, но эти исторiи — факты, которыхъ нельзя обойти въ моемъ разсказѣ.

VII.

Встрѣченная мною поддержка и покровительство со стороны комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, О. О. Кокочкина и Д. Г. Баранова.—Сущность ихъ обязанностей и характеристика ихъ служебной дѣятельности.

Зато съ тѣмъ большей отрадой и благодарностью вспоминаю я о тѣхъ истинно русскихъ людяхъ и высоко честныхъ чиновникахъ, которые горячо сочувствовали моей дѣятельности и не только оказывали мнѣ полное содѣйствiе и поддержку, но и спасали отъ преслѣдованiй господъ, подобныхъ упомянутому С. Этими незабвенными для меня и вообще для крестьянъ Холмскаго уѣзда людьми были комиссары по крестьянскимъ дѣламъ, О. О. Кокочкинъ¹⁾, а потомъ Д. Г. Барановъ²⁾ (оба уже покойные). Какъ по своему образованiю, такъ и по своему глубоко честному, истинно патриотическому направленiю, эти лица совершенно выдѣлялись изъ среды уѣздныхъ чиновниковъ, да и по служебному положенiю стояли выше ихъ. Должность комиссара по крестьянскимъ дѣламъ въ царствѣ Польскомъ соотвѣтствуетъ должности мирового посредника въ имперiи. Должность эта учреждена правительствомъ для точной регистрацiи земельныхъ надѣловъ и урегулированiя земельныхъ отношенiй и недоразумѣнiй между помѣщиками и крестьянами. Нечего и говорить, что это была функцiя чрезвычайно важная, и исполнявшiе ее правительственные агенты должны были назначаться изъ людей, не только вполнѣ образованныхъ, но и глубоко честныхъ и преданныхъ своему дѣлу. Въ то время разныхъ неудаченныхъ земельныхъ дѣлъ между помѣщиками и крестьянами было немало, и само собою разумѣется, что первые употребляли всѣ усилiя, чтобы захватить себѣ побольше крестьянской земли. Земля эта была, по приказанiю императора Николая I, въ 1847 году зарегистрирована въ царствѣ Польскомъ за крестьянами и занесена въ такъ называемыя «престацiонныя» табели. Это было сдѣлано съ цѣлью точно опредѣлить для каждаго крестьянина тотъ надѣлъ земли, за который онъ долженъ былъ нести въ пользу помѣщика

¹⁾ О. О. Кокочкинъ былъ впоследствии директоромъ канцелярiи министра народнаго просвѣщенiя (гр. Толстого).

²⁾ Д. Г. Барановъ былъ потомъ чиновникомъ особыхъ порученiй по греко-унiатскимъ дѣламъ при варшавскомъ генераль-губернаторѣ, а позже начальникомъ Сѣдлецкой учебной дирекцiи.

разныя повинности, и гарантировать такимъ образомъ крестьянъ отъ произвольнаго уменьшенія помѣщиками этого надѣла и увеличенія повинностей. По освобожденіи крестьянъ въ 1864 году, эти таблицы являлись документами, опредѣлявшими размѣръ крестьянскихъ надѣловъ, которые должны были перейти съ тѣхъ поръ въ полную собственность крестьянъ, для чего заносились въ новыя, такъ называемыя ликвидационныя таблицы. Поэтому помѣщики всячески ухищрялись, чтобы крестьянскіе надѣлы заносились въ ликвидационныя таблицы въ размѣрѣ меньшемъ, чѣмъ это слѣдовало по закону. Но Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ и Д. Г. Барановъ строго охраняли законные интересы крестьянъ и не поддавались никакимъ подвохамъ и соблазнамъ со стороны помѣщиковъ. Помню, на примѣръ, такой случай. Д. Г. Барановъ былъ большимъ любителемъ лошадей. Ему очень понравилась одна лошадь, принадлежавшая помѣщику, и онъ выразилъ желаніе купить ее. Помѣщикъ охотно согласился ее продать и запросилъ цѣну необыкновенно низкую. Д. Г. Барановъ понялъ, что ему хотятъ дать взятку подъ благовиднымъ предлогомъ, и совершенно отказался отъ покупки приглянувшейся ему лошади. Вообще какъ Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ, такъ и Д. Г. Барановъ были людьми, очень доступными для крестьянъ, и интересовались ихъ бытомъ. Узнавъ меня поближе, видя во мнѣ человѣка вполнѣ русскаго, при томъ же вышедшаго изъ крестьянъ, отлично знающаго ихъ бытъ и преданнаго ихъ интересамъ, они скоро отличили меня среди другихъ писарей и старались посредствомъ меня знакомиться съ такими сторонами матеріальнаго быта крестьянъ, которыя могли быть знакомы только человѣку, близко къ нимъ стоявшему. Я былъ съ ними вполнѣ откровененъ, не скрывалъ отъ нихъ ничего, указывалъ имъ на скрытые подвохи уѣздныхъ чиновниковъ, дѣйствовавшихъ въ ущербъ крестьянамъ заодно съ помѣщиками, и тѣмъ значительно облегчалъ имъ ихъ миссію. Зато и они поддерживали меня и спасали отъ преслѣдованій тѣхъ же чиновниковъ, подобныхъ вышеупомянутому С. Кромѣ того, зная, что я не беру взятокъ, и видя мое трудное матеріальное положеніе (жалованья, по должности писаря, я получалъ 180 рублей при готовой квартирѣ съ кускомъ поля и огорода), они всячески старались прийти мнѣ на помощь. Такъ, на примѣръ, по ходатайству Ѳ. Ѳ. Кокоскина, двѣ мои дочери были опредѣлены на казенный счетъ въ Холмское женское Маріинское училище, гдѣ и окончили курсъ. Въ моемъ положеніи это было настоящимъ для меня благодѣяніемъ. При содѣйствіи же Д. Г. Баранова, мнѣ удалось приобрести почти безъ денегъ небольшой кусокъ земли, обезпечивающій мнѣ скромное существованіе на старости лѣтъ. Это произошло такъ. Въ 1871 году въ царствѣ Польскомъ распродавались, на основаніи высочайше утвержденныхъ правилъ отъ 1-го іюля того же года, лицамъ русскаго происхожде-

нія такъ называемыя «поприходскія» или «подуховныя» земли (т.-е. оставшіяся свободными послѣ нѣкоторыхъ упраздненныхъ приходовъ и монастырей). Продавались онѣ на крайне льготныхъ условіяхъ съ разсрочкой платы на 30 лѣтъ при единовременномъ взносѣ небольшой суммы. Конечно, охотниковъ приобрести такія земли было много, и человѣку маленькому и не обладавшему протекціей онѣ были почти недоступны. Но тутъ-то мнѣ и помогъ Д. Г. Барановъ, благодаря вліянію и связямъ котораго одинъ небольшой участокъ такой земли въ Люблинскомъ уѣздѣ сверхъ ожиданія достался мнѣ, при чемъ мнѣ пришлось только уплатить впередъ небольшую сумму денегъ, которую мнѣ удалось занять въ долгъ. Но, такъ какъ я былъ не въ состояніи вносить въ казну ежегодно слѣдующую въ уплату за землю сумму и подати, то землю эту я отдалъ въ аренду мѣстному колонисту-нѣмцу, который за пользованіе землею въ теченіе 30 лѣтъ долженъ былъ уплачивать только слѣдующія въ казну деньги, мнѣ же не платилъ ничего. Въ настоящее же время земля эта уже выкуплена у казны, но по-прежнему арендуется тѣмъ же колонистомъ, который выстроилъ на ней разныя хозяйственныя строенія и уплачиваетъ мнѣ арендную плату, являющуюся существеннымъ подспорьемъ для меня на старости лѣтъ. А иначе мнѣ пришлось бы влачить теперь жалкое и необезпеченное существованіе, такъ какъ для сельскихъ должностей никакихъ пенсій или эмеритуры не установлено. Этимъ обстоятельствомъ и крайне скуднымъ окладомъ и объясняется отчасти то печальное явленіе, что громадное большинство гминныхъ писарей не отличается честностью, служитъ вообще недолго, а нерѣдко попадаетъ и подъ судъ. Впрочемъ, я слышалъ, что въ имперіи, во многихъ волостяхъ писаря получаютъ теперь оклады довольно приличныя, доходящіе до 600 рублей. Въ гминахъ же окладъ писаря, къ сожалѣнію, остается прежнимъ—180 рублей въ годъ, что, при постоянно увеличивающейся даже въ деревняхъ дороговизнѣ, является положительно какой-то несообразностью.

Но я отвлекся нѣсколько въ сторону. Относительно дѣятельности *Θ. Θ. Кокошкина* и *Д. Г. Баранова* могу смѣло сказать, что ея никогда не забудутъ крестьяне Холмскаго уѣзда, видѣвшіе въ нихъ прямыхъ своихъ защитниковъ и блюстителей своего благополучія. Къ сожалѣнію, слѣдовавшіе послѣ нихъ комиссары по крестьянскимъ дѣламъ уже не отличались столь высокими нравственными и служебными качествами, а нѣкоторые изъ нихъ даже прямо мирволили помѣщикамъ. Но все же въ концѣ своей сельской службы я еще имѣлъ счастье служить нѣсколько лѣтъ при комиссарѣ *Θ. С.¹⁾*, также строго и свято исполнявшемъ свой

¹⁾ Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ крестьянскаго банка въ Люблинѣ, вывѣ же, кажется, состоитъ директоромъ одного изъ частныхъ банковъ.

долгъ, также заботливо относившемся къ интересамъ крестьянъ и съ такой же благодарностью ими вспоминаемомъ, какъ и *Θ. Θ. Кокоскинъ* и *Д. Г. Барановъ*. О немъ и его дѣятельности я скажу еще нѣсколько словъ ниже.

VIII.

Переводъ мой въ гмину Свирже, гдѣ прошла бѣльшая половина моеи службы.— Причины перевода.—Враждебныя взаимныя отношенія поляковъ-католиковъ и малороссовъ-уніатовъ.—Старанія мои защитить послѣднихъ.—Привлеченіе мною всѣхъ жителей гмины къ участию въ содержаніи училищъ.

Въ 1874 году я перешелъ на службу въ гмину Свирже, гдѣ мнѣ довелось прослужить чуть не четверть вѣка—до оставленія сельской службы въ 1898 году. Причины моего перевода были слѣдующія. Населеніе этой гмины состояло на половину изъ малороссовъ, греко-уніатовъ, на половину изъ католиковъ. Послѣдніе презирали первыхъ, называли ихъ «руси́нами», «схизматиками», смѣялись надъ ними и при всякомъ удобномъ случаѣ старались выставлять передъ ними преимущества римско-католической религіи и завлекать къ переходу въ католичество. Въ особенности въ этомъ отношеніи яро дѣйствовали разные мѣщане и «полпанки» изъ поляковъ. Не менѣе энергично, хотя бѣльшею частью осторожно и втихомолку, вели пропаганду и ксендзы. Религіозная вражда, связанная съ національною, въ то время особенно обострилась потому, что для многихъ уже не было тайной, что готовится актъ воссоединенія греко-уніатовъ съ православными, который и состоялся въ слѣдующемъ 1875 году. Въ посадѣ Свиржѣ (гдѣ было и гминное управленіе) вражда уніатовъ и католиковъ замѣтна была особенно сильно. Это происходило отчасти отъ того, что въ посадѣ находились и были расположены рядомъ греко-уніатская церковь и католическій костель. Католики старались обставлять свое богослуженіе какъ можно торжественнѣе, и громкіе звуки ихъ органа и пѣнія, подхватываемаго всѣмъ народомъ, въ особенности во время процессій вокругъ костела, часто заглушали тихое богослуженіе въ уніатской церкви. На этой почвѣ происходили недоразумѣнія и возникали неудовольствія и волненія, которыя наконецъ окончились тѣмъ, что костель былъ перенесенъ въ другое мѣсто—въ деревню Жалинъ.

Всѣ эти обстоятельства подавали поводъ ко всевозможнымъ ссорамъ и недоразумѣніямъ между крестьянами, раздуваемымъ коноводами польской партіи—разными полуграмотными личностями изъ мѣщанъ и ремесленниковъ, мнившими себя людьми просвѣщенными. Поэтому, зная расположеніе ко мнѣ крестьянъ безъ различія вѣры и племени и ихъ довѣріе ко мнѣ, уѣздное начальство, для умиротворенія свиржовскихъ крестьянъ, предложило мнѣ

переводъ въ Свирже. Подумавъ немного и принявъ во вниманіе, что въ посадѣ Свиржѣ есть двухклассное училище, гдѣ могутъ получить начальное обученіе мои меньшія дѣти, я согласился и переѣхалъ въ посадъ Свирже, въ которомъ и прожилъ 24 года.

Прибывши туда, я сталъ по прежнему своему обычаю сблизаться съ населеніемъ, въ особенности съ малороссами, греко-уніатами, съ которыми говорилъ на ихъ родномъ языкѣ, тогда какъ прежніе писаря-поляки не говорили съ ними иначе, какъ по-польски. Эти писаря заодно съ остальными поляками-помѣщиками и мѣщанами дѣйствовали всегда въ ущербъ греко-уніатовъ и вообще относились къ нимъ несправедливо. Я тотчасъ же принялъ сторону малороссовъ, греко-уніатовъ, и старался законнымъ образомъ оградить ихъ отъ причиняемыхъ имъ обидъ и несправедливостей. Узнавъ, напримѣръ, что кузнецъ Д., одинъ изъ ярыхъ предводителей польской партіи, незаконно пріобрѣлъ у крестьянина Т. его крестьянскую усадьбу, утвержденную за Т. по ликвидаціонной табели, я принудилъ Д. возвратитъ усадьбу Т., послѣ чего Д. лишился права голоса на сходахъ. Одинъ крестьянинъ, греко-уніатъ, жаловался мнѣ, что помѣщикъ Т. побилъ его за отказъ работать въ день праздника св. Николая (9 мая). На основаніи распоряженія варшавскаго генераль-губернатора отъ 1874 г., которымъ воспрещалось помѣщикамъ принуждать служащихъ у нихъ греко-уніатовъ работать въ праздники восточной церкви, я вызвалъ помѣщика Т. въ гминный судъ, но онъ не явился, несмотря на то, что ему были посланы еще двѣ повѣстки. Наконецъ, оказалось, что въ помѣщикѣ Т. принялъ участіе начальникъ земской стражи Т., который даже прислалъ бумагу на имя войта гмины съ разъясненіемъ, что помѣщикъ поступилъ правильно. Тогда я довелъ это дѣло до свѣдѣнія губернатора, который вызвалъ начальника стражи для объясненій. Полагаю, что Т. получилъ изрядный нагоняй отъ губернатора, такъ какъ съ того времени онъ сильно ко мнѣ придирался.

Послѣ состоявшагося въ 1875 г. акта воссоединенія съ православіемъ, многіе греко-уніаты, наущаемые большею частью католиками, фактически не воссоединились (на официальномъ языкѣ они назывались и называются «упорствующими»). Одинъ изъ такихъ крестьянъ Т. пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ не воссоединяется только потому, что его пугаютъ католики, но если я публично при всѣхъ стану его за это укорять, то онъ немедленно станетъ ходить въ церковь. И дѣйствительно, когда я ему сдѣлалъ внушеніе въ присутствіи другихъ, то онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Очевидно, что фактическому воссоединенію многихъ уніатовъ препятствовали не собственныя ихъ убѣжденія, а только насмѣшки и угрозы католиковъ.

Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для утвержденія въ сельской средѣ русскаго дѣла я считалъ и считаю уведи-

ченіе числа народныхъ училищъ и усиленіе ихъ средствъ. Въ гминѣ Свиржѣ было съ 1867 года четыре сельскихъ училища (одно изъ нихъ въ посадѣ Свиржѣ—двуклассное). Содержаніе этихъ училищъ на половину шло отъ казны, а другая половина собиралась съ крестьянъ той деревни, въ которой было училище. Отпускаемые на училища средства были очень скудны, и ихъ еле хватало на самыя существенныя потребности. Польское населеніе, конечно, не сочувствовало распространенію русской грамотности и неохотно посылало своихъ дѣтей въ школы; помѣщики же, а также евреи и нѣмцы, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, вовсе не участвовали въ содержаніи училищъ. Въ декабрѣ 1875 года я убѣдилъ крестьянъ на гминномъ сходѣ составить приговоръ о переименованіи имѣющихся 4-хъ сельскихъ училищъ въ гминныя, съ увеличеніемъ средствъ этихъ училищъ на 560 р. и съ привлеченіемъ къ складкѣ на эти училища всѣхъ жителей, имѣющихъ недвижимость въ чертѣ гмины, не исключая и помѣщиковъ. Это, конечно, вызвало сильное неудовольствіе послѣднихъ, которые, по совѣту своихъ благопріятелей, уѣздныхъ чиновниковъ, обжаловали этотъ приговоръ и добились того, что таковой въ 1876 году былъ отмѣненъ. Тѣмъ не менѣе я не считалъ этого дѣла проиграннымъ и въ 1877 году опять составилъ съ согласія крестьянъ такого же рода приговоръ по новой формѣ, который и былъ утвержденъ высшими инстанціями и дѣйствуетъ и до сего времени.

IX.

Нѣкоторые инциденты между крестьянами и помѣщиками и недобросовѣтность послѣднихъ, поддерживаемыхъ уѣздными чиновниками.—Помѣщикъ К. и его подвиги.—Поддержка его комиссаромъ Г.—Плачевный конецъ карьеры послѣдняго.

Познакомившись поближе съ мѣстнымъ населеніемъ, я нашелъ, что въ деревняхъ и мѣстечкахъ, кромѣ нѣсколькихъ «полпанковъ» и ремесленниковъ, ослѣпляемыхъ религіознымъ фанатизмомъ, въ сущности вовсе нѣтъ личностей неблагонадежныхъ, да и волненія, происходившія на почвѣ религіозной, были незначительны. Серьезнѣе были другія волненія, происходившія по причинамъ экономическимъ. Но въ подобныхъ исторіяхъ всегда почти оказывались виновными мѣстные помѣщики, стремившіеся поживиться насчетъ крестьянскаго добра незаконнымъ способомъ, въ чемъ ихъ поддерживали, какъ и во всемъ вообще, уѣздные чиновники. Приведу наиболѣе выдающіеся примѣры подобнаго рода недоразумѣній и столкновеній.

У разорившагося помѣщика имѣнія Руда, Тржицинскаго, приобрѣлъ послѣднее еврей Шлема Бухвицъ. Этотъ еврей построилъ въ имѣніи на рѣчкѣ Угеркѣ водяную мельницу, но, чтобы она дѣй-

ствовала, оказалось необходимымъ построить ее выше аршина на $1\frac{1}{2}$. Онъ такъ и сдѣлалъ, при чемъ, конечно, поднялъ воду въ рѣчкѣ, и вода, выйдя изъ береговъ, затопила смежные крестьянскіе луга и огороды. Вслѣдствіе этого крестьяне понесли большіе убытки и подали на это жалобу комиссару по крестьянскимъ дѣламъ Г. Комиссаръ этотъ, по своему направленію, ничѣмъ не отличался отъ уѣздной чиновной братіи и сразу принялъ сторону еврея. вмѣсто того, чтобы удовлетворить законную жалобу крестьянъ, онъ послалъ землемѣра для устройства граничныхъ знаковъ по краямъ разлившейся воды, чѣмъ крестьянская земля, затопленная водою, присоединялась къ району владѣній еврея Б. Крестьяне возмутились и не допустили устройства граничныхъ холмиковъ («копцовъ»). Тогда черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ самъ комиссаръ Г. съ начальникомъ земской стражи, землемѣромъ и нѣсколькими стражниками, но крестьяне снова воспрепятствовали постановкѣ граничныхъ знаковъ. Комиссаръ донесъ губернатору о сопротивленіи крестьянъ, прося дать помощь для приведенія въ исполненіе своего постановленія. Снова пріѣхали тѣ же лица съ земскими стражниками, но опять ничего не вышло. Чтобы напугать крестьянъ, комиссаръ 15 человекъ изъ нихъ оштрафовалъ по 3 рубля, но и это не подѣйствовало. Наконецъ начальникъ уѣзда, которому я выяснилъ все, видя серьезность этого дѣла, послалъ для разслѣдованія причины упорства крестьянъ своего помощника Шантгаю и уѣзднаго архитектора Ц. Послѣдній сразу принялъ сторону богатаго еврея, но Шантгаю оказался честнымъ человекомъ и вывелъ все дѣло на чистоту. Воду понизили, и Шантгаемъ былъ поставленъ при мельницѣ знакъ съ указаніемъ уровня воды, выше котораго она не должна подниматься. Крестьянская земля освободилась отъ воды, и крестьяне успокоились.

Помѣщикъ одного имѣнія К. (въ настоящее время продавшій имѣніе и неизвѣстно гдѣ обрѣтающійся), человекъ въ высшей степени безнравственный и безсовѣстный, будучи обремененъ долгами, задумалъ поправить свои обстоятельства способомъ, совершенно на первый взглядъ невѣроятнымъ по его беззаконности и тѣмъ не менѣе почти ему удавшимся, благодаря усердной поддержкѣ чиновниковъ. Деревню, находящуюся въ этомъ имѣніи, окружаютъ плодородныя крестьянскія земли, тогда какъ земля помѣщика, расположенная за крестьянской, до границы сосѣдняго имѣнія, на разстояніи около 2-хъ верстъ, наоборотъ — самаго плохого качества, и на ней произрастали только сорныя травы. К. задумалъ ни болѣе ни менѣе, какъ обмѣнять свою плохую землю на хорошую крестьянскую. Для этого онъ вошелъ въ сдѣлку съ комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ Г. (участвовавшимъ и въ исторіи съ мельницей), который составилъ протоколъ о желаніи помѣщика К., для улучшенія хозяйства крестьянъ своего имѣнія, вла-

дѣющихъ земель дурного качества, обмѣнять эту землю на свою хорошую. Протоколъ этотъ былъ подписанъ, кромѣ помѣщика К., комиссаромъ Г., землемѣромъ Г. и свидѣтелями — нѣсколькими нѣмцами-колонистами, подговоренными К., и помѣщикомъ сосѣдняго имѣнія Г. Всѣ эти лица своими подписями удостовѣрили негодность крестьянской земли и плодородіе помѣщичьей въ имѣніи К—го, т.-е. явную и безсовѣстную ложь. Протоколъ этотъ помѣщикъ К. убѣждалъ меня неоднократно подписать за себя и за гминнаго войта (неграмотнаго) и приложить печать. Прочитавъ протоколъ и видя въ немъ одну ложь, имѣвшую цѣлью разорить крестьянъ и обогатить помѣщика, я, конечно, категорически отказался его подписать. Тогда К. обратился къ комиссару съ просьбой оказать воздѣйствіе на меня, изъ-за котораго все дѣло не можетъ сладиться. Вскорѣ я и войтъ получили предписаніе явиться съ печатью въ уѣздное управленіе. Прибывъ туда, я доложилъ начальнику уѣзда о крайне незаконномъ составленіи протокола, который я поэтому и отказался подписать. Тутъ явился комиссаръ и сталъ жаловаться на меня начальнику уѣзда, говоря, что я почему-то отказался подписать бумагу, вполне правильную, и войта уговорилъ не подписываться. Несмотря на мой подробный докладъ объ этомъ дѣлѣ, начальникъ уѣзда все же приказалъ мнѣ и войту подписать протоколъ и приложить печать, и я долженъ былъ повиноваться. Такимъ образомъ дѣло было обставлено съ формальной стороны какъ будто и правильно. Но крестьяне узнали обо всемъ и написали жалобу губернатору на неправильныя дѣйствія комиссара, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ. Не знаю, какой ходъ былъ данъ жалобѣ, но дѣло это, какъ видно, дошло до высшихъ инстанцій, потому что вскорѣ комиссаръ Г. уѣхалъ въ Петербургъ, а по возвращеніи оттуда оказался уволеннымъ отъ службы.

Подобнаго рода случаевъ я могъ бы привести еще нѣсколько, но это заняло бы слишкомъ много мѣста. Помѣщикъ К., фигурировавшій въ послѣднемъ дѣлѣ, надѣлалъ мнѣ вообще много хлопотъ и непріятностей. Комиссаръ Г., котораго онъ возстановилъ противъ меня, по счастью для меня, былъ уволенъ. Тогда К. вооружилъ противъ меня начальника земской стражи, П., назначеннаго потомъ начальникомъ уѣзда, который въ качествѣ моего прямого начальника могъ вредить мнѣ еще сильнѣе, и дѣйствительно достигъ наконецъ того, что въ 1898 году я, выведенный изъ терпѣнія его систематическими преслѣдованіями и утомленный такой трудной и непріятной службой, оставилъ ее. Не могу удержаться, чтобы не охарактеризовать подробнѣе помѣщика К., представлявшаго въ своемъ родѣ замѣчательный провинціальный типъ, и не рассказать нѣкоторыхъ исторій съ нимъ въ связи съ преслѣдованіемъ меня упомянутымъ П.

К. родился въ хорошей семьѣ, но воспитаніе получилъ почему-то скверное. Для него нанятъ былъ гувернеръ, который вмѣсто того, чтобы воспитывать К. въ добрыхъ началахъ, научилъ его развратничать и вмѣстѣ съ нимъ принималъ участіе въ похощеніяхъ съ сельскими прелестницами. По смерти родителей, К. наводнилъ свой домъ всевозможными субретками и устраивалъ съ ними цѣлыя оргіи. Между прочимъ, онъ вошелъ въ связь съ крестьянкой М. и имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей. Затѣмъ онъ женился на нѣкоей Б., помѣщицѣ Владимирь-Волынскаго уѣзда, но и при женѣ продолжалъ связь съ М. Видя это, жена ушла къ матери. К. нѣсколько разъ убѣждалъ ее возвратиться, и та наконецъ передала ему, что можетъ возвратиться только подъ условіемъ удаленія М. изъ предѣловъ губерніи. К. предложилъ М. (жительствовавшей въ сосѣдней деревнѣ) черезъ мѣсяцъ оставить деревню и выѣхать въ другую губернію, но та этого не исполнила; да и куда она могла выѣхать, не имѣя средствъ и будучи къ тому же беременною отъ того же К.? Тогда К., взявъ съ собою нѣсколькихъ дворовыхъ, отправился ночью къ дому М. и, вызвавъ ее въ лѣсъ, спросилъ, почему она до сего времени не уѣхала. Та отвѣтила, что чувствуетъ себя нездоровою. Взбѣшенный К. приказалъ своимъ людямъ растянуть ее и сѣчь. Началась жестокая экзекуція, которую прекратило только появленіе какого-то крестьянина, искавшего своихъ коровъ въ лѣсу. М. подала на К. жалобу въ судъ за истязанія и представила свидѣтельство уѣзднаго врача, который далъ заключеніе, что не ручается за ея жизнь. Назначенъ былъ на слѣдствіе судебный слѣдователь-полякъ, вѣроятно, изъ хорошихъ знакомыхъ К. Онъ призналъ дѣло недоказаннымъ и отправилъ къ товарищу прокурора на окончаніе. Между тѣмъ больная М. разрѣшилась преждевременно отъ бремени мертвыми близнецами и умерла, о чемъ я и донесъ товарищу прокурора. Тогда былъ назначенъ для переразслѣдованія другой слѣдователь—русскій, и дѣло пошло иначе. Трупъ былъ вскрытъ, и слѣды истязаній были найдены, какъ наружныя, такъ и внутренніе. Дѣло это разбиралось 9 сентября 1887 года въ Люблинскомъ окружномъ судѣ, который присудилъ К. на пять лѣтъ въ каторгу. К. обжаловалъ этотъ приговоръ въ Варшавской судебной палатѣ, которая сократила ему наказаніе до 7-ми мѣсяцевъ тюрьмы. Когда К. отбылъ свое наказаніе, то оказался кругомъ въ долгахъ вслѣдствіе запущенныхъ дѣлъ и скоро совершенно разорился.

И вотъ такой-то субъектъ, можно сказать, убійца собственныхъ любовницы и дѣтей, былъ пріятелемъ почти всѣхъ уѣздныхъ чиновниковъ. Можно себѣ представить небрежливость этихъ господъ... Особенно же онъ подружился съ начальникомъ земской стражи (впослѣдствіи начальникомъ уѣзда), вышеупомянутымъ П. Послѣдній часто пріѣзжалъ къ К. въ имѣніе, охотился тамъ и всячески

развлекался, а К., конечно, пользовался этимъ и постоянно жаловался на мою неподатливость и враждебное къ себѣ отношеніе. Между тѣмъ никакой личной вражды я къ нему не имѣлъ, а только не могъ согласиться поступать противъ совѣсти, какъ онъ этого требовалъ (что видно изъ приведенныхъ случаевъ). Одинъ разъ, напримѣръ, К. подалъ жалобу комиссару на потраву клевера, произведенную у него будто бы крестьянами на сумму 300 рублей. Комиссаръ поручилъ мнѣ провѣрить эту жалобу, и я на мѣстѣ убѣдился, что никакой потравы не было, да притомъ же К. очень часто подавалъ такія жалобы просто потому только, что надѣялся какимъ нибудь образомъ взыскать штрафъ съ крестьянъ и тѣмъ поправить свои разстроенныя обстоятельства. На этотъ разъ ему удалось заманить меня къ себѣ въ домъ. Заперши дверь на ключъ, онъ потребовалъ отъ меня написать и подписать протоколъ о потравѣ. Я увидѣлъ, что дѣло плохо, потому что К. въ такихъ случаяхъ при отказѣ не задумывался прибѣгать къ побоямъ, вооружаясь кастетомъ, а иногда и стрѣлялъ изъ револьвера ¹⁾. Тогда я притворился покорнымъ и готовымъ исполнить его желаніе, но сказалъ, что составленіе протокола займетъ около часа, между тѣмъ лошади мои еще не накормлены, да и портфель съ бумагами въ бричку, почему мнѣ необходимо купить овса для лошадей и отправить ихъ на постоянный дворъ, а бумаги взять съ собой. Къ счастью моему, К. повѣрилъ моимъ словамъ и отпустилъ меня, а я сѣлъ въ бричку и поскорѣе уѣхалъ. К. спохватился, кричалъ мнѣ въ догонку возвратиться, но я, конечно, его не послушалъ.

Х.

Преслѣдованіе меня начальникомъ земской стражи П., увеличившееся послѣ назначенія его начальникомъ уѣзда.—Переходъ мой на другую службу.—Комиссаръ О. О. С. и добрая память, имъ оставленная въ Холмскомъ уѣздѣ.

Натравливаемый на меня помѣщикомъ К., начальникъ земской стражи П. сталъ всячески ко мнѣ придирается и преслѣдовать. По порученію начальника уѣзда, онъ довольно часто производилъ у меня ревизію дѣлъ и всякую мелкую оплошность раздувалъ въ большую. Между тѣмъ нужно сказать, что мнѣ приходилось издерживать значительную часть своего жалованья на сына, который обучался въ то время въ Холмѣ въ техническомъ училищѣ, а потому я часто не въ состояніи былъ нанимать себѣ помощника, самому же справляться со всѣми дѣлами (гминный войтъ былъ неграмотный) было очень трудно — приходилось нерѣдко работать по ночамъ. При та-

¹⁾ Одинъ разъ въ подобномъ случаѣ К. выстрѣлилъ изъ револьвера въ моего помощника и ранилъ его въ голову.

кихъ условіяхъ трудно было быть всегда исправнымъ въ работѣ, и вотъ къ этимъ второстепеннымъ неисправностямъ и придирался П. Когда же его назначили начальникомъ уѣзда, то онъ сталъ уже собственною властью штрафовать меня не менѣе 5 рублей за всякій пустякъ. Въ концѣ концовъ онъ захотѣлъ лишить меня и квартиры въ гминномъ управленіи, а также поля и огорода при ней по слѣдующему поводу. Крестьяне стали меня уговаривать принять должность войта и при выборахъ (происходившихъ каждое трехлѣтіе) выбрали меня войтомъ единогласно. Я согласился принять эту должность, рассчитывая на то, что, исполняя обязанности войта и писаря вмѣстѣ, буду получать двойное жалованье. Такъ оно и было нѣкоторое время, но П. нашелъ такой порядокъ неправильнымъ и добился того, что ко мнѣ назначили особаго писаря, а такъ какъ общественная квартира назначалась собственно для писаря, то послѣдній и сталъ выживать меня изъ квартиры, хотя послѣдняя была ему не нужна, такъ какъ онъ былъ холостой и имѣлъ особую комнату въ гминномъ управленіи. Но ему нужно было только выжить меня изъ гмины, къ чему поощрялъ его и П. Наконецъ они достигли своей цѣли, такъ какъ я, утомленный этой непосильной борьбой, воспользовался первой возможностью получить другое мѣсто и оставилъ свою неблагодарную службу въ февралѣ 1898 года, прослуживъ такимъ образомъ въ сельскихъ должностяхъ почти 40 лѣтъ. Но моимъ недругамъ недолго пришлось радоваться своей побѣдѣ. П. вскорѣ скоропостижно скончался, а посаженный имъ на мое мѣсто писарь спился съ кругу, былъ уволенъ и теперь, говорятъ, нищенствуетъ. Богъ съ ними, — я не желаю имъ зла. Свиржовскіе же крестьяне и до сего времени упрашиваютъ меня возвратиться къ нимъ на службу въ качествѣ войта или писаря, но нѣтъ: не тѣ уже мои лѣта, нѣтъ прежней энергии и терпѣнія для перенесенія всяческихъ невзгодъ, причиняемыхъ людскою злобой и нечестностью.

Послѣ комиссара по крестьянскимъ дѣламъ Г., такъ плачевно окончившаго свою карьеру, былъ назначенъ на это мѣсто изъ Петербурга *Э. Э. С.*¹⁾ Этотъ честный русскій дѣятель оставилъ по себѣ въ Холмскомъ уѣздѣ такую же добрую память, какъ вышеупомянутые комиссары *Э. Э. Кокошкинъ* и *Д. Г. Барановъ*. *Э. Э. С.* такъ же, какъ и они, строго блюлъ интересы крестьянъ, защищая ихъ отъ незаконныхъ посягательствъ польскихъ помѣщиковъ, и такъ же, какъ они, былъ привѣтливъ и доступенъ въ отношеніяхъ съ меньшей братьей. Ко мнѣ онъ тоже относился прекрасно и старался по возможности отстаивать отъ нападокъ и придирокъ П. и ему подобныхъ. Память о *Э. Э. Кокошкинѣ*, *Д. Г. Барановѣ* и слу-

¹⁾ Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ председателемъ крестьянскаго банка въ Люблинѣ.

жебной дѣятельности О. О. С. (нынѣ еще здравствующаго) никогда не изгладится изъ моего сердца; не забудутъ ихъ никогда и благодарные крестьяне Холмскаго уѣзда, достойніе которыхъ не разъ отстаивали эти высокочестные люди отъ хищныхъ вождельній.

XI.

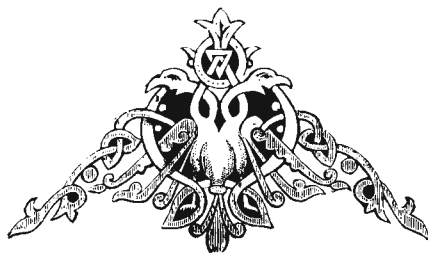
Еврей и ихъ эксплуататорская роль въ селахъ Привислинскаго края.—Нѣсколько словъ о мѣстномъ духовенствѣ.

А сколько этихъ вождельній направлено противъ крестьянина! Кромѣ тѣхъ недруговъ, которые ведутъ съ нимъ прямую борьбу, соединившись съ продажными чиновниками, есть въ деревняхъ и мѣстечкахъ Юго-Западнаго края еще одинъ врагъ крестьянина, эксплуатирующій его подъ видомъ пріятеля, подающаго ему въ нуждѣ руку помощи. Я говорю о евреяхъ. Въ Привислинскомъ краѣ имъ воспрещалось и воспрещается селиться на крестьянскихъ земляхъ, но они могутъ селиться на помѣщичьихъ. Ремесленниковъ среди нихъ очень мало, и снискиваютъ они себѣ пропитаніе исключительно мелкой торговлей и ростовщичествомъ. Проценты они берутъ съ крестьянина безбожные, но послѣдній платитъ ихъ охотно, потому что еврей никогда не прочь отсрочить уплату долга и взять процентъ натурой, т.-е. зерномъ, продуктами и т. п. Ростовщичество евреевъ особенно сильно процвѣтало до введенія казенной продажи вина, въ то блаженное для нихъ время, когда они брали въ аренду у мѣстныхъ помѣщиковъ корчмы съ правомъ продажи въ нихъ питей (это право принадлежало помѣщикамъ и называлось «пропинаціоннымъ», а помѣщики переуступали его евреямъ за извѣстную плату). Корчма, къ счастью, уничтоженная казенной монополіей въ 1898 году, представляла для мѣстнаго крестьянина страшное зло. Еврей, продавая ему отвратительную водку, съ разными подмѣсями, одурманивающими голову, дралъ съ крестьянина послѣднюю шкуру. За шкаликъ противной «оковиты» (такъ называлась въ царствѣ Польскомъ крѣпкая водка, приготовляемая на мѣстныхъ винокуренныхъ заводахъ и отличавшаяся обильнымъ содержаніемъ сивушнаго масла) крестьянинъ несъ жиду свои продукты и пожитки, постепенно влѣзалъ въ долги и наконецъ совершенно закабаливался. Если заманиваемый жидомъ крестьянинъ входилъ въ его шинокъ съ деньгами, вырученными послѣ продажи какой нибудь домашней скотины, то выходилъ онъ оттуда ни съ чѣмъ, потому что одурманивающая сивуха отнимала у него всякую волю и соображеніе и предавала въ руки жида. А сколько преступленій совершено было подъ влияніемъ паровъ той же сивухи, отличающейся свойствомъ сразу одурманивать человѣка и пробуждать въ немъ звѣрскіе инстинкты. Введеніе монопольной продажи

водки казною вырвало многихъ крестьянъ изъ когтей евреевъ-шинкарей, не говоря уже о томъ, что и самое качество казенной водки гораздо выше оковиты и въ умѣренномъ количествѣ не отзывается вредно на здоровьѣ.

Я хотѣлъ бы еще сказать нѣсколько словъ о мѣстномъ православномъ духовенствѣ, о его религиозномъ и просвѣтительномъ вліяніи на народъ. Къ сожалѣнію, я не могъ замѣтить сколько нибудь видныхъ слѣдовъ этого вліянія. Происходитъ ли это потому, что слова мѣстныхъ пастырей духовныхъ падаютъ на почву каменистую, или потому, что эти слова далеко не всегда сопровождаются примѣромъ, не знаю... О мѣстныхъ католическихъ ксендзахъ этого нельзя сказать. Они несомнѣнно имѣютъ вліяніе, хотя часто и нежелательное, въ смыслѣ развитія, напримѣръ, религиозной нетерпимости; но они же добиваются иногда и того, что цѣлыя деревни даютъ обѣщаніе не пить водки и свято его исполняютъ.

Л. Н. Савлукъ.

ЛИЧНОСТЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

ЛИЧНОСТЬ императрицы Екатерины, увѣковѣчившей за собою громкій и исключительный эпитетъ Великой, заслуженно или незаслуженно, но во всякомъ случаѣ безспорно пользовалась всеобщимъ вниманіемъ и русскихъ, и иностранныхъ писателей. Подавляющая масса всевозможныхъ историко-литературныхъ произведеній, имѣющихъ то или другое отношеніе къ дѣятельности выдающейся русской императрицы, заключала и заключаетъ въ себѣ чрезвычайное разнообразіе взглядовъ, какъ на самую личность Екатерины, такъ и на характеръ ея управленія государствомъ. Но, несмотря на крайнее разнообразіе и необыкновенное богатство различныхъ оттѣнковъ въ освѣщеніи любопытной фигуры Екатерины и интересной эпохи ея царствованія, всѣ многочисленные труды, посвященные занимающему насъ вопросу, можно легко и удобно распредѣлить на три главныя группы. Какъ обыкновенно бываетъ съ крупными, незаурядными личностями, обладающими, на ряду съ большими, несомнѣнно цѣнными достоинствами, и меньшими недостатками, императрица Екатерина и въ обществѣ и въ литературѣ имѣла достаточное число и восторженныхъ поклонниковъ, совершенно не замѣчавшихъ оборотной стороны блестящей медали, и ожесточенныхъ враговъ, истолковывавшихъ исключительно въ дурную сторону большую часть ея идей-

ныхъ стремленій и правительственныхъ распоряженій. На ряду съ торжественнымъ гимномъ восторженныхъ похвалъ и малопродуманныхъ панегириковъ, какъ въ обществѣ, въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ, такъ и въ самой литературѣ, особенно иностранной, раздавались рѣзкіе голоса недовольныхъ, оставившихъ послѣ себя немало памфлетовъ и пасквилей, направленныхъ по адресу Екатерины.

Мы не будемъ, конечно, подробно останавливаться на нихъ и детально разсматривать здѣсь безчисленные произведенія не имѣющей научнаго характера, исторической и полуйсторической литературы, посвященной екатерининской эпохѣ. Для нашей цѣли вполне достаточно познакомиться и съ одними наиболѣе типичными образцами подобной литературы, такъ какъ и они дадутъ намъ возможность составить болѣе или менѣе опредѣленное и вѣрное представление объ общемъ характерѣ всѣхъ трудовъ екатерининскихъ панегиристовъ и памфлетистовъ. Къ числу такихъ самыхъ типичныхъ образцовъ восторженной идеализаціи изучаемаго царствованія можно смѣло отнести довольно обширный трудъ нашего извѣстнаго исторіографа Карамзина, посвященный личности и дѣятельности Екатерины; въ немъ авторъ, захлебываясь отъ восторга, не находитъ достаточно яркихъ красокъ, чтобы нарисовать удачный и вѣрный портретъ, вполне отвѣчающій историческому оригиналу. «Всѣ обожали Великую»,— съ паѳосомъ восклицаетъ онъ, нисколько не желая считаться съ дѣйствительностью, представлявшею, особенно въ послѣдніе годы правленія императрицы, немалочисленные примѣры и совершенно противоположныхъ отношеній къ прославляемой государынѣ. «И тѣ, которые, скрываясь во мракѣ отдаленія—подъ тѣнью снѣжнаго Кавказа, или за вѣчными льдами пустынной Сибири—никогда не зрѣли образа Безсмертнаго, и тѣ чувствовали спасительное дѣйствіе ея правленія; и для тѣхъ она была божествомъ, не видимымъ, но благотворнымъ. Гдѣ только сіяло солнце въ областяхъ россійскихъ, вездѣ сіяла ея премудрость». «Какъ завоевательница, Екатерина, по словамъ Карамзина, стоитъ на ряду съ первыми героями вселенной; міръ удивляется блестящимъ успѣхамъ ея оружія, но Россія обожаетъ ея уставы, и военная слава героини ступевывается въ ней славою образовательницы государства. Страна, уже имѣвшая въ лицѣ Петра своего великаго преобразователя, за время 34-хъ-лѣтняго дѣятельнаго царствованія Екатерины, настолько преобразилась, возвысилась духомъ, соврѣла умомъ, что отцы наши, — замѣчаетъ восторженный поклонникъ императрицы,—если бы они только могли теперь воскреснуть, не узнали бы Россію».

Рѣзкій контрастъ крайне приподнятому тону многочисленныхъ поклонниковъ Екатерины, не скупившихся на яркое освѣщеніе внѣшней, показной стороны ея царствованія и совершенно не за-

мѣчавшихъ темныхъ пятенъ во всей ея жизни и дѣятельности, представляли собою отзывы современниковъ и позднѣйшихъ историковъ, высказывавшихъ вполне искреннее убѣжденіе въ несомнѣнно печальныхъ результатахъ екатерининскаго управленія государствомъ. Въ нихъ, въ этихъ отрицательныхъ отзывахъ, высказывались взгляды на блестящую съ внѣшней стороны екатерининскую эпоху, какъ на пустую театральную феерію, не безъ искусства разыгранную опытною артисткой и рассчитанную на легко поддающіяся вліянію сценическихъ эффектовъ впечатлительныя натуры зрителей. Здѣсь обвиняли Екатерину въ чрезмѣрномъ тщеславіи и самовластіи, какъ единственныхъ импульсахъ, руководившихъ всею правительственною дѣятельностью императрицы и побуждавшихъ ее вызывать къ временной эфемерной жизни блестящія учрежденія, дававшія ей славу ихъ основательницы, и затѣмъ преспокойно оставлять ихъ въ полномъ пренебреженіи и заброшенности. Сильно упрекали Екатерину за то, что она возвела въ цѣлую правительственную систему постройку пышныхъ, нарядныхъ фасадовъ съ грязными, неопрятными и вонючими задворками, чѣмъ и принесла громадный вредъ русскому народу и государству, окончательно испортивъ нравы высшихъ общественныхъ классовъ и еще болѣе ухудшивъ матеріальное и правовое положеніе обездоленныхъ низшихъ простонародныхъ массъ. Возмущались интимною стороною личной жизни императрицы, какъ извѣстно, далеко не отличавшейся пуританскими добродѣтелями, и сравнивали ее, въ этомъ отношеніи, съ оставившей послѣ себя печальную память развратной женой одного изъ римскихъ цезарей—Мессалиной.

Едва ли не первое по времени рѣзкое и суровое осужденіе всей своей внутренней и внѣшней политики Екатерины пришлось встрѣтить въ запискѣ собственнаго же сына, цесаревича Павла, въ 1774 году написавшаго пресловутое «Разсужденіе о государствѣ...», составленное подъ несомнѣннымъ вліяніемъ, а, можетъ быть, и при ближайшемъ руководствѣ братьевъ Паниныхъ, непримиримыхъ идейныхъ противниковъ императрицы и ея личныхъ недоброжелателей. Даже и любимый внукъ Екатерины, будущій императоръ Александръ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ искусственно воспитывавшійся въ любви и привязанности къ идеямъ и дѣламъ царственной бабушки, беспощадно порицалъ многія стороны ея правительственнаго режима: «Въ нашихъ дѣлахъ, — писалъ онъ въ послѣдніе годы екатерининскаго царствованія, — господствуетъ неимовѣрный беспорядокъ: грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду». Раздавались рѣзкія порицанія и осужденія политики Екатерины и въ современной императрицѣ русской литературѣ, хотя они, конечно, здѣсь и не могли высказываться прямо и открыто, а должны были изыскивать для себя различныя прикровенныя формы. Въ такой

искусственно замаскированной, хотя и довольно прозрачной, формѣ были выставлены и осмѣяны темныя стороны екатерининскаго режима въ знаменитой книгѣ Радищева «Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву», гдѣ императрица, избалованная всеобщимъ поклоненіемъ и удивленіемъ предъ ея недюжиннымъ умомъ, къ своему крайнему негодованію, встрѣтила злую карикатуру на все то, что такъ усердно восхвалялось ея поклонниками и панегиристами.

Открытое осужденіе и ничѣмъ не скрашиваемыя порицанія дѣятельность императрицы Екатерины могла вызывать только въ иностранной, заграничной литературѣ, всегда удѣлявшей большое вниманіе личности, частной жизни и правительственнымъ трудамъ знаменитой русской государыни. Съ общимъ тономъ и содержаніемъ безчисленныхъ иностранныхъ литературныхъ произведеній, затрогивавшихъ екатерининскую эпоху, мы имѣемъ полную возможность довольно обстоятельно познакомиться, благодаря обширному и цѣнному труду профессора Вильбасова, посвятившаго 12-й томъ своей «Исторіи Екатерины II» обзору болѣе 1.280 иностранныхъ сочиненій, собранныхъ и хранящихся въ нашей Императорской Публичной библиотекѣ. При общемъ благопріятномъ, а иногда даже очень лестномъ и восторженномъ, отношеніи къ личности и дѣятельности Екатерины, въ литературныхъ трудахъ иностранцевъ нерѣдко раздавались, хотя и отдѣльные, разрозненные, но несомнѣнно рѣзкіе голоса, представлявшіе въ крайне непривлекательномъ видѣ прославленную русскую императрицу. Въ такомъ видѣ, на примѣръ, Екатерина является въ наиболѣе полной и документальной нѣмецкой исторіи Русскаго государства: «Geschichte des Russischen Staats», написанной Германномъ въ началѣ 50-хъ годовъ. Въ свое время обширный трудъ Германа, дававшій первую полную исторію Екатерины, основанную на непосредственномъ изученіи обильныхъ архивныхъ матеріаловъ, былъ запрещенъ въ Россіи, почему и пользовался широкимъ распространеніемъ въ образованныхъ кругахъ русскаго общества, усердно читался ими и безъ всякихъ провѣрокъ принимался на вѣру, какъ безпристрастный историческій очеркъ давно минувшей эпохи. Воспользовавшись для своего труда дипломатическими депешами саксонскихъ, прусскихъ и англійскихъ резидентовъ въ Петербургѣ и Варшавѣ, авторъ перечиталъ цѣлые томы всевозможныхъ донесеній въ архивахъ Дрездена, Берлина и Лондона и сумѣлъ сообщить, какъ западно-европейской, такъ и русской публикѣ множество интересныхъ историческихъ новостей. Хотя онъ и не дѣлаетъ общей характеристики Екатерины, но своими отзывами о личности императрицы, разбросанными по всему сочиненію, нарисовалъ предъ глазами читателей чрезвычайно мрачную, непривлекательную картину, заставивъ думать, что Екатерина, эта «умная» нѣмка, ставъ русской императрицей, превратилась въ какого-то изверга.

Русская публика въ первое время не имѣла никакой возможности критически отнестись къ нарисованной Германномъ тенденціозно-мрачной картинѣ. Сама академія наукъ признавала нѣмецкаго ученаго глубокимъ знатокомъ русской исторіи и опытнымъ критикомъ сырыхъ историческихъ матеріаловъ, способнымъ эксплуатировать ихъ въ полномъ согласіи со всѣми требованіями современной науки; историки-спеціалисты не могли притти на помощь читателямъ-неспеціалистамъ, такъ какъ трудъ Германа въ качествѣ книги, запрещенной въ предѣлахъ Россіи, долго не вызывалъ въ нашей литературѣ никакихъ серьезныхъ возраженій и замѣчаній; наконецъ, документальная провѣрка впечатлѣній, получившихся отъ односторонне освѣщенной екатерининской эпохи, была положительно невозможна для русской читающей публики,—невозможна по той простой причинѣ, что тогда еще наши отечественные архивы ревниво оберегали свои, покрытыя вѣковой пылью, сокровища отъ любознательности историковъ.

Но съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія условія изученія и разработки новѣйшей отечественной исторіи, какъ извѣстно, въ значительной степени измѣнились къ лучшему; началась усиленная дѣятельность по описанію и обнародованію интересныхъ и важныхъ документовъ, всесторонне и безпристрастно обрисовывавшихъ личность Екатерины и характеръ ея управленія государствомъ. Постепенно приводился въ извѣстность и накоплялся обильный и цѣнный матеріалъ, дававшій уже возможность позднѣйшимъ историкамъ выйти на вѣрную дорогу и поставить на исполнѣ научную почву свои изслѣдованія екатерининской эпохи.

Нашъ крупнѣйшій историкъ Соловьевъ, хотя и далеко не закончилъ описанія екатерининскаго царствованія и не далъ читателямъ ни спеціальной характеристики личности императрицы, ни общей оцѣнки ея государственной дѣятельности, но, тѣмъ не менѣе, своимъ капитальнымъ трудомъ, всецѣло основаннымъ на тщательномъ изученіи первоисточниковъ, оказалъ немаловажную услугу выработкѣ правильныхъ, исполнѣ безпристрастныхъ и научно обоснованныхъ взглядовъ на личную жизнь и государственныя заботы Екатерины.

Намъ нѣтъ настоящей необходимости перечислять здѣсь, а тѣмъ болѣе подробно останавливаться на всѣхъ, появившихся въ литературѣ послѣ «Исторіи» Соловьева, довольно многочисленныхъ попыткахъ охарактеризовать личность Екатерины и представить сильную оцѣнку ея правительственной, государственной дѣятельности. Многія изъ нихъ не отличаются особенной самобытностью и не приносятъ почти ничего оригинальнаго въ сложную картину екатерининскаго царствованія, вырисовывающуюся въ трудахъ наиболѣе вдумчивыхъ и талантливыхъ историковъ. Вотъ почему и въ настоящемъ очеркѣ мы считаемъ исполнѣ достаточнымъ

познакомиться лишь съ тѣми работами новѣйшихъ и современныхъ историковъ, которые дѣйствительно проводили свои собственные, болѣе или менѣе замѣтные, штрихи въ портретъ Екатерины и оказывали существенныя услуги дѣлу научной оцѣнки ея царствованія. Такими цѣнными работами, устанавливающими правильный, научный взглядъ на интересующую насъ екатерининскую эпоху, нельзя не признать двѣ, небезызвѣстныя и широкой публикѣ, обширныя монографіи Брикнера и Вильбасова и двѣ не большія, но любопытныя статьи Ключевского и Милюкова.

Въ своей «Исторіи Екатерины II» Брикнеръ не приходитъ въ восторгъ отъ пышныхъ фразъ и бившихъ на виѣшній, показной эффектъ громкихъ дѣлъ императрицы, въ чемъ такъ часто грѣшили историки и писатели-панегиристы, но въ то же время не впадаетъ и въ другую, совершенно противоположную, крайность— не обрисовываетъ ея личную и общественную жизнь преувеличенно мрачными, темными красками, что нерѣдко случалось съ людьми, слишкомъ строго относившимися къ Екатеринѣ и разсматривавшими ея дѣятельность безъ должной исторической перспективы. По его словамъ, во всей исторіи едва ли возможно указать другую женщину, настолько же способную къ управленію государственными дѣлами, насколько оказалась способной наша русская императрица Екатерина. Еще въ молодыхъ годахъ, въ положеніи скромной великой княгини, которой не довѣряли ни императрица Елисавета Петровна, ни наслѣдникъ престола, будущій Петръ III, зорко слѣдившіе за ней, Екатерина уже обнаружила недюжинныя способности заставлятъ окружающихъ лицъ служить своимъ цѣлямъ и видамъ. Не любившая стѣсняться въ выборѣ средствъ къ достиженію разъ намѣченной цѣли, Екатерина, послѣ страшныхъ униженій и тяжелыхъ испытаній, перенесенныхъ въ молодости, легко сумѣла сдѣлаться самодержавной государыней. Но рѣзкій переходъ отъ полной и безусловной зависимости къ неограниченному могуществу не только не повліялъ на развитіе дурныхъ инстинктовъ и не вызвалъ въ ней наклонности къ деспотизму, что такъ часто бываетъ съ другими людьми въ ея положеніи, а даже напротивъ оказалъ умиротворяющее, облагораживающее вліяніе на характеръ императрицы.

Брикнеръ не безъ основанія замѣчаетъ о невозможности и несправедливости считать дѣломъ случая или угодничества то обстоятельство, что сохранившіеся до нашего времени многочисленныя анекдоты довольно единодушно свидѣтельствуютъ о многихъ хорошихъ качествахъ Екатерины. Не даромъ русское общество, въ первую половину екатерининскаго царствованія, пріятно удивлялось не совсѣмъ обычнымъ для него кротости, снисходительности и «сердечному вниманію императрицы къ интересамъ окружавшихъ ее лицъ и искренно радовалось почти совершенному устраненію

жесткихъ формъ и суровыхъ мѣръ въ отношеніи къ подчиненнымъ». Интересно, что даже современники, совершенно свободные отъ излишняго увлеченія и пристрастія и менѣе всего расположенные восхвалять Екатерину, признавали и утверждали, что императрица обладала рѣдкими и дорогими свойствами: «была въ состояніи спокойно выслушивать ненравившуюся ей истину, умѣла сдерживать свой гнѣвъ и обнаруживала способность сознавать свои ошибки и недостатки».

Основываясь на подобныхъ показаніяхъ современниковъ, а, главнымъ образомъ, на драгоцѣнныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ о закулисной сторонѣ обыденной жизни Екатерины ея секретаремъ Храповицкимъ, въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ почти ежедневно заносившимъ въ свой «Дневникъ» все, что говорилось и дѣлалось императрицей, Брикнеръ и приходитъ къ заключенію о полномъ несоотвѣтствіи исторической дѣйствительности той характеристики русской государыни, какая встрѣчается въ сочиненіяхъ иностранныхъ историковъ-памфлетистовъ. Читая и анализируя,—говоритъ онъ,—«Дневникъ Храповицкаго, коротко знакомящій насъ съ личностью Екатерины и сообщающій множество данныхъ о ея характерѣ, рабочей силѣ, образованіи, умственномъ и нравственномъ кругозорѣ, мы не можемъ не составить себѣ весьма благоприятнаго мнѣнія не только объ умственныхъ, но также и о душевныхъ качествахъ государыни».

Отдавая должное положительной сторонѣ въ характерѣ и личности императрицы, Брикнеръ, однако же, не забываетъ и оборотной стороны блестящей медали; онъ знаетъ, что Екатерина далеко не всегда руководилась въ своихъ дѣйствіяхъ одними заботами объ истинномъ благѣ государства и началами строгаго правосудія; знаетъ, что иногда она подчинялась и вліянію чисто личныхъ соображеній и желанію угодить кому либо изъ окружающихъ ее лицъ. Признаетъ онъ и справедливость упрековъ, раздававшихся по адресу Екатерины, протестовавшей на словахъ противъ употребленія пытокъ и тѣлесныхъ наказаній и въ то же время позволявшей знаменитому Шешковскому жестоко расправляться съ невольными посѣтителеми тайной канцеляріи, хотя и замѣчаетъ при этомъ, что мы не можемъ опредѣлить, насколько былъ извѣстенъ императрицѣ варварскій образъ дѣйствій суроваго слѣдователя. Не отрицаетъ онъ и несомнѣнной неискренности и тщеславія Екатерины, называвшей государственное хозяйство имперіи образцомъ порядка и правильнаго устройства въ то время, когда на самомъ дѣлѣ крайне печальное и совершенно разстроенное положеніе финансовъ Россіи не могло подлежать никакому сомнѣнію. Соглашается Брикнеръ и со взглядами князя Щербатова, обвинявшаго Екатерину въ неслыханной расточительности государственныхъ средствъ на нужды и прихоти пышнаго императорскаго двора и

своих избалованных любимцевъ, замѣчая, что непомѣрная роскошь и неразумная расточительность производятъ тяжелое впечатлѣніе и напоминаютъ эпизоды изъ царствованія римскихъ императоровъ. Не оставляетъ онъ безъ должной оцѣнки и знаменитый фаворитизмъ, господствовавшій при екатерининскомъ дворѣ и справедливо вызывавшій рѣзкія осужденія со стороны современниковъ и потомства. Но и здѣсь, говоря о частыхъ перемѣнахъ фаворитовъ, о всѣхъ этихъ Орловыхъ, Васильчиковыхъ, Потемкиныхъ, Завадовскихъ, Зоричахъ, Корсаковыхъ, Ланскихъ, Ермоловыхъ, Мамоновыхъ и Зубовыхъ, послѣдовательно, одинъ за другимъ состоявшихъ въ «случаѣ» и выполнявшихъ не легкія и совершенно своеобразныя обязанности при императорскомъ дворѣ, Брикнеръ признаетъ необходимымъ не упускать изъ виду исторической перспективы. «При обвиненіи Екатерины,—говоритъ онъ,—необходимо имѣть въ виду нравы того вѣка вообще и нравы при дворѣ въ особенности. Фаворитизмъ не былъ новымъ явленіемъ, выросшимъ на придворной почвѣ только теперь. Чуть ли не то же самое происходило и при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ».

Объединяя въ одинъ цѣльный обликъ разнообразныя черты изъ жизни и дѣятельности Екатерины и разбираясь въ массѣ разнорѣчивыхъ отзывовъ о ней, Брикнеръ приходитъ къ заключенію, что и современники и потомки были далеко несправедливы, когда то черезъ мѣру восхваляли императрицу, то черезъ мѣру же порицали ее, то считали Екатерину какъ бы образцомъ лжи, обмана, искусства притворяться, то признавали одно лишь благородство и идеализмъ въ ея государственномъ управленіи. Защищая память Екатерины отъ преувеличенныхъ и несправедливыхъ обвиненій, долгое время пользовавшихся правами гражданства въ исторической литературѣ, онъ не безъ основанія объясняетъ ихъ распространенность тѣмъ обстоятельствомъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій главнымъ источникомъ при изученіи исторіи императрицы служили памфлеты, въ родѣ наполненныхъ беззастѣнливой бранью сочиненій Сальдерна, Кастера, Массона, и сплетни въ средѣ дипломатовъ, крайне недовольныхъ самостоятельнымъ и энергичнымъ образомъ дѣйствій русскаго двора той отдаленной эпохи. Неудивительно, что, пока преобладали такого рода пособія, исторіографія не могла и «выработать объективной картины свойствъ и значенія Екатерины и ея царствованія, и даже замѣчательные ученые и добросовѣстные историки писали объ императрицѣ не иначе, какъ въ тонѣ раздраженія и порицанія». Но обнаруженная за послѣднее время «необозримая масса архивныхъ матеріаловъ», по словамъ Брикнера, «дала ему полную возможность гораздо глубже прежняго вникнуть въ самую суть личности Екатерины, несравненно правильнѣе взвѣсить условія ея развитія, ея жизни и дѣятельности и гораздо объективнѣе прежняго оцѣнить значеніе мѣста, занимаемаго въ исторіи русскою императрицей».

Къ какимъ же окончательнымъ выводамъ приходитъ самъ авторъ разсматриваемаго нами спеціального историческаго труда, задавшійся цѣлью изобразить личность и царствованіе Екатерины безпристрастнѣе и многостороннѣе своихъ предшественниковъ? Нельзя не признать, что его выводы и заключенія, несмотря на множество темныхъ пятенъ въ жизни и дѣятельности Екатерины, являются очень благопріятными для императрицы, произведшей на Брикнера впечатлѣніе личности, отличавшейся не только громадными умственными способностями, но и хорошими душевными качествами. Оцѣнивая значеніе ея царствованія въ общемъ ходѣ русской исторической жизни, авторъ также приходитъ къ довольно благопріятному выводу, утверждая, что «Екатерина успѣшно дѣйствовала въ качествѣ посредницы между прогрессомъ и культурою Западной Европы, съ одной стороны, и бытомъ Россіи съ другой».

Какъ ни велика и обильна была внушительная масса разнообразныхъ первоисточниковъ, находившихся въ распоряженіи Брикнера, пользовавшагося обнародованными архивными матеріалами, тысячами писемъ и записокъ Екатерины, множествомъ отзывовъ и наблюденій современниковъ, все же она далеко не обнимала собою всей совокупности документальныхъ данныхъ, сохранившихся до настоящаго времени отъ екатерининской эпохи. Одни изъ нихъ оставались совершенно неизвѣстными нашему автору, другія только что начинали поступать въ научное обращеніе, усердно извлекаемыя изъ различныхъ архивовъ Императорскимъ Русскимъ историческимъ обществомъ. Съ каждымъ годомъ количество такихъ неиспользованныхъ матеріаловъ замѣтно увеличилось, и уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ «Исторіи Екатерины II-й» Брикнера проф. Бильбасовъ выпустилъ 1-й томъ новой и несравненно болѣе широко задуманной «Исторіи Екатерины II-й».

Здѣсь проф. Бильбасовъ замѣтилъ, что, благодаря трудамъ Русскаго историческаго общества, изслѣдователь можетъ предоставить самой Екатеринѣ рассказать исторію своей частной и государственной жизни, раскрыть намѣренія и побужденія, которыя руководили ею, и указать тѣ цѣли и стремленія, какія она преслѣдовала въ своей дѣятельности. Но, вездѣ предоставивъ первое слово самой Екатеринѣ, авторъ принялъ на себя далеко не легкую задачу критической провѣрки ея показаній. «Екатерина,—справедливо утверждаетъ Бильбасовъ,—писала много, легко и охотно; но на ея замѣчаніе о своихъ писаніяхъ, какъ о безобидномъ препровожденіи времени, менѣе всего можно полагаться—только въ рѣдкихъ случаяхъ она писала для препровожденія времени, для забавы. Подобно всѣмъ великимъ людямъ, Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ». Понятно, что при наличности подобныхъ условій авторъ не могъ ограни-

читься простымъ историческимъ разсказомъ богатаго содержанія многочисленныхъ документовъ, а долженъ былъ представить научно обработанное критическое изслѣдованіе жизни и дѣятельности Екатерины. И мы видимъ, что даже въ своемъ первомъ томѣ, отведенномъ Екатеринѣ, какъ нѣмецкой принцессѣ и русской великой княгинѣ, Бильбасовъ сумѣлъ дать вполне научную постановку задуманному труду; посвятивъ первый томъ обширной монографіи для выясненія жизненныхъ условий, содѣйствовавшихъ Екатеринѣ, по словамъ автора, «стать впоследствии великою», Бильбасовъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ останавливался здѣсь надъ довольно сложнымъ вліяніемъ на будущую императрицу «окружающихъ обстоятельствъ, переживаемыхъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ идей и, вообще, всей той массы трудно уловимыхъ данныхъ, которыя образуютъ характеръ, формируютъ волю, укрѣпляютъ энергію и даютъ извѣстное направленіе всей человѣческой дѣятельности». Къ сожалѣнію, уже слѣдующій, второй томъ цѣнной монографіи, посвященный первымъ двумъ годамъ екатерининскаго царствованія и написанный въ томъ же строго научномъ духѣ, встрѣтилъ неожиданныя препятствія къ своему появленію въ условіяхъ русской цензуры и могъ увидѣть свѣтъ только за границей, въ одной изъ Лондонскихъ типографій. Въ этомъ лондонскомъ изданіи Бильбасовъ не только не выставляетъ Екатерину въ мрачномъ свѣтѣ, какъ можно было бы думать, судя по цензурнымъ затрудненіямъ, встрѣченнымъ авторомъ, но даже напротивъ, стремится оправдать ее отъ многихъ напрасныхъ обвиненій. Въ продолженіе двухъ лѣтъ послѣ вступленія на престолъ, — говоритъ онъ, — «Екатерина не словомъ, а дѣломъ старалась оправдать выборъ націи, и уже своими первыми шагами завѣщала намъ твердо помнить и никогда не забывать, что она вторая послѣ перваго Петра». Правда, онъ признаетъ, что въ первые два года Екатерина не могла сдѣлать многого, но тотчасъ же замѣчаетъ, что ставить ей это въ вину было бы въ высшей степени несправедливо, такъ какъ необычайный способъ воцаренія заставилъ ее, прежде всего, озаботиться укрѣпленіемъ своего положенія на престолѣ, на чтѣ и потребовалось немного болѣе двухъ лѣтъ.

Какъ ни далеко было начало обширной монографіи Бильбасова отъ односторонней и непозволительной тенденціозности, оскорбительной для памяти русской императрицы, однако же цензурныя затрудненія не были устранены авторомъ, и мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ 1-го и 2-го томовъ задуманнаго капитальнаго изслѣдованія, лишь послѣдній 12-й томъ, посвященный обзору иностранныхъ сочиненій объ Екатеринѣ.

Справлявшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ столѣтній юбилей императрицы, къ которому намѣревался издать свою 12-ти-томную исторію и профессоръ Бильбасовъ, вызвалъ въ исторической ли-

тературѣ довольно многочисленныя статьи о жизни и дѣятельности Екатерины. Но изъ всѣхъ юбилейныхъ очерковъ мы, безъ всякаго уцѣрба для дѣла, можемъ остановиться лишь на одной болѣе или менѣе оригинальной и талантливой статьѣ, принадлежащей профессору Ключевскому и напечатанной въ «Русской Мысли» за 1896 годъ. Юбилейный характеръ статьи едва ли могъ сильно отразиться на ея научныхъ достоинствахъ; правда, авторъ въ одномъ мѣстѣ проговаривается, что сотая годовщина смерти Екатерины располагаетъ не судить ея жизнь, не тревожить старыя могилы, а вспомнить ея время, оглянуться на свое прошлое, въ другомъ же—болѣе опредѣленно замѣчаетъ, что при мысли о наступленіи второго столѣтія со дня смерти Екатерины II въ памяти ярче выступаетъ то, за что ее слѣдуетъ помнить, чѣмъ то, чего не хотѣлось бы вспоминать. Но, несмотря на исключительныя обстоятельства, вызвавшія появленіе историческаго очерка, Ключевскій избѣжалъ односторонняго освѣщенія екатерининской дѣятельности, такъ какъ поставилъ своею конечною цѣлью «среди похвальныхъ словъ и обличительныхъ памфлетовъ осторожно пройти къ простымъ итогамъ» давно минувшей эпохи.

Приступая къ характеристикѣ самой личности императрицы Екатерины, авторъ интересующей насъ статьи прежде всего останавливается на умственныхъ способностяхъ русской государыни и, вопреки довольно распространенному мнѣнію, утверждаетъ, что Екатерина не поражала ни глубиной, ни блескомъ своего ума. «Конечно,—иронически замѣчаетъ онъ,—такому умнику, какъ ея ставленникъ, король польскій, Станиславъ Понятовскій, который не могъ шагу ступить безъ того, чтобы не сказать красиваго словца и не сдѣлать глупости, умъ Екатерины II долженъ былъ казаться необъятною величиной». Но въ дѣйствительности Екатерина была только просто умна, и ничего болѣе. «У нея,—говоритъ Ключевскій,—былъ умъ не особенно тонкій и глубокій, зато гибкій и осторожный, сообразительный, умный умъ, который зналъ свое мѣсто и время и не кололъ глазъ другимъ». Отрицая у императрицы существованіе выдающихся способностей, авторъ приписываетъ ей одинъ счастливый даръ, производившій на современниковъ наиболѣе сильное впечатлѣніе: память, наблюдательность, догадливость, чутье положенія, умѣнье быстро схватить и обобщить всѣ наличныя данныя, чтобы во-время принять рѣшеніе и выбрать подходящій тонъ. Благодаря своей рѣдкой наблюдательности, Екатерина прекрасно знала людей, съ которыми ей приходилось вести дѣла, начиная отъ небезызвѣстной горничной Перекусихиной и кончая прусскимъ королемъ Фридрихомъ II. Знаніе же людей помогало императрицѣ вырабатывать пригодныя средства дѣйствія для той среды и обстановки, въ какихъ ей приходилось стоять во главѣ управленія государствомъ.

Но, обладая умнымъ, сообразительнымъ умомъ, Екатерина не была свободна и отъ несовсѣмъ разумнаго тщеславія, ставившаго на первомъ планѣ чрезмѣрныя, постоянныя заботы о мнѣніи свѣта и развивавшаго въ ней любовь и наклонность къ лести. Правда, въ первое время одобрительные отзыы не приносили особеннаго вреда императрицѣ; «они были для нея, по словамъ Ключевского, не болѣе, какъ аплодисменты для дебютанта, возбуждавшіе и поддерживавшіе ея силы, ея вѣру въ себя». Но со временемъ, когда панегирики вошли въ составъ придворнаго и правительственнаго этикета, когда иноземные послы и русскіе сановники прожужжали уши Екатерину всевозможными похвалами, когда европейскія знаменитости стали величать ее самою дивною женщиною свѣта, привычка къ удачѣ, по мнѣнію цитируемаго историка, сдѣлала императрицу нѣсколько самонадѣянной и очень обидчивой, раздражавшейся не только порицаніями ея дѣйствій, но и мнѣніями, съ которыми она была несогласна.

Вслѣдъ за характеристикой самой личности Екатерины, съ ея умственными и нравственными качествами, авторъ интересующей насъ статьи пытается выяснитъ сложную и запутанную программу ея внѣшней и внутренней политической дѣятельности. Власть, полученная императрицей путемъ революціоннаго, насильственнаго переворота, вызваннаго общественнымъ движеніемъ противъ прежняго правительства, должна была въ первое время эксплуатироваться Екатериной въ интересахъ создавшихъ ее общественныхъ классовъ.

Зная, что свергнутое правительство вооружило противъ себя русское общество непозволительнымъ пренебреженіемъ къ національнымъ интересамъ, Екатерина поставлена была въ необходимость дѣйствовать въ національномъ духѣ. Сильнѣйшее возбужденіе, вызванное во всемъ обществѣ, не исключая даже и простого народа, крайнимъ произволомъ прежняго правительства, должно было склонять новую власть къ самымъ осторожнымъ и разумнымъ мѣрамъ. Но здѣсь Екатерина, съ ея революціонной по происхожденію властью и собственными либеральными идеями, предостояла крайне нелегкая задача; «предъ ней,— говоритъ Ключевскій,— встрѣчались, сталкивались и пересѣкались довольно разностороннія, даже противоположныя теченія, интересы и настроенія: оскорбленное чувство національнаго достоинства, великій ропотъ на образъ правленія послѣднихъ годовъ, гвардейскія притязанія, дворянскіе помыслы о новыхъ поприщахъ дѣятельности и страхи за старыя права, крестьянскія ожиданія, наконецъ, ея собственныя идеи и мечты, благопріятныя для однихъ и тревожныя для другихъ, но непривычныя для всѣхъ умовъ. Екатерину предстояло дѣйствовать популярно, либерально и осторожно и въ преобразовательномъ и въ охранительномъ направленіи, щадить одни со-

словные интересы и охранять другіе, имъ враждебные, но самой стоять выше тѣхъ и другихъ, ставя впереди всѣхъ интересы всенародные».

Нужно было постоянно считаться со всѣми этими разнообразными и даже противоположными настроеніями и интересами. Оскорбленное чувство національнаго достоинства всего скорѣе и проще могло найти себѣ удовлетвореніе въ громкихъ и крупныхъ вѣдшихъ политическихъ успѣхахъ, почему новое, екатерининское, правительство и обращало большое вниманіе на вѣдшую политику, всегда руководясь въ ней исключительно только одними національными чувствами и интересами. Блестящіе результаты вѣдшей политики Екатерины были очень лестны для русскаго національнаго чувства. Не даромъ одинъ изъ главныхъ руководителей вѣдшей политики, князь Безбородко, съ законной гордостью говорилъ будущимъ политическимъ дѣятелямъ, молодымъ русскимъ дипломатамъ: «не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ безъ позволенія нашего выпалить не смѣла». Нужно было крѣпко упрочить за собою постоянное расположеніе сильнаго дворянскаго сословія, уже не разъ, чрезъ посредство гвардейскихъ дворянскихъ полковъ, свергавшаго и создававшаго правительство. Начатый правительствомъ прежняго времени процессъ государственнаго раскрѣпощенія дворянства уже закончился въ царствованіе Петра III; Екатерина подтвердила указъ своего предшественника, совершенно освобождавшій дворянъ отъ обязательной военной службы, и предоставила дворянству самое широкое участіе въ реформированномъ областномъ управленіи и судѣ. Слѣдовало хоть немного считаться и съ ожиданіями крестьянскаго населенія, и мы знаемъ, что въ первоначальной редакціи Наказа либерально настроенная императрица была не прочь провести въ жизнь новыя, передовыя идеи, въ высшей степени благоприятныя для интересовъ низшихъ общественныхъ классовъ. Но здѣсь, въ данной сферѣ, она натолкнулась на совершенно противоположные интересы другой общественной группы и должна была уступить видамъ и цѣлямъ болѣе сильныхъ общественныхъ элементовъ. Наконецъ, замѣчаетъ авторъ разсматриваемаго историческаго очерка, было необходимо «отвести свою область и новымъ идеямъ, принесеннымъ на престолъ самой Екатериной: и вотъ на нихъ, на этихъ новыхъ идеяхъ, стала строиться цѣлая система проектированнаго русскаго законодательства, онѣ проводились, какъ принципы, въ отдѣльныхъ узаконеніяхъ, вводились въ ежедневный оборотъ мнѣній, какъ стимулы умовъ и нравственные регулятивы общежитія, были допущены въ литературу и даже въ школу, какъ образовательное средство. Но при законодательной, литературной и педагогической пропагандѣ новыхъ идей Екатерина не трогала исторически сложившихся основъ русскаго государственнаго строя, предоставляя самимъ идеямъ вѣка переработывать порядки мѣста».

Подводя итогъ всему сказанному о правительственной дѣятельности Екатерины и производя общую оцѣнку ея царствованія, Ключевскій приходитъ къ заключенію, что если императрица, убѣдившись въ несбыточности своихъ первоначальныхъ плановъ, имѣвшихъ въ виду сдѣлать людей счастливыми, и не перестроила русской жизни новыми законами и учрежденіями, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени настроила русскую мысль новыми идеями и стремленіями. Въ ея рукахъ «власть, оставаясь военно-полицейскимъ стражемъ внѣшней безопасности и внутренняго благочинія, стала еще проповѣдницею свободы и просвѣщенія». Правда, по словамъ автора, «Екатерина не дала народу свободы и просвѣщенія, потому что такія вещи не даются пожалованіемъ, а приобретаются развитіемъ и сознаніемъ, зарабатываются собственнымъ трудомъ, а не получаютъ даромъ, какъ милостыня. Но она дала умамъ почувствовать цѣну этихъ благъ, если не какъ основъ общественнаго порядка, то, по крайней мѣрѣ, какъ удобствъ частнаго, личнаго существованія». Впрочемъ, главная причина обаянія и необыкновенной популярности Екатерины среди громадной массы современниковъ заключалась, по мнѣнію Ключевского, не столько въ результатахъ ея внутренней политики, сколько въ той всеобщей славѣ, какую она впервые сумѣла доставить своею дѣятельностью русскому народу и русскому имени. Во имя этой славы, въ высшей степени лестной для національнаго самолюбія, Екатеринѣ охотно прощали и ошибки ея внѣшней политики, и неудобства внутренняго положенія, и поступки съ Арсеніемъ Мацѣвичемъ, Новиковымъ и Радищевымъ, недостойные ея ума, и баснословную роскошь, расточительность ея двора съ непроизводительными тратами невѣроятныхъ суммъ на нужды и причуды многочисленныхъ любимцевъ. Общее настроеніе сглаживало всѣ эти значительныя шероховатости и неровности, хотя онѣ, по словамъ автора, и были настолько велики, что Русское государство послѣднихъ лѣтъ Екатерининскаго царствованія, являясь по внѣшнему виду стройнымъ и величественнымъ зданіемъ, вблизи, въ подробностяхъ, представляло изъ себя хаосъ и неурядицу, невольно напрашиваясь на сравненіе съ «картиной, писанной размашистыми и небрежными мазками, расчитанными на дальняго зрителя».

Разбираясь въ обширной исторической литературѣ, посвященной Екатеринѣ и ея царствованію, и отмѣчая въ ней всѣ болѣе или менѣе цѣнныя и оригинальныя мысли, мы не можемъ пройти совершеннымъ молчаніемъ и пользующихся широкою извѣстностью «Очерковъ по исторіи русской культуры» Милокова. Правда, Милоковъ не даетъ специальной характеристики самой личности императрицы, но въ его трудѣ мы встрѣчаемъ любопытныя замѣтки о значеніи екатерининской эпохи въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія. По его словамъ, «эпоха Екатерины является эрой въ

исторіи русскаго общественнаго самосознанія, такъ какъ именно тогда кончается доисторическій періодъ русскої общественной жизни, и она вступаетъ въ новый, еще и донынѣ не завершившійся фазисъ». Чтобы уяснить себѣ смыслъ, заключающійся въ этой довольно общей и несовсѣмъ опредѣленной фразѣ, необходимо припомнить, что со временъ Петра I старое общественное самосознаніе, носившее по-преимуществу націоналистическій характеръ, должно было въ значительной степени поступиться своимъ мѣстомъ новымъ идеямъ, привнесеннымъ въ русскую жизнь западно-европейской культурой. Новая возрѣнія, начавшія вытѣснять и замѣнять собою старое общественное самосознаніе, имѣли своими первыми пионерами самихъ представителей правительственной власти, которыя и содѣйствовали распространенію ихъ среди высшаго, господствующаго класса. Благодаря такой политикѣ правительства, ко времени вступленія на престолъ императрицы Екатерины, въ кругу дворянской молодежи, прошедшей курсъ высшей школы, была уже подготовлена почва для воспріятія послѣднихъ словъ современной европейской культуры. Передовые и образованные современники императрицы, знакомясь съ европейской политической литературой, не могли, конечно, не усвоить ея главной, основной мысли, что общественный строй въ интересахъ «человѣчества» можетъ и долженъ быть перестроенъ на разумныхъ началахъ.

Такихъ же возрѣній, какъ извѣстно, придерживалась въ первое время и сама Екатерина, усвоившая впрочемъ, по мнѣнію Милюкова, современные передовые, либеральные взгляды въ значительно смягченной и ни къ чему не обязывавшей формѣ. Но уже первый серьезный опытъ практическаго проведенія ихъ въ дѣйствительную жизнь разубѣдилъ императрицу въ пригодности и цѣлесообразности новыхъ идей.

Произошла значительная и замѣтная метаморфоза въ личномъ настроеніи Екатерины; довольно искреннее увлеченіе передовыми, прогрессивными идеями смѣнилось сильнымъ охлажденіемъ къ нимъ, и, вмѣсто настойчиваго пропагандированія и властнаго проведенія основныхъ началъ знаменитаго Наказа въ русское законодательство и русскую жизнь, сама императрица въ откровенной перепискѣ съ заграничными корреспондентами называла уже простой болтовней свое собственное исповѣданіе политической вѣры. Наступилъ второй фазисъ въ исторіи екатерининской эпохи, когда прежде либеральная, передовая императрица оказалась далеко позади прогрессивныхъ идей своего времени.

Переходя ко второму фазису въ развитіи просвѣтительныхъ идей екатерининскаго царствованія, Милюковъ замѣчаетъ, что «передовая мысль Европы шагнула къ тому времени далеко впередъ сравнительно съ эпохой молодости императрицы, тогда какъ напротивъ сама Екатерина успѣла обжечь себѣ пальцы на пер-

выхъ попытахъ осуществленія идей своей молодости». «Духъ времени,—говорить онъ,—ушелъ впередъ; духъ власти подался назадъ; такимъ образомъ, разрушилась та кажущаяся гармонія между тѣмъ и другимъ, которою характеризовался первый періодъ дѣятельности императрицы». Признавая, что Екатерина съ своимъ практическимъ умомъ не могла не отдавать себѣ яснаго отчета въ внутреннемъ противорѣчїи принятой на себя роли передовой, либеральной правительницы и въ то же время не имѣла, конечно, ни малѣйшаго намѣренія посвящать другихъ въ начавшійся разладъ между торжественно провозглашенными принципами и настоящими стремленіями, Милюковъ считаетъ самой характерной чертой второго фазиса недоразумѣніе во взаимныхъ отношеніяхъ общественнаго мнѣнія и власти, явившееся результатомъ неискренней политики императрицы. «Общественное мнѣніе Европы, по его словамъ, ждало отъ Екатерины логическихъ выводовъ изъ первыхъ шаговъ ея реформаторской дѣятельности. Нарождавшееся общественное мнѣніе Россіи, призванное этими самыми шагами къ жизни и дѣятельности, только что собиралось заявить о себѣ. Оба оказались плохо освѣдомленными относительно истинныхъ намѣреній императрицы».

Дорожа общественнымъ мнѣніемъ въ предѣлахъ Европы и принимая всевозможныя мѣры, чтобы склонить его приговоръ въ свою пользу, Екатерина у себя, въ Россіи, теперь уже не находила нужнымъ особенно считаться съ подобнымъ мнѣніемъ. Наблюденія надъ дѣятельностью членовъ Большой комиссіи привели къ заключенію, что всѣ общественные элементы проникнуты духомъ партій и ставятъ выше всего свои сословные интересы, и что только она одна, представительница верховной власти, стремится къ общему благу. «Люди глупы и неблагодарны,—писала она въ своемъ журналѣ «Всякая Всячина»,—они сами не понимаютъ, въ чемъ ихъ прямое добро состоитъ... Прямая великость души состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать добро для того, что оно есть добро, а не потому, что люди суть благодарны; слѣдовательно, и не переставать дѣлать добра для того, что люди суть неблагодарны. Потомство не будетъ страстно; оно разберетъ, оно справедливо судить будетъ».

Наконецъ, французская революція окончательно развязала руки Екатеринѣ и побудила ее уже не скрывать и не маскировать болѣе своихъ измѣнившихся взглядовъ и убѣжденій; наступилъ третій и послѣдній фазисъ екатерининской эпохи, когда императрица открыто вступила въ борьбу съ мечтами своей молодости и стала преслѣдовать ихъ въ другихъ лицахъ, какъ непозволительныя идеи, крайне опасныя для дальнѣйшаго существованія тѣхъ явленій общественной жизни, противъ которыхъ онѣ направлялись.

Послѣдняя метаморфоза въ личномъ настроеніи Екатерины, превратившая верховную власть изъ союзника и сторонника пе-

редовыхъ, прогрессивныхъ идей въ ихъ принципиальнаго противника, обусловливала собою то, что съ этого времени интеллигентное общественное мнѣніе эмансипировалось отъ правительства и вмѣсто власти приняло на себя представительство критическихъ идей. Въ открытомъ признаніи императрицей передовыхъ, прогрессивныхъ идей не просто лишними, но опасными для окружавшей дѣйствительности, по мнѣнію Милюкова, «заключалось ихъ гражданское крещеніе, и съ этого момента начинается непрерывная традиція русской общественной оппозиціонной критической мысли».

Изложеніемъ небезынтереснаго мнѣнія Милюкова о значеніи екатерининской эпохи въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія мы можемъ закончить свой краткій очеркъ обширной исторической литературы, посвященной императрицѣ Екатеринѣ и ея привительственной дѣятельности. На основаніи представленнаго очерка, какъ намъ кажется, не трудно составить довольно опредѣленное и близкое къ исторической правдѣ представленіе о самой личности Екатерины и характерѣ ея государственнаго управленія.

Получивъ у себя на родинѣ, при одномъ изъ самыхъ заолустныхъ и бѣдныхъ нѣмецкихъ княжескихъ дворовъ, болѣе чѣмъ скромное образованіе, Екатерина и при русскомъ дворѣ, въ качествѣ великой княгини, была поставлена въ первое время въ условія, далеко неблагоприятныя для успѣховъ ея дальнѣйшаго самообразованія. Пристрастившись подъ вліяніемъ невеселой супружеской жизни къ усердному чтенію, будущая императрица вначалѣ должна была довольствоваться совершенно случайнымъ и крайне недоброкачественнымъ подборомъ книгъ; интересно, что при дворцѣ не существовало никакой библіотеки, и Екатеринѣ приходилось добывать матеріалъ для чтенія отъ окружавшихъ ее лицъ. А такъ какъ послѣднія и сами ничего не читали, кромѣ романовъ, то неудивительно, что великая княгиня долго ограничивалась чтеніемъ одной изящной беллетристики. Но романы, сначала увлекавшіе ее, въ концѣ концовъ прискучили ей своею малосодержательностью, а между тѣмъ они уже сдѣлали и свое хорошее, доброе дѣло, приучивъ княгиню находить удовольствіе въ чтеніи и интересоваться литературой. Мало-по-малу, на ряду съ романами, Екатерина «отъ скуки» начала почитать и другія, попадавшіяся ей подъ руку, болѣе серьезныя и содержательныя книги; въ одной изъ нихъ—обширномъ, четырехтомномъ «Словарѣ» Воля—она натолкнулась на совершенно новое для нея освѣщеніе старыхъ традиціонныхъ понятій и познакомилась со многими, неизвѣстными ей, новыми взглядами и идеями. Здѣсь она узнала, что ни въ жизни, ни въ морали, ни въ политикѣ нѣтъ ни вѣчныхъ истинъ, ни неоспоримыхъ принциповъ, и въ первый разъ встрѣтилась съ обоснованнымъ ученіемъ о верховныхъ правахъ народа. Подъ вліяніемъ подобнаго чтенія ея умственный кругозоръ постепенно

расширялся, запросы, предъявлявшіеся къ книгамъ, доставлявшимъ матеріалъ для чтенія, все болѣе пріобрѣтали опредѣленный характеръ, и послѣ рожденія сына, когда великая княгиня получила относительную свободу, мы уже застаемъ ее за штудированіемъ «Исторіи Германіи» неизвѣстнаго автора, «Всеобщей исторіи» Вольтера, сочиненій Баронія, «Духа законовъ» Монтескье и «Лѣтописей» Тацита, которыя, по словамъ самой императрицы, произвели странный переворотъ въ ея головѣ. Произведенія Тацита, Монтескье и Вольтера, во многомъ проясняя головы читателей и внося въ нихъ новыя идеи, не могли не оказать глубокаго вліянія на взгляды, сужденія и самый образъ мыслей Екатерины.

Но, говоря о сильномъ вліяніи на Екатерину передовыхъ людей своего времени, необходимо имѣть въ виду, что сами Монтескье и Вольтеръ далеко еще не довели новыхъ философскихъ и политическихъ идей до ихъ крайнихъ логическихъ выводовъ и послѣдствій. Живя и дѣйствуя въ тотъ періодъ неопредѣленнаго общественнаго настроенія, когда только что назрѣвалъ переходъ къ будущей революціонной эпохѣ, Монтескье и Вольтеръ должны были сильно считаться съ привычками и убѣжденіями той соціальной среды, которую они главнымъ образомъ имѣли въ виду при литературной пропагандѣ своихъ взглядовъ. Не даромъ послѣдующіе дѣятели французской революціи обвиняли ихъ въ служеніи и на шимъ, и вашимъ, замѣчая, что они «кадили Люциферу, чтобы избавиться отъ Вельзевула». И дѣйствительно Монтескье, трактуя о различныхъ формахъ государственнаго управленія, если и восторгался республиканскимъ режимомъ древнихъ грековъ и римлянъ и вооружался противъ неограниченнаго деспотизма азіатскихъ монархій, то въ то же время довольно усердно кадилъ и существовавшему на его родинѣ государственному строю, выгодному исключительно только одному высшему общественному классу, дворянъ, ограничивавшихъ своими привилегіями мѣстную королевскую власть. Вольтеръ же дѣлил все человѣчество на чернь и порядочныхъ людей и, проповѣдуя въ своихъ сочиненіяхъ новыя, передовыя идеи, имѣлъ въ виду лишь однихъ благородныхъ, серьезно замѣчая, что «народъ всегда останется глупымъ и невѣжественнымъ, что это скотъ, которому нужны лишь ярмо, кнутъ да сѣно».

Какъ ни далеки были модныя ученія современныхъ политиковъ и философовъ отъ строга научныхъ и послѣдовательно проведенныхъ доктринъ, однако же знакомство съ ними оказало большія услуги умственному развитію Екатерины и въ значительной степени повліяло на самый характеръ ея взглядовъ и убѣжденій. Вступленіе на престолъ нисколько не парализовало стремленій Екатерины къ дальнѣйшему самообразованію; напротивъ въ первые годы императрица усердно пополняла запасъ пріобрѣтен-

ныхъ познаній, внимательно слѣдила за появленіемъ литературныхъ новинокъ и вообще обнаруживала несомнѣнное желаніе стоять на одномъ уровнѣ съ умственнымъ движеніемъ своего вѣка. Понятно, что при наличности подобныхъ условій она имѣла полную возможность усвоить себѣ передовыя политическія идеи, бывшія послѣднимъ словомъ западно-европейской политической мысли, уже и въ то время немало потрудившейся надъ рѣшеніемъ вопросовъ о происхожденіи и нормальномъ устройствѣ государствъ.

Несмотря на то, что новыя руководящія начала политической жизни въ то время еще нигдѣ не были использованы въ практическомъ отношеніи и являлись не болѣе, какъ простыми теоретическими построеніями и отвлеченными идеалами передовыхъ умовъ, Екатерина рѣшилась воспользоваться ими для устройства собственнаго государства, положивъ ихъ въ основу задуманнаго новаго кодекса русскихъ законовъ. Но уже первый смѣлый опытъ проведенія въ практическую жизнь либеральныхъ западно-европейскихъ идей, даже значительно урѣзанныхъ и далеко не доведенныхъ до своихъ логическихъ выводовъ, какъ извѣстно, вызвалъ сильное противодѣйствіе со стороны той привилегированной соціальной сферы, интересамъ которой онѣ могли угрожать серьезною опасностью. Нужно замѣтить, что сами передовые умы переходной дореволюціонной эпохи—главные учителя императрицы—были еще очень далеки отъ послѣдовательнаго и строго логическаго развитія новыхъ политическихъ взглядовъ, приведшихъ со временемъ къ французской революціи; напротивъ, они бессознательно, а, можетъ быть, даже и сознательно, не выходили изъ сферы интересовъ высшихъ общественныхъ классовъ, трактуя о желательномъ переустройствѣ общественной и государственной жизни. Екатерина оказалась достойной послѣдовательницей своихъ учителей и послѣ перваго же протеста окружающихъ лицъ противъ первоначальной редакціи своего Наказа не только нашла нужнымъ считаться съ соціальными предрасудками дворянской среды, но и не задумалась пожертвовать ей въ своей послѣдующей дѣятельности интересами низшихъ общественныхъ группъ, а, главнымъ образомъ, тѣхъ престонародныхъ массъ, которымъ, по словамъ Вольтера, «нужны лишь ярмо, кнутъ да сѣно». Вотъ почему послѣ закрытія Большой комиссіи, созывавшейся для выработки совершеннѣйшаго кодекса законовъ, екатерининское законодательство, вмѣсто новой широкой дороги, намѣченной передовыми европейскими умами, пошло по старому историческому пути, ведшему къ постепенному расширенію правъ и преимуществъ однихъ привилегированныхъ классовъ. Государственное раскрѣпощеніе русскаго дворянства и постепенное накопленіе его исключительныхъ правъ и преимуществъ начались еще задолго до Екатерины; теперь императрица, ранѣе мечтавшая примѣнить къ русской государственной

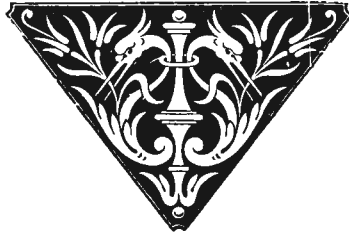
жизни послѣднія слова западно-европейской политической мысли, сама подчинилась традиціонной политикѣ петербургскаго правительства и довела до конца то, что было начато ея предшественниками, превративъ дворянство въ привилегированный классъ, имѣвшій правильную внутреннюю сословную организацію и господствовавшій не только въ уѣздѣ въ качествѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, но и въ общемъ управленіи.

Расширяя дворянскія привилегіи, Екатерина въ то же время по необходимости доводила до конца и другой процессъ, начавшійся еще задолго до нея,—процессъ постепеннаго закрѣпощенія за высшимъ привилегированнымъ классомъ низшаго крестьянскаго населенія. Правда, теперь, когда началась усиленная, но односторонняя законодательная дѣятельность Екатерины, ставившая на первомъ планѣ интересы дворянскаго сословія, передовая европейская мысль сдѣлала уже значительный шагъ впередъ сравнительно съ тѣмъ, что она дала императрицѣ въ лицѣ ея прежнихъ учителей: Монтескье и Вольтера. Руссо, Дидро, Гельвецій, Гольбахъ и другіе энциклопедисты, оказавшіеся смѣлѣе и послѣдовательнѣе Вольтера, не урѣзывали уже и не искажали новыхъ общественныхъ и политическихъ взглядовъ въ угоду немногочисленной, но сильной знати, не дѣлили всего человѣчества на глупую, невѣжественную чернь и порядочныхъ людей, не работали исключительно въ пользу однихъ только послѣднихъ, а смѣло пропагандировали передовыя идеи, одинаково цѣнныя для всѣхъ общественныхъ группъ, безъ различія ихъ соціальнаго положенія. Но императрица, ранѣе стремившаяся итти въ уровень съ умственнымъ движеніемъ вѣка, теперь, послѣ первыхъ неудачъ съ своимъ Наказомъ и Большой комиссіей, успѣла уже прийти къ заключенію о непригодности и непримѣнимости многихъ новыхъ идей къ практической жизни. «Я вполне понимаю ваши великія начала,—говорила она французскому энциклопедисту Дидро,—только съ ними хорошо писать книги, но плохо дѣйствовать. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, а я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые почувствительнѣе и пощекотливѣе бумаги». Въ началѣ своего царствованія, когда передовые умы того времени, въ лицѣ знаменитаго Вольтера, стремились убѣдить правительство, что «философы» естественные союзники королей и дѣлаютъ съ ними одно и то же дѣло, Екатерина, повидимому, вполне искренно симпатизировала передовымъ, прогрессивнымъ идеямъ, такъ какъ могла думать, что практическое примѣненіе ихъ къ русской государственной и общественной жизни не только не противорѣчитъ, но, напротивъ, совпадаетъ съ ея собственными интересами, понимаемыми, конечно, въ самомъ широкомъ и разумномъ смыслѣ этого слова. Но теперь, во вторую переходную эпоху, когда руководители новаго умственнаго движе-

нія — французскіе энциклопедисты — успѣли измѣнить взглядъ на философовъ, какъ на естественныхъ союзниковъ королей, и стали пропагандировать болѣе смѣлыя соціальныя и политическія идеи, крайне неблагопріятныя для высшихъ господствующихъ классовъ, императрица не могла уже считать подобныя идеи солидарными съ своими интересами. И мы видимъ, что, не вступая еще въ открытый антагонизмъ съ новымъ умственнымъ движеніемъ, она объявляетъ непримѣнными къ дѣйствительной жизни многія дороги и наиболѣе цѣнныя идеи, выработанныя лучшими западно-европейскими умами того времени. Въ своей же практической законодательной дѣятельности начинаетъ явно руководиться исключительными интересами высшаго общественнаго класса, ставя ихъ въ неразрывную связь съ своими собственными интересами.

Наконецъ, въ послѣдніе годы управленія государствомъ, когда западно-европейское либеральное движеніе закончилось французской революціей, Екатерина, по самому своему «ремеслу императрицы», какъ она выражалась, должна была превратиться въ открытаго противника и гонителя тѣхъ прогрессивныхъ взглядовъ и возвышенныхъ принциповъ, которые нѣсколько неожиданно для нея оказались въ высшей степени опасными для существовавшаго общественнаго и государственнаго строя.

О. В. Благовидовъ.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

Женскія чары ¹⁾.

I.

ВРЕСТЬЯНИНУ села Благовѣщенскаго, Малоярославецкаго уѣзда, Ивану Сидорову, было около 33 лѣтъ, когда умерла его жена, Наталья Филатова, оставивъ ему на попеченіе восьмилѣтнюю дочь Ульяну, хилую и болѣзненную дѣвочку. Съ женою Иванъ жилъ въ полномъ согласіи, а потому смерть ея была для него большимъ горемъ; мужикъ сталъ молчаливъ, задумчивъ, ходилъ, какъ въ воду опущенный, а послѣ «сорокового дня» запьянствовалъ. Село Благовѣщенское въ 1733 году, когда умерла Иванова жена, принадлежало подполковнику, князю Василью Михайловичу Хилкову. Сидоровъ былъ очень исправнымъ и зажиточнымъ крестьяниномъ, извѣстія о его пьянствѣ дошли до приказчика князя Хилкова, который и сталъ совѣтовать Сидорову жениться вновь; но дѣло какъ-то не клеилось: или невѣсты были не по «нраву» Ивану, или онъ самъ не былъ подходящимъ женихомъ. Цѣлый годъ прошелъ въ такихъ поискахъ, и между дѣвками и вдовами села Благовѣщенскаго не могъ отыскать вдовець невѣсты, пьян-

¹⁾ Настоящій очеркъ является точной обработкой дѣла Сыскаго приказа № 1225, изъ вязки 77, хранящагося въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Собственныя и географическія имена, а равно большинство разговоровъ дословно взяты изъ подлинника.

ствовать же продолжалъ попрежнему. Тогда приказчикъ предложилъ Ивану невѣсту со стороны. Изъ вотчины жены князя Хилкова, Прасковьи Андреевны, села Ильинскаго, Серпуховскаго уѣзда, была привезена въ господскій домъ семнадцатилѣтняя крестьянская дѣвка, Аюимья Пахомова, «лицомъ бѣла, росту средняго, глаза сѣрые», какъ сказано въ документѣ. Эту Аюимью приказчикъ и сталъ сватать за Ивана; послѣдній прибылъ въ Москву на «смотрины», Пахомова ему понравилась, а такъ какъ она была крѣпостная тѣхъ же Хилковыхъ, и платить за «выводъ дѣвки» было не нужно, то это обстоятельство ускорило дѣло. Изъ деревни выписали отца Аюимьи, въ сопровожденіи котораго она отправилась въ село Благовѣщенское, гдѣ въ Рождественскій мясоѣдъ 1735 года и повѣнчалась съ Иваномъ Сидоровымъ.

Нельзя сказать, чтобы послѣ новаго брака Иванъ пересталъ пить совсѣмъ, но прежняго разгула уже не было. Аюимья оказалась расторопной, выносливой и очень сильной женщиной въ полевыхъ крестьянскихъ работахъ; одно только не нравилось въ ней мужу: вторая жена постоянно любила наряжаться въ свободные дни и ѣздить по ярмаркамъ, упрашивая на послѣднія съ собою и мужа. Въ теченіе шести лѣтъ Аюимья родила трехъ сыновей: Ивана, Клима и Венедикта, оставшихся въ живыхъ, и дѣвочку, умершую тотчасъ же по появленіи своемъ на свѣтъ. Свою падчерицу, подроставшую Ульяну, Аюимья не взлюбила съ первой встрѣчи и, несмотря на то, что послѣдняя вынянчила ей всѣхъ дѣтей, она называла Ульяну «дармоѣдкою» потому, вѣроятно, что послѣдняя, напрягая всѣ свои силы, никогда при работахъ не могла успѣть за своею проворною въ дѣлѣ мачехою.

Въ селѣ же Благовѣщенскомъ противъ двора Ивана Сидорова былъ расположенъ дворъ крестьянина Петра Лифантьева Аладнина. Петръ былъ еще очень молодой мужикъ, въ Аюимьины годы, а его женѣ Агаеѣ, бывшей нѣкогда «господской дворовой», считалось за сорокъ. Петръ Аладнинъ былъ очень споръ на работу, а Агаея—лѣнива. Благовѣщенскіе крестьяне часто шутили, что Ивану Сидорову и Петру Аладнину справедливо бы было помѣняться женами. Лѣтъ черезъ семь послѣ второго Сидорова брака, весною 1742 г., парни иногда стали замѣчать ночнымъ временемъ, въ отсутствіе Ивана Сидорова, жену его, Аюимью, гулявшую вмѣстѣ съ Петромъ Аладнинымъ. Слухи доходили до Ивана, которому его дочь Ульяна подтвердила, что мачеха вечерами иногда оставяла избу.

— Порою выходила скотину смотрѣть, — отвѣчала Аюимья на вопросъ мужа.

Въ Петровъ день, ежегодно, Иванъ Сидоровъ съ второю женою обыкновенно ѣздили въ городъ Мещовскъ на ярмарку, называвшуюся «Петровской» и продолжавшуюся около недѣли. На этотъ

разъ, въ 1742 году, Иванъ ни самъ туда не поѣхалъ, ни жену не отпустилъ.

— Въ мои лѣта охота дома просидѣть, чѣмъ попусту время тратить, а одной тебѣ не стать ѣхать, — сказалъ сердито женѣ Сидоровъ.

Однако, черезъ недѣлю послѣ ярмарки, на своей женѣ Иванъ замѣтилъ новый платокъ, привезенный, какъ она объяснила, изъ Мещовска Агаеѣй, женою Петра Аладнина. Иванъ спросилъ послѣднюю. Та сказала, что Аѣимья она платка не привозила, купилъ ее мужъ Петръ, а по просьбѣ ли Аѣимья или собою, того она не знаетъ.

— Простотою своею и забвеніемъ смѣшала, кого просила—Петра или Агаею, статья можетъ, что и его, — отвѣтила мужу Аѣимья.

На другой день лѣтней Казанской того же 1742 г. повезъ Иванъ въ Ярославецъ Малый помѣщичью муку ржаную, вернулся домой поздно ночью. Дочь его Ульяна уже спала, а жены въ домѣ не было. Иванъ вышелъ на дворъ; въ концѣ виднѣлись ворота; они были полуотворены; подходя къ нимъ, мужикъ услышалъ голосъ жены. Иванъ приостановился и, придерживаясь за половинку воротъ, сталъ за нею.

— Все она, Агаея, помѣха, извести ее нужно, — услышалъ онъ голосъ жены.

— Онъ вдвое старше меня, — донеслось опять до ушей Ивана.

Больше, однако, стоять ему не пришлось: ворота скрипнули, и онъ, не удержавъ половинки, подался впередъ, вдали послышался какой-то шумъ.

Ворота выходили къ задворкамъ села, за которыми въ нѣсколькихъ саженьяхъ начинался лѣсокъ. Когда Иванъ появился за воротами, то увидѣлъ жену, идущую къ нему навстрѣчу. Кромѣ того, ему показалось, что вдали въ лѣсу быстро исчезла чья-то тѣнь.

Сидоровъ бросился было бѣжать впередъ, но потомъ одумавшись остановился.

— Съ кѣмъ ты здѣсь была? — закричалъ онъ женѣ.

— Стояла одна, никого со мною не было, — услышалъ онъ отвѣтъ.

— А кто же побѣжалъ туда въ лѣсъ?.. мнѣ показалось!.. — вновь закричалъ мужъ.

— Не знаю. Тебѣ, вѣрно, почудилось, — спокойно отвѣтила Аѣимья.

— Но я самъ слышалъ, какъ ты кому-то говорила.

— Говорила я сама съ собою спроста; сна не было по твоимъ отъѣздѣ, у сердца что-то всколыхнуло — я и пошла къ задворкамъ.

— Зачѣмъ же ты Агаею вспоминала, что она тебѣ помѣха?

— Черезъ нее у насъ съ тобою послѣ ярмарки раздоръ пошелъ, ругала я ее про себя.

— Не лги!—закричалъ на жену Иванъ, схватывая ее за руку.— Говори, зачѣмъ изводить ее собиралась?

— Почудилось тебѣ!—съ испугомъ отозвалась Аѳимья, стараясь вырвать свою руку у мужа.

— Отвѣчай, не то убью!—со злобой прошепталъ Иванъ, придерживая одною рукой жену, а другою нанося ей удары въ спину.

Сильно досталось молодой бабѣ отъ мужа, но такъ послѣдній и не добился отъ нея другихъ словъ, какъ: «тебѣ, вѣрно, послышалось, почудилось». На слѣдующій день хотѣлъ спросить Иванъ Агаею, ночевалъ ли прошлую ночь ее мужъ дома, но узналъ, что онъ наканунѣ съ утра пошелъ на сѣнокосъ и домой не возвращался. Такъ ночное пребываніе жены на задворкахъ и осталось загадкою для Ивана Сидорова, и на много дней загулялъ онъ послѣ того, чтобы залить свое горе.

Въ день Покрова Пресвятой Богородицы того же 1742 года вернулся Иванъ домой изъ церкви, выпилъ мѣрку вина въ одинъ алтынъ, а жена дала ему ѣсть баранины горячей съ колачомъ мягкимъ.

— Колачъ-то немного горекъ!—замѣтилъ женѣ Иванъ.

— Я подамъ другой,—отвѣтила та.

— Телерь я уже все съѣлъ и сытъ, — сказалъ Иванъ. — Пойду отдохнуть.

Но едва прошелъ часъ, какъ мужикъ вскочилъ съ постели.

— Охъ, тошно, тошно мнѣ!—закричалъ онъ.

Иванъ затрясся, какъ въ лихорадкѣ, и у него поднялась рвота.

Аѳимья съ какимъ-то любопытствомъ стала приглядываться, попробовала раздавить куски рвоты ногой—и не могла: до того они были крѣпки.

— Всю утробу мою кверху подымало,—сказалъ женѣ Иванъ, когда ему стало легче.

— Должно, отъ вина,—сказала ему жена.—Тебѣ слѣдовало выпить на 3 деньги, а ты сразу вдвое перехватилъ.

Покачалъ, покачалъ мужикъ головой, да такъ и не придумалъ, отчего у него, какъ сказано въ документѣ, «блевотина» поднялась. Только до самаго праздника Рождества Христова вина онъ уже не пилъ ни капли.

II.

Сильный и смѣлый, грубый и дерзкій былъ діаконъ при церкви села Благовѣщенскаго, Ермилъ Петровъ Аникіевъ. «Росту онъ былъ средняго, лицомъ бѣлъ, волосы на головѣ, бородѣ и усахъ русые, глаза сѣрые», какъ описанъ онъ въ документѣ. Широкоплечій, плотный и коренастый, онъ отличался рѣдкою выносливостію въ крестьянскихъ работахъ, заниматься которыми очень любилъ. Ер-

милъ былъ первый косецъ въ селѣ. Точно играя косою, рѣзалъ онъ лугъ рядъ за рядомъ при сѣнокосѣ. «Гдѣ кошено Ермиломъ, тамъ точно выжжено»,—говорили про его работу парни. Учился онъ до поступленія въ діаконъ мало, читать печатное зналъ, а писать не умѣлъ, и, несмотря на то, вліяніе его надъ Благовѣщенскимъ священникомъ, о. Васильемъ Ларіоновымъ, кроткимъ и незлобивымъ человѣкомъ, и вообще въ приходѣ было такое, что стоило только Ермилу зычнымъ голосомъ крикнуть на о. Василья, какъ тотъ спѣшилъ съ нимъ согласиться во всемъ.

15-го ноября 1743 года, «наканунѣ Сергіева дня», умерла у Ермила Аникіева его жена, Аѳимья Васильевна, оставивъ ему трехъ человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было 10 лѣтъ, а самому Ермилу исполнилось тогда 33 года. Горько плакалъ и убивался діаконъ при погребеніи жены, и много бессонныхъ ночей провелъ онъ послѣ, задумываясь надъ своимъ вдовствомъ.

Въ сороковой день по кончинѣ жены вернулся домой изъ церкви Ермилъ и у себя въ домѣ увидѣлъ Аѳимью Пахомову, жену Ивана Сидорова.

— Тебѣ что, Аѳимья?—спросилъ діаконъ.

— Пришла помочь тебѣ по кухнѣ, Ермилъ Петровичъ,—както коварно улыбаясь, отвѣтила женщина.

— Что жъ, очень кстати, а бобылка Анна, которую прислалъ отецъ Василій, слишкомъ стара,—сказалъ Ермилъ.

На поминки были приглашены священникъ съ женою, помѣщичій приказчикъ съ семействомъ, нѣкоторые крестьяне, позванъ былъ и Иванъ Сидоровъ, который послѣ угощенія вмѣстѣ съ женою навеселѣ вернулся домой.

На масленицѣ 1744 года, въ одинъ изъ дней къ вечеру, Аѳимья вновь появилась въ домѣ діакона.

— Мужъ напился пьянъ, лежитъ дома,—отвѣтила Сидорова на вопросъ Ермила.—Пришла тебя провѣдать, нѣтъ ли нужды въ моей работѣ,—съ какою-то затаенною улыбкой спросила она.

— Пока нѣтъ, а будетъ,—не откажи помочь, Аѳимья Пахомовна.

— Такъ!.. а я думала—тебѣ нужда есть,—продолжая улыбаться, произнесла Аѳимья, идя къ двери.

Въ пятницу на Святой недѣлѣ жена Сидорова въ послѣобѣденную пору опять пришла къ діакону.

— Съ большой къ тебѣ просьбой: не откажи, Ермилъ Петровичъ! Заслужу, чѣмъ хочешь!..

— Говори, что такое.

— Отпусти мнѣ поносить кафтанчикъ алыі тафтяной съ полосками бѣлыми, что остался послѣ Аѳимьи Васильевны, только дня на два, до конца праздника... Верну чистехонькимъ.

— То лучшее платье послѣ жены. Кафтанчикъ запертъ въ сундукѣ. Дать тебѣ его не могу. Его всѣ на селѣ знаютъ, дамъ тебѣ—пойдутъ дурныя вѣсти и о тебѣ, и обо мнѣ.

— Что мнѣ до нихъ! Иванъ ударился въ гульбу, два дня дома не бывалъ, хочу и я погулять.

— Ты тоже, кажется, выпила?

— Сказалъ подлинно; поднесешь, и у тебя выпью.

— Для праздника радъ угостить, а кафтанчика дать не могу...

— Пей тогда самъ!—съ досадою произнесла Аѳимья, повертываясь къ хозяину спиной.

— Пожди малость... постой!—крикнулъ Ермилъ крестьянкѣ, но той и слѣдъ простылъ.

О мужѣ Аѳимья сказала правду. Иванъ пьянствовалъ всю недѣлю, рѣдко приходя домой ночевать. Односельчане чувствовали, что у мужика какое-то скрытое горе, но какое, о томъ онъ никому не говорилъ. Прошла Пасха, а Иванъ все пилъ; такъ какъ денегъ у него не стало, то имъ продавались разныя вещи. Домъ обѣдѣлъ и разорился, хозяйство приходило въ разстройство. Только къ началу весенняго посѣва священникъ и приказчикъ едва успѣли удомать мужика немного остепениться; но пьянство этого нѣкогда зажиточнаго мужика довело до того, что у него не хватило даже сѣмянъ для сѣва.

— Покажи милость, отпусти мнѣ займы три четверика ячменя,—просилъ діакона Ермила въ одинъ изъ весеннихъ дней Иванъ Сидоровъ, придя къ нему на дворъ.

— До какого дня?

— До Семена Лѣтопроводца.

— А росту мнѣ четверикъ отдашь?

— Всего, стало быть, четыре четверика — не спору, только дай!—отвѣтилъ кланяясь Иванъ.

Ячмень Сидоровымъ былъ взятъ и засѣянъ.

Передъ Петровымъ днемъ Аѳимья попрежнему попробовала было заикнуться мужу о поѣздкѣ въ Мещовскъ на ярмарку.

— И думать не смѣй!—крикнулъ на жену Сидоровъ,—а если по-прошлогоднему у тебя объявятся обновки съ ярмарки отъ Аладнина, тогда пощады отъ меня не жди!

Урожай 1744 года у Ивана Сидорова былъ плохой, а въ ячменѣ совсѣмъ недородъ. Отдать діакону взятыхъ трехъ четвериковъ Иванъ, конечно, не могъ.

— Тогда пришли ко мнѣ въ поле на другой день Рождества Пресвятой Богородицы Аѳимью Пахомовну жать мою посѣянную рожь,—сказалъ Сидорову діаконъ.—Что тебѣ далъ займы ячменя три четверика, то за ея работу прошу безъ отдачи.

Мужикъ съ охотою согласился, и жена его вскорѣ принялась жать діаконскую рожь. Пять дней занималась она этой работой, ходя обѣдать и ночевать въ домъ діакона.

Самъ Ермилъ также отправлялся каждый день въ поле помогать Сидоровой. Глядя на гибкую фигуру молодой женщины, ловко справлявшейся съ серпомъ, извиваясь у колосьевъ, съ обнаженными руками и высоко поднятой грудью, Ермилъ Петровичъ не скрывая выражалъ ей свое одобреніе.

— Добро, если бы у меня всегда такая помощница была!—говаривалъ онъ.

На шестой день уборка ржи была окончена, и Ермилъ съ Сидоровой вернулся къ себѣ въ домъ съ поля. Черезъ часъ оба они, обильно угостившись виномъ, съ раскраснѣвшими лицами сидѣли рядомъ на скамьѣ за столомъ, уставленнымъ разными кушаньями.

— Какъ же, Ермилъ Петровичъ, дашь мнѣ Аѳимьинъ кафтанчикъ поносить хоть одинъ праздникъ?—лукаво заглядывая въ лицо собесѣднику, говорила Сидорова.

— Не только на день, но навсегда, моя сладость, если только не будешь отталкивать меня,—шептала Ермилъ, привлекая къ себѣ Аѳимью за талию...

Домой вернулась Сидорова утромъ. Долгъ ячменя Аникіевымъ Ивану былъ прощенъ, а на его женѣ въ первое же воскресенье появился діаконицынъ «кафтанъ алый съ бѣлыми полосками». Съ той поры, какъ сказано въ документѣ, «Сидорова въ небытность и за пьянствомъ мужа прихаживала въ домъ Аникіева днями и ночами», по ея словамъ, «для присмотра за дѣтьми Ермиловыми», точно ея собственныя въ томъ не нуждались. Ермилъ же не остался въ долгу передъ Сидоровой: послѣ праздника Покрова она получила отъ него въ подарокъ серьги его покойной жены «изумрудныя съ трясулками лаловыми».

15-го ноября 1744 года исполнилась годовщина смерти жены діакона Аникіева, Аѳимьи Васильевны. Въ этотъ день Ермилъ Петровичъ рѣшилъ сдѣлать по покойной обычное поминовеніе, а для изготовленія всѣхъ кушаній онъ упросилъ прійти къ нему въ домъ жену Ивана Сидорова. Послѣ обѣдни Ермиломъ къ нему въ домъ были приглашены почти всѣ тѣ же лица, что были и въ сороковой день. Аѳимья такъ ловко все приготовила, такъ привѣтливо угощала, а вина было такое обиліе, что подвыпившіе гости наперерывъ хвалили ее. Даже скромный священникъ, о. Василій, и тотъ замѣтилъ Ермилу:

— Я чаю, и при твоей покойницѣ такого достатка у тебя не бывало.

Иванъ Сидоровъ, также довольный женою, говорилъ Ермилу:

— Аѳимья, коли захочетъ, всего достигъ можетъ.

Молодая женщина была такъ расторопна, что не позабыла и дѣтей Ермила: они тоже были накормлены вдовсталь. Всѣ были довольны, а болѣе всего самъ хозяинъ.

Передъ сумерками гости начали расходиться. Послѣдними ушли Иванъ Сидоровъ и его пріятель, крестьянинъ Зиновій Андреевъ, оба пьяные, державшіеся другъ за друга.

— Утѣшительница моя!—проговорилъ Ермилъ, обнимая Аѳимью, когда они остались одни:—чего бы я не отдалъ, лишь бы намъ не разставаться?..

— Если подлинно ты того желаешь, то слушай!—отвѣтила Сидорова, отнимая руку Ермила. И долго послѣ того они говорили между собою шепотомъ.

Черезъ часъ Аѳимья вернулась домой. Совсѣмъ уже смерклось.

— Гдѣ отецъ?—сердито спросила она падчерицу Ульяну.

— Пошелъ по зову Зиновія для питья вина,—робко отвѣтила дѣвушка.

— Стало быть, ему на поминкахъ мало было! Ступай, ищи его поскорѣе. Ермилъ Петровичъ хотѣлъ прійти звать его въ Керженскіе лѣса на хорошую работу.

Но, едва дѣвушка направилась къ двери, отецъ ея уже возвращался домой, качаясь во всѣ стороны, а, спустя нѣсколько минутъ, сюда же явился Ермилъ Аникіевъ.

— Пойдемъ, Иванъ, въ Керженскіе лѣса—есть тамъ хорошее дѣло, теперь надо показать, а съ утра начать,—сказалъ Аникіевъ пьяному.

— Я всегда готовъ на работу, хоть тотчасъ, поднеси только, Ермилъ Петровичъ, винца пятикопеечную мѣрку.

— Ложись спать, а не вино пить!—крикнула мужу Аѳимья.

— Я-то!—въ свою очередь крикнулъ Сидоровъ.—Нѣтъ, я еще могу; пойдемъ,—сказалъ онъ, нахлобучивая шапку и подавая Ермилу руку.

— Статься можетъ, хмель скорѣе у него пройдетъ,—сказалъ Аѳимья на ходу діаконъ Аникіевъ.

Всѣ трое вышли на дворъ къ заднимъ воротамъ, которыя Аѳимья и отворила.

— Ахъ, Ермилъ Петровичъ, возьми Ивану кушакъ!—вдругъ вскрикнула Аѳимья, побѣжавъ назадъ. Аникіевъ также вернулся и пошелъ за нею, а Сидоровъ остался, придерживаясь за ворота.

— Ежели Иванъ будетъ просить у тебя помилованія, то ты отнюдь не чини: таковъ мой тебѣ приказъ!—произнесла Ермилу на ходу Аѳимья, когда они подходили къ дому за кушакомъ.

— Ты изъ избы сейчасъ не выходила?—подозрительно глядя на падчерицу, спросила Сидорова.

— У меня Венедиктъ на рукахъ, я не выходила,—тихо отвѣтила Ульяна.

Аѳимья взяла кушакъ и вынесла его Аникіеву, который, придерживая Ивана за руку, повелъ его за задворки села.

Было совѣтъ темно, на дворѣ стояла оттепель, дулъ вѣтеръ, ноги Ивана и Ермила скользили; ити было трудно.

— Я тебѣ, Ермилъ Петровичъ, готовъ всякое удовольствіе прозвести, потому отъ тебя отказа не вижу, — заплетающимся языкомъ говорилъ въ дорогѣ Сидоровъ. — Тебѣ вѣрю, а Петька Лифантьевъ меня берегись! — закричалъ онъ, останавливаясь и сжимая въ кулакъ свободную руку.

— Иди покойнѣй, Иванъ, не то упадешь, — отозвался Аникіевъ.

— Нѣтъ, жена должна законъ соблюдать, — бормоталъ Сидоровъ.

— Зайдемъ, Иванъ, въ деревню Ермолаевку къ крестьянину Ягодину занять денегъ взаймы, — сказалъ Ермилъ, когда они довольно далеко отошли отъ села.

— По мнѣ все равно, пойдемъ въ Ермолаевку, — шатаясь отвѣтилъ Сидоровъ.

Чтобы попасть въ эту деревню, нужно было перейти деревянный ветхій мостъ черезъ рѣчку Суходру. Мостъ былъ такъ просто сдѣланъ, что мѣстные жители называли его «плотомъ». Когда Аникіевъ со своимъ спутникомъ подходили къ рѣкѣ, то Иванъ остановился и сказалъ ему:

— Веди, Ермилъ Петровичъ, осторожнѣе: мостъ-то не проченъ.

— Знаю, — отвѣтилъ Аникіевъ.

Но едва они появились на серединѣ «плота», какъ діаконъ схватилъ Сидорова въ обѣ руки, высоко поднялъ кверху и изъ всей силы бросилъ его съ плота внизъ въ рѣчку...

— Что ты, что ты, Ермилъ!.. — слышались ему послѣднія слова Сидорова.

Аникіевъ слышалъ звукъ отъ паденія въ воду тѣла, потомъ все стихло, только вѣтеръ вылъ и рвалъ съ прежнею силой.

Опрометью бросился діаконъ Аникіевъ съ моста къ берегу, къ тому мѣсту рѣки, противъ котораго былъ имъ кинуть Сидоровъ. Тамъ все было тихо. Минуть съ десять простоялъ здѣсь еще діаконъ, потомъ размахистой походкой вернулся въ село и прямо къ дому Ивана. Здѣсь онъ далъ условленный знакъ въ кухню, откуда тотчасъ же вышла Аеимья Пахомова и вмѣстѣ съ Ермиломъ направилась къ нему въ домъ.

Черезъ недѣлю одинъ изъ крестьянъ деревни Ермолаевки на «плоту» черезъ рѣчку Суходру нашелъ рукавицы. Опрошенные крестьяне Ермолаевки своими ихъ не признали, а одинъ изъ нихъ, знакомый Ивану Сидорову, указалъ, что рукавицы принадлежатъ послѣднему. Такъ какъ объ исчезновеніи Сидорова было уже извѣстно, то рукавицы были представлены старостѣ и выборнымъ села Благовѣщенскаго. Выборные позвали въ сельскую «приказную избу» Аеимью Пахомову и спросили, ея ли мужа были найдены рукавицы.

— Да, рукавицы Ивановы,—отвѣтила Сидорова.

— Куда же пошелъ твой мужъ?—спросилъ староста.

— Съ недѣлю тому назадъ пошелъ съ нашимъ діакономъ, Ермиломъ Аникіевымъ, въ Керженскіе лѣса, а гдѣ нынѣ обрѣтается, я не знаю,—бойко отвѣтила Аѳимья.

Сидорову отпустили димой, а въ приказную избу «былъ приведенъ діаконъ Ермилъ Аникіевъ и про пропажу Ивана Сидорова разспрашиванъ».

— Кто же вамъ объявилъ, что я пошелъ съ Иваномъ въ Керженскіе лѣса?

— Его жена, Аѳимья Пахомова.

— Въ лѣса я точно 15-го числа съ Иваномъ ходилъ для указанія деревьевъ къ срубкѣ, онъ тамъ остался, а гдѣ теперь, того не вѣдаю,—отвѣтилъ Ермилъ.

Діаконъ былъ отпущенъ домой. Выборные стали дѣлать поиски и на слѣдующій же день саженьхъ въ 50 отъ моста при деревнѣ Ермолаевкѣ нашли тѣло Ивана Сидорова.

Въ приказную избу вновь былъ приведенъ Ермилъ Аникіевъ. Староста и выборные прочли ему отобраннѣй раньше доносъ дочери Сидорова, дѣвки Ульяны, объявлявшей, что Аѳимья и Ермилъ видимо 15-го числа къ вечеру затѣяли недоброе дѣло. Дочь Ивана солгала тогда мачехѣ, что не показывалась на дворъ, когда они всѣ съ отцомъ ея вышли; она также на рукахъ съ братомъ Венедиктомъ подкралась въ сѣни и слышала, какъ мачеха приказывала Ермилу не давать милости, а кому, она не дослышала; только чуяла въ томъ бѣду, а не доносила, простотою своею и боясь мачехи.

Кромѣ того, крестьянинъ села Благовѣщенскаго, Осипъ Зиминъ, видѣлъ, какъ Ермилъ Аникіевъ велъ по направленію къ Ермолаевкѣ Ивана Сидорова.

Діаконъ заплакалъ и сказалъ: то его вина, онъ утопилъ Ивана въ согласіи съ его женою, Аѳимьей, съ которой онъ находится въ незаконномъ сожителствѣ, утопилъ, чтобы получить имъ обоимъ свободу.

Допрошенная послѣ того Сидорова также созналась, что Ермилъ утопилъ мужа съ общаго ихъ согласія, чтобы имъ быть отъ него свободнымъ.

Черезъ недѣлю Ермила и Аѳимью «подъ крѣпкимъ карауломъ» отправили въ Москву, въ домъ помѣщика, князя Хилкова. Здѣсь они были также заключены подъ стражу, а о преступленіи діакона Ермила Аникіева было донесено московской духовной консисторіи. Только 13-го февраля 1745 года Аникіева вытребовали въ консисторію; здѣсь ему прочли указъ, что «по объявленнымъ его въ дѣлѣ винамъ, въ которыхъ онъ сознался, лишается онъ духовнаго діаконскаго чина, которымъ ему впредь не именоваться, а на-

зываются раздьякономъ разстригой Ермиломъ Петровымъ»; для окончанія же производящагося дѣла онъ посылается въ Сыскной приказъ.

Ш.

15 февраля 1745 года «колодники разстрига Ермилъ и женка Аеимья Пахомова» были приняты для допросовъ въ Сыскномъ приказѣ¹⁾ и разведены по разнымъ помѣщеніямъ: разстрига въ Большой острогъ, во вторую мужскую казарму, а Аеимья въ особое отдѣленіе, носившее названіе «женской бѣдности», при чемъ Пахомова «была осматривана старостихою «женской бѣдности», вдовою солдата, Матрѣною Васильевой, сказавшей, что она Аеимья не подозрительна».

Такъ какъ Ермилъ и Аеимья въ главной своей винѣ «въ утопленіи Сидорова» сознались, то въ Сыскномъ приказѣ старались отъ нихъ добиться, не замѣшаны ли они «въ другихъ смертныхъ убивствахъ и воровствахъ». Ради выясненія этого послѣдняго вопроса Ермилъ и Аеимья были пытаны три раза: 3, 14 и 29 мая 1745 года, т. е. почти съ двухнедѣльнымъ промежуткомъ передъ каждой пыткой, при этомъ «разстригѣ» было дано 75, а женкѣ 65 ударовъ: «въ другихъ убійствахъ и воровствахъ они не винулись».

4 іюля 1745 г. состоялось рѣшеніе Сыскаго приказа. Въ немъ, между прочимъ, были выписаны слѣдующіе законы:

72-я статья 21-й главы «Уложенія»: «Кто убьетъ съ умышленія, и сыщется про то допряма, и такого убойцу самого казнить смертію». 14-я статья 22-й главы: «Будетъ жена учинить мужу своему убивство или окормить его отравою, и ее за то казнить — живу окопати въ землю; хотя убитаго дѣти или иные кто ближніе того не похотятъ, милости отнюдь не дати и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣствъ, покамѣствъ она умретъ». А въ «Указной книгѣ» 19-го февраля 1747 (1689) г. написано: «Великіе государи приговорили впредь такихъ женъ за мужнее убивство въ землю не окапывать, а казнить ихъ смертію — сѣчь головы».

19-я статья 22-й же главы «Уложенія»: «Будетъ кто надъ кѣмъ учинить смертное убивство по чьему наученію, а сыщется про то допряма, и того, кто на смертное убивство научалъ, и кто убилъ, — обихъ казнить смертію».

Сыскной приказъ, на основаніи приведенныхъ законовъ, положилъ «за смертное убивство Сидорова, учиненное съ умысла, каз-

¹⁾ Въ это время Сыскной приказъ съ своими тюрьмами и застѣнками помѣщался у Москворѣцкихъ воротъ, близъ Кремлевскаго рва. См. «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи», кн. 2, л. 1.

нити Ермила и Аѳимью смертію: раздьякона повѣсить, а женкѣ отсѣчь голову».

Но преступленіе Ермиломъ и Аѳимьей было совершено въ чело-вѣколюбивое царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, давшей 17 мая 1744 г. извѣстный указъ: «колодникамъ, приговореннымъ къ смерти, до полученія указовъ изъ сената, экзекуціи не чинить».

Въ силу этого указа, о Ермилѣ и Аѳимѣ въ сенатъ былъ представленъ экстрактъ, а сами они оставлены подѣ карауломъ въ Сыскомъ приказѣ, гдѣ и началась ихъ новая жизнь.

Долго, цѣлые годы пришлось просидѣть Ермилу и Аѳимѣ въ Москвѣ, въ острогѣ приказа. Такъ какъ они были обвинены въ одномъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, то и заключеніе они несли самое тяжелое, были закованы въ ножные и ручные кандалы, не отпускались ни на какія арестантскія работы, не водились связками по улицамъ для прошенія милостыни. Къ тому же Ермилъ и Аѳимья очень бѣдствовали деньгами; другіе заключенные въ добавокъ къ казенному содержанію получали еще подачки отъ родственниковъ и разныхъ «милостивцевъ», а убійцы Сидорова помощи ни отъ кого не имѣли. Они пользовались только кормовыми деньгами отъ казны, по 4 коп. на день. Разные съѣстные припасы колодники покупали отъ допускаемыхъ въ острогѣ «харчевницъ». Кормовыя же выдавались разѣ въ недѣлю, и заключенные большею частію въ первые же дни недѣли всѣ ихъ проѣдали, въ остальные же — до новой получки пробивались кое-какъ.

Аѳимья, какъ женщина, оказалась хитрѣе Ермила и успѣвала добывать себѣ мелкія деньги. Она объявилась «знахаркой», врачевала колодницъ и колодниковъ, и даже караульныхъ, конечно, не лично, а черезъ посылку имъ разныхъ травъ, и за то кое-что получала; въ своей казармѣ вытащила мохъ между бревнами острога, въ той части, которая была близка къ улицѣ, и криками выпрашивала у проходившихъ милостыню, тѣ иногда бросали деньги во дворъ острога, а знакомые караульные по ея указанію поднимали и передавали ихъ Аѳимѣ.

Ничего подобнаго не имѣлъ Ермилъ, переносившій на себѣ всю тяжесть оставленнаго и забытаго всѣми челоуѣка. Такъ какъ вторая казарма, въ которой онъ заключался, одной стѣной выходила на дворъ, а на другомъ концѣ стоялъ острожекъ, называемый «женскою бѣдностію», то въ сдѣланный въ стѣнѣ «протесь»¹⁾ Ермилу изрѣдка удавалось видѣть Аѳимью, выходящую

¹⁾ Узкое и длинное отверстіе между бревнами острога, замѣнявшее колодникамъ окна. Въ каждой казармѣ ихъ было по два. Размѣромъ протесь дѣлался въ длину 2 аршина, а въ высоту 6 вершковъ.

на дворъ, а одинъ разъ при содѣйствіи караульнаго даже разговаривать съ нею.

15 іюня 1747 г. одинъ изъ караульныхъ солдатъ, Иванъ Овсяниковъ, очевидно задобренный Аѳимьею, передалъ Ермилу «написанную на осьмухѣ листа записку» отъ Аѳимьи и сказалъ, что то письмо для него по просьбѣ Сидоровой «писала присланная изъ Петербурга колодница, женка Анна Иванова».

Въ запискѣ Аѳимья просила своего стараго пріятеля «послать письмо къ благовѣщенскому попу, Василью Ларіонову, чтобъ онъ прислалъ ему, Ермилу Аникіеву, денегъ, сколько можетъ, а буде онъ тебѣ оныхъ не пришлетъ,—прибавляла Сидорова,—то пригрози ему, что самъ объявишься къ нему за ними».

«Раздьяконъ» письмо взялъ и сталъ ждать случая, какъ бы ему отвѣтить на него Аѳимьѣ. Много прошло времени, пока онъ представился. 7-го августа того же 1747 года Ермилъ подошелъ къ протесу въ задней стѣнѣ казармы, что ко рву, и увидѣлъ наконецъ шедшую на дворъ изъ «женской бѣдности» Аѳимью, выносившую въ ведрѣ соръ. Ермилъ кликнулъ ее къ протесу.

— Послалъ письмо Василью Ларіонову? — услышалъ онъ вопросъ Аѳимьи.

— Нѣтъ, не отправилъ: мнѣ стало жаль попа пугать и разорять, вѣдь онъ ни въ чемъ не виноватъ.

— Не знала я прежде, что ты такъ жалостливъ, не то бы тогда было! — со злобой закричала Сидорова.

— Къ чему ты мнѣ говоришь?

— Напрасно я тебя научила Ивана утопить, — съ раздраженіемъ продолжала кричать колодница, — онъ бы и такъ прожилъ не болѣе шести недѣль, понеже я его испортила, второй разъ дала ему порошка въ колачѣ, и все дождалась, что у него попрежнему объявятся рвота, и онъ умретъ.

— Ты мнѣ ничего про то прежде не сказывала.

— Потому и не объявляла, что жила съ Петромъ Лифантьевымъ блудно, а у насъ уговоръ былъ, что ежели Иванъ отъ порчи умретъ, или ты по моему наученью его убьешь, то онъ возьметъ меня за себя замужъ, а свою жену изведетъ¹⁾...

— Тогда выходить, что Ивана я для васъ топилъ? — «совершенно потерявшись», спросилъ Ермилъ.

— Стало, для насъ, а вышло — незнамо для кого, — со смѣхомъ отвѣтила Аѳимья.

¹⁾ Если Аѳимья во время допросовъ въ Сыскномъ приказѣ, съ трехъ ужасныхъ истязаній, ни словомъ не обмолвилась о своемъ замыслѣ съ Лифантьевымъ, а проболталась о немъ сама Ермилу, спустя два года, то это, мнѣ кажется, можетъ служить доказательствомъ, что пытки не достигали своей цѣли, что и послѣ нихъ утаивалось многое.

— Теперь, послѣ твоихъ словъ, я отъ тебя отстану, совѣмъ отстану! — говорилъ разстроенный Ермилъ.

— Развѣ когда умрешь, тогда отстанешь! — съ досадою возразила ему Сидорова.

— Нѣтъ, теперь; но прежде въ Сыскомъ приказѣ въ присутствіи донесу о нынѣшнихъ твоихъ словахъ, для чего ты на розыскѣ и на пыткахъ ничего о томъ не объявляла, знатно, себя облегчала, а мнѣ дѣлала тяготу! — съ угрозой проговорилъ Ермилъ, отходя отъ протеса.

Однако послѣ того шли мѣсяцы за мѣсяцами, а о словахъ Аѳимьи разстрига приказу не доносилъ. Только признаніе и раскрытіе души ея сильно повліяло на здоровье Ермила: онъ сталъ задумчивъ и почти ничего не ѣлъ. Въ началѣ 1748 года онъ лежалъ при смерти ¹⁾, и къ больному былъ вызванъ священникъ церкви Всемилостиваго Спаса, что у Москворѣцкихъ воротъ, состоявшій при приказѣ ²⁾. Ермилъ былъ исповѣдыванъ и приобщенъ. Въ концѣ исповѣди раздьяконъ слабымъ голосомъ разсказалъ отцу духовному о словахъ Аѳимьи, слышанныхъ имъ 7-го августа. Онъ поднялъ глаза на священника и ждалъ, что тотъ скажетъ. Однако послѣдній молчалъ. Тогда Ермилъ опять повторилъ слова Аѳимьи и прибавилъ, что боится, не испорченъ ли онъ ею нынѣ.

— Я все слышу, — отвѣтилъ ему тихо священникъ и болѣе ничего не сказалъ, а раздьякону думалось, что священникъ самъ о признаніи Аѳимьи донесетъ Сыскому приказу.

Около двухъ недѣль послѣ того мучился Ермилъ, лежа на нарахъ на рогожкѣ. Наконецъ его сильная натура одержала верхъ, и онъ выздоровѣлъ.

Прошло съ полгода.

Въ Сергіевъ день, 5 іюля, Ермилу опять нездоровилось: голова горѣла у него, какъ въ огнѣ. Тогда онъ позвалъ стоявшаго на караулѣ солдата Суздальскаго пѣхотнаго полка, Фрола Баранчикова, и уговорилъ его сходить въ казарму къ Аѳимьѣ сказать, что онъ боленъ, и попросить у нея Ермилу какой либо тряпицы для связанія головы. Солдатъ принесъ Ермилу отъ Аѳимьи небольшую тряпицу съ заплаткою; ею разстрига и завязалъ себѣ голову.

Спустя дня два, Ермилъ почувствовалъ тошноту. Онъ бросился къ нарамъ и изъ-подъ мѣшка, лежавшаго у него въ головахъ, вытащилъ тряпицу, принесенную ему отъ Аѳимьи, и сталъ ее внимательно разсматривать: за заплатой онъ оцупалъ бумажку, развернувъ которую увидѣлъ какой-то бѣлый порошокъ.

¹⁾ Въ острожныхъ казармахъ больные колодники не отдѣлялись отъ здоровыхъ, а лежали вмѣстѣ съ ними на своихъ обычныхъ мѣстахъ.

²⁾ Имени и фамиліи этого священника въ дѣлѣ не указано.

— Меня хотѣла испортить колодница Аѳимья Сидорова,—сказалъ Ермилъ позванному къ нему дежурному солдату, Михайлу Карташеву.

— То можетъ быть,— отвѣтилъ солдатъ,— оная Аѳимья тому мѣсяць назадъ отъ болѣзни давала пойло солдату Николаю Иванову, и Николая тошнило съ недѣлю, едва отходился.

Чаша терпѣнія для Ермила переполнилась.

На слѣдующій день утромъ, едва въ острогъ явился для отпирания замковъ у казармъ караульный сержантъ, Яковъ Сытенскій, какъ раздьяконъ объявилъ ему, что его хотѣла испортить колодница Сидорова; отдалъ сержанту ея тряпицу, порошокъ въ бумажкѣ и рассказалъ о словахъ Аѳимьи, сказанныхъ ему, Ермилу, 7-го августа 1747 г., что она вмѣстѣ съ Лифантьевымъ собиралась извести и испортить Ивана, прежде чѣмъ онъ, раздьяконъ, утопилъ его.

Сытенскій о сдѣланномъ ему доносѣ представилъ «репортомъ» Сыскному приказу. Приказъ отобралъ какъ отъ Ермила, такъ и отъ Аѳимьи допросы, а 3-го октября 1748 г. постановилъ рѣшеніе.

Въ рѣшеніи Сыскаго приказа былъ выписанъ 6-й пунктъ указа 10-го апрѣля 1730 года:

«Которые воры и разбойники или другіе какіе злодѣи будутъ приговорены къ смерти и посажены въ покаянную и стануть доносить о другихъ какихъ дѣлахъ, тѣмъ въ тѣхъ доносахъ не вѣрять, дабы невинные по лживымъ ихъ доносамъ напрасно не страдали».

3-го же октября Ермилъ и Аѳимья въ кандалахъ были доставлены въ присутствіе Сыскаго приказа, гдѣ секретарь прочелъ имъ изложенный указъ 10 апрѣля 1730 года и объявилъ, что, по рѣшенію приказа, опредѣлено «въ доносахъ имъ не вѣрять и новаго дѣла не вчинать».

Ермилу стало ясно, что закону не было теперь дѣла до нихъ, колодниковъ, до ихъ внутренняго міра, что закону нужно было заботиться объ охраненіи общества отъ новаго вторженія въ него разъ отброшенныхъ уже изъ него людей.

Съ понурой головой вышелъ Ермилъ изъ судейской комнаты, и эти два человѣка, столь нѣкогда близкіе другъ другу, разстались врагами.

Въ концѣ 1748 года послѣдовалъ указъ сената, утвержденный императрицей, Ермила и Аѳимью вмѣсто смертной казни сослать на вѣчную каторгу: перваго въ сибирскіе дальніе города, а послѣднюю въ Рогервикъ. Осторожное четырехлѣтнее «сидѣніе» кончилось, и вскорѣ «колодники» были отправлены въ назначенныя имъ мѣста.

И. С. Бѣляевъ.

ОТЛУЧЕНІЕ БРИГАДИРА ИВАНА ШВЫЙКОВСКАГО ОТЪ ЦЕРКВИ.

ЕСТОЕ января 1724 года.

Въ храмѣ села Верховья, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, за литургіей очень много молящихся, по случаю праздника Богоявленія.

Впереди всѣхъ, почти у самыхъ царскихъ вратъ стоитъ ктиторъ храма, владѣлецъ села Верховья, ротмистръ смоленской шляхты, Иванъ Швуйковскій. Рядомъ съ нимъ усердно молится его молодая жена.

Литургію служитъ приходскій священникъ, отецъ Петръ.

На великомъ входѣ со святыми дарами отецъ Петръ произноситъ положенныя возглашенія, но почему-то, вопреки установившемуся обыкновению, не называетъ ни имени ктитора храма — боярина Іоанна (Швуйковскаго), ни имени его «боголюбивой» супруги.

Швуйковскій этимъ изумленъ... Гнѣвно повелѣвъ онъ глазами и, задумчиво склонивъ голову, стоялъ до окончанія богослуженія, нервно переминаясь съ ноги на ногу.

Отошла литургія. Крестный ходъ отправился на рѣку...

Лишь только окончено было водосвятіе, Швуйковскій поспѣшно взялъ у своего войта кувшинъ съ освященною водою, поднесъ его женѣ, выпилъ самъ глотка два и сейчасъ же велѣлъ кучеру подать лошадей. Усадивъ жену на сани, самъ Швуйковскій отошелъ отъ іордани на дорогу, ведущую къ церкви, и остановился тутъ, какъ бы любуясь сутолокой народа у рѣчной проруби.

Священникъ съ причетниками возвращается въ храмъ. Швѣйковскій подходитъ на встрѣчу къ отцу Петру, дерзко вырываетъ у него изъ рукъ церковный крестъ и кричитъ Θεодору Ткачику и другимъ своимъ дворовымъ людямъ сейчасъ же сорвать съ попа все священническое облаченіе и бить попа дубьемъ безъ всякой пощады...

Велѣніе ротмистра моментально исполняется: дворня знаетъ его нравъ, не терпящій ни малѣйшаго замедленія въ осуществленіи его приказаній.

Отца Петра немилосердно ударяютъ палками по всему тѣлу, по головѣ... Онъ падаетъ на землю. Швѣйковскій набрасывается на лежащаго и ногами («успетками»—пинками) бьетъ и топчетъ его, «топчетъ по животу и въ тайный удъ»...

Отецъ Петръ полуживъ... Швѣйковскій приказываетъ дворня оттащить отца Петра къ себѣ во дворъ, въ черную избу, служившую псарней...

Часа чрезъ полтора грозный ротмистръ сѣлъ за обѣденный столъ. Выпивъ двѣ-три большихъ праздничныхъ чарки, онъ вспомнилъ про отца Петра и распорядился привести его изъ псарни въ столовую.

Поглумившись надъ избитымъ іереемъ, крикливо наговоривши ему много словъ о своей власти надъ приходскимъ духовенствомъ, Швѣйковскій началъ принуждать отца Петра пить водку большими чарками. Но отцу Петру было не до водки: онъ не могъ ее пить вслѣдствіе чрезмѣрной боли отъ полученныхъ побоевъ. Швѣйковскій приказалъ водворить отца Петра опять на псарню и продолжалъ обѣдать...

Отпущенный на другой день домой, отецъ Петръ слегъ въ постель и пролежалъ три мѣсяца...

Чего только не передумалъ за это время несчастный отецъ Петръ?.. Ему казалось, что нѣтъ на землѣ болѣе забитаго существа, какъ священникъ: «Священника и архіерей бьетъ и сажаетъ «въ цѣпь», и помѣщикъ бьетъ... Священнику нигдѣ нѣтъ защиты и спасенія отъ ужаснаго униженія даже въ глазахъ своихъ прихожанъ... Но неужели Швѣйковскій, всенародно такъ изругавшійся надо мною, останется безнаказаннымъ? Неужели правда, царствующая на небѣ, совсѣмъ не имѣетъ мѣста на землѣ? Нѣтъ, она должна быть тутъ! Я буду искать ее. Я покажу Швѣйковскому, что она выше, чѣмъ его помѣщичья сила, надломившая мое здорье... Я буду бить челомъ и архіерею и святѣйшему синоду»...

И дрожащими руками отецъ Петръ начерталъ челобитную на Швѣйковскаго въ духовный приказъ при Смоленскомъ архіерейскомъ домѣ и другую—въ святѣйшій синодъ...

Дѣло чрезъ нѣкоторое время получило ходъ. Смоленскій архіепископъ Филоеѣй привлекъ Швѣйковскаго къ допросу. Отецъ Петръ ободрился было духомъ...

Швыйковскій былъ человѣкомъ, способнымъ на какіе угодно происки. Онъ пускался на все, чтобы запутать возбужденное противъ него дѣло. Дѣйствительно, прошло болѣе двухъ лѣтъ, а слѣдствію надъ Швыйковскимъ конца не было.

Въ довершеніе всѣхъ своихъ затѣй, 18-го февраля 1726 года Швыйковскій подалъ въ святѣйшій синодъ прошеніе на самого архіепископа Филоея. Въ прошломъ 1725 году,—писалъ Швыйковскій въ прошеніи,—11-го октября я былъ вызванъ къ смоленскому архіепископу Филоею. Явился къ нему. Только успѣлъ я войти въ его келью, онъ сейчасъ же приказалъ своему келейнику, Павлу Шупилѣ, запереть келейныя двери, призвалъ своего духовника, іеромонаха Лаврентія Сорочинскаго, и какого-то іеродіакона, велѣлъ имъ держать меня за волосы, а самъ билъ меня палкою по спинѣ и по рукамъ. При этомъ былъ изорванъ на мнѣ черный суконный кафтанъ, цѣною въ 15 рублей, и потерялись мои серебряныя часы, цѣною въ 30 рублей. Избивши меня, архіерей велѣлъ еще посадить меня «въ цѣпь» и держалъ въ цѣпи часовъ пять. За что такъ поступилъ со мною архіерей, онъ мнѣ не объяснилъ. Генералъ-майору жъ смоленской шляхты Потемкину архіепископъ написалъ доношеніе, въ которомъ объявилъ меня лишеннымъ ума, чѣмъ сильно меня обезчестилъ.

Слѣдствіе по такой жалобѣ Швыйковскаго святѣйшій синодъ поручилъ произвести архимандриту Лужецкаго Можайскаго монастыря Діонисію и архимандриту Бизюкова монастыря, Иннокентію Лаицкому.

Какъ оно велось и чѣмъ закончилось, извѣстій не сохранилось. Но Швыйковскій такимъ прошеніемъ на архіепископа Филоея затянулъ разслѣдованіе по жалобѣ отца Петра. Разслѣдованіе это, послѣ ухода архіепископа Филоея въ началѣ 1728 года со смоленской каедрѣ, было и совсѣмъ прекращено. Вскорѣ и отецъ Петръ, овдовѣвъ, ушелъ въ монастырь.

Разумѣется, для духовенства, состоявшаго въ полной и тяжелой матеріальной зависимости отъ помѣщиковъ, безнаказанность помѣщичьихъ издѣвательствъ и порой такихъ жестокихъ расправъ со священнослужителями, какую учинилъ Швыйковскій съ отцомъ Петромъ, была въ высшей степени обидна.

Со вступленіемъ (въ 1728 году) въ управленіе Смоленскою епархіею епископа Гедеона Вишневскаго, человѣка энергичнаго, желавшаго поднять авторитетъ и значеніе священнаго сана, большого простора для такихъ дѣйствій помѣщиковъ, разумѣется, не могло быть.

Тѣмъ не менѣе, тотъ же самый Швыйковскій, съ годами ставшій уже бригадиромъ, но не утратившій пыла своего крутого нрава, и во время правленія Смоленскою епархіею Гедеона Вишневскаго повторилъ пѣчто подобное тому, что было продѣлано въ 1724 году съ отцомъ Петромъ.

Но на этотъ разъ исторія разыгралась неблагопріятно для Швѣйковскаго.

Въ числѣ вотчинныхъ владѣній Швѣйковскаго было село Полуево, въ Ивановскомъ станѣ, Смоленскаго уѣзда.

Въ 1744 году Швѣйковскій обратился съ письменною просьбою къ епископу Гедеону Вишневному о назначеніи къ Преображенской церкви этого села во священники поповича изъ села Бѣлина (Елинскаго стана), Ѳеодора Иванова. Въ августѣ мѣсяцѣ (15 числа) Ѳеодоръ Ивановъ былъ посвященъ епископомъ Гедеономъ и отправленъ въ Полуево на священническое служеніе.

По пріѣздѣ въ село, отецъ Ѳеодоръ прежде всего построилъ себѣ на церковной землѣ избу для жилья. Но невесело жилось молодому священнику. Храмъ Полуевскій былъ страшно бѣденъ, убогъ. Кровля храма сильно обветшала; ограды вокругъ храма не существовало; старосты церковнаго не было. Обо всемъ этомъ отецъ Ѳеодоръ 18 мая 1745 года донесъ епископу Гедеону. Швѣйковскій обидѣлся и сталъ часто «чинить отцу Ѳеодору немалыя обиды и разоренія» за его доношеніе епископу. Такъ, избу, построенную отцомъ Ѳеодоромъ, Швѣйковскій приказалъ своимъ вотчиннымъ крестьянамъ разобрать, снести съ церковной земли и поставить на помѣщичьей землѣ, около болота, вдали отъ церкви. Жить тутъ было не возможно, и отецъ Ѳеодоръ обратился къ товарищу смоленскаго губернатора, князю Ивану Друцкому-Соколинскому, съ просьбою разрѣшить ему жить въ деревнѣ Соколинскаго—Слободѣ, принадлежавшей къ Полуевскому приходу, въ крестьянскомъ дворѣ.

Недовольный этимъ, Швѣйковскій отнялъ у отца Ѳеодора и у причетниковъ всю церковную землю, не позволивъ имъ даже пасти скота на этой землѣ.

Затѣмъ, слыша недобрыя рѣчи о себѣ причетниковъ, Швѣйковскій 4-го августа 1745 года, по окончаніи литургіи, приказалъ своимъ людямъ насильно привести къ себѣ въ домъ изъ церкви дьячка и понамаря. Тутъ немилосердно исколотилъ ихъ «дубьемъ» и продержалъ въ желѣзахъ подъ карауломъ цѣлыя сутки. Въ сентябрѣ и октябрѣ онъ неоднократно призывалъ къ себѣ отца Ѳеодора, бранилъ его всякими скверными словами, билъ и «травилъ» собаками.

Наконецъ, въ январѣ 1746 года, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, по окончаніи отцомъ Ѳеодоромъ литургіи, Швѣйковскій прислалъ за нимъ въ церковь своего возницу (кучера) Тихона и крестьянина деревни Рогожки—Ѳеодора Бѣлянина.

Отецъ Ѳеодоръ немедленно идетъ. Только перешагнулъ онъ порогъ дома Швѣйковскаго, какъ послѣдній началъ на него кричать:

— Для чего ты Арентовой (фамилія помѣщика) вотчины свадьбу вѣнчалъ?..

Швыйковскій былъ золь за то, что отецъ Θεодоръ не испросилъ у него разрѣшенія на обвѣнчаніе людей изъ чужого владѣнія, и осыпалъ отца Θεодора самыми отборными ругательствами.

Отецъ Θεодоръ въ смущеніи молчалъ.

Это какъ будто еще больше раздражало Швыйковскаго.

— На что ты, — продолжалъ Швыйковскій, — во время крестнаго знаменія пѣлъ стихиру: Господи, оружіе на діавола крестъ Твой далъ еси намъ? Я—не дьяволъ!..

Стихира эта, дѣйствительно, пѣлась однажды въ церкви, по распоряженію отца Θεодора, по окончаніи обѣдни, когда богомольцы, а въ числѣ ихъ первымъ Швыйковскій, прикладывались ко кресту.

Утомившись своею щедрою бранью, Швыйковскій пригласилъ отца Θεодора отобѣдать у него. Отецъ Θεодоръ, довольный смѣною бригадирскаго гнѣва на милость, скромно присѣлъ къ обѣденному столу. Бригадиръ наполнилъ водкою двѣ внушительныя чарки; выпилъ самъ одну, а другую предложилъ отцу Θεодору. Отецъ Θεодоръ отказался пить. Швыйковскій всталъ изъ-за стола и давай бить по щекамъ отца Θεодора... Схватилъ его за волосы, повалилъ на полъ и закричалъ своимъ слугамъ: «дайте дубья!» Натравленный хозяиномъ, злой песъ Швыйковскаго, всегда находившійся при немъ, бросился кусать отца Θεодора, лежавшаго на полу, и искусалъ его во многихъ мѣстахъ головы и тѣла. Дворовые люди мигомъ явились съ дубьемъ, положили отца Θεодора на скамью и, снявъ съ него рясу и кафтанъ, стали его бить.

Ударовъ было немало, потому что били отца Θεодора кучеръ Тихонъ, лакей Никонъ, Никита, Иванъ и еще нѣсколько человѣкъ. Били они его пять разъ, съ перерывами. Положивши отца Θεодора на скамью въ шестой разъ экзекуторы, по рецепту Швыйковскаго, заложили отцу Θεодору вверхъ подъ поясъ, а внизу подъ штаны, концами двѣ дубины по обѣимъ сторонамъ спинного хребта и били его кулаками по щекамъ и бокамъ, уговаривая вышить водки и насильно вливая ее ему въ ротъ. У отца Θεодора не разъ появлялась рвота...

— Бейте его до смерти! — вопилъ Швыйковскій. Дважды колотили еще отца Θεодора кулаками слуги Швыйковскаго, а ихъ было человѣкъ десять.

Увидѣвъ, наконецъ, что отецъ Θεодоръ почти бездыханенъ, дворовые палачи сказали своему господину: «Моспане, не живъ!»

Швыйковскій приказываетъ вытащить отца Θεодора изъ хоромъ въ черную избу, заковать его тамъ въ желѣза и наложить ему въ ротъ и одежду снѣгу. «Ежели же не оживетъ, то вкинуть его въ озеро подъ ледъ!» — заключаетъ разъяренный бригадиръ.

Еле живой отецъ Θεодоръ цѣлыя сутки промучился въ желѣзахъ. Лишь къ утру пришелъ онъ въ сознаніе.

Утромъ Швѣйковскій снова приказываетъ привести къ себѣ батюшку.

Видимо, Швѣйковскій уже сообразилъ, что его необычайная расправа съ отцомъ Теодоромъ даромъ не пройдетъ. И вотъ онъ написавши отъ имени отца Теодора письмо съ руганью на Швѣйковскаго, его жену и дѣтей, заставляетъ отца Теодора подписаться подъ этимъ письмомъ. Больной, обезпамятѣвшій отецъ Теодоръ, боясь новыхъ побоевъ и смерти, подписываетъ письмо...

Является вскорѣ жена отца Теодора и, рыдая и обливаясь слезами, умоляетъ Швѣйковскаго отдать ей ея мужа. Швѣйковскій отпускаетъ отца Теодора, и жена отвозитъ его домой.

Долго болѣлъ отецъ Теодоръ. Простить Швѣйковскому свою обиду онъ не могъ. Собравшись кое-какъ съ силами, онъ побывалъ въ Смоленскѣ и тутъ въ консисторіи подалъ на Швѣйковскаго челобитную. Консисторія освидѣтельствовала слѣды побоевъ на отцѣ Теодорѣ и отослала его на такое же освидѣтельствованіе въ губернскую канцелярію. Оказалось, что все тѣло отца Теодора, отъ поясицы до ногъ, все сѣдалище его были избиты и покрыты большими гнойившимися ранами. Консисторія двумя промеморіями просила губернскую канцелярію выслать Швѣйковскаго къ консисторскому суду, но Швѣйковскій не являлся.

Указомъ императора Петра II-го 1729 года повелѣвалось «какъ смоленскихъ шляхтичей, такъ и прочихъ всякаго чина людей въ священнобойствахъ и тѣмъ подобныхъ продерзостиахъ и наносимыхъ священному чину ругательствахъ, забирая въ духовную консисторію, допрашивать и дѣла рѣшать, какъ правила святыхъ апостоловъ и богоносныхъ отецъ и его императорскаго величества права повелѣвають, понеже тѣ дѣла самыя—духовныя и подлежатъ до суда архіерейскаго, а не свѣтскаго».

Злой на отца Теодора за его жалобу въ консисторіи, Швѣйковскій въ бесѣдахъ съ крестьянами, прихожанами отца Теодора, приговаривалъ: «если гдѣ поймаю отца Теодора, убью до смерти»... Разумѣется, такія рѣчи передавались отцу Теодору.

Отецъ Теодоръ въ концѣ апрѣля снова направился въ Смоленскъ.

Мучимый болями въ незакрывшихся январскихъ ранахъ по тѣлу, угнетенный духомъ, отецъ Теодоръ явился къ епископу Гедеону. Онъ просилъ, чтобы епископъ перевелъ его изъ села Полуева въ село Билино, Елинскаго стана, Смоленскаго уѣзда.

Въ этомъ селѣ при Успенской церкви священствовалъ отецъ отца Теодора—Іоаннъ Яковлевъ. По прежней ревизіи, въ этомъ приходѣ числилось 143 двора, а по позднѣйшей сказкѣ, поданной (въ 1746 г.) въ канцелярію генеральной ревизіи, считалось 280, почему въ приходѣ могло быть два священника. И раньше въ этомъ приходѣ было два священника.

Епископъ внимательно выслушалъ скорбную повѣсть отца Теодора, показывавшую, какъ тяжело жилось ему въ Полуевѣ, въ вотчинѣ Швѣйковскаго. Жестокая расправа Швѣйковскаго съ отцомъ Теодоромъ до глубины души возмутила архипастыря. Онъ сейчасъ же распорядился перевести отца Теодора на просимое имъ мѣсто и приказалъ отцу Теодору непремѣнно вести дѣло противъ Швѣйковскаго. Въ виду же того, что храмъ въ Полуевѣ оставался безъ священника ¹⁾, епископъ Гедеонъ распорядился отправить въ село Полуево священника Смоленскаго Успенскаго собора Юліана, выдавъ ему особую инструкцію.

Въ инструкціи сказано было, чтобы священникъ Юліанъ, пріѣхавши въ село Полуево, взялъ ключи отъ храма (у кого бы они ни были), отперъ его и, приготовившись надлежащимъ образомъ, совершилъ литургію и употребилъ запасные дары. По окончаніи литургіи, отецъ Юліанъ долженъ былъ осмотрѣть, въ присутствіи причетниковъ, все въ храмѣ, взять сосудъ со св. миромъ для доставленія его въ соборную ризницу, церковь замкнуть и запечатать консисторскою печатью, ключи же отъ церкви отдать причетникамъ. Въ случаѣ же, добавлялось въ инструкціи, ключи отъ церкви окажутся у Швѣйковскаго, и онъ ихъ не дастъ, то тогда отецъ Юліанъ долженъ лишь запечатать церковь и приказать причетникамъ, чтобы они слѣдили за цѣлостью наложенной печати. Всякаго, готоваго покуситься на снятіе этой печати, причетники обязаны были поймать и подъ крѣпкимъ карауломъ прислать въ консисторію...

Дѣло отца Теодора противъ Швѣйковскаго, до времени явки послѣдняго въ консисторію, епископъ Гедеонъ распорядился вести на простой бумагѣ, вслѣдствіе крайней бѣдности отца Теодора, а послѣ высылки Швѣйковскаго губернскою канцеляріею въ консисторію—писать судебное производство на гербовой бумагѣ.

По распоряженію епископа Гедеона Вишневскаго, духовною консисторіею одновременно было написано семь промеморій въ Смоленскую губернскую канцелярію, чтобы она выслала бригадира Швѣйковскаго къ отвѣту передъ консисторіею. Но Швѣйковскій не явился въ консисторію. Въ Смоленскѣ же онъ бывалъ. Такъ, по какому-то своему дѣлу, ведшемуся въ канцеляріи генеральной ревизіи, онъ прожилъ въ Смоленскѣ съ 27-го мая по 16-е іюня 1746 года. За это время было послано въ губернскую канцелярію еще нѣсколько безрезультатныхъ промеморій о высылкѣ Швѣйковскаго къ консисторскому суду.

¹⁾ А въ храмѣ, по показанію отца Теодора, на престолѣ, въ дароносномъ крестѣ были запасные св. дары, да за престоломъ на полочкѣ стоялъ сосудъ съ освященнымъ миромъ.

Не имѣя надежды на силу подобныхъ промеморій, епископъ Гедeonъ рѣшилъ прибѣгнуть къ иному образу дѣйствій по отношенію къ бригадиру.

9-го іюня, въ бытность Швыйковскаго въ Смоленскѣ, епископъ отправилъ къ нему на квартиру боярскаго сына, Петра Будашевскаго.

Будашевскій приходитъ къ Швыйковскому и объявляетъ ему епископскій наказъ о явкѣ въ консисторію.

— Что вашъ преосвященный посылаетъ по меня?.. Я его не боюсь!.. — раздраженно кричитъ Швыйковскій, браня епископа «скверными словами и матерно», затѣмъ отнимаетъ у Будашевскаго данный ему подлинный указъ о приводѣ Швыйковскаго и не возвращается обратно, несмотря на настойчивыя требованія Будашевскаго.

Будашевскій возвращается къ епископу и подробно рассказываетъ ему все случившееся.

На другой день епископъ Гедeonъ посылаетъ къ Швыйковскому другого боярскаго сына—Василія Ярышкина.

Ярышкинъ, по приходѣ къ Швыйковскому, читаетъ ему наказъ. Швыйковскій не слушаетъ и со злобою на лицѣ почти бѣгаетъ по комнатѣ.

— Дайте пистолеть!—кричитъ онъ своимъ «людямъ».

— Я тебя застрѣлю...—грозитъ онъ (съ прибавкою «матерныхъ словъ») чтецу, едва дочитывавшему первую половину наказа. Чтець смолкаетъ... Успокаивается и Швыйковскій... Онъ зоветъ сына своего Якова и говоритъ ему взять изъ рукъ Ярышкина наказъ и читать громко.

Сынъ прочитываетъ весь наказъ.

— Я указа не слушаю и въ духовный судъ не иду!.. Объяви ты преосвященному, что я и онъ будемъ въ С.-Петербургѣ общи!..

Ярышкину осталось лишь уйти отъ Швыйковскаго и рассказать епископу о своей миссіи.

Епископъ началъ дѣйствовать теперь по «Духовному Регламенту». Въ тотъ же день онъ послалъ къ Швыйковскому священника Смоленской градской Преображенской церкви, Феодора Шупинскаго, и священника Вознесенской церкви, Герасима Карповича, для духовнаго увѣщанія Швыйковскаго о добровольной его явкѣ къ отвѣту въ консисторію, по жалобѣ обиженнаго и изувѣченнаго священника.

Швыйковскій рѣшительно заявилъ этимъ лицамъ, что «подъ духовный судъ ко отвѣту» онъ не пойдетъ.

17-го іюня епископъ Гедeonъ снарядилъ вторичное посольство къ упорному бригадиру. Но это посольство, состоявшее изъ двухъ лицъ: вознесенскаго протопопа, Феодора Измайлова, да никольскаго священника (онъ же и староста священнической), Филиппа Раку-

совича, не застало Швѣйковскаго въ его квартирѣ: онъ уже уѣхалъ изъ Смоленска.

Начало августа Швѣйковскій проживалъ въ своей вотчинѣ Бѣльскаго уѣзда, въ селѣ Верховьѣ.

Зная это, епископъ Гедеонъ рѣшилъ сдѣлать еще одну попытку къ увѣщанію Швѣйковскаго черезъ его духовнаго отца— священника села Верховья, отца Даніила Петрова.

Швѣйковскій не внялъ и этому увѣщанію.

— Какъ въ духовную консисторію, такъ и къ смоленскому губернатору подъ судъ я не пойду! И въ Смоленскъ... не поѣду!— категорически заявилъ онъ своему приходскому батюшкѣ...

Видя, что нѣтъ больше способовъ, чтобы «привести Швѣйковскаго въ чувства и къ познанію грѣха своего», епископъ Гедеонъ, основываясь на Духовномъ Регламентѣ (Дѣла епископовъ, пунктъ 16)¹⁾, 5-го октября объявилъ всенародно въ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ черезъ протодіакона письменное извѣщеніе «дабы всякъ изъ знаемыхъ Швѣйковскому людей увѣщевалъ его, чтобы онъ, Швѣйковскій, не противясь больше духовной власти, явился собою въ духовную консисторію 20-го числа октября».

Но и послѣ этого Швѣйковскій не показывался въ консисторію.

Епископъ Гедеонъ рѣшилъ отлучить неукротимаго бригадира отъ церкви.

Сдѣлать это безъ разрѣшенія святѣйшаго синода епископъ Гедеонъ не могъ.

3-го сентября 1731 года святѣйшій синодъ предписалъ епископу Гедеону «никого, не токмо вседомовнѣ, но и единолично отъ входа церковнаго и отъ приобщенія святыхъ таинъ не отрѣшать».

Поводомъ къ такому предписанію послужило разслѣдованное святѣйшимъ синодомъ дѣло о церковномъ запрещеніи, наложен-

¹⁾ Этотъ пунктъ читается такъ: «...епископъ долженъ быть... долго терпѣливъ и разсудителенъ въ употребленіи власти своей связательной, т. е., во отлученіи и анаемѣ: «Даде бо Господь власть сію въ созиданіе, а не на разореніе», глаголетъ апостоль (1 Коринѣ. 10). И намѣреніе того же учителя народовъ было предати коринѣянина, явно грѣшника, сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется (1 Коринѣ. 5).

«Власть убо сія, дабы правильно была употребляема, двое смотрѣть надобѣ: первое, каковая вина толикаго наказанія достойная; другое, какъ поступать епископу въ наказаніи томъ.

«Вина симъ разсужденіемъ можетъ опредѣлиться: аще кто явственно хулить имя Божіе, или церковь, или явно грѣшникъ есть, не стыдяся дѣла своего, но и паче тѣмъ чваняся, или безъ правильной вины покаянія и св. евхаристіи больше году не приѣмлетъ, или что либо иное творить съ явнымъ закона Божія ругательствомъ и посмѣяніемъ, таковой, по повторенномъ наказаніи, упрямя и гордыя пребывъ, достоинъ судитися толикой казни. Ибо не просто за грѣхъ подлечь анаемѣ, но за явное и гордое презрѣніе суда Божія и власти церковныя съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій, и что тако волю безбожія издастъ отъ себе».

номъ епископомъ Гедеономъ на стольника и ротмистра смоленекой шляхты, Степана Корсака.

На исторіи этого запрещенія мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться.

Священникъ Покровской церкви села Усадищъ, Смоленскаго уѣзда, Петръ Тимоѳеевъ, жившій въ имѣннѣ помѣщика Степана Корсака, страдалъ слабостью къ вину. Какимъ-то образомъ церковные ключи, бывшіе у отца Петра, оказались изломанными. Корсакъ потребовалъ эти ключи къ себѣ для починки, а затѣмъ и не сталъ давать ихъ отцу Петру. На просьбы отца Петра выдать ему ключи Корсакъ отвѣчалъ бранью и угрозами, замѣчая всегда: «церковь—моя, и я—архіерей, и моя воля»...

Такимъ образомъ, отецъ Петръ остался безъ храма. Это вынудило его обратиться съ жалобою на Корсака, и онъ 1-го и 23-го августа 1729 года подалъ на него два доношенія епископу Гедеону:

Доношенія эти въ большей части своего содержанія не оправдались потомъ, при разслѣдованіи. Осталось при разслѣдованіи не вполне выясненнымъ и то, бралъ ли Корсакъ церковные ключи для починки, или же для лишенія отца Петра возможности служить въ храмѣ и, слѣдовательно, для отрѣшенія отъ прихода.

Соборнымъ уложеніемъ, въ 4-й статьѣ 13-й главы, предписано духовнымъ лицамъ вмѣсто присяги давать «жеребій». Поэтому 16-го декабря 1729 года, по распоряженію епископа Гедеона, въ духовномъ приказѣ отцу Петру, въ присутствіи Стефана Корсака, былъ даванъ «жеребей». «Жеребей» вынутъ былъ «правой, а не виноватой»; въ немъ значилось, что «церковные ключи Стефанъ Корсакъ бралъ къ себѣ не ради починки, но ради отлученія попа Петра отъ церкви и отрѣшенія отъ прихода».

Послѣ этого и самъ Корсакъ, сознался, что отнятіе имъ ключей у отца Петра имѣло, дѣйствительно, такую цѣль.

19-го декабря епископъ Гедеонъ опредѣлилъ отца Петра считать правымъ, а Корсака — виновнымъ въ томъ, что онъ дерзнулъ своею волею священника отъ церкви и отъ прихода отлучить, не имѣя никакой власти не только надъ церковію и священникомъ, но и надъ приходомъ. А такъ какъ Корсакъ своимъ продерзостнымъ дѣломъ изобидѣлъ священника и соблазнилъ многихъ приходскихъ людей, то, — говорилось въ опредѣленіи, — 1) въ Рождественскій постъ Корсаку исповѣдаться у своего духовнаго отца и причаститься св. таинъ въ самый день Рождества Христова изъ рукъ обиженнаго священника Петра въ селѣ Усадищахъ; 2) въ тотъ же день Рождества Христова, въ той же церкви, на литургіи, по прочтеніи часовъ, Корсаку публично перепросить священника Петра при командированномъ на то время изъ духовнаго приказа соборномъ священникѣ Андреѣ; 3) взять съ Корсака своеручную подписку, что впредь онъ не станетъ священника Петра отлучать отъ церкви

и отъ прихода, не будетъ дѣлать ему никакихъ противностей и препятствія въ духовныхъ потребахъ; 4) тяжёбныя издержки священника Петра должень уплатить Корсакъ.

21-го декабря былъ посланъ указъ къ десятоначальнику—священнику села Ивановскаго Максиму, чтобы онъ взялъ церковные ключи у Корсака и отдалъ ихъ обиженному отцу Петру.

Десятоначальникъ объявилъ такой указъ Корсаку. Корсакъ сказалъ ему: «я указу не противенъ, а ключей церковныхъ попу Петру не отдамъ для того, что мнѣ, Корсаку, попь Петръ не угоденъ. Служить попу Петру я позволю только въ праздникъ Рождества Христова, а послѣ праздника не позволю». Отдавая затѣмъ ключи своему крѣпостному крестьянину, Корсакъ приказалъ послѣднему, въ присутствіи десятоначальника: «когда будетъ нужда въ служеніи, то ты къ тому служенію ризы и прочее священническое облаченіе попу Петру выдавай. Но ни вина, ни ладана, ни просвиръ изъ двора моего давано не будетъ».

— «Ежели оной попь Петръ снова опредѣленъ будетъ въ моемъ селѣ,—заклучилъ Корсакъ свою бесѣду съ десятоначальникомъ,—то пахотной земли и прочаго и никакой кондиціи отъ меня ему дано не будетъ».

16-го января 1730 года Корсакъ явился въ духовный приказъ, и здѣсь ему было объявлено архіерейское опредѣленіе отъ 19-го декабря 1729 года, съ изложеннымъ нами приговоромъ относительно его, Корсака.

Подписаться подъ этимъ приговоромъ Корсакъ не согласился. За это на вѣкоторое время его задержали въ духовномъ приказѣ и затѣмъ отпустили подъ тѣмъ лишь условіемъ, что онъ непременно явится въ приказъ снова въ назначенное число для такой подписки. Но вновь Корсакъ не приходилъ въ приказъ. За нимъ посылали изъ приказа трехъ человѣкъ, и онъ, несмотря на угрозу отлученія отъ церкви за свою противность, не пошелъ туда. Посланнымъ же Корсакъ объявилъ: «священникъ Петръ за неисправленіе (неисправность) его и за то, что онъ называлъ меня убійцею,—не надобенъ. И ежели оной священникъ опредѣленъ будетъ попрежнему, то я въ церковь ходить не буду. А ключи отъ церкви я отдамъ старостѣ церковному для того, что за онымъ священникомъ учинилась пропажа изъ церкви»...

Послѣ всего этого, епископъ Геденъ опредѣлилъ наложить на Стефана Корсака малое запрещеніе, то-есть, отрѣшить его отъ приобщенія св. таинъ и отъ церковнаго входа, какъ въ городѣ Смоленскѣ, такъ и во всей Смоленской епархіи; священникамъ въ домъ его ни съ какими потребами и святынею не входить, пока не покается. О такомъ опредѣленіи смоленскіе градскіе священники были увѣдомлены поповскимъ старостою; а десятоначальникамъ были посланы указы, чтобы какъ сами они, такъ и священники

ихъ десятоначалствѣ чинили неотмѣнное исполненіе епископскаго опредѣленія.

Покровскую церковь въ селѣ Усадищахъ, вотчинѣ Корсака, епископъ распорядился запечатать, въ виду того, что посвященный къ ней попъ Петръ былъ безвинно изгнанъ Корсакомъ, и что, значить, церковь, противно правиламъ святымъ, стала быть насилуована Корсакомъ; равнымъ образомъ и для того, чтобы въ ней не стали безчинно служить бродячіе священники и монахи.

Такъ какъ слѣдствіе по дѣлу Корсака обнаружило, что и священникъ Петръ, жаловавшійся на него, не во всемъ былъ правъ, то епископъ опредѣлилъ попа Петра за неправый искъ послать въ Смоленскій Троицкій монастырь въ труды — «сѣять муку» на мѣсяць.

Указъ объ отлученіи Корсака отъ церкви былъ объявленъ послѣднему десятоначалникомъ—попомъ Максимомъ, въ присутствіи четырехъ свидѣтелей. Корсакъ отвѣтилъ на указъ «неистовыми словами», поносившими епископа Гедеопа.

Крестьяне Усадищскаго прихода,—а ихъ было 94 двора,— не стали обращаться со своими духовными требамн къ временно назначенному въ этотъ приходъ новому священнику; въ Великій постъ 1730 года ни одинъ изъ нихъ не былъ у исповѣди и причастія св. таинъ. Всему этому причиной была помѣщичья власть Корсака, творившая съ крестьянами что угодно. Житіе новаго священника въ Усадищахъ было печальнымъ безъ копейки доходовъ: ему не изъ чего было платить ни окладныхъ денегъ, ни школьныхъ сборовъ (на только что открытую семинарію), ни другихъ повинностей. Самое присутствіе его въ Усадищахъ было неприятнымъ для Корсака, и Корсакъ не разъ угрожалъ ему бѣдою...

Въ январѣ 1731 года Корсакъ обратился въ святѣйшій синодъ съ жалобою на епископа, что онъ тѣснитъ его крестьянъ чрезъ своего десятоначалника. Къ этой жалобѣ Корсакъ приложилъ писанное имъ нѣкогда доношеніе епископу Гедеопу, гдѣ въ 12 пунктахъ излагались обвиненія на священника Петра Тимошеева. Больше всего о. Петръ былъ обличаемъ въ нетрезвости, въ вымогательствѣ съ прихожанъ, вслѣдствіе котораго былъ случай погребенія крестьянина безъ священника; въ небрежномъ отношеніи къ храму и церковной собственности и т. п. Между прочимъ, тутъ разсказанъ былъ случай, какъ нетрезвый отецъ Петръ, будучи на освященіи крестьянскаго двора, заставлялъ крестьянина «скакать нѣкакую незаконную жабку, такожъ ея и пѣть, что чинилъ святой отецъ правилу и заповѣдемъ въ противность»; и какъ, вслѣдствіе отказа крестьянина исполнить «жабку», отецъ Петръ «заклиналъ этого крестьянина съ его женою, дѣтьми и дворомъ, безъ указа на то отъ преосвященнаго».

Святѣйшій синодъ потребовалъ объясненій отъ епископа Гедеопа.

Объясненія были посланы.

Корсакъ 7-го мая 1731 года подалъ синоду новое доношеніе, гдѣ уже указывалъ на то, что между этими объясненіями (писанными въ духовномъ приказѣ смоленскаго архіерея) и подлиннымъ указомъ объ отрѣшеніи Корсака отъ церкви есть большая разница, допущена «фальшь». Именно: въ прежнемъ опредѣленіи было написано, «чтобъ его отъ церкви и отъ приобщенія св. таинъ и ото всякихъ святыхъ и индѣ, гдѣ обрѣтаться будетъ, отрѣшить»; а въ «фальшивомъ» опредѣленіи написано: «якобы единолично отрѣшить». Въ прежнемъ опредѣленіи было сказано, что со священниками; которые бы разрѣшили Корсаку входъ въ церковь, «поступлено будетъ безъ всякаго милосердія», а въ «фальшивомъ» написано, что «съ ними поступлено будетъ по правилу святыхъ отецъ». Въ такой «фальши» Корсакъ обвинялъ протопопа Игнатія и канцеляриста смоленскаго духовнаго приказа, Семена Глиціана.

Разсмотрѣвши все дѣло, святѣйшій синодъ предписалъ епископу Гедеону разрѣшить Корсака отъ церковнаго запрещенія и позволить ему съ семействомъ ходить въ церковь. Хотя Корсакъ, — говорилось въ синодальномъ опредѣленіи, — по дѣлу и является въ нѣкоторомъ; подозрѣніи, однако за его вину такого тяжкаго запрещенія епископу Гедеону налагать не надлежало; а о томъ, какъ слѣдовало бы поступить преосвященному съ Корсакомъ («аще бы онъ самъ легчайшаго къ тому способа измыслить не могъ»), необходимо было спросить у святѣйшаго синода.

Тяжелое запрещеніе Корсакъ несъ немалое время, и это причитается ему за довольное наказаніе. Управителя смоленскаго духовнаго приказа — протопопа Игнатія, и канцеляриста Глиціана предписано было выслать въ синодъ къ допросу. «А его преосвященству впредь въ таковыхъ истцовыхъ партикулярныхъ дѣлахъ никого, не токмо вседомовнѣ, но и единолично отъ входа церковнаго и отъ приобщенія св. таинъ не отрѣшать».

Вотъ почему преосвященный Гедеонъ, рѣшившись въ 1746 году отлучить отъ церкви бригадира Швѣйковскаго, долженъ былъ обратиться въ святѣйшій синодъ.

Въ своемъ доношеніи въ святѣйшій синодъ 29-го октября 1746 года преосвященный Гедеонъ изложилъ всѣ подробности возмутительныхъ дѣйствій Швѣйковскаго по отношенію къ священнику Феодору Иванову, а затѣмъ и его пренебреженія къ консисторіи и епархіальному епископу.

Упомянувши о безчеловѣчномъ боѣ Швѣйковскимъ отца Петра въ епископство Филоея, — боѣ, за который не учинено никакой сатисфакціи, знатно (видимо), за разными происками Швѣйковскаго, — епископъ настаивалъ на необходимости строгаго суда надъ бригадиромъ.

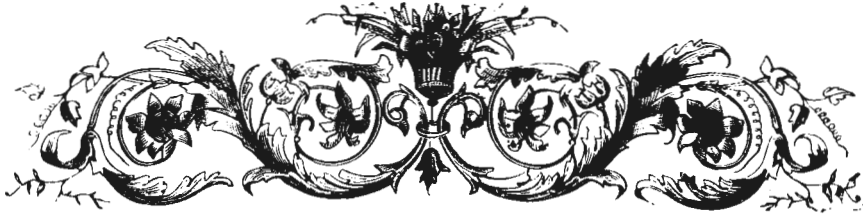
«Такъ безчеловѣчно бить и тирански мучать священныи чинъ Швѣйковскій, — писалъ епископъ Гедеонъ, — уже заобыкъ (привыкъ, поставилъ себѣ въ обыкновеніе), ибо билъ не одного и не однократно. Такъ своевольно и продерзостно онъ озлобляетъ и ругаетъ священно-церковно-служителей, зная (вѣроятно), потому, что это проходитъ для него безъ всякаго наказанія и штрафа. А отъ этого происходитъ повадка другимъ къ подобнымъ продерзостямъ, а избивеннымъ и поруганнымъ священнослужителямъ крайняя нестерпимая обида, увѣчые и безчестіе, церкви Божіей—поруганіе съ публичнымъ соблазномъ; презрѣніе и уничтоженіе (вмѣненіе ни во что) духовной власти... О раскаяніи въ своихъ поступкахъ Швѣйковскій и не помышляетъ, доселѣ пребывая въ своемъ жестокосердіи и не подавая никакой надежды на исправленіе. По силѣ правилъ святыхъ, помѣщенныхъ въ кормчей, въ требникѣ московскомъ, въ законоправильникѣ, и на основаніи Духовнаго Регламента, по моему мнѣнію, Швѣйковскій и его служители, которые были священника, подлежатъ анаемѣ, пока Швѣйковскій раскается, явится къ духовному суду и учинитъ надлежащую сатисфакцію обиженному священнику».

Святѣйшій синодъ, разслѣдовавъ все дѣло, въ іюлѣ 1747 года, опредѣлилъ отлучить бригадира Швѣйковскаго единолично отъ входа церковнаго и отъ причастія св. таинъ до той поры, пока онъ придетъ въ чувство и покорится духовной власти.

11-го августа 1747 года смоленская консисторія разослала по всей епархіи указъ о томъ, чтобы священники наблюдали за исполненіемъ синодальнаго опредѣленія. Указъ этотъ, по полученіи его, въ ближайшій праздничный день былъ въ каждой церкви прочитанъ въ вслухъ всего народа.

Д. Вишневскій.

ВЯЖИЦСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(Изъ экскурсій въ окрестности Новгородъ).

ОВОРЯТЪ, что ѣхать въ Вяжицскій монастырь самое лучшее зимою, потому что ѣзда на колесахъ туда поистинѣ черепашья, да еще и съ нѣкоторыми заключеніями, свойственными нашимъ невылазнымъ проселочнымъ дорогамъ. Человѣческія заботы не спорятъ съ улучшеніемъ этихъ дорогъ, а только сама природа дѣлаетъ ихъ проѣздными, когда скуетъ морозомъ и укатаетъ снѣгомъ. Я былъ въ монастырѣ великимъ постомъ. День выдался тихій, сухой и довольно пріятный, особенно для того, кто любитъ подышать холоднымъ воздухомъ и ощущать легкое пощипываніе носа.

Отъ города до монастыря 12 верстъ. По сторонамъ все время тянутся голыя пространства, ближе къ дорогѣ попадаются жалкія тщедушный кустарникъ, который даже красногрудымъ снѣгирамъ не даетъ убѣжища отъ гѣшаго и коннаго. Идетъ ли кто или ѣдетъ, стая вспорхнетъ и полетитъ вдоль дороги, затѣмъ сядетъ и снова летитъ впередъ.

Только у самаго монастыря начинается лѣсокъ, но тоже неказистый—рѣдкій, невысокій.

Съ подъѣздной стороны монастырь кажется какимъ-то особеннымъ, выходящимъ изъ ряда такихъ, къ которымъ я уже приглядѣлся въ своихъ поѣздкахъ.

За низкой стѣной вырастаетъ длинный корпусъ; на одномъ концѣ его возвышается колокольня, низкая, но широкая, оригина-

нальной архитектуры, на другомъ—тоже въ родѣ колокольни, но безъ пролетовъ и гораздо больше въ объемѣ. И корпусъ, и боковыя зданія охватываются двумя поясами, не то писанными, не то вытѣпленными. Подходите ближе и всматриваетесь. Оказывается, что пояса—не что иное, какъ прежній кафель, сложенный въ фигуры растеній, звѣрей и разной утвари. Цвѣтъ преобладаетъ желтый и зеленый. Подобной же орнаментаціей опоясанъ и самый корпусъ. Входите внутрь; тамъ соборъ, отъ котораго тянется каменный коридоръ къ колокольнѣ и съ нею составляетъ уголъ. Со двора легко замѣчаются тѣ же изразцы; много ихъ повсюду: кругомъ собора, подъ окнами корпуса, коридора. Тутъ есть новыя фигуры: двуглавые орлы, церковныя зданія.

Въ надкорпусной церкви, сооруженной во имя Іоанна Божьего, шла обѣдня. Я вошелъ въ громадную комнату, теплую, но совершенно пустую; крашенныя стѣны ея голы, прорѣзаны мрачными окнами, надъ головою висятъ желѣзныя полосы для скрѣпы; только вдали виднѣлось что-то въ родѣ иконостаса; свѣтъ чрезъ окна тусклымъ отблескомъ скользилъ по иконамъ и позолотѣ. Однако, это былъ не иконостасъ, а просто преддверіе въ храмъ, громадная же комната, слѣдовательно, служила папертью.

Обѣдню совершали старичекъ іеромонахъ съ молодымъ діакономъ. Іеромонахъ шамкалъ, возглашалъ неразборчиво, зато іеродіаконъ служилъ прекрасно. Безспорно онъ обладаетъ недюжиннымъ голосомъ; такіе голоса въ посредственныхъ монастыряхъ встрѣчаются нечасто. Каждое слово произносилось іеродіакономъ внятно, отчетливо; ровный, мягкій, свободный баритонъ его ласкалъ слухъ. Пѣвчіе были на двухъ клиросахъ. На одномъ пѣли молодые послушники и пѣли все-таки сносно, но на другомъ собрались, повидимому, все старички въ полинялыхъ засаленныхъ подрясникахъ съ забракованными голосами; тянули, гнусавили старички, хоть вонъ иди изъ храма.

Народъ былъ исключительно деревенскій; впереди стояли школьники, а позади нихъ учитель, коротко остриженный, съ обильными веснушками на лицѣ.

Во время службы обращалъ на себя вниманіе монахъ, приставленный къ свѣчному ящичку. Онъ постоянно отлучался отъ своего мѣста и тихо, неслышно скользилъ среди молящихся. Его черная мантия, опущенные долу глаза, скрещенныя на груди руки придавали ему истинную скромность и таинственность.

Храмъ оказывался мрачнымъ, закоптѣлымъ. Невольно наворачивался на душѣ упрекъ братіи: вѣдь почистить иконостасъ, паникадила, образа, помыть полы, стѣны ¹⁾ ничего не стоитъ, не требуется матеріальной затраты, лишь бы явилось желаніе да усердіе.

¹⁾ Покрываетъ масляной краской.

Кончилась монотонная, великопостная служба, людъ сталъ выходить изъ храма, лентой растягиваясь по просторной комнатѣ. Я тоже вышелъ и пропускалъ эту ленту, высматривая когонибудь спросить о томъ, какъ попасть къ настоятелю монастыря.

Я остановилъ учителя и спросилъ:

— Скажите, это дѣти чьей школы?

— Церковно-приходской, — почтительно отвѣчалъ сельскій педагогъ, пристально осматривая меня, какъ заѣзжаго.

— Это по типу, а кому она принадлежитъ?

— Здѣшнему монастырю. Впрочемъ, я получаю жалованье изъ синодальныхъ средствъ.

— А далеко она?

— Нѣтъ, рядомъ съ монастыремъ. Возникла по мысли его и оборудована имъ же.

— Доброе дѣло, — заключилъ я и добавилъ: — а вы, вѣроятно, знаете, какъ пройти къ настоятелю?

— Сейчасъ пойдетъ казначей Сергій, онъ васъ проведетъ.

Учитель вѣжливо раскланялся и поспѣшилъ догонять дѣтвору.

Я по догадкѣ обратился къ монаху, вскорѣ вышедшему за учителемъ.

— Не вы ли отецъ казначей?

— Я, я, — въ маленькомъ замѣшательствѣ подтверждалъ монахъ и какъ-то несмѣло протягивалъ мнѣ руку. — Изъ молящихся будете? Пріѣзжіе?

— Да, и отчасти интересуюсь церковными древностями, монастырскимъ бытомъ, экономическимъ состояніемъ.

— Хорошо и полезно, — одобрялъ монахъ, прищуривая маленькіе сѣрые глаза.

— Буду на фотографію снимать монастырь, — продолжалъ я. — Напечатаю описаніе его.

— Пріятно. Вотъ новость по нынѣшнимъ временамъ. А то живемъ мы въ глуши, никто о насъ не знаетъ. Другой бы добросердный христіанинъ и заѣхалъ помолиться, да кто ему скажетъ о нашемъ монастырѣ? Горе, что не имѣемъ распространенія о себѣ.

— Ужо прочитаютъ многіе.

— Будемъ благодарны вамъ, — поклонился казначей и предложилъ мнѣ: — пожалуйста къ настоятелю, онъ радъ видѣть такихъ людей.

— А я только хотѣлъ васъ объ этомъ просить.

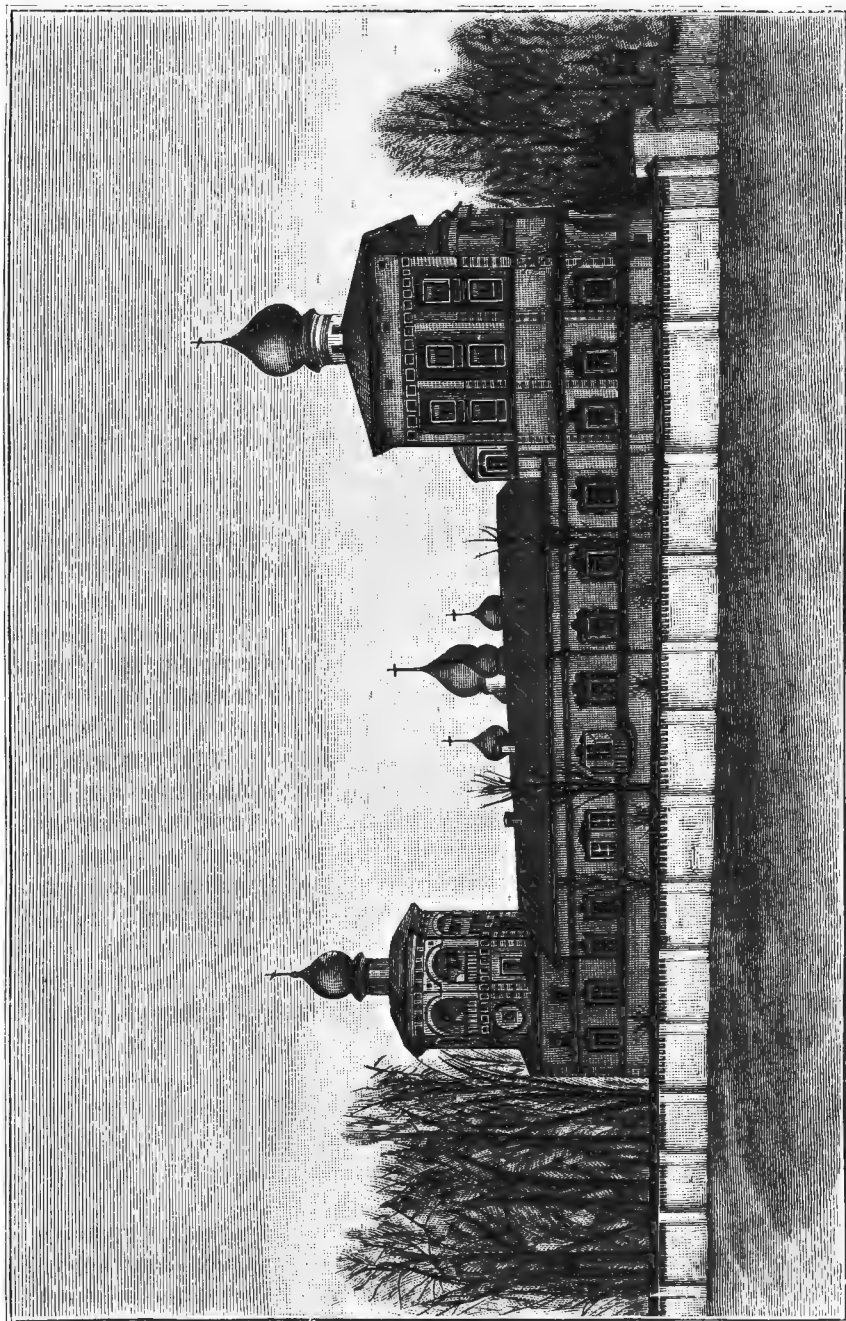
— Ну, вотъ и кстати.

Мы пошли.

— Съ одной стороны вы тоже жертву приносите, — говорилъ монахъ, трогая іерейскій крестъ на груди.

— Какая моя жертва!

— Не скажите, тоже безпокоитесь, трудитесь.

Вязницкій монастырь.

— Пустяки,—скромничаль я.

— Что вы!—воскликнулъ казначей и, какъ бы желая прервать меня, поднялъ лѣвую руку, скрывавшуся въ широкомъ рукавѣ и слегка побрякивавшую четками.—Вы такой же добротный датель, нашъ благотворитель духомъ и дѣломъ.

— Не слишкомъ ли, отецъ казначей?

Онъ вывелъ меня въ свѣтлыя сѣни, гдѣ спускалась широкая лѣстница.

— Сюда извольте итти, — сказалъ монахъ и отворилъ единственные двери.—Здѣсь архимандричья келья.

Въ прихожей я освѣдомился:

— А какъ зовутъ вашего архимандрита?

— Никодимомъ,—вполголоса отвѣчалъ казначей.—Онъ у насъ недавно, года четыре, старикъ обстоятельный, хорошій.

Вошли въ первую комнату, гдѣ меня отецъ Сергій оставилъ одного, а самъ, сказавъ «сейчасъ», удалился куда-то во внутренніе покои.

Комната была теплая, располагала къ отдыху. Въ воздухѣ стоялъ легкій запахъ не то рыбы, не то постнаго масла. Среди скромной обстановки были несомнѣнные признаки кельи—клубуки, лежащіе въ углу подъ образами. Я больше обратилъ вниманіе на портреты, развѣшанные плотно другъ къ другу. Все были маститые іерархи временъ отдаленныхъ и недавно прошедшихъ. Главы православной церкви, увѣшанные лентами и крестами, гордо и величаво смотрѣли со стѣнъ. Тутъ были: патріархъ Никонъ, митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ), Серафимъ, Исидоръ, митрополиты петербургскіе. Волѣе видное мѣсто надъ диваномъ было отведено портрету юрьевского архимандрита Фотія. Эго—извѣстная гравюра, изображающая монаха въ мантии съ посохомъ,—та гравюра, въ которой тайно отъ цензуры подрисовали змѣя, попираемаго посохомъ. Фотій давалъ ее извѣстнымъ лицамъ и говорилъ, что эта «картина» объясняетъ тотъ фактъ, когда онъ шелъ читать девятый часъ, встрѣтилъ на дворѣ монастыря змѣя и приколотъ его. Конечно, на этой гравюрѣ миеическаго змѣя не значилось, но зато внизу стоялъ любопытный стихъ:

Священникъ Вышняго, ревнитель вѣры правой,
За подвигъ вѣрности вѣнчанный свѣше славою,
Въ пути на небеса духовный вождь орламъ,
Свѣтлъ именовемъ благимъ, сынъ свѣта по дѣламъ.

Вернулся отецъ Сергій и пригласилъ меня въ слѣдующую комнату, которая по общему характеру не отличалась отъ первой, хотя въ частности замѣчались измѣненія. Были лишніе столы, расшитыя подушки на диванахъ, вмѣсто портретовъ висѣли дешевыя картины, представляющія какіе-то ландшафты.

Казначей объявилъ, что настоятель въ банѣ; ему докладывали обо мнѣ; онъ сказалъ, что сію минуту придетъ.

Въ ожиданіи архимандрита, мы повели бесѣду объ исторіи монастыря.

Вяжицкая обитель существуетъ еще съ XIV вѣка. Это видно изъ того, что имѣется межевая запись, данная въ 1391 году посадникомъ Юрьемъ Онциферовичемъ и Мирономъ Ивановичемъ на имя вотчины Вяжицкаго монастыря. Но въ настоящее время ни предметовъ какихъ либо, ни зданій отъ той эпохи не сохранилось. По всей вѣроятности, обитель тогда была въ конецъ разорена и опустошена. Въ слѣдующемъ вѣкѣ на этомъ мѣстѣ былъ воздвигнутъ Никольскій деревянный храмъ. Строили его пришлые монахи. Однако болѣе твердо упрочился монастырь при новгородскомъ архіепископѣ Евфиміи, который деревянную церковь замѣнилъ каменною и построилъ еще храмъ во имя Іоанна Богослова. Вскорѣ заботами того же архіепископа были построены келейныя службы, теплая трапеза, а подъ нею хлѣбня. Церковную утварь, колокола приобрѣлъ все тотъ же Евфимій. Поэтому, какъ создателя обновленной обители, мощи архіепископа Евфимія и теперь покоятся подъ спудомъ тамъ же, въ придѣлѣ, посвященномъ его святому имени.

Въ возмутительный святотатственный шведскій погромъ Вяжицскій монастырь, какъ и прочіе, подвергся разрушенію, но скоро снова возобновился трудами и щедротами митрополита Никона, при которомъ была даже учреждена архимандрія. Съ того времени настоятелю полагается служить въ шапкѣ съ палицею и сулкомъ.

Въ концѣ XVII вѣка въ обители случился громаднѣйшій пожаръ, уничтожившій всѣ кельи, службы, хозяйство и весь монастырскій скарбъ. Каменные стѣны церковей тоже были значительно попорчены, такъ что для возстановленія ихъ приходилось разбирать до основанія. Снова привели въ благоустройство монастырь и придали ему ту архитектуру, которой строго держался архіепископъ Евфимій. Только не расписали храмовъ, а украсили ихъ внѣшне кафельными изразцами. Отсюда ясно, что по этимъ украшеніямъ нельзя придавать монастырю ни замѣчательности, ни древняго значенія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые спеціалисты, являясь въ обитель и срисовывая изразцы, какъ нѣчто интересное въ археологическомъ отношеніи. О прежней исторіи монастыря говорятъ I, II и III Новгородскія лѣтописи, а о послѣднемъ возобновленіи его свидѣтельствуется «подрядная роспись». Вѣдь вяжицкіе изразцы, сравнительно съ другими церковными древностями Руси, далеко не отдаютъ сѣдой стариной; они обложены храмы при возобновленіи обители въ царствованіе Петра I.

Прежде чѣмъ пришелъ настоятель, принесли чайный приборъ, варенье, медъ.

Отецъ Сергій окинулъ пріятнымъ взглядомъ принесенное и замѣтилъ:

— Вотъ попьете чайку: вы съ дорожки, а батюшка послѣ бани.

— А на васъ нельзя рассчитывать?

— Я и такъ посижу, безъ чая, успѣю напиться у себя.

— Можеть быть, скажете о хозяйствѣ, о средствахъ монастыря?

— Все знаемъ,—съ достоинствомъ произнесъ казначей.—Ежели позволить батюшка, я со всякимъ удовольствіемъ.

Хлопнула гдѣ-то дверь, отецъ Сергій опрометью бросился изъ комнаты, придавая этому стуку свое значеніе.

Дѣйствительно, онъ возвращался уже съ архимандритомъ.

— Вотъ нашъ настоятель,—говорилъ отецъ Сергій, низко кланяясь, какъ будто впервые увидалъ меня.

Архимандритъ былъ мужчина высокій, на видъ лѣтъ 60, но крѣпкій, здоровый. Пепельнаго цвѣта съ просѣдью волосы, еще не высохшіе послѣ бани, жидкими прядями падали на плечи. Лицо красное, потное выражало утомленность и апатію.

Мы поздоровались. Архимандритъ, придерживая сзади атласный подрясникъ, тихо опустился на диванъ. Я тоже сѣлъ. Отецъ Сергій пристроился вдалькѣ, на кончикѣ стула.

— Интересуетесь обителю нашей?—началъ архимандритъ.

— Да, посмотрѣть пріѣхалъ, спросить кое о чемъ.

— Говорили, слышалъ. Бѣдно у насъ, сѣро какъ-то. Доходность самая малая; прихода нѣтъ никакого; ходятъ крестьяне изъ окружныхъ деревень, но много ли причтется отъ нихъ?—мѣдные гроши. Развѣ вотъ благодѣтели немножко помогаютъ, да и то петербургскіе.

— А новгородскіе? Вѣдь монастырь ближе къ Новгороду.

— Захотѣли вы отъ новгородцевъ пожитья!—настоятель Никодимъ махнулъ рукою и безпокойно пошевелился на мѣстѣ.—Городъ обѣднѣлъ, все хуже и хуже становится; обыватель самъ ищетъ, гдѣ бы копейку сорвать. Я, положимъ, здѣсь недавно, а вотъ отецъ казначей хорошо знаетъ.

— Въ упадкѣ, въ большомъ упадкѣ,—подхватилъ отецъ Сергій.— Оно, конечно, ежели въ карманѣ было бы толсто, а другому самому кусить нечего. Куда ни посмотришь—вездѣ бѣднота, гдѣ ни послушаешь—все жалуются на безденежье.

Молодой, низенькій послушникъ подалъ мнѣ стаканъ чая, а настоятелю особую кружку внушительныхъ размѣровъ.

— А скажите, отецъ архимандритъ, на какія же средства существуетъ монастырь.

— Средства-то? —ухмыльнулся Никодимъ, провелъ рукою по влажнымъ прядямъ и вопросительно посмотрѣлъ на монаха, смиренно сидѣвшаго и внимательно насъ слушавшаго.— Это дѣло по части казначея.

Николаевскій соборъ въ Вяжицкомъ монастырѣ.

Отец Сергій не заставил себя ждать отвѣтомъ: онъ немного подался впередъ и повелъ рѣчь.

— Капиталець небольшой имѣется; принесенъ въ даръ на поминъ души усопшихъ.

— Процентныя бумаги?

— Да-съ, неприкосновенныя, только проценты съ нихъ получаемъ. Церковныя билетики, извѣстно всѣмъ, какіе: больше непрерывно доходныя.

— А другихъ совѣмъ нѣтъ?

— Немного: рента есть, городского банка сколько-то наберется билетиковъ.

— Но въ общемъ какая же сумма процентовъ?

— За глаза будетъ, ежели получимъ 1.800 рублей въ годъ. Ну, что это для штатнаго монастыря?

— Значить, по штату и жалованье дають братіи?

Казначей спохватился и замялся.

— Конечно, беремъ, что закономъ полагается. Эхъ, наше жалованье не акцизное, всего-на-всего 1.200 рублей всему монастырю отпускають.

— Вы позавидовали акцизнымъ чинамъ?

— Любой человѣкъ позавидуетъ. У нихъ доходная статья. Намъ и въ годъ не получить, сколько иной акцизникъ въ мѣсяць. Мы тоже работаемъ не меньше, да, кромѣ того, молимся о дарованіи спасенія, здравія, благоденствія, а подите, какъ отличили!

— Можетъ быть, ихъ доля такая счастливая. Вѣдь монастырь землей владѣеть, навѣрно?

— Ограниченные кусочки: нѣсколько полосокъ пахотной, пожня есть, дровъ заготавливаемъ изъ своего лѣса на зиму.

— Это хорошо. А въ аренду ничего не отдаете?

— Какъ же, помилуйте! Аренда у каждаго монастыря найдется. Только съ насъ никакихъ налоговъ не берутъ.

— Миѣ налоговъ не надо.

— Извините, я къ слову сказалъ. Около Тесова сдаемъ крестьянамъ сѣнокосъ за 200 рублей, вотъ и только.

— А пожня Нивки?—вмѣшался настоятель.

— Давно не арендують, сами косимъ.

— Куда намъ столько сѣна?

— Сами, сами, батюшка,—замахалъ кистями рукъ отецъ Сергій.— Всѣ 20 человѣкъ братіи работаютъ.

— Да не на той пожнѣ.

— На Нивкахъ, батюшка. Тогда бы сѣна своего не хватило.

— Ну, такъ дѣвать его некуда,—не унимался архимандритъ.

— Продаемъ, сбываемъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ, чуть не даромъ.

— А какъ хозяйство?

— Малое, слабое. Коровушекъ штукъ 17, изъ нпхъ нетелей исключите, 5 лошадокъ немудрыхъ. Потомъ гумно есть, рига.

— Два погреба, три сѣновала,—вставиль Никодимъ.

— Службы старенькія,—поясняль казначей.

— Баня съ тесовой крышей.

— Недавно покрыли, а то текла страшно.

— Гостиницу имѣемъ.

— Какая у насъ гостиница, одно званіе ея.

— Все-таки останавливаются.

— Смѣшно сказать, батюшка,—обидчивымъ тономъ возражалъ отецъ казначей.—Худо, грязно, печи развалились. Не по нашимъ средствамъ содержать гостиницу.

— Гдѣ же богомольцы останавливаются?

— Мѣсть хватить, въ ближнихъ деревняхъ по большей части.

— Больницы, конечно, нѣтъ при монастырѣ?

— А зачѣмъ она намъ?—удивленно въ свою очередь спросилъ казначей.—Ежели кто заболѣетъ, въ городъ отправимъ: скоро и дешево. Заводить больницу—хлопотъ и средствъ не оберешься. Однимъ словомъ, лежать въ больницѣ некому.

— Крестьянъ бы брали.

— У нихъ свои есть доктора, фершала.

— И школы есть, а вы все-таки завели монастырскую для нихъ,—поймалъ я отца Сергія.

Онъ слегка покраснѣлъ и потушилъ взоры.

— Почти не наша она. Мы только кормимъ учителя.

— Освѣщеніе, отопленіе даемъ,—добавлялъ архимандрить.

— Эго немногаго стоитъ, батюшка. Вотъ отъ казны идетъ 300 рублей, синодъ присылаетъ 160 рублей, крестьяне даютъ 40 рублей.

— А лѣсъ возили изъ чьихъ дачъ? домъ кто строилъ? печи, рамы откуда?—Отецъ Никодимъ всталъ и тихо зашагалъ.—Все монастырское,—протянулъ онъ.

— Напрасно вы стыдитесь усердіемъ,—упрекнулъ я казначея.

— Все-таки мыслили о школѣ за насъ другіе.

— Значить, и о больницѣ надо помыслить другимъ.

— Что жъ дѣлать, у всякаго свое начальство.

— Эхъ, отецъ Сергій,—вдохнулъ я,—быть можетъ, и не дождетесь приказаній отъ начальства. То ли дѣло своя инициатива? Васъ пугаютъ средства. Это пустяки. Рукъ свободныхъ у васъ не занимать стать, содержать можно, какъ школу, а врачъ можетъ быть безвозмездный, отъ земства. Поди, онъ мимо васъ ѣздитъ.

Казначей молчалъ и смотрѣлъ куда-то въ сторону, очевидно опасаясь развивать дальше вопросъ на эту тему.

— Оно, конечно,—заговорилъ архимандрить,—какъ вы полагаете, денегъ выйдетъ на больницу немного, да другіе обязатель-

ные сборы насъ донимають. Платимъ на духовное училище 5 рублей, на епархіальное 10 рублей. А одно обязательство такъ не уступить всѣмъ вмѣстѣ.

— Какое?

— Не намъ разсуждать, — сокрушенно уклонился отецъ Никодимъ и пошелъ въ даль комнаты.

— «Ну, до секретовъ договорились», — подумалъ я и сказалъ отцу Сергію:

— А можно будетъ посмотрѣть монастырь и сфотографировать что нибудь?

— Со всякимъ удовольствіемъ.

Мы вышли съ нимъ и спустились въ подвальную церковь, построенную во имя архіепископа Евфимія. Церковь очень низкая, едва не достаешь головой потолка; свѣту въ ней чрезъ два маленькія оконца настолько мало, что приходится ходить почти ощупью. Стѣны безъ всякой росписи; на иконостасныхъ образахъ нѣтъ ни одной ризы; паникадила миниатюрныя, простенькія. Алтарь тоже маленькій, мрачный, блещетъ отсутствіемъ украшеній. Въ общемъ церковь бѣдная, тѣсная, неприглядная. И грустно, что въ этомъ темномъ погребкѣ покоятся подъ спудомъ святыхъ мощи работника и радѣтеля обители Евфимія.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ Никольскій соборъ. Стѣны въ немъ тоже не расписаны, но самъ по себѣ храмъ высокій, свѣтлый, веселый. По срединѣ идутъ въ высь двѣ колонны и тамъ переходятъ въ арки. Близъ колоннъ шестиярусный иконостасъ, который вверху заканчивается живописью въ медальонахъ. Нижній рядъ иконъ весь въ серебряныхъ ризахъ. Между ними есть древній образъ Николая Чудотворца, сохранившійся съ основанія монастыря. Въ алтарѣ обращаетъ на себя вниманіе сѣнь, рѣзанная изъ дерева. Она сдѣлана очень искусно; по мелкой и кропотливой работѣ это издѣліе можно отнести къ отдаленному времени.

— Больше, кажется, здѣсь ничего такого особеннаго нѣтъ, — сказалъ я, поднимая голову въ куполь.

— А на чемъ вы стоите, развѣ не замѣчательно? — возразилъ мнѣ казначей.

Оказалось, что полъ въ храмѣ чугунный, сложенный изъ рѣповидныхъ фигуръ.

— Да, — согласился я, — интересно и чрезвычайно прочно. А сколько такому полу лѣтъ?

— Вотъ ужъ не могу сказать, не справлялся по подряднымъ описямъ. Думаю, что сдѣланъ онъ послѣ пожаровъ. Частые пожары пугали своимъ разрушеніемъ, а это надежно, долго простоятъ и не сгорятъ.

Отецъ Сергій постуцалъ ногой, какъ бы вполне убѣждая меня въ металлическомъ свойствѣ пола.

Здѣсь, кстати, чрезъ массивную дверь въ стѣнѣ храма, мы проникли въ ризницу.

Интересныхъ ризъ не имѣется—ни по цѣнности, ни по давности. Изъ церковной утвари, правда, есть старинные экземпляры: оло-

Николаевскій соборъ въ Вяжицкомъ монастырѣ.

вянные чаши, деревянные кресты съ желѣзными ручками, потиры, лжицы. Въ отдѣльности слѣдуетъ посмотрѣть древнюю хоругвь. По шелковой матеріи расшито серебромъ и золотомъ изображеніе Георгія Побѣдоносца. Подвѣсокъ у хоругви сдѣланъ изъ бѣлаго шелка, окаймленного голубой лентой. Отъ свѣта и воздуха она слишкомъ

поблекла. Это несомнѣнно даръ царицы, но какой именно, опредѣлить за отсутствіемъ надписей и какихъ либо датъ невозможно. Вотъ напрестольный крестъ, очень интересный по своей работѣ и тоже безспорно даренный, имѣетъ цифру XVII. Крестъ деревянный, длиною въ $2\frac{1}{2}$ аршина. На немъ сплошныя квадратныя углубленія въ $1\frac{1}{2}$ вершка. Въ этихъ углубленіяхъ вставлены фигуры святителей и святыхъ, вырѣзанныя изъ слоновой кости. Для того, чтобы очертанія выходили рѣзче, фигуры положены на стекло. Удивительно тонкая и изящная рѣзба заставляеть предполагать, что надъ этимъ крестомъ долго трудилась художественная рука; заплатить за него въ свое время надо было, я думаю, не дешевле, чѣмъ сдѣлать его изъ благороднаго металла.

Отсюда мы отправились въ Богословскую церковь, куда я первоначально пришелъ и стоялъ службу. Отличительнаго здѣсь ничего нѣтъ, только не могу замолчать объясненіе, данное казначеемъ относительно громадной комнаты; она не обусловливаетъ никакой надобности. Это—прежняя трапезная, бывшая во времена процвѣтанія обители, когда въ послѣдней считалось до 200 чело-вѣкъ братіи.

Оставивъ отца Сергія, я вышелъ на дворъ, чтобы снять внѣшній видъ собора. Не замедлили, какъ и вездѣ, явиться любопытные. Среди нихъ былъ какой-то мужчина среднихъ лѣтъ, одѣтый въ ватный подрясникъ. Онъ освѣдомился у меня о томъ, какъ я снимаю—по собственному желанію или съ платой отъ монастыря. Я сказалъ, что снимаю даромъ, для себя.

— Это еще ладно,—одобрилъ мужчина въ подрясникѣ.

— А что?

— Да думалъ, новый сборъ съ братіи. Много у насъ разныхъ поборовъ, въ конецъ разоряють.

— А какой у васъ самый большой сборъ?—спросилъ я, припоминая слова архимандрита о какой-то непосильной повинности.

— А больше консисторскаго, пожалуй, не найдется.

— Это какъ же?—взглянулъ я на него удивленными глазами.

— Вещь обыкновенная. Платимъ ежегодно въ консисторію 50 рублей.

— Обязательно?

— Ну, да, безъ всякой запинки, вынь и положь.

— Съ разрѣшенія начальства?

— Чудной вы,—усмѣхнулся мужчина,—въ немъ-то и вся сила.

Прежде все-таки по-божески брали 25 рублей, а нынѣ подавай полсотни.

— Вы бы возстали, молъ, незаконно.

— Что!... — протянулъ подрясникъ. — Изведутъ, замучатъ, какъ страсотерца. Служилъ я въ другомъ монастырѣ. Былъ тамъ архимандритъ такой бойкій, хотѣлъ потягаться насчетъ беззаконія,

вотъ, какъ вы говорите, сталъ писать бумаги: не заплачу, не буду платить. Началась эта самая переписная канитель, потомъ стѣснили, прижали къ стѣнѣ и услали праведника на покой.

Я недовѣрчиво качалъ головою и думалъ: «прежде монастырямъ платили ругу, нынѣ же самъ монастырь несетъ дань, съ тою лишь разницею, что не алтынами, а рублями».

Предъ отъѣздомъ я зашелъ къ настоятелю попрощаться. На столѣ, гдѣ ранѣ пили чай, былъ собранъ обѣдъ. Посрединѣ, на блюдѣ пирамидально возвышались ломти хлѣба.

— А пообѣдать со мной, поджидалъ васъ откушать, — предлагалъ архимандритъ.

Я энергически отказывался.

— Не могу, къ сожалѣнiю, надо спѣшить.

— Оставайтесь, — просилъ о. Никодимъ, беря меня легонько за локоть. — Отвѣдайте, чѣмъ Богъ послалъ. Простите, пища-то наша невкусная да суровая: капуста съ масломъ, капуста съ квасомъ, капуста и такъ.

— Увольте, батюшка, хочу попасть домой засвѣтло.

Я откланялся и вышелъ.

Снова замелькали чахлые кустики, а за ними разстилались снѣжныя равнины, уходявшiя подъ синеватый горизонтъ.

А. Г. Слезкинскій.

ДВОРЪ И ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПО «ЗАПИСКАМЪ» ГРАФА ФЕДОРА ГОЛОВКИНА.

I.

ВЪ ЧИСЛѢ вновь появившихся въ печати матеріаловъ по исторіи Россіи конца XVIII вѣка обращаютъ на себя вниманіе изданныя въ Парижѣ г. Бонне записки графа Федора Гавриловича Головкина (1766—1823 г.г.) подъ заглавіемъ: «La cour et le règne de Paul 1-er. Portraits, souvenirs et anecdotes». Записки эти въ рукописи были уже частью извѣстны немногимъ специалистамъ по русской исторіи XVIII вѣка, и часть ихъ, касающаяся исторіи Франціи, напечатана была въ 1900 году въ Парижѣ въ книгѣ Lucien'a Pegey'a: «Figures du temps passé. XVIII-e siècle». Оба издателя «Записокъ» Головкина пользовались оригиналомъ ихъ, сохранившимся въ Швейцаріи, въ архивѣ потомства Головкина по женской линіи; но, къ сожалѣнію, или архивъ этотъ недостаточно полно въ настоящее время, или издатели нѣсколько небрежно отнеслись къ своей задачѣ, хотя г. Бонне и увѣряетъ въ своемъ предисловіи, что изъ архива извлечены имъ всѣ манускрипты Головкина по русской исторіи XVIII вѣка; дѣло заключается все-таки въ томъ, что многія части труда Головкина, существующія въ рукописи, не находятся въ изданіи г. Бонне. Такова, напримѣръ, любопытная статья о состояніи Россіи при Екатеринѣ II, таковы характеристики Ангальта, Суворова (напечатана нами въ русскомъ

переводѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1901 г.), такова даже біографія Екатерины, еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія появившаяся въ одномъ изъ популярныхъ французскихъ изданій безъ подписи автора; между тѣмъ, было бы весьма желательно появленіе «Записокъ» Головкина въ полномъ составѣ, безъ пробѣловъ, существующихъ въ книгѣ г. Бонне. Тѣмъ не менѣе, будемъ благодарны издателю и за обнаруженные имъ отрывки изъ этихъ «Записокъ», и за обстоятельное, написанное отчасти на основаніи русскихъ матеріаловъ, изслѣдованіе о фамиліи Головкиныхъ, являющееся введеніемъ къ «Запискамъ».

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію содержанія изданныхъ г. Бонне «Записокъ» Головкина, скажемъ нѣсколько словъ о личности ихъ автора.

Графъ Ѳедоръ Гавриловичъ Головкинъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ русскихъ аристократическихъ фамилій, представители которыхъ, послѣ петровской реформы, вкусивъ плодовъ европейской культуры, поселились за границей, женились на иностранкахъ и потомству своему не оставили уже ничего русскаго, кромѣ фамиліи да нѣсколькихъ русскихъ деревень: оно не знало ни языка, ни вѣры своихъ предковъ. Это были люди безъ почвы, бродяжническаго типа, будучи въ полномъ смыслѣ слова смѣсью націй, вѣръ, традицій, являлись блуждающей, часто грязной пѣной на поверхности человѣческаго моря. Отецъ Ѳедора Головкина, генералъ-лейтенантъ голландской службы, по вѣроисповѣданію протестантъ, графъ Гавріиль-Марія-Эрнстъ Головкинъ, началъ свою службу въ рядахъ швейцарской гвардіи французскаго короля, подъ именемъ маркиза де-Ферассіера, и отъ брака его съ голландкой и родился графъ Ѳедоръ. Воспитаніе свое графъ Ѳедоръ получилъ, однако, не въ Парижѣ или Голландіи, а въ Берлинѣ, куда родители направили его въ чаяніи будущихъ благъ, такъ какъ вліятельная при берлинскомъ дворѣ графиня Камеке была родной теткой графу Ѳедору. Фридрихъ II, однако, не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на молодыхъ искателей приключеній: графъ Ѳедоръ долженъ былъ уже изучать богословіе, чтобы имѣть въ будущемъ средства къ жизни, какъ вдругъ въ 1783 году онъ вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Петромъ и двоюроднымъ — Юріемъ Александровичемъ, вызванъ былъ въ Россію на службу, не безъ вліянія графини Камеке, императрицей Екатериной, пожелавшей возвратить блудныхъ сыновей на лоно отечества. И вотъ, не зная ни Россіи, ни слова по-русски, графъ Ѳедоръ явился при дворѣ сѣверной Семирамиды въ званіи камеръ-юнкера ея двора и тотчасъ же нашель при немъ свое амплуа. Цыганское, бродячее существованіе, отсутствіе какихъ бы то ни было принциповъ, сознаніе бѣдности при родовыхъ предразсудкахъ наложили свою печать на даровитую натуру графа Ѳедора Гавриловича: онъ рано началъ

приспособляться и къ людямъ, и къ обстановкѣ. Находясь при особѣ государыни, онъ все время вертѣлся при ней, занимался уборкой ея постели, взбивалъ подушки, раскладывалъ одѣяло. «Я думаю, графъ,—сказала ему однажды Екатерина,—что вы превзойдете самую лучшую голландскую горничную». Самъ Головкинъ считалъ, однако, себя добрымъ малымъ, «enfant de la maison», и не безъ основанія: находясь постоянно въ домашнемъ кругу Екатерины, онъ старался забавлять ее остротами, шутками или просто сплетнями, научился направлять ея вниманіе въ своихъ цѣляхъ и мало-по-малу сдѣлался предметомъ опасенія и даже зависти многихъ придворныхъ. Придворное свое положеніе Головкинъ укрѣпилъ затѣмъ, сдѣлавшись послушнымъ орудіемъ въ рукахъ послѣдняго фаворита Екатерины, Зубова. «Графъ Ѳеодоръ Головкинъ, хотя былъ ничтожной личностью,—говоритъ графиня Головина,—но нѣкоторое время игралъ извѣстную роль. Это былъ злой и наглый лжецъ, не лишенный смѣлости; шутя и забавляя, онъ понемногу достигъ высшихъ чиновъ, но его вліяніе продолжалось недолго: насмѣшка и клевета были изгнаны въ кружкѣ императрицы, которая не терпѣла ихъ. Графъ Головкинъ сталъ чтецомъ и лакеемъ Зубова, другомъ сердца и довѣреннымъ лицомъ графини Шуваловой» ¹⁾. Въ этомъ качествѣ онъ, по свидѣтельству Головиной, участвовалъ въ интригѣ Зубова противъ великой княгини Елисаветы Алексѣевны, хотя въ «Запискахъ» своихъ увѣряетъ, что въ это время онъ находился за границей, сообщая, однако, что интрига велась якобы по желанію Екатерины. Репутація Головкина, какъ «fameux hâbleur», не позволяетъ довѣрять ему въ этомъ случаѣ, но показываетъ, въ кого мало-по-малу превращался «enfant de la maison». Не исправила Головкина и женитьба на Измайловой, принесшей мужу большое приданое. Терпѣніе императрицы истоцилось наконецъ, когда Головкинъ принялъ участіе въ интригахъ наслѣдниковъ имущества князя Потемкина и, принявъ на себя хлопоты за одного изъ нихъ, князя Любомірскаго, предложилъ крупную взятку предсѣдателю совѣтнаго суда. За эту «шалость» Головкина удалили наконецъ отъ двора, но, благодаря ходатайству Зубова, почетнымъ образомъ: его назначили въ 1794 году посланникомъ въ Неаполь. На этомъ посту Головкинъ, не чувствуя на себѣ никакой узды, велъ себя совершенно неприлично: посылалъ вице-канцлеру шутовскія донесенія, а при дворѣ королевы Каролины вошелъ въ интриги противъ нея, началъ даже писать о ней оскорбительные стихи. По жалобѣ королевы, своеобразнаго посланника вызвали въ Россію, и когда онъ явился на границу, то тамъ объявили ему повелѣніе императрицы жить въ Перновѣ, въ Лифляндіи, безвыѣздно. Въ этомъ городѣ и жилъ

¹⁾ «Записки» графини Головиной, 39.

Головкинъ до вступленія на престолъ императора Павла, который склонился на ходатайство объ опальномъ тестя его и дозволилъ Головкину служить при дворѣ въ качествѣ церемоніймейстера, запротивъ ему разъ навсегда заниматься «шутками». Въ 1800 году Головкинъ, однако, долженъ былъ оставить службу, а по вступленіи на престолъ императора Александра онъ и вовсе выѣхалъ изъ Россіи. Остальную свою жизнь Головкинъ провелъ за границей, скитаясь изъ одной страны въ другую, живя то въ Италіи, то въ Парижѣ, то въ Швейцаріи. Знатное родство Головкина, живой, свѣтскій умъ, умѣнье приспособляться, повсюду дѣлали его пріятнымъ собесѣдникомъ и гостемъ. Часы досуга Головкинъ посвятилъ писанію «Записокъ» и нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, легкость содержанія которыхъ не всегда выкупалась блестящими игриваго остроумія; изъ нихъ особенно были извѣстны «Lettres diverses recueillies en Suisse».

Болѣе полную и важную часть «Записокъ» графа Фёдора Головкина составляютъ его воспоминанія о дворѣ и царствованіи императора Павла. Въ общемъ «Записки» не даютъ въ этомъ отношеніи особенно цѣннаго и новаго матеріала, но освѣщаютъ эпоху многими любопытными подробностями, приобретающими значеніе достовѣрности при сличеніи съ другими свидѣтельствами. Личныя свойства Головкина отозвались и на его «Запискахъ». Многого онъ не договариваетъ, нѣкоторые факты представляетъ въ извращенномъ видѣ изъ желанія сказать красивое словечко или изъ личныхъ интересовъ; но общій фонъ картины, нарисованной Головкинымъ, безспорно вѣренъ: авторъ «Записокъ», мелкій куртизанъ, не виноватъ, конечно, въ томъ, что крупныя явленія въ исторіи прошли мимо него, не возбуждивъ его вниманія, что подъ перомъ его воскресаютъ, по большей части, факты мелочные, преимущественно будничнаго, придворнаго обихода, и что русская жизнь, русскій народъ въ «Запискахъ» его почти вовсе отсутствуютъ: кто изъ его круга и думалъ о народѣ въ то время иначе, какъ о «душахъ», получаемыхъ въ награду за ловкое прохожденіе скользкихъ придворныхъ паркетовъ?

II.

О великокняжескомъ періодѣ жизни Павла Петровича Головкинъ сообщаетъ мало новаго. Приписывая измѣненіе въ дурную сторону наружности наслѣдника престола къ 1764 или 1765 году, когда болѣзнь будто бы искривила его личные нервы ¹⁾, Головкинъ даетъ о воспитаніи Павла Петровича хорошій отзывъ, хотя

¹⁾ Въ дѣйствительности, какъ это видно по портретамъ, измѣненіе это произошло значительно позже.

и находить его болѣе блестящимъ, чѣмъ основательнымъ; характеръ великаго князя въ молодые годы былъ, по мнѣнію Головкина, любезнымъ и добросердечнымъ, въ особенности по отношенію къ женщинамъ и къ матери. Начало отчужденія между Екатериной и Павломъ Головкинъ относитъ къ эпохѣ совершеннолѣтія наслѣдника, когда Сальдернъ пробовалъ побудить его заявить свои права на участіе въ управленіи государствомъ, и когда Панинъ, будто бы, намекнулъ Павлу, по порученію императрицы, на возможность вовсе устранить его отъ престолонаслѣдія. Перспектива эта до того испугала, будто бы, наслѣдника, что онъ всю жизнь оставался для матери вѣрнымъ подданнымъ, хотя всегда имѣлъ возможность произвести государственный переворотъ: въ Царскомъ Селѣ Екатерину охраняли всего 60 гвардейцевъ, тогда какъ въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда, въ Павловскѣ и Гатчинѣ, Павелъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ человѣкъ. Болѣе отвѣчаетъ характеру Павла фраза, которую приписываетъ ему Головкинъ: «великій князь, прежде всего, есть подданный, и религія меня научила, что если бы я предпринялъ что либо противъ своей матери, то это послужило бы къ оправданію интригъ противъ меня собственныхъ моихъ сыновей, если бы онѣ могли когда либо провозйти». Первая супруга Павла, великая княгиня Наталья Алексѣевна, пользовалась большимъ вліяніемъ на мужа и думала даже вступить съ свекровью въ борьбу за власть, но несчастные роды пресѣкли ея жизнь въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Головкинъ ошибочно отрицаетъ склонность великой княгини къ Разумовскому, приписывая мысль о ней интригамъ принца Генриха Прусскаго, котораго Головкинъ ненавидѣлъ по берлинскимъ воспоминаніямъ. Счастіе второго супружества Павла, съ великой княгиней Маріей Ѳеодоровной, независимо отъ ея семейныхъ добродѣтелей, Головкинъ объясняетъ умѣлымъ руководствомъ ея подруги дѣтства, г-жи Бенкендорфъ, которая этимъ возбудила уваженіе къ себѣ самой императрицы: когда Бенкендорфъ была въ періодѣ беременности, то на публичномъ приѣмѣ императрица заставила ее сѣсть, тогда какъ всѣ, даже члены императорской фамиліи, были на ногахъ. Но уже въ это время характеръ Павла началъ портиться. Во время заграничной поѣздки великокняжеской четы Павелъ обращалъ на себя вниманіе своими выходками. Въ Неаполѣ, въ его присутствіи, королева любезно замѣтила однажды, что было бы совершенно напрасно говорить о законахъ при принцѣ, имѣвшемъ предъ своими глазами все самое совершенное въ области законодательства. «Законы въ Россіи!—вскричалъ Павелъ:—законы въ странѣ, гдѣ та, которая царствуетъ, остается на тронѣ потому только, что топчетъ ихъ своими ногами!» Смущеніе овладѣло всѣми присутствовавшими, и королева, сама рассказывавшая Головкину этотъ случай, поспѣшила пережѣнить предметъ разго-

вора. Во Флоренціи, обѣдая запросто у великаго герцога Леопольда, Павелъ внезапно выскочилъ изъ-за стола и съ крикомъ, что его отравили, запустилъ себѣ пальцы въ ротъ, желая этимъ вызвать рвоту; хозяева едва могли его успокоить. Во Франціи, напротивъ, Павелъ обворожалъ своею любезностью и тонкимъ вкусомъ. Тѣмъ не менѣе, въ Европѣ, по замѣчанію Головкина, никто не былъ удивленъ поступками Павла по восшествіи его на престолъ.

Семейныя несогласія въ жизни Павла начались съ тѣхъ поръ, когда нѣкоторые изъ лицъ, его окружавшихъ: Вадковскій, Нелидова, кн. Голицынъ и др., вооружились противъ господствующаго вліянія г-жи Бенкендорфъ и убѣдили Павла въ томъ, что она правитъ имъ чрезъ великую княгиню. Г-жа Бенкендорфъ была немедленно удалена отъ двора великаго князя. Головкинъ, исполнявшій при немъ въ это время обязанности камеръ-юнкера, посланъ былъ тогда Павломъ вмѣстѣ съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ къ великой княгинѣ, чтобы развлечь ее. Изнемогавшая отъ горя Марія Ѳеодоровна отказалась сначала принять посланцевъ великаго князя и уступила лишь вторичному его приказанію. «Едва усѣлась она съ нами въ кабинетъ за обычную карточную игру, хотя о картахъ при такихъ обстоятельствахъ никто, конечно, и не думалъ, какъ мы замѣтили, — рассказываетъ Головкинъ, — что за стеклянной дверью кабинета стояли Павелъ и Нелидова и смѣялись. Пытка эта продолжалась до ужина, на которомъ великая княгиня уже отказалась присутствовать». По увѣренію Головкина, хотя связь Павла съ Нелидовой была платоническая, но въ глазахъ двора она являлась какъ бы въ роли его метрессы, что также чрезвычайно огорчало Марію Ѳеодоровну. Императрица не одобряла поведенія великаго князя, и онъ, подозрѣвая всѣхъ въ недоброжелательствѣ себѣ, учредилъ особую тайную полицію при своей особѣ; полиція эта доносами еще болѣе растревляла его подозрительность, жертвами которой дѣлались постепенно всѣ лица, такъ или иначе выражавшія участіе великой княгинѣ. Самъ Головкинъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ великаго князя; и однажды, когда онъ явился къ гатчинскому двору на обычное дежурство, то Павелъ приказалъ заарестовать его въ отведенной для него комнатѣ; подъ арестомъ этимъ Головкинъ находился двѣнадцать дней и освобожденъ былъ лишь по приказу императрицы, случайно узнавшей объ этомъ. Вѣрнѣе всего предположеніе, что Павелъ подозрѣвалъ, и справедливо, что Головкинъ игралъ роль шпиона и переносилъ вѣсти къ большому двору. До чего дошелъ великій князь въ своемъ гнѣвѣ на Головкина, показываетъ слѣдующій случай. Во время пребыванія Екатерины въ Красномъ Селѣ, она почувствовала себя однажды нездоровой и, отпустивъ окружавшее ее общество, приказала Головкину читать ей книгу. Во время чтенія вдругъ вошелъ въ комнату камердинеръ.

— Что вамъ здѣсь нужно?—спросила его императрица.

— Не знаю,—возразилъ онъ,—долженъ ли я это доложить вашему величеству.

— Что же?

— Камергеръ Нарышкинъ пріѣхалъ изъ Павловска и давно уже ожидаетъ внизу лѣстницы.

— Меня это не касается.

— Онъ долженъ переговорить съ графомъ Головкинымъ отъ имени его императорскаго высочества.

— Можно подумать, что вы лишь съ этого утра находитесь у меня на службѣ. Вы должны знать, что ко мнѣ входятъ лишь тогда, когда я позволю. Идите! Продолжайте ваше чтеніе,—закончила Екатерина, обращаясь къ Головкину.

Спустя нѣкоторое время, императрица задремала. Въ 9 съ половиною часовъ она позвонила и спросила у вошедшаго камерди-нера: «Г. Нарышкинъ продолжаетъ ждать?» — «Да, государыня». — «Ну, графъ, идите, узнайте, какія важныя дѣла привели его сюда». Головкинъ нашель Нарышкина крайне взволнованнымъ. «Вы простите меня,—сказалъ ему Нарышкинъ,—что я долженъ исполнить ужасное порученіе, но я обязанъ повиноваться». «Слово «ужасное»,—разсказываетъ Головкинъ,—было смѣшно выслушать чело-вѣку, находившемуся въ большой милости государыни.—«Увидимъ, г. Нарышкинъ,—сказалъ я,—такъ ли это ужасно». — «Великій князь поручилъ мнѣ сказать вамъ, что первымъ дѣйствіемъ правосудія по восшествіи его на престолъ будетъ отрубить вамъ голову». — «Вотъ чело-вѣкъ,—отвѣчалъ я смѣясь,—который торопится занять дѣломъ». — Потомъ я сказалъ Нарышкину болѣе серьезно: «Очень сожалѣю, что на васъ возложили это дѣло. Скажите его высочеству, что я буду имѣть честь ему писать». — «Берегитесь, онъ терпѣть не можетъ, чтобы ему писали». — «Что дѣлать, разъ я уже приговоренъ къ смерти, я менѣе беспокоюсь о томъ, что можетъ понравиться или нѣтъ его высочеству». Затѣмъ, принявъ тонъ чело-вѣка, вполнѣ привыкшаго давать аудіенціи, я пожелалъ доброй ночи официальному посланцу». Письмо Головкина къ Павлу выражало скорбь его, что онъ навлекъ на себя немилость его высочества, и что онъ не знаетъ даже причины ея. «Спустя нѣ-которое время, говоритъ Головкинъ, секретарь Павла, Николаи, из-вѣстилъ меня, что великій князь получилъ мое письмо, но не можетъ отвѣчать мнѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ слишкомъ благо-разуменъ для этого, во-вторыхъ, великая княгиня готовилась разрѣ-шиться отъ бремени». На другой день императрица спросила Голов-кина, какое порученіе Нарышкинъ имѣлъ къ нему отъ великаго князя. Головкинъ попробовалъ было, если ему вѣрять, уклониться отъ прямого отвѣта, но Екатерина настояла на своемъ, и затѣмъ пришла въ неописуемый гнѣвъ. Вся покраснѣвъ, она повторяла

нѣсколько разъ: «рано ему еще рѣзать головы, и еще вопросъ, наступитъ ли когда либо это время для него. Я скажу ему по этому поводу два, три слова: это невыносимо! Онъ становится сумасшедшимъ». Великій князь получилъ затѣмъ приказаніе явиться въ Царское Село, и выговоръ былъ таковъ, что съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался болѣе осмотрительнымъ. Императрица, впрочемъ, не скрывала своего мнѣнія о сынѣ. Когда однажды въ избранномъ обществѣ императрицы зашла рѣчь о какой-то новой выходкѣ великаго князя, Зубовъ замѣтилъ: «онъ — сумасшедшій». Императрица отвѣчала на это: «Я также знаю это; къ несчастію, нѣтъ средствъ для того, чтобы избавить государство отъ золь, которыя онъ ему готовить». Вслѣдъ за тѣмъ Головкинъ уѣхалъ въ Неаполь, куда назначенъ былъ посланникомъ, и не зналъ, разумѣется, что Екатерина все-таки задалась мыслию о средствахъ лишить Павла престолонаслѣдія. Неожиданная кончина ея, 6 ноября 1796 года, открыла Павлу Петровичу свободный доступъ къ трону.

Евгеній Шумигорскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Английское посольство сэра Ричарда Ли въ Россіи въ 1600 г.—Пятилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ графа Валентина Эстергази при Екатеринѣ II-й.—Воспоминанія итальянскаго генерала Говона объ осадахъ Силистріи и Севастополя во время Крымской войны.

Английское посольство сэра Ричарда Ли въ Россію въ 1600 году.

ВЪ КОНЦѢ прошедшаго года вышла въ Лондонѣ десятая часть архива, хранящагося въ Гатфильдъ-Гаузѣ, помѣстьѣ лорда Солсбери; въ ней находится продолженіе собранія рукописей знаменитаго министра королевы Елисаветы, сэра Роберта Сэсила¹⁾. Въ числѣ разнообразныхъ документовъ тамъ оказались письма къ Сэсилью отъ сэра Ричарда Ли, отправленнаго въ 1600 г. въ Москву къ царю Борису Годунову съ торговыми и политическими порученіями. Хотя этихъ писемъ немного, и они все относятся до приготовленій къ посольству, исключая одного, изъ Архангельска, касающагося собственно Россіи, но все-таки въ нихъ встрѣчаются кое-какія свѣдѣнія о тогдашнихъ отношеніяхъ Россіи къ Англии, тѣмъ болѣе, что среди этихъ документовъ находится черновая инструкція, данной въ Лондонѣ сэру Ричарду Ли и собственноручно исправленной Сэсилемъ. Къ сожалѣнію, настоящій томъ Гатфильдскихъ рукописей оканчивается декабремъ 1600 г., и потому мы не узнаемъ изъ него

¹⁾ Calendar of the manuscripts of the marquis of Salisbury, preserved at Hatfield House. Part X. London. 1904.

послѣдующихъ событій, ознаменовавшихъ посольство сэра Ричарда Ли. Они, по всей вѣроятности, войдутъ въ XI-й томъ архива, но, въ ожиданіи появленія этихъ документовъ, мы можемъ довольствоваться свѣдѣніями, представляемыми г. Мартенсомъ въ первомъ томѣ трактатовъ съ Англіей въ «Собраніи трактатовъ и конвенцій». Но, по словамъ г. Мартенса, посольство сэра Ричарда Ли въ Москву не имѣло цѣлью только устройство политическихъ и торговыхъ дѣлъ, а главнымъ образомъ англійскому послу было поручено поздравить Годунова съ восшествіемъ на престолъ. Ли былъ принятъ очень любезно въ Москвѣ, гдѣ вообще при Годуновѣ поддерживались очень близкія и дружескія отношенія съ Англіей. Черезъ два года царь, или, какъ англичане его называли, «императоръ московскій», даровалъ Англіи новую грамоту на безпошлинную торговлю, а Елисавета съ своей стороны предложила женить царскаго наслѣдника на знатной англичанкѣ, сожалѣя, что не имѣетъ сама дочери. Но это намѣреніе не исполнилось по причинѣ смерти королевы, и новый король, Іаковъ I-й, увѣдомляя о своемъ восшествіи на престолъ Бориса, говорилъ, что, «наслѣдуя престолъ тетки, онъ желаетъ наслѣдовать и дружбу къ ней царя». Въ подтвержденіе этихъ словъ, переданныхъ англійскимъ посломъ Смитомъ, Годуновъ еще разъ укрѣпилъ прежнія права и вольности англичанъ въ Россіи въ 1605 г., т.-е. ровно триста лѣтъ тому назадъ.

Документовъ, касающихся до посольства сэра Ричарда Ли, или, какъ его называетъ г. Мартенсъ, Лея, въ Гатфильдскомъ архивѣ находится всего шестнадцать, и то изъ нихъ интересны только три. Первый изъ нихъ—уже упомянутая нами инструкція, данная въ Лондонѣ сэру Ричарду Ли. Въ ней говорится, что ему поручены переговоры «съ нашимъ братомъ, императоромъ Московіи». Прежде всего ему предписывается въ своемъ обращеніи быть «благороднымъ и достойнымъ, какъ въ томъ, что онъ будетъ говорить, такъ и въ представленіи нашего письма и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ». Далѣе, послу вмѣняется въ обязанность всячески стараться улучшить торговлю и положеніе англійскихъ купцовъ. Наконецъ, въ инструкціи объясняются различныя неудовольствія, бывшія между русскимъ правительствомъ и англійской торговой компаніей, а также говорится о тогдашнихъ турецкихъ и шведскихъ дѣлахъ. Снабженный подобной инструкціей сэръ Ричардъ Ли отправился въ путь и послѣ долгаго и непріятнаго путешествія по морю прибылъ въ Архангельскъ 30-го іюля, особенно испытавъ ненастную погоду, какая бываетъ въ Англіи зимою. «Я надѣюсь,—пишетъ онъ сэру Роберту Сэсилью,—что самая худшая доля моего путешествія миновала, и что Господь дастъ мнѣ возможность оказать на службѣ ея величества полезныя услуги моему отечеству. Это письмо доставитъ вамъ г-нъ Мэ-

рикъ, который былъ нашимъ агентомъ здѣсь и велъ себя съ такимъ удивительнымъ здоровымъ смысломъ и сдержанностью, что не было подобнаго примѣра среди нашихъ представителей». Изъ Архангельска Ли собирался въ Москву, а потомъ въ Швецію. Что же касается до упоминаемаго имъ Мэрика, то онъ былъ впоследствии, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, известнымъ англійскимъ посланникомъ въ Россіи и посредникомъ при заключеніи Столбовскаго мира между Россіей и Швеціей въ 1617 году. Во всѣхъ посольскихъ актахъ со стороны Англии онъ назывался княземъ, рыцаремъ и дворяниномъ, Джономъ Мэрикомъ, а въ Москвѣ его называли княземъ Иваномъ Ульяновымъ Мэрикомъ. Въ сущности же онъ былъ англійскимъ купцомъ, прежде торговавшимъ въ Москвѣ и прекрасно знавшимъ московскіе порядки.

Третій любопытный документъ въ Гатфильдскомъ архивѣ — письмо къ королевѣ Елисаветѣ отъ Джемса Гюэли, бывшаго въ то время ея представителемъ при Шведскомъ дворѣ. Такъ какъ Ли долженъ былъ отправиться изъ Россіи въ Швецію, то интересна картина тогдашнихъ шведскихъ дѣлъ. Гюэль съ восторгомъ описываетъ дѣйствія герцога Зюдерманландскаго, впоследствии сдѣлавшагося шведскимъ королемъ Карломъ IX. «Въ настоящее лѣто, — пишетъ онъ, — герцогъ покорилъ голодомъ непобѣдимый Кольмаръ, княжество Оландъ и большую землю, называемую Финляндіей, со всѣми ея крѣпостями; этимъ онъ доказалъ, какой онъ хорошій генералъ. Въ три мѣсяца онъ овладѣлъ всей страной и множествомъ оружія, пушекъ и всякаго рода багажа. Потомъ онъ пошелъ въ Лифляндію, а на границѣ Россіи взялъ Нарву и присоединилъ къ Швеціи всѣ тамошніе города, кромѣ Ревеля; откуда прибыли послы для переговоровъ о его сдачѣ. Тутъ были русскіе посланники, которыхъ герцогъ по-королевски угостилъ и наградилъ. Они предлагали ему людей и денегъ въ помощь для войны съ королемъ польскимъ, требуя себѣ Нарвы въ видѣ залога. Въ прошломъ февралѣ въ Швеціи былъ парламентъ, и въ немъ герцогъ избранъ въ короли, а въ будущемъ году онъ будетъ коронованъ королемъ и пошлетъ въ Россію пословъ для заключенія союза. Вскорѣ онъ отправится лично въ Лифляндію съ сильной арміей, и если поляки нападутъ на него, то Россія выставитъ на своей границѣ 50.000 человекъ, готовыхъ напасть на польскую Лифляндію».

Вотъ все, что мы могли извлечь изъ послѣдняго тома Гатфильдскаго архива относительно Россіи, и надо надѣяться, что въ слѣдующемъ одиннадцатомъ томѣ будутъ напечатаны подробныя донесенія сэра Ричарда Ли изъ Москвы въ 1601 году.

Пятилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ графъ Валентина
Эстергази при Екатеринѣ II.

23-го іюля нынѣшняго года минуло сто лѣтъ со смерти графа Валентина Эстергази, бывшаго въ концѣ XVIII вѣка представителемъ Бурбоновъ въ Россіи, и точно для празднованія его юбилея вышли въ Парижѣ мемуары графа ¹⁾. Они уже давно извѣстны по отрывкамъ въ книгѣ Фелье де Конте: «Louis XVI, Marie-Antoinette et m-me Elisabeth», но только теперь они изданы полностью извѣстнымъ французскимъ писателемъ, Эрнестомъ Додэ, которому передалъ рукопись мемуаровъ правнукъ Эстергази, Павелъ Базереджъ. Что касается до самого Эстергази, то онъ принадлежалъ къ знаменитому венгерскому роду, но его дѣдъ участвовалъ въ возстаніи трансильванскаго героя Ракоши, а потому его сынъ удалился во Францію и поступилъ на французскую военную службу. Дослужившись до чина полковника, онъ женился на дѣвицѣ Нугаредъ, которая въ 1740 году родила ему сына, будущаго графа Валентина Эстергази. Поступивъ въ свою очередь очень рано во французскую армію, онъ принялъ участіе въ семилѣтней войнѣ и отличался въ молодости шумной, веселой и развратной жизнью, но двадцати пяти лѣтъ женился и, какъ видно изъ его мемуаровъ, быстро остепенился. Проложивъ себѣ дорогу ко двору, онъ сдѣлался любимцемъ Людовика XVI и Маріи-Антуанеты. Королевское расположеніе къ нему доходило до того, что во время болѣзни королевы корью король, разлученный съ женою по предписанію врачей, приставилъ къ ней четырехъ знатныхъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ Эстергази, которые оставались при ней день и ночь. Это показалось очень скандальнымъ послу ея матери, графу Мерси-Аржанто, и онъ настоялъ, чтобы дежурные кавалеры уходили отъ больной въ 11 часовъ. Это мужское дежурство надѣлало въ Парижѣ много шума, и прямо говорили, что въ случаѣ болѣзни короля онъ назначить себѣ четырехъ молодыхъ женщинъ. Къ сожалѣнію, Эстергази почти не упоминаетъ въ своихъ запискахъ объ этомъ пикантномъ эпизодѣ. Точно также онъ очень мало говоритъ объ отношеніяхъ королевы къ графу Ферзену, хотя, по всей вѣроятности, былъ посредникомъ влюбленныхъ, такъ какъ въ его перепискѣ найдено написанное королевой во время заточенія ея инсургентами письмо, въ которомъ она просила Эстергази передать Ферзену перстень. При этомъ она пишетъ: «Я не знаю, гдѣ онъ (Ферзень); ужасная пытка не имѣть извѣстій и ничего не знать о людяхъ, которыхъ любишь». Въ первое время революціи Эстергази старался всѣми силами содѣйствовать отъѣзду короля и королевы изъ Франціи и съ этой цѣлью отправился въ 1790 году въ Лондонъ, чтобы приготовить

¹⁾ Mémoires du comte Valentin Esterhazy. Paris. 1906.

ихъ бѣгство въ Англію, но ему это не удалось. Оставивъ свою семью въ Англіи, онъ отправился въ Кобленцъ, гдѣ уже тогда сосредоточились французскіе принцы королевской крови и знатные эмигранты, но тамъ онъ оставался недолго, и принцы отправили его въ качествѣ представителя французской эмиграціи въ Россію.

13-го сентября 1791 года, онъ прибылъ чрезъ Мемель и Ригу въ Петербургъ и остановился во французской гостиницѣ Гюгэ. Увѣдомивъ тотчасъ о своемъ приѣздѣ фаворита Екатерины, Зубова, Эстергази осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности Петербурга до полученія отвѣта. «Повидимому,—пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ,—эти подробности были мало интересны, такъ какъ я былъ занятъ болѣе важнѣйшими предметами, но оказывается, что живая энергія очень полезна, и императрица, узнавъ, что я въ первые часы пребыванія въ Петербургѣ осмотрѣлъ столько предметовъ, какъ Сенатскую площадь, мостъ чрезъ Неву, биржу, внѣшнюю сторону дворца и Эрмитажа, Невскій проспектъ и т. д., была очень поражена моею дѣятельностью. Быть можетъ, этому обстоятельству я обязанъ всѣми благами, которыми она осыпала меня до конца своей жизни». Возвратясь домой, Эстергази нашелъ письмо отъ Зубова съ приглашеніемъ его къ себѣ въ 4 часа. Когда онъ явился, то Зубовъ объявилъ ему, что императрица ожидаетъ его въ Эрмитажѣ, куда онъ поѣхалъ ранѣе Эстергази. Встрѣтивъ его тамъ, онъ проводилъ его до затворенной двери, и, отворивъ ее, сказалъ: «Вотъ императрица». «Удивившись такому странному представленію,—пишетъ Эстергази,—я подалъ императрицѣ письмо, которое долженъ былъ передать ей, и объяснилъ, что мнѣ приказано питать къ ней полное довѣріе, просить у нея во всемъ совѣтовъ для принцевъ и доставить ей документы, которые объяснятъ ей положеніе и намѣренія братьевъ короля. Тогда императрица спросила: со мною ли документы? Я отвѣчалъ утвердительно и сказалъ, что передамъ ихъ генералу Зубову. Она произнесла: «Нѣтъ, отдайте ихъ мнѣ, я прочту ихъ на досугѣ». Она усѣлась въ кресло и, приказавъ мнѣ сдѣлать то же, принялась осыпать меня вопросами о положеніи дѣлъ. Я отвѣчалъ ей вполне откровенно и даже осмѣлился прибавить, что, въ случаѣ ея позволенія, я передамъ ей и мои инструкціи. Она засмѣялась и, взявъ эти документы, стала разспрашивать меня о моемъ семействѣ; между прочимъ, она спросила о моемъ дядѣ, котораго лично знала, а потомъ перевела разговоръ на то, что дѣлается въ Пильницѣ. Наконецъ, упомянувъ, что этикетъ при саксонскомъ дворѣ былъ гораздо строже, чѣмъ при петербургскомъ, она мнѣ сказала, что если мнѣ нечего дѣлать, то я могу остаться на маленькій спектакль, который произойдетъ въ тотъ день въ ея внутреннихъ покояхъ, при очень небольшомъ числѣ приглашенныхъ. Я распространился въ благодарностяхъ. Тогда она сказала: «Скажите, пожалуйста, чтобъ вошелъ генералъ Зубовъ». Я повиновался, и онъ

вошелъ. Между тѣмъ императрица спросила меня, зналъ ли я генерала Кобенцеля, графа Сень-При и шведскаго посланника, барона Стѣдингга. Я отвѣчалъ, что первый былъ моимъ родственникомъ, второго я хорошо зналъ, такъ какъ онъ былъ вмѣстѣ со мною жертвою революціи, и что полкъ третьяго стоялъ въ моемъ округѣ, въ Генегау. Императрица, обратясь къ генералу, приказала пригласить на сегодняшній спектакль означенныхъ лицъ и объявила, что пока она покажетъ мнѣ свой маленькій Эрмитажъ».

Дѣйствительно, Екатерина повела Эстергази по безконечному количеству залъ, переполненныхъ картинами великихъ художниковъ; въ концѣ этихъ залъ находилась Рафаэлевская галлерейя. Но при этомъ ея разговоръ былъ такъ любезенъ и занимателенъ, что, по словамъ Эстергази, онъ не обращалъ вниманія на великолѣпныя картины: такъ занятъ онъ былъ самой императрицей. «Сравненіе славы, которой она наполняетъ весь міръ, съ простотою и граціозностью ея манеръ,—говоритъ онъ,—произвело на меня такое впечатлѣніе, какое нельзя описать. Она говорила о Петербургѣ и была удивлена, что я успѣлъ осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности послѣ такого долгаго путешествія». Наконецъ, они возвратились въ билліардную, и императрица сѣла, а Зубовъ помѣстился рядомъ съ нею. Хотя она приказала сѣсть и Эстергази, но онъ изъ учтивости сѣлъ не рядомъ съ нею, а чрезъ кресло. Разговоръ велся оживленный, пока въ комнату не вошелъ графъ Кобенцель, который прошелъ мимо эмигранта, принявъ его за Сень-При, и сѣлъ между Эстергази и императрицей, которая тотчасъ спросила его: узнаетъ ли онъ, кто сидитъ рядомъ съ нимъ. Онъ отвѣчалъ съ большимъ удивленіемъ:

— Да, мнѣ кажется, это графъ Эстергази.

— Онъ самый! — сказала императрица, — ну, поцѣлуйтесь, вы вѣдь двоюродные братья.

Они оба встали и исполнили совѣтъ императрицы. Между тѣмъ стали прибывать обычные посѣтители Эрмитажа. Между ними были графъ Сень-При, Строгановъ, котораго Эстергази зналъ въ Парижѣ, г-жа Протасова съ двумя племянницами, которыхъ онъ также видалъ въ Парижѣ, и нѣсколько мужчинъ,—всего не болѣе пятнадцати человекъ. Затѣмъ явились два великихъ князя, которымъ императрица представила эмигранта. Они оба были во фракахъ съ волосами, не напудренными и зачесанными назадъ. Во время спектакля Екатерина много разговаривала съ своимъ новымъ гостемъ.

По окончаніи представленія Кобенцель повезъ Эстергази къ графу Мусину-Пушкину, состоявшему при великомъ князѣ Павлѣ, которому онъ долженъ былъ передать письмо отъ графа Артуа. Упомянувъ объ этомъ сановникъ, Эстергази называетъ его Мусинимъ-Пушкинымъ, а издатель его мемуаровъ, Эрнестъ Додэ, желая похвастать своимъ знаніемъ, впадаетъ въ ошибку, говоря, что «это

былъ отецъ знаменитаго поэта Пушкина». Они застали графа дома, и онъ объявилъ имъ, что великій князь уѣзжаетъ на другой день въ Гатчину, а потому врядъ ли приметъ француза предъ отъѣздомъ. Но на другое утро Эстергази получилъ записку отъ Кобенцеля, извѣщавшаго, что, по увѣдомленію Мусина-Пушкина, великій князь приметъ его до отъѣзда въ Гатчину. Эстергази явился къ великому князю въ назначенное время и былъ имъ принятъ любезно. Павелъ просилъ его сѣсть и съ интересомъ сталъ разспрашивать, въ какомъ положеніи находилась Франція. Потомъ Эстергази откланялся, а затѣмъ былъ представленъ великой княгинѣ, въ ту самую минуту, когда она выходила изъ своихъ покоевъ, чтобы сѣсть въ экипажъ. Первые дни пребыванія Эстергази въ Петербургѣ были закончены посѣщеніями вмѣстѣ съ Кобенцелемъ всѣхъ знатныхъ лицъ русской столицы. «Меня всюду встрѣчали съ такой пріятливостью и радушіемъ, какое трудно встрѣтить гдѣ бы то ни было, кромѣ Россіи,—говоритъ Эстергази,—и это я долженъ вполне засвидѣтельствовать; меня дѣйствительно всюду принимали съ самой изысканной учтивостью и вниманіемъ». Однако, несмотря на радушіе русскихъ, въ продолженіе пяти лѣтъ, проведенныхъ Эстергази въ Петербургѣ, онъ ничего не говоритъ въ своихъ мемуарахъ о частной жизни русскаго великосвѣтскаго общества, а только обращаетъ вниманіе исключительно на событія, ознаменовавшія его посольство, какъ представителя французской эмиграціи. Но издатель его мемуаровъ, Эрнестъ Додэ, въ случаѣ успѣха настоящей книги, обѣщаетъ издать письма Эстергази преимущественно къ женѣ, въ которыхъ подробно описано все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Петербургѣ. Въ количествѣ болѣе ста они переданы Додэ вмѣстѣ съ мемуарами праправнукомъ Эстергази.

Въ предисловіи Додэ, однако, упоминаетъ о милостяхъ и щедротахъ, которыми Екатерина окружила эмигранта. Она подарила ему великолѣпное помѣстье въ одной изъ польскихъ губерній, секвестрованное у какого-то богатаго магната. Кромѣ того, въ видѣ особой милости она произвела его семилѣтняго сына въ корнеты конно-гвардейскаго полка. Въ указѣ по этому поводу очень характеристично сказано: «Мы предписываемъ всѣмъ нашимъ поданнымъ признавать его въ семъ званіи и надѣемся, что онъ будетъ вести себя съ должной преданностью». Также замѣчательно, какъ характерная черта того времени, что полковой командиръ конной гвардіи, графъ Салтыковъ, выдалъ молодому корнету отпускъ на полгода «для окончанія своихъ занятій, послѣ чего онъ долженъ будетъ явиться въ свой полкъ». На слѣдующій годъ императрица собственноручно написала молодому офицеру слѣдующее милостивое письмо: «Я очень тронута, г-нъ Валентинъ, той дужбой, которую вы выказываете мнѣ въ письмѣ, переданномъ вашимъ папой. Я нашла его во всѣхъ отношеніяхъ хорошо

написаннымъ, и такъ какъ вы выводите прекрасныя крупныя буквы, то я прочитала ихъ безъ очковъ, чего со мною уже давно не случалось. Я очень была бы рада, если бы вы пріѣхали съ напой, потому что я васъ очень люблю. Я надѣюсь часто имѣть это удовольствіе нынѣшней зимой, но если бы вы всегда были со мною, то вамъ наскучило бы слушать всѣ пустяки, которые проходятъ чрезъ мои руки. Кланяюсь мамѣ. Прощайте, мой дружокъ; цѣлую васъ». Въ русскихъ историческихъ матеріалахъ того времени мало упоминается о графѣ Эстергази, и въ дневникѣ Храповицкаго говорится вскользь только при описаніи его пріѣзда: «Явился у насъ графъ Эстергази, генераль-поручикъ французскій; его приняли въ Эрмитажѣ, и онъ былъ отъ 3-хъ до 6-ти часовъ послѣ обѣда и приглашенъ въ спектакль». Относительно петербургскаго высшаго общества надо сказать, что оно не очень благоволило къ Эстергази, несмотря на его самохвалство. Графъ Ростопчинъ въ письмѣ къ графу Воронцову пишетъ: «Не знаю, какимъ образомъ и по какой причинѣ принцъ Нассаускій и Эстергази отыскали средство оклеветать Лагарпа предъ императрицей, но она приглашала его къ себѣ два раза, и швейцарецъ, объяснивъ все, разоблачилъ плутни Эстергази». Тотъ же Ростопчинъ говоритъ о вредномъ вліяніи эмигрантовъ на цесаревича: «Вы увидите вѣдствіи, сколько пребываніе графа Эстергази надѣлало вреда: онъ такъ усердно проповѣдывалъ въ пользу деспотизма и необходимости править желѣзной лозой, что великій князь усвоилъ себѣ эту систему и уже поступаетъ согласно съ нею». Еще рѣзче выражается объ Эстергази Лагаръ: «Злые совѣтники,—говоритъ онъ,—овладѣли умомъ Павла и наполнили душу его подозрѣніями. Онъ имѣлъ несчастье довѣриться французскимъ эмигрантамъ, которые представили врагами его всѣхъ тѣхъ, чей здравый смыслъ цѣнилъ по достоинству ихъ сумасбродныя притязанія. Во главѣ злонамѣренной лиги находились бывшій французскій посланникъ въ Константинополь, Шуазель-Гуфье, графъ Эстергази и принцъ Нассау-Зигенъ». Изъ этихъ немногихъ свѣдѣній оказывается, что Эстергази былъ большой интриганъ и занимался не только своими эмигрантскими дѣлами, но и многими, что вовсе до него не касалось.

Относительно политической дѣятельности представителя Бурбоновъ въ Россіи можно сказать, что она сосредоточивалась на хлопотахъ о полученіи отъ Россіи помощи, какъ денежной, такъ военной. Сначала императрица отвѣчала принцамъ на ихъ письма очень любезно, обѣщала имъ всякое содѣйствіе, посылала денегъ, но не принимала на себя никакого обязательства о посылкѣ отряда войскъ, такъ какъ она ссылалась на отдаленность Россіи отъ театра военныхъ дѣйствій и еще на то, что она не заключила мира съ Турціей. Кромѣ этого, Екатерина уполномочивала Эстергази на-

писать принцамъ, что ея чувства къ королю и его семейству далеко не были пассивными. По этому предмету она уже написала своимъ посланникамъ при различныхъ дворахъ и дожидалась только курьера отъ императора, чтобы принять болѣе энергичныя мѣры въ пользу справедливаго и славнаго дѣла принцевъ. Екатерина еще сообщила бурбонскому посланнику, что она переговаривалась съ шведскимъ королемъ о заключеніи договора въ интересахъ французской монархіи, и, такъ какъ король былъ лишенъ свободы, то графъ Прованскій сдѣлался регентомъ королевства. Она была готова принять при своемъ дворѣ его officialнаго посланника, подобно тому, какъ она сама уже отправила своего представителя къ принцамъ въ лицѣ графа Николая Румянцева. Наконецъ, императрица совѣтовала принцамъ вступить во Францію съ оружіемъ въ рукахъ для возстановленія королевской власти, и считала вполне достаточной ихъ десяти тысячную армію вмѣстѣ съ четырьмястами древними дворянами короля и нанятыми за деньги отрядами швейцарцевъ. Вскорѣ прибылъ курьеръ отъ императора съ извѣстіемъ, что въ Вѣнѣ находятъ ненужнымъ торопиться, тѣмъ болѣе, что король присягнулъ конституціи, а слѣдовательно нарушилъ Пильницкій договоръ. Императрица тотчасъ увѣдомила принцевъ, что имъ нечего отчаиваться, и признала графа Прованскаго регентомъ; императоръ и прусскій король, однако, не послѣдовали ея примѣру. Екатерина вообще поощряла принципъ дѣйствовать энергичнѣе и говорила Эстергази: «Напрасно они такъ много пишутъ и такъ мало дѣйствуютъ; деклараціи необходимы только во время дѣйствій; онѣ бесполезны и даже вредны при бездѣйствіи. Она полагала, что онѣ императора полезно было кое-что скрывать, такъ какъ, по ея словамъ, «коронованнымъ особамъ не всякую правду полезно говорить».

Между тѣмъ французскій король, присягнувъ конституціи, угваривалъ принцевъ вернуться во Францію, на что они не соглашались, и между ними возникли несогласія. Это, по словамъ Эстергази, возбудило нѣкоторую холодность въ Екатеринѣ къ дѣлу Бурбоновъ, и маркизъ Бомбель, посланный къ ней отъ Маріи-Антуанеты, былъ ею принятъ несочувственно, и она объявила ему, что считаетъ короля плѣнникомъ революціи, а, слѣдовательно, принцевъ настоящими выразителями монархіи. Когда съ теченіемъ времени образовалась коалиція Австріи и Пруссіи противъ Франціи, а въ Кобленцѣ стали развиваться безконечныя интриги, то Эстергази было поручено принцами просить у императрицы посланки на театръ войны пятнадцати или двадцати тысячъ русскихъ солдатъ. Но Пруссія и Австрія предпочитали лучше получить отъ Россіи субсидію, чѣмъ военную помощь. Екатерина и въ томъ, и въ другомъ отказала, ибо въ то время она была занята польскими дѣлами. Эстергази замѣтилъ императрицѣ, что она не исполняетъ сво-

его обѣщанія помочь Бурбонамъ, но она отвѣчала: «Что же вы хотите? — шкура ближе рубашки». По полученіи деклараціи герцога Брауншвейгскаго, Екатерина была недовольна ея рѣзкимъ характеромъ и замѣтила Эстергази: «Несчастіе того народа, который надѣется на свое спасеніе только при помощи иностранныхъ войскъ». «Хотя императрица пригласила меня съ собою въ Царское Село,— говоритъ Эстергази,— а также продолжала быть со мною очень любезной, но я потерялъ всякую надежду на содѣйствіе Бурбонамъ русскихъ войскъ и прямо написалъ принцамъ, чтобы они на это не разсчитывали».

Нечего говорить о несчастной судьбѣ коалиціонной арміи, тѣмъ болѣе, что и Эстергази упоминаетъ объ этомъ только въ двухъ словахъ. Послѣ того графъ Артуа выразилъ желаніе пріѣхать въ Россію; увѣдомленная объ этомъ императрица изъявила свое согласіе, но объявила, что эта поѣздка совершенно излишня, а деньги, которыя придется на нее израсходовать, могутъ быть употреблены на гораздо болѣе полезное дѣло. Эстергази объ этомъ написалъ принцу, но письмо до него не дошло, и онъ отправился въ путь. Артуа желалъ отправиться въ Россію *incognito*; но Екатерина ему въ этомъ отказала, сказавъ, что приметъ брата французскаго короля со всеми почестями, которыя были оказаны брату прусскаго короля, принцу Генриху, при его пріѣздѣ въ Петербургъ. Навстрѣчу къ нему былъ высланъ графъ Румянцевъ съ придворными экипажами, и Артуа прибылъ въ Петербургъ 23-го марта 1793 года. Императрица приняла его самымъ торжественнымъ образомъ. Тотчасъ послѣ этого начались засѣданія конференціи между принцемъ и графомъ Зубовымъ, и было рѣшено, что императрица предложитъ Англіи послать на берега Нормандіи русскій отрядъ въ пятнадцать тысячъ, но для этого она потребовала, чтобы Англія выдала ей значительную субсидію. Это письмо долженъ былъ отвезти Артуа въ Гульль на русскомъ фрегатѣ, въ сопровожденіи генерала Корсакова. Предъ своимъ отплытіемъ принцъ получилъ, по свидѣтельству Храповицкаго, драгоценную, почетную шпагу съ надписью на чашкѣ: «*Avec Dieu pour le roi*», и съ драгоценнымъ солитеромъ въ 10.000 рублей. Кромѣ того, Эстергази рассказываетъ, что Екатерина подарила ему коллекцію золотыхъ медалей, серебряный походный приборъ и триста тысячъ кредитивомъ. Несмотря на всѣ милости императрицы, путешествіе въ Петербургъ Артуа и его поѣздка въ Лондонъ не привели ни къ чему, такъ какъ Англія отказала въ субсидіи, а, слѣдовательно, и Россія не послала своихъ войскъ.

Въ 1796 году, графъ Эстергази вслѣдствіе своей просьбы получилъ безсрочный отпускъ отъ Людовика XVIII, который сталъ именоваться королемъ послѣ смерти Людовика XVI и покинулъ Петербургъ, съ цѣлью поселиться въ великолѣпномъ имѣніи, пода-

ренномъ ему Екатериной. Вскорѣ послѣ этого умерла императрица, и Павелъ, вступивъ на престолъ, велѣлъ увѣдомить принца, что ему не къ чему возвращаться въ Петербургъ, такъ какъ дѣла Бурбоновъ будутъ впредь вести самъ императоръ. Въ письмѣ Безбородка, увѣдомлявшаго объ этой опалѣ, было прибавлено, что «его императорское величество приказалъ сказать Эстергази, что онъ самъ знаетъ, почему ему запрещенъ вѣздъ въ Петербургъ». Хотя Эстергази увѣряетъ, что онъ не знаетъ подобной причины, но, по всей вѣроятности, Павелъ былъ имъ недоволенъ за то, что онъ сначала велъ интриги въ пользу его, когда Павелъ былъ великимъ княземъ, а потомъ, изъ опасенія дурныхъ послѣдствій, присоединился къ партіи императрицы. Наконецъ, Эстергази было объявлено, что императоръ отнялъ у него дарованныя ему Екатериной помѣстья, но, впрочемъ, Павелъ смилостивился и скорѣ пожаловалъ ему взаменъ еще большее помѣстье, съ Гродегскимъ замкомъ, въ Волини. При этомъ онъ собственноручно написалъ, что «всегда можно рассчитывать на его справедливость, но вслѣдствіе дурного поведенія можно лишиться его милости». Въ этомъ роскошномъ замкѣ графъ Эстергази провелъ остальную свою жизнь, окруженный семействомъ, и умеръ ровно сто лѣтъ тому назадъ.

Воспоминанія итальянскаго генерала Говонэ объ осадахъ Силлистрии и Севастополя во время Крымской войны.

Три года тому назадъ въ Туринѣ вышли мемуары ¹⁾ генерала Джузеппе Говонэ, а недавно въ Парижѣ изданъ ихъ переводъ ²⁾ на французскомъ языкѣ М. Вейлемъ, извѣстнымъ военнымъ писателемъ, напечатавшимъ записки русскаго генерала Левенстерна. Къ этому переводу прибавлено предисловіе французскаго академка, Жюля Кларети, и значительное количество новыхъ документовъ, доставленныхъ сыномъ Говонэ, Уберто. Въ итальянскомъ подлинникѣ эта книга совершенно правильно названа: «Отрывки изъ мемуаровъ», а французскій переводчикъ напрасно пропустилъ въ заглавіи слово «отрывки», потому что въ сущности тутъ нѣтъ полныхъ мемуаровъ, а лишь отрывки изъ донесеній, рапортовъ, дневника и писемъ Говонэ, соединенныхъ общимъ рассказомъ, написаннымъ его сыномъ. Для насъ, русскихъ, въ этомъ сочиненіи всего интереснѣе двѣ главы, посвященныя описанію осады Силлистрии и Севастополя въ 1854—1855 годахъ; поэтому мы познакомимъ читателя съ содержаніемъ этихъ главъ, сообщивъ вкратцѣ біографическія свѣдѣнія объ итальянскомъ генералѣ.

Джузеппе Говонэ родился въ 1825 г. въ Изолѣ, близъ Асти, и происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Получивъ воспи-

¹⁾ Il generale Giuseppe Govone. Frammenti di memorie. Torino. 1902.

²⁾ Mémoires du général Govoné, augmentés de documents inédits. Paris. 1905.

таніе въ королевской военной академіи, онъ вышелъ изъ нея въ чинѣ подпоручика въ главный штабъ. Онъ принялъ участіе въ походахъ 1848—1849 г., а потомъ былъ военнымъ агентомъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Въ началѣ русско-турецкой войны въ 1853 г. Говонэ былъ прикомандированъ къ арміи Омера-паши, но не въ качествѣ офиціального агента, а сардинское правительство дозволило ему присутствовать въ турецкой арміи при военныхъ дѣйствіяхъ, какъ частному лицу. Послѣ осады Силистріи онъ отправился въ Крымъ и участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ и главнѣйшихъ стычкахъ, отъ Балаклавской битвы до взятія Севастополя. Въ концѣ Крымской войны онъ уже находился въ рядахъ сардинской арміи, сдѣлавшейся союзницей французовъ, англичанъ и турокъ. Возвратясь въ Пьемонтъ съ чиномъ подполковника, Говонэ занялся преобразованиемъ развѣдочной службы въ своемъ отечествѣ, и когда вспыхнула война съ Австріей, то онъ принялъ участіе во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ, особенно въ битвѣ при Маджентѣ. По заключеніи мира, произведенный въ генералы, Говонэ дѣятельно содѣйствовалъ правительству во всѣхъ его патріотическихъ мѣрахъ относительно устройства новой Италіи. Въ 1866 г. его послали въ Берлинъ для заключенія союза съ Пруссіей, вмѣстѣ съ итальянскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, графомъ Баралемъ. Во второй войнѣ съ Австріей онъ отличился въ несчастной битвѣ при Кустоцѣ, но не принималъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ, такъ какъ его отправили съ дипломатическимъ порученіемъ въ Берлинъ. Хотя война и кончилась для Италіи неблагопріятно, но все-таки, при содѣйствіи Франціи и Пруссіи, она получила Венецію по мирному договору. Теперь наступила политическая дѣятельность Говонэ, хотя онъ и назначенъ былъ начальникомъ главнаго штаба. Поступивъ въ члены парламента, онъ принялъ участіе въ преніяхъ, поддерживая министерства, а въ 1869 г. онъ сдѣлался военнымъ министромъ въ министерствѣ Ланца-Селла. Главнымъ образомъ, онъ занялся во время своего управленія министерствомъ экономическими мѣрами и военными реформами, а также приготовленіемъ къ римской экспедиціи. Но онъ такъ много трудился, что его физическія силы не выдержали, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку за шесть дней до взятія Рима и окончательнаго увѣнчанія итальянскаго единства. Затѣмъ онъ удалился въ Альбу и вскорѣ умеръ, 25-го января 1872 г., еще сравнительно молодымъ чловѣкомъ, именно 46 лѣтъ.

Теперь обратимся къ Крымской войнѣ, въ которой лично участвовалъ Говонэ. Съ самаго ея начала онъ приставалъ къ своему министерству, чтобы оно прикомандировало его къ турецкому главному штабу, но оно согласилось только дать ему отпускъ и дозволить неофициально слѣдить за турецкими войсками. Въ іюлѣ 1853 г. онъ отправился въ Константинополь, а затѣмъ въ Шумлу,

гдѣ былъ устроенъ Омеромъ-пашею укрѣпленный лагерь, и собрана была бѣльшая часть турецкихъ войскъ. Сераскиръ Омеръ-паша былъ по происхожденію кроатъ, отличался рѣдкой храбростью и всѣми военными качествами, пользуясь любовью всей арміи, но, по словамъ Говонэ, «ему приходилось все дѣлать самому, ибо его офицеры были безъ всякаго образованія и выказывали удивительную апатію». Точно также турецкій солдатъ, по замѣчанію Говонэ, «вообще храбрый, трезвый и основательный во всѣхъ отношеніяхъ, былъ въ сущности пассивнымъ орудіемъ». Располагая подобными военными средствами, Омеръ-паша распредѣлилъ свои войска во всю длину Дуная и настроилъ большое количество фортификаціонныхъ работъ, доказывая тѣмъ, что война будетъ оборонительная. Сочувствуя туркамъ, Говонэ не любилъ русскихъ оттого, что они спасли Австрію и дѣло реакціи въ Европѣ въ 1849 г., а потому со своимъ пылкимъ характеромъ онъ не могъ примириться съ подобной политикой. «Если бы турки дѣйствовали массами,—писалъ онъ,—то можно было бы сдѣлать что нибудь крупное, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, но Омеръ-паша мнѣ говорилъ о своихъ проектахъ, и изъ нихъ видно, что онъ предпочитаетъ партизанскую войну большимъ военнымъ операціямъ. Нѣсколько разъ я посѣщалъ его и всегда настаивалъ на необходимости хорошаго устройства развѣдочной службы и пользы сосредоточить всѣ свои силы, а не разбивать ихъ по мелкимъ укрѣпленіямъ, но сераскиръ, не зная намѣреній враговъ, хочетъ, напротивъ, быть готовымъ на всякую случайность. Если такъ будетъ продолжаться дѣло, то послѣ нѣсколькихъ мелкихъ стычекъ, я полагаю, русскіе будутъ въ состояніи двинуться въ какомъ имъ угодно направленіи».

Наконецъ, послѣ долгихъ приготовленій, 7-го октября былъ посланъ командующему русскою арміей, князю Горчакову, ультиматумъ очистить Дунайскія княжества, на что русскіе отвѣчали очень лаконично: «Мы не имѣемъ на то приказанія государя». Мѣсяць спустя, турки перешли черезъ Дунай, и при Ольтеницѣ завязалось между ними и русскими первое сраженіе. Итальянскій генералъ рассказываетъ, что онъ самъ принималъ участіе въ сраженіи, бывшемъ ожесточеннымъ и кончившемся отступленіемъ русскихъ въ полнѣйшемъ порядкѣ, причемъ «они доказали свою удивительную храбрость и полное невѣдѣніе военныхъ принциповъ». Во всякомъ случаѣ турки уничтожили возведенные ими ретраншементы и перешли обратно черезъ Дунай. Повидимому, война на этотъ годъ была окончена, и Говонэ хотѣлъ ухѣхатъ въ Константинополь, какъ пришло извѣстіе, что русскіе наступаютъ на Калафатъ, который былъ такъ слабо защищенъ, что Говонэ совѣтовалъ Омеру-пашѣ покинуть крѣпость и первому напасть на русскихъ, но турецкій начальникъ не принялъ этого совѣта, а послалъ подкрѣпленіе въ Калафатъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако,

турки сдѣлали наступленіе на русскіе аванпосты, и произошло кровопролитное, но, по увѣренію Говонэ, нерѣшительное дѣло при Четати. Онъ увѣряетъ, что турки считаютъ это сраженіе своей побѣдой, потому что былъ уничтоженъ весь русскій авангардъ, а русскіе приписываютъ успѣхъ себѣ, потому что они остались на полѣ сраженія. Сдѣлавъ рекогносцировку Калафата, Горчаковъ рѣшилъ, что его нельзя взять безъ правильной осады, и отказался отъ мысли немедленнаго взятія крѣпости. «Всякая опасность исчезла для Калафата,—писалъ Говонэ.—Турки вслѣдствіе недостаточности развѣдочныхъ средствъ пропустили въ октябрѣ мѣсяцѣ возможность одержать успѣхъ въ кампаніи этого года, а русскіе по той же причинѣ не взяли Калафата въ то время, когда онъ неминуемо палъ бы при нападеніи 25.000 человекъ».

Итальянецъ возвратился въ Константинополь съ полнымъ убѣжденіемъ, что турки были храбрымъ народомъ, но ихъ администрація—вполнѣ безнравственной, доказательствомъ чего, между прочимъ, служилъ тотъ фактъ, что прежній военный министръ увезъ съ собою всѣ планы Калафата. Положеніе дѣлъ особенно между союзниками съ начала войны было критическое. «Эти господа,—писалъ Говонэ,—напоминаютъ докторовъ на консультаціи: если французы говорятъ: «бѣлое», то англичане отвѣчаютъ: «черное». Никакого единства не существуетъ ни между посланниками, ни между военачальниками. Я прямо сказалъ англійскому послу, лорду Рэдклифу, чрезвычайно разсердившемуся на меня, что если не будетъ единства дѣйствій, то нечего и присылать вспомогательныхъ войскъ. Онъ такъ привыкъ дѣйствовать деспотически, что не могъ этого переварить». Видя, что дѣло высадки затягивается, Говонэ въ концѣ марта 1854 г. снова поѣхалъ въ армію сераскира. Между тѣмъ русскіе перешли чрезъ нижній Дунай и побѣдоносно вступили въ Добруджу, преслѣдуя турокъ. Очевидно, цѣлью князя Горчакова была Силистрія, крѣпость, расположенная на берегу Дуная и главнымъ пунктомъ защиты которой былъ передовой фортъ, Арабъ-Табія. Поведа осаду съ юга, русскіе, главнымъ образомъ, сосредоточили свои силы противъ форта Арабъ-Табіи, который, по словамъ Омера-паши, не могъ продержаться долѣе двадцати дней, если къ нему на помощь не подоспѣютъ союзныя силы. Въ Шумлѣ Говонэ видѣлъ главнокомандующихъ французскаго и англійскаго вспомогательныхъ корпусовъ. Маршалъ Сентъ-Арно показался ему очень рѣшительнымъ, энергичнымъ и вспыльчивымъ человекомъ; послѣднее его качество переступало всякія границы. Когда Говонэ прибылъ въ Силистрію, то оказалось, что русскіе уже возвели фортификаціонныя работы противъ Арабъ-Табіи и подводили съ разныхъ сторонъ мины. Защитникъ Силистріи, храбрый Мусса-паша, былъ убитъ осколкомъ бомбы, и его замѣнилъ Рифатъ-паша,

которому помогали въ защитѣ крѣпости нѣсколько европейскихъ офицеровъ. Среди нихъ передовое мѣсто занялъ Говонэ.

«Положеніе гарнизона Арабъ-Табія,—доносилъ посолъ военному министру,—было чрезвычайно критическое, и въ эту минуту можно было оцѣнить всю деморализацію осаждающихъ и упорную храбрость турокъ. Они выстроили цѣлый рядъ укрѣпленій, доказывавшихъ болѣе ихъ мужество, чѣмъ военную способность; эти работы были произведены ими для того, чтобы держаться въ Арабъ-Табіи послѣ взрыва минъ. Осмотрѣвъ позицію, я съ перваго взгляда убѣдился, что можно возвести редюитъ, т.-е. небольшое укрѣпленіе внутри редута, для противопоставленія неприятелю вторичной преграды. Его слѣдовало сдѣлать крѣпкимъ и надежнымъ, такъ что, въ случаѣ надобности, незначительный гарнизонъ могъ бы легко охранить главный редутъ. Русскія батареи отстоятъ въ ста шагахъ, а стрѣлки находятся въ траншеяхъ на разстояніи тридцати шаговъ. Я сообщилъ мой планъ Рифату-пашѣ, который согласился со мной и приказалъ приступить къ возведенію редюита. Я предложилъ на другой же день участвовать въ работѣ. Внутренность редута была испещрена выстрѣлами съ русскихъ батарей. Но, счастью, никто не былъ убитъ или раненъ, и только капитанъ Бутлеръ, который помогалъ мнѣ около получаса, получилъ контузію въ спину. Напротивъ, я остался невредимъ, хотя болѣе часа простоялъ, вытянувшись во весь ростъ, и одинъ съ солдатами планировалъ редюитъ. Одинъ изъ англійскихъ офицеровъ, завидовавшій моею популярностію у турокъ, сердито сказалъ: «Стыдно подвергать такой опасности себя и солдатъ; азбука инженернаго искусства — прикрывать себя и другихъ». Я на это отвѣчалъ: «Азбука же офицера заключается въ томъ, чтобы показывать солдатамъ хладнокровное мужество». Но въ виду его совѣта я удалилъ солдатъ и остался одинъ. Вечеромъ мнѣ прислали изъ другихъ фортовъ 400 рабочихъ. На другой день русскіе, узнавъ о возведеніи внутренняго редюита, рѣшились этому помѣшать, и взорвали мину подъ редутомъ. Это дозволило имъ чрезъ образовавшуюся брешь проникнуть внутрь укрѣпленія, но послѣ упорнаго боя они принуждены были отступить. Такимъ образомъ, редюитъ оказалъ пользу даже въ неоконченномъ видѣ, а когда онъ будетъ совершенно готовъ, то фортъ Арабъ-Табія продержится долго, и будетъ очень трудно имъ овладѣть. Во всѣхъ отношеніяхъ едва ли русскіе возьмутъ Силистрію ранѣе четырехъ недѣль, если не придутъ на помощь союзники, но они такъ медлятъ, что во всякомъ случаѣ, повидимому, ничто не спасетъ Силистріи. Комендантъ умоляетъ меня остаться, говоря, что мое присутствіе стѣбитъ цѣлаго отряда. Это очень любезно, но надо отдать справедливость Бутлеру, что онъ—главное средство защиты. Онъ—не инженеръ, но выказываетъ чрезвычайную храбрость, и я завидую его мужеству».

По приказанію своего министра, Говонэ вернулся въ Шумлу, и возведенный имъ редюитъ былъ оконченъ безъ него, что не помѣшало приписать ему успѣхъ этого дѣла не только турками, прусскимъ военнымъ агентомъ, полковникомъ Грахомъ, но впоследствии даже русскими. Одни англичане сначала всю славу воздавали Бутлеру, а послѣ его смерти замалчивали это славное дѣло. Во время коронаціи Александра II, въ 1856 г., полковникъ графъ Петитти и майоръ Куджіа, сопровождавшіе итальянскаго посла, графа Броліа, встрѣтили знаменитаго защитника Севастополя, графа Тотлебена, и, разговарясь о Силистріи, при осадѣ которой онъ присутствовалъ, спросили его:

— Отчего русская армія прекратила осаду Силистріи, не добившись никакого успѣха?

— Но,—отвѣчалъ Тотлебенъ,—мы сдѣлали усиліе, чтобы приступомъ овладѣть Арабъ-Табіей. Эта усиленная атака велась ночью, и намъ стоила многихъ людей, но не имѣла успѣха. Потомъ мы энергично вели траншеи и увеличивали число батарей для доставленія большихъ шансовъ новому приступу, но оказалось, что турки возвели внутренній редюитъ. Для того, чтобы исполнѣ въ этомъ убѣдиться, мы прибѣгли къ помощи кавальера, или насыпи, и, благодаря этому, обозрѣвъ издали внутренность Арабъ-Табіи, убѣдились, что дѣйствительно воздвигнуть редюитъ. Поэтому мы отказались отъ второго приступа.

— Знаете ли вы, генераль,—спросили итальянцы,—кто возымѣлъ мысль и лично воздвигнулъ редюитъ?

— Бутлеръ, англійскій офицеръ, бывшій въ Силистріи,—отвѣчалъ Тотлебенъ.

— Нѣтъ, генераль, это сардинскій офицеръ, майоръ Говонэ.

— Въ такомъ случаѣ, господа,—произнесъ Тотлебенъ,—возвращаясь домой, скажите майору Говонэ, что въ нынѣшнемъ году я отправляюсь путешествовать въ Европу и нарочно измѣню свой маршрутъ, заѣду въ Туринъ и познакомлюсь съ майоромъ.

Осуществилъ ли защитникъ Севастополя свое намѣреніе или нѣтъ, ни Говонэ, ни его сынъ не упоминаютъ.

Осада Силистріи продолжалась, и убійственный огонь осаждающихъ поддерживался до 23-го іюня, когда неожиданно онъ прекратился. Осаждаемые не вѣрили своему благополучію. На разсвѣтъ 24-го числа они перелѣзли чрезъ брустверь и осторожно пробрались въ непріятельскія траншеи—тамъ никого не было. Русскіе, которыми уже предводительствовалъ князь Паскевичъ, отступили.

Въ тотъ же день Говонэ доносилъ генералу Ламарморэ: «Попытка русскихъ взять Силистрію не привела ни къ какому результату. Мы только что получили извѣстіе, что русскіе прекратили осаду крѣпости и отошли за Дунай. Эта мѣра принята, вѣ-

роятно, вслѣдствіе положенія австрійской арміи, ибо иначе русскія войска не покинули бы своего выгоднаго положенія, а вступили бы въ бой съ турками и союзниками при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; за ними было бы преимущество въ численности войскъ и единствѣ командованія». Черезъ нѣсколько дней онъ сообщалъ изъ Силистріи: «Я поѣхалъ въ Силистрію съ Омеромъ-пашею; все идетъ отлично, и онъ этого вполне заслуживаетъ, но союзныя арміи играютъ жалкую роль, несмотря на ихъ самохвальство. Да сохранить насъ Господь отъ иностранной помощи, если когда нибудь намъ придется дѣйствовать наступательно у себя дома. А что дѣлаетъ дипломатія? Она, должно быть, побудила русскихъ къ отступленію». То же самое подтверждаютъ русскіе историки и, между прочимъ, Татищевъ въ своемъ трудѣ: «Императоръ Александръ II», прямо говоря: «Русскія войска вынуждены были по настоящему требованію вѣнскаго двора не только перейти обратно черезъ Дунай, но и окончательно очистить Дунайскія княжества».

Совершенно иначе смотрѣлъ на это отступленіе Говонэ, и 5-го іюля онъ писалъ Ламарморэ: «Ахъ, если бы русскіе отступили только для того, чтобы напасть на австрійцевъ, вотъ было бы великолѣпное дѣло! Если бы я былъ русскій императоръ, то съ 200.000 войска, которое у него теперь находится въ княжествахъ, я не уступилъ бы никому и бросился бы въ рѣшительный бой. Я говорю это изъ любви къ искусству».

Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, Измаиль-наша былъ назначенъ главнокомандующимъ азіатской арміей, и предложилъ майору Говонэ поступить на турецкую службу въ чинѣ лива-наши, т.-е. бригаднаго генерала. Но на его просьбу разрѣшить это перечисленіе полученъ былъ отказъ, ибо Сардинія собиралась примкнуть со своимъ вспомогательнымъ корпусомъ къ союзнымъ силамъ. Въ ожиданіи этого событія, Говонэ былъ прикомандированъ къ союзной арміи въ Крыму. 14-го октября онъ прибылъ въ Балаклаву, и французскій главнокомандующій, Канроберъ, замѣнившій умершаго Сентъ-Арно, объявилъ ему, что крѣпость не продержится болѣе недѣли. Но англійскій генералъ Бургойнъ, начальникъ инженеровъ, напротивъ, былъ того мнѣнія, что Севастополь продержится гораздо дольше.

«Я осмотрѣлъ лагерь и траншеи,— писалъ Говонэ,— и не могу раздѣлять французскихъ надеждъ. По моему мнѣнію, сдѣлали большую ошибку, не атаковавъ Севастополя тотчасъ послѣ Альмской побѣды, а теперь, пока мы вели траншеи, и русскіе возвели дѣлный рядъ укрѣпленій. 17-го октября, ровно чрезъ мѣсяць послѣ Альмы, наши батареи были готовы и открыли огонь, но русскіе живѣе дѣйствовали, чѣмъ осаждающіе, и противопоставили союзникамъ, по крайней мѣрѣ, сто восемьдесятъ орудій противъ ихъ ста тридцати,

такъ что результатомъ открытія огня были совершенно противоположныя послѣдствія тѣмъ, какихъ ожидали союзники. Теперь началась настоящая осада, и, по моему мнѣнію, она продлится болѣе мѣсяца».

Балаклавское сраженіе было первымъ дѣломъ, въ которомъ принялъ участіе Говонэ. Въ началѣ сраженія онъ находился при союзныхъ главнокомандующихъ и наблюдалъ съ высоты, гдѣ они стояли, за дѣйствіями англичанъ и русскихъ. Послѣдніе съ удивительнымъ мужествомъ атаквали и взяли два англійскихъ редута. Произошелъ убійственный кавалерійскій бой, вслѣдствіе котораго русскіе отступили на двѣсти шаговъ, но, удержавъ за собою взятые редуты, выстроились въ боевую линію, которую подкрѣпили тремя батареями. Такимъ образомъ англичане прозѣвали удобную минуту для кавалерійской атаки, но они упорствовали въ своемъ намѣреніи, и состоялась знаменитая атака кавалерійской бригады изъ пяти полковъ. Въ этомъ историческомъ боѣ принялъ личное участіе Говонэ, и вотъ какъ онъ описываетъ атаку, стоившую Англій цѣлѣ ея кавалеріи и доставившую русскимъ матеріальную и нравственную побѣду: «Англійская конница, не задумавшись ни на минуту, бросилась впередъ. Не успѣла она сдѣлать двухсотъ шаговъ, какъ русская батарея, имѣвшая тридцать орудій, открыла убійственный огонь. Вся англійская кавалерія была буквально усыпана бомбами и всякаго рода снарядами, поддержанными дружнымъ огнемъ пѣхоты. Каждый выстрѣлъ дѣйствовалъ навѣрняка и уносилъ цѣлые ряды людей и лошадей. Оставшіеся въ живыхъ англичане продолжали скакать впередъ и не думали возвращаться вспять. Два англійскіе кавалерійскіе полка, несмотря на этотъ огонь, миновали, благодаря своей бѣшеной скачкѣ, правую и лѣвую русскія батареи и врѣзались въ центральную, такъ что, перерубивъ массу артиллеристовъ, налетѣли на русскую пѣхоту, стоявшую позади. Прежде чѣмъ эта пѣхота и уланскій полкъ отрѣзали англичанамъ отступление, остатки этихъ храбрыхъ воиновъ обратили ихъ въ бѣгство, но потомъ они повернули назадъ и среди убійственного огня съ редутовъ поскакали обратно. Эта атака легкой англійской кавалеріи составляетъ нѣчто удивительное, но въ высшей степени странное: безъ цѣли и безъ результата, она только доказала, что героизмъ этой конницы былъ выше всякаго изумленія. Въ ней участвовало всего 650 человекъ, а убито было 450. Сильно критиковали приказаніе, отданное этимъ несчастнымъ героямъ, и всѣ одинаково приходили въ восторгъ отъ такого подвига, но столь не разумное движеніе принесло русскимъ очевидную пользу. Они провели всю ночь на тѣхъ позиціяхъ, которыя взяли, и еще ихъ укрѣпили». По русскимъ источникамъ, именно, по Дубровину, балаклавское дѣло, хотя и блестящее для русскаго оружія, было предпринято

преждевременно до прибытія подкрѣпленій, а потому по своимъ послѣдствіямъ оно было далеко не въ нашу пользу. Во всякомъ случаѣ прямымъ результатомъ этой битвы было то, что союзники перешли въ оборонительное положеніе, совершенно противоположное ихъ первоначальной цѣли.

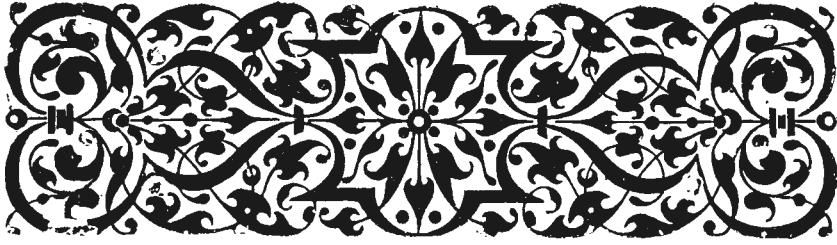
Такое же поразительное впечатлѣніе произвела на союзниковъ вторая битва подъ Севастополемъ — Инкерманская, хотя она была для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ побѣдой. По словамъ Говонэ, англичане упорно сопротивлялись нападенію русскихъ и только послѣ трехчасовой битвы были принуждены отступить, но въ эту критическую минуту явились къ нимъ на помощь французы, которые съ такимъ пыломъ бросились на непріятеля, что отбили взятую ими батарею. Бой кончился тѣмъ, что англичане и французы пошли въ штыки съ звѣрскимъ остервенѣніемъ и стрѣляли изъ ружей въ упоръ. «Черезъ часъ русскіе отступили,—говоритъ Говонэ.—О, какъ бы я желалъ въ эту минуту бросить на русскихъ свѣжіе три полка. О, какъ бы хорошо было атаковать Севастополь въ эту ночь послѣ пораженія русской арміи! Но всѣ мои надежды не осуществились, и наша побѣда имѣла только результатъ оборонительный и нравственный. Такимъ образомъ союзники пропустили случай однимъ ударомъ окончить войну; все ждали подкрѣпленій, но тщетно. Хотя русская армія и разбита, но мы попрежнему волочимъ время, занимаясь канонадой. Отсутствие единства въ командованіи союзными арміями принесло свои плоды: только во всемъ колеблются, и дѣйствія войскъ нерѣшительны и медленны. Ничего нѣтъ страннѣе, какъ видѣть сраженіе, руководимое двумя главнокомандующими, распоряжающимися совершенно различными арміями и придерживающимися противоположныхъ тактикъ. Главное достоинство англійской арміи — стойкость, но она сама признаетъ, что уступаетъ французамъ въ военномъ искусствѣ. Напротивъ, французы поражаютъ англичанъ своимъ удивительнымъ пыломъ и хотя они не отличаются пассивной стойкостью, но замѣняютъ ее непостижимымъ порывомъ. Судьбѣ было угодно, чтобы подъ Инкерманомъ качества союзныхъ армій подкрѣпляли другъ друга и тѣмъ пріобрѣли побѣду надъ русскими, которые, по словамъ англійскихъ очевидцевъ, поражали всѣхъ своимъ блистательнымъ отступленіемъ. Преслѣдуемые, по словамъ одного изъ нихъ, всей союзной полевой артиллеріей, русскіе батальоны отходили медленно, поминутно смыкая ряды и по временамъ бросаясь въ штыки на союзниковъ. Это отступленіе русскихъ Гомеръ сравнилъ бы съ отступленіемъ льва, когда, окруженный охотниками, онъ отходитъ шагъ за шагомъ, потрясая гривой, обращаетъ гордое чело къ врагамъ своимъ и потомъ снова безбоязненно продолжаетъ путь, истекая кровью отъ многихъ ранъ, ему нанесенныхъ, но непоколебимо мужественный, не побѣжденный».

Инкерманское сраженіе такъ сильно повліяло на союзниковъ, несмотря на одержанную побѣду, что главнокомандующіе хотѣли прекратить осаду и покинуть Крымъ. Одумавшись, они остались на своихъ мѣстахъ предъ Севастополемъ, но изъ атакующихъ перешли въ обороняющихся, изъ опасенія, чтобы подобное сраженіе не повторилось. Англичане громко говорили и писали, что положеніе союзниковъ отчаянное. Затѣмъ наступила зима со всѣми ея бѣдствіями, особенно для англійской арміи. Между тѣмъ на помощь союзникамъ рѣшено было двинуть 15.000 пьемонтцевъ. Для содѣйствія ихъ передвиженію былъ вызванъ отлично знавшій теперь мѣстность театра войны Говонэ. Онъ отправился въ Италію, сообщилъ начальству всѣ необходимыя свѣдѣнія и вернулся въ Крымъ уже въ рядахъ своей родной арміи въ маѣ. Около трехъ мѣсяцевъ сардинцы простояли на Кады-Койской позиціи, тщетно ожидая нападенія русскихъ, тогда какъ французы и англичане попрежнему вели осаду. Наконецъ, сраженіе при Черной дало имъ возможность загладить свое пораженіе при Кустодцѣ. Въ этой битвѣ главное участіе принимали сардинцы и турки, а французы лишь поспѣли къ нимъ на выручку, чтобы одержать побѣду. Сначала бой былъ убійственный, и сардинцы были выбиты русскими штыками изъ ихъ ретраншементовъ, но съ прибытіемъ французовъ общая атака русской арміи была отбита на всѣхъ пунктахъ. Побѣда превратилась въ пораженіе, благодаря «какому-то затменію, нашедшему, по словамъ Дубравина, на русскія войска, которыя дѣйствовали безъ строго опредѣленной цѣли, безъ взаимной поддержки и больше по одиночкѣ съ многочисленнымъ непріателемъ». Это была послѣдняя неудачная попытка русскихъ спасти Севастополь, какъ выражается Говонэ. 27-го августа наконецъ произошелъ окончательный приступъ Севастополя, который неудачно кончился на всѣхъ пунктахъ, кромѣ Малахова кургана, взятаго послѣ убійственнаго боя французами. Хотя сардинцамъ было предписано ожидать результата другихъ союзныхъ атакъ, но Говонэ былъ лично прикомандированъ къ корпусу французскаго генерала Де-Салля, а потому принялъ живое участіе въ страшной рѣзнѣ, которая повела къ обладанію Малаховымъ курганомъ, имѣвшимъ своимъ слѣдствіемъ паденіе Севастополя.

Этимъ оканчивается все, что интересно для русскихъ въ воспоминаніяхъ генерала Говонэ.

В. Т.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

(Соціологическій очеркъ).

ОТЯ для европейца вообще и для русскаго въ особенности выраженіе «свобода вѣроисповѣданія» и можетъ казаться достаточно яснымъ и опредѣленнымъ для охарактеризованія отношеній между церковью и государствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, однако это крайне общее, а потому и недостаточно опредѣленное выраженіе не даетъ еще яснаго и вразумительнаго понятія о существѣ этихъ отношеній.

Прежде всего самое понятіе «свободы вѣроисповѣданія» есть понятіе относительное, подвергшееся опредѣленному процессу историческаго развитія. Въ самой Англии, откуда перенесены были эмигрантами въ Новый Свѣтъ основныя правовыя понятія, а въ томъ числѣ и понятія объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, диссиденты первоначально добивались лишь простой вѣротерпимости. Добившись таковой, они требовали уже полной свободы вѣры и равенства всѣхъ вѣроисповѣданій, какъ своего неотъемлемаго права, самое наименованіе котораго лишь вѣротерпимостью признавалось ими кровнымъ оскорбленіемъ.

Когда въ 1776 году въ законодательномъ собраніи штата Виргиніи происходили дебаты по предмету выработки конституціи штата (вмѣсто прежней колониальной), то членъ собранія Джемсъ Мадисонъ (впоследствии президентъ) обратилъ вниманіе этого послѣдняго на то различіе, какое существуетъ въ дѣйствительности между при-

знаніемъ свободы вѣроисповѣданія, какъ абсолютнаго права, и простой вѣротерпимостью, заключающейся лишь въ допущеніи безпрепятственнаго выполненія религіозныхъ обрядовъ. Различіе это заключается въ томъ, что простая вѣротерпимость заключаетъ въ себѣ признаніе подвѣдомственности вѣроисповѣданій опредѣленной вышней власти, несомѣстимое съ понятіемъ свободы вѣры, какъ абсолютнаго права. Поэтому онъ, членъ собранія Джемсъ Мадисонъ, и предложилъ въ проектѣ штатной конституціи слова: «всѣ лица должны пользоваться полной вѣротерпимостью въ отправленіи своей религіи», замѣнить словами: «всѣ лица пользуются одинаковымъ правомъ на полное и свободное отправленіе своей религіи согласно велѣніямъ своей совѣсти». Не подлежитъ сомнѣнію, что такъ называемая вѣротерпимость заключаетъ въ существѣ своемъ предпочтеніе господствующаго вѣроисповѣданія всѣмъ прочимъ и извѣстное неодобреніе этихъ послѣднихъ и представляется лишь уступкой, которая во всякое время можетъ быть взята обратно, между тѣмъ какъ свобода вѣры представляется положительнымъ и при томъ неотъемлемымъ правомъ.

Для надлежащаго уразумѣнія отношеній между церковью и государствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ представляется необходимымъ прослѣдить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, ихъ историческое развитіе.

Тѣ тринадцать британскихъ колоній, которыя явились впоследствии первоначальнымъ ядромъ нынѣшней республики Соединенныхъ Штатовъ, были первоначально организованы на различныхъ началахъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи, въ то же время стигивая въ свои предѣлы иммигрантовъ разныхъ націй. Такъ называемая Новая Англія (колонія Массачузетсъ, Коннектикутъ и т. д.) представляла собой чистѣйшую теократію. Какъ извѣстно, пресловутый Winthrop (Винтропъ) и его сподвижники отплыли изъ Великобританіи въ Новую Англію съ прямой цѣлью основать теократическое государство, которое должно было для христіанъ явиться тѣмъ же, чѣмъ теократія Моисея, Исаи и Самуила являлась для евреевъ. Эта новая теократія, предположенная къ образованію на началахъ Новаго Завѣта, должна была составить объединенное политическое тѣло вѣрующихъ, въ которомъ самое право гражданства должно было совпадать съ принадлежностью къ данному вѣроисповѣданію. Въ этихъ колоніяхъ Новой Англіи общественное собраніе, церковное собраніе, публичная школа и милиція являлись основами ихъ государственно-общественнаго устройства. Народонаселеніе колоній Нью-Йорка и Нью-Джерсея составилось главнымъ образомъ изъ иммигрантовъ голландскаго происхожденія съ извѣстной примѣсью выходцевъ изъ Англіи. Поэтому основной характеристикой населенія этихъ колоній являлась стойкость убѣжденій, связанная съ отсутствіемъ энтузіазма и человѣческой

отзывчивости. Болѣе сложнымъ представлялось населеніе колоніи Пенсильваніи, составившееся изъ иммигрантовъ изъ разныхъ странъ европейскаго континента. Англійскія религіозныя понятія, постепенно насажденныя основателемъ колоніи Ренномъ, не остались безъ вліянія на этотъ своеобразный конгломератъ разныхъ европейскихъ національностей. Въ то время, какъ преобладающій элементъ колоніи Виргиніи былъ англійскаго происхожденія, не исключая и того коммерческаго общества, которое управляло этой колоніей, руководящіе элементы колоніи Южной Каролины состояли изъ людей, которые подобно руководящимъ людямъ Новой Англійи отличались твердостью убѣжденій и сильной приверженностью къ политическимъ теоріямъ. Такимъ образомъ тѣ общественные элементы, въ которыхъ ранѣе великой американской революціи сосредоточивалось политическое и общественное вліяніе, равно какъ и представительство тѣхъ или иныхъ религіозныхъ доктринъ, въ разныхъ колоніяхъ были различны.

Начиная съ колоніи Виргиніи, давшей странѣ столько выдающихся политическихъ дѣятелей, мы видимъ, что въ этой колоніи бразды правленія сосредоточивались въ рукахъ коммерческой компаніи, состоявшей изъ плантаторовъ и авантюристовъ, ею управлявшихъ отъ имени англійскаго короля. Колоніальный совѣтъ, назначаемый компаніей, находясь подъ контролемъ верховнаго совѣта въ Англійи, установилъ въ этой колоніи религіозный строй согласно доктринамъ и порядкамъ англійской церкви и такимъ образомъ создалъ въ ней аристократію и церковную іерархію. Диссиденты отправляли свои богослуженія съ извѣстными ограниченіями, и всѣ вообще обыватели колоніи подвергались обложенію определеннымъ налогомъ на содержаніе приходской церкви установленнаго вѣроисповѣданія. Пуритане были вовсе изгнаны изъ этой колоніи, а квакеры подвергались суровымъ наказаніямъ. Въ 1705 г. состоялся колоніальный законъ, гласившій: «Всякое лицо, воспитанное въ христіанской религіи, которое станетъ отрицать существованіе Бога или же Святой Троицы или утверждать, что существуетъ болѣе чѣмъ одинъ Богъ, отрицать истинность христіанской религіи или же божественное происхожденіе Священнаго Писанія, наказывается въ первый разъ лишеніемъ права занимать какую бы то ни было общественную должность, а за второе нарушеніе подобнаго рода лишеніемъ права предъявлять иски въ судахъ и получать подарки или же отказы по завѣщанію, которое можетъ быть замѣнено, по усмотрѣнію суда, трехлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ». Однако въ 1779 году принудительное обложеніе налогомъ на содержаніе церквей въ штатѣ (ранѣе колоніи) было отмѣнено, а въ 1785 году въ штатѣ (ранѣе колоніи) Виргиніи установлена была закономъ полная свобода вѣроисповѣданія.

Въ голландской колоніи Новыхъ Нидерландахъ, въ послѣдствіи превратившейся въ британскую колонію Нью-Йоркъ, издавна существовала значительная вѣротерпимость. Такъ какъ, однако, снабженіе колоніи проповѣдниками, наставниками и призрѣвателями больныхъ лежало на обязанности голландской коммерческой компаніи, управлявшей колоніей въ лицѣ назначаемаго ею губернатора, то этотъ послѣдній, подъ вліяніемъ излишняго рвенія въ пользу преобладающаго реформатскаго вѣроисповѣданія (въ то время господствующей религіи Соединенныхъ Нидерландовъ), впадалъ нерѣдко въ нѣкоторое преслѣдованіе иныхъ исповѣданій. За подобное излишнее рвеніе въ дѣлахъ религіозныхъ получено было губернаторомъ Новыхъ Нидерландовъ отъ амстердамскаго правительства въ 1640 году нижеслѣдующее внушеніе: «Совѣсть людей должна быть свободна до тѣхъ поръ, пока они остаются умѣренными и спокойными. Такова истина благоразумія и вѣротерпимости, какой власти Амстердама всегда руководствовались. Послѣдствіемъ ея примѣненія было то, что угнетенные и преслѣдуемые всѣхъ странъ нашли себѣ среди насъ убѣжище въ несчастіи. Слѣдуйте тому же порядку, и вы будете благословенны». Когда въ 1664 году Нью-Йоркъ былъ взятъ англичанами, то было объявлено постановленіе властей, гласящее: «Никакое лицо, исповѣдующее христіанство, не должно быть преслѣдуемо, штрафуемо или подвергаемо заключенію за различіе въ религіозныхъ убѣжденіяхъ». Однако въ 1686 году новопріобрѣтенная британская провинція Нью-Йоркъ, 22 года тому назадъ завоеванная у голландцевъ, была объявлена частью лондонской епископіи англиканской церкви и вошла такимъ образомъ въ составъ архіепископства кентерберійскаго. Первымъ послѣдствіемъ такого включенія было обложеніе всѣхъ обывателей провинціи безъ различія вѣроисповѣданій особымъ налогомъ на содержаніе епископальнаго (англиканскаго) духовенства. Въ 1706 году была послана населеніемъ провинціи Нью-Йоркъ особая петиція въ Лондонъ объ освобожденіи протестантовъ отъ налоговъ на содержаніе духовенства тѣхъ церквей, къ которымъ они принадлежатъ. Петиція эта была отвергнута англійскимъ правительствомъ. Въ 1759 году епископъ лондонскій объявилъ нижеслѣдующее: «Такъ какъ англиканская церковь установлена въ Америкѣ, то диссиденты и независимые, отправившіеся для поселенія въ (колоніяхъ) Новой Англіи, могутъ пользоваться лишь вѣротерпимостью». Однако въ 1777 году штатъ (ранѣе колонія) Нью-Йоркъ въ своей конституціи отмѣнилъ всѣ вообще акты колоніальнаго законодательства, которые «могли бы быть толкуемы, какъ установленіе и признаніе какого либо христіанскаго вѣроисповѣданія и его духовенства господствующими», въ то же время объявивъ, что «свободное исповѣданіе какой бы то ни было религіи и свободное отправленіе ея обрядовъ безъ всякаго различія или преимущества

навсегда предоставляются отнынь въ предѣлахъ этого штата всему человѣчеству».

Что касается теократическихъ колоній у сѣвернаго побережья Атлантическаго океана, тогда и досель извѣстныхъ подъ именемъ Новой Англіи, то колониальное правительство колоніи Массачузетса объявило, что «на будущія времена никто не долженъ быть допускаемъ въ составъ этого политическаго тѣла, кто не состоитъ членомъ той или иной изъ церквей въ ея предѣлахъ», а колонія Нью-Гевенъ приняла за правило, что «лишь члены церкви могутъ быть свободными гражданами». Однако, несмотря на это, синодъ церквей Новой Англіи въ 1648 году объявилъ, что «власти предержація не въ правѣ принуждать своихъ подданныхъ становиться членами церкви, и насколько представляется незаконнымъ со стороны церковныхъ властей вмѣшиваться въ дѣла управленія гражданскаго, настолько же представляется незаконнымъ со стороны властей гражданскихъ вмѣшиваться въ сферу дѣятельности властей церковныхъ въ надлежащемъ смыслѣ этого слова». Если, однако, представители пуританизма Новой Англіи, со всей его узкостью, холодностью, невѣжествомъ, нетерпимостью и звѣрствомъ, выражаются подобнымъ образомъ, то единственно потому, что подобными рѣшительными заявленіями объ отдѣленіи функцийъ властей церковныхъ отъ таковыхъ же властей гражданскихъ они стремились предотвратить насажденіе въ ихъ колоніяхъ господствующей церкви своей метрополии, т. е. англиканской. Объ этомъ какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ нижеслѣдующій актъ представительнаго собранія провинціи Массачузетса, состоявшійся въ 1768 году: «Установленіе протестантскаго епископата въ Америкѣ составляетъ нынь предметъ настоятельныхъ домогательствъ (въ Англіи). Подобныя домогательства возбуждаютъ серьезную тревогу среди народа, отцы котораго вынуждены были покинуть родную страну свою вслѣдствіе тягостей, какія претерѣвали они подъ гнетомъ этого учрежденія (епископата), и бѣжать въ необитаемыя страны, дабы мирно пользоваться своими гражданскими и вѣроисповѣдными правами. Мы уповаемъ на Бога, что онъ никогда не попуститъ установленія этого учрежденія (епископата) въ Америкѣ, и желаемъ, дабы вы (власти провинціи) всемѣрно сопротивлялись такому установленію». Представляется очевиднымъ, что представители деспотической и безчеловѣчной пуританской секты въ данномъ случаѣ прибѣгаютъ къ неискреннему и ханженскому провозглашенію принциповъ гражданской и религіозной свободы единственно ради огражденія собственнаго живота отъ напора болѣе сильнаго и могущественнаго вѣроисповѣданія, официальной или господствующей англиканской церкви Великобританіи.

Уставъ колоніи Родъ-Эйленда (1663 года) гласилъ: «Никакое лицо въ этой колоніи не можетъ быть подвергнуто какому либо

безпокойству, наказанію, недоѣданію или сомнѣнію по поводу его разногласія въ дѣлахъ вѣры, если только оно не нарушаетъ мира колоніи, а, наоборотъ, всѣ лица безъ всякаго исключенія навсегда отнынѣ получаютъ право имѣть собственныя сужденія и руководствоваться собственными убѣжденіями въ вопросахъ религіозныхъ».

Колонія Мерилендъ представляла собой едва ли не самый замѣчательный образецъ религіозной вѣротерпимости, почти граничившей съ религіозной свободой. Въ то время, какъ всѣ страны той эпохи имѣли законы о преслѣдованіи тѣхъ или иныхъ вѣроисповѣданій, согласно уставу этой колоніи ея губернаторъ при своемъ вступленіи на должность нижеслѣдующую присягу: «Я не буду—лично или при посредствѣ иныхъ лицъ—безпокоить какое бы то ни было лицо, объявляющее себя вѣрующимъ во Иисуса Христа, по поводу или по предмету его религіи». Какъ римско-католики, преслѣдуемые законами Англіи, такъ равно и разныя протестантскія исповѣданія, преслѣдуемыя иными протестантскими церквами, находили себѣ надежное убѣжище въ колоніи Мерилендѣ. Актомъ представительнаго собранія этой колоніи 1649 года было постановлено: «Такъ какъ принужденіе совѣсти въ дѣлахъ религіи часто оказывалось опаснымъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ оно практиковалось, то во избѣжаніе подобной опасности, а равно и съ цѣлью достигнуть спокойнаго и мирнаго управленія провинціей и наилучше сохранить взаимную любовь и пріязнь между ея обывателями, постановляется, что никакое лицо, объявляющее себя вѣрующимъ во Иисуса Христа, не можетъ быть подвергаемо какому бы то ни было безпокойству, непріятности или осужденію по поводу его или ея религіи или же свободнаго ея отправленія, или какимъ бы то ни было способомъ понуждаемо къ принятію иного исповѣданія или къ отправленію обрядовъ сего послѣдняго». По свидѣтельству извѣстнаго американскаго историка, Bancroft'a, «колонія Мерилендъ была обителью счастья и свободы. Человѣческая совѣсть не подвергалась здѣсь никакимъ ограниченіямъ. Умѣренный и свободомыслящій собственникъ согласился на всѣ мѣропріятія, какія требовались для блага колоніи. Внутреннее единство, усиленная иммиграція, производительная торговля и богатая почва, которую небо богато одарило рѣками и глубокими заливами, пополняли картину колониальнаго благоденствія» (Bancroft's History of the United States, vol. I, c. 7).

Если такимъ образомъ отношенія между церковью и государствомъ въ этихъ тринадцати британскихъ колоніяхъ до великой американской революціи, закончившейся образованіемъ республики Соединенныхъ Штатовъ, были различны, то зато передовые ихъ умы всегда неизмѣнно высказывались въ пользу полной религіозной свободы. Такъ, основатель колоніи Родъ-Эйленда, извѣстный Роджеръ

Вильямсъ (Roger Williams), въ 1655 году еще въ публичной прокламаціи высказывается нижеслѣдующимъ образомъ: «Много кораблей пускается въ море, неся на себѣ по нѣскольку сотъ душъ каждый, которыхъ горе и радости представляются общими. Подобный корабль представляетъ собою истинную картину человѣческаго общества. Случается, что паписты и протестанты, евреи и турки садятся на одинъ и тотъ же корабль. Какъ и во всѣхъ моихъ предстательствахъ о свободѣ совѣсти, я утверждаю, что ни папистъ, ни протестантъ, ни еврей, ни турокъ не могутъ быть принуждаемы являться къ публичному богослуженію на кораблѣ или воздерживаться отъ отправленія собственныхъ своихъ богомоленій, если они обладаютъ таковыми. Я никогда не отрицалъ, однако, что, несмотря на такую свободу, командиръ корабля долженъ направлять курсъ его, равно какъ требовать сохраненія справедливости, мира и трезвости, какъ отъ своего экипажа, такъ и отъ всѣхъ пассажировъ. Если кто либо изъ матросовъ отказывается отъ исполненія своихъ обязанностей, или же кто либо изъ пассажировъ отъ уплаты проѣздной платы; если кто бы то ни было на кораблѣ отказывается отъ принятія личнаго или денежнаго участія въ его защитѣ; если кто бы то ни было на немъ отказывается отъ повиновенія общимъ законамъ или распоряженіямъ по кораблю, направленнымъ къ огражденію общаго мира или къ самосохраненію; если кто бы то ни было на немъ взбунтуется и возстанетъ противъ командировъ и должностныхъ его лицъ; если кто либо станетъ проповѣдывать или писать, что не должно быть ни командировъ, ни должностныхъ лицъ, ибо всѣ, молъ, равны во Христѣ, а потому не должно существовать ни начальниковъ, ни должностныхъ лицъ, ни законовъ, ни распоряженій, ни наказаній, ни исправительныхъ мѣръ; то въ подобныхъ случаяхъ—чего я никогда не отрицалъ—начальникъ или начальники судна имѣютъ право судить, сопротивляться, понуждать и наказывать нарушителей по ихъ заслугамъ. Эти соображенія, будучи серьезно и честно взвѣшены, могутъ, если такъ будетъ угодно Отцу Свѣта, пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ предметъ для тѣхъ, кто умышленно не закрываетъ глазъ». Много позже знаменитый Томасъ Джефферсонъ, авторъ «Декларации независимости», впоследствии министръ иностранныхъ дѣлъ, вице-президентъ и наконецъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ: «Никто не можетъ быть принуждаемъ являться къ какому бы то ни было богослуженію или поддерживать своими платежами какую бы то ни было церковь или какое бы то ни было духовенство; равнымъ образомъ никто не можетъ быть подвергаемъ какимъ бы то ни было понужденіямъ, ограниченіямъ, безпокойствамъ или обремененіямъ ни въ личномъ, ни въ имущественномъ отношеніи или же испытывать какія бы то ни было невзгоды вслѣдствіе своихъ

религіозныхъ убѣжденій или же своего невѣрія. Насбороть, всѣ должны быть свободны какъ вѣровать, такъ и поддерживать свою вѣру всяческими аргументами, и такая вѣра и такое ея поддержаніе не должны никоимъ образомъ ни уменьшать, ни увеличивать ихъ гражданскую правоспособность и вообще оказывать какое бы то ни было вліяніе на эту послѣднюю» (Jefferson's Works, VIII, p. 454).

Я позволилъ себѣ нѣсколько остановиться на ходѣ историческаго развитія отношеній между церковью и государствомъ въ тринадцати британскихъ колоніяхъ, впоследствии образовавшихъ республику Соединенныхъ Штатовъ, для того, чтобы показать русскому читателю, который не можетъ особенно интересоваться этой исторіей, какъ выдающіеся государственные и общественные дѣятели этихъ колоній, пользовавшихся почти полной государственной независимостью, находясь въ существенно различныхъ условіяхъ интеллектуальнаго роста и экономическаго развитія, стали постепенно приходить къ сознанию необходимости устраненія религіозныхъ разногласій ради собственнаго преуспѣянія въ политическомъ, общественномъ и экономическомъ отношеніи и своего взаимнаго объединенія. Такимъ образомъ религіозная свобода, утвердившаяся въ этой странѣ, представляется не незрѣлымъ лишь опытомъ приложенія обстрактной теоріи, а принципомъ чисто пракческаго свойства, проистекшимъ изъ продолжительнаго опыта. Движеніе въ пользу установленія полной религіозной свободы посредствомъ отдѣленія церкви отъ государства, начавшись еще до объявленія независимости тринадцати британскихъ колоній отъ своей метрополии (1776 г.), съ объявленіемъ такой независимости вступило на путь быстрого развитія.

Знаменитая конституція Соединенныхъ Штатовъ (утверждена учредительными собраніями тринадцати первоначальныхъ штатовъ въ 1787 — 1790 годахъ) гласитъ, что «вѣроисповѣданіе никогда впредь не можетъ служить условіемъ или препятствіемъ къ занятію какой бы то ни было должности или общественнаго поста въ Соединенныхъ Штатахъ» (ст. VII, п. 3), а первое къ таковой приложеніе (вошедшее въ законную силу и публично объявленное въ декабрь 1791 года) постановляетъ: «Конгрессъ не можетъ издать закона, устанавливающаго какую бы то ни было религію или воспрепятствующаго свободное отправленіе таковой». Если при этомъ принять во вниманіе, что согласно четырнадцатому приложенію къ той же конституціи (вошедшему въ законную силу и публично объявленному въ іюль 1868 г.) «никакой штатъ не можетъ издать или ввести въ дѣйствіе закона, ограничивающаго права и преимущества гражданъ Соединенныхъ Штатовъ», то нельзя не видѣть, что въ этой странѣ дѣйствительно существуетъ полная свобода совѣсти: не свобода лишь религіозныхъ мнѣній, а нѣчто гораздо

большее—полная свобода вѣры. Въ то время, какъ свобода религіозныхъ мнѣній существуетъ повсюду, даже при деспотическомъ правительствѣ, и въ сущности находится внѣ области закона, который имѣетъ дѣло лишь съ открытыми дѣйствіями, свобода вѣры заключаетъ въ себѣ свободу отправленія публичныхъ богослуженій, свободу примѣненія вѣроисповѣдной дисциплины и свободу всякаго иного активнаго проявленія своей религіи. Такъ какъ воспрещеніе устанавливать какую бы то ни было религію, заключающееся въ первомъ приложеніи къ американской конституціи, мной выше буквально приведенномъ, вслѣдствіе своеобразной формы выраженія, почти не переводимой на русскій языкъ, для русскаго читателя можетъ оказаться несовсѣмъ понятнымъ, то неизлишне будетъ привести здѣсь одинъ изъ многочисленныхъ проектовъ означеннаго приложенія къ федеральной конституціи, предложенныхъ учредительными собраніями разныхъ штатовъ. Такъ проектъ этого приложенія, внесенный въ учредительное собраніе штата Виргиніи извѣстнымъ Джемсомъ Мадисономъ (впослѣдствіи президентомъ Соединенныхъ Штатовъ) и единогласно принятый собраніемъ, какъ его officialный законопроектъ, гласилъ: «Никакое лицо не можетъ быть ограничено въ своихъ гражданскихъ правахъ его по причинѣ религіозныхъ вѣрованій или его участія въ какихъ бы то ни было богослуженіяхъ. Равнымъ образомъ не можетъ быть установлено никакой національной религіи. Точно также полныя и для всѣхъ равныя права совѣсти не могутъ быть нарушаемы ни подъ какимъ предлогомъ и никакимъ способомъ». Изъ приведеннаго проекта перваго приложенія для русскаго читателя становится вполне яснымъ, что таковое въ томъ видѣ, въ какомъ оно принято всѣми штатами и опубликовано въ 1791 году, то-есть въ томъ видѣ, въ какомъ оно стоитъ въ нынѣшней конституціи Соединенныхъ Штатовъ, навсегда воспрещаетъ установленіе въ этой странѣ какой бы то ни было такъ называемой національной религіи, то-есть, выражаясь точнѣе по-русски, государственной религіи, господствующаго вѣроисповѣданія. Представляется какъ вполне достопримѣчательнымъ, такъ равно и въ высокой степени назидательнымъ, что въ своихъ «сочиненіяхъ» Томасъ Джефферсонъ, авторъ «Декларации независимости», а впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ, вице-президентъ и президентъ Соединенныхъ Штатовъ, поясняетъ нижеслѣдующее: «Выраженіе «религія», какъ таковое, употреблялось въ раннихъ officialныхъ документахъ республики и обнимало собой всѣхъ—какъ вѣрующихъ въ Библию, такъ и въ нее не вѣрующихъ».

Не слѣдуетъ забывать, однако, что въ «странѣ свободы» существуетъ дуализмъ государственнаго устройства, что въ ней дѣйствуютъ одновременно и въ предѣлахъ одной и той же территоріи два государственныхъ суверенитета: суверенитетъ національный,

федеральный, суверенитетъ Соединенныхъ Штатовъ, и суверенитетъ мѣстный, суверенитетъ отдѣльнаго штата. Какъ я упоминалъ уже выше, движеніе въ пользу полной религіозной свободы и полной вѣроисповѣдной равноправности началось уже до великой американской революціи. Практическій опытъ отдѣльныхъ колоній, въ которыхъ предоставлены были разныя преимущества опредѣленнымъ вѣроисповѣданіямъ, создалъ не только въ обывателяхъ этихъ колоній, но и среди населенія всѣхъ прочихъ изъ нихъ такое недовольство единствомъ церкви и государства, что повсюду начались и прочно утвердились настоятельныя стремленія къ отдѣленію ихъ другъ отъ друга. Такъ какъ всѣ эти старыя, колониальныя законодательства объ отношеніяхъ церкви къ государству хотя и представлялись болѣе либеральными, чѣмъ законодательства всѣхъ прочихъ цивилизованныхъ странъ того времени, не исключая самой Англій, по тому же предмету, тѣмъ не менѣе представляли собою извѣстныя черты вѣроисповѣдной неравноправности, то съ объявленіемъ независимости колоній отъ метрополіи народъ нововозникавшихъ Соединенныхъ Штатовъ прежде всего желалъ, чтобы въ федеральную конституцію введена была специальная статья, гарантирующая всѣмъ и каждому полную свободу вѣры и полную равноправность его вѣроисповѣданія со всѣми прочими. Такимъ образомъ, выше разсмотрѣнное первое приложение къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ было, несомнѣнно, выраженіемъ всенароднаго желанія и національнаго убѣжденія. Представляется поэтому вполне естественнымъ, что то же желаніе и то же убѣжденіе нашли себѣ должное выраженіе и въ конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ, тѣмъ болѣе, что федеральная конституція уже представляла собою важный и весьма ободрительный прецедентъ въ этомъ отношеніи. Всѣ эти штатныя конституціи, которыя по сравненію съ прежними колониальными конституціями представляли большой шагъ впередъ во всѣхъ отношеніяхъ и являлись вообще болѣе демократическими, заключаютъ въ себѣ въ той или иной формѣ признаніе и установленіе на будущія времена двухъ основныхъ принциповъ государственнаго устройства, а именно: во-первыхъ, свободное отиравленіе обязанностей и обрядовъ своей религіи предоставляется всѣмъ обывателямъ каждаго штата; во-вторыхъ, вѣроисповѣданіе не можетъ имѣть никакого вліянія на занятіе той или иной должности.

Такъ, конституція штата Алабамы объявляетъ, что никакая религія не можетъ быть установлена закономъ, и никакой религіозной сектѣ не можетъ быть оказываемо никакого преимущества. Конституція штата Арканзаса постановляетъ, что всякая религіозная секта должна пользоваться огражденіемъ законовъ въ примѣненіи собственныхъ ея способовъ исполненія религіозныхъ обязанностей. По конституціи штата Калифорніи въ немъ навсегда допу-

скается свободное исполненіе религіозныхъ обязанностей и свободное совершеніе религіозныхъ обрядовъ безъ всякаго различія или преимущества. По конституціи штата Коннектикута всѣ граждане имѣютъ право отправлять свои религіозныя обязанности способами, наиболѣе отвѣчающими велѣніямъ ихъ совѣсти. По конституціи штата Флориды свободное отправленіе религіозныхъ обязанностей навсегда дозволяется въ его предѣлахъ. Конституція штата Индіаны объявляетъ, что никакого преимущества не можетъ быть оказываемо никакому вѣроисповѣданію. По конституціи штата Айовы (Iowa) никогда не можетъ быть издано закона, устанавливающаго какую бы то ни было религію или воспреещающаго отправленіе какой бы то ни было религіи. По конституціи штата Делавера не можетъ имѣть мѣста никакое вмѣшательство въ права совѣсти въ дѣлѣ отправленія религіи. По конституціи штата Канзаса право служенія Богу, согласно велѣніямъ совѣсти, никогда не можетъ быть какимъ бы то ни было образомъ нарушено. Конституція штата Нью-Гемпшира гласитъ, что каждое лицо имѣетъ право служить Богу согласно велѣніямъ собственной своей совѣсти и разума, и никакое лицо не можетъ никогда быть ограничено въ осуществленіи такого права. По конституціи Родъ-Эйленда всякій человекъ воленъ служить Богу согласно велѣніямъ собственной своей совѣсти. По конституціи Южной Каролины никакое лицо не можетъ быть лишено права служить Богу согласно велѣніямъ собственной своей совѣсти. По конституціи Теннесси никакого преимущества не можетъ быть оказываемо какому бы то ни было религіозному установленію или способу богослуженія. Ограничиваясь вышеприведенными, наиболѣе выразительными опредѣленіями штатныхъ конституцій по предмету отношеній между государствомъ и церковью, я долженъ указать, однако, на то обстоятельство, что при всемъ различіи въ способахъ выраженія всѣ онѣ неизмѣнно и со всей положительностью устанавливаютъ въ предѣлахъ своего дѣйствія свободу вѣры и вѣроисповѣдную равноправность.

Такъ какъ ни законы Соединенныхъ Штатовъ, ни законы отдѣльныхъ штатовъ въ отношеніи вѣроисповѣдныхъ или религіозныхъ правъ не дѣлаютъ никакого различія между американскими гражданами и иностранцами, то всѣ вообще иностранные подданные и граждане, пребывающіе въ предѣлахъ этой страны, пользуются точно также полной религіозной свободой и вѣроисповѣдной равноправностью со всѣми ея обывателями.

Въ своихъ сношеніяхъ и отношеніяхъ съ иностранными государствами республика Соединенныхъ Штатовъ всегда и всюду всемирно стремилась обезпечить своимъ гражданамъ свободу вѣроисповѣданія особыми трактатами. Такъ, первый договоръ этого рода, заключенный новорожденной республикою въ самый годъ объявленія бывшими британскими колоніями политической своей

независимости (1776), т. е. много ранѣ созданія знаменитой конституціи Соединенныхъ Штатовъ, договоръ съ Тунисомъ, гласитъ: «Такъ какъ правительство Соединенныхъ Штатовъ не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей враждебности къ законамъ, религіи или спокойствію мусульманъ, и такъ какъ эти Штаты никогда не вступали въ войну и не открывали враждебныхъ дѣйствій противъ какой бы то ни было магометанской націи, то договаривающимися сторонами объявляется, что различіе въ религіозныхъ мнѣніяхъ никогда и ни по какому поводу не можетъ служить причиной нарушенія существующаго между этими двумя странами согласія». Международный трактатъ, въ 1782 году заключенный между Соединенными Штатами и Нидерландами, гласитъ: «Полная и совершенная свобода совѣсти предоставляется подданнымъ обывателямъ обѣихъ договаривающихся сторонъ и ихъ семействамъ, а равно никто не можетъ подвергаться какому бы то ни было неудобствамъ по поводу его вѣроисповѣданія». Трактатъ, заключенный между Соединенными Штатами и Пруссіей въ 1785 году, гласитъ: «Полнѣйшая свобода совѣсти и вѣроисповѣданія предоставляется гражданамъ или подданнымъ обѣихъ договаривающихся сторонъ въ предѣлахъ юрисдикціи каждой изъ нихъ». Трактатъ, въ 1783 году заключенный между Соединенными Штатами и Швеціей, гласитъ: «Полнѣйшая и совершенная свобода совѣсти предоставляется обывателямъ и подданнымъ каждой изъ договаривающихся сторонъ, и никакое лицо не можетъ быть безпокоймо по поводу его вѣроисповѣданія». Договоръ, въ 1816 году заключенный между Соединенными Штатами и Алжиромъ, гласитъ: «Такъ какъ правительство Соединенныхъ Штатовъ не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей враждебности къ законамъ, религіи или спокойствію какой бы то ни было націи, а равно эти Штаты никогда не вступали во враждебныя дѣйствія противъ какой бы то ни было націи, за исключеніемъ случаевъ защиты своихъ истинныхъ правъ на моряхъ, то объявляется договаривающимися сторонами, что различіе въ религіозныхъ воззрѣніяхъ никогда и ни по какому поводу не можетъ служить причиной нарушенія существующаго между двумя сторонами согласія». Трактатъ, въ 1853 году заключенный между Соединенными Штатами и Аргентинской республикой, гласитъ: «Граждане Соединенныхъ Штатовъ и граждане Аргентинской конфедераціи, пребывающіе на территоріи другой изъ договаривающихся сторонъ, не могутъ подвергаться безпокойству, вторженію или обвиненію по поводу своихъ религіозныхъ вѣрованій или надлежащаго отправления обязанностей своего вѣроисповѣданія». Не признавая возможнымъ обременять русскаго читателя дальнѣйшимъ приведеніемъ въ подлинникъ отдѣльныхъ статей различныхъ трактатовъ, въ разное время заключенныхъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ съ равными державами, которыми обезпечивается амери-

канскимъ гражданамъ, пребывающимъ въ чужихъ земляхъ, свобода вѣроисповѣданія, ограничусь лишь указаніемъ общаго характера и значенія этихъ гарантирующихъ статей. Статьи эти представляются спеціальными статьями, включенными въ разные международные трактаты, заключенные Соединенными Штатами, именно съ цѣлью обезпеченія за своими гражданами внѣ предѣловъ страны свободы совѣсти и вѣроисповѣданія. Статьи эти, обезпечивая за американскими гражданами, пребывающими въ иностранныхъ государствахъ, права свободы вѣры и отправленія богослуженія, взаимно предоставляютъ такія же права иностраннымъ гражданамъ и подданнымъ, пребывающимъ въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ. Единственное въ этомъ отношеніи исключеніе представляютъ договоры съ Японіей, Мадагаскаромъ и Сіамомъ, въ которыхъ не выговариваются права свободы вѣроисповѣданія и богослуженія для японцевъ, мадагаскарцевъ и сіамцевъ, пребывающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Изъ вышеизложеннаго обнаруживается, что, повидимому, съ полнымъ отдѣленіемъ церкви отъ государства, воспослѣдовавшимъ въ Соединенныхъ Штатахъ вслѣдъ за вступленіемъ новорожденной республики въ семью народовъ или же вскорѣ по такомъ вступленіи, церковь, или, точнѣе говоря, разныя церкви въ этой странѣ совершенно обезпечены отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣла со стороны государства, т.-е. органовъ государственной власти. Не слѣдуетъ забывать, однако, что старинныя законы объ обязательномъ для всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій празднованіи воскреснаго дня, или, точнѣе говоря, соблюденіи воскреснаго ничегонедѣланія, поддерживаемомъ мѣрами карательными, законы, проистекшіе изъ прежняго единства церкви и государства, не только сохранены въ законодательствахъ всѣхъ почти штатовъ, но даже для территорій, не возведенныхъ еще на степень штатовъ и находящихся подъ непосредственнымъ законодательнымъ вѣдѣніемъ конгресса, введены въ федеральное законодательство. Такимъ образомъ, отдѣленіе церкви отъ государства въ Соединенныхъ Штатахъ далеко не представляется еще полнымъ. Иной крайне существенной чертой отдѣленія церкви отъ государства представляется въ принципѣ прекращеніе или пресѣченіе преподаванія религіи, или такъ называемаго Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ. Хотя подобнаго преподаванія въ строгомъ смыслѣ слова въ учебныхъ заведеніяхъ по всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ не существуетъ, а ведется оно лишь въ безчисленныхъ воскресныхъ школахъ страны, тѣмъ не менѣе, однако, чтеніе Библии въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ ихъ учителями, сопровождающееся толкованіемъ прочитаннаго, приближается въ извѣстной степени къ преподаванію религіи, или Закона Божія. Подобное чтеніе отдѣльныхъ главъ или мѣстъ Библии, сопровождающееся ихъ толкованіемъ,

нерѣдко предпринималось и предпринимается учителями американскихъ учебныхъ заведеній, наиглавнѣйшимъ образомъ низшихъ, по собственной ихъ инициативѣ и свободному ихъ желанію. Такое преподавательское волонтерство въ области вѣроучительной встрѣчало и встрѣчаетъ неодобреніе среди наиболѣе прогрессивныхъ элементовъ мѣстнаго общества, все болѣе и болѣе учащающееся. Результатомъ подобнаго неодобренія были нерѣдкіе конфликты между извѣстными, болѣе или менѣе численными группами мѣстнаго общества и преподавателями публичныхъ школъ, иногда доходившіе до разсмотрѣнія властей—судебныхъ и административныхъ. Такъ, всего лишь около года тому назадъ генераль-прокуроръ штата Калифорніи, по требованію губернатора штата, далъ заключеніе, что не только изученіе Библии въ публичныхъ школахъ штата, но даже простое чтеніе изъ нея предъ открытіемъ ежедневныхъ занятій (являющееся чѣмъ-то въ родѣ молигвословія) представляется противнымъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ и потому не должно быть допускаемо. Равнымъ образомъ, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ высшій судъ штата Небраски издалъ такъ называемое приказаніе на имя учительницы окружной школы графства Gage прекратить чтеніе Библии своимъ ученикамъ, такъ какъ «сектантскія познанія не должны быть сообщаемы въ публичныхъ школахъ».

Если, такимъ образомъ, конституція Соединенныхъ Штатовъ, равно какъ и въ болѣе или меньшей степени конституціи отдѣльныхъ штатовъ, ограждаетъ какъ отдѣльныхъ гражданъ, такъ и ихъ религіозныя общества, такъ наконецъ и цѣлыя вѣроисповѣданія съ ихъ церквами и церковными учрежденіями отъ вторженія государственныхъ властей въ область дѣлъ чисто церковныхъ и вѣроисповѣдныхъ, то, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы государство въ «странѣ свободы» было ограждено отъ вторженія духовенства и учрежденій церковныхъ и вѣроисповѣдныхъ въ область дѣлъ государственныхъ и общественныхъ. Хотя конституція Соединенныхъ Штатовъ, по точному своему смыслу и въ полномъ своемъ примѣненіи, ограждаетъ какъ церковь отъ вмѣшательства государства, такъ и государство отъ вмѣшательства церкви и устанавливаетъ между ними отношенія дружественной независимости другъ отъ друга, обратная, такъ сказать, сторона этого принципа отдѣленія церкви отъ государства, выражающаяся въ недопущеніи вмѣшательства церкви въ дѣла государственныйя, въ этой странѣ остается въ черезчуръ значительной степени мертвой буквой. Вѣроисповѣдныя и между вѣроисповѣдныя сообщества американскаго духовенства, а вслѣдъ за ними безчисленныя такъ называемыя «христіанскія» общества разныхъ наименованій и назначеній, являющіяся въ существѣ своемъ организаціями чисто вѣроисповѣдными и состоящія наиглавнѣйшимъ образомъ изъ лицъ духовныхъ

и женщинъ, являющихся ихъ слѣпными орудіями, безпрерывно предъявляютъ къ законодательнымъ и административнымъ властямъ, какъ федеральнымъ, такъ и штатнымъ, безконечныя требованія разныхъ «реформъ», являющихся неизмѣнно реформами съ другой стороны, направленными къ ограниченію и даже прямому поправію нравственной независимости и законной свободы американскихъ гражданъ. Къ сожалѣнію, а, пожалуй, и къ изумленію европейскаго, а въ особенности русскаго читателя, необходимо сказать, что всѣ подобныя требованія встрѣчаются какъ законодательными палатами, такъ и административными властями, какъ федеральными, такъ и штатными, обыкновенно вполне благопріятнымъ образомъ. Такимъ образомъ, американское законодательство и американское управленіе все болѣе и болѣе поддаются подвѣяннію и воздѣйствію религіозныхъ понятій, церковныхъ воззрѣній или, выражаясь языкомъ американскаго конституціоннаго законодательства, «сектантскихъ доктринъ». Подобное глубоко прискорбное государственно-общественное явленіе, для европейца и въ особенности для русскаго представляющееся совершенно непостижимымъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, хотя въ моментъ необычайно высокаго подъема интеллектуальнаго уровня американскихъ народныхъ массъ, непосредственно слѣдовавшій за великой революціей, немногимъ наиболее передовымъ умамъ и удалось принципъ отдѣленія церкви отъ государства сдѣлать «національнымъ убѣжденіемъ» и воплотить въ федеральную конституцію, откуда онъ проникъ уже въ конституціи отдѣльныхъ штатовъ, однако американскій народъ въ его цѣлокупности и до сего еще времени, т.-е. свыше столѣтія спустя, не доросъ до полного разумѣнія и надлежащаго осуществленія этого вѣждительнаго государственнаго принципа.

Е. Н. Матросовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Проф. П. Е. Казанскій. Мнѣніе о диссертациі А. Г. Тимоѣева «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ». Одесса. 1905. — Проф. А. Я. Шпаковъ. Отзывъ о диссертациі приваѣ-доцента А. Г. Тимоѣева «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ». Одесса. 1905.

А 9-го въ Новороссійскомъ университетѣ произошелъ необычайный диспутъ, не имѣющій по своей обстановкѣ ничего подобнаго въ лѣтописяхъ русской университетской жизни. По словамъ репортера «Одесскихъ Новостей» (№ 6642) и корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 8824), диспутъ закончился въ 10³/₄ ч. вечера! Ужъ одна эта продолжительность его — прямо небывалая. Нужно только удивляться рвенію оппонентовъ, подвергшихъ подобному истязанію диспутанта, и выносливости послѣдняго. Другая особенность диспута — это непосредственное, активное участіе въ немъ публики. Такъ, публика обсуждала недостатки работы диспутанта и «единогласно постановила», что послѣдній не заслуживаетъ ученой степени! Подобный вотумъ публики уже совсѣмъ нѣчто новое и свидѣтельствуетъ въ пользу замѣчательной ученой компетентности одесситовъ. Наконецъ, когда диспутъ закончился присужденіемъ диспутанту ученой степени со стороны факультета, т.-е. вопреки вотума публики, то послѣдняя произвела «невообразимый шумъ», разбила стекла и поломала мебель, кромѣ того, «устремилась» вслѣдъ за диспутантомъ («Одесскія Новости», № 6642). По словамъ репортера «Одесскихъ Но-

востей», на диспутъ происходила борьба двухъ университетскихъ партій: партіи «компромиссовъ» и партіи «свободы науки въ свободномъ обществѣ». Мы глубоко убѣждены, что подобное утвержденіе репортера ни на чемъ не основано, такъ какъ сторонники свободы, конечно, не стали бы производить дебатовъ и проявлять грубое насиліе. Поведеніе публики, какъ справедливо замѣтила газета «Русь» (№ 126) при описаніи этого диспута, было «безобразно», и... упаси насъ Боже отъ подобной «свободы».

Объ брошюры, названія которыхъ выписаны выше, являются отзвуками этого печальнаго диспута. Предметъ изученія обѣихъ составляетъ сочиненіе г. Тимоеева, съ отзывомъ о которомъ знакомы читатели «Историческаго Вѣстника» (см. февральскую книжку за этотъ годъ). Подробно разбирая работу г. Тимоеева, оба автора, однако, приходятъ къ противоположнымъ выводамъ. Проф. Казанскій считаетъ рецензируемое имъ сочиненіе «вполнѣ серьезнымъ научнымъ трудомъ и полезнымъ вкладомъ въ исторію русскаго уголовного права» (стр. 58). Работа эта, по мнѣнію г. Казанскаго, «является самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, оставляющимъ позади себя все, что было сдѣлано раньше» (стр. 31). Мало того, «въ основаніе своего изслѣдованія г. Тимоеевъ положилъ широкое изученіе источниковъ положительнаго права, и въ этомъ отношеніи продѣланный имъ трудъ положительно поражаетъ читателя своею громадностью» (стр. 19). Проф. Казанскій считаетъ необходимымъ подчеркнуть фактъ работы г. Тимоеева надъ архивнымъ матеріаломъ, «частію не обнародованнымъ и даже не напечатаннымъ» (стр. 21). По мнѣнію рецензента, «было бы явною несправедливостью, если бы автору было отказано въ ученой степени» (стр. 58). Всѣ свои утвержденія почтенный рецензентъ всегда обосновываетъ данными, почерпнутыми какъ изъ рецензируемой книги, такъ и изъ всей литературы вопроса, а равно и изъ обширнаго актовaго матеріала. Поэтому мнѣнія г. Казанскаго всегда подробно аргументируются и весьма доказательны. Вообще отзывъ его написанъ вполнѣ объективно, съ большимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью. Мы безусловно присоединяемся къ нему.

Напротивъ, проф. Шаковъ приходитъ къ совершенно другимъ заключеніямъ. Отзывъ его поражаетъ своею суровостью. Въ рецензируемой имъ книгѣ онъ не находитъ ни одной положительной черты. Такъ, авторъ, по его мнѣнію, «не изслѣдовалъ научно» много «сложныхъ и трудныхъ» вопросовъ, другіе же «основные» вопросы поняты имъ «ошибочно и односторонне». Затѣмъ «характеръ серьезнаго научнаго изслѣдованія часто отсутствуетъ въ работѣ г. Тимоеева». Наконецъ, «знакомство его съ законодательнымъ, лѣтописнымъ и актовымъ матеріаломъ», а равно и «пользованіе имъ таковымъ возбуждаютъ невольныя сомнѣнія». Въ виду всего этого, г. Шаковъ «долженъ признать работу вполнѣ неудовлетворительной, а автора ея — недостойнымъ искомой ученой степени» (стр. 44). Скажемъ прямо: намъ рѣдко приходилось встрѣчаться съ такимъ строгимъ и въ то же время такъ мало обоснованнымъ приговоромъ, какой вынесъ г. Тимоееву проф. Шаковъ. Цѣлый рядъ утверждений почтеннаго ученаго отличается голословностью и полною недоказанностью. Такъ, на стр. 2 авторъ «Исторіи тѣлесныхъ наказаній» обвиняется въ «непониманіи истинныхъ задачъ и свойствъ историко-сравнительнаго метода» и въ

«имѣннiи довольно смутныхъ понятiй о немъ», но при этомъ забывается одна весьма существенная вещь, а именно мотивировка указаннаго положенiя. Мало бросить столь тяжкое обвиненiе въ лицо, надо еще его доказать, а доказательствъ-то и нѣтъ. Точно также на стр. 13 говорится, что въ цитатѣ изъ 73 ст. Карамзинскаго списка Русской Правды авторъ дѣлаетъ пять ошибокъ, но при этомъ не указывается—какія, или на стр. 41 авторъ обвиняется въ совершенiи четырехъ ошибокъ при цитированiи ст. 133 X-ой гл. Уложенiя, но указанiе на эти ошибки слова отсутствуетъ. А между тѣмъ, если бы г. Шаковъ ихъ привелъ, то въ результатѣ оказалась бы необходимость назвать «ошибки» простыми опечатками. На стр. 42 г. Шаковъ, опять таки безъ всякаго обоснованiя, называетъ третiй отдѣлъ книги г. Тимоѣева «лпшеннымъ научнаго значенiя» и имѣющимъ «всамостоятельный характеръ». Мало того, здѣсь же г. Тимоѣевъ обвиняется въ «весьма слабomъ и поверхностномъ ознакомленiи съ законодательнымъ матеріаломъ», между тѣмъ единственнымъ доводомъ въ пользу такого рѣзкаго сужденiя является списокъ опечатокъ, приводимый г. Шаковымъ изъ рецензируемой имъ книги. Полагаемъ, что такой доводъ едва ли можетъ претендовать на какое либо научное значенiе и особенную доказательность.

Со многими другими мнѣнiями проф. Шакова безусловно нельзя согласиться. Такъ, онъ обвиняетъ г. Тимоѣева въ присоединенiи къ старымъ воззрѣнiямъ Карамзина и Костомарова относительно причинъ усиленiя княжеской власти и въ игнорированiи новѣйшихъ мнѣнiй по этому вопросу (стр. 14—15), забывая, что послѣднiй совѣтъ не интересуется г. Тимоѣева, и что онъ говоритъ о немъ только вскользь, буквально въ трехъ строчкахъ. Точно также крайне странны обвиненiя автора книги, посвященной исторiи тѣлесныхъ наказанiй, въ игнорированiи имъ исторiи составленiя и обзора источниковъ Военскаго устава Петра Великаго. На цѣлыхъ семи страницахъ своего «Отзыва» (стр. 27—33) г. Шаковъ, пользуясь трудами покойнаго Бобровскаго, пересказываетъ исторiю Военскаго устава. Но спрашивается, какое все это имѣетъ отношенiе къ темѣ, избранной г. Тимоѣевымъ? Идя по пути, проложенному проф. Шаковымъ, мы можемъ предъявить г. Тимоѣеву и другія обвиненiя, а именно: почему онъ не изложилъ исторiи составленiя Уложенiя 1649 г., Наказа Екатерины II, Свода Законовъ и остальныхъ законодательныхъ памятниковъ, а также почему не далъ обзора источниковъ Русской Правды, обонхъ Судебниковъ, Уставной книги Разбойнаго приказа и т. д.? Но будутъ ли справедливы подобныя обвиненiя, это — другой вопросъ.

Указывая автору разбираемой имъ книги на недостаточное знакомство его съ первоисточниками, проф. Шаковъ иногда обвиняетъ его въ обратномъ, а именно въ чрезмѣрномъ ознакомленiи съ источниками. Такъ, неоднократно онъ ставитъ въ вину г. Тимоѣеву то, за что его слѣдовало бы похвалить, а именно за подробное и обстоятельное ознакомленiе съ мемуарами и воспомнанiями современниковъ (стр. 34, 39 и 41). Невольно вспоминается поговорка о перевертыванiи и битъѣ. Но не разъ г. Шаковъ обвиняетъ своего противника и въ серьезныхъ проступкахъ. Такъ, на стр. 43 г. Тимоѣевъ обвиняется въ пользованiи извѣстнымъ трудомъ Котошихина изъ вторыхъ рукъ, а именно

по работѣ проф. Сергѣевского о наказаніи въ русскомъ правѣ XVII стол. «Все это, — замѣчаетъ г. Шпаковъ, — краснорѣчиво свидѣтельствуетъ одоброчаственности научныхъ приѣмовъ автора и совершенно не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ» (стр. 43). Считаемъ долгомъ энергично протестовать противъ подобнаго обвиненія. Какъ видно изъ книгъ г. г. Сергѣевского и Тимоѣева, оба автора пользовались разными изданіями Котошихина, а именно: г. Сергѣевскій изданіемъ 1841 г., г. Тимоѣевъ — изданіемъ 1859 года. Точно также вполне неосновательно обвиненіе г. Шпакова, будто авторъ рецензируемой имъ книги «воспроизводитъ» изслѣдованіе проф. Сергѣевского, которое является «оригиналомъ» для г. Тимоѣева (стр. 39). Впрочемъ, уже проф. Казанскій, сопоставивъ обѣ книги, вполне доказалъ, что г. Тимоѣевъ «не просто повторяетъ труды своихъ предшественниковъ, но провѣряетъ ихъ по первоисточникамъ, дополняетъ новыми, нерѣдко даетъ ранѣе пзвѣстному матеріалу иное освѣщеніе, а иногда и опускаетъ то, что кажется ему не имѣющимъ значенія» (стр. 23).

Въ заключеніе не можемъ не указать проф. Шпакову на одну весьма существенную ошибку, допущенную имъ самимъ. На стр. 32, ссылаясь на статью 107 Морского устава: «всѣ убійцы или намѣренные къ убивству будутъ казнены смертію», г. Шпаковъ въ подчеркнутыхъ словахъ ошибочно усматриваетъ указаніе на наказуемость покушенія на убійство, въ то время, какъ въ нихъ нужно видѣть указаніе на наказуемость гоголаго умысла. Въ этомъ и заключается одна изъ особенностей Морского устава, отличающихъ его отъ Военскаго.

Проф. В. Лагѣинъ.

Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго при участіи ихъ учениковъ, по случаю 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Спб. 1905.

Первый сборникъ статей по славяновѣдѣнію, изданный въ 1883 году по случаю двадцатипятилѣтія ученой и профессорской дѣятельности В. И. Ламанскаго, былъ составленъ изъ статей исключительно молодыхъ ученыхъ. Изъ нихъ нѣкоторые умерли, кое-кто совсѣмъ бросилъ науку, многіе сдѣлались заслуженными профессорами, имѣющими уже своихъ собственныхъ учениковъ, но отъ этого нисколько не выигралъ «Новый сборникъ», и самая незначительная часть его статей напоминаетъ первый сборникъ.

Очень цѣнная по выводамъ статья Ф. Зигеля «Періодизація славянскаго права» страдаетъ общими ошибками во всякихъ синтетическихъ работахъ, и приведенная имъ схема періодовъ (стр. 19—20) болѣе остроумна, чѣмъ вѣрна. Статья «Къ характеристикѣ Фравтишка Ладислава Ригера» — А. Будиловича, если и даетъ нѣчто новое для русскихъ читателей, то не явится новостью для чеховъ. Работа Р. Брандта «О двойныхъ (!) формахъ и объ ограниченномъ числѣ» сначала можетъ показаться статьей гинекологическаго содержанія, а по первымъ фразамъ — кулинарнаго (разсужденіе о «малинѣ» и «малиновомъ вареньѣ»), но затѣмъ оказывается грамматическаго: очень хороши термпы московскаго про-

фессора и поэта, наиримѣрь, «множина», «однина», «числовка», «родникъ» (родительный падежъ), «предметница» (имя существительное), «прикладокъ» (прилагательное), «косвенникъ», «новотворка» и т. д. Впрочемъ, читатель не долженъ смущаться, потому что вмѣсто «32 марта» статья подписана «16 января»: значить, дѣло пока благополучно. Интересны работы И. Филевича «Карпатская Русь наканунѣ ХХ вѣка» и К. Грота «Карпато-дунайскія земли»; собраніе нѣсколькихъ документовъ, совершенно не обработанныхъ, находимъ въ статьѣ А. Петрова «Матеріалы для исторіи Угорской Руси». Статья Е. Тураевой-Церетели «Черты изъ исторіи Западной Руси XVI вѣка по запискамъ мпворита о. Іоанна Коморовскаго» даетъ кое-что новое о великой княгинѣ Еленѣ Ивановнѣ. Вниманіе останавливаетъ на себѣ небольшая статья Θ. Успенскаго «О древнѣйшихъ знакахъ письма». На основаніи сходства знаковъ на камняхъ построекъ, открытыхъ на Критѣ англичанами и итальянцами, такихъ же знаковъ на тесаныхъ камняхъ форта Крума и Омортага въ Болгаріи, а также современныхъ значковъ у малокультурныхъ народовъ для опредѣленія собственности, авторъ дѣлаетъ предположеніе о существованіи отдѣльныхъ буквъ греческаго и латинскаго алфавитовъ задолго до появленія письменности на этихъ языкахъ—приблизительно за 200 лѣтъ до христіанской эры. Статья Θ. Истомина «Къ вопросу о старинѣ и новизнѣ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ» направлена противъ В. Перетца и отличается полемическимъ характеромъ. Изъ остальныхъ статей отмѣтимъ «Мануальникъ Вячеслава Коранды» И. Пальмова, «Троянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ» Н. Шлякова, «Письма Жуковскаго къ канцлеру Фридриху фонъ Миллеру» Е. Пѣтухова, «Повѣсть о старцѣ, просившемъ руки царской дочери» Н. Дурново, «Арабскій синаксаръ о походѣ императора Никифора I» А. Васильева, «Характеристика средневѣковой нѣмецкой колонизаціи на югѣ Чехіи» А. Ясинскаго, «Фениксъ въ апокрифѣхъ объ Энохѣ и Варухѣ» М. Соколова, «Хельчицкій и Гусъ» Н. Ястребова, «Дубровницкій статутъ 1294 г.» Т. Флоринскаго и др. Нѣсколько статей посвящены спеціальнымъ лингвистическимъ и библиографическимъ вопросамъ. «Замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ фонетики Рупаланскаго нарѣчія» К. Радченка слишкомъ случайны и поверхностны и не представляютъ никакой цѣны послѣ прекрасной работы Л. Милетича въ Трудахъ вѣнской балканской комиссіи.

Въ началѣ сборника приложенъ портретъ юбиляра, адресъ отъ учениковъ и библиографія учено-литературныхъ трудовъ В. Ламанскаго, составленная П. Драгановымъ.

М. Ник—скій.

И. Ф. Масановъ. Библиографія Владимирской губерніи. Томъ I. Изданіе Владимирской ученой архивной комиссіи, подъ редакціей А. В. Смирнова. Владимиръ. 1905.

Библиографическіе указатели литературы объ извѣстной губерніи или нѣсколькихъ губерніяхъ вмѣстѣ давно уже составляются нашими неутомимыми библиографами.

Есть указатели объ Архангельской (Иванова и Личкова), Исковской (Васильева), Харьковской (Устинова), Пермской (Смышляева), Владимирской (Стро-

мялова) и о другихъ и указатели о нѣсколькихъ губерніяхъ: Межова (Сибирь), Міансарова (Кавказъ), Пенкиной (Польше, Закаспійскій край) и др.

Спросъ въ книжныхъ магазинахъ и библіотекахъ на такіе труды сравнительно малъ, потому что это не беллетристическое произведеніе, и читать его, какъ романъ или повѣсть, конечно, нельзя. Многіе любители и любительницы романовъ (особенно «кровопролитныхъ» романовъ) удивляются, для чего такіа неинтересныя книги составляются.

Мы мало интересуемся нашимъ роднымъ и его прошлымъ. Большинство изъ насъ плохо знаетъ исторію Россіи, а исторію своей губерніи, своего города и совѣмъ не знаетъ. Мы свободно говоримъ (хотя порой и много время) объ Америкѣ, Японіи и вообще о другихъ странахъ, но ничего не можемъ сказать о своемъ краѣ, уголкѣ. Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) говоритъ: «недостаточно образованы тѣ, которые не знаютъ своего родного».

На библиографическіе указатели хотя и малъ спросъ, но есть. Для этой-то небольшой группы лицъ и составляются они, чтобы облегчить разыски нужныхъ статей для изученія края. Для Владимирской губерніи, какъ я уже упомянулъ, есть указатель, составленный Н. С. Стромиловымъ («Володимирщина. Роспись печатнаго и изданнаго о Владимирской епархіи и губерніи». Владимиръ. 1884), но онъ и устарѣлъ, да и составленъ не совѣмъ удобно для справокъ, потому что расположенъ поуѣздно, а, самое главное, нѣтъ въ немъ алфавитныхъ (авторовъ и предметнаго) указателей.

Въ первый томъ труда П. Ф. Масанова вошли: 1) «Матеріалы» (№ 1—1463, 1—129 стр.), 2) «Исторія губерніи вообще и отдѣльныхъ событій» (№ 1464—4333, 129—393 стр.), 3) «Археологія и нумизматика». (№ 4334—4730, 394—425 стр.) и въ заключеніе—алфавитные указатели авторовъ, упоминаемыхъ лицъ и предметный.

Авторъ въ предисловіи говоритъ: «Научно выработанной системы распределенія библиографическаго матеріала у насъ, если не ошибаемся, еще нѣтъ; не менѣе трудно избѣгать ошибокъ при размѣщеніи мелкихъ отмытокъ (напримѣръ, газетныхъ статей) по отдѣламъ той или иной избранной системы. Въ настоящемъ трудѣ, очень можетъ быть, и выбранная система не удовлетворитъ многихъ, и размѣщеніе матеріала въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ признано не вполне обоснованнымъ,—пусть будетъ такъ; но приложенные въ концѣ указатели хотя до нѣкоторой степени сгладятъ ошибки и промахи,—такъ думаютъ авторъ и редакторъ, и съ этой надеждой выпускаютъ настоящій трудъ на судъ специалистовъ и всѣхъ вообще нуждающихся въ подобныхъ изданіяхъ».

Справки наводитъ въ названномъ трудѣ П. Ф. Масанова, благодаря указателямъ, легко; поэтому, съ радостью сообщая о первомъ томѣ «Библиографіи Владимирской губерніи», я рѣшаюсь пожелать болѣе скораго выхода слѣдующаго тома.

Дай Богъ, чтобы у г. Масанова нашлись подражатели въ другихъ губерніяхъ и занялись составленіемъ подобныхъ указателей литературы о своемъ краѣ.

П. Д.

Проф. М. Н. Петровъ. Лекціи по всемірной исторіи. Т. III—IV. 2-е изданіе въ обработкѣ и съ дополненіями проф. В. П. Бузескула.

«Лекціи по всемірной исторіи» покойнаго проф. Харьковскаго университета М. Н. Петрова (см. о немъ А. Деревницкій: «М. Н. Петровъ». Біографическій очеркъ. Харьковъ. 1887) пользуются вполне заслуженною популярностью среди особенно учащейся молодежи и, насколько можно думать, среди провинціальныхъ преподавателей исторіи (судить объ этомъ можно, напримѣръ, по конспекту всеобщей исторіи, составленному по лекціямъ М. Н. Петрова г. Крыловымъ, если не ошибаемся, въ 1896 году). Популярность эта создана не глубиною мысли, положенной въ основу названныхъ лекцій, не оригинальностью исторіософіи, выразившейся въ нихъ, а просто внѣшними качествами, приспособленностью къ потребностямъ средняго уровня, простотою и ясностью изложенія, качествами пособія, занимающаго «какъ бы середину между учебникомъ и университетскимъ курсомъ», по справедливому замѣчанію профессора Бузескула. Дѣйствительно искать въ лекціяхъ М. Н. Петрова новизны идеи, научности въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее теперь, и даже построенія исторіи европейскихъ обществъ, вполне отвѣчающаго потребностямъ современной исторической мысли съ ея тенденціей къ социологическому рѣшенію историческихъ вопросовъ, съ ея интересомъ къ социально-экономической сторонѣ исторической эволюціи, не приходится. Въ этомъ смыслѣ авторъ «Новѣйшей національной исторіографіи Германіи, Англии и Франціи» (1861) и «О характерѣ государственной дѣятельности Людовика XI» (1850) проявился въ лекціяхъ вполне,—и ожидать другого было бы трудно, такъ какъ его мысль воспиталась въ другой научной атмосферѣ, чѣмъ наша. Но, несмотря на это, лекціи его все-таки сохранили все свое значеніе въ качествѣ «введенія» въ серьезное историческое чтеніе и въ серьезные занятія исторіей. Онѣ даютъ достаточный фактический матеріалъ, разверстанный цѣлесообразно и искусно, оживляютъ его, намѣчаютъ основныя линіи въ его естественной группировкѣ и, что особенно важно для начинающихъ, не исключаютъ возможности иной теоретической обосновки и иного освѣщенія. Такимъ образомъ, пользуясь данными лекціями, начинающій читатель легко и съ интересомъ усваиваетъ фактический матеріалъ, а что до точки зрѣнія, до интерпретаціи явленій и фактовъ исторіи и т. д., то все это дѣло дальнѣйшихъ занятій, облегчаемыхъ заранѣе пріобрѣтенной фактической основой. Правда, не всегда и не вездѣ въ лекціяхъ М. Н. Петрова стоитъ на высотѣ современныхъ знаній и чисто фактическая сторона, но случаевъ такихъ и мало, и нетрудно бываетъ исправить ихъ всякому, послѣ лекцій обратившемуся къ монографической литературѣ.

Есть въ «лекціяхъ» одна безусловно важная сторона, дѣлающая ихъ превосходнымъ пособіемъ, настольнымъ руководствомъ для всякаго, занимающагося всеобщей исторіей. Это—обильныя библиографическія указанія почти по всѣмъ вопросамъ исторіи Западной Европы. Все важное и первоклассное въ иностранныхъ литературахъ указано, и притомъ съ точностью, не оставяющею желать ничего лучшаго. Но, если справки по западно-европейской литера-

туръ и неспециалистъ можетъ найти, помимо «Лекцій», въ любомъ распространенномъ пособіи (напримѣръ, въ известной «Исторіи» Н. И. Карѣва, въ изданіи Лависса и Рамбо, восемь томовъ котораго уже переведено на русскій языкъ, а остальные переводятся подъ заглавіемъ «Исторіи XIX-го вѣка», подъ редакціей Виноградова, Ковалевскаго и др.), то столь исчерпывающія указанія на русскую литературу по соответствующимъ вопросамъ, какъ въ «Лекціяхъ», едва ли найдетъ даже специалистъ, которому для этого нерѣдко приходится рыться по журналамъ, каталогамъ и т. д. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи проф. Бузескуль сдѣлалъ рѣшительно все, чтобы только сдѣлать изъ «Лекцій» нѣчто въ этомъ смыслѣ незамѣнимое, и нельзя не быть признательнымъ ему за эту полезную, кропотливую, поразительно добросовѣстно сдѣланную работу.

Н. Н.

Ю. А. Яворскій. Очерки по исторіи русской народной словесности. I. Легенда о панщинѣ. Львовъ. 1901. — II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ. Кіевъ. 1905.

«Подлинныя, хорошія явленія народной словесности въ сущности не врутъ никогда, несмотря на всю свою кажущуюся фантастичность, на всю пестротканную узорчатость своего чудеснаго вымысла. Они — возвышеннѣйшая поэзія, живая и здоровая, какъ благоуханія породившихъ ихъ полей и лѣсовъ. Въ нихъ, словно въ причудливой экзотической раковинѣ, всегда тайно свѣтитъ какая либо драгоценная жемчужина, какая нибудь возвышенная и вѣчная истина». Но часто эта истина скрыта вѣковыми наслоеніями, и нерѣдко изслѣдователь въ недоумѣніи останавливается передъ тѣмъ или инымъ фактомъ — такимъ поразительно неправдоподобнымъ кажется онъ его уму. Но, помня слова ак. А. Н. Веселовскаго, что «народный эпосъ всякаго историческаго народа по необходимости международный», ученый можетъ утомительнымъ путемъ микроскопическаго анализа болѣе или менѣе разсѣять мракъ наслоеній, обнаруживъ за уродливыми подчасъ образами ту основу, которая дала жизнеспособность данному поэтическому сюжету.

Г. Яворскій въ первой своей брошюркѣ и задается цѣлью отыскать источникъ интересующей его легенды о «панщинѣ», а также указать и тѣ постепенныя измѣненія, которыя она претерпѣла въ своихъ поэтическихъ странствіяхъ по разнымъ землямъ, преимущественно, славянскаго міра. Строгій анализъ матеріала позволяетъ изслѣдователю прийти къ опредѣленнымъ выводамъ: легенда, галицко-русскій текстъ которой является наиболѣе полнымъ (онъ записанъ самимъ г. Яворскимъ въ 1896 году въ с. Ворововѣ, Бобрецкаго уѣзда), «не составляетъ духовной собственности малорусской народной словесности, но заимствована ею изъ международной сокровищницы странствующихъ легендарныхъ сюжетовъ» (легенда о Мадеѣ, стоящая въ связи съ апокрифическимъ сказаніемъ о покаяніи Лота). Что же касается малорусскаго элемента въ легендѣ, то авторъ видитъ его именно въ протестѣ противъ тяготы панщины: даже въ могилѣ павъ не даетъ своимъ людямъ покоя — «бѣ палыцау по гробѣхъ, гдѣнытъ мърлыхъ на панщину». Въ этомъ только изслѣ-

дователь и видитъ историческій отзвукъ, «отраженіе общаго состоянія и настроенія» малорусскаго народа въ одинъ изъ моментовъ его прошлой жизни. Въ другихъ мѣстахъ и въ другой средѣ этотъ мотивъ исчезаетъ подъ влияніемъ иныхъ вопросовъ жизни: «въ раскольничьихъ вариантахъ онъ направленъ противъ дѣвольскаго зелья — табаку»; въ другихъ записяхъ онъ караетъ то злоумышленника-поджигателя, то разбойника, совершающаго убійство, то «купца-кулака, разоряющаго бѣдный народъ». И легенда постепенно мѣняется, приспособляясь къ мѣстнымъ интересамъ, и много нужно труда и остроумія, чтобы прійти къ общимъ выводамъ. Но г. Яворскому удается преодолѣть эти трудности съ большимъ успѣхомъ.

Особенно ярко обнаруживается его способность къ детальному изслѣдованію во второй работѣ, посвященной изысканію въ области духовныхъ стиховъ. Автора занимаетъ стихъ о «грѣшной дѣвѣ», которая умертвила своихъ незаконныхъ дѣтей и за это должна понести наказаніе. Здѣсь уже г. Яворскому приходится имѣть дѣло не только съ матеріаломъ, извѣстнымъ на славянской почвѣ: для полноты изслѣдованія оказывается необходимымъ привлечь довольно распространенную на Западѣ легенду о нерожденныхъ дѣтяхъ. Эта широкая постановка изысканія даетъ возможность автору выяснитъ, какъ основная тема евангельскаго разсказа о встрѣчѣ Спасителя съ Самарянкою развилась, въ связи съ легендой о «нерожденныхъ дѣтяхъ», въ духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ записанъ еще Кирѣевскимъ; мало того, авторъ устанавливаетъ даже территорію, гдѣ образовался этотъ духовный стихъ: его родина — Бѣлая Русь, откуда онъ «проникъ однимъ случайнымъ отпрыскомъ въ великорусское нарѣчіе; позднѣйшая струя занесла его въ малорусскую словесность». Отъ бѣлоруссовъ черезъ Польшу попалъ онъ, по мнѣнію автора, въ Маравію и Лужицу. Особенно цѣннымъ въ работахъ г. Яворскаго намъ показалось именно то, что изслѣдователь строитъ свои выводы, исходя изъ несомнѣнныхъ фактовъ, при чемъ не игнорируетъ ни исторической, ни, въ особенности, бытовой стороны жизни, всегда играющей выдающуюся роль въ народномъ творчествѣ: и стихъ о грѣшной дѣвѣ, и легенды о нерожденныхъ дѣтяхъ, и пѣсни-баллады о дѣтоубійствѣ получаютъ жизнеспособность только потому, что тѣсно связаны съ одной изъ жизненно-неотступныхъ проблемъ «женскаго вопроса».

Я. Ав—въ.

Д. Зеленинъ. Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губерніи (этнографическій и историко-литературный очеркъ). Вятка. 1904.

«Присловье можно опредѣлитъ, какъ прозвище, относящееся не къ единичному лицу, а къ группѣ лицъ, составляющей собою географическое или этнографическое цѣлое», — такъ начинается свою работу почтенный авторъ. Въ ней собраны присловья не только о жителяхъ городовъ, но даже и о жителяхъ многихъ селъ, деревень Вятской губерніи, и объяснено, почему они были даны.

Многіе вышеназванную книжку г. Зеленина прочтуть съ удовольствіемъ.

Присловья интересны для насъ, потому что въ нихъ видны народныя наблюдательность и юморъ. Не даромъ же народъ сказалъ: «глухая рѣчь не пословица», а въдъ присловье, какъ и поговорка, приходится, такъ сказать, младшимъ сестрами пословицы. Къ сожалѣнію, у насъ какъ-то мало обращаютъ вниманія на этотъ родъ народнаго творчества, и о жителяхъ многихъ губерній присловья еще не собраны.

Д. К. Зеленинъ, какъ узнаемъ изъ его книжки, уже нѣсколько лѣтъ занимается собираніемъ ихъ, и имъ предполагается со временемъ издать присловья и о жителяхъ другихъ губерній. Желаемъ, чтобы ему удалось скорѣе осуществить это намѣреніе.

П. Д.

Е. В. Бѣлявскій. Педагогическія воспоминанія. 1861—1902. Изданіе редакціи журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Москва. 1905.

Е. В. Бѣлявскій въ 1862 году былъ назначенъ учителемъ русскаго языка во вторую Московскую военную гимназію и послѣ нѣкоторыхъ перекочевокъ съ мѣста на мѣста былъ назначенъ въ 1883 году инспекторомъ Тверской гимназіи и въ 1886 году директоромъ Рижской Александровской гимназіи, откуда и вышелъ въ отставку въ 1902 году.

«Когда я прощался со своими коллегами,—читаемъ въ вступленіи,—оставляя педагогическую службу, имъ угодно было высказать, между прочимъ, пожеланіе, чтобы я написалъ воспоминанія о своей многолѣтней службѣ, въ продолженіе которой мнѣ пришлось много видѣть, много испытать и во многомъ принять участіе. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приступаю къ исполненію желанія моихъ почтенныхъ сотоварищей, что мнѣ и самому, прошедши этотъ нуть и совѣмъ уже отрѣшившись отъ него, хотѣлось бы взглянуть на него съ высоты, такъ сказать, птичьяго полета, вспоминая все главное, что было въ немъ отраднаго и печальнаго, успѣшнаго и безуспѣшнаго, вспоминая свои мысли по поводу разныхъ обстоятельствъ жизни, выводы педагогическіе, къ которымъ я приходилъ, и такимъ образомъ провѣрить и обдумать еще разъ все бывшее».

Иногда въ книгѣ попадаются мѣста, которыя прикрашены авторомъ, на примѣръ: бѣганье инспектора за учениками по классу и по площади (25 стр.), экзаменъ И. С. Некрасова у О. М. Бодянскаго (29 стр.), попечитель, учительскій совѣтъ и «по неизвѣстной причинѣ» (47—49 стр.), и нѣкоторыя другія. Хочется вѣрить, что отъ времени Е. В. Бѣлявскій кое-что позабылъ, и забытое онъ дополнилъ фантазіей.

Неужели же были такіе люди, такіе педагоги?

Книгу г. Бѣлявскаго прочтуть не безъ удовольствія.

Къ книгѣ приложенъ портретъ автора, исполненный фототипіей.

П. Д.

В. Аловъ. Корея. Спб. 1905.

Вышнимъ поводомъ къ русско-японской войнѣ послужили лѣсныя угодыя Кореи на рѣкѣ Ялу, и въ будущемъ этотъ азіатскій полуостровъ можетъ явиться вновь ядромъ раздора между народами Дальняго Востока. Съ давнихъ поръ Корея зовется не только «страною утренней тишины», но и «запретной страной», вслѣдствіе ея прежней замкнутости и недоступности для иностранцевъ. Поэтому и свѣдѣнія о ней ранѣе были весьма недостаточны. Для составленія популярнаго очерка о ней г. Аловъ весьма добросовѣстно использовалъ «Описаніе Кореи», изданное нашимъ министерствомъ финансовъ, сочиненія Гамильтона, Поджіо, Шмидга и другихъ. Трудъ его, снабженный сорока двумя иллюстраціями, охватываетъ всю исторію Кореи, начиная съ ея прошлаго и кончая современнымъ государственнымъ строемъ, съ ея экономическими силами, религіозными вѣрованіями, бытовыми особенностями и т. д. Незначительная территорія (въ 203.600 квадратныхъ верстѣ), меньше Астраханской губерніи, поучительна своимъ азіатскимъ режимомъ, при которомъ чиновники ухитрились даже скрыть число ея жителей, находя для себя невыгоднымъ точное опредѣленіе взимаемаго налога и податей. Основнымъ налогомъ въ Корей и до сихъ поръ остается поземельный налогъ (дающій 200% дохода чиновникамъ). Нормальный окладъ его составляетъ примѣрно 4¹/₂ милліона іенъ, но въ среднемъ ежегодно получается лишь половина оклада, т. е. 2¹/₄ милліона. При настойчивости корейской администраціи, трудно думать, чтобы половина оклада оставалась въ недоимкѣ: вѣрнѣе, что она составляетъ «безгрѣшные доходы» мѣстной администраціи, которая въ концѣ концовъ получаетъ львиную долю всѣхъ налоговъ, такъ какъ она же ведетъ и статистику народонаселенія, такъ же процентовъ на 50% «уклоняющуюся отъ нормы». Если принять въ соображеніе это обстоятельство, то выйдетъ, что правительство получаетъ поземельнаго налога едва ли болѣе ¹/₄ всей взимаемой суммы, если только не меньше. По корейской переписи, въ 1901 г. число жителей было около 6 милліоновъ, а по изслѣдованію нашего министерства финансовъ 13 милліоновъ. Поклонники особенностей своего историческаго быта, корейцы не хотѣли знать, что эти «особенности» губили ихъ страну, сдѣлавшуюся самой слабой среди китайцевъ, монголовъ и японцевъ. Замыкаясь отъ вліянія иностранцевъ, корейцы создали внутри страны сословную борьбу изъ-за власти, окончившуюся тѣмъ, что въ 1894 г. императоръ Ли-Хса долженъ былъ обратиться къ китайцамъ за помощью противъ своихъ же соотечественниковъ. Движеніе въ Корею китайскихъ войскъ дало поводъ вмѣшаться японцамъ въ домашнія дѣла Кореи. «Японцы, — говоритъ г. Аловъ, — потребовали нарушенія договора Кореи съ Китаемъ и, не дождавшись отвѣта, 11-го іюля 1894 года ворвались во дворецъ въ Сеулѣ, захватили короля и образовали новое — японофильское — правительство. Новое правительство, управляемое и направляемое изъ Токио, немедленно стало во враждебныя отношенія къ Китаю: нарушило договоры съ нимъ и даже поручило японцамъ удалить китайскія войска, что было равносильно объявленію войны съ Китаемъ. Японцы побѣдоносно прошли по Корей, вступили

въ предѣлы Китая, заваяли Портъ-Артуръ и въ концѣ концовъ заставили Китай признать независимость Кореи, продолжая тѣмъ временемъ съ лихорадочной поспѣшностью вводить все новыя реформы съ явною цѣлью обратить de jure «независимую» Корею въ фактическаго вассала Японіи».

Нѣтъ сомнѣній, что по окончаніи японско-русской войны Корея совершенно подчинится вліянію японцевъ, несмотря на ненависть населенія къ нимъ. Ослабленіе корейцевъ вполне объяснимо ихъ государственнымъ строемъ, въ которомъ жизнь и состояніе корейца принадлежатъ монарху, которому воздаются божественныя почести. «Почитаніе короля было до такой степени велико, что всякій, до кого коснулся король, хотя бы даже случайно, почитался счастливецемъ и имѣлъ право до смерти носить красный шнурокъ, какъ знакъ монаршей милости. Народъ не смѣлъ даже произносить имени короля; мимо Дворца никто не могъ ѣздить верхомъ; при проѣздѣ короля по улицамъ предписывалось затворять всѣ двери, ворота и окна, а подданнымъ становиться на колѣна. До какой степени недоступенъ былъ король для народа, можно судить по тому, что иногда жалобщики не имѣли другого способа обратить его вниманіе, какъ посредствомъ костровъ, зажигаемыхъ на горахъ, окружающихъ Сеулъ и хорошо видимыхъ изъ дворца. Когда зажигались такіе костры, король посылалъ узнать о причинѣ ихъ—и такимъ путемъ жалоба могла дойти до него, если окружающіе короля не имѣли, конечно, поводовъ скрыть эту жалобу». «Несмотря на абсолютизмъ монархіи,—какъ совершенно справедливо замѣчаетъ В. Аловъ,—нечего и говорить, что фактическое участіе королей въ управленіи страной было совершенно ничтожно, и судьбы корейскаго народа всецѣло зависѣли отъ алчваго чиновничества». Въ жалкомъ состояніи обрѣтается народное образованіе, положеніе женщинъ въ семьѣ и т. д. «Въ старину такъ ретиво придерживались взгляда, что одно прикосновеніе посторонняго мужчины навѣки позоритъ женщину, что помимо случаевъ самоубійства бывало и такъ, что отцы убивали дочерей, опозоренныхъ такимъ образомъ. Если корейцу понадобится зачѣмъ нибудь побывать на крышѣ своего дома, то онъ дѣлаетъ это не иначе, какъ предупредивъ сосѣдей, чтобы женщины не смотрѣли въ окна и не показывались на дворѣ. Положеніе женщинъ въ Корей обставлено такими строгостями, что онѣ не смѣютъ даже показываться на улицахъ, кромѣ опредѣленныхъ часовъ. Конечно, въ деревняхъ, гдѣ женщина является главною рабочею силой, эти обычаи не примѣняются, но въ городахъ и особенно въ Сеулѣ они въ полной силѣ. Въ восемь часовъ вечера въ Сеулѣ раздается звонъ колокола, возвѣщающаго, что женщины могутъ появляться на улицахъ, и всѣ мужчины торопятся вернуться домой. Въ 12 часовъ ночи колоколъ звонитъ вновь, и сеулскія улицы закрываются для женщинъ до восьми часовъ вечера слѣдующаго дня».

Послѣ свадьбы, на третій день, мужъ, чтобы показать полное равнодушіе къ жевѣ, покидаетъ ее и проводитъ время съ наложницами. Униженное положеніе женщины-жены, приличія, воспреещающія обнаруживать къ женамъ привязанность и даже вести съ ними разговоры, лишая корейцевъ женскаго общества, невольно заставляли ихъ, какъ и японцевъ, искать женскаго общества внѣ семьи, у «гейшъ».

Нужно ли говорить, что подобныя историческія особенности корейскаго быта и государства не могли способствовать развитію этой страны, и что дни ея независимости сочтены.

А. Фаресовъ.

Прусская конституція съ объясненіями, извлеченными преимущественно изъ комментарія д-ра Арндта. Перев. бар. А. Мейендорфа. Спб. 1905.

Появленія этой книжки въ русскомъ переводѣ нельзя не признать весьма своевременнымъ. Въ ней русскій читатель найдетъ весьма богатый матеріалъ для выработки опредѣленнаго и обоснованнаго взгляда не только на сущность данной конституціонной хартіи, но и на сущность вообще конституціоннаго режима, а также на природу тѣхъ силъ и отношеній, совокупной работой которыхъ поддерживается этотъ режимъ. «Въ своемъ примѣненіи конституціонная хартія вызвала нерѣдко сомнѣнія и серьезные кризисы; немало изъ существенныхъ ея постановленій остались мертвою буквою или подверглись измѣненіямъ. Но кровавая гражданская война не возобновлялась; конфликты разрѣшаются въ парламентской безкровной войнѣ» (стр. XXVI), говоритъ переводчикъ, и читатель пойметъ, прочитавъ книжку, почему такъ обстоит дѣло въ условіяхъ конституціоннаго правопорядка, и, конечно, оцѣнитъ все значеніе послѣдняго лучше, чѣмъ это можно было бы сдѣлать на основаніи отвлеченныхъ выкладокъ и философическихъ разсужденій. Для этого въ названной книжкѣ читатель найдетъ не только самую конституцію, не только текстъ конституціонной хартіи — одной изъ лучшихъ и одной изъ наиболѣе осуществляющихъ знаменитый девизъ Фридриха-Вильгельма IV: «свободный народъ подъ свободнымъ королемъ», не только, стало быть, первоисточникъ, но и цѣлый рядъ комментаріевъ историческаго и юридическаго характера, заключающихъ въ себѣ чрезвычайно богатый матеріалъ и для серьезнаго изученія и для общихъ разсужденій и заключеній. Комментаріи эти весьма умѣло и экономно извлечены переводчикомъ изъ извѣстнаго изданія Адольфа Арндта — *Die Verfassungs-Urkunde für den Preussischen Staat (mit Einleitung, vollständigem Kommentar, Anlagen und Sachregister. Fünfte, gänzlich umgearbeitete Auflage. Berlin. 1904. Guttentag)*, какъ изъ наиболѣе подходящаго и лучшаго толкованія прусской конституціи. Правда, для того, чтобы получить вполнѣ опредѣленное представленіе о данной хартіи и о всей совокупности явленій и отношеній, разъясняемыхъ въ комментаріяхъ къ ней, читателю придется продѣлать собственную весьма нелегкую работу, и, быть можетъ, переводчику лучше было бы самому переработать весь этотъ сырой матеріалъ въ связный и законченный очеркъ, который и можно было бы предпослать тексту документа, но въ такомъ случаѣ, хотя для читателей, любящихъ получать все въ пережеванномъ видѣ, и было бы все это весьма удобно, тѣмъ не менѣе читатель, предъявляющій къ чтенію серьезныя требованія и желающій достигать выводовъ собственными усиліями, былъ бы лишень разносторонняго матеріала и не имѣлъ бы возможности отнестись къ данному явленію съ такою сознательностью и такъ свободно, какъ теперь. Въ этомъ смыслѣ изданіе барона

А. Мейендорфа особенно большую услугу должно оказать нашей университетской молодежи, не только специально занимающейся соответствующими вопросами, но вообще ставящей вопросы самообразования и политического самовоспитания серьезно и сознательно. Несомненно, переводчикъ имѣлъ въ виду съ этою послѣднею цѣлью облегчить изученіе своего изданія, предпославъ ему введение, въ которомъ, главнымъ образомъ на основаніи изслѣдованія А. Градовскаго: «Германская конституція» (ч. I., Спб., 1875), дается въ краткихъ чертахъ вся исторія возникновенія конституціонной хартіи и вообще роста конституціонной идеи въ Германіи. По поводу этого «введенія» мы бы могли только сказать, что, несмотря на всю его пользу, желательна была бы большая выпуклость и опредѣленность въ изображеніи основныхъ линій развитія Германіи, приведшаго къ 31-му января 1850 г., и болѣе рѣшительныя и ясныя указанія на тѣ социальныя и культурныя силы, которыя создали это развитіе; нельзя также не пожалѣть, что въ «введеніи» нѣтъ теоретическаго очерка, въ которомъ бы, хотя бы въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ, было разъяснено читателю, въ большинствѣ случаевъ, не имѣющему возможности обращаться къ специальнымъ пособиямъ, въ чемъ заключается суть конституцій вообще, и каково ихъ мѣсто въ общей исторіи человѣческихъ обществъ.

Въ заключеніе остается лишь пожелать, чтобы читающая публика ознакомилась съ рекомендуемой книгой по возможности основательнѣе, и чтобы эта послѣдняя нашла себѣ распространеніе среди всѣхъ слоевъ русской интеллигенціи.

Н. Н.

Ж. Т. Lubomirski. Adam Kisiel, wojewoda kijowski. Warszawa. 1905. (Я. Т. Любомирскій. Адамъ Кисель, воевода кievскій).

Герой настоящей монографіи, государственный дѣятель старой Польши XVII столѣтія, принадлежитъ къ числу немногихъ пановъ, исповѣдывавшихъ греко-восточную вѣру, получившую въ послѣдствіи названіе православія,—пановъ, занимавшихъ высокое положеніе въ администраціи Рѣчи Посполитой. Религія не мѣшала ему быть сторонникомъ польско-шляхетскаго общественнаго строя. Беззавѣтный защитникъ малорусской народности, Кисель выступилъ въ эпоху бунтовъ казацкихъ въ симпатичной роли посредника. Къ несчастью, ему не довѣряли. Недовѣріе доходило до крайности. Въ сенатѣ его называли измѣнникомъ, хлопомъ, русиномъ. Хмельницкій на увѣренія Киселя, что онъ «плоти и кости русской», выразился: «кость-то у тебя русская, да польскимъ мясомъ обросла». Современники той и другой стороны не могли понять ни затруднительности положенія Киселя, ни его примирительныхъ стремленій. Адамъ-Мееодій, сынъ Григорія, подстоля владимирскаго, изъ Брусилова, Кисель-Низкиницкій родился въ самомъ началѣ XVII в.; отъ отца наслѣдовалъ огромныя помѣстья на Украинѣ, въ которыхъ и проживалъ до смерти короля Сигизмунда III. Когда на польскій престолъ былъ избранъ Владиславъ IV, Кисель попалъ въ число довѣренныхъ его людей. Онъ занималъ мѣсто подкоморія, старосты, каштеляна, воеводы, наконецъ, достигъ званія сенатора. Неоднократно исполнялъ ответственныя порученія. Въ 1637 г.,

во время первого казацкаго бунта, уговорил казаковъ согласиться на уступки и выдать правительству агитаторовъ Павлюка и Томиленка. Въ февралѣ 1649 года заключилъ съ Богданомъ Хмельницкимъ переяславскій договоръ; принималъ участие въ заключеніи бѣлоцерковскаго мира (1651). Его услуги въ поддержаніи цѣлости королевства были оцѣнены и преемникомъ Владислава—Яномъ-Казимиромъ. Умеръ Адамъ Кисель въ 1653 г., удалившись отъ дѣлъ и забытый современниками. Последними его словами передъ смертію были: «Умру здѣсь, на родинѣ, а не у Хмельницкаго». Погребенъ въ Низкиничской церкви. Къ монографіи приложены два рисунка: гробница Киселя и памятникъ въ д. Низкиницѣ, Волинской губерніи. Цѣна этой интересной книжки весьма умеренная (30 коп.).

Г. А. Воробьевъ.

Георгъ Шустеръ. Тайныя общества, союзы и ордена. Томъ I. Переводъ съ нѣмецкаго О. А. Волькенштейнъ подъ редакціей проф. А. Л. Погодина. Спб. 1905.

Книга Шустера посвящена одному изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ въ исторіи человѣчества—тайнымъ организаціямъ, имѣвшимъ то или иное общественное значеніе. Шустеръ видитъ причину возникновенія подобныхъ организацій въ религіозномъ чувствѣ, не удовлетворяющемся существующими традиціонными формами религіи. Начиная съ отдаленной древности, онъ послѣдовательно показываетъ, какъ возникали подобныя общества на почвѣ религіозныхъ потребностей. Послѣ краткаго очерка жреческихъ корпорацій древняго Востока (Египта, Месопотаміи и Ирана) онъ переходитъ къ браманизму и буддизму, а затѣмъ къ Греціи, гдѣ онъ обстоятельно знакомитъ читателя съ греческими мистеріями и другими религіозными сообществами греческаго міра. Кромѣ указанныхъ обществъ, въ древнемъ мірѣ его вниманіе привлекаютъ кельтскіе друиды, религіозныя корпораціи евреевъ—саддукеи, фарисеи и ессеи—и мистеріи эпохи упадка древняго міра. Въ средніе вѣка религіозныя общества носятъ нѣсколько иной характеръ. Ордена, возникшіе въ это время, основаны уже и на общественныхъ тенденціяхъ Шустеръ описываетъ магометанскіе ордена ассасиновъ, друзовъ, суфи и дервишей, а затѣмъ переходитъ къ противовѣсу мусульманскихъ организацій—духовно-рыцарскимъ орденамъ западныхъ христіанъ. Особенно подробно излагаетъ авторъ печальную исторію ордена тамплиеровъ, этого въ высшей степени своеобразнаго продукта взаимодействія христіанскаго и мусульманскаго міра, отъ крайняго аскетизма перешедшаго постепенно къ полной распущенности и даже порочности.

Еще большій интересъ представляютъ двѣ слѣдующія главы: первая посвящена знаменитымъ «фемгерихтамъ», тайнымъ судилищамъ, пытавшимся установить правосудіе въ печальную эпоху упадка Германіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Тайственное судопроизводство этихъ судовъ послужило причиной созданія массы легендъ, среди которыхъ трудно бываетъ разобрать, что основано на дѣйствительныхъ фактахъ, и что является только результатомъ народной фантазіи. Шустеръ осторожно отдѣляетъ легендарный элементъ и

основываетъ свою характеристику тайныхъ судилищъ исключительно на научныхъ данныхъ.

Слѣдующая глава разсматриваетъ ремесленные союзы, и центральнымъ пунктомъ ея является союзъ нѣмецкихъ каменщиковъ, послужившій вѣдствомъ прототипомъ масонамъ. Шустеръ подробно описываетъ ихъ организацію, правила ихъ дѣятельности, обряды, даетъ даже нѣкоторые свѣдѣнія объ ихъ профессиональной тайнѣ, насколько это можно извлечь изъ дошедшихъ источниковъ. Отдѣлъ книги, посвященный среднимъ вѣкамъ, лучший въ данномъ томѣ.

Первый отдѣлъ, касающійся древняго міра, изложенъ болѣе сжато и сухо, при чемъ авторъ гораздо болѣе мѣста отводитъ природѣ страны и религіи народа, чѣмъ самимъ организаціямъ. Это объясняется, конечно, скудостью источниковъ, а, кромѣ того, и тѣмъ, что авторъ не является въ области древняго міра такимъ же специалистомъ, какъ въ области средневѣковой и новой исторіи. Первые два отдѣла проникнуты строгимъ единствомъ точки зрѣнія. Третій отдѣлъ, посвященный новому времени, не вполне соответствуетъ своимъ содержаніемъ первымъ двумъ. Тутъ на ряду съ религіозно-мистическими братствами второй половины среднихъ вѣковъ и эпохи реформаціи фигурируютъ и крестьянскіе союзы, приведшіе къ крестьянской войнѣ 1524—1525 годовъ, и орденъ іезуитовъ, и полумистическія, полунаучныя общества XVII вѣка.

Намъ кажется, что евангелическія общества заслуживали бы большаго вниманія, чѣмъ имъ удѣляетъ авторъ. Кромѣ того, авторъ ни слова не говоритъ объ организаціяхъ христіанъ въ первые вѣка нашей эры. Мы думаемъ, что христіанскія общины этой эпохи вполне подойдутъ подъ ту квалификацію тайныхъ обществъ, которую даетъ Шустеръ. Какъ показываетъ самый выборъ темы, авторъ не чуждъ склонности къ мистицизму, но это не мѣшаетъ его книгѣ быть строго научнымъ трудомъ. Авторъ снабжаетъ каждую главу обстоятельнымъ перечисленіемъ литературы по данному вопросу. Къ сожалѣнію, библиографія его доводится мѣстами только до 1880-хъ, мѣстами до 1890-хъ годовъ, и новѣйшія сочиненія въ ней отсутствуютъ. Редакторъ перевода коегдѣ исправилъ этотъ недостатокъ и указалъ и новѣйшую литературу. Переводъ книги сдѣланъ хорошо, и книга читается легко и съ большимъ интересомъ. Встрѣчаются только мелкіе промахи въ транскрипціи собственныхъ именъ: Зефанія вмѣсто Софонія, Яковъ фонъ-Молей вмѣсто Жанъ де-Моле, Штрасбургъ вмѣсто Страсбургъ и т. п.

V.

М. М. Абрашкевичъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, товарищъ прокурора Одесскаго окружнаго суда. Прелюбодѣяніе съ точки зрѣнія уголовного права. Историко-догматическое изслѣдованіе. Одесса. 1905.

Въ настоящее время, когда вопросы семейственнаго и брачнаго права въ особенности интересуютъ русское общество и современную печать, обширный трудъ г. Абрашкевича появился весьма кстати. Прогрессивно возрастаю-

ище число супружескихъ измѣнъ, семейныхъ драмъ и вѣнчаемыхъ сожительства составляетъ характерную особенность современнаго русскаго общества, достояніе всѣхъ званій и сословій. Напрасно нѣкоторые ищутъ причину столь печальныхъ явленій въ неудовлетворительности нашего брачнаго и семейственнаго законодательства, полагая, что съ реформой этого законодательства эти явленія исчезнутъ.

Не мало толковъ въ печати вызвалъ и недавно опубликованный законъ, отмѣняющій 253 статью устава духовныхъ консисторій и разрѣшающій лицамъ, разведеннымъ за прелюбодѣяніе, вступать въ новый бракъ. Въ то время, какъ одни горячо привѣтствовали изданіе этого закона, другіе видятъ въ немъ лишь уступку современнымъ распущеннымъ нравамъ, уступку весьма опасную, подрывающую крѣпость брака, какъ таинства.

Ревностнымъ защитникомъ крѣпости брачныхъ узъ выступаетъ и авторъ вышеназваннаго ученаго изслѣдованія, отмѣчая, между прочимъ, въ своемъ введеніи (стр. 2) тотъ фактъ, что «въ наши дни устои современнаго уклада — собственность и бракъ, вызываютъ яростныя нападки заклятыхъ ненавистниковъ существующаго строя, мечтающихъ о насажденіи иныхъ новыхъ порядковъ».

Видя въ прелюбодѣяніи оскорбленіе святости брака, какъ религіознаго или же какъ общественно-государственнаго института, г. Абрашкевичъ приводитъ рядъ доводовъ противъ мнѣнія о совершенномъ устраниніи уголовной репрессіи прелюбодѣянія. «Дѣйствительно ли государство, вѣрное своему назначенію, — говоритъ онъ, — при существующихъ житейскихъ условіяхъ, можетъ и должно рѣшиться на такой шагъ? Привѣтствовать ли, при наличныхъ данныхъ, такое рѣшеніе, какъ истинный успѣхъ уголовного законодательства?» (стр. 614).

«Микробъ преступленія, по выраженію Франца фонъ-Листа, вырастаетъ на бульварѣ, который представляетъ общество». Принципъ взаимной вѣрности обоимъ супругамъ, съ такимъ трудомъ выработанный прогрессомъ, воспринятый всѣми цивилизованными націями, далеко не пользуется надлежащею поддержкою общества, во всѣхъ слояхъ котораго наблюдается стремительное паденіе нравовъ. Въ наши дни адюльтеръ пріобрѣтаетъ права гражданства. Чистота семейныхъ нравовъ отступаетъ предъ нимъ все далѣе и далѣе. Вѣрность супружескому долгу рисуется особенною заслугою, изъ простой естественной обязанности возводится въ подвигъ. Бракъ изъ союза двухъ угрожаетъ обратиться въ сопряженіе трехъ, если не болѣе лицъ. Въ современной литературѣ, отражающей такъ печально сложившуюся жизнь, трудно отыскать произведеніе, которое не затрогивало бы такъ или иначе вопроса о нарушеніи супружеской вѣрности. Въ произведеніяхъ Максима Горькаго, философій Ницше объявляется война идеаламъ, завѣщаннымъ предшествующими поколѣніями, какъ дорогое наслѣдство, подъ флагомъ возвеличенія личной свободы и мончи раздается апологія разнузданности, разыгрывается апоѳеозъ черноземныхъ силъ, пороку напоминающій боевой кличъ знаменитаго философа порока, маркиза де-Сада (стр. 614—616).

Бракъ и прелюбодѣяніе, по мнѣнію почтеннаго автора, два непримиримые врага, два антипода, между которыми нѣтъ посредствующихъ звеньевъ. Отрицать вредоносность прелюбодѣянiя значитъ отвергать необходимость брака, и, наоборотъ, отстаивая бракъ, нельзя терять прелюбодѣянiя. Поэтому, пока государство видитъ въ бракѣ союзъ, имѣющій важное социальное значеніе, пока оно печется объ этомъ союзѣ, регламентируетъ его, возводитъ въ юридическій институтъ, прелюбодѣянiе, какъ дѣйствіе, расшатывающее основы брака, не можетъ игнорироваться правомъ, оно должно влечь за собою наказаніе, какъ для прелюбодѣйнаго супруга, такъ и для его соучастника: бракъ долженъ быть святъ въ глазахъ всѣхъ и cadaго (стр. 619—627).

Несомнѣнно при этомъ, что наказаніе за прелюбодѣянiе должно соответствовать достоинству брака, устою котораго оно подрываетъ. И дѣйствительно, всѣ законодательства, карающіе прелюбодѣянiе, назначаютъ строгіе наказанiя, какъ прелюбодѣйному супругу, такъ и его соучастнику — тюремное заключеніе (иногда даже на срокъ болѣе года). Иначе посмотрѣло на прелюбодѣянiе наше новое уголовное уложеніе, видящее въ немъ не «тяжкое преступленіе» и даже вовсе не «преступленіе», а только «проступокъ», караемый «арестомъ»¹⁾. По новому уголовному уложенію, супруга, сбѣжавшая съ любовникомъ отъ своего семейнаго очага, наказуется, какъ «служащій.... виновный въ самовольномъ оставленіи парохода или морского судна, отправляющихся въ плаваніе, или находящихся въ плаваніи, безъ уважительной причины, на время болѣе трехъ сутокъ»²⁾; супругъ, нарушившій обътъ вѣрности, отдающій свое вниманіе, ласки и средства посторонней женщинѣ, наказуется наравнѣ съ тѣмъ, кто по легкомыслію присвоилъ предметъ цѣною менѣе 50 копеекъ³⁾; доморощенный Донъ-Жуанъ, разбивающій иногда однимъ ударомъ счастье всей семьи, наказуется совершенно такъ же, какъ «виновный въ умышленномъ нанесеніи удара или иномъ насильственномъ дѣйствіи, нарушившемъ тѣлесную неприкосновенность»⁴⁾, и т. п. И такими мѣрами думаютъ купить уваженіе брачному союзу и страхъ передъ отвѣтственностью за посягательство противъ этого союза!... Мало того, почтенный авторъ той части проекта, которая охватываетъ преступленія противъ правъ семейныхъ, И. Я. Фойницкій, въ уголовной репрессіи прелюбодѣянiя видитъ средство къ сокращенію саморасправы⁵⁾, словно тотъ, кто считаетъ необходимымъ смыть свой семейный позоръ кровью измѣнницы или ея возлюбленнаго, откажется отъ своей мести ради той перспективы, что виновные отсидаютъ за то подъ арестомъ (стр. 636).

«Намъ кажется, — заключаетъ авторъ, — лучше совсѣмъ отказаться отъ уголовной репрессіи прелюбодѣянiя, признать единственнымъ юридическимъ по-

¹⁾ Ст. 418.

²⁾ Ст. 372, п. 2.

³⁾ Ст. 574.

⁴⁾ Ст. 475.

⁵⁾ Курсъ особенной части, стр. 136. Уголовное уложеніе, проектъ редакціонной комиссіи и объясненіе къ нему, 1895 г., т. IV, стр. 208.

слѣдствіемъ его разводъ по жалобѣ оскорбленнаго супруга, чѣмъ оказывать общественной нравственности такія сомнительныя услуги, какъ наложеніе ареста на виновныхъ въ прелюбодѣянніи»¹). Мы отмѣтили здѣсь лишь немногія, наиболѣе существенныя мѣста интереснаго изслѣдованія г. Абрашкевича; желающихъ подробнѣе ознакомиться съ обстоятельно разсмотрѣннымъ авторомъ вопросомъ отсылаемъ къ его книгѣ, которая, несмотря на свой обширный объемъ, читается легко, такъ какъ написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ.

Проф. М. Красноженъ.

¹) Тотъ же взглядъ мы высказывали еще при обсужденіи проекта новаго уголовного уложенія. См. нашу статью: Профессоръ М. Красноженъ. Старые и новые законы о бракѣ, Юрьевъ, 1898 г., стр. 16: «Назначенное въ 359 статьѣ проекта уголовного уложенія наказаніе,—писали мы тогда,—не можетъ удовлетворить обиженнаго, никого не устрашаетъ и никого не исправляетъ».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РИТИЧЕСКІЙ взглядъ на жизнь Колумба до его открытій. Подъ этимъ заглавіемъ появилось сочиненіе Анри Виньо ¹⁾, и авторъ доказываетъ, что въ жизни Колумба много сомнительныхъ фактовъ, такъ что потомство никогда не узнаетъ, насколько они достовѣрны. «Колумбъ не былъ человѣкомъ правдивымъ, — говоритъ Виньо, — и вотъ единственное заключеніе, къ которому могутъ привести біографическія о немъ свѣдѣнія». Онъ, по словамъ Виньо, не былъ, какъ самъ увѣрялъ, представителемъ цѣлаго рода мореплавателей и точно также не былъ аристократомъ, какъ удостовѣрялъ его сынъ. Въ сущности, онъ былъ, какъ и всѣ его родственники, простымъ ткачемъ. Совершенно ложно удостовѣрялъ его сынъ и Ласъ-Казасъ, что въ его семействѣ было два адмирала. Что касается много оспариваемаго года его рожденія, то достовѣрнѣе всего, что онъ родился въ 1451 году, а не въ 1435, какъ многіе увѣряли. Онъ не воспитывался въ Павіи, не отравился въ море четырнадцати лѣтъ и не изслѣдовалъ Исландіи, какъ увѣряютъ его біографы. Вообще говоря, ни одинъ фактъ, переданный его сыномъ или Ласъ-Казасомъ о молодости Колумба, не доказанъ, какъ достовѣрный, а вѣдь эти факты выданы за рассказанные самимъ Колумбомъ, но не вымышленные или переданные другими людьми. Легко признать, что эти неточныя данныя — плодъ самолюбія, а не лжи, и въ сущности они нисколько не увеличиваютъ славы Колумба. Взглядъ на внутренній характеръ изслѣдователя гораздо интереснѣе, и мы должны очевидно приписать легендѣ его великую идею объ открытіи новаго свѣта. Теорія, основан-

¹⁾ Etudes critiques sur la vie de Colomb avant ses découvertes. Par Henry Vignaud. Paris. 1905.

ная на удостовѣрени такихъ не заслуживающихъ довѣрія людей, какъ Колумбъ и первые писатели, которымъ онъ сообщилъ свои вымыслы, должна быть такъ же старательно провѣрена, какъ и факты его юности, въ сущности малозначительные. Ложные факты молодости, можетъ быть, изобрѣтены, чтобы служить подкладкой его теоріи западныхъ путешествій. Поэтому мы находимъ, что Колумбъ, по профессіи мореплаватель, имѣвшій между предками адмираловъ, получившій университетское образованіе и путешествовавшій по всему свѣту, — прекрасная подготовка для будущаго открывателя Америки. Но если основательныя изслѣдованія Виньо заставляютъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ сомнѣваться въ этихъ фактахъ, то почему же мы должны вѣрить убѣжденію, которое внушило ему, что Колумбъ когда нибудь существовалъ, впрочемъ, какъ бы основательно ни было это подозрѣніе, однако фактъ открытія Америки Колумбомъ доказывается, какъ вполне достовѣрный, всѣми его послѣдующими несчастіями и недавнимъ перенесеніемъ его трупа въ 1899 году изъ Гаванны въ Испанію, въ Севильскій соборъ. Поэтому, надо надѣяться, Виньо будетъ еще продолжать свои изслѣдованія и узнаеть, почему великій мореплаватель попалъ на мысль открытія Америки, что интереснѣе самаго факта открытія, въ которомъ не можетъ быть сомнѣнія. Католики настолько твердо вѣрятъ въ подобный фактъ, что даже старались въ 1873 году добиться у папы канонизаціи Колумба святымъ. Инициативу этого дѣла принялъ на себя бордоскій архіепископъ Доннэ, но не было доказано, чтобы второй сынъ Колумба, Фердинандъ, его біографъ, былъ законнымъ сыномъ отъ второй жены, а не дѣтищемъ любви. Поэтому священная конгрегація не согласилась на канонизацію великаго мореплавателя. Однако нельзя сказать, чтобы это заключеніе было окончательнымъ, такъ какъ въ пользу призванія Колумба святымъ высказалось 700 католическихъ епископовъ, а слѣдовательно нѣтъ основанія сомнѣваться, чтобы когда нибудь это значительное количество упорныхъ людей не настояло на своемъ.

— Любовь Лукреціи Борджіа и Пьетро Бембо. Семья Борджіа, прославившаяся своими развратными представителями, безконечное число разъ служила темой для литературы, и въ майскихъ нумерахъ «Revue Bleue» Альфредъ Пуаза въ своей статьѣ описываетъ романъ Лукреціи Борджіа и поэта Пьетро Бембо ¹⁾. При этомъ онъ касается личностей, какъ ея отца, папы Александра VI, такъ и ея брата Цезаря, и пытается между прочимъ облить папу. Впрочемъ, онъ самъ оговаривается, что не намѣренъ его облить, но не можетъ не сказать, что, «въ сущности, онъ, можетъ быть, и не былъ такимъ жестокомъ человѣкомъ, особенно если его судить съ точки зрѣнія идей и нравовъ той эпохи». Авторъ признаетъ, что Александръ VI былъ «дѣйствительно немного кутила, немного развратникъ, не очень серьезный для своей профессіи и менѣе всего подходящій человѣкъ для кандидата въ папы». Его избраніе было скандальнымъ, потому что представляло досадную неожиданность для итальянской публики, такъ какъ она надѣялась имѣть папой по-

¹⁾ Les amours de Lucrece Borgia et de Pierre Bembo. „Revue Bleue“, 13 Mai — 20 Mai 1905.

литика опытнаго, съ традиціями, который, хотя по обычаю папъ и раздавалъ бы своимъ племянникамъ мѣста, но ничего не перемѣнялъ бы въ равновѣсіи, созданномъ Лаврентіемъ Великолѣпнымъ, предоставивъ итальянской федераціи время сформироваться и утвердиться. Вмѣсто подобнаго человѣка итальянцамъ достался красавецъ Ленцуоло Борджіа съ магнетическими глазами, обожаемый женщинами, которыхъ онъ самъ обожалъ, и тѣмъ болѣе опасный, что не былъ серіозенъ и въ качествѣ испанца насмѣхался надъ Италіей, мечтая лишь о томъ, какъ бы составить себѣ пріятное существованіе и устроить своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Онъ подкупилъ конклавъ, но общественное мнѣніе на этотъ разъ, когда являлась угроза его интересамъ, всполошилось, и въ Италиі вспыхнуло неудовольствіе. Гнѣвъ народа увеличился и превратился въ ярость, когда увидѣли результаты его политики, и изъ Неаполя, отдавнаго Александромъ французамъ и испанцамъ, шли самыя жестокія эниграммы на счетъ папы и его ближнихъ. «Я не удивился бы, — говоритъ авторъ, — если бы руководителемъ политики этого тонкаго жуира, плохо подготовленнаго къ своей страшной власти, былъ его сынъ Цезарь. Представьте себѣ этого молодого человѣка, незаконнорожденнаго сына кардинала, нѣсколько запятнаннаго въ общественномъ мнѣніи и презираемаго; представьте себѣ сына Ванотци, хорошенькаго, какъ дѣвущка, испорченнаго до мозга костей, опьянявшагося развратомъ, повидимому, предававшагося проституціи и который до тѣхъ поръ держался въ низменномъ обществѣ, гдѣ жила его мать, а между тѣмъ имѣвшаго непомерное честолюбіе людей, ничего не знающихъ въ жизни и ничего отъ нея не получившихъ. Онъ мечтаетъ лишь о военномъ ремеслѣ, а ему только и говорятъ, что о священствѣ; онъ приходитъ въ бѣшенство, что съ нимъ не могутъ обращаться одинаково, какъ съ принцами, герцогами и королями, — съ нимъ, двусмысленнымъ юношей, котораго всѣ унижаютъ. У него громадный умъ, но онъ извлекаетъ изъ книгъ лишь то, что составляетъ его магію: уроки силы воли и смѣлости и стратегаему поведенія; онъ ругаетъ все и питаетъ отвращеніе ко всему, что носится въ воздухѣ его страны и его времени. Затѣмъ, внезапно онъ дѣлается сыномъ папы: онъ знаетъ, что ему все будетъ позволено, даже бесполезныя преступленія, даже преступленія изъ любви къ искусству, ради наживы; чтобы удивить, чтобы лучше овладѣть извѣженной душой отца, котораго онъ компрометируетъ изъ системы и дѣлаетъ добровольно или силой своимъ сообщникомъ. Быстрота — его пріемъ, изумлять и приводить въ ужасъ — его средства. Онъ умѣетъ притворяться, лгать, какъ ни одинъ итальянецъ, притуплять осторожность людей очарованіемъ и ласками, съ помощью, не знаю, какой-то женской и юношеской нѣжности въ лицѣ... Даже сами его жертвы не могли удержаться отъ восторга, настолько онъ осуществлялъ типъ сильнаго человѣка, котораго каждый въ немъ предчувствовалъ. Этотъ юноша спокойно велѣлъ убить брата, герцога Гандійскаго, мѣнавшаго его планамъ, а затѣмъ представился отцу, зная, что подъ предлогомъ отпущенія за сына папа не приговоритъ его къ смерти. Также спокойно онъ убилъ мужа своей сестры, Лукреціи, Джіованни Сфорцу, котораго онъ находилъ обременительнымъ и неудобнымъ для семьи Борджіа. Однажды вечеромъ Сфорца привесли домой раненаго, но еще живого. Лукреція

взялась за ним ухаживать, сидѣла возлѣ его постели и оберегала его. Эта сентиментальность надоѣла, Цезарю Борджіа, и, выломавъ дверь спальни, онъ ворвался, подбѣжалъ къ постели и собственными руками задушил Сфорцу въ рукахъ женщинъ, защищавшихъ его. Такими путями Цезарь шель къ своей цѣли—имперіи. Въ характерѣ самой Лукреціи также есть немало чертъ выскочки, но ея честолюбіе не требовало такихъ трагическихъ пружинъ. Точно она добивалась, требовала только хитрости и послѣдовательности ума. Сдѣлавшись герцогиней Феррарской, она старалась объ одномъ—быть любезной, любимой и представлять собою трогательную и довольно чистую личность. Она знала латинскій языкъ, а, можетъ быть, изучила и греческій съ еврейскимъ, когда была маленькой дѣвочкой и подслушивала у дверей; она божеественно играла, составляла пѣвчіе стихи и исполняла всевозможные національные танцы. Она отличалась отъ герцогини невѣстки отсутствіемъ высокомерія и была съ друзьями на одинаковой ногѣ и вполне отдавалась имъ душою. Ея поведеніе было полно очаровательныхъ безразсудствъ и неосторожностей. Она знала, что поѣты были къ ней жестоки, что Санназаръ, Понтано и всѣ изъ Неаполитанской академіи преслѣдовали ее ужасными словами, обвиняя ее въ томъ, что она раздѣляла ложе съ отцемъ и братьями, и впутывали ее во всѣ преступленія. Она хотѣла побѣдить поѣтовъ, и едва окончились всѣ брачныя церемоніи, какъ она пошла сама навстрѣчу поѣтамъ, откинувъ всѣ стѣснительныя церемоніи. Когда 2 марта 1502 г. въ Феррару торжественно при звукахъ цитры, охотничьихъ роговъ и барабановъ въѣхала Лукреція Борджіа, то всѣ были ею плѣнены. Ей было 25 лѣтъ. Вълокурая, хрупкая, хорошенькая, съ смѣющимися глазами, въ золотой съ жемчугомъ шапочкѣ, она ѣхала на конѣ, покрытомъ попоной изъ золотой парчи, рядомъ съ французскимъ посланникомъ, служившимъ ей крестнымъ отцемъ. Городскіе доктора несли надъ нею бѣлый шелковый балдахинъ. Съ перваго же взгляда на нее поѣты были побѣждены. Пьетро Bembo не могъ воздержаться, чтобы не пріѣхать взглянуть на дочь папы, изображеніе которой онъ видѣлъ на фрескахъ Пинтуриккіо. Поѣту было въ то время 32 года. Согласно описанію, онъ былъ красивъ и съ каждымъ годомъ молодѣлъ, благодаря изяществу своего ума. Онъ слылъ за зеркало учтивости, и самый изящный феррарецъ казался тяжеловатымъ рядомъ съ этимъ блестящимъ венеціанцемъ, еще юношей, вдыхавшимъ тонкій воздухъ Флоренціи въ отдаленныя времена Лаурентія Великолѣвнаго. Онъ былъ сыномъ посланника республики и съ малыхъ лѣтъ воспитывался подъ звуки тосканскаго языка, въ то же время изучая философію Платона. Затѣмъ онъ отправился въ Мессину слушать лекціи греческаго языка знаменитаго Константина Ласкариса. Когда его отца назначили венеціанцы управлять Феррарой вмѣстѣ съ герцогомъ Геркулесомъ, отцомъ будущаго мужа Лукреціи, то Пьетро отправился съ нимъ туда. Тамъ онъ былъ въ большой дружбѣ съ Строццою. Когда миссія его отца была окончена, онъ опять возвратился туда и поселился въ дворцѣ Строццы. Иногда же онъ жилъ на виллѣ Строццы одинъ, и ему посылали туда все продовольствіе. Это было мѣсто, гдѣ собирались поѣты, а потому въ одинъ ноябрьскій день 1502 года тамъ появилась Лукреція съ небольшою свитой, среди которой находился

двоюродный братъ ея мужа, Геркулесъ Эсте. Бембо былъ одинъ, и разговоръ принялъ столь благопріятный для него оборотъ, что поэтъ уже хотѣлъ заказать обѣдъ. «Ахъ, если бы она осталась, — писалъ онъ Строццѣ, — я ее угостилъ бы всѣми наслажденіями. Чего не сдѣлаешь для такой красивой, изящной женщины, да еще такой неформалистки! Когда она уѣзжала, я далъ ей стихи, которые тебѣ читалъ; я долженъ былъ дать ей еще другіе для тебя, которые мнѣ не нравятся. Она взяла ихъ отъ меня и всѣми силами хотѣла ихъ увезти съ собою; я попробовалъ взять рукопись изъ ея рукъ; я потянулъ ихъ, она сопротивлялась, и вдругъ они разорвались. Посылаю ихъ тебѣ съ нѣкоторыми измѣненіями»... Такимъ образомъ сближеніе между Лукреціей и Бембо по слѣдовало послѣ перваго же свиданія. Поэтъ очаровалъ Лукрецію, и, судя по слѣдующему письму, это сближеніе шло быстрымъ шагомъ. Въ этомъ письмѣ среди пылаго признанія говорится: «Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ васъ, я не помню, получалъ ли я когданибудь письмо болѣе нѣжное, чѣмъ то, что ваше высочество вручили мнѣ при моемъ отъѣздѣ, и въ которомъ я увидѣлъ, что пользуюсь вашей милостью. У меня было и раньше не одно доказательство этого, но увѣренность, которую я получилъ изъ вашихъ рукъ, доставила мнѣ полное удовлетвореніе». Далѣе между прочимъ онъ говоритъ: «Я испытываю нѣкоторое гордое удовлетвореніе, сознавая, что я люблю васъ, несмотря на судьбу, и ничто не можетъ помѣшать, чтобы вы меня не полюбили со своей стороны. Придетъ день, когда мы побѣдимъ и будемъ господствовать надъ этой злой волей, и тогда намъ будетъ дорого и пріятно вспомнить, что мы были твердыми и постоянными любовниками. И такъ какъ вы говорите, что хотите жить только для меня, то я со своей стороны вамъ заявляю, что съ этихъ поръ я ничего не желалъ бы и не искалъ бы другого въ жизни, какъ васъ, и всегда готовъ пожертвовать и потратить ее, чтобы вамъ понравиться. Итакъ, если вы знаете, что изъ меня сдѣлать, и на чтонибудь полезное я вамъ гожусь, располагайте моею жизнью, не торгуясь, но въ особенности остерегайтесь, чтобы никто не могъ знать и открыть вашихъ мыслей, дабы не закрыть болѣе, чѣмъ прежде, еще открытый путь къ нашей любви. Пожалуйста, никому не ввѣряйтесь, подождите моего возвращенія, которое во всякомъ случаѣ будетъ послѣ Пасхи, если я буду еще живъ. Податель письма — совершенно надежный человѣкъ. Цѣлую ваши нѣжныя ручки, которыя заковали мое сердце, и, если это не очень смѣло, то цѣлую ваши оба глаза, столь прелестные, блестящіе и нѣжные, что они ранили мнѣ душу». Въ архивѣ Мантуи давно сохраняются девять писемъ отъ Лукреціи Борджіа къ Бембо вмѣстѣ съ прядью бѣлокурыхъ волосъ и стихами на испанскомъ языкѣ, переписанными рукою поэта. Первое письмо Лукреціи, посланное съ ея стихами, обѣщаетъ начало романа и подписано: «Очень желающая вамъ нравиться Лукреція д'Эсте Борджіа». Было условлено, что она скроетъ свое имя подъ инициалами F. F. Это письмо Лукреціи къ Бембо долженъ былъ передать Геркулесъ Строцца, но онъ не очень спѣшилъ это исполнить, не довольный успѣхомъ Бембо у своей будущей герцогини. Онъ также написалъ въ ея честь латинскіе стихи и не хотѣлъ играть роль ширмы. Бембо понялъ, что Геркулесъ его ревнуетъ, отстранилъ его отъ роли любовнаго почтальо-

ва и избѣгалъ довѣрять ему свою тайну. Кромѣ того, для отвлеченія вниманія отъ своего романа съ Лукреціей, онъ завязалъ интригу съ Анджелой Борджіа. Ему было тѣмъ легче вести эту игру, что молодая дѣвушка обладала красивой наружностью. Получая письма, она по наивности относилась къ себѣ нѣжныя выраженія Бембо, а учтивыя — къ Лукреціи, но послѣдняя одна понимала, какъ надо читать эти письма. Благодаря такимъ предосторожностямъ, Бембо могъ иногда являться во дворецъ къ Лукреціи. Но какъ поэтъ ни окружалъ тайной свою любовь, слухи все-таки распространялись, и это озабочивало его друзей. Объ этомъ говорили при урбинскомъ дворѣ, гдѣ интересовались имъ тѣмъ болѣе, что тамъ господствовали женщины. Герцогъ страдалъ подагрой, и салономъ руководили герцогиня Елисавета, урожденная Гонзагъ, ея невѣстка, Эмилиа Піа, происходившая изъ дома Карпи, и вдова графа Монтефельтра. Привлечь въ этотъ салонъ Бембо считалось побѣдой, а вырвать изъ его сердца любовь къ Лукреціи представляло заманчивую интригу, которая способна была искушать умныхъ женщинъ. Этимъ занялась Эмилиа Піа, побуждаемая еще тѣмъ, что знала, какой опасности подвергается жизнь Бембо, если ея двоюродный братъ, Альфонсъ, узнаетъ о любви своей жены Лукреціи. Эмилиа, или, какъ ее прозвали, Мадонна Эмилиа, была живая, умная и нѣжная женщина. Эти качества отражались въ ея глазахъ, которые внушали мужчинамъ чувства, близкія къ любви. Она отличалась нѣкоторой полнотою и сама первая надъ этимъ подшучивала. Эта полнота мѣшала ей быть болѣе любезной съ мужчинами, и герцогиня съ улыбкой, въ сущности меланхоличной, останавливала признанія въ любви, которыя не прочь была услышать. Въ письмѣ къ Бембо она писала: «Я знаю, что вы не очень цѣните толстыхъ дамъ, особенно если онѣ не очень высоки». На это поэтъ отвѣтилъ, что онъ не переставалъ цѣнить личностей съ возвышеннымъ и геніальнымъ умомъ. На ея же лукавыя намеки онъ отвѣтилъ: «Не имѣя достаточно воображенія, чтобы угадать, о чемъ идетъ дѣло, я молчу. Я ничего не отвѣчу болѣе на то мѣсто въ вашемъ письмѣ, гдѣ вы говорите такимъ образомъ, который меня волнуетъ, такъ какъ думаю, что вы хотѣли надо мною пошутить». Тѣмъ не менѣе Бембо принялъ приглашеніе провести у нея нѣсколько дней. Но вскорѣ къ нему пришли извѣстія о болѣзни брата, и онъ немедленно рѣшилъ отправиться къ нему, но прежде онъ хотѣлъ распрощаться съ Лукреціей. Предчувствіе подсказывало ему, что произойдетъ какая-то переменна, и онъ не увидитъ болѣе Лукреціи. Брата онъ не засталъ въ живыхъ, но все-таки остался тамъ. Онъ болѣе не возвращался къ Лукреціи, хотя во всѣхъ письмахъ обѣщалъ скоро пріѣхать. Можетъ быть, Бембо при своемъ отъѣздѣ услышалъ разговоры о той опасности, которой онъ подвергается со стороны мужа Лукреціи, и боялся ѣхать. Прошли года; пылъ ихъ страсти улегся, благодаря разлукѣ, и Лукреція дѣлалась много разъ матерью. Изъ ихъ переписки исчезли пылкія слова, и любовь перешла въ искреннюю и чистую дружбу. Бембо послушался совѣтовъ Эмилии, и удалился въ Урбино; къ тому же онъ началъ старѣть, и приходилось подумать о будущемъ. Тогда онъ задумалъ перейти въ лоно церкви. Все-таки воспоминанія о Феррарѣ и о любви къ Лукреціи иногда тревожили его память, и однажды ему представилось милое лицо Анджели Борджіа, и онъ не былъ со-

всѣмъ увѣренъ, что все-таки онъ немного не любилъ ея, и поэтому ему пришла мысль написать къ ней письмо. Изъ Урбино Бембо отправился въ Римъ, гдѣ нѣскольколѣтъ былъ секретаремъ Льва X. Что касается Лукреціи, то, разставшись съ Бембо, она снисходительно выслушивала латинскіе стихи Геркулесса Строццы и принимала его ухаживанья. Ея мужъ не могъ равнодушно смотрѣть на поэтовъ, воспѣвающихъ на латинскомъ языкѣ красоту его жены. Отдѣлавшись отъ Бембо, онъ думалъ успокоиться, и ему было непріятно, что Лукреція начинаетъ романъ съ Строццей, человѣкомъ, богатымъ и значительнымъ въ Феррарѣ, гдѣ онъ занималъ высшую судебную должность. Мало того, что онъ, не стѣняясь, ухаживалъ за Лукреціей, которая видимо находила удовольствіе быть въ его обществѣ, но онъ сдѣлался любовникомъ красивой и умной Барбары Торелли, вдовы Геркулеса Бендиволио, на которую засматривался и Альфонсъ, хотя занимался большую часть времени своей артиллеріей и политикой. Строцца имѣлъ даже отъ нея дочь, когда рѣшился жениться. Этотъ бракъ возбудилъ такой гнѣвъ герцога, что, не показывая вида, онъ приказалъ убить Строццу. Тринадцать дней спустя, послѣдняго нашли проколотаго двадцатью двумя равами, съ исковерканнымъ лицомъ и вырванными волосами, которые ключьями валялись на землѣ. Всѣ знали виновника. Мужчины молчали, и только женщины, которыя пользовались его любовью, сопровождали похоронную процессію. Барбара Торелли, не имѣя возможности назвать имя убійцы, показывала на него народу пальцемъ. Въ то время, какъ она рвала на себѣ волосы отъ горя, Лукреція молча предавалась печали, набожно собирая его поэтическія произведенія.

— Столѣтній юбилей Мадзини. 22-го іюня 1805 года родился великій итальянскій патріотъ, Джузеппе Мадзини, и въ нынѣшнемъ году вся Италія, отъ Рима до его родины Генуи и самаго неизвѣстнаго мѣстечка отдаленныхъ закоулковъ Апеннинъ, праздновала этотъ памятный день. Не только въ Италіи, но во всей либеральной Европѣ, особенно въ Англіи, гдѣ составилось общество Мадзиніевскаго юбилея, подъ предѣтельствомъ англійскаго историка и государственнаго чловѣка, Морлея, — вездѣ откликнулось эхо этихъ ликованій. Апостолъ итальянскаго единства, Іосифъ Мадзини, происходилъ изъ средняго сословія. Его отецъ былъ профессоромъ анатоміи Генуэзскаго университета, а его мать была извѣстна красотой и возвышеннымъ характеромъ. Мадзини былъ съ дѣтства замѣчательнымъ ребенкомъ, но по причинѣ слабаго здоровья не могъ рано развить своихъ рѣдкихъ способностей. Въ 13 лѣтъ будущій свободолюбецъ прославился, какъ писатель, и, ненавидя медицинскую карьеру, къ которой его готовили, онъ вступилъ на литературный путь. Въ то время Италія была раздѣлена на значительное число мелкихъ герцогствъ, диктаторски руководимыхъ изъ Вѣны. Итальянская молодежь, на первомъ мѣстѣ которой находился Мадзини, была обуреваема страстной любовью къ свободѣ своей родины. Окончивъ университетскій курсъ, будущій диктаторъ бросилъ все—и литературу и науку, и сдѣлался даровымъ адвокатомъ для бѣдныхъ; въ этомъ званіи онъ въ короткое время достигъ громадной популярности. Въ знакъ же траура по своей родинѣ Мадзини облекся съ юности въ черную одежду, которой не снималъ до самой смерти. Онъ былъ членомъ въ то время

величайшаго тайнаго общества въ Европѣ — карбонаріевъ. Подозрѣнія, аресты и тюремныя заключенія слѣдовали одно за другимъ, но противъ молодого человѣка нельзя было доказать какого либо обвиненія. Однако для правительственной безопасности его изгоняли послѣдовательно изъ главнѣйшихъ городовъ Италіи. На вопросъ отца, зачѣмъ его сына арестовывали и заключали въ тюрьму, правительственные агенты отвѣчали: «Вашъ сынъ — способный молодой человѣкъ, очень любитъ уединенно гулять по ночамъ и никогда не говоритъ о предметахъ своихъ безмолвныхъ размышленій, а правительство очень не любитъ такихъ молодыхъ людей, которые, отличаясь талантомъ, мечтаютъ о невѣдомыхъ предметахъ». Онъ переписывался съ своими друзьями и единомышленниками на бѣльѣ, посылаемомъ имъ домой для стирки. Наконецъ подобная жизнь подъ полицейскимъ надзоромъ въ мелкихъ итальянскихъ городахъ стала ему невыносимой, и онъ перебрался въ Марсель, гдѣ составилъ планъ воскресенія своей родины, уже обдуманый въ мрачныхъ тюрьмахъ Италіи. Во Франціи онъ занялся главнымъ образомъ составленіемъ брошюръ политическаго содержанія, тайно посылаемыхъ въ Италію спрятанными въ различные товары. Попасться съ Мадзиніевской брошюрой означало заключеніе въ тюрьму, изгнаніе или даже смертную казнь. Его голова была отсѣнена, и Сардинія потребовала отъ Франціи удаленія Мадзини. Послѣдняя согласилась, но въ минуту выдачи его замѣнилъ очень похожій на него другъ, котораго и отравили въ итальянскую тюрьму; Мадзини же остался во Франціи, сохранивъ мундиръ національной гвардіи, и попрежнему составлялъ заговоры. Однако вскорѣ жизнь сдѣлалась ему не подъ силу, и онъ бѣжалъ въ Швейцарію, откуда также его выселили. Наконецъ онъ удалился въ Лондонъ въ январѣ 1837 года. Тутъ его пріютилъ какой-то бѣдный итальянскій патріотъ, или скорѣе разорившійся еврей. Живя въ крайней бѣдности, Мадзини старался обратить вниманіе Англіи на несчастное положеніе его страны, но тщетно, и почти никто не обращалъ вниманія на его политическія письма, помѣщаемыя въ газетахъ. Къ позору англійскаго правительства оказалось, что письма, адресованныя на его имя изъ Италіи, вскрывались и были передаваемы въ копіяхъ австрійскому и итальянскому правительствамъ. Несмотря на отрицаніе этого факта подъ присягой лордомъ Эбердиномъ и сэромъ Джемсомъ Греамомъ, справедливость этого обвиненія оказалась совершенно точной. Хотя англійскія власти защищали себя старыми увѣреніями, что Мадзини былъ убійца, онъ вполне справедливо отвѣчалъ: «Когда государственные люди играютъ роль лгуновъ и обманщиковъ, то неудивительно, если они обращаются и въ клеветниковъ». Знаменитый Карлэйль написалъ открытое страстное письмо въ защиту Мадзини, доказывая, что вскрывать чужія письма было то же, что воровать изъ чужого кармана, а Мадзини онъ зналъ за человѣка гениальнаго, добродѣтельнаго, правдиваго, гуманнаго и наибогороднѣйшаго. Послѣ неудачныхъ возстаній въ Иمولѣ, Козенцѣ и Римини Мадзини принялъ личное участіе въ революціонномъ движеніи 1848 г. По его приглашенію, Гарибальди совершилъ удивительную итальянскую кампанію, равной которой нѣтъ въ современной исторіи. Что же касается Мадзини, то послѣ кратковременнаго пребыванія въ арміи Гарибальди онъ перебрался въ

Лугано, Флоренцію и Римъ, гдѣ былъ избранъ въ депутаты и попалъ въ руководители кратковременной римской республики. Вмѣстѣ съ Саффи и Армеллини онъ составилъ тріумвиратъ, но продержался недолго. Гарибальди такъ удачно защищалъ вѣчный городъ отъ французскихъ войскъ, что они просили перемирія, а когда итальянцы на это согласились, то французы вѣроломно нарушили данное слово и взяли обманомъ Римъ. Мадзини и Гарибальди должны были спастись бѣгствомъ. Первый вернулся въ Лондонъ въ 1849 году и въ продолженіе двадцати лѣтъ велъ самую энергичную, самую дѣятельную и самую лихорадочную жизнь, поддерживая своими рѣчами, письмами и сочиненіями революціонную агитацію въ Италіи. По временамъ онъ являлся въ свою родную страну подъ разными переодѣваніями: то старой жонщины, то монаха, то матроса и т. д. Въ 1853 году онъ тайно былъ въ Миланѣ и принималъ участіе въ неудачномъ возстаніи. Черезъ два года онъ подстрекалъ своихъ соотечественниковъ къ бунтамъ въ Генуѣ, Ливорно и Неаполь, но съ 1859 года его дѣятельность замѣтно ступевалась. Викторъ-Эммануилъ, Кавуръ и Гарибальди вырвали изъ его рукъ главенство въ дѣлѣ итальянскаго единства, поставивъ на первое мѣсто не излюбленную имъ республику, а монархію. Въ 1864 году Мадзини былъ избранъ въ депутаты Мессины, но по интригамъ умѣренной партіи его выборъ былъ кассированъ, а когда впоследствии снова онъ очутился въ итальянскомъ парламентѣ, то самъ отказался отъ принятія присяги въ вѣрности королю. Такимъ образомъ, вѣчный защитникъ свободы и единства Италіи не игралъ никакой официальной роли, когда она достигла хотя въ меньшей степени этой цѣли, за которую великій патріотъ боролся изъ всѣхъ своихъ силъ, и однако нельзя было сказать, что онъ не былъ практическимъ дѣятелемъ, а только теоретическимъ заговорщикомъ. Онъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ государственныхъ дѣлахъ, что Карлъ-Альбертъ предлагалъ ему мѣсто перваго министра; онъ такъ искусно составлялъ военные планы, что Мольтке приходилъ отъ нихъ въ восторгъ; наконецъ во время его римской республики его правленіе было такъ успѣшно, что лордъ Шальмерстонъ говорилъ: «Никогда Римъ не управлялся такъ благополучно, какъ подъ властью Мадзини». Правда, что всѣ многочисленные его мятежи оканчивались неудачно, но не отъ неумѣнія, а скорѣе отъ измѣнъ. Въ 1872 году 10-го марта, Мадзини по возвращеніи въ Италію умеръ въ Пизѣ и похороненъ въ Генуѣ, въ Кампо-Санто, гдѣ недавно въ память его воздвигнута статуя; кромѣ того, въ Италіи сооружено еще нѣсколько памятниковъ въ честь его. Въ настоящее время строится въ его родномъ городѣ, Генуѣ, Мадзиниевскій музей, а въ Римѣ собираются напечатать національное изданіе его сочиненій, для чего назначена королевская комиссія. Послѣ его смерти консерваторы воскликнули: «Республиканско-итальянская партія сошла въ могилу вмѣстѣ съ своимъ знаменитымъ вождемъ». Дѣйствительно его сторонники почти всѣ превратились въ умѣренныхъ либеральныхъ монархистовъ, какъ, напримѣръ, Фортисъ, теперешній первый министръ. Остающіеся еще республиканцы совершенно измѣнились и сдѣлались подобно Энрико Ферри социалистами-революціонерами. «У меня былъ два раза случай откровенно высказать о Мадзини свое мнѣніе, — сказалъ онъ, — но мое мнѣніе исковеркали и выдали меня за

унижателя великаго политическаго агитатора. Въ первый разъ я сказалъ, что Гарибальди былъ мнѣ симпатичнѣе Мадзини, котораго я не любилъ за его религіозныя убѣжденія; во второй разъ я назвалъ послѣдняго гигантомъ буржуазной и антисоціальной мысли». Мадзини былъ вѣрующимъ деиствомъ и индивидуалистомъ, поэтому въ настоящее время итальянское правительство ввело его религіозныя сочиненія въ число книгъ либеральной монархіи. Мистическій идеалистъ, Мадзини написалъ всего восемнадцать томовъ своихъ политическихъ и религіозныхъ сочиненій, и, по словамъ Альфреда Накэ, его можно теперь принять за реакціонера, такъ какъ онъ былъ деиствомъ и націоналистомъ. «Но, — прибавляетъ Накэ, — его надо судить съ точки зрѣнія его времени, и тогда онъ будетъ казаться великимъ революціонеромъ. Тогда еще деизмъ не былъ отдаленъ отъ научнаго духа и конституція отъ социализма. Онъ былъ въ то время упорнымъ республиканцемъ и никогда не присоединился бы къ Савойской династіи». Быть можетъ, англичане еще болѣе итальянцевъ цѣнили высокаго апостола свободы: поэтъ Свинборнъ пѣлъ ему вѣчную славу въ своей «Пѣснѣ Италіи»; романистъ Джорджъ Мередитъ изображалъ его въ безсмертномъ величіи въ прекрасномъ романѣ «Викторія», а великій мыслитель, Джонъ Морлэй, говорилъ, что Мадзини былъ, во всей вѣроятности, величайшимъ гениемъ нашего столѣтія. Естественно, что по случаю юбилея Мадзини вышло много статей въ журналахъ и газетахъ всей Европы, и самыя интересныя въ іюльскомъ номерѣ «Review of Reviews» англійскаго писателя Дэвиса, который на-дняхъ окончитъ обстоятельную біографію итальянскаго патріота, и во второй іюльской книгѣ «Nouvelle Revue» французскаго автора, подъ псевдонимомъ Ракени.

— Скромное чествованіе народнаго поэта іюльской революціи. Въ нынѣшнемъ году среди безчисленныхъ и разнообразныхъ юбилеевъ минулъ двойной юбилей: семидесятипятилѣтній іюльскихъ дней и столѣтній рожденія Огюста Барбье, пламенно воспѣваго переворотъ 1830 года. Но и тотъ и другой были одинаково забыты Франціей; только одинъ парижскій журналъ «Revue Bleue» рѣшилъ отпраздновать забытый всѣми юбилей и устроить чествованіе столѣтія Барбье частнымъ образомъ, среди извѣстныхъ академикомъ, литераторомъ, художникомъ, артистомъ и т. д. Даже оно не состоялось 28 апрѣля, въ день, въ который онъ родился въ 1805 г., а 29 мая въ саду извѣстнаго ресторана Ледуафена, въ Елисейскихъ Поляхъ. Подъ предсѣдательствомъ редактора «Revue Bleue», Феликса Дюмулэна, тутъ собрались Леонъ Буржуа, популярнѣйшій государственный человекъ, Брусъ, предсѣдатель парижскаго муниципальнаго совѣта, Сельвъ, префектъ Сены, Марселенъ Вертелло, знаменитый ученый, поэты Леонъ Дирксъ и Гередіа, академикъ Сарду, родственники юбиляра, Пьеръ Барбье и Гансъ Оливье, множество литераторовъ, ученыхъ, политическихъ дѣятелей и т. д. Первую рѣчь произнесъ Дюмулэнъ, который началъ съ того, что Огюстъ Барбье былъ самымъ упорнымъ народнымъ поэтомъ XIX вѣка, почувствовавшимъ вдохновеніе отъ освобожденія всего французскаго народа въ 1830 году. Въ своихъ безсмертныхъ ямбахъ онъ съ удивительнымъ пыломъ воспѣлъ, что «видѣлъ, какъ въ три дня на великой столичной мостовой народный левъ возсталъ во всемъ его величіи». «Короткое

время славы Барбье миновало,—прибавилъ ораторъ,—и мы вадѣмся, что наша демократія теперь надолго возстановитъ народную популярность Барбье и воздвигнетъ ему вѣчный памятникъ». Затѣмъ были прочитаны стихи въ честь юбиляра, безконечныя рѣчи и его собственныя стихотворенія—вотъ и все, чѣмъ небольшой кружокъ просвѣщенныхъ французовъ чествовалъ истиннаго народнаго поэта, искренно воспѣваго революціонныя порывы. Конечно, тотъ же журналъ «Revue Bleue» помѣстилъ нѣсколько статей о Барбье и его друзьяхъ, а также характеристику поэта по случаю его юбилея, Эдмона Пилона. Мы воспользуемся этими матеріалами, чтобы представить въ нѣсколькихъ чертахъ его очеркъ. Огюсть Барбье родился въ 1805 г., и его отцомъ былъ небогатый парижскій стряпчій, но поэтъ собевно сохранилъ память о своей матери. «Моя мать,—говорилъ Барбье,—была маленькаго роста, но, несмотря на это и сутоловатыя плечи, отличалась значительной красотой. Особенно же у нея были прекрасныя руки и ноги. Ея носъ былъ нѣсколько вздернутъ, и глаза большіе, черные, ротъ хорошо обрисованъ, а на подбородкѣ красовалась ямочка. Ея волоса, черные, какъ смоль, были такъ длинны, что могли покрывать все ея тѣло. Главной ея чертой была грація». Ея сынъ могъ бы еще сказать, что она отличалась мужествомъ, судя по рассказываемымъ о ней замѣчательнымъ анекдотамъ, случившимся во время русскаго вторженія въ 1810 году. «Однажды ночью нашъ домъ былъ окруженъ солдатами,—говоритъ Огюсть Барбье,—и моя мать нисколько не испугалась, а, вставъ, одѣлась и, отвѣдя имъ помѣщеніе, дала все необходимое. Позже одинъ изъ солдатъ, полупьяный, съ обнаженной саблей бросился преслѣдовать служанку, и моя мать однимъ своимъ взглядомъ, полнымъ достоинства, спасла бѣдную женщину отъ опасности». Получивъ воспитаніе въ какой-то школѣ, Барбье изучалъ право въ университетѣ и, выйдя изъ него двадцати пяти лѣтъ, находился въ одномъ изъ маленькихъ селеній Сены и Марны, когда вспыхнула іюльская революція. Она совершилась очень естественно и просто: король Карлъ X нарушилъ конституцію и распустилъ палату. Парижъ не хотѣлъ тиранической власти, и по объявленію газеты «National» французскій народъ рѣшилъ, чтобы королевское правительство управляло согласно хартіи или убиралось вонъ. 27-го іюля, утромъ, началось возстаніе, скоро перешедшее въ революцію. На другой день народъ и армія встрѣтились подъ знойнымъ, лѣтнимъ небомъ, у Аркольскаго моста, предъ воротами Сень-Дени и Сень-Мартэнъ, въ предмѣстьѣ св. Антонія и предъ ратушей. 29-го взятіе Палэ-Рояля и Тюильри побудило королевскія войска отступитъ къ Сень-Клу. Какъ только распространились въ провинціи извѣстія объ успѣхѣхъ возстанія, то число инсургентовъ увеличилось патріотами, прибывшими изъ деревень. Между прочимъ Огюсть Барбье явился къ Парижскимъ воротамъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, генераломъ Жуанецомъ. Онъ самъ описалъ въ своихъ «Личныхъ воспоминаніяхъ» незабвенную картину этихъ знаменитыхъ дней. Побуждаемые восторженнымъ народомъ, несшимъ еще дымящіяся ружья и развѣвавшееся трехцвѣтное знамя, юноша и генералъ очутились на Бастильской площади. Тамъ послѣдній, еще придерживавшійся Бурбонскаго порядка, принялся выговаривать блузникамъ, только что вернувшимся изъ Тюильри. Но въ эту минуту предъ толпою выскочилъ молодой человекъ, съ обнаженными грудью и голо-

вой, съ черными отъ пороха руками, и крикнулъ: «О, генераль, народъ вель себя величественно!» Этотъ крикъ, всеобщій энтузіазмъ и сознаніе побѣдоноснаго могущества возбудили поэтическій геній Барбье. «Онъ получилъ ударъ іюльскаго солнца»,—говорить Сень-Бёвъ. Лихорадка героизма заклочотала въ его груди. Онъ вдругъ почувствовалъ себя поэтомъ революціи и сталъ сыпать вдохновенными ямбами, о которыхъ другой поэтъ, Ламартинъ, сказалъ: «они равны поэзіи Пиндара по силѣ и Ювенала по гнѣву». Эгогъ невѣдомый двадцатипятилѣтній поэтъ сдѣлался баловнемъ всей Франціи, изумленной неожиданнымъ, невѣроятнымъ пыломъ его музы. Вся буржуазія, весь народъ, вся публика—всѣ безъ разбора были приведены въ восторгъ его несравненными, порывистыми стихотвореніями, особенно «*La cigée*», гдѣ поэтъ воспѣвалъ «великую толпу, святую чернь, возставшую среди сабельныхъ ударовъ и пальбы пушекъ для обладанія безсмертіемъ». «Пятнадцать лѣтъ лишенная свободы говорить и писать, бороться и покрывать себя славой, французская толпа, по словамъ Эдмонда Пилона, была вѣ себя отъ счастья, повторяя эти прекрасные, величавые, свободолюбивые, огненные стихи». Собрать всѣ свои вдохновенные ямбы, Барбье издалъ ихъ подъ названіемъ: «*Jambes*», и до настоящаго времени ихъ уже вышло тридцать одно изданіе. Хотя, въ сущности, они заимствованы по содержанію и формѣ у Шенье, но въ свою очередь Барбье воодушевилъ знаменитую картину Делакруа: «Свобода на баррикадахъ», статьи Карреля, прокламацію Бланки и даже «*Le Châtiment*» Виктора Гюго. Вмѣстѣ съ своими патріотическими ямбами онъ прославился и противоположными поэмами въ родѣ «*Idole*», въ которыхъ онъ страстными, порывистыми строфами клеймилъ Наполеона. Хотя впоследствии Барбье много писалъ, но ничего не создалъ подобнаго своимъ первымъ великимъ произведеніямъ. Правда, онъ продолжалъ въ прежнемъ своемъ духѣ, но гораздо слабѣе писать въ 1848, 1857 и даже въ 1870 г., когда онъ восклицалъ: «Моя ненависть будетъ вѣчно клеймить московскаго бѣглеца и Венсенскаго убійцу». Изъ большихъ его произведеній заслуживаютъ уваженія «*Il riante*», стихотворенія, оплакивающія пораженіе Италіи въ тридцатыхъ годахъ, и «*Lazare*», поэмы о страданіяхъ англійскихъ пролетаріевъ. Но вообще его позднѣйшія произведенія въ романтическомъ духѣ уступали величію его сатирическихъ ямбовъ, и Бальзакъ говорилъ: «Барбье съ Ламартиномъ—единственные поэты, дѣйствительные поэты нашего времени. Гюго бывалъ только по временамъ лучезаренъ». Еще замѣчательны переводы Барбье изъ мистическихъ сказокъ американца Поэ и трагедіи Шекспира: «Юлій Цезарь». Онъ также пробовалъ написать нѣсколько романовъ и путешествій, но неудачно. Вообще его слава неожиданно исчезла: онъ совершенно померкъ въ долгіе годы, прожитые имъ до смерти. Многіе даже были убѣждены, что онъ умеръ задолго до своей смерти, и въ 1868 г. извѣстный католическій писатель, графъ Монталамберъ, просилъ Эдуарда Гренье найти его партіи кандидата въ академію.—«Выберите Барбье»,—отвѣчалъ послѣдній.—«Кто онъ такой?»—спросилъ Монталамберъ.—«Авторъ Ямбовъ».—«Но я думалъ, что онъ уже умеръ».—«Ничуть, я его видѣлъ вчера».—«Вѣдь онъ написалъ: «Я только одну личность ненавиждѣлъ. О ненавистный Наполеонъ!»—«Конечно!»—«Такъ онъ намъ на

руку!» Гизо и Гьертъ одобрили этотъ выборъ, и Огюсть Барбье былъ избранъ восемнадцатью голосами противъ четырнадцати, данныхъ Теофилю Готье. Послѣ этой минутной вспышки популярности Барбье снова померкъ до 1878 г., когда республиканскій министръ Барду далъ ему орденъ Почетнаго Легиона. Наконецъ онъ умеръ въ 1882 г. въ Ниццѣ, и никто не выразилъ сожалѣнія о немъ, даже при замѣнѣ его кресла въ академіи. Точно также столѣтіе Барбье было помянуто только небольшимъ кружкомъ литераторовъ, а французская публика и французскій народъ не помянули ни словомъ великаго поэта Июльской революціи.

— Донъ Хозе Эчегарей. Никто изъ современныхъ иностранныхъ писателей не возбуждаетъ восторженнаго удивленія, какъ испанецъ донъ Хозе Эчегарей, поэтъ, мыслитель, математикъ, ораторъ, политикъ и даже государственнѣйшій дѣятель. Не меньше можно изумляться и тому обстоятельству, что талантъ драматическаго писателя проснулся въ Эчегарей, только когда ему минуло 40 лѣтъ, и проснулся онъ какъ-то внезапно, по наитію, созрѣвая въ немъ скрыто и выйдя на свѣтъ не бутонъ, а уже распутившимся цвѣткомъ. Неудивительно поэтому, что Нобелевская премія за лучшія литературныя произведенія была присуждена ему. Онъ родился въ 1835 году и пятнадцатилѣтнимъ бакалавромъ философіи слушалъ лекціи въ Escuelas de Ingenieros de Caminos, т. е. въ школѣ инженеровъ путей сообщенія, откуда вышелъ первымъ съ званіемъ инженера путей сообщенія. Въ этомъ званіи онъ началъ свою карьеру въ Гренадѣ и Аммеріи, затѣмъ былъ приглашенъ въ Мадридъ для преподаванія дифференціальнаго исчисленія, механики и стереотоміи. Въ 1866 году въ немъ проявился ораторскій талантъ, и онъ произнесъ при вступленіи въ академію естественныхъ наукъ такую рѣчь, что его признали ораторомъ, «идеи котораго могутъ и не нравиться всѣмъ, но съ которымъ приходится считаться». вмѣстѣ съ изученіемъ высшихъ математическихъ наукъ Эчегарей не пренебрегалъ литературными познаніями, и, владѣя иностранными языками, читалъ въ подлинникахъ Шекспира, Шиллера, Гёте, Корнеля, Расина, Мольера, Виктора Гюго, и это чтеніе отозвалось впоследствии на его первыхъ драматическихкихъ работахъ. Но особенно похвальное качество въ Эчегарей—это его страсть обогащаться познаніями и этимъ расширять свой кругозоръ. Такъ, напримѣръ, теперь семидесятилѣтній Эчегарей изучилъ политическую экономію и принялся проводить новыя доктрины о свободѣ промышленности и торговли, читая лекціи и произнося рѣчи. Революція 1868 года заставила его вступить въ воинствующую политику, а въ 1869 году, будучи управляющимъ публичными работами, земледѣліемъ и торговлей, и депутатомъ конституціонныхъ кортесовъ, онъ сдѣлался министромъ финансовъ, но вышелъ, когда прибылъ король Амедей. Въ 1872 году онъ вновь занялъ этотъ постъ, но народное движеніе 1873 года, уничтоживъ временную комиссію, въ которой онъ участвовалъ, заставило его удалиться въ Парижъ. Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія во Франціи онъ вернулся въ Испанію и принялъ въ январѣ 1874 года министерскій портфель. Во время его пребыванія въ Парижѣ въ немъ внезапно проснулся поэтическій талантъ. Онъ очень былъ удивленъ этимъ призваніемъ, но продолжалъ сочинять стихи и наконецъ написалъ первую пьесу «El libro

talonario» (Книга талоновъ), которую поставилъ на сцену, конечно, подъ псевдонимомъ уже въ бытность свою министромъ. До того времени въ немъ не было признака поэтическаго дарованія, но съ этихъ поръ онъ не переставалъ писать пьесы, создавая отъ двухъ до четырехъ пьесъ въ годъ, такъ что теперь ихъ уже семьдесятъ. «Эти произведенія,—говорилъ онъ французскому журналисту Сентъ-Эдму, изъ статьи ¹⁾ котораго заимствованы эти свѣдѣнія,—выдержали огонь рампы вмѣстѣ съ критическимъ. Я всегда хотѣлъ утвердить мою индивидуальность, и если мнѣ удалось, какъ говорятъ, произвести радикальную революцію въ испанскомъ театрѣ, то благодаря моему упорству и нечувствительности къ нападкамъ рутины». Вначалѣ Эчегарей, какъ мы уже упоминали, писалъ стихами, а впоследствии прозой, и по его личному сознанию въ первыхъ его произведеніяхъ замѣтно вліяніе классиковъ съ нѣкоторымъ драматическимъ современнымъ характеромъ, какъ, напримѣръ, въ пьесахъ: «La Esposa del Vengador», «En el puno de la espada», «En el pilar y en la cruz». Въ другихъ же пьесахъ, какъ въ «O lo cura, o santidad», «El gran Galeoto», переведенныхъ на иностранные языки, въ «Los dos fanatismos» и «El loco Dios» видно философское и социальное направленіе. По словамъ самого Эчегарей, рычагомъ къ его славѣ на сценѣ послужили психологическія задачи и изученіе человѣческихъ страстей, какъ: «Conflicto entre dos deberes», «Mariposa», «Mancha que limpia», «La Desequilibrada». Проникнутый сознаниемъ необходимости обновить умирающій испанскій театръ, Эчегарей прежде всего попробовалъ свои силы, нашелъ свой путь и оцупалъ публику, съ которой предстояло имѣть дѣло. Онъ понемногу подготавливалъ и развивалъ ея кругозоръ и въ романтическую концепцію понемногу вводилъ реалистическій элементъ. Такимъ образомъ своимъ правдивымъ наблюденіемъ жизни онъ привлекалъ зрителей, которые ранѣе привыкли къ инымъ пьесамъ. Со времени Лопе и Кальдерона испанскій театръ умиралъ отъ истощенія, и романтики: Гарція Гутьерець, герцогъ Ривасъ и Царила, едва могли хотя немного протянуть его агонію, а, чтобы спасти его, требовался гений: этимъ гениемъ явился Эчегарей. Откинувъ старыя традиціи, онъ вывелъ на сцену человѣческую драму со всѣми ея аксессуарами: душевными бурями, борьбою совѣсти и долга съ жизненными обстоятельствами. Эчегарей—вмѣстѣ и наблюдатель и поэтъ. Авторъ-математикъ отразился въ его драмахъ: онъ иногда такія предлагаетъ зрителю задачи и положенія, что онѣ кажутся неразрѣшимыми, но онъ неожиданно разомъ разрѣшаетъ ихъ, иногда даже послѣдней сценой. Темы его пьесъ самыя разнообразныя, и въ психологическихъ драмахъ пороки онъ изобразилъ съ ужасающей силой. Всѣ его пьесы во все время ихъ развитія на сценѣ остаются для зрителя загадкой до послѣдняго дѣйствія, и такая игра была бы опасна для другого писателя, Эчегарей же, благодаря своему таланту, выходитъ побѣдителемъ. Такъ, его драма «El gran Galeoto», переведенная почти на

¹⁾ Un mathématicien, auteur dramatique, don Jose Echegaray. La Revue, 15 Mars 1905.

всѣ языки и поставленная на европейскихъ сценахъ, представляетъ ложныя и трудно допустимыя положенія, и все-таки, благодаря силѣ его гения, онъ ее сдѣлалъ настолько образцовымъ произведеніемъ высоко-нравственной идеи и полной интереса психологій, что она обезсмертила его имя. Но что еще удивительно въ немъ, какъ въ человѣкѣ, изучившемъ точныя науки, такъ это проявленіе романтическихъ порывовъ. На удивленіе, выраженное ему Сентъ-Эдмомъ, что въ немъ совмѣщаются такія противоположныя и разнообразныя способности, Эчегарей отвѣтилъ: «Все это вамъ кажется отдаленнымъ отъ литературы? Мнѣ же нисколько. Я нахожу безграничную поэзію въ высшей сферѣ математики. Это необъятное поле дѣйствій, куда мнѣ отраднo уноситься воображеніемъ. И когда я создаю литературное произведеніе, когда я пишу перипетіи драмы, я встрѣчаю тамъ, какъ главную основу, повелительную силу математическихъ законовъ, изъ которыхъ вытекаетъ борьба съ судьбою, а какая же можетъ быть могущественнѣе судьба, какъ не математическаго закона, когда онъ сталкивается съ нашей нравственной свободой». «Изъ этого видно, что Эчегарей не пессимистъ и не матеріалистъ, — говоритъ Сентъ-Эдмъ, — и его фатализмъ греческій, какъ Софокла, или французскій, какъ Виктора Гюго. Его алгебраическія занятія заставляютъ его предпочитать въ его драматическихъ созданіяхъ синтезъ и анализъ. Онъ развиваетъ положеніе и завязываетъ сценическій узелъ, въ которомъ спутаны всевозможныя виды беспощадной борьбы между условіями общественной жизни человѣчества и вѣчными законами предопредѣленія и судьбы». Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ Эчегарей господствуетъ въ испанскомъ театрѣ и приводитъ въ восторгъ испанскую публику. Его идеаль — создать новый взглядъ на искусство и новую манеру понимать его. Несмотря на свой возрастъ, онъ полонъ жизни и юношеской силы, доказательствомъ чего служить появившійся въ Мадридѣ его этюдъ о современныхъ нравахъ: «*A fuerza da arrastrarse*», ѣдкая сатира, развивающаяся въ сценахъ, полныхъ жизни, вдохновенія и особенно пріятной философіи, какъ у человѣка, знающаго дурныя стороны существованія только у другихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ математикъ продолжаетъ въ немъ жить, и нѣсколько разъ въ мѣсяцъ Эчегарей съ большою ясностью читаетъ въ мадридскомъ «*Ateneo*» лекціи на самыя отвлеченныя и для большинства сухія темы. вмѣстѣ съ тѣмъ въ нынѣшнемъ іюлѣ онъ вновь назначенъ министромъ финансовъ въ министерствѣ Монтеро Риоса.

— Смерть Томэка, Гомеца, Типпу-Тиба, Джона Гея, Виллавердэ и Элизэ Реклю. 12-го іюня настоящаго года въ Прагѣ умеръ Вацлавъ Томэкъ, чешскій историкъ, послѣдній представитель того геройскаго поколѣнія, которое воскресило чешскій народъ къ нравственной и политической жизни. Онъ родился въ 1813 г. въ Краловѣ-Градекѣ (Кенигратцѣ) и, получивъ образованіе въ Прагѣ, поступилъ въ муниципальную канцелярію, но въ свободное время предавался историческимъ занятіямъ. Пражскій университетъ выбралъ его профессоромъ исторіи Австріи, а императоръ Францъ-Іосифъ назначилъ его членомъ палаты господъ. Въ 1848 году онъ перешелъ депутатомъ въ рейхсратъ и написалъ по-нѣмецки, а болыне по-чешски, значительное число сочи-

нений по истории Австрии и Чехии. По совету своего друга, Палацкаго, онъ посвятилъ большую часть своей жизни монументальной истории города Праги, написанной имъ на чешскомъ языкѣ, и которую онъ довелъ до XVII вѣка и до XII тома. Незадолго до своей смерти, онъ издалъ свои воспоминанія, чрезвычайно интересныя. Томъкъ былъ членомъ Чешской академіи и Пражскаго королевскаго общества наукъ.

Нѣсколько дней спустя, вся Куба оплакивала смерть генерала Максимо Гомеца, скончавшагося въ Гаваннѣ. Родившись въ 1833 году на островѣ Гаити, онъ съ юности душой и тѣломъ посвятилъ себя независимости Кубы и принялъ участіе въ большомъ возстаніи 1868—1878 гг. Въ эту эпоху онъ уже былъ главнокомандующимъ, и испанскій маршалъ Мартинецъ Кампоэ считалъ его своимъ опаснымъ соперникомъ, но только въ 1895 году онъ сдѣлалъ окончательную попытку завоевать свободу своей страны. Вставъ во главѣ возставшихъ Марти, Мацео и др., онъ боролся изо всѣхъ силъ съ испанскими войсками сначала маршала Бланко, а потомъ генерала Вейлера. Благодаря вмѣшательству Соединенныхъ Штатовъ, побѣда осталась за кубанскими патріотами. Съ тѣхъ поръ Максимо Гомецъ содѣйствовалъ организациі республики и, несмотря на свою популярность, жилъ въ Гаваннѣ почти въ бѣдности, но почитаемый всѣми своими соотечественниками.

Почти въ то же время скончалась въ Занзибарѣ совершенно иная личность — торговецъ невольниками и владѣлецъ въ экваторіальной Африкѣ — Типпу-Тибъ. По своему настоящему имени онъ назывался Гамэдъ-Бэнъ и родился въ Буамадѣ, близъ Багамайе, въ 1835 году; по происхожденію онъ былъ арабъ, хотя по цвѣту кожи и по чертамъ лица онъ очень походилъ на негра. Названіе Типпу-Тибъ означаетъ «тотъ, кто моргаетъ», и это прозвище было дано ему, потому что онъ всегда моргалъ. Его дѣдъ, Могамедъ Маржеби, прибылъ изъ Маската въ Багамайе и отправился съ нѣсколькими товарищами внутрь страны для приобрѣтенія слоновой кости и невольниковъ, а въ 1863 году поселился въ Нянгуэ на Конго. Мать Типпу-Тиба была мѣстная невольница. Въ 1886 году онъ началъ заниматься торговлей невольниками и основалъ вдоль Конго посты, которые были въ одно и то же время военными лагерями, рынками невольниковъ и земледѣльческими центрами: Нянгуэ, Кассонго, Рыба-Риба и т. д. Онъ также приобрѣлъ большое вліяніе отъ Конго до озера Танганайки, находясь во главѣ значительнаго государства. Сначала туземцы встрѣтили его очень дурно, и онъ долженъ былъ пролить много крови, чтобы обезпечить за собою торговое обладаніе Маніэмой и берегами Луалабы, но когда прошелъ кровавый періодъ, онъ сосредоточилъ вокругъ себя покоренныхъ туземцевъ, защитилъ ихъ отъ враговъ и даже добился ихъ расположенія. «Владѣя страной, — говоритъ Вотеръ въ своей книгѣ: «*Mouvement géographique*», 1905 г., — онъ установилъ свои законы, организовалъ трудъ и успѣлъ дать туземцамъ нѣкотораго рода безопасность и сравнительное матеріальное благоденствіе, котораго они прежде не знали, благодаря чему они признали превосходство новыхъ пришельцевъ». Ливингстонъ встрѣтилъ Типпу-Тиба въ 1871 году. Многочисленные европейскіе путешественники пользовались его по-

мощью для того, чтобы перейти бассейнъ верхняго Конго; при этомъ они, такъ сказать, прибѣгали къ его покровительству. Такимъ образомъ поступали Камэронъ въ 1874 г., Стэнлей въ 1876 г., Виссманъ въ 1882 г., Ванъ-Велъ въ 1885 г. и Тривье въ 1889 г. Типпу-Тибъ сдѣлался столь могущественнымъ, что когда король Леопольдъ поручилъ Стэнлею образовать независимый штатъ Конго, то знаменитый путешественникъ увидѣлъ себя въ необходимости вступить въ переговоры съ этимъ владѣтелемъ; онъ назначилъ ему пенсію отъ государства Конго и ввѣрилъ ему провинцію Стэнлейскаго водопада, гдѣ оставилъ европейскаго резидента. Но согласіе между европейцами и арабами не могло продолжаться долго, такъ какъ послѣдніе занимались торговлей невольниками, а цѣль именно основанія независимаго штата Конго заключалась въ томъ, чтобы положить конецъ этой торговлѣ. Уже давно сынъ и племянникъ Типпу-Тиба возбуждали возстаніе между арабами, и мятежъ вспыхнулъ въ 1893 г. въ Маніэлѣ, но онъ былъ усмирень въ началѣ слѣдующаго года, и послѣ двенадцатимѣсячнаго похода арабская власть на Конго была окончательно уничтожена. Типпу-Тибъ сначала удалился въ страну Большихъ озеръ, а потомъ въ Занзибаръ, гдѣ и оставался до послѣднихъ своихъ дней.

1-го іюля въ Вашингтонѣ прекратилась сравнительно непродолжительная жизнь, на 57-мъ году, Джона Гея, чрезвычайно типичнаго американца, въ одно и то же время воина, посланника, министра, журналиста, романиста, историка и вообще литератора, особенно прославившагося юмористическими и сатирическими стихами. Въ военномъ отношеніи онъ служилъ во время американской гражданской войны секретаремъ и адъютантомъ Линкольна. Потомъ онъ исполнялъ должность секретаря въ нѣсколькихъ посольствахъ и былъ посланникомъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Мадридѣ и Лондонѣ. Въ журналистикѣ онъ прославился, какъ авторъ передовыхъ статей въ «New-York Tribune», а, какъ историкъ, извѣстенъ основательной и обстоятельной десятитомной біографіей Авраама Линкольна, которую онъ написалъ въ сотрудничествѣ съ Ж. Николэй. Кроме того, онъ былъ авторомъ легкаго литературнаго труда «Кастильскіе дни» и особенно въ Америкѣ и Англии прославился, какъ творецъ двухъ остроумныхъ, веселыхъ, юмористическихъ и сатирическихъ сборниковъ «Little Breeches» и «Pike County Ballads». Въ послѣдніе годы онъ занялъ особенно серьезную и замѣчательную роль въ политикѣ, сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ во время президентства Макъ-Кинлея. Когда Розевельтъ сдѣлался президентомъ, то онъ остался на своемъ прежнемъ мѣстѣ и съ замѣчательнымъ блескомъ исполнялъ программу своей всесвѣтной политики, впервые примененной въ Америкѣ. Однако, онъ такъ переутомился въ своей государственной дѣятельности, что принужденъ былъ четыре мѣсяца тому назадъ временно сдать министерство военному министру, мистеру Тафту. Несмотря на путешествіе въ Европу, онъ ничуть не поправился, и послѣ недавняго возвращенія въ Вашингтонъ онъ умеръ въ страшныхъ страданіяхъ.

Испанскимъ государственнымъ людямъ въ послѣднее время не везеть, особенно консерваторамъ и финансистамъ. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ не успѣлъ еще

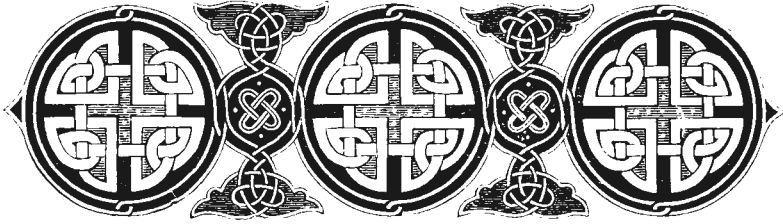
умереть Сильвелла, какъ въ срединѣ іюля послѣдовалъ за нимъ въ другой міръ, еще моложе, чѣмъ онъ, бывшій первый министр, консерваторъ и финансистъ—Виллавердэ. Только мѣсяцъ тому назадъ онъ вышелъ изъ премьеровъ, получивъ пораженіе въ парламентѣ и уступивъ свое мѣсто другому консерватору, Монтеро Риосу. Онъ началъ свою политическую карьеру очень молодымъ, подѣ начальствомъ великаго предводителя консерваторовъ, Кановаса дель Кастильо, и былъ прежде префектомъ Мадрида, министромъ юстиціи, и, наконецъ, министромъ финансовъ, въ званіи котораго онъ отличался большими способностями. Въ январѣ нынѣшняго года онъ сдѣлался первымъ министромъ, но оставался имъ недолго. Это обстоятельство очень подѣйствовало на него, несмотря на его еще сравнительно молодые годы—пятьдесятъ пять лѣтъ, и Виллавердэ скончался отъ разрыва сердца 14-го іюля.

Самую большую потерю, понесенную въ іюлѣ мѣсяцѣ всѣмъ свѣтомъ, всѣмъ человѣчествомъ, составляетъ смерть Элизэ Реклю. Этотъ великій, гениальный мыслитель, ученый и географъ, былъ сыномъ французскаго протестантскаго пастора и родился въ департаментѣ Жиронды, въ Сентъ-Фуа-Лаграндѣ, въ 1830 году. Онъ воспитывался въ мѣстной коллегіи своего родного города и окончилъ свое образованіе въ Германіи у лютеранскихъ пасторовъ, а потомъ предпринялъ длинную серію путешествій по Германіи, Англіи, Ирландіи и Америкѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Новой Гренадѣ. Причиной этой продолжительной экспроприаціи была, по всей вѣроятности, его любовь къ свободѣ и республиканскія идеи, заставившія его покинуть Францію. Во время своего пребыванія въ Германіи онъ слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ. Возвратясь въ Парижъ въ 1857 году и основательно приготовившись къ занятіямъ географіей, Реклю помѣстилъ нѣсколько географическихъ, археологическихъ и политическихъ статей въ «Revue des deux mondes» и «Tour du monde». Эти статьи положили начало громкой его извѣстности, и, кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько путеводителей Жуанъ. Наконецъ, въ 1861 году онъ издалъ «Путешествіе въ Сіеру-Неваду де Санто Маргу», а черезъ семь лѣтъ первое свое извѣстное сочиненіе: «La terre, description des phénomènes de la vie du globe». Послѣдній его трудъ, переведенный на всѣ европейскіе языки, между прочимъ, и на русскій, подѣ названіемъ: «Земля и люди», служить украшеніемъ всѣхъ популярныхъ библиотекъ. Но естественныя науки не составляли специальности Элизэ Реклю: онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ апостоломъ вопросовъ социальныхъ, и культъ свободныхъ идей господствовалъ у него надъ всѣмъ. Ученикъ Руссо, поклонникъ человѣческихъ правъ и ихъ послѣдствій, онъ былъ пламеннымъ анархистомъ, хотя осуждалъ ихъ крайности. Во время коммуны онъ ревностно исполнялъ свой долгъ, служилъ въ рядахъ коммунаровъ, сражался въ Шатильонѣ, былъ взятъ въ плѣнъ версальцами и пересидѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ двѣнадцать тюрьмахъ отъ Бреста до Квелерна, гдѣ Жюль Симонъ посѣтилъ его съ цѣлью улучшить его положеніе. Въ послѣдней тюрьмѣ Реклю завелъ школу для полутораста человѣкъ, не знавшихъ грамоты. Но начальство нашло, что это безнравственно, и запретило ему столь полезную мѣру просвѣщенія. Приговоренный военнымъ судомъ къ ссылкѣ въ колоніи, онъ

былъ, благодаря заступничеству цѣлой массы европейскихъ ученыхъ, изгнанъ изъ Франціи. Реклю прямо отправился въ Швейцарію, на границу Тэссинскаго кантона, въ Лугано, а оттуда перебрался въ Вэвэ и Кларантъ, гдѣ оставался до 1890 года. Въ эти пятнадцать лѣтъ онъ посвятилъ себя главнымъ образомъ своему знаменитому труду: «Новой всеобщей географіи», въ 19 томахъ. Это классическое сочиненіе по географіи также переведено на главнѣйшіе языки, и въ томъ числѣ на русскій. Оно обезсмертило Реклю и отличается не только почтенной ученостью, но и блестящимъ, чисто лирическимъ тономъ, доведшимъ географію до художественнаго искусства. «Реклю,—говоритъ его сосѣдь по изгнанію, живописецъ Гюставъ Курбэ,—работаетъ, какъ настоящая *couseuse*». Дѣйствительно онъ трудился цѣлые дни и ночи, велъ жизнь отшельника и ѣлъ пищу вегетаріанскую. Самыми дѣятельными его помощниками были его два брата: Эли и Онэзимъ, а также братъ знаменитаго профессора Мечникова— Левъ, написавшій нѣсколько географическихъ книгъ. Послѣдній умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но его пріемная дочь, г-жа Кончевская, продолжала до послѣдняго времени помогать въ географическихъ трудахъ Реклю. За нѣсколько дней до своей смерти Реклю окончилъ свой новый пятитомный трудъ: «Человѣкъ и земля», который уже начали печатать. Въ этой книгѣ сосредоточены всѣ его ученныя и социальныя мысли. Это, такъ сказать, увѣячаніе его трудовъ, какъ писателя, мыслителя и ученаго. Еще слѣдуетъ упомянуть, что онъ написалъ: «*Histoire d'un ruisseau*», «*Histoire d'une montagne*» и нѣсколько социальныхъ брошюръ, между которыми особенно отличается: «*L'évolution, la révolution et l'idéal anarchique*». Въ этой скорѣе книгѣ, чѣмъ брошюрѣ, Реклю, хотя выказывается настоящимъ анархистомъ, но совѣтъ не бросателемъ бомбъ. Онъ былъ, конечно, мечтателемъ, но такимъ мечтателемъ, что, по словамъ извѣстнаго французскаго писателя, Люсьена Декава, «отъ такихъ мечтателей становишься лучшимъ человѣкомъ, когда ихъ читаешь». Кромѣ своихъ сочиненій, Реклю съ 1893 года занималъ въ Брюсселѣ каедру географіи въ мѣстномъ свободномъ университетѣ. Однако и въ обстоятельствахъ своей жизни онъ открыто обнаруживалъ свои свободололюбивыя мысли. Такъ, въ 1882 году онъ въ одинъ день выдалъ замужъ своихъ двухъ дочерей безъ всякаго священника и даже мэра. Такъ какъ его упрекали, что онъ замѣнилъ даже социальное благословеніе отеческимъ, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, я нисколько не воображалъ, что отеческая власть должна замѣнить власть религіи или власть закона. Совершенно по свободѣ своихъ собственныхъ чувствъ молодые люди пригласили меня по этому случаю сказать слово, и только потому, что они видѣли во мнѣ своего лучшаго и ближайшаго друга, но имъ однимъ принадлежитъ отвѣтственность означеннаго дѣйствія. Вы говорите, что этотъ примѣръ найдетъ себѣ подражателей: я въ этомъ увѣренъ, потому что въ ихъ поведеніи они нашли одобреніе не въ законѣ, а въ своей совѣсти». Впослѣдствіи Реклю напечаталъ свою замѣчательную рѣчь, произнесенную по этому случаю, подъ заглавіемъ: «Рѣчь отца своимъ дочерямъ и зятьямъ». Въ своей статьѣ о смерти Реклю Люсьенъ Декавъ въ газетѣ «*Journal*» рассказываетъ, что онъ послѣдній разъ видѣлъ его у себя въ Парижѣ въ февралѣ мѣсяцѣ. Онъ очень измѣнился,

и ему казалось, что онъ вскорѣ умретъ. Поэтому Декавъ позвалъ своихъ дѣтей и просилъ великаго апостола свободы благословить ихъ. Онъ положилъ имъ руки на голову и, поцѣловавъ ихъ, промолвилъ: «Будущее». «Въ эту минуту, я убѣжденъ, — говоритъ Декавъ, — Реклю видѣлъ будущее, возвышавшееся надъ землей, населенное людьми добрыми, простыми, братьями, какъ онъ самъ». 21-го іюня въ Бельгii, въ мѣстечкѣ Туру, скончался, какъ Декавъ называетъ Элизэ Реклю, «свободный человѣкъ», на 75 году жизни, отъ болѣзни сердца.

С М Ъ С Ъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ институтъ. Состоявшійся 8-го мая годичный актъ отличался особенною торжественностью. Среди присутствующихъ находились: министръ народнаго просвѣщенія, генераль-лейтенантъ В. Г. Глазовъ, попечитель Виленскаго учебнаго округа В. А. Поновъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія Тихомировъ, директоръ С.-Петербургскаго педагогическаго института, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, и много другихъ лицъ. Актъ открытъ былъ рѣчью министра народнаго просвѣщенія. Сообщение министра о томъ, что Государь Императоръ соизволилъ отнынѣ присвоить институту названіе Императорскаго, вызвало «ура» и бурные аплодисменты. По общему желанію присутствующихъ исполненъ былъ гимнъ. Затѣмъ директоръ института, профессоръ Н. В. Покровскій, прочелъ отчетъ о дѣятельности института за истекшіи 1904—1905 академическій годъ. Въ курсъ института въ этомъ году введенъ новый предметъ: «Обзоръ источниковъ русской исторіи», преподаваніе котораго принялъ на себя профессоръ С. Ѳ. Платоновъ. Въ настоящее время въ составъ института входятъ: директоръ, 12 профессоровъ, 82 почетныхъ члена, 397 дѣйствительныхъ и 366 членовъ-сотрудниковъ. Слушателей въ текущемъ году состояло на обоихъ курсахъ 565. Издательская дѣятельность института выразилась въ выпускѣ XVI тома «Вѣстника археологій и исторіи» и двухъ альбомовъ палеографическихъ снимковъ по славянской палеографіи и археографіи. Средства института къ 1905 году составляли 17.294 р. 44 к., израсходовано въ теченіе года 26.130 р. 92 к. На четырехъ общихъ собраніяхъ института прочитано было 10 рефератовъ. Последнее изъ общихъ собраній посвящено было 300-лѣтію со дня смерти царя Бориса Годунова. Библіотека института обогатилась

многими изданіями и въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 15.751 томъ. Изъ пожертвованій въ музей института наибольшій интересъ представляютъ снимки и гипсовыя модели индійскихъ пагодъ и мечетей и терракотовыя статуетки буддійскихъ божествъ, принесенныя въ даръ институту управляющимъ російскимъ генеральнымъ консульствомъ въ Бомбей Некрасовымъ, коллекція древне-русскихъ иконъ и рукописей, пожертвованная московскимъ иконописцемъ В. И. Гурьяновымъ, и рѣзной раскрашенный портретъ императрицы Анны Иоанновны—К. А. Петровымъ.

Московское археологическое общество. Въ засѣданіи 29-го апрѣля профессоръ А. П. Павловъ прочелъ докладъ Н. Г. Криштафовича о произведенномъ имъ лѣтомъ 1904 года геологическомъ изслѣдованіи палеолитическихъ стоянокъ въ Европейской Россіи. Наибольшій интересъ въ изслѣдованіяхъ докладчика представляла мѣстность въ окрестностяхъ гор. Студеницы, на р. Днѣстрѣ, Подольской губерніи, гдѣ, по указаніямъ профессора В. В. Антоновича, предполагалось найти палеолитическую стоянку. Гор. Студеница расположена на лѣвомъ берегу р. Днѣстра, въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высотами и замѣчательной тѣмъ, что въ ней никогда не бываетъ значительныхъ вѣтровъ, а въ зимнее время много теплѣе, чѣмъ въ окрестной мѣстности. Въ оврагѣ «Ганусысько», находящемся въ сѣверо-восточной части этой котловины, между горой того же имени и горой «Бѣлой», на самомъ днѣ рывины, найдены были кости допотопнаго мамонта: клыкъ и нѣсколько реберъ, плотно инкрустированныя въ почву, состоящую изъ известкового щебня и кремней; въ этомъ мѣстѣ весной, во время половодья, вода размыла, повидимому, цѣлый скелетъ мамонта, но обнаруженныя кости были взяты разными лицами въ качествѣ предметовъ любопытства; въ весьма плотной почвѣ, окружавшей оставшіяся кости мамонта, замѣчено множество отбитыхъ кремневыхъ орудій и отбитыхъ осколковъ кремня различной формы и величины; изъ нихъ удалось добыть и сохранить около двухъ десятковъ экземпляровъ. Въ Бѣлой горѣ, близъ ея вершины, со стороны долины Днѣстра, существуетъ цѣлый рядъ пещеръ, въ которыхъ при раскопкахъ докладчикомъ найдены нѣсколько орудій и ископаемыхъ костей. Не остается никакого сомнѣнія, что Бѣлая гора въ совокупности и была осѣдлостью палеолитическаго чловѣка: онъ жилъ на ея вершинѣ и, повидимому, въ ея пещерахъ. Крутые, обрывистые и скалистые склоны этой горы, дѣлающіе ее съ трехъ сторонъ почти неприступною, облегчали защиту отъ нападенія врага, а командующее надъ всею окрестностью положеніе горы, при дальности открывающагося съ вершины ея горизонта, обезпечивало населеніе горы отъ случайныхъ и скрытыхъ нападеній. Время существованія этой стоянки можно съ достовѣрностью отнести къ древнѣйшимъ временамъ допотопнаго періода. Весь собранный матеріалъ палеолитическихъ стоянокъ подвергается, при содѣйствіи докладчика, всесторонней обработкѣ.

Географическое общество въ Москвѣ. Подъ заглавіемъ: «Толщина ледяного покрова на водоемахъ Восточной Сибири», В. В. Шостаковичемъ было сдѣлано сообщеніе въ майскомъ засѣданіи. Изъ различныхъ изслѣдователей Восточной Сибири только два—Миддендорфъ и Маакъ—обратили вниманіе на

толщину льда на рѣкахъ и озерахъ Сибири. Вопросъ этотъ, кромѣ чисто-научнаго, имѣетъ еще и большой практическій интересъ. Въ странахъ холодныхъ толщина льда является для жителей въ большинствѣ случаевъ вопросомъ жизни: отъ толщины льда зависитъ не только вопросъ объ уловѣ рыбы, иногда и о малѣйшемъ исчезновеніи ея въ той или другой мѣстности. А для нѣкоторыхъ жителей этихъ бѣдно одаренныхъ природой странъ рыба служить не только главною, но почти даже единственною пищею. Съ болѣе или менѣе промерзаніемъ какого либо водоема соединяется исчезновеніе въ немъ той или другой породы рыбы, а иногда при полномъ промерзаніи и совершенное исчезновеніе всей рыбы. Данныя, которыми располагали эти изслѣдователи, очень малочисленны и относятся исключительно къ высокимъ широтамъ. Они показываютъ только, что толщина льда на крайнемъ сѣверѣ не достигаетъ особенно большой величины, и что въ общемъ водоемы очень рѣдко промерзаютъ. Максимальною величиною толщины льда на сѣверѣ оба изслѣдователя считаютъ 8 футовъ. Казалось бы, что толщина льда должна находиться въ прямой зависимости отъ зимней температуры мѣста, то-есть она должна быть больше въ мѣстахъ съ болѣе низкими зимними температурами, но на самомъ дѣлѣ западная часть Забайкалья имѣетъ болѣе толщину льда, чѣмъ рѣки, сѣвернѣе лежація, а потому и болѣе холодныхъ губерній Иркутской и почти всей Енисейской и части Якутской области. Кажется, что причину этой, на первый взглядъ странной, особенности надо искать въ толщинѣ залегающаго въ данной мѣстности снѣжнаго покрова. На эту особенность снѣжнаго покрова обратилъ вниманіе еще Маакъ, который защитой снѣга объяснялъ то обстоятельство, что въ Якутской области онъ наблюдалъ промерзаніе исключительно на открытыхъ, подвергаемыхъ дѣйствию сильныхъ вѣтровъ, озерахъ, которыя вслѣдствіе того были лишены снѣжнаго покрова. Это свойство снѣга подмѣчено мѣстными жителями; въ замѣчаніяхъ о толщинѣ льда часто встрѣчается помѣтка: «ледъ тонокъ противъ прежнихъ лѣтъ, благодаря глубокимъ снѣгамъ», или наоборотъ. Якуты извлекаютъ даже пользу изъ этихъ обстоятельствъ. Чтобы помѣшать въ извѣстныхъ мѣстахъ льду достигнуть большой толщины, якуты послѣ первыхъ морозовъ ставятъ на томъ мѣстѣ много ельнику, къ нему придуваетъ снѣгъ, и ледъ промерзаетъ неглубоко.

НЕКРОЛОГИ.

АЛЕКСѢЕВЪ-КУНГУРЦЕВЪ, Н. Н. 17-го іюня покончилъ жизнь самоубійствомъ одинъ изъ молодыхъ писателей нашихъ, беллетристъ Николай Николаевичъ Алексѣевъ, извѣстный подъ своей литературной фамиліей Кунгурцевъ. Покойный родился въ Петербургѣ въ 1871 году и среднее образованіе получилъ въ мѣстной третьей гимназіи, а высшее — на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. Для добыванія средствъ къ жизни онъ занимался репетиторствомъ, перепиской и, чувствуя въ себѣ способность писать, отдался въ концѣ концовъ литературѣ. Едва ли не съ благословенія І. І. Ясинскаго, у котораго давалъ уроки дѣтямъ его, онъ написалъ свой первый историческій романъ, который былъ помѣщенъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», и съ этого времени онъ сдѣлался заправскимъ литераторомъ, помѣщая статьи, романы, повѣсти, рассказы и очерки какъ въ названной газетѣ, такъ и въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ», «Россіи», «Живописномъ Обзорѣніи», «Новомъ Мірѣ», «Родняѣ» и проч. Отдѣльно изданы его: «Лжецаревичъ», «Заморскій выходецъ», «Рабы и владыки» — изъ временъ царя Θεодора Іоанновича, «Судъ Божій», эпизодъ изъ времени бунта Стеньки Разина, «Среди бѣды», «Преступный путь», «Татарскій отпрыскъ» — изъ временъ Іоанна Грознаго, «Воля судьбы», «Розы и терніи», «Отжившія тѣни», «Сборникъ историческихъ и бытовыхъ повѣстей и рассказовъ» и проч. У Алексѣева было несомнѣнное литературное дарованіе, но таланту не дали развиваться вѣчная забота о кускѣ хлѣба и связанная съ нею литературная подевичина, работа на-сидѣхъ, съ понятнымъ стремленіемъ написать какъ можно больше и показать товаръ лицомъ, въ смыслѣ выбора сюжета позабористѣе, покрикливѣе... Десять лѣтъ работы — и въ результатѣ лѣчебница для нервно-больныхъ, короткій просвѣтъ, живыя мечты о лучшемъ будущемъ и... смерть. За

часть до кончины онъ былъ настроенъ свѣтло и радостно, хотя въ послѣднее время свѣдѣнія о несчастіяхъ, переживаемыхъ Россіей, сильно вліяли на него въ неблагопріятномъ смыслѣ. Страшно стало жить! — говаривалъ покойный. О печальномъ концѣ никто не догадывался. Покойный, несомнѣнно, любилъ отечественную исторію. Въ прошломъ году онъ собирався даже самъ издавать дешевый «Историческій журналъ». Выхлопотано было уже и разрѣшеніе. Однако, этому неудачнику и тутъ не повезло. Потому ли, что разрѣшеніе было получено довольно поздно, или по другимъ причинамъ, только подписчиковъ нашлось немного, всего сотни двѣ. Поневоля пришлось на время отъ издательства воздержаться, при чемъ ликвидація подписки была передана г. Ясинскому. (Некрологи его: «Слово», 1905 г., № 184, и «Петербургскій Листокъ», 1905 г., № 156).

† **Веніаминъ**, епископъ. 14-го іюня скончался епископъ кнешемскій Веніаминъ. Этотъ почившій святитель принадлежалъ къ числу старѣйшихъ нашихъ архипастырей и былъ однимъ изъ наиболее видныхъ современныхъ писателей по духовно-нравственнымъ вопросамъ. Онъ, сынъ священника Курской епархіи (въ мѣрѣ Василій Николаевичъ Платоновъ), родился въ 1819 году. Среднее образованіе покойный получилъ въ Курской семинаріи, а затѣмъ, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, былъ принятъ въ Кіевскую духовную академію. Окончивъ курсъ въ 1845 году со степенью магистра богословія, онъ вскорѣ занялъ мѣсто помощника инспектора въ родной ему Курской семинаріи, а потомъ, по принятіи монашества (6-го августа 1848 года), сдѣлался и инспекторомъ этой семинаріи. Затѣмъ, покойному долгое время пришлось состоять профессоромъ логики и инспекторомъ въ Литовской семинаріи (1851—1859 гг.), по возведеніи же въ санъ архимандрита — инспекторомъ Казанской духовной академіи (1859—1864 гг.) и ректоромъ Харьковской семинаріи (1864—1872 гг.). Хиротонисанный 30-го іюля 1872 года во епископа сумскаго, почившій почти одиннадцать лѣтъ пробылъ викаріемъ Харьковской епархіи, а съ 9-го апрѣля 1883 года и до самой кончины занималъ кафедру епископа кнешемскаго, викарія Костромской епархіи. Какъ искренно и глубоко вѣрующій человекъ, почившій архипастырь еще въ своихъ лекціяхъ по догматическому богословію, читанныхъ имъ въ Казанской академіи, горячо возставалъ противъ распространяющихся ученій материализма. Съ 1861 года, выступивъ на духовно-литературное поприще, онъ сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Православнаго Собесѣдника», помѣстилъ здѣсь цѣлый рядъ своихъ крупныхъ работъ, въ которыхъ особенно ярко обнаружился его горячая вѣра и ревностное стремленіе разъяснить основныя истины христіанства. Изъ такихъ трудовъ почившаго, напечатанныхъ въ этомъ органѣ, заслуживаютъ наибольшаго вниманія статьи: «Христосъ — свѣтъ для сокровенной глубины душъ человѣческихъ» (1861 г., т. I), «Вопросъ о вѣрѣ» (1861 г., т. II), «Свѣтлая сторона смерти, примѣчаемая взоромъ вѣры» (1862 г., т. I), «Основная истина христіанства и коренное заблужденіе невѣрующаго разума» (1863 г., т. I—II) и «Русскій расколъ предъ судомъ истины и церкви» (1864 г., т. I—III). Кромѣ того, перу епископа Веніамина принадлежала еще длинная вереница проповѣдей. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1905 г., № 163).

† **Востриковъ, Н. Г.** 22-го іюня, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, въ Николаевскомъ морскомъ госпиталѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ «Кронштадтскаго Вѣстника» и «Котлина», отставной подпоручикъ 148-го пѣхотнаго каспійскаго полка, Николай Григорьевичъ Востриковъ. Во время всыхнувшей освободительной славянской войны на Балканскомъ полуостровѣ покойный Н. Г. поступилъ добровольцемъ въ сербскую армію, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Затѣмъ, по окончаніи войны, онъ нѣсколько лѣтъ служилъ на гражданской службѣ. Покойный Н. Г. болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ началъ заниматься литературнымъ трудомъ и сталъ сотрудничать въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», давая замѣтки изъ кронштадтской жизни, судебную хронику, небольшіе фельетоны и рассказы, и пять лѣтъ сотрудничалъ въ газетѣ «Котлинъ». Покойный отличался доброю и, нуждаясь самъ, всегда дѣлился съ бѣднякомъ послѣднимъ кускомъ хлѣба. (Некрологъ его: «Кронштадтскій Вѣстникъ», 1905 г., № 73).

† **Жулева, Е. Н.** Въ ночь на 29-е іюня скончалась въ Петербургѣ заслуженная артистка императорской сцены Екатерина Николаевна Жулева, по мужу Небольсина, прослужившая на сценѣ около шестидесяти лѣтъ. Родная сестра пзвѣстнаго поэта-юмориста Гавріила Николаевича, Е. Н. родилась въ Москвѣ въ 1830 году и воспитаніе получила сперва въ московскомъ театральномъ училищѣ, гдѣ ею руководилъ знаменитый Щепкинъ, а затѣмъ въ такомъ же училищѣ въ Петербургѣ. Еще 14-лѣтней дѣвочкой дебютировала она на сценѣ московскаго малаго театра въ водевиляхъ «Женихъ на расхватъ» и «Дезертиръ», а по переводѣ ея въ Петербургъ выступила на Александринской сценѣ 16-го января 1846 года въ водевилѣ Н. А. Коровкина «Новички въ любви», въ роли Полинки и очень понравилась публикѣ. Сравнительный успѣхъ имѣла она въ пьескѣ графа Соллогуба: «Вѣда отъ нѣжнаго сердца», въ роли Екатерины Ивановны, но особенное вниманіе она обратила на себя исполненіемъ роли Офеліи въ «Гамлетѣ», которую, по отзыву всѣхъ знатоковъ искусства, провела съ большимъ чувствомъ и тактомъ, чѣмъ ея предшественницы Асенькова и Самойлова. Вообще она переставала быть полезностью, сдѣлала значительный шагъ впередъ и стала серьезно работать. Въ сезонъ 1850—1851 годовъ она съ большимъ жаромъ и естественностью сыграла роль обольщенной дѣвушки въ драмѣ И. С. Юрьевой (г-жи Кони, матери Анатолія Федоровича Коши) «Порывъ и страсть». Въ 1870-хъ годахъ она играла съ Самойловымъ и имѣла шумный успѣхъ даже въ небольшой пьесѣ «Старое старится», переведенной А. Н. Плещеевымъ. Семнадцати лѣтъ она вышла замужъ за Небольсина, служебное положеніе котораго дало возможность очутиться Е. Н. въ большомъ свѣтѣ, откуда она вынесла богатый матеріалъ, сослужившій ей большую службу при исполненіи ролей того амплуа, на которое артистка постепенно перешла, — амплуа свѣтскихъ женщинъ, интриганокъ, благородныхъ матерей. Ампуа «грандъ-дамъ» создало Е. Н. славу и прекрасное положеніе на сценѣ. Въ немъ она не имѣла соперницъ и была рѣшительно незамѣнима. Благородныя манеры, неуловимое изящество, «тонкость обращенія», токъ голоса—все это въ игрѣ Е. Н. было неподражаемо и производило впечатлѣніе. Она необыкновенно художественно создавала типичныя лица ва-

шего Beaumonde'a, но была прекрасна и въ пьесахъ Шекспира (она играла съ Каратыгинымъ) и во французскихъ мелодрамахъ, пересаженныхъ на русскую почву. Играла она неутомимо, и ея репертуаръ былъ чрезвычайно обширенъ; роли она всегда знала безукоризненно, гримировалась превосходно и отличалась замѣчательной дикціей, всегда умѣла брать вѣрный тонъ. Въ январѣ 1896 г. былъ съ большимъ торжествомъ отпразднованъ полувѣковой юбилей ея артистической дѣятельности; ее чествовали всевозможные артисты, писатели, художники. Въ жизни она была прекраснымъ человѣкомъ и пользовалась общей любовью. (Некрологи ея: «Новости», 1905 г., № 164; «Слово», 1905 г., № 195, и «Разсвѣтъ», 1905 г., № 109).

† Козловъ, Н. И. 16-го юня, въ городѣ Владимирѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался отставной полковникъ корпуса флотскихъ штурмановъ, Николай Ивановичъ Козловъ. Покойный хорошо извѣстенъ въ Кронштадтѣ, въ особенности морякамъ, такъ какъ въ теченіе болѣе 30 лѣтъ состоялъ преподавателемъ французскаго языка, морской исторіи и эволюціи въ бывшемъ штурманскомъ училищѣ (нынѣ морскомъ инженерномъ). Въ теченіе многихъ лѣтъ Николай Ивановичъ состоялъ сотрудникомъ «Кронштадтскаго Вѣстника», ведя отдѣлъ «Иностранныя морскія извѣстія». Зная въ совершенствѣ французскій языкъ, Н. И. въ 1895 году составилъ французо-русскій и русско-французскій морской словарь. До поступленія преподавателемъ въ штурманское училище Николай Ивановичъ совершилъ много плаваній какъ старшимъ, такъ и флагманскимъ штурманомъ. Находясь въ отрядѣ выдающагося адмирала Г. И. Бутакова, Н. И. былъ однимъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ по составленію «Свода морскихъ сигналовъ и эволюцій». Николай Ивановичъ считался однимъ изъ образованнѣйшихъ морскихъ офицеровъ и пользовался большимъ уваженіемъ среди моряковъ всѣхъ корпорацій. На поприщѣ преподавателя Ник. Ив. приобрѣлъ себѣ большую популярность среди всѣхъ его учениковъ. Увлекательная, живая рѣчь на урокахъ исторіи положительно приковывала вниманіе юношей и невольно заставляла ихъ серьезно предаваться изученію этого крайне необходимаго для моряковъ предмета. По выходѣ въ отставку Н. И. сперва поселился въ г. Псковѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ г. Владимиръ. Благодаря воздержному образу жизни, постоянному, но планомерному труду, покойный, несмотря на свой преклонный возрастъ (умеръ 68 лѣтъ), всегда былъ бодрымъ и жизнерадостнымъ. (Некрологъ его: «Кронштадтскій Вѣстникъ», 1905 г., № 77).

† Некрасовъ, А. А. 13-го мая скончался въ Самарѣ одинъ изъ нашихъ выдающихся духовныхъ писателей, Александръ Александровичъ Некрасовъ, заслуженный профессоръ Казанской духовной академіи. Ему принадлежить рядъ богословскихъ трудовъ, сдѣлавшихъ ему имя въ духовной литературѣ и напечатанныхъ преимущественно въ «Православномъ Собесѣдникѣ», а также издаваемыхъ и отдѣльно. Таковъ, напримѣръ, его богословско-филологическій анализъ: «Значеніе имени человѣка у разныхъ народовъ», или «Мѣсто первоначальнаго обособленія славянскаго племени и направленія его движеній по отношенію къ Черному морю» — гипотеза по филологическимъ даннымъ. Большой знатокъ древнихъ языковъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько переводовъ съ нихъ

твореній св. отцовъ, среди которыхъ наиболѣе извѣстенъ его переводъ «Толкованія блаженнаго Теофилакта на дѣянія св. апостоловъ». Его трудъ «Чтеніе греческаго текста св. Евангелія» былъ удостоенъ преміи митрополита Евгенія. Сынъ священника Тверской губерніи, онъ родился въ 1837 году, воспитывался въ тверской семинаріи и, какъ одинъ изъ лучшихъ ея воспитанниковъ, былъ отправленъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую духовную академію. По окончаніи въ ней курса онъ былъ удостоенъ степени магистра богословія и былъ приглашенъ въ Казанскую духовную академію бакалавромъ по кафедрѣ греческаго языка; затѣмъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ древнихъ языковъ, а въ 1901 году—ординарнымъ по той же кафедрѣ. Кромѣ упомянутыхъ работъ, онъ напечаталъ: «Годъ крестныхъ страданій Іисуса Христа и седмины пророка Давіила» (1892), «Слово и природа человѣка» (1869), «Этимологія русскаго глагола» и проч. Онъ также довольно продолжительное время былъ цензоромъ духовныхъ изданій въ Казани и редакторомъ переводнаго отдѣла журнала «Православный Собесѣдникъ». (Некрологъ его: «Православный Собесѣдникъ», 1905 г., май и іюнь).

† **Немоловскій, М. И.** 8-го іюня въ Волынской губерніи скончался молодой, талантливый беллетристъ, сотрудникъ «Сѣвернаго Края», Михаилъ Иларьевичъ Немоловскій. Покойный, окончивъ черниговскую гимназію, пріѣхалъ въ Ярославль и записался студентомъ Демидовскаго лицея. Почти одновременно съ этимъ онъ сдѣлался сотрудникомъ «Сѣвернаго Края», главнымъ образомъ, какъ беллетристъ, сразу обнаружившій яркій самобытный талантъ. Не прошло года, какъ его вещи уже были приняты въ «Русское Богатство», «Міръ Божій», «Журналъ для всѣхъ». Первая повѣсть Немоловскаго «Телеграфистка», напечатанная въ «Русскомъ Богатствѣ» въ прошломъ году, встрѣтила самыя лестныя отзывы критики. Открытый, смѣлый, рѣшительный характеръ, Михаилъ Иларьевичъ принесъ на сѣверъ всѣ свойства дыщащаго жизнью, здоровьемъ, умомъ и талантливостью южанина... И, конечно, такая натура не могла остаться чуждой инымъ порывамъ духа, инымъ призывамъ общественной жизни, кромѣ литературы... Женева, Парижъ сдѣлались его пристанищемъ; заграничныя кружки—кругомъ его знакомства. Но ничей дружескій привѣтъ не могъ спасти эту юную грудь, не лишенную Прометеева огня, отъ трехъ коршуновъ: тоски по родинѣ, матеріальной нужды въ условіяхъ заграничной жизни (онъ вѣдь уѣхалъ, не зная даже ни одного иностраннаго языка) и тоскованія молодого художника по родной почвѣ, по роднымъ образамъ, которое было знакомо и Гоголю, и Тургеневу въ ихъ «прекрасномъ далекѣ». И въ теченіе года скитаній по мансардамъ Париза и Женевы нервы издергались, сердце наболѣло, жизнь вироголодь, часто въ сырыхъ углахъ отозвалась на почкахъ... Благодаря залогу, внесенному его матерью, онъ могъ дожидаться суда у себя на родинѣ, среди родныхъ, подъ небомъ русскаго юга. Но было уже поздно; онъ явился столь разбитымъ, столь больнымъ, что никакая ласка родины уже не могла его спасти. По возвращеніи на родину М. И. снова началъ работать. «Русское Богатство» уже готово было принять его довольно большую вещь: «Было дѣло», которую онъ везъ съ собой на родину, чтобы обработать. Въ бумагахъ его сохранились еще ненапечатанные, неоконченные

труды... Онъ окончилъ жизнь среди начатыхъ созданий. И такъ оборвалась едва начатая жизнь истиннаго художника... (Некрологъ его: «Харьковскій Листокъ», 1905 г., № 1804).

† **Рождественскій, А. В.** 5-го іюля безвременно скончался въ С.-Петербургѣ священникъ Воскресенской, что у Варшавскаго вокзала, церкви, о. Александръ Васильевичъ Рождественскій. Уроженецъ Владимирской губерніи, покойный, сравнительно еще молодой человекъ (33 лѣтъ отъ роду), успѣлъ за короткое время своей плодотворной дѣятельности приобрести громадную популярность среди фабрично-заводскаго и вообще рабочаго населенія столицы, какъ ревностный проповѣдникъ и энергичный дѣятель по распространенію религіозно-нравственнаго просвѣщенія среди рабочаго люда. Еще въ бытность свою студентомъ С.-Петербургской духовной академіи, почившій пастыръ заявилъ себя ревностнымъ проповѣдникомъ на фабрикахъ и заводахъ въ рядахъ дѣятелей С.-Петербургскаго общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Окончивъ въ 1897 году курсъ духовной академіи, Александръ Васильевичъ остался вѣренъ избранному направленію и былъ вскорѣ опредѣленъ священникомъ Воскресенской церкви общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія «у Варшавки». Съ этого времени о. Александръ выступаетъ на поприще практической дѣятельности, и словомъ пастырскаго увѣщанія и путемъ печати стремясь къ одной цѣли—воспитанія въ рабочемъ населеніи истинной религіозности и доброй христіанской нравственности. Шляство, столь распространенный у насъ среди рабочаго класса порокъ, нашло въ лицѣ о. Александра горячаго бойца и противника. Стараясь отвлечь вниманіе своихъ «трезвенниковъ» отъ этого губительнаго порока, онъ занималъ ихъ досугъ всевозможными средствами: организовалъ бесѣды по вопросамъ вѣры и жизни, чтенія съ свѣтовыми картинами, паломничества. Одновременно съ этимъ онъ занимался изданіемъ журналовъ: «Отдыхъ Христіанина», «Трезвая Жизнь», «Воскресный Благовѣсть», которые завоевали себѣ среди простаго народа широкій кругъ читателей; имъ же изданы отдѣльныя брошюры, какъ, напримѣръ, «Семья православнаго христіанина», «Азбука трезвости», «Пить до дна—не видать добра» и друг., выдержавшія нѣсколько изданій. Весьма активную роль игралъ о. Александръ и въ обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, гдѣ состоялъ членомъ совѣта и завѣдывающимъ книжнымъ складомъ. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 151; «Новое Время», 1905 г., № 10541, и «Виржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8912).

† **Соколовъ, С. И.** Въ городѣ Каменецъ-Подольскѣ скончался на-дняхъ управляющій акцизными сборами Подольской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Соколовъ. Покойный былъ однимъ изъ знатоковъ акцизнаго дѣла въ Россіи и, занимая съ 1885 г. должность управляющаго акцизными сборами, въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій неоднократно призывался къ ближайшему разрѣшенію разнообразныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ сферѣ неокладныхъ сборовъ и казенной винной монополіи. Онъ былъ извѣстенъ, какъ составитель акцизныхъ уставовъ; имъ же составленъ для акцизнаго надзора курсъ винокурения, вышедшій въ 1885 году, и предпринято было изданіе спеціальнаго акцизнаго органа «Обзоръ акцизовъ», выходившаго

подъ его редакторствомъ съ 1883 года въ городѣ Житомирѣ. Служа въ Орловской губерніи въ періодъ 1866—1869 годовъ, онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», гдѣ помѣщалъ свои статьи по вопросамъ только-что народившагося акцізнаго дѣла. Въ этотъ же періодъ онъ выпустилъ сборникъ своихъ стихотвореній лирическаго содержанія. Съ 1874 года С. И. становится корреспондентомъ «Голоса», куда изъ Каменецъ-Подольска направляетъ корреспонденціи, посвященныя разбору бытовыхъ и экономическихъ условій Юго-Западнаго края. Въ Бессарабіи онъ основываетъ первый ежедневный органъ «Бессарабскій Вѣстникъ», выходящій въ 1890 и 1891 гг. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10529).

† Сырку, П. А. 23-го іюня скончался докторъ славянскоѣ филологіи, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Полихроній Агапьевичъ Сырку, одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ русскихъ ученыхъ славяновѣдовъ. Онъ родился въ 1855 году въ Бессарабіи и принадлежалъ по происхожденію къ болгарскимъ переселенцамъ, нѣсколько орумыненнымъ (его иногда называли Сърковъ), но и по своему воспитанію, и по своей дѣятельности былъ русскимъ. Окончивъ курсъ въ кпшиневскоѣ семинаріи, онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, при которомъ и остался, какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ, для продолженія ученаго образованія. Еще будучи студентомъ, онъ написалъ сочиненіе на тему, имѣющую отношеніе къ исторіи Болгаріи, за которое получилъ золотую университетскую медаль. Съ той поры ученая симпатія покойнаго П. А. получили опредѣленный характеръ. Зная хорошо румынскій языкъ, онъ дѣлалъ не разъ ученныя разысканія въ румынскихъ монастыряхъ и архивахъ. П. А. принадлежалъ къ числу тѣхъ трудолюбивыхъ ученыхъ, которые считаютъ своею обязанностию постоянно дѣлиться своими работами съ специалистами въ той же области. Поэтому ежегодно появлялось въ различныхъ ученыхъ изданіяхъ нѣсколько его работъ, изданій памятниконъ, отчетовъ и т. п. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Русскій Филологическій Вѣстникъ», ученныя изданія академіи наукъ, «Извѣстія с.-петербургскаго славянскаго общества» и друг. богаты его статьями. Ему же поручена была академіей наукъ редакція замѣчательныхъ дневниковъ епископа Порфирія (Успенскаго) и его «Исторіи Аѳона». Императорское палестинское общество и общество любителей древней русской письменности давали покойному ученому возможность публиковать нѣкоторые памятники, весьма важные въ историко-литературномъ отношеніи для югославянъ и староѣ русской культуры, какъ, напримѣръ, «Монаха Григорія житіе преподобнаго Ромила» (Спб., 1840 г.), «Евѣнмія, патріарха тырновскаго, служба преподобной царицы Теофанѣ» и др. Первый его трудъ—«Исторія христіанства въ Болгаріи до князя Бориса и крещеніе болгарскаго народа». Чтобы получить право преподаванія въ университетѣ, покойный въ 1889 г. защитилъ про *venia legendi* свое сочиненіе: «Византійская повѣсть объ убіеніи Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ», а въ 1891 г. диссертацию на степень магистра: «Литургическіе труды патріарха Евѣнмія Тырновскаго». Въ 1899 г. онъ получилъ степень доктора славяновѣдѣнія, защитивъ диссертацию: «Къ исторіи

исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ», въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1901 г. онъ напечаталъ изслѣдованіе: «Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XV—XVI вѣкахъ». Личность и дѣятельность Ефеимія, патріарха тырновскаго, свидѣтеля разрушенія Болгарскаго царства турками и окончательнаго паденія Болгаріи, особенно интересовали покойнаго русскаго ученаго, и характеръ работъ П. А. давалъ надежду, что наука получитъ отъ него возможно полное освѣщеніе этой эпохи. П. А. много путешествовалъ по славянскимъ странамъ: онъ не разъ бывалъ и жилъ въ Чехіи, Венгріи, Хорватіи, Сербіи, Далматіи, Болгаріи и Черногоріи, ѣздилъ въ Венецію и Римъ и тамъ работалъ въ бібліотекахъ и архивахъ. Плодомъ этихъ поѣздокъ были отчеты, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ собою ученые трактаты. Послѣдніе годы жизни покойнаго были омрачены душевнымъ недугомъ, происшедшимъ отъ нервнаго расстройства. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10531; «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 138, и «Слово», 1905 г., № 189).

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ.

I.

Пушкинъ и Лелевель.

Получивъ 11 апрѣля 1834 г. отъ графа Григорія Александровича Строганова листокъ франкфуртскаго журнала, въ которомъ была напечатана корреспонденція изъ Петербурга отъ 27 февраля того же года, Пушкинъ былъ такъ взволнованъ этой статьею, что не только отмѣтилъ сейчасъ же полученіе журнала въ своемъ дневникѣ, но даже переписалъ эту статью, всегда перепечатывающуюся во всѣхъ изданіяхъ Пушкина среди уцѣлѣвшихъ отрывковъ изъ его дневника. Эта статья—рѣзкій отвѣтъ на «выдумку» польскаго патріота и историка Іоахима Лелевеля, приписавшаго Пушкину въ одной изъ своихъ филиппикъ противъ русскаго правительства какія-то «строфы», проникнутыя революціоннымъ духомъ. Лелевель привелъ «пушкинскія строфы», какъ говоритъ написанная въ отвѣтъ ему статья, для того, чтобы иллюстрировать съ помощью ихъ политическое направленіе русской молодежи. При этомъ франкфуртскій журналъ заступился за Пушкина, но крайне неумѣло и безтактно. «Не знаемъ, — писалъ онъ, — сложилъ ли А. Пушкинъ строфы, приведенныя Лелевелемъ, въ тѣ времена, когда его замѣчательный талантъ еще не переродился и не избавился отъ накипи, но можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ увѣрять, что со временемъ онъ раскается въ первыхъ опытахъ своей музыки, давшихъ врагу его отечества право видѣть въ немъ своего собрата по идеямъ

и намбреніямъ. Что касается до мнѣнія Пушкина о польскомъ возстаніи, то оно выражено въ его пьесѣ: «Клеветникамъ Россіи», которую онъ въ свое время выпустилъ въ свѣтъ. Такъ какъ, однако, г. Лелевель, повидимому, обнаруживаетъ любопытство насчетъ судьбы поэта, «сосланнаго въ отдаленные края имперіи», то естественное человѣческое чувство заставляетъ насъ сообщить ему, что Пушкинъ живетъ въ Петербургѣ, часто бывая при дворѣ и пользуясь милостью и расположеніемъ своего государя». Благодаря графа Г. А. Строганова за присылку франкфуртскаго журнала, Пушкинъ тогда же писалъ ему: «Довольно печально искупаю я химеры моей молодости. Объятія Лелевеля показываются мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако, очень благодаренъ вамъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ эту статью: она послужитъ мнѣ матеріаломъ для отвѣда». Думая возразить Лелевелю, Пушкинъ переписалъ статью франкфуртскаго журнала, но возраженіе не было написано. Въ дневникѣ Пушкина записано (посредиѣ франкфуртской статьи, см. «Сочиненія А. С. Пушкина», ред. П. А. Ефремова, т. V, Спб., 1903, стр. 647): «Дѣло идетъ о праздникѣ, данномъ въ Брюсселѣ польскими эмигрантами, и о рѣчахъ, произнесенныхъ Лелевелемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и др. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14 декабря». П. И. Бартевевъ, впервые напечатавшій это письмо въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г., ст. 1748—1749, и неправильно отнесшій его къ 1831 г., говоритъ (l. c.): «Лелевель въ одной изъ рѣчей своихъ позволилъ себѣ выразиться, будто сочиненія Пушкина направлены противъ правительства, и тѣмъ онъ будто помогаетъ польскому дѣлу». Какъ мы увидимъ, г. Бартевевъ не совѣтъ правъ и, повидимому, не зналъ рѣчи Лелевеля, такъ возмущившей Пушкина, а самъ Пушкинъ тоже ошибся, думая, что рѣчь была произнесена на праздникѣ, устроенномъ поляками «въ годовщину 14-го декабря». Далеко не безынтересно будетъ выяснить, что именно сказалъ о Пушкинѣ Лелевель, что приписалъ онъ Пушкину.

Рѣчь польскаго историка дошла до насъ. Она напечатана въ изданіи: «Polska dzieje i rzecze jej rozpatrywane przez Ioachima Lelewela», tom XX; «Mowy i pisma polityczne, dzieło pośmiertne, wydane przez Rykaczewskiego». Poznań, 1864¹⁾. XXXII-я глава этого собранія рѣчей и статей Лелевеля носитъ такое названіе: «Рѣчь, произнесенная въ Брюсселѣ 25 января 1834 г., въ годовщину сверженія Николая съ польскаго престола, а также въ память русскаго возстанія 1825 г. и гибели русскихъ патриотовъ». Въ этой рѣчи (ор. cit., стр. 192—193 и 195—196) Лелевель два раза упоминаетъ о Пушкинѣ, выставя его, какъ совершенно справедливо указалъ франкфуртскій журналъ, выразителемъ убѣжденій русскои молодежи. Вотъ что говоритъ онъ о Пушкинѣ и вотъ какія произведенія ему приписываетъ.

«Недавно одинъ молодой русскій поэтъ (внизу, подъ звѣздочкой: «Пушкинъ») послалъ царю такую сказочку: «Нѣкто, проходя мимо пещеры, услышалъ исходящій изъ ея глубины провзительный крикъ, жалкіе стоны. Движимый чувствомъ челоуѣколюбія, онъ взялъ огонь, вошелъ туда и, къ вели-

¹⁾ За сообщеніе этого указанія приношу благодарность П. Е. Рейнботу.
Н. Л.

кому удивленію своему, увидѣлъ, что какой-то человѣкъ одинъ метался среди множества испуганныхъ людей, колотя, увѣча, терзая всѣхъ, кто попадался ему подъ руку. Такъ вотъ отчего эти люди кричатъ, вотъ отчего они стонуть! Но какъ только свѣтъ озарилъ эту поразительную сцену, всѣ сообразили, что палачемъ ихъ былъ всего только одинъ человѣкъ. Не ожидая никакого ободренія, они его связали, и вопли затихли. Какъ только былъ внесенъ свѣтъ, спокойствіе и счастье водворились въ пещерѣ». За эту сказочку царь сослалъ молодого поэта въ самые отдаленные края государства. Русская молодежь полюбила сказочку и примѣнила ее къ своему царю» (стр. 192—193). Далѣе Лелевель знакомить слушателей съ содержаніемъ другой «сказочки Пушкина», которую «упомянутый молодой поэтъ прислалъ царю изъ глубины изгнанія: «У одного короля былъ другъ, который давалъ ему добрые совѣты и говорилъ правду. Это такъ надоѣло королю, что онъ отдалилъ друга отъ себя. Отдѣленный отъ короля огромнымъ разстояніемъ другъ уже не могъ подавать ему во-время свои совѣты, и вотъ онъ прислалъ ему зеркало, которое показывало пороки тѣхъ, кто въ него глядѣлся. Король, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ желанія исправиться, взглянулъ какъ-то въ зеркало. Но вмѣсто того, чтобы измѣниться къ лучшему, онъ тутъ же такъ разсердился, что разбилъ зеркало. Оно разлетѣлось на кусочки, и съ той поры каждый изъ этихъ осколковъ носитъ въ себѣ отдѣльное отраженіе пороковъ короля». Правду повѣдалъ поэтъ, и ее испыталъ на себѣ Николай. Польская революція была для него этимъ зеркаломъ. Онъ ее разбилъ, а теперь, куда ни посмотреть онъ, ея разбросанные остатки вѣрно напоминаютъ ему о его поступкахъ» (стр. 195—196).

Возмущеніе Пушкина очень понятно. Извѣстно его отношеніе къ польскому возстанію, выразившееся въ гнѣвномъ посланіи «Клеветникамъ Россіи». Графъ Е. Е. Комаровскій рассказывалъ, что во время возстанія какъ-то встрѣтилъ на прогулкѣ Пушкина, угрюмаго и взволнованнаго. «Отчего вы не веселы, Александръ Сергѣевичъ?»—спросилъ онъ его.—«Да все газеты читаю».—«Что жъ такое?»—«Развѣ вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, какъ въ 1812 году!»—отвѣтилъ Пушкинъ («Русскій Архивъ», 1879 г., I, 385; «Девятнадцатый вѣкъ», сборникъ П. Бартевева, I, М., 1872 г., стр. 386). Съ радостью узналъ онъ о взятіи Варшавы. «Вы были вѣстницею славы и вдохновеньемъ для меня»,—писалъ онъ А. О. Россетъ, сообщившей ему о паденіи возмущившагося города. Торжествуя взятіе Варшавы въ своей «Бородинской годовщинѣ», онъ съ негодованіемъ обрушивается на «мутителей палатъ» и «легкоязычныхъ витій». Въ словахъ Лелевеля онъ справедливо увидѣлъ «легкоязычье витій», не только неприятное ему по духу, но еще опасное для него по тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, которыя оно могло накликалъ на голову Пушкина со стороны вѣчно державшихъ его подъ надзоромъ подозрительныхъ властей. Замѣтка франкфуртскаго журнала, не менѣе безтактная, чѣмъ выдумка (или ошибка) Лелевеля, тоже оказывала Пушкину плохую услугу, бросая на него тѣнь подозрѣнія, оставляя лишь подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ принадлежность его перу рассказанныхъ Лелевелемъ «сказочекъ», вмѣсто того, чтобы прямо отвергнуть авторство Пушкина, и увѣряя, что онъ еще покается въ «грѣхахъ юности».

Пушкинъ впоследствии говорилъ о Лелевелѣ съ С. А. Соболевскимъ, А. О. Смирновой («Записки А. О. Смирновой», часть I, Сиб., 1895, стр. 275, 282), но Смирнова не приводитъ его отзывовъ о польскомъ дѣятелѣ. Имя Лелевеля Пушкинъ упоминаетъ въ найденномъ И. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903, стр. 29—30) черномъ наброскѣ: «Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ», «Ты пилъ здоровье Лелевеля», «Ты славилъ имя Лелевеля». И. А. Шляпкинъ относитъ этотъ набросокъ къ періоду 1830—1834 г., тогда какъ въ немъ Пушкинъ говоритъ о польскомъ возстаніи, такъ что самымъ раннимъ временемъ созданія этихъ стиховъ можетъ быть конецъ 1831 г.; въ своемъ примѣчаніи (op. cit., стр. 30) г. Шляпкинъ, очевидно, раздѣляя указанную выше ошибку Пушкина, относитъ рѣчь Лелевеля къ декабрю 1833 года. Николай Лернеръ.

II.

Поправка къ изданіямъ Пушкина.

Въ июньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ отдѣлѣ «Замѣтокъ и поправокъ» (стр. 1068—1069) Н. Лернеръ посвящаетъ замѣтку эпиграммѣ «Надпись на мой портретъ», приписанной Пушкину, вѣроятно, со словъ лицейскаго его товарища Ѳ. Ѳ. Матюшкина, моимъ покойнымъ отцомъ («Русская Старина», 1884 г., мартъ, стр. 664, гдѣ она была впервые напечатана) и съ тѣхъ поръ входившей во всѣ изданія сочиненій поэта. Г. Лернеръ, исправляя ошибку покойнаго редактора академическаго изданія Л. Н. Майкова, сказавшаго, что у Я. К. Грота былъ въ рукахъ «автографъ» этого стихотворенія, тогда какъ онъ сообщалъ лишь о спискѣ, сдѣланномъ рукою Матюшкина для сборника Илличевскаго «Лицейская Антологія», возбуждаетъ сомнѣніе въ принадлежности этого четверостишія Пушкину. Основываясь на томъ, что эпиграмма эта (1816 г.) не могла относиться къ изображенію самого поэта (какового тогда еще не было), и что предположеніе объ отнесеніи Пушкинымъ въ данномъ случаѣ его «я» къ кому либо другому, при глубокой субъективности его поэзіи, является натяжкой, г. Лернеръ находитъ, что для приписанія этой эпиграммы Пушкину нѣтъ достаточныхъ данныхъ, нѣтъ прямого, неопровержимаго свидѣтельства. Самъ Матюшкинъ, если отъ него пошло это приписаніе, могъ ошибиться и ввести въ заблужденіе и моего отца. Г. Лернеръ предлагаетъ поэтому воздержаться отъ печатанія «Надписи на мой портретъ» въ будущихъ изданіяхъ Пушкина, тѣмъ болѣе, что «и поэтическое достоинство этой эпиграммы не очень высоко».

Считаю долгомъ отозваться на эту замѣтку и заявить, что г. Лернеръ правъ въ своихъ сомнѣніяхъ, что чутье его не обмануло. Остается предположить, что мой покойный отецъ былъ дѣйствительно введенъ въ заблужденіе относительно этой пьесы самымъ Матюшкинымъ, который ее списалъ для «Лицейской Антологіи», или кѣмъ либо изъ другихъ товарищей поэта. Эпиграмма «Надпись на мой портретъ» принадлежитъ не Пушкину, а Дельвигу.

Съ подписью полного имени послѣдняго находится она въ одномъ изъ рукописныхъ собраній стихотвореній воспитанниковъ императорскаго лицея, также принадлежавшемъ нѣкогда Матюшкину и его рукой писанномъ. Что Матюшкинъ, несмотря на это, могъ ошибиться, сообщая впоследствии списокъ этой пьесы, якобы пушкинской, видно изъ слѣдующаго. Отецъ въ 1880 г., получивъ на просмотръ и возвращая Д. Н. Замятину упомянутую тетрадку, писалъ ему: «Матюшкинъ давно потерялъ изъ виду эту тетрадку, потому что, передавая мнѣ въ 1872 г. свои лицейскія бумаги, онъ ничего не упомянулъ ни объ ней, ни о другихъ частяхъ сборника». Въ свою очередь отецъ мой, просматривая въ этой тетради лишь стихотворенія, подписанныя именемъ Пушкина, не обратилъ тогда вниманія на «Надпись на мой портретъ» Дельвига и, получивъ въ другой разъ списокъ этого стихотворенія съ приписаніемъ его Пушкину, повѣрилъ этому показанію. Впоследствии къ нему вернулась упомянутая тетрадка, но онъ ужъ не успѣлъ исправить сдѣланную ошибку.

На основаніи этой тетрадки и еще сохранившихся собственныхъ выписокъ моего отца изъ подобной же тетради, принадлежавшей М. А. Корфу, сдѣланныхъ еще въ 1833 г., я позволю себѣ въ другой разъ сдѣлать еще нѣсколько поправокъ къ изданію лицейскихъ стихотвореній Пушкина.

К. Я. Гротъ.

III.

Къ біографіи архіепископа Антонія.

Въ дополненіе къ статьѣ А. А. Зеленецкаго — «Къ біографіи Антонія, архіепископа казанскаго», напечатанной въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», могу указать на капитальный трудъ архимандрита Сергія Василевскаго: «Высокопреосвященнѣйшій Антоній, архіепископъ казанскій и свіятскій»¹⁾, гдѣ о послѣднихъ дняхъ казанскаго владыки изложено очень подробно (т. II, стр. 498—512). Кромѣ этого, біографія Антонія помѣщена въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ» (т. I, стр. 216), а многія другія сочиненія преосвященнаго Антонія полностью перечислены въ «Русскихъ книгахъ» г. Венгерова (т. I, стр. 321). Всѣ біографическія и бібліографическія свѣдѣнія, относящіяся до архіепископа Антонія (въ мірѣ Якова Гавриловича Амфиатрова), указаны въ изданной въ 1900 г. академіей наукъ книгѣ: «Источники словаря русскихъ писателей» (т. I, стр. 85).

А. Титовъ.

¹⁾ Казань, 1885 г., т. I, стр. 459; т. II, стр. 560.

устроило нѣчто въ родѣ надзора за матерью и сыномъ. Но это было единственно для успокоенія совѣсти, ибо думали, что нечего опасаться женщины, за которой упрочилась слава легкомысленной, и молодого человѣка, не казавшагося очень способнымъ и занятаго исключительно удовольствіями.

Поэтому въ 1836 году полиція короля Луи-Филиппа, или, скорѣе, министерства Молэ, слѣдила за принцемъ Луи въ Баденѣ, куда онъ часто пріѣзжалъ, какъ въ ближайшее отъ Арененберга сборное мѣсто, куда его также привлекала почти материнская любовь его двоюродной сестры, Стефаніи Богарнэ, матери царствующаго великаго герцога, а также и въ другихъ мѣстахъ.

Въ Арененбергѣ же, какъ указалъ Огюстъ Талейранъ, никакой надзоръ не былъ возможенъ. Вотъ почему всѣ лица, которыхъ мы видѣли уже въ началѣ разсказа тяготѣвшими къ принцу, собрались здѣсь въ началѣ сентября, во главѣ съ г-жею Гордонъ, Персиньи и полковникомъ Водремъ.

Въ замкѣ находилась семейная комната, гдѣ протекала почти вся жизнь обитателей. Это былъ громаднѣйшій библиотечный залъ, служившій общимъ рабочимъ кабинетомъ для королевы Гортензії и ея сына.

Вещи обладаютъ душою, обнаруживающей души ихъ обладателей и окружающихъ. Онѣ разсказываютъ объ ихъ прошедшемъ, страстяхъ, вкусѣ и надеждахъ... Строгость стили этого зала, съ виду тяжелаго и царственнаго, оживлялась и какъ бы ступеньвалась, благодаря множеству другой разнообразной мебели и мелкихъ изящныхъ бездѣлушекъ, покрытыхъ староватой матеріей. Онѣ производили впечатлѣніе, будто каждая изъ нихъ была воспоминаніемъ, обломкомъ прежняго обаятельнаго существованія. Въ устройствѣ художественнаго безпорядка, въ странномъ сочетаніи вещей— повсюду виднѣлась рука женщины-художницы.

Здѣсь стоялъ маленькій столикъ розоваго дерева, наборной работы изъ мѣди, на которомъ королева вела свою переписку, тамъ плоское, полудлинное фортепіано и юпитръ, на которомъ она занималась композиціей, и гдѣ всегда валялись музыкальныя произведенія, а далѣе арфа и гитара.

Въ этотъ вечеръ въ комнатѣ стоя разговаривали двое мужчинъ.

Одинъ былъ Беркъ, другой—Лэти. Послѣдній былъ въ высокихъ сапогахъ, покрытыхъ пылью.

— Какъ! вы пріѣхали верхомъ?

— Еще бы!

— Отъ самага Бадена?

— Нѣтъ, отъ Страсбурга... Двадцать разъ перемѣнялъ лошадь.

— Васъ могли замѣтить. Вотъ это неосторожность, какой я не совершилъ бы.

— Полно!— возразилъ Лэти: — у меня отпущкъ въ порядкѣ.

<истор. вѣстн.>, августъ, 1906 г., т. сл.

3

— Не для того же, чтобы прїѣхать сюда въ Арненбергъ, къ королевѣ Гортензіи!

— Оставимъ это, прошу васъ... Я привезъ принцу болѣе тридцати согласій офицеровъ 3-й и 4-й артиллерійской батареи, 16-ой легкой кавалерійской дивизіи и 4-го армейскаго полка—все республиканцевъ.

Беркъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на молодого поручика и сказалъ съ гримасой:

— Республиканцевъ?..

Но Лэти отвѣтилъ серьезно:

— Республиканцевъ, что менѣе удивительно для нашего брата, демократа, чѣмъ странный союзъ нѣкоторыхъ легитимистовъ... какъ Грикура, Кереля, какъ васъ самого, графъ Беркъ.

Беркъ сдѣлалъ безпокойное движеніе.

— Тише! умоляю васъ избѣгать собственныхъ именъ!

— Здѣсь!...

— Развѣ можно знать?

Затѣмъ онъ прибавилъ торжественно:

— Что касается до остального, роль принца — считать своими сторонниками честныхъ людей всѣхъ мнѣній.

— Пусть такъ,—сказалъ Лэти съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:— но поговоримъ о другомъ. Какъ удалось ваше порученіе?

— Вчера вечеромъ я возвратился изъ Парижа. Полная неудача. Генераль Эксельманъ ничего не хочетъ слышать. Онъ присоединился къ іюльскому правительству. Онъ едва меня не задержалъ, и, благодаря всей этой поѣздкѣ, я нажилъ лишь поясничный ревматизмъ и потерялъ свою дорожную кладь, въ которой находились и драгоценные предметы.

— Чортъ возьми!—сказалъ озабоченно Лэти:—а что говорить объ этомъ принцѣ?

— Я еще не могъ съ нимъ объ этомъ поговорить, но, несмотря на мое отвращеніе къ денежнымъ вопросамъ, надо на это рѣшиться. Персиньи, казначей этого предпріятія, формально отказалъ заплатить мнѣ. Тогда...

Лэти, смотрѣвшій на него съ возрастающимъ удивленіемъ, остановилъ его:

— Э, да кто же съ вами объ этомъ говорить?.. Что сказалъ принцъ объ отказѣ Эксельмана?

— Ахъ!.. ничего...

— Какъ, ничего?..

Беркъ придалъ себѣ таинственное выраженіе и сказалъ:

— Онъ черезчуръ занятъ... г-жею Гордонъ.

— Э!—воскликнулъ съ безпокойствомъ офицеръ:—онъ любитъ!...

— Слишкомъ сильно сказано: онъ питаетъ къ ней склонность, большую склонность.

— Но она?

— О! она влюблена въ него до готовности вступить въ связь. Перелетная птица нашла свою вѣтку.

— Я думалъ, что она съ Персиньи,—замѣтилъ Лэти угрюмо.

— Они расторгнули связь въ Баденѣ мѣсяць тому назадъ.

— Она любовница принца!

Беркъ облекся въ дипломатію и сказалъ:

— Не думаю. Если бы это было вѣрно, тогда не допустили бы ухаживаній Водрэя.

— Полковникъ здѣсь?

— Да.

На лицѣ Лэти было замѣтно глубокое удовлетвореніе.

— Тогда онъ съ нами?

— Напротивъ, онъ стойко отбодряется,—отвѣтилъ Беркъ.— Онъ явился сюда только для Элеоноры. Онъ слѣдуетъ за нею, какъ собака за кусочкомъ сахара, которымъ ее приманиваютъ.

Лицо Лэти снова приняло серіозное выраженіе.

— Не люблю я этихъ юбочныхъ исторій въ нашемъ дѣлѣ.

— Полноте, Элеонора окажетъ намъ большія услуги. Она—тонкая бестія. Она всѣхъ здѣсь забрала въ руки. Герцогиня до безумія любитъ ее.

— Какая герцогиня?—спросилъ Лэти.

— Г-жа Сэнъ-Лё, мать принца...

— Герцогиня Сэнъ-Лё?.. Ахъ! да, это—титულъ, данный ей Реставраціей... Для насъ нѣтъ герцогини Сэнъ-Лё. Здѣсь только королева Гортензія, или г-жа Луи Бонапартъ.

— Почему не «гражданка», пока вы здѣсь?.. Вы говорите, какъ Персиньи.

— Тѣмъ лучше для Персиньи.

— Этотъ тоже ихъ околдовалъ,—сказалъ Беркъ съ завистью.— Онъ дѣлаетъ все, ведетъ все и составляетъ все. Принцъ смотритъ на все его глазами. Вотъ первый министр *in partibus infidelium*.

Онъ указалъ на дверь:

— Вотъ онъ тамъ работаетъ, пока другіе гуляютъ.

— Принцъ уѣхалъ?—спросилъ съ досадой Лэти,—а я хотѣлъ вернуться сегодня вечеромъ.

— Уже? Вы очень усердны!.. Ай! мой ревматизмъ!.. Принцъ и г-жа Гордонъ поѣхали верхомъ, остальные въ шарбанѣ.

— Могу ли я видѣть Персиньи?

— Конечно.

Вдругъ онъ смутился.

— Но я раздумываю: вы не можете явиться въ такомъ видѣ передъ королевой. У васъ есть перемѣнная одежда?..

— Не беспокойтесь. Я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы любезничать!..

— Республиканецъ!—прошепталъ Беркъ сквозь зубы.

Затѣмъ, толкнувъ его къ двери комнаты, гдѣ сидѣлъ Персиньи, онъ громко сказалъ:

— Ахъ! кстати, постарайтесь вставить слово о моей потерянной кладѣ. Я такъ хотѣлъ бы избѣжать каторжной работы говорить объ этомъ съ принцемъ!.. Ай!...

— Есть простое средство избѣжать ея,—сказалъ Лэти, останавливаясь.

— А! какое?

— Оставьте за собой потерю.

— Вы добры и, безъ сомнѣннй, очень богаты?

— У меня только жалованье, — отвѣтилъ Лэти хлесткимъ тономъ,—но я не хочу, чтобы хотя одна золотая монета перешла изъ кармана принца въ мой карманъ.

— Любезный мой,—возразилъ оскорбленный Беркъ,—если бы вы пожили съ мое, то узнали бы, что въ особенности на службѣ принцевъ не слѣдуетъ ничего давать даромъ... Я посмотрю, можетъ ли Персиньи васъ принять.

— Сколько церемоній!

Беркъ улыбнулся.

— Упражняемся въ будущемъ церемоніалѣ. Я уже нѣчто въ родѣ камергера.

Лэти пожалъ плечами. Пока тотъ входилъ къ Персиньи, онъ съ любопытствомъ принялся разсматривать комнату. Его вниманіе особенно привлекалъ большой стеклянный шкафъ. Онъ хотѣлъ приблизиться къ нему, когда вошелъ Беркъ.

— А!—сказалъ кандидатъ въ дворцовые префекты,—вы разсматриваете...

— Что тамъ такое?

— Реликвиѣ великаго человѣка,—отвѣтилъ Беркъ, безуспѣшно стараясь скрыть насмѣшку.

Но тотчасъ же прибавилъ, чтобы прервать молчаніе:

— Ну, идите... и не забудьте...

Залъ оставался пустъ добрую минуту, затѣмъ предъ широкимъ окномъ, находившимся въ одномъ этажѣ съ подъѣздомъ, проскрипѣли по песку шаги.

Послышалось бряцанье мундштука и стремянъ. Появилась Элеонора Гордонъ; ея гибкое тѣло было затянута въ зеленую суконную амазонку. Длинный подолъ юбки, какія носили въ то время, былъ накинута на руку, выставляя ея изящныя ноги съ очень высокимъ подъемомъ.

За нею слѣдовалъ принцъ. И въ то время, какъ лакей бросился къ его высочеству, чтобы взять его шляпу, перчатки и хлысть, молодая женщина упала въ кресло возлѣ его письменнаго стола.

Она, казалось, задыхалась отъ быстрой ѣзды. Пряди ея прекрасныхъ волосъ выскользнули и касались ея лица, порозовѣвшаго отъ вѣтра.

Принцъ приблизился къ ней и нѣжнымъ, какъ сама ласка, голосомъ спросилъ:

— Вы утомились?

— Арбалетъ обломала мнѣ руки... какое животное!

— Да, она немного дергаетъ. Это—дочь Минотавра. Мнѣ уступилъ ее герцогъ Йоркскій. Надо быть такой наѣздницей, какъ вы, чтобы ѣздить на ней.

Элеонора, теперь стоя предъ зеркаломъ и снявъ шляпу, приводила въ порядокъ свою прическу.

Она была вполне счастлива, и отвѣчала:

— Эта любезность имѣетъ свою цѣну, исходя отъ одного изъ первыхъ наѣздниковъ въ Европѣ.

— Оставьте ваши волосы въ покоѣ,—сказалъ онъ, не слушая ея:—вы восхитительно растрепаны.

— Не могу же я оставить ихъ совершенно распущенными,—отвѣтила она, смущенно смѣясь.

Принцъ былъ совсѣмъ близко отъ нея. Онъ хотѣлъ ей помочь.

— Не слишкомъ!.. Вотъ такъ, эту прядь...

Онъ сталъ ласкать волосы красавицы-пѣвицы.

Она вздрогнула и, желая сказать что нибудь, замѣтила:

— Однако мы потеряли остальныхъ... Что они подумаютъ?..

— Что мы хотѣли скакать галопомъ.

Принцъ задержалъ свою руку на ея благоухающихъ волосахъ, приглаживая ихъ.

— Такъ—этотъ локонъ?..

Элеонора все болѣе и болѣе волновалась.

— Было безчестно обгонять экипажъ королевы.

— О! мама не придерживается церемоній,—сказалъ со смѣхомъ принцъ.—Она хочетъ, чтобы всѣ были свободны: мы на дачѣ.

— Все-таки эта продѣлка не почтительна.

И, чтобы скрыть свое смущеніе, она засмѣялась, сказавъ:

— Бѣдный полковникъ Водрэй, какое онъ сдѣлалъ лицо, когда увидѣлъ насъ удаляющимися! Если бы у него была лошадь...

На половину ослабѣвъ, несмотря на усилія, она съ трудомъ дышала.

Принцъ обнялъ ее за талію.

— Какъ вы ослабѣли!..

— Вѣтеръ... быстрая ѣзда... у меня лопнетъ сердце: такъ оно бьется!..

— Оставьте его биться.

Онъ показалъ Элеонорѣ ея лицо въ зеркалѣ.

— Это дѣлаетъ васъ еще восхитительнѣе... Посмотрите!.. Вашъ ротъ полуоткрытъ, ваши глаза влажны и блестятъ, а подъ розо-

вой кожей — жизнь, кипучая жизнь, со всей своей силой, молодостью и страстью!.. Вы тоже чистокровная!..

— Какъ Арбалетъ... но у меня нѣтъ герцога Йоркскаго, чтобы уступить меня вамъ,—прошептала Элеонора, опустивъ голову на плечо принца.

Онъ склонился къ ней, и ихъ губы впервые хотѣли соединиться, когда послышался шумъ погремушекъ.

Они быстро отскочили другъ отъ друга.

— Вотъ и они,—сказала Элеонора.

Луи направился къ окну.

— Да, это они,—отвѣтилъ онъ.

Затѣмъ тихимъ, молящимъ голосомъ прибавилъ:

— Сегодня вечеромъ?..

— Нѣтъ.

— Почему?

— Потому, что я васъ люблю.

Она остановилась.

Въ дверяхъ стоялъ блѣдный полковникъ Водрэй.

V.

Произошло глубокое молчаніе, каждый изъ участвовавшихъ въ этой сценѣ оставался неподвиженъ, какъ бы застывъ на не оконченномъ движеніи.

Принцъ все-таки слегка отодвинулся отъ Элеоноры и улыбался своей обычной улыбкой, болѣе похожей на меланхолическую и равнодушную морщину, появлявшуюся подъ его густыми усами.

Элеонора быстро оправилась. Ея рѣсницы еще слегка моргали отъ остатка быстро прерваннаго волненія, но ея взглядъ съ отгѣнкомъ высокомерія и даже почти вызывающе измѣривалъ съ головы до ногъ полковника.

Несчастный офицеръ былъ смертельно блѣденъ. Затянутый въ длинный синій сюртукъ и въ тугомъ галстукѣ, поднимавшемся до ушей, онъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Его красивые черные глаза, широко раскрытые подъ пушистыми рѣсницами, бросали пламя.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ сказалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Вотъ я и успокоился.

— Успокоились?—произнесли принцъ и Элеонора различнымъ тономъ.

— Да,—продолжалъ Водрэй, приближаясь.

— Видя, какъ г-жа Гордонъ поскакала съ такою быстротой, королева опасалась... Кажется, кобыла была бѣшеная... Но г-жа Гордонъ наѣздница, не имѣющая себѣ соперницъ... И затѣмъ вы были тамъ, принцъ... Съ нею не могло случиться ничего дурногô...

Отъ усилія заглушить сарказмъ и скрыть ревнивый гнѣвъ его голосъ сталъ еще болѣе сдвленнымъ.

— Все-таки, выходя изъ экипажа, ея величество просила меня освѣдомиться...—прибавилъ онъ.

Принцъ выразительнѣе улынулся и сказалъ:

— Вы видите.

— Я цѣла, — продолжала Элеонора... Арбалетъ несла меня нѣсколько сурово, но безъ вреда...

Водрѣй отеръ лобъ, теперь настолько покраснѣвшій, что полковнику угрожала апоплексія.

— Гдѣ моя мать?—освѣдомился Луи-Наполеонъ.

— Она показываетъ новое помѣщеніе теплицъ.

Внезапное появленіе Берка прервало этотъ разговоръ.

— Ваше высочество, Лэти тамъ,—шепнулъ онъ на ухо принцу.

— А!—сказалъ онъ съ поспѣшностью:—я пойду туда.

И они оба вышли.

Полковникъ и пѣвица остались одни. Элеонора окончила поправлять передъ зеркаломъ безпорядокъ своихъ волосъ; затѣмъ, не говоря ни слова, она направилась къ одной изъ внѣшнихъ дверей.

Увидя это, Водрѣй сказалъ:

— Вы бѣжите, сударыня?

Элеонора остановилась.

— Я иду одѣваться къ обѣду.

— Оставайтесь на минуту... прошу васъ.

— Вы меня задержите.

— Я хочу съ вами проститься,—сказалъ Водрѣй сурово.

— Вы покидаете насъ?

Пѣвица прикинулась удивленной.

— Да,—отвѣтилъ полковникъ едва внятнымъ голосомъ.

— Ну, такъ добрый путь, — сказала Элеонора тономъ товарищескаго расположенія.—Не сегодня же вечеромъ вы уѣдете?

Послѣдовало молчаніе.

— Можетъ быть...—съ трудомъ произнесъ Водрѣй.

Затѣмъ уже твердымъ и нѣсколько шипящимъ голосомъ онъ добавилъ:

— Вы знаете, почему я уѣзжаю?..

— Безъ сомнѣнія, потому, что вашъ отпускъ истекъ?..

— Нѣтъ, онъ продолжается до 26-го октября.

— Такъ вы хотите имъ воспользоваться въ другомъ мѣстѣ?..

— Нѣтъ, я возвращаюсь...

— Въ Страсбургъ?

— Въ Страсбургъ. Я хочу видѣть мои батареи, мои пушки, моихъ лошадей и солдатъ— всю мою любимую семью, которая любить меня и не измѣняетъ мнѣ... Я слишкомъ здѣсь страдаю.

— Страдаете?

— Вы это хорошо знаете.

— Зачѣмъ вы не благоразумны? — сказала сердечно Элеонора послѣ короткаго молчанія.

— Для чего вы привлекли меня сюда? — спросилъ Водрэй на половину съ упрекомъ, на половину съ гнѣвомъ.

— Я думала, что можно жить добрыми друзьями.

— Я не хочу вашей дружбы.

Послѣдовало молчаніе. Затѣмъ Элеонора сказала:

— Чья вина, если я васъ не люблю?

— Принца, котораго вы любите.

— Что вы говорите!

Голосъ молодой женщины задрожалъ. Она высококомѣрно прибавила:

— Если бы даже это было такъ?..

— Такъ вы признаетесь!.. Впрочемъ, я только что васъ видѣлъ почти въ его объятіяхъ.

— Я вовсе ни въ чемъ не признаюсь, но я спрашиваю себя, съ какого права вы...

Въ отвѣтъ на движеніе руки полковника она жестоко-иронически прибавила:

— О! я хорошо знаю, что вы можете быть моимъ отцомъ, но, вѣдь, вы мнѣ не отецъ!

Водрэй страшно поблѣднѣлъ и дрожащимъ, глухимъ голосомъ возразилъ:

— Мое право? Я вамъ его сейчасъ скажу... Впервые я васъ встрѣтилъ въ Страсбургѣ, на томъ вечерѣ у генерала Вуароля, когда вы вскружили всѣмъ головы. Я полюбилъ васъ, и я это вамъ выказывалъ, по чрезмѣрной ли неловкости или будучи слишкомъ влюбленнымъ, чтобы отъ васъ скрывать... Вы меня не разочаровывали.

— Развѣ я васъ обнадеживала?

— Вы были недавно близки со мною, терпѣли мое безпрестанное присутствіе и требовали сами его, когда я пробовалъ быть благоразумнымъ. Вы возили меня изъ города въ городъ, меня, личность безъ всякаго значенія и все-таки неразлучнаго съ вами, — нѣчто среднее между вашей горничной и вашей собакой.

— Ну, нѣтъ, какъ преданнаго, добраго друга, рыцаря, какъ старшаго брата, котораго очень любишь, — сказала Элеонора нѣжно. — Полно, бросьте это угрюмое выраженіе...

— Въ Баденѣ я отказался пріѣхать сюда. Кто меня къ этому приневолитъ?

— Васъ не похитили, — сказала весело молодая женщина.

— Достаточно того, что вы прибѣгли къ той магіи, которая дѣлаетъ изъ меня вашу игрушку. Побудивъ меня сдѣлать двусмысленный шагъ, опасный для моей военной чести, вы почти обязались предо мною!

Элеонора ударила кончикомъ хлыста по своей юбкѣ, устремивъ глаза на изящный носокъ своихъ лакированныхъ сапогъ.

— Опять вы принялись за свои громкія слова. Я считала это скоропроходящей прихотью и думала, что мы быстро сдѣлаемся товарищами по предпріятію, почти сослуживцами по оружію, не болѣе.

Она подняла на него глаза и съ нѣжнымъ взглядомъ сказала:

— Развѣ не хорошо жить одной и той же жизнью, одинаково думать, имѣть одни и тѣ же воспоминанія, однѣ и тѣ же надежды?

Она бросила быстрый взглядъ на изображеніе Перваго Консула, портретъ работы Гро.

Но Водрэй былъ возбужденъ и взволнованъ, чувствуя, какъ слабѣетъ отъ ея ласковаго голоса, который очаровывалъ и обманывалъ его. Онъ усилилъ свой суровый тонъ и природную рѣзкость: онъ сдѣлался грубъ.

— Ахъ, вы меня заставляете ненавидѣть то, что я боготворилъ болѣе всего на свѣтѣ!.. Такъ, чортъ возьми, для того вы меня привлекли сюда, чтобы я служилъ для честолюбія вашего вчерашняго любовника и для безумнаго предпріятія вашего сегодняшняго любовника!

— Принцъ мнѣ не любовникъ!..

Послѣдовала пауза послѣ ея возраженія, въ которое она вложила всю силу своего драматическаго тембра. Затѣмъ, понизивъ голосъ, она сказала:

— Конечно, я его люблю, но...

— Это вы мнѣ-то дѣлаете подобное признаніе!—сказалъ взбѣшенный Водрэй.

Голосъ пѣвицы сдѣлался злымъ.

— Почему не такъ?

— А!.. проворчалъ Водрэй, сжимая кулаки, какъ бы собираясь ударить.

Но, внезапно овладѣвъ собою, онъ соединилъ руки, какъ бы взывая о пощадѣ.

— Нѣтъ, полноте, я неправъ, и весь мой гнѣвъ только внѣшній... Чѣмъ болѣе вы меня терзаете, тѣмъ болѣе мнѣ хочется говорить съ вами смиренно, на колѣняхъ...

Элеонора сдѣлала движеніе.

— Ахъ, оставьте, не сводите меня съ ума вашей суровостью... Оставьте себѣ своихъ друзей... Правда, вы считаете это прихотью гусара... вы не могли знать. Вѣдь я люблю первый разъ! Прежде чѣмъ я съ вами познакомился, я даже не подозрѣвалъ, что можетъ существовать подобная вамъ женщина. Гдѣ, чортъ возьми, хватило бы нашему брату времени любить? Не въ походахъ ли по Европѣ?..

Она перебила его снова дружелюбно и ласково, чтобы избѣжать окончательнаго разрыва.

— За это я васъ и люблю: за ваше прошедшее, полное опасностей, страданій, побѣдъ; оно дѣлаетъ васъ похожимъ на тѣхъ великихъ героевъ, которые убаюкивали мое дѣтство и дѣлали его восхитительнымъ. Оставайтесь съ нами, вы увидите, какою я буду нѣжной подругой... Полно, отгоните грустное настроеніе и дайте мнѣ вашу руку...

Водрэй, колеблясь, протянулъ руку; на его суровомъ лицѣ, нѣ сколько сердитомъ, какъ у большой прибитой собаки, появилось боязливое выраженіе.

Элеонора схватила эту руку и, не отпуская ея, поднесла свою къ усамъ стараго воина.

— Вотъ,—сказала она съ добрымъ смѣхомъ,—я вамъ позволяю...

Онъ поцѣловалъ ея ручку; при этомъ его усы приподнялись, какъ у кота, подлизывающаго сливки; но пѣвица почувствовала, какъ на ея руку скатилось что-то горячее.

— Слеза!—воскликнула она:—слеза!.. У васъ! артиллериста!.. Если бы васъ увидѣла Великая армія!..

У нея вырвался веселый смѣхъ. Водрэй со вздохомъ поднялъ голову и, видя ее дружески расположенной, отважился сказать:

— Докажите, что все это искренно. Мнѣ въ этомъ домѣ не по себѣ. Я компрометирую себя здѣсь, не принося никому пользы. Я вамъ уже сказалъ, что мой отпускъ продолженъ на мѣсяцъ. Я хотѣлъ бы попутешествовать съ вами... О! не безпокойтесь, какъ вполне искренній другъ. Какую бы радость вы мнѣ доставили!..

Она смотрѣла на него съ изумленіемъ. Черты ея лица, снова вытянулись. Онъ быстро добавилъ:

— Я сдѣлалъ бы себѣ запасъ счастья надолго. Потомъ я буду благоразумнѣе. О! скажите, что вы согласны...

Элеонора была въ большомъ затрудненіи и не знала, что отвѣтить.

— Это безуміе, что вы мнѣ предлагаете! Что скажутъ здѣсь? Королева... принцъ?..

Гнѣвъ Водрэя снова вспыхнулъ отъ этого намека.

— А, вотъ и опять принцъ! Какъ вы его любите!.. Или скорѣе вы любите не его, а васъ сводить съ ума имя Наполеона. Но посмотрите на него хорошенько, хоть одинъ разъ: въ немъ нѣтъ ничего императорскаго... даже бонапартовскаго!.. И эти выжимки Цезаря хотѣли бы царствовать!..

Элеонора смертельно поблѣднѣла.

— Полковникъ Водрэй, это прерветъ нашъ разговоръ.

Но его гнѣвная запальчивость уже перешла въ смиренное раскаяніе, и онъ пролепеталъ:

— Э! я его поношу только потому, что вы его любите. Я ничего не хотѣлъ бы, какъ его любить и служить ему... Меня тоже волнуетъ имя Наполеона...

— Конечно, я никогда вамъ этого не прощу: вы можете уѣхать,— отвѣтила Элеонора.

Она встала и пошла. Водрэй, на этотъ разъ раздраженный, преградилъ ей путь.

— Ну, хорошо! да, я уѣду. Завтра же я убѣгу изъ этой ловушки. И такъ какъ это мой долгъ, то я дамъ отчетъ моему начальству о попыткѣ переманить меня.

Онъ выбѣжалъ, какъ безумный, не видя Персиньи, который уже нѣсколько секундъ какъ вошелъ и слушалъ.

Лицо Элеоноры исказилось, губы поблѣднѣли и дрожали; она осталась совсѣмъ смущенной.

— Вы были здѣсь?

— Да,— отвѣтилъ молодой человѣкъ съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ.

Онъ дернулъ шнурокъ звонка. Появился слуга.

— Не пріѣхала ли личность, которую я ожидаю?

— Этотъ господинъ къ услугамъ виконта.

— Приведите его.

Слуга вышелъ. Элеонора возобновила свою попытку.

— Такъ вы слышали?

— Да,— отвѣтилъ Персиньи, посвистывая и притворяясь, что роется въ бумагахъ, которыми былъ заваленъ письменный столъ принца.

— Что же дѣлать? — спросила Элеонора, уже взволнованная.

— Надо пойти одѣваться къ обѣду, иначе вы опоздаете.

— Да, я знаю... я не о томъ говорю вамъ. А угрозы этого стараго безумца?

Морщина озабоченности на лбу Персиньи еще болѣе обозначилась.

— Чортъ возьми, это важно! Если онъ сдѣлаетъ, что сказалъ, то все потеряно.

— Тогда?..

Этотъ хитрый политикъ умѣлъ придать себѣ выраженіе неудовольствія, которое, не обманувъ пѣвицы, привело ее въ восторгъ. Онъ сказалъ принужденнымъ тономъ, въ которомъ едва была уловима насмѣшка:

— Право, моя дорогая, пощадите, не берите меня въ повѣренныя... Съ одной стороны — принцъ, съ другой — полковникъ... Вѣдь мы порвали съ вами не такъ давно, чтобы все это было для меня безразлично.

Въ это мгновеніе слуга ввелъ Патернэ.

Элеонора вышла, бросивъ Персиньи стрѣлу, отравленную нѣжною лестью.

— Меттернихъ! Нечего сказать!

VI.

Патернэ поклонился сначала выходявшей г-жѣ Гордонъ, затѣмъ Персиньи, который внимательно разсматривалъ его.

Теперь старый полицейскій остановился среди комнаты и, казалось, составлялъ опись дома; его тщательно выбритое, полное лицо выражало глубокую радость энтузіаста. Его взглядъ сверкалъ изъ-за стеколъ очковъ, а сѣдой вихоръ, блестящій, какъ снѣгъ на солнцѣ, колебался подъ вліяніемъ глубокаго впечатлѣнія, испытываемаго его обладателемъ.

Замѣтивъ большое изображеніе Наполеона, старикъ низко поклонился предъ полотномъ, затѣмъ направился къ Персиньи и сказалъ:

— Простите меня, сударь, но, очутившись такимъ образомъ въ императорской атмосферѣ, я обрадовался и взволновался... Да, я смущенъ болѣе, чѣмъ могу это выразить.

Онъ снова устремилъ глаза на полотно и продолжалъ восторженно:

— Да, это точно онъ!.. Это написано Гро, не правда ли? О, это произведеніе знаменито!.. Сколько жизни! сколько правды!.. Мнѣ кажется, что я сейчасъ увижу его выходящимъ изъ этой двери!.. Я чувствую, что помолодѣлъ... Еще извините.

Персиньи улыбнулся. Полицейскій перемѣнилъ тонъ.

— Приступимъ къ дѣлу. Согласно вашимъ предписаніямъ, я узналъ настроеніе страсбургской полиціи. Совершенное спокойствіе. Они ни о чемъ болѣе не думаютъ. Третьяго дня префектъ мнѣ сказалъ: «Г. Патернэ, я думаю, что намъ болѣе не нужны ваши услуги здѣсь; если вы желаете, чтобы васъ отозвали въ Парижъ, я поддерживаю вашу просьбу». Я поблагодарилъ его, какъ подобаетъ, но прибавилъ, что согласно распоряженіямъ министра мнѣ разрѣшается оставаться въ Страсбургѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не рѣшитъ иначе. Префектъ равнодушно и скептически слегка пожалъ плечами. Дѣло въ томъ,—простите, если я говорю съ вами такъ,—что ни въ Страсбургѣ, ни тѣмъ болѣе въ Парижѣ на васъ не смотрятъ серьезно.

— Чтò намъ болѣе всего желательно,—сказалъ Персиньи, продолжая улыбаться.

— Итакъ, со стороны общественной власти—безусловное ослѣпленіе. Остаются народъ и войска. Послѣднія взялъ на себя г. Лэти. Что касается жителей, они одобряютъ всѣ движенія противъ Луи-Филиппа. Июльская лихорадка еще не прошла. Они хотѣли бы просто республику, но приняли бы ее съ консуломъ, даже съ императоромъ... Надо было бы поторапливаться, пользоваться настроеніемъ умовъ, дѣйствовать быстро: ваше присутствіе въ Страсбургѣ было бы полезно.

— Я готовъ отправиться,—сказалъ серьезно Персиньи.—Возьметесь ли вы достать мнѣ надежное убѣжище?

— Да.

— Мы могли бы отправиться завтра.

— О, только не вмѣстѣ!—воскликнулъ Патернэ.— Не надо меня «подводить».

— Вы правы, и мы устроимъ все такъ, чтобы какъ можно меньше оставить мѣста неудачѣ... Ахъ! есть печальное обстоятельство. Я думаю, намъ нельзя болѣе рассчитывать на поддержку полковника Водрэя.

Патернэ бросилъ пронизательный взглядъ поверхъ очковъ.

— Я только что видѣлъ его шагающимъ въ волненіи по парку. Я подумалъ, что у него случились непріятности со стороны...

Онъ остановился, какъ бы не смѣя продолжать, но Персиньи сказалъ:

— Со стороны... ну, что же, продолжайте.

— Вы простите, не правда ли?... со стороны г-жи Гордонъ.

— Какъ! вы знаете?...—спросилъ Персиньи съ удивленіемъ.

— Знать—мое ремесло,—отвѣтилъ Патернэ добродушнымъ тономъ.

Персиньи, казалось, съ минуту колебался, затѣмъ прибавилъ:

— Ну, да... я думаю...

— ...Что они разсорились?.. Это устроится,—отвѣтилъ старый полицейскій, улыбаясь.

— Какимъ образомъ?—спросилъ Персиньи.

— О! вы знаете, когда старые солдаты влюблены... Эти никогда не знавали любви иначе, какъ сообща или при суровой супружеской обстановкѣ... Они полуцѣломудренны... Полкъ—это передвижной монастырь... Попадись имъ одно изъ тѣхъ созданій роскоши, одинъ изъ тѣхъ цвѣтковъ радости, распускающихся въ благоуханіи, въ шелестѣ шелковистыхъ вѣнчиковъ, и лишь только наши герои къ нимъ приблизятся, какъ уже собьются съ толку! Это слишкомъ хорошо благоухаетъ, слишкомъ красиво... Прощай, Спарта!

Говоря это, Патернэ прищелкнулъ пальцами надъ своимъ вихромъ и съ игривостью стараго режима продѣлалъ на лѣвомъ каблукѣ неопредѣленный пируэтъ въ то время, какъ нѣсколько удивленный Персиньи, но развеселившійся отъ пронизательности весельчака, любезнымъ тономъ сказалъ:

— Вы—философъ, г. Патернэ.

Послѣдній скромно поклонился и отвѣтилъ:

— Мое ремесло—развлекать.

Послѣ короткаго молчанія бывшій любовникъ Элеоноры спросилъ:

— Такъ вы думаете, что Водрэй?..

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Онъ пойдетъ за принца?

— Отвѣчаю вамъ.

— Такъ вы еще и пророкъ?

— Мое ремесло—угадывать.

— Ну, положительно, г. Патернэ, вы—драгоценный помощникъ. Какъ мы этого не знали?.. Вы не хотѣли принимать никакого вознагражденія.

Патернэ сдѣлалъ правою рукой движеніе, которымъ, казалось, отталкивалъ всѣ предложенія, какого бы они ни были рода.

— Не будемъ говорить объ этомъ. Все; что я дѣлаю,—это изъ склонности, ради искусства... Это правительство мнѣ противно, а буржуазія мнѣ отвратительна. Безъ зазрѣнія совѣсти обогащая себя, они совѣстятся управлять. Это—плохіе законовѣды, обрѣзываютели бюджета. А затѣмъ эти палаты, государственный контроль... Тайные фонды идутъ на газеты. Попробуйте-ка быть хорошей, честной полиціей съ этими людьми!... Верните намъ время герцога Отрантскаго, даже Ровиго: мы воспримемъ!

Все это было сказано легкимъ, шутливымъ, но опредѣленнымъ тономъ свѣдущаго старика, и привело въ восторгъ Персиньи: его уваженіе къ Патернэ увеличилось. У него появилась одобрительная улыбка, и онъ сказалъ:

— Постараемся, г. Патернэ, постараемся.

Потомъ онъ внезапно остановился, сказавъ:

— Но тише! вотъ королева.

Дѣйствительно, извнѣ послышался шумъ голосовъ.

— Долженъ ли я остаться?—спросилъ Патернэ.

— Нѣтъ, ваше присутствіе, которое трудно объяснить, не соглавъ, встревожить ея величество; отъ нея мы стараемся скрывать наши планы.

— Такъ, г. виконтъ, я возвращусь въ Страсбургъ, приготовлю для васъ помѣщеніе... Повѣрьте мнѣ, торопитесь, куйте желѣзо, пока горячо... Гдѣ я долженъ вытти?

— Я васъ провожу,—сказалъ Персиньи.—Намъ надо еще условиться.

Они исчезли, и ихъ голоса смолкли.

VII.

Вошла королева. На ея бѣлокуро-пепельныхъ волосахъ, въ которыхъ, несмотря на наступившіе годы, не видѣлось ни одной сѣдой нити, была надѣта садовая шляпа. Она держала въ рукахъ пучокъ цвѣтовъ.

— Господа, надѣньте сегодня ваши самые парадные фраки,—сказала она.—Вы знаете, что будетъ обѣдать г-жа Рекамье и привезетъ намъ Шатобриана.

Эти слова, произнесенныя съ совсѣмъ еще молодою улыбкой которую, однако, омрачала какая-то грусть, были обращены къ со-

провождавшимъ королеву лицамъ. Тамъ находился майоръ Паркэнъ, недавно женившійся на г-жѣ Кошлэ, придворной дамѣ Гортензіи, Грикуръ и Керель.

Затѣмъ она прибавила:

— Г. Паркэнъ, посмотрите-ка, прошу васъ, гдѣ мой сынъ.

Тогда Гортензіи Богарнэ было пятьдесятъ три года. Уже нѣсколько мѣсяцевъ она чувствовала, какъ въ ней зародилась болѣзнь, отъ которой она должна была вскорѣ умереть. Между тѣмъ, на ея лицѣ, безъ одной морщинки, еще не появлялось слѣдовъ страданія. Ея глаза ничего не потеряли изъ своего знаменитаго блеска. Только носъ, который былъ у нея нѣсколько длиненъ и толстоватъ, сдѣлался еще толще у крыльевъ. Слегка опухшій подбородокъ и складка кожи, покрытая пушкомъ подъ затылкомъ,—такъ называемое «ожерелье Венеры», придающее такую прелесть нѣкоторымъ зрѣлымъ женщинамъ,—одни только обличали минувшія сорокъ лѣтъ. Но чрезвычайно изящныя линіи тѣла оставались юношески-свѣжи и тотчасъ же опровергали этихъ слишкомъ поспѣвшихъ предвозвѣстниковъ.

Всѣ сосредоточились вокругъ Гортензіи, которая сѣла, собирая въ букетъ разбросанные на колѣняхъ цвѣты. Ей въ этомъ помогала г-жа Сальважъ, которая добровольно сдѣлалась ея придворной дамой со времени замужества г-жи Кошлэ съ Паркэнномъ.

— Полковникъ исчезъ,—заявилъ Грикуръ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Тѣмъ хуже для него,—сказалъ поручикъ Керель.— Онъ не видалъ этихъ дивныхъ цвѣтовъ.

— Это мои послѣдніе друзья,—произнесла королева съ нѣсколько принужденной улыбкой,—спутники моихъ сумеречныхъ лѣтъ...

Грикуръ осмѣлился ее прервать.

— О, сударыня, эти сумерки—лучезарное утро. Годы, о которыхъ вы говорите, будутъ долгіе, и вы увидите императорское великолѣпіе.

— Нѣтъ, г. Грикуръ,—возразила Гортензія своимъ прекраснымъ, строгимъ голосомъ:—какое бы счастье ни приберегла Фортуна моему сыну, меня болѣе не будетъ здѣсь, чтобы раздѣлить его съ нимъ. Еще не видывали другого такого существованія, какъ мое.. Я чувствую себя глубоко пораженной. Впрочемъ, такъ—хорошо. Какъ солнце убываетъ, такъ я прохожу свой путь. Въ этой почти дикой странѣ, въ этомъ уединеніи, населенномъ остатками минувшаго времени, есть какая-то грусть, родственная моей. Мнѣ нравится пребываніе среди этихъ развалинъ, мнѣ, самой развалинѣ блестящаго прошедшаго... Мои цвѣты, реликвіи, иногда какой нибудь французъ, завернувшій сюда по пути и приносящій мнѣ немного моей родины,—вотъ радости моей осени, и я не желаю другихъ.

Всѣ почтительно молчали, нѣсколько взволнованные. Но она опять улыбнулась и встала, оканчивая связывать цвѣты, которые держала въ рукахъ.

Въ это время появились Паркэнъ и Персиньи.

— Ну, что же, г. Паркэнъ,—спросила Гортензія,—что стало съ принцемъ?

— Его высочество присоединился въ паркѣ къ полковнику Водрею съ Беркомъ и Лэти.

— Г. Лэти?—спросила королева, впервые услышавшая это имя. Паркэнъ объяснилъ.

— Это—молодой поручикъ понтонеровъ, прибывшій изъ Страсбурга.

— Еще посѣтителъ! еще офицеръ!..

Морщина озабоченности появилась на лбу королевы, но, отогнавъ дурное впечатлѣніе, она сказала не безъ нѣкотораго дружескаго высокомерія:

— Господа, мы возвращаемъ вамъ вашу свободу, обѣдъ будетъ часомъ ранѣе въ честь нашихъ гостей.

Грикуръ, Керель и Паркэнъ поклонились и вышли.

Королева медленно направилась къ Персиньи и, наполовину смѣясь, наполовину серьезно, сказала:

— Мы все еще составляемъ заговоры?.. Что это за г. Лэти?

Персиньи покраснѣлъ и сказалъ:

— Сударыня, клянусь...

— Не клянитесь!

Она ласково погрозила ему.

— Не думаете ли вы, что я слѣпая? Я вижу все, что здѣсь замышляется... Все,—прибавила она, подчеркивая.—У васъ нѣтъ никакого повода бояться меня. Увы! мое сердце сжимается отъ ужаса, но мой сынъ обязанъ жертвовать собою для своей судьбы...

Персиньи сдѣлалъ движеніе.

— Ничего не говорите мнѣ,—продолжала Гортензія,—но хорошенько слѣдите за Луи. Я такъ вамъ довѣряю.

И она протянула руку молодому человѣку, который набожно поцѣловалъ ее.

— Пойдемте, Сальважъ,—сказала королева своей подругѣ.—Время намъ одѣваться.

И обѣ исчезли.

Персиньи позвонилъ, чтобы потребовать лампы; когда ихъ принесли, онъ усялся за столomъ принца, развернулъ большую карту Франціи, на которой обозначилъ булавками точки, по временамъ справляясь съ запиской, вынутой изъ кармана.

Уже болѣе получаса онъ сидѣлъ, погружаясь въ эту работу, когда въ комнатѣ раздавался ясный, нѣсколько нервный голосъ:

— А вотъ и я готова... Какъ, я первая?

Персиньи поднялъ голову.

Это была Элеонора въ парадномъ обѣденномъ нарядѣ, вся дышащая красотою, еще съ оживленнымъ цвѣтомъ лица отъ галона, совершеннаго послѣ завтрака.

- Дѣйствительно, вы первая. Не часто же это случается.
 — Вы еще здѣсь?—спросила она.—Развѣ вы не одѣваетесь?
 Персиньи подошелъ къ ней, искренно любуясь ею.
 — Какъ вы прекрасны!
 — Вотъ запоздалая любезность, товарищъ.
 Она подчеркнула это слово съ нѣкоторой ироніей.
 — Немного подъ глазами синева; вы плакали?
 — Зачѣмъ объ этомъ говорить?

Персиньи взялъ ея руку и съ большимъ расположеніемъ спросилъ:

- У васъ есть горе, и я его не знаю?

Элеонора освободила руку и голосомъ, въ которомъ отпечата-
 лась невольная сухость, вызванная грустью, отвѣтила:

— У меня нѣтъ никакого горя, но у меня есть воля, которая
 повелѣваетъ мнѣ дѣйствовать по-моему и не позволять никому на-
 доѣдать мнѣ. Слышите: никому!

Персиньи молча смотрѣлъ на нее, но она, стѣсняясь его взгляда,
 сказала:

- Полно... ну, полно же!.. Вы не будете готовы.

И она нервно упала на стулъ.

Будущій государственный человѣкъ сложилъ въ порядкѣ бу-
 маги въ ящикъ, затѣмъ ушелъ, пробормотавъ съ улыбкой отно-
 сительно бывшего предмета своей страсти:

- У адъютанта разыгрались нервы!

Дѣйствительно, въ этотъ вечеръ дочь ворчуновъ была пре-
 красна, несмотря на тогдашнюю моду

Когда она осталась одна въ этой обширной комнатѣ, то все
 горе вырвалось наружу, и, ослабѣвъ отъ нервнаго напряженія, ея
 обнаженные руки опустились, а станъ какъ бы ослабъ. Затѣмъ,
 облокотясь на бюваръ принца и подперевъ свой бѣлый лобъ ла-
 доньями, она предалась отчаянію, уставъ сдерживаться.

Всѣ событія послѣднихъ недѣль пронеслись передъ ней, какъ
 быстрое видѣніе, какъ рядъ тѣней, которыя она силилась удер-
 жать, остановить на ходу. Съ того вечера въ Баденскомъ казино,
 когда непредвидѣнно она очутилась лицомъ къ лицу съ принцемъ
 Луи, она еще не могла ни опомниться, ни распутать сѣтленія
 событій въ беспорядочномъ вихрѣ послѣднихъ дней.

Прежде всего передъ ней предсталъ дружескій разрывъ съ Пер-
 синьи, волшебный ужинъ, когда въ одну ночь она пережила импе-
 раторскую мечту; затѣмъ явилась, какъ громомъ, поразившая и за-
 хватившая ея всю любовь къ «наслѣднику», добивающемуся короны,
 тронискателю, бѣлокурому и хрупкому, застѣнчивому и вѣрую-
 щему въ неизбежность судьбы, мечтателю и молчаливому, съ го-
 лубымъ, нѣжнымъ и впечатлительнымъ взглядомъ, смотрѣвшимъ за
 откуда-то «изъ души» и который, казалось, всегда слѣдовалъ за

неутомимымъ бѣгомъ своей химеры. А затѣмъ слѣдовало это безумное, неосуществимое, невѣроятное событіе, однако осуществившееся: ея пребываніе въ этомъ замкѣ, у этой королевы, сказочной феи, его матери, которая обращается съ нею, какъ съ ровней, какъ съ избалованнымъ ребенкомъ, что льстило ей, какъ артисткѣ и женщинѣ, это пребываніе у него, возлѣ него, почти совмѣстная жизнь! И онъ любилъ ее, онъ ей это сказалъ, онъ ее прижималъ къ себѣ... О! это... нѣтъ, не теперь... не здѣсь... позднѣе. Она хотѣла бы родиться, какъ бы очиститься отъ прошедшаго съ помощью какого нибудь героическаго поступка, прежде чѣмъ отдаться ему... послѣ того, какъ ее поведутъ на многія великія предпріятія, которыя они подготовили бы вмѣстѣ. Заговоръ, въ которомъ она участвовала бы, гдѣ бы она играла роль,— вотъ что ее возбуждало.

Какую роль?

Вотъ это-то омрачало картину, являясь угрозой въ самомъ разгарѣ радости. Эта озабоченность смутнымъ образомъ, безъ опредѣленнаго сознанія Элеоноры, вызывала высокій силуэтъ Водрэя, его неутомимое преслѣдованіе, его влюбленные вздохи, мольбы— всю выставку той страсти, которая сначала ее трогала, а теперь надѣдала и пугала, такъ какъ нельзя было ошибиться, что всѣ рассчитывали на нее, чтобы заставить Водрэя рѣшиться. Она это читала во взглядахъ, въ движеніяхъ всѣхъ, въ малѣйшихъ поступкахъ обыденной жизни этого маленькаго двора.

— О, это... нѣтъ, нѣтъ, никогда!

Она сдѣлала движеніе, чтобы отогнать неприятное видѣніе. Ея рука, лежавшая на письменномъ столѣ, натолкнулась на книгу, которую она безотчетно открыла.

Это была стараго времени хроника, въ которой повѣствовались «веселымъ языкомъ» дѣла и дѣлишки товарищей Карла VII Латри, Ксентрелья, могучей дѣвы изъ Домреми, которая отправилась искать короля, чтобы «изгнать изъ Франціи англичанъ». «Тогда Жанна,—говорилось тамъ,—встала на колѣно предъ дофиномъ: «Милостивый господинъ, — сказала она,— императоръ неба посылаетъ меня надѣть корону на ваше королевское чело».

Элеонора порывисто захлопнула книгу, встала, отворила окно и долго вдыхала вечерній воздухъ. Но ее охватила дрожь; она подошла къ фортепіано. Ея пальцы долго блуждали по клавишамъ. Сначала раздались томные, влюбленные аккорды, затѣмъ — ожесточенные, яростные, цѣлая буря звуковъ, въ которой вылилась вся тревога ея души. Потомъ все смолкло, и Элеонора упала всѣмъ станомъ на пюпитръ; слышались рыданія — это былъ настоящій нервный припадокъ.

За этимъ послѣдовало успокоеніе. Все еще склонясь, она оставалась, спрятавъ лицо въ обнаженныхъ рукахъ, скрещенныхъ на пюпитрѣ. Но вдругъ она почувствовала возлѣ постороннее присутствіе, чьи-то губы слегка прикоснулись къ ея волосамъ.

VII.

Королева!

Дѣйствительно это была королева; она стояла предъ нею, улыбаясь, еще очень красивая въ своемъ вечернемъ нарядѣ.

Элеонора порывисто встала.

— Сударыня... о, простите!

Но Гортензія, сдѣлавъ движеніе и взявъ горячую отъ лихорадки руку молодой женщины, сказала:

— Простить?... А за что, мое дитя? за ваши слезы? Не думаете ли вы, что онѣ чужды бѣдной Гортензіи?... Оставьте ихъ литься, я вамъ завидую. Слезы! Но это—богатство для нашей сестры, женщины, съ ними выливается вся наша бѣда. Надо, какъ я, перенести всю печаль величія, чтобы знать благотворность слезъ. Ваши слезы? Я хотѣла бы плакать ими: мое сердце тогда еще жило бы...

Она подняла палецъ и, нѣжно погрозивъ имъ, сказала:

— Я знаю ихъ источникъ.

— Сударыня, клянусь...

— Мнѣ это знакомо.

И на губахъ великой грѣшницы появилась лукавая, молодая улыбка, вызвавшая признаніе на уста Элеоноры.

Она была готова высказать все. Гортензія ее остановила:

— Не говорите! Я не хочу знать вашей тайны... Вы—женщина, вы страдаете, я васъ утѣшаю, и это все.

— Но, сударыня, меня терзають...

— Тише!... Вы должны бы гордиться. Вы изъ той расы, которая «служить» аристократіи. Такихъ, какъ мы, есть нѣсколько въ исторіи.

Элеонора смотрѣла на нее съ изумленіемъ.

— Какъ насъ?—спросила она.

— Да, — отвѣтила Гортензія съ грустью, — вѣдь я также «служила». Я была молодой дѣвушкой, я любила, и меня любили. Мы дали обѣщаніе другъ другу...

— Дюрокъ... сказала опрометчиво Элеонора.

— Да, Дюрокъ. Онѣ просилъ моей руки у моего пріемнаго отца. Сначала послѣдовало «да», но затѣмъ вмѣшалась политика, и поженили насъ, два существа, которыя оба любили другихъ. Но было необходимо, и мы «служили». Насъ повели къ алтарю среди блестящаго, почти королевскаго великолѣпія. Любимый человѣкъ былъ тамъ, онѣ стоялъ рядомъ съ первымъ консуломъ, смертельно блѣдный, но непреклонный. Какими взглядами мы обмѣнивались! Я едва не умерла, когда не мною избранный мужъ надѣвалъ мнѣ кольцо на палецъ, заледенѣвшій, какъ наши два сердца... Посмотрите это кольцо, оно тамъ.

Она нѣжно обняла Элеонору за талію и тихо увлекла къ большому стеклянному шкапу съ опущенными занавѣсками.

Нѣжнымъ, медленнымъ движеніемъ, какимъ слѣпой прикасается до рукописи для незрячихъ, ея пальцы съ минуту блуждали по золоченнымъ, вычурнымъ украшеніямъ замка; затѣмъ внезапно растворились обѣ большія половинки двери съ отрывистымъ трескомъ, произведеннымъ собачкой, нажатой потайной пружиной.

Для Элеоноры это былъ моментъ высшаго восторга.

На полкахъ были въ порядкѣ разложены или тщательно привѣшены на шелковыхъ бумажкахъ съ просвѣчивающимся золотомъ всѣ реликвіи Цезаря, изъ которыхъ она сдѣлала свою религію. Здѣсь были маленькія шляпы, одежда, которую онъ надѣвалъ во время коронаванія, знаки отличія, орденскія ленты, замшевыя перчатки, всякаго рода и размѣра оружіе, серебряный, вызолоченный орелъ, серебряныя, вызолоченныя шпоры... Маренгская сабля и Аустерлицкая шпага, цѣлый складъ эполетъ, разложенный на бархатныхъ подушкахъ и въ ларчикахъ, отдѣланныхъ шелкомъ съ гербами.

Пѣвица смотрѣла на все съ дѣтскимъ восторгомъ въ глазахъ.

— Подойдите, — сказала нѣжно Гортензія, — вы можете... Дочь офицера гвардіи, вы—изъ семьи...

Элеонора залепетала:

— Парадная одежда, консульскій мечъ, гренадерскій мундиръ, походный кубокъ... (Элеонора осмѣлилась взять его въ руки)... какой маленькій!.. фляга для водки, которую носилъ его егеръ, Сенъ-Дени... Ахъ, римскій король!

Это была рамка изъ выцвѣтшаго отъ времени шелка съ наполовину стершимся изображеніемъ хилаго Шенбрунскаго дитяти, этого римскаго короленка, несчастнаго дѣтеныша орла, задушеннаго когтями большой хищной австрійской птицы.

Элеонора залюбовалась бѣлокурой прядью волосъ на блѣдномъ челѣ ребенка, и ея глаза затуманились отъ слезъ, а сердце заволновалось.

— Его губы, прежде чѣмъ умереть, прикасались къ этому шелку, — произнесла она: — на немъ видны его слезы. Этотъ портретъ вышить... Она остановилась, опасаясь не ошибиться бы.

— Да, Маріей-Луизой, — подтвердила Гортензія, беря маленькій бумажникъ съ потертыми складками, — но вотъ его письма къ Жозефинѣ, моей матери, которую онъ любилъ даже послѣ развода...

— Любовныя письма, подписанныя Наполеономъ! — воскликнула Элеонора.

Послѣдовало молчаніе; затѣмъ королева, показывая изумрудъ, сказала:

— Талисманъ Карла Великаго. Въ этомъ камнѣ заключается кусочекъ отъ настоящаго Креста Христова. Когда вскрывали мо-

гилу императора запада, то на шеѣ скелета въ римской одеждѣ нашли это ожерелье... Граждане поднесли его Наполеону, и мой второй отецъ далъ мнѣ этотъ камень послѣ того, какъ носилъ его на своей груди во время Аустерлицкой и Ваграмской битвъ.

— А это кольцо?—спросила Элеонора.

— Это—обручальное кольцо моей матери съ Наполеономъ.

Она посмотрѣла на пѣвицу съ особеннымъ выраженіемъ и медленно, серьезно прибавила:

— Я надѣну его на палецъ моего сына, когда онъ отправится съ пѣлью какого нибудь крупнаго предпріятія. Это будетъ его талисманъ.

— Такъ вы желаете, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ? — спросила Элеонора, смотря на королеву съ какою-то тоскою.

— Я не желаю его и не опасуюсь его. Къ чему это поведетъ? Принцы въ рукахъ Бога и не могутъ избѣгнуть своей задачи.

Пѣвица опустила глаза; слеза скатилась по ея щекаѣ и сейчасъ же высохла отъ лихорадочнаго жара, пылавшаго на ея лицаѣ.

Опять водворилось молчаніе между двумя женщинами. Затѣмъ Элеонора притянула къ себѣ толстый свертокъ бумаги, который и развернула.

— Ноты! — воскликнула она весело, по обыкновенію быстро перемѣняя настроеніе.

— Да, это мои, — отвѣтила Гортензія. — Романсы, сочиненные въ счастливыя времена.

— О! я ихъ знала. Ихъ пѣли у меня во время моего дѣтства, въ особенности два...

Она лихорадочно стала ихъ перелистывать.

— А! вотъ... «Vous me quittez pour marcher à la gloire» (вы покидаете меня, чтобы шествовать къ славѣ).

— Я ихъ сочинила для моей матери. Ея мужъ долженъ былъ отправиться въ походъ 1809 года. Слухи о разводѣ начали распространяться. Моя мать долго плакала, когда я пѣла при ней эти романсы императору.

— А вотъ и другой: «Partant pour la Syrie».

— Его играла музыка гвардіи, — сказала со вздохомъ королева. — Его называли: «Арія королевы Гортензіи».

Со свойственными ей скачками въ настроеніи, у Элеоноры явилась внезапная мысль, которую она хотѣла тотчасъ же осуществить.

— О, сударыня, если бы я осмѣлилась...

— Что такое?

— Это было бы такой для меня большой милостью, но ваше величество такъ добры... Однако я не осмѣливаюсь...

— Осмѣльтесь,—сказала королева, которую развеселило дѣтское выраженіе ея лица.

Элеонора указала на фортепіано.

— Если бы вы пожелали...

— Я?..

— Прошу васъ...

— Чтобы я запѣла передъ такой артисткой, какъ вы?..

Королева стала отговариваться. Элеонора принялась такъ ластиться къ ней и такъ нѣжно настаивать, что Гортензія сдалась.

Ея пальцы заиграли прелюдію; затѣмъ она запѣла первый куплетъ еще свѣжимъ и вѣрнымъ голосомъ, что дѣлало болѣе прелестными ноты, иногда нѣсколько устарѣвшія.

Partant pour la Syrie
Le jeune et beau Dunois
Alla prier Marie
De bénir ses exploits.
«Faites, reine immortelle,
Lui dit-il en partant,
Que j'aime la plus belle
Et sois le plus vaillant»¹⁾.

Она не слышала, какъ позади ея отворилась дверь, чрезъ которую проскользнули, стараясь не смущать королевы, Грикуръ, Керель, Беркъ и Паркэнъ и встали за ея табуретомъ, раскачивая головой, согласно ритму, съ выраженіемъ восторга, какъ у котовъ передъ чашкой съ молокомъ.

Затѣмъ появились Персиньи и Водрэй въ вечернихъ фракахъ съ цвѣтами въ петлицахъ.

Наконецъ показался принцъ въ черномъ фракѣ съ звѣздою Почетнаго Легіона, безъ ленты на лѣвой сторонѣ груди.

Il trace sur la pierre
Le serment de l'honneur
Et va suivre à la guerre
Le comte son seigneur...²⁾.

Луи-Наполеонъ, облокотясь на свое бюро изъ краснаго дерева и полузакрывъ глаза, слушалъ пѣніе матери, бросая нѣсколько сомнамбулическій взглядъ на Водрэя, который, выпрямившись во весь ростъ, стоялъ среди группы и слушалъ. Элеонора,

¹⁾ Отправляясь въ Сирійскій походъ, молодой красавецъ Дюнуа молилъ Марію благословить его упованія. «Помоги, царица бевсмертная,—говорилъ онъ ей удаляясь,—возлюбить мнѣ прекраснѣйшую, а самому заслужить славу храбрѣйшаго».

²⁾ На камнѣ запечатлѣваетъ онъ клятву чести, и готовъ слѣдовать на войну за своимъ благороднымъ повелителемъ.

блѣдная, невѣрной походкой приблизилась къ принцу, свертокъ другихъ нотъ дрожалъ у нея въ рукахъ.

Проходя мимо Водрэя, она бросила ему слова, заставившія стараго воина вздрогнуть:

— Не уѣзжайте!

И въ то время, какъ другіе, стоя возлѣ фортепіано, сдержанно подпѣвали хоромъ припѣвъ наивнаго куплета, Элеонора съ тоскою во взглядѣ, съ открытой тетрадью и подымая при каждомъ стихѣ глаза съ бумаги на лицо принца, читала медленнымъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы:

*Vous me quittez pour marcher à la gloire;
Mon triste cœur suivra partout vos pas.
Allez, volez au temple de mémoire;
Soyez heureux, mais ne m'oubliez pas!... 1).*

И она почти безъ чувствъ упала на кресло.

Къ ней поспѣшилъ подойти принцъ.

У фортепіано продолжали тихо подпѣвать:

*Au noble voeu fidèle,
Il dit en combattant:
«Amour à la plus belle,
Honneur au plus vaillant!» 2).*

Извнѣ послышался скрипъ колесъ по песку, затѣмъ появился высокій слуга и громкимъ голосомъ возвѣстилъ:

— Г-жа Рекамье... и виконтъ Шатобрианъ!...

IX.

Быль вечеръ 23-го октября 1836 года.

Ранняя зима жестоко свирѣпствовала. Еще было только девять часовъ, а ужъ Страсбургъ заснулъ подъ бѣлымъ пуховикомъ толстаго слоя снѣга, покрывшаго улицы и крыши.

Не было ни одной лавки, ни одного кабака, гдѣ оставались бы не запертými ставни. Едва кое-гдѣ еще освѣщенные окна клѣтками отбрасывали на землю блѣдный отблескъ, и печальное колебаніе отражавшагося пламени подпрыгивало въ холодномъ безлюдіи кривыхъ, старыхъ улицъ. Иногда на перекресткѣ виднѣлся быстро удалявшійся и раскачивавшійся фонарь какого нибудь запоздалаго прохожаго, неслышно шагавшаго по снѣгу.

1) Вы покидаете меня, чтобы шествовать къ славѣ. Мое бѣдное сердце повсюду будетъ слѣдовать за вами неотступно. Ну же, скорѣе на арену незабываемыхъ подвиговъ! Будьте счастливы, но не забывайте меня!

2) Слѣдуя благородному, неизмѣнному завѣту, онъ говорилъ сражаясь: «Любовь—для прекраснѣйшей, слава—для храбрѣйшаго!».

Когда девять ударовъ большихъ часовъ разнеслось по воздуху, и стая тяжелокрылыхъ аистовъ испуганно слетѣла съ колокольни, какая-то таинственная тѣнь, пробиравшаяся мелкими и торопливыми шагами, поровнявшись съ порталомъ собора, вдругъ остановилась, когда заглохло послѣднее колебаніе звука.

Приподнявъ фонарь наравнѣ съ лицомъ, тѣнь, вся закутанная въ шерстяную одежду, склонилась, какъ бы прислушиваясь къ молчанію и изслѣдуя тяжелый сонъ города. Затѣмъ она скользнула вдоль безмолвныхъ домовъ до дверей стараго жилища въ восемь оконъ, съ фасадомъ, почернѣвшимъ отъ времени, исполосованнымъ тонкими линіями свѣта, проникавшаго чрезъ скважины затворенныхъ ставней.

Изъ глубины караулки, прислоненной къ входной двери, показался двойной блескъ: штыка и кивера. Въ темнотѣ пробормоталъ заспанный голосъ: «Кто идетъ?»

— Стража префектуры,—отвѣтила тѣнь добродушнымъ тономъ. Часовой вышелъ изъ будки.

Завернувшись въ плащъ, слишкомъ длинный и широкій для его маленькаго роста, солдатъ, изъ рекрутовъ, осмотрѣлъ запоздалаго пришельца; затѣмъ окоченѣлой отъ холода рукою приподнялъ стукальце, которое тяжело упало, потрясая стѣны.

Отворилась одна половинка двери, и тѣнь, послѣ того, какъ она рассмотрѣла ее, вошла въ домъ военной дивизіи.

Нѣсколько минутъ спустя, освободившись отъ своего плаща и кашнѣ, поправивъ золотыя очки, съдой вихоръ и приведя себя въ обычный порядокъ, игривый и налощенный Патернэ вступилъ въ залъ, гдѣ многія лица были поглощены молчаливой и тихой работой.

Три дамы молча вышивали вокругъ стола, накрытаго вязанной изъ шерсти скатертью,—семейнымъ произведеніемъ искусства,—и освѣщеннаго большой карсельской лампой съ зеленымъ абажуромъ, украшеннымъ двумя прозрачными медальонами съ напечатанными жеманными изображеніями короля Луи-Филиппа и королевы Маріи-Амели. Это были теща, жена и дочь генераль-лейтенанта Вуароля, командующаго 3-й военной дивизіей департаментовъ Верхняго и Нижняго Рейна. Онѣ были въ скромныхъ шерстяныхъ платьяхъ, и строгость ихъ «профиля камей» смягчалась двумя локонами на вискахъ.

На другомъ концѣ комнаты, недалеко отъ камина, въ которомъ угасали подъ пепломъ нѣсколько головешекъ, ломберный столъ, скудно освѣщенный свѣчами, прикрытыми экраномъ, служилъ полемъ сраженія тремъ военнымъ, спокойно волнующимся перипетіями виста.

Эти три офицера въ домашнихъ мундирахъ съ нѣсколько стертой позолотой, съ потускнѣвшими отворотами, что подходило къ

скромнымъ и безропотнымъ героямъ мирнаго полка, были: самъ генералъ-лейтенантъ, баронъ Вуароль, и его два адъютанта—майоръ Франквиль и капитанъ Рэндръ.

И въ спокойной тишинѣ холоднаго зимняго вечера вся эта гостиная съ своей обстановкой суроваго безобразія, атмосферой добродѣтельной скуки, честной бережливости, съ своими фізіономіями безъ всякаго характера, однако, представляющими душу класса и царствованія, походила на всѣ другія гостинныя того времени—провинціальныя, парижскія и придворныя. Въ нихъ царствовало хмурое, мелочно-бережливое мѣщанство, безъ замѣчательныхъ добродѣтелей, но и безъ главныхъ пороковъ: героическое относительно мятежей, угрожавшихъ ихъ имуществу; тщеславное и сухо-высокомѣрное, но унижавшееся предъ деньгами; презиравшее бѣдныхъ, но пользовавшееся ихъ услугами; строгое, хотя мало разборчивое относительно способа наживы; либеральное, хотя степенное; отличавшееся ригоризмомъ, хотя пользовалось наслажденіями; догматическое, хотя не вѣрующее,—которое суровый Гизо формулировалъ евангельской фразой: «Обогащайтесь!»

Шаги стараго полицейскаго, скользящіе по паркету, не покрытому ковромъ, едва произвели звукъ мышинаго шороха, и все-таки всѣ приподняли головы.

— А! а! вотъ и вы, спеціальный посланный отъ министра внутреннихъ дѣлъ,—сказалъ генералъ Вуароль, поворачивая карты, которыя онъ держалъ вѣрообразно, но не бросая ихъ:—что новаго?

— По счастью, ничего, г. генералъ-лейтенантъ,—отвѣтилъ Патернэ добродушнымъ тономъ.—По послѣднимъ полученнымъ извѣстіямъ принцъ Луи въ Лондонѣ; что же касается его баденскихъ и арененбергскихъ сообщниковъ, то они улетѣли, исчезли, улетучились.

При этомъ Патернэ своими бритыми губами ищейки, прожорливими и скептическими, дунулъ, желая представить воздушный пузырь и сопровождая его кокетливымъ движеніемъ пальцевъ, сначала соединенныхъ, затѣмъ раздвинутыхъ и направленныхъ впередъ.

— Вы совсѣмъ увѣрены въ вашихъ свѣдѣніяхъ?—спросилъ командиръ 5-й военной дивизіи съ холоднымъ равнодушіемъ, внимательно смотря на свою игру.

— Конечно, генералъ: мнѣ это подтвердилъ сегодня въ пять часовъ префектъ Нижняго Рейна.

— А! г. Шопэнъ д'Арнувилль возвратился?

— Онъ прибылъ изъ Парижа, гдѣ фактъ присутствія въ Лондонѣ сына герцогини Сентъ-Лѣ былъ ему сообщенъ лично президентомъ совѣта.

Оба адъютанта съ картами въ рукахъ, молча, ожидали возобновленія партіи.

Баронъ Вуароль поднялъ глаза на Патернэ. Съ минуту они смотрѣли другъ на друга. Затѣмъ полицейскій развелъ руками съ выраженіемъ, говорившимъ: «Знаете, я вамъ сообщаю новость, какую узналъ, но я не беру на себя отвѣтственности за нее»...

Еще съ минуту они оба смотрѣли пристально другъ другу въ глаза; затѣмъ генераль, играя костяными фишками, небрежно сказалъ:

— О, впрочемъ, я умываю руки въ этомъ дѣлѣ. Я исполнилъ долгъ, вручая министру письмо, которое принцъ имѣлъ смѣлость мнѣ прислать лѣтомъ; остальное до меня не касается.

И онъ взглянулъ на своихъ адъютантовъ, какъ бы ожидая отъ нихъ одобренія, которое тотчасъ же было выражено ими; потомъ онъ прибавилъ:

— И затѣмъ поистинѣ эти люди совсѣмъ не были опасны...

— Это всегда было мое мнѣніе,—подтвердилъ Патернэ, глаза котораго сверкнули.—Поэтому согласно съ г. префектомъ я рѣшилъ посѣтить овчарню, т.-е. Парижъ, а потому я явился къ вамъ, г. генераль-лейтенантъ, проститься или скорѣе за вашими распоряженіями, если буду имѣть счастье получить ихъ.

— Тогда, сударь, добрый путь. Въ случаѣ надобности я засвидѣтельствую предъ вашимъ начальствомъ вашу способность и стараніе.

И онъ отпустилъ его дружески-покровительственнымъ кивкомъ.

Старый полицейскій почтительно поклонился генералу и удалился.

Когда онъ ушелъ, генераль сказалъ:

— Ну, господа, окончимъ нашу партію. Въ такую погоду хорошо забраться подъ пуховикъ. Майоръ Франквиль, вы хорошо передали приказаніе всему корпусу гарнизона? Завтра отдыхъ солдатамъ по случаю снѣга...

— И по случаю дня Всѣхъ Святыхъ, мой другъ,—замѣтила г-жа Вуароль.

— Слушаю, генераль.

— А я самъ, не знаю... можетъ быть, просплю до позднего утра, чтобы не болѣли кости. На меня, знаете, со времени Березины и снѣгъ и ледъ... брр!...

Партія была живо окончена, и адъютанты іерархически проиграли.

Между тѣмъ, Патернэ снова закутался въ свой плащъ и кашнэ, затѣмъ поспѣшно направился осторожными шагами къ префектурѣ. Ему пришлось разбудить консьержа, который заявилъ ему, что префектъ въ постели, и что невозможно его разбудить.

— Воздержусь отъ этого,—отвѣтилъ Патернэ комическимъ тономъ.—Добрая ночь, г. Кретьенъ-Алоизъ Вольтцъ... Дозавтра!

Патернэ съ маленькимъ фонарикомъ въ рукѣ продолжалъ свое ночное хожденіе по заснувшему городу.

Теперь свѣтъ падалъ крупными хлопьями. Остроконечныя крыши стараго города и колокольни казались безчисленными ночными чепчиками, надѣтыми на безмятежный сонъ, не знающій ни волненій, ни честолюбія этого свѣта.¹

Долго еще блуждалъ старый полицейскій среди мрачнаго сіянія полярной ночи.

X.

Въ эпоху, когда происходило все рассказанное, въ Страсбургѣ, въ улицѣ Лафонтэнъ, въ № 17, въ старомъ домѣ съ фасадомъ, выдающимся впередъ и возвышающимся надъ нижнимъ этажемъ, проживалъ одинъ изъ тѣхъ представителей патриархальныхъ расплодившихся семействъ, которые такъ долго сохраняли старинныя нравы, одежду и языкъ эльзасцевъ и въ большомъ количествѣ еще существовали до времени ужасной осады 1870 года.

Главою этой семьи былъ въ 1836 году старый солдатъ, воинъ республики и имперіи. Еще молодежавый, хотя ему было уже много лѣтъ, немного пустомеля, Браунеръ послѣ распущенія войскъ въ 1815 году не могъ приняться съ выгодой для себя за прежнее ремесло обойщика.

На его счастье, кромѣ отцовскаго дома, онъ обладалъ еще кое-какими средствами, что позволяло ему, хотя и женатому, жить довольно спокойно, доставая то здѣсь, то тамъ кое-какую работу. Но, когда, нѣкоторое время спустя послѣ іюльскихъ дней, умерла его жена, это нанесло ему такой ударъ, что онъ вдругъ сдѣлался неспособенъ къ работѣ и законопатился дома, перебирая и пересказывая воспоминанія среди облаковъ дыма своей фарфоровой трубки и положивъ ноги въ печь.

Г-жа Браунеръ оставила ему двухъ дочерей: Анну, уже замужемъ за Максомъ Финкомъ, часовщикомъ, и Розу, которая вскорѣ должна была выйти замужъ за Корнильона, уже появлявшагося въ началѣ этой исторіи въ Баденѣ и служившаго въ префектурѣ Нижняго Рейна.

Финкъ уже былъ отцомъ маленькаго шестилѣтняго Петерля, составлявшаго радость дѣда вмѣстѣ со своей двоюродной сестрой, Гретелью, двѣнадцатилѣтней дѣвочкой, оставшейся сиротою послѣ смерти одного изъ сыновей, который родился до женитьбы стараго Браунера во время его полной приключеній карьеры. Онъ умеръ рано въ какомъ-то уголкѣ Европы.

Взятая Браунеромъ сирота сдѣлалась для стараго и славнаго останка Великой арміи чѣмъ-то въ родѣ Антигоны, никогда не покидавшей старика, какъ его тѣнь. Она съ терпѣливымъ вниманіемъ слушала его безконечныя рассказы о Наполеонѣ и про-

клинала англичанъ, которые заставили его умереть на знойной скалѣ.

Въ этотъ вечеръ, 29-го октября, въ то время, какъ Патернэ, будто безпокойная таинственная тѣнь, торопился по снѣжнымъ улицамъ, вся семья Браунера собралась въ старомъ жилищѣ, въ улицѣ Лафонтенъ, вокругъ прадѣда, глотая bretschells и попивая пиво. Большая печь изъ синяго фаянса софла, дѣдъ курилъ, а маленькій Петерль спалъ, уткнувъ свое розовое личико съ бѣло-курыми волосами въ скрестившіяся на столѣ руки.

Единственная личность среди бывшихъ тамъ, не принадлежавшая къ семьѣ, былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, по порученію одного ліонскаго торговаго дома, объѣзжающій съ шелковыми матеріями города, — случайный съемщикъ одной изъ комнатъ. Папа Браунеръ сдалъ ее съ полной обстановкой съ тѣхъ поръ, какъ домъ сдѣлался слишкомъ великъ для семейства Корнильона, занимавшаго его вмѣстѣ съ дѣдомъ и Гретелью.

Уже нѣсколько недѣль этотъ путешественникъ, по имени Манюэль, жилъ тамъ, и, согласно традиціямъ гостепримства добраго и братскаго Эльзаса, онъ съ перваго же дня имѣлъ свое мѣсто, какъ родственникъ въ семейномъ кружкѣ.

Къ тому же это былъ благообразный молодой человѣкъ, радушнаго, веселаго нрава, умѣвшій обворозить всѣхъ. Его карманы никогда не были пусты. Онъ всегда вынималъ изъ нихъ какой нибудь гостинецъ для дѣтей и маленькій подарокъ для большихъ.

Наступилъ вечеръ. Манюэль пробѣгалъ глазами газету, иногда бросая взглядъ на большіе часы, тупое тиканье которыхъ въ деревянномъ футлярѣ подавало какъ бы ритмъ, размѣръ жизни этихъ простодушныхъ и безмятежныхъ сердець.

Максъ Финкъ и его зять Корнильонъ только что окончили игру въ шахматы, когда чиновникъ префектуры воскликнулъ, какъ бы осаждаемый неотвязной мыслью:

— Изумительно, г. Манюэль! Чѣмъ больше я на васъ смотрю, тѣмъ болѣе думаю, что я васъ гдѣ-то встрѣчалъ. Вы не можете мнѣ сказать—гдѣ?

— Право, г. Корнильонъ, не могу, если вы сами не припоминаете...— отвѣтилъ Манюэль съ улыбкой.

— Съ тѣхъ поръ, какъ мѣсяць тому назадъ вы поселились здѣсь, я ломаю себѣ голову...

— Не ломайте,—сказалъ молодой человѣкъ и уже совсѣмъ разсмѣялся:—это придетъ само собой въ одинъ прекрасный день, когда вы не будете болѣе объ этомъ думать.

Въ это время пробили часы; затѣмъ, когда ихъ звонъ смолкнулъ, на вершинѣ циферблата показался деревянный пѣтухъ, образцовое произведеніе искусства Шварцвальдена, и повторилъ количество часовъ громкимъ «ку-ку-ре-ку».

— Удобно же это животное для спанья,—прошепталъ жилецъ Браунеровъ.

Внезапно г-жа Финкъ поднялась и сказала:

— Десять часовъ! Um Gottes Willen! Максъ, надо попроситься и отправляться по домамъ.

— Ты очень торопишься,—сказала Роза Корнильонъ, которая, находясь дома, не беспокоилась о возвращеніи.

— О, ты, сестра,—возразила Анна Финкъ,—ты можешь сидѣть ночью: твой мужъ пойдетъ на службу въ девять часовъ, а намъ надо быть въ лавкѣ до наступленія утра. Завтра торговый день... Да посмотри, и Петерль заснулъ на своемъ стулѣ, купидонъ...

Этотъ разговоръ происходилъ отчасти на эльзасскомъ просторѣчьи, отчасти на странномъ французскомъ языкѣ съ грубымъ удареніемъ, очень искажающимъ слова.

— Na!—отвѣтила Роза.—Loss s'bievele noch ein bissele schlofe.

И, обратясь къ молодому жильцу, она сказала:

— Извините, г. Манюэль, но когда мы такъ, въ семьѣ, къ намъ возвращается нашъ старинный языкъ страны. Я говорю сестрѣ, что «не надо нарушать золотого сна маленькаго Петерля».

— Оставайтесь еще,—сказалъ старый Браунеръ.—Не часто я вижу своихъ дѣтей собравшимися у меня вмѣстѣ. Кромѣ того, сегодня послѣдній день г. Манюэль проводитъ съ нами. Надо еще разъ чокнуться за его здоровье, путешествіе и торговлю. Гретель, налей кружки.

— Когда ты окончишь, то принеси намъ наши плащи и фонарь,—шепнула Анна Финкъ на ухо дѣвочкѣ.

— Г. Манюэль ожидаетъ друзей, не надо быть нескромными,—сказалъ ей мужъ.

— Это правда,—прибавила Роза Корнильонъ,—и я приготовила для этихъ господъ холодной говядины и гусиной печѣнки, потому что они должны провести эту ночь съ г. Манюэлемъ.

— А я,—сказала Гретель, неся плащи,—я поставила десять кружекъ пива охлаждаться въ снѣгъ, набранный изъ кровельнаго жолоба.

И она указала пальцемъ на окно, откуда были видны бѣлыя крыши, освѣщенныя ослѣпительной луной.

— Не надо зажигать фонаря,—сказалъ Максъ Финкъ, смѣясь:—довольно и Божьей лампы.

Уже съ минуту Манюэль казался озабоченнымъ, и какъ бы желая ускорить ихъ уходъ.

— Дѣйствительно,—сказалъ онъ,—не думаю, чтобы мои друзья очень опоздали...

На это Корнильонъ тономъ человѣка, уже предупрежденнаго и знающаго, въ чемъ дѣло, спросилъ:

— Не правда ли, г. Манюэль, это здѣшніе купцы, съ которыми вы заключили крупныя дѣла?

— Да, г. Корнильонъ, крупныя, очень крупныя дѣла... И мы не хотѣли разстаться, не осушивъ нѣсколькихъ кружекъ.

Онъ направился къ большому сундуку, стоявшему въ глубинѣ комнаты, и, открывъ его, сказалъ:

— Я не хотѣлъ бы отсюда уѣхать, не оставивъ чего нибудь на память... Возьмите, г-жа Фивкъ, возьмите, г-жа Корнильонъ, вотъ и вамъ, Гретель. Это—мои самые красивые образцы чистаго лонскаго бархата и шелка... Возьмите на память обо мнѣ.

И онъ протянулъ имъ три остатка матеріи.

Дамы пришли въ восторгъ и только могли коротко сказать:

— Ахъ, г. Манюэль!

— Нѣтъ, — замѣтила Анна, — это слишкомъ для насъ прекрасно...

Корнильонъ считалъ своимъ долгомъ вмѣшаться:

— Поистинѣ, г. Манюэль...

А Роза Корнильонъ добавила:

— Ахъ, торговля!.. Торговля приноситъ болѣе, чѣмъ администрація.

— Да,—сказалъ Корнильонъ съ нѣкоторой торжественностью,— но зато можешь гордиться, что чиновникъ и служишь государству, а иногда и спасаешь его! Вотъ я...

Его перебилъ старикъ Браунеръ, который всталъ, выпрямился и, поднявъ кружку, громко провозгласилъ:

— Пью за ваше здоровье, г. Манюэль, за успѣхъ вашего предпріятія.

Затѣмъ, воодушевившись, прибавилъ:

— И за возвращеніе славы Франціи!

Кружка задрожала въ его пальцахъ.

— А я пью за здоровье моихъ хозяевъ, моихъ добрыхъ квартирныхъ хозяевъ. Съ тѣхъ поръ, что я въ Страсбургѣ, вы заботились обо мнѣ, какъ о родномъ... Я ежедневно благодарю моего стараго друга Патернэ, что онъ меня направилъ въ это братское жилище... Пью за ваше столѣтнее существованіе, папа Браунеръ, и за ваши старыя наполеоновскія мечты!

— А! если вы хвалите древнюю манію тестя, то онъ намъ говоритъ чепухи послѣ вашего отъѣзда,—насмѣхался Корнильонъ.

Манюэль повернулся къ Корнильону и сказалъ:

— Я пью также и за ваше здоровье, г. Корнильонъ...

И онъ прибавилъ съ непроницаемой ироніей, которую никто изъ присутствующихъ не могъ понять:

— За ваше вполне заслуженное повышеніе.

Старый Браунеръ воспламенился и важнымъ тономъ пробормоталъ:

— Я, я пью... я, я пью... за отечество!.. Мы его спасли съ Келлерманомъ въ 92... Затѣмъ, когда наше солнце померкло,—я говорю

объ императорѣ,—я совершилъ французскій походъ: Бриенъ, Монмирейль... У меня еще есть старый мундиръ, и если понадобится... если понадобится!..

Онъ протянулъ къ путешественнику руку съ кружкой, прибавивъ:

— Еще разъ за васъ, г. Манюэль, за васъ потому, что вы не насмѣхаетесь, когда я говорю объ императорѣ.

— А я,—заявилъ Корнильонъ,—я чиновникъ его величества Луи-Филиппа, не присоединяясь къ мятежнымъ воспоминаніямъ, пью за вашъ успѣхъ, г. Манюэль.

Манюэль все съ тою же загадочною улыбкой поблагодарилъ его:

— Вотъ пожеланіе, которое меня разстрогало болѣе, чѣмъ вы думаете, г. Корнильонъ.

Всѣ чокнулись въ круговую, и каждый принялся одѣваться, ибо семья Корнильонъ, помѣщаясь на другой половинѣ дома, должна была перейти дворъ.

— Ну, Петерль, проснись,—сказала г-жа Финкъ, потряхивая ребенка, котораго тепло закутала,—я не люблю выходить такъ поздно на улицу, особенно съ ребенкомъ.

— Надѣюсь, вы не боитесь воровъ?—спросилъ Корнильонъ свояченицу.

— Нѣтъ, не воровъ,—вмѣшался Максъ Финкъ,—но жена тревожится...

— Тревожится?

— Такъ въ предмѣстьѣ ходятъ слухи...

— Какіе слухи?—спросилъ Манюэль.

— Рассказываютъ, что племянникъ императора идетъ въ Страсбургъ съ пушками противъ Луи-Филиппа, чтобы въ одинъ прекрасный день сдѣлаться правителемъ.

Корнильонъ улыбнулся съ нѣкоторымъ состраданіемъ къ рассказчикамъ.

— Какая шутка! Я самъ видѣлъ принца въ Баденѣ, куда меня посылалъ префектъ слѣдить за нимъ. Въ данный моментъ, что бы тамъ ни говорили о немъ, онъ приготавливалъ кое-что... Онъ попробовалъ обольстить офицеровъ, но онъ наткнулся на честность нашей арміи... И я не совѣтовалъ бы ему впредь трогаться съ мѣста.

Корнильонъ не на шутку сдѣлался угрожающимъ и былъ не далекъ отъ того, чтобы показаться опаснымъ. Однако, Манюэль, не волнуясь, спросилъ Финка съ любопытствомъ:

— Скажите, г. Финкъ, что сдѣлали бы страсбургцы, если бы принцъ Наполеонъ въ одинъ прекрасный день нагрянулъ на Страсбургъ и провозгласилъ имперію?

Максъ Финкъ, помогавшій женѣ надѣть плащъ, казалось, съ минуту самъ спрашивалъ себя объ этомъ; затѣмъ откровеннымъ, чистосердечнымъ тономъ заявилъ:

— Это зависитъ... Сначала всѣ будутъ порядочно удивлены, будутъ переглядываться... Мужчины скажутъ: Donnerwetter, noch ein mal! а женщины: Jésés!

— А затѣмъ?

— А затѣмъ... я не знаю. Здѣсь очень любятъ исторіи объ императорѣ, но также любятъ спокойствіе. Луи-Филиппомъ также не довольны, а, тѣмъ не менѣе, дѣла идутъ хорошо... Довольны и не довольны, вотъ и все!

— Да,—подтвердила Анна,—они всѣ, какъ «Гансимъ Шнокенлокъ» изъ нашей эльзасской пѣсни: у нихъ все есть, чего они хотятъ, и всего, что у нихъ есть, они не хотятъ... Пойди, Петерль, пойди, попрощайся съ дѣдушкой.

Корнильонъ перебилъ ее:

— Полно, полно, все это сказки старыхъ прядильщицъ. Впрочемъ, принцъ далеко!

— А! онъ... далеко?—повторилъ какъ бы машинально Манюэль.

— Да, — повторилъ Корнильонъ: — смотрите, я не долженъ бы вамъ объ этомъ говорить, ибо это государственная тайна, но вы, г. Манюэль, человекъ порядка.

Манюэль согласился съ этимъ.

— Ну, такъ, принцъ...

— Принцъ?

— Онъ въ Лондонѣ...

Въ этотъ моментъ сильно постучали въ наружную дверь. Всѣ, кто уже открылъ дверь, чтобы уйти, сразу остановились.

— Стучатся,—сказала г-жа Финкъ съ нѣкоторымъ волненіемъ.

— Если бы это былъ онъ!—сказала Роза со страхомъ.

Всѣ спросили: «Кто тамъ?»

— Принцъ!

На это раздался общій смѣхъ, но онъ внезапно застылъ отъ второго, еще болѣе сильнаго удара стукальцемъ.

— Я пойду открыть, — предложилъ Манюэль, казавшійся смущеннымъ.

Г-жа Финкъ остановила его.

— Не беспокойтесь, г. Манюэль. Этотъ чертенокъ Гретель уже пошла посмотрѣть съ своимъ фонаремъ. Эта не боится.. Она—настоящая внучка своего дѣдушки.

— Ja, ja,—сказалъ дѣдъ, пуская изъ трубки большіе клубы дыма.

— Это г. Патернэ,—доложила Гретель.

XI.

Въ полуосвѣщенныхъ сѣняхъ обрисовался силуэтъ Патернэ, взбравшагося на послѣднюю ступень лѣстницы.

Онъ вошелъ и сказалъ:

— Добрый вечеръ всѣмъ!

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ІЮЛѢ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

I. Богословіе.

Благодушная, Софія. Какъ онъ пошелъ въ народъ. Повѣсть изъ жизни русскаго заграничнаго духовенства. Церковные вопросы и реформы. Томъ I. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Томъ XVI, вып. 2-й. Спб. 1905. Ц. 75 к.

II. Философія, психологія, логика.

Краевскій, Б. Горе и радость дѣтскаго возраста. Лекціи по психологіи чувствъ ребенка. Харьковъ. 1905. Ц. 60 к.

Волосатовъ, И. М. Какова цѣнность научнаго знанія? Урокъ теоріи познания. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Луначарскій, А. Этюды критическіе и полемическіе. М. 1905. 1 р. 80 к.

Нордау, М. Гений и талантъ. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Соколова, Софья. Критика этики Спенсера. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Тимиразевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Изд. 5-е, съ прилож. „Наши антидарвинисты“. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Гауе (Фэме), И. Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи, древнія и современныя, критика гипотезы Лавласа и собственная теорія автора съ добавленіемъ: „Космогоническія гипотезы“. К. Вольфа. Изд. 3-е, испр. и доп. Съ рис. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

III. Ботаника, зоологія, мінералогія, геологія, фізика, хімія.

- Эдзеръ, Эдвинъ. Ученіе о свѣтѣ. Перев. съ англ. Н. Маракуевъ. Съ прилож. фигуръ и 3 табл. М. 1906. Ц. 4 р.
- Жуберъ, Ж. Элементарныя основы электричества. Пер. съ франц. Кіев. 1905. Ц. 3 р. 25 к.
- Иллюстрированный путеводитель по Императорскому Ботаническому саду. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Ратцель, Ф., проф. Земля и жизнь. Сравнительное земледѣніе. Томъ I. Спб. 1905. Ц. въ пер. 8 р. 50 к.
- Хвольсонъ, О. Д. Курсъ физики. Томъ III. Ученіе о теплотѣ. Изд. II, пересм. и доп. Съ 228 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 5 р.
- Холодновскій, Н. А. Учебникъ зоологіи и сравнительной анатоміи для высшихъ учебныхъ заведеній (преимущественно для медиковъ). Спб. 1905. Ц. 5 р. 50 к.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

- Сатневичъ, А., проф. Начальный курсъ высшаго математическаго анализа. Курсъ старшаго класса Николаевскаго инженернаго училища. Спб. 1905. Ц. 3 р.

V. Словесность.

- Австенно, В. Г. Изъ-за благъ земныхъ. Романъ въ 4 ч. Позолота. Повѣсть. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Андерсонъ, В. М. Свѣтила русской мысли. Вып. II. Герценъ, Писаревъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Шелгуновъ, Михайловскій. Мысли, афоризмы и парадоксы. Спб. 1905. Ц. 25 к.
- Бильзе, лейтенантъ. Изъ жизни маленькаго гарнизона. Картины германской военной жизни. Изд. 4-е. Спб. 1906. Ц. 1 р.
- Бретъ-Гартъ. Калифорнійскіе рассказы. Рассказы, очерки и легенды. Изд. 5-е. М. 1905. Ц. 1 р.
- Гай-Сагайдачная, Ек. За что? Рассказъ. Харьковъ. 1905. Ц. 20 к.
- Ганецкая, М. П. Очерки изъ жизни. М. 1905. Ц. 75 к.
- Гауптманъ, Г. Сочиненія. Томъ II. Ткачи. Извозчикъ Гейшель. Ростовъ на Дону. 1905. Ц. 30 к.
- Днаваховъ, И. Государственный строй древней Грузии и древней Арменіи. I. (Тексты и разысканія по армяно-грузинской Филологіи, книга VIII). Спб. 1905. Ц. 1 р. 35 к.
- Дункеръ, Дора. Надшная женщина. Романъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1906. Ц. 1 р.
- Ибсенъ, Генрикъ. Кесарь и Галилеянинъ. Мировая драма въ 2 част. Перев. съ датск. М. 1905. Ц. 1 р.
- Коганъ, П. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Томъ I, изд. 2-е, испр. и дополн., томъ II. М. 1905. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
- Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. III. (1876—1881 гг.). М. 1905. Ц. 1 р.
- Лафартъ, Поль. Проданный ашпетитъ. Спб. 1905. Ц. 3 к.
- Навивинъ, Ив. Въ сумасшедшемъ домѣ. Очерки и рассказы. М. 1905. Ц. 1 р.
- Нечуй-Левицкій, И. С. Повѣсти и оповданія. Томъ II. Третѣ выданія. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Старосвѣтцки батюшки та матушки. Повѣсть-хрозлякъ. Третѣ выданія. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- Вурлачка. Повѣсть. Третѣ выданія. Кіевъ. 1905. Ц. 60 к.
- Пальгуновъ, С. А. Русско-японская война. Стихотворенія. 5-й мѣсяцъ 1904 г. Евпаторія. 1905. Ц. 20 к.
- Позняковъ, Н. И. Житейскіе рассказы. Изд. 5-е. М. 1905. Ц. 75 к.
- Поталенно, И. Н. Одинъ. Романъ. Повѣсти и рассказы: Грѣхи. Урокъ справедливости. На ты. Везъ бою. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Потъхинъ, А. А. Сочиненія. Томъ X. Спб. 1905. Ц. по подп. за 12 т. 12 р.
- Прево, Марсель. Квятини д'Эрменжъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- *Разговоры Гете, собранныя Эккерманомъ. Перев. съ нѣмецк. Д. В. Аверкіева. 2 части. Изд. II. Спб. 1905. Ц. за 2 ч. 1 р. 75 к.
- Ромеръ, Ф. Э. Нерѣшенные задачи. Романъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- Сальниковъ, А. Современные русскіе поэты въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1905. Ц. 70 к.
- Силинъ, Вас. Портъ-артурскіе воспоминанія. Картинки осадной жизни. Кроунштадтъ. 1905. Ц. 50 к.
- Сластинъ, М. Ф. „Гроши“. Драматичныя малюнки, у 5 дѣяхъ. Харьковъ. 1905. Ц. 10 к.
- Смѣльницкій, Ю. М. На „бабьемъ болотѣ“. Изъ охотничьихъ воспоминаній. Вып. I. Казань. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- Соловьевъ, Вс. Серг. Собраніе сочиненій. 10 томовъ. Спб. 1904. Ц. 7 р. 50 к.
- *Софонъ. Эдипъ-царь. Трагедія. Перев. съ греч. В. Алексѣевъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. (Дешевая Библіотека Суворина № 187). Спб. 1905. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.
- Степаненко, Н. Н. Передѣлъ и др. рассказы. Харьковъ. 1904. Ц. 1 р.

Тартренъ. Мелкая дробь. Веселые рассказы. Спб. 1905. Ц. 40 к.
 Черныганъ, К. В. Стихотворенія рабочаго. Спб. 1905. Ц. 15 к.
 * Шенспиръ, В. Король Лиръ. Трагедія въ 5 дѣйств. Перев. А. В. Дружинина. Изд. 6-е (Дешевая Библиотека Суворина, № 44). Спб. 1905. Ц. 25 к., въ пер. 40 к.
 Шепелевичъ, Л. Ю. Труды В. Д. Спасовича о западно-европейскихъ писателяхъ

(Шекспиръ, Гете, Шиллеръ и Байронъ). Харьковъ. 1905. Ц. 20 к.

* Шиллеръ, Фридрихъ. Разбойники. Трагедія. Перев. съ нѣм. В. Алексѣевъ. Изд. 2-е (Дешевая Библиотека Суворина, № 190). Спб. 1905. Ц. 25 к., въ нап. 33 к., въ пер. 40 к.

Яновлевичъ, Е. Неожиданная забастовка. Quasi una fantasia. Харьковъ. 1905. Ц. 10 к.

VI. Исторія.

Бречневичъ, М. Первые поморскіе монастыри. Очеркъ изъ исторіи Валтійскаго поморья въ XII в. Юрьевъ. 1905. Ц. 40 к.

Вандаль, Альбертъ. Возвышеніе Вонапарты. I. Происхожденіе брумерскаго консульства. Конституція III года. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Дубровскій, Н. Очерки по исторіи 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX ст. въ Западной Европѣ. Франція. Июль 1830 года. Ростовъ. 1905. Ц. 7 к.

Иностранцевъ, Н. Торжественный выѣздъ фатымидскихъ халифовъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.
 Князьновъ, С. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи. Историч. очеркъ. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1904. Ц. 25 к.

Костомаровъ, Н. И. Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга шестая, томъ XV—Руина, томъ XVI—Мазепа и мазепицы. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Ляскоронскій, В. Г. Къ вопросу о переяславльскихъ торгахъ. Спб. 1905. Ц. 30 к.
 Мансуровъ, В. П., ин. Исторія Древняго Востока, культурно-политическая и военная, съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Ассиро-Халдея и Персія. Томъ II. Книги V—VIII. Спб. 1905. Ц. 5 р.

Мировичъ, Н. Страница изъ исторіи великой французской революціи (г-жа Роланъ). Съ предисл. проф. Н. Карѣева. М. 1905. Ц. 1 р.

Помяловскій, М. Планы-конспекты по новой исторіи (XV—XVIII ввѣк). Учебное пособіе систематическаго курса новой исторіи. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Процессъ декабристовъ. Донесеніе, слѣдствіе, приговоръ. Письмо Рылѣва изъ крѣпости. Указы. М. 1905. Ц. 1 р. 60 к.

Сумцовъ, Н. Ф. Изъ Украинской старины. Харьковъ. 1905. Ц. 2 р.

VII. Географія.

Кротовъ, П. Матеріалы для географіи Урала. Оро-гидрографическія изслѣдованія въ южной части Средняго Урала. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Лаугареръ, д-ръ. Японія, страна восходящаго солнца, прежде и теперь. Перев. съ нѣм. Изд. II, доп. и испр. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

VIII. Сельское хозяйство.

Алтуховъ, П. Г. Лошадь. Съ прилож. разборной анатомической модели лошади. Спб. 1904. Ц. въ нап. 1 р.

Барановъ, А. Наблюденіе надъ погодой при помощи упрощенныхъ метеорологическихъ приборовъ. Практ. руководство для земледѣльцевъ, сельскихъ хозяевъ, помѣщиковъ и т. п. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Девель, Д., ветер. врачъ. „Мясо“. Руководство при покупкѣ, храненіи и консервированіи мяса вообще и въ особенности для военныхъ потребностей. Изд. II. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Калачевъ, З. В. Семейно-продовольственный вопросъ. Молимъ, учите насъ, пожалуйста, скорѣе хозяйству. Полтава. 1905. Ц. 75 к.

Кичуновъ, Н. И. Лучшія луковничныя растенія для грунта. Съ 22 рис. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Н. Коневодство. Изд. 4-е, доп. и испр. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Марануевъ, В. Н. Русское плодоводство для сѣверной, средней и южной Россіи, въ 3-хъ частяхъ. Съ 184 рис. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Масловъ, Н. Н. Кондитеръ. Практ. руководство въ приготовленіи всевозможныхъ кондитерскихъ издѣлій. Съ 118 рис. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Монржецкій, С. А. Самосудъ въ наукѣ. Симферополь. 1905. Ц. 10 к.

Орловъ, М. А. Аквариумъ, его устройство и населенію. 10 рис. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Шавыревъ, Ив. Ворьба съ корофдами. Загадка корофдовъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Шалгунова, Л. П. Дешевый домашній столъ скромный и постный. Кушанья для больныхъ и для дѣтей и различные софиты по домоводству. Изд. 6-е, доп. и испр. Спб. 1905. Ц. 1 р.

IX. Технологія.

Артемовъ, Н. А. Опредѣленіе размѣровъ динамо-машинъ и вліяніе напряженія на размѣры. Кіевъ. 1904. Ц. 2 р.

Бауманъ, В. И. Курсъ Маркшейдерскаго искусства. Часть II. Теодолитная рудничная съемка. Соединительная (ориентирная) съемка. Триангуляція и нивелировка. Съ 120 черт. Спб. 1905. Ц. 2 р. 20 к.

Зогорскій, П. А. Общій курсъ механики для земледѣльческихъ и др. профессиональныхъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ. (Общее машиновѣдѣніе). Съ 126 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Лундбергъ, Э. Ю. Строительное искусство. Курсъ Николаевскаго инженернаго учили-

ща. Матеріалы и работы. Часть I. Изд. II. Съ 300 черт. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 80 к.

Мерриманъ, Мансфельдъ, проф. Элементы санитарной техники (водопроводы и канализація). Съ 40 рис. и 16 табл. Перев. съ англ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Миддендорфъ, Ф. Л. Рагоутъ и такелажъ судовъ. Перев. съ нѣм. Съ 172 рис. въ текстѣ и 14 табл. Спб. 1905. Ц. 8 р.

Худяковъ, П. К., и Сидоровъ, А. И. Детали машинъ. Изд. II bis. 2 части. М. 1903—1905. Ц. кажд. 2 р.

— Временныя таблицы къ курсу «Деталей машинъ» А. И. Сидорова. 24 табл. М. 1903. Ц. 2 р.

X. Правовѣдѣніе.

Бѣлинъ, М. Д. По улучшенію народнаго быта. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Бѣлоносскій, И. П. Самоуправленіе и земство. Ростовъ на Дону. 1905. Ц. 7 к.

Бернштейнъ, Эдуардъ. Развитіе формъ хозяйственной жизни. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Билимовичъ, Ал. Д. Годъ войны и наши финансы. Кіевъ. 1905. Ц. 25 к.

Бузескуль, В. Женскій вопросъ въ древней Греціи. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

Великіе акты 18 февраля 1905 г., ихъ значеніе, основы избирательной системы, Государева Дума. Сост. В. С. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Вербловскій, Г. Движеніе русскаго гражданскаго процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ. Изд. 3-е, пересм., и доп. М. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Гаттенбергеръ, М. К., проф. I. Предисловіе. «К. К. Гаттенбергеръ» В. Ф. Левитскаго. «Воспоминанія о К. К. Гаттенбергерѣ» М. М. Алексѣенка. II. Изъ трудовъ К. К. Гаттенбергера. 1. Введеніе въ курсъ полицейскаго права. 2. Реально-психологическая политическая экономія. Къ столѣтію Харьковскаго университета. Харьковъ. 1905. Ц. 80 к.

Горбуновъ, А. Гарантія личной свободы въ Англіи. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 15 к.

Государственное страхованіе рабочихъ. Австрійское законодательство по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ и отъ болѣзней. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Гредескуль, М. А. На темы дня. I. Высочайшій указъ Правит. Сенату и рескриптъ Министру Внутрен. Дѣлъ А. Г. Булыгину 18 февраля 1905 г. II. Современное положеніе Россіи. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

Емельяновъ-Иоканскій, А. Н. Долой г. еврею—не «жидовъ»! Къ вопросу: «О равноправіи». М. 1905. Ц. 25 к.

Живаго, С. Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швейцаріи. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 10 к.

Задеръ, Т. П. Медицинскіе дѣятели А. И. Чехова въ оцѣнкѣ доктора М. А. Штерна. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Законодательные акты Франціи. Декларація правъ человѣка и гражданина. Консти-

туція 1791, 1793, 1848, 1875 годовъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Зомбартъ, В. Экономическіе и социальныя вопросы въ современномъ обществѣ. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Каутскій, К. Пролетаріатъ и общественный строй. Комментарій къ положеніямъ, принятымъ на Эрфуртскомъ съѣздѣ въ 1891 году. Одесса. 1905. Ц. 60 к.

— Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ эпоху реформации. Изъ исторіи культуры. Переводъ Г. Ф. Львовича. Спб. 1905. Ц. 15 к.

— Сборникъ статей. Содержаніе: Матеріалистическое пониманіе исторіи. — Дилектика. — Стоицизмъ. — Крупное и мелкое производство. — Увеличеніе числа имущихъ. — Акціонерныя общества. — Употребленіе прибавочной стоимости. — Новое среднее сословіе. — Теорія кризисовъ. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Кокошкинъ, Ф. Бюджетный вопросъ въ государствахъ съ представительнымъ правленіемъ. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 10 к.

Краузе, Г. Происхожденіе антисемитизма въ Германіи. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 7 к.

Лассаль, Ф. Что такое конституція. Перев. съ нѣм. Одесса. 1905. Ц. 5 к.

Левитовъ, И. Желтороссія, какъ буферная колонія. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Мейеръ, Георгъ. Избирательное право. Съ предисловіемъ Георга Иселинска. Общая часть. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Менгеръ, Антонъ, проф. Новое ученіе о государствѣ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Мироніевъ, М. А. О положеніи русскіхъ инородцевъ. Содержаніе: 1. Современное движеніе среди русскіхъ инородцевъ. 2. Критика отрицательныхъ началъ ислама, мѣшающихъ сближенію мусульманъ съ другими народами. 3. Положеніе инородцевъ въ Сибири. 4. Положеніе инородцевъ въ Туркестанѣ. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Нужды государственнаго контроля. Статьи изъ журнала общества счетоводовъ «Прак-

- тическая Жизнь» **Ө. В. Езерскаго.** Сиб. 1905. Ц. 20 к.
- Орловъ, А. Н.** Законодательныя учрежденія съ правомъ совѣщательнаго голоса. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.
- Открытое письмо графу Л. Н. Толстому отъ крещенаго еврея.** Сиб. 1905. Ц. 20 к.
- Письма Ф. Лассала къ К. Марксу и Ф. Энгельсу.** Съ примѣч. Ф. Меринга. Сиб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Пифферунъ, Оснаръ, проф.** Европейскія избирательныя системы (парламентскія, провинціальныя и муниципальныя). Со статьей проф. М. М. Ковалевскаго: «Къ исторіи всеобщаго избирательнаго права». Сиб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- Поворинскій, А. Ф.** Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному. Томъ II (1896—1904 гг.). Сиб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Политическій строй современныхъ государствъ.** Томъ I. Сборникъ статей: П. Г. Виноградова, В. М. Гессена, М. М. Ковалевскаго, Н. Е. Кудрина и др. Сиб. 1905. Ц. 3 р.
- Проноповичъ, С.** Длина рабочаго дня по русскому законодательству. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 10 к.
- Рожновъ, Н. А.** О формахъ народнаго представительства. Сиб. 1905. Ц. 5 к.
- Самодержавіе.** (Опытъ схематическаго построения этого понятія. Приложение къ сочиненіямъ А. С. Хомякова. Рязь. 1899). Д. Х***. Изд. II. М. 1905. Ц. 30 к.
- Съверный, Н.** Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С.-А. Соед. Штатахъ. Сиб. 1905. Ц. 1 р.
- Семевскій, В. И., Богучарскій, В., и Щеголевъ, П. Е.** Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонвизинъ, князь Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель (статьи и матеріалы). Съ 3 гелиографіями. Сиб. 1905. Ц. 5 р.
- Сналонъ, В. Ю.** По земскимъ вопросамъ. I. Въ переходное время. 1880—1882. Сиб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Снаржинскій, Л. Б.** Забастовки и рабочія сотоварищества. Сиб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Франсъ, Анатолий.** Желтая опасность и человечество въ будущемъ. Сиб. 1905. Ц. 15 к.

XI. Медицина.

- Златогоровъ, С. И., Олейниковъ, Г. П., Уваровъ, М. С., и Левашевъ, В. А.** О холерѣ. Лекціи, читанныя на гигиеническихъ курсахъ въ апрѣлѣ 1905 года. Съ 14 рис. Сиб. 1905. Ц. 90 к.
- Лекціи по азиатской холерѣ, читанныя для врачей и студентовъ при Харьковскомъ медицинскомъ обществѣ въ 1905 году.** Харьковъ. 1905. Ц. 2 р.
- Лессеръ, Э., проф.** Венерическія болѣзни и сифилисъ въ общедоступномъ изложеніи д-ра В. Е. Шехтера. Изд. II. Сиб. 1905. Ц. 30 к.
- Монинъ, Л. М., д-ръ.** Беременность и роды. Популярное изложеніе физиологии и дѣтетики беременныхъ, роженицъ, родильницъ и новорожденныхъ. Сиб. 1905. Ц. 90 к.
- Платоновъ, А.** Вещда о томъ, какъ обороняться отъ холеры. Сиб. 1905. Ц. 15 к.
- Толочниковъ, Н. Ф.** Учебникъ повивальнаго искусства. Съ 164 рис. М. 1905. Ц. 3 р. 25 к.
- Фирордтъ, Освальдъ, проф.** Діагностика внутреннихъ болѣзней на основаніи современныхъ методовъ изслѣдованія. Руководство для врачей и студентовъ. Перев. съ нѣм. Сиб. 1905. Ц. 4 р.
- Цирульскій, И., д-ръ.** Холера и мѣры противъ нея. Популярный очеркъ. Сиб. 1905. Ц. 5 к.
- Шехтеръ, Б. Е.** Врачебные совѣты. Домашній учебникъ. Съ 53 рис. Сиб. 1905. Ц. 75 к., въ пер. 1 р.
- Щербачевъ, Дм., д-ръ.** Токсины со времени возникновенія теоріи ихъ. Часть 1-я, вып. 1 и 2. М. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

XII. Искусство.

- Московская городская художественная галлерей П. и С. Третьяковыхъ.** Вып. 28. М. 1905. Ц. по подл. за 12 вып. 24 р.
- Рербергъ, Ф. И.** Краски и другіе художественныя современные матеріалы. О. 2 табл. М. 1905. Ц. 1 р.
- Третьяковская галлерей.** 10 выпускъ, изд. К. А. Фишера. М. 1905. Ц. 30 р.
- Шмидтъ, Ф., проф.** Практическая фотографія. Первоклассная настольная книга для любителей и профессионала. Перев. съ нѣм. Изд. III. Сиб. 1905. Ц. 3 р.
- Шнаусъ, Германъ.** Художественная отдѣлка фотографій. (Обрѣзка. Наклейка. Рамки). Съ 28 рис. въ текстѣ. Сиб. 1905. Ц. 30 к.

XIII. Военное и морское дѣло.

- Девель, Д., ветер. врачъ.** «Мясо». Руководство при покупкѣ, храненіи и консервированіи мяса вообще и въ особенности для военныхъ потребностей. Изд. II. Сиб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- Литовскій, капит.** Пособіе по желѣзнодорожному дѣлу для желѣзнодорожной команды полевой саперной роты. Съ прил. чертежей. Гродно. 1902. Ц. 1 р. 25 к.
- Симевъ.** Изнанка русско-японской войны. Тамбовъ. 1905. Ц. 45 к.

Соловьевъ, Л. З. Указанія опыта текущей войны на боевыя дѣйствія пѣхоты; впечатлѣнія ротнаго командира. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Японскій пѣхотный строевой уставъ (Хохэй соо-тэнъ). Изд. 4-е. Перев. съ японскаго подъ ред. полк. Адабаша и капит. Соважа. Спб. 1905. Ц. 60 к.

XIV. Коммерческія науки.

Езерскій, Федоръ. Популяризація счетнаго устава и всего свода законовъ. Изд. 5-е. Спб. 1905. Ц. 20 к.

XV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги. Народныя книги.

Алендорфъ, Иванъ. Учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Изд. 16-е. М. 1905. Ц. 70 к.

Бѣлозерскій, М. Ае. П. Щановъ, какъ педагогъ. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Бородинская битва. Извлечено изъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого и др. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Гатцуль, В. А. Кавказскія сказки. Вып. VII. М. 1905. Ц. 25 к.

Джемсъ, Уильямъ. Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. Перев. съ англійск. М. 1905. Ц. 50 к.

Дмитріевъ, С. Курсъ русскаго языка для техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Часть III. Пособіе при изученіи русскои словесности. Теорія и исторія. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Елачитъ, Евгений. Изъ жизни природы. Біологическіе очерки. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Карастелева, Софья. Какъ учится молоденькъ Паринъ. Спб. 1905 г. ц. 75 к.

Кардашевъ, в. п. Къ вопросу о преподаваніи рисованія въ народной школѣ. Преподаваніе искусствъ по Франгу въ народной школѣ и значеніе таково преподаванія. Харьковъ. 1905. Ц. 25 к.

Копонницкая, М. Яковъ. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 1 1/2 к.

Короленко, Владимиръ. На затменіи. Очеркъ съ натуры. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 3 к.

Мать. Перев. съ арм., изъ жизни турецк. армянъ. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 1 1/2 к.

Мельшинъ, л. (п. я.) Изъ стихотвореній. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 5 к.

Мохначева, М. Духовное воспитаніе дѣтей младшаго возраста. Спб. 1905. Ц. 65 к.

Павловъ, А. Начатки естествовѣдѣнія. Земля, вода, воздухъ. Первоначальное знакомство съ явлениями природы путемъ наблюденія и опытовъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.

— **Элементарный курсъ естествовѣдѣнія для городскихъ по положенію 1872 г. училищъ, въ 4 выпускахъ.** Вып. I и II. Спб. 1905. Ц. кажд. вып. 50 к.

Петровъ, А. С. Японія и японцы. Съ 6 рис. Спб. 1905. Ц. 5 к.

Рошаль, Е. А. Планы и краткіе обзоры темъ новѣйшей литературы, задаваемыхъ для домашнихъ и классныхъ сочиненій во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ и конкурсныхъ испытаніяхъ. Часть IV. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Русова, С. Какъ болгары добыли себѣ свободу. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 6 к.

— **На счастливыхъ островахъ Ао-Тео-Роа (Новая Зеландія).** Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 6.

Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Лекціи профессоровъ Р. В. Ш. о. н. въ Парижѣ, подъ ред. проф. Е. В. де-Роберти, Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевскаго. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Страховъ, н. Грамотка-первника. Харьковъ. 1905. Ц. 20 к.

— **Руководство къ обученію грамотѣ.** Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

Юрьева, М. Дневникъ дѣвочки на Волгѣ. Путевыя замѣтки отъ Астрахани до Казани. М. 1904. Ц. 50 к.

Яблоновскій, А. Нухимъ. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 3 р.

Яковлева, н. Свидѣтель. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 8 к.

XVI. Справочный отдѣлъ.

Альбовъ, П. И. Правила игры «внѣтъ», принятія въ Благородномъ Собраніи и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Изд. III. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Дитмаръ (фонъ), Б. Русско-французскій словарь. 25,000—30,000 словъ. М. 1905. Ц. 75 к.

Елисѣевъ, В. Программы и правила мужскихъ гимназій и прогимназій М-ва Нар. Провъ. Изд. 2-е, испр. и доп. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

— **Программы и правила реальныхъ училищъ съ прилож. послѣднихъ дополненій и разъясненій Мин. Нар. Провъ и друг.** Изданіе 2-е. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

— **Программы и правила испытаній при поступленіи ученицъ въ женскія гимназіи и прогимназіи, переводѣ изъ класса въ классъ и окончаніи курса, а равно и другія свѣдѣнія по учебному дѣлу.** Изд. 14-е, исправл. и доп. Одесса. 1905. Ц. 40 к.

Каталогъ разсмотрѣнныхъ иностранною цензурою сочиненій, запрещенныхъ и дозволенныхъ съ исключениями съ 1 июля 1871 г. по 1 января 1897 г. Спб. 1899. Ц. 5 р.

Москвичъ, Григорій. Иллюстрированный практическій путеводитель по Волгѣ. Изд. 4-е. Одесса. 1905. Ц. съ пер. 1 р.

— Иллюстрированный практическій путеводитель по Черноморскому побережью. Изд. II. Одесса. 1905. Ц. въ пер. 75 к.

— Кавказскія минеральныя воды. Пятигорскъ. Желѣзноводскъ. Ессентуки. Кисловодскъ. Изд. 8-е. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Муриновъ, М. Я., и Суворовъ, Б. А. Путеводитель по русскимъ торговымъ портамъ. Справочная книга по предметамъ вѣдѣнія торговаго мореплаванія и портовъ. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Списокъ книгъ, вышедшихъ въ Россіи въ 1904 году. Спб. 1905. Ц. 4 р. 50 к.

Федотовъ, Н. П. Путеводитель на Иматру. Съ рис., картами и планомъ Иматы. Спб. 1905. Ц. 40 к.

* Издавія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

Изданіе А. С. СУВОРИНА

Редакція П. А. ЕФРЕМОВА

ВЪ ВОСЬМИ ТОМАХЪ.

Цѣна за всѣ 8 томовъ, заключающихъ свыше 300 листовъ, съ двумя гравированными портретами и двумя снимками съ рукописей поэта—**15 рублей** (за пересылку— по разстоянію). Въ переплетѣ **21 р.** и **23 р.**

Кромѣ обыкновенныхъ экземпляровъ, въ продажу поступили въ ограниченномъ количествѣ экземпляры, напечатанные: 1) на ватманской бумагѣ, ц. за 8 томовъ 100 р. (распроданы), 2) на голландской—75 р. (значительная часть тоже распродана), 3) на слоновой—60 р. и 4) на тряпичной—20 рублей (распроданы).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами 30 рублей. Въ переплетѣ 36 рублей. Пересылка по разстоянію.

Дозволено цензурою 27-го іюля 1905 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.
СЕНТЯБРЬ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯВРЬ, 1905 г.

	СТРАН.
I. Кружковцы. I—IV. Марка Басанина	625
II. Воспоминанія А. А. Ауэрбаха. IV—V. (Продолженіе)	672
III. Изъ московскѣй хроники. Эпизодъ изъ пребыванія въ Москвѣ французовъ въ 1812 году. I—XIII. Г. Т. Съверцева (Полидова)	698
IV. Угасшіе тицы. (Понамарь Марко). С. Арсеньева	726
V. Народный театръ на Московской политехнической выставкѣ. (Къ исторіи русскаго народнаго театра въ XIX вѣкѣ). Д. Медвѣдева	741
VI. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. XIV. (Продолженіе). Н. И. Фалѣева	762
VII. Замѣтки присяжнаго засѣдателя. А. Я. Торгова	778
VIII. Дворъ и царствованіе императора Павла по «Запискамъ» графа Федора Головкина. III—V. (Окончаніе). Е. С. Шумигорскаго	794
IX. Соляное царство. (Воспоминанія чиновника). В. Н. Смирнова	810
X. Семинарскій бытъ прошлаго времени. Н. И. Перельгина	831
XI. Бытовые очерки прошлаго. Волшебство и колдовство. И. С. Вѣльева	848
XII. Баронъ фонъ-Штейнъ. I—II. В. Ш.	862
XIII. Изъ путевого альбома. (Греція и Критъ, уголки Италіи, Австрія и славянство). I—XI. Н. Н. Лендера (Путника)	906
иллюстраціи: 1) На Восторфъ. — 2) Айя-Софія съ поврежденнымъ бурею минаретомъ. — 3) Въ Смирнѣ у Караваннаго моста. — 4) Типъ смирнской турчанки. — 5) Главный портъ Греціи—Пирей. — 6) Русскій госпиталь въ Пирей. — 7) Настоятель русской церкви въ Аѳонахъ, о. архимандритъ Анатолій. — 8) Видъ на Аѳонскій акрополь.	
XIV. Критика и библиографія	936
1) А. С. Будиловичъ. Наука и политика. Три статьи по злободневнымъ вопросамъ. Спб. 1905. Профессора М. Краснозна. — 2) Сборникъ циркуляровъ канцеляріи по управленію всѣми дѣтскими приютами вѣдомства учрежденій императрицы Маріи за время съ 1891 по 1905 годъ. Спб. 1905. С. У—ца.—3) С. Иваницкій. Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія униатовъ въ Западной или Польской Украинѣ (1767—1769 г.). Каменецъ-Подольскъ. 1904. С. — 4) Е. К. Церковно-историческій очеркъ основанія въ Херсонѣ викаріата и его жизнедѣятельность (по поводу пятидесятилѣтія). 1853—1903. Одесса. 1905. С. — 5) У. Г. Иваскъ. Описаніе русскихъ книжныхъ знаковъ (Ex-Libris). Москва. 1906. п. д. — 6) В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій. Переводъ подъ редакціей А. С. Яценко съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго, съ приложеніемъ текста важнѣйшихъ конституцій. Изданіе В. М. Саблина. Москва. 1905. П. В. в. — 7) П. Жузе. Грузія въ XVII столѣтіи по изображенію патріарха Макарія. Казань. 1905. С. — 8) Списокъ книгъ, вышедшихъ въ Россіи въ 1904 году. Спб. 1905. Б—а.	

(См. слѣд. стран.).

	СТРАН.
XV. Заграничныя историческія новости и мелочи	954
1) Женская республика въ началѣ VIII вѣка.—2) Сокровища Армады.—3) Статуя Картье, открывшему Канаду. — 4) Празднество виноградарей въ Вевѣ. — 5) Перенесеніе останковъ отца американскаго флота. — 6) Поклонники и поклонницы Робеспьера. — 7) Военныя воспоминанія польскаго офицера Юсифа Грабовскаго.— 8) Одна изъ жертвъ эгоизма Гёте.	
XVI. Смѣсь	979
1) Археологическій съездъ въ Екатеринославѣ.—2) Разрушающійся памятникъ древности.— 3) Географическое общество.— 4) Общество естествоиспытателей.	
XVII. Некрологи	982
1) Абаза, К. К.—2) Влозневъ, В. К.—3) Герць, О. О.—4) Лукинъ, А. П.—5) Максимова, Е. П.—6) Милогадовичъ, Г. А.—7) Недошавинъ, И. А.—8) Осиповъ, А. М.—9) Смирновъ, А. И.—10) Шембець, католическій митрополитъ.—11) Эттингенъ, А.	
ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ Модеста Яковлевича Киттары.—2) Историческіе искатели приключеній. (La grande aventure). Страсбургская эпопея. Романъ Жю ржа Дабрюйера. Переводъ съ французскаго. Гл. XII—XVII.	

СОДЕРЖАНІЕ СТО ПЕРВАГО ТОМА.

(ЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1905 года).

	СТРАН.
Смертный грѣхъ. Повѣсть. ХІІ—ЛІ. (Окончаніе). Графа Е. А. Салиаса	5
Оригинальный народникъ. Разсказъ. Д. М. Березкина	24
«Цари» Псковской губерніи. А. Фаресова	38
Изъ воспоминаній сельскаго дѣтеля. (Посвящается Фёдору Фёдоровичу Славинскому). Л. Н. Савлука	43, 444
Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. ХІІ—ХІV. (Продолженіе) Н. И. Фалѣева	61, 410, 762
Изъ лицейской старины. К. Я. Грота	79, 423
На забытой рѣкѣ. (Изъ экскурсій въ окрестностяхъ Новгорода). А. Г. Слезкинскаго	94
Листки изъ Кавказскаго дневника. С. У—ца	110
По поводу воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ. Н. Ѳ. Скоринова	125
иллюстрація: Факсимиле одного изъ писемъ Н. Г. Чернышевскаго къ Н. Ѳ. Скоринову.	
Къ біографіи Антонія, архіепископа казанскаго и свіяжскаго. А. А. Зеленецкаго	133
Столѣтняя артистка. (Вмѣсто некролога). Н. Бекнаревича	141
Воспоминанія прусскаго министра Верди-дю-Вернуа о пребываніи въ Россіи въ 1863—1865 годахъ. (Окончаніе). В. Ш.	149
Иностранные врачи въ Московскомъ государствѣ. М. Ю. Лахтина	166
Только русинъ. (Очеркъ изъ русско-американскаго житія-бытія). Е. Н. Матросова	176
«Муравьи». (Изъ экскурсій въ окрестностяхъ г. Новгорода). А. Г. Слезкинскаго	197
иллюстраціи: 1) Военный плацъ.—2) Сторожевая башня.—3) Путевой дворъ.	
Давидъ Лукичъ Мордовцевъ. (Некрологъ).	210
Иностранцы о Россіи. Вл. И. Штейна и В. Т.	215, 536
Печальная повѣсть поручика Кайтуки. (Быль). В. Кузминскаго	321
Воспоминанія А. А. Ауэрбаха . I—V	347, 672
Анюткина коса. (Изъ записокъ неизвѣстнаго). А. И. Лемана	375
Изъ воспоминаній И. А. Раевскаго (1815—1830 гг.)	391
Личность императрицы Екатерины II въ исторической литературѣ. Ѳ. В. Благовидова	464
Бытовые очерки проплаго. I—II. И. С. Бѣляева	485, 848
«истор. вѣстн.», сентябрь, 1905 г., т. сі.	1/4

Отлучение бригадира Ивана Швейковского отъ церкви. Д. Вишневаго	500
Вязицскій монастырь. (Изъ экскурсій въ окрестности Новгородъ). А. Г. Слезкинского	514
иллюстраціи: 1) Вязицскій монастырь.—2) Николаевскій соборъ въ Вязицскомъ монастырь.—3) Николаевскій соборъ въ Вязицскомъ монастырь.	
Дворъ и царствованіе императора Павла по «Запискамъ» графа Федора Головкина. Е. С. Шумигорскаго	528, 794
Церковь и государство въ Соединенныхъ Штатахъ. (Соціологическій очеркъ). Е. Н. Матросова	556
Кружковцы. I—IV. Марна Басанина	625
Изъ Московской хроники. Эпизодъ изъ пребыванія въ Москвѣ французовъ въ 1812 году. I—XIII. Г. Т. Стверцева (Полилова)	698
Угасніе типы. (Понамарь Марко). С. Арсеньева	726
Народный театръ на Московской политехнической выставкѣ. (Къ исторіи русскаго народнаго театра въ XIX вѣкѣ). Д. Медвѣдева	741
Замѣтки присяжнаго засѣдателя. А. Я. Торгова	778
Соляное царство. (Воспоминанія чиновника). В. Н. Смирнова	810
Семинарскій бытъ прошлаго времени. Н. И. Перельгина	831
Баронъ фонъ-Штейнгъ. I—II. В. Ш.	862
Изъ путевого альбома. (Греція и Критъ, уголки Италіи, Австрія и славаеяство). I—XI. Н. Н. Лендера (Путнина)	906
иллюстраціи: 1) На Восторъ.—2) Аѳя-Софія съ поврежденнымъ буржо минаретою.—3) Въ Смирнѣ у Караваннаго моста.—4) Типъ смирнскаго турчанки.—5) Главный портъ Греціи—Пирей.—6) Русскій госпиталь въ Пирей.—7) Настоятель русской церкви въ Аелнахъ, о. архимандритъ Анатолий.—8) Видъ на Аелнскій акрополь.	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	230, 571, 936

1) Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Ф. Мартенса. Томъ XIV. Трактаты съ Франціей 1807—1820 г. Спб. 1905. в. т. — 2) Г. З. Кунцевичъ. Исторія о Казанскомъ царствѣ, или Казанскій лѣтописецъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Спб. 1905. А. и. Яцимирскаго.—3) Я. Кузнецовъ. Становые управители Ярославской провинціи. Изданіе Владимірской ученой архивной комиссіи. Владимір на Клязьмѣ. 1904. м. н.—4) Инзовъ, Иванъ Навитичъ, генералъ отъ инфантеріи, главный попечитель и предсѣдатель попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи. Біографическій очеркъ. Съ двумя портретами. Составилъ Степанъ Потоцкій. Вендеры. 1904. А. и. Яцимирскаго.—5) Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ. 1904. м. н.—6) Труды Пермской губернской ученой архивной комиссіи. Вып. IX. Пермь. 1905. в. Руданова.—7) Труды Вятской губернской ученой архивной комиссіи 1905 г. Выпускъ I. Вятка. 1905. в. Руданова.—8) Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея. Годъ II, выпускъ XIV. Тобольскъ. 1905. А. я.—9) Труды Вятской губернской ученой архивной комиссіи. Выпускъ II. Вятка. 1905. в. Руданова.—10) Новые матеріалы для жизнеописанія и дѣятельности С. Д. Вурнашева, собралъ и издалъ С. Н. Вурнашевъ, подъ ред. проф. Цагарели. Спб. 1905. А. х—ва.—11) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго Казанскаго университета (1804—1904), въ 2 частяхъ. Подъ редакціей заслуженнаго профессора Н. П. Загоскина. Казань. 1904. А. Б.—12) Ф. С. Красильниковъ. Кавказъ и его обитатели. Выпускъ первый. Осетины. М. 1905. А. хах—ова.—13) Матеріалы археологіи Кавказа. Выпускъ X. Поѣздка въ Ишавію, Хавсуретію и Сваветію графини Уваровой. М. 1905. А. Хаханова.—14) Табурно. Правда о войнѣ.

- Спб. 1905. Б. Глинского.—15) Л. А. Чарская. Евонія Старицкая. Исторический романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1905. А. Фаресова.—16) Летопись русско-японской войны. Спб. 1905. Б.—17) Профессоръ Р. Випперъ. Лекціи по исторіи Греціи. Часть I. М. 1905. N. N.—18) Профессоръ Александръ Евгеньевичъ Назимовъ. Біографія и воспоминанія, подъ редакціей Н. А. Линниченка. Одесса. 1905. Б. Г.—19) Словинскіе поэты. Издаиа подъ редакціей Н. Новича. Спб. 1904. Андрея Сиротинина.—20) С. С. Арнольди. Цивилизація и днвія племена. Спб. 1904.—Его же. Современныя ученія о нравственности и ея исторія. Спб. 1904. м. н.—21) X. А. Вермишевъ. Матеріалы для исторіи грузино-армянскихъ отношеній. Спб. 1904. Беге.—22) Я. Кузнецовъ. Изъ переписки помѣщика съ крестьянами (XVIII в.). Издаиа Владимирской ученой архивной комиссіи. Владимръ. 1904. м. н.—23) Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Павленкова. Князь Меттернихъ, его жизнь и политическая дѣятельность. Біографическій очеркъ X. Г. Инсарова. Спб. 1905. W.—24) Сочиненія Чована Тянгисовича Валдхалова. Издаиа подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Спб. 1904. м. Александрова.—25) Паревичъ Вахушти. Географія Грузін. Переводъ, введеніе и примѣчанія М. Г. Джанашивили. Записки Кавказскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества, книга XXIV, выпускъ V. Тифлисъ. 1904. А. Хах—ова.—26) Великіе художники. Ихъ жизнь—ихъ произведенія. Альбрехтъ Дюреръ. Критическая біографія. О. Маргилбера. Издаиа А. С. Суворина. Спб. 1905. А. и. Яцимирскаго.—27) А. Сальниковъ. Современныя русскія поэтессы въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1905. п. д.—28) Введеніе въ педагогикку. Исторія педагогическихъ теорій. Общая педагогика (педагогическая психологія). Доктора Юліуса Бауманна, профессора философіи въ Геттингенской университетѣ. Со втораго нѣмецкаго издавія перевелъ Г. Зоренфрей, преподаватель императорскаго историко филологическаго института. Спб. 1905. А. М.—на.—29) Проф. П. Е. Казанскій. Мнѣніе о диссертациі А. Г. Тимофеева «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскожъ правѣ». Одесса. 1905.—Проф. А. Я. Шпаковъ. Отзывъ о диссертациі приватъ-доцента А. Г. Тимофеева «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскожъ правѣ». Одесса. 1905. Проф. В. Латмина. 30) Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго при участіи ихъ учениковъ, по случаю 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Спб. 1905. М. н.—скаго.—31) И. Ф. Масановъ. Вибліографія Владимирской губерніи. Томъ I. Издаиа Владимирской ученой архивной комиссіи, подъ редакціей А. В. Смирнова. Владимръ. 1905. п. д.—32) Проф. М. Н. Петровъ. Лекціи по всемірной исторіи. Т. III—IV. 2-е издаиа въ обработкѣ и съ дополненіями проф. В. П. Вузескуда. N. N.—33) Ю. А. Яворскій. Очерки по исторіи русской народной словесности. I. Легенда о паницивѣ. Львовъ. 1901.—II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ. Киевъ. 1905. Я. Ав—ва.—34) Д. Зеленинъ. Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губерніи (этнографическій и историко-литературный очеркъ). Вятка. 1904. п. д.—35) Е. В. Вѣляевскій. Педагогическія воспоминанія. 1861—1902. Издаиа редакціи журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Москва. 1905. п. д.—36) В. Аловъ. Корея. Спб. 1905. А. Фаресова.—37) Прусская конституція съ объясненіями, извлеченными преимущественно изъ комментарія д-ра Арндта. Перев. бар. А. Мейендорфа. Спб. 1905. N. N.—38) J. T. Ljwobimrski. Adam Kistej, wojewoda kijowski. Warszawa. 1905. (Я. Т. Любимирскій. Адамъ Кисель, воевода кievскій). Г. А. Воробьева.—39) Георгъ Шустеръ. Тайныя общества, союзы и ордена. Томъ I. Переводъ съ нѣмецкаго О. А. Волькенштейнъ подъ редакціей проф. А. Л. Погодина. Спб. 1905. V.—40) М. М. Абрашкевичъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, товарищъ прокурора Одесскаго окружнаго суда. Прелюбодѣаніе съ точки зрѣнія уголовного права. Историко-догматическое изслѣдованіе. Одесса. 1905. Проф. М. Красножена.—41) А. С. Будилевичъ. Наука и политика. Три статьи по злободневнымъ вопросамъ. Спб. 1905. Профессора М. Красножена.—42) Сборникъ циркулярныхъ канцелярій по управленію всѣми дѣтскими пріютами вѣдомства учрежденія Императрицы Маріи за время съ 1891 по 1905 годъ. Спб. 1905. с. у—ца.—43) С. Ивановичъ. Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія униатовъ въ З—надной или Польской Украинѣ (1757—1763 г.). Каменецъ Подольскъ. 1905. с.—44) Е. К. Церковно-историческій очеркъ основанія въ Херсонѣ викаріата и его жизнедѣятельность (по поводу пятидесятилѣтія). 1853—1903. Одесса. 1905. S.—45) У. Г. Иваскъ. Описаніе русскихъ книжныхъ знаковъ (Ex-Libris). Москва. 1905. п. д.—46) В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. Переводъ подъ редакціей А. С. Яшенко съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго, съ приложеніемъ текста важнѣйшихъ конституцій. Издаиа В. М. Саблина. Москва. 1905. п. В. В.—47) П. Жузе. Грузія въ XVII столѣтіи по изображенію патріарха Макарія. Казань. 1905. S.—48) Списокъ книгъ, вышедшихъ въ Россіи въ 1904 году. Спб. 1905. б—а.

*

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ 269, 590, 954

1) Новое изслѣдованіе о заговорѣ Катилины.—2) Историческая судебная загадка.—3) Вліяніе Гёте и Байрона на современныхъ имъ нѣмцевъ.—4) Волонтеры во время французской революціи.—5) Погоня Ветховна за любовью.—6) Смерть барона Альфонса Рошильда, донна Франциско Сильвелы, Теодора Деліаниса, герцога Одифрѣ-Паскье, принца Леопольда Гогенцоллерна и австрійскаго эрцъ-герцога Іосифа.—7) Критическій взглядъ на жизнь Колумба до его открытій.—8) Любовь Лукреціи Борджиа и Пьетро Бембо.—9) Столѣтній юбилей Мадзини.—10) Скромное чествованіе народнаго поэта польской революціи.—11) Донъ Хозе Эчегарей.—12) Смерть Томэка, Гомера, Типпу-Типа, Джона Гея, Виллаверда и Элизв Реклю.—13) Женская республика въ началѣ VIII вѣка.—14) Сокровища Армады.—15) Статуя Картье, открывшему Канаду.—16) Празднество виноградарей въ Вевѣ.—17) Перенесеніе останковъ отца американскаго флота.—18) Поглонники и поглонницы Робеспьера.—19) Военныя воспоминанія польскаго офицера Іосифа Грабовскаго.—20) Одна изъ жертвъ эгоизма Гёте.

СМѢСЬ 292, 610, 979

1) Диспутъ П. Г. Васенка.—2) Диспутъ А. І. Маленина.—3) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.—4) Общество любителей древней письменности.—5) С.-Петербургскій археологическій институтъ.—6) С.-Петербургское археологическое общество.—7) Московское археологическое общество.—8) Комиссія по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины Москвы и Московской епархіи.—9) Географическое общество.—10) Археологическій институтъ.—11) Московское археологическое общество.—12) Географическое общество въ Москвѣ.—13) Археологическій съездъ въ Екатеринбургѣ.—14) Разрушающійся памятникъ древности.—15) Географическое общество.—16) Общество естествоиспытателей.

НЕКРОЛОГИ 309, 613, 982

1) Бертенсонъ, В. А.—2) Виссаріонъ, преосвященный.—3) Грипескій, А. К.—4) Мионовъ, П. Г.—5) Рубавина, Л. Т.—6) Случевскій, К. К.—7) Субботинъ, Н. И.—8) Fortunatovъ, А. М.—9) Цулуквадзе, А. Г.—10) Эзовъ, Г. А.—11) Алексѣевъ-Кувгурцевъ, Н. Н.—12) Веніаминъ, епископъ.—13) Востриковъ, Н. Г.—14) Жулева, Е. Н.—15) Козловъ, Н. И.—16) Некрасовъ, А. А.—17) Немоловскій, М. И.—18) Рождественскій, А. В.—19) Соколовъ, С. И.—20) Сырку, П. А.—21) Абаза, К. К.—22) Влозневъ, В. К.—23) Герцъ, О. Ф.—24) Лукинъ, А. П.—25) Максимовъ, Е. И.—26) Милорадовичъ, Г. А.—27) Недошивинъ, И. А.—28) Осиповъ, А. М.—29) Смирновъ, А. И.—30) Шембекъ, католическій митрополитъ.—31) Эттингенъ, А.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 317, 620

1) По поводу рецензій на «Описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и повременихъ изданій». И. Безгина.—2) Неизданныя строки Пушкина и хронологія «Камсннаго гостя». Н. Лернера.—3) Пушкинъ и Лелевелъ. Николай Лернера.—4) Поправка къ изданіямъ Пушкина. К. Я. Грота.—V) Къ біографіи архіепископа Антонія А. Титова.

Приложенія: 1) Портреты Е. А. Энгельгардта, И. П. Пуцина и М. Я. Каттары.—2) Историческіе искатели приключеній. (La grande aventure). Романъ Жоржа Лабрюйера. Переводъ съ французскаго. Гл. I—XVII.

МОДЕСТЬ ЯКОВЛЕВИЧЪ КИТАРРЫ.

103. ЦЕНЗ. 25 АВГУСТА 1905 Г. СІБ.

КРУЖКОВЦЫ.

I.

НАРИОНЪ Ильичъ Головкинъ, богатый человекъ и крупный землевладѣлецъ, разсѣянно прихлебывалъ остывшій чай изъ стоявшаго передъ нимъ стакана въ серебряномъ подстаканникѣ, просматривая только что поданныя газеты, журналы и письма.

Это былъ еще не старый, на видъ никакъ не старше сорока лѣтъ, высокій и худощавый господинъ, съ блѣднымъ, нѣсколько усталымъ лицомъ, на которомъ ярко выдѣлялись черныя брови, усы и эспаньолка. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрую тужурку, накинутую на чесунчовую, расшитую шелкомъ рубашку. Въ манерахъ и во всей повадкѣ его сказывалась военная выправка.

Вошедшій лакей, давно уже стоявшій въ дверяхъ, ожидая, когда баринъ оторвется отъ чтенія, уловилъ наконецъ удобный моментъ и доложилъ:

— Иларіонъ Ильичъ, тамъ въ передней спрашиваетъ васъ одинъ человекъ. Я говорилъ ему, что вы утромъ никого не принимаете, да онъ говоритъ—нарочно изъ Москвы пріѣхалъ.

— Проводи ко мнѣ, — сказалъ Головкинъ.—Я сейчасъ приду.

Когда Головкинъ вошелъ въ кабинетъ, то увидѣлъ, что у письменнаго стола сбоку, развалился въ зеленомъ триповомъ креслѣ, сидитъ приземистый, плотный, широкоплечій человекъ, въ коричневомъ пальто съ бархатнымъ порыжѣвшимъ воротникомъ и

длинныхъ охотничьихъ сапогахъ. Засаленная, выцвѣтшая фуражка его съ потускнѣвшимъ и треснувшимъ козырькомъ брошена была на столъ. При видѣ Головкина онъ привсталъ, протянулъ руку и сдавленнымъ басомъ проговорилъ:

— Федоръ Савельевъ Шалашиковъ.

— Садитесь,—вѣжливо пригласилъ хозяинъ.

Шалашиковъ опять опустился въ кресло, еще дальше вытянулъ ноги и, склонивъ голову надъ столомъ, забарабанилъ по немъ толстыми, неуклюжими пальцами.

Головкинъ между тѣмъ разсматривалъ его.

Простоватое, мужицкое лицо гостя съ крупнымъ носомъ и крупными губами, съ рыжеватой бородой лопатой и съ подстриженными въ кружокъ волосами показалось ему прямодушнымъ и симпатичнымъ.

— Вы отъ Картошкина?—заговорилъ Головкинъ.

Шалашиковъ приложилъ руку ко рту, откашлялся и хрипло произнесъ.

— Отъ нихъ-съ, отъ Петра Игнатьевича.

— Онъ въ Москвѣ?

— Приѣзжали на побывку къ ихней супругѣ.

— У васъ что же есть письмо ко мнѣ? — продолжалъ Головкинъ.

— Ахъ, точно-съ,—вдругъ ужасно смутился Шалашиковъ,— а я было и позабылъ. Дѣйствительно, они дали мнѣ письмецо.

Онъ распахнулъ свое пальто, обнаруживъ красную ситцевую рубашку съ отложнымъ воротникомъ, подвязаннымъ пестрымъ шнурочкомъ, порылся въ боковомъ карманѣ и вытащилъ засаленный и измятый конвертъ.

— Они вамъ тутъ больше насчетъ дѣловъ тамошнихъ отписываютъ,—пояснилъ онъ, — а что касается меня, велѣли просто на словахъ говорить. Иларіонъ Ильичъ, сказывали, человекъ умный, онъ тебя и такъ насквозь увидитъ.

— Говорите,—произнесъ Головкинъ, пробѣгая письмо.

Шалашиковъ откашлялся и, еще ниже наклонивъ надъ столомъ голову, забарабанилъ, что было силы. Вдругъ онъ густо покраснѣлъ и проговорилъ:

— Я бы тоже желалъ на землю, значитъ, потому, что земля... она наша мать... кормилица. Кто отъ земли отсталъ, тотъ... тому крышка.

Головкинъ внимательно прислушивался къ его словамъ, и ему послышалось въ нихъ горячее убѣжденіе.

— А вы чѣмъ занимались до сихъ поръ?—спросилъ онъ.

— Я и теперь еще не бросилъ дѣла,—отвѣтилъ Шалашиковъ.—Изволите видѣть, я служу въ типографіи у Якушкина. Можеть, слышали?

— Кажется.

— Ну, вотъ-съ. Предпріятіе богатое. Жалованья получаю сорокъ рублей. По одиночеству моему, такъ какъ, будучи холостымъ, жить можно. Но, познакомившись въ позапрошломъ году съ Иваномъ Евлампьевичемъ Орловымъ... Изволите знать?..

Головкинъ кивнулъ головой.

— Познакомившись, говорю, съ нимъ, я... того... увлекся... этой самой идеей. И стала мнѣ моя служба противна,—заклучилъ онъ.

— Вы получили какое нибудь образованіе? — освѣдомился Головкинъ.

— Какъ же-съ. Исключенъ изъ четвертаго класса гимназіи. Такъ вотъ мнѣ Петръ Игнатьевичъ и говоритъ: ты, говоритъ, парень здоровый, голова у тебя... на плечахъ есть, чѣмъ, говоритъ, тебѣ заниматься... работой, унижающей человѣческое... достоинство, чѣмъ, говоритъ, тебѣ продавать себя за ничтожные сорокъ рублей въ мѣсяцъ, лучше ты, говоритъ, садись на землю, крестьянствуй, говоритъ, потому что, говоритъ, это самый благородный трудъ.

Головкинъ внимательно слушалъ.

Шалашиковъ умолкъ, кинувъ на него взглядъ исподлобья. Нѣсколько времени длилось молчаніе.

Видя, что хозяинъ не собирается прерывать его, Шалашиковъ шумно вздохнулъ, собрался съ духомъ и опять заговорилъ:

— Ну, я и того... сталъ подумывать, какъ бы, значитъ... на землю... хозяйствовать. А тутъ Петръ Игнатьевичъ и говоритъ про васъ, то-есть, значитъ, что землю, имѣніе на Кавказѣ купили, и требуется вамъ интеллигентный работникъ. Оно, конечно, хорошо бы свою землю, да вѣдь бѣдному человѣку гдѣ же взять?

— Вѣдь въ принципѣ это все равно, — проговорилъ Головкинъ:—своя земля, чужая ли, все дѣло только въ формѣ труда, въ самой идеѣ. Ничто вдѣсь на землѣ не принадлежитъ собственно никому изъ насъ. Все номинально, условно и на время. Вамъ вѣдь что главное: дѣлать любимое дѣло и находиться въ общеніи съ природой.

— Конечно-съ, — согласился Шалашиковъ и опять тяжело вздохнулъ.

— Ну, вотъ видите. И дѣло это, вѣроятно, вамъ уже знакомое, разъ оно ваше любимое. Вамъ приходилось имѣть дѣло съ землей и съ полевыми работами?

Шалашиковъ густо покраснѣлъ.

— Какъ же-съ. Косить приходилось, не всерьезъ, не то, что отъ нужды, для блезіру больше, а все-таки... Да это что ужъ... Я это могу.

— А не пахали?—спросилъ Головкинъ.

— Гдѣ же пахать? Не случилось,—признался Шалашиковъ.— Я вѣдь мѣщанскаго сословія, московскій мѣщанинъ-съ, въ городѣ рость. Да это что жъ? Чего не знаешь, тому и обучиться можно. Дѣло, не Богъ знаетъ, какой мудрости, надо говорить: дѣло самое простое, мужицкое. А здоровьемъ, какъ изволите видѣть, меня Богъ не обидѣлъ, лѣвой рукой двухпудовой гирей крещусь, — съ хвастовствомъ заключилъ онъ.

— И это вамъ можетъ пригодиться въ тѣхъ условіяхъ, — съ невольной улыбкой сказалъ Головкинъ.

Положительно этотъ Шалашиковъ начиналъ ему нравиться. Отъ него вѣяло какъ будто настоящимъ народнымъ духомъ.

— Простакъ, черноземная сила,—думалъ Головкинъ, глядя на тяжелую круглую голову, крѣпкую шею, широкія квадратныя плечи и огромныя короткія ноги сидѣвшаго передъ нимъ человѣка:— не безъ лукавства, но и лукавство его какое-то наивное, неспособное никого ввести въ обманъ. Такіе люди, можетъ быть, тамъ нужнѣ всякихъ другихъ. И не совѣмъ невѣжда. Вѣроятно, книжки читаетъ, кружки посѣщаетъ, съ Орловымъ знакомъ. Изъ него можетъ выйти прокъ. Онъ не то, что многіе другіе...

И Головкину припомнился кое-кто изъ бесѣдовавшихъ съ нимъ на тему о землѣ и о сидѣннѣ на ней молодыхъ людей. За послѣднее время, когда распространились по кружкамъ слухи о томъ, что имъ куплена земля на Кавказѣ, и что онъ устраиваетъ тамъ общину интеллигентныхъ землепашцевъ, у него перебивало не мало народу—и просто любопытствующихъ и желающихъ сдѣлать опытъ и поработать въ новой, неизвѣданной еще области. Приходили разнаго рода люди. Большинство составляли неудачники, уже потерпѣвшіе житейское крушеніе и хватавшіеся за землю, какъ за послѣднее средство спасенія, съ отчаянія. Но были и смѣлые, полные надеждъ, прельщенные идеей. Изъ послѣднихъ были студенты и курсистки. Двухъ такихъ студентовъ и одну курсистку онъ мѣсяца два тому назадъ на свой счетъ отправилъ въ имѣніе, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, очарованный ихъ молодымъ задоромъ, вѣрой въ себя и готовностью до послѣдняго дыханія бороться за идеаль. Картошкинъ писалъ ему о нихъ, что и студіозусы—народъ добрый, и ученая барышня тоже охулки на руку не кладетъ и за себя отвѣтитъ, изъ чего Головкинъ заключилъ, что не обманулся въ нихъ. Но такихъ было мало, и колонія налаживалась туго. Иные уже успѣли вернуться разочарованные и недовольные, и изъ-подъ руки распространяли невыгодные для Головкина, а, главное, для «общаго дѣла» слухи.

Такихъ же, какъ Шалашиковъ, ему еще не приходилось видѣть. Сразу было видно, что это—не петербургскій франтъ. Въ немъ не было ничего развинченнаго, кислаго, больного и хилаго, какъ въ большинствѣ петербургской молодежи не у дѣлъ, которую

приходилось больше наблюдать Головкину, и послѣдному это было пріятно и располагало его въ пользу его собесѣдника, несмотря на всю его шероховатость и терпкость. Даже то, что Шалашиковъ былъ одѣтъ плохо, не умѣлъ держать себя, поминутно краснѣлъ и, говоря, съ трудомъ подыскивалъ слова, точно отвѣчалъ не выученный урокъ, вравилося Головкину.

— Не щеголь,—думалъ онъ,—и не краснобай, а что краснѣетъ, тоже хорошо: не научился еще лгать и не хочетъ лгать. Зато отъ него вѣетъ стихійной силой, и энергіи такому молодцу не занимать стать.

А Шалашиковъ ждалъ, что еще скажетъ Головкинъ, и думалъ про себя:

— Баринъ—бѣлоручка. Фантазіи отъ нечего дѣлать разводить. Съ жиру бѣсится. Чай, палець о палець въ цѣлый день не ударить. Ишь руки-то какія холенныя. А ногти-то! Господи ты, Боже мой! И духами отъ него такъ и несетъ, точно отъ дѣвочки. Буржуй. О землѣ думаетъ. Нужна ему очень земля. А ты, коли дѣйствительно хочешь, чтобы интеллигентный труженикъ на землѣ сидѣлъ да благодушествовалъ, ты ему землю-то подари, да выстроиться помоги, да деньжатъ на первое время дай,—анъ, у тебя онъ съ земли-то и не уйдетъ. А то нако-ся: пожалуйста ко мнѣ чуть не даромъ работать. Милости прошу, къ нашему грошу съ вашимъ пятакомъ. Даль бы мнѣ десятинку хоть,—я бы ему спасибо сказалъ. Что ему? Вѣдь богачъ-то какой. Шестьдесятъ тысячъ десятинъ одной земли, говорятъ. Шутка сказать. А вѣдь не дастъ. Какъ же, держи карманъ. Идея, идея. Это затвердилъ, какъ попка-дуракъ, а, не бойсь, своего не упустишь. Эхъ, вы, филантропы! Ну, да насъ, братъ, тоже не проведешь: мы сами съ усами. И чего молчить, буржуй проклятый, не знаешь, какъ и быть съ нимъ.

— Я понимаю васъ,—прервалъ его размышленія Головкинъ,—и готовъ, что въ моихъ силахъ, сдѣлать для васъ. Но что именно, я вѣдь не знаю. Познакомьте меня хоть отчасти съ вашими планами. Собственно чего вы хотите? Хотите ли вы поѣхать туда просто для того, чтобы поглядѣть на все своими глазами и сдѣлать извѣстный выводъ, или вы уже убѣждены въ плодотворности идеи и готовы прямо стать въ ряды пионеровъ?

— Мнѣ Петръ Игнатьевичъ говорилъ, — опять краснѣя, отвѣтилъ Шалашиковъ:—что вы, какъ, значить, устраиваете общину... ну, значить, тамъ...пособіе, деньги на дорогу и... инструментъ, какой необходимо, все отъ васъ получить можно. Взялъ я отпускъ у хозяина да сюда въ Петербургъ и дерганулъ. Рискъ, конечно (онъ выговорилъ рыскъ), ну, да туда и обратно въ третьемъ классѣ не такая ужъ дорогая сумма. Теперь на васъ вся надежда. Какъ ваше рѣшеніе будетъ: захотите — облагодѣтельствуете, захотите—огорчите.

И онъ снова застучалъ по столу.

— Я не прочь помочь всякому,— сказалъ Головкинъ:— но вы сами понимаете, что въ этомъ дѣлѣ моя помощь не главное. Я нѣсколькихъ человѣкъ отправилъ туда на свой счетъ и помогъ имъ. И почти всѣ вернулись и меня же бранили. А другіе поѣхали на свой страхъ и продолжаютъ работать и довольны. Да тотъ же Петръ Игнатьевичъ. Вотъ вамъ прекрасный примѣръ. Я его знаю уже шесть лѣтъ. Этотъ человѣкъ поѣхалъ туда съ самыми скудными средствами, работалъ, какъ волъ, корчевалъ пни подъ пашню, прорубалъ просѣки, спалъ на голой землѣ, ѣлъ, что придется, жилъ однимъ словомъ, какъ самый простой мужикъ. А теперь у него тамъ пасѣка въ ходу, онъ имѣетъ двухъ пчеловодовъ помощниковъ, участокъ свой обработалъ такъ, что его не узнать, обстроился, медъ продаетъ, воскъ тоже, сумѣлъ собрать вокругъ себя кучку сочувствующихъ энергичныхъ людей. Теперь пишетъ мнѣ, что выписываетъ изъ Германіи земледѣльческія орудія и пробуетъ разводить тутовое дерево, хочетъ заняться шелководствомъ. Подумайте, сколько труда, знанія, горячаго желанія надо было вложить въ дѣло, чтобы достигъ такихъ результатовъ. Ахъ, этотъ человѣкъ—истинное сокровище.

— Оно, конечно, — сказалъ Шалашиковъ:— коли нѣтъ охоты, дѣло не пойдетъ на ладъ. У насъ въ Москвѣ эта самая идея очень привилась. Мнѣ, правду сказать, такъ и поручили, чтобы я не за одного себя, а и за другихъ передъ вами походатайствовалъ. Народъ все молодой, горячій, способный, можно сказать, дѣла... не погубять. Все Иванъ Евлампьевичъ Орловъ у насъ орудуетъ, идеальнѣйшій человѣкъ.

— Да, я слыхалъ,—сказалъ Головкинъ.

— У насъ и сходки у него на квартирѣ бываютъ. Повѣстки разошлемъ, соберемся и ну толковища разводить. Вотъ я и насчетъ другихъ тоже хочу васъ спросить: какъ же теперь эта община, что вы устраиваете, примѣрно на сколько человѣкъ?

— Да вѣдь этого нельзя предрѣшать,—сказалъ Головкинъ.— Прощу васъ обратить вниманіе на то, что, начиная это дѣло, я не имѣлъ въ виду выгодъ или барышей лично для себя. Я говорю такъ: вы, господа, жалуетесь на отсутствіе дѣла и хотите работать на землѣ, но земли у васъ нѣтъ. А у меня она есть и въ большомъ количествѣ,—вы вѣдь знаете, тамъ шестьдесятъ тысячъ десятинъ...

Шалашиковъ вздохнулъ такъ тяжело, что Головкинъ даже взглянулъ на него.

— Пожалуйста, приходите и работайте. Вы бѣдны — это ничего, самое главное — земля къ вашимъ услугамъ, кое-какими земледѣльческими орудіями могу васъ снабдить, насколько возможно помочь—помогу, наконецъ я самъ охотно приму участіе въ общей работѣ.

Шалашиковъ крякнулъ, тряхнулъ волосами и вскинулъ глаза на Головкина. По лицу его скользнула недовѣрчивая усмѣшка, смѣнившаяся выраженіемъ изумленнаго недоумѣнія.

Потомъ онъ подумалъ, что не понялъ словъ Головкина, и рѣшился переспросить.

— То-есть это какъ же такъ сами-съ?

— Да буду работать, какъ и всѣ. Нужно пахать—буду пахать, косить—буду косить.

— Ну, вамъ-то что же-съ съ этакимъ... дѣломъ возиться?—протянулъ Шалашиковъ.—Дѣло оно мужицкое, грубое, вамъ, барину, и не къ лицу. Вы надъ нами наблюденіе имѣйте—это другой разговоръ, а ужъ за васъ найдется, кому поработать. Я такъ понимаю: интеллигентный работникъ все-таки... честнѣе и... развитѣе мужика—вотъ въ чемъ выгода. Опять и то скажу: ну, общину тамъ, положимъ, устроили. Да вѣдь долженъ же бѣть какойнибудь порядокъ,—надо, чтобъ ктонибудь за ней досматривалъ, тутъ и вознагражденіе за трудъ, и содержаніе, скажемъ, столъ, продовольствіе, тоже и всякое хозяйственное распоряженіе,—это все кому же нибудь вѣдь надо препоручить.

— Предполагается,—сказалъ Головкинъ,—что каждый будетъ заботиться не только о себѣ, но и о товарищахъ. Всѣ за всѣхъ. Что же касается вознагражденія за трудъ, то очевидно, что кто вложитъ большій трудъ, будетъ и лучше вознагражденъ.

— Такъ-то оно такъ,—раздумчиво проговорилъ Шалашиковъ:—а все-таки... пить-ѣсть нужно. Я не гонюсь за прибылью, да вѣдь... надо же, чтобъ было у чего жить. Петру Игнатьевичу хорошо рассуждать, у него пчельникъ, онъ приноситъ доходъ... да и вы, чай, изволите ему сколько нибудь жертвовать за труды.

— Немного,—сказалъ Головкинъ.— Не забудьте: онъ ведетъ тамъ у меня все хозяйство, а получаетъ какіе нибудь пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Шалашиковъ криво усмѣхнулся.

— Пятьдесятъ рублей—не шутка,—сказалъ онъ.—Дайте-ка мнѣ пятьдесятъ рублей на Кавказѣ, на землѣ,—я вамъ какое угодно хозяйство разведу. Это вѣдь не Москва.

— Такъ и разводите,—произнесъ Головкинъ:—земли тамъ много, тѣсно вамъ съ Петромъ Игнатьевичемъ не будетъ, а будете работать хорошо, можетъ быть, и еще больше заработаете.

Шалашиковъ взялъ со стола картузъ и въ нерѣшимости мялъ его на колѣняхъ. Ему казалось, что онъ засидѣлся, и пора уходить, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не рѣшался прекратить свой визитъ, ни на чемъ не остановясь и ни до чего не договорясь.

— Ишь вѣдь путаетъ,—съ досадой думалъ онъ про себя:—ничего не поймешь. Говорилъ бы прямо, а то поди, догадайся, чего ему хочется. И не разберешь, что за человѣкъ. На кулака нѣ похожъ: гдѣ ему, а подступиться съ какой стороны, не знаешь.

— Что жъ вы задумались?—ласково спросилъ гостя хозяинъ. Шалашиковъ встрепенулся.

— Я вѣдь... не за себя только,—рѣшительно заговорилъ онъ, и въ голосѣ его послышалась дѣловитая твердость:—я и за другихъ. Мнѣ имъ надо будетъ отвѣтъ обстоятельный дать, какъ и что, а то засмѣютъ: ѣздилъ, скажутъ, не по что и привезъ ничего. А тамъ народъ-бѣднякъ, иной и затратился бы... съ великою радостію... да коли нѣтъ, такъ гдѣ же взять? А сѣсть на землю охота. Что мнѣ имъ-то сказать? Вѣдь у нихъ и на дорогу нѣтъ.

Головкинъ задумался.

— Сколько ихъ человѣкъ?—спросилъ онъ.

— Да ихъ таки немало, — сказалъ Шалашиковъ: — да вѣдь, ежели на дѣло похоже будетъ, можно и разсортиментъ сдѣлать, кто поплоче, того и въ сторону.

— Но все-таки? Назовите тѣхъ, на кого вы, напримѣръ, надѣетесь?

— На кого я надѣюсь? А вотъ: Деревянниковы—сестра съ братомъ, эти народъ безъ отказу...

— Кто они?—перебилъ Головкинъ.

— Она—портниха, только интеллигентная, въ Лепешкинскомъ общежитіи со студентами танцуетъ и книжки всякія читаетъ, а онъ въ рязанскихъ мастерскихъ механикомъ служить.

— А еще кто?

— А еще вотъ вамъ тоже человѣкъ, хоть и не молодой, а десяти молодыхъ стоитъ: Калистратъ Евгеньевичъ Опулентовъ, изъ духовнаго званія, былъ псаломщикомъ и стрѣшенъ... за несоответствіе личныхъ убѣжденій и поступковъ съ служебными обязанностями... и начальствомъ. Горячая голова, идеалистъ первосортный.

— Дальше,—вставилъ Головкинъ.

— Сестры Тулумбасовы поѣдутъ безъ всякаго... разсужденія...

— Кто онѣ такія?

— Старшая—фельдшерица, а младшая—гимназію кончила въ прошломъ году и тоже... на курсы мечтаетъ. Дѣвицы самыя современные, за нихъ ручаюсь.

— Фельдшерица можетъ очень пригодиться въ нашей общинѣ,—сказалъ Головкинъ:—тамъ у насъ нѣтъ доктора, а аптечку можно будетъ завести.

— Она и акушерка,—сказалъ Шалашиковъ.

— Ну, въ акушеркѣ, кажется, надобности не предвидится въ нашей колоніи,—возразилъ Головкинъ:—вамъ, конечно, извѣстно, что одинъ изъ принциповъ общины интеллигентныхъ труженниковъ на землѣ—чистыя, братскія отношенія между полами. Строгое дѣломудріе и необходимо и желательно.

— А ежели законнымъ бракомъ?—поинтересовался Шалашиковъ.

— Развѣ вамъ Петръ Игнатьевичъ ничего не говорилъ по этому поводу?—удивился Головкинъ.—Мы именно противъ брака въ какой бы то ни было формѣ. Бракъ неминуемо внесетъ разладъ въ наше дѣло, а главное породитъ осложнения и извратить самую идею. Братья и сестры будутъ всѣ солидарны, а мужья и жены будутъ по самой природѣ вещей только заботиться о себѣ и своихъ, жертвуя общими интересами, не говоря уже о томъ, что неизбежный результатъ брака—дѣти прямо явятся элементомъ, опаснымъ для идеи, а родители ихъ погибнуть для общины. Вамъ этого Картошкинъ не говорилъ?

— Въ первый разъ слышу. Что жъ, мнѣ все едино, все равно. Я холостой и жениться не помышляю. А вотъ у младшей Тумбасовой женихъ есть, они тоже въ колонию съ ней захотятъ вхатъ.

— Объясните ему, что на правахъ жениха ему тамъ быть неудобно. Если и онъ и она такъ преданы идеѣ, они, быть можетъ, поймутъ, что братскія, чистыя отношенія сулятъ имъ больше счастья, чѣмъ бракъ, который рѣдко счастливъ, и всегда бремя.

— Навѣрно, поймутъ,—сказалъ Шалашиковъ,—народъ идеальнѣйшій, въ эмпирияхъ существуютъ. За нихъ ручаюсь.

— Это всѣ?—спросилъ Головкинъ.

— Какое всѣ! Я говорю, охотниковъ много. Только кличъ кликните. Во-первыхъ, скучища одолѣла, а притомъ и жрать нечего. А тутъ новая идея. И на это жадны. Только ежели вы такъ противъ бракосочетанія, вамъ бы совсѣмъ бабѣ по боку, на манеръ казацкой сѣчи. Чтобъ не было бабъ, и шабалки.

Шалашиковъ осмѣлѣлъ и говорилъ гораздо свободнѣе. А неожиданный «новый постановъ вопроса», какъ выразился онъ про себя, его такъ заинтересовалъ, что онъ пересталъ мять свою фуражку и думать объ уходѣ.

— Мы—не враги, а друзья женщинъ,—сказалъ Головкинъ.—Зачѣмъ лишать женщину возможности принять участіе въ дѣлѣ, ей симпатичномъ, не говоря уже о томъ, что женщина—природенная хозяйка, способна мужчины къ домоводству, что женской природѣ свойственно стремиться къ чистотѣ, къ порядку, къ изяществу, наконецъ, совмѣстная жизнь и трудъ съ женщиной полезны для мужчины въ томъ отношеніи, что она смягчитъ его грубость, сдѣлаетъ его тоньше, добрѣе, отучитъ отъ такихъ скверныхъ привычекъ, какъ куренье, пьянство? Вы вѣдь знаете, что наша община вмѣстѣ и общество трезвости?

— Слыхалъ,—сказалъ Шалашиковъ:—однако, Петръ Игнатьевичъ курить и выпить не дуракъ.

— Я это знаю. Но онъ работаетъ надъ собой и пишетъ мнѣ, что, хотя медленно, но подвигается по пути къ самоусовершенствованію. Это вѣдь тоже нелѣгкая задача. Я самъ только не-

давно и съ большимъ трудомъ отучился курить, а отъ мяса, не смотря на всѣ усилія, все никакъ не могу отвыкнуть.

— А тамъ развѣ насчетъ мясного плохо?—съ любопытствомъ освѣдомился Шалашиковъ.—Дорого?

— Вовсе недорого, напротивъ, и мяса много, но вѣдь желательно, чтобы колонисты были вегетаріанцы...

— Почему?—перебилъ заинтригованный Шалашиковъ.

— Вы плохо освѣдомлены,—сказалъ Головкинъ.—Я лично полѣдователь Толстого, Петръ Игнатьевичъ—тоже, его братья по землѣ—тоже. Желательно, чтобы и остальные члены общины раздѣляли уже установившіеся въ ней взгляды и видѣли бы въ колоніи помимо возможности матеріально обезпечить себя еще и средство нравственно и духовно воспитать себя.

— Выходить, исправительное заведеніе,—усмѣхнулся Шалашиковъ.

— Если хотите, да. По-моему, это самое цѣнное въ нашей общинѣ. Искренно раздѣляющій нашу идею человѣкъ уже тѣмъ будетъ счастливъ, нравственно удовлетворенъ, что въ общинѣ онъ можетъ надѣяться возвысить и облагородить свое я. Никакія неудачи такому человѣку не могутъ быть страшны, потому что главное въ его рукахъ.

— Свѣтскій монастырекъ, значитъ, полагаете устроить,—сказалъ Шалашиковъ,—и мужской и женскій вмѣстѣ. Это дѣло интересное. Хорошее дѣло даже, только какъ будто много сразу. Уставъ строгонекъ.

— Кому не нравится, того мы не зовемъ,—сказалъ Головкинъ.

— Вѣрно,—согласился Шалашиковъ.—Этого всего у насъ еще тамъ не слыхали. Я вотъ поразкажу имъ, какъ пріѣду. У насъ тамъ толстовцы тоже есть. Вотъ братья Деревянниковы—оба сочувственники. Теперь я понимаю, откуда эта штука. Вѣдь Васка-то Деревянниковъ—у Петра Игнатьевича. Онъ это и брату внушилъ.

— Деревянниковъ тамъ, дѣйствительно, кажется, есть,—сказалъ Головкинъ,—я о немъ слышалъ: почти мальчикъ и необыкновенно преданъ идеѣ. А вы мнѣ вотъ что скажите: эти лица, которыхъ вы мнѣ назвали, извѣстны Петру Игнатьевичу?

— Да, какъ же. Это все одинъ кружокъ. Петръ Игнатьевичъ ихъ всѣхъ, какъ себя, надо сказать, знаетъ: друзья-пріятеля, а Деревянниковы такъ еще и родня...

— Такъ вотъ что. Вы запишите мнѣ фамиліи ихъ, а я напишу Петру Игнатьевичу, посоветуюсь съ нимъ, и если онъ тоже одобритъ ихъ,—онъ вѣдь лучше васъ знаетъ, какіе люди тамъ нужны,—я напишу вамъ въ Москву. Неимѣющимъ средствъ на дорогу и первое обзаведеніе я выдамъ пособие и позабочусь о томъ, чтобы нѣсколько облегчить ихъ первые шаги. А вы...

— Мнѣ-то мѣсто такъ зря бросать, — заторопился Шалашиковъ,—не резонъ. Сорокъ рублей на землѣ не подынешь. Нельзя ли мнѣ тамъ мѣстишко дать, какое ни на есть?

— Это не отъ меня зависить. Я ничѣмъ не распоряжаюсь въ общинѣ, я такой же членъ, какъ и остальные, и нынѣшнимъ лѣтомъ буду работать вмѣстѣ съ вами и дѣлать, что придется и что укажутъ.

— Ужъ не знаю, какъ мнѣ и быть,—проговорилъ Шалашиковъ.—Идея-то эта самая... соблазняетъ, и дѣло-то бросать бо-язно. Мѣсто потеряешь, истратишься, а будетъ ли толкъ, Богъ знаетъ. Вотъ ежели бы отъ васъ хоть пособіе.

— Я могу вамъ дать небольшую сумму, ну, рублей пятьдесятъ,—сказалъ Головкинъ,—но мнѣ кажется, вы могли бы распорядиться лучше сами. На вашемъ мѣстѣ я поступилъ бы такъ: еще полгода остался бы въ типографіи, постарался бы быть, какъ только возможно, экономнѣе, накопилъ бы полтора ста, напримѣръ, рублей, но можно и меньше, и съ этими деньгами отправился бы въ путь, никому не обязываясь.

— Шесть мѣсяцевъ—не недѣля,—сказалъ Шалашиковъ,—мнѣ ужъ больно не терпится... Очень... опротивѣла мнѣ кабала эта. А ужъ я бы вамъ заслужилъ.

— Я переписуь по поводу всего этого съ Петромъ Игнатьевичемъ,—сказалъ Головкинъ.—Вотъ вамъ перо и бумага, запишите, пожалуйста, тѣхъ, о комъ вы говорили, и себя не забудьте.

Шалашиковъ скоро подаль Головкину листокъ, исписанный твердымъ, четкимъ и очень крупнымъ, прямымъ почеркомъ. Каждая буква была точно вытесана изъ камня и имѣла въ себѣ что-то монументальное.

Почти у каждой фамиліи онъ поставилъ свое примѣчаніе.

«Деревянниковъ старшій, Флегонтъ Савостьяновичъ, механикъ, очень можетъ пригодиться, чай, монтеровъ тамъ у васъ нѣтъ, а машины могутъ понадобиться.

«Деревянникова, Митродора Савостьяновна, будучи обучена шитью, можетъ шить на колонистовъ рубахи.

«Опулентовъ, Калистратъ Евгеньевичъ, знаетъ законы, на случай судьбища али тяжбы—человѣкъ золотой».

И все въ такомъ родѣ. Головкинъ невольно улыбнулся этимъ примѣчаніямъ и тутъ же рѣшилъ такъ и послать этотъ листочекъ Картошкину на одобреніе.

— Вотъ и отлично,—сказалъ онъ, чувствуя, что Шалашиковъ нѣсколько утомилъ его, и желая его спровадить.

Но тотъ все сидѣлъ, точно ждалъ чего-то.

— Такъ и передайте тамъ,—сказалъ, поднимаясь, Головкинъ.

Шалашиковъ догадался, что пора уходить, и быстро вскочилъ и сталъ откланиваться.

Головкинъ пожалъ ему руку и проводилъ его до дверей. Но тутъ, на самомъ порогѣ, Шалашиковъ вдругъ рѣшился. Онъ бы никогда не простилъ себѣ, если бы ушелъ отъ «этого буржуя», какъ называлъ онъ Головкина про себя, такъ, даже не попытавшись.

— Эхъ,—подумалъ онъ,—вывози кривая. Чего имъ въ ротъ-то смотрѣть? Выгорить, такъ выгорить, а не выгорить—плевать. Гдѣ наше не пропало!

И онъ съ неожиданнымъ для самого себя апломбомъ произнесъ:

— А вѣдь я издержался все-таки на проѣздку-то... а и дѣло не мое, а общее. На дорогу назадъ и то, пожалуй, пенензовъ не хватить... шибко кусается Питеръ вашъ, все дорого. Ужъ я бы вамъ заслужилъ, а вы ссудите мнѣ малую толику... вѣдь я человекъ бѣдный... притомъ для общаго дѣла больше, не для себя одного.

Головкинъ смутился. Онъ былъ въ нерѣшимости. Не будучи скупымъ, онъ, однако, не разъ упрекалъ себя за то, что не умѣетъ отказать въ деньгахъ, и, воображая, что дѣлаетъ доброе дѣло, только поощряетъ тунеядство, а этого онъ не хотѣлъ. Но, съ другой стороны, онъ былъ мягокъ и добръ и въ глубинѣ души былъ глубоко убѣжденъ, что человекъ просить, если не всегда, то большею частію отъ нужды, притомъ и просить-то обыкновенно такую ничтожную сумму, что совѣстно отказывать.

— Дать ему развѣ?—подумалъ онъ, взглянувъ на Шалашикова, который стоялъ въ выжидательной позѣ, твердо рѣшившись заполучить хоть чтонибудь.—На тунеядца онъ не похожъ, разумѣется, бѣденъ и просить не униженно, а какъ имѣющій право.

Головкинъ неожиданно встрѣтился со взглядомъ Шалашикова, украдкой наблюдавшаго за нимъ, и ему вдругъ стало стыдно и неудержимо захотѣлось поскорѣе дать ему денегъ и остаться одному.

Онъ вернулся къ письменному столу, вынулъ изъ средняго ящика бумажникъ, порылся тамъ,—бумажки все были мелкія,—нашелъ, наконецъ, двадцатипятирублевую и протянулъ ее просителю.

— Вамъ этого довольно... на дорогу?—спросилъ онъ, стараясь не глядѣть на Шалашикова.

— Предовольно-съ, очень обязанъ,—радостно отвѣтилъ тотъ, почти вырывая бумажку и запихая ее въ карманъ брюкъ.

— Съ паршивой овцы хоть шерсти влокъ,—мелькнуло у него между тѣмъ въ головѣ.—Даровому коню въ зубы не смотрять.

И онъ низко поклонился, но руки не рѣшился подать, и пятясь выбрался изъ кабинета.

Выйдя на улицу, онъ шумно и облегченно вздохнулъ, потомъ быстро зашагалъ, торопясь домой, рѣшивъ, что дѣлать ему въ Петербургѣ больше нечего, и надо ѣхать въ Москву.

II.

Апрѣльское солнце не спѣшило заходить. Ласковое сверкающее и торжествующее, оно нѣжило и пригрѣвало землю, потоками струясь на нее съ голубого, чистаго свода. Тамъ и сямъ еще можно было видѣть кучки слежавшагося, почернѣвшаго снѣга, заледенѣвшаго сверху и медленно подтаивавшаго снизу, стекая къ тротуару, куда по искони заведенному московскимъ обывателемъ обычаю спускались со всѣхъ дворовъ подозрительные ручки и рѣчки, блестя радужными цвѣтами и образуя тѣ своеобразныя канавы, безъ которыхъ невозможно представить себѣ ни въ какое время года никакой улицы пресловутой почтенной старушки, громко именующей себя Бѣлокаменной. На площадяхъ озерами стояли лужи, наполнившія многочисленныя, болѣе или менѣе глубокія выбоины, а кругомъ бѣлѣлъ высохшій подъ солнцемъ крупный, круглый булыжникъ, какъ нельзя болѣе напоминавшій извѣстныя мѣстныя коврижки, остроумно окрещенныя «московской мостовой». Время отъ времени тихій порывъ весенняго вѣтерка приносилъ съ собою аромать смолистыхъ почекъ и едва раскрывающихся молодыхъ листочковъ, тутъ же заглушавшійся запахомъ талаго снѣга, прѣли, навоза и гнили.

Вѣтерокъ, солнце и небо одни говорили о веснѣ и навѣвали въ душу праздничное настроеніе среди привычной будничной грязной, неряшливой и распущенной обстановки. Даже толпа, шумная и суетливая, была какая-то сѣрая, однотонная, ненарядная. Преобладало простонародье, мастеровые и мѣщане, съ тусклыми, угрюмыми лицами, съ звѣрскимъ или тупымъ взглядомъ и съ тѣмъ больнымъ, озлобленнымъ и хмурымъ выраженіемъ, какое свойственно закоренѣлымъ горькимъ пьяницамъ, тщетно пытающимся заглушить свою пьяную тоску и залить виномъ неугасимый пламень, пожирающій ихъ внутренности.

Иарѣдка попадающіеся такъ называемые порядочные люди были тоже какіе-то скучные, въ ихъ одеждѣ господствовали темныя цвѣта, и даже дамы, которымъ, кажется, слѣдовало бы радоваться славной и теплой погодѣ и блистать туалетомъ, платьями напоминали скромныхъ сумеречныхъ и ночныхъ бабочекъ. Впрочемъ, въ этомъ сказывалась набожность и теплая вѣра матушки-Москвы, такъ какъ стояли еще дни Великаго поста, и всѣ, какъ бы справляя официальный трауръ, донашивали надоѣвшее тряпье и старье на зло веснѣ и солнцу въ ожиданіи Свѣтлаго дня, съ котораго полагалось облечься во все новенькое, веселенькое и на иной вкусъ, пожалуй, ужъ черезчуръ крикливое и пестрое.

Унылый звонъ безчисленныхъ колоколовъ усугублялъ впечатлѣніе сѣраго, скучнаго и грязноватаго московскаго обихода, и но-

вому, случайно попавшему въ Москву человѣку становилось тошно до боли и хотѣлось поскорѣе бѣжать изъ этого огромнаго безпорядочно раскинувшагося во всѣ стороны города, напоминавшаго большую, безалаберную, неудобную квартиру, которую собираются прибрать къ празднику и потому пока ни за что не принимаютъ. Тамъ не мели, здѣсь начали мыть полъ и бросили, оставивъ ведро съ помоями и покидавъ грязныя тряпки, оторвавшись по другому дѣлу, и всюду соръ, кучи хлама, мусора, цвѣтныхъ и иныхъ бумажонокъ, разбитыхъ черенковъ и окурковъ. Къ празднику все это уберутъ, хотя трудно себѣ представить, чтобы наплись столь не человѣческія силы, которыя побѣдили бы, хотя бы и во славу Великаго дня, всю эту несмѣтную армію грязи и пыли. Но такъ могъ думать только человѣкъ новый и случайный. И совсѣмъ не то думалъ Ѳедоръ Савельевичъ Шалашиковъ. Въ качествѣ исконнаго москвича онъ напротивъ чувствовалъ себя прекрасно: грязи, лужъ и запашистыхъ канавъ не замѣчалъ и всѣми фибрами своего неизбалованнаго существа ощущалъ благораствореніе воздуховъ и нѣжащую прелесть весенняго тепла.

Онъ шелъ, самоувѣренно и весело закинувъ голову со съѣхавшимъ на затылокъ картузомъ, подставляя успѣвшее загорѣть красное, съ бѣлымъ, лоснящимся отъ пота лбомъ, лицо прямо подъ солнце, по узенькому, неровному тротуарику, огибавшему розовыя стѣны Стравнаго монастыря, широко и твердо отмѣривая шаги тяжелыми грязными сапогами съ рыжими жесткими голенищами, очень довольный и собой и всѣмъ окружающимъ. Одѣтъ онъ былъ въ то же пальто, въ какомъ мы видѣли его у Головкина, только въ накидку на плечи, при чемъ изъ-подъ него видна была синяя китайчатая блуза на выпускъ, подпоясанная узкимъ ремнемъ и украшенная шейной серебряной цѣпочкой, концы которой прятались въ нагрудномъ кармашкѣ, гдѣ можно было подразумевать часы, но гдѣ ихъ никогда не было, такъ какъ часы у Шалашикова обыкновенно находились въ «ученьѣ», за цѣпочку же не давали болѣе шести гривенъ, и поэтому онъ предпочиталъ не закладывать ея и носить, чтобы имѣть видъ человѣка «при часахъ».

Обогнувъ монастырь до Малой Дмитровки, онъ сѣлъ въ стоявшую тутъ лѣтнюю конку, которая шла къ Петровскому парку, въ Зыково и наконецъ въ Разумовское.

Въ вагончикѣ еще никого не было. Кондукторъ и кучеръ пили на задней площадкѣ чай, наливая его изъ мѣднаго чайника въ одну жестяную кружку, поочередно прихлебывая изъ нея и закусывая полубѣлымъ вѣсовымъ хлѣбомъ.

Шалашиковъ не торопился. Онъ усѣлся поудобнѣе, вытянулъ ноги, досталъ портсигаръ изъ британскаго металла и съ наслажденіемъ закурилъ.

Начали прибывать пассажиры. Кондукторъ съ кучеромъ допили свой чай и отправились по мѣстамъ, задрезжалъ звонокъ, и конка, подпрыгивая, колыхаясь и громыхая, покатила впередъ.

Вагонъ теперь былъ полнехонекъ. Только около Шалашикова было свободное мѣсто, но и его скоро заняла, вскочивъ на ходу, дама вся въ черномъ, одѣтая бѣдно и опрятно, еще молодая, съ лицомъ очень правильнымъ и красивымъ, но ужъ что-то слишкомъ строгимъ, точно она каждую минуту готова была дать отпоръ и отразить нападеніе. Большіе красивые черные, нѣсколько выпуклые, какъ вообще у близорукихъ, глаза ея горѣли рѣшимостью и недобримъ огонькомъ, сочныя, яркія, полныя губы были сурово сжаты.

Шалашиковъ невольно подвинулся, когда она сѣла около него, и съ любопытствомъ исподлобья поглядѣлъ на нее. Лицо ея показалось ему знакомымъ и заинтересовало его.

— Вотъ такъ бабець,—по-своему похвалилъ онъ про себя незнакомку.

Та между тѣмъ оглядѣла присутствующихъ и, какъ бы не найдя ничего достойнаго ея вниманія среди окружающей сѣренькой публики, упрямо устремила взоръ въ противоположную Шалашикову сторону и занялась созерцаніемъ мелькавшихъ мимо домовъ, едва видныхъ изъ-за развѣвающихся и надувшихся пузыремъ парусиныхъ занавѣсокъ.

Шалашиковъ, пользуясь тѣмъ, что сосѣдка не обращала на него ни малѣйшаго вниманія, точно его тутъ и не было, нагнулся нѣсколько впередъ и внимательно всматривался въ нее. Ему отлично было видно ея лицо сбоку, съ шелковистыми, волнистыми прядями черныхъ, какъ вороново крыло, волосъ, выбившихся изъ-подъ черной фетровой простенькой шляпки съ чернымъ газовымъ вуалемъ, длинныя рѣсницы, бросавшія тѣнь, и смуглая, чуть зарумянившаяся щека, презрительная складочка въ углу губъ и чуть замѣтная крошечная родинка на шеѣ подъ самымъ ухомъ.

— Это она,—рѣшилъ онъ про себя:—Марья Багрецова. Непремѣнно она. Мнѣ тогда показывалъ ее Опулентовъ и рассказывалъ мнѣ ея біографію. Куда же это она ѣдетъ? Ужъ не къ дѣдкѣ ли? Заговорить развѣ съ ней?

Но заговорить Шалашиковъ не рѣшился, онъ только безпокойно заерзалъ на своемъ мѣстѣ, потомъ вытащилъ изъ внутренняго кармана пальто старый истрепанный номеръ «Московского Листка» и съ головой ушелъ въ чтеніе помѣщеннаго въ фельетонѣ уголовного романа, гдѣ подъ измѣненными фамиліями выводились лица, извѣстныя всей Москвѣ, въ самой интимной обстановкѣ и съ самыми скандальными подробностями.

Время отъ времени широкая улыбка заливала лицо Шалашикова, выражавшее живѣйшее наслажденіе. Онъ зналъ всю подно-

готную Москвы и легко читалъ между строкъ. Два раза съ усть его слетѣло восхищенное восклицаніе:

— Ахъ, дуй его горой, вѣдь это онъ Савву отдѣлалъ. Ну, и паренъ! Крестной маменьки и той не пощадилъ.

Увлечшись чтеніемъ, онъ не замѣтилъ, какъ конка доползла до послѣдней станціи въ Петровскомъ-Разумовскомъ.

Шалашиковъ вышелъ и направился къ Выселкамъ, которые начинались сейчасъ за паркомъ, являя рѣзкій контрастъ между вычищенными и посыпанными пескомъ дорожками послѣдняго и разбитыми на луговинахъ клумбами, гдѣ сажали садовники сѣянцы, и своею единственной потонувшей въ грязи, кое-какъ замощенной улицей съ двумя рядами деревянныхъ домишекъ съ мезонинами и безъ мезониновъ съ обязательнымъ жидкимъ и узкимъ палисадничкомъ по фасаду, съ наклеенными во множествѣ четвертушками бумаги, увѣдомляющими о томъ, что на лѣто сдается дача, съ кучами не растаявшаго снѣга въ углахъ и у заборовъ, съ тропинками, протоптанными отважными и самоотверженными туземными слѣдопытами, гдѣ прямо по грязи, а гдѣ по предусмотрительно набросаннымъ рѣдкимъ кирпичамъ, иногда смѣнявшимся на короткое разстояніе скользкими и гибельными мостками въ двѣ узенькихъ трепещущихъ доски.

Шалашиковъ не замѣчалъ и этого неудобства и шелъ рѣшительно и смѣло отчасти по привычкѣ, а отчасти благодаря полному равнодушію къ судьбѣ своихъ сапогъ, способныхъ противостоять какимъ угодно превратностямъ.

Сзади, слѣдомъ за нимъ, робко и ища, куда поставить ногу, шла дама въ черномъ.

Заслышавъ ея шаги, Шалашиковъ обернулся, остановился и пропустилъ ее впередъ.

Дама сдѣлала нѣсколько шаговъ и тоже остановилась, какъ бы въ раздумьѣ.

— Скажите, пожалуйста,—обратилась она къ Шалашикову:—вы, кажется, здѣшній, гдѣ тутъ дача Стрекалова?

— Стрекаловыхъ?—переспросилъ Шалашиковъ:—это вотъ тутъ сейчасъ будетъ направо, въ переулкѣ. А я—не здѣшній.

— Извините, пожалуйста, вы такъ храбро шли, что я подумала... проговорила дама и смущенно умолкла.

— А вамъ тамъ кого нужно?—полюбопытствовалъ Шалашиковъ, осмѣлѣвъ и обрадовавшись, что разговоръ завязался.

— Орлова, учителя.

— И я къ нему. Позвольте представиться. Федоръ Савельевъ Шалашиковъ, кружковецъ Орловскаго толка.

— Багрецова,—коротко назвала себя дама.

— Марья Николаевна?

— А вы почему знаете?

— Ну, вотъ. Мнѣ про васъ Опулентовъ рассказывалъ.

Дама смутилась еще больше, а глаза ея приняли сердитое выраженіе.

— Идите, однако, впередъ,—сказала она:—я пойду за вами.

Шалашиковъ повиновался.

Они прошли нѣсколько домовъ и повернули въ узкій, мрачный переулокъ, сплошь покрытый мокрымъ, желтымъ разсыропившимся снѣгомъ.

По обѣ стороны шли безконечные досчатые заборы.

Въ одномъ изъ нихъ оказалась калитка.

Шалашиковъ толкнулъ ее, кивнулъ своей спутницѣ, и они очутились въ огороженномъ пространствѣ съ виднѣвшимися изъ-за сугробовъ тамъ и сямъ низкорослыми кустами, не то на огородѣ, не то просто на пустырьѣ. Узкая тропка, какъ змѣйка, вилась по осѣвшему снѣгу, надъ которымъ стояла вода, и вела къ стоявшему въ глубинѣ некрашеному, одноэтажному посѣрѣвшему отъ времени большому старому дому съ зелеными ставнями. Двѣ развѣсистыя дуплистыя липы росли по обѣ стороны похилившагося съ полуразрушенными, безъ перилъ, ступенями крылечка.

Шалашиковъ поднялся къ верху и дернулъ за деревянную ручку ржавый звонокъ у обитой зеленой рваной клеенкой съ войлокомъ, ключьями вылѣзавшимъ наружу, двери.

Долго не отворяли, чтѣ, повидимому, нисколько не удивило Шалашикова, который терпѣливо ждалъ.

Наконецъ послышались снѣжные, скрипучіе шаги, дверь чуть-чуть пріотворили, въ узкую щель выглянуло молодое, свѣжее лицо съ бѣлокурыми усами и бородкой, и пріятный, грудной, глубокій голосъ проговорилъ:

— Пароль.

— Атрія турба тененьтъ, — послѣшилъ отвѣтить Шалашиковъ, безцеремонно руссифицируя трудно давшуюся ему латинскую фразу, которую на этотъ разъ кружковцы выдумали взять паролемъ.

Дверь тотчасъ же распахнулась.

— Здравствуйте, Юневичъ,—пожимая руку бѣлокурому юношѣ, сказалъ Шалашиковъ.

— Здравствуйте, Шалашиковъ,—отвѣтилъ тотъ, торопясь запереть дверь, въ которую проскользнула и Багрецова.

— Марья Николаевна!—почти съ молитвеннымъ восхищеніемъ проговорилъ Юневичъ, разглядывая спутницу Шалашикова: — а вѣдь я и у васъ хотѣлъ спросить пароль.

— А я его какъ разъ и не знала,—улыбнулась ему Багрецова, обласкавъ его взглядомъ своихъ прекрасныхъ глазъ, которые на мгновеніе утратили привычное имъ суровое выраженіе: — я вѣдь случайно, и не знала, что сегодня собраніе. Пожалуй, вы не пустили бы меня.

— Васъ? Да что же я дуракъ, что ли? — воскликнулъ Юневичъ. — Васъ я всюду бы пустилъ, Марья Николаевна, ей-Богу.

— Даже въ рай, будь у васъ отъ него ключи?—пошутила Багрецова.

— Всенепремѣнно. Впрочемъ, въ рай вы и безъ меня попадете въ качествѣ святой и великомученицы.

— Однако, пойдѣте, господа,—сказалъ Шалашиковъ, которому вдругъ стали непріятны Юневичъ и Багрецова,—будетъ вамъ миндальничать-то. Много собралось?—прибавилъ онъ, обращаясь къ Юневичу.

— Порядочно. Еще придутъ.

Они прошли темныя длинныя сѣни, въ концѣ которыхъ была дверь, и вступили въ обширную переднюю, окномъ глядѣвшую въ густой садъ.

Юневичъ помогъ раздѣться Багрецовой, Шалашиковъ самъ сбросилъ съ себя пальто и, задернувъ въ рукавъ его фуражку, повѣсилъ его на обернутый бумагой костыль, на которомъ уже было много навѣшано. Такихъ костылей было набито въ стѣнахъ нѣсколько, и всѣ они были заняты.

Въ залѣ толпился народъ, преимущественно молодые люди, женщинъ было мало, и онѣ были едва замѣтны. Комната была большая въ пять оконъ и казалась особенно обширной и голой, благодаря отсутствію мебели, если не считать дюжины вѣнскихъ разномастныхъ стульевъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ и очевидно недостаточныхъ для собравшейся компаніи. Впрочемъ послѣдняя, кажется, предпочитала подоконники, которые и были всѣ заняты. Говорили вполголоса, разбившись на кучки, храня въ лицѣ озабоченное и значительное выраженіе, какъ бы въ ожиданіи должествующаго совершиться событія.

Появленіе Багрецовой и Шалашикова произвело нѣкоторую сенсацію. Первую знали только немногіе, но привѣтствовали ее такъ горячо и съ такимъ энтузіазмомъ, что и незнавшіе ея съ любопытствомъ спрашивали:

— Кто это такая? Чѣмъ замѣчательна?

Въ кружкѣ принято было про незнакомаго челоуѣка освѣдомляться, чѣмъ онъ замѣчателенъ.

То, что отвѣчали любопытствующимъ насчетъ Багрецовой, должно быть, болѣе или менѣе оправдывало отношеніе къ ней, и всѣ оглядывали ее съ нѣкоторымъ почтительнымъ удивленіемъ.

Шалашиковъ былъ почти со всѣми знакомъ, а съ кѣмъ не былъ знакомъ, съ тѣмъ очень просто и скоро знакомился. Онъ подходилъ, исподлобья вскидывалъ взглядъ на новое лицо, крѣпко жаль руку и говорилъ своимъ сдавленнымъ басомъ:

— Федоръ Савельевъ Шалашиковъ.

Послѣ этого онъ считалъ себя въ правѣ быть съ новымъ знакомцемъ на ты, и при случаѣ, въ видѣ ласки, а отнюдь не брани, обозвать его подледомъ и свиньей.

Эти и тому подобныя выраженія были въ большомъ ходу въ кружкѣ и сопровождались обыкновенно довольно неожиданными эпитетами. Говорили, напримѣръ:

— Что за прелесть эта свинья, Юневичъ!

Душа кружка и хозяинъ квартиры, куда мы только что ввели читателя, Иванъ Евлампіевичъ Орловъ, имѣлъ обыкновеніе такъ обращаться къ окружавшей его молодежи, которую любилъ до страсти:

— Ахъ, вы, мои милые подлецы. Душевные вы мои негодяи. Распротоканальи вы мои сердечные.

Поэтому фамильярность Шалашикова никого не оскорбляла и не корбила, тѣмъ болѣе, что онъ пользовался репутаціей рубашки-парня, души-человѣка.

Такія аттестаціи тоже были въ ходу въ кружкѣ.

Про Орлова, напримѣръ, настоятеля и руководителя кружка, когда хотѣли дать о немъ понятіе постороннему человѣку, выражались такъ:

— Такой, братецъ, человѣкъ, что отдай все, да и мало. Ахъ, человѣкъ, да и только! Весь свѣтъ исходи, такого не найти.

Вообще въ кружкѣ царилъ истинный московскій духъ.

Несмотря на весь свой либерализмъ, кружокъ думалъ, чувствовалъ, рассуждалъ по-московски. Въ кружкѣ любили загнуть вѣрное московское слово, ввернуть мѣткое московское присловье, щеголяли частой и бойкой, пересыпанной поговорками, московской рѣчью, и твердо были убѣждены, что существуетъ множество вещей на свѣтѣ, которыя доведены до идеала и до высшаго совершенства только въ Москвѣ. Московская вода — самая вкусная и полезная вода на свѣтѣ, московскій квасъ — первый квасъ въ мірѣ, московскій блинъ — всѣмъ блинамъ блинъ, калачъ только въ Москвѣ и хорошъ, первая телятина — московская, лучшій поросенокъ — московскій, лучшій кумачъ, китайка и ситцы — тоже московскіе. Про бани, соборы, протодіаконовъ, чудовскихъ и синодальныхъ пѣвчихъ, колокола, просфоры, трактиры и цыганъ и говорить нечего. Эти признаны, такъ сказать, официально, всенародно и безповоротно. Ихъ высокопробность нѣчто въ родѣ аксіомы, не нуждается въ сугубой защитѣ и смѣло можетъ пренебречь всѣми злоковенными нареканіями. Да мало ли предметовъ, которые лучше всего въ Москвѣ, и безъ которыхъ съ точки зрѣнія настоящаго закоснѣлаго москвича и жить-то на свѣтѣ не стоитъ?

Глубоко вѣрили въ кружкѣ въ такія истины, что нѣтъ выше на свѣтѣ колокольни Ивана Великаго, что нѣтъ и невозможно отличить пушки больше царь-пушки, что самый умный студентъ — московскій студентъ, а московскій купецъ — самый толстый, самый богатый и самый тороватый, что не было и не будетъ доктора проворливѣе Захарына, адвоката — ловчѣе Плевако, булочника —

искуснѣ Филиппова, городского головы—дѣльнѣ Алексѣева и губернатора—добрѣ и доступнѣ князьки Владимира Андреевича.

Не надо забывать, что кружокъ представлялъ сборище самое разношерстное. Были тутъ и студенты, и петровцы, и техники, и курсистки, но были и не кончившіе гимназисты, и ученики желѣзнодорожныхъ и ремесленныхъ училищъ, и портновскіе и сапожные подмастерья, и наборщики, и фабричные, и портнихи, и швейки, да кого тутъ еще не было?

Всѣхъ ихъ связывали глубокое, болѣзненное недовольство настоящимъ, и самая модная, самая радужная упованія на будущее, которое, по ихъ скромному разумѣнію, вполнѣ зависѣло отъ ихъ дружныхъ усилій. И удивительное дѣло. Этотъ муравейникъ маленькихъ, съ бору да съ сосенки набравшихся людей, таившій въ себѣ всѣ элементы сопротивленія преобладающимъ властямъ, потрясенія основъ и колебанія устоевъ, на самомъ дѣлѣ былъ крайне консервативенъ, преисполненъ самаго дикаго патріотизма и безсознательно, не отдавая себѣ отчета, молясь и кадя новымъ богамъ, продолжалъ приносить тяжелыя жертвы старому божеству, толкуя о прогрессѣ, гнулъ на старинку и на всякое новшество смотрѣлъ съ инстинктивнымъ недовѣріемъ, пугливо пятясь ото всего, что не свое, не «нашенское».

А какія свѣдѣнія передавались и принимались въ кружкѣ за чистую монету? На свѣжаго человѣка они дѣйствовали ошеломляющимъ образомъ. Было доподлинно извѣстно, что на Берсеневской набережной, противъ шоколадной фабрики Эйнема слѣдуетъ отсчитывать девятую плиту. Подъ этой плитой находится спудъ со вдѣланнымъ наверху желѣзнымъ кольцомъ. Подъ спудомъ сто пятьдесятъ каменныхъ ступеней ведутъ въ подземный ходъ, въ глубинѣ котораго желѣзная, запертая висячимъ замкомъ дверь. За нею помѣщается обширное книгохранилище, и тамъ же архивъ старинныхъ уголовныхъ дѣлъ и подлинныхъ писемъ разныхъ лицъ, а почитать ихъ—такъ волосы дыбомъ встанутъ. Не было также никакого сомнѣнія, что главы Благовѣщенскаго собора въ Кремлѣ покрыты настоящимъ листовымъ золотомъ, какового золота пошло пятьдесятъ слишкомъ пудовъ, и вотъ почему главы этого храма никогда почернѣть не могутъ. А вотъ на храмѣ Христа Спасителя, хоть и приказано было сдѣлать такъ же, листовое золото своровали, и купола покрыли сусальнымъ, а оно послѣ первой же грозы почернѣло, и пришлось вновь золотить, и все-таки это дѣло пропащее, и позолота непрочная, и отъ того убытокъ казнѣ вѣковѣчный. А въ Запасномъ, что у Красныхъ воротъ, дворцѣ на заднемъ дворѣ кирпичная палатка стоитъ, которая отъ времени ужъ давно осыпается и, того гляди, совсѣмъ рухнетъ, а ни ломать, ни чинить ее не приказано, потому что подъ нею склепъ, а въ склепѣ икона чудотворная Коронаванія Пресвятыя

Богородицы, а на склепъ святыми угодниками заклѣтѣ положено, чтобы его не открывать, пока самъ не откроется, и чудотворная икона сама народу не явится, а буде откроютъ раньше, и икону, противъ воли ея, изъ мѣста хороненія ея изнесутъ, Господь прогнѣвается, и подобно двѣнадцатому году попуститъ на Русь православную дванадесѣть языкъ.

А что это правда, за доказательствомъ не далеко ходить. Деревянныхъ отецъ самъ въ Запасномъ дворцѣ всю жизнь служилъ, пока за пьянство не выгнали, и не разъ подъ пьяную руку рассказывалъ про тотъ склепъ, а трезвый и говорить бы не сталъ, какъ воды въ ротъ набралъ, потому что болтать объ этомъ, кому не надо, тоже не велѣно.

Разумѣется, въ кружкѣ было множество людей, всѣ подобныя нелѣпости съ презрѣнїемъ игнорировавшихъ, но зато много, а, пожалуй, еще и больше, было такихъ, которые готовы были вѣрить во что угодно и даже, чѣмъ нелѣпѣе, тѣмъ сильнѣе.

И, однако, между всѣми членами кружка была извѣстнаго рода солидарность. Всѣхъ ихъ, и образованныхъ и необразованныхъ, и темныхъ и просвѣщенныхъ, и умныхъ и глупыхъ, сближалъ и примирялъ дѣдка, какъ звали всѣ старика Орлова. Всѣхъ ихъ объединяла искренняя и беззавѣтная любовь къ нему. А онъ платилъ имъ тѣмъ же, и каждого своего кружковца считалъ своимъ роднымъ дѣтищемъ, не разбирая ни пола, ни званія, ни состоянія, ни степени развитія и просвѣщенія, одинаково умѣя найти дорогу къ сердцу каждого, собирая и пригрѣвая подъ любвеобильными крыльями своими всѣхъ выброшенныхъ изъ родного гнѣзда, забитыхъ житейской непогодой, больныхъ, продрогшихъ, голодныхъ и жалкихъ птенцовъ, одинаково для всѣхъ являясь источникомъ тепла и свѣта.

III.

По происхожденію Орловъ былъ дворянинъ, воспитаніе получилъ въ одномъ изъ корпусовъ, потомъ, какъ водится, перешелъ въ юнкерское училище, откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ N-скій пѣхотный полкъ.

Родители оставили ему небольшое состояніе и имѣнїице. Последнее онъ отдалъ за сестрой въ приданое, выдавая ее замужъ.

Въ полку его любили. Онъ слылъ за хорошаго товарища и за челоуѣка со странностями.

За хорошаго товарища потому, что никогда не отказывалъ дать взаймы и вообще не умѣлъ отказывать въ просьбахъ, а за челоуѣка со странностями потому, что интересовался такими вещами, о которыхъ офицерство и не помышляло, и, напротивъ, не интересовался совсѣмъ многимъ, что съ офицерской точки зрѣнія представлялось дѣломъ первостепенной важности.

Онъ былъ бережливъ, почти не пилъ, курилъ мало и, повидимому, и къ прелестямъ женскаго пола былъ равнодушенъ. Последнее обстоятельство, однако, не помѣшало ему, достигнувъ чина капитана, внезапно и страстно влюбиться въ гувернантку-нѣмку, жившую въ домѣ полковаго командира, и, не раздумывая долго, жениться. Три года молодые прожили очень дружно, хотя уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы офицеры стали подсмѣиваться надъ слѣпотой Орлова, и ни для кого не было тайной, что супруга его обманываетъ и не брезгаетъ заводить романы со всѣми желающими.

Одинъ Орловъ не зналъ и не замѣчалъ ничего. Онъ обожалъ свою нарядную, пустенькую и миловидную подругу и быстро спустилъ все оставленное ему родителемъ, не рѣшаясь ее стѣснять въ чемъ бы то ни было и счастливый тѣмъ, что можетъ баловать ее.

Дѣтей у нихъ не было, и Орлову казалось естественнымъ, что жена его не любитъ сидѣть дома и постоянно въ гостяхъ.

Однако съ теченіемъ времени Орловъ сталъ замѣчать слишкомъ развязное отношеніе товарищей къ его женѣ, сталъ понимать прозрачные намеки полковыхъ дамъ, искренно жалѣвшихъ его, и потому, во что бы то ни стало, желавшихъ раскрыть ему глаза, и наконецъ долженъ былъ сознаться себѣ, что жена его ведетъ себя неприлично. Тѣмъ не менѣе онъ склоненъ былъ оправдывать ее легкомысліемъ, молодостью, страстью къ удовольствіямъ и распушенностью окружающихъ ее мужчинъ.

Но въ одинъ прекрасный вечеръ, вернувшись изъ караула домой, Орловъ засталъ у себя въ казематѣ сцену, слишкомъ очевидную даже и для него, ослѣпленнаго любовью и не способнаго подозревать дурное. Когда же онъ разглядѣлъ того, кто дѣлилъ съ его женой одиночество, сердце у него похолодѣло и въ глазахъ потемнѣло. Это былъ рядовой, полковой писарь, купеческій сыночекъ изъ богатенькихъ, отбывавшій въ этой должности не въ примѣръ прочимъ и съ грѣхомъ пополамъ воинскую повинность, тяжелый, глупый, розовый, фатоватый малый. При входѣ Орлова онъ такъ и застылъ, сидя на диванѣ, обнимая за талию его жену, и, потерявъ голову отъ страха, еще крѣпче прижалъ ее къ себѣ, не пуская ея, несмотря на всѣ ея усилія вырваться.

На горе Орлова при немъ былъ заряженный револьверъ. Онъ вынулъ его изъ кобура, три раза, не помня себя, выстрѣлилъ почти въ упоръ въ сидѣвшаго на диванѣ человекѣ и убилъ его наповаль.

Его судили, однако, не очень строго, и приговорили къ двухмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и къ шести мѣсяцамъ церковнаго покаянія въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Орловъ велъ себя въ монастырѣ безукоризненно. Подъ конецъ монахи даже стали его уважать и забывать, что онъ преступникъ.

Когда же пришелъ срокъ оставить монастырь, Орловъ сталъ просить не изгонять его изъ обители и позволить остаться въ послушникахъ. Цѣлый годъ жилъ онъ еще въ монастырѣ смиреннымъ инокомъ, всегда послушнымъ и исполнительнымъ. Какъ человѣка образованнаго и развитога, его хотѣли поставить къ какому нибудь дѣлу полегче и почище, но онъ самъ просилъ игумена о строгомъ и тяжеломъ послушаніи и охотно носилъ воду, рубилъ дрова и чистилъ дорожки въ архимандритовомъ саду. Но по истеченіи года Орловъ явился къ игумену, прося благословить его итти жить въ міру.

— Что же это ты, чадо?—сказалъ игумень, добрый, сѣденькій старичокъ:—вѣдь тебѣ у насъ было, кажись, хорошо, и мы тебя полюбили. Почто хочещи вернуться къ мірской суетѣ и соблазнамъ?

— Не жилецъ я въ монастырѣ, отче,—отвѣтилъ Орловъ.— Долго думалъ и себя искушалъ, надо итти къ людямъ, съ ними жить. Лжи много.

— Въ мірѣ лжи много,—подсказалъ игумень.

— Въ монастырѣ лжи много, отче,—твердо возразилъ Орловъ.

— Какъ же такъ?—недоумѣло спросилъ игумень:—развѣ забылъ ты: «міръ во лжи лежитъ»? Ложь въ міру нагло и неприкровенно ходитъ.

— Вѣрно, отче, нагло и неприкровенно, и потому можно съ нею бороться и, вѣрую, побѣждать ее. Въ обители же она прикровенно, яко тать въ нощи, умышляетъ и творитъ и не только непреоборима, но и не уловима.

Игумень вздохнулъ и благословилъ его.

И когда уже Орловъ, поклонившись старцу до земли, выходилъ изъ кельи его, тотъ окликнулъ его:

— Вернись-ка, чадо. А есть ли у тебя деньги? Безъ денегъ, хотя бы на первое время, въ міру невозможно.

— Есть, отче. Отъ прошлаго мѣсяца кружечныхъ пять рублей съ мелочью осталось.

— Это мало,—сказалъ игумень.— Погоди.

И, вынувъ изъ стараго орѣховаго бюро слоновой кости старинный ящичекъ, досталъ оттуда двадцатипятирублевую бумажку и подалъ Орлову.

— На, возьми, это не даромъ, а за службу твою усердную мнѣ хочу вознаградить тебя. Господъ надъ тобой. Прости.

Орловъ принялъ деньги и снова поклонился игумену, коснувшись рукой земли.

Выйдя изъ монастыря, онъ пошелъ, куда глаза глядятъ. Ни родныхъ, ни знакомыхъ у него въ Москвѣ не было. Бродилъ-бродилъ онъ по городу и первую ночь провелъ въ ночлежномъ. Тамъ онъ очень крѣпко и хорошо высался, утромъ въ компаніи на-

пился чаю и приобрѣлъ за чаепитіемъ множество весьма полезныхъ практическихъ свѣдѣній. Заключивъ по платью и изъ словъ Орлова, что онъ — монахъ (Орловъ такъ и ушелъ изъ монастыря въ подрясникѣ съ широкимъ кожанымъ поясомъ и въ скуфейкѣ, — другой одежды у него не было), окружающіе прониклись къ нему нѣкоторымъ почтеніемъ и, понимая, что онъ человѣкъ — не отъ міра сего, надавали ему тутъ же разныхъ совѣтовъ и наставленій, какъ получше и повыгоднѣе устроиться. Особенно настаивали на томъ, чтобы онъ шелъ въ «странники», которыхъ богатые купцы очень хорошо принимаютъ, или въ «собиратели на храмъ».

Но не это было нужно Орлову. Ему хотѣлось только узнать, гдѣ бы можно было пріютиться подешевле и по возможности отдѣльно, чтобы не жить въ углахъ со всякимъ сбродомъ.

Двое ночлежниковъ тотчасъ же указали ему Выселки, и такъ какъ новый знакомецъ имъ очень понравился, а дѣлать имъ было рѣшительно нечего, то даже вызвались проводить его туда и помочь пріискать помѣщеніе.

Вечеромъ Орловъ опять пилъ съ ними чай, но уже на Выселкахъ въ квартирѣ своей, представлявшей узкую, отгороженную отъ просторной кухни досчатой, не доходившей до потолка и на удивленіе тонкой перегородкой, каморку, очень свѣтлую, съ окномъ, выходящимъ на сарай и помойную яму, и составлявшую только ничтожную часть большой, выстроенной изъ палубника и барочнаго лѣса холодной дачи, которую хозяйка, вдова съ четырьмя ребятишками, сдавала по лѣтамъ внаймы, а зимой заколачивала, помѣщаясь въ кухнѣ очень теплой и сложенной изъ толстыхъ бревень. Лѣтомъ же она не пользовалась и кухней и переселялась съ ребятишками въ сарай, гдѣ и спала съ ними на соломѣ рядомъ съ своими двумя коровами и курами. Каморку эту она очень охотно сдала Орлову, который тутъ же отдалъ ей полтора рубля впередъ за мѣсяцъ съ правомъ пользоваться два раза въ сутки самоваромъ, а буде явится надобность и печкой, чѣмъ очень расположилъ ее къ себѣ и показался ей человѣкомъ обстоятельнымъ, къ удивленію своему, не вызвавъ въ ней никакихъ щепетильныхъ соображеній по поводу хотя бы того обстоятельства, что ей придется съ ребятишками жить съ неизвѣстнымъ человѣкомъ почти въ одной комнатѣ.

Итакъ, вечеромъ Орловъ пилъ чай на новосельѣ въ обществѣ своихъ новыхъ знакомыхъ и хозяйки. Съ этого дня онъ уже не порывалъ сношеній съ ночлежкой, а также сдѣлался постояннымъ и неизмѣннымъ обитателемъ Выселокъ. Двадцать пять рублей — не великія деньги. Но Орлову онѣ казались цѣлымъ капиталомъ. Его потребности были болѣе, чѣмъ умѣренны. Онъ, женившись, бросилъ пить и курить и сталъ во всемъ урѣзывать себя чтобы ни въ чемъ не стѣснять жену, въ тюрьмѣ и монастырѣ онъ привыкъ къ

лишеніямъ и теперь, очутившись въ міру, продолжалъ жить монахомъ, позволяя себѣ только необходимое и питаясь болѣе, чѣмъ умѣренно. Отъ мяса онъ въ монастырѣ отвыкъ, и оно было противно ему. Теперь же онъ рѣшилъ не ѣсть и рыбы.

Мысль объ убійствѣ ужасала его, и все существо его, потрясенное главнымъ и страшнымъ событіемъ его жизни, возставало противъ всего, что посягало на какую бы то ни было живую тварь. Отнынѣ онъ ни прямо, ни косвенно не будетъ убійцей, — рѣшилъ онъ. Въ самой натурѣ его заложены были черты строгаго воздержанія и аскетизма, и при другихъ условіяхъ, въ иную эпоху изъ него, кто знаетъ, можетъ быть, вышелъ бы великій подвижникъ, постникъ или столпникъ.

Тѣмъ не менѣе надо было заботиться о заработкѣ. Орловъ сознавалъ это и задумывался. Но долго думать ему не пришлось. Заработокъ самъ нашель его. Началось съ того, что Орловъ обратилъ вниманіе на ребятишекъ Митревны, такъ звалъ весь околотокъ его хозяйку.

Младшему было только четыре года, но зато старшей дѣвчкѣ Нюшѣ минуло уже десять лѣтъ, а двумъ братишкамъ за нею шелъ одному девятый, а другому седьмой годъ. Дѣти были совершенно предоставлены самимъ себѣ и дѣлали, что хотѣли. Орловъ сначала отъ нечего дѣлать и шутя, а потомъ и всерьезъ принялся за ихъ воспитаніе. Старшихъ онъ сталъ учить читать и писать, младшихъ мылъ, чесалъ, одѣвалъ, стараясь привести въ болѣе приличный видъ ихъ лохмотья. Нерѣдко можно было видѣть его подъ окномъ съ иглой въ большихъ неуклюжихъ пальцахъ, пришивающихъ пуговицу или заплату къ дѣтскимъ штанишкамъ или юбочкѣ. Старшую дѣвочку Нюшу это трогало, и она въ такихъ случаяхъ подходила къ нему и робко говорила:

— Дяденька, давайте, ужъ лучше я.

Орловъ передавалъ ей иглу, и дѣвочка садилась за работу, а онъ звалъ когонибудь изъ мальчугановъ, усаживалъ его за столъ и принимался за урокъ чистописанія, вода неумѣлой дѣтской рученкой, старавшейся изображать палочки и нолики. Такъ какъ Орловъ ничего не умѣлъ дѣлать вполнину, то результаты получились чрезвычайные. Дѣти совершенно преобразились. Особенно неузнаваема стала Нюша. Она уже не носилась по двору растрепанная, босоногая и оборванная, верхомъ на хворостинѣ, хлестко переругиваясь черезъ заборъ съ сосѣдними мальчишками, а держала себя съ достоинствомъ и чинно, въ домѣ мела и убирала, присматривала за дѣтьми, чинила на нихъ и на себя или училась, а на досугъ усаживалась за подаренную ей Орловымъ книжку съ картинками и читала. Движенія ея стали степеннѣе и скромнѣе, а личико приняло серьезное и вдумчивое выраженіе.

Митревна, видя это, преисполнялась чувствомъ благодарности и не могла нахвалиться своимъ жильцомъ. Скоро всѣмъ Выселкамъ стало извѣстно, что поселившійся у Митревы «учитель»,— Орлова всѣ стали звать учителемъ точно по обоюдному соглашенію,—человѣкъ знающій, хорошій и непьющій, до ребятъ добрый и учить хорошо: Митревыны ребята, давно ли онъ тутъ, ужъ грамотѣ обучились,—не иначе, какъ самъ Господь послалъ его на Выселки.

Послѣдніе населены были почти исключительно бѣднотой, у бѣдноты же вѣлѣніемъ судьбы мало денегъ и даже мало хлѣба, но дѣтей обыкновенно много. Многострадальныя выи выселковскихъ родителей были тоже обременены безчисленнымъ потомствомъ. Повсюду во всѣхъ углахъ, закоулкахъ пицала, кричала и копошилась дѣтвора. Зимой она была менѣ замѣтна и, прячась отъ холода, ютилась въ нѣдрахъ холодныхъ, полусгнившихъ домишекъ и жалкихъ дымныхъ лачугъ и пристроекъ, но едва земля освобождалась отъ снѣга, и становилось теплѣе, во всѣхъ дворахъ, палисадникахъ и огородахъ рѣзво и шумно сновали и щебетали непосѣдливыя, неугомонныя, крикливыя птицы-дѣти, и изъ всѣхъ щелей навстрѣчу свѣту глядѣли милыя дѣтскія рожицы, замаранчныя и часто заплаканныя, но все-таки безпечныя, жизнерадостныя и улыбающіяся съ ясными невинными глазками, хранившими отблескъ свѣтоварныхъ лучей того небеснаго отечества, откуда на утѣшеніе людямъ и на искупленіе ихъ грѣховъ посланы они въ печальную и смрадную земную юдоль, гдѣ не понимаютъ всей великости назначенія ихъ и вмѣсто того, чтобы встрѣтить и принять ихъ, какъ дорогихъ гостей-посланцевъ самого Бога, видятъ въ нихъ лишнее бремя, источникъ хлопотъ и расходовъ и тяжкую обузу.

Да, дѣтвора на Выселкахъ было много, и росла она заброшенная, безпризорная, какъ росла тутъ по всѣмъ канавамъ и подъ заборами трава и крапива, тамъ и сямъ то прибитая къ землѣ дождемъ и непогодой, то вытопанная безжалостными пѣшеходами, то выщипанная мимо идущей скотиной, и, несмотря на всѣ невзгоды, готовая при первомъ ласковомъ лучѣ солнца отъ нѣсколькихъ капель благодатнаго тепла дождя подняться и зазеленѣть снова.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы выселковскіе родители относились совершенно безучастно къ своимъ дѣтямъ. И ихъ родительское сердце скорбѣло, болѣло и томилось смутной тревогой за ихъ будущее. По мѣрѣ того, какъ дѣти подростали, росла и эта тревога. Хотѣлось бы дѣтишекъ избавить отъ той тяжелой, каторжной жизни, которая выпала на долю старшихъ, вывести ихъ въ люди, поучить бы. А какъ поучить? На Выселкахъ не было ни училища, ни школы, ни иного подобнаго заведенія, казеннаго или частнаго, учителей тоже, что называется, и въ заводѣ не было. Правда, по лѣтамъ,

когда окрестъ наѣзжали господа на дачи, на Выселкахъ можно было видѣть студентовъ-репетиторовъ и барышень-учительницъ съ изящными портъ-нотами въ рукѣ съ надписью серебромъ или золотомъ «Musique» или безъ нихъ, но и эти барышни и эти студенты, были ли послѣдніе демократами въ кумачныхъ и каламянковыхъ рубашкахъ-косовороткахъ, или аристократами въ кителяхъ изъ чортовой кожи на офицерскую стать, несли медовыя капли просвѣщенія въ благоустроенныя семьи дачниковъ подъ сѣнь чахлыхъ акацій, пыльных сиреней и парусиновыхъ съ красными фестонами балконныхъ маркизъ и драпировокъ, преобразавшихъ стоявшія тутъ зимой лагуги и холодныя сараи и курятники въ приличныя и миленькія дачи и дачки на лонѣ природы, и оставались совершенно равнодушными къ истиннымъ хозяевамъ и обитателямъ Выселковъ, даже врядъ ли подозрѣвали о ихъ существованіи.

И выселковцы отлично понимали это и только вздыхали, глядя на этихъ учителей и учительницъ, которые и были, да не про нихъ.

И вдругъ на Выселкахъ появился свой учитель, и не какойнибудь, а настоящій, «всамдѣлишный» ученый господинъ, и что въ глазахъ выселковцевъ было прямо неощенно, на рѣдкость безкорыстный и доступный, къ которому, не то, что къ другому, бѣдный человѣкъ иди себѣ безъ всякой опаски и о своихъ дѣлахъ говори, онъ тебя и приметъ, и выслушаетъ, и добрый совѣтъ дастъ, а мальчонку или дѣвчонку смѣло веди къ нему грамотѣ учиться, и учить хорошо и беретъ дешево. Кое-кто изъ выселковцевъ сначала относился ко всѣмъ подобнымъ слухамъ недовѣрчиво, но постепенно популярность Орлова росла, плодила ему кліентовъ и наконецъ установилась незыблемо и бесспорно. Ему суждено было явиться удовлетвореніемъ самой насущной, самой жгучей потребности бѣднаго, темнаго, обездоленнаго и забитаго люда на Выселкахъ. Именно въ такомъ человѣкѣ выселковцы нуждались, о такомъ мечтали, или вѣрнѣе такого смутно жаждали ихъ скорбныя, тупо и туго соображавшія головы ихъ, задавленныя безысходной нуждой и вѣчнымъ,—до того вѣчнымъ, что оно обратилось въ привычное и какъ бы естественное,—страданіемъ сердца.

И къ Орлову шли со всѣмъ. Всякій несъ то, что было у него на душѣ. Онъ сталъ воистину учителемъ и наставникомъ. Тѣсная каморка его не могла вмѣщать всѣхъ, приходившихъ къ нему, и поневолѣ пришлось кухню Митревны обратить въ приемную. Она не препятствовала, исполненная безграничной преданности къ «барину», какихъ ей не только видывать, а о какихъ и слышивать не приходилось во всю ея многотрудную жизнь, видя въ пребываніи его въ ея домѣ въ нѣкоторомъ родѣ благословеніе Божіе.

Рябятишекъ же навели ему столько, что все утро его вилотъ до часу уходило на занятія съ ними.

Теперь онъ и въ матеріальномъ смыслѣ былъ обезпеченъ. Получалъ онъ мало, и бесплатныхъ учениковъ у него была добрая половина, но зато и нужно ему было немного, а все нужное и необходимое у него было. Правда, ему приходилось имѣть дѣло исключительно съ бѣднотой, но и у бѣдноты есть совѣсть, и подчасъ еще какая щепетильная и деликатная совѣсть. Не было на Выселкахъ такого отца или матери, которые, отдавъ свое дѣтище учиться Орлову, не ломали бы себѣ головы, какъ бы и чѣмъ отблагодарить его.

Прачка, живущая по сосѣдству, заходила рано утромъ къ Митревнѣ и уносила къ себѣ бѣлье учителя, сапожникъ, нанимавшій хибарку на дворѣ, подкидывалъ безвозмездно подметки къ учительнымъ сапогамъ, набирался у бабы лишній пятокъ яицъ, оставалась крынка молока или бутылка сливокъ,—она несла ихъ Орлову; пекли пирогъ у «фабриканта», по мѣстному выраженію Фролыча, имѣвшаго на Выселкахъ свой домъ съ огородомъ и занимавшагося изготовленіемъ половинокъ и дорожекъ въ сотрудничествѣ съ двумя сыновьями-подростками,—конецъ его хозяйка обязательно препровождала учителю, съ наказомъ старшей дѣвчонкѣ своей, которой обыкновенно поручалось это довольно щекотливое порученіе, кланяться, благодарить и пожелать хорошаго аппетита.

На Орловѣ оправдывались слова Евангелія, «что «трудящійся достоинъ пропитанія».

И въ пропитаніи у него былъ даже излишекъ, такъ что ему приходилось дѣлиться съ Митревной и ея семьей. Но помимо пропитанія перепадали и деньжонки. И онѣ всегда были, хоть и небольшія.

По мѣрѣ того, какъ репутація Орлова росла и укрѣплялась, клиентура его расширялась, и къ нему начинала обращаться не только голытьба, но и аристократія Выселковъ.

Мелочникъ Прохоръ Никитичъ, мужчина солидный, полный, считавшійся чуть не первымъ богачемъ на Выселкахъ и притомъ человѣкомъ разсудительнымъ и съ царемъ въ головѣ,—безъ царя-то въ головѣ, небойсь, на грошъ пятаковъ не купишь, разсуждали выселковцы, — подумаль-подумаль, да и отдалъ своего сына учиться Орлову. Его примѣру послѣдовали зеленщикъ и булочникъ, тоже люди солидные и состоятельные.

У Орлова образовалась сама собою цѣлая школа, правда, не официальная. Но когда и мѣстный урядникъ, замѣчательный тѣмъ, что носилъ не по чину громкую фамилію и былъ человѣкъ не только склонный къ просвѣщенію, но и большой поклонникъ либерализма, сталъ присылать своихъ мальчика и дѣвочку учиться къ Орлову, то и недостатокъ официальности былъ въ некоторомъ образѣ восполненъ, такъ сказать, полицейской санкціей. Весь околотокъ зналъ, что Орловъ учитель, и что у него дѣти учатся, и

никто ему въ томъ не препятствовалъ. Впрочемъ полиція Выселковъ изъ высшихъ дипломатическихъ соображеній никогда не упоминала о школѣ Орлова и о томъ, что у него учатся дѣти, а просто говорила, что у него собираются ребяташки.

Дѣла между тѣмъ складывались такъ, что Орлову уже невозможно было довольствоваться даже и всѣмъ помѣщеніемъ Митревны. Къ тому же подошло лѣто, и послѣдняя уже переселилась въ коровникъ, въ ожиданіи нанимателя.

Орловъ сталъ прискивать себѣ квартиру. Лѣтомъ это представляло большія затрудненія, но выручилъ мелочникъ Прохоръ Никитичъ.

На Выселкахъ былъ домъ наслѣдниковъ генеральши Стрекаловой, недавно умершей. Стоялъ онъ въ закоулкѣ, на пустырь и начиналъ приходиться въ ветхость. Жильца со средствами онъ не прельщалъ, бѣдняку не годился, благодаря своимъ обширнымъ размѣрамъ, почему онъ и оставался уже который годъ необитаемымъ.

За послѣднее время наслѣдники перестали держать даже дворника, находя это для себя обременительнымъ, и все хотѣли продать домъ, но онъ не продавался. Его-то Прохоръ Никитичъ и намѣтилъ для Орлова. Онъ давно былъ знакомъ съ дворней Стрекаловой, а черезъ нее и съ прислугой наслѣдниковъ, и не сомнѣвался, что это легко уладить. И онъ не ошибся. Наслѣдники напши для себя безвыгоднымъ разрѣшить поселиться въ пустомъ домѣ человѣку, хотя и бѣдному, но вполне порядочному и по отзыву Прохора Никитича «честности, можно прямо таки сказать, несообразной», притомъ же и образованному, съ тѣмъ, чтобы онъ наблюдалъ за порядкомъ и былъ бы въ нѣкоторомъ родѣ управляющимъ.

Въ началѣ лѣта Орловъ водворился въ новой квартирѣ, и съ этого времени начался расцвѣтъ и преуспѣяніе его школы. Помимо помѣщенія въ домѣ, кругомъ было много мѣста, и на пустырь съ утра до вечера рѣзвились и играли дѣти.

И почти постоянно можно было видѣть среди нихъ высокую, сухощавую фигуру Орлова, въ синей китайчатой или сѣрой камамянковой блузѣ, подпоясанной ремнемъ, и темныхъ брюкахъ, — костюмъ, давно смѣнившій прежніе подрясникъ и скуфейку, — съ сѣдьющей, гладко выстриженной по-военному головой, безъ малѣйшаго намека на лысину, и съ длинной, черной съ просѣдью бородой по поясъ.

Пролетѣло лѣто, подошла осень, дачники разъѣхались, и Выселки опять опустѣли. Но вокругъ Орлова попрежнему кипѣла жизнь. Полдня уходило на дѣтей, почти все остальное время — на взрослыхъ. Послѣдніе тоже нуждались въ учителѣ, жаждали свѣта, утѣшенія, поученія, правосудія.

Кругъ поклонниковъ Орлова все расширялся и скоро шагнулъ за Выселки, въ Москву. И оттуда стали приходиться люди къ Орло-

ву. Сначала это были только ночлежники. Но такъ какъ нѣтъ такого общественнаго слоя, такой обособленной касты, такого замкнутого сословія, съ которыми бы московскій ночлежникъ не соприкасался таинственными и невидимыми, но живыми и часто кровными нитями, то вслѣдъ за ночлежниками къ Орлову стали приходять люди всякаго званія и состоянія, преимущественно же интеллигентная и рабочая молодежь.

Постепенно адепты его группировались въ плотный, преданный ему кружокъ, который сталъ извѣстенъ интересующимся лицамъ подъ именемъ кружка орловцевъ, или кружковцевъ орловскаго толка.

Новый толкъ не имѣлъ ни системы, ни программы, никакихъ выработанныхъ правилъ или опредѣленныхъ цѣлей. Онъ еще только зарождался, только намѣчался, но уже потому, какъ онъ зарождался и намѣчался, можно было заключить, что членами его главнымъ образомъ руководили потребности чисто этическихъ, философски отвлеченныхъ, основанныхъ на стремленіи человѣческой природы къ идеалу, внѣ практическихъ соображеній и узкихъ матеріальныхъ расчетовъ. Полнаго катихизиса еще не было, но нѣкоторые начатки ученія уже были.

Кружковцы, подобно вождю своему, были трезвенники и вегетарианцы если не въ дѣйствительности, то въ убѣжденіяхъ, старались, по мѣрѣ силъ, дѣлать добро, но и не противились злу, противъ существующаго порядка вещей открыто не возставали, но и не одобряли его, а неодобреніе это выражали тѣмъ, что, по возможности, не дѣлали ничего, что бы могло послужить къ вѣдшему укрѣпленію и преуспѣянію его.

Но, повторяемъ, все это было еще въ зачаткѣ, и сухо, и неясно, и, какъ мы уже говорили, самый кружокъ былъ строгія очень пестраго и далеко не представлялъ стройнаго и мѣрнаго цѣлаго.

На зиму Орловъ остался въ Стрекаловскомъ домѣ, при чемъ занялъ только двѣ комнаты и переднюю, а остальные комнаты принужденъ былъ заколотить, чтобы не топить ихъ, да и топить ихъ было бесполезно за ветхостью стѣнъ и дымоходовъ. Благожелатели его помогли ему устроиться съ нѣкоторымъ комфортомъ, правда, очень скромнымъ, но глава орловскаго толка не былъ требователенъ. Много ли ему было нужно, одинокому бобылю? Жена не нуждалась въ его помощи. Онъ имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія, что она сошлась съ человѣкомъ однихъ съ нею лѣтъ, привязалась къ нему и уже имѣетъ отъ него сына. Онъ вспоминалъ о ней спокойно и радовался, что она, повидимому, наконецъ нашла надежную пристань.

Изъ дома Стрекаловой онъ уже не выѣзжалъ, и мы застаемъ его въ немъ старикомъ, больнымъ тѣломъ, но все еще бодрымъ

духомъ, способнымъ увлекаться благородными порывами, окруженнымъ молодежью, которой онъ беззавѣтно преданъ и въ которую неизмѣнно и твердо вѣритъ. Опытъ и тяжелая школа жизни безсилны были засушить и ожесточить его все еще молодое и горячее сердце и не сдѣлали его довѣрчиваго и наивнаго ума практическимъ и холоднымъ.

IV.

Шалашиковъ не пользовался въ кружкѣ вліяніемъ и не игралъ видной роли. Но теперь, когда всѣ знали, что онъ только что вернулся изъ Петербурга, куда ѣздилъ ходякомъ, всѣмъ было интересно послушать, что онъ скажетъ, и его окружили.

Онъ усѣлся на одинъ изъ подоконниковъ, заставивъ потѣсниться Тулумбасову, тоненькую юную дѣвушку съ хорошенькимъ задорнымъ личикомъ, обвѣяннымъ бѣлокурыми кудрями, и ея неизмѣнныхъ рыцарей, великовозрастнаго гимназиста и студента-петровца, и на мгновенье почувствовалъ себя героемъ. Передъ нимъ стояли, приготовясь его слушать и чуть ли не разинувъ рты, и мудрый Опулентовъ, законовѣдъ кружка, хилый, хотя и не старый человѣкъ, и оба брата Деревянниковы, старшій Флегонтъ, коренастый, плотный, похожій на медвѣдя и, какъ медвѣдь, сильный, и младшій Вася, которому едва исполнилось восемнадцать лѣтъ, но весь видъ котораго говорилъ о страшномъ, снѣдавшемъ его недугѣ. Алая пятна ярко горѣли на его впалыхъ щекахъ, глаза лихорадочно блестя, онъ былъ страшно худъ. Всѣ знали, что у него чахотка, и что ему немного осталось жить. Тутъ же былъ и Алексѣй Ивановичъ Разживинъ, молодой, упитанный, розоцекий, рослый, видный и цвѣтущій здоровьемъ замоскворѣцкій купчикъ. Онъ только недавно попалъ въ кружковцы, но уже принадлежалъ новому толку и душой и тѣломъ, бросилъ торговлю, къ великому огорченію домашнихъ, съ головой ушелъ въ чтеніе книгъ и журналовъ и мечталъ о томъ, какъ онъ сядетъ на землю и превратится изъ человѣка наживы и торгаша въ честнаго и скромнаго вольнаго землероба. Онъ одинъ изъ всей этой компаніи былъ одѣтъ очень хорошо, въ широкую, тонкаго сукна сюртучную пару, сшитую хорошимъ портнымъ.

Шалашиковъ откашлялся въ руку и безсвязно сталъ излагать свое мнѣніе о Головкинѣ. Слова не шли у него съ языка. Онъ чувствовалъ, что говоритъ не то, и что даже ему говорить-то не о чемъ.

— Къ дѣлу, къ дѣлу!—крикнулъ одинъ изъ мастеровыхъ.— Что канитель-то разводить?!

Но тутъ дверь изъ комнаты рядомъ вдругъ распахнулась, и въ залу вошелъ Орловъ.

Несмотря на то, что болѣзни и годы согнули его станъ, и держался онъ сторбившись, онъ былъ головой выше всѣхъ присутствующихъ. Зато худоба его была прямо поразительна, особенно среди собравшихся тутъ молодыхъ, полныхъ силъ и жизни людей. Это была не прежняя худощавость, а та бѣдность, слабость и почти прозрачность тѣла, которая замѣчается только у людей, прешедшихъ земной предѣлъ, готовыхъ совлечь съ себя ветхаго человѣка на порогъ вѣчности, передъ тѣмъ, какъ совершится великій актъ дематериализаціи духа, возвращающагося къ горнему первоисточнику. Длинная по поясъ борода его была бѣла, какъ свѣтъ. Костлявые, немощные пальцы висѣли вдоль тѣла, какъ плети. Онъ медленно двигался на больныхъ, распухшихъ ногахъ. Вся его колеблющаяся, тонкая, блѣдная фигура производила впечатлѣніе призрака, выходца съ того свѣта. Только одни глаза напоминали прежняго «учителя». Въ нихъ еще продолжалъ горѣть все тотъ же огонь, то ярко вспыхивая, то тихо, чуть-чуть мерцаая.

За послѣдніе два-три года «дѣдка» сильно прихварывалъ. Даровая, «казенная», какъ говорили кружковцы, квартира въ домѣ наслѣдниковъ Стрекаловой, повидимому, обошлась ему очень дорого, заставивъ его расплачиваться здоровьемъ. Помню ревматизма, силы его подкашивалъ еще какой-то тайный недугъ, и Орлову мало-по-малу пришлось отказаться отъ занятій съ дѣтьми.

Сначала у него явились помощники. То тотъ, то другой изъ молодежи предлагалъ свои услуги и приходилъ присмотрѣть за дѣтьми. Но постепенно дѣло разстроилось. Молодые помощники не внушали довѣрія, а когда стало извѣстно, что «учитель» сталъ совсѣмъ плохъ, школа сама собою уничтожилась.

Доходы Орлова почти прекратились, но онъ продолжалъ существовать, не заботясь о нихъ, живя со дня на день и не нуждаясь ни въ чемъ. То слишкомъ немногое, къ чему свелись теперь всѣ его потребности, у него все-таки было.

Выселковцы и кружковцы заботились о немъ и берегли его. Его не только ежедневно навѣщали его почитатели и бывшіе ученики, но многіе поочередно дежурили у него. Юневичъ же уже мѣсяца четыре жилъ у него, ухаживалъ за нимъ совершенно безкорыстно и съ рѣдкимъ усердіемъ и былъ у него въ квартирѣ чѣмъ-то въ родѣ домоправителя, домашняго секретаря и даже прислуги, потому что ему приходилось и мести полъ, и ставить самоваръ, и бѣгать въ лавочку. Всѣ эти обязанности онъ несъ съ величайшею готовностью, при чемъ почти всѣ свои деньги,—онъ ежемѣсячно получалъ отъ отца, провинціального аптекаря, сорокъ рублей,—тратилъ на Орлова, находя, что это такъ и должно быть. Ему уже давно писали родные письма, звали его домой и даже грозили прекратить высылку денегъ, но онъ «отписывался», по его выраженію, подъ благовидными предлогами, не рѣшаясь по-

кинуть «учителя», чувствуя, что онъ необходимъ ему, и что развязка не далека.

Съ появленіемъ Орлова въ комнатѣ воцарилась тишина.

Ему послѣшили подставить стулъ и тѣсной стѣной окружили его.

Онъ сѣлъ и ласковой, слабой улыбкой отвѣтилъ на привѣтствія молодежи.

Замѣтивъ Багрецову, онъ обернулся къ ней и сказалъ:

— Здравствуй, Марья Николаевна. И ты пришла? А съ кѣмъ же птенцы?

Та тотчасъ же стремительно встала, подала ему руку и отвѣтила съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ почтительности:

— Здравствуйте, дѣдка. Спасибо, что про птенцовъ вспомнили. За ними подруга присмотритъ. А мнѣ ужъ очень было нужно васъ повидать. А что сегодня у васъ «соборъ», я не знала, и Юневичъ меня пустить безъ пароля не хотѣлъ.

— Ну, этому не повѣрю,—сказалъ Орловъ.—А «соборъ» у насъ сегодня важный. Впрочемъ, ты не помѣшаешь. Пойдемте-ка, дѣтушки, ко мнѣ въ кабинетъ.

То, что Орловъ называлъ своимъ кабинетомъ, представляло узкую, какъ щель, въ одно окно, комнату, заставленную самой сборной, старой и неказистой мебелью допотопнаго стиля. Мебель эта была снесена сюда со всего дома, когда-то меблированнаго, но съ годами что разсыпалось, что сломалось, и жалкихъ остатковъ прежняго если не великолѣпія, то изобилія, едва хватило на помѣщеніе, занимаемое Орловымъ. За ветхими соломенными ширмами, подбитыми посѣдѣвшимъ отъ времени зеленымъ каленкоромъ, стояла узкая желѣзная койка. У окна помѣщался письменный столъ, такой же инвалидъ, какъ и ширмы, съ выцвѣтшимъ и разлѣзшимся въ клочья, когда-то зеленымъ сукномъ. Комодъ краснаго дерева съ бронзовыми бляхами въ видѣ львиныхъ головъ, съ продѣтыми въ ноздри массивными кольцами, два-три кресла съ вычурными изогнутыми ручками, крытыя краснымъ ситцемъ съ разводами, нѣсколько разнофасонныхъ стульевъ старинныхъ, тяжелыхъ, краснаго дерева, съ жесткими клеенчатыми сидѣньями и завалившійся къ стѣнѣ диванъ съ полкой и выдвижными ящиками довершали убранство кабинета. Этотъ диванъ да стоявшее въ углу у письменнаго стола, такъ называемое, вольтеровское кресло придавали ему нѣкоторую уютность, отдаленно намекали на комфортъ.

Орлова усадили на это кресло и прикрыли ноги сѣрымъ байковымъ одѣяломъ.

Кружковцы размѣстились, гдѣ и какъ попало, заняли каждое свободное мѣстечко, нѣкоторые усѣлись прямо на полу. Въ маленькой, тѣсной комнаткѣ люди набились, какъ сельди въ боченкѣ.

Даже на письменномъ столѣ, свѣсивъ ноги, сидѣли Тулумбасова и ея два рыцаря. Опулентовъ, долго не находившій себѣ мѣста, при-мостился сбоку, рядомъ съ ними. Лицо его все еще сохраняло видъ оскорбленнаго достоинства, но на него уже никто не обращалъ вниманія. Всѣмъ хотѣлось послушать, что скажетъ «дѣдка».

Орловъ сознавалъ это, но не спѣшилъ говорить. За послѣднее время онъ чувствовалъ себя утомленнымъ и слабымъ, выбитымъ изъ привычной колеи, и по временамъ роль руководителя и учителя окружающихъ его почитателей начинала его тяготить. Онъ какъ бы смутно догадывался, что успѣхъ его только видѣшнѣй, и что истинной, дѣйствительной пользы ему не суждено принести своимъ ученикамъ. Прежде онъ охотно и много бесѣдовалъ на любую тему, случалось, если подбирались на его собраніи люди мало интеллигентные, больше изъ простыхъ, читалъ имъ чтонибудь изъ любимыхъ авторовъ и пояснялъ прочитанное, или рассказывалъ, если подходящей книги не было подъ рукою. Съ молодежью сортомъ повыше, со студентами и курсистками, приходилось чаще вести разговоры на отвлеченныя темы, нерѣдко затрагивались политическіе и соціологическіе вопросы, хотя всѣ знали, что Орловъ и изъ постепеновцевъ—постепеновецъ, «свѣтлая личность» внѣ всякаго сомнѣнія, но совершенно лишенъ извѣстной инициативы, чутья событій и болѣе способенъ быть парламентаромъ, чѣмъ воителемъ. Во всякомъ другомъ человѣкѣ это считалось бы почти преступнымъ, по крайней мѣрѣ, до глупости, «до глупости пошлымъ», но Орлову это единодушно прощалось въ уваженіе къ другимъ сторонамъ его характера, стяжавшимъ общія симпатіи.

Довольно продолжительная, ничѣмъ ненарушимая, имѣвшая въ себѣ даже нѣчто торжественное и съ оттѣнкомъ какъ бы почтительности тишина заставила, однако, Орлова отказаться отъ мысли послушать молодежь и помолчать. Очевидно всѣ ждали его слова.

— Ну, дѣтки,—медленно и тихо произнесъ онъ,—что же никто изъ васъ не хочетъ подѣлиться со старикомъ? Хоть бы рассказали, что подѣлывали, что почитывали? Вонъ у Шалашикова какія-то новости есть.

При этихъ словахъ Шалашиковъ, давно порывавшійся заговорить, привсталъ было и по своей привычкѣ откаплялся въ руку, но его тотчасъ же осадилъ, дернувъ сзади за пиджакъ.

Орловъ замѣтилъ это и усмѣхнулся. Ласково-добродушный, отечески-снисходительный взоръ его продолжалъ скользить по лицамъ молодежи.

— Ахъ, вы, безцѣнные подлецы мои!—вырвалось у него, и въ этомъ восклицаніи, какъ ни могло оно показаться на первый разъ дико и грубо, выразилось глубокое и нѣжное чувство.

— Ахъ, Флегонтъ,—произнесъ онъ, разглядѣвъ сидѣвшаго на полу Деревянникова,—что жъ ты ничего не скажешь? Какъ твои

дѣла въ мастерскихъ? Ты меня тогда своими собесѣдованіями, ухъ, какъ заинтересовалъ. Собираетесь еще или уже «отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть»?

— Нѣтъ, собираемся и не думали отцвѣтать,—съ готовностью заговорилъ Деревянниковъ, поднимая свое курносое, цыганское, смышленное и оживленное лицо навстрѣчу Орлову. — Собираемся, дѣдка. И не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ такіа толковища развели, что надо бы лучше, да некуда.

— Ахъ, вы, дуй васъ горой, шельмцовъ,—сказалъ Орловъ.— Ну, расскажи, расскажи. О чемъ же такое? Ты вѣдь тамъ первый коноводъ, застрѣльщикъ, въ нѣкоторомъ родѣ. Ну-ка, что ты тамъ проповѣдывалъ?

— Да я не проповѣдывалъ, а просто имъ стихи прочиталъ, да такіе, что они отъ телячьяго восторга взревѣли.

— Твои стихи?

— Само собою разумѣется, чужіе всѣ извѣстны.

Надо замѣтить, что Деревянникова уважали въ кружкѣ не за одну только его дѣйствительно замѣчательную силу, но и за способность къ стихотворству. Многіе прямо видѣли въ немъ гражданскаго поэта, наслѣдника Некрасова.

Деревянниковъ, дѣйствительно, легко владѣлъ стихомъ и, будучи въ ударѣ, даже говорилъ стихами, чѣмъ втайнѣ очень гордился. Впрочемъ, несмотря на похвалы и поощренія своихъ друзей, онъ, по присущей ему робости, никакъ не могъ рѣшиться толкнуться со своими произведеніями въ дверь той или иной изъ московскихъ редакцій и пока ограничивался только тѣмъ, что распространялъ свои вирши среди кружковцевъ и сочувственниковъ. Множество ихъ было въ обращеніи въ рукописныхъ листкахъ, и, надо признаться, нѣкоторые заслужили такую популярность, что были извѣстны наизусть всякому мало-мальски мыслящему интеллигенту, какъ говорилось въ кружкѣ.

И на этотъ разъ интересъ былъ возбужденъ.

— Прочтите стихи, Деревянниковъ,—послышалось изъ толпы.

— Прочти, прочти, Флегонтъ,—поддержалъ и Орловъ.

— Валайте, Деревянниковъ,—сказалъ Шалашиковъ.

Деревянниковъ покраснѣлъ и отъ смущенія и отъ удовольствія. Въ качествѣ таланта онъ желалъ и любилъ блистать. Изъ приличія онъ счелъ нужнымъ немного помолчать.

— Право, не знаю, господа,—сконфуженно произнесъ онъ,—стихи, какъ стихи, ничего особеннаго.

— Да вѣдь ты же говоришь, что отъ восторга взревѣли?—возразилъ Орловъ.

— Отъ восторга или отъ глупости, это еще вопросъ,—буркнулъ себѣ подъ носъ, ни къ кому не обращаясь, Опудентовъ, въ которомъ заговорила присущая ему зависть,

— Говорите, говорите, Деревянниковъ,—ободрили поэта присутствующіе.—Хороши ли, плохи ли стихи, безъ васъ разберутъ. Вы не судья.

Деревянниковъ поднялся съ полу, скрестилъ руки на груди, нѣсколько разставилъ ноги, какъ бы для большей устойчивости, и медленно, съ большимъ пафосомъ зачиталъ стихотвореніе самаго зажигательнаго содержанія, которое въ извѣстной средѣ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ заставляло ревѣть отъ восторга.

Деревянникова окружили. Ему жали руки, аплодировали, называли его молодцомъ и «будущей славой отечества», требовали повторенія, предлагали качать его. Тулумбасова, подойдя къ нему, неистово хлопала въ ладоши подъ самымъ его носомъ и наконецъ торжественно объявила, что забываетъ все прошлое и отнынѣ уважаетъ и его талантъ и гражданское мужество.

Когда восторгъ нѣсколько улегся, всѣ вспомнили, что «дѣдка» еще не сказалъ своего мнѣнія. Орловъ попрежнему, сгорбившись, сидѣлъ въ своемъ креслѣ, неподвижный и безмолвный. Но одушевленіе молодежи передалось и ему и оживило его. Глаза его загорѣлись, легкая краска проступила на ввалившихся щекахъ. Онъ подвигалъ правую руку. Это былъ привычный его жестъ, когда онъ хотѣлъ говорить. Окружающіе знали это, и все тотчасъ же смолкло. Всѣ усѣлись по мѣстамъ. Одинъ Деревянниковъ не сѣдился взволнованный, еще не опомнившійся отъ сдѣланной ему оваціи.

— Милая, прекрасная моя сволочь,—чуть слышно произнесъ Орловъ.—Вотъ и вы взревѣли отъ восторга, и, я вижу, Флегонтъ торжествуетъ. Не торжествуй, Флегонтъ. Ты думаешь, и невѣсть что выразилъ своими стишками, если тамъ у тебя и «красное знамя», и «русскій народъ», и «свободы пѣсня». Пустяки все это, да и старо...

Что-то похожее на ропотъ пронеслось среди молодежи.

— Да, и старо,—твердо повторилъ Орловъ.

Голосъ его вдругъ окрѣпъ, онъ выпрямился, протянулъ впередъ руку и заговорилъ громко, стремительно и властно, какъ человѣкъ, привыкшій поучать.

— Ваше красное знамя—бунтъ и разрушеніе существующаго. А что приготовлено замѣнить его? Гдѣ и какое новое зданіе воздвигнуто на мѣсто стараго, обращеннаго въ развалины? Наконецъ, неужели вы думаете, что все дѣло во внѣшнихъ формахъ, въ теоріяхъ и благихъ пожеланіяхъ? Неужели вы серьезно надѣетесь сдѣлать людей лучшими, чѣмъ они суть, прежде чѣмъ они сами станутъ лучше? Не реформы ведутъ за собой развитіе и прогрессъ, а развитіе и прогрессъ вызываютъ реформы, которыя только тогда и цѣлесообразны. Пока люди рвутъ другъ друга въ клочья, какъ волки, нечего мечтать устроить среди нихъ царство любви и мира, и особенно нельзя полагать царству этому начало насиліемъ и войной, какъ ду-

маете вы. Поля, залитыя кровью, дадутъ кровавые всходы, насиліе вызоветъ насиліе же, и не окажется ли тогда, что самые разные дѣятели прогресса работали въ обратную сторону и тормозили то самое дѣло, ради котораго жертвовали собою и другими? Нѣтъ, дѣти, задача каждаго человѣка, сознавашаго свой долгъ передъ человѣчествомъ, трудиться, насколько хватитъ силъ и способностей, на преуспѣяніе человѣчества, и, вѣрьте, вездѣ, въ какой бы то ни было области, и какъ бы скромна она ни была, мирная борьба и честный трудъ сдѣлаютъ больше, чѣмъ громкія слова и дерзкая сила. Трудитесь и насаждайте добро среди людей, не ожидая награды себѣ и даже не желая ея. Кто умѣетъ писать, пусть пишетъ и учитъ людей добру, кто умѣетъ строить дома, пусть строить крѣпко, прочно и дешево, кто умѣетъ вѣсить и мѣрять, пусть вѣситъ и мѣрять, не обмѣривая и не обвѣшивая, отъ самаго высокаго искусства до самаго мелкаго ремесла пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло честно, одушевленный желаніемъ сдѣлать все, что можетъ, для блага человѣчества, помня, что только тогда жизнь среди милліоновъ ему подобныхъ существъ не бесплодна, не заботясь о своихъ личныхъ выгодахъ и не позволяя имъ заграждать выгоды окружающихъ. Да и не нужна эта забота: трудящійся достоинъ пропитанія, и это всегда и вездѣ оправдывалось. Но пусть помнитъ и то, что только пропитанія, только необходимаго для жизни, все же сверхъ того будетъ уже кускомъ, вырваннымъ изъ голоднаго рта брата, и не его. Поэтому не смѣшивайте труда съ торговлей, не ждите отъ него барышей, ибо истинная награда избраннаго вами труда въ самомъ трудѣ, и эта награда выше и цѣннѣе всѣхъ, какія бы можно было придумать. Не становитесь же въ ряды торговцевъ. Торговля развращаетъ и принижаетъ все, до чего только коснется.

— Это я такъ всегда и думалъ,—неволью откликнулся вслухъ изъ своего угла Алексѣй Ивановичъ, не пропусканшій ни слова изъ сказаннаго.

— Все это такъ,—рѣшился возразить Опулентовъ, воспользовавшись перерывомъ,—но если всѣ будутъ только рабски трудиться да молчать,—прощай протестъ.

— О рабскомъ трудѣ я не говорилъ,—горячо продолжалъ Орловъ.—Избранный, любимый трудъ не есть рабскій. Напротивъ, онъ возвышаетъ своего творца. А протестъ живъ тамъ, гдѣ честно, разумно и неуклонно человѣкъ исполняетъ долгъ свой и дѣлаетъ только то, что считаетъ хорошимъ, не сворачивая въ сторону и не вступая въ компромиссъ и съ собою, и съ другими. Для этого не нужно шума, войны и вражды. И такой мирный, безмолвный, но дѣятельный протестъ — страшная сила. Не спорь и не вызывай на брань, но поступай такъ, какъ тебѣ велитъ долгъ и совѣсть. Первый жертвуй тѣмъ, чѣмъ хочешь, чтобы

жертвовали другіе. Не признаешь богатства,—отдай, что имѣешь, людямъ, если богатъ, а если бѣденъ, то служи богатству, не пользуйся отъ брашенъ богатаго, не подбирай и крохъ, падающихъ со стола его. Учишь, что не должно быть слугъ,—не имѣй слуги, самъ себѣ будь слугой.

— Какъ это вѣрно, дѣдка!—воскликнула Багрецова.—Эго вы совершенно справедливо утверждаете, что такой протестъ—страшная сила. Но вѣдь и люди, способные на подобный протестъ, должны быть полны энергіи несокрушимой. Ахъ, какъ вы хорошо это сказали! Я всегда это думала и всегда такъ поступала. Но... сколько жертвъ, сколько борьбы и труда!..

Она вся раздумянилась отъ волненія и стала еще красивѣе. Сидѣвшій около нея купчикъ Разживинъ только теперъ замѣтилъ ее и съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее. Его поразила ея красота, но еще больше ея рѣчь!

— Вѣдь вотъ и женщина, а какъ говорить,—думалось ему.— Умница, сразу видно. Не то, что наши тетехи.

— Вотъ и сегодня, дѣдка,—продолжала Багрецова, обводя ласковымъ взоромъ своихъ чудныхъ глазъ сочувствующія и дружескія лица окружающихъ:—я вѣдь летѣла къ вамъ сюда за советомъ. Какъ мнѣ быть? Что дѣлать? То-есть, я знаю это сама, и должна знать сама и дѣйствовать на свой страхъ, ни на кого не рассчитывая, но все-таки хочется поддержки, добраго слова такого, какъ вы, человѣка. Вы знаете, дѣти мои не имѣютъ никакихъ правъ, и я не хочу для нихъ этихъ правъ, не признаю всего даннаго строя, возмущаюсь, и вотъ именно, какъ вы говорите, безмолвно и твердо протестую. Но вѣдь надо же подумать и о дѣтяхъ, о ихъ будущности, и это вносить разладъ въ мои собственныя мысли, и я часто не знаю, что и придумать. Вѣдь у нихъ даже имени нѣтъ.

— Этому горю легко помочь,—сказалъ Шалашиковъ:—съ вашей красотой найти мужа ничего не стоитъ. Кого захотите, окрутите.

— Вы совсѣмъ не понимаете меня и не понимаете того, что говорите,—гнѣвно оборвала его Багрецова.—Никого я не желаю окручивать, и зачѣмъ мнѣ мужа? Съ меня довольно и тѣхъ четверыхъ дѣтей, которыя у меня уже есть. И потомъ я говорю съ «дѣдкой», а не съ вами, и совѣта жду отъ него и ужъ, разумѣется, не такого пошлаго, какъ вашъ.

— Не сердись, Маруся,—сказалъ Орловъ:—вѣдь это онъ проста, добра желаючи. Притомъ взглядовъ твоихъ не знаетъ, ну, и, конечно, убѣжденъ, что все спасеніе женщины—нашъ братъ, мужчина.

— Да оно такъ и есть,—сказалъ Опулентовъ:—безъ мужчины—женскому полу крышка. И обижаться тутъ не на что. Такъ оно ужъ повелось. Что-жъ тутъ такого?

— Да, ничего такого,—саркастически отозвалась Багрецова:—только если такъ, отложите попеченіе о прогрессѣ. Или вы думаете,

что онъ возможенъ, пока половина человѣчества—женщины, находится въ рабскомъ состояніи и обречена служить предметомъ купли и продажи? Мать-рабыня можетъ воспитать только сына-раба. Пока женщина не будетъ имѣть человѣческихъ правъ, пока она лишена даже права быть матерью, если не продана въ пожизненную собственность мужчинѣ, міръ будетъ тѣмъ, что онъ есть: грязной и смрадной клоакой.

— Руку, Багрецова! — крикнула Тулумбасова, подбѣгая къ ораторшѣ.—Я съ вами согласна. Война мужчинамъ, мѣсто женщинамъ!

— А я вовсе не хочу объявлять войну мужчинамъ,—тихо возразила Багрецова:—я вижу въ мужчинѣ напротивъ естественнаго союзника и товарища. Я, напротивъ, считаю женщинъ виноватыми во всѣхъ ихъ несчастіяхъ, въ неурядицѣхъ семьи, въ брачныхъ неурядицахъ.

— Да вы что хотите этимъ доказать, чортъ возьми?—воскликнулъ Опулентовъ.

— Да это и къ дѣлу не относится,—буркнулъ Шалашиковъ.

— Разумѣется, не относится,—сочувственно отозвался рыцарь Тулумбасовой, великовозрастный гимназистъ.

Но та тотчасъ же съ остервенѣніемъ оборвала его:

— Молчать, Смышляевъ. Васъ не спрашиваютъ. И что вы можете понимать въ бракѣ и семьѣ, когда еще не кончили гимназіи?

Гимназистъ сконфузился. Кругомъ захихикали.

— Будетъ вамъ, дѣти,—сказалъ Орловъ,—не ссорьтесь изъ-за пустяковъ. Кто это изъ васъ сейчасъ сказалъ, что это не относится къ дѣлу? Все, что свѣтло, честно, благородно, все, что носить въ себѣ хотя бы малѣйшій зародышъ на благоустройство человѣчества,—все это нужно, и всему этому долженъ сочувствовать каждый изъ насъ, и ужъ если вы хотите знать мое мнѣніе, то вопросъ о семьѣ и бракѣ можетъ быть самый важный. Ибо что такое семья, какъ не маленькое государство? Съ увѣренностью можно утверждать, что граждане, которые умѣли образовать добрую и крѣпкую семью, сумѣютъ образовать доброе и крѣпкое государство и наоборотъ. И неужели вы думаете, что тотъ, кто не умѣетъ создать малаго, способенъ создать большое? Именно слѣдовало бы начать съ того, чтобы упорядочить семью.

— Совершенно вѣрный взглядъ,—подтвердилъ Опулентовъ.

Но на него со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія.

Дѣдку всѣ кружковцы привыкли слушать и только въ рѣдкихъ особенныхъ случаяхъ рѣшались его оспаривать; никто не возражалъ и теперь, но Опулентову никто не хотѣлъ спустить.

— Вы забываете,—сказалъ Шалашиковъ,—что наша община идетъ въ разрѣзъ съ семьей. Нашъ кружокъ вѣдь стремится какъ разъ къ противоположному. Мы хотимъ устроить посестріе и по-

братимство. За коимъ діаволомъ, позвольте васъ спросить, намъ семья и бракъ?

— Однако семья и бракъ уже существуютъ,—возразилъ Деревянниковъ,—нельзя же игнорировать факты.

— Мало ли что существуетъ?—сказалъ Шалашиковъ.—Съ семьей слѣдуетъ бороться, какъ со зломъ, а ужъ никакъ не заботиться объ устроении ея.

— Что же вы законъ Мальтуса будете примѣнять къ семьѣ?—вскричалъ Опулентовъ.

— А хотя бы и законъ Мальтуса.

— Другими словами,—продолжалъ Опулентовъ,—вы ставите себѣ цѣлью уничтоженіе человѣческаго рода.

— Ну, онъ еще не скоро уничтожится,—сказалъ Шалашиковъ,—но хотя бы и уничтожился, я не вижу большой бѣды.

— Позвольте, какой странный взглядъ,—вмѣшался Деревянниковъ.—Однако вы существуете и вѣдь не собираетесь еще очень скоро умирать, и, насколько я могъ замѣтить, достаточно жизне-радостны.

— Что жъ мнѣ руки на себя прикажете наложить?—возразилъ Шалашиковъ.

— Если ужъ быть послѣдовательнымъ—да,—ехидно отозвался Опулентовъ.—Вы пришли къ сознанію, что человѣческій родъ—штука совершенно ненужная на землѣ,—отлично! Ну, такъ и начинайте съ себя.

Шалашиковъ не нашелся, что возразить; кое-кто опять за-смѣялся. Тулумбасова поощрила Опулентова:

— Bravo, Опулентовъ! Вотъ видите, что значатъ крайніе взгляды. И я не понимаю, господа, почему у насъ вѣчные споры. Хотятъ дѣлать общее дѣло, а вмѣсто того только ругаются. Дѣдко!—патетически обратилась она къ Орлову,—прикажете имъ молчать и говорить только то, что серьезно и что стоитъ слушать.

— Да вѣдь каждый думаетъ, что то, что онъ говоритъ, серьезно,—отвѣтилъ ей Орловъ:—и что его-то именно и стоитъ послушать. Но все-таки, дѣти, бросьте вы всѣ эти препирательства. Вы забываете самое главное: я проповѣдую любовь и трудъ. Я говорю: пусть каждый сдѣлаетъ, что только въ его силахъ, для пользы человѣчества. Будьте добры и великодушны.

— Но, однако,—сказалъ Опулентовъ,—нельзя же попутно не думать и о социальнихъ вопросахъ. Быть добрымъ и великодушнымъ это, конечно, дѣло хорошее...

— Позвольте,—вдругъ сорвался со своего мѣста Юневичъ,—ну, а съ волкомъ прикажете какъ? Тоже быть добрымъ и великодушнымъ?

— Опять поймали быка за рога!—въ ребяческомъ восторгѣ осклкнула Тулумбасова.—И что значитъ трудъ? Какой трудъ?

— На землѣ, извѣстно, какой трудъ, — сказалъ Деревянниковъ: — будемъ землю пахать.

— Ну, не такъ-то скоро, — возразилъ Юневичъ. — Тамъ не распашешься. Лѣсъ надо вырубить, пни выкорчевать, просѣвки прорубить. На первое время жить въ шалашахъ чуть не подъ открытымъ небомъ придется.

— Что же, мнѣ это очень нравится, — сказала Тулумбасова. — Это оригинально. Вечеромъ можно будетъ зажигать костеръ, — сядемъ всѣ вокругъ него и будемъ пѣть...

— Запрещенныя пѣсни, — не безъ ехидства перебилъ Опулентовъ.

— Какія угодно, — сказалъ Юневичъ.

— Неужто тамъ и урядниковъ нѣтъ? — освѣдомился Деревянниковъ: — вотъ благодать-то!

— Богъ миловаль, — отвѣтилъ Юневичъ. — Но дѣло не въ томъ, господа. Долженъ вамъ сказать, что край это все-таки превосходный. Я тамъ прожилъ три мѣсяца въ обстановкѣ, нельзя сказать, чтобы блестящей. Спалъ на соломѣ въ сараѣ, хлебаль похлебку изъ кукурузы, корчеваль дубнякъ, а только и мечтаю, чтобы вернуться опять туда. Природы такой я нигдѣ раньше не видалъ. Я вотъ не мастеръ описывать, а то бы рассказалъ я вамъ, какія тамъ горы и страшныя кручи лѣзутъ прямо въ облака, какъ темною стѣною стоятъ безпросвѣтныя дремучіе лѣса, какія быстрыя, пѣнящіяся, неудержимыя, буйныя рѣки съ страшной высоты, скача и прыгая по уступамъ, стремительно падаютъ внизъ. Какъ хорошо тамъ тихое ничѣмъ ненарушимое прекрасное утро! Утромъ мнѣ всегда тамъ казалось, что я нахожусь въ какомъ-то удивительномъ, необычайно обширномъ, свѣтломъ и роскошномъ храмѣ, гдѣ пребываетъ само божество, истинное, безконечно высокое, со всѣмъ соприкасающееся и недосягаемо великое, и какъ прекрасенъ, какого торжественнаго покоя исполненъ тамъ вечеръ! Ахъ, какъ хорошо тамъ, господа!

— Да вы поэтъ, Юневичъ, — сказалъ Опулентовъ. — А еще скромничаетъ.

— Вы очень хорошо говорите, — похвалила Багрецова.

— Въ аренду земля или въ собственность, — продолжалъ Юневичъ, — это вопросъ второстепенной важности. Если община захочетъ купить у Головкина какіянибудь пять-десять десятинъ, онъ ихъ продастъ, нѣтъ въ этомъ сомнѣнія. Но на первое время лучше взять въ аренду, а она тамъ дешева, какъ нигдѣ. Впослѣдствіи, когда община разовьется, можно будетъ и купить землю, а теперь я даже не вижу въ этомъ надобности...

— Конечно, надо прежде наладить дѣло, — сказалъ Опулентовъ, — а то купимъ землю, и вдругъ почему либо община разстроится.

— На первое время, — сказалъ Юневичъ: — разумѣется, надо поѣхать только немногимъ изъ насъ, кто посмѣлѣе, покрѣпче, поэнергичнѣе, а затѣмъ уже звать женщинъ и слабѣйшихъ.

— На готовенькое!—отозвался Шалашиковъ:—мы тамъ будемъ работать, обстроимся, а остальные — милости просимъ, пожалуйста къ намъ въ гости!

— А какъ же иначе? — сказалъ Юневичъ. — Труднѣйшую работу и должны дѣлать тѣ, кто сильнѣе, и потомъ, позвольте, какая же это будетъ братская община, если сильные не будутъ поддерживать слабыхъ?

— Вотъ вамъ и братство,—сказалъ Деревянниковъ:—оказывается, что и съ нимъ Шалашиковъ не можетъ примириться. На него угодить трудно!..

— По-моему, коли братство,—сказалъ Шалашиковъ:—такъ и трудъ долженъ быть равный для всѣхъ!

— Разумѣется,—поддержала Тулумбасова.

— Этакая чушь! — сказалъ Деревянниковъ. — Да развѣ это можетъ быть? Что хотите, господа, можно раздѣлить поровну, а ужъ трудъ, извините, по человѣку... Я, напримѣръ, подкову, какъ баранку, ломаю, а Опулентовъ...

Но Опулентовъ, не терпѣвшій именно за силу Деревяникова, живо перебилъ его:

— Нашелъ, чѣмъ хвастаться, грубой физической силой! А ты напиши вотъ прошеніе къ мировому судѣ, ужъ не говорю въ окружной или въ коммерческой!..

— Что жъ, я не напишу,—согласился Деревянниковъ: — что могу, то могу, а чего не могу, того и спрашивать нечего.

— Такъ вѣдь это и все такъ,—сказалъ Орловъ.—Вотъ почему я и говорю вамъ: каждый изучайте себя и изощряйте свои способности, каждый работай надъ собою, выбери трудъ по себѣ и верши его, какъ можешь, лучше. Это Деревянниковъ вѣрно сказалъ, что трудъ по человѣку, и, можетъ быть, въ неравномѣрномъ количествѣ отпущенныхъ на долю каждаго человѣка даровъ и способностей лежитъ истинное зерно отсутствія равенства и братства между людьми, а за ними и свободы. Все равно, каковы эти дары и способности, но преобладаніе какого бы то ни было свойства уже заставляетъ одного человѣка держать въ подчиненіи себѣ подобныхъ, лишенныхъ того же свойства или обладающихъ имъ въ меньшей степени. Такъ, скряга накапливаетъ въ своихъ сундукахъ огромныя богатства на счетъ расточительности и небрежнаго отношенія къ деньгамъ другихъ.

— И выходитъ, что я правъ, — сказалъ Шалашиковъ: — въ теоріи-то мы всѣ молодцы, а вотъ на практикѣ-то никто себя показать не умѣетъ.

— Отчего же? — горячо возразилъ Юневичъ. — Я, напримѣръ, первый готовъ жертвовать, чѣмъ могу, на общее дѣло. Если бы у меня были деньги, я бы далъ деньги, но ихъ нѣтъ. А трудъ мой къ услугамъ общины.

— Да вѣдь и я согласенъ трудиться на пользу общины,—сказалъ Шалашиковъ:—только вѣдь трудъ труду рознь, и ужь если быть справедливыми, такъ и на тѣхъ, кто посильнѣе, нечего взваливать больше, чѣмъ слѣдуетъ.

— Удивительный вы человѣкъ!—возразилъ Юневичъ.—Да вѣдь въ нашемъ дѣлѣ вы, работая на общину, работаете и на себя. Это — во-первыхъ. А, во-вторыхъ, если не можете или не хотите работать, можете и не работать.

— А я съ этимъ несогласенъ,—сказалъ Деревянниковъ:—этакъ всякій сложить руки, а дѣло будетъ стоять. Да и невозможна никакая община безъ строгой дисциплины. Надо, чтобы ктонибудь приказывалъ, и когонибудь слушались.

— Это вѣрно!—послышалось изъ кучки мастеровыхъ.

— Вздоръ, вздоръ!—заволновались интеллигенты.—Какая же это община, чортъ возьми! Тутъ уже сразу начинается съ произвола и насилія. Въмѣсто общины на новыхъ началахъ вы предлагаете повтореніе стараго.

— Эхъ, господа!—сказалъ Опулентовъ.—Какой толкъ въ этихъ спорахъ? По-моему, надо прежде начать хоть какънибудь устроеніе общины, а потомъ уже думать о дальнѣйшемъ.

— Въ такомъ случаѣ, господа,—предложилъ Орловъ:—перейдемте прямо къ дѣлу и намѣтимъ ближайшую программу дѣйствій.

— Конечно!—сказалъ Юневичъ.—Предлагаю вотъ что: у насъ апрѣль, время для землепашца самое горячее. На этихъ же дняхъ трое или четверо изъ насъ могутъ выѣхать. Мы отправимся прямо къ Картошкину; у него и его землеробовъ теплая и просторная изба. Но если бы не нашлось мѣста въ этой избѣ, намъ дадутъ какойнибудь сарай, и на первое время мы поселимся тамъ. Можетъ быть, и Картошкинъ со своими примкнетъ къ намъ. Во всякомъ случаѣ, это—драгоценный человѣкъ во всемъ, что касается тамошней жизни и условій труда. Все, что намъ нужно знать, мы отъ него узнаемъ; если у него есть лишнія орудія, онъ подѣлится съ нами, хотя бы на то время, пока мы не получимъ ихъ отъ Головкина. Онъ же выберетъ намъ подходящій участокъ. Этотъ человѣкъ большой практикъ, не идеалистъ нисколько, но вѣдь намъ на первое время такого и нужно. Такъ вотъ, господа, кто желаетъ ѣхать?

— Я! я! я! я!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Позвольте, такъ нельзя!—сказалъ Юневичъ.—Выходитъ, что всѣ ѣдутъ. Нужно только трехъ, самое большее четверыхъ. Слѣдуетъ ѣхать мнѣ, потому что я знакомъ уже отчасти съ тамошними порядками, Шалашикову и Флегонту Деревянникову. Оба они парни сильные, здоровые и совершенно свободные, ну, и, пожалуй...

— Я непременно хочу ѣхать!—воскликнула Тулумбасова.

Но на это заявленіе отвѣтили только фырканьемъ.

— И хорошо бы было, если бы поѣхали, напиримѣрь, вы, — обращаясь къ Алексѣю Ивановичу Разживину, продолжалъ Юневичъ.

Тотъ привсталъ въ большомъ смущеніи.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ, — произнесъ онъ: — съ величайшимъ...

Нѣкоторые изъ кружковцевъ съ недоумѣніемъ посматривали на него. Юневичъ замѣтилъ эти взгляды и счелъ нужнымъ пояснить свой выборъ.

— Я потому говорю, что хорошо было бы, если бы вы поѣхали, — сказалъ онъ, — что помимо того, что вы тоже человѣкъ сильный и, насколько мнѣ извѣстно, ничѣмъ не связанный и желающій послужить общему дѣлу, вы можете еще, какъ человѣкъ богатый, оказать намъ матеріальную поддержку, а вѣдь это для насъ очень важно.

Алексѣй Ивановичъ покраснѣлъ.

— Я готовъ вѣзмъ, чѣмъ могу, — нерѣшительно проговорилъ онъ. — Только позвольте и мнѣ говорить на чистоту: собственно своихъ капиталовъ у меня вѣдь нѣтъ, все принадлежитъ маменькѣ, а она — человѣкъ старыхъ взглядовъ и денегъ мнѣ на такое дѣло не дастъ.

— Тутъ капиталовъ большихъ и не нужно, — сказалъ Орловъ. — Вы все-таки богаче всѣхъ въ нашей общинѣ, и, конечно, вы, если захотите, можете поддержать ее.

— Такъ вотъ мы и выѣдемъ вчетверомъ, — сказалъ Юневичъ.

— И на это нужны деньги, — вставилъ Опулентовъ. — Шалашиковъ, вы, кажется, говорили, что Головкинъ обѣщаль дать подъемныя первой партіи?

— Положительнаго ничего не обѣщаль, — сказалъ Шалашиковъ.

— Ну, а вамъ лично онъ денегъ не даваль, не обѣщаль? — спросилъ Опулентовъ.

Шалашиковъ замаялся, подумаль и отвѣтилъ:

— Онъ мнѣ далъ на дорогу двадцать пять рублей.

— Отлично! — сказалъ Юневичъ. — Значить, у васъ деньги есть.

— Здравствуйте! — возмутился Шалашиковъ. — Вѣдь онъ мнѣ далъ на дорогу изъ Петербурга въ Москву. Я ихъ всѣ просадилъ.

— Что жъ вы въ купѣ перваго класса, что ли, ѣхали? — насмѣшливо осведомился Деревянниковъ.

— За кого вы меня принимаете? — огрызнулся Шалашиковъ. — Разумѣется, ѣхаль въ третьемъ классѣ, а деньги все-таки ушли. Мало ли, на что могутъ деньги уйти!

— Совершенно справедливо, — усмѣхнулся Опулентовъ. — Однако, вамъ ихъ дали именно на дорогу.

— А какъ вы думаете, сапоги человѣку нужны? Я думаю, безъ нихъ вѣдь тоже въ дорогу не поѣдешь. Я тогда себѣ, какъ въ Москву приѣхалъ, первымъ долгомъ сапоги купилъ.

— Можетъ быть, и фуражку тоже купили?—продолжалъ подсмѣиваться Опулентовъ.

— Анъ, вотъ и не купилъ, не угадали! А хотѣлось купить, не хватило денегъ! Только и сдѣлалъ, что зашелъ къ картузнику, приказалъ козырекъ подшить и заплатилъ двугривенный.

— Господи, о какомъ вы вздорѣ говорите! — воскликнула Тулумбасова.

— Будетъ вамъ, въ самомъ дѣлѣ!—сказалъ Орловъ.—Нужны деньги,—это очевидно. Ѣдутъ четверо. По-моему, имъ по двадцати пяти рублей на дорогу за глаза довольно, ну, и тамъ на первое время хоть рублей пятьдесятъ нужно. Кто сочувствуетъ, пусть дастъ, сколько можетъ.

— А чтобы никто не опасался за свои деньги,—сказалъ Юневичъ, — пусть ихъ побережетъ пока дѣдка, а затѣмъ ктонибудь изъ выборныхъ, или и онъ самъ, если ему здоровье позволить, можетъ выдать намъ эти деньги на вокзалѣ или даже прямо взять на нихъ билеты.

— Да мы вамъ и такъ вѣримъ,—сказалъ кто-то.

— Тѣмъ лучше.

Юневичъ взялъ со стола пепельницу и переставилъ ее на маленькій столикъ около Орлова.

— Такъ вотъ, господа, пожалуйста, деньги можетъ класть, кто сколько можетъ. Не стѣсняйтесь. Четвертакъ дадите, и за четвертакъ спасибо.

— А ежели у меня только пятакъ съ собою?—сказалъ одинъ изъ блузниковъ.

— Ничего, и пятакъ пригодится, — ободрили его окружающіе.

Онъ трянулъ волосами, подошелъ къ столику, глубоко опустилъ руку въ карманъ засунутыхъ въ высокіе сапоги брюкъ и положилъ на пепельницу большой мѣдный позеленѣвшій пятакъ. Вслѣдъ за нимъ стали класть и другіе. Нѣсколько пятиалтынныхъ и двугривенныхъ со звономъ упали въ пепельницу. Подошелъ и Разживинъ и досталъ изъ бокового кармана прекрасный изъ малиноваго сафьяна, большого формата бумажникъ, изъ тѣхъ, что принято называть купеческими. Вынувъ изъ него сторубливку, онъ сконфуженно прикрылъ ею кучку мелкихъ денегъ.

— Bravo! bravo!—раздалось кругомъ.

Сторубливка обрадовала кружковцевъ чрезвычайно; нѣкоторые подходили поближе посмотрѣть на нее, иные даже щупали руками. На всѣхъ лицахъ былъ написанъ дѣтскій восторгъ.

Всѣ положили, кто сколько могъ. Затѣмъ сосчитали деньги; оказалось, что набралось сто сорокъ пять рублей пятнадцать копеекъ.

— Ну-ка, господа, не наберется ли еще?—сказалъ Юневичъ.— Вѣдь рѣшили, что нужно сто пятьдесятъ рублей.

Начали снова шарить по карманамъ, но при всемъ желаніи могли набрать только рубль. Алексѣй Ивановичъ отыскалъ въ своемъ портмонѣ нѣсколько мелкихъ бумажекъ и мелочь, и набралось полтора ста рублей съ копейками.

— Ну-съ, господа,—сказалъ Орловъ,—назначьте-ка день отъѣзда, да собирайтесь, а мы съ своей стороны васъ просимъ, какъ пріѣдете на мѣсто, увѣдомить насъ обо всемъ, возможно скорѣе устроиться и выписать остальныхъ товарищей.

— Неужели и вы поѣдете, дѣдка?—спросила Багрецова.

— Куда мнѣ! Поздно! Мнѣ теперь предстоитъ только одинъ переѣздъ—на тотъ свѣтъ. Старъ я и слабъ. Хотѣлось бы только порадоваться на васъ и уйти съ сознаниемъ, что хоть что нибудь сдѣлалъ на землѣ.

— Досвиданія, дѣдка! — сказала Багрецова, — я ухожу. Господа,—обратилась она къ присутствующимъ:—если вы принимаете женщину въ свое землячество, я готова поступить въ вашу общину. Небольшія деньжонки у меня найдутся, трудиться я готова, какъ только могу и сколько могу, и прошу тотчасъ же рѣшить, могу ли привезти съ собой дѣтей, у меня ихъ четверо.

— Можете, можете!—раздалось кругомъ.

— Мы только новорожденныхъ не желаемъ,—сказалъ Шалашиковъ:—противъ дѣтей ничего не имѣемъ въ принципѣ.

— Я вѣдь совершенно серьезно говорю, господа,—сказала Багрецова:—хочется какъ нибудь иначе устроить жизнь и получше воспитать дѣтей; для нихъ и ѣду. Ну, пока досвиданія.

— Марья Николаевна, погодите, я съ вами! — крикнулъ Юневичъ.—Дѣдка, я только провожу ее и вернусь,—обратился онъ къ Орлову.

— Иди, иди, дружокъ! Да хочешь, такъ и не приходи: ты и такъ все свое время посвятилъ мнѣ.

— И я съ вами!—сказалъ Шалашиковъ.

Кружковцы стали быстро расходиться. Послѣдніе гурьбою вышли мастеровые; они скоро нагнали Тулумбасову съ ея двумя кавалерами. Всѣ трое были недовольны «соборомъ».

— Свиныя!—говорила Тулумбасова.—Я предлагаю имъ ѣхать, а они даже не отвѣчаютъ.

— Разумѣется, свинство! — поддержалъ ее великовозрастный гимназистъ.—Насъ и не спросили, хоть бы баллотировку устроили, или на голоса пустили, кому ѣхать, а я еще имъ и пароль для сегодняшняго дня придумалъ.

— Я такъ и думала!—сказала Тулумбасова.—Гдѣ жъ бы имъ? Вѣдь они всѣ недоучки.

— Мужичье!—сказалъ петровецъ. — Чортъ съ ними! Вѣдь мы бы съ вами все равно не поѣхали.

— Кто это вамъ сказалъ?—возразилъ Смышляевъ.

— Да вѣдь вы еще курса не кончили.

— Да я и не желаю его кончать. Я именно и хотѣлъ бросить гимназію и ѣхать туда. Даровитымъ людямъ не нужны дипломы.

Сзади разсуждали мастеровые.

— И за коимъ чортомъ я свой двугривенный отдалъ?—говорилъ одинъ.—Нешто мнѣ туда рука ѣхать? Совсѣмъ не рука.

— Поѣхать бы, отчего не поѣхать,—сказалъ другой,—только мнѣ никакъ невозможно: у меня мать-старуха и сестра съ братишкомъ...

— Намъ отъ своего дѣла отбиваться—хлѣба не ѣсть,—сказалъ третій.

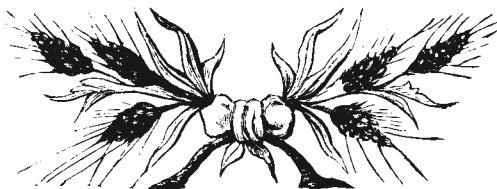
— Такъ зачѣмъ же ты деньги давалъ? Ты вѣдь первый и сунулся,—напустились на него.

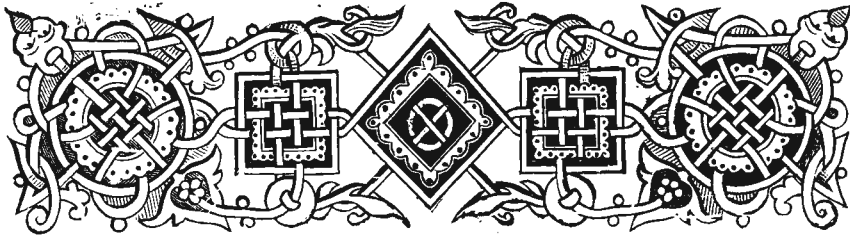
— Что же, что давалъ? На доброе дѣло отчего не дать? Да и отсыпаль-то вѣдь не Богъ знаетъ какую сумму, пятачкомъ отбоярился. Та же свѣчка Богу.

А небо между тѣмъ потемнѣло, и въ дали безчисленными огнями, то разбѣянными тамъ и сямъ, то вытянувшимися въ длинныя, прямыя вереницы, виднѣлась широко и беспорядочно раскинувшаяся Москва.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. АУЭРБАХА ¹⁾.

IV.

Моя служба въ «Grande société des chemins de fer Russes». — Директоръ Минъ Гильмэнь. — Курскіе шулера. — 19-е февраля 1861 года. — Поступленіе на службу по С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ. — Начало польскаго возстанія.

ВЪ МАѢ я получилъ письмо отъ отца, который совѣтовалъ мнѣ сейчасъ же ѣхать въ Москву и принять мѣсто, предлагаемое мнѣ чрезъ дядю И. Б. Ауэрбаха во вновь образовавшемся большомъ французскомъ обществѣ — «Grande société des chemins de fer Russes», по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ: Петербурго-Варшавской, Московско-Нижегородской и Московско-Одесской.

На другой же день я выѣхалъ изъ Горячкина въ Москву къ дядѣ Ивану Богдановичу, отъ котораго узналъ, что французскій ученый геологъ Гильмэнь, его большой пріятель и одинъ изъ директоровъ вышепомянутаго общества, отъѣзжая на югъ Россіи для нахожденія и изслѣдованія каменноугольныхъ мѣсторожденій, обратился къ нему съ просьбой порекомендовать ему молодого человѣка, хорошо владѣющаго французскимъ и русскимъ языками, для сопровожденія его въ качествѣ секретаря-переводчика, такъ какъ ни онъ, ни сынъ его химикъ ни слова не говорятъ по-русски.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. сі, стр. 347.

— Вотъ я и сказалъ ему про тебя,—сообщилъ мнѣ дядя.—Гильмэнъ—хорошій старикъ. Совѣтую тебѣ согласиться, потому что для тебя это будетъ полезно во всѣхъ отношеніяхъ — и сообществомъ образованныхъ людей, и путешествіями съ ними, и постоянной практикой въ чистомъ французскомъ «парижскомъ» языкѣ.

Дядя подалъ мнѣ свою визитную карточку и продолжалъ:

— Ступай сейчасъ въ гостиницу «Дрезденъ», гдѣ остановился Гильмэнъ. Завтра послѣдній день, до котораго онъ обѣщалъ ждать твоего отвѣта. Вы, конечно, сойдетесь въ условіяхъ, и, вѣроятно, на дняхъ же выѣдете на Югъ. Надѣюсь, ты оправдаешь мою рекомендацію.

Счастливымъ и довольнымъ отправился я къ Гильмэну. Весьма благообразный сѣдой старикъ встрѣтилъ меня весьма радушно.

— Je suis très content, que vous ne refusez pas la proposition de monsieur votre oncle et que vous consentez de venir avec moi faire mon secrétaire-interprète. J'espère, que nous serons contents l'un de l'autre (я очень доволенъ, что вы не отказываетесь отъ предложенія вашего дяди и согласны отправиться со мною въ качествѣ моего секретаря-переводчика. Я надѣюсь, мы другъ другомъ будемъ довольны),—проговорилъ онъ ласково послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій.

Тутъ же онъ сообщилъ мнѣ, что мои обязанности будутъ заключаться въ слѣдующемъ: въ сношеніяхъ со всѣми русскими, не говорящими по-французски; въ заключеніи и составленіи условій и контрактовъ съ подрядчиками и поставщиками; въ заботахъ объ его и сына его существованіи, въ смыслѣ домашняго хозяйства, до возвращенія нашего въ Петербургъ и въ веденіи всей отчетности и счетоводства.

— Vous aurez beaucoup à faire,—говорилъ мнѣ старикъ Гильмэнъ,—mais moi et mon fils Jules, nous ne sommes pas capricieux. Enfin je vous promets de vous donner des moments libres, autant que possible. (У васъ будетъ много дѣла, однако я и сынъ мой, Жюль,—люди нетребовательные. Во всякомъ случаѣ я обещаю предоставлять вамъ по возможности свободное время).

Въ это время изъ сосѣдней комнаты пришелъ его сынъ, довольно мрачный брюнетъ, еще молодой человекъ, съ которымъ старикъ меня сейчасъ же и познакомилъ.

Жалованіе мнѣ было предложено 1.500 рублей въ годъ на всемъ готовомъ при нихъ содержаніи. Я, конечно, на всѣ условія охотно согласился.

— Et bien! dès demain vous êtes mon secrétaire-interprète. Venez chez moi vers les dix heures et vous commencerez immédiatement à nous préparer pour le long voyage au sud de la Russie. Mes compliments les plus sincères à monsieur votre oncle Jean Bogdanovitch (итакъ, съ завтрашняго дня вы — мой секретарь-перевод-

чикъ. Приходите ко мнѣ около 10-ти часовъ, и вамъ тотчасъ же придется начать приготовленія для нашего продолжительнаго путешествія на югъ Россіи. Передайте мой искренній привѣтъ вашему дядѣ, Ивану Богдановичу),—подавъ мнѣ руку старикъ Гильмэнъ, давъ этимъ понять, что аудіенція окончена.

На другой день въ назначенный часъ я былъ у него. Сейчасъ же мнѣ были вручены деньги и даны порученія по устройству и организаціи нашего путешествія, при чемъ я получилъ наставленіе не стѣсняться средствами, а заботиться главное, чтобы все было удобно и съ комфортомъ. Только покунку экипажей я не захотѣлъ брать на себя одного: покупать ли кареты, коляски или тарантасы? Послѣдніе, какъ я зналъ уже по опыту, были практичнѣе для путешествія по нашимъ грунтовымъ дорогамъ, но рессорные экипажи, конечно, покойнѣе. Гильмэнъ согласился съ моими взглядами и доводами и поручилъ купить два тарантаса — одинъ побольше для него съ сыномъ, другой для меня, по моему вкусу. Я такъ и сдѣлалъ: купилъ для нихъ обширный, покойный тарантасъ съ фордекомъ, дышловый на четыре лошади, а другой—для себя небольшой, легкій, на тройку.

Черезъ нѣсколько дней все было готово, и мы тронулись въ путь. Подробно описывать наше путешествіе на почтовыхъ чрезъ Тулу, Орель, Курскъ и Харьковъ, по направленію къ Екатеринославию и Феодосіи, я не стану; скажу только, что въ Харьковѣ мы останавливались на нѣсколько дней въ «Петербургской» гостиницѣ, такъ какъ Гильмэну надо было повидаться тамъ, по совѣту дяди Ивана Богдановича, съ нѣкоторыми профессорами университета. Въ Харьковѣ вырѣшилось, что мы пока поѣдемъ только до Екатеринославля, вблизи котораго будто бы уже были обнаружены каменноугольныя залежи.

Отъ Харькова до Екатеринославля шоссе не было, и пришлось ѣхать по обыкновенной грунтовой дорогѣ, которая вообще на югѣ очень хороша въ сухую погоду, но дѣлается почти непроѣздной въ дождливую, благодаря липкому чернозему. Мы счастливо попали въ сухую погоду, скоро и благополучно добрались до Екатеринославля; дорогой останавливались по одному дню въ Новомосковскѣ и Перещепиной, гдѣ Гильмэну указывали на присутствіе тамъ каменнаго угля, и гдѣ онъ дѣлалъ геологическія наблюденія. Такъ какъ оба эти мѣста недалеко отъ Екатеринославля, то Гильмэнъ избралъ его нашей резиденціей на лѣто 1859 года. Оттуда мы дѣлали экскурсіи для геологическихъ изслѣдованій, которыя увѣнчались успѣхомъ близъ Перещепиной, гдѣ были поставлены наши первыя буровыя работы, были найдены могучіе пласты каменнаго угля хорошаго достоинства.

По пріѣздѣ въ Екатеринославль мы остановились въ гостиницѣ Морнца, но вскорѣ мнѣ удалось найти порядочную квартиру.

Устроившись довольно комфортабельно, нанявъ лакея и кухарку, мы зажили своимъ домкомъ.

Проживъ все лѣто 1859 года въ Екатеринославлѣ, гдѣ я сдѣлалъ предложеніе моеи женѣ, окончивъ съ успѣхомъ изысканія, взявъ пробы угля изъ мѣсторожденія близъ Перещепиной, мы поѣхали въ Петербургъ съ проектами приобрѣтенія и эксплуатаціи для нуждъ Московско-Ѳеодосійской желѣзной дороги Перещепинскаго каменноугольнаго мѣсторожденія.

Въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Гильмэномъ, пріѣхалъ я съ нимъ въ Петербургъ, гдѣ онъ представилъ меня главному директору, г. Колиньону.

Къ несчастію, Гильмэну не удалось въ Петербургѣ окончательно вырѣшить вопросъ объ организаціи эксплуатаціи Перещепинскихъ копей, гдѣ онъ и мнѣ общалъ солидное мѣсто, и онъ былъ вызванъ для этого въ Парижъ въ главное правленіе. Ѣхать съ нимъ въ Парижъ мнѣ не представлялось надобности, такъ какъ онъ тамъ не нуждался въ секретарѣ-переводчикѣ; поэтому онъ просилъ Колиньона дать мнѣ подходящее, приличное мѣсто, хотя бы временно до его возвращенія въ Россію. Согласно съ ходатайствомъ Гильмэна мнѣ было предложено мѣсто кассира и помощника бухгалтера въ третьемъ отдѣленіи по изысканіямъ Московско-Ѳеодосійской желѣзной дороги съ жалованьемъ по двѣ тысячи четырехста рублей въ годъ, и, сверхъ того, при разѣздахъ по дѣламъ общества, мнѣ полагалось суточныхъ по четыре рубля въ день; на устройство и обзаведеніе мое въ Курскѣ мнѣ была назначена еще единовременно тысяча рублей подъемныхъ—это, спасибо, опять таки по особому ходатайству такъ хорошо расположеннаго ко мнѣ Гильмэна.

Гильмэнъ, рассчитываясь со мной за службу у него, выдалъ мнѣ наградныхъ 500 рублей, а чрезъ нѣсколько дней я получилъ въ правленіи бумагу о моемъ назначеніи въ Курскъ открытое письмо о томъ же къ начальнику отдѣленія, французу Л., подъемныхъ 1.000 рублей и прогоны до Курска. Явиться къ мѣсту служенія въ Курскъ я долженъ былъ не позднеѣ, какъ черезъ мѣсяць.

Нашивъ себѣ въ Петербургѣ отличнаго платья, подремонтировавъ бѣлье, съ порядочными деньгами въ карманѣ, я, конечно, съ гордостью поѣхалъ изъ Петербурга въ мое милое, дорогое мнѣ Кузнецово, гдѣ былъ встрѣченъ всѣми, даже матерью, съ распростертыми объятіями. Только одно не нравилось моимъ родителямъ, особенно матери, что я такъ рано затѣялъ жениться; если они дали на это свое согласіе, то, во всякомъ случаѣ, противъ ихъ желанія.

Прогостилъ я дома дней десять; оттуда я взялъ съ собой молодого, тоже лѣтъ двадцати, царня Ивана, сына одного изъ на-

шихъ фабричныхъ приказчиковъ, въ качествѣ лакея. Пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, мы съ Иваномъ недѣли чрезъ двѣ прибыли въ Курскъ. По приѣздѣ туда, оказалось, что начальникъ отдѣленія тоже только что прибылъ, и контора еще не была открыта. Надо сказать, что французъ-начальникъ отдѣленія терпѣть не могъ русскихъ служащихъ, и терпѣлъ ихъ только потому, что онъ безъ нихъ обойтись не могъ, ибо многіе другіе инженеры и служащіе французы, занимавшіе, однако, всѣ высшія должности съ огромными окладами, по-русски не говорили, и большинство даже плохо понимали этотъ трудный для нихъ языкъ. Волей-неволей они были какъ бы въ рукахъ у насъ, русскихъ служащихъ, хорошо говорившихъ по-французски; такъ и теперь начальнику отдѣленія пришлось принять меня довольно любезно и поручить мнѣ найти помѣщеніе для конторы, приобрести необходимую обстановку ея и вообще организовать всю конторскую службу, тѣмъ болѣе, что я былъ назначенъ кассиромъ и помощникомъ бухгалтера, нѣкоего monsieur Jussy, выѣхавшаго изъ Парижа уже два мѣсяца тому назадъ, но все еще не добравшагося до Курска.

Вотъ тутъ-то, при организаціи курской конторы, принимая и провѣряя отчеты о путевыхъ издержкахъ собиравшихся понемногу служащихъ, я увидѣлъ и убѣдился, какой французами производился невѣроятный грабежъ суммъ общества во время этой пресловутой и знаменитой въ своемъ родѣ эпопеи «Grande société des chemins de fer Russes». Насколько французы старались прикрывать, признавать правильными безобразные и незаконные свои расходы, настолько же они были строги и придирчивы въ этомъ отношеніи къ русскимъ...

Былъ, на примѣръ, такой случай: одинъ помощникъ начальника дистанціи, молодой русскій путеецъ, ѣхавши изъ Москвы въ Курскъ, потерялъ квитанцію вольной почты въ уплатѣ прогоновъ на двѣ лошади отъ Тулы до Орла, всего на сумму около 15 рублей, но, такъ какъ у него не оказалось на нихъ оправдательнаго документа, то начальникъ отдѣленія ни за что не хотѣлъ утвердить этого расхода; только настойчивыя мои доказательства, что прогоны, какъ извѣстно, оплачивались отъ одного губернскаго города до другого, что не могъ же инженеръ пролетѣть по воздуху пространство между Тулой и Орломъ, и что онъ непремѣнно долженъ былъ заплатить эту именно сумму, по расчету верстъ, заставили, наконецъ, француза-начальника признать этотъ расходъ правильнымъ и принять его. А въ отчетѣ о путевыхъ издержкахъ сапожника-бухгалтера Жюсси встрѣчались, на примѣръ, такія статьи расходовъ: за 100 штукъ гаванскихъ сигаръ 60 рублей; въ аптеку за слабительное для жены 3 рубля и тому подобные расходы, которые всѣ безпрекословно принимались и утверждались начальникомъ отдѣленія.

Выше я назвалъ Жюсси сапожникомъ-бухгалтеромъ совершенно правильно; онъ самъ мнѣ рассказывалъ, что занимался въ Парижѣ этимъ ремесломъ, дававшимъ ему очень скромный заработокъ.

— Mais, quand mon ami Collignon m'a proposé de venir chez lui en Russie comme chef comptable, avec les appointements de 20 milles francs par an,—наивно хвастался онъ,—ôtre ça encore, tous les frais de voyage au compte de la Société, cela s'entend, j'ai liquidé mon affaire et vraiment je me sens très bien maintenant. (Но, когда мой другъ Колинъонъ предложилъ мнѣ отправиться къ нему въ Россію въ качествѣ бухгалтера съ жалованьемъ въ 20 тысячъ франковъ въ годъ, сверхъ того, всѣ расходы по путешествію на счетъ общества, само собою разумѣется, я ликвидировалъ свои дѣла и дѣйствительно чувствую теперь себя очень хорошо).

Этотъ Жюсси былъ простой, совсѣмъ необразованный, мало развитой мастеровой, наивно глупый, не имѣвшій никакого понятія о бухгалтеріи и взвалившій всю работу на меня, тѣмъ болѣе, что цѣлый мѣсяць до его пріѣзда я работалъ одинъ. Надо отдать ему справедливость,—онъ красиво писалъ; поэтому велъ только бѣловыя книги, въ которыя онъ вписывалъ все съ моихъ черновыхъ, по моему указанію; за то онъ получалъ шесть тысячъ рублей въ годъ жалованья, а я только двѣ тысячи четыреста рублей. При его и моемъ благодущіи мы, однако, были съ нимъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ.

Какъ молодой человѣкъ эlegantной наружности, я въ Курскѣ былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ и, благодаря своему солидному положенію по занимаемому мѣсту, игралъ тамъ довольно видную роль, а маменьки взрослыхъ дочекъ смотрѣли на меня, какъ на завиднаго жениха.

Особенностью Курска того времени, когда еще почти не было желѣзныхъ дорогъ, когда процвѣтали еще обширныя вообще и конскія ярмарки въ особенности, какъ Курская Коренная, Лебедянская и мн. др., куда въ большомъ количествѣ съѣзжались ремонтеры, было и то, что онъ былъ какъ бы разсадникомъ шулеровъ. Эти господа встрѣчались въ такихъ сферахъ общества, гдѣ ни одинъ порядочный человѣкъ не могъ бы даже заподозрѣть присутствіе, не только участіе подобныхъ профессионаловъ.

Довольно характерный случай былъ и со мной въ этомъ направленіи. Однажды утромъ, въ девятомъ часу, когда я собирался итти на службу, входитъ ко мнѣ мой Иванъ съ докладомъ, что какой-то неизвѣстный ему господинъ желаетъ меня видѣть.

Приказалъ принять. Одѣлся, выхожу въ другую комнату, гдѣ застаю прилично одѣтаго господина среднихъ лѣтъ, который вѣжливо со мной раскланялся.

— Честь имѣю рекомендоваться,—заговорилъ мой гость,—дворянинъ Бунинъ, помѣщикъ.

— Очень пріятно познакомиться,—протянулъ я ему руку.— Чѣмъ могу служить вамъ?

— Я—здѣшній шулеръ,—цинично продолжалъ онъ,—и желалъ бы кое-что сообщить вамъ о компаніи, направленной противъ васъ здѣшними многочисленными шулерами.

— Я съ шулерами, извините, никакихъ дѣлъ не имѣю и полагаю, что намъ разговаривать не о чемъ,—всталъ я уже, не подавая ему руки.

— Вы напрасно сердитесь,—продолжалъ не стѣняясь и совершенно невозмутимо Бунинъ.—Вы такъ молоды и такъ неопытны въ этомъ направленіи, что легко можете поддаться обману, а мнѣ жаль васъ, и я хотѣлъ только предупредить васъ о грозящей вамъ опасности. Прошу васъ, выслушайте меня, я не долго задержу васъ.

Меня заинтересовала такая откровенность; я сѣлъ, и Бунинъ заговорилъ опять.

— Въ дворянскомъ собраніи на балу губернаторъ познакомитъ васъ съ своимъ чиновникомъ особыхъ порученій, Маковлевымъ. Ну, придетъ ли вамъ въ голову, что Маковлевъ—шулеръ?.. Конечно, нѣтъ. Тѣмъ не менѣе это такъ, и онъ, познакомившись съ вами чрезъ губернатора, сдѣлаетъ вамъ визитъ; вы его отдадите ему и, конечно, пригласите бывать у васъ по четвергамъ, когда у васъ собираются ваши товарищи по службѣ и ваши знакомые. У васъ играютъ также въ карты. Мы, какъ видите, уже все знаемъ; знаемъ также и то, что вы получили въ Петербургѣ пятьсотъ рублей наградныхъ, тысячу рублей подъемныхъ; эти деньги должны быть у васъ налицо, такъ какъ денегъ, полученныхъ за прежнюю службу, прогонныхъ и суточныхъ, вамъ было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы пріѣхать сюда и обзавестись всѣмъ. Такъ вотъ мы и рѣшили выиграть у васъ эти 1.500 рублей. Со мной васъ также познакомятъ... вѣроятно, губернской предводитель дворянства Мухортовъ,—вотъ вамъ опять не можетъ прійти въ голову, что я тоже шулеръ?..

— Зачѣмъ же вы все это рассказываете мнѣ? — перебилъ я его.

— А вотъ слушайте дальше, и вы тогда поймете. Въ одинъ изъ четверговъ соберутся у васъ гости, въ числѣ которыхъ будутъ также Маковлевъ, совѣтникъ казенной палаты, съ которымъ вы уже знакомы, онъ тоже шулеръ, и я. До ужина у васъ будутъ играть по маленькой въ коммерческія игры, а послѣ ужина, послѣ того, какъ всѣ товарищи и большинство гостей разъѣдутся, мы трое, то-есть Маковлевъ, совѣтникъ и я, позамѣшкаемся. Маковлевъ предложитъ поиграть въ штоссъ, въ который мы и

сговорились обыграть васъ навѣрняка. Маковлевъ, еще очень слабый и плохой шулеръ, будетъ метать двумя колодами по очереди; вотъ тутъ-то у насъ и условлено, что пока онъ будетъ метать одной колодой, я другую, незамѣтно для васъ, подтасую круглякомъ, то-есть такъ, что всякая карта, какую бы вы ни поставили, будетъ бита. Если можно подтасовать колоду такъ, что каждая карта будетъ бита, то ясно, что ее можно подтасовать и такъ, что каждая карта будетъ дана. Ну, поняли теперь?

— Ничего не понялъ и не понимаю,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ я вамъ сейчасъ еще лучше объясню. Такимъ же образомъ мы обыгрывали недавно одного ремонтера; но Маковлевъ меня обманулъ, и, несмотря на то, что я добросовѣстно исполнилъ свою обязанность, онъ изъ выигранныхъ у ремонтера денегъ отдалъ мнѣ только десятую часть, вмѣсто условленной половины. Вотъ я и хочу теперь отомстить Маковлеву: я ему подтасую теперь колоду навыворотъ, т.-е. каждая карта будетъ дана, а не бита, я толкну васъ тогда ногой, и вы смѣло ставьте по банку, который сорвете и положите донезки въ свой карманъ.

Возмущенный подобнымъ нахальнымъ предложеніемъ Бунина, я позвалъ своего лакея, которому приказалъ вывести этого господина и никогда больше не принимать его.

— Я и самъ уйду,—смиренно проговорилъ Бунинъ, выходя въ переднюю.—Только совѣтую вамъ не болтать о только-что произошедшемъ между нами—вы только повредите себѣ.

Мой Иванъ, оказалось, подслушалъ весь разговоръ и, когда вернулся въ комнату, заперевъ за Бунинымъ дверь, сказалъ:

— А вы, Андрей Андреевичъ, въ самомъ дѣлѣ лучше помалкивайте да постарайтесь провѣрить все сказанное этимъ господиномъ. Можетъ, и взаправду здѣсь этихъ мошенниковъ ужъ очень много?.. Тогда они въ концѣ концовъ доберутся до вашихъ денежекъ.

Сообразивъ все хорошенько, я рѣшилъ дѣйствительно пока молчать.

Прошло недѣли двѣ, и я началъ было уже забывать о Буинскомъ посѣщеніи, какъ на балѣ въ дворянскомъ собраніи, во время бывшихъ тогда выборовъ, губернаторъ знакомитъ меня съ своимъ чиновникомъ особыхъ порученій, Маковлевымъ, а губернский предводитель дворянства Мухортовъ съ помѣщикомъ Бунинымъ, который и глазомъ не сморгнулъ, что знаетъ меня.

Меня это заинтересовало, и я тутъ же на балѣ пригласилъ ихъ обоихъ безъ всякихъ церемонныхъ визитовъ пожаловать ко мнѣ попросту въ четвергъ вечеромъ.

Въ первый же четвергъ у меня собрались, кромѣ моихъ товарищей по службѣ и уже бывавшихъ у меня раньше знакомыхъ, также Маковлевъ, Бунинъ и совѣтникъ казенной палаты Строевъ. Все шло такъ, какъ говорилъ Бунинъ.

Послѣ ужина, когда почти всѣ уже разъѣхались, Маковлевъ предложилъ переметнуться, хоть не долго, въ штосикъ.

— Хорошо, — господа, говорю я. Извольте, я заложу вамъ тыщенку. Рвите.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Маковлевъ. — Я не люблю понтировать, а банкъ заложу съ удовольствіемъ.

— Я и на это согласенъ, — сказалъ я.

Живо Иванъ поставилъ столъ посреди комнаты, въ которой у одной стѣны стоялъ мой письменный столъ, надъ которымъ висѣло большое стѣнное зеркало. Подали карты. Усѣлись: я спиной къ моему письменному столу, Маковлевъ со мной vis-à-vis, а Бунинъ и Строевъ по другимъ сторонамъ ломбернаго стола.

Маковлевъ досталъ изъ бумажника десять радужныхъ, положилъ ихъ подъ подсвѣчникъ, распечаталъ карты, потасовалъ ихъ, сръзалъ и сказалъ «готово».

Началась игра, которая съ полчаса шла вяло, ни шатко ни валко. Совѣтникъ и я были въ нѣкоторомъ проигрышѣ, а Бунинъ и Маковлевъ въ пустяшномъ выигрышѣ. Смотрю, Бунинъ, сидѣвшій по правую руку у Маковлева, беретъ другую свободную колоду банкмета и начинаетъ тасовать ее довольно долго, кладетъ опять на мѣсто около Маковлева, который, кончивъ талію, не замедлилъ взять ее. Тогда Бунинъ толкаетъ меня ногой; у меня моментально промелькнула мысль: «фи! какая гадость! какъ смѣетъ онъ думать, что я могу участвовать съ нимъ въ заговорѣ!»... Конечно, я по банку не поставилъ, а бросилъ на свою понтерку нѣсколько рублей. Карта была дана.

Въ это время я всталъ, подошелъ къ письменному столу, чтобы скрутить себѣ папиросу, и увидѣлъ въ зеркалѣ, котораго мои партнеры, вѣроятно, не замѣтили, слѣдующую картину: Маковлевъ жестами показываетъ Бунину свое возмущеніе въ неправильной подтасовкѣ колоды, которую онъ тутъ же, пользуясь временемъ, пока я стою къ нимъ спиной, опускаетъ въ свой боковой карманъ, а изъ него извлекаетъ свою «аделаиду» (такъ называлась у шулеровъ колода картъ мѣченая, крапленая, приготовленная дома), которая, конечно, измѣнить ему не можетъ. Но, говоритъ пословица, «и на старуху бываетъ проруха».

...Онъ видимо ошибся и извлекъ изъ кармана не ту «аделаиду», которую слѣдовало, потому что на столѣ оказались обѣ банкметныя колоды одного краснаго крапа, тогда какъ всегда въ каждой игрѣ картъ (то-есть въ двухъ колодахъ) одна колода краснаго, а другая синяго крапа.

Я это тотчасъ же замѣтилъ, хотя сами шулера или не замѣтили своей ошибки, или, рассчитывая на мою неопытность и не имѣя уже времени поправить ошибку, надѣялись, что дѣло сойдетъ, только Маковлевъ, держа уже свою колоду въ рукахъ, очень увѣренно сказалъ:

— Готово!

Тогда я бросилъ на столъ какую-то карту и сказалъ, что ставлю ее по банку со всѣми входящими и выходящими.

Карта моя чрезъ нѣсколько абцуговъ, конечно, была бита.

Маковлевъ, зная, что моя карта стоила около 1.500 рублей, положилъ свою колоду на столъ, сказавъ:

— Довольно, я больше не мечу.

— Дѣйствительно довольно,—сказалъ я, взявъ изъ-подъ подсвѣчника десять радужныхъ Маковлева и положивъ ихъ въ карманъ.

— Иванъ, гони всѣхъ въ шею!—крикнулъ я своему лакею и при этомъ показалъ озадаченнымъ шулерамъ, что обѣ банккометныя колоды были одного краснаго крапа.

Сконфуженные и униженные, не стараясь даже оправдываться, они торопливо взяли свои шапки и поспѣшили уйти. Мы съ Иваномъ долго смѣялись надъ ихъ глупыми озадаченными физиономіями.

Исторія эта, благодаря Бунину, быстро разнеслась по городу и надѣлала много шума. Маковлеву пришлось бросить службу и совсѣмъ уѣхать изъ Курска, такъ какъ и шулера исключили его изъ своей среды, не желая имѣть дѣло съ такимъ дуракомъ, который даже и колоды-то подмѣнить, какъ слѣдуетъ, не умѣетъ.

Нахальству же Бунина и его друга шулера Березина не было предѣловъ, потому что эти оба господина имѣли дерзость черезъ нѣсколько дней пріѣхать ко мнѣ и, восторгаясь моей находчивостью, дѣлать мнѣ самыя циничныя и унижительныя предложенія поступить къ нимъ на службу и бросить главное общество желѣзныхъ дорогъ.

— Вѣдь мы вамъ дадимъ заработать вдесятеро больше нашего жалованья. Что вы тамъ получаете какіе-то жалкіе 2.400 рублей? Черезъ насъ же вы можете достать 25—30 тысячъ въ годъ.

— Какимъ образомъ?—полюбопытствовалъ я.

— Ваше дѣло будетъ только разъѣзжать съ нами по большимъ ярмаркамъ и разыгрывать богатаго кутилу, барона, любящаго играть въ карты.

— Какая же вамъ-то отъ этого будетъ польза?

— Какая?! всегда найдется много охотниковъ сыграть съ вами, такъ какъ васъ никто не заподозритъ въ игрѣ навѣрняка, и мы будемъ поочереди разыгрывать вашихъ прихлебателей и приживальщиковъ. Вы сядете играть, поиграете нѣкоторое время, сдѣлаете видъ, что вамъ надоѣло, и попросите когонибудь изъ насъ продолжать игру и метать за васъ. Ну, а ужъ тогда—наше дѣло!...

Опять пришлось мнѣ попросить этихъ господъ немедленно удалиться и болѣе никогда не являться ко мнѣ.

Дѣла нашего «Grande société», однако, вдругъ пошатнулись, и въ 1860 году было получено распоряженіе: прекратить производ-

ство изысканій по всей линіи Москва—Оеодосія и только скорѣе доканчивать постройку дорогъ Московско-Нижегородской и С.-Петербургско-Варшавской. Такимъ образомъ, къ осени 1860 года мы оказались при печальномъ интересѣ, то-есть безъ мѣсть. Французы удалились къ себѣ во Францію все-таки съ нѣкоторой помпой, хоть и съ меньшей, чѣмъ приѣхали; они всѣ получили въ карманъ путевыя деньги и все причитающееся имъ по контрактамъ, а насъ, русскихъ, не имѣвшихъ контрактовъ, просто уводили. Я написалъ было Гильмэну, но получилъ отвѣтъ, что каменноугольныхъ копей устраивать не будутъ, и онъ не вернется больше въ Россію. Такъ какъ я всегда любилъ жить широко и никогда не думалъ не только о черномъ, но и завтрашнемъ днѣ, то у меня никакихъ сбереженій не было, и я остался при самомъ пиковомъ интересѣ. Къ счастью моему, въ Старооскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи жилъ управляющимъ у графа Бобринскаго въ имѣніи Орликъ дядя и крестный отецъ мой, Александръ Андреевичъ Ауэрбахъ, которому я и написалъ, и онъ тотчасъ же приѣхалъ въ Курскъ.

Домой обращаться за помощью мнѣ было очень тяжело, и потому дядя увезъ меня къ себѣ, въ с. Орликъ.

Дядя Ал. Анур. былъ женатъ, но дѣтей у него не было, и они съ женой были очень довольны переѣздомъ моимъ къ нимъ. Окружили меня всевозможнымъ комфортомъ, баловали до послѣдней степени и чуть не превратили меня въ совершеннѣйшаго сибарита.

Къ счастью, у нихъ въ домѣ былъ рояль, который помогъ мнѣ не совѣмъ разлѣниться. Ни дядя, ни тетка сами не играли, но очень любили музыку и пришли въ восторгъ отъ моей игры. Дядя даже задумалъ устроить такъ, чтобы я могъ поѣхать года на два въ одну изъ заграничныхъ консерваторій, но такъ какъ у него своихъ собственныхъ средствъ для этого не было, то онъ затѣялъ женить меня на одной богатой барышнѣ, Башкатовой, гостившей по сосѣдству у своей родственницы, вдовы Волковой. Можно представить себѣ разочарованіе и огорченіе дяди, когда онъ узналъ, что у меня уже есть невѣста, но тоже безъ всякихъ средствъ.

Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій, живя въ деревнѣ у дяди, я усердно занимался музыкой и затѣмъ часто ѣзжалъ на охоту и рыскалъ по сосѣдямъ.

До сихъ поръ я еще ни слова не сказалъ о великомъ событіи 19-го февраля 1861 года, когда былъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ великій актъ совершился во всей Россіи, за самыми рѣдкими исключениями, тихо и безъ волненій народныхъ массъ, которыя всюду возносили только самыя горячія молитвы за обожаемаго всѣми Царя-Освободителя. Дворянство тоже въ большинствѣ случаевъ,

Какъ извѣстно, безропотно покорилося высочайшей волѣ, хотя многіе никакъ не могли примириться съ мыслью, что Баньки и Оедьки не будутъ больше работать на нихъ даромъ, что надо совершенно измѣнить весь строй хозяйства и т. д., и сравнительно очень немногіе сумѣли должнымъ образомъ распорядиться полученными за крестьянъ выкупными свидѣтельствами, большинство же помѣщиковъ, проживъ эти деньги, впадали постепенно въ оскудѣніе, бросали свои земли, которыя и начали переходить въ руки купцовъ и кулаковъ.

Но зато бывали и діаметрально противоположныя явленія. Такъ, наши крѣпостные Тверской губерніи, очень любившіе отца, обнимались и цѣловались съ нимъ по выслушаніи манифеста, но тутъ же заявляли, что имъ живется у него такъ хорошо, какъ имъ уже, конечно, никогда не придется жить на волѣ, и поэтому они желаютъ лучше остаться его крѣпостными. Я очень жалѣю, что мнѣ не удалось присутствовать при этой трогательной сценѣ. И дѣйствительно наши крестьяне и дворовые жили при отцѣ очень хорошо, никогда не зная никакой нужды; погорить ли кто, ему сейчасъ же отпускали даромъ лѣсъ на постройку; падеть ли лошадь, корова, овца, ему сейчасъ же давались другія; женится молодой парень по любви на бѣдной дѣвушкѣ изъ сосѣднихъ крестьянъ, ей дается полное приданое; въ неурожайные года, которые, правда, тогда бывали очень рѣдки, всѣ семьи всегда обезпечивались хлѣбомъ до новаго урожая и т. д., даже барщина у отца никогда не бывала въ тягость, и мой добрый старикъ болѣе обращалъ вниманія на своевременную уборку сѣна и хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ, чѣмъ на своихъ.

— Какой же работникъ—бѣдный крестьянинъ?—говаривалъ онъ всегда.—Богатъ мужикъ—богатъ и я. Только не лѣнись и дѣлай всегда все въ-время.

И дѣйствительно Тверская губернія, не причисляемая къ хлѣбороднымъ, бывала рѣдкостная по урожаямъ, какъ на поляхъ отца, такъ и его крестьянъ, несмотря на то, что держались въ хозяйствахъ старинной трехпольной системы. Рожь у насъ родилась часто самъ 16 и въ среднемъ за десятилѣтіе выходила самъ двѣнадцать.

Вотъ старуха генеральша Цеймернъ, урожденная Малама, у которой въ деревнѣ (Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи) гостила моя невѣста, которую я тогда навѣстилъ, была истой, закоренѣлой крѣпостницею и никакъ не могла примириться, что послѣ 19-го февраля она уже не можетъ отдуть по щекамъ какую нибудь Палашку. Генеральша очень любила мою невѣсту, черезъ нее перенесла свою любовь и на меня, но не переносила, когда мы оба стояли горой за совершившуюся реформу, признававшую людьми и крѣпостныхъ.

— Какіе они люди?!—бывало ворчить генеральша.—Эго скоты, какъ лошади и волю, и на нихъ нуженъ такой же кнутъ. Не везетъ лошадь—ее кнутомъ; не исполняетъ Палашка, какъ слѣдуетъ, моихъ приказаній,—я ее по щекамъ. И вдругъ теперь, извольте видѣть, эта самая Палашка—вольная... и вольна не исполнять моихъ приказаній?! Да какая же это справедливость?!

Въ іюлѣ 1861 года я женился, а въ 1862 году осенью мнѣ было предложено поступить на службу на С.-Петербургско-Варшавскую желѣзную дорогу. Сначала я былъ причисленъ къ главной конторѣ начальника эксплуатаціи, француза Алькіе, который сразу расположился ко мнѣ, потому что я хорошо говорилъ по-французски.

Въ это время уже начинались волненія въ Польшѣ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, на которыя, однако, ни великій князь Константинъ Николаевичъ, намѣстникъ царства Польскаго, ни В. И. Назимовъ, генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, не обратили должнаго вниманія, чѣмъ и дали возможность организовать и развиваться возстанію, съ его «народовымъ ржондомъ» во главѣ, такъ печально кончившимся для поляковъ и всего края и унесшимъ такъ много человѣческихъ жертвъ.

V.

Польское возстаніе 1863 года. — Опять В. И. Назимовъ. — Первые безпорядки и посылка гвардіи въ Сѣверо-Западный край. — Первая казнь въ Вильнѣ ксендза Ишоры. — Намѣстникъ края, графъ М. Н. Муравьевъ. — Военный начальникъ желѣзной дороги, графъ В. А. Бобринскій. — Эпизоды съ сотникомъ Грековымъ и съ жандармскимъ полковникомъ Житковымъ.

Въ самомъ началѣ января 1863 года начальникъ эксплуатаціи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги Алькіе получилъ телеграмму отъ начальника III отдѣленія службы движенія С. Л. Барыкова съ настойчивымъ требованіемъ прислать къ нему немедленно въ помощники кого либо изъ надежныхъ, развитыхъ служащихъ. Насъ было двое, прикомандированныхъ къ конторѣ Алькіе, Блументаль и я, которымъ онъ и предложилъ ѣхать въ Вильну къ Барыкову.

Блументаль наотрѣзъ отказался ѣхать, какъ онъ объяснилъ, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго желанія рисковать своей головой, ѣхать въ смутный край, несмотря на то, что подобная командировка была порядочнымъ повышеніемъ по службѣ, притомъ съ увеличеніемъ оклада жалованья. Я же немедленно согласился, тѣмъ болѣе, что С. Л. Барыковъ былъ вмѣстѣ со мной (только года на три старше меня по выпуску) въ московской 3-й гимназій.

Алькіе сейчасъ же приказаль изготавить для меня нужные документы и бумаги, выдать мнѣ подъемныя, и я на другой же день долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга къ своему новому мѣсту служенія. Велико было изумленіе моей жены и Трейтеровъ, когда я, придя домой въ обычное время, объявилъ, что завтра уѣзжаю и получилъ уже для сего всѣ нужные документы и деньги.

Инженеръ путей сообщенія, А. В. Трейтеръ, служившій въ инспекціи той же Варшавской желѣзной дороги, былъ женатъ на родной сестрѣ моей жены, и мы жили въ Петербургѣ вмѣстѣ на одной квартирѣ.

Рѣшено было на общемъ семейномъ совѣтѣ, что моя жена съ сыномъ останутся пока въ Петербургѣ, а я поѣду въ Вильну одинъ. Вечеръ былъ посвященъ моимъ сборамъ въ дорогу, а на другой день съ почтовымъ поѣздомъ я уже катилъ къ мѣсту новаго моего служенія въ качествѣ прикомандированнаго въ распоряженіе начальника 3-го отдѣленія службы движенія.

Сергѣй Лаврентьевичъ Барыковъ принялъ меня чисто по-товарищески—оказалось, онъ помнилъ меня по московской гимназіи; познакомилъ меня съ своей молодой женой, хорошенькой Анной Павловной, урожденной Каменской (впослѣдствіи довольно извѣстной поэтессой), и, пока что, предложилъ мнѣ остановиться у него, на казенной квартирѣ, тутъ же, на самомъ Виленскомъ вокзалѣ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е января 1863 года повстанцы совершенно неожиданно сожгли желѣзнодорожный мостъ на р. Бугѣ, и С. Л. Барыковъ послалъ меня доложить объ этомъ генералъ-губернатору В. И. Назимову, вручивъ мнѣ, какъ доказательство, подлинную служебную телеграмму объ этомъ. В. И. Назимовъ, любимый поляками, хорошо раскусившими его и отлично понимавшими, какъ легко втирать ему очки, показывая ему всегда свое будто бы самое искреннее расположеніе и оказывая ничего не стоящіе почеть и уваженіе,—не допускалъ и мысли о возможности открытаго мятежа въ Литвѣ.

Когда доложили Владимиру Ивановичу, что пріѣхалъ посланный съ желѣзной дороги, имѣющій сообщить ему нѣчто очень важное, онъ даже не сразу принялъ меня, а просилъ подождать, пока онъ одѣнется; затѣмъ онъ вышелъ ко мнѣ въ пріемную въ полномъ мундирѣ при эполетахъ и прежде всего поразилъ меня своей памятью: онъ сейчасъ же узналъ меня и прежде всего заговорилъ о томъ, какъ онъ въ 3-ей гимназіи приказалъ остричь меня подъ гребенку.

— Вотъ мы опять встрѣтились съ вами,—сказалъ онъ улыбаясь.—Чѣмъ могу служить вамъ?

— Я присланъ къ вашему высокопревосходительству Сергѣемъ Лаврентьевичемъ Барыковымъ, чтобы доложить вамъ, что сегодня ночью польскіе мятежники сожгли у насъ желѣзнодорожный мостъ на Бугѣ,—отрапортовалъ я.

— Не можетъ быть! Что за чепуху вы городите?!—сказалъ онъ довольно рѣзко.

Когда же я показалъ ему телеграмму, онъ насупилъ свои густыя брови, ненадолго задумался и сказалъ:

— Хорошо, я сдѣлаю нужныя распоряженія, а Сергѣю Лаврентьевичу скажите, что телеграмму я оставилъ у себя.

И съ этими словами онъ быстро ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Такъ началось открытое возстаніе въ Польшѣ и Литвѣ.

Всюду стали появляться шайки косиньеровъ (т.-е. банды, вооруженныя косами на древкахъ) и первые жандармы-вѣшатели; почти ежедневно портили желѣзную дорогу и телеграфъ; всюду расклеивались и развѣшивались прокламаціи и воззванія «народаваго ржонда»; молодежь толпами шла «до лясу»; всѣ стали носить «конфедератки» (головной уборъ въ родѣ уланскаго кивера) и «чемарки» (кафтаны въ родѣ венгерокъ); дамы и дѣвицы надѣли трауръ «по ойчизнѣ»; особенно фанатичныя дамы и ханжи ложились «кржыжемъ», распростертыя на Остробрамской улицѣ, у костела и часовни Божіей Матери Остра-Брама (Ostra-Brama), и если бы вы, проѣзжая въ это время по улицѣ, не вылѣзли изъ экипажа и не пошли пѣшкомъ, пославъ экипажъ въ объѣздъ, то рисковали быть, если не избитымъ, то во всякомъ случаѣ оплеванымъ (буквально) и огульно обруганнымъ «пся кривъ» и другими самыми непотребными ругательствами.

Вообще жизнь въ Вильнѣ сдѣлалась невыносимой, а намъ, русскимъ, особенно служащимъ на желѣзной дорогѣ очень рискованной, кромѣ того, такъ что мы въ то время не иначе выходили изъ дому, какъ съ револьверомъ въ карманѣ.

Небрежность В. И. Назимова, происходившая, вѣроятно, отъ его убѣжденности въ невозможности возстанія, была такъ велика, что онъ даже не подумалъ заблаговременно о томъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное количество войскъ. И вотъ, когда возстаніе уже разыгралось во всю, и въ немъ не могло быть никакого сомнѣнія, когда оно стало совершившимся фактомъ, тогда только наконецъ онъ обратился за помощью въ Петербургъ, откуда и была двинута въ Сѣверо-Западный край почти вся гвардія, которую всего скорѣе и удобнѣе можно было передвинуть туда по нашей желѣзной дорогѣ. Кромѣ того, было прислано нѣсколько сотенъ донскихъ казаковъ, которые были особенно полезны для выслѣживанія и преслѣдованія бандъ. Такимъ образомъ въ февралѣ было сосредоточено въ краѣ достаточное количество войскъ всѣхъ родовъ оружія, давшихъ возможность послѣдовательно и систематически преслѣдовать, разбивать и уничтожать одну банду за другой.

Особенно удачными по достигнутымъ результатамъ были дѣла: командира лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, Николая Степано-

вича Ган цага, уничтожившаго правильно организованную шайку Сѣраковского (бывшаго офицера генеральнаго штаба) и Колышки, которыхъ онъ взялъ въ плѣнъ,—и полковника лейбъ-гвардіи павловскаго полка, флигель-адъютанта Тимоеева, разбишаго на голову близъ станціи желѣзной дороги «Ораны» отлично организованную шайку Нарбута, который былъ убитъ въ этомъ дѣлѣ.

Долго не давалась небольшая, летучая банда Вислоуха, постоянно портившая желѣзную дорогу и телеграфъ, очень ловко исчезающая, когда, казалось, вотъ-вотъ она выслѣжена, какъ слѣдуетъ, и будто даже окружена нашими войсками, которыя увѣренно уже шли на нее, но, подходя къ опредѣленному мѣсту ея нахождения, не застали на мѣстѣ ни души, а находили только ясныя доказательства самаго недавняго пребыванія ея тамъ, въ видѣ обрывковъ бумаги, объѣдковъ и остатковъ разной пищи, еще тлѣющихъ костровъ и т. п.; но въ концѣ концовъ и она была частью уничтожена, частью разсѣяна близъ Трокскаго монастыря, недалеко отъ Вильны.

Не помню сейчасъ хорошенько, какой частью войска была еще въ январѣ разбита небольшая, предводительствуемая ксендзомъ Ишорой, банда косиньеровъ, въ которой находилось много виленской молодежи, даже гимназистовъ. Самъ ксендзъ, молодой красивый, статный человѣкъ былъ взятъ въ плѣнъ и приговоренъ военно-полевымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но В. И. Назимовъ измѣнилъ этотъ приговоръ (единственная Назимовская конфирмація), замѣнивъ повѣшеніе разстрѣляніемъ, считающимся болѣе почетной смертной казнью.

Казнь ксендза Ишоры была первой публичной казнью, совершенной въ Вильнѣ на Лупишкахъ,—такъ называлась большая площадь, на которой обыкновенно бывали конные базары и ярмарки. Желая имѣть понятіе, какъ приводятся въ исполненіе подобныя приговоры военно-полевыхъ судовъ, я ходилъ смотрѣть на эту церемонію. Придя на Лупишки въ началѣ десятаго часа утра, а казнь была назначена въ десять, я засталъ площадь уже переполненной народомъ и массой интеллигентной публики, особенно много было дамъ въ траурѣ, но мнѣ удалось все-таки пробраться довольно близко къ мѣсту казни.

Въ исходѣ десятаго часа показалась процессія. Ишора, въ сопровожденіи духовника, шелъ твердой, увѣренной походкой въ карре пѣхоты. Подойдя къ мѣсту казни, онъ гордо оглядѣлъ толпу и, казалось, внимательно и сосредоточенно слушалъ чтеніе приговора аудиторомъ въ присутствіи коменданта, генерала Вяткина. Никакихъ замѣчаній и возраженій онъ не дѣлалъ и всей своей фигурой производилъ глубокое впечатлѣніе. По выслушаніи приговора, онъ твердымъ голосомъ гордо, громко, внятно, чистымъ русскимъ языкомъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Кто изъ

насъ правъ, судить не намъ; насъ разсудить только Тотъ, передъ Которымъ мы всѣ равны! Прошу, какъ милости, не завязывать мнѣ глазъ, чтобы дать мнѣ возможность открыто смотрѣть смерти въ глаза!»...

Признаюсь, не только меня, но рѣшительно всѣхъ, поразили его хладнокровіе и фанатическая вѣра!.. Получивъ разрѣшеніе коменданта, Ишора опять той же смѣлой и твердой походкой подошелъ къ столбу, передъ которымъ была вырыта яма (могила), приклонился къ столбу спиной, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, обхватилъ столбъ сзади руками и сказалъ: «теперь я готовъ!».. Раздался залпъ двѣнадцати винтовокъ, и бездыханное тѣло красавца-ксендза рухнуло въ яму. Ее немедленно, очень быстро засыпали, войска съ барабаннымъ боемъ прошли черезъ нее церемоніальнымъ маршемъ и... все было кончено!

Нѣкоторые говорили: «правосудіе совершилось»... а я? Я, какъ и большинство присутствовавшихъ, былъ до того взволнованъ и потрясенъ всѣмъ видѣннымъ и почувствованнымъ, нервы были до того возбуждены и взвинчены, что я могъ только плакать и отъ ужаса картины, и отъ умиленія такой вѣрой, и отъ скорби, что погибла такая молодая жизнь, полная силъ и здоровья, которая при иномъ направленіи и иныхъ условіяхъ могла бы быть весьма полезной...

Въ Вильнѣ давно уже ходили слухи о томъ, что государь императоръ, лично очень любившій В. И. Назимова за его безукоризненную честность, прямоту и преданность престолу, все-таки крайне недоволенъ имъ за проявленную въ Сѣверо-Западномъ краѣ слабохарактерность, что скоро на его мѣсто будетъ назначенъ другой,—но кто?.. объ этомъ никто рѣшительно ничего не зналъ.

15-го мая Барыковъ приказалъ мнѣ отправиться съ почтовымъ поѣздомъ на станцію Свенцяны (третью по направленію къ Петербургу), гдѣ принять отъ второго отдѣленія экстренный поѣздъ, который и сопровождать по своему участку на машинѣ.

На вопросъ мой, обращенный въ Свенцянахъ къ сопровождавшимъ этотъ поѣздъ отъ Динабурга помощнику начальника 2-го отдѣленія Низгурицеру и затѣмъ оберъ-кондуктору: «кто ѣдетъ въ этомъ поѣздѣ?»—я получилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Не знаемъ ничего. Какая-то важная особа ѣдетъ за границу, вѣроятно, потому что расписание экстреннаго поѣзда составлено до Прусской границы.

На разсвѣтѣ въ ночь съ 15-го на 16-е мая я этотъ экстренный поѣздъ благополучно доставилъ въ Вильну, откуда онъ дальше до Прусской границы не пошелъ. Оказалось, что въ немъ самымъ секретнымъ образомъ мы привезли въ Вильну новаго намѣстника Сѣверо-Западнаго края, графа Михаила Николаевича Муравьева, а въ пять часовъ вечера того же числа въ этомъ же по-

ѣздѣ уѣхалъ изъ Вильны В. И. Назимовъ, и на улицахъ появилась первая прокламація Муравьева, извѣщающая о его пріѣздѣ и приглашающая всѣхъ къ дружному содѣйствію ему въ скорѣйшемъ подавленіи возстанія.

Мнѣ очень жаль, что я не могу передать въ подлинникѣ этой прокламаціи, которая въ числѣ и всѣхъ прочихъ извѣщеній, распоряженій, телеграммъ и проч., собранныхъ мною въ количествѣ болѣе трехъ тысячъ разныхъ экземпляровъ, за управленіе краемъ графомъ Муравьевымъ, была въ 1865 году похищена у меня. А какой бы превосходный матеріалъ они могли дать для исторіи возстанія 1863 года и управленія краемъ графомъ Муравьевымъ.

Какъ громомъ, поразила всѣхъ прикосновенныхъ къ мятежу вѣсть о прибытіи въ Вильну Муравьева.

Прежде всего, конечно, припоминали его крутыя дѣйствія въ бытность гродненскимъ губернаторомъ, гдѣ ему приписывали, при пріемѣ имъ дворянства, изреченіе, что «онъ не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а тотъ, который самъ вѣшаетъ»... и т. д.

Я не историкъ, не изслѣдователь, даже не служившій на коронной службѣ при графѣ Муравьевѣ, я просто частный человѣкъ, бывшій все время польскаго возстанія 1863 года въ самомъ центрѣ смутъ и волненій въ Сѣверо-Западномъ краѣ, бывшій съ ними, съ военными властями и съ самими войсками въ самомъ частомъ и близкомъ соприкосновеніи и отношеніи, благодаря службѣ моей на желѣзной дорогѣ, на которой и вблизи которой сосредоточивались почти всѣ дѣйствія повстанцевъ и громившихъ ихъ войскъ,— поэтому я много видѣлъ, много слышалъ, даже много испыталъ такого, что не фигурировало въ официальныхъ сферахъ и отчетахъ, и, какъ частный человѣкъ, вынесъ, можетъ быть, и своеобразный, но свой собственный взглядъ, какъ на самое возстаніе, такъ и на дѣйствія графа Муравьева во время его.

Съ этимъ-то взглядомъ на событія въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1863 и 1864 годахъ мнѣ теперь и хочется подѣлиться съ читателемъ.

Я не берусь судить о томъ, былъ ли Михаилъ Николаевичъ хорошимъ или плохимъ администраторомъ, былъ ли онъ добрымъ или жестокимъ человѣкомъ, но, я знаю, имѣлъ случаи не разъ убѣдиться, что онъ былъ человѣкъ ума, энергіи и памяти необыкновенныхъ, строгій и требовательный въ точномъ исполненіи его приказаній и распоряженій, но при этомъ всегда старавшійся быть справедливымъ.

Графъ М. Н. Муравьевъ, посланный государемъ въ Сѣверо-Западный край намѣстникомъ, такъ сказать, вице-императоромъ, самостоятельно дѣйствующимъ во всемъ высочайшимъ именемъ, съ порученіемъ во что бы то ни стало подавить возстаніе, не по-

ступившись ни единой пядью территоріи, не допуская ни въ какомъ случаѣ до отдѣленія Литвы и Польши отъ Россіи,—не могъ дѣйствовать иначе, какъ вѣрноподанный своего государя и своего отечества, и въ этомъ его великая заслуга.

Всѣ слухи и рассказы о сотняхъ, даже тысячахъ будто бы повѣшенныхъ имъ, о его жестокостяхъ и т. д. чистѣйшій вымыселъ. Лично Михайломъ Николаевичемъ было подтверждено и подписано пятнадцать смертныхъ казней, изъ которыхъ десять при мнѣ были совершены въ Вильнѣ: ксендзъ Мицкевичъ былъ повѣшенъ въ Ковнѣ; графъ Плятеръ въ Динабургѣ; бывший начальникъ Гродненской станціи желѣзной дороги Кульчицкій—въ Гроднѣ; одинъ какой-то начальникъ банды—въ Плоцкѣ и другой «довудца»—въ Витебскѣ.

Только благодаря столь энергично принятымъ сразу Муравьевымъ мѣрамъ, ему удалось быстро, въ корни, подавить возстаніе и безспорно, что если бы дальше продолжалось нерѣшительное, слабое, какъ бы робкое управленіе краемъ Назимова, то число жертвъ съ обѣихъ сторонъ было бы значительно больше.

Одно изъ первыхъ распоряженій Муравьева касалось желѣзной дороги—онъ приказалъ уволить немедленно со службы желѣзной дороги всѣхъ поляковъ и на мѣста назначить русскихъ, представивъ ему списокъ уволенныхъ и назначенныхъ на ихъ мѣсто съ обозначеніемъ должностей. Все это должно было быть исполнено въ теченіе пяти дней. Тутъ произошелъ маленькій инцидентъ, доказывающій, какой огромной памятью обладалъ этотъ маститый генералъ, и какъ хорошо у него была организована тайная полиція. На нашемъ участкѣ было уволено что-то около сорока служащихъ, списокъ коихъ въ назначенный срокъ и представилъ ему нашъ жандармскій капитанъ Куликовскій. Муравьевъ, пробѣжавъ списокъ глазами, сердито обратился къ Куликовскому:

— Прощу исполнять мои порученія болѣе внимательно и аккуратно; здѣсь нѣтъ Дю-Лорана-де-Буске, на мѣсто котораго назначенъ Ауэрбахъ. Потрудитесь отправиться на гауптвахту на двѣ недѣли.

Можетъ быть, Михайлъ Николаевичъ обратилъ вниманіе на это, благодаря сложной фамиліи Дю-Лорана и тому, что моя фамилія ему была хорошо извѣстна, такъ какъ въ свою бытность директоромъ Константиновскаго межевого корпуса въ Москвѣ онъ былъ друженъ съ моимъ дядей, Иваномъ Богдановичемъ Ауэрбахомъ, читавшимъ въ корпусѣ лекціи по минералогіи,—но во всякомъ случаѣ онъ, очевидно, уже имѣлъ раньше неофициально тѣ свѣдѣнія, которыя ему теперь официально передалъ капитанъ Куликовскій, который лишь только не досмотрѣлъ, что писарь при перепискѣ дѣйствительно пропустилъ насъ.

Дю-Лоранъ-де-Буске сейчасъ же по увольненіи уѣхалъ, къ своему счастью, за границу; говорю, къ своему счастью, потому что

ему не миновать бы висѣлицы или Сибири, такъ какъ очень скоро обнаружилось, что онъ въ Вильнѣ былъ секретаремъ «народоваго ржонда». Онъ занималъ у насъ постъ запаснаго начальника станціи съ жалованьемъ 1.200 рублей въ годъ, и хотя этотъ постъ по жалованью и по должности былъ ниже занимаемаго мною, но С. Л. Барыковъ, въ виду спѣшки дѣла и невозможности такъ быстро замѣнить служащихъ, упросилъ меня временно занять этотъ постъ, оставляя мнѣ мое содержаніе и квартиру, которой запасному начальнику станціи не полагалось. Впрочемъ, очень скоро меня назначили, по требованію Муравьева, завѣдывающимъ передвиженіемъ войскъ по желѣзной дорогѣ, о чемъ я каждую субботу долженъ былъ представлять доклады самому графу Муравьеву, который поэтому и меня зналъ лично.

Въ одну изъ субботъ мнѣ довелось быть очевидцемъ приѣма Муравьевымъ депутаціи виленскаго дворянства, явившейся къ нему съ повинной и увѣреніями вѣрнопоподданническихъ чувствъ. Въ довольно пространной рѣчи подробно объяснивъ имъ всю нелѣпость затѣяннаго возстанія, Муравьевъ закончилъ ее приблизительно слѣдующими словами:

«Очень радъ, господа, что вы, здѣсь находящіеся, частью дѣйствительно не сочувствуете этому глупому броженію, частью образумились и убѣдились теперь во всей его нелѣпости и даже невыгодности. Такъ спѣшите же возвратить изъ бандъ вашихъ сыновей (и при этихъ словахъ онъ пристально уставился своими дѣйствительно страшно пронизательными глазами въ одного старика-помѣщика, у котораго, онъ зналъ, два сына ушли «до лясу» и не вернулись еще) и скажите имъ, что они встрѣтятъ объятія Муравьева и полное прощеніе; если же они не вернуться черезъ десять дней, то они попадутъ въ лапы къ Муравьеву; ну, а кто попалъ въ эти лапы (при этомъ онъ приподнялъ сжатый кулакъ, и, казалось, вотъ сейчасъ между пальцами этого кулака брызнетъ кровь), тотъ изъ нихъ уже не вырвется!.. А пока, прощайте, господа!»...

Муравьевымъ немедленно по приѣздѣ было сдѣлано распоряженіе о вырубкѣ лѣсовъ вдоль полотна желѣзной дороги (кажется, на разстояніи двухсотъ сажень въ каждую сторону), потому что было замѣчено, что въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ особенно часто производилась повстанцами порча желѣзной дороги и телеграфа. Станціи желѣзной дороги охранялись войсками, размѣщенными по одной ротѣ на каждой станціи, а на нѣкоторыхъ болѣе опасныхъ, расположенныхъ въ лѣсахъ станціяхъ и по двѣ роты пѣхоты и по нѣскольку десятковъ казаковъ.

Воинскимъ начальникомъ желѣзной дороги въ нашемъ отдѣленіи былъ свиты его величества генералъ-майоръ, графъ Владимиръ Алексѣевичъ Бобринскій (впослѣдствіи, правда, очень недолго

министръ путей сообщенія), съ которымъ я, завѣдуя передвиженіемъ войскъ по желѣзной дорогѣ, бывалъ въ частыхъ сношеніяхъ и имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какой это былъ превосходный по добротѣ, вѣжливости и воспитанности человекъ. Еще молодой, богатый аристократъ, онъ былъ до того простъ и ласковъ въ обращеніи рѣшительно со всѣми, что снискалъ себѣ, конечно, всеобщую любовь и уваженіе. Не могу воздержаться, чтобы не сообщить одного происшествія, случившагося въ моемъ присутствіи.

Разъ какъ-то сопровождалъ я, стоя на паровозѣ, экстренный поѣздъ, состоявшій всего изъ одного багажнаго тормазнаго вагона и вагона I класса, въ которомъ спѣшно ѣхалъ графъ Бобринскій изъ Вильны въ Гродно. Подъѣзжая къ станціи Олькеники (третья отъ Вильны по направленію къ Варшавѣ), машинистъ-нѣмецъ Шохъ, давъ уже свистокъ къ станціи, высунулся довольно далеко наружу между локомотивомъ и тендеромъ, чтобы посмотрѣть на нагрѣвавшуюся у насъ среднюю ось у тендера. Вдругъ, я вижу, онъ падаетъ съ паровоза на полотно дороги; я бросился къ рычагу и регулятору, чтобы поскорѣе остановить поѣздъ, который, однако, такъ какъ мы шли очень скоро, входилъ уже на станцію, на платформѣ которой начальникъ станціи стоялъ въ ожиданіи насъ съ телеграммой въ рукахъ о свободномъ пути до слѣдующей станціи Ораны. Остановивъ поѣздъ и, не обращая никакого вниманія на начальника станціи, я побѣжалъ въ вагонъ къ графу Бобринскому, чтобы сказать ему о случившемся. Графъ вскочилъ и вмѣстѣ со мной и начальникомъ станціи направился къ мѣсту паденія машиниста. Не успѣли мы пройти входной стрѣлки, какъ увидали Шоха, идущаго къ намъ навстрѣчу и поддерживающаго лѣвой рукой правую. Подходимъ. О ужасъ! Сквозь пальто торчатъ кости руки около локтя. Оказалось, что его ударило по головѣ, когда онъ высунулся смотрѣть на ось тендера, штангой круглаго, краснаго входнаго на станцію диска, поставленнаго черезчуръ близко къ рельсамъ. Ошеломленный сильнымъ ударомъ, онъ не удержался, упалъ и попалъ правой рукой подъ колеса вагона.

Терпѣніе и сила воли этого несчастнаго поразили насъ; въ первую минуту мы растерялись и не знали, что дѣлать. Подойдя къ станціи, графъ Бобринскій вспомнилъ, что на слѣдующей станціи Оранѣ, при двухъ ротахъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, расположенныхъ тамъ, былъ докторъ Подобѣдовъ. Это было самое близкое мѣсто, гдѣ можно было подать первую помощь несчастному Шоху. Усадивъ его вмѣстѣ съ графомъ Бобринскимъ въ вагонъ, я сталъ на локомотивъ за машиниста, и черезъ полчаса мы благополучно прибыли въ Ораны. Съ большимъ трудомъ докторъ Подобѣдовъ и фельдшеръ освободили страшно страдавшаго Шоха отъ одежды. Когда наконецъ Подобѣдову удалось промыть раз-

дробленную руку и осмотрѣть ее, онъ сообщилъ графу, что руку непременно нужно, какъ можно скорѣе ампутировать выше локтя, почти у самаго плеча—иначе онъ боится гангрены.

Когда хотѣли хлѣбформировать Шоха, онъ на отрѣзъ отказался и сказалъ хладнокровно:

— Ich will doch sehen, wie man einem Menschen die Hand absegt (хочу видѣть, какъ человѣку пилать руку).

Очень ловко, быстро и мастерски Подобѣдовъ сдѣлалъ операцію, а Шохъ смотрѣлъ, какъ ему отпиливали руку, не издавъ ни одинаго крика, даже стона, а только иногда сильно стискивая зубы. Когда наконецъ его уложили въ постель, графъ Бобринскій подошелъ къ нему, старался утѣшить его и, незамѣтно для всѣхъ, досталъ свой бумажникъ и сунулъ его подъ подушку Шоха. Впослѣдствіи оказалось, что въ немъ было около 2.000 рублей; таковъ былъ порывъ этого добрѣйшаго и милѣйшаго человѣка, которому стало жаль пострадавшаго простаго работника, и онъ не задумался отдать ему все, что только было при немъ.

Въ Оранахъ, гдѣ было небольшое депо, мы перемѣнили машину и поѣхали дальше въ Гродно, а когда на другой день возвращались въ Вильну, то съ удовольствіемъ узнали отъ доктора Подобѣдова, что Шохъ внѣ опасности; но графъ не пошелъ провѣдать его, боясь, что онъ будетъ благодарить за деньги, о которыхъ я тогда же и узналъ отъ Шоха.

Какъ-то пришлось мнѣ ночью отправиться изъ Вильны съ экстреннымъ порожнимъ поѣздомъ до станціи Жосли (третья отъ Вильны по направленію къ прусской границѣ), гдѣ я долженъ былъ погрузить сотню казаковъ, которую и доставить, какъ можно скорѣе и какъ можно секретнѣе, на станцію Рудзишки (вторая по направленію къ Варшавѣ), близъ которой опять будто бы появилась легучая шайка Вислоуха. Прибылъ я на станцію Жосли въ половинѣ двѣнадцатаго ночи. Казаки уже были тамъ, но сотникъ Грековъ вдругъ заявилъ мнѣ, что онъ ранѣе утра грузить лошадей въ вагоны не будетъ. Когда я ему предъявилъ имѣвшееся предписаніе доставить его съ сотней въ Рудзишки до разсвѣта, сказавъ при этомъ, что я знаю о такомъ же предписаніи и ему, онъ наконецъ согласился, и черезъ часъ лошади и люди были уже въ вагонахъ. Безостановочно приѣзжаемъ на станцію Ландварово, откуда до станціи Рудзишки всего, сколько помнится, было 18 верстъ; но въ Ландваровѣ пришлось задержаться въ ожиданіи варшавскаго почтоваго поѣзда, который былъ уже выпущенъ изъ Рудзиекъ. На станціи Ландваровѣ былъ буфетъ, куда я пошелъ, чтобы выпить кофе, такъ отлично подкрѣпляющаго во время ночной работы. Въ буфетѣ я засталъ сотника Грекова, уже воздававшего порядочную честь Бахусу; онъ началъ привязываться ко мнѣ, желая сорвать зло, что я заставилъ его ночью грузиться въ вагоны.

— Что же мы стоимъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Дожидаемся варшавскаго почтоваго поѣзда, который уже вышелъ изъ Рудзипекъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, такъ что же? Онъ самъ по себѣ, а мы сами по себѣ. Вѣдь намъ, по вашему же увѣренію, необходимо быть на мѣстѣ до разсвѣта, а теперь скоро уже три часа.

— До разсвѣта еще далеко, а намъ ходу не болѣе получаса.

— А я приказываю вамъ везти насъ сейчасъ же, не дожидаясь варшавскаго поѣзда,—начинаетъ кричать Грековъ.

— Во-первыхъ, потрудитесь не кричать,—перебилъ я его;—во-вторыхъ, потрудитесь прочитать—вонъ виситъ на стѣнѣ — циркуляръ графа Муравьева, предписывающій веѣмъ военнымъ чинамъ, отъ рядового до генерала включительно, во время движенія по желѣзной дорогѣ подчиняться безпрекословно распоряженіямъ нашимъ, то-есть служащихъ на желѣзной дорогѣ, и вы убѣдитесь, что вы приказывать мнѣ здѣсь не имѣете права; въ-третьихъ, здѣсь движеніе поѣздовъ по одному пути, слѣдовательно и фактически нѣтъ возможности отправиться, пока не придетъ встрѣчный поѣздъ.

— Это все глупости!—закричалъ опять Грековъ.—Экстренный поѣздъ съ войскомъ важнѣе почтоваго; прикажите посвистать, и онъ долженъ своротить. (Вотъ до чего тогда были, къ несчастью, малограмотны и необразованы многіе армейскіе офицеры! — они даже не имѣли понятія объ устройствѣ желѣзной дороги).

— Вы сами принадлежите къ повстанію! — продолжалъ бѣсноваться Грековъ.—Хотите просто успѣть дать знать Вислоуху, что мы ѣдемъ! Вотъ я сейчасъ раздѣляюсь съ вами по-военному.

Почти съ пѣной у рта, онъ позвалъ нѣсколько казаковъ и приказалъ имъ связать меня; я едва успѣлъ послать лакея разбудить капитана Андріевскаго, командира расположенной на самой станціи роты лейбъ-гвардіи Московскаго полка, хорошо знавшаго меня и считавшагося комендантомъ станціи.

Казаки уже скрутили мнѣ веревкой руки назадъ, когда вошелъ Андріевскій. Онъ приказалъ немедленно развязать меня, а Грекова увелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ, вѣроятно, и задалъ ему головомойку, потому что черезъ нѣсколько минутъ онъ опять пришелъ въ буфетъ и попросилъ меня зайти къ нему, такъ какъ Грековъ желаетъ извиниться передо мной.

Я объяснилъ Андріевскому, что никакихъ извиненій съ глазу на глазъ я отъ Грекова не приму, а въ субботу доложу обо всемъ Муравьеву, который сумѣетъ разыскать съ него, какъ слѣдуетъ, за нанесенное мнѣ оскорбленіе.

— Да вѣдь вы, голубчикъ, погубите человѣка,—сталъ упрашивать меня Андріевскій.—Простите ему—онъ пьянъ.

— Не пей, коли дуракъ!—настаивалъ я.—Впрочемъ, не желаю губить его: пусть сейчасъ же выйдетъ на платформу, подзоветъ

нѣсколькихъ казаковъ и въ присутствіи ихъ и вашемъ извинится передо мной,—тогда, пожалуй, чортъ съ нимъ!

Такъ и сдѣлали—на платформу вышли Андріевскій и Грековъ, подозвали человѣкъ десять казаковъ, гулявшихъ по платформѣ, которые тотчасъ же окружили насъ, и Грековъ извинился публично при своихъ подчиненныхъ. Такимъ образомъ престижъ уваженія къ служащимъ желѣзной дороги былъ сохраненъ.

Въ это время подошелъ почтовый поѣздъ; я приказалъ дать звонокъ, всѣ быстро размѣстились по вагонамъ, и мы тронулись. Около четырехъ часовъ, когда было еще темно, мы благополучно и своевременно приѣхали въ Рудвишки.

На этотъ разъ, однако, Грекову все-таки не удалось захватить Вислоуха—онъ опять вывернулся, какъ вьюнъ.

Лучшимъ доказательствомъ строгой справедливости графа Муравьева могутъ служить слѣдующіе два эпизода, случившіеся одинъ—со мной, а другой—съ казакомъ, генераломъ Баклановымъ.

Въ одно прекрасное утро, около десяти часовъ, является ко мнѣ жандармскій унтеръ-офицеръ и говорить:

— Жандармскій полковникъ Житковъ прислалъ за вами и проситъ ваше благородіе немедленно пожаловать къ нему.

Одѣвшись во фракъ, я въ одиннадцать часовъ былъ уже у Житкова. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, по обыкновенію, крайне любезно, попросилъ садиться и сказалъ:

— А я вотъ получилъ бумажку изъ Третьяго Отдѣленія, изъ Петербурга. Она касается васъ. Потрудитесь прочесть.

Беру поданную имъ мнѣ бумагу и читаю предписаніе о высылкѣ меня въ двадцать четыре часа съ жандармами въ Вятку.

Прочитавъ бумагу и подавая ее обратно полковнику, я замѣялся.

— Вамъ кажется это смѣшнымъ?—удивился полковникъ.

— Да,—отвѣчалъ я.—Никакой вины, могущей вызвать противъ меня такую мѣру, за мной нѣтъ. Интересно было бы узнать, за что это.

— Входить въ какія либо объясненія распоряженій Третьяго Отдѣленія я не имѣю права. Я долженъ былъ бы просто послать жандармовъ забрать васъ; но, зная васъ лично и что вы семейный человѣкъ, я пригласилъ васъ къ себѣ, чтобы обязать васъ честнымъ словомъ никуда не скрыться. Если вы желаете дать мнѣ это слово, то я могу тогда дать вамъ возможность приготовиться къ отъѣзду съ пассажирскимъ поѣздомъ завтра въ 2 часа дня.

— Слово это я съ удовольствіемъ даю вамъ, полковникъ,—сказалъ я.—Завтра къ двумъ часамъ я буду на вокзалѣ совершенно готовымъ къ отъѣзду, но могу васъ увѣрить, что вы никуда меня не повезете, и что я никуда не уѣду.

— Это какимъ образомъ?—удивился Житковъ.

— Вы не объясните мнѣ, за что я вдругъ подвергаюсь подобной карѣ,—продолжалъ я,—такъ позвольте уже и мнѣ не объяснять вамъ, какъ я думаю это устроить.

Очень любезно, съ пожатіями рукъ и даже съ пожеланіями всего мнѣ хорошаго, полковникъ раскланялся со мной, а я прямо отъ него отправился во дворецъ, велѣлъ экстренно доложить о себѣ М. Н. Муравьеву, который тотчасъ же принялъ меня въ кабинетѣ, очень серьезно и внимательно выслушалъ и позвонилъ. Вошелъ дежурный ординарецъ.

— Попросить ко мнѣ сейчасъ же жандармскаго полковника Житкова,—приказалъ онъ.—А вы пока,—обратился онъ ко мнѣ,—присядьте вонъ тамъ на диванѣ, почитайте лежащія тамъ газеты, если хотите, а я буду заниматься,—и при этомъ онъ углубился въ лежавшую передъ нимъ кипу бумагъ.

Черезъ какихъ нибудь полчаса ординарецъ доложилъ о приѣздѣ полковника Житкова.

— Просите сюда,—бросилъ какъ бы вскользь Муравьевъ, а самъ продолжалъ заниматься дѣлами.

Вся фигура Житкова выразила крайнее удивленіе, когда онъ, войдя въ кабинетъ Муравьева, увидѣлъ меня сидящимъ на диванѣ съ газетой въ рукахъ.

Муравьевъ, поднявъ, какъ бы нехотя, свои строгіе глаза, не подавая руки Житкову, обратился къ нему:

— Какъ вы смѣете, полковникъ, безъ моего вѣдома высылать кого либо изъ вѣреннаго мнѣ края? Тѣмъ болѣе человѣка, который по моему желанію завѣдываетъ на желѣзной дорогѣ перевозкой войскъ?

— Да это по распоряженію Третьяго Отдѣленія, ваше сіятельство,—смутился Житковъ.

— Мнѣ до вашего Третьяго Отдѣленія дѣла нѣтъ,—продолжалъ Муравьевъ.—Вѣдайтесь вы съ нимъ и раздѣлывайтесь за неисполненіе его предписанія, какъ вы знаете и какъ вамъ угодно, но г. Ауэрбаха у меня трогать не смѣйте. На первый разъ я ограничиваюсь только выговоромъ, а если повторится что нибудь подобное, то я очень строго взыщу съ васъ.

— А вы,—обратился Муравьевъ ко мнѣ,—спокойно дѣлайте ваше дѣло и знайте, что вы всегда найдете во мнѣ защитника.

Такъ жандармскому полковнику Житкову и не удалось отправить меня въ Вятку съ жандармами.

За что же, однако, хотѣли выслать меня?

По наведеннымъ мною чрезъ нашего милѣйшаго жандармскаго капитана Куликовскаго справкамъ, вся моя огромная вина заключалась въ томъ, что жандармскій офицеръ, поручикъ Алексѣевъ, которому было поручено только осматривать багажъ (одна изъ мѣръ во время польскаго мятежа для предупрежденія тайнаго про-

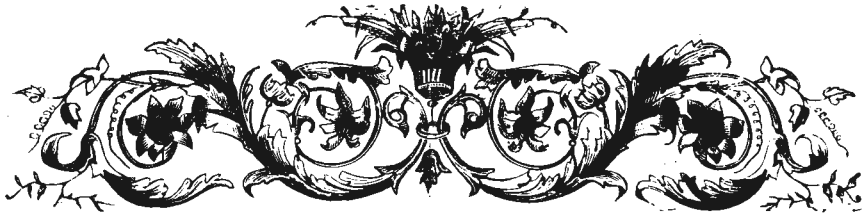
воза оружія), вздумалъ вмѣшиваться въ службу желѣзной дороги. Когда я ему замѣтилъ, что онъ на это не имѣетъ никакого права и лѣзетъ туда, куда ему не слѣдуетъ, то онъ, возвысивъ голосъ, позволилъ себѣ застраивать меня, что онъ имѣетъ право, по единоличному своему желанію, произвести обыскъ и у меня. На это я ему отвѣтилъ, что пускай онъ попробуетъ, и тогда увидитъ, какъ я вытолкаю его вонъ.

Онъ отпрапортовалъ полковнику Житкову, будто я хочу его бить; тотъ, ничего не провѣривъ, донесъ объ этомъ Третьему Отдѣленію, которое и предписало выслать меня.

А. Ауэрбахъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ХРОНИКИ.

Эпизодъ изъ пребыванія въ Москвѣ французовъ въ 1812 г.¹⁾.

I.

ТОЯЛЪ августъ 1812 года. Москва была объята смутнымъ предчувствіемъ близкаго несчастія. Грозныя полчища Наполеона приближались къ сердцу Россіи, къ Бѣлокаменной столицѣ; они были уже отъ нея на разстояніи трехсотъ верстъ. Тѣмъ не менѣе, едва ли кто изъ московскихъ жителей могъ предположить, что городъ будетъ отданъ во власть непріятелей. Печатаемыя чуть ли не ежедневно прибавленія къ мѣстнымъ «Вѣдомостямъ» графомъ Ростопчинымъ увѣренно говорили о невозможности чего либо подобнаго, будили патриотическія чувства горожанъ и ободряли ихъ мужество.

— Посмѣй «онъ» только подойти къ матушкѣ Москвѣ, — горячо говорили москвичи, подразумѣвая подъ словомъ «онъ» вообще непріятельскія войска, — мы его шапками закидаемъ, бабы наши ухватами назадъ прогонять, «не суйся, молъ, куда тебя не просятъ!»

Воинственный духъ горожанъ не прекратился и послѣ извѣстій объ отступленіи русскихъ войскъ...

¹⁾ Дѣдъ мой, Клипріанъ Зиновьевичъ Зиновьевъ, наотидился лично въ Москвѣ во время занятія ея французами въ 1812 году. Нѣкоторые изъ его разсказовъ были записаны моимъ покойнымъ отцомъ, а его зятемъ. Я только недавно удосужился разобрать бумаги отца, и эти разсказы мнѣ кажутся интересными. Такъ какъ они касаются, главнымъ образомъ, событій, происходившихъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, то я провѣрилъ ихъ и дополнилъ по донесенію главнаго надзирателя Дома, Тутолмина, императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, напечатанному въ пятой части сборника, издаваемого г. Щукинымъ, подъ заглавіемъ: «Бумаги, относящіяся къ Отечественной войнѣ 1812 года» (М., 1960).

Большая забота лежала на Александрѣ Михайловичѣ Лунинѣ, предсѣдателѣ московскаго опекунскаго совѣта. Сердце благороднаго старика невольно волновалось; онъ опасался за вѣрныя ему сокровища сохранной казны, еще больше объ участи молоденькихъ воспитанницъ училища Ордена св. Екатерины и Александровскаго, а равно и дѣтей Воспитательнаго Дома, въ которомъ онъ былъ главнымъ опекуномъ.

Наклонивъ свою сѣдую голову, сидѣлъ онъ за изготовленіемъ доклада императрицѣ-матери, государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Время перешло далеко уже за полночь, теплая августовская ночь темною пропастью глядѣла въ открытое окно, у котораго занимался Александръ Михайловичъ.

Двѣ сальныя свѣчи въ высокихъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ сильно нагорѣли, у старика рѣжетъ глаза отъ колеблющагося слабаго свѣта, но онъ не отрывается ни на минуту отъ своей работы. Усталая рука нанизываетъ мелкія строчки на синей толстой бумагѣ, лежащей передъ нимъ на красномъ сафьянѣ письменнаго стола.

Еще строчка, двѣ, и Лунинъ, осторожно отложивъ гусяное перо, которымъ онъ писалъ, въ сторону, откинулся устало на спинку кресла и задумался на минуту. Ему хотѣлось продолжать черновикъ доклада, но мысль не слушалась его, затекшая рука лѣниво бралась за перо. Старикъ поборолъ свою невольную слабость и, взявъ твердо рукою щипцы, снялъ сперва нагаръ со свѣчей. Веселые огоньки заблестѣли въ висящемъ слѣва, на стѣнѣ, дорогомъ венеціанскомъ зеркалѣ. Къ пламени одной изъ свѣчей подлетѣла ночная сѣрая бабочка, принявшая свѣтъ ея за дневной, довѣрчиво приблизилась къ самому огню затѣмъ, чтобы сейчасъ же съ опаленными крылышками свалиться на черновикъ доклада.

Задумчиво взглянулъ старый вельможа на бабочку и прошепталъ:

— Какое предзнаменованіе! Сѣрая, ночная бабочка летала по всему саду свободно, пока не приманилъ ее свѣтъ моей свѣчи, и тугъ ея конецъ! А «онъ» — развѣ не то же самое? Своевольный, дерзкій, храбрый, не знающій себѣ никакихъ преградъ, вдругъ хочетъ овладѣть сердцемъ нашей родины, Москвою. Не ждетъ ли его здѣсь такая же участь? Кто знаетъ?

И Лунинъ снова наклонился надъ написаннымъ имъ уже черныкомъ доклада и началъ прочитывать его про себя:

«Всемилюбовѣйшая государыня!

«Ослѣпленный и необузданный сумасбродствомъ Корсиканскій выродокъ, алчущій испровергнуть благосостояніе всѣхъ народовъ и теперь войною устремившійся на любезное наше отечество, уязвивъ всѣхъ сердца, возжегъ въ оныхъ, какъ въ воинствѣ, такъ и въ народѣ единодушное рвеніе мужественно стать противъ злѣй-

шаго изъ враговъ и его съ его единомышленниками погубить, въ успѣхъ чего молимъ и надѣмся на Всесильнаго Творца, что Онъ невинность увѣнчаетъ благимъ концомъ; страданія челоуѣчества прекратятся, и храбрые наши воины восторжествуютъ, изъ коихъ раненымъ хотя учреждено всевозможное и наилучшее призрѣніе къ ихъ излѣченію»...

Голосъ его звучалъ все глуше и тише. Скоро онъ окончилъ чтеніе, довольно улыбнулся, протеръ усталыя глаза и потушилъ свѣчи.

На востокѣ уже начало алѣтъ, предразсвѣтныя сумерки поднимали свое смутное покрывало. Лунинъ перегнулся въ садъ: свѣжесть сырой листвы облегчила ему горячую голову. Кругомъ стояла тишина. Городъ еще спалъ. Александръ Михайловичъ тщательно закрылъ окно и отправился къ себѣ въ спальню. Рѣзкіе крики пѣтуховъ, этихъ герольдовъ утра, звонко разносились по зарѣ.

II.

Не прошло и двухъ дней, какъ былъ отправленъ курьеръ съ докладомъ къ императрицѣ,—въ Квадратъ, какъ назывался дворъ Воспитательнаго Дома, гдѣ жилъ Лунинъ, прискакалъ рано утромъ посланецъ изъ Петербурга отъ государыни.

Усталый отъ долгой ѣзды, онъ тяжело сошелъ съ лошади.

— Его высокопревосходительству экстренный пакетъ,—хрипло сказалъ курьеръ.

— Еще спать изволить,—недовольно отвѣтилъ одинъ изъ сторожей.—Жди.

— Приказано пменемъ ея величества сейчасъ же вручить пакетъ его высокопревосходительству,—настойчиво повторилъ посланный.

Сторожъ недовѣрчиво окинулъ запыленную фигуру послѣдняго, но не посмѣлъ болѣе возражать и сейчасъ же пошелъ докладывать дежурному чиновнику.

Едва только Александръ Михайловичъ узналъ о прибытіи гонца, какъ самъ же сейчасъ выбѣжалъ въ переднюю, гдѣ тотъ ожидалъ, чтобы пакетъ былъ отъ него принятъ.

Пакетъ содержалъ важное повелѣніе императрицы.

«...Я разсудила за нужное, прежде наступленія какой либо опасности, объясниться съ вами откровенно о тѣхъ мѣрахъ, которыя почитаю я полезными и необходимыми въ настоящемъ случаѣ, если бы пришлось перемѣстить изъ Москвы состоящія подъ моимъ начальствомъ заведенія»....

Въ концѣ повелѣнія была приписка самой императрицы:

«Я полную надежду питаю на Бога, что сіе несчастіе съ нами не будетъ и если бы сіе случалось, то твердо на ваше усердіе, батюшка, считаю и на ревность всѣхъ сочленовъ вашихъ».

Присланнаго повелѣнія императрицы было достаточно для того, чтобы Лунинъ сейчасъ же созвалъ совѣтъ почетныхъ опекуновъ.

Въ большомъ залѣ Воспитательнаго Дома собрались они немедленно, прибылъ и московскій губернаторъ, графъ Ростопчинъ. Въ виду важности сегодняшняго совѣта, къ участию въ немъ пригласили и главнаго надзирателя, Ивана Туголмина, директоровъ сохранной и ссудной казны, а точно также и училищъ и оберъ-секретаря.

— Господа, я собралъ васъ сегодня сюда, чтобы передать волю всемилостивѣйшей государыни, нашей нѣжной матери, заботливо пекущейся о ввѣренныхъ ея попеченію учрежденіяхъ...

И Александръ Михайловичъ громко прочиталъ полученное имъ повелѣніе.

Внимательно выслушали его присутствующіе.

— Воля государыни священна, мы должны ей послѣдовать, — первымъ нарушилъ молчаніе Николай Барановъ, управляющій Екатерининскимъ училищемъ.

Графъ Ростопчинъ порывисто поднялся со своего мѣста изъ-за стола, за которымъ засѣдалъ совѣтъ.

Онъ вызывающе окинулъ собраніе и громко произнесъ:

— Объ отъѣздѣ изъ столицы не можетъ быть и рѣчи! За ея крѣпкими стѣнами нашимъ учрежденіямъ въ тысячу разъ безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-то далеко отъ сердца Россіи, въ Казани...

— Но, дорогой графъ Ѳедоръ Васильевичъ, — мягко возразилъ Лунинъ, — потеря Смоленска, отступленіе нашихъ войскъ во всѣхъ состояніяхъ нашего общества произвели уныніе превеликое, и не престанно только и слышно, что «Боже насъ спаси»...

— И Онъ спасетъ Москву! — порывисто перебилъ говорившаго Ростопчинъ. — Дай Боже, чтобы государь скорѣе поручилъ начальство арміи заслуженному и опытному изъ старшихъ почитающихся у насъ генераловъ, Михаилу Иларіоновичу Кутузову!

— Сіе поистинѣ есть гласъ и желаніе общее, исполненіе котораго несомнѣнно обрадовало бы и ободрило всѣхъ очень много! — замѣтилъ одинъ изъ почетныхъ опекуновъ.

— А если это случится, то и подавно нѣтъ необходимости выѣзжать изъ Москвы ввѣреннымъ вамъ заведеніямъ, — снова сказалъ генераль-губернаторъ.

— Я тоже согласенъ съ мнѣніемъ графа Ѳедора Васильевича, — подтвердилъ князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ: — не время еще тревожиться, коль между Москвою и непріятелемъ находится наша храбрая армія!

— Но все-таки я безпокоюсь о ввѣренныхъ мнѣ частными лицами сокровищахъ, не менѣе меня страшитъ участь моихъ питомищъ... пробовалъ снова возражать Лунинъ.

— Боятся нечего, русскіе страха не знаютъ,—громкимъ голосомъ сказала Ростопчинъ,—Москва не достанется французамъ.

Увѣренность любимаго всѣми московскаго генераль-губернатора подняла ихъ падавшій духъ; вмѣсто робкаго соглашенія съ предсѣдателемъ, они присоединились къ мнѣнію Ростопчина, и отъѣздъ изъ Москвы воспитательныхъ заведеній и обѣихъ казенъ былъ отложенъ.

Засѣданіе закончилось, успокоенные опекуны разѣхались по домамъ.

Задумчиво прошелъ къ себѣ въ кабинетъ Александръ Михайловичъ и велѣлъ пригласить немедленно главнаго надзирателя, Тутолмина.

— А все-таки я буду готовиться къ отъѣзду,—рѣшилъ упрямый старикъ.

III.

Внезапно созванный совѣтъ почетныхъ опекуновъ сталъ предметомъ догадокъ всѣхъ служащихъ въ учрежденіяхъ императрицы.

— Ой, недоброе, должно, надъ нами стряется!—качая головой, говорилъ Ѳедоръ Сергѣевъ, портной изъ казенной швальни, своимъ товарищамъ вечеромъ того же дня, когда опекуны по окончаніи засѣданія совѣта уѣхали со двора Воспитательнаго Дома.

— Грозныя нынѣ времена, не знать, что завтра будетъ,—прошамкалъ старикъ-понамарь, Иванъ Касьяновъ.

— Что будетъ!—бойко проговорилъ Николай Бельшеровъ, лакей Лунина:—сюда, къ намъ, въ Бѣлокаменную, французъ придетъ, а мы дергача зададимъ отсюда, вотъ что!

— Тоже выдумалъ сказать!—недовольно замѣтилъ понамарь:—зря болтаешь, Николаша, поди, не мальчишка, всѣ полсотни будутъ!

— Чего тутъ выдумывать, дяденька Иванъ? Болтать колокольнымъ звономъ это ты привыкъ на колокольнѣ, а я толкую, что своими ушами слышалъ.

Собравшіеся на крыльцѣ служителя и мастеровые ближе придвинулись къ лакею.

— А, ну, сказывай, что слышалъ, а мы послушаемъ!—послышались голоса любопытныхъ.

Бельшеровъ, сознавая важность своего положенія знающаго человѣка, небрежно окинулъ уставившіяся на него лица товарищей, медленно откашлялся, почесалъ зачѣмъ-то свой бритый подбородокъ и медленно, точно смакуя каждое слово, произнесъ:

— Это я давеча, какъ баринъ къ себѣ въ кабинетъ вошелъ, по его приказу, бѣгалъ за чиновнымъ надзирателемъ...

— Ну?.. послышалось восклицаніе еле сдерживаемаго любопытства среди слушателей.

— Да ты не нукай, а слушай и не перебивай!— внушительно замѣтилъ приказчикъ и продолжалъ:—пришелъ Иванъ Акинѣевичъ; баринъ сумрачный такой и говоритъ ему: «хотя совѣтъ и постановилъ ничего не предпринимать до поры до времени, но мнѣ воля моей государыни священна, она мать наша и провидитъ яснѣе кого либо! Я рѣшился не спѣша готовиться къ выѣзду».

— Да неужто повезутъ насъ изъ Москвы, какъ же мы ее, матушку нашу, въ такую трудную минуту оставимъ?—всплакнулся понамарь.

Разсказчикъ не обратилъ вниманія на его слова.

— Тутолминъ отвѣчаетъ: воля ваша, Александръ Михайловичъ, какъ прикажете готовиться къ выѣзду, хоть сейчасъ будемъ... Сперва, говоритъ, дѣйствіе ссудной и сохранной казны прекратимъ, да о вещахъ, что у насъ хранятся, позаботимся, а тамъ ужъ и о воспитанникахъ и воспитанницахъ рѣчь будетъ.

— Такъ, значитъ, конецъ Москвѣ, ваши казны прикрываютъ!—прошепталъ Василій Ермолаевъ, другой портной изъ казенной швальни.

— Это уже, какъ хочешь, мерекай!

— Охъ, за грѣхи наши посылаетъ намъ Творецъ милосердный такое испытаніе,—заохалъ понамарь.

Сумерки смѣнила темнота. Теплый вечеръ спустился. Собравшаяся на крыльцѣ кучка служителей и мастеровыхъ не расходилась, разсужденія о только что слышанномъ не прекращались.

— Нужно будетъ въ городъ сбѣгать, съ кумой попрощаться,—говорилъ Илья Акимовъ, молодой ковачъ,—а то неравно, какъ угонять изъ Москвы-то, то не скоро опять съ ней увидимся!

— И мнѣ кой съ кѣмъ нужно будетъ попрощаться,—отозвался Ермолаевъ.

— Такъ что-жъ, братъ, отправимся, да и сбѣгаемъ объ утро?..

— Такъ насъ теперь и отпустятъ,—недовѣрчиво замѣтилъ портной,—когда отъѣзжать изъ города надумали.

— А ты слушай, какъ мы это сдѣлаемъ.

И ковачъ началъ тихо говорить на ухо Ермолаеву.

— Ладно, это, пожалуй, лучше будетъ,—кивнулъ послѣдній головой,—такъ и сдѣлаемъ.

Въ Квадратѣ двора послышался глухой стукъ лошадиныхъ подковъ о твердый настиль двора. Ему глухимъ эхомъ отозвалось дребезжаніе колесъ фельдъегерской таратайки съ противоположной стороны.

— Никакъ къ намъ?...—прислушиваясь къ шуму, проговорилъ Бельшеровъ.

Передъ крыльцомъ выросла изъ темноты конная фигура.

— Его высокопревосходительству, Александру Михайловичу Лунину, эстафета отъ императрицы, — хрипло сказалъ всадникъ и, звякая шпорами, соскочилъ съ коня.

— Дешпа отъ главнокомандующаго, — поспѣшно произнесъ офицеръ, спрыгнувъ съ телѣжки, лихо подкатившей къ крыльцу.

Фельдъегерь отдалъ честь офицеру и пропустилъ его впередъ себя.

Николай повелъ ихъ обоихъ къ Лунину.

Сидѣвшіе на крыльцѣ робко переглянулись между собою, нѣкоторые даже перекрестились.

IV.

Энергичный Александръ Михайловичъ не сталъ терять ни минуты. Въ тотъ же вечеръ онъ созвалъ вторично засѣданіе совѣта, но, тѣмъ не менѣе, приготовленія къ отъѣзду шли своимъ чередомъ.

На совѣтъ собрались далеко не всѣ опекуны, которые были на немъ утромъ; не пріѣхалъ и графъ Ростовчинъ.

— Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія и отношенія главнокомандующаго, чтобы уложить вещи и приготовиться къ выѣзду изъ столицы, я созвалъ васъ, господа, вторично, — увѣренно проговорилъ Луининъ, открывая засѣданіе, — теперь я прочту вамъ полученныя эстафеты.

Возражать на этотъ разъ никто изъ присутствующихъ не посмѣлъ.

— Дѣйствіе обѣихъ казенъ необходимо остановить, ящики для отсылки изъ Москвы сокровищъ ихъ спѣшно уже изготовляются.

— Но какъ же мы удовлетворимъ вкладчиковъ? — рѣшился спросить князь Нелединскій-Мелецкій.

— Удовлетвореніе они могутъ получить въ Казани, куда и будутъ отправлены обѣ казны, или же по возвращеніи въ Москву, когда минуетъ опасность, — твердо отвѣтилъ Луининъ.

— Затѣмъ, — продолжалъ онъ, — будутъ отправлены оба инвентаря, съ ними поѣдетъ Николай Ивановичъ Барановъ, казну же я не могу никому довѣрить и отправлюсь съ нею самъ.

Молчаливо принявъ совѣтъ рѣшеніе предсѣдательствующаго.

Выѣздъ изъ столицы былъ рѣшенъ.

— Я все же надѣюсь на милость Всевышняго, что Онъ пощадитъ Москву и не допуститъ обезпокоить почивающихъ въ оной святынь Его угодниковъ, но, тѣмъ не менѣе, предосторожность сію взять нужно.

— Вы правду говорите, Александръ Михайловичъ, — замѣтилъ князь Голицынъ, — и ежели Богу угодно будетъ, чтобы мы возвратились въ Москву, то употребленные нынѣ труды и издержки уже очень вознаградятся, а мѣра предосторожности, принимаемая къ

спасенію жизни дѣтей лучшаго дворянства и другихъ состояній, будетъ похвальна и приметъ съ признательностью обществомъ.

— А помѣщенія нашихъ заведеній пустовать за сіе время будутъ?—спросилъ Барановъ.

— О, нѣтъ, въ нихъ помѣстятся наши раненые воины, пострадавшіе на полѣ брани,—объяснилъ князь Голицынъ.

— Въ своей материнской заботливости, всемилостивѣйшая государыня, дабы спасти вѣранныхъ попеченію нашему дѣвицъ отъ всякой опасности и возможнаго поруганія, повелѣла употребить для ихъ перевозки всѣ придворные, парадные экипажи, а что буде не хватить, я надѣюсь собрать наймомъ или добровольнымъ пособіемъ отъ здѣшняго дворянства.

— Но все же, Александръ Михайловичъ,—вмѣшался въ разговоръ главный смотритель,—всѣхъ нашихъ воспитанницъ перевезти намъ не удастся.

— Я уже предвидѣлъ это! Надобно напервые стараться объ уменьшеніи числа остающихся на нашемъ попеченіи, — увѣренно сказалъ предсѣдатель, — и публиковать въ газетѣ, чтобы родители, родственники явились непремѣнно и немедленно для принятія дѣвицъ изъ обоихъ училищъ, назначая имъ на то срокъ, и какъ онѣ почти всѣ изъ Москвы и Московской губерніи, то ихъ, вѣроятно, немного останется.

— А Павловская больница и лежащіе въ ней больные?

— Они останутся, приемъ новыхъ будетъ прекращенъ.

Стали разсуждать, что предпринять съ учениками коммерческаго училища, чтобы въ случаѣ вступленія непріятели въ столицу послѣдній не принудилъ ихъ поднять оружіе противъ отечества.

— Я объяснюсь по поводу этого съ градскимъ главою,—предложилъ князь Нелединскій,—поелику училище это учреждено московскимъ купечествомъ.

— Но главное, господа, прошу васъ не разглашать никому о предположенномъ отъѣздѣ изъ Москвы нашихъ учреждений,—сказалъ Лунинъ,—дабы не произвести смятенія между горожанами.

Члены совѣта единодушно признали это за необходимость.

— Несчастное государственное положеніе, причиняемое войною злѣйшимъ изъ враговъ, тяжелымъ ярмомъ легло на нашу родную столицу,—печально замѣтилъ князь Голицынъ.

— Оттого мы и должны позаботиться о вещахъ, заложенныхъ въ ссудной казнѣ, стоящихъ втрое дороже, нежели во сколько заложены... Завѣщанія и открытыя объявленія по важности своей должны быть сохранены въ цѣлости, ибо отъ нихъ зависитъ судьба многихъ частныхъ людей, и потеря которыхъ ничѣмъ вознаграждена быть не можетъ,—говорилъ предсѣдатель.

Засѣданіе совѣта продолжалось далеко за полночь, споровъ и разногласія не было.

V.

Тайна о выѣздѣ изъ столицы казенъ и воспитательныхъ заведеній не долго могла сохраниться. Лунинъ обратился къ городскому головѣ съ разговоромъ на другой день о воспитанникахъ коммерческаго училища, а равно и о кредитѣ главному надзирателю Тутолмину, который оставался въ Москвѣ, замѣняя собою Александра Михайловича.

— Не пойму, ваше высокопревосходительство, для чего вамъ сей кредитъ необходимъ?—изумленно спрашивалъ голова:—кажись, у васъ и казенныхъ денегъ немало?

Открывать тайны престарѣлый опекунъ не посмѣлъ и обратился къ другимъ московскимъ купцамъ, но и послѣдніе отозвались совершенною невозможностью кредитовать по настоящимъ смутнымъ временамъ.

— Вотъ незадача-то,—замѣтилъ Александръ Михайловичъ сопровождавшему его Баранову,—какъ тутъ быть?

— Совѣтъ мой, напишите графу Ростопчину, но глухо, чтобы, въ случаѣ надобности, оказывалъ Ивану Акинѣевичу возможное покровительство и пособіе.

— Пожалуй, что такъ будетъ лучше,—согласился съ нимъ Лунинъ.

Дня черезъ три въ ссудной и сохранной казнѣ съ самаго ранняго утра стояло оживленіе. Все готовилось къ выѣзду изъ Москвы. Около зданій обѣихъ казенъ стояли подводы, на которыя нагружались громадные ящики и сундуки, обшитые въ циновки. Народъ изумленно поглядывалъ на необычное движеніе и толковалъ объ этомъ по своему разумѣнію. Всѣ драгоцѣнные залого, дѣла казны и ломбарда отправлялись сухимъ путемъ до Коломны, чтобы оттуда по Окѣ и Волгѣ плыть на баржахъ до Казани. Рано утромъ въ 4 часа 21-го августа весь этотъ поѣздъ, растянувшійся чуть ли не на версту разстоянія, тронулся изъ Москвы, конвоируемый 50 рядовыми солдатами, 4-мя унтеръ- и 2-мя оберъ-офицерами. Послѣднимъ изъ зданія казенъ вышелъ Александръ Михайловичъ, онъ набожно перекрестился на крестъ храма и сѣлъ въ коляску, приказавъ кучеру ѣхать вслѣдъ за шедшимъ впереди обозомъ.

— Золото и камни самоцѣтные изъ матушки Москвы повезли,— печально говорили случайные ранніе прохожіе, присутствовавшіе при отбытіи казенъ, значить, и впрямь ее, матушку, французу отдають.

Невесело было и старому опекуну, грустныя думы волновали его.

— «Кто знаетъ,—думалъ онъ,—удастся ли когда увидѣть снова родныя стѣны Бѣлокаменной!». Старикъ невольно плакалъ, слезы

такъ и катились изъ его глазъ; только бы помогъ Господь спасти драгоценности и вывезти дѣтей до прихода непріятеля!

Черезъ два часа послѣ перваго поѣзда отправились въ путь и оба института. Оживленіе при отправкѣ изъ Москвы воспитанницъ царило болѣе, чѣмъ при отбытіи перваго поѣзда. Въ 23 экипажахъ, ссуженныхъ московскими дворянами, и цѣломъ обозѣ простыхъ телѣгъ размѣстилось около 700 человекъ, въ томъ числѣ, кромѣ взрослыхъ и воспитанницъ, болѣе 300 дѣтей отъ 4 до 5 лѣтъ. Громоздкій поѣздъ, въ сопровожденіи почетнаго опекуна Баранова, начальницъ институтовъ, классныхъ дамъ и прочихъ чиновниковъ и служителей, съ находившеюся при институтахъ стражею изъ инвалидовъ, а равно двухъ объѣзжихъ надзирателей, двухъ сержантовъ и штабъ-лѣкаря Фишара, двинулся вслѣдъ за первымъ, по дорогѣ въ Коломну.

Сразу опустѣли громадныя зданія опекунскаго совѣта, въ нихъ остались только воспитанники, больныя и новорожденныя дѣти съ ихъ кормилицами. Надъ ними всѣми оставленъ былъ завѣдующимъ Иванъ Акинѣевичъ Тутолминъ.

Изъ полученныхъ изъ казначейства 350 тысячъ рублей ассигнаціями главному надзирателю было выдано 120 тысячъ рублей, съ расчетомъ, что этого хватитъ на содержаніе Воспитательнаго Дома на два мѣсяца, 30 тысячъ рублей почетному опекуну Баранову для нуждъ обоихъ институтовъ, отправлявшихся въ дорогу, а остальную сумму взялъ съ собою Лунинъ, чтобы продолжать операціи ссудной казны по прибытіи ея въ Казань.

Рескриптъ, посланный императрицею Маріей Феодоровною, подтверждалъ необходимость принятыхъ мѣръ, при чемъ упоминалось:

«... Дошедшія до меня извѣстія о свирѣпствахъ непріятеля подають мнѣ поводъ къ опасенію въ разсужденіи взрослыхъ нашихъ питомцевъ обоего пола, въ томъ числѣ воспитанницъ, приуготовленныхъ къ званію наставницъ, и воспитанниковъ, обучающихся латинскому языку и наукамъ. Помышляя, что жизнь, честь, невинность и нравы могутъ подвергнуты быть крайней опасности, считаю необходимымъ удалить изъ Москвы всѣхъ воспитанницъ свыше 11-ти и воспитанниковъ свыше 12-ти лѣтъ»...

VI.

Опустѣло громадное зданіе послѣ отъѣзда воспитанницъ. Гулко звучали шаги въ его пустыхъ залахъ и дортуарахъ. Остались только взрослые воспитанники обоего пола Воспитательнаго Дома, приставники и служителя, да и изъ послѣднихъ коекого не досчитывались; портного Ермолаева и ковача Ильи Акимова.

— Прикажете сыскать ихъ, Иванъ Акиноіевичъ?—спросилъ старый сторожъ Сергѣй изъ солдатъ.

Главный надзиратель махнулъ рукою.

— Самы явятся, когда ѣсть будетъ нечего, пусть по Москвѣ побѣгають!—сказалъ онъ сторожу.

— А все жъ не мѣшало бы сыскать ихъ,—ворчалъ старикъ,— да для-ради показу, чтобы другимъ повадки не давать, наказать построже.

— Вотъ завтра утромъ поведу моихъ ребятъ добровольцевъ къ графу Ираклію Ивановичу,—продолжалъ Тутолминъ,—такъ скажу ему, чтобы велѣлъ ихъ поискать.

Сергѣй съ простотою стараго служащаго началъ разспрашивать своего начальника; его интересовали охотники-добровольцы.

— А много парнишекъ вести завтра изволите, Иванъ Акиноіевичъ?

На полномъ бритомъ лицѣ надзирателя появилась улыбка.

— Шестнадцать воспитанниковъ пожелали за матушку нашу Россію противъ французъ воевать!

— Честь и слава ребятамъ за это!—похвалилъ старикъ Тутолминъ, вмѣстѣ съ инвалидомъ прошелъ по всему зданію, осмотрѣлъ самъ всѣ углы и закоулки.

— Боже сохрани, не забрался бы злой человѣкъ грѣхомъ къ намъ,—говорилъ онъ, подозрительно посматривая по всѣмъ сторонамъ.

Чуткое безмолвіе воцарилось въ пустыхъ покояхъ, только слышно было, какъ гдѣ-то подъ поломъ скребутся да бѣгають мыши.

— Не къ добру, Иванъ Акиноіевичъ, ой, не къ добру, мышъ эта разбѣгалась!—внушительно говорилъ Сергѣй:—не скоро, родимый, народъ-то свой опять сюда вернется.

Надзиратель, утомленный суетой послѣднихъ дней, не хотѣлъ ему отвѣчать. Молча окончили они осмотръ зданій и вернулись въ квартиру Тутолмина.

— Ну, иди, старина, съ Богомъ спать, а завтра нужно мнѣ еще распорядокъ въ Шереметевскомъ вдовьемъ домѣ сдѣлать, вдовъ сюда перевести, здѣсь у насъ въ кормиличномъ отдѣленіи имъ будетъ споконнѣе.

Сергѣй ушелъ; старшій надзиратель сѣлъ писать донесенія императрицѣ.

Снова спустился темный покровъ ночи...

Еще солнышко только начало играть на крестахъ церкви, какъ Тутолминъ поднялся и началъ собирать своихъ воспитанниковъ. Кромѣ 16-ти, выразившихъ свое желаніе послужить въ рядахъ войскъ, чуть ли не всѣ остальные стали просить надзирателя, чтобы онъ и имъ позволилъ итти вмѣстѣ.

— Ишь, чего выдумали!—шутливо говорилъ Иванъ Акинѣевичъ.—Куда вамъ еще: нѣкоторые малы совѣтъ, иные больны?.. Сидите-ка лучше дома!

Среди воспитанниковъ поднялся плачь.

— Ну, чего ревете, еще успѣете и послѣ наслужиться вволю! А теперь, кто вчера изъявилъ желаніе, собирайся со мною, сюда ворочаться ужъ не будете.

Мальчики живо собрались и вмѣстѣ съ Тутолминымъ, попивъ на дорогу горячаго сбитня съ ситнымъ, отправились.

Главнoкомандующій московскою военною силою, графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ, находился въ Кремлѣ. Къ нему и повелъ Тутолминъ воспитанниковъ.

— Послужить, ребята, царю и отечеству желаете?—весело спросилъ Марковъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство, жаждемъ и уповаемъ на вашу милость, прикажите насъ зачислить!—въ одинъ голосъ отвѣчали наученные Тутолминымъ воспитанники.

— Милость прошу оказать моимъ ребятишкамъ, ваше сіятельство,—просительно замѣтилъ главный надзиратель,—прикажите принять унтеръ-офицерами, они парнишки грамотные...

— Съ великой охотой, Иванъ Акинѣевичъ,—отвѣтилъ графъ и приказалъ находящемуся при немъ адъютанту размѣстить вновь принятыхъ по полкамъ.

Со слезами на глазахъ прощались юноши со своимъ добрымъ старикомъ-воспитателемъ. Онъ всѣхъ благословилъ ихъ и надѣлъ на каждого крестикъ, говоря:

— Да сохранить Господь Вседержитель васъ отъ смерти, а если и придется умирать, то помните, что умираете за царя, за родину, за вѣру православную!

Старый надзиратель не могъ болѣе сдерживать себя и разрыдался, какъ ребенокъ.

— Вотъ вамъ, дѣти, по двадцати пяти рублей на брата награжденія,—продолжалъ сквозь слезы Тутолминъ,—и въ вѣдомости ея императорскому величеству, матушкѣ царицѣ, нашей попечительницѣ, упомяну каждого изъ васъ по имени.

Осиротѣлымъ вернулся въ Воспитательный Домъ Иванъ Акинѣевичъ и, чтобы немного разсѣяться, принялся улаживать перевезенныхъ сюда изъ вдовьяго дома девять старухъ и находящуюся при нихъ сироту.

— Спасибо, родимый, за хлопоты, за ласку,—говорили переведенныя старухи.

Пріемъ дѣтей въ Воспитательный Домъ былъ прекращенъ, но привезенные раньше оставались здѣсь же. Розданныя дѣти по деревнямъ на воспитаніе крестьянамъ стали приноситься послѣдними обратно, боязнь приближенія непріятеля заставила крестьянъ

прибѣгнуть къ этому. Тщетно убѣждали ихъ объѣздные надзиратели, они продолжали нести дѣтей обратно и, только благодаря словамъ Ивана Акинеѣевича, умѣвшаго возбудить въ сердцахъ ихъ чувство сожалѣнія къ младенцамъ, удавалось, хотя и съ большимъ трудомъ, уговорить ихъ отказаться отъ своего намѣренія.

— Здѣсь они, по недостатку кормилицъ, должны непременно погибнуть,—говорилъ онъ крестьянамъ,—пожалѣйте же малютокъ и не заставляйте ихъ умереть отъ голода.

VII.

— Пишетъ мнѣ преосвященный Августинъ, викарій московскій, что въ церквахъ обоихъ институтовъ и во вдовьемъ домѣ божественныя службы временно отмѣняются, священники съ причтомъ остаются за штатомъ, хотя и будутъ получать опредѣленное жалованье,—говорилъ старшій надзиратель собравшимся около него немногочисленнымъ обитателямъ Воспитательнаго Дома.

Всѣ грустно поникли головами; въ такія тяжелыя времена молитва поддерживала каждого вѣрующаго, лишиться этого утѣшенія было не легко.

— Во всякомъ случаѣ въ церкви Воспитательнаго Дома богослуженія будутъ продолжаться попрежнему,—утѣшили пріувѣвшихъ Тутолминъ.

Пропавшихъ служителей и мастеровыхъ онъ рѣшилъ не искать.

— Не до того теперь, сами должны помнить, что негоже въ такую минуту службу бросать,—говорилъ онъ остальнымъ чиновникамъ.

Не прошло и недѣли со дня отбытія изъ Москвы институтовъ, какъ почетные опекуны снова собрались на совѣщаніе, согласно присланному отъ императрицы рескрипту.

Нелединскій-Мелецкій, князь Голицынъ и Нечаевъ втроемъ рѣшили переговорить съ главнокомандующимъ, чтобы отправить остающихся еще въ Москвѣ дѣтей и воспитанниковъ Воспитательнаго Дома также въ Казань, и 31-го августа дѣти были отправлены сухимъ путемъ на подводахъ. Еще болѣе опустѣли Воспитательный Домъ и громадныя корпуса обоихъ институтовъ. Въ тотъ же день къ Тутолмину прискакалъ адъютантъ отъ графа Ростопчина.

— Его сіятельство проситъ васъ очистить всѣ свободныя помѣщенія для раненыхъ, привозимыхъ изъ армій, вотъ и отношеніе письменное къ вамъ графа,—сказалъ посланный, передавая главному надзирателю бумагу.

— Божье дѣло это, препятствовать считаю грѣхомъ, страдающему нужно облегчать его страданія, такъ заповѣдалъ намъ Господь.

— Что же прикажете передать графу?

— Пусть отправляетъ раненыхъ прямо сюда, все будетъ для нихъ приготовлено.

Адъютантъ сейчасъ же ускакалъ обратно.

Громадное зданіе было чуть ли не все передано въ распоряженіе генералъ-крюгсъ-комиссара Татищева. Гдѣ еще недавно звенѣли струны фортепіано и арфы, гдѣ слышались молодые голоса воспитанницъ, тамъ теперь раздавались тяжелые стоны раненыхъ, предсмертный хрипъ умирающихъ, вопли оперируемыхъ... Вездѣ была кровь. Чистый воздухъ институтскихъ помѣщеній пропитался тяжелымъ запахомъ лѣкарствъ, пота... Все измѣнилось, всѣ залы стали неузнаваемы. Такъ все разрушаетъ и уничтожаетъ, что находится на ея пути, катящаяся съ горы лавина. Походъ Наполеона на Россію напоминалъ ее: онъ несъ съ собою смерть и разрушеніе точно такъ же, какъ эта лавина. Страданій нельзя было исчислить, все въ ужасѣ бѣжало передъ этимъ новымъ бичемъ Божиимъ, передъ этимъ новымъ Атиллою.

Тутолминъ оставилъ при занятыхъ ранеными зданіяхъ наемный караулъ для охраны оставшихся въ нихъ казенныхъ вещей, а самъ только наблюдалъ.

Прогремѣли Бородинскія пушки... Долетѣли до Москвы радости вѣсти, что побѣда осталась не за нами; уныніе овладѣло москвичами. Тщетно старался графъ Ростовчинъ поднять падающій духъ горожанъ.

Вернувшійся въ Воспитательный Домъ инвалидъ Сергѣй, ходившій въ Кремль, принесъ Тутолмину печатное воззваніе.

— А, ну, прочитайте, батюшка, Иванъ Акинеевичъ, вѣдомости, сегодня всѣмъ раздавали,—прошамкалъ старикъ.

Старшій надзиратель взялъ у него печатный клочекъ бумаги и началъ читать вслухъ; это была одна изъ Ростовчинскихъ афишъ:

«Вчерашній день, 26-го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе; съ помощью Божіею войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на московскую святыню, съ новыми силами съ ними сразиться.

«Потеря непріятели несчетная. Онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать некого), и что французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сегодня, съ помощью Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

«Я посылаю въ армію 4.000 человекъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды, провіанты. Православные, будьте спокойны, кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества, наша рать готова, и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска.

Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положить кости свои въ землѣ Русской. 27-го августа 1812 года. Графъ Ростовчинъ».

— Ишь, онъ, родимый, какія тяготы несетъ, чтобы спасти ма-тушку нашу Бѣлокаменную отъ француза,—сказалъ инвалидъ, утирая слезы.

Понуриль свою сѣдую голову Тутолминъ, не дало ему прочитанное прибавленіе къ «Вѣдомостямъ» спокойствія, онъ встревожился еще больше.

— Нашихъ-то мальченковъ,—продолжалъ Сергѣй,—по полкамъ не разогнали, а въ ополченіе зачислили.

— Вотъ какъ, откуда ты это знаешь?

— У графа Ираклія Ивановича въ домѣ слыжалъ, заходилъ я туда брата своего провѣдать, такъ сказывали, что пожалѣли: «млады, моль, больно еще, зачѣмъ сразу подъ пулю къ французу совать!»

— Спасибо графу,—обрадовался надзиратель,—я самъ его объ этомъ просилъ.

— А ниверситетъ тоже выѣхалъ изъ Москвы: какъ къ намъ нашихъ воспитанниковъ, что въ немъ учились, поприслали, такъ живехонько начальство и собралось.

Тутолминъ уже не слушалъ его больше и, запершись у себя въ кабинетѣ, принялся писать новое донесеніе императрицѣ въ Петербургъ. Изложивъ все вышесказанное, онъ закончилъ свое донесеніе слѣдующими словами:

«Остаюсь теперь въ домѣ при самыхъ смутныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ съ малолѣтними и больными дѣтьми, я буду по должности моей такъ поступать, чтобы сіе было угодно человѣколюбивому сердцу вашего императорскаго величества».

Несмотря на позднее время, приготовленный курьеръ сейчасъ же помчался въ Петербургъ къ томящейся неизвѣстностью о питомцахъ Воспитательнаго Дома императрицѣ.

VIII.

Лакей Лунина, Николай Бельшеровъ, былъ оставленъ послѣднимъ въ Москвѣ при Воспитательномъ Домѣ. Съ отъѣздомъ воспитанниковъ, работы здѣсь было очень мало, и Николай шатался по городу, прислушиваясь къ толкамъ и разговорамъ. Ростовчинскія афиши читались на расхватъ: гдѣ только соберется кучка народа, сейчасъ же появится печатный лоскутъ, выищется грамотный человѣкъ изъ дворовыхъ или духовныхъ, и начнется чтеніе. Бельшеровъ, тоже грамотный, нерѣдко служилъ въ подобныхъ случаяхъ читателемъ, слушать его любили, потому что онъ читалъ громко и понятно. Приткнувшись у калачной избы или у блинной, кото-

рылъ въ это время въ Москвѣ было болѣе двухъ сотенъ, стояли слушатели, внимательно слѣдя за чтеніемъ.

— «Вооружитесь чѣмъ бы то ни было,—читалъ лакей афишу,—особливо вилами, которыя противъ французовъ тѣмъ болѣе способны, что они не тяжелѣе соломеннаго снопа».

— Ха-ха-ха,—раздался смѣхъ среди слушателей,—доподлинно такъ: соломенный снопъ куда хошь забрось, тяжести въ немъ самая малость!

— «Если ихъ не побѣдимъ, то сожжемъ ихъ въ Москвѣ, если осмѣлятся войти въ оную!»—читалъ дальше Бельшеровъ, вызывая сочувственное одобреніе толпы.

— Такъ ихъ и слѣдуетъ бить, какъ таракановъ,—услышалъ онъ за собой знакомый голосъ, когда окончилъ чтеніе афиши и невольно оглянулся.

Передъ нимъ стоялъ пропавшій уже давно портной, Василій Ермолаевъ.

— Да никакъ это ты?—изумился лакей, глядя на стараго своего пріятеля:—а мы всѣ такъ полагали, что ты истратился такъ зря, когда сбѣжалъ.

Портной улыбнулся.

— Нѣтъ ужъ, это зачѣмъ же, живъ есмь по природѣ, и Ильюшка тоже!

— Акимовъ, ковачъ?—обрадовался лакей:—гдѣ же онъ?

— Тамъ же, гдѣ и я нахожусь,—уклончиво отвѣтилъ портной,—при дѣлѣ...

— При какомъ?—быстро спросилъ Николай.

Портной раздумывалъ, говорить ли пріятелю, гдѣ они находятся: «А какъ неравно старшему надзирателю скажетъ, а тотъ полиціи, и приведутъ насъ обратно въ Воспитательный, да еще напередъ спину вспорятъ!»...

— Боишься мнѣ сказать?—понялъ его молчаніе лакей,—не выдамъ, сказывай!

— А ну, была не была,—рѣшилъ портной,—чѣмъ сказывать, пойдемъ со мной вмѣстѣ, и Ильюшку увидишь, да и на нашу работу полюбуешься.

И пріятеля отправились.

Итти пришлось не близко, за городъ, на Воронцовскую дачу.

— Далече же вы, ребята, забрались,—недовѣрчиво посматривая на глухую дорогу, по которой они шли, замѣтилъ Бельшеровъ:—глухо у васъ тутъ больно!

— Такую работу производить, чѣмъ глуше мѣсто, тѣмъ лучше!

— Фальшивыя деньги что ли дѣлаете?—полушутливо, полусерьезно спросилъ лакей.

— Помалкивай, пока самъ увидишь,—увѣренно сказалъ его спутникъ.

По дорогѣ ихъ не разъ останавливали пѣшіе и конные караульные солдаты, но портной говорилъ имъ пароль, и они пропускали. Скоро они подошли къ стоящему отдѣльно въ полѣ, недалеко отъ небольшой березовой рощицы, строенію.

— Мы пришли,—проговорилъ портной и постучалъ согнутымъ суставомъ указательнаго пальца въ калитку.

На дворѣ таякнула сердито собака, раздались чьи-то шаги.

— Кто тамъ?—спросилъ мужской голосъ.

— Свой, швецъ,—отозвался Василій.

Загромыхалъ тяжелый затворъ, калитка открылась.

— А съ тобой это кто?—спросилъ отворившій пожилой мужчина въ синемъ кафтанѣ, подозрительно поглядывая на Бельшеровъ.

— Тоже свой, небось, не выдастъ.

Просторный дворъ, на который они вышли, окруженный плотнымъ заборомъ, былъ заваленъ различнымъ строительнымъ матеріаломъ, тонкими планками, досками, желѣзными скрѣпами, стояло много бочекъ и нѣсколько чановъ. Въ глубинѣ двора находился громадный сарай, къ которому они всѣ трое и направились.

Если дворъ представлялъ изъ себя мастерскую, то внутренность сарая еще болѣе на нее походила. Сарай былъ перегороженъ надвое; въ первой было нѣсколько человекъ, торопливо работавшихъ надъ устройствомъ деревянной лодки изъ тонкихъ планокъ и досокъ.

— Гдѣ ты такъ долго пропадалъ, Василій Ивановичъ?—сказалъ одинъ изъ ввинчивавшихъ скрѣпы въ бортъ лодки рабочихъ, въ которомъ Бельшеровъ сейчасъ же узналъ пропавшаго ковача Ильюшку.

— Карлъ Богданычъ тебя не разъ уже спрашивалъ, некому шить, Ѳедька кривой одинъ не можетъ управиться,—и, замѣтивъ лакея, онъ весело прибавилъ:

— Эвона, кого вѣтеръ къ намъ-то занесъ!

Бывшіе сослуживцы поздоровались и стали разговаривать, а портной прошмыгнулъ въ сосѣднее помѣщеніе, куда вскорѣ послѣдовалъ за нимъ и Николай. Подвѣсивъ за перекладину узкія полотнища какой-то матеріи, трое людей шивали ихъ въ формѣ круглаго шара. Высокій, худощавый пожилой мужчина, съ бритымъ нерусскимъ лицомъ, подошелъ къ лакею и твердо сказалъ ему:

— Помни, что никто въ Москвѣ не долженъ знать, что мы тутъ дѣлаемъ!

Бельшеровъ, пораженный замѣчаніемъ, едва могъ отвѣтить:

— Будьте спокойны, все, что здѣсь я видѣлъ, что слышалъ, какъ въ могилѣ, замретъ въ моей груди.

Старикъ кивнулъ ему головою и снова принялся за прерванную работу, а Николай боязливо смотрѣлъ по сторонамъ на стоявшія у стѣнъ большія стеклянныя бутылки.

— Чѣмъ такъ-то стоять,—снова сказалъ мужчина,—помогай, намъ, времени мало остается, нужно оканчивать работу.

Лакей принялся спивать вмѣстѣ съ другими клинья шара, а портной вполголоса рассказывалъ ему:

— Этотъ старикъ—англичанинъ, зовутъ его Карломъ Богданычемъ, ему велѣно собрать шаръ такой, чтобъ на воздухъ могъ подняться и даже за собой лодку тащить. За это дѣло взялся онъ, потому что въ своихъ краяхъ такой же шаръ уже строилъ.

— А потомъ что?—шепотомъ спросилъ Василій.

— А потомъ онъ сядетъ въ эту лодку, шаръ вздыметъ ихъ, и начнетъ англичанинъ сверху въ француза кидать бомбы разрывныя, ну, всѣхъ и побьетъ!

Остолбенѣлъ Лунинскій лакей отъ этого сообщенія, ничего подобнаго онъ никогда въ жизни не слышалъ.

— Окромъ англичанина, имѣется у насъ еще нашъ русскій офицеръ, чтобы надъ Карломъ-то Богданычемъ наблюдение вести, какъ бы французу не передался.

— Нечего болтать, нужно работать!—раздался сердитый окликъ заправилы-англичанина, и пріятели замолчали.

IX.

— Смотри, Василій, Боже тебя сохрани,—предупреждали портной и ковачъ лакея, прощаясь съ нимъ:—никому ничего не сказывай, такой ужъ приказъ данъ.

Ковачъ вывелъ его на дорогу и, попрощавшись, вернулся къ своей работѣ. Пораженный видѣннымъ имъ и слышаннымъ, Бельшеровъ быстро шелъ къ городу по пустынной луговинѣ. Когда онъ подходилъ къ самой Москвѣ, ему повстрѣчались нѣсколько прохожихъ, оживленно бесѣдовавшихъ между собою. Василій, обладавшій чуткимъ слухомъ, уловилъ обрывки разрозненныхъ фразъ о приближеніи французовъ къ Москвѣ.

— Хоть бы скорѣе машину-то сдѣлали!—пришло ему на умъ, и онъ пожалѣлъ, что не остался помогать работавшимъ на Воронцовской дачѣ, но возвращаться было уже поздно; онъ рѣшилъ прійти сюда завтра пораньше и приняться снова за работу.

Вернувшись домой, Бельшеровъ засталъ весь дворъ, занятый телѣгами, на которыхъ были доставлены въ Воспитательный Домъ новые раненые. Многіе изъ нихъ стонали, растревоженные перевозкою. Доктора и фельдшера суетились около нихъ, чтобы скорѣе внести ихъ въ домъ и уложить на кровати.

Немало хлопотъ было и главному надзирателю; еще только сегодня утромъ онъ получилъ рескриптъ отъ императрицы, чтобы положить раненыхъ въ освобожденномъ помѣщеніи вдовьяго дома, при чемъ въ собственноручной припискѣ царицы стояло:

«... для пользованія раненыхъ офицеровъ въ предполагаемомъ временномъ лазаретѣ, желаю я, чтобы приглашенъ былъ г. операторъ Гильдебрандтъ, которому прошу сказать, что онъ принятіемъ на себя сего препорученія сдѣлаетъ мнѣ особенное удовольствіе. Вообще рекомендую вамъ въ особенности содержаніе сихъ офицеровъ, дабы оно было какъ можно лучше, соображаясь, однако, съ здѣшнимъ положеніемъ и принятыми правилами, въ чемъ полагаюсь на ваше стараніе»...

А стараній Иванъ Акиноіевичъ прикладывалъ немало.

Замѣтивъ Лунинскаго лакея, онъ недовольно ему крикнулъ:

— Ну, чего ты, Николай, зря шатаешься? Помоги скорѣе переносить раненыхъ. Развѣ самъ не видишь, сколь мало рабочихъ людей?

Бельперовъ сейчасъ сталъ помогать остальнымъ, и раненые были перенесены во внутренность дома.

— Поработали сегодня мы немало,—сказалъ Тутолминъ главному лѣкарю, Христофору Оппелю, когда всѣ вновь привезенные раненые были размѣщены,—да завтра еще привезутъ, придется класть ихъ въ помѣщеніе другого института.

— Да иначе куда же? Все полно. Долго ли придется имъ здѣсь-то пробыть, Иванъ Акиноіевичъ?

— А что?

— Говорятъ, что на военномъ совѣтѣ въ деревнѣ Филяхъ, рѣшено отдать неприятелю Москву.

На лицѣ старшаго надзирателя появилось изумленіе.

— Не вѣрится что-то, Христофоръ Христофоровичъ, чтобы мы, русскіе, рѣшились отдать Наполеону сердце Россіи, Москву. Лѣкарь пожалъ плечами.

— А если все-таки это случится, что тогда?—снова спросилъ онъ.

— Коли такова воля Божія, русскіе раненые не могутъ здѣсь остаться, иначе они будутъ объявлены военноплѣнными! Придется снова тревожить ихъ, перевозить...

— Многіе едва ли перенесутъ вторичную дорогу, слабы очень отъ потери крови,—замѣтилъ Оппель.

Поникъ головою старый Тутолминъ.

— Будемъ надѣяться, что Москва не достанется на посмѣяніе врагу,—прошепталъ онъ.

Далекое зарево по Смоленской дорогѣ ясно указывало мѣсто бивуаковъ великой арміи, какой-то глухой, таинственный гулъ неся оттуда.

Иванъ Акиноіевичъ, чутко прислушиваясь, долго стоялъ на крыльцѣ. Онъ тяжело вздыхалъ, каждый слабо доносившійся до него изъ зданія стонъ раненыхъ заставлялъ его вздрагивать.

— Бѣдныя, бѣдныя, какъ они страдаютъ!—говорилъ онъ тихо самъ себѣ:—что-то будетъ, что-то будетъ?

Старика томило тяжелое предчувствіе.

X.

Онъ долго не могъ заснуть, и едва только забылся тяжелымъ сномъ, какъ инвалидъ Сергѣй, тихонько войдя въ спальню, разбудилъ его.

— Вставайте, батюшка Иванъ Акинѣевичъ, эшпафетъ отъ его сіятельства къ вамъ прибылъ.

Тутолминъ сейчасъ же вскочилъ и, накинувъ халатъ, вышелъ самъ въ кабинетъ, гдѣ ожидалъ его присланный графомъ Ростовичинимъ офицеръ.

Съ первыхъ же строкъ посланія главный надзиратель вполне убѣдился, что Оппель говорилъ ему вчера правду.

Москву отдавали врагу!

Эти слова, точно написанныя кровью сердца всей Россіи, вызвали на глаза Ивана Акинѣевича слезы, онъ плакалъ, не замѣчая самъ, что плачетъ.

Московский губернаторъ сообщалъ ему рѣшеніе военнаго совѣта; сомнѣваться дольше было нельзя.

«Мы выступаемъ сегодня, — писалъ Ростовичинъ, — совѣтую и вамъ позаботиться о своевременномъ вывозѣ раненыхъ изъ Москвы»...

— Но куда? на чемъ?! — беспомощно спрашивалъ самъ себя старшій надзиратель.

Дѣйствительно, задача эта была не изъ легкихъ; перевозочныхъ средствъ не хватало. Кромѣ того, Тутолмину было много заботъ и со своими воспитанниками, оставшимися въ Москвѣ.

Вѣсть объ отдачѣ Москвы непріятелю уже успѣла распространиться по городу, на улицахъ царилъ невыразимый беспорядокъ. Переходящая черезъ городъ войска, масса экипажей, перегруженныхъ домашнимъ скарбомъ москвичей, телѣги, возы, брички, люди, животныя... все это перемѣшалось между собою.

Стоялъ неясный гулъ голосовъ, ржаніе лошадей, скрипъ колесъ, отчетливыхъ шаговъ пѣхоты, грузное громаханіе пушекъ, бряцаніе оружія...

Все спѣшило, торопилось выѣхать, уйти изъ столицы, у воротъ которой стоялъ грозный врагъ.

Тутъ торопливо несли большую икону, богато обложенную въ тяжелую кованную золотую ризу, — несли, чтобы спрятать куданибудь отъ француза; тамъ звенѣла недовольная рѣчь нѣсколькихъ удалцовъ, не могущихъ смириться съ мыслью, что дневная столица попадетъ въ руки къ врагу, и негодовавшихъ на генераловъ, согласившихся на эту крайнюю мѣру.

Многіе рыдали, уныніе, горькое сознаніе тяжелой потери видѣлось на всѣхъ лицахъ.

Туголминъ отправился къ графу Федору Васильевичу, прося его дать лошадей и повозки для перевозки раненыхъ.

— Откуда мнѣ ихъ взять? Все все занято, все отдано!

Раненые остались въ Москвѣ.

— Неужели у Наполеона поднимется на нихъ рука?—говорилъ Ростопчинъ.

— Скорѣе, скорѣе выѣзжайте всѣ изъ столицы,—торопилъ онъ обывателей,—а мы тутъ французу гостинецъ преподнесемъ, да такой, что онъ вовѣкъ не забудетъ,—продолжалъ графъ.

Выстрѣловъ не было слышно, но гдѣ-то далеко, за городомъ, раздався сильный взрывъ, отъ котораго задрожали стекла въ домахъ и разбилось немало.

— Стрѣляетъ французъ-то,—замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Что-то, какъ бы не съ той стороны,—отозвался примѣтливый Бельшеровъ, по своей привычкѣ толкавшійся по улицамъ.

— Вѣрно, паря, сказалъ, французъ во гдѣ находится,—показалъ старикъ рукою:—выстрѣлили за Калужской заставой.

— «Ужъ не натолкнулись ли непріатели на сарай, гдѣ наши шаръ дѣлали?—подумалъ Бельшеровъ:—да и жарять по нимъ изъ пушекъ?»

Страшный гулъ былъ слышенъ только одинъ разъ, и затѣмъ все смолкло.

— Все жъ нужно будетъ къ нимъ сбѣгать, милыхъ дружковъ провѣдать,—рѣшилъ лакей и, пользуясь, что въ сегодняшней суматохѣ старшему надзирателю не до него, отправился, никого не спрашивая, по вчерашней, знакомой уже ему, дорогѣ за Калужскія ворота, на Воронцовскую дачу.

Вчерашнихъ потрулей уже не было видно, рѣдкіе домики были пусты, жители ихъ всѣ разбѣжались. Подойдя еще ближе къ Воронцовской дачѣ, Бельшеровъ замѣтилъ довольно густое облако дыма, подымавшагося около березовой рощи. Пораженный лакей побѣжалъ скорѣе ко вчерашнему забору, но не пашель его на томъ мѣстѣ. Дворъ представлялъ картину разрушенія, бѣлый дымъ застилалъ его, все было разбросано, земля мѣстами взрыта...

— Пожаръ, кажись, былъ?! — испуганно прошепталъ Бельшеровъ, осторожно подвигаясь дальше.

Истина была налицо—сарая не существовало, онъ исчезъ, но стоявшій за нимъ небольшой каменный домикъ выглянулъ наружу.

— Гдѣ же наши-то?—не то изумленно, не то испуганно прошепталъ Николай и пытливо сталъ вглядываться.

— Должно бѣтъ, взмылъ шаръ-то кверху, народъ разошелся, и, чтобы толковъ не было, поломали арки и заборъ,—думалъ онъ.

Легкій, еле замѣтный дымокъ вился тамъ, гдѣ еще недавно стояли строенія.

— Сожгли даже... съ недоумѣніемъ проговорилъ Бельшеровъ, подойдя къ мѣсту.

Бездѣ валялись обгорѣлые обломки, большая лодка была цѣла, въ ней лежала цѣлая куча желѣзныхъ винтовъ, гаекъ, пружинъ, гвоздей, какихъ-то сломанныхъ и изогнутыхъ снарядовъ. Изаумленіе лакея возросло все больше, чѣмъ дальше шелъ онъ по двору. Пустыя бочки и чаны были исковерканы, валялись разбитыя громадныя бутылки, которыя онъ вчера видѣлъ цѣлыми. Бельшеровъ испуганно осматривался, не рѣшаясь войти въ уцѣлѣвшій свади домикъ, но, наконецъ, пересилилъ себя, вошелъ въ него и сейчасъ съ крикомъ выбѣжалъ обратно...

Въ сѣняхъ домика лежалъ трупъ въ офицерскомъ мундирѣ.

— Вчерашній капитанъ,—шепталъ, трясясь отъ страха, Николай,—неужто французъ ужъ побывалъ здѣсь?

Онъ хотѣлъ было бѣжать скорѣе обратно въ Москву, но, не слыша никакого шума въ домикѣ, рѣшилъ вернуться въ него.

— Може, только обмеръ, нужно помочь будетъ!—и онъ пытался осторожно приподнять лежащаго офицера.

— Богу душу отдалъ,—истово перекрестясь, замѣтилъ лакей и, покинувъ дачу, пошелъ обратно.

ХІ.

Москва всполошилась. Военный совѣтъ рѣшилъ сдать городъ врагу. Крики негодованія, отчаянія слышались повсюду. Жители спѣшно вывозили свое имущество, стараясь забрать только то, что поцѣннѣе. Длиныя вереницы всевозможныхъ экипажей, начиная отъ простой крестьянской телѣги и кончая дорогою заграничною коляскою, двигались по Калужской дорогѣ. Москва опустѣла, въ домахъ остались одни караульщики да немощные. Всѣ лавки, герберги, фряжскіе погреба, питьевые дома, харчевни, полпивныя закрылись, торговало только нѣсколько хлѣбныхъ, калачныхъ избъ и блинныхъ. Но раньше этого нѣкоторыя изъ питьевыхъ заведеній были разбиты солдатами и чернью. Водку тащили ведрами, горшками и кувшинами. Пьяныхъ появилось множество. Не прозѣвали и рабочіе Воспитательнаго Дома такой благопріятной оказіи. Ивану Акинеевичу пришлось ходить по квартирамъ съ обыскомъ; найдя спрятанное вино, онъ выливалъ его на землю и билъ посуду.

— Стыдитесь! русскіе вы, и своихъ же грабите!—укорялъ онъ провинившихся.

Больные и раненые, за исключеніемъ очень слабыхъ, были вывезены изъ города.

Прошла черезъ Москву и отступавшая русская армія... Мрачно смотрѣли храбрецы-солдаты, на глазахъ многихъ изъ нихъ были

замѣтны слезы, не съ охотой покидали они стѣны дорогой каждому русскому столицы. Послѣднимъ выѣхалъ главнокомандующій Москвы, графъ Ростопчинъ, городскія власти покинули городъ раньше.

Иванъ Акинѳевичъ, проводивъ отъѣзжающихъ, печально возвращался въ значительно опустѣлыя зданія Воспитательнаго Дома съ врачомъ Оппелемъ. Изъ числа чиновниковъ и служащихъ при немъ людей осталось болѣе пятисотъ человѣкъ, включая въ то число кормилицъ, нянекъ и чернорабочихъ, и болѣе шестисотъ воспитанниковъ и воспитанницъ, начиная отъ грудного возраста до 18 лѣтъ.

— Что-то будетъ съ ними, достопочтеннѣйшій Иванъ Акинѳевичъ?—вздыхнувъ, проговорилъ Оппель.

— Будемъ надѣяться на милость Господню, Христофоръ Христофоровичъ,—тихо отозвался Тутолминъ.—Онъ Единый вызволить насъ изъ несчастія.

— Что же вы намѣрены теперь предпринять?

— Господня воля! Что Онъ укажетъ Всеблагой Промыслитель, а также мы по долгу своему обязаны пецись о спокойствіи нашего человѣколюбиваго заведенія, то исполнимъ на насъ возложенное.

Оппель ничего не отвѣтилъ своему спутнику, и они возвратились домой.

— Скоро, пожалуй, и недруги припожалуютъ,—замѣтилъ главный надзиратель.

Послѣдніе отряды русскихъ войскъ еще проходили мимо Воспитательнаго Дома, по набережной, какъ въ Кремль уже вступили французы.

Пестрая лента различныхъ родовъ войскъ развивалась по опустѣлымъ улицамъ Бѣлокаменной. Несмотря на дисциплину наполеоновскихъ полчищъ, при видѣ опустѣлой столицы, о сказочныхъ богатствахъ которой давно уже ходили слухи, не всѣ солдаты могли сдержать себя; многіе изъ нихъ, пользуясь суматохой вступленія, ускользнули отъ своихъ частей и бросились грабить покинутые русскими дома.

Громадное зданіе Воспитательнаго Дома привлекло вниманіе мародеровъ. Имъ почему-то думалось, что въ немъ скрыты сокровища столицы, и многіе охотно бы сейчасъ же бросились грабить, если бы не боязнь, что за стѣнами этого зданія скрываются русскіе казаки, уже хорошо знакомые французамъ по своей удали.

Вступленіе французовъ сейчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ Тутолмину; первую вѣсть сообщилъ о нихъ Бельшеровъ.

— Идутъ, батюшка, Иванъ Акинѳевичъ, идутъ! Тьма-темъ, всѣ улицы, всѣ проулки французами заставлены! Какъ бы на грѣхъ и къ намъ сюда не пожаловали!—говорилъ Николай, умолавшій о своемъ посѣщеніи Воронцовской дачи.

— А дабы они и впрямь насъ неожиданно, негаданно не навѣстили,—спокойно замѣтилъ надзиратель,—я самъ пойду къ императору Наполеону и испрошу его защиту нашему заведенію.

— Ой, что вы, батюшка, Иванъ Акинеіевичъ, надумали, а какъ вдругъ прикажетъ онъ васъ схватить да въ тюрьму запрячетъ? Съ кѣмъ мы тогда, сироты, останемся?

Усмѣхнулся старый Тутолминъ.

— Не посадить, вернусь сюда обратно. Поди, попроси прійти ко мнѣ Христофора Христофоровича да аптекаря.

Николай немедленно побѣжалъ.

Вопросъ о необходимости итти къ Наполеону былъ рѣшенъ утвердительно. Съ Иваномъ Акинеіевичемъ должны были итти два небольшіе чиновника «про всякъ случай да вмѣсто переводчика», какъ говорилъ самъ главный надзиратель.

— Сегодня это сдѣлать неудобно, едва ли и допустить васъ, Иванъ Акинеіевичъ, къ императору, — замѣтилъ аккуратный врачъ,—лучше ступайте завтра.

— Истинно говоришь такъ,—горько усмѣхнувшись, согласился Тутолминъ съ замѣчаніемъ Опшеля,—поди, сегодня еще и не устроился онъ на новомъ жилищѣ.

Оба чиновника боязливо слушали разговоръ, переглядываясь другъ съ другомъ.

— Нѣтъ, другъ, все же безопаснѣе будетъ, коли я еще нынче схожу,—вдругъ рѣшилъ старшій надзиратель и, надѣвъ мундиръ и форменную шляпу, сейчасъ же отправился съ обоими чиновниками въ Кремль, гдѣ уже находился Наполеонъ.

XII.

Французскіе солдаты подозрительно поглядывали на трехъ русскихъ, шедшихъ въ форменныхъ шинеляхъ, но нигдѣ не задерживали ихъ; только у входа въ Кремлевскій дворецъ караулъ преградилъ имъ дорогу.

— *Où allez vous?*—сурово спросилъ офицеръ.

Тутолминъ, хотя и понялъ, о чемъ его спрашиваютъ, но отвѣтить по-французски не могъ.

Офицеръ сообразилъ неудобство подобнаго разговора и хотѣлъ уже вызвать солдата-поляка, понимавшаго русскій языкъ, но одинъ изъ чиновниковъ, сопровождавшихъ надзирателя, Петръ Христиани, предложилъ служить переводчикомъ.

Главный надзиратель объяснилъ причину, приведшую его сюда.

— Это все прекрасно,—поспѣшилъ отвѣтить французъ—но императоръ не принимаетъ сейчасъ никого, у него собранъ совѣтъ маршаловъ въ настоящую минуту.

— Къ кому долженъ я обратиться?

— Къ графу Дюронелю, онъ назначенъ губернаторомъ Москвы, ему поручено императоромъ заботиться о городскихъ обывателяхъ, я прикажу солдату свести васъ къ нему, — вѣжливо предложилъ французъ, и русскіе отправились къ графу Дюронелю.

— Императорскій Воспитательный Домъ, порученный по высочайшему повелѣнію вдовствующей императрицы моему начальству, съ грудными и малолѣтними дѣтьми, въ настоящее время совершенно беззащитенъ, — началъ говорить Тутолминъ французскому губернатору, при чемъ слова его попрежнему переводилъ Христиани, — примите изъ единого человѣколюбія оный Домъ подъ свою защиту...

— Все будетъ сдѣлано по вашему желанію, г. директоръ, — отвѣтилъ графъ Дюронель, — я сейчасъ же распоряжусь дать вамъ караулъ.

Отблагодаривъ графа, Тутолминъ отправился обратно вмѣстѣ съ обоими чиновниками, ихъ сопровождали 12 жандармовъ съ офицеромъ, данные Дюронелемъ для охраны Воспитательнаго Дома.

— Ну, что, согласенъ Наполеонъ охранять наше заведеніе? — спросилъ лѣкарь Ивана Акиноіевича, когда послѣдній вернулся.

— Сами видите, какой конвой отпустили съ нами для охраны Дома, — спокойно отвѣтилъ Тутолминъ.

Жандармы съ офицеромъ остались жить въ Воспитательномъ Домѣ.

— Ну, теперь можно спать спокойно, воронъ ворону глазъ не выклюетъ! — сказалъ Оппель, довольный успѣхомъ просьбы главнаго надзирателя.

— А у насъ кое-кто изъ людей попропалъ, — продолжалъ онъ рассказывать Тутолмину.

На послѣдняго это извѣстіе не произвело никакого впечатлѣнія.

— Тѣмъ лучше, меньше ртовъ останется, корма нужно меньше. Но кто же бѣжалъ?

— Изъ чернорабочихъ и ремесленниковъ...

— Вотъ ихъ пайки и пойдутъ французскому конвою, — рѣшилъ Иванъ Акиноіевичъ.

Въ передней главнаго надзирателя сошлись чуть ли не всѣ обыватели Воспитательнаго Дома, чтобы услышать отвѣтъ Наполеона; довольные назначеннымъ конвоемъ, всѣ разошлись по своимъ помѣщеніямъ.

— Сколь тяжело россиянамъ находится подъ защитою врага! — прошепталъ печально Тутолминъ, — но, видно, таково велѣніе Творца, и роптать грѣхъ.

Дожидавшійся у воротъ возвращенія изъ Кремля старшаго надзирателя съ чиновниками Бельшеровъ вдругъ замѣтилъ идущихъ

по набережной ковача Ильюшку и Ермолаева, про которыхъ онъ думалъ, что они погибли на Воронцовской дачѣ.

— Стой, ребята!—крикнулъ онъ имъ, забывая, что можетъ выдать бѣглецовъ.

Василій обернулся на его восклицаніе и подошелъ къ лакею.

— Чего орешь-то?—недовольно сказалъ онъ Николаю.

— Съ радости, дружокъ; ужъ я думалъ, что на этомъ свѣтѣ больше съ вами и не увижусь.

— Былъ, значить, на дачѣ. Мы-то спаслись, а вотъ нашъ капитанъ убить.

— Чтой-то у васъ случилось? — съ любопытствомъ спросилъ лакей.

— И сами не знаемъ, какая причина. Кто толкуетъ, англичанинъ все хвасталъ, что на машинѣ въ воздухъ вздымется, анъ и не смогъ! Такъ, чтобы сраму не было, и спалилъ все. Другіе сказывали, что мастеръ-отъ нашъ къ французамъ перекинулся, ну, все, что на ихъ погибель ладилъ, все и сжегъ.

— Да неужто все, какъ есть, сгорѣло?—наивно спросилъ Бельшеровъ.

Ковачъ хитро улыбнулся и подмигнулъ лакею.

— Кое-чего осталось, гостинцу для француза припасено, хватить!

— Какого такого?— снова спросилъ Николай.

— Коли знать хочешь, пойдѣмъ съ нами, мы тебѣ все покажемъ и обучимъ.

Бельшеровъ колебался.

— Какъ же нашихъ-то въ такое время бросить?

— Чего бросать? Походишь съ нами, опять сюда вернешься, тамъ самъ видѣть будешь, что тебѣ способнѣе.

— Что же, коли такъ, пойдѣмте, ребята!

И они отправились всѣ трое вмѣстѣ.

ХІІІ.

Путь былъ не близокъ. Шли осторожно, окраинами, стараясь не попасться навстрѣчу французамъ.

Далеко за Москвой-рѣкою, на постояломъ дворѣ, помѣщавшемся въ грязной, дымной избѣ, скрывались товарищи ковача и Ермолаева. Ихъ было немало.

— Э, братъ, и ты здѣсь!—изумленно проговорилъ Бельшеровъ, замѣтивъ Ѳедора Сергѣева, портного изъ Воспитательнаго Дома, нѣсколько недѣль сбѣжавшаго оттуда.

— Окромя меня, немало здѣсь нашихъ,— съ довольнымъ видомъ отвѣтилъ портной:—посмотри.

— Сеньку Иванова тоже сманили, — довольно замѣтилъ Ермолаевъ, указывая на молодого парня, скорѣе мальчика, тоже служившаго раньше въ Воспитательномъ Домѣ обойщикомъ.

— Много же у васъ, братцы, здѣсь народу-то! — изумлялся лакей, — что-то вы затѣваете?

— Хотемъ басурмана француза за разоръ нашей матушки по благодарить по чести, — насмѣшливо прошамкалъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, Иванъ Максимовъ, тоже лакей изъ богатаго княжескаго дома.

— Эхъ, дѣдушка, старенекъ ты ужъ больно, куда тебѣ съ французомъ-то воевать!

— Не смотри, парень, что семь десятковъ у меня на плечахъ, любого изъ молодыхъ не уважу.

— Что жъ, помоги тебѣ Господь! — отозвался Бельшеровъ. — Что вы намѣрены дѣлать?

— Коли съ нами заодно будешь, такъ, пожалуй, скажемъ, а нѣтъ, такъ и не спрашивай, — снова сказалъ портной.

Бельшеровъ не рѣшался.

— Боюсь, какъ бы Иванъ Акинѣевичъ не разобидѣлся...

Толпа глухо засмѣялась.

— Вотъ мы, поди, всѣ ушли отъ нашихъ господъ, да не тушимъ, — бойко крикнулъ старикъ Максимовъ.

— Не до нихъ теперь наша забота, — смѣло сказалъ Левутьевъ, живописецъ: — нужно врага изъ Москвы выживать.

— Да, ну, Николаша, рѣшайся, не маленькій вѣдь, какъ все наше дѣло обдѣлаешь, матушкѣ Россіи службу сослужишь, вертайся въ тѣ поры каждый къ своему дѣлу, али къ барину, — промолвилъ увѣренно Сергѣевъ.

Лакей Лунина какъ-то невольно подчинился общему совѣту и рѣшилъ остаться здѣсь, «на пользу родимой Москвы», какъ онъ думалъ.

— Что жъ, пожалуй, останусь я съ вами...

Вѣглецы были рады, что залучили къ себѣ Бельшеровова.

— Ну, теперь, когда ты сталъ нашимъ, скрывать отъ тебя ничего не станемъ, — обрадовался Ермолаевъ, — все тебѣ покажемъ.

И онъ съ помощью ковача Илья поднялъ тяжелую дверь въ люкъ.

— Пойдемъ, — шепнулъ онъ лакею.

Они спустились вдвоемъ въ подполье.

— Фонарь-отъ, боюсь я сюда втаскивать, — съ этими словами Василий поставилъ фонарь на ступени лѣстницы.

Слабый свѣтъ, отбрасываемый помѣщеннымъ въ немъ салнымъ огаркомъ, далъ возможность Николаю разсмотрѣть сложенные въ углахъ подвала бочки и корзины.

— Всѣ онѣ порохомъ да сѣрой набиты, — объяснилъ спутникъ Бельшеровова, — а въ корзинахъ фитили, ракеты и прочее...

Лакей испуганно посмотрѣлъ на Ермолаева.

— Что же вы надумали дѣлать?—трепещущимъ голосомъ спросилъ онъ послѣдняго.

— Разберемъ между собою да съ разныхъ концовъ и запалимъ француза, пусть поджаривается.

— Да вы этакъ и весь городъ спалите?

Портной призадумался.

— Ну, до этого Господь не допуститъ, только француза, какъ таракана повыкуримъ.

— Коли вздумалъ отъ насъ уходить, не моги слова одного сказать дома, смотри!—предупредилъ снова портной лакея.

Они поднялись въ избу.

Между присутствующими шли переговоры, какъ предпринять нападеніе, куда лучше подложить огонь, и кого куда назначить.

Охотниковъ поджигать «француза» было немало, отъ этого никто не отказывался, начиная съ мальчиковъ и кончая стариками, въ родѣ Максимова и понамаря Касьянова.

— Помни, ребята, врагу изъянъ дѣлай, губи его, а самъ не моги попадаться,—увѣренно говорилъ Максимовъ,—а коли къ нему въ лапы влѣзешь,—не помилуетъ и веревочной петлей пожалуетъ.

Слушатели угрюмо молчали, всѣмъ было жутко.

— Забирай каждый, коль потребуется, зажигу, да какъ поверѣть, и съ Богомъ! Что время терять-то?—продолжалъ старикъ,—только чуръ, кто къ французу попадетъ,—молчокъ, другихъ не выдавать.

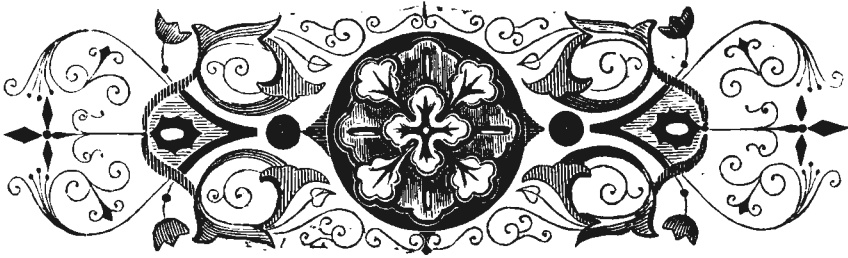
— Понятно, какъ же иначе, ни слова!—раздались голоса собравшихся.

Начались сборы.

Г. Т. Сѣверцевъ (Полиловъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

УГАСШИЕ ТИПЫ.

Понамарь Маркъ.

ИТУРГІЯ кончилась. Одѣтый по-праздничному народъ валомъ валилъ изъ Богородицкаго храма, запрудилъ все мѣсто въ церковной оградѣ и пестрыми толпами спускался по крутымъ склонамъ горы, на которой живописно расположился храмъ. Среди окружающей поросли гулко и весело раздавались голоса расходящихся богомольцевъ. Солнце палило во-всю. Вдали желтѣли поля съ безчисленными суслонами ржи. За оврагомъ виднѣлась поповка «Захарово», состоящее всего изъ трехъ домовъ причта и служебныхъ построекъ. Еще далѣе сплошною стѣною стоялъ лѣсъ, какъ могучая рать, охраняя покой благословенной Богомъ, уединенной веси. Я гостилъ здѣсь у отца Андрея Теологова, батюшки радушнаго и хлѣбосольнаго. Вотъ и теперь въ его домъ, просторный, чистый и уютный, по случаю храмоваго праздника шло довольно гостей. Обширныя комнаты быстро наполнялись разнымъ людомъ. Здѣсь была вся въ сборѣ семья хозяина: два зятя съ женами и дѣтьми, сыновья и дочери, еще не пристроенные, окрестные священники съ матушками и съ молодежью, церковный ктиторъ, почетные прихожане, учителя и проч. Большинство гостей расположилось въ залѣ. Крестьяне шумно толпились въ гостиной. Просторная людская при кухнѣ пріютила гостей поироче: мѣстную голь—бобылей, мужичковъ, любящихъ выпить, странныхъ людей, ямщиковъ и сторожей. Отецъ Андрей хлопотливо переходилъ изъ комнаты въ комнату, исполняя долгъ

радушнаго хозяина. Повсюду раздавался его голосъ, ласковый и задушевный. Въ людской угощеніе было своеобразное...

— Э-эхъ! золотой ты мой! — слышалось здѣсь, — дай мнѣ еще одинъ стаканчикъ, — вотъ какъ удружу на молочень!..

— Полно, Яковъ, не будетъ ли? Вина-то не жаль — тебя жалко, — ласково говорилъ отецъ Андрей.

— Не жалѣй, родной: бобылю одна дорога — въ кабакъ!

Другой припалъ къ ендовѣ¹⁾ и жадно тянетъ черное, домашнее пиво, отдуваясь и сладко смакуя.

— У-ухъ, какъ жарко, — проговорилъ молодой священникъ, отецъ Василій, обращаясь ко мнѣ. — Пойдемте-ка на повить²⁾, тамъ по-свѣжѣй!

Мы вышли. Отца Василя я прекрасно зналъ. Онъ недавно окончилъ семинарію и сразу же поступилъ на священническое мѣсто въ село, верстахъ въ 15 отъ Захарова. Городской уроженецъ, незнакомый съ укладомъ народной жизни, отецъ Василій пораженъ былъ видомъ деревенской бѣдности и невѣжества, не зналъ, гдѣ причины этого, и мечталъ вдругъ пересоздать деревню. Могучее средство для этого онъ видѣлъ въ «живомъ пастырскомъ словѣ». Отецъ Василій считалъ себя хорошимъ проповѣдникомъ, обладая даромъ слова и кой-какимъ знаніемъ Священнаго Писанія. Одного у него не было — такта, чувства мѣры, осторожности при врачеваніи народныхъ язвъ. Грѣшилъ нѣсколько отецъ Василій и тѣмъ, что мало воздѣйствовалъ на паству личнымъ примѣромъ... Отъ этого у него не всегда слово согласовалось съ дѣломъ. Въ общемъ это была натура, еще не установившаяся. Отецъ Василій отличался прямолинейностью и въ словахъ и въ поступкахъ... Какъ горожанинъ, онъ смотрѣлъ на сельчанъ нѣсколько свысока и держалъ себя «аристократомъ». Про сельскихъ сѣрыхъ «батюшекъ», присоснихъ къ землѣ и огрубѣвшихъ отъ работы физической, онъ думалъ: «отъ Назарета можетъ ли что добро быть?» Настроенія отецъ Василій былъ веселаго, жизнерадостнаго. Онъ не прочь былъ при случаѣ пошутить, попѣть и даже по-былому пляснуть.

На повити было людно. Несмотря на присутствіе сѣна, многіе курили, оживленно бесѣдуя. На взѣзду³⁾, слышно было, кто-то покрикивалъ и энергично отплевывался. Одинъ изъ мужичковъ сладенькимъ голоскомъ, стараясь выразаться по-благородному, обсуждалъ дневную проповѣдь отца Василя, хвалилъ проповѣдника и постоянно оговаривался:

¹⁾ Деревянный или мѣдный сосудъ для пива въ видѣ громаднаго ковша.

²⁾ Верхъ задней половины сельскаго дома, гдѣ лежитъ сѣно и упряжь. Внизу стоитъ скоть.

³⁾ Бревенчатый помостъ съ земли на повить для прохода и проѣзда.

— Ну, да гдѣ вѣдь намъ! Мы—люди простые, темные и чувствуемъ, да не изъяснить по-сурьезному-то. А отца Василья мы всегда рады послушать,—такъ вразумительно поучаетъ, инда за сердце хватаетъ. Гляжу это я седни: мужики насупились, а бабы—тѣ такъ и плачутъ, такъ и плачутъ!..

— Дуры, такъ и плачутъ!—послышалось со взвѣзда.—Глаза на мокромъ мѣстѣ. Плачутъ,—продолжалъ иронически голосъ,—а спроси, отъ чего, и сами не знаютъ. Думаешь, много поняли? Какъ бы не такъ,—чай, и не слыхали всего-то...

Собесѣдники переглянулись, а голосъ продолжалъ:

— Да и вы хороши, проповѣдники: на словахъ-то одно, а на дѣлѣ другое. Твердятъ: братіе, братіе, какъ калики Лазаря. То не ладно, да другое не ладно. Тыкать-то пальцемъ полъ-дѣла,—всякъ безъ того свои недостатки знаетъ, а вотъ вы покажите, какъ изъ болота-то вылѣзти, когда оно засосаетъ? Нечего на другой-то берегъ указывать, самъ вижу, ты бродъ укажи,—спасибо скажу!

— Оно точно что...—началъ было сладенькій мужичекъ, но его перебилъ отецъ Василій, задѣтый за живое.

— Что это? Камни вопіють? — насмѣшливо сказалъ онъ.— Марко Григорьевичъ разсуждать началъ. Передъ чѣмъ это? Не умирать ли собирается?..

Я заглянулъ на взвѣздъ. Здѣсь подъ навѣсомъ на скамейкѣ въ усталой позѣ сидѣлъ уже пожилой человѣкъ громаднаго роста, головастый, съ толстымъ, опухшимъ носомъ на багровомъ лицѣ. Усы и жидкая съ едва замѣтною просѣдкою борода торчали неровными прядями во всѣ стороны, переходя къ ушамъ въ сѣдые баки. Волосы густой волной доходили до шеи, на маковкѣ были гладко прилизаны, и только одна непослушная прядь висѣла на лбу. Глубокія морщины бороздили лицо по всѣмъ направленіямъ. Изъ глазныхъ впадинъ, окруженныхъ безчисленными морщинками, лукаво смотрѣли живые и выразительные глаза. Я съ любопытствомъ осматривалъ могучую фигуру этого человѣка. Въ правой рукѣ онъ держалъ ситцевый полинялый кисетъ, а въ лѣвой—дымящуюся корешковую трубку съ серебрянымъ колпачкомъ. Кизинетовое пальто страннаго покроя съ широкими, какъ у священниковъ, рукавами, очень поношенное и неопредѣленнаго цвѣта, было подпоясано простой веревкой. На ногахъ виднѣлись приземистые бѣляки на толстыхъ подошвахъ. Каблуки были прибиты гвоздями съ громадными шляпками. Жесткія, мозолистыя руки, костлявыя, но мускулистыя, указывали на трудовую жизнь и обличали недюжинную силу.

Маркъ Григорьевичъ М—овъ, какъ я узналъ потомъ, около 1860-хъ годовъ состоялъ понамаремъ при Богородицкой Ключевицкой церкви Н—ской епархіи, Тяпкинскаго уѣзда. Сынъ бѣднаго дьячка, Маркъ выросъ въ простой и суровой обстановкѣ. Роди-

тели его огрубѣли на сѣрой, тяжелой сельской работѣ, трудясь единственно изъ-за куска насущнаго хлѣба. Другихъ интересовъ, кромѣ посѣва, жатвы, покоса, рубки лѣса, сборовъ хлѣба и т. п., въ семьѣ не было. Даже болѣть было некогда. Маркъ не помнилъ, чтобы отецъ болѣлъ. Постоянные труды на вольномъ воздухѣ закалили его здоровье и укрѣпили силы. Дьячекъ Григорій былъ страстный любитель охоты,—онъ убилъ рогатиной одинъ на одинъ до полусотни медвѣдей. Отвагу, смѣлость, мощь физическую получилъ въ видѣ единственнаго наслѣдія отъ отца и Маркъ. Подъ старость онъ говаривалъ:

— Кабы съ берегой, надолго бы Марка хватило.

Жизнь могучимъ ключемъ была въ этомъ человѣкѣ. Смолоду онъ выглядѣлъ прямо богатыремъ. Кажись, дай бы ему тягу, перевернулъ бы онъ землю-матушку. Когда отецъ привелъ Марка записывать въ начальное училище, рослый дѣтина поразилъ своимъ видомъ смотрителя, и тотъ сказалъ отцу, кивая на сына: «женить бы его тебѣ», а, проэкзаменовавъ Марка, прибавилъ:

— Эхъ, молодецъ, молодецъ, тебя бы подъ Соборный мостъ свайникъ забивать!

Почулся Маркъ мало. Его неповоротливый умъ не могъ одолѣть вполне премудрости книжной. Научившись кое-какъ читать да подписывать имя, онъ вышелъ изъ уѣзднаго училища. Зато примѣнять свою силу Маркъ очень любилъ и часто находилъ къ тому поводы. Въ первый же день послѣ поступленія въ училище онъ забрался «въ богословіе» и отдулъ богослова. За этотъ подвигъ онъ тотчасъ же былъ выпоротъ. Это событіе Маркъ потомъ хорошо помнилъ, и на вопросъ, далеко ли учился, съ гордостью отвѣчалъ, что его въ «богословіи» пороли. Привычка чувствовать себя свободно, не признавать никакихъ ограниченій и стѣсненій въ М—вѣ тоже скоро сказалаась. Послѣ звонка, не дожидаясь молитвы, онъ перепрыгивалъ парту и убѣгалъ изъ класса, грубилъ начальству и не желалъ учить уроковъ... Особенно религіознымъ Маркъ, повидимому, никогда не былъ. Учась, онъ на казенномъ псалтырѣ вмѣсто салазокъ съ горки катался. Таково было дѣтство Марка. Подъ старость онъ очень любилъ выпить и тогда былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ. Съ глубокимъ юморомъ онъ рассказывалъ исторіи изъ своей богатой приключеніями жизни. При этомъ часто онъ не стѣснялся подшутить надъ лицами, далеко выше его стоящими на іерархической лѣстницѣ, вплоть до владыки. Многое прощалось Марку, чего бы не простили другому. На праздникахъ въ деревняхъ, пока не опустился очень, Маркъ былъ желаннымъ гостемъ. Гдѣ нужно, онъ былъ тактиченъ и вполне почитателенъ. Одного не выносилъ Маркъ — напоминанія о смерти. Ея онъ боялся. Предъ покойникомъ робѣлъ. На погребенія, на поминки онъ никогда не ходилъ и не бралъ ни-

чего съѣстного тамъ, гдѣ былъ покойникъ. Причиною такой боязни былъ слѣдующій случай.

Живя при отцѣ, Маркъ однажды былъ позванъ читать псалтирь по умершемъ дворовомъ человѣкѣ...

— Ночь. Стою это я, читаю,—разсказывалъ Маркъ,—кругомъ темно, всѣ спятъ. Невольно нѣтъ-нѣтъ, да и взгляну на покойника, а онъ какъ вдругъ шевельнетъ рукой. Кажется, — думаю. Вновь читаю, а оторопь такъ и забираетъ, по спинѣ мурашки пошли, волосы на головѣ шевелиться начали. Дрянъ дѣло!.. А покойникъ какъ махнетъ рукой,—саванъ слетѣлъ. Я не вытерпѣлъ, какъ хвачу въ него псалтирю, да маршъ вонъ изъ избы. Такъ и убѣжалъ.

— Что же это было? Почему покойникъ шевелился?—спрашиваютъ Марка.

— Дворовые подшутили: привязали къ рукѣ покойника веревочку и дергаютъ изъ сосѣдней комнаты, — объяснялъ Маркъ. — Съ той поры видѣть не могу покойниковъ.

Отецъ Василій зналъ эту особенность Марка и шутливо продолжалъ:

— Да, Маркъ Григорьевичъ, осеннія мухи передъ смертью злы. Видно, братъ, твоя пѣсня спѣта. «Молись-ка, братъ, Богу, да проси себѣ деревяннаго тулуца».

— Эхъ, о. Василій, меня жизнь обозлила. Помру—чертямъ въ пеклѣ тошно будетъ. А вѣдь года мои еще не какіе. Руками я еще жиды задавлю. Не по годамъ суди,—по зубамъ!..

Маркъ поднялъ свою руку и обнажилъ по локоть, показывая свои Самсоновы мускулы; зарычалъ, какъ звѣрь, и щелкнулъ бѣлыми, плотными зубами. Зубы у Марка до глубокой старости сохранились великолѣпно, и онъ вполне могъ гордиться ими. Случалось на пари онъ въ зубахъ выносилъ въ лѣстницу четырехведерный ушатъ съ водою. Зубастъ былъ Маркъ и на слова.

— Я двужильный, меня надолго еще хватить, — продолжалъ онъ, выколачивая о скамью свою трубку.—Помереть-то не шутка. Пословица говоритъ: умирать—не лапти ковырять,—легъ подъ образа да вылупилъ глаза, и дѣло съ концомъ. Нѣтъ, не хочу я еще помирать, мнѣ еще попить хочется,—шутливо улыбался онъ.

— Что жъ, пойдѣмъ, Григорьевичъ, выпьемъ,—предложилъ отецъ Василій.

Всѣ двинулись. Марка подхватили подъ руки и торжественно направились въ комнаты.

— Полно вамъ, куда мнѣ? Я вотъ на кухню лучше, — упирался Маркъ, оправляя свой костюмъ и торопливо приглаживая волосы.

— Не стѣсняйся, Григорьевичъ, все свои люди! — не отступался о. Василій.

Вошли въ зало. Гости пили чай. Въ углу у круглой печи стоялъ столъ съ виномъ и закусками. Сынъ о. Андрея, дородный дѣтина, пріѣхавшій на праздникъ изъ города, то и дѣло потчевалъ гостей, приглашая къ выпивкѣ. Алексѣй Андреевичъ окончилъ семинарію, но ему не хотѣлось итти въ іереи, онъ выжидаль себѣ мѣстечка въ акцизѣ. Пріѣхавши на праздникъ на родину, онъ еще чувствовалъ себя здѣсь по-домашнему...

Отъ предвкушенія удовольствія у Марка Григорьевича потекли слюнки и задрожали руки. Отецъ Василій не утерпѣлъ, засмѣялся надъ нимъ:

— Что, Маркъ Григорьевичъ, бабъ-то давеча просмѣивалъ, — «самъ-то устой, гдѣ кисель густой».

— «Кабы вабило ¹⁾ не сманило—сто лѣтъ бы сидѣлъ», — напелся Маркъ, торопливо беря рюмку и залпомъ опрокидывая ее.

— Отцы, честная компанія, между первой и второй не разговариваютъ,—предлагалъ акцизный.

Вышли еще.

— Маркъ Григорьевичъ, не отставай, ты послѣ всѣхъ пришелъ,—подливая очищенной, говорилъ Алексѣй Андреевичъ.

Маркъ только крикнулъ въ отвѣтъ. Въ дверяхъ залы появился отецъ Андрей и, замѣтивъ Марка, который былъ его крестнымъ отцомъ, ласково промолвилъ:

— А, Маркъ Григорьевичъ, милости просимъ. Вотъ радъ гостю. Вѣдь я тебя съ годъ не видывалъ! Гдѣ пропадаешь, какъ поживаешь?

— Живъ вашими святыми молитвами, — отвѣчалъ Маркъ, быстро оставляя налитую рюмку и прося у отца Андрея благословенія.

— Ну, ну, кушай, кушай на здоровье, и я съ тобою выпью, — предложилъ отецъ Андрей, съ улыбкой осматривая стоящаго въ струнку Марка.

— Ты точно на смотру вытянулся,—продолжалъ онъ.

— Нельзя, отецъ Андрей: ему же честь, честь, — проговорилъ Маркъ, кланаясь.

Послѣ мужчинъ къ столу подошли женщины, по приглашенію хозяйки Людмилы Ѳедоровны. Людмила Ѳедоровна—женщина уже пожилая, добродушная, весь свой вѣкъ съ рожденія безвыѣздно прожила въ деревнѣ, съ любовью занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Въ заботы о благополучіи семьи она влагала всѣ свои силы. Благодаря хозяйственности ея и отца Андрея, Теологовымъ жилось хорошо. Домъ ихъ былъ полная чаша, какъ говорится. Гости здѣсь всегда находили радушный приемъ. Отецъ Андрей, несмотря на то, что имѣлъ сыновей священниковъ и взрослыхъ

¹⁾ Свистокъ для приманки птицъ.

дочерей, среди нихъ казался старшимъ братомъ, настолько хорошо сохранился, благодаря разумному образу жизни. Сѣдина чуть-чуть просвѣчивала въ его черныхъ густыхъ волосахъ. Служебныя огорченія и заботы положили на отца Андрея эту едва замѣтную печать старости. Онъ долгое время былъ благочиннымъ, каковая должность при всей почетности не лишена и огорченій. Въ округѣ отецъ Андрей пользовался заслуженнымъ авторитетомъ и почетомъ. Послѣ оставленія имъ благочиннической должности отношеніе къ нему духовенства не измѣнилось... Секретъ этого, пожалуй, рѣдкаго явленія заключался въ своеобразномъ пониманіи отцомъ Андреемъ должности благочиннаго. Онъ считалъ своимъ долгомъ не доносить и рапортовать, а примирять, усовѣщевать и покрывать долготерпѣливой любовью. Сознаніе честно исполненнаго долга налагало на фигуру отца Андрея печать достоинства, и самая осанка его, манера держаться уже располагали въ его пользу собесѣдника.

Пока гости кончали чай и, по сельскому обычаю, передъ чайкомъ выпивали «по единой», въ залѣ были накрыты столы чело-вѣкъ на тридцать. Для крестьянъ пришлось накрыть еще столъ въ гостиной. Отецъ діаконъ громогласно прочелъ «Отче нашъ», и гости по указанію хозяевъ усѣлись за столъ. Молодежь расположилась vis-a-vis въ концѣ стола. Ближе къ переднему углу и къ хозяину сѣли зятя съ женами и почетные гости. Въ срединѣ усѣлись напротивъ своихъ женъ отецъ діаконъ и псаломщикъ. Здѣсь же былъ посаженъ Маркъ. На столѣ двумя группами стояли вина. Одна близъ отца Андрея, который самъ наливалъ вино и угощалъ гостей, сидящихъ близъ него. Алексѣй Андреевичъ завѣдывалъ другою группою—для молодежи. Кушанья подавались простыя и сытныя. Переѣбъ было много. Дочери хозяина—пригожая Катя и востроглазая Юля, только-что кончившія епархіальное училище, услуживали за столомъ. Своеобразную прелесть трапезѣ придавало пѣніе церковныхъ псалмовъ и пѣснопѣній во время смѣны кушаній. Начиналъ съ воодушевленіемъ, но нѣсколько вычурно, мѣстный отецъ діаконъ. Разговоры смолкали, гости подхватывали, и пѣснь лилась торжественно и плавно. Духомъ глубокой древности вѣяло отъ этого обычая. Такъ и припоминались агапы первыхъ вѣковъ христіанства... Смолкало пѣніе, и всѣ вновь продолжали прерванные разговоры.

— Маркъ Григорьевичъ, что жъ ты не поешь? Поддержи, братъ!—сказалъ отецъ діаконъ.

— Не по моей части, Викторovichъ, — отвѣчалъ Маркъ. — Я, знаешь, больше насчетъ колоколовъ да кадила.

Онъ былъ уже навеселѣ, говорилъ охотно, часто впадая въ юмористическій тонъ, и, не жалѣя красокъ, рассказывалъ о своихъ похожденияхъ.

— Эхъ, бывало, — говорилъ онъ, — заберусь на колокольню, начну звонить—сердце радуется. Любили прихожане, какъ я звонилъ. Бывало, обѣдня начинается, въ церковь бы итти надобно, нѣтъ, стоятъ мужички у паперти да любятся, какъ я вызваниваю... Да что прихожане?.. Однажды къ отцу Гавріилу благочинный пріѣхалъ. У насъ служба была. Я къ евангелію на утренѣ звонилъ, такъ ли ловко выходило!.. Гляжу это я на окна отца Гавріила и вижу: благочинный подъ звонъ-то мой притопывалъ, притопывалъ, да какъ пустится въ присядку! Я стараюсь, а онъ того пуще...

Маркъ помолчалъ немного и съ сожалѣніемъ прибавилъ:

— Давно, чай, лѣтъ десять ужъ я не званивалъ, какъ за штатъ вышелъ. Теперь, поди, такъ и не вызвонить? Ну, а пѣть? Пѣть я не мастеръ. Всего однажды за дьячка за Филатку службу правилъ, да и то оказія случилась...

— Какая, расскажи, Маркъ Григорьевичъ!—стали просить его всѣ.

— Да вотъ какая. Пою это я на клиросѣ, въ окно посматриваю, все хорошо. Вдругъ и несетъ нелегкая, вижу, тестя мово, значить, въ гости надумалъ. На дровняхъ прямо по взѣзду на повить пробирается. А у меня повить-то худа была, а взѣздъ того хуже... Не успѣлъ я ахнуть, гляжу: отъ лошади задъ одинъ видно, ноги дрыгаютъ, провалилась! Я, было, только затынулъ: «Яко да царя»... Вижу, плохо дѣло, поднимать тестя-то нужно!.. Схватилъ это шапку, да маршъ домой...

— А служба-то какъ же?

— Да такъ. На томъ и кончилась. Отецъ-то Гавріилъ долго сердчалъ. Съ той поры не пѣвалъ я больше.

Гдѣ ложь, гдѣ правда,—у Марка разобрать было трудно. Многое бывало съ нимъ, а что онъ отъ себя прибавлялъ, то отъ частаго повторенія самъ считалъ былью. Напримѣръ, Маркъ съ клятвою увѣрялъ, что съ нечистымъ однажды цѣлый день шелъ: знакомымъ мужикомъ, вишь, прикинулся.

— Идемъ да разговариваемъ. Долго шли. Очнулся это я, — никакого мужика нѣтъ, а самъ такъ далеко ушелъ, что потомъ около недѣли назадъ итти пришлось.

— А что, братцы, такая исторія въ моемъ приходѣ у всѣхъ на памяти была,—сказалъ отецъ Андрей.

— Будетъ вамъ!—засмѣялся я.

— Я говорю, что всѣ у насъ подтвердятъ.

— Это вы про Василья-то про Ожигинскаго вспомнили?—быстро догадался отецъ діаконъ.

— Да, да, про него. Помнишь ты, отецъ діаконъ, сколько шуму тогда надѣлала эта исторія?

Всѣхъ заинтересовалъ «случай» отца Василія, и ему пришлось рассказать про него.

— Сами знаете, — началъ отецъ Андрей, — что многіе изъ нашихъ прихожанъ въ Питерѣ проживаютъ, въ половыхъ тамъ, въ буфетчикахъ, въ приказчикахъ, а иной и самъ поторговываетъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда я только начиналъ свою священническую службу, жилъ въ Питерѣ нашъ мужичекъ изъ деревни Ожигина, Васильемъ звали, теперь уже померъ. Мужикъ, говорятъ, трезвый былъ, что придаетъ случаю еще болѣе странный характеръ. Однажды пошелъ этотъ Василій тамъ въ Питерѣ подъ вечерокъ въ баню, да и залропалъ вовсе. На слѣдующій день по утру въ Ожигинѣ жена ли Василія, или другой кто, не упомню, вышли въ гуменикъ, смотрятъ, кто-то лежитъ у лужи и полотенецъ въ рукахъ. Оказалось, что это Василій. Пришелъ онъ въ себя и никакъ не пойметъ, почему оказался дома. Вѣдь отъ насъ до Питера-то семьсотъ верстъ. Поневолѣ на чорта думать начали.

— Ну, у меня-то дѣло подъ хмелькомъ было, — сознался Маркъ. Всѣ засмѣялись.

— Подъ хмелькомъ было, да подъ хмелькомъ и рассказано. Тутъ, знамо дѣло, все возможно, — проговорилъ молчаливый до того церковный староста.

— Да и пошутить любитъ Маркъ Григорьевичъ, какъ видно, — сказалъ я.

— Эхъ, сударь, надоѣсть сурьезнымъ-то быть, — промолвилъ Маркъ. — Бывало, день-деньской на работѣ, какъ скотина, ломишь, а дома и поужинать нечѣмъ: хлѣбъ да квасъ съ толокномъ. Отъ прихода ждешь, — иному мужику самому ѣсть нечего, стонетъ, нужда да кручина въ дугу согнули. Заревешь, коль смѣяться не будешь. Это, братъ, какъ Богъ святъ. Вой да пѣсни пой, — не нами сказано. Понапѣешься да фортель выкинешь, ну, глядишь себѣ, повеселѣй, да и другихъ потѣшишь.

— Дорого обошлись тебѣ, Григорьевичъ, эти фортели-то, — сказалъ отецъ Андрей. — Отчего владыкѣ-то Хрисанеу, помнишь, показаться боялся?

Маркъ скорчилъ гримасу и, помолчавъ, сказалъ:

— Какъ не помнить, помню. Я, видите, залѣзъ на колокольню, знай себѣ, названиваю. Владыка и спрашиваетъ у батюшки: «Маркъ гдѣ?» — «А слышите, говоритъ, владыка святой, на колокольнѣ трезвонить». Владыка засмѣялся, погрозилъ пальцемъ въ сторону колокольни и прибавилъ: знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Такъ я и отсидѣлся.

— А почему жъ ты архіерею не показался? — спрашиваемъ.

— Не желалъ личнаго знакомства заводить, — смѣется Маркъ: — гдѣ ужъ нашему брату, подомарямъ, да съ архіереями знаться. Будетъ того, что меня владыка перепискою удостоилъ.

— Вотъ какъ! О чемъ же вы переписывались?

— Такое крючковатое дѣло вышло. Былъ у насъ какъ-то крестный ходъ въ деревню Скворешниково, обѣщанный по случаю скотскаго паденія, ежегодноно правятъ, обѣдню поютъ, образа поднимаютъ, ну, и все прочее по обычаю, чинъ чиномъ. Я, знамо дѣло, подвыпилъ малость. Идемъ это домой послѣ-то богомолья по полю около Сиволапова. Образа по обычаю дѣвки несутъ,— мужики навеселѣ дома остались, а бабы—тѣ съ гостями занялись. Поемъ священныя пѣсни. Филатка дьячекъ заливаается, да и я не отстаю,—откуда прыть взялась: «Всякъ земнородный да взыграется»... На душѣ таково радостно... На ту пору и заиграй кто-то сиволаповской на гармоникѣ, кажись, Сашка Тетерниковъ,—играть-то собака былъ. Не стерпѣлъ это я, отвернулъ въ сторонку, забралъ свои полы и давай отплясывать... Ворогъ мой Филатка донесъ, дѣло, дознаніе пошло, опросы, переписка. Владыка милостивую резолюцію наложилъ: «Хорошъ молодець. Посмотрю на него въ объѣздъ, а теперь пусть поживетъ въ монастырѣ преподобнаго въ шестимѣсячныхъ». Выжилъ я тогда на хлѣбахъ монастырскихъ полгода. Съ той поры у меня въ аттестаціи такая мораль писаться стала (приводится дословная выписка изъ клировой): «За разные неблагопристойныя поступки, произведенныя при обратномъ возвращеніи изъ деревни Скворешникова со св. иконами, находился въ Молотовѣ монастырѣ въ черныхъ шестимѣсячныхъ». Обижался я на владыку,—продолжалъ Маркъ,—и не хотѣлъ ему показываться. Звоню да и думаю,—плясалъ же подъ мой звонъ благочинный, отчего бы...

— Ну, будетъ, Григорьевичъ, ты уже лишка наговоришь,—остановилъ расхолодившагося Марка отецъ Андрей.

Обѣдъ шелъ своимъ чередомъ. Смѣнили нѣсколько блюдъ, а конца все еще не было видно. Я поинтересовался ближе узнать жизнь чудака Марка. Его біографію съ удовольствіемъ сообщилъ мнѣ сосѣдъ по столу, священникъ ближняго села, окружной духовникъ, отецъ Авдій, человекъ безусловно трезвый и очень симпатичный. Между прочимъ мнѣ удалось узнать нѣсколько характерныхъ чертъ изъ уклада домашней жизни Марка. По поступленіи на мѣсто, Маркъ женился и имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей. Какъ онъ относился къ дѣтямъ,—не извѣстно. Съ женою же онъ жилъ любовно, по-своему лаская и подшучивая надъ ней. Впрочемъ эти шутки нельзя назвать очень деликатными.—Такъ, вздумала разъ молодуха въ печкѣ попариться (что обычно донинѣ на сѣверѣ Россіи),—разсказывалъ самъ Маркъ,—стоитъ это у шестка, наклонилась и проситъ: «Маркуня, подсади». А у меня тогда спина болѣла, я на печи лежалъ. У, думаю, лѣшая, еще подсаживать тебя, и сама залѣзешь! На ту пору у меня на печи съ котятми кошка была. Взялъ это я ихъ, да какъ брошу ей на голую-то спину,—взвизгнула, да мителемъ въ печь-то взлетѣла. Вотъ и подсадилъ,—хочоцетъ Маркъ.

Выйдя за штатъ по предложенію начальства, Маркъ почти не жилъ дома, переходя отъ прихода къ приходу. Онъ былъ хорошій портной и шорникъ и работу находилъ всюду. Мѣстный благочинный Стряпкинъ любилъ съ Маркомъ по благочинію ѣздить, — бралъ его съ собою для услугъ и потѣшался его проказами. Ждутъ бывало благочиннаго у священника, изъ окна въ окно посматриваютъ: встрѣтить нужно, какъ слѣдуетъ. Вотъ ѣдетъ Стряпкинъ однажды съ Маркомъ въ село Лосково, Маркъ на козлахъ кучеромъ, благочинный въ возкѣ сидитъ, дѣло зимою было. Не доѣзжая села, у упряжки и лопнулъ гужъ. Маркъ быстро управился, подпрягъ какъ-то вожжами. Дальше поѣхали, поднялись въ гору и быстро подкатили къ дому священника. Выходитъ встрѣчать гостя батюшка и... диву дался, — какъ благочинный пріѣхалъ? Лошади нѣтъ, вмѣсто нея Маркъ въ оглобляхъ, а Стряпкинъ хохочетъ, заливается. Оказывается, Маркъ нахлесталъ лошадь, дернулъ вожжи, узлы развязались, и лошадь унеслась на конецъ села. Много было смѣху, и долго потомъ по округу рассказывали, какъ благочинный въ Лосково на Маркѣ пріѣзжалъ.

Проживая на заработкахъ, Маркъ часто чудачилъ, — продолжалъ мнѣ рассказывать о Авдѣй. — Однажды красилъ онъ тарантасъ у одного батюшки. На повить случайно залетѣла галка и забила съ испугу въ уголъ. Поймалъ ее Маркъ, да и... выкрасилъ въ зеленую краску. Выпустилъ птицу Маркъ, — она къ галкамъ летитъ, а тѣ съ крикомъ отъ нея мечутся. Шумъ поднялся, а Маркъ потѣшается. Въ другой разъ, видитъ Маркъ, у отвода лошадь стоитъ, а мужикъ спитъ себѣ въ одноколкѣ. Не утерпѣлъ Маркъ, выпрягъ лошадь, продернулъ оглобли въ отводъ между жердями и снова запрягъ. Мужикъ спитъ, а Маркъ ушелъ на свое мѣсто и издали посматриваетъ, что будетъ. Проснулся мужикъ, хлопаетъ глазами и никакъ не пойметъ, какимъ образомъ лошадь за отводъ попала, а онъ съ одноколкою по сю сторону остался. Такихъ исторій про Марка передаютъ множество, но всѣ онѣ безобидны. Только одинъ случай передалъ мнѣ о Авдѣй, когда этотъ благодушный силачъ страшно озлился и «отвозилъ» жердью станowego за то, что тотъ проѣхалъ его по лосой, приминая политый потомъ хлѣбъ (имѣется официальное дѣло).

Обычное благодушіе и непреодолимое влеченіе къ проказамъ не оставляли Марка ни на минуту. Онъ проказилъ даже въ храмѣ. То въ дьячка воскомъ стрекнетъ, то, идя по церкви, когонибудь теплотой оплеснетъ... Къ настоятелю Маркъ всегда почтителенъ былъ, на благословеніе подойдетъ, когда слѣдуетъ, руку цѣлуетъ. Любилъ, чтобы въ храмѣ чисто было. Службъ никогда не пропускалъ. Однимъ словомъ, понамарь хоть куда. Выпьетъ — и другимъ дѣлается, широкая натура простору требуетъ.

Среди оживленной бесѣды вторая половина стола прошла быстро. Задвигались стулья. Истоно помолясь Богу, всѣ стали благо-

дарить хозяевъ. Попытался было подняться и Маркъ, но не смогъ, снова упалъ на стулъ, улыбаясь и боржоча: оддо... лила кроше... нина дворянина. Вино, дѣйствительно, осилило богатыря. Отецъ дѣконъ помогъ подняться Марку и увелъ его отдыхать на повить на свѣжемъ зародѣ ¹⁾ сѣна. Маркъ быстро уснулъ...

Люблю я сельскіе празднички съ ихъ задушевымъ весельемъ. Гости со всего села собираются вмѣстѣ. Танцы и игры идутъ до утра. Батюшки и матушки любятъ на дѣтокъ, вспоминая свое бывшее. «Модные» танцы смѣняются русскимъ трепакомъ, полькой и кадрилию. Веселятся подъ звуки пѣсни или простой гармоникки. Танцоры все—самоучки: учились танцамъ другъ съ другомъ или даже... со стульями. Конечно, трудно ждать здѣсь особой граціозности, но вѣдь и критиковать особенно некому. Всѣ недостатки съ этой стороны искупаются общимъ оживленіемъ и искренней веселостью.

У о. Андрея къ вечеру праздничнаго дня собралось молодежи паръ двадцать. Начались танцы. Въ теченіе вечера барышни не разъ мѣняли свои костюмы, а молодцы, семинаристы и студенты, появились наконецъ въ русскихъ рубашкахъ. Въ сумеркахъ теплой, благоухающей ночи всѣ изъ комнаты, гдѣ уже подняли пыль столбомъ, выбрались на лужекъ въ овинѣ (т.-е. между овинами) и начали «водить хороводы». Зазвучала пѣсня, исконная русская:

Зайнька по сѣнечкамъ гуляй таки, гуляй.
Сѣренькій по новенькимъ погуливай, гуляй.
Некуда зайнькѣ выскочити,
Некуда сѣрому выпрыгнути.

Стоящій въ кругу молодець пытается прорвать цѣпь, но кругъ тѣсно смыкается и не выпускаетъ зайньки. А пѣсня продолжаетъ.

Всѣ замки крѣпко заперты.
Ключники всѣ во торгъ ушли,
Ключики во карманахъ унесли,
Нѣтъ не выскочити, лучше выкупити.

Молодецъ-зайнька кланяется избранной барышнѣ, кругъ размыкается, и барышня входитъ туда, а пѣсня уже поетъ:

Въ хороводѣ (3-жды) были мы, ай, лели, были мы!
Ай, лели, были мы!
Увидали (3) парочку, ай, лели, парочку!
Ай, лели, парочку!
Встань, парочка (3), прибодрись, ай, лели, прибодрись!
Ай, лели, прибодрись!
Хоть немножко (3) протанцуй, ай, лели, протанцуй!
Ай, лели, протанцуй!

¹⁾ Груда у стѣны.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1906 г., т. сг.

Кого любишь (З), поклонись, ай, лели, поклонись!
Ай, лели, поклонись!....

Въ хороводъ встаетъ молодецъ, начинается новая игра. Слышится новая пѣсня:

Хожу я, гуляю вдоль по хороводу. Розочка алая!
Ищу, выбираю богатаго тестя. Розочка алая!
Я сыскалъ, я нашель богатаго тестя. Розочка алая!

Молодецъ подхватываетъ изъ хоровода «тестя», и игра продолжается такъ же далѣе. Выбирается «богатая теща», «милая сестрица», «шуринъ веселый» и, наконецъ, «милая невѣста». Кругъ наполняется, а пѣсня продолжаетъ:

Посмотрите, люди, посмотрите, добры,
Какъ я гуляю съ милою семьею.

Кресчендо кончается, далѣе идетъ диминуэндо-расскассировка семьи.

Наварю я пива да тестя въ рыло.

«Тесть» вылетаетъ изъ круга. За нимъ всѣ прочіе подъ пѣніе:

Напеку я пироговъ,—береги теща зубовъ.
Осѣдаю я коня, да и шуринъ съ двора.
Милая сестрица, ты намъ не жилица.

Въ кругу остается только двое.

Посмотрите, люди, посмотрите, добры,
Какъ я гуляю съ милою невѣстой.

.

Въ оwinѣ отца Андрея лѣтъ тридцать назадъ вдругъ взошла самосѣвомъ березовая роща. Эту рощу назвали «Анина роща», такъ какъ въ этотъ годъ у отца Андрея дочь Аня родилась. Аня теперь уже сама была матерью, женою священника въ городѣ, а поросль выровнялась въ настоящую рощу. Анины дѣтки въ «мамину» рощу часто бѣгали за грибами. «Анина роща» при домѣ отца Андрея играла роль садика. Здѣсь были понадѣланы скамейки и столики. Благодатная ночь выманила сюда отдохнувшихъ уже послѣ обѣда старичковъ. Они подъ пѣсни молодежи оживленно бесѣдовали между собою. На лугу ярко горѣлъ костеръ, оваря ближайшіе предметы и сгущая темноту вдали. Кто-то затянулъ цыганскую пѣсню:

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ...

Сорокъ молодыхъ голосовъ дружно подхватили, и стройные звуки пѣсни могучей волной понеслись по полямъ, къ окрестнымъ горамъ и сосѣднему бору.

Было часа два ночи. На взѣзду показался Маркъ. Онъ стоялъ, позѣвывая и почесывая свою косматую голову. Проспавъ одиннадцать часовъ, Маркъ теперь только что всталъ и подумывалъ гдѣ бы ему опохмелиться. Веселое настроеніе молодежи сообщилось ему. Притопывая ногой и размахивая руками, Маркъ хриплымъ голосомъ сталъ подпѣвать:

Ночь пройдетъ, и спозаранокъ
Въ степь далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ..

Вдругъ пѣсня порвалась. У всѣхъ заразъ вырвался крикъ ужаса. Съ колокольни неслись звуки торопливаго набата. Черный, густой дымъ валомъ валилъ изъ-за деревьевъ со стороны храма. Сомнѣнія не было,—горѣло въ церкви. Всѣ моментально всполошились.

— Горить! Горить! Храмъ горить! Гдѣ отецъ Андрей? Ключи!— слышались крики.

Всѣ бросились къ храму. Пожаръ быстро разрослся. Окна храма зловѣще сіяли. Съ шумомъ лопались стекла, и огненные языки, вырываясь наружу, яростно лизали каменные стѣны. Запаялась съ карнизомъ крыша. Желѣзо стало пучиться и шипѣть. Сбѣгался народъ. Выломали двери въ нижній храмъ и поспѣшно стали выносить изъ него остатки церковной утвари, не переносимой на лѣто въ холодную церковь. Попасть въ верхній храмъ было уже невысказуемо. Въ паперти горѣла деревянная лѣстница. Сторожъ съ трудомъ могъ сойти съ колокольни, рискуя погибнуть въ огнѣ. Вотъ появился свѣтъ въ первыхъ окнахъ колокольни, и скоро вся она была внутри полна пламени. Борьба со стихійной силой было нечѣмъ,—пожарной трубы не было. Ведромъ не залешь этого моря огня. Народъ безпорядочно галдѣлъ, бѣгая по площади и безнадежно махая руками. Безпомощный гулъ надрывалъ сердце. Такъ гудитъ семья пчелъ, лишённая матки. Отецъ Андрей прямо потерялъ голову. Прислонясь къ дереву, съ глазами, полными слезъ, онъ глядѣлъ на свое дѣтище, родной храмъ, гдѣ столько лѣтъ неустанно трудился, отдавая всѣ свои силы на служеніе паствѣ и заботясь о благолѣпіи храма.

— Какое испытаніе!—шептали его поблѣднѣвшія уста.—О Господи! Святыня-то! утварь-то!..

Въ алтарѣ еще было темно, но въ окна уже кое-гдѣ пробивался дымъ. Вдругъ толпа заколыхалась,—кто-то несъ громадную лѣстницу, направляясь въ ограду.

— Маркъ! Маркъ!—закричали въ толпѣ.

Это былъ, дѣйствительно, онъ. Пока народъ безтолково суетился, Маркъ не дремалъ. Воротясь на погостъ, онъ сдвинулъ приставленную къ дому священника, тяжелую, горбушинную лѣстницу и быстро поволокъ ее къ храму. Онъ прошелъ къ алтарю и сталъ приставлять лѣстницу къ окнамъ.

— Зачѣмъ это? Что онъ хочетъ дѣлать?—слышалось въ толпѣ. Но Маркъ зналъ, что хотѣлъ дѣлать. Быть можетъ, въ первый разъ во всю жизнь могучая сила пригодилась ему на доброе дѣло...

Страшнымъ ударомъ кулака перешибъ Маркъ перекрестки рамы и, какъ лучину, выломалъ всѣ переченьки, въ кровь изранивъ себѣ стеклами руки. Я любовался его вдохновеннымъ видомъ. Лицо недавняго шута и полуюродиваго преобразилось. Не было слѣда апатіи и скуки, обычныхъ на лицѣ Марка. Онъ весь былъ энергія и мощь.

Марка обдало изъ окна ѣдкимъ дымомъ. Онъ невольно отшатнулся, но, быстро оправившись, обѣими руками ухватился за толстую, желѣзную рѣшетку окна. Толпа притихла. Маркъ напрягъ всѣ силы, рванулъ,—посыпались камни, заскрипѣло желѣзо, и рѣшетка съ шумомъ вылетѣла изъ окна, вырвалась изъ рукъ силача и грохнулась о землю. Народъ инстинктивно отпрянулъ къ оградѣ.

— На-те!—проговорилъ Маркъ и исчезъ въ алтарѣ. Въ это время на колокольнѣ послышался трескъ, и большой колоколъ, переломивъ перегорѣвшую балку, оборвался и полетѣлъ внизъ, обламывая горящія лѣстницы и балки половъ. Громадный снопъ искръ поднялся надъ колокольней. Изъ многотысячной груди народной вырвался болѣзненный стонъ... А Марка все еще не было. Народъ начиналъ волноваться. Но вотъ и алтарь озарился. Это загорѣлся иконостасъ. Въ окнѣ появился темный силуэтъ Марка. Онъ держалъ въ рукахъ громадный узелъ.

— Принимайте, православные!—послышался голосъ понамаря.

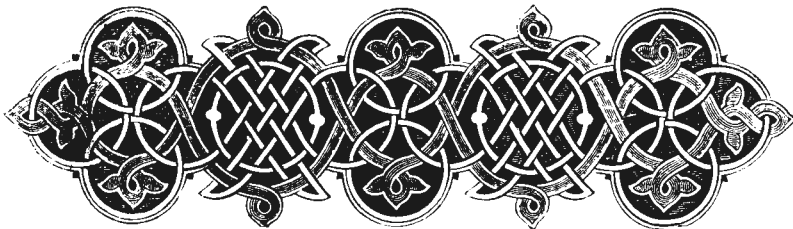
Мужички зашевелились, бросились на лѣстницу и стали принимать отъ Марка узлы, св. иконы, сосуды и книги. Такъ было вынесено все болѣе цѣнное. Но огонь скоро проникъ въ алтарь, и дѣлать здѣсь болѣе было нечего. Задыхаясь отъ дыма, совершенно черный, спустился Маркъ на землю при восторженныхъ крикахъ толпы...

Прошло много лѣтъ со времени пожара въ Ключевецкомъ храмѣ, и мнѣ вновь пришлось быть у отца Андрея. Невольно зашла рѣчь о Маркѣ Григорьевичѣ.

— Какъ поживаетъ вашъ Маркъ?—спросилъ я отца Андрея.

— Развѣ вы не слышали, что онъ давно умеръ?—сказала ба-тюшка.—Умеръ, умеръ,—повторилъ онъ,—и умеръ самой христіанской кончиной. Поболѣлъ съ мѣсяць, исповѣдался, причастился и поборовался. Съ мыслью о смерти онъ давно примирился, ждалъ ея, какъ желанной гостяи. Простая душа былъ покойный, просто жилъ, просто и умеръ, и никто не помянетъ его дурнымъ словомъ.

С. Арсеньевъ.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ НА МОСКОВСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКѢ.

(Къ исторіи русскаго народнаго театра въ XIX вѣкѣ).

УДѢВЫ народнаго театра въ Россіи изслѣдованы еще весьма мало. Не существуетъ не только мало-мальски порядочной исторіи его, но даже и матеріалы-то для нея далеко не собраны, и человѣку, интересующему постановкой у насъ вопроса о народныхъ увеселеніяхъ, приходится рыться наугадъ въ разныхъ журналахъ, архивахъ и т. п. источникахъ, гдѣ онъ рѣдко можетъ найти для себя какія нибудь интересныя свѣдѣнія.

Между тѣмъ вопросъ о театрѣ народномъ и общедоступномъ весьма важенъ. Еще въ XVIII вѣкѣ небезынтересный драматургъ того времени, Лукинъ, писалъ нижеслѣдующее: «...сіе для народа упражненіе весьма полезно и потому всякой похвалы достойно»..., «народная потѣха можетъ произвести у насъ не только зрителей, но и писцовъ (писателей), которые сперва хоть и неудачны будутъ, но впослѣдствіи исправятся». Въ другомъ мѣстѣ, онъ же, описывая двухъ пьяницъ, которые для праздника выпили немного, говоритъ: «они, повидимому, и болѣе того могли сдѣлать и на цѣлую недѣлю пуститься, только сіи зрѣлища имъ помѣшали; а если бы оныхъ не было, то бы они сію минуту остались такъ чисты, какъ ихъ мать родила». Такимъ образомъ, еще за сто слишкомъ лѣтъ до нашего времени, Лукинъ разобралъ теоретически вопросъ о народномъ театрѣ и указалъ на его значеніе,

особенно въ дѣлѣ уменьшенія пьянства. Практически же этотъ вопросъ началъ развиваться главнымъ образомъ въ XIX столѣтїи, вѣнцомъ чего явился великолѣпный народный домъ императора Николая II въ Петербургѣ, съ легкой руки котораго такіе дома, въ меньшемъ, конечно, размѣрѣ, стали плодиться и размножаться по лицу нашей обширной родины, чему нельзя не порадоваться отъ души.

Предшественниками народнаго дома императора Николая II въ минувшемъ столѣтїи были, во-первыхъ, «Воздушный» театръ въ селѣ Нескучномъ, близъ Москвы, во-вторыхъ, Московскій народный театръ въ Рогожской части и, наконецъ, самый грандіозный изъ всѣхъ — народный театръ комиссіи попеченія о рабочихъ и ремесленникахъ при Московской политехнической выставкѣ 1872 года.

Первый изъ этихъ театровъ былъ предпріятіемъ казеннымъ, дѣйствицею дирекціи императорскихъ театровъ, и былъ основанъ главнымъ образомъ въ видахъ пополненія лѣтомъ зимнихъ убытковъ казны. Инициатива его принадлежала директору московскихъ театровъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкину, который, кромѣ приведеннаго только что мотива (пополненія казенныхъ недочетовъ), имѣлъ въ виду еще и образованіе народа, такъ какъ въ театрѣ, «сверхъ многихъ другихъ существующихъ нравственныхъ пьесъ, должны были быть представляемы нарочно сочиненныя народныя зрѣлища, которыя, во-первыхъ, знакомили бы хотя нѣсколько низшій классъ народа съ отечественной исторїей, во-вторыхъ, утверждали бы народъ въ свойственной ему преданности престолу, въ покорности властямъ и, въ-третьихъ, представляли бы ему весь позоръ и пагубныя слѣдствія пороковъ, къ несчастію, ему обычныхъ, пьянства, лѣни и проч.»¹⁾

Императоръ Николай Павловичъ отнесся сочувственно къ проекту Ѳ. Ѳ. Кокошкина, и 15-го іюня 1830 года театръ открылся, но, несмотря на видимый успѣхъ свой, онъ просуществовалъ недолго. Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ можно почерпнуть изъ замѣтки барона Н. В. Дризена: «Первый народный театръ и гоненіе на Н. А. Полевого» («Вѣстникъ Всемирной Исторіи», январь, 1901 г., № 2).

Преимникомъ «Воздушнаго» театра явился народный театръ, основанный въ Москвѣ же кружкомъ любителей въ 1863 году. Для своихъ спектаклей кружекъ остановился на довольно отдаленной части города, за Яузскимъ мостомъ, гдѣ въ большомъ залѣ давалъ съ благотворительной цѣлью недорогія, общедоступныя представленія. Въ выборѣ такого, казалось бы, неудобнаго для храма

¹⁾ Донесеніе Ѳ. Ѳ. Кокошкина министру императорскаго двора, князю П. М. Волконскому.

Мельпомены мѣста играло роль прежде всего сознание необходимости театра для городскихъ окраинъ. «Театръ въ Рогожской части,— писалъ по этому поводу одинъ изъ членовъ общества,— необходимъ: она еще болѣе заснетъ и будетъ постепенно замирать въ окружающемъ ее, со всѣхъ сторонъ обхватившемъ, мертвомъ, неподвижномъ бытѣ, въ мѣрѣ трактировъ, харчевенъ и бань, въ которыхъ и высоко поэтическая русская пѣсня получаетъ грязный, развратный характеръ. Не спасутъ ея ни раскольничьи переносныя палатки, служащія церквами, ни тайные попы и архіереи. Искупителемъ изъ сосредоточеннаго, замкнутаго, разлагающагося быта можетъ явиться одно искусство: оно только живое можетъ вызвать жизнь въ живомъ, молодомъ, но старѣющемъ прежде времени тѣлѣ. Богатства, загребенныя въ однѣ руки, только задерживали развитіе промышленности, торговли и образованія; кованные желѣзные сундуки, съ высившимися надъ ними толсто-стѣнными домами, развили только монополію и вылили дюжину золотыхъ истукановъ, отъ которыхъ намъ ни тепло ни холодно. Азіатская обстановка должна смѣниться европейской, для нея теперь самое удобное время; и ближе и легче всего она должна начаться театромъ,—театромъ не въ томъ видѣ, который мы имѣемъ теперь, въ большинствѣ пьесъ скорѣе портящимъ вкусъ даже и развитого человѣка, чѣмъ развивающимъ его, а театромъ народнымъ съ понятными народу рѣчами, съ русской обстановкой, съ русскою пѣснью, съ русскимъ юморомъ, нещадно выставляющимъ на смѣхъ народный множество несродныхъ и не идущихъ къ намъ затѣй, которыя отъ такъ называемаго образованнаго класса мало-помалу перенимаются и окружающимъ его простымъ человѣкомъ... Нечего, разумѣется, ограничиваться однѣми народными пьесами: пьесы и изъ другого быта, пьесы нашихъ немногихъ драматическихъ писателей, всѣ или большая часть будутъ доступны народу... Театръ въ Рогожской перемѣшаетъ всю Москву: многіе, кто никогда не заглядывалъ въ театръ, поѣдутъ туда; они внесутъ въ нее свой воздухъ и унесутъ изъ нея много полезныхъ впечатлѣній. Черезъ это никто не будетъ въ проигрышѣ, потому что среди коснѣющаго быта тамъ проглядываютъ многія истинно народныя черты, особенно среди раскольниковъ; около театра сгруппируется и многое другое, которое оживитъ неподвижность, и кофейная, и кондитерская не будутъ лишними. Тамъ съ ними вмѣстѣ проглянетъ и книга и газета. Нужды нѣтъ, что все это получить свой особый отбѣнокъ, во всякомъ случаѣ это не поведетъ къ худому»...

Спектакли давались время отъ времени, смотря по тому, какъ успѣютъ приготовить пьесу.

Нѣкоторою особенностью спектаклей кружка этого общества можно считать литературныя и музыкальныя антракты, въ кото-

рыхъ, межд, прочимъ, участвовали иногда А. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ и нѣкоторые изъ любителей.

Въ 1864 году, въ Москвѣ образовалось акціонерное общество, желавшее построить постоянный народный театръ, но по разнымъ причинамъ мысль эта успѣха не имѣла, и первый болѣе или менѣе постоянный народный театръ появился впервые на Московской политехнической выставкѣ 1872 года. Инициатива этого театра принадлежитъ обществу попеченія о рабочихъ и ремесленникахъ, во главѣ коего стоялъ покойный заслуженный профессоръ Московскаго университета, тайный совѣтникъ Модестъ Яковлевичъ Киттары¹⁾.

Разбирая недавно оставшіяся послѣ кончины М. Я. Киттары письма и бумаги, мы натолкнулись на цѣлый рядъ замѣтокъ и воспоминаній о дѣятельности вышеупомянутаго отдѣла. Къ сожалѣнію, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи замѣтки слишкомъ отрывочны, чтобы составить по нимъ полную картину всего сдѣланнаго отдѣломъ, съ другой же стороны, свѣдѣнія, ими сообщаемыя, какъ идущія изъ первоисточника, представляютъ собой безспорный интересъ для будущаго историка русскаго народнаго театра, въ виду чего мы, не задаваясь цѣлью восстановить всѣ детали, тѣмъ не менѣе постарались соединить ихъ въ одно связное цѣлое и въ такомъ видѣ предложить нашимъ читателямъ, но прежде считаемъ долгомъ, хоть немного, удержать ихъ вниманіе на личности самого покойнаго Модеста Яковлевича. Профессоръ Киттары былъ однимъ изъ свѣтлыхъ дѣятелей незабвеннаго царствованія императора Александра II. Если онъ не принималъ непосредственнаго участія въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, зато принялъ онъ живое участіе въ дѣлѣ освобожденія ихъ отъ мрака невѣжества, отъ господства водки и кабатчиковъ. Время, въ которое приходилось жить и дѣйствовать покойному «народолюбцу», какъ насмѣшливо называли его московскія газеты, не понимая, что въ ихъ ироніи сокрыта величайшая похвала этому человѣку, — было время интернаціоналки, грознымъ призракомъ стоявшей передъ лицомъ нашего правительства. Это было время хожденія въ народъ, время нигилистовъ, время Тургеневской «Нови»... Человѣку, дѣйствительно любившему меньшаго брата и дѣйствительно желавшему принести ему пользу, а не только игравшему въ руку разнаго рода «друзей народа», прикрывавшихся этимъ именемъ для обдѣлыванія своихъ собственныхъ темныхъ дѣлишекъ, такому человѣку работать въ

¹⁾ Постройка народнаго театра возникла по личной инициативѣ покойнаго М. Я. Киттары, равно какъ и весь отдѣлъ попеченія о рабочихъ и ремесленникахъ. И. Н. Захаринъ въ своихъ воспоминаніяхъ «Артистическая жизнь Москвы въ семидесятыхъ годахъ» («Историческій Вѣстникъ», 1902 г., ноябрь, стр. 504) впадаетъ въ ошибку, говоря, что устройство театра и читальни было поручено профессору Киттары.

это время было особенно трудно: съ одной стороны, его встрѣчалъ лай псевдолиберальныхъ газетъ, а, съ другой—грозное veto Тимашева, Шувалова и Толстого. Надо было имѣть желѣзную, несокрушимую энергію Модеста Яковлевича и его горячую вѣру въ пользу имъ проводимаго дѣла, чтобы чего нибудь добиться. Общество видѣло спасеніе рабочаго лишь въ увеличеніи его содержанія, а никто не хотѣлъ сознать, что устройство столовой, гдѣ онъ за дешевую плату получаетъ сытный, вкусный и, главное, здоровый обѣдъ, огражденіе его отъ кабака путемъ разумныхъ и полезныхъ развлеченій, будь то читальня, театръ, концертъ или что другое, этому подобное, въ сущности есть тоже увеличеніе его содержанія, но увеличеніе болѣе разумное, болѣе ощутительное по своимъ послѣдствіямъ...

Ясно понялъ это лишь небольшой кружокъ людей, истинно просвѣщенныхъ, которые въ концѣ 1871 года задумали создать въ Москвѣ общество попеченія о рабочихъ и ремесленникахъ. По разнаго рода причинамъ, уставъ этого общества утвержденъ не былъ, но составлявшіе его люди не пали духомъ и не отказались отъ своей идеи, а, напротивъ того, еще энергичнѣе принялись за ея осуществленіе. На помощь имъ въ 1872 году праздновалось двухсотлѣтіе со дня рожденія Петра Великаго, и всѣ торжества были перенесены въ Москву. Между прочимъ была проектирована политехническая выставка, которая должна была напоминать о томъ, что Петръ основалъ русскую промышленность. Когда же, какъ не тогда, было заговорить о русскомъ рабочемъ? И вотъ дѣйствительно вышеупомянутый кружокъ образуетъ на выставкѣ комиссію по вопросу объ улучшеніи быта рабочихъ и ремесленниковъ. Во главѣ этой комиссіи, предсѣдателемъ ея является Модестъ Яковлевичъ Киттары, членами: князь В. А. Черкасскій, профессора А. П. Богдановъ, А. Ю. Давидовъ, беллетристъ-народникъ Ф. Д. Нефедовъ, крупные московскіе фабриканты, талантливый артистъ А. Ф. Ѳедотовъ и другіе. Почетнымъ предсѣдателемъ комиссіи избирается московскій генералъ-губернаторъ, князь Вл. Ан. Долгоруковъ.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій 6-го февраля 1872 года комиссія выработала цѣлую программу своего участія на выставкѣ, гдѣ заботу объ улучшеніи быта рабочихъ и ремесленниковъ предполагалось выразить въ слѣдующихъ формахъ:

- 1) народнымъ театромъ образовательнаго характера;
- 2) хорovýmъ пѣніемъ, какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго содержанія;
- 3) публичными чтеніями;
- 4) читальней для рабочихъ;
- 5) школами грамотности, рисованія, черченія, рѣзбы и лѣпной работы, съ ознакомленіемъ рабочихъ съ правильнымъ понятіемъ о мѣрахъ, вѣсахъ и объемахъ;

- 6) питомникомъ для дѣтей грудныхъ и не достигшихъ возраста дѣтскихъ садовъ, на время работы ихъ родителей;
- 7) чайной или мѣстомъ быта рабочихъ съ ихъ семействами;
- 8) гимнастикой и гимнастическими играми;
- 9) катаньемъ на лодкахъ;
- 10) ссудо-сберегательной кассой и
- 11) станціями дешевой продажи книгъ духовнаго и свѣтскаго содержанія, нужныхъ и полезныхъ для рабочаго класса.

Въ засѣданіи 6-го февраля было постановлено программу эту разослать ко всѣмъ лицамъ, получившимъ книжки для сбора взносов на ея осуществленіе, съ тою цѣлью, чтобы каждый жертвователь, если онъ того пожелаетъ, могъ указать и предметъ, на который онъ даетъ свои деньги и которому потому болѣе сочувствуетъ. Такія указанія должны были быть приняты къ точному исполненію, и только при отсутствіи ихъ направленіе поступающихъ средствъ предоставлялось усмотрѣнію комиссіи.

Для учреждений отдѣла Москва отвела Варварскую площадь, гдѣ ко времени политехнической выставки возникъ цѣлый народный городокъ, центромъ котораго явился прекрасно исполненный народный театръ, сооруженный по проекту В. А. Гартмана, талантливаго молодого архитектора, къ сожалѣнію, рано умершаго (въ 1873 г.) и не давашаго поэтому своему таланту развиться во всемъ блескѣ. Вся постройка стоила при самыхъ экономическихъ началахъ 40 тысячъ рублей, считая три мѣсяца представленій, а подписка дала всего лишь 3.600 рублей, да дума на все предпріятіе комиссіи разрѣшила отпустить заимообразно 10.000 рублей, при чемъ эти послѣднія деньги были получены, когда уже весь театръ былъ почти построенъ. Все же остальное было дано въ кредитъ, безъ всякаго обезпеченія, главнымъ образомъ лишь благодаря той популярности, которою не переставалъ пользоваться профессоръ Киттары среди московскаго купечества со времени своего инспекторства въ практической академіи коммерческихъ наукъ¹⁾. Еще въ одно изъ первыхъ засѣданій комиссіи, когда обсуждался вопросъ, на какія деньги все строить, было приглашено на совѣщаніе нѣсколько подрядчиковъ. Предложеній было сдѣлано множество, но ни одно изъ нихъ не подходило по тѣмъ или другимъ причинамъ. Наконецъ, въ самый разгаръ преній неожиданно встаетъ одинъ изъ подрядчиковъ, фамилія котораго, къ величайшему сожалѣнію, не сохранилась, и говорить:

— Вотъ что, господа, на ваши условія никто не пойдетъ, а вотъ, если Модестъ Яковлевичъ скажетъ слово, что онъ все беретъ на себя, такъ и я возьмусь на это слово все выстроить.

Такъ и порѣшили. Модестъ Яковлевичъ взялъ на себя громадную отвѣтственность, рискуя всѣмъ своимъ состояніемъ, добрымъ

¹⁾ Съ 1857 по 1864 годъ.

именемъ, лишь твердо вѣруя въ дѣло, и эта его вѣра блистательно оправдалась: успѣхъ Московскаго народнаго театра памятенъ еще большинству нашихъ современниковъ.

Постройка театра началась на третей недѣлѣ великаго поста, и зданіе строилось съ такимъ расчетомъ, чтобы современемъ его можно было обратить въ зимнее. Онъ былъ построенъ изъ брусевъ, пропитанныхъ особымъ составомъ, замедляющимъ горѣніе; стѣны были протравлены составомъ изъ хлористаго кальція и извести. Въ видахъ достиженія той же пожарной безопасности на высотѣ второго яруса былъ устроенъ бакъ въ 1.200 ведеръ. Освѣщался театръ газомъ; помещеніе было рассчитано на 1.800 человекъ, при чемъ цѣна за мѣста была назначена крайне невысокая: ложи по 3 рубля, въ партерѣ встрѣчались мѣста по 30 коп., галлерей стоила 20 к., а въ 3-мъ ярусь были мѣста и по 5 коп., и при томъ всѣ сидячія. Управление театромъ было предоставлено особому совѣту подъ предсѣдательствомъ Модеста Яковлевича; составленіе репертуара было возложено на А. Ф. Фодотова ¹⁾, хозяйственная часть на М. И. Писарева; декорации взялъ на себя Н. А. Рахмановъ, главные костюмы пожертвовалъ Рѣпинъ, владѣлецъ Волковской библіотеки театральной, а остальные «строилъ» князь Ѳ. М. Урусовъ, адъютантъ московскаго генераль-губернатора.

Репертуаръ народнаго театра обсуждался публично; для этого въ зданіи стараго университета было устроено нѣсколько засѣданій, подъ предсѣдательствомъ того же М. Я. Киттары, на которыя были приглашены многія лица, болѣе или менѣе близко знакомыя съ театральнымъ дѣломъ вообще. Засѣданія эти происходили въ апрѣлѣ, почти за мѣсяць до открытія театра. Сначала предлагалось ставить пьесы нравоучительныя и патріотическія съ легкими водевилями въ концѣ спектаклей, но противъ этого многіе возстали, и было рѣшено ставить и «Ревизора», и «Гамлета», и Писемскаго, и Островскаго. Н. Г. Рубинштейнъ предлагалъ организовать русскую оперу: цѣлыхъ произведеній первоначально ставить не предполагалось, а лишь только отрывки; но затѣмъ, когда

¹⁾ А. Ф. Фодотовъ сначала, видимо, не вполне ясно представлялъ себѣ цѣль и назначеніе народнаго театра. Въ бумагахъ М. Я. Киттары сохранился рассказъ, какъ еще въ самомъ началѣ дѣятельности отдѣла къ нему пріѣхалъ этотъ артистъ съ карточкой генераль-губернатора Долгорукова, гдѣ тотъ обращаетъ на подателя ея благосклонное вниманіе Модеста Яковлевича и проситъ передать ему въ арендное условіе предполагаемый народный театр. Успѣхъ сулился полный, — «спектакли будемъ давать ежедневно, черезъ каждыя 1½—2 ч.»

«Но вы совершенно не поняли характера предполагаемаго предпріятія, — замѣчаетъ ему на это Модестъ Яковлевичъ, — мы носимъ названіе отдѣла улучшенія нравственности и матеріальнаго быта рабочихъ, и станемъ равращать ихъ ежедневными и ежечасными представленіями въ будни, когда они должны работать?»..

А Фодотовъ былъ самъ членъ учредитель отдѣла!

опера попала въ руки профессора Московской консерваторіи Н. А. Губерта, стали даваться и дѣлыя оперы («Жизнь за царя», «Русалка»). Было желаніе привлечь къ дѣлу и духовенство, съ какою дѣлю профессоръ Киттары еще въ началѣ марта обратился къ преосвященному епископу дмитровскому Леониду, за отъѣздомъ митрополита Иннокентія въ Петербургъ, въ синодъ, управлявшему московской митрополіей. Модестъ Яковлевичъ просилъ владыку освятить закладку зданія; преосвященный наотрѣзъ отказалъ. Модестъ Яковлевичъ привелъ ему примѣры изъ жизни святыхъ, покровительствовавшихъ театральнымъ учрежденіямъ, но, тѣмъ не менѣе, всякое пастырское благословеніе было отклонено. «Конечно, — говорилъ владыка, — теперь въ рукахъ вашихъ это дѣло будетъ имѣть не тотъ характеръ, который оно можетъ пріобрѣсти, когда, по окончаніи выставки, перейдетъ въ другія руки».

Модестъ Яковлевичъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ самое простое — сидѣть, сложа руки, и глядѣть, какъ народъ пропивается матеріально и нравственно въ кабакахъ.

— Нѣтъ, Боже сохрани, — возразилъ преосвященный, — я только хочу сказать, что я не могу поступить неосмотрительно. Вотъ, на примѣръ, я самъ выслушалъ на послѣдней лекціи Соловьева высказанное сзади меня замѣчаніе, что Ломакинскому хору не дозволяется пѣть въ концертахъ духовное пѣніе, потому что «Леонидъ» этого не хочетъ. А я, наоборотъ, хлопочу о разрѣшеніи и недавно еще писалъ митрополиту Иннокентію, что разрѣшеніе въ концертахъ пѣть католическую духовную музыку, при запрещеніи греко-россійской, при рѣдкости у насъ образцово хорошаго исполненія ея въ церквахъ, равносильно распространенію знакомства публики съ образцами иновѣрческими въ ущербъ нашимъ.

Въ заключеніе, преосвященный высказалъ мысль, что если во время выставки устроятся хоры, то онъ будетъ участвовать своими чудовскими пѣвчими и желалъ бы дать понятіе о сравнительныхъ напѣвахъ разнаго періода церковнаго пѣнія.

Какъ же относились высшія сферы къ существованію комиссіи попеченія о рабочихъ и ремесленникахъ и къ устраиваемому ею народному театру? Для лучшаго отвѣта на этотъ вопросъ мы приведемъ выписку изъ письма профессора Киттары къ одному изъ членовъ его семьи. Въ этомъ письмѣ Модестъ Яковлевичъ передаетъ почти буквально свой разговоръ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевымъ, происходившій въ петербургскомъ кабинетѣ Тимашева 1-го апрѣля 1872 года и немедленно записанный Модестомъ Яковлевичемъ.

Въ этотъ день праздновался юбилей генералъ-адъютанта Чевкина, и Александръ Егоровичъ принялъ Модеста Яковлевича, собираясь ѣхать на это торжество.

— ...«Очень радъ васъ видѣть, — началъ Тимашевъ. — Я все олышу о какой-то комиссiи «улучшенiя народнаго быта», а чте это такое за комиссiя, кто ее выбралъ, кто уполномочилъ, изъ кого она состоитъ?..

— «Эта какая-то комиссiя, которой вы не изволите знать, та самая, которой я имѣю честь быть предсѣдателемъ.

— «Но кто же ее выбралъ, кто уполномочивалъ и проч.?

— «Выбралъ и уполномочивалъ ее комитетъ политехнической выставки.

— «Но, помилуйте, здѣсь своя комиссiя, состоящая изъ первыхъ лицъ и высшихъ сановниковъ, занимающаяся разработкой вопроса улучшенiя быта рабочихъ и уже нѣсколько времени, и вдругъ у нея изъ-подъ носа вырывается этотъ вопросъ какой-то комиссiей улучшенiя народнаго быта въ Москвѣ, и это дѣлается гласно, обсуждается, рѣшается, печатается, и все это въ то время, когда правительство озабочено пропагандой интернаціоналки...

— «А, если вы коснулись интернаціоналки, то это вопросъ, который такъ скоро, въ двухъ словахъ, окончить нельзя, а потому я просилъ бы васъ, Александръ Егоровичъ, такъ какъ вы спѣшите теперь на юбилей Чевкина, назначить мнѣ время, когда я могу застать васъ свободнымъ, чтобы поговорить о всемъ не спѣша и хладнокровно. Что же касается того, что здѣшняя комиссiя состоитъ изъ важныхъ государственныхъ сановниковъ, а московская изъ неважныхъ людей, то я долженъ васъ поправить: во главѣ комиссiи почетнымъ ея предсѣдателемъ состоитъ московскiй генераль-губернаторъ, князь Долгоруковъ, а въ числѣ членовъ мы видимъ людей, въ родѣ князя В. А. Черкаскаго, уже заявившихъ свою дѣятельность, и во всякомъ случаѣ комиссiя состоитъ изъ лицъ, не менѣе горячо желающихъ пользы этому дѣлу.

«Тимашевъ видимо спустилъ тонъ.

— «Да,—сказалъ онъ, подумавъ,—намъ надо поговорить объ этомъ серьезнѣе. Я дѣйствительно спѣшу на юбилей Чевкина, но, надѣюсь, пробуду на этой церемонiи недолго, и, если вы свободны черезъ часъ, то я буду ждать васъ къ половинѣ перваго.

«Въ назначенный часъ я отправился снова къ министру, и мы съѣхались почти одновременно. Началомъ разговора служилъ рассказъ о юбилей и о подаркахъ Чевкину отъ государя и другихъ лицъ. Затѣмъ снова коснулись вопроса, для котораго я прiѣхалъ.

— «Вы напрасно такъ относитесь къ интернаціоналкѣ,—говорю я Тимашеву,—я дѣлаете изъ нея Дамокловъ мечъ, приковывающий къ себѣ все ваше вниманiе. Интернаціоналка дѣйствуетъ пропагандой, которой что же вы противопоставляете—ловлю пропагандистовъ? Но опытъ доказалъ уже, что, несмотря на самую бдительную ловлю, нѣкоторымъ все-таки удается проскочить, и эти

нѣкоторые умѣютъ завербовать въ свои ряды довольно адептовъ, пока въ свою очередь не будутъ остановлены, а адепты остались и сѣютъ сѣмя на почвѣ, хорошо подготовленной нуждой и необразованіемъ. Нельзя же раздѣлить все населеніе на ловителей и ловимыхъ, и не радикальнѣе ли противопоставить пропагандѣ, отвлеченной пока, примѣръ живой и поучительный? Этотъ примѣръ имѣетъ въ виду наша комиссія, желающая показать, чѣмъ можно добиться того желаннаго результата, къ которому должно стремиться каждое государство и каждое общество, какимъ путемъ можно улучшить и нравственный и матеріальный бытъ рабочаго сословія. Только улучшая первый, улучшится и второй. Улучшеніе же нравственнаго быта возможно, не говоря уже о развитіи образованія, что дастъ результаты только для растущихъ поколѣній, а не нынѣ уже дѣйствующихъ, для которыхъ необходимы иныя мѣры, а именно: отвлеченіе отъ пьянства, отъ развращающаго нравственно и физически препровожденія времени въ харчевняхъ, трактирахъ и тому подобныхъ мѣстахъ; популярное ознакомленіе съ элементарными понятіями о самыхъ насущныхъ предметахъ знанія; ознакомленіе съ главными основаніями религіи, совершенно незнакомой или слишкомъ мало знакомой нашему рабочему сословію; ознакомленіе его съ лучшими образцами жилья, домашней обстановки, возвращенія и отчасти воспитанія дѣтей и т. п.

«Тимашевъ выслушалъ все это замѣтно спокойнѣе и помирился на томъ, что комиссія перемѣнитъ свое названіе ¹⁾). Разговоръ длился еще нѣсколько времени, варьируя ту же тему, и свиданіе, начатое столь недоброжелательно и свысока, окончилось тѣмъ, что Тимашевъ далъ совѣты, куда и къ кому слѣдуетъ обратиться, и у кого мнѣ слѣдуетъ побывать до его отъѣзда изъ Петербурга. Однимъ изъ первыхъ былъ названъ министръ народнаго просвѣщенія, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой: «сѣздите къ нему, это необходимо; это вѣдь тормозъ,—вы знакомы съ нимъ?» Я отвѣтилъ, что, кромѣ служебнаго знакомства, по своему званію бывшаго профессора Московскаго университета, я и такъ знакомъ съ графомъ, расположеніемъ котораго всегда пользовался.

— «Ну, и прекрасно, сѣздите непременно».

Слѣдуя указаніямъ Тимашева, М. Я. тотчасъ же завезъ къ графу П. А. Шувалову, шефу жандармовъ, и къ графу Дмитрію Андреевичу Толстому двѣ записки, въ которыхъ просилъ назначить ему время приѣма. Отъ графа Толстого отвѣта никакого не воспослѣдовало, а Шуваловъ въ тотъ же вечеръ прислалъ жандарма съ приглашеніемъ пожаловать на слѣдующій день, въ 2 часа дня.

¹⁾ Въмѣсто «комиссія по вопросу объ улучшеніи быта рабочихъ и ремесленниковъ» назовется «попечительствомъ о народной нравственности».

Въ назначенное время М. Я. поѣхалъ. Вѣжливо раскланявшись, усадивъ противъ себя и предложивъ папиросу, Шуваловъ вперилъ свой взоръ, какъ бы говоря: «я васъ слушаю».

М. Я. изложилъ ему, какъ цѣль своего пріѣзда, такъ и содержаніе своей программы. Шуваловъ молча слушалъ и, когда дѣло дошло до вопроса объ интернаціоналкѣ, то вѣжливо-гостинная улыбка, игравшая на его губахъ во все время разговора, уступила мѣсто серьезному выраженію лица. Пскренно или только наружно Шуваловъ согласился со всѣми высказанными ему доводами и предположеніями, замѣтивъ, какъ и Тимашевъ, что, пока дѣло въ рукахъ М. Я., онъ спокоенъ; ну, а потомъ?

М. Я. отвѣтилъ, что пока о «потомъ» не можетъ быть и рѣчи. Выставка имѣеть ограниченное время, комиссія назначена на время выставки, и несправедливо было бы, соглашаясь съ ея программой, изъ-за «потомъ» связывать ей руки при выполненіи этой программы.

— Но увѣрены ли вы, что, несмотря на ваши намѣренія, у васъ въ комисіи не проскользнутъ другія тенденціи?—спросилъ Шуваловъ.

— Ручаться въ этомъ мы не можемъ, конечно, но во всякомъ случаѣ отъ насъ будетъ зависѣть не дать имъ ходу.

Аудіенція была закончена общаніемъ Шувалова ничему не мѣшать и не препятствовать.

Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, графъ Шуваловъ уже написалъ крайне любезное и сочувственное письмо князю Долгорукому.

Между тѣмъ профессоръ Киттары, вернувшись изъ Петербурга, внесъ въ засѣданіе комисіи предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ о перемѣнѣ названія общества, но комитетъ почему-то не согласился на уступку. Когда Тимашевъ узналъ объ этомъ, то сказалъ, что въ такомъ случаѣ ему не о чемъ хлопотать, пусть дѣло идетъ своимъ очереднымъ порядкомъ, т.-е., другими словами, лишитъ его своей личной поддержки. А тутъ какъ разъ разыгралось извѣстное дѣло въ Харьковѣ, тоже не способствовавшее успѣху народнаго театра.

Вскорѣ послѣ первой поѣздки профессору Киттары снова пришлось быть въ Петербургѣ по дѣламъ военнаго отдѣла выставки, въ которомъ онъ тоже предсѣдательствовалъ. Въ своемъ письмѣ отъ 18-го апрѣля онъ пишетъ къ тому же лицу, что и раньше, слѣдующее:

«...Вечеромъ вчера явился курьеръ отъ Исакова съ письмомъ, въ которомъ онъ зоветъ меня пріѣхать немедленно къ нему. Было 7 часовъ. У Исакова пробылъ съ часъ. Суть такая: Исаковъ вчера былъ у государя по поводу ходатайства Щуровскаго за отсутствіемъ великаго князя Алексѣя Александровича имѣть вы-

сочайшее лицо почетнымъ предсѣдателемъ выставки. Государь указаль на великаго князя Константина Николаевича. По окончаніи разговора, государь приподнимаетъ прессъ-папье, достаетъ карточку съ программой комиссіи улучшенія быта рабочихъ и спрашиваетъ Исакова: «что это такое и почему, и съ чьего разрѣшенія эта программа напечатана?»

«Исаковъ объяснилъ, что по выставкѣ много комиссій, и всѣ вырабатываютъ свои программы по праву, данному комитету выставки.

— «Но вѣдь это вопросъ, выходящій изъ разрѣшеннаго, и гдѣ гарантія того, что проистечетъ изъ этого можетъ? (На этихъ карточкахъ сполна красуется моя подпись). «Исаковъ отвѣчалъ, что онъ можетъ увѣрить, что программа хорошо ему извѣстна, вся составлена съ самыми благонамѣренными цѣлями, люди, ее ведущіе, всѣ хорошо извѣстны правительству.

— «Можно ли печатать такія программы! Но дѣло сдѣлано. Я поручилъ министру народнаго просвѣщенія просмотрѣть всѣ предположенія комиссіи и допустить ихъ по мѣрѣ возможности.

«Разсказавъ это, Исаковъ спросилъ меня, получены ли мною его запросные пункты. Я отвѣтилъ, что нѣтъ.

— «Какъ жаль и досадно! Мнѣ нужны всѣ подробности программы, и завтра я ѣду къ Толстому, чтобы скорѣе порѣшить это дѣло.

«Я отвѣчалъ, что программы со мной. Онъ очень обрадовался и благодарилъ за предусмотрительность. Недостаетъ только программы хороваго пѣнія, которая переписывается, и программы чайной, которую сейчасъ сажусь писать, объяснивъ Исакову, что она будетъ по идеѣ «Альгамбры» въ Лондонѣ, что онъ совершенно одобрилъ.

«Вообще Исаковъ горячо стоитъ за это дѣло».

Такимъ образомъ вопросъ объ улучшеніи народнаго быта принималъ очень дурной оборотъ. Графъ Толстой былъ одинъ изъ трехъ сановниковъ (Шуваловъ и Тимашевъ), который, какъ мы видѣли, не отвѣтилъ на записку и не принялъ предсѣдателя комиссіи въ его первую поѣздку въ Петербургъ, а теперь ему поручалось «просмотрѣть программы и допустить ихъ по мѣрѣ возможности»...

Если прибавить къ только что сказанному недружелюбное отношеніе къ вопросу о театрѣ и его дѣятельности со стороны повременной печати и многихъ лицъ, въ большей или меньшей степени власть имѣющихъ и достаточно тормозящихъ дѣло, то картина получится довольно яркая, хотя и мало утѣшительная. Здѣсь кстати будетъ привести такой эпизодъ.

Въ одно изъ публичныхъ засѣданій комиссіи, еще въ началѣ, Щепкинъ внесъ проектъ, выражавшій вѣчто въ родѣ требованій

интернационаловъ, но сдержанно и умно написанный. Предсѣдатель комиссіи сразу понялъ это и не далъ проекту хода и огласки. Однако не дремлющее око Слезкина, жандармскаго генерала, какимъ-то способомъ узнало. Недѣли двѣ спустя, профессоръ Киттары получилъ отъ президента выставки, Григорія Ефимовича Щуровскаго, предложеніе доставить вышеупомянутый проектъ генералу Слезкину. Модестъ Яковлевичъ ничего не отвѣтилъ, а какъ-то при свиданіи съ княземъ Долгорукимъ обо всемъ ему рассказалъ. Князь его выслушалъ и просилъ передать профессору Щуровскому, чтобы тотъ пригласилъ генерала Слезкина обратиться къ нему, князю Долгорукому, какъ почетному предсѣдателю народнаго отдѣла. Щуровскій разсердился. Модестъ Яковлевичъ просилъ его извинить, но сказалъ, что въ дѣлѣ, гдѣ отвѣчаетъ его голова, онъ съ собой такъ обращаться позволить не можетъ.

— Слезкинъ могъ лично обратиться, если его беспокоитъ проектъ, но требовать его официально,—то дѣло другое.

— Но вы могли его передать мнѣ,—отвѣчалъ Григорій Ефимовичъ,—я обѣщаль Слезкину.

— Напрасно обѣщали. Отдамъ я вамъ, въ правѣ будутъ сказать, что я выдалъ, но что я даже предалъ вамъ мою молодежь.

Дѣло, однако, этимъ не кончилось. Щуровскій, повидимому, пожаловался генералу Исакову, и тотъ подробно разспросилъ обо всемъ профессора Киттары. Выслушавъ доводы послѣдняго, онъ совершенно согласился съ нимъ и обѣщаль, что въ случаѣ требованія графомъ Шуваловымъ, заявленнаго Слезкинымъ черезъ Щуровскаго, онъ самъ лично прочтетъ ему записку, которую Модестъ Яковлевичъ ему отвезъ.

Все это происходило еще до вышеописаннаго петербургскаго свиданія Модеста Яковлевича съ графомъ Шуваловымъ. Вернувшись въ Москву, онъ въ тотъ же день встрѣтился въ понедѣльничномъ засѣданіи комитета выставки со Слезкинымъ. Генералъ въ первый разъ подошелъ и самъ заговорилъ объ исторіи съ проектомъ Щепкина и снова просилъ дать копію. Модестъ Яковлевичъ оцять отказалъ, прибавивъ, что «охота ему хлопотать о такихъ пустякахъ».

— Но, помилуйте, графъ Петръ Андреевичъ требуетъ.

— Странно, отчего же я видѣлъ графа третьяго дня, и онъ ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ?

Слезкина огорошило.

— Вы видѣли графа?

— Да, третьяго дня, и онъ ни полслова не говорилъ о Щепкинскій запискѣ.

— Онъ вѣрно забылъ,—промолвилъ сконфуженный Слезкинъ.

— Значитъ, онъ не придавалъ этому серьезнаго значенія, генералъ. Не лучше ли и вамъ сдѣлать то же? Впрочемъ копія, какъ

я вамъ говорилъ, у почетнаго предсѣдателя комиссіи, князя Долгорукова.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Мы привели его, какъ характерный образецъ тѣхъ столкновеній, съ которыми безпрестанно приходилось встрѣчаться дѣятелямъ комиссіи, пока воспослѣдовало высочайшее разрѣшеніе на устройство ея начинаній.

Между тѣмъ, пока шли вышеизложенныя перипетіи, театръ былъ выстроенъ, и 16 мая, подъ режиссерствомъ Ѳедотова, начались репетиціи.

Наканунѣ Варварскую площадь посѣтилъ почетный предсѣдатель отдѣла, князь Долгоруковъ, которому были представлены члены совѣта и артисты. Князь, разговаривая съ артистами, въ заключеніе сказалъ, что «успѣхъ зависитъ отъ ихъ желанія послужить новому дѣлу всѣми силами».

Теперь, когда, по справедливому замѣчанію И. Н. Захарьина, труппы русскихъ театровъ пополняются почти на половину испанцами іудейскаго происхожденія, кажется просто невѣроятнымъ по качеству и количеству дарованій тотъ составъ, изъ котораго состояла труппа народнаго театра. Среди цѣлой плеяды талантливыхъ артистовъ яркими звѣздами выступаютъ К. Ѳ. Бергъ, Макшеевъ, И. И. Писаревъ, Н. Х. Рыбаковъ, Линовская, Стрепетова и др.

Какъ извѣстно, политехническая выставка была открыта въ день рожденія Петра Великаго 30-го мая, а 4-го іюня, сто семьдесятъ лѣтъ спустя послѣ открытія въ Москвѣ Русской Комедійной храмины, былъ данъ первый спектакль въ народномъ театрѣ¹⁾. Заботы, тревоги, хлопоты, бессонныя ночи, труды все окупилось... Результатъ оказался такимъ, какого и ожидать нельзя было.

На открытіи присутствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ, князь Вл. А. Долгоруковъ, а также почетные русскіе и иностранные гости. Въ началѣ представленія труппой народнаго театра былъ исполненъ гимнъ, а оркестръ музыки сыгралъ Преображенскій маршъ времени Петра Великаго. Затѣмъ взвился занавѣсъ, и на сценѣ стали играть «Дѣдушку русскаго флота», который какъ разъ гостилъ въ то время въ Москвѣ... Послѣ «Дѣдушки» шелъ «Ревизоръ», а затѣмъ былъ данъ дивертисементъ— «пѣніе и пляски», какъ было сказано въ афишѣ. Начало спектакля, назначенное въ 2 часа дня, запоздало, по крайней мѣрѣ, на 4 часа, вслѣдствіе того, что великій князь запоздалъ: ему невѣрно доложили о назначенномъ времени. Его императорское высочество прибылъ въ театръ, когда кончали играть первый разъ гимнъ. Публика потребовала повторенія, и въ это время онъ вошелъ.

¹⁾ Въ разосланныхъ по этому случаю приглашенійхъ ошибочно было сказано «въ день двухсотлѣтія Русской Комедійной храмины».

Прослушавъ первую пьесу, великій князь не хотѣлъ оставаться на «Ревизорѣ», говоря, что послѣ Щепкина не можетъ его смотрѣть. По просьбѣ профессора Киттары, находившагося въ его ложѣ, онъ, однако, остался и послѣ двухъ актовъ пошелъ за кулисы, лично познакомился со всей труппой и выразилъ свое одобрение Бергу, игравшему городничаго (по отзывамъ знатоковъ, Бергъ былъ лучший городничій послѣ Щепкина). Останавливаемся на этомъ потому, что Константинъ Николаевичъ относился къ театру съ недоброжелательно подготовленнымъ чувствомъ, которое, тѣмъ не менѣе, уступило мѣсто таланту.

Постановка пьесы не оставляла желать ничего лучшаго: актрисы были такъ же хороши, какъ и исполнители. Даже газеты положили гнѣвъ на милость и даже — *horribile dictu!* — сравнили игравшую труппу съ болѣе знаменитой труппой Московскаго Малаго театра.

Музыкальная часть программы вышла также очень удачной. Особенный успѣхъ выпалъ на долю Лазарева, блистательно исполнившаго двѣ народныя пѣсни: заунывную о соловьѣ въ клѣточкѣ и веселую-удалую о ямщикѣ, который беретъ катать дѣвушекъ съ условіемъ, чтобы онѣ крѣпко сидѣли, и не пришлось бы ихъ растерять.

Нѣсколько дней спустя послѣ перваго спектакля, въ субботу 9-го іюня, народный театръ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ незабвеннаго «народолюбца» — Царя-Освободителя.

Государь предупредилъ о своемъ посѣщеніи еще наканунѣ. Такъ какъ выборъ его величества палъ на субботу, а по субботамъ спектакли не были разрѣшены, то устроителямъ театра пришлось бы для пріема высокаго гостя ограничиться лишь назначеннымъ на этотъ день концертомъ, и, конечно, государь не вынесъ бы отъ театра того впечатлѣнія, какое было желательно. Въ виду этого, Модестъ Яковлевичъ, узнавъ о предполагавшемся посѣщеніи, немедленно поѣхалъ переговорить съ графомъ Шуваловымъ, который, въ виду особаго случая, разрѣшилъ замѣнить концертъ спектаклемъ. Выборъ палъ на «Ревизора», о которомъ государь уже слышалъ, и видѣть который онъ самъ выразилъ желаніе. Началась суматоха съ печатаніемъ афишъ, устройствомъ царской ложи и фойе и т. д. Не обошлось и безъ большой тревоги. Модестъ Яковлевичъ вечеромъ былъ на балу въ дворянскомъ собраніи, куда пріѣхалъ Федотовъ, крайне встревоженный, и просилъ немедленно его вызвать. Оказалось, что имъ получено письмо отъ жандармскаго офицера съ извѣщеніемъ, что театръ ночью сгоритъ. Разумѣется, Модестъ Яковлевичъ немедленно помчался на Варварскую площадь.

Тамъ уже пожарные съ помощью рабочихъ накачивали запасные баки изъ возлѣ находящагося фонтана; на верху на балконѣ бѣгали огоньки; верхніе окликали нижнихъ, нижніе отвѣчали не-

впадать верхнимъ, толку получалось, видимо, мало, вода не поднималась, какъ требовалось, а если минутой и поднималась, то не туда попадала, куда слѣдуетъ: неумѣлыя руки рабочихъ не туда направляли пинку шланга.

Модестъ Яковлевичъ пробылъ на площади всю ночь, и уже совсѣмъ свѣтало, когда онъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ домой.

Ночью театръ не могъ загорѣться: слишкомъ людно было кругомъ, слишкомъ бдительный надзоръ былъ поставленъ, но днемъ во время спектакля... это было очень легко.

— Особливо, если догадаются со стороны декораций,—замѣтилъ Оедотовъ и прибавилъ:— а знаете, вы даете мнѣ мысль, что все это шутка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ государь хотѣлъ быть въ Маломъ театрѣ. Точно также былъ распущенъ слухъ, что театръ будетъ горѣть. Государь не поѣхалъ и послѣ того два года не былъ.

Во всякомъ случаѣ, основательный или пустой былъ пущенъ слухъ, но сдѣлано все, что благоразуміе и заботливость могли подсказать. Вечеромъ государь былъ въ театрѣ.

Спектакль уже начался, шелъ первый актъ, когда публика, слышавъ крики «ура» снаружи, шумя и слѣша, бросилась на балконъ, окружающій весь театръ. Актеры застыли въ своихъ позахъ и, надо отдать имъ справедливость, съ большимъ тактомъ провели 5—10 минутъ неловкаго положенія, пока все не успокоилось.

Государь вошелъ въ ложу съ великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ въ сопровожденіи Модеста Яковлевича, которому поручилъ позвать Шувалова, Тимашева, Милютина, князя Долгорукова. Вернувъ его уже въ дверяхъ, государь добавилъ: «Еще Исакова позови». Модестъ Яковлевичъ помѣстился по совѣту Исакова рядомъ въ комитетской ложѣ, чтобы быть на всякій случай близко.

Изъ ложи государь поклонился народу и окинулъ взглядомъ весь залъ. Единодушное, громкое «ура» было отвѣтомъ на этотъ взглядъ, послѣ чего спектакль пошелъ своимъ порядкомъ. Государь аплодировалъ неоднократно, а великій князь Владимиръ Александровичъ, видимо, хлопалъ не по одному этикету только: игра была хороша и не могла не понравиться.

Послѣ перваго дѣйствія, какъ только опустили занавѣсъ, былъ пропѣтъ гимнъ. Что произошло тутъ,—описать трудно! Для многихъ, можетъ быть, и ровно ничего особеннаго не произошло: кричали «ура», три раза повторяли гимнъ, и только. Но надо было слышать, какое это было «ура». Въ немъ чувствовалась благодарность за первое удовольствіе, за первое уравненіе въ удовольствіяхъ съ другими слоями общества того народа, которому до сихъ поръ были доступны лишь балаганы да трактиры.

Маленькій хоръ сцены былъ скоро пополненъ голосами публики. Пѣли (и невпадать) одинаково восторженно и чуйки, и сюр-

туки. Одинъ какой-то старикъ польскаго типа, съ благообразной бородой, хорошо одѣтый, пѣлъ сильнымъ и прекраснымъ голосомъ, увлекаая за собой вокругъ стоящихъ.

Но вотъ государь поклонился, крики смолкли, и второе дѣйствіе началось.

Хлестаковъ (Орловъ) вралъ прекрасно. Его вызывали, аплодировали и государь, и великій князь Владимиръ Александровичъ.

Во время спектакля государь принялъ въ аванложѣ Ѳедотова и Писарева, которыхъ по его желанію ему представилъ Модестъ Яковлевичъ. Искали Гартмана, но не нашли.

Государь остался видимо всѣмъ доволенъ и держалъ себя крайне милостиво. Еще входя въ ложу, онъ обратился къ Модесту Яковлевичу со словами:

— Ты и тутъ поспѣлъ?

— Что дѣлать, ваше величество, товарищи запрягли,—отвѣтилъ тотъ.

— Какіе товарищи?

Модестъ Яковлевичъ рассказалъ, какъ все устроилось.

— Что жъ, дѣло не дурное,—замѣтилъ государь.—Если хорошо пойдетъ, желаю ему успѣха. Вотъ посмотрю.

Уѣхалъ государь въ половинѣ второго акта, но передъ отъѣздомъ еще разъ обошелъ галерею, куда опять хлынула толпа и снова на нѣсколько минутъ прервала теченіе пьесы.

Прощаясь съ провожавшими его лицами, его величество сказалъ, что не ожидалъ найти ни такого зданія, ни такой труппы.

То обстоятельство, что государь выбралъ субботу для посѣщенія народнаго театра, вселило надежду, что и впредь будутъ разрѣшать спектакли въ предпраздничные дни. Надежда, однако, не оправдалась: уже наканунѣ Петрова дня спектакля не разрѣшили, а нѣсколькими днями раньше генералъ-губернаторъ получилъ телеграмму отъ Тимашева съ запрещеніемъ давать «Ревизора», производящаго слишкомъ сильное впечатлѣніе на публику, и при томъ не то, какое желательно правительству. Чтобы не возбуждать слишкомъ много нежелательныхъ толковъ, рѣшено было опальную пьесу убрать со сцены возможно незамѣтно, а министру написать, что совсѣмъ вычеркнуть «Ревизора» изъ репертуара нельзя, и необходимо дать его еще нѣсколько разъ во время сезона. Одновременно съ этимъ рѣшеніемъ профессоръ Киттары самъ поѣхалъ въ Петербургъ къ Тимашеву. Результатомъ ихъ свиданія было то, что Тимашевъ разрѣшилъ еще три раза дать «Ревизора». Кромѣ того, въ виду приближенія Успенскаго поста, былъ поднятъ вопросъ о спектакляхъ въ продолженіе его. Александръ Егоровичъ высказался противъ устройства ихъ, но окончательнаго отвѣта не далъ. Въ виду этого въ концѣ іюля Модестъ Яковлевичъ обратился къ князю Долгорукову съ просьбой телеграфировать по этому вопросу

товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Лобанову, за отсутствіемъ Тимашева управлявшему министерствомъ. Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный.

Между тѣмъ театру грозилъ дефицитъ, и вопросъ о продленіи спектаклей былъ для него вопросомъ жизни и смерти. Рѣшено было просить о разрѣшеніи оставить театръ хоть на сентябрь, если нельзя болѣе.

Надо было опять обращаться къ посредничеству генераль-губернатора, который съ своей стороны не только не хотѣлъ хлопотать, но даже избѣгалъ говорить о дѣлахъ театра и буквально прятался отъ его учредителей. Послѣ долгихъ попытокъ, въ воскресенье 30 іюля Модестъ Яковлевичъ рѣшилъ наконецъ во что бы то ни стало добиться свиданія съ княземъ и какого нибудь опредѣленнаго рѣшенія. Ради курьеза, мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ описаніе этого визита, какъ оно сохранилось въ бумагахъ покойнаго профессора. Онъ поѣхалъ къ Долгорукову утромъ. Владимиръ Андреевичъ встрѣтилъ его словами:

— Извините, Модестъ Яковлевичъ, я теперь не могу говорить о дѣлахъ; сегодня воскресенье, я хочу Богу молиться.

Модестъ Яковлевичъ отвѣчаетъ, что это хорошее дѣло, и просить позволенія итти вмѣстѣ помолиться Богу, чтобы онъ внушилъ князю желаніе и бодрость послѣ обѣдни заняться дѣломъ народной жизни.

Пошли.

Обѣдня кончилась.

— Но, Модестъ Яковлевичъ, я и теперь не могу заняться дѣлами: у меня пріемъ.

— Но, князь, я раньше другихъ вашихъ гостей пріѣхалъ. Позвольте мнѣ остаться вашимъ гостемъ.

— Ахъ, Боже мой, пожалуйте. Чего вамъ угодно—чаю или кофе?

Модестъ Яковлевичъ переждалъ ухода всѣхъ посѣтителей и, когда всѣ ушли, опять заговорилъ о театрѣ.

— Но, помилуйте, Модестъ Яковлевичъ,—сказалъ князь,—неужели вы не хотите дать мнѣ отдохнуть, вѣдь я не каторжный, чтобы по праздникамъ не имѣть покоя?

— Но, вѣдь, и я, князь, не каторжный, а, какъ видите, живу въ деревнѣ и нарочно пріѣзжаю сюда, чтобы переговорить съ вами.

— Неужели же нельзя отложить до другого раза?

— Нельзя, потому что завтра 31-е іюля, а мы относительно театра ничего не добились.

— Да чего вы такъ хлопочете? Ну, переждемте двѣ недѣли.

— Переждать значитъ не добрать тысячь десять—двѣнадцать и не уплатить долга, за который комиссія ручалась. Этакъ насъ могутъ въ яму посадить!

— Ну, что же,—сѣется князь,—я вамъ туда буду отличные обѣды присылать.

— Обѣды?!... но вы забываете, князь, что вы—нашъ почетный предсѣдатель, и что если насъ посадятъ, то и вамъ придется итти съ нами.

— Ну, вотъ,—говорить Долгоруковъ,—генераль-губернатора-то?!

— А развѣ для генераль-губернаторовъ законъ о долгахъ другой? Я этого не слыхалъ.

— Ну, ну, потолкуемъ. Чего же вы хотите?

Модестъ Яковлевичъ выразилъ желаніе просить о разрѣшеніи продлить существованіе театра на сентябрь для пополненія дефицита, на что князь согласился и просилъ написать проектъ такой просьбы, что, конечно, было исполнено.

Въ Петербургъ хлопотать о дѣлахъ театра генераль-губернаторъ послалъ М. И. Писарева, вручивъ ему и вышеупомянутую просьбу. Когда Модестъ Явановичъ послѣдній разъ видѣлся съ Тимашевымъ по поводу представленій «Ревизора», то онъ еще тогда поднималъ вопросъ объ учрежденіи въ Москвѣ постоянного народнаго театра.

Въ виду успѣха и полезной дѣятельности театра политехнической выставки, Александръ Егоровичъ отнесся къ этому проекту весьма сочувственно и разрѣшилъ начать его разработку.

Вслѣдствіе этого можно было рассчитывать на успѣхъ миссіи Писарева, тѣмъ болѣе, что она была направлена самимъ московскимъ генераль-губернаторомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ присоединили свои заключенія о пользѣ народнаго театра для бѣднѣйшихъ и среднихъ классовъ населенія большихъ городовъ. Предполагалась даже особая комиссія по этому вопросу. Казалось, чего больше? Однако нашелся грозный противникъ, который выступилъ въ видѣ казенныхъ театровъ. По причинамъ, разсмотрѣніе которыхъ не входитъ въ задачу нашего очерка, министерство двора, прежде чѣмъ составилась предполагаемая комиссія, успѣшило удовлетворить поспѣвшее кстати прошеніе князя Урусова и С. В. Танѣева о разрѣшеніи имъ общедоступнаго театра въ Москвѣ.

Вскорѣ послѣ закрытія политехнической выставки окончилъ свое существованіе и народный театръ.

Въ теченіе восьми мѣсяцевъ своего существованія онъ далъ со всѣми остальными статьями восемь тысячъ дефицита, считая тутъ и затраченный капиталъ; затѣмъ дума продала его за 22 тысячи, благодаря чему получилось 12 тысячъ барыша.

Такимъ образомъ внѣшняя сторона не оставляла желать ничего лучшаго. Что касается до стороны внутренней, то ея успѣхъ нагляднѣе всего выражается тѣмъ, что газеты, ругавшія поголовно все на Варварской площади, подъ конецъ начали смягчаться и

переходить въ менѣе ожесточенный и личный тонъ. Не сочувствовавшіе сначала самой идеѣ стали дѣлать оговорку, что, «вполнѣ сочувствуя идеѣ, но обладая полнымъ безпристрастіемъ, не могутъ не ругать исполненія этой идеи и самихъ ея исполнителей», при чемъ, конечно, болѣе всего комковъ грязи легло въ «народолюбца» Киттары.

Воскресный номеръ (158) «Петербургскаго Листка» помѣстилъ въ своемъ театральномъ отдѣлѣ сводъ мнѣній и отзывовъ о народномъ театрѣ изъ «Голоса» и изъ «Русскаго Мира», снабдивъ своимъ личнымъ вступленіемъ и заключеніемъ.

«Русскій Миръ» говорилъ въ своей корреспонденціи, что «публика, посѣщавшая народный театръ, съ нетерпѣніемъ ждетъ открытія его (15 августа), и каждый, у кого есть гривенникъ или двугривенный, можетъ по-человѣчески провести свободное отъ занятій время».

«Голосъ» въ тотъ же день говорилъ: «лишенные всякихъ другихъ развлеченій, кромѣ тѣхъ, которыя доставляютъ имъ кабакъ и разныя «заведенія», московскіе рабочіе, мастеровые, приказчики немало обрадовались, когда узнали объ устройствѣ дешеваго театра, гдѣ за цѣну отъ 5 до 40 копеекъ можно провести цѣлый вечеръ не скучая и даже не безъ пользы».

Затѣмъ, переходя къ описанію того, какъ держитъ себя эта публика дешевыхъ мѣстъ, «Голосъ» находилъ, что ея сдержанности «немало способствуетъ, кромѣ совершенной новизны дѣла, и хорошій выборъ пьесъ и прекрасное въ большинствѣ случаевъ исполненіе ролей».

«Петербургскій Листокъ» съ своей стороны прибавлялъ, что «улучшеніе же быта рабочихъ и ремесленниковъ зависѣло почти исключительно въ удержаніи этого класса отъ пропоя заработанныхъ денегъ посредствомъ разумнаго развлеченія въ видѣ театра и читальни и наконецъ сбереженія въ видѣ устройства дешевой кухни и такой же чайной».

И такъ гнѣвъ былъ положенъ на милость, а главное исключительность господствовавшаго безпрекословно почти мнѣнія, что «улучшеніе быта» и т. д. зависеть единственно отъ увеличенія заработной платы и новаго основанія отношеній рабочаго къ хозяину, если не рушилось (что, конечно, совершенно невозможно вообще, а въ такой ничтожный промежутокъ времени въ особенности), то потерпѣло сильный толчекъ. И да благословитъ Богъ тѣхъ, кто своими боками далъ этотъ толчекъ. Больно бокамъ было, конечно, машина вѣдь прежесткая и прекрѣпкая, но ударъ все же, тѣмъ не менѣе, не остался безъ результата.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о репертуарѣ народнаго театра. Какъ мы видѣли, онъ открылся «Дѣдушкой русскаго флота» и «Ревизоромъ», и эти пьесы шли подъ рядъ четыре раза.

Послѣ нихъ поставили «Бѣдность не порокъ» и «Ночное» и тоже четыре раза подъ рядъ. Изъ четырехъ пьесъ получались извѣстныя комбинаціи, но разъ шла новая пьеса, то она повторялась три-четыре раза. Эта система была принята въ народномъ театрѣ, чтобы дать возможность увидѣть извѣстную пьесу большому количеству народной публики. За время политехнической выставки было дано 103 утреннихъ и вечернихъ спектакля и представлено было 26 пьесъ, въ числѣ ихъ «Ревизоръ», «Недоросль», «Чужое добро въ прокъ не идетъ», «Смерть Ляпунова», 2 пьесы Чаева, 2 Чернышева, 5 пьесъ Островскаго и 11 водевилей. Въ репертуаръ входила также и опера, которую организовалъ для народнаго театра профессоръ Московской консерваторіи Н. А. Губертъ. Шли по нѣскольку разъ «Жизнь за царя» и «Русалка». Далѣе состоялось 2 народныхъ концерта подъ управленіемъ князя Ю. Голицына¹⁾, и, кромѣ того, почти послѣ каждого спектакля устраивался дивертисментъ, или «пѣніе и пляски», какъ значилось въ афишахъ: исполнялись русскія пѣсни и пляски, а также произведенія тѣхъ композиторовъ, которые писали въ народномъ жанрѣ.

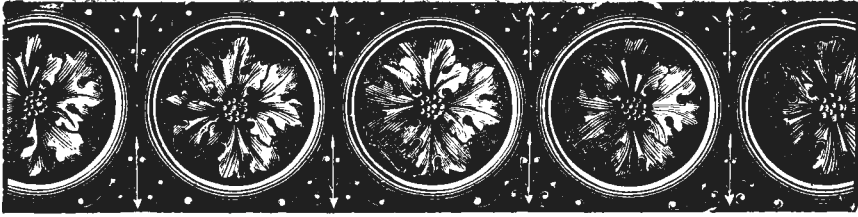
Такова въ общихъ чертахъ исторія народнаго театра Московской политехнической выставки. По окончаніи ея онъ былъ переименованъ въ общедоступный и перешелъ въ руки князя О. М. Урусова и С. В. Танѣева, но это былъ уже театръ не народный...

Въ заключеніе нельзя не высказать пожеланія, чтобы современные намъ народные театры, обильно плодящіеся по всему лицу нашей обширной родины, хотя бы чѣмъ нибудь почтили своихъ первыхъ печальниковъ, основателей московскаго театра 1872 года и во главѣ ихъ «народолюбца» Киттары.

Д. Медвѣдевъ.

¹⁾ Князь Голицынъ пожертвовалъ на устройство оперы 1.500 рублей.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I) ¹⁾.

XIV.

Подозрительное письмо.

I.

ВГУСТЪ 1837 года былъ великолѣпенъ. Листва была совершенно зеленой, трава еще не успѣла пожелтѣть, и только солнце чаще стало покрываться перистыми, осенними облачками.

Въ городѣ замѣчалось необыкновенное оживленіе. Постоянно скромный и сумрачный, онъ пестрѣлъ теперь военными формами; на улицахъ взадъ и впередъ шмыгали повозки, купцы, солдаты, виднѣлись красивые экипажи.

Зданіе почтовой конторы съ утра до ночи ожидалось посѣтителеми, и почтовые чиновники едва могли удовлетворять требованія.

Дѣло въ томъ, что городъ въ то время являлся сборнымъ мѣстомъ для войскъ, представлявшихъ государю, а потому не странно было видѣть это оживленіе. На небольшомъ пространствѣ сосредоточивалось множество людей, лошадей, и все это говорило, ходило, двигалось...

Въ почтовой конторѣ царилъ давка, духота. Длинные вереницы стояли и ждали своей очереди. По преимуществу, это было просто-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІ, стр. 410.

народѣ, которое могло ждать, сколько потребуется, ждать безапелляционно, пока господинъ чиновникъ не находилъ нужнымъ со- благоволить выдать или получить корреспонденцію.

Съ привилегированными адресатами дѣло стояло лучше, и когда въ почтовую контору вошелъ штабсъ-ротмистръ Туранскій, то ему дали мѣсто пройти сквозь толпу, а почтовый чиновникъ засуетился и предоставилъ въ его распоряженіе свой собственный стулъ.

— Мнѣ есть письмо?—спросилъ Туранскій чиновника.

— Не могу знать... Вѣроятно, есть... Такое множество писемъ, что едва успѣваемъ справляться... Сейчасъ поищу...

И онъ принялся перерывать кипу писемъ самаго разнообразнаго формата и вида. Народъ стоялъ и ждалъ, изрѣдка скромно и благонамѣренно вздыхая.

Туранскій не могъ не видѣть, что онъ задерживаетъ толпу.

— Позвольте, я самъ поищу!—сказалъ онъ.—Вы дѣлайте свое дѣло... Я разберусь...

— Будьте добры! Пожалуйста! Видите, сколько народу!—проговорилъ чиновникъ и предоставилъ въ распоряженіе Туранскаго огромную пачку.

Туранскій медленно сталъ перебирать письма, отыскивая знакомый почеркъ.

Онъ ждалъ письма отъ жены, которую онъ любилъ необыкновенно сильною любовью. Онъ былъ женатъ всего второй годъ. Передъ тѣмъ, какъ отправиться въ городъ, гдѣ онъ теперь квартировалъ съ полкомъ, онъ отправилъ съ болью въ сердцѣ свою жену къ ея родственникамъ, на югъ. И, какъ молодой мужъ, онъ состоялъ съ женой въ самой интимной и нѣжной перепискѣ.

Онъ ждалъ письма съ тѣмъ большимъ волненіемъ, что передъ самымъ почти отъѣздомъ жена сказала ему на ушко:

— Я, кажется...

— Что такое? Ради Бога, говори скорѣе... Что? что?

— Я чувствую, что я становлюсь матерью...

У Туранскаго сильно забилось сердце. Онъ сталъ разспрашивать, но ничего больше жена ему не могла отвѣтить. И теперь онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ выясненія вопроса, который его страшно волновалъ.

Туранскій сидѣлъ и медленно пересматривалъ письма. Почеркъ жены онъ могъ отличить изъ милліона почерковъ, и поэтому, когда передъ его глазами мелькнуло характерное «Е», онъ жадно схватилъ письмо и чуть было на глазахъ у всѣхъ не прижалъ его къ губамъ.

И въ ту же минуту онъ ясно увидалъ, что вслѣдъ за характернымъ «Е» идутъ какія-то странныя для Туранскаго буквы: вмѣсто его высокородія Туранскаго стоитъ «его высокородію Берайлову»...

Туранскій засмѣялся: конечно, онъ ошибся, это не почеркъ жены... Но это «Е»?...

И тотчасъ же, словно въ отвѣтъ ему, въ пачкѣ писемъ свернуло новое такое же характерное «Е» и уже на его, Туранскаго, имя.

— Не можетъ быть!—крикнулъ Туранскій.— Не можетъ быть!...

— Нашли-съ? —спросилъ его чиновникъ.— Я вашу фамилію видѣлъ...

Туранскій опомнился. Онъ сталъ пристально разглядывать оба письма, сравнивалъ почерки, и къ ужасу своему замѣчалъ, что почеркъ у обоихъ писемъ одинъ и тотъ же.

— Берайловъ! Берайловъ! — подумалъ Туранскій.— Значить, Берайловъ? А ребенокъ?

Ему вспоминалась улыбка жены при прощаніи, ея слезы, ея обѣщанія... шутка...

Онъ все еще не рѣшался распечатать письмо и смотрѣлъ на него молчаливо.

— Взять или положить? — подумалъ Туранскій.— Замѣтятъ? Э-э... все равно... Я не оставлю его здѣсь... Оно не дойдетъ по назначенію... Возьму.

И быстро, словно боясь, что у него отнимутъ письма, онъ положилъ ихъ въ карманъ, всталъ съ мѣста и, не отвѣчая на поклонъ чиновника, вышелъ изъ конторы.

Въ головѣ у него шумѣло, и передъ глазами выросли красные круги...

— Не можетъ быть!—шепталъ онъ про себя.— Вѣдь этого же не можетъ быть!

Онъ опустилъ руки въ карманъ, гдѣ лежали письма. И они обожгли его руку.

— И все-таки не можетъ быть... Нельзя вѣрить... Она не обманывала меня...

Туранскій остановился за угломъ, вынулъ одно письмо, разорвалъ конвертъ и прочелъ:

«Милый, я здорова и жива. Какъ поживаешь ты? Голова болить, и писать не могу».

Затѣмъ шли поклоны, поклоны безъ конца. И въ этихъ ничего не значащихъ словахъ и въ безконечныхъ поклонахъ Туранскій прочелъ цѣлую драму. Онъ остановился посреди тротуара и готовъ былъ заплакать.

Кто-то проходилъ мимо него, а онъ все стоялъ и читалъ строки письма.

Потомъ онъ опомнился и быстро разорвалъ другой конвертъ.

Не оставалось сомнѣнія, что и второе письмо написано рукою его жены.

«Милый и несравненный другъ мой! — такъ начиналось письмо на имя Берайлова.— Ты, мой безцѣнный... Я безпокоюсь о твоёмъ

здоровья... Я тебе писала два раза, и ты молчишь. Или ты забыл меня, твою?»...

— Чортъ, какъ осторожно! Ни подписи, ни имени! — прошепталъ Туранскій. — Какъ осторожно, проклятая!... Проклятая ты... Ненавижу... Подлая ты...

Онъ скомкалъ оба письма и швырнулъ ихъ въ пыль. И тотчасъ же испуганно подбѣжалъ и поднялъ ихъ съ земли, толкнувъ по дорогѣ торговку пирогами.

Онъ не оглядываясь пошелъ домой, высоко поднявъ голову. А торговка стояла и, сокрушенно поматывая головой, говорила въ слухъ:

— И какъ новы офицеры пьютъ, пьютъ... Инда даже на улицѣ швыряется бумажками... Ужъ пьютъ, пьютъ...

II.

— Что я буду дѣлать? Что мнѣ дѣлать? Неужели?... неужели же она?...

Туранскій пришелъ на квартиру, молча раздѣлся и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатамъ. Для него было понятно только одно: понятно, что его жена состоитъ въ перепискѣ съ Берайловымъ, понятно, что его жена беременна, но непонятно, насколько жена близка къ Берайлову, непонятно, насколько будущій ребенокъ жены—ребенокъ Туранскаго, а не Берайлова?

Онъ ходилъ по комнатамъ, мучительно потирая руки и повторяя:

— Неужели?... неужели же это правда?

Онъ боялся прикоснуться къ комочкамъ писемъ. Онъ боялся снова прочесть слова жены къ Берайлову, слова, въ которыхъ было много затаенной страсти.

— А для меня болитъ голова и не можетъ писать! Хорошо! Но она—моя жена, и я могу сдѣлать съ нею все, что мнѣ захочется! Я могу приказывать ей... Я запрю ее. Я вытребую ее и буду слѣдить за ней. Я вытравлю ее плоть... Да, да...

Онъ легъ на постель. Передъ нимъ всталъ образъ Берайлова. Это былъ живой и довольно красивый юноша, веселый, пьяница, картежникъ и безобразникъ.

— И такіе нравятся имъ... нравятся... Подлая!...

Берайловъ былъ близокъ къ дому Туранскаго и собирался жениться на сестрѣ жены Туранскаго. Онъ часто бывалъ въ домѣ, часто гостилъ у нихъ и проводилъ вечера въ отсутствіе Туранскаго. Туранскій не считалъ его соперникомъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ о бракѣ Берайлова съ сестрой жены былъ уже рѣшенъ, и Берайловъ ходилъ въ домъ на положеніи жениха.

— Какая гадость! Какая подлость! — повторялъ Туранскій и снова вскакивалъ съ постели. — Такъ нагло обманывать, обманы-

вать сразу двухъ человѣкъ... невѣсту и мужа... Какъ онъ смѣеть!. Такъ это не можетъ пройти для него! Я его накажу!

Берайловъ былъ другомъ Туранскаго. И Туранскій не скрывалъ отъ него ничего, не скрылъ онъ отъ него и беременности своей жены.

— Какъ онъ смѣялся надо мною! — проговорилъ Туранскій. — Боже, какъ онъ могъ зло смѣяться... Онъ имѣлъ къ тому полное право. Я ему рассказывалъ о беременности жены... Да быть можетъ, онъ зналъ объ этомъ раньше меня! О-о!..

Туранскій бросился на кровать и зарыдалъ, какъ только можетъ рыдать глубоко оскорбленный человѣкъ.

И вдругъ онъ поднялся съ перекошеннымъ лицомъ и сталъ быстро одѣваться.

— Я не оставлю такъ! Я покажу имъ обоямъ!.. Я научу ихъ уважать меня!

Туранскій вышелъ изъ дома.

III.

На квартирѣ у полковника Бѣлинковскаго было весело. Его жена читала что-то вслухъ. Лидочка, дочь Бѣлинковскаго отъ первой жены, заливалась громкимъ хохотомъ. Кругомъ нея сидѣли и стояли офицеры.

Всѣ веселились безпричинно и не скрывали своего веселья.

Когда въ комнату вошелъ Туранскій, всѣмъ почему-то стало неловко. Перестали смѣяться и молча поздоровались съ вошедшимъ. Самъ полковникъ посмотрѣлъ на Туранскаго и въ недоумѣніи проговорилъ:

— Что это ты, братецъ? Такой у тебя видъ?

— Нездоровится! — отвѣтилъ Туранскій, не глядя ни на кого.

— Аль отъ начальства досталось?

— Нѣтъ. Мнѣ надо переговорить съ вами, папаша?

— Переговорить? Пожалуйста... Что случилось? — и у Бѣлинковскаго нервно забѣгали рѣсницы. — Говори, пожалуйста.

— Мнѣ надо наединѣ... Пойдемте сюда...

— Что такое? И наединѣ? Пойдемъ, сдѣлай милость...

Бѣлинковскій и Туранскій вышли въ сосѣднюю комнату.

Туранскій медленно вынулъ изъ кармана одинъ конвертъ, потомъ другой, медленно разгладилъ ихъ и издали показалъ Бѣлинковскому.

— Скажите, папаша, чей это почеркъ? — спросилъ Туранскій, еле сдерживаясь отъ волненія. — Вы узнаете?

— Подвинь поближе... Не вижу! — отвѣтилъ Бѣлинковскій.

— Вы должны его знать! Посмотрите внимательно!..

— Теперь вижу... Это почеркъ Нади... Что она тебѣ пишетъ? Больна, что ли?

— Это бы еще ничего! Дѣло обстоитъ гораздо хуже!—отвѣтилъ Туранскій.

— Да не томи ты! Говори ради Бога!—взмолился Бѣлинковскій.—Что она пишетъ?

— Она пишетъ, что у нея болитъ голова, и она не можетъ много писать мвѣ...

— Ну, и что же? Почему же ты такой разстроенный? Говори же, пожалуйста...

— Я еще успѣю сказать... А теперь вотъ посмотрите: чье это письмо?

— Покажи поближе... Да что ты адресъ-то закрываешь? Не видать вѣдь...

— Вы и такъ видите... Чей это почеркъ?

— Кажется, тоже Нади... Дай-ка поглядѣть!

— Смотрите и наслаждайтесь!—Туранскій сунулъ конвертъ въ руки Бѣлинковскому.

Тотъ взялъ и съ недоумѣніемъ прочелъ адресъ на имя Берайлова.

— Поняли теперь?—спросилъ Туранскій.—Или для васъ требуются объясненія?

— По правдѣ сказать, я не совсѣмъ понимаю: какая можетъ быть переписка между Надей и Берайловымъ? Я что-то не понимаю!

— Я тоже мало понималъ, пока не прочелъ этого письма... Не угодно ли?

Туранскій подалъ письмо Бѣлинковскому. Старикъ взялъ его въ руки, и по мѣрѣ чтенія лицо его становилось суровѣе и суровѣе. Туранскій не спускалъ съ него глазъ, и, казалось, ему доставляло удовольствіе смотрѣть на волненіе старика.

— Теперь поняли, что означаетъ письмо?

— Ты его гдѣ же досталъ?—спросилъ старикъ.—Надѣюсь, ты его не укралъ?

— Это все равно. Важно, что письмо содержитъ въ себѣ выраженія такого свойства, что въ пору любовницамъ, а не порядочнымъ женщинамъ...

— Не забывайся!—крикнулъ старикъ.—Твое письмо ничего не доказываетъ.

— Конечно. Оно не доказываетъ, что у васъ есть дочь, которая, находясь замужемъ, въ то же время позволяетъ себѣ быть любовницей товарища мужа...

— Ты забываешься, говорю я!—закричалъ старикъ.—Это все требуетъ доказательствъ.

— Доказательства налицо. Не хотите ли вы, чтобы ваша дочь передъ всѣмъ міромъ засвидѣтельствовала и открыла свою связь съ Берайловымъ?

— Ты дуракъ!—отвѣтилъ старикъ, быстро поднялся и вышелъ изъ комнаты.

Туранскій захохоталъ. Онъ видѣлъ въ отворенную дверь, какъ Бѣлинковскій подошелъ къ своей женѣ и что-то сказалъ ей. Та поднялась съ мѣста и пошла къ Туранскому.

— Другъ мой!—сказала она.—Что у васъ вышло тутъ? У полковника лицо не лучше твоего! Отвѣть Бога ради...

— Я скажу вамъ. Это можно сказать всякому, тѣмъ болѣе вамъ. Она ваша падчерица, и вы менѣе всего повинны въ ея воспитаніи... Говорить долго не о чемъ. Ваша падчерица и моя жена состоятъ въ связи съ Берайловымъ...

— Что? Съ женихомъ Лидочки? Ты здоровъ ли? Что ты болтаешь!...

— Я болтаю! Убѣдитесь, пожалуйста! Читайте и наслаждайтесь...

Туранскому видимо все это доставляло удовольствіе. Онъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ опять слѣдилъ за выраженіемъ лица Бѣлинковской.

— Ясно? Доказательствъ не требуется?—спросилъ онъ, когда чтеніе было окончено.

— Да! Это писала несомнѣнно она, Надя. Она всегда отличалась скверными манерами и была мало тактична... Я не разъ это высказывала. Да меня развѣ слушали? Говорили, что я придираюсь, какъ къ не своей дочери. Люди вездѣ и всегда люди. Но какая подлость со стороны Берайлова! Смущать Лидочку и въ то же время пользоваться расположеніемъ твоей жены... Вѣдь, она, кажется, беременна?

Эти слова кольнули Туранскаго.

— Замолчите вы! Не мучьте меня! Я знаю... я все знаю... Не тревожьте же меня. Я не затѣмъ пришелъ къ вамъ... Мучители, негодяи!..

Туранскій въ бѣшенствѣ сжалъ кулаки и стукнулъ ими по столу.

— Вы больны! Я не могу съ вами бесѣдовать. Лидочка! Подика сюда!

Вошла Лида, веселая, нарядная.

— Что у васъ тутъ? Вы всѣхъ гостей разогнали своими ссорами! Чего вы кричите?—спросила она и сѣла на стулъ.

— Вотъ спроси... его! Оказывается, твой женихъ, Берайловъ, позволяетъ себѣ такія вещи, что едва ли ты можешь рассчитывать на свадьбу...

— Что такое? Ничего не понимаю! Почему же моя свадьба должна разстроиться? Мы любимъ другъ друга... Онъ еще вчера говорилъ мнѣ объ этомъ. Что онъ сдѣлалъ?

— Онъ? Твой Берайловъ?—закричалъ Туранскій.—Онъ отнял у меня все: отнял жену мою... Онъ опозорилъ насъ всѣхъ... онъ...

Лидочка поняла и опустила голову.

— Но почему ты такъ думаешь?

— Имѣются неоспоримыя доказательства!—отвѣтила ей мать.—
Надя написала Берайлову письмо, въ которомъ она называетъ его
разными именами и прочее. Тебѣ это еще рано знать... Словомъ,
ты можешь спокойно разстаться съ нимъ. Онъ, по правдѣ ска-
зать, мнѣ не особенно нравился. И говорятъ, что онъ пьетъ
сильно...

— Что такое? И такъ сразу? Да объясните же мнѣ!..

— Ты дѣвушка, и тебѣ этого нельзя сказать...

— Но вѣдь если это меня касается, то я имѣю право выслу-
шать и знать все, что угодно. Пожалуйста, не стѣсняйтесь... И
Надька, вѣроятно, вретъ...

— Читай, моя милая!—отвѣтилъ Туранскій.—Читай! Это тебѣ,
быть можетъ, пригодится современемъ... Вы всѣ таковы...

— Не забывайте!—строго крикнула Бѣлинковская.— Вы
не смѣете оскорблять мою дочь. Я сама ее воспитывала... Не
смѣйте...

— Все равно, вы всѣ одинаковы. Вамъ нельзя показывать своей
любви. Вы—самки, подлая, рабскія самки... А этотъ Берайловъ—
негодяй. Онъ—подлецъ! Я его ненавижу. Я убью его. Мое счастье
стоитъ этого... Негодяй...

— Тихе! Онъ здѣсь!—сказала Лидочка Туранскому.

— Пусть онъ слышитъ!—продолжалъ кричать Туранскій.—
Пусть негодяи слышать свое настоящее названіе. Имъ рѣдко при-
ходится его слышать!

Въ это время Берайловъ уже стоялъ въ комнатѣ и блѣдный
слушалъ, что говорилъ Туранскій.

— Это ко мнѣ относится?—спросилъ онъ и поблѣднѣлъ еще
больше.

Туранскій ничего ему не отвѣтилъ и только скользнулъ взгля-
домъ по его фигурѣ. Мгновеніе онъ колебался и хотѣлъ бросить-
ся на своего противника, но сдержалъ себя и вышелъ изъ ком-
наты.

— Я спрашиваю: ко мнѣ это относится или нѣтъ?—повторилъ
Берайловъ и поглядѣлъ на Лидочку.

— Уйдите утсюда!—сказала она ему тихо.—Уйдите. Вы раз-
били счастье двоихъ. Вы — скверный, нечестный... Вы — обман-
щикъ!..

Она залилась слезами. Берайловъ недоумѣвая смотрѣлъ молча
то на Лидочку, то на ея мать, не понимая, что случилось.

— Милая Лидочка! я ничего не понимаю. Объясните же мнѣ...—
проговорилъ онъ.

— Ступайте прочь, противный, гадкій, нехорошій человѣкъ!
Берайловъ пожалъ плечами и вышелъ изъ комнаты.

IV.

Онъ постоялъ въ сосѣдней комнатѣ и, видя, что съ нимъ не хотятъ разговаривать, медленно пошелъ на улицу.

Около крыльца онъ замѣтилъ Туранскаго. Тотъ очевидно ждалъ его, и едва онъ появился, какъ Туранскій съ перекошеннымъ лицомъ приблизился къ нему.

— Не благоволите ли вы переговорить со мною?—спросилъ Туранскій.

— Я къ твоимъ услугамъ!—отвѣтилъ Берайловъ.—Я радъ выслушать, что случилось, и въ чемъ меня обвиняютъ.

— Ради Бога, бросьте вашъ дружескій тонъ. Я не желаю съ вами говорить на ты.

— Какъ угодно. Будемъ говорить на вы! Въ чемъ же собственно дѣло?

— Здѣсь людно. Пройдемте туда, въ сѣни.

— Куда угодно.

Они остановились въ полумракѣ сѣней.

— Я,—твердо выговорилъ Туранскій,—долженъ былъ бы васъ тотчасъ же оскорбить, но я не дѣлаю этого изъ уваженія къ самому себѣ...

— Вы меня уже оскорбили въ комнатѣ... Я хочу знать причину...

— Не торопитесь. Сейчасъ узнаете! Дѣло въ томъ, что сегодня совершенно случайно я узналъ, что вы состоите въ близкихъ, даже въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ къ моей женѣ...

— Я? Что вы говорите? Туранскій, въ умѣ ли ты? Опомнись!

И Туранскому показалось, что всѣ эти слова Берайловъ говоритъ съ цѣлью скрыть свое смущеніе. Оно уже проступило на лицѣ: онъ покраснѣлъ и не зналъ, на что глядѣть.

— Да, я имѣю доказательства, которыя не считаю нужнымъ вамъ предъявлять...

— Но это слишкомъ! Слишкомъ—я говорю!

— Еще бы не слишкомъ... Даже слишкомъ слишкомъ! Такъ порядочные люди не поступаютъ! Такъ поступаютъ подлецы и негодяи...

Туранскому хотѣлось, чтобы Берайловъ опровергалъ его, чтобы онъ клялся, что между нимъ и его женою нѣтъ никакой близости, что все дѣло—только случайность, неправда, что все это только недоразумѣніе, печальное недоразумѣніе.

Туранскому казалось, что онъ способенъ умолять Берайлова, чтобы тотъ громогласно заявилъ, что происшедшее вздоръ, что въ немъ нѣтъ ни доли правды.

— Вы хорошо бранитесь! — отвѣтилъ Берайловъ. — Но отсюда еще не слѣдуетъ, что ваша брань имѣетъ основанія. И я требую, чтобы вы предъявили мнѣ доказательства!

— Вотъ они! Вотъ письмо моей жены къ вамъ. О! тамъ она васъ называетъ такими именами, отъ которыхъ даже мнѣ, мужу, становится жарко...

— Увѣряю васъ, что это ошибка. Вы клеветаете на вашу жену, которая васъ такъ любитъ... Клянусь вамъ, что здѣсь одно недоуразумѣнiе, и мнѣ ничего не стоитъ разсѣять ваши сомнѣнiя:..

— Пожалуйста! Ради Бога! — хотѣлъ воскликнуть Туранскій и вмѣсто того сказалъ:

— Посмотримъ ваши доказательства.

— Покажите мнѣ письмо.

— Вотъ конвертъ! Видите, адресовано на ваше имя! Рука моей жены. Это признано всѣми: мною, ея отцомъ, мачехой, сестрой... Признайте и вы...

— Я вижу... Это — почеркъ вашей жены? Извините, никогда не имѣлъ удовольствiя видѣть почерка вашей жены. Это письмо и эта рука моей... сестры... Письмо получено, вѣроятно, изъ мѣстечка Богодухова... Она тамъ живетъ...

— Да, изъ Богодухова! Но тамъ живетъ моя жена!

— Въ Богодуховѣ довольно большое населенiе. Смѣю васъ въ томъ увѣрить...

— Не смѣйтесь надо мною! Я васъ предупреждаю, что я не позволю смѣяться...

— Я нисколько не смѣюсь. Позвольте мнѣ конвертъ, и я вамъ докажу, что письмо какъ разъ отъ моей сестры... Я отлично знаю ея руку...

— Отъ вашей сестры? Надѣюсь, отъ родной сестры?

— Да, отъ родной сестры... Мы съ ней въ перепискѣ уже нѣсколько лѣтъ...

— Такая дружба крайне трогательна... Но только я думаю, что вы лжете...

— Зачѣмъ я буду лгать? Только какимъ образомъ могло письмо попасть къ вамъ?

— Это — вопросъ второстепенный, и пока я не получу доказательствъ вашей правоты, я считаю васъ оскорбителемъ своимъ, съ которымъ разговоръ можетъ происходить только на оружii...

— На какомъ угодно и когда угодно, — спокойно уже сказалъ Берайловъ. — Я увѣренъ, что вы будете раскаиваться въ вашей опрометчивости...

Туранскому тонъ Берайлова показался слишкомъ наглымъ, слишкомъ спокойнымъ.

— Не морочьте меня! — крикнулъ онъ Берайлову. — Вы меня хотите увѣрить въ невозможномъ... И неужели ваша сестра, род-

ная сестра будетъ величать васъ безцѣннымъ, милымъ, несравненнымъ? Неужели вы состоите въ такой дружбѣ съ сестрой, что она беспокоится за ваше здоровье?

— Чего же особеннаго въ этихъ выраженіяхъ? — совершенно просто спросилъ Берайловъ.—Вѣдь мы нѣкоторымъ образомъ родственники, и каждому изъ насъ позволительно справляться о здоровьѣ другого. Не правда ли?

Туранскій испуганно поглядѣлъ на Берайлова. Правда, въ письмѣ не было буквально ничего особеннаго. Но вѣдь это было письмо жены....

— Вы ждете!—крикнулъ Туранскій.—И очень складно ждете!..

— Вы можете меня оскорблять, сколько угодно. На оскорбленія я не отвѣчаю тѣмъ же самымъ. Я выше этого!

— Вы ждете, ждете!.. Такъ спокойно не оправдываются! Не можетъ быть...

— Я вамъ еще не кончилъ доказывать. Я вамъ покажу письма моей сестры, предыдущія письма, и вы тогда убѣдитесь сами въ моей правотѣ...

— Ты лжешь, негодяй! Почеркъ жены моей признали всѣ. Понимаешь ты, что значить для меня это признаніе? Ну, я одинъ, самъ могъ ошибаться. Но не ошибаются всѣ остальные... Почеркъ ея знаютъ хорошо! Ты—негодяй!

Туранскій едва удержался, чтобы не ударить Берайлова, и тотчасъ же закрылъ уши и побѣжалъ въ комнаты.

Берайловъ снова постоялъ, пожалъ плечами и вышелъ на улицу.

V.

Для Туранскаго потянулись тяжелые дни. Онъ никуда не показывался и все время проводилъ въ постели, приводя въ порядокъ прошлое и настоящее.

Странное дѣло, но въ немъ уже не было прежней увѣренности въ томъ, что письмо, адресованное Берайлову, было отъ жены. Онъ допускалъ, что у жены и сестры Берайлова—сходные до тождественности почерки, онъ соглашался, что въ Богодуховѣ, кромѣ его жены, живутъ и другіе люди, онъ не сомнѣвался, что выраженія, употребленныя въ письмѣ, да и самое содержаніе письма вполне мыслимы среди родственниковъ и не представляютъ собою ничего особеннаго.

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не допускалъ также другой мысли: онъ былъ увѣренъ, что его жена ему измѣнила. Онъ выучилъ наизусть письмо. Онъ изучилъ всѣ очертанія буквъ, онъ по нѣсколько разъ въ день сличалъ письмо съ прежними и приходилъ къ несомнѣнности въ своемъ подозрѣніи.

И въ эти минуты злоба душила его, и онъ начиналъ пить. Пилъ онъ много и долго, пилъ до потери сознанія. Онъ обрызгъ, не брился и постарѣлъ.

Къ нему изрѣдка заходили товарищи по эскадрону, и каждому изъ нихъ онъ рассказывалъ подробности полученія письма. При этомъ ему не было стыдно передавать такія интимныя стороны сожителства съ женой, рассказывать такія подробности, отъ которыхъ становилось неприятно даже самымъ отчаяннымъ любителямъ скабрзностей.

На глазахъ у всѣхъ Туранскій опускался все ниже и ниже.

Исторію съ письмомъ знали уже всѣ въ городѣ, и когда его встрѣчали на улицѣ, то никто не удивлялся его растрепанному виду, его пьяной походкѣ и безсвязному крику.

Однажды, кагда онъ лежалъ на диванѣ съ закрытыми глазами, въ комнату вошелъ Вѣликовскій.

— Какъ тебѣ не стыдно?—сказалъ онъ при входѣ.—Ты позоришь и себя, и насъ!

— Васъ нельзя опозорить!—возражалъ Туранскій.—Вы уже достаточно опозорены вашей дочерью! Я хочу и буду пить...

— Но ты мало того, что пьешь. Ты позволяешь себѣ позорить свою жену: у тебя ничего нѣтъ, никакихъ доказательствъ, кромѣ самаго грубаго подозрѣнія...

— А вы мнѣ доказали противное? Благодарите Бога, что я не поѣхалъ еще къ женѣ и не убилъ ея. Но это скоро будетъ. Клянусь, это будетъ...

— Не сходи съ ума-то. А вотъ тебѣ и доказательство...

— Какое? Гдѣ?—вскрикнулъ Туранскій и приподнялся на диванѣ.

— Пока ты проводилъ время въ пьянствѣ, твоя жена прислала тебѣ письмо. Ну, погляди теперь, можетъ ли такъ писать измѣнница жена, и посравни кстати почеркъ ея...

— Покажите! Господи!... Неужели?...

Туранскій сталъ читать письмо. Оно было полно самыхъ нѣжныхъ именъ, оно дышало искренностью и любовью, изъ каждой строчки на Туранскаго глядѣло влюбленное лицо жены.

— Папаша! А что я вамъ скажу?—проговорилъ Туранскій, прочтя письмо.—Если меня не обманываютъ, то я готовъ просить прощенья у всѣхъ. Вѣдь я такъ хочу, чтобы я ошибался... И, пожалуй, даже почеркъ не совсѣмъ похожъ на тотъ, на Берайловскій...

— Ну, разумѣется... Ты просто погорячился и надѣлалъ глупостей! Вставай-ка и отправляйся въ баню. Выпарись хорошенько, а завтра пиши письмо женѣ да проси у нея прощенья...

— Прощенья? А если она меня обманула? а? Тогда что? Нѣтъ, я еще не совсѣмъ увѣренъ въ этомъ... И прощенья просить не стану... Ни за что...

— Какъ знаешь... Я ухожу... Подумай лучше... А завтра обѣдать приходи. Пирогі будутъ.

— Хорошо! Можетъ быть, я и приду... Посмотримъ тамъ!

А когда Бѣлинковскій вышелъ, Туранскій прижалъ письмо жены къ губамъ и зарыдалъ. И на душѣ у него стало легче.

VI.

Туранскій рѣзко измѣнилъ свое поведеніе. Онъ прежде всего написалъ женѣ письмо, гдѣ онъ подробно изложилъ всѣ свои подозрѣнія, и скоро получилъ отвѣтъ, полный негодованія и незаслуженнаго оскорбленія. Это письмо его окончательно убѣдило, и онъ примирился съ прошедшимъ.

Одно его безпокоило: возможная встрѣча съ Берайловымъ. Что-то осталось у него противъ этого красиваго и подвижнаго поручика, и его видъ привелъ бы Туранскаго въ бѣшенство.

— Все кончено! Я ее люблю! А тамъ пройдетъ два-три мѣсяца, и я отецъ моего, собственнаго моего ребенка. Какъ хорошо сознавать себя отцомъ...

Туранскій рѣшилъ теперь показываться въ обществѣ въ качествѣ кающагося грѣшника и загладить свое поведеніе. Онъ часто заживалъ къ товарищамъ, посѣщалъ лагерь и старался казаться веселымъ!..

Въ одно изъ такихъ лагерныхъ посѣщеній къ нему подошелъ денщикъ.

— Ваше благородіе, васъ мой баринъ приказали просить, — сказалъ ему солдатъ.

— Какой баринъ?

— Ихъ благородіе, поручикъ Берайловъ.

— Къ чорту ступай! — выкрикнулъ Туранскій. — Ступай къ чорту!..

Но солдатъ не слушалъ и продолжалъ говорить:

— Они просили у васъ отдать имъ письмо, то, стало быть, которое они приказали.

— Я говорю тебѣ: пошелъ къ чорту! И ты уходи лучше, пока я не разсердился. Подъ судъ пойдешь, если не послушаешься...

— Что же прикажете сказать барину моему?

— Убирайся къ чорту!

— Слушаюсь! Тогда они приказали, чтобы вы сами изволили къ нимъ пожаловать. У нихъ, сказывали они, дѣло къ вамъ есть, важное, быдто, дѣло...

— Ступай же къ самому чорту, каналья! — закричалъ Туранскій, и денщикъ тотчасъ же скрылся.

Инцидентъ съ денщикомъ взволновалъ его. Онъ нахмурился и собрался было уже уходить домой, какъ вдругъ въ ту же минуту въ палаткѣ, гдѣ онъ находился, появился самъ Берайловъ.

Туранскій не ждалъ его появленія, и при видѣ его онъ растерялся.

— Благоволите удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ,—вѣжливо сказалъ Берайловъ.—Я имѣю право на ваше вниманіе...

— Что вамъ отъ меня угодно?

— Благоволите удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ наединѣ...

— Гдѣ прикажете?

Они вышли изъ палатки.

— Я вамъ долженъ замѣтить, что послѣ всего происшедшаго я не могу чувствовать себя спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Своими подозрѣніями вы причинили мнѣ слишкомъ много огорченій, чтобы я могъ спокойно отойти отъ васъ и не имѣть съ вами никакого дѣла...

— Что вамъ угодно отъ меня?

— Прежде всего прошу говорить со мной спокойно и не возвышая голоса...

— Дальше, дальше!...

— А затѣмъ благоволите пожаловать ко мнѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что письмо, которое вы изволили похитить изъ конторы, есть письмо, адресованное ко мнѣ моей родной сестрой. Надѣюсь, что вы ничего не имѣете противъ?

Туранскому захотѣлось расцѣловать Берайлова. Еще бы! Онъ самъ приходилъ къ нему на помощь и хотѣлъ разрушить всякіе остатки подозрѣній.

— Я готовъ итти за вами,—сказалъ онъ.

И молча, не говоря другъ съ другомъ, они пришли на квартиру Берайлова.

— Сейчасъ я вамъ покажу свои письма... Василій! — позвалъ Берайловъ денщика.—Гдѣ здѣсь лежали три конверта?

— Не могу знать!—отвѣтилъ денщикъ.—Я никогда здѣсь конвертовъ у васъ никакихъ не видалъ...

— Что врешь, дуракъ! Такіе конверты, еще съ каймою... Они здѣсь лежали на столѣ...

— Никогда такихъ не видывалъ у васъ.

— Я тебѣ еще приказывалъ ихъ беречь! Ты отчего же меня не послушался? Сжегъ ихъ, что ли? Говори же, собака!

— Знать не знаю, что за конверты такіе! И отъ васъ никакого приказанія не получалъ. Чубукъ точно, вы приказывали беречь, и онъ вотъ лежитъ, а что насчетъ конвертовъ, то это никакъ нѣтъ...

— Маршъ! Пошелъ прочь!.. Подъ арестъ ступай, дубина! Сію же минуту!..

- А все-таки скажу, что конверты не приказали беречь... Денщикъ ушелъ.
- Этотъ негодяй ихъ истребилъ на что-то. Я его накажу...
- Да, да... наказать надо... — сказалъ Туранскій и поднялся съ мѣста.
- Виновать! Еще минутку...—остановилъ его Берайловъ.
- Что еще? Опять искать конверты будете? Не трудитесь... Не стоитъ...
- Я вамъ докажу!
- Право, не трудитесь! Охота вамъ...
- Нѣтъ, позвольте. Вы меня неоднократно уже оскорбляли. И по долгу чести я требую отъ васъ удовлетворенія...
- Удовлетворенія? Драться? Съ вами? Нѣтъ, я не стану! — твердо выговорилъ Туранскій.—Я себя слишкомъ уважаю, чтобы выходить съ вами на поединокъ...
- Вы выйдете, говорю я вамъ! — крикнулъ Берайловъ. — Вы обязаны! Вы меня опозорили, оскорбили. Я не могу этого оставить такъ... И вы мнѣ дадите удовлетвореніе сейчасъ же, не выходя отъ меня...
- Я не стану драться съ вами,—повторилъ Туранскій.
- Вы должны...
- Не стану, потому что не считаю себя обязаннымъ драться съ господиномъ...
- Вы—подлецъ и трусъ! Вы меня оттолкнули изъ-за подозрѣній отъ сестры вашей жены. Да, наконецъ, еще не доказано, что ваша жена не была со мною...
- Молчать!—крикнулъ внѣ себя Туранскій. — Давайте ваше оружіе! Я готовъ...
- Берайловъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ пистолеты.
- У меня нѣтъ пуль... Не побрезгуйте пуговицами!—проговорилъ Берайловъ.
- И съ этими словами онъ оторвалъ отъ мундира пуговицу, приплюснулъ ее молоткомъ и вложилъ въ пистолетъ. То же самое продѣлалъ и Туранскій.
- Потомъ противники кинули жребій. Выстрѣлъ достался Туранскому.
- Они разошлись въ разные углы. Туранскій, не прицѣливаясь, выстрѣлилъ въ потолокъ и съ любопытствомъ поглядѣлъ, гдѣ засѣла пуля.
- Я считаю вашъ выстрѣлъ за выстрѣлъ!—выговорилъ, волнуясь, Берайловъ и, наведя пистолетъ, сказалъ: —я не такъ великодушень...
- Раздался второй выстрѣлъ, и Туранскій медленно опустился на полъ.

— Я вамъ цѣлилъ въ ногу...—сказаль Берайловъ, поддерживая Туранскаго.

— Въ ногу и попало,—отвѣтилъ тотъ.

— Я вамъ сейчасъ перевяжу!..

VII.

По обыкновенію, дуэлянты заявили начальству, что выстрѣлъ въ ногу Туранскому произошелъ по нечаянности при зарядженіи пистолета, и по обыкновенію же этому не повѣрили и назначили надъ дуэлянтами судъ.

Случай былъ слишкомъ простъ, чтобы на немъ долго останавливаться.

Отмѣтимъ одну характерную подробность: судъ былъ на сторонѣ дуэлянтовъ и призналъ ихъ виновными «въ производствѣ ссоры», за что и назначилъ имъ лишеніе дворянства; за дуэль же «оставилъ виновныхъ въ сильномъ подозрѣніи».

Аудиторіатскій департаментъ пришелъ къ другому рѣшенію. Онъ призналъ Берайлова болѣе виновнымъ и назначилъ ему за дуэль лишеніе чиновъ, написаніе въ рядовые и предписаль опредѣлить на службу рядовымъ, по распоряженію инспекторскаго департамента. Что же касается суда, который, несмотря на ясныя доказательства дуэли, оставилъ виновныхъ только въ сильномъ подозрѣніи, то департаментъ предлагаль примѣнить къ нему выговоръ.

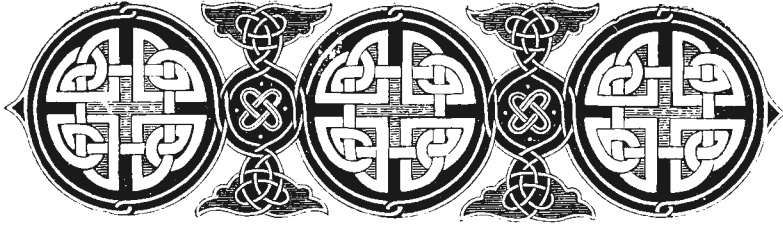
Высочайшая конфирмація по дѣлу послѣдовала 17 (29) августа 1838 года, въ Мюнхенѣ. Въ конфирмаціи значилось:

«Штабсъ-ротмистра Туранскаго продержать еще мѣсяць на гауптвахтѣ и потомъ, вмѣнивъ судъ и арестъ въ наказаніе, обратитъ вновь на службу. А въ прочемъ быть по сему».

Старое архивное дѣло на даетъ намъ возможности высказаться положительно, было ли письмо, адресованное Берайлову, отъ жены Туранскаго или отъ сестры Берайлова. Но по нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что письмо было дѣйствительно отъ Туранской, и только особый душевный процессъ спасъ Туранскаго отъ дальнѣйшихъ явленій болѣзненнаго свойства.

Этотъ случай, однакоже, не помѣшалъ супругамъ Туранскимъ потомъ примириться окончательно.

Н. И. Фалѣевъ.

ЗАМѢТКИ ПРИСЯЖНАГО ЗАСѢДАТЕЛЯ.

I.

НОГО разъ мнѣ приходилось выступать на уголовныхъ сессіяхъ N—скаго окружнаго суда въ роли присяжнаго засѣдателя. За это время у меня накопилось много различныхъ наблюденій, которыми я и хочу подѣлиться съ читателями въ настоящихъ замѣткахъ.

Присяжничать мнѣ все время пришлось въ губернскомъ городѣ N. Не буду называть этотъ городъ его настоящимъ именемъ, чтобы нечаянно не задѣть чьего нибудь самолюбія или не надѣлать переполоха въ мѣстномъ обществѣ, боящемся печатнаго слова, скажу только, что это—городъ довольно чистоплотный, сравнительно культурный и живописно расположенный на берегу многоводной рѣки Волги. Въ обширномъ зданіи N—скаго окружнаго суда меня стлживала судьба съ совершенно незнакомыми до и послѣ этого людьми, но стлживала и даже на извѣстное время объединяла для одного и того же общаго и великаго дѣла. Много за время моего присяжничества прошло передъ моими глазами самыхъ разнообразныхъ преступленій, начиная отъ наивныхъ, совершенныхъ по невѣжеству и легкомыслію, и кончая леденящими кровь ужасными звѣрствами закоренѣлыхъ преступниковъ; много промелькнуло и лицъ этихъ преступниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые находятся теперь въ далекой сибирской глуши. Но совѣсть не упрекаетъ меня, какъ, вѣроятно, не упрекаетъ и моихъ сотоварищей-присяжныхъ засѣдателей, ибо мы все-

гда поступали по совѣсти, поступали такъ, какъ намъ подсказывало внутреннее убѣжденіе. Но буду говорить обо всемъ по порядку.

Идея присяжничества, безъ сомнѣнія, идея важная, высоко-нравственная, почему и званіе присяжнаго засѣдателя можно назвать званіемъ лестнымъ и почетнымъ. Но, къ сожалѣнію, нашъ народъ и, главнымъ образомъ, купцы смотрятъ на отбытіе присяжничества, какъ на исполненіе неприятной для себя обязанности, и зачастую стараются ея избѣжать. Я помню нѣсколько случаевъ, когда выбранные въ присяжные засѣдатели купцы подавали въ судъ медицинскія свидѣтельства врачей о болѣзни и пускали въ ходъ всѣ легальные и нелегальные способы, чтобы только освободиться отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Однажды на этой почвѣ даже произошелъ слѣдующій курьезный случай. Въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, избранныхъ на октябрь мѣсяць, былъ мѣстный купецъ Поповъ. За нѣсколько дней до начала сессіи онъ подалъ въ окружный судъ заявленіе, въ которомъ, указывая на невозможность оставить свои торговыя дѣла, просилъ на основаніи этого освободить его отъ присяжничества. Но судъ не уважилъ ходатайства Попова, и послѣднему волей-неволей пришлось явиться. Однако, передъ началомъ судебныхъ засѣданій онъ еще разъ просилъ судъ освободить его, ссылаясь при этомъ на свою малограмотность, но когда судъ отказалъ ему и въ этомъ, то еще попытался ходатайствовать о перечисленіи его присяжнымъ засѣдателемъ на слѣдующую сессію. Но и такое ходатайство было отвергнуто судомъ, и Попову пришлось покориться своей участи. Пробывъ первый день въ засѣданіи, онъ на другой день не явился и прислалъ медицинское свидѣтельство какого-то врача о хронической болѣзни уха (?). Само собою, что такую причину неявки судъ нашелъ незаконною и приговорилъ Попова къ денежному взысканію въ размѣрѣ пятидесяти рублей. Приведенный фактъ, полагаю, достаточно хорошо иллюстрируетъ отношенія нѣкоторыхъ лицъ изъ купечества къ исполненію такой важной гражданской повинности. И это тѣмъ болѣе грустно, что, стараясь сами освободиться отъ нея, такіе люди также неодобрительно смотрятъ на отлучку для присяжничества и своихъ служащихъ, хотя отлучка эта рѣдко продолжается болѣе 6—7 дней. Казалось бы, что въ такой короткій промежутокъ времени купецъ не можетъ отъ отлучки двухъ-трехъ своихъ служащихъ понести значительныхъ убытковъ въ торговлѣ, но, тѣмъ не менѣе, факты остаются фактами. Свое странное отношеніе къ присяжничеству купцы стараются объяснить отчасти якобы своей некомпетентностью въ сферѣ судопроизводства, а отчасти боязнью убытковъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ, могущихъ послѣдовать отъ ихъ отлучки. Но мнѣ думается, что такіа объясненія парадоксальны,

такъ какъ стараніе избѣжать присяжничества вызывается не столько своей некомпетентностью, не столько торговыми убытками (вѣдь отлучаются же они по своимъ дѣламъ и на болѣе продолжительное время), сколько рутинною взглядомъ, и именно только одной рутинною взглядомъ. Каждому извѣстно, что для присяжнаго засѣдателя не требуется никакого спеціальнаго знанія, никакой компетентности въ юридической области судопроизводства, а нужно лишь трезвое отношеніе къ дѣлу, нужно вниманіе и, что главное, «житейская» правда. Но какъ бы то ни было, а случаи неявки присяжныхъ засѣдателей неизбѣжно повторяются каждую сессію, и съ этимъ явленіемъ ничего не могутъ подѣлать даже репрессивныя мѣры въ видѣ наложенія крупныхъ денежныхъ штрафовъ.

Но вотъ приглашенные на время сессіи присяжные засѣдатели собираются въ своей «сборной» комнатѣ. Первое время они чувствуютъ себя въ жилищѣ Гемиды какъ-то неловко, плохо знакомятся и не то, чтобы сторонятся другъ друга, а, вѣрнѣе сказать, присматриваются и прислушиваются другъ къ другу. Но эта неловкость обыкновенно исчезаетъ послѣ нѣсколькихъ засѣданій, и къ концу перваго или рѣже втораго дня присяжные засѣдатели—уже свои люди, знающіе другъ друга по именамъ и отчествамъ и свободно разговаривающіе не только о вопросахъ присяжничества, но и о своихъ личныхъ дѣлахъ.

Но еще важнѣе и пріятнѣе, что между присяжными я ни разу не замѣчалъ рѣзкихъ сословныхъ различій. Всѣ они въ сборной комнатѣ—равные между собою люди. Здѣсь не отдается предпочтенія ни дворянину, ни чиновнику, ни богачу,—всѣ здѣсь равны передъ высшею силою—закономъ, всѣ здѣсь дѣляютъ только «человѣка».

Обязанность присяжныхъ засѣдателей, какъ извѣстно, состоитъ въ опредѣленіи вины или невиновности подсудимаго по своему внутреннему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Таковъ и точный смыслъ 804 статьи устава уголовного судопроизводства. Слѣдовательно, чтобы не быть нравственно отвѣтственными за отвѣты, отъ которыхъ всецѣло зависитъ участь подсудимыхъ, и не испытывать впослѣдствіи отъ послѣдствій рѣшеній угрызений совѣсти, присяжные засѣдатели должны тщательно слѣдить за ходомъ судебного слѣдствія, запоминать показанія свидѣтелей и обращать особенное вниманіе на мотивы, побудившіе подсудимаго къ преступленію. Вотъ три важныхъ правила, которыми долженъ руководствоваться каждый присяжный засѣдатель. Но, конечно, каждый человѣкъ отличается своей индивидуальностью взглядомъ. Точно такая же индивидуальность возрѣнія на преступленія, преступниковъ и законъ наблюдается и среди присяжныхъ. И по личному характеру

и по воззрѣніямъ на преступленія присяжныхъ засѣдателей можно раздѣлить на три группы: «строгихъ», «гуманныхъ» и «среднихъ». Первые—это лица, строго придерживающіяся «формальной правды», видящія въ каждомъ преступникѣ не только врага общественной безопасности, но какъ будто даже и личнаго врага, которому поэтому отнюдь не слѣдуетъ давать помилованія или снисхожденія, а, напротивъ, необходимо возможно строже карать. Къ второй группѣ принадлежатъ поклонники одной лишь житейской правды и сознательные отрицатели правды формальной, смотрящіе на преступника съ гуманной точки зрѣнія, какъ на несчастнаго, ненормальнаго человѣка, и потому склонные болѣе къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію. «Средніе»—это такіе присяжные, которые не проявляютъ никакого активнаго участія при рѣшеніи участи обвиняемаго и ограничиваются односложными отвѣтами: «да, мы, какъ вы, такъ же согласны» или «мы согласны съ вами»... Путемъ наблюденій я пришелъ къ заключенію, что къ первой группѣ чаще всего принадлежитъ молодежь, знакомая съ жизнью только теоретически и видящая въ преступникѣ не человѣка, а прежде всего гнойный нарывъ на тѣлѣ общества, который необходимо удалять; къ второй—лица, получившія солидное образованіе, и люди, умудренные житейскимъ опытомъ, и къ третьей—всѣ остальные присяжные, неглижирующие своими обязанностями. Къ числу таковыхъ относятся купцы стараго закала и неграмотные крестьяне. Естественно поэтому, что отъ преобладающаго элемента лицъ, принадлежащихъ къ той или другой группѣ, въ составѣ присяжныхъ засѣдателей, зависятъ и результаты приговоровъ. Кромѣ того, громадное значеніе для присяжныхъ засѣдателей имѣетъ также и выборъ старшины, какъ ихъ главнаго руководителя. Дѣло въ томъ, что старшины бываютъ тоже разные: одни смотрятъ на свою роль серьезно и потому относятся къ ней вполне добросовѣстно, другіе же считаютъ эту обязанность лишь формальностью. Различіе ихъ особенно рѣзко подчеркивается въ совѣщательной комнатѣ. Старшина добросовѣстный здѣсь играетъ роль настоящаго руководителя. Онъ тщательно слѣдитъ въ залѣ судебныхъ засѣданій за ходомъ судебного слѣдствія и въ совѣщательной комнатѣ толково разъясняетъ присяжнымъ все для нихъ непоятное, онъ умѣло руководитъ преніями, призывая къ участию рѣшительно всѣхъ присяжныхъ. Старшина же формалистъ вообще относится къ своей роли халатно и при совѣщаніяхъ ограничивается лишь нѣсколькими голосами присяжныхъ говоруновъ. Такіе старшины, само собою, весьма нежелательны, что хорошо сознаютъ и сами присяжные, но, конечно, выбрать хорошаго старшину не всегда представляется возможнымъ. Какъ мнѣ приходилось замѣчать, лучшими изъ нихъ оказываются или лица съ солиднымъ образованіемъ и житейской опытностью, или же и безъ образованія, но

съ житейской опытностью и принадлежащія къ партіи гуманистовъ. Мы, напримѣръ, часто выбирали старшиною учителя мѣстной гимназіи, прекраснаго старичка-гуманиста. И хорошо, и легко было съ нимъ присяжничать: онъ такъ умѣлъ улавливать всё, даже мельчайшія, подробности дѣла, такъ ясно и популярно излагалъ мотивы преступленія и объяснялъ все малопонятное, что присяжнымъ нечего было болѣе спрашивать и дополнять. Онъ требовалъ, чтобы положительно всё присяжные высказывали свое мнѣніе. «Часто,—говорилъ онъ,—бываетъ, что присяжный здѣсь сидитъ и молчитъ, а потомъ гдѣ нибудь въ частномъ разговорѣ такое выскажетъ оригинальное и важное сужденіе о дѣлѣ, что только руками разведешь. Поэтому, господа, необходимо каждому изъ насъ высказывать свое личное мнѣніе, чтобы потомъ не ошибиться въ приговорѣ». И зато мы всегда были вполне солидарны съ мнѣніемъ старшины. Даже тѣ изъ присяжныхъ, которые принадлежали къ партіи «строгихъ» и принципиально не были согласны съ мнѣніемъ старшины, не рѣшались, однако, вступать съ нимъ въ пререканія, да если и вступали, то всегда оказывались побѣжденными. И никакихъ затрудненій, никакихъ споровъ при постановкѣ рѣшенія во время старшинства учителя у насъ не случалось. Но какъ-то мы выбрали въ старшины человѣка съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. И что же? Хорошій цивилистъ, отличный ораторъ, онъ, однако, оказался очень плохимъ старшиною, не могъ дать присяжнымъ безпристрастнаго и общедоступнаго резюме, путался, отклонялся въ сторону и вступалъ въ совершенно излишніе и вредные диспуты. Такимъ образомъ, является очевиднымъ, что въ роли старшины присяжныхъ болѣе полезнымъ будетъ человѣкъ, знакомый съ реальной жизнью, чѣмъ человѣкъ, хотя и съ высшими, но теоретическими познаніями. Житейская опытность для присяжнаго—это главное мѣрило его сужденій. Такое предположеніе я могу подтвердить слѣдующимъ фактомъ. Раза 3—4 мнѣ приходилось бывать на сессіяхъ вмѣстѣ съ однимъ крестьяниномъ-старичкомъ, по фамиліи Фроловымъ. Это былъ совершенно неграмотный мужичокъ, лѣтъ 50—55, изъ глухой и отдаленной отъ города деревнишки. И, однако, несмотря на свою неграмотность, онъ являлся однимъ изъ лучшихъ и толковыхъ присяжныхъ засѣдателей. Его вниманіе и умѣнье схватывать всё детали было поразительно, и мы нѣсколько разъ предлагали быть ему старшиною, но мужичекъ упорно отказывался. Во время судебныхъ слѣдствій онъ иногда затрагивалъ такіе вопросы, которые безъ него, вѣроятно, никому бы изъ насъ не пришли въ голову, а между тѣмъ имѣли громадное значеніе въ выясненіи причинъ преступленія. Такъ, напримѣръ, однажды слушалось дѣло о растратѣ имущества. Скамью подсудимыхъ заняла еще сравнительно молодая, 35—36 лѣтъ, женщина-мѣщанка. Об-

винаясь она въ томъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ растрчивала ввѣренное ей, какъ опекуншѣ, на храненіе движимое имущество, оставшееся послѣ ея умершей сестры. Растрчено имущества было болѣе, чѣмъ на сумму 300 рублей, и виновной грозила за это или ссылка въ Сибирь, или отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Изъ признанія самой подсудимой и цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній были добыты слѣдующія данныя преступленія. Потаповой (фамилія подсудимой) было сдано на храненіе разное движимое имущество, оставшееся послѣ ея умершей сестры и оцѣненное въ 1.500 рублей. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ до свѣдѣнія другихъ родственниковъ умершей дошелъ слухъ, что Потапова имущество растрчиваетъ, вслѣдствіе чего послѣдніе съ разрѣшенія сиротскаго суда произвели повѣрку имущества. По повѣркѣ оказалось, что имущества не хватаетъ болѣе половины, при чемъ большая часть его заложена въ мѣстномъ городскомъ ломбардѣ. Въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ были приобщены къ дѣлу и 12 квитанцій ломбарда. Такимъ образомъ, все говорило о виновности подсудимой, и намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только вынести ей обвинительный вердиктъ. Но вотъ въ концѣ судебного слѣдствія встаетъ мужичокъ Фроловъ и черезъ предсѣдателя возбуждаетъ вопросъ о степени матеріальнаго обезпеченія обвиняемой. На основаніи такой просьбы были передпрошены нѣкоторые свидѣтели, и... дѣло получило иную окраску. Оказалось, что Потапова не имѣла никакихъ средствъ къ жизни и ранѣе существовала, только благодаря помощи со стороны умершей сестры, а потомъ чуть ли не собирала милостыню. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался защитникъ подсудимой (назначенный отъ суда) и въ своей рѣчи указалъ на грустный фактъ, что у насъ ввѣряютъ имущество лицу, имущественный цензъ котораго вовсе неизвѣстенъ, и что поэтому не такъ виновно лицо, растратившее имущество, какъ лица, ему это ввѣрившія.

И, благодаря такому новому освѣщенію дѣла, мы вынесли Потаповой оправдательный приговоръ.

II.

Въ залѣ судебныхъ засѣданій присяжнымъ засѣдателямъ приходится быть крайне корректными, чтобы не впасть въ какую нибудь грубую и непростительную ошибку. А виновниками такихъ ошибокъ являются чаще всего не столько сами присяжные, сколько предсѣдательствующіе въ судѣ. И такое обвиненіе имѣетъ основанія. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ предсѣдательствующіе обладаютъ способностью держаться на нейтральной почвѣ. Нѣкоторые

изъ нихъ, наримѣръ, ужасно стѣсняють защиту подсудимыхъ и вообще проявляютъ явную тенденціозность къ обвиненію. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и товарищъ предсѣдателя N—скаго окружнаго суда, г. Купидонскій. Онъ былъ ужаснымъ формалистомъ и заклятымъ врагомъ гуманныхъ отношеній къ подсудимымъ, злобно смотрѣлъ на присяжныхъ, когда тѣ оправдывали преступниковъ, и за это при каждомъ удобномъ случаѣ пронизировалъ надъ ихъ гуманизмомъ. И за это не любили г. Купидонскаго ни мы — присяжные засѣдатели, ни защитники, ни публика. Не любили его и судебные разсыльные, исполнявшіе при N—скомъ судѣ обязанности судебныхъ приставовъ, за его слишкомъ грубое обращеніе съ ними во время засѣданій суда. Съ особенной строгостью относился этотъ почтенный по лѣтамъ предсѣдатель къ казеннымъ защитникамъ, ни на шагъ не позволяя имъ сходить съ почвы реальныхъ фактовъ. Онъ даже не разрѣшалъ возбуждать такіе важные для защиты вопросы, какъ, наримѣръ, о семейномъ и имущественномъ положеніи подсудимыхъ, а также степени ихъ нравственнаго развитія. Ходатайства защитниковъ о занесеніи въ протоколъ судебного засѣданія подобныхъ стѣсненій защиты хотя и исполнялись, но оставались, конечно, только пустой формальностью, такъ какъ ни къ чему не служили и не обязывали. Въ своихъ резюме, обращенныхъ къ присяжнымъ засѣдателямъ, Купидонскій говорилъ лишь только о данныхъ обвиненія, вовсе не касаясь обстоятельствъ, выгодныхъ для подсудимаго, и авторитетно, притомъ же въ довольно настойчивой формѣ, предлагалъ присяжнымъ признать преступника виновнымъ. Говори короче, присяжнымъ засѣдателямъ во время предсѣдательства г. Купидонскаго приходилось выслушивать двѣ обвинительныхъ рѣчи — прокурора и предсѣдательствующаго. И это очень рѣзко бросалось въ глаза даже публикѣ, которая во время перерывовъ засѣданій громко выражала свое возмущеніе по поводу рѣчей и образа дѣйствій г. Купидонскаго. Но, конечно, считаться съ представленной коронному судѣ властью являлось абсолютно невозможнымъ, и если что могли присяжные засѣдатели сдѣлать, то это развѣ держать себя возможно корректнѣе, побольше самимъ проявлять активной дѣятельности да мстить предсѣдательствующему оправдательными вердиктами. Мы такъ обыкновенно и поступали, за что много разъ получали благодарность отъ защитниковъ и публики. Въ особенности корректно нужно было присяжнымъ засѣдателямъ относиться къ резюме предсѣдательствующаго еще и потому, что онъ имѣлъ обыкновеніе подмѣчать всѣ слабыя стороны и пробѣлы въ рѣчахъ защитниковъ и въ своемъ резюме ѣдко критиковалъ ихъ, вѣроятно, желая этимъ вызвать подрывъ довѣрія со стороны присяжныхъ засѣдателей къ аргументамъ адвокатовъ. Но такія попытки не имѣли для насъ ни малѣйшаго

значенія. Говоря по совѣсти, мы даже не обращали ни малѣйшаго вниманія на резюме г. Купидонскаго и выслушивали ихъ только въ силу необходимости. Въ его тенденціяхъ и субъективности сужденій мы не видѣли, конечно, ничего для себя полезнаго и потому не нуждались въ нихъ, тѣмъ болѣе, что свое личное мнѣніе относительно вины или невинности подсудимаго у насъ складывалось уже въ продолженіе судебного слѣдствія. Нерѣдко случалось, что мнѣнія у большинства изъ насъ были вполнѣ солидарныя, и въ такихъ случаяхъ мы находились въ совѣщательной комнатѣ лишь нѣсколько секундъ. Подобная быстрота сильно не нравилась г. Купидонскому, такъ какъ результатомъ ея всегда являлось оправданіе подсудимаго.

Рѣзкій контрастъ съ г. Купидонскимъ представлялъ самъ предсѣдатель суда. Это былъ идеальный предсѣдатель — спокойный, гуманный, правдиво относящійся къ положительнымъ и отрицательнымъ сторонамъ дѣла и въ своихъ резюме строго придерживающійся объективныхъ сужденій. Но и у него была своя слабость — онъ не могъ терпѣть адвокатовъ изъ евреевъ. Стоило только на трибунѣ появиться присяжному повѣренному или его помощнику еврею, какъ вся хладнокровность и спокойствіе предсѣдателя быстро исчезали. Онъ нахмуривался, ерошилъ волосы и во все время судебного засѣданія не давалъ защитнику покоя, стѣсняя и обрывая его чуть ли не на каждомъ шагу. Однажды онъ даже поставилъ помощника присяжнаго повѣреннаго Зиссермана въ такія стѣснительныя условія защиты, что тотъ принужденъ былъ отказаться отъ защиты и оставить трибуну. Но мы, несмотря на такія контрастныя индивидуальности предсѣдательствующихъ, слава Богу, не жили, какъ говорится, чужимъ умомъ и не поддавались постороннему вліянію. Памятуя слова императрицы Екатерины II, что лучше десять виновныхъ оправдать, чѣмъ одного невиннаго осудить, мы во всѣхъ сомнительныхъ относительно виновности подсудимаго случаяхъ старались его оправдать, хотя и вступали при этомъ въ жестокія пререканія съ «строгими». Даже въ случаяхъ несомнѣнной виновности и то мы тщательно обсуждали и взвѣшивали всѣ причины, подъ вліяніемъ которыхъ могло быть совершенно преступленіе, и если находили малѣйшія смягчающія вину обстоятельства, то или оправдывали подсудимыхъ, или же при признаніи ихъ виновными признавали ихъ заслуживающими снисхожденія. Но пусть читатель не подумаетъ, что мы играли святостью закона, нѣтъ, для оправданій даже несомнѣнныхъ преступниковъ у насъ были особыя причины, о которыхъ я поговорю въ концѣ замѣтки. Повторяю, что часто намъ приходилось разбираться въ сомнительныхъ дѣлахъ. Одно изъ такихъ дѣлъ хорошо сохранилось въ моей памяти и заключалось въ слѣдующемъ. Изъ поѣзда, шедшаго изъ N—ска въ сосѣдній городъ, пе-

редъ самымъ его отходомъ, была совершена у одного изъ пассажировъ кража ящика съ граммофономъ. Черезъ нѣсколько дней въ городской ломбардъ былъ принесенъ мелочнымъ торговцемъ граммофонъ и заложенъ за десять рублей, но черезъ три дня купленъ.

Въ день и даже часъ совершенія кражи Давидова видѣли на вокзалѣ, хотя туда онъ часто ходилъ и ранѣе. Но почему-то подозрѣнїе пало именно на него. Въ квартирѣ Давидова былъ произведенъ обыскъ, найденный подъ кроватью граммофонъ отобранъ, а заподозрѣнный въ кражѣ заключенъ подъ стражу и преданъ суду. На предварительномъ слѣдствіи и на судѣ Давидовъ все время отрицалъ свою вину, утверждая, что граммофонъ купилъ по случаю и закладывалъ въ минуту безденежья. Обвинялъ подсудимаго товарищъ прокурора, г. Трефовъ. И г. Трефовъ и г. Купидонскій, подъ предсѣдательствомъ котораго разсматривалось это дѣло, общими силами громили преступника, указывая на несомнѣнные признаки его виновности, и требовали, въ виду его заперательства въ совершеніи преступленія, строгаго наказанія. Защитникъ подсудимаго, въ свою очередь, ставилъ на видъ отсутствіе поличнаго при кражѣ и, указывая на случайность совпаденія, просилъ подсудимаго оправдать. Такимъ образомъ дѣло представлялось для насъ не совсѣмъ-то яснымъ. Уйдя въ совѣщательную комнату, мы долго обсуждали возможность совпаденія въ данномъ случаѣ и сопоставляли всѣ факты, говорящіе о виновности Давидова, но, не найдя ничего вѣскаго и положительнаго, рѣшили его оправдать. И, дѣйствуя въ то время ощупью, мы, однако, поступили справедливо, такъ какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ настоящій виновникъ нашелся и сознался въ кражѣ граммофона. Но зато въ то время, когда мы вынесли Давидову оправдательный приговоръ, мы крайне поразили этимъ г. Купидонскаго и г. Трефова, которые постарались послѣ сдѣлать намъ нѣсколько саркастическихъ замѣчаній.

III.

Упомянувъ о г. Трефовѣ, сдѣлаю кстати нѣсколько замѣчаній и о составѣ прокурорскаго надзора при N—скомъ окружномъ судѣ вообще. Прокуроры здѣсь почему-то мѣнялись очень часто (такъ, на примѣръ, въ теченіе четырехъ лѣтъ ихъ смѣнилось трое). Ихъ товарищи мѣнялись рѣже, хотя наиболѣе даровитые тоже не заживались въ N—скѣ подолгу. Сами прокуроры никогда не выступали публично въ судебныхъ засѣданіяхъ въ роли обвинителей, будто бы изъ-за того, что боялись осрамиться, и ихъ поэтому всегда замѣняли товарищи. Послѣдніе во время сессіи чередовались черезъ каждые два дня. Большинство изъ нихъ были блѣдны

и безцвѣтны и хотя старались относиться къ своимъ обязанностямъ возможно добросовѣстнѣе и громили съ прокурорской трибуны пороки и деморализацію нравовъ, но рѣдко достигали положительныхъ результатовъ. Бывали даже случаи, когда они попадали и впросакъ. Помню, напримѣръ, комическій случай, какъ однажды товарищъ прокурора М. упалъ въ обморокъ отъ ядовитой рѣчи столичнаго адвоката Шубинскаго. Но среди безцвѣтностей выдѣлялись и хорошіе таланты. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и вышеозванный г. Трефовъ. Хотя это былъ еще молодой человѣкъ, но въ немъ замѣчалось уже исчезновеніе живой души и замѣна ея традиціями формальной правды. Говорилъ онъ хотя содержательно и краснорѣчиво, но слишкомъ субъективно «по-прокурорски», слишкомъ формально. Онъ ужасно не любилъ, когда присяжные засѣдатели оправдывали подсудимыхъ, и въ слѣдующихъ рѣчахъ или частныхъ разговорахъ укорялъ ихъ въ поощреніи преступниковъ и подрывѣ святости законовъ.

Остальные обвинители, повторяю, не выходили изъ ряда посредственныхъ дарованій, и потому говорить о нихъ нахожу неинтереснымъ. Съ короннымъ судомъ и въ особенности представителями обвиненія присяжные засѣдатели никогда не сходились во время сессіи, хотя бы даже и были знакомы. Отчего это происходило, — объяснить трудно, но, по всей вѣроятности, отъ сознанія контраста своихъ обязанностей, а, быть можетъ, еще и отъ разности принципиальныхъ убѣжденій. Но зато мы скоро и очень близко сходились съ адвокатами. Чувствовалось, что между нами и ими есть какая-то духовная связь, что насъ призвала сюда общая идея, идея совѣсти и правды. Поэтому присяжные засѣдатели пользовались каждымъ свободнымъ часомъ, въ который законъ не изолировалъ ихъ отъ общенія съ публикою, и въ коридорѣ суда вступали въ разговоры съ присяжными повѣренными и ихъ помощниками. Предметомъ разговоровъ главнымъ образомъ являлась критическая оцѣнка уликъ въ разрѣшенныхъ дѣлахъ и вообще всестороннее освѣщеніе этихъ дѣлъ. Всѣ безъ исключенія адвокаты являлись славными, милыми людьми и съ удовольствіемъ объясняли все насъ интересовавшее. И нужно сказать, что изъ бесѣдъ съ ними мы извлекали для себя громадную пользу. Посредствомъ обмѣна мнѣніями мы могли установить съ положительной точностью справедливость своихъ рѣшеній, знакомились съ темнымъ для большинства присяжныхъ засѣдателей кодексомъ русскихъ законовъ и, кромѣ того, узнавали массу различныхъ юридическихъ тонкостей. Относились къ защитѣ подсудимыхъ всѣ адвокаты вполнѣ добросовѣстно, хотя въ большинствѣ случаевъ и назначались для защиты судомъ, а слѣдовательно не получали никакого гонорара. И, несмотря на безвозмездность своей защиты, они всегда относились къ дѣлу энергично, горячо, улавливали всѣ

клонящіеся въ пользу подсудимаго факты и вообще по возможности старались или оправдать своихъ кліентовъ, или содѣйствовать смягченію наказанія. Крупныхъ преступниковъ даже иногда добровольно вызывались защищать по двое адвокатовъ. Пуская въ ходъ всевозможные способы защиты, нѣкоторые защитники бывало переходили даже за границы и возбуждали своими рѣчами общій смѣхъ. Былъ, напримѣръ, однажды такой случай: защитникъ вора-рецидивиста, не имѣя подъ руками никакихъ смягчающихъ вину кліента обстоятельствъ, говорилъ все-таки довольно долго, хотя и безсодержательно, и наконецъ заключилъ свою рѣчь слѣдующей тирадой: «я не сомнѣваюсь, господа присяжные засѣдатели, что вы оправдаете подсудимаго. Онъ—еще человѣкъ молодой и на слѣдующій годъ подлежитъ отбыванію воинской повинности. Если онъ дѣйствительно виновенъ въ преступленіи, чего, однако, я не допускаю, то его накажетъ за это Богъ. Быть можетъ, находясь въ рядахъ войска, онъ попадетъ на войну, и тамъ вражья пуля сразитъ его. Этимъ онъ и искупитъ свой грѣхъ». Мы не могли не улыбнуться такому наивному заключенію, но, конечно, не согласились съ просьбою и мнѣніемъ адвоката и признали преступника виновнымъ. И случаи, когда защитники говорили чужь, повторялись все-таки нерѣдко. Однажды же въ N—скомъ судѣ произошелъ и очень рѣдкій въ судебной практикѣ случай, когда защитника попросили замолчать сами присяжные засѣдатели. Произошло это такъ: присяжный повѣренный П. такъ долго и безсодержательно говорилъ, что утомилъ насъ, тѣмъ болѣе, что все дѣло для присяжныхъ засѣдателей было очень ясно. А рѣчь защитника все продолжалась и продолжалась, и, казалось, конца ей не будетъ. Не желая долѣе слушать его болтовню и терять время, мы черезъ старшину попросили предсѣдательствующаго предложить защитнику замолчать. И краснорѣчивый ораторъ принужденъ былъ покинуть трибуну, такъ и не окончивъ рѣчи. Но къ счастью для присяжныхъ засѣдателей такой болтунъ-адвокатъ только и былъ одинъ и то жилъ въ N—скѣ очень недолго, такъ что въ бытность мою присяжнымъ засѣдателемъ выступалъ въ уголовныхъ процессахъ не болѣе трехъ разъ.

Говоря объ отношеніяхъ присяжныхъ засѣдателей съ присяжнымъ повѣреннымъ, необходимо замѣтить, что эти пріязненные отношенія, однако, нисколько не мѣшали нашему личному сужденію о преступникахъ. Хотя намъ и приходилось иногда выслушивать ѣдкія замѣчанія, въ частныхъ разговорахъ, суда и прокуратуры, что будто бы мы поддаемся вліянію адвокатовъ, но это, конечно, не вѣрно и вполнѣ опровергается даже приведенными выше фактами. Мы не шли ни на какія сдѣлки съ совѣстью, а высоко несли знамя своего служенія и всегда поступали именно такъ, какъ намъ подсказывала совѣсть.

VI.

Теперь считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ экспертахъ. Извѣстно, что по дѣламъ, требующимъ особеннаго заключенія специалистовъ, въ засѣданія суда приглашаются эксперты, т.-е. люди, вполне компетентные въ разрѣшеніи какого либо вопроса. Чаще всего выступаютъ въ качествѣ экспертовъ врачи. Они даютъ заключенія о степени серьезности пораненій, причинахъ смерти, тяжести поврежденій организма потерпѣвшаго и т. п. специально медицинскихъ вопросахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно заключеніе врача-эксперта является необходимымъ въ цѣляхъ выясненія истины, но иногда экспертиза ихъ бываетъ даже и вовсе ненужною. Чтобы доказать это, приведу слѣдующій фактъ, при чемъ въ виду интереса расскажу и все дѣло подробно. Случалось дѣло объ убійствѣ съ цѣлью грабежа. Скамью подсудимыхъ заняли два молодыхъ крестьянина: Ивановъ 20 лѣтъ и Сайкинъ 18 лѣтъ, обвиняемые въ убійствѣ съ цѣлью грабежа смоленскаго мѣщанина Васильева 16 лѣтъ. Одинъ изъ подсудимыхъ, Ивановъ, сознался въ убійствѣ и рассказалъ, что оно произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: онъ, Ивановъ, вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, но не Сайкинымъ, ходили въ сосѣдній городъ искать работы, но не нашли таковой и возвращались въ г. N—скъ. По дорогѣ они сошлись съ Васильевымъ и пошли вмѣстѣ. Васильевъ рассказалъ имъ, что ходитъ по монастырямъ съ разрѣшенія родителей и молится Богу.

Во время дороги они два раза заходили въ сельскіе трактиры пить чай, при чемъ расплачивался за всѣхъ Васильевъ, и это расплачиванье и таинственность, съ которой Васильевъ вынималъ изъ кошелька деньги, возбудили въ умѣ Иванова и Сайкина подозрѣніе, что съ ихъ случайнымъ знакомцемъ есть деньги, и они задумали его убить. Съ этой цѣлью они уговорили его послѣднюю ночь передъ N—скомъ переночевать въ лѣсу (дѣло было лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ). Васильевъ, ничего не подозрѣвая, согласился. Они къ вечеру зашли въ лѣсъ, разложили костеръ и всю ночь выжидали, когда Васильевъ уснетъ, чтобы его убить. Но Васильевъ въ эту ночь не спалъ и все жаловался, что у него тоскуетъ сердце. Часа въ три утра Ивановъ и Сайкинъ отошли въ сторону набрать хворосту для костра, и Ивановъ въ это время захватилъ съ собою камень булыжникъ, около семи фунтовъ вѣсу. Подойдя къ сидѣвшему у костра Васильеву, онъ съ словами: «не хочешь ли хлѣбца?» ударилъ его камнемъ по головѣ и продолжалъ наносить удары до тѣхъ поръ, пока совершенно не разбилъ черепа. Послѣ этого они вынули у убитаго кошелекъ съ деньгами, которыхъ оказалось 2 рубля 70 копеекъ, раздѣлили ихъ между собою, а

также раздѣлили и все имущество убитого, трупъ же его стащили въ кусты и завалили хворостомъ. Нѣсколько дней послѣ этого убійцы пьянствовали въ деревнѣ, гдѣ жилъ Ивановъ, и наконецъ разбуянились, за чтò и были отправлены въ арестантскую. Дорогою Сайкинъ убѣжалъ и скрылся, а Ивановъ на другой день сознался сначала сторожу при арестантской, а потомъ и судебному слѣдователю, что совершилъ убійство и не знаетъ послѣ этого покоя, такъ какъ ему вездѣ мерещится убитый. Своего соучастника онъ не выдалъ, также намъ не выдавалъ его и на судѣ, утверждая, что съ нимъ былъ не Сайкинъ, а нѣкто другой. Но цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній было съ точностью установлено, что съ нимъ былъ тогда именно Сайкинъ, но послѣдній, несмотря на это, до послѣдней минуты тоже упорно отрицалъ свое участіе въ убійствѣ. Такова была сущность дѣла. Врачъ-экспертъ здѣсь долженъ былъ дать заключеніе о степени тяжести причиненныхъ камнемъ поврежденій Васильеву (sic). Изъ самаго существа дѣла уже выяснилось, что Васильевъ былъ убитъ ударами камня по головѣ, и однако суду зачѣмъ-то еще потребовалось заключеніе врача. Врачъ, конечно, отнесъ поврежденія къ разряду смертельныхъ и заявилъ суду желаніе получить за экспертизу деньги. Помню, что въ тотъ день этотъ врачъ давалъ заключенія по тремъ дѣламъ и за каждое получалъ по пять рублей. Заработокъ, слѣдовательно, былъ для него очень недурный. Но главное, что помимо излишности въ дѣлахъ, аналогичныхъ приведенному, экспертизы присяжныхъ засѣдателей всегда возмущало требованіе экспертами, вознагражденія, возмущало именно потому, что оно являлось слишкомъ рѣзкимъ, слишкомъ контрастнымъ и неумѣстнымъ и даже какъ бы святотатственно нарушавшимъ всю святость и торжественность обряда правосудія. Вопросъ о деньгахъ въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, когда тамъ рѣшается судьба человѣческой жизни, намъ казался болѣе чѣмъ неумѣстнымъ, и въ виду этого его слѣдовало бы уничтожить. Пусть экспертъ требуетъ себѣ вознагражденія гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, но только не въ залѣ судебного засѣданія. Хотя также бы нежелательны и заявленія о полученіи путевыхъ расходовъ со стороны свидѣтелей, но они еще не такъ рѣзко бросаются въ глаза, такъ какъ происходятъ въ самомъ концѣ судебного засѣданія; требованіе же вознагражденія экспертами, какъ извѣстно, бываетъ тотчасъ же послѣ ихъ заключенія, т.-е. въ самый разгаръ засѣданія, и это всегда неприятно поражаетъ слухъ... Кстати, если читатель пожелаетъ узнать, какой приговоръ мы вынесли убійцамъ Васильева, то обвинительный безъ снисхожденія, и они были приговорены къ 15-ти годамъ каторжныхъ работъ каждый.

V.

Дѣла объ убійствахъ все-таки, слава Богу, у насъ слушаются очень рѣдко и потому считаются «интересными» дѣлами, рѣзко выдѣляющимися на фонѣ мелкихъ кражъ и поджоговъ. И дѣйствительно главное мѣсто въ преступленіяхъ занимаютъ кражи и поджоги, число которыхъ ужасно, но все еще продолжаетъ съ каждымъ годомъ возрастать и возрастать. Какъ можно замѣтить, особенно увеличились такія преступления за послѣднее десятилѣтіе, вызванныя, вѣроятно, дороговизной жизни и упадкомъ цѣнъ на рабочія руки. Это предположеніе подтверждается еще и тѣмъ фактомъ, что главный контингентъ преступниковъ составляютъ рабочіе и крестьяне, при чемъ выясняется, что преступления совершаются ими вслѣдствіе крайней нужды. Воровъ-рецидивистовъ въ общей массѣ преступниковъ найдется очень небольшое количество, остальное, преобладающее число составляютъ люди, совершившіе преступления въ первый разъ. Поэтому можно ли и нужно ли строго карать такихъ преступниковъ? О, нѣтъ, и нѣтъ! И это мнѣніе положительно всѣхъ присяжныхъ засѣдателей, за исключеніемъ теоретиковъ да лицъ, смотрящихъ на преступниковъ съ юридической точки зрѣнія. Человѣкъ, совершивъ хотя бы, на примѣръ, въ первый разъ кражу, уже достаточно, полагаю, наказанъ предварительнымъ содержаніемъ подъ стражей, нерѣдко продолжающимся довольно долго. Можетъ быть, за это время онъ уже не однажды раскаялся въ своемъ проступкѣ и обѣщалъ себѣ впередъ жить честно. И мы поступаемъ въ данномъ случаѣ справедливо, оправдывая его, ибо, если такого преступника, да еще, что случается часто, совершившаго преступленіе по невѣжеству, осудить и подвергнуть хотя слабому исправительному наказанію, то этимъ можно изъ него сдѣлать уже настоящаго преступника, такъ какъ, побывавъ въ тюрьмѣ, онъ непременно заразится тамъ духомъ тюремной этики и выйдетъ оттуда инымъ человѣкомъ. Фактъ, что люди, побывавшіе уже въ тюрьмѣ, уже очень рѣдко исправляются и возвращаются къ честной жизни,— говоритъ самъ за себя. Такимъ образомъ, строго карать за преступления, совершенныя въ первый разъ, не значитъ ли воспитывать преступниковъ и содѣйствовать ихъ численному росту? Такое предположеніе можетъ подтвердиться слѣдующимъ фактомъ: какъ-то передъ нами предсталъ воръ-рецидивистъ, обвинявшійся въ покражѣ десяти полотенецъ въ мѣстной тюрьмѣ. Изъ обстоятельствъ дѣла было видно, что онъ судился за кражи уже въ третій разъ. Первый разъ имъ было совершено покушеніе на кражу, за что виновникъ по приговору городского судьи посаженъ на мѣсяцъ въ тюрьму; второй разъ онъ сдѣлалъ кражу вслѣд-

ствіе нужды, такъ какъ его никто не хотѣлъ, какъ осторожнаго, принимать на работу, за что опять былъ посаженъ въ тюрьму, и наконецъ въ третій разъ, уже находясь въ тюрьмѣ, укралъ тамъ въ разное время десять полотенецъ, стѣящихъ около рубля и принадлежащихъ тюремному замку. Изъ приведеннаго факта слѣдовательно видно, что «формальная правда» не способствуетъ уничтоженію въ преступникѣ дурныхъ наклонностей и не исцѣляетъ его посредствомъ наказанія. Нашъ законъ, къ счастью, предусмотрѣлъ такой дефектъ и призвалъ въ составъ короннаго суда судъ совѣсти, т.-е. присяжныхъ засѣдателей, избравъ ихъ изъ различныхъ сословій и предоставивъ право судить не по смыслу правды формальной, а по правдѣ житейской, по внутреннему убѣжденію и совѣсти. И присяжные засѣдатели, какъ люди, чуждые юридическимъ тенденціямъ и свободные отъ узкихъ рамокъ формальной правды, но зато знакомые съ бытовой стороной жизни, свято выполняютъ свое назначеніе. Они ничуть не злоупотребляютъ своимъ правомъ, какъ это нѣкоторые предполагаютъ, ничуть не содѣйствуютъ деморализаціи нравовъ, но напротивъ честно несутъ знамя своего служенія и поступаютъ по точному смыслу закона; они поступаютъ такъ, какъ имъ подсказываетъ совѣсть. Жаль только, и очень жаль, что еще многіе не понимаютъ истиннаго значенія присяжничества и уклоняются отъ исполненія этой повинности. Конечно, такой рутинный взглядъ измѣнится со временемъ, нужно только пожелать, чтобы случилось это возможно скорѣе. Присяжничество, по моему мнѣнію,—это живая школа, гдѣ люди привыкаютъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, нормально относиться другъ къ другу. Они здѣсь и ближе сходятся между собою, и начинаютъ учиться цѣнить человѣка, а не его ненужную кличку или социальное положеніе, и наконецъ попутно схватываютъ частичку бездны премудрости нашихъ законовъ. А и то, и другое, и третье можетъ не только пригодиться, а и сослужить важную службу въ послѣдующей обыденной жизни.

VI.

Заканчивая настоящія замѣтки, нахожу нелишнимъ коснуться еще въ заключеніе нѣсколькихъ важныхъ какъ для правосудія, такъ и присяжныхъ засѣдателей вопросовъ.

Часто во время судебныхъ слѣдствій приходится констатировать болѣе или менѣе важные пробѣлы предварительныхъ слѣдствій. Иногда это бываетъ только неполнота предварительнаго слѣдствія, но иногда и упущенія болѣе существенныя, какъ, напримеръ, отсутствіе при дѣлѣ вещественныхъ доказательствъ.

И случается, что, благодаря неполнотѣ и пробѣламъ слѣдствія, дѣла въ судѣ принимаютъ совершенно другой оборотъ. Поэтому,

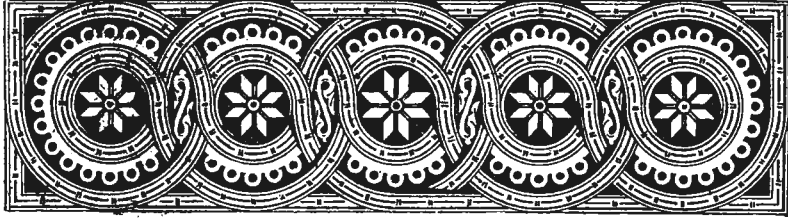
какъ въ интересахъ правосудія, такъ и въ интересахъ судей совѣсти, можно рекомендовать судебнымъ слѣдователямъ относиться къ производству предварительныхъ слѣдствій, какъ можно внимательно, и не допускать такихъ важныхъ пробѣловъ.

Между присяжными засѣдателями за послѣднее время все чаще и чаще обсуждается вопросъ о непригодности существующаго правила допроса ими подсудимыхъ и свидѣтелей. По существующему правилу, всѣ вопросы, которые намѣрены сдѣлать присяжные засѣдатели подсудимому или свидѣтелю, должны предлагаться ими не иначе, какъ черезъ предсѣдателя. Но такое правило совсѣмъ не рационально, такъ какъ даетъ возможность спрашиваемому, въ продолженіе процедуры предложенія вопроса черезъ предсѣдателя, уже обдумать отвѣтъ. Присяжнымъ же засѣдателямъ иногда бываетъ весьма важно поставить вопросъ именно врасплохъ, что при существующихъ условіяхъ, однако, является абсолютно невозможнымъ. Въ виду этого представлялось бы въ высшей степени желательнымъ для присяжныхъ засѣдателей предоставленіе имъ права предлагать вопросы участвующимъ въ судебныхъ процессахъ лицамъ непосредственно отъ себя.

Среди разсматривающихся съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей дѣлъ часто встрѣчаются дѣла о покушеніяхъ на извѣстное преступленіе (9 ст. Улож. о нак.). Хотя въ большинствѣ случаевъ отъ покушенія никто не страдаетъ, тѣмъ не менѣе законъ устанавливаетъ для обвиняемыхъ въ покушенія точно такую же отвѣтственность, какъ и для совершившихъ какое нибудь квалифицированное преступленіе. Хорошій составъ присяжныхъ почти всегда такихъ преступниковъ оправдываетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ справедливо ли, на примѣръ, судить покусившагося на кражу пяти копеекъ такъ же строго, какъ укравшаго сто рублей? Но бываетъ, что болѣе слабый составъ присяжныхъ признаетъ неудачныхъ преступниковъ и виновными, вслѣдствіе чего тѣ несутъ извѣстное наказаніе и во время отбытія такового учатся отъ опытныхъ обитателей тюремныхъ замковъ совершать преступленія удачныя. Такимъ образомъ, здѣсь присяжные засѣдатели, поступая по точному смыслу закона, становятся виновниками воспитанія преступника. Но такъ какъ законъ не имѣетъ цѣлью воспитаніе преступниковъ, а лишь стоитъ на стражѣ нашей общественной и личной безопасности, то весьма важное бы значеніе имѣло разграниченіе въ немъ наказаній за покушеніе и за совершенное уже преступленіе. Лучшимъ же наказаніемъ за покушеніе, мнѣ думается, можно признать нравственное внушеніе преступнику (на примѣръ, строгій выговоръ въ присутствіи суда) и вообще моральное воздѣйствіе, чѣмъ лишеніе свободы.

Вотъ три вопроса, представляющіеся пока наиболѣе важными. Отъ ихъ разрѣшенія зависитъ многое и въ формальной правдѣ судопроизводства и въ внутреннемъ убѣжденіи присяжныхъ.

А. Я. Торговъ.

ДВОРЪ И ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПО «ЗАПИСКАМЪ» ГРАФА ѲЕДОРА ГОЛОВКИНА ¹⁾.

III.

О ВОСПЕШТВІИ на престолъ императора Павла, Головкинъ возвращенъ былъ ко двору, по ходатайству тестя своего, и даже пожалованъ церемоніймейстеромъ. Когда Головкинъ былъ представленъ государю и, павъ на колѣни, благодарилъ его за дарованную свободу, Павелъ, очевидно, не забывшій легкомысленнаго поведенія Головкина при дворѣ Екатерины, сурово сказалъ ему: «если моя мать сослала васъ въ Ливонію, то я соплю васъ въ Сибирь»; въ то же время Нарышкину поручено было предупредить новаго церемоніймейстера, чтобы онъ воздерживался отъ болтовни и какихъ либо шутокъ. Съ Павломъ дѣйствительно опасно было шутить, и Головкинъ сталъ крайне остороженъ. «Легко понять, однако,—замѣчаетъ онъ,—какое дѣйствіе послѣ милостей ко мнѣ Екатерины произвело на меня отношеніе ко мнѣ ея преемника».

Суровый тонъ принялъ Павелъ по отношенію ко всѣмъ приближеннымъ своей матери, «развратное» поведеніе которыхъ порицалъ онъ, еще будучи великимъ княземъ. Въ особенности немилостивымъ проявилъ онъ себя къ участникамъ переворота 1762 г. Князь Ѳедоръ Бяратинскій былъ сосланъ въ свои деревни, а графу Алексѣю Орлову-Чесменскому, чтобы избѣжать худшаго,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІ, стр. 528.

пришлось уѣхать за границу ¹⁾, послѣ того какъ при перенесеніи праха Петра III государь публично выразилъ ему свое неудовольствіе. Назначенный нести у гроба императорскую корону, Орловъ сослался на свою старость, которая не позволяетъ ему исполнить эту обязанность. Узнавъ объ этомъ, Павелъ приказалъ вручить Орлову подушку съ императорской короной и, обратившись къ нему, сказалъ громовымъ голосомъ: «бери и иди!»

Дворъ Павла заполнили два рода новыхъ людей, которыхъ до этого времени не было видно въ Петербургѣ: «гатчинцы», грубые солдаты, лишенные воспитанія и карикатурно одѣтые въ прусскіе костюмы временъ Фридриха II, и старые приверженцы Петра III, призванные новымъ императоромъ и осыпанные имъ милостями. Придворная жизнь приняла военный отпечатокъ; роскошь и утонченность Екатерининскаго двора исчезли, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Императоръ не скрывалъ своего неодобренія политикѣ и дѣйствіямъ матери. При первомъ представленіи ему лицъ дипломатическаго корпуса, онъ сказалъ имъ: «я не наслѣдовалъ распрей своей матери и хочу, чтобы вы увѣдомили о томъ свои дворы»; между тѣмъ, замѣчаетъ Головкинъ, когда обстоятельства заставили Павла подумать объ истинныхъ интересахъ своего государства, то онъ долженъ былъ возвратиться къ политикѣ Екатерины. Нелюбовь Павла къ матери выразилась особенно въ указѣ, которымъ разрѣшалось приносить жалобы государю на несправедливыя и противозаконныя дѣянія, совершенныя въ теченіе прошлаго царствованія; жалобъ этихъ, однако, не поступало, и комиссія, учрежденная для ихъ разсмотрѣнія, осталась безъ дѣла ²⁾. Нѣсколькими днями позже, выскочки, окружавшіе Павла, желая нанести чувствительный ударъ высшему дворянству, которое они выставляли опаснымъ для государства, побудили его издать указъ, которымъ дозволялось крѣпостнымъ подавать жалобы на своихъ господъ. Дѣйствіе этого указа было потрясающее. Бунтъ крестьянъ въ Тверской и Новгородской губерніяхъ принялъ такіе размѣры, что для его подавленія необходимо было послать князя Репнина съ 6.000 солдатъ. Неразумный законодатель принужденъ былъ сдѣлать оговорку своему указу, что каждый жалобщикъ, предвзительно разсмотрѣнія его жалобы на господъ, долженъ былъ по-

¹⁾ Между прочимъ, оба они находились въ Ропшѣ и присутствовали при кончинѣ Петра III.

²⁾ Злоупотребленія, совершавшіяся подъ вліяніемъ фаворитовъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, дѣйствительно были такъ велики, что возбуждали всеобщее неудовольствіе. Разслѣдованіе ихъ не было безплоднымъ, какъ сообщаетъ Головкинъ; напротивъ, слѣдствіемъ его была масса выисканій, наложенныхъ на имущество отвѣтственныхъ лицъ, даже умершихъ, какъ, напримѣръ, кн. Потемкина. Многіе, однако, пострадали напрасно, какъ, напримѣръ, Гарновскій и Грибовскій; зато многіе успѣли увернуться отъ отвѣтственности, какъ, напримѣръ, правая рука Потемкина, извѣстный правитель его канцеляріи, В. С. Поповъ.

лучить нѣсколько ударовъ кнута ¹⁾). Болѣе удачнымъ и полезнымъ распоряженіемъ Павла было учрежденіе въ окнѣ нижняго этажа Зимняго дворца извѣстнаго желтаго ящика, куда каждый могъ бросать свои жалобы и письма на высочайшее имя, но ящикъ этотъ, по мнѣнію Головкина, развивалъ любовь къ доносамъ и слишкомъ напоминалъ знаменитую львиную пасть въ Венеціи.

Одною изъ самыхъ ненавистныхъ для общества и самой комической по своимъ результатамъ мѣрой императора было распоряженіе его объ одеждѣ для дворянъ и служащихъ въ столицахъ и провинціи: запрещено было выходить во фракъ, на улицахъ можно было появляться не иначе, какъ въ мундирѣ, со шпагою и въ орденахъ, если таковые были. Круглая шляпа, панталоны на выпускъ, сапоги съ отворотами, башмаки съ тесемками были строжайше воспрещены. Такъ какъ мѣра эта была примѣнена сразу, и многіе не имѣли возможности ее сейчасъ же выполнить по недостатку времени или средствъ, то улицы столицы первое время опустѣли и приняли видъ масляничнаго маскарада: жители столицы появлялись, какъ могли, въ одѣянιάхъ примѣнительно къ императорскому распоряженію: маленькія круглая шляпы превращены были въ треугольныя посредствомъ булавокъ, во фракахъ сняты были отложные воротники и пришиты карманные клапаны, панталоны, засученные внутрь и прикрѣпленные къ колѣнямъ, волосы обстрижены были въ кружокъ, но покрыты пудрой, и къ нимъ подвязана была коса. Головкинъ выѣзжалъ сначала въ каретѣ въ обычномъ своемъ костюмѣ, полагая, что въ каретѣ онъ въ безопасности, но вскорѣ увидѣлъ, что это очень опасная игра, такъ какъ, по новому распоряженію, нужно было выходить изъ кареты. Иностранцы, особенно англичане, полагали, что они могутъ не подчиняться этимъ распоряженіямъ, но полиціа начала обращаться съ ними такъ «кавалерски», что они должны были уступить.

Но если одной рукой императоръ, такъ сказать, нивелировалъ людской родъ, то другой не менѣе быстро онъ покрывалъ его столькими знаками отличія, что они потеряли всякую цѣну и вслѣдствіе расточительности, съ какой они раздавались, и вслѣд-

¹⁾ Крестьянскіе бунты въ началѣ царствованія императора Павла вызваны были злоупотребленіями помѣщичьей власти и слухами, что новый императоръ склоненъ улучшить положеніе крѣпостныхъ. Слухи эти оправдывались суровымъ отношеніемъ Павла къ «господамъ», распоряженіемъ его, чтобы къ присягѣ на вѣрность ему приведены были и крѣпостные крестьяне, чего прежде не было, разрѣшеніемъ ищущимъ вольности подавать о томъ прошенія и, наконецъ, приѣмомъ жалобъ на помѣщиковъ, что прежде было воспрещено. Надежда на свободу произвела въ крестьянскомъ мірѣ такое возбужденіе, что Павелъ принужденъ былъ принять вскорѣ мѣры для предупрежденія волненій: по свидѣтельству Волотова, толпа крестьянъ, явившаяся ко дворцу съ жалобами на помѣщиковъ, была, по распоряженію императора, подвергнута наказанію кнутомъ, и эта мѣра сразу водворила спокойствіе въ столицѣ.

ствіе выбора лицъ, которыя ихъ получали. Орденъ св. Анны раздѣленъ былъ на четыре класса и сдѣлался отличительнымъ признакомъ гатчинцевъ. Орденъ св. Екатерины, которому покойная императрица давала такую цѣну, что въ теченіе всего ея царствованія его получили лишь нѣсколько дамъ,—былъ раздѣленъ на два класса, и пожалованія имъ сдѣлались очень частыми. Были пожалованія и въ статсъ-дамы, число которыхъ при Екатеринѣ не превышало четырехъ, а что касается до фрейлинъ, то ихъ былъ легионъ.

Но ничто не могло сравниться съ упадкомъ значенія (la prostitution) военныхъ чиновъ: появились безбородые генералы, а фельдмаршальскій жезлъ, который давался прежде только за боевыя отличія, вручали теперь плацпараднымъ генераламъ. Почести были настолько обезцѣнены, что этого не могъ не замѣтить самъ императоръ. Однажды, когда во время парада князь Репнинъ хотѣлъ было подать какой-то совѣтъ государю, тотъ прервалъ его:

«Фельдмаршалъ, видите ли вы этотъ поднимающійся гвардейскій отрядъ? Онъ состоитъ изъ 400 человекъ, и мнѣ стоитъ сказать одно только слово, и всѣ они будутъ фельдмаршалами». Тому же Репнину, когда онъ выдвинулся слишкомъ впередъ на придворномъ приѣмѣ, императоръ громко сказалъ: «Знайте, что въ Россіи вельможи лишь тѣ лица, съ которыми я говорю, и лишь на то время, пока я удостоиваю ихъ этой честью»¹⁾. Парадъ былъ главнымъ занятіемъ государя, и отъ успѣха парада зависѣлъ исходъ всѣхъ дѣлъ того дня. Гатчинцы, обученные втихомолку параднымъ тонкостямъ въ предыдущее царствованіе, сдѣлались инструкторами и инспекторами арміи, которая должна была сразу забыть все, что умѣла, и научиться тому, чего она никогда не видѣла. Самые старые генералы тренировались, какъ школьники; между тѣмъ, въ свитѣ государя видѣли людей, которые едва держались въ сѣдлѣ. Но никакая часть арміи не страдала такъ, какъ гвардія. При предшествовавшихъ Павлу императрицахъ она представляла собою корпусъ войскъ, чрезъ службу въ которомъ дворянство могло пристроиться ко двору или перейти въ ряды арміи съ большими преимуществами. Она никогда не оставляла столицы, за исключеніемъ времени внезапной шведской войны, начатой Густавомъ III, и если при этомъ случаѣ солдаты дали доказательства своей храбрости, то офицеры вели себя самымъ позорнымъ образомъ. Нужно было преобразовать гвардію кореннымъ образомъ, и, чтобы совершить это дѣло съ успѣхомъ и твердостію, потому что гвардейцы напоминали сабою янычаръ,—гвардію начинили гатчинцами, отвѣчавшими за всѣхъ и успѣвшими достигнуть своей цѣли, чему

¹⁾ По свидѣтельству де-Санглена, Павелъ сказалъ эти историческія слова одному изъ иностранныхъ посланниковъ.

способствовала столько же раздача денегъ и мясныхъ порцій, сколько убѣжденія и палочные удары.

Пристрастіе Павла къ разнаго рода церемоніямъ было также велико. И утромъ, и вечеромъ онъ находилъ причины держать дворъ въ сборѣ. Церковные праздники, дни рожденія особъ императорской фамиліи, орденскіе праздники—всего этого ему казалось мало. Послѣ полудня совершалась церемонія воспріятія отъ купели солдатскихъ дѣтей, но это скоро наскучило его величеству, и онъ мало-по-малу передалъ эту обязанность оберъ-гофмаршалу, который долженъ былъ замѣнять особу государя. Цѣлованіе руки государя и паденіе предъ нимъ на колѣни происходило теперь при каждомъ удобномъ случаѣ, и требовалось не соблюденіе только формы: требовалось, чтобы императоръ слышалъ звукъ удара колѣнъ о полъ и чувствовалъ поцѣлуй на своей рукѣ. Сколько людей боялись при этомъ показаться недостаточно усердными, не по отсутствію доброй воли, а въ силу какой либо случайности! Сколько придворныхъ, подчиняясь этимъ обычаямъ, старались при этомъ сохранить хотя видъ достоинства! Однажды, въ воскресенье, послѣ обѣдни, во время приѣма, флигель-адъютантъ императора, получивъ отъ него на ухо приказъ, взялъ за руку князя Г., вывелъ его на дворъ и, призвавъ гвардейскій караулъ, велѣлъ князю сѣсть на ящикъ, а барабанщику привести въ порядокъ по формѣ прическу князя. Императоръ и весь дворъ смотрѣли на это зрѣлище изъ оконъ дворца.

Выходы царскіе, къ которымъ прежде относились съ большимъ уваженіемъ, являлись теперь какими-то сборищами. Всѣ должны были проходить для цѣлованія рукъ по два въ рядъ, въ промежутокъ, на одной сторонѣ котораго находился государь съ государыней, а на другой стояли оберъ-гофмаршалъ и церемоніймейстеръ, которые послѣдними исполняли обрядъ цѣлованія и были отвѣтственны за шумъ и безпорядокъ, происходившій въ толпѣ. Идя на *baise-main*, отъ страха иногда зацѣплялись, а зацѣпившись начинали извиняться, другіе, приготовляясь къ ожидавшей ихъ чести, сморкались, и все это производило небольшой шумъ, который приводилъ императора въ ярость. Тотчасъ отдавалъ онъ церемоніймейстерамъ приказаніе внушить собравшимся о почтеніи, которое должно соблюдать по отношенію къ его особѣ, а иногда, не имѣя терпѣнія дожидаться успѣха миссіи церемоніймейстеровъ, кричалъ своимъ гробовымъ (*sépulcriste*) голосомъ: «молчать!», что приводило въ трепетъ самыхъ безстрашныхъ. «Я вспоминаю,—разсказываетъ Головкинъ,— что, когда однажды я заканчивалъ церемонію, производя въ свою очередь обрядъ цѣлованія руки, императоръ сказалъ мнѣ добродушно, что очень рѣдко приходится не требовать должной въ подобныхъ случаяхъ тишины. Видя его въ хорошемъ настроеніи духа, я сказалъ: «Государь, нѣтъ ничего болѣе шум-

наго, какъ молчаніе шестисотъ лицъ». При этихъ словахъ Павелъ покраснѣлъ отъ гнѣва и сказалъ: «Вы здѣсь не для того, чтобы смѣть показывать свое остроуміе, а для того, чтобы исполнять мои приказанія». Но вообще онъ былъ доволенъ своимъ образомъ дѣйствій и часто мнѣ говорилъ: «Вы исполняете свои служебныя обязанности съ достоинствомъ и какъ истый вельможа; если бы всѣ держали себя такъ же, то это напоминало бы Людовика XIV. Вы никогда не теряетесь, и при церемоніяхъ мнѣ нужно только смотрѣть на васъ, чтобы знать, что мнѣ нужно дѣлать». Это происходило оттого, что я никогда не испытывалъ страха и рѣшилъ отомстить за униженіе себя на этомъ мѣстѣ (мѣсто церемоніймейстера Головкинъ считалъ для себя унижительнымъ, занимая ранѣе постъ посланника) алломбомъ и развязностью, которые импортировали даже на его величество»¹⁾.

Изъ среды немногихъ людей екатерининскаго царствованія, умѣвшихъ сохранить свое значеніе при Павлѣ, особенно выдвигался Безбородко. Милость къ нему Павла многіе современники объясняли тѣмъ, что будто бы послѣ смерти Екатерины Безбородко передалъ ему ея завѣщаніе, скрѣпленное четырьмя вельможами, которымъ Павелъ устранялся отъ наслѣдованія престола, а преемникомъ императрицы назначался великій князь Александръ Павловичъ. Головкинъ называетъ подобные рассказы басней. «Прежде всего, — замѣчаетъ онъ, — императрица слишкомъ хорошо понимала положеніе дѣлъ, чтобы думать, что нѣсколько словъ, подписанныхъ ею, могутъ измѣнить судьбу имперіи. Затѣмъ, кого можно назвать въ Россіи вельможами, какая власть ихъ, если они не дѣйствуютъ заодно, какое къ нимъ уваженіе, если они только удаляются отъ ступеней трона? Наконецъ, откуда было взять четырехъ сумасбродовъ, которые согласились бы подписать призранный документъ, который привелъ бы ихъ прямо на эшафотъ? Значеніе Безбородка основывалось только на его способностяхъ или, лучше сказать, на его привычкѣ къ дѣламъ, къ которымъ не могли примѣниться съ первыхъ шаговъ, на его низкомъ происхожденіи, которому деспотизмъ всегда придавалъ большую цѣну, и на видѣ привязанности, которую Павелъ показывалъ къ племяннику Безбородка — Кочубею²⁾. Заслуга Безбородка заключалась въ томъ, что въ самомъ началѣ новаго царствованія онъ умѣлъ сохранить принятыя формы и принудилъ государя не приступать слишкомъ рано и насильственно къ ломкѣ политической системы, существовавшей

¹⁾ Любовь императора Павла къ этикету засвидѣтельствована и другими современниками, въ особенности графиней Головиной въ ея «Запискахъ».

²⁾ При восшествіи на престолъ императора Павла Кочубей былъ русскимъ посланникомъ въ Константинополь, но Павелъ вызвалъ его въ Петербургъ, назначилъ вице-канцлеромъ и возвелъ въ графское достоинство.

при его вступленіи на престолъ». Эти замѣчанія Головкина отнюдь, однако, не объясняютъ «ливня милостей», по выраженію придворнаго доктора Роджерсона, обрушившагося на Безбородка. Существованіе, если не формальнаго акта, то письменныхъ собственноручныхъ записокъ Екатерины о намѣреніи ея передать престолъ великому князю Александру также не подлежитъ сомнѣнію: не говоримъ уже о перепискѣ съ Гриммомъ, котораго она извѣщала о будущемъ коронованіи Александра. Одною изъ этихъ записокъ, можетъ быть, тою самою, которую случайно видѣлъ Ризенкампфъ валявшейся въ ящикѣ одного изъ дворцовыхъ столовъ¹⁾, если бы она была наброскомъ манифеста, не упустилъ бы воспользоваться въ своихъ цѣляхъ ловкій Безбородко, которому Екатерина, по свидѣтельству Державина, незадолго до своей кончины довѣрила какія-то «секретныя» бумаги. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Екатерина желала покончить съ вопросомъ о престолонаслѣдіи при жизни своей, а не путемъ завѣщанія, какъ допускали это многіе современники.

Брагъ революціи, Павелъ задумалъ дать убѣжище подъ сѣнью своего трона всѣмъ пострадавшимъ отъ нея, низложеннымъ государямъ. Предложено было поселиться въ Россіи даже римскому папѣ послѣ занятія Рима республиканскими войсками, но престарѣлый возрастъ папы, несоотвѣтствіе климатовъ и неудобство для главы католичества поселиться въ странѣ, населеніе которой считалъ онъ схизматическимъ, побудили папу отклонить приглашеніе императора. Зато бывший король польскій, Станиславъ-Августъ, жившій въ Гроднѣ, явился въ Петербургъ и былъ принятъ, какъ король. Короткость отношеній между Павломъ и Станиславомъ установилась на слѣдующій же день послѣ ихъ встрѣчи. «Король самъ рассказывалъ мнѣ,—говоритъ Головкинъ,—что Павелъ со слезами на глазахъ, цѣлуя ему руки, убѣждалъ его признаться... въ томъ, въ чемъ онъ имѣлъ противоположную увѣренность. Императоръ... перемѣнилъ тонъ и спрашивалъ короля о подробностяхъ его сношеній съ Екатериною... О Петрѣ III Павелъ отзывался, какъ о пьяницѣ и о государѣ, неспособномъ царствовать».

IV.

Императоръ Павелъ, тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, началъ приготовленія къ коронаціи, быть можетъ, вспоминая участь своего отца и примѣръ матери. Коронація назначена была на 5-е апрѣля, день Пасхи: этимъ надѣялись сдѣлать коронованіе двойнѣ священнымъ въ глазахъ народа. Дневникъ, который велъ Головкинъ во время коронаціи, включаетъ въ себѣ немало любопытныхъ подробностей. 15 марта императоръ съ своей супругою былъ

¹⁾ «Записки» его въ «Русской Старинѣ» 1904 г.

уже въ Петровскомъ дворцѣ, у вѣзда въ Москву; тамъ уже ожидали его высшіе сановники, дворъ и дамы первыхъ трехъ классовъ. Духовенство встрѣтило императорскую чету съ крестомъ и святою водою. Здѣсь же находился и знаменитый Платонъ, митрополитъ московскій. Занимаемое имъ мѣсто обезпечивало за нимъ право короновать государя, но императоръ не захотѣлъ этого, и главную роль при коронаціи долженъ былъ исполнять новгородскій митрополитъ Гавріилъ. Платонъ поставилъ себя выше этого оскорбленія и объявилъ, что онъ будетъ присутствовать при коронаціи, какъ простой священникъ своей церкви, и Павелъ не могъ запретить ему этого. Совсѣмъ больной, Платонъ явился, однако, въ Петровскій дворецъ. Зная его опалу, никто изъ придворныхъ не приближался къ нему. «Лишь я одинъ, — рассказываетъ Головкинъ, — хорошо познакомившись съ нимъ при неудачной попыткѣ его во время моей женитьбы обратить меня въ православіе (Головкины были протестанты), сталъ съ нимъ рядомъ. Онъ былъ тронутъ и сказалъ мнѣ, улыбаясь: «Среди массы православныхъ я могу только на еретика возложить свои надежды»... Когда ихъ величества, послѣ кратковременнаго отдыха, вновь появились въ залѣ, митрополитъ Гавріилъ привѣтствовалъ ихъ, какъ первенствующій членъ святѣйшаго синода. За нимъ говорилъ Платонъ, какъ мѣстный епископъ. Рѣчь его была продолжительна, но такъ прекрасна, такъ трогательна, что ихъ величества были потрясены до глубины души и со слезами на глазахъ цѣловали ему руки. Послѣ отвѣта государя начался обычный *baise-main* на колѣняхъ, сначала дамъ, потомъ кавалеровъ, послѣ чего императорская чета показала съ балкона громадной толпѣ народа, успѣвшей собраться для встрѣчи государя, хотя выходъ изъ Москвы къ Петровскому и былъ воспрещенъ для народа.

Опала Платона произошла оттого, что онъ противился намѣренію императора награждать духовенство орденами и самъ отказался принять орденъ св. Андрея Первозваннаго, говоря: «Кавалеръ долженъ носить шпагу, а шпага существуетъ для того, чтобы проливать кровь, кровь же оскверняетъ алтарь. Я не могу быть одновременно священникомъ и кавалеромъ». Ни просьбы, ни угрозы не могли поколебать его рѣшеніе. Два года спустя, когда начало проявляться неудовольствіе правленіемъ Павла, онъ далъ знать митрополиту, что ужасно видѣть, какъ первосвященникъ даетъ примѣръ неповиновенія. Тогда Платонъ уступилъ, тѣмъ скорѣе, что примѣръ его остался безъ подражателей, а самъ онъ долженъ былъ почти безвыѣздно сидѣть въ Троице-Сергіевой лаврѣ¹⁾.

¹⁾ Платонъ еще ранѣе возбудилъ гнѣвъ царственнаго воспитанника, не поспѣшивъ, по вошествіи его на престолъ, прибыть въ Петербургъ, по его приглашенію. Въ Москвѣ, по прибытіи государя на коронацію, Платонъ краснорѣ-

Предварительно коронаціи послѣдовала 3 апрѣля репетиція церемоній, совершающихся при коронованіи. «Репетиція эта, — рассказываетъ Головкинъ, — была одной изъ самыхъ интересныхъ сценъ, сопровождавшихъ торжества коронаціи, и тутъ мы присутствовали до полного изнеможенія силъ. Императоръ велъ себя, какъ ребенокъ, восхищенный приготовленными для него удовольствіями, съ наслажденіемъ, мало отвѣчавшимъ его возрасту. Нужно было имѣть большую дозу страха или благоразумія, чтобы, при взглядѣ на него, не выразить на лицѣ чувства большого, чѣмъ удивленіе. Послѣ полудня Павелъ захотѣлъ произвести въ тронной залѣ вторую репетицію для обученія императрицы. Когда ей сдѣланъ былъ знакъ помѣститься рядомъ съ императоромъ подъ балдахиномъ, она по незнанію или по разсчитанной скромности пошла съ боковой стороны. Тогда Павелъ сказалъ ей грубымъ голосомъ: «На тронъ такъ не всходятъ, сойдите внизъ и снова идите по прямому направленію». Мы должны были присутствовать во дворцѣ съ утра до вечера, не имѣя времени для выполненія самыхъ необходимыхъ дѣлъ, а такъ какъ Москва велика, то не хватало времени даже на кратковременную отлучку. Я лично въ теченіе послѣднихъ трехъ дней предъ коронованіемъ спалъ ночью всего лишь нѣсколько часовъ, а постоянную смѣну костюмовъ во время происходившихъ церемоній обыкновенно производили въ коридорахъ Чудова монастыря или въ безчисленныхъ уголкахъ древняго царскаго дворца».

Коронація совершилась 5-го апрѣля съ большой торжественностью и сопровождалась ливнемъ милостей, излитыхъ Павломъ на гатчинцевъ и другихъ своихъ сторонниковъ. Роздано было болѣе 82.000 душъ крестьянъ, такъ какъ Павелъ полагалъ, что въ частномъ владѣніи крестьяне пользовались большимъ благополучіемъ и приносятъ больше дохода государству, чѣмъ при казенномъ управленіи. Чины, ордена, брильянты—все, что можно было раздать, было роздано. «Я одинъ ничего не получилъ, — говоритъ Головкинъ, — хотя императоръ показывалъ ко мнѣ расположеніе. Я не сталъ бы и упоминать объ этомъ, если бы не вспомнилъ объ одномъ удачномъ словѣ по этому поводу и о фактѣ, который можетъ, при всей своей незначительности, дать понятіе о томъ, какъ шли дѣла въ это время. Ступени Краснаго крыльца покрыты были массой лицъ, поздравлявшихъ другъ друга съ полученными милостями и высчитывавшихъ пріобрѣтенныя выгоды, когда оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, увидя сверху, что я собираюсь сѣсть въ карету, крикнулъ мнѣ въ присутствіи слишкомъ друхсотъ лицъ: «Какъ это при та-

чиво изложилъ ему причины своего отказа принять пожалованный ему орденъ. Государь, при многихъ свидѣтеляхъ, перебилъ рѣчь митрополита и, пославъ ему рукою воздушный поцѣлуй, рѣзко сказалъ ему: «Прощайте, съ нами не говоришь».

комъ ливнѣ вы ухитрились остаться подъ зонтикомъ?»—«Вы сдѣлали бы мнѣ удовольствіе,—отвѣчалъ я,—если бы спросили о томъ у того, отъ кого это зависитъ, потому что самъ я ничего не знаю». На другой день, когда я вошелъ въ тронную залу, m-lle Нелидова, бывшая еще на положеніи интимнаго друга, тихо и довѣрительнымъ тономъ, какого она никогда еще не держалась по отношенію ко мнѣ, пригласила меня прійти въ три часа въ ея помѣщеніе, такъ какъ императоръ хотѣлъ меня видѣть частнымъ образомъ. Въ назначенное время я явился къ Нелидовой, и мы добрый часъ провели въ ожиданіи. Наконецъ появился Кутайсовъ, довѣренный слуга государя¹⁾, и сказалъ Нелидовой что-то на ухо. Я увидѣлъ, что она покраснѣла и смѣшалась. Когда Кутайсовъ вышелъ, она сказала мнѣ въ смущеніи: «Его величество изволилъ меня увѣдомить, что онъ задержался у императрицы, и что вы можете возвратиться домой». До сихъ поръ я не знаю ни того, что мнѣ предназначали, ни причины послѣдовавшей перемѣны; правда, что я и не пытался узнать объ этомъ».

Лицомъ, особенно возбуждавшимъ участіе публики во время коронаціи, была прекрасная по наружности супруга великаго князя Константина Павловича, Анна Теодоровна, которая была нездорова и, тѣмъ не менѣе, должна была присутствовать на торжествахъ. Во время обѣдни въ Чудовомъ монастырѣ съ великой княгиней сдѣлалось дурно, и Головкинъ едва успѣлъ подхватить ее и положить на одну изъ древнихъ гробницъ. Рассказывали шопотомъ о причинѣ ея нездоровья. Говорили, что великій князь, не любившій своей жены и подталкиваемый на жестокия шутки своими приближенными, привелъ однажды въ спальню великой княгини, когда она еще спала, гвардейскихъ барабанщиковъ, и по данному знаку они забили утреннюю зарю. Испугъ великой княгини былъ такъ великъ, что ее считали умершей. Желаніе великой княгини скрыть этотъ фактъ отъ государя принудило ее къ сверхъестественнымъ усиліямъ, чтобы появиться на торжествахъ коронаціи, и здоровье ея долгое время не могло быть восстановлено.

Недовольный тѣмъ, что церемоніи коронаціи приплы къ естественному концу, Павелъ придумалъ еще одну. Она состояла въ томъ, чтобы снимать поочередно съ него и съ императрицы, одну за другой, государственныя регаліи, прежде чѣмъ отдать ихъ на храненіе также въ торжественной процессіи. «И вотъ,—рассказываетъ Головкинъ,—мы увидѣли ихъ величествъ въ коронаціонномъ одѣяніи сидящими на тронѣ. Высшіе чины снимали съ нихъ послѣдовательно короны, скипетръ, державу, орденскія цѣпи, мантіи. Ихъ величества остались на тронѣ такъ обобранными (*denuées*), что по инстинктивному чувству, которое я не могу опредѣлить сейчасъ, у меня навернулись на глазахъ слезы».

¹⁾ Въ это время Кутайсовъ былъ уже оберъ-гардеробмейстеромъ V класса.

Дѣло, о которомъ мало говорили въ то время, но которое могло привести къ большимъ послѣдствіямъ, заключалось въ желаніи государя совершить, въ качествѣ главы церкви, литургію. Не рѣшаясь сдѣлать этотъ неслыханный еще шагъ въ столицѣ, Павелъ задумалъ отслужить первую свою обѣдню въ Казани, куда онъ собирался отправиться. Священныя облаченія, самыя роскошныя, были уже приготовлены для этой цѣли. Павелъ предполагалъ объявить себя исповѣдникомъ императорскаго семейства и всѣхъ своихъ министровъ. Синодъ, однако, успѣлъ удержать императора отъ выполнения страннаго его намѣренія съ рѣдкою находчивостію. При первомъ словѣ государя о своемъ желаніи члены синода, не давая замѣтить своего изумленія, представили ему, что церковные каноны воспрещаютъ совершеніе святыхъ таинствъ священнику, который вступилъ бы во второй бракъ. Такъ какъ Павелъ ранѣе не подумалъ объ этомъ, а потомъ не смѣлъ или не хотѣлъ измѣнить церковнаго правила, то ему пришлось отказаться отъ этого проекта. Онъ утѣшился, однако, надѣвая на себя во время своего говѣнія короткій далматикъ, съ малиновыми кружевами, вышитый жемчугомъ, и этотъ костюмъ, въ соединеніи съ его мундиромъ, ботфортами, длинной косою, громадной треугольной шляпой и невзрачной фигурой, представлялъ самое поразительное зрѣлище¹⁾. Встрѣтивъ однажды митрополита Платона, Головкинъ сказалъ ему:

— Ваше преосвященство должны быть довольны: на тронѣ—государь, полный религіознаго чувства.

— Увы!

— Какъ, развѣ ваше преосвященство не вѣрите этому?

— Какъ не вѣрить! Но, къ несчастію, религія, вмѣсто того, чтобы быть тамъ,—отвѣчалъ Платонъ, показывая на сердце,—находится здѣсь,—и при этомъ указалъ на лобъ.

Два важные акта ознаменовали торжество коронаціи: первымъ опредѣлялось наслѣдованіе престола, вторымъ—права и обязанности кавалеровъ орденовъ. Но оба они не достигли своей цѣли. Замѣчательно, что Головкинъ не упоминаетъ о третьемъ важномъ узаконеніи Павла за это время—ограниченіи барщинныхъ дней для крѣпостныхъ крестьянъ тремя днями въ недѣлю.

Императрица Марія обнаруживала не меньшую склонность къ церемоніямъ, какъ и супругъ ея. Парадные туалеты были ея сла-

¹⁾ Желаніе Павла совершать литургію не доказывается никакими документами. Далматикъ, это древнее одѣяніе византійскихъ императоровъ, имѣетъ видъ архіерейскаго саккоса, которому онъ послужилъ прототипомъ. Единственное свидѣтельство, что Павелъ, какъ помазанникъ Божій, признавалъ за собою нѣкоторыя церковныя права, относится въ первый разъ къ концу 1799 года. 19-го ноября 1799 г., въ Гатчинѣ, во время литургіи, которую совершалъ Амвросій, архіепископъ петербургскій, «его императорское величество приобщился св. таинъ внутри св. алтаря съ св. престола», о чемъ оберъ-прокуроръ синода, Хвостовъ, предложилъ записать въ журналъ. Портретъ императора Павла въ далматикѣ написанъ Боровиковскимъ.

бостію. Что могло бы утомить всякую другую женщину, не отзывалось никакъ на ея внѣшности. Даже въ періодѣ беременности она весь день оставалась въ парадномъ костюмѣ и, крѣпко стянутая, въ промежуткѣ между обѣдомъ и баломъ, такъ же свободно, какъ другая женщина въ домашнемъ костюмѣ, вела свою корреспонденцію, занималась вышиваніемъ и даже работала съ медальеромъ Лебрехтомъ. Отношенія ея къ мужу значительно улучшились послѣ того, какъ она, по совѣту своей матери, сблизилась съ Нелидовой, а г-жа Бенкендорфъ умерла въ скоромъ времени по восшествіи Павла на престолъ: смерть эта успокоила боязнь его, что онъ можетъ вновь попасть подъ иго. Но при дворѣ уже зрѣли интриги противъ вліянія императрицы и Нелидовой...

Любопытныя подробности сообщаетъ Головкинъ о положеніи въ царствованіе Павла великаго князя Александра. Сначала онъ былъ въ восторгѣ отъ совершившейся перемѣны и выражалъ даже удовольствіе, что не принужденъ болѣе подчиняться власти старой женщины. Ему было назначено 500.000 рублей содержанія, а его супругѣ—150.000 рублей. Онъ командовалъ вторымъ гвардейскимъ полкомъ (Семеновскимъ), состоялъ главнымъ инспекторомъ арміи, с.-петербургскимъ генераль-губернаторомъ, засѣдалъ даже въ сенатѣ, но власть его была лишь кажущаяся: онъ не могъ совершать перемѣнъ, даже давать свою подпись безъ особаго разрѣшенія. Питомецъ и жертва гатчинцевъ, великій князь чувствовалъ, что они видятъ въ немъ не своего начальника или сына государя, а просто своего ученика, котораго они могутъ порицать и третировать. Подавленный работою, принужденный исполнять обязанности полковаго командира въ полномъ ихъ объемѣ, имѣя для сна лишь нѣсколько часовъ, едва пользуясь возможностью видѣть свою жену, Александръ былъ въ отчаяніи, не осмѣливаясь ни жаловаться, ни даже удостоивать кого либо своимъ расположеніемъ изъ боязни навлечь на него гнѣвъ родителя. Но не прошло и года, какъ зло не осталось безъ лѣкарства. Примѣнившись къ обстоятельствамъ, Александръ умѣлъ привлечь къ себѣ, не нарушая сыновней вѣрности, симпатіи общества и уваженіе своихъ сослуживцевъ. Императоръ замѣтилъ это и началъ еще строже относиться къ сыну, не стѣсняясь даже публично выражать ему свое неудовольствіе.

По возвращеніи изъ Москвы въ Петербургъ, императоръ дѣйствовалъ еще самовластно. Каждый день былъ свидѣтелемъ неожиданныхъ опалъ и милостей, которымъ никто не могъ отдать себѣ разумнаго отчета. Во время опальной жизни въ Гатчинѣ наслѣдникомъ, Павелъ дѣлалъ у себя замѣтки, какъ о событіяхъ, такъ и о лицахъ, не зная въ сущности ни тѣхъ, ни другихъ. Замѣтки эти онъ нашелъ теперь, и онѣ напомнили ему о многомъ. И многіе нашли себѣ теперь награду или возмездіе за дѣла, о которыхъ они сами уже позабыли...

V.

О лицахъ, окружавшихъ императора Павла и пользовавшихся его довѣріемъ, Головкинъ даетъ правдивые, хотя и краткіе отзывы. Крайности, до которыхъ дошла суровая правительственная опека Павла, лежать, по его мнѣнію, на отвѣтственности ближайшихъ его совѣтниковъ.

Николай Петровичъ Архаровъ, петербургскій генераль-губернаторъ, сдѣлалъ Павла изъ личныхъ цѣлей болѣе подозрительнымъ и самовластнымъ, превративъ постепенно свое полицейское вѣдомство въ царство ужаса для жителей Петербурга. Онъ первый задумалъ господствовать надъ императоромъ, указывая ему на недовольныхъ и заговорщиковъ, питая его подозрительность и наталкивая на самыя грубыя мѣры. Цѣлью Архарова было изолировать государя, окруживъ его лишь лакеями по должности или по характеру и сдѣлаться единственнымъ необходимымъ для него человекомъ. Благодаря Архарову, столица, гдѣ прежде жизнь текла свободная, какъ воздухъ, постепенно превратилась въ тюрьму, окруженную стражей, дворецъ превратился въ предметъ страха, мимо котораго проходили съ дрожью въ тѣлѣ, и предъ которымъ даже въ отсутствіе государя можно было пройти не иначе, какъ снявъ шапку; улицы Петербурга превратились въ пустыню; высшіе чины двора не могли попасть туда иначе, какъ получивъ нѣсколько разъ дозволеніе полиціи. Таково было положеніе. Архаровъ былъ скоро смѣщенъ, но система его сдѣлалась руководящей для его преемниковъ. Другое лицо, пользовавшееся довѣріемъ Павла, князь Безбородко, могъ бы способствовать успокоенію его постепенно возрастающаго возбужденія, но онъ былъ большой эгоистъ, слишкомъ преданный и важнымъ дѣламъ, и низкимъ удовольствіямъ, слишкомъ благоразумный, сказать болѣе, слишкомъ ничтожный собесѣдникъ по своему происхожденію, воспитанію и манерамъ, для того, чтобы вліять на Павла съ успѣхомъ. Онъ упрочилъ карьеру племянника своего Кочубея, доставивъ ему, несмотря на его молодость и посредственныя способности, мѣсто вице-канцлера. Съ тѣхъ поръ Безбородко могъ взвалить на его плечи бремя управленія иностранными дѣлами, невыносимое для него по его лѣности.

Другой человекъ, который могъ бы имѣть полезное вліяніе на Павла, былъ князь Александръ Куракинъ. Онъ былъ близкимъ другомъ Павла съ самаго его дѣтства, но милость къ нему основывалась только на его лести и на привычкѣ Павла видѣть его, не возбуждая тѣмъ безпокойства въ другихъ. Онъ любилъ блистать, но не заслугами или нравственнымъ вліяніемъ, но брильянтами и позолотой и жидать важныхъ должностей потому

только, что онъ давали ему случай выставять то и другое напоказъ. Онъ достигъ всѣхъ, но не сумѣлъ пользоваться ни одной; даже ссылка, которой онъ подвергся временно, не внушила ему мысли подвигнуть своего царственного друга на путь, болѣе достойный монарха. Поддерживаемый братомъ своимъ, княземъ Алексѣемъ, получившимъ генераль-губернаторскую должность и Андреевскую ленту, Куракинъ воображалъ себя чуть не повелителемъ государства въ то время, какъ самый ничтожный гатчинецъ имѣлъ большее значеніе. Но отъ немилости, общей для всѣхъ участи при Павлѣ, не спасли Куракиныхъ ни императрица, ни Нелидова, съ которыми они были въ союзѣ. Этимъ братьямъ Куракинымъ обязанъ былъ голландскій банкиръ Вутъ поддержкой двора своимъ финансовымъ планамъ, которые могли повести къ разоренію русскаго дворянства...

Императрица не обладала дурнымъ сердцемъ, но ея желаніе имѣть вліяніе было причиною многихъ золъ. Будучи добродѣтельной, вѣрной женою, она имѣла случаи часто рассказывать мужу новости, вѣрныя или нѣтъ, и давать ему совѣты; въ этихъ случаяхъ императрица не щадила никого, ни друзей, ни враговъ. Головкину сообщали, что, когда въ моментъ ухода императора съ вечерняго приѣма императрица говорила ему: «*Mon cher ami, j'aurai bien des choses à dire à votre majesté impériale, si elle le permettrait*», — на другой день непременно слѣдовала чья либо опала. Самъ Головкинъ, возбудивъ немилость къ себѣ императрицы, подвергся дѣйствию этой знаменитой въ то время фразы, которую онъ лично слышалъ, и на другой же день ему было сказано отъ имени государя, что его величество не потерпитъ якобинцевъ Россіи. На этотъ разъ, однако, Головкинъ отдѣлался тѣмъ, что государь говорилъ съ нимъ только по дѣламъ церемоніальной части.

28-го января 1798 года у Павла родился сынъ, нареченный Михаиломъ. Врачъ, лѣчившій императрицу, объявилъ затѣмъ, что при новыхъ родахъ онъ не отвѣчаетъ за ея жизнь. Это подало поводъ интриганамъ озаботиться, чтобы вблизи рыцарскаго императора выросло новое женское вліяніе, враждебное императрицѣ и Нелидовой. Вліяніе это выразилось въ лицѣ Анны Петровны Лопухиной, которая обратила на себя вниманіе государя во время поѣздки его въ Москву весною 1798 года. Императрица и Нелидова не остереглись, вмѣшались въ дѣло, и наступила буря. Около 10-ти часовъ утра, 25-го іюля, императоръ призвалъ къ себѣ великаго князя Александра Павловича и поручилъ ему передать его матери приказъ, чтобы она болѣе никогда не вмѣшивалась въ дѣла. Великій князь отклонилъ отъ себя это порученіе, ссылаясь на свое сыновнее чувство, и пробовалъ заступиться за мать, но Павелъ внѣ себя вскричалъ: «Я думалъ, что потерялъ только жену, но

вижу, что потерялъ и сына!» Сынъ бросился къ ногамъ отца и плакалъ, не успѣвъ, однако, смягчить его. Павелъ пошелъ самъ къ императрицѣ, грубо обошелся съ ней, и говорятъ даже, что если бы сынъ не вошелъ въ-время и не бросился между родителями, то неизвѣстно, какія могли бы быть послѣдствія. Вѣрно то, что императрица была заперта на замокъ и въ теченіе трехъ часовъ не могла никого видѣть. Нелидова, которую считали способною успокоить Павла, явилась къ нему, но, вмѣсто того, чтобы смягчить его, имѣла неблагоразуміе, странное съ ея стороны, осыпать его упреками. Она указала ему на несправедливость его поведения по отношенію къ императрицѣ, столь добродѣтельной, столь чтимой, сказала даже, что она обожаема всѣмъ народомъ (что, въ сущности, ложно было само по себѣ, и что опасно было говорить въ данное время); объяснила, наконецъ, что всѣ считаютъ его тираномъ, и что онъ сдѣлался предметомъ смѣха для всѣхъ, кто не умеръ еще отъ страха, что онъ мучитель. Удивленіе императора, который слушалъ ее сначала хладнокровно, смѣнилось яростью. «Я знаю,—вскричалъ онъ,—что творю только неблагодарныхъ, но я возьму желѣзный скипетръ, и вы первая пострадаете. Идите!» Едва Нелидова вышла изъ кабинета, какъ получила приказъ немедленно оставить дворъ. «Мнѣ кажется даже,—прибавляетъ Головкинъ,—что она была формально сослана въ замокъ Лоде въ Эстляндіи»¹⁾. Послѣдствія показали, что главнымъ образомъ вель всю интригу. Всѣ сторонники императрицы и вмѣстѣ съ тѣмъ старые друзья Павла были уволены, а Кутайсовъ изъ брандубрея сдѣлался егермейстеромъ и получилъ орденъ св. Александра Невскаго.

Какъ разъ въ это время прибылъ изъ Раштадта австрійскій посоль, графъ Кобенцель. Въ концѣ аудіенціи императоръ сказалъ ему: «Если у васъ есть пакеты для императрицы, то вы вручите ихъ мнѣ публично, когда я пойду къ столу, потому что обстоятельства перемѣнились, и она не вмѣшивается ни во что». Довѣренность странная, а затрудненіе для посла чрезвычайное, такъ какъ при отъѣздѣ своемъ онъ, по приказанію императора, вель переговоры только съ императрицей и теперь привезъ ей отвѣты и разъясненія, которыя долженъ былъ сдѣлать устно. Что касается до графа Безбородка, то, управляя иностранными дѣлами, онъ почти не показывался во дворецъ, предоставивъ его лакеямъ (назвекъ на Кутайсова), которые занимали въ немъ первое мѣсто. Заканчивая свой рассказъ объ опалѣ Нелидовой, Головкинъ передаетъ фактъ рыцарскаго отношенія къ ней достаточно настроеннаго

¹⁾ Въ дѣйствительности, Нелидова уѣхала туда съ подругой своей, графиней Буксгевденъ, вопреки желанію Павла, который пробовалъ даже примириться со старымъ своимъ другомъ. См. книгу нашу: «Екатерина Ивановна Нелидова».

противъ нея императора. Возвращаясь съ парада во дворецъ, онъ встрѣтилъ Нелидову и Буксгевденъ, направлявшихся въ Лоде. Государь снялъ свою перчатку и оставался безъ шляпы до тѣхъ поръ, пока карета не проѣхала. Наканунѣ этого дня діаконъ, провозглашая на эктеніи во время обѣдни имена высочайшихъ особъ, по ошибкѣ назвалъ великаго князя Константина императоромъ. Павелъ въ раздраженіи тотчасъ же приказалъ лишить этого діакона мѣста.

Головкинъ подробно рассказываетъ фактъ принятія императоромъ Павломъ Мальтійскаго ордена подъ свое покровительство. Павелъ руководился при этомъ мыслию поддержать существованіе ордена и религиозно-аристократическія идеи, которымъ онъ долженъ былъ служить. Но люди, содѣйствовавшіе водворенію ордена на русской почвѣ, преслѣдовали исключительно личныя, даже просто корыстныя цѣли. Головкинъ упоминаетъ при этомъ имена братьевъ Литта, князя Салтыкова, Ростопчина и др. Уважая орденъ, принявъ званіе его гротмейстера, Павелъ, однако, не стѣснялся его правилами: гр. Юлій Литта получилъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ съ племянницей Потемкина, графиней Скавронской, а мальтійскій крестъ получили двѣ дамы: графиня Литта и Анна Петровна Лопухина, вышедшая замужъ за князя Гагарина.

«Записки» Головкина заканчиваются на самомъ интересномъ для исторіи царствованія Павла мѣстѣ — началѣ 1799 года, когда запутанныя отношенія императора къ семьѣ и къ окружавшимъ его людямъ создали ненормальное теченіе дѣлъ въ государствѣ и грозили въ будущемъ катастрофой. Издатель, г. Вонпет, не сомнѣвается въ существованіи продолженія этихъ «Записокъ» и даетъ понять, что оно было будто бы выкрадено изъ семейнаго архива «*par des gens restés inconnus, mais probablement en rapport avec*» . . . (точки въ подлинникѣ). Если сіи точки означаютъ намекъ на Россію, то издатель несомнѣнно ошибается. У покойнаго кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ списокъ «Записокъ», но именно части ихъ, содержащей исторію императора Павла, въ ней не было; между тѣмъ, покойный князь, страстно предававшійся занятіямъ по исторіи Павловскаго времени, получилъ этотъ списокъ изъ-за границы и, какъ намъ достоверно извѣстно, съ разрѣшенія владѣльца оригинала. Въ Россіи же, хотя князю доступны были всѣ секретныя архивы, не было и слѣда Головкинскихъ «Записокъ». Пожелаемъ г. Вонпету счастливыхъ розысковъ конца «Записокъ» тамъ, гдѣ они хранились, т.-е. въ Швейцаріи или во Франціи.

Евгеній Шумигорскій.

СОЛЯНОЕ ЦАРСТВО.

(Воспоминанія чиновника).

ОСЛѢ присоединенія Крыма къ Россіи (въ 1783 г.) всѣ соляныя озера въ Крыму находились въ завѣдываніи Таврической казенной экспедиціи (переименованной впослѣдствіи въ казенную палату). При экспедиціи состояло особое соляное отдѣленіе, чиновники котораго слѣдили за добычею и продажею соли на казенныхъ и частныхъ самосадочныхъ озерахъ. Въ то время, кромѣ акциза, продажная цѣна на казенную соль устанавливалась на каждый годъ особо, соображаясь съ общимъ состояніемъ финансовъ въ государствѣ и съ мѣстными условіями и выгодами.

Дѣло это такъ велось до 1825 года; затѣмъ правительство, чтобы расширить соляную промышленность и извлечь больше дохода съ крымской казенной соли, которая тогда по качеству считалась одной изъ лучшихъ въ Россіи, учредило въ Таврической губерніи особое управленіе подъ наименованіемъ «Крымское соляное правленіе», которое находилось на границѣ Крыма, въ городѣ Перекопѣ, съ большимъ штатомъ чиновниковъ, чертежниковъ, вахтеровъ, корчемной стражи и проч.

На обязанности соляного правленія было добывать соль средствами казны на казенныхъ самосадочныхъ озерахъ и сбывать ее покупателямъ, взыскивая въ пользу казны установленный акцизъ и продажную цѣну только за ту соль, которая шла за предѣлы Крымскаго полуострова внутрь Россіи; внутри же Крыма соль отпускалась на мѣстное потребленіе безъ акциза, и взыскивалась только продажная цѣна; если же она отвозилась моремъ, то на льготномъ правѣ, за границу же отпускалась безъ акциза. Если

соль погибала въ морѣ, то отправлявшаяся взамѣнъ ея чрезъ таможи соль не оплачивалась акцизомъ. На границахъ Крыма были учреждены контрольныя заставы: въ Перекопѣ, на Чонгарскомъ мосту и въ мѣстечкѣ Геническѣ. Постройка солидныхъ каменныхъ зданій для всѣхъ служащихъ чиновниковъ, вахтеровъ, кордонной и караульной командъ и служителей въ Перекопѣ, при озерахъ и заставахъ, наемъ въ разныхъ торговыхъ городахъ помѣщеній для склада и продажи казенной соли, устройство мостовъ и дамбъ, паромныхъ переправъ чрезъ Днѣпръ— Бериславской и Никопольской, исправленіе солевозныхъ дорогъ, больницъ для рабочихъ при озерахъ, покупка медикаментовъ изъ вольной аптеки для соляныхъ чиновниковъ и рабочихъ при озерахъ, содержаніе докторовъ, наемъ рабочихъ для добыванія соли и проч.,— все это производилось на средства казны своими же чиновниками соляного правленія особымъ способомъ. На Кинбурнской косѣ и въ «Прогнояхъ» Днѣпровскаго уѣзда и на Арабатской стрѣлкѣ (между Гнилымъ и Азовскимъ морями) казенная земля, находящаяся въ вѣдѣніи соляного правленія, отдавалась частнымъ лицамъ въ аренду, и особо вималась плата за сѣнокосъ и пастьбу скота и за проѣздъ частныхъ лицъ чрезъ Геническую и Чонгарскую заставы, отъ которыхъ доходъ долженъ былъ составлять для казны солидную сумму.

Затѣмъ были еще особые комиссары, обязанность которыхъ состояла только въ томъ, что они должны были ѣздить каждый годъ въ началѣ весны въ разныя губерніи съ предложеніемъ купцамъ и чумакамъ пріѣзжать въ Крымъ за солью, возя на показъ и ея пробу. Но поѣздки эти комиссары врядъ ли когда исполняли, а только аккуратно представляли начальству счетъ о своемъ путешествіи, сидя дома и получая за это, конечно, отъ казны прогонныя и суточные деньги, такъ какъ купцамъ и чумакамъ и безъ приглашенія комиссаровъ хорошо было извѣстно о крымской соли, и они сами всегда пріѣзжали на озера за покупкою ея, занимаясь спеціально этимъ дѣломъ съ давняго времени, перепродавая ее купцамъ внутри Россіи.

Населеніе Перекопа составляло тогда не болѣе полторы тысячи душъ и состояло главнымъ образомъ изъ чиновниковъ соляного правленія и чиновниковъ разныхъ уѣздныхъ учреждений, а затѣмъ купцовъ и мѣщанъ. Въ пяти же верстахъ отъ Перекопа, по дорогѣ въ Крымъ, въ предмѣстьѣ города—Армянскомъ базарѣ, населенія было около трехъ тысячъ душъ, и состояло оно изъ купцовъ и мѣщанъ разныхъ національностей: армянъ, караимовъ, евреевъ, татаръ и цыганъ; изъ русской же интеллигенціи находился педагогическій персоналъ уѣзднаго училища и полицейскій квартальный надзиратель съ нѣсколькими городовыми.

Бойкой торговлѣ купцовъ Перекопа и Армянска содѣйствовали чиновники, чумаки, пріѣзжавшіе за солью, и множество пришлыхъ

рабочихъ, отправлявшихся на соляныя озера для вывощки соли. Ежегодно, начиная съ конца марта и по ноябрь мѣсяцъ, цыганы устраивали между Перекопомъ и Армянскомъ шатры и, поселившись въ нихъ со своими семьями, имѣли отъ чумаковъ хорошіе заработки: исправляли ихъ возы при поломкѣ, продавали имъ разные ремни и налыгачи для упряжи воловъ, помогали чумакамъ при взвѣшиваніи у контрольной заставы соли ссыпать ее съ воевъ и насыпать обратно на возы, а жены ихъ занимались гаданьемъ, выманивая у простодушнаго чумака деньги; кромѣ того, семья каждаго цыгана, благодаря чумацкимъ воламъ, собирала себѣ за лѣто на зиму для топлива скотскій помѣтъ. Для соляной промышленности и торговли самое горячее время было съ апрѣля по ноябрь мѣсяцъ. Требованіе на крымскую соль, какъ соль хорошаго качества, было такое усиленное, что за это время почти ежедневно пропускалось чрезъ главную Перекопскую контрольную заставу чумацкихъ фуръ (повозокъ) отъ 2.000 до 2.500, считая не менѣе 50 пудовъ на фуру, что составляло отъ ста до ста двадцати пяти тысячъ пудовъ соли, и валки съ чумацкими возами занимали всю площадь по дорогѣ отъ Армянска до Перекопа на разстояніи пяти верстъ въ длину и съ версту въ ширину, оставляя только узкую полосу сажени въ двѣ съ половиною для проѣзжей дороги.

До чего провозилась усиленно соль, видно изъ того, что для водопоя чумацкихъ воловъ въ городѣ, на обширной площади, вблизи заставы были вырыты въ землѣ два огромныхъ бассейна не менѣе 250 квадратныхъ сажень каждый, которые наполнялись дождевой водой и долго не высыхали. Воду эту пилъ чумацкій скотъ, потому что хотя и были въ городѣ два казенныхъ водопойныхъ колодца, но при такой массѣ скота напоить ихъ изъ колодцевъ не было ни времени, ни физической возможности, такъ какъ чумакъ шелъ непрерывно: одинъ изъ Крыма съ солью, а другой направлялся въ Крымъ или съ пустыми возами или везъ какойнибудь грузъ, заказанный купцами для доставки въ Перекопъ, Симферополь и другіе города, съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути взять соль. Чумакъ шелъ за солью изъ губерній: Кіевской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Херсонской и изъ Днѣпровскаго уѣзда Таврической, и потому иногда подъ Перекопомъ и въ самомъ городѣ останавливалось для водопоя такое множество воловъ, что за день можно было насчитать по числу проходящихъ чумацкихъ валокъ съ фурами отъ восьми до десяти тысячъ головъ.

Бывало въ лѣтнее время, при бездождіи, когда отъ жары земля высыхала, отъ чумацкихъ воевъ при малѣйшемъ вѣтрѣ подымалась такая густая пыль, что солнца не было видно, и весь городъ былъ какъ бы въ желтомъ туманѣ; пыль проникала во всѣ щели домовъ, такъ что вся домашняя утварь покрывалась тол-

стымъ слоемъ пыли. Чумаки же отъ пыли и пота были закопченъ донельзя, у него на тѣлѣ образовывалась отъ грязи кора, не говоря уже о грязномъ платьѣ, которое покрывало его грѣшное тѣло.

Съ ноября и по апрѣль мѣсяцъ, когда начинались дожди и холода, движеніе чумаковъ и рабочихъ прекращалось, и соляная операція до будущей весны бездѣйствовала, но зато начиналась другого рода дѣятельность. Со всѣхъ озеръ прїѣзжали на зиму жить въ Перекопъ соляные чиновники, и тогда въ Перекопѣ открывалась широкая масленица.

Но, прежде чѣмъ коснуться частной, виѣ служебной жизни бывшихъ соляныхъ чиновниковъ, которые теперь почти всѣ успокоились и лежатъ въ сырой землѣ, разсмотримъ ихъ офиціальную дѣятельность.

Всѣ казенныя зданія въ городѣ были выстроены изъ камня, взятаго изъ бывшей турецкой крѣпости: рва и насыпи, высланныхъ прежде камнемъ и тянувшихся по перешейку на протяженіи болѣе семи верстъ между Чернымъ и Гнилымъ морями.

Въ 1856 году еще существовала часть каменной крѣпости съ крѣпостными воротами, но въ 1873 году я всего этого уже не засталъ, а оставались только отъ рва кусокъ стѣны у самаго берега Чернаго моря и ровъ, когда-то глубокій и широкій, наполнявшійся съ моря при помощи шлюзовъ водой.

Холостые чиновники солянаго правленія занимали въ городѣ большой казенный домъ у базарной площади, устройство котораго было похоже на гостиницу. Внутри черезъ весь домъ тянулся длинный коридоръ, а съ обѣихъ сторонъ были отдѣльные номера для каждаго чиновника съ просторными, высокими и свѣтлыми комнатами, убирать которыя обязаны были служащіе при этихъ номерахъ сторожа солянаго правленія. Семейнымъ же чиновникамъ давались отдѣльно каждому особыя казенныя квартиры въ нѣсколько просторныхъ комнатъ со всѣми службами, смотря по должности, занимаемой на службѣ чиновникомъ, и по числу душъ его семьи. Еще были запасныя отдѣльныя квартиры для тѣхъ чиновниковъ, которые лѣтомъ находились при соляныхъ озерахъ, а зимой жили въ городѣ. Соляное же правленіе помѣщалось въ большомъ двухъэтажномъ зданіи.

Начальствующій надъ штатомъ чиновъ солянаго правленія назывался управляющимъ, и подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ и отчетомъ находились всѣ операціи солянаго дѣла въ Таврической губерніи. Надъ дѣйствіями управляющаго контроля не было, а онъ только представлялъ ежегодно въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ отчетъ, вслѣдъ за которымъ ѣздилъ и самъ въ Петербургъ, и отчетъ департаментомъ утверждался безъ всякихъ начетовъ и особыхъ замѣчаній.

Поставленное въ такія условія собраніе соляныхъ чиновниковъ образовало совершенно изолированный кружокъ людей, дающій отчетъ только своему начальнику, а послѣдній былъ какъ бы «царькомъ» въ своемъ подвластномъ ему учрежденіи и только платилъ русской казнѣ извѣстную дань, собираемую въ видѣ акцизнаго налога. Вообще большинство чиновниковъ того времени смотрѣли на систему управленія казенными доходами просто, какъ на легкій, хотя и не совсѣмъ невинный способъ, обогащенія своего а чиновники соляного правленія шли далѣе и примѣняли эти взгляды на дѣлѣ, какъ нѣчто должное.

Чиновниковъ соляного правленія можно было раздѣлить на три категоріи: первая категорія стояла у казеннаго прессы и выжимала деньги: для себя, соляного короля и его приближенной свиты. Вторая категорія, приближенная свита короля, занималась всякими искусствами, а главное натурализаціей денегъ; а третья категорія, вооруженная перьями и бумагой, день и ночь строчила у письменныхъ столовъ канцелярїи соляного правленія, отписывая и переписывая входящія и исходящія бумаги, и, щелкая на счетахъ, сводила тонко и гладко всѣ концы по операціямъ управленія для годовыхъ отчетовъ, за каковой трудъ каждый изъ нихъ получалъ отъ короля къ рождественскимъ праздникамъ въ подарокъ полугодовой окладъ въ размѣрѣ получаемаго содержанія отъ казны.

Главнымъ фундаментомъ первой категоріи были пристава соляныхъ озеръ, на обязанности которыхъ лежало нанимать рабочихъ для вывочки соли, вести счетъ добытой соли и ея отпускъ съ озеръ. Рабочихъ они нанимали сами, назначали цѣну сами и разсчитывались съ ними сами. Добытая соль дѣлилась на двѣ части: одна записывалась на приходъ, куда слѣдовало, другая — не существовала. Первую они отпускали съ озеръ чумакамъ, которая пропускалась чрезъ контрольную заставу со взысканіемъ акциза для казны. Несуществующая же соль тоже отпускалась чумакамъ и тоже проходила чрезъ контрольную заставу со взысканіемъ акциза, только существующаго не для казны... Большую роль въ соляномъ дѣлѣ играли при главной перекопской заставѣ контролеръ съ своими помощниками и казначей. Повѣрка ими на заставѣ чумацкихъ валокъ съ солью практиковалась слѣдующимъ способомъ. Контролеръ, идя провѣрять вмѣстѣ съ своими помощниками и вахтерами валки противъ накладныхъ, бралъ съ каждой валки (смотря по числу возовъ въ валкѣ, которая не превышала болѣе 50 фуръ) на глазомѣръ одинъ или два воза на повѣрку. На каждомъ возу, согласно накладной, отиѣчались мѣломъ номеръ воза и количество въ немъ пудовъ. За контролеромъ вслѣдъ шли отдѣльно между возами его помощники и, заложивъ руки назадъ, шевеля пальцами, говорили втихомолку каждому чумаку: «чухайся».

Слово это означало, чтобы чумаки клалъ въ ихъ руки взятку (извѣстную по таксѣ), и чумаки безирекословно исполняли ихъ требованіе. Контролеръ же получалъ отъ чумаковъ взятку другимъ способомъ. При отобраніи отъ чумаковъ накладныхъ для повѣрки валокъ, онъ, какъ опытный по этой части, сразу по глазомѣру, могъ опредѣлить, сколько въ каждомъ возѣ находилось пудовъ соли, и, если чумаки далъ взятку ему хорошо, то онъ бралъ на повѣрку такой возъ, въ которомъ излишка не было. Если же взятка оплачивалась плохо, то тому чумаку доставалось отъ контролера жутко: тогда онъ возвращалъ ему взятку со строгимъ выговоромъ и выбиралъ на повѣрку такіе возы, гдѣ непременно оказывался излишекъ соли, и излишекъ большой, и чумаку приходилось платить за всю валку акцизъ и продажную цѣну въ двойномъ размѣрѣ. Поэтому чумаку былъ прямой расчетъ лучше задобрить контролера хорошей мздой, чѣмъ подвергаться большому штрафу, такъ какъ не во всѣхъ возахъ былъ у него большой излишекъ противъ накладной. А вахтера заставы получали отъ чумака за слабый ихъ надзоръ при провѣркѣ и пропускѣ чрезъ заставу валокъ съ солью (такъ какъ случалось иногда, что въ валкѣ противъ накладной число фуръ было больше) помимо денежной мелочи еще пшеномъ и свинымъ саломъ. Для этого даже была устроена вахтерами вблизи заставы, немного въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, спеціально-деревянная будка, съ открытымъ окномъ, куда каждый чумаки обязательно клалъ для нихъ пшено и сало, и они дѣлились между собой этими припасами вечеромъ, когда застава прекращала свои дѣйствія. Хорошо былъ и казначей заставы. Помимо того, что съ каждаго чумака онъ бралъ извѣстный процентъ дани, онъ еще и мошенничалъ: то у него окажется, что будто какой нибудь чумаки, платя деньги за соль, не додалъ ему пяти или десяти рублей, которые онъ во время счета денегъ ловко и незамѣтно отъ глазъ чумака успѣвалъ бросить въ денежный ящикъ своего стола, а то найдетъ, что нѣкоторыя изъ ассигнацій у чумака будто фальшивыя, и требуетъ, чтобы чумаки далъ взаменъ ихъ другія деньги, а тѣ ассигнаціи какъ бы арестовывалъ и составлялъ объ этомъ протоколъ. Чумаки же по своей простотѣ кряхтѣлъ, чесалъ затылокъ, иногда даже плакалъ, но въ концѣ концовъ платилъ. А тѣ ассигнаціи, что оказывались будто фальшивыми и арестованными казначеемъ, впоследствии превращались въ годныя для обращенія и попадали въ карманы казначея и контролера, протоколъ же, составленный только для виду, чтобы одурачить чумака, уничтожался. Одно только было для казначея заставы неприятно и даже опасно, чтобы не заразиться какой нибудь болѣзнію отъ чумацкихъ денегъ, которыя они хранили отъ воровъ въ своихъ огромныхъ сапогахъ завернутыми въ грязныя онучи, и тамъ же на заставѣ стаскивали съ себя сапоги

и вынимали оттуда деньги. Чумаки видѣль, что его кругомъ обираютъ и надуваютъ, и самъ тоже не зѣвалъ, а старался всегда набрать на возы изъ озеръ соли больше, чѣмъ значилось въ накладныхъ, и были такіе нагруженные возы, что пара сильныхъ воловъ едва въ состояніи была кое-какъ дотащить до заставы, а иногда запрягались, если бывали большіе двойные возы, и по двѣ пары воловъ, сзади же, т.-е. въ концѣ валки, привязывали два или три воза пустыхъ съ волами, ссылаясь на то, что будто возы эти у нихъ поломались, и нельзя было набрать соли. Пройдя же заставу, чумаки перекрестятся и, выѣхавши только за городъ, сейчасъ же съ тѣхъ слишкомъ нагруженныхъ возовъ часть соли онѣ пересыпалъ въ пустые возы и такимъ образомъ въ убыткѣ тоже не былъ. А контролеръ заставы и его помощники хотя и знали эту чумацкую продѣлку, но, получивъ хорошую взятку, не брали на повѣрку такіе слишкомъ нагруженные возы съ солью. Всѣ эти поборы чиновниками при взысканіи дѣйствительнаго акциза для казны были только цвѣточки. Ягодки же срывались при пропускѣ чрезъ заставу соли, которая «не существовала». Вотъ какъ мнѣ объ этомъ самъ участникъ этой операціи, прослужившій контролеромъ при перекопской заставѣ болѣе 25 лѣтъ, Ѡ. Падалка, рассказывалъ. Это было въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Получивъ свѣдѣніе отъ приставовъ соляныхъ озеръ, что на страстной недѣлѣ въ пятницу должна пройти чрезъ заставу изъ озеръ масса «чумака» съ солью болѣе ста тысячъ пудовъ, и что въ томъ числѣ будетъ провезена большая часть «несуществующей» соли, онъ, Падалка, условившись съ казначеемъ заставы Шидянскимъ, чтобы имъ никто не мѣшалъ, отпустили всѣхъ служащихъ вахтеровъ при заставѣ въ церковь къ плащаницѣ, а сами, провѣривъ быстро валки и взыскавъ съ чумака деньги за соль, открыли сразу всѣ три шлагбаума и мигомъ пропустили ихъ чрезъ заставу, заработавъ въ тотъ день, какъ выразился онъ, каждый на свой пай до пяти тысячъ рублей. Брать же такіе куши въ свою пользу вынуждали, по его словамъ, тѣ обстоятельства, что бывший управляющій солянымъ правленіемъ Озерецковскій, выѣзжая въ Петербургъ по службѣ почти каждый годъ, а иногда и два раза въ годъ, передъ своимъ отъѣздомъ всегда звалъ его къ себѣ на домъ и требовалъ, чтобы онъ приготовилъ ему на дорогу нѣсколько тысячъ рублей, и онъ долженъ былъ давать управляющему, иначе послѣдній угрожалъ отрѣшить его отъ должности и причислить къ правленію сверхъ штата. Поэтому ему, Падалкѣ, волей-неволей приходилось давать безпрекословно требуемую сумму, а давши нужно было постараться наверстать ее съ излишкомъ.

Приближенные короля, такъ называемые чиновники особыхъ порученій, обязаны были, и то нѣкоторые изъ нихъ, иногда свѣдѣтельствовать произведенный приставами соляныхъ озеръ ремонтъ

казенныхъ зданій и проч. Поѣздка этихъ чиновниковъ на озеро заключалась только въ томъ, что ихъ, по прибытіи на озеро, пристава принимали съ радушіемъ, не зная, чѣмъ и какъ угостить, за тѣвали для нихъ картежную игру на крупный кушъ, проигрывали имъ и въ добавокъ при отъѣздѣ на прощанье вручали своимъ гостямъ закрытые пакеты со вложеніемъ извѣстной суммы, отчисленной на долю ихъ отъ ремонта. Тѣ же, будучи довольны такимъ пріятнымъ пріемомъ, съ удовольствіемъ подписывали составленные приставами заранѣе акты объ освидѣтельствovanіи ремонта, котораго они въ сущности не видѣли, и, возвратившись изъ командировки, доносили начальству, что ремонтъ зданій ими освидѣствованъ и произведенъ согласно смѣтѣ удовлетворительно, и тѣмъ процедура оканчивалась на официальной почвѣ, тогда какъ ремонта они не видали, и его вовсе не производилось, или же если и былъ ремонтъ, то не капитальный, а самый незначительный, и чтобы не такъ явно бросался въ глаза крупный расходъ на ремонтъ, всегда показывалось противъ смѣты на нѣсколько десятковъ рублей меньше, въ видѣ какъ бы соблюденія экономіи. Такимъ образомъ, иногда безъ всякой надобности производился расходъ будто на необходимое исправленіе: шоссе при контрольных заставахъ, мостовъ, водопойныхъ колодцевъ, дамбъ и поромовъ на переправахъ. Все же остальное время эти чиновники особыхъ порученій ничего по службѣ не дѣлали, а прислуживались королю и королевѣ въ ихъ частной жизни, да на балахъ и вечерахъ ловко танцевали и ухаживали за прекраснымъ поломъ. Другая же свита управляющаго, хотя считалась на службѣ и получала на всемъ готовомъ отъ казны содержаніе, чины и ордена, но самой службы никогда не исполняла, а увлекала своимъ музыкальнымъ искусствомъ короля, королеву и ихъ гостей. Самъ же управляющій солянымъ правленіемъ служебными дѣлами почти не занимался, подписывая только въ коллегіальномъ засѣданіи присутствія журнальныя опредѣленія и нѣкоторыя важныя текущія бумаги, а все остальное, что угодно, предоставлялъ дѣлать своимъ подчиненнымъ, но съ условіемъ, чтобы послѣдніе заботились извлекать отъ казенныхъ доходовъ косвенные источники, и отъ доли этихъ источниковъ въ любой моментъ могли бы доставлять ему извѣстную сумму денегъ на его надобности. При этомъ давались особая инструкція, или, иначе говоря, предписывались условія сохранять все въ тайнѣ отъ постороннихъ лицъ. Помимо этихъ косвенныхъ источниковъ, управляющій еще ежегодно получалъ солидную сумму отъ тѣхъ солепромышленниковъ, которымъ ископоталъ у высшаго начальства въ двадцати-пятилѣтнее арендное пользованіе засухи при казенныхъ соленыхъ озерахъ для устройства бассейновъ и добыванія посредствомъ накачиванія рапы съ озеръ искусственнымъ способомъ соли, безъ

платежа въ казну поудной платы, за эти-то ходатайства управляющій бралъ съ каждаго солепромышленника на свою долю по полкопейкѣ съ пуда добытой соли, и эту дань они платили ему, будучи подъ его контролемъ, до тѣхъ поръ пока онъ управлялъ солянымъ правленіемъ.

Чтобы попасть на службу въ это знаменитое учрежденіе, требовалось обладаніе интересной внѣшностью, свѣтскими манерами, умѣніе хорошо танцовать или играть на какомъ нибудь инструментѣ, или же пѣть, вообще владѣть хотя слегка какимъ нибудь искусствомъ и въ особенности умѣть развлекать дамское общество, какъ старое, такъ и молодое и въ то же время исполнять, конечно, обязанность чиновниковъ особыхъ порученій по службѣ и по частнымъ дѣламъ. Для поступленія на службу въ соляное правленіе желающія лица должны были предварительно представляться управляющему солянымъ правленіемъ и его супругѣ, и часто отъ послѣдней зависѣло принять ихъ на службу. Отъ необладающихъ же вышесказанными качествами требовалось только, чтобы они безусловно были точными и скромными исполнителями всякаго приказанія начальства, въ какомъ бы направленіи приказаніе это ни было бы дано.

Самымъ блестящимъ и характернымъ солянымъ королемъ изъ управляющихъ солянымъ правленіемъ былъ послѣдній, назначенный съ 1841 года на эту должность и прослужившій по 1863 годъ, т.е. по день паденія соляного царства. Король этотъ, дѣйств. ст. сов. Я. Н. Озерецковскій, былъ извѣстенъ не только всему южному краю Россіи, но и обѣимъ столицамъ. Служилъ онъ сперва въ дипломатическомъ корпусѣ при посольствѣ въ Вѣнѣ, но потомъ, какъ говорили, за разныя интриги, гдѣ главную роль играли женщины, былъ сосланъ въ Перекопъ. Нелегка должна была показаться такому господину жизнь въ глухихъ степяхъ, окружавшихъ на сотни верстъ маленькій городокъ. Привыкшій къ столичной и заграничной жизни, въ кругу высшаго общества и будучи самъ человѣкомъ свѣтски-образованнымъ, большимъ любителемъ искусствъ, остроумнымъ и даже поэтомъ, онъ не могъ удовольствоваться тихой жизнью съ содержаніемъ въ три тысячи рублей въ годъ, имѣя на своемъ попеченіи порядочную и слишкомъ избалованную и требовательную семью. Женатъ онъ былъ на вдовѣ Геденштромъ, которая имѣла только отъ перваго мужа троихъ взрослыхъ сыновей: старшій женатый жилъ въ Одессѣ, а два младшихъ считались на службѣ при соляномъ правленіи чиновниками особыхъ порученій и, ничего не дѣлая по службѣ, получали только порядочное содержаніе отъ казны по должности да чины и ордена, развѣзжая для своего удовольствія, на счетъ отчима, то по Россіи, то за границу повояжировать. Озерецковскій началъ передѣлывать жизнь захолустнаго городка на свой образецъ.

Прежде всего онъ выстроилъ въ городѣ для себя обширный двухъэтажный домъ съ цѣлымъ лабиринтомъ комнатъ и флигелями, убралъ ихъ заграничною мебелью и разными произведениями искусствъ. Въ домѣ этомъ, въ которомъ жилъ онъ только зимой, былъ цѣлый лабиринтъ комнатъ, специально предназначенныхъ для прїѣзжающихъ гостей, которые не переводились, и для заѣзжихъ артистовъ и артистокъ, нарочно выписываемыхъ. Артисты здѣсь находили долгій прїютъ, откармливались и отѣдались, а нѣкоторые даже были зачислены на службу чиновниками соляного правленія, но только съ тѣмъ, что служили не соляному дѣлу, а услаждали своимъ искусствомъ начальство и гостей.

Для лѣтней же своей резиденціи Озерецковскій выстроилъ въ двухъ верстахъ отъ Перекопа, невдалекѣ отъ Сиваша, въ уединенномъ мѣстѣ со всѣми удобствами загородную дачу. Здѣсь въ лѣтніе мѣсяцы соляной король съ своимъ любезнымъ штатомъ приближенныхъ вдали отъ перекопской пыли отдыхали отъ запаха чумацкихъ воевъ, крика вахтеровъ и цыганъ и баловались разными удовольствіями, на открытой сценѣ выступали веселыя пѣвицы шансонетокъ, куплетисты, устраивались любительскіе спектакли, въ которыхъ участвовали, конечно, главнымъ образомъ свои чиновники, ихъ жены и дочери. Спектакли эти обходились не дешево. Приходилось шить по пьесѣ новые костюмы, дѣлать декорации и обстановку, и все это выписывалось изъ Одессы, какъ ближайшаго большого города.

Иногда втихомолку отъ дамскаго общества король съ своими приближенными устраивалъ на дачѣ «Аѳинскіе вечера». Приглашались разнаго рода веселыя дѣвицы. Шторы на всѣхъ окнахъ дачи опускались, и слышались оттуда звуки музыки и доносился звонъ стакановъ и свободныя пѣсни. Но «аѳинскія оргіи» случались рѣдко, такъ какъ трудно было скрывать чиновникамъ все это отъ своихъ дамъ. Прекрасный полъ, узнавъ о не совсѣмъ прекрасныхъ похожденияхъ своихъ мужей и кавалеровъ, долго не могъ забыть объ этомъ и простить имъ такого оскорбленія. Молодые дѣвицы дули губки на своихъ кавалеровъ, а нѣкоторыя дамы не разговаривали съ кутилами по цѣлымъ недѣлямъ, а отъ болѣе энергичныхъ веселымъ супругамъ влетало даже по загревкѣ. Чувствуя свои прегрѣшенія, нѣкоторое время мужчины ходили, понуря головы. Приходилось задабривать прекрасный полъ. Выписывались дорогіе подарки, выдумывались специально для дамъ развлечения, и наступало примиреніе. Все забывалось и шло опять по-старому, какъ бы ничего не было, и такъ до новаго аѳинскаго вечера.

Но тѣ маленькіе, хотя и веселые пикники, которые устраивались лѣтомъ на дачѣ интимнымъ кружкомъ Озерецковскаго, не могли сравниться съ великолѣпными вечерами, устраиваемыми имъ для всѣхъ чиновниковъ и прїѣзжихъ гостей у себя зимой. Зимой

всѣ соляные чиновники совершенно были свободны отъ службы. Жатва за лѣто обильная окончена; денежки сложены въ аккуратные снопики; дань казнѣ уплочена. Оставалось только выдумывать, какъ скрасить и украсить короткіе дни и длинныя осенія и зимнія ночи. Но за это брались самъ соляной король и его милая жена. Супруги на этотъ счетъ были очень изобрѣтательны. Они вмѣстѣ съ чиновниками особыхъ порученій уже заранѣе намѣтили всю программу зимнихъ удовольствій, и оставалось только ее выполнить. Посланы приглашенія актерамъ, пѣвцамъ, скрипачамъ, фокусникамъ и проч. А пока, въ ожиданіи ихъ, публикѣ предлагали развлекаться скромно: танцами, картами, виномъ, слушать игру своихъ «придворныхъ» скрипача-артиста П. К. Байрактарова, піаниста В. К. Панаса и другихъ своихъ любителей. Весело и незамѣтно одинъ за другимъ пробѣгали осенніе и зимніе вечера у селянскихъ чиновниковъ. Но вотъ близились Рождество и Новый годъ, нужно было серьезно подумать, какъ бы чрезвычайно встрѣтить эти праздники. Къ этому времени самъ Озерецковскій, сдавъ съ рукъ отчетъ за лѣтнюю операцію своего соляного дѣла, возвращался изъ Петербурга съ цѣлымъ транспортомъ всевозможныхъ подарковъ. Устраивалась грандіозная ёлка взрослыхъ. На этой ёлкѣ развѣшивались подарки для дамъ и мужчинъ. Сама королева снимала съ ёлки и раздавала дѣвцамъ и дамамъ чиномъ повыше золотые часы, браслеты и кольца, а чиномъ пониже—серебряныя вещи, дорогіе вѣера, лайковыя перчатки, шелковые платки, духи и проч. Мужчинамъ раздавались тоже по рангамъ золотые и серебряные часы, табачницы, янтарные чубуки съ вышитыми бисеромъ по бархату чехлами, изящныя альбомы, чернильницы съ полнымъ письменнымъ приборомъ и т. д. Однажды самъ Озерецковскій снялъ съ ёлки орденъ св. Анны 3 степени и пришилъ къ груди своему фавориту, чиновнику А. И. Мирнову. Орденъ этотъ былъ заранѣе ему исходатайствованъ у высшаго начальства и въ видѣ сюрприза повѣшенъ на ёлку. Одному старому и очень религіозному чиновнику Грищенко, котораго прозвали «бѣлымъ монахомъ», съ ёлки были преподнесена золотая икона, въ другой разъ онъ получилъ золотой крестикъ и священную книгу. Однимъ словомъ, король и королева старались угодить каждому изъ гостей по ихъ вкусу. Не бывали забыты и нижніе чины и прислуга, которые тоже получали съ ёлки подарки.

Новый годъ также встрѣчался съ трескомъ какой нибудь оригинальной выдумкой, стоившей денегъ. Затѣмъ опять начинались увеселительные вечера по программѣ, спектакли, концерты съ артистами, и все это завершалось бурными маскарадами на масленицу. Какой нибудь пріѣзжій, попавшій въ Перекопъ, чрезвычайно удивлялся веселой жизни перекопскихъ чиновниковъ и уѣзжая говорилъ: «Недаромъ городокъ этотъ прозвали у насъ въ губерніи уголкомъ»

Парижа». Всѣ сказанныя развлеченія чиновниковъ были обычной ихъ жизнью, отражавшей въ себѣ настроеніе ихъ начальства: соляного короля и его супруги. Но бывали нерѣдко и экстраординарные случаи, которые служили хорошимъ поводомъ для чиновниковъ, чтобы еще болѣе встряхнуться въ своемъ захолустьѣ и лишній разочекъ покутить. Однимъ изъ такихъ мотивовъ являлся болѣею частью прїездъ въ Перекопъ какого нибудь высшаго вліятельнаго лица. Ёдучи изъ Питера въ Крымъ, лица эти заѣзжали по пути иногда въ Перекопъ, чтобы подышать здоровымъ воздухомъ Сиваша, посмотреть на просторъ чумазыхъ хохловъ, цыганъ, а главное покутить въ захолустьѣ въ полную распахку. Питерскіе и другіе вліятельные гости обыкновенно бывали хорошіе знакомые Озерецковскому и его супругѣ, которымъ иногда устраивались просто царскія встрѣчи. Расскажу, какъ очевидецъ, какую встрѣчу устроилъ соляной король одному изъ своихъ вліятельныхъ и задушевныхъ гостей.

Это было лѣтомъ въ 1857 году. Родной братъ бывшего тогда министра финансовъ Княжевича, будучи предсѣдателемъ таврической казенной палаты, желая погостить у своего друга Озерецковскаго, написалъ ему, что предполагаетъ прїѣхать къ нему въ Перекопъ такого-то числа. Сейчасъ же всѣ чиновники особыхъ порученій были посланы въ разные концы: кто уѣхалъ въ Одессу, кто въ Херсонъ, чтобы доставить оркестръ музыкантовъ, разную дорогую провизію и вина, разныя туалетныя принадлежности: кружева, ленты, перчатки, ботинки и проч. Къ слову сказать, въ косметикахъ же дамы не нуждались, имѣя всегда въ домѣ запасъ ихъ изъ вольной аптеки провизора Кундина, который съ удовольствіемъ отпускалъ каждому соляному чиновнику духи и разныя снадобья по части парфюмеріи, обмѣнивая послѣднія на дорогіе рецепты, прописанные казеннымъ докторомъ всякому соляному чиновнику по его желанію, такъ какъ по договору съ солянымъ правленіемъ содержатель аптеки обязанъ былъ по рецептамъ доктора отпускать за счетъ казны всѣмъ солянымъ чиновникамъ медикаменты.

Въ ожиданіи важнаго гостя всѣ дѣла изъ кожи вонъ, и никто не желалъ ударить лицомъ въ грязь, въ особенности прекрасный женскій полъ: каждая изъ его представительницъ, понятно, желала въ нарядахъ перещеголять другую. Словомъ, всѣ были заняты, озабочены и ждали съ нетерпѣніемъ того желаннаго часа, когда прибудетъ гость. Начиналась лихорадочная и нервная суета. Мужья, озабоченные нарядами своихъ женъ, должны были бросить всѣ служебныя дѣла, возиться съ портными, бѣгать по лавкамъ и покупать все, что нужно было, не жалѣя денегъ, лишь бы успѣть приготовить все къ назначенному сроку. Дамы волновались, худѣли и не спали по ночамъ. Желаніе одѣться лучше другихъ до-

водило нѣкоторыхъ женъ чиновниковъ до неистовства. Расскажу слѣдующій фактъ, который случился тогда. Одна изъ дамъ, узнавъ, что ея соперница заказала портному платье изъ лучшей матеріи, которую выбрала она на платье себѣ для предстоящаго бала, не долго думая, отправилась къ ея портному и подъ благовиднымъ предлогомъ уговорила его показать ей почти готовое платье, затѣмъ, схвативъ ножницы, изрѣзала платье въ мелкіе куски и уѣхала. Портной былъ до того пораженъ этимъ поступкомъ, что опомнился только тогда, когда дама исчезла. Разумѣется, что пострадавшая дама не имѣла уже времени снова сшить себѣ изъ такой матеріи другое платье. О скандалѣ этомъ на другой день послѣ бала узналъ весь городъ, и дѣло кончилось, благодаря участію родныхъ и близкихъ знакомыхъ, тѣмъ, что виновница уплатила своей соперницѣ стоимость изрѣзаннаго платья, не пожалѣвъ денегъ, но лишивъ соперницу торжества.

Наконецъ наступилъ желанный день приѣзда виновника этой суеты, Княжевича, который къ вечеру долженъ былъ прибыть на почтовыхъ изъ Симферополя. Для встрѣчи его выѣхали до первой станціи изъ Перекопа два чиновника особыхъ порученій, а въ Армянскѣ поѣхало нѣсколько чиновниковъ соляного правленія и полиціи, распорядиться, чтобы путь отъ Армянска и до самой лѣтней резиденціи управляющаго былъ исправенъ и освѣщенъ ночью факелами для благополучнаго проѣзда дорогой особы. Приѣздъ важнаго гостя для маленькаго городка былъ цѣлымъ событіемъ. Толпа любопытныхъ горожанъ вышла къ заставѣ и, выстроившись шпалерами, всматривалась съ напряженнымъ вниманіемъ въ темную даль дороги по направленію къ Армянску, откуда долженъ былъ появиться братъ министра. Застава была кругомъ освѣщена фонарями и лампочками, а начиная съ заставы и до резиденціи управляющаго—факелами. При въѣздѣ же въ городъ, близъ заставы, былъ устроенъ иллюминаціонный транспарантъ съ аркой, на которомъ были изображены рельефно изъ разноцвѣтныхъ лампочекъ большими буквами слова: «Добро пожаловать, дорогой гость Княжевичъ».

Наконецъ послышался вдали звонъ почтовыхъ колокольчиковъ и топотъ лошадей. Впереди мчались на перекладной два чиновника особыхъ порученій, направляясь къ резиденціи управляющаго, а за ними вслѣдъ ѣхала тяжелая карета, запряженная шестеркою взмыленныхъ лошадей, съ кучеромъ, форейторомъ и лакеемъ въ ливреѣ. Въ каретѣ развалился сидѣлъ изнѣженный, тучный баринъ-генераль, а противъ него худенькій чиновникъ, его личный секретарь. Рядомъ съ каретой скакалъ верхомъ на лошади полицейскій надзиратель, а сзади мчались экипажи съ соляными чиновниками и полиціей, во главѣ съ городничимъ. Карета подъѣхала къ великолѣпно освѣщенному и изящно убранному дому

Озерецковскаго, парадный подъездъ котораго былъ настезь открытъ. У широкаго крыльца и длиннаго коридора для встрѣчи своего друга стоялъ во главѣ со всей своей приближенной свитой Озерецковскій, и только что сталъ изъ кареты вылѣзать давно ожидаемый гость, поддерживаемый подъ руку лакеями, взвились ракеты и грянулъ оркестръ музыки, а затѣмъ чиновничій хоръ пропѣлъ въ честь прїѣзда гостя стихотвореніе, сочиненное Озерецковскимъ. Началось привѣтствіе съ цѣлованіемъ и рукопожатіемъ, и гость отвѣденъ въ покои.

На другой день къ восьми часамъ вечера стали одна за другой съѣзжаться къ дому управляющаго кареты и коляски съ нарядными дамами и дѣвицами въ роскошныхъ бальныхъ платьяхъ и изящно одѣтыми кавалерами. Начался офиціальныи балъ. Балъ завершился отличнымъ ужиномъ, въ концѣ котораго приглашенными актерами пѣлись и говорились стихи въ честь прїѣхавшаго.

Это веселье продолжалось три дня. Обратные проводы въ Симферополь почтеннаго гостя сопровождались съ такой же помпой, какъ и прїѣздъ его въ Перекопъ, разница была только въ томъ, что провожалъ его и самъ Озерецковскій со всей своей приближенной свитой до Армянска, а два чиновника особыхъ порученій до станціи Ишунни.

Даже во время Крымской войны, несмотря на то, что главный театръ войны былъ недалеко отъ Перекопа, чрезъ который постоянно проходили въ Крымъ войска и куда привозили изъ-подъ Севастополя въ военный госпиталь раненыхъ и больныхъ, перекопскіе соляные чиновники не унывали и жили попрежнему весело, шумно, а подчасъ еще и болѣе разнообразно, благодаря тому, что иногда ихъ балы и вечера посѣщали генералы и офицеры всѣхъ родовъ оружія, интендантскіе чиновники, военные доктора и другія прїѣзжія лица, такъ что помимо танцевъ и разныхъ увеселеній еще и карточная игра свирѣпствовала до одуренія, ассигнаціи застилали ломберные столы, а золото и серебро кучами переходило изъ рукъ въ руки играющихъ.

Часто за балами, вечерами и карточной игрой нѣкоторымъ солянымъ чиновникамъ не было даже времени заняться составленіемъ служебныхъ отчетовъ и разныхъ срочныхъ свѣдѣній, и они обращались ко мнѣ помочь имъ, платя за трудъ хорошій гонораръ, а другіе по неопытности въ дѣлѣ службы и своему полному невѣжеству тоже обращались ко мнѣ помочь имъ; танцовать же и ухаживать за прекраснымъ поломъ они были первой степени мастера. Но всему бываетъ конецъ, пришелъ конецъ и соляному царству, которое съ 1863 года прекратило свое существованіе.

Когда усиленно развилась въ Крыму частная солепромышленность, и, благодаря ежегоднымъ урожаямъ соли, явилось перепроизводство ея, помимо еще находящейся въ запасѣ соли казеннаго

заготовленія прежнихъ годовъ, запасъ которой достигъ нѣсколькихъ милліоновъ пудовъ и стоилъ казнѣ громадныхъ денегъ, благодаря соляному правленію, то правительство нашло нужнымъ прекратить совсѣмъ заготовленіе соли казенными средствами и отдать съ торговъ за попудную плату всѣ казенныя самосадочныя озера частнымъ лицамъ, а крымское соляное правленіе упразднить. При этомъ велѣно было соляному правленію немедленно сдать всѣ дѣла, книги и имущество, движимое и недвижимое, вновь образованному съ 1 апрѣля 1866 года Таврическому акцизному управленію, на которое было возложено, между прочимъ, и наблюденіе за солянымъ дѣломъ.

При приемѣ акцизными чиновниками отъ чиновниковъ соляного правленія въ числѣ прочаго и имущества движимаго и недвижимаго, а также и соли, какъ казеннаго заготовленія, такъ и принадлежащей частнымъ лицамъ, оказалось, что недвижимое имущество было въ ужасно запущенномъ видѣ, всѣ казенныя дома, какъ въ Перекопѣ, такъ и при озерахъ, повидимому, много лѣтъ не ремонтировались, а также шоссе при заставахъ, мосты, водопойныя колодцы и проч.—все это представлялось подобіемъ какого нибудь стихійнаго разрушенія и для своей поддержки потребовало немедленнаго и капитальнаго ремонта. Одни только зданія въ Перекопѣ имѣли довольно порядочный видъ; тамъ жили управляющій солянымъ правленіемъ Озерецковскій и его приближенная свита. Что же касается до приема соли, то таковой обнаружилось, сверхъ ожиданія, неизвѣстно кому принадлежащей, болѣе полумилліона пудовъ, въ совершенно цѣлыхъ нетронутыхъ буграхъ. И при всемъ желаніи выяснить, какимъ образомъ могъ образоваться такой громадный излишекъ соли, никакъ нельзя было добиться истины, ибо изъ частныхъ солепромышленниковъ никто не заявилъ, что бугры эти съ солью принадлежатъ имъ, а бывшіе пристава озеръ ссылались на то, что счета ихъ противъ наличности бугровъ съ солью казеннаго заготовленія съ ихъ бугровыми книгами вѣрны (скрывъ свѣдѣнія о бывшей у нихъ подъ именемъ несуществующей соли, счетъ которой они вели негласнымъ путемъ, и, благодаря немедленной сдачѣ всего имущества акцизнымъ чиновникамъ, не успѣвъ соль эту вывезти съ озеръ чрезъ заставу, какъ это доводилось имъ прежде), и они не знаютъ, какимъ образомъ очутились эти бугры, такъ что запутанное дѣло это осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, и пришлось казнѣ бугры эти съ солью принять въ свое вѣдѣніе и впоследствии продать ихъ въ неурожайныя годы.

Кромѣ того, впоследствии, уже при акцизномъ надзорѣ, когда на многихъ озерахъ были окончательно израсходованы бугры соли казеннаго заготовленія, то оказалась въ нихъ громадная неявка противъ счетовъ и бугровыхъ книгъ бывшихъ приставовъ соля-

ныхъ озеръ (несмотря на даваемый тогда большой процентъ нормы на могущую быть неявку). Такая значительная неявка соли, какъ акцизный надзоръ полагають, произошла не иначе, какъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, отъ неправильнаго измѣренія соляными чиновниками бугровъ съ солью, и, во-вторыхъ, отъ свободнаго допущенія бывшими приставами соляныхъ озеръ брать чумакамъ съ бугровъ на воза соли столько, сколько они желали. По этому дѣлу въ 1869 году даже былъ командированъ изъ департамента неокладныхъ сборовъ ревизоръ, г. Назыровъ, для выясненія причинъ такой громадной неявки соли, и дѣло это, будучи ловко запутаннымъ, тоже ничѣмъ не окончилось.

Съ упраздненіемъ крымскаго солянаго правленія потерялъ во всемъ значеніе и городъ Перекопъ. Еще въ 1862 году управляющему солянымъ правленіемъ Озерецковскому и его ближайшимъ сподвижникамъ было предложено подать въ отставку, и на мѣсто Озерецковскаго былъ временно назначенъ управляющимъ солянымъ правленіемъ Больманъ, затѣмъ вскорѣ его замѣнилъ Дробязгинъ, которому и поручено было, за упраздненіемъ солянаго правленія, передать всѣ дѣла и казенное имущество въ вѣдѣніе вновь образованнаго таврическаго акцизнаго управленія, управляющимъ котораго былъ назначенъ онъ же, Дробязгинъ.

Муравьи изъ чиновниковъ не были захвачены врасплохъ упраздненіемъ крымскаго солянаго правленія. Они уже составили себѣ капиталы: нѣкоторые приобрѣли земли и сдѣлались настоящими помѣщиками, другіе обратились въ коммерсантовъ и занялись разнаго рода торговыми операціями. Но тяжело пришлось тѣмъ изъ соляныхъ чиновниковъ, которые въ «мягкихъ муравяхъ» прозѣвали красное лѣто. Нѣкоторые изъ нихъ положительно обнищали и стали нуждаться въ самомъ необходимомъ.

Одинъ молодой кавказскій армейскій офицеръ, Н. Гора, который, перейдя на службу изъ Кавказа въ Варшаву, будучи бѣднымъ человѣкомъ, женился тамъ на такой же бѣдной дѣвушкѣ, какъ и самъ, оставилъ военную службу и, благодаря протекціи со стороны старшаго совѣтника крымскаго солянаго правленія, К. А. Офрейна (который ухаживалъ за его родной сестрой), попалъ на службу въ знаменитое соляное правленіе и вскорѣ былъ назначенъ приставомъ Евпаторійскихъ соляныхъ озеръ. Лѣтомъ онъ находился при Сакскомъ озерѣ (въ 19 верстахъ отъ Евпаторіи) для наблюденія за выволочкой и отпускомъ соли, а зимой, съ прекращеніемъ соляной операціи, жилъ въ Евпаторіи, нанимая большую квартиру на Главной набережной улицѣ, имѣя порядочную семью: жену, пять душъ дѣтей и мать-старуху. Благодаря своей добротѣ и гостепріимству, онъ проживалъ тогда въ годъ не менѣе десяти тысячъ рублей; между тѣмъ получалъ отъ казны, по должности пристава, всего содержанія только 420 рублей въ

годъ и казенную квартиру при Сакскомъ озерѣ. Домъ его въ Евпаторіи всегда былъ открытъ для каждаго, такъ что нѣкоторые молодые чиновники, пользуясь его добротой, безъ всякаго стѣсненія не только каждый день у него ѣли и пили, но и по нѣсколькимѣ мѣсяцевъ жили въ его домѣ. Онъ былъ хорошій флейтистъ и, какъ любитель музыки, всегда приглашалъ къ себѣ на домъ забѣжныхъ артистовъ, скрипачей и піанистовъ, и у него устраивались иногда вечера и концерты. Воспитаніе дѣтей съ гувернантками тоже ему не дешево стоило. Имѣлъ онъ также экипажи и лошадей. Словомъ, жилъ черезчуръ широко, не отказывая себѣ ни въ чемъ. Когда же соляное управленіе упразднили, и остался онъ въ числѣ прочихъ чиновниковъ за штатомъ, то онъ очутился въ критическомъ положеніи, такъ какъ проживалъ всѣ свои ресурсы, вынужденъ былъ распродать все, что имѣлъ цѣннаго, и поступить на службу, по вольному найму, писцомъ въ таврическую духовную консисторію, гдѣ служилъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, до самой смерти; единственнымъ подспорьемъ ему служила тогда только пенсія за прежнюю службу въ 300 рублей въ годъ. Да отчасти помогалъ ему караймъ Давидъ Ага, которому Гора, не имѣя права взять на свое имя засуху, такъ какъ состоялъ на службѣ въ соляномъ правленіи, ископталъ чрезъ Озерецковскаго на имя Аги при Сакскомъ озерѣ засуху въ двадцатипятилѣтнее арендное содержаніе, съ условіемъ, что Ага долженъ ему, Горѣ, ежегодно платить извѣстный пай съ добытой соли, но жадный караймъ обманулъ его и платилъ ему далеко не то, что слѣдовало, а въ послѣднее время даже прекратилъ совсѣмъ выдачу ему слѣдуемыхъ денегъ.

Печальная участь постигла и самого начальника упраздненнаго учрежденія. Бывшій король соляного царства Озерецковскій, выйдя въ отставку, переѣхалъ съ своею супругой на жительство изъ Перекопа въ Евпаторію, гдѣ занялъ въ одной изъ гостиницъ помѣщеніе изъ двухъ скромныхъ номеровъ съ прихожей. Благодаря своей расточительности и добротѣ, онъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, и единственной поддержкой ему служила тогда одна только пенсія въ 1.500 рублей въ годъ, и, не будь ея, онъ остался бы положительно нищимъ послѣ той роскошной жизни, какую велъ прежде, проживая въ годъ не менѣе ста двадцати пяти и до ста пятидесяти тысячъ рублей. Между тѣмъ ни одинъ изъ бывшихъ его сподвижниковъ и сослуживцевъ не подумалъ хотя бы сколько нибудь поддержать его въ средствахъ къ жизни, а было ихъ немало съ туго набитыми карманами тысячъ въ сто, двѣсти и болѣе, благодаря ему же. Но черствыя души ихъ и эгоизмъ не позволяли имъ вспомнить о добромъ своемъ когда-то начальникѣ, который выдвинулъ ихъ въ люди, поставилъ на ноги и далъ имъ большія средства къ жизни, а нѣкоторымъ даже предоставилъ возможность пріобрѣсть на чужое имя соляныя

засухи при казенныхъ озерахъ, ибо на свое имя они, состоя тогда на службѣ при соляномъ правленіи, не имѣли права по закону заниматься солянымъ промысломъ не только въ Крыму, но и во всей Таврической губерніи.

Въ то время, когда переѣхалъ въ Евпаторію Озерецковскій, я служилъ въ евпаторійскомъ уѣздномъ казначействѣ. Часто мнѣ приходилось видѣть его въ той гостиницѣ, гдѣ онъ поселился съ своей супругой, и какъ онъ иногда, вѣроятно, чтобы убить свое горе хотя чѣмъ нибудь, приходилъ изъ занимаемыхъ имъ номеровъ въ билліардную и развлекался тѣмъ, что смотрѣлъ на играющихъ на билліардѣ. Лицо его осунулось, было блѣдно, волосы еще больше посѣдѣли, глаза не имѣли уже того блеска, какой у нихъ былъ прежде, не болѣе чѣмъ года два тому назадъ; они были какіе-то тусклые и грустные. Одна только его добродушная улыбка осталась попрежнему замѣчательно привлекательной.

Мнѣ не разъ приходилось самому лично являться къ нему на квартиру и приносить изъ казначейства слѣдующую ему пенсію. За такое вниманіе и почтеніе къ нему старикъ съ особеннымъ расположеніемъ относился ко мнѣ и всегда встрѣчалъ и провожалъ меня съ искреннимъ и неподдѣльнымъ чувствомъ благодарности. Супругу же его мнѣ рѣдко случалось видѣть; она никуда не выходила, а постоянно сидѣла у себя въ номерѣ. Она тоже перемѣнилась до неузнаваемости, согнулась и постарѣла. А когда-то, лѣтъ шесть тому назадъ, я видѣлъ эту элегантную, очаровательную женщину, несмотря на ея тогда пятидесятилѣтній возрастъ, еще въ цвѣтущемъ состояніи, съ чудными каштановыми волосами и голубовато-синими глазами, въ которыхъ свѣтились ласковое привѣтствіе, доброта и нѣкоторая доля гордости и нѣга.

Своимъ обаяніемъ, видомъ и манерами женщина эта очаровывала невольно почти cadaго.

Когда я бывалъ у Озерецковскаго и затѣмъ уходилъ отъ него, каждый разъ меня преслѣдовала мысль о томъ, что старику уже не долго осталось влачить такую жизнь, что одной ногой онъ стоитъ уже въ землѣ. И, дѣйствительно, какъ я предчувствовалъ, такъ и вышло. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1864 года онъ послѣ непродолжительной болѣзни скончался.

И пришлось его хоронить по подпискѣ между горожанами Евпаторіи. Даже изъ близкихъ его родственниковъ во время болѣзни и смерти, кромѣ супруги, никого не было. Вскорѣ прибылъ въ Евпаторію одинъ изъ его пасынковъ Геденштромъ, который исплоталъ чрезъ святѣйшій синодъ разрѣшеніе перевезть его прахъ въ Перекопъ, и онъ былъ перевезенъ въ слѣдующемъ 1865 году и похороненъ въ православномъ соборѣ близъ алгара въ лѣвомъ придѣлѣ. На прахъ его положена мраморная плита съ золотой надписью, и вокругъ памятника сдѣлана чугунная рѣшетка.

Оставшееся же въ Евпаторіи послѣ смерти Озерецковскаго вѣ- которое движимое имущество, заключавшееся въ разной хорошей мебели, привезенной имъ изъ Перекопа, благодаря накопившемуся долгу за время болѣзни покойнаго содержателю гостиницы, было продано его пасынкомъ за безцѣнокъ.

Спустя пятнадцать лѣтъ послѣ моего перваго пребыванія въ Перекопѣ въ 1856 и 1857 годахъ, судьба меня опять занесла въ 1873 году на службу въ Перекопъ. Вотъ тогда-то мнѣ и пришлось, какъ состоящему на службѣ при Таврическомъ акцизномъ управленіи по соляной части, имѣть служебныя отношенія со многими изъ солепромышленниковъ, между которыми были и отставные чиновники бывшаго солянаго правленія, занимавшіеся тоже солянымъ промысломъ. Отъ нихъ, а также и отъ чумаковъ, возившихъ соль, я и получилъ еще кое-какія свѣдѣнія, относящіяся до бывшаго солянаго правленія.

Прибывъ въ Перекопъ, я былъ удивленъ, что за какихъ нибудь шестнадцать лѣтъ такъ могъ измѣниться бывшій знаменитый «уголокъ Парижа» къ худшему противъ прежняго. При существованіи Крымскаго солянаго правленія въ Перекопѣ занимали казенныя квартиры не менѣе пятидесяти соляныхъ чиновниковъ. При акцизномъ же управленіи квартиръ этихъ было занято акцизными чиновниками не болѣе десяти, а остальные почти сорокъ квартиръ были свободны, и такъ какъ онѣ пустовали и не ремонтировались, то съ каждымъ днемъ приходили въ разрушеніе, и часть изъ нихъ при мнѣ была продана на сломъ за безцѣнокъ землевладѣльцу Фальцъ-Фейну, который весь камень отъ этихъ зданій перевезъ въ свое имѣніе Преображенку (въ 7 верстахъ отъ Перекопа). Оставшіеся же слѣды отъ бывшихъ зданій обратились въ пустыри, и по нимъ для сокращенія пути при проѣздѣ съ одной улицы на другую образовались безобразно-кривыя проѣзжія дороги по ямамъ и рытвинамъ. Торговля въ Перекопѣ и Армянскѣ была уже не такая бойкая, какъ при соляномъ правленіи, когда одни соляные чиновники давали купцамъ немало дохода, покупая у нихъ разный товаръ; да и чумакъ сталъ уже не такъ щедръ на покупку товаровъ, ибо и у него пользы оставалось отъ соли гораздо меньше, чѣмъ было прежде, потому что съ переходомъ солянаго дѣла въ акцизное вѣдомство были измѣнены совершенно соляныя правила, по которымъ учетъ добываемой соли на озерахъ и ея отпускъ съ озеръ сталъ очень строгій, словомъ, далеко не тотъ, какъ былъ прежде.

На первыхъ порахъ послѣ солянаго правленія чумакъ по старой привычкѣ пробовалъ брать съ озеръ побольше соли на фуры и по своей наивности и простотѣ предлагалъ чиновникамъ заставы взятку, а когда на заставѣ отказывались отъ этой дани, и чумаку приходилось по повѣркѣ валокъ слишкомъ чувствительно припла-

чиваться штрафомъ, то, само собою, это отбило охоту у чумака брать лишнюю соль, и онъ только старался, если и взять излишекъ на какія нибудь фуры, то самый незначительный, собственно въ виду могущей оказаться неявки за дальнею дорогою отъ рас-труски. Такимъ образомъ, былъ установленъ вездѣ строгій кон-троль, не только касающійся до соляной операціи, но и до казен-ной земли, бывшей въ вѣдѣніи соляного вѣдомства на Арабатской стрѣлкѣ, на Кинбурнской косѣ и въ урочищѣ Прогнояхъ, гдѣ земля попрежнему отдавалась акцизнымъ вѣдомствомъ въ аренду и подъ пастьбу скота, и сѣнокосъ и давала доходъ почти вдвое большій, чѣмъ при соляномъ правленіи. Словомъ, все измѣнилось до неузна-ваемости. Чтобы отучить чумаковъ отъ прежней привычки брать на озерахъ лишнюю соль и давать за это взятку, пришлось акциз-нымъ чиновникамъ контрольной заставы вначалѣ каждый разъ предупреждать ихъ, когда они со своими фурами проѣзжали чрезъ заставу, отправляясь на озера за солью, подъ угрозой иначе по-платиться большимъ штрафомъ. Но чумаки только пожималъ пле-чами и не могъ никакъ понять, отчего это прежде можно было провозить лишнюю соль и давать взятки, а теперь нельзя дѣлать ни того, ни другого.

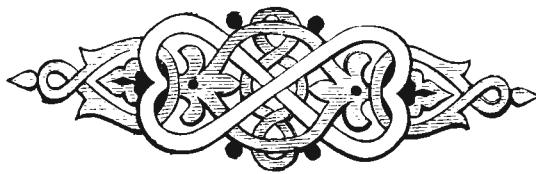
Передавали мнѣ также нѣкоторые арендаторы засухъ при со-ляныхъ озерахъ, что хотя съ засухъ они имѣютъ хорошую вы-году отъ добываемой соли, но онѣ недешево имъ достались въ 25-ти-лѣтнее пользованіе, потому что, помимо всякихъ прочныхъ сооружений для устройства бассейновъ, еще почти ежегодно при-ходится имъ тратить порядочныя деньги на ремонтъ ихъ отъ сти-хійныхъ непогодъ и бурь, и хотя они не платятъ въ казну за добываемую соль попудной платы, но зато имъ приходилось пла-тить почти ту же попудную плату не казнѣ, а бывшему управляю-щему солянымъ правленіемъ Озерецковскому по полкопейкѣ съ пуда добытой соли, который иначе не брался похлопотать имъ эти засухи у высшаго начальства. И эту дань они платили Озе-рецковскому, боясь съ его стороны разныхъ придирокъ, будучи подъ контролемъ соляного правленія до тѣхъ поръ, пока онъ не вышелъ въ отставку. Въ настоящее же время, послѣ проведенія Лозово-Севастопольской желѣзной дороги и отмѣны акциза на соль, которую стали отправлять изъ озеръ по желѣзной дорогѣ внутрь Россіи, и чумаки, не будучи въ состояніи конкурировать съ де-шевой доставкой по желѣзной дорогѣ соли, совершенно пересталъ посѣщать Крымъ. Берутъ теперь соль только съ Перекопскихъ озеръ и провозятъ подводами чрезъ Перекопъ ближайшіе къ озе-рамъ поселяне Днѣпровскаго уѣзда, такъ что Перекопъ съ ка-ждымъ годомъ становится все глуше и глуше, населеніе уменьшается, и за неимѣніемъ лицъ, кому нанять подъ квартиры многія сво-бодныя зданія, не только частныя, но и казенныя, послѣднія,

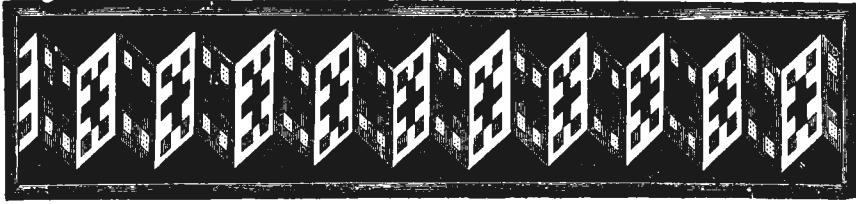
будучи брошены на произволь, обратились въ развалины, которыя на свѣжаго человѣка наводятъ невольное уныніе, усиливающееся вслѣдствіе отсутствія всякаго движенія, свойственной каждому городу уличной жизни, и вслѣдствіе полного безлюдья.

Тѣмъ не менѣе, въ Перекопѣ все-таки существуетъ еще клубъ, единственный печальный памятникъ былого, но, увы, давно отошедшаго въ вѣчность перекопскаго блаженства. Клубъ помѣщается въ обширномъ городскомъ зданіи (бывшемъ казенномъ соляного вѣдомства), наполовину развалившемся, и отличается огромными размѣрами своихъ залъ, въ которыхъ господствуетъ то же безлюдье и та же скука. А когда-то, въ былое время, въ залахъ этихъ давались концерты, балы, вечера. Теперь же бываетъ не рѣдко, что въ клубѣ этомъ оказывается не болѣе одного или двухъ посѣтителей, которымъ становится въ огромномъ помѣщеніи вблизи развалинъ даже жутко, и они въ такихъ случаяхъ стараются поскорѣе выбраться изъ этого лабиринта вѣющихъ древней стариной и мертвечиной клубныхъ апартаментовъ. Оживляется теперь нѣсколько клубъ только во время земскихъ собраній, приѣзда сессіи окружнаго суда и т. п. экстраординарныхъ случаевъ. Отъ бывшей же загородной резиденціи короля соляного царства не осталось даже и слѣдовъ. Всѣ постройки, въ которыхъ когда-то царило веселіе и разныя интимныя приключенія, проданы казною за безцѣнокъ на сломъ одному купцу, который и уничтожилъ ихъ совершенно до основанія, такъ что мѣсто это обратилось въ пустырь и все заросло травой.

Вотъ какова теперь жизнь въ Перекопѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что было при соляномъ царствѣ.

В. Н. Смирновъ.

СЕМИНАРСКІЙ БЫТЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.

ВЪ ОКТЯБРЬ прошлаго года, скончался заслуженный профессоръ Московской духовной академіи, Павелъ Ивановичъ Горскій-Платоновъ. Это былъ человекъ въ высшей степени добрый, честный и прямой. Онъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не уклонялся отъ правды и черезъ это нажилъ себѣ немало враговъ, причинившихъ ему много горя и страданій, которыя онъ выносилъ терпѣливо, ни разу въ жизни не измѣнивъ своимъ принципамъ. Замѣчательно умный, высоко образованный, знавшій нѣсколько языковъ и при томъ очень краснорѣчивый, Горскій въ своихъ бесѣдахъ невольно увлекалъ слушателей. Казалось, не было предмета, съ которымъ онъ не ознакомился подробно. Онъ постоянно и много работалъ и лишь нарѣдка позволялъ себѣ небольшой отдыхъ. Хорошій семьянинъ, невзыскательный въ жизни, Горскій довольствовался тѣмъ, что ему позволяла судьба, ни у кого не заискивалъ, никому не льстилъ, и за это все, знавшіе его близко, любили и уважали его. Въ дѣтствѣ и юности онъ испыталъ много горя, лишеній и нужды, и это закалило его характеръ, сдѣлало равнодушнымъ ко всякимъ благамъ.

Однажды, въ откровенную минуту, онъ разсказалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ и пребываніи въ Виѣанской семинаріи. Разсказъ этотъ, дышавшій грустью, произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я тогда же записалъ его на память. Недавно, благодаря уважаемой вдовѣ П. И. Горскаго, Александрѣ Петровнѣ, я имѣлъ возможность ознакомиться съ автобіографіей ея мужа. Свѣривъ все записанное мною

съ этой автобіографіей, я рѣшаюсь напечатать разсказъ Горскаго, такъ какъ онъ рисуетъ правдивыми и яркими красками бытъ семинаристовъ того времени.

Я родился 2-го января 1835 года, — такъ началъ свой разсказъ Павелъ Ивановичъ. — Отецъ мой былъ дьякономъ Московской Николаевской въ Кузнецкой церкви, а дѣдъ былъ протоіереемъ Михаило-Архангельской церкви въ г. Коломнѣ. Я трехъ лѣтъ потерялъ отца, мать осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни и уѣхала со мной жить въ Сергіевъ посадъ къ своей матери, а моей бабушкѣ, тоже вдовѣ и также ничего не имѣвшей. Ей помогали братья ея, Кирилль, архіепископъ каменецъ-подольскій, а по смерти его, въ 1841 году, ей помогали ея дѣти.

Въ дѣтствѣ я не выказывалъ никакихъ способностей и былъ тупъ къ ученію, чѣмъ приводилъ въ отчаяніе своего дядю Казанскаго, профессора Московской духовной академіи, такъ что тотъ послѣ многократныхъ попытокъ научить меня чему нибудь пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что я совершенно не способенъ къ какому либо книжному ученію, и совѣтовалъ моей матери отдать меня въ ученіе какому нибудь ремеслу.

Я былъ единственнымъ сыномъ и надеждой матери, а потому она съ горькими слезами стала упрашивать своего брата какъ нибудь помочь ея горю. Дядя, сжалившись надъ ея слезами, рѣшился наконецъ, несмотря на свое скудное жалованье ¹⁾, пригласить для занятія со мною тихаго и терпѣливаго студента академіи, Руфа Александровича Ржаницына; съ нимъ у меня дѣло скоро поладилось.

Всегда добрый, тихій и терпѣливый, Ржаницынъ сумѣлъ пріохотить меня къ ученію и развить мои понятія. Послѣ него я хорошо учился и у другихъ учителей и даже у дяди, онъ былъ очень доволенъ, а матушка безмѣрно радовалась.

Тринадцати лѣтъ меня отдали въ Виѣанскую семинарію, гдѣ я уже съ перваго класса числился первымъ ученикомъ, первымъ и окончилъ семинарію.

Въ семинаріи насъ обучали и такимъ предметамъ, которые не имѣли никакого отношенія ни къ спеціально пастырскому, ни къ общеобразовательному курсу. Такъ, насъ обучали и землѣмѣрію, и рациональному сельскому хозяйству, и медицинѣ. Желали, чтобы священникъ могъ извлекать пользу изъ этихъ знаній на мѣстѣ своего пастырскаго служенія, чтобы священникъ могъ размежевать землю крестьянъ при ихъ дѣлежѣ, научить ихъ правильному и болѣе выгодному для нихъ веденію полевого хозяйства и, наконецъ, полѣчить ихъ, за отсутствіемъ доктора, отъ разныхъ болѣ-

¹⁾ Онъ получалъ тогда около тридцати рублей.

зней. Но цѣль этихъ предметовъ не была достигнута, такъ какъ семинарское начальство не придавало имъ никакого значенія, да и научиться, напримѣръ, медицинѣ въ два года при двухъ недѣльныхъ урокахъ совершенно невозможно, притомъ не имѣя къ тому никакихъ приспособленій.

Около семинаріи была образцовая ферма. Одинъ профессоръ академіи, нѣсколько преподавателей семинаріи и учитель агрономіи Хитровъ заарендовали землю, построили на ней ферму, купили коровъ и завели модели улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій; мы, семинаристы, ихъ видѣли и молоко тѣхъ коровъ пили, но и только, при фермѣ же употреблялись обычныя крестьянскія орудія, но молоко приносило намъ большую пользу. Молоко продавалось по сорока копеекъ за ведро, и при этомъ давался еще и черный хлѣбъ задаромъ. Большое это было благодѣяніе для насъ.

Въ семинаріи кормили насъ плохо, особенно въ посты, давали такъ называемыя купоросныя щи съ коноплянымъ масломъ, да и то въ недостаточномъ количествѣ; ѣсть, бывало, страшно хочется, а купоросныя щи даже самымъ невзыскательнымъ семинаристамъ не шли въ горло. Я до сихъ поръ не избаловалъ себя и могу ѣсть все, что хотите, но объ этихъ щахъ и вспомнить не могу. Вотъ и бѣжимъ, бывало, послѣ обѣда на ферму, забывая о церковномъ уставѣ; возьмемъ вдвоемъ четверть ведра молока, заплатимъ по пятачку съ человѣка и сыты. Но вотъ бѣда, пятачки въ нашихъ карманахъ не часто водились, а у иныхъ и совсѣмъ ихъ никогда не бывало.

Моя матушка, обрывая себя и любя свое единственное чадо, каждую недѣлю давала мнѣ по двугривенному. Она давала мнѣ эту сумму по такому расчету: я каждое воскресенье приходилъ къ ней и, конечно, получалъ у нея сытный столъ, значитъ, одинъ день изъ голодной недѣли вонъ; на понедѣльникъ и вторникъ она напекала мнѣ лепешекъ, значитъ, еще два дня вонъ, оставались четыре дня, по пятачку на день выходитъ двугривенный.

Ежедневный пятачекъ надо было истратить обдумавши, такъ какъ въ семинаріи ни чаевъ, ни завтраковъ не полагалось. Слѣдовательно, если купить утромъ бѣлаго хлѣба, то о фермскомъ молокѣ нечего было и думать. А поголодаешь утромъ, вставши съ шести часовъ, зато и молочка получишь и во второмъ часу дня будешь сытъ. Поэтому и приходилось распорядиться своими финансами, заранѣе обдумавъ.

Случалось, что иной разъ съ вечера рѣшишь: «завтра сбѣгаю на ферму», а встанешь утромъ—молодой, здоровый желудокъ начнетъ сильно заявлять о своемъ существованіи. Если не сможешь побороть эту силу, то на ферму итти уже не придется. Въ этой борьбѣ приходилось бывать и побѣдителемъ и побѣжденнымъ. Но не менѣе половины моихъ товарищей не могли и вступать въ по-

добную борьбу: свободныхъ пяточковъ у нихъ совсѣмъ не водилось, то по случаю сиротства, то вслѣдствіе крайней бѣдности родителей. Родители, болѣе состоятельные, отдавали своихъ дѣтей въ Московскую семинарію, гдѣ содержаніе учениковъ обходилось родителямъ подороже, но зато было лучше. Всѣ же дѣти бѣднѣйшихъ церковнослужителей Московской епархіи находились въ Виоанской семинаріи. Здѣсь они привыкали или къ двукратному въ день вкушенію пищи, или къ добыванію чернаго хлѣба отъ комиссара-семинариста же, а иногда и прямо отъ хлѣбопека. Такое добываніе рѣдко преслѣдовалось, такъ какъ начальство смотрѣло на него сквозь пальцы, помня свое собственное семинарское голоданіе.

Неудивительно, что у насъ поговорка: «голодень, какъ волкъ», измѣнилась въ «голодень, какъ семинаристъ».

Поэтому никому не покажется страннымъ, что бывали такіе случаи.

Сынъ моей бабушки, Матрены Лукьяновны, жилъ въ семинаріи. Придетъ, бывало, онъ въ празникъ домой, бабушка и спроситъ его.

— Миша, не хочешь ли пока до обѣда перекусить пирожка?

Миша, разумѣется, хочетъ.

Подаютъ однажды горячій пирогъ, испеченный на шесть чело-вѣкъ,—совсѣмъ большую кулебяку.

Вотъ Миша перекусилъ. Пришли убирать пирогъ, — и, кромѣ блюда, на которомъ лежалъ пирогъ, ничего не нашли.

Разумѣется, изжоги мы не знали.

Когда я былъ богословомъ, т.-е. учился послѣдніе два года, намъ случалось утолять голодъ не однимъ молокомъ. Старшіе богословы дежурили по очереди и наблюдали за сохраненіемъ въ семинаріи порядка, слѣдили за поведеніемъ учениковъ, смотрѣли за порядкомъ въ столовой и о всѣхъ происшествіяхъ обязаны были официально доносить начальству, а потому они въ этотъ день пользовались большими полномочіями. Обѣдали и ужинали они въ свое дежурство отдѣльно, послѣ всѣхъ, съ главнымъ старшимъ (сеньоромъ, изъ учениковъ же), подстаршимъ и комиссаромъ. Подсадить къ своей мискѣ можно было и пятого чело-вѣка, такъ какъ миска полагалась на четверыхъ и пятерыхъ. Но въ постные дни купоросныя щи отвергались съ презрѣніемъ и замѣнялись тюрей, кушаньемъ, казавшимся намъ необыкновенно вкуснымъ.

Тюря готовилась такимъ образомъ: дежурный добывалъ снятковъ, примѣрно съ фунтъ, коноплянаго масла съ четверть фунта, двѣ или три луковицы и необходимое количество хлѣба и квасу. Накрошимъ мы хлѣба и луку, помаслимъ, посолимъ, нальемъ квасу,—и кушанье готово. Благо было тому чело-вѣку, кто

дежуриль, и тому, кто былъ ему пріятелемъ! Меня многіе любили и приглашали на тюрю. Пообѣдаемъ, а потомъ пойдемъ на тюрю. Какое количество ея съѣдали мы въпятеромъ, объ этомъ и теперь сказать совѣстно.

У болѣе состоятельныхъ семинаристовъ, имѣвшихъ возможность пить чай, были свои собственные небольшіе самовары. Они ставили, т.-е. разогрѣвали, ихъ у себя въ комнатѣ, которая служила мѣстомъ занятій и спальней, и распивали они чай на томъ же столѣ, у котораго сидѣли за тетрадками и книжками ихъ сожители, чловѣкъ 6—14, смотря по величинѣ комнаты. Случалось, что оторвешь глаза отъ книжки и съ завистью посмотришь на наслаждающагося благодатнымъ наиткомъ.

Въ той комнатѣ, въ которой помѣщался я, самоваръ имѣлъ только одинъ старшій. Въ то время старшій у насъ былъ очень умный и добрый, но очень строгій, нѣкто Модестовъ.

Я, 13-тилѣтній мальчуганъ, риторъ (первые два года ученики назывались риторами, вторые два—философами, а послѣдніе два—богословами), я, риторъ, рѣшался иногда выпрашивать самоваръ у богослова, своего старшаго, и раза три въ мѣсяцъ, обыкновенно послѣ бани, распивалъ чаекъ, который на экстренные случаи давала мнѣ крайне баловавшая меня матушка.

Послѣ того, какъ, бывало, раздобудешь самоварчикъ, хлопотъ предстояло еще много. Понятно, что самоваръ надо было поставить самому.

Служитель у насъ полагался на десять комнатъ одинъ. Ему некогда было ставить самовары. Онъ едва успѣвалъ за день исполнить и свои работы. Утромъ онъ долженъ былъ вымести комнаты, наколоть дровъ, натаскать ихъ на десять печей, истопить печи; кромѣ того, онъ долженъ былъ пойти въ кухню и чистить картофель, а его на триста чловѣкъ требовалось немало, а кухарь былъ одинъ. У комнатныхъ же служителей также было много дѣла: они прислуживали за обѣдомъ и ужиномъ, они же исполняли разныя работы на семинарскомъ дворѣ, возили воду для бани, качали ее и проч. Однимъ словомъ, служителямъ было вовсе не до того, чтобы ставить семинаристамъ самовары. Состоятельные семинаристы такъ же, какъ и бѣдняки, сами должны были помогать служителямъ, принимая на себя часть ихъ обязанностей; мы сами по вечерамъ и комнаты мели, и подсвѣчники чистили; подойдешь, бывало, къ печкѣ, достанешь зола и приводишь въ порядокъ съ помощью ея залитые саломъ подсвѣчники въ приличный видъ.

Однажды пришла навѣстить меня моя матушка и застала меня какъ разъ въ то время, когда я стоялъ на колѣняхъ передъ холодной печкой и усердно чистилъ подсвѣчники. Она такъ и ахнула; помню, что я весь вспыхнулъ, такъ какъ никогда не говорилъ ей о подобныхъ занятіяхъ. Случайно, именно въ этотъ день,

пришлось мнѣ быть дежурнымъ по комнатѣ, и на моей обязанности лежало: вымести полы метлой, вычистить подсвѣчники и поставить для старшаго самоваръ.

Итакъ, раздобывъ самоваръ, сбѣгаешь въ служительскую за ведромъ, а съ ведромъ — на колодець, выкачаешь бадью воды, — колодець глубокий, а насосъ плохой, — нальешь въ самоваръ воды, затѣмъ опять надо бѣжать въ кухню черезъ дворъ за горячими и холодными угольями (а бѣгали мы просто въ халатикахъ и безъ шапки), откроешь трубу у печки; около нея, чтобы уголья не чадили въ комнатѣ, и разведешь самоваръ. вмѣсто трубы самовары мы раздували своими легкими, или дѣлали такъ: скинешь сапогъ съ одной ноги, приложишь отверстіе голенища къ кувшину самовара, лѣвой рукой ставишь голенище у шейки кувшина поплотнѣе, а правой ухватишься за подошву сапога и начнешь совершать сапогомъ быстрое движеніе вверхъ и внизъ. Этотъ импровизированный мѣхъ дѣйствовалъ чрезвычайно успѣшно, особенно, когда, бывало, соберешься попить чайку вдвоемъ. Двое и станемъ около самовара: у обоихъ одна нога безъ сапога и одна рука съ сапогомъ; попеременно и прикладываемъ свои орудія къ самовару. Если бы кто со стороны увидалъ эту картину, то, быть можетъ, онъ и посмѣялся и нарисовалъ бы ее подъ названіемъ: «Семинаристы, собирающіеся пить чай». Но намъ эта картина была вовсе не интересна, намъ только хотѣлось «пороскошничать» за чаемъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, особенно послѣ бани, когда на малочисленные самовары спросъ бывалъ очень большой, а свободныхъ самоваровъ налицо не оказывалось.

Бывало, семинаристы бѣгаютъ, бѣгаютъ и по старому, и по новому корпусу, отыскивая гулящій самоварчикъ, — нѣтъ его, гулящаго самоварчика. Поневолѣ стануть работать «въ два сапога». Мысль о необходимости луженія самоваровъ, сколько могу припомнить, семинаристамъ и въ голову не приходила.

И мнѣ, на третьемъ году ученія въ семинаріи, матушка купила старенькій, съ заплатами, крохотный самоварчикъ. На чай тогда я и самъ уже могъ кое-что добывать: случайно нашлась мнѣ возможность получать нѣкоторое, однако неопредѣленное вознагражденіе за составленіе переводовъ съ французскихъ книжекъ церковно-историческаго содержанія.

Иной семинаристъ, особенно богословъ, а рѣдко философъ, принималъ на себя обязанности корректора, или, лучше сказать, репетитора при какомъ нибудь риторѣ; большею частью, такой репетиторъ занимался исправленіемъ, а въ большинствѣ случаевъ и писаніемъ сочиненій для того или другого ритора, а иногда даже и не ритора. Такимъ образомъ, онъ могъ заработать пять, а иногда и десять рублей въ годъ. Другихъ средствъ зарабатывать деньги виванскіе семинаристы не имѣли, такъ какъ за исключеніемъ двухъ

слободокъ съ пятью, шестью крестьянскими дворами, не нуждавшимся въ услугахъ семинаристовъ, около нашей семинаріи въ то время никакого жилья не было.

Понятно, что длинная процедура добыванія и ставленія самоваровъ оказывала нѣкоторое вліяніе на болѣе частое посѣщеніе фермы. Тамъ, безъ всякихъ хлопотъ, тотчасъ усядешься за столъ и попиваешь себѣ молочко.

Голодали мы только въ постные дни, а скромныя щи съ кашей или картофельная похлебка съ кашей совершенно насыщали насъ. Только утромъ, за отсутствіемъ какого бы то ни было завтрака, приходилось немного поголодать, зато въ обѣдъ и въ ужинъ были сыты. И въ постные дни, при началѣ нашего ученія въ семинаріи мы голодали не такъ много, какъ въ послѣдніе годы ученія. Въ послѣдніе годы ученія стало много хуже, что произошло отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ.

Когда я поступилъ въ семинарію, ректоромъ былъ отецъ Евгеній. Онъ управлялъ и московскимъ Златоустовскимъ монастыремъ, который въ то время былъ очень бѣденъ, и настоятель его, нашъ ректоръ, получалъ отъ него немного. Но около 1848 года, послѣ поступленія моего въ семинарію, стали носиться слухи, что въ монастырѣ открылась чудотворная икона. Эти слухи привлекали богомольцевъ, которые стали служить молебны, и доходы настоятеля увеличились. Отецъ Евгеній не обладалъ страстью корыстолюбія и стяжательности, а потребности его были доведены до самой идеальной простоты. Вотъ онъ и сталъ дѣлиться съ казною своими увеличившимися доходами, отдавая свои деньги на улучшение нашего стола.

Но потомъ, неизвѣстно почему, слухи о чудотворности иконы затихли, богомольцы перестали ходить въ монастырь, и улучшенію семинарскаго стола насталъ конецъ, къ тому же и отца Евгенія перевели на ректорство въ Москву.

Преемникъ его, отецъ Леонидъ, впоследствии ярославскій архіепископъ, человекъ очень добрый, имѣвшій крайне ограниченныя доходы, не могъ тратить свои деньги на улучшение нашего стола, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ содержать свою мать и трехъ сестеръ, жившихъ очень бѣдно въ нашемъ посадѣ. Но я никогда не забуду его, такъ какъ онъ самъ предложилъ мнѣ приходить къ нему для занятій англійскимъ языкомъ. И, разумѣется, я охотно воспользовался этимъ.

При третьемъ ректорѣ, отцѣ Наѳанаилѣ, стало еще хуже, почему?—не знаю. Можетъ быть, потому, что этотъ умный человекъ часто страдалъ нетрезвостью, а, можетъ быть, и потому, что все понемногу дорожало, а когда началась Севастопольская война, многіе предметы, нужные и для насъ, семинаристовъ, значительно вздорожали. А вслѣдствіе этого въ постные дни, которыхъ такъ много въ нашемъ календарѣ, намъ приходилось крайне плохо.

Севастопольская война имѣла прямое отношеніе и къ моему желудку: изъ-за нея я три раза въ недѣлю голодалъ болѣе обыкновеннаго. Многимъ покажется это очень страннымъ, но оно объясняется очень просто. Мнѣ и одному моему товарищу-другу очень хотѣлось знать о ходѣ войны. Газетъ у насъ, конечно, никакихъ не было, но ректоръ получалъ «Московскія Вѣдомости», которыя выходили тогда три раза въ недѣлю, и рассыльный приносилъ ихъ съ почты изъ посада рано утромъ, въ часу шестомъ, къ ректорскому чаю. И мы съ пріятелемъ вставали въ эти три дня часу въ пятомъ и шли за полверсты навстрѣчу рассыльному, брали у него газету и читали ее на ходу, чтобы не задерживать доставленіе газеты ректору. Лишній моціонъ и прибавленіе лишняго часа ко времени, остающемуся до обѣда, усиливали нашъ аппетитъ въ значительной степени.

Теперь послушайте, я расскажу вамъ, какъ обучали насъ медицинѣ.

Сначала обучалъ насъ медицинѣ лѣкаръ Иванъ Михайловичъ Высотскій, а потомъ Александръ Алексѣевичъ Брызгаловъ. Высотскій показывалъ намъ атласъ съ анатомическими рисунками, и то сокращенно и съ пропусками, и объяснялъ строеніе человѣческаго тѣла, а также читалъ и описаніе болѣзней; средствъ на лѣченіе ихъ онъ намъ не указывалъ, но мы знали по его лѣченію у насъ, что онъ считалъ самымъ лучшимъ и дѣйствительнымъ лѣкарствомъ ромашку, которую онъ прописывалъ даже и въ такихъ случаяхъ, въ какихъ не употреблялъ ее и никогда не будетъ употреблять ни одинъ врачъ.

Его классы мы любили: они доставляли намъ большое удовольствіе, и мы считали ихъ почти праздникомъ. Уроковъ готовить не требовалось. Какъ только, бывало, войдетъ Иванъ Михайловичъ, мы сейчасъ же бросаемся снимать съ него одежду. Зимой, кто снимаетъ шарфъ, кто беретъ у него шапку, кто перчатки, кто помогаетъ снять шубу, кто вѣшаетъ ее на вѣшалку.

— Дружки, дружки, потихоньку, потихоньку,—говоритъ онъ.

Онъ предостерегалъ насъ потому, что былъ очень старъ, а мы очень бойки. Но вотъ онъ раздѣлся, взшелъ на кафедру, сѣлъ. Мы, человѣкъ десять, двадцать, подходимъ къ кафедрѣ и окружаемъ ее, а остальные дѣлаютъ, что хотятъ. Обыкновенно мы въ это время заводили съ Иваномъ Михайловичемъ разговоры, совершенно не касавшіеся медицины, и время проходило незамѣтно. А когда раздавался звонокъ, мы со всѣхъ ногъ бросались одѣвать его, поднимаемъ воротникъ, обматываемъ шею шарфомъ, помогаемъ надѣть калоши и кричимъ:

— Прощайте, Иванъ Михайловичъ!

— Прощайте, прощайте, дружки,—отвѣчаетъ онъ, уходя.

И всѣмъ намъ было весело и встрѣчать и провожать его.

А на экзаменѣ обязанъ былъ отвѣчать что нибудь одинъ только подлѣকারь, товарищъ нашъ по классу, любезный для насъ Максимычъ, — наемныхъ фельдшеровъ не держали, обходились своими семинаристами, — зато начальство освобождало его отъ обязанности ходить на прочіе уроки.

Такъ просто велось тогда дѣло.

Понятно, что въ медицинѣ мы не могли оказать какихъ либо успѣховъ, да ихъ никто и не спрашивалъ, но зато мы отдыхали и освѣжались на этихъ урокахъ, какъ будто вырываясь на время изъ обычныхъ семинарскихъ порядковъ.

Преемникъ Высотскаго, опытный врачъ-практикъ, Александръ Алексѣевичъ Брызгаловъ, хорошо понималъ, что при данныхъ условіяхъ обучить насъ врачебному искусству невозможно, онъ и не пытался обучить, но искренно желалъ принести намъ пользу. Онъ сталъ знакомить насъ въ самой доступной формѣ съ нѣкоторыми отдѣлами физиологіи, конечно, насколько можно было познакомить съ ними людей, нисколько не подготовленныхъ къ изученію этой науки. Въ своихъ оживленныхъ и безыскусственныхъ бесѣдахъ онъ объяснялъ намъ процессы пищеваренія и кровообращенія. Говорилъ онъ несвободно, выражался неправильно, но этимъ нисколько не стѣснялся. Всегда добродушный и ласковый, онъ сердечно желалъ намъ добра, и мы это понимали и искренно полюбили его. А послѣ, когда мы узнали его, какъ человѣка и хорошаго врача, мы полюбили его еще больше. При немъ также не было никакихъ уроковъ и экзаменовъ. На экзаменѣ отвѣчалъ тотъ же Максимычъ.

Я забылъ сказать вамъ, что каждый разъ, по окончаніи двухлѣтняго медицинскаго курса, воспитанники говорили Ивану Михайловичу Высотскому прощальную рѣчь, и это доставляло ему большое удовольствіе. А однажды, кромѣ рѣчи, извѣстный Г—ій написалъ ему и стихи:

Дражайшій наставникъ! съ тобой расставаясь,
Должны мы тебѣ всякихъ благъ пожелать,
Навѣки, быть можетъ, съ тобою прощаясь,
Мы просимъ усердіе наше принять.

Любилъ ты всегда насъ любовью примѣрной,
Старанія всѣ прилагалъ насъ учить,—
И мы съ благодарностью искренней, вѣрной
Должны тебя помнить и вѣчно любить.

Велико твое къ намъ усердіе, забота,
Съ которою насъ ты всегда поучалъ,
Великая благость, велика доброта,—
И всякихъ намъ благъ ты усердно желалъ.

Прими же отъ насъ ты усердіе это:
Ты къ нашему счастью всегда былъ готовъ,
Твое было сердце любовью согрѣто,—
И мы въ благодарность приносимъ любовь.

Прощай, нашъ наставникъ!—къ тебѣ мы взываемъ,
 Желаемъ усердно тебѣ многихъ лѣтъ,
 Спокойствія, счастья тебѣ мы желаемъ,
 Желаемъ тебѣ миръ душевный имѣть!

Писались ему рѣчи и на латинскомъ языкѣ, такъ какъ Иванъ Михайловичъ очень любилъ латинскій языкъ. Послѣднюю прощальную латинскую рѣчь написалъ я. Слушая мою рѣчь, Иванъ Михайловичъ плакалъ, разумѣется, плакалъ онъ не отъ моей рѣчи, а отъ мысли, что это—послѣдняя для него рѣчь, что онъ оставляетъ семинарію навсегда.

Писать рѣчи и стихи для нашего добраго Ивана Михайловича, поласкать слухъ старца любезною ему латынью, мнѣ кажется это отчасти похожимъ на нѣжный женскій уходъ за дорогимъ для сердца престарѣлымъ отцомъ. Видно, не черство было, не загрузило сердце и тогдашняго семинариста, хотя и держали его въ черномъ тѣлѣ.

Право, за это можно и простить шалунамъ, если они иной разъ, бывало, и обездолятъ Ивана Михайловича, если и не вынюхаютъ изъ его неосторожно положенной на каедрѣ табакерки весь табакъ, то значительно поубавятъ его.

Я сейчасъ сказалъ вамъ, что семинаристовъ держать въ черномъ тѣлѣ, это вы могли замѣтить изъ всего рассказаннаго мною, но я хочу еще сказать вамъ о фризяхъ, т.-е. о такого рода шинеляхъ, которыя мы, сироты, семинаристы казенные, зимой носили на своихъ плечахъ, и какихъ не носили своекоштные семинаристы. Казеннокоштнымъ семинаристамъ шили шинели съ капюшономъ изъ особой шерстяной матеріи желтаго цвѣта, очень толстой, вдвое толще солдатскаго сукна, и мохнатой въ родѣ урса.

Странно и комично было видѣть нѣсколько десятковъ мальчугановъ, лѣтъ тринадцати-четырнадцати, въ этихъ желтыхъ мохнатыхъ шинеляхъ, особенно, когда, бывало, они идутъ въ нихъ зимою попарно въ Виѳанскій монастырь къ обѣднѣ. Хотя бы сѣрыя, а только не желтыя были эти шинели, все бы лучше. Семинаристы и сами понимали и живо чувствовали все безобразіе такихъ шинелей: ученики высшихъ классовъ, богословы и философы, стыдились надѣвать ихъ и обзаводились какимъ нибудь тулупчикомъ или пальто, даже нѣкоторые изъ риторовъ отказывались брать изъ казны эти шинели; своекоштные же, какъ я сказалъ, не носили ихъ.

У меня было какое-то пальтишко, передѣланное изъ дядюшкинаго, а потому я не взялъ фризовой шинели, какую не сталъ бы носить и нашъ посадскій мѣщанинъ. Но тутъ случилась у меня исторія.

Когда я пришелъ въ воскресенье домой въ посадъ и рассказалъ матушкѣ и бабушкѣ, что мнѣ предлагали фризovou шинель,

а я не взялъ ея, матушка—ничего, а бабушка приняла это дѣло горячо къ сердцу.

— Что ты это,—говорить,—надѣлалъ? Шинель-то очень пригодилась бы.

И пошла, и пошла моя бабушка бранить меня.

Матушка стала заступаться за меня.

— Куда же,—говорить,—годится такая шинель? Никуда надѣть ее нельзя.

А бабушка возражаетъ:

— Да развѣ я говорю, что Паша будетъ надѣвать ее?

И стала моя бабушка на своемъ,—говорить, что ею хорошо будетъ накрывать квашню.

Нечего дѣлать, по возвращеніи въ семинарію, пошелъ я къ ректору, прошу его дать мнѣ шинель.

— Да на что тебѣ,—спрашиваетъ,—такая шинель? Носить ее вѣдь не станешь.

Что мнѣ отвѣтить?

Соврать, что буду носить,—не хочется; сказать, что бабушкѣ нужно квашню покрывать ею,—тоже не хочется. Положеніе мое вышло безвыходное. Я—въ слезы. Добрый ректоръ, о. Евгений, не сталъ настаивать на полученіи отъ меня отвѣта.

— Ну, хорошо,—говорить,—ступай, дадимъ тебѣ шинель.

Въ слѣдующее воскресенье я принесъ бабушкѣ шинель въ узлѣ, и бабушка осталась очень довольна.

— Ишь,—говорить,—какая толстая, для квашни очень хороша будетъ.

Но плохая пища, плохое содержаніе и дурная одежда зависѣли не отъ нашего начальства, не отъ его нерадѣнія или своекорыстія, нѣтъ, нашихъ ректоровъ: ни о. Евгенія, ни о. Леонида, ни въ чемъ подобномъ нельзя упрекнуть,—они дѣлали все, что могли. Нельзя упрекнуть и эконома.

Нашъ семинарскій экономъ, о. Серапіонъ, вопреки обычаю, былъ совсѣмъ образцовымъ экономомъ: онъ дорожилъ казеннымъ добромъ, какъ дорожить собственнымъ добромъ завзятый скаредъ. Онъ былъ и скупъ, и разумно распорядителенъ, можно сказать, онъ былъ идеальнымъ экономомъ.

Крайняя во всемъ скупость зависѣла отъ недостаточности средствъ, какія отпускались на содержаніе семинаріи, а еще болѣе отъ сострадательности нашего начальства къ полунищимъ семинаристамъ. И ухудшеніе пищи, одежды и проч. неразрывно связано было съ возможностью обученія нѣсколькихъ сотъ бѣдныхъ мальчиковъ, такъ какъ своекоштные неимущіе даромъ пользовались столомъ, казеннокоштныхъ. Правда, что своекоштныхъ только кормили, а не обували и не одѣвали; у нихъ были свои и постели съ тюфяками и одѣялами весьма разнообразныхъ видовъ и совер-

шенно различнаго достоинства, но зато и плата за ѣду была или ничтожная, или совсѣмъ ея не было.

Нѣтъ, обвинять наше начальство нельзя было ни въ чемъ, напротивъ, его нужно благословлять за то, что оно допускало въ семинарію полунищихъ, позволяло имъ одѣваться, во что хотятъ, держать тюфяки и одѣяла, какія могутъ. Да будетъ оно благословенно и за то, что на счетъ насъ, сиротъ казеннокоштныхъ, оно прокормило многія сотни своекоштныхъ и, поступая такъ, воспитало много добрыхъ пастырей церкви Христовой.

Относительно профессоровъ,—продолжалъ Павелъ Ивановичъ послѣ нѣкотораго молчанія,—скажу вамъ только, что всегда вспоминаю о нѣкоторыхъ изъ нихъ съ большою благодарностью, особенно объ Александровскомъ, преподавателѣ словесности, о Владыкинѣ, преподавателѣ логики, объ о. Порфиріи, преподавателѣ богословія, и объ о. Нечаевѣ, преподавателѣ церковной исторіи,—они имѣли большое вліяніе на наше умственное развитіе; своими лекціями возбуждали наше вниманіе и любознательность и поселяли въ насъ любовь къ преподаваемымъ ими предметамъ. Главнымъ же образомъ къ нашему развитію послужило то, что они требовали отъ насъ умѣнія хорошо написать сочиненіе и ясно разрѣшить какойнибудь трудный, сложный вопросъ.

Послѣ семинаріи я поступилъ въ Московскую духовную академію, въ которой, по окончаніи курса въ 1858 году, оставленъ доцентомъ, а затѣмъ утвержденъ профессоромъ.

Наконецъ моя матушка дождалась себя кормильца.

— Слава Богу,—говорила она,—сынокъ въ профессора академіи попалъ, выше уже некуда.

И стала матушка жить на сыновнее жалованье и прожила такъ восемнадцать лѣтъ.

Но профессорское жалованье въ то время было очень маленькое, такъ что, если случалось, что въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ ей понадобятся башмаки, а сыну сапоги, то наши финансы приходили въ совершенное разстройство. Только «переводцы» съ греческаго иной разъ выручали меня изъ финансовыхъ затрудненій. Удастся залучить въ свои руки такъ называемую «дольку переводца» (примѣрно печатныхъ страницъ 20—22), переведешь поскорѣе, получишь рублей съ двадцать и... расплатишься съ сапожникомъ.

Я и теперь говорю спасибо доброму о. Порфирію, инспектору нашей академіи.

Бывало, спроситъ онъ:

— Не хотите ли переводцу?

Понятно, что отвѣтъ всегда бывалъ утвердительный.

Встанешь за конторку, простишь за ней два дня съ утра до вечера,—потому что время было нужно на другое настоящее дѣло,—и рубликовъ двадцать получишь.

— Да, все было и прошло, и много, много пережито и горькаго и сладкаго,—закончилъ свой разсказъ Павелъ Ивановичъ.

Къ разсказу Горскаго считаю нелишнимъ прибавить, что во время войны 1877 и 1878 годовъ Павелъ Ивановичъ принималъ большое и горячее участіе въ устройствѣ въ Сергіевомъ посадѣ госпиталей для раненыхъ отъ общества Краснаго Креста. Онъ былъ избранъ дѣлопроизводителемъ при комитетѣ; присутствовалъ на всѣхъ его засѣданіяхъ, способствовалъ болѣе скорому устройству госпиталей, лично заботился о лучшемъ помѣщеніи и содержаніи раненыхъ, а также прилагалъ старанія собрать для нихъ какъ можно больше денегъ, книгъ и разныхъ другихъ вещей.

Не могу умолчать также и о томъ, какъ сильно возмущался и глубоко скорбѣлъ Павелъ Ивановичъ по тому поводу, что академія, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, уничтожила стипендію митрополита Платона, а вслѣдствіе этого и присоединеніе къ имени лучшаго студента прибавленія Платоновъ. Вотъ какъ онъ объяснялъ это дѣло.

Московская духовная академія, открытая вмѣсто старой славяно-греко-латинской академіи, получила отъ старой и капиталъ до 80.000 рублей ассигнаціями, и въ томъ числѣ билетъ митрополита Платона въ 4.000 рублей на содержаніе процентами съ него отличныхъ воспитанниковъ славяно-греко-латинской академіи подъ именемъ Платониковъ.

Правленіе Московской духовной академіи при самомъ ея открытіи, получивъ отъ старой академіи эти деньги, тогда же опредѣлило, чтобы на проценты съ суммы митрополита Платона содержать въ академіи сверхъ штатнаго числа двухъ отличныхъ по ученію и благонравію студентовъ, которымъ въ память покойнаго и для всегдашняго исполненія его учрежденія именоваться Платоновыми. Представленіе академіи было утверждено въ двухъ инстанціяхъ: сначала Августиномъ, московскимъ архіепископомъ, а затѣмъ и комиссіею духовныхъ училищъ. Съ 1815 и до 1824 года воля завѣщателя исполнялась свято, а послѣ 1824 г. исполненіе ея было прекращено одновременно съ выходомъ изъ академіи ректора, архимандрита Кирилла, который и самъ имѣлъ прибавочную фамилію: Богословскій-Платоновъ.

Изъ дѣлъ академіи видно только, что съ ноября 1824 и по декабрь 1830 года проценты съ Платоновскаго капитала присоединялись къ остальнымъ суммамъ, а съ 1831 и до 1837 года совсѣмъ не брались изъ Опекунскаго совѣта. Въ 1837 году дѣло дошло до свѣдѣнія митрополита Филарета. Разумѣется, онъ не могъ потерпѣть такого административнаго безобразія. Академическое правленіе вошло къ нему съ представленіемъ, въ которомъ

просило у митрополита разрѣшенія употреблять ежегодно проценты съ суммы митрополита Платона на напечатаніе лучшихъ студенческихъ сочиненій. На этомъ представленіи митрополитъ написалъ слѣдующую резолюцію:

«Завѣщаніе должно исполнять, какъ можно согласно съ волею завѣщателя; а потому я не могу согласиться перемѣнить оное безъ нужды, такъ какъ не одобряю и того, что академическое правленіе перестало исполнять оное, нарушивъ вмѣстѣ и предписаніе комиссіи духовныхъ училищъ. Посему учинить слѣдующее: 1) проценты впредь получать ежегодно и на оныя, если нельзя двухъ, то одного воспитанника согласно съ волею завѣщателя содержать; 2) проценты, накопившіеся до сихъ поръ, можно употребить на напечатаніе полезныхъ книгъ, и сумму, какая отъ сего оборота получится, употреблять на тотъ же оборотъ».

Благодаря тому, что имѣли неосторожность заявить митрополиту Филарету о положеніи этого дѣла и о своемъ отношеніи къ нему, академическія власти были тотчасъ же обращены владыкою къ исполненію своего прямого долга. Немедленно въ стипендіаты митрополита Платона былъ избранъ первый студентъ XI курса Макарій Смирновъ; и такъ продолжалось до 1860 года, послѣднимъ былъ Александръ Иванцовъ-Платоновъ XXII курса, имъ и закончился некороткій рядъ Платоновыхъ, вызванный къ бытію суровою по тону, но мудрою резолюціею митрополита Филарета, положенною на нѣсколько легкомысленное представленіе академическаго правленія въ 1837 году.

Въ 1860 году ректоръ академіи Сергій снова уничтожилъ памятникъ дѣятельной любви знаменитаго московскаго митрополита Платона къ духовнымъ школамъ, получившимъ отъ него во время его долгаго управленія московскою митрополіею очень много добраго и въ учебномъ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ; нарушилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и волю завѣщателя; пренебрегъ распоряженіе комиссіи духовныхъ училищъ и уничтожилъ распоряженіе митрополита Филарета. Архимандритъ Сергій не имѣлъ никакого права на самовольное уничтоженіе рѣшенія ближайшаго своего начальства, т.-е. митрополита московскаго, и еще болѣе высокой инстанціи, т.-е. святѣйшаго синода, который одинъ только могъ отмѣнить рѣшеніе своей бывшей комиссіи духовныхъ училищъ; и притомъ онъ не сдѣлалъ о своемъ поступкѣ никакого представленія митрополиту относительно этого дѣла, утаивъ отъ него свое противозаконное дѣйствіе.

— Мнѣ хотѣлось бы,—говорилъ Павелъ Ивановичъ,—дожить до того времени, когда возвратилась бы послѣ сорокалѣтняго удаленія прибавка, получившая начало своего бытія еще въ XVIII столѣтіи. Неужели некому постоять за память митрополита Платона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Филарета, такъ горячо возставшаго

въ 1837 году на защиту закона и правды? Неужели мнѣ, послѣд-
нему оставшемуся въ живыхъ Платонову, не суждена радость
встрѣтить людей, которые пришли бы на убыльнѣ мѣста?

— О. Сергій, скажу вамъ,—продолжалъ Павелъ Ивановичъ,—
не отличался краснорѣчіемъ и не давалъ студентамъ съ каеэдры
ни одной свѣжей мысли, ни одного новаго свѣдѣнія и самъ ничего
не приобрѣталъ отъ своихъ мнимыхъ наукъ (онъ, когда еще былъ
инспекторомъ, преподавалъ нравственное богословіе и богословіе
пастырское)¹⁾.

На лекціи къ нему студенты ходили исправно, потому что онъ
имѣлъ очень хорошее зрѣніе, всегда замѣчалъ отсутствующихъ и
подвергалъ ихъ инспекторскому гнѣву; но слушать его никогда не
слушали, какъ не слушали его и мы, студенты XXI курса, хотя
съ назначеніемъ его на должность ректора (въ 1857 году) онъ
сталъ читать лекціи по догматическому богословію. Одинъ
учебный годъ 185⁶/7 читалъ онъ намъ свои прежнія науки: *theologia
moralis et pastoralem*, а слѣдующій учебный годъ читалъ
лекціи по догматическому богословію, наукѣ для него новой, въ
томъ смыслѣ, что ему пришлось составлять для класса лекціи по
новому предмету. Наше положеніе оказалось очень тяжелымъ. Не
ходить къ инспектору на лекціи—опасно; слушать на лекціяхъ
ничего; читать книгу нельзя—замѣтить. Мы съ сосѣдомъ Потапо-
вымъ коротали часы Сергіевыхъ лекцій чаще всего такъ: запа-
семся бумагой и карандашами и передаемъ другъ другу записочки
болѣе или менѣе шутиватаго содержанія. Сидимъ тихо, шума не
производимъ, а записывать что нибудь во время лекцій никому
не воспрещается; время до звонка и пройдетъ незамѣтно.

Я живо помню и такой случай. Въ іюнѣ 1857 года, нака-
нунѣ экзамена по догматическому богословію, студенты узнали,
что на экзаменъ придетъ митрополитъ съ Филаретомъ, архіеписко-
помъ черниговскимъ, и еще съ какимъ-то архіереемъ, имя кото-
раго я забылъ. Передъ такими посѣтителеми дать плохой отвѣтъ,
конечно, никому изъ насъ не хотѣлось. Съ утра кануна экзамена
я вышелъ съ тетрадками инспекторскихъ лекцій въ академической
садъ, пріютился въ томъ тѣнистомъ уголку, гдѣ теперь покоится
прахъ А. В. Горскаго, читаю тетрадки и нахожу одно пустословіе,
даже безъ попытокъ автора вознаграждать обязательнаго читателя,

¹⁾ Богословіе нравственное, богословіе пастырское только по преданію,
идущему отъ среднихъ вѣковъ, вринято называть науками, хотя научнаго
содержанія эти якобы науки не имѣютъ никакого. Онѣ даже не сумѣли выра-
ботать для себя удовлетворительнаго названія. Въ самомъ дѣлѣ *theologia mora-
lis, theologia pastoralis*—что это такое? Конечно, не нравственное ученіе о
Богѣ, не пастырское ученіе о Богѣ, а скорѣе: Божіе ученіе о нрав-
ственности, Божіе ученіе о пастырствѣ. Гдѣ же тутъ, или къ чему тутъ
пристроиться понятію о наукѣ?

за отсутствіемъ научнаго содержанія, хотя какими нибудь чувствованіями: идетъ сплошное пустословіе и притомъ въ изложеніи вяломъ, сухомъ, желающемъ напоминать собою изложеніе, «своественное строгой наукѣ». Дѣлать нечего, нужно читать, вѣдь завтра будетъ экзаменъ съ митрополитомъ и двумя архіереями. Чѣмъ дальше читаю, тѣмъ сильнѣе растетъ недовольство тетрадками; начинаю волноваться. Сначала крѣпился, старался одолѣть свои чувствованія голосомъ разсудка; но разсудокъ мой все болѣе и болѣе ослабѣвалъ передъ напоромъ чувства и, наконецъ, не выдержалъ натиска. Со злобою и даже съ ругательствомъ швырнулъ я тетрадки подъ ноги и сказалъ себѣ: «больше читать ни за что не стану»,—прошелся нѣсколько разъ по дорожкѣ, успокоился, поднялъ тетрадки, отнесъ ихъ товарищамъ и въ теченіе остального времени дня и затѣмъ утра слѣдующаго дня не заглядывалъ въ тетрадки, рѣшившись отвѣчать на экзаменѣ то, что Богъ на душу положитъ. Митрополитъ и двое архіереевъ прибыли на экзаменъ. Не сразу, но вызвали и меня; спокойно вынимаю билетъ; смотрю: о самоотверженіи. Ну, думаю, не разгуляешься, а впрочемъ поплести кое-что можно. Пока двое, вызванные прежде меня, отвѣчали, я соображалъ, что мнѣ плести: припомнилъ подходящія мѣста писанія, начиная съ классическаго мѣста, приводимаго и въ катихизисѣ, придумалъ себѣ какое-то возраженіе противъ будущихъ своихъ рѣчей о самоотверженіи и, когда очередь дошла до меня, начинаю отвѣчать спокойно, хотя и не покидала меня такая мысль: «Владыка непременно подумаетъ, что инспекторъ плоховато составляетъ лекціи». Послушавъ меня, митрополитъ предложилъ какой-то вопросъ, я поговорилъ и былъ отпущенъ отъ стола безъ всякаго видимаго посрамленія. Митрополитъ не первый разъ былъ на экзаменѣ по нравственному богословію и къ плоховатымъ отвѣтамъ по этому предмету уже привыкъ; другихъ отвѣтовъ онъ, можетъ быть, и не ждалъ, потому что очень уменъ и проницателенъ былъ нашъ іерархъ.

Я забылъ еще сказать, что Горскій былъ одно время редакторомъ «Богословскаго Вѣстника» и много своихъ ученыхъ трудовъ помѣстилъ въ разныхъ журналахъ. Вотъ перечень извѣстныхъ мнѣ его трудовъ:

«Исторія Тридентскаго собора», «Описаніе Святой земли», «Псалмы въ русскомъ переводѣ», «О трудахъ архимандрита Михаила», «Нѣсколько словъ о статьѣ преосвященнаго Феофана по поводу изданія священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта въ русскомъ переводѣ», «О недоумѣніяхъ, вызываемыхъ русскимъ переводомъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта», «Разборъ ученія Дарвина о происхожденіи видовъ въ царствѣ животномъ и растительномъ», «Народная Библия во время Христа Спасителя», «Псалтирь въ пол-

номъ славянскомъ переводѣ Амвросія, архіепископа московскаго», «О еврейской рукописи и Пятикнижии изъ XII вѣка», «Труды третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ въ Петербургѣ», «Славянская псалтирь XVIII вѣка, переведенная съ еврейскаго», «Вторая книга Моисея «Исходъ» въ переводѣ съ объясненіями», «Объ употребленіи печатнаго слова», «По поводу неурожая», «Уваженіе къ закону», «Непротивленіе злу», «Систематическій указатель литературы о евреяхъ на рускомъ языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708) по декабрь 1889 года», «Антука, очеркъ изъ быта духовенства», «Отрывки изъ «скорбной лѣтописи» городского головы», «Голосъ стараго профессора по дѣлу профессора А. П. Лебедева съ покойнымъ профессоромъ, о. протоіереемъ А. М. Ивановымъ-Платоновымъ» и другіе.

Къ крайнему моему сожалѣнію, мнѣ не пришлось присутствовать при погребеніи Павла Ивановича и проститься съ нимъ: я находился въ это время въ Москвѣ по крайне серьезному и неотложному дѣлу; но я слышалъ отъ очевидцевъ, что похороны его были торжественны, вполне достойны этого умнаго и добраго человѣка.

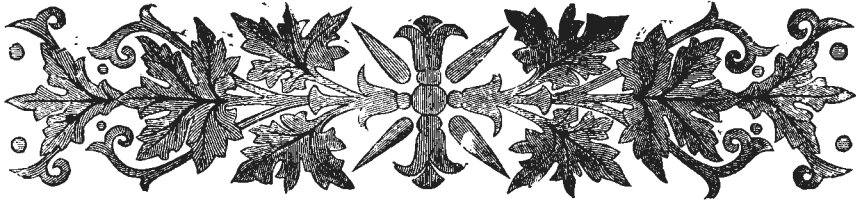
Отиѣвали его въ академической церкви ректоръ академіи, пресвященный Евдокимъ, въ сослуженіи съ инспекторомъ академіи, ректоромъ семинаріи и другимъ духовенствомъ, въ присутствіи многихъ профессоровъ и студентовъ академіи. По окончаніи службы было сказано профессорами много глубоко прочувствованныхъ рѣчей въ память покойнаго. На гробъ были возложены вѣнки отъ профессоровъ, хоругвеносцевъ и др.

Похороненъ Горскій-Платоновъ на академическомъ кладбищѣ въ лаврѣ.

Онъ былъ послѣднимъ Платоновымъ.

Н. И. Перелыгинъ.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

Волшебство и колдовство.

Ворожея земскій дьячекъ Максимъ Марковъ ¹⁾.

I.

ИХЪ баринъ, не въ немоготу у него жить! — говорили между собою дворовые люди прапорщика Ивана Алексѣвича Кашинцова, жившаго въ половинѣ XVIII столѣтія въ своемъ имѣніи, въ селѣ Гридинѣ, въ пяти верстахъ отъ города Суздаля.

— Очень лихъ помѣщикъ, работно намъ у него! — отзывались о Кашинцовѣ села Гридина пахотные крестьяне. — Ни отецъ его, комиссаръ Алексѣй Андреевичъ, ни мать не были такими лихими; въ кого только уродился? — шептались крестьяне, гдѣ только встрѣчались, даже «на улицахъ».

Въ дѣлѣ не сказано, семейный ли человекъ былъ Кашинцовъ, и сколько имѣлъ онъ отъ роду лѣтъ, но есть замѣтка, что по селу носился слухъ, что «господинъ жилъ съ крестьянскими дѣвками блудно и будто двухъ рожденныхъ младенцевъ уже умертвилъ».

Больше всего ожесточались дворовые и крестьяне на своего помѣщика за то, что онъ ихъ поролъ «безъ пощады». Нельзя было сказать, чтобы они подвергались наказанію совѣмъ безъ

¹⁾ Московскій архивъ министерства юстиціи. Дѣло сыскаго приказа, № 5531. Всѣ географическія и собственныя имена принадлежать подлиннику, и настоящій очеркъ представляетъ собою дословную его обработку.

вины, нѣтъ, Кашинцовъ безъ проступка никого не наказываль, но зато малѣйшее неисполненіе приказанія, или не совсѣмъ точное выполненіе, вели къ немедленной поркѣ; снисхожденія не дѣлалось ни старому, ни малому. Первому лицу въ домѣ послѣ барина, «клюшнику» Петру Аванасьеву, 80-ти-лѣтнему старику, также не бывало исключенія, и онъ наказывался на ряду съ другими. Расправу съ виновными плетью большею частію вершилъ, по приказу барина, конюхъ Петръ Петровъ Сутыринъ, но если Кашинцовъ замѣчалъ при наказаніи, какъ ему казалось, поблажку кому нибудь со стороны Сутырина, то порка дѣлалась и самому конюху. Особенно любимый Кашинцовымъ дворовый человекъ, Прокофій Ѳоминъ, которому баринъ довѣрялъ болѣе другихъ, несмотря на то, наказанію подвергался безъ всякаго отличія отъ прочихъ.

Осенью 1749 года, на другой день Покрова, едва разсвѣло, на кухню дома Кашинцова явился староста села Гридина, крестьянинъ Ѳома Андреевъ Коровинъ, 60 лѣтъ, для обычнаго донесенія помѣщику о крестьянскихъ дѣлахъ. Въ кухнѣ въ это время находился «поваръ для варенья кушанья», дворовый человекъ Иванъ Герасимовъ Шалаевъ, 24 лѣтъ, и «малолѣтній крестьянскій сынъ для посылокъ Петръ Петровъ».

— Добѣги, малый, до господской конюшни и отдай вотъ эту узду конюху Роману Васильеву,—сказаль староста, обращаясь къ Петрову.

— Прокофій Ѳоминъ купилъ въ Суздалѣ для барина мышьяку, положи его въ чай,—обратился Коровинъ къ повару, когда они остались одни.

На кухнѣ въ это время на очагѣ, на особой жаровнѣ, въ чайникѣ грѣлась вода ¹⁾, и Шалаевъ раздуваль уголья.

— Клади самъ,—послѣ нѣкотораго колебанія отвѣтилъ поваръ и отошелъ отъ очага.

Староста подошелъ къ жаровнѣ и опустилъ въ чайникъ небольшой кусокъ. Поваръ видѣлъ, какъ старикъ весь задрожаль.

— Скажи барину, что я на гумно пошелъ, если меня требовать будетъ; а ты ужъ чайникъ-то, сдѣлай милость, ему подай,—шопотомъ произнесъ староста.—Сколько я просилъ его отъ староства меня отставить, а онъ мнѣ только крикнулъ: «придетъ твой срокъ послѣ Пасхи, тогда и отставлю»; я своей спиной за всѣхъ отвѣчай,—прибавилъ онъ такъ же тихо, обращаясь къ повару и выходя изъ кухни.

Часа черезъ два послѣ того Иванъ Алексѣевичъ Кашинцовъ, напившись чая, вдругъ почувствовалъ себя очень дурно, «подня-

¹⁾ Самовары появились только въ послѣдней четверти XVIII столѣтія, а до того чай просто кипятился на жаровняхъ или на дучинахъ въ металлическихъ чайникахъ, даже горшкахъ.

лась у меня великая тошнота и рвота, какъ показывалъ онъ въ послѣдствіи, стало знобить, явились судороги, а лицо при смотрѣніи у зеркала точно синяго цвѣта».

Съ недѣлю прохворалъ прапорщикъ и наконецъ выздоровѣлъ.

II.

Прошло около трехъ лѣтъ. Отношенія Кашинцова къ людямъ были прежнія; только онъ сталъ къ нимъ очень подозрителенъ и часто при неудовольствіи переводилъ гридинскихъ крестьянъ изъ одной вотчины въ другую; особенно боялись они перевода въ его деревню «на низъ» въ Симбирской губерніи.

— «Надо собраться скопомъ, — говорили, или, какъ сказано въ документѣ, «похвалялись» гридинскіе жители, — и всѣмъ людямъ и крестьянамъ безъ исключенія господина нашего разореніе учинить, чтобы подушныя деньги и прочіе оброки некому было платить и тѣмъ его, Кашинцова, къ оскудѣнію привести».

Въ праздникъ Спаса Преображенія Господня 1752 года запрягъ крестьянинъ села Гридина, Василискъ Давыдовъ, прозваніемъ Ахапкинь, свою лошадь и поѣхалъ къ обѣднѣ въ Суздаль, въ Спасовъ Евфимьевъ монастырь. Отслушавъ здѣсь «литургію и молебенъ», заѣхалъ Василискъ въ близлежащую у монастыря слободу Скучилиху по знакомству въ домъ бобыля Аванасья Ильича.

Послѣ угощенія гостя пивомъ хозяинъ вышелъ на дворъ, а Ахапкинь, оставшись вдвоемъ съ женою Ильина, Ульяною Ивановой, запинаясь вдругъ стала просить ее «дать ему наставленіе, чѣмъ бы умертвить господина его, прапорщика Кашинцова, понеже за нимъ жить лихо».

— Купи ты ему крѣпкой водки и дай въ питье, тогда господинъ умретъ, — отвѣтила Ульяна.

— А гдѣ оную продають?

— Того не вѣдаю. А буде водка не поможетъ, обратись тогда къ ворожеѣ ¹⁾ Максиму Маркову.

— Что челобитныя пишеть? — спросилъ Василискъ!

— Онъ самый! — отвѣтила хозяйка.

Дня черезъ два ѣхалъ съ возомъ сѣна съ пустоши по улицѣ села Гридина «выборный» крестьянинъ Алексѣй Евдокимовъ Блохинъ, 50 лѣтъ. У воротъ дома названнаго Василиска Давыдова Ахапкина толпились новый староста Елисѣй Денисовъ и нѣсколько односельчанъ.

¹⁾ Очевидно, въ половинѣ XVIII вѣка слово «ворсжея» было общаго рода, одинаково относилось къ мужчинамъ и женщинамъ. Въ нашемъ документѣ Марковъ вездѣ называется «ворожея» и «вражея» и только одинъ разъ—«ворожей».

— Остановись, Алексѣй!—крикнулъ Блохину староста:—нашли мы ворожею для избавленія отъ лиха помѣщика.

— Дѣло ли вы говорите?—спросилъ Блохинъ.

— Дворцоваго села Лопатницъ бывшій земскій дьячекъ, крестьянинъ Максимъ Марковъ, онъ помощь дастъ,—обратился уже къ Алексѣю Василискъ Ахапкинъ.

— Выбрали мы тебя съ Ахапкинымъ къ тому вражеѣ съѣздить и, возьмется ли онъ за такое дѣло, спросить,—сказалъ староста Денисовъ.

— А ежели господинъ нашъ отъ наговора ворожеина умретъ, тогда я «на низъ» для провѣдыванія бѣглыхъ не поѣду,—замѣтилъ стоявшій тутъ же въ кучѣ крестьянинъ Кириллъ Ивановъ, 50 лѣтъ.—Ежели же живъ останется, тогда его приказъ исполню, а нынѣ подожду.

Дворцовое село Лопатницы «находилось въ близости отъ Гридина», по указанію документа. Блохинъ и Ахапкинъ въ тотъ же день были уже въ избѣ Максима Маркова.

Бывшій земскій дьячекъ былъ еще бодрый старикъ, лѣтъ подъ 60, немного косъ. Ахапкина онъ встрѣтилъ, какъ знакомаго.

— Не челобитную писать ты нуженъ,—сказалъ Василискъ,—а дай намъ такого снадобья, отъ чего бы господинъ нашъ умеръ.

— Если онъ отъ того умретъ, тогда и вамъ худо будетъ, пойдеть волокита, и вы не безопасны будете,—отвѣтилъ Марковъ.

— Сдѣлай такъ, чтобы волокиты не было,—заговорилъ Блохинъ,—если сможешь, дадимъ тебѣ цѣлый рубль.

— Постараюсь,—произнесъ Максимъ,—а если на васъ страхъ найдеть, то меня не упрекайте. Идите за мной.

Блохинъ съ Ахапкинымъ вмѣстѣ съ «ворожеей» взошли вверхъ въ «особливую горенку».

Комната была довольно свѣтлая и просторная. Въ переднемъ углу стояла «кіота съ образами». Марковъ, подойдя къ ней, взялъ «маленькую книжку», потомъ, вернувшись къ двери, съ размаху бросилъ острый ножъ въ верхній косякъ, въ который тотъ и воткнулся. Тогда «ворожея» обернулся къ образамъ и «началъ шептать по книжкѣ». Минуть черезъ десять онъ вынулъ ножъ изъ косяка, отрѣзалъ имъ изъ воску, лежащаго на кіотѣ, кусочекъ величиною въ орѣхъ, взялъ его себѣ въ руку, а ножъ воткнулъ въ середину пола, потомъ вновь пошепталъ по книжкѣ и съ скачкомъ черезъ ножъ на полу перевернулся черезъ голову, ставъ на ноги.

Крестьяне ахнули отъ изумленія.

— Пойдемте въ низъ!—сказалъ имъ Марковъ.

— Теперь вы этимъ наговорнымъ воскомъ потрите кровать и туфли господина вашего въ его отсутствіе и порогъ, черезъ который онъ ступаетъ,—внушительно сказалъ «ворожея».—Отъ того

черезъ 7 дней онъ умереть можетъ, точію вамъ отъ того грѣхъ великій будетъ, и должно вамъ о своемъ прощеніи ежечасно молить Господа Бога, потому что помѣщикъ вашъ тоже человѣкъ.

— А оставшій кусочекъ воску раскласть по прочимъ мѣстамъ господскихъ комнатъ,—продолжалъ Марковъ,—только смотрите, чтобы другіе на кусочки не набрели, понеже и тѣмъ отъ того «вреда» будетъ.

— Деньги, что тебѣ обѣщали, рубль отдадимъ въ два срока,—сказалъ «ворожеѣ» при прощаніи Алексѣй Блохинъ,—одинъ разъ черезъ три дня, когда воскъ потребимъ, а другую полтину черезъ 7 дней.

Почти бѣгомъ подошли крестьяне къ своей телѣгѣ и чуть не до самаго села не сказали другъ съ другомъ слова. Только уже въ виду Гридина Василискъ Ахапкинъ шопотомъ произнесъ то-варищу:

— Когда въ горенкѣ-то ворожея черезъ голову черезъ ножъ перевернулся, отъ того мнѣ былъ великій страхъ, и чудилось мнѣ, будто кто еще около Максима ходитъ.

На другой день утромъ вернушіеся отъ «ворожеи» Ахапкинъ и Блохинъ сошлись со старостой Елисѣемъ Денисовымъ въ условленномъ мѣстѣ, «на улицѣ у господской конюшни». Крестьяне объявили старостѣ объ исполненномъ порученіи и рассказали ему свои впечатлѣнія при посѣщеніи Маркова.

— Возьми теперь воскъ, онъ наговоренъ на смерть,—сказалъ старостѣ Василискъ.

— Нѣтъ, братъ, и я до него прикоснуться боюсь, ибо меня пуще, чѣмъ васъ, страхъ беретъ. Отвези оный воскъ ворожеѣ обратно; отдай ему въ подарокъ 30 копеекъ и скажи, что мы тереть воскомъ не будемъ, вреда себѣ боимся. Вѣдь онъ говорилъ, что грѣхъ великъ.

Василискъ Ахапкинъ завернулъ воскъ въ бумажку и, какъ наказалъ староста, поѣхалъ къ Маркову.

— Мы господина нашего умертвить не хотимъ. Возьми свой воскъ назадъ, а отъ насъ 30 к. себѣ въ подарокъ,—сказалъ онъ ворожеѣ.

Но, спустя день послѣ возвращенія воска Максиму, староста Елисѣй Денисовъ, по приказанію Кашинцова, былъ жестоко наказанъ плетью за какую-то оплошность. Озлобленный Денисовъ вновь сталъ просить Ахапкина и Блохина взять на барина воскъ у «ворожеи» Максима Маркова. Василискъ рѣшительно отказался, сказавъ, что ни за какія деньги не пойдетъ больше къ Максиму. Блохинъ же соглашался, но непременно съ кѣмънибудь вдвоемъ. Тогда Денисовъ упросилъ съѣздить къ ворожеѣ вмѣстѣ съ Алексѣемъ бывшаго до него въ селѣ старостою Оому Андреева Корвина. Послѣдній по опыту зналъ, какъ тяжело было ему въ этой

должности; обиды Кашинцова были такъ еще живы и продолжались у него на глазахъ постоянно, возбужденіе противъ прапорщика было еще такъ сильно, что Оома немедленно отправился съ Блохинымъ къ Максиму.

«Ворожея» принялъ крестьянъ довольно сурово, сказавъ, что для успѣха дѣло надо начинать сызнова, что теперь надежды мало. Однако, когда пріѣхавшіе опять пообѣщали ему рубль, онъ согласился и повелъ ихъ въ верхнюю горенку. Тамъ онъ по-прежнему шепталъ на книжку, перевернулся черезъ голову черезъ ножъ въ полу, вновь отдалъ имъ кусочекъ воску въ орѣхъ, сказавъ, что, кромѣ того, что имъ было объяснено въ первый разъ, нынѣ слѣдуетъ воскомъ натереть чайникъ, въ которомъ готовится для ихъ господина чай. Крестьяне дали Маркову полтину и сказали, что, спустя недѣлю, если будетъ успѣхъ, они привезутъ ему другую.

Въ домѣ Кашинцова въ это время работалъ «столяръ», его же крѣпостной крестьянинъ Вавила Володимеровъ. Въ первое время столяръ своими работами угождалъ Ивану Алексѣвичу, но въ послѣднюю недѣлю за невѣрно выполненное приказаніе помѣщика былъ выпоротъ дважды. Ему-то крестьяне и передали воскъ, полученный отъ Маркова, а онъ, въ ихъ присутствіи, въ небытность прапорщика, натеръ воскомъ назначенныя Максимомъ вещи и мѣста. Крестьяне стали ждать. Прошла недѣля, другая, исполнился наконецъ мѣсяцъ, а здоровье Кашинцова нисколько не ухудшалось. Тогда,—сказано въ документѣ,—«крестьяне и дворовые поняли, что вреда ихъ господину не было», и стали думать о новомъ противъ него средствѣ.

III.

Вскорѣ послѣ Николина дня зимняго того же 1752 года въ лавку купца Михаила Иванова Симанова, «торгующаго въ городѣ Суздаль, въ рядахъ крестами, перстнями, шнурками и всякимъ мелочнымъ щепетильнымъ товаромъ», явился уже извѣстный намъ «выборный» Алексѣй Евдокимовъ Блохинъ, ѣздившій раньше къ «ворожеѣ» дважды. Симановъ Блохина зналъ, потому что послѣдній покупалъ у него не одинъ разъ кресты своимъ дѣтямъ.

— Скорбитъ очень у меня лошадь,—обратился пришедшій къ купцу,—ѣды не беретъ. Совѣтуютъ дать ей мышьяку, а гдѣ его найти,—не знаю. Не продашь ли мнѣ немного? Чтò будетъ стоить, отдамъ съ благодарностью.

Симановъ задумался.

— Зайди черезъ часъ,—сказалъ онъ наконецъ Алексѣю,—если разыщешь, то продамъ.

Блохинъ ушелъ, а Симановъ почти вслѣдъ за нимъ прошелъ въ сосѣдную съ нимъ лавку суздальскаго купца Дмитрія Герасимова Шишкина. Послѣдній, молодой человекъ, лѣтъ 25, стоялъ у дверей.

— Не слыхалъ ли ты, Дмитрій,—обратился къ Шишкину Симановъ, — чѣмъ отъ почесухи дѣтей лѣчить?—мои очень занемогли.

— Того не знаю,—отвѣтилъ ему Шишкинъ.

— А я слыхалъ отъ людей,—продолжалъ Симановъ,—что ту почесуху сгоняютъ мышьякомъ. Только не знаю, гдѣ его мнѣ промыслить.

— Покойная моя мать, Анна Семеновна, втирала мышьякъ въ въ какія-то снадобья,—сказалъ Шишкинъ,—а въ какія, не знаю, отъ чего она своимъ глазамъ пользу получила. Послѣ нея у меня остался небольшой кусокъ мышьяку съ грецкій орѣхъ. Возьми, можетъ быть, дѣтямъ и поможетъ,—продолжалъ Дмитрій Герасимовъ, входя въ свою лавку и возвращаясь оттуда съ кусочкомъ, завернутымъ въ бумагу.

— Сколько будетъ стоить?—спросилъ Симановъ.

— Того не вѣдаю; цѣны ему и сколько въ немъ вѣсу, также не вѣдаю,—отвѣтилъ Шишкинъ.—Возьми его безденежно.

Когда Симановъ вернулся въ свою лавку, то раздѣлилъ полученный имъ отъ сосѣда мышьякъ на двѣ неравныя части и, свѣсивъ ихъ, завернулъ въ бумажки.

— Только по знакомству тебѣ съ большимъ трудомъ досталъ,—сказалъ Симановъ, подавая Блохину меньшій кусочекъ мышьяку, когда тотъ пришелъ къ нему.

— А какая цѣна?

— Здѣсь вѣсомъ два золотника; по алтыну, стало, съ тебя два алтына,—отвѣтилъ купецъ.

Блохинъ отдалъ деньги и, прибѣжавъ на постоянный дворъ, гдѣ у него была лошадь, успѣшилъ вернуться въ свое село. Здѣсь, въ особой избѣ, въ которой никто не жилъ, а гдѣ только работалъ Вавила Володимировъ, и потому называвшейся «столярной», Алексѣя дожидались заговорщики: староста Елисѣй Денисовъ, Василискъ Блохинъ, поваръ Иванъ Герасимовъ Шалаевъ, бывшій староста Ѳома Григорьевъ Коровинъ и крестьяне Кирилл Ивановъ и Романъ Алексѣевъ.

— Привезъ!—сказалъ собравшимся крестьянамъ и дворовымъ Блохинъ, доставая изъ-за пазухи бумажку съ мышьякомъ.

— Теперь очень трудно будетъ въ чай положить,—сказалъ поваръ.—Баринъ застаиваетъ воду при себѣ кипятить.

— Я тебѣ присовѣтую другое,—сказалъ бывшій староста Ѳома Григорьевъ и шопотомъ сталъ передавать присутствующимъ придуманное.

Черезъ нѣсколько дней «ключникъ», восьмидесятилѣтній старикъ Петръ Аѳанасьевъ, вмѣстѣ съ скотницею Татьяною Никитиной отправились въ погребъ. Скотница достала старику кринку молока, а сама ушла. Аѳанасьевъ взялъ было кринку въ руки и двинулся отъ погреба, но потомъ вернулся, поставилъ кринку съ молокомъ на лавку у погреба, а самъ пошелъ за хлѣбомъ въ погребъ. Пока старикъ копошился, у кринки появился поваръ Иванъ Шалаевъ и, быстро опустивъ въ молоко привезенный Блохинымъ отъ купца Симанова мышьякъ, убѣжалъ въ домъ. Ключникъ его присутствія не замѣтилъ.

Принеся кринку на кухню, Аѳанасьевъ вылилъ молоко въ особый молочникъ и послалъ его къ барину съ мальчикомъ Иваномъ Петровымъ. Кашинцовъ молоко выпилъ, а, спустя немного, у него появилась рвота, ознобъ, судороги; съ испугомъ онъ посмотрѣлъ въ зеркало и увидѣлъ, что лицо его посинѣло. Дней пять болѣлъ прапорщикъ, а затѣмъ стало ему легче.

— Самъ ты мнѣ принеси кринку молока изъ погреба, какъ я тебѣ приказывалъ?—спросилъ Кашинцовъ старика ключника, когда всталъ съ постели.

— Виновать, государь,—отвѣтилъ дрожа Аѳанасьевъ,—кринку съ молокомъ не прямо я къ тебѣ въ покои принеси, а оставлялъ на лавкѣ у погреба, а самъ ходилъ себѣ за хлѣбомъ...

— Видишь, что со мною было отъ твоего непослушанія!—крикнулъ на старика Кашинцовъ.—Уходи, будешь немедленно наказанъ.

— Тотчасъ же дать ключнику Петру 30 ударовъ плетей!—приказалъ прапорщикъ призванному конюху Петру Сутырину.

IV.

Въ концѣ января новаго 1753 года знакомый намъ выборный Алексѣй Блохинъ вновь явился въ лавку суздальскаго купца Симанова, а староста Елисѣй Денисовъ и еще гридинскій крестьянинъ Романъ Алексѣевъ остались дожидаться Алексѣя на улицѣ.

— Пришелъ просить у тебя еще мышьяку,—обратился Блохинъ къ хозяину.—Лошадь-то стало было лучше, а тутъ она опять заскорбѣла. Должно, мало ей далъ; если есть, продай побольше.

— Вотъ все, что у меня осталось,—сказалъ Симановъ, доставая кусочекъ мышьяку въ бумажкѣ и кладя на вѣсы.—Семь золотниковъ,—продолжалъ онъ,—возьму съ тебя по двѣ копейки за золотникъ, всего 14 копеекъ.

Алексѣй взялъ мышьякъ, отдалъ деньги и вмѣстѣ съ ожидавшими его односельчанами отправился въ Гридино.

30 января, утромъ, тотъ же Алексѣй Блохинъ и крестьянинъ Романъ Алексѣевъ, вторично съ нимъ ѣздившій въ Суздаль, при-

шли на господскую кухню и купленный у Симанова мышьякъ передали повару Ивану Герасимову Шалаеву. Поваръ, по ихъ уходѣ, отдѣлилъ отъ принесеннаго мышьяку небольшую частицу и, завернувъ ее въ бумажку, положилъ въ карманъ; остальной же кусокъ бросилъ въ стоявшій на столѣ чайникъ и, наливъ его до половины водой, размѣшалъ ложкою воду. Затѣмъ досталъ большой деревянный ковшъ, зачерпнулъ въ него квасу изъ стоявшей въ кухнѣ кадки и въ квасъ въ ковшѣ опустилъ вынутый имъ изъ кармана небольшой кусочекъ мышьяку; помѣшавъ также ложкою, поставилъ въ ковшѣ на лавкѣ.

Черезъ часъ въ кухню пришелъ конюхъ Петръ Петровъ Сутыринъ.

— Угости, Иванъ Герасимовичъ, своимъ кваскомъ!—обратился онъ къ повару.

— Жестоко очень плетьми бьешь, не стоитъ тебя угощать, — отвѣтилъ Шалаевъ.

— Я наказываю тебя за худое вареніе кушаній, старайся лучше готовить, — со смѣхомъ замѣтилъ конюхъ. — Такъ господинъ говорить.

— За дѣло ли или не за дѣло, при помѣщикѣ или безъ него, а ты всегда больно наказываешь, — угрюмо смотря на Сутырина, произнесъ Шалаевъ.

— Не своя воля—господская,—сказалъ конюхъ: — слабо буду наказывать, самому достанется.

— На, пей!—сказалъ поваръ, подавая Сутырину стоявшій на лавкѣ ковшъ съ квасомъ, въ который онъ положилъ мышьякъ.— Себѣ было приготовилъ.

— Еще не нальешь ли ковшичекъ? — обратился конюхъ къ повару.

— Почерпни самъ,—отвѣтилъ Шалаевъ, указывая на кадку.

Едва конюхъ ушелъ изъ кухни, сюда появился другой, «малолѣтній для посылокъ», Спиридонъ Петровъ.

— Воды самой студеной барину для чая!—сказалъ онъ Шалаеву.

— Самъ будетъ онъ кипятить?—спросилъ поваръ.

— Известно, самъ; вамъ онъ не довѣряетъ, — отвѣтилъ мальчикъ.

Шалаевъ долилъ до верху водою приготовленный имъ съ мышьякомъ чайникъ и отдалъ его въ руки мальчику.

Такъ же, какъ и въ первые два раза, Кашинцовъ, напившись чая, почувствовалъ вскорѣ «великую тошноту», опять у него появился ознобъ, судороги, непрерывная рвота. Вновь съ ужасомъ онъ увидѣлъ, что лицо его стало мертвенно синяго цвѣта.

Испуганный Кашинцовъ отправилъ своего «довѣреннаго чело-вѣка» Прокофья Ѳомина въ Суздаль за лѣкаремъ. Двѣ недѣли

на этотъ разъ пролежалъ въ постели Иванъ Алексѣевичъ; поправлялся онъ также медленно; должно быть, количество мышьяка было очень значительно.

Потому ли, что мышьякъ теряетъ свою силу въ кислотахъ, или по незначительному количеству, но конюху Петру Сутырину «вреда отъ выпитаго имъ въ квасѣ мышьяка не учинилось», какъ сказано въ дѣлѣ.

По выздоровленіи, лѣкарь Кашинцову объяснилъ, что причиною его болѣзни должна быть отравка.

Крѣпко задумался прапорщикъ надъ тѣмъ, что дѣлать, но случай помогъ ему. Едва только уѣхалъ отъ него лѣкарь, какъ къ нему въ комнату робко вошелъ его «довѣренный человѣкъ», Прокофій Ѳоминъ, и съ плачемъ опустился передъ Кашинцовымъ на колѣни.

— Прости меня, государь!—въ слезахъ промолвилъ онъ.— Если простишь вину, все донесу.

— Расскажешь правду, тебя, не въ примѣръ другимъ, помилую и даже наказывать не стану,—отвѣтилъ Иванъ Алексѣевичъ.

Въ волненіи передалъ Ѳоминъ барину все, что зналъ о намѣреніи крестьянъ и дворовыхъ отравить Кашинцова мышьякомъ и умертвить черезъ наговоръ у «ворожеи» Максима Маркова.

Когда прапорщикъ вполнѣ поправился, то немедленно позвалъ на конюшню Петра Сутырина и одного за другимъ, въ своемъ присутствіи, приказалъ наказывать плетями оговоренныхъ Ѳоминымъ крестьянъ и дворовыхъ. Каждому передъ наказаніемъ онъ рассказывалъ о «добровольномъ показаніи» Прокофья Ѳомина. Всѣ битые плетями въ желаніи умертвить Кашинцова сознались, только старикъ-ключникъ виновнымъ себя въ этомъ умыслѣ не призналъ, сказавъ, что о томъ не зналъ совсѣмъ. «Вина же моя передъ господиномъ,—причитывалъ онъ,—въ томъ, что приказа его не исполнилъ и кринку молока не понесъ прямо въ покои».

Изъ всѣхъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ лицъ Кашинцовъ почему-то оставилъ на свободѣ въ селѣ старосту Елисея Денисова, одного изъ ярыхъ зачинщиковъ противъ себя, столяра Вавилу Володимерова, крестьянина Романа Алексѣева, вторично ѣздившаго съ Блохинымъ за мышьякомъ, и, наконецъ, «добровольнаго доносчика» Прокофья Ѳомина ¹⁾. Остальныхъ же шестерыхъ: бывшего старосту Ѳому Андреева Коровина, выборнаго Алексѣя Евдокимова Блохина, Василиска Давыдова Ахалкина, повара Ивана Герасимова Шалаева, крестьянина Кирилла Иванова, виновнаго только въ томъ, что на улицѣ сказалъ, что «если его помѣщикъ умретъ,

¹⁾ Вѣроятно, помѣщику прямо не выгодно было доставлять большое количество своихъ крѣпостныхъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ, къ обыску; изъ послѣдняго они, конечно, большею частію не возвращались, а ссылались по разнымъ мѣстамъ, и, такимъ образомъ, въ лицѣ ихъ помѣщикъ теряетъ работниковъ.

то онъ, Кирилль, на низъ не поѣдетъ», и, наконецъ, восьмидесятилѣтняго ключника, Петра Аванасьева, Кашиинцовъ отправилъ въ Москву «подъ карауломъ» для обыска.

20 марта 1753 года всѣ шестеро виновныхъ были привезены въ Москву и «содержаны подъ карауломъ въ квартирѣ Кашиинцова, въ домѣ князя Григорья Мещерскаго, за Москвою-рѣкою». Отсюда 2 апрѣля они представлены въ московскую главную полицеймейстерскую канцелярію, изъ которой, по снятіи съ нихъ допросовъ, препровождены въ сыскной приказъ. Здѣсь они были заключены въ «большой острогъ».

V.

Такъ какъ Коровинъ, Блохинъ, Ахипкинъ и Шалаевъ въ своихъ допросахъ показали, что мышьякъ доставали отъ суздальскаго купца Симанова, то послѣдній въ августѣ мѣсяцѣ 1753 г. былъ высланъ въ сыскной приказъ. Здѣсь онъ на вопросъ судьи отвѣтилъ, что мышьякъ бралъ у сосѣда, купца Шишкина, для лѣченія дѣтей, а Алексію Блохину продалъ по знакомству съ нимъ, не вѣдая, что тотъ беретъ на отраву помѣщика.

Секретарь прочелъ Симанову именной указъ императрицы Анны Іоанновны отъ 8 января 1733 года, чтобы «въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ имперіи въ рядахъ, въ лавкахъ и на торжкахъ мышьяку и прочихъ опасныхъ ядовитыхъ матеріаловъ, а именно: сулемы, цылибухи, крѣпкой водки, купороснаго и янтарнаго масла, отнюдь не держать и не продавать... А въ аптекахъ и изъ ратушъ продавать тѣ матеріалы попрежнему, смотря по людямъ: знатнымъ, которымъ можно вѣрить, съ запискою, а прочимъ, кромѣ уѣздныхъ, съ запискою-жъ и съ поруками... А ежели кто тѣмъ мышьякомъ и прочими матеріалами торговать стануть, и тѣмъ будетъ учинено жестокое наказаніе и сосланы въ дальніе города».

— Зналъ ли ты этотъ указъ?—спросилъ судья Симанова.

— Указа не зналъ, простотою своею мышьякъ отпускалъ Блохину, также проста безъ порукъ, не опасаясь себѣ наказанія,— отвѣтилъ купецъ.

Въ виду ссылки Симанова на полученіе имъ мышьяка отъ Шишкина, этотъ купецъ былъ также доставленъ въ сыскной приказъ.

— Мышьякомъ я никогда не торговалъ,— отвѣтилъ на предложенные вопросы Шишкинъ. — А гдѣ его взяла моя мать, того не вѣдаю. Симанову отдалъ я остатокъ по его просьбѣ безденежно для излѣченія дѣтей; что же Симановъ взялъ мышьякъ для продажи, о томъ я, Шишкинъ, не зналъ.

Оба купца до времени оставлены были въ сыскномъ приказѣ подѣ карауломъ.

Изъ шестерыхъ дворовыхъ и крестьянъ Капшинцова, присланныхъ въ приказъ, старикъ ключникъ Аванасьевъ, очевидно, не могъ перенести пережитыхъ потрясеній и наказаній: «28-го апрѣля 1753 года, какъ донесъ караульный офицеръ, Аванасьевъ, не исповѣдавшись и не причастившись, въ острогѣ умре»; 30-го же апрѣля тѣло его было погребено при церкви честнаго и животворящаго креста Господня, что на Убогихъ домахъ.

Оставшіеся въ острогѣ пятеро обывателей сельца Гридина въ своихъ допросахъ и на первой пыткѣ, бывшей 18-го іюня, когда имъ дано по 30 ударовъ, показывали, что они хотѣли отравить помѣщика мышьякомъ и умертвить его черезъ наговоренный воскъ отъ «ворожей» Максима Маркова.

3-го августа «въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ съ солдаты» Марковъ былъ доставленъ изъ Суздаля въ сыскной приказъ и «на очной ставкѣ» съ Коровинымъ съ товарищами сказалъ, что онъ ихъ подлинно знаетъ: «въ разные времена писалъ челобитныя для ихъ домашнихъ нуждъ, а наговорнаго воску имъ не давалъ и волшебства въ себѣ не имѣетъ».

21-го октября Коровинъ, Блохинъ, Ахапкинъ, Ивановъ и Шаляевъ были пытаны вторично, дано имъ по 30 ударовъ: они показывали то же, что въ первой пыткѣ, а Максимъ Марковъ на очной съ ними ставкѣ говорилъ, что наговореннаго имъ воска не давалъ.

14-го января 1754 года Коровинъ съ четырьмя товарищами на третьей пыткѣ, когда вновь получили по 30 ударовъ, утверждались, что Марковъ дважды имъ воскъ отпускалъ; Максимъ же на очной ставкѣ ихъ слова отрицалъ и никакой вины за собою не признавалъ.

— Онъ не токмо дома наговоренный воскъ намъ давалъ,—съ досадою «въ умеку» Маркова сказали возмущенные его продолжительнымъ упорствомъ крестьяне,—но здѣсь въ острогѣ подсылалъ къ намъ колодника, Потапа Еужева, чтобъ съ него то волшебство створить, давалъ намъ за то пять рублей и обѣщалъ въ острогѣ кормить на свой счетъ.

— Да онъ же, Марковъ, говорилъ намъ,—продолжали крестьяне,—что секретарю далъ денегъ рубль, а повытчику 50 копеекъ, чтобъ они приказали ихъ, Коровина съ товарищами, во время розысковъ полегче бить, а они бы за то съ него, Максима, его волшебство створили бъ.

«Бывшій же писарь Марковъ, — сказано въ дѣлѣ, — говорилъ, что пяти рублей Коровину съ товарищами не суливалъ и секретарю съ повытчикомъ денегъ не даывалъ».

Однако, спрошенный наединѣ «съ пристрастіемъ» колодникъ Потапъ Ежовъ въ допросѣ показалъ, что Марковъ его дѣйствительно къ Коровину съ товарищами посылалъ и деньги, чтобъ они сговорили съ него волшебство, имъ общалъ.

Только послѣ этого показанія Максимъ Марковъ 4-го февраля 1754 года былъ взятъ въ застѣнокъ и пытанъ впервые. На пыткѣ онъ долго упирался, ему пришлось дать 40 ударовъ, и только тогда онъ сознался, что все, что на него показывали крестьяне, была правда, прибавивъ, что «въ книжкѣ, которую онъ держалъ при нихъ при нашептываніи на воскъ, были написаны канонъ Антипію чудотворцу, десять заповѣдей и нѣкоторые псалмы»¹⁾.

Признаніе Маркова быстро двинуло дѣло къ окончанію. 7-го марта 1754 года состоялось рѣшеніе сыскаго приказа о суздальскихъ купцахъ, у которыхъ объявился мышьякъ. Симанова и Шишкина «для учиненія съ ними по указамъ» опредѣлено отослать въ московскій магистратъ, а послѣдній, то-есть Шишкинъ, еще немного ранѣе, какъ менѣе виновный, былъ «свобожденъ изъ-подъ караула» на расписку повѣренному суздальскаго купечества, суздальскому же купцу Евсеію Полякову, жительствовавшему въ Москвѣ, въ приходѣ церкви Николая чудотворца, что на Мясницкой, въ домѣ провирни, «съ повседневною ставкой Шишкина при требованіи».

Въ рѣшеніи сыскаго приказа относительно гридинскихъ крестьянъ и дворовыхъ приведены слѣдующіе законы:

12-й пунктъ 1-й главы «Военнаго артикула»: «Кто чародѣя подкупить или къ тому склонить, чтобъ онъ кому другому вредъ учинилъ, оный, равно какъ и чародѣй, наказаны будутъ».

Указъ императрицы Анны Іоанновны 20-го марта 1731 года: «Ежели кто станетъ волшебниковъ къ себѣ призывать или къ нимъ въ дома для волшебныхъ способовъ приходить или на путехъ о волшебствахъ разговоры съ ними имѣть и ученію ихъ послѣдовать, или такіе волшебники учнутъ собою на вредъ, или мняще, якобы на пользу, кому волшебство чинить, и за то оныя обманщики казнены будутъ смертію, сожжены. А тѣмъ, которые для мнимой себѣ душевредной пользы станутъ ихъ требовать, учинено будетъ жестокое наказаніе — биты кнутомъ, а иные по важности винъ казнены будутъ и смертію».

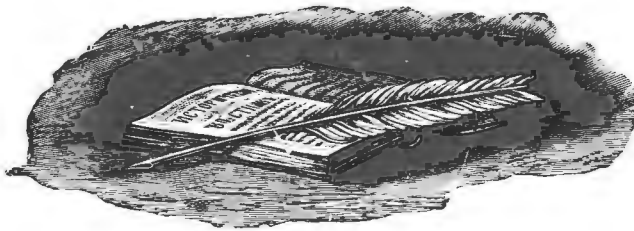
Но въ виду милостиваго указа императрицы Елисаветы Петровны отъ 17-го мая 1744 года «приговореннымъ къ смерти колодникамъ экзекуцій не чинить, а присылать объ нихъ обстоятельныя выписки въ сенатъ», и въ виду указа 25-го мая 1753 года—«на-

¹⁾ Изъ примѣра Маркова, какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ, можно видѣть, что при грубости нравовъ пытки иногда достигали своей цѣли. Благодаря «посуламъ», Маркову долго удавалось избѣгать «дыбы», и навсѣхъ «очныхъ ставкахъ» онъ нахально отрицалъ свое вѣдовство, только пытка вырвала наконецъ у него признаніе.

казанія чинить въ городехъ и провинціяхъ, не списываясь съ сенатомъ», сыскной приказъ приговорилъ: «крестьянъ Оому Корovina, Алексѣя Блохина, Василиска Ахалкина, Ивана Шалаева, Кирилла Иванова и бывшаго писаря Максима Маркова, по силѣ указовъ учиня жесточайшее наказаніе—бить кнутомъ по 70 ударовъ, и вырѣзавъ ноздри, сослать въ вѣчную работу въ Рогервикъ».

15-го іюля 1754 года «оное наказаніе всѣмъ пяти крестьянамъ и бывшему писарю учинено», а 19-го іюля означенные колодники «вмѣстѣ съ прочими» были посланы въ Рогервикъ (близъ Ревеля).

И. С. Бѣляевъ.

БАРОНЪ ФОНЪ-ШТЕЙНЪ

при русской главной квартирѣ.

(1812—1815).

ЛИЧНОСТЬ барона фонъ-Штейна давно уже оцѣнена въ Германіи по достоинству, въ качествѣ обновителя прусскаго государственнаго строя и провозвѣстника идеи національнаго объединенія Германіи подѣ гегемоніей сильнаго національнаго государства.

Плодотворная и разносторонняя дѣятельность нѣмецкаго патріота вызвала рядъ біографій Штейна, существенно восполнившихъ матеріалъ, который былъ собранъ барономъ въ его автобіографическихъ замѣткахъ, для печати не предназначавшихся, въ дневникѣ, веденномъ въ эпоху Вѣнскаго конгресса, и въ перепискѣ съ Гагерномъ, Реденомъ, Гейзенау и др.

Въ ряду біографій Штейна пользуются извѣстностью труды Sceley'я «*Life and times of Stein*» (Cambridge, 3 тома, 1878), Рейхенбаха (Бременъ, 1880) и Баура (Карльсруэ, 1885). Главный же черновой матеріалъ для всесторонняго освѣщенія личности и дѣятельности Штейна былъ собранъ въ теченіе 1849—1856 гг. трудолюбивымъ Пертцомъ, исполнявшимъ при Штейнѣ обязанности личнаго секретаря въ послѣдніе годы его жизни,—въ *Das Leben des Ministers. Freiherrn von Stein* (Berlin, 6 т.) и *Aus Stein's Leben* (Berlin, 2 т.). Хотя Штейнъ одно время стоялъ весьма близко къ императору Александру Павловичу и пользовался большимъ вѣсомъ у государя, въ русской исторической литературѣ имя его упоминается лишь вскользь.

Въ 1903—1905 г.г. появилось новое трехтомное сочиненіе: «*Freiheit von Stein*», принадлежащее перу Макса Лемана, который еще въ

1877 г. выступилъ съ монографіею, гдѣ трактовались отношенія Штейна къ Шарнгорсту и Шёну. Максъ Леманъ замѣчаетъ, что если ему удалось собрать немало новаго по исторіи войны за освобожденіе и ниспроверженія Наполеона, то потому, что онъ имѣлъ доступъ въ Вѣнскіе придворные и государственныя архивы, въ Берлинскій тайный государственный архивъ и Нассаускій фамильный архивъ бароновъ Штейновъ. Возможность, которую авторъ изыскалъ, получить копии съ докладовъ и записокъ барона Штейна, представлявшихъ имъ въ разное время императору Александру I и сохранившихся въ петербургскихъ архивахъ, и сличеніе ихъ съ черновыми бумагами, оказавшимися въ Берлинскомъ и Нассаускомъ архивахъ, позволяютъ утверждать, что относящійся до сношеній между императоромъ Александромъ и барономъ Штейномъ матеріалъ изученъ во всей полнотѣ безъ существенныхъ пробѣловъ.

Равнымъ образомъ нѣмецкій авторъ въ своемъ трудѣ воспользовался и русскими источниками, поскольку таковыя разработаны въ «Сборникѣ историческаго общества», трудахъ Богдановича, Шилдера, Шимана и др.

Преимущественно по книгѣ Лемана и составлена настоящая статья, но, разрабатывая главнымъ образомъ тему, поставленную въ заголовкѣ, мы въ началѣ и концѣ статьи сочли нужнымъ для полноты вкратцѣ очертить, какъ предшествующую сближенію съ императоромъ Александромъ эпоху дѣятельности барона фонъ-Штейна, такъ и послѣдніе годы его жизни.

I.

Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ баронъ фонъ-ундъ-цумъ-Штейнъ принадлежалъ къ роду мелкихъ державныхъ государей германо-римской имперіи, въ которомъ обширныя поземельныя владѣнія Berg zum Stein, Schweighausen und Frücht и Landskron am Rhein съ 1235 г. преемственно переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, то по пріоратному, то по миноратному праву.

Одинъ изъ обезземеленныхъ дядей министра въ началѣ XVIII вѣка выселился въ Лифляндію и сдѣлался здѣсь родоначальникомъ лифляндскихъ бароновъ этого же имени; въ числѣ ихъ большою извѣстностью въ Прибалтійскомъ краѣ пользовался Германъ Оэдоровичъ фонъ-Штейнъ, доводившійся двоюроднымъ братомъ генералъ-адъютанту Обручеву и совмѣщавшій скромное званіе секретаря Рижскаго биржевого комитета съ должностями одного изъ директоровъ Рижскаго политехникума, члена правленія Рижско-Динабургской желѣзной дороги и директора Рижскаго торговаго банка. Другая отрасль лифляндскихъ Штейновъ, въ лицѣ барона Теодора, выселилась на Волынь, въ Кременецкій повѣтъ, и здѣсь приняла католичество.

Въ борьбѣ изъ-за вліянія на сеймикахъ съ князьями Гедройцами Теодоръ и его сынъ, Янъ, благодаря частымъ «наѣздамъ», разорились, и по переходѣ въ русское подданство изъ сыновей Яна, Матвѣй, достигъ въ русской службѣ чина пѣхотнаго полковника, Станиславъ принялъ монашество и умеръ виленскимъ епископомъ-суффраганомъ, а Францъ служилъ въ уланахъ, участвовалъ въ походахъ противъ Наполеона, былъ совѣтникомъ ярославской казенной палаты и управляющимъ имѣніями графа Шереметева; изъ сыновей Франца старшій, Изидоръ, умеръ въ началѣ 90-хъ годовъ въ чинѣ артиллеріи генераль-лейтенанта, а младшій, Иванъ, умеръ въ началѣ 70-хъ годовъ въ чинѣ полковника гвардейской артиллеріи.

Старшій братъ родоначальника лифляндскихъ Штейновъ, Карлъ-Филиппъ, занималъ въ Майнцкомъ курфюршествѣ должность совѣтника среднерейнскаго рыцарства съ чиномъ тайнаго совѣтника и отъ брака съ Генриеттою-Каролиною Лангвертъ фонъ-Симмернъ имѣлъ сыновей: Иоганна-Фридриха, достигшаго званія комтура нѣмецкаго ордена и прусскаго ландсъ-егермейстера и занявшаго въ 1789 г. постъ прусскаго посла въ Майнцѣ; второй сынъ, Фридрихъ-Людвигъ, вступилъ въ австрійскую службу и умеръ въ 1790 г.; Людвигъ-Готтфридъ, увлеченный революціею, поселился во Франціи, послѣ пестрыхъ походовъ сбился съ толку, ослѣпъ и очутился подъ конецъ жизни на иждивеніи младшаго брата, Генриха-Фридриха-Карла.

Родовыя владѣнія Штейновъ по праву миноратному перешли во владѣніе Генриха-Фридриха-Карла фонъ-Штейна, что ему впоследствии значительно облегчило возможность достигнуть блестящаго положенія, сохраняя, благодаря матеріальной независимости, и большую свободу убѣжденій и дѣйствій. Въ теченіе 1773—1777 г. Штейнъ посвятилъ себя въ Геттингенѣ изученію юридическихъ и государственныхъ наукъ и совершилъ обширное путешествіе по Европѣ, при чемъ англійскіе нравы, литература и въ частности изученіе Адама Смита положили извѣстную складку на все дальнѣйшее умственное развитіе юнаго аристократа.

Родители готовили Штейну почетную должность въ австрійской службѣ, но самъ онъ, преклонявшійся предъ личностью Фридриха Великаго, предпочелъ занять скромное мѣсто референдарія въ прусскомъ департаментѣ горныхъ и литейныхъ дѣлъ. Лично работая съ утра до ночи, король Фридрихъ требовалъ такой же ревности и отъ своихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Девизомъ короля въ администраціи были честность и просвѣщеніе; людей грубыхъ, не развитыхъ образованіемъ, король не выдвигалъ, но къ людямъ умнымъ относился внимательно. Чиновники всѣхъ вѣдомствъ въ царствованіе великаго короля прекрасно понимали, что безъ образованія рассчитывать на служебный успѣхъ нельзя, а отсюда развилось то, что нѣмцы называютъ

«Streberthum». По этой же причинѣ и молодому Штейну, несмотря на университетскій дипломъ, пришлось учиться многому, такъ какъ чиновники, служившіе въ горномъ и литейномъ департаментѣ, обязательно слушали лекціи по минералогіи, геологіи, химіи и естествознанію. Благодаря давнишнимъ дружескимъ связямъ министра фонъ-Гейница съ баронскою семьею, на Штейна было обращено особенное вниманіе, и въ 1784 г. онъ уже занялъ должность главнаго инспектора рудниковъ въ Вестфалии съ правомъ голоса въ управленіи краемъ.

Его старанія по части сокращенія бумажнаго дѣлопроизводства и искорененія мелочной формалистики бюрократизма снискали молодому энергичному дѣятелю большую популярность въ Вестфалии.

Хотя служба Штейна долгое время протекала въ провинціальной глуши, онъ зарекомендовалъ себя изобрѣтательностью, твердостью и разсудительностью настолько, что ему нерѣдко давались щекотливыя порученія, требовавшія дипломатическаго такта (какъ, напримѣръ, раздѣлъ владѣній епископа Мюнстерскаго).

8-го іюня 1793 года баронъ Штейнъ женился, безъ особенной любви, впрочемъ, на графинѣ Вильгельминѣ фонъ-Валльмоденъ - Гимборнъ ¹⁾. Бракъ этотъ оказался счастливымъ, и Штейны всю жизнь прожили въ большомъ согласіи.

Въ 1804 г. Штейнъ былъ уже призванъ на постъ министра финансовъ и ознаменовалъ свое управленіе упраздненіемъ внутреннихъ заставныхъ пошлинъ, учрежденіемъ статистическаго бюро и введеніемъ ассигнацій для облегченія денежнаго обращенія и торговли. Незаурядное искусство обнаружилъ Штейнъ и въ умѣнїи подбирать людей. Поощряя своихъ подчиненныхъ трудиться на благо общее, онъ не терпѣлъ бесполезнаго формализма и придирчивой мелочности; въ исполненіи обязанностей его подчиненные могли, пожалуй, проявлять даже суровость, но ихъ ожидала бѣда, если эта суровость доходила до оскорбительной грубости. Среди заматорѣлыхъ прусскихъ бюрократовъ огромное впечатлѣніе произвела записка новаго министра, въ которой одному значительному чиновнику его вѣдомства вмѣнялась въ вину «преднамѣренная дерзость обхожденія, подвергающая его ненависти всѣхъ отъ него зависящихъ и презрѣнію со стороны наблюдателей независимыхъ».

«Недостойное поведеніе виновнаго,—заканчиваетъ Штейнъ,—я приписываю его невѣжеству и самонадѣянности, вслѣдствіе чего и объявляю, что онъ потеряетъ свое мѣсто, если еще подастъ поводъ къ жалобамъ».

¹⁾ Отецъ ея былъ сыномъ англійскаго и ганноверскаго короля Георга II отъ графини Ярмутъ. Другія дочери графа Валльмодена находились въ замужествѣ за прусскимъ графомъ Арнимомъ фонъ-Бойценбургомъ, ганноверскимъ графомъ фонъ-Килльмансегге и франконскимъ графомъ фонъ-Ротенбаномъ.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1905 г., т. сі.

Вступая въ должность министра, Штейнъ преисполненъ былъ наилучшихъ замысловъ. Рядомъ строго продуманныхъ преобразованій онъ способствовалъ поднятію экономическаго благосостоянія Пруссіи, но политическія обстоятельства показали, что современность предъявляетъ инныя требованія обезпеченія возможно большаго прилива денегъ въ государственную кассу. Могущество Наполеона, хотя и оспариваемое соединенною политикою Россіи, Англіи и Австріи, возрастало не по годамъ, но по днямъ. Вліяніе на Германію французскаго цезаризма, оскорбительное и уничтожавшее лучшіе инстинкты нѣмецкаго народа, началось издавна и теперь грозило принять еще большіе размѣры. Кампанія 1805 г. окончилась въ пользу Наполеона, и онъ, видя противъ себя меньшее количество противниковъ, сталъ обходиться съ Пруссіею еще безцеремоннѣе. И король, и дворянство, и народъ прусскій, тяготясь наглостью и властолюбіемъ опаснаго сосѣда и предвидя отъ него еще пущія напасти, стали готовиться къ борьбѣ. Прусское войско, воспитанное въ преданіяхъ Фридриха Великаго, славилось храбростью и дисциплиною и жаждою помѣряться съ великою арміею; главныя отрасли гражданскаго управленія находились въ умѣлыхъ и честныхъ рукахъ; народъ, жившей въ довольствѣ, былъ настроенъ патріотично и охотно готовъ былъ примириться съ тяжестью войны; въ короткіе мѣсяцы до открытія кампаніи 1806 г. Штейнъ произвелъ цѣлый рядъ удачныхъ операцій по финансовой части, такъ что, не считая англійскихъ субсидій, на которыя всегда можно было рассчитывать, прусское правительство было обезпечено суммами, вполне достаточными на веденіе войны упорной и продолжительной. Когда Наполеонъ, покончивъ съ устройствомъ Рейнскаго союза, задуманнаго во вредъ Пруссіи, сталъ твердою ногою въ областяхъ Германіи, всякая надежда на дружественное соглашеніе рушилась. Все, что имѣло голосъ въ Пруссіи, громко взывало къ войнѣ. Въ Галле прусскія войска, придвигавшіяся съ юга и запада, своимъ присутствіемъ раздували воинственный пылъ народа. «Я очень хорошо помню,—говоритъ Пертцъ,—какъ, прогуливаясь съ тайнымъ совѣтникомъ Шмальцемъ около рынка, мы повстрѣчали одного профессора, сказавшаго намъ, что война объявлена, и теперь ничто ужъ не спасетъ безумнаго Наполеона отъ гибели. Мы замѣтили что-то объ искусствѣ французскихъ генераловъ. «Французскихъ генераловъ! — перебилъ насъ въ изступленіи профессоръ.—Откуда могутъ взяться эти генералы? Мы, пруссаки, одни имѣемъ генераловъ, годныхъ для войны и изучившихъ службу отъ младыхъ ногтей! Всѣ эти портные и сапожники зарейнскихъ земель должны бѣжать, бѣжать безъ оглядки, встрѣтившись съ нашими опытными полководцами».

Случилось, однако же, иначе: опытные полководцы закосѣли на рутинѣ Фридриховыхъ преданій, а портные и сапожники за-

рейнскихъ земель одухотворялись тѣмъ вѣщимъ словомъ, которое въ военное дѣло вносилъ гений Наполеона. Армія Фридриха Великаго была сокрушена двумя ударами подъ Іеною и Ауэрштедтомъ. Неожданность главной катастрофы и весь ходъ кампаніи, разыгравшейся чрезвычайно быстро, нарушили всѣ вѣроятности и ожиданія: гарнизоны отрѣзанныхъ крѣпостей сдавались безъ выстрѣла, прусскія войска, потерявъ бодрость, при встрѣчахъ съ французами складывали оружіе. 20-го октября 1807 года, прусскій дворъ перебрался въ Кенигсбергъ, баронъ Штейнъ, наскоро покончивъ главныя дѣла въ Берлинѣ и озаботившись сокрытіемъ государственныхъ фондовъ, послѣдовалъ за королевскою фамиліею. Вскорѣ открылись переговоры, завершившіеся позорными уступками, уплатою контрибуціи и расквартированіемъ французскихъ войскъ по областямъ Пруссіи.

Баронъ Штейнъ, въ качествѣ нѣмца, притомъ еще воспитавшагося въ англійскихъ понятіяхъ, никогда не питалъ особенной любви къ Франціи, а тѣмъ менѣе къ Франціи Наполеоновской. Человѣкъ съ яснымъ умомъ и уравновѣшенный, онъ съ вдумчивостью истинно государственнаго дѣятеля слѣдилъ за эволюціею ненасытнаго честолюбія въ Наполеонѣ, но положительной ненависти къ «корсиканскому выскочкѣ» до 1806 года не обнаруживалъ. Какъ всѣ дѣятели, обладающіе политическою терпимостью, Штейнъ не скоръ былъ на вражду, но зато, если уже начиналъ когонибудь ненавидѣть, ненависть его дѣлалась несокрушимою, роковою, трагическою. Штейнъ мечталъ о національномъ величіи Германіи, сжился съ Пруссіей, въ королевскомъ домѣ насчитывалъ высокихъ друзей въ лицѣ принца Людвиг-Фердинанда и принцессы Луизы, былъ связанъ узами пріязни съ лучшими представителями военнаго сословія въ родѣ Блюхера, Пфеля и Рюхеля; наконецъ въ области управленія, ему ввѣреннаго, онъ рисовалъ себѣ заманчивыя перспективы благихъ начинаній, которыя должны были увѣковѣчить его имя, а теперь все это рушилось. 1806-й годъ поразилъ Штейна во всѣхъ его патріотическихъ чувствахъ, привязанностяхъ и въ самомъ его будущемъ. Германія склонилась къ ногамъ завоевателя-чужестранца, прусскій король вынужденъ былъ согласиться на тягостный миръ: контрибуція была исчислена въ 120 милліоновъ талеровъ и подлежала выплатѣ къ концу 1808 года; страна, не имѣвшая и шести милліоновъ населенія, должна была принять на себя содержаніе 160.000 чужеземнаго войска; фонды, собранные Штейномъ съ немалыми усиліями, уходили теперь на довольствованіе французовъ; маршалы, начальники штабовъ, интенданты, комиссары и полковые командиры французской арміи, расквартированной по Пруссіи, не только роскошно жили на счетъ побѣжденныхъ, но, не говоря о мелкихъ грабителяхъ, даже высшее начальство безцеремонно тащило съ

жителей, что могло: маршалъ Сультъ особенно широко жила въ вещахъ и деньгахъ, Даву, менѣе корыстолюбивый, возбуждалъ всеобщую ненависть своею чванливостью и жестокостью.

Мало того, что Штейну пришлось всему этому быть свидѣтелемъ, но на него же легла еще и тягостная обязанность собрать и выслать Наполеону огромную по денежному обращенію эпохи сумму, которая въ рукахъ такого министра, какъ Штейнъ, могла сдѣлаться источникомъ широкаго народнаго благоденствія.

При такихъ условіяхъ дойти до ненависти къ Наполеону, конечно, было возможно. Ненависть Штейна, впрочемъ, была чужда необузданныхъ страстныхъ порывовъ; онъ прекрасно сознавалъ все значеніе легшаго на него служебнаго долга и необходимость долготерпѣнія предъ лицомъ торжествующаго врага. Несмотря на присущую ему вспыльчивость и правдивость, онъ сумѣлъ замкнуться въ себя и сохранить невозмутимую холодность и обманулъ даже пронизательность Наполеона настолько, что, когда настоянія Штейна преобразовать высшія государственныя установленія въ Пруссіи и положить конецъ безотвѣтственности распоряженій королевскаго кабинета вызвали немилость короля и увольненіе его въ отставку (въ 1807 году), самъ же Наполеонъ во время Тильзитскихъ совѣщаній началъ убѣждать Фридриха-Вильгельма взять Штейна опять въ министры: Штейнъ рисовался Наполеону ничтожествомъ, бездушнымъ себялюбцемъ, а Гарденберга слѣдовало убрать, какъ враждебнаго французской политикѣ. «Prenez le baron de Stein»,—убѣждалъ Наполеонъ,—*je le connais, c'est un homme d'esprit*. Эти увѣщанія тѣмъ болѣе подѣйствовали на прусскаго короля, что какъ разъ въ это время императоръ Александръ Павловичъ, познакомившись съ Штейномъ, не скрылъ отъ короля своего намѣренія пригласить Штейна на русскую службу. Прежній министръ финансовъ былъ опять призванъ къ власти, но теперь официально ему было ввѣрено управленіе внутренними дѣлами, что и положило начало блистательному возрожденію Пруссіи.

Положеніе Пруссіи, какъ мы уже говорили, было отчаянное, страна бѣднѣла съ каждымъ мѣсяцемъ, а на списхождение Наполеона тѣмъ менѣе можно было разсчитывать, что въ IV пунктѣ Тильзитскаго трактата пренебрежительно говорилось, что прусскому королю возвращается часть владѣній только вслѣдствіе представительства императора Александра, «какъ знакъ уваженія къ сѣверному моему союзнику». Неудивительно, что въ ту пору историкъ Нибуръ въ отчаяніи писалъ: «Наступила пора полнаго разрушенія. Старый порядокъ вещей гибнетъ окончательно. Намъ ожидается чтонибудь одно—или совершенная погибель, или возрожденіе къ иной жизни на новыхъ началахъ».

Въ то время, какъ ученый историкъ ограничивался малодушнымъ пытемъ и собирался изъ пріотивней его Пруссіи удалиться

во-своися въ Данію, Штейнъ не терялъ времени на краснорѣчивыя изліянія и, какъ человѣкъ практическій, старался помочь горю своей новой родины дѣломъ.

Фактически въ рукахъ Штейна въ 1807 году сосредоточились всѣ нити управленія Пруссіею. Прежде всего настояло избавить страну отъ дорогихъ французскихъ нахлѣбниковъ; цѣною какихъ угодно пожертвованій надо было добиться очищенія Прусской территоріи отъ иноземнаго постоя и надзора, а затѣмъ обратиться къ пересозданію военныхъ, гражданскихъ и финансовыхъ силъ расшатаннаго государства. Выполненіе этихъ двухъ задачъ должно было облегчить конечную цѣль — новую борьбу съ Наполеономъ для сверженія ненавистнаго ига. Для этого предстояло сплотить въ тѣсный союзъ наиболѣе могущественныя въ Германіи государства, т.-е. Пруссію и Австрію, а затѣмъ расширить сферу ихъ вліянія чрезъ привлеченіе къ союзу средне- и—южно-германскихъ государствъ, поднимая ихъ значеніе и мощь надлежащими преобразованиями. Такимъ образомъ Штейнъ задавался планомъ объединить весь нѣмецкій народъ въ цѣляхъ служенія идеѣ національнаго германскаго государства, а такъ какъ противостоять революціонерному цезаризму нѣмецкіе государи были безсильны, то, чего не смогла сдѣлать монархическая власть, должна была преодолѣть аристократія по крови и уму и живое самосознаніе нѣмецкой народности.

Это, впрочемъ, рисовалось въ туманной дали, а для подготовленія такого финала требовались сложныя работы.

Неутомимый, искусный въ выборѣ людей и сильный довѣріемъ Двора и всего народа Штейнъ принялся за дѣло.

Прежде всего съ генераль-интендантомъ французскихъ войскъ Дарю предстояло заключить условіе относительно срока выплаты контрибуціи и вывода французскихъ войскъ, имѣвшаго послѣдовать за окончаніемъ выплаты. Дарю былъ далеко не уступчивъ, а Штейнъ вспыльчивъ, и тогдашніе остряки немало распространялись о сильныхъ столкновеніяхъ между двумя камнями: Пьеромъ Дарю и Карломъ Штейномъ. Штейнъ и тутъ нашелся: Дарю былъ тщеславенъ и самолюбивъ по настояніямъ Штейна Берлинская академія наукъ возвела Дарю въ почетные свои члены, тотъ настолько расчувствовался, что оказался болѣе стоворчивымъ и со Штейномъ, который приурочилъ къ этому моменту наиболѣе щекотливые переговоры; въ свою очередь, довѣряя опытности генераль-интенданта, и Наполеонъ сразу утвердилъ условіе, такъ что Пруссія могла теперь съ увѣренностью уже предвидѣть конецъ постоя.

Тѣмъ временемъ прусское министерство финансовъ дѣлало усилія, чтобы обезпечить поступленіе въ казну денегъ для уплаты контрибуціи. Несмотря на неуспѣшныя попытки заключить въ

Голландіи государственный заемъ, а въ Парижѣ стараніями принца Вильгельма и Александра фонъ-Гумбольдта добиться уменьшенія контрибуціи, Штейнъ не унывалъ. По его настояніямъ былъ разрѣшенъ ввозъ русской звонкой монеты; дворянскія собранія провинцій гарантировали оплату кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ правительствомъ; отъ состоявшейся продажи коронныхъ доменъ выручено было 15.000.000 талеровъ; Бранденбургская провинція произвела чрезвычайные поземельные сборы; сословныя собранія другихъ провинцій установили добровольное подоходное обложеніе частныхъ имуществъ; произведенъ былъ рядъ мелкихъ займовъ. Штейнъ проявлялъ неистощимую энергію и находчивость, заражалъ ими своихъ сотрудниковъ, и, невзирая на тяжелое положеніе землевладѣнія, промышленности и торговли, въ казну непрерывно притекали крупныя суммы и съ такою же быстротою передавались французскому интендантству. На ряду со всѣми этими финансовыми мѣрами съ лихорадочною послѣдностію проводились преобразованія военныя, экономическія и бюрократическія, такъ какъ Штейнъ цѣлью своей дѣятельности ставилъ ясную, но не легкую задачу: Пруссія должна была на внутреннемъ устройствѣ наверстать то, что потеряла, уменьшившись въ объемѣ.

Новая организація прусскаго войска, придуманная Шарнгорстомъ съ одобренія и при содѣйствіи Штейна, была направлена къ тому, чтобы обойти ограниченія въ численности арміи, которая по властнымъ требованіямъ Наполеона низводилась до 30.000-еннаго состава; съ другой стороны, несчастный опытъ кампаніи 1806 года показалъ, что приемы, съ которыми Фридрихъ Великій при помощи солдатъ-машинъ одерживалъ побѣды, совершенно устарѣли, и что прежняя рутинна безсильна предъ усовершенствованіями и все новыми ухищреніями, какія Наполеонъ на основаніи опыта, почерпаемаго въ каждой кампаніи, прививалъ къ великой арміи ради достиженія военного совершенства. Этимъ прогрессивнымъ и талантливимъ приемамъ Пруссія въ 1806 году могла противопоставить людей, которые обучались для вахтпарадовъ и размѣнивались на бравую выправку и муштру, но мало были пригодны для боевъ, тѣмъ болѣе, что и артиллерійская и продовольственная части находились въ полномъ безпорядкѣ. Рутинна и выслуга старшинства заступили мѣсто военного искусства; людямъ молодымъ и способнымъ военная служба хода не открывала по медленности выслуги чиновпроизводства, а рядовой солдатъ, составляя какъ бы особую касту, не имѣлъ никакихъ надеждъ на повышеніе, а потому и не доступенъ былъ честолюбію, которое въ солдата французскаго вселяла увѣренность, что онъ съ своимъ ранцѣмъ носитъ маршальскій жезлъ. Безпорядокъ, въ какомъ прусское войско очутилось послѣ разгрома при Іенѣ и Ауэрштедтѣ,

упрощалъ впрочемъ дѣло преобразованій, такъ какъ открылъ просторъ такимъ дѣятелямъ, какъ Блюхеръ, Шарнгорстъ, Рехель и Гнейзенау, и устранялъ возможность сколько нибудь обоснованной оппозиціи со стороны старыхъ служакъ-рутинеровъ. О техническихъ преобразованіяхъ въ прусской постоянной арміи за эту эпоху мы вдаваться не станемъ, но скажемъ только, что главной свѣжей струею, обновившей весь военный укладъ Пруссіи, явилась задуманная тогда и проведенная система ландвера и ландштурма, сократившая активную службу и позволявшая, не выходя изъ рамокъ официальнаго держанія подь ружьемъ строго опредѣленнаго численнаго состава арміи, знакомить все молодое население страны съ военною службою и широко умножать про запасъ резервныя войска и ополченія, уже побывавшія подь знаменами. При гласномъ составѣ прусской арміи въ 30 тысячъ Штейнъ уже въ 1807 году рассчитывалъ, что въ 1808 году Пруссія фактически подготовитъ для войны не менѣе 80 тысячъ.

Значеніе роли общей воинской повинности для развитія чувства національнаго самосознанія и защиты кровныхъ интересовъ теперь понятно для всякаго, но въ 1807 году затѣя Шарнгорста и Штейна, конечно, шла въ разрѣзъ со всѣми военными взглядами и казалась лишь лучшимъ выходомъ изъ зла.

Въ области хозяйственной имя Штейна неразрывно связано съ земельною реформою, направленною къ уничтоженію феодальныхъ узаконеній, раскрѣпощенію сельскаго населенія отъ вассальныхъ отношеній къ помѣщикамъ и къ отмѣнѣ вредныхъ и тягостныхъ привилегій, связанныхъ съ владѣніемъ «рыцарскими имѣніями» (Rittergut): 9-го и 27-го октября 1807 года состоялось обнародованіе законовъ, которые и по сей часъ являются въ Пруссіи основою землеустройства и регулируютъ взаимоотношенія земледѣльческаго класса.

На ряду съ разработкою обширныхъ проектовъ по упрощенію дѣлопроизводства и бюрократическихъ распоряждовъ, а равно упорядоченія смѣтной отчетности и составленія государственной прихода-расходной росписи, на Штейна было еще возложено и управленіе иностранными дѣлами, которому Штейнъ отдался со своею истинною ему добросовѣстностію. Если присоединимъ къ этому, что Штейнъ поддерживалъ обширную переписку, далеко не чуждался общества и находилъ время слѣдить даже за литературою, то можно себѣ представить, насколько разностороння и всепоглощающа была его жизнь.

По мѣрѣ того, какъ залѣчивались раны Пруссіи, Штейнъ становился все предприимчивѣе, и, управляя министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, онъ поневолѣ вынужденъ былъ обнаружить истинные свои планы по мѣрѣ того, какъ близился разрывъ между Франціею и Австріею: Штейнъ агитировалъ за союзъ съ послѣд-

нею, въ воинственномъ же духѣ поддерживалъ переписку съ выдающимися дѣятелями Англїи и Россїи и, настаивая на усиленїи военныхъ силъ Пруссїи и болѣе рѣшительной политикѣ со стороны Фридриха-Вильгельма, не скрывалъ своего убѣжденїя, что часть для окончательныхъ расчетовъ съ властолюбивымъ Наполеономъ уже близится. Агенты, которыхъ Наполеонъ имѣлъ въ Берлинѣ, какъ и вездѣ, насторожили уши, съ другой стороны, и въ министерствахъ и при Дворѣ нашлось немало людей, если не сочувствовавшихъ французской политикѣ, то робѣвшихъ передъ мстительностью Наполеона, а среди прусскаго дворянства оказались, конечно, и такіе охранители, сильные своимъ положенїемъ въ обществѣ и при дворѣ, которымъ въ реформахъ Штейна и патриотическихъ стремленїяхъ добиться національнаго объединенїя Германїи мерещились превратныя вѣянїя демагогїи. Было немало и такихъ личностей, которыя при столкновенїяхъ со Штейномъ потерпѣли отъ его суровости, а теперь старались вредить недругу, обнося его у робкаго и нерѣшительнаго короля; люди же, состоявшїе на жалованьи у Франціи, попросту доносили Наполеону о подозрительныхъ дѣлахъ и словахъ министра, самимъ же Наполеономъ рекомендованнаго королю. Въ это именно время Штейнъ, воспользовавшись испанскимъ возстанїемъ, въ письмѣ къ князю Витгенштейну подробно развилъ мысль объединить союзомъ Пруссїю и Австрію и противопоставить Наполеону поголовное вооруженїе поработанныхъ имъ народовъ чрезъ пѣлесообразное расширенїе организациі ландвера и ландштурма. Письмо это было перехвачено и привело Наполеона въ большое смущенїе: уже взятая сама по себѣ Байленская катастрофа сразила императора; съ другой же стороны, онъ не могъ не сознавать, что, во время тильзитскаго свиданїя и послѣ него только обманывалъ Александра I, и что поэтому союзъ съ Россїею не представляетъ залога въ долговѣчности; столь же мало для Наполеона были тайною и военныя приготовления Австріи. Что же станется съ властолюбивыми замыслами Наполеона, если еще и Пруссїя увлечется программой Штейна и подниметъ въ сѣверной Германїи, по примѣру Испанїи, всеобщее возстанїе?

Ради устраненїя дальнѣйшаго пагубнаго вліянїя Штейна на прусскаго короля Наполеонъ не преминулъ запугать въ Эрфуртѣ прусскаго посланника фонъ-Гольтца, и Штейнъ былъ уволенъ въ отставку. Въ свою очередь, Наполеонъ 16-го декабря 1808 года разразился декретомъ, гласящимъ, «что нѣкій Штейнъ, занимающїйся возбужденїемъ въ Германїи смуть, объявляется врагомъ Франціи и Рейнскаго союза. Владѣнїя, какія бы оказались принадлежащими помянутому Штейну во Франціи или земляхъ, входящихъ въ составъ Рейнскаго союза, подлежатъ секвестру. Лично помянутый Штейнъ, гдѣ бы ни былъ достигнутъ войсками нашими и

нашихъ союзниковъ, подлежить заарестованію». Одновременно съ этимъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи получилъ отъ своего гнѣвнаго повелителя приказаніе увѣдомить берлинскій дворъ, что аккредитованный туда посоль въ Берлинѣ не представить вѣрительныхъ грамотъ, доколѣ Штейнъ не будетъ изгнанъ изъ Пруссіи. «Вы пойдете еще дальше, — предписывалъ императоръ министру, — и потребуете отъ прусскаго посланника, чтобы этотъ индивидуумъ, являющійся измѣнникомъ и орудіемъ Англіи, былъ намъ выданъ. Дайте понять посланнику, что, если мои войска поймаютъ Штейна, онъ будетъ разстрѣлянъ»¹⁾.

Графъ Сенъ-Марсанъ, пьемонтецъ, на котораго возложено было представлять въ Берлинѣ интересы Франціи, по полученіи изложеннаго выше наполеоновскаго декрета, ограничился только тѣмъ, что подъ рукою сообщилъ Штейну чрезъ голландскаго посланника ф.-Гольдберга 5 января 1809 года, чтобы опальный поторопился уѣхать изъ Берлина.

Получивъ этотъ совѣтъ, Штейнъ очутился въ критическомъ положеніи. До сихъ поръ существованіе его широко обезпечивалось доходомъ съ родовыхъ владѣній, и утрата министерскаго оклада при увольненіи въ отставку его не безпокоила, но доходы съ имѣнія были теперь секвестрованы, а жалованья онъ уже не получалъ; законныхъ же правъ на пенсію въ Пруссіи онъ не выслужилъ. Далѣе, куда же предстояло спасаться отъ гнѣва и преслѣдованій всеильнаго императора? До Англіи и Швеціи было слишкомъ далеко, для того же, чтобы добраться до Россіи, пришлось бы миновать не одинъ французскій гарнизонъ, да и въ Кенигсбергѣ опальный своимъ появленіемъ поставилъ бы прусскія власти въ крайне затруднительное положеніе. Россію, слѣдовательно, приходилось приберечь на случай послѣдней крайности. Въ этихъ видахъ Штейнъ просилъ Фридриха-Вильгельма исходатайствовать ему у царя «*la permission de me rendre en Russie, si les circonstances le rendaient nécessaire*», и о милостивомъ соизволеніи на это Александра Павловича отъ 16 января 1809 года Штейнъ былъ извѣщенъ королевскимъ кабинетскимъ указомъ отъ 1 марта 1809 года. Въ виду стѣсненнаго положенія Штейну изъ прусской казны была назначена пенсія въ размѣрѣ 5.000 талеровъ въ годъ, весьма скудная въ виду той пользы, какую онъ принесъ

¹⁾ Cavaignac. La saisie de la lettre de stéin en 1808. Revue historique за 1896 годъ, стр. 60, 96 и далѣе.

Этимъ Наполеонъ не ограничился, но приказалъ арестовать еще и сестру барона, аббатису Маріанну, благо Валлерштейнъ находился недалеко отъ Франціи. Вѣдвную монахиню привезли въ Парижъ подъ стражею, допрашивали о какомъ-то ей невѣдомомъ заговорѣ, продержали подъ арестомъ, пока она не заболѣла, и, наконецъ, отправили назадъ въ Пассау, не объяснивъ даже, изъ-за чего сыръ-боръ загорѣлся.

своей новой родинѣ службою не за долгъ, а за совѣсть. На первое время Штейну не оставалось иного выбора, какъ спѣшно направить свой путь въ Австрію, оставивъ семью на попеченіе зятя, графа Арнима Войценбурга.

Добравшись до границы Богеміи въ Траутенау, Штейнъ обратился къ содѣйствию австрійскихъ министровъ: графа Филиппа Стадіона, знакомаго ему по Берлину, и финансовъ—графа Одонель-офъ-Тиркопфель, нѣкогда бывшаго товарищемъ Штейна по Геттингенскому университету, дабы у императора Франца ему было испрошено разрѣшеніе поселиться въ Прагѣ. На докладѣ графа Стадіона послѣдовала резолюція императора: «Вы поставите на видъ барону Штейну, чтобы онъ, если желаетъ имѣть пребываніе въ моихъ владѣніяхъ, поселился въ Брюннѣ и велъ бы себя тамъ скромно, такъ какъ иначе онъ будетъ удаленъ изъ страны».

Первое время пребыванія въ Австріи, по признанію самого Штейна, «никто не выражалъ ни малѣйшаго намѣренія вступать со мною въ переговоры, переписку или какія либо сношенія». Вскорѣ, впрочемъ, совершилось то, чего Штейнъ ожидалъ еще съ лѣта 1808 года: императоръ Францъ 27-го марта 1809 года, объявилъ Наполеону войну. Штейна особенно радовали проявленія со стороны австрійскаго населенія военнаго энтузіазма. «Во всѣхъ слояхъ общества,—пишетъ онъ княгинѣ Радзивиллъ,—сказывается самопожертвованіе въ интересахъ благого дѣла, воистину трогательное; каждый стремится приносить величайшія жертвы, и нѣтъ, кажется, такой семьи, которая бы не насчитывала добровольцевъ, выставленныхъ въ защиту отечества».

Война открылась неуспѣшно. Австрійскій главнокомандующій, эрцгерцогъ Карлъ, сначала упустилъ случай воспользоваться благоприятными условіями боя у рѣки Изара, а дальнѣйшія военныя операціи повелъ такъ неудачно, что наполеоновской арміи открылся доступъ къ самой столицѣ. Послѣ благопріятнаго для австрійскаго оружія боя при Аспернѣ (21—22-го мая) эрцгерцогъ дальнѣйшею медлительностью далъ Наполеону время значительно усилить свои войска, и подъ Ваграмомъ (5—6-го іюля) австрійцы понесли сильное пораженіе, послѣ чего Наполеонъ двинулся къ сѣверу по направленію къ Брюнну. Это заставило Штейна переселиться въ столицу австрійской Силезіи, Троппау. Почти одновременно со Штейномъ, спасаясь отъ Наполеона, сюда же собрались и другіе эмигранты; въ числѣ ихъ Штейнъ нашелъ пыλικихъ единомышленниковъ въ лицѣ польской графини Ланскоронской и Поццо-ди-Борго. Графиня, вообще особа очень привлекательная, по признанію Штейна, соединяла въ себѣ глубокое сочувствіе всему великому и благородному съ покойною осмотрительностью и была въ обращеніи столько же любезна, какъ и проста; особенно же пріятно было Штейну, что «la comtesse ne

donne point dans les folies de sa nation: elle est attachée à la bonne cause».

По этой же причинѣ былъ Штейну милъ и корсиканецъ Поццо-ди-Борго, сторонникъ генерала Паоли, отстаивавшаго вольность Корсики противъ Наполеона, когда тотъ бросился въ объятія любимцевъ и предалъ родной островъ французскому революціонному правительству.

Подвергшійся изгнанію изъ Корсики и Франціи съ конфискаціею имущества, Поццо-ди-Борго жилъ сначала въ Англіи, а затѣмъ въ Россіи, когда же между Александромъ и Наполеономъ послѣ Тильзитскаго мира воспослѣдовало сближеніе, онъ переселился въ Австрію, а теперь неблагополучный исходъ австрійской войны за освобожденіе привелъ его въ Троппау. Молодой корсиканецъ, преисполненный южной энергіи и мстительности, и пожилой, искушенный постигшими его политическими неудачами нѣмецкій патріотъ во время продолжительныхъ прогулокъ по окрестностямъ Троппау вели нескончаемыя бесѣды, которыя, какъ и дальнѣйшая переписка между новыми друзьями, вертѣлись неизмѣнно около одного предмета — изысканія способовъ и средствъ, какіе слѣдовало вдохнуть въ европейскихъ государей и ихъ подданныхъ для низверженія ненавистнаго ига Наполеона. Близкій графу Поццо-ди-Борго и сопутствовавшій ему Уваровъ изложилъ подробности этихъ бесѣдъ въ статьѣ: «Stein et Pozzo-di-Borgo», напечатанной въ «Esquisses politiques et littéraires», изданныхъ Леузономъ-Ледюкомъ въ 1846 году.

Надежды, возлагавшіяся Штейномъ на то, что успѣхъ австрійской войны послужитъ толчкомъ для всеобщаго возстанія Европы противъ поработителя, не оправдались. Уже 14-го октября 1809 г. императоръ Францъ заключилъ постыдный миръ съ Наполеономъ, что дало лишній поводъ Штейну рѣзко высказаться о тогдашнемъ положеніи вещей: «Правители, обдѣленные силою воли, министерства, лишеныя вліятельности, народы, не имѣющіе законѣрныхъ установленій для выраженія общественнаго мнѣнія,—все это какіе же можетъ принести результаты? Все размѣнивается на пустую болтовню, ничтожныя колебанія и потуги хотѣнія и нехотѣнія».

Принужденный по настояніямъ Меттерниха, смѣнившаго графа Стадіона въ управленіи вѣншею политикою Австріи, вернуться зимою 1809—1810 г. въ Брюннъ съ тѣмъ, какъ заботливо увѣрялъ Меттернихъ Штейна, чтобы объ немъ позабыли недруги, Штейнъ оказался тамъ подъ такимъ надзоромъ, что его переписка съ друзьями подвергалась перлюстраціи. Лишь послѣ неоднократныхъ обращеній къ императору Францу Штейнъ добился наконецъ разрѣшенія на переселеніе въ Прагу въ февралѣ 1810 г., при чемъ, какъ самъ онъ объясняетъ въ письмѣ къ графу Одоннеллю: «Mon désir de m'établir à Prague est motivé par le rapprochement de

l'Allemagne, où tous mes rapports aboutissent, et par l'impossibilité de snivre ici l'éducation de mes enfants».

Въ Прагѣ Штейнъ избѣгаетъ посѣщать многолюдныя собранія и поддерживаетъ тѣсное общеніе лишь съ семьями графа Черника, Туна, Штернберга, Фритца Стадіона (брата бывшего министра) и Колловрата.

Но, и скромно сидя въ Прагѣ, Штейнъ одними своими письмами волновалъ цѣлыя области. Еще въ Берлинѣ популярность его установилась настолько прочно, что молодежь и народъ предъ нимъ снимали шапки, а стоустая молва и его переписка съ лучшими людьми Германіи окончательно закрѣпили за нимъ славу нѣмецкаго патріота. Письма Штейна почитались за сокровище, каждое слово, оброненное имъ по поводу будущности Германіи, находило себѣ сочувственный откликъ въ нѣмецкихъ сердцахъ. Гдѣ только таилась ненависть къ Франціи, и гдѣ теплились надежды на лучшія времена, ужъ, конечно, вспоминалась личность Штейна, какъ суроваго, упорнаго, пламеннаго и неподкупнаго носителя освободительныхъ идеаловъ.

Нѣмецкій дипломатъ и историкъ Варнгагенъ фонъ-Энзе, гостившій лѣтомъ 1810 г. въ Богеміи и близко познакомившійся со Штейномъ, набрасываетъ любопытную его характеристику. «Жилъ онъ въ Прагѣ уединенно, ибо хотя всѣ лучшія мѣстныя фамиліи къ нему замѣтно тяготѣли, самъ онъ любилъ въ своихъ собесѣдникахъ имѣть людей лишь съ большими достоинствами и высокимъ образованіемъ. Безъ честной твердости духа нечего было и подходить къ Штейну, но и этого еще было мало: помимо нѣмецкой честности онъ еще требовалъ ума, энергіи, умѣнія говорить и, если возможно, остроумія и теплоты, столь скрашивающихъ всякую бесѣду. Я не имѣлъ никакой въ сущности надежды привлечь на себя вниманіе этого замѣчательнаго человѣка, но я долго путешествовалъ по Германіи, былъ въ Парижѣ, лично видѣлъ Наполеона, и вотъ эти-то случайныя обстоятельства помогли мнѣ попасть въ тотъ кругъ, о которомъ многіе говорили и думали. Баронъ Штейнъ принялъ меня съ вѣжливой ласковостью и по первому же взгляду показался мнѣ человѣкомъ въ высшей степени прямымъ и чуждымъ церемонности. Во всей его фигурѣ виденъ былъ человѣкъ, для котораго фразерство не существуетъ. Ни гордости, ни претенціозности, ни величавости въ немъ не имѣлось, все говорило про откровенность, простоту и чистоту натуры. Въ рѣчахъ своихъ Штейнъ проявлялъ большую живость и страстность, противорѣчіями не оскорблялся, но видимо желалъ убѣждать своихъ собесѣдниковъ, что ему почти всегда и удавалось».

«Говоря о дѣлахъ Пруссія и промахахъ, допущенныхъ ея савновниками, онъ воодушевлялся и, словно безсознательно, достигалъ такого высокаго краснорѣчія, которое могло поразить хотя бы

и людей, привычныхъ къ преніямъ великобританскаго парламента.

«Голосъ его слегка дрожалъ, не теряя звучности, а слово шло за словомъ, какъ будто и беспорядочно, но это, пожалуй, еще не отразимѣе дѣйствовало на слушателя.

«Поразивъ и поработивъ себѣ мой умъ и всѣ мои помыслы, Штейнъ словно одумался и, придавъ своей рѣчи обычное теченіе, окинулъ меня свѣтлымъ, пронизательнымъ, неодолимымъ взглядомъ. Всякая бесѣда со Штейномъ для человѣка, не освоившагося съ его понятіями, была чѣмъ-то въ родѣ упорнаго турнира, но турнира съ даровитымъ соперникомъ, которому не обидно и покориться. Онъ всѣхъ трактовалъ одинаково, оттого всѣ его собесѣдники, отъ бѣдняковъ-студентовъ до коронованныхъ особъ, находили въ бесѣдѣ съ нимъ истинное наслажденіе. Его энергичная, открытая манера себя держать очаровывала чувствительныхъ и развитыхъ людей: кому же, напримѣръ, не извѣстна дружба императора Александра I къ Штейну и долгія бесѣды русскаго императора съ первымъ патріотомъ Германіи?

«Намъ не разъ приходилось бесѣдовать со Штейномъ о людяхъ, игравшихъ видную роль въ политическомъ и ученомъ мірѣ... Объ ученомъ людѣ современной Германіи Штейнъ былъ не особенно высокаго мнѣнія, къ философіи же и философамъ проявлялъ мало терпимости и безъ всякихъ околичностей Шлейермахера съ прочею братьею называлъ безумцами». Въ своихъ обвиненіяхъ нѣмецкихъ мыслителей-идеалистовъ Штейнъ сходилъ съ ненавистью Наполеона къ «идеологамъ»: «Эти люди,—высказывался Штейнъ,—мараютъ бумагу и забываютъ про дѣло. Они живутъ въ мірѣ запутанныхъ фразъ, забывая дѣйствительную жизнь и будничную дѣятельность людей. Они словно нарочно подходятъ къ предмету съ ложной точки—мудрость ихъ не ладитъ съ обычнымъ человѣческимъ здравомысліемъ». Такіе же рѣзкіе отзывы Штейна о нѣмецкихъ мыслителяхъ той эпохи приводитъ и проф. Стеффенсъ въ своей любопытной автобіографіи («Was ich erlebte»).

Въ общеніи съ симпатичными ему людьми у Штейна сказываются тѣ же побужденія, какія двигаютъ и его (перомъ: онъ всецѣло поглощенъ мыслью о пробужденіи освободительнаго движенія въ Германіи и въ этихъ же цѣляхъ поддерживаетъ оживленную переписку съ смѣнившимъ его въ милостяхъ Фридриха-Вильгельма министромъ, а затѣмъ и прусскимъ канцлеромъ Гарденбергомъ. Хотя Штейнъ былъ далеко не высокаго мнѣнія о политическихъ талантахъ и прозорливости своего преемника, однако онъ считалъ долгомъ, въ чемъ могъ, поддержать посильными совѣтами и опытомъ дѣятельность Гарденберга, направленную къ обновленію Пруссіи.

Для пониманія умственныхъ вѣяній, которыя окружали Штейна въ кратковременную эпоху сближенія съ Гарденбергомъ, важный

матеріалъ представляетъ переписка Штейна съ Закомъ, оберъ-президентомъ Бранденбурга и Помераніи. Закъ жаловался Штейну, что дворянство всемѣрно старается ставить преграды государственному преобразованію на здоровыхъ началахъ. Знать готова привести въ движеніе всѣ силы небесныя и земныя, лишь бы это послужило на пользу сословному ея эгоизму; она отнюдь не желаетъ новаго земскаго представительства и озабочена однимъ: сбросить съ себя всякое бремя налоговъ и переложить его на другія сословія. Поэтому Закъ предлагаетъ дѣло обновленія Пруссіи начать со введенія конституціи и коренного преобразованія организаціи сословій, такъ какъ теперешніе порядки пригодны лишь для того, чтобы мѣшать всему доброму. Если же будетъ введена конституція, возможнымъ окажется приступить и къ радикальному лѣченію, т.-е. къ устраненію оставшихся еще слѣдовъ ленной системы, а равно и различій между отдѣльными провинціями и сословіями.

Эта profession de foi въ значительной степени совпадало и съ убѣжденіями самого Штейна. Такъ, онъ писалъ графу Редеху: «Эгоизмъ существуетъ повсюду, гдѣ само государственное устройство не ставитъ ему преградъ, призывая отдѣльныя личности къ участию въ управленіи мѣстными или общегосударственными дѣлами». Несмотря на такую предпосылку, Штейнъ, однако же, относился съ большимъ скептицизмомъ къ тогдашнему положенію Пруссіи. Особенно рѣзко онъ отзывается о положеніи восточной половины Пруссіи, и по сей еще часъ являющейся твердынею прусскихъ аграріевъ-юнкеровъ. «Чего же можно ожидать,—пишетъ Штейнъ графинѣ Софіи Брюль,—отъ обитателей песчаныхъ степей, отъ этихъ хитрыхъ, безсердечныхъ, деревянныхъ, полуобразованныхъ людей, которые только и превращаются въ капраловъ да въ копейниковъ?»

Съ такихъ же точекъ зрѣнія критиковалъ Штейнъ и планы преобразованій, намѣченные Гарденбергомъ и ему сообщенные. Предлагаемый Гарденбергомъ классный налогъ Штейна не удовлетворялъ, онъ высказывался въ пользу строго проведеннаго и соответствующаго потребностямъ времени подоходнаго налога. Равнымъ образомъ вмѣсто установленнаго налога на помолъ онъ предпочиталъ введеніе прямого поземельнаго налога и полное уничтоженіе изъятій и льготъ въ земельномъ обложеніи дворянскихъ имѣній.

Столь же рѣшительно настаивалъ Штейнъ на признаніи начала свободы въ занятіи промыслами и на коренномъ преобразованіи «полиціи промышленности», а въ области аграрныхъ отношеній Штейнъ указывалъ на необходимость расторженія послѣдней связи, которая еще удерживалась между владѣльцами рыцарскихъ имѣній и крестьянами, рекомендовалъ полное обособленіе правъ и обязанностей каждой группы, хотя бы путемъ выкупа барщины и натуральныхъ повинностей.

На конституціонные вопросы, постулятомъ для которыхъ являлось созданіе независимаго отъ дворянства крестьянскаго сословія, проектъ Гарденберга обращалъ большее вниманіе, чѣмъ того можно было ожидать отъ консервативныхъ убѣжденій министра. «Король,— писалъ онъ,—могъ бы предоставить странѣ конституцію въ видѣ законсовѣщательнаго представительства, но на первое время,—пояснялъ онъ,—члены въ это собраніе назначались бы самимъ государемъ».

Хотя Штейнъ въ бытность у власти въ 1807 г. высказывался передъ королею весьма рѣшительно за установленіе правильной системы народнаго представительства, въ 1810 г. онъ пеняетъ прусскому народу за его малую подготовленность къ преобразованіямъ, равнодушіе къ общественному благу и грубость эгоизма.

Впрочемъ въ этихъ обвиненіяхъ Штейнъ цѣлитъ главнымъ образомъ на бюрократію и дворянство. Къ чиновничеству и узкости его взглядовъ Штейнъ никогда не скрывалъ недовѣрія; что же касается дворянства, то преступное равнодушіе, обнаруженное имъ въ эпоху пережитаго Пруссіею разгрома, убѣдило Штейна, что задолженность, притязательность и необразованность дворянства роковымъ образомъ обрекаютъ его въ будущемъ на все большее паденіе, тогда какъ низшіе слои общества, вслѣдствіе возрастающаго образованія и зажиточности, имѣютъ всѣ основанія претендовать въ будущемъ на болѣе вѣское значеніе въ государствѣ. Поэтому, не настаивая на немедленномъ введеніи конституціи, Штейнъ хотѣлъ бы видѣть земское представительство улучшеннымъ и расширеннымъ, ибо только чрезъ надлежащее устройство широкаго національнаго представительства, разумное воспитаніе и направленіе журналистики и возможно создать истинный духъ общественности. Въ видѣ понудительныхъ мѣръ къ устраненію неповиновенія, распространенія злонамѣренныхъ слуховъ и интригъ и опорочиванія правительственныхъ мѣропріятій, Штейнъ находилъ умѣстнымъ, по исключительности тогдашняго положенія, прибѣгать къ смѣщеніямъ съ должностей, арестамъ и даже изгнаніямъ изъ страны. Переписка Штейна съ Гарденбергомъ завершилась свиданіемъ между ними въ Гермсдорфѣ, 14 сентября 1810 г., послѣ котораго вскорѣ воспослѣдовали дальнѣйшіе законы о государственныхъ преобразованіяхъ Пруссіи, но болѣе или менѣе радикальныя предложенія Штейна были значительно смягчены Гарденбергомъ. Дѣло въ томъ, что тогда, какъ Штейнъ, занявъ министерскій постъ, несмотря на всѣ свои заслуги, смогъ удержаться на немъ двукратно лишь короткое время, возбудивъ противъ себя немилость короля и охранительныя сферы, Гарденбергъ до конца дней своихъ удерживалъ руководящую роль въ министерствѣ. Благодаря оппортунистической гибкости, онъ ладилъ съ заносчивой требовательностью Наполеона, а путемъ урѣзыванія реформъ и всяческихъ поблажекъ въ интересахъ родового

дворянства сдѣлался настолько угоднымъ знати, связанной въ Пруссіи съ наследственной монархіею тысячами нитей и личныхъ отношеній, что это устраняло всякую возможность конфликта между податливымъ министромъ и короною.

Не знавшій компромиссовъ со своими принципами и убѣжденіями, Штейнъ послѣ неудачной попытки воздѣйствовать на политику Гарденберга, вернулся опять къ вынужденной роли сторонняго зрителя: «силою обстоятельствъ я поставленъ въ такое положеніе, что долженъ являть собою примѣръ твердой непреклонности и независимости и ужъ, конечно, этимъ почетнымъ призваніемъ не поступлюсь ни изъ-за денегъ, ни изъ-за общественнаго положенія».

Вынужденные свои досуги въ Богеміи Штейнъ короталъ за книгами. Къ этому времени относится собраніе рукописныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ имъ подъ общимъ заголовкомъ: «Aufsätze und Bemerkungen über mancherlei Gegenstände». Первенствующее мѣсто здѣсь занимаетъ характеристика революціи, Наполеона, монархической коалиціи и т. п.

Отвлеченныя занятія наукою, впрочемъ, такъ же мало удовлетворяли Штейна, какъ и веденіе автобіографическихъ записокъ. «Неужели же я стану,—писалъ онъ,—въ назиданіе міра распространяться о министерской моей дѣятельности, моихъ заслугахъ и слабости противниковъ? Нигдѣ во главѣ нѣмецкихъ государствъ не было личностей, которыя бы управляли общественнымъ мнѣніемъ, которыя позаботились бы поддержать рушащееся зданіе союза европейскихъ государствъ, которыя бы способны были руководить народомъ въ упорной борьбѣ за независимость, и которыя бы постарались удовлетворить справедливыя требованія своихъ подданныхъ въ отношеніи преобразования всѣхъ несовершенствъ управленія. Вездѣ сказывались посредственность, слабость, пошлое себялюбіе, которое искало выгодъ только для себя, а въ минуту опасности превращалось въ трусливое отчаяніе. Предайся я такому занятію, я потерялъ бы уваженіе къ самому себѣ».

Когда послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ шаговъ въ сторону сближенія съ Россіею Фридрихъ-Вильгельмъ круто повернулъ назадъ и 5-го марта 1812 года заключилъ формальный союзъ съ Наполеономъ, а Австрія, въ свою очередь, «послушно пошла въ поводу у новѣйшаго Чингисхана или Тимура, этого деспота, обоготворяющаго собственное себялюбіе и топчашаго въ грязь челоувѣчество», Штейнъ окончательно вознегодовалъ: «Надежды всѣхъ честныхъ и благонамѣренныхъ людей вторично обмануты Пруссіею; она безпомощно предала себя сама въ руки врага и самолично готовитъ себѣ могилу, и страждущая, покрытая срамомъ взираетъ на предстоящую борьбу. И ужъ, конечно, не съ верховъ Германіи можно ожидать энергичныхъ импульсовъ, такъ какъ

здѣсь на тронахъ возсѣдаютъ сплошныя ничтожества» (Erbärmlichkeit).

«Невыносимо,—прибавляетъ Штейнъ,—изводить себя въ бездѣліи и видѣть, какъ безцѣльно проходитъ та короткая пора жизни, когда еще чувствуешь въ себѣ запасъ бодрости и силъ».

Чтобы выйти изъ этого бездѣйствія, Штейнъ обратился къ ганноверскому посланнику при сенъ-джемскомъ дворѣ, графу Мюнстеру, котораго давно зналъ за заклятаго врага Наполеона, съ просьбою, нельзя ли такъ устроить, чтобы ему, Штейну, подъ покровительствомъ англійскаго посольства, можно было пристронься къ главной русской военной квартирѣ; онъ вполне будетъ удовлетворенъ, если покроютъ его путевые расходы и предоставятъ ему походное довольствіе и суточные. «Когда окончится война, я опять вернусь сюда. Но я предпочелъ бы, чтобы война имѣла счастливый исходъ, или чтобъ самъ я умеръ».

«Не осуждайте меня,—писалъ Штейнъ одному изъ своихъ друзей,—что я въ мои лѣта покидаю здѣшній тихій пріютъ и вступаю на новый неизвѣстный мнѣ путь. Человѣкъ, лишенный отечества, есть авантюристъ по необходимости. Мнѣ не дозволено выбирать, я долженъ искать отечества и свободы, хотя бы ихъ пришлось выискивать на краю свѣта»... «Вѣдь моя родина тамъ, гдѣ живутъ люди, воюющіе или собирающіеся воевать съ Наполеономъ».

II.

Обращаясь къ описанію отношеній между Александромъ I и барономъ Штейномъ, носившихъ весьма интимный характеръ въ теченіе 1812—1815 годовъ, Леманъ предпосылаетъ общую характеристику личности Александра Павловича. Благодаря ряду противорѣчивыхъ вліяній Екатерины II, Лагарпа и императора Павла, Александру, по вступленіи на престолъ, пришлось примирять идеалъ естественнаго права съ суровою политикою полувосточной государственности, прилаживая свѣтскую западно-европейскую культуру къ завѣтамъ восточной церкви. Такъ какъ по натурѣ государь былъ мягкосердеченъ и воспримчивъ, то разладъ въ его душѣ разрастался съ каждымъ годомъ все шире. Въ этомъ же коренятся и всѣ разочарованія, имъ пережитыя, и тѣ колебанія и противорѣчія, скрытность и лицемѣріе, какія онъ постоянно обнаруживалъ. Съ устъ его сыпались добродѣтельные изреченія, но онъ легко поддавался искушеніямъ. Онъ отъ всѣхъ требовалъ къ себѣ довѣрія, но самъ никому вполне не ввѣрялся; онъ выдавалъ себя за второго Марка Аврелія, но съ ревностью соблюдалъ всѣ церковныя обрядности; онъ рассуждалъ, словно гражданинъ республиканецъ, и въ то же время ребячески забавлялся военной муштрою;

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1905 г., т. сл.

17

онъ постоянно увѣрялъ, будто единственная его мечта отречься отъ престола и успокоиться на лонѣ природы, но до конца дней своихъ оставался царемъ. Онъ хотѣлъ даровать Россіи конституцію и представительство, но прекрасно сознавалъ, что почти никто изъ его подданныхъ въ этихъ установленіяхъ не нуждается; онъ былъ русскимъ императоромъ, но любилъ только иностранцевъ; ему съ дѣтства внушалось, что истиннымъ предметомъ искусства управленія является внутренняя политика, но міровое свое призваніе онъ нашелъ въ области политики внѣшней.

Хотя, конечно, и въ этой области открывался широкій просторъ для дарованія счастья человѣчеству въ духѣ Лагарпа, который никогда не уставалъ клясть завоевателей, тѣмъ не менѣе и здѣсь идеалы Александра становились въ разрѣзъ съ собственными интересами. Друга своей юности, поляка Адама Чарторыжскаго, Александръ сдѣлалъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и ввязался въ союзъ съ Франціею, который будто бы имѣлъ всего лучше послужить ко благу Россіи. Но и тутъ царь вскорѣ уже отшатнулся отъ Франціи, и на этотъ поворотъ столько же повлияли негодованіе по поводу гнуснаго умерщвленія герцога Энгиенскаго, отвращеніе отъ все рѣзче обозначавшихся имперіалистическихъ стремленій властителя Франціи къ цезаризму, сколько давнишнія отношенія къ Англіи и опасенія предъ восточными вождѣльниками Наполеона, оскорблявшими завѣтныя цѣли Россіи. Такимъ образомъ, Александръ вмѣстѣ съ Вильямомъ Питтомъ явился творцомъ третьей коалиціи. Великіе замыслы, таившіяся въ душѣ Александра, были включены въ программу союзниковъ: низверженіе французской міровой имперіи, восстановленіе мира и равновѣсія, освобожденіе народовъ, удовлетвореніе національныхъ стремленій, провозглашеніе либеральныхъ конституцій, отказъ отъ одностороннихъ завоеваній и провозглашеніе новаго международнаго права въ видѣ добровольнаго соглашенія между государствами всей Европы. Протагонистъ англійской націи настолько былъ уже увѣренъ въ своемъ успѣхѣ, что прославлялъ царя въ качествѣ новаго Вильяма III, но это оказалось преждевременнымъ: властитель Франціи восторжествовалъ надъ соединенными войсками Россіи и Австріи совершенно такъ же, какъ ранѣе надъ Пруссіею, послѣ перваго пораженія которой Александръ пришелъ къ ней на помощь.

И вотъ, когда чужеземный, повидимому, непобѣдимый воитель близко придвинулся къ границамъ Россіи, тамъ зашевелилось нѣчто въ родѣ національной оппозиціи. Военачальники намекали Александру устами его собственнаго брата, что Россія уже достаточно долго сражалась за чуждые интересы, и что, кромѣ того, и самое состояніе русской арміи дѣлаетъ продолженіе войны невозможнымъ. Такъ какъ, съ другой стороны, Наполеонъ готовъ былъ удовлетвориться достигнутыми успѣхами, то соглашеніе состоялось

безъ труда: царь прекратилъ борьбу за почти разгромленную Пруссію и получилъ посулы на предоставленіе Россіи части османскихъ владѣній. Навязывавшееся Наполеономъ при тильзитскихъ переговорахъ присоединеніе къ Россіи прусско-польскихъ провинцій Александръ отклонилъ, проявивъ незаурядную политическую дальновидность, такъ какъ принятіемъ этого данайскаго дара онъ толкнулъ бы окончательно въ объятія Наполеона не только Пруссію, но и Австрію. Впрочемъ, неоднократно уже описывавшимся тильзитскимъ сценамъ не слѣдуетъ приписывать того значенія, какое онѣ имѣли только въ глазахъ неосвѣдомленныхъ зрителей; съ исторической точки зрѣнія миръ этотъ представляется не болѣе, какъ перемиріемъ, ибо лишь только состоялся обмѣнъ ратификацій, Наполеонъ сталъ уже интриговать исподтишка противъ Россіи, поощряя Турцію отнюдь не поступаться Молдавіею и Валахіею. Это не могло остаться тайною для Александра, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что еще зимою 1807—1808 года въ него закрались сильныя сомнѣнія въ продолжительности новой дружбы. Если Александръ и продолжалъ за нее держаться, то потому, что это ему облегчало продолженіе завоевательной политики Петра на Западѣ и присоединеніе Финляндіи. Война, которую затѣмъ Александръ въ 1809 году повелъ съ Австріею, носила скорѣе характеръ показной декорации, а вскорѣ послѣ шенбрунскаго замиренія между Наполеономъ и Александромъ начались дипломатическіе переговоры, которые составили прологъ для сведенія счетовъ при помощи оружія. Александръ опасался, что Наполеонъ, пожалуй, дѣйствительно затѣетъ возстановленіе Польскаго королевства, которое по необходимости станетъ въ зависимость отъ Франціи; ради устраненія этого, Александръ настаивалъ на международныхъ гарантіяхъ, но дать таковыя Наполеонъ уклонялся. Точно также Александръ счелъ себя обиженнымъ въ лицѣ близкаго ему родственника, герцога Ольденбургскаго, который подвергся изгнанію изъ своихъ владѣній. Наконецъ, Александръ не могъ не замѣтить, что подчиненіе континентальной системѣ нарушаетъ жизненные интересы Россіи, а потому на усиленіе таможенной политики Наполеона отвѣчалъ введеніемъ новаго таможеннаго тарифа, настолько благопріятствовавшаго Англіи, что это одно уже должно было вызвать разрывъ съ Франціею. Война очевидно надвигалась. Замирившись съ Портою, Александръ началъ прискивать союзниковъ: переговоры съ Пруссіею ни къ чему не привели; зато новый наслѣдникъ шведскаго престола, столь же враждебный Наполеону, какъ Талейранъ, изъявлялъ полную готовность вступить въ союзъ съ Россіею, лишь бы новому отечеству, его усыновившему, утрата Финляндіи была возмѣщена на счетъ иныхъ владѣній; Александръ не задумался пообѣщать Бернадоту, въ видѣ компенсаціи, Норвегію, что и повело къ заключенію союза между Швеціею и Россіею.

Какъ бы въ подтвержденіе того, что заключеніе новыхъ коалицій направляется противъ Франціи, Александръ въ тотъ же день, когда имъ былъ отправленъ ультиматумъ въ Парижъ (8 апрѣля 1812 г.), препроводилъ къ Штейну, проявившему себя самымъ неустрашимымъ и убѣжденнымъ противникомъ Наполеона на континентѣ, объемистое письмо, которое для врученія адресату было довѣрено принцу Эрнесту Гессенскому, состоявшему въ русской службѣ, и гласило, между прочимъ: «Рѣшающія обстоятельства минуты должны побуждать всѣхъ благонамѣренныхъ людей и друзей человѣчества и либеральныхъ идей къ болѣе тѣсному объединенію. Вѣдь дѣло идетъ о томъ, чтобы оградить ихъ отъ варварства и порабощенія, которыя готовятся ихъ поглотить. Весьма вѣроятно, настоящая война будетъ послѣднею и рѣшитъ спасеніе или погибель Европы. Въ успѣхѣ борьбы чрезвычайно заинтересованы всѣ поборники добродѣтели и тѣ, кто воодушевленъ чувствомъ независимости и человѣколюбія. Вы, господинъ баронъ, среди нихъ уже блестяще выдѣлились и можете питать единственное чувствованіе—содѣйствовать восторжествованію усилій, кои нынѣ предпринимаются на сѣверѣ, чтобы сломить безпощадный деспотизмъ Наполеона». Царь предоставлялъ на усмотрѣніе Штейна изложить свои мысли по этому предмету или письменно, или устно; послѣднее—если бы Штейнъ пожелалъ пріѣхать въ Вильну. Конечно, дальнѣйшее пребываніе Штейна въ Богеміи въ тылу французскихъ войскъ могло бы быть очень полезно, но такъ какъ теперь едва ли можно сомнѣваться въ австро-французскомъ союзѣ, то безопасность самой личности барона и его корреспонденціи легко можетъ быть нарушена. Если же баронъ рѣшитъ пріѣхать въ Россію, то будетъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями. Въ припискѣ къ этому письму императоръ выражалъ желаніе,—объясняетъ Штейнъ,—«de m'employer à mon choix ou dans les finances ou dans la partie de l'éducation publique».

Хотя Александръ и увѣрялъ своего корреспондента, будто Россія въ давнемъ предвидѣніи борьбы заблаговременно приуговорила для себя самыя дѣйствительныя средства, тѣмъ не менѣе Штейну, въ виду прусскихъ его опытовъ, позволительно было сомнѣваться, насколько эти средства достаточны для обезпеченія побѣды. Наоборотъ, разъ Пруссія и Австрія перепли бы во французскій лагерь, вѣроятность скорѣе говорила за то, что Наполеонъ останется побѣдителемъ. Именно въ то время, когда Штейнъ получилъ письмо отъ императора Александра, Наполеонъ производилъ въ Дрезденѣ пресловутый смотръ государямъ Германіи, чѣмъ торжественно завершалось окончательное ея порабощеніе. Отнынѣ въ распоряженіи Наполеона сосредоточивались силы почти всего европейскаго континента, а ужъ онъ ли не былъ достаточно гениаленъ, чтобы использовать ихъ съ полнымъ успѣхомъ. Если

военный геній Наполеона бралъ верхъ надъ русскою мощью подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ, то что же теперь ожидало «глинянаго колосса»? Хотя на Западѣ, какъ удостовѣряетъ Штейнъ ¹⁾, и было распространено убѣжденіе, будто Наполеонъ, вслѣдствіе преобладанія военныхъ талантовъ и силъ, отброситъ русскія войска до Днѣпра, разобьетъ ихъ подъ Смоленскомъ и заставитъ Россію заключить гибельный для нея миръ, тѣмъ не менѣе,—говоритъ Штейнъ,—«дѣло, въ защиту котораго всталъ Александръ, было слишкомъ свято, а я настолько крѣпко съ нимъ былъ связанъ всею предшествовавшею жизнью и убѣжденіями, что ни на минуту не могъ колебаться».

Такъ какъ прямой путь на Вильну уже былъ прегражденъ передвиженіями французскихъ войскъ, то Штейнъ направился въ русскую главную квартиру черезъ Галицію; изъ Радзивилова его сопровождалъ майоръ Сенявинъ, съ которымъ онъ и прослѣдовалъ черезъ Дубно, гдѣ помѣщалась штабъ-квартира Торماسова, и Слонимъ (штабъ-квартира Багратиона).

12-го іюня 1812 года Штейнъ уже былъ въ Вильнѣ.

Въ продолжительной аудіенціи, которою онъ былъ удостоенъ, императоръ счелъ нужнымъ привести оправданіе той политикѣ, которой слѣдовалъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, но теперь онъ выражалъ намѣреніе проявить величайшую стойкость. Несмотря на признаніе за императоромъ Александромъ незаурядныхъ качествъ, Штейнъ, однако же, и теперь еще нѣсколько сомнѣвался въ его настойчивости.

«Преобладающими чертами характера императора,—писалъ онъ тогда,—является добродушіе, незлобивость и желаніе осчастливить и облагородить челоуѣчество. Его воспитатель Лагарпъ въ ранніе еще годы внушилъ ему уваженіе къ людямъ и неотъемлемымъ ихъ правамъ, а по вступленіи на престолъ онъ даже ревностно старался провести ихъ въ жизнь. Но у государя отсутствуетъ сила характера, которая является побужденіемъ къ упорному познанию правды; у него не хватаетъ достаточной твердости, чтобы добиваться, вопреки препятствіямъ, проведенія принятыхъ рѣшеній съ подчиненіемъ себѣ воли другихъ. Его добродушіе подъ часъ вырождается въ слабость, а потому для проведенія своихъ намѣреній онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ хитрости и лицемѣрію».

Перейдя отъ общихъ соображеній къ частностямъ, государь въ бесѣдѣ со Штейномъ поднялъ вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи использовать дарованія барона, и былъ настолько милостивъ-что предоставилъ рѣшить это ему самому. Штейнъ объяснилъ, что не желалъ бы вступать на русскую службу, а предпочелъ бы оказать государю посильное содѣйствіе для направленія дѣятельно

¹⁾ Stein. Selbstbiographie, стр. 175.

сти Германіи въ цѣляхъ служенія общему дѣлу. «Благодаря этому заявленію,—поясняетъ Штейнъ этотъ свой шагъ,—я удерживалъ за собою свободу дѣйствовать по собственнымъ убѣжденіямъ и удалялъ со стороны русскихъ людей всякія дальнѣйшія подозрѣнія въ томъ, будто ищутъ положенія, вліянія и незаслуженныхъ милостей».

Такъ какъ на первое время нельзя было рассчитывать на перенесеніе войны въ предѣлы Германіи и на появленіе въ тылу французской арміи союзныхъ Александру войскъ, то, по мнѣнію Штейна, прежде всего необходимо было усилить броженіе и недовольство въ массѣ нѣмецкаго народа, съ тѣмъ, чтобы, когда войска Александра уже вступятъ въ Германію, противъ французовъ начали возгораться народныя возстанія. Въ этихъ видахъ Штейнъ предлагалъ приступить къ печатанію и тайному распространенію патріотическихъ сочиненій, въ числѣ коихъ особенно рекомендовалъ произведеніе Эрн.-Мор. Арндта: «Духъ времени», гдѣ личность Наполеона обрисовывалась сгущенными красками, какъ воплощеніе зла въ духѣ библіи. Одновременно съ этимъ предлагалось привлечь Шлейермахера въ Берлинъ, Стеффенса и Бредова въ Бреславль, Геерена въ Гёттингенъ и Лудена въ Іенъ къ сотрудничеству въ подпольномъ періодическомъ изданіи, которое опровергало бы лживыя извѣстія, которыя французскій «Юллетень» не преминетъ распространять въ Германіи.

Наконецъ, ссылаясь на прежнія успѣшныя, хотя и самовольныя военныя дѣйствія партизанскихъ отрядовъ герцога Брауншвейгскаго въ Вестфаліи и майора Шеелля въ Пруссіи, Штейнъ предлагалъ учредить особый легіонъ, тѣмъ болѣе, что и государь Александръ Павловичъ, какъ выяснилось изъ разговора, возлагалъ нѣкоторыя надежды на поддержку южныхъ славянъ Балканскаго полуострова и «Иллирійскихъ провинцій», подпавшихъ въ 1809 г. подъ французское владычество. Для организаціи и привлеченія легіонеровъ Штейнъ предлагалъ воспользоваться услугами многочисленныхъ офицеровъ, покинувшихъ прусскую службу и частью уже переселившихся въ Россію или готовыхъ это сдѣлать (въ числѣ ихъ Штейнъ особенно рекомендовалъ Клаузевица, гр. Шазо, Тидемана, Штюльпнагеля, Александра фонъ-дербъ-Гольтца, Горна и др.). Самовольную организацію нѣмецкаго легіона, помимо вѣдома нѣмецкихъ правительствъ, Штейнъ оправдывалъ тѣмъ соображеніемъ, что именно, если сами народы разорвутъ французскія цѣпи, которыя имъ навязали ихъ правительства, они спасутъ и своихъ государей отъ гибели, ибо, если Наполеонъ сможетъ создать всеевропейскую имперію, то не преминетъ низвергнуть и тѣхъ національныхъ государей, которые являются, хотя и послушною, но дорогою игрушкою его деспотизма.

Для нѣкотораго легализированія самовольнаго созданія германскаго военнаго легіона Штейнъ предлагалъ поставить его подъ

начальство герцоговъ Ольденбургскаго и Брауншвейгскаго. Если же побѣда останется за правымъ дѣломъ, составныя части легіона будутъ включены въ кадры своихъ отечественныхъ войскъ; наоборотъ, если бы побѣдилъ Наполеонъ, императоръ Александръ могъ бы предоставить легіонерамъ въ умѣренномъ климатѣ южной Россіи земельныя надѣлы, какъ то устроено въ Австріи для пограничныхъ войскъ.

Взвѣсивая все это и принимая во вниманіе размѣры, въ какихъ въ будущемъ предположительно разовьется нѣмецкое національное движеніе, направленіе его Россією въ видахъ объединенія дѣйствій существенно необходимо; поэтому Штейнъ и предлагалъ учредить особый комитетъ, который бы вѣдалъ нѣмецкія дѣла.

Всѣ эти предположенія Штейна Александръ Павловичъ вполнѣ одобрилъ и повелѣлъ приступить къ немедленному ихъ осуществленію.

Комитетъ по нѣмецкимъ дѣламъ былъ учрежденъ въ іюнѣ 1812 года подъ предсѣдательствомъ принца Георга Ольденбургскаго, который и вѣдалъ въ немъ военныя дѣла; на Кочубея были возложены внутреннія дѣла (т.-е. отношенія легіона къ Россіи), а барону Штейну поручалось «*de me mettre en correspondance et d'activer les moyens d'influence*».

Впослѣдствіи четвертымъ членомъ въ комитетъ государь назначилъ генералъ-адъютанта, графа Ливена, а, по отъѣздѣ послѣдняго въ Лондонъ, его смѣнилъ генералъ Гогель.

При установленіи круга дѣятельности отдѣльныхъ членовъ комитета, согласно инструкціи, выработанной въ засѣданіи ¹⁶/₂₈ іюня 1812 года, Штейну поручалось «споспѣшествованіе всѣмъ способамъ для пріобрѣтенія вліянія».

За этими туманными выраженіями скрывался тотъ фактъ, что истиннымъ главою и руководителемъ дѣятельности комитета оказался баронъ Штейнъ. Онъ не замедлилъ снестись съ уволеннымъ въ отставку начальникомъ полиціи въ Пруссіи Грунеромъ въ цѣляхъ вербовки волонтеровъ и предоставилъ въ его распоряженіе извѣстную сумму. Затѣмъ составлена была прокламація къ народу, призывавшая нѣмцевъ подъ знамена въ защиту родины и чести. Упрекъ національнымъ государямъ и правительствамъ, включенный Штейномъ въ текстъ прокламаціи (*quoique presque tous vos princes aient trahi la cause de la patrie, au lieu de verser leur sang pour elle, quoiqu'un grand nombre de votre noblesse et de vos employés prête son ministère pour la perdre au lieu de la défendre*), былъ вычеркнутъ государемъ, и съ этими исправленіями прокламація была переслана русскому главнокомандующему для подписанія, напечатанія и распространенія по Германіи. Штейнъ, конечно, не успокоился на бумажныхъ начинаніяхъ: представленный имъ государю майоръ фонъ-дербъ-Гольцъ вызывался согласить офицеровъ вспомогатель-

наго прусскаго корпуса, приданнаго къ великой арміи, на отпаденіе и переходъ на сторону Россіи; для этого Гольцу были даны отъ государя особенныя полномочія и отпущены суммы.

Въ свою очередь, графъ Шазо, бывшій комендантъ Берлина, и капитанъ Штюльгнагель получили порученіе склонить командира того же прусскаго корпуса, генерала Юрка, «способнаго на принятіе отважнаго рѣшенія», на переходъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ на сторону Россіи. Такую же миссію относительно нѣмецкихъ войскъ вестфальской арміи короля Иеронима Бонапарта принялъ на себя полковникъ Дёрнбергъ.

Кое-какія свѣдѣнія о дѣятельности Штейна въ русской главной квартирѣ вскорѣ достигли до всевѣдущаго Наполеона, который вскипѣлъ гнѣвомъ и, неоднократно сравнивая «измѣнника и бунтовщика» Штейна съ Беннигсеномъ и Армфельдтомъ, выразилъ негодованіе и недоумѣніе, какъ можетъ императоръ Александръ приближать такихъ субъектовъ къ своей особѣ: они де не только ему не преданы, но способны изъ-за собственныхъ выгодъ посягнуть на насиліе, хотя бы и надъ его высокою особою.

Вздорность подобныхъ обвиненій, конечно, не могла страшить Штейна, но ему пришлось считаться съ болѣе опаснымъ противникомъ—принцемъ Августомъ Ольденбургскимъ, который настойчиво убѣждалъ Александра Павловича отказаться отъ мысли организаціи нѣмецкаго легіона. Ужъ, конечно, не народъ,—разсуждалъ принцъ,—но изгнанные Наполеономъ государи должны взяться за это дѣло; каждый изъ нихъ, опираясь на поддержку собственныхъ подданныхъ, и постарается занять отобранныя у него корсиканцемъ владѣнія; проектъ же Штейна навѣявъ пагубнымъ революціоннымъ духомъ и составляетъ вопіющее нарушеніе начала легитимизма.

Штейнъ, которому Александръ Павловичъ передалъ записку принца Ольденбургскаго, отвѣчалъ на нее мемуаромъ, преисполненнымъ ироніи. «Принцъ,—объяснялъ онъ,—желаетъ, повидимому, силы, нужныя коалиціи, раздробить и, лишивъ ихъ единства, вѣрить руководству личностей неспособныхъ. Предпріятіе, требующее величайшаго единства и энергіи, пришлось бы начать съ того, что выполненіе его оказалось бы возложеннымъ на ганноверское правительство, глава котораго проживаетъ въ Лондонѣ; на гессенское правительство, но во главѣ его стоитъ мелочной, корыстолюбивый старикъ; на правительство Фульды, а властитель этого княжества могъ бы оказаться при особомъ мнѣніи; на брауншвейгское правительство, но и тутъ герцогъ, какъ извѣстно, трудно поддается какимъ либо увѣщаніямъ; на ольденбургское правительство, несомнѣнно, заслуживающее своею мудростью и нравственностью [полнаго довѣрія, но едва ли обладающее достаточнымъ могуществомъ, чтобы понудить на дружное движеніе по одному

пути своихъ коллегъ и ихъ кабинеты, министерствъ, камердинеровъ и метресъ».

Апология, представленная Штейномъ, возымѣла то дѣйствіе, что государь Александръ Павловичъ почувствовалъ къ своему совѣтнику еще большее довѣріе за его прямоту и посвятилъ его въ переговоры, завязанные съ Австріею; изъ нихъ выяснилось, что императоръ Францъ и Меттернихъ желаютъ падить свои войска, а потому предлагаютъ вести противъ Россіи такую же призрачную показную войну, какъ въ 1809 году. Александръ особеннаго довѣрія къ этому предложенію не питалъ и въ этомъ смыслѣ высказался Штейну; тотъ же постарался успокоить опасенія государя доводомъ, что центръ тяжести борьбы будетъ лежать въ столкновеніяхъ между главными арміями, и когда французская армія будетъ отброшена за Одеръ, конечно, и австрійская потянется за ней въ одну линію. Царь этому доводу внялъ и вступилъ въ соглашеніе съ Австріею,—дѣйствительно, какъ показала послѣдующая кампанія, обѣ державы добросовѣстно старались наносить другъ другу ничтожный вредъ.

Но прежде еще, чѣмъ война перенесена была обратно за границы Россіи, Штейну пришлось пережить немало тревоженій.

Прежде всего укрѣпленный лагерь въ Дриссѣ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Во избѣжаніе обхода его неприятелемъ съ фланговъ и съ тыла, пришлось его заблаговременно очистить. Далѣе, руководство арміею парализировалось присутствіемъ императора, который, хотя и не принималъ начальствованія надъ войсками, но значеніемъ своей особы подавлялъ главнокомандующаго. Государю сумѣли, какъ слѣдуетъ, освѣтить это фальшивое положеніе, и онъ рѣшилъ отправиться въ Москву для ускоренія военныхъ приготовленій, необходимыхъ для спасенія отечества. Въ виду отъѣзда государя, оставаться при дѣйствующихъ русскихъ войскахъ въ качествѣ безучастнаго зрителя для Штейна представлялось безцѣльнымъ, и онъ исходатайствовалъ у императора разрѣшеніе послѣдовать въ Москву, куда и прибылъ 27-го іюля. Штейнъ попалъ въ первопрестольную въ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ новѣйшей русской исторіи. Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Россію вторгались иноземныя войска, и двѣсти лѣтъ миновало съ той поры, когда Москва въ своихъ стѣнахъ видѣла неприятеля, и въ обоихъ случаяхъ нападающіе: Карлъ XII и Лжедимитрій, понесли печальную участь. Но эти отдаленныя воспоминанія жили въ душѣ русскаго народа, — годовщина Полтавскаго боя празднуется вѣдь понынѣ. Поэтому для каждаго русскаго человѣка вполне понятно было высказанное Александромъ въ Москвѣ пожеланіе въ каждомъ русскомъ дворянинѣ найти Пожарскаго и въ каждомъ купцѣ — Кузьму Минина. Особенно сильное впечатлѣніе на нѣмецкаго барона производилъ

образъ дѣйствій московской знати. Штейнъ былъ свидѣтелемъ и тому, какъ государь въ Слободскомъ дворцѣ заявилъ собравшемуся дворянству, что постоянному войску, несмотря на его доблесть, не подъ силу будетъ справиться съ превосходными силами непріятели, и что поэтому необходимо обращеніе ко всѣмъ подданнымъ, а прежде всего къ дворянству. На это воспослѣдовало тутъ же дружное рѣшеніе со стороны собравшихся выставить, обмундировать и вооружить ополченіе (27-го іюля). «Вотъ это и впрямь благородное дворянство, поистинѣ заслуживающее такого наименованія», восторгается Штейнъ. Въ своей сферѣ бездѣятельной дѣятельности (*cette sphère d'activité inactive*) Штейнъ и въ Москвѣ часто имѣлъ случай дѣлать докладъ государю по нѣмецкимъ дѣламъ. Такъ, чрезъ него шли сообщенія бывшаго русскаго посланника въ Берлинѣ, графа Ливена, о шагахъ, предпринимавшихся Грунеромъ для поднятія народнаго возстанія въ Пруссіи. Штейнъ пока признавалъ преждевременнымъ раздувать мѣстныя движенія, которыя бы только безцѣльно скомпрометировали массу отважныхъ дѣятелей, но настаивалъ на распространеніи на Вестфалію пропаганды, ибо послѣдняя найдетъ тамъ благодарную почву; равнымъ образомъ Штейнъ предлагалъ пристудить къ распространенію патріотическихъ прокламацій и брошюръ въ германскихъ университетахъ, такъ какъ молодежь наиболѣе доступна энтузіазму и благороднымъ влеченіямъ и среди нея, когда пробьетъ часъ отомщенія, всего болѣе окажется борцовъ за отчизну. Государь на всѣ эти предложенія откликался съ неизмѣннымъ сочувствіемъ.

Пребываніе государя въ Москвѣ было непродолжительно: 31-го іюля онъ уже выѣхалъ въ Петербургъ, а Штейнъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ: 3-го и 4-го сентября онъ прогостилъ у принца Георга Ольденбургскаго и его супруги Екатерины Павловны, 8-го былъ уже въ Царскомъ Селѣ, а 9-го сентября—въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ вскорѣ наступилъ кризисъ въ управленіи дѣлами комитета по нѣмецкимъ дѣламъ. Отношенія Штейна къ принцу Георгу и Кочубею не оставляли желать ничего лучшаго, но за отъездомъ въ Тверь и смертью принца, вскорѣ воспослѣдовавшей, предсѣдательствованіе въ комитетѣ перешло къ его отцу, герцогу Петру Ольденбургскому. Въ нравственномъ отношеніи вполне безупречный, герцогъ былъ крайне педантиченъ и пропитанъ преданіями стараго режима; онъ, не стѣсняясь, высказывалъ въ рѣзкой формѣ мнѣнія, шедшія въ разрѣзъ со всею дѣятельностью комитета. Онъ не одобрялъ воззванія къ нѣмецкому народу и мало вѣрилъ въ освободительное движеніе.

Герцогъ все твердилъ одно и то же: все въ Германіи должно предприниматься по почину нѣмецкихъ государей и только для нихъ, а Штейнъ на это возражалъ, что германскихъ государей слѣдо-

вало бы для начала научить повиновенію и заставить выкинуть изъ головы, будто Господь Богъ только для нихъ однихъ и создалъ міръ. Въ дѣйствительности же лишь при дружномъ содѣйствіи всѣхъ и каждаго, по почину всей нѣмецкой націи, отъ мала до велика, только и можно сломить французское иго.

Впрочемъ, считая бесплоднымъ вести нескончаемыя словопренія съ герцогомъ, Штейнъ обратился къ императору Александру Павловичу съ письмомъ, въ которомъ пояснялъ: «Мнѣнія, которыя, по существу, во всемъ расходятся, не подлежатъ объединенію; мнѣ же лично ненавистна система уступокъ, компромиссовъ и жертвованія собственными убѣжденіями, такъ какъ она только пагубна». Поэтому Штейнъ просилъ уволить его отъ дальнѣйшаго участія въ комитетѣ. Государь и тутъ сталъ на его сторону, и, измѣнивъ инструкцію комитета, ввѣрилъ Штейну завѣдываніе порученною ему частью дѣлъ помимо герцога.

Патріотическій нѣмецкій писатель К. М. Арндтъ рассказываетъ: «Черезъ Богемію и Польшу направился я въ Московію по особому приглашенію уѣхавшаго туда напередъ великаго нашего соотечественника, имперскаго барона фонъ-Штейна. Въ концѣ августа 1812 года я уже стоялъ передъ нимъ въ Петербургѣ. Принялъ онъ меня ласково словами: «Хорошо, что вы пріѣхали. Надо надѣяться, что здѣсь для насъ найдется работа». Принять я былъ барономъ наилучшею образомъ, и мнѣ было назначено опять явиться на слѣдующее же утро для полученія указаній на счетъ будущихъ занятій. Теперь же баронъ меня оставилъ съ собою обѣдать. Я остановился въ гостиницѣ Демута, гдѣ пока жилъ и баронъ, но черезъ нѣсколько недѣль онъ уже переселился въ отведенный ему роскошный министерскій дворецъ. Штейнъ въ въ общихъ чертахъ указалъ мнѣ то положеніе, которое я имѣлъ занять подъ его начальствомъ. Онъ вошелъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности и назвалъ мнѣ тѣхъ лицъ, которымъ мнѣ надлежало представиться. «Съ вашимъ мѣщанскимъ именемъ вы, представляясь герцогу Ольденбургскому, должны будете только глубоко поклониться и въ молчаніи почтительно выслушивать то, что онъ станетъ вѣщать. А онъ встанетъ передъ вами длинноногимъ журавлемъ и, stans pede in uno, почтитъ васъ цѣлымъ exa^minatorium'омъ по исторіи нѣмецкой имперіи и ея державныхъ родовъ». О своихъ отношеніяхъ къ императору Александру Штейнъ никогда не распространялся. По внѣшности онъ въ Петербургѣ являлся какъ бы представителемъ Германіи и проводникомъ тѣхъ начинаній, которыя касались подготовленія нашей отчизны къ борьбѣ и вооруженіямъ. Частью по собственному побужденію, частью по порученію кабинета и въ зависимости отъ теченія военныхъ событій онъ набрасывалъ для печати разныя вещи: памфлеты, манифесты, прокламаціи, опроверженія, возраженія на

французскія выдумки и реляціи; кое-что писалось, приворавливаясь къ русскимъ вкусамъ и рѣчи, но большею частью эти произведенія отражали точку зрѣнія нѣмецкую и самого Штейна, писались по-нѣмецки, печатались и разсылались для распространенія». Неся въ Петербургѣ при Штейнѣ секретарскія обязанности, Арндтъ замѣчаетъ: «Воистину немало усилій и хлопотъ мнѣ стоило разбираться въ черновыхъ письмахъ и запискахъ, предназначавшихся Штейномъ для подачи императору, а равно при перепискѣ французскихъ и нѣмецкихъ писемъ, отправляемыхъ за границу, перекладывая ихъ на тарабарскій языкъ при помощи сложнаго нашего ключа. Черныя свои Штейнъ набрасывалъ отвратительнымъ, неразборчивымъ почеркомъ съ условными сокращеніями; зато въ высшей степени поучительно для меня было содержаніе писаній Штейна, такъ какъ это проливало свѣтъ на ту бурю, которая бушевала въ этомъ благородномъ и неукротимомъ сердцѣ»¹⁾.

Тѣмъ временемъ военныя событія шли своею чередою. Послѣ того, какъ государь покинулъ войска, они счастливо преодолѣли серьезную опасность — обѣимъ западнымъ арміямъ Барклая-де-Толли и Багратиона удалось соединиться, а это значительно разстроило планы Наполеона. Нѣмецкіе совѣтчики настаивали предъ главнокомандующимъ на отступленіи русскихъ войскъ все дальше въ глубь, не ввязываясь въ крупный бой, съ тѣмъ, чтобы, выражаясь словами Шарнгорста и Клаузевица, Наполеонъ былъ загубленъ пространствомъ Русскаго царства. Но противъ этого возмущалось общественное мнѣніе Россіи, не допускавшее возможности пожертвовать первопрестольною столицею безъ сопротивленія, и главнокомандующій внялъ этимъ внушеніямъ. Дважды русская армія пыталась приостановить Наполеона — 17 и 19-го августа подъ Смоленскомъ и 7-го сентября подъ Бородинымъ. И тамъ и здѣсь русскіе сражались съ героическою доблестью, но несчастливо. Бородинскій бой, впрочемъ, сопровождался такою огромною убылью во французскихъ войскахъ и столь мало напоминалъ рѣшающія битвы болѣе раннихъ Наполеоновскихъ походовъ, что Кутузовъ имѣлъ основаніе признать побѣду сомнительною, при той же правдѣ, которую самъ государь сдѣлалъ на докладѣ Кутузова, Бородинскій бой былъ ославленъ русскою побѣдою.

Подъ вліяніемъ первыхъ извѣстій Штейнъ счелъ умѣстнымъ представить государю 18-го сентября записку о будущемъ государственномъ устройствѣ Германіи. Авторъ исходитъ изъ того предположенія, что Рейнскій союзъ рушится, и задается вопросомъ, какой же строй долженъ его замѣнить, дабы обезпечить прочное спокойствіе Европѣ.

¹⁾ Arndt. Meine Wanderungen und Wandelungen mit dem Reichsfreiherrn v. Stein.

«Спокойствіе Европы требуетъ, чтобы Германія получила надлежащее устройство для охраненія собственной независимости, для сопротивленія Франціи, открытія Англій доступа къ нѣмецкимъ портамъ и для предупрежденія возможныхъ дальнѣйшихъ французскихъ вторженій въ Россію.

«Къ достиженію этой цѣли ведутъ три пути. Возможно объединить Германію въ одно государство; во-вторыхъ, можно подѣлить Германію, по теченію Майна, между Пруссіею и Австріею. Наконецъ, на ряду съ существованіемъ Пруссіи и Австріи, къ обѣимъ державамъ можно бы придать по нѣскольку союзниковъ, образовавъ изъ отдѣльныхъ территорій второстепенныя государства».

Очертивъ всѣ три указанные имъ формы государственнаго устройства, Штейнъ не скрываетъ, что самъ онъ наиболѣе тяготеетъ въ возрожденію въ Германіи монархіи столь же сильной, какъ была Германская имперія въ XII и XIII вѣкахъ. Онъ желалъ бы, чтобы это государство представляло всѣ нравственные и физическіе элементы для укрѣпленія силы, свободы и разумности, и чтобы новая имперія могла противостоять безпокойному честолюбію Франціи. Штейнъ утверждаетъ, что такой монархіи жаждетъ почти весь нѣмецкій народъ съ тѣхъ поръ, какъ ему безсовѣстно измѣнили тѣ, кто долженъ бы былъ сумѣть за него умереть, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ народъ въ нѣмецкихъ государяхъ извѣрился, усмотрѣвъ въ нихъ трусовъ, торгующихъ кровью своихъ подданныхъ ради продленія своего собственнаго позорнаго существованія. Въ существѣ дѣла подобной монархіи должны жаждать и государи, ибо такой порядокъ вещей только и сможетъ обезпечить ихъ собственное существованіе, такъ какъ вмѣсто непрочнаго и мало почетнаго наслѣдственнаго завѣдыванія теперешними префектурами для нихъ откроется благородная задача сдѣлаться совѣтчиками великаго народа. Въ особенныя подробности Штейнъ въ этой запискѣ не вдается, но, насколько можно догадываться по его намекамъ, онъ хотѣлъ бы видѣть устройство верхней палаты, въ которой мелкіе германскіе государи засѣдали бы съ правомъ голоса. Вмѣстѣ съ тѣмъ Штейнъ признавалъ нужнымъ лишить отдѣльныхъ государей права руководительства внѣшними и военными дѣлами и нужными для этихъ цѣлей финансовыми средствами; прежде же всего подлежить отмѣнѣ право заключенія союзовъ съ иностранными государствами. Права, отнимаемыя у членовъ германской монархіи, Штейнъ предлагаетъ сосредоточить въ рукахъ верховнаго главы союза, съ привлеченіемъ ему на помощь союзнаго сейма.

Въ заключеніи записки Штейнъ оговаривается: «Я не думаю, чтобы мнѣ нужно было оправдывать тѣ выраженія, которыя въ этой запискѣ могутъ показаться слишкомъ рѣзкими; эти выраженія оправдываются какъ самымъ величіемъ предмета, такъ и чувствами, какія въ меня вселяютъ воспоминанія о несчастной от-

чизнѣ, измѣнически поверженной подъ гнетъ ига. Я вѣдь обращаюсь къ государю, властвующему надъ почти неизмѣримою страшною, и мой голосъ долженъ быть гласомъ правды и прямоты, такъ какъ лишь отъ мудрости, благородства характера и могущества вашего величества моя отчизна станетъ ожидать освобожденія и насажденія государственнаго строя, который бы явился залогомъ для ея благоденствія».

Съ содержаніемъ записки Штейна Александръ Павловичъ согласился и повелѣлъ списокъ съ нея препроводить ко вновь назначенному посланнику при Сентъ-Джемскомъ дворѣ, графу Ливену, для свѣдѣнія и руководства, что и было исполнено, какъ то явствуетъ изъ письма Штейна къ графу Мюнстеру отъ 2—14-го ноября 1812 года. Записка Штейна во всякомъ случаѣ весьма любопытна, такъ какъ по ея завѣтамъ въ сущности и свершилась организація Германской имперіи, провозглашенная въ Версали въ 1871 году, но въ 1812 году записка эта оказалась преждевременною, ибо, несмотря на оптимизмъ государя, дальнѣйшія сообщенія Кутузова принесли вѣсть о занятіи Москвы непріателемъ.

Штейнъ допускалъ вѣроятность дальнѣйшаго отступленія русской арміи хотя бы до Орла, но непоколебимо вѣрилъ, что рано или поздно счастье окончательно отвернется отъ Наполеона. Такая увѣренность, однако же, находила себѣ слабый отзвукъ въ кругу петербургскаго общества, въ которомъ приходилось вращаться Штейну: партія, стоявшая за миръ, снова подняла голову. Она и раньше пробовала сказать свое слово въ Дрисскомъ лагерѣ и во время царскаго пребыванія въ Москвѣ, теперь же рѣчи ея стали смѣлѣе, и надежды на успѣхъ усилились. Къ партіи мира, не говоря о канцлерѣ Румянцевѣ¹⁾, принадлежали и великій князь цесаревичъ Константинъ, еще въ 1807 г. проявлявшій малодушіе, военный министръ Аракчеевъ, министръ полиціи Балашевъ. Еще опаснѣе представлялось Штейну то, что самое население Петербурга тяготѣло къ замиренію. Въ Петербургѣ сказывались суетность, жадность къ почестямъ, корыстолюбіе и полное отсутствіе духа гражданственности: вѣ эти отрицательныя свойства петербуржцевъ рѣзко выразились въ холодности приѣма, какимъ государь былъ встрѣченъ по возвращеніи изъ Москвы.

Вотъ теперь-то и возставалъ кардинальный вопросъ: поднадетъ ли государь подъ влияніе малодушнаго настроенія? Штейнъ

¹⁾ Штейнъ давно уже возненавидѣлъ канцлера, обвиняя его въ лживости, суетности и чудовищной чувственности. Въ своей перепискѣ съ графомъ Мюнстеромъ онъ неоднократно возвращается къ мысли объ устраниеніи Румянцева отъ управленія внѣшнею политикою Россіи и рекомендуетъ Мюнстеру повліять въ этомъ смыслѣ на англійскаго посла, чтобы добиться «смѣщенія Румянцева чрезъ лорда Каткарта или наследника шведскаго престола». Les personnes que le public désigne comme capables de remplacer R., sont m-rs de Markoff, de Kotchubéy, de Panin,—прибавляетъ онъ.

былъ далеко не увѣренъ, что этого не случится. «Среди близко окружающихъ государя лицъ, — писалъ онъ графу Мюнстеру, — я не сумѣю назвать никакой бодрой, могучей личности. Пока дѣла идутъ сносно, всѣ другъ передъ другомъ щеголяютъ твердостью, если же дѣла пойдутъ худо, несмотря на бахвальство, всѣ готовы низринуться во прахъ; такъ было и въ 1805 и 1807 годахъ».

Кризисъ, однако же, миновалъ счастливо. Письмо Наполеона, которымъ тотъ пытался открыть переговоры, государь оставилъ безъ отвѣта, а когда главнокомандующій склонился на свиданіе съ французскимъ уполномоченнымъ, государь категорически подтвердилъ прежнее воспрещеніе всякихъ переговоровъ. Шведскому наслѣдному принцу, который, какъ и большинство новыхъ его подданныхъ, былъ очень смущенъ побѣдами Наполеона, Александръ заявилъ, что онъ со своимъ народомъ скорѣе погибнетъ подъ развалинами Русскаго царства, чѣмъ заключить миръ съ Атиллою новѣйшихъ временъ. Государь примирился даже съ занятіемъ Петербурга и на этотъ случай вошелъ въ соглашеніе съ Англіею, чтобы обезпечить русскому флоту убѣжище въ англійскихъ портахъ. Далѣе государь увѣдомилъ берлинскій дворъ, что, насколько отъ него зависитъ, онъ желаетъ возстановленія Пруссіи и Австріи, какъ независимыхъ государствъ, но пусть же и прусскій король въ свою очередь готовится вооруженіе противъ общаго врага и постарается склонить къ тому же Австрію, а прежде всего пусть Фридрихъ-Вильгельмъ III снабдитъ надлежащими полномочіями генерала Йорка (для перехода на сторону русской арміи).

Сомнѣнія Штейна нашли себѣ отраженіе и въ его перепискѣ. Такъ, онъ пишетъ женѣ: «Je n'ai aucun doute, que Napoléon succombera, si la force du gouvernement répond à la force de la nation, qui montre un grand dévouement, beaucoup d'enthousiasme, un courage inébranlable. Ici, comme tout ailleurs, il y a dans les classes supérieures des gens faibles, plus attachés à leur propriété, qu'à l'honneur». Въ письмѣ къ ген. Гнейзенау, Штейнъ выражается еще яснѣе: «Народъ дошелъ до высшей степени ожесточенія, и императоръ ради собственной уже безопасности не могъ бы теперь заключить мира, какъ онъ самъ ясно и опредѣленно высказалъ; то же подтверждается и въ прилагаемой у сего прокламаціи» (отъ 2 октября 1812 г.)¹⁾.

Въ тревожное время трудно сосредоточиваться въ себѣ и заниматься обычнымъ дѣломъ. Это сказалось осенью 1812 г. и на

¹⁾ Это же народное настроеніе наглядно описано въ приведенномъ у Шиллера (т. III, стр. 505 и сл.) письмѣ императрицы Екатерины Алексѣевны къ ея родительницѣ, гдѣ между прочимъ говорится «Cette paix... ne peut pas se faire heureusement; l'empereur n'en conçoit pas l'idée et quand même il le voudrait, il ne le pourrait pas».

Штейнѣ, который теперь сдѣлался особенно усерднымъ посѣтителемъ петербургскихъ гостиныхъ. Визиты и бесѣды съ вліятельными представителями русской родовой и служилой аристократіи являлись, впрочемъ, для Штейна отправленіемъ все той же патріотической службы, такъ какъ этимъ путемъ онъ косвенно оказывалъ на государя такое же сильное вліяніе, какъ и своими записками ¹⁾).

Когда, послѣ Бородинскаго боя и занятія Москвы,—разсказываетъ тотъ же Арндтъ,—всѣ сердца были смущены, и тысячи языковъ и ногъ пришли въ усиленное движеніе, Штейнъ продолжалъ сохранять непоколебимость и твердость. «Не теряйте бодрости, любезный другъ,—внушалъ Штейнъ Арндту.—Бодрость и смѣлость—все въ жизни. Ну, что же изъ того, если бы намъ пришлось миль на двѣсти прослѣдовать еще дальше, куданибудь въ Казань или Астрахань? Я въ своей жизни при такихъ слѣсныхъ бѣгствахъ раза уже четыре терялъ всѣ пожитки. А умирать все равно придется только одинъ разъ». И Штейнъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ посѣщать петербургскія гостиныя. Все выраженіе лица, походка и манера его себя держать были исполнены юношеской бодрости и отваги.

Въ петербургскихъ княжескихъ салонахъ и въ самую тяжелую пору разочарованій щеголялъ онъ такой побѣдной отвагою, словно триумфаторъ. У петербургской знати Штейнъ являлся желаннымъ гостемъ. Если этому способствовали его начитанность, остроуміе и краснорѣчіе, то немалую службу ему сослужила и предусмотрительность, въ силу которой онъ съ самаго начала, во избѣжаніе нареканій и зависти, уклонился отъ занятія въ Россіи должностнаго поста. Это же подтверждаетъ и Арндтъ, который говоритъ: «Вскорѣ у барона Штейна образовался значительный кружокъ поклонниковъ, такъ какъ всѣмъ вѣдомо было, что въ Россію онъ прибылъ какъ бы паломникомъ, и что когда наступятъ побѣды, онъ поспѣшитъ назадъ на Западъ». Особенно Штейнъ сблизился въ Петербургѣ съ Кочубеемъ, коллегою его по нѣмецкому комитету. «Меня часто приглашали вмѣстѣ со Штейномъ въ этотъ домъ,—вспоминаетъ Арндтъ,—и я хорошо узналъ графа и графиню, ихъ образъ жизни и всѣ ихъ привычки. Присмотрѣвшись поближе къ этой семьѣ, ко всей ихъ безпритязательности и скромности, я только дивился, съ какой планеты свалились такіе аристократы въ окованную льдами невскую столицу, и какъ могли взрости такія необычайныя растенія на берегахъ Невы».

Близокъ Штейнъ былъ еще и съ Уваровымъ, съ которымъ, какъ мы знаемъ, онъ познакомился въ Троппау, — съ Толстымъ, Гурьевымъ, Нарышкинымъ, Долгорукимъ. Изъ дамъ, при-

¹⁾ Arndt. Erinnerungen aus dem äusseren Leben. Стр. 156.

надлежавшихъ въ петербургскому свѣту. Штейнъ особенно превозноситъ герцогиню Антуанетту, супругу Александра Виртембергскаго и сестру короля бельгійскаго Леопольда I. О графинѣ же Орловой, урожденной княжнѣ Салтыковой, Штейнъ отзывается, какъ объ «оживленной, очаровательной и умной особѣ, отличающейся непринужденностью и естественностью».

Г-жа де-Сталь, въ это время прѣхавшая въ Петербургъ съ юнымъ поручикомъ Рокка, котораго недавно тайно на себѣ женила въ Швейцаріи, сперва не понравилась Штейну своимъ грубымъ мѣщанствомъ и чувственностью, но чтеніе ненапечатанныхъ отрывковъ изъ знаменитаго ея сочиненія «*Corinne ou de l'Allemagne*», съ которымъ писательница выступала въ петербургскихъ гостиныхъ, примирило Штейна съ убѣжденною ненавистницею Наполеона, а послѣ ея отъѣзда въ Стокгольмъ Штейнъ признается: «ея общество было очень пріятно, и я жалѣю о ея отъѣздѣ». Совершенно противоположное и довольно непріятное впечатлѣніе и на русскихъ и на нѣмцевъ производилъ другой спутникъ г-жи Сталь, котораго она привезла съ собою въ Петербургъ, Вильгельмъ Шлегель, изображавшій собою какого-то воплощеннаго французскаго аббата, въ лакированныхъ башмачкахъ и безукоризненныхъ шелковыхъ чулкахъ; онъ манерничалъ и все говорилъ шепоткомъ, словно боясь, что его подслушиваютъ.

«Вмѣстѣ со Штейномъ я, словно родной, съ величайшею пріятливостью былъ принимаемъ въ дворцахъ и домахъ петербургской знати. Я не знаю, всегда ли такъ это водилось въ Петербургѣ, и нѣсколько сомнѣваюсь въ этомъ, но теперь въ самыхъ аристократическихъ салонахъ сказывалась такая непринужденность и свобода, словно здѣсь отсутствовала всякая разница въ общественномъ положеніи посѣтителей. И жили въ Петербургѣ открыто, свободно и весело, и рѣчи велись откровенныя, свободныя и бодрныя. Правда, Штейнъ посѣщалъ дома только единомышленныхъ и сочувствовавшихъ ему людей, и, къ моему удивленію, этотъ могучій человекъ высказывался столь рѣшительно и откровенно по предметамъ, о которыхъ въ аристократическихъ гостиныхъ и дворцахъ, по большей части, не смѣютъ и на ушко шептать, словно въ Петербургѣ вовсе не было ни доносчиковъ, ни тайной полиціи».

Среди обычныхъ посѣтителей Штейна на дому Арндтъ, живя у своего принципала, особенно часто сталкивался съ двумя личностями.

«Обѣ онѣ,—говоритъ онъ,—хорошо мнѣ знакомыя и лично и по письменнымъ ихъ трудамъ, были чужеземцами въ Россіи. Я говорю объ Анштеттѣ, по происхожденіи эльзасцѣ, и о графѣ Нессельроде, уроженцѣ Прирейнскаго края. Первый былъ видный, дородный, любившій пожить полуфранцузъ; второй былъ худенькій нѣжнаго сложенія, моложавый господинчикъ, потомокъ рода весьма дружественнаго и чуть ли не родственнаго Штейнамъ... Какъ бы

то ни было, отецъ Нессельроде жилъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ и умеръ въ Петербургѣ, оставивъ сына безпомощнымъ ребенкомъ; въ послѣднемъ приняла участіе Екатерина Великая, которая отправила его въ Берлинъ для дальнѣйшаго образованія, а теперь Нессельроде, повидимому, проходилъ дальнѣйшее ученіе въ кабинетѣ и держалъ себя по отношенію къ Штейну умильно и заискивающе, что баронъ приписывалъ или ограниченности или льстивому лукавству... Нессельроде въ ту пору не настолько еще выдвинулся впередъ, чтобы выступать съ властнымъ словомъ и починомъ, и принужденъ былъ дѣйствовать по чужой указкѣ и поступать, какъ прикажутъ. Нерѣдко Нессельроде возбуждалъ всѣми своими поведеніями въ Штейнѣ негодованіе, и тогда онъ своего прирейнскаго родственника безъ всякихъ околичностей ругалъ пресмыкающимся раченкомъ»¹⁾).

Въ письмахъ къ женѣ Штейнъ распространяется о роскоши домовъ и дачъ русскихъ вельможъ, многочисленности ихъ домашней прислуги, изысканности ихъ стола и изяществѣ дамскихъ нарядовъ.

Касается Штейнъ также театра, подчеркивая, что и здѣсь сказываются вѣянія національнаго патриотизма. Во время представленія «Димитрія Донскаго» публика неистовствовала и раздражалась громкими аплодисментами при тирадахъ героя о сверженіи татарскаго ига; когда же дирекція объявила о представленіи какой-то французской пьесы, раздались протесты, а въ день представленія зрительный залъ оказался пустъ.

«Публика,—поясняетъ Штейнъ,—не пропускаетъ случаевъ выражать негодованіе противъ Франціи и всего къ ней прикосновеннаго». Штейнъ вполне одобряетъ такой образъ дѣйствій и находитъ, что «всю эту тучу актеровъ, камердинеровъ, поваровъ и купцовъ слѣдовало бы выгнать изъ Россіи». При случаѣ Штейнъ задается вопросомъ: хорошо ли вообще поступила Россія, покровительствуя вторженію иноземныхъ нравовъ? «Воспріятіе общепользныхъ европейскихъ знаній и установленій,—говоритъ онъ,—конечно, являлось необходимою, дабы предоставить народу способы къ научному образованію и выгоды, сопряженныя съ цѣлесообразною системою управленія, но народу слѣдовало сохранить въ неприкосновенности старинные нравы, бытъ, одѣянія и т. п., отнюдь не обезличивая своей національности». Особенно скорбитъ Штейнъ о томъ, что русскіе подражаютъ французамъ и ставятъ ихъ себѣ за образецъ, а «это несомнѣнно пагубно отзовется на нравственности и образованіи». Своеобразно отношеніе Штейна къ крѣпостному вопросу въ Россіи. По этому поводу онъ пишетъ:

¹⁾ Arndt. Meine Wanderungen, стр. 27—29.

«Для развитія умственныхъ силъ и благосостоянія Россіи было бы весьма благотѣльно, если бы крестьянамъ земли были предоставлены въ полную собственность съ обязательствомъ уплачивать прежнему владѣльцу натуральную ренту (въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ урожая). Дворовымъ людямъ и батракамъ слѣдовало бы предоставить личную свободу, подчинивъ ихъ въ полицейскомъ и судебномъ отношеніи владѣльческому попеченію. Этимъ путемъ могло бы возникнуть почтенное сословіе свободныхъ поселянъ, и третье сословіе получило бы такое расширеніе, которое дало бы ему возможность въ полномъ объемѣ выполнять кругъ занятій, усвоенныхъ за этимъ сословіемъ».

Любопытно здѣсь то, что Штейнъ для Германіи неизмѣнно настаивалъ на полномъ упраздненіи всякихъ аграрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, тогда какъ для Россіи въ цѣляхъ воспитательныхъ онъ же стоялъ за удержаніе и впредь патримоніальной власти помѣщиковъ надъ крестьянами.

55-ти-лѣтнюю годовщину своего рожденія Штейнъ отпраздновалъ въ Петербургѣ особенно торжественно, такъ какъ въ этотъ день (26 октября) пришли извѣстія о побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ подъ Полоцкомъ надъ Гувіономъ де-Сенъ-Сиръ. Вслѣдъ за тѣмъ пришла вѣсть, что и главныя силы великой арміи, очистивъ Москву, спѣшно отступаютъ къ границѣ. 10-го ноября въ Петербургѣ наступила зима, и Штейнъ тогда же предсказывалъ, что еще раньше, чѣмъ французская армія доберется до нѣмецкой границы, она окончательно будетъ уничтожена преслѣдователями и холодами.

16-го ноября онъ пишетъ: «Господь Богъ даровалъ силы русскому народу, доблесть его войскамъ и мудрость и твердость императору Александру, повергъ злодѣя во прахъ и уничтожилъ его рати. Да будетъ благословенно имя Его. Теперь наступаетъ время, когда нѣмецкому народу слѣдуетъ подняться ради возвращенія себѣ свободы и чести. Пора показать міру, что не нѣмецкій народъ, но его государи добровольно склонили свою выю подъ ярмо». Въ пророческомъ предвидѣніи торжества идеи національнаго объединенія европейскихъ государствъ Штейнъ восклицаетъ: «Для успокоенія Европы однимъ изъ главныхъ условій является, чтобы Германія и Италія были преобразованы въ мощные государственные организмы».

Но для осуществленія этихъ великихъ замысловъ Австріи и Пруссіи прежде всего надлежало перейти на сторону Россіи, а между тѣмъ Штейнъ не скрывалъ отъ себя, что «на двоедушнаго совѣтчика императора Франца, Меттерниха, отнюдь полагаться нельзя», «пруссій же король боязливъ и робѣетъ предъ всякимъ важнымъ рѣшеніемъ», а «Гарденбергъ, погрязшій въ чувственности и слабостяхъ, придавленъ старостью».

Въ виду нерѣшительности Пруссіи и Австріи, Штейна теперь особенно пугало разномысліе, которое сказывалось въ вліятельныхъ русскихъ кружкахъ. Штейнъ могъ убѣдиться, что имѣеть лишь немногихъ единомышленниковъ, которые стоятъ за продолженіе войны внѣ русскихъ предѣловъ въ цѣляхъ окончательнаго освобожденія Европы изъ-подъ ига Наполеона. Партія же мира высказывалась за то, что по изгнаніи французской арміи изъ предѣловъ Россіи слѣдуетъ заключить съ Наполеономъ почетный миръ, а Европу предоставить собственной участи. Военная партія, особенно многочисленная, наоборотъ настаивала на томъ, чтобы Россія чрезъ дальнѣйшіе военные успѣхи за предѣлами Россіи заручилась гегемоніею надъ политическими дѣлами европейскаго континента и расширила свои предѣлы по меньшей мѣрѣ до Вислы. Излюбленная самимъ Александромъ мысль о возстановленіи королевства Польскаго на взглядъ Штейна представлялась недѣлюстью, такъ какъ эта затѣя должна была встревожить не только Австрію, но и всю Европу. Немало наконецъ смущали Штейна и беззащитныя, безтолковыя интриги Армфельдта.

«Во всемъ же этомъ,—пишетъ Штейнъ,—интригуетъ еще и Армфельдтъ съ обычными ему юркостью, лукавствомъ и поверхностностью. Онъ сразу увариваетъ и кипятитъ въ своихъ 77 горшкахъ дѣла политическія, военныя, финансовыя, европейскія, финскія и даже лапландскія».

Чтобы выяснитъ, на что же въ сущности возможно рассчитывать дальше, Штейнъ 17-го ноября обратился къ государю Александру Павловичу съ новою запискою.

Здѣсь Штейнъ доказываетъ, что ничто не можетъ помѣшать побѣдоносной русской арміи усилиться военными средствами Пруссіи и Австріи и въ теченіе наступающей еще зимы вырвать Германію изъ рукъ врага.

Штейнъ умоляетъ государя не пріостанавливать движенія войскъ отъ русской границы. Ложная и двоядушная политика могла бы, пожалуй, поощрить къ веденію оборонительной только войны, но послѣдняя неизбѣжно должна привести и войска, ее ведущія, и край, который бы оказался ея театромъ, въ полное разстройство, ибо непріятель будетъ имѣть время использовать всѣ военныя средства средней и южной Европы. «Такія ложныя и робкія мысли, разумѣется, будутъ отвергнуты благороднымъ великодушіемъ императора Александра, который захочетъ стяжать славное имя умиротворителя Европы, послѣ того какъ онъ явился спасителемъ собственной страны».

Довѣріе Штейнъ возлагаетъ въ будущей кампаніи не столько на нѣмецкихъ государей, сколько на нѣмецкій народъ; онъ даже прямо признается: «единственною родиною я првзнаю цѣльную Германію; въ настоящую минуту устроенія ея судьбъ

я отношусь довольно равнодушно къ отдѣльнымъ династіямъ». Поэтому онъ предлагаетъ «щадить жителей, воздвигать ихъ на дѣятельность противъ общаго врага, имѣть неослабный надзоръ за отдѣльными германскими правительствами и руководить ими, а въ извѣстныхъ случаяхъ и завладѣвать ими».

Государь колебался, перенести ли войну за предѣлы Россіи до конца ноября. «Ничего еще пока не рѣшено»,—отмѣчаетъ Штейнъ 20-го ноября, а 1-го декабря уже ликуетъ: «черезъ немного мѣсяцевъ русская армія будетъ уже находиться, по меньшей мѣрѣ, между Одеромъ и Эльбою». Весьма вѣроятно, что тутъ на рѣшеніе императора повліялъ именно даръ убѣжденія, проявленный Штейномъ при личныхъ бесѣдахъ съ царемъ. Дѣйствительно принятое государемъ рѣшеніе оказалось довольно неожиданнымъ и непредвидѣннымъ; явствуетъ это изъ того, что еще 25-го ноября Кутузовъ въ докладѣ государю выражалъ колебанія насчетъ перенесенія кампаніи въ край, недавно занятый французами и считавшійся союзнымъ Франціи. Поэтому Кутузовъ предлагалъ остановить армію около Вильны, что Александръ Павловичъ отклонилъ, повелѣвъ 2-го декабря двигаться дальше и переходить чрезъ русскую границу.

Кутузовъ, конечно, имѣлъ основаніе къ сомнѣніямъ, такъ какъ онъ едва ли въ точности былъ освѣдомленъ насчетъ того, что хорошо зналъ государь со словъ Штейна. Штейнъ же и по собственнымъ наблюденіямъ, и по оживленной перепискѣ съ соотечественниками не могъ не знать истиннаго настроенія Германіи вообще и Пруссіи въ частности. Всѣ нѣмецкіе патріоты признавали Штейна главою и руководителемъ; новое прусское войско на его глазахъ и при его участіи было сформировано его же друзьями; финансовая часть Пруссіи недавно еще находилась въ рукахъ Штейна, и онъ въ точности былъ знакомъ съ платежными средствами всей страны. Разъ Штейнъ сумѣлъ внушить государю увѣренность, что заодно съ Россією поднимается вся Германія, подобныя внушенія, опасныя въ устахъ человѣка увлекающагося, приобрѣтали несомнѣнную достовѣрность, когда высказывались Штейномъ, который дѣлу возмущенія родины противъ ненавистнаго французскаго ига посвятилъ цѣлыхъ пять лѣтъ своей жизни, ведя агитацію противъ Наполеона всѣми возможными способами.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что бесѣды Штейна съ государемъ оказали свою—и при томъ значительную—долю вліянія на рѣшеніе продолжать кампанію въ 1813 году. Правда, окрыленный всѣми прежними успѣхами Штейнъ дерзнулъ на щекотливый и особенно для иностранца опасный шагъ: онъ настойчиво принялся убѣждать государя отстранить отъ дѣлъ ненавистнаго Штейну, въ качествѣ франкофила, канцлера Румянцева. «Остается выразить еще одно пожеланіе,—писалъ Штейнъ государю въ ноябрѣ,—чтобы

этотъ фальшивый и фантастическій умъ, переполненный пошлыми анекдотами, истекающими изъ испорченнаго сердца царедворца, прекратилъ вліять на совѣщанія и парализировать рѣшенія, доводя до отчаянія вѣрныхъ слугъ государя, котораго Провидѣніе поставило въ счастливое и блестящее положеніе оказаться благодѣтелемъ современнаго человѣчества. Если бы при избраніи Румянцеву преемника положиться на слѣпой случай и, написавъ на билетикахъ 10—12 именъ совершенно посредственныхъ личностей, вытащить затѣмъ любой билетикъ, даже и слѣпой жребій указалъ бы болѣе способнаго, болѣе почтеннаго и внушающаго большее довѣріе человѣка, чѣмъ канцлеръ».

«Меня поражали,—разсказываетъ Арндтъ,—та рѣшительность и неустрашимость, съ которою Штейнъ въ своихъ докладахъ и письмахъ къ царю изобличалъ слабость и недальновидность той системы, главнаго вдохновителя и носителя которой, канцлера Румянцева, Штейнъ настойчиво стремился отстранить отъ кормила правленія».

«По мѣрѣ того, какъ я знакомился изъ бумагъ и писемъ съ манерою Штейна держать себя съ царемъ и составлялъ себѣ ясное представленіе о томъ, какъ баронъ трактуетъ русскую политику за послѣднее пятилѣтіе, пригвождая, какъ бы къ позорному столбу, сладкое и мягкое, какъ медъ, лукавство, при чемъ иныя обвиненія могли, конечно, задѣвать и самого императора, я не могъ не дивиться искренности и отвагѣ Штейна, а когда онъ, несмотря на свои суровыя обличенія, занялъ первенствующее мѣсто и въ сердцѣ и въ совѣтахъ Александра, я не могъ не преклониться и передъ незлобивою россійскаго самодержца».

Несмотря на всю свою вліятельность и рѣшительность, Штейнъ, однако же, никогда не терялъ чувства мѣры и не дѣлалъ ложныхъ шаговъ, которые могли бы получить невыгодное освѣщеніе и истолкованіе.

Когда государь предъ отъѣздомъ къ арміи, перечитывая діатрибы Штейна противъ Румянцева, задалъ ему вопросъ, на кого же возложить веденіе иностранныхъ дѣлъ, Штейнъ осторожно уклонился назвать кого либо, сославшись на то, что государь лучше знаетъ своихъ чиновниковъ и, конечно, самъ сумѣетъ сдѣлать мудрый выборъ. Въ походъ вслѣдъ за царемъ отправился не канцлеръ Румянцевъ, но статсъ-секретарь Нессельроде, особенно высокими цѣльми не задававшійся, но въ общемъ, по мнѣнію Штейна, «человѣкъ разсудительный и порядочный».

Въ виду воспослѣдовавшаго наконецъ рѣшенія перенести военныя дѣйствія за границу, Штейнъ немало былъ озабоченъ притокомъ нѣмецкихъ военныхъ силъ и обезпеченіемъ для арміи матеріальныхъ и денежныхъ средствъ.

Какъ мы видѣли, лѣтомъ 1812 года Штейнъ возлагалъ большія надежды на образованіе нѣмецкаго легіона, но всѣ распоря-

женія по военной части забралъ въ свои руки герцогъ Петръ Ольденбургскій, а, благодаря неспособности любимца герцога, полковника Ареншильда, поставленнаго имъ во главѣ будущаго легіона, дѣло вербовки съ самаго начала было испорчено и портилось все больше хищеніями суммъ, отпускаемыхъ изъ казны на легіонъ. Въ концѣ концовъ къ исходу декабря 1812 года въ составѣ легіона числилось всего 8.773 человѣка, но изъ нихъ только 1.747 получили скудное обмундированіе, кавалерія не имѣла лошадей вовсе, а вмѣсто 200 требовавшихся по численности легіона офицеровъ налицо оказалось всего 50.

Что касается денежныхъ средствъ, для веденія войны то ихъ могла бы, конечно, доставить Англія; Штейнъ, который и здѣсь былъ привлеченъ государемъ къ совѣту, предлагалъ заключить особый договоръ насчетъ предоставленія русской арміи субсидій отъ англійскаго государственнаго казначейства; но изъ этого ничего не вышло, благодаря неумѣлости англійскаго посла при петербургскомъ дворѣ, лорда Каткарта, котораго Штейнъ характеризуетъ, какъ «личность совершенно ничтожную, въ которой военное педанство смѣшивается со скрытностью царедворца». Такимъ образомъ Россіи на первое время оставалось строить расчеты на собственныхъ финансовыхъ средствахъ, а они сводились къ упавшимъ въ цѣнности бумажнымъ деньгамъ.

Тутъ швейцарецъ д'Ивернуа, жившій въ Петербургѣ, выступилъ съ планомъ уменьшить номинальную цѣнность ассигнацій, а курсовую разницу покрыть особыми процентными долговыми обязательствами. Для разсмотрѣнія предложеній д'Ивернуа государь назначилъ комитетъ, въ составѣ предсѣдательствующаго въ немъ графа Кочубея и членовъ Новосильцева, Попова, Кампенгаузена, Гурьева и Штейна. Штейнъ находилъ, что выпускъ долговыхъ обязательствъ, при редуцированіи цѣнности ассигнацій, составилъ бы совершенно не заслуженный подарокъ въ пользу наличныхъ держателей ассигнацій, такъ какъ курсъ послѣднихъ падалъ постепенно, и курсовая потеря распредѣлилась на многихъ. Съ этимъ мнѣніемъ Штейна государь вполне согласился. Въ свою очередь Штейнъ совѣтовалъ выпустить «союзныя бумажныя деньги», конечно, по заключеніи между Россією, Пруссією и Австрією договоровъ, а пока довольствоваться русскія войска реквизиціоннымъ путемъ. Реквизиціи, конечно, слѣдуетъ производить не по примѣру безобразнаго произвола Наполеона, но при содѣйствіи провинціальныхъ и мѣстныхъ властей за безобидное для обѣихъ сторонъ вознагражденіе, ибо войскамъ не слѣдъ возбуждать противъ себя населеніе, но надлежитъ привлекать его на свою сторону.

Окончательное подтвержденіе неуклоннаго у государя рѣшенія перенести военныя дѣйствія за границу явилъ тотъ фактъ, что въ ночь съ 18-го на 19-е декабря онъ самолично отправился къ арміи.

Штейнъ не напрашивался сопровождать государя, но тотчасъ же послѣ его отъѣзда обратился къ Александру Павловичу съ письмомъ. Здѣсь онъ пояснялъ, что по занятіи Пруссіи, впредь до заключенія союза между королемъ и государемъ, придется ввести временное управленіе странюю; съ этою цѣлью государь, вѣроятно, пожелаетъ воспользоваться услугами его, Штейна; въ такомъ случаѣ онъ просилъ бы опредѣлить кругъ его дѣятельности и дать ему надлежащія полномочія. При этомъ Штейнъ выражалъ желаніе, чтобы ему было оказано довѣріе, и разрѣшено было дѣйствовать самостоятельно, сносясь съ государемъ и получая отъ него указанія непосредственно. Согласіе на это отъ государя не замедлило.

Откланиваясь въ Петербургѣ высочайшимъ особамъ, Штейнъ приглашенъ былъ на обѣдъ императрицею-матерью, и здѣсь разыгралась сцена, характеризующая всю порывистость и откровенность барона.

Сцену эту описываетъ Арндтъ со словъ ея очевидца, графа Уварова.

При извѣстіяхъ объ отступленіи французскихъ войскъ, императрица Марія Ѳеодоровна оправилась отъ потрясенія испуга и, заразившись всеобщимъ ликованіемъ по поводу русскихъ побѣдъ, сказала Штейну приблизительно слѣдующее:

«Если теперь хоть одинъ французскій солдатъ уйдетъ цѣль и невредимъ изъ предѣловъ Германіи, я стану стыдиться, что я нѣмка».

«При этихъ словахъ,—разсказывалъ мнѣ Уваровъ,—Штейнъ покраснѣлъ, носъ у него побѣлѣлъ отъ гнѣва; поднявшись съ мѣста и отвѣсивъ глубокой поклонъ императрицѣ, Штейнъ взволнованнымъ голосомъ сказалъ слѣдующее:

«Ваше величество совершенно неправы, высказываясь здѣсь такъ о великомъ въ своей вѣрности и доблести народѣ, къ которому имѣете счастье принадлежать и сами. Съ большимъ основаніемъ вы могли бы сказать, что стыдитесь не нѣмецкаго народа, но вашихъ свойственниковъ и родственниковъ, нѣмецкихъ государей. Я вѣдь самъ пережилъ всю эту эпоху, а годы 1791, 1792, 1793 и 1794 г. провелъ въ Прирейнскихъ земляхъ и прекрасно знаю, что не на народѣ лежитъ вина, если имъ не сумѣли воспользоваться. Если бы нѣмецкіе государи добросовѣстно выполнили лежавшій на нихъ долгъ, никогда ни единый французъ не переступилъ бы ни черезъ Эльбу, ни черезъ Одеръ, не говоря уже о Вислѣ или Днѣпрѣ». Императрица, выслушавъ эту отвѣдь, не потеряла самообладанія и нашла, что отвѣтить: «Вы, можетъ быть, и правы, господинъ баронъ. Благодарю васъ за данный мнѣ урокъ»¹⁾.

¹⁾ Arndt. Meine Wanderungen, стр. 87—88.

Въ началѣ января 1813 года Штейнъ уже распростился съ Петербургомъ, не безъ нѣкотораго даже сожалѣнія, такъ какъ полугодное пребываніе въ невской столицѣ обезпечило Штейну уваженіе и пріязнь многихъ: Кочубей, напримѣръ, увѣрялъ, что никогда еще не сталкивала его судьба съ государственнымъ человѣкомъ, который бы ему былъ такъ любъ, какъ Штейнъ; Уваровъ же воздвигъ въ честь Штейна даже памятникъ въ своемъ имѣніи съ знаменательною надписью: «Patriae columen, amicorum decus». Въ свою очередь д'Ивернуа отозвался о Штейнѣ: «я повстрѣчалъ здѣсь человѣка, который, по сравненію со всѣми другими иностранцами и русскими, является истиннымъ исполиномъ».

Штейнъ въ сопровожденіи Арндта держалъ путь на Псковъ, Свенцяны и Вильну. Уже за Псковомъ стали имъ встрѣчаться толпы военно-плѣнныхъ, направлявшіяся внутрь Россіи. «Оборванные, полузамерзшіе, посинѣлые, эти несчастные глодали палую козину и почти утратили человѣческое подобіе. Передъ нашими глазами десятки умирали въ деревняхъ и около почтовыхъ станцій. Больныхъ везли сваленными одинъ на другого въ саняхъ, усталыхъ соломой. Вдоль дороги валялись человѣческіе и конскіе трупы и безошибочно обозначали путь на Вильну»¹⁾.

«На комъ же лежитъ вина за всѣ эти ужасы,—воскликаетъ Штейнъ,—какъ не на вѣнценосномъ чудовищѣ, уже покинувшемъ свои разбитыя войска и поспѣшающемъ въ Парижъ для призыва новыхъ жертвъ?»—и высказываетъ увѣренность, что не только бѣшенство, но и упреки совѣсти сведутъ это чудовище въ могилу.

11-го января Штейнъ пріѣхалъ въ Вильну, но уже не засталъ тамъ государя, который измѣнилъ первоначальный маршрутъ прослѣдовать въ Кенигсбергъ и избралъ болѣе южный путь. 16-го января утромъ Штейнъ уже представлялся государю Александру Павловичу въ Сувалкахъ, близъ Прусской границы.

В. Ш.

(Продложеніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Arndt. Erinnerungen, стр. 177 и сл.

ИЗЪ ПУТЕВОГО АЛЬБОМА.

(Греція и Критъ, уголки Итали, Австрія и славянство).

I.

На русскомъ пароходѣ.

А РУССКИХЪ пароходахъ, отходящихъ изъ Одессы въ порты ближняго Востока: Константинополь, Пирей, и Александрію, всегда чрезвычайно пестрое собраніе международной разноязычной публики. Русскихъ пассажировъ бываетъ немного, но грековъ, нѣмцевъ, англичанъ и левантійцевъ множество. Греки— большіе любители путешествій, какъ и левантійцы, подъ именемъ которыхъ разумѣютъ особую категорию обитателей Востока, утратившихъ свою національность. Левантійцами полонъ Константинополь. Кто они: не турки и не греки, по внѣшности это европейцы, но у нихъ нѣтъ родины, нѣтъ истиннаго отечества, по большей части они турецко-подданные. Греки путешествуютъ по коммерческимъ дѣламъ: ѣздятъ изъ Одессы въ Царьградъ, въ Аѣины и обратно. Одесса ведетъ значительную торговлю съ Греціей; она отправляетъ туда зерновой хлѣбъ, рогатый скотъ, овецъ, дѣсь и получаетъ разнообразные продукты греческой промышленности, въ особенности губки и коринку, изъ которой наши доморощенные коммерсанты выдѣлываютъ русскія вина, упражняясь въ этомъ со столь великимъ усердіемъ, что понадобилось обложить коринку высокою пошлиною, чтобы охладить эти винодѣльческіе порывы.

Хотя и говорятъ, что русскіе люди—плохіе моряки, но русскіе пароходы на линіяхъ ближняго Востока—одни изъ лучшихъ, они—большіе, благоустроенные, вполне комфортабельные, и англичане, особенно взыскательные по части комфорта, давно облюбовали ихъ. Такихъ удобствъ вы не найдете на пароходахъ другихъ націй—ни на французскихъ, ни на англійскихъ, плавающихъ на тѣхъ же линіяхъ. Прекрасный разнообразный русскій столъ тоже чрезвычайно нравится путешественникамъ-иностранцамъ.

Я выѣхалъ на пароходѣ «Королева Ольга», на которомъ отправились также на ближній Востокъ экскурсанты-студенты Московской духовной академіи (изъ Троице-Сергіевой лавры), принявшіе сложное путешествіе.

— Насъ ѣдетъ 40 человекъ,—разсказывалъ мнѣ молодой студентъ академіи, готовящійся въ священники.—Съ нами преосвященный Евдокимъ, ректоръ академіи, онъ собственно и организовалъ эту поѣздку. Примкнули къ намъ также нѣкоторые священники и профессора. Мы посѣтимъ Константинополь, пройдемъ въ Іерусалимъ, а на обратномъ пути отправимся на Аѳоны и черезъ Славянскія земли въ Москву.

Въ группѣ этихъ экскурсантовъ я видѣлъ сельскаго священника, учителей. Всѣ они чрезвычайно интересовались путешествіемъ и цѣлые дни проводили въ разговорахъ о предстоящемъ странствованіи.

Въ каютѣ-кампаніи перваго класса въ обществѣ грековъ шли оживленные разговоры о событіяхъ. Всѣхъ взволновало тогда убійство министра-президента Греціи Деліаниса, говорили также о возстаніи на Критѣ.

— Деліанисъ—патріархъ греческой политики,—разсказывалъ мнѣ грекъ-докторъ изъ Одессы, ѣхавшій съ женою въ Грецію въ свои имѣнія.—Деліанису было 85 лѣтъ, еще нѣсколько лѣтъ—и онъ самъ бы преспокойно умеръ... Изъ-за какого-то игорнаго притона, закрытаго правительствомъ, убиваютъ на лѣстницѣ парламента почтеннаго старца-министра.

Общество греческихъ пассажировъ безмѣрно восхваляло доблести и политическую мудрость убитаго министра, но этотъ министръ, замѣчу я, былъ однимъ изъ заклятыхъ враговъ Россіи. Онъ въ свое время отказался отъ принятія русскаго ордена, чѣмъ надѣялся возвеличить свою популярность среди грековъ-руссофобовъ—и не ошибся въ этомъ...

При тихой погодѣ морское путешествіе нисколько не утомительно. Жара въ предѣлахъ Чернаго моря была еще не особенно чувствительна. На широкой палубѣ парохода подъ прикрытіемъ тента было пріятно. Пассажиры безпечно разгуливали. Внизу на площадкѣ помѣщались подневольные путешественники—тридцать штукъ быковъ—предметъ нашей торговли съ Греціей и Египтомъ.

На Босфорѣ.

Они стояли вдоль бортовъ, жадно пили воду и съ тоской посматривали на разстилавшееся кругомъ безбрежное море, по которому должны были плыть еще цѣлую недѣлю до Александріи.

Пароходъ вышелъ изъ Одессы наканунѣ Троицына дня. Въ 7 часовъ вечера на спардекѣ парохода, прикрытомъ тентомъ отъ яркихъ лучей заката, была отслужена всенощная. Служилъ преосвященный Евдокимъ, ректоръ академіи. Палуба была устлана брезентомъ, кругомъ красовались цвѣты. Преосвященный былъ въ митрѣ, въ парадномъ облаченіи. Ко всенощной собрались пассажиры: русскіе и греки. Студенты-экскурсанты образовали хоръ, въ которомъ было много сильныхъ голосовъ. Студентъ-регентъ управлялъ товарищами. Вдали отъ родныхъ береговъ, въ преддверіи Турціи, среди безбрежнаго моря раздавались слова русской молитвы. Служба шла долго. Солнце зашло... Надъ тихимъ моремъ, подернутымъ легкой рябью, выглянула въ группѣ маленькихъ облачковъ полная луна, золотой отблескъ плылъ по водѣ рядомъ съ нашимъ пароходомъ, вѣтеръ несъ прохладу, а въ воздухѣ все еще разносилось церковное пѣніе и трогательно звучала молитва о ниспосланіи родинѣ «на враги побѣды и одолѣнія»...

Ночью, какъ водится, насъ покачало, но утро было чудесное, тихое. Это былъ день Святой Троицы. У насъ опять была церковная служба въ присутствіи преосвященнаго Евдокима. Сельскій священникъ, находившійся въ группѣ экскурсантовъ, служилъ молебствіе. Присутствовали командиръ парохода, матросы и публика.

— Сему кораблю многая лѣта, — возгласилъ священникъ, и пѣвчіе дружными голосами подхватили: «Многая лѣта!»

А корабль нашъ былъ уже у береговъ Турціи. Чувствовалась жара бѣлая, чѣмъ наканунѣ. Около полудня на пароходѣ слышался обычный звонокъ съ капитанскаго мостика въ машину. Пароходъ умѣрилъ ходъ и затѣмъ остановился.

— Входимъ въ Босфоръ!—пронеслось среди пассажировъ, всѣ они высыпали на палубу, и началось обычное разсматриваніе красотъ Босфора.

«Королева Ольга» простояла нѣсколько минутъ у Анатоли-Кавака. Тутъ прибывающіе пароходы получаютъ практику, т.-е. право прохода Босфоромъ. Анатоли-Кавакъ—сплошная турецкая казарма, на обоихъ берегахъ высятся укрѣпленія, маяки. На рейдѣ стоятъ парусныя суда.

За Кавакомъ потянулась давно знакомая мнѣ картина зеленыхъ Босфорскихъ береговъ съ пригородными селеніями и дачами турецкой и греческой аристократіи. Около Буюкъ-Дере, резиденціи русскаго посла, пароходъ вновь остановился. Къ намъ подошла шлюпка съ русскаго стационара, доставившая нѣсколькихъ барынь изъ русской колоніи Константинополя. Онѣ встрѣтили прибывшихъ на «Королеву Ольгу» своихъ знакомыхъ и скоро вновь отбыли на берегъ.

Лавируя вправо и влево, пароходъ медленно проходилъ по изгибамъ Босфора, давалъ тяжелые зычные гудки въ предупрежденіе встрѣчнымъ судамъ, а черезъ полчаса выплыла навстрѣчу намъ панорама покоившагося на холмахъ во всемъ своемъ величьи—Константинополя.

Аія-Софія съ поврежденнымъ бурей минаретомъ.

II.

Турецкія «злобы дня».

Константинополь мы застали въ печальномъ видѣ; тамъ случилась бѣда: страшный циклонъ, пронесшійся отъ запада, произвелъ опустошеніе во всей турецкой столицѣ. Окна въ домахъ были побиты, жидкія постройки были разрушены, нѣкоторые дома покривились... Въ Царьградѣ масса жиденскихъ построекъ, не выдерживающихъ хорошаго напора вѣтра. Бѣдняки живутъ въ картонныхъ домахъ, въ лачугахъ, сколоченныхъ изъ досокъ отъ керосиновыхъ ящиковъ. На святой Софіи снесло бурей вершину одного минарета.

— Мы видѣли какое-то свѣтопреставленіе,—говорили мнѣ очевидцы происшествія. — Среди бѣлаго дня вдругъ стало темно, падалъ крупный градъ, величиною съ голубиное яйцо. На другой день находили градины еще нерастаявшими на базарахъ въ корзинахъ, въ провизіи.

Пострадавшихъ насчитывалась масса, были и убитые. Съ одного парохода компаніи Шеркетъ, шедшаго по Босфору, сбросило въ воду бывшихъ на палубѣ пассажировъ, но этотъ фактъ держался въ секретѣ: Шеркетъ—придворное пароходство, и лишникъ разговоровъ о немъ здѣсь избѣгаютъ. Русскій пароходъ, стоявшій на рейдѣ Босфора, сорвало съ бочки, разорвало якорную цѣпь, но пароходъ не пострадалъ. Погибло зато много парусныхъ судовъ.

Русское имя такъ недавно еще было очень популярно на берегахъ Босфора. Мечтательные турки въ своихъ повѣрьяхъ, передававшихся среди народа, даже предсказывали день, когда придетъ «Московъ» и завладѣетъ Царьградомъ. Японская война, однако, повредила намъ во мнѣніи турокъ. На ближнемъ Востокѣ уже разочарованы въ нашей силѣ.

— Торговля съ Россіей упала,—говорилъ мнѣ знакомый царьградскій коммерсантъ, ведущій экспортныя дѣла съ Россіей,—и война и громадныя русскія пошлины губятъ дѣло. Пошлины повышены еще съ прошлаго года. Вывозъ въ Россію остановился, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшился и русскій ввозъ въ Турцію. Русскій хлѣбъ теперь обходится страшно дорого: 95 коп. пудъ, а нужно 70 коп., чтобы онъ могъ конкурировать съ иностраннымъ. Кромѣ хлѣба, шли сюда русскій спиртъ, мука изъ одесскаго и приднѣпровскаго района, и этотъ ввозъ упалъ. Тутъ имѣло значеніе то, что наша поставщица—южная Россія, пострадала отъ прошлогодняго неурожая.

На нашемъ пароходѣ были привезены въ Константинополь 27.000 пудовъ всѣхъ товаровъ: муки, спирта, сахару и ничтожное

количество мануфактуры. Мануфактура австрийская и германская забываетъ русскую въ Царьградѣ.

Русская жизнь въ Константинополь (а здѣсь все-таки существуетъ небольшая русская колонія) съежилась и притихла. Общая бѣда Россіи—тяжелая война, чувствовалась здѣсь сильно. Всѣ отвернулись отъ насъ; въ каждомъ разговорѣ съ туземцемъ русскій человѣкъ чувствовалъ жалость, а то и пренебреженіе къ себѣ, отпускаясь по нашему адресу и колючія шпильки. А что мы могли отвѣтить?

Недавно еще въ Россіи думали, что Константинополь долженъ достаться намъ путемъ военной побѣды. Но время дѣлаетъ свое, и ближній Востокъ уже разобранъ по частямъ иностранцами, одерживающими побѣды безъ войны на почвѣ коммерческихъ соглашеній съ Турціей. Въ Малой Азіи зрѣетъ и расцвѣтаетъ громадное германское предпріятіе анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ Константинополь разрослась богатѣйшая французская затѣя—аренда набережныхъ Галаты. Галата—торговая часть Константинополя—теперь почти вся вплоть до Новаго моста (черезъ Золотой Рогъ) принадлежитъ французамъ. Русскія пароходства не имѣютъ своего постоянного мѣста у французскихъ набережныхъ и довольствуются стоянками на рейдѣ Босфора.

Я заговорилъ объ этомъ съ капитаномъ парохода, моимъ старымъ знакомымъ, И. Ф. Индіевымъ, съ которымъ еще двадцать лѣтъ назадъ мы плавали по разнымъ портамъ Турціи и Анатолиіи и были свидѣтелями много, чѣмъ теперь, отношенія Турціи къ Россіи. Онъ находилъ, что и нынѣшнее безпріютное положеніе не составляетъ большой бѣды для насъ.

— Намъ не особенно нужна Галата,—говорилъ онъ,—главные грузы мы привозимъ для Стамбула...

Мы подошли къ борту парохода и смотрѣли на Стамбулъ, откуда тянулась береговая вѣтвь желѣзной дороги на Вѣну и Салоники.

И. Ф. Индіевъ добавилъ:

— Теперешняя работа на рейдѣ тоже имѣетъ свои удобства, можно грузить одновременно на обѣ стороны, а у галатскихъ набережныхъ мы этого дѣлать не можемъ.

Русское общество пароходства и торговли имѣетъ свое агентство въ Галатѣ; оно очень дорого обходится обществу. При адмиралѣ Чихачевѣ турки предлагали обществу приобрести это агентство въ собственность за 40 тысячъ рублей, но бережливый адмиралъ нашелъ, что это дорого. Общество съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ уплатило стоимость покупки агентства наемной платой. Кромѣ галатскаго агентства, компанія содержитъ еще маленькое агентство въ Стамбулѣ.

Вопросъ созданія русскаго коммерческаго угла—въ Галатѣ или въ Стамбулѣ—есть вопросъ прочнаго положенія русской морской торговли на берегахъ Босфора, и этотъ вопросъ теперь на очереди...

III.

Уголокъ Россіи.

Въ пестрой международной обстановкѣ хорошо знакомыхъ мнѣ Турціи, Греціи, Египта много есть блестящихъ и доходныхъ иностранныхъ затѣй, но, къ сожалѣнію, на всемъ ближнемъ Востокѣ, съ которымъ еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ мы завели постоянныя морскія сношенія, слишкомъ мало дѣлъ, которыя бы носили слѣды русской предприимчивости. Колоніальная политика намъ не свойственна, а русско-японская война показала, до какой степени мы безпомощны, благодаря этому. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ и неисправимы.

Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ теплымъ чувствомъ я вхожу всегда въ константинопольскую русскую больницу — дѣтище выдающейся предприимчивости русскаго дипломата, гр. Н. П. Игнатъева. Въ предѣлахъ этой благоустроенной больницы каждый русскій, котораго занесла судьба въ Константинополь, чувствуетъ себя, какъ дома. Больница стоитъ на собственной землѣ, и въ предѣлахъ этой территории русскіе люди — полные хозяева. Въ больницу принимаются обыкновенно русскіе богомольцы, слѣдующіе въ Іерусалимъ или обратно изъ Іерусалима въ Россію, русскіе чернорабочіе, русскіе матросы со станціонеровъ и съ коммерческихъ пароходовъ и члены русской колоніи Царьграда, для которыхъ есть особыя привилегированныя помѣщенія. Больница оказываетъ также радушный приѣмъ и бесплатное лѣченіе славянамъ: болгарамъ, черногорцамъ и проч. Въ изящной больничной церкви каждое воскресенье бываютъ службы; на Пасху служится торжественная заутреня, на которую собирается весь русскій людъ, закинутый судьбою въ Константинополь. Этимъ маленькимъ уголкомъ Россіи завѣдуетъ старшій врачъ больницы В. П. Щепотъевъ, замѣчательно преданный идеѣ русскаго дѣла на Босфорѣ. При моемъ посѣщеніи русская церковь по случаю Троицына дня вся еще была усыпана зеленью и имѣла нарядный привѣтливый видъ.

— Мы тоже праздновали Троицынъ день, — сказалъ мнѣ В. П. Щепотъевъ, — но у насъ здѣсь нѣтъ русскихъ березокъ, хотя есть пальмы, розы, магноліи.

Въ саду, окружающемъ церковь, высятся каштаны, красивыя глициніи, идутъ рядами зеленыя туи, кусты розъ, молодые дубки, въ тѣни сада стоитъ чудная бесѣдка, вся закрытая зеленью отъ палящихъ лучей солнца.

Послѣ графа Игнатъева этотъ чудный русскій уголокъ остановился въ своемъ развитіи.

— Мы хотѣли было прикупить для больницы сосѣдній участокъ, — рассказывали мнѣ здѣсь, — но намъ сказали — «нельзя», и дѣло оста-

новилось. Мы приобрѣли было на Принцевыхъ островахъ прекрасное дачное мѣсто съ морскимъ купаньемъ; тамъ можно бы устроить лѣтнее отдѣленіе больницы для выздоравливающихъ, нуждающихся въ морскихъ купаньяхъ. Когда мы обратились за разрѣшеніемъ въ русское посольство, намъ тоже отвѣтили — «нельзя», и предложили отложить дѣло въ долгій ящикъ. Прекрасное дачное мѣсто теперь заброшено. Нашимъ дѣломъ никто не интересуется, всѣ начинанія намъ тормозятъ.

Я посѣтилъ священника больничной церкви, о. Іоаннъ Говядовскаго, кievлянина, который раньше былъ псаломщикомъ русской церкви въ Вѣнѣ. Онъ живетъ въ больничномъ саду, въ отдѣльномъ домѣ, обрамленномъ зеленью каштановъ и глициній. Отца Говядовскаго я засталъ наканунѣ отъѣзда въ Россію, гдѣ онъ собирался провести лѣтній отпускъ.

— Тутъ скоро начнутся ужасныя жары, — замѣтилъ онъ и жадно спрашивалъ меня о Россіи, о войнѣ, о вѣяніяхъ мира, о земскомъ сборѣ.

— Куда вы теперь ѣдете? — спросилъ онъ меня, когда я рассказалъ ему все, что его интересовало.

— Я ѣду въ Грецію, — отвѣтилъ я, — потомъ на Критъ, съ Крита отправлюсь въ Италію, черезъ Вѣну въ Славянскія земли и въ Россію.

— Въ Вѣнѣ вы застанете новое русское дѣло, — сказалъ священникъ, — тамъ образовался новый кружокъ любителей русскаго языка, устраиваются бесѣды, лекціи. Кружокъ устроенъ при славянской «Буковинѣ». Главные дѣятели кружка докторъ Вергунъ и докторъ Щавинскій, знатоки славянскаго дѣла, съ ними вы, конечно, повидаетесь. Въ Константинополѣ, — продолжалъ священникъ, — тоже дѣлаетъ успѣхи одно русское дѣло. Здѣсь открыта такъ называемая Аѳонская школа, содержащая аѳонскими келіотами. Я тамъ состою преподавателемъ. Школа имѣетъ уже 16 человекъ учениковъ, главнымъ образомъ, русскихъ, а также славянъ. Дѣло это скоро окрѣпнетъ. Предполагается построить особое зданіе для школы на собственномъ участкѣ земли.

Мы тепло распрощались со священникомъ и пожелали другъ другу счастливаго пути.

IV.

Въ турецкихъ водахъ.

Турція теперь сильно измѣнилась. Отъ старой патріархальной Турціи и слѣдовъ не осталось. Дипломатическіе тиски Европы сдѣлали изъ нея хитраго и изворотливаго политика, который съ улыбкой обращается въ ту сторону, откуда ему сыплются деньги за аренд-

ныя ли статьи, за желѣзнодорожныя ли концессіи, но деньги и деньги,—это главная «злота дня» періодически оскудѣвающей турецкой кассы. На насъ, русскихъ, косятся, потому что видятъ нашу непредпріимчивость, и отъ насъ теперь, конечно, плохая польза. Иностранцы очень хорошо поняли, какъ надо воздѣйствовать на Турцію... Какая тамъ война!.. Что угодно она продастъ и заложитъ, и всю Турцію можно забрать по частямъ въ свои руки, если при нѣкоторомъ дипломатическомъ натискѣ показать въ пріятной перспективѣ заманчивыя суммы... А мы, русскіе, въ своемъ простодушіи, прозѣвали даже самый завидный уголокъ около Босфора, который такъ и просился въ наши руки, и по самой дешевой цѣнѣ. Не прозѣвай, мы бы имѣли теперь цѣлое угольное предпріятіе на Босфорѣ и свой маленькій портъ въ турецкихъ водахъ.

Въ Турціи въ настоящее время сильнѣе всего германское вліяніе, германскій посолъ—первый совѣтникъ султана Абдуль-Гамида, затѣмъ важную роль играютъ Англія и Франція, русское вліяніе ослабло, но еще слабѣе положеніе Італіи. Это распредѣленіе вліяній чувствуется во всемъ и, всеконечно, и въ торговлѣ.

— Намъ въ этотъ разъ ничего не дадутъ,—сообщилъ мнѣ капитанъ парохода въ день нашего отплытія изъ Константинополя.— Все грузы забираетъ арабское пароходство—главный конкурентъ нашъ на восточныхъ линіяхъ, а насъ обходятъ.

Во время нашей стоянки на Константинопольскомъ рейдѣ по утрамъ было сыро, туманно. Тяжелыя облака ползли по небу, при закатѣ солнца они грузной массой висѣли надъ горизонтомъ. Послѣ пронесшагося урагана природа еще не вошла въ норму.

Послѣ двухъ сутокъ стоянки, мы выходили въ Мраморное море. Справа на уступѣ берега показался ветхій древній дворецъ царя Константина, надъ нимъ высились главы св. Софіи съ поврежденнымъ бурей минаретомъ, внизу, у воды, тянулась древняя византійская стѣна. Это—мысъ и маякъ Сарай-Бурну. Тутъ торчитъ въ водѣ разбившійся англійскій пароходъ, онъ глубоко погружился; бурями уже сбilo съ него трубу. Съ высоты другого берега смотрятъ турецкія казармы, красивое зданіе турецкаго госпиталя съ башенками, виденъ вдали германскій портъ Хайдаръ-паша съ высокимъ стройнымъ молотомъ. Мелькаютъ, какъ бы въ туманѣ, очертанія горъ на Принцевыхъ островахъ.

На пароходѣ появились новыя лица: тщательно вуальированныя турецкія дамы. На бакѣ собрались странные люди въ халатахъ. Это оказались бедуны, ѣдущіе въ Египетъ. Одинъ изъ бедуиновъ собралъ вокругъ себя толпу праздныхъ пассажировъ. Онъ исполняетъ пляску живота, обыкновенно исполняемую женщинами.

Вплоть до Санъ-Стефано тянутся по европейскому берегу дымящія трубы. Это—желѣзнодорожныя мастерскія Стамбула и паровыя мель-

ницы. Фабрикъ въ Константинополѣ, какъ извѣстно, нѣтъ, кромѣ единственной фабрики фесокъ, но мастерскія желѣзныхъ дорогъ работаютъ во-всю. Вотъ показался высокій шпиць Санъ-Стефанской церкви—усыпальницы надъ могилами русскихъ воиновъ 1877—1878 годовъ.

Непривѣтливо встрѣтило насъ Мраморное море. Кругомъ было сумрачно, уныло, закрылся даже малый просвѣтъ голубого неба. Впереди стояла грозная черная полоса ливня, въ который мы постепенно входили.

— Тутъ иногда такая реветъ погода... не дай Богъ,—разсказываютъ мнѣ моряки на пароходѣ.—Въ Дарданеллахъ мы всегда должны сдавать таможеннѣ турецкій фирманъ. Но прошлый разъ ничего имъ не дали, такъ съ фирманомъ и ушли въ море. Турецкіе катера не выходили, таможенныя власти сидѣли дома, не смѣя показать носа въ море... Такой былъ штормъ.

Но море капризно... Оно точно подделушало насъ. Скоро появились робкіе просвѣты въ небѣ, въ мелкой ряби моря заиграли свѣтлыя полосы. Проглядывало солнце.

Начались и красивые виды...

Въ 3 часа дня показался островъ Мармора, извѣстный мраморными ломками. Длинные горбы горъ долго провожали насъ. Между этими горбами виденъ крохотный островокъ съ маякомъ «Мармора». На одноименномъ съ нимъ большомъ островѣ семь деревень, большіе рыбные промыслы (ловы кулэ), широко развитая сельско-хозяйственная культура и виноградарство. Противъ Мармору на европейскомъ берегу лежитъ городъ Родосто.

Сколько разъ переплывалъ я эти воды и сколько разъ любовался этими картинами! Но не съ веселымъ чувствомъ путешествуешь нынѣ по Востоку. Всѣ мысли въ отечествѣ, въ каждомъ постороннемъ взглядѣ, въ каждомъ намекѣ чувствуешь политику, печальные отголоски войны, и это отравляетъ прелесть путешествія.

Къ вечеру конецъ Мраморному морю... На возвышенномъ европейскомъ берегу показался городъ Галиполи съ мечетями, минаретами, красивымъ и большимъ маякомъ, а съ другой стороны поселокъ Лампсакосъ, одно изъ древнихъ греческихъ поселеній. Лампсакосъ хранитъ тысячелѣтнія преданія.

Мы входимъ въ Дарданеллы поздно вечеромъ. Навстрѣчу намъ показываются турецкіе катера. Тутъ по обѣимъ сторонамъ лежатъ поселки (Чанакъ-кале), извѣстные выдѣлкой глиняной посуды. Но южная почъ черна, и кругомъ ничего не видно.

V.

Корабельный бытъ.

Когда вы находитесь въ продолжительномъ плаваніи, вы поневолѣ сродняетесь съ окружающей обстановкой корабля и сами становитесь въ нѣкоторой мѣрѣ морякомъ. Эта правильная, размѣренная судовая жизнь имѣетъ прелесть созерцательнаго покоя. Нѣтъ ничего несноснѣе суетливаго пассажира, эгоиста въ душѣ, интересующагося, по Бедекеру, только тѣмъ, что ему назначено въ путеводителѣ. Таковы англичане и американцы, сухіе, черствые туристы, всѣмъ чуждые на кораблѣ. Мало удовольствія быть въ обществѣ такихъ живыхъ манекеновъ. Въ обществѣ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ путешественниковъ куда легче, такъ какъ ни русскіе, ни нѣмцы, ни французы не заражены английской сухостью и педантизмомъ. Вѣдь вокругъ васъ живая стихія, около васъ своеобразная жизнь корабля. Море устанавливаетъ свой режимъ, свои распорядки. Оно не справляется ни съ какими расписаніями, не хочетъ знать Бедкеровъ. Своенравная стихія властна и капризна. Задумчивая нѣга морского штиля, грозныя картины шторма въ открытомъ морѣ, непредвидѣнныя морскія случайности всегда соединяютъ тѣсный кружокъ моряковъ и путешественниковъ-пассажировъ въ одну тѣсную человѣческую семью. Въ морѣ ощущается власть высшаго, сильнаго начала, люди становятся воспримчивѣе къ чистымъ мыслямъ... Въ крутыя, тяжелыя минуты невольно думается о Божьемъ покровительствѣ, въ которое вѣрятъ моряки всѣхъ странъ и народовъ. Корабельный бытъ отрываетъ берегового человѣка отъ мелкихъ дрязгъ жизни, смягчаетъ всякую эгоистическую душу. Тѣсная группа людей, затерянныхъ въ безбрежномъ морѣ, перестаетъ быть стаей волковъ и человѣконенавистниковъ, всѣ привѣтливѣе смотрятъ другъ на друга, понимая, что тутъ, на кораблѣ, всѣ отъ перваго до послѣдняго человѣка соединены общей участью.

Когда общество путешественниковъ сжилось за время плаванія и привыкло другъ къ другу, оно не скучаетъ: всѣ мило проводятъ часы досуговъ, находятъ интересныя темы для разговоровъ и при подходящихъ условіяхъ устраиваютъ прекрасныя развлечения. На нашемъ пароходѣ было много молодежи, молодыхъ моряковъ и инженеровъ-практикантовъ, питомцевъ только что учрежденнаго въ Петербургѣ Политехническаго института. Былъ цѣлый цвѣтникъ барышень. Инженеры-практиканты изучаютъ во время плаванія устройство корабля, всѣ тонкости машины, на берегу на судостроительныхъ заводахъ они проходятъ практику постройки судовъ. Но на этотъ разъ будущіе судостроители больше всего ухаживали за барышнями. Юное веселье било ключомъ, слышался смѣхъ

молодежи, сыпались шутки, устраивались игры. Въ попутныхъ портахъ пассажиры сообща устраивали оживленные экскурсіи на берегъ. Въ группѣ барышень выдѣлялась юная хорошенькая дочь капитана, только-что выпорхнувшая изъ стѣвъ Одесскаго института.

— Каждое лѣто папа беретъ меня въ плаваніе,— говорила она.— Я такъ люблю море!

Въ Константинополь сѣла на пароходъ подруга барышни, молодая гречанка, мило пѣвшая французскіе романсы. Во время стоянки на рейдѣ Босфора въ музыкальномъ салонѣ I-го класса у насъ были устроены концерты, въ которыхъ принимали участіе и старики, и молодые. Пѣлись романсы и дуэты подъ аккомпанементъ докторши, жены моего собесѣдника-грека. Бѣжавшій съ нами пароходный контролеръ декламировалъ французскіе комическіе куплеты и исполнялъ сердцещипательные армянскіе романсы. Только въ 11 часовъ вечера, когда гасли электрическія лампочки, веселая компанія расходилась по каютамъ.

VI.

Столица Малой Азіи.

Чудное и въ этотъ разъ очень жаркое солнечное утро нѣжилось и сіяло при приближеніи нашего парохода къ берегамъ Смирны. Громадная смирнская бухта обставлена длинною цѣпью зеленыхъ горъ. Въ этой бухтѣ могли бы помѣститься флоты всего міра. У подножія горъ приютились прибрежные дачные поселки, справа показались форты и пушки, въ глубинѣ залива выглянула уже сама Смирна, и прикрывающая ее большая гора Пагосъ.

Обычная процедура остановки парохода на рейдѣ. Въ нѣсколько минутъ пароходъ окруженъ безчисленными кайками-лодками, лодчички спѣшатъ взойти на пароходъ, цѣпляются за снасти, иные падаютъ въ воду и послѣ принятія прохладной ванны невозмутимо вскарабкиваются наверхъ. Вотъ отдавъ якорь, и у насъ на палубѣ цѣлая группа смирнскихъ гостей: носильщиковъ, комиссіонеровъ отелей, гидовъ-переводчиковъ и продавцовъ бездѣлушекъ, фотографій и открытыхъ писемъ. Вамъ наперерывъ всѣ предлагаютъ свои услуги:

— Monsieur, Hôtel de la ville!.. Monsieur, cartes postales!.. Monsieur, хочешь имѣть русски гидъ?.. Два франка съ персоны.. и т. д.

Смирну я знаю давно. Когда-то на пути изъ Палестины въ Россію я осматривалъ ея древніе греческіе храмы, бродилъ по ея базарамъ и узкимъ восточнымъ улицамъ. За послѣднее время Смирна сильно измѣнилась. Проведеніе въ Малой Азіи англійской и французской желѣзныхъ дорогъ подняло торговлю Смирны. Ея морской экспортъ возросъ на 40%. Смирна ведетъ торговлю и

съ Россіей, но нашу торговлю и тутъ подорвала таможенная политика.

— Какая можетъ быть теперь торговля съ Россіей?—говорилъ мнѣ русскій коммерческій представитель въ Смирнѣ Г. П. Беллери. — Русскія пошлины на продукты Анатолиі возросли чуть не на 400⁰/₀. Смирна стала очень мало отправлять въ Россію и мало выписываетъ изъ Россіи.

Торговля Смирны міровала. Отсюда идутъ въ Европу сушеные фрукты, инжиръ, массы валонэ (жолуди) для дубленія кожъ. Экспортъ Смирны процвѣтаетъ. Смирнскій инжиръ въ изобилии поѣдается англичанами. Первая роль въ Смирнѣ, да и во всей Анатолиі, теперь принадлежитъ германцамъ, выстроившимъ Багдадскую желѣзную дорогу. Для русской торговли условія усложнились. И здѣсь отвернулись отъ насъ изъ-за Японіи.

Я переправлялся въ лодкѣ на берегъ. Сѣверный вѣтеръ разводилъ въ бухтѣ сильную зыбь. Лодка ныряла и качалась; проводникъ говоритъ мнѣ:

— Этотъ вѣтеръ — благодѣтель Смирны. Онъ дуетъ въ жаркіе дни съ утра до 6-ти часовъ вечера и уноситъ міазмы.

Въ Смирнѣ—благоустроенный портъ, но очень тѣсный, благодаря чему большіе пароходы остаются внѣ порта, на рейдѣ. Здѣсь красивыя набережныя, принадлежащія той же французской компаніи, которая эксплуатируетъ набережныя Константинополя. Въ Смирнѣ теперь 350.000 жителей, главнымъ образомъ грековъ, много евреевъ, армянъ. Туркамъ принадлежитъ второе мѣсто послѣ грековъ.

— А много ли здѣсь европейцевъ?—спрашиваю я проводника.

— Европейская колонія не очень велика, есть немного русскихъ, человѣкъ 250, главнымъ образомъ служащихъ въ агентствѣ Русскаго общества пароходства и торговли, въ консульствѣ и проч.

Мнѣ сопутствовалъ въ экскурсіи въ Смирну одинъ русскій врачъ изъ Херсонской губерніи, ѣхавшій въ Грецію, Италію, Францію и Англию. Мы осмотрѣли въ Смирнѣ памятникъ византійской старины—мѣстный соборъ св. Фотиніи, самый старый въ городѣ. Этому собору 180 лѣтъ. Онъ не великъ, но въ немъ замѣчательно изящный стильный иконостасъ, чрезвычайная гармонія всѣхъ частей и украшеній. Соборъ св. Фотиніи строился въ тревожныя для грековъ времена. Работа шла только по ночамъ, и говорятъ, въ теченіе сорока ночей соборъ былъ выстроенъ до конца.

На ряду съ соборомъ интересенъ въ Смирнѣ греческій госпиталь св. Харлампія, которому тоже 180 лѣтъ. Несмотря на свои почтенные годы, этотъ госпиталь и теперь образцовый. Европейскіе врачи, посѣщая Смирну, всегда осматриваютъ его. Передъ вами цѣлый городокъ, раскинутый среди цвѣтущихъ садовъ; палаты и галереи больницы утопаютъ въ зелени шелковицы и кипарисовъ, свѣтлые коридоры идутъ вокругъ всего больничнаго зданія; въ

этихъ коридорахъ цѣлый день проводятъ больные. Директоръ госпиталю, грекъ г. Михаилъ Исаїя, любезно показывалъ намъ все.

— Вотъ что у насъ недурно устроено, — сказалъ онъ и отворилъ передъ нами дверь въ операционную, обставленную новѣйшими приспособленіями.

Мы видѣли обширныя палаты мужского и женскаго отдѣленій, изоляціонныя камеры, глазное и гинекологическое отдѣленія и отдѣльный корпусъ лѣчебницы для душевно-больныхъ съ тѣнистымъ садомъ. Внутренній дворъ больницы щеголялъ растительностью и имѣлъ нарядный видъ. При больницѣ оказалась своя церковь.

— Больница содержится на городской счетъ, — рассказывалъ мнѣ г. Исаїя, — она можетъ вмѣстить во всѣхъ своихъ отдѣленіяхъ до

Въ Смирнѣ у Караваннаго моста.

360 больныхъ. Въ этой же больницѣ находятъ себѣ пріютъ и русскіе, если болѣзнь застаеъ ихъ въ Смирнѣ или на пути на родину.

Передъ тѣмъ, какъ мы покинули больницу, г. Исаїя пригласилъ насъ къ себѣ въ кабинетъ и, по обычаю Востока, угостилъ насъ чудеснымъ турецкимъ кофе.

Чудные кипарисы стоятъ по дорогѣ къ Караванному мосту. Это—историческій мостъ Смирны. До постройки желѣзныхъ дорогъ черезъ него проходила вся торговля Смирны съ внутренней Анатоліей. По мосту двигались безчисленные караваны нагруженныхъ товарами верблюдовъ.

Мы ѣхали къ Караванному мосту мимо восточныхъ лавокъ, заполняющихъ грязноватыя улицы. И теперь вамъ попадаются здѣсь вереницы навьюченныхъ тяжестями верблюдовъ. Они привязаны одинъ къ другому и гордо и свободно несутъ свои головы, не обращая вниманія на веревки. За верблюдами двигаются трусящіе

ослики съ кладью, сопровождаемые погонщиками. Громадные кипарисы выростають около насъ въ цѣлыя стѣны живой изгороди. Мы ѣдемъ, ѣдемъ, но моста все не видно.

— Да гдѣ же онъ?—спрашиваю я проводника.

— А вотъ, смотрите,—говоритъ онъ.

Караванный мостъ, ветхій и небольшой, перекинутъ черезъ ручеекъ Мелесъ, на берегахъ котораго, по мѣстному преданію, родился Гомеръ. Это оспаривается, но Смирна честь рожденія Гомера хочетъ удержать за собою. Ручеекъ жалкій, въ лѣтнюю пору онъ совсѣмъ пересыхаетъ. Дальше стоитъ станція англійской желѣзной дороги съ рядами нагруженныхъ вагоновъ. Новѣйшая цивилизація столкнулась тутъ съ азіатскою патріархальностью. Англійскіе рельсы и вагоны какъ-то противорѣчатъ картинѣ старой грязноватой Смирны... Но Смирна, да и вся Анатолія стоятъ теперь на рубежѣ великихъ перемѣнъ, возвѣщенныхъ побѣдоноснымъ нашествіемъ сюда европейцевъ.

Знаменитый невольничій рынокъ Смирны, гдѣ продавали рабынь и покупали женъ, уцѣлѣлъ до сихъ поръ. Я видѣлъ его. Онъ находится въ другомъ концѣ города. На непрезентабельной торговой площади стоитъ круглая бесѣдка. Крыша ея покоится на столбахъ, къ этимъ столбамъ когда-то привязывались рабыни.

— Здѣсь,—поясняетъ нашъ гидъ,—происходилъ торгъ. Невольницъ покупали за 200—300 рублей на русскія деньги. Женщины цѣнились по красотѣ и способностямъ. За красавицъ и хорошихъ работницъ платили щедро. Но каждый разъ, какъ женщина была продана, ей проводилась несмываемая черта, рѣзецъ на лицѣ. У красивыхъ невольницъ бывало по три, по четыре такихъ черты, но когда больше, то ихъ уже не покупали. Теперь,—прибавилъ гидъ,—мало красивыхъ женщинъ въ Смирнѣ, всѣхъ повывезли въ Европу, позабирали въ Константинополь, а остались больше уроды... онѣ карьеры не сдѣлають, а потому и сидятъ дома.

Мой проводникъ-грекъ давно живетъ въ Смирнѣ, онъ хорошо узналъ городъ и свободно объясняется по-русски. Въ Смирнѣ русскій языкъ вообще популяренъ, есть много проводниковъ и торговцевъ, совсѣмъ недурно говорящихъ по-русски. Это—отголоски прежнихъ сношеній Смирны съ Россіей. Въ Смирнѣ очень въ ходу русскія деньги. Я размѣнялъ тамъ русскій золотой на русскіе рубли и серебро, меня даже не обсчитали, чтò въ обычаѣ на Востокѣ, и вездѣ охотно принимались русскія деньги.

По дорогѣ отъ Караваннаго моста мы посѣтили мѣстную кофейню, гдѣ пили чудный лимонадъ изъ свѣжихъ лимоновъ, угощались мороженымъ, пробовали крѣпкое и терпкое мѣстное красное вино и чудное бѣлое—греческое сантуринское.

— А вотъ конакъ—дворецъ смирнскаго вали, или, по-европейски генераль-губернатора, указалъ намъ проводникъ на невзрачное

зданіе казарменнаго типа. Мы любовались въ это время не на дворецъ, а на красующійся передъ нимъ на набережной памятникъ-колонну въ честь благополучнаго 25-ти-лѣтняго царствованія султана Абдуль-Гамида.

VII.

Къ берегамъ Греціи.

День прошелъ незамѣтно. Съ заходомъ солнца вѣтеръ утихъ, на морѣ продолжалась только лѣнивая мертвая зыбь.

Мы вышли изъ Смирнскаго залива и шли историческимъ Архипелагомъ. Ночь. Плыдемъ на западъ къ берегамъ Греціи. Волны

Типъ смирской турчанки.

мягко шумятъ и плавно поднимаютъ на своихъ гребняхъ ярко освѣщенный нашъ пароходъ. Кажется, послѣ дневнаго зноя, въ темнотѣ и море дышитъ полной грудью. Я сижу на палубѣ и бесѣдую съ докторомъ-грекомъ о его родинѣ и о мятежномъ Критѣ. Докторъ, сверхъ ожиданія, весьма объективенъ и, говоря о грекахъ, добродушно подсмѣивается надъ недостатками своей націи.

— Самые лучшіе греки, — говоритъ онъ, — не въ Греціи, а знаете, гдѣ? — за границей, въ чужихъ краяхъ. Тамъ они спокойно работаютъ, такъ какъ стоятъ вдали отъ греческой политики. А у насъ внутри Греціи народъ горячій и безтолковый. Всѣ кипятятся, спо-

рять, враждуютъ или предаются азартнымъ играмъ. Эти игры—страсть грековъ. Аѳины полны игроковъ и игорныхъ притоновъ. Или игра или политика — вотъ жизнь грека. Во всемъ у насъ азартъ, и въ политикѣ—согласія никакого, вѣчная борьба, часто совершенно бессмысленная. Гдѣ три грека — тамъ три партіи, ни въ чемъ другъ съ другомъ не согласны. Парламентъ нашъ крикливый, воинственный, тамъ вѣчные раздоры.

— Но въ критскомъ вопросѣ греки, кажется, сошлись,—говорю я:—все желаютъ присоединенія Крита къ Греціи.

— Да, это—единственный вопросъ, въ которомъ мы единомышленны,—замѣтилъ докторъ.—Да и не можетъ быть иначе. Вѣдь Критъ—это неотторжимая часть Греціи, на Критѣ бѣлая часть населенія — греки, турокъ осталось мало, а греки-критяне—лучшая часть греческаго народа. Критяне—люди цѣльные, здоровые, неразвращенные, какъ аѳинскіе греки. Этотъ народъ—надежда Греціи, и какъ же ей отказываться отъ своихъ лучшихъ сыновъ, отъ своего лучшаго достоянія? Слава Богу, что критяне домогаются соединенія съ Греціей. Они имѣли бы полное основаніе отвернуться отъ насъ, потому что они гораздо лучше насъ.

Въ словахъ доктора, какъ я убѣдился потомъ, было много правды. Я съ удовольствіемъ слушалъ его...

Близилась полночь. По небу разсыпались яркія, веселыя звѣзды. Съ сѣвера глядѣла на меня Большая Медвѣдица, переносившая мои мысли въ Россію. Мнѣ казалось, что это созвѣздіе, сіяя теперь тамъ, надъ родными мѣстами, передаетъ мнѣ привѣтъ съ родины. У бортовъ парохода неумолчно шумѣла крупная зыбь. Плавная качка дѣйствовала усыпительно...

VIII.

Греческія бури.

Въ Грецію я пріѣхалъ въ тревожное время острой политической борьбы и полного разгара страстей. Злодѣйское убійство министра-президента Деліаниса, только что совершившееся, было еще у всѣхъ на устахъ. Искали виновныхъ и не находили ихъ. Наемный убійца былъ захваченъ, но чѣмъ онъ былъ орудіемъ? Говорили, что это отмстили Деліанису почтово-телеграфные чиновники, которымъ убитый министр-президентъ жестоко сбавилъ содержаніе (на 30 процентовъ). Они устроили забастовку и будто бы поклялись отомстить своему разорителю. Обездоленные чиновники, однако, пожелали снять съ себя подозрѣніе въ убійствѣ и черезъ два дня прекратили стачку. Другая версія гласила, что Деліанисъ палъ жертвой мести со стороны содержателя игорнаго дома, какъ я упоминалъ объ этомъ выше. Убійца министра-президента, Гера-

корисъ, былъ швейцаромъ закрытаго правительствомъ игорнаго дома. Его хозяинъ и онъ, потерявъ заработки, сильно нуждались. Прибавляли, что убійца имѣлъ и личные поводы мстить Деліанису, который когда-то давно лишилъ его службы и преслѣдовалъ его родственниковъ. Много было разныхъ толковъ, и всѣ они близко походили на правду, потому что около министровъ Греціи всегда масса мелкоты, преслѣдующей свои виды и имѣющей свои счеты съ министрами и депутатами. Деліанисъ былъ убитъ на лѣстницѣ парламента на глазахъ своихъ многочисленныхъ почитателей, сторонниковъ и приверженцевъ, которые по патріархальному греческому обычаю при встрѣчѣ съ нимъ цѣловали у него руку.

Я уже замѣтилъ, что Деліанисъ былъ заклятый врагъ Россіи, которую онъ ненавидѣлъ, и убѣжденный приверженецъ Германіи. Онъ уже не первый разъ въ жизни занималъ постъ министра-

Главный портъ Греціи — Пирей.

президента. Послѣ продолжительнаго пребыванія на покоѣ вдали отъ дѣлъ, избирательная агитація года два назадъ вновь вынесла его къ кормилу правленія. Греція переживаетъ въ послѣдніе годы острый финансовый кризисъ, ея расходы превзошли всякія нормы, и главной заботой Деліаниса было сокращеніе расходовъ, очень неудачно коснувшееся самыхъ обездоленныхъ въ свѣтѣ людей—почтово-телеграфныхъ служащихъ, которые такіе же пасынки фортуны въ Греціи, какъ и въ Россіи.

Греція устроила своему патріарху-президенту пышныя всенародныя похороны. Король съ сыновьями шелъ за гробомъ Деліаниса. Всѣ сановники, консулы и тысячи народа сопровождали процессію. Греческая столица облачилась въ полный трауръ.

Но ничто не вѣчно подъ луною, и скоро это похоронное настроеніе Аѳинъ смѣнилось бурной предвыборной агитаціей, проводившей новыхъ кандидатовъ на мѣсто убитаго. Всякіе выборы: министровъ ли, или депутатовъ, происходятъ въ Греціи чрезвычайно шумно, разжигая народныя страсти до блага каленія.

Перемѣна министерства влечетъ за собой въ Греціи великое множество перемѣнъ въ разныхъ отрасляхъ греческаго управленія. Новые кандидаты въ министры спѣшатъ заручиться наибольшимъ числомъ голосовъ, вступають въ компромиссы съ сильными партіями, обѣщаютъ мѣста направо и налево, и когда кандидатъ будетъ выбранъ, онъ обязательно долженъ сдержатъ обѣщанія, такъ какъ иначе ему грозитъ кровавая месть со стороны обману-тыхъ и обойденныхъ. Не удивляйтесь: обычаи въ Греціи жестоки и патриархальны! Старые служащіе, хотя бы и совершенно безупречные, съ перемѣной министерства изгоняются и замѣняются новыми. Въ Греціи нѣтъ несмѣняемыхъ лицъ, нѣтъ, какъ у насъ, чиновниковъ, выслуживающихъ пятидесятилѣтніе сроки. Вчерашній сановникъ Греціи—сегодня билліардный игрокъ или распорядитель

Русскій госпиталь въ Пиреѣ.

игорнаго притона. Тамъ всѣ летятъ со своихъ мѣстъ, когда обстоятельства мѣняются. Оставаясь не у дѣла, неудачники сидятъ въ кофейняхъ и ждутъ погоды, т.-е. новой перемѣны министерства, когда имъ можетъ улыбнуться счастье.

Каждые выборы въ парламентъ сто-ятъ избираемымъ громаднхъ денегъ. Депутаты изъ провинцій расходуютъ десятки тысячъ драхмъ и обѣщаютъ великія благодѣанія своимъ родственникамъ и единомышленникамъ. Агенты, сторонники депутатовъ, печатаютъ и распространяютъ въ народѣ ихъ изображенія и воззванія, нанимаютъ на ассигнованныя деньги извозчиковъ и развозятъ по всѣмъ концамъ Аѳинъ гро-

мадные портреты избираемаго, рекомендуя его вниманію народа. Когда настойчиво проведенный кандидатъ прошелъ въ парламентъ и приобрѣлъ вліяніе, тогда онъ возвращаетъ въ свой карманъ затраченные капиталы, выжимая ихъ изъ населенія своей провинціи.

Я былъ въ греческомъ парламентѣ въ горячія минуты выборной агитаціи. Тамъ жизнь кипитъ, все полно борьбы. Парламентъ не великъ, изящное зданіе съ колоннадой, обнесенное дворомъ, гдѣ пребываетъ аѳинская пожарная команда, рассчитано на 400—500 человекъ. Внутри амфитеатръ депутатскихъ мѣстъ, бюро председателя и лжи иностранныхъ консуловъ. Депутаты являются въ парламентъ запросто: въ пиджакахъ и въ затрапезныхъ домашнихъ костюмахъ. За провинціальными депутатами передъ парламентской сессіей посылаются правительствомъ греческіе пароходы. За время сессіи депутаты получаютъ особое вознагражденіе помимо поло-

женнаго имъ жалованья. Но оклады жалованья вообще не велики въ Греціи, и даже греческій министр-президентъ получаетъ жалованья не больше нашего директора департамента, объ окладахъ въ 18—20 тысячъ въ Греціи понятія не имѣютъ.

Въ аѳинскомъ парламентѣ 235 депутатовъ. Предсѣдательствуетъ выборное лицо или изъ правительственной партіи, или изъ свободомыслящей. Выборъ того или другого предсѣдателя опредѣляетъ направленіе парламента. Министръ-президентъ очень считается съ выборомъ предсѣдателя, и, смотря по тому, къ какой партіи

Настоятель русской церкви въ Аѳинахъ, о. архимандритъ Анатолій.

тотъ принадлежитъ, онъ чувствуетъ себя хорошо или дурно. Тайну устройства своей персоны вполне постигъ покойный президентъ Деліанисъ, располагавшій въ парламентѣ 150 преданными ему головами, т.-е. вѣрнымъ большинствомъ.

При Деліанисѣ, котораго такъ безмѣрно восхваляли греки, плохо приходилось представителямъ греческой придворной партіи и даже самому греческому двору. Деліанисъ съ систематической жестокостью стѣснялъ греческій дворъ въ бюджетѣ, не разрѣшая ему подчасъ и небольшихъ расходовъ. Попортилась ветхая деревянная рѣшетка королевскаго сада, дворъ просилъ замѣнить ее новой чу-

гунной, но Деліанисъ рѣзко отказывалъ, и этимъ онъ завоевывалъ себѣ дешевую популярность у свободомыслящихъ. Онъ вообще гонялся за популярностью и дѣлалъ для этого что угодно.

Благодаря деспотизму парламента, положеніе королевскаго двора въ Аѣинахъ крайне тяжелое. Королева Ольга Константиновна, любящая Россію и русскихъ и зато не любимая греками, обыкновенно надолго уѣзжаетъ изъ Греціи въ Россію, король Георгъ съ наступленіемъ лѣтняго времени отправляется на заграничныя курорты. Въ Аѣинахъ остается наслѣдникъ престола, женатый на германской кронпринцессѣ. Парламентъ дѣлаетъ все, что ему угодно, занимается и дразганъ, и интригами...

Я засталъ парламентъ безъ головы, но у всѣхъ на устахъ были имена кандидатовъ... Больше всѣхъ имѣлъ шансы Ралли, бывшій уже однажды президентомъ и много разъ министромъ, но и самъ Ралли сомнѣвался, удастся ли ему заручиться тѣмъ большинствомъ голосовъ, которымъ обладалъ Деліанисъ. Ралли былъ избранъ, но первое время чувствовалъ себя непрочно и неувѣренно. Назначено было собраніе парламента, въ которомъ должны были опредѣлиться его шансы: удержится ли онъ, или откажется? Со своего балкона я видѣлъ, какъ освѣщенный огнями парламентскій затъ наполнялся народомъ... Всѣ спѣшили туда, какъ на зрѣлище. Дворъ парламента, гдѣ раньше, кромѣ пожарныхъ бочекъ, ничего не было, былъ густо наполненъ пестрой разнообразной публикой. Собралось здѣсь, между прочимъ, множество элегантныхъ дамъ. Ралли одержалъ побѣду: парламентское большинство осталось за нимъ, толпа привѣтствовала его, а затѣмъ и провожала его экипажъ бурными рукоплесканіями.

IX.

Русскій уголокъ въ Пиреѣ.

Я не сказалъ еще ничего объ аѣинскомъ портѣ Пиреѣ, а онъ представляетъ для насъ, русскихъ, большой интересъ.

Было время, и очень еще недавно, когда Греція, обязанная Россіи своей нынѣшней независимостью, была въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нами. Тогда въ гаваняхъ Пирея стоялъ русскій военный флотъ. Мы имѣли здѣсь прекрасную опорную точку на Средиземномъ морѣ.

Времена переменились. Со времени японской войны и внутреннихъ нашихъ смутъ нашъ престижъ въ Греціи окончательно упалъ.

Но Пирей все-таки и сейчасъ не чуждъ Россіи, тамъ есть достойныя вниманія русскіе углы, тамъ есть памятникъ русской соизидательной работы.

— Если вы интересуетесь русскимъ дѣломъ въ Греціи, — сказалъ мнѣ російскій посланникъ въ Аѣинахъ, Юрій Николаевичъ Щербачевъ, — вамъ надо побывать въ русскомъ госпиталѣ въ Пиреѣ.

Я послѣдовалъ его совѣту.

Въ сторонѣ отъ шумныхъ торговыхъ кварталовъ Пирея, отъ безчисленныхъ лавокъ и базаровъ, на берегу чудной бухты Мунихи (прежнее мѣсто стоянки нашего флота), высятся на пригоркѣ стройныя зданія русской больницы. Больницей завѣдуетъ русскій морской врачъ, Иосифъ Николаевичъ Свѣчниковъ, служившій раньше на коноверской лодкѣ «Гилякъ» въ качествѣ судового врача и участвовавшій въ боѣ при Таку.

Въ больницѣ всѣ русскіе. Меня встрѣтила пожилая сестра милосердія, проводившая меня въ квартиру старшаго врача. Я передалъ рекомендательную карточку посланника и былъ тотчасъ принятъ г. Свѣчиковымъ.

Видъ на Аѳинскій акрополь.

— Вы интересуетесь нашимъ госпиталемъ?—спросилъ онъ.—Мы всѣмъ здѣсь обязаны греческой королевѣ, Ольгѣ Константиновнѣ. Она основала больницу въ 1902 году въ честь своей дочери, великой княгини Александры Георгіевны, супруги великаго князя Павла Александровича. Исторія госпиталя такова. Когда русскій флотъ стоялъ здѣсь, постоянно ощущалась потребность въ больницѣ для русскихъ. Въ греческихъ госпиталяхъ они испытывали затрудненія по незнанію языка. На средства, собранныя королевой въ Россіи, ея величество приобрѣла землю стоимостью около 200.000 драхмъ и устроила больницу. Зданіе больницы,—продолжалъ докторъ,—которое вы видите сейчасъ, старое, но оно расширено и приспособлено къ цѣлямъ больницы и требованіямъ гигиены. Мы строимъ еще новыя дополнительныя зданія. До меня больницей

завѣдывалъ греческій докторъ, а я принялъ больницу въ январѣ прошлаго 1904 года.

Въ палатахъ больницы, куда мы прошли съ докторомъ Свѣчниковымъ, оказалось двадцать человѣкъ больныхъ. Обыкновенно въ больницѣ ихъ бываетъ больше: 30—40 человѣкъ. Въ числѣ больныхъ были матросы съ эскадры адмирала Фелькерзама, заболѣвшіе въ пути и попавшіе въ Пирей, какъ въ ближайшій пунктъ, гдѣ оказалось русское убѣжище. Другіе больные были съ русскаго стаціонера въ Фалерѣ и съ миноносцевъ, только что возвратившихся съ острова Крита. Госпиталь имѣеть офицерскія помѣщенія, нынѣшнимъ лѣтомъ администрація госпиталя предложила морскому начальству десять офицерскихъ мѣстъ для раненыхъ съ Дальняго Востока. Больница можетъ принять въ случаѣ необходимости до пятидесяти человѣкъ. За больныхъ платится: 4 драхмы за мѣсто для нижнихъ чиновъ и десять драхмъ въ сутки за офицерское мѣсто (драхма равна 28 копейкамъ), включая тутъ все: уходъ, лѣченіе и выдачу лѣкарствъ. Для невоенныхъ опредѣлена плата въ 15 и 5 драхмъ. Съ открытія больницы въ ней перебивало свыше тысячи больныхъ.

— Плата съ больныхъ,—говорилъ мнѣ докторъ Свѣчниковъ,—далеко не окупаетъ содержанія больницы, и королева постоянно добавляетъ намъ изъ своихъ личныхъ средствъ.

Больница подчинена исключительно греческой королевѣ, другого начальства она не знаетъ. Весь госпиталь—дѣло личного милосердія королевы.

Госпиталь помѣщается въ самомъ высокомъ больничномъ зданіи (всѣхъ зданій здѣсь три); при немъ устроена аптека и амбулаторія, въ которую, кромѣ русскихъ больныхъ, обращается множество грековъ изъ Пирея и изъ Аѣинтъ.; за послѣдній годъ въ амбулаторію обратилось 18.000 больныхъ. Штатъ больницы не великъ: два врача, аптекарь, четыре сестры милосердія, два санитары, служители и прислуга.

Рядомъ съ больницей стоитъ русская церковь. Она не велика, но изящна. Прекрасный иконостасъ сооруженъ на средства офицеровъ съ броненосца «Императоръ Николай I» и другихъ нашихъ судовъ средиземной эскадры. Они дали на это дѣло 3.000 драхмъ. Въ алтарѣ церкви находится образъ Нерукотвореннаго Спаса, пожертвованный королевой Ольгой Константиновной, которая часто посѣщаетъ церковь и больницу. Боковыя иконы храма—кронштадтской работы. Церковь носитъ имя св. Ольги.

— Раньше, до устройства нашей больницы, здѣшній греческій городской госпиталь давалъ мѣсто русскимъ больнымъ,—разсказывалъ мнѣ докторъ Свѣчниковъ,—греческій госпиталь больше нашего, особенно обширенъ греческій госпиталь въ Аѣинахъ. Онъ устроенъ на 600 душъ. Нашъ маленькій уголокъ, однако, дѣлаетъ

свое дѣло, и многіе русскіе, бывшіе здѣсь, помянуть о немъ съ благодарностью.

При больницѣ строится отдѣленіе для чахоточныхъ. Внизу больничнаго зданія существуетъ чайная для матросовъ. При стоянкѣ въ Пирей русскаго флота она была въ нѣкоторомъ родѣ матросскимъ клубомъ. Находясь долгіе мѣсяцы на чужбинѣ, матросы охотно собирались тутъ, бесѣдовали за кружкой чая, читали вслухъ вѣсти съ родины. Команды пользовались и устроенной возлѣ чайной русской баней.

Теперь красивый зеркальный рейдъ Мунихи не видитъ уже у себя русскаго флота, и матросскій клубъ при пирейскомъ госпиталѣ заглохъ и опустѣлъ.

Я не могу пройти молчаніемъ другого симпатичнаго дѣла въ Пирей. Усердіемъ того же добраго генія Греціи, королевы Ольги Константиновны, устроено въ окрестностяхъ Пирея русское кладбище («Россионъ некротафѳіонъ»). Кости русскихъ воиновъ и моряковъ, разсыянные въ разныхъ концахъ Греціи, собраны нынѣ въ одной братской могилѣ. Здѣсь погребены, между прочимъ, командиръ броненосца «Императоръ Николай I» Комаровъ, докторъ съ броненосца «Ретвизанъ» и друг. Братское кладбище заботливо оберегается королевой.

Х.

Русскіе дѣятели въ Аѳинахъ.

Россійскій посланникъ, Юрій Николаевичъ Щербачевъ, — давшиій дѣятель на Ближнемъ Востокѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ былъ совѣтникомъ русскаго посольства въ Константинополь. Аѳины и Константинополь теперь тѣсно связаны между собой, благодаря удивительной при нынѣшнихъ обстоятельствахъ греко-турецкой дружбѣ. Ю. Н. Щербачевъ, изучивъ по нынѣшней своей службѣ маленькую, но глубоко своеобразную Грецію, хранитъ свѣжую освѣдомленность о дѣлахъ Турціи, нѣжной до приторности, до самопожертвованія союзницы Греціи.

— Я не могу понять, — говорилъ я: — какъ держится еще эта дружба. Вѣдь если Критъ будетъ присоединенъ къ Греціи, то это ударъ для самолюбія Турціи.

— Совершенно вѣрно, — отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ. — Турція не проститъ Греціи такого шага. Но отчего создалась греко-турецкая дружба? Благодаря совмѣстной политикѣ въ Македоніи, благодаря общности интересовъ турокъ и грековъ по преслѣдованію болгаръ. Критъ безусловно подорветъ эту дружбу. Надо, впрочемъ, сказать, что въ самой Греціи и здѣсь въ Аѳинахъ относятся сравнительно сдержанно къ критскому вопросу, и этотъ вопросъ поднять самими критянами по ихъ инициативѣ.

— Въ случаѣ присоединеніи Крига,—говорилъ я,—мнѣ кажется, вся греко-турецкая политика въ Македоніи распадется, тогда легче вздохнуть македонскіе болгары, они избавятся отъ этой цѣпкой и крутой опеки, столь тяжелой македонскому славянству и столь несправедливой, такъ какъ славянъ въ Македоніи большинство.

— Видите ли,—услышалъ я въ отвѣтъ:—греки своеобразно смотрятъ на Македонію. Македонія, по ихъ словамъ, безусловно греческая страна, и греки полагаютъ, что имѣютъ на нее всѣ права. Они отрицаютъ важную роль македонскаго славянства, не признаютъ болгарской національной церкви, и считаютъ, что большинство населенія Македоніи — приверженцы греческаго патріархата. Греки не хотятъ знать, что въ числѣ патріархистовъ—масса болгаръ, которые тяготеютъ деспотическимъ давленіемъ на нихъ грековъ какъ церковнымъ, такъ и свѣтскимъ.

— Да, Македонію греки считаютъ своей,—замѣтилъ я,—и Турція неосторожно поддерживаетъ ихъ. Но скажите, какъ же обстоитъ дѣло съ Критомъ?

— Въ отношеніи Крита греки болѣе правы. До европейской оккупации, при турецкомъ режимѣ на Критѣ было дѣйствительно значительное турецкое населеніе—около одной трети, но съ тѣхъ поръ произошли большія перемѣны. Масса турокъ покинула Критъ и выѣхала въ Турцію, въ Смирну и въ разныя мѣста Анатолиі, не желая оставаться подъ европейскимъ владычествомъ. Теперь турки не составляютъ и четверти населенія на Критѣ, а остальное все населеніе—сплошное греческое. Идея присоединенія Крита къ Греціи давно популярна среди критянъ.

— Значитъ, это—народное движеніе на Критѣ?

— Да. Страсти зрѣютъ на островѣ. Среди именитыхъ критянъ находятся вожди движенія, страстно преданные этой идеѣ. Они группируютъ вокругъ себя партіи, и возстаніе быстро распространяется по всему острову.

Какъ я убѣдился потомъ въ Аѣинахъ есть тоже партіи, горячо преслѣдующія присоединеніе Крита. Часть греческой печати безпрестанно кричитъ объ этомъ и задорно требуетъ присоединенія немедленно.

Въ бесѣдѣ съ посланникомъ я поинтересовался русской колоніей въ Аѣинахъ, русскими начинаніями, но свѣдѣнія по этому поводу, сообщенныя мнѣ Ю. Н. Щербачевымъ, были не особенно утѣшительныя.

— Русская колонія, — сказалъ онъ: — здѣсь совершенно ничтожна, хотя въ Аѣинахъ русскими кое-что сдѣлано. Здѣсь есть русская церковь, и создается на русскія средства отдѣленіе Константинопольскаго русскаго археологическаго института. Это довольно важное дѣло въ обстановкѣ Греціи. Здѣсь всѣ націи произ-

водятъ раскопки, занимаются археологіей, для которой имѣется богатая добыча; одни мы бездѣйствовали до сихъ поръ, но у насъ уже отложено около 7.000 рублей на открытіе отдѣленія.

Благодаря Ю. Н. Щербачеву, я познакомился съ интереснымъ русскимъ духовнымъ дѣятелемъ въ Аѳинахъ, настоятелемъ русской аѳинской церкви, отцомъ архимандритомъ Анатолиемъ, дѣятельнымъ членомъ русской миссіи. Надо замѣтить, что у насъ не всегда назначаютъ на русскія духовныя должности за границей священниковъ, знающихъ иностранныя языки и подготовленныхъ къ дѣлу духовнаго представительства на чужбинѣ. Назначенные священники чуждаются мѣстнаго общества, не имѣютъ вліянія, и, естественно, по этой причинѣ наше зарубежное духовенство много проигрывало. Такъ было раньше и въ Аѳинахъ. Архимандритъ Анатолій—человѣкъ съ основательной подготовкой. Бывшій артиллерійскій офицеръ, воспитанникъ артиллерійской академіи, онъ по призванію поступилъ въ духовную академію и принялъ монашество. Архимандритъ въ совершенствѣ владѣетъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, свободно читаетъ греческія газеты, интересуется политической жизнью. Передъ своимъ назначеніемъ въ Аѳины отецъ Анатолій былъ настоятелемъ большого монастыря въ центральной Россіи. Посѣщая гостепріимный домъ отца Анатолія, я отъ него перваго узнавалъ всѣ волновавшія насъ, русскіихъ, политическія новости. Отецъ Анатолій всегда былъ живымъ собесѣдникомъ, освѣдомленнымъ во всѣхъ вопросахъ минуты, всѣмъ интересующимся.

Въ первый разъ, когда я навѣстилъ отца Анатолія, я засталъ у него нашихъ дипломатическихъ представителей. Шла оживленная бесѣда. Отецъ Анатолій былъ въ радостномъ приподнятомъ настроеніи духа. Онъ сдѣлалъ доброе дѣло. Въ числѣ обращающихся къ русскому духовному представителю за границей всегда много несчастныхъ людей.

— Ко мнѣ пришла на-дняхъ,—разсказывалъ отецъ Анатолій,—большая русская дѣвушка, дочь писателя шестидесятыхъ годовъ. Она—чахоточная и живетъ зимою въ Александрію, въ Египтѣ, благодаря климату. Теперь тамъ жарко, и она пріѣхала въ Грецію провести лѣто. Спрашиваетъ меня, можетъ ли здѣсь устроиться. Оказалось, она имѣетъ всего 40 рублей въ мѣсяцъ. Трудно, говорю, вамъ устроиться. Но я обратился въ одинъ монастырь: тамъ изъявили согласіе принять дѣвушку на самыхъ скромныхъ условіяхъ. Сегодня она радостная, довольная поѣхала въ монастырь.

Сильное впечатлѣніе произвело въ Аѳинахъ кровавое столкновение на старомъ Аѳонѣ между русскими и греческими монахами. Когда я пришелъ къ отцу Анатолію, онъ, просматривая греческія газеты, прочиталъ мнѣ телеграмму, въ которой сообщалось, что жертвами столкновения пали 80 чел. убитыхъ и раненыхъ.

— Какое гоненіе на русскихъ!—замѣтилъ онъ.—Даже на Аѳонѣ, гдѣ люди собрались для молитвы, сводятся братоубійственные счеты. Вѣроятно, нападающими были греки, для нихъ теперь нѣтъ ничего святого, когда дѣло касается русскихъ.

Отецъ архимандритъ не ошибся. Я узналъ потомъ подробности этой аѳонской драмы. Греки, восторгаясь поражениемъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, задумали устроить тоже въ своемъ родѣ поражение русскихъ монаховъ и напали на новоучрежденный скитъ Ставросъ, на землѣ греческаго монастыря Караколосъ. Русскій скитъ былъ только-что расширенъ по соглашенію съ греками, но дѣло не было еще окончательно оформлено. Греки явились гнать русскихъ. Они сначала пришли какъ будто мирно и мирно бесѣдовали съ русскими, а за ними явилась толпа и стала громить монастырь. Русскіе вступились за себя, произошелъ жаркій бой. Греки были отбиты, побросали свое вооруженіе и удалились.

Придетъ же фантазія такого погрома... монахамъ!...

XI.

Столица Греціи.

Аѳины... классическое имя! Оно приводитъ вамъ на память античную старину древней Греціи: акрополь, греческіе храмы, греческое искусство, олимпійскія игры, греческихъ философовъ и поэтическихъ миѳовъ древности. Увы! теперь классическая старина въ Аѳинахъ поспряталась по музеямъ, гдѣ стоятъ фигуры философовъ съ отбитыми носами, и частью увезена въ Англію, а современные Аѳины—самый прозаическій шумный городъ. Населенія здѣсь 250 тысячъ душъ. Жизнь въ Аѳинахъ бьетъ ключемъ отъ ранней зари до поздней ночи. На улицахъ движеніе экипажей, омнибусовъ, конокъ. Черезъ тоннели, по пригородамъ летятъ электрическіе поѣзда, сообщающіе Аѳины съ Пиреемъ и дачами. Безчисленныя кофейни города цѣлый день полны разношерстной публики. Въ городѣ масса гостиницъ. Онѣ не всегда благоустроенныя, но всегда непожѣрно дорогія, и жизнь въ Аѳинахъ обходится пріѣзжему не дешево, чѣмъ въ Парижѣ. По наряднымъ магазинамъ и пассажамъ снуютъ аѳинскія модницы. Въ лѣтнюю жару, доходящую до 50 градусовъ, обыватели Аѳинъ изнемогаютъ. вмѣстѣ съ жарой здѣсь надоѣдаетъ вамъ мелкая пыль, отравляющая существованіе. Въ полдень, когда солнце Аѳинъ посылаетъ на землю расплавленную лаву своихъ лучей, всѣ магазины закрыты, движеніе затихаетъ. Городъ замираетъ до 4-хъ часовъ, а затѣмъ вновь гремятъ оркестры музыки, наполняются кофейни, и все кругомъ живетъ и суетится. Вечеромъ, элегантная публика ѣдетъ въ Фалеро на загородное гулянье. Тамъ выставка брильянтовъ и туалетовъ.

Оживленіе продолжается до глубокой ночи: театры полны, гремятъ кафе-шантаны, жарко работаютъ игорные дома, встрѣчая въ азартномъ опьяненіи утреннюю зарю. Аѳины почти не спятъ по ночамъ, жизнь въ городѣ затихаетъ на какихъ нибудь три-четыре часа: а въ пять часовъ утра къ вамъ въ окно уже доносятся пронзительные крики: «псари», «псари», или «лахана». Это продаютъ рыбу и разную зелень. Если бы греки не спали днемъ въ часы наибольшей жары, они бы, кажется, умерли отъ переутомленія.

Я жилъ нѣкоторое время въ модной дачной мѣстности—Фалеро на берегу моря. Тамъ прекрасный морской воздухъ и чудная панорама, но жить тамъ невозможно. Настоящій содомъ отъ зари до зари. Днемъ и ночью концерты, гулянья, оглушительные оркестры музыки, постоянное движеніе народа, а въ пять часовъ утра васъ будитъ шумъ ремонтныхъ молотковъ, готовящихъ Фалерскій курортъ къ разгару осенняго сезона.

Глядя на Аѳинскую веселую жизнь, на переполненныя цѣлый день кофейни, которыя поглощали всю публику, я удивлялся: когда же здѣсь работаютъ?... Я высказалъ свое недоумѣніе одному греку, пріѣхавшему изъ Россіи.

— Это обозначаетъ совершенство политическаго режима,—заношчиво отвѣчалъ онъ.—Они спокойны и веселы...

Политика и политическіе разговоры—это все въ Аѳинахъ. За столиками кафе, въ театрахъ, на желѣзной дорогѣ только и разговоровъ, что о политикѣ. Греческія уличныя газетки раскупаются на ходу не свернутыми, не сфальцованными; продавецъ съ быстротой молніи летитъ впередъ, и успѣваетъ только упрятывать въ карманъ кучки получаемыхъ мелкихъ денегъ.

Во время моего пребыванія въ Аѳинахъ самыя животрепещущія новости были изъ Россіи: «La révolution en Russie!» «La catastrophe en Russie»,—задорно выкрикивали газетчики. Извѣстія о неудачахъ Россіи смаковались греками съ жадностью, съ волненіемъ. Нѣкоторыя греческія газеты яростно и до глупости тенденціозно освѣщали русскія внутреннія волненія. Эти газеты воспитали и особую публику, которая недоброжелательно относилась ко всѣмъ русскимъ, пріѣзжавшимъ въ Аѳины.

Когда я пришелъ въ Аѳинскій правительственный Banque Nationale, чтобы получить деньги изъ Петербурга, то какой-то черный грекъ-чиновникъ, роясь среди полученныхъ депешъ, какъ бы нечаянно уронилъ: не изъ японскаго ли банка полученъ переводъ?

Я поблагодарилъ его за утонченную вѣжливость.

— Греки дерзки и нахальны,—говорили мнѣ въ Аѳинахъ русскіе,—но зато они умѣютъ быть и раболѣпными. Россія терпитъ неудачи, и вотъ греческая ненависть къ Россіи прорывается во всея силѣ, а вернись къ намъ счастье,—и отношенія грековъ тотчасъ измѣнятся. Хамство не служитъ, конечно, признакомъ героическихъ натуръ, какими были греки въ древности.

Надъ шумнымъ городомъ, погруженнымъ въ политическіе дразги, въ азартную игру, въ кипѣніе эгоистической жизни, развѣ только по ночамъ витаютъ величавые призраки прошлаго.

Ночью надъ муравейникомъ Аѣинъ стоитъ весь въ лунныхъ лучахъ, какъ привидѣніе, чудный Акрополь. Онъ отвернулся отъ Аѣинъ. Черныя тѣни легли въ углубленія холма, покрыли мрачную пещеру Сократа, но храмы Акрополя въ своей классической строгости съ ихъ рѣзными колоннами горятъ и сіяютъ подъ куполомъ нѣжно-голубого неба. На другой горѣ бѣлѣетъ древняя церковь св. Георгія. Наверху на горахъ—тишина и таинственность ночи, гении древности ходятъ за этими колоннами. Изъ пыльнаго муравейника Аѣинъ доносятся въ эту голубую высь отзвуки ночного содома. Гремить музыка, стучать поѣзда, гдѣ-то коютъ, гдѣ-то хохочутъ, а Акрополь тихъ, заманчивъ и неподвиженъ.

Хороша ночь на высотахъ Акрополя, ясны дали. Вдали серебрится древній Саламинъ, нынѣшняя военная бухта Греціи, видны освѣщенный сотнями огней веселый Фалеръ и Пирейская гавань съ безчисленными судами.

Вершину Акрополя вѣнчаютъ Паренонъ и Эректейонъ, между ними цѣлое море развалинъ. Ниже стоятъ храмъ Побѣды и Пропилеи.

Противъ Акрополя высятся на холмѣ памятникъ Антиоку Филопапу, аѣинскому благотворителю, и Аѣинская обсерваторія.

Треснувшія и падающія колонны акропольскихъ храмовъ теперь скрѣплены желѣзными обручами. Цѣлыми днями здѣсь производится ремонтъ. Внизу уцѣлѣли храмъ Эскулапа и театръ Бахуса и еле держатся руины храма Бахуса.

По дорогѣ изъ Акрополя въ городъ передъ вами вырастаютъ развалины храма Юпитера Олимпійскаго, отъ котораго осталось теперь лишь нѣсколько колоннъ; возлѣ нихъ знаменитая арка Адриана. При лунномъ свѣтѣ эти художественныя развалины—сказочно хороши!

Что хорошо еще въ современныхъ Аѣинахъ—это Королевскій садъ, расположенный въ центрѣ города вокругъ дворца.

Садъ огромный. Конца ему не видно. Я не разъ обходилъ этотъ садъ. Въ то время, какъ на улицахъ Аѣинъ 45-ти-градусная жара или несносныя тучи пыли, забирающей въ каждую складку,—въ этомъ саду тѣнь и прохлада. Вершины деревьевъ шелестятъ, а подъ густой толщею зелени спокойно. Красивыя стройныя аллеи высокихъ кипарисовъ тянутся вдаль, выглядываютъ лимонныя и апельсиновыя деревья съ налившимися уже фруктами. Вотъ цѣлая аллея пальмъ, высоко поднявшихъ широкіе листья похожіе на распростертыя гигантскія руки. Вдоль дороги стоятъ вереницы кактусовъ, въ чащѣ видны цѣлыя деревья олеандровъ. Въ потайныхъ уголкахъ сада подъ сѣнью латаній журчатъ ручьи,

въ бассейнахъ массы золотыхъ рыбокъ. Изъ аллей видно трехэтажное зданіе дворца. Оно не особенно красиво—какого-то казеннаго типа. Въ бельэтажѣ дворца приѣмныя комнаты, въ верхнемъ этажѣ—жилыя помѣщенія.

Этотъ прекрасный королевскій паркъ связанъ, однако, съ мрачными воспоминаніями прошлаго, съ легендами о царственной женщинѣ, которую преслѣдовали недоброжелательство и интриги грековъ. Съ кротостью ангела она переносила злобу и вражду и въ тишинѣ сада безсильно обращалась къ небу съ мольбою: «за что? за что?»

— Это была ея любимая скамейка,—говорить мнѣ мой спутникъ.—Здѣсь видѣли ее грустной и плачущей.

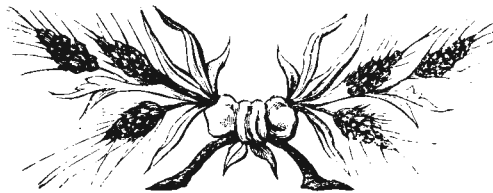
Мы подошли къ этой скамейкѣ. Въ этомъ мѣстѣ деревья разступаются, открывается даль.

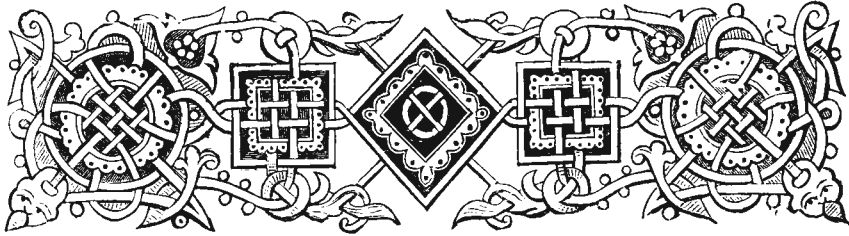
Въ тишинѣ красиваго забытаго угла, среди красотъ пышной природы незримо витаетъ призракъ царственной страдальицы.

Жадный и злой народъ, зачѣмъ ты омрачилъ ей ея чистые дни, зачѣмъ ты отравилъ эту прекрасную жизнь?

Путникъ (Н. Н. Лендеръ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. С. Будиловичъ. Наука и политика. Три статьи по злободневнымъ вопросамъ. Спб. 1905.

АШЕ ОТЕЧЕСТВО въ настоящее время переживаетъ весьма важный историческій моментъ. Неотложность преобразования нашего государственнаго строя еще разъ подтверждена съ высоты престола (въ отвѣтной рѣчи Государя Императора на обращенныя къ нему слова ординарнаго профессора Московскаго университета, князя С. Н. Трубецкаго, и гласнаго петербургской городской думы, М. П. Федорова). Всѣ истинно русскіе люди съ нетерпѣніемъ ожидаютъ устройства пришедшей въ разстройство земли Русской и устраниенія недостатковъ, препятствующихъ ея развитію и процвѣтанію. Представители русскаго ученаго міра — академики, профессора высшихъ учебныхъ заведеній и ихъ младшіе товарищи — приватъ-доценты, ассистенты, лаборанты и друг., съ своей стороны, не остались равнодушными къ судьбамъ своего отечества и на бывшемъ въ С.-Петербургѣ (25—28 марта сего года) съѣздѣ 170 профессоровъ и преподавателей постановили рядъ резолюцій, направленныхъ, по ихъ мнѣнію, къ улучшенію состоянія внутренней жизни Россіи.

«Все общество, — говорятъ 170 профессоровъ и преподавателей, — сверху донизу пришло въ движеніе; всѣ старыя основы уже фактически рушились, между тѣмъ новыя формы еще не сложились, и общество переживаетъ періодъ полнаго разстройства... каждая минута промедленія увеличиваетъ правительственную и отечественную анархію и смуту, которая грозитъ неисчислимыми

бѣдствіями странъ». На необходимость «полнаго и кореннаго преобразованія современнаго государственнаго строя Россіи» путемъ привлеченія свободно избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи указано было нѣсколько ранѣе также въ «Запискѣ 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія».

Высказанные въ этой «Запискѣ», а также въ резолюціяхъ 170 профессоровъ и преподавателей взгляды и пожеланія вызвали рядъ критическихъ замѣчаній со стороны извѣстнаго русскаго ученаго и публициста, бывшаго ректора Юрьевскаго университета, А. С. Будиловича. Эти критическія замѣчанія и возраженія его ученымъ коллегамъ собраны А. С. Будиловичемъ въ одно цѣлое въ только что вышедшемъ въ свѣтъ его сборникѣ, подъ заглавіемъ: «Наука и политика». Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи г. Будиловича: 1) «Нѣсколько критическихъ замѣчаній на Записку 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія» (эта статья была напечатана въ газетѣ «Новое Время» 17-го февраля 1905 г., въ № 10.400); 2) «Еще два слова о Запискѣ 342 ученыхъ» (напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ», апрѣль, 1905 г.) и 3) «О политическихъ мечтахъ 170 профессоровъ и преподавателей» (издана впервые).

Въ двухъ первыхъ статьяхъ (стр. 7—64) А. С. Будиловичъ подробно разбираетъ «Записку 342 ученыхъ», которая прозвела на г. Будиловича «тягостное впечатлѣніе своимъ высокоумѣрнымъ догматизмомъ, явнымъ преувеличеніями, отсутствіемъ исторической перспективы, а кое-гдѣ и логическими противорѣчіями».

Назвавъ свое заявленіе «Запиской 342 ученыхъ», гг. академики, профессора и ассистенты должны бы, изъ уваженія къ читателю и обществу, представить достаточную мотивировку cadaго изъ своихъ весьма спорныхъ въ столь категорической постановкѣ тезисовъ, какъ это принято въ запискахъ ученыхъ. Въмѣсто того они предпочли возсѣсть на своего рода «линостротонъ» и изречь оттуда *ubi et ubi* очень уже строгій приговоръ надъ своею собственною матерью — всею системою русскаго просвѣщенія, и притомъ подъ угломъ не столько науки, сколько политики.

Къ явнымъ преувеличеніямъ «Записки» г. Будиловичъ относитъ, между прочимъ, наименованіе внѣшняго положенія нашего просвѣщенія «самымъ жалкимъ», между тѣмъ едва ли авторы «Записки» могутъ отыскать хотя бы одно конституціонное государство, въ которомъ народное просвѣщеніе въ со-рокалѣтіе сдѣлало бы столь быстрые успѣхи. Что касается требованія «Записки» безусловной «свободы преподаванія», то, насколько извѣстно, ни въ Старомъ, ни въ Новомъ свѣтѣ не существуетъ университета, гдѣ преподаватель могъ бы преподавать съ кафедръ все, что ему взбрѣдетъ на умъ: вездѣ эта свобода ограничена законами страны и долгомъ патріотизма. Крайнимъ преувеличеніемъ, по мнѣнію А. С. Будиловича, представляется и увѣреніе «Записки 342», будто наши профессора «низводятся на степень чиновниковъ, долженствующихъ слѣпо исполнять приказанія начальства». Профессоры республиканской конституціонной Франціи куда зависимѣе въ этомъ отношеніи отъ своего начальства (стр. 9—13).

Въ своей послѣдней статьѣ г. Будиловичъ подробно касается «политическихъ мечтаній 170 профессоровъ и преподавателей», выраженныхъ ими въ

дѣломъ рядѣ резолюцій на сѣздѣ въ Петербургѣ (25-го — 28-го марта сего года). Прежде всего г. Будиловичъ отмѣчаетъ рядъ непонятныхъ странностей. Почему, напримѣръ, члены сѣзда, не избранные ни совѣтами, ни факультетами по принадлежности, титулуютъ, однако, себя въ резолюціи: «мы, представители высшихъ учебныхъ заведеній», и т. д.? Обращаясь къ разсмотрѣнію сущности постановленій сѣзда, А. С. Будиловичъ шагъ за шагомъ доказываетъ полную ихъ несостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, осуществимо ли на практикѣ, напримѣръ, постановленіе о немедленномъ упраздненіи всѣхъ существующихъ ограниченій свободы печатнаго и устнаго слова? Едва ли! Вѣдь въ числѣ этихъ собраній могли бы найтись и «черныя сотни», заявившія себя уже въ разныхъ городахъ и всяехъ Россіи пріемами уличнаго самосуда по отношенію къ интеллигенціи. А затѣмъ на ряду съ черными могли бы вѣдь вновь выступить на сцену и «сотни красныхъ», предводимыя какимъ либо Гапономъ и другими анархистами, которые принялись бы, напримѣръ, преобразовывать отечество по образцу недавняго ялтинскаго разгрома... (стр. 75—76). Что касается свободы печати, то таковая нигдѣ въ мірѣ не существуетъ безъ извѣстныхъ законныхъ ограниченій. Иначе это была бы не свобода, а разгулъ произвола, который вызвалъ бы *bellum omnium contra omnes*, предвкусеніе чего и замѣчалось уже у насъ въ пору вакханалій слова, подготовившихъ событія 9 января (стр. 76).

Далѣе г. Будиловичъ подробно выясняетъ, что произошло бы въ случаѣ постройки нашего народнаго представительства на началахъ «общаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права», безъ обращенія вниманія на «національныя, исповѣдныя, сословныя и классовыя привилегіи и правоогрaнеченія». Не нужно забывать, — говоритъ онъ, — что, по переписи 1897 года, въ Россіи насчитано на 84 милліона русскихъ 42 милліона инородцевъ, такъ что «при всеобщихъ и равныхъ выборахъ въ нашемъ народномъ представительствѣ должно бы быть не менѣе 33% инородческихъ депутатовъ. Если же принять въ соображеніе относительную скудость русскаго образованнаго класса, въ сравненіи, напримѣръ, съ интеллигенціей нѣмецкой, польской, еврейской, и вспомнить такъ называемое оскуднѣніе нашего центра въ пользу окраинъ, то слѣдуетъ опасаться, что указанный процентъ инородцевъ повысится въ нашей палатѣ до 50% и болѣе. А такъ какъ представители русскіе при этомъ раздѣлятся на разныя группы, изъ коихъ та, которую опекаютъ наши 170, примкнетъ къ инородцамъ и иновѣрцамъ, то возникаетъ вопросъ: какую же устойчивость можетъ имѣть подобное беспочвенное сооруженіе? (стр. 82—83).

Въ заключеніе г. Будиловичъ рисуетъ ту поистинѣ печальную картину будущаго Россіи, въ случаѣ осуществленія болѣе, чѣмъ странныхъ политическихъ мечтаній 170 русскихъ Солоновъ.

Вотъ эта картина.

Святая православная Русь исчезнетъ, какъ таковая; она превратится въ Русь неправославную, даже нехристіанскую, а скорѣе всего въ масонскую; проектируемый патріархатъ не спасетъ нашей церкви отъ порабожденія... Съ провозглашеннымъ упраздненіемъ всѣхъ классовъ и сословій при выборахъ, быстро разложится у насъ и дворянство, и духовенство, и крестьянство, и все

это сольется въ типахъ хищника, съ одной, а добычи, съ другой стороны; мобилизованная земля перейдетъ изъ рукъ помѣщиковъ и крестьянъ въ руки банкировъ и мѣрздовъ; безземельный пролетаріатъ наполнить города и села и послужить отличнымъ матеріаломъ для экспериментовъ социализма... А между тѣмъ, кто можетъ поручиться, что Россія дѣйствительно находится теиерь, какъ увѣряютъ 170 профессоровъ, на краю пропасти? Не оптическій ли это обманъ, обусловленный какимъ либо маревомъ или гипнозомъ со стороны инородцевъ? Слишкомъ уже подозрительна суетливость всѣхъ этихъ союзовъ и съѣздовъ, вдругъ народившихъ безчисленныя деклараціи и резолюціи, гдѣ крайняя скудость доводовъ восполняется обиліемъ подписей. Не голосъ ли это іерихонскихъ трубъ, отъ котораго должны пасть не только картонныя стѣны русской бюрократіи, но и вѣковыя твердыни Русскаго государства?

Быль въ исторіи моментъ, когда наше отечество дѣйствительно находилось «на краю пропасти»—А. С. Будиловичъ имѣетъ въ виду Смутное время на Руси. Но, къ счастью, нашлись тогда люди, которые взяли на себя трудъ возсоздать «разсыпанную храмину Русской земли» по другому плану, не обращаясь за содѣйствіемъ ни къ Сигизмунду III съ его панами и іезуитами, ни къ Тушинскому вору съ его казацкой вольницей. «Храмина» была возсоздана по молитвамъ Гермогена, вдохновеніемъ Авраамія Палицына и геройскими усиліями Мининыхъ и Пожарскихъ,—возсоздана въ видѣ прежняго восточно-христіанскаго царства, вѣрнаго всѣмъ завѣтамъ своего прошлаго, своей кирилло-мееодіевской образованности.

Исцѣленіе всѣхъ золъ Россіи г. Будиловичъ видитъ въ возрожденіи нашихъ старыхъ учреждений, оттѣсненныхъ со временъ Петра Великаго западнымъ вліяніемъ, въ частности же въ восстановленіи и развитіи нашего Земскаго Собора, въ его всесловномъ составѣ и національно-общественномъ значеніи. «Вотъ нашъ историческій путь,—говоритъ г. Будиловичъ,—слѣдуя ему, Россія найдетъ надежный выходъ и изъ нынѣшнихъ невзгодъ, которыя напрасно многимъ представляются чѣмъ-то неодолимымъ для богатырскихъ силъ русскаго народа» (стр. 103—109).

Быть можетъ, нарисованная г. Будиловичемъ картина будущаго Россіи слишкомъ мрачна, но во всякомъ случаѣ его предупреджающій голосъ долженъ быть выслушанъ съ большимъ вниманіемъ.

Профессоръ М. Красноженъ.

Сборникъ циркуляровъ канцеляріи по управленію всѣми дѣтскими пріютами вѣдомства учреждений императрицы Маріи за время съ 1891 по 1905 годъ. Спб. 1905.

Желая ознакомить общество съ разнообразной дѣятельностью и ближайшими цѣлями обширнаго вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ, составляющаго совершенно особую самостоятельную единицу среди многочисленныхъ учреждений императрицы Маріи, канцелярія по управленію всѣми дѣтскими пріютами предприняла съ этой цѣлью, съ 1897 г., изданіе отдѣльныхъ брошюръ, посвященныхъ разнымъ вопросамъ дѣятельности вѣдомства.

За это время канцелярією уже выпущено 22 брошюры, среди которых обращают на себя вниманіе, между прочимъ, слѣдующія: объ организаціи призрѣнія безпріютныхъ дѣтей въ крестьянскихъ семьяхъ; о призрѣніи безпріютныхъ арестантскихъ дѣтей; вопросъ объ охранѣ дѣтства; исправительно-воспитательные пріюты; сельскіе дѣтскіе пріюты-ясли вѣдомства учрежденій императрицы Маріи; дѣтскіе пріюты корабли; объ участіи вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ въ заботахъ о раненыхъ войнахъ и ихъ нуждающихся семьяхъ и др. Последній, только что вышедшій изъ печати, 22-й выпускъ въ рядѣ упомянутыхъ изданій канцеляріи дѣтскихъ пріютовъ составляетъ полный сборникъ циркуляровъ этого вѣдомства, постепенно появлявшихся въ свѣтъ послѣ изданія, въ 1891 г., новаго положенія о дѣтскихъ пріютахъ, до самаго послѣдняго времени.

Вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ основано въ 1838 г. и первое время руководствовалось изданнымъ для него положеніемъ 27 ноября 1839 г., которое, въ виду быстрого роста этого учрежденія, постоянно дополнялось и расширялось специальными циркулярами, вызванными развитіемъ внутренней дѣятельности вѣдомства. Въ 1884 г. пришлось уже выпустить новое изданіе положенія 1839 года, со всѣми вышеупомянутыми циркулярами. Однако, и оно уже не отвѣчало болѣе потребностямъ управленія дѣтскими пріютами.

Въ 1891 г., при нынѣшнемъ главноуправляющемъ вѣдомствомъ учрежденій императрицы Маріи, графѣ Н. А. Пратасовѣ-Бахметевѣ, было выработано новое положеніе о дѣтскихъ пріютахъ, успѣшно функционирующее и нынѣ. Это новое положеніе шло навстрѣчу все болѣе и болѣе развивающимся и расширяющимся формамъ правительственныхъ и общественныхъ заботъ о безпріютныхъ, обиженныхъ судьбою, несчастныхъ, лишенныхъ семьи дѣтяхъ и намѣчало новые пути призрѣнія обездоленныхъ сиротъ. Прѣжнее положеніе 1839 г. говорило лишь о дневныхъ пріютахъ для призрѣнія малолѣтнихъ дѣтей бѣднѣйшаго населенія, во время работъ ихъ родителей, новое же положеніе 1891 г., въ числѣ главнѣйшихъ задачъ вѣдомства пріютовъ, кромѣ временнаго призрѣнія дѣтей въ дневныхъ пріютахъ, уже выставило на очередь 1) постоянное призрѣніе и воспитаніе новорожденныхъ безпріютныхъ младенцевъ и подкидышей въ воспитательныхъ пріютахъ, 2) постоянное призрѣніе, воспитаніе и обученіе сиротъ и другихъ безпріютныхъ дѣтей въ сиротскихъ пріютахъ, 3) систематическое первоначальное обученіе дѣтей въ пріютскихъ школахъ, 4) устройство и содержаніе ремесленныхъ пріютовъ, или ремесленныхъ классовъ, и профессиональныхъ школъ при пріютахъ, съ цѣлью практической подготовки питомцевъ и питомицъ пріютовъ къ ремесламъ и рукодѣліямъ и къ приученію ихъ къ трудовой жизни, ожидающей ихъ впереди, и 5) заботы о наилучшемъ устройствѣ судьбы выпускаемыхъ изъ пріютовъ воспитанниковъ. Расширивъ такимъ образомъ задачи вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ, новое положеніе 1891 г. дало этому послѣднему возможность дальнѣйшаго быстрого и успѣшнаго развитія, выполнѣ отвѣчающаго разнообразнымъ, постепенно все болѣе и болѣе осложняющимся условіямъ и потребностямъ современной жизни. Благодаря именно этому, дальнѣйшее развитіе вѣдомства пріютовъ шло выполнѣ благоприятно. Чтобы это не было голословнымъ, укажемъ

на безпристрастныхъ цифры. Въ теченіе первыхъ 12 лѣтъ послѣ изданія новаго положенія, т.-е. съ 1792 по 1804 г., число учрежденій вѣдомства дѣтскихъ приютовъ увеличилось съ 220 до 730, число призрѣваемыхъ въ нихъ дѣтей возросло съ 12.431 до 23.858, т.-е. на 11.427 человекъ; суммы приютскихъ капиталовъ увеличились съ 6.424.091 рублей до 10.797.717 рублей, т.-е. на 4.373.626 рублей, а общая сумма этихъ капиталовъ и стоимости принадлежащихъ приютамъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ увеличилась съ 9.119.953 р. до 18.854.360 рублей.

Дѣятельность вѣдомства приютовъ продолжаетъ идти впередъ. Оно открываетъ непрерывно не только дѣтскіе и сиротскіе приюты, но и многочисленныя «ясли» для призрѣнія безпризорныхъ дѣтей во время дневныхъ, особенно полевыхъ лѣтнихъ крестьянскихъ работъ ихъ родителей, воспитательныя дома, приюты для младенцевъ, «дѣтскіе сады», ремесленные приюты, рукодѣльныя школы, кулинарныя школы, курсы для нянь, школы домоводства и садоводства, курсы повивальныхъ бабокъ, школы кустарныхъ издѣлій, сельскіе и сельско-хозяйственныя приюты, лѣтніе приюты, колоніи и санаторіи, дѣтскія больницы, родильныя приюты, богадѣльни, дѣтскія бібліотеки, бесплатныя квартиры для бывшихъ смотрительницъ приютовъ, комитеты для сбора пожертвованій въ пользу приютовъ, магазины и склады для продажи издѣлій приютскихъ воспитанниковъ, приюты для нищенствующихъ, для арестантскихъ дѣтей, для калѣкъ и т. д.

При столь обширной, разнообразной и близко стоящей къ жизни дѣятельности вѣдомства приютовъ, положеніе 1891 г., лишь намѣтивъ общую программу дальнѣйшихъ работъ вѣдомства и не предрѣшая самыхъ путей къ ихъ осуществленію, также, конечно, дополнялось, по мѣрѣ надобности, цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ высочайшихъ повелѣній, разъясненій, распоряженій и циркулярныхъ предположеній, какъ главнаго управленія вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, такъ и центральнаго управленія приютовъ. Весь этотъ интересный матеріалъ (съ подробнымъ предметнымъ указателемъ) систематически собранъ теперь въ отдѣльный обильный томъ и наглядно рисуетъ предъ читателями картину ближайшей къ намъ дѣятельности вѣдомства дѣтскихъ приютовъ. Картина эта любопытна и достойна вниманія. Она показываетъ, какъ широко, разумно, гуманно и жизненно поставлено въ Россіи дѣло благотворительности въ неимѣющемъ себѣ подобныхъ въ Европѣ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, поставленномъ съ 1796 года подъ непосредственное августѣйшее руководство и попеченіе русскихъ императрицъ.

О. У—цъ.

С. Иваницкій. Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало воссоединенія униатовъ въ Западной или Польской Украинѣ (1757—1769 г.). Каменецъ-Подольскъ. 1904.

Задачею настоящаго труда авторъ ставитъ описать личность и дѣятельность переяславскаго епископа Гервасія Линцевскаго въ связи съ выдающимися событіями церковной и народной жизни Западной или Польской Украинны

въ началѣ второй половины XVIII столѣтія, именно въ 1757—1769 годахъ. Въ виду разобщенности православнаго населенія Западной Украйны съ его исконными религіозными центрами, съ его законной высшей духовной властью и съ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ населеніемъ Украйны Восточной, епископу Гервасію пришлось быть свидѣтелемъ высокаго подъема религіознаго духа въ украинскомъ народѣ, а вмѣстѣ и печальныхъ, даже кровавыхъ событій, которыя разыгрались здѣсь на почвѣ давней его вражды съ поляками и насильно навязанной уніи. Епископъ Гервасій стоялъ во главѣ церковно-религіознаго движенія украинскаго народа въ сторону православія, вносльдствіи завершившагося торжествомъ вѣры отцовъ надъ искусственно привитыми уніональными унованіями (стр. 1).

Авторъ уже имѣлъ предшественниковъ на поприщѣ намѣченнаго имъ историческаго изслѣдованія. Наибольшую цѣну для него имѣли труды Ѳ. Лебединцева («Архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій» въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи», ч. I, т. 2 и 3) и покойнаго петербургскаго профессора М. О. Кояловича («Исторія воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ»). Но въ настоящее время открыто немало новыхъ матеріаловъ, которые даютъ основаніе провѣрить прежніе выводы, отчасти измѣнить ихъ, дополнить и вообще освѣжить. Такіе матеріалы обнародованы въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго историческаго общества», въ журналѣ «Кіевская Старина» и въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ Подольскихъ» и «Кіевскихъ». Наконецъ, авторъ пользовался актами, извлеченными имъ изъ архива Кіевской духовной консисторіи, куда они попали изъ упраздненной консисторіи Переяславской. По русскому обыкновенію, архивъ во время работъ автора (1897—1898 г.) находился «въ хаотическомъ состояніи, безъ описей и въ пыльной кучѣ» (стр. 6), такъ что и самый разборъ архива нужно поставить г. Иваницкому въ безспорную заслугу.

Сочиненіе состоитъ изъ восьми главъ съ заключеніемъ и приложенийъ. Въ частности, авторъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о Гервасіи Линцевскомъ (родился въ концѣ XVII вѣка) до вступленія его на переяславскую кафедру (глава I, стр. 7—20), описываетъ положеніе народа и православія въ Украйнѣ, предъ вступленіемъ Гервасія на переяславскую кафедру въ 1757 году, находившихся въ угнетеніи и преслѣдованіи отъ поляковъ и уніатовъ (глава II, стр. 20—56), рассказываетъ о первыхъ заботахъ епископа Гервасія возстановить правильное общеніе подчиненныхъ ему православныхъ приходовъ Украйны съ переяславской епархіальной властью и о начальномъ противоудѣйствіи ему со стороны уніатскихъ властей, а также—объ избраніи мотронинскаго игумена Мелхиседека Яворскаго для заявленія жалобъ предъ русскимъ и польскимъ правительствомъ на незаконный и насильственный образъ дѣйствій поляковъ и уніатовъ и для ходатайства о возстановленіи за православными украинцами ихъ прежнихъ религіозныхъ правъ и привилегій—свободно и безпрепятственно совершать богослуженіе, имѣть свое духовенство и т. п. (глава III, стр. 56—87). Но въ то время, какъ Мелхиседекъ Яворскій хлопоталъ за православныхъ украинцевъ въ Петербургѣ и Варшавѣ, уніаты, воспользовавшись переходными временами и беззащитностью православныхъ, воз-

двигли жестокія противъ нихъ гоненія, которыя и продолжались въ теченіе всего 1766 года; епископъ Гервасій по мѣрѣ возможности боролся съ поляками и униатами, но силы были неравны, поэтому перевѣсъ былъ на сторонѣ враговъ православія (глава IV, стр. 87 — 134). Положеніе православія нѣсколько улучшилось въ слѣдующемъ году, подъ влияніемъ содѣйствія со стороны русскаго правительства, но въ 1768 году борьба униатовъ съ православными возобновилась съ новой силой (глава V, стр. 134 — 165). Временное торжество православія наступило только въ періодъ грозной коліивщины, когда озлобленный народъ возсталъ противъ своихъ притѣснителей-униатовъ и жестоко мстилъ имъ за понесенныя страданія; въ эту пору къ переяславской епархіи присоединились многіе украинскіе приходы (глава VI, стр. 165—210). Но противъ коліивщины и съ дѣлю усмиренія гайдамаковъ въ Украйнѣ были приняты въ 1768—1769 годахъ мѣры и русскимъ правительствомъ и польскимъ. Результатъ разслѣдованія событій на мѣстѣ получился самый неожиданный: виновниками возстанія украинскаго православнаго народа противъ униі и поляковъ были признаны епископъ Гервасій и игумень Мелхиседекъ, которые, напротивъ, шли на встрѣчу давнимъ и искреннимъ желаніямъ этого народа и ревностно исполняли свой пастырскій долгъ. Однако, интриги поляковъ и самолюбіе князя Репнина, русскаго представителя въ Польшѣ, извратили смыслъ народнаго движенія до неузнаваемости. Слѣдствіемъ этого было то, что Гервасій долженъ былъ оставить свою кафедру и переѣхать въ Кіевъ, а Мелхиседекъ былъ перемѣщенъ въ Переяславскій Михайловскій монастырь (глава VII, стр. 210 — 243). Во время усмиренія коліивщины (1768—1769 г.) пострадали отъ поляковъ и униатовъ и весьма многіе православныя украинцы, особенно священники, и многіе украинскіе приходы перешли въ унию; однако религиозное движеніе къ православію не было совершенно подавлено, и дѣло епископа Гервасія не погубило (глава VIII, стр. 243 — 276). Гервасій и въ почетной ссылкѣ занимался церковными дѣлами Украйны вплоть до самой своей смерти, послѣдовавшей 22-го декабря 1769 года. Но образъ добраго, сердечнаго и ревностнаго архипастыря долго сохранялся въ памяти украинскаго православнаго народа, который ризовалъ его отношенія, какъ отца къ «диткамъ». Подлинно, епископъ Гервасій былъ жертвой смутной и переходной эпохи въ исторіи православія на Украйнѣ въ его борьбѣ со всей унией (заключеніе, стр. 277—280).

По такому плану г. Иваницкій излагаетъ избранный предметъ. Безспорно, онъ хорошо прослѣдилъ участіе епископа Гервасія Линцевскаго въ событіяхъ на Украйнѣ въ 1757—1769 годахъ, ясно и обстоятельно описалъ эти событія и отчетливо выяснилъ финалъ ихъ въ отношеніи къ судьбѣ епископа Гервасія. Авторъ пишетъ ясно и складно, но мѣстами повторяется и впадаетъ въ тождество.

Въ заслугу автору нужно поставить обстоятельное знакомство съ рукописными матеріалами, часть которыхъ онъ и помѣщаетъ въ приложеніяхъ (стр. 281 — 392). Здѣсь помѣщено 27 нумеровъ, нѣкоторые на языкахъ латинскомъ и польскомъ. Такъ, здѣсь находится письмо императрицы Екатерины II къ польскому королю Станиславу-Августу о правахъ Георгія Конис-

скаго на Бѣлорусскую епархію, а населенія ея и другихъ областей Польши на свободное исповѣданіе вѣры (29-го ноября 1764 г.), копію рескрипта Екатерины II къ послу въ Варшавѣ, князю Реннину (1765 г.), документы о религиозныхъ правахъ и привилегіяхъ православныхъ украинцевъ, ихъ прошенія къ епископу Гервасію по церковнымъ дѣламъ и т. д.

Вообще, г. Иваницкій сталъ на правильный путь въ изслѣдованіи своего вопроса и, опубликовавъ относящіяся къ нему матеріалы, повысилъ значеніе своего далеко не лишняго и не бесполезнаго труда. С.

Е. К. Церковно-историческій очеркъ основанія въ Херсонѣ викаріата и его жизнедѣятельность (по поводу пятидесятилѣтія). 1853—1903. Одесса. 1905.

Авторъ, скрывшійся за псевдонимами, но достаточно извѣстный въ русской церковно-исторической и археологической литературѣ, представилъ въ означенномъ сочиненіи подъ скромнымъ заглавіемъ очень хорошую научную работу. Постановка вопроса и самая его разработка—на основаніи преимущественно архивныхъ матеріаловъ—свидѣтельствуютъ о научной опытности автора и правильности пониманія задачъ русской церковно-исторической науки. Сочиненіе состоитъ изъ двѣнадцати главъ и двухъ приложений.

Двѣ первыя главы «очерка» Е. К. (стр. 1—27) имѣютъ значеніе введенія къ частному изслѣдованію. Авторъ говоритъ здѣсь о топографіи Новороссійскаго края, приводитъ извѣстія о немъ классическихъ писателей, рассказываетъ о появленіи здѣсь славянскаго племени и образованіи Запорожской сѣчи, о заслугахъ запорожцевъ и уничтоженіи сѣчи, объ основаніи города Херсона, о колонизаціи Новороссійской степи, гражданскихъ и церковныхъ мѣстныхъ дѣлахъ, о путешествіи въ Новороссійскій край императрицы Екатерины II и объ открытіи въ 1837 году самостоятельной епархіи Херсонской и Одесской.

Переходя въ третьей главѣ (стр. 28—47), къ учрежденію викаріата въ Херсонѣ, Е. К. предварительно даетъ историческую справку о возникновеніи хорепископовъ, или викаріевъ, въ христіанской церкви и опредѣляетъ ихъ права, а затѣмъ указываетъ причины образованія херсонскаго викаріата. Причины эти состояли въ томъ, что Херсонско-Одесская епархія имѣла обширные предѣлы, нуждалась въ огражденіи здѣсь незыблемости православія и утвержденіи за православной церковью господствующаго значенія, въ виду происковъ католиковъ, которые добились учрежденія въ Новороссійскомъ краѣ своей епархіи. Мысль объ учрежденіи викаріата въ Херсонѣ принадлежала знаменитому архіепископу Иннокентію Борису, которому и удалось исполнить предъ синодомъ назначеніе себя помощника; равнымъ образомъ по его ходатайству и католическій епископъ былъ удаленъ на жительство въ Саратовъ.

Въ четвертой главѣ (стр. 48—68) авторъ говоритъ о дѣятельности перваго одесскаго епископа Поликарпа Радкевича (1853—1858 г.), а затѣмъ—о его преемникахъ. Въ теченіе пятидесятилѣтія херсонскій викаріатъ имѣлъ своими представителями одиннадцать епископовъ, которые по мѣрѣ силъ,

умѣнія и способностей и помогали архіепископату Одессы въ управленіи обширной епархіей. Каждый изъ нихъ ознаменовалъ свое пребываніе на викаріатской кафедрѣ тѣми или иными выдающимися трудами. Такъ, епископъ Поликарпъ отличался благочестіемъ, кротостью, благотворительностью, рѣдкимъ добродушіемъ и простотою. Архіепископъ Иннокентій такъ отзывался о немъ: «мы воистину богаты этимъ человѣкомъ,—Господь послалъ его». Его преемникъ, епископъ Антоній Смолинъ (1858—1862 г.), извѣстенъ своими проповѣдями-импровизаціями, любовью къ церковному пѣнію. Третій викарій, преосвященный Софонія Сокольскій (1863—1871 г.), былъ человѣкъ замѣчательный. До викаріатства онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ въ должности настоятеля посольскихъ церквей въ Римѣ и Константинополѣ и руководилъ миссіей среди персидскихъ айсоръ въ Урміи, гдѣ перевелъ яковитскую литургію на русскій языкъ. Это былъ архинастырь ученый, дѣятельный, строгій исполнитель церковныхъ канонѡвъ и устава, справедливый и прямой, не допускавшій никогда никакихъ компромиссовъ, большой знатокъ и любитель церковнаго пѣнія. Очень удачно охарактеризовалъ епископа Софонію И. Н. Потапенко въ своемъ разсказѣ «До и послѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1892, г., январь, стр. 381—384).

Послѣ преосвященнаго Софоніи мѣсто херсонскаго викарія занялъ епископъ Навааниль Соборовъ (1872—1879 г.), который во время своего служенія въ Херсонѣ заявилъ себя, какъ опытный и краснорѣчивый церковный проповѣдникъ, часто назидавшій паству прекрасными поученіями, коихъ херсонцы не забыли и до настоящаго времени. Потомъ викаріемъ былъ Израиль Никулицкій (1879—1883 г.), архинастырь весьма добрый, кроткій и простой, отечески любившій паству и особенно дѣтей, хорошій проповѣдникъ. Слѣдующій по времени викарій—преосвященный Далматъ Долгополовъ (1883 г.), лишь нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ Херсонѣ, гдѣ и скончался. Седьмымъ викаріемъ былъ епископъ Николай Заркевичъ (1884—1885 г.), товарищъ по петербургской академіи извѣстнаго архіепископа Никанора Бровковича, второй магистръ академическаго курса, человѣкъ умный и ученый. И его пребываніе въ Херсонѣ было непродолжительно. Послѣ него викаріемъ состоялъ епископъ Іустинъ Полянскій (1885—1889 г.), извѣстный своими трудами о призрѣніи вдовъ и сиротъ духовенства, о благолѣпіи церковныхъ богослуженій, образованіи духовной молодежи; послѣ него осталось до 14 томовъ учено-богословскихъ и назидательныхъ сочиненій. Учеными трудами, относящимися преимущественно къ дѣлу православной миссіи въ Китаѣ, извѣстенъ и епископъ Николай Адоратскій (1890—1891 г.), девятый по времени херсонскій викарій. Послѣ него викаріемъ состоялъ Мемнонь Вишневскій, сперва епископъ елисаветградскій (1884—1891 г.), потомъ новомиргородскій (1891—1903 г.), т.-е. почти двадцать лѣтъ и безсмыбно бывшій въ савѣ викарнаго епископа. Примѣръ, кажется, единственный. Послѣднимъ новомиргородскимъ епископомъ, викаріемъ Херсонской епархіи, былъ преосвященный Кирионъ Садзагловъ, нынѣ епископъ орловскій. Въ теченіе непродолжительнаго пребыванія въ Херсонѣ онъ, между прочимъ, возбудилъ вопросъ объ учрежденіи въ этомъ городѣ церковно-археологическаго музея, намѣтивъ та-

кой кругъ его дѣятельности: 1) историческое обследованіе внѣшняго и внутренняго развитія мѣстной церковно-религіозной и общественной жизни, 2) изслѣдованіе и изученіе вещественныхъ памятниковъ старины, а также памятниковъ старины живой—въ видѣ мѣстныхъ народныхъ обычаевъ, преданій и пѣсень, 3) приведеніе въ извѣстность и описаніе всякаго рода памятниковъ древности и архивовъ церквей, монастырей, епархіальныхъ и другихъ учрежденій, 4) наблюденіе за сохранностью старинныхъ храмовъ и другихъ церковныхъ сооруженій, кладбищъ, надгробныхъ и прочихъ памятниковъ, старинныхъ церковныхъ принадлежностей, письменныхъ документовъ и принятіе мѣръ противъ ихъ порчи, истребленія и расхищенія, 5) собраніе и храненіе памятниковъ старины, церковно-религіозныхъ и другихъ и 6) распространеніе въ обществѣ церковно-историческихъ и археологическихъ свѣдѣній, возбужденіе вниманія и интереса къ древностямъ, устройство археологическихъ выставокъ и публичныхъ чтеній и т. п. Проектъ епископа Киріона былъ представленъ на разсмотрѣніе и утвержденіе святѣйшаго синода (глава XI, стр. 154—160).

Описавъ дѣятельность викарныхъ архіереевъ Херсонской епархіи и отмѣтивъ характерныя черты каждаго изъ нихъ, авторъ разсматриваемаго сочиненія приводитъ инструкціи, которыми викаріи руководились (глава X), представляетъ общій взглядъ на ихъ труды и значеніе для епархіи, а въ заключеніи своего церковно-историческаго очерка (стр. 175—176) высказывается въ пользу раздѣленія Херсоно-Одесской епархіи на двѣ самостоятельныя. Побудительнымъ основаніемъ къ такому раздѣленію указывается отсутствіе въ Херсонѣ, городѣ губернскомъ, самостоятельной епископской кафедрѣ, что наблюдается часто въ Привислинскомъ краѣ, неудобство сообщеній Херсона съ Одессой, особенно зимой, большое количество православнаго населенія въ епархіи и обиліе католиковъ. Безспорно, и этотъ проектъ заслуживаетъ вниманія духовной власти.

Въ приложеніяхъ (стр. 177—183) помѣщены—списокъ епархій Новороссійскаго края съ 1775 года и посланіе Никифора, архіепископа славянскаго и херсонскаго, къ старообрядцамъ отъ 16-го іюля 1780 года. Послѣдній документъ взятъ изъ книги Ап. Скальковскаго о Новороссійскомъ краѣ, но дополненъ частнымъ писемомъ объ этомъ посланіи.

Книга Е. К., несмотря на узкій предметъ изслѣдованія, читается съ интересомъ, такъ какъ почтенный авторъ освѣтилъ вопросъ яркимъ дополнительнымъ свѣтомъ, не исключая даже беллетристическихъ очерковъ. Дѣятельность викарныхъ архіереевъ разсматривается въ связи съ общей исторіей края и епархіи, при свѣтѣ ихъ предшествующихъ и послѣдующихъ трудовъ. Главную же цѣнность труду придаетъ его документальность, покоящаяся на архивныхъ матеріалахъ. Вообще, какъ трудъ по вопросамъ мѣстной исторіи, церковно-историческій очеркъ основанія и дѣятельности викаріата въ Херсонѣ долженъ занять видное мѣсто въ группѣ аналогичныхъ произведеній.

Σ.

**У. Г. Иваскъ. Описаніе русскихъ книжныхъ знаковъ (Ex-Libris).
Москва. 1905.**

Литература объ Ex-Libris'ахъ, или книжныхъ знакахъ, у насъ очень не богата. Есть цѣнный трудъ В. А. Верецагина: «Русскій книжный знакъ» (Спб., 1902), въ которомъ авторъ знакомитъ читателя съ появленіемъ въ Россіи книжныхъ знаковъ, даетъ ихъ исторію и далѣе предлагаетъ совѣты собирателямъ Ex-Libris'овъ, или книжныхъ знаковъ, какъ ихъ удобнѣе классифицировать, разбирать.

У. Г. Иваскъ въ названномъ трудѣ задался другой задачей: онъ хочетъ знакомить съ книжными знаками русскихъ собирателей книгъ, и только. Поэтому вышеназванное изданіе является какъ бы альбомомъ русскихъ книжныхъ знаковъ. Правда, кромѣ описанія, сообщается иногда точно, но чаще приблизительно время возникновенія знака, также сообщается иногда, кто рисовалъ и гдѣ напечатанъ; затѣмъ сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о владѣльцахъ этихъ книжныхъ знаковъ, но, конечно, эти свѣдѣнія даются не о всѣхъ лицахъ, а только о тѣхъ, о которыхъ удалось собрать свѣдѣнія, и далѣе нѣсколько словъ объ ихъ книжныхъ собраніяхъ.

Въ Ex-Libris'ы въ книгѣ У. Г. Иваска размѣщены въ двухъ отдѣлахъ: въ первомъ—высочайшихъ особъ и во второмъ—«частныхъ лицъ, учреждений, библиотекъ общественныхъ и для чтенія»; послѣдній отдѣлъ въ алфавитномъ порядкѣ. Благодаря такому размѣщенію, рядомъ съ геральдическимъ книжнымъ знакомъ (я говорю не про текстъ, а про рисунки) находится или аллегорическій, или орнаментальный, и въ общемъ отъ просмотра книги У. Г. Иваска остается въ головѣ одинъ сумбуръ. Много, много теряетъ интересная книга г. Иваска отъ такого расположенія.

Авторъ въ предисловіи говоритъ: «Цѣль и задача настоящаго изданія—подѣлиться съ любителями русскихъ книжныхъ знаковъ тѣми данными и матеріалами по собиранію этихъ незамѣтныхъ и неложныхъ свидѣтелей любви къ книгѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показателей развитія образованности въ русскомъ обществѣ (?), которые накопились у меня за послѣдніе 3—4 года, т.-е. за время, когда интересъ къ этимъ знакамъ явился и у насъ въ Россіи. Уже одно то обстоятельство, что не болѣе какъ лѣтъ пять тому назадъ у насъ не было и помину о такихъ коллекціяхъ, а теперь ихъ насчитываютъ десятками, журналы интересуются этимъ вопросомъ (?), и многіе лучшіе художники прилагаютъ свой талантъ на созданіе книжныхъ знаковъ, ясно свидѣтельствуетъ, что увлеченіе это явилось совершенно своевременнымъ и насущнымъ. А разъ это такъ, то для всякаго любителя, какъ начинающаго, такъ и обладающаго хорошимъ собраніемъ, несомнѣнно было бы очень интересно имѣть подъ рукой нѣчто въ родѣ пракческаго руководства, которое дало бы ему свѣдѣнія о возможно большемъ количествѣ пзвѣстныхъ уже типовъ русскихъ книжныхъ знаковъ, ихъ вариантахъ»...

Литература, объ Ex-Libris'ахъ у насъ очень бѣдна (всего 3 или 4 отдѣльныхъ изданія), отсюда и понятно, что, такъ сказать, на первыхъ шагахъ дѣлаются ошибки. Крупной ошибкой является, по моему мнѣнію, такое распре-

дѣленіе книжныхъ знаковъ въ книгѣ Иваска. Надо надѣяться, что любители быстро раскупятъ это изданіе, и второе изданіе своего труда У. Г. Иваскъ выпуститъ классифицированнымъ, тогда не будетъ передъ глазами этой нестроты, безиорядка.

Мнѣ кажется, что въ вышеназванной книгѣ болѣе попадаются «геральдическіе» книжные знаки, т. е. съ изображеніемъ родовыхъ гербовъ.

Болѣе оригинальными мнѣ показались книжные штемпеля у Д. И. Кабанова и у Н. И. Познякова.

У перваго штемпель четырехгранный, размѣромъ 30×62 миллиметровъ, съ надписью: «Желающій можетъ эту книгу взять себѣ. Тотъ, кому она не нужна, пусть ея не рветъ, а передастъ другому» (конца XIX ст.) (145 стр.).

У Н. И. Познякова штемпель совершенно противоположный по содержанию, онъ задуманъ какъ послѣднее средство отъ расхищенія, воровства книгъ (виноваты! вѣдь книгъ не воруютъ, а зачитываютъ).

Штемпель размѣромъ 10×40, съ надписью въ двѣ строки: «Эта книга украдена у Н. И. Познякова» (конца XIX ст.) (232 стр.).

Въ трудѣ У. Г. Иваска приведено 411 рисунковъ разныхъ Ex-Libris'овъ, но описано нѣсколько тысячъ ихъ, потому что нѣкоторые книжные знаки безъ всякаго рисунка, а другіе имѣли одинъ рисунокъ, но отличались только цвѣтомъ бумаги и краской для отпечатыванія и т. п.

Рисунки въ книгѣ У. Г. Иваска воспроизведены образцово, и вообще книга производитъ пріятное впечатлѣніе, и потому нельзя не пожелать ей успѣха.

Надо надѣяться, что трудъ г. Иваска обратитъ вниманіе на книжные знаки и тѣхъ любителей книгъ, которые до сихъ поръ не обращали пока на нихъ вниманія.

П. Д.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. Переводъ подъ редакціей А. С. Яценко съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго, съ приложеніемъ текста важнѣйшихъ конституцій. Изданіе В. М. Саблина. Москва. 1905.

Названная книга извѣстнаго американскаго государствовѣда, профессора Принстонскаго университета, Вудро Вильсона, вышла въ русскомъ переводѣ весьма кстати. Нигдѣ, кажется, тѣмъ болѣе въ русской литературѣ государственнаго права, не было до сихъ поръ сочиненія, которое давало бы краткій, но полный и вполне научно обработанный обзоръ историческаго развитія и современныхъ типовъ главнѣйшихъ формъ государственнаго устройства и управленія. Между тѣмъ наше время настоятельно требуетъ отъ русскихъ людей возможно основательнаго и серьезнаго политическаго образованія и воспитанія, безъ которыхъ немислимо настоящее гражданство съ его уваженіемъ къ закону, сознаніемъ своихъ обязанностей и правъ каждой отдѣльной личности. Въ кругъ такого образованія непременно входитъ знакомство съ исторіей развитія и современнымъ состояніемъ основныхъ формъ государственнаго устройства, такъ что въ этомъ отношеніи переводъ книги В. Вильсона, широко распространенной въ Америкѣ, Англій и Франціи, является для насъ

цѣннымъ вкладомъ, заслуживающимъ благодарности, вниманія и распространенія. Чтобы показать исторію зарожденія и постепеннаго историческаго развитія основныхъ началъ конституціоннаго строя Европы, В. Вильсонъ начинаетъ свое сочиненіе съ изложенія древнѣйшихъ формъ правительства и подробно разсматриваетъ государственный строй Греціи и Рима (стр. 1 — 142). Затѣмъ «политика и правительство германцевъ въ средніе вѣка» (стр. 143—174) служитъ переходной главой къ обзору устройства нѣкоторыхъ современныхъ государствъ, который начинается съ Франціи еще монархической, постепенно развивающейся въ современную демократическую республику. Далѣе въ исторической перспективѣ излагается государственный строй Германіи, какъ типичной формы федеральной имперіи; Швейцаріи — одного типа федеральной республики; Австро-Венгрии — дуалистической монархіи и недавно бывшихъ ею Швеціи и Норвегіи; Англіи — демократической монархіи и Соединенныхъ Штатовъ — какъ другого типа федеральной республики. Россіи не дано мѣста въ книгѣ, такъ какъ по своему государственному устройству, особенно до манифеста 6-го августа, она совершенно не подходила подъ рамки западнаго конституціоннаго строя, въ основныхъ своихъ чертахъ общаго всѣмъ названнымъ типамъ. Россія требовала, по мнѣнію самого автора (см. его предисловіе), особой главы, которою онъ не хотѣлъ увеличивать и безъ того большой объемъ книги. Въ заключеніе дѣлаются общіе выводы (стр. 496—559) о развитіи конституціоннаго и административнаго права, о природѣ и формахъ правительства, его функціяхъ и цѣляхъ. Эти общія положенія именно въ концѣ книги Вильсона вполне понятны, потому что на образованіе государствъ и правительствъ онъ смотритъ, какъ на фактъ, подлежащій историко-догматическому изслѣдованію и необъяснимый никакими предвзятыми гипотезамп. Поэтому-то всюду въ своей книгѣ онъ пользуется сравнительно историческимъ методомъ и въ своихъ обобщеніяхъ оперируетъ только вполне достовернымъ историческимъ матеріаломъ.

Приложеніе книги составляютъ тексты главнѣйшихъ конституціонныхъ актовъ Франціи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи, Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгрии, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Бельгіи. Надо замѣтить, что ихъ, повидимому, нѣтъ въ американскомъ подлинникѣ, какъ нѣтъ и во французскомъ двухтомномъ переводѣ Вильгельма (W. Wilson, *L'Etat. Eléments d'histoire et de pratique politique. Trad. I. Wilhelm. Paris. 1902*), и это составляетъ заслугу русскаго переводчика, потому что на русскомъ языкѣ нѣтъ изданія иностранныхъ конституцій, и работающимъ въ области государственнаго права приходится обращаться къ изданію Дареста (*Dareste. Les constitutions modernes, 2 vol., Paris.*), едва ли доступному широкому кругу обыкновенныхъ читателей. Между тѣмъ догма всякаго права лучше всего усвоится непосредственно по тексту законодательныхъ актовъ. Предметный указатель (I—XVI), заканчивающій книгу, и библиографическіе указатели въ концѣ каждой главы дѣлаютъ ее очень удобной для мелкихъ справокъ, такъ что ее, въ качествѣ надежнаго руководства, можно совѣтовать всякому, серьезно интересующемуся, или спеціально занимающемуся наукою государственнаго права. Предисловіе извѣстнаго профессора М. М. Ковалевскаго посвящено главнымъ образомъ

указанію основныхъ чертъ такъ называемаго правового государства и служить хорошимъ введеніемъ къ книгѣ Вильсона, которую нашъ профессоръ очень рекомендуетъ, отзываясь о ней очень лестно. П. В. В.

П. Жузе. Грузія въ XVII столѣтіи по изображенію патріарха Макарія. Казань. 1905.

Патріархъ Макарій принадлежалъ къ числу просвѣщенныхъ и дѣятельнѣйшихъ іерарховъ православнаго Востока новаго времени. Онъ долгое время (1648—1672 г.) занималъ патріаршую кафедру въ антиохійской церкви и принималъ большое и плодотворное участіе въ современной церковно-общественной жизни Сиріи. Его архипастырское вѣдѣніе простиралось и за предѣлы антиохійскаго патріархата. Извѣстно, что патріархъ Макарій дважды пріѣзжалъ въ Россію: первый разъ въ 1655 году для сбора пожертвованій въ пользу своей бѣдной и разоренной мусульманами церкви, а второй разъ въ 1666 году по приглашенію царя Алексѣя Михайловича для участія въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ. Во время того и другого путешествія Макарія въ Россію его сопровождалъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій, составившій весьма подробное, интересное и въ научно-историческомъ отношеніи важное описаніе этого странствованія. Описаніе касается Малой Азіи, Молдовалахіи, Малороссіи и, главнымъ образомъ, Великороссіи. Этотъ замѣчательный трудъ Павла Алеппскаго переведенъ съ арабскаго языка на русскій профессоромъ Лазаревскаго института, Г. А. Муркосомъ. Въ свое время на страницахъ нашего журнала былъ помѣщенъ обстоятельный обзоръ этого изданія.

Предъ нами теперь второй замѣчательный трудъ антиохійскаго патріарха Макарія, касающійся Грузіи. Макарій для второго своего путешествія въ Москву избралъ новый и весьма трудный путь чрезъ всю Малую Азію и Кавказъ, а затѣмъ по Каспійскому морю и Волгѣ. Тѣмъ же путемъ онъ и возвратился въ Сирію. Въ общемъ Макарій провелъ въ Грузіи не менѣе двухъ лѣтъ. Какъ человекъ просвѣщенный и энергичный, онъ живо интересовался окружающею дѣйствительностью, знакомился съ исторіей грузинъ и современнымъ ихъ бытомъ, входилъ въ сношенія съ представителями церкви и народа и оказывалъ то или иное вліяніе на жизнь грузинскаго духовенства и мірянъ. По возвращеніи изъ путешествія, Макарій самъ составилъ (послѣ 1669 года) его описаніе, которое и является какъ бы дополненіемъ къ большому аналогичному труду Павла Алеппскаго. Арабскій текстъ этого труда Макарія сохранился въ одной изъ рукописей Ватиканской бібліотеки. Г. Жузе, родомъ сиріецъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи фотографическую копію оригинала, полученную отъ извѣстной ориенталистки О. С. Лебедевой, почетной предсѣдательницы общества востоковѣдѣнія. Въ отмѣченной брошюрѣ г. Жузе и опубликовалъ арабскій текстъ, напечатанный вмѣстѣ съ русскимъ его переводомъ. Изданіе представляетъ большой интересъ.

Рассказъ антиохійскаго патріарха Макарія о Грузіи начинается краткимъ повѣствованіемъ о принятіи грузинскимъ народомъ христіанства и о судьбѣ церкви въ Грузіи (стр. 7—11). Арабскій писатель утверждаетъ, что первая

проповѣдь въ Грузіи была возглашена апостоломъ Андреемъ, но потомъ грузины впали въ прежнее невѣріе. Вторично христіанство было здѣсь проповѣдано «случайно попавшей къ грузинамъ плѣнницей» — св. Ниной (IV в.), которая обратила ко Христу и влстителя Грузіи, Маріана. Послѣдній, по совѣту Нины, отправилъ къ византійскому императору Константину Великому посольство съ просьбой прислать въ Грузію архіерея для крещенія народа и ознакомленія его съ основными положеніями христіанской религіи. По волѣ Константина, въ Грузію прибылъ антиохійскій патріархъ Евстаѳій, окрестилъ грузинъ, построилъ для нихъ церкви, посвятилъ духовенство. Такъ создалась зависимость грузинской церкви отъ антиохійскаго патріарха. Но послѣ того какъ Антиохія и вся Сирія были завоеваны мусульманами, Грузія получила условную самостоятельность и стала управляться своимъ католикосомъ.

Сообщивъ краткія свѣдѣнія о христіанствѣ въ Грузіи, патріархъ Макарій переходитъ къ описанію религіозно-нравственнаго состоянія грузинскаго народа въ XVII вѣкѣ. Въ первой части этого повѣствованія (стр. 11—36) авторъ говоритъ преимущественно о недостаткахъ въ жизни грузинъ и рисуетъ очень мрачную картину ихъ религіозно-нравственнаго и общественнаго быта. При дворѣ господствовали политическія интриги и нравственная распущенность, вызвавшія упадокъ власти и повлекшія зависимость страны отъ Турціи, султану которой платилась дань. Архіереи плохо учили народъ, обращались съ грузинами, какъ съ крѣпостными, продавали въ рабство и всячески ихъ эксплуатировали. Духовенство было невѣжественно и деморализовано, не исполняло и даже не понимало своихъ обязанностей. Народъ также коспѣлъ въ невѣжествѣ и сусвѣріяхъ.

Но это лишь одна сторона дѣла. На ряду съ пороками у грузинъ было и много достоинствъ. Патріархъ Макарій, какъ безпристрастный изслѣдователь жизни и быта грузинъ, отмѣчаетъ въ своемъ трудѣ и рядъ хорошихъ качествъ и свѣтлыхъ сторонъ въ общественномъ положеніи грузинскаго народа. Къ хорошимъ чертамъ грузинъ онъ относитъ то, что они, видя недостатокъ духовныхъ лицъ, не осуждаютъ ихъ, но продолжаютъ почитать и уважать. Затѣмъ, они безъ ропота переносятъ постигающія ихъ бѣдствія — разореніе домовъ, плѣнъ, лишеніе дѣтей и т. п., большею частію милосердны, добры, религіозны, любятъ присутствовать въ храмѣ за богослуженіемъ, поминаютъ умершихъ, не знаютъ сознательнаго отрпцанія религіи. Большинство грузинскихъ женщинъ, особенно знатныхъ, несорочны, богобоязненны, добрыя хозяйки и усердныя благотворительницы, любятъ читать и списывать священныя и душеполезныя книги. Знатныя женщины имѣютъ при себѣ просвѣщенныхъ монахинь, съ которыми и проводятъ время въ молитвѣ, богомыслии и благотвореніяхъ. При частыхъ переѣздахъ съ своими мужьями, дѣтьми и прислугой съ одного мѣста на другое, грузинскія дамы берутъ съ собою иконы, украшенныя драгоценными камнями, и непрестанно молятся, возжегши предъ ними восковыя свѣчи. Онѣ усердно исполняютъ и постъ. Мужчины не столь ревностны въ дѣлахъ вѣры, но и они почтительны къ духовенству и стараются добросовѣстно исполнять христіанскія обязанности. Далѣе, когда тотъ или другой грузинъ говоритъ съ человѣкомъ болѣе высокаго положенія, онъ во все время разго-

вора стоит на правом колѣнѣ и внимательно слушаетъ и почтительно отвѣчаетъ. Они со вниманіемъ слушали духовныя бесѣды патріарха Макарія, запоминали ихъ и скоро пенили. Грузины питаютъ большую привязанность къ священнымъ реликвіямъ. Ихъ храмы украшены драгоценными иконами и снабжены богатой утварью. Въ Грузіи существуетъ много царскихъ церквей, построенныхъ представителями власти прежняго времени. Въ каждой грузинской церкви находится, по словамъ патріарха Макарія, громадная книга, хранящаяся на большомъ аналоѣ на клиросѣ и заключающая въ себѣ всѣ богослужебныя книги, въ которыхъ нуждаются вѣрующіе. Одно изъ хорошихъ качествъ грузинъ состоитъ въ томъ, что, принимая у себя иностранца или почетнаго гостя, хозяинъ самъ и прислуживаетъ ему. Страна грузинъ богата прекрасными мѣстностями. «Что касается вина, то его такъ много, что грузины во время пирушекъ пьютъ его чашками, но, окончивъ пирушку, каждый изъ нихъ чинно и съ соблюденіемъ приличій встаетъ и уходитъ, такъ что и не приходится видѣть, чтобы кто нибудь въ пьяномъ видѣ нарушилъ порядокъ, затѣялъ ссору или драку, хотя они всегда ходятъ вооруженными. Въ этомъ отношеніи грузины, — продолжаетъ Макарій, — совсѣмъ не походятъ на нѣкоторыхъ господъ у насъ въ Сиріи, которые, какъ только соберутся попить, непременно затѣютъ между собой ссору и драку и не разойдутся, пока не нанесутъ другъ другу разныхъ оскорбленій и вреда». За трапезой грузины обыкновенно распеваютъ пѣсни въ честь своихъ господъ и священниковъ, или же высокими голосами поютъ церковныя пѣнопѣнія, такъ какъ они не знаютъ свѣтскихъ пѣсенъ или стихотвореній. Эти же пѣнопѣнія поютъ грузинскіе нищіе и крестьяне во время своихъ полевыхъ работъ, сбора винограда и т. п. Грузины, по свидѣтельству Макарія, обладаютъ большими и удивительными позваніями, особенно въ области логики. Они не занимались торговлей, считая ее унижительною для себя и предоставляя это дѣло армянамъ, евреямъ и грекамъ. По смерти родныхъ и родственниковъ, грузины бреютъ бороды и усы, безобразятъ свои лица, рвутъ свои новыя платья, отказываются отъ мяса и рыбы. Такъ поступаютъ и женщины, которыя горько оплакиваютъ умершихъ. Многіе изъ грузинъ добровольно расходятся съ женами и поступаютъ въ монастыри, а жены ихъ также постригаются въ монашество. Поэтому въ Грузіи очень много монаховъ и монахинь. Воздержаніе грузинъ въ пищѣ—поразительное: взрослые довольствуются въ теченіе дня однимъ кускомъ хлѣба, съ лукомъ или чеснокомъ и кускомъ сыра. Въ Грузіи очень много рыбы, но рыбаковъ мало, потому что грузины вообще не любятъ рыбной пищи. Патріархъ Макарій также говоритъ во второй части своего труда о власти двухъ грузинскихъ католиковъ, перечисляетъ имеретинскія и кахетинскія епархіи, говоритъ о двухъ грузинскихъ прифтахъ—церковномъ и свѣтскомъ, о борьбѣ имеретинцевъ съ мингрельцами (стр. 36 — 60).

Въ заключеніи разсказа о Грузіи сообщается краткое сказаніе о чудесахъ св. Георгія, котораго грузины особенно чтутъ, и которому здѣсь посвящены очень многіе храмы (стр. 60 — 63).

Вообще, изданіе г. Жузе очень интересно по содержанію и является полезнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о Грузіи XVII вѣка, о которой су-

ществуютъ въ наукѣ крайне ограниченныя свѣдѣнія, особенно относительно церковной жизни страны. Что касается объективности и достовѣрности новаго труда антиохійскаго патріарха, то, повидимому, нѣтъ основанія отрицать ихъ, такъ какъ грузинскія хроники и сообщенія иностранцевъ могутъ подтвердить свидѣтельства арабскаго источника. Надо полагать, историческій трудъ Макарія о Грузіи находится въ одинаковомъ достоинствѣ съ извѣстнымъ описаніемъ его путешествія по Россіи. Σ.

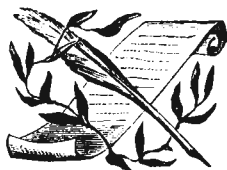
Списокъ книгъ, вышедшихъ въ Россіи въ 1904 году. Спб. 1905.

Въ названномъ изданіи значатся книги, поступившія въ 1904 году въ главное управленіе по дѣламъ печати, а списокъ расположенъ по мѣсяцамъ. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель, благодаря которому справки дѣлать довольно легко и удобно.

Нельзя не пожалѣть, что къ списку книгъ не приложенъ указатель журнальныхъ статей, который такъ необходимъ для справокъ, особенно нашимъ провинціальнымъ библіотекамъ. Въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, не говоря уже про уѣздные, библіотеки для чтенія насчитываютъ подписчиковъ не сотнями, а лишь только десятками, и потому на книжныя новинки онѣ могутъ расходовать крайне экономно и осторожно. Вотъ имъ-то и сослужилъ бы добрую службу указатель журнальныхъ статей при отыскиваніи сочиненій, которыя, до выхода въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, печатались въ общедоступныхъ журналахъ.

Прежде этия розысканія много помогалъ «Библиографъ», а теперь указатель къ періодическимъ изданіямъ печатается въ «Извѣстіяхъ товарищества Вольфа», но тамъ печатается, во-первыхъ, оглавленіе не всѣхъ журналовъ, а, во-вторыхъ, и списокъ статей нѣкоторыхъ журналовъ далеко не полонъ.

Б—ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТЕНСКАЯ республика въ началѣ VIII вѣка. Едва ли есть въ исторіи еще примѣръ подобной республики, о какой рассказываетъ въ первомъ августовскомъ номерѣ «Revue Bleue» Жоржъ Дюборъ, воспользовавшійся свѣдѣніями изъ хроникки Далимила ¹⁾. Эта революція произошла въ Богеміи въ началѣ VIII вѣка, и зачинщиками, впрочемъ и участниками, были исключительно женщины. Послѣ смерти короля Крока, старѣйшаго вождя славянъ, поселившихся въ Богеміи, или, какъ они называли, Чехіи, его младшая дочь Любуша, предназначенная царствовать, окружила себя почетной стражей исключительно изъ женщинъ, а начальство надъ нею поручила своей молодой подругѣ, Властѣ. Принужденная выйти замужъ, она избрала себѣ мужемъ богатаго владѣльца стадъ, Пржемысла. Когда въ 735 году она умерла, то Власта, сознавая, что ее со всѣми ея солдатами-женщинами тихій Пржемыслъ отошлетъ по домамъ, рѣшилась возмутить всѣхъ ихъ и взять власть въ свои руки. Это была крайне честолюбивая женщина и необыкновенно энергичная и сильная, какъ нравственно, такъ и физически. Къ тому же она обладала даромъ колдовать, что было очень важно въ то отдаленное время, и еще не менѣе значительнымъ даромъ—способностью выразительно говорить, что обаятельно влияло на ея отрядъ. Собравъ всѣхъ женщинъ на холмѣ Видовлѣ, недалеко отъ Праги, она краснорѣчиво принялась ихъ убѣждать, что слѣдуетъ прибѣгнуть къ единственному средству—мятежу, если онѣ не хотятъ возвращаться къ подлому и пошлому существованію въ семейномъ очагѣ, подъ тиранической гнетъ отцовъ и мужей и для занятія черными домашними работами. Слова Власты были столь краснорѣчивы, что ея товарки, не задумываясь, согласились слѣдовать за нею повсюду и даже избрали ее своимъ вождемъ. У подножья Видовля находился выстроенный

¹⁾ Une république de femmes, par Georges de Dubor. «Revue Bleue». 3 Août 1905.

богатымъ владѣльцемъ стада, Мотелемъ, замокъ, окруженный тучными пастбищами, на которыхъ паслись многочисленные стада. И вотъ темной ночью, по данному Властой знаку, ея солдаты бросились на замокъ, разломали двери, ворвались туда, задушили всѣхъ обитателей, спавшихъ крѣпкимъ сномъ, и овладѣли этимъ великолѣпнымъ замкомъ. Смѣлый поступокъ Власты еще болѣе увеличилъ ея обаяніе, и остальные молодыя женщины и дѣвушки бросились къ ней въ качествѣ рекрутовъ, составивъ вскорѣ очень значительный отрядъ. Прежде всего Власта рѣшила обезпечить себѣ надежное существованіе, для чего стала устраивать на Видовльскомъ холмѣ замокъ-крѣпость, а тѣмъ временемъ организовала по-военному свое войско, распредѣляя солдатъ по отрядамъ въ десять и сто человѣкъ и поставивъ во главѣ ихъ смѣлыхъ и доблестныхъ начальницъ. Покончивъ съ этимъ, она раздѣлила свои военныя силы на двѣ части: одну оставила въ Видовль, подъ начальствомъ молодой женщины, по имени Жбеневы, покинувшей мужа и дѣтей, а другую отвела въ замокъ Дьвингъ, только что ею захваченный и укрѣпленный вновъ выстроенной крѣпостью. Вокругъ замка она создала обширное поле, на которомъ солдаты учились владѣть оружіемъ и занимались борьбой или бѣгомъ. Въ праздничные дни на немъ устраивались настоящіе турниры подъ предсѣдательствомъ Власты, и она лично оцѣнивала ловкость и силу своихъ солдатъ, поощряя ихъ подарками. По окончаніи этихъ испытаній устраивалось богатое торжество, во время котораго подавались кубки съ волшебнымъ напиткомъ. Обыкновенно эти шны заканчивались ужасными проклятіями, произносимыми противъ мужчинъ. Власта держала своихъ солдатъ въ безпрестанныхъ упражненіяхъ, заставляя ихъ продѣлывать внезапныя нападеныя, во время которыхъ мужчинамъ перерѣзывали горла или вводили ихъ въ качествѣ узниковъ и заставляли производить тяжелыя работы на крѣпостныхъ постройкахъ. Всѣ поступки Власты вскорѣ возбудили всеобщее негодованіе. Сначала Пржемысль не придавалъ большого значенія этому женскому возстанію, полагая, что оно само собою окончится. Но шли мѣсяцы, и этотъ мятежъ принималъ все болѣе и болѣе опасную окраску. Пржемысль рѣшился жестоко покарать Власту и ея воинновъ. Онъ послалъ подъ начальствомъ Самосласа нѣсколько отрядовъ, чтобы овладѣть Дьвиной. Въ то время какъ королевскій офицеръ, прибывъ къ замку, сталъ раскидывать тамъ свой лагерь, надѣясь испугать амазонокъ, Власта произнесла рѣчь предъ своими воинами. Сначала она возбудила въ нихъ храбрость, напоминая о древнихъ амазонкахъ, затѣмъ вскочила на лошадь и, сопровождаемая своими солдатами, неожиданно напала на лагерь чеховъ. Пораженные этой неожиданной атакой, солдаты хотѣли пуститься въ бѣгство, но конница Власты остановила ихъ, и началась настоящая бойня: самъ ихъ начальникъ Самосласъ получилъ смертельный ударъ сѣкирой. Власта побѣдносно возвратилась, забравъ съ собою лошадей и оружіе побѣжденныхъ, которое раздала своимъ храбымъ воинамъ. Послѣ этого прошло нѣсколько мѣсяцевъ; наступила зима, не позволявшая предпринимать новыхъ набѣговъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Власта распространила слухъ, что между нею и Пржемысломъ заключено перемиріе, и мужчины свободно могутъ являться въ Дьвингъ. Прѣжніе родственники и друзья молодыхъ воинственныхъ женщинъ посѣщали восполь-

зоваться случаемъ п явились въ Девинъ кто изъ привязанности, кто изъ любопытства. По приказанію Власты женщины оказали имъ самый радушный пріемъ и сказали: «Мы жестоко обижены обращеніемъ Власты и хотимъ отъ нея избавиться. Приходите сегодня ночью, какъ можно въ большемъ количествѣ, и спрячьтесь въ оврагѣ замка. Въ полночь мы откроемъ вамъ вѣшнія ворота, и вы поможете намъ въ нашемъ мятежѣ». Довѣряя ихъ словамъ, сотня молодыхъ людей явилась въ назначенное время въ оврагѣ замка. Въ то время, какъ они ожидали, лежа на травѣ, спрятавшаяся Власта съ своимъ отрядомъ бросилась на нихъ. Произошла страшная рѣзня. Только пятерымъ удалось спастись: всѣ были перерублены. Уцѣлѣвшіе молодые люди отправились къ Пржемыслу и сообщили ему о печальной участи ихъ товарищей. Слухи о Властѣ разростались, и къ ней являлись новые рекруты женскаго пола. Ея смѣлость еще болѣе увеличилась, и во время своихъ неожиданныхъ набѣговъ она захватывала многихъ въ плѣнъ п въ большинствѣ отправляла въ Видовлу, центръ этой женской республики. Несчастныхъ запирали на ночь въ подземелья, охраняемая женщинами; днемъ же они занимались различными работами, согласно ихъ силамъ и ловкости. Сознвая, что мужчина необходимъ для продолженія рода чешскаго народа, Власта собрала своихъ женщинъ-солдатъ п предложила имъ слѣдующій законъ: 1) если въ Чехіи родится младенецъ мужскаго пола, то ему отрубать большой палецъ правой руки и вырвать правый глазъ, чтобы онъ не могъ владѣть саблей или лукомъ; 2) если родится дѣвочка, ей сожгутъ правую грудь, чтобы впоследствии ничто не мѣшало ей въ искусствѣ владѣть оружіемъ; 3) мужчинамъ запрещается подъ угрозой смерти носить какое бы ни было оружіе; они могутъ ѣздить верхомъ, но только по-женски; тѣ кто осмѣлятся ѣхать иначе, будутъ наказаны смертною казнью; 4) мужчины могутъ управлять сохой и исполнять всѣ работы, какъ рабы; однѣ только женщины будутъ носить оружіе и сражаться; 5) молодыя дѣвушки сами будутъ выбирать себѣ мужей, какіе имъ понравятся; отказавшіяся отъ ихъ выбора подвергнутся смертною казни. Всѣ женщины-солдаты единодушно приняли этотъ законъ и признали его примѣнимымъ во всей Чехіи. Это обстоятельство еще болѣе возмутило чеховъ. Пржемыслъ вмѣшался въ это дѣло, но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать силой, рѣшился прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ, какими такъ ловко пользовался его непріатель. Онъ отправилъ къ Властѣ герольда, прося ее прислать одну изъ ея офицершъ для передачи важнаго сообщенія. Власта избрала для этого порученія Кимбовію и Добромилу. Король принялъ ихъ радушно п сказалъ: «Я отягченъ лѣтами и не могу управлять государствомъ; моему сыну, Незамыслу, только четырнадцать лѣтъ, и онъ не можетъ царствовать. Я такъ восторгаюсь Властой, что рѣшился вручить ей власть. Я поручаю ей воспитаніе сына. Скажите ей, чтобы она прислала воиновъ овладѣть этимъ замкомъ». Власта съ радостью приняла это предложеніе и тотчасъ отправила отрядъ въ пятьдесятъ солдатъ, подъ командою Доброславы и Родславы. Король принялъ ихъ по-царски и задалъ великолѣпное празднество. Въ концѣ торжества сотня молодыхъ людей, спрятавшихся въ замкѣ, ворвалась въ залъ и убила пятьдесятъ amazонокъ. Ихъ тѣла, разрубленные на

куски, были разбросаны на дворѣ и сдѣлались добычей собакъ и ястребовъ. Когда Власть сказали объ этой рѣзни, она поклялась страшно отомстить. Нѣсколько дней спустя, она узнала, что одинъ изъ офицеровъ короля съ эскортомъ въ двадцать человѣкъ долженъ отправиться въ сосѣдній городъ, и рѣшила его убить. Для этого она послала пятьдесятъ амазонокъ, подъ командой Чарки. Эта хитрая женщина спряталась въ лѣсу недалеко отъ мѣста, гдѣ долженъ былъ проѣзжать отрядъ короля. Повѣсивъ возлѣ охотничій рогъ и поставивъ чашу съ медомъ, она легла на опушкѣ дороги, велѣла связать себѣ руки и ноги, а спутницамъ приказала спрятаться въ лѣсу и появиться при звукахъ рога. Когда показался офицеръ, она начала стонать, и послѣдній съ солдатами приблизился къ ней и освободилъ ее. Она рассказала, что, отправившись на охоту съ родственникомъ и отцемъ, она отстала и по несчастію встрѣтила отрядъ Власты. Отказавшись слѣдовать за нимъ, она была связана. Ее насильно хотѣли увезти, но, услышавъ стукъ подковъ лошадей офицера, амазонки бросили ее. «Сжальтесь надо мною, — молила она, — верните меня къ отцу». Офицеръ освободилъ ее и принялся разговаривать съ ней. Она заставила его и солдатъ выпить меда, приготовленнаго изъ растеній, дѣйствующихъ временно на мозгъ. Тогда по звуку рога выскочили остальные амазонки, убили всѣхъ солдатъ, а офицера увели въ Дьвинскій замокъ. Когда Власть узнала объ этомъ, то пришла въ неистовый восторгъ, приказала воздвигнуть висѣлицу на берегу рѣки Молдовы, выставить тамъ на показъ офицера, а затѣмъ умертвить его, медленно отрубая ему понемногу всѣ члены. Эта безцѣльная жестокость возстновила противъ Власты одну изъ ея лучшихъ амазонокъ Жбиньеву, командующую въ Видовлѣ. Она была когда-то подругой Власты и служила подъ ея начальствомъ въ гвардіи Любуши, затѣмъ вышла замужъ и, уже имѣя четверыхъ дѣтей и живя дружно съ мужемъ, бросила все и вступила въ отрядъ Власты. Послѣдняя жестокость Власты ее возмутила: она вспомнила о дѣтяхъ, и въ ней проснулись угрызения совѣсти. Однажды ночью вмѣстѣ съ подругой Млодкой она убѣжала отъ Власты къ своимъ. Король, узнавъ о поступкѣ Власты, рѣшился наконецъ покарать ее вмѣстѣ съ ея амазонками, тѣмъ болѣе, что въ государствѣ вспыхнуло такое негодование вслѣдствіе походовъ Власты, что оставаться бездѣятельнымъ было невозможно. Пржемысль собралъ всѣ военныя силы въ Вышградъ и двинулъ ихъ на Видовлу, гдѣ теперь командовала Милошина. Первая атака чеховъ была неудачна: женщины защищались съ большой отвагой; онѣ выливали на осаждаемыхъ кипящую воду и смолу, бросали громадные камни и отравленныя стрѣлы. Тогда король прибѣгнулъ къ хитрости: онъ велѣлъ солдатамъ отступать въ сосѣдній лѣсъ. Милошина, обманутая этой уловкой, вышла изъ-за укрѣпленій съ своимъ отрядомъ и бросилась на отступающихъ. Послѣдніе повернули назадъ, и завязалась кровавая сѣча. Сначала успѣхъ королевскихъ солдатъ былъ сомнительный, но, когда убили Милошину, женщинамъ овладѣло отчаяніе, и онѣ бросились бѣжать въ Видовлу. Солдаты преслѣдовали ихъ и проникли за ними въ первые ретрашементы. Однако крѣпость еще держалась, и командующая ею Стразна рѣшилась защищать ее во что бы то ни стало, пока подойдетъ на помощь армія Власты. Узнавъ о смерти Милошины и неудачѣ своего отряда, Власть прибѣгнула ко всякаго рода волшеб-

вымъ заклинаніямъ адскихъ духовъ; затѣмъ въ видѣ жертвы она заколола двадцать четыре узника и на разсвѣтѣ двинулась со своей маленькой арміей на помощь Стразнѣ. Завязалась страшная борьба, длившаяся нѣсколько дней. Многочисленность королевскаго войска подавила храбрыхъ женщинъ, и онѣ погибли почти всѣ во главѣ съ Властой. Такъ окончилась женская республика, длившаяся семь лѣтъ.

— Сокровища Армады. Въ настоящее время англичане занимаются раскопкой сокровищъ Армады, скрытыхъ на днѣ Тоберморійскаго залива, вдающагося въ островъ Муль, противъ западнаго берега Шотландіи. Эга мѣстность принадлежитъ герцогу Аргайлю, который два года тому назадъ заключилъ съ капитаномъ Вильямомъ Борнсомъ условіе на работы по раскопкѣ потонувшаго въ этомъ мѣстѣ большого испанскаго галеона, принадлежавшаго къ Армадѣ 1588 года. Самъ герцогъ Аргайль, извѣстный англійскій писатель, посвятилъ въ сентябрьской книжкѣ «Pall-Mall Magazine» интересную статью объ испанскомъ кораблѣ Филиппа II, погибшемъ въ Тоберморійскомъ заливѣ. Частью его уже не разъ откапывали изъ морскаго ила, а теперь подвергли окончательной раскопкѣ. Вся исторія этого драгоцѣннаго остатка Армады полна легендъ. Съ самаго начала погибшій корабль называли «Флоридой»¹⁾, а его капитанъ—Ферейя, но сэръ Генри Лейардъ, бывшій англійскій посланникъ въ Мадридѣ, заинтересовался этимъ и доказалъ, что въ испанскомъ флотѣ не было корабля подъ названіемъ «Флориды» и никакого капитана Ферейя. Впослѣдствіи Симанскій архивъ далъ ключъ къ этой тайнѣ. Оказалось, что въ Армадѣ находился большой галеонъ, подъ названіемъ «Флоренція», или «Городъ Флоренція», который былъ присланъ изъ Італіи тосканскимъ правительствомъ, въ видѣ содѣйствія Армадѣ. Онъ находился подъ начальствомъ капитана Перрейры, и поэтому очевидно, по какой причинѣ перепутали имя капитана и названіе корабля. Въ одной старинной географической картѣ найдено обозначеніе погибшаго испанскаго корабля въ Тоберморійскомъ заливѣ, и по мѣстнымъ легендамъ опредѣлилось, что это былъ «Городъ Флоренція». Старинныя сказанія различно рассказываютъ исторію гибели этого галеона. Такъ, въ «Statistical Account of Scotland» увѣряютъ, что во время гибели Армады «Флорида» удалилась на сѣверъ и, обогнувъ Шотландію, вошла въ Тоберморійскій заливъ, гдѣ шотландецъ Макинъ-Дуардъ подвелъ подъ нее мину и взорвалъ. Напротивъ, герцогъ Аргайль отдаетъ предпочтеніе другому сказанію, по которому испанцы, находясь на шотландскомъ берегу, приняли участіе въ мѣстной ссорѣ двухъ клановъ, взяли въ плѣнъ одного шотландца, по имени Маклина, котораго заперли въ карцеръ близъ пороховаго магазина. Шотландецъ пробрался въ пороховой магазинъ и поджегъ его. Весь галеонъ взлетѣлъ на воздухъ и потомъ утонулъ; пожаръ корабля доказываетъ тѣмъ, что остатки его найдены обгорѣлыми. Послѣ этой катастрофы долго держались слухи о томъ, что этотъ корабль былъ богатѣйшій изъ всей Армады, и что его капитанъ не только всегда бѣлъ на золотѣ, но имѣлъ громадныя сокровища. Естественно, что многіе пы-

¹⁾ The Armada ship at Tobermory bay. By the duke of Argyle. «Pall-Mall Magazine», September 1905.

тались поднять съ морского дна погибшій корабль, и въ 1670 г. одинъ шведскій инженеръ, изобрѣтя водолазныи колоколь новой системы, предложилъ свои услуги. Сначала ему позволили сдѣлать попытку, но потомъ лордъ-адмиралъ, герцогъ Йоркскій, будущій король Іаковъ II, поссорился съ мѣстнымъ адмираломъ, лордомъ Аргайлемъ, изъ-за того, кому принадлежать найденные остатки галеона. Дѣло тянулось долгое время въ судахъ, и наконецъ рѣшено было, что все найденное принадлежитъ лорду Аргайлю. Тогда шведъ принялся за работу и нашель нѣсколько желѣзныхъ пушекъ, остатки корпуса корабля, нѣсколько мечей и человѣческихъ костей. Но снова герцогъ Йоркскій помѣшалъ работамъ,—и тѣмъ дѣю кончилось. Спустя восемнадцать лѣтъ, губернаторъ острова Мэнъ соорудилъ нѣсколько водолазныхъ колоколовъ и добылъ небольшое количество незначительныхъ предметовъ, но въ 1740 г. капитанъ Розъ возобновилъ работы и вытащилъ изъ воды нѣсколько пушекъ, въ томъ числѣ одну превосходной работы Бенвенуто Челлини. Что это—подлинная работа знаменитаго итальянца, въ томъ нѣтъ сомнѣнїя, такъ какъ на орудїи вмѣстѣ съ изображенїями лиліи находятся клейма французскаго короля Франциска I-го. Эта пушка попала на галеонъ Армады по той причинѣ, что она, вѣроятно, въ числѣ другихъ бронзовыхъ орудїй завезена была въ Италію Францискомъ I-мъ во время его походовъ въ эту страну. Послѣ битвы при Павїи эта пушка, по всей вѣроятности, осталась въ Италіи и была передана на корабль «Флоренція». Дальнѣйшія раскопки были прерваны до новѣйшей эпохи, когда двадцать лѣтъ тому назадъ теперешній герцогъ Аргайль поручилъ шотландскимъ водолазамъ сдѣлать новую попытку, но они вытащили только мѣдную podporку. Затѣмъ произошелъ въ работахъ перерывъ до 1903 г., когда за нхъ взялся предприимчивый капитанъ Вильямъ Борнсъ. Онъ вытащилъ со дна тридцать три серебряныя монеты и значительное число разныхъ орудїй и человѣческихъ костей. Пущенные въ продажу эти предметы выручили значительную сумму. Въ прошедшемъ году онъ продолжалъ свои раскопки, проникнулъ далѣе въ глубь словъ дна и добылъ снова значительное количество монетъ, разныхъ обломковъ и человѣческихъ костей. Въ настоящее время Борнсъ снабженъ лучшими приспособленїями къ работѣ и уже извлекъ на поверхность воды бронзовую пушку и нѣсколько ядеръ, такую же бронзовую мортиру, саблю, стеклянную бутылку и самое интересное—два компаса, покрытые иломъ и известковой массой. Эту массу пришлось отбить, чтобы добраться до компасовъ, которые находились въ столь полномъ порядкѣ, что могли тотчасъ быть въ употребленїи. 18-го іюля капитанъ Борнсъ приступилъ къ работамъ въ боковой части корабля съ цѣлью открыть кладовую, гдѣ скрыты сокровища. Герцогъ Аргайль оканчиваетъ свою статью выраженїемъ полной надежды на успѣшное окончанїе предпрїятія, уже не разъ начинаемаго съ 1588 года. Конечно, если справедлива легенда, что на «Флоренціи» находилось въ минуту ея гибели до 750 милліоновъ франковъ, по словамъ анонимаго автора статьи въ «Journal des Débats», то всѣ заботы и старанїя герцога Аргайля, какъ нельзя болѣе, объясняются.

— Статуя Картье, открывшему Канаду. 23-го іюля во Франціи, именно въ Сень-Мало, была торжественно воздвигнута статуя французскому моряку Жаку Картье, обогатившему Францію открытіемъ Канады. Нельзя сказать, чтобы французы слишкомъ торопились увѣковѣчить память Картье, такъ какъ открытіе Канады состоялось въ началѣ XVI вѣка. Жакъ Картье родился въ Сень-Мало въ 1491 г., около того времени, въ тотъ годъ, когда Колумбъ открылъ Америку. Сначала французскій мореплаватель былъ малопозвѣстенъ, хотя у него были нѣкоторые данныя, необходимыя для моряка того времени: онъ зналъ португальскій языкъ и даже служилъ переводчикомъ пріѣзжавшимъ въ Сень-Мало португальцамъ, а это имѣло большое значеніе въ то время, такъ какъ лучшія морскія карты были сдѣланы ими. Согласно предположенію Жака Ропсьера, автора статьи ¹⁾ объ открытіи Канады, идея колонизаціи Канады была внушена слѣдующимъ случаемъ. Въ 1526 г. бретонецъ Николя Донъ, возвращаясь изъ Нью-Фаундленда съ рыбной ловли, случайно присталъ къ одному берегу, гдѣ сдѣлалъ громадный запасъ драгоценныхъ камней и золотыхъ ожерелій. Такъ какъ эта земля находилась въ чертѣ испанскихъ владѣній, то онъ и его тридцать моряковъ честно предложили Карлу V одну четвертую часть своей добычи, чтобы ихъ признали владѣльцами территоріи. Это обстоятельство обратило вниманіе на Францискану, недостаточно изслѣдованную французскимъ морякомъ Веррацано и португальцемъ Эстебаномъ Гомецомъ. Поэтому въ 1534 г. Францискъ I снарядилъ экспедицію подъ начальствомъ Картье. Она должна была совершиться на ничтожныхъ двухъ судахъ—одномъ въ сто двадцать тоннъ, другомъ—въ шестьдесятъ, и съ такимъ же ничтожнымъ экипажемъ въ 60 человекъ, съ трудомъ набраннымъ, вследствие разсказовъ португальскихъ агентовъ о различныхъ опасностяхъ. 20-го апрѣля 1534 г. Картье со своимъ экипажемъ присягнувъ въ вѣрности королю предъ адмираломъ Мельереемъ и пустился въ путь. Черезъ двадцать дней онъ высадился на берегу Нью-Фаундленда. По дорогѣ, согласно обычаю моряковъ, онъ захватилъ на островѣ Птиць, теперешнемъ Функъ-Айлендѣ, дичи и продолжалъ свой путь къ заливу Шато, который оказался проливомъ—проливомъ Бель-Иль. Въ Лабрадорѣ онъ изслѣдовалъ гавань и затѣмъ поспѣшилъ покинуть пустынные берега, гдѣ блуждали дикари. Къ югу онъ встрѣтилъ архипелагъ острововъ Магдалины, изъ которыхъ одинъ названъ островомъ Бріонъ въ честь французскаго адмирала. Впечатлѣніе увеличилось еще болѣе, когда онъ углубился въ бухту Шалёръ среди благоуханья малиновыхъ и розовыхъ кустовъ. Мѣстныя женщины были такъ довѣрчивы къ нимъ, что приближались и ласкали руки матросовъ съ радостными криками. Адмиралу Картье посвященъ одинъ островъ, а маршалу Монморанси—мысъ въ томъ же заливѣ св. Лаврентія. 24-го іюля Картье водрузилъ въ Гаспѣ близъ устья св. Лаврентія крестъ съ надписью: «Да здравствуетъ король Франціи». Какой-то индѣйскій вождь, увидѣвъ это, попробовалъ возражать, указывая жестама, что это его область, и ею нельзя располагать безъ его согласія. Но его сыновьямъ, Домагаю и Тенюанью, были подарены кафтаны

¹⁾ Jacques Cartier, par La Roncière. «La Revue hebdomadaire». 20 Juillet 1905.

съ красными шанками и цѣпи на шею, которые произвели такое впечатлѣніе на дикарей, что они сдѣлались ихъ неразлучными спутниками. Они оставались на кораблѣ и 5-го сентября отплыли съ французами въ Сень-Мало. Эта экспедиція была столь удачна, что 31-го октября Картье снова получилъ приказъ продолжать свои изслѣдованія. Теперь онъ захватилъ съ собою провизіи на 15 мѣсяцевъ. Его рассказы о путешествіи такъ заинтересовали дворъ, что приближенный дофина, Клодъ де-Понбріанъ, и благородный волонтеръ Шарль де-Поммрэ также пожелали участвовать въ экспедиціи. На этотъ разъ экспедицію сварядить было легче, и охотниковъ поступить на службу явилось 110 человекъ, а судовъ отправилось одинъ нефъ, одно быстроходное судно и болѣе легкій галеонъ. Помощниками Картье былъ его зять Масэ Жалоберъ и его деревенскій сосѣдъ, Бретонъ де-ла-Бастиль. Среди экипажа находились два священника. Картье отправился въ путь 19-го мая 1535 г. 15-го августа Картье открылъ Антикости, который въ память дня открытія назвалъ островомъ Успенія. Затѣмъ онъ достигъ св. Лаврентія. Пржеіііе знакомые дикари узнали его. Въ преданіи, еще существующемъ у гуруновъ и віандоттовъ и записанномъ Дуалантатомъ, говорится, что горсти делаварскихъ индѣйцевъ, поселившейся на берегу залива, поручено было предупредить гуруновъ о прибытіи французовъ. Однажды сторожившіе индѣйцы увидѣли громадную птицу съ коричневой грудью и бѣлыми крыльями, направлявшуюся къ нимъ. Изъ ея боковъ исходилъ громъ. Это были корабли Картье. Дѣйствительно индѣйцы, съ которыми находились въ сношеніи французы, были гурунами, что видно изъ работы одного ученаго канадца, г. Биггара, приготовляющагося издать описаніе путешествій Картье. Онъ говоритъ, что Сень-Малоскій лопманъ привезъ словарь на гурунскомъ языкѣ. Кроме того, Картье добился отъ своихъ переводчиковъ Домагая и Теньоаньи топографическіхъ свѣдѣній объ ихъ странѣ. По ихъ словамъ, отъ св. Лаврентія по берегамъ рѣки лежатъ два большія государства: Канада и Гошеляга. Канада, что означаетъ по-гурунски «деревня», имѣла столицей Стадаконэ, городъ, который впоследствии, со временъ Шамилэна, алгонкины, владѣвшіе этой землей, прозвали Квебекомъ. 14-го сентября 1535 г. недалеко оттуда Картье бросилъ якорь въ рѣкѣ, прозванной рѣкой Святого Креста въ честь дня открытія, который приходился праздникомъ Святого Креста. Оставивъ два судна подъ защитой крѣпости при слияніи рѣкъ, онъ поднялся по рѣкѣ св. Лаврентія на маленькомъ суднѣ съ двумя лодками, несмотря на различныя ухищренія его переводчиковъ, сговорившихся съ агуханомъ Канады, Доннакономъ, которые, чтобы напугать матросовъ и заставить ихъ отказаться плыть далѣе, устраивали смѣшныя переряживанія въ чертей съ рогами, появлялись въ лодкахъ и предсказывали смерть иностранцамъ, если они отважатся идти далѣе. Несмотря на это, 2-го октября Картье достигнулъ укрѣпленнаго посада, окруженнаго изгородью. Населеніе такъ обрадовалось, что осыпало лодки мѣстными плодами. Это была Гошеляга. Восторгъ жителей происходилъ по слѣдующей причинѣ. Ихъ агуханъ, разбитый ревматизмомъ, велѣлъ нести себя во главѣ различныхъ больныхъ навстрѣчу бѣлымъ, и французы, преобразуясь въ

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1905 г., т. ст.

22

святыхъ, осѣняли ихъ крестнымъ знаменемъ, произнося различныя изреченія изъ евангелія. На сосѣдней горѣ, названной Картье Монрѣаль, откуда открывался великолѣпный видъ, гуроны, дотрагиваясь до серебряной цѣпи своихъ свистковъ и золоченой рукоятки оружія, объяснили этимъ движеніемъ, что драгоценныя металлы находятся въ сѣверныхъ горахъ у злыхъ воиновъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. По возвращеніи въ крѣпость Святого Креста, которую окружили валомъ съ подъемнымъ мостомъ, 11-го октября, французы поставили стражу на случай замысловъ Доннаконна и переводчиковъ. На несчастіе среди французовъ развилась цынга, и столь сильная, что вскорѣ годныхъ сражаться осталось только трое. Двадцать пять человѣкъ были поражены болѣзнью, и здоровымъ остался одинъ Картье, произносившій обѣты сходить на поклоненіе къ Рокамандурской Божіей Матери и не знавшій въ концѣ концовъ, какому святому молиться, чтобы уцѣлѣть. Однажды, по обыкновенію выйдя изъ гарнизона, онъ увидѣлъ индѣйца Домагая, который недѣлю предъ тѣмъ былъ пораженъ такой цынгою, что похожъ былъ на вонючій, распухшій трупъ. Теперь онъ былъ вполне здоровъ и силенъ, благодаря отвару изъ листьевъ амеды, или бѣлой канадской сосны. Черезъ шесть дней отъ этого лѣченія всѣ французы поправились. Между тѣмъ индѣйцы становились все нахальнѣе; охота на оленей окончилась, и вокругъ гарнизона стали появляться подозрительныя гуроны. Картье 5-го мая 1536 г. похитилъ и увелъ съ собою на корабль Доннаконна, измѣнниковъ переводчиковъ и многихъ начальниковъ гуроновъ. На другой день французы пустились въ обратный путь домой, оставивъ свидѣтелемъ своего пребыванія большой крестъ съ гербомъ Франціи и надписью: «Franciscus primus, Dei gratia Francorum rex, regnat». Они вернулись лишь на двухъ судахъ, оставивъ третье, остовъ котораго, говорятъ, будто бы открыли въ 1843 г. недалеко отъ прежней рѣки Св. Креста. Часть наживы получилъ городъ Сенъ-Мало. 16-го іюля 1536 г. послѣ 14 мѣсяцевъ отсутствія, когда уже всѣ теряли надежду ихъ увидѣть, Жакъ Картье вошелъ на рейдъ Сенъ-Мало. Французы во-время овладѣли Канадой, такъ какъ на возвратномъ пути имъ встрѣтилась англійская экспедиція изъ купцовъ, бросившихъ якорь въ Функъ-Айлендѣ. Несмотря на ограбленія одного французскаго судна, голодъ не допустилъ ихъ итти далѣе пролива св. Лаврентія, и такимъ образомъ открытіе осталось за французами. Результатомъ изслѣдсваній Картье явилась географическая ошибка, что Канада составляетъ конецъ Азіи съ западной стороны, но и вѣрная оцѣнка, что это — страна удобная, и ее легко колонизировать. Только много лѣтъ спустя, въ 1540 г. это изслѣдованіе принесло плодъ, когда Францискъ I, окончивъ войну съ Испаніей, отправилъ въ Канаду, Сагеней и Гюшелагу добровольныхъ занимавшихся всевозможными искусствами и промышленностью переселенцевъ, съ пятьюдесятью приговоренными преступниками. Составить эту экспедицію было поручено Картье, и онъ сдѣлался главнымъ начальникомъ и лодчавомъ, получивъ 45.000 ливровъ на расходы. По несчастію, увезенные Картье дикари всѣ перемерли, исключая одной дѣвочки. Отъ нихъ удалось узнать лишь ложныя указанія о золотыхъ рудникахъ въ Сагенеѣ. Напрасно Севильскій кардиналъ увѣрялъ, что французы ошибаются, думая отыскать на этомъ безплод-

вомъ берегу золото, когда тамъ только есть единственное богатство—рыбная ловля, Францискъ I все-таки вступилъ во владѣніе Канадой королевскими грамотами отъ 15-го января 1541 г., подчинилъ Картье вице-королю колоніи. Главнымъ начальникомъ всей экспедиціи, генералъ-лейтенантомъ, главою и капитаномъ всего предпріятія, всѣхъ вмѣстѣ морскихъ кораблей и судовъ былъ сдѣланъ нѣкій гасконскій дворянинъ, Жанъ-Франсуа-де-ля-Рокъ, владѣтель Роберваля, мечтавшій поправить въ Канадѣ свое когда-то громадное состояніе, которое онъ промоталъ, благодаря блестящей жизни при дворѣ. Королевскія грамоты давали ему громадную власть надъ всѣмъ экипажемъ и судьбами офицеровъ, а также право выбирать спутниковъ даже въ тюрьмахъ. Уголовнымъ преступникамъ предоставлялся выборъ между тюрьмою и отъѣздомъ въ Канаду. Однако къ назначенному сроку Роберваль ничего не приготовилъ, только Картье былъ готовъ съ своими двумя прежними судами: «Hermine» и «Emerillon», которыя были ему подарены королемъ, да «Georges» и «Saint-Briac» и еще пятымъ судномъ. Капитанами Картье взялъ своихъ родственниковъ. 23-го мая 1541 г. онъ пустился въ путь. Предстояло пережить немало лишеній: недостатокъ прѣсной воды заставлялъ ихъ поить сидромъ животныхъ, которыхъ везли на разводку въ колоніи. 23-го августа эскадра вошла въ гавань Св. Креста. Новый вождь дикарей, замѣстившій Доннаконна, принялъ Картье радушно, тѣмъ болѣе, что былъ радъ смерти перваго. Однако Картье не раскинулъ на зиму здѣсь своего лагеря, а отправился за четыре мили по верховью рѣки, въ живописную мѣстность, господствующую одинаково надъ рѣкою св. Лаврентія и рѣкою Краснаго Мыса. Здѣсь онъ выгрузилъ свою артиллерию и разоружилъ три корабля. Двухъ родственниковъ-капитановъ онъ отправилъ увѣдомить Франциска I-го о неприбытіи Роберваля, котораго считалъ разбитымъ бурей. Новую резиденцію онъ назвалъ Шарльсбургъ-Рояль въ честь одного изъ дѣтей короля. Въ ней находилось двѣ крѣпости—одна на берегу рѣки, чтобы защищать флотилію, а другая—на самой вершинѣ горы для обозрѣванія горизонта. На берегу рѣки оказались тонкія, какъ ноготь, пластинки золота, а на плоскогоріи—«самые прекрасные алмазы великолѣпной грани, какую только можетъ человѣкъ увидѣть». Устроивъ все, Картье оставилъ въ Шарльсбургѣ виконта Бюпре, а самъ отправился съ колонистами изслѣдовать путь въ Сагеней на двухъ судахъ. Въ Гошлэ, теперешнемъ Новомъ Портѣ, агуханъ, любезно встрѣтившій ихъ въ предшествующую поѣздку, получилъ въ подарокъ пунцовый плащъ. Здѣсь они оставили двухъ юношей для изученія индѣйскаго языка. За невозможностью слѣдовать на судахъ, Картье въ сопровожденіи четырехъ индѣйцевъ поднялся по берегамъ св. Лаврентія до второго водопада. Здѣсь дикари объяснили съ помощью палокъ, что остается пройти еще одинъ порогъ, прежде чѣмъ достигнуть королевства Сагеней. За немѣніемъ продовольствія Картье долженъ былъ удовольствоваться этимъ описаніемъ и возвратиться вспять, одаривъ своихъ проводниковъ. Къ сожалѣнію, у французовъ не осталось сдѣланныхъ Картье во время его путешествія картъ, въ которыхъ онъ опредѣляетъ въ сторонѣ Оттавы таинственную цѣль его усилій; но въ одномъ письмѣ къ племяннику онъ пишетъ, что на этой картѣ обозначено мѣсто, гдѣ находилась земля сагенеевъ, богато изобилую-

щая драгоценными камнями. Вернувшись въ Шарльсбургъ-Рояль, Картье узналъ, что индѣйцы стали относиться къ нимъ враждебно и болѣе не носятъ въ крѣпость рыбы. Посланные въ Стадаконэ сообщили, что дикари собрались тамъ въ значительномъ количествѣ, и среди нихъ находился обращавшійся любовно съ французами агуханъ. Узнавъ объ этомъ, Картье приказалъ привести въ порядокъ крѣпость. О завязавшемся боѣ между французами и дикарями не осталось свѣдѣній. Между тѣмъ посланныя въ Сентъ-Мало суда достигли его 3-го октября 1541 г. Роберваль, истративъ три четверти выданной королею суммы на снаряженіе кораблей и заложивъ все свое имущество, чтобы снарядить три маленькія судна: «Лешефрей», «Анну», «Валентинъ», и преслѣдуемый кредиторами, на бѣду встрѣтилъ отставного вице-адмирала, Пьерра Биду, занимавшагося морскимъ разбойничествомъ. Онъ уговорилъ его заняться тѣмъ же, что дастъ ему средства разбогатѣть, не отправляясь въ Америку. Такимъ образомъ они получали хорошіе барыши, пока длился ихъ союзъ. Однако неудовольствіе двора слишкомъ явно стало выражаться, и Робервалю ничего не оставалось дѣлать, какъ отправиться въ Канаду, запасшись лоцманомъ, знаменитымъ Жаномъ Альфонсомъ, или, вѣрнѣе, Фонтено де Сэнтонжъ. Наконецъ эскадра Роберваля пустилась въ путь 16-го апрѣля 1542 г., а 8-го іюня она достигла Нью-Фаундлэнда и вошла въ гавань св. Іоанна. На трехъ корабляхъ находилось двѣсти человѣкъ мужчинъ, женщинъ, матросовъ и переселенцевъ. Нѣсколько дней спустя послѣ этого, туда прибылъ Картье, возвращавшійся въ Сентъ-Мало съ грузомъ золотого песка, жемчуговъ и драгоценныхъ камней. Роберваль изслѣдовалъ этотъ песокъ и нашелъ его прекраснымъ. Картье сѣвши, какъ можно скорѣе, представить свое открытіе королю, а потому вмѣсто того, чтобы возвратиться назадъ и проводить своего начальника, онъ, не прощаясь, пустился въ путь. Это было съ его стороны неосторожностью, такъ какъ въ семи миляхъ занимались рыбной ловлей моряки изъ Фонтабин, которые носили донести испанцамъ, что французы возвращаются съ десяткомъ бочками золота, семью серебромъ, большимъ количествомъ жемчуга и драгоценныхъ камней. Узнавъ объ этомъ, испанскіе моряки устроили французамъ засаду. Къ несчастью Картье не зналъ, что съ 10-го іюля между Франціей и Испаніей была объявлена война. Двадцать семь французовъ, сопровождавшихъ Картье, были убиты. Императора успѣли уведомить объ этомъ, прибавляя, что французы возвращаются изъ экспедиціи въ Индію. Однако Картье удалось ускользнуть отъ непріятеля, но во Франціи его ожидало непріятное разочарованіе, и онъ очутился въ смѣшномъ положеніи: его золото оказалось мѣдью, а алмазы маленькими гранеными сланцовыми камешками, богатыми слюдою, такъ что во Франціи вошла въ моду поговорка: «поддѣльный, какъ канадскій алмазъ». Между тѣмъ Роберваль продолжалъ свой путь къ американскому континенту. Съ нимъ ѣхала между прочимъ молодая дѣвушка, по имени Маргарита, вмѣстѣ со старой служанкой. Дорогою онъ замѣтилъ, что у Маргариты завязалась любовная связь съ однимъ изъ отправившихся въ Канаду французовъ. Недолго думая, Роберваль высадилъ Маргариту со служанкой и кое-какимъ запасомъ ѣды въ небольшой бухтѣ. За ними вышелъ и французъ. Прибывъ въ Канаду, Роберваль избралъ мѣстомъ жительства Шарльсбургъ-Рояль, который называлъ

крѣпостью Франсъ-Руа, а рѣку св. Лаврентія—Франсъ-Примъ. Провизію сложили въ башнѣ, но ея было такъ мало, что едва хватало. 14 го сентября два судна: «Анна» и «Галеонъ», отправились во Францію за новыми переселенцами. Зима была жестокая для французскихъ коловистовъ, и треть изъ нихъ свалили отъ цынги. Едва рѣка очистилась отъ льда, какъ Роберваль съ семьюдесятью человекъ пустился въ путь къ Сагеней на восьми лодкахъ. Тридцать человекъ осталось въ крѣпости до 1-го іюля, и если бы Роберваль къ этому числу не возвратился, то рѣшено было уѣхать во Францію на двухъ судахъ. Отъѣздъ былъ отсроченъ на 22 іюля, благодаря письму Роберваля, присланному съ двумя французами, привезшими небольшой запасъ хлѣбныхъ зеренъ. Достигъ ли Роберваль Сагеней—неизвѣстно, за отсутствіемъ послѣднихъ свѣдѣній, но извѣстно, что Картье отправился изъ Франціи въ іюнь 1543 г. и возвратился чрезъ восемь мѣсяцевъ въгѣстѣ съ Робервалемъ. Въ Канадѣ не осталось ни одного француза. Роберваль, несмотря на то, что получилъ монополію на эксплоатацію во Франціи всѣхъ металлическихъ рудниковъ, умеръ разореннымъ. Картье до 1557 г. присутствовалъ неизмѣнно на всѣхъ крестинахъ въ Сень-Мало. Его часто посѣщали знаменитые люди то въ его домѣ въ улицѣ Бюэнь, то въ его замкѣ въ родѣ обсерваторіи, устроенномъ на вершинѣ береговой скалы. Всѣ участники въ открытіи Канады примерли, но Картье на смертномъ одрѣ завѣщаль свое предпріятіе родственникамъ, взявъ съ нихъ обѣщаніе продолжать его; племянники сдержали слово, и, полвѣка спустя, одинъ изъ нихъ, Жакъ Ноэль, поднялся по рѣкѣ св. Лаврентія по ту сторону пороговъ. Въ 1587 г. онъ поручилъ своимъ сыновьямъ, Мишелю и Жану, итти далѣе, вручивъ имъ карту дяди. Другимъ племянникамъ Картье, Ла-Жанна, пожалована была монополія на торговлю пушнымъ товаромъ и на канадскіе рудники. Они считали своимъ леномъ открытіе прадѣда и оберегали его отъ нашествія иностранцевъ, но въ 1588 г. жители Сень-Мало, поддерживаемые бретонцами, протестовали противъ этой монополіи, посягающей на свободу торговли. Канада сдѣлалась національнымъ достояніемъ, и оставалось воспользоваться имъ. На этотъ разъ все общественное мнѣніе во Франціи стояло за посылку туда поселенцевъ. Изъ Квебека францисканскій монахъ Дени Жене обратился къ различнымъ классамъ общества съ воззваніемъ, прося родителей отсылать въ Канаду порочныхъ дѣтей и короля не заключать преступниковъ въ тюрьмы, а лучше отсылать ихъ въ Канаду, которая такимъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлалась бы второй Франціей. Согласно воспоминаніямъ одного стараго дипломата того времени, колонизацію предпологалось устроить, пересылая туда дюжинами солдатъ и рабочихъ изъ смѣшанныхъ сословій на голландскихъ судахъ дальняго плаванія. По словамъ другого лица, переселенцевъ надо было забирать во всемъ государствѣ, въ каждомъ приходѣ по одному переселенцу. Такимъ образомъ Канада преобразовалась бы въ маленькое государство. Это было предложено основателемъ Новой Франціи, Самюэлемъ Шамплэномъ. Такова исторія колонизаціи Канады. Въ недавнемъ торжествѣ участвовало французское правительство, пославшее въ Сень-Мало три военныхъ крейсера, пять миноносцевъ и десять контръ-миноносцевъ, которые оставались тамъ три дня. Празднества начались блестящимъ концер-

томъ муниципальнаго оркестра на городской площади и окончились шествіемъ съ факелами. На другой день утромъ въ то время, какъ желѣзнодорожный оркестръ игралъ на площади, различныя гимнастическія общества всѣ вмѣстѣ исполняли разнообразныя упражненія. Въ 10 часовъ состоялась месса въ память Картье, а въ 12 часовъ былъ назначенъ завтракъ, съ участіемъ официальныхъ лицъ Канады и Франціи. Въ 3 часа отправилось торжественное шествіе съ музыкой къ мѣсту, гдѣ была открыта статуя. Предсѣдателемъ былъ избранъ Ренэ Бриэ, депутатъ и президентъ генеральнаго совѣта департамента Иль-Виллэна. Паматникъ Картье работы Баро былъ воздвигнутъ на бастіонѣ, сооруженномъ въ 1674 г. съ цѣлью защиты Сень-Мало противъ нападеній голландскаго флота.

— Празднество виноградарей въ Вевэ. Первая недѣля августа мѣсяца была посвящена въ маленькомъ, живописномъ швейцарскомъ городкѣ Вевэ, на Леманскомъ озерѣ, обычному національному празднеству, которое устраивается одинъ разъ въ пятнадцать или шестнадцать лѣтъ. Происхожденіе его старинное, и оно основано въ 1530 году виноградарями общины Вевэ, которые составили съ того времени корпорацію, подъ названіемъ «Земледѣльческаго аббатства Вевэ или св. Урбана». Сначала это было очень скромное товарищество: около тридцати его членовъ наблюдали за культурой виноградниковъ, выдавали мелкія награды за лучшее воздѣлываніе и карали небольшой пеней за дурную работу. По случаю раздачи премій составлялось шествіе по городу съ знаменами и барабанами, послѣ чего вечеромъ устраивался банкетъ, официально очень скромный, но обыкновенно принимавшій видъ обильнаго пиршества, какъ всегда бывало въ Швейцаріи. Съ теченіемъ времени это празднество росло, и участвовавшіе въ немъ прибѣгали къ различнымъ, болѣе или менѣе роскошнымъ нарядамъ и переряживаніямъ. Такъ, въ 1730 году появился въ шествіи веселый, краснощекий Вакхъ, а въ 1747 году участвовала бѣлокурая Церера, которую изображалъ мальчикъ изъ мясной. Во второй половинѣ XVIII столѣтія всюду въ Европѣ распространилась страсть къ природѣ, съ легкой руки Руссо, и естественно, что праздникъ виноградарей сдѣлался роскошнѣе, и въ немъ уже играли роль Силезъ на ослѣ, Ной въ своемъ ковчегѣ и цѣлая толпа фавновъ и вакханокъ. Замѣчательной чертой этого празднества теперь сдѣлалось участіе женщинъ, и Церерой была красивая молодая дѣвушка. Самое празднество мало-по-малу превратилось въ чествованіе четырехъ временъ года. Въ 1791 году аббатъ того времени произнесъ на празднествѣ: «Эго торжество имѣетъ цѣлью поощрять земледѣліе, увѣнчивая публично честныхъ и свободныхъ земледѣльцевъ, съ успѣхомъ воздѣлывавшихъ землю. Этой общественной честью всякій, получающій ее, долженъ гордиться». Въ 1797 году обычное празднество имѣло особый торжественный видъ, но затѣмъ наступилъ, благодаря революціи и французской имперіи, двадцатидвухлѣтній перерывъ. Въ 1819 году старый обычай возобновился: къ богинѣ Церерѣ и къ богу Вакху присоединилось еще третье божество, Паллада, покровительница скотоводства. До двухъ тысячъ зрителей присутствовали при этомъ торжествѣ; замѣчательной чертой его были духовныя проповѣди, музыка и танцы, которые составили блестящую часть торжества. Изъ послѣдующихъ празднествъ замѣча-

тельнѣйшими были въ 1851 и 1865 г.г.; на послѣднемъ присутствовало до 60.000 человекъ, и сохранилось его описаніе, сдѣланное знаменитымъ фельетонистомъ Теофилемъ Готье въ «*Moniteur*». «Эго настоящій *chef-d'oeuvre* хореграфическаго искусства, — пишетъ онъ, — мы видимъ безконечное количество фавновъ, сатировъ и вакханокъ, одѣтыхъ въ шкуры пантеръ и вѣнки изъ зелени. Они танцуютъ и прыгаютъ, какъ въ старину на вакханаліяхъ. Ничто не даетъ такого понятія о древнихъ ликованіяхъ, какъ этотъ балетъ, исполненный мужчинами, а потому доходившій до послѣдняго слова дикой веселости и бѣснованія». Наконецъ, послѣдній праздникъ виноградарей происходилъ въ 1889 году, и участвовавшій на немъ аббатъ былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ и краснорѣчивыхъ ораторовъ Швейцаріи, бывшій президентъ конфедераціи, Поль Серезаль. Онъ произнесъ великолѣпную рѣчь, которая оканчивалась словами, обращенными къ каждому швейцарцу въ отдѣльности: «Люби твое отечество, мѣсто твоего рожденія, почву, тебя вскормившую, эти поля, эти озера, эти горы и ту свободу, которую пріобрѣли наши отцы, и которую мы сохранимъ нашимъ дѣтямъ». Прежнія торжества виноградарей въ Вева краснорѣчиво описаны извѣстнымъ французскимъ романистомъ Эдуардомъ Родомъ въ «*Revue des deux Mondes*» ¹⁾, Луизой Жоржъ Ренаръ въ «*La Revue*» ²⁾ и Самюэлемъ Корню въ «*Revue Bleue*» ³⁾. Что же касается до настоящей праздничной недѣли въ Вева, то она превзошла всѣ прежнія торжества по многочисленности актеровъ и зрителей, а также по изяществу и блеску представленій. Все это краснорѣчиво описано корреспондентами европейскихъ газетъ и особенно рельефно выражено Филиппомъ Годэ въ «*Journal des Debats*» и Фридрихомъ Регамэ въ «*Nigago*». Первый главный день празднествъ, происходившихъ на Рыночной площади въ Вева, заключалъ въ себѣ увѣнчаніе наградами лучшихъ виноградарей и первое представленіе оперы-балета въ честь четырехъ временъ года. Никогда еще это представленіе не было такимъ поэтическимъ торжествомъ, какъ въ этомъ году: пьесу написалъ молодой поэтъ Рэнэ Мораксъ, декорацию — его братъ, Жанъ Мораксъ, а музыку — юный мѣстный композиторъ, Гюставъ Дорэ. Трибунъ вокругъ площади было устроено на 12.000 человекъ; громадное шествіе проходило на площадь черезъ три греческіе портика. Первыми появились старинные швейцарскіе почетные тѣлохранители со знаменами двадцати двухъ кантоновъ, подъ звуки трубъ и барабановъ; за ними торжественно выступали теперешній аббатъ Годаръ, одинъ изъ депутатовъ національнаго совѣта отъ департамента Ваата, и его блестящая свита въ роскошныхъ одеждахъ временъ Людовика XVI, какъ и самъ аббатъ. Онъ произнесъ краснорѣчивую рѣчь и надѣлъ вѣнки на голову лицъ, удостоенныхъ наградъ. Когда окончилась эта главная часть торжества, началось представленіе поэтической пьесы, составленной изъ пѣсень, романсовъ, хоровъ, бале-

¹⁾ Histoire d'une fête populaire, par Edouard Rod. «*Revue des deux Mondes*», 1 Juin 1905.

²⁾ La fête des vigneronns à Vevey, par Louise Georges Renard. «*La Revue*», 15 Juillet.

³⁾ La fête des vigneronns à Vevey, par Samuel Cornut. «*La Revue Bleue*», 29 Juillet 1905.

товъ и т. д. Въ ней заключалось четыре дѣйствія: зима, весна, лѣто и осень. Зима изображалась охотниками, дровосѣками, и въ заключеніе была представлена большая сцена изъ деревенской свадьбы, гдѣ танцовали извѣстный швейцарскій вальсъ Лотербахъ, привѣтствованный самыми шумными аплодисментами. Рабочіе съ сохами и сѣятели означали переходъ къ веснѣ, и цѣлая толпа молодыхъ дѣвушекъ пропѣла знаменитый романсъ: «Devin du village», Руссо. Процессію заканчивали косари, садовники и другіе сельскіе рабочіе. Церера съ своими подругами олицетворяла лѣто, и г-жа Вельти-Герцогъ, швейцарская пѣвица, уступленная Берлинской оперой на это празднество, исполняла своимъ могучимъ голосомъ, раздававшимся во всѣхъ углахъ площади, великолѣпную арію въ честь жатвы. Послѣ того показались пастухи со стадами, и мѣстный нотаріусъ, Курра, исполнилъ съ неподражаемымъ одушевленіемъ національный швейцарскій «Ranz des vaches». Теперь настала самая суть всей пьесы: осень, громадная изящная процессія Вакха съ фавнами, вакханками и т. д. Въ первый разъ балетъ вакханокъ исполнялся женщинами, и большинство зрителей нашло, что онѣ были слишкомъ граціозны и женственны, а не отличались прежней дикой вакханаліей, какъ было въ мужскомъ исполненіи. Наконецъ торжество увѣнчивалось національнымъ гимномъ въ честь всего земледѣльческаго швейцарскаго народа. Вечеромъ былъ данъ городомъ народный банкетъ для 1.800 исполнителей пьесы и 2.200 гостей, начиная съ предсѣдателя Швейцарской республики, Рюшэ, произнесшаго краснорѣчивую рѣчь, окончившуюся стариннымъ лозунгомъ виноградарей: «Молись и работай». Въ послѣдующіе дни было два раза повторено Празднество виноградарей, и, кромѣ того, устроенъ венеціанскій праздникъ на озерѣ съ великолѣпной иллюминаціей. Такимъ образомъ окончился этотъ народный праздникъ, на которомъ участвовали всѣ классы мѣстнаго населенія, и къ которому они готовились пять мѣсяцевъ, чтобы достойно принять толпы иностранцевъ, доходившихъ до 80.000 человекъ.

— Перенесеніе останковъ отца американскаго флота. Болѣе ста лѣтъ знаменитый американскій мореплаватель, Джонъ Поль Джонсъ, покоился въ невѣдомой могилѣ въ Парижѣ, и много разъ, но тщетно, американцы пытались отыскать останки своего героя-моряка. Наконецъ Портэръ, американскій посланникъ въ Парижѣ, посвятившій на эти розыски шесть лѣтъ въ той мѣстности, гдѣ было старинное кладбище въ улицѣ Grange-aux-Belles, отыскалъ гробъ, повидимому, принадлежавшій знаменитому американцу. Онъ былъ открытъ въ присутствіи посланника, и всѣ были поражены сходствомъ изумительно сохранившейся головы съ головою Поля Джонса. Гробъ былъ перенесенъ въ лабораторію ученыхъ антропологовъ, докторовъ Капштэна и Папильо, останки подвергнуты вскрытію, такъ какъ они сохранились въ видѣ муміи и въ совершенно удовлетворительномъ состояніи, благодаря алкоголю, налитому въ металлическій гробъ. Старательно изслѣдовавъ внутренности покойнаго и измѣривъ его голову, лицо и лобъ, доктора пришли къ тому убѣжденію, что это было дѣйствительно тѣло Поля Джонса. Его внутренности такъ хорошо сохранились, что профессоръ Корниль даже нашелъ въ легкихъ слѣды воспаленія, которымъ, какъ извѣстно, покойный страдалъ

въ послѣднее время жизни. Такимъ образомъ, не было никакого сомнѣнія, что это тѣло Поля Джонса, тѣмъ болѣе, когда сравнили его лицо съ гипсовой маской, сохранившейся отъ его бюста и находящейся въ Филадельфiи. Еще никогда не случалось совершать антропо-метрическаго и медико-гистологическаго изслѣдованiя надъ трупомъ, спустя сто тридцать лѣтъ послѣ смерти. Американскiй посланникъ, убѣдившись въ подлинности сдѣланнаго имъ открытiя, снова положилъ останки Джонса въ металлическiй гробъ, съ вставленнымъ въ крышку круглѣмъ стекломъ, и собщилъ въ Соединенные Штаты о великомъ патрiотическомъ событiи. Для торжественнаго перенесенiя останковъ патрiотаморяка отсюда была прислана во Францiю эскадра изъ четырехъ военныхъ судовъ, подъ начальствомъ адмирала Сигизби и въ сопровожденiи двухъ чрезвычайныхъ посланниковъ, только что смѣненнаго Портэра и Луиса. Д) прiѣзда американцевъ гробъ стоялъ въ склепѣ подъ американской церковью, въ улицѣ Альмы. Съ чисто американской своеобразностью соотечественники Поля Джонса придали перенесенiю его тѣла характеръ не погребальнѣй, а, напротивъ, древняго триумфа. Послѣ церковной службы и торжественныхъ рѣчей въ присутствiи, кромѣ американской делегацiи, представителя французскаго президента, перваго министра Рувьё, нѣкоторыхъ министровъ и многочисленной высшей интеллигенцiи, образовалось великолѣпное шествiе, центромъ котораго былъ гробъ Поля Джонса, помѣщенный на артиллерiйскiй лафетъ, спереди и позади котораго шли пѣшие и конные полки, а также французскiе моряки, окружавшие представителей американскаго флота, въ количествѣ болѣе пятьсотъ человекъ. Это величественное шествiе тянулось черезъ весь Парижъ до Инвалидовъ, предъ площадью которыхъ возвышался катафалкъ: на него поставили гробъ, и предъ нимъ торжественнымъ маршемъ прошли присутствующiе французы и американцы, подъ звуки триумфальныхъ маршей, а не погребальныхъ. Этимъ все закончилось; затѣмъ гробъ перенесли на сосѣднюю станцiю желѣзной дороги отправили въ Шербургъ, гдѣ совершилась послѣдняя церемонiя перенесенiя тѣла отца американскаго флота на главный военный корабль «Бруклинъ», гдѣ на палубѣ былъ устроенъ изящный балдахинъ. Доля французскихъ торжествъ этимъ прекратилась. Что касается до американской, то она еще впереди, такъ какъ теперь гробъ привезенъ только въ Америку, въ Анаполисъ, и поставленъ во временнѣй склепъ, а впослѣдствiи тамъ же, въ Анаполисѣ, близъ Вашингтона будетъ воздвигнута великолѣпная часовня для останковъ славнаго американскаго патрiота.

Конечно, американская печать, а отчасти и французская, въ настоящее время занята хвалебными историческими статьями въ память Поля Джонса. Всего замѣчательнѣе въ «Figaro» статья Жоржа Кларети: «Романъ Поля Джонса»¹⁾ и въ июльскомъ номерѣ «Scribner's magazine» «Разсказъ Джона Кильби, бомбардира судна «Bonhomme Richard», при Поль Джонсѣ»²⁾. Что касается до перваго очерка, то это—краткiй, но ловко составленный этюдъ о жизни и подвигахъ знаменитаго моряка, который, въ сущности, былъ протомъ

¹⁾ «Le Roman de Paul Jones», par Georges Claretie. «Le Figaro», 6 Juillet 1905.

²⁾ «Narrative of John Kilby», by John Kilby. «Scribner's Magazine», July 1905.

и корсаромъ, немилосердно истреблявшимъ англичанъ во время войны съ Америкой для пользы своихъ соотечественниковъ, для которыхъ онъ впервые создалъ начало ихъ флота, до него вовсе не существовавашаго. Подробно говорить о Полѣ Джонсѣ излишне, такъ какъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» не разъ было упомянуто и довольно обстоятельно по случаю его заграничныхъ подвиговъ и русской службы. Послѣдніе годы своей жизни Поль Джонсъ провелъ въ Парижѣ среди своихъ друзей, дѣятелей первой революціи: Карно, Верньо, Барбару и многихъ другихъ. Извѣстный публицистъ Гриммъ писалъ: «У насъ живетъ уже нѣсколько времени неустрашимый Поль Джонсъ; онъ имѣлъ честь быть представленнымъ королю, и на всѣхъ спектакляхъ, гдѣ онъ присутствовалъ, ему восторженно рукоплескали. Замѣчательно, что этотъ храбрый корсаръ, давшій множество доказательствъ своей храбрости и мужества, тѣмъ не менѣе человекъ самый чувствительный и нѣжный; онъ даже написалъ немало граціозныхъ стиховъ въ элегическомъ родѣ. Ложа (масонская) Девяти Сестеръ, въ которой онъ состоитъ членомъ, пригласила скульптора Гудона сдѣлать его бюстъ». Французскіе друзья Поля Джонса старались заманить его на французскую республиканскую службу и сдѣлать его начальникомъ флота. Но здѣсь съ сорокапятилѣтняго возраста онъ неожиданно занемогъ у своего близкаго друга, г-жи Телисонъ, побочной дочери Людовика XV, и умеръ ночью одинъ, стоя, прислонившись къ шкапу, съ томомъ Вольтера въ рукахъ. Вся Франція сожалѣла о немъ и собиралась помѣстить его въ Пантеонъ, а потомъ о немъ забыла. Впрочемъ, по временамъ его вспоминали люди первостепенные: наприимѣръ, Наполеонъ на другой день послѣ Трафальгара сказалъ: «Поль Джонсъ не исполнилъ до конца своей карьеры; если бы онъ былъ живъ, то Франція имѣла бы адмирала».

Американская статья по случаю празднествъ въ честь Поля Джонса замѣчательна потому, что это—подлинный рассказъ одного изъ моряковъ, служившихъ при Джонсѣ на его знаменитомъ «*Bonhomme Richard*». Его недавно стыскала американскій біографъ Джонса, Августъ Бюэль, у правнука этого самаго моряка, Джона Кильби. Такимъ образомъ эта рукопись составляетъ драгоцѣнный документъ и напечатана теперь, какъ нельзя болѣе кстати, Бюэлемъ. Хотя знаменитое сраженіе Поля Джонса на маленькомъ суднѣ «*Bonhomme Richard*» съ большимъ англійскимъ кораблемъ «*Сераписъ*», окончившееся побѣдой американцевъ надъ англичанами, всѣмъ хорошо извѣстно и воспѣвалось на всѣ лады, но подлинное описаніе этого геройскаго подвига представляетъ большой интересъ. Простой матросъ и впоследствии бомбардиръ, Джонъ Кильби, поступилъ на «*Bonhomme Richard*» въ одномъ изъ французскихъ портовъ, куда заходилъ Поль Джонсъ, и сначала крейсировалъ со своимъ начальникомъ вдоль шотландскихъ береговъ. Однажды къ нимъ на бортъ пріѣхалъ мѣстный лоцманъ и на вопросъ Джона Кильби: «что новаго?»—отвѣчалъ: «У насъ очень важная и дурная новость: мы ежедневно ожидаемъ, что измѣнникъ Поль Джонсъ высадится на берегъ».—«Я желалъ бы его видѣть, — отвѣчалъ Джонсъ. — А какого вы о немъ мнѣнія?» — «О немъ! — воскликнулъ лоцманъ. — Да это величайшій измѣнникъ и пиратъ, котораго надо повѣсить». Тогда Джонсъ преспокойно произнесъ: «Ну, такъ знайте, что я самъ Поль Джонсъ!» Несчаст-

ный лоцманъ упалъ на колѣни, прося помиловать ему жизнь. На это Джонсъ сказалъ: «Встаньте! Я не трону волоса на вашей головѣ, но вы—мой плѣнникъ». Пройдя берега Шотландіи, «Bonhomme Richard» поровнялся съ Англіей и 23-го сентября 1770 г. увидаль предъ собой большой англійскій военный корабль, который потомъ оказался «Сераписомъ». Поль Джонсъ распорядился, чтобы другія его маленькія суда: «Alliance» и «Pallas», приняли участіе въ сраженіи вмѣстѣ съ «Bonhomme Richard», но они не поняли сигналовъ и пустились въ погоню за многочисленными торговыми судами, которыя конвоировалъ военный корабль. Такимъ образомъ «Bonhomme Richard» оказался одинъ противъ гораздо большаго соперника, но все же онъ прямо направился на него. Очутившись на разстояніи пятидесяти ярдовъ другъ отъ друга, кто-то съ англійскаго корабля крикнулъ въ рупоръ: «Что за судно идетъ?» Джонсъ ничего не отвѣчалъ; англичанинъ же прибавилъ: «Скажите, какое судно, или я васъ потоплю». Тогда Джонсъ также отвѣчалъ въ рупоръ: «Потопи и будь проклятъ!» Затѣмъ съ той и другой стороны началась страшная канонада. Суда находились такъ близко другъ отъ друга, что на палубу американскаго судна упала часть сломавшейся мачты, и, схвативъ ее, Джонсъ воскликнулъ: «Я не вынушу ея изъ рукъ, пока одинъ изъ насъ не потонетъ!» Наконецъ, англійскій начальникъ приказалъ итти на абордажъ, и американецъ закричалъ: «Приходите, я готовъ васъ принять!» Англичане бросились на абордажъ, но были отбиты. Затѣмъ канонада и рукопашныя схватки продолжались до тѣхъ поръ, пока Джонсъ съ тридцатью матросами яростно бросился на англичанъ, и раздались съ ихъ стороны крики: «Мы сдались! Мы сдались!» Джонсъ отвѣчалъ: «Прекратить огонь: корабль сдался!» Англійскій командиръ, Ричардъ Пирсонъ, былъ приведенъ къ Джонсу и отдалъ ему свою шагу, говоря: «Нашла коса на камень». Джонсъ отдалъ ему шагу со словами: «Носите свою шагу на палубѣ моего корабля». Однако, побѣда дорого стоила Джонсу. «Bonhomme Richard» загорѣлся и быстро тонулъ, такъ что американцамъ пришлось перейти на побѣжденный «Сераписъ». «О небо!—восклицаетъ Джонъ Кильби:—самый нечувствительный человѣкъ долженъ былъ проливать слезы: нашъ «Bonhomme Richard» тихо опускался въ море, одержавъ побѣду. Славное зрѣлище! но, увы, мы его никогда болѣе не увидимъ». Кромѣ интереснаго описанія главнаго морскаго боя Поля Джонса, рассказъ Джона Кильби отличается еще образцовой характеристикой отца американскаго флота: «храбрый и мужественный Поль Джонсъ, хотя англичане и писали о немъ, какъ о худшемъ на свѣтѣ человѣкѣ, былъ, я долженъ сказать, такимъ морякомъ и джентльменомъ, какого я никогда не видаль. Онъ былъ храбръ въ бою, добръ въ обращеніи съ матросами, кормилъ ихъ отлично и вообще велъ себя относительно офицеровъ и матросовъ, какъ слѣдуетъ командиру. Если же намъ не всегда выдавали жалованье, то въ томъ вовсе не онъ былъ виноватъ».

— Поклонники и поклонницы Робеспьера. Недавно во Франціи, особенно въ Парижѣ, распространилось движеніе въ пользу сооруженія статуи Робеспьеру. Ее намѣреваются поставить на лѣвомъ углу площади Согласія, у Тюльрійскаго сада, при входѣ въ улицу Риволи, гдѣ нѣкогда находился домъ,

обитаемый Робеспьеромъ. По поводу этой статуи пишущему эти строки напоминаетъ слѣдующій анекдотъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ему случилось осматривать парижскую ратушу съ однимъ либеральнымъ французомъ. Въ то время сооружали статую Дантону, и на вопросъ: «Когда же придетъ очередь великаго Максимилиана?» французъ отвѣчалъ: «Я никогда не слышалъ такихъ словъ отъ русскаго. Но, любезный другъ, долго намъ придется ожидать памятника «неподкупному» въ теперешнее время аристократовъ, клерикаловъ и буржуазіи. Теперь самымъ пламеннымъ защитникомъ памятника знаменитаго революціонера является Вивіани въ «Humanité», а ея редакторъ Вивіани — боипомъ за атеизмъ и социализмъ; въ сущности же Робеспьеръ не былъ ни атеистомъ, ни социалстомъ. Даже ярые представители той и другой системы называютъ его клерикаломъ и сторонникомъ буржуазіи. Но Вивіани прощаетъ ему не только преданность теоріи собственности, его голубой фракъ; но даже культъ Верховнаго Существа. Тому же, кто упрекаетъ его за излишнее снисхожденіе, онъ отвѣчаетъ: «Что дѣлать, совершенства нѣтъ на свѣтѣ». Вообще кстати недавно вышла книга Анри д'Альмераса: «Поклонницы Робеспьера»¹⁾. Въ ней подробно разсказывается культъ Разума и мистическаго деизма во время революціи, и авторъ характеристично и художественно рисуетъ великую фигуру Робеспьера, какъ мистика, деиста, учредителя праздника въ честь Верховнаго Существа и человѣка, искренно вѣрующаго. «Деизмъ, — говоритъ Альмерасъ, — былъ у Робеспьера потребностью сердца, но, кромѣ того, какъ правительственный дѣятель, онъ считалъ его социальной необходимостью. Онъ зналъ достаточно человѣчество, чтобы убѣдиться въ невозможности довольствоваться самимъ собою, и что сверхъземной идеалъ былъ ему необходимъ, дабы не поддаться непреодолимымъ дикимъ инстинктамъ. Подобныя деистическія теоріи послѣдователя Жанъ-Жака Руссо побудили его 26-го марта 1792 г. въ засѣданіи якобинцевъ отнести смерть Леопольда II къ волѣ Провидѣнія, которое всегда печется о насъ гораздо лучше, чѣмъ наша собственная мудрость; онъ же заставили его заявить съ той же якобинской трибуны, что идея о Верховномъ существѣ всего утѣшительнѣе для народа; и, наконецъ, онъ сдѣлалъ свободу совѣсти одной изъ великихъ заботъ Робеспьера, хотя исторія не ставитъ этого ему въ заслугу». По странному и любопытному психологическому явленію деистическія мысли Максимилиана сосредоточили на немъ вниманіе всѣхъ мистически настроенныхъ людей; всѣхъ помѣшанныхъ на религіи, всѣхъ иллюминатовъ, жаждавшихъ новой вѣры, которые видѣли въ немъ нѣчто въ родѣ верховнаго первосвященника революціи, свѣтскаго папу. Робеспьеръ имѣлъ безъ конца поклонниковъ и особенно поклонницъ, число которыхъ разрослось бы болѣе, если бы не случилась конечная катастрофа. «Онъ господствовалъ надъ ними своимъ умомъ, — говоритъ д'Альмерасъ, — силою своихъ принциповъ, которые исполнѣ удовлетворяли ихъ слабости и необходимости покровительства. Его краснорѣчіе à la Rousseau открывало имъ путь къ идеалу. Его слащавая, умилительная рѣчь привлекала и восхищала ихъ, тогда какъ ихъ отталкивали цинизмъ Давтова и сарказмъ Мара. Въ конвентѣ, въ клубѣ якобинцевъ его

¹⁾ Les dévotes de Robespierre, par Henri d'Almeras. Paris. 1905.

слушали съ большимъ вниманіемъ, и поклонницы забывали его непріятное лицо, зеленые глаза, рѣзкій, шипящій голосъ, сжатые движенія ихъ кумира». Авторъ приводитъ нѣсколько писемъ этихъ новыхъ поклонницъ новаго божества: онѣ выражаются смутно, напыщенно, претенціозно и въ каждомъ ихъ словѣ слышится пламенное усердіе и рвеніе. Конечно, въ виду этого восторженнаго культа усиливалась ненависть къ всемогущественному трибуну. Сначала происходили только отдѣльные нападки и ироническія газетныя выходки, но потомъ составилъ цѣлый заговоръ противъ Максимилиана, котораго главнымъ образомъ обвиняли въ мистической набожности. Особенно Робеспьера компрометировала его ярая поклонница, по происхожденію бретонка, которая увѣряла, что небесное Провидѣніе дало ей священную миссію. Ее долго принимали за сумасшедшую и заперли въ Сальпетріеръ и Бастилію; выпущенная наконецъ на свободу, она составила цѣлое общество мистиковъ, подъ руководствомъ Жерлэ. Кромѣ культа революціи, Катерина Тео проповѣдывала, что она можетъ обезпечить безсмертіе тѣла, и къ ней собирались многочисленныя толпы сторонниковъ. Наконецъ гнѣздо мистиковъ было обличено предъ революціоннымъ трибуналомъ. Въ сущности, уже нѣсколько времени комитетъ общественной безопасности наблюдалъ за этимъ тайнымъ сборищемъ, но откладывалъ моментъ рѣшительнаго дѣйствія, надѣясь, что Робеспьеръ запутается окончательно въ сѣтяхъ мистиковъ. Дѣйствительно, онъ имѣлъ неосторожность дать дону Жерлэ свидѣтельство гражданственности, которымъ можно было воспользоваться, какъ оружіемъ противъ самого Максимилиана. Въ сущности, его сношенія съ бывшимъ монахомъ были самыя незначительныя и не шли далѣе шапочнаго знакомства. Арестовавъ Тео и всю группу иллюминатовъ, комитетъ общественной безопасности приступилъ къ разбору захваченныхъ у нихъ бумагъ. Узнавъ объ этомъ, Робеспьеръ приказалъ доставить себѣ эти бумаги, изъ прочтенія которыхъ онъ убѣдился, что несчастные не составляли заговора противъ республики, а, по выраженію Альмераса, только противъ здраваго смысла. Въ это время Максимилианъ былъ всемогущъ, хотя чрезъ нѣсколько недѣль онъ погибъ, и потому ему удалось послѣ усиленныхъ стараній освободить отъ гильотины невинныхъ жертвъ. Что касается Тео, то она умерла въ тюрьмѣ, а донъ Жерлэ тянулъ свое несчастное существованіе еще нѣсколько лѣтъ и умеръ въ нищетѣ. Совершенно иную личность представляла другая мистическая поклонница Робеспьера. Это была принцесса королевской крови, дочь герцога Бурбона, вышедшая замужъ въ двадцать лѣтъ за пятнадцатилѣтняго принца Кондэ. Ее заперли въ монастырь въ ожиданіи болѣе зрѣлаго возраста мужа. Естественно, онъ покинулъ ее, а она искала любви на сторонѣ. Мать герцога Энгіенскаго, разстрѣляннаго въ Венсенскомъ рѣѣ, она мало-по-малу помутилась умомъ, предалась тайнымъ наукамъ, совершенно посвятила себя мистицизму, соннамбулизму, магнетизму, алхиміи и наконецъ сдѣлалась мистической революціонеркой. Арестованная и изгнанная изъ Франціи, она скиталась по Европѣ, оплакивая своего сына, и наконецъ скоропостижно умерла, полусумасшедшей.

— Военныя воспоминанія польскаго офицера Іосифа Грабовскаго ¹⁾, состоявшаго при штабѣ Наполеона въ 1812—1814 годахъ, рисуютъ

¹⁾ «Pamiętniki wojskowe» Jozefa Grabowskiego. W. 1906.

закулисную сторону жизни великой армии и ее славного вождя. Вот, например, описание грабежа императорской кассы. Несколько соть солдат пѣшей французской армии эскортировали имущество Наполеона. Их преслѣдовали казаки. На пути была гора. Плохо подкованныя лошади не могли подняться. Казачьи пули свистѣли въ воздухѣ. Тогда солдаты бросились на обозъ и начали грабить. Наполсондоры валялись въ снѣгу. Скоро отъ столоваго серебра, драгоценныхъ вещей, дорогихъ мундировъ ничего не осталось. Награбленное имущество впоследствии сбывали въ Вильнѣ жидамъ. Послѣдніе не дремали. Заманивали въ свои норы продавцевъ, а потомъ ихъ—пьяныхъ или сонныхъ—обирали и убивали. А вотъ описание походнаго императорскаго жилища-шатра. Шатеръ былъ изъ полосатаго тика, одна полоса голубая, другая бѣлая, двойной, т.-е. внутри его былъ установленъ другой шатеръ. Пространство между стѣнками перваго и втораго шатра представляло собою нѣчто въ родѣ коридора, въ которомъ ночевали камердинеръ Наполеона Констанъ, мамелюкъ-тѣлохранитель Рустемъ и иногда кто нибудь изъ офицеровъ. Въ шатрѣ стоялъ большой столъ съ разложенными на немъ картами и планами. Большія булавки съ красными и черными головками, воткнутыя въ карты, обозначали движеніе французскихъ и непріятельскихъ войскъ. Неподалеку стоялъ другой столъ для чиновниковъ императорскаго кабинета. Императоръ ходилъ взадъ и впередъ съ заложеными на спинѣ руками. Одѣтъ былъ въ бѣлый пикейный халатъ и туфли. Голова обмотана фуляромъ. Поминутно останавливался у стола и бралъ изъ табакерки щепотки табаку, при чемъ значительную часть его просыпалъ на коверъ, которымъ былъ устланъ шатеръ. Тутъ же въ шатрѣ стояла кровать государя. Ее отдѣляла бѣлая занавѣсъ. Императоръ, выслушивая кого либо, имѣлъ привычку перебивать восклицаніемъ «*hem!*» Если кто либо, докладывая Наполеону, повторялъ одно и то же, предполагая, что государь не совсѣмъ ясно понимаетъ положеніе дѣла, Наполеонъ нетерпѣливо перебивалъ его словами: «*Eh! je comprends bien, continuez.*» Императоръ былъ очень скупъ на похвалы. Если онъ сказалъ «*C'est bien*» и «*Je suis content de vous*»,—это много значило. Не любилъ онъ безъ толку, особенно въ мирное время, награждать орденами. Когда Наполеонъ выѣзжалъ, впереди его, въ разстояніи 50 шаговъ, ѣхали двое офицеровъ, за императоромъ слѣдовали четыре эскадрона конной гвардіи, по одному отъ каждаго полка. Императорская карета, верховыя лошади, багажъ слѣдовали за ними, въ отдаленіи. Верховыхъ лошадей у Наполеона было три, всѣ арабской породы. Одна сивая, другая сѣрая, третья—карая. Одѣвался императоръ обыкновенно такъ, какъ его рисуютъ на портретахъ и картинахъ, т.-е. въ зеленый мундиръ съ пунцовыми воротникомъ и пушками, подъ мундиромъ бѣлый пиковый жилетъ, далѣе бѣлые кашемировые панталоны, трехугольная шляпа, шага, на груди серебряный крестикъ «Почетнаго легіона» и ленточка ордена «Желѣзной короны». Императоръ ѣздилъ или галопомъ, или рысью. Въ походѣ, около 10 часовъ утра, Наполеонъ останавливался гдѣ нибудь на горкѣ. Ему подносили булку, сыръ и кубокъ краснаго вина или немного коньяку. Случалось, что императоръ кушалъ дорогою, не останавливаясь. Если онъ слѣзалъ съ коня, то слѣзали и остальные. Тогда шесть или восемь солдатъ съ ружьями становились въ отдаленіи вокругъ На-

полеона и никого къ нему въ штатскомъ платьѣ не допускали. Обѣдъ былъ не раньше 6 часовъ. Бертъе и Дюрокъ постоянно обѣдали съ императоромъ. Тарелки и кубки подавали серебряныя. Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Грабовскій рассказываетъ о случайной встрѣчѣ съ Костюшкомъ. Произошло это въ 1814 году, въ окрестностяхъ Фонтенебло. Однажды нѣсколько человекъ гвардейцевъ-поляковъ пошли искать сѣна и зашли въ деревню Бервилль. Сѣно нашли и начали его собирать. Къ нимъ подошелъ сѣдой старичекъ, небольшого роста. Старичка вели двое дѣтей. Онъ обратился къ солдатамъ по-польски и просилъ не брать сѣна, такъ какъ оно составляетъ достояніе бѣдныхъ людей. На вопросъ гвардейцевъ: кто онъ? старикъ назвалъ себя: «генераль Костюшко». Солдаты сначала не повѣрили, но потомъ послушались. Генераль Красинскій навѣстилъ Костюшка и представилъ ему офицеровъ-поляковъ. По свидѣтельству автора воспоминаній, знаменитый борецъ за свободу былъ очень ужъ старъ, мало говорилъ, больше плакалъ, производилъ впечатлѣніе безпомощнаго ребенка.

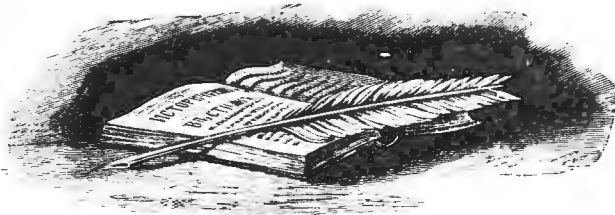
— Одна изъ жертвъ эгоизма Гёте. Появившійся въ Берлинѣ, изданный Тэвисомъ первый томъ переписки ¹⁾ Эккермана съ различными лицами, касающейся Гёте и веймарскаго общества въ послѣдніе дни жизни стараго поэта, содержитъ между прочимъ его переписку съ женой. Въ этихъ письмахъ знаменитый поэтъ представленъ человекомъ сухимъ, эгоистичнымъ, расчетливымъ, тормозившимъ судьбу молодыхъ поэтовъ изъ своихъ личныхъ удобствъ. Къ числу жертвъ его эгоизма принадлежалъ и Эккерманъ, а еще болѣе его жена, или, вѣрнѣе, въ то время невѣста, хотя въ концѣ концовъ послѣ смерти поэта Эккерманъ былъ вознагражденъ за свое долготерпѣніе удовлетвореннымъ честолюбіемъ и нѣкоторой обезпеченностью въ матеріальномъ отношеніи, хотя далеко не въ такой степени, какъ онъ мечталъ. Прежде чѣмъ сдѣлаться секретаремъ Гёте, Эккерманъ пережилъ немало превратностей судьбы, перебивавъ послѣдовательно пастухомъ, солдатомъ, рисовальщикомъ и приказчикомъ. Происходилъ онъ изъ семьи мелкаго торговца въ ганноверской деревнѣ и родился въ 1792 году. Латинскій языкъ онъ принялся изучать послѣ двадцати пяти лѣтъ. Личное честолюбіе и усидчивость въ работѣ помогли въ его ученыхъ занятіяхъ, знакомство же въ Ганноверѣ съ молодой дѣвушкой, Юганной Бертрамъ, въ 1818 году еще болѣе способствовали его успѣхамъ. Усилія Эккермана выбиться въ люди изъ той темной среды, въ которой ему приходилось вращаться, благодаря своему рожденію, а также его опасная болѣзнь совершенно завоевали сердце молодой дѣвушки, и она дала согласіе сдѣлаться его женою, какъ только онъ будетъ въ состояніи зарабатывать для семьи хлѣбъ. Лично его сердце лежало къ литературѣ, особенно къ поэзій, но, чтобы поврачаться ей, онъ изучалъ право. Впрочемъ она ему говорила, что одно другому не мѣшаетъ, и, занимаясь адвокатурой, какъ болѣе надежнымъ заработкомъ, онъ можетъ печатать свои стихотворенія. Благодаря этимъ совѣтамъ, Эккерманъ жилъ уже въ продолженіе двухъ лѣтъ въ Геттингенѣ и приводилъ въ восхищеніе своихъ профессоровъ. Отъ природы онъ былъ прекрасный

¹⁾ Aus Goethe's Lebenskreise; J. B. Eckermann's Nachlass; von Tewis,

человѣкъ, прямодушный и довольно способный, но полный наивнаго тщеславія и чрезмѣрной самоувѣренности. Несмотря на свою склонность къ поэзи, онъ былъ совершенный прозаикъ, такъ что всѣ его идеи выливались какими-то плоскими и безцвѣтными, что бросается въ глаза въ его письмахъ къ женѣ. Въ нихъ онъ говоритъ мало о любви, но преимущественно о самыхъ обыденныхъ вопросахъ и выражаетъ желаніе, какъ можно скорѣе, добиться степени доктора и жениться. Молодые люди не предвидѣли, что, благодаря эгоизму Гёте, имъ придется ожидать этого момента тринадцать лѣтъ. На несчастье Юанны, Эккерманъ вздумалъ послать Гёте посвященные ему и только что отпечатанные стихи. Это было 25-го августа 1821 года, а 2-го октября старый поэтъ отвѣтилъ ему вѣсколькими строками, полными самыхъ пошлыхъ похвалъ, какія онъ подъ старость началъ расточать молодымъ поэтамъ. Эти неосторожныя похвалы совершенно вскружили голову Эккерману, и онъ написалъ Юаннѣ: «Письмо Гёте продолжаетъ поддерживать во мнѣ свѣтлую радость. Увѣренность, что Гёте со мною согласенъ, даетъ мнѣ безконечныя увѣренность и спокойствіе». Въ слѣдующемъ письмѣ онъ уже говорилъ: «Безусловно необходимо надѣлать шума. Надо нынче зимою создать двѣ вещи, чтобы ко мнѣ пришли слава и деньги: во-первыхъ, написать мою трагедію, а затѣмъ мою книгу о поэзи особенно въ отношеніи Гёте». Въ это время философъ Шубартъ напечаталъ книгу о Гёте, и Эккерманъ задумалъ послѣдовать этому ирмѣру. «Шубартъ, — писалъ онъ невѣстѣ, — добился значительной славы чрезъ эту книгу и знакомства съ Гёте, которое она ему доставила. Газеты извѣщаютъ, что онъ уже получилъ мѣсто». Эккерманъ тоже задумалъ напечатать книгу о Гёте, которая принесла бы ему «знакомство съ Гёте» и могла бы скорѣе «устроиться». Въ своей книгѣ Эккерманъ хотѣлъ исправить ошибки Шубарта относительно Гёте, съ которыми и послѣдній не долженъ былъ, по мнѣнію будущаго секретаря, соглашаться. Но, прежде чѣмъ приняться за нее, онъ спросилъ совѣта у своей невѣсты. Этотъ планъ молодая дѣвушка одобрила, не предчувствуя, что сама создаетъ преграду своему счастью. Эккерманъ ради этой книги долженъ былъ прервать свое ученіе и цѣлый годъ писалъ ее. Когда онъ ее окончилъ, то послалъ Гёте, котораго такъ тронула эта честь, что онъ пригласилъ къ себѣ молодого человѣка. Бѣдная Юанна обрадовалась письму Гёте и ожидала, что онъ позаботится о будущей судьбѣ Эккермана. Между тѣмъ Гёте, познакомившись съ послѣднимъ, понялъ, что онъ подходитъ для его личныхъ выгодъ, какъ «человѣкъ того разряда, которые могутъ оказать самыя драгоценныя услуги въ мірѣ», и тотчасъ же пригласилъ его поселиться поближе. «Живите въ Веймарѣ, — сказалъ ему Гёте, — здѣсь собрано много хорошаго, и вы найдете здѣсь такое общество, какого не встрѣтишь и въ большихъ городахъ. Мы владѣемъ такъ же очень богатой библіотекой и перво-класснымъ театромъ. Повторяю вамъ: останьтесь съ нами и не только на зиму, но изберите Веймаръ своимъ окончательнымъ мѣстопробываніемъ. Лѣтомъ вы будете путешествовать и мало-по-малу увидите все, что желаете видѣть. Я живу въ Веймарѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, и куда я не ѣздилъ? Но сюда я возвращался всегда съ удовольствіемъ». Однако, Эккерманъ не могъ согласиться жить всегда въ Веймарѣ въ качествѣ дароваго секретаря и довѣ-

реннаго Гёте, не имѣя другого занятія. Посовѣтовавшись съ невѣстой, онъ рѣшилъ, что навѣрно Гёте за его услуги похлопочетъ достать ему оплачиваемое занятіе и тѣмъ дастъ ему возможность поскорѣе жениться. Рѣшено было, что зиму Эккерманъ проведетъ въ Веймарѣ. Это рѣшеніе породило въ немъ множество различныхъ плановъ и честолюбивыхъ мечтаній. Въ Веймарѣ всѣ за нимъ ухаживали, то завидуя чести быть секретаремъ Гёте, то думая попасть чрезъ него къ поэту. Что касается Эккермана, то съ его самоувѣніемъ это казалось ему совершенно естественнымъ. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ обращенія съ нимъ Гёте. «За столомъ онъ даетъ мнѣ кушанья съ своей тарелки,—писалъ онъ невѣстѣ.—Когда я прихожу къ нему вечеромъ, онъ приносить бутылку вина». Гёте давалъ ему для исправленія корректуры листы или для разбора старинныя рукописи. Все время онъ работалъ для Гёте, и въ этихъ занятіяхъ прошла вся зима и наступила весна, а онъ не имѣлъ свободнаго дня, чтобы навѣстить свою невѣсту. Когда же нашлось время, то вмѣсто того, чтобы поѣхать въ Ганноверъ къ невѣстѣ, онъ, по совѣту Гёте, отправился въ Франкфуртъ и поселился въ лучшей гостиницѣ, хвастаясь невѣстѣ, какимъ почетомъ его окружаютъ друзья Гёте. Въ утѣшеніе онъ послалъ Юганнѣ бюстъ Гёте, который она помѣстила подъ стеклянный колпакъ и почтительно отнеслась къ нему, все еще надѣясь, что старый поэтъ устроитъ ихъ судьбу. Конечно, ей было пріятнѣе получить обѣщанную работу жениха—трагедію или стихи, которые, какъ они ожидали, открыли бы путь къ славѣ, но Эккерману нѣкогда было думать о своей работѣ; все его время уходило на разговоры съ Гёте, на выполненіе различныхъ его порученій, на визиты и посѣщеніе театра, не считая уроковъ нѣмецкаго языка, которые онъ давалъ какимъ-то молодымъ англичанамъ. Правда, онъ еще принялся записывать ежедневно всѣ разговоры съ Гёте и высказываемыя имъ мысли относительно людей и дѣлъ. Онъ утѣшалъ невѣсту надеждами на будущее, самъ же пользовался всѣми удовольствіями, льстившими его тщеславію. Шли мѣсяцы и годы; молодая дѣвушка начала тревожиться; въ это время освободилось мѣсто смотрителя архива въ Ганноверѣ, и она стала настаивать, чтобы Эккерманъ принялъ его. Онъ колебался и посовѣтовался съ Гёте. Старый поэтъ отсовѣтовалъ ему не только отправиться въ Ганноверъ, но даже снѣшить женитьбой, все еще обѣщая блестящую будущность. Онъ просилъ разрѣшенія у Гёте напечатать «Разговоры», но тотъ все оттягивалъ. Годы шли, и Юганна отъ огорченія стала чувствовать потребность разбить бюстъ Гёте. Она писала Эккерману: «Мнѣ говорили въ Люнебургѣ, что уже часто Гёте такъ удерживалъ возлѣ себя молодыхъ людей, пользовался ими для своихъ выгодъ и никогда не выражалъ имъ благодарности. Теперь я вижу, что это — правда». Иногда Гёте, чтобы удержать возлѣ себя драгоценнаго для него Эккермана, начиналъ обѣщать ему мѣсто въ Веймарской библіотекѣ, а иногда соглашался приняться за исправленіе рукописи «Разговоровъ» и давалъ ему надежду, что разрѣшитъ ихъ печатать. Снова освободилось мѣсто архивиста въ Ганноверѣ, и Юганна опять обратилась къ нему, но онъ отвѣтилъ ей, что сынъ Гёте сказалъ ему, будто онъ, Эккерманъ, совершитъ крупную ошибку, снизойдя до этого положенія. Уже прошло десять лѣтъ, а невѣстѣ Эккермана все еще не улыбнулось сча-

сти; единственнымъ его лучемъ была болѣзнь Гёте, когда съ нимъ приключился апоплектический ударъ. Но на ея горе старый поэтъ оправился. Наконецъ она вздохнула свободно 9-го ноября 1831 года, когда обвѣнчалась съ Эккерманомъ послѣ тринадцатилѣтняго ожиданія. Однако Гёте ни за что не хотѣлъ ее видѣть, и потому Эккерманъ по обыкновенію продолжалъ бывать у него одинъ, и Иоганнъ все-таки пришлось дѣлится любимаго человѣка съ Гёте. Однако, она не ошиблась, рассчитывая, что смерть Гёте будетъ для нихъ благоденствіемъ. Дѣйствительно, только послѣ смерти Гёте ихъ положеніе немного улучшилось. Эккерманъ сдѣлался въ Веймарѣ значительной личностью, а въ 1838 году получилъ титулъ придворнаго совѣтника, а печатаніе его «Разговоровъ» принесло ему, если не громадныя доходы, то, по крайней мѣрѣ, обезпеченное существованіе. Впрочемъ, бѣдной Иоганнъ не долго пришлось наслаждаться спокойной жизнью съ любимымъ мужемъ: долгіе годы безпокойнаго ожиданія подточили ея силы, и послѣ двухлѣтней супружеской жизни она умерла отъ родовъ 30-го апрѣля 1834 года.

С М Ъ С Ъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ съѣздъ въ Екатеринославѣ. Съ 15-го по 27-е августа въ г. Екатеринославѣ имѣеть быть XIII археологическій съѣздъ, устраиваемый Московскимъ археологическимъ обществомъ и мѣстнымъ комитетомъ при содѣйствіи земства, города и мѣстныхъ ученыхъ силъ. Въ виду того, что предполагавшійся нынѣшнимъ лѣтомъ областной археологическій съѣздъ въ г. Владимирѣ (губ.) отмѣненъ, появился слухъ, что такая же судьба постигнетъ и съѣздъ въ Екатеринославѣ. Но слухъ этотъ не имѣеть никакого основанія. За три послѣднихъ года мѣстные дѣятели такъ много работали, ими собраны настолько цѣнные матеріалы какъ путемъ раскопокъ, такъ и обследованія разнаго рода древностей юго-западной Россіи, что къ откладыванію съѣзда не представляется поводовъ, тѣмъ болѣе, что ко времени съѣзда приурочивается и открытіе екатеринославскаго музея, который вполнѣ готовъ и уже располагаетъ значительными коллекціями. Со съездомъ соединена выставка, для которой часть предметовъ уже доставлена, и на которой выставлены замѣчательныя мѣстныя археологическія собранія, напримѣръ, покойнаго Поля и др. Кромѣ археологической, устроена этнографическая выставка въ мѣстномъ Потемкинскомъ дворцѣ. Въ связи со съездомъ проектированы экскурсіи на раскопки кургановъ и къ днѣпровскимъ порогамъ; для послѣдней отпечатана для членовъ съѣзда хорошая подробная карта низовьевъ Днѣпра. По окончаніи же съѣзда послѣдуетъ поѣздка и въ Херсонесъ (близъ Севастополя), древности котораго въ послѣднее время были предметомъ усиленнаго изученія нѣсколькихъ специалистовъ.

Разрушающійся памятникъ древности. Небрежное отношеніе къ старинѣ въ Угличѣ особенно печально влияетъ на участь старѣйшаго въ немъ

Воскресенскаго храма, когда-то бывшаго монастырскимъ храмомъ. Храмъ совершенно запущенъ, не ремонтируется; его безжалостно гложетъ всеокружающее время, да отчасти и злая воля людей. Такъ, одинъ изъ пяти алтарей храма, во имя Знаменія Божіей Матери, будто бы за тѣсною и по ненадобности, уничтоженъ, часть иконостаса выломана, часть продолжаетъ еще стоять на своемъ мѣстѣ и свидѣтельствовать о совершенномъ разрушеніи. Часть обломковъ иконостаса валяется тутъ же на полу. Не мѣшало бы кому слѣдуетъ обратить на приведенное обстоятельство вниманіе. Стыдно дожидаться полного разрушенія историческаго памятника древняго русскаго зодчества.

Географическое общество. Въ послѣднемъ засѣданіи московскаго географическаго общества Б. М. Житковъ сообщилъ о своей экскурсіи, сдѣланной, по порученію общества, на Канинъ полуостровъ. Поѣздка эта представляетъ большой интересъ для изученія нашего крайняго сѣвера. Вытянутый съ сѣвера на югъ, полуостровъ Канинъ, раздѣляющій Мезенскій заливъ Бѣлаго моря и Чешскую губу, ограниченъ на югѣ приблизительно $66^{\circ}16'$ сѣверной широты; къ сѣверу онъ простирается до $68^{\circ}40'$, занимая въ ширину около 3 градусовъ, если считать по линіи отъ Канина носа до мыса Микуллина. Большая часть протяженія полуострова занята Сулой, высокою тундрой, прѣзанною многочисленными рѣчками, рѣчками и ручьями, изъ которыхъ многіе имѣютъ при устьяхъ широкіе наносы и впадаютъ расширенными устьями. Многія изъ этихъ рѣчекъ вытекаютъ изъ озеръ, нѣкоторыя же расположены на водораздѣлахъ рѣчныхъ системъ западнаго и восточнаго береговъ полуострова. Въ различныхъ мѣстахъ, вдоль западнаго берега Канина, расположены гряды невысокихъ песчаныхъ холмовъ, такъ называемыхъ сопокъ, представляющихъ, по всему вѣроятію, древнія береговыя дюны. Въѣзды участковъ, занятыхъ такими сопками, западный берегъ Канина отъ устья Мезени до устья Чожи тянется ровно, образуя однообразный обрывъ къ морю, въ 15—20 метровъ высотой, прерванный устьями впадающихъ въ море рѣкъ и ручьевъ. Къ сѣверу отъ границы хвойнаго криволиѣсія, полуостровъ на большей части своего протяженія занятъ площадями моховой тундры, поверхность которой то бугристая, то кочковатая и мѣстами мокрая одѣта характернымъ растительнымъ покровомъ. Изъ древесныхъ растений только береговая стланка и нѣсколько видовъ ивъ образуютъ мѣстами цѣлыя заросли въ тундрѣ. Отъ характера почвы зависитъ, вѣроятно, то обстоятельство, что среди тундръ съ однообразнымъ моховымъ покровомъ и относительно бѣдною травяною растительностью то тутъ, то тамъ попадаются какъ бы оазисы, заросшіе пышно травою, со множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Въ этихъ мѣстахъ обыкновенно попадаются и болѣе высокіе и пышные кусты ёры, въ полтора человѣка вышиной. Морошка разрастается мѣстами по тундрѣ въ такомъ количествѣ, что образуетъ на большомъ протяженіи цѣлыя ковры,—бѣлые раннимъ лѣтомъ и желто-розовые въ пору созрѣванія ягодъ. На пространствѣ Канинскаго полуострова живутъ самоѣды, владѣющіе, болѣе, впрочемъ, теоретически—на правахъ собственниковъ Канинскою, Тиманскою и Большеземельскою тундрами, входившими въ составъ территоріи бывшаго Мезенскаго уѣзда, теперь раздѣленнаго на Мезенскій и Печерскій. Самоѣды—оленеводы, со своими

стадами осенью отходятъ на зиму къ югу въ лѣса, весной перекочевываютъ къ сѣверу, главнымъ образомъ на склоны Канинскаго камня. По официальнымъ свѣдѣніямъ, на территоріи Канинской и Тиманской тундры въ настоящее время кочуетъ около 1.450 душъ самоѣдовъ, владѣющихъ еще стадами въ 2—2.000 головъ оленей. Другіе имѣютъ по нѣскольку сотъ, по сту и менѣе.

Общество естествоиспытателей. Въ іюньскомъ засѣданіи г. Устиновъ сообщилъ о своей экскурсіи въ Лаишевскій уѣздъ, Казанской губерніи, съ цѣлью изслѣдованія провалившагося озера въ Закамской части Казанской губерніи, въ деревнѣ Затаевкѣ, расположенной по правобережью рѣки Курлянки, въ восьми верстахъ отъ села Алексѣевского. По собраннымъ свѣдѣніямъ, прежде это озеро было расположено въ сосновомъ лѣсу, смѣнившемся впоследствии лиственнымъ; на берегахъ его въ началѣ XIX столѣтія основалось выше-названное поселеніе, жители котораго и пользовались водой озера для своихъ потребностей. Тогда оно имѣло уровень на глубинѣ 7—8 саж. отъ уровня равнины, среди которой было расположено. Судя по тогдашнему плану, озеро имѣло неправильную, лопастную форму. Въ такомъ положеніи оно находилось до 21-го іюля 1895 года. Въ ночь на 21-е іюля 1895 г. жители деревни Затаевки были поражены страшнымъ подземнымъ гуломъ, вызвавшимъ дребезжаніе оконныхъ рамъ, и сильнымъ шумомъ со стороны озера. Все это вызвало настоящую панику въ деревнѣ, и жители ея бросились въ поле, спасая себя отъ грозящей опасности. Но когда болѣе смѣлые рѣшились подойти къ озеру и зажгли находившіяся на берегу еще кучи соломы, чтобъ освѣтить мѣстность, то глазамъ ихъ представилась величественная картина: отъ западнаго края котловины отрывались огромные комья земли и съ шумомъ катились книзу, исчезая въ образовавшейся на мѣстѣ озера пучинѣ, а на противоположномъ краю ея происходило спалзываніе книзу не менѣе значительныхъ массъ берега бывшаго озера; въ то же время грунтовая вода, получившая, благодаря этимъ обваламъ, свободный исходъ, образовала рядъ шумныхъ потоковъ, съ ревомъ ниспадавшихъ въ эту пучину. Когда разсвѣло, жители пожелали измѣрить глубину вновь образовавшагося озера, и оказалось, что 38-саженная веревка съ гирей будто бы не достала дна. Но обвалы и сползны продолжались, яма постепенно заполнялась глиной и пескомъ, а на поверхности ихъ скоплялась вода, что въ концѣ концовъ повело къ образованію новаго озера на мѣстѣ исчезнувшаго, при чемъ получился водоемъ приблизительно такого же вида, какъ и теперь. Теперь это озеро имѣетъ правильную овальную форму, до 72 метровъ длины при 52 ширины, а площадь его простирается до 2.938,5 кв. м., при чемъ уровень его расположенъ на глубинѣ 22—23 м. отъ верхняго края котловины. Склоны береговъ этой котловины имѣютъ двоякую крутизну: верхняя часть ихъ, примѣрно до уровня прежняго озера, болѣе отлогая, въ сравненіи съ нижней, вновь образовавшеюся. Съ цѣлью опредѣленія глубины этого озера и составленія карты было призведено 62 промѣра глубины въ продольномъ и поперечномъ направленіи. Въ результатѣ оказалось, что максимальная глубина этого озера равняется 10,75 метровъ и находится ближе къ сѣверо-западному его краю. Средняя глубина его равна 8,4 метра, а водовмѣстимость 24.000 куб. м.

НЕКРОЛОГИ.

АБАЗА, К. К. 5-го мая скончался въ городѣ Измаилѣ известный педагогъ и писатель Константинъ Константиновичъ Абаза. Вскорѣ послѣ производства въ 1859 году въ офицеры 34-й артиллерійской бригады, расположенной въ Херсонской губерніи, К. К. Абаза принялъ въ свое завѣдываніе батарейную школу, впервые примѣнивъ новый тогда звуковой методъ обученія, и въ самомъ непродолжительномъ времени въ батареѣ не только не оставалось ни одного неграмотнаго солдата, но и своимъ развитіемъ они рѣзко отличались отъ солдатъ другихъ частей. Столь блестящіе результаты обратили вниманіе командующаго войсками Харьковскаго военнаго округа, генерала отъ инфантеріи А. П. Карцова, известнаго своей военно-просвѣтительной дѣятельностью, и онъ пригласилъ К. К. въ качествѣ начальника высшей солдатской школы, учрежденной въ городѣ Чугуевѣ съ цѣлю приготовленія учителей полковыхъ и батарейныхъ школъ. Всецѣло отдавшись новому дѣлу, К. К. поставилъ въѣренную ему школу на недостигаемую высоту,—послѣ двухлѣтняго обученія малограмотные солдаты достигали высокаго развитія и являлись вполне подготовленными, умѣлыми руководителями солдатскихъ школъ. Съ переходомъ К. К. на службу въ Петербургъ въ качествѣ дѣлопроизводителя юнкерскаго училища (въ сущности инспектора), Чугуевская школа была закрыта, а дѣятельность ея перваго и единственнаго начальника нашла должную оцѣнку въ приказѣ по войскамъ Харьковскаго военнаго округа, какъ безпримѣрная и въ высшей степени блестящая. И на новомъ мѣстѣ служенія К. К. вложилъ живую душу въ порученное ему дѣло. Какъ известно, контингентъ юнкерскихъ училищъ въ то время формировался по большей части изъ неудачниковъ, уволенныхъ изъ военныхъ гимназій и прогимназій или же не имѣющихъ возможности поступить въ оныя.

Материалъ для приготовления изъ нихъ дѣльныхъ офицеровъ былъ не особенно благодарный, но энергія Абазы, его настойчивость, умѣніе внушить любовь къ наукѣ, обширный педагогическій опытъ и мягкость пріемовъ превозмогали всѣ препятствія, и Петербургское юнкерское училище стало образцовымъ, о чемъ неоднократно свидѣтельствовалось въ приказахъ по войскамъ Петербургскаго военнаго округа. Много питомцевъ Абазы съ честью служили и служить въ рядахъ русской арміи, съ благодарностью вспоминая своего инспектора и учителя. Разстроенное усиленными занятіями здоровье Абазы вынудило его покинуть Петербургъ и промѣнять многолѣтнюю военно-педагогическую дѣятельность на службу мирового судьи въ городѣ Измаилѣ, куда онъ стремился ради жаркаго климата и гдѣ имѣлъ собственную осыдность. Пятнадцатилѣтняя судейская его дѣятельность была такимъ же служеніемъ правдѣ и свѣту, какъ и вся его жизнь. Литературная дѣятельность Абазы началась съ книги для чтенія и ариметики, выдержавшихъ множесто изданій и принятыхъ въ военныхъ школахъ, но почетное имя въ ряду военныхъ писателей дали ему «Героическіе рассказы», «Казачи», «Завоеваніе Туркестана» и друг. Послѣдній его трудъ, предназначенный специально для солдатъ дѣйствующей противъ Японіи арміи: «Бесѣды про японца», выгодно выдѣляется изъ большого ряда произведеній другихъ авторовъ, писавшихъ на эту же тему; смерть застигла Абазу надъ обработкой 4-го выпуска «Бесѣдъ». Отличительной чертой всѣхъ литературныхъ работъ Абазы является вполне доступный, изящный языкъ и горячая любовь къ родинѣ. Смѣло можно сказать, что Абаза долженъ быть причисленъ къ тѣмъ немногимъ писателямъ, которыхъ съ любовью читали, но который не стяжалъ на этой любви ни малѣйшаго матеріальнаго благосостоянія, такъ какъ единственной цѣлью литературныхъ его трудовъ была доступность книгъ по наимовозможной ихъ дешевизнѣ. Если сказать еще, что въ семидесятыхъ годахъ Абазъ неоднократно былъ приглашаемъ земствами въ руководители учительскихъ съѣздовъ, то свѣдѣнія о педагогической его дѣятельности можно считать законченными. Умеръ К. К. Абаза на 65 году своей жизни, оставивъ по себѣ память умнаго, сердечнаго, мягкаго, доброжелательнаго человѣка, не имѣвшаго ни единаго врага. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1905 г., № 217; «Новое Время», 1905 г., № 10578, и «Слово», 1905 г., № 226).

† Влозневъ, В. К. 18-го іюня въ селѣ Бѣлоомутѣ Рязанской губерніи скончался поэтъ-самоучка, Василій Кузьмичъ Влозневъ. Смерть В. К. на близкихъ его друзей произвела глубокое впечатлѣніе. Покойный былъ боленъ всего десять дней и умеръ отъ крупознаго воспаления легкихъ. Умеръ, можно сказать, простой крестьянинъ, но имя его связано съ благородной памятью. Василій Кузьмичъ изъ крестьянъ села Верхняго Бѣлоомута, Зарайскаго уѣзда, родился въ 1839 г., грамотѣ учился въ мѣстной приходской школѣ. Получивъ въ 1846 году вмѣстѣ съ однообщественниками вольную отъ извѣстнаго поэта-эмигранта, Николая Платоновича Огарева, В. К. былъ отданъ своимъ отцомъ на 11-мъ году въ Москву для обученія ремеслу. Изучая здѣсь техническое рисованіе и рѣзбу по дереву, Влозневъ въ то же время посѣщалъ одну изъ воскресныхъ школъ, которая тогда, на зарѣ своего существованія, привлекала

большое вниманіе общества и много хороших педагогическихъ силъ. Много читая, знакомясь съ молодежью, Влозневъ на 18-мъ году сталъ сочинять корреспонденціи и стихи. Первыми овладѣлъ онъ скоро, но для стиховъ потребовалось многому учиться и много потрудиться. Первая его корреспонденція: «О суевѣріи крестьянъ села Бѣлоомута», напечатана была въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1858 году. Съ появленіемъ газетной корреспонденціи собственнаго произведенія, Влозневъ окончательно отдался самообразованію. За время пребыванія Влознева въ Москвѣ, онъ сошелся съ поэтами И. З. Суриковымъ и Ѳ. Б. Миллеромъ, которые обратили вниманіе на поэтическіе опыты В. К. Интересуясь матеріаломъ для историко-статистическаго очерка бывшихъ «Государевыхъ дворцовыхъ рыбныхъ сель: Бѣлоомута, Ловець, Любичи и Дѣдиново», Влозневъ, росясь по бібліотекамъ и архивамъ, собралъ по этому вопросу много матеріаловъ. По возвращеніи на родину, занимаясь своимъ ремесломъ, Влозневъ въ то же время разрабатывалъ и собранный матеріалъ. Затѣмъ, въ 1894 году очеркъ былъ напечатанъ въ «Трудахъ Рязанской архивной комиссіи». Въ 1870-хъ годахъ Влозневъ помѣстилъ рядъ статей въ газетахъ «Современныя Извѣстія» и «Русскія Вѣдомости». Въ этихъ замѣткахъ указывалось, что данный помѣщикомъ г. Огаревымъ лѣсъ безпощадно истребляется кулакомъ, путемъ эксплуатаціи. Благодаря печати, въ 1888 году созванъ былъ сельскій сходъ, гдѣ двумя третями домохозяевъ (700 человекъ) былъ окончательно урегулированъ порядокъ владѣнія лѣсной дачи. Съ 1879 года В. К. былъ постояннымъ корреспондентомъ газеты «Русскій Курьеръ», гдѣ уже работалъ за плату. Позднѣе, т.-е. въ 1886—1888 и 1891 г., былъ напечатанъ цѣлый рядъ его стихотвореній, рассказовъ и повѣстей въ разныхъ газетахъ и журналахъ. Интересуясь этнографіей, Влозневъ собралъ большіе матеріалы и нѣкоторую часть ихъ напечаталъ въ «Этнографическомъ Обзорѣніи». Много лѣтъ, вплоть до послѣднихъ измѣненій въ земскомъ Положеніи, сократившихъ число гласныхъ изъ крестьянъ, В. К. Влозневъ былъ земскимъ гласнымъ. Былъ предсѣдателемъ волостного суда 25 лѣтъ. Отъ послѣдней должности былъ устраненъ за то, что напечаталъ статью въ газетѣ «Курьеръ», въ которой позабылъ похвалить земскаго начальника по поводу учрежденныхъ якобы имъ въ 1895 г. волостныхъ попечительствъ о бѣдныхъ, между тѣмъ какъ эти попечительства были учреждены еще въ 1891 году по инициативѣ крестьянъ. Авторитетъ В. К. среди односельчанъ былъ огромный, точно такъ же велика была между крестьянами и его слава увлекательнаго толкователя великихъ реформъ Александра II. Благодаря стараніямъ В. К., въ зданіи волостного правленія повѣшенъ портретъ Н. П. Огарева, другой портретъ былъ предназначенъ для бібліотеки имени Н. П. Огарева, открытія которой г. Влозневъ такъ и не дождался. А потребность въ этой бібліотекѣ ощущается большая. Жажущихъ книгъ при двѣнадцати тысячахъ населенія въ Бѣлоомутѣ немало. Такъ писалъ В. К. въ послѣдней статьѣ, напечатанной въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» въ № 62, 1905 года. Простой крестьянинъ-писатель похороненъ при церкви Трехъ Святителей. На гробъ былъ возложенъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, съ надписью на шелковыхъ лентахъ: «Поэту-самоучкѣ В. К. Влозневу отъ друзей». Влозневъ не оставилъ послѣ

себя никакихъ средствъ. Все его богатство заключается въ скромныхъ рукописяхъ. (Некрологъ его: «Наша Жизнь», 1905 г., № 216).

† Герцъ, О. О. 12-го юля скончался старшій зоологъ музея и неутомимый работникъ въ области зоологiи и научныхъ изысканiй, Отто Федоровичъ Герцъ. Покойный скончался въ полномъ расцвѣтѣ силъ: ему бы только еще работать да работать для науки, какъ работалъ онъ уже много лѣтъ. Не будучи съ молодости специалистомъ по зоологiи и получивъ только среднее образованiе въ Дрезденѣ, онъ прiѣхалъ въ Россiю лѣтъ 27 тому назадъ и поступилъ не болѣе, какъ только препараторомъ въ энтомологическiй кабинетъ его высочества великаго князя Николая Михайловича. Много ученыхъ экспедицiй пришлось ему предпринять и совершить: собиравъ энтомологическiя коллекцiи, онъ обошелъ пѣшкомъ Кавказъ, Закаспiйскiй край, Персiю, Сiamъ, Корею, Камчатку. На островѣ Гайнанѣ О. О. чуть не былъ убитъ разбойниками, отнявшими у него всѣ его богатыя коллекцiи, которыя онъ потомъ, къ удивленiю и прискорбию своему, увидѣлъ въ Англiи уже приведенными въ порядокъ. Его экспедицiя въ Корею имѣла большое значенiе и для этнографiи. Последнее свое ученое путешествiе О. О. совершилъ по порученiю академiи наукъ въ 1900 году по раскопкѣ мамонта въ Якутской области и перевозкѣ его въ Петербургъ, въ зоологическiй музей, плодомъ чего въ академическихъ изданiяхъ появился его обширный трудъ: «Научные результаты экспедицiи по раскопкѣ мамонта». 20 лѣтъ О. О. завѣдывалъ библиотекой и энтомологическими коллекцiями великаго князя Николая Михайловича, а когда эти коллекцiи были пожертвованы его высочествомъ въ зоологическiй музей, ихъ хранителемъ и старшимъ зоологомъ по отдѣлу энтомологiи въ музеѣ былъ назначенъ покойный. Здѣсь онъ заслужилъ себѣ искреннiя любовь и уваженiе всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, что и сказалось на его похоронахъ. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8927).

† Лукинъ, А. П. 6-го августа въ с. Лукьяновѣ, Коломенскаго уѣзда, скончался одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей», бывшiй также съ 1883 года однимъ изъ издателей газеты, Александръ Петровичъ Лукинъ. Покойный съ самыхъ молодыхъ лѣтъ отдалъ свои силы журналистикѣ, и работникомъ периодической печати онъ остался до конца дней своихъ. Выступивъ въ литературѣ въ эпоху освободительныхъ вѣянiй, А. П. въ теченiе всей жизни сохранилъ свободолюбивыя воззрѣнiя. Принципы 60-хъ годовъ остались навсегда дороги ему. Всѣ знавшiе покойнаго помнятъ, конечно, ту горячность, съ которою онъ относился къ проявленiямъ административнаго произвола, къ нарушенiю человѣческихъ правъ, ко всѣмъ злоупотребленiямъ властью. Эту горячность онъ обнаруживалъ и въ своихъ писанiяхъ, которыя начались въ 1865 году повѣстью, напечатанною въ «Современникѣ»: «Исторiя барыни Анны Ивановны». За этой повѣстью, хоронившей крѣпостное право, последовала дѣятельность въ другихъ периодическихъ изданiяхъ и главнымъ образомъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Здѣсь въ теченiе 70-хъ и начала 80-хъ годовъ А. П. правильно и усердно отмѣчалъ факты повседневной общественной жизни, обличая злоупотребленiя и осмѣивая въ этой жизни тѣ недочеты, которые не могли быть исправлены инымъ средствомъ, кромѣ смѣха. Подъ псевдонимомъ

«Скромнаго Наблюдателя» онъ былъ въ эти годы однимъ изъ наиболѣе читаемыхъ и остроумныхъ газетныхъ фельетонистовъ. Къ концу 80-хъ и въ 90-хъ годахъ его писательская дѣятельность стала менѣе энергичной: онъ уже пересталъ правильно отмѣчать въ своихъ фельетонахъ всѣ внѣшнія проявленія общественной жизни, и самые фельетоны стали появляться значительно рѣже. Но всѣмъ знавшимъ покойнаго памятно, съ какимъ волненіемъ А. П. и въ это время относился къ событіямъ русской жизни, какъ близко принималъ онъ къ сердцу ея несовершенство и неустройства. Еще недавно часть фельетоновъ А. П. была собрана въ отдѣльномъ изданіи, появившемся въ двухъ томахъ подъ названіемъ «Отголоски жизни». Послѣднимъ проявленіемъ дѣятельности покойнаго была брошюра подъ названіемъ «Кавказскіе курорты и ихъ переустройство», составленная изъ фельетоновъ, обличавшихъ злоупотребленія, совершавшіяся на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Эти фельетоны въ свое время обратили на себя большое вниманіе. Какъ работникъ повременной печати, А. П. Лукинъ принималъ близко къ сердцу вопросы о положеніи литературныхъ труженниковъ. Этимъ объясняется его энергичная дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя московскаго отдѣленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Своимъ существованіемъ, развитіемъ, процвѣтаніемъ это отдѣленіе обязано исключительно энергіи и заботливости Александра Петровича. Покойный посвящалъ дѣламъ кассы много силъ и времени, организуя спектакли, концерты, литературные вечера для увеличенія пенсіоннаго фонда кассы, привлекая новыхъ членовъ и заботясь о правильномъ функціонированіи кассы. 11 лѣтъ его предсѣдательства въ московскомъ отдѣленіи кассы стоили ему многихъ силъ: А. П. ни къ чему не могъ хладнокровно относиться, и горячность, съ которою онъ велъ дѣло, была, конечно, одной изъ причинъ, ускорившихъ его кончину. Смерть Александра Петровича помѣшала осуществленію мысли, которую имѣли въ виду товарищи и знакомые покойнаго, — отпраздновать исполнявшееся въ нынѣшнемъ году 45-тилѣтіе его литературной дѣятельности. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1905 г., № 213; «Разсвѣтъ», 1905 г., № 142; «Новости Дня», 1905 г., № 7966; «Виржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8967, и «Новое Время», 1905 г., № 10574).

† **Максимова, Е. И.** 4-го августа на Смоленскомъ кладбищѣ опустили въ могилу скончавшуюся преподавательницу С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, извѣстную переводчицу философскихъ сочиненій Екатерину Ивановну Максимова. Е. И. внезапно скончалась 29 іюля въ Гапсалѣ, 50 лѣтъ отъ роду. Съ 1876 г. по 1884 г. она состояла учительницей въ Нарвской школѣ для рабочихъ, и съ 1884 г. по 1889 г. запасной учительницей Нарвской дѣтской общеобразовательной школы императорскаго русскаго техническаго общества. Въ 1889 г. она поступила на историко-филологическое отдѣленіе высшихъ женскихъ курсовъ и здѣсь блестяще окончила курсъ въ 1893 году. По окончаніи курса, на тѣхъ же курсахъ послѣдовательно занимала должности: помощницы бібліотекаря, помощницы инспектрисы и наконецъ преподавательницы и руководительницы практическими занятіями по логикѣ и психологіи. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1905 г., № 10570).

† **Милорадовичъ, Г. А.** 14-го августа въ родовомъ имѣніи Черниговской губерніи кончался сенаторъ, генераль-лейтенантъ, графъ Г. А. Милорадовичъ. Покойный происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, родился въ 1839 г. и по окончаніи пажескаго его величества корпуса былъ произведенъ въ офицеры въ кавалергардскій ея величества полкъ. Черезъ 5 лѣтъ, при освобожденіи крестьянъ, покойный занялъ должность мирового посредника въ Черниговской губерніи. Затѣмъ въ 1867 г. вновь вернулся въ полкъ и около двухъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ только что учрежденнаго полковаго суда. Въ 1871 г. Г. А. былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты къ его императорскому величеству, а черезъ 2 года ему былъ дарованъ графскій титулъ. Во время русско-турецкой кампаніи покойный участвовалъ въ дѣлахъ подъ Плевной, за что и былъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость». Въ то же время графъ Г. А. былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ въ свиту его величества. Съ 1890 по 1898 г. онъ состоялъ черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а послѣдніе годы жизни состоялъ членомъ совѣта министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ и совѣта императорскаго челобѣтчиковскаго общества. Какъ черниговскій помѣщикъ, горячо любившій свой родной край, графъ Г. А. еще 16-лѣтнимъ пажомъ сочинилъ и напечаталъ въ 1855 г. свой первый трудъ «Городъ Любечъ», а позже имъ были изданы: 2) сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей, 3) матеріалы для исторіи пажескаго корпуса, 4) Вятка и ея достопримѣчательности, 5) иностранныя сочиненія о Малороссіи, 6) мѣстечко Боровичи, 7) православный монастырь Житомишличъ въ Герцеговинѣ, 8) о родѣ дворянъ Полуботокъ, 9) историческій очеркъ государевой свиты въ двухъ книгахъ, а также много замѣтокъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8981, и «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1905 г., № 196).

† **Недошивинъ, И. А.** 15-го іюля скончался тайный совѣтникъ Иванъ Алексѣевичъ Недошивинъ, бывшій непремѣннымъ членомъ технического комитета главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. И. А. родился въ 1834 г., окончилъ курсъ Казанскаго университета. Представивъ диссертацию на тему: «Стеариновое производство въ Россіи», продолжалъ заниматься технической химіей подъ руководствомъ профессора Киттары, въ сотрудничествѣ съ которымъ имъ напечатана брошюра: «Опыты съ метилированнымъ спиртомъ по вопросу о приложеніи его къ разнымъ техническимъ производствамъ». Выдержавъ магистерскій экзаменъ въ Москвѣ, И. А. работалъ за границей въ лабораторіи Бунзена. Въ 1862 г. онъ былъ приглашенъ на службу въ департаментъ податей и сборовъ, а затѣмъ назначенъ на должность техника департамента неокладныхъ сборовъ. Въ 1870 г., во время російской мануфактурной выставки въ Петербургѣ, И. А. напечаталъ цѣлый рядъ популярныхъ статей и очерковъ по винокурению, искусному производству, пивоваренію, медоваренію, табачному производству, о добываніи поваренной соли, о хлѣбномъ квасѣ и проч. Въ 1872 г. И. А. былъ назначенъ старшимъ ревизоромъ департамента неокладныхъ сборовъ, а въ слѣдующемъ году командированъ въ Варшаву для организациі отдѣла повѣрочной экспедиціи для акцизныхъ снарядовъ. Въ 1886 г., совмѣстно съ І. І. Новицкимъ,

И. А. издалъ книгу: «Контрольный спиртоизмѣряющій снарядъ Сименса». Назначенный непремѣннымъ членомъ технического комитета департамента неокладныхъ сборовъ, онъ организовалъ изготовленіе въ мастерскихъ комитета контрольныхъ снарядовъ, раньше пріобрѣтавшихся за границей. И. А. былъ главнымъ редакторомъ «Трудовъ комитета», которые, согласно предложенію А. С. Ермолова, съ 1884 года ежегодно появляются въ видѣ довольно объемистой книги, содержащей, кромѣ журналовъ засѣданій комитета, много статей технического характера. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10561).

Осиповъ, А. М. 30-го іюля скончался въ Казани заслуженный профессоръ императорскаго Казанскаго университета, докторъ гражданскаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Адольфъ Михайловичъ Осиповъ. Ад. М. родился 20-го іюля 1842 года въ Каменецъ-Подольской губерніи, въ городкѣ Синявѣ. Отецъ его, командовавшій въ то время въ чинѣ майора гусарскимъ эскадрономъ, происходилъ изъ дворянъ Астраханской губерніи, по національности изъ армянъ-католиковъ. Впослѣдствіи онъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ царства Польскаго, въ концѣ 60-хъ годовъ вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-майора и скончался въ Казани въ 1882 году. Мать Ад. М.—ча происходила изъ стариннаго дворянскаго рода Батовскихъ, имѣвшихъ земли въ Люблинской губерніи и ведшихъ свой родъ вмѣстѣ съ Бакуниными отъ польскаго короля Стефана Баторія. Сперва Ад. М. обучался въ бывшемъ варшавскомъ благородномъ институтѣ и по окончаніи въ немъ курса намѣревался поступить въ инженерный институтъ въ Льежѣ, для чего цѣлый годъ занимался черченіемъ. Сознавъ отсутствіе способностей къ искусству этого рода, Ад. М. рѣшилъ было поступить въ университетъ, но къ этому встрѣтилось препятствіе: началось сильное броженіе среди молодежи, какъ русской, такъ и польской, и университеты Московскій и Петербургскій были закрыты. Тогда Ад. М. уѣхалъ за границу и поступилъ въ Гейдельбергскій университетъ, въ которомъ тогда читали лекціи такія свѣтила юриспруденціи, какъ знаменитый криминалистъ Миттермайеръ и извѣстный цивилистъ Вангеро. Прослушавъ здѣсь курсъ юридическихъ наукъ и прозанимавшись еще два семестра въ Фрейбургскомъ университетѣ, Осиповъ получилъ степень доктора обоихъ правъ. Возвратившись въ Россію, Ад. М. поступилъ на государственную службу: онъ былъ назначенъ судебнымъ аппликантомъ при варшавскомъ судебномъ трибуналѣ, съ 25-го сентября 1864 года. Въ маѣ 1865 г. Ад. М. получилъ отпускъ на 1 годъ для полученія въ одномъ изъ русскихъ университетовъ ученой степени. Пріѣхавъ въ Дерптъ, Ад. М. убѣдился, что познанія его въ русскомъ законодательствѣ—недостаточны, а потому онъ рѣшилъ прослушать въ Дерптскомъ университетѣ курсъ по русскому праву. Наконецъ въ 1868 г., послѣ блестяще выдержаннаго экзамена и по защитѣ диссертации на тему: «Die Thätigkeit der Stadtsanwaltschaft im Civilverfahren», Осиповъ получилъ степень магистра правъ. Профессора Дерптскаго университета, принимая во вниманіе отлично усердныя занятія Осипова и его блестящіе отвѣты на экзаменахъ, намѣрены были послать Ад. М. за границу для приготовленія къ профессорскому знанію. Но обстоятельства сложились нѣсколько иначе. Осиповъ случайно встрѣтился и познакомился съ профессоромъ

Казанскаго университета Микшевичемъ, который уговорилъ его ѣхать въ Казань, гдѣ былъ недостатокъ профессоровъ-юристовъ. Ад. М. согласился и вскорѣ былъ опредѣленъ доцентомъ Казанскаго университета по каѳедрѣ важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, съ 10-го апрѣля 1869 года. По юридическій факультетъ рѣшилъ поручить доценту Осипову еще чтеніе лекцій по исторіи славянскихъ законодательствъ, а для приготовления его къ этой каѳедрѣ возбудилъ ходатайство о командировкѣ Осипова въ Прагу на 1 годъ и вакаціонное время, т.-е. до 15-го августа 1871 г., что и было разрѣшено высочайшимъ приказомъ. Во время пребыванія за границей Ад. М. приготовилъ къ печати свой ученый трудъ «Врачное право древняго Востока». По защитѣ Осиповымъ этой диссертациі совѣтъ университета утвердилъ его 9-го декабря 1872 г. въ степени доктора гражданскаго права, а съ 16-го того же декабря, избранный совѣтомъ единогласно, Осиповъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ. Черезъ 5 мѣсяцевъ Ад. М. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Но съ окончаніемъ 1875 г. закончила свое существованіе въ русскихъ университетахъ каѳедра исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ. Поэтому Ад. М. Осиповъ приказомъ министра народнаго просвѣщенія отъ 3-го января 1876 г. былъ перемѣщенъ на каѳедру гражданскаго права, гражданскаго судоустройства и судопроизводства. Университетская дѣятельность Ад. М. Осипова съ первыхъ же годовъ его службы не ограничивалась только однообразной сферой чтенія лекцій; напротивъ онъ исполнялъ самыя разнородныя должности въ сложномъ механизмѣ университетской жизни, и кругъ его административнаго вліянія постепенно расширялся. Такъ, съ 1872 г. по 1883 г. онъ завѣдывалъ редакціей «Извѣстій и ученыхъ записокъ Казанскаго университета». Съ того же 1872 г. начинается профессоромъ Осиповымъ исполненіе обязанностей секретаря по факультету, затѣмъ одновременно исполняются секретарскія обязанности по совѣту университета за частыми отпусками по болѣзни проф. Фастрицкаго. Слѣдуетъ упомянуть еще объ исполненіи Ад. М. особой должности университетскаго судьи въ 1873, 1876, 1877 и 1883 гг., а въ 1883—1884 академическомъ году онъ былъ избранъ даже предсѣдателемъ университетскаго суда. Обязанность декана юридическаго факультета Ад. М. исполнялъ много разъ и наконецъ съ 25-го октября 1886 г. былъ утвержденъ въ этой должности, которую и правилъ до выхода въ отставку. Съ 10-го апрѣля 1894 г. Осиповъ получилъ званіе заслуженнаго профессора, а съ 23-го іюня 1896 г. по выслугѣ 30 лѣтъ, вышелъ по прошенію въ отставку, хотя срокъ деканства его кончался только въ 1899 году. Онъ много потрудился и принесъ немало пользы и въ разныхъ вѣдомствахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ, въ 1872 г. Осиповъ временно завѣдывалъ редакціей неофициальной части «Губернскихъ Вѣдомостей», въ 1873 г. состоялъ редакторомъ «Казанскаго Биржевого Листка». Затѣмъ съ 18-го ноября 1881 г. профессору Осипову поручено было исполненіе обязанностей цензора казанскихъ изданій, а по выходѣ въ отставку по министерству народнаго просвѣщенія заслуженный профессоръ Осиповъ въ 1896 г. былъ назначенъ казанскимъ

отдѣльнымъ цензоромъ, каковую должность онъ занималъ до 6-го апрѣля 1902 года. Сверхъ этого нужно еще упомянуть, что въ 70-хъ годахъ профессоръ Осиповъ состоялъ консультантомъ городской управы, а въ 80-хъ гг. гласнымъ думы. Начиная съ 1882 г., Ад. М. состоялъ въ званіи попечителя казанскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія и директора губернскаго тюремнаго комитета. Уже одно перечисленіе должностей и званій, въ которыхъ состоялъ маститый профессоръ, показываетъ, насколько разнообразна была его дѣятельность, а благотворные слѣды, оставшіеся въ каждой области приложенія имъ своего труда, безспорно свидѣтельствуютъ, что это былъ недюжинный общественный дѣятель. Изъ его ученыхъ трудовъ, кромѣ вышеупомянутыхъ диссертаций, извѣстны: «Положеніе китайской женщины въ семьѣ о государствѣ», «Вексель въ его прошломъ и настоящемъ», «Перечень источниковъ китайскаго права» и др. (Некрологи его: «Казанскій Телеграфъ», 1905 г., № 3775, и «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., 170).

† Смирновъ, А. И. 7-го текущаго іюля скончался въ Одессѣ, послѣ тяжелой болѣзни, заслуженный ординарный профессоръ императорскаго Варшавскаго университета, Александръ Ивановичъ Смирновъ, издававшій и редактировавшій въ теченіе 25-ти лѣтъ пользующійся почетною извѣстностью въ ученомъ мѣрѣ не только у насъ, но и въ Европѣ «Русскій Филологическій Вѣстникъ». А. И. родился въ 1842 г. Онъ былъ сынъ сельскаго священника Владимирской губерніи. Пройдя духовное училище въ Муромѣ и затѣмъ окончивъ курсъ духовной семинаріи во Владимирѣ на Клязьмѣ, покойный поступилъ въ Кіевскую духовную академію въ 1864 году. Вскорѣ, однако, онъ переѣхалъ въ Одессу и поступилъ на историко-филологическій факультетъ въ Новороссійскій университетъ. Въ этомъ тогда юномъ университетѣ на кафедрахъ было нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ. На историко-филологическомъ факультетѣ тогда занималъ кафедру славистики знаменитый ученый исследователь древне-славянскаго письменности и глубокій знатокъ славянскихъ языковъ, Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Подъ его вліяніемъ воспиталась въ покойномъ Смирновѣ склонность къ изученію родной русской литературы и русскаго языка. По окончаніи курса въ университетѣ въ 1869 г. со степенью кандидата, А. И. сталъ преподавателемъ русскаго языка и словесности сначала въ одесской Ришельевской гимназій, а затѣмъ въ реальномъ училищѣ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выдержавъ затѣмъ магистерскій экзаменъ по кафедрѣ русской словесности, покойный А. И. защитилъ въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія представленную имъ на эту ученую степень диссертацию: «О Словѣ о полку Игоревѣ», въ которой прослѣдилъ и провѣрилъ всю литературу объ этомъ памятникѣ нашей старины. Въ 1880 году онъ былъ приглашенъ на кафедру русской словесности въ Варшавскій университетъ, освободившуюся за переходомъ въ Одессу М. А. Колосова, искавшаго болѣе благопріятнаго для своего здоровья климата. вмѣстѣ съ тѣмъ А. И. принялъ въ свои руки ученый журналъ «Русскій Филологическій Вѣстникъ», за годъ передъ тѣмъ основанный Колосовымъ. Съ той поры покойный ученый оставался въ Варшавѣ на своемъ посту. Нѣкоторое время онъ былъ деканомъ

историко-филологическаго факультета въ Варшавскомъ университетѣ. Свои статьи онъ помѣщалъ въ своемъ «Вѣстникѣ», въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» и вообще въ мѣстныхъ изданіяхъ. Отзывчивый и чрезвычайно добрый, онъ цѣлый рядъ лѣтъ являлся какъ бы нравственнымъ центромъ для группы профессоровъ, пріѣзжавшихъ въ Варшаву на службу, а его дѣятельность, какъ редактора долго почти единственнаго ученаго изданія, посвященнаго разработкѣ вопросовъ русскаго языка, дала его имени широкую извѣстность не только въ средѣ русскихъ ученыхъ, но и въ славянскихъ странахъ и даже въ западно-европейскихъ ученыхъ центрахъ. Почти всѣ современные наши ученые специалисты по русскому языку печатали свои первые произведенія и даже диссертациі въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» А. И. Смирнова. Твердый и ясный въ своихъ воззрѣніяхъ русскій человекъ, А. И. Смирновъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно отзывчивъ на нужды студентовъ, которымъ онъ помогалъ всячески. Болѣзни и паденіе силъ, въ послѣднее время особенно развившееся, побудили покойнаго А. И. Смирнова просить объ отставкѣ, въ ожиданіи которой онъ переселился въ Одессу, гдѣ и скончался. Библиографія его трудовъ помѣщена въ первомъ выпускѣ «Русскаго Филологическаго Вѣстника» за текущій годъ при новой редакціи профессора Е. Θ. Карскаго. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 159; «Слово», 1905 г., № 214, и «Новое Время», 1905 г., № 10561).

† Шембекъ, католическій митрополитъ. 25-го іюля въ Порембо скончался архіепископъ могилевскій, митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи и председатель римско-католической духовной коллегіи въ Петербургѣ, графъ Георгій Іосифовичъ Шембекъ. Покойный родился въ 1851 г. въ родовомъ имѣніи матери, урожденной графини Машинской, въ Подольской губерніи. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе и окончивъ курсъ среднеучебнаго заведенія, покойный закончилъ высшее образованіе въ двухъ заграничныхъ университетахъ. Несмотря на свѣтскую среду и серьезную научную подготовку, покойный графъ всегда чувствовалъ призваніе къ духовной карьерѣ, которой онъ и рѣшилъ окончательно посвятить себя. Въ этомъ рѣшеніи графа ждали совершенно непредвидѣнные препятствія, которыя ему удалось преодолѣть съ значительнымъ трудомъ. Обратившись въ житомирскую римско-католическую духовную семинарію съ заявленіемъ о желаніи поступить въ нее, покойный получилъ категорическій отказъ отъ ея начальниковъ, мотивируемый его годами: графу было уже 40 лѣтъ. Тогда покойный обратился съ тѣмъ же ходатайствомъ въ петербургскую семинарію, но и тутъ его заявленіе было отвергнуто, не только вслѣдствіе возраста, но и въ виду происхожденія его изъ свѣтскаго, родовитаго дома, оставляющаго, по мнѣнію семинарскаго духовенства, въ характерѣ человека черты, не соотвѣтствующія лицу духовнаго званія. Наконецъ, послѣ долгихъ странствій по семинаріямъ, графъ встрѣтилъ сочувствіе въ ректорѣ саратовской семинаріи, куда и былъ принятъ въ 1890 г. По окончаніи курса семинаріи въ 1893 году графъ былъ рукоположенъ въ санъ священника въ городѣ Саратовѣ, тираспольской епархіи, и назначенъ въ городъ Плоцкъ, гдѣ онъ пробылъ болѣе 8 лѣтъ. Въ 1901 году въ Петербургѣ покойный былъ посвященъ въ санъ епископа, и въ 1903 году, 27-го октября, по смерти митро-

полита Болеслава Клопотовскаго, графъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа и митрополита могилевскаго. Въ 1904 году графъ прибылъ въ Петербургъ, принявъ въ католической церкви святой Екатерины паллій и 8-го мая торжественно вступилъ на кафедру епископа. Покойный былъ аристократомъ не только по рожденію, но и аристократомъ духа. Всѣ его поступки носили на себѣ отпечатокъ благовоспитанности и гуманности. Какъ митрополитъ и чело-вѣкъ, онъ былъ для всѣхъ доступенъ. По обнаруженіи высочайшаго манифеста о вѣротерпимости, покойный графъ, какъ представитель въ Россіи римско-католической церкви, получалъ массу писемъ, въ которыхъ обращались къ нему за разъясненіемъ и совѣтомъ о переходѣ въ католичество. Не имѣя возможности удовлетворить письменно всѣ запросы, графъ въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года рѣшилъ лично объѣхать свою епархію, при чемъ въ одной Минской губерніи имъ было принято въ католичество около 40 тысячъ. Въ время своего объѣзда графъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ и въ имѣніи Порембо скончался. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10561; «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 165; «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8947; «Кіевлянинъ», 1905 г., № 209; «Прибалтійскій Край», 1905 г., № 162, и «Котлинъ», 1905 г., № 169).

† **Эттингенъ, А.** Въ Дерптѣ 7-го августа скончался извѣстный профессоръ богословія Александръ фонъ-Эттингенъ. Покойный родился въ окрестностяхъ Дорпта въ 1827 году и, получивъ среднее и высшее образованіе въ родномъ городѣ, продолжалъ свои научныя занятія въ Германіи: въ Эрлангенѣ, Берлинѣ и Боннѣ. Въ 1854 году онъ возвратился въ Дерптъ, а въ 1856 году занялъ въ мѣстномъ университетѣ кафедру систематической теологіи, какъ экстраординарный профессоръ, и въ этомъ же году получилъ званіе ординарнаго профессора. Въ 1861 году Эттингенъ пробылъ годъ пасторомъ въ Меранѣ, гдѣ основалъ первую протестантскую общину. Въ 1891 году профессоръ вышелъ въ отставку. Въ теченіе своей многолѣтней научной дѣятельности профессоръ написалъ очень много трудовъ по разнообразнымъ вопросамъ богословія и этики. Одной изъ главныхъ его работъ считается «Moralstatistik und die christl. Sittenlehre» (1868 — 1874 г.г.). Затѣмъ, извѣстностью пользуются «Antiultramontana» (1876 г.), «Wahre und falsche Autorität» и много другихъ. Помимо теоретическихъ и философскихъ трудовъ, у профессора Эттингена было много статей и книгъ, написанныхъ на жгучіе современные социальныя вопросы. Такъ, въ 1889 году была имъ издана въ Дерптѣ брошюра «Къ вопросу о дуэли», въ 1892 г. — «Теорія и практика брака» и друг. Съ 1859 до 1872 года онъ издавалъ основанный имъ журналъ «Dorpater Zeitschrift für Theologie und Kirche». (Некрологъ его: «Разсвѣтъ», 1905 г., № 144).

Затѣмъ онъ направился къ печи и, согрѣвая свои старые, окоченныя отъ холода члены, сказалъ:

— А! а! вы уходите?.. Хорошо сдѣлаете, если поторопитесь: снѣгъ болѣе не идетъ, но морозитъ; вмѣстѣ съ тѣмъ лунный свѣтъ, какъ при Березинѣ.

Онъ страхнулъ предъ огнемъ снѣгъ, покрывавшій его сапоги. Манюэль приблизился къ нему.

— Выпроводите всѣхъ, какъ можно скорѣе,—шепнулъ ему на ухо Патернэ:—принцъ внизу, въ своей каретѣ, въ пятидесяти шагахъ отсюда.

— Добрый вечеръ, друзья,—поспѣшилъ распрощаться Манюэль.

— Добрый вечеръ, г. Манюэль. Gute nacht, рара Браунеръ; gute nacht, Роза; gute nacht, Гретель; добрый вечеръ, Корнильонъ.

— Хорошенько запри входную дверь, Гретель, на цѣпъ!—кричалъ изъ сѣней Корнильонъ.

— Нѣтъ, — поспѣшно сказалъ Манюэль, — сегодня будутъ все приходить и уходить: васъ разбудятъ. Заприте только на щеколду.

— Хорошо, хорошо, какъ вамъ угодно. Добрый вечеръ, г. Манюэль, и счастливаго пути.

Теперь остались только дѣдъ и внучка.

— Ступайте спать, дѣдушка,—произнесла Гретель.

— Да хранитъ васъ Богъ, г. Манюэль, — сказалъ, удаляясь, старикъ,—и да здравствуетъ императоръ!—прибавилъ онъ, смотря на дверь, какъ бы подшучивая надъ Корнильономъ, спускавшимся съ лѣстницы.

Затѣмъ онъ вышелъ съ Гретелью.

Манюэль, или, скорѣе, Персиньи, остался одинъ съ Патернэ.

— Такъ правда, что принцъ тамъ, онъ поднимется?

— Да, г. виконтъ; я пришелъ ранѣе, чтобы развѣдать путь. Если чрезъ десять минутъ я не спущусь внизъ, то это будетъ означать, что путь свободенъ. Его высочество поспѣшитъ...

Персиньи, запыхаясь, произнесъ:

— Все хорошо обошлось?

— Самымъ лучшимъ образомъ. Въ десяти метрахъ отъ Кельской заставы одна изъ лошадей экипажа провалилась въ снѣгъ. Гвардейскіе солдаты помогли ее поднять, подшучивая надъ почтальономъ, и, благодаря этому, позабыли провѣрить паспорта. Впрочемъ, они были въ порядкѣ.

— А наши противники?

— Генераль Вуароль легъ спать въ девять часовъ послѣ виста съ своими адъютантами: Франквилемъ и Рэндромъ... Что касается до префекта, то онъ также заснулъ. Я его видѣлъ сегодня послѣ завтрака. Онъ вполне спокоенъ. Онъ думаетъ, что принцъ—въ Лондонѣ.

— Да, этотъ негодный Корнильонъ мнѣ сообщилъ.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1906 г., т. сѣ.

5

Послѣдовало короткое молчаніе, во время котораго Патернэ вышелъ въ сѣни и прислушивался, свѣсившись черезъ перила.

Затѣмъ онъ возвратился.

— Такъ сегодня ночью... Рубиконъ?

— На разсвѣтъ, — отвѣтилъ Персиньи, развеселясь этимъ способомъ разспросовъ.

— Водрэй рѣшился?—еще освѣдомился Патернэ.

— Ахъ, въ этомъ-то и закавычка... Сегодня утромъ онъ еще колебался. Г-жа Гордонъ и онъ сегодня возвратились въ Страсбургъ послѣ мѣсячнаго сентиментальнаго путешествія по берегамъ Рейна, озерамъ и на Юнгфрау...

Старый полицейскій улыбнулся.

— Ужъ эти ворчуны,—чортъ ихъ возьми,—силуэтъ героевъ, а сердца гризетокъ. Знаетъ ли объ этомъ принцъ?—спросилъ онъ съ любопытствомъ.

— Нѣтъ, чортъ возьми!—сказалъ Персиньи:—принцу ничего не извѣстно объ этой интригѣ. Я обѣщаль ему, что Водрэй будетъ нашъ, но я скрылъ отъ него средства: онъ не могъ бы ихъ принять. Онъ думаетъ, что г-жа Гордонъ въ Парижѣ, и надѣется встрѣтить ее тамъ, когда мы достигнемъ успѣха.

— Вы прервали начало прекраснаго романа. Какъ приметъ онъ это извѣстіе, когда узнаетъ истину?

— Онъ никогда ея не узнаетъ. И затѣмъ... и затѣмъ у него будетъ другое дѣло.

Но Патернэ слѣдовалъ за своей идеей: у него проглянуло нѣкоторое безпокойство, и онъ сказалъ:

— Знаете ли, что, если у васъ не будетъ Водрэя, то ваше дѣло не удастся?

— Конечно, намъ надо Водрэя,—согласился Персиньи съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ,—но, наконецъ, при крайности... пятьдесятъ офицеровъ различныхъ корпусовъ гарнизона ожидаютъ сигнала...

— Они не двинутся, если не будутъ прикрыты...

— Прикрыты?

— Да, вышшимъ начальствомъ, «крупнымъ овощемъ», какъ они говорятъ. Ахъ, не знаете же вы военныхъ! Храбрые на полѣ битвы, нерѣшительные и дрожащіе предъ гражданской отвѣтственностью, это—дѣти, которыя не сумѣютъ вытти безъ няньки. Они вѣчно подъ опекой. Печать, еще влажная марка на клочкѣ бумаги ихъ успокаиваетъ лучше, чѣмъ какая бы то ни было логика и разсудокъ, чѣмъ порывъ совѣсти или страсти. Совсѣмъ не надо имѣть идеи, когда за васъ думаютъ другіе. Ихъ мозгъ такъ же украшенъ мишурой, какъ и мундиръ. Безъ начальства—ни шагу. Подумайте только: не имѣть, кому повиноваться! Безъ призрака старинныхъ декретовъ ни Ожеро, ни Мюратъ, ни Себастиани не выбросили бы въ окно 18-го брюмера Совѣта Пятисотъ. Самъ Бонапартъ обез-

умѣлъ... Его братъ, Люсьенъ, статскій, обдѣлалъ это дѣло... Видите ли, г. Персиньи, только нашъ братъ-штафирка умѣетъ осмѣливаться, когда грозитъ опасность...

— Однако есть исключенія?

— Да, напримѣръ, Лэти, но какъ это бываетъ рѣдко!

Персиньи встревожилъся.

— Ваша опытная философія отнимаетъ у меня увѣренность. Окажите мнѣ услугу: найдите мнѣ г-жу Гордонъ. Она должна сообщить мнѣ о результатѣ ея послѣднихъ попытокъ. Время идетъ, а ничего не подвигается. Отыщите средство...

Патернэ улыбнулся.

— Легко, — сказалъ онъ: — я близкій человѣкъ въ домѣ.

Онъ надѣлъ кашнэ и плащъ.

— Чрезъ полчаса вы получите извѣстіе о г-жѣ Гордонъ.

Онъ направился къ лѣстницѣ, но Персиньи его остановилъ.

— Обождите!... открыли дверь съ улицы.

Онъ побѣжалъ въ сѣни и тотчасъ же возвратился.

— Тише! Это — принцъ. Особенно ни слова объ Элеонорѣ...

Появился принцъ. Онъ былъ въ высокой шляпѣ и закутанъ въ плащъ.

— Добрый вечеръ, Манюэль, — сказалъ онъ весело, стряхивая снѣгъ съ сапогъ.

— Добрый вечеръ, ваше высочество, — отвѣтилъ очень взволнованный молодой человѣкъ: присутствіе принца было съ этой минуты вступленіемъ въ дѣйствіе.

Луи-Наполеонъ, по обыкновенію флегматичный, пожалъ ему руку. Спокойная и нѣжная улыбка приподняла его густые усы.

Патернэ на ципочкахъ отправился искать лампу, оставшуюся въ сѣняхъ, поставилъ ее на столъ и улизнулъ, не говоря ни слова.

Отъ произведеннаго имъ легкаго шума принцъ обернулся.

— Это — нашъ баденскій полицейскій, — объяснилъ Персиньи.

— Почему онъ убѣгаетъ?

— Ему дано важное порученіе.

— А! хорошо... Все готово?

— Все въ томъ положеніи, какъ я говорилъ вамъ три дня тому назадъ въ Фрейбургѣ.

— А наши друзья?

Принцъ усталъ. Онъ приблизился къ печкѣ и не могъ удержаться отъ зѣвоты.

— Наши друзья ожидаютъ приказаній сегодня ночью, — отвѣтилъ Персиньи, подвигая кресло сыну Гортензіи. — Тѣ изъ нихъ, которые не на службѣ, будутъ здѣсь сейчасъ. Они предупреждены о вашемъ прибытіи.

Принцъ вторично зѣвнулъ.

— А полковникъ Водрэй?

— Я ожидаю его послѣдняго знака. Я не сомнѣваюсь...

— О! знаете, — перебилъ его принцъ своимъ нѣжнымъ голосомъ съ легкимъ нѣмецкимъ выговоромъ: — даже безъ него мы пойдѣмъ. Я нарушу свое изгнаніе и не пойду снова по дорогѣ въ ссылку. Триумфъ, тюрьма или эшафотъ, но я останусь во Франціи!

Персиньи пришелъ въ восторгъ.

— Браво, ваше высочество! вотъ это по-императорски!...

И онъ прибавилъ строгимъ, рѣшительнымъ, нѣсколько сухимъ тономъ:

— Эшафотъ, тюрьма, триумфъ, но судьба вашихъ друзей связана съ вашей. Мы будемъ имѣть успѣхъ, или умремъ съ вами!

Луи-Наполеонъ взглядомъ поблагодарилъ его, затѣмъ сказалъ немного жалобнымъ тономъ балованнаго ребенка:

— Ахъ, мой добрый Персиньи, я весь изломанъ отъ усталости!. Какая дорога! какія выбоины!.. И я — голоденъ!..

Бывшій любовникъ Элеонры поспѣшно сказалъ:

— Здѣсь все есть, что надо.

— Я думаю, что меня также одолѣваетъ сонъ. Я такъ хотѣлъ бы заснуть на часокъ.

— Вы можете, ваше высочество, лечь въ той комнатѣ. Когда наши друзья придутъ, я васъ разбужу.

Принцъ всталъ. Персиньи пошелъ къ буфету.

— Куриное крыло, бутылка бордо и хлѣбъ... Вотъ все. Я поставлю все это возлѣ кровати, и когда ваше высочество проснетесь то найдете свой ужинъ приготовленнымъ. Пожалуйте, ваше высочество!

— Ахъ, мой добрый Персиньи, какъ вы милы! — поблагодарилъ его принцъ съ дѣтской и ласкающей интонаціей.

И они оба вошли въ сосѣдную комнату.

ХІІ.

Персиньи унесъ лампу, и залъ былъ освѣщенъ лишь огнемъ, отраженнымъ изъ печи.

Едва оба мужчины удалились, какъ тихо растворилась дверь изъ сѣней. Въ комнату проскользнула колеблющимися шагами какая-то фигура и приблизилась къ огню.

Это была высокая, стройная женщина, закутанная въ дорожный плащъ. Съ минуту она стояла предъ печкой, подставивъ одну изъ своихъ ботинокъ къ пламени и немного приподнявъ юбку. Затѣмъ она упала въ кресло, только что покинутое Луи-Наполеономъ. Вся верхняя часть ея стана терялась во мракѣ.

Когда вошелъ Персиньи, то пламя лампы упало прямо на лицо нечаянной гостьи.

Это была Элеонора.

— Ты... вы... здѣсь?...

— Да, я вернулась вчера.

— Я это зналъ, но не черезъ васъ.

— Я могла выбраться только теперь.

Голосъ пѣвицы былъ глухой и рѣзкій. Ея лицо похудѣло и поблѣднѣло, а прекрасные черные глаза какъ бы увеличились и сдѣлались еще темнѣе. Вся ея особа выражала крайнюю степень утомленія отъ болѣзни и горя.

Съ минуту Персиньи окидывалъ ее взглядомъ заботливой тревоги. Но, быстро овладѣвъ собою, онъ склонился къ ней и съ рѣзкимъ удареніемъ спросилъ:

— Ну, что же Водрэй?

— Онъ не хочетъ.

— Что ты говоришь?

— Онъ не хочетъ, — повторила пѣвица.

Заговорщикъ сдѣлалъ гнѣвное движеніе и спросилъ:

— Этимъ-то и окончились его колебанія: онъ опять переходитъ на сторону короля?

— Онъ ничего не обѣщаль.

— Однако ваши письма... во время путешествія?

— Э! это былъ самообманъ! О! это путешествіе... это была скорѣе Голгоѳа...

— Что? — спросилъ грубо Персиньи.

— Да, это была Голгоѳа.

Элеонора сдѣлала движеніе, въ которомъ замѣтно было полное изнеможеніе: на ея губахъ появилось проническое выраженіе.

— Я немногаго стою съ точки зрѣнія соціальныхъ условій, — сказала она. — Въ продолженіе шести лѣтъ, какъ я свободна, я презирала всѣ правила, жила однимъ лишь закономъ — моимъ капризомъ, имѣла одну лишь узду — мою волю, подчинялась однимъ моимъ инстинктамъ — дурнымъ или хорошимъ, мѣняя любовь, когда мнѣ вздумается, прожигая жизнь свою и другихъ, влача за собою скандалъ, какъ слишкомъ длинную юбку, которую пренебрегаютъ приподнимать... Ну, такъ что же! если въ этомъ моя ошибка, если въ этомъ даже мое преступленіе, то, конечно, я расплатилась...

— Расплатилась? — спросилъ Персиньи.

— Да, я расплатилась однимъ разомъ. Эти четыре недѣли страданій и отвращенія были моимъ выкупомъ. Общество и я — квиты.

— Какого чорта!.. что за исторію вы рассказываете мнѣ! — сказала иронически Персиньи.

Но Элеонора встала. Не обращая вниманія на тонъ своего прежняго любовника, она подошла къ нему, и ея прекрасное, печальное лицо немного озарилось тревожной радостью.

— Наконецъ я могу кому нибудь, хотя бы тебѣ, высказать мое горе; вѣдь ты былъ для меня не только любовникомъ, но и товарищемъ, другомъ... и остался имъ, не правда ли?

Въ ея жестѣ была такая мольба, въ голосѣ слышалось столько грусти, что Персиньи почувствовалъ, какъ его гнѣвъ заговорщика утихъ.

Онъ взялъ протянутыя къ нему ея красивыя руки и сжалъ въ своихъ.

— Конечно, твой другъ и теперь болѣе, чѣмъ когда..

— Ахъ, я это знала!..

— Но къ чему ты это говоришь? Скажи все и скорѣе, такъ какъ намъ хватить времени только на рѣшеніе. Ну, что же Водрэй?

— Какъ я уже тебѣ писала изъ Арненберга, онъ присоединился ко мнѣ въ Баденѣ. Мой планъ былъ приголубить его искусной тактикой, — мерзкой, потому что нѣтъ человѣка лучше и безоружнѣе него. Если бы ты видѣлъ, какъ онъ былъ радъ, когда узналъ, что я согласилась на это путешествіе.

И тотчасъ же со свойственными ей скачками въ настроеніи, охваченная картинностью, которую она всегда дѣлала главной сущностью своей жизни, Элеонора быстро рассказала свое похождение съ Водрэемъ, одиссею своей ложной связи, ту траги-пародію любви, въ которой она взяла себѣ роль. Она говорила съ такой интонаціей, которая, усиливаясь до безконечности, оставалась произвольной безъ принужденности и искренней, что исключало всякое комедіанство. Элеонора въ одно и то же время переходила отъ смѣшного къ печальному, отъ уморительнаго къ негодованію.

— Вообрази себѣ, что онъ повѣрилъ, будто я дѣйствительно съ ума схожу отъ него... Точно сказать, гдѣ мы были, по какимъ дорогамъ онъ меня таскалъ за собою на перекладныхъ, то въ коляскахъ, то въ каретахъ, чрезъ какіе голые пейзажи проѣзжали мы, подъ какими плѣшивыми лѣсами блуждали мы, не заботясь ни о вѣтрѣ, ни о снѣгѣ, какъ настоящіе влюбленные, — я не способна тебѣ сказать. Но я хорошо знаю, что ни одна гостиница Рейна, Швейцаріи и Котъ-д'Орскихъ горъ (его родины, которую онъ хотѣлъ мнѣ показать) болѣе не тайна для меня, и я хорошо познакомилась съ неотопленными комнатами и сомнительными простынями. Съ другимъ, любимымъ человѣкомъ это не имѣло бы важности, но съ нимъ!.. Мнѣ было и холодно и скверно... Да, я пролежала три дня въ постели, и это было моимъ лучшимъ временемъ: онъ оставилъ меня въ покоѣ и ухаживалъ за мною, какъ сестра. И здѣсь-то началось угрызеніе совѣсти, здѣсь... Гдѣ это было, въ какомъ обветшаломъ мѣстечкѣ, въ какомъ лѣчебномъ городкѣ во время мертваго сезона, — не знаю. Когда моя лихорадка прошла, я почувствовала всю горечь моей роли и ея гадость. Я перебирала гъ моей еще пылавшей головѣ уже пережитые часы возлѣ моего

влюбленнаго старика... О эти дни, когда приходилось выслушивать любовныя напѣвы этого полковника, принимать ихъ съ ласковой улыбкой, съ влажными глазами, когда сердце полно другимъ!.. Еще днемъ—ничего, а вечеромъ?... По вечерамъ этотъ плаксунъ становился ужасенъ, пылокъ, страстенъ; правда, что по вечерамъ—задвигка!.. И тогда за дверью раздавались мольбы, просьбы и угрозы... По счастью, всему бываетъ конецъ, даже мѣсячному отпуску. Его отпускъ также истекъ, и мы возвратились въ Страсбургъ. Сегодня онъ мнѣ объявилъ, что не дастъ себя одурачить, и поставилъ формальныя условія своего содѣйствія. Я отвѣтила ему: «потомъ», онъ повторилъ: «прежде». Тогда я уѣхала, такъ какъ не хочу этого!..

Персиньи выслушалъ всю эту тираду, не сказавъ ни слова, не сдѣлавъ ни одного движенія.

— Это все? — спросилъ онъ, когда она кончила свой рассказъ.

— Да, это все, — отвѣтила Элеонора, — и здѣсь наконецъ я могу вздохнуть всей грудью, избавившись отъ моей ненавистной роли и готовая къ новой борьбѣ. Скажи мнѣ, чтѣ я должна дѣлать. Назначь мнѣ мой постъ сраженія, ты знаешь, я отважна... Но, прежде всего, гдѣ принцъ?

— Принцъ не пріѣхалъ, — сказалъ сухо Персиньи.

— Хорошо, я подожду.

Она повернулась и сѣла предъ огнемъ.

— Ты останешься здѣсь? — спросилъ онъ.

Голосъ молодого политика становился рѣзкій и язвительный.

— Конечно, останусь здѣсь, — отвѣтила удивленная пѣвица:— куда же мнѣ итти? Можетъ быть, туда!.. О!.. нѣтъ!.. Послушай, одинъ только разъ случайно онъ коснулся моихъ губъ, почти силой... и чудо, какъ это я его не убила!

— Какая внезапная добродѣтель! — сказалъ Персиньи.

Брови Элеоноры жестоко и грозно насупились, но презрительнымъ пожатіемъ плечъ она выразила пренебреженіе къ его сарказму.

— Правда, — сказала она, — ты не можешь этого понять: ты, вѣдь, мужчина... Какъ вашъ братъ, мужчина, мало знаетъ женщину! «Однимъ больше, однимъ меньше—не все ли ей равно?» Гм!?. Не такъ ли ты думаешь?.. Прежде, можетъ быть, это было бы и такъ, но теперь измѣнилось! О!.. случилось совсѣмъ маленькое событіе: явился неожиданный гость — любовь, истинная любовь!..

Она порывисто встала и съ нѣкоторой экзальтаціей продолжала:

— Хотѣлось бы сорвать, какъ платье, кожу, изношенную отъ излишнихъ объятій, стереть слѣды прежнихъ ласкъ, грязь отъ прежнихъ поцѣлуевъ, имѣть новыя губы для любимаго человѣка!..

И въ это время вамъ предлагаютъ... Никому, — слышишь ли? — никому съ этихъ поръ! Даже ни ему!.. Развѣ только онъ былъ бы сосланъ, лишень всего, остался безъ титула, безъ положенія въ свѣтѣ, и у него не было бы другого утѣшенія!..

Она остановилась, потрясенная нервными рыданіями.

Персиньи нѣжно заставилъ ее снова сѣсть.

— Успокойся... Полно, будь разсудительна. Ты хорошо видишь, что я былъ правъ, не желая вмѣшиваться тебѣ въ это предпріятіе.

Элеонора раздвинула руки, въ которыя спрятала лицо, и ея слезы внезапно прекратились.

— Почему же нѣтъ?.. Я пойду съ вами сражаться...

Другъ принца не могъ сдержать своего нетерпѣнія.

— Э! Дѣло идетъ не о сраженіи, а объ успѣхѣ.

Онъ колебался, какъ бы точнѣе объяснить ей. Онъ продолжалъ говорить, расхаживая взадъ и впередъ, волнуясь теперь, когда его безпокойство увеличивалось, благодаря улетавшему времени, присутствію принца и близости неизбѣжнаго предпріятія.

— Если бы ты оставалась внѣ нашихъ плановъ, ты бы избавила насъ отъ разочарованія въ послѣднюю минуту. Водрѣя добились бы съ помощью другого пріема: путемъ убѣжденія, призыва къ прежнимъ воспоминаніямъ, приманки повышеніемъ, высокимъ положеніемъ, — мало ли чѣмъ?.. Теперь слишкомъ поздно, все уже готово, мы рассчитывали на тебя.

Элеонора посмотрѣла на него съ безпокойствомъ.

— Такъ принцъ знаетъ?

— Ахъ, нѣтъ! онъ ничего не знаетъ относительно тебя. Онъ думаетъ, что ты въ Парижской Оперѣ. Что мы ему теперь скажемъ? А приказы отданы по всей нашей линіи наступленія до Парижа!

Онъ порывисто вскочилъ.

— Надо!..

Этотъ гнѣвный крикъ смолкъ отъ взгляда Элеоноры.

Понизивъ тонъ изъ опасенія разбудить принца, а также зная хорошо, что отъ стальной натуры Элеоноры онъ ничего не добьется иначе, какъ нѣжностью, призывомъ къ преданности, великодушію и самоотреченію онъ продолжалъ:

— Смотри, къ какой постыдной необходимости ты привела меня, благодаря своей безумной мысли вмѣшаться въ это дѣло. Я, бывший твой любовникъ, любившій тебя и, можетъ быть, еще любящій, долженъ тебя толкать въ объятія другого!..

Онъ совсѣмъ близко склонился къ ней и отрывистымъ, неровнымъ, дрожащимъ голосомъ прошепталъ ей на ухо:

— Надо, говорю тебѣ, надо! Не изъ честолюбія моего или принца, а ради спасенія тѣхъ, кто ввѣрился намъ, кого мы вовлекли и компрометировали... Слушай. Въ данный моментъ отмѣнить приказанія невозможно. Вотъ планъ, на который согласился

принцъ, который всё наши друзья приняли къ исполненію, къ которому уже пристудлено, и который долженъ намъ дать наибольшіе результаты... Страсбургъ—военный городъ, патриотъ и демократъ, дастъ намъ громадныя средства: десять тысячъ солдатъ, значительную артиллерію, арсеналь, продовольствіе и десять милліоновъ звонкой монетой!..

Элеонора выпрямилась и, стиснувъ ручки кресель, прошептала съ внезапно воспламенившимися глазами:

— Солдаты, продовольствіе и деньги... Это хорошо!

Персиньи продолжалъ скрывать свою досаду и, еще болѣе понизивъ тонъ, сказалъ:

— Завтра, на зарѣ, мы появимся на публичной площади. Мы представимъ принца солдатамъ...

— А орелъ? у васъ есть орелъ?

— Да. Народъ, наэлектризованный магическимъ дѣйствіемъ такого величественнаго зрѣлища, сдѣлается нашимъ сообщникомъ. Его примѣръ увлечетъ весь Эльзасъ. Мы вооружимъ школьную и городскую молодежь и послѣзавтра двинемся на Парижъ съ пятнадцатю тысячами солдатъ, сотнею пушекъ, снарядами, безчисленнымъ количествомъ ружей, которыхъ хватитъ на всѣхъ, кто пожелаетъ присоединиться къ намъ по дорогѣ...

— По какой дорогѣ?—спросила Элеонора, задыхаясь.

— Вогезы, Лотарингія и Шампань...

— Да, чтобы вызвать великія воспоминанія.

— При объявленіи этого необыкновеннаго движенія,—сказалъ Персиньи, — подымется Парижъ, — наши парижскіе друзья готовы,—низвергнуть іюльскій тронъ и провозгласить имя Наполеона. Слово возвращено Франціи, и принцъ...

— Принцъ не захочетъ своего трона за ту цѣну, которую хотятъ заставить меня заплатить!

Она опять выпрямилась, вновь овладѣвъ собою, и этотъ вырвавшийся возгласъ былъ какъ бы ея послѣднимъ и окончательнымъ сопротивленіемъ.

Персиньи, слѣдившій, затаивъ дыханье, за все увеличивавшимся волненіемъ Элеоноры и считавшій ее уже завоеванной, или, вѣрнѣе, побѣжденной, съ отчаяніемъ махнулъ рукою.

— Тогда всё наши друзья въ опасности,—сказалъ онъ съ отчаяніемъ.—Счастье, свобода и жизнь болѣе ста лицъ въ твоихъ рукахъ.

— Я не хочу,—отвѣтила Элеонора, стиснувъ зубы и противясь собственному волненію.

Но Персиньи все еще настаивалъ и еще болѣе мрачными красками рисовалъ картину.

— Среди этихъ людей—офицеровъ и чиновниковъ, есть много женатыхъ, имѣющихъ дѣтей... Подумай о разореніи, изгнаніи, можетъ быть, казни, причиной которыхъ будешь ты.

— Я не пой-ду къ Вод-рѣю!

Она сказала это такъ выразительно, а ея взглядъ и жесты были столь рѣшительны, что на этотъ разъ Персиньи отказался отъ дальнѣйшихъ убѣжденій.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—принцъ погибъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, достаточно отправиться ему навстрѣчу, остановить его, прежде чѣмъ онъ переступитъ заставу, сказать ему, что дѣло отложено...

— Принцъ здѣсь!—отвѣтилъ на это Персиньи.

Элеонора вскочила.

— Ты лжешь?

— Я только что солгалъ предъ этимъ.

Она настаивала:

— Принцъ не въ Страсбургѣ...

Персиньи указалъ на дверь его комнаты и холодно, медленно произнесъ, ударяя на каждомъ словѣ:

— Онъ тамъ, въ моей комнатѣ, отдыхаетъ въ ожиданіи условнаго сигнала.

— Нѣтъ!

— Смотри!

Онъ полуотворилъ дверь. Элеонора хотѣла броситься туда, но онъ силою ее удержалъ. Она упала на колѣни, заглушая жалобныя слова:

— О!..—шептала она.—Онъ спитъ... какъ дитя... Онъ... въ этой бѣдной комнатѣ!...

Она тихо зарыдала. Въ комнатѣ послышалось движеніе.

— Тише!—сказалъ Персиньи.

Раздался голосъ принца:

— Это вы, мой другъ, развѣ наступилъ часъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, спите, ваше высочество... Я думалъ, что вы звали.

Принцъ не отвѣтилъ. Персиньи тихо затворилъ дверь. Затѣмъ, обратясь къ Элеонорѣ, сказалъ:

— Ты видѣла!.. Теперь ты вѣришь?

— Да... да...

— Ну, такъ, благодаря тебѣ, его захватятъ на зарѣ, задержатъ, уведутъ, разстрѣляютъ въ Венсенскомъ оврагѣ, какъ герцога Энгіенскаго... въ возмездіе!..

Элеонора закрыла глаза и протянула руки впередъ, какъ бы отгоняя представившееся ея воображенію зрѣлище.

Она упала на полъ. Дѣтскія рыданія вырвались изъ ея груди.

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ...

Персиньи нервно, съ суровымъ лицомъ, ожидалъ, когда кончится кризисъ; его лобъ прорѣзала недобрая морщина.

Вдругъ онъ подскочилъ, наклонился къ Элеонорѣ и схватилъ ее за руку, произнося:

— Замолчи!

Онъ бросился къ лампѣ и повернулъ свѣтильню.

На улицѣ раздавались мѣрные шаги приближавшагося патруля. Предъ домомъ послышалась короткая команда: «Ружье на правое плечо!»—а затѣмъбряцанье ружей.

Потомъ шаги стали удаляться и понемногу совѣмъ заглохли; опять наступила ночная тишина.

Персиньи снова зажегъ лампу.

Элеонора исчезла...

Дверь, выходящая въ сѣни, была растворена настежь. Молодой человѣкъ задумчиво прислонился лбомъ къ оконной рамѣ и нѣсколько секундъ оставался неподвиженъ.

Когда онъ обернулся, на его лицѣ не оставалось и слѣда только что совершившейся борьбы.

Непроницаемый и холодный, по своему обыкновенію, онъ направился къ большому чемодану, помѣщенному въ одномъ изъ угловъ комнаты, и открылъ его.

ХІІІ.

— Еще никого нѣтъ, Манюэль?

Персиньи, стоявшій на колѣняхъ передъ чемоданомъ, откуда недавно онъ вынималъ подарки, предназначенные семьѣ Браунеръ, обернулся.

Это были Грикуръ, Керель, Паркэнъ и Беркъ. «Какъ это я не слышалъ, когда они поднимались?»—подумалъ Персиньи.

Грикуръ, угадавъ его мысль, показалъ ему съ улыбкой, какъ онъ и его товарищи были обуты; высокія калоши съ толстой подбитой мѣхомъ подошвой прикрывали ихъ сапоги.

— Вотъ, посмотрите, это англійскіе, — сказалъ онъ, смѣясь, и показывая свои ноги:—онѣ называются snow-boots, онѣ грѣютъ ноги, несмотря на снѣгъ, и заглушаютъ шаги заговорщиковъ.

— Принцъ тамъ! — замѣтилъ Персиньи, прикладывая палецъ къ губамъ.

— Наконецъ! — сказали весело прибывшіе.

— Какъ можно меньше шума, — объявилъ Персиньи: — онъ спитъ.

И онъ снова принялся рыться въ чемоданѣ.

— Наши мундиры тамъ? — спросилъ Паркэнъ.

— Да.

— Знаете что? — вмѣшался Беркъ: — мнѣ не надо. Моя служба чисто гражданская. Я буду подогревать народный энтузіазмъ. Есть ли у васъ на это средства?

Персиньи вручилъ ему пачку денегъ.

— Сколько здѣсь?—спросилъ Беркъ, комкая ихъ.

— Десять тысячъ. Надо размѣнять ихъ на монеты въ сто су. Беркъ, не отвѣчая, сунулъ пачку во внутреннй карманъ одежды. Керель, помогавшй Персиньи освободить чемоданъ, спросилъ, показывая образцы матерйи:

— Что это?

— Мои образцы. Вѣдь я странствующй приказчикъ отъ торговаго дома шелковыхъ матерйи. Мундиры и оружіе подъ ними. Вотъ майору Паркэну. Полная форма бригаднаго генерала.

Паркэнъ взялъ свертокъ.

— О, о!—воскликнулъ иронически Беркъ:—генераль-майоръ! Хорошенькое повышение для начальника эскадрона муниципальной гвардіи.

Персиньи продолжалъ выкладывать вещи.

— Капитана главнаго штаба — мнѣ, еще капитана — Грикуру; командира линейнаго полка — Керелю... Кстати, Керель, вы понесете орла.

— Я!—сказалъ весело молодой офицеръ.

— Да, вы, любезный... Ахъ, чортъ возьми, гдѣ же этотъ орелъ? Ахъ, вотъ онъ!

Онъ показалъ знамя, свернутое въ клеенчатый чехолъ, затѣмъ коробку, откуда вынулъ золотого орла, котораго привинтилъ на верхушку древка. Все это онъ вручилъ Керелю.

— Вотъ всѣ и снаряжены. Теперь, господа, одѣвайтесь, я разбужу принца.

Онъ взялъ два свертка съ одеждой и вошелъ въ комнату, гдѣ спалъ принцъ.

Когда ушелъ Персиньи, всѣ стали переодѣваться. Это было очаровательное зрѣлище и настоящее французское. Всѣ эти мужчины, полные силъ и здоровья, пылкой и страстной мощи, которымъ сейчасъ предстояло рисковать своей жизнью за идею, за дѣло, веселились за этимъ переодѣваньемъ, какъ школьники, сыпля фарсы, дурачества, остроты, какъ будто дѣло шло о костюмированномъ балѣ, а не о предпріятіи, конецъ котораго, можетъ быть, грозитъ вѣчной тюрьмой или смертью...

Беркъ, не мѣнявшй одежды, усѣлся возлѣ печки, грѣясь и нѣсколько насмѣшливо смотря на товарищей.

— «Чѣмъ это кончится?»—размышлялъ этотъ осторожный и мало безкорыстный заговорщикъ. И онъ прибавилъ мысленно, положивъ руки въ карманы, гдѣ хранились деньги: «Въ случаѣ несчастія у меня есть прогоны».

Грикуръ, проскользнувшй за ширмы, гдѣ надѣвалъ штаны, окликнулъ его:

— Скажите, любезный графъ, нѣтъ ли на столѣ сапожнаго крючка?

- А, что?—спросилъ Беркъ:—сапожнаго крючка?.. Вотъ.
- Передайте мнѣ.
- Рука Грикура появилась надъ ширмой.
- Не стѣсняйтесь,—насмѣхался Беркъ, подавая ему требуемые предметы,—вамъ нуженъ лакей?
- Но его окликнулъ въ свою очередь Паркэнъ:
- Графъ Беркъ!
- Еще!
- У моихъ сапогъ нѣтъ шпоръ. Не посмотрите ли вы, пожа-
луйста, въ чемоданѣ?.. Золоченныя шпоры...
- Беркъ сталъ рыться въ немъ.
- Генераль безъ шпоръ. Этого никогда не видано,—говорилъ онъ. Передавая шпоры, онъ прибавилъ поучительнымъ тономъ:
- Такого рода мелкой забывчивостью портятъ самыя лучшія дѣла.
- Появился Грикуръ, оканчивая свое одѣваніе, и обратился къ Берку:
- Беркъ, ради Бога, застегните мнѣ воротникъ. Онъ давитъ мнѣ горло.
- Мои эполеты не держатся,—замѣтилъ Паркэнъ.
- Онѣ еще совсѣмъ новички,—сказалъ смѣясь Керель.
- Можетъ быть, онѣ еще менѣе будутъ держаться сегодня ве-
черомъ, — прибавилъ Беркъ, стараясь утвердить ихъ на плечахъ майора.
- Есть ли извѣстія отъ Водрэя?—спросилъ Грикуръ.
- Нѣтъ еще,—отвѣтилъ новый голосъ.
- Всѣ обернулись.
- Гм!.. Что? Кто тамъ?
- Это былъ Патернэ, вошедшій такъ тихо, что его не слышали.
- Онъ поклонился, улыбаясь:
- Это только я... Прошу извиненія... господа...
- Онъ снова поклонился.
- Вы насъ удивили,—сказалъ Паркэнъ.
- Васъ чуть не изумили еще болѣе.
- Какъ такъ?—спросили всѣ хоромъ.
- Патернэ поправилъ очки и провелъ языкомъ по своимъ бри-
тымъ губамъ:
- Да. Я отправился въ префектуру еще разъ убѣдиться, всѣ ли спятъ. Антидъ, лакей, пришелъ подтвердить мнѣ, что его господинъ спитъ, какъ вдругъ появился Корнильонъ, жестикული-
руя, какъ безумный и восклицая: «Префекта! префекта! Разбудите префекта! Важная новость!» Онъ такъ настоятельно требовалъ, что исполнили его желаніе. Едва его ввели, какъ онъ закричалъ: «Г. префектъ, принцъ въ Страсбургѣ со своими сообщниками въ моемъ собственномъ домѣ».

— Чортъ!—сказалъ Беркъ:—тогда у насъ время лишь удирать. Персиньи уже съ минутой, какъ появился въ своемъ мундирѣ офицера главнаго штаба и слушалъ.

— Какъ бы не такъ! — сказалъ Патернэ. — Взбѣшенный префектъ воскликнулъ: «Положительно это сумаспешій!» — и далъ приказаніе заключить Корнильона въ одну изъ комнатъ префектуры, въ ожиданіи врачебнаго изслѣдованія.

Всеобщій взрывъ хохота привѣтствовалъ рассказъ стараго полицейскаго.

— Бѣдный Корнильонъ! Наконецъ-то онъ меня узналъ! Но въ какой моментъ! Ему внушилъ это, безъ сомнѣнія, его первый сонъ. Наконецъ, мы освобождены отъ него на эту ночь. Завтра мы сами его освободимъ.

— Я встрѣтилъ г-жу Гордонъ,—шепнулъ Патернэ на ухо Персиньи.

Онъ прибавилъ нѣсколько словъ, которыя услышалъ одинъ только довѣренный принца Луи; затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ, сказалъ:

— Ну, я васъ оставляю, господа. Сегодня базарный день, и повозки начинаютъ прибывать: я отправлюсь подготавливать общественное мнѣніе, какъ въ доброе старое время. А вотъ и Лэти.

Дѣйствительно, это былъ капитанъ понтонеровъ.

— Наши друзья собрались въ сѣняхъ; не войти ли имъ? — спросилъ онъ, когда Патернэ исчезъ на лѣстницѣ.

— Конечно,—отвѣтили Персиньи.—Я предупреджу принца.

Онъ вошелъ въ комнату принца.

Лэти, наклонясь надъ лѣстницей, позвалъ своихъ товарищей.

Они появились.

Друзья Луи-Наполеона привѣтствовали ихъ и объявили, что ихъ приметъ принцъ.

Тутъ было около тридцати офицеровъ гарнизона. Большинство изъ нихъ, покрытые сѣдиною, участвовали въ послѣднихъ войнахъ имперіи. Всѣ чины были смѣшаны; къ тому же нельзя было ихъ различить подъ тяжелыми зимними плащами и подъ клеенчатыми чехлами, покрывавшими ихъ фуражки.

Руки протягивались для привѣта. Преданные сторонники императорской легенды и приближенные ея теперешняго представителя обмѣнивались крѣпкими рукопожатіями.

Затѣмъ послѣдовало глубокое молчаніе. Ихъ взгляды съ большимъ нетерпѣніемъ устремлялись на дверь, откуда долженъ былъ появиться племянникъ императора.

Когда она отворилась, то они увидѣли быстро направлявшагося къ нимъ молодого человѣка, почти маленькаго роста. Его станъ, слишкомъ длинный для короткихъ ногъ, былъ затянута въ синій артиллерійскій мундиръ, а на бѣлокурыхъ волосахъ вид-

нѣлась гвардейскаго штаба треуголка съ золоченымъ галуномъ, смутно напоминавшая историческую шляпу Наполеона.

Ничто въ чертахъ его лица и въ голубыхъ нѣжныхъ и мечтательныхъ глазахъ, углубленныхъ въ орбиты, не вызывало воспоминанія о Наполеонѣ... На его груди виднѣлась лента Почетнаго Легіона; серебряная звѣзда Большого Орла помѣщалась на томъ мѣстѣ, гдѣ находилось его сердце, а коротенькая шпага была та, которую носилъ императоръ при Аустерлицѣ.

Всѣ были страшно взволнованы. Они должны были это скрывать по причинѣ мѣста и обстоятельствъ, но ихъ пылающія лица и затуманенные глаза говорили, чего не могъ выразить ихъ голосъ.

Принцъ былъ взволнованъ не менѣе ихъ. На его лицѣ сверкала радость. Онъ хотѣлъ пожать руки всѣмъ. Подъ густыми усами его губы шептали нѣжныя слова, обращенныя къ товарищамъ его дяди. Послѣдовала тишина, въ которой, однако, слышны были несвязный разговоръ и заглушаемыя восклицанія.

Ее прервалъ Лэти. Онъ воскликнулъ своимъ яснымъ голосомъ:

— Принцъ, это наши друзья, о которыхъ я вамъ докладывалъ; они всѣ республиканцы и патріоты, готовые дать себя убить ради васъ.

Въ свою очередь поручикъ 3-й артиллеріи сказалъ:

— Племянникъ императора—желанный гость у насъ; онъ подъ защитой французской чести. Всѣ мы его защитимъ съ опасностью для жизни.

— Да, всѣ, всѣ!—воскликнули другіе, не думая болѣе заглушать своихъ голосовъ.

Луи-Наполеонъ, овладѣвъ своимъ волненіемъ, заговорилъ съ ними скромнымъ, простымъ тономъ, но съ настоящимъ царственнымъ довтоинствомъ.

— Господа,—сказалъ онъ имъ,—я съ полнымъ довѣріемъ вручаю себя вашей чести. Если армія помнитъ о своей великой судьбѣ, если она чувствуетъ несчастье родины, тогда у меня есть имя, которое можетъ вамъ служить. Оно—плебейское, какъ наша прошедшая слава, оно — славное, какъ самъ народъ. Я—не претендентъ. Я хочу только возвратить слово странѣ. Она рѣшитъ.

— Принцъ,—отвѣтилъ Лэти,—мы утомились, какъ и вы, отъ нашей бездѣятельной молодости и постыдной роли, какую заставляютъ играть армію. Придите въ наши казармы: каждый солдатъ подыметъ, услышавъ вашъ голосъ.

Уже съ минутою, какъ дверь во внутреннія комнаты была растворена. Старый Браунеръ, вытаращивъ отъ изумленія глаза, смотрѣлъ и слушалъ.

Вдругъ онъ воскликнулъ:

— Онъ! онъ! это императоръ!.. Его племянникъ!..

Его старое, обросшее бородою лицо задрожало отъ волненія, а губы шамкали безсвязныя слова; его взглядъ, потускнѣвшій отъ возраста, блуждалъ при видѣ непостижимаго для него зрѣлища.

Его замѣтилъ Персиньи.

— Ваше высочество, это—нашъ хозяинъ, старый воинъ, сражавшійся подъ начальствомъ вашего дяди.

— Ахъ, да... да...—бормоталъ старикъ,—если идутъ въ казармы, то подождите, подождите... Я съ вами!..

И онъ снова исчезъ.

Принцъ, отвлеченный этимъ появленіемъ отъ своей роли, снова вернулся къ офицерамъ.

— Господа, время не терпитъ... На зарѣ императорскій орелъ будетъ парить надъ Страсбургомъ. Вы знаете нашъ планъ: въ успѣхъ нѣтъ сомнѣній. Все предвидѣно и приготовлено. Въ то время, какъ мы подадимъ отсюда знакъ, другіе вооруженные гарнизоны и народъ подымутся, и ихъ движеніе будетъ согласовано съ нашимъ. Господа, вотъ приказанія, касающіяся васъ.

Персиньи началъ раздавать каждому офицеру запечатанные конверты.

Принцъ сказалъ:

— Крейснахъ и Поджи, отправляйтесь въ Аустерлицкія казармы; вы подождете тамъ прибытія полковника Водрэа. Лэти, Гро, Петри и Дюпенъ уже получили инструкціи относительно понтонеровъ. Какъ только 4-я артиллерія двинется, Паркэнъ съ отрядомъ бомбардировъ овладѣетъ казармами военной дивизіи и захватитъ генерала Вуароля.

Онъ обернулся къ майору и сказалъ:

— Не теряйте изъ виду въ этомъ дѣлѣ, г. Паркэнъ, что я вамъ сказалъ по секрету.

Паркэнъ сдѣлалъ знакъ, какъ бы говоря: «Я знаю и буду дѣйствовать согласно этому».

Луи-Наполеонъ продолжалъ:

— Г-нъ Персиньи съ другимъ отрядомъ займется префектомъ Шопенъ д'Арнувилемъ. Что касается до подробностей распоряженій, то каждый изъ васъ, господа, имѣетъ ихъ въ только-что врученныхъ конвертахъ... А! Керель!..

-- Ваше высочество?

— А орелъ?

Керель пошелъ за древкомъ, снялъ съ него чехолъ, развернулъ знамя и подалъ принцу. При видѣ знамени офицеры, дойдя до крайней степени волненія, сдѣлали движеніе, какъ бы бросаясь къ этимъ священнымъ для нихъ складкамъ. Но, внезапно сознавъ, какъ должно себя вести, они всѣ вмѣстѣ однимъ общимъ движеніемъ привѣтствовали по-военному знамя, не произнеся ни слова.

— Ступайте, товарищи, до скораго свиданія,—сказалъ принцъ серьезнымъ и трогательнымъ голосомъ.—Гдѣ будетъ этотъ орелъ?

тамъ буду я, и вы не увидите насъ отступающими—ни его ни меня.

Послѣ короткаго молчанія онъ съ улыбкой прибавилъ:

— Къ тому же этотъ орелъ не только эмблема, символъ, онъ также воспоминаніе. Орелъ, который намъ удалось достать — Лабедуайера, это—орелъ 7-го линейнаго полка, перваго въ Греноблѣ полка, вышедшаго навстрѣчу моему дядѣ, по его возвращеніи съ острова Эльбы.

Онъ вручилъ знамя Керелю и дружескимъ движеніемъ руки, затакнутой въ бѣлую перчатку, привѣтствовалъ этихъ храбрецовъ, рисковавшихъ всѣмъ ради него.

Офицеры вышли, содрогаясь отъ предстоящаго подвига.

Лэти остался.

XIV.

Появился Браунеръ.

Старикъ надѣлъ свой старинный, потертый и запыленный мундиръ временъ имперіи. Его сѣдые волосы прикрывала военная фуражка съ порывѣвшей отъ солнца и непогоды кисточкой, говорившей о его многочисленныхъ, долгихъ походахъ. На этотъ разъ онъ привелъ съ собой внучку, которую разбудилъ.

— Иди, Гретель,—сказалъ старикъ, притягивая дѣвочку, смущившуюся отъ многочисленнаго общества и блестящихъ мундировъ:—иди, посмотри императора.

И, указывая остальнымъ на свой худо или хорошо возстановленный мундиръ, онъ сказалъ:

— Вотъ и я!.. Не правда ли, у васъ найдется для меня ружье?

Всѣ посмотрѣли на него съ улыбкой.

— Видите, ваше высочество,—сказалъ Персиньи:—у насъ есть все, даже Эпинальскія картинки.

— Добрый ворчунъ!—сказалъ принцъ.

— Когда мы отправляемся?—спросилъ старикъ.

— Еще не теперь, отецъ Браунеръ,—отвѣтилъ Персиньи.—Э! да вы нетерпѣливѣе молодежи.

— Будь по-вашему, я подожду.

Добрякъ сѣлъ возлѣ печки и закурилъ трубку.

Принцъ, оправившись отъ своего недавняго нервнаго волненія, опустился въ кресло предъ столомъ и углубился въ свои мысли. Остальные стояли вокругъ его, ожидая, чтобы онъ заговорилъ.

— Садитесь, господа,—сказалъ онъ, нѣсколько минутъ спустя:—остается только надѣяться, что полковникъ Водрэй скоро подастъ сигналъ.

Послѣдовало молчаніе. Затѣмъ принцъ позвалъ:

— Графъ Беркы!..

— Ваше высочество.

— Вы одинъ останетесь свободенъ въ своихъ движеніяхъ. Вотъ два письма къ моей матери. Одно извѣщаетъ о побѣдѣ, другое о пораженіи. Посмотрите, на нихъ есть знакъ. Согласно обстоятельству, вы пошлете то или другое письмо съ курьеромъ.

— Я сдѣлаю лучше, ваше высочество, я самъ отправлюсь въ Арененбергъ.

— Благодарю, графъ Беркъ.

Въ тотъ моментъ, когда онъ вручалъ ему письма, одно изъ нихъ упало на полъ.

— Ахъ! — сказалъ принцъ съ безпокойствомъ:—которое изъ нихъ упало? Это будетъ предсказаніемъ... Которое?..

— То, которое помѣчено «П», ваше высочество; это означаетъ, вѣроятно, «побѣда».

Луи-Наполеонъ, фаталистъ, какъ всѣ Бонапарты, радостно воскликнулъ:

— Да, да, это именно такъ. Да, мы теперь побѣдимъ, я въ этомъ увѣренъ.

Грикуръ, стоявшій у окна, объявилъ:

— Вотъ снова пошелъ снѣгъ.

— Тѣмъ хуже,—сказалъ принцъ,—ночь была такъ прекрасна!..

Онъ подошелъ къ окну.

— Какое мрачное небо! Самъ императоръ не нашелъ бы на немъ своей звѣзды,—нашей.

Персиньи находился возлѣ него; онъ сталъ противорѣчить.

— Но, нѣтъ, ваше высочество, посмотрите!.. Посмотрите, вотъ она тамъ блеститъ, за стеклами, земная и живая... Вы ее видите?

Онъ показалъ маленькій свѣтъ, загорѣвшійся въ окнѣ по ту сторону улицы надъ низкими крышами.

— Да,—отвѣтилъ, улыбаясь, принцъ.

Къ нимъ присоединился отецъ Браунеръ. Вдругъ онъ воскликнулъ:

— Да... это точно она... Служанки проснулись у сыновей Дитриха... Да, это домъ нашего прежняго мэра, домъ, въ которомъ... вы хорошо знаете?

Остальные смотрѣли на него съ удивленіемъ, не зная, къ чему онъ велъ разговоръ. Браунеръ своимъ отрывистымъ, но въ то же время звучнымъ голосомъ продолжалъ, и все его старое тѣло дрожало отъ лихорадки и восторженности.

— Я былъ тамъ, когда онъ пѣлъ... Дѣвица Дитрихъ сидѣла за клавирами... Этотъ офицерикъ былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, такой сухопарый... вотъ какъ мой поручикъ, вотъ тотъ. (Онъ указалъ на Лэти). И вотъ... дѣло шло плохо: насъ побили по всей линіи. Всѣ говорили: «Франція погибла». Совсѣмъ нѣтъ! Пришелъ этотъ молодой человѣкъ... Онъ запѣлъ: «Allons, enfants de la

patriel!»—и все перемѣнилось... Я помню это... Онъ стоялъ возлѣ клавикордъ... Свѣча горѣла тускло. На лбу и вискахъ у него росли длинныя волосы, а на плечахъ были надѣты изъ экономіа шерстяныя эпoletы, какъ у нашего брата, простого солдата... Его глаза блестѣли, какъ у волка, грудь вздымалась... Голосъ у него былъ не густой, но захватывающій... Всѣ плакали... смѣялись... Подъ конецъ всѣ стали обнимать другъ друга, мужчины и женщины... И Келлерманъ уже не приходилъ въ отчаяніе, и мы всѣ отправились, и весь свѣтъ задрожалъ до казаковъ включительно... потому что въ одномъ страсбургскомъ домѣ какой-то молодой человѣкъ запѣлъ: «Allons, enfants de la patrie!» Это было Ружэ де-Лиль.

Всѣ воодушевились отъ вызваннаго воспоминанія.

Принцъ воскликнулъ:

— Еще разъ въ Страсбургѣ пробьютъ тревогу. Вы увидите хорошіе дни, мой храбрый товарищъ!

Всѣ окружили старика, пожимали ему руки, какъ бы присягая.

— Вспомните, молодые люди,—снова сказалъ старикъ:—какъ только у васъ не хватить храбрости, вспомните!...

И онъ указалъ пальцемъ на огонекъ Дитриховъ, горѣвшій надъ низкими крышами.

Затѣмъ онъ возвратился на свое мѣсто возлѣ печи вмѣстѣ съ Гретелью и принялся, молча, курить, впадая въ спокойствіе стариковъ, размышляющихъ о своей прошедшей жизни.

Соборный колоколь предварительно протрезвонилъ, извѣщая бой часовъ. Всѣ смолкли, прислушиваясь. Медленно пробило четыре часа, и каждый ударъ падалъ зловѣще, безъ отзвука въ воздухъ, благодаря снѣгу.

— О, — прошепталъ Луи-Наполеонъ,—какъ медленно тянутся часы!

Тогда началось долгое и томительное ожиданіе.

То сидя, то стоя, то шагая по комнатѣ, эти люди проклинали тягостную минуту, отдѣлявшую ихъ отъ предпріятія. Всѣхъ терзало одно сомнѣніе: «придетъ ли Водрэй?»

Минуту спустя, Паркэнъ перевелъ отрывистой фразой тревожную мысль, скрывавшуюся въ глубинѣ души каждаго.

— А если онъ не захочетъ!

— Подождемъ!—сказалъ принцъ мягко, тономъ своей обычной фаталистической безропотности.

Водворилось молчаніе; старый Браунеръ продолжалъ курить; Гретель уснула, положивъ голову къ нему на колѣни.

На улицѣ снѣгъ усиливался, стекла занесло. Уже болѣе не видно было ни сосѣднихъ крышъ, ни огонька Дитриха. Время тянулось еще долѣе...

XV.

Въ 1836 году въ Страсбургѣ находилась независимо отъ крѣпостной службы артиллерійская бригада изъ двухъ батарей, 3-й и 4-й. Извѣстно, что этой послѣдней батареей, въ которой въ Валансѣ служилъ поручикомъ Бонапартъ, командовалъ въ это время Клодъ-Николя Водрэй. 3-й батареей командовалъ полковникъ Лебуль, но Водрэй былъ старше чиномъ и часто за отсутствіемъ начальника бригады командовалъ ею, а это усиливало вліяніе человѣка, избраннаго главной пружиной заговора.

Артиллеристы помѣщались въ Аустерлицкомъ кварталѣ. Ихъ большія, квадратныя казармы были выстроены противъ городского вала, недалеко отъ Вобанской цитадели, на юго-западномъ концѣ города, противъ Кельской дороги, но ихъ главный входъ былъ обращенъ къ городу и открывался на площадь «Сиротъ».

Въ это утро 30-го октября, въ то время, какъ въ улицѣ Лафонтанъ, у Браунера, принцъ съ своими приверженцами съ мрачной тревогой считали тяжелое однообразіе часовъ, два офицера, закутанные въ плащи съ поднятыми капюшонами, ходили взадъ и впередъ по двору среди бѣлыхъ скелетовъ деревьевъ и рядовъ пушекъ, покрытыхъ кожаными чехлами.

Большая рѣшетка, служившая и входомъ въ казарму, была заперта; прилежавшая къ ней маленькая калитка, предъ которой снаружи расхаживалъ часовой съ обнаженной саблей на плечѣ, также была заперта. Тусклый отъ копоти свѣтъ фонаря, привѣшаннаго надъ будкой, иногда бросалъ свѣтъ на обнаженное оружіе солдата.

Направо, за рѣшеткой другой фонарь отъ дуновения вѣтерка освѣщалъ по временамъ фасадъ коренастаго зданія, на которомъ находилась слѣдующая надпись: «залъ рапортовъ». Напротивъ находилось окно караульни, пропитанной печнымъ угаромъ.

Снѣгъ уже не шелъ.

Два офицера ходили очень быстро, чтобы согрѣться, и разговаривали. Ихъ голоса звучали глухо подъ низко спущенными капюшонами. По временамъ они приближались къ рѣшеткѣ и прислушивались къ тишинѣ старыхъ улицъ по ту сторону площади.

Затѣмъ они снова принимались ходить и продолжали свой разговоръ:

— Какъ вы думаете, придетъ онъ?—спросилъ одинъ изъ прогуливавшихся у своего товарища.

— Я въ этомъ увѣренъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Конечно, вы лучше меня знаете человѣка, капитанъ, съ тѣхъ поръ, какъ находитесь въ батареѣ... Я, вѣдь, едва поступилъ.

— И вы поступили въ-время, поручикъ Поджи, потому что вы прибыли дѣйствовать.

— Такъ, г. Крейснахъ, думаете ли вы, что дѣйствія начнутся сегодня утромъ?..

— Конечно, если даже Водрэй отъ насъ ускользнетъ, принцъ рѣшился... Но Водрэй пойдетъ съ нами.

Послѣдовала пауза.

Затѣмъ поручикъ Поджи сказалъ:

— Капитанъ, хотя мы только въ концѣ октября, а на дворѣ стоитъ трескучій морозъ. Ну, какъ хотите, вѣрьте или нѣтъ, но мнѣ страшно жарко!..

Онъ вынулъ носовой платокъ и отеръ лобъ подъ капюшономъ.

— Партія дѣйствительно тяжелая, но мы ее выиграемъ.

Онъ внезапно остановился, приложивъ ухо къ рѣшеткѣ.

— Слышали ли вы?

— Что?

— Мнѣ показалось...

Они принялись снова ходить.

— Что за человѣкъ нашъ полковникъ?—спросилъ Поджи чрезъ нѣсколько шаговъ.

— Суровый солдатъ и честный человѣкъ.

— Это именно о немъ говорятъ, но говорятъ также, что онъ имѣетъ слабость къ прекрасному полу.

— Ну, конечно, онъ еще молодой пятидесятилѣтній здоровякъ. Находясь всегда въ походѣ, онъ не имѣлъ времени израсходовать себя въ этомъ отношеніи, и...

— Онъ вознаградитъ себя!—сказалъ Поджи съ грубымъ смѣхомъ.

— Можетъ быть, но что намъ до этого? Онъ страстно преданъ своему ремеслу, строгъ на службѣ относительно себя и другихъ...

— Какъ говорится, тяжеловатъ на подъемъ, — замѣтилъ Поджи.

— Да. Всѣ наши солдаты обожаютъ его и дадутъ себя разрубить на куски за него.

— Говорятъ, онъ очень популяренъ въ городѣ.

— Это вѣрно. Въ іюльскіе дни при первомъ извѣстіи изъ Парижа онъ подаль здѣсь сигналъ, не зная даже, какой оборотъ примутъ тамъ дѣла. Народъ не забылъ этого.

— Онъ порядочно рисковалъ.

— Ба! Это—головорѣзъ, онъ никогда не смотритъ, слѣдуютъ ли за нимъ. Онъ приобрѣлъ всѣ свои чины остріемъ своей сабли. Безъ Ватерлоо онъ давно былъ бы дивизионнымъ генераломъ.

— Потому-то онъ сожалѣетъ объ имперіи.

— Онъ сожалѣетъ болѣе объ императорѣ, чѣмъ о своемъ повышеніи. Онъ любилъ Наполеона, какъ Бога.

— Какъ и всё мы, чортъ возьми, даже тѣ, которые его никогда и не видали.

Они еще разъ возвратились къ рѣшеткѣ, еще разъ прислушались, но ничего не услышали, кромѣ упорнаго топанія ногъ часового.

Когда они снова пошли, то Поджи опять спросилъ:

— Знаете, что говорятъ, капитанъ?

— Нѣтъ?

— Что если Водрэй и пойдетъ, то не по причинѣ воспоминаній о великомъ человѣкѣ, не изъ расположенія къ прицу Луи, не потому, что армія несчастна, но совсѣмъ по другой причинѣ.

— По какой?—спросилъ Крейснахъ, останавливаясь и пробуя встрѣтить взглядъ Поджи подъ капюшономъ. Тотъ колебался.

— Говорятъ... говорятъ, что полковникъ ничего не хотѣлъ знать, отказывался компрометировать себя, и тогда-то ему подсунули одну чертовку...

— Очень возможно, — проворчалъ Крейснахъ. — А затѣмъ? Что намъ до этого за дѣло, лишь бы только движеніе имѣло успѣхъ, и армія вышла бы изъ своего оцѣпенѣнія, заняла бы свое мѣсто подъ солнцемъ и не осмѣивалась бы болѣе адвокатами палаты?..

Пробило пять часовъ на казарменныхъ часахъ.

При послѣднемъ ударѣ иза залъ рапортовъ вышелъ адъютантъ и, не видя обоихъ офицеровъ, пошелъ вдоль рѣшетки, вошелъ въ караульную и исчезъ въ темномъ туманѣ, образовавшемся отъ испарины печи, дыханія людей и курившихся трубокъ.

Крейснахъ и Поджи продолжали ходить. Время шло.

— Сорвалось, — сказалъ порывисто поручикъ: — полковникъ не придетъ.

— Онъ придетъ, — съ убѣжденіемъ произнесъ Крейснахъ.

— Такъ, значить, чертовка...

Оба принялись смѣяться.

— Капитанъ, — сказалъ Поджи послѣ минутнаго молчанія, — вы только что читали въ залѣ рапортовъ «Constitutionnel»...

— Да. Ну, такъ что же?

— Что теперь играютъ на парижскихъ сценахъ?

— Въ оперѣ — «Гугеноты», а въ театрѣ Сенъ - Мартэнскихъ Воротъ «Коляска эмигранта»...

— Я хотѣлъ бы видѣть эту пьесу.

— Вы ее увидите.

— Мы будемъ въ Парижѣ чрезъ недѣлю.

— Если переворотъ удастся, — замѣтилъ Поджи.

— Онъ удастся.

— Однако, вы видите, полковникъ не идетъ.

— Онъ придетъ, — упорствовалъ Крейснахъ.

Внутри караулки адъютантъ разбудилъ начальника поста, заснувшего на походной кровати.

— Квартирмейстеръ!—окликнулъ онъ.

Унтеръ-офицеръ проворчалъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Ну, что же,—сказалъ адъютантъ:—встанете ли вы, наконецъ?

Бригадиръ съ большимъ фонаремъ въ рукахъ нагнулся къ спящему, потрясъ его и шепнулъ ему на ухо:

— Ну, вставай же, тысяча чертей! Это—адъютантъ Жакэ.

— Адъютантъ Жакэ?.. Ахъ, извините, поручикъ, — произнесъ унтеръ-офицеръ съ заспанными глазами.

Адъютантъ Жакэ приказалъ:

— Если забьютъ... Но проснитесь же вы, чортъ возьми! Вы спите, стоя. Приказанія важныя, понимаете?

— Да, поручикъ,—отвѣтилъ онъ, вытягиваясь.

— Если забьютъ тревогу раньше срочнаго времени, — сказалъ Жакэ,—то запрещается предупреждать офицеровъ, живущихъ въ городѣ. Вы допустите войти въ казарму только лицъ, упомянутыхъ въ этомъ списокѣ.

Бригадиръ поднялъ свой фонарь, и начальникъ поста, взглянувъ на списокъ, сказалъ просто:

— Слушаю, поручикъ.

— Вы поняли, не правда ли?—настаивалъ адъютантъ:—никого другого, кромѣ обозначенныхъ лицъ.

На этотъ разъ унтеръ-офицеръ, взглянувъ внимательно на списокъ, выразилъ удивленіе:

— Но, поручикъ!..

— Довольно. Это—приказъ полковника. Эту бумагу мнѣ принесъ въ полночь его вѣстовой.

— Слушаю, поручикъ, разъ это приказаніе.

Жакэ вышелъ изъ караульни. Кто-то ударилъ его по плечу.

Капитанъ Крейснахъ и Поджи стояли возлѣ него.

— Что вы тамъ дѣлаете, Жакэ?—спросилъ Крейснахъ у стараго воина.

— Капитанъ, я...

Онъ не могъ окончить.

— Тихе,—приказалъ офицеръ.

На замершемъ снѣгу раздались чьи-то шаги. Они шли отъ площади, и вскорѣ офицеры увидѣли появившагося человѣка высокаго роста, закутаннаго въ плащъ.

— Это онъ!..—прошепталъ Крейснахъ.

Этотъ человѣкъ шелъ прямо по направленію ко входу въ казарму. Вскорѣ на него упалъ свѣтъ фонаря, и они увидѣли, что часовой отдалъ ему честь.

XVI.

Дѣйствительно это былъ Водрэй.

Онъ вынулъ изъ кармана ключъ и отворилъ калитку.

Крейснахъ, Поджи и Жакэ, вытянувшись въ рядъ, отдали ему честь по-военному.

Водрэй быстро подошелъ къ нимъ.

— Все ли готово?—спросилъ онъ отрывисто.

— Да, полковникъ,—отвѣтилъ Крейснахъ.—Сорокъ человѣкъ моей батареи ожидаютъ. Поджи безъ шума поднялъ ихъ часъ тому назадъ. Они одѣлись и вооружились, не разбудивъ своихъ товарищей. Они полны пыла и знаютъ, что отъ нихъ ожидается и увлекутъ за собой другихъ. Остальные солдаты еще спятъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Водрэй.

И, обращаясь къ Жакэ, онъ сказалъ:

— Адъютантъ, выведите тихонько караулъ. Расположите его въ два ряда передъ рѣшеткой и сами присмотрите, чтобы никто не вошелъ сюда, кромѣ лицъ, поименованныхъ въ спискѣ.

— Слушаю, полковникъ.

Жакэ отправился въ караульню и исполнилъ только - что полученное приказаніе.

Пока онъ разставлялъ за рѣшеткой свой отрядъ, въ казармѣ, а затѣмъ послѣдовательно на всѣхъ городскихъ часахъ пробило половина пятого.

При послѣднемъ ударѣ Водрэй воскликнулъ:

— Время наступило!..

Затѣмъ онъ обернулся къ караульнѣ и громовымъ голосомъ скомандовалъ:

— Трубачъ, созвать старшихъ вахмистровъ и трубить сборъ.

Трубачъ поспѣшно повиновался. Онъ весело протрубилъ тревогу и повторилъ ее нѣсколько разъ вдоль зданія артиллерійской батареи и во всѣхъ углахъ казармы.

Тѣмъ временемъ Водрэй лихорадочнымъ, отрывистымъ голосомъ отдавалъ свои приказанія:

— Вы, Поджи, знаете всѣ приказанія, относящіяся къ вамъ. Ступайте за вашими солдатами; съ двадцатью изъ нихъ вы будете находиться въ распоряженіи г. Персиньи. Вамъ извѣстно, въ чемъ дѣло... префектъ...

Поручикъ утвердительно кивнулъ головою въ знакъ того, что знаетъ данный ему приказъ, и поспѣшилъ собрать канонировъ.

— Вы, Крейснахъ,—продолжалъ Водрэй, — съ другими двадцатью солдатами послѣдуете за майоромъ, или, вѣрнѣе, за генераломъ Паркэномъ. Съ нимъ вы двинетесь на дивизионныя казармы.

Здѣсь его голосъ нѣсколько измѣнился, но онъ, овладѣвъ имъ, продолжалъ:

— Вы арестуете генерала Вуароля и будете держать его подъ своимъ присмотромъ до новаго приказанія. Будьте съ нимъ почтительны, но поставьте его въ такое положеніе, въ которомъ онъ не могъ бы ни сдѣлать движенія, ни съ кѣмъ бы то ни было говорить.

— Какъ, полковникъ,—сказалъ взволнованный Крейснахъ,—генерала Вуароля? Я думалъ, я надѣялся...

— Да, я знаю... Ну, такъ вѣтъ, надо напротивъ...

— Хорошо, полковникъ,—сказалъ капитанъ дрожащимъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

Это смутило Водрэя. Онъ мягко сказалъ молодому офицеру:

— Вы рискуете своей головой, мое дитя.

— А вы, полковникъ, развѣ не рискуете вашей?

Водрэй сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— О! я!..—отвѣтилъ онъ со странной горечью.

Онъ не окончилъ своей мысли, но Крейснахъ понялъ эти неясныя слова.

— Это необходимо для этой страны, для ея славы.

Затѣмъ, порывисто пожавъ руку Крейснаху, онъ сказалъ:

— Ступайте, капитанъ, ступайте.

Въ этотъ моментъ Поджи возвратился, ведя своихъ сорокъ канонировъ; онъ поставилъ ихъ въ строй. Крейснахъ присоединился къ нему.

Снова появился трубачъ. Онъ въ послѣдній разъ протрубилъ сборъ и всталъ въ пяти шагахъ за полковникомъ.

Водрэй запахнулъ полы своего плаща, закинувъ ихъ за плечи, и задумался, стиснувъ вытянутыя подъ толстой матеріей руки.

Въ зданіи и на дворѣ поднялась сумятица.

Сначала послѣ многократныхъ трубныхъ звуковъ сбора всѣ увидѣли, какъ маленькіе желтые огоньки послѣдовательно освѣщали окна казармъ.

Потомъ прибѣжали старшіе вахмистры, neodѣтые и растрепанные; они выслушали строгое распоряженіе адъютанта Жакэ.

— Собрать всю батарею внизу, въ походной формѣ, въ киверахъ, при сабляхъ и карабинахъ и только двадцать осѣдланыхъ лошадей на батарею.

Старшіе вахмистры очень хотѣли узнать, къ чему это ведетъ, но Жакэ, самъ не знавшій объ этомъ, быстро отослалъ ихъ.

— Это васъ не касается. Вы сейчасъ все узнаете. Ступайте всѣ внизъ, рысью.

Въ казармахъ поднялась настоящая скачка унтеръ-офицеровъ, лаявшихся на солдатъ, какъ пастушечьи собаки на стада.

И въ этомъ громадномъ ульѣ всыхнуло напряженное оживленіе среди сутелокп, криковъ, окликовъ, проклятій, бого-

хульства, бряцанія стали, волочившихся сабель — вся сумятица солдафоновъ, внезапно вызванныхъ изъ соннаго оцѣпенѣнія призывомъ къ оружію и неожиданно выброшенныхъ до зари на холдъ морознаго утра.

Изъ конюшенъ доносился шумъ, еще болѣе усиливавшій сумятицу: слышалось бряцаніе цѣпочекъ, прицѣпленныхъ къ кольцамъ яслей.

Теперь со всѣхъ сторонъ сбѣгались канониры, поспѣшно спускаясь, «рысью», какъ имъ приказалъ Жакэ, съ смущенными лицами, большею частью полуодѣтые, влача свое оружіе и на ходу одѣваясь на сильной стужѣ, еще болѣе усиливавшейся отъ приближавшейся зари.

Унтеръ-офицеры старались составить ряды. Солдаты принялись ихъ разспрашивать о томъ, что случилось, и почему эта тревога.

Одинъ артиллеристъ въ киверѣ, козырькомъ на затылокъ, одной рукой влачившій свое оружіе, а другой пристегивавшій подтяжки, спрашивалъ:

— Что случилось? Развѣ вспыхнулъ пожаръ въ такой ранней часъ?

Другой, тоже оканчивавшій свое одѣваніе, добавилъ:

— Боже мой, если это пожаръ, зачѣмъ же насъ такъ рано разбудили? Вѣдь пожарные обозы въ 5-й батареѣ.

Въ разговоръ вмѣшался унтеръ-офицеръ.

— Замолчите ли вы и встанете ли въ ряды, лѣнтяи?

Двое или трое изъ нихъ, замѣтивъ Водрѣя, воскликнули:

— Полковникъ!

И всѣ бросились вразсыпную, спѣша встать въ линію и устремивъ глаза на флигельмановъ.

Вскорѣ собралась вся батарея, составились взводы, какъ во время пѣшаго маневрированія кавалеріи. Артиллерія представляла смѣшанную военную силу: на половину пѣхоту, на половину кавалерію.

— Въ каждомъ ряду и въ каждомъ взводѣ по четыре! — прорычалъ адъютантъ, капитанъ Апорта, который, будучи недѣльнымъ, жилъ въ казармахъ и поспѣшилъ на звукъ трубы, не зная истинной причины тревоги.

Когда все было окончено, и капитанъ Апорта отправился съ докладомъ къ полковнику, въ рядахъ раздавался шепотъ; слышались остроты, прибаутки, шутки; всѣ удивлялись и болтали всякій вздоръ.

Два унтеръ-офицера обмѣнивались взглядами, въ которыхъ господствовало изумленіе.

— Ахъ, чортъ возьми, гдѣ же офицеры? — спросилъ старый служака съ тремя нашивками.

Его товарищъ, бѣлокурый эльзасецъ, гораздо моложе его, отвѣчалъ:

— Не знаю. Здѣсь только полковникъ, адъютантъ Апорта и поручикъ Ружъ.

— Тамъ, близъ караулни, капитанъ Крейснахъ съ поручикомъ Поджи.

— Да, но другіе?

— Дѣйствительно это неестественно.

— Можешь сказать вѣрнѣе—подозрительно, старина.

Вдругъ кто-то его ударилъ сзади по плечу.

Это былъ полковникъ Водрэй.

— Васъ обоихъ произведутъ сегодня вечеромъ въ подпоручики.

— Въ подпоручики?!—воскликнули оба вахмистра.

— Да, вы будете подпоручиками,—подтвердилъ Водрэй съ товарищескимъ смѣхомъ,—я вамъ обѣщаю это.

И, видя ихъ изумленіе, онъ объяснилъ:

— Должна совершиться революція! Съ арміи довольно тепершняго правительства, довольно подлости, довольно уступокъ иностранцамъ, довольно мира, во что бы то ни стало! Армія возвратитъ прежнюю славу, спасетъ страну, выгонитъ Луи-Филиппа и болгуновъ палаты...

— Но, полковникъ...

— Въ данный моментъ, товарищи,—продолжалъ Водрэй, ускоряя свою рѣчь:—во всей Франціи поднялись полки. Гарнизоны Бельфора, Везуля, Безансона и Дижона идутъ въ Парижъ. Развѣ вы одни отступите?

— Но кого поставятъ на мѣсто короля?

— Наполеона.

— Наполеона?

— Да, племянника другого; сына королевы Гортензіи.

— Не знаю его,—замѣтилъ эльзасецъ.

Но старикъ проворчалъ:

— Наполеона! Такъ я съ вами. Да здравствуетъ императоръ! Въ рядахъ обернулись солдаты и съ удивленіемъ посмотрѣли на него.

— Что до меня, то я предпочитаю республику,—сказалъ младшій изъ унтеръ-офицеровъ.

— Дурачина,—произнесъ фамиллярно Водрэй:—это то же самое, это одно и то же: Наполеонъ—это народная республика.

— А потомъ, не правда ли, мы отомстимъ за Ватерлоо?—сказалъ старшій изъ унтеръ-офицеровъ.—Мы были тамъ вмѣстѣ, не правда ли, полковникъ? Не очень-то скоро взялись за это.

— Послушай, товарищъ,—сказалъ Водрэй, суя ему въ руку нѣсколько луидоровъ:—вотъ двѣсти франковъ для солдатъ. Присмотри, чтобъ они угостились.

Показалась заря. Изъ города доносился сначала глухой, едва уловимый шумъ, а потомъ всѣ болѣе и болѣе усиливавшійся.

Водрэй оставилъ обоихъ унтеръ-офицеровъ и пошелъ навстрѣчу къ капитану главнаго штаба, пробравшемуся въ казармы: это былъ не кто иной, какъ Персеини.

Когда онъ замѣтилъ Водрэй, у него вырвался радостный крикъ, и онъ подбѣжалъ къ нему.

— Ахъ, полковникъ, часъ наступилъ! Мы двинемся!

— Конечно. Гдѣ принцъ?

— Онъ прибылъ. Уже толпа слѣдуетъ за нимъ и привѣтствуетъ орла.

— Слышите, поютъ «Марсельезу»?

Крики приближались.

— Да, слышу. А Лэти?

— Идетъ за нами по пятамъ съ двумя ротами понтонеровъ изъ казармы св. Николая.

— Наконецъ! — воскликнулъ Водрэй, которымъ овладѣло состояніе въ родѣ лихорадки, похожее на опьяненіе.

И, обернувшись къ рѣшеткѣ, онъ сказалъ:

— Адъютантъ Жакэ, отворите настежь ворота!

Затѣмъ, вытащивъ саблю, онъ произнесъ:

— Стройся направо!.. Смирно!..

Ряды стояли неподвижно.

Съ улицы доносились мѣрные шаги подвигавшагося войска. Это былъ Лэти съ своими понтонерами.

— А вотъ и я, полковникъ, къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю, Лэти.

И, обращаясь къ старому адъютанту, только что осмотрѣвшему взводы, онъ произнесъ:

— Ну, Жербэ, что говорятъ солдаты?

— Они готовы двинуться, — отвѣтилъ Жербэ: — но я не довѣрю, невозможно, чтобы это былъ онъ... Какъ! Чтобы императоръ возвратился?.. Невозможно!.. Полковникъ, надъ вами насмѣхаются. Берегитесь. Прежде всего, гдѣ его прокламація?

— Какая прокламація? — спросилъ улыбаясь Водрэй.

— Вы хорошо знаете, полковникъ, что безъ этого онъ никогда не двигался. Нѣтъ прокламаціи — нѣтъ Наполеона! Это ясно... Если бы онъ чегонибудь пожелалъ отъ насъ, то узналось бы... Была бы прокламація, я настаиваю на этомъ...

Водрэй улыбнулся.

— Ты его увидишь, старый усачъ: вотъ онъ идетъ.

Доносившіеся съ улицы крики достигли рѣшетки.

Горланившая, лихорадочная толпа, во главѣ съ старымъ Браунеромъ, размахивавшимъ руками, разглагольствовавшимъ, и по-прежнему въ сопровожденіи Гретель, — наводнила Аустерлицкую площадь и двинулась къ казармамъ.

Надъ всѣми головами парилъ орелъ, котораго несъ Керель.

По знаку Водрэя канониры задерживали всю эту сумятицу у воротъ казармъ. Изъ этой человѣческой волны показался принцъ, спровождаемый своимъ штабомъ. Онъ быстро вошелъ во дворъ и приблизился къ фронту войска.

Лица мужчинъ, женщинъ, дѣтей прильнули къ рѣшеткѣ, стараясь поближе увидѣть это чудесное зрѣлище: наследника Цезаря, призывающаго преторіанцевъ, требующаго щить и воскрешающаго орловъ.

Воцарилось молчаніе.

XVII.

Луи-Наполеонъ поспѣшными шагами подошелъ къ центру батареи. Возлѣ него стоялъ Керель, держа высоко, прямо орла со знаменемъ, развѣваемымъ утреннимъ вѣтеркомъ. По временамъ отъ дуновенія вѣтерка края знамени касались лица претендента. Блѣдное осеннее солнце сквозь туманъ снѣжныхъ облаковъ освѣщало это зрѣлище.

Хотя усы Жербэ уже дрожали при видѣ орла, но онъ еще ничего не понималъ и съ изумленіемъ смотрѣлъ на племянника императора.

Слышно было, какъ онъ шепталъ:

— А это еще кто такой?

Солдаты стояли неподвижно, какъ бы застывъ отъ изумленія.

Водрэй отдалъ честь принцу широкимъ жестомъ своей обнаженной сабли и, обернувшись къ солдатамъ, сказалъ:

— Солдаты, во Франціи вспыхнула большая революція. Луи-Филиппъ низвергнуть съ престола. Предъ вами племянникъ великаго Наполеона; онъ взялъ въ свои руки бразды правленія. Кричите всѣ: «Да здравствуетъ императоръ!»

Сначала водворилось общее молчаніе отъ изумленія и невѣрія.

Затѣмъ внезапно послѣдовалъ взрывъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Этотъ крикъ обѣжалъ всѣ ряды, но въ то же время послѣ горячихъ салютовъ, когда еще раздавались отдѣльные возгласы запоздавшихъ, три или четыре голоса изъ середины рядовъ прокричали:

— Да здравствуетъ король!

Водрэй бросился спрашивать:

— Кто закричалъ: «Да здравствуетъ король?»

— Я!—отвѣчало нѣсколько канонировъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Водрэй съ угрожающимъ жестомъ.

— Да я повторялъ за другими,—отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ, пристыженный этимъ замѣчаніемъ.

— Болванъ! По привычкѣ, не правда ли? Надо кричать: «да здравствуетъ императоръ»! Ну, кричи: «Да здравствуетъ императоръ»!

— Ахъ! я этого не зналъ! Да здравствуетъ императоръ!

На этотъ разъ всѣ солдаты повторили возгласъ; вся площадь отвѣтила на него, какъ эхо.

Положительно народъ сочувствовалъ движенію.

Однако въ рядахъ раздавались замѣчанія:

— Никто не видѣлъ «императора». Кто изъ этихъ неизвѣстныхъ офицеровъ былъ императоръ, который носилъ это важное имя: Наполеонъ?

Кто-то шепнулъ:

— Это—тотъ маленькій, что стоитъ возлѣ знамени; онъ въ большой красной лентѣ и съ серебряной звѣздой на груди.

— Тотъ бѣлокурый? Ну, ужъ навѣрно онъ не походить на того, «Другого».

Луи-Наполеонъ нашелъ моментъ удобнымъ для вмѣшательства.

Онъ приблизился къ фронту войска и воскликнулъ сначала колеблющимся, а затѣмъ болѣе твердымъ голосомъ, съ легкимъ нѣмецкимъ выговоромъ:

— Солдаты!

Въ этой громадной, вооруженной толпѣ произошло сильное движеніе.

— Солдаты! моментъ насталъ вернуть вашъ прежній блескъ. Созданные для славы, вы не можете долѣе переносить постыдной роли, какую вамъ навязываютъ.

— Что этому отъ насъ надо? Кто это такой? Это не Наполеонъ.

Принцъ продолжалъ:

Правительство Луи-Филиппа, измѣнившее нашимъ гражданскимъ интересамъ, хочетъ затуманить вашу военную честь. Развѣ вы не видите, что люди, управляющіе нашей судьбой, измѣнники 1815 года, палачи маршала Нея?

Жербэ, очень взволнованный, сказалъ:

— Это онъ!

— Посмотрите, Ватерлооскій левъ еще стоитъ на нашихъ границахъ; посмотрите на Гунингенъ, лишенный своей защиты; посмотрите на розданные чины въ 1815 г., впоследствии никѣмъ не признанные; посмотрите на безчестныхъ генераловъ, на раздаваемый интриганамъ «Почетный Легіонъ», въ которомъ отказывали достойнымъ!

Жербэ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, шепталъ:

— Это онъ! это онъ!

Принцъ сдѣлалъ шагъ впередъ и, возвышая голосъ, сказалъ:

— Я представляюсь вамъ съ завѣщаніемъ Наполеона въ одной рукѣ и съ Аустерлицкой саблей въ другой!...

Жербэ вынулъ саблю и сталъ учащенно размахивать ею надъ головою.

— Это онъ! это онъ!

Голосъ принца сдѣлался меланхоличенъ.

— Я отдаю все мое существованіе исполненію великой мисси. Со скалы св. Елены въ мою душу проникъ лучъ заходящаго солнца. Жербѣ заливался горячими слезами.

Луи-Наполеонъ послѣ короткой паузы продолжалъ:

— Солдаты, не можете ли вы мнѣ въ этомъ великомъ предпріятіи: наказать измѣнниковъ и возвратить Франціи ея прежнюю славу?

Со всѣхъ сторонъ раздалось: «Да! да!» Волненіе и энтузіазмъ охватили всѣ ряды.

Однако, въ одной изъ группъ еще колебались.

Кто-то закричалъ:

— Да скажутъ ли намъ, кто это такой? Гдѣ же императоръ?

Другой говорилъ:

— Какой императоръ?

Третій замѣчалъ:

— Говорятъ, это Наполеонъ.

Четвертый отвѣтилъ:

— Какой ты глупецъ! Вѣдь онъ умеръ.

— Говорятъ, что это его племянникъ,—замѣтилъ кто-то.

— Племянникъ сына, что ли!..

Но Жербѣ съ воспламененными глазами подбѣжалъ къ нимъ, угрожая имъ саблей.

Онъ свирѣпо закричалъ имъ:

— Вамъ же говорятъ, что это самъ императоръ.

Одинъ канониръ настаивалъ:

— Надо же, однако, знать...

Водрѣй рѣзко прервалъ ихъ:

— Солдаты! вашъ полковникъ отвѣтилъ за васъ. Послѣдуете ли вы за мною?

Всѣ единогласно воскликнули:

— Да, да, повсюду, куда вы захотите. Да здравствуетъ Водрѣй!

— Нѣтъ,—возразилъ Водрѣй.—Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ Наполеонъ!

На улицѣ толпа повторила этотъ крикъ и принялась пѣть «Марсельезу».

— Слушайте, товарищи, — сказалъ принцъ, — слушайте эти крики, это гѣнне: народъ съ нами, онъ разсчитываетъ на васъ, чтобы возстановить свободу...

Онъ выхватилъ знамя изъ рукъ Кереля и, потрясая надъ головою, воскликнулъ:

— Вамъ первымъ принадлежитъ честь привѣтствовать Аустерлицкаго и Ваграмскаго орла.

По знаку Водрѣя трубачи, выстроенные съ музыкою направо отъ батареи, отдали честь знамени.

Когда смолкли трубные звуки, то крики: «да здравствуетъ императоръ!» раздались еще сильнѣе.

Пока энтузіазмъ росъ, Луи-Наполеонъ протянулъ орла Жербэ со словами:

— Держи, ты, ты, товарищъ «Другого», а также мой, ты понесешь его!.. Выбери десять человѣкъ для почетнаго эскорта и займи мѣсто впереди.

Старыя ноги Жербэ затряслись, и онъ залился слезами, восклицая:

— Орель!.. мнѣ?..

Дрожащей рукой онъ схватилъ древко и съ гордостью побѣжалъ занять мѣсто на правой сторонѣ батареи.

— Товарищи, насъ ожидаетъ 46-й линейный полкъ!—закричалъ своимъ яснымъ металлическимъ голосомъ Лэти.—Поспѣшимъ присоединиться къ нему. Пусть нашъ примѣръ увлечетъ всѣхъ. Да здравствуетъ республика!

Многіе повторили этотъ крикъ, но почти всѣ прибавили къ нему: «да здравствуетъ императоръ!»

То было время, когда эти два крика смѣшивались изъ общей ненависти къ торжествующей, но безъ славы буржуазіи.

Подвели лошадей. Принцъ, Водрэй, Грикуръ и Керель вскочили на сѣдла. Персиньи и Паркэнъ съ назначенными имъ отрядами поспѣшно удалились для исполненія данныхъ имъ различныхъ порученій. Другой товарищъ принца, военный врачъ Ломбаръ, взявъ съ собой десять человѣкъ, отправился занять типографію Зильбермана и заставить его напечатать прокламаціи принца.

Когда удалились эти три группы, Водрэй скомандовалъ:

— Слушай!

Но принцъ съ саблею въ рукѣ перебилъ его:

— Полковникъ, умоляю васъ...

Водрэй выразилъ согласіе.

Луи-Наполеонъ не могъ удержаться и съ дѣтской радостью воскликнулъ:

— Наконецъ-то я буду командовать французскими солдатами!

Онъ поскакалъ впередъ, усилилъ свой голосъ и скомандовалъ:

— Канониры, по четыре въ рядъ, направо!

Когда это движеніе было исполнено, онъ прибавилъ:

— Колонна впередъ, флигельманъ налѣво! Маршъ!

Батарея двинулась. Музыка заиграла арію королевы Гортензіи: «Partant pour la Syrie».

Принцъ галопомъ поспѣшилъ стать во главѣ солдатъ, сопровождаемый Водрэемъ, Грикуромъ и Керелемъ.

Батарея вышла изъ воротъ и направилась чрезъ площадь среди восторженныхъ криковъ народа. Общая радость и необык-

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ
МАГАЗИНОВЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“
А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АВГУСТЪ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 8-й.

I. Богословіе.

Высшее церковное управленіе въ Россіи. М. 1905. Ц. 40 к. Корольновъ, М. Андреевскій соборъ въ Петербургѣ. По поводу 175-лѣтія со дня осно-	ванія. Съ 6-ю рисунками. Спб. 1905. Ц. 30 к. Павель (архимандритъ). Корейцы-христіане. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 1 р.
---	--

II. Философія, психологія, логика.

Беркли, Джорджъ. Трактатъ о началахъ чловѣческаго знанія, въ которомъ изслѣдуются главныя причины заблужденія и трудности наукъ, а также основанія скептицизма, атеизма и безвѣрія. Спб. 1905. Ц. 40 к. Брандесъ, Г. Великій чловѣкъ. (Начало и цѣль цивилизаціи). М. 1905. Ц. 40 к. Петрово-Соловово, М. Приложенія къ пере-	воду сочиненія Ф. Подмора „Спиритизмъ“. I. Замячанія по поводу критическихъ пріемовъ г. Подмора. II. Очерки изъ исторіи спиритическаго движенія въ Россіи. Спб. 1905. Ц. 2 р. Шопенгауэръ, Артуръ. Собраніе сочиненій. Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Вып. XII. М. 1905. Ц. за 4 тома (16 выпусковъ) 8 р.
---	---

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1905 г., т. 01.

1/224

III. Ботаника, зоология, минералогия, геология, физика, химия.

Найгородовъ, Дм. Начальная ботаника для городскихъ училищъ. Со многими рисунками. Изд. 5-е. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Оствальдъ, В. Школа химии. Общая часть. М. 1904. Ц. 1 р.

Полыинскій, И. И. О трехъ царствахъ природы. Въ текстѣ 148 рисунковъ. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Реклю, Элизе. Человѣкъ и земля. Томъ I. Вып. I. Переводъ съ франц., съ разрѣшенія автора П. Ю. Шмидта. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Ростовцевъ, С. И. Органическая химія съ приложеніемъ статей: Нефть и продукты ея

перегонки. Свѣтильный газъ. Древесный спиртъ и уксусная кислота. Мыло. Стеариновые свѣчи. Для коммерческихъ и техническихъ училищъ. М. 1905. Ц. 85 к.

Рюминъ, В. В. Элементарная техническая минералогія. Харьковъ. 1904. Ц. 75 к.

— Краткій очеркъ главнѣйшихъ органическихъ соединений. Харьковъ. 1905. Цѣна 35 к.

Штейнгауеръ, И. С. Земля и небо. Общеобразовательныя бесѣды о мірозданіи (введеніе въ космографію), съ пояснительными рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1906. Ц. 15 к.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

Желень, Е. Элементарный курсъ ариметики. Перев. Н. де-Жоржъ. Изд. 3-е, испр. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Общедоступная таблица умноженія отъ 1-го до 1200 на однозначныя числа. Воронежъ. 1905. Ц. 15 к.

Рудневъ, В. Л. Нумерація словесная и письменная въ вопросахъ и отвѣтахъ (Курсъ повторительный). Ростовъ-на-Дону. Ц. 10 к.

Эригъ, Г., д-ръ. Тригонометрія для техническихъ-практиковъ и для самообразованія. Съ 25 чертежами. Николаевъ. 1905. Ц. 45 к.

V. Словесность.

Австенно, В. Г. Млечный путь. Романъ. Рабыни. Повѣсть. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Альмерасъ д'Анри. Alma mater. Романъ. Переводъ Ф. Н. Латернера. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Волновъ, Евгений. Рассказы. Т. I. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 1 р.

Герценъ, А. И. Сочиненія и переписка съ Н. А. Захарьиной. Въ семи томахъ. Съ прилѣжаніями, указателями и снимками (7 портретовъ и 1 статуя). Спб. 1905. Ц. за 7 томовъ 12 р.

Головановъ, Н. И. Искариотъ. Драма. М. 1905. Ц. 1 р.

Грабина, А. Т. Нови пѣсни Веранже. Кіевъ. 1905. Ц. 25 к.

Графъ Амори (И. П. Рапгофъ). Тайны японскаго двора. Романъ изъ современной жизни Японіи. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Де-Турже-Турманся, Евг. Царевна мечта. Трудъ и капиталъ. Сказка для взрослыхъ. Смоленскъ. 1905. Ц. 20 к.

Мандръ, О. И. (Елашевичъ). Стихотворенія, посвященныя русско-японской войнѣ. Вильна. 1904. Ц. 30 к.

Зола. Нана. Романъ. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 1 р.

Монанъ-Дойль, А. Воскресшій Шерлокъ Холмсъ. М. 1905. Ц. 1 р.

— Приключенія Шерлока Холмса. М. 1905. Ц. 1 р.

— Женщина съ револьверомъ. М. 1905. Ц. 50 к.

Коринфскій, Аполлонъ. Вольная птица и другіе рассказы. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 75 к.

Лагерфельдъ, С. Сѣверныя легенды и рассказы. Перев. А. Герцъ и С. Лоріе. М. 1905. Ц. 1 р.

Лангманъ, Бартель Туразеръ. Драма изъ жизни рабочихъ. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 15 к.

Ломанъ. Наброски. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Мари, Жюль. Местъ Розы-Манонъ. Романъ. М. 1905. Ц. 1 р.

Мирбо, О. Жанъ и Мадлена. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Перев. съ франц. М. В. Ватсонъ. Спб. 1905. Ц. 10 к.

— Воръ. Пьеса. Вумажникъ. Пьеса. Пер. съ франц. Л. Вильяной. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Нечуй-Левицкій, И. С. Повисѣли и оповидання. Томъ II. Третье изданія. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

— Старосѣвильскія батюшки та матушки. Повість-хроника. Третье изданія. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Онешнова, Элиза. „И пѣсня пусть заплачетъ“. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. М. 1905. Ц. 50 к.

Пальгумовъ, С. А. Доброе сердце. Стихотворенія. Вся прибыль жертвуется авторомъ въ пользу малолѣтнихъ сиротъ нижнихъ чиновъ, убитыхъ въ Русско-Японскую войну. Евпаторія. 1904. Ц. 10 к.

— Русско-Японская война. 3-й мѣсяць. Стихотворенія. Вся прибыль жертвуется авторомъ на усиліе Русскаго боевого флота. Евпаторія. 1904. Ц. 20 к.

Эриманъ-Шатрианъ. Исторія одного брестянина. Сокр. Ю. Вѣляевская по переводу Марка-Вовчка. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 20 к.

Шепелевичъ, Л. Историко-литературныя этюды. Серія II. Спб. 1905. 1 р. 70 к.

VI. Исторія.

- Вандерверъ, Хуго. Историческое развитіе Японіи. Отъ основанія государства до Цусимскаго боя. Спб. 1905. Ц. 30 к.
- Изъ забытой книги о Французской революціи. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. По официальнымъ даннымъ, свидѣніямъ печати и показаніямъ очевидцевъ. Съ картами, планами, портретами. Вып. XVI. Цѣна за каждыя 12 вып. 6 р.
- Историческія письма. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Лѣтопись войны съ Японіей. Вып. 70-й. Ц. 30 к.
- Либерманъ, А. А. Краткій біографическій очеркъ Федора Васильевича Чицова. М. 1905. Ц. 70 к.
- Мансимовъ, Владиславъ. Очерки по исторіи общественныхъ работъ въ Россіи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.
- Муснаблить, Ф. Тихожеанская трагедія. Общественно-историческій этюдъ. Одесса. 1905. Ц. 10 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И. На войну. Отъ Петербурга до Порть-Артура. Изъ писемъ съ дороги. М. 1904. Ц. 1 р.
- Рагозина, З. А. Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Индіи (время Ригъ-Веды). Съ 46 рис. и 1 картой. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Рѣдинъ, Е. К. Искусство и археологія. Критика и бібліографія. Спб. 1905. Ц. 60 к.
- Рожновъ, Н. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 10 к.
- Розановъ, Эмиль. Томасъ Мюнцеръ. Перев. съ нѣм. А. Шестаковой. Спб. 1905. Ц. 10 к.
- Шахновскій, М. К. Желтая туча. 12 мѣсяцевъ войны съ Японіей. Дневникъ корреспондента. М. 1905. Ц. 1 р.

VII. Географія.

- Бобинъ, С. П. Краткій курсъ географіи. Изданіе второе, исправл. и дополненное. Часть первая. Спб. 1905. Ц. 80 к.
- Булганова, Е. И. Японія и японцы. Изд. 2-е. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 20 к.
- Майновъ, И. М. Финляндія. Ея прошедшее и настоящее. Съ приложеніемъ карты. Спб. 1905. Ц. 3 р.

VIII. Сельское хозяйство.

- Гейне, И. Комнатное цвѣтоводство. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Долгополовъ, О. Соленія, варенія и наливки. Практическое руководство. Спб. 1905. Ц. 30 к.
- Ежегодникъ русскихъ сельскохозяйственныхъ опытныхъ учрежденій. Вып. II. Ч. I. Дѣятельность опытныхъ учрежденій въ сѣверной нечерноземной части Европейской Россіи. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Имчуновъ, Н. И. Альбомъ розъ. Описание 300 лучшихъ сортовъ розъ. 20 хромолитографическихъ таблицъ. Спб. 1905. Ц. 3 р.
- Косоротовъ, Ф. И. Чѣмъ и какъ питаются сельско-хозяйственные растенія. Спб. 1905. Ц. 5 к.
- Домашнія дешевыя удобренія. Спб. 1905. Ц. 5 к.
- Воздѣлываніе кормовой свеклы. Спб. 1905. Ц. 6 к.
- Крыштафовичъ, Н. А. Рациональная культура малины. Харьковъ. 1905. Ц. 10 к.
- Урусовъ, С. П. (и князь). Коза, ея разведеніе, содержаніе и хозяйственное значеніе. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Хинцинскій, Н. Инкубация или искусственный выводъ птицы. Спб. 1905. Ц. 30 к.
- Шавровъ, Н. Н. Нѣкоторыя отрасли сельскаго хозяйства Малой Азіи. Съ 49 таблицами рисунковъ и 2 картограммами. Тифлисъ. 1905. Ц. 2 р.

IX. Технологія.

- Гишманъ, Е. А. Расчетъ струйныхъ переподовъ. Съ 7 ластами чертежей. М. 1905. Ц. 2 р.
- Нітте. Справочная книга для инженеровъ, архитекторовъ, механиковъ и студентовъ съ дополненіями для русскихъ техникумовъ подъ редакціей инженера Г. Л. Зайдберга. Шестое изданіе, переработанное, исправленное и значительно дополненное. Въсѣ 1,400 чертежей въ текствѣ. М. 1905. Ц. за 2 части 5 р.
- Федотьевъ, П. П. Учебникъ товаровѣдннй. Съ 94 рис. въ текствѣ. Спб. 1906. Ц. 2 р.
- Шраммъ, Бруно. Карманная книжка по отопленію — монтеръ. Съ 97-ю рисунками. Перев. съ нѣмецк. М. 1905. Ц. 95 к.

Х. Правовѣдѣніе.

- Аленсъвъ, Я.** Жизненный вопросъ рабочихъ союзовъ. Спб. 1905. Ц. 6 к.
- Бебель, А.** Профессиональное движеніе и политическія партіи. Законъ противъ социализмовъ въ Германіи. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1905. Ц. 12 к.
- Антисемитизмъ и пролетаріатъ. Перев. съ нѣмецк., съ портретомъ А. Бебеля. Одесса. 1905. Ц. 10 к.
- Бельгійская конституція 7 февраля 1831 года.** Перев. съ франц. Подъ ред. и съ примѣч. С. Г. Сватикова. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 7 к.
- Бельтовъ, Н.** Къ вопросу о развитіи монастическаго взгляда на исторію. Изд. 2-е, съ двумя приложеніями. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Будкевичъ, Ф. П.** Гражданское уложеніе. Система и планъ кодификаціи законовъ. Варшава. 1905. Ц. 85 к.
- Вандервельдъ, Э.** Идеализмъ въ марксизмѣ. Перев. съ франц. Одесса. 1905. Ц. 15 к.
- Вольскій, А. А.** Производителныя силы и экономическо-финансовая политика Россіи. Докладъ совѣщательной конторы желѣзнодорожниковъ. Изд. 2-е, испр. Спб. 1905. Ц. 75 к.
- Гедъ, Ж.** Коллективизмъ. Пер. съ франц. Одесса. 1905. Ц. 8 к.
- О коллективизмѣ. Пер. съ франц. Одесса. 1905. Ц. 5 к.
- Гилпіусъ А. И.** О причинахъ нашей войны съ Япошею. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Германскій государственный законъ о печати.** Изд. 7 мая 1874 г. Спб. 1905. Ц. 10 к.
- Горбатовъ, М.** Что дѣлать? Подъ впечатленіемъ текущихъ военныхъ событій. Спб. 1905. Ц. 30 к.
- Горганова, Е.** Противъ гражданскаго брака. (Возраженіе на статью г. Меньшикова). Забытые вопросы. Харьковъ. 1905. Ц. 50 к.
- Дитятинъ, И. И.** Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 15 к.
- Екатерининская коммисія 1767 г. О сочиненіи проекта новаго уложенія. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 15 к.
- Законъ 30 мая 1905 года о возвышеніи окладовъ гербового сбора.** Измѣненія и дополненія новаго устава о гербовомъ сборѣ, вводимыя въ дѣйствіе съ 1 сентября 1905 г. Составилъ К. Т. М. 1905. Ц. 30 к.
- Зомбартъ, В. О** значеніи политической экономіи для каждаго. Перев. съ нѣмецк. Д. Марголина. Изд. 2-е. Кіевъ. 1905. Ц. 12 к.
- Юзефи, В.** Къ вопросу о реорганизаціи полиціи. Кіевъ. 1905. Ц. 20 к.
- Каутскій, Карлъ.** Нашъ взглядъ на патриотизмъ и войну. Св. Францискъ Ассизскій. Спб. 1905. Ц. 10 к.
- Капитализмъ и мелкое производство. Перев. К. Чапинскаго. Одесса. 1905. Ц. 10 к.
- Классовые интересы. Партія и классъ. Свобода и справедливость. Классы и общество. Одесса. 1905. Ц. 8 к.
- Ковалевскій, М. М.** Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи. Спб. 1905. Ц. 10 к.
- Кони, А. Ф.** Судебныя рѣчи. Общія черты судебной этики. Свидѣтели на судѣ. Обвинительныя рѣчи. Руководящія напутствія присяжныхъ. Кассационныя заключенія. Кассационныя доклады. По пересмотру судебныхъ уставовъ. Изд. 4-е Спб. 1905. Ц. 4 р.
- Купчиновъ, Ив.** Монополія. М. 1905. Ц. 10 коп.
- Лавриновичъ, Ю.** Рабочіе союзы. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Лассаль, Ф.** О сущности конституціи. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 8 к.
- Программа работниковъ. Ростовъ-на-Дону. Ц. 8 к.
- Мануйловъ, А. А.** (проф.). Поземельный вопросъ въ Россіи. Малоземелье, дополнительный надѣлъ и аренда. М. 1905. Ц. 60 к.
- Марксъ, Карлъ.** Кэри и Вастія. Перев. съ нѣмецк. Марксъ объ искусствѣ. Очеркъ Финна Энотаевскаго. Спб. 1905. Ц. 10 к.
- Оленовъ, Мих.** Государство и страхованіе рабочихъ. Спб. 1905. Ц. 10 к.
- Прокоповичъ, С.** Аграрный вопросъ и аграрное движеніе. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 10 коп.
- Рутновскій, А. В.** Объ упорядоченіи государственнаго хозяйства. Спб. 1905. Ц. 25 к.
- Сватиновъ, С. Г.** Созывъ народныхъ представителей. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 10 к.
- Собраніе конституцій.** Вып. II. Конституціи: Австрій, Австро-Венгріи, Венгріи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ. М. 1905. Ц. 30 коп.
- Соколовъ, А. Л.** О нѣкоторыхъ мѣрахъ для ускоренія движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ. Общій взглядъ на постройку желѣзныхъ дорогъ и на устройство Сибирской желѣзной дороги и о нѣкоторыхъ мѣрахъ для ускоренія по ней движенія. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Трудъ и капиталъ.** Первоначальныя свѣдѣнія по политической экономіи. Перев. съ польскаго В. Тучанской. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 10 к.
- Чалкушьянъ, гр.** Армянскій вопросъ и армянскіе погромы въ Россіи. (Панисламизмъ). Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 20 к.
- Экономическое ученіе Карла Маркса** въ изложеніи Каутскаго. Кіевъ. 1905. Ц. 45 к.

ХІ. Медицина.

- Вольцонъ, С. Я.** Защита зубовъ отъ бѣззней. (Въ общедоступномъ изложеніи). Спб. 1904. Ц. 45 к.
- Остапенко, А. П.** Руководство къ патологической анатоміи и гистологіи домашнихъ животныхъ. Для ветеринарныхъ врачей и студентовъ. Харьковъ. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

ХII. Искусство.

Борцы за свободу и знаніе. Вып. I. М. 1905. Ц. по подпискѣ на все изданіе (31 портр.). 10 р. 85 к. Редакція и текстъ Александра Бенуа. Вып. 3-й. М. 1905. Ц. по подпискѣ на все изданіе (25 вып.) 50 р. Разерочка при задаткѣ 2 р., по 2 р. за выпускъ. Русскій музей императора Александра III.

ХIII. Военное и морское дѣло.

Ознакомленіе войскowychъ начальниковъ пѣхоты и кавалеріи съ полевой артиллеріей. Средства скорострѣльной артиллеріи и ея роль въ бою. Роль старшихъ войскowychъ начальниковъ въ управленіи артиллеріей въ походѣ и бою. Спб. 1905. Ц. 75 к.

ХV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги. Народныя книги.

Анненская, А. Георгъ Вашингтонъ. Война за независимость. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 40 коп. **Любичъ-Нашуровъ, I. А. Сѣрый герой** (Рядовой Рябовъ). Эпизодъ изъ русско-японской войны. М. 1905. Ц. 20 к. **Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Сказка про славнаго царя Гороха и его прекрасныхъ дочерей) царевну Кутафю и царевну Горошину. Рисунки Н. Д. Бартрама. М. 1905. Ц. 1 р. **Пайэръ, В.** Колесоножка и быстросвонка. Сказка. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1905. Ц. 10 коп. **Правдолюбовъ (П. П. Грушинъ).** Доброе сѣмя въ простыхъ рѣчахъ на благо и пользу русскому народу. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 12 к.

ХVI. Справочный отдѣлъ.

Безгинскій, А. Путеводитель по Крыму. Изд. 5-е, исправл. и дополн. 108 рис., портретовъ, плановъ и картъ. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. **Иваскъ, У. Г.** Описаніе русскихъ книжныхъ знаковъ. Ex-libris. М. 1905. Ц. на слонової бумагѣ 25 р., на простой 10 р. **Календарь для учителей 1905—1906.** Ц. 1 рубль. **Павловскій, А.** Донецкій бассейнъ. Петербургъ. Спб. 1905. Ц. 35 к. **Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ 1905—1906.** Составленъ по официальнымъ даннымъ подъ ред. А. М. Дмитриева-Мамонова. Съ портретами, 122 фотогравюрами, картой Сибири и Манчжуріи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к. **Ручъ, С. Г.** Орфографическій словарь. Съ показаніемъ удареній и корней словъ русскаго происхожденія. Подъ редакціей Д. Н. Сеславина. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. **Федотовъ, Н.** Иллюстрированный путеводитель по дачнымъ, водолѣбнымъ и живописнымъ мѣстностямъ Финляндіи. Съ картою и планами. Спб. 1905. Ц. 1 р. **Энциклопедическій словарь.** Дополнительный томъ I. Аа—Вяхирь. Ц. 3 р.

* Изданія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА, САРАТОВЪ
И РОСТОВЪ-НА-ДОНУ)

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

**ИСТОРИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ**

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Четвертое изданіе, дополненное и исправленное,
съ 80 портретами и иллюстраціями.

Настоящее четвертое изданіе историческихъ очерковъ и разсказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ трехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году и третье въ 1893 году). Въ него включены **двѣнадцать новыхъ статей**, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 80 (вмѣсто 56 третьяго изданія); всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 570 страницъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ „Указатель личныхъ именъ“.

Цѣна 3 рубля 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Деуцфорть. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣдичесный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Вирова. — Убіиство Синклера. — Холмогорская старина. — Императрица Екатерина II и ея два статъ-секретаря. — Исторія вѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемнина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чужакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Жена Оуворова. — Пѣвица Gabrielli. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Кирьянова, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература.

ЦАРЬ ДМИТРИЙ СЯЗОВАНЕЦЪ

И ЦАРЕВНА КСЕНІЯ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ А. С. Суворина. Роскошное изданіе съ 6-ю портретами и 7-ю акварелями С. С. Соломки. Цѣна 5 рублей.

Изданіе малаго формата безъ рисунковъ.

Цѣна 2 рубля.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

НОВОЕ ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

„ОПЫТЪ РОССІЙСКОЙ БИБЛЮГРАФІИ“.

В. С. СОПИКОВА,

Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина.

Новое изданіе «Опыта Россійской Библіографіи» пополнено матеріалами изъ каталоговъ Смирдина и Плавильщикова и печатается съ подстрочными примѣчаніями, выясняющими недочеты, ошибки и неточности указаній прежняго изданія, и съ указаніемъ на авторовъ и переводчиковъ многихъ анонимно занесенныхъ въ «Опытъ» Сопикова изданій какъ по печатнымъ, такъ и неизданнымъ еще рукописнымъ матеріаламъ. Къ изданію будутъ приложены указатели: заглавный, авторовъ, переводчиковъ и издателей, личныхъ именъ, провинціальныхъ изданій по мѣсту ихъ печати, рѣдкихъ книгъ, указанныхъ Сопиковымъ, и предметный.

Цѣна за 5 выпусковъ—12 р. Вышло 4 выпуска.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототиніями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большіе тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами 30 рублей. Въ переплетѣ 36 рублей. Пересылка по разстоянію.

Дозволено цензурою 27-го августа 1905 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

